



Über dieses Buch

Dies ist ein digitales Exemplar eines Buches, das seit Generationen in den Regalen der Bibliotheken aufbewahrt wurde, bevor es von Google im Rahmen eines Projekts, mit dem die Bücher dieser Welt online verfügbar gemacht werden sollen, sorgfältig gescannt wurde.

Das Buch hat das Urheberrecht überdauert und kann nun öffentlich zugänglich gemacht werden. Ein öffentlich zugängliches Buch ist ein Buch, das niemals Urheberrechten unterlag oder bei dem die Schutzfrist des Urheberrechts abgelaufen ist. Ob ein Buch öffentlich zugänglich ist, kann von Land zu Land unterschiedlich sein. Öffentlich zugängliche Bücher sind unser Tor zur Vergangenheit und stellen ein geschichtliches, kulturelles und wissenschaftliches Vermögen dar, das häufig nur schwierig zu entdecken ist.

Gebrauchsspuren, Anmerkungen und andere Randbemerkungen, die im Originalband enthalten sind, finden sich auch in dieser Datei – eine Erinnerung an die lange Reise, die das Buch vom Verleger zu einer Bibliothek und weiter zu Ihnen hinter sich gebracht hat.

Nutzungsrichtlinien

Google ist stolz, mit Bibliotheken in partnerschaftlicher Zusammenarbeit öffentlich zugängliches Material zu digitalisieren und einer breiten Masse zugänglich zu machen. Öffentlich zugängliche Bücher gehören der Öffentlichkeit, und wir sind nur ihre Hüter. Nichtsdestotrotz ist diese Arbeit kostspielig. Um diese Ressource weiterhin zur Verfügung stellen zu können, haben wir Schritte unternommen, um den Missbrauch durch kommerzielle Parteien zu verhindern. Dazu gehören technische Einschränkungen für automatisierte Abfragen.

Wir bitten Sie um Einhaltung folgender Richtlinien:

- + *Nutzung der Dateien zu nichtkommerziellen Zwecken* Wir haben Google Buchsuche für Endanwender konzipiert und möchten, dass Sie diese Dateien nur für persönliche, nichtkommerzielle Zwecke verwenden.
- + *Keine automatisierten Abfragen* Senden Sie keine automatisierten Abfragen irgendwelcher Art an das Google-System. Wenn Sie Recherchen über maschinelle Übersetzung, optische Zeichenerkennung oder andere Bereiche durchführen, in denen der Zugang zu Text in großen Mengen nützlich ist, wenden Sie sich bitte an uns. Wir fördern die Nutzung des öffentlich zugänglichen Materials für diese Zwecke und können Ihnen unter Umständen helfen.
- + *Beibehaltung von Google-Markenelementen* Das "Wasserzeichen" von Google, das Sie in jeder Datei finden, ist wichtig zur Information über dieses Projekt und hilft den Anwendern weiteres Material über Google Buchsuche zu finden. Bitte entfernen Sie das Wasserzeichen nicht.
- + *Bewegen Sie sich innerhalb der Legalität* Unabhängig von Ihrem Verwendungszweck müssen Sie sich Ihrer Verantwortung bewusst sein, sicherzustellen, dass Ihre Nutzung legal ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass ein Buch, das nach unserem Dafürhalten für Nutzer in den USA öffentlich zugänglich ist, auch für Nutzer in anderen Ländern öffentlich zugänglich ist. Ob ein Buch noch dem Urheberrecht unterliegt, ist von Land zu Land verschieden. Wir können keine Beratung leisten, ob eine bestimmte Nutzung eines bestimmten Buches gesetzlich zulässig ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass das Erscheinen eines Buchs in Google Buchsuche bedeutet, dass es in jeder Form und überall auf der Welt verwendet werden kann. Eine Urheberrechtsverletzung kann schwerwiegende Folgen haben.

Über Google Buchsuche

Das Ziel von Google besteht darin, die weltweiten Informationen zu organisieren und allgemein nutzbar und zugänglich zu machen. Google Buchsuche hilft Lesern dabei, die Bücher dieser Welt zu entdecken, und unterstützt Autoren und Verleger dabei, neue Zielgruppen zu erreichen. Den gesamten Buchtext können Sie im Internet unter <http://books.google.com> durchsuchen.



Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

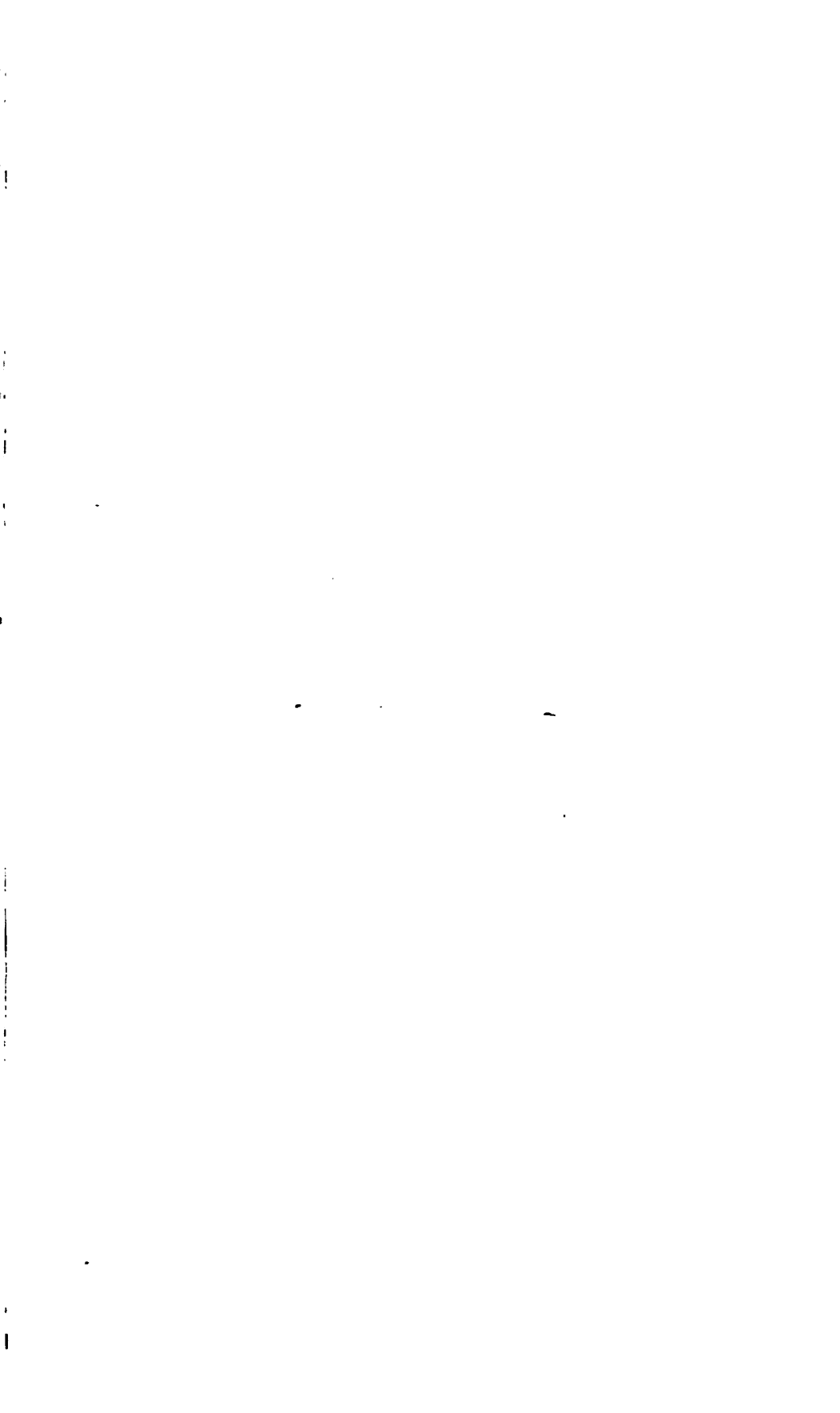
- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

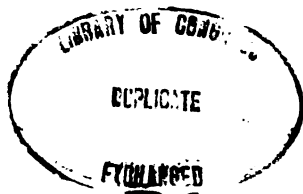


*QCA



**ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ
ЗАПИСКИ.**

ГОДЪ СЕДЬМОЙ.



ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ,

УЧЕНО - ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

ПОДАВАЕМЫЙ

АНДРЕЕМЪ КРАЕВСКИМЪ.

*Beatae plane aures, quae non
vocem foris sonantem, sed intus
auscultan veritatem docentem.*

Gersonius.

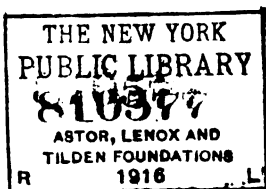
ТОМЪ XLIII.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ И. ГЛАВУНОВА И К°.

1845.

810377



NYOY WER
310377
1916

ПЕЧАТАТЬ ПОВОЛЯЕТСЯ. С. Петербургъ, 31 октября 1845.

Цензоры: *И. Исаковский* и *А. Мезелинъ*.

Прочитанъ В. Жуковъ.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ.

I.

СЛОВЕСНОСТЬ.

Н Я Н Я.

(Изъ записокъ неизвѣстной.)

Nurse.—Madam!

JULIET.—Nurse?

Nurse.—Your lady mother's coming to your
chamber.

The day is broke; be wary look about.

SHAKESPEARE. (*The tragical history
of Romeo and Juliet.*)

Пора, дитя мое, вставай!

Да ты, красавица, готова!

О, птишка ранняя моя!

Вечоръ ужъ какъ болясь я!

Да, слава Богу, ты здорова.

Тоски ночной и слѣду нѣтъ, —

Лицо твое какъ маковъ цвѣтъ.

Пушкинъ.

О, какъ я любила ее, мою добрую няню, какъ я пестовала ее, холмла! Съ какими сладостными и вмѣстѣ грустными воспомина- ниями дѣтства и юности связано ея имя! И подумать, что нѣтъ ея, что отнынѣ мы не увидимъ этого изрытого морщинами лица, этой улыбки, которая вмѣщала всю любовь ея къ намъ, этого полугаснаго взгляда, который говорилъ за ея сердце, бывшее для насъ и за насъ — ужасно!

М. Жуковъ. 2 ч. 1/2/18.

Во вторникъ мы схоронили ее... проводили на кладбище. Сердце мое сжимается отъ грусти, когда представляю себѣ всю эту печальную картину... Я бывала на похоронахъ, видала зрѣлища раздирающія душу, видала прощанія, отъ которыхъ кровь застывала въ жилахъ, видала отчаяніе, безуміе Федуки, передъ которыми ничто была жизнь со всеми ея наслажденіями; но этой тихой грусти, благоговѣйной печали, которая, казалось, мирила съ землею небо, духъ съ плотью,—этихъ теплыхъ слезъ, которыя капали въ сердце, такъ тихо, такъ торжественно, какъ капли свѣжей росы съ зеленой вѣтки въ лѣтнее утро—нѣтъ! такой минуты я уже не дождусь въ жизни...

Ее отпѣвали въ теплой церкви, послѣ обѣдни. Кромѣ насъ, никого не было. Я помню эту грустную картину такъ ясно, какъ-будто она теперь у меня передъ глазами. Темная, закоптѣлая церковь, куда, сквозь узкія окна и толстыя рѣшетки, едва проникалъ дневной свѣтъ; иконостасъ съ его когда-то вызолоченой рѣзбой, теперь почернѣвшій, полуразрушенный,—лики святыхъ, блѣдно-отдѣлявшіеся отъ темнаго фона образовъ и озаряемые слабымъ мерцаніемъ двухъ лампадъ; посреди катафалкъ съ гробомъ вокругъ него мы, взрослые и дѣти, всѣ съ одними чувствами, съ одними мыслями, съ одною скорбью въ душѣ... Папечка стояла въ отдаленіи, опершись на свои костыли. Подлѣ него, на коврѣ, стояли его складныя кресла... Я и Эмилиа были въ черномъ, дѣти въ бѣлыхъ платицахъ. У задней стѣны стояла дворня. И они любили добрую няню, и они жалѣли о ней и плакали!

Въ церкви было такъ тихо... ни одного звука, ни рыданія... А между-тѣмъ, у каждаго въ глазахъ блистали слезы; на лицѣ каждаго отпечатывалась грусть, какое-то задушевное чувство, которое не выразить словами. Было что-то торжественное въ этой семейной группѣ, которую устала тутъ общая горесть... Слова священника и дребезжащій голосъ дьячка нарушили молчаніе. Молитва, неоскверняемая мірскими помышленіями, одна, среди этой могильной тишины, должна была возноситься къ Тому, къ Кому возсылали ее...

Наступила минута разлуки... Помню ее, какъ теперь. Когда священникъ подошелъ ко гробу съ горстью земли, блеснуло солнышко, и лучъ его, пробравшись сквозь рѣшетку окна, упалъ прямо на ликъ усопшей и озарилъ его какимъ-то неземнымъ сіяніемъ. Я пала на колѣни, и тутъ уже не могла удержать слезъ: онѣ поднялись ручьемъ... Дѣти взглянули на меня и зарыдали также. Потомъ мы окружили гробъ, — прощались, всматривались въ милыя, такъ знакомыя черты, на которыхъ даже смерть не изгладила выраженія, помыслили для всѣхъ насъ. Хорошая няня!

въ послѣднюю минуту жизни она думала объ насъ, только объ насъ: только насъ оставляла она въ здѣшнемъ мірѣ!... Священникъ былъ растроганъ: ему понятна была наша горестъ; онъ не рѣшался нарушить нашего прощанія... Мы прощались долго, очень-долго... Наконецъ папа какъ далъ знакъ священнику. Въ послѣдній разъ взглянули мы на няню... Священникъ закрылъ ликъ усопшей бѣлымъ покровомъ и бросилъ на него горсть песку... Накрыли крышу и молотокъ застучалъ...

О, какъ каждый ударъ его отзывался въ моемъ сердцѣ! Послѣдній звукъ, какимъ сопровождаемъ мы разрушающееся тѣло, отъ-чего такъ страшенъ послѣдній этотъ звукъ?.. Провозвѣстникъ безнадежности, чего-то конечнаго, неизбѣжнаго, подобно звуку послѣдняго вздоха умирающаго, — не есть ли онъ, какъ и тотъ, предвозвѣстникъ надежды, свѣтъ отлетающей въ вѣчность души, символъ безконечнаго, таинственнаго, къ чему напрасно стремились мы мыслію?.. Люди подняли гробъ; батюшка и братья поддерживали его. У паперти стояли похоронныя дроги.. Было чудесное лѣтнее утро. Солнце стояло довольно-высоко, но жаръ его умирался вътеркомъ... Мы шли за гробомъ; папенька вѣдал за нами... На улицѣ не было почти никого, кромѣ двухъ-трехъ пѣшеходовъ. Я была такъ занята своими грустными мыслями, что не обращала ни на что вниманія. Помню, какъ съвозъ соевъ, извозчика съ дрянной лошадейкой. Онъ стоялъ съ непокрытой головою и молился на гробъ; грубое, звѣрское лицо его было вроникнуто благоговѣніемъ... Помню еще, что мимо насъ проѣхала великолѣпная карета; помню, что она остановилась за нами, изъ окошка выглянула дамская головка и долго смотрѣла на насъ и даже мнѣ показалось, что бѣлая ручка поднесла къ глазамъ платокъ... Мы шли тихо, потупивъ головы, не говоря ни слова другъ съ другомъ. Изрѣдка взглядывала я на лазурное небо: тамъ рѣвала и щебетала ласточка...

Какъ жаль, что со мной не было моего Вольдемара! Какъ онъ будетъ жалеть о няню, — онъ, который долженъ быть ей обязанъ всемъ своимъ счастьемъ! Вспомнивъ Вольдемара однажды, я уже не такъ скоро могла расстаться съ любимой о немъ мыслію. Я уже строила заранѣе планы поѣздки нашей на кладбище, на гробъ няни... Тамъ, подъ этими густыми, тѣнистыми березами, мы вспомнили бы наше грустное прошлое, наши несчастія, неудачи — тамъ мы помолились бы за вашу добрую, милую няню, которой обязаны нашимъ счастьемъ... Да, нашимъ счастьемъ, потому-что безъ няни, безъ ея содѣйствія и усилій — оклеветанный, убитый горемъ и неудачами. Вольдемаръ остался бы въ Петербургѣ навсегда, и я потеряла

Воспоминанія такъ стѣснились въ моей памяти, что я не могу ихъ привести въ порядокъ. Мнѣ хотѣлось бы все припомнить, все рассказать, а мысли не слушаются и мучать по-напрасну бѣдный разумъ... Въ темноѣ, неясномъ образѣ первыхъ впечатлѣній моего дѣтства первый планъ занимаетъ няня. Я поручена была ей со дня моего рожденія. Черезъ мѣсяць послѣ родовъ, маменька скончалась. Появленіе мое на свѣтъ было ознаменовано особеннымъ несчастіемъ для всего нашего семейства. Незадолго до смерти маменьки, получено было извѣстіе, что херсонская деревня наша выгорѣла, а въ другой оказалась саранча. Маленькая сестра Олимпія скончалась отъ оспы. За три дня до смерти маменьки, узнали о смерти ея любимого брата. Онъ лечился на водахъ, въ Германіи, писалъ о скоромъ возвращеніи, и у насъ уже ждали его, какъ вдругъ папенька получаетъ отъ секретаря посольства письмо, изъ котораго узнаетъ, что дядюшка убитъ на дуэли въ-слѣдствіе какой-то ссоры. Черезъ три дня не стало маменьки. Во время маменькиной болѣзни, меня послали къ ней весьма-рѣдко, изъ опасенія, чтобъ крикъ мой не растревожилъ ея. Глядя на портретъ маменьки, я теперь какъ-будто припоминаю ее себѣ: блѣдное, исхудалое лицо, глубокія впадины, въ которыхъ блестяли прекрасные черные глаза; слабый, но гармоничный голосъ, который и теперь еще какъ-будто отдается въ ушахъ моихъ,—вотъ все, что осталось въ моей памяти о маменькѣ. Позже, няня рассказывала мнѣ, что въ день ковшины маменька приказала меня принести къ себѣ, поцаловала меня, благословила образомъ, который сняли съ ней, и надѣла его мнѣ на шею... Няня говорила мнѣ, что я былъ блажное, капризное дитя, дичилась вслѣхъ и не шла на руки даже къ маменькѣ. Но въ этотъ день, сверхъ обыкновенія, я была чрезвычайно-весела: когда меня принесли къ постели умирающей, я протягивала къ ней ручки и весело улыбалась ей...

Первые, младенческія дѣла моей жизни прошли незамѣтно, не оставивъ въ моей памяти, никакихъ впечатлѣній. Папенька черезъ годъ женился. Я уже говорила, что мы, дѣти, были поручены нянѣ. Кормилицы, особенно у меня, безпрестанно смѣнялись, и потому я не могла привыкнуть ни къ одной изъ нихъ. Въ няню для насъ заключалось все; мы слушались ея одной. Бывало, одно слово няни останавливало нашъ дѣтскій плачь, капризы, шалости... Маменька занималась нами весьма-мало. Въ первое время замужства, ее, молодую и прекрасную, занимали свѣтъ и новая жизнь, новый міръ, который она видѣла кругомъ себя и котораго была владычицей. Папенька любилъ ее страстно и не отказывалъ ей въ самыхъ причудливыхъ желаніяхъ, угождалъ ей во

всемъ, не жаль для ней ничего... Потомъ пошли дѣти, которыми она сначала занималась, какъ молодая дѣвочка куклами, а послѣ привычка сдѣлала для нея это занятіе обыкновеннымъ, какъ вязанье чулка или прогулка... Въ дѣтской заключался для насъ весь міръ: тамъ мы жили, росли и принимали всѣ впечатлѣнія, какія угодно было судьбѣ и слѣпому случаю низпослать намъ. Няня была нашимъ ангеломъ-хранителемъ, нашей наставницей, пестуною. Съ ея понятіями, конечно, грубыми, по которымъ облагороживало безпредѣльное чувство любви, часто доходившее до самоотверженія, соединялось теплое религіозное чувство и страхъ Божій. Ея религія была слѣпою вѣрою безъ разсужденій, безъ сомнѣній, какою отличается простой народъ нашъ. Вотъ базисъ, на которомъ должны были утверждаться наша понятія, клубокъ, на который наматывались дѣтскія идеи наши! Воспитаніе наше не должно показаться страннымъ, если вспомнимъ, какъ недалеко отошло отъ насъ то время, когда подобное воспитаніе было почти общимъ на всей Руси. Счастливъ, кто вынесъ изъ него доброе сердце и теплое вѣрованіе; но, Боже! сколько вѣковыхъ слабостей захватили мы съ нимъ, сколько грубыхъ предразсудковъ и какія невѣжественныя понятія! Наша няня, — назову ее хоть Мареою, — представляла собою типъ, которыхъ у насъ такъ много и который извѣстенъ почти всякому. Рожденная въ состояніи, которымъ запечатлѣнъ грустный бытъ нашего простаго народа, она считала все существованіе свое какъ-нибудь-то темнымъ средствомъ безъ цѣли, безъ намѣреній. Еще ребенкомъ взята была она дѣдушкою изъ деревни и записана въ штатъ надворныхъ слугъ, — этой саранчи, которою любила окружать свой бытъ наша тороватая старина. Смазливенькая, остренькая и плутоватая дѣвочка понравилась бабушкѣ и скоро поступила подъ особенное ея покровительство... Папенька былъ единственнымъ сыномъ у своихъ родителей и родился въ смутную годову московской чумы. Молоденькая Марeutка, тогда только-что выданная бабушкой за-мужъ за дворецкаго, кормила папеньку вмѣстѣ съ первымъ ребенкомъ своимъ... Судьба сохранила семейство дѣдушки отъ общей напасти. Одной пяць суждено было тяжкое испытаніе: она лишилась въ чуму мужа и ребенка и рѣшительнымъ самоотверженіемъ спасла жизнь папенькѣ. За это дѣдушка далъ ей волюную и множество привилегій, которыя поставили ее выше всей дворни... Съ этой поры, началась для ней жизнь полная дѣятельности, преданности и усилій. Она въ одно время ходила за папешкою и наблюдала за порядкомъ и чистотою въ лавѣ и на кухнѣ, была ключницею, управительницею, однимъ словомъ, держала бразды правленія цѣлаго дома. Какъ настоящая

временщица, она имѣла своихъ васалловъ, своихъ почитателей и льстецовъ и своихъ враговъ и недоброжелателей. Такъ прожила она свои полувѣка, «вскормила, вырастила папеньку и женила его». Тутъ началась для ней новая эпоха: она посвятила себя нашему воспитанію и изъ кухни и прачешной переселилась въ дѣтскую. Изъ «Мары Артамоновны», она сдѣлалась «матушкою-нянюшкою, сударынею Артамоновною». Портфель министерства ея былъ перемѣненъ... отнынь другой кругъ ея дѣйствій. Но полно шутить мнѣ! Слеза такъ и просится изъ глазъ при мысли о нянюшкѣ, о милой, доброй няничкѣ, которой ужъ нѣтъ между нами!... Она и теперь стоитъ передо мной, какъ живая, въ той маленькой горенкѣ, гдѣ протекло мое дѣтство, среди куколъ и безмятежныхъ игръ дѣтскихъ. Одна ты, няня, оживляешь рой воспоминаній, которыя длиною вереницею пролетѣли мимо дѣтской кровати моей! А позже, когда прошли приванчивыя впечатлѣнія, когда темная будущность продралась сквозь яркія воспоминанія, сквозь впечатлѣнія молоденькой дѣвочки-полудитяти, когда холодъ свѣтской жизни пахнулъ на сердце, — тогда... о, сколько сладкихъ минутъ принесла мнѣ любовь твоя, няня!... Нянюшкѣ было уже подъ шестьдесятъ, когда я начинала понимать себя. Это была бодрая, здоровая, свѣжая старушка. Румянецъ никогда не сходилъ съ ея морщинистыхъ щекъ. Она ходила всегда немножко сгорбившись и была подъ-часъ страшная говорунья. Обладая удивительною памятью, она была настоящимъ неисчерпаемымъ кладземъ сказокъ, басней и небылицъ, исторій и бывальщинъ всякаго рода. Откуда бралось у нея и вымысла и терпѣнія — Богъ ее знаетъ! Она обладала особеннымъ искусствомъ возбуждать наше дѣтское вниманіе и сосредоточивать его на избранномъ ею предметѣ. Не знаю, какъ другіе братья и сестры мои, но я всегда была въ какомъ-то обаяніи отъ рассказовъ няни! Какую чудную фантазмагорію развивала передъ глазами мои няня! Какой дивный міръ представлялся моему воображенію, настроенному къ чудесному! Незнакомая съ міромъ вещественнымъ, я уже знала міръ невещественный, созданный предразсудками, невѣжествомъ и празднымъ воображеніемъ. Обширный полетъ данъ былъ моей мечтательности. Я увѣрена, что одни рассказы няни образовали мой характеръ романтически, сдѣлали меня мечтательною, чувствительною и слабонервною... Чего-чего не заставила меня переживать няня своими рассказами, отъ которыхъ я сначала такъ сладко засыпала въ колыбелькѣ, и отъ которыхъ потомъ не спала цѣлыя ночи на дѣтской кровати своей!.. Этотъ коверъ-самолетъ, на которомъ я перелетала за-тридцать-земель, въ тридцатый царства, эта шапка-невидимка,

которая переносила меня за стальные стѣны околдованныхъ зимокъ, гдѣ злой волшебникъ держалъ въ заперти прекрасную королеву; эти яблони съ золотыми яблочками, и этотъ страшный шѣй-горыничъ, и эти колдуны, эти вѣдьмы въ ступахъ и съ метлами, при воспоминаніи о которыхъ я вздрагивала и вскрикивала во снѣ — все это увлекало меня въ предѣлы, недоступные разсудку, все это, къ ущербу его, развивало мое воображеніе. Нервѣдко, я, еще ребенокъ, по цѣлымъ часамъ задумывалась надъ участію какой-нибудь несчастной царевны, воображала себя на ея мѣстѣ, плакала съ отчаянія отъ невозможности помочь ей, бранила, проклинала волшебника, и, сама дрожа отъ страха, умоляла маленькихъ братьевъ отмстить ему и освободить царевну. — «Что ты, барышня?» нерѣдко говаривала мнѣ няня, когда я съ разгорѣвшимися щеками вскакивала вдругъ съ кровати и принималась горько рыдать: «что ты, родная? Христовъ съ тобой, — наше мѣсто свято! вѣдь эта только въ сказкѣ сказывается; аль ты и впрямь повѣрила?» И тутъ добрая няня принималась крестить меня, какъ будто этимъ крестомъ хотѣла отогнать давившаго меня кошмара. И потомъ, на другой день, няня привнималась договаривать недоконченную повѣсть, забывая про мою чувствительность до перваго случая. Я снова переносилась въ отдаленный міръ фантазіи, который такъ распаялъ юное мое воображеніе. Сколько блаженства заключалось для меня въ этихъ длинныхъ зимнихъ вечерахъ, которые маменька и папенька проводили въ гостяхъ или въ театрѣ... Едва затворялись ворота, едва умолкалъ лай собакъ, какъ все мы бросали нашу дѣтскую и бѣжали внизъ, въ залу, гдѣ около пылающаго камня усаживалась съ чулкомъ няня. Набѣгавшись, парзавившись вдоволь, мы усаживались около няни и упрашивали ее разсказать что-нибудь. Няня не заставляла долго просить себя и тотчасъ же, спустивъ двѣ или три петли чулка (она всегда такъ дѣлала, если чѣмъ-нибудь развлекалась), начинала разсказъ свой. Въ эти минуты, я считала себя совершенно-счастливою. На дворѣ жетель, вьюга; вѣтеръ свиститъ и бьетъ запорами ставней; изрѣдка, подъ окнами, раздадутся тяжелые шаги пѣшехода по морозному снѣгу, вслѣдъ имъ отзовутся собаки, и опять все тихо, только въ каминѣ трещать дрова и прыщутъ угольями, и перервутъ на минуту однообразный разсказъ няни. Убаюканные разсказами братья и сестры засыпали тутъ же; ихъ по-тихоньку раздѣвали и уносили въ дѣтскую. Я всегда дослушивала няню до конца, и няня не могла нахвалиться моимъ вниманіемъ... За то какъ надолго оставалась во мнѣ впечатлѣніе разсказы ея! Съ какимъ страхомъ перебѣгала я темный корридоръ и лѣстницу, которые вели наверхъ, въ дѣтскую, да и тамъ долго не могла заснуть, а если и засыпа-

ла, то подѣ влияніемъ тѣхъ же впечатлѣній, которыя преслѣдовали меня и во снѣ, не смотря на крестныя знаменія, какими ограждала меня добрая няня.

Невъзяснимо-грустно прошли для меня первые годы дѣтства. Тоска щемить сердце при воспоминавіи о нихъ, и я напрасно стараюсь удержать слезы: онѣ капаютъ на бумагу капля за каплею. Воспоминаніе о Вольдемарѣ и образъ настоящаго моего счастья снимаютъ эту грусть какъ рукою, и я готова пасть на колѣни и въ слезахъ благодарить Создателя за его милость. Тернистымъ путемъ испытанія, лишений и горестей дошла я до этого счастья. О, какъ высокими кажутся мнѣ теперь всѣ тѣ, кто, подобно мнѣ, прошелъ этотъ тяжелый путь надежды и ожиданій!

До семилѣтняго возраста, я предоставлена была самой-себѣ и нянѣ. Для маленькихъ сестеръ и братьевъ моихъ нанята была гувернантка. Воспитаніе мое не входило въ число условій съ нею, и я должна была учиться, такъ-сказать, украдкою. Добрая Луиза Францовна полюбила меня и въ свободные часы учила по-французски и музыкѣ. Разсудокъ и способности развивались во мнѣ медленно, но прочно. Успѣхамъ много содѣйствовало соревнованіе, пробужденное въ юномъ сердцѣ моемъ слишкомъ-рано. Равнодушіе, какое ежеминутно оказывала мнѣ маменька, вмѣстѣ того, чтобъ убить мое самолюбіе, питало его. Я уже сказала, что маменька не любила меня. Папенька ласкалъ меня изрѣдка и то въ отсутствіе маменьки. О, какъ я была счастлива въ эти рѣдкія для меня минуты! Я сама не чувствовала себя отъ радости; я плакала отъ ней, будто отъ горя. Если папенька обращался ко мнѣ съ какимъ-нибудь нѣжнымъ вопросомъ, слезы навертывались у меня на глазахъ; я тихо, съ боязнію, подходила къ нему, прижималась къ нему, какъ ласточка перелѣ бурю. Случалось, что папенька бралъ меня къ себѣ на колѣни и цаловалъ. Тутъ ужъ все сердце мое готово было расплыться слезами. Папенька также не могъ удержаться отъ слезъ и долго глядѣлъ на меня съ участіемъ, съ состраданіемъ, котораго я такъ жаждала. При маменькѣ онъ былъ со мной сухъ и серъезенъ, и я не смѣла поднять на него глазъ. Такое положеніе, особенно сначала, было для меня невыносимо; въ-послѣдствіи, я привыкла къ нему, какъ къ часущему хлѣбу. Съ каждымъ годомъ папенька становился ко мнѣ равнодушнѣе, съ каждымъ годомъ нелюбовь маменьки увеличивалась. За что она меня не любила—этого я никакъ не могла объяснить себѣ. На малѣйшій признакъ нѣжности съ ея стороны я готова была отвѣчать самую искреннюю, непритворную любовь... Она этого не замѣчала, или не хотѣла замѣтить. Безграничныя послушаніе и почтительность, какія оказывала я папенькѣ, замѣнились страхомъ и недоверчи-

востю въ обращеніи моемъ съ маменькой. Я старалась избѣгать встрѣчи съ ней, удалялась отъ нея, и чувствовала себя спокойною и счастливою въ уголокъ дѣтской моей комнатики, подлѣ няни, которая была настоящимъ моимъ ангеломъ-хранителемъ,—за книгою, или за рукодѣльемъ. Напрасно пыталась я отгадать причину нелюбви ко мнѣ маменьки; напрасно искала я ее въ своихъ способностяхъ, поведеніи, наружности. Изъ собственныхъ дочерей маменька любила тѣхъ, которыя были лучше собою. Сама я никогда не могла ничего заключить о красотѣ своей. Няня то-и-дѣло твердила мнѣ о ней, называла меня красавицей, краснымъ солнышкомъ, царь-дѣвицею, но я мало вѣрила похваламъ нѣжно-любившей меня няни. Могла ли она не хвалить меня, когда сама я души въ ней не видѣла? Чтѣ касается до зеркала, то оно всегда показывало мнѣ меня такою блѣдною, скучною, задумчивою, что въ другой разъ мнѣ не хотѣлось и посмотретьъ на себя. Цѣны своимъ большимъ глазамъ, опущеннымъ длинными рѣсницами, окаймленнымъ полукруглыми рѣдкой правильности бровями, я не знала. Напротивъ, къ глазамъ своимъ я чувствовала какое-то отвращеніе съ-тѣхъ-поръ, какъ маменька назвала меня *пучеглазою*. Я боялась посмотреть въ зеркало, гдѣ преслѣдовали меня прекрасные глаза мои. Послѣ, уже въ совершенныхъ лѣтахъ, узнала я всю цѣну, и теперь, когда Вольдемаръ, цалуя ихъ въ тысячный разъ, замѣчаетъ мнѣ красоту ихъ, въ тысячный разъ говорить мнѣ, что въ нихъ, какъ въ зеркалѣ, отражается душа моя, я готова плакать отъ радости, отъ самодовольствія. Познанія и способности мои, къ которымъ, впрочемъ, я была недовѣрчивою, заставляли меня гораздо-менѣе опасаться за нихъ, чѣмъ за красоту, которой я цѣны не знала. Бѣдненькая, я еще не знала тогда, что умъ и способности могутъ возбудить на насъ гоненіе наравнѣ съ тупоуміемъ или лѣностью!

Добрая Луиза Францовна хвалила меня постоянно за мою понятливость и прилежаніе. Стороною глухо доходили до меня слухи объ остротѣ моего ума, о моихъ талантахъ въ музыкѣ. Это питало и поддерживало подавленное со всѣхъ сторонъ мое самолюбіе. Я припоминаю, какъ сквозь сонъ, все, чтѣ Луиза Францовна говорила мнѣ объ умѣ, объ этомъ ничѣмъ-незамѣнимомъ дарѣ Божіемъ, которымъ Господь отличаетъ своихъ избранныхъ. Я понимала тогда, сколько необходимыми должны быть для ума воспитаніе и образованіе, въ которыхъ онъ шлифуется, какъ алмазь, которому нѣтъ цѣны. Отъ этого я, съ первыхъ минутъ разумнія, питала какое-то необыкновенное уваженіе къ великимъ людямъ, съ которыми знакомил меня книги и исторія. Я съ жадностію перелистывала листки «Дѣтскаго Плуларха», подареннаго мнѣ папень-

кою. Золотая эта книга не выходила у меня изъ рукъ; даже и во снѣ не разставалась я съ нею. Съ какою любовію смотрѣла я на эти маститыя головы древнихъ героевъ, философовъ, полководцевъ, ученыхъ, на эти чистыя классическіе профили великихъ женщинъ древняго міра. То были первые идеалы, созданныя дѣтскимъ моимъ воображеніемъ. Можно представить, какъ пристрастилась я къ книгамъ. День, въ который маленькіе братья и сестры приносили въ дѣтскую какую-нибудь новую книжку съ прекрасными картинками, былъ для меня настоящимъ праздникомъ. Дѣти, налюбовавшись картинками, теребили и драли книгу немилосердо, и сколько книгъ, бывало, спасала я отъ ихъ дѣтскаго вандализма! Любимою моею книгою было «Начальное Руководство Базедова». Этой золотой книгъ обязана я всѣмъ первоначальнымъ своимъ образованіемъ. Чего-чего не было въ ней, чего-чего не представляли мнѣ безчисленныя, разнообразныя ея картинки! Я читала и перечитывала ее съ жадностію. Воображеніе мое разгуливало по ней прихотливо и свободно. Я переносилась мыслию подъ вѣчно-голубое небо Эллады, подъ раскаленное небо степей африканскихъ, подъ суровое, туманное, мертвое небо сѣвера. Я блуждала съ Колумбомъ въ вѣковыхъ лѣсахъ и лугахъ дѣвственной Америки, плыла въ Колхиду съ Аргонавтами, шла за пустыннымъ Петромъ въ Палестину въ рубищъ и въ власяницъ. Герои всѣхъ вѣковъ и народовъ сроднились со мною, и нерѣдко я задумывалась надъ ихъ счастливою, а чаще грустною судьбою. Я пробѣгала мыслию за постепеннымъ развитіемъ ума и изобрѣтательности человѣческой. Передо мною, какъ въ панорамахъ, вставали, во всемъ ихъ дивномъ величій, вѣковые памятники всемірной архитектуры. Я дивилась человѣческой смѣлости и могуществу въ египетскихъ пирамидахъ, красотѣ и изяществу въ афинскомъ Партеонѣ, размаху и богатству въ Храмѣ-Св.-Петра. Многому, очень-многому научила меня драгоценная книга Базедова. Тутъ только развернулся передо мною прекрасный міръ Божій. Я не могла еще объять своимъ слабымъ дѣтскимъ умикомъ всего его огрома, всего чудеснаго механизма, какимъ движется онъ цѣлыя тысячелѣтія; но красота его уже поражала мое сердце и чувства, вливая въ меня постоянно тѣ отрадныя религіозныя идеи, которыя въ-послѣдствіи, въ годину несчастій и бѣдствій, были для меня цѣлительнымъ бальзамомъ. Религіозное образованіе мое шло одинаково-быстро. Огорченія и притѣсненія, оказываемыя мнѣ почти всѣми въ домѣ, заставили меня свыкнуться съ молитвою и бесѣдою съ Богомъ. Въ девять лѣтъ, я уже понимала важность молитвы, и нерѣдко няня заставляла меня въ слезахъ, на колѣняхъ передъ иконою. Въ первыя лѣта дѣтства, религія не оставила по себѣ почти никакихъ впечатлѣній. Виною

этому была метода, принятая для всѣхъ насъ маменькою. Каждый праздникъ насъ водили къ обѣднѣ, гдѣ мы дремали или разговаривали. Позднѣе, насъ посылали каждую субботу ко всенощной, а зною будили къ заутренѣ. Развѣтїемъ религіозныхъ идей моихъ, я обязана была доброй нянѣ болѣе, чѣмъ кому-нибудь. Ея безотчетная, слѣпая вѣра, проникнутая суевѣріемъ, нравилась мнѣ. Каждое утро няня приносила мнѣ отъ ранней обѣдни частицу просвиры, вынутой за мое здоровье. Едва я раскрывала глаза, она уже встрѣчала меня словами: «Здравствуй, моя ненаглядная, мое золото, чисто-серебро. Богъ милости прислалъ!» И тутъ она вынимала изъ узелка платка просвирку, подавала мнѣ ее, и перекрестившись, глотала крошечки, вытряхнувъ ихъ изъ платка на ладонь... Милая няня! Я помню, что многія колыбельныя пѣсни, которымъ она постоянно убаюкивала меня, носили на себѣ чисто-религіозный отпечатокъ. Одна изъ нихъ долѣе всѣхъ прочихъ сохранилась у меня въ памяти:

Баю, баюшки, баю,
Баю, милую мою.

Спасъ насъ слалъ, Никола надѣлалъ,
А Христось благословилъ.

Баю, баюшки, баю,
Баю, милую мою.

Какъ сладко засыпала я всегда подѣ эту колыбельную пѣсенку няни; какія сладостныя видѣнія сопровождали ее! Тихій сонъ въ ту же минуту смыкалъ мои вѣки... Няня цаловала меня, ограждала троекратнымъ крестнымъ знаменїемъ и задергивала занавѣски.

Я уже говорила, какая охотница была я до сказокъ, которыми, въ дѣтствѣ, убаюкивала меня няня. Позднѣе, когда книги раскрыли передо мной тысячи новыхъ, невѣдомыхъ мнѣ дотоле вещей, я потеряла страсть къ сказкамъ и охотнѣе слушала рассказы няни о житїи святыхъ мучениковъ, или преданїа и бывальщинки, которыхъ няня имѣла неистощимый запасъ. Народныя преданїа о шеклиномъ судѣ, о мамаевомъ побоищѣ, о Ванькѣ-Кавицѣ или Стенькѣ-Разинѣ, о Иванѣ-Грозномъ, о Марѣ-Посадницѣ выходили изъ устъ няни съ тѣми прѣкрасами и вымыслами, какими расцвѣтывають ихъ грустное воображенїе народа. Потомъ, няня переходила къ современнымъ ей обстоятельствамъ, поступившимъ нынѣ въ преданїа. Она любила описывать мнѣ картину Москвы во время екатерининскаго мора, котораго она была свидѣтельницею; рассказывала о терроризмѣ временъ Бирона (няня называла его Баринномъ), или о казни разбойника Пугачева, который, какъ увѣрала няня,

выставилъ ей языкъ, когда она пришла посмотреть на него въ клѣткѣ... Разказы няни были наивны и краснорѣчивы; воображеніе мое дополняло и расцвѣчивало ихъ. Злодѣйское лицо Пугачева преслѣдовало меня и во снѣ. Мнѣ казалось, что, какъ няню, онъ и меня дразнитъ языкомъ, и я вся дрожала со страха. Страшная картина казни представлялась мнѣ со всѣми ужасными, леденящими сердце подробностями. Я видѣла высокій помостъ и колесо, къ которому былъ привязанъ злодѣй. Красная рубашка палача мелькала въ глазахъ моихъ огненнымъ языкомъ; на солнцѣ сверкалъ блестящій топоръ, и страшная голова злодѣя, мигая щетинистыми вѣками, катилась мнѣ прямо подъ ноги... Я вскрикивала и просыпалась.

За то сколько гоненій, сколько горя должна была перенести за любовь ко мнѣ добрая няня! Маменька не любила ея, и, казалось, находила удовольствіе въ томъ, чтобъ обижать и притѣснять бѣдную старушку. Даже папенька становился къ ней съ каждымъ годомъ равнодушнѣе. Няня все терпѣла и все сносила. Маменька отказала ей отъ господскаго стола, и няня, привыкшая съ незапамятныхъ временъ къ хорошему кусочку, должна была ходить обѣдать и ужинать въ людскую и подвергать себя тамъ насмѣшкамъ грубой и всегда завистливой, неблагодарной челяди. Притѣсненія этимъ не ограничились, и маменька рѣшилась отказать ей отъ чая, къ которому старушка привыкла съ-дѣтства. Это было для нея настоящимъ ударомъ и вооружило ее всюю смѣлостью. Вся въ слезахъ, бросилась она въ ноги папенькѣ. «Чѣмъ я тебя прогнѣвила, кормилецъ ты мой, Степанъ Александровичъ?» говорила она всхлипывая и обнимая ноги папеньки. — «Совсѣмъ меня погубили горемычную. Защити меня, батюшка, Степанъ Александровичъ. Не я ли тебя выкормила, выходила?» Папенька не далъ ей договорить своихъ жалобъ, поднялъ ее и посадилъ въ кресла. Старушка успокоилась и плакала тихими слезами радости. Съ-тѣхъ-поръ, маменька не рѣшалась накладывать запрещенія на любимый напитокъ няни, хотя, вмѣсто прежнихъ двухъ кусковъ сахара, оставляла ей по одному. За то ужъ я, при каждомъ случаѣ, вознаграждала потерю няни и оставляла ей отъ своего чая, каждое утро и вечеръ, по кусочку. Часто случалось мнѣ выпивать свою чашку безъ сахара для того только, чтобъ приберечь кусочикъ для няни. Не одинъ разъ доставалось мнѣ за такое пожертвованіе, которое не ускользало отъ проицательныхъ взглядовъ маменьки. Однажды, при вечернемъ чаѣ, послѣ другой чашки, я взяла изъ сахарницы кусокъ сахара. Маменька остановила меня. «Зачѣмъ ты берешь другой кусокъ, когда еще не выпила съ чаемъ прежняго?» сказала она мнѣ сурово. Я вся вспыхнула, смѣшалась и не знала, что отвѣчать. — «Гдѣ твой кусокъ?»

продолжала маменька. Страхъ и самолюбіе заставили меня въ первый разъ прибѣгнуть ко лжи. «Я его выпила съ чаемъ, татап», отвѣчала я, запинаясь. Глаза маменьки засверкали отъ гнѣва. «Жешь, негодная!» сказала она, и въ ту же минуту дернула меня за фартукъ, изъ котораго выпалъ спрятанный мною кусокъ. — «Вонъ, обманщица! Ты готова воровать сахаръ для своей гадкой няньки.» Я сидѣла ни жива, ни мертва. На-бѣду, папенька былъ въ смежной комнатѣ. Желая усугубить мою вину и наказаніе, маменька вошла къ нему (папенька сидѣлъ у окна, за газетою, и курилъ сигару, прихлебывая изъ стоявшей полдѣ него чашки чая) и цѣжно поцаловала его. Онъ обнялъ ее и посадилъ къ себѣ на колѣни. Страхъ отнялъ у меня все чувства и я не могла слышать ихъ разговора. Помню только, что минуты черезъ двѣ, папенька, вмѣстѣ съ маменькою, вошелъ въ чайную. Папенька казался встревоженнымъ. «Поди вонъ», сказалъ онъ, не смотря на меня:— «ты не стоишь быть вмѣстѣ съ дѣтьми». Шатаюсь, побрела я наверхъ и тамъ, рыдая, бросилась на грудь няни. Слезы ея смѣшались съ моими. Я раздѣлась, легла въ постель и долго не могла заснуть. Пуотру подушка моя была мокра отъ слезъ.

Любовь, которую оказывала я нянѣ, не могла не возбуждать зависти въ цѣлой дворнѣ. Больше всѣхъ нападала на нее горничная маменьки, фаворитка ея и повѣренная. Вся дворня кланялась ей, какъ золотому тельцу. Меня она не ставила въ грошъ. Сколько обидъ, оскорбленій, стыжусь сказать, даже побоевъ перенесла я отъ нея! Встрѣчаясь со мной на лѣстницѣ или въ корридорѣ, она не упускала случая попрекнуть меня въ чемъ-нибудь, затронуть, ущипнуть даже. Когда ей случалось одѣвать меня, она непременно колола меня булавкою, прикалывая ее къ платью или перелинѣ. Что я могла дѣлать?.. Я могла только плакать. Больше всего попрекала она меня нянею и называла ее не иначе, какъ моей «маменькою». «Подите къ вашей маменькѣ, барышня», говорила она мнѣ зачастую, встрѣчая меня внизу:—«чай она по васъ соскучилась. Подите къ ней: она принесла вамъ гостинцу!» При этихъ словахъ, негодная громко хохотала, дерзко смѣялась мнѣ прямо въ глаза. Маменькѣ, казалось, доставляли удовольствіе подобныя намѣки, и не разъ доходилъ до моего слуха одобрителный ея хохотъ, какъ-будто въ отвѣтъ на слова горничной. Съ годами росла и нелюбовь ко мнѣ маменьки. Я говорю: нелюбовь. Скорѣе то была ненависть. И скажите, какъ назвать то отвращеніе, какое она ко мнѣ чувствовала, обиды, гоненія, оскорбленія, которымъ я не знала счета, какъ не ненавистью, этой ужасной страстью, которую, кажется, надо всосать съ молокомъ матернимъ, чтобъ привыкнуть къ ней, какъ къ самой обыкновенной слабости? Развивающаяся красота моя дѣлала

присутствіе мое невыносимымъ для маменьки. Я не могла не замѣчать этого. Сама маменька была еще въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ, и общій голосъ считалъ ее красавицею. Она была брюнетка съ чудесной таліей, съ живыми огненными глазами, которые проникали вась насквозь, — съ косою такою длинною, густою и черною, какою я не видывала. Не смотря на то, что тѣло и лицо ея были бѣлы, какъ снѣгъ, она бѣлилась, и бѣлилы придавали ей ту алебастровую, полупрозрачную бѣлизну, какою рѣдкая женщина можетъ похвастаться отъ природы. Чѣмъ могла я повредить ей, какую соперницу могла она видѣть для себя во мнѣ, едва достигшей восьмилѣтняго возраста?.. На это я никогда не могла дать отвѣта. Маменька одѣвала дѣтей своихъ, какъ куколъ; моимъ гардеробомъ не занимался никто, кромѣ няни. Если мнѣ шили новое платье, то буд-то по ошибкѣ, невзначай, или изъ жалости. Такое равнодушіе заставило меня познакомиться съ бережливостію и опрятностію—одними изъ самыхъ необходимыхъ качествъ для дѣвушки. Платья мои, всегда немного-поношенные, сидѣли на мнѣ ловко; бѣлье и обувь составляли для меня настоящую роскошь. До-сихъ-поръ еще не могу забыть любимаго моего краснаго съ черными букетцами ситцеваго платьица. Это было любимое мое платьице, и я надѣвала его часто. Не знаю, потому ли оно мнѣ такъ нравилось, что было подарено дядею въ день рожденія, или потому — что шло ко мнѣ, къ моему бѣлому, бѣлѣдному личику. Маменька не любила этого платья и замѣтивъ, что я предпочитаю его другимъ, запретила мнѣ носить его. Я была въ отчаяніи. Мѣсяца три не смѣла я надѣть его. Наконецъ желаніе побѣдило опасеніе; со страхомъ и трепетомъ надѣла я его, и долго не могла оторвать глазъ отъ зеркала. Какъ мило сидѣло на мнѣ это платьице! какъ прекрасно обрисовывало оно мою дѣтскую талію! Оно будто обливало меня своими легкими, узенькими складками. Я то отходила отъ зеркала, то подходила къ нему снова, — оборачивалась, становилась на ципочки—и не могла наглядѣться на себя: все было такъ хорошо, просто, мило! Я улыбалась, глядя на себя, и готова была сдѣлать себѣ ручкою. Это былъ первый урокъ того невиннаго кокетства, безъ котораго не можетъ существовать женщина, безъ котораго ни одна изъ насъ не родится на свѣтъ... Самолюбіе мое наивно шептало мнѣ, что я хороша, и я мысленно благодарила Бога за этотъ даръ, такъ необходимый женщинѣ, созданной для любви, тихаго счастья и безмятежныхъ наслажденій семейнаго быта. Опять скажу: мое красное платьице такъ шло ко мнѣ! Осматриваясь въ зеркало со всѣхъ сторонъ, я подумала, что черная бархатная ленточка съ золотымъ сувениромъ была бы нелишнею, и вынула изъ коммоды ленточку и надѣла ее себѣ на шею. Еще лучше! Мои свѣтло-шатовые волосы были зачеса-

ны просто и связаны назадъ подъ гребенку. Проще этой прически ничего не могло быть, а мнѣ она такъ нравилась! Снѣжной бѣлины кальсончики открывали мою маленькую ногу, обутую въ прюселевые башмачки. Я долго любовалась на себя. Няня сидѣла на лежанкѣ и штопала чулокъ, глядя лежавшаго у ней на колѣняхъ кота, или обращалась ко мнѣ съ вѣжными приговорками, въ которыхъ красота моя и туалетъ играли главную роль. Черезъ минуту, все счастье, все блаженство мое разсыпалось, какъ карточный домикъ, какъ мыльный пузырь. Меня позвали къ чаю внизъ. Маленька вся измѣнилась въ лицѣ, увидѣвъ меня въ красномъ платьѣ. Она встрѣтила меня самую вульгарною бранью: «Опять ты въ своемъ сарафанѣ, негодная? Опять ты меня не послушалась? Теперь простишься съ своимъ сарафаномъ!»—Папенка, къ которому я подошла, чтобъ поздороваться, вмѣсто того, чтобъ дать мнѣ руку, тихо оттолкнулъ меня, назвавъ непослушною. Я горько заплакала и пошла наверхъ къ нянѣ, которая за минуту передъ тѣмъ видѣла меня такою веселою, такою счастливою. Горничная маленьки явилась, по ея приказанію, вслѣдъ за мною, для того, чтобъ переодѣть меня. Она не сняла, но почти сорвала съ меня мое любимое платьице, исколовъ меня немилосердо булавками.—«Проститесь съ платьемъ; оно приказало вамъ долго жить!» сказала она, схвативъ въ охапку платье и унося его съ собою. Я плакала на-взрыдъ, какъ-будто съ платьемъ теряла и счастье въ будущемъ. Въ тотъ же вечеръ, я увидѣла свое платье на дочери управителя, моей ровесницѣ, и послѣ того рѣдкій день не видала его на ней, на дворѣ, прямо передъ окнами дѣтской. Варушка бѣгала въ немъ за собаками и валялась въ грязи!

Пребываніе мое въ домѣ становилось для меня тяжеле день-отодня, и я уже молила Бога сократить дни мои.. Чтѣ представляло мнѣ будущее? Одинъ непрерывный рядъ обидъ, угнетеній, наказаній всякаго рода. Мысль эта пришла мгновенно, въ одну изъ самыхъ черныхъ минутъ, и я не могла разстаться съ нею. Вечеромъ, залучившою, блѣдною какъ смерть, нашла меня няня. «Ты нездорова, мое золото неваглядное?» сказала она, смотря мнѣ въ глаза съ обычнымъ участіемъ.—Нѣтъ, добрая няня, я здорова, право, здорова! «И, чтѣ ты, матушка, Христось съ тобою; какое твое здоровье!» Вотъ уже другой день таешь, какъ свѣчка; лягъ, родная, въ постельку; я пойду, приготовлю тебѣ на ночь шалфею съ ромашкой. Или, можетъ, прикажешь малинки... вѣдь ты любишь малинку?» Я не противилась, я чувствовала себя въ-самомъ-дѣлѣ разстроенною, нездоровою. Изрѣдка нападала на меня лихорадочная дрожь; я вся тряслась, и зубы мои судорожно стискивались. Мягкая постель и питье, приготовленное няней, скоро согрѣли ме-

ня; но сонъ бѣжалъ отъ меня, и я болѣе чѣмъ когда-нибудь предалась мрачнымъ мыслямъ. Дѣти уже всѣ спали. Няня зажгла свѣчку передъ образомъ Нерукотвореннаго Спаса, и стала молиться. Я прервала ея молитвы.—«Няня? а няня?» Няня встала и подошла ко мнѣ. «Няня! знаешь ли что? Я хочу умереть. Я давно прошу о томъ Бога и моего ангела. Мнѣ тошно здѣсь, няня. Меня никто не любитъ. Ты меня проводишь туда... на Ваганьково... подъ ту березку, гдѣ лежитъ маменька? Проводишь, няня, не такъ ли?.. Вѣдь ты одна меня любишь? Ты будешь приносить мнѣ туда цвѣтотъ, вмѣсто гостинца, какъ я носила съ тобою ихъ для маменьки? Помнишь?.. Охъ, умереть—умереть, няня!..» Няня всплеснула руками и долго не могла выговорить слова отъ ужаса. При слабомъ мерцаніи свѣчки, я видѣла, какъ два ручья слезъ оросили ея морщинистыя щеки. Видно было, что горькая участь моя заставила и ее призадуматься; но желаніе видѣть меня взрослою, счастливою пересилило — и она принялась утѣшать меня. «Родная, родная! что ты? въ умѣ ли? Или сглазилъ тебя лукавый, обошелъ нечистый? Наше мѣсто свято! Плюнь, матушка, на всѣ стороны. Помолись, родная. Чего горевать? Взойдетъ и для тебя красное солнышко. Умилосердится надъ тобой заступница Матерь Божія. Прочитай «Богородицу», «Достойно».—Тутъ няня перекрестила меня и дала мнѣ поцаловать золотой образокъ, который висѣлъ у меня на шеѣ, благословеніе маменьки. Потомъ она дала мнѣ выпить свѣжей воды съ прошлогодней вербочки, заткнутой за образомъ Нерукотвореннаго Спаса, положила мнѣ подъ подушку остатки восковой свѣчки отъ двѣнадцати евангелій. Освѣженная, я скоро заснула. Сонъ мой былъ безмятеженъ, спокоенъ. Во снѣ я увидѣла маменьку. Окруженная серафимами, какъ святая, смотрѣла она на меня оттуда... сверху, улыбалась мнѣ такъ сладко, такъ сладко, что за одну улыбку я отдала бы всю жизнь, и указывала въ безконечную даль, откуда въ полномъ величій вставало яркое солнце. Я пошла туда, съѣдуя ея указанію, шла, шла и не дошла: проснулась...

Послѣ этого дня я предалась своей грустной участи съ большимъ противъ прежняго самоотверженіемъ. Терпѣніе мое закаливалось въ горнилѣ испытанія, какъ металлъ. Почти все время мое, за исключеніемъ часовъ для занятій науками и музыкою, я проводила наверху, въ своей горенкѣ. Когда пріѣзжали гости, дѣтей одѣвали и сводили внизъ: меня никогда не требовали туда. Съ какою благодарностью вспоминаю я добрую тетюшку и тѣхъ знакомыхъ, которые приходили ко мнѣ наверхъ. Я цаловала ихъ руки и плакала отъ радости. Не смотря на отчужденіе отъ людей, я не сдѣлалась дикаркою или робкою. Напротивъ, я готова была

любить всякаго, кто подходилъ ко мнѣ; я со всѣми была приветлива. За то ужъ какъ дорого цѣнила я похвалы, высказываемыя мнѣ почти укрядкою!

Восемь лѣтъ длилось мое испытаніе въ родительскомъ домѣ. Вы думаете, что съ этой поры и прекратилось оно? Увы! оно не прекратилось; ему не суждено было прекратиться: оно замѣнилось новымъ, болѣе-тяжкимъ испытаніемъ, потому-что быстро-развивавшіеся умъ и сердце мое стали показывать мнѣ въ настоящемъ свѣтѣ многое такое, на что, дѣтми, смотримъ мы такъ равнодушно. Я начинала свыкаться съ людскою неправдою, начинала смотреть на все глазами разсудка, какъ на что-то неизбѣжное, — я, привыкшая къ ней съ-дѣтства, извѣдавшая ее на тяжкомъ опытѣ. Одинадцати лѣтъ отдала мена въ пансіонъ.

Припоминаю ужасныя обстоятельства, предшествовавшія переменѣ судьбы моей. Сердце мое готово разорваться на части, готово облиться кровавыми слезами. Чѣмъ болѣе углубляюсь памятью въ прошлое, тѣмъ яснѣе и чище встаютъ предо мною роковыя подробности этого ужаснаго случая.

Я уже сказала, что папенька любилъ маменьку страстно. Эта женщина умѣла приворожить его, уже испытавшаго всю сладость, все счастье первой взаимной любви. Мужчины иногда такъ добры и довѣрчивы, женщины такъ обольстительны! Маменька, казалось, родилась такою. Она обладала тысячею средствъ обольщенія, которыми, мнѣ кажется, рѣдкій мужчина могъ бы противостать. Въ ея взглядѣ, манерѣ, поступи, малѣйшемъ движеніи было непреодолимое обаяніе. Бывало, папенька по цѣлымъ часамъ не сводилъ съ нея глазъ, — оу, всегда такой добрый, такой довѣрчивый!

Въ то время, о которомъ я вспоминаю, очень-часто ѣзжалъ къ намъ въ домъ Павелъ Николаевичъ — оу, помещикъ Харьковской-Губерніи и, кажется, пашъ сосѣдъ по имѣнію. Занимался откупамъ и подрядами, оу жилъ въ Москвѣ постоянно. Не знаю, съ котораго времени началось его знакомство; помню только, что прежде я никогда не видывала его. Лицо его, не смотря на правильныя черты, имѣло въ себѣ что-то неприятное. Онъ былъ высокъ, полонъ и строенъ. Костюмъ его отличался вкусомъ и модою, обращеніе свободою и неприпужденностью, какъ у человѣка, привыкшаго къ хорошему кругу. Это былъ одинъ изъ московскихъ львовъ того времени, отъ которыхъ и прежде, и теперь, и до скопченія вѣка сходили и будутъ сходить съ ума московскія дѣвицы и дамы. Съ перваго взгляда, я почувствовала къ нему отвращеніе. Было что-то недоброе, что-то фальшивое въ этой физиономіи. Высоко-поднятый и тщательно-завитый хохоль и виски парика; большіе на-выкатъ глаза, блестящіе сквозь сипія стекла очковъ въ

темныхъ глазныхъ углубленіяхъ, окаймленныхъ багровою полосой; широкій, морщинистый лобъ, тщательно-причесанные бакенбарды, немного-отвислый, гладко-выбритый подбородокъ, — вотъ особенныя признаки этого лица, на которомъ беспорядочная жизнь и избытки всякаго рода положили неизгладимую печать свою. Видно, разговоръ и бесѣда его много занимали папеньку и маменьку: они принимали его всегда такъ ласково, слушали съ такимъ удовольствіемъ. Онъ часто прѣзжалъ къ намъ обѣдать, и въ такомъ случаѣ оставался уже до поздняго вечера. Визиты его становились все чаще и чаще и дошли наконецъ до того, что рѣдкій день мы не видали его. Иногда онъ увѣзжалъ послѣ обѣда и возвращался снова вечеромъ. Это обыкновенно случалось въ тѣ дни, когда папенька ѣздилъ въ Англійскій-Клубъ, котораго онъ былъ постояннымъ членомъ. Въ такихъ случаяхъ, маменька обыкновенно приказывала отказывать гостямъ и просиживала съ —ымъ до поздней ночи въ маленькой гостиной, или, когда чувствовала себя не совсемъ-здоровою, въ спальнѣ. —овъ сдѣлался скоро совершенно домашнимъ человекомъ, прѣзжалъ безъ доклада и увѣзжалъ, когда ему вздумалось. Случалось, однакожь, всегда такъ, что онъ увѣзжалъ до прѣзда изъ клуба папеньки. Въ эти вечера, маменька запрещала намъ сходить внизъ, и мы ложились спать раньше обыкновеннаго.

Въ одинъ вечеръ, —я никогда не забуду этого ужаснаго вечера, —послѣ чая, я пошла въ садъ. Любимымъ мѣстомъ моимъ въ саду былъ павильонъ, расположенный въ концѣ большой аллеи, въ одномъ изъ самыхъ уединенныхъ мѣстъ. Я любила уединяться туда для того, чтобъ почитать книгу, или помечтать на свободѣ. Помню, что въ этотъ вечеръ у меня были волшебныя сказки и повѣсти съ французскимъ и русскимъ текстомъ и прекрасными картинками. Я сѣла въ уголокъ и углубилась въ чтеніе. Я сравнивала свою судьбу съ судьбой Сандрильоны, исторію которой читала, и не могла не позавидовать ей. У ней была волшебница-бабушка; у меня нѣтъ никого, никого, кромѣ няни! Занятая чтеніемъ, я даже не слышала, какъ отворилась дверь. Когда я подняла голову, въ двухъ шагахъ отъ меня стояла маменька съ —ымъ. Я сидѣла къ нимъ спиною, и они меня не замѣтили. —овъ вошелъ съ маменькой подъ руку. Остановившись посрединѣ павильона, онъ взялъ ее за обѣ руки, притянулъ къ себѣ и страстно поцаловалъ. Я была ни жива, ни мертва; не знала, что мнѣ дѣлать, бѣжать, или оставаться на мѣстѣ. Какое-то, до-сихъ-поръ невѣдомое чувство дѣвическаго стыда овладѣло мною, и густой румянецъ расплѣтилъ всегда-блѣдныя щеки мои. Невольное движеніе, которое я сдѣлала, и скрипъ стула заставили содрогнуться престуц-

мытъ. Боже мой! Никогда въ жизни не забуду я того страшнаго выраженія, которое исковеркало лицо маменьки въ ту минуту, когда она увидѣла меня. Лицо ея поблѣднѣло, потомъ побагровѣло; изъ стиснутыхъ, посинѣлыхъ губъ вырвалось какое-то проклятіе, котораго я не поняла или не разслышала. Я хотѣла бѣжать, но ноги мои подкосились отъ страха; я опустила на стулъ; мнѣ казалось, что я приросла къ нему. Маменька, — о! какъ тяжело называть мнѣ ее этимъ именемъ! — бросилась на меня и ударила меня по лицу. Я вскрикнула и упала...

На крикъ мой сбѣжались люди. Первая прибѣжала няня. Увидѣвъ меня на полу, въ крови, безъ чувствъ, въ первую минуту она какъ-будто оцпенѣла; потомъ, какъ тигрица, у которой убили дѣтеныша, бросилась она на виновницу, но — о! — овъ удержалъ ее. Въ быстромъ движеніи, няня сронила съ головы своей платокъ, и сѣдые космы волосъ ея упали въ беспорядкѣ на плечи. Опомнившись, она бросилась ко мнѣ и принялась приводить меня къ чувству. Она употребляла для этого все средства, какія только могла внушить ей безграничная любовь ко мнѣ. Она цаловала мои руки, вазывала меня самыми нѣжными именами. Была минута, когда она думала потерять меня вовсе. О, что случилось тогда съ нянею! Она кричала, заклинала всѣхъ именемъ Бога и пресвятой Его Матери спѣшить мнѣ на помощь; она ломала руки и готова была разбить о стѣну голову. Было что-то необыкновенное въ этомъ отчаяніи, то безмолвномъ и мертвомъ, то изступленномъ... Всего этого отчаянія я не видала, къ-счастію, потому-что едва-ли бы я его вынесла. Скоро меня привели къ чувству. На другой день, у меня обнаружались признаки сильной горячки. Три недѣли не помнила я, что со мной было. Кризисъ былъ счастливый, и къ концу третьей недѣли я начала поправляться. Тутъ только неясно, какъ въ туманѣ, представилось мнѣ ужасное прошлое. Я припоминала себя съ подробности страшнаго вечера, и когда ужасная картина вставала предо мной во всемъ ея нравственномъ безобразіи, я трепетала отъ негодованія и молила Бога спасти дорогаго, добраго, доверчиваго папеньку. Сердце мое предчувствовало грозу.

Къ довершенію несчастія, въ первые минуты выздоровленія, когда рассудокъ и память начали понемногу входить въ права свои, я не видала подлѣ себя няни. Въмѣсто ея, глаза мои встрѣчали злое, лукавое лицо маменькиной горничной. Отъ нея я узнала, что няня, за дерзость противъ маменьки, отправлена была папенькою въ прачечную, подлѣ строгій надзоръ кастелянши, одной изъ злѣйшихъ ея непріятельницъ. Я горько плакала. Чѣмъ я, беззащитная, выставленная сама ежеминутно на тысячи непріятностей, могла помочь моей нянѣ? чѣмъ могла облегчить ея участь?

Одна мысль, что няня терпѣть за меня, не давала мнѣ покоя ни днемъ, ни ночью. Я строила въ головѣ тысячъ плановъ, которые, какъ карточныя домики, разрушались отъ одного взгляда кзевре-товъ маменьки. Папенька навѣщалъ меня, и то изрѣдка, въ первое время моей болѣзни, и я не имѣла возможности увидѣть его и па колѣняхъ вымолить прощеніе нянь. Причина моей болѣзни по-крыта была для всѣхъ непроницаемою тайною. Папенька, кажется, не зналъ ничего, потому-что отношенія его къ маменькѣ ня-скольکو не измѣнились. Во время болѣзни моей, за мной слѣдили неусыпно. Къ-счастію, въ бреду горячки, я не высказала ничего такого, что могло бы бросить на виповницу всѣхъ моихъ несчастій и малѣйшую тѣнь подозрѣнія. Когда я пришла въ себя, горнич-ная предупредила меня отъ лица маменьки, чтобъ я никогда и ни-кому въ жизни не смѣла заикнуться о томъ, что видѣла и что слышала. Она заставила меня поклясться ей передъ образомъ. Я не противилась. Причиной ушиба и болѣзни моей представлена была собственная моя неосторожность. Папенька повѣрилъ всему. Для людей причина эта не была тайною, но всѣ они молчали: они такъ боялись маменьки!"—овъ вздымъ къ памъ по-прежнему...

Добрая няня наша, однакожь, случай видѣться со мной. Въ од-ну ночь, я была разбужена поцалуемъ. Открываю глаза, всматри-ваюсь... о радость: няня! Она склонилась надъ моимъ изголовьемъ и теплыя слезы ея капали мнѣ въ лицо. Рассказывать ли о радо-сти подобнаго свиданія? Ее отгадаетъ каждый, кому могла быть известна любовь и привязанность моя къ нянь. Я просидѣла съ ней до ранней зари... Съ-тѣхъ-поръ, няня навѣщала меня каждую ночь. Мы были похожи на двухъ преступниковъ, ушедшихъ въ тюрмы. При каждомъ скрипѣ двери или оконницы, мы вздрагивали, прислушивались, не всталъ ли кто, не идетъ ли кто. Въ од-ну ночь, няня подала мнѣ радостную надежду скорого освобожде-нія! Она сказала мнѣ, что имѣла случай увидѣть папеньку, что молила его о прощеніи со слезами, и что папенька общалъ ей исходатайствовать прощеніе у маменьки. Черезъ ледялю, надежды мои осуществились, и съ няни была снята опала. Она явилась ко мнѣ, блестящая восторгомъ и счастьемъ. Я упала на колѣни передъ образомъ и благодарила Бога за то, что онъ внялъ общимъ молит-вамъ нашимъ. Старушку едва можно было узнать: такъ она исхудала, перемѣнилась. Съ этого времени, я начала поправляться замѣт-нѣе и изрѣдка сходила внизъ... Маменька обращалась со мною съ прежнею холодною — папенька съ переживимъ равнодушіемъ. Жизнь моя, по-прежнему, потекла однообразно и ровно, прорывае-мая по-временамъ тѣми мелкими неприятностями и огорченіями, съ которыми я уже свыклась. Такъ прошелъ мѣсяць. Въ это время, и

узнала о своемъ поступленіи въ пансіонъ, на чемъ настаивала маменька. Я приняла это извѣстіе съ полною покорностью судьбѣ. Я даже радовалась переменѣ своей участи. Бѣдненькая, я не знала, что ожидало меня въ этой шестилѣтней пыткой! Меня ужасала только разлука съ пьянею, и я не могла подумать объ этомъ безъ слезъ...

Въ одно утро (это было въ августѣ), я пришла здороваться съ папенькою въ кабинетъ его. Папенька сидѣлъ передъ письменнымъ столомъ и писалъ какія-то письма. Взглянувъ на папеньку, я едва не вскрикнула отъ удивленія и страха: никогда не видала я его въ такомъ видѣ. Папенька былъ блѣденъ, какъ смерть; рука его, которую я взяла, чтобъ поцаловать, была холодна, какъ ледъ. Но что меня удивило всего болѣе, такъ это глаза его: они блестящи, будто раскаленные. Папенька казался сильно-встревоженнымъ. Когда я, поцаловавъ руку его, хотѣла выйти, онъ остановилъ меня, взявъ за руки и долго смотрѣлъ мнѣ въ глаза. Это до того тронуло меня, что я заплакала. Папенька поцаловалъ меня и благословлялъ три раза. Я не понимала, что это значитъ, хотѣла спросить его, но обычная робость оковала языкъ мой. Сердце мое сильно билось. Папенька (глаза его были влажны, и слезы съ трудомъ удерживались на нихъ) опять взялъ меня за руки, посадилъ на колѣни и опять долго смотрѣлъ мнѣ въ глаза. «Будь счастлива, помни объ отцѣ твоёмъ и о матери», сказалъ онъ мнѣ, поцаловавъ меня въ другой разъ. Я зарыдала и упала къ нему на грудь. Онъ тихо отстранялъ меня рукою. «Поди, Надя, позови ко мнѣ своихъ братьевъ». Я вышла, сама не понимая, что со мной дѣлается. Въ залѣ были братья, и я позвала ихъ къ папенькѣ. Луиза Францовна спросила меня о причинѣ слезъ, и я не знала, что и сказать ей. О чемъ я плакала?.. У дверей спальни, куда я хотѣла войти поздороваться съ маменькою, встрѣтила меня слъ горничная и сказала, что маменька не велѣла никого впускать къ себѣ, что она нездорова и лежитъ въ постели. Такъ вотъ что тревожитъ папеньку, подумала я, — вотъ отъ-чего онъ такъ разстроится. Но отъ-чего же эти слезы, это желаніе мнѣ счастья, эти благословенія, какъ-будто бы я расставалась съ нимъ навсегда?.. Я терлась въ догадкахъ. Въ десять часовъ, папенькѣ подали коляска, и онъ выѣхалъ изъ дома. Папенька никогда не выѣзжалъ такъ рано. Я послала няню узнать отъ людей, куда и надолго ли уѣхалъ папенька. Отвѣтъ няни былъ самый неудовлетворительный. Никто не зналъ, куда поѣхалъ папенька. Лошади были запряжены четверкою въ рядъ, какъ для загородныхъ поѣздокъ; но папенька не взялъ съ собою ни платья, ни чая, что онъ обыкновенно дѣлывалъ въ подобныхъ случаяхъ. Онъ взялъ съ собою одну шкатулку, которая всегда стояла запертою у него въ кабинетъ. Всѣ терлись въ

догадкахъ. Когда лошади тронулись къ подъезду и собаки залаяли, я подбѣжала къ окну. Папенька въ эту минуту садился. Верхъ коляски и фордекль были подняты. Папенька казался еще блѣднѣе, еще разстроенинѣе. Съвѣ въ коляску, омы перекрестился и приказалъ кучеру вѣхать. Лошади тронулись. Сердце у меня сильно билось. Я съла въ уголъ и принялась плакать. «Что все это значить?» спрашивала я себя. «Чѣмъ все это кончится?» Книга не шла мнѣ на умъ; работа не давалась въ руки. Я то-и-дѣло подбѣгала къ окну посмотреть, не возвращается ли папенька; посылала няню узнать о времени. Часы тянулись безконечно-долго. Къ-счастью, добрая Луиза Францовна не требовала отъ меня урока и сама все утро не выходила изъ своей комнаты. Дѣти играли въ саду. Въ этомъ страшномъ, томительномъ ожиданіи протянулось все утро. Наконецъ, часу въ первомъ, послышался на дворѣ радостный лай собакъ и стукъ экипажа по бойкой мостовой. Въ залѣ закричали: «ворота, бѣгите отворять ворота!» Люди выбѣжали на дворъ. Я, какъ помѣшанная, бросилась внизъ, сама не зная, что дѣлаю, и черезъ минуту была уже на крыльцѣ. Первый предметъ, который я тутъ увидѣла, былъ папенька. Я невольно вскрикнула отъ радости. Но, Боже мой, въ какомъ видѣ былъ папенька! Онъ прислонился къ углу коляски и, казалось, дремалъ. Глаза его были закрыты. Дворецкій отворилъ дверцу, но папенька все сидѣлъ и не трогался. Полагая, что папенька спитъ, я рѣшилась разбудить его, подбѣжала къ дверцамъ и заглянула въ коляску. Праведный Боже! подъ ногами папеньки стояла лужа крови. Лѣвая нога была перевязана въ колынь бѣлымъ носовымъ платкомъ, который былъ весь въ крови. Свѣжая кровь сочилась изъ него въ нѣсколькихъ мѣстахъ. Платье подъ платкомъ было все изорвано и кровь заеклась на немъ густыми слоями. Силы оставили меня, колыни мои подгибались, и я вѣрно упала бы подъ колесо, еслибъ дворецкій не поддержалъ меня. Крики и плачь дѣтей, прибѣжавшихъ изъ сада и окружившихъ коляску, заставили меня прийти въ себя. Папеньку вынесли и положили въ кабинетъ. Коляску въ ту же минуту отправили за докторомъ. Можно представить, въ какой тревогѣ былъ весь домъ. Насъ, дѣтей, наслау могли отослать въ дѣтскую. Мы столпились у дверей кабинета и рыдали. Маменька не выходила изъ спальни: я говорила уже, что она была нездорова. Почти цѣлую недѣлю не пускали насъ внизъ, и намъ оставалось безпрестанно посылать туда няню и горничныхъ навѣдываться, полегче ли папенькѣ. Причина ужасной болѣзни его оставалась для насъ тайною. Люди говорили глухо, что папенька ранилъ себя неосторожно на охотѣ. Такъ, по-крайней-мѣрѣ, рассказывалъ мнѣ кучеръ, ѣдившій съ

папенькою. Гостей никого не принимали. — онъ не бывалъ у насъ ни разу послѣ этого случая, что очень удивляло меня. Только черезъ годъ, въ пансионѣ, няня разгадала мнѣ всю страшную загадку, рассказала развязку этой кровавой семейной драмы, о которой я не могу вспомнить безъ ужаса: папенька стрѣлялся съ — вымъ, въ—слѣдствіе какого-то безыменнаго письма, полученнаго имъ по вѣчю наканунѣ, въ которомъ рассказаны были всѣ подробности связи и приложены доказательства истины. — онъ исчезъ изъ Москвы, и никто не зналъ, что съ нимъ послѣ того сдѣлалось. Сначала, я подумала, не убилъ ли его папенька, но няня увѣряла меня въ противномъ. Папенька далъ промахъ, и злодѣй остался безъ наказанія, если только не наказали его въ—слѣдствіи угрызенія собственной его совѣсти. Черезъ мѣсяцъ, папенька могъ уже выходить. Къ—счастью, пуля, разбивъ колю, прошла насквозь, и докторъ могъ ограничиться одною ампутаціею. Раненная нога не могла разгибаться, и папенька ходилъ съ того времени на костыляхъ. Маменьку мы не видали около двухъ недѣль. Говорили, что она была больна горячкою. Папенька былъ къ ней внимателенъ по—прежнему. Папенька былъ такъ добръ; къ—тому же, онъ любилъ ее такъ страстно! Не знаю, удалось ли ей—самой увѣрить его въ своей невинности, или уже любовь его готова была на всевозможныя пожертвованія, только мы не замѣтили съ его стороны ни малѣйшаго охлажденія къ маменькѣ. Къ—счастью, это грустное обстоятельство оказало самое благопріятное вліяніе на характеръ маменьки. Она замѣтно перемѣнилась. Обращеніе ея со мной сдѣлалось гораздо—лучше. Иногда даже она ласкала меня и старалась казаться изжюною. Участь моя перемѣнилась. Каждое утро и вечеръ, въ теплой молитвѣ, благодарила я Бога за эту милость. Гнусную свою горничную маменька прогнала, и съ той поры житье няни стало привольнѣе. Обѣдъ, по—прежнему, посылался ей съ барскаго стола, и я уже не хлопотала для нея о лишнемъ кусочкѣ сахара: ей стали отпускать его щедро. Не менѣе измѣнился и самый образъ жизни маменьки. Она бросила многочисленное свое знакомство и пустые визиты и ограничила свои выѣзды родными и самыми короткими изъ знакомыхъ. Балы и спектакли оставлены были вовсе. Въ домѣ завелись экономія и расчетъ, о которыхъ прежде не было и помина, и о которыхъ давно уже вопили финансовыя обстоятельства папеньки. Расчетъ этотъ не перешелъ, однакожь, въ скупость, какъ это случается у многихъ мотовъ, сдѣлавшихся расчетливыми, и довольство видно было въ домѣ во всемъ, на каждомъ шагу. Прежде была жизнь для другихъ: теперь наступила жизнь для самихъ—себя — жизнь эгоистическая, но тѣмъ не менѣе

счастливая. Прежде, домашняя роскошь служила публичною вывескою, теперь она заключалась въ самой-себѣ.

Между-тѣмъ, пріемъ въ пансіонъ былъ уже объявленъ въ газетахъ. Съ грустію видѣла я приближеніе минуты разлуки со всѣмъ тѣмъ, что для меня было дорого въ жизни; я не могла вспомнить безъ слезъ объ этой роковой минутѣ. Маменька перемѣнила-было свое намѣреніе и даже просила папеньку о возвращеніи просьбы о моемъ поступленіи въ пансіонъ. На это папенька отвѣчалъ ей, что видно такова уже судьба моя, и что противъ нея ни въ какомъ случаѣ идти не подобно. Папенька былъ всегда противъ общественаго, а тѣмъ болѣе публичнаго воспитанія, и одинъ только настоянія и доводы маменьки могли поудить его къ этой, такъ крайней, по его мнѣнію, мѣрѣ. Къ-несчастію, отличительною чертою его во всякомъ другомъ случаѣ слабago и нерѣшительнаго характера было то, что всякое, одинъ разъ начатое имъ дѣло, онъ старался оканчивать во что бы ни стало. Такимъ-образомъ, судьба моя была рѣшена. За педѣлю до моего отъѣзда, папенька сталъ скученъ и задумчивъ; его видимо тревожила моя настоящая участь, мое будущее. Онъ часто говорилъ обо мнѣ съ маменькою, и маменька соглашалась съ нимъ во всемъ и снова убѣждала его оставить свое намѣреніе, покамѣстъ еще не ушло время. Наконецъ, настала и день отъѣзда. Поутру я пошла съ пняей къ раупей обѣднѣ, гдѣ отслужила молебень. И я, и пняя плакали на-взрыдъ. Карета стояла уже у крыльца, когда мы возвратились изъ церкви. Папенька былъ задумчивъ и грустенъ; маменька также показалась мнѣ очень-скучною. Послѣ завтрака, меня одѣли въ бѣлое платье. Увидѣвъ въ зеркалѣ мертво-блѣдное лицо свое, я подумала, что меня одѣваютъ какъ покойницу. Когда я сошла внизъ, всѣ сидѣли въ гостиной. Папенька приказалъ мнѣ сѣсть также. Потомъ мы всѣ встали, помолились Богу— и прощаніе началось... Тутъ я уже едва припоминаю все, что кругомъ меня дѣлалось. Помню только, что прежде всего я упала на руки папеньки, который не могъ удержаться отъ слезъ. Папенька поцаловалъ меня много разъ, давалъ совѣты, просилъ молиться почаще Богу, отнынѣ единому моему заступнику, просилъ быть кроткою, доброю, незлобивою, разсудительною, какою я была до-сихъ-поръ. «Воротись ко мнѣ такою же, какою оставляешь меня; я буду усердно благодарить Бога за эту милость» говорилъ онъ. Прощаясь со мной, маменька также плакала. Она иѣжно поцаловала меня и просила простить ей все несправедливое, что она мнѣ когда-нибудь дѣлала. Вся дворня столпилась въ залѣ; всѣ, паперерывъ, цаловали у меня руки и плакали: всѣ они любили меня. А пняя?.. Нняя была какъ помѣшанная. Она не отходила отъ меня, цаловала ру-

ки безсчётно и обливала их своими горячими слезами. «Не пережить мне моей кручины, родная моя, брильянтъ мой неоцѣненный!» говорила няня, и слова ея тутъ же заглушались рыданіями. «Что безъ тебя я стану дѣлать, мое сокровище? Не милъ мнѣ безъ тебя свѣтъ Божій!» Входя въ переднюю, я въ послѣдній разъ оглянулась назадъ, чтобъ хоть минуту насладиться видомъ такъ знакомыхъ, такъ милыхъ мнѣ людей и предметовъ. О, сколько наслажденія было въ послѣднемъ, прощальномъ взглядѣ этомъ! Въ одинъ мигъ развернулъ онъ передо мной все грустное мое дѣтство. А будущее? а пансіонъ? подумала я, — и сердце мое сжалось, какъ сердце пойманной въ клетку птички передъ бурей. Вотъ все знакомые мнѣ предметы: вотъ рояль, на которомъ я играла; вотъ стулъ, на которомъ всегда сидѣла; вотъ фаворитка мол канарейка... Меня взяли за руки и посадили въ карету. Со мной сѣла Луиза Францовна. Няня стояла у открытыхъ дверей, прощалась со мною еще, не сводила съ меня глазъ: старушка смотрѣла на меня, будто въ послѣдніе. Когда затворили двери и кучеру велѣно было ѣхать, няня схватилась за колесо. Насилу могли оторвать ее. Вокругъ себя я только и слышала, что рыданія, только и видѣла, что слезы и грустные лица. «Прощай, Надя! прощайте, милая Надя! Прощайте, Надежда Степановна! Дай Богъ вамъ здоровья и счастья, добрая наша барышня!» Тутъ лошади тронулись; колеса застучали, и я уже болѣе ничего не слышала. Я упала на подушки и во всю дорогу была въ полубезпамятствѣ. Добрая Луиза Францовна молча утирала слезы...

«Вотъ мы уже и пріѣхали!» сказала Луиза Францовна. Я тихо подвинула голову и взглянула въ окошки. Карета катилась по широкой и ровной, какъ полъ, дорогѣ, обсаженной съ обѣихъ сторонъ двойнымъ рядомъ берёзокъ. Передо мной вставало огромное зданіе пансіона. Два боковыя крыла охватывали его съ двухъ сторонъ и соединялись потому длинною желѣзною рѣшеткою. У воротъ мѣрными шагами расхаживалъ часовой. Когда мы подѣхали къ нимъ, я оглянулась назадъ и послала прощальный взглядъ городу. Былъ ясный, теплый сентябрьскій день. Солнце, прощаясь съ осенью, давало ей послѣднее цѣлованіе. Въ воздухѣ было такъ тепло, такъ тихо, какъ на сердцѣ праведнаго въ минуту кончины его. На деревьяхъ даже не шелухнулася пожелтѣвшіе листочки. Птички весело чирикали, перелетая съ вѣтки на вѣтку. Казалось, все, что ни росло, ни двигалось, провожало солнце и теплый воздухъ съ радостью, въ увѣренности, что весной опять увидится съ ними. Зачѣмъ же мы, подумала я, привыкли грустить и плакать при разлукѣ съ милыми?.. При этой мысли, теплый лучъ спокойствія и утѣшенія сиясходилъ на мое стѣсненное, разбитое грустью сердце. Но какъ

тиха и торжественна была эта радость природы! Какимъ спокойствіемъ могла наполнить она душу страдальца! Безкопечною, великолѣпною папорою вставала за мной святой городъ, когда я оглянулась на него. Эта полужелтая, полурозовая зелень садовъ, которую солнце расцвѣчивало блескомъ аметистовъ и изумрудовъ, — этотъ лабиринтъ бѣлыхъ зданій, выходявшихъ изъ густоты ея, какъ дружное стадо лебедей, эти безчисленные церкви, съ пылающими, какъ жаръ, крестами Божиими, и наконецъ, эта вѣчная, трех-вѣковая глава царственного великана, уходившая въ безпредѣльную лазурь неба, окруженная, какъ звѣздными сіяніями, ярко-золотыми куполами святыхъ соборовъ, окаймленная по горизонту бѣлою лентою вѣковыхъ стѣнъ, — вся эта гармонія общаго, все это очаровало, увлекло меня, и, забывъ о настоящемъ, я предавалась безотчетнымъ думамъ, которыя переносили меня далеко, въ область безконечной фантазіи. Карета остановилась у подъезда, и мечты мои разлетѣлись, какъ пухъ, передъ грустной дѣйствительностью...

Шесть лѣтъ провела я въ пансіонѣ. Не стану припоминать всѣхъ обстоятельствъ, сопряженныхъ съ этими шестью годами тяжкаго испытанія. Я хотѣла бы забыть объ этомъ времени и вспоминать о немъ — не все ли равно, что растревать едва-зажившія раны, пробуждать грусть, съ которою я сроднилась въ это время? Первые минуты вступленія моего не предвѣщали ничего добраго, ничего утѣшительнаго. Съ перваго раза, я имѣла несчастье не понравиться начальницѣ, содержательницѣ пансіона. Въ моей горести она прочла какое-то неуваженіе къ себѣ, какую-то невнимательность. Правда, я не поцаловала у ней руки, не назвала ея пашап, какъ дѣлала это другія, что было принято почти за правило; но въ эти минуты я сама не помнила, что говорила и что дѣлала. Притомъ же, могла ли я, — я, для которой съ именемъ матери связаны были самыя грустные минуты дѣтства, могла ли я назвать этимъ именемъ особу, которую видѣла въ первый разъ, которая принимала меня съ такою сурою важностью?.. Съ другой стороны, съ этимъ дорогимъ именемъ матери связано было какое-то темное, неясное воспоминаніе о той, которая даровала мнѣ жизнь и которой образъ неизгладимо запечатѣлся въ моемъ сердцѣ разказами няни. Этотъ неземной образъ былъ моимъ ангеломъ-хранителемъ; къ нему обращалась я въ несчастіи, его молила о судьбѣ своей. Я не отважилась бы назвать именемъ ея другую... Во всѣ шесть лѣтъ моего пансіонскаго воспитанія, я не произнесла этого имени, которымъ всѣ подружки мои играли, какъ мячикомъ...

Тогда же назначена я была въ дортуаръ къ одной изъ надеж-

рательницъ, классной дамъ, отличавшейся особенною строгостью. Вѣроятно, въ-слѣдствіе замѣчаній начальницы, она приняла меня необыкновенно-сурово и сдѣлала выговоръ за то, что будто-бы я прислала ей не такъ низко, какъ слѣдовало... Съ перваго дня, я слылалась предметомъ вниманія всего пансіона; обо мнѣ говорили, какъ о непокорной; рассказывали, что я нагрубила начальницъ и классной дамъ... Въ дортуарѣ, ни одна дѣвица не подошла ко мнѣ: всѣ смотрѣли на меня съ любопытствомъ, съ недоувѣрчивостью, меня обходили, какъ зачумленную... Чтò мнѣ оставалось дѣлать? Плакать—только плакать. И я плакала; во всю ночь я не сомкнула глазъ и все плакала.

Вотъ чтò встрѣтила я въ пансіонѣ. Гоненія на меня, которые тогда начались, не прерывались во всѣ шесть лѣтъ, и, не будучи въ состояніи отвратить ихъ, я сдѣлалась къ нимъ равнодушною—переносила съ самоотверженіемъ... Въ первые дни пансіонской жизни, меня ужаснуло одиночество. Мнѣ казалось, что я была одна въ цѣломъ мірѣ, одна съ моими недоброжелателями. Паченька переселился въ дальнюю деревню. Много-много если разъ въ годъ писалъ онъ ко мнѣ нѣсколько строчекъ, которыя я перечитывала по тысячь разъ... Въ Москвѣ не оставалось для меня никого... Родные маменьки не навѣщали меня. Это одиночество, вмѣстѣ съ несчастіями, съ неудачами, сдѣлало меня разсудительною. Я обдумывала каждый свой шагъ, каждое свое дѣйствіе. Я стала углубляться въ самоѣ-себя; пристально вглядывалась мыслію въ другихъ, искала въ нихъ всего того, чему бы сочувствовало мое сердце, и искала напрасно!

Одною отрадою, однимъ утѣшеніемъ моимъ была няня... По счастью, паченька поручилъ ей надзоръ за домою, и она осталась въ Москвѣ. По праздникамъ, она приходила ко мнѣ въ пансіонъ съ гостинцами, съ утѣшеніями, съ ласковымъ, пріятливымъ словомъ. О, какъ я была рада, какъ я была счастлива въ эти минуты свиданія съ нянею!.. Я никогда не говорила нянѣ о моихъ несчастіяхъ, но она отгадывала ихъ. Она разспрашивала меня обо всемъ и, слушая отвѣты мои, недоувѣрчиво покачивала головою. «Родная моя!» говаривала она: «полно такъ ли?.. Посмотри, какъ ты похудѣла, выплакала свои глазки! Ужъ какому тутъ быть счастью!»

Понемногу освоилась я съ пансіономъ и его жизнию. Мои по-други уже не чуждались меня. Я даже возбудила къ себѣ ихъ участіе,

По общепринятому въ пансіонахъ обычаю, я должна была выбрать себѣ друга, повѣренную. Этотъ трудъ былъ не по силамъ мнѣ, и выборъ друга предоставленъ былъ времени. Не смѣя довѣ-

рять своихъ мыслей и чувствъ кому-нибудь исключительно, я была хороша со всеми, со всеми привѣтлива, услужлива. Все это не помѣшало, однакожъ, считать меня *гордою*... Только на четвертый годъ пребыванія въ пансіонѣ, сблизилась я съ одною изъ своихъ сверстницъ, Аделью Н... Не смотря на разность нашихъ характеровъ, насъ влекли другъ къ другу одинаковыя понятія, почти-одинаковый взглядъ на вещи. Съ этого времени, пансіонская жизнь моя стала сносною. Теперь я уже искала утѣшеній въ дружбѣ и почти всегда находила его. Въ теплой молитвѣ, передъ образомъ Божіимъ, передъ раскрытымъ для меня сердцемъ подруги, прощала я людямъ ихъ несправедливости, ихъ злобу и ненависть. Эти признанія облегчали меня; я стала спокойнѣе, веселѣе. Были даже минуты, въ которыя я забывала о настоящемъ, радовалась радостью ребенка, была почти счастлива. Минутами этими я обязана была моей милой Адели. Ея веселый, беззаботный характеръ, ея участіе, сочувствіе къ моей несчастливой судьбѣ—утѣшали, облегчали меня. Одна она умѣла разсѣять мою меланхолію, умѣла вызвать меня на слова, на признанія, на мечты объ отдаленномъ будущемъ. Въ этихъ мечтахъ забывали мы настоящее. О, какъ счастливы тѣ, кому судьба послала утѣшеніе въ дружбѣ!.. Съ этого времени, началъ развиваться вполне умъ мой; пылливости и любознательности дано было свойственное имъ направленіе. Мы не тратили даромъ ни одной свободной минуты. Насъ видѣли всегда и вездѣ вдвоемъ, рука-объ-руку... Чтеніе и музыка составляли любимыя предметы нашихъ занятій. Счастливый случай послалъ намъ нѣсколько прекрасныхъ историческихъ книгъ, изъ которыхъ знакомились мы съ людьми вѣковъ прошедшихъ. Не зная еще современнаго свѣта, мы уже имѣли какое-то темное убѣжденіе въ томъ, что люди все тѣ же теперь, какъ и были, что одинакія страсти, одинакіе интересы владѣютъ и правятъ ими. Паденія великихъ, сильныхъ властію людей, разрушенія дѣлхъ царствъ, необъятныхъ и всемогущихъ, паводили насъ на мысль объ участіи Промысла во всѣхъ дѣлахъ нашихъ, о справедливости Божіей, о безнаказанности преступленія, о тщетѣ величія.

Няня, по-прежнему, навѣщала меня. Она не могла не замѣтить во мнѣ счастливой перемены, и радовалась, какъ счастію, моему спокойствію. И Адель, добрую, милую Адель любила няню! Мы выходили къ нянѣ всегда вдвоемъ; сама она всегда вызывала насъ въ дѣвичью обихъ вѣстѣ, равно одѣляла гостинцами, на которые папенька присылалъ ей деньги. Отъ нея получала я извѣстія изъ деревни отъ папеньки и родныхъ. Отъ нея узнала я о кончинѣ моей мачихи. Въ это время, мнѣ былъ уже шестнадцатый годъ. Я горько плакала о потерѣ, живо воображала неутѣшную горестъ па-

пеньки, молилась за спасеніе души покойницы, которой давно уже простила все, все...

Остальные три года пребыванія моего въ пансіонѣ прошли незаметно и скоро.

Насталъ публичный экзаменъ и выпускъ, давно-ожидѣнный день, о которомъ все только и думали. Бѣдненькія! Знала ли тогда каждая изъ насъ, что ждетъ ее въ будущемъ? Мысль о свободѣ всегда увлекала и будетъ увлекать молодёжь. Вспорхнуть впервые, какъ птичка, почувствовавшая силу въ крыльяхъ, достигнуть желаннаго предмета, или упасть и разбиться, еслибъ эти легкія крылья не удержали ея въ воздухѣ, стать добычею перваго хищнаго ястреба, — вотъ что могло ожидать каждую изъ насъ, едва-оперившуюся птичку!.. И мы вылетали безотчетно, на-ослѣпъ, вылетали изъ кѣтки въ новый, незнаемый нами свѣтъ, котораго блестящая наружность готова была обаять насъ, котораго грязной изнанки мы не видали!..

Къ великой моей радости, пріѣхалъ изъ деревни въ Москву папенька. Я едва узнала его: такъ онъ переѣвился и постарѣлъ! Я видала его почти каждый день. Характеръ папеньки сдѣлался серьезнѣе прежняго. На изрытомъ морщинами лицѣ его я читала слѣды недавней потери. Когда онъ говорилъ мнѣ о послѣднихъ минутахъ той, которая была для него дороже всего на свѣтѣ, глаза его были мокры отъ слезъ. Я плакала вмѣстѣ съ нимъ. «Теперь на тебя вся моя надежда, Надяшка; ты успокоишь меня; ты будешь доброю дочерью, не правда ли?» говорилъ онъ.

Въ послѣдніе дни, няня, добрая няня, почти жила въ пансіонѣ. Она исполняла все комиссіи мои и папенькины, ѣздила къ модисткѣ, привозила мнѣ платья. Посмотрѣли бы вы, какъ она была рада! «Скоро, скоро выпорхнешь, пенаглядное мое сокровище, моя штатечка!» говорила она мнѣ, любуясь новыми новыми нарядами, забавлявшими меня, какъ ребенка. — Одно помрачало радость мою и няни — разлука съ Аделью, можетъ-быть, вѣчная разлука. Адель уѣзжала въ одну изъ отдаленныхъ губерній; когда и гдѣ я могла встрѣтиться, столкнуться съ нею? Какъ водится, какъ должно быть, мы обѣщались писать другъ къ другу, писать часто, непременно.

На экзаменѣ, своими отвѣтами, я возбудила общее вниманіе. Присутствующихъ было множество... Смущенная такимъ множествомъ новыхъ лицъ, ихъ взглядами, я невольно робѣла, голосъ мой дрожалъ, колѣни гнулись. Папенька не пріѣзжалъ на экзаменъ, — а чей взглядъ, кромѣ его, могъ ободрить меня? Послѣ раздачи наградъ и похвальныхъ листовъ, мы экзаменовались въ музыкѣ, пѣніи и танцахъ. Въ танцахъ мнѣ назначено было танцовать съ шалью.

Тутъ бодрость совершенно оставила меня. На меня уставлены были всѣ взоры, всѣ лорнеты. Такое алчное любопытство людей, Богъ-знаетъ что думавшихъ въ эту минуту, этихъ стариковъ, пресыщенныхъ жизнью и все еще жадныхъ къ ея наслажденіямъ, смутили бы и свѣтскую дѣвушку, будь она на моемъ мѣстѣ... Я не чувствовала въ себѣ силъ и отказалась танцовать. Это разстроивало всю программу акта. Начальница была внѣ себя отъ досады: она рассчитывала на меня, какъ на сценической эффектъ, на новыя похвалы ея заведенію, ея предусмотрительности, материнской о насъ заботливости. Классная дама грызла съ досады свои тонкія губы. У меня едва достало силъ отойти въ сторону. Въ изнеможеніи опустилась я на стулъ, который кто-то подставилъ мнѣ. Оправившись, я услышала позади себя два мужскіе голоса. До слуха моего долетѣло нѣсколько прерывистыхъ французскихъ фразъ, относившихся ко мнѣ и къ нѣкоторымъ изъ подругъ моихъ, отличавшихся красотой. Я не могла понять смысла этихъ фразъ, но тайное чувство стыдливости заставляло меня отгадывать въ нихъ и дерзость и неприличіе. Мужчины говорили о насъ, какъ о фигуранткахъ балета... И въ-самомъ-дѣлѣ, не были ли мы фигурантками, выступающими въ первый разъ на шаткія подмостки свѣта, на которыхъ многимъ, можетъ-быть, суждено оставить и стыдъ, и совѣсть, и честь!..

Насилу дождалась я конца акта, за которымъ послѣдовали шумные, веселые танцы. Изъ всего выпуска одна я не принимала участія въ общемъ весельѣ... Я вышла въ дортуаръ, гдѣ уже дождалась меня няня. Тутъ, по обыкновенію, тяжелыя впечатлѣнія мои облегчились теплыми слезами. Побесѣдовавъ съ нянею и помолвившись горячо передъ образомъ, я легла спать. Изъ залы доходили до меня звуки музыки, шарканье танцующихъ. Я скоро заснула, убаюканная этими звуками, какъ некогда колыбельною пѣсню няни.

По утру кто-то разбудилъ меня поцалуемъ. Это была Адель. Она сидѣла у меня на кровати. Только-что разсвѣло, и весь дортуаръ еще покоился крѣпкимъ сномъ. На дворъ стояло прелестное майское утро. Свѣжій вѣтеръ пахнулъ мнѣ въ лицо черезъ отворенную форточку и освѣжилъ меня. Увидѣвъ Адель, я улыбку и протянула ей руку. Какъ она была хороша, Адель! Въ бѣлой ночной кофѣ, съ распущенными волосами, съ ея чудной улыбкой, она похожа была на идеальную героиню байроновской поэмы, полу-земную, полу-небесную. Первая мысль, которая пришла мнѣ тогда въ голову, была мысль о предстоящей разлуцѣ. Последній день проводила я подъ одной крышей съ Аделью. Она отгадала мысль мою.

— Въ послѣдній разъ, Надя! сказала она, покачай голову.

— Зачѣмъ же въ послѣдній, Адель?.. Мы будемъ утѣшать себя надеждой свиданія, въ которомъ нѣтъ ничего несбыточнаго.

— Врядъ ли, Надя! Ты не повторишь, какъ мнѣ скучно и грустно. Ужъ не предчувствіе ли это нашей разлуки? День и ночь я думаю объ этой разлукѣ и все еще не могу съ ней освоиться. Вчера я хотѣла забыться, разсѣяться въ танцахъ, — не пропустила ни одного изъ нихъ, — измучилась, устала, и не смотря на то, во всю ночь не могла сомкнуть глазъ... Выпускъ! разлука!.. Столько переменъ, столько новаго; столько надеждъ и ожиданій!.. Какъ дѣти, мы поминутно переходимъ отъ печали къ радости; смѣемся и плачемъ почти въ одно время! Во весь шесть лѣтъ, мы такъ мало думали объ этой разлукѣ! Рѣдко приходила она на мысль намъ — и вотъ она передъ нами, вдругъ, неожиданно!.. И подумать, что я должна разстаться съ моей милой, умной, *идеальной* Надей — это просто ужасъ. Надя! Надя!.. Пожалей меня. Чтò я стану безъ тебя дѣлать? Ты знаешь, я такая сумасшедшая, такая вѣбальмошная! Кто остановитъ меня, если не будетъ со мной моей Нади, моего ангела-хранителя?.. Надя! поклянемся теперь не забыть другъ друга; — поклянемся думать другъ о другѣ безпрестанно... Знаешь чтò, Надя?.. Взгляни въ окошко, на небо; видишь эту звѣздочку?.. (Адель указывала мнѣ въ эту минуту на небо, гдѣ, среди чистой лазури, слабо облитой лучами утренняго солнца, блестѣла, какъ алмазь, послѣдняя утренняя звѣзда. Окно было прямо противъ меня и я темнаго привстала, облокотясь на подушку).

— Это моя звѣздочка, Надя! продолжала Адель: — моя любимая звѣздочка. Каждый разъ, какъ я взгляну на нее, я буду думать о тебѣ. Дѣлай и ты то же, Надя. Вечернюю звѣздочку мою ты знаешь: она тамъ, тамъ... И эта звѣздочка будетъ также напоминать мнѣ о тебѣ. Слышишь, Надя?.. Вѣдь я дала клятву помнить о тебѣ, и теперь даю клятву помнить о тебѣ, только о тебѣ, каждый разъ, какъ увижу мои завѣтныя звѣздочки. Ахъ, Нада, Надя! Зачѣмъ мы не можемъ жить вмѣстѣ?..

Я задумалась. Эти порывы дружбы, этотъ потокъ словъ, весь этотъ энтузіазмъ, который былъ такъ свойственъ Адели, всегда оказывалъ на меня впечатлѣніе и первая мысль, которую порождало все это, была мысль о судьбѣ Адели. Чтò будетъ съ ней, когда энтузіазмъ этотъ, съ лѣтами, превратится въ страсть?

Адель прервала мои думы. Въ эту минуту сорочка спустилась у меня съ плечъ и обнажила ихъ. Адель прильнула губами къ плечу моему... Я тихонько отвела ея голову и прикрыла плечо одеяломъ...

— Мечтательница! энтузіастка, пансіонерка ты, Адель!...

— Опять ты съ своими софизмами, Надя!.. Ты всегда серьезная, всегда ученая, всегда мудрая, Надя. Что я стала бы делать съ твоею серьезностью, съ твоею ученостью? Ты знаешь: я ненавижу пансіонъ: я презираю его въ особъ общаго врага нашего, нашей классной дамы. Энтузіазмъ мой и любовь мою къ тебѣ, ко всему что стоитъ любви, ты приписываешь за какое-то пансіонство, за какую-то общую всемъ намъ слабость. Еслибъ я не знала тебя, Надя, я назвала бы тебя гордою, какъ называютъ тебя здѣсь всѣ... А гордость дурной перекъ, Надя. Ты поминишь: гордымъ Богъ противится...

Мы говорили долго и много... Дѣвцы начали уже вставать. Тутъ я простилась съ Аделью, простилась, обливаясь слезами, горячими и искренними, какъ слезы разлуки... Въ этотъ день, приемная пансіона съ ранняго утра была уже наполнена посѣтителями. Эквѣажъ всѣхъ родовъ и названій загрозозднл весь дворъ. Въ корридорахъ то-и-дѣло мелькали шлпкв. Въ дортуарахъ царствовалъ непривычный беспорядокъ. Всѣ укладывались, хлопотали, бѣгали то туда, то сюда. Поцалуи, предшествовавшіе прощанію, раздавались со всѣхъ сторонъ. Глаза всѣхъ были заплаканы; слезъ не щадилъ никто.

Скоро и меня увѣдомили о пріѣздѣ папепьки. Няня еще со вчерашняго вечера приготовила все къ моему отъѣзду и мнѣ хлопотать было нѣ о чемъ. До самой минуты отъѣзда, Адель была со мною неразлучна. Мы мало говорили и много плакали... Начальница пріяла меня очень-сухо, простилась со мною очень-равнодушно и холодно. Къ классной дамѣ я не заходила; я знала, что вмѣсто привѣтливости услышу отъ нея одну грубость, а это могло разстроить меня на весь день. Я прощала сѣе все, какъ прощала всѣмъ, кто оскорблялъ, кто преслѣдовалъ меня. Въ эти минуты, я не думала ни о чемъ, кромѣ разлуки съ Аделью... Мы разстались.

Изъ окна кареты въ-последніе взглянула я на пансіонскія стѣны. Онѣ стояли все тѣ же, какъ я увидѣла ихъ въ первый разъ, шесть лѣтъ тому назадъ. Десятки лѣтъ пройдутъ, и все онѣ не измѣнятся. Измѣнимся только мы, прежнія заключенницы, и какъ еще измѣнимся! Глаза мои были полны слезъ, какъ и шесть лѣтъ назадъ, когда я въѣзжала въ эти ворота; но за то теперь на душѣ было такъ легко, такъ отрадно!

Какъ обольстительна эта идея свободы, съ которою связанъ переходъ нашъ изъ одного возраста въ другой, изъ школы въ свѣтъ!.. Какими яркими, блестящими красками окрашиваетъ для насъ всѣ предметы эта свобода, — этотъ призракъ свободы! Мы не знаемъ, что, скидая однѣ цѣпи, падѣваемъ въ то же время другія, не такъ тяжелыя, но болѣе - крѣпкія, закованныя молотомъ приличій, об-

это мнѣ и той страшной зависимости, которой существованіи я не подозрѣвала до-сихъ-поръ. Прійдетъ время — и скоро, скоро, когда мы вспомнимъ о прежней теперь такъ ненавистной зависимости, — вспомнимъ о золотомъ возрастѣ юности, — поплачемъ надъ нѣмъ; какъ надъ утраченнымъ всегда-милымъ прошлымъ, и еще болѣе задумаемся о будущемъ...

У воротъ такъ знакомаго мнѣ дома встрѣтила меня няня. Старушка вся сіяла радостью. Переступивъ домашній порогъ, я вдругъ сдѣлалась пансіонеркою, веселою, беззаботною, счастливою. Шестнадцать не видала я дома, въ которомъ все напоминало мнѣ о моемъ дѣтствѣ. Я объжала всѣ комнаты, не оставила ни одного уголка, ни одной бездѣлицы, дорогой мнѣ, памятной... Въ моей комнаткѣ все было въ такомъ же видѣ, какъ когда я оставила ее. Даже дѣтская кроватка моя стояла нетронутая. Тѣ же часы съ кукушкою, тѣ же картины по стѣнамъ, — кѣтки съ тѣми же канарейками... Цѣты, нѣкогда мною взрощенные, разрослись густыми кустами; любимецъ котъ-васька постарѣлъ, излѣнился и едва передвигалъ ноги... Изъ дома я побѣжала въ садъ, въ оранжерею... изъ оранжереи въ людскія, въ кухни: все мнѣ хотѣлось видѣть, — все припомнить.

Цѣлый мѣсяцъ прожили мы въ Москвѣ, и я не видала, какъ пролетѣлъ этотъ мѣсяцъ... Папенька доставлялъ мнѣ всевозможныя удовольствія. Я была нѣсколько разъ въ собраніи... признаться ли? мнѣ было скучно на этихъ вечерахъ, гдѣ я должна была танцевать съ людьми, которыхъ видѣла въ первый разъ, съ которыми не знала о чемъ говорить, — которыхъ я замѣтно женировала. Самыми пріятными для меня минутами были тѣ, которыя я проводила въ пансіонѣ съ несравненнымъ моимъ другомъ. Рѣдкій день не навѣщала я ея. Бѣдняжка умирала со скуки. Она ждала своихъ родныхъ со-дня-на-день. Почти всѣ ея сверстницы разѣхались. Она оставалась одна. Наконецъ, и для нея наступилъ веждѣнный день отъѣзда, и мнѣ удалось проводить ее до первой станціи изъ Москвы.

Съ отъѣздомъ Адели, главное развлеченіе мое составляло чтеніе и работа. Я была занята съ утра до вечера и время проходило для меня непримѣтно. Папенька возложилъ на меня всѣ заботы по хозяйству и первые уроки домашней экономіи передавала мнѣ няня. Все это интересовало меня новостью, и за каждое дѣло я принималась горячо и съ усердіемъ. — Изрѣдка выѣзжала я съ папенькою къ знакомымъ, или за городъ. Я полюбила предѣстныя окрестности Москвы, особенно Царицыно, куда мы ѣздили нѣсколько разъ. Папенька торопился въ деревню, и я вполне раздѣляла съ

нимъ желаніе оставить поскорѣе душную Москву. Желанія мои скоро сбылись, и въ первыхъ числахъ іюня мы были уже въ дорогѣ.

Дорога утомила меня, и какъ я радовалась, завидѣвъ наконецъ колокольню нашей деревенской церкви и крышу господскаго дома! Няня (она родилась въ этой деревнѣ) дорогою рассказала мнѣ ея исторію, ея положеніе, достопримѣчательности. Я уже говорила прежде, что няня была живая хроника. Пользуясь случаемъ, она рассказала мнѣ нѣсколько преданій о набѣгъ Литовцевъ и Шведовъ, о разбояхъ, опустошавшихъ когда-то нашу сторону. И я и папенька слушали рассказы старушки съ одинаковымъ любопытствомъ и вниманіемъ... Въ одномъ мѣстѣ, няня вдругъ прервала рассказъ свой, засмотрѣлась въ сторону и, вздохнувъ тяжело, перекрестилась три раза. Въ это время, мы спускались подъ гору, откуда до самой деревни тянулся густой лѣсъ. По окраинамъ яра росъ густой кустарникъ. Ветхая, полуразвалившаяся часовня стояла невдалекѣ отъ дороги, и тутъ же, подлѣ нея, черпался наклоненный полусгнившій крестъ, какой обыкновенно ставятъ на могилахъ. На него-то, сколько я могла замѣтить, обращено было вниманіе няни.

— Вѣрно здѣсь кто-нибудь похороненъ, няня? спросила я.

— Ась? отозвалась няня. — Не слышу, матушка. Говори-ка погромче. Совсѣмъ оглохла на лѣвое ухо. Да и вижу-то нѣтъ что-то плохо; повуталъ Господь меня грѣшную. Совсѣмъ меня одохла старость.

Я указала нянѣ на часовню и крестъ, и она поняла меня.—Это могила нашего Федора, отвѣчала она: — помни Господи его душу! (тутъ няня опять перекрестилась)... Обошелъ его лукавый; продалъ ему душу, да — не тѣмъ будь поминуть — наложилъ на себя руки съ отчаянія.

— Что такое? Расскажи, няня.

— Да развѣ я тебя не рассказывала, родная, про нашего Федора?.. Всѣ старшки, я чай, помнятъ его въ деревнѣ. Любила и жаловала его и покойница барыня, твоя бабушка. Мужикъ былъ и богатый и тороватый, и денегъ, кажись, было въ достаткѣ... ужъ видно такъ ему на роду было написано! Отъ всѣхъ ему былъ почетъ, да поклонъ. А ужъ, бывало, въ церковный праздникъ, созоветь всю вотчину, наварить нива, что не мѣра, напечетъ широговъ—ѣшь, кто хочетъ, сколько душенькѣ угодно. Заходилъ къ нему, бывало, и отецъ Семень, послѣ обѣдни, въ праздникъ, да и дѣдушка твой, бывало, подѣ-часъ, не побрезгивалъ его щами да кашей. Всѣ мы дивились на него глядя; вотъ, думали, божеское благословеніе. Хозяйка его Анисья была баба работливая, скопидомная, знала страхъ Божій. За то и благословилъ мнѣ Богъ

дѣтками. Ихъ Марья была мнѣ ровесница. А какая красавица! Во всей вотчинѣ, кажись, не было такой дѣвки. Въ тотъ годъ, какъ меня свезли въ Москву, вышла она за-мужъ за старосту сельской деревни. Да и другихъ дочекъ всѣхъ сподобилъ его Господь пристронть. Надобно же было приключиться такой бѣдѣ! Вотъ видишь, родная, задумалъ тогда нашъ баринъ прѣхать на лѣто въ деревню, какъ теперь помню, за годъ до пугачевщины. Стали, какъ водится, все поправлять, да перестраивать. Садъ штили барщиной; и стараго и малаго согнали на работу... Сажали деревья, копали пруды, городили новую изгороду. Изъ Москвы прѣхалъ Нѣмецъ-садовникъ, такой сердитый, что и не приведи Богъ. Бывало, такъ вотъ живши и живетъ въ саду. Вотъ, извоишь видѣть, досталось Федору съ дѣтками копать большой прудъ. Было за нимъ работы — нѣчего грѣха таить — умалаясь, срачались. Да кабы не Федоръ, куда бы и поспѣть пруду! Ужъ куда сердитъ былъ Нѣмецъ, а Федора, бывало, всегда похвалялись. Вотъ и вырыли прудъ,—оставалось только воды напустить въ рѣчки, да прорыть канаву. Принялся, перекрестясь, Федоръ и за эту работу. Вдругъ, слышитъ, стукнуль его заступъ о что-то твердое. Думалъ Федоръ, что камень, и принялся его отрывать. Дорылся, глядитъ—горшокъ... Ужъ не кладъ ли? подумалъ Федоръ, перекрестился, оглянулся кругомъ—нѣтъ никого: его ребята завгразили гдѣ-то съ молодцами... Очистилъ землю, отворилъ крышку... батюшки свѣты! горшокъ полнехонекъ золота! Руки у него опустались: что ты станешь тутъ дѣлать? Ослышило его это проклятое золото — попуталъ его лукавый. Какъ-бы приступить ему къ тому кладу съ крестомъ, да съ молитвой, — задумалъ онъ утаить его... Вотъ присыпалъ онъ горшокъ пескомъ и принялся, во-время, копать землю, какъ ни въ чемъ не бывалъ. Случилось это наканунѣ петрова-дня. Пошли миряне съ работы, а Федоръ все копаетъ, да копаетъ. — Вы, говоритъ:—ступайте, а мнѣ надо работу докончить. Общала, говоритъ, Ивану Иванычу, чтобъ къ завтраму все поспѣло. Ушли. Остался одинъ Федоръ, бросилъ заступъ, опять отрылъ горшокъ, смотритъ на золото — смотритъ и не посмотрится. Тутъ ужъ совсѣмъ завладѣлъ имъ лукавый... Забылъ все — только смотреть на свое золото. Принялся-было считать его — куда тебѣ! — счетъ потерялъ, бросилъ... Зашелъ ко всемошной: что бы, кажись, перекреститься, да помолиться Богу? такъ нѣтъ! — Пусть себѣ звонятъ! говоритъ:—у меня нѣтъ по-чище.. И взялъ онъ въ горсть червонцевъ, и сталъ ими вображивать, а самъ прислушивается... Просидѣлъ онъ тутъ съ своимъ золотомъ до поздней ночи. Цытала ужъ Анисья посылать за нимъ то свекровь, то свекру, пора-даскаты, ужинать. Разсер-

двляся на нихъ Ѳеодоръ, прогналъ, да наказалъ Аксипъ, чтобъ и посылать за нимъ не смѣла. Прийду, говорить, когда работу окончу. Чтò съ нимъ станешь дѣлать!.. Сунула хозяйка въ печку остатки щей да каши, и, помолвившись Богу, улеглась спать.

Когда въ деревнѣ все утихло, принялся Ѳеодоръ откапывать горшокъ съ золотомъ. Досталось ему тутъ, чай, отъ нечистой силы! Выкопалъ, завернулъ въ кафтанъ и извалилъ къ себѣ на плечи. Дорогой чудились ему такіе страхи, что и не приведи Господи. И лѣшій аукалъ въ лѣсу, и русалка заплетала на дорогѣ свою зеленую косу, и волкъ перебѣгалъ дорогу, щелкая зубами: Ѳеодоръ себѣ шѣлъ да шѣлъ. Къ счастью его, научила его знахарка, что кладъ зачурать надобно прежде, чѣмъ за него возьмешься, да когда пойдешь съ нимъ—назадъ не оглядываться, чтобъ тебѣ не чудилось... Зачурать-то, правда, Ѳеодоръ и забылъ, за то дорогой не оглядывался назадъ. А ужъ страховъ-то было, страховъ! Аграфена рассказывала мнѣ про эти страхи,—ну ихъ!.. еще сама согрѣшишь!.. Вотъ и принесъ къ себѣ въ избу Ѳеодоръ кладъ, да и запряталъ въ подъязбицу... Во всю ночь, сердечный, глазъ не сомкнулъ. Полежитъ, полежитъ, да и пойдетъ въ подъязбицу—поглядѣть, цѣло ли его сокровище.

Путру никто не узналъ Ѳеодора: такъ онъ перемѣнился въ эту ночь. Цѣлый день пролежалъ онъ на полатахъ, не пилъ и не ѣлъ и только ходилъ безпрестанно въ подъязбицу. Пытала спрашивать его хозяйка, здоровъ ли онъ, не хочетъ ли чего—молчитъ, да и только. Посылала и за знахаркой — не пустилъ. Принялась, сердечная, плакать, да приговаривать. Праздникъ вышелъ не въ праздникъ. Всѣ въ деревнѣ узнали о немочи Ѳеодора, толковали, что его сглазила дура Ѳоминишна,—ужь мало ли на кого не клепали! Такъ прошелъ и петровъ-день. Ночью... охъ, страшная была для насъ эта ночь! — всѣ мы переполошились. Кричатъ: пожаръ! пожаръ! деревня горитъ!.. Вскочили всѣ старые и малые, схватились кто за ведро, кто за багоръ; выбѣжали, глядимъ: полдеревни охватило огнемъ. Царь небесный! чтò тутъ было тревоги! сущее преставленіе свѣта... Принялись—было тушить,—гдѣ! в голосу человѣческаго не опознаешь. Надоумилъ Господь отца Семена — вынести изъ церкви Спаса - верукотвореннаго... Онъ, батюшка, Отецъ небесный, насъ помиловалъ: на другую сторону не перенесло огня. А то бы куда устоять деревнѣ! Сгорѣло тогда пятнадцать дворовъ, съ гумнами, съ овинами, да съ сараями... Господи, чтò было вою, плачу въ деревнѣ! А пуще всѣхъ горевала Аксинья. Пожаръ начался въ ея избѣ, въ подъязбицѣ, — кля-

лесь и божилась, что огня цѣлый день и въ поминѣхъ не было, да и гдѣ бы быть огню въ подъязбицѣ!—Видно попуталъ окаянный Федора! говорилъ міръ. Что жь, вѣдь и впрямь; недаромъ винили Федора... Послѣ пожара нашли его на обгорѣломъ дворѣ съ перерезаннымъ горломъ. Самъ наложилъ на себя руки,—прости ему Господи. На пожарѣ, сказываютъ, его видѣли... Онъ бѣгалъ кругомъ охваченной огнемъ подъязбицы и только шепталъ: чуръ меня! чуръ меня! Богъ знаетъ откуда онъ досталъ ножъ. Ужь видно мушкетеру его въ руки самъ окаянный. Утромъ не досчитались только работника Федорова. Видно сгорѣлъ. Былъ сиротинка; некому было по немъ плакать. Такъ объ немъ и забыли.

Бѣда одна не приходитъ. Черезъ три дня наѣхало къ намъ въ деревню начальство. Приѣхалъ и капитанъ-исправникъ съ земскими. То-то было страху! грозили намъ всѣмъ кнутомъ, да сибиркой, а Богъ одинъ вѣдалъ въ чемъ провинились мы. Досталось тутъ старостѣ Ивану сердешному... Схватилъ его за бороду исправникъ, да какъ началъ трясти... «Всѣ вы разбойники, зажигатели! всѣхъ васъ на поселеніе!» кричалъ онъ. Мы всѣ такъ и повалились ему въ ноги. «Отецъ родной, кормилецъ ты нашъ! не погуби! послѣдній грошъ тебѣ вынесемъ!» Насилу умилостивился.

— А что случилось съ семействомъ Федора, няня? — спросила я.

— Пошли по міру. Милосердый Богъ услышалъ ихъ молитву. Вотъ что мнѣ рассказывали потомъ въ Москвѣ. Ровно черезъ годъ послѣ пожара и смерти Федора, привели въ городскую тюрьму нашего уезднаго города какого-то арестанта, который сказывался изъ нашей вотчины. Этимъ арестантомъ былъ Тимошка, работникъ Федора, котораго всѣ считали сгорѣвшимъ въ пожарѣ. Стали его допрашивать, и онъ признался во всемъ. Онъ убѣжалъ изъ острога губернскаго города, куда посаженъ былъ за бродяжничество. При немъ нашли множество денегъ, все золотыхъ... Онъ подиыталъ кладъ Федора въ подъязбицѣ и рѣшился овладѣть имъ. Лукавый соблазнилъ и его. Овладѣвъ кладомъ, онъ не видѣлъ другаго средства избавиться отъ подозрѣнія, какъ зажечь избу и бѣжать. Куда онъ дѣвалъ деньги, этого онъ не сказалъ. Остальныя, найденныя при немъ деньги приказано было отдать вдовѣ и дѣтямъ Федора и погорѣвшимъ... Вотъ и Знаменское!..

Мы выезжали изъ лѣса, и передъ нами раскрывалась прелестная панорама деревни. Свѣтлыя, чистыя избы обступили церковь съ высокою колокольнею. Въ полуверстѣ отъ нея, на отлогой возвышенности, расположена была усадьба, казавшаяся издали город-

комъ. Два большіе деревянные двухэтажные дома соединялись красной рѣшеткою и обозначали широкую просторную площадь двора, обстроеннаго съ трехъ сторонъ службами. Овальная клумба, устроенная посерединѣ двора, пестрѣла цвѣтами. Извнѣ, отъ передняго фаса, начиналась отлогость холма, на которой разведенъ былъ англійскій садъ, оканчивавшійся огромнымъ прудомъ, раздѣленнымъ посрединѣ широкою гатью, усаженною густыми плакучими ивами. Правый берегъ пруда окаймляла густая столѣтняя роща, простиравшаяся съ одного конца къ самому дому. Съ другой стороны, густой кустарникъ соединялъ ее съ лѣсомъ, терявшимся на отдаленномъ горизонтѣ. Со стороны вѣзда въ деревню гать сторожила строенія голландской сырни и скотнаго двора. Я долго не могла оторвать глазъ отъ прелестной картины, которую представляла общность усадьбы. И жить тутъ, въ этомъ прелестномъ уголкѣ, жить среди тишины, спокойствія и благоденствія,—уже ли это не счастье, не полное, совершенное счастье?... А еслибъ еще со мною была Адель?... О, тогда бы я забыла о цѣломъ свѣтѣ; я умерла бы, какъ жила, спокойно и счастливо! Деревенская жизнь такъ согласовалась съ моимъ характеромъ, съ моими привычками, которыя еще не успѣли испортить городъ и свѣтская жизнь, проникнутая пустотою и порчею. Я вспоминала прелестныя, благоуханныя поэзіей сельскія элегіи Мура, я повторяла про себя ту строфу, въ которой поэтъ такими яркими, плѣнительными красками рисуетъ счастье деревенской жизни. «Богъ создалъ деревню, — чюдъкъ городъ», говорить онъ.

Со слезами радости обняла я своихъ сестеръ и братьевъ, которыхъ такъ давно не видала. Какъ все они измѣнились, какъ выросли! — Изъ оконъ моихъ комнатъ я могла ежеминутно любоваться прелестнымъ ландшафтомъ. По цѣлымъ часамъ просиживала я на балконѣ. Безконечная даль, теряющаяся въ синевѣ неба, видъ въ темной чертѣ отдаленнаго лѣса, — обширныя поля съ разбросанными то тамъ, то сямъ деревнями, серебряная лента отдаленной рѣчки, чистая лазурь неба, или живописная причудливость облаковъ, ихъ дивныя очертанія, ихъ фантастическія группы—на всемъ этомъ останавливалось мое вниманіе. Я созерцала величіе природы, благоговѣла передъ благостію Творца,—передъ невосприимчивымъ уму дѣломъ рукъ его. А этотъ воздухъ, — этотъ чистый деревенскій воздухъ, который я впитывала въ себя, этотъ аромат вѣевъ, вспырынутыхъ свѣжей росой, эта амбра скошенной травы... Потомъ, эта дивная гармонія въ воздухѣ — утренній рожокъ пастуха, звонки пасущагося стада, отдаленный звонъ колокола сельской церкви, переливъ почтоваго колокольчика, и трели соловья

въ близкой рощѣ, и пѣсня малиновки, и отдаленный крикъ вольги, и этотъ монотонный, грустный, такъ располагающій къ мечтамъ крикъ кукушки, доходящій до вашего слуха Богъ знаетъ откуда...

Любимымъ мѣстомъ моихъ ежедневныхъ прогулокъ была роща. Я проводила тамъ всю жаркую пору дня за работою, или за книгою. Я садилась на берегу пруда, подъ тѣнь фаворитки моеи липы, посаженной руками бабушки, и думала, думала... Съ лѣтами росли эти думы, съ которыми я такъ сдружилась, за отсутствіемъ настоящаго моего друга, Адели. Я такъ привыкла къ мечтамъ, что каждый предметъ, на которомъ останавливалось мое вниманіе, могъ возбудить ихъ, и тогда онѣ уносили меня далеко. Бѣгъ облаковъ, полетъ коршуна, его распластанныя крылья, которыми онъ такъ вѣрно разрывалъ воздухъ, — колебаніе вѣтки, переливы волны, перебѣгъ солнечной тѣни, вся эта вѣчно-живая, вѣчно-движущаяся природа говорила мнѣ понятнымъ языкомъ, полнымъ гармоніи и значенія. Послѣ книгъ, ничто не доставляло мнѣ такого удовольствія, какъ рѣдкія письма Адели. Судьба ея была иная. Она жила въ многлюдномъ губернскомъ городѣ и, кажется, готова была закружиться въ этой жизни. Молодую, хорошенькую собой, ее опутывала эта жизнь своими тяжелыми путами. Я не могла не жалеть о милой Адели, и перѣдко ея восторженныя строки, въ которыхъ уже закрадывалось тщеславіе, выжимали у меня изъ глазъ слезы. За всѣмъ тѣмъ Аделя была все тою же, милою, дорогою мнѣ Аделью... Любовь и дружба моя къ ней были такъ безграничны, что я скоро привыкла къ ея слабостямъ и смотрѣла на нихъ равнодушно. Въ письмахъ къ ней я не допускала ни тѣни упрека, ни признака замѣчанія, которое могло бы еще, пожалуй, заставить ея падуть на меня губки. Всего больше я говорила ей въ письмахъ своихъ о нашей дружбѣ; я писала ей, что въ ея письмахъ интересуется меня одна она, одна она исключительно. Только письма Адели напоминали мнѣ про людей и свѣтъ, о которыхъ я готова была забыть совсѣмъ. Навивные сарказмы Адели, вырывавшіяся у ней иногда въ припадкѣ растроганнаго тщеславія, срывали у меня улыбку, но всего чаще я жалѣла о бѣдной Адели. Куда приведетъ ее эта пустая, праздная жизнь, жизнь безъ цѣли и безъ идеи? — Въ другой разъ, всегда живая, веселая, острая, она описывала мнѣ нѣсколько оригинальныхъ лицъ. Въ этихъ строкахъ я старалась видѣть и находить одно усиліе ея тонкой женской наблюдательности и оставляла всякую мысль о словесіи — этой несчастной принадлежности общественной свѣтской жизни. — Дурочка! думала я про себя: — за эти строчки стоило бы и распаловать тебя, и подрать за ушко... Въ ея пись-

махъ она была вся, со всеми ея убѣжденіями и вѣрованіями. Въ двухъ-трехъ строкахъ она характеризировала себя, свои понятія, свои взгляды на людей, на вещи.

Я уже сказала, что чтеніе было однимъ изъ самыхъ любимыхъ моихъ занятій. Библіотека папеньки отличалась строгостью и хорошимъ выборомъ. Въ ней я нашла почти все, что представляли замѣчательнаго англійская, французская и наша юная литературы. Въ числѣ русскихъ книгъ, одна обратила на себя все мое вниманіе. Эта книга, переведенная съ польскаго какою-то дамою, носила названіе: «Памяти по Доброй Матери». Эта книга очаровала меня, сдѣлалась моею настольною книгою, заняла мѣсто рядомъ съ Евангеліемъ. Столько чувства, столько правды было въ этой драгоценной книгѣ! Авторомъ ея была женщина. Иначе и быть не могло, потому-что книга написана была полъ диктовку не ума, а сердца, — женскаго, материнскаго сердца! Съ этого-то времени я убѣдилась въ справедливости молвы, которая отдаетъ пальму первенства польскимъ женщинамъ передъ всеми прочими. О, какъ многимъ обязана я этой золотой книгѣ! Прочтя ее, я какъ-будто обновилась умомъ и сердцемъ. Я дала себѣ слово дѣйствовать по тѣмъ совѣтамъ, которые нашла въ ней, не отступать отъ нихъ, въ какое бы ни поставила меня положеніе судьба, и молила Бога дать мнѣ на это и силы и твердости...

Два года быстро пролетѣли для меня среди моихъ занятій и рѣдкихъ развлеченій, какія можетъ представлять однообразная, спокойная деревенская жизнь. Изрѣдка выѣзжала я съ папенькой къ сосѣдямъ и еще рѣже въ уѣздный городъ, который былъ отъ насъ въ тридцати верстахъ. Между нашими близкими сосѣдями было много людей воспитанныхъ и образованныхъ, которые, подобно папенькѣ, наскучивъ столичною жизнію, доживали свой вѣкъ въ деревнѣ. По воскресеньямъ, знакомые наши заѣзжали къ намъ въ церкву и проводили у насъ цѣлый день.

Няня была неразлучна со мною. Цѣлый день сидѣла она въ моей комнатѣ, за чулкомъ или за пряжей, и забавляла меня неустаннымъ своимъ болтаньемъ. Въ одинокихъ прогулкахъ моихъ, она иногда сопровождала меня. Ея надзору поручены были мои комнаты, гдѣ она наблюдала строгую чистоту и порядокъ. Не смотря на всѣ просьбы мои, она не допускала ничьей посторонней помощи, — убирала все сама, сама оправляла постель мою каждое утро и вечеръ, зажигала лампаду къ образу наканунѣ праздниковъ... По субботамъ, возвратившись отъ всенощной, я имѣла обыкновеніе прочитывать затрапнее евангеліе. Няня слушала мое чтеніе со вниманіемъ, спрашивала меня о томъ, чего не понимала, а не понимала она такъ многого, при всей теплой вѣрѣ своей...

Однажды (это было на третій годъ моей деревенской жизни), мы собрались на именины къ сосѣдямъ. Празднованіе именинъ въ деревняхъ нашихъ до-сихъ-поръ соблюдается строго. Приглашеній не посылаютъ, но съѣзжаются все, и не пріѣхать—значило бы оскорбить именинника, или именинницу. Мы пріѣхали еще довольно-рано, но уже домъ былъ полонъ гостями. Въ залъ и въ гостиной накрывали столы. Старушки и пожилыя дамы заняли канише и кресла, молодёжь разбрелась по саду. Въ кабинетъ хозяина раздавались веселые, шумные разговоры мужчинъ и выносились облака табачнаго дыма. Дѣвицы, взявшись подъ руки, длинными шерегами ходили по широкой аллеѣ, и передавали другъ другу въ-тихомолку и шопотомъ свои замѣчанія о кавалерахъ, сопровождая ихъ значительными улыбками. Говоря вообще, именины въ домъ зажиточнаго помѣщика, на которыя съѣзжается вся околица—составляютъ эпоху, о которой помнить долго, а говорить еще больше. Тутъ вы встрѣтите новыхъ лица, увидите съ тѣми, кого давно не видали, узнаете о свѣжихъ новостяхъ, въ которыхъ свадьбы и назначеніе новыхъ чиновниковъ въ уѣздномъ городѣ играютъ главную роль... На этотъ разъ, гостей, сверхъ ожиданія, было очень-много, и въ числѣ ихъ не мало новыхъ лицъ, которыхъ еще нигдѣ не видали. Общее вниманіе кавалеровъ было обращено на жену баттарейнаго командира, очень-молодую и очень-недурную даму, только-что выпущенную изъ петербургскаго института; вниманіе дѣвицъ и особенно дамъ сосредоточивалось на трехъ пріѣзжихъ изъ Петербурга мужчинахъ, одного военнаго и двухъ статскихъ...

Въ числѣ двухъ послѣднихъ былъ Владиміръ,—мой Владиміръ. Его все звали Владиміромъ Николаевичемъ, знали, что онъ пріѣхалъ въ отпускъ изъ Петербурга—отдохнуть въ небольшой деревенькѣ своей, увидеть родственниковъ, которыхъ онъ не видалъ съ-дѣтства. Вотъ все, что я и все мы, дѣвицы, могли узнать о немъ въ этотъ день. Пока довольно было и этого, тѣмъ болѣе, что мы знали и еще кое-что, о чемъ не говорили другъ другу, но о чемъ много думали: Владиміръ Николаевичъ былъ холостъ.

Я дошла, наконецъ, вы догадались, до повѣсти любви, до повѣсти сердца... Говорить ли мнѣ ее, рассказывать ли эту повѣсть, которая знакома вамъ, мнѣ, цѣлому свѣту, которую слышали вы вчера, сегодня и которую услышите завтра,—все ту же повѣсть, съ тою же завязкою—сердцемъ, съ тою же развязкою—чувствомъ, съ тѣми же минутами счастья, горести, отчаянія?.. Вы знаете ее наизусть, вы, которой, или которому попадутся на глаза эти строки—какъ знаете свое собственное сердце, закрытое для всѣхъ, кромѣ васъ-самихъ... Отъ-чего же, скажите, такъ жадно читаете вы эту въковычную

повѣсть, высказанную другимъ сердцемъ, другимъ чувствомъ, по-хожими на ваши, правда, но не такими, какъ ваши, — не такими, которыя и пологи на ваши и неодинаковы съ ними, какъ два лепестка, сорванные съ одной розы, какъ два полевые цвѣтка, скошенные съ одной пяди земли? Зачѣмъ, когда пробѣгаете глазами эту знакомую вамъ повѣсть, бьется ваше сердце сильнее, чаще, зачѣмъ ярче блестятъ глаза, зачѣмъ оживляется, всныхиваетъ, горитъ лицо ваше?.. О! не теряйте этого блеска вашихъ глазъ, этого прерывистаго дыханія, этого пламени вашихъ щекъ, если только сердце, одно сердце виною имъ, если оно, непостижимое, неразгаданное, какъ совершеннѣйшее твореніе Божіе, возбудило въ васъ этотъ и блескъ и трепетъ и пламень, если не допустили вы въ нихъ чувства и другой мысли... Любовь, вы это знаете, есть олицетвореніе, осуществленіе нашего непостижимаго, неразгаданнаго женскаго сердца. Безъ любви не существовало бы этого сердца. Оно было бы камнемъ холоднымъ, вѣчно-неизмѣннымъ, вѣчно однимъ и тѣмъ же.

Въ нашей жизни бываетъ пора, — никто изъ насъ не знаетъ, когда для кого настанетъ эта пора, — та пора любви, о которой я говорю теперь. Въ порѣ нашей жизни это пора весны — время обновленія, совершенно-новой дѣятельности. Наступитъ эта пора и забьется сердце, и ничто уже не удержитъ его біенія. Такая пора — одна пора въ нашей жизни, а не вѣрты тѣмъ, которые бы сказали вамъ, что пору эту возбуждаетъ въ насъ произволъ, или сила воли.

Я познакомилась съ Владиміромъ Пиколасвичемъ очень-просто. После обѣда, въ саду, предводитель рекомендовалъ его папснѣкъ, какъ одного изъ коренныхъ помѣщиковъ уѣзда. Папснѣкъ рекомендовалъ его мнѣ. Я очень-равнодушно и очень-обыкновенно пріѣхала ему, и первое знакомство ограничилось пустымъ, незамѣчательнымъ разговоромъ, употребляемымъ въ подобныхъ случаяхъ. Я не замѣтила въ Владимірѣ ничего особеннаго, что бы резко бросилось въ глаза, и впрямую и онъ, съ своей стороны, не выдѣлялъ во мнѣ также ничего особеннаго. Конечно, не было никакого сравненія между имъ и нашими повседневыми, туземными женщинами и щеголями; но людей, подобныхъ ему, т. е. образованныхъ и такъ-называемыхъ «порядочныхъ», было довольно, и нѣкоторымъ изъ нихъ наружность и богатство давали явный и видимый перевѣсъ передъ Владиміромъ Николаевичемъ. Вечеромъ, Владиміръ ангажировалъ меня на мазурку. Разговоръ нашъ, начавшійся обыкновенными предметами, подъ-конецъ нѣсколько оживился, и я могла составить слабое понятіе объ умѣ и образованіи Владиміра. Не знаю, что онъ думалъ обо мнѣ. Говоря съ нимъ, я

не дѣлала никакого усилія, даже не старалась казаться любезною болѣе обыкновеннаго, какъ это всегда дѣлаютъ наши дѣвицы и дамы. Мы говорили о многомъ, и чѣмъ болѣе говорили, тѣмъ болѣе разнообразнымъ становился разговоръ. Владиміръ обладалъ лою способностью людей, жившихъ въ свѣтѣ — говорить о предметѣ именно въ такой степени, въ какой предметъ можетъ быть интереснымъ, — ловко и незаметно переходилъ на другой, болѣе интересный, и такимъ образомъ вызывалъ своего партнёра на умный, находчивый отвѣтъ, который никогда не стѣсняла искусственная, вычурная фраза, въ которомъ все было натурально и просто. Безконечные для другихъ два часа, пролетѣли для насъ очень скоро. Въ заключеніе, я спросила его, какъ пошелъ онъ провинцію, и онъ отвѣчалъ очень-скромно, что нашелъ ее несравненно-лучшею, чѣмъ ожидалъ, хотя во всякомъ случаѣ надѣялся встрѣтить общество образованное, которое, видѣть съ образованіемъ, могло отличаться и другими достоинствами, рѣдкими и въ столичныхъ обществахъ. — Исключеній много и въ столицѣ, прибавилъ онъ, обводя умнымъ своимъ взглядомъ кругъ танцующихъ, составившіихся, какъ нарочно, изъ самыхъ рѣзкихъ особенностей провинціи: и какъ тамъ, такъ и здѣсь, они неизбежны! — Въ этомъ взглядѣ его я не примѣтила и тѣни насмѣшки, которою такъ любятъ пародировать наши *esprits forts*; въ немъ было все такъ просто, натурально, искренно, благородно, достойно мужчины. Не знаю, за любопытство, или за участіе къ нему принялъ онъ вопросъ мой. Первое столкновеніе съ такими людьми, какъ Вольдемаръ, имѣетъ ту рѣзкую и замѣтательную особенность, что вы узнаете ихъ болѣе или менѣе коротко, минуя множество церемоній, затрудненій, обиходовъ, и сохраните о нихъ неизгладимыя воспоминанія...

Мы уѣхали домой тотчасъ послѣ ужина. Противъ обыкновенія, я была довольна этимъ вечеромъ, хотя не чувствовала себя особенно-веселою. Доказательствомъ моего душевнаго спокойствія было то, что дорогою я даже вздремнула, чего никакъ нельзя было допустить при натискѣ мыслей, при новомъ ощущеніи, какое могло коснуться сердца.

Черезъ недѣлю, Владиміръ Николаевичъ сдѣлалъ намъ первый визитъ. Папенька оставилъ его обѣдать, — въ деревнѣ у насъ такъ водится. Объ этомъ днѣ надолго осталось во мнѣ пріятное воспоминаніе. Владиміръ Николаевичъ былъ очень-любезенъ, и папенька слушалъ его съ видимымъ удовольствіемъ. Не знаю, какъ это сдѣлалось, но мы были уже между собой какъ давно-знакомые. Послѣ обѣда, папенька велѣлъ мнѣ показать гостю садъ и хозяйство, и я выпуталась изъ этого порученія довольно-счастливо; я уже замѣтила о томъ тактѣ, какимъ отличался въ своемъ обращеніи

и разговоръ Вольдемаръ. Онъ имѣлъ эту странную способность спрашивать только о томъ, о чемъ вы знали, и говорить самому о тѣхъ, которые были вамъ незнакомы вовсе или мало-известны. Такимъ образомъ, мнѣ приходилось, показывая ему хозяйство и садъ, учиться отъ него и хозяйству и садоводству, которыхъ онъ, столичный житель, зналъ въ совершенствѣ. Разговоръ этотъ, довольно-серьёзный въ сущности, онъ умѣлъ оживлять веселостью и дѣлать такъ занимательнымъ, что я не могла его вдоволь насладиться.

Проведя съ нимъ почти весь день, по отъѣздѣ его, я въ первый разъ почувствовала свое одиночество. Я увидѣла себя *одну*. Мнѣ стало скучно. Какъ остерегься отъ любви — я не знала, да и едва-ли бы кто-нибудь могъ открыть мнѣ этотъ секретъ. Говорятъ: бѣжать любви? Но бѣжать любви не значить ли это бѣжать своей мысли, встревоженной и неугомонной? Недаромъ одинъ поэтъ сравнивалъ любовь съ человѣческою тьною: «Любовь—это тьня наша» говоритъ онъ: «преслѣдуешь ее—она бѣжить отъ тебя; бѣжишь отъ ней — она гонится за тобою... Если хочешь избавиться слѣковъ ея, то бѣги лучше, а не гонись за ней».

Владимиръ Николаевичъ сталъ ѣздить къ намъ чаще и чаще. Папенька всегда бывалъ радъ ему, а я — я себя забывала, едва, бывало, услышу его походку въ залѣ. Любовь подкралась ко мнѣ тихо и неслышно, какъ ночной тать, а подкравшись одинъ разъ, опутала меня своєю неразрывной цѣпью... Все говорило мнѣ, что и я правлюсь ему: иначе затѣмъ бы ему ѣздить къ намъ такъ часто?.. Онъ не могъ дѣлать этого такъ, отъ деревенской скуки, отъ-нечего-дѣлать... я увѣрена была въ его благородствѣ. Онъ зналъ всю силу общественнаго мнѣнія, деревенскихъ сплетень и пересудовъ; онъ зналъ, что праздное общее мнѣніе готово было ухватиться за меня, какъ за новую жертву. Я не могла, конечно, проникнуть въ глубь его сердца, разгадать сокровенныя мысли, но были минуты, когда это сердце и эти мысли отражались въ свѣтлыхъ глазахъ его, какъ въ зеркалѣ; я ему нравилась; онъ любилъ меня. Слова эти не нашептывались мнѣ ни самолюбіемъ, ни тщеславіемъ; я удаляла ихъ отъ себя всегда, и могла ли повѣрить имъ теперь, когда сталъ понятенъ мнѣ таинственный голосъ сердца? Привыкли считать любовь несчастіемъ; но скажите, кто изъ насъ не желалъ бы быть этою несчастливницею?.. Если любовь несчастіе, то что же вы послѣ этого назовете счастіемъ?..

Во все время пребыванія Владимира у насъ, я была съ нимъ неразлучна. Мы вмѣстѣ гуляли, ѣздили верхами, читали, занимались музыкой. Владимиръ не былъ музыкантомъ; артистомъ, но природа одарила его всѣмъ необходимымъ для артиста и музыканта. Онъ бѣгло

игралъ на фортепьяно,—имѣлъ прекрасный голосъ и манеру пѣнія. Я не могла его наслушаться, когда онъ, бывало, садился аккомпанировать мнѣ. Его взглядъ на музыку, какъ на искусство, его сужденія о замѣчательныхъ музыкальныхъ произведеніяхъ отличались чистымъ вкусомъ и оригинальностью, какъ все, о чемъ ни говорилъ онъ. Его фантазіи на известные мотивы изъ оперъ были такъ новы, такъ оригинальны, что я не разъ думала, зачѣмъ онъ не образовалъ себя артистомъ, виртуозомъ?.. Онъ умѣлъ такъ гармонически сочетать итальянскія мелодіи со всею грустью заунывнаго звука нашей народной пѣсни... Когда въ первый разъ я спросила его спѣть что-нибудь, онъ выбралъ арію Ліонела изъ «Маліи» Галеви. Мнѣ только-что прислали всю партитуру этой прелестной оперы, и я разучивала ее. Она лежала на пиюитрѣ и первая бросилась ему въ глаза. Онъ пѣлъ, я аккомпанировала ему на фортепьяно. Вы помните эту прелестную музыку, эти слова къ ней, полныя чувства и страсти:

Quand de la nuit l'épais nuage
 Couvrait mes yeux de son bandeau,
 Tu me montrais après l'orage
 L'éclat prochain d'un jour nouveau;
 Tu me disais dans la souffrance,
 Qui vient encore nous secourir,
 C'est l'espérance en l'avenir,
 Sans l'espérance vaut mieux mourir.

Съ какимъ чувствомъ пѣлъ онъ эту арію! Я едва могла аккомпанировать ему; пальцы мои дрожали отъ внутренняго волненія. И теперь я люблю слушать, когда онъ поетъ этотъ прекрасный романсъ Галеви. Я припоминаю ему при этомъ первое время нашего знакомства,—нашей любви, хотѣла я сказать,—вижу улыбку, которая оживляетъ при этомъ воспоминаніи черты лица его,—срываю дружескій поцалуй и потомъ благодарю Бога за Его милосердіе, за награду, которою угодно было Ему увѣичать наше терпѣніе и страданія.

Любовь, возраставшая со-дня-на-день, дѣлала меня еще болѣе задумчивою. Я была весела и счастлива только тогда, когда со мной былъ Владиміръ. Няня не узнавала меня и не разъ пыталась спрашивать не больна ли я, нѣтъ ли какой кручины у меня на сердцѣ. Я успокаивала няню, какъ могла, и между-тѣмъ скучала и грустила еще болѣе... Длинныя, лѣтнія сумерки я проводила въ любимой рощѣ моей. Мечтательный романтизмъ, которому я не встрѣла, надъ которымъ смѣялась, привился ко мнѣ незамѣтно. Я любила слѣдить за тихимъ теченіемъ мѣсяца, за ходомъ облаковъ, которыя заволакивали его своею полупрозрачною пеленою; любила слѣдить за переливомъ тѣни, которую отбрасывали отъ

себя столѣтнїя ели; любяла таинственный шепотъ листьевъ, колеблемыхъ ночнымъ вѣтеркомъ... Глядя на звездочку Адели, я вспоминала и объ ней, но вспоминала не такъ, какъ прежде. Я замѣтила тебѣ, звездочка Адели!» говорила я про себя: «теперь ужь я не та, что была прежде.» Дружба уступила любви, — могла ли я быть иначе?..

Два мѣсяца протекали со времени знакомства моего съ Вольдемаромъ. Я привыкла къ нему, какъ къ брату. Насъ видѣли всегда вмѣстѣ. Частые, почти ежедневные визиты его къ намъ не могли не возбудить толковъ, Вездѣ стали говорить о скорой моей женитьбѣ, клялись и божьлись, что я была уже сговорена за Вольдемара, — назначали даже день свадьбы, между-тѣмъ, какъ у насъ ни о чемъ и въ поминѣ не было. Обращенїе Вольдемара ко мнѣ и съ наемницей было исполнено осторожности. Съ обѣихъ сторонъ старались отдалить всякій разговоръ, даже мысль, касавшую моей будущности. Что касается до меня, я была такъ счастлива, такъ счастлива, что мнѣ нечего было и думать о перемѣнѣ моей участи... Няня навѣдывала меня иногда на эти мысли, но онѣ проходили тотчасъ же... Она мнѣ безпрестанно говорила о Владимірѣ, и я любила слушать похвалы, которыми она одѣвала его. — «Чѣмъ онъ тебѣ не женишокъ, моя косаточка, мое красивое солнышко?» говорила она и я тотчасъ останавливала ее. «Полно, няня, все въ Божьей волѣ; все будетъ такъ, какъ Ему угодно!»

Однажды вечеромъ (о, какъ памятенъ мнѣ этотъ вечеръ!), мы оба, я и Вольдемаръ, гуляли въ саду. Противъ обыкновенїя, онъ былъ задумчивъ и смущенъ. Я спросила у него о причинѣ.

— Черезъ недѣлю я долженъ оставить васъ, грустно отвѣчалъ онъ.

Я поблѣднѣла и опустилась на скамейку, у которой мы стояли. Онъ сѣлъ подле меня.

— Вѣдете? едва могла промолвить я.

— Вотъ уже дѣя недѣли, какъ кончился срокъ моему отпуску, продолжалъ онъ. — Если я уѣду... вы не забудете обо мнѣ? вы будете обо мнѣ помнить?..

Не помню, что и какъ отвѣчала я ему. Онъ взялъ мою руку и поцаловалъ ее. Въ этотъ вечеръ, Вольдемаръ высказался весь. Ребенокъ, не смѣло, весь полный страха и опасенїя, открылъ онъ мнѣ любовь свою, — говорилъ, что отныня одна я составляю все его счастье, что съ надеждой — назвать меня своею, связано не только счастье его, но вся его жизнь, все существованїе... Онъ говорилъ мнѣ, что силъ его не достало бы удерживать долѣе давно-звѣдавшее его пристрастїе, что сомнѣнїе, нерѣшительность мучила его; что, услышавъ отъ меня-самой отвѣтъ, онъ уйдетъ счастливый надеж-

дею, уѣдетъ для того, чтобъ возвратиться сюда снова и навсегда. Онъ говорилъ мнѣ о своихъ средствахъ, надеждахъ, которыя могли обезпечить нашу будущность. Что я отвѣчала ему? Онъ отгадывалъ мой отвѣтъ въ глазахъ моихъ, въ пылавшемъ лицѣ моемъ, въ неровномъ волненіи груди. Наступившая ночь прервала нашу бесѣду. Положено было завтра открыться во всемъ паненькѣ, — просить его согласія. Волнуемая надеждой, ожидаемостью, страхомъ, сошла я въ свою комнату. Тамъ, на колыняхъ передъ ликомъ Пресвятой Дѣвы, облегчила я теплой молитвой, горячими слезами чувства свои. Никогда не молилась я такъ горячо, такъ усердно. Почти вся ночь прошла для меня въ этой молитвѣ, и только къ утру подкрѣпила я свои силы тревожнымъ сномъ. Подушка моя была мокра отъ слезъ... Няня не знала, что и подумать. Не доискиваясь причины этихъ слезъ, она, по обыкновенію, утѣшала меня, говорила про милость Божию, про заступничество Свѣтой Дѣвы, про ангела-хранителя, «ангела добра, наставника душъ и тѣлесъ нашихъ».

На другой день, Вольдемаръ пріѣхалъ ранѣе обыкновеннаго. Спусти часъ по пріѣздѣ его, послалъ за мною паненька. Лицо его сіяло довольствомъ и радостью. Вольдемаръ сидѣлъ подлѣ него, на канапе. Одного взгляда на Вольдемара достаточно было для меня, чтобъ отгадать все. Никогда не видала я его такъ довольнымъ, веселымъ, счастливымъ. Увидѣвъ меня, онъ всталъ. Поздоровавшись со мною, паненька взялъ меня за руку и велѣлъ сѣсть подлѣ себя. — «Наденька», сказалъ онъ съ улыбкою: — «я долженъ сказать тебѣ новость, которая, впрочемъ, для меня не была новостью. Я всегда ожидалъ ее. Владиміръ Николаевичъ просить у меня руки твоей. Отвѣтъ я предоставилъ самой тебѣ, зная твоё благоразуміе, твою осторожность во всемъ, а тѣмъ болѣе въ томъ, что касается твоего счастья, всей твоей будущности. Что ты на это скажешь?»

Вмѣсто отвѣта, я унала къ ногамъ паненьки, цаловала его руки, обливала ихъ слезами. Тутъ все было кончено. Я едва могла произнести нѣсколько несвязныхъ словъ и смотрѣла то на паненьку, то на Вольдемара. — Ну, успокойся же, будь умна, Наденька. Съ моей стороны, я не нахожу никакого препятствія къ вашему счастью. Въ этомъ дѣлѣ, какъ и во всякомъ, не надобно торопиться. Служба и обстоятельства зовутъ Владиміра Николаевича въ Петербургъ. Зимой онъ обѣщаетъ пріѣхать и тогда мы пріймемся, добрымъ миркомъ, да и за свадьбу. Пусть Богъ благословитъ насъ, какъ я благословляю васъ теперь Его святымъ образомъ. (Тутъ паненька снялъ со стѣны небольшой образъ.) Въ воскресенье мы обѣщаемъ о вашемъ сговорѣ...

Вѣсть о сговорѣ скоро разошлась по всей околицѣ. Я принимала

тысячи поздравлений, желаний счастья. Ничего и говорить, что няня поздравила меня первая. Съ этой минуты, Владиміръ сталъ предметомъ не только любви ея, но даже заботъ и поученій. — «Ты не оставишь меня, старуху» говорила она ему, утирая слезы: «не разлучишь меня съ моимъ краснымъ солмышкомъ. Безъ нея мнѣ не милъ и свѣтъ Божій, и кабы не она, моя голубка, давно бы я просила Бога прибрать меня». Владиміръ обещалъ ей выпросить ее у паненьки. — Няня лучшее твое приданое, Надя — говорилъ онъ мнѣ:—я я никакъ бы не могъ отказаться отъ него. «Теперь и глаза закрою счастливая, лишь бы убрать тебя подъ вѣнецъ, моя родная!» продолжала няня. — Не придется мнѣ пѣствовать вашихъ дѣточекъ; приведетъ ли еще Господь дожидаться ихъ!» Счастіе няни было такъ же полно, какъ наше. Старушка сдѣлалась еще разговорчивѣе. Она оставила свои заунывные пѣсни и замѣнила ихъ веселыми, подблюдными и свадебными. Сколько разъ мы оба, я и Владиміръ, прислушивались съ наслажденіемъ къ ея дребезжавшему голосу, когда она, бывало, тихо заведетъ свою пѣсенку:

Ты поди, моя кошурка, въ печурку спать,
У меня, у кота, и постель мягка...

Или:

Ты кузнецъ, кузнецъ, скуй мнѣ златъ вѣнецъ...
Чтобы мнѣ тѣмъ вѣнцомъ вѣчатися,
Чтобы мнѣ тѣмъ вольцомъ обручатися...

Между мной и Владиміромъ началась та откровенность, какая можетъ существовать только между двумя любящимися, которые не видятъ впереди никакихъ препятствій къ своему счастью. Мы только и говорили, что о нашемъ будущемъ, входили въ мелочи нашего будущаго хозяйства, строили воздушные замки, которые Богъ-знаетъ когда могли осуществиться. Эта короткость прибавила новую цѣну нашему времени и занятіямъ, которыя въ сущности нисколько не измѣнились. Я познакомила Вальдемара съ Аделью своими разказами о ней и ея письмами и мы оба смѣялись надъ утопіями этой восторженной головки. «Ты не могла выбрать для себя лучше друга» говорилъ мнѣ Владиміръ. Въ это же время, такъ кстати пришло письмо отъ Адели. Мы читали его вмѣстѣ: могли ли быть какія-нибудь тайны между мной и моимъ Владиміромъ? Письмо это было писано Аделью въ черныя минуты. Что-нибудь должно было разстроить ее; она говорила тутъ и объ оскорбленномъ самолюбіи и о христіанскомъ смиреніи, о монастырѣ даже. Легкая, какъ настоящая бабочка, она переходила отъ одного впечатлѣнія къ другому, отъ одной мысли къ другой, упала духомъ и въ то же

время слегка злословила подругъ своихъ. Я всегда такъ любила Адель, я такъ хорошо знала ея привычки и слабости, что даже невинное злословіе ея находила любезнымъ. Всегда одна и та же, Адель была постоянна въ непостоянствѣ чувствъ и убѣжденій своихъ. Владиміръ улыбался, читая письмо ея. Письмо, на-бѣду, было длинное - предлинное, какъ ученая диссертация, — настоящая диссертация молодой дѣвушки на степень дамы и будущей вѣтры. Вотъ, что между-прочимъ писала Адель:

«Ты напрасно, моя безцѣпная, полагаешь, что балы могли бы когда-нибудь вскружить мнѣ голову.» (Бѣдняжка! они давно вскружили ей голову.) «Еслибъ я создана была исключительно для того, чтобъ блистать, такъ, можетъ-быть, и нашла бы, что балы чудесная вещь, а такъ-какъ, къ моему несчастію, я одарена сквернымъ характеромъ, который ты знаешь, то перѣдко возвращаюсь домой съ бала съ разстроеннымъ воображеніемъ, иногда — повѣришь ли? съ обиженнымъ самолюбіемъ, и потому, наконецъ, что все это пусто, гадко и ни къ чему не ведетъ. Ахъ, Надя, Надя! чувствую, какъ я несовершенна, какъ я несчастлива, и все черезъ это скверное самолюбіе. Зачѣмъ я припустила къ своему сердцу этого демона, этого кошмара, который не даетъ мнѣ покоя ни днемъ, ни ночью! Не смѣйся, строгая моя философка, свадъ мовимъ признаніемъ... Я полна грѣховъ, которые тяготятъ меня... Подожду, скрѣпя сердце, великаго-поста, приучу себя къ смирению... Мой духъ бунтуетъ изъ-рукъ-вонъ. Не правда ли, какъ я жалка, Надя? Зачѣмъ я не съ тобою?.. Ты бы обуздала меня. Но... силы оставляютъ меня... я заливаюсь слезами...»

Потомъ, черезъ нѣсколько строкъ, дышавшихъ тѣмъ же отчаяніемъ, Адель писала:

«Недавно, у насъ въ С... въ были Втаровы... ты помнишь ихъ. Безсознательно убавляютъ себя лѣта. Старшей, Вѣрь, изъ десятаго выпуска, теперь только двадцать - третій, а изъ одиннадцатаго выпуска, другой, Ольгъ, которую, если помнишь, называли въ санціонѣ Мартышкою, двадцатый. Что за свѣтъ! Только и видишь, что злость, хитрость и ложь, да еще злословіе по первому слуху. Конечно, нѣтъ правилъ безъ исключеній, за то и нельзя же боготворить этихъ исключеній, и въ головѣ ихъ тебя, напри- смиръ, мое сокровище, Надя!.. Но вѣдь такихъ, какъ ты, мало! «О, какъ счастливъ, какъ счастливъ будетъ тотъ, кому ты доставишься!» (Владиміръ взглянулъ на меня съ такою любовью, съ такимъ участіемъ, что я не могла вынести его взгляда и опустила глаза. Онъ взялъ мою руку и поцаловалъ ее, какъ-будто въ этомъ поводѣ хотѣлъ высказать всю благодарность свою. Адель! Адель! знала ли ты, что твои строки заставятъ меня устыдиться твоихъ

похвалъ, — я не смѣю взглянуть на человека, который такъ безкорыстно дарилъ меня счастьемъ!) «Не правда ли, моя несравненная, «въ моемъ письмѣ много желчи? Свѣтъ хочетъ возстановить меня «противъ себя; я хочу его ненавидѣть, презирать этотъ свѣтъ, — «отречься отъ него, взять крестъ свой и идти — въ монастырь» (грожу тебѣ, Аделъ, пальцемъ. Мечтательница! утопистка!.. не стыдно ли тебѣ?.. Ты, живая и умная, насильно вталкиваешь себя въ эту избитую колею старыхъ провинціальныхъ вздыхательницъ, въ région Втаровыхъ и tutti quanti, — толкуешь о монастырь, проповѣдуешь крестовые походы? Противъ кого?.. Противъ мужчинъ?.. Фи!.. полно, мой другъ! Да тебѣ стѣитъ только захотѣть, и ты завоеуешь ихъ просто, безъ всякаго поголовнаго ополченія.. Взгляни на себя: ты вооружена съ погъ до головы, и имъ стѣитъ только увидѣть тебя въ твоей непобѣдимой бронѣ, чтобъ пасть къ ногамъ твоимъ и просить помиловація). «Понимаю, вижу ясно, что все это только одна минутная вспышка» (вотъ такъ-то лучше, человѣконенавистница!): «мнѣ кажется, что я слишкомъ «привязана къ свѣту» (comme de raison, — призналась наконецъ!) «я отъ-того-то во мнѣ еще такъ много ребячества, малодушія!..»

Мы много смѣялись и еще больше говорили объ Адели. Въ тотъ же день я отвѣчала ей, утѣшала ее, писала о моемъ неожиданномъ счастьи. Въ цѣломъ письмѣ я только и говорила ей, что о моемъ Вольдемарѣ. Слезы капнули на бумагу, когда я писала о скорой разлукѣ.

Разлука эта настала. Вы знаете, какъ быстро летитъ время въ счастьи, какъ тянется оно для несчастливыхъ. Со мной было то же. Дни счастья пролетѣли мгновенно; дни сердечной тоски, неразлучной съ разлукою, тянулись длинно, безконечно, дождали слезами, какъ эти сѣрыя осеннія облака, которыя ходятъ по небу и днемъ и ночью, безъ цѣли, безъ надежды, безъ утѣшенія. Не показывается сквозь туманную пелену солнышко... идутъ вслѣдъ за ними морозы съ суровой зимой, съ шестимѣсячнымъ снѣговымъ сномъ.

Разлука!.. Мнѣ суждено было испытать ее, эту неразлучную спутницу любви, которую сопровождаетъ она неизбѣжно, какъ счастье несчастіе, — какъ погода ненастье. Кто изъ влюбленныхъ не знаетъ всѣхъ мукъ разлуки? Кто изъ нихъ не считалъ этихъ безконечныхъ минутъ, безконечныхъ дней, безсонныхъ ночей, полныхъ ожиданія, тоски тревожной, страха и опасенія?.. Съ утра до вечера я думала только о немъ, о моемъ Владимірѣ; на немъ одномъ отдыхала мысль моя, полоненная сердцемъ... Мертвенное однообразіе деревенской жизни растягивало для меня еще болѣе это время, изъ котораго я не могла дѣлать никакого упо-

требленія... Няшенька не могла не замѣтить моей грусти и старалась развлекать меня всеми средствами. Мы чаще прежняго стали выѣзжать къ сосѣдямъ, и каждый разъ я выносила оттуда нестерпимую скуку... Наконецъ, я стала умолять няшеньку не брать меня съ собой... Понемногу начала я свыкаться съ прежними занятіями, взялась за работы, за книги, стала заниматься музыкою... Одна няня была моей повѣренною. Съ какимъ наслажденіемъ слушала я ее, когда она начинала говорить мнѣ что-нибудь о Владимірѣ. Во великій разсказъ свой, кстатѣ ли, или некстатѣ, она умѣла вставлять имя Владиміра; любви ея ко мнѣ отъяскивала это имя во всемъ, останавливалась на этомъ имени съ такимъ вниманіемъ, съ такимъ уваженіемъ и преданностью, что я готова была тысячу разъ цаловать мою няню. Няня умѣла разсвѣтать мою задумчивость каждый разъ, когда я, по обыкновенію, предавалась ей. Тогда она садилась подлѣ меня съ чулкомъ, или веретенкомъ своимъ, сажала къ себѣ на колѣни любимаго кота и подъ его монотонное мурлыканье, подъ однообразный шелестъ веретена заводила одну изъ многочисленныхъ своихъ бивальцинъ; которыхъ слушала я, въ молодости, съ такимъ страхомъ и увлеченіемъ. Няня не тѣшила уже меня, какъ бывало, сказками и предпочитала останавливаться вниманіемъ на бивальцинкахъ и преданіяхъ — этихъ обломкахъ исторіи, которымъ вѣрить народъ нашъ, какъ исторіи настоящей, неподдѣльной, — исторіи, чуждой своею мудрости и пробирнаго камня пыливости. Слогъ няни былъ всегда новъ, свѣжъ и оригиналенъ; я слушала ее со вниманіемъ, и если сюжетъ бивальцины терялъ для меня много интереса отъ прихотливой смѣси съ вымысломъ, отъ излишняго средства съ сказочнымъ духомъ, съ чудеснымъ и сверхъестественнымъ, то меня занималъ тонъ разсказа, украшенный всеми вычурами прелестнаго простонароднаго слога. Я невольно дивилась тутъ богатству нашего языка, еще грубаго, необдѣланнаго, но уже полнаго элементовъ поэзіи и прелести. Сколько разъ хотѣла я списать, набросать на бумагу одинъ изъ разсказовъ няни, но попытки мои были всегда безплодными: отъ меня ускользалъ ея оригинальный слогъ; — тонъ, колоритъ разсказа, и я бросала перо для того, чтобъ снова слушать няню... Не мало забавляла меня слѣпая вѣра няни въ чудесное, и нерѣдко, противъ воли, я досаждала ей своимъ сошнѣишемъ. — И это такъ было, и ты этому вѣришь, ты это видѣла, няня? — говорила я ей, когда, бывало, начнетъ она мнѣ разсказывать о томъ, какъ Пугачевъ ухотилъ въ стаканъ съ водою, или чернооквижникъ Брюсъ выпускалъ изъ скленовъ Сухаревой-Бышии нечистую силу. — Няня оставляла чулокъ и качала головой, окидывая меня недоувѣрчивымъ взглядомъ. «Да какъ же

не вѣрить, моя ненаглядная? всѣ видѣли; покойникъ-мужъ сколько разъ, бывало, выдывалъ». — Ну, ну, продолжай, няня; — что жь дальше? На чемъ-бишь ты остановилась? И довольная момъ убѣжденіемъ, няня бралась за нить разсказа, и снова визжало веретено, и снова лилась потокомъ рѣчь ея.

Владиміръ часто писалъ къ папенькѣ; каждое письмо его дарило меня новымъ счастіемъ. Нужно ли говорить, что во всякомъ письмѣ больше всего говорилъ онъ обо мнѣ? Разлука тяготила его, — но онъ умѣлъ болѣе моего утѣшать себя надеждою, ожиданіемъ. «Время тянется для меня невыносимо-долго» писалъ онъ: «считаю дни, часы — и теряю терпѣніе. Скоро ли? скоро ли? спрашиваю я у этого времени, и оно какъ-будто дразнить меня, уходитъ нѣхотя и безпрестанно оглядываясь.» Папенька иногда заставлялъ меня читать письма Владиміра. Тогда я не знала, что дѣлать отъ радости, начинала письмо и никогда его не доканчивала. Я неловко пропускала строки, относившіяся прямо ко мнѣ, — краснѣла, плакала отъ радости, отъ восторженія, и папенька обыкновенно отсылалъ меня въ мою комнату. Тамъ я перечитывала милыя строки тысячу разъ, обливала письмо слезами, цаловала его, носилась съ нимъ, какъ дитя съ игрушкой, — клала его къ себѣ подъ подушку, ночью. И ложилась и вставала я съ мыслью о моемъ Владимірѣ; онъ не покидалъ меня и во снѣ, и являлся мнѣ, окруженный ореоломъ своей чистой любви, готовый на всѣ пожертвованія.

Папенька заставлялъ меня писать, подъ диктовку, отвѣты своимъ Владиміру, и въ концѣ письма всегда позволялъ приписывать нѣсколько строкъ. Тогда я снова уходила въ свою комнату и часто просиживала до полуночи, не написавъ ни одной строки. Написать три строчки, когда сердце переполнено, когда нельзя назначить предѣловъ его развитію, когда рѣчь готова разлитися безграничнымъ моремъ! Тогда еще не свыклась я съ законникомъ любви, который умѣетъ замыкать въ одномъ словѣ тысячи ощущеній. Сказать бы только: «Люблю тебя; живу одной мыслью о тебѣ, милый другъ мой, другъ души моей; ты — вся цѣль моей жизни, источникъ всего блаженства моего!...» И послѣ столькихъ усилій, послѣ столькихъ бореній приличія и стыдливости съ сердцемъ и волею, написать обыкновенное уведомленіе о здоровьѣ, погодѣ, препровожденіи времени!.. Добрый папенька видѣлъ мое смущеніе, отгадывалъ мои мысли и по привычкѣ предупреждать многія изъ моихъ желаній, позволилъ наконецъ мнѣ и Владиміру писать другъ къ другу. Я бросилась къ нему на шею и благодарила его, какъ за величайшую милость, просила его читать наши письма и указывать мнѣ границы, еслибъ я, по неопыт-

вести или пылкости своей, переступила ихъ. «Я полагаюсь въ этомъ на твое благоразуміе, на твою осторожность», отвѣчалъ мнѣ навсѣнка, цалуя меня. «Твой умъ, приличіе и вкусъ замѣнять для тебя постороннюю цензуру, которая, какъ ты ни увѣрай меня въ противное, — не можетъ не стѣснять васъ.»

Съ этого времени, я начала переписку съ Владиміромъ. О чемъ мы писали другъ къ другу? — я не дала бы въ этомъ себѣ отчета и тогда, но мы писали много, очень — много... Письма Владиміра раскрывали мнѣ все болѣе-и-болѣе его чистую душу, его свѣтлый умъ, его благородныя чувства. Я стала гордиться его любовью... и Богъ наказалъ меня за мою гордость. Какъ мелкими казались тогда мнѣ многія изъ моихъ пріятельницъ, которыя вздыхали по своимъ селадонамъ, и какъ мало подходили эти узелные селадоны на моего Владиміра! Я не могла понять страсти, которую могли возбудить въ моихъ подругахъ эти обыкновенные люди, можетъ-быть, добрее, но въ которыхъ трудно было найдти какое-нибудь достоинство, какой-нибудь талантъ, который бы возвышалъ ихъ надъ общимъ уровнемъ. Я начинала благоговѣть передъ здоровымъ мужскимъ умомъ, — я видѣла въ немъ отличіе, какимъ природа запечатлѣваетъ избранныхъ. Тогда, какъ и теперь, и съ грустію видѣла, какъ немногія изъ насъ оцѣниваютъ этотъ умъ, — какъ большая часть даетъ обольстить себя пустыми, ничтожными качествами, какими умѣютъ мужчины прикрывать посредственность и наготу своихъ чувствъ и сердець. Часто бывала я свидѣтельницей страсти, возрожденной или пробужденной туромъ ваялся, пустымъ комплиментомъ, устарѣлымъ чувствованьемъ, обнаруженнымъ кстаті, даже симпатіей къ мороженому, къ горчицѣ, или къ Москвѣ!!

Я хранию письма Владиміра, какъ святыню, какъ завѣтъ нашей любви, которую, конечно, не охладятъ ни время, ни обстоятельство. Въ грустныя минуты (а онѣ рѣдко минуютъ кого-нибудь), я прибѣгаю къ нимъ, какъ къ источнику утѣшенія, къ отрадѣ; черпаю изъ нихъ спокойствіе, переношусь мыслію въ минувшее прошлое, когда слезы были вѣстникомъ радости, когда изъ-за тумана грусти блестяло мнѣ солнце надежды и счастья. Предвидѣвъ эту тихую, спокойную жизнь, жизнь вдвоемъ, счастливую, ничѣмъ — невозмутимую жизнь, я вступила въ нее съ чистымъ сердцемъ, благодарила за нее Бога, какъ за обѣщанную награду, какъ за возмездіе тѣхъ душевныхъ страданій, которыя я не бросала на показъ свѣту, а замыкала въ самой-себѣ, въ своемъ сердцѣ. Гоненія и несчастія, сопровождавшія мою молодость, сдружили меня съ горемъ, съ лишеніями, съ обманутыми надеждами — и могла ли я не предаться любви, гдѣ въ страданіяхъ даже,

для меня новыхъ, еще неизвѣданныхъ, я находила отраду и утѣшеніе? Владиміръ знакомилъ меня съ жизнью и людьми, которыхъ я или не знала, или на которыхъ смотрѣла съ другой точки. Изъ его писемъ училась я философіи жизни, которую не вычитать изъ книгъ; въ немъ-самомъ видѣла образецъ челоуѣка, нелишненнаго, конечно, недостатковъ и слабостей, — челоуѣка съ умомъ, съ волею, съ добрымъ сердцемъ... Скоро я усвоила себя его взглядъ на вещи, его тонкій вкусъ и частичку проицательности. Любовь была для него страстію, и какъ онъ умѣлъ питать въ себя страсть эту, выражать ее! Много строкъ изъ его писемъ врызалось въ мою память такъ глубоко и прочно, какъ-будто-бы я учила ихъ наизусть, какъ заданный школьный урокъ. Изъ этихъ мѣстъ я составила для себя катихизисъ любви, который, пожалуй, другіе назвали бы проще: афоризмами любви. Эти афоризмы стали моимъ вѣрованіемъ, моимъ profession de foi.

«Какъ я счастлива, если-бы ты знала!» писалъ мнѣ Владиміръ... «Одна мысль о тебѣ составляетъ уже все мое счастье. Не могу опредѣлить себя моего счастья въ ту минуту, когда увижу тебя, когда назову тебя *моей* передъ людьми, такъ точно, какъ называю тебя *моей* въ эту минуту, наединѣ съ моимъ сердцемъ и совѣстію. Ты моя, моя, Цаца! Я тысячу разъ повторю въ мысляхъ своихъ это дорогое слово, и тысячу разъ отбивается оно какъ эхо отъ переполненнаго счастіемъ сердца, и тысячу разъ бьется мое сердце, едва коснется его этотъ милый отголосокъ. А я живу только мыслию о тебѣ, — ты со мной неразлучно утромъ и вечеромъ, днемъ и ночью, каждую минуту дня. Не помню, кто-то называлъ мученіемъ совершенное счастье. Я понимаю это мученіе, эту тираннію счастья, — я опущаю ее.

«Съ-тѣхъ-поръ, какъ я думаю о тебѣ, я весь обновился жизнью, и если-бы не опасался навлечь на себя твой уврекъ въ гордости, то сказалъ бы, что сдѣлался лучше, чище, совершеннѣе... Какъ хороши, какъ добры были бы люди, если-бы, подобно мнѣ, каждый изъ нихъ допустилъ къ себѣ чувство любви, той чистой, совершенной любви, которой предался я. Работа и трудъ сдѣлался для меня наслажденіемъ; сама мысль моя течетъ ровнѣе и свободнѣе, какъ-будто бы ты вызывала ее. Въ людяхъ, окружающихъ меня, я стараюсь находить одни достоинства, тогда-какъ прежде я открывалъ въ нихъ одни пороки, недостатки и слабости. Я счастлива!.. Въ настоящемъ живить и питаетъ меня вѣра въ любовь твою; въ будущемъ — я вижу надежду... Вѣрить, надѣяться — любить — вотъ цель моей жизни...

«И можешь ли ты думать, чтобы шумъ, развлеченія и удовольствія свѣта могли ослабить любовь твою ко мнѣ? Цѣня отношеніа

тѣмъ же эти свѣтскія удовольствія, я никогда не предавался имъ безотчетно; я допуская ихъ въ мою жизнь въ той степени, въ какой требовали того мои отношенія къ свѣту и людямъ, съ которыми долженъ жить волей или неволей. До-тѣхъ-поръ, пока обстоятельства не ослабятъ моихъ отношеній къ людямъ, — скажу прямо, — моею зависимою отъ людей, до-тѣхъ-поръ я не могу, не долженъ разорвать съ ними сношеній. Если хочешь, тутъ даже дѣйствуетъ эгоизмъ, — чувство, которое не минуетъ ни одного изъ насъ. Игдѣ бы я ни былъ, въ какое бы положеніе ни ставило меня это чувство, — ты всегда со мною, Нада! Среди блеска бальныхъ огней, въ толпѣ женщинъ, блестящихъ красотою, умомъ и любезностью, я нахожу тебя одну, одну, мою Надю! Я мысленно сравниваю тебя съ каждою изъ нихъ, со всеми вмѣстѣ, и ты всегда выходишь побѣдительницею изъ этого страшнаго для тебя сравненія, и я оставляю бальную залу съ гордостью, унося съ собою мысль, что ты, моя Нада, лучше ихъ всѣхъ, умнѣе, милѣе, совершеннѣе... Знаю: ты сомнительно покачаешь головою, прочитавъ строки эти, — можешь — быть, призадуматься; скромность твоя оживитъ румянцемъ лицо твое... О, если ужъ сомнѣніе закрадется въ твое сердце, то позволь мнѣ лучше уничтожить его въ корнѣ, разрубить его однимъ взмахомъ меча, какъ узелъ Гордіа. Ты лучше всѣхъ, Нада, потому-что ты моя!..

«Мнѣ кажется, все, что я любилъ прежде, къ чему былъ приваженъ, получило въ глазахъ моихъ двойную прелесть послѣ того, какъ я узналъ тебя. Ты помнишь, — я говорилъ тебѣ это часто — такое любимое мое занятіе. Теперь я вдвое — болѣе прежняго цѣню любимую книгу. Теперь съ большимъ вниманіемъ слѣдую я за мыслью писателя, строже оцѣниваю его достоинства, и если нахожу ихъ, то цѣню вдвойнѣ. Завидная участь писателя, Нада; и какъ грустно убедиться въ той истинѣ, что многіе изъ нихъ, увлеченные мелкими страстями, сворачиваютъ съ дороги, на которой поставила ихъ судьба! Какъ путеводные столпы, глашатаи истины, свѣтильники народа, они должны имѣть право на все вниманіе наше, на все уваженіе, на благодарность. Несчастливъ тотъ народъ, нерадостно было его прошлое, безнадежно его будущее, — который не платитъ надежной данн людямъ, которыхъ призваніе — открывать истину, учить, исправлять, дѣлать лучшими... А какъ много надобно, чтобъ быть писателемъ! Сначала призваніе, талантъ, — потомъ умъ, знаніе, наблюдательность, глубокая, тонкая наблюдательность. Отъ этого-то такъ много званыхъ на роскошную пиру ума и мысли, и такъ мало избранныхъ. Писатель безъ призванія — это Сизифъ, осужденный вѣчно таскать на гору камень, — а самый труженникъ, чернорабочій поденщикъ мысли...»

Я не кончила бы никогда, принимая, пересказывая все, что писалъ мнѣ Владиміръ. Онъ писалъ мнѣ обо всемъ, что интересовало его, чѣмъ онъ былъ окруженъ, и отъ всего переходилъ онъ ко мнѣ... Въ одномъ письмѣ, по поводу довольно-смѣлаго вопроса моего: любить ли онъ въ первый разъ, Владиміръ описывалъ мнѣ первую любовь свою, первое впечатлѣніе, произведенное на него одной дѣвушкой. «Ты спрашиваешь меня, Надя, любилъ ли я? Какъ отвѣчать тебѣ? Любить кого-нибудь такъ, какъ люблю тебя теперь, я не могъ, потому-что любить такъ могу только тебя одну... Передъ тобою первую раскрывается мое сердце; ты позволила мнѣ узнать себя такъ хорошо, какъ я знаю самого-себя. Любовь моя къ тебѣ не есть вспышка сердца, очарованнаго чувствомъ; она возникла изъ глубокаго, совершеннаго убѣжденія. Я узналъ тебя—и полюбилъ... Повторю: такой любовью я никого не любилъ... Еслибъ ты спросила, нравились ли мнѣ кто-нибудь прежде тебя, я отвѣчалъ бы утвердительно. Мнѣ нравились многія,—нравились какъ искусственные цвѣты, которые хороши, пока новы и издали. Если наружность женщины, умъ ея, или тщательное образованіе останавливали на ней мое вниманіе, то я старался вникать въ ея качества, въ ея достоинства и недостатки, невыставляемые на-показъ, и какъ часто пылливый разумокъ мой открывалъ пустоту, ничтожество и испорченность подъ прелестнымъ, дорогимъ покровомъ наружности! Тогда я привыкалъ смотреть равнодушно на этихъ прославленныхъ «умицъ», которые кончаютъ часто очень-неумно, и, руководимыя «умомъ» своимъ, какъ компасомъ, безъ коричаго, всю жизнь свою блуждаютъ между скалъ и мелей, попеременно натываясь то на тѣ, то на другія. Одинъ только разъ, интересъ мой возбужденъ былъ въ высокой степени. Это было назадъ тому лѣтъ шесть, когда я былъ откомандированъ въ одинъ изъ глухихъ уѣздовъ отдаленной губерніи. Впечатлѣнію, оставленному во мнѣ этой дѣвушкой, помогли обстоятельства, и можетъ-быть—въ другомъ случаѣ, я прошелъ бы ее безъ вниманія. Тѣ же обстоятельства отбросили меня далеко, и впечатлѣніе необходимо должно было изгладиться временемъ. Два мѣсяца глубокой, суровой зимы провелъ я въ этомъ отдаленномъ уѣздѣ. Ты легко можешь вообразить себѣ мою скуку, когда скажу тебѣ, что иногда по цѣлымъ недѣлямъ я не встрѣчалъ человека, съ которымъ могъ бы перемолвить два слова хоть о погодѣ. Кромѣ крестьянъ и какого-нибудь вѣчно-пьянаго становаго пристава, я не видалъ никого. Прибавъ къ этому трудность безконечной дороги, бурную зиму съ ея выюгами и вятелями, всевозможныя лишенія, къ которымъ я не могъ приучить себя—и ты будешь имѣть понятіе о моемъ положеніи. Незадолго до сумерекъ, выѣхалъ я изъ се-

леви, въ которомъ прожилъ трое сутокъ. Впереди ждали меня темная зимняя ночь и 30 верстъ глухой, просалочной дороги. На колесный пути, я предполагалъ остановиться у одного помѣщика, съ которымъ необходимо было видѣться по дѣламъ, и обождать исхода мѣсяца, еслибы ночь была мѣсячная. Была уже темная ночь, когда я подѣзжалъ къ деревнѣ. На бѣду мою, поднялась мгла, и мы битые два часа блуждали кругомъ деревни, не находя въ нее, какъ въ околдованную. Лошади выбились изъ силъ и то-и-дѣло вязли въ глубокомъ снѣгу. Потерявъ слѣдъ, ямщикъ мой рѣшился ѣхать прямо на огорокъ господскаго дома, который версталъ въ отдаленіи. Не было видно ни зги, и хлопья снѣга носились намъ прямо въ лицо. Кругомъ гудѣлъ вѣтеръ, застывая воздушъ снѣговою мятелью, да изрѣдка доходилъ по вѣтру волчий вой изъ отдаленнаго лѣса. Прѣхавъ съ четверть версты, лошади стали. Ямщикъ слезъ съ козелъ, и, отогрѣвъ околѣпѣлыя ноги, принялся понукать лошадей криками и кнутомъ. Ничто не помогало. Тогда ямщикъ, еще молодой парень, началъ охать и жаловаться. «Попуталъ насъ лукавый, баринъ; попали на волчий слѣдъ. Чтѣ станешь дѣлать? Лошадей хотъ убей; не тронутся ни назадъ, ни впередъ.»—А далеко ли до деревни? «Да гдѣ быть далеко; больше версты не будетъ.» Тогда я велѣлъ ему отвязать съ дуги колокольчикъ и звонить имъ чтѣ есть мочи. Это средство удалось; насъ окликнули изъ деревни, и вслѣдъ за тѣмъ вывели на дорогу. Выѣсто волчьяго слѣда, на который, по увѣренію ямщика, мы попали, оказалось, что мы стояли на краю глубокаго оврага, служившаго ложбиной быстрой и глубокой рѣчкѣ. Отдохнувшіе кони, предвидя скорый ночлегъ, пустились легкой рысцою по проторенной дорогѣ, и мы скоро въѣхали въ большую деревню, откуда уже и взяли проводника до господскаго дома, расположеннаго въ полу-верстѣ.

«Кто не испыталъ трудней и дальней дороги, тотъ едва-ли можетъ все удовольствіе путника, очутившагося вдругъ въ теплой, прекрасной комнатѣ, за чашкой чаю, среди легкой, живой, оживленной дамской бесѣды.

«Такое удовольствіе ощущалъ я, попавъ такъ кстати въ гостепріимное семейство помѣщика В., о которомъ я много тебѣ говорилъ. Тутъ-то увидѣлъ и узналъ я одну изъ дочерей его, четырнадцатилѣтнюю Елизавету. Она не могла не обратить на себя всего моего вниманія, и чѣмъ болѣе я узнавалъ ее, тѣмъ болѣе интересовался ею. Въ этой четырнадцатилѣтней дѣвушкѣ было соединено столько прелести наружной и нравственной; я видѣлъ въ ней зародыши столько совершенствъ, столько качествъ, которыя въ зрѣломъ возрастѣ могли бы осчастливать мужчину, что, признаюсь тебѣ,

готовъ. Бракъ полюбить ее нешута, какъ взрослому. Я зашелъ бы слышимъ-далеко, еслибъ захотѣлъ рассказывать тебѣ ее воспитанію, тѣсно-связанное съ образомъ жизни всѣхъ домочадцевъ, съ образованіемъ и помыслами ея родныхъ, особенно отца и матери, съ нравомъ, заведеннымъ въ домъ, даже съ кругомъ знакомыхъ, съ соседствомъ, мензбрюшимъ соседствомъ каждаго деревенскаго жителя-помѣщика. Считаю лишнимъ это и потому, что ты сама хорошо знаешь и образована, и образъ жизни нашихъ такъ-называемыхъ достаточныхъ помѣщиковъ. Сытный столъ, прелесть времени, котораго не знаютъ, куда дѣвать, всарня и конная, безчисленная дачня и хозяйственныя фабрики, уѣздный городъ и мастины вражды и сплетни, преферансъ и бильярдъ, баня и оранжерея, пьяный съездъ и сплетница-сосѣдка, французскій языкъ дѣвицы и танцы подъ звуки органа или странно-разстроеннаго фортепьяно—вотъ элементы, въ которыхъ заключена эта жизнь. Смысла настоящаго воспитанія, такъ мало еще развитая у насъ, страшно терпитъ отъ этихъ разнокалиберныхъ элементовъ, отъ которыхъ не въ силахъ освободиться даже нѣжная, образованная и умная мать семейства. По-этому, все воспитаніе Евампіи зависѣло въ полной мѣрѣ отъ сувернантки, — къ-счастью ея, особы умной и бойкой, которая учила ее чему умѣла и какъ умѣла. Изъ этого, такъ-сказать, сторонняго, побочнаго воспитанія, къ немалому изумленію моему, Евампія, одаренная хотя не быстрыми, но прочными способностями, умѣла вынести порядочный запасъ свѣдѣній, конечно не глубокихъ, но поверхностныхъ, энциклопедическихъ, достаточныхъ для молодой дѣвушки, — и характеръ, прелестьный характеръ, который бросился мнѣ въ глаза съ перваго раза. Всегда серьезная, холодная, разсудительная, она бывала, однакожъ, и дѣтски-весела, если какая-нибудь веселость оживляла ее; она казалась старшею передъ всеми своими сестрами и братьями, хотя была моложе ихъ. Я могъ замѣтить въ ней, въ некоторыхъ случаяхъ, впрочемъ, рѣдкихъ случаяхъ, вспышки какаго-то благороднаго, такъ рѣдкаго въ дѣвушкѣ, даже въ женщинѣ, самолюбія, происходившаго не отъ бабства и испорченности, какъ во многихъ дѣвушкахъ одинакаго съ нею возраста, а отъ утѣренности въ самой-себѣ, отъ безответнаго убѣжденія въ своихъ достоинствахъ, которыя тѣмъ-то немногими могли быть замѣчены и оцѣнены. Всегда натуральная, чуждая жеманства и приторной принужденности, такъ неспособней въ нашихъ провинціальнхъ барышняхъ, она была настоящимъ перломъ семейства, — случайнымъ самородкомъ, ожидавшимъ руки художника, которая могла бы ограничить его и ослабить потокъ его блескомъ глаза свѣта. Къ-сожалѣнію, изящная сторона воспитанія Евампіи была заучена. Искусства, какковы, ма-

примѣръ, музыка, не усвоились ей, в талантѣ, которымъ она не могла не быть одарена отъ природы, гибъ въ зародкѣхъ. Рисованье вѣдло въ предметъ ея ученія слишкомъ — ограниченно, такъ-что не допускало какое-нибудь едва-замѣтное развитіе, не только успѣхъ къ совершенству. Какъ-будто въ замѣнъ этихъ сокровищъ, потерянныхъ небрежностію воспитанія, Евлампія получила охоту къ чтенію, и изящная сторона письменности, литературы, хотя глухо, но уже понятно развивала ея вкусъ и способность мыслительности...

«Признаюсь тебѣ откровенно, Надя, — и ты прости мнѣ откровенность эту, — такую, какова была Евлампія, я не могъ не полюбить ея. Кто изъ насъ, въ молодыхъ своихъ лѣтахъ (я былъ тогда молодъ) не стрѣлялъ воздушныхъ замковъ, — замковъ на несѣ? кто не манилъ къ себѣ этихъ миражей, не населялъ ихъ такою же призрачною, какъ они сами, существованностію, — и кому изъ насъ быстролетное, измѣнчивое, коварное время не разрушало этихъ замковъ воздушныхъ, этихъ миражей?.. И въ моемъ храмѣ мечты царя Евлампія, царя недолго; время взглянуло ея образъ, такъ очаровавшій меня когда-то, — скажу яснѣе: оно разрушило, рассеяло этотъ миражъ, открывая мнѣ дорогу къ тому совершенному счастью, котораго я достигъ теперь; оно указало мнѣ на тебя, мою несравненную Надю...

«Окончу юношеской романъ мой въ двухъ словахъ... Евлампію, въ то время, какъ я узналъ ее, готовили въ институтъ... Минута, когда я узналъ о такомъ желаніи родителей Евлампіи В., была минутою, въ которую я терялъ ее навсегда. Благодарность и привязанность моя къ доброму и гостепріимному семейству В. несколько не ослабла съ годами; мои дружескія отношенія къ нему не изменились, — но давно уже потеряли слѣдъ того пути, по которому некогда неслась мысль моя, — мои надежды, возбужденныя очаровательнымъ ребенкомъ-дѣвушкой. Воспоминаніе о ней сплослось съ общію, безконечною веревницею прошлаго, и я прибѣгаю къ нимъ нрѣдка, какъ къ поэтической мысли любимаго писателя, которая хоть и врѣзалась въ память, но о которой подумаешь нрѣдка, и то въ случаѣ...

«Евлампію отдали въ институтъ для окончательнаго воспитанія, для музыки. Она должна была выучиться музыкѣ — въ институтѣ! Изъ писемъ родныхъ ея, я узналъ, что она пробыла тамъ два года, но не узналъ, выучилась ли она музыкѣ, или нѣтъ... Потомъ, спустя эти два или три года, я случайно увидѣлъ Евлампію въ Москвѣ, въ собраніи. Я былъ тогда женихомъ твоимъ, Надя, и этого уже довольно сказать, чтобъ ты знала, какъ я былъ счастливъ. Ты помнишь этотъ вечеръ, на которомъ я не могъ быть

весельи. Грусть моя передалась и тебе, и ты просила меня уехать раньше. Ты сама заметила тогда Евлампію, хотя и не знала всего, о чем теперь рассказываю... Помнишь ли, ты спросила меня, откуда я знаю эту молодую дѣвушку, послѣ того, какъ я сказалъ ей нѣсколько пустыхъ словъ, встрѣтившись съ нею и съ ея матерью въ залѣ? Ты тотчасъ же сказала мнѣ, что она должна быть институтка. Она танцевала въ нашей кадрили, и мы оба не могли не замѣтить смущенія ея кавалера, который не зналъ о чемъ съ ней говорить послѣ ея принужденной наивности, оригинальныхъ, искусственно-дѣтскихъ манеръ и ребяческихъ «да» и «нѣтъ», сопровождаемыхъ кривляньями и ломаньями. Въ антрактахъ танцевъ, она, казалось, сбрасывала съ себя роль куклы и шушукала съ своими подругами очень-значительно, довольно-смѣло свирая мужчинъ, на которыхъ самъ-на-самъ и въ танцахъ не смѣла поднять глазъ. Въ маскарадъ, послѣдовавшее за баломъ, она была неразлучна съ какою-то замаскированной дамой, также институтской своей подругой, какъ я узнала послѣ, страшною *esprit fort*, институтской умницей, вышедшею однимъ выпускомъ раньше ея... Институтская умница, номаторынная въ московскихъ гостиныхъ, интриговала всѣхъ степенныхъ помѣщиковъ, холостыхъ и вдовцовъ, зачесанныхъ по-модному и въ модныхъ фракахъ, всѣхъ офицеровъ, всѣхъ *Jarhels à la recherche du mariage*... Отставные франты и недавновидные *Jarhels* въ мундирахъ были безъ ума отъ ума умницы, и потому говорили ей комплименты и остроты, въ которыхъ не было ни ума, ни логики. Умница носилась по залѣ широкохвостую комстою, окруженная сонмомъ искателей приключеній—этихъ неподвижныхъ звездъ общества, которыя являются на свѣтскомъ небосклонѣ Богъ-знаетъ откуда и исчезаютъ Богъ-знаетъ куда. Въ школу такой-то умницы повала въ тотъ вечеръ Евлампія. Я долго наблюдалъ за ней и не могъ подавить грустнаго чувства, которое тогда овладѣло мною. Я видѣлъ смѣлые взгляды наглыхъ адъютантовъ, которые вивались въ ея открытыя плеча; я слышалъ челоукие, почти-оскорбительные комплименты, которыми сопровождалась эти взгляды, относившіеся но-видимому къ *beau masque*, къ умнице... Случайно взглянулъ я на мать Евлампіи... Довольство и радость написаны были на лицѣ ея; самолюбіе говорило ей, что дочь ея хороша; что къ ней, не къ маскѣ, съ которой ходила она, относились всѣ эти взгляды... Мнѣ было грустно; ты замѣтила эту грусть, Надя; ты спрашивала меня, отъ-чего я скучаешь, не больно ли я?.. Быть-можетъ, покра ревности завала тогда въ чистую твою душу... Да! въ эти минуты я болѣлъ душою. Съ какой прощій сказалъ бы я тогда многимъ изъ матерей и отцовъ: «*Vous l'avez voulu, vous l'avez voulu, George Dandin, vous*

l'avez voulu: vous avez justement ce que vous méritez...» Мы уехали. Вот мой романъ, Нада; весь, съ его развязкою и завязкою...»

Оставляю письма Владимира и доскажу скорѣе свой романъ, котораго развязку судьбѣ было угодно сдѣлать такъ счастливою.

Въ переноскѣ съ Владиміромъ, въ ожиданіи пріѣзда его, текло для меня время. Безконечно-длиннымъ, какъ для всѣхъ ожидающихъ, было для меня это время. Письма отъ Владимира приходили не такъ часто, какъ бы я того желала, а папенька имѣлъ еще привычку долго держать ихъ у себя, прежде, чѣмъ давалъ ихъ мнѣ, и самъ долго не отвѣчалъ на нихъ. На дворѣ уже стояла осень—глубокая, дождливая, скучная осень, убійственная для деревенскихъ жителей. Прогулки мои, которыми я любила сокращать время, кончились, и я должна была сидѣть дома за работою, или за книгою. По цѣлымъ недѣлямъ мы не видались съ сосѣдями, и только почтовый день, когда нарочный привозилъ изъ уезднаго города журналы и письма, нарушалъ ничѣмъ-невозмутимое спокойствіе, сблизжая насъ мыслями съ людьми и свѣтомъ. Въ одинъ изъ такихъ дней, привезено было письмо съ черной печатью. Въ немъ одна изъ дальнихъ родственницъ увѣдомляла насъ о кончинѣ изъжно-любившей меня бабушки и о духовномъ ея завѣщаніи, которымъ она дѣлала меня наследницею 700 душъ. Въ эти минуты, ослабѣвая бабушку, я не думала о богатствѣ, которое ждало меня и равнодушно писала о томъ Владиміру. «Все это для тебя, другъ мой» писала я: «и если богатство, достатокъ могутъ увеличить наше счастье, то мы будемъ имѣть ихъ. Знаю, увѣрена, что это богатство не увеличитъ любви твоей ко мнѣ; ты любилъ бы меня и тогда, еслибъ Богу угодно было лишитъ меня всего.» Совсѣмъ не такъ цѣнили окружавшіе насъ люди это богатство, о которомъ я и не думала. Обращеніе со мною и съ папенькою многихъ изъ нихъ измѣнилось. Насъ окружало ихъ постоянное вниманіе, намъ льстили, предлагали наперерывъ свои услуги. Наслѣдница тысячи незаложенныхъ душъ въ хлѣбородномъ богатомъ уездѣ, я могла считаться одною изъ самыхъ почетныхъ невестъ въ губерніи. Нужно ли говорить, кого именно прельщали эти тысяча душъ?.. Почти все знали о помолвкѣ моей съ Владиміромъ, и, не смотря на то, многіе изъ молодыхъ помѣщиковъ-сосѣдей стали являться въ домъ нашъ чаще прежняго. Ходили слухи, что свадьба моя съ Владиміромъ разстроилась. Въ то время, я ничего не знала объ этихъ слухахъ; я узнала о нихъ гораздо-позже отъ няни...

Въ это время, въ сосѣдствѣ нашемъ появилось новое лицо, о которомъ давно уже носились темные слухи. Я не назову его. Говорили о богатствѣ его, собранномъ счастливыми откупами и удач-

ными предпріятіями, вспоминали заслуги его отца и дяди—матнаговъ узда, скаторинскихъ вельможъ, владѣвшихъ когда-то сдвали не полгуберніей, дивились его уму, образованію, ставили его образцомъ свѣтскаго чловека. Никто не зналъ настоящей причины его пріѣзда въ помѣстья, которыя съ незапамятныхъ временъ находились въ распоряженіи хищныхъ и корыстолюбивыхъ управителей, обременявшихъ ихъ выщетою и долгами. Одни приписывали пріѣздъ его желанію—улучшить бытъ разоренныхъ въ концѣ крестьянъ и введенію образцоваго хозяйства; другіе искали тутъ источникъ новаго обогащенія въ строгомъ надзорѣ за ходомъ выкупа откупа, иные—и этимъ послѣднимъ вѣрили болѣе—утверждали, что Н^{...} пріѣхалъ въ деревню отдохнуть по возвращеніи изъ-за границы, гдѣ онъ прожилъ три года. Всѣ эти слухи, конечно, не интересовали бы въ такой степени всей околицы нашей, еслибъ Н^{...} не былъ холостъ и еслибъ ему не считали болѣе сорока лѣтъ. Павенька, знавшій его съ молодыхъ лѣтъ, и по какому-то случаю много обязанный отцу его, радовался его пріѣзду. «Теперь мы будемъ имѣть прекраснаго сосѣда, Надя», сказалъ онъ мнѣ: «отлично-умнаго и образованнаго чловека. Надѣюсь, что онъ тебя понравится, какъ нравился всегда мнѣ.» Не знаю отъ-чего, но мнѣ непріятно было слышать похвалу Н^{...} отъ папеньки, особенно въ моемъ положеніи, и я очень-холодно отвѣчала ему, что первой моею обязанностью будетъ и было любить и уважать всѣхъ тѣхъ, кого любить и уважаетъ онъ.

Увидавъ Н^{...}, я въ-самомъ-дѣлѣ готова была согласиться съ папенькою и признать въ немъ всѣ тѣ достоинства, которыя ему приписывали. Умъ обширный и разнообразный, манеры и лѣтностъ, которыя даютъ навѣкъ къ свѣту и знанію людей, образованность, соединенная съ опытною—всѣ эти качества не могли не дѣлать его чловекомъ замѣчательнымъ. Папенька былъ имъ очарованъ и безпрестанно говорилъ мнѣ о немъ. Обращеніе Н^{...} со мною заключалось всегда въ границахъ той утонченной вѣжливости, какою отличаются свѣтскіе люди въ степенномъ возрастѣ. Избѣгая сближенія съ нимъ, я не могла, однакожъ, избѣжать весьма-частыхъ случаевъ, когда общій разговоръ требовалъ, чтобъ и я высказала свои мнѣнія, тѣмъ болѣе, что непринужденность и откровенность моя всегда нравились папенькѣ. Любовь къ Владиміру, о которомъ я безпрестанно думала, или другое чувство, въ которомъ я не могла отдать себѣ отчета, отдаляли меня отъ Н^{...}, усиливашаго съ своей стороны день-отъ-дня желаніе понравиться мнѣ? Отдавая должную справедливость его достоинствамъ, я въ то же время старалась отыскивать въ немъ недостатки, которые онъ умѣлъ скрывать съ рѣдкимъ искусствомъ.

Его осторожность, холодная расчитанность, его подозрительность и какое-то опасеніе, случайно мною подмѣченныя, не могли мнѣ нравиться. Положеніе мое въ-отношеніи къ папенькѣ тяготило меня, пока наконецъ стало невыносимымъ... Н*** ѣздилъ къ намъ весьма-часто и тѣмъ болѣе я отдалялась отъ него, тѣмъ болѣе, тѣмъ короче сближался онъ съ папенькой, пока наконецъ не сдѣлался для него необходимымъ до такой степени, что папенька считалъ и грустилъ, когда Н*** не былъ у насъ. Всего болѣе страннымъ и загадочнымъ казалось мнѣ въ немъ то, что, зная, какъ и къ, о помолвкѣ моей съ Владиміромъ, онъ никогда не упоминалъ о ней въ разговорѣ со мной, или съ папенькой. Казалось, и папенька забылъ о Владимірѣ, занятый постоянно однимъ Н***, съ которымъ проводилъ все время. Я не могла надивиться искусству и ловкости, съ какими Н*** занималъ папеньку. Онъ не уставалъ по цѣлымъ часамъ сидѣть съ папенькой за шахматной доской (папенька страстно любилъ шахматы), льстилъ его самолюбію, проигрывая очень-ловко цѣлыя партіи, или искусно выигрывалъ ихъ, возбуждая тѣмъ ослабленный интересъ игры. При случаѣ, онъ заводилъ съ папенькой ученый или хозяйственный споръ, въ которомъ раскидывалъ ловко множество шпѣвій pro и contra, умѣя притомъ всегда поддерживать мнѣніе папеньки. Такимъ-образомъ, лаская поминутно его самолюбіе, онъ умѣлъ при случаѣ отстоять свое мнѣніе, и папенька, убѣжденный искусными его доводами, соглашался съ нимъ.

Между-тѣмъ, время шло, а писемъ отъ Владиміра не было. Я грустила и плакала. На послѣднее письмо, отправленное напередъ тому съ мѣсяць, мы не получили отвѣта. Я терялась въ догадкахъ и приписывала молчаніе Владиміра нездоровью. Богъ-знаетъ, какія черныя мысли тѣснились въ умъ моемъ и не давали мнѣ покоя... Не-уже-ли Владиміръ могъ такъ скоро забыть меня? Не-уже-ли другая могла занять его сердце?.. Я рѣшилась писать къ нему, собралась съ силами и, безъ вѣдома папеньки, послала къ нему письмо, длинное, безконечное письмо, полное упрековъ и утѣреній въ любви, опасеній и надеждъ... Надрасно, томимая неизвѣстностью, ждала я отвѣта и на это письмо: отвѣта не было. Тогда мнѣ не оставалось ничего болѣе, какъ предаться грусти, доходившей иногда до безнадежнаго отчаянія. Тоску мою усмливало равнодушіе, какое я видѣла въ папенькѣ... Онъ какъ-будто не замѣчалъ моего унынія, не видѣлъ моихъ слезъ, хотя почти-всегда приходила я къ нему съ раскраснѣвшими глазами... Онъ никогда не говорилъ о Владимірѣ и если я иногда упоминала о немъ, то папенька тотчасъ же заводилъ рѣчь о другомъ предметѣ, чаще всего объ Н***. Однажды,

пользуясь веселымъ расположеніемъ папеньки, я просила его со слезами написать хоть два слова Владиміру, или узнать черезъ кого-нибудь о причинѣ его молчанія. Папенька перецѣпился въ лапъ и съ сердцемъ сказалъ мнѣ, что онъ не намѣренъ напоминать о себѣ и обо мнѣ Владиміру; что если онъ такъ равнодушенъ къ намъ теперь, то что жъ будетъ послѣ свадьбы. «Я вижу», прибавилъ онъ: «ты убиваешь себя, думая безпрестанно о Владимірѣ, который, быть-можетъ, забылъ о тебѣ. Увѣрена ли ты въ искренности его чувствъ, узнала ли ты его хорошенько, и не долженъ ли я упрекать себя за поспѣшность, съ какою согласился на вашу свадьбу? Впрочемъ, не все еще потеряно для тебя, и еслибъ Владиміръ не оправдалъ моего о немъ мнѣнія, то я такъ же легко могу взять назадъ свое слово, какъ и далъ его. Если мы оба ошиблись, то ошибку эту еще можно поправить, и ты можешь быть увѣрена, что я никогда не рѣшусь пожертвовать счастьемъ твоей жизни минутному увлеченію и какимъ-нибудь дѣтскимъ мечтамъ...» Я отвѣчала ему слезами. Я не смѣла доказать ему ошибочность его предположеній, боялась растрезвожить его. Къ-тому же, какіе доводы могла я представить въ опроверженіе словъ его? Чувство и сердце Владиміра, которыя такъ хорошо знала, въ которыхъ была такъ увѣрена?.. Но кто бы повѣрилъ мнѣ, кто бы не назвалъ меня сумасшедшею?.. Я должна была только плакать и страдать...

Прошли святки, прошло условленное время пріѣзда Владиміра, а о немъ не было и слуха. Я носылала письмо за письмомъ и ни на одно изъ нихъ не получала отвѣта. Тогда я перестала писать. Одна молитва и надежда на помощь Божию подкрѣпили меня... Не могу вспомнить теперь безъ невольнаго трепета объ этомъ ужасномъ для меня времени, времени агоніи и тоски смертельной. Даже утѣшенія няни, милой няни, не имѣли на меня вліянія. Я слушала ее равнодушно и просила только молиться за меня, просить Бога умиласердиться надо мною—возвратить мнѣ мое счастье, моего Владиміра. Добрая няня не пропускала ни одной обѣды и заутрени, ставила свѣчки, служила молебны за мое здоронье и счастье. Облегченная теплою молитвою и слезами, я успокоивалась на время, и въ эти минуты ни одинъ упрекъ, ни одна жалоба не потемняли драгоценнаго мнѣ воспоминанія о Владимірѣ...

Н... по-прежнему безпрестанно бывалъ у насъ въ домѣ. Обращеніе его со мною было точно такимъ же, какимъ и въ началѣ знакомства. Та же вежливость, та же осторожность, та же обдуманность въ каждомъ словѣ, въ каждой мысли. Я по-прежнему удалялась его, избѣгала случаевъ говорить съ нимъ наединѣ; я какъ-

будто боялась его; бывали минуты, когда разстроенное воображеніе мое представляло мнѣ его причиной моего несчастія...

Я упоминала прежде о слухахъ, предметомъ которыхъ была разлука моя съ Владиміромъ. Теперь эти слухи доходили уже до меня. Въ цѣлой околицѣ говорили уже открыто, что свадьба наша разстроилась; выдумали самыя нелѣпыя причины, которымъ, конечно, всѣ вѣрили и, въ добавокъ, преувеличивали до нелѣзя. Слѣды любви являлись передавала мнѣ всѣ эти слухи.

Однажды (это было въ февралѣ), рано поутру меня позвали къ паненькѣ. Я застала его одного, въ кабинетѣ. Онъ сидѣлъ въ своихъ креслахъ и держалъ въ рукѣ взятое письмо. Слѣды глубокаго страданія виднѣлись на лицѣ его. Съ нѣкотораго времени, его мучила подагра; онъ не спалъ по цѣлымъ ночамъ, и безвзвѣстные стоны, исторгаемые болью, нерѣдко доходили до моей комнаты и будили меня. Поздоровавшись со мною, паненька далъ мнѣ знакъ, чтобъ я села. «Я долженъ сказать тебѣ непріятную новость, Надя. Дѣло идетъ о Владимірѣ» (Я села не лишаясь чувствъ). «Опасенія мои сбылись... видно, такъ угодно было Богу... Вотъ что пишетъ мнѣ одинъ изъ петербургскихъ знакомыхъ моихъ...» Паненька хотѣлъ передать мнѣ письмо и вынулъ его изъ рукъ. Сильная боль заставила его схватиться за ногу. Я подняла письмо, но не имѣла силъ развернуть и прочесть его... Собравшись съ силами, паненька продолжалъ: «Мнѣ пишутъ, что Владиміръ отставленъ отъ службы... Открыли злонамеренное общество... На Владиміра пало сильное подозрѣніе въ соучастіи... Въ бумагахъ его нашли доказательства, улики... Его взяли... Производится слѣдствіе... (Паненька схватился за ногу.) Ты видишь, что послѣ всего этого между нами все кончено... Ты должна забыть о немъ... Надя!.. Будемъ благодарить Бога, что Отецъ не допустилъ насъ... до безчестія... Надя!.. ты видишь: я старъ, халъ... Мнѣ жить не долго... Успокой меня. Сдѣлай, чтобъ я, вслѣдъ всѣхъ несчастій въ моей жизни, умеръ счастливымъ... Теперь...» Паненька схватился за ногу, зубы его сжались судорожно; потомъ онъ застоналъ такъ страшно, такъ болезненно, что сердце повернулось у меня въ груди. Не смотря на слабость свою, я бросилась къ нему, стала тереть ему ногу. «Такъ... такъ... вотъ тутъ... такъ... Теперь хорошо, Надя... сядь, довольно, закрой мнѣ ногу... вотъ такъ...» Когда я села, паненька продолжалъ: «Успокой меня, Надя... Будь умна... Подумай... на твоихъ рукахъ долженъ оставить я сестеръ твоихъ, братьевъ... Сама судьба посылаетъ тебѣ жениха, котораго давно уже выбрало мое

сердце. Ты знаешь, о комъ я говорю... о (папенька назвалъ тут Н*** по имени и отчеству).

Какъ-будто громомъ поразило меня, когда я услышала это имя. Я лишилась чувствъ. Меня вынесли. Пришедши въ себя, я долже не могла дать себѣ отчета въ томъ, что слышала. Въ первую минуту, мнѣ казалось, что я видѣла страшный, словесный сонъ, но потомъ, когда предметы, окружавшіе меня, стали обочаться яснѣе, когда я узнала папеньку, который сидѣлъ подлѣ ея кровати и держалъ меня за руку, когда его утѣшенія дошдо моего слуха, тогда только вспомнила я объ ужасномъ извѣстіи. Слезы полились у меня ручьемъ; рыданія заглушали слова, которыя произносила я... Папенька и няня наперерывъ утѣшали меня, но могла ли я внимать этимъ утѣшеніямъ, когда ужасная вѣсть не выходила у меня изъ ума, когда всѣ надежды мои разлетались какъ дымъ, когда теряла я свое счастье? Слабость и истощеніе силъ не позволили мнѣ встать съ постели, и только на другой день, послѣ бессонной ночи, могла я въ горячей молитвѣ просить помощи милосердаго въ несчастливыхъ Бога... Молитва и вѣршила меня.

Снова, обычной чередой пошло время; шли дни, недѣли, мѣсяцы. О Владимірѣ не было никакого извѣстія. Я свыклась съ своимъ несчастіемъ, какъ бѣднякъ свыкается, по-неволѣ, съ кускомъ чуждаго насущнаго хлѣба. Н*** не-прежнему вѣдигъ къ намъ ежедневно. Я по-немногу привыкла къ его услужливости, внимательности, которыми онъ окружалъ меня. Желая угодить папенькѣ, перемѣнила съ нимъ обращеніе, не убѣгала его, какъ прежде, сѣла его съ большимъ вниманіемъ; невольно, или по привычкѣ увлекалась интересомъ его разсказовъ, полныхъ ума, знанія и оцѣнъ жизни. Другая жизнь моя, жизнь внутренняя, жизнь съ са собою шла, по-прежнему, въ грустной, тяжелой своей колеѣ. Кто не слѣдилъ за этой скрытой отъ всѣхъ жизнью; да и не могла интересоваться она? Наложивъ и опаснѣйшихъ моихъ никто не зналъ, я не передавала ихъ даже моей Адели. Въ кругу знакомыхъ моихъ, изрѣдка навѣщавшихъ насъ, въ кругу моихъ сверстницъ не нашла ни одной, которой бы могла открыться. Къ-тому большая часть изъ нихъ не выходила изъ той посредственной уму и воспитанія, которая такъ резко характеризуетъ нашихъ вице-провинціалокъ. Я замѣчала, какъ онѣ дичились меня, и старались быть принужденными, недоверчивыми. Недоверчивость невольно охлаждала меня къ нимъ, возбуждая съ ихъ стороны клевету и злые толки. Я скоро оставила ихъ. Поверять моимъ моей милой Адели я не могла: ее занимало иное. Счастливая съ любовью, своими усивхами въ свѣтъ, почти на порогъ исполнен

всѣхъ желаній ея, она не могла сочувствовать мнѣ, осужденной и несчастливой. Окруженная лестью, она допустила къ себѣ тщеславіе. Съ этой минуты я уже теряла въ ней друга. Боже мой! Какъ многихъ изъ насъ портитъ вліяніе свѣта, какъ бы мелоченьки былъ этотъ свѣтъ, и многія ли въ состояніи противопоставить этому вліянію твердую волю, характеръ, разсудокъ здравый и основательный?..

О разрывѣ съ Владиміромъ знали всѣ. Самые недѣльные слухи распространены были о причинахъ этого внезапнаго, таинственнаго для всѣхъ разрыва. Общее мнѣніе заранѣе осуждало Владиміра: когда же не бывали виноваты отсутствующіе! Жало клеветы не падало съ мнѣй вмѣстѣ и меня, и Богъ-знаетъ какія обвиненія не ложились тутъ на меня... Вездѣ говорили о новой, готовящейся въ нашемъ домѣ свадьбѣ. Назначали, откладывали срокъ по произволу, считали и пересчитывали мое приданое.

Объ этихъ скрытыхъ для меня приготовленіяхъ я знала меньше всѣхъ. Папенька, правда, не разъ говорилъ мнѣ о Н...; представлялъ его мнѣ всегда человѣкомъ достойнымъ его выбора, способнымъ сдѣлать мое счастье, и, слѣдственно, успокоить его... Я слушала его молча, подавая слезы, готовая брызнуть ручьемъ... Я не смѣла обнаружить моего волненія. Папенька говорилъ мнѣ всегда о Н... въ тѣ минуты, когда припадки болѣзни его усиливались... Въ эти минуты я готова была жертвовать всѣмъ, еслибъ жертва моя могла возвратитъ ему здоровье и спокойствіе.

Неожиданный, внезапный отъѣздъ Н... въ Москву, куда, какъ онъ говорилъ папенькѣ, призывали его дѣла по имѣнію, облегчилъ меня. Нестыслимая ничтѣй, я предавалась своей грусти. Тяжелая неизвѣстность о судьбѣ Владиміра убивала меня, и цѣлые дни и ночи я думала только о немъ одномъ.

Однажды (это было зимою и въ праздникъ), рано утромъ, вошла ко мнѣ въ комнату няня. Лицо старушки сіяло радостью. Она поздравляла меня съ праздникомъ и вынула изъ платка просвиру, которую имѣла обыкновеніе приносить мнѣ по праздникамъ отъ ранней обѣдни. «Богъ прислалъ тебѣ милости, родная моя», сказала она мнѣ, подавая просвиру. — «Кушай на здоровье; вынула за твое здравіе, да за здравіе Владиміра Николаевича». — Спасибо, няня, спасибо, отвѣчала я, цалуя ее. — Сядь, няня, ты, чай, устала. Усѣвшись въ кресла, няня продолжала: «Несу тебѣ съ святой просвиры и вѣсточку.» — Вѣсть?.. Отъ Владиміра?.. О, говори, говори скорѣе, няня! прервала я. — «Надоумилъ меня Господь Богъ», продолжала няня: «и ангель-хранитель... Приснился мнѣ сонъ... Какъ теперь помню: ѣду я по большой дорогѣ, да ѣду не одна, а съ Владиміромъ Николаевичемъ... Везу будто я его, же-

ниха, въ церковь Божию, къ святому налою... А онъ, голубчикъ мой, такой разодѣтый, такой веселый, что твоя красна дѣвица въ хоровадѣ!.. Вотъ и ѣдемъ мы, ѣдемъ; обогнули ужь гумно, проѣхали деревню... а церкви Божіей все не видать. Выглянула я изъ возка: Господи Боже мой! кругомъ снѣговая мятель; зги Божьей не видать. Сердце у него такъ и замерло. Смотрѣла на Владиміра Николаевича, а онъ, мой голубчикъ, какъ ни въ чемъ не бывалъ. «Ничего, говоритъ, няня, Богъ милостивъ». И вынулъ изъ-за пазухи твой крестикъ, что ты подарила ему, перекрестился, поцаловалъ его. «Поцалуй его, говоритъ, и ты, няня; съ нами не мнѣемъ церкви Божіей». Поцаловала, гляжу: небо прочистилось, взошло красное солнышко; поглядѣла впередъ—передъ нами и церковь Божія; кресты на солнышкѣ, какъ жаръ горятъ, и роду вокругъ видимо-невидимо... колокола такъ и заливаются, будто на свѣтлый праздникъ... Тутъ я проснулась... Слушаю, а колоколъ все звонитъ, да звонитъ... Ужь подлинно свѣтлый сонъ и сласть мнѣ Господь. Звонили, видишь, къ заутрени. Встала я, умывалась скорехонько, пакнула душегрѣйку, да и бѣгомъ въ церковь. Дорогой повстрѣчала знахарку-Терентьевну, спрашиваю къ чему, молъ, матушка такой сонъ?—Къ дорогѣ, говоритъ, Армоновна; ужь не миновать, говоритъ, вамъ дороги. «И!» говорю «матушка, мнѣ ли, старухѣ, въ дорогу; поѣздила я на своемъ въ лежить мнѣ одна дорога—въ сырую землю.»—Ужь быть дорогѣ, Армоновна, коли сонъ такой выпалъ. Вонъ, въ прошломъ году, та же сонъ привидѣлся Сидору-мельнику. Ужь ему ли, кажись, въ рогу, а глядимъ, веспой и послалъ его барянь въ дальнюю ветчину. Вотъ, глядите, и вамъ дорога выпадеть; дорога, говоритъ, да няня, и вернетесь вы изъ нея, говоритъ, благополучно, съ Божьимъ благословеніемъ.» Вотъ пришла я и въ церковь, а все дорога не ходитъ у меня изъ головы. Помолилась я, грѣшная, за твоего Владиміра Николаевича; просила Бога, чтобъ ему послалъ дорожку тебѣ.»

Пусть представляютъ себѣ мое удивленіе, когда няня, окончивъ рассказъ свой, изъявила мнѣ твердое, непремѣнное намѣреніе ѣхать въ Петербургъ, отыскать тамъ Владиміра, доставить ему мое и узнать отъ него-самого обо всемъ. Няня сказала мнѣ что эта мысль давно уже занимала ее; но она не рѣшалась явить мнѣ ее; теперь же, видя въ своемъ намѣреніи волю Божию исполнить ее во что бы ни стало. «Сослужу тебѣ послѣднюю службу, моя родная», говорила она, цалуя мои руки:—«отпусти ты не прогнѣви Бога. Не тошно ли мнѣ смотрѣть на твое горе твою кручинушку? Не дай злымъ людямъ погубить себя; они они кабалой батюшку Владиміра Николаевича, погубятъ и тебя»

красное салнышко». Напрасно старалась я уговорить няню, убъждала ее оставить свое намѣреніе, представляла ей всю трудность дороги, преклонность лѣтъ ея, нездоровье. Няня не слушала ничего. После долгихъ просьбъ, она наконецъ вынудила мое согласіе. Надобно было видѣть няню въ эту минуту, чтобъ понять всю ея радость. Она обливалась слезами, слезами радости, какъ-будто-бы все мое счастье заключалось въ исполненіи принятаго ею намѣренія.

Согласившись на просьбу няни, въ первыя минуты я не подумала о своемъ поступкѣ. Любовь къ Владиміру, желаніе узнать о немъ что-нибудь, заглушили во мнѣ благоразуміе и осторожность. Я должна была скрывать отъ всѣхъ побѣдку няни; входила съ ней въ разговоръ, ослушивалась воли отца. Съ другой стороны, твердое желаніе няни, поддерживаемое ея религіозными предрасудками и вѣрованіями, становясь на-перекорь всѣмъ моимъ убѣжденіямъ, поселяло во мнѣ какую-то слѣпую надежду на успѣхъ предпріятія, необдуманнаго, почти-безразсуднаго. Я употребила все средства, какія только могла, чтобъ облегчить дорогу няни. Папенька охотно далъ позволеніе на отъѣздъ няни въ Москву, къ одной изъ ея родственницъ. Все деньги мои, какими я только могла располагать, были отданы нянѣ. Гораздо-большіхъ трудовъ стоило мнѣ написать къ Вольдемару. Наканунѣ отъѣзда няни, цѣлую ночь провела я за письмомъ, начинала по нѣскольку разъ, и все мнѣ не нравилось, и я принималась писать снова. То мнѣ хотѣлось открыть Владиміру все мое сердце, выразить всю мою грусть, все отчаяніе, рассказать ему все, все, что произошло со времени нашей разлуки,—то вдругъ я принимала тонъ холоднаго равнодушія, осыпала его упреками и снова бросала письмо... Голова моя горѣла; сердце дрожало въ груди. Сколько разъ падала я на колѣни передъ образомъ, и, можетъ-быть, въ эти минуты молитву мою, тревожную какъ и духъ, отвергало небо... Только передъ утромъ могла я написать нѣсколько строкъ... «Няня расскажетъ ему все», думала я: «кому лучше няни и отгадать, и выразить чувства мои? Онъ пойметъ ее; онъ возверитъ ей.»

По отъѣздѣ няни почувствовала я угрызеніе совѣсти. Были минуты, когда я считала себя преступницею, убійцею. Няня могла не выдержать тяжелой дороги, няня могла заплатить жизнью за воступокъ, виновницей котораго была одна я. Мысли, одна другой тревожнѣе и темнѣе, не давали мнѣ покоя. Раскаяніе мое пришло слишкомъ-поздно, и я мучилась казнью Тантала. Какимъ-то чудомъ слабая натура моя могла устоять противъ такого бурнаго швора мыслей... Я подавила въ себѣ болѣзнь, и только страхъ,

надежды, опасенія— поддерживали меня въ грустномъ моемъ существованіи.

Прошелъ цѣлый мѣсяць, и сколько мукъ вынесла я, выстрадала въ этотъ ужасный, безконечный мѣсяць! Къ довершенію этихъ мукъ, дошли до насъ слухи о холерѣ. Страшная язва посѣтила въ эту зиму Петербургъ. Жертвы падали тысячами, и я знала эти и много разъ разстроенное воображеніе мое, въ числѣ этихъ жертвъ указывало мнѣ на одну... Ни безсонныя ночи, исполненные агоніи и тоски смертельной, ни горячія слезы не могли облегчать меня.

Даже теперь, когда минула меня чаша бѣдствій, даже теперь не могу я безъ трепета вспомнить объ ужасныхъ дняхъ этихъ. И, видно, велики были мои страданія, и, видно, ими я окупила вѣдѣну грѣховъ моихъ, если Богу, всегда справедливому и милосердому, угодно было наградить меня другою жизнью, жизнью, которою я наслаждаюсь теперь, которою я такъ счастлива!

Въ послѣднихъ числахъ другаго мѣсяца (это уже было въ началѣ весны) папенька получилъ письмо изъ Петербурга отъ одного изъ короткихъ своихъ знакомыхъ. Увѣдомляя о чудесномъ сохращеніи своемъ среди неотвратимой смерти (такъ думали тогда о дарѣ почти всѣ), знакомый папеньки касался многихъ подробностей этой памятной для Петербурга эпохи, говорилъ о мѣрахъ и вѣдѣльствѣхъ къ пресѣченію язвы, глухо упоминалъ о числѣ жертвъ и многомъ, что интересовало въ то время всѣхъ. Въ заключеніи онъ писалъ слѣдующее: «Мнѣ помнится, вы хорошо знали Владимира Николаевича ***каго, и я полагаю доставить вамъ не малое удовольствіе, сказать, что онъ былъ изъ числа лицъ, выбранныхъ министромъ для наблюденія за исполненіемъ спасительныхъ мѣръ правительствомъ и успѣлъ отличить себя усердіемъ, доставившимъ до самоотверженія. Нѣтъ сомнѣнія, что министръ будетъ достойно вознаградить заслуги этого отличнаго человека».

Владимиръ живъ!.. И онъ все тотъ же, тотъ же Владимиръ, зараго любовь къ ближнему мнѣ такъ извѣстна, въ благородствѣ котораго я была такъ увѣрена. И если онъ еще помнитъ меня, которую такъ любилъ? если?..

Извѣстіе это было первою каплею бальзама исцѣленія, и если не мысль о нянѣ, которая непрерывно была у меня на умѣ, я могла бы вздохнуть свободнѣе... О нянѣ ни слуха, ни вѣсти. Няня своими мыслями, я почти забыла о Н... Продолжителе пребываніе его въ Москвѣ много безпокоило папеньку. Письма становились все рѣже и рѣже. Въ нихъ онъ писалъ, что радъ дѣла, особенно же устройство фабрики, предпринятое имъ въ шихъ размѣрахъ, по всей вѣроятности задержать его въ Москвѣ до наступленія лѣта. Въ промежуткахъ двухъ послѣднихъ пи

Н... вы узнали, что имѣніе его взято въ казну. Никто не зналъ причинъ конфискаціи; самъ Н... не писалъ объ этомъ ни слова.

Постала весна. Исчезъ снѣгъ; широко потекли раскованныя отъ льда рѣки. Живительное солнце сушило нивы; крестьянинъ брался за плугъ; жаворонокъ поднимался съ полей, и, сверкая на солнцѣ своими крылышками, пѣлъ веселую пѣсню довольства и вожделѣнной свободы. Каждый день по нѣсколькимъ часамъ проводила я въ саду, водѣ любимую липу, когда-то свидѣтельницею моихъ счастыхъ признаній Владимиру, моего тогдашняго счастья и надеждъ, еще болѣе упительныхъ. Какъ все измѣнилось теперь! Теперь за этой развивающейся въ красѣ природой слѣдило разбитое горемъ сердце. Винная этому отдаленному, едва-уловимому и тѣмъ не менѣе понятному, тѣмъ не менѣе-гармоническому гулу возрожденія, этимъ зачаткамъ жизни въ природѣ, я чувствовала облегченіе. Не той ли же колесой проходитъ и жизнь наша, а въ ней и все горе наше?.. Въдѣ такъ часто горе смѣняется радостью, надежда плещетъ слѣдомъ за опасеніемъ!

Въ одинъ изъ этихъ прелестныхъ весеннихъ дней, я засидѣлась въ саду долге обыкновеннаго. Пригрѣтая солнцемъ, очарованная однообразнымъ журчаніемъ воды, щебетаніемъ малиновки на ближнемъ кустѣ, я предавалась какой-то полудремотѣ... Передо мной развѣртывалась прелестная картина, на которую я не могла насмотреться вдоволь... Большая дорога шла мимо сада, пересѣкала поля, оттененныя свѣжею зеленью, и терялась въ густомъ кустарникѣ, который служилъ опушкою отдаленнаго лѣса. Посматривая на дорогу, я скоро примѣтила экипажъ. Онъ только-что выѣзжалъ изъ лѣса. Какіе-нибудь скучные деревенскіе гости! подумала я и готова уже была идти въ комнаты для встрѣчи ихъ. Между-тѣмъ, коляска неслась во всю прыть по гладкой и ровной дорогѣ. Почтовые лошади, которыхъ усердно погонялъ ямщикъ, и незнакомый экипажъ возбуждали мое любопытство. Я стала всматриваться — и тѣмъ болѣе всматривалась, тѣмъ сильнѣе начинало биться мое сердце. Не сонъ ли видѣла я? Не обманывали ли мои глаза мои?.. Владиміръ!.. и съ нимъ няня! няня!..

Такого счастья было уже слишкомъ-много. Я не знала, чѣмъ должна была дѣлать. Я то вставала, то садилась снова, хотѣла идти, — и силы оставляли меня... Изъ коляски меня замѣтили. Няня махала платкомъ, Владиміръ понукалъ ямщика... Черезъ нѣсколько минутъ я уже была въ ихъ объятіяхъ...

Вопросъ моей жизни, моего существованія, былъ скоро рѣшенъ... Павенька уступилъ нашей любви, нашимъ мольбамъ и просьбамъ. Я назвала Вольдемара своимъ. Закавъ и церковь освятили для насъ въ глазахъ всѣхъ это слово. Пріездъ Владиміра разсвѣлъ всѣмъ по-

доумѣнія, разрѣшилъ все вопросы. Низкая клевета и интриги Н^{...} преоблачили во всемъ ихъ безобразіи. Владиміръ былъ оклеветанъ; не было низости, которую бы не привелъ въ дѣйство гнусный, презрѣнный Н^{...}. Его стараніями не доходили до насъ письма Владиміра, не доходили до него наши. Вкрадываясь въ доверенности паньки, онъ искусно умѣлъ очернить въ его мнѣніи Владиміра. Его происками самыя нелѣпыя клеветы и выдумки находили отголосокъ въ убѣжденіяхъ и отзываяхъ людей, которымъ имѣлъ слабость вѣрить панька. Превратные, поспѣянные имъ слухи доходили и до Владиміра. Не получая отъ насъ никакихъ извѣстій онъ начиналъ вѣрить слухамъ о моей помолвкѣ, покуда, наконецъ эти слухи не приняли для него всѣхъ признаковъ вѣроятности. Обманутый въ надеждахъ, разочарованный въ завѣтнѣйшихъ мечтахъ своихъ, Владиміръ былъ близокъ къ отчаянію. Но, полный благородства и силы, въ отищеніе за неправду людей, онъ готовился обречь себя на тяжкую службу, собирався бросить столицу и ѣхать въ отдаленныя края Россіи, гдѣ умъ и познанія его могли принести людямъ пользу вопреки ихъ желаніямъ. Въ долгой, постоянной борьбѣ съ неправдами хотѣлъ онъ, какъ въ очистительномъ огнѣ, закалить свое горе... Няня постигла еще во-время. Ей, исключительно ей одолжена я моимъ счастіемъ.

Съ-тѣхъ-поръ, объ Н^{...} мы не слышали ничего. Онъ канулъ какъ въ воду. Ходили темныя слухи объ открытомъ преступленіи, къ которому побудили его корыстолюбіе—жажда къ деньгамъ. Имѣніе его, какъ мы узнали послѣ, было давно имъ промотано. Неоплатные долги и возраставшія требованія кредиторовъ стѣсняли его со всѣхъ сторонъ. Нужно ли говорить, что мое состояніе ставило его играть ту трудную, продолжительную роль, какую онъ пріянялъ на себя въ-отношеніи ко мнѣ и цапемъкъ?..

Оканчивая мою повѣсть счастливой развязкой, которой я одолжена нянѣ, моей доброй, незабвенной нянѣ—могу ли умолчать объ ней? Теплыя слезы мои проводили ее въ могилу; воспоминанія о ней, связанныя съ воспоминаніями почти всей моей жизни, заключаютъ въ себя такъ много отраднаго, успокоительнаго, и я готова бы не разлучаться съ ними никогда, и если Богу угодно, несѣять меня новыми бѣдствіями, то въ искренней, неподдѣльной любви и преданности ко мнѣ няни, какъ въ живомъ источникѣ я буду почерпать силы на слѣзную преданность тому, котораго управляетъ нашими дѣлами и мыслями и испытываетъ насъ о наковѣ и гребѣ и радостью...

Мирно и счастливо протекли послѣдніе дни няни. Лелѣе нашимъ вниманіемъ и предупредительностью, она, такъ-сказавъ, жила только въ насъ, существовала и была счастлива наши

счастіемъ. Въ день нашей свадьбы, она вся сіяла этимъ счастіемъ. Взявъ своимъ преданіемъ и обычаямъ, по пріѣздѣ изъ церкви, она, на порогѣ дома, осыпала насъ хлѣбомъ и поднесла коровай... Позже, всѣ заботы ея сосредоточились на нашей Олимпіи. Решила къ кормилицѣ, даже ко мнѣ, она не отходила отъ колыбели, убаюкивала дитя своими пѣснями, няньчила его и забавлялась съ нимъ, какъ ребенокъ. Сколько разъ, въ таинственной тиши сумерекъ, я в Владимірѣ мы слушали ея наивныя колыбельныя пѣсни, ея рассказы и бызальшички, отгѣченныя тѣмъ же духомъ чудснаго, въ который слѣпо вѣрила няня! Съ какимъ удовольствіемъ рассказывала она намъ о Петербургѣ и чудесахъ его; о холерѣ, которой была свидѣтельницею, которую видѣла собственными глазами, отъ которой зачуралась крестомъ и молитвою! При малѣйшемъ признакѣ сомнѣнія съ нашей стороны, няня принималась рассказывать всѣ подробности этой странной встрѣчи съ незнакомою индійскою гостею. Она видѣла ее изъ окошка квартиры, видѣла, какъ она отравила колодезь, бросая въ него заколдованное снадобье, видѣла, какъ подходила она къ окну дворника и махала бѣлымъ платкомъ, и въ ту же минуту не стало бѣднаго дворника. И все это видѣла она не одна. Видѣла и сосѣди, землякъ Архипъ, содержавшій артель, кучеръ Осипъ, прачка Амиушка, и какой-то чиновникъ изъ Нѣмцевъ, Иванъ Ивановичъ... Филантропія няни дѣлала изъ Нѣмцевъ исключеніе: по ея мнѣнію, они, басурмане и нехристы, были заодно съ холерою...

При порывѣ нашемъ въ Москву, няня не хотѣла оставить насъ и упростила взять ее съ собою. Это было послѣднее путешествіе ея въ здѣшній міръ... Преклонныя лѣта и нездоровье удручали ее. Съ костылемъ въ рукахъ ходила она каждый день въ приходскую церковь. Прошлой зимою, возвращаясь отъ вечерни, она поскользнулась, увала, и не могла встать, не смотря на всѣ усилія. Ее принесли. Съ этого времени, она слегла въ постель и уже не вставала... Страданія ея не были продолжительны. Въ послѣдній, полупотухшемъ взглядѣ, которымъ окинула она всѣхъ насъ, выразилась и послѣдняя мысль, съ которою оставила она этотъ міръ. Мысль эта относилась къ намъ и, конечно, мѣшалась съ предсмертною теплою молитвою ея за наше счастіе. Въ благоговѣйномъ молчаніи, преклонивъ колѣни, приняли мы послѣдній вздохъ ея...

С. ПОВѢДОНОСЦЕВЪ.



А М Е Р И К А Н Ц Ы.

Романъ.

ЧАСТЬ ШЕЗЪДАЪ.

—

1.

Вдвѣзъ дороги, зыбкой нисходящей отъ городка Коозы до главнаго города Георгіи, Милледжвилля, недалеко отъ того мѣста, гдѣ теперь гостинница того же имени приглашаетъ отдохнуть усталаго путника, — стоялъ, лѣтъ тридцать назадъ, подъ выступомъ скалы, увѣчанной нѣсколькими дюжинами кедровъ и елей, домъ средняго величина и суровой наружности. Передъ домомъ возвышались пометки: два бревна толщиной въ человѣка, съ поперечными перекладинами, между которыми печатывался неполнискій щитъ; въ ближайшемъ разсмотрѣніи, на этомъ щитѣ можно было разглядѣть кельбную фигуру, рѣзко расписанную самыми яркими цвѣтами, съ діадемою изъ перьевъ, съ томагоукомъ, ножомъ и замкомъ, — вѣроятно, изображеніе индѣйскаго начальника. Подъ щитомъ была нацарапана надпись, въ родѣ египетскихъ іероглифовъ «entertainment For men And beast», т. е. «пріютъ для людей и животныхъ». По правую сторону дома, или, лучше сказать, хижинъ въ сторонѣ провѣжей дороги, находились сколоченныя изъ бревенъ стойла, отдѣленныя отъ дороги только грязною лужею и набиты кучами сѣна и соломы, изъ которыхъ кое-гдѣ выглядывали остки грязныхъ постелей, позволяя догадываться, что эти стойла значены не только для скота, но и для провѣжихъ, которыхъ участь приведетъ здѣсь отдохнуть и почевать. Цара коровники да свиношникъ составляли все это залѣсное поселеніе.

Была бурная декабрьская ночь; вѣтеръ ужасно ревѣлъ въ черномъ сосновомъ лѣсу, на опушкѣ котораго стояла хижина, и частый трескъ древесныхъ стволовъ, съ громовымъ грохотомъ низвергаемыхъ бурей, возвѣщала объ одномъ изъ яростныхъ оркановъ, которые такъ часто пролетаютъ между Снними-Горами Тевесса и низменностью Миссиссипи, унося за собою лѣса, хижины и деревни. Среди воя бури, послышался легкій стукъ въ ставень описанной нами хижины и скоро превратился въ удары, отъ которыхъ зашатались ея бревна. Вслѣдъ за тѣмъ дверь растворилась до половины и въ мрачную ночь выглянула голова, какъ будто желая узнать, что тутъ происходитъ; ей на встрѣчу въ то же мгновенье двинулся прикладъ карабина, вѣроятно, чтобъ избавить жильца отъ дальнѣйшаго труда отворить дверь. Человѣкъ высокаго роста распахнулъ двери, твердою поступью вошелъ въ комнату и сѣлъ возлѣ очага; за нимъ гуськомъ, съ величайшимъ молчаніемъ, полувошло, полувыпрыгнуло еще нѣсколько другихъ фигуръ.

Прошло довольно времени, покажеться человѣкъ двадцать этихъ ночныхъ посѣтителей переступили черезъ порогъ. Когда шестіе кончилось, дверь снова затворилась; человѣкъ исполицкаго роста подошелъ къ очагу, гдѣ тлѣла еще головня, побросалъ на нее щепокъ и зажегъ одну изъ смоляныхъ лучинъ, лежавшихъ въ кучѣ; потомъ, мѣрными шагами подошелъ къ столу, преспокойно взялъ сальной свѣчку, зажегъ ее и поставилъ на столъ.

При тускломъ свѣтѣ сальной свѣчи и поемногу-разгаравшихся дровъ, яснѣе можно было рассмотреть безыскусственную, почти дикую внутренность хижины, вполне соответствовавшую ея наружности. На стулѣ, близъ очага, сидѣлъ человѣкъ, вошедшій прежде прочихъ и окутанный въ окровавленное шерстяное одѣяло, такъ что не было видно ни лица его, ни стана. За нимъ, на глиняномъ полу, сидѣли на корточкахъ человѣкъ двадцать Индійцевъ, также укрывъ лица мокрыми одѣялами, запятанными кровью и изобличавшими кровавый характеръ экспедиціи, изъ которой она воротилась.

Противъ очага, въ углу, стоялъ столъ; за загородкою разставлено было съ дюжину грязныхъ бутылокъ и еще болѣе грязныхъ стакановъ и кружекъ. Полкою ниже, стояли три выкрашенные голубою краскою сосуда съ надписью: «french brandy, gin, Monopgehal». Налѣво, почти до потолка возвышалась куча оленьихъ, бобровыхъ, медвѣжьихъ и лисьихъ мѣховъ, свидѣтельствовавшая о частыхъ свояшеніяхъ съ племенемъ краснокожихъ. Возлѣ мѣховъ стояла огромная кровать съ пологомъ, окруженная тремя другими востелами пониже и колыбелью или, вѣрнѣе, корытомъ, облом-

комъ пустаго дерева, концы котораго были заколочены досками. Въ этихъ разнородныхъ убѣжищахъ наслаждалось семейство хозяина полнымъ, безмятежнымъ покоемъ, судя по громкимъ, довольно-грубымъ звукамъ, вылетавшимъ изъ нихъ легкихъ. Стѣны комнаты представляли собою ряды грубыхъ, неотесанныхъ древесныхъ стволовъ, единственнымъ украшеніемъ которыхъ были широкія полосы глинны, наполнявшей промежутки.

Въ этой-то комнатѣ, которую читатель, судя по ея многообразнымъ назначеніямъ, долженъ вообразить себѣ довольно-просторною, хозяинъ приводилъ въ порядокъ стулья и скамьи, безъ церемонии опрокинутые при вторженіи пришлецовъ; онъ занимался это такъ спокойно, холодно и смѣло, что можно было подумать, будучи гостями его сосѣди-пріатели, а не дикари, только-что возвратившіе изъ кровавой экспедиціи и пришедшіе, можетъ-быть, сняты, довершенію своихъ подвиговъ, кожу съ него-самого и съ семьи его. Поставивъ послѣдній стулъ на мѣсто, онъ присѣлъ къ Индійцу, который, въ качествѣ предводителя шайки, сидѣлъ впереди прочихъ.

Такъ просидѣли они нѣсколько минутъ; наконецъ, Индеецъ всталъ и обнажилъ часть головы своей, другая половина которой была обвязана кускомъ казико съ запекшеюся на немъ въ шариковъ кровью. Хозяинъ взглянулъ на Индійца, но въ ту минуту устремилъ взоръ на очагъ.

— Развѣ у бѣлаго брата моего нѣтъ языка? спросилъ наконецъ Индеецъ. — Или онъ медлитъ, чтобъ послѣ изгнать его лучше?

Онъ произнесъ эти слова глухимъ, высокомернымъ горловымъ голосомъ.

— Онъ хочетъ слышать, что скажетъ ему начальникъ, суугрюмо отвѣчалъ Американецъ.

— Пойди, позови жену свою, сказалъ Индеецъ тѣмъ же кимъ басомъ.

Хозяинъ всталъ, подошелъ къ испанской брачной постели, заговорилъ, раздвинувъ пологъ, съ женою, которая между-приподнялась и, по-видимому, больше съ любопытствомъ, нежели со страхомъ ждала, что будетъ. Послѣ краткаго разговора, вышла изъ своего убѣжища. Это была что-называется бойширокоплечая и плотная; не очень-нѣжное лицо ея ясно говорило, что ея не скоро озадачишь. Шляфрокъ изъ линсей-вульсея, нечленый для употребленія днемъ и ночью, еще рѣзче выказывалъ ея грозную фигуру, когда она твердою поступью и почти въ шагахъ выступила рядомъ съ мужемъ впередъ. Но грозное spectacle пришлецовъ, ихъ окровавленные головы и одѣяла, ознобя теперь высоко-вздымающимся пламенемъ, показались е

кинь дурнымъ предзнаменованіемъ, что она видимо испугалась. Сначала, она быстро и смѣло пошла-было къ Индійцамъ; но вдругъ шаги ея сдѣлались невѣрны, и она съ невольнымъ ужасомъ оглянулась въ ту сторону, гдѣ мужъ ея снова занялъ свое мѣсто. Промая съ минутой въ мрачномъ молчаніи.

Индіецъ поднялъ голову, не подымая, впрочемъ, глазъ, и строго произнесъ: — Послушай, женщина, что скажетъ тебѣ великій воинъ, руки котораго отверсты и который наполнить *сигвалъ* (хижину) своего брата оленьими шкурами. За эту цѣну онъ потребуетъ у сестры своей немногаго, и эту бездылицу дать ей легко. Есть ли, продолжалъ онъ, возвысивъ голосъ и устремивъ на нее шоръ: — есть ли у сестры моей молоко для маленькой дочери?

Хозяйка съ удивленіемъ посмотрѣла на Индійца.

— Хотите ли она, продолжалъ онъ: — удѣлить немного молока маленькой дочери, которая безъ того умретъ съ голода?

Лицо слушающей начало проясняться, когда она поняла, что Индіецъ чего-то отъ нея жагаетъ, и что, слѣдовательно, въ ея власти отказать или исполнить его просьбу. Она съ нетерпѣніемъ ждала дальнѣйшихъ объясненій.

Индіецъ, не удостоивая ея ни малѣйшаго взгляда, раскинулъ широкія складки своего одѣяла и досталъ изъ него прекраснаго ребенка, окутаннаго въ драгоцѣнные мѣха.

Женщина нѣсколько минутъ стояла какъ окаменѣлая передъ милымъ явленіемъ; изумленіе какъ-будто оковало языкъ ея. Но любопытство ближе рассмотреть это прелестное существо и, можетъ-быть, материнское чувство — дали ему наконецъ волю.

— Великій Боже! воскликнула она, протягивая за ребенкомъ руки: — что за милашка! И должно быть, отъ хорошихъ родителей, ужь повѣрьте мнѣ; я готова побожиться. Посмотрите только, что за мѣха, что за кружево! Такихъ вы отъ-роду не видывали, а? Откуда у тебя это дитя? Бѣдняжечка! Я, разумѣется, готова кормить его; вѣдь это не красный ребенокъ.

Хозяйка, кажется, очень была расположена еще далѣе распространиться въ своихъ восклицаніяхъ, но знакъ мужа закрылъ ей ротъ. Начальникъ, не удостоивая ея ни малѣйшаго вниманія, развернулъ шубку изъ голубыхъ лисицъ, сдернулъ ее съ ребенка и собрался снять съ него верхнюю рубашечку. Повозившись немного, онъ достигъ своей цѣли; но на ребенкѣ явилась еще одна и другая и третья рубашка, такъ-что онъ былъ закутанъ въ нихъ, какъ шелковичный червь въ коконы. Индіецъ потерялъ терпѣніе, выхватилъ ножъ, срезалъ съ дитяти остальное ялатъе и подаль его нагасаго хозяйкѣ.

— Воплощенный дьяволъ! закричала женщина въ ужасѣ, врывая у него ребенка.

— Пестой! сказалъ Индѣецъ, холодно и неподвижно глядя на шею ребенка, на которой висѣла золотая цѣпочка съ небольшою медалью. Хозяйка, не говоря ни слова, сняла цѣпочку съ шеи, бросила ее въ лицо Индѣйцу и быстро удалилась къ себѣ на кровать.

— Взбѣсилась! проворчалъ хозяинъ, не мало, по-видимому, обезпокоенный ея вспышкою.

— Красный воинъ, продолжалъ Индѣецъ съ непоколебимымъ равнодушіемъ:—заплатить за молоко для своей маленькой дочки бобровыми мѣхами; но онъ хочетъ владѣть тѣмъ, что досталъ, двери должны раствориться, когда онъ потребуетъ ребенка.

— Однакоже, замѣтилъ хозяинъ, которому вдругъ пришла мысль, что не мѣшаетъ разузнать это дѣло поподробнѣе:—сказавъ откровенно, я немного за него далъ бы, и оставляю ребенка здѣсь, хотя, благодаря Бога, у меня и своихъ довольно. А если придутъ его родители? если бѣлый отецъ узнаетъ о немъ, то что? Красный начальникъ знаетъ, что его руки достаютъ далеко.

Индѣецъ помолчалъ съ минуту, и потомъ произнесъ многозначительнымъ тономъ:—Мать этого ребенка никогда не придетъ у насъ. Ночь очень-темна. Буря воетъ сильно. Завтра не видно будетъ слѣда отъ ногъ красныхъ воиновъ. До вигвамовъ благо отдалеко. Если онъ узнаетъ о ребенкѣ,—такъ это будетъ значить, что бѣлый братъ мой самъ сказалъ ему. Если онъ возьметъ ребенка, такъ красный начальникъ возьметъ кожи съ головъ дѣтей своего благо брата.

— Такъ возьми дитя назадъ, я не хочу съ нимъ связываться, сказалъ хозяинъ рѣшительнымъ голосомъ.

Индѣецъ обнажилъ свой окровавленный ножъ и устремилъ ослѣпляющій взоръ на пологъ кровати, за которымъ скрылось дитя.

— Мы позаботимся, чтобъ никто объ этомъ не узналъ, сказала испуганная женщина.

Индѣецъ спокойно заткнулъ ножъ обратно за поясъ и сказалъ — Горло у красныхъ людей пересохло.

Изъ-за полога послышалось ворчанье, что-то въ родѣ хриплого желанія, чтобъ каждая капля стала ядомъ для кровенной жидкости. Хозяинъ, одушевленный мстительнымъ человеколюбіемъ своей половины, неспѣшилъ воскорье къ столу удовлетворить ланіе гостей. Начальникъ, сидя, вынулъ полстакана смолы (р водки) однимъ духомъ, — и пошла круговая. Когда вынули шестой, начальникъ всталъ, бросилъ на столъ немалую золо

монету, раздвинулъ нелогъ кровати и надвѣлъ на шюю ребенку оше-редьке изъ коралловъ, доставъ его изъ-за пояса своего шампуа.

— Мѣскоги узнаютъ дочь одного изъ своихъ вѣнновъ, сказалъ онъ, устренивъ взоръ на ребенка, мирно лежавшаго у груди хозяйки изъ ошлековой кешточкѣ. Онъ бросилъ еще одинъ взглядъ на ребенка и женщину, и потомъ молча оборотился къ дверямъ и исчезъ съ своими спутниками во мракъ ночи.

— Прошла буря! сказалъ хозяинъ, смотрѣвшій въ двери вслѣдъ за Индѣйцами, которые прокрадывались къ своимъ березовымъ лодкамъ на рѣкъ Коозъ.

— Скажи, ради Бога, кто этотъ воплощенный краснѣйшій дьяволъ? прервала его жена, тяжело вздохнувъ и неволью вздрогнувъ.

— Тсс! молчи, жена, пока Кооза не будетъ между твоимъ языкомъ и краснокожими. Тутъ шутки плохи, уверяю тебя.

Съ этими словами, онъ заперъ дверь и подошелъ ео свѣточъ къ кровати, гдѣ жена его кормила ребенка.

— Бѣдняжка! сказалъ онъ: — если бъ ты могла говорить, ты разсказала бы исторію, отъ которой волосы стали бы дыбеть. Того-и-смотри, что мы заплатимся за нее собственною кожею. Тутъ что-то неладно. Красные черти ходили снимать кожу съ кого-то, это ясно. Но гдѣ они были, извѣстно одному Богу. Хорошо еще, если досталось Испанцу, прибавилъ онъ, поглядывая на ребенка, то на золотую монету: — плевать бы я хотѣлъ на все это,—а то...

Съ этими словами, онъ снова бросился на постель. Но прошель добрый часъ, пока онъ заснулъ. Это приключеніе какъ-будто динило его спокойствія.

Капитанъ Джонъ Коплендъ (такое было имя и званіе хозяина гостиницы подъ вывѣскою индѣйскаго начальника) былъ одинъ изъ посредниковъ, поселившихся года два назадъ въ земль Криковъ подъ покровомъ центрального правительства и подъ зинитомъ агента, живущаго у Индѣйцевъ. Онъ перѣхалъ сюда съ женою и дѣтьми изъ Восточной-Георгіи, за пятьдесятъ долларовъ купилъ коллекцію упомянутыхъ нами сосудовъ, умножилъ семейство свое двумя новыми пѣнцами, удвадцатерилъ имущество, и жиль-себѣ, лѣтъ тридцати-пяти отъ роду, припѣваючи. Никого не считая выше себя, а всякаго, кто не гражданинъ, считая ниже, онъ соединялъ съ капитанскимъ чиномъ именно столько трактирной любезности, что правился своимъ серьезнымъ гостямъ. Не смотря, однакоже, на то, что вся почтенная особа Джона Копленда и всѣ заботы его имѣли больше цѣлью приобрѣтать мѣхъ Индѣйцевъ, нежели сохранять въ цѣлости собственную и семейства своего кожу,—и онъ, правду сказать, блин не очень въ без-

опасности; по-крайней-мѣрѣ вѣрно не безопаснѣе трудно-достижнныя шкуръ бобровъ, — въ немъ было какое-то темное, инстинктивное, но тѣмъ болѣе вѣрное и твердое чувство долга, такъ что онъ не задумавшись принесъ бы въ жертву бобровые и дикія мѣха, если бѣ дѣло коснулось блага его отечества или его мѣстныхъ согражданъ. Эти зальские жители всегда были въ котловыхъ отношеніяхъ къ раздражительнымъ сосѣдямъ своимъ дикарямъ. Крики, правда, нѣсколько лѣтъ сряду жили какъ-будто въ ладу съ Американцами, или, вѣрнѣе, съ жителями штата Георгія. Они не только приняли со всѣми знаками уваженія агента, присланнаго центральнымъ правительствомъ, и признали такимъ образомъ надъ собою власть «великаго блага отца», какъ называли они президента Соединенныхъ-Штатовъ; они даже выказали готовность содѣйствовать всему, что правительство и его агентъ принимали для ихъ гражданскаго и нравственнаго образованія. Но не смотря на всѣ эти знаки взаимнаго довѣрія, множество непримиримыхъ столкновеній могло и должно было сдѣлаться зародышемъ будущаго или близкаго раздора, и это не ускользнуло отъ проницательнаго взора капитана Коуланда.

Многіе мирные договоры, вынужденные у Индійцевъ Бѣлыми какъ называли они Американцевъ, лишили ихъ по-немногу лучшей и лучшей части ихъ наследственныхъ владѣній. Эти владѣнія заключали въ себѣ нѣкогда большую часть Георгія и Флориды нынѣшніе штаты Алабаму и Миссиссипи. Они согласились на полныя уступки, походившія на грабежъ, равнодушно и въ надеждѣ мирно пользоваться по-крайней-мѣрѣ тѣмъ, что имъ осталось. Сколько времени, особенно во время революціонной войны и вѣдущія за тѣмъ десять лѣтъ, ихъ оставляли въ покоѣ. Граждане Георгія, едва будучи въ состояніи отражать виѣшнихъ непріятелей и обрабатывать собственныя поля, остерегались будить дремлющихъ дикарей. Но въ-теченіе восемнадцати лѣтъ, прошедшихъ окончанія войны за независимость, зажили мало-по-малу раненыя сѣнами этому штату войною и опустошеніемъ. Народонаселеніе почти удвоилось, и усилилась потребность распространиться въ роскошномъ западѣ. Свѣжее юношество съ любовью поглядывало на плодоносныя долины рѣкъ Коозы и Окони, освѣщенные ореховыми и кленовыми рощами. Скоро все чаще и чаще начали являться съ лошадьми и повозками, женами и дѣтьми, скотомъ и домашнимъ скарбомъ переселенцы, выбирая себѣ лучшія мѣста, и нисколько не заботясь о правахъ владѣнія. Такой беззаконный порядокъ дѣлъ, за нѣсколько мѣсяцевъ передъ описаннымъ нами починнымъ происшествіемъ, подалъ поводъ къ серьезному спору за владѣніе землями при рѣкѣ Оконн. Споръ, правда, былъ

какъ прекращенъ при посредничествѣ центрального правительства; однакожъ это не только не успокоило умовъ, но оставило, напротивъ того, мловитое жало въ сердцахъ Индѣйцевъ. Начальникъ Криковъ, который позволилъ склонить себя къ уступкѣ этого чудеснаго пространства земли, былъ по происхожденію смѣшанной породы; мать его была Американка. Одного такого обстоятельства было бы уже достаточно, чтобъ въ сильной степени возбудить недовѣрчивость Индѣйцевъ, если бъ даже договоръ и не былъ притѣсненіемъ для значительнаго племени этого народа. А это случилось, и несправедливость была возмутительна: глава народа, и съ нимъ потомокъ древнихъ миковъ, или королей оконискихъ, лишился, въ-слѣдствіе означеннаго договора, земли и отечества. Этотъ мико слылъ за злѣйшаго врага бывшихъ. Его непоколебимость и упорство обратились въ пословицу. Вліяніе его на свое племя было, говорили, безгранично, и голосъ его имѣлъ рѣшительный перевѣсъ въ сойтѣхъ нѣлой націи, справедливо опасавшейся теперь за владѣніе остальныхъ пространствомъ земель.

Гордый, лишенный родины дикарь не могъ не чувствовать, какъ оскорбляютъ и топчутъ права его; тлѣющій огонь неудовольствія готовъ былъ вспыхнуть при малѣйшемъ поводѣ. Война, какъ ни была она безнадежна для притѣсненныхъ, была, однакоже, страшнымъ бичомъ и для разсѣянныхъ по залѣсью поселенцевъ. Смерть была меньшее изъ бѣдствій, какихъ могли они ожидать отъ людей, мловыхъ мщенія и жажды крови въ-слѣдствіе долгаго ряда притѣсненій. Вотъ почему капитану было о чемъ призадуматься; онъ былъ хорошо-знакомъ съ жестокимъ характеромъ народа, среди котораго жилъ, и двусмысленная тишина, царствовавшая съ нѣкотораго времени, казалась ему больше нежели подозрительна. Ночное приключеніе явилось ему какъ-будто намекомъ, и опасенія пробудились въ немъ во всей силѣ. Мы скоро увидимъ, на что онъ рѣшился.

II.

Первые лучи восходящаго солнца застали нашего капитана за приготовлениями къ отъезду; сборы состояли въ томъ, что онъ насаждалъ валяные штаны вмѣсто полушерстяныхъ, отыскалъ свои носки (*), притянулъ къ правой ногѣ ржавую шпору и обмоталъ колѣни лѣтвинами (**), такой величины, что каждая изъ нихъ

(*) Индѣйская обувь.

(**) Куски матеріи, которыми обертываютъ колѣни для верховой ѣзды.

могла бы служить человѣку средняго роста плащомъ. Въ заключеніе, онъ сѣлъ за сытный столъ съ систематическимъ спокойствіемъ заляснаго Америкайца: эти люди, какъ извѣстно, рѣшаются нескоро, но рѣшившись идутъ къ цѣли непоколебимо и осмыслительно, не знаютъ ни страха, ни препятствій, и среди величайшихъ опасностей находятъ еще случай съострить, нисколько не теряя присутствія духа.

— Пошли на Тѣмбу съ мѣхами къ Чирокезамъ; ихъ Ик-ван-идетъ къ Испанцамъ и обѣщалъ мнѣ взять ихъ съ собою. Будьте завтра къ ночи на готовъ, если я не ворочусь къ тому времени. Агентъ, должно быть, у себя; досадно, если я его не стану.

— Когда же ждать тебя назадъ? спросила его жена.

— И самъ не знаю; можетъ-быть, пробуду тамъ нѣсколько дней, если черезъ два дня не ворочусь, ступай къ Чирокезамъ. По сивльванскіе-то, ты знаешь, пошли на стараго Адамса. Чтобъ черти взяли, этого тори! Повѣрь мнѣ, если краснокожіе объ этомъ только проноухаютъ, ужь они не пропустятъ случая воспользоваться смятеніемъ, — и пойдетъ потѣха. Во всякомъ случаѣ, дай, что я тебѣ говорю. Они шевелятся, и намъ нечего звать не то того-и-смотри, что на будущей недѣль наши кожи очутятся въ ихъ сборной выгвамѣ.

Съ этими словами, онъ снялъ со стѣны ужасный кнутъ, которымъ однажды дѣйствительно свалилъ съ ногъ оленя, спрятавъ въ просторный карманъ своего кафтана длинный пистолетъ, и сѣлъ на коня.

Дорога, или лучше сказать тропавка, по которой отправились наши капитанъ къ жилищу агента, капитана Мак-Леллена, начиналась сначала черезъ обширный сосновый лѣсъ. Незамѣтно-возвышавшаяся почва была покрыта легкимъ слоемъ снѣга, выпавшаго послѣ бури съ градомъ. Глубокая тишина, царствовавшая въ окрестности, стройныя стрѣлы черныхъ сосенъ, съ великолѣпными снѣговыми гирляндами на темнозеленыхъ вѣтвяхъ, переливающимися на солнцѣ милліонами алмазовъ, холодный утренній воздухъ, — все это начало по-немногу дѣйствовать на кровь нашего заляснаго жителя; онъ вѣхалъ рысцою, все еще въ раздумьѣ о ночной сценѣ, соображая съ нею рѣчи вчерашнихъ весельчиковъ — умственная работа, отъ которой часто вырывалось у него лунатное «*Damn them!*»

Такъ проѣхалъ онъ нѣсколько часовъ. Почва снова стала подниматься и низпадать на широкую равнину, заросшую орѣшникомъ изъ пролѣсковъ котораго выглядывали тамъ-и-сямъ одинокія живны; сложенные изъ древесныхъ стволовъ. Къ этимъ домамъ

примыкали сзади красивыя маленькія плантаціи табака. Непредубьжденному путешественнику понравились бы эти мирныя жилища; какъ-будто волшебствомъ созданныя подъ безмитаеиною сѣнью огромныхъ деревьевъ. Намъ самимъ рѣдко случалось видѣть что-нибудь пріятельнѣе; помнимъ много такихъ жилищъ въ Арканзасѣ: они какъ-будто выростили изъ рога изобилія генія цивилизаціи, впервые пролетѣвшаго надъ этою страной. Не обратимся къ вѣчному герою. Капитанъ Коппендъ, судя по его ворчанію, не разделялъ этого филантропическаго взгляда. Онъ приближился къ Окони, на живописныхъ берегахъ котораго вигвамы стояли гуще. Этотъ участокъ земли былъ и тогда уже довольно обработанъ съ виду. Хижинны были тутъ просторнѣе и походили отчасти на дома западныхъ переселенцевъ. Были и стойла для скота, и довольно-большія табачныя плантаціи. Иныя окружены были даже фруктовыми садами. Лобъ капитана наморщился, когда онъ искоса увидѣлъ плантаціи и жилища, изъ которыхъ многія превосходили его домъ удобствомъ и величиною.

— Чортъ его знаетъ, что этотъ полковникъ Гавкинсъ задумываетъ, доставляя краснокожимъ и плотниковъ, и ткачей, и кузнецовъ, и Богъ-знаетъ кого! Не-уже-ли же онъ хочетъ навсегда оставить этихъ красныхъ чертей въ Георгіи? Куда хорошо, если они... а похоже на то... проворчалъ онъ, косясь на домъ, мимо котораго вела его дорога.

— У нихъ и жилища хоть куда, и табачныя плантаціи, точно будто они свободные люди, а не проклятые краснокожіе; разводятъ даже и коноплю, — продолжалъ онъ тѣмъ же тономъ, увидѣвъ груду двушекъ, весело сушившихъ коноплю около огня, разложеннаго за домомъ. — Того-и-жди, что черезъ нѣсколько лѣтъ начнутъ гвать и водку. Впередъ, полковникъ Гавкинсъ! Еще не все кончено. Краснокожіи останутся краснокожимъ; стараться сдѣлать эти предательскія души порядочными людьми все равно, что хотѣть вымыть Негра до-бѣла.

Читатель видитъ, что капитанъ смотрѣлъ на вещи совсемъ иначе, нежели упоминаемый имъ филантропъ, полковникъ Гавкинсъ. И правду сказать, этотъ взглядъ начиналъ дѣлаться господствующимъ не только между товарищами Коппенда по торговлѣ съ Индійцами, но и между западными поселенцами. Тогда уже начали непріязненно вѣшать на природныхъ, законныхъ владѣльцевъ этой земли; на нихъ привыкли смотрѣть, какъ на выродковъ, отъ которыхъ тѣмъ скорѣе избавиться, тѣмъ лучше. На успѣхи ихъ въ различныхъ отрасляхъ сельскаго хозяйства и механическихъ ремеслъ смотрѣли очень-неблагопріятно, потому-что именно это обстоятельство и выказывало ихъ рѣшимость остаться на мѣстѣ.

Мы говорили о Георгии, и капитанъ Коппендъ, житель этого племени, естественно, раздѣлялъ мнѣніе, распространенное тамъ болѣе, что оно гармонировало съ интересами большинства. Но капитанъ Ганкинъ былъ не по сердцу чужеземцу, который съ многими хорошими качествами соединялъ въ себѣ и довольно-двузначные, между прочимъ предвѣщенное отращиваніе къ красному племени, которое показывалъ, по собственному его выраженію, худъ хорьковъ. Впрочемъ, легко догадаться, что онъ хранилъ это до рога мнѣніе про-себя, и даже теперь оно выказывалось только въ суровомъ «*damai!*».

Онъ предвѣдалъ мнѣ двѣнадцать и достигъ ската хребта, откуда открывался далоній видъ на долину. Онъ бросилъ еще одинъ взглядъ на цвѣтущую страну, какъ-будто желая дать новую пищу своей наирѣзности, и прищипнулъ лошадей. Передъ нимъ бы чина орашника и дикихъ лавровъ, широкія вѣтви которыхъ тискали беззастѣнливо его лицо.

Разъ двѣнадцать отряхнулъ онъ уже снагъ, обильно на него с назвавшейся, какъ вдругъ въ лаврахъ послышался легкій шелесъ. Капитанъ остановился, устремилъ сѣрые глаза свои на неподозрѣваемую чашу; потомъ, осторожно отклонившись, запустилъ одну руку въ карманъ за пистолетомъ, а другою схватился за оградную свою бичъ, и ждалъ, что будетъ дальше.

— Готовъ биться объ закладъ, что они слѣдятъ меня, промчалъ онъ, вторично взглянувъ на кусты съ поднятыми густыми бровями. — Досадно, что я не повхалъ вчера.

Теперь было уже поздно. Едва-только слетѣли эти слова съ языка, какъ кустарникъ раздвинулся, и изъ чащи вышла высокая действительно ужасная фигура и стала передъ нимъ въ темнотѣ, что кристалинитъ, получше капитана, непременно принимала ее за привидѣніе. Лошадь отпрянула, и съдокъ едва не слетѣлъ. Передъ нимъ стоялъ вчерашній гость его, индійскій начальникъ съ головою все еще повязанною кускомъ платка, такъ-что было видѣно только одинъ глазъ его, возмущенный въ капитана съ вожделѣніемъ глубочайшаго презрѣнія.

— Сильный воинъ, сказалъ Индіецъ послѣ долгаго молчаго голосомъ горьчайшей ненависти:—бросилъ слова свои насу, и побѣждалъ посвятить шлепелы на дорогѣ, ведущей отъ бѣлыхъ красныхъ. Сосчиталъ ли онъ, сколько головъ оставилъ у себя живыми? Легко можетъ случиться, что, возвратясь отъ бѣлаго средника, онъ найдетъ домъ свой пустынь и кожи съ головами и дѣтей уже высушенными въ дымъ красныхъ людей.

Въ ту же минуту, раздался въ чащѣ грубый, насмѣшливый хохотъ, вѣтанъ раздвинулся, и изъ-за нихъ показались два

прошить языкъ. Индійцы встали и стали по бокамъ своего начальника.

Во время этой сцены, въ продолженіи двухлѣтнихъ сношеній съ индѣйцами, довольно случалось упражняться въ сохраненіи присутія духа. Съ выраженіемъ престоудуннѣйшаго удивленія, какъ не слезить на лица своемъ и искусстѣннѣйшій дипломатъ нашего времени, возразилъ онъ:

— Что жъ такое? Не-уже-ли честному человеку нельзя събавить и кускомъ фланели, когда великій начальникъ раздѣлъ своего приемыша до голѣ, какъ раз... Капитанъ хотѣлъ сказать: какъ рабѣнникъ, но спохватился и не договорилъ слова.

Начальникъ смотрѣлъ на него, какъ-будто хотѣлъ прозвѣсть его своимъ взоромъ. — Дочери война нужна одежда? спросилъ онъ индѣйца.

— Пустой вопросъ! отвѣчалъ капитанъ съ тѣмъ же равнодушіемъ, почти главно-престоудуннымъ индѣйцу. — У Ботса только одно платье, и то ей самой нужно. Отвѣчаю квартой виски, если бабка не замерзаетъ до моего возвращенія.

— Красный воинъ пришлетъ платье, — возразилъ начальникъ, и, оборотившись къ ближайшему Индѣйцу, шепнулъ ему что-то на ухо; Индѣецъ въ одинъ скачокъ исчезъ въ кустахъ.

— Тѣмъ лучше; если ты пришлешь фланель, за которую я быль-быль, такъ мнѣ не за тѣмъ ни трудиться, ни надерживаться. Да не забудь и бабкины съ чулками, или носовыми, что хочешь, — сказалъ капитанъ, поворачивая коня, чтобъ удалиться отъ своего сосѣдства.

Но Индѣецъ сдѣлалъ знакъ, и Конюхъ остановился.

— Много дорогъ, сказалъ онъ: — ведетъ отъ вигвамовъ бѣлаго къ его братьямъ, и языкъ его ловко гнется; но глаза и уши красного индѣйца видятъ и слышатъ далеко. Смотри, чтобъ красное не изрѣзали его или его семейство на этихъ дорогахъ, а не те они сънутъ съ ихъ головъ кожи.

— Кой чертъ! проговорилъ капитанъ со смѣхомъ: — не захочешь ли ты, вѣдьмосъ, дерзать меня съ женою и дѣтми въ заперти въ собственномъ моемъ домѣ, когда есть дѣла въ другомъ мѣстѣ, — гулять року, обманять мѣха, и мало ли что?

— Пусть бѣлый достаетъ ромъ, чтобъ обманывать красного и языкъ его слгъ, возразилъ Индѣецъ съ горькимъ смѣхомъ: — не онъ не увидитъ бѣлаго брата, къ которому вхалъ, жена трижды не низнѣтся луна. Да и тогда пусть не забываетъ держать языкъ на привязи.

Индѣецъ отвернулся и исчезъ въ чащу. Капитанъ нѣсколько минутъ смотрѣлъ ему вслѣдъ, проворчалъ раза три свое *damn*, и,

вдохнувъ вольнѣе, какъ человекъ, избавившійся отъ близкой опасности, бнустилъ побѣдѣя, — и побѣхалъ назадъ на съ чѣмъ.

Дорогою, онъ пмѣлъ время подумать о странномъ началѣвкѣ. Чю Индйцы вѣтввають что-то ужасное, не подлежало, по-видимому, сомнѣнйо. Но гдѣ ударитъ громъ и какъ отразитъ его, — это онъ не могъ рвшить.

Видевшъ Мак-Деллена, — объ этомъ онъ не смѣлъ и подумать — Да еслибъ я и могъ, сказалъ онъ самъ-себѣ: — извѣститъ его, это же дальше Отъ Мак-Деллена до полковника Гавкинса еще до рья двѣсти миль, и пока печальная вѣсть дойдетъ до него, уда будетъ нанесенъ, — и ножи съ нашихъ головъ сняты, прибавилъ онъ тише. — Мнѣ и то странно, какъ моя кожа еще до-сихъ-поръ жистъ, продолжалъ онъ, невольно почесываясь. — Впрочемъ, разсраскожйи поручилъ бы мнѣ дитя, еслибъ и меня избралъ жевою? Нѣтъ, онъ разможжилъ бы его о первое дерево.

Отъ заключеню капитана Копленда, какъ мы скоро увидимъ было довольно-вѣрно. Мысль о капитанѣ Мак-Делленѣ все еще не изгнала его, и онъ часто посматривалъ своими соколиными глазами то на право, то на лѣво. Но между-тѣмъ, онъ дохалъ домомъ голосъ жепы, разруждавшей, къ-счастью, не такъ патриотически скоро откидывалъ его отъ намереня попытаться еще разъ; онъ шился на благоразумнѣйшее при настоящихъ обстоятельствахъ, спокойно ждать, что будетъ дальше. Индеецъ скоро слержалъ слово; прислалъ порядочный узелъ съ фланелью, казико и ксивыми дѣтскими башмачками; это его очень успокоило.

Тѣмъ прошель день и другой; капитанъ Коплендъ не утруждалъ головы своей. Подобныя событйя были не рѣдкость, и хотя иная сцена отличалась отъ подобныхъ, предшествовавшихъ ей, чѣто неяснине-таинственнымъ, — но дѣти шумѣли въ комнату, дѣлѣ и дома была работа, приходили гости, — и капитану нѣко было объ этомъ разсуждать, еслибъ и подстрекала его вѣрждѣи апатя. Черезъ нѣсколько недѣль, къ немалому своему утѣнйо, узналъ онъ, что буря разразилась, только, къ-счастью, мѣдъ его согражданами, а надъ союзниками ихъ, — Чоктавами и ста "областей, жившими ближе къ Миссиссипи, и теперь по уничтоженными нападениемъ соединенныхъ племенъ Криковъ.

итанъ Коплендъ заключилъ чтеніе газетной статьи ласковымъ ланіемъ, чтобъ всѣ краснокожіе перерывали и передушили друг друга, — тѣмъ меньше труда останется намъ! Но, къ прискоридитана, центральное правительство не раздвляло такого желаніи при его посредничествѣ миръ былъ скоро возстановленъ между обоими племенами.

Подвергнувшееся спокойствіе возвратило свободу и Копленду, а

ней шитье и удобный случай приподнять завѣсу надъ таинственнымъ ночнымъ происшествіемъ. Онъ, дѣйствительно, пытался разузнать дѣло, хотя мы и должны прибавить, что попытка эта, судя по отзывамъ капитана, была неудачна; онъ говорилъ о ней неохотно. Отъ него слышали только предположеніе, что пріемышь его, вѣроятно, принадлежитъ къ какому-нибудь испанскому или французскому семейству колонистовъ при Миссисипи. Больше онъ ничего не могъ или не хотѣлъ сказать, и угрюмое *damn*, которымъ онъ постоянно отвѣчалъ на подобные вопросы, отнимало у любопытныхъ охоту принимать участие въ судьбѣ дитяти, по всей вѣроятности происходящаго отъ такого племени, котораго гордый свободою задыный житель не станетъ уважать за его пассивную покорность, еслабъ даже вѣчные раздоры съ испанскими колоніями и допустили его до ближайшихъ селеній. Нашъ капитанъ продолжалъ угощать ромомъ и виски, бралъ за то олени и бобровые мѣха, — и, за исключеніемъ ежегоднаго приращенія семейства, не случалось съ нимъ ничего достопримѣчательнаго.

Такъ прошло почти семь лѣтъ. Описанная нами хижина превратилась въ это время въ довольно-просторный домъ, изъ котораго видна была Кооза, тихо змѣющаяся по роскошной долинь, съ цветущими уже плантаціями по берегамъ, придававшими странѣ характеръ доводства и безопасности. Хозяинъ гостиницы сдѣлался мало-помалу значительною особою.

Въ одинъ прекрасный индійскій лѣтній вечеръ, капитанъ сидѣлъ съ своимъ семействомъ и нѣсколькими сосѣдями за ужиномъ, который, судя по числу блюдъ, былъ, вѣроятно, данъ по торжественному случаю. Столъ былъ уставленъ множествомъ заманчивыхъ лакомствъ, которыми, замѣтимъ мимоходомъ, не пренебрегъ бы и вкусъ болѣе-утонченный. Дикія индѣйки, сладостныя медвѣжьи лапы съ фазанами, перепелками и оленьей, пироги всевозможныхъ сортовъ и безконечное множество конфетовъ дѣлали выборъ очень-труднымъ. За верхнимъ концомъ стола сидѣлъ худощавый человекъ; юношески-блѣдныя черты лица и восторженно-смиренный взоръ изобличали въ немъ методистскаго проповѣдника, приведеннаго сюда рвеніемъ къ распространенію евангелія. По достойному подражанію примѣру своихъ единовѣрцевъ, онъ соединялъ въ своемъ лицѣ проповѣдника и учителя. Благочестивый ревнитель христіанства постоянно проводилъ, въ-продолженіе двухъ лѣтъ своего миссіонерства, по четыре мѣсяца у трехъ главныхъ племенъ Криковъ. Время, назначенное имъ для Верхнихъ-Криковъ, прошло, и онъ собирался теперь проститься съ своими сосѣдями и согражданами и навсегда оставить Долину-Коозы, гдѣ жилъ до-сихъ-поръ. Возлѣ него сидѣла дѣвочка, шесть лѣтъ назадъ такъ стран-

но сдѣлавшись членомъ семейства капитана. Въ дѣтскихъ чертахъ онъ было что-то необыкновенно-нѣжное и вмѣстѣ съ тѣмъ благородное и умное; свѣтлые глаза ея въ раздумьи и какъ-будто съ тоскою прильнули къ изнуренному лицу проповѣдника. Самъ проповѣдникъ былъ очевидно плѣненъ милымъ ребенкомъ и много занимался имъ въ-продолженіи ужина. Онъ уже не разъ начиналъ говорить, но Конлендъ постоянно прерывалъ рѣчь его. У нея какъ-будто лежало что-то на сердцѣ. Наконецъ, онъ далъ дѣвочкѣ знакъ уйдти, и она удалилась съ своею подругей.

— Итакъ, вы не хотите выслушать моего предположенія, капитанъ? сказалъ проповѣдникъ. — Не могу вамъ высказать, какъ глубоко зашла мнѣ въ душу участь этого ребенка. Въ эти четыре мѣсяца, что она ходитъ ко мнѣ въ школу, она далеко вкралась моему сердцу. Право, мнѣ тяжело съ нею разстаться. Я охотно взялъ бы ее подъ свое покровительство. Да и кромѣ того, она слезливо очень-нѣжно — въ нея никогда не выйдетъ доброй работницы. Въдь это ужасно, если она попадетъ въ руки Индійцамъ!

— Все это правда, отвѣчалъ капитанъ:— но Индѣецъ аккуратно каждый годъ присылалъ по десяти бобровыхъ или медвѣжьихъ шкурокъ за столъ и квартиру, да еще, кромѣ того, платье, а видите, она одѣта не хуже кого другаго. Онъ хоть и краснорѣчивъ, но какъ же мнѣ распорядиться его собственностью?

— И вы съ-тѣхъ-поръ ничего о немъ не слышали? спросилъ миссіонеръ.

— Видѣлъ его еще два раза, возразилъ капитанъ такимъ тономъ, по которому можно было заключить, что ему какъ-то хотѣлось высказать всего откровенно.— Оба раза онъ былъ закутанъ въ свое голубое одѣяло, а въ третій я видѣлъ его лицо, впрочемъ издали. По мнѣ бы за сто миль отъ него, еще было бы лучше; ужъ бабѣ любопытство! продолжалъ онъ, значительно взглянувъ на жену.— Я хотѣлъ съзвать къ полковнику Гавкинсу поговорить съ нимъ объ этой дѣвочкѣ, и, можетъ-быть, объявить потомъ въ газетахъ. Я могъ свободно отправиться и въ Новый-Орлеанъ, Нашивиль, и куда угодно; да и кромѣ жены моей никто не знаетъ объ этомъ происшествіи ни полслова; однакожъ краснѣю, смотря на то, что я побѣжалъ далеко въ объездъ, очень-хорошо зная, куда я мечу. Онъ далъ мнѣ провѣхать сорокъ миль по дорогѣ въ Милледжвилъ, а потомъ и застрѣлилъ мою лошадь и собаку... Да, дорого я заплатился за любопытство, мистриссъ Конлендъ!

— И никто изъ Индѣйцевъ не могъ вамъ объяснить этой мистриссъ Конлендъ? Вы говорите, что онъ самъ повѣсилъ ей на шею жерданъ и нѣтъ ли на ниткѣ какого-нибудь тайнаго знака?

— Признаться сказать, чѣмъ меньше объ этомъ говорить, тѣмъ лучше, возразилъ капитанъ. — Дитя, погѣрьте мнѣ, Француженка, или Испанка. Впрочемъ, если вы хотите узнать что-нибудь подробнѣе, такъ вотъ встать тамъ въ сарай лежить Крикъ.

— Я долженъ его видѣть, сказалъ проповѣдникъ, вставая изъ за стола и подходя къ двери съ стаканомъ рома, не смотря на покатываніе головою капитана. Индіецъ спалъ глубокимъ сномъ на соломе; возле него лежалъ его карабинъ. Едва-только приблизился къ нему миссіонеръ, какъ Индіецъ открылъ глаза и вскоцился на ноги. Проповѣдникъ позвалъ его знакомъ въ садъ и взялъ на руки дѣвочку, нѣжно поцаловавъ ее. Индіецъ взглянулъ на дѣвочку, потомъ на ея коралловое ожерелье, и всѣ его члены начали дрожать, какъ въ лихорадкѣ. Онъ нонемногу отступалъ въ ужасѣ отъ ребенка и наконецъ, вскрикнувъ «гу!», стрѣлою полетѣлъ во вѣду. Черезъ нѣсколько секундъ, онъ исчезъ въ лѣсу.

Миссіонеръ, озадаченный, возвратился въ домъ.

— А что, мистеръ Ловрингъ, спросилъ капитанъ нахируившись: — все еще вамъ хочется ребенка?

— Конечно, отвѣчалъ проповѣдникъ. — Если вы согласны, такъ я поговорю съ агентомъ.

— Нѣтъ, я несогласенъ, сухо отвѣчалъ Коплендъ: — по-крайней-мѣрѣ пока я здѣсь. Я долженъ держать слово, пока живу на берегу Коозы. Но я прежилъ здѣсь довольно-долго. Меня тянетъ на спокойное мѣстечко, и, если не ошибаюсь, Крики опять заневолились. Погѣрьте мнѣ, будетъ буря. Говорять, что начальникъ Океан опять что-то затѣялъ и думаетъ соединиться съ ужаснымъ Текусо. Такіе два человѣка зажгутъ весь міръ!

— Да, это опасные люди! замѣтилъ проповѣдникъ.

— Когда я буду на Миссисипи, которая, благодаря Бога, принадлежитъ теперь намъ, а не презрѣннымъ Испанцамъ, тогда, но шнѣ, пожалуйста, пусть дѣлаютъ что угодно.

— Разумѣется, подтвердила мистриссъ Коплендъ. — Эта бѣдняжка никогда не будетъ работницей. Она такъ милова, что какъ-будто не на то и родилась. Вотъ, для шитья, или чего-нибудь такого, или для школы она, можетъ-быть, и годится; она читаетъ и пишетъ, какъ учитель.

Почтенная капитанша хотѣла распространиться о способностяхъ своего пріемыша, какъ вдругъ въ саду раздался пронзительный вопль ужаса. Въ ту же минуту, предметъ ихъ разговора, блѣдный и дрожащій, вбѣжалъ въ комнату, бросился къ проповѣднику и съ жалостнымъ крикомъ обнялъ его колѣни.

Невыразимый страхъ дитяти изумилъ присутствующихъ. Открывъ ротъ, вперши они глаза на дверь, какъ вдругъ дѣвочка

упала, воскликнувъ: «вотъ онъ!» Въ комнату вошелъ высокій, худощавый Индеецъ, проницательно взглянулъ на бывшихъ въ ней сѣлъ на стулъ. Судя по одеждѣ, онъ былъ одинъ изъ глорнѣйшихъ начальниковъ. Колоссальная фигура его, не смотря на худощавость, говорила о необыкновенной силѣ. Мускулы рѣзко обозначались на вискахъ и голыхъ рукахъ его, и вообще онъ былъ болѣе похожъ на бронзовую статую, нежели на живое существо. Всего замѣчательнѣе была на немъ діадема изъ перьевъ, носимая по старинному обычаю инковъ или королей Оконн. Чрезвычайно узкій лобъ переходилъ по обѣимъ сторонамъ лица въ сильно-выдавшіяся скулы; между ними, острымъ подбородкомъ тонкими губами образовались двѣ впадины, придававшія сухимъ вывѣтрившимся, такъ-сказать, чертамъ лица его рѣзкое выраженіе упрямства, ума и лукавства. Одежда этого замѣчательнаго человека состояла изъ жилета оленьей кожи, совершенно закрывавшаго необычайно-широкую грудь, изъ охотничьяго кафтана изъ килко, надѣтаго сверхъ жилета, и изъ пестрой юбки, ниспадавшей отъ вайнума (пояса) до коленъ. Мокассины его были богато украшены. Въ правой рукѣ держалъ онъ карабинъ; за поясомъ былъ у него ножъ, богато-выложенный серебромъ.

— Токка! вскрикнулъ миссіонеръ, котораго странствованіе землямъ Индійцевъ ознакомилъ съ различными племенами и начальниками болѣе, нежели могъ ознакомиться съ ними капитанъ живущій на одномъ мѣстѣ.

Миссіонеръ поднесъ къ это время стаканъ къ губамъ; но когда его вдругъ исчезло, когда онъ услышалъ имя, слышавшееся речею значительнымъ съ словомъ: «смертельный врагъ Американцевъ». Онъ поставилъ стаканъ на столъ и оглянулъ начальника съ него же головы.

— Шесть летъ в шесть мѣсяцевъ, сказалъ Индеецъ послѣ долгаго молчанія:— прошли съ-тѣмъ-поръ, какъ инко Оконн оставилъ дѣла у благаго брата. Онъ пришелъ взять ее въ свой вигвамъ.

— Такъ это ты оставилъ намъ въ ту ужасную ночь бѣдную женщину, какъ называетъ ее нашъ проповѣдникъ? Зачѣмъ же ты не назвалъ мнѣ своего имени, или не взялъ ребенка? Много страшна минута прожили мы изъ-за нея. Что, еслибъ она пропала?...

— Вѣдые люди хотятъ только меховъ и земли красныхъ; имъ въ начальникъ и его добромъ расположеніи? возразилъ Индеецъ съ горькимъ и презрительнымъ смѣхомъ. — Еслибъ дитя не пало, вы расплатились бы кожами съ головъ вашихъ дѣтей. Теперь красный начальникъ хочетъ взять то, что ему принадлежитъ.

— Конечно, ты называешь своею не Розу, родителей кото

вѣроятнѣе, умертвилъ? сказалъ проповѣдникъ съ такою смѣлостью, что даже капитанъ удивился.

Индѣецъ взглянулъ на говорившаго съ глубочайшимъ презрѣніемъ.

— А гдѣ же была бы бѣлая Роза, какъ ты называешь ее, если рука Токеа не остановила руку, хотѣвшую разбить ее черепъ о дерево? Кто охотился для нея, когда она еще ползала на рукахъ и ногахъ? Кто присылалъ ей бобровые мѣха, а самъ пилъ воду? Поди! продолжалъ онъ съ возрастающимъ отвращеніемъ: — вы собаки! Языкъ вашъ говоритъ о томъ, чего не знаетъ сердце! Вы говорите намъ, что мы должны любить ближняго, а ближніе отнимаютъ у насъ мѣха, скотъ, земли и гонятъ насъ въ пустыню...

— Мико Окони, безстрашно возразилъ миссіонеръ: — конечно, не хочешь разлучить бѣдную христіанскую сироту съ ея воспитателемъ? Это разсердитъ блага отца, и онъ охотно заплатитъ.

— Не надо, возразила мистриссъ Коплендъ: — мы охотно оставимъ ее в даромъ. Гдѣ бѣдятъ двѣнадцать, тамъ будетъ сытъ и тринадцатый.

— Конечно, прибавилъ капитанъ нѣсколько-медленнѣе, но тотчасъ же замолчалъ, потому-что Индѣецъ гордо сдѣлалъ ему знакъ молчать.

— Мико Окони, продолжалъ начальникъ важно: — никогда не увидитъ уже блага отца. Путь его далекъ; сердце его жаждетъ свободы; онъ отыщетъ ее тамъ, куда не проникала еще нога блага. Ему пужна дочь его, чтобъ жарить дичь и шить ему платье и юкасины.

Съ этими словами, онъ отворилъ дверь, и въ комнату вошло нѣсколько Индѣйцевъ съ двумя дѣвучками.

— Канонда! воскликнулъ миссіонеръ, подавая руку Индѣйкѣ. Она подошла къ проповѣднику, скрѣстила на груди руки и смиренно наклонила голову.

— Такъ ты дѣйствительно хочешь насъ оставить? продолжалъ миссіонеръ.

Дѣвучка молчала. Начальникъ подалъ знакъ, и другая дѣвучка взяла на руки дрожащую Розу, набросила на нее покрывало, нижніе концы котораго отдала другой, а верхніе закинула за плечи и связала. Въ то же время, она наложила широкую перевязь на бока ребенка; дѣвочка, приподнятая, принуждена была обнять руками шею носильщицы, и все было готово въ дорогу.

Миссіонеръ и жена капитана со слезами на глазахъ смотрѣли, какъ неподвижная отъ испуга бѣдняжка, подобно жертвѣ, дала себя связать, не говоря ни слова. Проповѣдникъ подошелъ къ носильщицѣ и сказалъ ей кроткимъ, дрожащимъ голосомъ:

— Какимъ да ты всегда была благородною дѣвушкою, жемчужиной. Родственной любви твоей поручаю я это нѣжное растеніе. Хочешь ли быть ей матерью?

Индійка кивнула головой.

— Возьми эту книгу, продолжалъ онъ, подавая ей карманную библію: — на память себѣ и Розѣ отъ вашего учителя. Да будетъ Искупившій тебя вѣчно въ твоемъ сердцѣ!

И, возложивъ руки на головы дѣвушекъ, онъ благословилъ ихъ.

Индійцы и дѣвушки съ ребенкомъ ушли; остался только начальникъ.

— Мико Окони, сказалъ онъ съ важностью, вставая съ своего мѣста: — заплатилъ за молоко, данное бѣлою женщиной его дочери. Онъ уходитъ; путь его далекъ и суровъ; но сердцу его надъ вѣли бѣлыя. Да не увидитъ онъ ихъ никогда больше!

Съ этими словами, онъ оборотился и вышелъ.

Всѣ присутствующіе глубоко вздохнули. Капитанъ Конлендъ по вѣй отчулся отъ изумленія. Изъ словъ его можно было заключить, что вообще онъ несчастливъ-недоволенъ, что освобожденъ отъ заботы, которая, какъ онъ утверждалъ, была для него причиною многихъ бессонныхъ ночей.

Общество еще часа два потолковало о вѣроятныхъ намѣреніяхъ начальника и разошлось, какъ водится, сердечно довольное, съ есть о чемъ поговорить дня два. Капитанъ мѣсяца два сряду ухаживалъ свои разговоры разговоромъ о странномъ Индѣйцѣ и преклонномъ приемышѣ; но интересъ мало-по-малу уменьшался, и прелесть была наконецъ забыто среди извѣстныхъ событій, волновавшихъ эту страну.

Мы сами оставимъ теперь Георгію и семейство капитана; да вѣрнѣйшій разсказъ нашъ относится къ другой странѣ и другому мени, нѣсколько лѣтъ позже.

III.

На сѣверной сторонѣ Сабинскаго-Озера, среди болотъ, по нѣкихъ тростинкамъ и кипарисамъ и насклодавшихъ съ этой стороны къ озеру, возвышается между рѣками Сабинною и Натчесомъ узкая коса; возвышаясь между рѣками по мѣрѣ ихъ удаленія другъ отъ друга, эта коса образуетъ отлогій гребень, но обѣими сторонами котораго свѣтлыя воды рѣкъ исчезаютъ въ темнозеленой сѣнѣ кипарисовъ и пальметтъ, впадая въ озеро, также катящее свои воды въ лоно Мексиканскаго-Залива.

Природѣ точно какъ-будто вздумалось по какому-то капризу

здать нтъ рѣки Сабиды очевидную границу двухъ сильныхъ государствъ. На правомъ берегу ея растутъ темный, непроницаемый лѣсъ, такъ густо заросшій необычайной величины терновникомъ, что даже олень, бѣгушій отъ смерти, или волкъ саваннъ, рѣдко могутъ проникнуть далѣе въ чашу. Почва обтлнута непроницаемыми ковромъ перелетающихъ растений, подъ предательскимъ кровомъ котораго вылетя нестрыя и черныя гремучія змѣи, кингиды и коннергеды, подстерегая дикихъ голубей, попугаевъ, или черныхъ бѣлокъ. Рѣдко встрѣчаются среди этого непроницаемаго вѣка пролѣски и просвѣты, и гдѣ они есть, тамъ хаосъ гнющихъ древесныхъ стволовъ, вырванныхъ съ корнемъ какимъ-нибудь орканомъ и лежащихъ грудю, какъ искусственное укрѣпленіе. Эта дикая роскошь достигаетъ высшей своей степени вблизи низменности, поросшей кипарисами, но по другую сторону болота принимаетъ болѣе-вроткій характеръ; здѣсь заблудившійся пловецъ какъ-будто волшебною силою занесенъ въ одну изъ восхитительнѣйшихъ странъ Мексики, гдѣ плакучій миртъ и великолѣпное тюльпановое дерево перемѣшано съ пальмами и мангровами, гдѣ сикоморы и хлѣбчатобумажное дерево разстилаютъ серебристо-зеленыя вѣтви свои надъ волнистымъ пространствомъ нѣжнойшей зелени. Весь лѣсъ похожъ на огромный шатеръ, переплетенный жасминомъ и дѣкими виноградомъ, который скользитъ по дереву отъ корня до верхушки и, ниспадая обратно, переходитъ на ближайшій стволъ, разстилаясь безконечнымъ навѣсомъ по мангровамъ, миртамъ, дымнымъ и тюльпановымъ деревьямъ. Широкій поясъ, по которому Натчосъ катитъ свои воды въ озеро, представляетъ взору роскошно-волнистое поле шумящихъ пальметтъ, идущихъ за холмами отъ лѣса къ берегу, гдѣ мангрова и кипарисъ склоняютъ въ озеро свои вѣтви. Зима никогда не приближается къ этому восхитительному уголку; но во время такъ-называемыхъ зимнихъ мѣсяцевъ восточные дожди наполняютъ рѣки и болота, подготавливая такимъ образомъ страшное дѣло для жаркаго полуденнаго солнца. Тогда нтъ среды удушающаго океана паровъ слышится ревъ, отъ ужасныхъ звуковъ котораго смущается и зверь и человекъ.

Осень, однакожъ, роскошнѣйшее время года въ этой райской странѣ; особенно поздняя осень, такъ-называемое индійское лѣто, которое и на сѣверѣ великой республики принимаютъ съ наслажденіемъ, какъ прощальную улыбку красавицы.

Быль превосходный индійскій осенній вечеръ. Солнце, золотое и великолѣпное, какимъ бываетъ оно только въ этой странѣ и только въ это время года, садилось за вершины деревъ, растущихъ на западномъ берегу Натчоса; лучи его играли разнообразіемъ отблескъ, которымъ удивляются на западѣ, переливаясь нтъ свѣтлоте-

леного въ золотое, изъ пурпуроваго въ оранжевое, смотря по отраженію ихъ отъ мирты, магнезіи, пальмы или сотни другихъ роскошныхъ растений. На небесномъ сводѣ не было ни облачка; въ воздухъ въяли бальзамическіе ароматы, наполняя атмосферу эластически-дрожащимъ сладострастіемъ, напрягающимъ первы къ роскошной нѣгѣ жизни. Тишину только изрѣдка нарушалъ лепетъ попугая или шумъ отъ взлетѣвшей стаи водяныхъ птицъ, тысячами ронившихся на широкомъ зеркалѣ Натчеса и готовившихъ крылья свои для зимняго перелета.

На узкой тропинкѣ, проложенной какъ-будто нарочно самую природою между лѣсомъ и полемъ пальметтъ, какой-то женскій образъ приближался, танцуя, къ прольску въ концѣ тропинки, образованному вырванной съ корнемъ сикоморой. Дотанцовавъ до ствола она облокотилась, переводя дыханіе, на одну изъ его вѣтвей. Цвѣтъ ея кожи изобличалъ индійское происхожденіе. Это была зрѣлая дѣвушка лѣтъ двадцати, съ чрезвычайно-интереснымъ, даже благороднымъ лицомъ. Благообразный лобъ, черные, почти-лукавые глаза, тонкія губы, и вообще весь очеркъ ея живой физіономіи говорили о свободной, ясной натурѣ, между-тѣмъ, какъ ризскій орлиный носъ придавалъ ей характеръ рѣшительности и самостоятельности, съ которыми гармонировали ея поступь и одежда.

Эта одежда была далеко-лучше обыкновеннаго костюма индійскихъ дѣвушекъ, и отличалась простотою и вкусомъ. На ней было платье изъ калико безъ рукавовъ, ниспадавшее до лодыжекъ. Волосы ея не висѣли гладко и просто внизъ, какъ обыкновенно носятъ ихъ Индіанки, но были собраны въ узелъ, сдерживаемый макушкѣ изящнымъ гребнемъ. Пара золотыхъ серегъ, браслетъ изъ того же металла и полусапожки изъ кожи аллигатора дополняли красную наружность этого милаго существа. Съ пояса висѣлъ у ней довольно-длинный карманный ножъ, а въ рукѣ была большая пустая корзинка. Походку ея нельзя было назвать ни шагомъ, ни бѣгомъ: это были какіе-то странные прыжки. Сдѣлавъ прыжковъ десять или двѣнадцать, она всякій разъ останавливалась, заботливо смотрѣла на пройденное пространство тропинки и потомъ продолжала перепархивать дальше, опять оглядываясь назадъ.

Запыхавшись, остановилась она наконецъ у хлопчато-бумажнаго дерева и устремила внимательный взоръ на тропинку.

— Роза! воскликнула она наконецъ по-индійски, съ легкимъ раздраженіемъ нетерпѣнія, сдѣлавъ опять прыжковъ десять или двѣнадцать назадъ, и приближаясь къ другой дѣвушкѣ, появившейся на поворотѣ дорожки.

— Роза! повторила она: — что же ты отстаешь! и съ этими с

вами она подскочила къ дѣвущкѣ, присѣла, сложила накрестъ ноги, и съидя обхватила руками стоящую передъ ней дѣвущку съ быстротою и ловкостью змѣи.

— Увы! продолжала она: — бѣлая Роза уже не та. Посмотри, какъ заросла травкою тропинка, гдѣ такъ часто ждали твои ноги. Зѣтъ моя бѣлая Роза печальна?

Жалобный голосъ Индіанки былъ такъ трогателенъ, во всей жаркости ея выражалось столько мольбы, любовь и страхъ такъ ясно были написаны въ чертахъ лица ея, что нельзя было рѣшиться, простекаеть ли ея участіе изъ родственнаго чувства, или пробуждено оно граціею дѣвущки, которую она ласкала такъ нежно, и которая, казалось, только-что перешла за лѣта дѣтства.

Чудесные темнокаріе глаза, пламенно-страстные и вѣдѣть съ тѣмъ дѣтски-нѣжные, освѣщенные шелковыми рѣсницами, то сморгившіе на Индіанку, то блуждавшіе вокругъ и вдали, какъ-будто нища чего-то безыменнаго; волненіе нѣжной груди; щени, неподрутыя легкимъ румянцемъ; весь полуведущій и при всемъ томъ эластическій образъ ея, — принадлежали, казалось, богинѣ любви. Но дѣтски-спокойный взглядъ, благородный моль, тонкая розовая черта, обозначавшая губы, и что-то неопредѣлимое придавали этой дѣвущкѣ колоритъ чистаго благородства и душевной ясности, уничтожавшихъ даже легчайшее чувственное помышленіе и пробуждавшихъ только почтительное удивленіе. Темнорусые волосы длинными локонами ниспадали вокругъ бѣлоснѣжной, удивительно-соормированной шеи. Зеленое шелковое платье облекало ея члены, скромно спускаясь до пары самыхъ маленькиѣхъ ножекъ, какъ-бы когда-либо природа надвѣвала женщину. На ней, какъ и на Индіанкѣ, были красныя мoccasins. Вокругъ шеи ея былъ узломъ завязанъ бѣлый шелковый платокъ; въ рукѣ соломеннаго шашка.

Эта милая дѣвущка была та самая Роза, съ которой, семь лѣтъ назадъ, мы познакомились въ гостиницѣ подъ вытѣскою индѣйскаго начальника. Взоръ ея съ тихою любовью и въ раздумьи покоился на Индіанкѣ. Слеза выступила на ея рѣсницахъ, и, сложивъ голову, она подалодела дѣвущку, крѣпко обнявъ ее.

Довольно-долго обѣ онѣ рыдали. Наконецъ Индіанка произнесла жалобнымъ голосомъ:

— Грудь Канонды открыта для скорби Розы!

— Милая Канонда! прошептала Роза, и свѣжія слезы брызнули изъ глазъ ея.

— О! скажи твоей Канондѣ, продолжала Индіанка: — что тяготитъ твое сердце? Посмотри! вотъ эти руки, сдвѣла она грустно-мелодическимъ тономъ: — эти руки носили бѣлую Розу, когда она

была ребенкомъ. На этихъ плечахъ переносилась она черезъ божью рѣку. На этой груди покоилась она, какъ водяная птица въ широкомъ зеркаль Натчеса. Канонда день и ночь была съ сестрой Розой, какъ лань съ своимъ дѣтенышкой, чтобъ охранять ее отъ опасностей. А теперь, когда она выросла и стала бляею Рок-Оконей, она скрываетъ свое сердце. О! скажи твоей Канондѣ, волнуешь грудь твою, что заставляетъ тебя бѣднѣть и дрожать?

Роза, — такъ будемъ мы называть ее, — съ минуту поотрыла на свою подругу и потомъ сказала тихо:

— Что у меня на сердцѣ? Не-уже-ли Канонда не знаетъ? И почему причины бояться и грустить.

— Не великій ли начальникъ соленого озера причиною ея бѣды?

Роза поблѣднѣла, отступила, и, громко рыдая, закрыла лицо руками.

Индіянка вскочила на ноги, обвила руками Розу и тихо оттолкнувъ дѣвушку къ хлопчато-бумажному дереву, вокругъ ея ла котораго обвился виноградъ до самой вершины, ниспадая въ жествоиъ фестонѣхъ съ роскошными кистями.

— Грустимъ путь дѣвушки оконійской, сказала послѣ долгихъ молчаній Индзянка, собирая виноградъ. — Воины уходятъ на охоту, а мы остаемся вздыхать въ вигвамахъ или собирать хлѣбъ. О! если бы Канонда была мужчиной!

— А Эль-Соль? шепнула-меланхолически Роза. — Канондѣ не должно бы жаловаться.

Индзянка зажала ей ротъ одною рукой, а другою погрозила пальцемъ.

— Да, возразила она:—Эль-Соль великій начальникъ, и Канонда обвѣнана ему жизнью. Она готова жарить ему дичь, шить охотничьи плащи, идти за нимъ съ легкимъ сердцемъ, и Роза будетъ шить, что сестра ея прошепчетъ ей на ухо. Эль-Соль скоро будетъ въ вигвамахъ Оконей, и Канонда вѣжно будетъ шептать ему на ухо. Онъ великій начальникъ и нико не послушаетъ его рѣчи: отослаетъ назадъ подарки, присланные начальникомъ соленого озера, и тогда бѣлая Роза никогда не увидитъ его вигвама.

Роза семинительно покачала головою. — Не-уже-ли Канонда мало знаетъ своего отца? Буря можетъ пригнуть слабый тростникъ, но не серебряный стволъ толстаго дерева. Она сломитъ его, рветъ съ корнемъ, но не согнетъ. Мико, прибавила она съ новымъ надежды вдохомъ: — смотреть на начальника соленого озера глазами волка, а не дѣвушки. Онъ обвѣнчанъ ему Розу, и бѣдная сестра (легкая дрожь пробѣжала по ея телу) скорѣе умретъ...

— Нѣтъ, нѣтъ! прервала ее Индзянка: — Роза не должна

реть. Эль-Соль любитъ Канонду, и мико Оконі знаетъ, что онъ лучшей воинъ, нежели начальникъ соленого озера. — Слышишь! Что это? спросила она, вдругъ прислушиваясь къ сторонѣ рѣки, откуда послышался отдаленный шумъ.

— Что это? повторила Роза.

— Можетъ-статься, аллигаторъ или медвѣдь, замѣтила Индіянка. Шумъ, впрочемъ довольно-слабый, все еще слышался. — Канонда воскликнула Роза съ видимымъ безпокойствомъ. — Надѣюсь, ты не захочешь опять охотиться за большой водяной змѣей?

Но слова ея были напрасны. Индіянка съ быстротою оленя ринулась въ густой тростникъ и исчезла въ нѣсколько секундъ. Розѣ оставалось только побѣжать за нею въ шумящій тростникъ. Съ трудомъ пробираясь сквозь густые стволы его, она услышала громкій крикъ; но голосъ былъ не Канонды. Скоро потомъ какъ-будто что-то тяжелое упало въ воду и раздался сильный, но мимолетный плескъ въ тишь; нѣсколько секундъ, — и все замолкло.

Роза, запыхавшись, протѣснилась сквозь тростникъ и съ невыразимымъ трудомъ достигла наконецъ до берега рѣки. Глаза ея вскаки Индіянку между кипарисами и мангровами, растущими даже въ самой водѣ.

— Роза! закричала Индіянка.

— Канонда! отвѣчала дѣвушка тономъ горькаго упрека, когда водруга ея указала на аллигатора, съ хрипѣніемъ бившагося въ тишь. Зачѣмъ ты меня огорчаешь? Не-уже-ли Роза должна лишиться сестры, потому-что она неблагоразумно хочетъ быть мужичной и не хочетъ отстать отъ охоты за водяною змѣей?

— Посмотри! отвѣчала Индіянка, указывая на глубокую рану въ затылкѣ аллигатора и съ торжествомъ махая окровавленнымъ ножомъ. — Я погрузила ему въ шею ножъ до самой рукоятки. Дочь мико Оконі умѣетъ убивать водяную змѣю; впрочемъ, прибавила она равнодушно: — она была еще молода и почти окоченѣла: вода становится холодна. Канонда слабая дѣвушка, но можетъ поучить благаго юношу убивать водяную змѣю.

Говоря эти слова, она взглянула на кипарисъ, росшій на берегу въ немногихъ шагахъ отъ воды.

— Благаго юношу? спросила Роза.

Индіянка значительно приложила указательный палецъ къ губамъ, омывъ кровь съ ножа и рукъ, и подошла къ дереву. Лѣвою рукою раздвинула она висшія внизъ вѣтви, а правую распростерла въ воздухъ, какъ-будто въ знакъ мира и дружбы, и указала на берегъ, къ которому шла медленно, устремивъ взоръ на кипарисъ. Вѣтви раздвинулись, и молодой человекъ осторожно подошелъ къ краю воды, протягивая руки къ ближайшему тростнику.

— Какъ этотъ судъ зашелъ? спросила Роза, глядя на юношу. Индіянка молча указала на лодку, завязшую между тростникомъ, которую юноша очевидно старался продвинуть дальше.

Юноша между-тѣмъ подошелъ на нѣсколько шаговъ къ берегу, но зашатался и готовъ былъ упасть. Канонда поспѣла въ время, чтобъ не дать ему упасть въ воду. Она приняла его своими руками, оттатила ближе къ берегу, и положила. Ручей крови текшей изъ ноги, объяснилъ причину слабости незнакомца. Аллигаторъ схватилъ его посреди ноги и нанесъ ему глубокую рану. Едва только замѣтила это Канонда, какъ бросилась на берегъ Розъ, и съ словами: «бѣлый братъ твой укушенъ водяною змѣей, а на Канондѣ, ты видишь, только одно платье», сняла съ его плеча шелковый платокъ; съ тою же быстротою начала она искать травы, нашла ихъ пучокъ, переломила на колѣнѣхъ вѣтвь палимы (palma Christi) и отдѣлила нѣжную мякоть, находящуюся непосредственно за корою въ этомъ деревѣ; потомъ прыгнула въ рѣку, незнакомцу, заложила рану нѣжными волокнами, обложила ее травами и перевязала платкомъ. Все это сдѣлалось въ одну минуту. Движенія Индіянки были такъ быстры и опредѣленны, что Роза не успѣла еще покраснѣть, замѣтивъ отсутствіе платка, какъ юноша былъ уже повязанъ на ногу юноши.

— Теперь твои руки, милая сестра, сказала Индіянка Розѣ, которая все еще стояла на берегу закрывъ руками грудь, дрожавъ отъ легкаго волненія. Индіянка сдѣлалась нѣсколько-истерична. Она молча указала на юношу, схватила его поперегъ стана, и помощью Розы вынесла его на берегъ.

Какъ быстры и опредѣленны были до-сихъ-поръ движенія Индіянки, такъ теперь сдѣлалась она заботлива и серьезна. Она вынесла его юношу на берегъ, какъ она спеша сошла въ воду и тщательно обыскала лодку; потомъ, качая головою, вратилась къ незнакомцу, устремила на него вронцательный взглядъ и снова бросилась къ лодкѣ; потомъ вдругъ оборотилась къ Розѣ и шепнула ей нѣсколько словъ, заставившихъ ее поблѣднѣть. Роза тоже подошла къ юношѣ. Испытующій взоръ ее упалъ къ страждущимъ чертамъ его и потемнѣвшимъ глазамъ, признаку величайшаго немощенія. Юноша, казалось, былъ готовъ къ смерти. Земляной цвѣтъ лица, ввалившія щеки и глаза вернули о продолжительныхъ лишеніяхъ. Онъ похожъ былъ больше на выброшенный волнами трупъ, нежели на живого чело-вѣка. Мокрые волосы его пригнули клочками ко лбу и вискамъ. Почти невозможно было разобрать цвѣта его платья. Впрочемъ, былъ, по-видимому, еще очень-молодъ; черты лица его, ес-ли

можно было разглядеть, были не испрѣтны, и, не смотря на крайнее истощеніе, все еще привлекательны.

Дѣвушки прислонили его голову къ стволу кинариса, сквозь вѣтви котораго лучи солнца играли на лицѣ его, какъ-будто преобразяя его страдальческія черты.

— Нашъ бѣлый братъ, сказала Индіянка тихо, почти со страхомъ: — пріѣхалъ въ лодкѣ начальника соленого озера, но онъ не изъ шела его вонноуъ.

— Онъ, можетъ-быть, то, что они называютъ матросомъ, замѣтила Роза.

— Нѣтъ, рѣшительно отвѣчала Индіянка. — Посмотри на его руки: онъ не сильнѣе моихъ и нѣжны какъ руки дѣвушки. Она пожелтѣла только отъ соленой воды.

— Можетъ-быть, онъ вѣстникъ, шепнула Роза, съ выраженіемъ озабоченія.

Индіянка снова покачала головою. — Смотри, пожалуй! Пріѣхалъ съ соленой воды черезъ большее озеро, которое пьетъ воду лѣсныхъ рѣкъ, а не умѣетъ продвинуть лодки сквозь траву. Онъ сталъ водяную змѣю за гнилое дерево и наступилъ на нее, а она впалась въ него зубами. Твой бѣлый братъ убѣжалъ отъ начальника зеленого озера. — Она произнесла эти слова такъ утвердительно, какъ-будто лично сопутствовала незнакомцу въ его бѣгство.

— И не-уже-ли Канонда допустить, чтобъ братъ ея окоченѣлъ среди холодной ночи, или, чтобъ болѣзнь лишила его жизни, его, который никогда не дѣлалъ зла ея племени?

— Сестра моя говорить умно, но Канонда дочь мило, возразила Индіянка не безъ гордости. Однакожь она тотчасъ же схватила Розу за руку, лицо ея прояснилось, и она прибавила тише: — Канонда послушаетъ голосу сестры за ея блага брата. Но мы должны отвести его въ пустое дерево.

Дѣвушки приподняли незнакомца и, схвативъ подъ руки, повели его сквозь густой тростникъ. Роза, идучи впереди, старалась пробиться съ нимъ сквозь пальметты, а Индіянка преимущественно заботилась о томъ, чтобъ онъ не упалъ. Шествіе ихъ было медленно и трудно. Потеря крови и взнуреніе такъ ослабили молодого человека, что дѣвушки съ величайшимъ усиліемъ могли поддерживать его на ногахъ.

— Роза! закричала вдругъ Индіянка: — подумай о женщинахъ, о какъ; слѣдъ будетъ видѣнъ даже черезъ нѣсколько мѣсяцевъ.

Физическое существо Розы могло бы проскользнуть сквозь густорастущія стрѣлы тростника; но шедшій рядомъ незнакомецъ, безпрестанно ломалъ ихъ. Не дошли они еще и до половинныя поля пальметтъ, какъ онъ, казалось, началъ отходить. Силы оставили

его совершенно, и дѣвушки только съ невѣроятнымъ усиліемъ могли проташить его по остальной половинѣ поля.

Завыхавшись и уставъ, дошли онѣ наконецъ до опушки; Роза обезсиѣла и не могла подняться; у Индіянки достало еще силъ вытащить свою ношу изъ пальметтъ, — но вслѣдъ за тѣмъ она упала изнеможенная на траву.

Последніе лучи солнца позлащали еще верхушки деревъ, когда Роза подошла къ Индіянкѣ и пробудила ее изъ забывчивости словами: «солнце заходитъ». Индіянка вскочила, и обѣ побѣжали глубоко въ лѣсъ, гдѣ грунтъ понижается къ рѣкѣ Сабинѣ. Онѣ остановились вездѣ огромнаго хлопчатобумажнаго дерева. Множество исполинскихъ лозъ, въ объятіяхъ которыхъ умеръ этотъ исполин все-еще обвивали своими ярко-красными кистями стволъ, и шероховатость котораго, выѣденная зубомъ времени, являлась въ тысячу фантастическихъ очеркахъ и походила на готическую чашу, въ которой могутъ помѣститься человѣкъ двадцать. Число дула и близость соленаго ключа свидѣтельствовали, что индѣйскіе охотники нерѣдко ночуютъ здѣсь. Канонда осторожно пошла къ отверстию, вошла во внутренность, и воротилась съ испугомъ, что никого нѣтъ. Дѣвушки подбѣжали къ кипарису, брали съ вѣтвей его кучу исполинскаго моха и сложили въ дуло мягкое ложе. Индіянка прикатила ко входу нѣсколько гнилыхъ бревенъ, вѣроятно, чтобъ защитить его отъ ночнаго посяганія медвѣдей или барсовъ.

— Хорошо, сказала она, окончивъ эти приготовленія, обнявъ Розу, и пошла съ ней къ незнакомцу.

Индіянка, не мѣшая ни минуты, подсувала лѣвую руку ноги раненаго, и, поддерживая правою спину его, съѣдала знакъ взять ее за руки. Роза покраснѣла.

— Роза стыдится коснуться своего блага брата, за жизнь котораго молила? спросила она съ кроткимъ упрекомъ.

Дѣвушка, вмѣсто отвѣта, взяла руку Индіянки; онѣ положили свою ношу и отвесили ее въ дуло.

Индіянка наклонилась къ раненному и прошептала:—Когда покроетъ землю, Канонда придетъ къ своему брату и прошептаетъ въ его рану бальзамъ.

Но онъ, какъ и слѣдовало ожидать, не слышалъ ея слова; только легкое дыханіе свидѣтельствовало, что онъ еще живъ.

Вершины деревъ агли еще яркимъ пурпуромъ, а мракъ начался уже по низменности, когда дѣвушки возвратились на то место, гдѣ собирали виноградъ. Поспѣшно схвативъ собранное, пошли по узкой тропинкѣ, по которой и мы поспѣшимъ идти, чтобъ ввести читателя въ новый міръ.

IV.

Недалеко отъ мѣста, гдѣ произошло описанное нами событіе, былъ пролъсокъ, мыли въ три длиною вдоль берега и съ полмили шириною къ лѣсу. Здѣсь было когда-то поле пальметтъ, которыя, какъ мы уже сказали, тянутся по правому берегу рѣки съ полями къ лѣсу, окруженные колоссальными деревьями дѣйствительныхъ лѣсовъ, какъ ранкою. Этотъ пролъсокъ очевидно выжгли въ тростникъ, на мѣсть котораго разостлался роскошнѣйшій коверъ земли съ великолѣпными группами деревъ, между которыми неправильно змѣнились плетни изъ миртъ, мангровъ и тюльпаневыхъ деревъ, придавая этому мѣсту видъ парка. Кое-гдѣ подымался между серебристо-зелеными вѣтвями сикоморъ и хлопчато-бумажныхъ деревъ дымъ, свидѣтельствовавшій о присутствіи людей. Разсмотрѣвая это мѣсто внимательнѣе, можно было замѣтить одну или нѣсколько хижинокъ, прислоненныхъ къ древеснымъ стволамъ и окруженныхъ маленькими табачными плантаціями. Далѣе было ихъ больше, такъ-что всѣхъ можно было насчитать не менѣе пятидесяти.

Хижинны были разбросаны въ безпорядкѣ. При постройкѣ ихъ, казалось, соображались не столько со вкусомъ, сколько съ природною аватією, и трудились какъ-нибудь. Матеріалъ, изъ котораго онѣ сложены, былъ самый простой, какимъ даетъ его природа: маленькіе стволы хлопчато-бумажнаго дерева, съ испанскимъ мохомъ въ промежуткахъ. Вместо досокъ, которыми на западѣ отъ Аллеганскихъ Горъ часто покрыты даже бѣднѣйшія хижины, употреблены здѣсь стволы пальметтъ, и это придавалъ имъ какой-то нѣжный характеръ сельской простоты. Жилища были болѣею частью безъ оконъ и свѣтъ проникалъ въ нихъ сквозь дверь или отверстія камина; дверь замѣнялась шкурой буйвола, которую днемъ закидывали на низкую кровлю. Но главную красоту этой деревушки составляли не самыя постройки, а многочисленныя группы деревъ, подъ которыми гнѣздились эти хорошенькія хижины. И для нихъ избрала древесную сѣнь, вѣроятно, въ-слѣдствіе страшныхъ лѣтнихъ жаровъ въ странѣ, отдѣляющей, какъ извѣстно, сѣверную половину западнаго міра отъ южной. Замѣчательна была еще необыкновенная чистота деревушки, усиливавшая пріятное впечатлѣніе. Это мѣстечко, дѣйствительно, было очень-красиво, чтѣ можно видѣть даже и теперь, по его руинамъ. Водяное зеркало Натчеса, быстро стремящагоса здѣсь къ своему истоку, рамка изъ темныхъ кедрисовъ и мангровъ, въ которую оправлены берега и колоссальныя тѣни которыхъ безконечно отражаются въ волнахъ; мно-

гочисленные группы деревъ, подъ которыми такъ мирно разбросаны жилища; наконецъ, самый поясъ, ограниченный съ двухъ сторонъ роскошно-волнующимися полями пальметтъ, а съ третье валомъ исполинскихъ деревъ,—придавали всей картинѣ характеръ роскошнаго уединенія.

Обитатели этого мѣстечка были, можетъ-быть, за немногими исключеніями, не такъ милосидны, но, вообще, вѣрно столько же интаресны. Передъ крайними хижинами виднѣлась группа сидѣть темнаго цвѣта, которыхъ съ перваго взгляда вы непримѣнно приняли бы за стадо обезьянъ, — такъ странцы были и дѣшекія. Они то прыгали черезъ плетни, то свивались въ колѣна зѣбая и катились внизъ къ рѣкѣ такъ быстро, что, кажется, чуждой человѣческой взоръ не могъ воспріять за ними. Дальше, на гребнѣхъ деревни, взрослые юноши занимались воинственными упражненіями. Они представляли пляску шіоновъ. Одна кучка и вѣвала по травѣ, какъ влубокъ зѣтъ, между-тѣмъ, какъ другіе прыгнувъ вдали ухомъ къ землѣ, слѣдили за движеніями непріятелей, и подползая къ нимъ незаметно, вдругъ вскакивали и нападали на нихъ. Когда эта воинственная, и, должно признаться, удивительно изощренная наружная чувства игра повторилась сколько разъ, они стали въ такъ-называемый индійскій строй: пошла другъ противъ друга на дѣйствительную битву съ угрожающими жестами. Потрясая тупыми деревянными томагавками надъ головой другъ друга ужасными ударами, они двигались, бѣже и вскакивали, склонялись подъ ударами и ускользали отъ нихъ грубѣйшими, а иногда и граціознѣйшими движеніями.

Остальные жители деревни не изъавляли ни малѣйшаго любопытства или участія. Непринужденная апатія и дѣятельность ставили удивительный контрастъ. Передъ открытыми хижинами сидѣло нѣсколько женщинъ съ ихъ дочерьми, трудясь надъ кѣпкой или табакомъ; дѣти висѣли снаружи на станахъ, привѣсивъ на рукахъ и на ногахъ ремнями изъ буйволовой кожи къ длиннымъ корытоподобнымъ доскамъ или куску коры, обернутымъ только посреди тѣла лоскуткомъ каинко. Въ такомъ отвѣсномъ положеніи, эти Индійцы держатъ своихъ дѣтей въ продолженіи ихъ младенчества.

Подлемо отъ верхняго конца этого поселенія, стояли двѣ большія хижины; въ нашихъ зѣльсныхъ странахъ, ихъ съ перваго взгляда приняли бы за училища или зданія для религіозныхъ братій.

Эти хижины, подобно прочимъ, были прислонены къ коморамъ, но отличались большимъ объемомъ и лучшемъ исполненіемъ; ихъ окружали кущи пальмъ и майгровъ, а передъ двѣ

разставлялись довольно-большія площадки зелени. Передъ однимъ изъ этихъ домиковъ, посреди открытаго лужка, сидѣла на землѣ группа людей, человѣкъ изъ пятидесяти; ихъ обдекала густой дымъ, исходявшій изъ чубуковъ, длиною футовъ въ пять, которые были вооружены все безъ исключенія. Одежда ихъ состояла изъ охотничьей каликовой рубахи, открытой спереди, такъ что грудь была видна до самаго пояса. Юбки, прикрѣпленные къ поясу, унадали до коленъ; на ремнѣ, черезъ плечо, висѣлъ табачный крестъ. Они не носили такъ-называемаго «чуба», а сохраняли на головѣ все волосы. Хотя эта сходка была случайна, и разговоръ пріятельскій, однакожь они очевидно сидѣли по чинамъ. Внутренній полукругъ составляли старшіе, а другіе, немоложе, сидѣли полукругомъ за ними, въ двухъ рядахъ. Въ центрѣ этой дуги сидѣлъ старикъ, на котораго взоры собранія обращались съ особеннымъ выраженіемъ довѣренности и почтенія; замѣчательная его наружность и всеобщее уваженіе изобличали въ немъ главу этого народа.

Нельзя вообразить себѣ ничего любопытнѣе этого человѣка, состоявшаго, кажется, только изъ костей и кожи. Все мускулы его высохли, — остались только жилы и вены. Сквозь открытую рубаху его видна была грудь шире, нежели у прочихъ, похожая на изрубленную доску и покрытая рубцами и ранами. На лицѣ его покоилась мрачно-стойческая важность, съ выраженіемъ покорности къ судьбѣ; въ дикихъ, изсохшихъ чертахъ его видна была печать глгелой борьбы и ужасныхъ душевныхъ страданій. Такъ изменили мико Окой семь лѣтъ изгнанія и паденія его племени. Голова его склонялась на грудь, и онъ сидѣлъ погруженный въ глубокую думу.

— И такъ, народъ нашъ опять утратилъ половину своей земли, сказалъ старый Индѣецъ, сидѣвшій во внутреннемъ полукругѣ, тономъ полувопроса, полузамѣчанія.

Старикъ, котораго мы только-что описали, помолчалъ съ минутой и сказалъ потомъ, не измѣняя своего положенія, глухимъ голосомъ и съ такимъ выраженіемъ, которое не позволяло, казалось, сомнѣваться въ словахъ его:

— Олень три раза можетъ перебѣжать землю нашего народа между восходомъ и закатомъ солнца.

Изъ группы Индѣца, сдѣлавшаго вопросъ, вырвался стонъ; онъ досталъ кистетъ, взялъ нѣсколько листовъ табака, разрѣзалъ ихъ на кусочки, положилъ на ладонь, растеръ и набилъ ими трубку; потомъ зажегъ ее губкой, поставилъ на землю и скрылся въ облакъ дыма.

— И священная почва обагрилась кровью красныхъ? спросил другой.

— Могилъ убитыхъ въ двадцать разъ больше, нежели сколько Оконіевъ вижу я теперь передъ собою, отвѣчалъ мико тѣмъ и мрачнымъ голосемъ. — Тѣла ихъ лежали на землѣ какъ древесныя листья; длинныя ножи бѣлыхъ были глубоко погружены въ кроу ихъ. Крики никогда не будутъ въ состояніи вырыть томагауки изъ земли... Но, продолжалъ онъ, поднявъ голову, и черты лица его приняли особенное выраженіе, и черные глаза его сверкнули молніей: — но Токеа предсказывалъ это своимъ братьямъ за себя и за семью-семь лѣтъ. Вотъ что говорилъ онъ: «Бѣлыхъ людей много; ихъ сила—сила лозы, вьющейся около нашихъ деревъ. Одинъ меткій ударъ томагаука, и слабая лоза упала съ дерева, и дерево избавлено отъ чужеднаго растенія. Но дайте ей расти только семь лѣтъ, и она обовлѣтъ своими вѣтвями дерево, обойметъ своими предательскими руками и медленно задушитъ. Эта лоза бѣлый человѣкъ; слабымъ пришелъ онъ, слабъ былъ онъ еще когда Токеа въ первый разъ занесъ свой томагаукъ, но съ-той-ры онъ разросся и обвился какъ лоза, какъ лоза распространяется по нашимъ лѣсамъ и долинамъ, и бѣлые расплодился, какъ лозы, и задушатъ насъ своею огненною водою, зарѣжутъ длинными ножами, пожрутъ въ неутолимомъ голодѣ. Весь хлѣбъ съ нашихъ полей, вся дичь изъ лѣсовъ не наполнятъ ихъ вѣчно-пустаго желудка, и красный человѣкъ принужденъ будетъ отступить передъ нимъ.» Это сбылось, продолжалъ старикъ торжественнымъ голосомъ. Еще разъ, семь лѣтъ назадъ, предостерегалъ мико. Это было послѣднее его предостереженіе. Онъ послалъ тогда къ Текури, чтобъ возобновить союзъ между обоими народами. Его посланки курили съ великимъ начальникомъ *трубку мира*, и онъ началъ возстать, когда раздастся военный крикъ Мускоги. Но и братья Мускоги закрыли свои уши и глаза передъ мико, и слышалъ Токеа за человѣка, который хочетъ посѣять сѣмя раздора между его братьями и бѣлыми. Да! провзнесъ онъ гордо, послѣ какого молчанія:—Токеа хотѣлъ посѣять это сѣмя раздора, стараясь разорвать предательскую цѣпь дружбы, только приковывая красныхъ къ бѣлымъ. Да, онъ хотѣлъ посѣять сѣмя раздора, чѣмъ посѣвъ истребилъ враговъ, навсегда истребилъ ихъ въ нашихъ праотцевъ, гдѣ теперь мы бездомные скитальцы. Но мускоги считали мико за измѣнника, и лживый языкъ его братьевъ любящій огненную воду Ингизовъ (Англичанъ) и ихъ короче больше свободы, передалъ его слова бѣлымъ, и Токеа долбилъ бѣжать изъ земли отцовъ своихъ, чтобъ не быть въ врагамъ своего племени. Великій духъ ослѣпилъ красныхъ,

что они не могли уже узнавать своихъ истинныхъ братьевъ, и въ мико Окопсѣ видѣли врага. Они допустили Йингивовъ распространиться по всей землѣ, а когда они стали многочисленнѣе буйволъ на лугахъ Куманчи, они подняли — глушцы! — военный крикъ, и были разбиты и уничтожены.

Глухое стннаніе нѣсколько времени слышалось въ собраніи. Старикъ продолжалъ:

— Теперь ихъ бѣлые кости покрыты землею и кровь смыта дождемъ; но земли у нихъ отняты, и на рѣкахъ ихъ плаваютъ тухлы лодки. Лошадн бѣлыхъ бѣгаютъ по широкимъ дорогамъ въ лесѣхъ, навоиненныхъ торгашами и исчезающихъ подъ ихъ опустошительною рукою. Чтѣ уцѣлѣло отъ ихъ пуль и длинныхъ ножей, то истребить ихъ кривой языкъ и огненная вода. Токеа видѣлъ священную почву, видѣлъ сожженныхъ, разрушенныхъ деревни своего народа, видѣлъ и братьевъ своихъ, лежащихъ передъ лошадн съ раскрашенными вывѣсками, подобно свиньямъ, запачкавшихъ грязью щиты свои и томагауки и сдѣлавшихся цѣлью насмѣшекъ и презрѣнія даже черныхъ невольниковъ.

Последнія слова вырвались у него почти съ беззвучною яростью. Глухой вой раздался въ собраніи. Старикъ продолжалъ:

— Черезъ лѣсъ, гдѣ Токеа охотился какъ начальникъ, какъ могущественный мико, онъ принужденъ былъ прокрадываться въ темнотѣ подобно вору, когда садилось солнце. Онъ видѣлъ народъ свой, плѣтъ краснаго племени, валяющимся въ грязи.

Сказавъ эти слова, онъ снова склонилъ голову на руки... Настало долгое молчаніе.

— И великій мико не говоритъ къ своимъ братьямъ? спросилъ Надіецъ.

Начальникъ поднялъ голову и нѣсколько времени смотрѣлъ на него съ важностью.

— Разъ братъ мой забылъ, сказалъ онъ наконецъ:— что наши прасные братья по-ту-сторону рѣки сами разорвали узы, связывавшія съ ними Токеа, что они выдали его и его земляковъ, и оставили его покинуть землю отцовъ? Только глупецъ говорить дважды. Братья его закрыли себя уши семь лѣтъ назадъ, когда было еще время нанести ударъ. Теперь мико закрылъ свой ротъ. Языкъ его былъ связанъ, когда онъ въ послѣдній разъ видѣлъ могилу отцовъ своихъ; сердце его было съ его вѣрными людьми. Но скоро Мускоги будутъ выгнаны бѣлыми изъ остальныхъ своихъ владѣній, какъ прогнаны олени за большую рѣку. Они придутъ раскинуть свои вигвамы по-сю-сторону большой рѣки, и Токеа прійметъ ихъ съ распростертыми руками. Вигвамъ его будетъ открытъ для нихъ. У людей его много зерна и дичи,

и его дѣдушка умирать жить одетыхъ рубахи. Онъ подумалъ съ причальцами всѣмъ, что у него есть, и порванная цѣпь свою будетъ вновь скрючена.

Громкій крикъ одобренія, которымъ отвѣтили на его слова, слышался, казалось, на него болѣзненное впечатлѣнiе; но говоря слова, онъ опять склонилъ голову на грудь и погруженъ въ глубокое раздумье.

Солнце великолѣпно закатилось за западный гребень Натчеса, вечерній передливался еще тысячу роскошныхъ цвѣтовъ. Мало-помалу, золотистыя и пурпуровыя вершины слились въ сѣроватую тѣнь; серебряное зеркало Натчеса стало темно-синимъ; природа готовилась какъ-будто къ сну, — тихо, широко, великолѣпно. Онъ бросилъ послѣднiй взглядъ на дрожащiе лучи; мало-помалу, на его раскрѣстились, и, упершись ступнями въ землю, онъ поднялся медленно, баять усиливъ, безъ помощи рукъ. Это было знаменательная оканчаша бѣсѣды. Всѣ встали, подобно старику, какъ-будто и росли изъ земли.

Начальникъ пошелъ въ стоявшую за чайною хижиню, отличающуюся, какъ уже сказано, большимъ объемомъ, дверьми и окнами. Вошелъ, онъ заперъ за собою дверь. Внутренность состояла изъ двухъ комнатъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга ковромъ. Полъ стѣны были обтянуты рогожками. Вдоль стѣнъ тянулся рядъ и кожанъ дивана, набитаго испанскимъ мехомъ, и также покрыто рогожкой. У одной изъ стѣнъ стоялъ простой продолговатый столъ. На той же стѣнѣ висѣлъ карабинъ американской рѣчи, а возлѣ него двуствольный штуцеръ превосходной отдачи и охотничье ружье. Насупротивъ красиво были расположены дѣйствiя оружiя; колчаны изъ оленьей и аллигаторовой кожи, луки и томагавки. Посрединѣ красовалась довольно-большая, купно-украшенная сумка, похожая на охотничью, и вѣроятно вмѣщавшая въ себя таинственную аптеку начальника, переходящую, какъ извѣстно, отъ отца къ сыну; американскiй диванъ беретъ къ этой сумкѣ, какъ къ символу власти, такое же почтенiе какъ Европеецъ къ египтянѣ, тиарѣ, коронѣ. Сумерки, недолгiя этой странѣ, уступили уже мѣсто ночи, когда въ комнату вошла женщина.

— Дочери мои долго не возвращались домой, сказалъ старикъ на диванѣ и склонивъ на руки голову.

— Она собирала виноградъ, который такъ любить отецъ и отащала одна изъ дѣвухенъ.

Канонда (это она возвратилась домой съ Ресой) взяла глиняный сосудъ, наполнила его виноградомъ, и поставила передъ отцомъ вмѣстѣ съ двумя другими, изъ которыхъ въ одномъ былъ су-

ный эдакий окорок, а въ другомъ манетъ. Почему она надила какой-то жидкости изъ глинянаго сосуда въ кружку, и подала ее также старику. Старикъ выпилъ, поставилъ кружку на столъ, отрѣзалъ кусокъ окорока и взялъ мансу. Ужинъ его кончился такъ же скоро, какъ скоро былъ приготовленъ, и черезъ нѣсколько минутъ Капонда убрала со стола.

— А дѣти мои не голодны? спросилъ онъ Капонду.

— Онѣ ѣли виноградъ.

— Хорошо! отвѣчала старикъ, и снова склонилъ голову на руки. Едва только замѣтила дѣрушка это движеніе, какъ скользнула впередъ и, падъ передъ начальникомъ на колѣни, сложила руки на груди. Онъ же положилъ свои руки ей на плечи, какъ-будто благословляя ее. Почувствовавъ это прикосновеніе, она начала какое-то мелодическое жужжаніе, похожее на отдаленные звуки духовыхъ инструментовъ. Но мало-по-малу голосъ ея становился громче и сильнѣе; онъ переливался въ дикіе, страстные звуки этого племени, и потомъ опять въ болѣе-нѣжные тоны женскаго голоса. Вдохновеніе ея импровизаціи какъ-будто перешло и на старика. Онъ наклонился къ пѣвицѣ и голосъ его слѣлся съ ея пѣснью въ обыкновенныхъ индійскихъ горловыхъ звукахъ. Вдругъ она остановилась и спросила мелодическимъ тономъ о причинѣ грусти отца.

«Зачѣмъ?» цѣла она: «грустенъ взоръ и мрачно лицо твое Оконіеи? Онъ далеко отъ могилъ отцовъ своихъ, но Великій Духъ къ нему близокъ, и облака его парятъ надъ его главою, скрывая его отъ враговъ, чтобъ враги увидѣли его тогда только, когда онъ возстанетъ въ гнѣвъ.» Она перешла въ грустную, дико-роскошную фантазію, воспѣвая подвиги твоего Оконіа на войнѣ и на охотѣ; потомъ славу своего отца, его раны и подвиги; описывала битвы его съ Чирокезами и бѣлыми, опасности его переправы черезъ большую рѣку, его дѣтское чудство, не дававшее ему покоя, пока онъ не увидѣлъ могилъ отцовъ своихъ, и, доизрѣвъ голосъ, обратилась къ Великому Духу съ молитвою истребить терніа на его дорогѣ въ предстоящей охотѣ.

Это было собственно не пѣніе, а импровизація; но богатая мелодія и необыкновенная глубина голоса, переливавшаяся отъ самыхъ низкихъ до самыхъ высшихъ нотъ, надражая не тихому вѣтерку, то реву бури, и вызвавшего наконецъ, подобно голосу пророкицы, утѣшенія изъ выснихъ сферъ, — все это дѣлало удивительное впечатлѣніе.

— Дочь моя, сказалъ старикъ: — забудь прѣпеть хвалу великому начальнику Куманчі.

— Она прошепчетъ ее ему на ухо, когда онъ будетъ въ вѣнцѣ отца ея, сказала она.

— Хорошо! отвѣчалъ отецъ.

— А у бѣлой Розы развѣ нѣтъ языка пропѣть пѣсню Окони продолжалъ онъ послѣ краткаго молчанія.

Канонда обернулась, — Розы не было. Она встала, ошупывая въ потьмахъ комнату—бѣлой Розы не было.

— Она подь большимъ деревомъ, сказала Канонда, медленно какъ-будто неохотно собираясь отыскивать ее.

Вошедъ съ Канондою въ комнату, Роза отошла къ навѣсу, отдѣльному комнаты одну отъ другой. Здѣсь простояла она нѣсколько минутъ въ трепетномъ ожиданіи, вѣроятно думая, что начавши, отужинавъ, тотчасъ ляжетъ спать.

Но когда Канонда запѣла знакомую ночную пѣсню, Роза, какъ-то совершенно потерялась: то подходила, то отскакивала назадъ, дрожала и шаталась. Наконецъ, она быстро бросилась въ другую комнату, сбросила съ себя шелковое платье и надѣла дѣтское изъ калико, взяла шерстяное одѣяло, покрыла имъ корзину, прокралась въ первую комнату. Дрожа, переступила она за порогъ. Грудь ея волновалась, колѣни дрожали, когда она подошла къ сумкѣ, прикоснулась къ таинственной сумкѣ, — и наконецъ прокралась въ потьмахъ до дверей.

Жители деревни спали глубокимъ сномъ; верхушки деревъ блестали въ серебряныхъ лучахъ мѣсяца; ночныя испаренія окрестныхъ водъ, какъ духи прошедшихъ временъ въ огромныхъ садахъ, волновались надъ хижинами. Ни одного человѣческаго образа не было видно. Дѣвушка остановилась на минуту, и потупилась бѣжать какъ испуганная лань по дорожкѣ къ лѣсу. Усталая прибѣжала она къ дуплу. Тутъ она остановилась, ошупывая со страхомъ, не видитъ ли ее кто-нибудь, подошла къ веретѣну, и опять отошла прочь. — Чужой озябъ, болѣнъ и гонимъ, прошептала она въ раздумьѣ, — и однимъ прыжкомъ очутилась за заваломъ. Раненный спалъ. Она наклонилась къ нему, смахнула мохъ, которымъ онъ былъ покрытъ. Кровь все еще текла крупными каплями и спеклась на платкѣ. Она осторожно сняла повязку, ошупала рану, и налила въ нее какой-то жижи. Больной вскрикнулъ отъ боли.

— Тихе! ради Бога, тихе! сказала дѣвушка. — Это бальзамъ изъ врачебной сумки великаго мико. Онъ исцѣлитъ рану. Но у деревъ есть уши, и вѣтеръ дуеть съ берега. Эт Канонда, сказала она дрожащимъ голосомъ, изобличившимъ ея лжи.

— Это Канонда, повторила она, наливая еще нѣсколько капель въ рѣну и увязывая ее по-прежнему.

— Вотъ, шепнула она: — сокъ винограда. Вотъ жареная дичь. Вотъ это тебя согрѣетъ, сказала она, покрывая его шерстянымъ одеяломъ. У входа она оглянулась еще разъ; потомъ перелѣзла черезъ завалъ и побѣжала домой. Чѣмъ ближе къ хижины, тѣмъ медленнѣе становились шаги ея. Вошедши въ стѣну, она начала отъискивать глазами Канонду.

— Роза, шепнула ей Индіанка:—что ты дѣлала? Мико спрашивалъ тебя.

— Вотъ, отвѣчала дѣвушка, подавая ей стеклянку.

— Пойдемъ, сказала Канонда, взявъ ее за руку и уводя въ лѣсъ.

— Румянецъ исчезъ съ лица бѣлой Розы; въ послѣдніе два мѣсяца глаза ея полны воды. Начальникъ соленого озера осушить ихъ, сказалъ старикъ.

Глубокій вздохъ вырвался изъ груди дѣвушки. Она громко зарыдала.

— Бѣлая Роза, продолжалъ мико холодно и спокойно:—будетъ женою великаго воина, который наполнитъ ея вигвамъ добычею, отнятою у непріятеля. Руки ея никогда не будутъ работать, и жемчужины будутъ ей завидовать.

Съ этими словами, онъ протянулъ на диванѣ ноги, укрылся шерстянымъ одеяломъ и собрался заснуть.

Канонда схватила Розу за руку, ижно увела ее въ другую комнату, и подвела къ дивану.

Роза молча легла, но тщетно старалась закрыть глаза. Блѣдный образъ умирающаго незнакомца стоялъ передъ нею и лишалъ ее покоя. Часъ проходилъ за часомъ, а она все еще не спала. Наконецъ, въ другой комнатѣ послышался шелестъ, дававшій знать, что мико уже всталъ.

Канонда вскочила съ своего ложа, подошла къ Розѣ, наклонилась, приложила къ ея губамъ палецъ, и поспѣшила въ комнату туда.

Начальникъ былъ занятъ сборами въ далекій путь, то-есть на осеннюю охоту, которая, какъ извѣстно, продолжается у этихъ племенъ нѣсколько недѣль и даже мѣсяцевъ и увлекаетъ охотниковъ за сотни миль. Сборы его были не продолжительны. Онъ взялъ большой кисетъ съ табакомъ, сумку съ дробью, положилъ ихъ въ лгаташъ и надѣлъ его черезъ плечо. Потомъ заткнулъ за поясъ охотничій ножъ и взялъ двуствольный штуцеръ. Вошелъ молодой Индеецъ, которому онъ приказалъ вручать лукъ, стрѣлы и мѣшокъ съ съестными припасами. Дочь молча исполнила его волю. Сложивъ

руки; ждала она дальнейших приказаний. Отец приложилъ правую руку къ ея лбу, несколько времени смотрѣлъ съ спокойнымъ участіемъ ей въ глаза, — потому что черты лица его сдѣлались какъ то блѣды, вторыя отца и дочери встрѣтились, и онъ пошелъ въ двери, какъ-будто они поняли другъ друга.

Передъ хижиной собралось уже человѣкъ пятьдесятъ, совершенно-вооруженныхъ. Они пришли молча и тихо; не слышно было ни звука, ни шаговъ. Едва-только начальникъ вступилъ въ среду, какъ они также тихо пригнули къ нему и съ какою-то таинственностью пошли къ берегу.

Дочь проводила отца только до дверей; здѣсь онъ сдѣлалъ знакъ остановиться. Она стояла и слушала, пока не раздастся вдали шумъ веселья; тогда она затворила дверь и поспѣшила въ комнату.

— Ушла! сказала она.

— Такъ поспѣшила къ невинному, отвѣчала Роза.

— Бѣлая Роза, сказала Индіанка кротко, но серьезно: — доля уснуть; иначе блѣдное лицо ея выдастъ тайну ея сердца. Красныя сестры хитры и лукавы; глаза ихъ широко открыты. Легко найдти следъ, оставленный нами вчера въ тростникахъ. Девушка можетъ еще догнать насъ. Каконда просмотритъ за чужие сестра ея должна отдохнуть.

Она нѣжно положила подругу свою на диванъ и исчезла за кѣсью.

Спокойныя ли, кроткія рѣчи Индіанки, вѣрная, родственная любовь которой не подлежала сомнѣнію, или усталость жестоко Розу — но черезъ несколько минутъ она снова глѣбокимъ сна

У.

Въ національномъ характерѣ Индійцевъ, нравственная глупость котораго еще далеко не опредѣлена, есть много прекраснаго и вышешаго; но вмѣстѣ съ тѣмъ есть и черта, о которой описаніе ихъ нравовъ желалъ бы не упоминать: это рѣзкое эгоистическое равнодушіе, или, лучше сказать, безчувственность, съ которою обращаются съ своими жепщинами; — безчувственность, мало-вѣщающая этихъ несчастныхъ созданій отъ домашнихъ животныхъ. Можетъ-быть, единственно этой безчувственности должно приписать черныя пятна, налагающія на ихъ домашнюю и общественую жизнь отвратительную печать жестокости и самой скотоподобности, — печать, которая дѣлаетъ изъ картины индійскихъ нравовъ сцену жестокости и лѣниво-праздной жизни, только изрѣдка прерываемой болѣе-важными рельефами, необходимо присутствующими

нить из большаго уваженія къ женскому полу. Исторія индійскихъ народовъ ясно доказала, что нація, у которыхъ только одна половина пользуется правами человѣка, всегда будетъ дикою, и что общественная жизнь, гдѣ женщина стоитъ наравнѣ съ мужчиною, необходима для облагороженія націи.

Народъ, ставящій женщинъ на степень, несоотвѣтствующую ихъ естественному достоинству, всегда будетъ болѣе или менѣе варварскимъ; вѣрная мѣрка образованности народа — отношеніе обоеихъ половъ его въ ихъ частныхъ и общественныхъ правахъ. Назначеніе женщины не работа и не рабское удовлетвореніе страстей мужчины; она не должна быть ни покорною игрушкой въ часы отдыха, ни вломомъ его безумныхъ страстей. Она должна быть соучастницею его въ горѣ и въ радости, раздѣлять съ нимъ его угнетающія и ободряющія чувства, быть подругою его сердца, ѡмракомъ его ума, освѣщающимъ путь его, гениемъ-хранителемъ его дѣтвей, будущаго поколѣнія. Она должна освѣжать утомленный духъ мужа, быть зглагою домашней святыни, бодрствовать вмѣстѣ съ нимъ, чтобъ мячля святотатственная рука не коснулась этого храма. Только тотъ народъ рожденъ для свободы, у котораго женщина достигла такой высоты. Свободы никогда не будетъ тамъ, гдѣ свобода не можетъ безгранично владѣть домашнимъ очагомъ.

Замѣчательно, — и это подтверждаетъ наши слова, — какъ у дикихъ племенъ, возвысившихся мало-по-малу до извѣстной степени цивилизаціи, улучшилось вмѣстѣ съ тѣмъ и положеніе женскаго пола. Жены Чирокезовъ болѣе подруги жизни мужей своихъ, нежели жены Криковъ; эта мѣрка такъ вѣрна, что права женщины у различныхъ народовъ всегда соотвѣтствуютъ личной свободѣ и народной образованности.

Народецъ, деревушкѣ котораго мы описали въ предыдущей главѣ, былъ еще некоторымъ-образомъ на первой степени цивилизаціи. Заря занималась; они предчувствовали уже выгоды земледѣлія и разныхъ искусствъ, и, не смотря на то, что это были только вѣтчки, они оказали уже благотворное вліяніе на участь женщинъ. Женщины были, правда, все еще служанками мужей, должны были засѣвать съ дочерью поле, пахать, жать, ходить за табакомъ, выдѣлывать оленья и аллигаторовы кожи, прять хлопчатую бумагу; но самое умноженіе потребностей мужчинъ и украшенія житья съ ними чувство наслажденія и довольства въ житіи, привело женщинамъ въ глазахъ ихъ болѣе цѣны, и, слѣдовательно, усилило къ нимъ уваженіе.

Много значило, можетъ-быть, и то, что главою женщинъ была мать Канокса. Безграничное довѣріе и глубокое уваженіе мужчинъ къ ней не могло не отразиться и въ отношеніяхъ ихъ къ дочерямъ.

Сверх-того, Канонда была создана для того, чтобъ возвысить въ глазахъ свой полъ, и изъ всѣхъ ея дѣйствій можно было заключить, что она не только поняла ложное отношеніе обоихъ половъ, но старалась смягчить оскорбительную его сторону. Эта дѣвушка была одарена природнымъ умомъ и сметливостью, нередко встрѣчающими между дѣтьми природы и основанными на вѣрномъ тактѣ руководителѣ, котораго не знаютъ наши воспитанныя въ тансицахъ куклы. Съ неподражаемою ловкостью умѣла она пользоваться каждымъ обстоятельствомъ, ведущимъ ее къ цѣли; она умѣла достигнуть благодѣтельной власти сътѣю, накинутой на мужчинъ, и пользу сестеръ своихъ. Она была воспитана въ одномъ изъ превосходныхъ заведеній, учрежденныхъ полковникомъ Гавкинсомъ между Криками для ихъ нравственнаго и гражданскаго образованія; она такъ хорошо изучила многія отрасли домоводства, что была превосходной хозяйкой даже среди болѣе-образованнаго народа. Она ткала и вязала превосходно; шитыя ею платья сидѣли лучше прочихъ; приготовленное ею вино было крѣче и вкусѣе; время пребыванія своего у Американцевъ, она узнала даже тайну приготовленія огненной воды, — выгода, которую она умѣла оцѣнить, и тайну которой сообщала только одной Реев. Она провела столько времени между Американцами, что не могла не знать огромнаго разстоянія между ихъ женщинами и женщинами своего народа; нѣжная ея пропитательность указала ей настоящую путь къ возможному уменьшенію вопиющей несправедливости оженій между обоими полами. Въ каждой хижинѣ она была хозяйкой, и проходя мимо дверей, не отступала, пока мужъ не дастъ пашущей или копающей землю жены, Сговорчиваго нагнала она кружкою огненной воды, а упрямыхъ подчивала съ какою улыбкой чистой водою. Такъ понемногу приучала она мужей раздѣлять труды женъ. Она имѣла средства всѣмъ править и управлять всѣми.

Утренняя заря едва занималась, когда темные образы женщин и дочерей ихъ двинулись къ тому мѣсту берега, гдѣ мужья и братья ихъ нѣсколько часовъ назадъ сѣли въ лодки.

Рѣка образуетъ здѣсь маленькій заливъ, въ которомъ находится флотъ этого племени, т. е. пять лодокъ изъ пальмовой коры. По нѣмъ сторонамъ гавани берегъ возвышался футовъ на двадцать заросъ миртами и мангровыми, сквозь которыя змѣялась тропка.

Для чужеземца, въ первый разъ увидѣвшаго такую толпу женщинъ, зрѣлище было любопытно. У старшихъ были длинные волосы, гладко распушенные по плечамъ; морщинистыя, высохшія, муміеподобныя лица; въ чертахъ ихъ выражалось что-то безсмысленное, но за то черныя, сверкающіе, видные глаза гово-

дикости, спящей и жающей только случая разразиться въ необузданной ярости. Въ лицахъ матерей было больше кротости. Сношенія и общественная жизнь съ Американцами очевидно оказали на нихъ свое очеловѣчивающее вліяніе. Дѣвушки все вообще были стройны, многія очень—граціозны; мѣдный цвѣтъ лица ихъ былъ немножко-темнѣе цвѣта сельскихъ красавицъ Южной-Европы, хотя въ чертахъ ихъ выражалось больше спокойствія и ясности; еслибъ не выдавшіяся скулы, онѣ могли бы служить моделями для ваятеля. Дѣвушки были въ короткихъ юбкахъ изъ каліко, немножко-ниже колѣнъ; на шеѣ только у нѣкоторыхъ была одежда; у всѣхъ покосыны и серебряныя серьги. Когда женщины собрались, старшая изъ нихъ раздѣлила ихъ на три группы и каждой назначила отдѣльную часть работы, которую мы опишемъ по-дробнѣе. Онѣ строили лодку изъ пальмовой коры.

Первая группа должна была срѣзывать короткіе шесты и всаживать ихъ въ землю на пол-фута одинъ отъ другаго, такъ-что ихъ было до сорока.

Вторая снимала куски пальмовой коры, навѣшивала ее на шесты и прикрѣпляла такъ, что кора висѣла свободно, какъ переплетъ книги, обращенной корешкомъ вверхъ.

Третья должна была поперечными перекладинами выгнуть край и дать верхней рамкѣ форму, сообразную лодкѣ. Эта группа насаживала ребра и накладывала нашивку широкими пластами между корою и ребрами, между-тѣмъ, какъ нѣсколько дѣвушекъ выгибали ихъ, образуя дно и бока лодки. Когда все это было кончено, онѣ положили на ребра размягченные предварительно въ водѣ тяжелые камни и оставили все это сохнуть. Во время работы, продолжавшейся съ часъ, все хранили глубокое молчаніе: не слышно было ни смѣха, ни шопота, ни болтовни. Каждая исполняла свое дѣло не произнося ни одного слова, — и только Канонда позволяла себѣ больше другихъ. Она, какъ избалованное дитя, рѣзвилась между строгими матронами; то пролепечетъ одной на ухо шутку, то шепчетъ кое-что другой, то сорветъ съ устъ ихъ спокойную улыбку. Окончивъ работу, женщины разошлись также мрачно и безмолвно.

Канонда поспѣшила въ хижину отца. Роза все еще спала. Милая улыбка играла на лицѣ дѣвушки, и нѣжныя губы ея шевелились. Индіанка наклонилась къ восхитительному созданію и невольно поцаловала ее. Роза открыла глаза.

— Канонда, сказала она, протирая ихъ: — мнѣ снился дурной сонъ. Мы съ тобою стояли въ глубокой-глубокой долинѣ, а чужой на горѣ—къ намъ спиною. Видѣла ли ты его? Что, ему луч-

ше? Онъ уже не такъ блѣденъ и не дрожитъ въ лихорадѣ? Ъ онъ плоды, пилъ вино?

— Роза, возразила Индіянка съ лукавою улыбкою:— не зада ла столько вопросовъ и въ двадцать дней. Чужой подъ большимъ упавшимъ деревомъ.

— Какъ онъ туда попалъ?

— На плечахъ Канонды.

— А слѣдъ нашъ, а большая змѣя, а поломанный тростникъ сказала Роза, краснѣя въ замѣшательствѣ отъ нелицитаго притв ства, которымъ хотѣла обмануть подругу.

Индіянка была шестью годами старше, и, конечно, знакомѣе стратагемами, къ одной изъ которыхъ прибѣгнула Роза. Она грубо засмѣялась.—Смотри, пожалуй, какъ Роза въ одну ночь выла лась лгать! Говорить о слѣдѣ и поломанномъ тростникѣ, о ко рыхъ заботится столько же, сколько мико о бусахъ,—а сердце между-тѣмъ, съ чужимъ. Канонда накажетъ за это блую Роз

— Не-уже-ли Канонда удивляется, что сердце ея сестры си нѣе бьется при видѣ блага брата? Развѣ сердце Канонды не билось бы также, еслибъ, живя между бѣлыми, она вдругъ дѣла брата изъ своего племени, человека своего цвѣта?

Индіянка посмотрѣла на нее пристально.

— Сестрѣ моей хочется къ бѣлымъ? спросила она.

Голова Розы упала на изголовье. Она заплакала. Индіянка бѣжала и обняла ее.

— Канонда готова доставить Розѣ много-много радости, но не должна быть печальна, она не должна идти къ бѣлымъ; нонда не можетъ жить безъ нея. Пойдемъ, прибавила она, вая ей платье изъ калико: — Роза должна сегодня помочь обмануть нашихъ женщинъ.

Роза надѣла платье, окутала грудь платкомъ, вышла изъ хи ны, передъ которою билъ ключъ свѣжей воды, и возвратил асная какъ заря. Онъ съли за завтракъ, состоявшій изъ вина да, пироговъ и кружки молока. Роза, казалось, съ нетерпѣ оставалась въ хижинѣ, но Индіянка уворно молчала и, перек немного, вышла одна изъ хижины.

Роза со вздохомъ съла за столикъ, на которомъ лежала е бета — кусокъ шелковой матеріи, который могъ показаться страннымъ въ этомъ мѣстѣ. Это былъ кусокъ превосходнаго гроденапля, скроенный уже для платья. Часа черезъ Индіянка возвратилась; улыбка девольства играла на устахъ

— Мы построили лодку, пока Роза спала, сказала она:— она должна пойти посмотреть, какъ мы спустимъ лодку на

Обѣ пошамъ къ рѣкѣ, гдѣ снова собрались женщины и дѣв

ждущія трѣхъ дочерцъ начальника для окончанія работы. Какъ-только обѣ дѣвушки подошли къ берегу, женщины выдернули шесты, на которыхъ держалась новая лодка, и руки всѣхъ занялись нападешемъ складки камелью. Въ полчаса все было готово. Старуха, распорядившая работою, еще разъ осмотрѣла всѣ отдѣльныя части, и когда она проэнесла «хорошо!» Каюнда дала знакъ четырѣмъ дѣвушкамъ, и онѣ тотчасъ схватили и понесли къ водѣ легкое судно. Сама она, вмѣстѣ съ тремя подругами, взяла весла и вскочила съ ними въ лодку, когда та была спущена.

— Роза, сказала Индіанка:— труслива, и потому должна остаться; но въ слѣдующій разъ, если лодка уцѣлѣетъ, она пойдетъ съ нами.

Лодка, между-тѣмъ, начала качаться, какъ легкое перо. Одною удара весломъ было довольно, чтобъ оттолкнуть ее далеко въ рѣку. Индіанка и подруга ея схватились за весла.

Лодкость и грація, съ которыми онѣ владѣли веслами, была несравненна. Сидя на кормѣ, онѣ наклонялись впередъ и опускали весла на воду параллельно съ плечомъ, разрывая ребромъ теченіе и давая лодкѣ нужное направленіе. Туземцы гребутъ не такъ, какъ Американцы: движенія ихъ похожи на движенія водяной птицы. Дѣвушки поплыли сначала вверхъ по теченію, потомъ повернули и стрѣлою полетѣли назадъ; это повторялось нѣсколько разъ. Между-тѣмъ, другія лодки также наполнились дѣвушками, и шесть судовъ собирались, по-видимому, пуститься въ обгонку. Онѣ стали радостъ, и по легкому крику женщинъ съ берега, руки ихъ пришли къ движенію. Но новая лодка скоро обогнала прочія: онѣ были еще въ дугѣ, образуемой здѣсь рѣкою, когда новая лодка достигла уже теченія, начинающагося немедленно за изгибомъ. Вдругъ раздался пронзительный крикъ. Лодку видѣли еще мгновеніе, и потомъ она исчезла въ тростникъ. Со всѣхъ пяти лодокъ поднялся такой же пронзительный крикъ, бывшій для стоявшихъ на берегу сигналомъ къ бѣгу, ускоренному страхомъ и любопытствомъ.

Роза стояла въ раздумь. Она слышала крикъ, но не знала откуда. Толпа увлекла ее за собою, и она старалась не отстать отъ переднихъ. Это было ей легко, пока неизвѣстно было, куда бѣгутъ. Но когда пробѣжали пролѣсокъ и пустились по знакомой тропинкѣ, сердце ея начало биться. Шаги становились все медленнѣе, ноги отказывались служить; она принуждена была остановиться. Что дѣла шло о незнакомцѣ, это было для нея ясно. Но зачѣмъ Каюнда сама наредила женщинъ на слѣдъ? Дрожь продолжалась Роза идти по тропинкѣ и дошла наконецъ до хлѣбчатобумажнаго дерева, гдѣ собрались женщины, дѣвушки, юности и

дѣти. Молодые смотрѣли на незнакомца съ удивленіемъ, старіе съ мрачнымъ выраженіемъ лица.

Глухой ропотъ, становившійся все громче и громче, не предвѣщалъ ничего хорошаго. Чужеземецъ все еще лежалъ у дерева закрытыми глазами и не чувствовалъ, по-видимому, ничего, происходившаго вокругъ его. Впрочемъ, одѣяла и платка уже не было, и рана его была открыта.

— Смотрите! сказала Канонда:—начальникъ соленаго озера послалъ въ своей лодкѣ вѣстника, и его укусила большая водяная змѣя.

Она произнесла эти слова съ тою положительностью, которую давала всемъ словамъ и дѣламъ ея характеръ опредѣленно уничтожавшей всякое возраженіе. Она очень-простодушно разсказала, какъ доплыла до мѣста, гдѣ чужой хотѣлъ выйти на берегъ. Но сама ли она указала на слѣдъ, или увидѣла его зоркими глазами Индіянокъ, было неизвѣстно. Впрочемъ, онъ очень-непосредственно разсказывали объ открытіи, какъ юноша съ трудомъ должно быть, пробирался чрезъ тростникъ и какъ въ изнеможеніи упалъ у дерева. Нѣсколько старухъ слушали разсказъ молча, съ видимою недовѣрчивостью. Онъ устремилъ взоры на землицу, многія отправились даже по слѣдамъ въ тростникъ. Канонда, удостоивая ихъ ни малѣйшаго вниманія, сдѣлала дѣвушкамъ знакъ приготовить носилки, и слова ея тотчасъ же произвели желаемое дѣйствіе. Старухи, прекративъ дальнѣйшіе поиски, поспѣшили предупредить дѣвушекъ. Онъ срѣзали два шеста, положили на нихъ поперегъ стволы пальметто и устлали ихъ испанскимъ мохомъ. Канонда улыбнулась и приказала положить чужаго на носилки. Приказаніе было исполнено немедленно и съ такою осторожностью, что больному не причинено было ни малѣйшей боли. Когда сѣли на носилки, она шепнула Розѣ: «Братъ мой раненъ и болѣзнь поручаю его заботливости его сестры», и съ этими словами она вышла съ подругами въ пальметто, спѣша къ рѣкѣ и лодкамъ.

Роза, какъ во снѣ, подошла къ носилкамъ; ихъ подняли и поехали въ путь. Онъ молча шли къ деревнѣ; у хижины, стоявшей поодаль на опушкѣ, остановились. Опушенная, заботливо крѣпленная буйволовая кожа доказывала, что хижина пуста. Канонда стояла уже у дверей. По ея приказанію, носу положили на землю.

— Роза, сказала Индіянка:—должна подождать здѣсь, пока Канонда переговоритъ съ женщинами, и, отошедъ въ сторону, собрала женщинъ въ кружокъ и начала совѣщаніе о чужеземцѣ. Ее выслушали молча и предоставили ей дѣйствовать по ея волѣ. Она поблагодарила за довѣріе и приказала двумъ

хитъ отворить дверь, то-есть откинуть кожу; потомъ раненнаго ввели и положили на что-то въ родѣ дивана изъ моха. Онъ дрожалъ хитъ тѣломъ. Его была сильная лихорадка.

Черезъ полчаса, Канонда снова вошла въ комнату и привела съ-дѣю старуху, съ трудомъ приближавшуюся къ одру больнаго. Старуха смотрѣла на него нѣсколько минутъ, потомъ съѣла на мохъ, надела его руки, пощупала пульсъ, и наконецъ, схвативъ ногу, стала разсматривать рану съ внимательностью доктора.

— Завтра лихорадка пройдетъ, сказала она: — но какъ попасть въ его рану сокъ великаго лекарства?

— Начальникъ соленнаго озера... возразила значительно Канонда.

— Конечно не далъ своему вѣстнику своего лекарства?

Она снова осмотрѣла рану и еще сильнѣе покачала съ-дѣю головой.

— Это бальзамъ мико, сказала она:—но его налилъ въ рану ни мико, ни дочь его. Это проклятая, невѣрная рука бѣлой. Винонда идетъ, что заклинаніе не было произнесено, и лекарство обратилось въ ядъ.

Она произительно взглянула на Розу.

Канонда съ удивленіемъ выслушала послѣднія слова.

— А почему бы начальнику соленнаго озера не имѣть бальзама, великаго Великаго Духомъ предкамъ мико? Онъ великій начальникъ и передъ нимъ дрожать бѣлые.

Старуха покачала головой.

— Начальникъ соленнаго озера бѣлый; у Великаго-Духа два дара. Бѣлымъ далъ онъ худшій, краснымъ лучшій. Лекарство мико— лекарство очень-большаго начальника.

— Канонда, сказала дѣвушка:—увидѣла и пошла по слѣду посланнаго отъ дружнаго съ ней народа. Она нашла его и по совету сестеръ отнесла въ пустой вигвамъ. Не-уже-ли онъ долженъ умереть, потому-что неизвѣстная рука нашла ему въ рану лекарство? Что скажетъ мико, что скажетъ начальникъ соленнаго озера?

— Канонда говоритъ правду, сказала старуха. — Она мудрая дочь великаго мико и видитъ ясными глазами.

— И рука ея, прибавила дѣвушка: — не закрыта; сосуды съ огненною водою не замкнуты.

Старуха лукаво улыбнулась на эти слова, кивнула головой и ушла.

Дѣвушки остались съ больнымъ одинъ и долго молчали. Причина молчанія ихъ понятна. Состраданіе увлекло Розу къ поступку, который хотя и дѣлалъ ей честь и былъ очень-естественъ по понятіямъ бѣлой, но въ глазахъ Индіянки былъ оскорбленіемъ величества. Роза восягнула на святыню племени, на таинственное ле-

карство, къ которому самъ мико никогда не прикасался безъ религиозныхъ приготовлений. Такое святотатство ужаснуло даже Канонду... Следствія могли быть ужасны.

Роза страдала. Приходъ старухи прервалъ молчаніе. Старуха съ стклянкой въ одной рукѣ и глиняною кружкой въ другой, подошла къ раненному и налила ему въ ротъ теплое, темное питье. Два раза наполнила она кружку. Потомъ укрыла больного одеялами и отошла, чтобъ наблюдать за дѣйствіемъ своего леченія. Скоро выступили на лбу раненнаго крупныя капли пота, на которыя она лукаво указала Канондѣ. Канонда кивнула головой, ушла со стклянкой и скоро возвратилась съ нею опять.

— Отъ глазъ до языка недалеко, сказала она, подавая старухѣ стклянку:—хочетъ ли моя мать продлить этотъ путь такъ, чтобъ языкъ забылъ, что видѣли глаза?

Старуха двусмысленно улыбнулась.

— Канонда, продолжала дѣвушка:— дочь мико; она стережетъ его вигвамъ. Можетъ ли глазъ Винонды знать, что въ немъ происходило?

Старуха все молчала.

— Канонда сама поговорить съ мико.

— Глаза Винонды видѣли; воздри нюхали, но языкъ ея и языкъ болтливой дѣвочки. Они умѣютъ лежать смерно. Она очень любитъ дочь мико.

— И Канонда еще десять разъ наполнить стклянку.

Радостная улыбка выразила удовольствіе старухи; она тотчасъ же ушла.

Этотъ разговоръ оставилъ на лицѣ Индианки серьезное выраженіе; она хранила мрачное молчаніе; наконецъ, схвативъ руку друга, вывела ее изъ хижины и поспышила въ домъ отца.

— Роза! сказала она, сѣвъ на диванъ:—Канонда ослѣпила глаза своихъ женщинъ, чтобъ вызвать улыбку на лицо сестры своей. Она привела въ вигвамъ отца своего врага своего племени, врага начальника соленнаго озера, шпіона.

— Посмотри, Канонда, какъ открыты глаза моего брата. Если онъ смотритъ такъ прямо, можетъ ли кривить языкомъ? Похоже ли онъ на врага нашего народа?

— Сестра моя очень-молода и плохо знаетъ враговъ нашихъ Ингизовъ. Они посылаютъ своихъ молодыхъ людей въ вигвамы красныхъ, чтобъ сосчитать ихъ стада, зерно, буйволовыя кони, возвратясь къ своимъ, они указываютъ имъ дороги, ведущія къ деревнямъ красныхъ, и бѣлые являютя, отнимаютъ у нихъ скотъ и хлѣбъ, и смѣются...

— Такъ сестра моя думаетъ, что это одинъ изъ шпіоновъ?

Индianка покачала головою.

— Разъ у него глаза и волосы не Янки (*)? Видишь ли, сестра? Канонда дружески подала руку чужому, когда увидѣла, что сердце бѣлой Розы привязано къ нему,—но дочь мико дѣйствовала не такъ, какъ ей слѣдовало. Она поставила ночь между мико и чужимъ, и когда первый ушелъ, она принимаетъ второго въ вигваме отца своего.

— Но въ лѣсу онъ умеръ бы. Посмотри, какъ бьетъ его лихорадка. Ночью и утромъ воздухъ очень-холоденъ и туманъ сыръ.

— А мико?

— Не подыметъ руки на брата, которому дочь его подаетъ свою руку.

— А если дочь его была безразсудна и подала руку врагу,—не посмотреть ли мико врачно на дочь свою?

— Но развѣ онъ долженъ непременно знать о чужомъ?

Насмѣшливая улыбка мелькнула на лицѣ Индианки.

— Мико Окенъ, сказала она гордо:—чуешь дыханіе блага черезъ десять дней, и узнаешь слѣдъ его черезъ двадцать. Канонда можетъ обмануть женщину, но не мико. И развѣ Роза не видѣла, что говорили глаза и языкъ Вионды? Ей не слѣдовало касаться святыни мико. Языкъ Вионды усмирень, но языки женщины шепочекъ на бѣлокъ: они вечно въ глупомъ движеніи. Если онъ разскажутъ мужьямъ, что видѣли, не-уже-ли ты думаешь, что войны не станутъ шептать на ухо мико? И дочь Токеа должна стоять передъ отцомъ лгуней... Нѣтъ, никогда! Канонда очень любитъ бѣлую Розу, но отца обманывать не должна. Если юноша шпионъ Индианскій, отецъ ея посмотреть, что съ нимъ дѣлать.

— А братъ мой?

— Сдѣлаетъ умереть!.. Но онъ проголодается; Канонда должна о немъ позаботиться.

Съ этими словами она встала и вышла.

Канонда была Индианка въ полномъ и благороднѣйшемъ значеніи слова. Она жила среди своего народа; но природное нѣжное чувство получило въ ней определенное направленіе отъ сношеній съ бѣлыми, и индiйская натура ея высказывалась облагороженною, съ силою духа, придававшею всѣмъ ея поступкамъ характеръ ясной разсудительности. Роза, напротивъ, была еще дитя, — прекрасная, по-видимому насмѣивая душа, безропотно повиновалася указаніямъ подруги не изъ слабости, но изъ кроткаго чувства, охотно отдающаго первенство другимъ. Первенство Канонды не

(*) Т. е. не Сѣверо-Американцевъ.

только не оскорбляло ея, но даже радовало; она платила ей этигдань благодарности. Можетъ-быть, эта нѣжная преданность еще болѣе ея дивной красоты заслужила ей не только любовь дочери но и участіе холоднаго отца.

Мѣсяць былъ уже высоко, когда больной проснулся; у негодовъ его сидѣли дѣвушки и старуха. Горящая кедровая лучина разливала дрожащій свѣтъ по комнатѣ. Едва-только старуха замѣтила движеніе больного, какъ посѣщшила къ нему, и, взявъ его за голову устремила взоръ свой ему въ глаза. Потомъ она поцѣлуемъ ея пульсъ и, отирая потъ съ лица его, разсматривала его блѣды цвѣтъ.

— Лихорадка прошла; рану Канонда умѣетъ залечить, сказала она и вышла вонъ.

Сухое лицо старухи произвело, казалось, неприятное впечатлѣніе на молодаго человѣка, очнушагося черезъ 36 часовъ. Канонда какъ-будто догадываясь объ этомъ, подошла къ больному и подвинула къ нему стулъ, на которомъ лежала жареная дикая утка пирога. Роза налила въ кружку вина; Индіянка, присѣвъ на коленочки и помогши больному приподняться, поднесла ему и то другое. Губы его сулорожно сжались, и онъ почти насильно оттолкнулъ кружку. Но скоро румянецъ покрылъ его щеки, и онъ опять протянулъ руку къ вину; потомъ принялся за утку и за рогъ.

Индіянка не сводила съ него глазъ. Казалось, она хотѣла узнать его ближе по ѣдѣ; она по-временамъ кивала Розѣ, сидѣвшей у углу и тоже смотрѣвшей на обѣдъ. Онъ смотрѣли на него какъ будто съ удовольствіемъ. Дѣйствительно, чужой эль скрѣпно непринужденно, что рѣзко отличалось отъ жадности нѣкъ сопла менниковъ, и давало имъ высокое мнѣніе о незнакомцѣ. Дѣвушки были безъ тонкаго-образованія, но въ женской натурѣ есть такъ рѣдко обманывающій, если онъ не испорченъ. Дѣвушки какъ-бу то глубже взглянули въ душу своего гостя. Сердце Розы билось легче, и сама Канонда смотрѣла на него спокойно и довѣрчиво.

Когда онъ кончилъ обѣдъ, она опять положила его на диванъ потомъ сняла отъ раны повязку и переимѣнила ее такъ осторожно что больной заснулъ подъ ея руками.

— Balsamъ залечитъ рану въ восемь дней, сказала она съ уверенностью, погасила лучину, и, обнявъ Розу, вышла съ нею и дѣжаны.

VI.

Удивительное искусство Индійцев зачищать раны оправдалось на юности, которого счастливая или несчастная звезда завела къ этому племеню. Не прошло еще и восьми дней, какъ рана сталаживать. Румянецъ началъ выступать на лицѣ больного, и глаза его оживлялись. Улыбка на губахъ высказывала простодушную, веселую натуру. Онъ вышелъ бы взглянуть на чистое поле, еслибъ ему не запретили этого подл опасеніемъ возврата лихорадки. Комната его была невелика, безыскусственно сложена изъ стволовъ хлѣбчато-бумажнаго дерева, и все украшеніе ея составляли висѣвшіе на стѣнѣ ножъ и томагавкъ. Вокругъ стѣнъ тлѣлся шлемъ диванъ фута въ полтора вышиною. На простомъ столѣ лежали пальмовыя листья и плоды, заботливо выбранные сообразно его здоровью, виноградъ и обсахаренныя сливы и бананы.

Восхлы Конанда, неся на тарелкѣ только-что изжаренную перовелку. Она поставила ее на столъ и пошла опустить буйволовую кожу; въ комнатѣ насталъ полумракъ.

— Доброго утра! сказалъ молодой человѣкъ, съ удивленіемъ смотрѣвшій на Индіянку.

Привѣтствіе было принято молча. Индіянка указала на перовелку и села насупротивъ, какъ-будто желая дожидать, пока онъ кончитъ завтракъ.

— Молодой братъ мой, сказала она, вида, что онъ и не думаетъ есть: — врихалъ въ люди великаго начальника соленаго моря. Жилъ ли онъ въ его вигвамѣ и курилъ ли съ нимъ трубку мира? — Она слышала этотъ вопросъ довольно свободно не-англіиски.

— Дедка! вигвамъ! трубка мира! потерялъ юность, невещиная, по-видимому, ни слова. — Дѣ, въ лодкѣ я былъ, чертъ ее возьми! Въ жизнь не забуду! Не шутка пролѣзть по соленымъ волнамъ дней восемь, или Богъ-знаетъ сколько, и пытаться поделаннами. Чертъ восьми эту охоту за черепаками и любовь къ устрицамъ. Никогда больше не отираюсь. Скажи мнѣ, пожалуйста, гдѣ я? Последніе два дня, пошню, провелъ я среди болотъ, гдѣ не было ничего състнаго, кромѣ аллигаторовъ и дикихъ гусей, къ-сожалѣнію, съ крыльями. А гдѣ я теперь нишю честь быть, право не знаю.

Индіянка была немного удивлена веселымъ его тономъ и молчала нѣсколько минутъ, приводя въ порядокъ слова его. Но лицо ея выражало неудовольствіе.

— Братъ мой не отвѣчалъ на вопросъ сестры: Жилъ ли онъ съ начальникомъ соленого озера и курилъ ли съ нимъ трубку мира?

— Да, отвѣчалъ онъ, какъ-будто понявъ вопросъ.— Я жилъ съ начальникомъ соленого озера, если ты разумѣешь подъ этимъ, что отецъ — естественно, нашъ народъ; но что касается до куренья трубки, такъ я не курилъ. Мы изъ трубокъ не куримъ; это у насъ не водится. Курятъ только Французы и Негры, *Nasty animals!* презрительныя животныя! прибавилъ онъ.

— У моего брата гибшій языкъ, и онъ хочетъ одурачить свою сестру. Канонда — дочь шико.

— Канонда дочь шико... несторчалъ юноша. — Слова англійскія не хотъ разотрѣивай меня, не знаю что отвѣчать.

— Какъ попалъ братъ мой въ лодку, въ которой была его сестра?

— Да какъ попасть въ лодку честному англійскому капитану на которомъ попалъ во время ловли устрицъ собака-Французъ, морской разбойникъ, и утащилъ къ себѣ плыльникомъ? Я велъ сестру, да и пошникомъ шикъ звали. Жаль, что Томъ и Билль не могли уловить со шикою. Мошенникъ заперъ шикъ на-одначька.

Юноша набрасывалъ, кажется, свой раскладочески-веселый оторкъ для себя, а не въ отвѣтъ Индѣйца.

— Итакъ, мой братъ, продолжала Канонда:— взялъ лодку у начальника соленого озера и ночью ушелъ изъ его вигана?

— Лодка принадлежит собакамъ-парату. Надѣюсь, ты не етъ разумѣешь подъ начальникомъ соленого озера?

Индѣйца покочала головою и посмотрѣла на Британца такимъ газаванъ, что юншъ его началъ проходить.

— Братъ мой еще очень-мелодъ; ему рано идти по дорогѣ войны начальника соленого озера. Ему прежде выучиться бѣ охотиться за оленемъ и буйволомъ, и убивать водяную змѣю, а потомъ уже войдти на войну. Иначе, дочери его народа будутъ плакать надъ крупень моего брата.

Она провнесла эти слова голосомъ состраданія и высокошамбри и жаданъ, кралось, отвѣта.

— Одиантойа, ты, надѣюсь, не думаешь, что англійскій офицеръ для лучше сказать въ чинъ офицера, — терть возьми наше офицерство, — станеть вести войну съ паратомъ? Такія собаки лова и виваютъ.

Индѣйца прерывительно шмырла его глазами.

— Когда красные выходятъ на войну противъ бѣлкъ, говорятъ они или убиваютъ неприятелей на полъ битвы, или прѣидать имъ плыльниками доней, и показываютъ имъ молодцы, что и тѣ были также храбры; въ такомъ случаѣ они стерегу

нѣ, чтобъ они не могли бѣжать. Но молодой братъ мой не начальникъ и не воинъ: руки его малы, какъ руки дѣвушки, и никогда не подымали топора. Великій начальникъ поймавъ его съ другими мальчиками и дѣвочками его народа, и отославъ его въ свой вигвамъ. Начальникъ соленого озера великъ; онъ убиваетъ прослыхъ и не заботится о жейщанахъ и дѣтяхъ. У моего брата сильный языкъ, но слабая рука.

— Я почти готовъ думать, что ты знаешь о начальникѣ соленого озера, какъ называешь ты пирата, больше, нежели сколько хорошо для тебя и для меня.

— Начальникъ соленого озера великій воинъ, и имя его далеко известно.

— А какъ далеко отсюда до его вигвама?

— Да вѣдь братъ мой приѣхалъ въ его лодкѣ отъ его вигвана? Если красные посылаютъ шпионовъ, такъ они выбираютъ таинствъ, которые знаютъ, какъ далеко до непріятеля; бывше догадываютъ вначѣ!.. Канонда слабая дѣвушка, но она дочь мако.

Она произнесла это съ такою гордостью, которая ясно говорила, что короткость чужестранца неуместна.

— Но думаешь же ты, однако, что я шпионъ, подсланный къ пирату?

— Белый братъ мой говоритъ языкомъ нашихъ враговъ, или дѣвственныхъ языкомъ?

— Право, не знаю, во снѣ я, или на яву, милая дѣвушка. Можетъ-быть, тебѣ обязанъ я жизнью; въ такомъ случаѣ, прийми мою искреннюю признательность. Извини, если выраженія мои, которыми ты, кажется, понимаешь превратно, тебѣ оскорбляютъ. Скажи только, гдѣ я? Поию желтого, ивднаго цѣвта дѣвушку: она подошла ко мнѣ на помощь въ ту самую минуту, какъ мнѣ сивать алягаторъ, на котораго я наступилъ, принявъ его за бревно; потомъ смутно представляется моему воображенію милый, божественный образъ, больше дитя, нежели дѣвушка, явившійся мнѣ подобно ангелу, только во снѣ. Гдѣ эта дѣвушка? Она была, мы поведемъ другъ друга скорѣе... Но сказать правду, — хоть я и не знаю въ какихъ ты отношеніяхъ съ пиратомъ, — а мнѣ есть за что на него злѣться. Мы выѣхали изъ Ямайки къ устью Миссисипи. Я и нѣсколько товарищей получилъ позволеніе отъ Майнго медвѣдя, т. е. капитана, поохотиться за черепаками и устрицами. Мы довольно отделились отъ своего фрегата и вошли въ гавань бухту, гдѣ было много устрицъ. Пересчитывая ихъ, мы вдругъ увидѣли передъ собою вооруженную яхту. Что дѣлать? Покой и пистолетовъ мы съ собою не взяли и должны были

сдаться. Нашъ унесли, и ночью прибыли мы куда-то въ тюрьму, гдѣ насъ и разсадили по-одиначкѣ. Я ирландскою оттуда.

Индіанка, естественно, пошла только половинку, и все покатывала головой.

— Братъ мой говоритъ очень-гибкимъ языкомъ. Не хочетъ ли онъ сказать, что онъ и его товарищи не были на войнѣ противъ начальника соленого озера? Начальникъ не крадетъ межодухъ людей: зачѣмъ же бы ему поймать моего брата?

— Вероятно нѣтъ опасенія, и справедливаго, что, узнавъ его лапѣйки, мы разоримъ и гибзю, а его повѣсимъ на развалинахъ.

— Не говорила ли я, что бѣлый братъ мой говоритъ двойнымъ языкомъ? Народъ моего брата ведетъ войну съ начальникомъ, онъ заманилъ его съ товарищами въ засаду. Не такъ ли?

— Любезная дѣвушка, мы не въ войнѣ съ пиратомъ, хотя, если онъ попадетъ намъ въ руки, мы повѣсимъ его, да еще и вѣдѣнхъ. Честь войны мы предоставили нашему непокорному брату Джованну, Янки. Съ нимъ мы въ войнѣ... то-есть собственно не въ войнѣ, а такъ, послали нѣсколько кораблей и войска наказать его.

— Народъ моего брата не въ войнѣ съ начальникомъ соленого озера, а между-тѣмъ народъ его все-таки повѣсилъ бы его. Народъ моего брата стоитъ того, чтобъ веревить его, какъ собакъ.

Британецъ нѣсколько измѣнился въ лицѣ.

— Мой братъ говоритъ про Янки, продолжала дѣвушка. — Не сказалъ ли онъ, что его народъ въ войнѣ съ нами и хочетъ ихъ наказать? Но братъ мой Янки, и говоритъ на языкъ Янки?

— Я вижу честь быть Англичаниномъ, возразилъ молодой человекъ съ самодовольнымъ выраженіемъ лица.

— Англичанинъ, посторилась дѣвушка въ раздумьи. — Начальникъ нашей школы рассказывалъ намъ много о народѣ, живущемъ на островѣ, далеко въ ту сторону, откуда выходитъ солнце. У нихъ начальникъ старый добрый человекъ (она указала на лобъ). Главы этихъ людей наполнены туманомъ; они много ѣдятъ и вѣчно голодны. Они когда-то послали начальника въ землю Янки, но на Янки ихъ не прегнали. Не къ этому ли народу принадлежитъ братъ мой?

Британецъ, выслушавъ это полестное описаніе, отвѣчалъ съ внимательствомъ на лицѣ:

— Я, конечно, съ того острова, и у нашего начальника, какъ и рекрестила ты короля, действительно было что-то въ родѣ силитъ такъ-что онъ считалъ членомъ парламента за пошугаемъ; но я вижу честь узнавать въ твоихъ описаніи моихъ соотечественниковъ.

— Язык моего брата опять согнулся; принадлежит ли онъ къ тому народу, у котораго много кораблей и противъ котораго великій бѣлый отецъ поднималъ свой томагаукъ?

— Я думаю, что да, отвѣчалъ юноша съ недовольнымъ видомъ.

— И его народъ накажетъ Индигновъ?

— Да, мы такъ хотимъ, рѣшительно отвѣчалъ Британецъ.

— Бѣдные глупцы! Народъ моего брата больно поколотятъ. Индигны отняли его землю?

— Чортъ бы ихъ побралъ, если они это задумаютъ. Они захотѣли, выражаясь по-индѣйски, спорить съ нами о власти надъ соленымъ озеромъ... собственно даже и не то: они вздумали не допускать насъ осматривать ихъ дрянные корабли, на что соглашались всѣ прочіе, и Французы и Русскіе.

Британецъ кратко и вѣрно объяснилъ причину второй войны Соединенныхъ Штатовъ съ Англіей. Прово, или, вѣрнѣе, притязанія Англичанъ осматривать американскіе корабли и, еще болѣе, брать любовь моряковъ съ американскихъ кораблей, заставило Американцевъ возстать противъ Англіи. Какъ ведена была война, это сюда не относится.

Индѣйка внимательно слушала чужеземца; она, впрямую, поняла только половину, но смекнула смыслъ всей рѣчи.

— Такъ народъ моего брата поднималъ томагаукъ на Индигновъ за то, что они хотѣли плавать по соленому озеру?

— Да, въ родѣ этого.

— И гдѣ же поднимутъ они свой томагаукъ, на соленомъ озерѣ, въ лѣсахъ, или въ вигвамахъ?

— Въ томъ-то и вопросъ. Намъ послали осмотрѣть устье Миссиссиппи, то-есть измѣрить его глубину, могутъ ли войти большіе корабли. Результатъ былъ довольно-удовлетворительный. Тамъ же проклятая отмель, прямо противъ устья, запретъ намъ входить. Безъ того мы достигли бы прямо до Нового-Орлеана и разгромили бы, какъ ихъ Вашингтонъ, ихъ гнѣздо, то-есть, еслибъ они не сдались добровольно.

— Такъ народъ моего брата оставитъ свои большія лодки и воднотѣть свои томагауки въ земляхъ Индигновъ, чтобъ занять ихъ владѣнія?

— Да.

— И плывя съ своимъ народомъ вверхъ по рѣкѣ, братъ мой былъ вѣсть начальникомъ соленого озера?

— Если ты называешь этимъ почетнымъ именемъ пирата, да.

— Что же дальнѣе сдѣлалъ бы братъ мой?

— Я воротился бы какъ-можно-скорѣе къ своимъ. А не то, они, пожалуй, вычеркнутъ меня изъ списка мичмановъ, а мнѣ недале-

ка и до следующего дня. Отсюда не может быть далеко до Миссисипи. Наша армия, должно быть, уже прибыла.

— А если братъ мой попадетсѣ въ руки Индизовъ?

— Поостерегусь.

— Индизы владѣютъ всею землею между большою рѣкою вторымъ большимъ озеромъ. У нихъ огромные глаза. Братъ мой не пройдетъ черезъ ихъ селеніе. Слѣды выйдутъ его, они схватятъ и убьютъ моего брата.

— Безружнаго? Такой низости я въ нихъ не предполагаю; въ нихъ жидаетъ течетъ британская кровь.

— Они поймутъ моего брата какъ шпіона и повѣсятъ его на деревьяхъ.

Эти слова слышали на него впечатлѣніе. Помолчавъ съ минуту онъ отвѣтилъ: — Могутъ, но не смѣютъ. Во всякомъ случаѣ, я долженъ попытаться.

— Братъ мой, сказала вдругъ Индианка: — много гнуздъ языкъ свой, чтобъ ободгать свою сестру. Не-уже-ли онъ думаетъ, что донико дура? Онъ говоритъ, что народъ его не въ войнѣ съ начальникомъ соленого озера, а повѣсилъ бы его на деревьяхъ. И потомъ говоритъ, что народъ его въ войнѣ съ Янки, и хочетъ пройти по ихъ землѣ. Братъ мой прокрадся въ вигвамъ начальника соленого озера, и оттуда прищель дѣл въ вигвамъ мико, чтобъ указать посылорогу своему народу, Янки. Братъ мой шпіонъ Индизовъ.

Она посмотрѣла на Англичанку не очень-ласково и собиралась уйти.

Британецъ слушалъ со вниманіемъ, и лицо его приняло горькое выраженіе. Особенно, бѣздось, его оскорбиди послѣднія слова. Онъ хотѣлъ возразить, но промолкъ только: «Но я долженъ тебѣ сказать...»

Индианка сухо сдѣлала ему знакъ молчанія.

— Братъ мой еще боленъ и раненъ. Онъ и то говорилъ у слѣшкомъ-много. Онъ долженъ ѣсть, чтобъ выздоровѣть. Мико ликъ и мудръ; онъ посмотритъ.

Съ этими словами, вышла она за дверь и нашла здѣсь Розу. Дѣрушки пошла домой не говоря ни слова. Индианка была задумчива. Вдругъ она остановилась.

— Братъ мой очень-молодъ, и языкъ его лепечетъ какъ языкъ неразумной дѣвочки. Но подъ этою глупостію кроется змѣя. — Сглядѣла, говоря, на Розу, какъ-будто ждала отъ нея подтвержденія своихъ словъ. Роза молчала.

— У него, продолжала Индианка: — глаза голубя, но языкъ глупчей змѣи.

То же молчаніе.

— Слышала ли унцъ бѣлой Розы весь ладъ ея бѣлаго брата?

— Она слышала слова своего бѣлаго брата, отвѣчала Роза:—но она не могла заглянуть въ его сердце. Какъ можетъ Канонда говорить, что бѣлый братъ нашъ лгалъ?

— Бѣлая Роза добра, очень-добра; Канонда любитъ ее больше дѣтей, и она радуется ея отцу; но она смотритъ не глазами Канонды, и не глазами нико.

Глубокій вздохъ вырвался изъ груди Розы.

— Она несчастна, какъ и бѣлый братъ ея, прошептала она.

— Роза голубь, бѣлый братъ мой змѣя. Онъ шпионъ, — сказала Индіанка съ негодованіемъ.

Роза покачала головой:

— Кто сказалъ это Канондѣ?

— Глаза Розы смотрѣли только на бѣлую кожу и невѣрные руки чужака, но дочь нико слышала его лажъ. Развѣ онъ прѣвѣчалъ не въ лодкѣ начальника соленого озера? Не говорилъ ли языкомъ его, что онъ былъ въ его вигвамахъ и не курилъ съ нимъ трубки мира? Народъ его не въ войнѣ ли съ великимъ начальникомъ, котораго, какъ говоритъ онъ, повѣсятъ, если поймаютъ? А между-тѣмъ, бѣлая змѣя говоритъ, что онъ не подымалъ томагавка. Какъ же могъ онъ проникнуть въ вигвамы начальника, если онъ не шпионъ? и развѣ онъ говоритъ не языкомъ Янки, и этотъ двойной языкъ говоритъ, что народъ его въ войнѣ съ Иннигаами? И тѣмъ же языкомъ утверждаетъ онъ, что Янки его не убьютъ, и что потому онъ хочетъ идти черезъ ихъ вигвамы. Что, онъ думаетъ, что Канонда глупа?

Въ рассказъ Британца, конечно, было кое-что невѣроятное для вѣснанныхъ съ народнымъ правомъ дѣтей природы. Индіанка, естественно, извѣржала отношенія великихъ націй мѣрною своего народа, и ставила начальника соленого озера, то-есть, пирата, на одну съ ними доску. Конечно, ей показалось страшнымъ, что чужой, являясь, что пирата выисать, съ гордостью отрицалъ существованіе войны съ нимъ. Также непонятны были для Индіанки и отношенія ея къ Американцамъ. Дочери нико, замѣтившей, что они говорятъ однимъ языкомъ, казалось странно, что народъ его въ войнѣ съ Иннигаами. Но что онъ, не смотря на эту войну, смѣлалъ отъ нихъ монады и надѣялся остаться между ними въ живыхъ, это до такой степени превосходило индіискія понятія о войнѣ, что этого одного обстоятельства было достаточно, чтобъ она увидѣла въ немъ лжеца.

Британецъ, съ одной стороны, не зналъ, что думать о Индіанкѣ.

Кто была эта дикарка, вздумавшая допрашивать его какъ шпиона, и притомъ такъ, что онъ морально принужденъ былъ отвѣчать

на ее вопросы? И откуда этот повелительный тон? Зачем она расширяла о парате? Была ли она из его тайны? Нарушила ли она претворила этой мысли.

— Ба! подумал он: — женское любопытство! Хотела о чем-нибудь поболтать!

И с этим мыслью он перестал думать о странной посетительнице.

VII.

Так прошли два дня. Юнона ногъ уже ходитъ безъ боли, хотя и протизъ повелелія Индіанки. Онъ два два ходилъ въ деревню; но женщины встречали его съ такими лютыми взглядами и кривизнами, что онъ принужденъ былъ возвращаться. Индіанки шептались утрѣ и вечеръ привнесла ему паху, но не говорила ни слова. Только спешиво-вспыхивающій взоръ говорилъ о ея участіи.

На десятую ночь, когда онъ уже легъ и началъ дремать, — вдругъ, сквозь складки буйволовой кожи, замерцалъ блескъ огня. Онъ вскочилъ съ словами: «деревня горитъ!» бросился въ двери, и побѣжалъ къ огню. Свѣтъ ослѣпилъ его на жилищѣ матери. Изъ дверей вышла и остановилась на порогѣ женщина. Она прислушивалась съ минуту и потомъ какъ-будто хотѣла обратиться въ ту сторону, гдѣ онъ спрятался въ кустахъ. Но она медленно оборотилась къ рахъ, освѣщенной тысячами свѣтлыхъ ожалавъ. Теперь онъ могъ ее рассмотреть. Тихонько, шагъ-за-шагомъ, подвигался онъ ближе. Его отдѣляла отъ нея только одна стѣна. Это была Роза. Съ минуту простоялъ онъ, глядя на нее, потомъ подошелъ ближе.

Она услышала легкій шорохъ, оборотилась и подошла къ нему: — Не бойся, чужой, сказала она по-англійски: — наши женщины и дѣвушки смеются на ночную пляску.

— Извините мое нескромность. Но, право, все случилось со мною такъ чудесно...

Роза посмотрѣла на него испуганнымъ взоромъ. Она не знала, померещился ли ей: такъ поразило ее чисто-англійское нарѣчіе. Она схватила его руку.

— Извините моего брата? Въ чемъ обвинить тебя? Ты мнѣ не сдѣлалъ зла.

— И такъ, молча не обвиняешь меня? Сошь мнѣ осуществилась? возразилъ онъ.

Она посмотрѣла на него въ недоумѣніи.

— Брану моему кажется что-нибудь?

Кривая Роза смутила молодого человека, и этотъ вопросъ не уменьшилъ его замѣшательства. Меланхолическіе звуки инструментовъ прервали ихъ разговоръ.

— Ночь холодна и сыра. Туманъ разстилается отъ рѣки по влажному. Братъ мой не долженъ оставаться на воздухѣ, иначе лихорадка возвратится. Но онъ можетъ посмотреть изъ нашей комнаты на танцы дѣвушекъ.

Съ этими словами, она подала ему руку и ввела его въ свою каюту, освѣщенную окномъ, выходившимъ на рѣку. Сцена была достойна кисти Сальватора Розы. Вдоль берега бухты, гдѣ неглубоко назадъ строили лодку, стояли кольцомъ человекъ двѣсти дѣвушекъ, женщинъ и молодыхъ дѣвчатъ. У каждой и у каждого была въ одной рукѣ факель, а въ другой бубенчикъ. Четыре молодые человека сидѣли на гребнѣ берега и играли на индійскихъ барабанахъ и флейтахъ.

Барабаны неходили на тамбурины; играющіе держали его вверхъ и били въ него короткими палочками. Флейта съ тремя отверстіями издавала очень-низкіе и грустные тоны.

Сначала, музыки играла тихо. Въ звукахъ была мелодія, похожая на швейцарскій мотивъ. Но тактъ оживлялся по-мѣрѣ-того, иль страсть разыгрывалась въ пляшущихъ. Потомъ загремѣли барабаны, и раздавался дикая, но не непріятная музыка. Въ кругъ вступила дѣвушка съ самыми граціозными движеніями. Изъ противоположнаго ей ряда на встрѣчу вышла другая. У обихъ были въ рукахъ тамбурины. Сначала, онѣ кружились, наклоняясь къ дѣвушкамъ, потомъ съ ловкостью змѣй вышли на середину и начали настоящій танецъ. Онѣ стрѣлою мчались поереди кружка, а ноги ихъ какъ-будто и не шевелились. Ничто не могло сравниться съ ихъ граціею, благородно выражавшею природныя страсти дѣвчатъ. Минуть черезъ десять, онѣ возвратились на свои мѣста.

Ихъ замѣнила другая пара дѣвушекъ, но въ нихъ было меньше граціи. За ними вышелъ мальчикъ съ кореною изъ перьевъ на головѣ. Лицо его было расписано красками воинствъ; ужасъ, который онъ должны были внушать, старался онъ усилить самыми страшными гримасами.

Вашаго другой такой же, и оба начали военную пляску. Несколько разъ бросались они на землю, какъ-будто все кисти ихъ микетали въ составовъ; потомъ ползали съ невѣроятною скоростью, подгибали ноги, вскакивали, и съ яростью бросались другъ на друга. Вдругъ она бросилась на музыкантовъ, вырвала у нихъ у барабану и оный ринулась въ кружокъ. Все тотчасъ же раздѣлилась на двѣ половины, и начали наступать другъ на друга;

женщина на женщину, дѣвушка на дѣвуху. Такъ облизались расходясь онъ все скорѣе-и-скорѣе, махая факелами, и наконецъ все смѣшалось въ хаосъ самыхъ дикихъ движеній.

Рѣка, какъ-будто раскаленная отъ сѣта факеловъ, разлетѣла въ туманъ; нескладные прыжки съдыхъ, косявыхъ старухъ, мѣвшихъ факелами; рѣзкій вопль толпы, вдругъ смолкавшій дающій просторъ уцѣлымъ звукамъ флейтъ, — все это походило больше на шабашъ въдѣмъ, нежели на пляску женщинъ. Вдругъ еще разъ раздался яростный вопль; факелы соединились въ одну кучу, угасли — и воцарилась глубокая тьма.

Будь нашъ Британецъ суевѣренъ, онъ легко могъ бы подумать что перенесенъ въ мѣсто, которое такъ сходно описано расчелдъ вымъ лицемѣриемъ на страхъ и утѣшеніе вѣрующихъ. Судя по е долгому, безмолвному взгляду, въ-самомъ-дѣлѣ было сомнительно не-предполагаетъ ли онъ въ этой сценѣ что-то сатанинское. Вдругъ воцарившаяся темнота усилила, можетъ-быть, это впечатлѣніе.

— Это проклятыя, — извините, миссъ, — право, это ужасныя дѣла, сказалъ онъ. — Скажите только, ради Бога, гдѣ мико?

— Въ вигвамъ мико, отвѣчала дѣвушка.

— Мико? мико? Что такое этотъ мико?

— Начальникъ Окопѣ.

— Мико далеко, сказалъ за ними голосъ Индіанки: — но разе ободяніе его не почуветь запаха чужаго? Сестра моя не должна бы забывать, что она дочь мико и вмѣстѣ съ тѣмъ въ-гостяхъ него.

— Ради Бога! воскликнула Роза:—братъ мой долженъ идти; он не можетъ оставаться долге въ хижинѣ мико. Если мико...

— Только одно слово: этотъ мико...?

— Братъ мой, продолжала дѣвушка настойчивѣе:—долженъ идти. Мои красныя сестры очень-недовѣрчивы, и глаза ихъ омрачаются, если онъ найдутъ его съ Розой въ вигвамѣ.

— Да, да, конечно, подхватилъ молодой человекъ, опуская руку. — Покойной ночи! Да благословитъ тебя небо, милѣйшій изъ всѣхъ созданій!

— Покойной ночи, братъ мой!

Онъ бросился вонъ. Земля и небо кружились у него передъ глазами. Онъ искалъ своей хижины, — она была невидима. Серебрястый туманъ облегалъ весь берегъ. Не было видно ни кровли, ни дома, сѣта. Сырость начала проникать въ его тѣло, онъ почувствовалъ лихорадочный холодъ.

— Братъ мой, сказалъ чей-то голосъ, схвативъ его за руку: — ходишь слишкомъ-много. Не хочешь ли онъ воротиться въ свою хижину?

Церель нимъ была Индіанка.

— Сестры моя, кажется, не терпелъ меня изъ вида?

Она взглянула на него, не понимая смысла его словъ.

— И сторожить каждый шагъ мой, продолжалъ онъ.

— Ваши молодые люди съ мико на охотѣ; Канонда дочь великаго начальника.

— Такъ ты дочь индійскаго начальника?

— Канонда уже говорила это своему брату; ночь холодна; ему надо возвратиться въ вигвавъ; иначе, къ утру у него будетъ лихорадка.

Она пошла впередъ.

— Здѣсь, сказала она, указывая на хижищу: — братъ мой найдеть покой и отдыхъ. — И, приподнявъ буйволовою кожу, она пропустила его въ вигвавъ, а сама носпѣшно удалилась.

— Она дочь мико, великаго начальника Окони! сказала Англичанинъ. — Право, никто не повѣритъ, что экспедиція за черепахами и устрицами доставила намъ честь такого знакомства. Жаль, что нѣтъ здѣсь Тома! Что бы онъ сказалъ о миломъ ангелѣ! Здѣсь, Годжесъ, могъ бы ты разыграть романъ и быть вычеркнутымъ изъ списка, или по-крайней-мѣрѣ ночей четырнадцать сряду считать звѣздамъ на небѣ. Любопытно бы знать, что скажетъ нашъ жидивль.

Счастливыи юноша, въ головѣ котораго капитанъ и наказаніе могли жить рядомъ съ Розою и Индіанкою! Какова бы ни была судьба твоя, мы съ удовольствіемъ пойдемъ за тобою по юмористическому пути твоей жизни.

Сладующее утро было свѣтло и прекрасно. Декабрьское солнце проливало тихую теплоту. Тысячи гусей, утокъ и лебедей плескались въ рѣкѣ, и изъ лѣса неслись гармоническіе голоса птицъ. Съ опушки слышались пѣсни дѣвушекъ, занятыхъ около стада ручныхъ буйволицъ; близь рѣки виднѣлся огонь, около котораго двигались мальчики и дѣвочки. Они сожигали большую, толстую, набитую соломой фигуру, бѣлое лицо которой изображало Янки, и въ крестанъ которой торчало множество стрѣлъ.

Изъ хижины мичмана вышла Индіанка съ корзиною въ рукъ. Она сѣвшила и подходила уже къ хижинѣ отца, когда молодой человекъ выскочилъ изъ-за буйволовою кожи и бросился догонять ее. Въ наружности его выражались юморъ и отвага, такъ-хорошо идущіе къ лицу молодого моряка. Блѣдный образъ его превратился въ краснощекаго Джонъ-Булля, въ свѣтлыхъ глазахъ котораго свѣтились довольство и здравый смыслъ. Обросшая борода, орлиный носъ и загорѣлое лицо придавали ему мужественный видъ. На костюмъ его разномыслилъ съ такою наружностью. Галстухъ уже

нѣсколько недель не былъ мытъ, куртка во многихъ мѣстахъ протрѣсывалась, и кусокъ платка плохо закрывалъ ущербъ, нанесенный его брюкамъ зубами аллигатора.

Индіанка, услышавъ его шаги, оборотилась и ласково пошла ему на встрѣчу. На лицѣ ея уже не видно было прежней жесткой холодности. Она была ясна и весела.

— Братъ мой, сказала она:—спитъ какъ медвѣдь; его не будят ни водяныя птицы, ни крикъ женщинъ. Солнце уже высоко, онъ не слышалъ, какъ входила сестра.

— Слышалъ, и лучшее доказательство то, что я тотчасъ же оправился заплатить визитъ.

Индіанка, казалось, не поняла этого комплимента и, улыбаясь, погрозила ему пальцемъ.

— Братъ мой опять заговорилъ двойнымъ языкомъ.

— Я пришелъ пожелать добраго утра моему ласковой, доброй сестрѣ; но что касается до двойнаго языка, я, къ сожалѣнію, долженъ сознаться, что говорю только на чистомъ и честномъ языкѣ старой Англій; по-французски зналъ плохо, да и то забылъ въ это полтора года, которые провелъ на кораблѣ.

Беззаботность въ выраженіи и вообще вся простодушная наружность юноши сдѣлали благопріятное впечатлѣніе на Индіанку. Она смотрѣла на него съ удовольствіемъ. Капонда подумала съ минуту и вдругъ, схвативъ его руку и указывая на его хижину, сказала: Братъ мой тамъ дождется сестры.

Она побѣжала къ своей хижинѣ, поставила корзину на землю и поспѣшила къ другой большой хижинѣ, изъ которой скоро вышла съ довольно-большимъ узломъ. Съ нимъ побѣжала она къ хижинѣ Британца.

— Поясъ и рубаха моего брата очень-грязны и разорваны, сказала она.—Вотъ здѣсь найдетъ онъ лучшее платье.

— Что это, милая сестра?

— Сестра моего брата прійдетъ опять, когда онъ переодѣнется, сказала она, проскользая въ дверь.

Съ любопытствомъ развернулъ онъ узелъ. Тамъ былъ полнѣйшій костюмъ съ чистымъ бѣльемъ. Сюртукъ изъ сиваго сукна, во вкушъ британскихъ морскихъ офицеровъ, панталоны, жилетъ и сапоги. Этотъ странный подарокъ не могъ разрѣшить его сомнѣній и объяснить ему его положеніе. Откуда достала Индіанка этотъ костюмъ? Пиратъ снова пришелъ ему въ голову. Могъ ли онъ, британскій офицеръ, воспользоваться этимъ платьемъ? Онъ взглянулъ на свои поношенную, едва держашуюся одежду.

— Нужда не знаетъ законовъ. Это не первая военная хитрость, которою честный британскій мичманъ проигрался на мѣсто дру-

го, сказалъ онъ смѣясь, снимая съ себя тряпье и осматривая новый костюмъ съ видомъ ньюбондстритскаго знатока.

Презращеніе было ему къ-лицу. Синій сюртукъ въ обтяжку, локіе шпалоны, свѣтло-желтый жилетъ сидѣли на немъ какъ-не-лучше. Съ комическимъ ужасомъ оттолкнулъ онъ свой старый костюмъ за порогъ, чтобъ скрыть его въ кустахъ отъ всѣхъ людскихъ взоровъ.

За этимъ занятіемъ застала его Канонда. Она взглянула на истинно-красиваго юношу, схватила его за руку и увлекла за собою. У входа своей хижины, она сдѣлала ему значительный жестъ, скользнула въ дверь, вышла опять съ Розой и побѣжала къ пыльному костру.

VIII.

Смушенный видъ его, постепенно перешедшій къ свѣтской непринужденности, заставилъ покраснѣть дѣвушку. Она въ первый разъ наслаждалась такимъ торжествомъ своей красоты, и это чувство волновало грудь ея и какъ-будто облагораживало ея образъ.

— Чудесный образъ, сказалъ онъ наконецъ съ жаромъ:—носитса передъ моимъ мутнымъ взоромъ. Этотъ ангельскій образъ обаялъ меня съ любовью, когда я былъ въ пасти чудовища. Онъ приходилъ ко мнѣ, когда облакала меня ночь смерти, и согревалъ меня, когда холодъ лихорадки пробѣгалъ по моимъ членамъ. Онъ ходилъ за мною и пролилъ въ мою рану цѣлебный бальзамъ. Право, несть, не будь это среди бѣла дня, я подумалъ бы, что мнѣ все это снится.

Она молча потушила глаза въ землю.

— Такъ вамъ, продолжалъ онъ:—обязанъ я моею жизнью, здоровьемъ, — вы заботились обо мнѣ съ такою любовью?

— Рука Розы слаба, братъ мой, сказала она:—она не могла бы поддержать брата. Изъ пасти водяной змѣи спасла тебя Канонда, она отвесла тебя въ дупло и потомъ въ хижину. Она приказала Канондѣ прогнать лихорадку.

— Индіанка! Та самая, которая меня такъ мучить, подсматриваетъ за каждымъ моимъ шагомъ?

— Канонда дочь мико, она мать Оконіевъ, она надежда и утѣшеніе всѣхъ; но мико и народъ его красны, сказала она, неволью содрогаясь.

— Понимаю, отвѣчалъ Британецъ.

— Они очень-добры, но много пострадали отъ бѣлыхъ.

— Отъ Янки? Но какъ же вы, миссъ, попали сюда? Слѣзо просить васъ объяснить мнѣ!

— Мико взялъ Розу изъ хижины благо посредника.

— Но кто же этотъ мико? Видъ деревни вовсе не дикъ. Почему все то же, что и у насъ. Гдѣ мужчины?

— Они пошли съ начальникомъ на осеннюю охоту.

Лицо Британца прояснилось.

— Можете ли вы сказать мнѣ, миссъ, гдѣ мы? спросилъ онъ взявъ ее за руку.

Дѣвушка какъ-будто поняла эгоизмъ вопроса. Она посмотрѣла на него испытующимъ взоромъ и отвѣчала:

— Мы далеко отъ бѣлыхъ, далеко отъ большой рѣки на западъ солнца. Мы переправились черезъ нее уже сорокъ дней, а все еще не дошли до мѣста.

Молодой человекъ покачалъ головою.

— Извините, это невозможно. Тогда было всего только восемь дней какъ ушелъ отъ пирата, и теченіе не могло унести меня такъ далеко отъ залива. Не знаете ли вы, какъ называется эта рѣка?

Роза сказала, что нѣтъ.—При рѣкѣ, что по ту сторону, живутъ Кошаттан, а дальше сабинскіе Индійцы.

— Такъ мы при Сабинѣ?

— Можетъ-быть другую рѣку и такъ зовутъ. Здѣсь мы заперты со всѣхъ сторонъ. Къ намъ можно придти только по рѣкѣ или съ той стороны. А съ этой не проберется и волкъ. Братъ мой не долженъ думать о бѣгствѣ.

Молодой человекъ призадумался.

— Сабина, сказалъ онъ: — граница Соединенныхъ Штатовъ Мехики. Сухимъ путемъ не больше 400 миль; невозможно...

— Братъ мой не долженъ думать о бѣгствѣ. Мико добръ, а ты... врагъ Янки. Онъ съ радостью подастъ тебѣ руку, если...

— Если что?

— Если ты не шпионъ.

— Шпионъ? Фь! Какъ можете вы, миссъ, думать обо мнѣ такъ худо?

Дѣвушка посмотрѣла на него свѣтлымъ взоромъ дѣтской, но боко-проникающей невинности.

— Братъ мой говоритъ, что народъ его не въ войнѣ съ мячникомъ соленого озера, а все-таки повѣситъ его, если онъ попадетъ ему въ руки.

Невольнo ироническая улыбка мелькнула на губахъ Британца. Но онъ покраснѣлъ за себя, взглянувъ на просто-благородный видъ дѣвушки.

— Мы въ войнѣ и не въ войнѣ съ пиратомъ, сказалъ онъ.—

ты войнъ, потому—что настоящая война можетъ быть только между двумя націями, имѣющими законное правительство; потомъ, кого вы знаете начальникомъ соленатаго озера, просто пиратъ, морской воръ, негодяй, грабящій съ другими негодяями корабли и убивающій женщинъ, дѣтей и мужчинъ. Противъ такихъ разбойниковъ мы не ведемъ войны, но посылаемъ корабли ловить ихъ, а когда возьмемъ ихъ въ награду за ихъ преступленія.

Молодой человекъ не замѣтилъ, какъ поблѣднѣла дѣвушка.

— Начальникъ соленатаго озера воръ? спросила она съ ужасомъ.

— Развѣ вы этого не знаете? Онъ хуже вора. Онъ разбойникъ, убійца, однимъ словомъ—пиратъ.

Только теперь замѣтилъ онъ съ удивленіемъ впечатлѣніе своихъ словъ. Роза была блѣдна какъ смерть. Дрожь закрыла она лицо руками, и шатаясь поспѣшила ко входу въ хижину. Но на порогѣ она упала безъ чувствъ. Онъ бросился поддержать ее, но въ то же время раздался крикъ ужаса, и Индіянка въ одно мгновеніе почувалась возлѣ него. Не обращая на него ни малѣйшаго вниманія, она схватила и унесла подругу въ вигвамъ.

Британецъ смотрѣлъ на нихъ, какъ человекъ, напавшій на слѣдъ ужаснаго открытія. Дверь хижины какъ-будто закрыла передъ нимъ ужасную тайну. Разстроенный прибѣжалъ онъ въ свою хижину и бросился на диванъ. Въ скорби, пробужденной въ дѣвушкѣ его словами, было что-то ужасающее; участіе такого существа къ такому человеку—было ужасно.

— Кто эта дѣвушка, думалъ онъ:—примирающимъ геніемъ ставшая между мною и дикою? Она прекрасна, какъ богиня любви; каждая черта лица ея говоритъ о благороднѣйшей невинности. Откуда же участіе, принимаемое ею въ этой французской собакѣ? Не любовница ли она его? Нѣтъ, невозможно! Этотъ взоръ не можетъ обманывать. Но, впрочемъ, что мнѣ до этого за дѣло? Что она мнѣ? Милое видѣніе, явившееся сегодня и забытое завтра. Однакомъ, она спасла тебя,—и, право, Джемсъ, еслибъ ты могъ...

Индіянка, вошедши, прервала его монологъ.

Она была серьезна. Испытующій взоръ ея былъ торжественъ. Она подняла руку и сдѣлала ему знакъ, замѣнивъ, что пища еще не тронута. Онъ всталъ и пошелъ ей на встрѣчу.

— Братъ мой долженъ ѣсть; сказала она. — Послѣ того сестра ѣшкать ему кое-что на ухо.

Она села.

— Я не голоденъ, отвѣчалъ онъ: — и готовъ тебя выслушать. Какое было Роза?

— Сестра больна; но больна не такъ, какъ братъ мой: больна

сердцемъ. Братъ мой можетъ вылечить бѣлую Розу. Каенда и бить ее больше жизни.

Она дрожала, искала словъ и не находила ихъ. Все существо ея выражало глубочайшее участіе въ судьбѣ подруги.

Юноша посмотрѣлъ на нее съ удивленіемъ.

— Хотите ли братъ вылечить ее?

— И сестра еще спрашиваетъ объ этомъ! Я готовъ сдѣлать и что отъ меня зависитъ.

— Братъ мой шепнулъ моей сестрѣ на ухо что-то такое, чего она заболѣла.

— Это мнѣ жаль; еслибъ я хоть сколько-нибудь подозрѣвала, что милое существо принимаетъ участіе въ этомъ чудовищѣ, одно слово не сорвалось бы у меня съ языка.

Индіанка покачала головою.

— Охотно ли увидитъ братъ мой, что начальникъ соленого ора уведетъ бѣлую Розу въ свой вигвамъ?

— Избави Богъ! Это чудовище уведетъ ее—чистую какъ ангельшкуну!

— Братъ мой сказалъ правду, воскликнула Индіанка радостно. Братъ шепнулъ что-то на ухо Розѣ. Не солгалъ ли онъ?

— Солгалъ? Нѣтъ, джентльменъ не лжетъ.

— И начальникъ соленого озера воръ, разбойникъ? (Она кивала головой). Онъ барсъ соленого озера, красная собака, змѣя (Глаза ея сверкнули гнѣвомъ и презрѣніемъ.)

— Дѣ, онъ и его товарищи воры; они грабятъ, воруютъ и убиваютъ. Онъ внѣ закона, и если мы поймемъ его сегодня, то завтра же онъ будетъ висѣть на деревѣ.

— И братъ мой не Янки?

— Нѣтъ; благодаря Бога, я имѣю честь быть Англичаниною. Я принадлежу къ націи, владычествующей надъ океаномъ, замкающимъ всѣхъ королей и императоровъ.

На этотъ разъ, Индіанка слушала его, кажется, не безъ удовольствія.

— Братъ мой не шпионъ: это не языкъ шпиона. Нѣтъ, братъ мой молодой воинъ. Скажетъ ли онъ мико, что начальникъ соленого озера воръ?

— А мико этого не знаетъ?

Индіанка сказала, что нѣтъ.

— Если мико позволить, я представлю ему доказательства. Братъ не долго будетъ держаться. Последняя штука его выйдетъ изъ всякихъ границъ. Вѣроятно, онъ уже пойманъ.

— Братъ мой увидитъ мико, мико раскроетъ свою руку, да ему вигвамъ и Розу въ жены. Онъ научитъ моего брата убивать.

ведящую змью, спящего медвѣдя и быстрого барса. Братъ мой сдѣлается великимъ воиномъ. Роза будетъ жарить ему дичь и шить платье, и не достанется вору.

Съ этими словами, она поспѣшно убѣжала.

— Проклятая Робинсонада! воскликнулъ Британецъ съ хохотомъ. — Не думаетъ ли она взять меня въ вознагражденіе за французскую собаку? Хорошо, должно быть, будешь ты, Джемсъ, въ локасинахъ и вѣмпумъ, раскрашенный красною краскою. Жить въ вигвамахъ! жарить дичь! Нѣтъ, ужь это чортъ-знаетъ что такое!

Дѣйствительно, для молодого мичмана, знавшаго любовь только изъ романовъ, жизнь между дикими была не очень-привлекательна. Сдѣлать такое предложеніе ему, жаждавшему отличиться противъ Янки и навѣрное рассчитывавшему уже на чинъ лейтенанта!

Предложеніе Индіанки разстроило его хорошее расположеніе дуты. Бѣдственность и мужество ограждали его до-сихъ-поръ отъ неприятныхъ равнышленій. Но послѣдніе сорокъ-восемь часовъ штурмомъ взяли его голову, которая и безъ того была не очень-способна къ ясному взгляду на его положеніе. Таинственное отношеніе мико къ пирату, какая-то черная тайна раздражила его воображеніе и пробудила въ немъ ужасъ.

Положеніе его, дѣйствительно, было незавидно. Оно такъ рѣзко отличалось отъ его предшествовавшей жизни, окружающія его существа были такъ страшны, что онъ съ страхомъ открывалъ ротъ, опасаясь, что его воймутъ превратно. Онъ долженъ былъ создать себѣ новый кругъ идей, чтобъ его поняли, но ужасно промахнулся и совершенно запутался въ сношеніяхъ своихъ съ дикими. Проществія послѣднихъ дней были неутѣшительны. Ничто не вѣдѣшало хорошаго пріема со стороны начальника. Всю ночь вробродилъ онъ какъ сумасшедшій по деревнѣ. Только къ утру онъ немного успокоился, могъ яснѣе взглянуть на свое положеніе и заснулъ.

По утру онъ твердыми шагами пошелъ къ хижинѣ дѣвушки. Но всему было видно, что онъ на что-то рѣшился. Мы скоро увидимъ, въ чемъ состояло это рѣшеніе.

IX.

Обѣ дѣвушки встрѣтили его на порогѣ. Индіанка была очень-весела, въ Розѣ не замѣтно было никакой перемѣны. Лицо ея выражало дѣтское спокойствіе и преданность. Она ласково взглянула на молодого человѣка.

— Братъ мой, сказала Индіанка: — серьезень, какъ Винсахи,

Когда онъ набьетъ седьмую трубку, и бьденъ. Не спилось ли ему чего-нибудь дурнаго?

— Многое, сестра моя.

— Бѣлая Роза разгадаетъ сонъ, сказала Индіянка, втокнула нѣкъ въ хижину, замкнула дверь и убѣжала въ кусты.

— Сестра наша, канется, очень въ-духъ, сказалъ юноша.

— Она знаетъ, отвѣчала дѣвушка: — что Роза любитъ видѣть своего брата.

Молодой человѣкъ посмотрѣлъ на нее, какъ-будто упалъ съ облаковъ. Въ Розѣ, однакожь, ничего не измѣнилось. Съ тѣмъ же ленивымъ взоромъ, безъ утайки высказывавшимъ все движенія сердца, увела она его въ свою комнату, которую онъ оглавулъ маленькомъ. Все было такъ просто, мило, безыскусственно, что удивленіе его возрастало съ каждою минутой.

Здѣсь, какъ и въ передней комнатѣ, тянулись вдоль стѣвъ диваны; она села и просила его сѣсть напротивъ. По стѣнамъ висѣли платья дѣвушекъ; между ними были очень-изящныя и даже дорогія. На окнѣ стояла рабочая шкатулка. Онъ едва не подумалъ, что перенесенъ въ девоншейрскую хижину.

— Скажите, пожалуйста, — извините за вопросъ, — откуда достали вы въ этой глуши такіе богатые наряды?

— Она всмотрѣла на него съ удивленіемъ.

— Отъ начальника соленого озера.

— Отъ начальника соленого озера? А онъ бываетъ здѣсь?

— Бываетъ, когда людямъ его нуженъ мансъ, дичь, или табакъ и остается съ ними нѣсколько дней въ вигвамахъ.

— И прекрасная Роза ведетъ также мѣновую торговлю съ моимъ разбойникомъ? спросилъ онъ не безъ насмѣшки.

— Она взглянула на него со страхомъ и сказала умоляющимъ голосомъ:

— Стрѣла скорби глубоко вонзилась въ сердце твоей сестры. Ты не долженъ вонзать ее еще глубже. Она должна принимать подарки начальника соленого озера, или вора. Такъ приказано.

И она зарыдала.

— Братъ мой, сказала Индіянка за завѣской: — долженъ ты говорить на ухо Розѣ. Она очень-нѣжна. Она принесла ему въ подарокъ вино и одѣяло, и бодрствовала надъ нимъ, когда онъ спалъ. Розѣ почти исчезли съ ея лица.

— Роза! сказалъ юноша, бросаясь къ ней: — это вы для меня едите?

Онъ не могъ говорить больше и схватилъ ея руки.

— Но Канонда! возразила Роза.

— Простите, благородная девушка! воскликнул онъ. — Чѣмъ заслужилъ я такое вниманіе?

Онъ дрожалъ; потъ выступилъ у него на лбу. Вдругъ онъ повелъ рукою по лбу и бросился вонъ.

Въ немъ шумела буря, грози поглотить челнокъ разсудка. Онъ бѣжалъ по деревнѣ какъ сумасшедшій.

Индіанка снова прервала его мечты, когда онъ бѣжалъ по опушкѣ лѣса. Онъ принялъ ее почти-грубо; но въ лицѣ ея было столько повелительнаго, взоръ ея былъ такъ мрачно-спокоенъ, что онъ овѣмѣлъ.

— Наши воины, сказала Индіанка: — заставляютъ своихъ женъ пахать, засеивать поле и обрабатывать табачныя плантаціи; но они не прозвоятъ ихъ жаломъ криваго языка. Братъ мой воинъ, но любитъ отравлять языкомъ своимъ какъ змея, а жалитъ грудь сестры моей, спасшей ему жизнь. Братъ мой—старая, злая женщина, Янки.

И она отвергнулась.

— Пстой! воскликнулъ юноша.—Прости неосторожности моего языка. Я хочу...

— Пусть братъ мой высушитъ слезы, вызванныя имъ на глаза белой Розы. Она Канондѣ дороже жизни.

Канонда указала на хижину своего отца и удалилась въ другую сторону.

Механически послѣдовалъ онъ ей указанію. Молодой ворникъ сдѣлалъ необдуманнѣйшій вопросъ не изъ злобы или грубости: это была просто вспышка молодой, пылкой натуры. Признаки стыда показались ясно, и за него ручалось его внезапное бѣгство. Онъ поспѣшилъ къ жилищу Розы.

Въ ней произошла значительная перемена. Шелковое платье и платокъ уступили мѣсто платью изъ простаго каинко. Она сняла даже гребень, и волосы ея природными кудрями рассыпались по плечамъ. Браслеты лежали подлѣ нея на кофѣ.

— Простите ли вы мою невѣжливость? спросилъ онъ.

— Братъ мой правъ, отвѣчала она:—а Роза виновата, что принимала подарки вора.

— Простите, еще разъ простите! сказалъ онъ, не понимая смысла ея словъ и не замѣчая на ней перемены платья.

— О, Роза не сердится; но братъ мой не будетъ смотрѣть на нее горько,—она ничего не будетъ впередъ принимать отъ вора.

— Развѣ нѣтъ средства избавить ее отъ пирата? Говорите откровенно. Я сдѣлаю все, что отъ меня зависитъ.

Глаза ея радостно сверкнули.

— Мико очень-добръ до друзей красныхъ, сказала она. — Онъ

дать морскому вору хижину и много зерна и дичи; онъ очень любить морскаго разбойника, и взоръ его проясняется, когда воръ въ вигвамѣ. Морской воръ ведетъ, однакожъ, тоже войну съ Янки, смертельными врагами мико. Братъ мой говоритъ, что корабли его народа у входа въ большую рѣку, и что братья его идутъ войною на Янки. За это мико прійметъ тебя дружески.

— Такъ мико въ войнѣ съ Янки?

— Они надѣлали ему много зла, отняли у него отцовское наследство, изгнали его.

— И онъ мститъ по-индійски, скальпируетъ ихъ, гдѣ попадутся?

— Мико ужасенъ, но справедливъ и добръ. Онъ ушелъ далеко на закатъ солнца, чтобъ больше никогда не видать бѣлыхъ.

— Какъ же онъ познакомился съ морскимъ разбойникомъ? Индійцы не очень любятъ соленую воду.

— Луна обновилась двадцать-четыре раза, когда морской воръ пріѣхалъ по рѣкѣ на большой лодкѣ (Роза указала на Натчесъ). Съ нимъ было много дикихъ; отвратительные люди — черные, смуглые, желтые. Они, какъ злые духи, бросились на берегъ; но увидѣвъ деревню и хижины, вдругъ отступили и собрались въ большую кучу, раздѣлившуюся по голосу великаго вора на нѣсколько маленькихъ, — и окружили вигвамъ со всѣхъ сторонъ, исключая лѣса. Одна изъ этихъ кучекъ подошла къ хижинѣ мико. Начальникъ же былъ съ нашими въ лѣсу, въ засадѣ. Прошло нѣсколько часовъ въ боязливомъ ожиданіи, пока, наконецъ, морской разбойникъ не подошелъ къ лѣсу безъ оружія и не протянулъ ладони, прося мира и дружбы. Странно! Мико, ненавидящій всякаго бѣлаго хуже водяной змѣи, принявъ вора, повелъ его въ свой вигвамъ и заключилъ съ нимъ дружбу. Женщины тоже вышли изъ лѣса готовить дикимъ пищу; но войны и молодые люди остались съ нами въ лѣсу. Солнце уже зашло за вершины деревъ, когда отъ хижины Мили-маха раздался крикъ. То кричала дочь его оскорбленная двумя ворами. Великій воръ былъ очень-разсерженъ. Всѣ его люди должны были сойтись въ кучку для краткаго совѣщанія. Когда они разошлись, шестеро схватили двухъ, осколбившихъ нашу дѣвушку, связали имъ руки и завязали глаза; и томъ отвели ихъ на нѣсколько шаговъ къ рѣкѣ, гдѣ она поворачиваетъ къ вигвамамъ. Тамъ, — продолжала она, помолчавъ: — несчастные должны были стать на колѣни, и шестеро ужасныхъ чужбъ застрѣлили ихъ. Морской разбойникъ называлъ это экзекціей. На утро онъ исчезъ съ своими. Черезъ двѣ недѣли, пришелъ онъ опять. Онъ привезъ много огнестрѣльныхъ оружій для мужчинъ, одѣялъ и платья для женщинъ. Вотъ эти платья и е-

другія подарили онъ Канондъ и сестръ твоей. Мико очень любить его; наши сначала его боялись, а потомъ тоже полюбили...

Она хотѣла говорить еще больше, но замолчала, увидѣвъ, что слушатель задумался. Разсказъ ея довольно объяснилъ ему его положеніе. Онъ былъ въ вигвамѣ друга знаменитаго пирата, Лапта, смѣлость котораго приводила въ ужасъ западный архипелагъ, и особенно Мексиканскій-Заливъ. Этотъ пиратъ избралъ себѣ притоны на островѣ Баратарія, между непроходимыхъ болотъ и отмелей, такъ-что, въ случаѣ нападенія со стороны моря, могъ отступить за болота по тайнымъ, проложеннымъ имъ тропинкамъ. Такъ, по-крайней-мѣрѣ, во время войны, онъ былъ безопасенъ отъ правосудія штата Луизианы, которому и безъ того было много хлопотъ въ борьбѣ съ Британцами.

Во время одного изъ нашествій своихъ на Луизиану и близлежащее Мексико, пиратъ открылъ прекрасные берега Натчеса и индійское селеніе. Ему захотѣлось поближе ознакомиться съ жителями деревушки,—онъ не могъ не видѣть выгодъ ближайшей съ ними связи.

Познакомившись съ мико, онъ еще больше утвердился въ этой мысли и вступилъ въ сношенія съ Индійцами,—сношенія выгодныя для обѣихъ сторонъ. Экзекуція уничтожила недоверчивость дикарей къ бѣлымъ, и они начали дружитья. Индійцы снабжали своихъ гостей мансовою мукою, дичью, птицами и буйволовыми кожами, а бѣлые доставляли имъ огнестрѣльное оружіе, платье и даже предметы роскоши. Обѣ большія хижины выстроены были съ ихъ помощью. Вообще цвѣтущее состояніе индійскаго поколѣнія зависѣло отъ этихъ сношеній. Безкорыстіе и живой характеръ Француза совершенно плѣнили мико.

Конечно, такія отношенія были неутѣшительны для молодого Англичанина. Онъ ясно видѣлъ, что пиратъ захватилъ его, опасаясь открытія своего притона. Онъ видѣлъ его крѣпостцы, приготовленія къ защитѣ, его слабость и силу. Не естественно ли было ожидать, что такой человекъ избавится отъ него въ-тихомолку, и вероятно ли, что Индѣецъ, ненавидящій бѣлыхъ и считающій его и Янки, замолвить словечко въ его пользу?

— И пиратъ часто прѣзжаетъ къ мико?

— Когда мико возвратится съ охоты, онъ прѣдетъ вымѣнять дичи.

Разговоръ ихъ прервала вошедшая Индіанка; она посматривала то на того, то на другую, и остановилась наконецъ передъ подругою въ раздумьи. Умоляющій взоръ Розы удерживалъ ее на нѣсколько минутъ, но наконецъ она сказала, указывая на платье въ мико:

— Къ-кому это? Канонда охотно готова работата, приготовляет муку и огненную воду, отецъ ея готовъ оставаться въ нустахъ солнцемъ дольше, чтобъ бѣлая Роза была красиво одѣта. Зачѣмъ сбросила сестра моя подарки мико?

— Не-уже-ли мико и сестра моя хотѣтъ видѣть Розу въ платьѣ вора?

— Въ платьѣ вора? Развѣ мико и Канонда не дали за него вордичи и огненной воды? И не крали ли у насъ Янки снотъ, и не вымѣняли ли его у нихъ ихъ братья?

— Но... возразила Роза.

— Когда Эль-Соль приходитъ въ вигвамъ мико, Канонда наряжается изъ его приему, и глаза его смотрятъ на нее съ удовольствіемъ. Роза должна сбросить гадкое платье; иначе, бѣлый ювонша возьметъ ее въ свой вигвамъ.

— Но Роза не хочетъ въ его вигвамъ, отвѣчала Роза. — Она любитъ его какъ брата.

Индіанка, не слушая ея словъ, обратилась къ ювоншѣ.

— Не правда ли, братъ мой любитъ видѣть Розу наряженною? Неожиданный вопросъ смутилъ Британца.

— Сестра моя надѣла гадкое платье, потому-что оно не отъ вора соленого озера; она думаетъ, что это больше понравится моему брату.

Взоръ Британца ясно доказалъ, что онъ только теперь замѣтилъ перемѣну костюма.

— Какъ можешь ты быть такъ жестока, Канонда? сказала Роза.

— Жестока! повторила Индіанка. — Сестра моя говоритъ не такъ какъ думаетъ ея сердце. Не по ея ли просьбѣ пронесла Канонда чужаго сквозъ тростникъ и положила его въ душло? Не для ли видала она его въ вигвамъ своего отца, подкупила Винонду, и рискуетъ гнѣвомъ мико? А теперь, когда двери вигвама...

— Ради Бога, замолчи! воскликнула Роза.

— Канонда, продолжала Индіанка: — дала чужому вигваму. Отецъ очень любитъ ее и охотно слушаетъ ея голосъ, когда шепчетъ ему на ухо о дѣлахъ его предковъ. Онъ не станеть любить свою дочь, онъ отворотится отъ вора соленого озера, и отдастъ Розу въ хижину бѣлаго брата. Не правда ли, бѣлый братъ возьметъ Розу къ себѣ въ вигвамъ?

Насмѣшливая, горькая улыбка неволью появилась на устѣ Британца. Онъ скоро онемилелъ, но было уже поздно.

Взоръ дѣтей природы проницателенъ и вѣренъ; дѣвушки проникли въ глубину души чужеземца. Съ минуту царствовало мучительное молчаніе. Индіанка обила пристыженную, почти-уничтоженную дѣвушку, блѣдную и нѣмую, какъ статую.

Молодой человек молчал. Въ немъ происходила внутренняя борьба. Онъ несколько разъ искалъ словъ, и наконецъ сказалъ:

— Канонда! Роза!...

Онъ запнулся. Индіянка была, казалось, занята только горемъ Розы. Она сделала ему знакъ удалиться.

— Я долженъ оставить васъ, милыя дѣвушки. Этого требуютъ долгъ мой, присяга, честь. Если я остануь здѣсь, все погибло.

Индіянка положила Розу на диванъ и сказала:

— Не думаетъ ли бѣлая змѣя, что передъ нею дура, потому-что Канонда протянула свою руку измѣннику? Да знаетъ онъ, что она не протянетъ ему рукѣ на дорогу.

— Въ такомъ случаѣ, я долженъ искать дорогу безъ путевода.

— Развѣ у бѣлой змѣи ноги оленя, проворство бѣлки, лапы аллигатора, что она думаетъ убѣжать изъ вигвама мною? Бѣлая змѣя поймана! прибавила она съ торжествомъ.

— И не говорила ли Канонда сестрѣ своей, сказала она, обращаясь къ Розѣ:—что онъ шпионъ, превратившійся ночью какъ воръ, когда мыко собирался уйти?

— Еще разъ, Канонда, сказалъ юноша:—я Британецъ, офицеръ, пятый пиратомъ и бѣжавшій изъ его вертепа. Я долженъ оставить васъ,—это намѣреніе неизмѣнно.

Онъ хотѣлъ взять Розу за руку; но Индіянка отскочила, какъ-будто онъ былъ зачумленный, и, съ жаромъ указывая на заставъ, ослѣбнула Розу. Онъ ушелъ молча и въ смущеніи.

х.

Въ поведеніи молодого человека было что-то рязкое, неуважительное, безсердечное. Чувство долга не дѣлало необходимыми оскорбленіе благородныхъ дѣтей природы. Рязкое высокомеріе его было въ высшей степени неблагородно. И между-тѣмъ, его нельзя обвинить безусловно. Британцамъ врождена эта жесткая, отталкивающая черта въ характерѣ, аристократизмъ, думающій только о себѣ. И мы осудили бы этого аристократизмъ, еслибъ онъ не имѣлъ хорошаго основанія и не породилъ великихъ дѣлъ. Это жестокое чувство, или, вѣрнѣе, безчувственность, основывается на зрѣлости ума, сформировавшагося среди борьбы жизни; это національная гордость, опирающаяся не на битвы и славу воинственнаго героя, а на положительныя права, проникшія во весь слои народа и обеспечивающія свободу, не смотря на аристократическія касты. Только такое положительное сознаніе дѣлаетъ возможнымъ свободу народа.

На станемъ же истолковывать въ дурную сторону, отказать, мало-

даже Британца. Его прямой отказъ все же лучше увлеченія сластолюбца, который не устоялъ бы на его мѣстѣ и сдѣлалъ бы разяку нѣжнѣе, но нисколько-неблагороднѣе въ-отношеніи къ дикамъ.

Непріятная сцена эта снова разрушила добрыя отношенія трехъ действующихъ лицъ. Пища, правда, каждое утро являлась въ хижинѣ; но принесенной ее руки не было и слѣда. Не смотря на то, что онъ самъ былъ причиною этой холодности, нокой бѣжалъ въ Комната и деревня стали ему тѣсны.

Ночью, на четырнадцатый день его здѣсь пребыванія, блуждая онъ по лѣсу, пока холодъ и крики совъ не прогнали его обратно домой. У хижины вышла въ-за угла бѣлая тѣнь и схватила его за руку. Это была Роза.

— Братъ мой! сказала она. — Канонда пошла съ женщинами ловить водяныхъ птицъ. Роза поспѣшила къ своему брату.

— Милая сестра, это посѣщеніе... Онъ не зналъ, что говоришь.

— Розѣ говорили еще въ хижинѣ бѣлаго посредника, что она не должна ходить ночью къ брату; но она очень его любитъ и должна кое-что сказать ему.

— Однакожь, милая Роза...

— Ночной воздухъ холоденъ; пойдѣмъ въ хижину: вѣтеръ дастъ наши слова.

Она скользнула за буйволовую кожу, тщательно закрыла дверь, достала изъ корзины углей, зажгла факелъ и воткнула его между бревенъ; потомъ подошла къ дверямъ и дала ему знакъ сѣсть на диванъ.

— Братъ мой сердится на сестру, сказала она. — Канонда отчитала его?

— Нѣтъ, милая, я не сержусь на тебя. Еслибъ было возможно, предложенное мнѣ счастье... Онъ остановился.

— Канонда добра, очень-добра, она мать красныхъ дочерей; она не заглядывала въ грудь бѣлыхъ и не помяла своего брата.

— Конечно, нѣтъ.

— Она покрыла щеки Розы румянцемъ стыда. Братъ мой! страна твоя очень тебя любитъ, но любить не такъ, какъ думаетъ Канонда; она любитъ тебя, какъ бѣлаго брата.

— Молодой человекъ смотрѣлъ на нее съ ожиданіемъ.

— Роза охотно отдала бы полжизни, чтобъ у нея была сестра, бѣлый братъ. Она охотно была бы его служанкой, и его платье и пахала поле, хотя наши женщины и смѣются надъ ея нѣжными руками. Братъ мой! У Розы нѣтъ сестры, которую она могла бы открыть сердце. Роза должна бесѣдовать сама съ собою, или повѣрять свое горе и радость птицамъ небеснымъ.

— Такъ и ты, несчастная дѣвушка, плѣшница?

— Нэтъ, Роза не плахица. Женщины любятъ ее: Канонда ей мать. Но, — прибавила она зарываю: — она красива, а Роза бѣдая. Сердце ихъ говоритъ не то, что носъ. Она не похищаетъ бѣдной Розы, а она одинока, покинута всѣми...

Внезадность девушки, шепотная бѣлому, глубоко проникла ему въ душу. Онъ посмотрѣлъ на нее съ минуту и бросился къ ней:

— Несчастная, покинутая девушка! Бѣдная роза въ пустынь!

— Итакъ, братъ мой не сердится на Розу?

— Сердиться? Кто можетъ сердиться на такого ангела? Приказывай: жизнь моя къ твоимъ услугамъ! Пойдемъ, бѣги со мною.

— Бѣжать? Оставить Канонду, которая была ей матерью? Это растерзаетъ ее сердце. Нэтъ, Роза не должна, не можетъ бѣжать. Старый мико охотится для нея, и она его собственность. Но разгнѣ братъ мой не можетъ остаться? Онъ развѣ долженъ уйти?

— Долженъ, или погибъ.

Она взглянула на небо съ полными слезъ глазами.

— Роза это знаетъ, проговорила она: — да, она это знаетъ. И она повиновалась сюда къ своему брату; иначе, сердце ея не вынесло бы. Она должна была его увѣрить, что не она его держитъ въ неволѣ. Она просила, плакала, стояла передъ Канондой на коленяхъ: Канонда не хочетъ. О! она добра, очень-добра; она утѣшила Розы, но она боится мико и своихъ. Мико поклялся убивать всякаго Янки, который вздумаетъ слѣдить за нимъ въ его вигамъ.

— Но я не Янки!

— Роза охотно погубила бы тебя, но она знаетъ тебя меньше Канонды, а сестра моя умна и никогда не лгала. Роза должна ей вѣрить.

— Несчастное заблужденіе!

— Не всѣ Янки индейцы, и ты не долженъ почитать зло, причиненное мико твоимъ братьямъ.

— Но я не Янки, клянусь жизнью. Поцарь же моя, милая сестра.

— Такъ почему же братъ мой не хочетъ дожидаться мико?

— Потому-что онъ вѣрно выдастъ меня индугу. Но не жизнь моя важна: присяга моя, моя честь требуетъ, чтобы я расстался съ вами какъ-можно-скорѣе.

Девушка покачала головою.

— Братъ мой долженъ знать себя и народъ свой. Если онъ обвиняетъ бѣдную Розу — такъ скорѣе прекранивъ онъ, можетъ быть, скорѣе ея. Прощай!

Она погасила факелъ и вступила къ джарамъ.

Она дрожала и встала передъ стномъ. Всю ночь была она у него передъ глазами. Что значило ее посещение?

То была слабая мучь надежды; но что могла она, подобно пленница, въ постоянной борьбе съ надеждоуверенности Индианки. Въ послѣднее время, онъ свидѣтель-ственно увидалъ эту надежду. Женщины слѣдили почти за каждымъ его шагомъ, и мѣдые дикіе явно выказывали свою ненависть. Слово Индианки шло со всѣхъ сторонъ. Лодки исчезли изъ пристани, и дѣти дили за нимъ во время его прогулокъ по лѣсу, хохотомъ при- ствуй его возвращеніе домой. Послѣднія слова Индианки стали него ясны. Въ послѣдніе четыре дня онъ дѣйствительно пытался уйти черезъ лѣсъ. Теперь ему нельзя уже сомнѣваться, что въ плѣну.

— Настала другая безсонная ночь. Роза опять вошла къ нему зажгѣннй факель, сказала радостно:

— Проснись, проснись, братъ мой! Проснись; Канонда сей- будетъ здѣсь.

— Что такое? спросилъ онъ, вскакивая съ дивана.

— Канонда тебя скажетъ, отвѣчала она, и слезы показались ей на глазахъ.

— Все говорило въ ней о страсти, волненіи, близкомъ къ умѣ.

— Бога ради, Роза, что встревожило тебя такъ сильно?

— Канонда... о, моему брату ничего больше бояться! онъ...

— Послушай, братъ мой! сказала Индианка, быстро вошедъ комнату.—Канонда хочетъ сдѣлать для своего брата то, что по- чти взоръ отца ея и ея народа; она очень любитъ блгую Ро- зу. Не можетъ долѣе видѣть слезъ ея. Она укажетъ своему С тропаику, ведущую черезъ болото, и перевезетъ его черезъ р- Хочетъ ли братъ мой общать имененъ Великаго Духа, къ ко- му, знаетъ онъ и народъ его, что онъ никогда не скажетъ ему народу, нашимъ врагамъ, Индианкамъ, что онъ былъ в- плененъ. Хотятъ ли онъ общать, что не укажетъ ниъ тропи- ведущей къ вигвамамъ красныхъ людей?

— Конечно! Конечно въ томъ!

— Такъ возьми эти пять ступеней, она, подавая ему пять и- шестидесяти; Если скоро просидишь съ нимъ терпѣ. Сидѣть онъ не- синовъ очень-легокъ и когда воротятся индѣ; онъ не увидитъ. Вотъ красная краска; наши погонятся за тобой и это наведетъ- на тебя слѣдъ, на мѣсто, гдѣ сидѣть. Терпѣ.

— Моей дорогой, возьми это, она, стояла безъ словъ.

— Ради Бога, скорѣе! шепнула ему въ двери Роза. Птицы начинаютъ уже кричать.—Скорѣе!

Дѣвушка вышла за дверь. Онъ машинально надѣлъ камзолъ изъ одеской кожи, набросилъ охотничью рубаху и закрѣпляя поясъ, когда вышла Индианка. Она помогла ему надѣть мокассы и вачпунъ:

— Вотъ шерстяное одѣяло, сказала она. — Вотъ ягаташъ съ дробью и порокомъ, вотъ другой съ вирогами и дичью; это оружіе будетъ стрѣлять дичь, а изъ этого—она подала ему огниво, кремль и губку—братъ мой будетъ дѣлать огонь и жарить птицъ.

— Прощай, братъ мой, сказала Роза. — Когда увидишь боаестившую сестру, скажи ей о Розѣ, и она вполетѣ по ней слезу.

Юноша все еще стоялъ какъ въ забытїи; вдругъ онъ бросился къ двери и обилъ дѣвушку. Она увернулась изъ его рукъ и узнала боаъ чувствъ.

Индианка бросилась къ ней, подняла ея и, цалуя, отнесла на диванъ; потомъ схватила юношу за руку и выбѣжала съ нимъ изъ хижины.

Она такъ тихо и скоро прекращалась мимо хижины, что у него замерло дыханіе и потемнѣло въ глазахъ. Какъ мечной прищипъ несомъ она въ туманъ изъ лѣсу. Глубокій вздохъ вырвался изъ груди ея; но она не сказала ни слова и несильно углубилась въ чащу. Въ лѣсу царствовала черная ночь; ни звука, ни свѣта... Вдругъ послышался какъ-будто далекій говоръ.

— Нашъ открылъ, слышишь юноша!—ваша нашла на слѣдъ.

— Нѣтъ, отвѣчала Индианка:—это шабы.

Вой становился все страшнѣе и страшнѣе. Она шла по болоту, арканскому подъ ея ногами, среди ужаснаго вой отъ животныхъ, прерываемаго иногда стономъ еще не соевъшъ-опоченъшаго аллигатора.

— Теперь держись ближе ко мнѣ, сказала Индианка послѣ часа шабы.

Она начала выступать чрезвычайно-осторожно и пробовала замедля шагъ.

— Мы на столахъ, которые наша полужина черезъ болото. Держись за меня плотно.

Она схватилась за нее.

— Держись крѣпче и бѣгнись; эдикъ шварный шикъ — и ты шикъ погребенъ въ болото.

Наконецъ, они перебрались черезъ болото.

— Набрось одѣяло на голову, сказала она. — Вдѣвъ лѣсъ помонъ шикъшъ. Идѣ не можѣ слѣдѣшъ; здѣсь много шикъ и мало шикъ шикъшъ. Наклоня голову, или терны шикъшъ тебѣ черѣшъ.

— Что это? возвращѣ шикъ, чувствѣшъ, что вдругъ ея шикъ шикъ одѣяло.

Путеводительница отступила назадъ.

— Это большой тернъ; братъ мой долженъ наклонить свое го-
лову и держать ладтатъ надъ грудью и головою, иначе терниа про-
колятъ его.

Она освободила одвяло его отъ тернѣй и пошла дальне. При-
шедши къ берегу Сабинны, Индіанка, не теряя ни минуты, броси-
лась къ пустому дубу.

— Братъ мой долженъ мнѣ помочь спустить лодку въ рѣку.

Она безъ труда снесла легкое судно къ берегу. Толчекъ дви-
нулъ его въ воду. Она взяла весла и просила его сидѣть спо-
койно.

Весла разбудили тысячи лебедей, дикихъ гусей, цаплей и утокъ.
Лодка скользнула какъ перо. Въ нѣсколько минутъ достигла она
до восточнаго берега. Вышедъ на землю, Индіанка взяла руку Бри-
танца.

— Теперь братъ мой долженъ открыть свои уши, чтобъ ни еди-
слово сестры его не упало на землю. Видишь: луга на этой сторо-
нѣ рѣки пусты, и дорогъ мало. Братъ мой долженъ свернуть шат-
ки вверхъ по теченію рѣки, пока сядетъ солнце и пройдетъ ночь; на-
томъ онъ можетъ оборотить лицо свое къ восходящему солнцу
къ вѣтру, холодно и резко дуящему ему въ лицо. Знаешь ли братъ
изъ какой страны небѣ реветъ вѣтеръ? Деревья скажутъ ему это.
Болотъ немного, но если братъ мой встрѣтитъ болото, онъ долженъ
сумѣть обмануть тѣхъ, которые, можетъ-быть, будутъ за нимъ
слѣдить.

Она остановилась, какъ-будто ожидая отвѣта. Но молодой чело-
вѣкъ, казалось, терялся въ размышленіяхъ.

— Дорога моего брата, сказала она: — должна быть кровава. Те-
перь братъ мой свободенъ, и путь его передъ нимъ. Когда онъ при-
детъ въ вигвамы своего народа, пусть шепнетъ бѣлымъ дѣвуш-
камъ, что дочери красныхъ такъ же великодушны, какъ и дочери
бѣлыхъ. Да не забудетъ братъ мой, что сдѣлали Роза и красная
дѣвушка, чтобъ указать ему путь его. Можетъ-быть, за это тома-
гаукъ отца ея погрузится въ ея мозгъ.

— Канонда! воскликнулъ юноша. — Ради Бога, Канонда, что
это значитъ? что ты хочешь сказать? Не-уже-ли бѣгство мое гро-
зитъ тебѣ опасностью? Нѣтъ, этого не должно быть—я пойду на-
задъ. Я дождусь мико и вѣрата.

Но дѣвушка вынула его руку и сбѣжала съ берега. Онъ по-
близалъ за нею; но она была уже въ лодкѣ, быстро летѣвшей по
волнамъ. Глухое «ирендай» прозвучало еще надъ водою, и потомъ
остали слышны только удары веселъ. Онъ взглянул се по имени, — о-
твѣта не было.

Оставьте его съ его мыслями и возвратимся къ человѣку, котораго потеряли на время изъ виду, но который, какъ замѣчательный историческій характеръ, заслуживаетъ полнаго нашего вниманія.

XI.

Рыцарскій духъ Англо-Норманновъ, рассыпавшій ихъ по всѣмъ лоскамъ земли и набросавшій на весь міръ воинственно-торговую сѣть ихъ, въ полной силѣ перешелъ къ ихъ потомкамъ, населяющимъ обширныя земли между Миссисипи и Атлантическимъ-Океаномъ.

Не прошло еще и семидесяти лѣтъ съ основанія ихъ свободнаго государства, а флаги ихъ развѣваются уже на всѣхъ моряхъ и оспариваютъ у своихъ родственниковъ давнишнее ихъ владычество. Провидѣніе какъ-будто назначило имъ разсѣять по земному шару сѣмя свободы, облагороживая такимъ-образомъ ближайшую причину своихъ предпріятій — барышъ.

Легко было догадаться, что такой предпримчивый духъ не упуститъ прекраснаго случая пріобрѣсти Луизиану. Слѣдствія этого пріобрѣтенія ничѣмъ не разнились отъ революціи: тысячи переселенцевъ потянулись въ новый Хамаанъ, скрывая, подобно Израильтянамъ, земную цѣль подъ личиною высшаго стремленія.

Прошло уже болѣе десяти лѣтъ отъ присоединенія этого огромнаго куска земли къ штатамъ. Въ-теченіе этого времени должны были, кажется, прекратиться переселенія, и ближайшее знакомство съ новою землею должно было бы оохладить разныя сангвиническія надежды. Но страсть къ странствованіямъ такъ глубоко вивдрилась въ душу, что неудачи только болѣе раздражали ее. Первые тучи переселенцевъ, правда, уже вымерли, но въ-слѣдъ за ними не переставали переселяться другіе, съ тою только разницею, что они начали искать въ издрахъ земли того, что первые искали на ея поверхности, и сѣлились на сверь, а не на югъ, гдѣ большая часть погибла отъ лихорадокъ. Тысячи приходили ежегодно съ далекаго востока, отыскивая свѣжѣйшей почвы и свободнѣйшихъ путей для торговли; товары застучали по лѣсамъ, городки и плантаціи выросли какъ грибы. Пришельцы, таща свои семейства и домашній скарядъ вверхъ по рѣкамъ, впадающимъ съ запада въ Миссисипи, проникли въ страны, куда еще не ступала ничья нога, крокъ дикихъ Индійцевъ. Такъ основана большая часть нынѣшнихъ дѣствующихъ городовъ Луизианы, и нельзя довольно удивиться смет-

ливости, съ которою избрали для нихъ мѣста эти простаки-переселенцы.

Мы оставили мико и его воиновъ на берегу Натчеса въ то самое время, когда они садились въ лодки. Они плыли довольно-долго вверхъ по рѣкѣ. Тамъ, гдѣ Натчесь круто поворачиваетъ на западъ, оставили они свои лодки, и послѣ серьезнаго совѣщанія раздѣлились на три партіи и разошлись по тремъ направленіямъ. Мико заключилъ совѣщаніе строгимъ наказомъ молодымъ людямъ не нарушать законовъ охотничьихъ полей или участковъ. Это было тѣмъ необходимымъ, что юноши часто вмѣняли себѣ въ славу переступить за условленныя границы охотничьихъ полей различныхъ племенъ, что и было причиною безпрестанныхъ войнъ за подобныя нарушенія. Въ настоящемъ случаѣ это было тѣмъ важнѣе, что народецъ переселился сюда недавно, не могъ опираться на давность, и отсюда былъ окруженъ сильными соседями. Бюгатыя буйволами выдѣты Техаса, Соноры и Санта-Фе уже давно были театромъ подвиговъ Куманчьевъ; землю между Озаркскими Горами и Арканзасомъ раздѣлили между собою Осаги и Пачулы, тонасскаго племени; по ту сторону Сабинны были Сабинны и Кошаттаи, слабыя, зависящія единственно отъ охоты, и потому вмѣвше право на дошладу. Такимъ образомъ, для нашихъ Индійцевъ осталась только постепенно-расширяющаяся полоса земли между Сабинною и Натчесомъ, Квахиттою и Красною-Рѣкою, и еще болѣе узкая полоса, идущая отъ этой послѣдней рѣки въ глубь Луизианы. На этомъ пространствѣ могло бы удобно помѣститься народонаселеніе маленкаго европейскаго королевства; но Индійцамъ оно казалось тѣсно.

Мико выбралъ себѣ палату между Арканзасомъ и Красною-Рѣкою. Прешло дѣе недѣли съ-тѣкь-нурь, какъ они разошлись, и мико прешелъ уже леса и долины, выходящія къ Красной-Рѣкѣ. Оне сидѣлъ въ кругу своихъ, на снѣгъ скалы, близъ селеннаго племени, где, по-кадешнему, окопались по-утру съ большими уарѣкентъ. Ничего старикъ возшевъ лопале передъ нимъ у ачя, надъ шепоршигъ вставъ котелъ и зарилась ница. Надъ другимъ огнемъ оуниламъ на переладаннахъ оленера. Пать или шастъ молодыхъ диварей потрешили животныхъ и сивали съ нимъ жони. Танемли жонимыгъ шигицъ вѣлсъ надъ нкъ роловани и квалли озброевшеными сести животныхъ.

Обыкновенное глубокое молчаніе было замѣтно и здѣсь; только изрѣдка слышались короткія фразы. Мико, погруженный въ думу, не принималъ, казалось, никакого участія въ этомъ разговорѣ, состоявшемъ изъ отрывистыхъ рченій.

— Вещицы, сказала джангидий возле шивос:— уше дачно на тропинку ивионовъ.

— Глаза его сдѣлались глазами совы, сказала другой.

— Ближе удаляясь къ верхнимъ соденымъ ключамъ, замѣтилъ третій.

Опять долгое молчаніе.

— Ми-ли-макъ, должно быть, попалъ на оленей у нижняго ключа, провзнесъ четвертый.

— Янки воспользовались молодые джары, принявшіеся къ это время на одно изъ убійствъ шивотныхъ, чтобы потрошить его. Все обратилось къ нимъ.

Старикъ вдругъ пробудился. Онъ пронзительно посмотрѣлъ на молодыхъ джарей, и они тотчасъ же притаились къ нему животомъ. Онъ вѣдательно осмотрѣлъ его голову. По-видимому, на ней не было и слѣда раны; но на одной изъ верхнихъ рога была замѣтна легкая царапина, которая могла быть слѣдствіемъ зацѣпанной рога пули.

— Элея окатилась Ишигибы, сказала шивотныя:— они не дальше какъ на пол-солнца отъ того мѣста, гдѣ покоятся Окони.

— Гу! закричали всѣ.

— Мои молодые люди должны дождаться притока Ми-ли-маха, сказала еще, указывая на шивотныхъ. Погоня, замолела, онъ принялъ практическое мѣраженіе, но вдругъ съелъ куленъ, и, приложивъ къ губамъ большой палецъ, выслушалъ пронзительно.

Опять настало глубокое молчаніе.

— Это была Янки, сказала первый джарей.

— Глаза были коровы, но оружіе коротко, замѣтилъ второй. Прислѣдывая нѣсколько минутъ. Изъ чащи выискалъ джарей, подошелъ къ шивотнымъ и расположился возле нихъ, но говоря ни слова.

— Чѣмъ, возни Ошаніи жанди оленей у нижняго содената цеточинка? спросилъ мѣк.

— Нанли.

— Кароно. Какъ ты сынъ мой, продолжалъ онъ, указывая на убитаго оленя:— скажи, гдѣ промакнулся по немъ Янки?

Индигъ вскочилъ, присѣлъ къ оленю и внимательно посмотрѣлъ на рога его.

— Нѣтъ еще и двухъ солнцъ, какъ буди пролетѣла, сказала индикъ:— ноги не слушал, и на спице еще ногъ.

— Можеть-быть, буди шивотныя съ длинными ногами, замѣтилъ ошаніи.

— Не-уже-ли братъ мой знаетъ шивотныя Янки такъ мало? сказала индикъ:— это маленькая буди Янки, вышедшаго въ дѣсь. Ми-ли-макъ найдеть слѣды его.

Индюцъ разрубилъ часны животнаго и, пряча ихъ въ сумну, спросилъ:—Кто изъ нашихъ потерялъ свою стрѣлу?

Одинъ изъ молодыхъ подскочилъ, и оба побѣжали въ лѣсъ.

Тамъ прошло часа два. Дикіе эли, какъ вдругъ раздались изречительный свистъ. Они начали прислушиваться. Скоро свистъ повторился, но съ другаго тона.

— Это Ми-ли-макъ, сказалъ мико:—онъ пошелъ на слѣды вѣдъ гихъ бѣлыхъ.

Свистъ раздавался въ третій разъ, и опять другимъ тономъ.

— Это Индигны съ топорами, приходивіе въ лѣса съ своими женщинами и дѣтьми. Окони принуждены будутъ уйти и отъ этихъ.

Онъ произвольно свистнулъ.

Черезъ нѣсколько минутъ, эти свисты раздались съ разныхъ сторонъ, и всѣ дикіе сошлись къ огню. Между ними были и равносильные лазутчики.

— Нашелъ ли братъ мой слѣдъ? спросилъ мико.

— Это Индигны пришли завладѣть охотничьимъ полемъ Окониэвъ.

Горькая улыбка скривила уста начальника.

— Рука ихъ, сказалъ онъ: — достаетъ отъ большой рѣки до большого соленнаго озера, и отъ замкнутаго соленнаго озера, омывающаго землю Мекико, до земли покрытой льдомъ, и повинующейся отцу Канадевъ; но имъ вѣчно мало!

Онъ всталъ, и за нимъ встали всѣ, образуя полукругъ. По окончаніи совѣщанія, старикъ кивнулъ возвратившемуся лазутчику, и оба пошли по дорогѣ, съ которой онъ только-что возвратился.

Черезъ нѣсколько часовъ ходьбы по лѣсу, они достигли возвышенности, съ которой открывался далекій видъ на окрестную долину, съ текущею по ней широкой рѣкою. Почти въ концѣ долины поднимались густые столбы дыма и слышался стукъ топоровъ. Старикъ простоялъ нѣсколько минутъ съ мрачнымъ видомъ, потому что слышалъ съ высоты. Когда онъ подошелъ ближе, слышался говоръ людей, и стукъ топоровъ сталъ яснѣе; наконецъ, онъ увидѣлъ и самый пролѣсокъ. Скрига отскакиваетъ отъ своей сложенной шкатулки съ маленькимъ ужасомъ, нежели мико отскочилъ отъ просѣки. Лѣсъ былъ вырубленъ десятинахъ на трехъ. Первое, что поразило его взоры, были хижины, грубо-сложенныя изъ стволовъ. Въ нихъ были дѣти. Недалеко паслись лошади. Женщины съ закопченными лицами сидѣли вокругъ огня, надъ которыми висѣли котлы; другія кормили дѣтей. Мальчики собирали хворостъ и подкладывали на огонь. Вся просѣка была закрыта дымомъ, сквозь который Индюцъ, нѣкимъ незамѣченнымъ, подошелъ къ Аме-

решивших. Женщины увидели его, когда онъ приближился уже къ дыму. Онъ посмотрѣли на него, казался, со страхомъ, и закричали: «сюда! подите сюда скорѣе!»

— Что тутъ? спросилъ широкоплечій мужчина, вышедшій изъ дыму. — А, краснокожій! Такъ это онъ васъ поругалъ? Ничего, и онъ первый, не онъ и послѣдній!

Съ этими словами, онъ подошелъ къ женщинамъ и Индѣйцу. Женщины, усвоившись присутствіемъ мужчины, подступили и начали разсматривать дикаго. Но истинно-поразительная наружность его, его колоссальная, хотя и высохшая фигура и важное лицо снова пробудили страхъ. Онъ разбѣжался въ разные стороны. И мужчина внимательно посмотрѣлъ на Индѣйца, не выказывая, впрочемъ, ни малѣйшаго страха.

— Ты не Осагъ, краснокожій? спросилъ онъ его наконецъ. Мико, смотрѣвшій на то, что онъ почиталъ разрушеніемъ, не отвѣчалъ.

— И не Павия?

То же молчаніе.

— Послушай! если ты пришелъ къ намъ, такъ долженъ быть во-крайней-мѣрѣ вѣжливъ и отвѣчать на вопросы.

— А кто позоветъ Йингизовъ? сказалъ Индѣецъ.

— Йингизовъ! Ты насъ считаешь за Янки? Эй! Джос, Джону!

— Получилъ ли бѣлый позволеніе отъ великаго отца востровъ мѣсь своей вигвамъ?

Поселенецъ посмотрѣлъ на него вытаращивъ глаза.

— Получили ли мы позволеніе здѣсь поселиться? Право, страшный вопросъ для дикаго! Должно-быть, правда... Послушайте-ка, продолжалъ онъ, обращаясь къ подошедшимъ Джос и Джону: — этотъ краснокожій серьезно спрашиваетъ, получили ли мы отъ великаго отца позволеніе прійти сюда!

Всѣ трое захохотали.

— Это наша земля, за которую мы заплатили звонкими червонцами. Понимаешь?

Индѣецъ не проронилъ ни словечка, но, не удостоивая ихъ ни одного взгляда, пошелъ прямо къ дому, и вошелъ на крыльцо.

— Краснокожій дьявольски-силенъ, сказалъ одинъ.

— Это, кажется, начальникъ, — и важный, замѣтилъ другой.

— Велика важность! Кто же даетъ ему право допрашивать насъ здѣсь, на нашей землѣ? Краснокожій! ты хочешь стаканъ водки, — и не будь ты такъ нахаленъ, я уже давно поподчивалъ бы тебя. Теперь ты долженъ заплатить, если хочешь выпить.

Поселенецъ вошелъ въ отверстіе, назначенное для будущей двери, и скрылся за замѣнявшимъ ее покрываломъ.

Инциденты собрались въ кружокъ и съ жаромъ рассуждали, кто-то разсѣялся и остался только дуть, съ любовицтвомъ отобрѣвшія на дикаго.

Время дома были обклеены разными объявленіями и афишами, занимавшими почти всю ширину стѣны. Одно изъ этихъ объявленій было большаго формата и напечатано огромными буквами. Начальникъ смотрѣлъ на него долго, потомъ вынулъ изъ сумки свою трубку, оторвалъ объявленіе и углемъ его зачеркалъ трубку.

Поселенецъ вышелъ съ стеною въ виски.

— Добро, краснокожіи! сказалъ онъ: — еслибы ты былъ учтивѣе, ты получилъ бы стаканъ водки даромъ; теперь ты долженъ заплатить.

Индіецъ досталъ монету и бросилъ ее поселенцу.

— Дале! Только этого много. Хочешь на нѣкій долларъ?

Индіецъ покачалъ головою и показалъ пол-пальца;

— Хорошо, сказалъ поселенецъ.

Между-тѣмъ, пришли опять Джое и Джонъ съ тремя друзьями.

— Это оружіе слишкомъ-модно для Индійца; оно не американской работы, сказалъ одинъ изъ нихъ, вырвавъ почти-наславно изъ рукъ Индійца двухствольный штуцеръ.

Всѣ пятеро разсматривали оружіе, и на лицахъ ихъ выразилась недоверчивость.

Хозяинъ вырвали съ перомъ полныхъ бутылки, теперомъ и ручною наковальнею. Давъ бутылки Индійцу, онъ вынулъ долларъ и разбѣкъ его на наконечникъ ножевымъ. Подаренну онъ отдалъ Индійцу.

— Ручаясь, сказалъ Джое: — что солдаты въ ярости подвигались бы этому штуцеру. Смотрите-на, выложите даже золотомъ! Посадити-ка, Билль.

Хозяинъ посмотрѣлъ на него, покачивая головою.

— Хорошо, сказалъ онъ: — ты пришелъ читать, краснокожіи. Посмотри-на, изображеніе на ручкѣхъ на наконечникѣхъ караче, на диннѣе, какъ вотъ здѣсь, на этой прокламаціи.

Онъ обратился къ наивнѣйшимъ на отъихъ объявленіямъ.

— Да гдѣ же она? Исчерла! Гдѣ прокламація?

— Краснокожіи содралъ ее, сказалъ мальчикъ, стоявшій облокотившись.

— Такъ и есть! сказалъ хозяинъ. — Конечно, краснокожіи! Твой штуцеръ долженъ остаться здѣсь, да и ты тоже. Кто-нибудь изъ насъ долженъ отправиться въ ярность делонить наивнѣе, какую-нибудь мы наймали.

Едва только проищесъ хозяинъ эти слова, какъ всѣ поселенцы исчезли. Индіецъ выпилъ стаканъ водки, подаль его назадъ къ стѣну и протянулъ руку къ штуцеру.

— Нетъ, сказали хозяини: — этотъ штуцеръ останется здѣсь, и ты тоже.

Ели только промѣнешь онъ эти слова, какъ Индѣецъ произительно свистнулъ. Поселенцы явились снова, съ ружьями въ рукахъ.

— Ты видишь, сказали хозяини: — что сопротивленіе бесполезно; лучше всего сдатьъ добровольно.

Въ отвѣтъ ему раздался изъ дѣса ужасный вой и вояль, такъ-то женщины и дѣти вздрогнули и сбѣлились въ кучку.

— Что это значить? спросилъ поселенецъ.

— Индигизъ! раздалось изъ десяти глетокъ, и въ то же мгновеніе Окони какъ тигры бросались къ дому. Поселенцы, не робѣя, вразоживались; но въ то же мгновеніе другой отрядъ дикихъ прогнулся за домомъ и отбѣжалъ женъ и дѣтей отъ мужчинъ, такъ-что онъ очутился совершенно въ ихъ власти.

Мико стоялъ какъ бронзовая статуя; онъ гордо взглянулъ на поселенца и вторично протянулъ руку къ штуцеру. Хозяинъ колебался; онъ поглядывалъ то на своихъ, стоявшихъ съ поднятыми ружьями, то на дикихъ, ждавшихъ по-видимому только знака къ высадкѣ. Крикъ женщинъ рѣшилъ дѣло.

— Отдай ему ружье, сказала одна.

— Ради Бога, подумайте о вашихъ женахъ и дѣтяхъ! вошла другая.

— Пусти его! просила третья.

— Краснокошіи! сказали хозяини: — смотри: вотъ твое ружье, — не мы тебя найдемъ.

Взявъ свое ружье, Индѣецъ гордо кивнулъ поселенцамъ и вступилъ въ среду своихъ дикарей. Они окружили его и съ крикомъ снова исчезли въ дѣсу.



Есть души, которыя, принявъ въ себя что-нибудь, расстаются съ пріятнымъ только въ часъ смерти, — души, которыя принимаютъ въ себя гигантскія страсти, ерастающіяся съ внутреннѣйшимъ ихъ существомъ, живущія, старѣющія и умирающія съ ихъ кровью и костями. Таковъ былъ Токеа, и такую гигантскою страстью была его ненависть къ бѣлымъ. Онъ былъ послѣднею отраслю, послѣднимъ мико или королемъ Окониэвъ, главнаго племени народа Крикоэвъ. Предки его владѣли огромнымъ пространствомъ между рѣками Окони и Ноозою. Ему немного досталось изъ отцовскихъ земель, но и то къ нему перешла вся любовь предковъ къ свободѣ и ихъ гордость. Въ ранней молодости, ненавидѣлъ онъ въ бѣлыхъ притѣсните-

Индийцы собрались въ кружокъ и съ жаромъ разсуждали, потомъ разошлись и остались только два, съ любопытствомъ присѣвшія на дикаго.

Время дома были обклеены разными объявленіями и афишами, занимавшими почти всю ширину стѣны. Одно изъ этихъ объявленій было большаго формата и напечатано огромными буквами. Начальникъ смотрѣлъ на него долго, потомъ вынулъ изъ сумки сабю трубу, оторвалъ объявленіе и уломъ его зажегъ трубку.

Поселенецъ вышелъ съ стаканомъ виски.

— Добро, краснокожій! сказалъ онъ: — слава ты былъ учтивъ, ты получилъ бы стаканъ водки даромъ; теперь ты долженъ заплатить.

Индіецъ досталъ монету и бросилъ ее поселенцу.

— Дале! Только этого много! Хочешь на целый долларъ?

Индіецъ поначалъ головой и покачалъ плечами,

— Хорошо, сказалъ поселенецъ.

Между-тѣмъ, пришли опять Джозе и Джонъ съ тремя другими.

— Это оружіе слишкомъ-модно для Индійца; оно не американской работы, оказалъ одинъ изъ нихъ, вырвавъ почти-насилъно изъ рукъ Индійца двухствольный штуцеръ.

Всѣ пятеро рассматривали оружіе, и на лицахъ ихъ выразилась недовѣрчивость.

Хозяинъ воротился съ парой полныхъ бутылокъ, теперомъ и ручною наковальнею. Давъ бутылки Индійцу, онъ велъ долларъ и разсѣкъ его на кусочки и подалъ. Полонину она отдалъ Индійцу.

— Рукарь, сказалъ Джозе: — что солдаты въ арміи продавали бы этому штуцеру. Смотрите-ка, выложите даже золотомъ! Посмотрите-ка, Билль.

Хозяинъ посмотрѣлъ на него, качаясь головою.

— Хорошо, сказалъ онъ: — ты пришелъ нести, краснокожій. Посмотрите-ка, изображение на ружьѣ ни на волосъ не караче, ни длиннѣе, какъ вотъ здѣсь, на этой прокламаціи.

Онъ обратился къ ближайшимъ на стѣнѣ объявленіямъ.

— Да гдѣ же она? Исчезла! Гдѣ прокламація?

— Краснокожій содралъ ее, сказалъ мальчикъ, стоявшій близъ.

— Такъ и съесть! сказалъ хозяинъ. — Конечно, краснокожій! Твой штуцеръ долженъ остаться здѣсь, да и ты тоже. Кто-нибудь изъ насъ долженъ отправиться въ армію и принести нашивану, какую ты видишь.

Едва только промолвилъ хозяинъ эти слова, какъ всѣ поселенцы исчезли. Индіецъ вынулъ стаканъ водки, подалъ его хозяину и протянулъ руку къ штуцеру.

— Нетъ, сказалъ хозяинъ: — этотъ штуцеръ останется здѣсь, и ты тоже.

Ему только прозвѣсь онъ эти слова, какъ Индѣецъ прозвѣстельно свистнулъ. Поселенцы явились снова, съ ружьями въ рукахъ.

— Ты видишь, сказалъ хозяинъ: — что сопротивленіе бесполезно; лучше всего сдать добровольно.

Въ отвѣтъ ему раздался изъ лѣса ужасный вой и вояль, такъ-то женщины и дѣти вздрогнули и сбѣгли въ кучку.

— Что это значитъ? спросилъ поселенецъ.

— Ингризъ! раздалось изъ десяти глотокъ, и въ то же мгновеніе Окони какъ тигры бросились къ дому. Поселенцы, не робѣя, приложились; но въ то же мгновеніе другой отрядъ дикихъ прогналъ за домомъ и отрѣзалъ женъ и дѣтей отъ мужчинъ, такъ-что онъ очутился совершенно въ ихъ власти.

Мимо стоялъ какъ бронзовая статуя; онъ гордо взглянулъ на поселенца и вторично протянулъ руку къ штуцеру. Хозяинъ колебался; онъ поглядывалъ то на своихъ, стоявшихъ съ поднятыми ружьями, то на дикихъ, ждавшихъ по-видимому только знака къ нападенію. Крикъ женщинъ рѣшилъ дѣло.

— Отдай ему ружье, сказала одна.

— Ради Бога, подумайте о вашихъ женахъ и дѣтяхъ! вошла другая.

— Пусть его! просила третья.

— Краснокожій! сказалъ хозяинъ: — смотри: вотъ твое ружье, — во мы тебя найдемъ.

Взявъ свое ружье, Индѣецъ гордо кивнулъ поселенцамъ и вступилъ въ среду своихъ дикарей. Они окружили его и съ крикомъ снова исчезли въ лѣсу.



Есть души, которыя, принявъ въ себя что-нибудь, расстаются съ принятымъ только въ часъ смерти, — души, которыя принимаютъ въ себя гигантскія страсти, срастающіяся съ внутреннѣйшимъ ихъ существомъ, живущія, старѣющія и умирающія съ ихъ кровью и костью. Таковъ былъ Токеа, и такою гигантскою страстью была его ненависть къ бѣлымъ. Онъ былъ послѣднею отраслью, послѣднимъ нико или королемъ Окониѣвъ, главнаго племени народа Крикѣвъ. Предки его владѣли огромнымъ прѣстранствомъ между рѣками Окони и Коозою. Ему немного досталось изъ отцовскихъ земель, но зато къ нему перешла вся любовь предковъ къ свободѣ и ихъ гордость. Въ ранней молодости, ненавидѣлъ онъ въ бѣлыхъ притѣсните-

дой своего народа, и эта ненависть росла съ каждымъ годомъ и обратилась наконецъ въ существо его. Она образовала въ немъ странный характеръ. На него рѣшительно не производили никакого впечатлѣнія ни самое грубое высокомеріе, ни благороднѣйшее самоотверженіе бѣлыхъ. Холодный, спокойный по наружности, онъ думалъ только, какъ бы погубить враговъ своихъ.

Съ ранней молодости былъ онъ съ ними въ безпрестанной войнѣ. Безчисленныя жертвы пали отъ его томагука. Видя, что дикая сила и хитрость его не могутъ бороться съ знаніемъ бѣлыхъ, онъ воспользовался учителями, заведенными между его земляками филантропомъ Гавкинсомъ, и уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ выучился читать и писать, чтобъ открыть себѣ дорогу, какъ говорилъ онъ, «къ мертвымъ и отсутствующимъ советникамъ враговъ своихъ — дингамъ». Когда и это не помогло, онъ попытался соединиться съ могущественнымъ Текумсе на истребленіе общаго врага. И это не удалось: непріатели сумѣли сдѣлать его подозрительнымъ даже въ глазахъ собственнаго его народа. Токае, не дожидаясь гибельнаго удара, вышелъ человѣками съ шестидесятью оставшихся ему вѣрными Оконіи изъ земли отцовъ своихъ и переселился въ лѣса за Миссиссипи. Но жажда мести мучила его и здѣсь. Сперва онъ обратился къ Павлиамъ тойакскаго племени, жившимъ на рѣкѣ Красной. Они посмѣялись только его обширнымъ планамъ; Озаги тоже не хотѣли пристать къ нему. Не надѣясь на собственный свой народъ, пошелъ онъ внизъ по Сабинѣ, и такъ-какъ берега ея были заняты Сабинцами, отправился еще дальше. Слабое племя Кошатаевъ указало ему мѣсто между Натчесомъ и Сабинною, и здѣсь-то нашелъ онъ, наконецъ, покой, гдѣ, пять лѣтъ спустя, встрѣтился съ нимъ пиратъ.

Пиратъ, не очень полагаясь на убѣжище на островѣ Баратаріи, проникъ въ Сабинскую-Бухту и устье Натчеса, вѣроятно отыскивая лучшей притонъ. Такъ доплылъ онъ до вигамовъ Индійцевъ. Первою мыслью было разграбить деревню; но слѣды цивилизаціи въ селѣ скоро навели его на другое. Разсчитывая, что обитатели не вовсе дикари, подошелъ онъ къ лѣсу и протянулъ имъ руку.

Наметанный Индѣецъ тотчасъ увидѣлъ, что это не Ингицъ, и принялъ его руку. Пирату легко было высмотрѣть слабую сторону Индѣйца, и жаркое признаніе его, что и онъ врагъ Янки, скрепило дружбу.

Хотя Индѣецъ и принялъ дружбу пирата съ жадностью мстительной души, радуясь, что приобрѣлъ новаго друга противъ общихъ враговъ, однакожъ многое было для него еще сомнительно.

Индѣецъ даже и не подозрѣвалъ значенія пирата и отношеній его къ цѣлому свѣту. Онъ считалъ его такимъ же главою народа,

какимъ былъ онъ-самъ. За два года онъ замѣтилъ, правда, кое-что подозрительное: различный цвѣтъ кожи являвшійся съ нимъ сбродъ людей; ихъ грубость и скотскія желанія отдавали его повсюду отъ новыхъ союзниковъ; но главное все еще было для него неясно.

Недоуменный никакому чувству, кромѣ ненависти къ врагамъ, онъ все-таки жилъ для блага и славы своего народа; за каждого изъ нихъ онъ готовъ былъ пожертвовать жизнью, и былъ дѣйствительно заботливымъ и жарко-любимымъ ими отцомъ. Его происхожденіе, привычка повелѣвать и личность его приковывали къ нему дикарей; одна мысль вступить въ сношенія съ ворами, убійцами, разбойниками возмущала бы его душу.

Таковы были его отношенія къ пирату, когда случилось происшествіе, которое, обещая возвратитъ ему его прежнее величіе, показало ему и необходимость быть осторожнѣе въ отношеніи къ своему союзнику.

На предпоследнюю охоту, предпринятую имъ къ сѣверу, отправилась съ нимъ и дочь съ нѣсколькими подругами. Рѣзвая дѣвушка зашла съ воинами слишкомъ-далеко и вступила въ охотничье поле Павлиевъ. Тутъ напали на нихъ эти дикари и обратили ихъ въ бѣгство. Канонда же попала къ нимъ въ плѣнъ, была отведена къ ихъ вигвамы и осуждена на сожженіе.

Факелы были уже зажжены, Канонда раздѣта, и ее готовились уже бросить на костеръ, какъ вдругъ прискакалъ на лошади первый начальникъ этого народа, протѣснился сквозь толпу, схватилъ жертву съ костра, бросился съ нею на лошадь и помчался къ лесу. Здѣсь была заготовлена другая лошадь. Дѣвушка должна была сѣсть на нее и слѣдовать за своимъ избавителемъ къ Натчесу.

Никто изъ Павлиевъ не посмѣлъ противиться начальнику; на поступокъ его смотрѣли, какъ на внушеніе Великаго Духа. Его-самого, недавно-возвратившагося отъ сильнаго племени Куманчи, почитали существомъ высшаго разряда. Онъ возвратилъ Канонду отцу, въ восторгъ объявшему ея избавителя.

Канонда была единственною отрадою мико. Съ удовольствіемъ увидѣлъ онъ зараждающуюся любовь между нимъ и главою Куманчи. Онъ надѣялся, что это соединитъ его народъ съ сильными Куманчи. Сдѣлать это достойнымъ мико образомъ и привести къ Куманчи начальника соленого озера было бы для него высочайшимъ торжествомъ. Но онъ все больше и больше сомнѣвался, стоить ли его союзники такой чести. Долго старался онъ узнать настоящимъ образомъ пирата, и теперь, наконецъ, дождался случая.

Большое обманеніе, которое онъ сорвалъ со стѣнъ, была промазанія губернатора Луизианы, въ которой подробно были описа-

ды преступленія баратарскаго ширата и обѣщано за его голову пятьсотъ долларовъ.

Едва-только возвратились Индійцы къ соленому камючу, какъ нѣко досталъ изъ сумки бумагу и началъ прилежно разбирать ее. Потомъ, послѣ краткаго совѣщанія, забрали дичь и тронулись в дуть къ Натчесу. Домовица до лодокъ, двое отъѣхались изъ тоды и пошам на сѣверъ-западъ, а прочіе возвратились въ свои выламы, куда и мы за ними идемъ.

Жив.

Утро послѣ бѣгства Англичанина застало девушку въ бѣготрад домъ страхъ.

Но онъ какъ-будто обмѣнялись ролями. Нѣжная Роза сдѣлалася подпоркою Канонды; Роза, боязливая, оказалась теперь сильнѣйшимъ духомъ. Въ лицѣ ея выражалось что-то твердое, высокое, благородное. Она какъ-будто смѣло хотѣла идти на встрѣчу ужасной участи. Она обняла Индіянку, ободряя ее въ нѣжнѣйшихъ выраженіяхъ, сама побѣжала попросить женщинъ посѣтить Канонду и твердо вынесла ихъ насмѣшки, презрѣніе и грозное восклицаніе: «эллишивая Ингвизъ!» Ее какъ-будто одушевляла сверхъестественная твердость. Только иногда, при взглядѣ на страждущую Канонду наворачивались у ней на глазахъ слезы, и, обнимая ее колѣни, она просила у нея прощенія.

Индіянка смотрѣла на нее, но глаза ея ничего не видѣли. Она не трогалась и сидѣла, какъ бронзовая статуя. Но при малѣйшемъ шумѣ она вздрагивала; каждый шагъ женщинъ, каждый звукъ голоса какъ-будто пронзалъ ее въ сердце. Нѣкогда - мужественная дичь нѣко потеряла, казалось, всѣ свои силы.

Такъ прошли день и ночь. Все это время она не выходила изъ комнаты. Изъ женщинъ никто не посѣтилъ ея.

Наконецъ, по-утру, послышались съ берега мужскіе голоса. Тамъ нѣко съ сѣвнѣй стороны вошломъ. Дичь его встала; колѣни ея дрожали. Она прислонилась къ огню; начальникъ генераль скомандовалъ, который женщины шептали что-то нѣхуе; уклады на землю, гдѣ нѣко Англичанинъ. Нѣколицъ; нѣко вошелъ въ оубоу; за нѣко вошелъ его снѣжники. Дичь вышла изъ-за жѣбра присутствовать его. Грудь ея возмывалась; слышавъ на грудъ руки, она молча мѣла прислонивъ отпа.

— Оубоу слышала своему нѣко, промѣнѣвъ отъ: что нѣколицъ: слышавъ дождяго оуба пришло въ нѣколицъ Оубоу. Зависъ нѣколицъ ея: гдѣ: нѣко?

Дрожащая девушка не отвѣчала; глаза ея были потушены въ землю.

— Неужели Канонда до того забыла кровь своего отца, что при-
выкъ выговаривать его благо, Янки, и указала ему тропинку, веду-
щую къ нему отъ деревни блыль? Мнѣ думалъ, что у него есть
милъ, но Канонда не дочь мило Омоніевъ. Прочь! Жалкій Сем-
валъ обманулъ мать ея, и далъ жизнь обманщика!

Девушка пала, какъ перевернутая громадь. Какъ червь подползла
она обхватить ноги отца; она оттолкнула ее съ стараниемъ.

— Прочь! сказалъ онъ. — Она пала и приземлилась Великого Духа
справа; нутъ бжоты мило, а сама отогрѣвала на груди врага сво-
его мило!

Блкая девушка не произнесла ни слова въ оправданіе. Жен-
щины, какъ легко дотрагиваются, въ любезнѣйшемъ семотрѣніи разны
милы и легко отанчали славъ нечора отъ слада, оставленнаго
утромъ. Даме и любовь къ Канондѣ не удержала ихъ отъ этого
любознѣнія. Впрочемъ, они, напротивъ, умолчали бы обо всемъ, ве-
либъ бжотве Англичанина не обзвывало ихъ нарушить молчанія.

— Тѣмъ потому-то, продолжала мило: — блая Роза не могла
эта мило нечти, что бжотый миломъ риданъ ее въ ижеу? Мило ота-
градъ у груди своей мило, брдевалъ бжотвое мило, и блая Роза
привела въ выговаривать его миломъ, потерай миломъ его врагомъ.
Черезъ миломъ семилъ, враги негонять мило: и его миломъ, какъ
милы барсомъ.

Глухой стогъ раздавался въ толпѣ. Двое злѣйшихъ прекрѣли къ
милосу.

Канонда нечти бжотъ памяти лежала на землѣ; во еднѣ толпѣ
милы сдѣлали шагъ впередъ, какъ, подмечая въ сѣнѣхъ, она
милосу:

— Это я, Канонда, указала бжотому тропинку черезъ бжотве; бл-
лая Роза не знаетъ его.

Въ это время вошла Роза; Индианка обвила ее, и тѣмъ стояла
она передъ гнѣвными мило.

Мило шумѣла сѣнѣхъ, въ которомъ Канонда стала миломъ милъ
и его жертвою. При видѣ Розы, онъ странно улыбнулся, Руца его
считала мило; она подошла и захватила его.

— Я! закричала Канонда въ ужасъ.

— Мать, и привела бжотого милому въ выговаривать, сказала Роза
дрожавшимъ голосомъ:

Мило оставилась. Благородный споръ въ смерти превзедъ миломъ
милы на его миломъ милому. Выразилась миломъ его миломъ.

— Что это? сказалъ онъ наконецъ. — Не думаетъ ли Канонда,
что отецъ ея дуранъ... и на видѣть, мило привзедъ въ выговаривать бл-

— Где шпюна? Путь пролегла по Каюнда; но уговорил се языкъ бѣлой Розы.

— Хотите ли отецъ мой развязать языкъ своей дочери? сказа дѣвушка.

Нико долго молчалъ. Ярость и откровенное тушево видимо въ немъ боролись. Наконецъ, послѣднее побѣдило.

— Пусть Каюнда говоритъ.

— Отецъ мой! Бѣлый юноша поклялся честью, что онъ не шпюна; открылъ также, что онъ и не Ингизъ. Онъ съ того острова, гдѣ неразумный начальникъ, — нѣтъ той земли, которая, какъ ты говорилъ, холода и ядиста. Народъ его въ войнѣ съ своими врагами, Ингизами. Онъ недавно переплылъ съ своими черезъ большое солоное озеро, и они хотѣли поплыть назадъ по открякъ и ежекъ загнаны нашими враговъ. Начальникъ солоное озеро, говорилъ онъ, воръ, который схватилъ его съ товарищами въ время лова устрицъ и черешакъ и увелъ въ свой выгвалъ. Онъ убѣжалъ оттуда и голодалъ восемь солицъ. Его народъ повѣсилъ начальника солоного озера на деревъ. Дочь твоя спасла его изъ власти водяной змѣи, и онъ былъ тогда почти мертвъ. Женщины спасли тебѣ: Каюнда возвратила его къ жизни. Онъ хотѣлъ соединиться съ своими братьями, чтобъ наказывать твоихъ враговъ. Онъ не шпюна: руки его нѣжны, и онъ былъ слабъ.

— Заготовила ли Каюнда для отца своего еще болѣе языкъ спросилъ Нико. — Языкъ ея сдѣлался очень-губокъ.

Дѣвушка снова потушила глаза въ землю. Но слова ея очевидно произвели глубокое впечатлѣнiе на отца. То, что прочелъ онъ въ прокламациѣ, было совершенно-согласно съ ея разказомъ... Нико задумался. Онъ былъ дѣвѣ, но не кровожадный человекъ. При другихъ обстоятельствахъ, въ цивилизованной сѣсрѣ, онъ сдѣлался бы благодѣтель милыиомъ. Но грубый, раздраженный, оскорбленный, удивительно ли, что онъ занесъ ножъ на дочь свою, — онъ ступившій въ хижину съ уверенностью, что молодой бѣлый былъ шпюна? Отдѣленный отъ цѣлаго мира, почти боготворный своимъ, Нико, вѣроятно, считалъ себя гораздо-важнѣе для бѣлыхъ, нежели былъ въ-самомъ-дѣлѣ.

Каюнда, при всемъ своемъ смущенiи, не могла не замѣтить важной перемены въ отцѣ.

Обиравъ Розу, она сказала: — Отецъ мой! Бѣлый юноша поклялся Розѣ, что онъ не Ингизъ. Онъ Англичанинъ. Онъ съ большой кораблей своего народа. Онъ былъ совершенно-мартва, когда взяла его твоя дочь. Развѣ шпюна пришелъ бы такъ въ выгвалъ великаго Нико?

— Каюнда говорила довольно, сказала Нико.

Дѣвушка вдрогнула.

Только теперь вспомнилъ мико о другомъ листѣ. Онъ досталъ его изъ сумки, прочелъ со вниманіемъ и началъ совѣтоваться съ своимъ. Эта бумага была воззваніе къ гражданамъ Луизианы послѣдствовать на заклѣту ихъ земли.

— Или языкъ моей дочери не лжетъ? сказалъ онъ, позволяя ей жмечь снова заговорить.—Зачѣмъ этотъ человѣкъ, если онъ Англичанинъ, пошелъ къ вигвамъ нашихъ и его враговъ?

— Канонда говорила ему то же, отвѣчала дѣвушка: — но онъ говорилъ, что его земляки уже въ большомъ вигвамѣ, гдѣ онъ идетъ ихъ съ ихъ большими лодками.

— Когда оставилъ онъ вигвамъ Окони? спросилъ отецъ.

— Давно послѣ того, какъ солнце скрылось за хребтомъ Натчеса и когда водяныя птицы начали уже кричать. Отецъ мой идетъ его слѣды и увидитъ, что дочь его говоритъ правду; она еще никогда не лгала.

— Хорошо, отвѣчалъ старикъ.

Послѣ краткаго сознанія съ воинами, онъ молча указалъ на свои ягдани. Канонда проворно ихъ наполнила, и мико тотчасъ же вышелъ изъ вигвама съ большею частью своихъ воиновъ.

Дѣвушки пришли въ изумленіе отъ неопытной кротости мико. Канонда ожидала смерти за поступокъ, на который, она была уверена, будутъ смотреть, какъ на злѣйшую измѣну. Не зная всѣхъ обстоятельствъ, она приписала эту кротость сверхъестественному мѣлино. Роза была полна благодарности за избавленіе сестры отъ опасности. Она упала къ ней въ объятія съ поднятыми къ небу глазами, какъ-будто ничто въ мірѣ не должно было разлучить ихъ. Ея тревожило только одно: мико ушелъ съ своимъ за Британцемъ. Юноша не могъ ускользнуть отъ него. Пошадитъ ли мико бѣднаго юношу? Не приведетъ ли онъ его плѣннымъ и не убьетъ ли передъ ея глазами?

Несомненно произнесла она: «Бѣдный братъ!»

При этихъ словахъ, Канонда посмотрѣла на нее сердито и сказала:

— Блгая Роза не добра. Сердце ея такъ занято бѣлымъ братомъ, что сестрѣ нѣтъ въ немъ и мѣста. Канонда не боится смерти; она выучилась у отца своего умирать; она была привязана къ столбу, факелы были уже зажжены, но глаза ея были свѣтлы, какъ голубой шатеръ неба. Дочь великаго Окони показала бы павнійскимъ дѣвушкамъ, какъ должно умирать и смѣяться въ лицо врагамъ своимъ. Но Канонда не хотѣла умереть какъ измѣнница, не хотѣла, чтобъ имя ея сдѣлалось въ устахъ ея сестеръ бранью, какъ имя предательницы, указавшей путь шпіону. Нѣтъ! Канонда пошла въ постлю къ Павнімъ; они бросили ее на своихъ лошадяхъ;

тало ей было изранено, ремни буйволовой кожи, которыми она была привязана къ хребту лошади, глубоко врезались въ ее плечи, но она не испустила и малѣйшаго вздоха. Душа ея была въ отрывѣ и съ ея отчаянн, смотрѣвшими на нее въ радости луговъ своихъ. Два дня лежала Канонда въ темной пещерѣ Ивиэв; и когда солнце блеснуло ей канондецъ въ глаза, былъ остало передъ ней костеръ, сложенный на ея погибаль. Да, и привели Канонду, сорвали съ нея платье, женщины вѣшали въ лицо. Много жожей и томагавковъ сверкало надъ ея головою. Не ты не слушаешь, Роза?

— Слышу, слышу все.

— И когда сорваны были съ нея платья, и женщины схватили ее; чтобъ положить на костеръ, великій начальникъ обрыгну. съ койя своего, протѣснмлся еякъ тѣлу и вымъ Канонду. Кжонда сильна; она могла терѣть; когда мучили ее двѣушми женщины; она смотрѣла въ лицо смерти, но не устояла передъ добротою начальника, упала въ его руки; и чувства оставили е. Она не знала, что съ ней происходитъ, пока солнце не зашло горы; сестра твоя все еще была въ рукахъ своего избавителя. Бѣлая Роза видѣла великаго начальника, и Канонда умерла она тперъ неохотно. Она поступила нехорошо, удаливъ молодого человека отъ вѣровъ своего отца; но она видѣла слезы Бѣлой Розы и Великій Духъ не скрылъ отъ нея лица своего въ облакахъ. Да Великій Духъ удержалъ руку мико, когда была его оттолкнула дочка какъ собаку, и рука выхватила ножъ, чтобъ погрузить его въ грудь его дочери и Бѣлой Розы. Канонда поступила дурно, но он впередъ не едѣлаеть этого.

— А бѣдный братъ нашъ?

— Мико великій и мудрый начальникъ. Глазъ его увидѣть еяда бѣлаго юноши и глубоко проникаеть въ его душу. Если бы друг красныхъ, мико не сниметь съ головы его кожи; если же онъ обмануль бѣдныхъ двѣушекъ; то Роза не должна плакать о шипонѣ. Съ этими словами, она вышла изъ хижины.

XIII.

Нашъ Англичанинъ былъ въ странномъ расположеніи духа. Въ немъ царствовали какой-то хаосъ смутныхъ желаній. Онъ съ частъ бѣжаль по берегу то впередъ, то назадъ, и въ этомъ занятіи застали его первыя лучи утренняго солнца, освѣтившіе передъ нимъ новую сцену и давшіе ему мыслить другое направленіе.

Противоположный берегъ Сабинны былъ почти безъ деревьевъ. Только нѣсколько кедровъ видимо прорезало на крутой закраинѣ берега. Но передъ нимъ былъ ландшафтъ, котораго не представить себѣ иное пламенное воображеніе: необозримая долина, покрытая выжи рескопнѣйшей травой, съ рѣдкими кучами деревъ, плававшая на ней, какъ корабли въ морѣ. На всемъ пространствѣ не было ни одной неподвижной точки; степь, въ букввальномъ смыслѣ, волновалась передъ его глазами. На сѣверъ, почва мало-по-малу возвышалась, и сквозь живописныя группы деревъ видно было небо, сливавшееся съ горизонтомъ. На востокъ, этотъ огромный лугъ сдвигалъ въ ложину, заросшую тростникомъ. Глубокая тишина, прерываемая только плескомъ водяныхъ птицъ и далекимъ воемъ волковъ, а восходящее солнце придавало этой картинѣ торжественный характеръ. Дальше къ рѣкѣ стояли кучы деревъ, подъ которыми паслись олени, съ удивленіемъ смотрѣвшіе на нашего путника в какъ-будто спрашивавшіе его, какъ онъ зашелъ сюда?

Всмотрѣвшись внимательнѣе, путникъ нашъ замѣтилъ, что вса равнина была усѣяна холмиками изъ раковинъ и ископаемыхъ, въ видѣ сахарныхъ головъ. Какія-то бурья животныя сдѣлали возлѣ нихъ на солны и зяя.

Эта страна была Западная-Луизиана, постепенно возвышающаяся на западъ отъ Миссисипи, Красной, Ачафалайн и другихъ рѣкъ, и кончающаяся необозримыми саваннами, гдѣ и теперь нѣтъ еще человѣческихъ жилищъ. Впечатлѣніе, произведенное на нашего путника этою картинною, походило на чувство моряка, который ночью сошелъ съ корабля на лодку, и по-утру видитъ себя среди степи, раздумывая, не лучше ли прямо броситься въ море и кончить все разомъ? Можетъ-быть, это сознаніе своего ничтожества среди вселенной внушило ему благородную мысль: онъ быстро раздѣлся, связалъ платье въ узелъ, бросился въ рѣку, и черезъ четверть часа былъ на другомъ берегу. Прощальныя слова Индіанца побудили его возвратиться въ ея вигвамъ, и идти на встречу глѣзу ужаснаго мико. Онъ одѣлся снова и началъ искать тропинку черезъ чащу.

Во эта задача испугала бы и отважнѣйшаго. Берегъ Сабинны, такъ же какъ и Натчеса, слегка возвышается и потомъ опять низпадаетъ въ болота. Нѣсколько сотъ шаговъ до вершины возвышенности, онъ прошелъ въ тѣни кипарисовъ и кедровъ; но когда густы началъ понижаться, невозможно было сдѣлать ни шагу. Надъ нимъ разстилались деревья, о какихъ онъ даже и не слышалъ. Стебли деревьевъ стояли плотно, и отвсюду торчали изъ нихъ длиною въ руку, какъ-будто мѣльбены штыковъ. Здѣсь въ буквальномъ смыслѣ не пробралась бы и бѣака. Онъ вспомнилъ о

тропинкѣ, по которой провела его Индіанка, и рѣшился отыскать ее. Но часы проходили, и онъ не могъ найти ее. Солнце склонялось уже къ западу, когда онъ нашелъ мѣсто, гдѣ была спрятана лодка. Но не скоро еще отыскалъ онъ слѣдъ, ведущій въ лѣсъ. Этотъ лѣсъ шелъ такъ извилисто, велъ его то на вершину гребня, то опять внизъ, то впередъ, то назадъ, такъ-что начинало уже темнѣть, а онъ не дошелъ еще до болота. Голодъ говорилъ ему, что надо возвратиться. Съ твердымъ намѣреніемъ попытаться завтра вновь, взялъ онъ лодку на плеча, спустилъ ее въ воду и перешелъ на другой берегъ, гдѣ оставилъ съѣстной запасъ, данный ему Индіанкою. Онъ поспѣшно захватилъ его, перешелъ черезъ рѣку обратно, и началъ готовить себѣ ложе на ночь. Природа заготовила здѣсь для человека превосходнѣйшую постылку — испанскій мохъ. Имъ наполнилъ онъ лодку и отнесъ ее въ то мѣсто, гдѣ она была спрятана; ее стоило только поставить на вѣтви кедровъ, чтобъ скрыть отъ взоровъ всѣхъ. Завернувшись въ одеяло и положивъ возлѣ себя ружье, онъ заснулъ.

Странный снился ему сонъ.

Отвратительнѣйшее чудовище, подъ ногами котораго пустыни дуга и разрушались города, схватило его своими костлявыми, когтистыми руками. Въ одной рукѣ держало оно два окровавленные сердца, а другою хватало счастье тысячей и клало его въ свою ужасную пасть. Такъ пронесло оно его неизмѣримыя пространства и бросило въ кружокъ его товарищей и друзей, важно собравшихся около сѣдаго своего начальника, читавшаго какую-то бумагу; вдругъ два кровавые сердца упали на бумагу, читавшій остановился, а товарищи съ ужасомъ отворотились отъ новаго лейтенанта.

Потомъ онъ опять стоялъ среди безконечнаго пространства, и вдали пестрѣли вымпелы Св.-Георгія. Высоко надъ нимъ, несомое гениемъ свободы знамя Штатовъ летѣло на побѣдителя дракона. Ужасъ овладѣлъ имъ; онъ ринулся въ среду своихъ, схватилъ знамя св. Георгія и полетѣлъ на битву съ гениемъ. Но въ это время изъ волнъ возникли два образа, отъ которыхъ кровь охладѣла въ его жилахъ. Изъ-за нихъ, близившихся къ нему съ провзенною грудью и разможженнымъ черепомъ, грозилъ ему гордый врагъ. Онъ кинулся на него, какъ вдругъ схватила его холодная какъ ледъ рука, и съ безумнымъ хохотомъ бросила его двумъ видѣніямъ смерти.

Сонъ глубоко потрясъ его. Онъ выскочилъ изъ лодки, протеръ глаза и отеръ потъ съ лица. Ночь была холодна и темна. Сова посмотрѣла на него съ удивленіемъ и потомъ захохотала. Онъ прогналъ ее и снова заснулъ.

Онъ что-то схватилъ его какъ когтями тигра. Чудовище, переступая черезъ трупы Розы и Канонды, шло къ нему съ ножомъ въ рукахъ. Онъ бился, боролся, схватилъ ружье. Дикій душилъ ея. Онъ вскочилъ.

Сонъ превратился въ дѣйствительность.

Отвратительный дикарь стоялъ ногою на лодкѣ и смѣясь махалъ надъ его головою сѣкирою. Одинъ ударъ, — и онъ погибъ бы. Онъ судорожно схватилъ свое оружіе и быстро уставилъ его въ грудь дикаго. Это спасло его отъ смерти. Схвативъ Индѣйца въ отчаяніи за коленную, онъ повалилъ его и налегъ на него.

Ножъ Индѣйца блеснулъ у сердца противника, но Англичанинъ схватилъ его за руку, а другою рукою за горло. Индѣецъ бросилъ на него еще разъ взглядъ смертельной ненависти, и потомъ выпустилъ отъ изнеможенія изъ руки ножъ. Придавивъ его коленною, Британецъ нагнулся къ дикому; ножъ сверкалъ надъ грудью Индѣйца, который, скрежеща зубами, ждалъ смерти. Съ минуту юноша, по-видимому, колебался; потомъ вскочилъ, отступилъ на шагъ, и сказалъ:

— Ступай! я не хочу запачкаться твоею кровью.

— Мой молодой братъ дѣйствительно другъ красныхъ, сказалъ голосъ за его спиною.

Онъ оборотился и увидѣлъ другаго Индѣйца, съ ножомъ въ рукѣ, готовымъ погрузиться въ его спину. Отскочивъ въ сторону, онъ сталъ противъ втораго врага.

— Брату моему нѣчего бояться, сказалъ второй Индѣецъ, за котораго первый спрятался какъ провинившаяся собака.

— Ми-ли-махъ, строго произнесъ новопришедшій: — хотѣлъ пожитья кожею съ соннаго; но онъ его же долженъ благодарить, что его собственная кожа еще на голорѣ. Мико не хотѣлъ этого.

— Вы мико? воскликнулъ юноша. — Мико Оконіевъ?

— Молодой братъ мой сказалъ это, отвѣчалъ старикъ спокойно-вспытующимъ взоромъ. — Ему нѣчего бояться; мико видѣлъ его и протягиваетъ ему руку въ знакъ дружбы и мира.

— Вы мико Оконіевъ? повторилъ онъ, пожимая его руку. — Дурно радъ васъ видѣть; правду сказать, къ вамъ-то я и шелъ.

— Дѣвушки сказали мико, что сынъ великаго отца, владыющаго обширными Канадами, ускользнулъ отъ петли начальника соленаго озера и искалъ убѣжища въ его вигвамѣ. Глаза мои видѣли и душа моя вѣрить тому, что правда. Но братъ мой ушелъ еще далеко по тропинкѣ, ведущей его къ своимъ.

— И я охотно скажу вамъ причину. Дочь ваша — прекрасная дѣвушка. Да благословить ее небо! Она и ангелъ Роза ходила за мною какъ сестры. Я охотно остался бы и дольше, но меня зо-

вотъ высшій голось, и я долженъ ему повиноваться. Когда ваша дочь разсталась со мною по-ту-сторону рѣки, у нея вырвались слова, которыя вмѣняли мнѣ въ долгъ воротиться.

Мико слушалъ со вниманiемъ.

— Что же шепнула дочь моя на-ухо молодому брату?

— Немного словъ, но тяжелыя слова; они объясняли мнѣ, что бѣдная дѣвушка подвергнется за свою ангельскую доброту вашему гнѣву, что, можетъ-быть, вы даже убьете ее, думая, что она привела въ вашъ вигвамъ шпиона, Янки.

— А братъ мой?

— Счелъ своимъ долгомъ воротиться, чтобъ отвратить отъ шквѣ, если возможно, эту опасность.

Индіецъ долго стоялъ въ раздумьи. Лицо его прояснилось, — онъ еще разъ протянулъ свою руку.

Это явленіе дружбы было по сердцу юношѣ, видѣвшему, какъ за мико собирается толпа дикихъ. Съ минуты смотрѣлъ онъ на ихъ темныя, выразительныя лица съ черными глазами, ясно говорившими о жестокости.

— И братъ мой желаетъ идти въ деревню бѣлыхъ?

— Да, я желаю какъ-можно-скорѣе возвратиться къ своимъ. Я британскій офицеръ и долженъ поспѣшить на свой постъ.

Индіецъ покачалъ головою.

— Мико, сказалъ онъ:— знаетъ сыновей великаго отца Канадѣ. Онъ подымалъ съ ними сѣкиру на Янки. Они великіе воины; но въ нашихъ лѣсахъ они слѣпыя совы. Братъ мой никогда не дошелъ бы до своихъ, и умеръ бы съ голода въ глуши.

Вѣеръ его обратился къ стене, которую мы описали выше.

— Смотри! сказалъ онъ, указывая на группу деревь на краю горизонта:— братъ мой пойдетъ къ нимъ, — но пока онъ дойдетъ, голова у него закружится. Мой братъ будетъ кружиться, какъ собака, которая ловитъ хвостъ свой. Во сто солнцевъ не найдетъ онъ выхода изъ луговъ.

Сравненіе было не очень-лестно, но Англичанинъ видѣлъ, что Индіецъ правъ.

— Прошу отвѣчать мнѣ на одинъ вопросъ, сказалъ онъ: — ваши дѣтямъ нечего бояться, и мико великодушно имъ прощаетъ за то, что они безъ его вѣдома приютили въ его вигвамъ и отпустили чужестранца?

— Мико посмотритъ за это на дочь свою ласково.

— А на Розу?

— И на нее.

— Такъ мнѣ остается только поскорѣе отправиться въ путь. Жиль бы добраться до Миссисипи. Тамъ наши корабли.

— Великий отец моего железного брата поднимать томагукъ на Янки!

— На сушѣ и на морѣ. Мы надеемся моральною отдалить отъ Янк.

— А сколько народа выслалъ онъ?

— Сукопутного война тысячь двадцать; вѣсь высланы столюкъ,—на сѣверѣ больше.

— А братъ мой?

— Я Флотскій.

Индіецъ задумался.

— Путь, сказалъ онъ:—предстоящій моему брату, длиннѣе, и вѣсь его народа дѣеко. У великаго отца его много воиновъ, но у Янки еще больше. Хотите ли молодой братъ мой выслушать старика, прожившаго много лѣтъ и досѣдѣшаго отъ времени и мѣръ?

Юноша поклонился, даже, можетъ-быть, ниже, нежели конѣль.

— Пусть братъ мой воротится съ мико въ его вигвамъ. Женны къ будутъ съ нимъ курить, дѣвущки пѣть ему на ухо. Черезъ два сѣдня прѣйдутъ начальникъ соленого озера. Мико щепнетъ ему на ухо, и онъ отвезетъ его къ своимъ въ своей большой лодкѣ.

— Начальникъ соленого озера? Морской разбойникъ отвезетъ ния къ сремъ? Вы очень отибаются, любезный мико. На это онъ не согласится уже потому, что за круды его повьсащ.

— Развѣ начальникъ соленого озера тоже въ войнѣ съ его на-равнъ?

— Не въ войнѣ; но онъ грабитъ гдѣ что найдетъ. Онъ морской разбойникъ, и если его поймають, естественно, что его по-гьсащ.

Взоръ Индійца омрачился.

— Братъ мой правъ, сказалъ онъ.—Онъ долженъ идти; но ес-ли круты оставься, то вигвамъ мико для него отирать; Флалъ Римъ будетъ варить ему дичь, когда Канада сѣблаетъ дочерью малаго Куманчи, и онъ будетъ сыномъ мико.

Онъ пожалъ руку стараго мико.

— Когда войны поклялись мико Оменіевъ Великимъ Духомъ, что будутъ подымать за него сѣвпру, они должны едержать слово, илъ они собаки, сказалъ Британецъ, подражая индійскому слогу.—Тыль точно и сынъ великаго отца Канада долженъ держать свое слово. Онъ долженъ посѣвшить къ своимъ братьямъ; иначе они прогонять его, какъ негодную собаку, и будутъ произнеситъ ния то съ презрѣніемъ.

Эти слова рѣшиши дѣло.

— Постой! сказал старикъ.— Молодой братъ мой приблизился къ вигваму мико, когда солнце было за землею, и начальникъ узналъ. Онъ вошелъ въ его вигвакъ, когда онъ былъ на охотѣ, и ушелъ, когда онъ еще не возвратился. Бѣлые не должны видеть слѣдовъ его. Хочетъ ли братъ мой обѣщать именемъ того, кого Оконъ называетъ Великимъ Духомъ, а бѣлые Богомъ, что, увидя двѣ враговъ его, онъ не укажетъ имъ этихъ слѣдовъ?

— Я уже обѣщалъ это вашей дочери.

— Но хочетъ ли онъ обѣщать это и мико?

— Общаю свято.

— Хочетъ ли онъ обѣщать, что никогда не откроетъ рта и не скажетъ, что мико и начальникъ соленатаго озера были друзьями?

— Общаю и это.

— Да помянется же въ мирѣ кости отцовъ его! Мико очиститъ путь своего брата отъ терній, а бѣгунъ его укажетъ ему дорогу къ Коматташигъ. Но братъ мой будетъ голоденъ, сказалъ онъ, подумавъ съ минуту:— а путь его далекъ.

По данному имъ знаку, одинъ изъ молодыхъ воиновъ опросталъ свою сумку на берегу. Мико и юноша съѣли ужинать. Потомъ старикъ всталъ, кивнулъ головою и исчезъ въ лѣсу. За нимъ ушли и прочіе Индійцы, за исключеніемъ бѣгуна.

Еще разъ взглянулъ молодой человекъ въ слѣдъ уходящимъ, потомъ быстро схватилъ лодку, чтобъ свести ее въ воду.

На другомъ берегу, Индеецъ отнесъ ее внизъ по рѣкѣ и спряталъ въ кустахъ; потомъ возвратился, и не останавливаясь, побѣжалъ по лугу, такъ-что нашъ путникъ едва успѣвалъ за нимъ слѣдовать.

XIV.

Въ слѣдующіе дни, все въ вигвакѣ при Натчесъ было грустно и снежно; все говорило объ азиатѣ, въ которой живетъ обаятельно Индеецъ у себя дома. Всюду царствовало глубочайшее молчаніе; даже молодѣжь притихла.

Такъ казалось съ перваго взгляда. Но подъ этою тишиною кроется страхъ ожиданія чего-то, овладѣвшій всѣмъ народкомъ.

Взрослые медленно подходили къ хижинѣ совѣта и боязливо протягивали свои шеи къ дверямъ; толпы женщинъ и дѣвушекъ спрашивали и поглядывали на вигвакъ мико: все говорило, что готовится что-то важное.

На всей равнинѣ не было слышно ни звука. Изъ хижины совѣта не вылетѣло ни слова. Даже юноши, приближавшіеся уже

къ возрасту мужей, не смѣли подойти близко къ хижинѣ совѣта, изъ которой были исключены до совершенія ими перваго военнаго дѣла. Со времени своего возвращенія, нико засѣдалъ съ своими юнгами въ совѣтъ. Это длилось уже два дня. Онъ не говорилъ еще и съ дочерью, а далъ ей только знакъ не выходить изъ хижины. Бѣдная дѣвушка, казалось, утратила всю ясность души. Была ли она и сестра ея подѣ арестомъ? Что случилось съ Мишикомъ, который не возвратился? Не убили ли его бѣлый въ предсмертной битвѣ, и не палъ ли онъ самъ? Но въ вигвамахъ не замѣтила она никакого трофея, никакого скальпа.

Роза была спокойнѣе; она нашла утѣшеніе въ книгѣ, данной ей проповѣдникомъ. Она часто читала изъ нея отрывки своей подруги, которая покачивала только головою.

— Канонда, сказала Индіанка, когда Роза прочла ей о будущихъ блаженствѣ избранныхъ:—очень любила начальника школы, но она никогда не позволила бы ему облить ее водою. Она очень рада, что не послѣдовала за нимъ.

— Начальникъ имѣлъ доброе намѣреніе, возразила Роза, и Канонда должна бы была послушаться его.

— Какъ! А еслибъ нико разсѣкъ голову Канонды томагаукомъ, такъ она пошла бы въ адъ, къ злымъ бѣлымъ, которыхъ убили ея братья, и должна бы была выть и скрежетать зубами? Нѣтъ, никогда!

— Богъ принялъ бы Канонду въ сонмъ своихъ ангеловъ и сдѣлалъ бы ее вѣчно-блаженною за то, что она спасла брата.

— Ангель! Канонда не хочетъ быть бѣлымъ ангеломъ за то, что выпустила въ свой вигвакъ шпиона. Она не хочетъ быть бѣлымъ ангеломъ. Канонда не могла бы веселиться между бѣлыми ангелами, которые убиваютъ и изгоняютъ ея братьевъ.

— Но въ вѣчной жизни бѣлые и красные не будутъ другъ друга убивать, —они будутъ вѣчно веселы и счастливы.

— Видишь ли, что Канонда права, а бѣдный начальникъ ошибается. Бѣлые и красные люди будутъ радоваться на свои дѣла, совершенныя ими здѣсь, и за которыя Великій Духъ перенесетъ ихъ въ луга. Но они будутъ радоваться не вмѣстѣ. Нѣтъ! Канонда никогда этому не повѣритъ! Какъ! чтобъ Великій Духъ, давшій Инкианамъ бѣлую кожу, а Окони красную, поселившій ихъ за соленымъ озеромъ, а насъ у большой рѣки, отдѣлившій ихъ другъ отъ друга соленою водою и высокими горами, чтобъ онъ свелъ ихъ, встрѣчающихся на тропинкѣ войны, въ одинъ лугъ? Чтобъ ли бѣлыхъ и красныхъ не было отдѣльныхъ луговъ? Никогда! Бѣлые и красные не забыли бы своей вражды и пронзили бы другъ друга взорами, какъ дикая кошка и степной волкъ. Канонда рада,

кто не послушалась наущений. Она можетъ быть счастлива только тогда, когда попадетъ въ зеленые луга Великаго Духа, гдѣ светитъ вѣчное солнце и гдѣ гуляютъ ея предки: они примутъ Капонду какъ добрую сестру.

Она быстро ходила взадъ и впередъ по комнатѣ.

И въ этомъ отношеніи была она чистою Индіанкой, хранившею преданія своего рода. Роза же, воспитывавшаяся съ нею вмѣстѣ съдѣлалась смиренною, вѣрующею душою.

Ихъ размышленія прервалъ президентскій свистъ. Обѣ бросились къ окну; но Роза тотчасъ же отскочила назадъ, а Индіанка неспешно начала прикрывать снаружи дверную занавѣсъ.

Вверху по рякъ плыла довольно-большая лодка, похожая на ту въ которой пріѣхалъ Британецъ. Въ ней сидѣли шесть гребцовъ и еще двое другихъ. Лодка пріѣхала въ бухту, гдѣ стояли индійскія лодки и судно Британца. Это послѣднее поразило, казалось одного изъ пріѣхавшихъ; онъ сообщилъ своему сосѣду какія-то замѣчанія, которыя тотъ подтверждалъ наклоненіемъ головы. Они первый вышелъ на берегъ.

Это былъ человекъ средняго роста, не очень-крупно сложенный съ загорѣлымъ, смуглымъ лицомъ и рыжими щеками, на которыхъ она оставила непріятные черные рубцы, — съ острыми, красноватыми носомъ. Огромные усы и темно-сырые сверкающіе глаза придавали ему не очень-привлекательное выраженіе. Впрочемъ, онъ какъ-будто старался держать себя какъ-можно-проще и естественно. Только иногда глаза его носматривали некоса, и губы кривились отъ злой улыбки, которой онъ не могъ подавить, не смотря на все свое усилія. На немъ были синіе брюки, сѣрый сюртукъ, застегнутый на-глухо, и шапка. Самъ онъ былъ совершенно-безоруженъ. Онъ смазалъ еще нѣсколько словъ гребцамъ и смутнику, вышедшему съ нимъ на берегъ, и пошелъ къ вигаму мико.

Совѣтъ только-что расходился; мико шелъ домой; Индійцы какъ-будто устранились отъ пріѣзжаго. Никто не встрѣтилъ его. Онъ всмотрѣлъ молча на расходящуюся толпу и, покатывая головою, вошелъ въ хищину.

— Здравствуй, другъ Токеа, сказалъ онъ, протягивая ему руку съ принужденною улыбкой. — Не правда ли, я умѣю держать слово? Прошедшей ночью я пріѣхалъ въ бухту; да, чертъ возьми, не сидѣлось; мы тотчасъ же за дѣло и проработали всю ночь и весь день. Однакожъ, пріятель, я голоденъ и сухъ, какъ дельфинъ.

Онъ говорилъ по-англійски довольно-хорошо, но съ сильными французскимъ выговоромъ.

Старикъ постукалъ по столу пальцемъ, и Капонда вышла изъ своей комнаты.

— Инди! спазалъ гость, обвивая рукою ся шею.

Но девушка молча ускользнула въ дверь. Гость былъ озадаченъ. Онъ посмотрѣлъ на старика, потомъ на дверь.

— Чтò это значить, другъ мико? Ужъ не въ немалости ли я? Прю, это было бы мнѣ жаль. Когда я шелъ по лугу, ваши шипши меля, какъ-будто я каперъ. Ты холодеешь, какъ сѣверный муръ, дочь твоя жестка, какъ мерзлый канатъ. Кетати! У вѣсь былъ гость; молодой Британецъ; вижу я, былъ у насъ.

Онъ вопрошенно взглянулъ на Индица, на лицъ котораго не мѣнялась ни одна черта.

— О комъ говоритъ братъ мой? спросилъ мико.

— О племномъ, о молодомъ человекѣ, который убивалъ, когда былъ въ морѣ.

— Молодой братъ мой ушелъ, сухо возразилъ старецъ.

— Ушелъ? Вы, можете-быть, не знали, что онъ пришелъ отъ миа? Впрочемъ, не бѣда, прибавилъ онъ равнодушно.

— Мико зналъ, что молодой братъ его бѣжалъ отъ начальника соленаго озера. Братъ мой не долженъ бы былъ братъ его въ плѣнь.

— Странно! Но развѣ мико Оконі не задержалъ бы Янки, который пришелъ подсматривать къ нему въ вигвамъ?

— А молодой братъ мой былъ Янки?

— Нѣтъ; но врагъ...

— У моего брата слишкомъ-много враговъ—Янки, войны великиа отда Канадъ.

— Ба! Вашъ не по сердцу Американцы, а мнѣ и тѣ, и другіе.

— Мико подымаетъ сѣкиру на заниту своихъ противъ бѣлыхъ ии отищеніе за пролитую кровь братьевъ. А братъ мой поднялъ сѣю томигаукъ на всѣхъ, и обкрадываетъ, какъ воръ, женщинъ и дѣтей.

Личо гостя вспыхнуло. Зубы его заскрежетали.

— Послушай, мико! ты говоришь мнѣ вещи, которыя я не легко пересариваю.

Онъ изъерзалъ мико съ ногъ до головы,—но вдругъ, опять улыбаясь, сказалъ:

— Вадор! Не сердиться мѣ изъ-за такихъ пустяковъ! Великій микетъ, чтò хочеть, и отвѣчаетъ самъ за себя.

— Когда мико Оконі подалъ начальнику соленаго озера свою руку и принялъ его какъ друга въ своемъ вигвамъ, онъ думалъ, что принимаетъ брата, объявившаго войну Индигамъ. Еслибъ онъ зналъ, что это воръ...

— Господинъ мико! прервалъ его ширатъ съ угрозою.

— То онъ не принялъ бы его какъ друга. Токаа поднялъ томигаукъ на бѣлыхъ какъ мико, а начальникъ соленаго озера сдѣ-

лалъ его разбойникомъ. Что скажетъ начальникъ Оконі, если падетъ воишу Ингиэовъ? Они повѣсятъ его на деревъ.

Смѣло-высказанная истина произвела свое впечатлѣніе на пирата. Онъ походилъ по комнатамъ и снова остановился передъ старикомъ.

— Оставимъ это, пріятель; я не считалъ, сколько скальповъ воровалъ ты съ головъ Янки, и ты не станешь со мною тягаться. Что сдѣлано, то сдѣлано. Будущность измѣнить многое. Я, съ своей стороны, совершенно рѣшился отказаться отъ буйной жизни; и отступимся и заживемъ à l'indienne и à la française. Веселье и

— Мико Оконі никогда еще не погружалъ руки своей въ кровь друзей. Онъ бѣденъ, но рука его никогда не брала чужаго. Отъ него взглянуть на него съ высоты съ прискорбіемъ, если онъ заключитъ дружбу съ воромъ; Великій Духъ въ негодованіи отвертитъ отъ него лицо свое, если онъ захочетъ обезчестить народъ свой союзомъ съ разбойникомъ.

Французъ выслушалъ эти слова спокойно, нежели можно было ожидать, но вдругъ обернулся.

— Такъ ты такъ думаешь? Ты думаешь, что безъ Ласитта тебѣ будетъ лучше? Возражать не стану. Только жаль, что не зналъ этого прежде: я избавилъ бы себя отъ труда слушать твои грубости, а тебя—говорить ихъ. Adieu, monsieur Miko!

— Братъ мой, сказалъ Индіецъ, вдругъ вставая: — голоденъ. Онъ долженъ поѣсть. Канонда приготовила ему его любимое кушанье.

— А потомъ Ласиттъ можетъ искать другаго убѣжища?

— Брату моему рады въ вигвамѣ мико. Рука мико не закрывается, открывшись однажды.

— Это дѣло другое; а я думалъ, что старый другъ мой заразился отъ Англичанина сплиномъ. Надѣюсь, это пройдетъ. Между тѣмъ, посмотримъ, что дѣлаютъ дамы.

Онъ подошелъ къ занавѣсу, хотѣлъ открыть его, но не могъ.

— Не позволено? спросилъ онъ старика.

— Братъ мой долженъ искать себѣ другой женщины. Ромъ и пойдетъ въ его вигвамъ.

Въ комнатахъ раздавался странный звукъ, что-то въ родѣ радостнаго восклицанія; но вскорѣ за тѣмъ послышался шопотъ, какъ-будто шопотъ молитвы.

Пиратъ былъ озадаченъ.

— Не хочешь вступать въ союзъ; запираешь передъ носомъ дверь, пробормоталъ онъ. — Eh bien, nous verrons!

Съ этими словами, онъ вышелъ изъ хижины.

Старикъ спокойно остался на своемъ мѣстѣ.

— Вы не противъ, сказалъ пиратъ, выглядывая въ дверь: — есл

а распоряжусь своею лодкою какъ мнѣ угодно? Легко можетъ случиться, что во время моего отсутствія ко мнѣ пожалуютъ незваные гости.

— Если начальникъ соленого озера на дорогѣ войны, онъ съумѣетъ встрѣтить своихъ враговъ.

— Удиво сказано!

— Братъ мой голоденъ, сказалъ нико, указывая на вошедшую къ нему дочь.

— Прийду; сперва служба.

Съ этими словами, пошелъ онъ къ берегу, гдѣ прохаживался его товарищъ, маленькій приземистый человѣчекъ, на смугломъ, оливковомъ лицѣ котораго, обросшемъ огромною черною бородою, можно было различить только багровый бардольфскій носъ.

— Лейтенантъ! сказалъ пришедшій.

— Капитанъ?

— Ничего не случилось?

— Ничего, такъ-что я даже усомнился бы, что мы въ вигвамѣ нико, еслибъ не ручались глаза мои. Что это значить, капитанъ? Назовите.

— Я самъ хотѣлъ васъ объ этомъ спросить.

— Бывало, при нашемъ прибытїи подымается веселая ярмарка; сегодня не видно ни души. Женщины и дѣвушки какъ-будто хотѣли подойти, да мужья ихъ удержали.

— Сколько у васъ народа на Сабинскомъ-Озерѣ?

— Тридцать; остальные окончатъ свое дѣло завтра.

— Джаккомо и Жоржъ отвезутъ имъ приказаніе отплыть вверхъ по рѣкѣ. Двое останутся и дождутся ночнаго транспорта, съ которымъ тотчасъ переправятся черезъ Сабину. Экипажъ прїдетъ съ мушкетами, штыками и пистолетами и будетъ ждать дальнѣйшихъ приказаній, спрятавшись на поворотѣ, за двѣ мили ниже вигвама. Смотрите не на рѣку, а на меня.

— Слушаю, капитанъ.

— Молодой Британецъ былъ здѣсь.

— Вижу, капитанъ.

— И старикъ пустилъ его.

— Вы то же сдѣлали съ его товарищами. Я этого не сдѣлалъ бы.

— Мосѣ Клоранъ не сдѣлалъ бы многого. Не посолить же было всѣхъ вятерыхъ. Что же было съ ними дѣлать, наконецъ? Только этотъ негодяй надѣлалъ путаницы.

— Извините, капитанъ, — случилось еще что-нибудь?

— Ничего особеннаго; старику надоѣлъ нашъ союзъ.

— Да и нѣтъ въ немъ надобности; можно дать нашимъ потѣшиться.

Капитанъ преслѣдательно взглянулъ на него.

— Такъ месьё Клоранъ думаетъ, что я за этимъ зову своихъ людей? За этотъ часокъ мы заплатились бы по-истинѣ дорого, лейтенантъ! Я ненaймику безразсудныя промазы. Остальное вы узнаете.

Поклонъ лейтенанта доказалъ, что капитанъ даже и съ ближайшими подчиненными не былъ за-панібрата. Офицеръ обратился къ гребцамъ и передалъ имъ приказанію. Черезъ нѣсколько секундъ лодка полетѣла внизъ по рѣкѣ.

— Теперь перекусимъ. Прикажете принесть вина, лейтенантъ.

Матросъ вынесъ нѣсколько бутылокъ и пошелъ за начальникомъ къ великимъ микю.

— Не подавайте вида, лейтенантъ, говорилъ капитанъ: — Будетъ какъ-можно-непринужденнѣе, даже насмѣшливы. Надо же дожидаться, что собственно на умѣ у этого старичишки.

Оба вошли въ комнату и сѣли за столъ; на немъ стоялъ рогъ бнѣз изъ буйвола, которымъ не пренебрѣтъ бы и король.

— Надѣюсь, вы не откажетесь чокнутьса? сказала пиратъ микю наливая три стакана.

— Токеа не хочется пить, отвѣчалъ старикъ.

— Ну, такъ рому; лейтенантъ, прикажете принести бутылку.

— Токеа не хочется пить, сказала микю громче.

— Какъ угодно. Не странно ли, продолжалъ онъ, обращаясь къ товарищу: — что весь сокъ и вся сила породы сосредоточилась въ этихъ горбатыхъ выродкахъ? Если у Индійцевъ по-ту-сторону луговъ есть такіе буйволы; право, я готовъ сдѣлаться дикаремъ. Это блаженство все-таки несущественнѣе тонкихъ поповскихъ выдумокъ.

Лейтенантъ захохоталъ. Микю сидѣлъ склонивъ голову на руки.

— Кушайте, лейтенантъ, говорилъ пиратъ: — такихъ лакомыхъ кусочковъ немного уже намъ достанется. Великій Духъ отаратитъ отъ насъ лицо свое, если мы пренебрежемъ его дарамъ. Но другъ нашъ микю, прибавилъ онъ, обращаясь къ нему: — не откажется выпить за здоровье гостя; иначе онъ уѣдетъ сегодня же ночью. Онъ любитъ немножко гордости; но слайшкомъ-много — нездорово.

— Братъ мой, сказалъ микю: — добро пожаловать! Токеа никогда не подымалъ своего томагаука на челоуэка, котораго прини́тъ въ своемъ вигвамѣ, и не считалъ, сколько солища онъ въ немъ пробылъ.

— Я уверяю; сказалъ капитанъ: — что Токеа мой другъ, и если чей-нибудь злой языкъ посылалъ клеветы на трюиникъ, лежащее между нами, то мудрый микю переизгнеть черезъ нихъ.

— Окони́ шужья и вбины; они слушаютъ слова микю, но руки ихъ свободны.

— Знаю, у васъ родъ республики, въ которой вы родъ наслад

стеснаго консула. Завтра поговоримъ объ этомъ дѣлѣ обстоятельнѣе. Чапкемся же! Союзъ и дружба!

— Рука мико открыта и не закроется, сказалъ старикъ. — Но голло Окониэвъ долженъ быть выслушанъ.

— Начальникъ соленаго озера положить нинъ въ руку кое-что, изъ-этого слова его зазвучать въ ихъ ушахъ какъ музыка, сказалъ шратъ. — Я привезъ съ собою прекрасныя вещи для мужчинъ, женщинъ и дѣвушекъ; кое-что и для васъ; вы будете въ немъ настоящій нинго, хотъ влюбиться!

Лейтенантъ ушелъ, и настала ночь. Выходилъ мѣсяцъ; старикъ всталъ и молча вышелъ съ своимъ гостемъ за двери.

— Братъ мой, сказалъ онъ: — уже не молодъ, но языкъ его по-шумитве языка дѣвочки, въ первый разъ надѣвшей на шею бусы. У ндего брата доволно враговъ; нѣ для чего ему дѣлать себя врагомъ еще и Великаго Духа.

— Чтѣ касается до этого, съ нимъ мы ужъ справились.

— Братъ мой долго обманывалъ глаза мико, но Великій Духъ открывалъ ихъ, чтобъ предохранить народъ его отъ того, кто смѣется надъ нимъ и надъ костями отцовъ его. Смотри, сказалъ онъ, указывая на мѣсяцъ: — это великое свѣтило освѣщаетъ берега Натчеса и вигвамы бѣлыхъ; его не сдѣлалъ ни начальникъ соленаго озера, ни мико Окониэвъ: его зажегъ Великій Духъ. Здѣсь, — онъ указалъ на волнующееся поле пальметтъ, — шумитъ дыханіе предковъ мико. Въ лѣсахъ, гдѣ онъ родился, реветъ оно бурю. И то и другое — дыханіе Великаго Духа, — вѣтеръ, влагаемый имъ въ уста нашихъ праотцевъ, его вѣстниковъ. Великій Духъ создалъ кожу Токеа красною, а кожу враговъ его бѣлою; онъ далъ имъ два языка, и они не понимаютъ другъ друга. Но Великій Духъ наказываетъ ихъ и внемлетъ просьбамъ бѣлыхъ и красныхъ. Они шепчутъ различными языками, какъ шепчетъ здѣсь нашъ тростникъ и трещитъ нашъ дубъ на родинѣ Токеа... Слушай! Мико Окониэвъ читалъ вашу книгу жизни, выучилъ ваши буквы, когда былъ уже въ лѣтахъ; онъ видѣлъ, что лукавство бѣлыхъ проистекаетъ изъ ихъ мертвыхъ друзей. И эта книга говоритъ те же, чтѣ сказали его предки, — что есть Великій Духъ, великій отецъ... Слушай дальше: мико былъ посланъ своимъ народомъ къ великому отцу блага народа, и когда онъ пришелъ съ другими начальниками въ деревни, гдѣ бѣлые поклоняются Великому Духу въ вигвамахъ собрании, онъ нашелъ ихъ очень-добрыми, и они приняли его съ его шутяшками какъ братьевъ. Токеа разговаривалъ съ великимъ отцомъ, — посмотри, вотъ это отъ него (онъ показалъ ему серебряную медаль съ портретомъ Вашингтона). Онъ спрашивалъ великаго отца, который былъ великимъ воиномъ, взрять ли онъ въ Ве-

великаго Духа своей книги, и тотъ сказалъ ему, что вѣрить, и что это тотъ же Великій Духъ, которому поклоняются красные. Такъ говорилъ величайшій и правосуднѣйшій отецъ, какой когда-либо былъ у бѣлыхъ... Слушай! Когда мико возвратился въ свой вигвамъ и пришелъ къ закату солнца, душа его вспомнила слова великаго отца, и онъ открылъ глаза свои. Покамѣстъ онъ видѣлъ высокіе вигвамы собранія, гдѣ бѣлые зываютъ къ Великому Духу, красныхъ людей принимали какъ братьевъ; но когда они перестали видѣть эти вигвамы и пришли въ свои лѣса, то лица бѣлыхъ стали мрачны, потому-что Великій Духъ не озарялъ ихъ. Токеа убѣдился, что люди, незывающіе къ Великому Духу, нехорошіе люди. И братъ мой смѣется Великому Духу и предкамъ своимъ въ блаженныхъ лугахъ? И онъ хочетъ быть другомъ Оконіемъ? Хочетъ быть другомъ мико, который палъ бы подъ своимъ бременемъ, еслибъ ему не кивали отцы его? Пойди! сказалъ старикъ, отворачиваясь отъ него съ омерзѣніемъ: — онъ лишилъ бы мико и народъ его послѣдней надежды!

— Доброй ночи! сказалъ пиратъ, зѣвая. — Изъ тебя вышелъ бы славный методистскій проповѣдникъ.

Онъ пошелъ къ вигваму совета, своему обыкновенному жилищу во время пребыванія у Индійцевъ.

Токеа воротился домой, покачивая головою. Все было тихо; только перекличка часовыхъ пирата свидѣтельствовала о присутствіи живыхъ существъ въ вигвамахъ.

ХV.

— Капитанъ! въ деревнѣ какое-то необыкновенное движеніе, доложилъ, входя въ хижину, лейтенантъ.

— Что такое?

— Дикіе бѣгаютъ и прыгаютъ, какъ-будто въ нихъ вселился бѣсъ. Они несутъ узлы, провіантъ, оружіе; все на ногахъ.

Пиратъ поспѣшно надѣлъ сюртукъ.

— Постарайтесь разузнать подробности. Я между-тѣмъ схожу къ старику. Если что-нибудь подозрительное, такъ вы знаете, что дѣлать.

— Слушаю, капитанъ.

— Не думалъ я, однакожь... Онъ еще вчера произнесъ мнѣ проповѣдь, которая доказывала, по-крайней-мѣрѣ, что онъ заботится о спасеніи души моей.

— Однакожь, капитанъ...

— Что такое? Говорите прямо.

— Намъ еще далеко до...

— Замю.

— Это замедленіе...

— Ищите свои причины.

— Слушаю, капитанъ.

Лейтенантъ поклонился и пошелъ къ берегу, капитанъ къ вигваму
иже. Мико сидѣлъ передъ хижинной, устремивъ глаза на рѣку. Уви-
дѣвъ впрата, онъ какъ-будто смутился и поклонился ему ласковѣе
першняго. Но старикъ становился по-видимому все безпокойнѣе.
Онъ вошелъ въ хижину и сѣли; но скоро онъ всталъ, пошелъ къ
дверямъ, и потомъ, какъ-будто вдругъ что-то вспомнивъ, опять
сѣлъ; наконецъ опять всталъ, подошелъ къ двери и протянулъ шею,
какъ-будто прислушиваясь. Вдругъ въ деревнѣ раздался радостный
крикъ сотни голосовъ. Мико быстро пошелъ къ хижинѣ совѣта.
Вся деревня была въ тревогѣ; всѣ какъ сумасшедшіе бѣжали къ
этой хижинѣ. По ту сторону Натчеса, человекъ тридцать Индѣй-
цевъ сидѣли на лошадяхъ. Многіе искали брода; но одинъ молодой
человекъ въ нетерпѣніи бросился на копь въ воду и за нимъ по-
сѣдовали всѣ тридцать.

Рѣка была передъ вигвамомъ шириною футовъ въ пять-сотъ и зна-
чительной глубины. Но смѣлые тѣдоки были, казалось, въ своей
стихи и вышли на берегъ не нарушая строя.

Пиратъ поспѣшивалъ на берегъ; онъ скрежеталъ зубами, и на лицѣ
его видна была страшная ярость.

— Только бы десять добрыхъ штуцеровъ, сказалъ онъ лейте-
нанту.

— Извините, капитанъ! Это не Окони; это Куманчи,—просто чер-
ти. Я знаю ихъ еще съ мексиканскаго похода.

Отрядъ достигъ бухты, гдѣ стояли лодки. Передовой подошелъ
и нѣсколько шаговъ къ Окониамъ, ждавшимъ передъ хижинною со-
вѣта. Мико вышелъ изъ нихъ среды и протянулъ ладонь.

— Великій начальникъ сильныхъ Куманчи и Павнѣвъ тойакса-
во племени, сказалъ онъ:—добро пожаловать!

Молодой Индѣецъ, къ которому относилось привѣтствіе, выслу-
шалъ его внимательно, съ наклоненною головою. Онъ соскочилъ
съ лошади и тоже протянулъ мико ладонь. Подошедъ ближе, онъ
поклонился и положилъ его руку себѣ на голову.

Ничто не могло отличаться отъ сухой фигуры старика рывче
вѣтшаго юноши, начальника Куманчи. Овальная голова его бы-
ла украшена уборомъ изъ перьевъ и мѣха. Высокій лобъ и цвѣту-
щее лицо блѣдно-мѣднаго цвѣта презирали, казалось, дикую кра-
су его товарищей. Выразительные черные глаза и римскій носъ
гармонировали съ мужественнымъ станомъ.

Грудь его была закрыта камзоломъ изъ голубыхъ лншцъ, а спиной висѣла кожа барса, съ вызолоченными на плечахъ пряжками. За поясомъ былъ кинжалъ съ рукояткою изъ кованаго золота; короткій штуцеръ и копье, длиною въ девять футовъ, привязаннымъ къ нему конскимъ хвостомъ, составляли чрезвычайное-красивое вооруженіе.

Когда молодой начальникъ соскочилъ съ лошади, одинъ изъ его спутниковъ поймалъ коня его. Красивое животное также было покрыто барсовою кожею, съ золотыми аграфами по четыремъ концамъ. Сѣдла на немъ не было; но по обѣимъ сторонамъ висѣли на ремняхъ подпорки для копья и штуцера.

Четыре другіе воина были одѣты и вооружены подобно начальнику. Волосы ихъ были расчесаны по обѣимъ сторонамъ лба, на оливково-мѣднаго цвѣта. На шеяхъ коней ихъ висѣли *лассо*, отличное оружіе, которымъ мексиканскіе всадники на всемъ скаку ловятъ непріятелей, буйволовъ и коней, ловко набрасывая имъ голову пѣтяю.

Остальный отрядъ состоялъ изъ Павніевъ. На бритыхъ головахъ ихъ былъ только тщательно-заплетенный чубъ; на плечахъ висѣла красная кожа буйволовъ, шерстью внутрь. Мѣсто сѣдла занимала также кожа буйвода. На ногахъ мокасины изъ оленьихъ шкуръ. Половина отряда была вооружена мушкетами и штуцерами, но всѣхъ были конья, ножи и томагауки. Это былъ народъ дюжихъ Окониъ были передъ ними какъ дѣти.

— Добра пожаловать, братъ мой! повторилъ мико.—Обдумалъ великій Эль-Соль слова, которыя Токеа прислалъ ему съ своимъ вѣстникомъ?

— Онъ принесъ съ собою открытыя уши и сердце, отвѣчалъ юноша.— Для одного ли Эль-Соля рѣчь мико, или могутъ услышать ее и Куманчи и Павніи?

— Начальники и воины Куманчи и Павніевъ друзья въ вигвамъ совета Окониевъ.

Четыре Куманчи и четыре Павніи сошли съ лошадей и пошли съ своими начальниками къ вигваму. Когда они вошли, прочіе сошли съ лошадей и стали полукругомъ.

Ближе къ вигваму стояли Окони; дальше ихъ молодые люди. За ними женщины, дѣвушки и дѣти. Около вигвама образовался лагерь.

Четыре морекіе разбойника лежали на берегу. Капитанъ и лейтенантъ прохаживались, не обращая, по-видимому, особеннаго вниманія на Индійцевъ.

Черезъ часъ, Токеа вышелъ изъ совета и скорѣе обыкновеннаго пошелъ къ берегу. Пиратъ, увидѣвъ его, остановился.

— Начальникъ красныхъ людей, сказалъ мико: — вошли для со-
вѣщанія въ жилище, которое Токеа уступилъ своему брату. Хо-
четъ ли начальникъ соленого озера выслушать ихъ рѣчь?

Кивнувъ головою, и оба отправились къ хижинѣ. Эдвѣсь
они мича указалъ ему мѣсто. Долго все молчали. Наконецъ, онъ
сказалъ:

— Начальникъ соленого озера! Два раза сбросили деревья свои
лѣта, и два раза снова одѣлъ ихъ Великій Духъ съ-тѣхъ-портъ,
плѣ Токеа и народъ его охотились для Лафитта, и женщины ихъ
ли него съяли и пахали.

— За это заплачено; не угодно ли къ дѣлу? сказалъ пиратъ.

Индійцы сидѣли неподвижно. Эль-Соль посмотрѣлъ на него съ
любопытствомъ.

— Мико Окониѣвъ, продолжалъ старикъ: — не можете дольше
ототѣться для Лафитта и его народа. Красные люди и люди со-
леного озера должны разойтись по разнымъ дорогамъ.

— Другими словами, сказалъ пиратъ: — ты отказываешься отъ
союза и братства съ Лафиттомъ. Можно ли узнать причину?

— Смотри! сказалъ мико, вставая и показывая сквозъ окно на
щипчато-бушажное дерево, осѣнявшее хижину. — Это дерево показа-
лось изъ земли семь лѣтъ тому назадъ. Оно было такъ слабо и въ-
явно, что птица могла бы вырвать его клювомъ изъ земли, въ кото-
рую втеръ забросилъ сѣмя; но сѣмя выросло и сдѣлалось большимъ,
и десять красныхъ человекъ не вырвутъ его: оно задавило бы ихъ.
Начальникъ соленого озера никогда не сдѣлается охотникомъ на
лугахъ; онъ любитъ протягивать руку за чужимъ; жажда его къ
чужому добру стала сильна, какъ стволъ этого дерева, и подавить
ее остальное. Онъ никогда не научится довольствоваться малымъ.
Мико говоритъ то, что говорятъ друзья и враги Лафитта. Смотри,
сказалъ онъ, доставая изъ-за пояса прокламацію: — отецъ бѣлыхъ
оцѣнилъ его скальпъ во много долларовъ. Онъ называетъ его во-
ромъ.

Пиратъ слушалъ равнодушно.

— Такъ этотъ-то презрѣнный кусокъ бумаги причиною твоего
отступничества? Эти жалкіе пятьсотъ долларовъ? Хочешь ты за-
работать ихъ? Вотъ тебѣ тысяча, — десять тысячъ.

Индеецъ, казалось, оскорбился.

— Лафиттъ, отвѣчалъ онъ: — въ вигвамъ мико, и можетъ спать
безопасно. Окони бѣдны; богатство ихъ — огнестрѣльное оружіе и
стрѣлы, съ которыми они охотятся за буйволами и оленями. Бо-
гатства Лафитта имъ не нужно. И онъ немного найдетъ у нихъ.
Пути ихъ должны быть различны.

— Я почталъ Токеа мужемъ, сказалъ пиратъ, съ трудомъ ври-

творяясь равнодушнымъ.—Я думалъ, что онъ храбрый пиратъ, торый не забылъ оскорбленій бѣлыхъ; вижу — я ошибся. Изъ куска бумаги онъ готовъ выдать стараго пріятеля. Онъ не мужчина!

Огонь сверкнулъ въ глазахъ взошедшаго старика. Но онъ спокойно открылъ грудь и показалъ слѣды штыковъ и сабель бѣлыхъ.

— Токеа, сказалъ онъ:—нанесъ и получилъ больше ранъ, нежели сколько пальцевъ на рукахъ и ногахъ у начальника соленого озера. Онъ смѣется словамъ Лафитта.

— Такъ чего же боишься ты прокламаціи, которая не можетъ тебя повредить? Что намъ здѣсь въ Мехико до губернатора Дузіаны съ его Янки?

— Въ Мехико? повторилъ мико. — Какъ это?

— Мы въ мексиканской провинціи Техасѣ, сказалъ пиратъ.

Старикъ, живя на берегахъ Натчеса, думалъ, что онъ самъ владѣніяхъ великаго отца Янки, и заблужденіе это преслѣдова его день и ночь, какъ злой сонъ. Пиратъ зналъ, какъ мучила эта мысль; но онъ тамъ отъ него это открытіе, вѣроятно, что тѣмъ лучше держать его въ рукахъ. И теперь онъ, казалось, въ сказалъ новость, только чтобъ отвратить его отъ союза съ Куманч

Старикъ вздохнулъ глубоко, какъ-будто освобожденъ отъ тяжести.

— Такъ мико Оконіи живетъ не на землѣ, которую великій отецъ бѣлыхъ присвоиваетъ своимъ?

— Конечно, нѣтъ. Я могу показать вамъ карту.

Индіецъ снова погрузился въ размышленіе. Эта новость была для него радостною вѣстью. Но въ настоящемъ случаѣ она оказалась: переговоры зашли уже такъ далеко, что мико не могъ ступить. Даже задумчивость его показалась странною, и молодой начальникъ привелъ его въ прежнее холодно-спокойное состояніе.

— Рука Великаго Духа, сказалъ онъ: — тяготеетъ надъ нами. Онъ омрачилъ лицо свое; храбрые убиты, кости ихъ сохнутъ непогребенныя. Кровь ихъ пролилась рѣками. Пора зарыть томауки, или дѣти красныхъ людей исчезнуть съ земли. У нихъ много враговъ, и они не должны умножать ихъ, — они не должны скрѣплять цѣпи союза между собою и людьми соленого озера.

Пиратъ слушалъ внимательно, потомъ сказалъ:

— А если я могу доказать вамъ, что эти самые враги...

Онъ остановился, помолчалъ съ минуту и потомъ продолжалъ:

— Токеа! Я пришелъ предложить вамъ свое братство, общность всего, что у меня есть, что стоило мнѣ многолѣтнихъ трудовъ Лафитта, ужасъ морей между Америкой и Европой, повелѣтел Мексиканскаго-Залива, предлагаетъ вамъ дружбу и братство. Онъ

не проситъ, а даетъ ее, какъ милость. Не его въ этомъ выгода, а ваша. Жалкія, презрѣнныя существа! Лафиттъ удостоиваетъ васъ своей дружбы. Онъ будетъ защищать васъ; ни одинъ Янка не посмѣетъ изъ коснуться. Онъ клянется въ этомъ. Это его послѣднее предложеніе.

Сынъ и благородство его выраженія сдѣлали бы честь лучшему пиратеру. Индійцы взглянули на него съ изумленіемъ.

— Мико, сказалъ старикъ съ прежнимъ спокойствіемъ: — ушелъ изъ рѣки своихъ отцовъ, потому-что въ ней поселились измѣнники бѣлыя. Душа его стремится къ народу его цвѣта; бѣлые надошли ему. Но мико бѣжалъ отъ бѣлыхъ не за тѣмъ, чтобъ принять въ грудь свою худшихъ изъ нихъ. Цѣпь, приковывавшая Оконіевъ къ бѣлымъ, должна быть порвана, какъ только начальникъ уйдетъ изъ вигвама красныхъ людей.

— Хорошо, сказалъ пиратъ. — Я жду, по вашему обѣщанію, чтобъ Роза была мнѣ выдана, какъ моя. Я требую ее, какъ свою собственность.

— Токеа общалъ бѣлую Розу начальнику соленого озера, другу Оконіевъ, врагу Янки... воину; но онъ не общалъ ее вору и разбойнику. Мико общалъ ему, если онъ переселится въ его вигвамъ: вигвамъ для него закрытъ, и онъ долженъ искать другой женщины.

Душевая усмѣшка играла на устахъ пирата. Онъ ядовито посмотрѣлъ на говорившаго и быстро вышелъ. Остальные едва подняли головы. Молча просидѣли они еще нѣсколько времени и потомъ встали и разошлись.

XVI.

Былъ полдень, когда начальники вышли изъ вигвама совѣта, чтобъ устроить подъ чистымъ небомъ большое засѣданіе.

Взростенные начальники и всѣ воины образовали два полукруга: старшіе внутренней, младшіе наружной. Всѣ смирно ожидали прибытія главныхъ лицъ.

Место къ сторонѣ вигвама, какъ почетное, было предоставлено Цѣпкамъ, сидѣвшимъ рядомъ, — знакъ, что всѣ они испытанные воины. Когда начальники вышли изъ хижины, всѣ встали и пропустили въ средину, гдѣ они образовали третій маленькій полукругъ, въ срединѣ котораго сѣли Токеа и Эль-Соль.

Одинъ изъ старѣйшихъ Оконіи втораго ряда принесъ калюметъ. Онъ подошелъ къ начальникамъ, втянулъ дымя, и выпустилъ пер-

вое облако вверхъ, Великому Духу, второе внизъ — матери вошла и третье прямо къ своимъ товарищамъ, изъясняя имъ ятннъ ся доброе расположеніе. Потомъ онъ передалъ трубку Эль-Солю, и тотъ также выпустилъ три облака и передалъ ее дальше. Когда трубка обошла три раза, въ честь трехъ соединившихся племенъ Токеа всталъ, и началъ свою рѣчь.

Въ ней не было ничего новаго или интереснаго для нашихъ ч тателей. Каждое слово его дышало ненавистью. Онъ подробно описалъ хитрости бѣлыхъ, заставившія его навсегда оставить землю отцовъ своихъ и переселиться сюда. Сколько умонауль онъ срюзъ своемъ съ пиратомъ и о прокламаціи великаго отца, въ слѣ ствіе которой онъ не можетъ оставаться съ своимъ народомъ у рѣ ки, ключъ къ которой въ рукахъ начальника соленнаго озера, вл дителя большихъ лодокъ. Потомъ онъ перешелъ къ исторіи осв божденія Канонды изъ плѣна и объявилъ собранію, что велики начальникъ двухъ народовъ хочетъ сдѣлаться сыномъ начальника третьяго народа, отрасли миковъ Оконі, и что эти три народ сольются въ одинъ.

— Пора, заключилъ онъ: — соенуть онять кольцо, разорванно слѣзототю между красными; пора созвать детей большой красно семьи, бывшихъ до-сихъ-поръ далеко-разсѣянными. Великій Дух сказался въ поступкѣ сильнаго начальника Куманчи и Павлинъ онъ снова соединилъ порванную цѣнь. Мико схватилъ кольцо никогда не разорветъ его. Руки Токеа начинаютъ кростенѣть, ног его слабѣть; онъ искалъ вокругъ себя отрасли, и искалъ напрасно теперь Великій Духъ посылаетъ ему отрасль въ освободителя от дочери. Кровь мико не исчезнетъ съ лица земли; она потечетъ въ сынахъ Эль-Соля, соединеннаго съ кровью великаго Куманчи. Онъ будетъ сыномъ мико, отцомъ Оконіевъ, ихъ начальникъ, воишь братъ Оконі,—вотъ сынъ вашего мико!

Молодой человекъ всталъ въ свою очередь, поклонился мико и сдвинулъ:

— Прошло много лѣтъ, и Эль-Соль не видѣлъ еще дневнаго свѣтила, созданнаго Великимъ Духомъ, чтобъ оно свѣтило двумъ великимъ отцамъ красныхъ, когда они переплывали на своихъ лодкахъ большое соленое озеро, съ-тѣхъ-поръ, какъ юноши Павлинъ перешли черезъ высокія горы, отдалявшія ихъ отъ луговъ красныхъ людей въ обширной странѣ Мехико. Тогда они выстроили себѣ хижины и сказали: останемся здѣсь, потому-что здѣсь много буйволовъ и оленей. Когда они охотились уже десять лѣтъ, красные люди Мехико нашли ихъ слѣды, и пришли съ мрачными лицами, съ ружьями, на быстрыхъ коняхъ. Павлинъ — воины; они не обратили тыла передъ неприятелемъ. Раздался воен-

нѣй крикъ, и двое изъ мексиканскихъ воиновъ были убиты; другіе бѣжали на быстрыхъ коняхъ. Отъ одного изъ умирающихъ Павлин узнали, что это храбрые великаго народа Куманчи. Павлин вскричалъ въ свои вигвамы за горы съ скальпами убитыхъ. Была была радость Павлиновъ, когда молодые люди пришли къ мильникамъ и показали имъ скальпы съ сильныхъ враговъ, и провозгласило было ихъ торжество; Эттова, величайшій изъ начальниковъ, возвысилъ свой голосъ и всѣ умолкли. — «Воины Павлиновъ!» кричалъ онъ: «вы сняли два скальпа съ головъ сильнѣйшаго изъ кривыхъ народовъ, живущихъ между восходомъ и закатомъ солнца. Воины ихъ многочисленнѣе буйволовъ, кони ихъ быстрее молніи, ищеніе ихъ убійственнѣе жала змѣи. Они скоро перейдутъ чрезъ горы, и кости Павлиновъ заблѣдаютъ на землѣ, вигвамы ихъ мумлаютъ, скальпы будутъ сняты съ ихъ головъ и высушены въ дыму ихъ горящихъ хижинъ. Воины Павлиновъ! Глазъ Ваководы смотреть на васъ угрозою, сыны ваши ходили туда, гдѣ не должно бы быть ихъ слѣдамъ; они подняли военный крикъ на неправой дорогѣ. Они перешли за горы, воздвигнутыя самимъ Ваководою, какъ граница между обоими народами. Воины Павлиновъ! Вы должны выпрямить то, что ваши юноши искривили. Вы должны исправить ищеніе великакъ Куманчи, потому-что вы поступили несправедливо. Лучше умереть десятерымъ, нежели цѣлому племю.

Такъ говорилъ великій Эттова. Громко завопили Павлин, услышавъ рѣчь величайшаго своего начальника; но они не выжидали его словъ, и ни одно изъ нихъ не пало на землѣ, ибо великій начальникъ говорилъ правду.

Начальники и воины собрались въ совѣтъ, и скоро вигвамъ услышалъ пѣснь смерти изъ кружка воиновъ и молодыхъ людей. То была пѣснь смерти Блакигя (Чернаго-Орла), единственнаго сына Эттова, подперы его старости. Великій Эттова видѣлъ молодого воина, уши его слышали пѣснь смерти, излетающую изъ устъ его, но онъ не вздыхалъ и не печалился: душа его была исполнена радости. Съ девяти языковъ раздавался еще пѣснь смерти, и десять воиновъ Павлиновъ оставили свой вигвамъ, сами по себѣ расплакивая пѣснь. Они перенравились за горы и повхали въ вигвамы Куманчи.

«Куманчи—могущественный... еще болѣе,—они великодушный и храбрый народъ; они имѣютъ и гордость краснаго племени. «Да сражится Великій Духъ!» сказали они: «чтобъ мы убилъ тѣхъ, кто пришелъ къ намъ съ миромъ; братьямъ нашимъ нечего бояться.

«Но у двухъ отновъ нашихъ воиновъ нѣтъ сыновей; двое изъ нашихъ молодыхъ людей должны быть ихъ сыновьями; прочіе

могут возвратиться въ свои вигвамы. Блакигль былъ одинъ изъ выбранныхъ ими въ сыновья Куманчѣвъ.

«Блакигль видѣлъ неполныя еще двадцать лѣтъ; но онъ ужъ три раза былъ на тропинкѣ войны противъ Озаговъ и умѣлъ убить врага и укротить дикую лошадь. Куманчи любили его, и дочерихъ съ любовью поглядывали на великаго охотника. Но въ душѣ его было пусто, мысли его были у отца — у народа его, у его братьевъ.

«Онъ любилъ охоту за буйволами и дикими лошадьми.

«Однажды, лѣтя по безконечнымъ лугамъ Куманчи, увидѣлъ онъ лошадь бѣлье снѣга, несшуюся быстрее оленя по равнинѣ. Душа его желала цвѣта дикихъ лошадей, но конь мелькнулъ передъ нимъ какъ молнія. Два солнца бѣжалъ онъ по его слѣдамъ все на полдень и на полдень; наконецъ онъ нашелъ его на лугахъ великаго начальника Куманчи, жившаго къ сторонѣ жаркаго солнца. Онъ бросилъ свой лассо, и конь былъ пойманъ; тогда растворилась дверь вигвама начальника и вышла его дочь. Лошадь принадлежала ей.

«Блакигль посмотрѣлъ въ глаза Кору, и лассо выпалъ у него изъ рукъ; дочь великаго начальника Куманчи была прекрасна, какъ восходящее солнце. Бѣлый конь прыгнулъ къ двушкѣ, и она вскочила ему на спину.

— «Братъ мой, сказала она: — усталъ, и Кора отведетъ его въ домъ своего отца, чтобъ члены его могли отдохнуть; онъ голоденъ, и она его накормитъ; ему хочется пить и она дастъ ему сока пальмы; ему хочется спать, и она постелетъ ему мягкое ложе. Пойдемъ, братъ мой!

«Блакигль пересталъ грустить по вигваму Павлинѣвъ; Кора была возлѣ него, когда онъ поймалъ бѣлую лошадь, и глазъ его видѣлъ бѣлаго бѣгуна, когда онъ летѣлъ на охотничье поле.

— «Ты,—шептала дочь великаго начальника: — ты мнѣ дороже свѣта глазъ мѣхъ; дыханіе твое мнѣ слаще утренняго вѣтра, пѣсней птицъ. Проси у Эль-Соля Кору, онъ дастъ тебѣ свою дочь.

«Эль-Соль видѣлъ подвиги Блакигля на охотѣ, и душа его была съ нимъ.

— «Блакигль! сказалъ онъ:—дочь моя смотреть на тебя, Павлинѣ, ласковыми глазами; но отецъ не можетъ отдать радость своего сердца молодому брату, который не убилъ еще ни одного врага его народа. Мои войны скоро пойдутъ на войну противъ бѣлыхъ людей Мехики. Молодой братъ мой долженъ пойти съ ними. Если онъ возвратится съ знакомъ победы, Эль-Соль прійметъ его какъ сына.

«Блакигль выслушалъ рѣчь начальника, и душа его возрадова-

онъ. Онъ пошелъ на войну и привелъ съ собою двухъ начальниковъ, людей Мехики, и сдѣлался сыномъ великаго Эль-Соля, и жилъ въ большомъ вигвамѣ своего отца.

«Онъ сдѣлался отцомъ и матерью Эль-Соля, начальника Куманчи и Павнiевъ.

«Листья на пальмахъ» продолжалъ онъ: «обмѣнялись только разъ, тогда великій духъ отозвалъ отца Кору въ блестящiе зеленые луга. Начальники и воины Куманчи собрались выслушать слова умирающаго Эль-Соля, ихъ величайшаго и мудрѣйшаго начальника.

— «Куманчи!» сказалъ онъ: — «Блакигль великій воинъ и будетъ великимъ предводителемъ; но голосъ нашихъ отцовъ, которому мы должны внимать, запрещаетъ ему быть начальникомъ Куманчiевъ. Однакожь кровь Кору снова будетъ Куманчiемъ. Читте же въ сынѣ Кору перваго начальника нашего народа!

«Когда начальникъ сказалъ эти слова, душа его оставила тѣло и полетѣла къ Великому Духу. Такъ Эль-Соль сдѣлался начальникомъ Куманчiевъ, когда ему было нѣсколько мѣсяцевъ.

«Блакигль возвратился въ вигвамъ Павнiевъ, и Кора и Эль-Соль пошли за нимъ. Четыре начальника Куманчiевъ провожали дочь Эль-Соля и ея сына, чтобъ охранять молодую отрасль и отвезти его домой, когда ему не нужно будетъ молоко матери.

«Блакигль сдѣлался великимъ предводителемъ Павнiевъ; онъ былъ для Озаговъ грозящимъ молнiею облакомъ, и они бѣжали впередъ нимъ.

«Прошло четырнадцать лѣтъ; начальники Куманчiевъ приходили и уходили семь разъ со стражи будущаго начальника, когда пришли бѣлые люди и сказали, что великій отецъ купилъ землю между большою рѣкою и соленымъ озеромъ заходящаго солнца, и что они пришли построить себѣ хижины на охотничьихъ поляхъ Павнiевъ. Сначала ихъ было немного, но скоро пришло больше.

«Павнiи смотрѣли на слѣды ихъ съ нахмуреннымъ лицомъ; но Блакигль заговорилъ съ ними, и они съ миромъ протянули руки бѣлымъ людямъ. Бѣлые же за то украли у нихъ лошадей и обманули ихъ на мѣхахъ. Одно лѣто Блакигль говорилъ за бѣлыхъ; но уши его народа начали закрываться для его словъ, и народъ подымалъ стѣкеры на бѣлыхъ... Плевоны быстро начали расти на тропинкѣ между обонии народами.

«Блакигль былъ на охотѣ; онъ преслѣдовалъ оленя, быстро-бѣжавшаго отъ его ружья, когда замѣтилъ толпу бѣлыхъ, вышедшихъ съ ружьями. Они посмотрѣли на гордые глаза воина, и души ихъ пожелали его крови. Онъ не успѣлъ еще ничего сказать, какъ предательская пуля пронзила его сердце, и онъ заплавалъ въ

крови своей. Бывые бьжали, и оставили начальника съ смертсакнымъ свиномъ въ груди.

«Великое небесное свѣтло зашло за землю, и Кора напрасно ждала возвращенія милого супруга. Она боязливо смотрѣла въ сумерки, прислушивалась, — уши ея были открыты, — бросалась на землю, чтобъ услышать легкіе шаги Блакигля, — напрасно! Не было слышно ничего, кромѣ воя степныхъ волковъ и рева буйволовъ. Она обняла Эль-Соля и бросилась въ темный лѣсъ.

«Когда мать и сынъ довольно-долго шли по слѣдамъ отца, услышали они смертное хрипѣніе раненнаго начальника. Блѣдный свѣтъ серебрилъ прозенную грудь великаго Блакигля. Кора упала возлѣ него. Онъ посмотрѣлъ умирающими глазами на мать и сына. «Поди» сказалъ онъ: «и позови начальниковъ и воиновъ Павлиевъ. Слова умирающаго предводителя должны слышать многіе, чтобъ вѣтры не разнесли ихъ безъ слѣда». Сынъ побѣжалъ назадъ въ вигвамъ, и крикъ его разбудилъ Павлиевъ. Они пришли съ начальниками Куманчій услышать слова умирающаго Блакигля.

«Когда они всё собрались вокругъ начальника, онъ еще разъ раскрылъ уста свои: «Пуля блага разбила грудь начальника. Онъ палъ и долженъ спать въ землю. Но душа Блакигля увидитъ лицо возсѣдающаго на облакахъ Ваконды, и молитва его будетъ молитвою Павлиа. Для Эль-Соля попроситъ онъ души великаго воина и силы буйвола. Внимайте, Павлиа, словамъ умирающаго Блакигля. Эль-Соль, по крови своей матери, величайшей начальнакъ Куманчьевъ, сильнѣйшаго народа между красными; къ нимъ долженъ съѣздить сынъ мой съ благородными Куманчи, вѣрно охранявшими его въ вигвамъ Павлиевъ. Онъ долженъ идти, какъ-только убьютъ боеваго коня на могилѣ отца его. Они примутъ его, какъ своего начальника, выучатъ его ловить дикую лошадь и враговъ, дадутъ слабымъ рукамъ его силу и ногамъ быстроту оленя. Они съдѣлаютъ его великимъ предводителемъ, смѣющимъ надъ врагами. Когда Эль-Соль проживетъ семь лѣтъ и семь зимъ въ вѣчно-зеленыхъ лугахъ Куманчи, онъ возвратится къ народу своего отца и скажетъ ему, что онъ видѣлъ, и поведетъ его на зеленые луга черезъ голубыя горы. Выслушайте, братья мои, послѣднее слово Блакигля! Павлиа великіе воины; но ихъ мало, и бывые смертсакныя враги красныхъ; души ихъ темны отъ лукавства, языки черны отъ ядовитой лжи; они всегда голодны, руки ихъ всегда протянуты къ единственному, что есть у красныхъ. Они пришли и протянули намъ свои руки какъ друзья, но души ихъ замыслили намъ вредъ; они курили трубку мира съ красными, но встрѣтили Блакигля на одинокой тропинкѣ и предательски послали ему въ сердце смертсакный свиноцъ. Дѣти мои храбры, но ихъ мало; бывыхъ

Белого; жемчужныя деревья въ лѣсу. Выслушайте послѣднія слова, братья мои! Эль-Соль первой начальникъ Куманчи; онъ скривитъ чрево, которое Блакигль связалъ оба народа, еще крѣпче. Земля Куманчійъ простирается на много солнць; изъ буйволовъ и лошадей не парятеть никакой дымы. Дети мои должны пойдти къ Эль-Солу, когда онъ черезъ семь лѣтъ веротится изъ ихъ изгненья, очистить нуть ихъ отъ терній. И братья мои должны жить за смерть Блакигля. Теперь еще не время... Барсъ крикнетъ и готовится къ скачку прежде, нежели прыгнетъ. Братья мои должны подождать, пока стануть сильны, пока соединятся съ Куманчи. Если они теперь начочатъ томагаукъ, то будутъ стерты съ лица земли; войско Павнiovъ слишкомъ—слабо, но соединенныя руки Павнiovъ и Куманчи отмстятъ за смерть Блакигла. Изъ зеленыхъ луговъ Куманчи выростетъ дерево свободы краснаго, и поля его пахучими лѣтвями соберутся они, и оно будетъ стоять какъ вѣчныя скалы, навсегда покрытая снѣгомъ. Народъ Мехики сломитъ желѣзную палку, которою бьетъ его глупый начальникъ, живущій за соленымъ озеромъ. Проидетъ немного лѣтъ, и томагаукъ будетъ навсегда погребенъ между людьми Мехики и Куманчiami. Духъ Блакигля, сынъ Куманчи, видитъ мѣстоу Глакканы снова воссвершавшую и разливавшую, какъ полушное свѣтило, лучи во далекимъ равнинамъ Мехики и Куманчи; тогда, братья мои, тогда будетъ пора поднять томагаукъ.»

«Серебряныя облака, скрывавшія блѣдное лицо почнаго свѣтила, разошлись, и когда Павни снова взглянули на Блакигля, душа его уже отлетѣла къ Великому Духу.

«Ваконда ласково улыбнулся просьбѣ Блакигля. Эль-Соль возрившись съ своею матерью и братьями, Куманчiami, къ своему народу, гдѣ слазь его впервые увидѣлъ шатеръ неба, и Куманчи обручили голову его зелетыми кольцами и цвѣтными перьями. Они показали ему зеленые луга, сдѣлавшіеся его собственностью, и мужчины и женщины, которые, какъ рабы его, повиновались ему, повелителю. Онъ пробылъ у своего народа семь лѣтъ, пока не возвратился къ Павнiamъ, чтобъ исполнить слова умирающаго отца. Онъ сдѣлалъ кольца цѣпи, соединяющей оба народа, блестящими, и очистилъ тропинку отъ терній. Деревья два раза сбросили свои листья съ-гѣхъ-поръ, какъ Эль-Соль жилъ въ вигвамѣ, гдѣ жилъ его отецъ; онъ часто открывалъ свои губы и говорилъ къ народу Павнiovъ, но сердце многихъ привязано къ волѣ, по которой плавали они въ молодости; глазъ ихъ любить видѣть могилы, гдѣ покоятся ихъ отцы. Они слушали Эль-Соля, но сердце ихъ было въ ихъ вигвамѣ и на охотничьихъ поляхъ, которыхъ они не хотѣли оставить врагамъ своимъ, Осагамъ. Но го-

дѣль Ваюнды, говорившаго устами Бланглы, должны быть услышаны, и приказанія его должны быть исполнены. Эль-Соль не долженъ дальше оставаться у Павнѣвъ. Предсмертная рѣчь отца его исполнилась, и Куманчи сдѣлались братьями людей Мехико, — владѣтелями нѣкъ обширныхъ странъ. Нѣкъ печальники и нѣкъ курятъ трубку мира съ великими воинами и мудрецами Мехико; нѣкъ войны между ними первые. Войны Оконіи! заключилъ онъ, указывая на заходящее солнце: — дорога Эль-Соля ведетъ къ заходящему свѣтлуду, поздно приходящему въ наши луга, не свѣтлудому долго!..

Слова его произвели невыразимое впечатлѣніе. Всѣ вскочили и провозгласили его своимъ предводителемъ и наследникомъ нѣкъ.

Старый нѣкъ всталъ и сказалъ: — Руки нѣкъ умны, нѣкъ чѣтъ сухаго дерева; но руки Эль-Соля сильны; ноги нѣкъ медленны, но ноги Эль-Соля быстры; старое дерево умираетъ, но оставляетъ отпрыскъ, который дастъ ему дѣтей: въ тѣни нѣкъ отдохнуть его братья. Эль-Соль будетъ для Оконіевъ добрымъ нѣкъ, когда Тотса отойдетъ къ отцамъ своимъ.

Онъ снялъ съ головы своей перону изъ перьевъ, надѣлъ ее на Эль-Соля и приветствовалъ его какъ своего наследника.

Оконіи по старинному подходить поклониться Эль-Солю и приветствовать Куманчи какъ братьевъ, и собраніе разошлось при всеобщихъ крикахъ радости.

XVII.

Заходящее солнце освѣтило радостный народъ, праздновавшій союзъ съ новыми братьями и оказавшій такое роскошное гостеприимство, какого не видывали еще въ индійскомъ вигвамѣ на ту сторону Миссисипи.

Павнѣ, неимѣшіе почти никакого понятія о ремеслахъ и хозяйствѣ, въ которыхъ Крики оказали уже довольно усиховъ въ-слѣдствіе своихъ сношеній съ Американцами, съ удивленіемъ смотрѣли на богатства братьевъ, недосыгаемыя для нихъ, занятыхъ исключительно охотою и мѣною мѣховъ. Избытокъ перстляныхъ одѣвъ, величайшей роскоши, какую они знали, роскоши мѣбель и земледѣльческія орудія приводили ихъ въ изумленіе. Гордость ихъ передъ Оконіями мало-по-малу слабѣла, и они братились съ ними, какъ съ равными.

Но всего болѣе возвысили Оконіевъ въ глазахъ ихъ гостей ихъ прекрасныя оружія — предметъ столь важный для Индіевъ, что только первые воины ихъ обладаютъ огнестрѣльнымъ оружіемъ.

Щадость пирата и джентельность жень снабдила всѣхъ ихъ ружьями, которыхъ не доставало у Павлиевъ. Все это очень сблизило оба брата.

Когда они сѣли передъ вигвамомъ собранія обѣдать, и возлѣ кнана Павлия явилась фляга огненной воды, удивленіе ихъ не вышло словъ.

Канода уже давно дѣлала запасы къ этому торжественному дню, и Павлии увидѣли сокровища, какихъ и во снѣ не думали видѣти въ вигвамѣ красныхъ.

Самъ кнано былъ веселъ; въ первый разъ во взорѣхъ его выразилась довольство безъ прищесъ уныніа. Жарчайшія желанія его были близки къ исполненію. Дочь его выходила за величайшаго изъ известныхъ ему начальниковъ; народъ его братался съ могущественнымъ племенемъ. Надежда отмстить бывшимъ воскресла. Въ первый разъ, въ продолженіи своей долгой жизни, онъ былъ счастливъ.

Индійскіе законы не позволяли до-сихъ-поръ Эль-Солю видѣти свою невесту; но теперь, когда они вошли опять въ хижину, кнано повелъ его въ комнату дочери.

Кана-галло четыре Куманча замѣтили это, какъ вошли и стали пердъ дверьми.

— Возьми ее, сказалъ старикъ:— она твоя; и да не заржавѣтъ никогда кольцо, связывающее тебя съ Токеа.

Канода подошла съ наклоненною головою, съ сложенными на груди руками.

— Канода не забыла Эль-Соль? спросилъ юноша.— Хочетъ ли она идти за нимъ въ зеленые луга Куманчи, далеко на закатъ солнца?

— Освободитель мой! повелитель мой, мое все! прошептала она, прикинувъ лицомъ къ его груди.

Долго стояли они обнявшись. Чей-то вздохъ изобличилъ присутствіе третьяго. Эль-Соль увидѣлъ на диванѣ Розу, закрывшію лицо свое. Она было-встала приветствовать его, но, замѣтивъ причину его посвященія, отошла назадъ. Она чувствовала, что присутствіе ея связжетъ жениха и невесту, хотѣла уйти, но возвратилась, напротивъ, опасаясь встрѣтиться внѣ хижины съ морскими разбойниками. Она пританцалась въ углу.

Мало-по-малу, овладевало ею другое чувство, и наконецъ, она прыгала. Канода бросилась передъ ней на колѣни и съ невыразимую важностью посмотрѣла ей въ глаза.

— Не плачь, милая Роза, сказала она:— ты пойдешь съ нами; Канода не-прежнимо будетъ тебя сестрой, Эль-Соль братомъ; онъ не закроетъ своихъ глазъ и ушей передъ слезами Розы.

Она подняла ее и подвела къ жениху. Эль-Соль взял ее за одну руку.

— Сестра Канонды будетъ и сестрою Эль-Соля; обширные дела ея будутъ ее привлекать, какъ бывшую Розу Океніевъ. Эль-Соль будетъ гордиться, что была Роза у него въ вигвамѣ.

— Благодарю тебя, братъ мой! отвѣчала она.—Хоть одна душа принимаетъ участіе въ вонзнутой Розѣ. И нико оказалъ верную услугу соленаго озера... Она остановилась.

— Воръ соленаго озера пусть ищетъ себѣ другой жены, какъ сказалъ Эль-Соль.—Бывшая Роза будетъ жить у Куманчіевъ свободно и счастливо, и въ одинъ мѣсяць можеть братьевъ не будетъ слышать на нее косо.

— Да благословить тебя Богъ, благородный Эль-Соль! отвѣчала Роза.

Она отошла, когда передъ хижинкой раздались грубые, громкіе голоса.

Мико бросился вѣчь. Передъ дверьми стоялъ врать съ обнаженною саблею, просто поглядывая на Куманчіевъ. Копье одного изъ нихъ перерублено было пополамъ. Старый начальникъ бросился между спорящихъ, и едва не былъ изрубленъ.

— Надюсь, мнѣ не прійдется спрашивать у этихъ дикарей позволенія переговорить съ вами? гордо сказалъ врать.

— Дверь въ вигвамъ открыта; но братья мои стерегли ее, поймавъ начальника вѣчь свиданіе съ дочерью мико, своею будущою женою, сказалъ старикъ умоляющимъ голосомъ.

— Мико! возразилъ врать. — Я пришелъ проститься съ вами. Вы идете другою дорогою: счастливый путь! Въ знакъ того, что я ухожу безъ злобы, пріймите вотъ это.

Онъ положилъ на столъ карабинъ и ящичекъ.

— Но братъ мой не оставитъ, конечно, вигвама, когда уже зашло солнце? Развѣ онъ не можетъ раздѣлить съ красными то, что они могутъ дать въ своей бѣдности?

— Лаэнтъ столько гордъ, что не станетъ пить изъ одной чашки съ тѣмъ, кто оттолкнулъ его руку. Мико, желаю вамъ счастья въ новомъ союзѣ. Еще разъ, прощайте!

— Постой! воскликнулъ мико.—Братъ мой долженъ взять назадъ то, что далъ бывшей Розѣ. Онъ найдетъ и золото, и кораллы и все прочее.

Онъ перешелъ въ комнатку и вышелъ обратно съ платяни и разными драгоценностями.

Пирата какъ-будто озадачила упрямая честность старика.

— Оставь у себя, сказалъ онъ:—это для меня не имѣетъ никакой цѣны.

Онъ пожатъ ему руку и поспѣшно вышелъ, не удостоивая прочь взгляда. Черезъ нѣсколько минутъ, лодка исчезла за тростниками.

Внезапный отъѣздъ пирата произвелъ непріятное впечатлѣніе на мико. За столъ сѣли молча.

Старку, очевидно, было тяжело разстаться съ живымъ Французомъ. Поведеніе его въ-отношеніи къ Индійцу заслужило его дружбу. Мико привыкъ къ ней и любилъ общество пирата. Токеа былъ человѣкъ, посвящавшій среди опасностей и недоверчивости, столь естественной въ Индійцѣ, безсильномъ противъ бѣлыхъ враговъ своихъ. Предательство, къ которому онъ не разъ принужденъ былъ прибѣгать, чтобъ отомстить сильнѣйшимъ, смущало его истинно-царскую душу; но маска, съ которою приближился къ нему Лафиттъ, такъ резко отличалась отъ высокомерной холодности Американцевъ, что онъ мало-по-малу полюбилъ его.

Пиратъ платилъ Индійцамъ за естественныя ихъ произведенія щедро и не давая чувствовать своего превосходства. Онъ какъ-будто отдыхалъ въ вигвамахъ отъ своихъ кровавыхъ подвиговъ — танцевалъ, охотился съ дикими, принималъ участіе во всѣхъ ихъ забавахъ. Старый мико часто слушалъ рассказы его за полночь. Щедрость, честность и веселость пирата совершенно плѣнили его, Рассказы Лафитта о своихъ подвигахъ были не оскорбительны, потому-что онъ никогда не былъ во враждѣ съ его племенемъ.

Естественно, пиратъ такъ глубоко вжрался въ сердце мико, что даже открытіе его настоящаго званія не могло превратить чувства старика въ холодность или презрѣніе.

Не безъ сердечной боли объявилъ онъ ему, что союзъ ихъ долженъ прекратиться, и еслибъ не Эль-Соль, то связь ихъ не прекратилась бы, вѣроятно, совершенно. Мико намекнулъ Эль-Солю о выгоде, которую можно бы извлечь изъ союза съ пиратомъ и Куманчи; но благородный Мехиканецъ отвергъ его съ такимъ презрѣніемъ, что мико замолчалъ.

— До-сихъ-поръ, сказалъ Эль-Соль: — Окони были утѣсенные, и Куманчи принимаютъ ихъ съ распростертыми руками. Руки ихъ не запачканы воровствомъ, вигвамы ихъ не наполнены наворованною добычей. Если Токеа соединится съ воромъ, Куманчи затворять передъ нимъ свои деревни. Окони стояли бы тогда, чтобъ стравить ихъ собаками, какъ хищныхъ барсовъ.

Молодой Мехиканецъ долго и со вниманіемъ смотрѣлъ на пирата, и въ присутствіи его чувствовалъ что-то непріятное.

Въ деревнѣ царствовалъ шумъ и веселье. Павніи и Окони стали для ночной пляски и начали военный танецъ своего племени.

Молодой начальник молча смотрѣлъ на своихъ товарищей и потомъ возвратился въ хижину къ мико.

— Отецъ мой мудръ, сказалъ онъ:—и глаза его видѣли много лѣтъ. Но душа вора омрачена.

— Это душа пляшущей дѣвушки, которая омрачилась, потому что у нея отняли кораллы, отвѣчалъ старикъ.

— Языкъ его—языкъ змѣи, но и вполонину не такъ ядовитъ какъ глаза; душа его бросаетъ угрожающіе взоры. Отецъ мой долженъ открыть глаза свои.

— Токеа видѣлъ его два года, и знаетъ его за дѣвушку; съ нимъ мало народа, а прочіе за четыре солнца къ соленому озеру, и Эль-Соль знаетъ, что завтра Окониі уйдутъ.

Мико не упомянулъ объ отплытіи лодки, потому ли, что считалъ это маловажнымъ, или потому-что не хотѣлъ усиливать безпокойство Эль-Соля. Старикъ твердо держался однажды-принятаго имъ мнѣнія, и ничто не могло пошатнуть въ немъ вѣры въ честность пирата. Мехиканецъ какъ-будто успокоился и замолчалъ.

Танецъ окончился, шумъ мало-по-малу затихъ, и воцарилась глубокая тишина. Мико взялъ Эль-Соля за руку и отвелъ въ комнату.

— Канонда! произнесъ онъ.

Дѣвушка стояла уже передъ нимъ съ сложенными на груди руками. Грустная улыбка играла на губахъ ея, и глаза блестя слезою. Веселость, казалось, навсегда ее оставила. Отецъ взялъ руки юноши и положилъ ихъ на плечи дочери; этотъ обрядъ передавалъ ему отцовскую власть надъ дѣвушкой. Потомъ онъ положилъ руки свои на ихъ головы и сказалъ:

— Да благословить союзъ вашъ Великій Духъ!

— И Эль-Соль поведетъ къ себѣ въ вигвамъ жену съ скорбящимъ сердцемъ? спросилъ женихъ.

— Эль-Соль Канондѣ дороже жизни; онъ лучшій цвѣтокъ, какой только привѣтствовали глаза ея; голосъ его въ ея ушахъ музыка и любовь его источникъ ея жизни; но грудь Канонды стѣснена и готова разорваться. Великій Духъ шепчетъ ей что-то, но она не можетъ передать этого словами.

Она почти судорожно схватила Розу и запечатлѣла на губахъ ея долгій поцалуй.

— Роза, сказала она:—хочешь ли быть дочерью мико, когда не будетъ Канонды?

— Хочу.

— Общаешь ли ты мнѣ именемъ Великаго Духа не покидать его?

— Общаю.

Мико сдѣлалъ знакъ, и Канонда подошла къ своему мужу. Онъ обнялъ ее и пошелъ съ нею, въ слѣдъ за Токеа, въ вигвамъ совѣта.



СЕРЕНАДА.

—

Густо запахомъ лимона
 Воздухъ сонный наноситъ.
 Звѣзды блещутъ. У балкона
 Раздался гитары звонъ...
 Какъ чудесно городъ дремлетъ!
 Люди спать; не спитъ одна
 Горожанка: чутко внемлетъ
 Пѣснямъ сладостнымъ она!
 И къ груди она склонилась
 Чернокудрой головою,
 Загрустила, позабылась
 Подъ гитары звонкій строй...
 Чу! влюбленному кидаетъ
 Розу... Блѣдная луна
 Гордо во небу гуляетъ;
 Не шелохнется волна.
 Густо запахомъ лимона
 Воздухъ сонный наноситъ;
 Городъ дремлетъ. У балкона
 Веселый гитары звонъ...

Д. ИСТРЕБОВЪ.

* * *

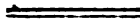
Вижу, снова небо тнится,
Немоща крадется по мнѣ,
И душѣ моей не снятся
Ничего не старинѣ.

Какъ нѣтно, темно и холодно,
Не поя огня въ крови,
Смотритъ грустно, безпомощно
На меня звезда любви.

И не знаю, распахну ли
Для порывовъ юныхъ дней,
Иль навѣкъ въ душѣ уснуди
Силы гордые страстей?

И чего вишь радостра
Ждетъ отъ сердца моего:
Униженья, иль отпора,
Или просто ничего?..

А. ФЕТЪ.



КТО ВИНОВАТЪ?

Повѣсть.

—

Ъ

ОУСТАВНОЙ ГЕНЕРАЛЪ И УЧИТЕЛЬ, ОПРЕДѢЛЯЮЩІЙСЯ КЪ
МѢСТУ.

Дѣло шло къ вечеру. Алексѣй Абрамовичъ стоялъ на балконѣ; онъ еще не могъ прійти въ себя послѣ двухчасоваго послѣ-обѣденнаго сна; глаза его лѣниво раскрывались, и онъ время-отвремя зѣвалъ. Вошелъ слуга съ какимъ-то докладомъ; но Алексѣй Абрамовичъ не считалъ нужнымъ его замѣтить, а слуга не смѣлъ потревожить барина. Такъ прошло минуты двѣ-три, по окончаніи которыхъ Алексѣй Абрамовичъ спросилъ: «что ты?» — Покиньте ваше превосходительство изволили почивать, учителя привели изъ Москвы, котораго докторъ нанялъ. — «А?» (что собственно тутъ слѣдуетъ: вопросительный знакъ (?) или восклицательный (!), — обстоятельства не рѣшили). — Я его провелъ въ комнатку, гдѣ жилъ Нѣмецъ, что изволили отпустить. — «А?» — Онъ просилъ сказать, когда изволите проснуться. — «Позови его.» И лицо Алексѣя Абрамовича сдѣлалось доблестнѣе и величественнѣе. Черезъ нѣсколько минутъ, явился казачокъ и доложилъ: «учитель вошелъ-съ». Алексѣй Абрамовичъ помолчалъ, потомъ, грозно взглянувъ на казачка, замѣтилъ: «что у тебя у дурака мука во рту что ли? мямлетъ, ничего не поймешь». Впрочемъ, прибавилъ, не дожидаясь повторенія: «позови учителя и тотчасъ съѣдь. Мо-

ладой человекъ, лѣтъ двадцати-трехъ-четырехъ, жиденькій, блѣдный, съ былокурыми волосами и въ довольно-узкомъ черномъ фракѣ, робко и смѣшавшись, явился на сцену.

— Здравствуйте, почтеннѣйшій! сказалъ генералъ, благосклонно улыбаясь и не вставая съ мѣста:—мой докторъ очень-хорошо звался объ васъ; я надѣюсь, мы будемъ другъ другомъ довольны. Эй, Васька! (при этомъ онъ свиснулъ) Что жь ты стула подаешь? думаешь, учитель, такъ и не надо. У-у! Когда васъ обзованишь и сдѣлаешь похожими на людей! Прошу покорно. У меня почтеннѣйшій, сыпь-съ; мальчикъ добрый, съ способностями: хочу его въ военную школу приготовить. По-французски онъ у меня говорить, по-нѣмецки не то, чтобъ говорилъ, а понимаетъ. Нѣмчура попался пьяный, не занимался имъ, да и признаться, больше его употреблялъ по хозяйству, — вотъ онъ жилъ въ той комнатѣ; что вамъ отвели; я прогналъ его. Скажу вамъ откровенно: мнѣ не нужно, чтобъ изъ моего сына вышелъ магистеръ или философъ; однако, почтеннѣйшій, я хоть и слава Богу, — но тысячи пятисотъ рублей платить даромъ не стану. Въ наше время, сами знаете, и для военной службы требуютъ все эти грамотки, ариеметики... Эй, Васька, позови Михайла Алексича.

Молодой человекъ все это время молчалъ, краснѣлъ, перебиралъ носовой платокъ и собирался что-то сказать; у него шумѣло въ ушахъ отъ прилива крови; онъ даже не вовсе-отчетливо понималъ слова генерала, но чувствовалъ, что вся его рѣчь въмѣстѣ дѣлала ощущение, похожее на то, когда рукою ведешь по моржовой кости противъ шерсти. По окончаніи воззванія, онъ сказалъ:

— Принимая на себя обязанность быть учителемъ вашего сына я поступаю, какъ совѣсть и честь... разумеется, на сколько силъ моихъ... Впрочемъ, я употреблю всѣ старанія, чтобъ оправдать вѣрѣе ваше... вашего превосходительства...

Алексѣй Абрамовичъ перебилъ его:

— Мое превосходительство, любезнѣйшій, лишняго не потребуетъ. Главное—умѣнье заохотить ученика, этакъ шутя, поминать. Вѣдь вы кончили ученье?

— Какъ же, я кандидатъ.

— Это какой-то новый чинъ?

— Ученая степень.

— А, позвольте, здравствуютъ ваши родители?

— Живы-съ.

— Духовнаго званія?

— Отецъ мой уѣздный лекарь.

— А вы по медицинской части шли?

— По физико-математическому отдѣленію.

— Пылатынски знаете?

— Знаю-съ.

— Это совершенно-непужный языкъ; для докторовъ, конечно: когда же при больномъ говорить, что завтра ноги протянетъ; а нынче чѣмъ? помилуйте...

Но знаете, долго ли бы продолжалась ученая беседа, еслибы ея не перервалъ Михайла Алексѣевичъ, т. е. Миша, тринадцати-лѣтній мальчикъ, здоровый, краснощекій, упитанный и загорѣвшій; онъ былъ въ курткѣ, изъ которой умѣлъ въ нѣсколько мѣсяцевъ вырости, и имѣлъ видъ, общій всѣмъ дюжиннымъ дѣтямъ богатыхъ помещиковъ, живущихъ въ деревнѣ.

— Вотъ твой новый учитель, сказалъ отецъ. Миша шаркнулъ ногой. — Слушайся его, учись хорошенько; я не жалю денегъ, — свое дѣло умѣть пользоваться.

Учитель всталъ, учтиво поклонился Мишѣ, взялъ его за руку, и съ кроткимъ, добрымъ видомъ сказалъ ему, что онъ сдѣлаетъ все, что можетъ, чтобъ облегчить занятія и заохотить ученика.

— Онъ уже кой-чему учился, замѣтилъ Алексѣй Абрамовичъ: — у наядмы, живущей у насъ; да попъ училъ его — онъ изъ семинаристовъ, — нашъ сельскій попъ. Да вотъ, милый мой, пожалуйте, покляменуйте его.

Учитель сконфузился, долго думалъ, что бы спросить, и наконецъ сказалъ: — Скажите мнѣ, какой предметъ грамматики?

Миша посмотрѣлъ по сторонамъ, поковырялъ въ носу и сказалъ:

— Россійской грамматики?

— Все равно, вообще.

— Этому мы не учились.

— Что жъ съ тобой дѣлалъ попъ? спросилъ грозно отецъ.

— Мы, папашенька, учили россійскую грамматику до дѣспричестія и катехизецъ до тапачствъ.

— Ну, поди, покажи классную комнату... Позвольте, какъ васъ зовутъ?

— Дмитріемъ, отвѣчалъ учитель, покраснѣвъ.

— А по-батьшкѣ?

— Яковлевымъ.

— А, Дмитрій Яковличъ! Вы не хотите ли съ дороги перекусить, выпить водки?

— Я ничего не пью, кромѣ воды.

— Притворяется! подумалъ Алексѣй Абрамовичъ, чрезвычайно уставшій отъ такого продолжительнаго ученаго разговора, и отираясь въ диванную къ женѣ. Глафира Львовна почивала на магковомъ турецкомъ диванѣ. Она была въ блузѣ: это ея любимый костюмъ, потому-что всѣ другіе тѣснятъ ее; пятнадцать лѣтъ истин-

но-благополучнаго замужства пошли ей въ-прокъ: она сдѣлала Adansonia boabab между бобами. Тяжелые шаги Алексиса разбудили ее, она подняла заспанную голову, долго не могла прийтись къ себѣ и какъ-будто отъ-роду въ первый разъ уснула не во-время, съ удивленіемъ воскликнула: «Ахъ, Боже мой! вѣдь я, кажется, уснула? представь себя!» Алексѣй Абрамовичъ началъ ей отдавать отчетъ о своихъ трудахъ на пользу воспитанія Миши. Глафира Львовна была всемъ довольна, и, слушая, выпила подграв на квасу. Она всякій день передъ часомъ кушала квасъ.

Не всѣ бѣдствія кончились для Дмитрія Яковлевича аудіиціей Алексѣя Абрамовича: онъ сидѣлъ, молчаливый и взволнованный въ классной комнатѣ, когда вошелъ человекъ и позвалъ его чаю. Доселѣ нашъ кандидатъ никогда не бывалъ въ дамскомъ обществѣ; онъ питалъ къ женщинамъ какое-то инстинктивное чувствование; онъ были для него окружены какимъ-то Nimbusъ; вѣдь онъ ихъ или на бульварѣ раздраженными и непристудными или на сценѣ московскаго театра, — тамъ всѣ уродливыя фигуры казались ему какими-то феями, богинями. Теперь его довелось представлять къ генеральшѣ, да и одна ли она будетъ? Миша успѣлъ ему разсказать, что у него есть сестра, что у нихъ живетъ мадамъ да еще какая-то Любонька. Дмитрію Яковлевичу чрезвычайно хотѣлось узнать, какихъ лѣтъ сестра Миши; онъ начиналъ объ этомъ рѣчь раза три, но не смѣлъ спросить, боясь, что лицо его испорчитъ. «Что же? пойдите-съ!» сказалъ Миша, который, съ дипломатіей, общей всемъ избалованнымъ дѣтямъ, былъ чрезвычайно скромнень и тихъ съ постороннимъ. Кандидатъ, вставая, не наляся, поднять ли его ноги; руки у него охолодѣли и были вѣсны; онъ сдѣлалъ гигантское усиліе и вошелъ, близкій къ обмороку, въ диванную; въ дверяхъ онъ почтительно раскланялся съ ничной, которая выходила, поставивъ самоваръ. «Глаза» сказала Алексѣй Абрамовичъ: «рекомендую тебѣ — новый менторъ вашъ Митя». Кандидатъ кланялся. «Мнѣ очень-пріятно» сказала Глафира Львовна, прищуривая нежного глаза и съ некоторой ужимкой когда-то ей удававшейся: «нашъ Миша такъ давно нуждается въ хорошемъ наставникѣ; мы, право, не знаемъ, какъ благодарить Семена Ивановича, что онъ доставилъ намъ ваше знакомство. Пусть васъ быть безъ церемоніи; не угодно ли вамъ сѣсть?»

— Я все сидѣлъ, пробормоталъ кандидатъ, истинно самъ зная, что говорилъ.

— Не стоя же вѣхать было въ кабинетъ! съострилъ генералъ. Это замѣчаніе окончательно погубило кандидата; онъ взялъ съ собою доставилъ его какъ-то эксцентрически и чуть не съѣлъ водку. Но онъ боялся поднять, какъ пушача несчастія; можетъ-быть, а

ны тутъ въ комнату, а если онъ ихъ увидитъ, надобно будетъ цѣловаться, какъ? Да и потомъ, вѣроятно, надобно было не садиться, а встать.

— А гдѣ говорилъ, сказалъ генералъ вполслова; — красная дѣвка!

— Le pauvre, il est à plaindre, замѣтила Глафира Львовна, кусая яреныя губки свои.

Глафира Львовна съ перваго взгляда понравился молодой человекъ; на это было много причинъ: во-первыхъ, Дмитрій Яковлевичъ съ своими большими голубыми глазами былъ интересенъ; во-вторыхъ, Глафира Львовна, кромѣ мужа, лакеевъ, кучеровъ, да парика-доктора, рѣдко видала мужчинъ, особенно молодыхъ, интересныхъ, — а она, какъ мы послѣ узнаемъ, любила, по старой памяти, платоническія мечтанія; въ-третьихъ, женщины въ нѣкоторыхъ дѣлахъ смотрятъ на юношу съ тѣмъ непонятно-влекущимъ чувствомъ, съ которымъ обыкновенно мужчины смотрятъ на дѣвушку. Кажется, будто это чувство близко къ состраданію, чувство материнское, что имъ хочется вздѣть подъ свое покровительство беззащитныхъ, робкихъ, неопытныхъ, ихъ поцѣловать, поцеловать, это кажется всего болѣе имъ-самимъ: мы не такъ думаемъ объ этомъ, но не считаемъ нужнымъ говорить, какъ думаетъ... Глафира Львовна сама подвинула чашку чая кандидату; онъ смиле прилебнулъ и обварилъ себѣ языкъ и нѣбо, но скрылъ все съ твердостію Муція-Сцевола. Это обстоятельство было благодѣтельно для него; сдѣлалось отвлеченіе, и онъ немного успокоился. Мало-по-малу онъ начиналъ даже подымать взоры. На диванѣ сидѣла Глафира Львовна; передъ нею стоялъ столъ, и на столѣ огромный сморчокъ возвышался, какъ какой-нибудь памятникъ въ индійскомъ стилѣ. Противъ нея, для того ли, чтобъ пользоваться милымъ vis-à-vis, или для того, чтобъ не видать его за самоваромъ, вдавливала въ полъ какія-то дѣдовскія кресла Алексѣй Абрамовичъ; за креслами стояла дѣвочка лѣтъ десяти съ чрезвычайно-глупымъ видомъ; она выглядывала изъ-за отца на учителя: ея-то трепеталъ небный кандидатъ! Миша находился также за столомъ; передъ нимъ миска крѣпкого молока и толстый ломоть рѣшетнаго хлѣба. Надъ полъ салфетки, покрывавшей столъ, и на которой былъ представленъ довольно-удачно горелъ Ярославъ, оканчивавшійся собою сторожъ медвѣдемъ, высовывалась голова лигавой собаки; дивна екатерти придавали ей какой-то египетскій видъ: она невольно вперла два жиромъ-защипывшіе глаза на кандидата. У окна, на креслахъ, съ чулкомъ въ рукѣ, — миньятюрная старушка, съ рессымъ и сморщившимся видомъ, съ повешеными бровями и темными блѣдными губами. Дмитрій Яковлевичъ догадался, что это Француженка-мадамъ. У дверей стоялъ казачокъ, подававшій

Алексѣю Абрамовичу трубку; вошь него горничная, въ ситцевомъ платьѣ съ холстинными рукавами, ожидавшая съ какими-то благоговѣніемъ, когда господа окончатъ церемонію питья чая. Еще одно лицо присутствовало въ комнатѣ, но его Дмитрій Яковлевичъ и видалъ, потому-что оно было наклонено къ пальцамъ. Лицо это принадлежало бѣдной дѣвушкѣ, которую воспитывалъ добрый генералъ. Разговоръ долго не клеился, да и когда склеился, былъ какъ-то отрывчатъ, не нуженъ и утомителенъ для кандидата.

Странно было это столкновеніе жизни бѣднаго молодого человѣка съ жизнью семьи богатого помѣщика. Кажется, эти люди могли бы преспокойно прожить до скончанія вѣка, не встрѣчаясь. Вышло иначе. Жизнь низшаго и добраго юноши, образованнаго и занимающагося, какими-то диссонансомъ попала въ тучную жизнь Алексѣя Абрамовича и его супруги, — попала, какъ птица въ клетку. Все для него измѣнилось, и можно было предвидѣть, что такая перемѣна не пройдетъ безъ вліянія на молодого человѣка, совершенно-незнаваемаго практическаго міра и неопытнаго.

Но что это за люди такіе — генеральская чета, блаженствующая и преусиивающая въ счастливомъ бракѣ, этотъ юноша, назначенный для выдѣлки мышьяной головы на столько, чтобъ мальчикъ могъ вступить въ какую-нибудь военную школу? Я не умѣю писать новеллетъ; можетъ-быть, именно потому мнѣ кажется вовсе невозможнымъ предварить разсказъ нѣкоторыми біографическими сдѣланіями, начернутыми изъ очень-вѣрныхъ источниковъ. Разумается, сначала —

II.

Біографія нхъ превосходительствъ.

Алексѣй Абрамовичъ Негровъ, отставной генерал-майоръ и кавалеръ, — толстый, рослый мужчина, который, послѣ прорывавшія зубы, ни разу не былъ боленъ, могъ служить лучшимъ и познѣйшимъ опроверженіемъ на знаменитую книгу Гуфланда «О продолженіи жизни человѣческой». Онъ велъ себя діаметрально-противоположно каждой страницѣ Гуфланда — и былъ постоянно здоровъ и румянь. Одно правило гигиены онъ исполнялъ только: не равстроивалъ пищеваренія умственными напряженіями, и, можетъ-быть, этимъ стяжалъ право не исполнять всего остальнаго. Строгій, вспыльчивый, жесткій на словахъ и часто жестокій на дѣлѣ, нельзя сказать, чтобъ онъ былъ злой человѣкъ отъ природы: всма-

тридцать въ рѣзкія черты его лица, не совсѣмъ уничтожившіяся въ нѣкихъ дополненіяхъ, въ густыя черныя брови и блестящіе гни, можно было предполагать, что жизнь задавила въ него не одну возможность. Четырнадцать лѣтъ, воспитанный природою и Француженкой, жившей у его сестры, Негровъ былъ записанъ въ имперіискій полкъ; получалъ много денегъ отъ нѣжной родительницы, — онъ лихо проводилъ свою юность. Послѣ кампаніи 1812 года, Негровъ былъ произведенъ въ полковники; полковничьи эполеты упали на его плечи тогда, когда они уже были утомлены мундиромъ, военная служба начала ему надоедать, и онъ, послуживъ еще немного и «находя себя несоборнымъ продолжать службу по разстроенному здоровью», вышелъ въ отставку и вынесъ съ собою генерал-майорскій чинъ, усы, на которыхъ всегда оставались частицы всѣхъ блюдовъ обѣда, и мундиръ для важныхъ оказій. Когда отставной генералъ поселился въ Москву, которая успѣла уже обстроиться послѣ пожара, передъ нимъ открылась безконечная анфилада дней и ночей однообразной, пустой, скучной жизни. Не было занятія, которымъ бы онъ умѣлъ или хотѣлъ заняться. Онъ ѣздилъ изъ дома въ домъ, конгривалъ въ карты, обѣдалъ въ клубѣ, являлся въ первомъ ряду креселъ въ театрѣ, являлся на балахъ, завелъ себѣ двѣ четверки прекрасныхъ лошадей, холилъ ихъ, училъ денне и пощю слопами и руками кучера, самъ преподавалъ тайну конской ѣзды форрейтору... Такъ прошло года полтора; наконецъ кучеръ выучился сидѣть на козлахъ и держать возжи, форрейторъ выучился сидѣть на лошади и держать поводья, — скука одолѣла Негрова: онъ рѣшился ѣхать въ деревню хозяйничать и утѣрилъ себя, что эта поездка необходима для предупрежденія важнаго расстройства. Теорія его хозяйства была очень-несложна: онъ бранилъ всякій день приказчика и старосту, ѣздилъ за зайцами и ходилъ съ ружьемъ. Не привыкнувъ рѣшительно ни къ какому рода дѣламъ, онъ не могъ сообразить, что надобно дѣлать, занимался мелочами, — и былъ доволенъ. Приказчикъ и староста были съ одной стороны довольны баринномъ; о крестьянахъ не знало: они молчали. Мѣсяца черезъ два, въ окнахъ господскаго дома показалось прекрасное женское личико, сначала съ заплаканными, а потомъ просто съ прелестными голубыми глазками. Въ то же самое время староста, нисколько незавидившійся устройствомъ деревни, доложилъ енаралу, что у Емельки Барбаша изба пала, и что не соблаговолятъ ли Алексій Абрамовичъ явить отеческую милость и дать ему льску. Льскъ былъ пунктъ помѣшательства Алексія Абрамовича; онъ себѣ на гробъ не скоро бы рѣшился срубить дерево; но... но тутъ онъ былъ въ добромъ рас-

положенія духа и разрешилъ Барбашу зарубить лѣса на избу, прибавивъ старостѣ: «да ты смотри у меня, рыжая бестія, за лишнее бревно—ребро.» Староста обѣжалъ на заднее крыльцо и доложилъ Авдотью Емельяновну о полномъ успѣхѣ, называя ее «матушкой и заступницей». Бѣдняжка красѣла до ушей; но въ простотѣ душевной была рада, что у отца ея будетъ новая изба. Мы находимъ въ источникахъ нашихъ мало свѣдѣній о завоеваніи голубыхъ глазокъ, о встрѣчѣ съ ними.

Какъ бы то ни было, сельская жизнь въ свою очередь надѣла Негрову; онъ увѣрилъ себя, что исправилъ все недостатки по хозяйству, и, что еще важнѣе, далъ такое прочное направленіе ему, что оно и безъ него идти можетъ, и снова собрался ѣхать въ Москву. Багажъ его увеличился: прелестные голубые глазки, кормилица и грудной ребенокъ ѣхали въ особой бричкѣ. Въ Москвѣ ихъ помѣстили въ комнатку окнами на дворъ. Алексѣй Абрамовичъ любилъ маляутку, любилъ Дуню, любилъ и кормилицу,—это было противнеческое время для него! У кормилицы испортилось молоко, ей было безпрестанно тошно,—докторъ сказалъ, что она не можетъ больше кормить, Генералъ жалѣлъ объ ней: «вотъ попалась рѣдкая кормилица: и здоровая и усердная и такая услужливая, да молоко испортилось... досадно!» Онъ подарилъ ей двадцать рублей, отдалъ повойникъ и отпустилъ для излеченія къ мужу. Докторъ совѣтовалъ замѣнить кормилицу козкою,—такъ и было сдѣлано; коза была здорова, Алексѣй Абрамовичъ ее очень любилъ, давалъ ей собственноручно черный хлѣбъ, ласкалъ ее,—но это не помогало ей выкормить ребенка. Образъ жизни Алексѣя Абрамовича былъ такой же, какъ и въ первый прѣздъ: онъ его выдержалъ около двухъ лѣтъ, но долге не могъ. Совершенное отсутствіе всякой опредѣленной дѣятельности невыносимо для человѣка. Животное полагаетъ, что все его дѣло—жить, а человѣкъ жизни принимаетъ только за возможность что-нибудь дѣлать. Хотя Негровъ съ двѣнадцати часовъ утра и до двѣнадцати ночи не бывалъ дома, но все же скука мучила его; на этотъ разъ ему и въ деревню не хотѣлось: долго владѣла имъ хандра, и онъ чаще обыкновеннаго давалъ отеческіе уроки своему камердинеру и рѣже обыкновеннаго бывалъ въ комнатѣ окнами на дворъ. Однажды, коротавшись домой, онъ былъ въ необыкновенномъ состояніи духа, вѣкъ-то занять: то морщилъ лобъ, то улыбался, долго ходилъ по комнатѣ и вдругъ остановился съ рѣшительнымъ видомъ. Задѣтно было, что дѣло внутри кончено. Кончивъ внутри, онъ свиснулъ, свиснулъ такъ, что спавшій въ другой комнатѣ на стулѣ казачокъ отъ испуга бросился въ противоположную сторону отъ двери и наслулу послѣ ссыскалъ. «Спишь все, щенокъ» сказалъ ему

генералъ, но не тѣмъ громовымъ голосомъ, послѣ котораго съпа-
далъ египетскій молніи, а такъ, просто: «поди, скажи Мишкѣ, чтобъ
запрѣтъ-свѣтъ сходилъ къ Нѣмцу-каретнику и привелъ бы его
до насъ къ восьми часамъ, да непременно привелъ бы.» Видно
было, что камень свзвился съ плечъ Алексѣя Абрамовича, и онъ
шелъ спокойно опочить. На другой день, въ восемь часовъ утра,
идяся каретникъ-Нѣмецъ, а въ десять окончилась конференція,
въ которой съ большою отчетливостію и подробностію заказана
была четверомѣстная карета, кузовъ мордоре-фонсе, гербы золотыя,
сухо пунцовое, басонъ кокликко, парадныя козлы о трехъ чехлахъ.

Четверомѣстная карета значила ни больше, ни меньше, какъ то,
что Алексѣй Абрамовичъ намѣренъ жениться. Намѣреніе это неко-
рѣ обнаружилось недвусмысленными признаками. Послѣ каретника,
онъ позвалъ своего камердинера. Въ длинной и довольно-несклад-
ной рѣчи (что служить къ большой части Негрова, ибо въ этой
нескладности отразилось что-то въ родѣ того, что у людей вызы-
вается совѣстью), онъ изъявилъ ему свое благоволеніе за его слу-
жбу и намѣреніе наградить его примѣрнымъ образомъ. Камердин-
черъ понять не могъ, куда это идетъ, кланялся и говорилъ учти-
вости въ родѣ «кому жъ намъ и угождать, какъ не нашему пре-
восходительству; вы наши отцы, мы ваши дѣти». Комедія эта на-
добла Негрову, и онъ въ краткихъ, но выразительныхъ словахъ
объявилъ камердинеру, что онъ позволяетъ ему жениться на Душ-
кѣ. Камердинеръ былъ человекъ умный и сметливый, и хотя она
очень поразила неожиданная милость господина, но въ два мига онъ
разсчиталъ всѣ шансы про и contra, и попросилъ у него поцаловать
ручку за милость и неоставленіе; нарѣченный женихъ поцалъ, въ
зѣрѣ дѣло; однакожъ, думалъ онъ, не совѣмъ же въ немилость
посылаютъ Авдотью Емельяновну, коли за меня отдадутъ: я чело-
вѣкъ близкій, да барицовъ нравъ знаю; да и жену имѣть такую
красивую недурно. Словомъ, женихъ былъ доволенъ. Дуна удивля-
лась, когда ей сказали, что она невѣста, заплакала, погрузила,
но, видя въ виду или ѣхать въ деревню къ отцу или быть женою
камердинера, рѣшилась на послѣднее. Она безъ содроганія не мо-
гла разумать, какъ бывшія ея подруги будутъ надъ ней смѣяться;
она вспомнила, что и во времена ея силы и славы онѣ ее называ-
ли *полубарыней*. Черезъ недѣлю, ихъ обвинчали. Когда,
на другое утро, молодые пришли съ конфетами на поклонъ, Не-
гровъ былъ веселъ, подарилъ новобрачнымъ сто рублей и сказалъ
повару, случившемуся тутъ: «учись, осель; люблю наказать, люб-
лю и пожаловать: служилъ хорошо, и ему хорошо». Поваръ от-
вѣчалъ: «слушаю, ваше превосходительство», но на лицѣ его бы-
ло написано: «вѣдь я же тебя надуваю при всякой покункѣ, а ушь

тебя меня не провести; дурака нашего!» Вечеромъ, камердиншеръ давалъ пиръ, отъ котораго вся дворня двое сутокъ пахла водкою и точно оныя расходы не пожалелъ. Была, впрочемъ, мучительно горькая минута для бѣдной Дуни: маленькую кроватку, а съ нею и дочь ея вѣлѣли перенести въ людскую. Дуня безъерно любила малютку всею престою, безъискусственной душой. Алексѣя Абрамовичъ она боялась, — остальные въ домѣ боялись ея, хотя она никогда никому не сдѣлала вреда; обреченная томному гаремному заключенію она всю потребность любви, всѣ требованія на жизнь сосредоточила въ ребенкѣ; неразвита, подавленная душа ея была хороша она, безотвѣтная и робкая, не оскорблявшаяся никакими оскорбленіями, не могла вынести одного, — жестокаго обращенія Негрова съ ребенкомъ; когда тотъ чуть ему надвѣдалъ, она поднимала тогда голову, дрожащій не страхомъ, а гнѣвомъ; она презирала въ эти минуты Негрова, и Негровъ, какъ-будто чувствуя свое униженіе, осмыгалъ ее бранью и уходилъ, хлопнувъ дверью. Когда надобно было перенести кроватку, Дуня заперла дверь, и, рыдая, бросалась на колѣни передъ иконою, схватила рученку дочери и крестила ее. «Молись», говорила она: — «молись, мое сокровище, илазъ мы съ тобою шикать горе. Пресвятая Богородица, заступись за ребенка малаго, ни въ чемъ неповоатаго... А я-то глупая думала: вырастетъ она, моя сердечная, будетъ ѣздить въ каретахъ, да ходить въ шелковыхъ платьяхъ; изъ-за двери въ щелочку посмотрѣла бы я на тебя тогда; спряталась бы отъ тебя, мой ангелъ, — что тебѣ за мать крестьянка!.. А теперь вырастешь ты не на радость себѣ; сдѣлаютъ тебя, пожалуй, прачкой поной барыни, и ручки-то твои мыломъ обѣзятъ... Господи Боже мой! чѣмъ вредъ Тобой согрѣшилъ младенецъ?..» И Дуня, рыдая, бросилась на полъ; сердце ея раздвралось на части; испуганная малютка ухватилась за нее руками, плакала и смотрѣла на нее такими глазами, какъ-будто все понимала... Черезъ часъ, кроватка была въ людской, и Алексѣй Абрамовичъ приказалъ камердиншеру приучать ребенка называть себя «тятей».

Но кто же счастливая избранная? Въ Москвѣ жила графиня Маэра Ильинична. Нѣкогда она кружилась въ вихрь аристократіи, была кокетка, хороша собой, была при дворѣ, любезничала съ Кантемиромъ, и онъ писалъ ей въ альбомѣ слащавыми разнѣромъ мадригаламъ, сирѣчь виршную хвалебницу, въ которой одинъ стихъ оканчивался словами: «богиня Минерва»; а другой рвемущій стихъ словами: «толь протерва». Но отъ природы чрезвычайно-холодная и надменная своей красотой, она отказывала женихамъ, ожидая какой-то блестящей партіи. Между-тѣмъ, отецъ ея умеръ, а братъ, управлявшій нераздѣльнымъ имѣніемъ,

дѣтъ въ десять проигралъ и проигралъ почти все достояніе. Столичная жизнь стала слишкомъ-дорога; надобно было жить скромнѣе. Когда графиня вполне поняла затруднительное положеніе свое, ей было и тридцать лѣтъ, и она разомъ открыла дѣтъ ужасныя вещи: состояніе разстроено, а молодость миновала. Тутъ она сдѣлала нѣсколько отчаянныхъ опытовъ выйти замужъ — они не удалась; тогда, запрятавъ страшную злобу внутри своей груди, она переселилась въ Москву, говоря, что ей шумъ большого свѣта опротивилъ, и что она ищетъ одного покоя. Сначала, въ Москвѣ ее посли на рукахъ, считали за особенную рекомендацію на свѣтское назначеніе задать къ графинѣ; но, мало-по-малу, желчный языкъ ея и вестерпная надменность отучили отъ ея дома почти всѣхъ. Брошенная, оставленная всеми, старая дѣва еще болѣе исполнялась негодованіемъ и ненавистью, окружила себя разными приживающими старухами, полунабожными и полубродячими, собирала сплетни со всѣхъ концовъ города, ужасалась развратному вѣку и ставила себя въ высокое достоинство свое незаконное дѣвство. Графъ-братецъ, окончательно промотавшій свое имѣніе, для поправки состоянія рѣшился на геройскій подвигъ для того времени — женился на купеческой дочери, четыре года ежедневно упрекалъ ее происхожденіемъ, проигралъ до копейки приданое, согналъ ее со двора, опился и умеръ. Годъ спустя, умерла и жена, оставивъ послѣ себя вѣнчальную дочь безъ всякаго состоянія. Мавра Ильинична взяла ее къ себѣ на воспитаніе. Мудрено сказать, что побудило ее къ этому: фамильная гордость, участіе къ ребенку, или ненависть къ брату, — какъ бы то ни было, жизнь маленькой дѣвочки была несчастна: она была лишена всѣхъ радостей своего возраста, застрашена, запугана, притѣвлена. Эгоизмъ старухъ-дѣввицъ ужасенъ: она хочетъ выместить на всемъ окружающемъ грѣбы, оставшіеся въ ихъ вымороженномъ сердцѣ. Безотрадно и скучно подростала маленькая графиня; по-несчастію, она не принадлежала къ тѣмъ натурамъ, которыя развиваются отъ вѣшняго гнета; началъ приходиться въ сознаніе, она нашла въ себѣ два сильныя чувства: непреодолимое желаніе вѣшнихъ удовольствій и сильную ненависть къ образу жизни тѣтки. Оба чувства были простибельны. Мавра Ильинична не только не доставляла племянницѣ никакого развлеченія, но убивала претщательно всѣ удовольствія и наслажденія, которыя она сама находила; она думала, что жизнь молодой дѣвушки только для того и назначена, чтобъ читать ей вслухъ, когда она спитъ, и ходить за нею остальное время; она хотѣла поглотить всю юность ея, высосать всѣ свѣжіе соки души ея — въ благодарность за воспитаніе, котораго она ей не давала, и въ которыхъ упрекала ее ежеминутно. Время шло. Графиня сдѣла-

дась невѣстой и вѣсьма невѣстой — ей было ужь двадцать-три года. Она чувствовала вполне тягостную скуку и однообразіе своего положенія, и все существо ея вертѣлось около одной мысли — вырваться изъ ада тѣткина дома. Могила казалась ей лучше; она пила уксусъ, чтобъ получить чахотку, но онъ не помогалъ ей; она хотѣла идти въ монастырь, но не было довольно рѣшимости. Вскорѣ мысли ея приняли другой оборотъ. Старинные французскіе романы, которые она, не зная какъ, отырла въ тѣткиномъ гардеробѣ, пояснили ей, что есть, кромѣ смерти и монастыря, значительныя утѣшенія; она оставила адамову-голову и начала придумывать головѣ живую съ усами и кудрями. Тысячи романческихъ картинъ мучили ее и день и ночь; она сочиняла себѣ цѣлыя повѣсти, онъ ее увозить, ихъ преслѣдуютъ, «любить имъ не велятъ», раздаютъ выстрѣлы... «Ты моя на вѣки!» говоритъ онъ, сжимая пи- столеть, и проч. и проч. На эту тѣму съ безчисленными варьяціями сводились все мечты, все помыслы ея, все сновидѣнія, и бѣдная съ ужасомъ просыпалась каждое утро, видя, что никто ее не увозить, никто не говоритъ: «ты моя на вѣки», — и тяжело подымалась ея грудь, и слезы лились на ея подушки, и она съ какимъ-то отчаяніемъ пила, по приказу тѣтки, сыворотку, и еще съ большимъ шнуровалась потомъ, зная, что некому любоваться на ея станъ. Такое состояніе духа не могло быть вполне побѣждено сывороткой, а вело прямо къ сантиментальности и экзальтаціи. Графиня начала плакать, во-первыхъ, надъ всякой книгой, гдѣ было слово *любовь*; во-вторыхъ, надъ неволей канарейки; графиня начала покровительствовать всѣхъ горничныхъ и прижимать къ сердцу засаленныхъ дѣтей кучера, — періодъ, послѣ котораго дѣвушка вмигъ тотчасъ надобно идти замужъ, или начать нюхать табакъ, любить кошекъ и стриженныхъ собаченокъ и не принадлежать ни къ мужскому, ни къ женскому полу. По-счастію, на долю графини выпало первое. Она была недурна собой, но въ эту именно эпоху должна была поразить нашего героя: *зовущее* всего существа ея, ея томные глаза, ея неровно-подымающаяся грудь побѣдили Негрова. Онъ увидѣлъ ее разъ у Старога-Вознесенья — и судьба его жизни была рѣшена. Генералъ вспомнилъ корнетскіе годы, началъ искать всевозможныхъ случаевъ увидѣть графиню, ждалъ часы праздные на паперти, и нѣсколько конфузился, когда изъ допотопной кареты, тащимой высокими тощими клячами, потерявшими способность умереть, вытаскивали два лакея старую графиню съ видомъ дороды въ чепчикъ, и мѣшали выпрыгнуть молодой графинѣ съ видомъ центифольной розы. У генерала была въ Москвѣ двоюродная сестра... у кого есть въ Москвѣ двоюродная сестра, осѣлая и довольно-богатая, тотъ можетъ жениться почти на всякой невѣстѣ.

если онъ имѣеть чинъ и деньги, а она не имѣеть еще жениха. Генералъ ввѣрилъ свою тайну кузинѣ — та приняла истинно-сестринское участіе. Мѣсяца два, бѣдная пропадала отъ скуки, и вдругъ какъ съ неба свалилось сватовство. Она тотчасъ послала за женою одного титулярнаго совѣтника дрожки. Титулярная совѣтница пришла; кузина выгнала изъ ближней комнаты горничныхъ, чтобы нѣкто не могъ подслушать. Черезъ часъ времени, титулярная совѣтница съ раскраснѣвшимся лицомъ выбѣжала отъ кузины и, скоро рассказавъ въ дѣвичьей, въ чемъ дѣло, бросилась со двора. На другой день, утромъ въ девять часовъ, двоюродная сестра сердилась на неаккуратность титулярной совѣтницы, которая хотѣла быть въ одиннадцать часовъ, и еще не приходила; наконецъ, желанная гостя явилась и съ нею другая особа въ чепчикѣ; словомъ, дѣло кипѣло съ необычайною быстротою и съ достоюмымъ порядкомъ. У графини въ домѣ начались исподволь важныя перемѣны: съ оконъ сняли шторы изъ равендука и велѣли вымыть, замки было велѣно вычистить кирпичомъ съ квасомъ (суррогатъ уксуса); въ передней, гдѣ ужасно пахло кожей, отъ-того, что четыре лакея шили подтяжки, выставили зимнюю раму. Оставленная всѣми Мавра Ильинична была въ восхищеніи, что за ея племянницу сватается генералъ, да еще пребогатый; но, храня свое достоинство, она едва снизошла до позволенія начать сватовство. Однажды утромъ, графиня приказала племянницѣ одѣться повнимательнѣе, открыть больше шею, и сама осматривала ее съ ногъ до головы. «Да для чего это, маман, вы мнѣ приказываете одѣваться? развѣ будутъ гости?» — Не твое дѣло, душечка, отвѣчала графиня, но добрымъ, приветливымъ голосомъ. Кисейное платье племянницы чуть не вспыхнуло отъ огня, пробѣжавшаго по ея жиламъ; она догадывалась, подозрѣвала, не смѣла вѣрять, не смѣла не вѣрять... она должна была выйти на воздухъ, чтобы не задохнуться. Въ снѣгахъ, горничныя донесли ей, что сегодня ждутъ генерала, что генералъ этотъ сватается за нее... Вдругъ вѣхала карета. — «Палашка, я умру, я умираю!» говорила молодая графиня. «И, полноте, ваше сіятельство, кто жъ умираетъ, когда сватаются, да еще такіе женихи... Я вотъ всегда говорила: вашей графинѣ быть за генераломъ, извольте всѣхъ спросить». Чье перо въ состояніи описать все, что перечувствовала бывшая дѣвушка во время *показа и смотра!*.. Когда она нѣсколько пришла въ себя, первое, что поразило ее, это фракъ Алексѣя Абрамовича: она такъ твердо вѣрила въ его мундиръ и эполеты... Впрочемъ, Негровъ и безъ мундира могъ тогда еще нравиться; хотя ему было подѣ-сорокъ, но благодаря доброму здоровью, онъ сохранилъ себя удивительно, и отъ природы не слишкомъ рвчи-

стый, онъ имѣлъ ту развязность, которую имѣютъ всѣ военные особенно служившіе въ кавалеріи; остальные недостатки, как могла въ немъ открытъ невеста, богато искупались прекрасными усами, шегольски-отдаланными на тотъ разъ. Свадьба ладилась. Черезъ недѣлю послѣ смотра, графиня Мавру Ильиничну стала поздравлять ея знакомые — люди, которые считались давно умными, выполняли изъ своихъ норъ, гдѣ они лѣтъ тридцать упорно сражались съ смертью и не сдались, гдѣ они лѣтъ тридцать призначали и собирали деньги, хилые, разбитые параличомъ, удущемъ и глухотой. Графиня всѣмъ говорила одно: «Новоэта меня удивила не меньше васъ; я и не думала свою Кокоту равно отдавать замужъ: дитя еще; ну да, батюшка, Божья воля. Человѣкъ онъ солидный и честный, отцомъ можетъ служить: онъ такъ неопытен. А генеральство его и богатство не важная вещь: и черезъ золото слезы текутъ. Да и нечего сказать, я была сила плодъ благочестиваго воспитанія моего (при этомъ она и пладывала къ глазамъ платокъ); истинно, что дѣлаетъ воспитаніе: можно ли было ждать отъ такого отца развращеннаго — царю ему небесное — и отъ кучки такого дитища? Не повѣрите: она съ нимъ четырехъ словъ не молвила, а я только посоветовала ей, что-молъ Кокоту, партія, кажется, авантажная, а она, голубушка, хоть бы слово противъ; если вамъ, шатап, угораздитъ говорить, такъ я, говорить, охотно пойду, говорить...» — Это типично-рѣдкая дѣвица въ нашъ развращенный вѣкъ! отвѣчала разными манерами знакомые и друзья Мавры Ильиничны, и начинались сплетни и безсовѣстное черненіе чужихъ репутаций. Словомъ, немного прошло времени, какъ къ пышно-убранной тиръ пугъ вороныхъ лошадей привезъ въ четверомѣстной каретѣ доре-онсе генерала Негрова, одѣтаго въ мундиръ съ ментикой супругу его Глафиру Львовну Негрову въ вѣнчалномъ платѣ воздуха съ лентами. Хоръ пѣвчихъ, нарядные шаферы, пламенная музыка, золото, блескъ, духи встрѣтили молодую; вся стояла въ снѣгахъ, добываясь увидѣть молодыхъ, камермдамъ жена въ томъ числѣ; ея мужъ, какъ высшій сановникъ не распоряжался въ кабинетъ и спальнѣ. Такого богатства гдѣ нибудь не видала вблизи, и все это ея, и самъ генералъ ея молодая была счастлива отъ маленькаго пальца на ногѣ до длиннѣйшаго волоса въ косѣ: такъ или иначе, мечты ея сбывались.

Спустя нѣсколько недѣль послѣ свадьбы, Глафира Львовна тунца, какъ развернувшійся кактусъ, въ быломъ пенъвоарѣ томъ широкими кружевами, наливала утромъ чай; супругъ позволеномъ халатѣ изъ тармаламы и съ огромнымъ янтазубахъ, лежалъ на кушеткѣ и думалъ, какую заказать колѣ-

Сидит, желтую или синюю; хорошо бы желтую, однако и синюю не дурно. Глафиру Львовну также что-то очень занимало; она была заинтригована и мечтательно склонила голову на руку; иногда рукой пробегала по ее щекамъ, иногда она показывала явное безразличіе. Наконецъ, мужъ замѣтилъ необыкновенное расположение ея и сказалъ: «ты что-то не въ духъ, Глашинька; нездорово ли что для тебя?» — Нѣтъ, я здорова, отвѣчала она, и при этомъ подняла глаза къ небу съ видомъ чело­вѣка, просящаго по­мощи.

— Какъ хочешь, а что-нибудь да есть у тебя на умѣ.

Глафира Львовна встала, подошла къ мужу, обняла его и ска­зала голосомъ трагической актриссы:

— Алексисъ, дай слово, что ты исполнишь мою просьбу!

Алексисъ началъ удивляться. — Посмотримъ, посмотримъ, отвѣ­чалъ онъ.

— Нѣтъ, Алексисъ, поклянись исполнить мою просьбу могилкой твоей матери.

Онъ вынулъ чубукъ изо рта и смотрѣлъ на нее съ изумленіемъ.

— Глашинька, я не люблю такихъ дальнихъ обходовъ; я солдатъ: что могу — сдѣлаю, только скажи мнѣ просто.

Она спрятала лицо на его груди и проплакала въ слезахъ: «Я не знаю, Алексисъ, и прошу тебя. Я знаю, у тебя есть дочь, дочь преступной любви... я понимаю неопытность, пылкость юности (Любонькѣ было три года!). Алексисъ, она твоя, я ее видѣла: у ней твой носъ, твой затылокъ... О, я ее люблю! пусть она будетъ моей дочерью, позволь мнѣ взять ее, воспитать... и дай мнѣ слово, что не будешь мстить, преслѣдовать тѣхъ, отъ кого я пришла. Другъ мой, я обожаю твою дочь; позволь же, не отринь моей просьбы!» — и слезы текли обильнымъ ручьемъ по тармаламъ хдата... Его превосходительство растерялся и сконфузился до высочайшей степени, и прежде, нежели успѣлъ прійти въ себя, жена вынудила его дать позволеніе и поклясться могилкой матери, прахомъ отца, счастіемъ ихъ будущихъ дѣтей, именемъ твоей любви, что не возьметъ назадъ своего позволенія и не будетъ доискиваться, какъ она узнала. Разжалованная въ дворовыя ма­люжка снова была произведена въ барышни, и кровать опять пере­бѣжала въ бель-этажъ. Любонька, которую сначала отучили отъ звать отцомъ, начали отучать теперь звать мать — матерью, хотѣли ее выростить въ мысли, что Дуня ея кормилица. Глафира Львовна сама купила въ магазинѣ на Кузнецкомъ-Мосту дѣтское платье, разодѣла Любоньку, какъ куклу, потомъ прижала ее къ сердцу и заплакала. «Сиротка» говорила она ей: «у тебя нѣтъ папаша, нѣтъ мамаша, я тебѣ буду все... Папаша твой тамъ!» —

и она указывала на небо. — «Папа съ крылышками» — пролепетал ребенок; — и Глафира Львовна вдвое заплакала, восклицая: небесная простота!» А дѣло было очень-просто: на потолкѣ, давнопрошедшей модѣ, былъ представленъ амуръ, дрягавшій гами и крыльями и завязывавшій какой-то бантъ у червлаго лѣзнаго крюка, на которомъ висѣла люстра. — Дуня была на вѣху счастья; она на Глафиру Львовну смотрѣла какъ на ангела; благодарность была безъ малѣйшей примѣси какого бы то ни было непріязненнаго чувства; она даже не обижалась тѣмъ, что люди отучали быть дочерью; она видѣла ее въ кружевахъ, она видѣла ее въ барскихъ покоехъ — и только говорила: «да отъ-чего моя Любонька уродилась такая хорошая? кажись, ей и нельзя и дѣтъ другаго платьица; красавица будетъ!» — Дуня обходила монастыри и вездѣ служила заздравные молебны о доброй барыне.

Многіе сочтутъ экс-графиню героиней. Я полагаю, что ея поступокъ самъ-въ-себѣ былъ величайшею необдуманностью, по крайней мѣрѣ равною необдуманности выйти замужъ за человека, о которомъ она только и знала, что онъ мужчина и генералъ. Причина — очевидно, романическая экзальтація, предпочитающая всему свѣтъ трагическія сцены, самопожертвованія, натянуто-благородные поступки. Справедливость требуетъ присовокупить, что Глафира Львовна не имѣла при этомъ никакой хитрой мысли, ни даже тщеславія; она сама не знала, для чего она хотѣла воссвятить Любоньку: ей нравилась патетическая сторона этого дѣла. Алексѣй Абрамовичъ, позволивъ однажды, нашелъ очень-естественнымъ странное положеніе ребенка и не далъ даже себѣ труда подумать, хорошо или худо онъ сдѣлалъ, согласившись на это... В самомъ-дѣлѣ, хорошо или худо онъ сдѣлалъ? Можно многое сказать и за и противъ. Кто считаетъ высшей цѣлью жизни человѣческой развитіе, во что бы оно ни стало, какія бы оно послѣдствія ни привело — тотъ будетъ со стороны Глафиры Львовны. Кто считаетъ цѣлью жизни счастье, довольство, въ какомъ бы кругу оно ни было, и на-счетъ чего бы оно ни досталось — тотъ будетъ противъ нея. Любонька въ людской, еслибъ и узнала съ временемъ о своемъ рожденіи, понятія ея были бы такъ тѣсны, душа спала бы такимъ непробуднымъ сномъ, что изъ этого ничего бы не вышло; вѣроятно, Алексѣй Абрамовичъ, чтобъ воопш примириться съ совѣстью, далъ бы ей отпускную и, можетъ-быть тысячу-другую приданого; она была бы при своихъ понятіяхъ чрезвычайно-счастлива, вышла бы замужъ за купца третьей гилдіи, носила бы шелковый платокъ на макушкѣ, пила бы по двѣнадцать чашекъ цвѣточнаго чая и народила бы цѣлую семью купчиковъ; иногда приходила бы она въ гости къ дворянцѣмъ. Но

гром и видѣла бы съ удовольствіемъ, какъ на нее съ завистью смотрѣли бышіе подруги. Такъ она могла бы прожить до старости и надѣяться, что сто извожичьихъ дрожекъ проводятъ ее въ Виганьковское-Кладбище. Любонька въ гостиную — совсѣмъ индѣлю: какъ-бы глупо ея ни воспитывали, она получала возможность образоваться; самая даль отъ грубыхъ понятій людей — своего рода воспитаніе. Съ тѣмъ вмѣстѣ, она должна была иметь всю несообразную нелѣпность своего положенія; оскорбленія, слезы, горести ждали ее въ бель-этажѣ, и все это вмѣстѣ способствовало бы дальнѣйшему развитію духа, а можетъ-быть, съ тѣмъ вмѣстѣ, развитію чахотки. Итакъ, выбирайте сами, хорошо или худо едѣлала М-ше Негровъ.

Брачная жизнь Алексѣя Абрамовича потекла, какъ по маслу; на всѣхъ каретныхъ гуляньяхъ являлась его четверня и блестящій экипажъ, и пышная счастьеемъ чета въ этомъ экипажѣ. Ихъ назрѣное можно было встрѣтить и въ Сокольникахъ 1-го мая, и въ Дворцовомъ-Саду въ Вознесенье, и на Прѣсенскихъ-Прудахъ въ Духовъ-День, и на Тверскомъ-Бульварѣ почти всякій день. Зимой вѣдали они въ собраніе, давали обѣды, имѣли абонированную ложу. Но страшное однообразіе убиваетъ московскія гулянья: какъ было въ прошломъ году, такъ въ нынѣшнемъ и въ будущемъ; какъ тогда съ вами встрѣтился толстый купецъ въ великолѣпномъ кютавѣ съ чернозубой женой, увѣшанной всякими драгоценными камнями, такъ и нынче непременно встрѣтится, только кафтанъ пошире, борода побѣлѣе, зубы у жены почернѣе, — а все встрѣтятся; какъ тогда встрѣтился хватъ съ убійственными усами и въ шутовскомъ сюртукѣ, такъ и нынче встрѣтится, нѣсколько-исхудалый; какъ тогда водили на гуляньѣ подагрика, покрытаго нюхательнымъ табакомъ, такъ и нынче его поведутъ... Отъ одного этого можно испереться у себя въ комнатѣ. Алексѣй Абрамовичъ былъ человѣкъ выносливый, однако силы человѣческія сочтены: дольше десяти лѣтъ онъ не могъ протянуть — надоѣло и ему и Глашъ. Въ это десятилѣтіе, у нихъ родился сынъ и дочь, и они начали тяжело не по днямъ, а по часамъ; одѣваться не хотѣлось имъ больше, и они начали дѣлаться домосѣдами и не знаю какъ и для чего, полагаю — больше для всесовершеннѣйшаго покоя, рѣшились жить на жительство въ деревню. Это случилось года четыре прежде умикаго разговора генерала съ Дмитріемъ Яковлевичемъ.

III.

БЮГРАФІЯ ДМИТРИЯ ЯКОВЛЕВИЧА.

Разумѣется, бюграфія бѣднаго молодаго челоуѣка не може имѣть той занимательности, какъ бюграфія Алексѣя Абрамовича домочадцами. Мы должны изъ міра каретъ мордоре-фонсѣ *перейти* въ міръ, гдѣ заботятся о завтрашнемъ обѣдѣ, изъ Москвы перѣѣхать въ дальній губернской городъ, да и въ немъ не оставаясь на единственной мошеной улицѣ, по которой иногда можеть ѣздить, и на которой живетъ аристократія, а удалиться въ одну изъ немощеныхъ переулковъ, по которымъ почти никогда нельзя ходить, ни ѣздить, и тамъ отыскать почернѣвшій, перекосившійся домикъ о трехъ окнахъ — домикъ узѣднаго лекаря Круциферскаго, скромно стоящій между почернѣвшими и перекосившимися своими товарищами. Всѣ эти домики скоро развалятся, замѣнятся новыми, и никто объ нихъ не помянетъ; а между-тѣмъ, въ всѣхъ нихъ развивалась жизнь, кипѣли страсти, поколѣнія смѣнялись поколѣніями, и обо всѣхъ этихъ существованіяхъ столько известно, сколько о дикихъ въ Австраліи, какъ-будто они челоуѣчествомъ оставлены вне закона и не признаны имъ. Но вотъ домикъ, который мы искали. Въ немъ лѣтъ тридцать жилъ добрый честный старикъ съ своей женою. Жизнь его была постоянно битвою со всевозможными нуждами и лишеніями; правда, онъ выигралъ довольно-побѣдоносно, т. е. не умеръ съ голода, не застрѣлился съ отчаянія, но побѣда досталась не даромъ: въ пятьдесятъ лѣтъ онъ былъ и сѣдъ и худъ, и морщины покрыли его лицо, природа одарила его богатымъ запасомъ силъ и здоровья. Не бурные порывы, не страсти, не грозные перевороты источили это тѣло и придали ему видъ преждевременной дряхлости, а непрерывная, тяжелая, мелкая, оскорбительная борьба съ нуждою, думая завтрашнемъ днѣ, жизнь, проведенная въ недостаткахъ и заботахъ. Въ этихъ низменныхъ сферахъ общественной жизни, душа явлетъ сохнуть въ вѣчномъ безпокойствѣ, забываетъ о томъ, что у нея есть крылья, и вѣчно наклоненная къ землѣ, не подымаетъ взоръ къ солнцу. Жизнь лекаря Круциферскаго была огромнымъ, продолжительнымъ геройскимъ подвигомъ на неосвѣщенномъ поприщѣ, награда — насущный хлѣбъ въ настоящемъ и надежда не имѣть его въ будущемъ. Онъ учился на казенный счетъ въ Московскомъ Университетѣ, и выпущенный лекаремъ, прежде назначенія жеппидомъ на Нѣмкѣ, дочери какого-то провизора; приданое ея, сверхъ

добрѣй и самоотверженной души, сверхъ любви, которую она, по нѣмецкому обычаю, сохранила на всю жизнь, состояло изъ нѣсколькихъ мятевъ, пропитанныхъ запахомъ розоваго масла съ ребарбаранъ. Страстно-влюбленному студенту въ голову не приходило, что онъ не имѣеть права ни на любовь, ни на семейное счастье, что для этихъ правъ есть свой цензъ, въ родѣ французскаго акторальнаго ценза. Черезъ нѣсколько дней послѣ свадьбы, его назначили полковымъ лекаремъ въ дѣйствующую армію. Восемь лѣтъ помадной жизни вынесъ онъ; на девятый усталъ и началъ просить постоянного мѣста:—ему дали одну изъ открывшихся ваканцій. И Круциферскій потащился съ женой и дѣтьми съ одного края Россіи въ другой и поселился въ губернскомъ городѣ NN. Сначала, онъ имѣлъ кой-какую практику. Хотя сановники и помѣщики въ губернскихъ городахъ предпочитаютъ лечиться у Нѣмцовъ, но, по счастью, Нѣмца (кромя часовщика) подъ рукой не находилось. Это былъ счастливѣйшій періодъ жизни Круциферскаго; тогда онъ купилъ свой домикъ о трехъ окнахъ, а Маргарита Карловна сюрпризомъ мужу, ко дню Іакова-Брата-Господня, ночью обила старый диванъ и креслы ситцомъ, кулечнымъ на деньги, собранныя по копейкѣ. Ситецъ былъ превосходный: на диванѣ Авраамъ три раза изгонялъ Агарь съ Измаиломъ на полъ, а Сарра грозилась; на креслахъ съ правой стороны были ноги Авраама, Агари, Измаила и Сарры, а съ лѣвой—ихъ головы. Но эта счастливая эпоха не долго продолжалась. Одинъ богатый помѣщикъ, село котораго было подъ самымъ городомъ, привезъ съ собою домоваго доктора, отбившаго всю практику у Круциферскаго. Молодой докторъ былъ мастеръ лечить женскія болѣзни; пациентки были отъ него безъ ума; лечилъ онъ отъ всего пивками и краснорѣчиво доказывалъ, что не только вся болѣзнь—воспаленіе, но что и жизнь есть не что иное, какъ воспаленіе матеріи; о Круциферскомъ онъ отзывался съ убійственнымъ снисхожденіемъ; словомъ, онъ вошелъ въ моду. Весь городъ шилъ ему по канвѣ подушки и кисеты, сувениры и сюрпризы, а о старомъ лекарѣ старались забыть. Правда, купцы и духовные остались вѣрными Круциферскому; но купцы никогда не бывали больны, всегда, слава Богу, здоровы, а когда и случалось прихворнуть, то по собственному усмотрѣнію терлись и мазались въ банѣ всякой дрянью, скапидаромъ, дегтемъ, муравьинымъ спиртомъ и всегда выздоравливали, или умирали черезъ нѣсколько дней. Въ обоихъ случаяхъ Круциферскому не приходилось ничего дѣлать, а смерть падала на его счетъ, и молодой докторъ всякой разъ говорилъ дамамъ: «странная вещь, вѣдь Яковъ Ивановичъ очень-хорошо знаетъ свое дѣло, а какъ не догадался употребить *trae opii Sydenhamii* капель X, *solutum in aqua distillata*,

да не поставилъ подъ ложечку 45 пивокъ; вѣдь человекъ-то бы былъ живъ. Слыша латинскія слова, сама губернаторша вѣрала, что человекъ бы былъ живъ. Итакъ, мало-по-малу, Круциферскій былъ сведенъ на одно жалованье: оно состояло, кажется, изъ четырехъ-сотъ рублей; у него было пять человекъ дѣтей; жизнь становилась тяжелѣе и тяжелѣе. Яковъ Ивановичъ не зналъ, какъ прокормиться; скарлатина указала ему выходъ: трое изъ дѣтей умерли другъ за другомъ, остались старшая дочь и меньшой сыночекъ. Мальчикъ, кажется, избѣгнулъ смерти и болѣзни своею чрезвычайною слабостью: онъ родился преждевременно и былъ не больше, какъ живъ; слабый, худой, хилый и нервный, онъ иногда бывалъ не боленъ, но никогда не былъ здоровъ. Несчастія этого ребенка начались прежде его рожденія. Въ то время, какъ Маргарита Карловна была тяжела имъ, надъ ними готово было разразиться ужасное несчастіе. Губернаторъ возненавидѣлъ Круциферскаго за какое-то дѣло. Яковъ Ивановичъ былъ на вершокъ отъ гибели и съ какой-то кроткой, геройской грустью, молча и самоотверженно ждалъ страшнаго удара — ударъ прошелъ мимо головы его. Въ это тревожное время непрерывныхъ слезъ, родился Митя, единственный наказанный въ дѣлѣ о найденномъ тѣлѣ кучера. Дѣтя это было идоломъ Маргариты Карловны; чѣмъ болѣзненнѣе, чѣмъ слабѣе оно казалось, тѣмъ упорнѣе хотѣла мать сохранить его; она, кажется, дѣлалась съ нимъ своей силой, любовью оживляла его и исторгла у смерти. Она будто чувствовала, что онъ останется у нихъ одинъ, опора, надежда, утѣшеніе. А что же стало съ его сестрой? Ей было лѣтъ семнадцать, некогда въ NN. стоялъ пѣхотный полкъ; когда онъ ушелъ, ушла и лекарева дочь съ какимъ-то подпоручикомъ; черезъ годъ, писала она изъ Кіева, просила прощенія и благословенія и извѣщала, что подпоручикъ женился на ней; черезъ годъ еще, писала она изъ Кшишнѣва, что мужъ ее оставилъ, что она съ ребенкомъ въ крайности. Отецъ послалъ ей двадцать-пять рублей. Послѣ этого, не было объ ней и вѣсти. Когда Митя подросъ, его отдали въ гимназію; онъ учился хорошо; вѣчно-застѣнчивый, кроткій и тихій, онъ былъ даже любимъ инспекторомъ, который считалъ не все-сообразнымъ съ своей должностью любить дѣтей. Отецъ хотѣлъ послѣ курса, записать его въ канцелярію гражданскаго губернатора, въ чемъ ему обещалъ протектировать секретарь, у котораго онъ лечилъ безвозмездно дѣтей, вѣчно-золотушныхъ. Вдругъ Митѣ открылась другая дорога. Какой-то меценатъ провѣждалъ по городу NN., отправляясь изъ деревни въ Москву. Посвѣщая гимназію, онъ обратилъ какъ-то вниманіе на болѣзненный и пѣтливый видъ Мити, подозревалъ его къ себѣ, поговорилъ, приласкалъ. Директоръ ска-

заявляя, что это отличнѣйшій ученикъ, что онъ пошелъ бы далеко, но что отецъ его не имѣетъ чѣмъ содержать его въ Москвѣ, и пр. Меценатъ былъ меценатъ, и сказалъ Митѣ, что черезъ мѣсяцъ или два придетъ его управитель, что если его родители согласны, то онъ ему прикажетъ привезти Митю въ Москву и велитъ дать ему уликъ въ своемъ флигелѣ вмѣстѣ съ дѣтьми управляющаго. Директоръ послалъ тотчасъ письмоводителя за Яковомъ Ивановичемъ. Яковъ Ивановичъ засталъ мецената уже садящагося въ дормезъ. Старикъ былъ истинно-тронутъ, плакалъ какъ дитя и простыми жестами, нескладнымъ и прерывистымъ, благодарилъ его. Меценатъ ухватилъ за плечистаго мужчину, помогавшаго застегивать какой-то ремешки у кареты, и сказалъ: «Это мой управляющій, онъ поведетъ нашего сына», сказалъ и уѣхалъ, милостиво улыбувшись. Черезъ нѣсколько, кибитка съ бубенчиками выѣхала изъ воротъ Круциферскаго, и въ ней сидѣлъ Митя, покрытый одеяломъ, увязавшій и одѣтый матерью, и прикащикъ — въ одномъ сюртукѣ, потешу — что онъ въ пути предпочиталъ нагрѣваться изнутри. И вотъ отъ чего зависеть судьба человѣка! Еслибъ меценатъ не проѣзжалъ черезъ городъ NN., — Митя поступилъ бы въ канцелярію, и разсказа нашего не было бы, а былъ бы Митя со-временемъ старшій помощникъ правителя дѣлъ и кормилъ бы онъ своихъ стариковъ Богъ-знаетъ какими доходами, — и отдохнули бы Яковъ Ивановичъ и Маргарита Карловна. Отъѣздъ Мити былъ переломомъ жизни стариковъ: они остались одни; тишина, грусть и больше овладѣли ихъ домикомъ. Управляющій мецената, человекъ неслабонервный, почувствовалъ что-то въ родѣ слезъ, когда старики разставались съ сыномъ. Бѣдный отецъ прощается не такъ, какъ богатый; онъ говорилъ сыну: «Иди, другъ мой, ищи себѣ хлѣба; я больше для тебя ничего не могу сдѣлать; прощай свою дорогу и вспоминай насъ!» И увидятся ли они, найдеть ли онъ себѣ хлѣбъ — все покрыто черной, тяжелой завѣсой... Хочетъ отецъ дать сыну на дорогу побольше, и нѣтъ возможности; онъ десять разъ рассчитываетъ, сколько можетъ удѣлить изъ наличныхъ восьмидесяти рублей, и все ему кажется мало. А мать сидитъ слезъ прольетъ наизусть убогимъ узелкомъ, въ который она сложила необходимѣйшія свои вещи, но понимаетъ, что всего не дастъ, и знаетъ, что негдѣ взять... Это сцены, никому неизвѣстныя, ищанскія, скрываемаыя тщательно отъ посторонняго глаза, и волнующія и раздирающія сердце! Хорошо, что онѣ скрыты!

Молодой Круциферскій, черезъ четыре года сдѣлался кандидатъ. Не одаренный ни особенно — блестящими способностями, ни чрезвычайной быстротою соображенія, онъ любовью къ наукѣ, постояннымъ прилежаніемъ вполне заслужилъ полученную имъ степень.

Глядя на его крѣткое лицо, можно было подумать, что изъ него развѣется одно изъ милыхъ германскихъ существованій,—существованій тихихъ, благородныхъ, счастливыхъ въ немножко-ограниченной но чрезвычайно-трудолюбивой учено-педагогической дѣятельности въ немножко-ограниченномъ семейномъ кругу, въ которомъ черезъ двадцать лѣтъ мужъ еще влюбленъ въ жену, а жена еще краснѣетъ отъ каждой двусмысленной шутки;—это существованія маленькихъ патриархальныхъ городковъ въ Германіи, пасторскихъ дѣтскихъ семинарскихъ учителей, чистыхъ, нравственныхъ и незамѣтныхъ внѣ своего круга... Но будто у насъ возможна такая жизнь? Я рѣшительно думаю, что нѣтъ; нашей душѣ несвойственна эта среда; она не можетъ утолять жажду такимъ жиденькимъ виномъ: она иль гораздо-выше этой жизни, иль гораздо-ниже — но въ обоихъ случаяхъ шпуре. Сдѣлавшись кандидатомъ, Круциферскій сначала пытался получить мѣсто при университетѣ; потомъ думалъ пробиться частными уроками, — но всѣ попытки были напрасны: онъ унаследовалъ отъ отца удачу во всѣхъ предпріятіяхъ...

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того, какъ при звукѣ антавра и трубъ было возвѣщено о кандидатствѣ Круциферскаго, — онъ получалъ письмо отъ старика, извѣщавшее его о болѣзни матери и мимоходомъ намекавшее на тѣсныя обстоятельства. Зная характеръ отца, онъ понялъ, что одна страшная крайность заставила его сдѣлать такой намекъ. Последніе деньги были прожиты Круциферскимъ, одно средство оставалось: у него былъ патронъ, профессоръ какой-то *мозли*, принимавшій въ немъ сердечное участіе; онъ написалъ къ нему письмо открыто, благородно, трогательно и просилъ въ займы 150 рублей. Профессоръ отвѣчалъ учтивѣйшимъ образомъ, тронулся запиской, но денегъ не прислалъ; въ *postscriptum* ученый мужъ упрекалъ самымъ милымъ образомъ Круциферскаго, что онъ не приходитъ никогда къ нему обѣдать. Записка поразила молодого человека — такъ мало зналъ онъ цѣну людямъ, или, лучше сказать, деньгамъ! Ему было очень-тяжело; онъ бросилъ милую записку добраго профессора на столъ, прошелся раза два по комнатѣ и, совершенно-уничтоженный горестью, бросился на свою кровать; слезы потихоньку скатывались со щекъ его; ему такъ живо представлялась убогая комната, и въ ней его мать страждущая, слабая, можетъ-быть, умирающая, — возлѣ старика печальный и убитый. Больной хочется чего-нибудь, хочется — но она скрываетъ, чтобъ не увеличить горести мужа, а тотъ догадывается и тоже скрываетъ, боясь, что прійдется отказать ей... Читатель, если вы богаты, или по-крайней-мѣрѣ *обелечены*, — принесите глубокую благодарность небу, и да здравствуетъ получе-

ное или наследство! да здравствует родовое и благопріобрѣтенное!

В ту тяжелую минуту для кандидата, отворилась дверь его комнаты, и какая-то фигура, лешимъ образомъ не столбчатая, вошла, сившая темный картузь съ огромнымъ козырькомъ. Козырькъ могъ бросать тѣнь на здоровое, краснощекое и веселое лицо чловѣка пожилыхъ лѣтъ; черты его выражали эцикурейское смѣхливое и добродушное. Онъ былъ въ поношенномъ коричневомъ сюртукѣ съ воротникомъ, какого именно тогда не носили, съ бамбуковой палкой въ рукахъ, и, какъ мы сказали, съ видомъ рѣшительнаго провинціала.

— Вы господинъ Круциферскій, кандидатъ здѣшняго университета?

— Я, отвѣчалъ Дмитрій Яковлевичъ:—къ вашимъ услугамъ.

— А вотъ, господинъ кандидатъ, позвольте мнѣ сперва сѣсть; я лестарше васъ, да и пришелъ пѣшкомъ.

Съ этими словами, онъ хотѣлъ-было сѣсть на стулъ, на которомъ висѣлъ виц-мундирный фракъ; но оказалось, что этотъ стулъ можетъ только выносить тяжесть фрака безъ чловѣка, а не чловѣка въ сюртукѣ. Круциферскій, сконфузившись, просилъ его помѣститься на кровать, а самъ взялъ другой (и послѣдній) стулъ.

— И, началъ посѣтитель съ убійственной медленностью: — инспекторъ врачебной управы въ NN., докторъ медицины Круповъ, и пришелъ къ вамъ вотъ по какому дѣлу... Инспекторъ былъ чловѣкъ методическій, останоился, вынулъ большую табакерку, положилъ ее возлѣ себя, потомъ вынулъ красный платокъ и положилъ его возлѣ табакерки, потомъ бѣлый платокъ, который обтеръ себя потъ, и, нюхая табакъ, продолжалъ такимъ образомъ:— Вчерашняго числа я былъ у Антона Фердинандовича... мы съ нимъ одного выпуска... вѣтъ, извините, онъ вышелъ годомъ ранѣе... да, годомъ ранѣе, точно,—все же были товарищи и остались добрыми знакомыми. Вотъ-съ я и прошу его, не можетъ ли онъ мнѣ указать хорошаго учителя въ отъѣздѣ-де, въ нашу губернію, кондиціи-какія такія и такія, и вотъ-молю требують то и то. Антонъ-ать Фердинандовичъ и далъ мнѣ вашъ адресъ и, признаюсь, очень-легко отзывался объ васъ; а потому, если вы желаете имѣть кондцію въ отъѣздѣ, то я могъ бы съ вами дѣло покончить.

Антонъ Фердинандовичъ былъ именно профессоръ-патронъ: онъ въ-самомъ-дѣлѣ любилъ Круциферскаго, но только не рисковалъ своими деньгами, какъ мы видѣли, — а рекомендацію всегда былъ готовъ дать.

Тяжелый докторъ Круповъ показался Круциферскому небеснымъ посланникомъ: онъ откровенно рассказалъ ему свое положеніе и

заключалъ тѣмъ, что ему выбора нѣтъ, что онъ обязанъ принять мѣсто. Круповъ вытаскивалъ изъ кармана что-то среднее между Бумажникомъ и чемоданомъ, и вынулъ письмо, окончившееся въ обществѣ кривыхъ ножницъ, ланцетовъ и зондовъ, и прочелъ: «Предложите такому 2,000 рублей въ годъ и никакъ не болѣе 2,500, потому что за 3,000 рублей у моего сосѣда живетъ Французъ изъ Швейцаріи. Особая компанія, утромъ чай, прислуга и мытье бѣды, какъ обыкновенно. Обѣдать за столомъ».

Круциферскій не дѣлалъ никакихъ требованій, краснѣя говорилъ о деньгахъ, разспрашивалъ о занятіяхъ и откровенно сознавался, что боится смертельно вступить въ посторонній домъ, жить у чужихъ людей. Круповъ былъ тронутъ, уговаривалъ его не бояться Негровыхъ... «Вѣдь вамъ съ ними не дѣтей крестить; будете учить мальчика, а съ отцомъ, съ матерью видаться за обѣдомъ. Генералъ денежно васъ не обилить, за это я вамъ отвѣчаю; жена его вѣчно спитъ: стало, и она васъ не обидитъ, развѣ во снѣ. Домъ Негрова, повѣрьте мнѣ, не хуже... признаться, и не лучше всѣхъ помѣщичьихъ домовъ». Словомъ, торгъ сладился: Круциферскій шелъ въ наемъ за 2500 рублей въ годъ. Инспекторъ былъ обдѣвившійся въ провинціальной жизни человекъ, но однако человекъ. Узнавъ рядомъ горныхъ опытовъ, что всѣ прекрасныя мечты, великія слова остаются до-поры-до-времени мечтами и словами, онъ поселился на вѣки вѣковъ въ NN, и мало-по-малу научился говорить съ разстановкой, носить два платка въ карманѣ, одинъ красный, другой бѣлый. Ничто въ мірѣ не портитъ такъ человекъ, какъ жизнь въ провинціи. Но онъ не совсемъ еще вымеръ: въ глазахъ его еще попрыгивали огоньки. Многое встрепенулось въ душѣ Крупова при видѣ благороднаго, чистаго юноши; ему вспомнилось то время, когда онъ съ Антономъ Фердинандовичемъ мечталъ сдѣлать переворотъ въ медицинѣ, идти пѣшкомъ въ Гёттингенъ... и онъ горько улыбнулся при этихъ воспоминаніяхъ. Когда торгъ кончился, ему пришло въ голову: «хорошо ли я дѣлаю, втапливая этого юношу въ глупую жизнь полу-степнаго помѣщика?» Даже мысль, дать ему своихъ денегъ и уговорить его не покидать Москвы пришла ему въ голову; дѣтъ пятнадцать тому назадъ, онъ такъ бы и сдѣлалъ, но старыми руками ужасно трудно развязывать кошелекъ. «Судьба!» подумалъ Круповъ и утѣшился. Странно, что въ этомъ случаѣ онъ поступилъ точь-въ-точь, какъ съ древнѣйшихъ временъ поступаетъ человѣчество: Наполеонъ уговаривалъ, что судьба—слово, не имѣющее смысла, отъ того-то оно такъ и утѣшительно.

— И такъ, мы дѣло сдѣлали, сказалъ наконецъ инспекторъ не-

слѣдъ тамъшаго Молчанія:—я ѣду черезъ пять дней, и буду очень рада, какъ вы раздѣлите со мною тарантасъ.

IV.

ЖИТЬЕ-БЫТЬЕ.

Давно извѣстно, что человекъ вездѣ можетъ акклиматизироваться, въ Явлиндіи и Сенегаліи. Потому дивиться собственно нечему, что Грушеверскій мало-по-малу началъ привыкать къ дому Негрова. Образъ жизни, сужденія, интересы этихъ людей сначала поражали его, потомъ онъ сталъ равнодушнѣе, хотя и былъ далекъ отъ пріаренія съ такою жизнью. Странное дѣло: въ домъ Негрова ничего не было ни разительнаго, ни особеннаго; но свѣжему человеку, юности, какъ-то невольно, трудно было дышать въ немъ. Пустота несовѣршеннѣйшая, самая многосторонняя царила въ почтенномъ семействѣ Алексѣя Абрамовича. Зачѣмъ эти люди вставали съ постелей, зачѣмъ двигались, для чего жили, — трудно было бы отвѣтить на эти вопросы. Впрочемъ, и нѣтъ нужды на нихъ отвѣчать. Добрые люди эти жили потому-что родились и продолжали жить по чувству самосохраненія; какія тутъ цѣли да заднія мысли... это все изъ нѣмецкой философіи! Генералъ вставалъ въ 7 часовъ утра и тотчасъ появлялся въ залу съ толстымъ чертѣшечнымъ чубукомъ; вошедшій незнакомецъ могъ бы подумать, что пророкъ, соображенія первой важности бродятъ у него въ головѣ: такъ глубокомысленно курилъ онъ; но бродилъ одинъ дымокъ, и то не въ головѣ, а около головы. Глубокомысленное куреніе продолжалось часъ. Алексѣй Абрамовичъ все это время тихо ходилъ по залѣ, часто останавливаясь передъ окномъ, въ которое онъ превникательно всматривался, щурилъ глаза, морщилъ лобъ, дѣлалъ недобрую мину, даже кричалъ, но и это былъ такой же оптический обманъ, какъ задумчивость. Управитель долженъ былъ въ это время стоять у дверей, рядомъ съ казачкомъ. Окончивъ куреніе, Алексѣй Абрамовичъ обращался къ управителю, бралъ у него изъ рукъ рапортчку и начиналъ его ругать не на животъ, а на смерть, присовокупляя всякій разъ, что «кончено, что онъ его не знаетъ, что онъ умѣетъ учить мошенниковъ и для примѣра справедливости отдастъ его сына въ солдаты, а его заставитъ ходить за птицами!» Была ли это мѣра нравственной гигиены въ родѣ ежедневныхъ обливаній холодной водой, — мѣра, посредствомъ которой бы поддерживалъ страхъ и повиновеніе своихъ вассаловъ, или

просто патриархальная привычка, въ обоихъ случаяхъ постоянство заслуживало похвалы. Управитель слушалъ отеческія наставленія съ безмолвнымъ самоотверженіемъ: слушать ихъ казалось ему такою же существенною обязанностью, сопряженной съ его должностію, какъ красть пшеницу и ячмень, сѣно и солому. «Ахъ, ты разбѣйникъ!» кричалъ генераль:—«да тебя мало трехъ разъ повѣсить». «Воля вашего превосходительства», отвѣчалъ съ величайшимъ спокойствіемъ управитель и смотрѣлъ своими плутовскими глазами какъ-то косвенно внизъ. Бесѣда эта продолжалась до появленія дѣтей здороваться; Алексій Абрамовичъ протягивалъ имъ руку; съ ними являлась миньятюрная *Француженка*-мадамъ, которая какъ-то уничтожалась, уходя сама въ себя, пристѣлая á la Pompadour; она возвѣщала, что чай готовъ, и Алексій Абрамовичъ отправлялся въ диванную, гдѣ Глафира Львовна уже дожидалась его передъ самоваромъ. Разговоръ обыкновенно начинался жалобою Глафиры Львовны на свое здоровье и на бессонницу; она чувствовала въ правомъ вискѣ непонятную, живую боль, которая переходила въ затылокъ и въ темя, и не давала ей спать. Алексій Абрамовичъ слушалъ бюллетень о здоровіи супруги довольно-равнодушно, потому ли, что онъ одинъ во всемъ родѣ человѣческомъ очень-хорошо и основательно зналъ, что она ночью никогда не просыпается, или потому — что ясно видѣлъ, какъ эта хроническая болѣзнь полезна здоровью Глафиры Львовны,— не знаю. За то Элиза Августовна приходила въ ужасъ, жалѣла о страдалицѣ и утѣшала ее тѣмъ, что и княгиня Р^{***}, у которой она жила, и графиня М^{***}, у которой она могла бы жить, еслибъ хотѣла,—точно также страдаютъ живою болью и называютъ ее *tic douloureux*. Во время чая, приходилъ поварь; благородная чета начинала заниматься заказомъ обѣда и брачить за вчерашній, хотя блюда и были вынесены пусты. Поварь имѣлъ то преимущество передъ прикащикомъ, что его ежедневно бранилъ баринъ, какъ и прикащика, да сверхъ-того бранила барыня. Послѣ чая, Алексій Абрамовичъ отправлялся по полямъ; въсколько лѣтъ живъ безвыѣздно въ деревнѣ, онъ немного успѣлъ въ агрономіи, нападалъ на мелкіе беспорядки, пуше всего любилъ дисциплину и видъ безусловной покорности. Воровство самое наглое совершалось почти передъ глазами, и онъ большей-частію не замѣчалъ, а когда замѣчалъ, то такъ несловко принимался за дѣло, что всякій разъ оставался въ дуракахъ. Какъ настоящей глава и отецъ общины, онъ часто говаривалъ: «вору спущу, мошеннику спущу, но ужъ дерзости не могу стерпѣть», въ этомъ у него состоялъ патриархальный *point d'honneur*! Глафира Львовна, кромѣ чрезвычайныхъ случаевъ, никогда не выходила изъ дома пѣшкомъ, разумѣется, исключая стараго сада, который отъ запу-

щевости сдѣлался хорошимъ; и который начинался отъ самаго балкона; даже собирать грибы ѣздила она всегда въ коляскѣ. Это дѣлалось слѣдующимъ образомъ: съ вечера отдавался приказъ старостѣ, чтобъ собрать легионъ мальчишекъ и дѣвчонокъ съ кузовками, корзинками, плетушками и проч. Глафира Львовна съ Француженкой ѣхала шагомъ по просѣктъ, а саранча босыхъ, полуголыхъ иволусытыхъ дѣтей, полъ предводительствомъ старухи-птичницы, барченка и барышни, нападала на маслѣнки, волвяки, сырѣшки, рыжыки, бѣлые и всякіе грибы. Грибъ удивительной величины или чрезвычайной малости приносился птичницей къ матушкѣ-енаральшѣ; имъ изволили любоваться и ѣхали далѣе. Возвратившись домой, она всякій разъ жаловалась на усталъ и ложилась уснуть передъ обѣдомъ, употребивъ для восстановления силъ какой-нибудь остатокъ вчерашняго ужина—барашка, теленка, поенаго однимъ молокомъ, индѣйку, кормленую грецкими орѣхами, или что-нибудь въ этомъ родѣ, легкое и пріятное. Между-тѣмъ, ужь и Алексѣй Абрамовичъ хваталъ горькой, закусалъ, *посторилъ* и отправился прогуляться въ саду; онъ особенно въ это время любилъ пройтись по саду и заняться оранжереей, разспрашивая обо всемъ садовнику жену, которая во всю жизнь не умѣла отличить грушъ отъ яблокъ, что не мешало ей имѣть довольно-пріятную наружность. Въ это время, то-есть, часа за полтора до обѣда, Француженка занималась образованіемъ дѣтей. Что она имъ преподавала, какъ?—это покрывалось непроницаемой тайной. Отецъ и мать были довольны: кто же имѣеть право мешаться въ семейныя дѣла послѣ этого?—Въ два часа подавался обѣдъ. Каждое блюдо было достаточно, чтобъ убить человека, привыкнущаго къ европейской пищѣ. Жиръ, жаръ и жиръ, едва смягчаемый капустой, лукомъ и солеными грибами, переработывался, при помощи достаточнаго количества мадеры и портувейна, въ упругое тѣло Алексѣя Абрамовича, въ расплывшееся Глафиры Львовны и въ сморщившееся тѣльцо, едва-покрывавшее косточки Элизы Августовны. Кстати, Элиза Августовна не отставала отъ Алексѣя Абрамовича въ употребленіи мадеры (и замѣтимъ притомъ шагъ впередъ XIX вѣка: въ XVIII вѣкѣ нанимавшейся надамъ не было бы предоставлено право пить вино за столомъ); она увѣрила, что въ ея родинѣ (въ Лозаннѣ) у нихъ былъ виноградики, и она дома всегда, вмѣсто кваса, пила мадеру изъ своихъ лозъ, и тогда еще привыкла къ ней. Послѣ обѣда, генералъ ложился на полчаса уснуть на кушеткѣ въ кабинетъ и спалъ гораздо-долго, а Глафира Львовна отправлялась съ мадамой въ диванную. Надамъ говорила безпрерывно, и Глафира Львовна засыпала подъ эти безконечныя рассказы. Иногда, для разнообразія, Глафира Львовна посылала за женой сельскаго священника; та являлась — какое-

то дико, несвязное существо, вечно испуганное и всего большее. Глафира Львовна цѣлые часы проводила съ ней и потомъ говорила мадамъ: «ah comme elle est bête, insupportable!» и въ-самомъ-дѣль попадья была непроходимо-глупа. Потомъ чай, потомъ ужинъ около десяти часовъ, послѣ ужина семья начинала звать всѣхъ руми. Глафира Львовна замѣчала, что въ деревнѣ надобно жить и деревенски, т. е. раньше ложиться спать — и семья расходилась. Въ одиннадцать часовъ, домъ спалъ отъ колюшня до чердака. И рѣдка навѣждалъ какой-нибудь сосѣдь — Негровъ подъ другою фамиліей, — или старуха-тѣтка, проживавшая въ губернскомъ городѣ и поврежденная на желаніи отдать дочерей замужъ: тогда на нихъ порядокъ жизни замѣнялся; но гости уважали — и все шло не-превему. Разумеетсяъ, что за всѣми этими занятіями все еще оставалось довольно времени, которое не знали куда дѣть, особенно несчастную осень, въ долгіе зимніе вечера. Весь талантъ Француженки былъ употребленъ на то, чтобъ конопатить эти дыры времени. Надобно замѣтить, что ей было что порассказать: она пріѣхала, въ послѣдніе годы царствованія покойной Императрицы Екатерины, портницей при французской труппѣ; мужъ ея былъ второй любовникъ, но, по несчастію, климатъ Петербурга оказалъ для него губителенъ, особенно послѣ того, какъ, оберегая съ большимъ усердіемъ, чѣмъ нужно женатому человѣку, одну изъ артистокъ труппы, онъ былъ кѣмъ-то выброшенъ изъ окна въ раге этажа на улицу; вѣроятно, падая, онъ не взялъ достаточныхъ предосторожностей отъ сыраго воздуха, ибо съ тѣхъ минуты сталъ кашлять, кашлялъ мѣсяца два, а потомъ пересталъ по очень-простой причинѣ, потому-что умеръ. Элиза Августовна овдовѣла именно въ то время, когда мужъ всего нужнѣе, т. е. дѣтъ въ тридцать... поплакала, поплакала и пошла сначала въ монастырь-милосердія къ одному педагогу, а потомъ въ воспитательницы дочери одного вдовца очень-высокаго роста, отъ него одной книгашъ и т. д., — всего не перескажешь. Довольно, что она умѣла чрезвычайно-хорошо прилеживаться къ правамъ дома, которомъ находилась, вкрадывалась въ довѣренность, дѣлалась необходимой, исполняла тайныя и явныя порученія, хранила въ секрѣтъ всѣхъ дѣйствійхъ какую-то печать кліентизма и униженія, уступала желанію, предупреждая желаніе. Словомъ, чужія лѣтницы были для нея не круты, чужой клѣбъ не горекъ. Она, хочотавъ и вѣдала мулокъ, жила-себѣ беззаботно и припѣваючи; ей, — вѣчно стѣнута въ все маленькія негоріи, совершавшіяся между двичьей и овалней, — никогда не приходило въ голову о жалкомъ ея существованіи. Итакъ, въ скучное время, Элиза Августовна тышила свои рассказы, тогда-какъ Алексей Абрамовичъ раскладывалъ гра

василии, а Глафира Львовна, ничего не дѣлая, сидѣла на диванѣ. Елена Августовна знала тысячи походовъ и интригъ о своихъ ~~близкихъ~~ (такъ она называла всѣхъ, у кого жила при дѣтяхъ); ~~забывала~~ и въ она съ значительными добавленіями и приписывала себѣ во всякомъ разсказѣ главную роль, худшую или лучшую — ~~какъ~~ равно. Алексѣй Абрамовичъ еще съ большимъ интересомъ, нежели ~~его~~ жена, слушалъ скандальныя хроники воспитательницы своихъ дѣтей и хотѣлъ отъ всего сердца, находя, что это кладъ, а не мадамъ. Почти такъ тянулся день-за-днемъ, а время проходило, напоминая себя иногда большими праздниками, постами, уменьшеніемъ дней, увеличеніемъ дней, именинами и рожденіями, и Глафира Львовна, удивляясь, говорила: «Ахъ, Боже мой, вѣдь послѣзавтра Рождество, а кажется, давно ли выпалъ снѣгъ!»

Но гдѣ же во всемъ этомъ Любонька, бѣдная дѣвушка, которую воспитываютъ добрые Негровы? Мы ее совсѣмъ забыли. Въ этомъ она больше насъ виновата: она являлась, большею частью, молча, въ кругу патріархальной семьи, не принимая почти никакого участія во всемъ происходившемъ и принося самымъ этимъ явнымъ диссонансъ въ слаженный аккордъ прочихъ лицъ семейства. Въ этой дѣвчѣ было много страннаго: съ лицомъ, полнымъ энергіи, сочетались апатія и холодность, ничѣмъ невозмущаемыя, неподвижны; она до такой степени была равнодушна ко всему, что самой Глафирѣ Львовнѣ было это невыносимо подѣ-часть, и она звала ее ледяной Англичанкой, хотя андалузскія свойства генеральши тоже подлежали большому сомнѣнію. Лицомъ она была похожа на отца, только темноглубые глаза наследовала она отъ Дуни; но въ этомъ сходствѣ была такая необъятная противоположность, что два лица эти могли бы послужить Лафатеру предметомъ новаго тома кудрявыхъ фразъ: жесткія черты Алексѣя Абрамовича, оставаясь тѣми же, искуплялись такъ-сказать въ лицѣ Любоньки; по ея лицу можно было понять, что въ Негровѣ могли быть хорошія возможности, задавленныя жизнью и погубленныя ею; ея лицо было объясненіемъ лица Алексѣя Абрамовича; чело-вѣкъ, глядя на нее, примирялся съ нимъ. Но отъ-чего же она когда была задумчива? отъ-чего немного веселило ее? отъ-чего она любила сидѣть одна у себя въ кампартъ? Много было на это причинъ, и внутреннихъ и вѣншихъ, — начнемъ съ послѣднихъ. Положеніе ея въ домѣ генерала не было завидно — не потому, чтобъ ее хотѣли гнать или тѣснить, а потому-что, исполненныя предразсудковъ и лишеныя деликатности, которую даетъ одно воспитаніе, эти люди были безсознательно-грубы. Ни генералъ, ни его супруга не понимали страннаго положенія Любоньки у нихъ и домъ и усугубляли тягость его безъ всякой нужды, касаясь до

нажитѣйшихъ сибирь ея сердца. Жесткая и отчасти-надменная натура Негрова, часто вовсе безъ намѣренія, глубоко оскорбляла, а потому онъ оскорблялъ ее и съ намѣреніемъ, но вовсе не понимая какъ важно вліяніе слова на душу болѣе-нѣжную, нежели у управителя, и какъ надобно было быть осторожнымъ ему съ бедной двушкой, дочерью и не дочерью, живущей у него по праву по благодѣянію. Эта деликатность была невозможна для такого человѣка, какъ Негровъ; ему и въ голову не приходило, что эта дѣвочка могла обидѣться его словами: что она такое, что обижаться? Алексѣй Абрамовичъ, желая укрѣпить болѣе-и-болѣе любовь Любовки къ Глафирѣ Львовнѣ, часто повторялъ ей, она всю жизнь обязана Богу молить за его жену, что ей обязана она всѣмъ своимъ счастіемъ, что безъ нея она была бы не барышней, а горпичной. Онъ въ самыхъ мелочныхъ случаяхъ давалъ ей чувствовать, что хотя она воспитывается такъ же, какъ его дѣти, но что между ними огромная разница. Когда ей было шестнадцать лѣтъ, Негровъ смотрѣлъ на всякаго неженатого человѣка, какъ на годнаго жениха для нея; засѣдатель лишился съ бумагой изъ города, доходилъ ли слухъ о какомъ-нибудь новомъ мелкопомѣстномъ сосѣдѣ, Алексѣй Абрамовичъ говорилъ бѣдной Любовкѣ: «Хорошо, кабы посватался засѣдатель къ Любу, право, хорошо, и мнѣ бы съ-руки, да и ей чѣмъ и жить? Ей не графа же ждать!» Глафира Львовна еще меньше любила Любовки, даже въ иныхъ случаяхъ по-своему баловала, заставляла сытую ѣсть, давала не во-время варенье, и прочее отъ нея бѣдная много терпѣла. Глафира Львовна считала себя за занюхавшую каждую вновь-знакомившейся дамѣ представлять Любовку, приговаривая: «это сиротка, воспитывающаяся съ нашими камнями», потомъ начинала шептать. Любовка догадывалась, что она рѣчь, блѣднѣла, сгорала отъ стыда, особенно, когда провинившая барыня, выслушавъ тайное поясненіе, устремляла на нее какой-нибудь взглядъ, сопровождаемый двусмысленной улыбкой. Въ свое время, Глафира Львовна немного перемѣнилась къ суровости, начала посѣщать мысль, которая въ-послѣдствіи могла привести къ ужаснымъ говеніямъ Любовкѣ: не смотря на всю материальную сѣтоту, она какъ-то разглядѣла, что ея Лиза — толстая, щекая и очень-похожая на мать, но съ какимъ-то прибалованнаго выраженія, будетъ всегда стерта благородной наружностью Любовки, которой, сверхъ красоты, самая задумчивость была что-то такое, по чему нельзя было пройти мимо нея. Это, она совершенно была согласна съ Алексѣемъ Абрамовичемъ, что если подвернется какой-нибудь секретарикъ добренький, засѣдатель, тоже добренькій, то и отдать ее. Всего этого

и могла не видеть. Сверхъ сказаннаго, ее тѣшила и все окружающее; ея отношенія къ дворнѣ, среди которой жила ея кормилица, были неловки. Горничныя смотрѣли на нее, какъ на выскочку, и, преданныя аристократическому образу мыслей, считали барыней одну столбовую Лизу. Когда же онѣ убѣдились въ чрезвычайной кротости Любоньки, въ ея невзыскательности, когда увидѣли, что она никогда не ябедничаетъ на нихъ Глафирѣ Львовнѣ, тогда она была совершенно потеряна въ ихъ мнѣніи, и онѣ почти вслухъ, въ минуты негодованія, говорили: «холодку какъ ты одѣвай, все будетъ холопка: осанки, виду барственной совсѣмъ нѣтъ». Все это мелочи, несстояшія вниманія съ точки зрѣнія истинности; но прошу того сказать, кто испыталъ на себѣ рядъ ничтожныхъ, нечистыхъ аваній, оскорбленій, — тотъ, или лучше, та пусть скажетъ, легки они, или нѣтъ. Къ довершенію бѣдствій Любоньки, привѣзла иногда проживавшая въ губернскомъ городѣ тѣтка Алексѣя Абрамовича съ тремя дочерьми. Старуха — злая, полубезумная и ханжа — не могла видѣть несчастную дѣвушку и обращалась съ нею возмутительно. «Съ какой стати, матушка» говорила она, покатывая головой: «принарядилась такъ? а? Скажите пожалуйста! Да васъ, сударыня, можно принять за равную своимъ дочерямъ? Глафирѣ Львовнѣ, для чего вы ее такъ балуете? Вѣдь Марушка, родная тѣтка ея, у меня птичницей, рабыня моя; а это съ такой стати, право? Да и Алексѣй-то, старый грѣшникъ, постыдился бы добрыхъ людей!» Эти ругательныя замѣчанія она излючала всякій разъ молитвою, чтобы Господь-Богъ простилъ ея племяннику грѣхъ рожденія Любоньки. Дочери тѣтки, — три провинциальныя графини, въ которыхъ старшая года два-три уже стояла на разовомъ двадцать-девятомъ году, — если не говорили съ такою патрархальною простотою, то давали въ каждомъ словѣ чувствительную добу всю свископительность свою, что онѣ удостоиваютъ ея своею лаской. Любонька при людяхъ не показывала, какъ глубоко ее оскорбляютъ подобныя сновы, вамъ лучше, люди, окружающіе ее; не могла понять и видѣть прежде, нежели имъ было указано; и роптала; но, уходя въ свою комнату, она горько плакала... да, она не могла стать выше такихъ обидъ, — да и врядъ-ли возмощно: это дѣвушкѣ въ ея положеніи. Глафирѣ Львовнѣ было жалъ Любоньку; но взять ее подъ защиту, показать свое меудозельствіе — ей въ голову не приходило; она ограничивалась обыкновенною тѣткою, что дала Любонькѣ двойную порцію варенья, и потомъ, проводя съ чрезвычайной лаской старуху и тысячу разъ повторяя, чтобы снѣге tanto ихъ не забывала, она говорила Французкѣ, что она ее терять не можетъ и что всякій разъ послѣ ея.

посѣщенія чувствуетъ нервное разстройство и жадную боцъ въ двомъ вискъ, готовую перейти въ затылокъ.

Нужно ли говорить, что воспитаніе Любоньки было сообразно всему остальному? Кромѣ Элизы Августовны, никто не училъ ея; сама же Элиза Августовна занималась съ дѣтьми одной французской грамматикой, не смотря на то, что тайна французскаго произношенія ей не далась, и она до сѣдыхъ волосъ цѣсала съ бошими промахами. Кромѣ грамматикъ, она и не бралась ни за что, хотя, впрочемъ, рассказывала, что у какой-то княгини приготовила двухъ сыновей въ университетъ. Книгъ въ домѣ Негрова было немного, у самого Алексѣя Абрамовича ни одной; зато у Г. Фирмы Львовны была бібліотека: въ диванной стоялъ шкафъ; на верхней этажъ его былъ занятъ никогда-неупотреблявшимся папируснымъ чайнымъ сервизомъ, а нижній книгами; въ немъ было полсотни французскихъ романовъ; часть ихъ тѣшила и образовала въ незапамятныя времена графиню Мавру Ильиничну, ослѣпшая купидомъ Глафира Львовна въ первый годъ послѣ выхода замужъ; она тогда все покупала: календарь для мужа, портфель видами Берлина, отличный ошейникъ съ золотымъ замочкомъ, число этихъ ненужностей, купала она десятка четыре модныя книги; между ними попались двѣ-три англійскія, также захватившія въ деревню, не смотря на то, что не только въ Негрова, но на четыре географическія мили кругомъ никто не по-англійски. Ихъ она взяла за лондонскій переплетъ; переплетъ былъ дѣйствительно очень-хорошъ. Глафира Львовна охотилась звать Любоньку брать книги, даже поощрала ее къ этому, вѣря, что и она страстно любитъ чтеніе и очень жальбаго, что домашнія заботы по хозяйству и воспитанію не оставяютъ времени почитать. Любонька читала охотно, внимательно; но большого пристрастія къ чтенію у ней не было; она не так привѣтливо къ книгамъ, чтобъ она ей сдѣлалась необходимостью; что-то все казалось ей вѣкъ, даже Вальтеръ Скоттъ на подлѣ-часть на Любоньку страшную скуку. Однакожъ, беззаботно, окружавшей молодую дѣвушку, не подавила ея развѣсѣвъ напротивъ, пошла обстоятельна, въ которыхъ ходила, скорѣе способствовала усиленію мощнаго роста. — это тайна женской души. Дѣвушка вѣкъ съ самаго начала прилаживается къ окружающему ее, что ужъ въ четверть конетничаетъ, смѣтничаетъ, дѣлаетъ глаза пронзительно, много озираетъ, замѣчаетъ, но крадутъ ли герничатъ на харь, и готовится въ ночной дѣлѣ дома и въ строгости, — или съ необычайною легкостью освобождается отъ сора, побѣждаетъ видѣнное внутреннимъ благородствомъ, и

и стремление постигает жизнь и приобретает тактъ, хранимый, интуитивной ея. Такое развитіе почти-неизвѣстно мужчинам; моего брата учатъ, учатъ и въ гимназіяхъ, и въ университетахъ, а въ бильярдныхъ, и въ другихъ болѣе или менѣе педагогически заведеніяхъ, а все не ближе, какъ лѣтъ въ тридцать-пяти приобретаемъ, вывѣсть съ потерей волею, силой, страстей, ту степень развитія и пониманія, которая у женщины впередъ идетъ, вывѣсть объ-руку съ юностью, съ полнотою и свѣжестью чувствъ.

Любовька было двѣнадцать лѣтъ, когда нѣсколько словъ, изреченныхъ жесткихъ и грубыхъ, сказанныхъ Негровымъ въ минуту отеческой досады, въ нѣсколько часовъ воспитали ее, дали ей толчекъ, послѣ котораго она не останавливалась. Съ двѣнадцати лѣтъ, эта головка, покрытая темными кудрями, стала работать; кругъ вопросовъ, возбужденныхъ въ ней, былъ не великъ, совершенно-личны, тѣмъ-болѣе она могла сосредоточиваться на нихъ; ничто внѣшнее, окружающее, не занимало ее; она думала и мечтала, мечтала для того, чтобъ облегчить свою душу, и думала для того, чтобъ понять свои мечты. Такъ прошло пять лѣтъ. Пять лѣтъ въ развитіи дѣвушка — огромная эпоха; задумчивая, скрытно-наименная Любовька въ эти пять лѣтъ стала чувствовать и понимать такія вещи, о которыхъ добрые люди часто не догадываются до гробовой доски; она иногда боялась своихъ мыслей, упрекала себя за свое развитіе — но не усыпидла дѣятельности своего духа. Нѣкому было ей сообщать все занимавшее ее, все собиравшееся въ груди; подлѣ-конецъ, не имѣя силы носить всего въ себя, она попала на мысль, очень-обыкновенную у дѣвочки: она стала выписывать свои мысли, свои чувства. Это было нечто въ родѣ журнала; для того, чтобъ познакомиться вѣсть съ нею, выписываемъ въ этого журнала слушающія строки:

Вчера вечеромъ сидѣла я долго подлѣ окна; ночь была теплая, въ саду такъ хорошо... не знаю, отъ-чего мнѣ все дѣлалось грустно и грустно, будто темная туча поднялась надъ глубины души; мнѣ было такъ тяжело, что я заплакала, горько плакала... У меня есть отецъ и мать, — но я сирота; я одна живу съ всѣмъ бѣгомъ свѣтъ, и съ ужасомъ чувствую, что никто не любитъ. Это страшно! На кого имъ посмотреть, все любить кого-нибудь мнѣ не могу, — кому любить и не могу. Мнѣ иногда кажется, что я люблю Алексѣя Ивановича, Глафиру Львовну, Машу, сестру, — но я себя обманываю. Алексѣй Ивановичъ такъ жестко обращается со мной; онъ мнѣ больше чужой, нежели дядя Львовна; но онъ отецъ мой: развѣ дѣти судятъ своего отца? развѣ они любятъ его за что-нибудь; его любить за то, что онъ отецъ — я не могу. Сколько разъ думала я себѣ слово съ прогостью: слушать его неправдливый упрямый не могу привидѣнуть? мать-подлѣе Алексѣя, Александровичъ становится... мое сердце бьется сильнее, и, кажется, еслибъ, я дала себѣ волю, то отдала бы ему съ той же жесткостью... Любовь мою къ матери у меня испорчили, отняли; едва четыре года, какъ я узнала, что она моя мать; мнѣ было

прочно привыкнуть къ мысли, что у меня есть мать: я ее любила какъ на лицу... се-то я люблю, но, боюсь признаться, мнѣ тяжело съ ней; я до многого скрывать, говоря съ нею; это мѣшаетъ, это тяготитъ; надобно все рить, когда любишь; мнѣ съ нею несвободно; добрая старушка — она бо дтя, нежели я; да къ-тому же, она привыкла звать меня барышней, гов мнѣ ем,—это почти тяжело грубаго языка Алексѣя Абрамовича. Я мол о нихъ и о себѣ, просила Бога, чтобъ Онъ очистилъ мою душу отъ гора смирилъ бы меня, низпослалъ бы любовь, — но любовь не низпосла в сердце.

Черезъ недѣлю.— Не-уже-ли всѣ люди похожи на *нихъ* и неважъ такъ же какъ въ этомъ домѣ? Я никогда не оставляла дома Алексѣя Абрамовича, и кажется, что можно лучше жить, даже въ деревнѣ; иногда мнѣ кажется тяжело съ ними, — или я одичала, сидя все одна? То ли дѣло, какъ уйду по новую аллею, да сяду на лавочкѣ въ концѣ ея и смотрю вдаль,—тогда мнѣ рошо, я забываю ихъ; не то, чтобъ весело, скорѣе грустно — но хорош стно... Подъ горою село; люблю я эти бѣдныя избы крестьянъ, рѣчку щую возлѣ, и рожу вдали; я цѣлые часы смотрю, смотрю и прислуши то нѣсья раздается вдали, то стукъ цеповъ, то лай собакъ и скръи те А тутъ, лишь-только увидать мое бѣлое платье, бѣгутъ ко мнѣ крест мальчики, приносятъ мнѣ землянику, рассказываютъ всякій вздоръ, слушаю ихъ, и мнѣ не скучно. Какія славныя лица у нихъ, открытыя родныя! кажется, еслибъ ихъ воспитывать такъ, какъ Мишу, чтд за дн ихъ вышли бы! Они приходятъ иногда къ Мишѣ на господскій дворъ, ко я прячусь тамъ отъ нихъ: наши дворовые и сама Глафира Львовна т бо обращаются съ ними, что у меня сердце кровью обливадается; они, ки, стараются всѣмъ на свѣтѣ услужить брату, бѣгаютъ, ловятъ ему птицъ,—а онъ обиждаетъ ихъ... Странно, Глафира Львовна пречувствн плачетъ, когда рассказываютъ что-нибудь печальное, а иногда и ул ея жестокости; она, какъ-будто стыдась, всегда говоритъ: «они это внимають, съ ними нельзя обходиться но-человѣчески, тотчасъ забудут не вѣрится: видно крестьянская кровь моей матери осталась въ моихъ Я всегда съ крестьянками говорю, какъ съ другими, какъ со всѣми, и ня любятъ, носятъ мнѣ топленое молоко, соты; правда, онѣ мнѣ не к въ поясъ, какъ Глафирѣ Львовнѣ, зато встрѣчаютъ всегда съ веселымъ съ улыбкой... Не могу никакъ понять, отъ-чего крестьяне нашей дер ше всѣхъ гостей, которые ѣздятъ къ намъ изъ губернскаго города сѣдова, и гораздо-умнѣе ихъ, — а вѣдь тѣ учились, и все похвалянк ники,—а такіе все противныя...

Вѣроятно ли, чтобъ дѣвушка, воспитанная въ патріа семьѣ Негрова, лѣтъ семнадцати отъ роду, выкуда же в швалъ, мало читавшая, еще менѣе видѣвшая, такъ чувствон фактическую достовѣрность журнала отвѣчаетъ совѣсть со го документы; за психическую позвольте вступиться мнѣ ное положеніе Любоньки въ домъ Негрова вы знаете; природы одаренная энергіей и силой, была оскорбляема стерию двусмысленнымъ отношеніемъ ко всей семьѣ, по л своей матери, отсутствіемъ всякой деликатности въ отцѣ щемъ, что вина ея рожденія падаетъ не на него, а на я

ить всего дворцово, которая, съ свойственными лакеямъ аристократическимъ направленіемъ, съ ироніей смотрѣла на Дуню. Куда же было дѣться Любонькѣ, отовсюду отталкиваемой? Она, можетъ-быть, бѣжала бы въ полкъ, или не знаю куда, еслибъ она была мужчиной; но дѣвшкой она бѣжала въ самое-себя; она годы выжила свое горе, свои обиды, свою праздность, свои мысли; когда не было удовлетворенія естественной, сильной потребности высказаться кому-нибудь, — она схватила перо, она стала писать, то есть, высказывать, такъ-сказать, самой-себѣ занимавшее ее, и тѣмъ облегчить свою душу.

Нельзя надебно проникательности, чтобъ предвидѣть, что встрѣча Любоньки съ Круциферскимъ при тѣхъ обстоятельствахъ, при которыхъ они встрѣтились, даромъ не пройдетъ. Едва многолѣтнія услія воспитанія и свѣтская жизнь достигаютъ до приуготовленія въ молодыхъ людяхъ способности и готовности любить. Любонька и Круциферскій не могли не замѣтить другъ друга: они были одни, они были въ степи... Долгое время застѣчивый кандидатъ не смѣлъ сказать съ Любонькой двухъ словъ; судьба ихъ познакомила молча. Первое, что сблизило молодыхъ людей, была отеческая простота въ обращеніи Негрева съ своими домашними и съ прислугой. Любонька цѣлой жизнію, какъ сама высказала, не могла привыкнуть къ грубому тону Алексѣя Абрамовича; само-собою разумѣется, что его выходыки дѣйствовали еще сильнѣе въ присутствіи посторонняго; ея пылающія щеки и собственное волненіе не помѣшали, однакожъ, ей разглядѣть, что патріархальныя манеры дѣйствуютъ точно также и на Круциферскаго; спустя долгое время, и онъ въ свою очередь замѣтилъ то же самое; тогда между ними устроилось тайное пониманье другъ друга; оно устроилось прежде, нежели они помѣнялись двумя-тремя фразами. Какъ-только Алексѣй Абрамовичъ начиналъ шмыгать вадъ Любонькой, или поучать уму и нравственности какого-нибудь шестидесятилѣтняго Спирьку, или сѣдаго, какъ лунь, Матюшку, страдающій взглядъ Любоньки, долго прикованный къ полу, невольно обращался на Дмитрія Яковлевича, у котораго дрожали губы и выходили пятна на лицѣ; онъ точно такъ же, чтобъ облегчить тяжело-непріятное чувство, искалъ украдкой прочесть на лицѣ Любоньки, что дѣлается въ душѣ ея. Они сначала не думали, куда поведутъ эти симпатическіе взгляды, ихъ болѣе нежели кого-нибудь, потому-что во всемъ ихъ окружавшемъ не было ничего, что могло бы не только перевесить, но держать въ предѣлахъ, умалекать возникавшую симпатію; совсѣмъ напротивъ, совершенная нуждость остальныхъ лицъ способствовала ея развитію.

Я никакъ не намѣренъ отказывать вамъ слово въ слово по любви моего героя; мнѣ музы отказали въ способности описать любовь:

О, ненависть, тебя пою!

Скажу вамъ вкратцѣ, что черезъ два мѣсяца послѣ водворенія въ домъ Негрова, Круциферскій, отъ природы нѣжный и восторженный, былъ безумно, страстно влюбленъ въ Любоньку. Любонька была средоточіемъ, около котораго расположились все эманты его жизни; ей онъ подчинялъ все: и свою любовь къ родителямъ и свою науку, — словомъ, онъ любилъ, какъ можетъ любить первая, романтическая натура, — любилъ какъ Вертеръ, какъ Владиміръ Лемскій. Долго не признавался онъ самъ себѣ въ томъ чувствѣ, охватившемъ всю грудь его, еще долже не выскрикнулъ ей, даже не смѣлъ объ этомъ думать, — но больше думать и не смѣло думать: такіа вещи дѣлаются сами-собою. Однажды послѣ обѣда, когда Негровъ въ кабинетѣ, а Глафирица въ диванной отдыхали, въ залъ сѣдла Любонька, и Круциферскій читалъ ей вслухъ стихотворенія Жуковского. До какой степени опасно и вредно для молодого человѣка читать молоденькимъ что-нибудь, кромѣ курса чистой математики, — это разсказала на томъ свѣтѣ Франческа да Римини Данту, вертась въ пиджакѣ въ вальсѣ della bufeta infernal: она разсказала, какъ перешла отъ чтенія къ поцалу, и отъ поцалу къ трагической развязкѣ. Наши молодые люди этого не знали, и уже нѣсколько дней предавались своей любви Жуковскимъ, которая привезла кандалы. Пока они читали «Ивковы Журавли», — все шло хорошо; но, прыгъ убійцу по этому дѣлу, они перешли къ «Алинь и Альсин» — тогда случилось вотъ что. Круциферскій, прочитавъ дрожащимъ голосомъ первую строку, отеръ съ лица своего потъ и, задыхаясь, началъ еще сидяющіе стихи:

«Когда случится жизни въ цвѣтѣ

Сказать душой

Вну: ты будь моя на свѣтѣ»

остановился и зарыдалъ въ три ручья; книга выпала у него изъ рукъ, голова склонилась: — и онъ рыдалъ, рыдалъ безумно, думая, какъ только можетъ рыдать человекъ въ первый разъ влюбленнымъ. «Что съ вами?» спросила Любонька, у которой тогда сердце билось сильно, и слезы навернулись на глазахъ. «Что вамъ?» повторила она, боясь всей душой отвѣта. Круциферскій схватилъ ея руку, и, одушевленный какой-то новой, невзданной силой, не смѣя прочесть воднять глазъ, сказалъ ей: «будьте; бу

те моей Алиной!.. я... я...» Больше онъ не могъ нич— Малев, д—
вить. Любонька тихо отдернула свою руку; ея щеки фрюбуч; она
запыгала и вышла вонъ. Круциферскій не сдѣлалъ нич—, чтобъ
остыжить ее; врядъ-ли даже желалъ онъ этого. Боже мой! ду—
малъ онъ: что я надѣлалъ... Но она такъ тихо, такъ кротко вы—
нула свою руку... И онъ опять плакалъ, какъ ребенокъ.

Вечеромъ въ тотъ день, Элиза Августовна сказала шутя Круци—
ферскому: «Вы вѣрно влюблены? Разсѣяны, печальны...» Круци—
ферскій покраснѣлъ до ушей. «Видите, какая я мастерица отгады—
вать; не хотите ли, я вамъ загадаю на картахъ?» Дмитрій Яков—
левичъ испыталъ все, что можетъ испытать злѣйшій преступникъ,
незвующій, что извѣстно производящему слѣдствіе, и на что онъ
навекаеть. «Ну, что жь, хотите?» спрашивала неотвязчивая Фран—
дуженка. — Сдѣлайте одолженіе, отвѣчалъ молодой человекъ. И
вотъ Элиза Августовна начала съ какою-то демонической улыбкой
раскладывать карты, приговаривая: «А вотъ дама de vos pensées...
а вы пресчастливы: она легла возлѣ вашего сердца... Поздравляю,
поздравляю... возлѣ червонный тузъ... она васъ очень любить...
Это что? — не смѣетъ вамъ сказать. Да вы что за жестокой кавалеръ,
заставляете ее страдать!» и проч. При каждомъ словѣ Эли—
за Августовна устремляла на него пропитательныя глазки свои и
рдовалась отъ всей души пыткой, которой подвергала несчастнаго
молодаго человека. — «Pauvre jeune homme, она васъ не заста—
вить такъ страдать—ну, гдѣ же найдти такую камениую душу...
— Да вы говорили ли когда-нибудь ей о вашей любви? — Вѣр—
но, нѣтъ!»—Круциферскій блѣднѣлъ, краснѣлъ, синѣлъ, желтѣлъ
— и наконецъ спасся бѣгствомъ. Пришедши къ себѣ въ комнату,
онъ схватилъ листъ бумаги; сердце его билось; онъ восторженно,
увлекательно изливалъ свои чувства; это было письмо, поэма, мо—
лтва; онъ плакалъ, былъ счастливъ — словомъ, писавши онъ
испыталъ мгновенія полного блаженства. Эти мгновенія, обыкно—
венно рвущія, какъ молпіл, — лучшее, прекраснѣйшее достояніе на—
шей жизни, котораго мы не умѣемъ цѣнить, и, вмѣсто того, чтобъ
унизаться имъ, мы торопимся, суетимся, тревожные, ожидающіе
все чего-то въ будущемъ...

Окончивъ посланіе, Круциферскій сошелъ внизъ. Пили чай. Лю—
бонька не выходила изъ своей комнаты, у ней болѣла голова.
Глафира Львовна была особенно-очаровательна, но на нее никто
не обратилъ вниманія. Алексій Абрамовичъ глубокомысленно ку—
рилъ свою трубку (вы вѣроятно не забыли, что его видъ былъ оп—
тический обманъ). Элиза Августовна, проходя за своей чашкой, на—
шла случай сказать Круциферскому, что ей нужно съ нимъ пого—
ворить. Разговоръ не вязался; Миша дразнилъ собаку, она лаяла,—

Несколько ее выгнать; наконецъ, горничная съ холодивной
руки ника... несла самоваръ; Алексѣй Абрамовичъ началъ раскла-
вать и мо... пасьянсъ, Глафира Львовна жаловалась на боль въ
ловѣ. Круциферскій вышелъ въ залу; начинало смеркаться. Эл-
Августовна была ужь тамъ. «Когда смеркнется, выйдите на б-
конь; васъ будутъ ждать» — сказала она. Круциферскій былъ
живъ, ни мертвъ... Вѣрить ли, пить ли?... ему назначено свидан-
можетъ-быть, она, негодующая, хочетъ высказать ему свой гнѣ-
можетъ... И онъ выбѣжалъ въ садъ; ему показалось, что вдали,
липовой аллеѣ мелькнуло бѣлое платье, но идти туда онъ
силь, онъ не зналъ даже, пойдетъ ли онъ на балконъ — а
развѣ для того, чтобъ отдать письмо, на одну минуту — толь-
отдать... по страшно вздумать, какъ взойти на балконъ.
Онъ посмотрѣлъ наверхъ: въ углу балкона виднѣлось,
смотря на то, что совсѣмъ смеркло, бѣлое платье. Это она, онъ
грустная, задумчивая—она, быть-можетъ, любящая!.. И онъ ста-
па первую ступеньку лѣстницы, которая вела изъ сада на ба-
конь. Какъ онъ достигнулъ наконецъ верхней, я не берусь вамъ
передать. «Ахъ, это вы?» спросила Любонька шопотомъ. Онъ
молчалъ, захлебываясь воздухомъ, какъ рыба. «Какой вечеръ пр-
красный!» продолжала Любонька. «Простите меня, простите, Бо-
ради!» отвѣчалъ Круциферскій, и рукою мертвеца взялъ ея руку.
Любонька не отдергивала. «Прочтите эти строки» сказалъ онъ,
вы узнаете то, о чемъ мнѣ говорить такъ трудно...» и снова по-
токъ слезъ оросилъ его пылающія щеки. Любонька жала его ру-
ку; онъ облилъ слезами ея руку и осыпалъ поцалуями. Она взяла
письмо и спрятала на груди своей. Одушевленіе его росло, и я
знаю, какъ случилось, но уста его коснулись ея устъ; первый по-
цалуи любви—горе тому, кто не испыталъ его! Любонька, увле-
ченная, сама напечатлѣла страстный, долгій, трепещущій поца-
луй... Никогда Дмитрій Яковлевичъ не былъ такъ счастливъ; онъ
склонилъ голову себѣ на руку, онъ плакалъ... и вдругъ, поднявъ
ее, вскрикнулъ: «Боже мой, что я надѣлалъ!» Онъ тутъ только
разглядѣлъ, что это была вовсе не Любонька, а Глафира Львовна
—«Другъ мой, успокойся!» сказала умирающая отъ избытка жив-
ни Негрова; но Дмитрій Яковлевичъ давно уже сбѣжалъ съ лѣст-
ницы; сойдя въ садъ, онъ пустился бѣжать по липовой аллеѣ,
вышелъ вонъ изъ сада, прошелъ село и упалъ на дорогѣ, лишеш-
ный силъ, близкій къ безумію, къ удару. Тутъ только вспомнилъ
онъ, что письмо осталось въ рукахъ Глафиры Львовны. Что дѣ-
лать? — И онъ рвалъ свои волосы и, какъ разсерженный звѣрь,
катался по травѣ.

Для поясненія страннаго qui pro quo, намъ надобно при остано-

вѣтъ и сказать нѣсколько пояснительныхъ словъ. — Маленькіе глаза Элизы Августовны, очень-наблюдательныя и пріобученныя къ делу, замѣтили, что съ-тѣхъ-поръ, какъ семья Негрова увеличилась вступленіемъ въ нее Круциферскаго, Глафира Львовна сдѣлалась нѣсколько-внимательнѣе къ своему туалету; что блуза ея какъ-то иначе надѣвалась; появились всякіе воротнички, разные чепчики, обращено было вниманіе на волосы, и густая коса Шалочки, имѣвшая несчастіе подходить подъ цвѣтъ остатковъ шелюры Глафиры Львовны, снова начала привязываться, не смотря на то, что ее уже немножко подѣвла мошь. Въ самомъ мягкомъ и дородномъ лицѣ почтенной матери семейства оказались какія-то новыя черты, доселѣ тихо скрывавшіяся въ полнотѣ ея ланитъ; то улыбка и глаза сдѣлаются масляные, то вздохъ и глаза сдѣлаются медовые... Элиза Августовна не проронила ни одной изъ этихъ переменъ; когда же она, случайно зашедши въ комнату Глафиры Львовны во время ея отсутствія, и случайно отворивъ ящикъ туалета, нашла въ немъ початую баночку rouge végétal, которая лѣтъ пятнадцать покоилась рядомъ съ какой-то глазной примочкой въ кладовой, — тогда она воскликнула внутри своей души: «теперь пора и мнѣ выступить на сцену!» Въ тотъ же вечеръ, оставшись наединѣ съ Глафирой Львовной, мадамъ начала рассказывать о томъ, какъ она, разумется, княгиня, интересовалась однимъ молодымъ человѣкомъ; какъ у нея (т. е. у Элизы Августовны) сердце изныло, видя, что ангель-княгиня сохнетъ, страдаетъ; какъ княгиня, наконецъ, пала на грудь къ ней, какъ къ единственному другу, и живописала ей свои волненія, свои сомнѣнія, прося ея совѣта; какъ она разрѣшила ея сомнѣнія, дала совѣты; какъ потомъ княгиня перестала сохнуть и страдать, напротивъ, начала толстѣть и веселиться. Глафира Львовна сгорала вечернимъ огнемъ своимъ отъ этихъ расказней. Обыкновенно думаютъ, что толстые люди неспособны ни къ какой страсти — это неправда: пожаръ бываетъ очень-продолжителенъ тамъ, гдѣ много жирныхъ веществъ, — лишь бы разгорѣться. А Элиза Августовна, какъ видите, заняла должность раздувательныхъ мѣховъ и раздула маленькія эротическія искорки, бѣгавшія по Глафирѣ Львовнѣ, въ довольно-большой огонекъ. Она не дошла, правда, до того, чтобъ Глафира Львовна ей повѣрила свою тайну; она вмѣла даже великодушіе не вынуждать у нея признанія, потому что это было вовсе не нужно: она хотѣла имѣть Глафиру Львовну въ своей власти — и успѣхъ былъ несомнѣненъ. Глафира Львовна въ-продолженіе двухъ недѣль сдѣлала ей два подарка — купавинской фабрики платокъ и одно изъ своихъ шелковыхъ платьевъ.

Круциферскій, чистый и дѣвственный не только въ поступкахъ, но и въ самыхъ мечтахъ, не догадывался, что значить предупредительная услужливость Француженки, ея двусмысленные намеки и наконецъ двусмысленные взгляды Глафиры Львовны. Эта недостатливость его, застычивая разсѣянность и потупленные взоры раздували болѣе и болѣе страсть сорокалѣтней женщины; странное испроверженіе обыкновеннаго отношенія половъ придало особый интересъ; въ-самомъ-дѣлѣ, Глафира Львовна играла роль завоевателя и соблазнителя, а Дмитрій Яковлевичъ — невинной дѣвушки, около которой злонамѣренный паукъ началъ плести свою паутину. Добрый Негровъ ничего не замѣчалъ, ходилъ по-прежнему разспрашивать садовникову жену о состояніи фруктовыхъ деревьевъ, и тотъ же миръ и совѣтъ царилъ въ патриархальномъ домѣ Алексія Абрамовича. — Теперь мы можемъ возвратиться и въ салонъ.

Глафира Львовна, не понимая хорошенько бѣгства своего Юсефа, прохладивъ себя нѣсколько вечернимъ воздухомъ, пошла въ спальню и какъ-только осталась одна, т. е. вдвоемъ съ Элизой Августовной она вынула письмо; ея обширная грудь волновалась; она дрожащими перстами развернула письмо, начала читать и вдругъ вскрикнула какъ-будто ящерица или лягушка, завернутая въ письмо, скользнула ей за пазуху. Три горничныя вбѣжали въ комнату, Элиза Августовна схватила письмо, Глафира Львовна требовала одеколонъ, испуганная горничная подала ей летучей мази, она велѣла себѣ лить ея на голову... «Ah, le traître, le scélerat!.. можно ли было ожидать отъ этой скромницы... Англичанка-то наша.. нѣтъ, этого хамовъ поколѣнія ничѣмъ не облагородишь: ни искры благодарности, ни чего... я отогрѣла змѣю на груди своей!» Элиза Августовна была въ положеніи одного моего знакомаго чиновника, который, въ жизнь успѣшно плутовавъ, подалъ въ отставку, будучи увѣренъ, что его нечѣмъ замѣнить; подалъ въ отставку, чтобъ остаться на службѣ—и получилъ отставку: обманывая цѣлый вѣкъ, онъ считалъ тѣмъ, что обманулъ самого-себя. Какъ женщина сметлива она поняла, въ чемъ дѣло, поняла, какого маху она дала; да тѣмъ вмѣстѣ сообразила, что она и Глафира Львовна столько же въ рукахъ Круциферскаго, сколько онъ въ ихъ, сообразила, что если ревность Глафиры Львовны раздражитъ его, онъ можетъ уличить Элизу Августовну, и если не имѣетъ средства доказать, все же бросить недовѣріе въ душу Алексія Абрамовича. По она обдумывала, какъ укротить гнѣвъ оставленной Дидоны, вошла въ спальню Алексія Абрамовича, зѣвая и осѣняя крестомъ ротъ свой, — Элиза Августовна была въ отчаяніи. — «Алексисъ воскликнула негодующая супруга: «никогда бы въ голову мнѣ

срешу, что случится; представь себя, мой друг: этот скромный учитель — онъ въ перепискѣ съ Любовью, да въ какой дружкѣ — читать ужасно; погубилъ беззащитную сироту!.. Я тебе пишу, чтобы завтра его нога не была въ нашемъ домѣ. Пошли, переди глазами нашей дочери... она, конечно, еще ребенокъ, но это можетъ поддѣлываться на воображенію.»

Алексей не былъ одаренъ способностью особенно-быстро понимать дѣла и обсуживать ихъ. Къ-тому же, онъ былъ удивленъ не мало, какъ въ медовый мѣсяцъ послѣ свадьбы, когда Глафира Львовна заклинала его могилкой матери, прахомъ отца, позволить ей идти преступной любви. Сверхъ всего этого, Петровъ хотѣлъ смертельно спать; время для доклада о перехваченной перепискѣ было дурно выбрано: человекъ сонный можетъ только сердиться на того, кто ему мешаетъ спать — нервы дѣйствуютъ слабо, не находятъ подъ влияніемъ устали.

— Что такое? какая переписка у Люби?

— Да, да, переписка у Любовни съ этимъ студентомъ... Благоправница-то наша... Ужь признаться, отъ такого рожденія всегда бываютъ такіе плоды!..

— Ну что же въ этой перепискѣ? стакнулись что ли? А? Поля, береги дѣвку въ семнадцать лѣтъ; не даромъ все одна сидитъ, голова болитъ, да то, да се... Да я его мошенника жениться на ней заставляю. Что онъ, забылъ что ли, у кого въ домѣ живетъ? Гдѣ письмо? Фу ты пропасть какая, какъ мелко писано! учитель, а самъ писать не умѣетъ, выводитъ мышиными лапки. Прочти-ка, Глаша.

— И я читать не стану такихъ скандалей.

— Вздоръ какой несетъ! сорокъ лѣтъ бабѣ, а все-еще туда же! Дашка, принеси очки изъ кабинета.

Дашка, хорошо знавшая дорогу въ кабинетъ, принесла очки. Алексей Абрамовичъ сѣлъ къ свѣчкѣ, зѣвнулъ, приподнялъ верхнюю губу; что придавало его носу очень-почтенное выраженіе, прищуривъ глаза и началъ съ большимъ трудомъ, съ какимъ-то тяжело-книжнымъ произношеніемъ читать:

«Да, будьте моей Алинкой. Я безумно, страстно, восторженно люблю васъ; даже имя Любовь...»

— Экой баловникъ какой! прибавилъ генераль.

«...Я ничего не надѣюсь; я не сижу и мечтаю объ вашей любви; но моя грудь охватываетъ-тѣса, я не могу не высказать вамъ, что я васъ люблю. Прощайте мнѣ, у вашихъ ногъ прощусь васъ — простите...»

— Фу ты вздоръ какой! Это еще начало первой страницы... Вотъ, братъ, довольно! Покорный слуга читать белиберду такую!..

Предупредить было не ваше дѣло? Чего смотрѣли? Затѣи дѣломъ стакнуться?.. Ну, да бѣда-то не велика, у бабы волесть, да логъ, да умъ коротокъ. Что нашли въ письмѣ? враки; а, то-е на-счетъ того ничего нѣтъ... А замужъ Любу пора, и онъ чѣмъ женихъ? Докторъ говоритъ, что онъ десятого класса. Покупай-ка позартачься у меня... Утро вечера мудренѣе; пора съ прощай, Лизавета Августовна; глаза зорки, а не доглядѣла... ну завтра поговоримъ!

И генералъ сталъ раздѣваться, и черезъ минуту захрипѣлъ уснуть съ мыслию, что Круциферскій у него не отвертится, онъ его женить на Любѣ — ему наказанье, а ее пристроитъ мѣсту.

Это былъ день неудачъ. Глафира Львовна никакъ не ожидала, что въ умѣ Цегрова дѣло это приметъ такой оборотъ; она забавлялась какъ въ послѣднее время сама безпрестанно говорила Нелюбу о томъ, что пора Любу отдать замужъ; съ бѣшенствомъ влюбленной старухи бросилась она на постель и готова была кинуть наволочки, а можетъ-быть, и въ-самомъ-дѣлѣ кусала ихъ.

Бѣдный Круциферскій все это время лежалъ на травѣ; онъ искренно, такъ отъ-души желалъ умереть, что будь это во имя дамскаго управленія парокъ, онъ бы не вытерпѣли и перерезалъ бы его ниточку. Удрученный тягостными чувствами, предчувствіемъ отчаянію и страху, страху и стыду, изнеможенный, онъ къ вечеру, тѣмъ началъ Алексій Абрамовичъ—уснуть. Не будь у него *febris eptica*, какъ выражался на-счетъ любви докторъ Круциферскій у него непремѣнно сдѣлалась бы *febris catharralis*; но тутъ роса была для него благотворна: сонъ его, сначала тревожный, успокоился, и когда онъ проснулся часа черезъ три, — солнце было высоко... Гейне совершенно-правъ, говоря, что это старая штука сюда оно всходитъ, а тамъ садится; тѣмъ не менѣе, эта штука недурна; какова она должна быть для влюбленнаго — рать нечего. Воздухъ былъ свѣжъ, полонъ особаго утренняго роса тяжелыми, бѣловатыми массама подавалась назадъ, она за собою миллионы блестящихъ капель; пурпуровое освѣщеніе непривычныя тѣни придавали что-то новое, странно-изящное; ревьямъ, крестьянскимъ избамъ, всему окружающему; птицы на разные голоса; небо было чисто. Дмитрій Яковлевичъ и на душѣ у него сдѣлалось легче; перель намъ вилась и давала дорога; онъ долго смотрѣлъ на нее и думалъ: не уеду ли я по ней, не убѣжать ли отъ этихъ людей, воймавшихъ тайну, его святую тайну, которую онъ самъ уронилъ в... Какъ онъ воротится домой, какъ встрѣтится съ Глафирой Львовной... лучше бы бѣжать! Но какъ же оставить ее, гдѣ на

на разстаться съ нею?.. И онъ тихими шагами пошелъ назадъ. Вошедши въ садъ, онъ увидалъ въ липовой аллеѣ белое платье; яркій румянецъ выступилъ у него на щекахъ при воспоминаніи о странной ошибкѣ, о первомъ поцелуѣ; но на этотъ разъ тутъ была Любонька; она сидѣла на своей любимой лавочкѣ и задумчиво, нѣмнѣе смотрѣла въ даль. Дмитрій Яковлевичъ прислонился къ дереву и съ какими-то вдохновеннымъ упоеніемъ смотрѣлъ на нее. Въ самомъ дѣлѣ, въ эту минуту, она была поразительно-хороша; какая-то мысль сильно занимала ее; ей было грустно, и грусть эта придавала нѣчто величественное чертамъ ея, энергическимъ, рѣшительнымъ, юно-прекраснымъ. Молодой человѣкъ долго стоялъ, погруженный въ созерцаніе; его взглядъ былъ полонъ любви и благочестія; наконецъ онъ рѣшился подойти къ ней. Необходимость съ нею поговорить была велика; ее надобно было предупредить насчетъ письма. Любонька нѣсколько смутилась, увидя Крупцера; но тутъ не было никакой натяжки, ничего театральнаго; бросивъ быстро взглядъ на утренній маршаль свой, въ которомъ она не ожидала встрѣчи ни съ кѣмъ, и также быстро оправивъ его, она подняла спокойный, благородный взглядъ на Дмитрія Яковлевича. Дмитрій Яковлевичъ стоялъ передъ нею, сложивъ руки на груди; она встрѣтила взоръ его умоляющій, исполненный любви, страданія, надежды, упоенія, и претянула ему руку; онъ схватилъ ее со слезами на глазахъ... Господи! какъ въ юности хороша чело-вѣкъ!..

Признаніе, вырвавшееся по поводу «Алины и Альсыма», сильно потрясло Любоньку. Она гораздо-прежде, съ той же женской проницательностью, о которой мы говорили, чувствовала, что она любила; но это было нѣчто подразумеваемое, неназванное словомъ; теперь слово было промолвлено, и она вечеромъ писала въ свѣтъ журналъ:

«Едва теперь могу сколько-нибудь привести въ порядокъ мои мысли. Ахъ, какъ онъ плакалъ! Боже мой, Боже мой! Я никогда не думала, чтобы мужчина могъ такъ плакать. Его взглядъ одаренъ какой-то силой, заставившей меня трепетать, и не отъ страха; его взглядъ такъ вѣжливъ, такъ кротокъ; кротокъ, какъ его голосъ... Миѣ такъ жаль его было; кажется, еслибы я поцеловала моего сердца, я бы сказала ему, что люблю его, поцеловала бы его для того, чтобы утѣшить. Онъ былъ бы счастливъ... да, онъ любитъ меня; я это вижу, я сама люблю его. Какая разница между нимъ и всѣми, кого я видала! Какъ онъ благороденъ, вѣжливъ! Онъ миѣ рассказывалъ о своихъ родителяхъ: какъ онъ ихъ любитъ! Зачѣмъ онъ миѣ сказалъ: «будь моею Алиной!» у меня есть свое имя, оно хорошо; и его люблю, я могу быть его, остаюсь собою. Достойна ли я любви его? Миѣ кажется, что не могу такъ сильно любить! Опять эта черная мысль, вѣчно терзающая меня...»

— Прощайте, сказала Любонька: — да перестаньте же такъ болѣть письмами; я ничего не боюсь, я знаю ихъ. — Она положила ему

руку такъ дружно, такъ симпатично, и скривая за деревьями Круциферскій остелся. Они долго, долго говорили. Круциферскій былъ больше счастливъ, нежели вчера несчастливъ. Она пошомъ назъ каждого слово ея, носился мечтами Бога—знаеть гдѣ, и видны образъ переплетается со воими. Вездѣ она, она!.. Но мечтанъ ёго по дожила предѣвъ назавать Алексѣя Абрамовича, пришедшій звать его къ нему, Утромъ въ такое время его на разу не требовала Негрова.

— Что? спросилъ его Круциферскій съ видомъ человека, которому, на голову вывали ушатъ холодной воды:

— Да тебѣ, что къ баринку поможайте, стывчать разачокъ до воды-грубо. — Видно было, что исторія письма пришла въ нерешаню.

— Сейчас, сказалъ Круциферскій, полушертвый отъ страха стаяд. — Неро было бояться ему? Кажется, не было никакого сомнѣнн, что Любенька его любитъ; чего ему еще? Однако быт были ни живъ, ни мертвъ отъ страха, да и былъ ни живъ, ни мертвъ отъ стыда; онъ никакъ не могъ сеобразить, что роль Глашперъ Лысовны може не лучше его роли. Онъ не могъ себя представить какъ встрѣтиться съ нею. Известное дѣло, что совершалась ареступленнѣ для несправна неолокостн.

— А что, любезнѣншій, сказалъ Негровъ съ видомъ величественнымъ и прнлчнвымъ важному дѣлу, его занимавшему? — а что это у васъ въ университетѣ что-ли обучаютъ пидулки-то любовнымъ письмамъ?

— Круциферскій молчалъ; быт былъ такъ взволнованъ, что тонъ Негрова его не оскорблялъ. Этотъ видъ растерянный и страдающій напомнилъ храбраго Алексея Абрамовича; и быт чрезвычайне-стронко продолжалъ, глядя прямо въ лицо Дмитрию Яковлевичу:

— Какъ же вы, милостивый государь, осмѣлились въ моемъ домѣ забодить такія шашни? Да что же вы думаете объ моемъ домѣ? Да и я-то что, болданъ что-ли? Стыдно, молодой человекъ, и безразсудственно соврашать бдвную дѣвушку, у которой ни родителей, ни защитниковъ, ни сестоянн... Вотъ вышвыбннй выкт! Отъ того, что всему учать нашего брата, грамматикъ, ариметикъ, а морали не учать... Ославить дѣвушку, лишить добраго имени...

— Да поможайте, отвѣчалъ Круциферскій, у котораго мало-помалу негодование побдннло лознанн неаправое своею положеннѣ — что же я скажунъ? Чн люблю Любовь Александровну (ее звали Александровной вѣроятн потому, что отца звали Алексѣемъ, а какъ мердинера, мужа ея матери, Аксѣюнкъ) и осмѣлился высказати это. Мнѣ самому каздалось, что я никогда не скажу ни слова о мбей

любви, — я не знаю, какъ это случилось; но что же вы находите преступнаго? почему вы думаете, что мои намѣренія порочны?

— А вотъ почему: еслибъ вы были честныя намѣренія, такъ вы бы не стали съ толку сбивать дѣвушку своими бляе-ду, а пришли бы ко мнѣ. Вы знаете, по плоти я ея отецъ, такъ вы бы и пришли ко мнѣ, да и попросили бы моего согласія и позволенія; а вы заднимъ крыльцомъ пошли, да и попались, — прошу на меня не пенять; я у себя въ домѣ такихъ романовъ не допущу; мудрое ли дѣло дѣвкѣ голову вскружить! Нѣтъ, не ожидаю я отъ васъ; вы мастерски прикидывались скромникомъ; и она-то отличилась, поблагодарила за воспитаніе и за попеченіе! Глафира Дьяконова всю ночь проплакала.

— Письмо въ вашихъ рукахъ, замѣтилъ Круциферскій: — вы изъ него можете увидѣть, что оно первое.

— Первый блинъ да комомъ. А что, въ этомъ первомъ письмѣ вы просите ея руки что-ли?

— Я не смѣю и думать.

— Какъ это на одно такъ смѣлы, а на другое робки? Съ какою же цѣлью вы писали мышиныя лапки на целомъ почтовомъ листѣ: кругомъ?

— Я, право, отвѣчалъ Круциферскій, пораженный словами Негрева: — не смѣю и думать о рукѣ Любови Александровны; я былъ бы счастливѣйшій изъ смертныхъ, еслибъ могъ позвѣстать...

— Краснорѣчіе — вотъ васъ этому-то тамъ учить, морочить слово-вами! А позвольте васъ спросить: еслибъ я и позволилъ вамъ сдѣлать предложеніе и былъ бы не прочь выдать за васъ Любу, — тѣмъ же вы станете жить?

Негровъ, конечно, не принадлежалъ къ особенно-умнымъ людямъ; но онъ обладалъ вполнѣ нашей національной спорозной, тѣмъ особымъ складомъ практическаго ума, который такъ разительно называется: «себѣ-на-умъ». Выдать Любу замужъ за кого, былъ тогда было — было его любимою мечтою, особенно несъ тогда, какъ; почтальоны радостно замѣтили, что при ней милая Лизанья терять очень-много. Герардо-прежде письма, Алексѣю Абрамовичу приходило въ голову женить Круциферскаго на Любонькѣ, да и пристрастить его гдѣ-нибудь въ губернской службѣ. Мысль эта являлась на томъ основаніи, на которомъ онъ говорилъ, что если секретарша добренькій подвернется, то Любу я отдаю за него. Первымъ, что ему пришло въ голову, когда онъ открылъ любовь Круциферскаго — заставить его жениться; онъ думалъ, что вѣрнее было бы шалостію, что молодой человекъ не такъ-то легко найдетъ за себя яро брачной миданіи; изъ отвѣтовъ Круциферскаго Негровъ даже видѣлъ, что тогда миданія да прѣчь, и похотѣлъ ему

тотчасъ переизмѣнилъ сторону атаки и завелъ рѣчь о состояніи; бо лось, что Круциферскій, рѣшившись на бракъ, спросить его о приданомъ.

Круциферскій молчалъ; вопросъ Негрова придавилъ чугунино нактою его грудь.

— Вы, продолжалъ Негровъ: — вы не ошибаетесь ли на-счетъ ея состоянія? У нея ничего нѣтъ, и ждать не откуда; конечно, изъ моего дома я выпущу ее не въ одной юбкѣ; но, кромѣ тряпья, не могу ничего дать; у меня своя невеста растетъ.

Круциферскій замѣтилъ, что вопросъ о приданомъ совершенно чуждъ для него. Негровъ былъ доволенъ собою и думалъ про-себя: «вотъ настоящая овца, а еще ученый!»

— Вотъ то-то, любезнѣйшій; съ конца добрые люди не начинаютъ. Прежде, нежели цидулки писать да сбавать съ толку, надо бы подумать, что впередъ; если вы въ-самомъ-дѣль ее любите, да хотѣли руки просить, отъ-чего же вы не позаботились въ будущемъ устройствѣ?

— Что мнѣ дѣлать? спросилъ Круциферскій голосомъ, который потрясъ бы всякаго человѣка съ душою.

— Что дѣлать? Вѣдь вы классный чиновникъ, да еще, кажется, десятаго класса. Ариметику-то да этихъ въ сторону; попроситесь на службу царскую; полно баклуши-то бить, — надо бы быть полезнымъ; подите-ка на службу въ казенную палату: вице-губернаторъ намъ свой человекъ; со-временемъ будете совѣтникомъ — чего вамъ больше? и кусокъ хлѣба обезпеченъ, и почетное мѣсто.

Отъ-роду Круциферскому не приходило въ голову идти на службу въ казенную или въ какую бы то ни было палату; ему было такъ же мудрено себя представить совѣтникомъ, какъ птицей, ежомъ, шмелемъ, или не знаю чѣмъ. Однако, онъ чувствовалъ, что въ основу Негровъ правъ; онъ такъ былъ непроницателенъ, что не сообразилъ оригинальности патріархальности Негрова, который увѣрилъ, что у Любоньки ничего нѣтъ, и что ей ждать не отсюда, и вѣсть съ тѣмъ распорядился ея рукой, какъ отецъ.

— Я могъ бы лучше занять мѣсто учителя гимназіи, сказалъ निकонецъ Дмитрій Яковлевичъ.

— Ну, это будетъ неплоше. Что такое учитель гимназіи? Чиновникъ и нѣтъ, и къ губернатору никогда не приглашаютъ, развѣ одного директора; жалованье бѣдное. — Последняя рѣчь была произнесена обмолоченнымъ тономъ; Негровъ совершенно успокоился насчетъ негопціанки и былъ увѣренъ, что Круциферскій изъ его руки не ускользнетъ.

— Глаша! запричалъ Негровъ въ другую комнату: — Глаша! — Круциферскій поморщился; онъ думалъ, что послѣдній подалуи

любви для Глафиры Львовны такъ же былъ важенъ и поразительнъ, какъ для него первый подалуй, попавшійся не по адресу.

— Чтò тебѣ? отвѣчала Глафира Львовна.

— Поди сюда.

Глафира Львовна вошла, придавая себѣ гордую и величественную вину, которая, разумеется, къ ней не шла и которая худо скрывала ея замѣшательство. По-несчастію, Круциферскій не могъ его замѣтить: онъ боялся взглянуть на нее.

— Глаша! сказалъ Негровъ:— вотъ Дмитрій Яковлевичъ просить любовькиной руки. Мы ее всегда воспитывали и держали какъ дочь родную и имѣемъ право располагать ея рукою; ну, а все же не имѣать съ нею поговорить; это твое женское дѣло.

— Ахъ, Боже мой! вы сватаетесь? Какія новости! сказала съ горечью Глафира Львовна. — Да это сцена изъ «Новой Элоизы»!

Еслибъ я былъ на мѣстѣ Круциферскаго, то сказалъ бы, чтобъ не отстать въ учености отъ Глафиры Львовны:— Да-съ, а вчерашнее происшествіе на балконѣ — сцена изъ «Фоблаза». — Круциферскій промолчалъ.

Негровъ всталъ, въ ознаменованіе конца засѣданія, и сказалъ:

— Только прошу не думать о любовькиной рукѣ, пока не получите вѣста. После всего, советую, государь мой, быть осторожнымъ: я буду имѣть за вами глаза да и глаза. Вамъ почти и оставаться-то у меня въ домѣ неловко. Навязали и мы себѣ заботу съ той Любовькой!

Круциферскій вышелъ. Глафира Львовна съ величайшимъ пренебреженіемъ отзывалась о немъ и заключила свою рѣчь тѣмъ, что такое холодное существо, какъ Любовька, пойдетъ за всякаго, но счастья не можетъ доставить никому.

На другой день утромъ, Круциферскій сидѣлъ у себя въ комнатѣ, погруженный въ глубокую думу. Едва прошли двое сутокъ послѣ чтенія «Алины и Альсима», и вдругъ онъ почти женихъ, она его невѣста, онъ идетъ на службу... Чтò за странная власть рока, которая такъ распоряжается его жизнію, подняла его на вершъ человеческого благополучія, и чѣмъ же? подняла тѣмъ, что онъ поцѣловалъ одну женщину вмѣсто другой, отдалъ ей чужую иважку. Не чудеса ли, не сонъ ли все это? Потомъ онъ припоминалъ опять и опять всѣ слова, всѣ взгляды Любовьки въ липовой аллеѣ — и на душѣ у него становилось широко, торжественно.

Вдругъ послышались чья-то тяжелые шаги по корабельной лѣстницѣ, которая вела къ нему въ комнату. Круциферскій вздрогнулъ и съ какимъ-то полустрахомъ ждалъ появленія лица, поддерживаемаго такими тяжелыми шагами. Дверь отворилась, и вошелъ нашъ старый знакомый, докторъ Круповъ; появленіе его весьма удивило.

кандидата. Онъ всякую недѣлю вѣдилъ разъ, а иногда и два, Негрову, но въ комнату Крциферскаго никогда не ходилъ. Е посѣщеніе предвѣщало что-то особенное.

— Этакая проклятая лѣстница! сказалъ онъ, задыхаясь и обтирая *большимъ* платкомъ потъ съ лица. — Нашелъ же Алексѣй Абримычъ для васъ комнату.

— Ахъ, Семенъ Ивановичъ! произнесъ быстро кандидатъ и покраснѣвъ Богъ-знаетъ почему.

— Ба! продолжалъ докторъ: — да какой видъ изъ оконъ! Это вонъ вдали-то бывъется дубасовская церковь что-ли, — вотъ въправо-то?

— Кажется; навѣрное, впрочемъ, не знаю, отвѣчалъ Крциферскій, пристально посматрѣвъ налѣво.

— Студентъ, неизлечимый студентъ! Ну, какъ живете вы здѣсь мѣсяцы и не знаете, что изъ окна видно. Охъ, молодость!.. Ну дайте-ка вашу руку пощупать.

— Я, слава Богу, здоровъ, Семенъ Ивановичъ.

— Вотъ вамъ и слава Богу, продолжалъ докторъ, подержавъ руку Крциферскаго: — я зналъ это; усиленный и неравномѣрный. Позвольте-на... разъ, два, три, четыре... лихорадочный, жизненная дѣятельность сильно поднята. Вотъ съ такимъ-то пульсомъ чужеземскъ и рывається на всякія глупости: бейся пульсъ ровне, тукъ тукъ, тукъ, тукъ, — никогда бы вы не дошли до этого. Мнѣ тамъ, въ Петербургѣ, почтеннѣйшіи мой, говорятъ: «схотеть-де жениться», — ушамъ же вѣрю; ну, вѣдь малой, думаю, не глупый, а же его и изъ Москвы привезъ... не вѣрю; пойду посмотрю; такъ и есть: усиленный и неравномѣрный; да при этомъ пульсъ не только жениться а чортъ-знаетъ какихъ глупостей можно надѣлать. Ну, кто же въ лихорадочномъ состояніи рѣшится на такой важный шагъ? Подумайте. Пелечитесь прежде, приведите органъ мышленія, т. е. мозгъ въ нормальное состояніе, чтобъ кровь-то ему не мѣшала. Хотите, я пришлю фельдшера пустить вамъ кровь, — ну, такъ, чайную чашечку съ половиной?

— Покорнѣйше благодарю; я не чувствую никакой нужды.

— Гдѣ же вамъ знать, что нужно и что нѣтъ: вѣдь вы недлинныя совсѣмъ не учились, а я выучился. Ну, не хотите кровопусканья, примите глауберовой соли; аптечка со мной; и, пожалуй, дайте.

— Я вамъ очень благодаренъ за участіе, но долженъ предупредить васъ, что я здоровъ, и вовсе не шута, а въ-самомъ-дѣлѣ хочу (здѣсь онъ загнулся)... жениться, и не понимаю, что вы имѣете противъ моего благополучія.

— Очень-многого. Старикъ сдвинулъ пресерьёзное лицо: — Я вась любилъ, молодой человекъ, и потому жалую. Вы, Дмитрій Яковле- шъ, на закатѣ моихъ дней, напомнили мнѣ мою юность, много прежняго напомнили; я вамъ желаю добра, и молчать теперь мнѣ пришлось преступленіемъ. Ну, какъ вамъ жениться въ ваши лѣ- та!.. Вѣдь это Негровъ вась надулъ... Вотъ видите ли, какъ вы шлюзованы, вы не хотите меня слушать—я это вижу, но я вась пытаю выслушать меня; а вта шивють свои права...

— О, нѣтъ, Семенъ Ивановичъ, сказала молодой человекъ, нѣ- сколько смѣшавшись отъ словъ старика:—я понимаю, что изъ люб- и ко мнѣ, изъ желанія добра вы высказываете свое мнѣніе; мнѣ жаль только, что оно несколько-излишне, даже поздно.

— О, еслибъ только-то вы имѣли противъ моего мнѣнія — это сущая бездѣлица; никогда не поздно остановиться. Бракъ... у-у ка- кое тяжелое дѣло! Ввѣда въ томъ, что одни тѣ и не думаютъ, что такое бракъ, которые вступаютъ въ него,—то-есть, послѣ-то и раз- думаютъ на досугѣ, да поздневно: это все febris erotica; гдѣ че- ловѣчку обсудить такой шагъ, когда у него пульсъ бьется, какъ у вась; любезный другъ мой? Вы понтируете на все свое состояніе: можетъ-быть, и удастся сорвать банкъ, можетъ... да какой же ум- ный человекъ будетъ рисковать? Ну, да въ картахъ самъ вишо- нить; самъ и наказавъ: по дѣламъ вору мука. А въ женитьбѣ не- временно съ собою топнись еще человекъ. Эй, Дмитрій Яковле- шъ, подумай! Я вѣрю, что вы ее любите, что и она вась лю- бить — но это ничего не значить. Будьте увѣрены; что любовь пройдетъ въ обоихъ случаяхъ: уйдете куда-нибудь—пройдетъ; же- лите—еще скорѣе пройдетъ; я самъ былъ влюбленъ и не разъ, и разъ пять, но Богъ спасъ; и я, возвращаясь теперь домой, спо- койно и тихо отдыхаю отъ своихъ трудовъ; день я весь принадле- жу мнѣнъ больнымъ, вечеркомъ въ вистикъ сыиграешь, да и ля- жешь-тебя безъ заботы... А съ женою хлопоты, крикъ, дѣти, да весь миръ погибай, кромѣ моей семьи! Трудно жить на мѣстѣ, труд- но перебараться, пойдутъ мелкія суетни, вертись около своего оча- га, книгу подъ лавку: надобно думать о деньгахъ, о запасахъ. Те- перь, хоть бы объ вась молвить: придетъ иной разъ нужда—что на бала, всякое бываетъ! мы, бывало, съ Антономъ Фердинандо- вичемъ—знакомый вамъ человекъ — денегъ какой-нибудь рубль, а чепъ в курить хочется: купимъ четвертку «фалеру», такъ ужъ кромѣ чѣба ничего и не ѣдимъ, а купимъ фунтъ ветчины, такъ ужъ не куримъ, да оба и хохочемъ надъ этияъ, и все ничего; а съ же- вой не-то: жену жаль, жена будетъ ревѣть...

— О, нѣтъ! Эта дивушка навѣрнѣе найдетъ силы переенести нуж- ду. Вы ея-не знаете!

— Это-то, любезнѣйшій, еще хуже; какъ-бы очень-то начал кричать, разсердить по-крайней-мѣрѣ, плюнешь, да и прочь пойдешь; а какъ будетъ молчать да худѣть, а ты-то себя: «бѣдная, з что я тебя стапилъ на антоніеву пищу»... поломаешь голову, какъ бы достать денегъ. Ну, честнымъ путемъ, братъ, не разживешься плутовать не станешь—вотъ ты подумаешь, подумаешь, да для освѣженія головы ихватишь горькинъкаго; оно ничего — я самъ употребляю желудочную,—а знаешь, какъ вторую съ горя-то, да третью... понимаешь? Ну, да положимъ, что и будетъ кусокъ хлѣба... то-есть, не больше; вѣдь она хоть и дочь Негрову, а Негровъ-то хоть и богатъ, да вѣдь я его знаю—не разгуляется! Вотъ за дочерью-то онъ приготовилъ пятьсотъ душъ, ну, а Любонька разве пять тысячъ рублей дастъ: что за капиталъ?.. Охъ, жаль мнѣ тебя, Дмитрій Яковлевичъ! Ну, пусть другіе, которые лучшаго ничего изъ себя не сдѣлаютъ: ты-то бы поберегъ себя. Я бы прележилъ вамъ другое мѣсто; поскорѣе отсюда вонъ — любви-то и по разсвѣтѣ бы; у насъ въ гимназіи открылась хорошая ваканція. Не ребячься, будь мужчиной!

— Право, Семень Ивановичъ, я благодаренъ вамъ за участіе; но все это совершенно-лишнее, что вы говорите; вы хотите застрашать меня, какъ ребенка. Я лучше разстанусь съ жизнью, нежели откажусь отъ этого ангела. Я не смѣлъ надѣяться на такое счастье самъ Богъ устроилъ это дѣло.

— Экъ его! сказалъ неумолимый Круповъ: — а все я его погубилъ: ну зачѣмъ-было рекомендовать въ этотъ домъ! Богъ устроилъ — какъ же! Негровъ тебя надулъ да твоя молодость. Такъ быть, не хочу ничего утаивать. Я, любезный Дмитрій Яковлевичъ, долго жилъ на свѣтѣ, и не похвастанюсь умомъ, а много наметался. Знаете, наша должность медика ведетъ насъ не въ гостиницу не въ залу, а въ кабинетъ да въ спальню. Я много видѣлъ на свѣтѣ въку людей и ни одного не пропускалъ, чтобъ не разсмотрѣть его на обѣ корки. Вы вѣдь все людей видите въ лаврахъ да въ маскарадныхъ платьяхъ, — а мы за кулисы ходимъ; наглядѣлся я на семейныя картины; стыдиться-то тутъ некого, люду тутъ на распашку, безъ церемоніи. Номо заріенъ — какой заріенъ! чорту! ferus, звѣрь самый дикій, въ своей берлогѣ кротокъ, а чловѣкъ въ берлогѣ-то своей и дѣлается хуже звѣря... Къ чему-было это началъ?.. да... да... ну, такъ я привыкъ такія характеры разбирать. Не пара тебѣ твоя невѣста, ужъ что ты хочешь, — глаза, этотъ цвѣтъ лица, этотъ трепеть, который иногда пробѣгаетъ по ея лицу—она тигренокъ, который еще не знаетъ своихъ силъ; а ты—да что ты? Ты невѣста; ты, братецъ, Нѣмка; ты идешь жена—ну годно ли это?

Крупферскій обидѣлся послѣдней выходкой и, противъ своего обыкновенія, довольно-холодно и сухо сказалъ:— Есть случаи, въ которыхъ принимающіе участіе помогаютъ, а не читаютъ диссертации. Можетъ-быть, все то, что вы говорите, правда—я не стану возражать: будущее — дѣло темное; я знаю одно: мнѣ теперь два выхода, — куда они ведутъ—трудно сказать, но третьяго нѣтъ: или броситься въ воду, или быть счастливѣйшимъ человѣкомъ.

— Лучше броситься въ воду: разомъ конецъ! сказалъ Круповъ, тоже нѣсколько оскорбленный, и вынулъ *красный* платокъ.

Разговоръ этотъ, само-собою разумѣется, не принесъ той пользы, которой отъ него ждалъ докторъ Круповъ; можетъ-быть, онъ былъ хорошій врачъ тѣла, но за душевныя болѣзни принимался плохо. Онъ, вѣроятно, по собственному опыту судилъ о силѣ любви: онъ сказалъ, что былъ нѣсколько разъ влюбленъ, и, слѣдственно, имѣлъ большую практику, но именно потому-то онъ и не умѣлъ обсудить такой любви, которая бываетъ одинъ разъ въ жизни.

Круповъ ушелъ разсерженный, и вечеромъ того дня за ужиномъ у вице-губернатора декламировалъ полтора часа на свою любимую тему—бранилъ женщинъ и семейную жизнь, забывъ, что вице-губернаторъ былъ женатъ на третьей женѣ и отъ каждой имѣлъ по нѣскольку человѣкъ дѣтей. Слова Крупова почти не сдѣлали никакого вліянія на Крупферскаго—я говорю *почти*, потому-что неопредѣленное, неясное, но тяжелое впечатлѣніе осталось, какъ послѣ зловѣщаго крика ворона, какъ послѣ встрѣчи съ покойникомъ, когда мы торопимся на веселый пиръ. Все это изгладилось, само-собою разумѣется, при первомъ взглядѣ Любоньки.

Повѣсть, кажется, близка къ концу — говорите вы, разумѣется, радуюсь.

— Извините, она еще не начиналась — отвѣчаю я съ должнымъ почтениемъ.

— Помилуйте, остается послать за священникомъ!

— Да-съ; но вѣдь я считаю концомъ, когда за священникомъ посылаютъ, чтобъ онъ соборовалъ насломъ, да и то иной разъ не конецъ. А когда слугитель церкви вылетаетъ съ тѣмъ, чтобъ вѣнчать, то это начало совсѣмъ-новой повѣсти, въ которой только ты же лица. Они не замедлятъ явиться передъ вами.

И—

ИЗЪ ГОРАЦІЯ.

Презрѣвъ служеніе богамъ,
Влуждалъ я съ мудростью безумной.
Довольно! Изъ мучавы шумной
Навразгю парусъ изъ берегамъ.
Я видѣлъ Зевса. Не на лонѣ
Свинцовыхъ тучъ, — въ лазури днѣ
Громовые неслися кони
На крыльяхъ бурнаго огня.
Отъ бѣга тяжелыхъ колесницъ
Шатнулись океана вѣдры,
И тартаръ задрожалъ, и кедры
Поверглись главами щипъ...
И я стоялъ, исполненъ страха;
И вѣрилъ, что боговъ глаголъ
Вознеситъ слабое изъ праха,
Срывая съ гордыхъ ореолъ.

И. КРЕШЕНЪ.

* * *

Бываютъ мгновенья:
Какъ вспомнишь былое,
Опять въ упоеньѣ
Дрожить ретивое...
И дышешь такъ вольно!
Забудешь про муки,
А плачешь невольно
Какъ послѣ разлуки...
И этой порою
Все хочешь молиться,
Все хочешь лучшею
Съ душой поддѣяться...

Д. ЛСТРЕВОВЪ

А М Е Р И К А Н Ц Ы .

Романъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

1.

Было уже за полночь; деревня спала глубокимъ сномъ. Отъ берега кто-то осторожно крадся къ хижинѣ мико; въ рукѣ у него была обнаженная сабля; подошедъ къ хижинѣ, онъ началъ оглядываться и готовился уже уйти назадъ также тихо, какъ вдругъ на немъ его угада петля, и онъ былъ брошенъ на землю, быстро и неотразимо, будто сверхъестественною силою. Сабля выпала изъ его руки прежде, нежели онъ успѣлъ приблизить ее къ шеѣ, чтобъ перерѣзать петлю. Все это сдѣлалось такъ скоро и сѣрытно, что толпа вооруженныхъ людей, стоявшая шагахъ въ тридцати ближе къ бухтѣ, рѣшительно ничего не знала о случившемся. Вдругъ изъ неслыханныхъ устъ раздался голосъ, который пробудилъ бы мертвеца, двери вигвама совета растворились съ шумомъ, и средъ блеска выстрѣловъ, раздавшихся съ берега, чей-то высокій образъ, съ чѣмъ-то жемчужнымъ въ рукахъ, бросился вонъ и исчезъ въ кустахъ. Раздался вторичный крикъ, вылетѣвшій, казалось, изъ тьмы глотокъ; онъ яростно слышался изъ-за каждаго куста, какъ звонъ лемоней, вырвавшихся изъ преисподней. Въ то же самое время, съ гребня берега раздалась правильная пальба, и хижины шли, одна за другою, взрывавъ голубымъ огонькомъ, скоро превращавшимся въ ярко-красное пламя, обнимавшее кровлю и все зданіе. Среди этого ужаснаго смятенія, еще разъ раздался голосъ, подобный рыканію разъяреннаго льва. Это былъ военный кликъ Дэл-Соля.

Благородный Мехиканецъ засыпалъ подъ звуки пѣсни своей молодой жены, когда его разбудилъ знакомый крикъ. Одною рукою схватилъ онъ жену, другою своей штуцеръ и ножъ, и бросился пороги, гдѣ его встрѣтилъ ружейный залпъ. Онъ почувствовалъ что пуля зацѣпила его лѣвую руку, и началъ дрожать.

—Канонда! сказалъ онъ, летя съ нею къ лѣсу, какъ раненный олень.—Не бойся ничего, Канонда! Ты въ рукахъ Эль-Соля.

Она не отвѣчала. Голова ея упала на грудь, тѣло начало дрожать и вытягиваться. Ужасная мысль мелькнула въ головѣ его, но это было невозможно: пуля ударила въ его руку, Канонда только перепугалась. Когда онъ бѣжалъ еще отъ невидимыхъ враговъ войны его съ воплемъ, какъ-будто по инстинкту, бросился къ нему изъ всѣхъ хижинъ. Онъ не достигъ еще до опушки лѣса, всѣ товарищи его были уже при немъ.

— Это морской разбойникъ! шепнулъ онъ женѣ своей, поцѣловалъ ее, пѣжно положилъ на траву, и, вступивъ въ среду своихъ воиновъ, сказалъ, указывая на горящія хижины: — Вотъ вѣрности блага вора!

Зрѣлище было дико-прекрасно и ужасно; хижины тридцать пылали, освѣщая живописный берегъ. Широкіе рукава пламени, бросая на воду лучи сквозь вѣтви кипарисовъ и мангровъ, освѣщали въ ней отраженія хижинъ. Отъ времени до времени раздавались еще выстрѣлы, и послѣ каждаго изъ нихъ загоралась хижина. Вокругъ молодого Мехиканца вдругъ вонярилась глубокая тишина прерываемая только кликами опоздавшихъ Павлиновъ и Оконцевъ, незнавшихъ еще, кого считать врагомъ.

— Гдѣ нико? спрашивали десятки голосовъ.

Отвѣта не было. Женскій крикъ раздался съ берега и завопилъ въ пространство. Эль-Соль стоялъ молча, глядя на горящія хижины, за которыми ясно виднѣлись, ближе къ берегу, блестящія дла разбойниковъ. Не прошло еще и пяти минутъ съ тѣхъ-поръ какъ раздался первый крикъ тревоги; но молодой воинъ оставилъ уже планъ битвы и отдавалъ приказанія въ короткихъ, рѣшительныхъ выраженіяхъ, изобличавшихъ сознаніе неограниченной власти и привычку къ повиновенію подчиненныхъ. Одинъ изъ Куманчѣвъ, съ отрядомъ Павлиновъ и Оконцевъ, ускользнулъ въ кусты, между-тѣмъ, какъ самъ онъ съ тремя другими Куманчѣми и отборными Павлинами поспѣшилъ вдоль опушки лѣса.

Широкій поясъ земли, на которомъ была разбросана деревенская переходилъ, какъ мы уже сказали, непосредственно у самаго берега въ другой, болѣе-возвышенный гребень, обросшій мангровыми и миртами, между которыми легла широкая тропинка. Это мѣсто возвышалось надъ поясомъ футовъ на двадцать. Поясъ финилъ

са вѣдь всей деревни, исключая того шхета, гдѣ его прерывала бухта. Здѣсь блескъ дулъ свидѣтельствовалъ объ отрядѣ, назначенномъ, вѣроятно, защищать лодки. Къ нему присоединились поодиножъ разбойники, вашигониэ хижины.

Вдоль пояса были разставлены посты, содержавшіе сообщенія между отрядомъ у бухты и другимъ, ставшимъ близъ хижины.

Но всему было видно, что пиратъ хочетъ завладѣть мико и его лодку. Вѣроятно, это и удалось бы ему, еслибъ двое Кумачионъ и караулили, по своему обычаю, у дверей своего начальника въ брачную ночь. Они тоже вполне воспользовались угощеніемъ мико и его дочери, но чувства ихъ не были заглушены до такой степени, чтобъ не услышать шаговъ бѣлаго.

Пиратъ слишкомъ-хорошо зналъ Индійцевъ, и не рѣшился бы выехать на шхетъ днемъ, когда каждый изъ его товарищей могъ слѣдиться вѣрною цѣлью для спрятавшихся въ кустахъ дикарей. Поэтому онъ выбралъ ночь, и, чтобъ оградить себя по-возможности отъ нападенія и распространить ужасъ, зажегъ хижины.

Три хорошіе стрѣлка были поставлены у вигвама совѣта, съ приказаніемъ застрѣлать молодаго начальника, опаснѣйшаго изъ враговъ. Самъ пиратъ пошелъ съ отборнымъ отрядомъ къ хижинѣ мико, окружилъ ее и завладѣлъ обоями ея жильцами. Вѣроятно, мико забылъ на этотъ разъ свою воздержность и безъ сожальности попалъ въ руки пирату. Всѣ эти движенія были исполнены съ такою точностью и быстротою, что когда раздался первый крикъ, хижина была уже окружена, и мико съ бѣлою Розой очутились юмьсти пирата. Пиратъ выстроилъ своихъ въ маленькое карре и двинулся до берега, противъ хижины. Отрядъ шелъ ускореннымъ шагомъ. Не было ни видно, ни слышно ни одного Индійца. Карре было уже только въ нѣсколькихъ шагахъ отъ отряда, стоявшаго при бухтѣ; еще нѣсколько шаговъ,—и они въ лодкахъ, которыя одинъ толчокъ вынесетъ на середину рѣки, куда не достигнуть пули Индійцевъ. Погоня въ индійскихъ лодкахъ, гдѣ каждый дикарь могъ быть вѣрною цѣлью, была невѣроятна. Таковы, по-видимому, были планы пирата. Онъ готовъ уже былъ соединиться съ отрядомъ у бухты, когда передъ нимъ зашевелились кусты, и показались Индійцы, освѣщенные багровымъ заревомъ.

— Цалься! командовалъ пиратъ своимъ, шедшимъ спокойно и съ умищеніемъ посматривавшимъ на кусты. Они прикнули къ отряду, и карре развернулось.

Ласиттъ бросилъ Розу въ руки матросу и толкнулъ мико съ берега къ лодкѣ. Старикъ упалъ въ нее какъ трупъ. Ласиттъ проворно обратился опять къ своимъ. Первый отрядъ уже спрятался

за гребцами отъ неприятельскихъ пулъ, и только карре слѣдила за движеніями враговъ, прикрывая отступленіе. Это была небольшая, но страшная толпа людей: человѣкъ двадцать-пять всѣхъ націй и цвѣтовъ. Съ глазами, сверкающими жаждою крови, стояли они молча, уставивъ впередъ штыки. Они свернулись въ наступательную колонну.

Вдругъ раздался военный крикъ, и съ ужаснымъ воплемъ слышались рѣзкіе голоса женщинъ, зашвырнувшихъ цѣсьи смерти забывшихъ, какъ демоны, вокругъ горящихъ хижинокъ. Индійцы съ неистовымъ боемъ ринулись къ бухтѣ.

Улыбка мелькнула на губахъ пирата, когда они бросились на его отрядъ.

— Резервъ впередъ! сказалъ онъ, обращаясь къ стоявшимъ назади и снова замолчалъ.

Онъ допустилъ Индійцевъ на девять шаговъ, смандовалъ или! — и первые ряды нападающихъ покатались въ крови. Индійцы отскочили и снова какъ отчаянные бросились на разбойниковъ хладнокровно взявшихъ ружья въ лѣвую руку и схватившихся пистолеты. Второй залпъ, усиленный огнемъ резерва, совершенно разстроилъ дикарей. Скатъ былъ усыянъ мертвыми и ранеными. Прочіе съ боемъ бросились въ кусты.

— Маршъ! смандовалъ пиратъ. Отрядъ снова двинулся къ лодкамъ; за нимъ колонна.

Въ эту рѣшительную минуту, на рѣкѣ послышались четыре всплеска, какъ-будто отъ чего-то тяжело упавшаго въ воду. Пиратъ оглянулся и увидѣлъ своихъ четырехъ гребцовъ, оставленныхъ при лодкахъ, вынырнувшихъ изъ воды и снова погружившихся въ нее — навсегда; въ то же мгновеніе, яхта и маленькая лодка, какъ-будто несомыя невидимою силою, стрѣлою понеслись на средину рѣки.

— Это Мехиканецъ! воскликнулъ пиратъ, скрежеща зубами. Две пистолетные выстрѣла полетѣли вслѣдъ за лодкой, но отъзвукъ на нихъ былъ только глухой смѣхъ.

Разбойники, увидѣвъ, что лодки ихъ исчезли, остановились, какъ пораженные громомъ. Но скоро они опомнились. Ружья были снова заряжены, и они твердо ожидали новаго нападенія. Оно не замедлило: залпъ съ рѣки пробудилъ ихъ вниманіе; другой, еще болѣе меткій, свалилъ третій отряда. Въ третій разъ раздался яросный вопль, и въ третій разъ Индійцы какъ бѣшеные бросились на пиратовъ. Съ лодокъ еще разъ выстрѣлили, и Мехиканецъ бросился съ своими на оторопѣвшихъ разбойниковъ. Бой длился недолго. Будучи не въ состояніи противиться нечаянно спереди нападению, пираты бросили оружіе и инулись въ рѣку, избывая ударовъ томагавка.

Только капитанъ рѣшился, казалось, продать свою жизнь какъ-нибудь дороже. Прислонившись къ гребню берега, съ саблею въ правой рукѣ и пистолетомъ въ лѣвой, онъ отразилъ ударъ брошеннаго на него Оконія и снесъ ему съ плеча голову; также прерывъ всадилъ онъ пулю въ грудь другому, и только-что занесъ-было опять саблю, какъ лассо окружилъ его шею, и онъ нагъ.

Долгій, ужасный крикъ вдоль берега воздѣйствовала совершенную вѣбду дикимъ.

II.

Никакой языкъ не можетъ выразить ужаснаго зрѣлища, представляющагося на слѣдующее утро.

Сорокъ убитыхъ Павнiевъ и Оконiевъ были посажены кружкомъ на площадкѣ передъ вигвамомъ совѣта, прислоненные спиною къ бревнамъ, взятымъ изъ несорванныхъ хижинъ. Всѣ были одѣты въ военный костюмъ, какъ-можно-богаче, чтобъ во всемъ блескѣ явиться передъ Великимъ-Духомъ и получить отъ него награду за свои подвиги. Возлѣ каждого Павнiя стояла его лошадь, съ ружьемъ и копьемъ, которыя должны сопутствовать ему въ далекую дорогу къ вѣчно-зеленымъ лугамъ. Передъ Оконiями были воткнуты въ землю шести, на которыхъ висѣли ихъ оружiя, томагауки, ножи и маленькiя сѣтки, въ которыя должно было положить кожу съ головы непрiятеля. Нѣсколько шаговъ въ-сторону, къ хижинѣ мико, былъ положенъ трупъ его дочери; голова ея покоилась на двухъ перекладинахъ. Она была въ платьѣ невѣсты, и передъ нею лежали ея остальныя одежды. Уши и руки были украшены золотыми и серебряными серьгами и поручнями. Двѣ пули, назначенныя жещику, пронзили ея сердце; кроткая улыбка замерла на губахъ.

За трупами, на пеплѣ хижены совѣта, былъ воздвигнутъ костеръ, на которомъ лежали трупы двадцати-пяти разбойниковъ, съ сорванною съ головъ ихъ кожей; вокругъ костра лежали капитанъ и двѣнадцать павнiныхъ, связанные по рукамъ и по ногамъ ремнями.

За костромъ видѣлись могилы для убитыхъ Индiйцевъ, со всѣхъ сторонъ обложенныя корою хлопчато-бумажнаго дерева. По четыремъ угламъ воткнуты шести, согнутые надъ могилою, и на нихъ второй слой коры, съ отверстiемъ, оставленнымъ для опущенiя тѣла въ могилу. Передъ каждою могилою стоялъ обогрѣтый кровью шестъ, на которомъ должны были выставить трофей убитаго, то-есть кожу съ головы врага, заключенную въ сѣтку.

Последняя могила была могила Канонды, также покоившаяся

на кедровыхъ стволахъ и совершенно вылежерная корою, покрытого еще шелковою матеріею. Голова ея должна была покоиться на подушкѣ, набитоѣ мохомъ и обтянутой атласомъ. Вокругъ могилы были насажены отпрыски пальмъ и мангровъ. Кедровые стволы и адъсы образовали родъ кровли, поддерживая вторую кровлю, такъ, чтобъ тѣло Канонды было ограждено со всѣхъ сторонъ.

Приготовленіями къ похоронамъ занимался всю ночь и день съ величайшею дѣятельностію и съ безпрестаннымъ воемъ.

Живыхъ съ трудомъ можно было отличить отъ мертвыхъ.

Противъ павшихъ воиновъ сѣдлали полукругомъ мужчины трехъ племенъ, закрывъ лица одеждою, склонивъ головы на грудь, скрестивъ ноги, всѣ въ глубочайшемъ молчаніи.

Впереди сѣдлали мико и начальникъ Куманчіевъ; Токеа былъ, по-видимому, спокоенъ; но стеклянные глаза, судорожно сжатые губы и мертвый цвѣтъ лица свидѣтельствовали, какъ холодно у него на сердцѣ. Онъ едва-едва невыразимо-несчастливъ: единственное утѣшеніе, приковывавшее его еще къ жизни, теперь исчезло.

Эль-Соль былъ бодрѣе, но и его благородная голова склонилась отъ тяжкой скорби на грудь; иногда онъ ввѣрлялъ такой долгій взглядъ на невесту, какъ-будто хотѣлъ вдохнуть новую жизнь въ ея окостенѣвшіе члены. Онъ любилъ ее сильно и горячо, любилъ ее, какъ ея спаситель. Теперь она заплатила долгъ своей цѣнной жизни.

Но была еще одна скорбь, которой невозможно выразить; та, которая потеряла въ Индіанкѣ единственное существо, сыпавшееся цвѣты на ея тернистый путь,—несчастная Роза—безсознательно смотрѣла на поколебавшуюся сестру. Увидѣвъ трупъ той, которая любила ее нѣжнѣе матери, она узнала почти замертвѣе. Она не плакала, не жаловалась; на глазахъ не показалося ни слезинки, но жизнь какъ-будто улетѣла отъ ужасной скорби. Теперь сѣдла она, поддерживаемая двумя дѣвущками, и неподвижно, какъ алмазровая статуя, смотрѣла на трупъ подруги.

За нею сѣдлали плачущія женщины. И онѣ потеряли мать, день и ночь постоянно заботившуюся о нихъ благъ,—мать, которой онѣ обязаны были всемъ. Съ нею, казалось, улетѣлъ гений—хранитель народа.

Такъ печальная группа просидѣла съ часъ, глядя на останки того, что было имъ такъ дорого. По-временамъ раздавался стонъ старухъ, съ которыми по-немногу сливались громкіе вопли молодыхъ.

Скоро раздался унылый бой индійскаго барабана и грустные звуки флейты; сотни голосовъ затянули смертную пѣсню. Пѣніе по-немногу возвышалось и по-немногу смолкло. Снова настала

тишина; потомъ начался легкій говоръ, постепенно усиливавшійся, и женщины съ угрозами начали бѣгать около плѣнныхъ. Скоро раздѣлись восклицанія мести, и, быстро усиливаясь, разразились наконецъ ужаснымъ воплемъ.

— Эль-Соль! сказалъ мико глухимъ голосомъ: — братья мои желаютъ услышать голосъ великаго начальника, чтобъ примирить гнѣвные души падшихъ братьевъ.

Молодой Мехиканецъ не отвѣчалъ: онъ посмотрѣлъ только вокругъ, какъ пробужденный отъ сна.

Наконецъ, онъ сказалъ: — Пусть мои братья развяжутъ языки свои, чтобъ Эль-Соль услышалъ слова ихъ.

Совѣщаніе началось.

Однѣмъ изъ воиновъ Оконнъ всталъ и обратился къ собранію.

Оригинальнымъ слогомъ своего народа началъ онъ хвалить храбрость убитыхъ, ловкость ихъ на охотѣ, мудрость въ совѣщаніяхъ. Живыми красками изобразилъ онъ горе вдовъ и сиротъ, предательство разбойниковъ, и заключилъ намекомъ на пятнадцать воиновъ, которые предстанутъ Великому-Духу безъ скальповъ своихъ враговъ.

За нимъ, другой ораторъ еще болѣе старался воспламенить и безъ того горячее чувство мщенія въ слушателяхъ.

Когда же окончилъ свою рѣчь третій, Оконнъ разразился крикомъ мщенія. Они потерпѣли больше всѣхъ. Эль-Соль далъ имъ определенное приказаніе не нападать рѣшительно, а только дразнить врага и не давать ему съѣсть въ лодки. Себѣ предоставилъ онъ опаснѣйшее въ битвѣ. Онъ часто дрался съ Испанцами въ Мехикѣ, и зналъ, что нестройныя толпы дикихъ не могутъ устоять противъ разбойниковъ; но приказаній его не послушались. Едва-только Оконнъ убѣдился, что мико во власти разбойниковъ, какъ бросился на нихъ и увлекли съ собою Павніевъ. Нападеніе было сдѣлано такъ необдуманно, что только немногія пули разбойниковъ миновали цѣль. Раненныхъ было мало: почти все убиты назавтра. Это до высочайшей степени воспламенило ихъ мстительность. Они немедленно убили бы плѣнныхъ, еслибъ не удержалъ ихъ Эль-Соль. Вліяніе его на Куманчьевъ и Павніевъ было такъ велико, что одно слово его превратило ихъ въ защитниковъ плѣнныхъ. Они сами получили легкія раны, спасая жертвы изъ рукъ Оконнѣвъ.

— Что скажетъ мудрый Глахтала? спросилъ Эль-Соль, обращаясь къ одному Куманчи, лежавшему за нимъ на шерстяномъ одеялѣ и прозенному двумя пулями.

— Эль-Соль, отвѣчалъ раненный: — знаетъ законы Куманчьевъ.

— Но разве Куманчи станут сражаться съ ворожь, правая рука къ столбу?

Куманчи презрительно покачалъ головою.

— Что же сдѣлали бы Куманчи?

— Они послали бы за самымъ презрѣннымъ Апачи, чтобъ повѣсилъ воровъ на деревья, гдѣ птицы украли бы съ нихъ и какъ воровали ихъ руки.

— Душа Эль-Соля — душа Куманчи, и онъ поступитъ такъ какъ говоритъ братъ его.

Взоры толпы обратились въ ожиданіи на Токеа и Эль-Соля. Токеа всталъ, но съ величайшимъ трудомъ. Видно было, что ему тяжело вымолвить хоть слово. Старика угнетала не только скорбь, но и сознание собственной вины.

Дѣйствительно, онъ былъ виноватъ въ ужасномъ событіи; осужденіе его нанесло смертельную рану его союзникамъ, упрямо сдѣлало его глухимъ для словъ Эль-Соля. Было легко отарать бѣдствие и принять разбойниковъ такъ, что они не рѣшились на вторую попытку. Старикъ чувствовалъ великость вины своей ответственности за смерть столь многихъ, умершихъ отъ доверія его мудрости. Стыдъ и жажда мщенія отозвались въ немногихъ словахъ, съ которыми онъ обратился къ своимъ. Разбойниковъ осудили на смерть. Окопи съ нетерпѣніемъ ждали только молодого Мехиканца.

Обыкновеніе приносить плѣнныхъ враговъ въ жертву на могилъ павшихъ—вовсе не варварское въ глазахъ сѣвероамериканскихъ Индійцевъ. Столѣтія освятили это обыкновеніе. Не такъ думаютъ Куманчи, народъ хотя и дикій, но обычаи и нравы котораго ставитъ его гораздо-выше дикарей, бродящихъ по нашимъ лѣсамъ. Постоянное пребываніе на прекрасной возвышенности Санта-Фе, кроткій климатъ и военныя сношенія съ Испанцами, которые признаютъ ихъ за самостоятельный народъ, естественно, возвысили духъ этого племени.

Молодой начальникъ ихъ смотрѣлъ на дѣло съ разбойниками съ другой точки зрѣнія. Скальпы ихъ не имѣли въ его глазахъ важности, и жаркое желаніе снять ихъ было ему даже противно. Онъ хотѣлъ только, чтобъ не нарушили законовъ его народа, такъ какъ онъ, побѣдитель, больше всѣхъ имѣлъ права надъ плѣнными. Когда онъ всталъ, всѣ умолкли.

— Не йдутъ ли братья мои Окопи къ братьямъ своимъ Куманчи? спросилъ онъ глухимъ голосомъ. — Не хотятъ ли они выслушать рѣчь Куманчи, получившаго за нихъ двѣ раны, чтобы братья его, пришедши домой, рассказали нашему народу, какъ высоко цѣннаты новыя братья ихъ мудрость?

Там слушала молча. Молодой начальник обратился къ Куманчи, хрипѣвшему уже въ агоніи, но выказывавшему силу, которой не было.

— Хочетъ ли братъ мой сказать своимъ новымъ братьямъ, что дѣлаетъ Куманчи съ своими павинными?

— Они призываютъ, отвѣчалъ раненный: — своихъ павинныхъ и лѣвую руку и ногу къ шести, даютъ имъ иль оружіе, и шесть молодыхъ воиновъ могутъ сразиться съ ними по-одиночкѣ. Если павинный падеть, побѣдитель можетъ лишитъ его жизни и сжечь его тѣло; если же падутъ шесть красныхъ воиновъ, то павинный дѣлается Куманчи.

Раненный говорилъ слабо, но съ такимъ выраженіемъ на лицѣ, во которому можно было догадаться, что онъ считаетъ своихъ новыхъ братьевъ неспособными подчиниться благородному обычаю Куманчій.

— А что дѣлаютъ Куманчи съ ворами, уведшими ихъ лошадей и скотъ? снова спросилъ начальникъ.

— Они призываютъ презрѣннѣшаго Амачи, чтобъ онъ повѣсилъ вора за шею на деревѣ, въ нищу хищнымъ птицамъ, отвѣчалъ Куманчи, вытянулся и умеръ. — Куманчи подняли его и посадили на первое мѣсто между павинными.

Хотя Окони не вполне поняли его слова, сказанныя на нарѣчій Павинъ, но догадались, что скальпы разбойниковъ не должны достаться ихъ роднымъ. Ропотъ негодованія раздался между старухами, начавшими какой-то особенный танецъ, состоявшій изъ длинныхъ прыжковъ.

— Кровь нашихъ мужей и дѣтей требуетъ мщенія. Воры подвѣсили сквиру. Мы глубоко погрузимъ наши ножи въ ихъ кровь, скажутъ чей-то голосъ.

Крики одобренія мужчинъ были отвѣтомъ на эти слова. Какъ полукрошечные звѣри, бросались старыя мегеры на свои жертвы; къ нимъ невольно пристали молодыя женщины, потомъ мальчики и дѣвочки, потомъ молодые воины, и наконецъ всѣ съ яростью ринулись на разбойниковъ.

Только Куманчи и Павин остались при своемъ начальникѣ, спотыкаясь сидѣвшимъ возлѣ Тока.

— Хотятъ ли братья мои не видѣть крови враговъ? спросилъ Эль-Соль у своихъ воиновъ.

— Эль-Соль начальникъ Куманчій и Павинъ, и слова его твердо держатся въ ихъ слухѣ, отвѣчалъ одинъ изъ нихъ.

Юноша всталъ и, какъ-будто предвидя сцену, отнесъ бѣлую ногу въ сторону подъ свѣтъ деревъ. Едва только спустился онъ съ рѣзъ, какъ послышались стоны, скоро превратившіеся въ нестер-

свѣтлый вой. Но хохотъ скоро заглушилъ эти патетическія звуки.

Токеа бросился къ толпѣ; она разступилась, и передъ нимъ раскрылось ужаснѣйшее зрѣлище. Одинъ изъ разбойниковъ лежалъ съ раздвоеннымъ черепомъ. Передъ нимъ стоялъ палачъ съ торжественно держа въ рукѣ кожу съ его головы, которую вслѣдъ за тѣмъ положилъ въ упомянутую выше сѣтку. Другой разбойникъ былъ уже въ кровавыхъ рукахъ другаго Индійца; Индіецъ обвелъ черепъ его острымъ ножомъ, потомъ, придавивъ козломъ спину несчастнаго и лѣвою рукою держа подалѣе голову, разомъ сорвалъ съ темени кожу, — и разбойникъ въ крови покатился на землю. Ударъ томагуа прекратилъ его страданія.

Все это было дѣломъ одного мгновенія. Токеа подоспѣлъ въ то самое время, когда схватили третьяго. Онъ долженъ былъ прибѣгнуть ко всему авторитету своего званія, чтобъ остановить яростныя толпы. Наконецъ, это ему удалось, и онъ возвратился къ молодому начальнику. За нимъ поѣшли его воины, какъ собаки, оставивъ свою жертву по грозному голосу господина.

— Эль-Соль! сказалъ тихо дрожащимъ голосомъ: — воины Окони хотятъ выслушать, что скажетъ имъ начальникъ.

— Эль-Соль, отвѣчалъ юноша: — протянулъ свою руку, чтобъ принять Оконіевъ какъ братьевъ; но они показывали ему зубы.

Старикъ не отвѣчалъ.

Молодой человекъ обратился къ своимъ воинамъ.

— Спали ли Куманчи и Павлин, спросилъ онъ: — когда воры убили Токеа? Окони ли поймали воровъ, что берутъ теперь ихъ скальпы, какъ свою собственность?

Куманчи и Павлин пришли въ движеніе. Они схватились за копья и сѣкиры, и лица ихъ приняли страшно-грозное выраженіе. Еще одно слово — и они бросились бы на остатокъ Оконіевъ, на которыхъ смотрѣли съ презрѣніемъ.

Токеа вздрогнулъ въ первый разъ въ жизни.

— Всегда ли, сказалъ онъ: — слушались Куманчи и Павлин рѣчей своего мудраго начальника? Не случалось ли имъ сойдти с дороги, указанной ихъ мудрыми людьми, и развѣ цѣль должна быть порвана между братьями, потому-что Окони сдѣлали то, что дѣлали отцы ихъ? Мои дѣти еще не Куманчи. Когда они будутъ жить въ лугахъ великаго народа, тогда будутъ слушать словъ своего предводителя. Токеа никогда не протягивалъ руки своей на правую. Хочетъ ли сынъ оттолкнуть ее?

Мимо Окони не могъ высказать униженнѣйшаго выраженія. Эль-Соль быстро схватилъ протянутую руку.

— Пусть мои воины услышатъ голосъ ихъ будущаго мико, скальнъ старикъ.

— Пусть руки и ноги воровъ останутся связанными, скальнъ Эль-Соль: — и да выдадутъ ихъ самымъ негоднымъ изъ бѣлыхъ, чтобъ они повѣсиди ихъ на деревьяхъ, и чтобъ мясо ихъ разрывали птицы. Кости воровъ и разбойниковъ не должны видѣться между костями красныхъ, дабы Великій-Духъ не перекинулъ ихъ, и дабы они не явились въ великихъ лугахъ полу-красными, полубѣлыми.

Мико задумался надъ словами юноши; толпа молчала.

— Сынъ мой, сказалъ онъ:— мужъ, в душа его—душа великаго начальника; но захочетъ ли онъ приобрести много долларовъ, обѣщанныхъ великимъ отцомъ бѣлыхъ за голову разбойника?

— Что хочешь сказать отецъ мой?

— Бѣлые считаютъ Токеа и Эль-Соля за людей, ловащихъ воровъ и предпочитающихъ доллары скальнамъ. Красные огорчатся, потому—что честь ихъ навсегда будетъ посрамлена между ихъ братьями.

Эти слова слышали, казалось, впечатлѣннѣе на молодаго человѣка. Онъ горячо поговорилъ съ Куманчiami.

— Что же думаетъ сдѣлать отецъ мой?

Мико задумался, но вдругъ вздрогнулъ; глубоко вздохнувъ, онъ указалъ на трупъ своей дочери и сказалъ дрожащимъ голосомъ:

— Да! Великій-Духъ говорилъ устами моего сына: бѣлый воръ долженъ быть повѣшенъ на деревѣ руками худшихъ бѣлыхъ; онъ не достоинъ умереть за дочь мико и за Оконievъ. Но Эль-Соль и Токеа не должны пачкать имъ рукъ своихъ; они не должны выдать его бѣлымъ.

Молодой человекъ слушалъ его съ возрастающимъ вниманiемъ.

— Воръ врагъ бѣлыхъ; онъ много надвѣлалъ имъ зла. Великій отецъ посулилъ за его голову много золота. Должны ли преслѣдуемые красные помогать бѣлымъ ловить враговъ ихъ?

Мехиканецъ началъ понимать.

— Барсъ, продолжалъ старикъ: — бѣжить въ петлю, буйволъ встрѣчаетъ пулю и стрѣлу, для нихъ назначеныя; бѣлый воръ тоже подойдетъ къ дереву, на которомъ его повѣсятъ. Пусть доведутъ его бѣлые, и да прольется кровь ихъ, какъ лилась кровь Оконievъ.

Утонченная мстительность и глубоко-затаенная ненависть къ смертельнымъ врагамъ, бѣлымъ, — даже что-то похожее, на величавое къ плѣннымъ въ словахъ мико, запутали сначала самого Мехиканца, въ недоумѣнiи взглянувшаго на отца. Онъ самъ былъ врагъ бѣлыхъ, убившихъ отца его. Но о ненависти, приносящей въ жертву собственное мщенiе противъ убійцы дочери, въ на-

деждѣ, что этотъ убійца надѣлаетъ зла бѣлымъ, — ему и не сплось.

— И отецъ мой хочетъ по-этому выпустить разбойниковъ и западни, въ которую они попались?

— Они отмстятъ за Блакигля и Токеа, проливая кровь Янкъ, сказалъ мико.

Мехиканецъ обратился къ своимъ. Они покачали головою такое необыкновенное предложеніе, но предоставили начальни рѣшить дѣло по своему усмотрѣнію.

Мико поговорилъ съ своими Оконіями. Мстительные дика сначала тоже покачали головою; но когда онъ напомнилъ имъ храбрости ихъ врага, который лишить жизни многихъ Янкъ, вѣдругъ согласились.

— Это голосъ прорицателя, великаго мико! воскликнула сота голосовъ.

Мико сидѣлъ молча, и голова его снова склонилась на грудь.

— Эль-Соль, сказалъ юноша: — слышалъ слова своего отца, Куманчи одобрили ихъ; отецъ мой знаетъ, что долженъ дѣлать.

Мико далъ знакъ молодому воину, и плѣнные въ одну минуту были освобождены.

Полумертвые разбойники хотѣли-было встать, но не могли. Долго еще лежали они, хотя ремни были съ нихъ сняты. Но какъ взорамъ ихъ можно было заключить, что едва-ли они поднимаются, что происходитъ; но когда молодой воинъ указалъ на берегъ, и сказалъ: «воры могутъ идти», — они поднялись, сперва робко оглядываясь, какъ-будто не вѣря радостной вѣсти, и потомъ во весь духъ бросились къ берегу. Только Лафитъ шелъ нѣсколько медленно, оглядываясь по-временамъ на дикихъ, крича его товарищей, объявлявшихъ, чтобъ онъ поспѣшилъ, если не хочетъ быть оставленнымъ, не сдѣлалъ на него, казалось, никакого впечатлѣнія. Дошедъ до берега, онъ сложилъ на груди руки, еще разъ взглянулъ на ужасную сцену и быстро прыгнулъ въ лодку.

Похороны кончились. Воины Павнѣвъ и Оконеивъ были опущены въ могилы; костеръ съ убитыми разбойниками пылалъ; лошади были принесены въ жертву. Всѣ были готовы навсегда оставить берега Натчеса.

• Тогда Эль-Соль подошелъ къ безмолвной группѣ женщинъ, взялъ Розу, и подвелъ ее къ мико.

— Не хочетъ ли бѣлая Роза, спросилъ онъ: — проститься съ отцомъ, дочь котораго была ей матерью, и который идетъ теперь въ далекій путь?

Блѣдная дѣвушка обратила мутный взоръ свой на говорившаго.

— Тоже, продолжалъ онъ: — идетъ въ вигвамы бѣлыхъ; ему снится сонъ, который приказываетъ это сдѣлать.

Роза все стояла, какъ безжизненная.

— Путь мико Оконіевъ далекъ; путь бѣлой Розы былъ бы печалень и тернистъ. Мико просилъ Эль-Соля, чтобъ дочь его ушла съ дѣвушками въ вигвамы Куманчи. Сестра Канонды будетъ тамъ повелительницею.

Роза очнулась. — Канонда! воскликнула она, и слезы ручьями потекли изъ глазъ ея. Это было первое слово, произнесенное ею послѣ катастрофы, первый знакъ жизни, данный ей послѣ смерти подруги. Всѣ были глубоко тронуты; дѣвушки начали рыдать; старики выть.

— Что это такое, братъ мой? спросила она, какъ-будто преслушавшись, и дико оглядываясь.

— Сестра моя знаетъ, отвѣчалъ Мехиканецъ: — скорбь отца, потерявшаго дочь и воиновъ черезъ предательство морского работорговца. Они лежатъ глубоко въ землѣ, и Роза никогда ихъ не увидитъ; но мико собрался въ далекій, тернистый путь; онъ долженъ повиноваться приказу Великаго-Духа: онъ видитъ сонъ.

— И несчастный отецъ идетъ къ бѣлымъ врагамъ своимъ? сказала Роза: — и дочь его въ могилѣ, и не кому ходить за нимъ? Роза была до-сихъ-поръ приемышемъ; она хочетъ быть впередъ истинною дочерью. Она пойдетъ за отцомъ. Она обещала это.

Мехиканецъ покачалъ головою.

— Сестра моя не знаетъ, какіе терны растутъ на дорогѣ, ведущей къ бѣлымъ. Она очень-нѣжна и будетъ много страдать.

— А несчастный отецъ будетъ лишенъ ласкового взора, дружка жеской руки, которая подавала бы ему питье и пищу? Нѣтъ, братъ мой! Роза должна уплатить великій долгъ сестрѣ своей. Старикъ очень-несчастливъ и одинокъ, — она должна заплатить этотъ долгъ ему. Она должна быть ему дочерью.

Голосъ ея сдѣлался тверже. Блѣдное лицо ея оживилось, глаза засверкали.

— Дочь моя, сказала дрожащимъ голосомъ мико: — мико долженъ идти къ бѣлымъ; дочь моя найдетъ утѣшеніе въ вигвамахъ Куманчій.

— Нѣтъ; Канонда явится во снѣ Розѣ и жалобно посмотритъ на холодную дочь, которой завѣщала отца своего. Она должна служить мико. Она никогда съ нимъ не расстанется.

— Такъ прійди же, благородная блѣдая Роза! сказала старикъ, обнимая ея. Больше онъ не могъ произнести ни слова. Мехиканецъ далъ знакъ дѣвушкамъ, и онѣ подошли проститься съ своею

новою повелительницею. Все еще разъ взглянули на разрушенныя жилища свои, остающихся милыхъ, и разстались. Роза, и лодая Индианка, Токеа и Эль-Соль съ двумя Куманчиами и двумя Павлиями и Окониями пошли на востокъ, прочіе на западъ.

III.

Страннымъ характеромъ запечатлѣла природа ту страну, куда идетъ теперь нить нашего разсказа. Страна, о которой мы говоримъ такъ дико возстаетъ изъ моря и рѣкъ, какъ-будто природа хотѣла показать человѣку, среди прекраснѣйшаго участка земли, о талкивающее величіе хаоса. Едва-замѣтные берега безпрестанно всплываютъ, то скрываются подъ волнами, катящимися и изменностямъ между тростниками, въ вѣчной борьбѣ съ враждебнымъ элементомъ. Еслибъ кое-гдѣ не лежали кучи древесныхъ стволонъ, снесенныхъ въ одно мѣсто водою, или не видѣла мачта сѣвшаго на мель корабля, то, давно уже вѣхавъ въ устье Миссисипи, можно было бы усомниться, землю ли видишь вокругъ себя. Только мало-по-малу принимаетъ этотъ дикій хаосъ видъ моря камыша, тростника и болотъ, и изъ него стремится образоваться что-то похожее на мѣстность, и образуется, можетъ-быть, ѣмъ черезъ тысячи лѣтъ, какъ тысячи лѣтъ прошли пока образовалась широкая низменность, незамѣтно-возвышающаяся къ сѣверу, гдѣ ни холмы, ни долины не говорятъ о сильныхъ переворотахъ. И свидѣлствуютъ о постоянномъ пребываніи водной стихіи, судно безысленнымъ рѣкамъ, болотамъ и озерамъ, такъ тѣсно перекрещивающимъ всю долину, что человѣческая нога въ буквальномъ смыслѣ стоитъ въ водѣ. Выше къ сѣверу, идетъ наконецъ длинная и широкая возвышенность, легкимъ скатомъ тянущаясь вдоль берега рѣки и потомъ снова теряющаяся въ безконечныхъ низменностяхъ, на тысячи миль простирающихся на сѣверъ, западъ и востокъ подъ именемъ Долины-Миссисипи, — пространство земли, на которомъ легко могла бы умѣститься большая часть народонаселенія Европы.

Это собственно Луизиана, такъ-сказать основа безконечной Долины-Миссисипи и, вѣроятно, будущаго великаго западнаго государства, которое создастъ здѣсь рука человѣка.

Боле ста лѣтъ Луизиана оставалась забытою и заброшенною колоніею; легкость, съ которою ее уступали и мѣняли, свидѣлствуетъ о томъ, какъ мало цѣнили ее. Американская проникательность обратила наконецъ взоры великаго человѣка, правившаго тогда судьбою прекраснѣйшаго изъ европейскихъ государствъ, и

тотъ добытый уголокъ, и онъ, видя, какъ трудно удержать это недавнее приобретение, благоразумно предпочелъ уступить его великой соседней республикѣ.

Съ-тѣхъ-поръ началась для колоніи новая эра; исполненными шагами, казалось, хотѣла эта страна наверстать все потерянное въ степыней дремотѣ. Не прошло и десяти лѣтъ, какъ колонія приняла совершенно-новый видъ. Тогда, — то-есть лѣтъ двадцать-пять или тридцать назадъ, — берега Миссисипи были уже усыяны на нѣсколько сотъ миль превосходными плантаціями, изъ которыхъ видѣлись великолѣпные загородные дома. Самъ главный городъ превратился изъ болотистаго убѣжища нѣсколькихъ тысячъ колонистовъ въ значительный торговый пунктъ, богатство котораго обратило уже на себя жадные взоры Британіи.

Мы, естественно, не станемъ входить въ подробности послѣдней войны, ни даже въ причины, побудившія правительство трехъ соединенныхъ королевствъ обратить свое вниманіе на это новое нѣтъ своихъ республиканскихъ братьевъ и послать туда корпусъ войска, которому не мѣшало бы остаться, при сомнительномъ положеніи дѣлъ, дома. Мы коснемся этого эпизода только, чтобъ описать происшествія нашей повѣсти, и скажемъ, что немедленно послѣ окончанія великой войны народовъ, большой отрядъ войска прибылъ съ Пиренейскаго-Полуострова къ югозападному берегу республики, подъ командою знаменитаго полководца, и распространилъ ужасъ въ добромъ народѣ новаго независимаго штата.

Казалось, ничто не можетъ быть легче покоренія земли, совершенно-лишенной средствъ къ защитѣ, и такъ далеко отстоящей отъ центра шкатунокъ, что войско и военные запасы, если бъ они были, почти невозможно было переслать черезъ дикія страны, въ которыхъ нѣтъ никакихъ дорогъ.

Сами жители новаго штата отъ-роду не видывали войны подъ властью двухъ державъ, управлявшею ими до-сихъ-поръ; единственные враги ихъ, Индійцы, содержались въ повиновеніи нѣсколькими сотнями гарнизонныхъ солдатъ, которые, при случаѣ, и въ самихъ жителяхъ готовы были подавить всякую затѣю вольности. Какъ ни великъ былъ переворотъ, произведенный въ жителяхъ присоединеніемъ ихъ къ штатамъ, но онъ проявлялся еще только въ большей дѣятельности при обработкѣ земли и въ коммерческихъ предпріятіяхъ. Колонисты не только не усвоили себѣ независимаго, независимаго духа Американцевъ, но рабская испорченная натура ихъ даже со страхомъ отступила отъ разсудительности и образованности сѣверныхъ гражданъ, конечно, дававшихъ имъ всегда чувствовать свое превосходство слишкомъ-жестко.

Даже лучшая часть креоловъ не избавилась отъ этого пред-

убежденія противъ своихъ новыхъ согражданъ, и правда на Американцевъ не понравилась имъ тѣмъ болѣе, что они были совершенно-равнодушны къ общественной жизни, и въ неограниченную свободу предвидѣли только безпорядокъ и анархію. Но когда опасенія не оправдались въ продолженіи десяти лѣтъ, и когда начали по-немногу понимать выгоды присоединенія къ государственной республикѣ, они рѣшительнѣе приняли участіе въ общемъ интересѣ и не замедлили явиться на защиту своей земли. Тогда думали лучше; худшая часть, конечно, видѣла въ выгодахъ своего положенія невыгоды и едва могла скрыть свою радость при объявленіи враговъ.

Конечно, это-то расположеніе умовъ побудило неприятелей послать, кромѣ войскъ, сражавшихся на сѣверѣ республики, еще одинъ корпусъ на югъ, въ надеждѣ овладѣть, при помощи недовольныхъ креоловъ, страной, которая дастъ имъ исключительное владѣніе надъ рѣкою Миссисипи, Мексиканскимъ-Заливомъ и прилежащими къ нему землями. Если бъ и нельзя было удержать завоеванія, то уже одно временное владычество надъ этимъ пунктомъ сдѣлало бы Американцевъ сговорчивѣе въ другихъ мѣстахъ.

Еслибъ правительство штатовъ и имѣло значительныя массы войскъ на сѣверѣ, то по причинѣ ужасной отдаленности не могло бы противопоставить и части ихъ корпусу, отправленному для этого завоеванія. Оно положило единственно на неусыпную дѣятельность испытанное мужество генерала, отличившагося противъ Индейцевъ въ штатахъ Георгіи, Алабамѣ и Флоридѣ, и на патриотизмъ западныхъ штатовъ, прилежащихъ къ рѣкѣ Миссисипи, такъ же какъ на поселившихся въ Луизианѣ Американцевъ, которые, конечно больше прочихъ потерпѣли бы отъ завоеванія устья рѣки.

Эти поселенцы были разсыяны, какъ мы уже говорили, по большому пространству. Нерасположеніе ихъ къ болѣе-легкимъ французскимъ нравамъ отдавало ихъ отъ южныхъ поселенцевъ. Это разединеніе высказалось и при настоящемъ случаѣ.

Вѣсть о высадкѣ неприятелей произвела между ними большое волненіе; но это происходило изъ негодованія и оскорбленной гордости, а не изъ страха, или тайной радости, какъ въ низшихъ слояхъ общества. Они не очень боялись потерять свое имущество и лишиться жилищъ. Имущество свое они легко могли передѣсти въ лѣса, куда не осмѣлятся проникнуть самый отчаянный врагъ, а жилища не долго выстроятъ снова.

Ихъ возмущала мысль, что толпа, нанятая челоуѣкомъ, котораго они считали нисколько - нелучше себя, дерзнула вступать въ страну ихъ, какъ врагъ, съ намѣреніемъ отнять у нихъ гордою землю, за которую они честно заплатили.

Была ясная, свѣжее декабрьское утро; лучи солнца только-что разогнали туманъ, по цѣлымъ недѣлямъ разстилающійся въ это время года нѣтъ рѣками и озерами. Въ городѣ Опелузаѣ стеклась множество народа. Странно казалось, откуда набралось такое множество людей? и внезапно-занесенный въ эту толпу едва-ли отгадал бы причину сходки. Судя по платью, питью, фехтованью и козымъ прыжкамъ, должно быть былъ приходскій праздникъ; тутъ же были видны и оружія. Составились цѣлые отряды, и каждый смотрѣлъ воинственно. На иныхъ были мундиры времени первой революціонной войны; другіе строились въ ряды подъ командою избраннаго ими капитана. У одного отряда была даже своя военная музыка: скрипачъ, съ яростью парая по двумъ струнамъ, гордо выступалъ рядомъ съ капитаномъ. Неприващіе еще ни къ какому отряду, ходили съ ружьями и пистолетами, которыми не доставало только замка, а немѣвдшіе и того, были вооружены кистенями.

Впрочемъ, это были только аванпосты. Цвѣтъ гражданъ былъ собранъ къ срединѣ города въ двѣ кучки. Одинъ отрядъ, состоявшій изъ молодыхъ людей, расположился передъ трактиромъ съ вывѣскою, живописи которой навѣрно не разобрали бы ни Денонъ, ни Шамвольсонъ. Подъ живописью вывѣски было написано: «N-Terminant For man and beast» («угощеніе для людей и животныхъ»). Внутри заведенія слышались звуки скрипки, на столько воинственной, и удовольствованвшейся цаигрываніемъ плавовой для танцующихъ.

Другая группа, посерьёанше, расположилась передъ мелочной лавкой, гдѣ красовались съ дюжину кружекъ, нѣсколько фунтовъ жемчужнаго табака, баченокъ виски, порохъ, дробь, пары двѣ башмаковъ, ножи, ложки и вилки.

Надъ дверьми была прибита доска съ надписью: New Store cheap for cash (Новая лавка; дешево за наличныя деньги), а на стѣнѣ была написана мѣломъ: Whisky, Brandy, Tabacco, Postoffice.

На колодѣ стоялъ человекъ, который, судя по новой брововой шлѣпѣ, чисто-вымытымъ воротничкамъ и новому фраку и брюкамъ, имѣлъ видъ никакъ не меньше, какъ на одно изъ офицеровъ и сѣсть, раздаваемыхъ народомъ. Возлѣ него стояли и другіе, постыжъ и ветерлѣніе которыхъ говорили о такихъ же честолюбивыхъ замыслахъ.

Сравнительно, здѣсь царствовала тишина и порядокъ, исключая шума пляшущихъ, или вскрикиванъ какого-нибудь гудяки, бредущаго по грязи, которою на колѣно вымощена единственная улица города. Иногда, эту тишину нарушали недовольственія отряда, мажорированнаго за городомъ, или рѣзкій звукъ женскаго голоса, вы-

крикивавшего: «пряники! яблоки!» Но грудь оратора ставила эти препятствия ни во что, и онъ ревелъ, рассказывая, какъ накаже этихъ «damned Brititish» (проклятыхъ Британцевъ). Въ самомъ къ спорчивомъ мѣстѣ прервалъ его крикъ: «гей! гей!» Двое молодыхъ, долго шатаясь вдоль улицы, забрели наконецъ къ опушкѣ лѣса, — и вдругъ вскрикнули такъ громко и побѣжали такъ порочно, какъ только позволяло состояніе ихъ мозга.

Слова: «стой, красная кожа!» ясно были слышаны. Звукъ этотъ былъ слишкомъ-близокъ сердцу залсныхъ жителей; съ движеньемъ слушателей тотчасъ же отправились «посмотрѣть только, что тамъ затѣяли и чего кричать это дурачье».

За ними скоро пошли и другіе, и наконецъ около оратора осталось всего человѣкъ тридцать. Худой примѣръ быстро подѣйствовалъ и на молодёжь: изъ обихъ отрядовъ по-крайней-мѣрѣ три побѣжала къ лѣсу. Только отрядъ передъ мелочной лавочкой остался цѣль.

Изъ темныхъ кипарисныхъ лѣсовъ, тянувшихся къ югу съ четверть мили отъ берега Ачафалаи, вышелъ человѣкъ, принадлежавшій, судя по одеждѣ, къ красному племени. Дикій робко прокрался вдоль опушки, желая приблизиться къ городу, но, услышавъ шумъ, вѣроятно, побоялся идти туда и пошелъ просекомъ черезъ плантацію. Двое гулякъ увидѣли его, когда онъ перелезъ заборъ черезъ плетень, и не смотря на винные пары, бросились на него. Одинъ изъ нихъ остановился, впрочемъ, спрятать свою пинту за заборомъ, и потомъ уже поспѣшилъ за товарищемъ, быстронегимъ сыномъ запада, схватившимъ уже Индѣйца. Индѣецъ былъ такъ утомленъ, что очевидно не могъ уйти далеко. Но онъ замѣтилъ, что противникъ его хмеленъ, далъ ему сильный толчокъ, и Американецъ шлепнулся въ грязь. «Стой!» кричалъ онъ лежа: «стой или я такъ отдылаю тебѣ рыло, что ты цѣлую недѣлю зѣть будешь!»

Индѣецъ, казалось, понялъ слова его и остановился, впрочемъ въ оборонительномъ положеніи, съ очевидною рѣшимостью защищаться. Онъ выхватилъ ножъ и смѣло смотрѣлъ на противниковъ, подошедшихъ къ нему и смотрѣвшихъ на него съ недоверчивымъ любопытствомъ.

Появленіе Индѣйца въ этой сторонѣ было дѣло обыкновенное, и за сто къ западу, недалеко, были ихъ деревни, и сами они бродили во всѣ стороны на нѣсколько сотъ миль. Число ихъ уменьшалось съ каждымъ годомъ, и они ничего не могли предпринять противъ бѣлыхъ, подвигавшихся все впередъ и впередъ; умножившаяся потребность ихъ, особенно непреодолимое влеченіе къ огненной водѣ превратило ихъ въ охотниковъ-рабовъ у торгашей, платившихъ

никъ имъ за мѣха водкою, и то развѣ десятую часть цѣнности. Преследователи не имѣли, слѣдовательно, никакого злаго умысла противъ дикаря; они хотѣли только, можетъ-быть, пошутить надъ нимъ и распять пинту водки. Такъ можно было, по-крайней-мѣрѣ, исключить изъ словъ возставшаго изъ грязи, который закричалъ Индѣцу, что онъ долженъ осушить съ нимъ полпинты виски, а не то онъ спрячетъ его въ карманъ.

Они завладѣли Индѣйцемъ за-просто и такъ доврчиво, что нельзя было противиться.

— Пойдемъ, красный молодецъ! сказалъ второй оступившись, и но колено погружившись въ грязь. «Пойдемъ! пойдемъ! Damn it, если ты не поможешь намъ побѣдить проклятыхъ Британцевъ и пить; да, и пить!»

Между-тѣмъ, подоспѣли и дезертиры изъ разныхъ отрядовъ. Весельчачки выказывали безстыдное и злое любопытство. Они безъ церемоніи принялись пробовать остріе его пожа, костюмъ его, мокассыны, и одинъ собирался уже снять съ него шапку.

Внѣжность пришлеца, сказать правду, была немножко-странна. Лишь шапка была надвинута на уши и тщательно закрывала темно-русые волосы; а длинные усы дѣлали это тѣмъ поразительнѣе. Олений камзолъ изобличалъ въ немъ дикаго, но брюки образованнаго. Олень мокассынъ, — другой вѣроятно онъ потерялъ, — былъ индѣйской работы; на одной щекѣ его были еще слѣды черной и красной краски, — другая была окрашена только въ-половину, и руки его были бѣлы, хотя и загорѣли на солнцѣ. Но голубые глаза уничтожали всякое сомнѣніе; они не могли принадлежать дикому. Толпа смотрѣла на него въ замѣшательствѣ, какое испытали, можетъ-быть, нѣкоторые изъ нихъ, надѣясь пайдти въ лѣсу оленя и встрѣтить медведя.

— Кажется, вы посмотрѣлись досыта, сказалъ дикій полушутливымъ, полунедовольнымъ тономъ, ударивъ одного Американца плашии ножомъ своимъ по рукѣ, грубой и жесткой, какъ лапа аллигатора, и снова хотѣвшей снять съ него шапку.

Это былъ, какъ читатель, конечно, уже догадался, нашъ Британецъ. Индѣйскій бѣгунъ вывелъ его на дорогу къ Кошаттаинъ, и наконецъ онъ пробрался черезъ безчисленные болота, рѣки и лѣса этой страны. Ему благопріятствовало холодное время года и шикое стояніе воды въ болотахъ и рѣкахъ, изъ которыхъ перья даже во многихъ мѣстахъ высохли; иначе онъ никогда не увидѣлъ бы береговъ Ачафалаи. Последнія три недели онъ питался дикими гусями и утками, убивая и жаря ихъ, какъ научили его Индѣйцы. Онъ только-что вышелъ изъ пустыни, и испанскія фигуры заплѣсныхъ жителей, ихъ пронзительныя взоры и длинные

книжки, вѣроятно, оказались ему не очень-приманчивы, такъ-что при всемъ его желаніи попасть опять въ кружокъ цивилизованныхъ людей, онъ не рѣшился идти къ нимъ; поворотилъ въ сторону, но ужь поздно. Впрочемъ, встрѣча, по-видимому, не очень смущала; павизчивая фамильярность даже забавляла его.

— *Damn it!* воскликнулъ одинъ, послѣ долгаго молчанія. — Къ вы, во имя чорта? Вѣдь не краснокожіи же?

— Нѣтъ, отвѣчалъ молодой человекъ со смѣхомъ: — я Англичанинъ.

Онъ произнесъ эти слова коротко и рѣшительно, какъ баронъ, которому пришла фантазія поразить своихъ крестьянъ вдругъ-сброшеннымъ винокigno.

— Англичанинъ! повторили двадцать голосовъ. — Британецъ! воскликнули другіе, и между ними молодой человекъ въ травяномъ зеленомъ фракѣ, только-что подошедшій.

— Британецъ? спросилъ онъ. — Однакожь, вѣдь это не единственная ваша рекомендація?

Англичанинъ взглянулъ на говорившаго, въ глазахъ котораго видно было недоброе расположеніе.

— Покаместъ единственная, отвѣчалъ онъ.

Каковы бы ни были мысли зеленого, — а онъ были нацѣленно не добры, — прочіе не разделяли ихъ. Удивленіе уступило мѣсто желанію узнать, какъ этотъ молодой человекъ попалъ въ почти непроходимыя болота и лѣса. Можетъ-быть, въ нихъ зашевелилось и чувство родства къ тому, чьи предки были ихъ предками. Толпа забыла, казалось, на минуту, что онъ принадлежитъ къ народу, который съ ними въ войнѣ и войска котораго только-что высадились на ихъ берегъ. Мало-по-малу, они однакожь опомнились.

— Да какъ же, *damn it*, зашли вы сюда въ Озелузасть? спросилъ опять зеленый.

— Ногами, насмѣшливо отвѣчалъ молодой человекъ.

Шутка однакожь не понравилась.

— Молодой человекъ! сказалъ другой, постарше перваго: — вы здесь въ штатѣ Луизианѣ и передъ вами граждане Соединенныхъ Американскихъ-Штатовъ. Это, — продолжалъ онъ, указывая на зеленого, — констабль; шутка тутъ не у мѣста.

— Я съ своего корабля, потому-что...

— Съ корабля! повторилъ всѣ брови нахмурились, и поднялся глухой говоръ.

Въ городѣ только-что узнали о высадкѣ британскихъ войскъ и о взятіи ими американскихъ канонерскихъ лодокъ въ устьѣ Миссиссиппи. Какъ въ незначительна была эта потеря въ сравненіи съ

блестящими победами надъ британскими военными кораблями на Шиплеъ и Эриу, однакожь эта неудача огорчила всѣхъ и значительно усилила народное негодованіе.

Констабль отошелъ въ сторону, съ нѣсколькими людьми и началъ переговариваться. Иногда онъ поглядывалъ на молодого клевка, какъ-будто желая утвердиться въ своемъ о немъ мнѣніи. Его слушали внимательно; многіе подошли незаметно къ молодому человѣку и намѣряли его недоверчивымъ взоромъ, какъ-будто лачно желая убедиться въ томъ, что говорятъ о немъ.

Обращеніе Американцевъ разительно измѣнилось послѣ этого краткаго свиданія, Грубая короткость и простое любопытство уступили мѣсто холодному, отталкивающему нерасположенію.

— Чужестранецъ! сказалъ констабль повелительнымъ тономъ.

— Вы подозрительный человѣкъ и должны слѣдовать за мною.

— А вы кто, что осмѣливаетесь заступать мнѣ дорогу?

— Вы слышали, кто я. Кто вотъ эти люди, вы тоже видите: граждане Соединенныхъ-Штатовъ, въ войнѣ, какъ вамъ вѣроятно извѣстно, съ нашимъ народомъ.

Констабль произнесъ эти слова съ такимъ достоинствомъ, что Англичанинъ уже не такъ насмѣшливо взглянулъ на его новую бобровую шляпу и зеленые штаны.

— Хорошо, яду, отвѣщая онъ: — и надѣюсь, что мнѣ между вами опасаться нечего.

— Это вы скоро увидите, сухо сказалъ констабль.

Съ этими словами, всѣ пошли къ городу.

IV.

Въ Опелузасѣ считалось въ это время двѣнадцать деревянныхъ домовъ; изъ нихъ нѣкоторые были, впрочемъ, оштукатурены и окрашены зеленою краскою. Въ числѣ этихъ послѣднихъ былъ домъ мѣрцаго судьи, или, какъ называли его запросто, сквайра.

Внезапная перемена въ расположеніи толпы не общала хорошаго приѣма со стороны судьи. Герой нашъ счелъ сначала все это за грубое желаніе пошутить надъ заблудившимся путешественникомъ; но мрачная важность, съ которою шли по улицѣ, состоявшей болѣею частию изъ загороженныхъ садовъ, подозрительные взгляды и старанія всѣхъ держать себя подалѣе, общали много печальнаго.

Когда они поравнялись съ первыми домами, послышалась военная музыка, и вслѣдъ за тѣмъ показались два отряда красныхъ, зеленыхъ, желтыхъ, синихъ и черныхъ поселенцевъ, торжественно

по марширующих по грязи, вслѣдъ за двумя скрипками. Британецъ взглянулъ на это истинно-комическое шествіе и разразилъ смѣхомъ. Но никто не разделялъ его веселости. Когда они пошли къ дому судьи, ораторъ только-что кончилъ свою рѣчь, слушатели пошли узнать причину ссорки. Посреди всей этой сумятицы былъ замѣтенъ какой-то порядокъ.

Весь городокъ собрался у дверей судьи; констабль отворилъ и впустилъ сперва пльниаго. Любопытство стало разгораться, задніе ряды начали сильно тѣснить переднихъ, такъ-что домишки едва не были сдвинуты съ его обитателями. Но едва-только дверь отворилась, какъ констабль закричалъ толпѣ: — Судья завтракаетъ — и всѣ въ ту же минуту отступили.

Дружный приступъ и потомъ вдругъ единодушное отступление сдѣлали на Британца опять непріятное впечатлѣніе. Забывая свое собственное положеніе, онъ съ любопытствомъ наблюдалъ за тобою. Ему какъ-будто хотѣлось увидѣть, что стало съ людьми оттолкнувшими отъ себя покровительство его народа и вздумавшими распоряжаться самостоятельно. Констабль и двое увидѣвшихъ Англичанина сначала остались въ домѣ.

— Не угодно ли съ нами, господа? спросилъ смуглый судья крѣпкій старикъ.

— Чужой, можетъ-быть, также будетъ радъ вашему приглашенію отвѣчалъ одинъ, садясь на стулъ.

Прочіе последовали его призыву.

— Садитесь, сказалъ судья пльниному, не сводя глазъ съ тарелки, на которой лежали окорокъ и яйца.

— Распоряжайтесь, — что есть, на столъ, продолжалъ онъ. — Старуха! чашку!

Старуха, то-есть хозяйка, налила чашку кофе, а одна изъ дочерей поставила приборъ, принесенный негритянкою. Все это дѣлалось такъ формально и важно, что герой нашъ началъ понемногу уважать своихъ новыхъ знакомцевъ, не очень-тонкихъ въ обращеніи, но за то полныхъ мужественнаго, спокойно-твердаго духа. Хозяинъ повторилъ свое приглашеніе и гость принялся завтракать.

— Милости просимъ, чѣмъ богаты, тѣмъ и рады, сказалъ судья тремъ другимъ, указывая въ сторонѣ на столъ, гдѣ стояла шадера портувейнъ, ковякъ и виски. Они смѣясь наполнили рюмки и выпили за здоровье судьи, жены его и семейства, не забывъ выпить и за здоровье молодого человѣка, котораго завели, можетъ-быть въ непріятныя обстоятельства.

Хозяйка поглядывала мелькомъ на юношу, а дочери забыли свой завтракъ; но судья разрѣшилъ свою утреннюю задачу с

мшенностью, доказывавшею, что для каждого занятія у него назначено свое время.

— Выборъ, конечно, еще не конченъ? спросилъ онъ наконецъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ констабль. — Братъ мой только-что договорилъ свою рѣчь.

Эти слова сопровождались взглядомъ, который показывалъ, что онъ вовсе не доволенъ происшествіемъ, лишившимъ брата его полныя слушателей.

Съ четверть часа опять продолжалось молчаніе, и завтракъ былъ въ это время оконченъ. Когда приняли со стола, судья асталъ, отворилъ двери, и впустилъ въ комнату столько желающихъ, сколько могло въ ней удобно помѣститься.

— Теперь, г. констабль, сказалъ онъ, ставъ на столъ чернильницу и положивъ бумагу: — скажите, что тамъ опять?

— Вотъ, мастеръ Джоэ Друмъ и Самъ Слабъ, отвѣчалъ констабль; — расскажутъ вамъ подробности, и притомъ Джоэ Друмъ въ качествѣ перваго, увидѣвшаго и задержавшаго плѣнника.

Долготный Друмъ вынулъ изъ-за губы огромный свертокъ табака, бросилъ его въ каминъ, и началъ нейтральнѣе рассказъ о томъ, какъ замѣтилъ онъ чужаго, и какъ тотъ старался ускользнуть отъ него.

Судья въ первый разъ взглянулъ на обвиняемаго, особенно вполнѣ передъ нимъ стоявшаго.

Второй свидѣтель въ свою очередь вынулъ табакъ и подтвердилъ показаніе перваго, владѣя языкомъ не очень-свободно.

— Самъ! прервалъ его судья. — Ты опять нарѣзался; а вчера еще, когда я вытащилъ тебя изъ аллигаторова болота, ты далъ честное слово шесть недѣль не глядѣть на воду.

— И damn it, если я его нарушилъ, отвѣчалъ нѣмецъ. — Я закрывалъ глаза, — спросите у Джоэ Дрома; да и вамъ бы не мѣшало глядѣть то же, damn ye.

— Перестань клясться, а не то я тебя оштрафую.

— Вы — меня? Пожалуй; только больно разбогатѣете, да и пули клятвъ вамъ въ пузо.

— Потиме, Самъ. Меня не испугаешь, сказалъ судья, особенно упряма на слово «меня». — Если я опять услышу отъ тебя клятву, такъ оштрафую тебя.

Констабль хотѣлъ сдѣлать свое показаніе въ подтвержденіе словъ свидѣтелей, но съ разныхъ сторонъ раздалось: «Не ври, Дикъ! Ты пришелъ послѣдній, и знаешь объ этомъ происшествіи столько же, сколько и господинъ судья.»

— Но я констабль, и мол...

— Ты констабль, прервалъ его многіе:—и исполнилъ свою обязанность. Больше тебѣ толковать нечего.

Лицо судьи приняло по-немногу выраженіе замѣшательствъ очень-понятнаго въ человѣкѣ, привыкшемъ исполнять свою должность медленно и методически, и вдругъ принужденномъ заняться дѣломъ гораздо-большей важности. Онъ какъ-будто не зналъ что дѣлать съ молодымъ человѣкомъ. Исключая остатковъ индской одежды, на немъ не было ничего подозрительнаго. Конечно онъ не зналъ пльннаго коротчѣ, но ничего въ немъ не подвѣждало предположеній, основанныхъ на его костюмѣ и обстоятельстве его ареста. Пльнный смѣялся весело и беззаботно, и оглаждалъ поселенцевъ съ ногъ до головы съ любопытствомъ, гримасничаньемъ съ насмѣшкою. Притомъ же, наружность, не смот на метаморфозу, говорила въ его пользу. Конечно, беззаботность его могла быть притворна, и за него могло скрываться что-нибудь опасное; но молодость его дѣлала это невозможнымъ. Впрочемъ, такіе случаи бывали, и можетъ-быть самъ судья былъ свидѣтелемъ подобной проделки въ странѣ, куда десять миль сряду стонали разгнѣанные ищатели приключеній.

Добрый очевидно былъ въ замѣшательствѣ и почесывалъ ухомъ. Нѣсколько разъ брался онъ за связку печатныхъ бумагъ и хотѣлъ бросить ихъ обратно на столъ съ негодованіемъ.

Наконецъ онъ сказалъ: — Чужестранецъ! можете ли вы сказать что-нибудь въ свое оправданіе?

— Я не знаю, въ чемъ состоитъ обвиненіе, отвѣчалъ молодой человекъ.

— Вы слышали, но я повторю, повторю сказалъ судья. — Вот эти два человека и констабль говорятъ, что вы шпионъ; что вы передвѣливъ и пришли выслотрѣть жѣстность и привести на извѣстность.

Молодой человекъ съ негодованіемъ взглянулъ на обвинителя, но какъ-будто не былъ удивленъ.

— Это гнусная... воскликнулъ онъ, но не могъ договорить фразы, потому-что судья прервалъ его громовымъ: «стой!»

— Я вовсе не желаю, чтобъ домъ мой превратился въ мѣст драки. Сдерживайте свой языкъ, молодой человекъ, когда говорите съ американскими гражданами; это не Британцы. Если вы можете объяснить, кто вы, и какъ очутились въ индійскомъ костюме, хорошо; если жѣ нѣтъ, такъ я долженъ отослать васъ въ главную квартиру.

— Старый орлъ сейчасъ же заставитъ его проплакать на деревѣ, замѣтилъ одинъ.

— *Вашн олд хискогу*, чортъ возьми этотъ старый орѣхъ; убирайся отсюда пришедь, возразилъ другой.

— Пусть меня застрѣлятъ, если у стараго орѣха въ мизинцѣ нѣтъ столько честной крови, что хоть лошадь купай, сказалъ третій.

— Молчите, сказалъ судья. — Дайте выслушать, что скажетъ молодецъ-то. И такъ, рго ргіто, кто вы и что вы?

— Англичанинъ; имя мое — Джемсъ Годжесъ; званіе — мичманъ и фрегатъ «Громовержецъ».

— Британецъ, Джемсъ Годжесъ, мичманъ на «Громовержцѣ», ворчали всѣ присутствующіе.

Судья взмѣрилъ мичмана особеннымъ взглядомъ и покачалъ головою.

— Хорошо, сказалъ онъ, записавъ его показаніе. — Какъ же вы попали ниль на 300 внутрь земли? Надѣюсь не такъ, какъ «Летающій Голландецъ»?

— Нѣтъ, отвѣчалъ смѣясь молодой человекъ: — капитанъ нашъ былъ занятъ измѣреніемъ глубины устья Миссисипи и позволилъ нѣкоторымъ изъ насъ отправиться на ловлю черепахъ. Во время этого занятія, напалъ на насъ баратарскій пиратъ и увезъ въ свою крепостцу. Ночью я бѣжалъ. Что сталося съ моими товарищами, не знаю.

— Пойманъ баратарскимъ пиратомъ! повторили двадцать головъ.

Имя баратарскаго пирата, такъ давно безчинствовавшаго по берегу, пробудило всеобщее желаніе услышать о немъ больше.

— Разскажите намъ о немъ что-нибудь, сказалъ одинъ.

— Молчать, говорю я! возразилъ судья. — Намъ некогда слушать басни; и безъ того не соберешься съ мыслями. Такъ вы сюда прямо съ острова Баратарія?

— Нѣтъ, отвѣчалъ мичманъ: — я ушелъ въ лодкѣ, по сильномъ юговосточномъ вѣтерѣ унесъ ее далеко въ Мехиканскій-Заливъ.

— И вы оттуда? спросилъ судья, покачивая головою. — Откуда же этотъ индійскій костюмъ?

— Я попалъ въ племя Индійцевъ, которые мнѣ его дали.

— И отъ нихъ отправились вы по дорогѣ сюда, къ Ачафалайо?

— Да.

— Запишу, хоть и увѣрю васъ, что изъ миллионовъ людей и десяти этому не повѣрятъ. Послушайте, сколько васъ тамъ ни есть в Баляцѣ, будь васъ хоть сто тысячъ, никто изъ васъ не сумѣетъ найти сюда дорогу отъ мекхиканской границы или отъ Индійцевъ. Тутъ нѣтъ ни дорогъ, ни столбовъ. Тутъ что-то кроется; къ-тому же, и это индійское платье не такъ-то плохо. Я не знаю

ни одного племени, которое было бы столько богато, чтобъ дать такую вещь. Какъ зовутъ Индійцевъ, у которыхъ вы бы

— Не знаю.

— Но мы должны знать.

— А я не знаю; ихъ такая бездна: Кошаттаи, Сабинцы и то ли еще какіе!

— Вы знаете имена Кошаттаевъ и Сабинцевъ, а не знаете, какъ зовутъ тѣхъ, у кого вы были? Странно! И они, говорите вы, дали вамъ платье, которое стоить по-крайней мѣрѣ десять долларовъ? Послушайте: уверяю васъ, это шекотливое дѣло. Кошаттаи и Сабинцы не могутъ дать вамъ ничего подобнаго, еслибъ даже собрали все свое имущество. У васъ, можетъ-быть, этой исторіи поверили бы; но здѣсь голова ваша въ опасности, потому-то рассказъ подтверждаетъ обвиненіе.

— Сдѣлайте одолженіе, сказалъ Британецъ: — сообщите это дѣло какъ-можно-скорѣе въ главную квартиру. Остальное объясните само-собою.

— Въ главную квартиру? Послушайте, вы, кажется, думаете, что это такъ, ничего; еслибъ вы знали, кто тамъ начальникомъ, вы бы не торопились бы. Онъ распоряжается съ креолами, какъ съ своими неграми; что же съ чужими?... Больше вамъ нечего объявлять.

— Только то, что я не шатался, какъ говорятъ мои обвинители, съ подозрительнымъ намѣреніемъ около города и на окраинахъ во время подглядыванія. Не станешь думать ловить другихъ когда самъ едва держишься на ногахъ. Я дѣлся добровольно.

— Правда! закричалъ первый обвинитель. — Я пересолил немножко, это правда. Пустите его; шпиономъ меньше или больше, велика разница. Пусть придутъ красные; мы ихъ такъ отдадимъ, что они не найдутъ домой дороги.

— А прокламація генерала, возразилъ второй: — въ которой сказано, чтобъ каждаго подозрительнаго человѣка задерживать и представлять военному вѣдомству?

— До этого намъ дѣла нѣтъ, замѣтили нѣсколько голосовъ. Прокламація сдѣлана генераломъ; а ему нечего молоть вѣдою свободнымъ людямъ, которые обязаны повиноваться только законамъ своего государства. Какъ вы думаете, господинъ судья?

— Конечно, генералу нечего тутъ распоряжаться; но комитетція сама позаботилась о подобномъ случаѣ. Остается только, прибавилъ онъ тихонько, обращаясь къ своимъ: — отослать плевна! Жаль мнѣ, что я долженъ его толкнуть въ болото; онъ смотритъ молодцомъ не хуже кого-другаго.

— Молодой человекъ! сказалъ онъ, обращаясь къ Англичанину. — Вы вѣтны за линією нашихъ войскъ, въ подозрительномъ!

стали. Вы сами признались, что принадлежите къ флоту. Я долженъ представить васъ военному вѣдомству. Законъ этотъ суровъ для страны свободной, но онъ имѣетъ силу только въ военное время. Не будь вы Британецъ, я смотрѣлъ бы на все это сквозь пальцы. Садитесь-ка, да выпейте вина или рому, чего хотите.

Британецъ поблагодарилъ и выпилъ за здоровье своихъ новыхъ лицевыхъ. По всему было видно, что онъ доволенъ ихъ обращеніемъ. Дѣйствительно, судья велъ себя открыто и честно, и не могъ не внушить довѣренности плѣнному. Молодой человекъ былъ какъ-будто дома. Окружавшіе его были такъ просты и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ хорошо понимали свои интересы, что, конечно, должны были понравиться непредубѣжденному. Онъ ожидалъ, можетъ-быть, плоскихъ остротъ и брани, а его приняли такъ хорошо, какъ онъ только могъ ожидать въ своемъ положеніи.

Судья и констебль начали разсуждать, гдѣ держать покамѣстъ плѣннаго. Шерифъ былъ въ отсутствіи, и тюрьма графства, изъ которой недавно убѣжалъ какой-то невольникъ, была безъ замка и засова. Судья окончилъ разговоръ увѣреніемъ, что позаботится о сохраненіи плѣнника, и всѣ вышли изъ комнаты.

Скоро шумъ возобновился. Къ старой скрипкѣ и барабану присоединилась шотландская дудка, и съ этой ухораздирательной музыкальной отряды пошли по улицѣ важно, какъ-будто дѣйствительно шли на встрѣчу врагу.

— Чортъ возьми это писанье! воскликнулъ судья, забывъ выговоръ, сдѣланный имъ Саму. — Вотъ садись и пиши! а не знаетъ, какъ сложить рѣчь, чтобъ не повредить этому молодцу. Послушайте, я увѣренъ, что вы не хуже кого-другаго умѣете владѣть перомъ: что, еслибъ вы отвалили этотъ вздоръ-то?

— Какой вздоръ, господинъ-судья?

— Ну, донесеніе о вашей поимкѣ.

— Вы хотите сказать *casum apprehensionis*?

— Вамъ есть время; садитесь-ка; вотъ вамъ чернила, бумага и перо; пишите ясно и понятно, и не забудьте, что дѣло идетъ о вашей головѣ.

— Не-уже-ли вы думаете, что они осмѣлятся оскорбить Британца, когда британская армія стоитъ у воротъ?

— Что и говорить! Смѣшно вы разсуждаете. Осмѣлятся оскорбить Британца! Послушай! Будь ты самъ главнокомандующій арміей, тѣмъ скорѣе повѣсятъ тебя, разумѣется, если подозрѣнія оправдаются. Нѣтъ, молодой человекъ; по всему видно, что ты насъ не знаешь. Не осмѣлятся! Они осмѣлятся оскорбить и не того, какъ ты! Если они только могутъ нанести ударъ вашей глупой британской гордости, ничто не запретитъ имъ нанести его

какъ-можно-сильнѣе! А почему? Потому-что мы свободный слѣдовательно, первѣйшій народъ въ мірѣ. Молчи, старуха! — Должалъ онъ, обращаясь къ женѣ, подошедшей къ нему съ сянцямъ лицомъ. — Тутъ тебѣ нѣтъ дѣла. Ты знаешь, непріятель у насъ на носу, такъ шутки плохи. Нѣтъ, пожалуйста, будьте горазумны, сказалъ онъ, обращаясь опять къ молодому человеку. — Оставьте шутки, а не то онъ, пожалуй, сѣиграетъ шутку вашей головой.

Съ этими словами, онъ вышелъ.

Молодой человекъ приготовился писать.

— Да скажите, пожалуйста, что васъ сюда занесло? спросила хозяйка, когда мужъ ушелъ. — Не-уже-ли вы, Британцы, такъ глупы? Если вы не слѣпы и не глухи, какъ же не видите, что ждете въ волчью яму? Они васъ повѣсятъ, можете быть увѣрены: этотъ генералъ страшный старикъ.

Перспектива была не очень-пріятна, но мичманъ не хотѣлъ, жетса, огорчаться.

— Не безпокойтесь обо мнѣ, сказалъ онъ улыбаясь. — Людей вѣшаютъ, особенно за шпионство, когда одна мысль объ этомъ умство.

— Будемъ надѣяться лучшаго; но все-таки благоразумнѣе было бы...

— Жена! закричалъ мужъ въ полурастворенную дверь. — Убѣгай прочь отъ этого молодца, говорятъ тебѣ.

Жена отправилась въ кухню.

Плѣнный серьезно принялся за донесеніе о своей поимкѣ. Делать онъ не могъ онъ согласить своихъ мыслей; наконецъ началъ писать. Онъ изложилъ свое приключеніе какъ-можно-естественно, не упоминая объ Индійцахъ, и подробно объяснилъ свои служебныя отношенія, въ-слѣдствіе которыхъ надѣялся немедленно быть освобожденнымъ. Когда онъ кончилъ, вошелъ судья, и онъ показалъ ему бумагу.

— Хорошо сдѣлано! сказалъ судья, прочитавъ ее. — Дики! Подпиши-ка теперь ихъ къ подписи.

— Да вѣдь это не ваша рука, сквейръ, замѣтилъ конетабль явившись съ прочими.

— Такъ что жъ? Какое кому до того дѣло? Я поломалъ голову надъ этимъ молодцомъ больше, нежели надъ дюжиной вѣсельниковъ. Справедливость требуетъ, чтобъ и онъ немного потрудился.

— Правда, подхватили всѣ. — У васъ прекрасный почеркъ, сказалъ одинъ изъ нихъ; — и вы можете избавить насъ отъ труда. Идите на этомъ лоскутѣ бумаги: Мейкъ Брумъ, а пониже: Искандеръ Уалльсъ.

Вонли человекъ двадцать одинъ за другимъ. Каждый улыбулся судѣ и оторвалъ кусочекъ бумаги отъ его письменнаго запаса.

— Можете завести канцелярію, сказалъ судья Британцу:— работы будетъ довольно. Ручаюсь вамъ.

— Да, работу доставимъ, закричали человекъ двадцать еще другихъ, съ шумомъ вошедшихъ въ комнату, чтобъ смѣнить своихъ предшественниковъ.

— Это вѣрно будутъ выборы? спросилъ Англичанинъ.

— Да, выборы, и вы не даромъ потрудитесь, сказалъ поселенецъ, выходя съ своимъ доскуткомъ бумаги; вскорѣ онъ возвратился съ полною бутылкою.

— Вотъ выпейте-ка, сказалъ онъ:— за благо штатовъ и да погибеть проклятыхъ Британцевъ.

— Нѣтъ, не пью, отвѣчалъ пльнцый.

— Какъ хотите. Будете раскаиваться. Джонъ отъ-роду не подымалъ такимъ добрымъ монопеггала.

Съ этими словами, онъ выпилъ кружку и налилъ другую, такъ-то бутылка опустѣла. Британецъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на нитуха, духомъ осушившаго такую огромную стопу, и продолжалъ высать избирателямъ ихъ голоса, число которыхъ дошло уже до сѣтенъ.

V.

— Хорошо! я очень-радъ за тебя, молодой человекъ, сказалъ судья, возвратившись опять домой съ улицы.— Они выбрали меня въ майоры, и я надѣюсь быть тебѣ полезнымъ. Давай-ка обѣдать, старуха; я проголодался. Да не забудь бутылку стараго монопеггала! Садись, молодой человекъ, не унывай. Я самъ бывалъ въ такой передрыгъ, что не думалъ уйдти живой—въ восьмидесятомъ и восемьдесятъ—первомъ году при Коупенсѣ, гдѣ мы вась поколотили, а въ двѣнадцатомъ при фортѣ Мигеѣ, и потомъ съ капитаномъ Коганомъ. Да! не думалъ я тогда, что увижу опять Ачафаллю и своихъ. Краснокожій былъ ужасный человекъ. Тѣмъ не мене, однакожъ, да благословить его Богъ, хотя онъ и былъ ужасомъ нашихъ за Огіо. Молодецъ, надо сказать правду; я уже произнесъ: аминь, и думалъ, что все кончено. Но въ то самое время, когда острый ножъ уже рѣзнулъ меня вокругъ головы—вотъ, посмотрѣ, прелоска, какъ красный шнурокъ, видна еще до-сихъ-поръ,—ивался Текумсе и освободилъ меня отъ враговъ. Никогда не забуду я этого человека; многіе изъ нашихъ обязаны ему спасеніемъ своей кожи. То-то былъ человекъ! Не то, что ваши пьяные Ин-

дйцы, которые день и ночь шатаются около нашихъ полей, — укрдуть у насъ оленя, да и бѣгутъ, хоть за пятьсотъ миль, чтобъ прѣвѣять его на виски.

— А сухой-то, длинный? Его ты развѣ забылъ? сказала жена подавая мужу оленину. — И тотъ насъ не мало страшалъ. Какъ бишь его зовутъ?

— Токеа, мико Окошѣвъ? спросилъ мужъ. — Пожалуйста, оставь меня съ нимъ въ покоѣ.

— Какъ? вы его знаете? невольно воскликнулъ Британецъ.

Судья и жена его значительно перемигнулись. Молодой человекъ хотѣлъ поправиться, и прибавилъ: — Я увѣренъ, Индйцы много вамъ насолили.

— Да, сухо отвѣчалъ судья. — Но о Токеа мы уже нѣсколько лѣтъ не слышали ни слова. Точно какъ-будто кашуль въ Минсисипи. Ни слуху, ни духу. А вы о немъ что-нибудь знаете?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Британецъ запинаясь.

— А я думалъ, что знаете, потому-что спрашиваете.

— Да, и бѣдная красавица Роза! сказала жена.

— Роза! воскликнулъ Англичанинъ, забывшись вторично.

Супруги опять перемигнулись. Не говоря ни слова, всѣ сѣли за столъ; судья произнесъ длинную молитву. Явились еще двѣ дочери и сынъ. Дочери были одѣты въ платье изъ обыкновенной бумажной матеріи, но очень-изящно; въ обращеніи ихъ не было ни тонкой женской образованности, ни робкой застычивости. Въ движеніяхъ замѣтны были много природной развязности и какая-то живость не переступавшая, впрочемъ, границы дѣвической скромности. Они поклонились чужому безъ жеманства и заговорили съ матерью.

Пока хозяйка разрѣзывала оленину, судья продолжалъ:

— Да, тогда у меня былъ еще полонъ домъ дѣтей, старыхъ малыхъ, двѣнадцать штукъ неугомонныхъ дудокъ. Ни одинъ, благодаря Бога, не умеръ; всѣ поженились, повышли замужъ, пристроились. Вотъ наша радость! Чѣмъ больше дѣтей, тѣмъ лучше. Земля у насъ довольно, и умѣй они только работать, дворъ и домъ явятся сами собою. У васъ, говорятъ, мальчикамъ только двѣ дорогіи: в солдаты или въ мошенники; а дочерямъ и того хуже. У насъ они трудятся честно, дѣлаются гражданами, и ни передъ кѣмъ не краснѣютъ. Да, молодой человекъ! Мы припасли каждому изъ дѣтей по двѣ тысячи долларовъ; только горько они намъ достались! Отецъ мой пришелъ сюда двадцати лѣтъ, съ тридцатью фунтами, купилъ себѣ за нихъ пятьдесятъ акровъ, и только-что склалотилъ-было себѣ кое-что, какъ вспыхнула война за независимость. Ваши сожгли его домъ, раздѣли и разули его, и полунагошимому, долженъ онъ былъ бѣжать за тридцать миль домой.

былъ тогда еще мальчишкой, но стрѣлялъ по вашимъ краснокафтанникамъ. Когда война кончилась, я женился на моей старухѣ; жила мы съ нею и переселились наконецъ къ Коозъ. Не будь я дуракъ, такъ остался бы себѣ тамъ и не перешелъ за Огіо; это много повредило моей торговлѣ съ Новымъ-Орлеаномъ. Впрочемъ, жпъ есть чѣмъ. Начинать сначала не хочется; а все-таки лучше, нежели жить въ вашей землѣ...

Олеина была разрѣзана, и съ полчаса продолжалось молчаніе; изъ судьи нельзя было вытянуть ни полслова. Когда убрали со стола, онъ налилъ себѣ еще своего хваленаго мононгегала, поставилъ передъ Британцемъ портвейнъ и мадеру, и продолжалъ:

— Да! Здѣсь не то! Погляди-ка: это тебѣ кажется, можетъ-быть, смѣшно, что они тамъ топчутся рядами, какъ-будто за тѣмъ только, чтобъ мѣсить грязь. Но взгляни поглубже, и ты увидишь, что они серьезно приготовляются противъ васъ. Дайте имъ дюжину солдатъ, пусть они поучатъ ихъ съ недѣлю, и они окажутся въ дѣлѣ не хуже вашихъ краснокафтанниковъ. Чтѣ я говорю, не хуже! Лучше, — потому-что ваши дерутся за шесть пенсовъ, а наши за свое имущество, за жену и за дѣтей. Никто не приказывалъ имъ явиться; они все пришли добровольно, ихъ свелъ сюда общественный духъ. Чтѣ держите, что вы проиграете первое сраженіе?

— Съ этимъ фальстафовскимъ войскомъ?

— Тихе, тихе! Это граждане; на каждомъ изъ нихъ свой кастанъ, и у каждого есть свое хозяйство. Это не сбродъ какой-нибудь, какъ ваши защитники отечества, которые идутъ въ солдаты, чтобъ не умереть съ голода или не попасть въ Ботани-Бэй, — лишь-бы скорѣе спровадили ихъ со свѣта, которому они въ тягость.

Уже давно слышались выстрѣлы. Судья отворилъ дверь, передъ которой расхаживалъ человекъ съ штуцеромъ. На берегу рѣки были въ-скоро сколочены доски, и передъ ними стояло шесть горящихъ свѣчей. Близехонько возлѣ нихъ были два человека съ ошарями. Въ эту минуту, раздались два выстрѣла: одна пуля сорвала горящую свѣтильню, другая перебила свѣчу.

Раздался громкій хохоть.

— Э, промахнулся! Въместо свѣтильни попалъ въ свѣчу.

Свѣчку опять зажгли и поставили. Четыре выстрѣла, одинъ за другимъ, погасили едва-замѣтное среди дневнаго свѣта пламя. Стрѣлки стояли отъ цѣли за полтора шаговъ.

— На другой сторонѣ стрѣляютъ въ шляпку гвоздя, сказалъ судья. — Хочешь посмотрѣть?

Онъ пошелъ съ павшимъ за строеніа, гдѣ стоялъ другой дос-

чатый щитъ. Въмѣсто свѣчей, въ доски были до половины вбиты гвозди съ шляпками.

— Въ третьяго сверху, сказалъ молодой поселенецъ и выстрѣлъ раздавался.

— Попалъ! отвѣчалъ стоявшій у цѣли.

— Въ четвертаго! воскликнулъ второй и выстрѣлилъ въ свою очередь.

— Вѣрно! отвѣчали у цѣли.

Юноша смотрѣлъ не говоря ни слова.

— Чтѣ? Вѣришь теперъ, что вамъ ве справитесь? спросилъ судья. — Вотъ это они дали тебѣ почетный караулъ, продолжалъ онъ, указывая на поселенца, шедшаго за ними съ ружьемъ: — чтобъ ты не ушелъ. Они забрали себѣ въ голову, что ты что-то въ родѣ шпиона. Бѣжать! Дѣ! какъ бы не такъ! Легко сказать, — да они бросались бы за тобой какъ свора борзыхъ, и гнались бы хотѣ до Ла-Платы. Пойдемъ, однакожь; выпей мадеры или портувейна, это настоящія, — они не повредятъ твоему молодому желудку. Мы отправимся за Миссисипи, въ военный постъ, а тамъ ужъ будутъ знать, какъ распорядиться. Наши прійдутъ за нами завтра; а мы должны отправиться сегодня: такъ ужъ захотѣла старуха, что будешь съ ней дѣлать! Впрочемъ, она права: безъ нихъ я скорѣе могу замолвить за тебя словечко, хотъ ты мнѣ довольно дѣлаешь хлопотъ. Десять человекъ должны сегодня же отправиться на Коматтайскую-Дорогу, къ Красной-Рѣкѣ и къ Натчитохесу. Чортъ вамъ повѣритъ Британцамъ! Какъ вы вообще ни глупы, а себѣ на умъ, и гдѣ коснется до вашей выгоды, такъ вы настоящие черти. У тебя голубиные глазки, — да кто тебя знаетъ, можеть-быть ты и въ-самомъ-дѣлѣ указалъ сюда дорогу Индїйцамъ!

Молодой человекъ съ недоумѣнїемъ посмотрѣлъ на говорившаго. Такая недоувѣрчивость изумила его.

— И вы, честный человекъ, сказалъ онъ: — можете подозрѣвать меня въ чемъ-нибудь подобномъ?

— Ба! отвѣчалъ судья. — Я ничего не подозрѣваю и ничему не доувѣряю. Мы дѣлаемъ только то, чего требуетъ общественная безопасность. И это дѣлаемъ мы ради собственнаго успокоенїя. Какъ-то лучше спится, и наши веселье пойдутъ на врага. У насъ нѣтъ полициї, какъ у васъ, — такъ мы сами ее замѣняемъ. Впрочемъ, буди спокоенъ; это не должно тебя тревожить.

Избраніе въ майоры нашего стараго знакомаго Джона Копленда много содѣйствовало хорошему расположенію его духа. Ему очень льстило упованіе его согражданъ на его патриотизмъ и военныя дарованїя. Въ-теченіе семи лѣтъ, произошли въ немъ добрыя перемѣны. Грубое себлюбїе, проглядывавшее въ каждомъ его словѣ, усту-

ило мѣсто болѣе-гуманному чувству довольства. Онъ сознавалъ свою важность: но это чувство не оскорбляло другихъ. Въ немъ не было надменности барскаго слуги или разбогатѣвшаго ремесленника; была только жесткость мужественной души, заслужившей уваженіе полезною дѣятельностью. Молодой Британецъ скоро сжился съ новымъ обществомъ; добродушно-насмѣшливая физиономія его, съ которою онъ слушалъ хвалы, расточаемыя судьей Американцамъ, породила въ судѣй неисчерпаемое краснорѣчіе. Старикъ, говорившій своему гостю то *вы*, то *ты*, тоже, казалось, очень любилъ его.

— Констанбль Дикъ, сказалъ онъ: — хочеть быть съ нами; онъ боится, чтобъ ты отъ него не ушелъ. Онъ все поглядываетъ на нашу Катю. Не понимаю, какъ она можетъ терпеть его возлѣ себя.

Британецъ захохоталъ, судья тоже.

— Пойдемъ же въ комнату. Ровно въ девять мы пустимся въ дорогу; часа два ты можешь еще заснуть. Не церемонься и не обращай вниманія на дѣвушекъ, сказалъ онъ, указывая на пустую кровать, стоявшую возлѣ кровати гостя:—онъ еще поболтають, покаместъ заснутъ.

— Но, спросилъ юноша нерѣшительно:—кто же собственно будетъ здѣсь спать?

— Мои дочери, отвѣчалъ судья.

— Однакожь...

Юноша почесалъ за ухомъ.

— Однакожь... онъ тебя не укусятъ; не прыгай только ты, — онъ заснутъ спокойно. Здѣсь у насъ немощно-тѣсно. На плантаціи просторнѣе.

— Не безпокойтесь, отвѣчалъ юноша вслѣдъ уходящему жезляну.

— Пойдемъ! прозвнесъ чей-то голосъ, спустя нѣсколько часовъ, и чья-то рука довольно-грубо тряхнула нашего Британца.

Молодой человекъ взглянулъ на соседнюю кровать, откуда протянулась рука, и вслѣдъ за нею показалась фигура, вовсе непохожая на образъ дѣвушки.

— Дѣвочки ни за что не хотѣли идти сюда. Это можно было ожидать. А наши рѣшили поставить здѣсь караулъ. Чтобъ избавиться отъ этого, я самъ легъ здѣсь. Проворнѣй! Мы должны прохзть сегодня утромъ миль тридцать или сорокъ.

— Я готовъ.

— Прекрасно! любезный Годжесъ, сказала жена, дожидавшаяся въ съ своими дочерьми къ завтраку. — Одѣньтесь потеплѣе и не сдѣшите. Вотъ башмаки и чулки: они пригодятся вамъ ночью; воздухъ холодноватъ; остальное у Катъ и Меро.

Миссъ Кетъ держала шерстяное одяло, а Мери была завята шляпою отца.

— Что это опять? спросилъ судья.

— А какъ же? Вѣдь ты майоръ; надо султанъ на шляпу. Она общипала всѣхъ куръ и пѣтуховъ. Не забудьте же, любезный Годжесъ, будьте тамъ повеселѣе. Когда вы веселы, объ васъ невозможно думать худаго. Не позволяйте имъ обмануть васъ. Они ничѣмъ не важнѣе васъ, хоть и ужасно-горды, потому-что богаты. Если вы отдѣляетесь благополучно, и дома вамъ не повезетъ, такъ прѣзжайте къ намъ. Раскаиваться не будете.

Она смотрѣла на него такъ ласково, что ему тяжело было съ нею разстаться.

— Слушай, что она тебѣ говоритъ! сказалъ судья.—Она испытала многое.

— А вотъ письмо отъ Мери къ брату ея, смотрителю плантаціи мастера Паркера. Во всякомъ случаѣ, оно не помѣшаетъ. Однако ты не вѣшь? замѣтила жена.

Молодой человекъ перекусилъ кое-что на-скоро, и всталъ, чтобы слѣдовать за нетерпѣливымъ судьей. Миссъ Кетъ набросила на него одяло, а Мери надѣла ему перчатки. Онъ невольно вспомнилъ Розу и Индіянку, и сравненіе было невыгодно для обѣихъ миссъ.

— И такъ, еще разъ, продолжала хозяйка:—будь веселъ и беззаботенъ, и о тебѣ не подумаютъ худаго, не повѣрятъ, что ты, чѣмъ почитаютъ тебя эти дураки.

— Полно, полно, старуха, сказалъ судья, вытѣсняя своего гостя за дверь, чтобы прекратить дальнѣйшіе комплименты.

На улицѣ еще продолжалось движеніе. Изъ гостинницъ слышались звуки скрипокъ, и стрѣльба въ цѣль была въ самомъ разгарѣ. Все притихло, однакожъ, когда подвели лошадей; Томы, Самы, Исаакъ, Дикки, Бенны и Билли сошлись проститься съ своимъ майоромъ.

— Берегите деньгú, говорилъ имъ судья, тѣснясь сквозь толпу.

— Нѣ къ чему! отвѣчали гуляки:—все равно, деньги остаются здѣсь же.

— Таковъ ужъ народецъ, замѣтилъ судья, всходя съ своими двумя проводниками на поромъ для переправы черезъ Ачафалію. — Точно какъ-будто у нихъ бездонные кошельки. Крѣпки, какъ орѣхъ, и суровы какъ медвѣди, но славные ребята. Видишь, какъ они грубы, а подожди лѣтъ десятокъ, и если они не будутъ такъ же ловки, какъ любой джентльменъ, такъ назови меня чѣмъ хочешь. Посмотрилъ бы ты на нихъ три года назадъ, когда я прѣзхалъ съ Козы, что въ Георгіи. Они были хуже Индійцевъ; но возрастающее благосостояніе удивительно на нихъ подѣйствовало и пробудило въ нихъ сознаніе своего значенія. У насъ, у кого ничего нѣтъ,

тотъ ничего и не стоить. Деньги драхъ, а чтобъ приобрести ихъ, надо трудолюбіе, смышленость и много добродѣтели; у насъ она растетъ съ богатствомъ, а въ старомъ свѣтъ падаетъ съ распространяющеюся бѣдностью. Посмотри-ка, каковъ городокъ съ его пятнадцатью домами!

Домовъ было только двѣнадцать, но судья имѣлъ слабость все-гда немножко прибавить, когда дѣло касалось, по его мнѣнію, пяти страны.

— Посмотри, и прѣзжай черезъ десять лѣтъ; если тогда не будетъ за сотню домовъ, такъ назови меня Янки!

Переулавившись черезъ рѣку, они сѣли на лошадей и отправились къ мѣсту своего назначенія, куда мы поспѣшимъ до ихъ прѣзда.

VI.

Мы увѣщали о длинной и широкой возвышенности, которая, внезапно возставъ далеко отъ устья Миссисипи и простираясь на нѣсколько сотъ миль къ сѣверу, вдругъ ниспадаетъ въ низменность, разстилающуюся дальше на сѣверъ. Это возвышенность лѣваго или восточнаго берега Миссисипи, похожая на валъ; она тянется параллельно съ рѣкою, и на ней стоитъ главный городъ штата Миссисипи и находятся безчисленныя плантаціи со многими другими городами. Рѣка, не прерываемая уже островками и отмелями, течетъ здѣсь въ огромномъ руслѣ. Какъ-разъ у южнаго ската этой возвышенности она проложила себѣ естественный истокъ, и когда вода достигаетъ нѣкоторой высоты, она выливаетъ ее боковымъ рукавомъ въ заливъ, спасая такимъ-образомъ отъ потопленія одну изъ богатѣйшихъ и плодосибѣйшихъ странъ земнаго шара.

Берегъ самой рѣки и этого рукава обработанъ руками несчастнаго племени, назначеннаго здѣсь сѣять, но не жать; послѣ мрачной дикости береговъ Огіо и рѣкъ, впадающихъ въ Миссисипи, этотъ участокъ является отраднымъ оазисомъ цивилизаціи. Здѣсь не было, правда, разнообразія, восхищающаго путника на сѣверъ, группъ скалъ и пропастей, холмовъ и долинъ, придающихъ странѣ характеръ, какъ свѣтъ и тѣнь; но недостатокъ сѣверной красоты былъ здѣсь щедро вознагражденъ величіемъ картины, безконечно разстилающейся передъ взоромъ зрителя. Рѣка протекла сюда изъ-за 4000 миль, равнина ниспала изъ-за тысячъ миль, и на ней высились группы деревъ далеко надъ природнымъ валомъ, значительно превосходя сѣверную растительность роскошью своихъ красокъ.

Къ крутому входу возвышенности прислонился новый городокъ котораго дома, довольно-скромные для такой роскошной страны, странно отличались отъ очаровательныхъ загородныхъ зданій, выглядывавшихъ изъ множества группъ тропическихъ деревьевъ. Еще страннѣе были нѣсколько зданій при входѣ въ рукавъ, построенныя съ поспѣшностью, которою отличаются все первыя работы американскаго поселенца. Это были, по-видимому, амбары, сколоченные изъ досокъ и бревень; у одного изъ нихъ стоялъ у воротъ караулъ. Далѣе были меньшія зданія; въ томъ числѣ двѣ гостиницы, передъ одной изъ которыхъ стоялъ тоже караулъ. По землѣ валялись запачканные клочки хлопчатой бумаги, какъ на сѣверѣ валяются клочки грязи. Но это, очевидно, были признаки недавно-минувшей колоніальной дѣятельности; теперь царствовала здѣсь мрачная тишина, только изрѣдка прерываемая громомъ двухъ барабановъ или рѣзкими звуками пары флейтъ.

Подъ звукъ этихъ инструментовъ маневрировалъ на берегу рукава довольно-многочисленный отрядъ войска; но по неловкости его движеній можно было догадаться, что онъ состоитъ изъ новобранцевъ, которымъ не очень по-сердцу военная жизнь. Медленность въ маневрахъ была, можетъ-быть, и чѣмъ-то врожденнымъ въ этихъ солдатахъ, но часто принимала она характеръ упрямства, неохотно повинующагося командиру. Впрочемъ, здѣсь не было видно ни пестроты, ни необузданности толпы, собравшейся въ Опелузасть; здѣсь царствовала какая-то сухая важность, такъ-сказать, самостоятельная дисциплина. Отрядъ, какъ было замѣтно, уже нѣсколько времени рѣшился заниматься упражненіемъ, которое ему не очень нравилось. Всего было человекъ 500 или 600; все хорошо, иныя даже издѣльно одѣты; младшіе офицеры въ богатыхъ мундирахъ, старшіе во фракахъ, при шиагахъ, съ красными шарфами и султанами. У большей части были мушкеты; у нѣкоторыхъ отрядовъ штуцеры. Вдали стояло нѣсколько негровъ съ подставными лошадьми.

Но всего болѣе поражали важность и тишина, съ которыми исполнялись все движенія. Исключая команды, не слышно было ни слова; офицеры какъ-будто не замѣчали ошибокъ, или смотрѣли на нихъ сквозь пальцы. Только младшіе изъ нихъ выражали свое неудовольствіе частымъ «damn», на которое, впрочемъ, никто не обращалъ вниманія.

Иногда, сдѣлавъ приступъ, или отступление, батальионъ останавливался; тогда подходили черные мужичины и женщины, стоявшіе вдали съ корзинами; начальники и подчиненные братски принимались завтракать и потомъ снова строились въ ряды.

Вверхъ по рѣкѣ уже давно показался пароходъ, подошедшій къ рукаву въ то самое время, когда батальионъ началъ маневръ, увлек-

шій его далеко къ упомянутому городку, прислоненному къ скату возвышенности. Оттуда онъ началъ ретираду къ берегу и, за нѣскольке сотъ шаговъ отъ парохода, построился въ карре. Эволюція была удачнѣе предъидущихъ.

Между-тѣмъ, пароходъ вошелъ въ рукавъ, и пассажиры сходили на берегъ. Множество мужчинъ, женщинъ и дѣтей побѣжало съ шубы, какъ-будто ихъ гонять. Разстроенныя лица ихъ дѣлали то похожими на бѣгство.

Милиція молча наблюдала за прѣзжими. — Генералъ Биллоу! сказалъ одинъ изъ карре конному офицеру. — Они, кажется, привезли недобрую вѣсть. Не прикажете ли узнать?

Генералъ поговорилъ съ своими офицерами, и отвѣчалъ: — Да, товарищи, на сегодня довольно. Пора отдохнуть. Послушаемъ, что тамъ такое.

Онъ распустилъ войско. Штаб-офицеры сошли съ лошадей и собрались въ группу, къ которой подошли прѣзжавшіе. Въ томъ числѣ человекъ высокаго роста, съ серьезной физиономіей, въ коричневомъ скрутукъ, и, въ нѣкоторомъ отдалении, другой помоложе, въ капитанскомъ мундирѣ. Первыя привѣтствія прѣзжихъ поразили милицію, скоро разразившуюся кликомъ: Down with the Tyrant! Всѣ, однакожъ, держали себя въ границахъ и съ ожиданіемъ смотрѣли на человека, которому на встрѣчу пошли генералъ и всѣ офицеры. Особенная почтительность, съ которою они его приняли, говорила о важности его сана; онъ пожалъ руки штаб-офицерамъ и поклонился прочимъ.

Нѣсколько минутъ стоялъ онъ, не говоря ни слова, передъ генераломъ, тоже смотрѣвшимъ на него испытующими взорами. Наконецъ, онъ шепнулъ что-то на ухо генералу, и генералъ отскокалъ отъ него со всеми признаками величайшаго негодованія.

Пока роковыя слова переходили отъ одного офицера къ другому, молодой офицеръ подошелъ въ свою очередь.

— Генералъ Биллоу! сказалъ онъ, отдавая ему честь.

— Капитанъ Перси! отвѣчалъ генералъ.

Капитанъ подалъ ему залечатанный пакетъ. Многіе изъ офицеровъ тоже получили пакеты и письма, содержаніе которыхъ, судя по ихъ лицамъ, было вовсе не пріятно.

— Полковникъ Паркеръ! сказалъ капитанъ, обращаясь къ офицеру, стоявшему близъ генерала. — Вы, право, поразили меня очень пріятно, вѣроятно такъ же, какъ и генерала.

— Который, впрочемъ, кажется, не очень обрадованъ, отвѣчалъ онъ, пробѣгая глазами депеши.

— Все сладится, отвѣчалъ капитанъ. — Они станутъ сговорчивѣе.

— Вы думаете, капитанъ?

— Да, и тѣмъ лучше для службы.

— И тѣмъ хуже для насъ. Мы и такъ довольны, — а если такъ не довольны, то будьте увѣрены, что и мы не все одобримъ.

Послѣдовало неприятное молчаніе съ сухимъ кашлемъ — слѣствие отношеній офицера линейныхъ войскъ къ полковнику милиціи.

— Дженгльменъ! сказалъ генералъ, прочитавъ депешу: — командающій приказываетъ мнѣ немедленно присоединиться къ нему со своимъ батальйономъ, не дожидаясь другихъ изъ-за Миссиясипи Васъ, продолжалъ онъ, обращаясь къ капитану: — генералъ назначилъ комендантомъ депо и поручилъ вамъ позаботиться о выправкѣ отрядовъ, которые еще прійдутъ.

Онъ остановился и переговорилъ съ нѣкоторыми изъ штаб-офицеровъ. Потомъ продолжалъ, обращаясь опять къ капитану:

— Что касается до перваго пункта, я не могу дать вамъ теперь рѣшительнаго отвѣта, потому-что это зависитъ отъ мнѣнія нашихъ согражданъ. Впрочемъ, вы узнаете его завтра утромъ. Что касается до вашей команды, депо будетъ вамъ передано, — именно триста мушкетовъ и пять тысячъ патроновъ; остальное — собственность гражданъ. Само-собою разумѣется, что если вы останетесь здѣсь для обученія войска, то, по званію капитана, будете исполнять должность адъютанта при штаб-офицерѣ.

Лицо капитана немного скривилось.

— Генералъ Биллоу! сказалъ онъ: — такъ ли я васъ понялъ? Хотите сперва посоветоваться, должно ли повиноваться приказаніямъ командующаго, когда непріятель за двадцать миль отъ главнаго города?

— Надѣюсь, капитанъ Перси не выйдетъ изъ границъ своего порученія къ штабу офицеровъ, избранныхъ только на основаніи конституціи?

— Которая, впрочемъ, отмѣнена, замѣтилъ капитанъ.

— И за что долженъ отвѣчать тотъ, который отмѣнилъ ее, возразилъ генералъ.

Капитанъ поспѣшно ушелъ.

Все это было сказано рѣзкимъ тономъ, изобличившимъ раздраженное состояніе духа говорившихъ. И раздраженіе это было всеобщее; никто, правда, не произнесъ ни слова, но на лицахъ явственно выражалось негодованіе, высказывавшееся въ миллионерахъ гдѣхъ ропотомъ. Офицеры окружили пріѣзжаго, и нѣсколько времени продолжался серьезный разговоръ; потомъ они пошли съ нимъ къ пароходу, который тотчасъ, лишь-только пріѣзжіи взомель въ него, отплылъ дальше. Толпа не расходилась и совѣтовалась между собою, то съ офицерами. Наконецъ, полковникъ сказалъ имъ

несколько словъ, и они разошлись. Офицеры хотѣли тоже разойтись, но ихъ задержало явленіе, приковавшее къ себѣ все ихъ вниманіе.

Передъ тѣмъ, какъ отрядъ пошелъ, исполняя манѣвръ, на приступъ городка, съ противоположнаго берега отчалили двѣ лодки, и направленіе одной изъ нихъ было сначала нерѣшительно. Она двигалась то вверхъ, то внизъ по теченію, но наконецъ поплыла прямо поперекъ къ рукаву. Судя по голубымъ и краснымъ курткамъ, въ ней сидѣли матросы; нѣкоторые изъ нихъ были, однакожь, одѣты лучше, и одинъ уже давно разсматривалъ берегъ въ подозрную трубку. Только когда офицеры хотѣли разойтись, поразилъ ихъ видъ этихъ странныхъ посѣтителей. У многихъ головы были обвязаны платками, другіе были съ подвязанными руками; лица многихъ были замѣнены пластыремъ. Видно было, что это иностранцы, и, судя по лицамъ, не очень-почтеннаго званія. Они, какъ-будто желая избѣжать наблюденія, оборотились спиною къ рукаву. Генералъ кивнулъ одному офицеру, и онъ пошелъ къ приближимъ.

Лодка была близко берега; но когда подозрительные пловцы замѣтили движеніе офицера, лодка скользнула въ рукавъ и полетѣла по теченію. Вдругъ она остановилась. Одинъ изъ одѣтыхъ по-лучше, вышелъ на берегъ и пошелъ на встрѣчу капитану линейныхъ войскъ, только-что вышедшему изъ караульни. Онъ подалъ ему съ поклономъ бумагу и снова поспѣшнѣе къ лодкѣ. Черезъ нѣсколько времени, всѣ вышли изъ лодки на берегъ и отправились къ городку.

Капитанъ поглядывалъ то на бумагу, то на странныхъ посѣтителей, и потомъ пошелъ къ офицерамъ.

— Что это за люди? спросилъ генералъ.

Капитанъ передалъ ему бумагу.

— Прочтите, генералъ. Я едва вѣрю глазамъ своимъ. Паспортъ господамъ Арману, Морсо, Бернардену, Кордону, и проч., нагодочскимъ поселенцамъ, выданный отъ мексиканскаго начальства и скрѣпленный командующимъ генераломъ.

— Спрашивали вы, куда они и зачѣмъ?

Капитанъ пожалъ плечами.

— Они въ главный городъ; остальное, сказали мнѣ, известно генерал-аншефу. Право! преподозрительная сволочь; они какъ-будто знаютъ здѣшнюю мѣстность.

— А! Мэстеръ Биллоу и Барроу! Каково поживаете? Очень-радъ слыть васъ увидѣть. Да къ вамъ чудо-какъ идутъ эти султаны! прозвѣсь громкій голосъ судьи Копленда, только-что вышедшаго на берегъ съ своими спутниками и лошадьми.

— Джентльменъ! сказалъ онъ полу-серьезно, полу-шутливо: — вы видите передъ собой майора Копленда. Завтра явится мой батальионъ.

— Добро пожаловать, господинъ-майоръ! отвѣчали офицеры съ важностью, какъ-будто изъявляя желаніе, чтобъ онъ укротилъ свою веберъчивость.

— А вотъ этихъ, продолжалъ майоръ, не замѣчая намека: — можете считать моими адъютантами; одного-то вы знаете: это Дикъ Гломъ, нашъ констабль; а другой, — это, — право, я и самъ не знаю, что сказать.

— Я вамъ помогу, отвѣчалъ Британецъ. — Я Англичанинъ, мичманъ на фрегатѣ его величества «Громовержецъ», разлученный несчастнымъ случаемъ съ своими; прошу скорѣе изслѣдовать мое дѣло и представить о немъ въ главную квартиру.

Генералъ мелькомъ взглянулъ на говорившаго и началъ читать поданное ему майоромъ донесеніе.

— Это по вашей части, капитанъ Перси; распорядитесь.

Офицеръ тоже посмотрѣлъ на мичмана испытующимъ взоромъ, и прочитавъ бумагу, подозвалъ стражу.

— Возьмите этого молодого челоуѣка подъ присмотръ. У дверей его поставьте часового съ заряженнымъ ружьемъ. Никого къ нему не допускать.

— Право, не знаю, сказалъ генералъ: — кто подозрительнѣе: этотъ ли такъ-называемый шпионъ, или тѣ чудаки, скользнувшіе у насъ подъ носомъ.

— Да что съ вами, генералъ Биллоу и полковникъ Паркеръ? спросилъ судья. — Вы какъ-будто не въ духъ.

— Есть причины, отвѣчалъ генералъ. — Вы кстати подоспѣли къ криккому спору. Вы все узнаете.

— Ужъ не онъ ли опять? Я кое-что объ этомъ слышалъ. Изъ него не легко будетъ выгнать бѣса. Что касается до модхъ сорванцовъ, съ ними онъ долженъ обходиться новѣжливѣе: они все еще полу-лошадь, полу-аллигаторы. Не дальше, какъ вчера, надѣлали они мнѣ такой тревоги!.. Сижу я за завтракомъ, какъ вдругъ цѣлая толпа такъ надвинула на домъ, что едва не снесла его съ мѣста. Я не зналъ, что все это значить; тутъ вошли Джозе Друмъ и Самъ Шалъ, и во что бы то ни стало хотѣли выдать этого молодого челоуѣка за шпиона. Славный онъ малой, и я хотѣлъ уже было посмотреть на все это сквозь пальцы, какъ вдругъ, за столомъ, онъ проговорился о Токеа, и когда моя старуха назвала Розу, — помните, полковникъ Паркеръ, Розу, о которой я вамъ часто рассказывалъ, — такъ онъ покраснѣлъ какъ индѣйскій пѣтухъ. Тутъ-то я подумалъ; не ладно, — вѣдому его лучше съ собой.

Знаете, Токеа, который пятнадцать лѣтъ тому назадъ насъ такъ тревожилъ.

— Токеа, пачальникъ Окопиевъ?

— Онъ самый; я нечаянно упомянулъ его имя, какъ вдругъ кой-кто воскликнулъ: «Токеа? Вы его знаете?» и когда мистриссъ Баминдъ произнесла имя Розы, о которой я вамъ рассказывалъ...

— Но, любезный майоръ, это обстоятельство важно, а объ немъ ~~еще~~ не упомянуто въ донесеніи, замѣтилъ генераль.

— Да, такой онъ дуракъ, чтобъ упоминать объ этомъ! отвѣчалъ простодушный судья. — Я былъ тогда очень занятъ и просилъ егосамого написать донесеніе.

Офицеры значительно переглянулись.

— Право, сквайръ, сказалъ генераль:—вы очень облегчаете себѣ должность. Слыханное ли дѣло: шпионъ самъ пишетъ о себѣ донесеніе! И притомъ онъ иностранецъ: какъ могли вы выказать ему себя и насъ съ такой неблагоприятной стороны?

Судья почесалъ за ухомъ.

— Damn it, you are right.

— Кромѣ того, сказалъ капитанъ: — формальный протоколъ необходимъ для представленія его куда слѣдуетъ. Смѣю ли спросить, когда вамъ угодно будетъ это исполнить?

— Черезъ полчаса, отвѣчалъ генераль, и капитанъ удалился съ поклономъ.

Офицеры пошли, между-тѣмъ, къ гостинницѣ, стоявшей на одной линіи съ берегомъ, къ которому подъѣхали подозрительные незнакомцы. Приѣзжіе спѣшили, казалось, достигнуть высоты городка до прибытія офицеровъ, но по медленности нѣкоторыхъ, двигавшихся съ большимъ трудомъ, попали на дорогъ между нихъ и стражею съ пльннымъ. Они смотрѣли на этого пльннаго очень пристально; едва увидѣлъ его передовой, какъ вдругъ оборотился къ нему спиною. Британецъ быстро отскочилъ въ сторону, пронизательно взглянулъ на него, и хотѣлъ на него броситься, но стража остановила его довольно-грубо.

— Стой! закричалъ Англичанинъ. — Этого человѣка я знаю.

— Можетъ-статься, сухо отвѣчалъ конвойный. — Впередь!

— Пустьте, продолжалъ пльнный. — Это морской разбойникъ.

— Морской разбойникъ? повторилъ милиціонеръ, опять схвативъ пльннаго. — Если вы опять вздумаете такъ бросаться, такъ кости наши будутъ помнить это цѣлую недѣлю. Этотъ молодой человѣкъ говоритъ, сказалъ онъ подошедшимъ офицерамъ: — что вотъ это морской разбойникъ.

— Исполняйте приказаніе, сказалъ генераль.

Юноша слегка поблѣднѣлъ, и съ новымъ: «впередь!» толкнулъ его дальше.

— А вы? сказалъ генералъ, обращаясь къ незнакомцамъ.

Къ нему подошелъ человекъ съ чернымъ платкомъ на головѣ, шаривавшимъ половину лица, между тѣмъ, какъ другая была въ лѣвую сторону, такъ-что на виду былъ только одинъ свергнутый глазъ. Онъ поклонился очень развязно.

— Я, кажется, имѣю честь видѣть, сказалъ онъ:— офицеровъ мы знаемъ; если вы отправляетесь, какъ я надѣюсь, завтра, то мы будемъ имѣть удовольствіе вамъ содѣлывать.

— Вы очень добры, отвѣчалъ генералъ.

— И очень смѣлъ, замѣтилъ сквайръ.

Полковникъ молчалъ.

— Мы слишкомъ горды, продолжалъ незнакомецъ: — и не хотимъ служить подъ командою поповъ; мы предлагаемъ свои услуги тамъ, гдѣ можно заслужить честь.

— Можетъ-быть, для васъ, но не для насъ.

Чужестранецъ гордо отступилъ назадъ.

— Отъ-чего же вы, раненные, продолжалъ генералъ:— отправляетесь въ даль, на чужую службу, получать новыя раны?

— Толпа Озаговъ, съ которыми мы повстрѣчались, дорого платилась за эти раны. Впрочемъ, мы не совсѣмъ чужіе: мы уже давно имѣемъ сношенія съ главнымъ городомъ, и теперь везутъ за нами произведенія нашихъ плантацій.

— А этотъ, сказалъ полковникъ, пристально разсматривавшіи пріѣзжихъ, и схватившіи одного изъ нихъ. — А этотъ за тѣмъ и пришелъ сюда?

Съ этими словами, онъ сорвалъ съ него шапку, а съ нею и повязку.

— Это нашъ Помпей, который ушелъ отъ масса Джонъ изъ города, воскликнулъ негръ полковника, стоявшій поодаль съ лѣваго плеча.

— Помпей не знаетъ масса, Помпей Мехиканецъ; масса нѣтъ дѣла, кричалъ бѣглый негръ.

— Мы познакоимся, сказалъ полковникъ. — Солдаты! Взять его и надѣть ему кандалы.

— Вы останетесь здѣсь, повелительно сказалъ генералъ незнакомцу, равнодушно смотрѣвшему на арестованіе товарища.

— Вы будете за это отвѣчать, г-нъ офицеръ, сказалъ онъ. — Намъ приказано какъ-можно-скорѣе явиться въ главную квартиру.

— Врачъ васъ освидѣтельствуетъ, и если вы въ-самомъ-дѣлѣ ранены, то можете избрать себѣ мѣсто для пребыванія здѣсь; если же нѣтъ, то жилище ваше тюрьма.

— Господинъ офицеръ... гордо произнесъ неизвестный.

— Не беспокойтесь, прервалъ его генералъ. — Мы извѣстимъ командующаго о вашемъ прибытіи; остальное вы узнаете въ свое время. Иродеръ подошелъ ближе, и хотѣлъ, казалось, еще что-то сказать; но генералъ оборотился къ нему спиною и пошелъ къ гостиницѣ. Стража повела плѣнныхъ въ карательню.

VII.

Была уже ночь, когда три милиціонные офицера и капитанъ линейныхъ войскъ вышли изъ гостиницы и отправились вдоль рукава въ томъ же дурномъ расположеніи духа. Судья первый нарушилъ молчаніе.

— Клянусь всемъ святымъ! Скажи мнѣ это кто-нибудь сутки назадъ, я счелъ бы его за сумасшедшаго! Такъ и у насъ онъ зашевелился, этотъ проклятый духъ властолюбія, и дураку захотѣлось разыграть на старости лѣтъ Бонн. И его Кентукцы и Теннессійцы въ восторгъ?

— Этого собственно я не знаю; пьеть онъ съ ними, правда, истинно демократически, но на счетъ остальнаго сомнѣваюсь, сказалъ генералъ.

— То-есть, онъ намекнулъ нашему уложенію, что оно можетъ убраться къ чорту, что сенатъ и прочее ему помѣха?

— Да, въ родѣ того.

— И когда они не заблагоразсудили понять грубаго намека, такъ онъ началъ стрѣлять въ домъ правительства и взялъ къ себѣ ключи, какъ старая круглая шляпа?

Генералъ кивнулъ головою.

— И судья, который освободилъ мастера... какъ-бишь его? самъ посаженъ подъ арестъ?

— За это, замѣтилъ полковникъ:— онъ во всякомъ случаѣ дорого заплатится. Впрочемъ, въ главномъ онъ, можетъ-быть, и проскользнетъ, а этого-то я и опасуюсь. Особенно, если ему удастся отразить нападеніе на главный городъ.

— Какъ? спросилъ судья.

— Не-уже-ли это для васъ не ясно? отвѣчалъ полковникъ. — Не-уже-ли вы думаете, что толпа, въ восторгѣ отъ победы, если она будетъ одержана, будетъ еще думать о наказаніи его? Или что другіе, вохладнокровнѣе, осмѣлятся потребовать отъ него отчета и подвергнутся нареканію въ постыдной неблагодарности?

— Что жъ, полковникъ, сказать правду, я и самъ порадовался

бы и готовъ бы посмотрѣть къе на что сквозь пальцы, если онъ хорошенько отдалъ краснокафтанниковъ.

— Да, да, любезный сквайръ! вы славный человекъ и желаете добра своей странѣ не хуже всякаго другаго; но при всежеланіи добра, все-таки вы стали бы помогать еще глубже погрузить насъ въ тину. А почему? Потому-что затронута слабѣйшая струна вашего патриотизма.

— Не можемъ же мы желать, чтобъ насъ били и чтобъ врагъ сожгли наши дома, и съ нашими женами и дочерьми изволяли. Это было бы хуже Янки; тѣ, по-крайней-мѣрѣ, наострили лыжи.

— Да кто же этого желаетъ? Что касается до меня, я рѣшилъ твердо. Мое имущество дорого мнѣ, такъ же какъ всякому своему самъ его приобрѣлъ. Но по мнѣ пусть лучше сгинетъ все, чѣмъ вычеркнуть хоть одну букву изъ правъ моихъ. Я помогала соорудить государство и хочу оставить своимъ дѣтямъ свободное наследіе. Мы сошлись отразить непріятеля, а не для того, чтобъ позволять лишить себя нашихъ правъ, не для того, чтобъ, прогнавъ одного врага, позволить другому, злѣйшему, нанести намъ неисцелимую рану потому только, что онъ забылъ свои обязанности и растерялся при видѣ двухъ тысячъ жалкихъ Бритавцевъ.

— Отечество почитаетъ ваши усилія, замѣтилъ капитанъ:— но по вѣрѣ, ихъ еще недостаточно, чтобъ съ шестью тысячами милиціи отразить пятнадцать или двадцать тысячъ лучшаго въ мірѣ войска Дря самомъ быстромъ и единодушномъ дѣйствіи, мы едва можемъ надѣяться на побѣду.

— Вы должны сказать, капитанъ, возразилъ генералъ:—шесть тысячъ человекъ, сражающихся за свой долгъ, отечество и свободу. Я знаю этотъ духъ: онъ непобѣдимъ. Но его не должно стараться подавить, не должно ласкать гордость враговъ дѣломъ, достойнымъ презрѣнія. Его поступокъ—политическое самоубійство.

— Это, прибавилъ полковникъ:—уничтоженіе всякаго законнаго авторитета, соединеніе всѣхъ властей въ лицѣ одного, диктатура *de facto*, и какъ ни мало опасна она въ его рукахъ, она можетъ сдѣлаться очень-опасною въ рукахъ другаго, болѣе-сильнаго и даровитаго.

— Этого я опять не вижу, возразилъ сквайръ. — Если онъ сегодня прогонитъ непріятеля, такъ завтра авторитеты вступятъ опять въ свои права.

— Кто въ этомъ сомнѣвается? отвѣчалъ полковникъ. — Но стоитъ ли названія авторитета то, что существуетъ только пока нѣтъ опасности, и при ея появленіи уступаетъ мѣсто произволу? Не доказываетъ ли такое поведеніе, что сами мы признаемъ свою конституцію недостаточною во время опасности, если появленіи

пятидцати тысячъ чужеземцевъ достаточно для ея уничтоженія! Это ударъ, нанесенный нашему національному чувству,—и его никакъ нельзя извинить: онъ оставитъ по себѣ язву и подастъ призывъ для будущаго.

— Но онъ уполномоченъ на это отъ высшаго правительства, сказалъ капитанъ.

— Старая баба въ столицѣ несетъ чужь о государственныхъ дѣлахъ, сказалъ сквайръ:— вы правы, полковникъ: надо положить конецъ этому диктаторству. Мы идемъ вмѣстѣ.

— А если непріятель нападетъ на генерала и пересилитъ его? спросилъ капитанъ.

— Такъ онъ будетъ разбитъ, сухо отвѣчалъ полковникъ.

— Полковникъ Паркеръ! сказалъ сквайръ.— Это опять уже чертъ-чуръ. Это хуже гартфордскихъ конвенціонистовъ. Мнѣ хотѣлось бы, чтобъ меня сочли за измѣнника.

— Намъ тоже не хочется, отвѣчалъ полковникъ:— по-этому мое мнѣніе: рѣшиться на что-нибудь, дожидаться вашихъ, предложить рѣшеніе на ихъ разсмотрѣніе и потомъ отправиться. Двухъ дней на это довольно. Впрочемъ, вы человекъ свободный, и можете дѣйствовать какъ вамъ угодно. Что касается до меня, я, какъ уже сказалъ, рѣшился твердо, и надѣюсь, что сограждане одобритъ мое рѣшеніе.

— Обдумайте, однако, сказалъ капитанъ:— здѣсь идетъ рѣчь не объ оскорбленіи правъ гражданъ, а только о временной централизаци, чтобъ тѣмъ дѣйствительнѣе обратить силы на общаго врага.

— Да объ этомъ-то и идетъ дѣло, отвѣчали всѣ трое.

— Эта оппозиція подастъ дурной примѣръ въ такое время, когда непріятель близко города. Вы берете на себя ужасную отвѣтственность.

— По всему видно, сказалъ сквайръ:— что вы линейный. Что касается до моихъ, то между ними нѣтъ ни одного, который не бросился бы сегодня въ среду враговъ, и не съищется и десятка въ пять-сотъ, которые пошли бы за вашимъ генераломъ послѣ того, что онъ сдѣлалъ. Они войдутъ не прежде, какъ когда будутъ восстановлены законъ и законность.

— Да, замѣтилъ генералъ.— Мы должны, для успокоенія себя и страны, уничтожить его насильственные распоряженія; иначе мы и наши потеряемъ довѣріе къ самимъ-себѣ.

Капитанъ быстро поклонился и хотѣлъ уйти.

— Вы, кажется, изволнованы, капитанъ Перси? спросилъ полковникъ.— Что это значитъ?

— Что это значитъ? И вы объ этомъ спрашиваете,— въ то самое время, когда собирается организовать противъ генерала оп-

позицію, которая предасть насъ въ руки непріятеля, или заста-
вить генерала исполнить свою угрозу?

— Угрозу! воскликнулъ генералъ.—Слышалъ я объ этомъ яко-
бы категорическомъ объясненіи; онъ перевѣшалъ бы гартфордскихъ
конвенціонистовъ! Да будь у него не три, а десять тысячъ Ке-
тукцевъ, это ни на волосъ не отгѣснитъ насъ отъ нашихъ правъ.
Будьте увѣрены, капитанъ, что мы тщательно рассмотримъ и е-
го слова, какъ посланному отъ кабинета, высшей власти—будемъ по-
вѣдоваться ему: этого требуетъ конституція. Но если онъ вздумаетъ
переступить ее, мы поспоримъ, и осудимъ его за то, въ чемъ онъ
уже нарушилъ ее. Мы займемся этимъ сегодня же, не обраща-
я вниманія на его угрозы, и возвратимъ его въ границы законности.

— Конечно, сказалъ полковникъ:—если угодно съ нами, капи-
танъ, милости просимъ. Вы можете намъ понадобится.

Но капитанъ молча поклонился и отошелъ.

— Прекрасный молодой человекъ! замѣтилъ полковникъ. — Не
два года службы въ линейномъ войскѣ такъ вскружила ему голо-
ву, что онъ готовъ пожертвовать всею страню своему начальнику
и esprit du corps.

Офицеры перѣехали на ту сторону рѣки поужинать и потомъ спо-
койно отправиться въ собраніе, которое другой странѣ стоило бы
много крови. Дѣло шло о томъ, чтобъ не только возвратиться въ за-
конныя границы генерала, обличеннаго почти неограниченною вла-
стью, но и осудить его за нарушеніе этихъ границъ предъ лицомъ
цѣлой націи; и все это въ то самое время, когда непріятель сдѣлалъ
сильную высадку.

Капитанъ посмотрѣлъ черезъ рѣку на освѣщенные окна и по-
шелъ обратно къ гостиницѣ, изъ которой вышелъ съ тремя офи-
церами. Вошедши, онъ приказалъ привести пѣдинаго Англичанина
и трехъ чужестранцевъ; потомъ вошелъ въ свою комнату, гдѣ си-
дѣлъ и писалъ человекъ въ сержантскомъ мундирѣ линейныхъ
войскъ. Онъ велѣлъ ему удалиться и задумчиво сѣлъ въ кресло.
Черезъ нѣсколько минутъ, вошелъ Англичанинъ со стражемъ.

— Джемсъ Годжесъ, сказалъ капитанъ ласковымъ голосомъ,
съ испытующимъ взглядомъ:—прежде, нежели я окончу протоколъ,
который будетъ отосланъ къ главнокомандующему, должно пре-
дложить вамъ еще нѣсколько вопросовъ. Отвѣчайте откровенно.

— Можете быть увѣрены, что я никогда не лгалъ.

— Вы говорите, что были схвачены баратарскимъ пиратомъ?

— Да; если вамъ угодно потрудиться справиться въ нашей гла-
вной квартирѣ, вамъ подтвердятъ мое показаніе. И я васъ да-
же очень прошу объ этомъ.

— Вы сказали что-то въ присутствіи генерала и обомлѣли шта-

сомневать, что пиратъ находится въ числѣ прихваченныхъ иностранцевъ?

— Да, я его видѣлъ, и брелся-было на него, но солдаты не выдержали.

— Вы его узнали?

— Не по лицу, потому-что оно было закрыто, но по фигурѣ, по походкѣ, по стану; они неизгладимо врезались мнѣ въ память.

Въ эту минуту, вошли въ комнату три человека. Лицо одного было закрыто; у другаго была подвизана рука; третій былъ статный молодой человекъ, котораго оливковое лицо и черные сверкающіе глаза изобличали Мехиканца.

— Узнаете ли вы кого-нибудь изъ этихъ трехъ? спросилъ капитанъ.

— Вотъ онъ, отвѣчалъ плѣнникъ, указывая на средняго: — это баратарскій пиратъ.

Обвиненный стоялъ равнодушно.

— Что ему надо? спросилъ онъ капитана.

— Вы слышите? отвѣчалъ капитанъ.

— Слышалъ, и не знаю, сердиться ли на его безстыдство, или смеяться его сумасшествію.

— Капитанъ! сказалъ плѣнный. — Увѣряю васъ моею честью, клянусь вамъ,—это пиратъ.

— Можетъ-быть, молодой человекъ, вы и занимались этимъ ремесломъ, возразилъ иностранецъ. — Если вы пробудете здѣсь еще три дня, то увидите, какъ привезутъ наши продукты, и убедитесь, что мы дѣйствительно тѣ, за кого выдаемъ себя.

Капитанъ пристально посмотрѣлъ на плѣннаго, который то бледнѣлъ, то краснѣлъ.

— Я опишу его примѣты, воскликнулъ Британецъ.— Я убѣжденъ, что не ошибаюсь.

— Если молодой человекъ говоритъ обо мнѣ, продолжалъ равнинный, обращаясь къ капитану: — то изъ уваженія къ вамъ, капитанъ, и чтобъ уничтожить всякое подозрѣніе, я сниму повязку.

Онъ сорвалъ съ головы платокъ и показалъ широкую рану на лбу и щекѣ, очевидно нанесенную томагаукомъ.

— Снять ли и повязку? спросилъ онъ офицера.

— Нѣтъ, отвѣчалъ капитанъ: — повяжите опять платокъ. Изъ другихъ вы никого не знаете? спросилъ онъ Англичанина.

Плѣнный внимательно посмотрѣлъ на двухъ другихъ.

— Помню смутно, сказалъ онъ запинаясь: — кажется, я видѣлъ этого человека.

— Можетъ-быть, отвѣчалъ тотъ, на котораго онъ указалъ.— Мнѣ изъ Накогдочеса; вотъ письма ко многимъ домамъ въ городѣ; они

подтвердить мои слова; продукты, какъ сказалъ уже събиратель Шарсо, здуть за нами.

— Капитанъ! сказалъ первый:— мы не считаемъ нужнымъ обратитъ вниманіе офицера, состоящаго на службѣ первой республики въ мирѣ, на поведеніе этого молодого человѣка, который, въ рѣдкѣ, старается сложить свою вину на другаго. Мы Нолданны Мехики, и просимъ, если насъ въ чемъ-нибудь обвиняютъ, препроводить насъ какъ-можно-скорѣе къ главнокомандующему. Насъ задержалъ и велѣтъ освидѣтельствовать милиціонный офицеръ; онъ держитъ насъ даже какъ-будто подл арестомъ.

— Такъ приказалъ генералъ Биллоу, сказалъ капитанъ:— повторите, пока не получится приказаніе оттуда.

— А когда вы его ожидаете?

— Черезъ двое сутокъ. Теперь идите.

— Джемсъ Годжесъ, или какъ-бы васъ ни звали, сказалъ онъ— въ вашихъ показаніяхъ многое говорить о вашей испорченности, не смотря на вашу молодость.

— Капитанъ, заклинаю васъ, принажите подробности распросити и освидѣтельствовать этихъ людей. Я увѣренъ, что не ошибаюсь. Самая наружность ихъ подтверждаетъ слова мои.

— Наружность часто бываетъ обманчива. Употреблять другіе, насильственные способы не позволяютъ наши законы. Я хотѣлъ вамъ помочь, и къ этому побуждала меня единственно ваша молодость. Впрочемъ, долженъ вамъ сказать: будьте готовы на все худшее.

— Я готовъ на все, но прошу, если только можно, поскорѣе сообщите о моемъ заключеніи въ англійскую главную квартиру. Истина тогда откроется.

— Это еще не все, Джемсъ Годжесъ. Второй пунктъ важнѣе. Откуда у васъ этотъ костюмъ? Какъ познакомились вы съ Токеа? Можете ли объяснить намъ это въна главная квартира?

— Юдеша дрожалъ.— Я не могу, я не долженъ говорить. Я далъ честное слово.

— Вы выдаете себя за военнаго, и не знаете, что въ подобномъ случаѣ нельзя принять ничего честнаго слова? Молодой человѣкъ, вы затѣяли опасную игру. Я могу только сдѣлать донесеніе; но послѣдствія не замедлятъ, и вы сами въ нихъ будете виноваты. Наша честь требуетъ быстрого и строгаго правосудія.

— И вы можете... проговорилъ запинаясь плавный.

— Не мы, — законъ. Онъ осуждаетъ, онъ осудитъ васъ, будьте вы хоть сыномъ вашего короля; а мы имѣемъ силу и хотѣніе принести приговоръ въ исполненіе.

— Онъ отпустилъ молодого человѣка.

VIII.

Три Мехиканца, — пока мы такъ будемъ называть привъзжихъ, — пошли къ городку, населенному классомъ людей, похожихъ на домашнихъ птицъ, слетѣвшихся за добычей надъ богатою рыбною рѣкою. Это были безъ исключенія иностранцы — искатели приключеній, трактирщики, разносчики, мастеравые, сплздившіеся дѣль на легкой, хоть и не очень почетный промыселъ. Мехиканцы вошли въ гостинницу и сѣли въ темный уголокъ за столъ, уставленный бутылками; ихъ, какъ видно, ожидали.

Судя по нарѣчіямъ, раздававшимся въ комнатѣ, можно было подумать, что всѣ народы прислали сюда своихъ представителей. Только передъ очагомъ сѣдѣла огромная группа, невѣдшая ничего общаго съ дѣтьми несчастія. По-временамъ отдѣлялся кто-нибудь отъ этого тѣснаго кружка, чтобъ зажечь сигару или велѣть себѣ подать грогу. Проницательные взоры ихъ скользили по тридцати гостямъ, и ни одно движеніе ихъ не было ими просмотрѣно.

— И онъ велѣлъ разстрѣлять шесть милиціонеровъ? спросилъ одинъ, возвращаясь отъ стола.

— Сцена, говорятъ, была ужасная.

— Бѣдняжки думали, что срокъ ихъ службы кончился, и отравились домой; за это ихъ разстрѣляли!

— И не забудь, Бобъ, замѣтилъ второй: — что они очень хорошо знали, что дѣлаютъ; имъ каждому по-одиначкѣ прочли о срокѣ ихъ службы и обязанностяхъ, они дали присягу на шесть мѣсяцевъ и отослали жалованье своимъ.

— Да, такъ, такъ, сказалъ четвертый. — Они были уже въ дорогѣ, но ихъ воротили и разстрѣляли передъ ихъ гробами; бѣдный Джекъ, говорятъ, ужасно умолялъ о пощаду...

— Однако, дурачѣе же должно быть они были, замѣтилъ третій. — Развѣ у нихъ не было пуль?

— Далеконько было имъ летѣть, сказалъ пятый: — Старый тиранъ-то не подъ носомъ былъ у нихъ. Во всякомъ случаѣ, ихъ осудили по закону, и они сами виноваты.

— Что и говорить! замѣтилъ третій. — Миѣ кажется, они съ закономъ какъ медвѣди съ свиньями, — маленькія имъ больше по вкусу, нежели большія: нѣжиѣе, да и кусаются меньше.

— Нѣтъ; судья такъ довольно-большая свинья, возразилъ шестой.

— Да, только онъ и свернетъ ему шею, сказалъ первый. — Не будь при немъ его Теннессійцевъ, которые пристаи къ нему какъ репейникъ, такъ онъ бы не посмѣлъ; мы его еще проучимъ.

— Дашь бы скорее рассчитаться, сказалъ сѣдой.— Но вѣрите, изъ этой воинщины ничего добраго не выйдетъ; все дичаетъ, и къ намъ, какъ саранча, слетается всякая сволочь.

Взоръ говорившаго упалъ на сосѣднюю группу, по-видимому, Французовъ.

— Я думаю, сказалъ первый:— что сходка уже началась. Пора идти.

Всѣ семеро встали и собирались выйти, когда одинъ изъ Французовъ, съ повязанной головой, подошелъ къ Американцу, подаль ему стаканъ, и взялъ другой.

— Plait-il, monsieur? Vive la gloire et la liberté!

Американецъ измѣрялъ еще глазами довольно-непріятную наружность подчивавшаго, какъ вдругъ изъ угла, гдѣ сидѣли три чужестранца, послышалось: *badaud!*

Французъ съ испугомъ взглянулъ въ ту сторону и отступилъ на шагъ.

— Callate! воскликнулъ другой изъ трехъ.

— Cagasco! сказалъ третій, и Французъ быстро съѣлъ на свое мѣсто.

— Mais cependant nous sommes dans un pays libre, проворчалъ онъ.

— El Gojo! воскликнулъ опять первый.

Американцы отворотились отъ троицъ и вышли изъ комнаты. Иностранцы спокойно остались за стаканами. Только нѣкоторые слова внятіе слышались среди ихъ шопота.

— Et c'est lui, сказалъ третій, Мехиканецъ.

— Oui! отвѣчали оба другіе.

— Et comment vient-il donc? спросилъ онъ.

— Ah! comment vient-il—il est partout; il nous a trahi deux fois.

Повязанный сидѣлъ молча.

Испанскія и французскія восклицанія обратили на себя вниманіе четырехъ менѣе-подозрительныхъ особъ, сидѣвшихъ близъ дверей и наслаждавшихся жизнью, подобно прочимъ, за бутылкою вина.

— Не знаете ли вы, г. Мерксъ, кто эти господа? спросилъ довольно-раздутый человекъ въ скромномъ скромъ скюртукѣ, съ большими голубыми глазами, въ которыхъ свѣтилось что-то торгашеское. Сосѣдъ, къ которому онъ обратился, былъ толщъ, и на впалыхъ щекахъ его видны были слѣды несчастныхъ походовъ.

— Извините, не могу вамъ сказать, г. Гибъ, отвѣчалъ учтивый Нѣмецъ своему земляку.

— А замѣтили вы, господа, сказалъ третій, румянецъ и полныя щеки котораго означали хлѣбника:— какъ Американецъ посмотрѣлъ на поднесшаго ему стаканъ? Эти Американцы ужасно горды.

— Да, да! Они еще гордые Англичанъ, г. Пренцлау, сказали четвертый.

— Ужасно чванятся своей свободой. Что жь, они у себя хозяева!

— Эхъ, г. Штокъ, возразилъ тощій Мерксъ: — гордость предшественница паденія.

— Хозяева! Славное хозяйство! Долго и продолжалось.

— Такъ вы думаете, г. Мерксъ, спросилъ Штокъ, судя по воинскому наряду, портной:— что тамъ дѣла падутъ несовсѣмъ-ладно?

— Мысли безошланны, г. Штокъ, отвѣчалъ Мерксъ.

— Что мысли! подхватилъ Пренцлау. — Вѣдь мы въ свободной землѣ, г. Мерксъ.

— Да, г. Пренцлау! возразилъ Мерксъ.—Погодите, еще не все кончено. Еслибъ вы видѣли то, что я видѣлъ,—какъ они должны работать надъ укрѣпленіями: и старые и малые, и бѣлые и черные, — а прекраснѣйшія дамы привозятъ въ экинажахъ питье и пищу.

— Однакожъ, въ газетахъ пишутъ, что они дѣлаютъ все это добровольно, и что даже иностранцевъ не допускаютъ къ работѣ; а городъ вѣдь безъ укрѣпленій?

— Обвели его ровомъ, г. Пренцлау, да слѣпили что-то изъ кучь хлопчатой бумаги. Ничего не смыслятъ въ военномъ дѣлѣ. Жаль только хлопчатой бумаги. Пятнадцать тысячъ тюковъ! Да ужь Англичане ихъ распекутъ. Это не такой народецъ: доказали Французамъ въ Испаніи...

— И что всего важнѣе, господа, сказалъ Гибъ: — у Англичанъ есть деньги.

— Ну, въ деньгахъ и здѣсь нѣтъ недостатка, г. Гибъ, возразилъ Пренцлау.—И у Англичанъ не все то деньги, что блеститъ; порядка-то здѣсь нѣтъ.

— Какъ же вы говорите, господа, сказалъ Гибъ, что онъ тамъ круто распорядится? Осмѣлился даже коснуться главнаго судьи.

— Не вѣрьте, г. Гибъ, сказалъ Мерксъ. — Воронъ ворону глаза не выклюетъ. Чужимъ, правда, они не спускаютъ, а сами другъ за друга какъ ренейникъ. Не быть порядку, пока не будетъ мороза...

— Да, порядокъ главное дѣло, сказалъ Пренцлау.—У насъ не гнать смотреть. Здѣсь у нихъ нѣтъ даже и турецкой музыки. У одного офицера круглая шляпа, у другаго треугольная. А видѣли вы, господа, ихъ ученье? Да наши рекруты лучше! О приѣмахъ военнаго не вѣдаютъ. Я самъ видѣлъ, какъ генералъ проходилъ мимо часового, а онъ, вмѣсто того, чтобъ сдѣлать на караулъ, пощипывалъ его табаконъ.

— Да, да, подхватилъ Гибъ: — не достаетъ выправки, дисци-

дѣлны; съ самаго дѣтства нѣтъ уже благоправія. Они обращаются съ своими дѣтьми какъ съ взрослыми. Попробуйте-ка ударить этого мальчишку по уху! такъ и потащатъ васъ къ судью, и заплачуте большой штрафъ! Я самъ это на себѣ испыталъ; въ другой разъ не попробую. Вотъ въ чемъ ошибка, господа.

— Правда, правда, г. Гибъ! подхватили Нѣмцы.

— Да, господа! продолжалъ Гибъ. — Дать бы имъ нашего толстаго, такъ онъ бы скоро ихъ образумилъ.

— Послушайте, г. Гибъ, возразилъ Пренцлау: — *вашего-то* они скоро бы спровадили. На иоровиетыхъ лошадяхъ плохо ѣздить; посмотрѣли бы на него черезъ плечи, и онъ принужденъ бы былъ считать для себя особенною милостью, если протянуть ему руку. При мнѣ было, какъ они говорили съ губернаторомъ не снимая шляпы. Только-что едва вымолвили: «*Kut morning saehr Koverner*». Нѣтъ, чтобъ образумить такихъ, нуженъ человекъ съ авторитетомъ; имъ бы *нашего*.

— Извините, г. Пренцлау, сказалъ Мерксъ: — вы ошибаетесь; они не говорятъ *saehr Koverner*, а просто *saehr*.

— Пусть-себѣ говорятъ, какъ имъ угодно, отвѣчалъ Пренцлау, забывшій, въ неудовольствіи на поправку, прибавать въжливое «господинъ Мерксъ». — *Вашъ* толстый...

— За то, что и за *Koverner*, г. Пренцлау! прервалъ его Гибъ. — Ничѣмъ не лучше нашего брата. Откуда же и быть почтенію? Это должно быть врожденнымъ; оно ужъ въ кровь. Господи! вспомнишь, какъ, бывало, передъ нашимъ все дрожать. Вчужь нѣкоторымъ бразомъ содрогаешься, — точно какъ передъ рыкающимъ львомъ.

— Скажу вамъ лучше, г. Гибъ, сказалъ Пренцлау. — *Нашъ*, да, — и молодой-то принцъ еще! Еслибъ вы его видѣли! На устахъ улыбка, а въ рукахъ хлысть, — и все разговариваетъ съ господами офицерами. Кто его ни увидитъ, сейчасъ шапку долой; а онъ ничего-себѣ, такъ, — а что-то величественное. Кто за него не готовъ съ восторгомъ умереть сто разъ, тотъ не Нѣмецъ.

Въ это время, вошелъ сержантъ милиціи въ золотыхъ вышурныхъ эполетахъ. Нѣмцы вскочили и схватились за шапки. Но Пренцлау опомнился первый, съѣлъ, и просилъ сѣсть прочихъ.

— Садитесь, господа, сказалъ онъ: — накройте.

Они съѣли, но политическій разговоръ прекратился; молча допивъ вино, пожелали они другъ другу спокойной ночи и разошлись.

За сержантомъ ушли все прочіе гости, и вмѣстѣ съ ними оставило хозяина хорошее расположеніе духа. Его начало какъ-то подергивать, и во всей наружности его выразилось замѣшательство. Онъ вышелъ за дверь, оглядѣлся вокругъ, возвратился, и

поръ его, обратившись въ темный уголъ, сдѣлался видимо безпо-
коенъ. Вдругъ изъ-за угла послышалось: «Бенито!» Хозяинъ вздро-
гнулъ, какъ въ лихорадиѣ. Шатаясь, подошелъ онъ къ столу.

— Бенито! повторилъ человекъ съ завязанной головой. — Ты
не узнаешь меня?

— Дай Богъ, чтобъ никогда и не зналъ. Вы ли это, или духъ
мнѣ?

— И то и другое, отвѣчалъ онъ съ хохотомъ. — Садись, Бени-
то, мнѣ нужно кое-что сказать тебѣ.

— Тише! Ни слова. Здѣсь меня не такъ зовутъ.

— У тебя, кажется, столько же именъ, сколько у насъ флаговъ,
съ тою только разницею, что мы ихъ часто выбрасываемъ, а ты
ихъ навсегда отбрасываешь. Ты настоящая дрянь.

— Что вамъ до меня? Завелъ васъ нечистый и сюда? Не-уже-
ли отъ расъ нигдѣ нельзя спастись?

— Завелъ, и прислалъ тебѣ черезъ насъ кое-что.

— Подумайте: у меня жена и дѣти; я сдѣлался честнымъ че-
ловѣкомъ.

Всѣ захохотали.

— Никто и не отнимаетъ у тебя твоей честности, болванъ! Ты
долженъ только оказать намъ маленькую услугу.

— Ищите другаго.

— Еслибъ мы этого искали, то не прищипъ бы къ тебѣ. Но я
не хочу тебя дальше мучить, бѣдняга.

— Что же я долженъ опять сдѣлать?

— Дуракъ! ничего. Освободить только нашего бѣднаго доктора
Помпея. Онъ прѣехалъ съ нами, узнавъ прежнимъ господиномъ и
сидитъ въ караулѣ.

— Съ ума вы сошли? Вы хотите освободить негра, когда за
триста шаговъ сошло больше пятисотъ гражданъ?

— Тебѣ лучше всего извѣстно, что дѣлать. Скажу тебѣ только,
что если негръ пробудетъ здѣсь до завтра, такъ изобличитъ съ-
куру и тебя и насъ.

— Скальтесь! Я женатъ, — жена, дѣти...

— А молода она? спросилъ повязанный.

— Клянусь святымъ Яковомъ! воскликнулъ Испанецъ: — если
ты коснешься...

— Молчи, трусъ! У насъ не то въ головѣ; некогда ухаживать
и твоимъ морскимъ паукомъ, если это та, которую я видѣлъ.
Дуракъ! Кто ее у тебя отниметъ?

Хозяинъ какъ сумасшедшій бѣгалъ по комнатѣ.

— Ты преужасная дрянь, Бенито! Не-уже-ли два года жизни
между республиканцами сдѣлали тебя такимъ трусомъ?

— Смиѣйтесь, отвѣчалъ Бенито:—но если уже престылся съ дукавыми, если есть жена и дѣти, если за тобою смотреть со всѣхъ сторонъ... Пронюхай они хоть что-нибудь, такъ я навсегда погибну! Здѣсь надо быть честнымъ.

— Полно вратъ; ни слова больше!

— Такъ я долженъ?

— Да что жь ты думаешь, пришелъ я шутить, что ли? Убейся пречъ.

Бенито дрожа вышелъ изъ комнаты, сопровождаемый хохотомъ своихъ гостей. Была уже давно ночь, когда онъ возвратился въ цаданъ со связкою въ рукахъ.

— При регулярныхъ я рѣшительно ничего не могу сдѣлать, если залъ онъ съ принужденно-твердымъ видомъ.

Повязанный выпилъ вина, не удостоивая его и взглядомъ.

— Тамъ ихъ двое съ сержантомъ и лейтенантомъ, которые учатъ милиционеровъ.

Повязанный молчалъ.

— Повторяю вамъ, продолжалъ хозяинъ:—я попробую; только въ томъ случаѣ, если ихъ не будетъ. Кто пойдетъ со мной, и что вы хотите дѣлать съ негромъ?

— Переправить его черезъ Миссисипи, а тамъ онъ отправится назадъ по дорогѣ въ Накогдочесъ.

— Пресвятая Дѣва! Что вы это затѣваете? Вы хотите переправиться черезъ Миссисипи? Да вы и черезъ три часа не воротитесь. А если милиционеры возвратятся съ сходки? Ихъ четверо снять въ комнатѣ съ вами.

Повязанный опять выпилъ вина, не подымая глазъ.

— Вы не изъ Накогдочеса, продолжалъ Бенито:—и не доброе задумали вы противъ негра; на это я рѣшительно не согласенъ.

— Послушай, Бенито, сказалъ повязанный:—врагѣ твое мнѣ надоело. Ты меня знаешь. Я даю тебѣ съ собою четырехъ лучшихъ изъ моихъ молодцовъ; они ранены, но переправить негра черезъ рѣку.

— А вы остаетесь?

— Дуракъ, волочиться за твоей женой. Ты думаешь, станешь заниматься такимъ вздоромъ, коротко познакомившись съ томагаукомъ?

Бенито подошелъ, однакожь, къ боковой двери и вынулъ ключъ.

— Такъ пойдемте же, во имя сатаны! сказалъ онъ.—Ряди шпіона поставили двойной караулъ; будетъ трудненько. Да поможетъ намъ св. Яковъ! Увѣрены ли вы, что онъ тамъ?

— Мы всѣ видѣли, какъ его уведи туда. Ободришь, Бенито. Съ

тобыя лучше друзья мои. Если ты надѣлаешь глупостей, такъ ты и мы — погуби.

— Diab!e! проворчалъ Бенито. — Зачѣмъ не оставляете вы меня въ покоѣ? Контрактъ нашъ кончился.

IX.

Была полночь, когда пятеро Испанцевъ и Мехиканцевъ вышли изъ дома съ лѣстницей. Густой туманъ разстилался по окрестности и подымался утренній вѣтеръ. Путники шли осторожно. Передъ гостиницей стояла многочисленная толпа, внимательно слушающая ораторовъ, говорившихъ въ вагъ.

Одинъ изъ Мехиканцевъ подошелъ къ толпѣ, между-тѣмъ, какъ прочіе прокрались къ берегу рукава, и одинъ изъ нихъ, опустившись къ водѣ, отвязалъ лодку и тихонько потащилъ ее къ рѣкѣ. Спрятавъ башмаки въ карманъ и осторожно ступая по клочкамъ хлипчатой бумаги, Испанецъ тоже пришелъ изъ гостиницы къ своимъ товарищамъ, устремившимъ взоры на караульнаго милиціонера.

Прошло добрая четверть часа. Часового смѣнили; пакетъ изъ трехъ человекъ отправился къ гостиницѣ, и, возвращаясь оттуда съ смѣнными часовыми, обошелъ дозоромъ къ Миссисипи и оттуда опять къ караулнѣ.

Караульня была въ довольно-большомъ строеніи, похожемъ на анбаръ, обитый досками; многія изъ нихъ были полуоторваны и со стукомъ хлопали отъ вѣтра.

— Все спокойно, Томъ, сказалъ начальникъ пакета, возвратившись съ обхода.

— Слушайте! отвѣчалъ часовой. — Что это за трескъ?

— Это шквалъ, отвѣчалъ тотъ: — такую музыку часто ври́дется вамъ слушать.

— Чортъ возьми эту музыку и вашу военную жизнь, отвѣчалъ милиціонеръ, съ презрѣніемъ взглянувъ на свой штыкъ. — Стой тутъ на караулѣ, когда тамъ такая сходка, какой еще не бывало.

— Такъ ужъ должно быть; черезъ четыре недѣли, все будетъ кончено. А что было на сходкѣ, услышимъ и мы.

— Эхъ, кабы все уже миновалось! Стоишь здѣсь, какъ дуракъ... Очень весело!

— Эй! Джонни! сказалъ вышедшій изъ дома милиціонеръ. — Сбѣгай бы ты въ таверну, разспроси бы что тамъ дѣлается, да принеси бы вина.

— Мейкъ! Мейкъ! Какъ-таки не вытерпеть и часу? А караульщикъ только шпиона. И лейтенантъ Брумъ у капитана, и приказалъ ему присматривать по-строже.

— Никто его не украдетъ; для него ужъ давно свята веревка отвѣчалъ Мейкъ: — могъ и своихъ сюда поставить; нечего всѣмъ имъ сидѣть въ комнатѣ.

— Долженъ же онъ узнать, какая у насъ дисциплина, чтобъ доложить объ этомъ кому слѣдуетъ. Но что касается до шпиона, мнѣ не хотѣлось бы, чтобъ онъ ушелъ. Это какъ-нельзя-лучше знаетъ вѣрноподданнаго британскаго величества, если мы оиѣтъ обвиняемъ кого-нибудь изъ его молодцевъ въ пеньковой невѣстѣ.

— Потому-то никто его и не украдетъ, возразилъ Мейкъ.

Пять Месящачевъ осторожно прокрались за строеніе, и скоро послышался оттуда шорохъ, какъ отъ тяжелого тѣла, скользящаго вдоль досокъ стѣны.

— Надо посмотреть, что тамъ такое, сказалъ дозорный, и пошелъ съ фонаремъ въ рукахъ; въ сопровожденіи одного милиціонера, за строеніе. Оторванные доски сильно качались.

— Вотъ оно, сказалъ онъ.—Цѣлая доска. Вѣтеръ, однакожъ, не такъ силенъ.

— Да, здѣсь внизу, возразилъ его спутникъ.—Наверху не то. Это на одной высотѣ съ Миссисипи, а послушайте, какъ она реветъ.

— Загляни-ка къ шпиону.

Милиціонеръ вошелъ въ комнату и возвратился съ извѣстіемъ, что лангъ спитъ въ спокойствіи.

— Хотѣлось бы мнѣ знать, сказалъ онъ: — кто собственно жинить его. До шерифа это не касается: онъ не гражданинъ.

— Такъ ты думаешь, что шерифъ только для насъ? Если вѣщаютъ иностранца, развѣ это не дѣло шерифа?

— Вы правы. Желательно, чтобъ всѣ двадцать тысячъ полагались ему подъ руку; меньше бы хлопотъ.

Онъ захохоталъ, и въ то же время доски застучали еще сильнѣе.

— Слышите? спросилъ Джонни, возвращаясь съ кружкой вина. Тамъ бушуетъ, точно какъ-будто ураганъ полетѣлъ.

— Смотришь,—вздоръ. Слышали вы что-нибудь о сходкѣ?

— Чудесная новость, отвѣчалъ Джонни:—полковникъ Паркеръ говорить какъ Богъ, а старій Флойдъ какъ ангелъ. Пойдемте, вы услышите чудеса.

И съ этими словами всѣ пошли къ караульной комнатѣ. Часовой съ досадою стукнулъ ружьемъ о полъ и въскладно времени смотрѣлъ сквозь окно въ комнату. Потому рождалъ и самъ, чтобъ не лишиться своей доли новостей и виски.

Вслывъ за тѣмъ, снова послышался продолжительный трескъ, и шаги челоуѣка, быстро-идущаго къ Миссисипи.

— *Sargaso!* прошептала кто-то на встрѣчу подходящимъ. — Гдѣ вы остаетесь такъ долго?

— А *venser* o a *moig*, отвѣчалъ вполголоса другой. — Онъ съ жи.

— Такъ идемъ.

Къ пяти Мехиканцамъ или Испанцамъ, спрятавшимся за строе-ниемъ, подошелъ шестой, и всѣ, за исключеніемъ двухъ, подошли къ лодкѣ, стоявшей у истока Миссисипи. Въ ту же самую минуту показалась и другая лодка, тихо плывущая изъ рукава къ рѣкѣ.

— *Que diablo!* проговорили они. — Что это?

Лодка приблизилась; въ ней сидѣлъ челоуѣкъ: «*Que es este*», слова прошептали Мехиканцы, и одинъ изъ нихъ быстро вскакивалъ въ чужое судно, изъ котораго слышался глухой звонъ цѣпей.

Мехиканецъ уставилъ глаза свои въ лицо незнакомому гостю.

— А, масса Мигуэль! Помпей не останется въ тюрьмѣ! сказалъ негръ.

— *Que diablo!* проворчалъ Мехиканецъ: — это Помпей! Кто же тамъ у васъ? Насъ семеро вмѣсто шести. Что это значитъ?

— *Diablo!*

— *Sargaso!*

— *Santo Iago!* воскликнули Мехиканцы. — «Кто ты?» спросилъ онъ, бросающъ на пришедшаго седьмого.

— Не по-испански! по-англійски, отвѣчалъ онъ.

— *Santa Viergel!* Какъ ты сюда зашелъ?

— Это вы должны знать, потому-что вы заведи меня сюда.

Всѣ шестеро отскочили и начали царешничать по-испански. Такъ пойдемъ же! сказалъ одинъ.

— Ни шага, покажьсть я не узнаю, кто вы и куда?

— Дуракъ! Кто мы—до этого тебѣ мало дѣла. Куда? Куда бы ни было,—все-таки для твоей шеи лучше, нежездъ здѣсь. Здѣсь я не дамъ за нее и реала.

— *Dexalo! Dexalo!* закричали прочіе. — Пустите его! пустите!

— Ступайте скорѣе и возвращайтесь, или вы погибли, шепнулъ имъ трактирщикъ.

— Стой! сказалъ Британецъ. — Я съ вами.

Негръ перескочилъ уже въ лодку Мехиканцевъ и предоставилъ свое воланъ.

— Инглезо! сказалъ одинъ изъ Мехиканцевъ:—вотъ твое мѣсто! Онъ указалъ ему мѣсто на передней части лодки, близъ молодого Мехиканца.

— А Помпей въ середку; скорѣе!

— Пстой! замѣтилъ Британецъ. — Развѣ мы не можемъ разстаться въ двухъ лодкахъ?

— А! масса, не грести черезъ Сиппи, возразилъ лѣзвивый негръ. — Масса и въ шесть часовъ не переѣхать, не выйдти на берегъ Point Couré.

— Полно, Помпей! сказалъ сосѣдъ его, и лодка, двинутая шестью гребцами, полетѣла по рѣкѣ.

— А! масса Мануэль сперва Помпей снятъ цѣпи, говорилъ негръ: — Помпей въ тюрьмѣ былъ уменъ, взять съ собою плыть и помочь себѣ. Масса Паркеръ видѣть, какъ Помпей бѣжать.

— Молчи, докторъ, сказалъ голосъ сзади его: — погоди еще съ цѣпами, пока переѣдешь.

Негръ недовольно покачалъ головою.

— Масса Фелиппо тоже неохотно быть въ цѣпяхъ, проворчалъ онъ, но спряталъ свою пилу, и, взявшись одною рукою за весло другою схватился за цѣпь, шедшею отъ ногъ къ ошейнику, вблизи котораго она была перепищена. Ошейникъ состоялъ изъ желѣзнаго кольца, толщиною въ палецъ и шириною дюйма въ два. Отъ него шли, возвышаясь надъ головою, три желѣзные крюка толщиною въ дюймъ. Негръ съ дѣтскимъ удивленіемъ взвѣсилъ цѣпь въ рукѣ и бросилъ ее потомъ въ лодку.

— Бѣдная Лолли груститъ, сказалъ онъ, помолчавъ съ минуту: — если Помпей не прійдетъ въ городъ; она жить въ Сен-Джонъ.

— Помпей! сказалъ Мехиканецъ, сидѣвшій возлѣ Англичанина. — Твои цѣпи и кандалы отдавили мнѣ ноги.

— Сиди смирно, Помпей, шепнулъ ему на ухо сосѣдъ его: — оттащу вхъ назадъ.

— А, масса Помпею нехорошо дѣлать, отвѣчалъ онъ сосѣду, который омоталъ цѣпи около ногъ негра, и разомъ стянулъ ихъ такъ крѣпко, что негръ выронилъ изъ рукъ весло и упалъ въ лодку.

Британецъ сдѣлался внимательнѣе. — Что это? Что вы тамъ дѣлаете съ негрѣмъ?

— Масса, ради Бога съ бѣднымъ Помпей не шутите такъ, жалобно произнесъ Негръ.

— Ничего, Помпей, не забудь только дорогу направо въ Накогдочесъ, отвѣчалъ сидѣвшій сзади.

— Ради Бога, масса, не душите! застоналъ негръ.

— Ничего, ничего; подумай о своей толстой Лолли, да не забудь дороги въ Накогдочесъ, сказалъ сосѣдъ его, и, пропустивъ цѣпь подъ ошейникъ, стянулъ негра въ комокъ.

— Масса... масса... ма...! простоналъ, задыхаясь, негръ.

Все это было дѣломъ одной минуты. Только хрипящіе негры слышались среди шума веселъ.

— Что это, чортъ возьми? воскликнулъ Британецъ, оглядываясь. Въ эту минуту доска, на которой онъ сидѣлъ, приподнялась, и сосѣд толкнулъ его изо всей силы, такъ-что едва не сбросилъ въ рѣку.

— Убійцы! вскричалъ Британецъ, едва успѣвъ схватить своего сосѣда. Мехиканецъ приподнялся—было, чтобъ поправить подъ собою доску, и въ этомъ-то нетвердомъ положеніи полетѣлъ отъ гудака Англичанина въ рѣку.

— Buen viage a los infernos! заревѣли съ хохотомъ сидѣвшіе позади.

— Go to hell yourselves, закричалъ Британецъ, схвативъ весло и ударивъ сидѣвшаго позади, такъ-что тотъ упалъ рядомъ съ негромъ.

— Santa vierge! Que es este?

— Este Inglese, заревѣлъ одинъ, бросившись впередъ, но загнулся за лежавшихъ и упалъ въ лодку, сильно качавшуюся отъ яростной драки.

— Ма... ма... простоналъ еще негръ, и глаза его какъ угли сверкнули въ мракъ ночи. Языкъ его судорожно выдвинулся изо рта.

— Клянусь Богомъ! Я всѣхъ васъ побросаю въ рѣку, если вы не освободите негра, кричалъ Британецъ.

— Maleditto Inglese!

— Pícaro Gojo!

— Dexalo! Dexalo! Santa Vierge! восклицали Мехиканцы, между тѣмъ, какъ Англичанинъ надѣлалъ шедшаго къ нему ужаснымъ ударомъ весла, отъ котораго тотъ повалился въ лодку.

— Dexalo! Dexalo! Este diablo! закричали оба Мехиканца и одинъ водвинулъ ему негра.

— Стой! сказалъ онъ: — снимите съ него ошейникъ. Если вы его задушите, всѣхъ перебыю.

— Este diablo! отвѣчалъ Мехиканецъ, вытягивая цѣпь изъ-подъ ошейника.

— Члены Негра распались какъ куски дерева. Только легкое тремѣніе свидѣтельствовало еще, что онъ живъ.

— Дальше! прочь! сказалъ Британецъ, наклонившись къ негру и стараясь оттереть его шерстянымъ одеяломъ.

Лодка, предоставленная во время борьбы произволу волнъ, летѣла по теченію, качаясь между огромными стволами деревьевъ, несомыми рѣкою. Мехиканцы встали и изъ всѣхъ силъ начали грести противъ теченія. Недалеко отъ лодки чернѣлось огромное дерево, лавшее прямо на нее. Пловцы едва успѣли миновать его. Въ то же мгновеніе поразилъ ихъ неестественный звукъ. Надъ водою маялась голова и рука, схватившаяся за сукъ этого дерева. —

Misericordia! кричалъ утопающій. — Misericordia per dio! Это бы Мехиканецъ, сброшенный въ рѣку.

— Поворотите лодку! закричалъ Британецъ Мехиканцамъ. Землякъ вашъ еще живъ!

— Es verdad! отвѣчали убійцы, и поворотили внизъ по теченію.

Негръ мало-по-малу очнулся и приникъ къ ногамъ сарего избвителя. Онъ тоже смотрѣлъ въ волны на несчастнаго.

— Ради Бога, масса! сказалъ онъ, хватая весло Англичанина: это Мигуэль; масса его убить; Мигуэль очень-золъ.

— Оставь, Помпей! сказалъ онъ. Лодка подплыла къ берегу, у Мехиканца только-что достало силы протянуть руку, которую юноша и схватилъ.

— Ради Бога, масса! разбойники насъ обонхъ убить, говорил негръ.

Мехиканецъ въ смертной борьбѣ схватилъ руку юноши, между тѣмъ, какъ одинъ изъ сидѣвшихъ сзади подползъ къ нему. Въ эту минуту лодка получила страшный толчокъ, на нее хлынула вода и бросила Мехиканца къ ребру лодки, на которое онъ палъ полу мертвый.

— Хватай Мехиканца! сказалъ Англичанинъ негру.

— А, Помпей не дуракъ — Помпей очень любитъ масса. Задни не гребутъ; смотри, масса, они только ждутъ убить масса.

— Слушайте, вы! сказалъ имъ Англичанинъ, толкнувъ весломъ ближайшаго:—первый, кто перестанетъ грести... понимаете!

Лодка качалась между стволами деревъ, каждую минуту грозившими раздробить ее. Ярость и жажда мщенія сверкали въ глазахъ Мехиканцевъ. Негръ обвилъ тѣло Мехиканца веревкою, и рсчащенный, восклицая: «Misericordia!» слѣдовалъ за лодкою, уцѣпившись за нее обѣими руками.

— А, масса! Мигуэль хорошо плавать; масса не забыть взять свое весло.

— А Помпей не забыть дѣйствовать своимъ поприлежнѣе, отъ началъ ему Англичанинъ.

Негръ нѣсколько времени сильно плылъ по указанному направленію; потомъ уставилъ глаза на юношу, внимательно прислушавшагося.

— А, масса не беспокоиться, милиція хорошо спать, только слыши шумѣть. Помпей знать дороги, масса Паркеръ его не поймать.

Прошло еще съ четверть часа. Силы гребцовъ начали истощаться.

— Масса скоро увидѣть берегъ. Мы уже въ стоячей водѣ, замѣтилъ негръ.

Черезъ четверть часа еще — они увидѣли берегъ. Британецъ выска-

челъ изъ лодки и негръ, въ цѣпяхъ, послѣдовалъ за нимъ. Трое Мехиканцевъ шли къ нимъ.

— Не забываете лодки, сказалъ онъ имъ грозно. Въсто отвѣта, сверкнулъ въ воздухѣ кинжалъ, вѣрно-брошенный ему въ грудь, и павшій на кожаномъ платьѣ, данномъ Индіянкою.

— Презрѣнные убійцы! закричалъ Британецъ, переломивъ свое жезло и бросившись на нихъ съ дрекольемъ. Но негръ схватилъ его всю силою.

— Масса не быть глупъ, у разбойниковъ еще кинжалы; они рады, если масса подойдетъ ближе: они тогда легко его убить.

— Ты правъ, Помпей. Эти собаки не стоятъ, чтобъ ихъ убилъ честный человекъ.

Съ минуту убійцы еще ждали; потомъ проревѣли: «*Vien viage a los infernos!*» вскочили въ лодку и исчезли въ темнотѣ ночи.

IX.

Убійцы только-что вышли изъ лодки и прокрадывались повыше рукава къ городку, когда передъ караульной вдругъ поднялся говоръ, заставившій ихъ поспѣшить въ свой притонъ—въ трактиръ.

Изъ караульной бросился человекъ въ гостиницу, гдѣ была сходка, протѣснился сквозь толпу и вбѣжалъ въ комнату капитана.

— Сержантъ Уильямъ! что такое? спросилъ капитанъ.

— Шпіонъ бѣжалъ.

У офицера вырвалось крѣпкое словцо, заключающее въ себѣ, по мнѣнію Фигаро, квинтэссенцію англійскаго языка. Схвативъ шапку и шпагу, онъ бросился внизъ и протѣснился до середины залы, полной народа.

— Извините, сказалъ онъ, прерывая начатую рѣчь оратора.— Шпіонъ убѣжалъ.

— Хорошо, отвѣчалъ генералъ, сидѣвшій по правую руку президентскихъ креселъ, занятыхъ сквайромъ, и внимательно слушавшій говорившаго.

— Генералъ! повторилъ офицеръ:— шпіонъ убѣжалъ.

— Батальионъ построится и пойдетъ за нимъ по окончаніи совѣщанія, отвѣчалъ генералъ.

— Батальионъ за дверьми и здѣсь въ залѣ, возразилъ офицеръ, улыхаясь отъ досады.

— Здѣсь, чтобъ участвовать въ совѣщаніи, шепнулъ ему генералъ.

— Только человекъ двадцать или тридцать, сказалъ капитанъ.

— Не забывайте, что воины — граждане и заняты теперь, силу своей верховной власти, интересами, которые завтра может быть уже поздно будет разсматривать.

Капитанъ бросился изъ залы къ часовымъ; забили въ барабанъ кромѣ караульныхъ, не явилось ни души. Миллионеры какъ вранцы стояли слушая у дверей.

— Любезный капитанъ! сказалъ ему одинъ:—барабаньте сколько вамъ угодно, никто не услышитъ. Подождите терпеливо, пока кончится совѣщаніе; рѣшивъ важнѣйшее, мы, пожалуй, пойдемъ если надо, въ Скалистыя-Горы.

— Капитанъ! сказалъ сержантъ.—Это ужь такъ: явись хоть самъ непріятель, народъ-повелитель все-таки окончатъ сперва свое совѣщаніе.

— Чортъ его возьми, этотъ народъ-повелитель! По мнѣ лучше командовать у султана.

— Какъ вамъ не стыдно, капитанъ! сказалъ одинъ миллионеръ.—Такъ ли говорить Американецъ?

— Если вы перешли черезъ рукавъ, сказалъ другой:—такъ должны ступить вѣрно; иначе вы погрузитесь, и васъ съведутъ аллигаторы. Вы слишкомъ-молоды для капитана.

Офицеръ проглотилъ пилюлю и бросился съ сержантомъ къ караульнѣ.

Бѣглеца не было и слѣда; но на стѣнѣ снаружи замѣтили привязанныя къ доскамъ веревки. Обѣ лодки также исчезли. Между тѣмъ, совѣщаніе кончилось, и капитанъ поспѣшилъ въ залу засѣданія. Быстро подошелъ онъ къ генералу.

— Генералъ Биллоу! Не угодно ли вамъ отдать приказанія?

— Они уже отданы.

Снова послышались звуки барабана, и голоса сходящихся докзывали, что сигналу повинуются. Взоры капитана упали на бумаги, лежавшія на столѣ.

— Такъ это опредѣленія? спросилъ онъ.

— Да, любезный капитанъ, отвѣчалъ генералъ.—Если угодно можете прочесть ихъ, пока войско еще здѣсь.

Офицеръ слегка пробѣжалъ бумагу и бросилъ ее съ негодованіемъ.

— И вы сдѣлали подобное опредѣленіе противъ генерала, по команду котораго поступаете?

— Сдѣлали, отвѣчалъ полковникъ.

— Вы объявляете его поведеніе противнымъ конституціи, тиранскимъ, и осуждаете его предъ лицомъ цѣлаго народа?

— Какъ видите. Это васъ удивляетъ? А граждане Соединенныхъ Штатовъ не въ первый разъ прибѣгаютъ къ власти своей на

тѣмъ, которыхъ выбрали себѣ на службу. Генералъ, кажется, это забылъ, и потому надо было напомнить ему торжественнымъ образомъ. Завтра вы можете прочесть опредѣленіе въ печати.

— И вы все-таки хотите поступить подъ его команду?

— Почему же нѣтъ, если онъ не будетъ переступать границъ дѣловой ему власти?

— Кто же будетъ судьей въ подобныхъ случаяхъ? спросилъ капитанъ.

— Онъ-самъ, сказалъ полковникъ.—Послушайте: если пять-сотъ, а завтра тысяча гражданъ закричатъ ему предъ лицомъ цѣлаго народа, что онъ виноватъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ поступятъ подъ его команду, надѣюсь, этого будетъ достаточно, чтобъ онъ увидѣлъ на краю какой пропасти былъ онъ. Это, капитанъ, было нашею первѣйшею обязанностью — охранить нашу внутреннюю свободу. Что граждане исполнять и вторую свою обязанность противъ врага, — за это я вамъ ручаюсь. Если сражаешься свободно и за свободу, побѣда вдвойнѣ несомнѣнна. Теперь весь батальонъ къ вашимъ услугамъ для преслѣдованія шпіона.

— Да, когда онъ уже ушелъ.

— Если и ушелъ, такъ вы, надѣюсь, не осудите людей за то, что они выпустили изъ вида арестанта, будучи заняты сохраненіемъ важнѣйшихъ правъ своихъ, возразилъ сквайръ.—Впрочемъ, я увѣренъ, что они уже и безъ вашихъ приказаній отправились за нимъ въ погоню.

Батальонъ построился и, судя по веселому говору, былъ въ хорошемъ расположеніи духа. Онъ громко приветствовалъ офицеровъ.

— Теперь дѣло идетъ, сказалъ генералъ батальону:—только о двадцати волонтерахъ, хорошо знакомыхъ съ дорогами, тѣсннами и лѣсами. Надо поймать шпіона.

— Уже распорядились, отвѣчало голосовъ пятьдесятъ. Сержантъ водошелъ къ офицерамъ.

— Извините, генералъ Биллоу, сказалъ онъ.—Это, конечно, отчасти противъ военныхъ правилъ; но такъ-какъ на ночь не было дано никакого приказа, такъ они думали, что не худо распорядиться и не дожидаясь приказанія. Едва только услышали, что Британецъ далъ тягу, какъ бросились за нимъ во всѣ стороны. Завтра къ ученью большая часть возвратится.

— Я такъ и думалъ, сказалъ сквайръ:—гдѣ генераломъ должны быть носъ и уши, тамъ приказы только надѣлаютъ путаницы.

— Кто эти люди? спросилъ генералъ.

— Тридцать лучшихъ нашихъ охотниковъ, отвѣчалъ сержантъ:—молодцы, которые отыщутъ медвѣдя, хотъ заройся онъ на де-

ядь сажень въ землю. Они тотчас пошли, выслушавъ опредѣленныя совѣщанія.

— Въ какую сторону?

— Шестеро переправились черезъ Миссисипи, къ Point Couré къ тѣснинамъ. Десять пошли къ береговымъ высотамъ и на дороге къ Натсёбу; столько же вдоль берега къ Батонружу; остальные обыскиваютъ городокъ. Въ одной изъ гостинницъ, показалось имъ что-то не совсемъ-ладно.

— Вы говорите объ иностранцахъ? спросилъ генералъ.

— Именно; двѣ лодки исчезли, а Испанца видѣли, что онъ шатался тутъ около.

— Вотъ и все, что вы можете сдѣлать, замѣтилъ словоохотливый сквайръ. — Не стоить держать ихъ дольше.

По предложенію капитана, бывшіе въ караулъ арестованы, и батальонъ распущенъ до разсвѣта. Полковникъ и сквайръ пошли по дорогѣ къ рукаву. Предметомъ ихъ разговора было не бѣгство арестанта, а результатъ совѣщанія. Разговоръ ихъ кончился въ гостиной полковника.

Эта гостинная, раздѣленная большими дверьми на двѣ равныя половины, была съ виду совсемъ не столько республиканская, какъ ей хозяйинъ. Всюду была княжеская роскошь; особенно во второй половинѣ была замѣтна изысканная небрежность, не довольствующаяся отечественнымъ: здѣсь были собраны произведенія искусства всѣхъ народовъ, мебель, разныя изящныя бездѣлушки. Неблагопріятный глазъ открылъ бы здѣсь что-то аристократическое, расчетливо-устроенное для произведенія надлежащаго впечатлѣнія на проходящихъ.

Даже нашему сквайру было въ этомъ салонѣ какъ-то неловко; онъ презрительно поглядывалъ на драгоцѣнности, которыя не поразили бы его въ кабинетѣ короля. Нисколько не женируясь, началъ онъ снимать съ себя разныя части своего костюма; какъ-будто нарочно бросилъ онъ леггины на кашемировую шаль, украсившую софу, надѣлъ шляпу на мраморную Ниобею, положилъ перчатки на порфиновую вазу, а плеть на фортепьяно изъ розоваго дерева. Потомъ преспокойно раскинулся въ креслахъ передъ каминомъ и досталъ изъ кармана гребень, чтобъ расчесать волосы. Окончивъ это занятіе, онъ налилъ себѣ вина.

Звонъ возвѣстилъ въ это время прибытіе новаго посѣтителя. Офицеры молча переглянулись, когда вошелъ милиционеръ.

— Капитанъ Перси проситъ полковника Царкера, и въ-особенности майора Копленда пожаловать какъ-можно-скорѣе: прибылъ батальонъ изъ Опелузаса.

— Хорошо! пусть расположится на квартирахъ до утра. Намъ надо отдохнуть.

— Съ ними Индейцы, сказалъ пришедшій: — приведенные посланными отъ майора Коппенда.

— Знаете вы, какого они племени?

— Нѣтъ, подковникъ. Судя по оружію и наружности, народъ неизвестный. Всѣ съ огнестрѣльнымъ оружіемъ.

— А! воскликнулъ майоръ:—такъ надо пойдти посмотреть, что такое.

Полковникъ и онъ снова пошли къ берегу.

х.

Домъ, въ которомъ нашъ сквайръ распоряжался такъ небрежно, составлялъ часть одной изъ многихъ плантацій на Миссисипи, отличающихся не величественною наружностью, но внутреннимъ великолепіемъ. Домъ этотъ стоялъ на сваяхъ, вѣроятно, ради теченія воздуха, или по причинѣ разлитій рѣки. Онъ, очевидно, служилъ убежищемъ отъ солнца, а не отъ холода. Восемь мраморныхъ ступеней вели къ перистилію; пространства между колоннами были наполнены жалузи.

Позади возвышались два другія довольно-большія зданія: одно для помѣщенія управляющихъ заведеніемъ, другое для складки колоніальныхъ произведеній. Къ нимъ примыкали два ряда меньшихъ строеній, жилища черныхъ, а за ними далекая равнина и гора кипарисные лѣса. На равнинѣ возвышался лѣсъ голыхъ, выжженныхъ деревьевъ, безъ коры. Между ними—остатки посѣяннаго манса и хлопчатой бумаги. Это поле, очевидно, было завоевано у непроходимого лѣса, и въ виду его можно было догадываться, что стояло превратить убежище звѣрей въ княжеское владѣніе.

Видно было, что здѣсь виталъ духъ, понемногу перешедшій отъ необходимого къ удобному.

Солнце взошло надъ кипарисною рощею, и туманъ снимался съ земли. На крыльцо дома вышла прекрасная дѣвушка въ изящномъ утреннемъ нарядѣ и пристально смотрѣла въ сторону рукава рѣки. Стройный ростъ, красивая головка, нѣжный цвѣтъ лица, въ которомъ выражалось что-то острѣе, пронзительно-голубые глаза,—вотъ главныя черты милого существа. Къ ней подошла другая дѣвушка и, обнявъ, тихо отвела ее къ желѣзнымъ периламъ.

— А знаешь ли, Сисси, сказала она:—что у насъ гости, и пренные гости?

— Двѣ Индіянки, отвѣчала Сисъ, иронически улыбаясь. — Ты знаешь вѣщный вкусъ сквайра.

— Нѣтъ, нѣтъ, Верджи. Па самъ приглашалъ ее; онъ отъ нея, говорятъ, въ восторгѣ. Она еще спитъ, но Пелли говоритъ, что она чудо-какъ хороша; она только-что ходила къ ней.

— Полно, Габріель! сказала гордая красавица младшей сестрѣ своей, кудрявой блондинкѣ. — Па пригласилъ его къ завтраку. Чтò бы это значило, что его нѣтъ?

— Странно, Сиссѣ; ты ждала его и вчера, замѣтила Габріель съ лукавой улыбкой. Онъ долженъ опять идти къ этому ужасному старому генералу.

— И въ сраженіе съ неприятелемъ, со вздохомъ прибавила Виргинія, убѣгая за колонны.

— Это вѣстовой, сказала Габріель, выводя ее опять на крыльцо. Вѣстовой поклонился и вошелъ въ домъ.

— Посмотри, Сиссѣ, какъ это прекрасно! сказала дѣвушка, указывая на туманъ, снимавшійся съ рѣки въ фантастическихъ образахъ.

— Да, какъ прекрасно! повторилъ за ними вѣжливый голосъ, и двѣ бѣлыя руки обняли ихъ плеча. «Добраго утра, сестрицы!»

Дѣвушки отскочили, съ удивленіемъ посмотрѣли на приближающую, и потомъ бросились цаловать ее.

— Кто же ты, милый ангелъ? спросила Виргинія.

— Какъ ты попала сюда, милое дитя? подхватила Габріель. Передъ ними была Роза.

— Они зовутъ меня Розой, сестрицы, отвѣчала она.

— Роза, моя милая, прекрасная Роза!

Онъ едва не задушилъ ея своими поцалуями. Казалось, онъ не могли на нее насмотрѣться. Въ нихъ замолило даже женское мученство при видѣ красавицы.

— Посмотри-ка, братъ, чтò у насъ, сказала Габріель вѣжливо одѣтому молодому человѣку, подошедшему къ нимъ и смотрѣвшему съ такимъ же изумленіемъ.

— Братъ мой! сказала Роза, взявъ его за руку и глядя на него съ удивленіемъ.

— Пойдемъ, милая, къ ма! сказали, схвативъ Розу, обѣ сестры, и поспѣшили на встрѣчу почтенной дамѣ, ласково ихъ принявшей.

— Ты милый ангелъ! воскликнула Виргинія, осматривая ея костюмъ. — И, право, одѣта по новѣйшей модѣ. Посмотри, Габріель, чтò за хорошенькое черное шелковое платье, и какъ оно ей идетъ. Чтò за прюнаелевые башмачки, чтò за поясъ и браслеты. Право, первѣйшая парижская художница не представила бы тебя лучше. И ты въ-самомъ-дѣлѣ пришла съ Индіянами?

— Да, малая сестра.

— И ты жила у нихъ въ ихъ... какъ бишь это зовуть...

— Въ ихъ вигвамѣ, договорила Роза.

Вошелъ полковникъ съ майоромъ Коплендомъ и капитаномъ Перси. Намвно подошла она къ нимъ и привѣтствовала штаб-офицровъ именемъ отца, а молодого именемъ брата.

— Ты не должна признавать столько отцовъ, смѣясь замѣтилъ сквайръ. — Ты, право, сдѣлалась чудо-какъ-хороша, благослови тебя Боже! Индѣецъ заступилъ тебя мѣсто истиннаго отца. Право, я не думала, что свирѣпый Токеа будетъ тебя держать такъ хорошо. Ты такъ нѣжна, какъ-будто всю жизнь была спрятана въ футлярѣ.

— Смѣйся, воспитатель, сказала она. — Индѣянки тоже смѣялись надъ моими нѣжными руками и ногами, и Канонда никогда не позволяла мнѣ работать въ полѣ. Однакожъ, видишь, я прошла очень-далеко.

— Только не прыжкомъ?

— Нѣтъ, сказала она; но взоры ея обратились уже на другой предметъ, и она улыбаясь смотрѣла на игру капитана съ Виргиніей.

Истинножъ, не смотря на споръ свой съ полковникомъ, былъ, кажется, въ близкихъ отношеніяхъ къ его семейству. Поклонившись хозяйкѣ и прочимъ, онъ подошелъ къ Виргиніи, покрасѣвшей при его появленіи, но скоро оправившейся и принявшей свою руку, которую онъ напрасно старался схватить. Роза смотрѣла то на него, то на нее; потомъ подошла къ Виргиніи и значительно на нее посмотрѣла.

— Погляди, сказала она: — какъ просить тебя его взоры. Онъ началъникъ, но кротокъ какъ голубь.

— Хорошъ голубь! возразила Виргинія. — Еслибъ ты знала этого голубя!

— Любовь, сестрица, сказала Роза: — забываетъ самоѣ-себя, лишь бы вызвать улыбку радости на лицо брата.

— Прощаю ему ради тебя, отвѣчала Виргинія. — Она подала пштану руку.

— Не забудьте, сказалъ полковникъ, смотрѣвшій на сцену прищреніи: — что намъ надо опять идти, и что насъ ждетъ завтракъ. Пойдемъ, чудесная Роза пустыни! Взявъ ее подъ руку, онъ пошелъ за сквайромъ, открывшимъ шествіе съ полковницей.

— Я все еще какъ-будто во снѣ, сказалъ сквайръ, садясь за столъ. — Никанъ не думалъ опять тебя увидѣть. Только когда разстался съ тобою, почувствовали мы, какъ тебя любимъ. Да, да, Роза. Мы цѣлые годы вспоминали тебя. А сегодня разговариваю

я съ свирѣвымъ Токеа, вдругъ—глядь: она влетъ ко мнѣ, беретъ ласково за руку и называетъ меня отцомъ.

— И, кажется, это вамъ очень понравилось? спросилъ его полковникъ: — вы даже забыли, по атому случаю, разспросить меня объ отношеніяхъ его къ Британцу.

— Къ Британцу? спросила Роза.

— Да, милая Роза, отвѣчалъ сквайръ. — Ты его знаешь?

— Конечно; а братъ мой былъ здѣсь?

— Да, сказалъ сквайръ. — У тебя слишкомъ много братьевъ и отцовъ; какъ онъ ни молодой, а хитрая птица. Шпіонъ, и убѣжалъ во-время, а не то быть бы ему уже на деревѣ. Впрочемъ, не минуешь висѣлицы.

Дѣвушка слушала съ удивленіемъ.

— Но то же думалъ и мико; онъ занесъ даже ножъ на свою дочь и Розу, полагая, что они привели въ его вигвамъ шпіона. Можетъ ли Британецъ быть шпіономъ и у бѣлыхъ и у красныхъ?

— Такъ ты его знаешь? спросилъ сквайръ.

— Конечно, отвѣчала она въ другой разъ. — Тридцать солнцъ тому назадъ онъ пріѣхалъ къ намъ въ лодкѣ. Онъ бѣжалъ отъ морскаго разбойника, былъ слабъ и утомленъ, и его укусила водяная змѣя, когда онъ вышелъ изъ лодки. Канонда подоспѣла на помощь и убила змѣю; мы отнесли его въ дупло и потомъ въ вигвамъ; тамъ Канонда ходила за нимъ, пока онъ не выздоровѣлъ.

— Что жъ дальше? спросилъ сквайръ.

— Когда онъ выздоровѣлъ, онъ сдѣлался боязливъ; боялся мѣдѣ, который былъ съ воинами на охотѣ; говорилъ, что долженъ идти къ своимъ, которые въ войнѣ съ бѣлыми людьми атой страдали. Онъ съ каждымъ днемъ становился безпокойнѣе. Мнѣ стало жаль брата, и я просила Канонду не держать его дольше, мико убилъ бы его, возвратившись, думая, что онъ шпіонъ.

— Что жъ дальше? повторилъ сквайръ.

— Канонда не хотѣла, и Роза должна была погрозить и сказать, что сама укажетъ брату дорогу, или утонетъ съ нимъ въ бродѣ. Она могла погибнуть, но найти тропинки не могла: тропинка узка, и ее знаютъ только начальники и дочь мико. Даже прочія Индіанки не знаютъ. Канонда со слезами уступила просьбѣ Розы, набросила на бѣлаго брата покрывало, привязала къ ногамъ его мохассины, окрасила его кожу, чтобъ обмануть преслѣдователей, и провела его на противоположный берегъ второй рѣки. Это причинило много горя Канондѣ и Розѣ. Когда мико возвратился и узналъ отъ женщины, что въ вигвамѣ былъ бѣлый, лицо его нахмурилось. Онъ думалъ, что Британецъ шпіонъ, и рука

его поднималась, чтобъ погрузить ножъ въ грудь дочери и Розы. Добрый Богъ однакожь остановилъ его.

— И Британецъ не видѣлъ мико? спросилъ сквайръ.

— Мико пошелъ по его слѣдамъ; видѣлъ ли онъ его, я не знаю.

— Чего же хочеть здѣсь мико съ своими Индійцами?

— Онъ видѣлъ сонъ, который долженъ исполнить, потому-что такъ приказалъ Великій-Духъ. Онъ идетъ съ своимъ сыномъ къ могущественнымъ Куманчи. Его народъ уже ушелъ: онъ только съ немногими отправился въ поселенія бѣлыхъ. Великій начальникъ Куманчи не хотѣлъ, чтобъ отецъ жены его отправился одинъ. Бѣдный мико потерялъ свою дочь, и Роза пошла за нимъ. Иначе глаза его ослѣпли бы отъ горя.

Всѣ съ удивленіемъ слушали простой рассказъ Розы, объяснявшій внезапное появленіе Британца и Индійцевъ, важное въ настоящихъ обстоятельствахъ, когда защитники отечества собирались отправиться миль за двѣсти внизъ по рѣкѣ, противъ непріятеля. Нападеніе Индійцевъ могло разорить поселенія и лишить бодрости отсутствующихъ милиціонеровъ. Безыскусственный рассказъ Розы былъ для нихъ истинною отрадою.

— Почему же, спросилъ сквайръ: — чудакомъ не сказалъ, откуда досталъ свой индійскій костюмъ?

— Канонда, отвѣчала Роза:— взяла съ него клятву во имя Великаго-Духа, что онъ не скажетъ, гдѣ былъ. Мико очень боится бѣлыхъ, и ушелъ въ такую землю, гдѣ надѣется никогда ихъ не видѣть.

— Такъ вотъ что! воскликнулъ сквайръ.

Габріель и Роза окончили свой завтракъ и съ шумомъ выбѣжали изъ залы.

— При всемъ томъ не должно забывать, замѣтилъ полковникъ: — что хотя и нельзя сомнѣваться въ истинѣ словъ этой дѣвушки, однакожь, если у Индійцевъ есть что-нибудь на умѣ, такъ они, конечно, не сдѣлаютъ ее своею шовъренною. Сны у нихъ много значать; но такое далекое путешествіе ради сна—странно.

— Мнѣ не страшно, сказалъ сквайръ. — Они ходятъ за тысячи миль, когда Великій-Духъ прикажетъ имъ это, по ихъ мнѣнію, во слѣ. Не забудьте также, что Индійцы пришли прямо въ наши поселенія. Еслибъ они задумывали что-нибудь дурное, не-уже-ли мы полагаемъ, они переправились бы черезъ Ачафалайо не осмѣлившись? И взяли ли бы они, въ такомъ случаѣ, Розу съ собою? Не замѣтили ли вы, какъ Индїецъ смутился, когда я сказалъ ему, что вы пригласили къ себѣ его воспитанницу? Я едва вѣрилъ своимъ глазамъ, видя, какъ онъ встревожился. Ея одежда и украшенія ясно говорятъ, что онъ дорожитъ ею. Такимъ нарядомъ не потнушается богатѣйшая наследница.

— Этот-то народъ, возразилъ полковникъ:—и дѣлаетъ для меня все это еще болѣе неизъяснимымъ. Откуда могутъ быть у Индійца такія вещи?

— Вы забываете, что онъ тесть Куманчи, который задыхается отъ золота; эти Куманчи, какъ говорили мнѣ наши, торгующіе съ Санта-Фе и Мехико,—богатые дикари, въ вѣчной войнѣ съ Испанцами, у которыхъ часто отнимаютъ богатую добычу.

— Покрой платья Розы, любезный сквайръ, англійскій, замѣтила хозяйка: — и притомъ новѣйшаго фасона.

— И это, конечно, очень-подозрительно, прибавилъ полковникъ. Джонъ Буллъ хотъ и звенять кошелькомъ, а не такъ глупъ, чтобъ сыпать изъ него, если не надѣется получить вдесятеро. Загадка не объяснена; мнѣ кажется, что она запуталась еще больше.

— Плохо, если при свиданіи съ Индійцами мы не узнаемъ истины, сказалъ сквайръ.

Звуки фортепьяно прервали разговоръ. Общество вышло изъ столовой въ залу.

Роза съ навязнымъ любопытствомъ разсматривала всю подробнѣе убрaнства комнатъ. Когда Габріель заиграла на фортепьяно, она начала слушать, подбѣжала къ инструменту, заглянула въ него; все существо ея воспламенилось, когда, послѣ краткой прелюдіи, Габріель начала романсъ.

Вошедшіе съ удивленіемъ смотрѣли на дѣтя природы. Роза, со слезами на глазахъ, бросилась наконецъ на шею Габріеля.

— Ради Бога, сестра, не убивай меня! я умираю; душа моя улетаетъ съ звуками.

Потомъ она съела и пролепетала:—Ахъ! Если бъ я умерла! если бъ умерла!

XI.

Роза расцвѣла въ тѣ двѣ недѣли, въ-продолженіи которыхъ мы ея не видѣли. Она сдѣлалась самостоятельнѣе, и на душѣ у ней было яснѣе. Зависимость, беспомощность, и всего болѣе ожиданіе, что она будетъ жертвою челоуѣка, котораго ненавидѣла, угнетали ея душу. Но когда рушились эти отношенія къ пирату, она ободрилась. Даже самая катастрофа, лишившая ее подруги, имѣла на нее благотворное вліяніе. Мико самъ сдѣлался какъ-будто безпомощнымъ, и Роза стала его единственнымъ утѣшеніемъ. Она по-прежнему оставалась невиннымъ ребенкомъ, но катастрофа дала ей высшее направленіе.

Все это проявилось мало-по-малу въ нравственной власти ея надъ всѣмъ ее окружающимъ. Самъ мико невольнѣ обращался къ ней съ робкой почтительностью. Эль-Соль смотрѣлъ на нее, казался, какъ на существо высшаго рода. Въ-продолженіи всего путешествія, онъ ухаживалъ за нею съ какимъ-то радостнымъ страстьемъ.

Приближаясь къ поселеніямъ бѣлыхъ, мико становился все сѣрдѣе. Какъ-будто предчувствуя униженіе, которое у нихъ испытаетъ, онъ по цѣлымъ часамъ грубо разговаривалъ самъ съ собою, говори за бѣлыхъ и гордо отвѣчая на ихъ слова.

Такъ доѣхали они по кошаттайской дорогѣ до Ачафалайн, включая мико и его Оконіевъ, которые шли, по обычаю своего племени, возлѣ лошадей своихъ. Дошедши до рѣки повыше Опелуиса, они отослали коней назадъ съ Павніями и начали строить лодку; за этимъ занятіемъ нашли ихъ двое посланныхъ опелуисскимъ начальствомъ, и вскорѣ потомъ они были захвачены въ пленъ небольшимъ отрядомъ милиціи.

Хотя Индійцы не думали ни сопротивляться, ни бѣжать, и спокойно продолжали строить лодку, однакожь грубо-повелительный тонъ, съ которымъ имъ приказали немедленно слѣдовать за отрядомъ, такъ оскорбилъ ихъ гордость, что, безъ настоятельной просьбы мико, неминуемо завязалась бы драка. Какъ-будто опасаясь какаго прикосновенія съ заклятыми врагами своими, онъ быстро отошелъ къ Розѣ, сидѣвшей на пнѣ и покрытой одеяломъ. Когда Эль-Соль сводилъ ее въ лодку, покрывало отчасти спало съ головы ея. Видъ бѣлой, богато-одѣтой дѣвушки мгновенно измѣнилъ поведеніе поселенцевъ. Они вдругъ сдѣлались услужливы и внимательны.

По прибытіи въ депо, дикихъ отвели, правда, въ караульню, но начальникъ отряда почтительно предложилъ Розѣ проводить ее въ гостиницу. Она отказалась и осталась съ Индійцами. Вошедшій съ офицерами сквайръ сейчасъ узналъ мико и былъ имъ узнавъ. Въ это время, Роза бросилась ему на шею и напомнила ему о его военнаницѣ словами: «твоя Роза».

Ласковый пріемъ, сдѣланный Индійцамъ, и то обстоятельство, что ихъ сейчасъ же перевели изъ караульни въ гостиницу, доказавъ мико перемѣну мнѣнія объ нихъ бѣлыхъ.

Очень-естественно, что ему тяжело было разстаться съ ангеломъ-правителемъ своимъ, Розою, и только въ-слѣдствіе увѣреній сквайра, что ея у него не отнимутъ, позволялъ онъ ей уйти съ полковникомъ. При прощаньи, старикъ совершенно растерялся, пристально посмотрѣлъ ей въ лицо, обнялъ, и замкнулся, когда положилъ руку на ея голову, чтобъ благословить ее.

Молодой начальник проводилъ ее съ Индіянкою, несяшею ея гардеробъ, и своими двумя спутниками до порога.

— Бѣлые склоняются передъ Розой, шепнулъ онъ ей: — братья ея умираютъ за нее.

По уходѣ Розы, начальники погрузились въ свое обычное молчаніе и раздумье, изъ котораго пробудилъ ихъ звукъ барабана, возбѣщавшаго о собраніи войска.

Мико смотрѣлъ на эволюціи солдатъ съ невыразимымъ чувствомъ ненависти.

— Видить ли сынъ мой, сказалъ онъ по-павнійски, какъ-будто опасаясь, чтобъ его не услышали: — видить ли сынъ мой, какъ хитры бѣлые! Красные никогда не обагрятъ своего томагаука ихъ кровью; они горды и неукротимы, какъ буйволы, но, полнявъ военный крикъ, дѣлаются кротки и слѣдуютъ не за однимъ вождемъ, какъ красные, а за многими, которые всѣ повинуются одному.

— И давятъ со смѣхомъ красныхъ, отвѣчалъ Эль-Соль также въ-полголоса, не сводя глазъ съ батальйона.

— Токеа, продолжалъ онъ послѣ долгаго молчанія:— часто говорилъ съ своею душою, — отъ-чего бѣлые такъ дерзки и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ покорны? красные только дерзки; имъ нельзя помочь. Зачѣмъ ослѣпилъ красныхъ Великій-Духъ? Зачѣмъ уже столько лѣтъ скрываетъ онъ лицо свое?

— Въ жизни краснаго народа нѣтъ Великаго-Духа; онъ слѣлался для нихъ вотчимомъ въ ихъ собственной землѣ; они должны проклинать жизнь, данную имъ Великимъ-Духомъ.

— Отецъ мой произноситъ слова тьмы, замѣтилъ Эль-Соль. — Лицо Великаго-Духа омрачится.

— Оно уже омрачилось. Пусть броситъ онъ изъ своей тучи громъ: Токеа благословитъ его.

Юноша отступилъ въ ужасъ.

— Да, продолжалъ старикъ:— Великій-Духъ какъ красивая женщина: любить гладкую кожу бѣлыхъ, младшихъ сыновей, и отталкиваетъ старшихъ; они исчезаютъ съ земли наслѣдія отцовъ своихъ; онъ сноситъ ихъ своимъ вихремъ къ морю на западъ. Когда они перейдутъ за Скалистыя-Горы, нѣ для чего будетъ столкнуть ихъ въ соленую воду: изъ нихъ не останѣтся уже ни души.

— Не клевети на Великаго-Духа, старикъ! грозно сказалъ Эль-Соль.

— Клеветать? повторилъ старикъ. — Но развѣ вся жизнь Токеа не такая же клевета на Великаго-Духа? За чтѣ преслѣдуетъ онъ Токеа и народъ его съ самаго дня рожденія? Въ чемъ они про-

ступились? За что бьютъ онъ ихъ? Дѣлалъ ли Токеа зло? Зачѣмъ далъ онъ его врагамъ хитрость красной собаки, силу буйвола, а краснымъ слѣпоту совы, невидящей среди бѣла дня?

— Красные люди прозрять и снова воскреснуть къ жизни въ помѣ Сенорасъ и Сеноварсъ; такъ предсказалъ ясновидецъ Блэквудъ, сказалъ Элль-Соль.

— Ты правъ, отвѣчалъ мико и погрузился въ свое прежнее молчаніе.

Такъ проходили часы; едва могли уговорить его съѣсть что-нибудь.

Когда батальионъ былъ распущенъ, офицеры вошли въ залу гостиницы, въ которую ввели и Индійцевъ. Чувство, съ которымъ мико смотрѣлъ на офицеровъ, поразило ихъ и было источникомъ хорошаго расположенія между обѣими партіями. Когда офицеры заняли свои мѣста, Индійцы тоже успѣли на разостланныхъ коврахъ.

— Желаютъ ли мои красные братья говорить языкомъ красныхъ, или объявятъ свое желаніе языкомъ бѣлыхъ? спросилъ сквайръ.

— Мико Окониевъ далеко отъ своихъ, и глаза его видятъ много бѣлыхъ; онъ хочетъ говорить языкомъ бѣлыхъ, отвѣчалъ старикъ.

— Наши люди, сказалъ генералъ: — увидѣли слѣды своихъ красныхъ братьевъ, когда ты еще не сѣлъ въ лодку для переѣзда черезъ большую рѣку. Они донесли объ этомъ нашему брату, начальнику Кошленду, и онъ велѣлъ привести красныхъ людей сюда, чтобъ бѣлые братья ихъ узнали, зачѣмъ они пришли, и нужна ли имъ ихъ помощь.

— Токеа, отвѣчалъ старикъ: — видѣлъ много лѣтъ, и въ продолженіи половины ихъ прошелъ, свободный и сильный мико, отъ Окопи до безконечной рѣки, и никогда не ставили ему сѣтей. Почему мико не можетъ ходить съ своими куда хочетъ? Не-уже-ли бѣлые слѣзались такъ трусливы, что тыи шести красныхъ человекъ и двѣ дѣвушки пугаютъ ихъ?

— Мико лучше всѣхъ знаетъ, что бѣлые не боятся своихъ красныхъ братьевъ, отвѣчалъ генералъ. — И онъ слишкомъ-большой начальникъ, и знаетъ, что когда отроешь томагаукъ, то надо смотреть внимательно, и считать всѣхъ, кто подходитъ близко.

— А бѣлый начальникъ поднималъ когда-нибудь томагаукъ на красныхъ? спросилъ Индеецъ.

— Нѣтъ; но противъ сыновъ великаго отца Канадъ подымалъ. Я начальникъ этихъ почтенныхъ воиновъ, сражавшихся во многихъ сраженіяхъ.

— Такъ пусть бѣлый начальникъ спроситъ своихъ братьевъ, и они ему скажутъ, что красные не ходятъ съ своими женщинами,

чтобъ поднять военный крикъ. Мико и сынъ его, великій начальникъ Куманчѣвъ, пришли съ мирнымъ намѣреніемъ. Токеа сдѣлалъ старъ, прибавилъ онъ значительно.

— И бѣлые люди протягиваютъ мико и его братьямъ ладою свою, въ знакъ мира. Но красные умы и очень любятъ свои вигмы и охотничьи поля. Зачѣмъ совершили они такую далекую дорогу?

— Если великій отецъ говоритъ что-нибудь съ своею душою, оставляетъ ли онъ этого при себѣ?

— Великій отецъ въ своей странѣ, и люди его видятъ его пути; но развѣ мико также не спроситъ чужаго, нашедъ его въ своемъ вигвѣмѣ?

— Развѣ Токеа чужой въ странѣ отцовъ своихъ?.. Да, онъ чужой; давно уже не подымалъ онъ томагаука на бѣлыхъ враговъ. Онъ зарылъ его, и томагаукъ заржавѣлъ. Онъ пришелъ по широкой дорогѣ, не какъ воръ, но сдѣлался чужимъ въ землѣ своей.

— Однакожь красные не глупцы, и знаютъ, что дѣлаютъ. Испепелитъ ли великій отецъ Канадъ что-нибудь на ухо Токеа посредствомъ посланнаго?

— Сынъ великаго отца Канадъ былъ у моихъ бѣлыхъ братьевъ.

— Онъ былъ пойманъ и приведенъ нашими.

Нѣсколько минутъ продолжалось молчаніе.

— Такъ бѣлые поймали сына великаго отца Канадъ?

— Да.

— Что же рѣшили начальники бѣлыхъ?

— Что дѣлаютъ красные съ пойманнымъ лазутчикомъ?

— А развѣ сынъ великаго отца Канадъ пришелъ къ бѣлымъ какъ лазутчикъ?

— Онъ пришелъ отъ Токеа, начальника Оконіевъ, проговорилъ генералъ внезапно громкимъ голосомъ.

— Бѣлый братъ мой сказалъ, что пришелъ отъ Токеа? развѣ душно спросилъ мико.

— Не-уже-ли Токеа думаетъ, что у бѣлыхъ нѣтъ глазъ, и что они не видятъ, если молчатъ языкъ? Они умѣютъ отличать враговъ отъ друзей. Если красные хотятъ поднять на насъ томагауки, пусть подымутъ: мы съумеемъ ихъ встрѣтить. Если же они какъ собаки бросаются по клику другаго, то должны ожидать, что ихъ убьютъ какъ собакъ.

— Не-уже-ли бѣлый начальникъ думаетъ, что мико такъ глупъ, что позволить дѣвухѣ травить имъ дичь для ея пищи? Бѣлый начальникъ мало слышалъ о Токеа.

— Великій отецъ Канадъ хитеръ, возразилъ генералъ.—Онъ посылаетъ иногда и дѣвухѣ, зная, что красные любятъ жирныя бѣлыя лица.

Токеа, доинъ и начальникъ, который сидѣлся надъ низкими мѣшами. Пусть бѣлый начальникъ спроситъ Розу. Она, и еще другая, которой уже нѣтъ, ввели сына великаго отца Канадъ въ вигвамъ. Онъ ускользнулъ отъ морскаго разбойника, и Токеа увидѣлъ его тамъ за второю рѣкою. Тогда онъ далъ ему одного изъ своихъ, чтобъ проводить его къ бѣлымъ.

— Мико Окониѣвъ не поступилъ бы такъ съ кѣмъ — набудь изъ нашихъ. Мико слишкомъ добръ до нашихъ враговъ.

— Токеа сдѣлалъ то, что дѣлали отцы его съ отцами бѣлыхъ, нарпо приходившими въ ихъ вигвамъ. Онъ ставитъ силки только врагамъ своимъ.

— Мы не сомнѣваемся въ вашей дружбѣ къ сынамъ такъ-называемаго великаго отца Канадъ. Мы даже не имѣемъ ничего противъ, если вы пришлете отъ него подарки. Не забудьте только, что, давая вамъ бусы, великій отецъ Канадъ беретъ у васъ за то гонимы нашихъ молодыхъ людей.

— Токеа сидѣлся надъ бусами бѣлыхъ.

— А беретъ ихъ за своихъ дѣтей, и любитъ, чтобъ на нихъ блестялъ желтый металлъ.

— Пусть спроситъ бѣлый начальникъ своего брата, отвѣчалъ мико, указывая на сквайра. — Онъ помиривъ отъ бѣбровыхъ и медвѣжьихъ шкурокъ, которые давали ему красные за огненную воду, чтобъ сплестъ ему, какъ достаютъ блестящій металлъ. Бѣлая Роза дочь мико, и онъ собралъ много бѣбровыхъ и медвѣжьихъ шкурокъ, и дочь его, Канонда, надѣлала много огненной воды, чтобъ блескъ бѣлой Розы смотрѣли весело. Токеа оттолкнулъ бы ногою блестящій металлъ великаго отца Канадъ.

— Значитъ же дочь Токеа закрыла ротъ сыну великаго отца Канадъ?

— Токеа самъ связалъ языкъ его.

— Значитъ же онъ это сдѣлалъ? Развѣ Окониѣвъ сдѣлались морями и боятся дневнаго свѣта?

— Любить ли братъ мой, чтобъ воры видѣли то, что ему дорого? Окониѣвъ причутъ своимъ вигвамамъ не отъ бѣлыхъ, а отъ ихъ шкурокъ, которые приходятъ красть ихъ скотъ и зерно. Они желаютъ мѣра.

— И Токеа пришелъ назадъ, чтобъ увидѣть свой народъ?

Мико покачалъ головою.

— Мико не знаетъ уже Мѣскогѣвъ; онъ пришелъ съ миромъ, этому — что такъ шепнулъ ему Великій-Духъ. Исполнивъ его приказаніе, онъ уйдетъ туда, гдѣ не увидитъ его никто изъ бѣлыхъ.

Генералъ и полковникъ были, казалось, довольны объясненіемъ. Они переговаривались между собою, и генералъ заключилъ совѣщаніе слѣдующими словами:

— Красные братья мои, добро пожаловать въ вигвамахъ бѣлыхъ бѣлье позаботится, чтобъ имъ не было недостатка въ дичи и оленней водѣ. Но они подождутъ здѣсь въ вигвамахъ, пока не увидимъ о нихъ прибытія великаго отца. Мико знаетъ, что онъ сприведлиивъ, и что имъ нечего бояться, если они пришли съ миромъ.

— Хорошо, отвѣчалъ Индіецъ.

Объ партіи встали, и важно пожавъ другъ другу руки, разошлись. Индійцы ушли въ свою комнату, а офицеры, за исключеніемъ капитана, остались въ залѣ, куда начала собираться новая сходка.

ХП.

— Милости просимъ, капитанъ! оказала жена полковника въшедшему офицеру. — Садитесь; дѣти наверху. Этого милый ангелъ для меня, право, такой подарокъ! Миѣ все кажется, что это вѣстникъ побѣды, ангелъ мира, добрый знакъ для нашихъ, алушскихъ завтра на врага. Мы все послѣ-обѣда проплакали съ нею, алушская она расказъ о своей жизни и смерти дочери мико. Вы должны ласкать мико; онъ, кажется, очень-несчастенъ. У васъ былъ такъ разговоръ? Я такъ догадываюсь, потому-что васъ долже не было.

— Страшно-разстроившій духъ, сказалъ онъ:— въ немъ горитъ еще только одна страсть: ненависть, жаркая ненависть по всемъ американскому. И онъ точно знаетъ на то причины; эти жалкіе нынѣ поселенцы грубые эгоисты.

— Капитанъ! вы смотрите съ предубыжденіемъ. Вы не въ духѣ.

— Не въ духѣ! Когда я сегодня вышелъ, майоръ говорилъ съ штаб-офицерами другаго батальйона; вся шайка оборотилась ко мнѣ спиною. Это хоть кого забѣсить!

— Что же вы?

— Что же вы сдѣлали бы на моемъ мѣстѣ послѣ такой грубоети?

— Спросила бы ихъ серьезно; но просто, что значить ихъ поведеніе. А майоръ что сдѣлалъ?

— Пилъ и курилъ съ ними цѣлый день. Я оставилъ ихъ ушелъ въ свою комнату.

— Капитанъ Перси! сказала полковница:— уже вчера, или лучше сказать сегодня ноутру, поведеніе ваше находили очень-страннымъ: вы осмѣивались нарушить, въ качествѣ военнаго, священное соовѣщаніе.

— Осмѣивался нарушить переднее соовѣщаніе! Ей-Богу! они стоятъ того, чтобъ всѣхъ ихъ предать военному суду. Пятьнай обманъ не прошло еще и часа; я сплвшу, приказываю, прошу, вслвдннн

генерала; только двадцать человекъ!.. А они стоятъ раскрывъ ротъ и слушая то, что уже тысячу разъ было говорено въ газетахъ.

— Но какое вамъ до того дѣло, любезный капитанъ, что народъ находитъ нужнымъ совѣщаться о своихъ интересахъ? Вы произнесли очень-неамериканскія слова. Ихъ все повторяютъ.

— Тѣмъ лучше. Пусть знаютъ, что объ нихъ думаютъ.

— И вы осмѣливаетесь возвышать свой голосъ противъ тысячукаго исполина—народнаго духа, и поступать наперекоръ градаванамъ нѣсколькихъ графствъ!

— Я капитанъ линейныхъ войскъ, а не народа.

— А кому же принадлежатъ эти линейныя войска? И къ чему поведетъ это неудовольствіе при теперешнихъ дурныхъ обстоятельствахъ? Что будетъ, если тѣ, которые должны вести народъ противъ врага, ссорятся съ нимъ изъ худо-понятой гордости?

— Кто же виноватъ въ этомъ несогласіи? Конечно, не капитанъ Перси. Кто началъ оппозицію противъ главнокомандующаго?

— Капитанъ! васъ давно не было здѣсь; вы не знаете здѣшней жизни и силы народа. Вы представляете себѣ нашъ народъ такимъ же, какъ въ старой Англій. Тамъ власть и сила у вельможъ, такъ здѣсь она у народа.

— Къ-сожалѣнію!

Въ это время вошли полковникъ и майоръ Колендъ.

— Вы уже здѣсь? сказала хозяйка.

— Да, душа моя, отвѣчалъ мужъ.—Этимъ мы обязаны сквайру. Все вышло какъ-нельзя-лучше, и я отправляюсь спокойно. Сквайръ Колендъ чудесный человекъ; рѣшенія приняты единогласно. Никоторые хотѣли кое-что возразить, но одумались.

— Это Теннессійцы, пришедшіе только въ прошломъ году, захватили сквайра.— Не отесались еще. Но такихъ-то намъ и надо.

— Маневры ихъ стрѣлковъ достойны всякой похвалы, майоръ! Порядокъ удивительный, т. е. для перваго дня.

— Нѣсколько разъ, сказалъ сквайръ:— ихъ все-еще разбирали отъ покутить; но когда я человекъ у двѣнадцати вынулъ изъ рта сигары, такъ они цѣлый день были смиренны. Конечно, это не нью-Йорскіе и не лондонскіе джентльмены, но повѣрьте, благо изъ страны дорожке всего имъ. Теперь у насъ четыре отряда стрѣлковъ, которые разгонятъ дюжину англійскихъ.

— Майоръ Колендъ, замѣтилъ капитанъ:— кажется, цѣнить своихъ непріятелей немножко-ниже ихъ достоинства. Это доказательство, по-крайней-мѣрѣ, самосознаніе.

— И оно никогда не можетъ быть слишкомъ-сильно въ народѣ. Кто беретъ за невозможное, тотъ и сдѣлаетъ его.

— Кто презирает своего врага, тотъ уже разбитъ, возразилъ капитанъ.

— Можеть-быть, въ старомъ свѣтъ это и такъ, сухо отвѣчалъ сквайръ. — У насъ есть лучше пословица: «улажай самъ себя, враги не будутъ презирать тебя». Впрочемъ, капитанъ, мы и свободной землѣ, и вы можете говорить сколько вамъ угодно по своему вкусу; совѣтую вамъ только, имѣя дѣло съ гражданами, быть тоже гражданиномъ, и ничѣмъ больше.

— И пойдти въ Опелузасъ, въ ученье къ сквайру. Команду прибавилъ капитанъ.

— Можеть-быть, это было бы для васъ лучше, нежели провести молодость въ испорченной Англии. Въ восторгъ отъ псаломнаго народа стараго свѣта, вы, кажется, забыли, что здѣсь народъ требуетъ послушанія. Конечно, оно покойнѣе говорить: ты стой, ты вѣдь,—но у насъ не такъ. Величественнымъ и благородно-голымъ видомъ тутъ ничего не возьмешь, нельзя даже и покоситься на кого-нибудь: сейчасъ обернется къ тебѣ спиною. Вы должны сообразоваться съ нашею манерою; а если стыдитесь ея—и такъ доверьте мнѣ, наши стыдятся чужеземныхъ манеръ еще больше. Это самый свободный народъ въ мѣрѣ, и онъ столько гордится, что не захочетъ подчиниться ничему чужому.

— Какъ прикажете принять этотъ урокъ? горячо спросилъ капитанъ.

Нашишаго офицера оскорбляли не столько слова, сколько наружность сквайра, не очень-красивая. Стрый сюртукъ и штаны, розовая черной веревки на шею, квакерская шляпа съ помятымъ султаномъ, полукруглые башмаки, отъ-роду невздавшіе шетки, — вотъ костюмъ сквайра, важно-подходящаго къ капитану.

— Какъ благонамѣренный совѣтъ, отвѣчалъ онъ ему. — Вы самый молодой человекъ, и да простятъ Богъ тѣмъ, которые, вместо того, чтобъ сдѣлать изъ васъ гордость нашей страны, ушли за море и дали намъ англійскаго фешенбля. Но вы вели себя у озеръ мужественно. Безъ этого, майоръ Коплендъ, право, открылъ бы для васъ рта.

— Капитанъ Перси, гордо сказалъ офицеръ: — не нуждается въ докучливости, а тѣмъ менѣе...

— Вы молоды, капитанъ, прервалъ его майоръ: — не забывайте, что вы мой подчиненный офицеръ. Завтра, какъ положено, мы идемъ съ восемью отрядами. Двѣсти человекъ остаются здѣсь. Будете имѣть случай показать, что для васъ дороже: англійскія манеры, или благо страны. И не забудьте, что если вы раскурите съ кѣмъ-нибудь изъ вашихъ согражданъ сигару, или разольете стаканъ моды, это сдѣлаетъ вамъ честь, а не унижитъ васъ.

Он кинулъ головою и скрылся въ слѣдующемъ drawing room. Вышли котѣлы пойти за нимъ, но полковникъ сказалъ ему:

— Что вы хотите, капитанъ Перси?

— Потребовать у этого грубіана объясненія.

— Скажите, я самъ дамъ вамъ его. Знаете ли, что всѣ безъ исключенія такъ негодуютъ на ваше поведеніе во время вчерашняго сообщенія и на сказанныя вами слова, что немедленно изъять комитетъ изъ офисеровъ?

— Н? спросилъ капитанъ.

— И комитетъ рѣшилъ довести обо всемъ главнокомандующему, а попытаться удалить васъ отъ всякихъ должностныхъ отношеній къ гражданамъ.

Капитанъ поблѣднѣлъ.

— Тогда вышелъ майоръ Коплендъ и рѣзко представилъ мнѣ необходимость удержать васъ. Онъ не забылъ ничего: напомнилъ о вашей службѣ, о благодѣтельныхъ подвигахъ вашихъ при Платтебургѣ. Онъ коротко васъ знаетъ. Нескоро удалось ему поблѣднить общее негодованіе: Рѣшеніе покаместъ взято назадъ, понимаете ли? выйдете!

— Я дѣйствовалъ по порученію моего командира; и если у меня вырваться съ досады слова...

— Которыя никогда не должны бы вырываться у человека, призваннаго командовать другими, прервалъ его полковникъ. — Вы пришли по порученію генерала: прекрасно! Вамъ бы слѣдовало исполнить порученіе и молчать. Но вы прилетѣли какъ стрѣла изъ лука, и думали, впрямую, что если генералъ мало церемонится тамъ съ кровлями, такъ здѣсь можно церемониться еще меньше. Вамъ командиръ смыслилъ дѣло, однакожь, лучше: пославъ васъ на удачу съ громовою вѣстью, онъ написалъ ласковое письмо свайру; просилъ его прійти съ батальйономъ какъ-можно-скорѣе и шифромъ, что самъ заготовилъ для него квартиры.

— Но какъ зналъ онъ, что свайра Копленда изберутъ въ майоры?

— Еслибъ грабства по-ту-сторону могли дать мѣсто президенту, оно досталось бы ему, занимающему тамъ высшее мѣсто по общественной, значимости, полезности и состоянію. Онъ одинъ изъ руководителей демократической партіи. Какъ осмѣлились вы говорить такимъ тономъ съ человекомъ, у котораго шесть взрѣванныхъ сыновей и который самъ проливалъ за отечество кровь свою, когда васъ не было еще на свѣтѣ?

— Генералъ предчувствовалъ оппозицію и поручилъ мнѣ постараться всеми средствами прекратить ее.

— И вы думали, что такъ вотъ и потерпятъ? Будьте увѣрены,

вашъ главный генералъ постарается прохлопотать съ пріятною цѣною пилюлю, изъ-за которой вы навсегда можете быть погублены своею народностью, и, что одно и то же, свое существованіе какъ полноцѣнаго чловѣка...

Послѣдовадо долгое молчаніе.

— Мы, какъ вамъ извѣстно, идемъ завтра съ обученными отрядами и стрѣлками; вы остаетесь здѣсь на нѣсколько дней, пока не обучатся остальные. Одно долженъ я, впрочемъ, добавить, самъ-же продолжалъ полковникъ: — я не мѣшалъ, капитанъ Церсъ; вашему уваженію за мою доверью, хотя это не вовсе согласно съ моими видами. Я не хочу противиться склонности моей дочери. Не забудьте только, что съ нею я не отдаю моей народности и моихъ согражданъ.

Капитанъ неподвижно посмотрѣлъ на говорившаго. Нѣсколько разъ прошелся онъ по залу, потомъ схватилъ шляпу и перчатки. Въ это время жена полковника встала и сказала съ достоинствомъ:

— Миръ и согласіе! Вы, капитанъ, продвинулись: вы должны сдѣлать первый шагъ.

Капитанъ взялъ предложенную руку и пошелъ за нею. Черезъ нѣсколько минутъ, они вратились рука-объ-руку съ сквайромъ и Вирганіей.

— Она уже легла, этотъ анкетъ! сказалъ сквайръ. — Хотѣлось бы еще на нее взглянуть.

— Оставьте ее, сказала полковница: — ей надо отдохнуть. Она для дочи не спала. Завтра мы возьмемъ ее съ собою.

Грустное чувство овладѣло всеми. Скоро надо было встаться на дождь, можетъ-быть навсегда. Послѣ ужина, далеко за полночь, собрали въ залу нелюбимцевъ; полковникъ увѣщевалъ ихъ исполнять свои обязанности и простился съ ними. Онъ какъ-то не слушалъ. Ночь прошла въ приготовленіяхъ къ отъѣзду, и на разсвѣтѣ раздались пушечныя выстрѣлы, возвѣщающія о прибытіи парохода. Скоро послѣ того вошли въ залу Роза и Габріель. Все отправилось къ берегу рѣки.

Туманъ былъ еще такъ густъ, что ничего дальшаго было рассмотреть. Отрядъ, однакожъ, былъ уже въ сборѣ, окруженный пеньками и дѣтми, пришедшими просидѣть съ евреями. Прощаніе съ-вакъ смотрѣть было не на что: тутъ не было ни шума, ни раздолья. Все было тихо и важно.

Полковникъ еще разъ обнялъ своихъ и далъ знакъ къ отъѣзду. Отрядъ за отрядомъ проходили мимо его, дадутсяемые благодареніями и прощальными кивками остающихся.

Вдругъ Роза вздрогнула.

— Боже мой! воскликнула она и бросилась въ руки своей по-

ной истери, скрывая лицо свое на ее грудь. Она съ ужасомъ указала на группу людей, шедшихъ подъ присмотромъ индигенаровъ въ процессу.

— Что такое? спросила испуганная полковница.

— Матушка! Ради Бога, спаси меня! Спаси твою Розу! — Больше сил не могла вымолвить ни слова.

В эту минуту, съ дамамъ ринулся испанскій, худой какъ тень обрзатъ, и вырвалъ Розу изъ рукъ полковницы. — Мать и дочь крикомъ отскочили прочь.

— Что такое? спросилъ капитанъ, подбѣгая съ общаго шара.

— Начальникъ соленого озера! протоналъ Индианъ.

Роза отпрянула.

— Мико! сказала она: — онъ ушелъ, Будь спокоенъ, мико; убійца Кавонды и твоихъ — на рѣкѣ.

Словомъ успокоилась и отошелъ къ своимъ.

— Ради Бога! Что это было? спросила полковница.

Роза дрожала всемъ теломъ.

— Морской разбойникъ, матушка.

— Ты ошибаешься... Какъ ему сюда зайти?

— Нѣтъ, нѣтъ, отвѣчала Роза: — мико тоже видѣлъ его.

Она опять обратила взоръ на пароходы. — Долгий протонавший шумъ раздавался съ берега и съ палубъ: в пароходы тронулись.

ШИИ.

— Ухаживать? спросилъ кто-то тихимъ голосомъ, какъ будто опасаясь нарушить грустное раздумье окружающихъ.

— Какъ видите, отвѣчалъ другой. — Вамъ надобно бы прійхать сюда. Качетанъ зашь ухаживать.

— Давай! возразилъ первый. — И прійхали бы, еслибъ не запертъ запертъ. Вотъ эти. — Онъ указалъ на пять человекъ, съ которыми только что прибылъ съ противоположнаго берега, и которые, видимо, были очень удивлены, очутившись вдругъ среди толпы женщинъ, дѣтей и мужчинъ.

Во время разговора, обратилъ вниманіе всѣхъ на прибывшихъ. Люди съ лицахъ встрѣтили какъ знакомыхъ сосѣдей, въ прошломъ узнававшего негра полковника, четвертый былъ лицо не имѣвшее никакого вниманія. Но лицо ватаго произвело общее изумленіе. Слово: «шпіонъ!» понеслось съ языка на языкъ.

— Ей-Богу! воскликнулъ четвертый разъ прійехавшихъ грубымъ, рашитъ ласкомъ и выговоромъ, токъсь изоблачившимъ въ немъ

Ирландца.— Ей-Богу! мѣстеръ Джемсъ, славная потѣха; сколько ни ма надѣлали! Когда мы подвѣзжали, такъ можно было слышать такъ мышь пробѣжать; а только ступили на берегъ, какъ поднялся крикъ, какъ-будто янсейнскій фрегатъ столкнулся съ 52-хъ-пушечнымъ королевскимъ кораблемъ.

Мистеръ Джемсъ, въ которомъ читатели наши конечно узнаютъ злополучнаго Британца, не отвѣчалъ. Между-тѣмъ, кликъ: «снпюнк!» становился все громче. Ирландецъ оглядѣлъ съ ногъ до головы себя, потомъ своихъ спутниковъ, и весело воскликнулъ:

— Шпюнкъ! кто же это, думаете вы, шпюнкъ? сынъ моего отца? Да это надо умереть со смѣху!.. Онъ опять взглянулъ на себя. — Или негръ? Чортъ меня возьми, если вы не рыхнулись! У насъ въ родѣ, въ родѣ Мѣрри въ Килдери, нѣтъ ни одного повѣщеннаго. Шпюнкъ! Убирайтесь къ чорту, вы съ ума сошли! И онъ громко захохоталъ.

— А брата твоего Педди обвѣщали же въ Дублинѣ съ цѣпью вою невѣстой! сказалъ ему одинъ изъ оставшихся миллионеровъ.

— Врешь какъ старый меринъ, возразилъ Ирландецъ. — Эту заты мой проплясалъ съ доски въ Грингоузъ.

— Правда, Педди, сказалъ второй:— а отецъ твой, Дэйви Мѣрри.

— Застрѣленъ констаблемъ Мейгсомъ изъ-за дрянной стѣкланки водки. Умеръ честно, не хуже кого другаго.

— А сестру твою поймали вѣдь въ Коркѣ за покражу (овцы спросилъ третій).

— Въ Коркѣ? со смѣхомъ отвѣчалъ Ирландецъ.— Въ Коркѣ? Дворъ весь Коркъ нѣтъ ни одной овцы. Рады-радѣхоньки, если удасться прокормить козу, а изъ остальныхъ былиннокъ дѣлають чай! Бѣдная Мерри! Когда я видѣлъ ее во второй разъ, она сказала мнѣ ты, говоритъ, Дэйви, веди себя хорошо, говоритъ, ч...

Рѣчь Ирландца прервали два миллионера, приведшіе за нимъ и его товарищами изъ караульни. — Онъ съ минуту смотрѣлъ на приходившихъ, и сказалъ съ смѣхомъ:

— Мѣстеръ Джемсъ Годжесъ! Мѣстеръ Джемсъ Годжесъ! Parlehs fouhs frensch Monsieur?—и залился хохотомъ.— Мѣстеръ Джемсъ продолжалъ онъ, кто бы могъ подумать вчера, что черезъ двадцать-четыре часа дадутъ намъ почетный караулъ?

— Я думаю, сказалъ кто-то: — что этотъ дуракъ себя-на-умъ.

— Parlehs fouhs frensch Monsieur? повторилъ Ирландецъ съ новымъ хохотомъ.

— Чудакъ! сказали нѣсколько миллионеровъ.— Пусть себѣ думается!

Толпа двинулась къ караульнѣ.

— Parlehs fouhs frensch Monsieur? закричалъ онъ опять, оставо-

взяться. — Чортъ меня возьми! Говорятъ же дураки, что Луизиана ирландишувольна, полуанглийская. Дапанъ же, знаетъ священникъ; и въ Киркпатрике, знаетъ это лучше, и сынъ моего отца слышалъ много всего; а пдъ не спрашиваю, никто не понимаетъ.

— Ты смѣлый малой, сказалъ ему одинъ изъ офицеровъ: — днесъ днъ на хлѣбъ и на воду укоротятъ твой языкочекъ.

Ирландецъ сомнительно посмотрѣлъ на офицера. Почему опять въ слухъ: *patish fouhs frensch Monsiehour?* вынулъ изъ своей голубой куртки бумагу. — Съ вашего позволенія, морякъ съ брата «Сара», капитанъ Моранда, — мой землякъ, слылавшійся Янки, а чортъ меня возьми, я тоже слылаюсь Янки. Нѣтъ ничего лучше Янки. *Patish fouhs frensch Monsiehour*, мастеръ Джеймсъ Годжмсъ? Ахъ! мастеръ Джеймсъ! еслибъ мы теперь были тамъ, гдѣ вчера! Метлы а даяа вое были не такъ опасны, какъ вотъ этаа штуцера. *Patish fouhs frensch Monsiehour?*

— Хорошо, сказалъ офицеръ: — не какъ сошелся ты съ пльвицми?

— *Patish fouhs frensch?* отвѣчалъ Ирландецъ. — Чортъ меня возьми, если я скажу, какъ это случилось. Языкъ у меня высокъ какъ пробка съ такъ-поръ, какъ я изъ города.

Дурачество Ирландца развеселило весь его конвой. Они подошли къ караульнѣ, но Ирландецъ оставался на каждыхъ десяти шагахъ. Одинъ изъ офицеровъ вынулъ изъ кошелька пол-доллара.

— Превосходнѣйшій, глубоко-уважаемый, прекраснѣйшій, благороднѣйшій савайръ, майоръ, генералъ, лейтенантъ, или даже императоръ! воскликнулъ, при всеобщемъ смѣхѣ, Ирландецъ, протягивая руку къ золотой монетѣ.

— Старуха-то съ ея чепчикомъ и орелъ со звездами въ тысячу разъ смѣшленче капитана Моранда, продолжалъ онъ. — Всѣми силами хотѣлъ завербовать меня въ волонтеры противъ красныхъ копейковъ. Чортъ меня возьми, еслибъ я согласился! Пусть бы еще далъ шло отаможить, или можно было бы поживиться боченкомъ шма. А послушайте: ваша здѣшняя водка ни къ чорту не годится. А дѣйви не дуракъ! Попадись онъ къ сѣру Эдварду, такъ его повѣсятъ. Выпьемъ-на за здоровье мастера Джеймса Годжмеса.

— Остаешься только покажеть здѣсь, сказалъ офицеръ. — Ты только отправившись въ караульню, но съ тобою ничего не случится.

— Въ караульню? воскликнулъ Ирландецъ. — Что это значить? Я не хотѣлъ служить въ волонтерахъ, такъ за это въ караульню?

— Педли, сказалъ сосѣдъ его: — сынъ твоего отца ужасный дуракъ.

— Жланусъ, это правда, отвѣчалъ веселый Ирландецъ. — Впро-

вамъ же нехъ глупъ, чтобъ окунуть пальцы въ квасикъ, Отра-
вися бутылч-деревомъ, и вать приспелъ. Нужна вамъ ложка не
даго? Умыю все на свѣтъ, только денегъ дѣлать по уму. И длет
ничать, и башмаки тешать, и веревки вить. Чертъ меня весьма
если кто-нибудь между Керкомъ и Дубамномъ посперитъ съ Дэйви
Мёрфи. — Дэйви, говорить его благородіе комартавский охотникъ:—
Богъ-зачесть что повородю сказать себя, если вы табя не видѣли
кто-нибудь путное. Посмотрѣли бы вы на меня шара! Проклятый
же паванг рас, дама him! Сбросилъ меня съ дѣтницы, говорить:
je pavanng ras. Кто жибъ скажетъ, что ато значитъ je pavanng ras?
Знай и это, такъ свернуть бы аму шам, котъ бы на другой дань
и вѣсуть самому за это:

— Скажи только, какъ ты добрался до этого паванг рас.

Тертивіе Британца спора потощаюся. Сказывая за руку товари-
ща своихъ несчастій, онъ воскликнулъ:

— Если ты не замолчишь, негодный мерзавецъ, такъ я сверну
тебѣ...

— Онъ не дожидаль фразы, потому-что дѣло нѣтъ толпы отерали
его въ эту минуту отъ Ирландца.

— Тихе, молодой человекъ! сваялъ одинъ изъ нихъ.

— Тертивіе, мастеръ Джемсъ! воскликнулъ Ирландецъ. — Вы ви-
дите, Янки не очень боятся англійскаго джентльмена; лучше все-
го докоричься своей участі. Не думать я этого; впрочемъ, ма бѣ-
бушка вѣдь говорила своей дочери: слышишь, говорить, Дэйви, ты
слабый малой; ходи только прилежно въ школу къ потеру Мур-
доху, ты далеко пойдешь. Проклятый кроудъ! Ни одного слова
на знаетъ нѣтерандузеца.

— А ты говорилъ съ нимъ? спросила голосомъ двадцать.

— Говорилъ съ нимъ? Надѣюсь, говоривалъ съ людьми и возна-
чивалъ атого драваго кроуда; говорилъ съ аимъ аско и ажно,
вамъ только намежно. Спросите мастера Джамса. Бѣлый мастеръ
Джемсъ! Вы должны его пожелать. Нашелъ я его въ терманъ
джентльманомъ на анушкѣ лѣса; не хотѣлъ онъ вати на въ лѣсъ,
на въ поле; думаю я: плако! и говорю: попребуемъ-ка аистъ, не
уааетъ ли провести Янки за море, пробраться въ Нью-Йоркъ или
Филадельію. Гуля не можетъ быть слишкомъ-далеко?

— Бездѣлица, отвѣчалъ ему со смѣхомъ:— два тысяча-асть-сотъ
милъ.

— Янкевнхъ? По пятнадцать на одну англійскую.

— Да онъ астракъ, воскликнулъ нѣкоторые.

— Нѣтъ, кромъ шутанъ, нѣ-самемъ-дѣла двѣ тыщачъ?

— Съ половиною.

— Если такъ, отвѣчалъ, перекрестившись, Ирландецъ:— такъ слышъ

кого она была, большой дуракъ, кто выскребивъ свои ерідцать-
рды д-дарать, какъ будто она голова у него, въ карманъ. И
сидя, онъ танцы, какъ оркестръ пантангъ раз, такъ представи-
тель: стоишь у него, мастеромъ Джамсъмъ и негражданскимъ
длиннымъ, отправляясь мы въ дорогу; танцы и для него
и для насъ въ междундкѣ уже два раза пребыло шалонъ
Прекрасно; и прочие мы съ самыми душамъ намерениемъ къ ка-
кому-то дому; домъ хорошъ и стоитъ передъ нимъ какой-то тол-
стикъ съ двумя лгач. Мастеръ Джамсъ: установился и меня хотѣлъ
не дуракъ. Да Давидъ не дуракъ, и живо приступилъ къ делу. Да
и пара было; въ животѣ у меня было какъ буря. Жаль только мнѣ
поклона и комплиментовъ моихъ; впрочемъ, дамы были прекраснѣе
дуре и въ Дублинѣ не найдешь; это что-нибудь да значитъ.

Въ это время, они подошли къ параульнѣ, но многіе молча загра-
дѣли въ себя, изъясняя тамъ желаніе еще потыгнуться враньемъ
Царяваца.

— Хорошо, господа, продолжалъ онъ: — я и спросилъ ихъ са-
мыми чистыми французскими нарѣчіемъ: *parlez vous frensch Mon-*
sieur? гонари я, «Wui»; говорятъ онъ: — Я и обрадовался. Мы
два путешественниковъ съ моря, да третій чернашъ съ суши, и
каждому сейчасъ же отправиться въ Нью-Йоркъ, или Филадельфію,
или Бостонъ, едучи туда ближе, говорю я. Что онъ еще думаетъ?
Умелецъ посмотрѣлъ на меня, какъ будто оуъ раду на видѣлъ дег-
и я съ досадою назвалъ меня же пантангъ раз.
... *parlez vous frensch Monsieur?* спросилъ ты по-французски,
и прочее по-ирландски, замѣтилъ кто-то со смѣхомъ.

— Да какъ же говорить, сыну моему, онца, если не на стцов-
скомъ нарѣчій?

— Небѣ же ты одычалъ? спросилъ человекъ двадцать съ хохо-
томъ.

— Да какъ же ты думаешь, я такъ-тогда сейчасъ и на шепотный
дворъ, когда изъ кухни несло съѣстнымъ? Я еще разъ спросилъ:
parlez vous frensch Monsieur? и онъ опять отвѣчалъ: Wui; и ко-
гда повторилъ ему, что намъ надо, онъ опять посмотрѣлъ на
меня какъ сумасшедшій. Дуракъ опять ни слова не помялъ по-
французски, наконецъ рассердился и опять назвалъ меня: je pantang
ра.

— А ты?

— Опять-таки спросилъ *parlez vous frensch Monsieur?* и при-
билъ: — чортъ тебя возьми, если ты можешь равнодушно сло-
вить, какъ два джентльмена превадаютъ съ голода. А онъ опять
съ сердцемъ назвалъ меня: je pantangъ раз.

— Ты, конечно, не наречешься этого: младшескромно?

— Плохо вы знаете Дэйви Мёрса, если думаете, что отъ него такъ легко отдѣлаться. Я опять закричалъ ему на-ухо: *partish foush freesch Monsieur!* Тутъ бы вы на него посмотрѣли: побѣдился какъ капитанъ Морандъ, и бросился на меня. Это бы мнѣ и шибко речемъ, да на меня началъ еще съ полдюжины погрозъ съ вилками и метлами. Этого было ужъ чересъ-чуръ много, и я оглянулся гдѣ плотникъ вырубилъ двери... проклятый увалень!

— Что же было съ тобою потомъ?

— Послушайте: въ вашей сторонѣ никогда толку не доберешься; однако, если мы не были вчера въ разбойничьемъ притонѣ, такъ пусть меня заколотятъ, какъ пушку. И еще эта старая вѣдьма у дверей!

— Собака, сказалъ кто-то изъ слушавшихъ: — я сверну тебѣ шею, если ты назовешь такъ мать мою.

— Мать! У капитана Рока тоже была мать, и у Джемса Киркпатрика, что виситъ въ цѣпяхъ въ Гринвичѣ... можете еще слышать, какъ онъ постукиваетъ при вѣтрѣ.

— Продолжай, не бойся ничего, сказали ему другіе.

— Проклятая трещотка! воскликнулъ Британецъ. — Если ты замолчишь, такъ я сверну тебѣ шею.

Но угроза его не произвела на Ирландца никакого впечатлѣнія.

— Смотрите только, какъ бы самому отдѣлаться, мастеръ Джемсъ возразилъ опъ: — и предоставьте мнѣ заботиться о своемъ языкѣ: — У меня языкъ не хуже кого-другаго во всей Ирландіи, и никому не надѣлалъ ала. Не вы его кормили, такъ ничего вамъ и запрещать ему говорить.

— Bravo, Педади! закричали слушатели, — Ты въ свободной странѣ.

— Да, только самъ чертъ далъ бы тятю, еслибъ почвалялъ съ вами. Такъ-то, господа, — бѣжимъ мы, негръ за нами.

— Самы вы негры! отозвались позади толпы съ дюжину курчавыхъ головъ.

— Не терайся, Дэйви!

— Натъ, продолжалъ Ирландецъ: — вотъ бѣжимъ мы, мастеръ Джемсъ тоже поднималъ ноги, — помню, во кочкавѣ и болотѣхъ, во глѣхъ и поляхъ, — словомъ, бѣжали какъ-только могутъ бѣжати вѣрноподанные его британскаго величества, когда гонятся за ними Янки.

— Это было шуточно, Педади, замѣтилъ одинъ: — вотъ еще пол-доллара.

— Благослови Господи! отвѣчалъ Ирландецъ: — если бы только водка была у васъ не такъ плоха! Бѣжали мы часа два, какъ вдругъ передъ нами домъ, или хижина, какъ хотите. У дверей

сидит старуха; я къ ней: *parlez vous français monsieur*? А она тихо покачала головой. Хотѣлъ-было уже идти прочь, думалъ, что ничего не возьмешь; спросилъ, однакожь, нельзя ли подкрѣпить наши неутомимые желудки? и, чортъ меня возьми! она отышла «да» чисто по-англійски, не хуже; чѣмъ въ Кильдере. Только дорого мы заплатились за угощеніе. Въ комнатѣ было ужасно. Вокрестъ человѣческая голова съ ногами, руки въ другомъ, — точно въ могилѣ. Дѣйствительно дуракъ! онъ знаетъ, что знаетъ; ужь не дремлетъ старая ведьма такъ ласково звала насъ въ домъ, а тутъ еще передъ ночью вдругъ начали точить ножъ, а? Слышали собственными ушами...

Трое, приведеніе плѣнниковъ, тихо сказали что-то милиціонерамъ, и раздался громкій хохотъ.

— Такъ они умышляли на вашу драгоценную жизнь?

— Смѣйтесь, продолжалъ Ирландецъ: — на нашемъ мѣстѣ, не бойсь, не поемъдывсь бы. Лежимъ мы съ мастеромъ Джемсомъ, и слышимъ, такъ начали шептаться: «эти двое не уйдутъ отъ насъ, держите только ножи наготовѣ; теперь ночь, и пулями ихъ только ранишь. Оставьте ихъ покаместъ въ покоѣ и подрѣжьте имъ ноги. Что вы на это скажете? спросилъ онъ окружающихъ.

— Это ужасно!

— Да; услышавъ такой шопоть, мы оба вскочили, какъ-будто грохъ народа нами ударилъ. Мастеръ Джемсъ не хотѣлъ сначала идти; однако самъ послушалъ у дверей и увидѣлъ въ щельку трюкъ съ ножами и штуцерами; и поглядывали они зло на нашу дверь. Мы бросились въ окно.

— И вы оба серьезно приняли мистриссъ Блунтъ за приставо-директоршину, а сыновою ея за разбойниковъ?

— Что вы хотите сказать? спросилъ Ирландецъ.

— И разговоръ ихъ объ оленяхъ, на охоту за которыми они собирались, привѣили къ себѣ? А убитыхъ свиней сочали за человѣческихъ тѣла? И твой пріятель, мичманъ на «Громовержцѣ» его британскаго величества, изволилъ спастись бѣгствомъ изъ окна?

— Онъ нигомъ вылетѣлъ въ окно, отвѣчалъ Ирландецъ: — но бѣдный джентльменъ попалъ изъ огня въ полымя: прямо въ настѣ, швакно.

XIV.

Кажется, сама судьба хотѣла дать нашему Британцу суровый урокъ. Изъ несвязнаго разсказа Ирландца читатели, вѣроятно, догадались, что случай свелъ его съ Ирландцемъ и негромъ. На

пути съ ними имѣеть, онъ съ истинно-ирландскимъ безстыдствомъ приступилъ къ первой плантаціи, желая подкрѣпить желудокъ. В разговоръ съ ирломъ, Ирландецъ, разувается, остановился и *parlez vous français*, и въ отвѣтъ на остальную ирландскую рѣчь началъ только: *je n'entends pas*. Почему, когда онъ не отвѣчалъ, ирломъ, думая, что онъ надъ нимъ смѣется, велѣлъ вытолкать его вонъ:

Вторая попытка ихъ была не удачною. Принятые изъ состраданія въ домъ залѣснаго поселенца, они приняли бѣглыхъ свиней э человѣческіе трупы и разговоръ объ охотѣ за умысла убійцы Мичманъ, выскочивъ въ окно, попалъ въ лапы молодому медвѣдю котораго откармливали на цѣпи, и медвѣдь держалъ его, пока и крикъ не сбѣжали люди.

Вся эта сцена произвела на нашего Британца странное впечатлѣніе. Онъ былъ щедро надѣленъ отъ природы холоднымъ выносливѣмъ Британцевъ, и, позволяя себѣ грубыя насмѣшки надъ Янки, не могъ перенести легкаго возмездія, причиною котораго была самъ. Уже одно то обстоятельство, что его привели къ допросу передъ нестройною толпою Янки, было для него ужасно; но что эти Янки смѣлялись смѣяться надъ нимъ, это до такой степени выходило изъ круга его понятій, что онъ совершенно измѣнился. Въ-слѣдствіе своего бѣгства и показаній Розы и Индійцевъ, его свѣтъ привели къ допросу. Какъ ни былъ комендантъ депо убогъ и жестокъ въ его невинности, но не могъ не поступать при этомъ строго; желая доказать свое безпристрастіе и имѣть съ тѣмъ подробнымъ допросомъ обнаружить его невинность. Дѣло требовало неспѣшности. Уже то обстоятельство, что въ бѣгствѣ его участвовалъ житель города, было тѣмъ важнѣе, что въ главномъ городѣ было открыто нѣсколько заговоровъ, затѣянныхъ иностранцами. Но молодой человѣкъ самъ не мало затруднилъ желаніе капитана вывести его изъ критическихъ обстоятельствъ. Британецъ совершенно потерялся и при самомъ входѣ въ засѣданіе обнаружилъ дерзость и гордость, возмутившія всѣхъ офицеровъ. Допросъ продолжался уже нѣсколько часовъ безъ всякаго результата. Даже на вопросъ имѣлъ ли онъ сношенія съ кѣмъ-либо изъ жителей городка, онъ не хотѣлъ отвѣчать. Многихъ приводили на очную съ нимъ ставку, и въ томъ числѣ трактирщика Бенито. Наконецъ приступили къ послѣднему, — къ очной ставкѣ съ Индійцами. Прежде всѣхъ ввели Розу.

— И такъ, вы не сознаетесь, что были въ сношеніяхъ съ Токеа и его Индійцами? спросилъ капитанъ Перенъ.

— Нѣтъ.

— Скажите мнѣ эту вѣбную даму?

Роза вошла въ сопровожденіи двухъ офицеровъ. Ея просили сѣсть, но увидявъ плѣннаго, она тотчасъ подошла къ нему, и взявъ его за руку, сказала: «Братъ мой! Ты очень блѣденъ; кто тебѣ обидѣлъ?»

— А, Роза, это вы? Извините, сказалъ онъ очень-холодно и опять устремилъ глаза въ землю.

Дѣвушка посмотрѣла на него съ удивленіемъ и очевидно испустилась.

— За что ты сердишься, братъ мой? сказала она. — Ты сердитишься, однако, не на сестру? Братъ мой! продолжала она: — да заговори же! Зачѣмъ ты не остался у мико? Канонда вѣдь говорила, что бѣлые убьютъ тебя. Многое, можетъ-быть, не случилось бы. Не правда ли, братъ мой, бѣлые холодны?

Въ отвѣтъ онъ заскрежеталъ только зубами. Она со страхомъ отступила.

— Не угодно ли вамъ, миссъ Роза, сказалъ капитанъ! — отвѣтить намъ на нѣкоторые вопросы?

— Извольте.

— Знаете вы плѣннаго?

— Конечно, братъ мой.

— Какъ попалъ онъ въ вигвамъ Индійцевъ?

— Раненый и больной.

— Кто его принялъ?

— Канонда, дочь мико, по просьбѣ Розы. Мико былъ на болѣзненной охотѣ.

— Видѣлъ ли онъ мико во время своего пребыванія въ вигвамѣ Охотниковъ?

— Нѣтъ, братъ мой. Онъ дрожалъ отъ страха при мысли, что увидитъ его. Онъ бѣжалъ день и ночь, чтобъ уйти изъ вигвама, пока не воротится еще мико. Онъ не видалъ мико.

— Слѣдовательно, онъ не имѣлъ никакихъ связей съ Индійцами, ни съ мужчинами, ни съ женщинами?

— Нѣтъ, братъ мой. Онъ говорилъ только съ Канондой, привсѣвшей ему вѣсть, и съ Розой.

— Какъ долго пробылъ онъ въ вигвамѣ?

— Семнадцать дней или солнцъ.

Въ это время вошелъ Токеа.

— Токеа! воскликнулъ юноша. — Дамп, нашъ вигвамъ завелъ меня въ порядочные тиски.

— Токеа говорилъ, прощаясь, брату, сказалъ мико: — что бѣлые называютъ его какъ шпіона. Сынъ мой долженъ бы былъ остаться у красныхъ.

— Дамп и бѣлыхъ и красныхъ! проворчалъ Британецъ. — По

мнѣ лучше бы попасть въ адъ, нежели въ вашу вигвавъ, или..

— Токеа! сказалъ капитанъ. — Тотъ ли это молодой человекъ, который пробылъ у васъ двѣ недѣли?

— Тотъ самый, отвѣчалъ Индѣецъ: — котораго привели въ вигвавъ мико бѣлая Роза и другая, которой уже нѣтъ.

— Которому дочь ваша дала эту одежду?

Индѣецъ кивнулъ головою.

— И который ушелъ изъ вигвама безъ вашего вѣдома и противъ вашего желанія?

— Я думаю, капитанъ, замѣтилъ одинъ изъ присутствующихъ — вы должны бы сдѣлать имъ очную ставку, а не подсказывать Индѣйцу отвѣты.

— Токеа, сказалъ мико: — уже два раза открылъ ротъ свой и сказалъ бѣлымъ братьямъ правду; мико спалъ, когда пришелъ бѣлый братъ его, и былъ на охотѣ, когда онъ ушелъ.

— Почему же не сказали вы этого прежде? спросилъ плѣнный милиціонный офицеръ.

Британецъ не отвѣчалъ. Индѣецъ съ минуту смотрѣлъ на него съ удивленіемъ, и потомъ сказалъ: — Братъ мой можетъ говорить, онъ можетъ подтвердить то, что сказалъ Токеа; мико не знаетъ больше языка его.

Плѣнный все еще молчалъ.

— Мико, сказалъ онъ наконецъ: — знаетъ, что онъ долженъ дѣлать, а я дѣлаю, что мнѣ угодно.

— Когда бѣлый братъ мой оставилъ вигвавъ Окониэвъ, сказалъ Индѣецъ: — Токеа связалъ ему языкъ, потому что хотѣлъ сохранить тропинку, ведущую къ нему въ вигвавъ, чистою. Теперь вигвавъ не существуетъ; морской разбойникъ сжегъ его, Токеа обратился къ нему спиною. Братъ мой можетъ говорить... Сынъ мой долженъ говорить, прибавилъ онъ послѣ краткаго молчанія: — иначе бѣлые братья и великій отецъ подумаютъ, что онъ на одной дорожкѣ съ сынами отца Канадъ.

— Думаете вы, капитанъ, что это въ порядкѣ? спросилъ одинъ изъ присутствующихъ.

— Я думаю совершенно въ порядкѣ, отвѣчалъ капитанъ. — Изъ протокола, составленнаго третьяго-дня по показаніямъ Индѣйцевъ видно, что мико взялъ съ плѣннаго честное слово никому не говорить о мѣстѣ его вигвама.

Индѣецъ, между-тѣмъ, внимательно смотрѣлъ на плѣннаго.

— Братъ мой, сказалъ онъ: — какъ буйволъ, пойманный въ ямъ. Свѣлость его исчезла. — Съ этими словами онъ отъ него отвернулся.

— Джемсъ Годжесъ, сказалъ капитанъ: — вы обязаны дать объясненіе на счетъ вашего пребыванія у Индѣйцевъ. Изъ него не отдадутъ

ить, при этомъ случаѣ, справедливости касательно вѣрности, съ которою вы слержали давнее Индйцу слово.

— Вы выслушали его и дѣвушку; пишете, что хотите; дѣлайте, что хотите, сказалъ Англичанинъ.

— Вы хотите сказать миссъ Розу, молодой человекъ, замѣтилъ ему офицеръ:—молодую даму, которая выпустила васъ изъ вигнами съ опасностью собственной жизни?

Плѣнный покраснѣлъ.

— Продолжайте, сказалъ ему офицеръ. — Не забудьте только, что дѣло ваше не станетъ хуже, если вы будете почтительно выражаться объ особахъ, которымъ никакой джентльменъ не откажетъ въ уваженіи, и которыя всего болѣе заслужили его отъ васъ.

— Мнѣ нѣчего болѣе говорить, отвѣчалъ плѣнный. — Я не худѣю въ вашей милости и благорасположеніи.

— Молодой человекъ! Вы ошибаетесь, если думаете, что дѣло идетъ только о васъ. Ради чести вашего отечества, вашихъ согражданъ, флота, къ которому вы, по вашимъ словамъ, принадлежите, должны вы стараться уничтожить тяготящее на васъ позоръше.

— Англія и ея флотъ сами сдѣлаютъ заступитъ честь свою, гордо провозгласилъ Британецъ. — Дѣлайте, что хотите.

— Мнѣ кажется, этотъ молодой человекъ не совсѣмъ въ своей прелекъ, замѣтилъ одинъ изъ офицеровъ. — Не прекратить ли до времени допросъ?

— И такъ, вы не хотите отвѣчать? спросилъ капитанъ плѣннаго. Британецъ покачалъ головою.

Офицеры встали; плѣннаго увели. Индйцевъ тоже отпустили; на офицера проводили Розу.

— Такого грубаго дурака я еще не видывалъ, сказалъ одинъ изъ засѣдающихъ.

— Нельзя себя вообразить ничего упрямѣе, сказалъ другой. — Точно какъ-будто нечистая совѣсть не позволяетъ ему смотреть право.

— Не знаю, сказалъ капитанъ:—а прежде онъ велъ себя очень пристойно, какъ настоящій джентльменъ. Удивляюсь, что съ нимъ случилось.

— Не знаю я толку въ джентльменахъ, да и самъ не джентльменъ, сказалъ сосѣдъ капитана: — вижу только, что онъ ужасно упрямъ. Это настоящій Джонъ Буллъ. Я въ Опелузасѣ внимательно наблюдалъ за нимъ. Въ каждомъ словѣ, въ каждой минѣ его было высокомеріе; насмѣшливости не было конца. Знаете, что его сдѣлало? Исторія у мистриссъ Блунтъ. Онъ никогда не проститъ ни себѣ, ни намъ, что струсилъ. Поверьте, онъ не ска-

жетъ ни словечка для спасенія своей жизни, и былъ бы теперь даже радъ, еслибъ его повѣсили.

— И то же думаю, замѣтилъ другой. — Этакій Джонъ Буллъ, въ котораго вселился бѣсъ высококомѣрія, настоящій быкъ. Онъ потираетъ голову и не подорожитъ теперь и шесей. И тоже думаю онъ будетъ радъ, если его повѣсятъ.

— Такъ повѣсьте его, сказалъ третій. — Я, съ своей стороны право, не вижу, зачѣмъ мы съ нимъ столько возимся. Цѣлый день то на ученъ, то въ засѣданіи. Теперь уже половина девятого. По до полуночи же сидѣть.

— Если надо, лейтенантъ Уэллсъ, сказалъ молодой человѣкъ — такъ и до полуночи просидимъ. Не сдѣлаетъ намъ чести, если мы воспользуемся упрямствомъ пѣннаго, чтобъ уколоть Джона Булля. Мы собрались, чтобъ подробно изслѣдовать дѣло.

Перси молчалъ. Онъ, кажется, имѣлъ свои особенныя причины какъ-можно-меньше мѣшаться въ это дѣло, и вѣроятно потомъ пригласилъ къ допросу больше офицеровъ, нежели сколько обыкновенно собиралось для подобнаго случая.

— У васъ есть тутъ военные законы, сказалъ первый. — По параграфу двадцать-второму онъ подлежитъ нашему суду. По сорокъ-третьему онъ подлежитъ презрѣнію суда.

— Позвольте мнѣ попытаться, сказалъ молодой человѣкъ: — кажется, могу заставить его говорить. Призовите его еще разъ, съ нимъ Ирландца.

— Извольте, мастеръ Коплендъ, если вы такъ думаете, отвѣчали прочіе. — Мы будемъ очень-рады.

Черезъ пѣсколько минутъ обоихъ ввели.

— Дэйви Мёрфи, сказалъ молодой человѣкъ Ирландцу: — нѣкоторые изъ насъ не слышали еще твоей и товарища твоего исторіи Развернисъ-ка. Какъ было дѣло съ pantang ras и съ разбойничьимъ притономъ?

— Капитанъ Перси! воскликнулъ Британецъ видъ себя: — прощайте, ради Бога!

— Ваше благородіе! сказалъ Ирландецъ: — сынъ моего отца страшный шутъ; но джентльмена эта исторія сдѣлала дуракомъ.

— Все это вамъ не поможетъ, сказалъ офицеръ. — Но если бы продолжалъ онъ, обращаясь къ Британцу: — хотите говорить, такъ избавите насъ отъ труда слушать вашего потѣшнаго земляка. О вѣчайте на вопросы; отъ остальнаго мы можемъ васъ освободитъ.

Пѣнный все-еще молчалъ; онъ видимо боролся съ самимъ собою; потомъ взглянулъ на Ирландца, и когда Ирландецъ вышелъ началъ говорить.

Когда онъ кончилъ, капитанъ сказалъ: — Молодой человекъ

На этотъ разъ вы нашли судей лучше, нежели заслуживаете. Надеюсь, ваше дѣло кончится благополучно.

XV.

Роза тоже была какъ-будто запугана; въ ней видно было какое-то безпокойство, провтекавшее, можетъ-быть, изъ того, что окружало ее въ домѣ, не очень-способномъ къ примиренію дочери природы съ условною жизнью образованнаго свѣта.

Нашъ поселенецъ происходилъ отъ аристократической фамиліи, и отказавшись отъ притязаній на титула, не забылъ своего родословнаго древа. Полковникъ былъ, правда, демократъ, присталъ къ партіи послѣдняго президента, и жаръ, съ которымъ онъ вступился за пріятеля своего Копленда противъ капитана Перси, доказывалъ чистосердечность его образа мыслей; но знавшіе его ближе утверждали, что онъ только изъ необходимости присталъ къ демократическому большинству. Говорили даже, что онъ внутренно раздѣляетъ не только высказанные въ 1789 году принципы *самовластиа*, но даже и обширѣйшее ученіе стараго Адамса. Даже рвеніе его при настоящей сходкѣ приписывали его аристократизму, непозволявшему ему равнодушно смотрѣть на притязаній почти-неизвѣстнаго челоуька. Вообще полагали, что мастеръ Паркеръ, будучи въ связяхъ съ аристократическою партіею, имѣетъ сильное вліяніе на политическія мнѣнія полковника.

Политическій образъ мыслей, естественно, имѣлъ вліяніе и на общественныя отношенія фамиліи. Сосѣди, будучи съ ними въ хорошихъ отношеніяхъ, умѣли оцѣнить стремленіе ихъ къ народности, и полковнику уже нѣсколько разъ не удалось получить публичной должности.

Прошло десять лѣтъ со времени его переселенія изъ рѣдимаго штата его, Виргинія. Ничто, какъ извѣстно, не связываетъ такъ тѣсно между собою гражданъ, какъ такое переселеніе. Общія лишенія равняютъ богатаго съ бѣднымъ, давая всемъ одинакую возможность помогать своимъ товарищамъ. Поведеніе мистриссъ Паркеръ въмъ тогда поврвилось. Она мужественно переносила всѣ лишенія и была дѣятельною помощницею своего мужа.

Семейство полковника уважали все; но въ немъ таилась зародыщъ неудовольствія, и принужденныя отношенія его жизни не могли благоприятно подѣйствовать на простую натуру Розы.

Было послѣ обѣда. Виргинія сѣдѣла на софѣ, мать ея на диванѣ, за столомъ съ хозяйственными книгами и бумагами, и про-

тивъ нея молодой человекъ, смотритель плантаціи, одинъ изъ сыновей сэвайра.

— Ахъ, маменька! сказала Виргинія, бросая на софу новый романъ шотландскаго анонима, и подходя къ окну.— Все какъ-будто вымерло. Не видно даже ни одного плоскаго судна.

Мать продолжала разговоръ свой съ смотрителемъ.

— Такъ вы думаете, мастеръ Коплендъ:— что Помпея не надо отсылать туда? Но вѣдь нельзя же его взять и сюда?

— Онъ какъ-будто поумнѣлъ, отвѣчалъ молодой человекъ.— Они сѣиграли съ нимъ ужасную шутку, и можетъ-быть изъ него можно еще что-нибудь сдѣлать. Я думаю, покамѣстъ его можно оставить тамъ. Здѣсь онъ, конечно, не годенъ ни къ чему. Онъ привыкъ шататься и только испортитъ намъ плантацію. Теперь у насъ тридцать такихъ спокойныхъ семействъ, что лучше и желать нельзя.

— Ахъ Боже мой! сказала Виргинія.— Только и слышишь о Помпеяхъ, Цезаряхъ, Катонахъ, Каяхъ, да тюкахъ хлопчатой бумаги.

Она опять принялась за шотландскаго волшебника. Роза и Габріель, танцую, вошли въ комнату; за ними негрятка съ огромнымъ глобусомъ.

— Въ библіотекѣ стало уже холодно, сказала миссъ своей матери:— я хочу объяснить Розѣ все, какъ мистрисъ Мэкъ-Лидъ.

И подражая носовымъ звукамъ содержательницы пансіона, она начала: «Теперь ты знаешь Америку и знаешь, гдѣ найдти нашу землю. Ну, гдѣ она?»

— Вотъ здѣсь, отвѣчала Роза.

— Какъ-разъ, со смѣхомъ возразила Габріель.— Ахъ ты разсѣянная! Это Новый-Южный-Валлисъ. Вотъ она; замѣть же хорошенько. Это главная земля въ Америкѣ, — понимаешь? Такъ-какъ мы главный народъ, то преимущественно и называемся Американцами, тогда-какъ другихъ зовутъ просто Мехиканцы, Перувианцы, Бразильцы.

— Но вѣдь вы и Янки? спросила Роза.

— Фи! кто это говорить! кто это тебѣ сказалъ? Янки называются только вотъ эти... она указала на шесть штатовъ Новой-Англии.— Это Янки. Мы называемъ ихъ такъ за то, что они продаютъ намъ ореховое дерево за мушкатный орехъ, чикори за окорокка, а нашимъ неграмъ тину изъ Миссисипи за лекарственный порошокъ; вообще, потому-что они какъ Жиды.

— Чего ты не знаешь! замѣтила Виргинія.

— Тсс, Сисси! Мы въ свободной странѣ. Тебѣ естественно вступаться за Янки. Но капитана Перси я никакъ не могу...

— Ты право несносна, Габріель.

— Сіссси! Сіссси! воскликнула учительница и ученица, бросаясь на шею Виргиніи. Габріель подошла къ окну и сказала:— Онъ скоро прійдетъ, и мы должны до-тѣхъ-поръ кончить. Она опять подошла къ глобусу.

— Такъ теперь ты знаешь гдѣ мы? Гдѣ?

— Здѣсь, Сіссси.

— Такъ. А знаешь ты, гдѣ Европа? Смотри, вотъ она, а вотъ Азія, вотъ, пониже, Африка. Эти три части называются старымъ свѣтомъ, а наша новымъ.

— Подождите, пока подадутъ свѣчи, замѣтила полковница:— не портьте глаза.

Черный слуга подалъ свѣчи и сказалъ что-то тихо госпожѣ.

— Впусти ее, отвѣчала она.

Вошла молодая, недурная собою женщина, поклонилась и подошла поцаловать руку полковницы.

— Полноте, мадамъ Мадіело, сказала хозяйка:— вы знаете, это у насъ не водится. Имѣете вы что-нибудь сказать мнѣ?

— Вы знаете, я пришла въ надеждѣ на ваше доброе сердце, отвѣчала она на ломанномъ англійскомъ языкѣ.

— Мнѣ очень-жаль, любезная госпожа Мадіело; но я не смѣю мѣшаться въ дѣло вашего мужа.

— Вы, можетъ-быть, не знаете, запинаясь сказала Француженка:— что мужъ мой не имѣлъ никакого дѣла съ вашимъ негромъ.

— За то тѣмъ болѣе съ дурными людьми. Онъ освободилъ даже изъ-подъ ареста государственнаго плѣнника.

— Но... но это...

— Что вы хотите сказать, любезная госпожа Мадіело?

— Это дѣло высшаго начальства, и мы не должны, — извините, — съ него вмѣшиваться.

— Вы такъ думаете, и до васъ, какъ иностранки, это дѣло дѣйствительно касается только потому, что въ него замѣшанъ вашъ мужъ. Но я, какъ Американка, состою въ ближайшей связи съ начальствомъ, и мнѣ было бы очень жаль, еслибъ я помѣшала публичному правосудію. Я ни за что не соглашусь оказать пособіе преступнику.

Француженка поблѣднѣла.

— Не будьте такъ холодны и жестоки! Будьте добры! Дайте мнѣ отвѣтъ ласковѣе! Не отсылайте меня безъ утѣшенія!

Роза уже нѣсколько разъ входила изъ сосѣдней комнаты, но Габріель все отзывала ее назадъ.

— Что она хочетъ, эта бѣдная женщина? спросила Роза.

— Мужъ ея освободилъ изъ-подъ ареста Британца, подозрѣвае-

мага въ шпионствѣ и связяхъ съ Индійцами, и посаженъ за то въ тюрьму.

— По Роза сдѣлала то же.

— Нѣтъ, миссъ! сказала полковница: — вашъ поступокъ — благородное самоотверженіе, а не грубый произволъ. Вы спасли или думали спасти человѣческую жизнь; вашъ поступокъ былъ благороденъ, хотя и противозаконенъ; возставать противъ произвола, гдѣ и какъ бы онъ ни проявился, всегда прекрасно; но мужъ этой женщины нарушилъ законы, данные себѣ нашими согражданами ради собственного блага, и нарушилъ ихъ только изъ личной выгоды и съ злымъ умысломъ.

— Боже мой! тихо проговорила Француженка: — она говоритъ какъ судья въ судейскихъ креслахъ, а у меня сердце готово разорваться! Что за холодная натура у этихъ людей!

Полковница, можетъ-быть, и слышала эти слова, но, не обращая на нихъ вниманія, продолжала тѣмъ же поучительнымъ тономъ:

— Страна наша предложила вашему мужу, не спрашивая о его будущемъ поведеніи, убѣжище, съ тѣмъ условіемъ, чтобъ онъ повиновался однимъ съ нами законамъ, особенно же чтобъ никогда ничего не предпринималъ противъ безопасности страны, его терпящей (она налегла на это слово). Полковникъ Паркеръ приказалъ арестовать г. Мадіедо; за что — вы знаете. Не мнѣ же дѣйствовать противъ его распоряженій.

— Онъ взятъ подъ арестъ потому только, что не могъ представить поруки, сказала Француженка. — Одно ваше слово — и онъ свободенъ. Сжальтесь надъ нами! Съ тѣхъ-поръ, какъ его взяли, мы не продали и десяти пивъ. Всѣ бѣгутъ насъ. Это жестокая страна! Вмѣсто того, чтобъ помогать въ несчастіи, они топчутъ насъ все глубже и глубже въ прахъ.

— Здѣсь не Франція и не Испанія.

— Къ сожалѣнію!

— Тамъ, конечно, освобожденіе государственнаго преступника можетъ показаться народу заслугою, потому что это вредитъ только властителю; здѣсь — это измѣна передъ челоуѣчествомъ, передъ всеми гражданами, и я очень рада, что у нихъ столько публичной доблести, что они всеми способами стараются выказывать свое отвращеніе.

Полковница встала и легкимъ наклопеніемъ головы дала Француженкѣ знать, что она ее отпускаетъ.

Молодому Копленду и Розѣ не очень понравилось приложеніе высказанныхъ истинъ. Роза подошла къ окну и смотрѣла вслѣдъ за уходящей Француженкой.

— Мать! не отсылай эту несчастную без утешения, сказала она.

— Мисс Роза, важно произнесла полковница: — не угодно ли вам? — она указала на Габриель, и девушка робко пошла къ ней.

— Ужасный, окончательный-испорченный народъ эти иностранцы! сказала хозяйка, садясь на свое мѣсто. — Когда-то затворится эта страшно-злоупотребляемая дверь спасенія, это убѣжище, которое купленную кровью свободу нашу...

Она остановилась и посмотрѣла на Копленда.

— Ну, этого я тоже не желалъ бы, сказалъ опъ поспѣшно. — Эти люди не вредятъ нашимъ гражданамъ и не подають дурнаго примѣра, потому-что никто имъ не подражаетъ; но закрыть имъ двери, значить исключить и хорошихъ, то-есть, другими словами, снова ввести во всей силѣ Alien bill. Этого-то и хотѣлось бы нашимъ тори.

Опъ рѣзко взглянулъ на полковницу.

— Закончимъ наши счеты, сказала она.

Минутъ черезъ десять вошелъ капитанъ.

— Братъ мой, сказала ему Роза, все еще думая о Француженке: — лицо твое ясно. Ты принесъ радостную вѣсть. Британецъ свободенъ? и не сердится? и...

— Мисс Роза! замѣтила полковница: — для молодой женщины вы дѣлаете слишкомъ-много вопросовъ. Вы забыли...

— Къ-сожалѣнію, отвѣчала она: — Роза не можетъ привыкнуть говорить съ братомъ какъ-будто ихъ двое.

— И думаю, я могу объявить мисс Розѣ, сказалъ капитанъ: — что тотъ, въ комъ она принимаетъ столь незаслуженное участіе, совершенно свободенъ.

— Вашъ клиентъ пробудилъ, кажется, и ваше участіе, замѣтила Виргинія. — Любезная старая Англія будетъ вамъ за это благодарна.

— Новая, падѣюсь, тоже, и сама мисс Виргинія можетъ отдать мнѣ справедливость и поблагодарить меня.

— Я Американка, и послѣ всего, что видѣла англійскаго, я еще больше горжусь своимъ отечествомъ. Благодарность я приберегла для своихъ земляковъ.

— Въ этомъ дѣлѣ, возразилъ молодой Коплендъ: — капитанъ Перси дѣйствительно имѣетъ право на вашу и нашу благодарность: онъ избавилъ насъ отъ причины краснѣть.

— Я исполнилъ только долгъ свой, мастеръ Коплендъ, отвѣчалъ капитанъ. — Кажется, кто-то другой сдѣлалъ больше своего долга.

— Заботитесь о сохраненіи чести своей страны, кажется, долгъ всякаго; для этого намъ не для чего содержать людей на жалованьи. Мы можемъ дѣлать это и сами, отвѣчалъ Коплендъ.

— Какъ это понимать? спросила полковница капитана.

— Вы знаете, что принять генерала полученъ третьяго-дня, два три дня послѣ нашего слѣдствія.

— Кажется, этого времени довольно, чтобъ переслать его два раза туда и обратно.

— Въ обыкновенное время, но не теперь, заштыль капитанъ: молодой человекъ нашелъ себя тамъ, кажется, друзей, и въ милости, такъ-что даже капитанъ Перси можетъ...

— Оказывать ему снисхождение, договорилъ Коплендъ.—Онъ и заслуживаетъ его. По-крайней-мѣрѣ, поведение его въ-отношеніи къ Индійцамъ и бѣдному Помпею доказываетъ, что онъ человекъ твердый и съ сердцемъ. Если вы сдѣлали что-нибудь въ его пользу, капитанъ, вы поступили не дурно.

Онъ вышелъ.

— Загадки и все загадки! сказала полковница.—Что у васъ съ молодымъ Коплендомъ, и что у него съ Британцемъ?

— Я самъ не знаю, чего онъ хочетъ. Впрочемъ, мои товарищи, господа офицеры, для меня тоже загадка. Капитанъ Мейкъ Брунъ самъ пригласилъ вчера Британца къ обѣду, и всѣ очень-великодушно предложили ему свои кошельки.

— Я могу вамъ, вѣроятно, изъяснить эту внимательность, сказала полковница. — Сколько мнѣ известно, братъ нашего смотрителя, лейтенантъ, написалъ своему отцу о результатѣ послѣдняго допроса.

— А-га! воскликнулъ капитанъ. — Теперь понимаю: всемогущій майоръ замолвилъ за него словечко, и сыновья протезируютъ Британцу, а съ ними, естественно, и всѣ Озелузацы.

— Добрая слава между согражданами великое дѣло! капитанъ. Въ эту минуту, вошелъ вѣстовой и подалъ капитану запечатанный пакетъ. Двери растворились, и слова: «дядюшка! кузина!» полетѣли навстрѣчу молодымъ дамамъ, вошедшимъ съ какими-то старикомъ.

Полковница приняла ихъ радушно. Она представила имъ Робу и капитана, хотя они по-видимому и мало обращали на нихъ вниманія.

XVI.

— Да, такъ-то, сказалъ дядюшка, толстенкій, сытый человекъ, съ багровымъ носомъ и сѣрыми глазами.—Такъ вы ничего не слышали о пароходѣ? Мы только-что пристали.

— Съ вашей стороны очень-любезно, сказала Виргинія: — что вы насъ не забыли и пріѣхали провести съ нами вечеръ салва-

строва-дья. Ахъ! мы уже цѣлую недѣлю сидимъ какъ арабскіи принцессы.

— Сами виноваты, возразилъ дядя.—Почему вы не отправились туда такъ же, какъ и мы? Намъ дома стало тѣсно, такъ мы на пароходъ, и маршь. Впрочемъ, рады, что опять убрались.

— Рады! сказала одна изъ трехъ миссъ.—Какъ только вы можете такъ говорить, па? Мы охотно остались бы тамъ, да вамъ стало страшно.

— Да; вообразите себѣ, сказалъ дядюшка: — эти сумасшедшія дѣвочки непременно хотѣли остаться тамъ. Онѣ и понятія не имѣютъ, какъ тамъ все ужасно. Увѣрю васъ, меня такъ страхъ беретъ; ничего...

— А сколько новыхъ партій! прервала его одна изъ миссъ.

— Тамъ, должно-быть, господствуетъ очень-свободный тонъ, миссъ Джорджіана, замѣтила полковница.

— Очень-свободный, милая тѣтушка; старинныя черствыя манеры вовсе исчезли. Совершенно sans gêne.

— Чтѣ я очень оуждаю, сказала полковница.

— Слышишь, Мисси? подхватилъ па.— Ахъ, Боже мой! только и слышно, что флейты да барабаны! только и видно, что войска да палатки,—ученье, музыка, шумъ. Повозка за повозкой, коляска за коляской, съ провіантомъ, порохомъ, аммуниціей, — негры и милиція, офицеры и солдаты, матросы и генералы, все перемѣшано. Мы сами должны были вѣти на пароходъ пѣшкомъ... Это еще все ничего, мистриссъ Паркеръ, это еще все ничего! Но не видно ни корабля, ни берега, ни даже какой-нибудь жалкой шкувы. Пovyше города Анпѣншьѣмбвъ стоятъ еще двое, разнащенныя, да и только; а влѣтъ на нашъ счетъ, какъ-будто и конца не будетъ! Сердце обливается кровью. Если продлится такъ еще полгода, — мы разоримся! Бѣдная моя хлопчатая бумага! Представьте себѣ: было у меня тысячи двѣ тюковъ, сборъ за послѣдніе три года. И чтѣ же? генералъ ни съ того, ни съ сего, приказываетъ вдругъ взять изъ нихъ пятьсотъ, и не сказавъ мнѣ ни слова. Пятьсотъ тюковъ! Тридцать тысячъ долларовъ! Prime cotton. Не-уже-ли этотъ безмозглый генералъ думаетъ, что хлопчатая бумага плыветъ ко мнѣ, какъ лѣсъ по Миссури?

— Теперь понимаю, сказала мистриссъ Паркеръ.—Вы отправились спасти свою хлопчатую бумагу изъ когтей генерала. Могли бы отложить впопеченіе. Мы тоже дали пятьсотъ тюковъ. Ихъ отбили, и за нихъ заплатятъ.

— А если въ нихъ попадетъ нѣсколько пуль... что жъ, это прибавитъ вѣса, сказалъ ему въ утѣшеніе капитанъ.

— Оцанили? Заплатятъ? повторилъ плантаторъ.—Говорю вамъ,

это ужасное нарушение права собственности. Онъ долженъ бы былъ выждать моего согласія...

— И вмѣстѣ съ тѣмъ просить неприятеля обождать, покаместъ мастеръ Боудитчъ согласится дать ихъ, прибавилъ капитанъ.

— Я ему докажу, продолжалъ дялюшка. — Представьте себѣ, этотъ яко-бы плацтаторъ изъ Нашвилля, который, при всемъ своемъ генеральствѣ, едва-ли насчитаетъ тюковъ полтораста бумаги, хочеть указать двери такому человѣку, какъ я! Я тѣснось впередъ съ своими дѣтьми. Они хотѣли посмотреть укрѣпленія. Ходьбы было три часа; разъ двадцать насъ чуть не переѣхали колесами; и когда я, наконецъ, пришелъ въ главную квартиру, онъ велѣлъ сказать мнѣ, что ему некогда заняться моимъ дѣломъ.

— Очень невѣжливо, тѣтушка, увѣрю васъ, замѣтили три миссъ.

Дялюшка былъ изъ числа тѣхъ республиканцевъ, которые охотнѣе согласятся увидѣть начальникомъ въ Вашингтонѣ персидскаго шаха, нежели потерять тюкъ хлопчатой бумаги, и разгорячился по случаю тридцати тысячъ долларовъ. Подали чай; когда слуги удалились, онъ продолжалъ:

— Представьте себѣ: вы знаете, подъ тѣмъ зданіемъ, гдѣ онъ устроилъ свою главную квартиру, лежитъ моя хлопчатая бумага, и еще, кромѣ того, тысячь десять или двѣнадцать тюковъ. Всѣ взялъ на брустверъ! Этотъ брустверъ идетъ вышиною въ человѣка, отъ Миссисипи до кипарисныхъ болотъ, поперегъ поля на полмили. Всю бумагу забросали землей; впереди ровъ въ восемь футовъ ширины и шесть глубины. По бокамъ баттарей изъ шестнадцати-фунтовыхъ орудій.

— Мастеръ Боудитчъ, сказалъ капитанъ:—вы такъ обстоятельно описали укрѣпленіе, что первый знатокъ военного дѣла не осудитъ вашего разсказа.

Плацтаторъ взялъ чашку чая и продолжалъ:

— Я пробовалъ уговорить мастера Паркера устроить сходку; говорилъ объ этомъ и Флойду и Боюеру. Но пушки такъ вскружили всѣмъ голову, что объ этомъ и думать пѣчего.

— Удивляюсь, какъ вамъ самимъ пришло это въ голову въ такую критическую минуту, замѣтила подковница.

— Какъ? Что? А ваша сходка? А?

— Была для охраненія неотъемлемаго права гражданъ.

— Неотъемлемаго права! или чтобъ подставить ему заблаговременно ногу, на случай, что ему захочется жить въ беломъ домѣ. И противъ этого ничего. Онъ стоитъ на землѣ Старой-Виргинці, и жить въ немъ должны, по-настоящему, только Виргинцы.

— Мнѣ очень-жаль, если вы думаете что-нибудь подобное, сказала полковница.

— Думаю! Я ничего не думаю, ровно ничего. Такъ лучше всего. Я ни о чемъ не думаю, кромѣ моей бумаги. Пусть думаютъ тѣ, кому нѣчего больше дѣлать. Благодарю васъ за чай.

— И генералъ спустилъ вамъ за ваши старанія касательно протестаціи противъ его насильственныхъ мѣръ? спросилъ капитанъ.

— Спустилъ? Что вы хотите сказать?

— Я не могу употребить выраженія мягче.

— Такъ вы думаете, что онъ долженъ бы былъ отвести мнѣ комнату близъ собора, въ тюрьмѣ?

Капитанъ значительно улыбнулся.

— Капитанъ Перси! продолжалъ плантаторъ. — Мы говоримъ, что ваша страна свободная страна, потому что каждый можетъ безъ утайки высказывать свое мнѣніе; что касатся до поступковъ, ихъ опредѣляетъ законъ, то-есть большинство, и остальные должны повиноваться. Но если вы думаете, что объявленіе генерала о состояніи города въ осадномъ положеніи уничтожаетъ хоть букву изъ моихъ правъ, то вы очень ошибаетесь. Я Виргинецъ; но въ этомъ случаѣ я противъ администраціи, следовательно, противъ войны, и совершенно одобряю поступокъ гартфордской конвенціи; да я и объявилъ это мнѣніе.

Съ этими словами, онъ всталъ и вышелъ въ другую комнату, куда уже прежде удалились молодыя дамы. Капитанъ тоже всталъ и простился.

Вообще, молодой человекъ, кажется, ложно помялъ отношенія свои къ согражданамъ. Всего болѣе былъ въ немъ чувствителенъ недостатокъ уваженія къ ихъ мнѣнію, — а ни въ какой землѣ не наказывается онъ такъ строго. Уваженіе къ мнѣнію человека врожденно Американцу. Нетерпимость чужда ему.

Молодые дамы бесѣдовали между-тѣмъ въ другой комнатѣ.

— Такъ па не позволяетъ даже играть на фортепяно, пока дядюшка и Чарльзъ на войнѣ? спросила старшая изъ трехъ грацій. — Они тамъ не такъ тоскуютъ. Съ обоихъ береговъ рѣки то-и-дѣло ѣздитъ въ гости. Тамъ и Лонгсы, и Брондседы, и Джонсоны, и Смиты, — все тамъ.

— И английскіе офицеры, прибавила вторая. — Увѣряю тебя, Верджи, ничего не можетъ быть прекраснѣе. Когда мы были въ лагерь, прѣикалъ парламентаремъ майоръ. Онъ невыразимо сожалѣлъ, что дунзианскія дамы лишены карнавалныхъ увеселеній и очень-учтиво пригласилъ къ нимъ на балъ себя и своихъ.

— Получилъ однако хорошій отвѣтъ, возразилъ паренъка. — Ему сказали, что ихъ заставятъ поплясать.

— И сколько партій составилось! начала первая.

— Да, представьте себѣ, подхватилъ плантаторъ: — Мелли вы-

ходить за капитана Уарбѣртона. Она не стѣитъ и двадцати долларовъ. Онъ—у него только и есть, что жалованье, — у ней ровно ничего: объ чемъ эти люди думаютъ!

Роза тиховько спросила Габріель, отъ-чего бѣдная Мелли ничего не стѣитъ?

— Потому-что ничего не стѣитъ, потому-что бѣдна, отвѣчала Габріель.

— Ничего не стѣитъ, потому-что бѣдна, повторила задумываясь Роза.

— Па хотѣлъ завтра отправиться въ Натчестъ, продолжала живая кузина.—Если вы общаете насъ забавлять, такъ мы останемся на нѣсколько дней. Не правда ли, па?

— О, Боже мой! сказала Виргинія. — Пріѣхали на полсутки, и хотятъ, чтобъ ихъ забавляли. Complimentъ не очень-милъ, но чтобъ показать вамъ, какъ мы платимъ добромъ за зло, я сдѣлаю вамъ предложеніе.

— Мы слушаемъ, воскликнули три сестры.

— Итакъ, завтра поутру пойдемъ смотрѣть индійскихъ львовъ.

— Фи! подите вы съ вашими грязными львами!

— Да выслушайте, возразила Виргинія:—одинъ изъ нихъ, говорятъ, дѣйствительно королевскій левъ.

Полковница съ нетерпѣніемъ слушала игривый разговоръ.

— Миссы! сказала она:—вамъ очень-весело, и это меня радуетъ. Но мнѣ желательно было бы, чтобъ вы сдерживали немного свою веселость. Побольше нѣжнаго чувства не помѣшаетъ въ то время, когда наши въ серьезной битвѣ.

Розу тоже оскорбилъ, кажется, вольный тонъ разговора.

— Львы? спросила она Габріель. У васъ есть здѣсь львы? Должно быть это ужасные звѣри, если съ виду такіе, какъ нарисованы въ столовой.

— Да ты пришла съ ними, отвѣчала Габріель.

— Я? спросила Роза съ удивленіемъ.—Но ты вѣдь говоришь не объ... она остановилась и поблѣднѣла.

— Объ Индійцахъ, сказала Габріель. — Мы называемъ всякое необыкновенное чужеземное явленіе львомъ. Это принятое выраженіе.

— Жестокое выраженіе, отвѣчала Роза.—Вы жестоки, и среди веселья рѣжете глубже, нежели дикіе въ ярости, — вы провзаеете сердце бѣднаго старика жаломъ языка вашего.

— Не сердись, Сисси; вѣдь стараго начальника нѣтъ здѣсь.

— Но дочь его здѣсь.

— Дочь его? сказалъ мастеръ Боудитчъ. — Кто эта молодая дама? спросилъ онъ у полковницы.

— Миссъ Роза, наша гостя.

— Миссъ Роза... Роза...

— Я уже представляла вамъ ее; но мѣстеръ Боудитчъ былъ, кажется, слишкомъ занятъ другими предметами.

— Да, теперь вспомнилъ! А ргроз!—Онъ позвонилъ. — Принесите мнѣ скюртукъ. Тамъ у меня съ поддюжины писемъ, мистръ Паркеръ; немного запоздали, но добрыя вѣсти всегда во время. Надо посмотреть.

Онъ надѣлъ очки и развернулъ газету. Полковница получила письма и вышла съ Виргиніей.

— Вѣдь вотъ каковы эти газетчики! Впрочемъ, вообще не дурно, вѣтъ, сказалъ онъ, смотря на Розу почти съ такимъ же участіемъ, какъ на чужой тюкъ бумаги въ своемъ заведеніи.—Вотъ ваше жизнеописаніе отъ слова до слова.

— Тутъ говорятъ объ Розѣ? спросила дѣвушка.

— Да, знаете, они всюду суютъ свой носъ.

— Смѣю ли просить, сказала она.

— Извольте, отвѣчалъ онъ, подавая ей газету.

Она отошла въ сторону и начала читать съ видимымъ волненіемъ, мѣнялась въ лицѣ и покачивая головою. Дамы подошли и смотрѣли на нее съ удивленіемъ. Плянтаторъ подошелъ тоже.

— Но, отецъ мой, сказала она не безъ негодованія: — да вѣдь это неправда тутъ напечатана. Бѣлый, который это сѣмлялъ, долженъ быть очень-золъ.

— Ба! отецъ! возразилъ плянтаторъ. — Благодарю покорно! И съ этими тремя довольно возни! Не повѣрите, сколько онъ стоить денегъ. Давай имъ по шали, новому изобрѣтенію какого-нибудь празднаго ткача въ Китаѣ, который и безъ того обходится намъ въ копейку. Эти три вещи стоить мнѣ до двухъ тысячъ долларовъ; это выходитъ — четыре дюжіе Негра, по 500 долларовъ за штуку, а изъ нихъ каждый долженъ давать по 50 процентовъ дохода, всего тысячу долларовъ въ годъ. Но вы этого не понимаете, прибавилъ онъ съ сострадательнымъ взглядомъ. — Да, всѣ онъ настигъ мнѣ на шею. Джорджіана... ну, на счетъ ея можно будетъ, кажется, сладить кое-что съ Чарльзомъ. Я радъ, что теперь война. Хотъ эту зиму не будетъ баловъ. Прошедшій карнавалъ стоить мнѣ ровно десять тысячъ долларовъ. По-моему, лучше бы оставитъ Аналію еще на годъ въ пансіонѣ. Странно какъ-то, какъ выставишь разомъ пару: молодые люди не знаютъ, за кого взяться... Да, а старый воробей!

Почтенный человѣчекъ произнесъ эту рѣчь расхаживая по комнатамъ и заложивъ руки въ карманы.

— Право, продолжалъ плянтаторъ, взявъ опять газету:—статья

написана хорошо; если она попадетъ на глаза какой-нибудь благодетельной души, такъ можетъ еще составить ея счастье. Вы читали?.. И онъ началъ читать:

«Мы не рѣшились бы помѣстить слѣдующее извѣстiе на страницахъ нашей газеты»,—это только такъ, принятая фраза, замѣтилъ онъ:—«не рѣшились бы»—они не рѣшились бы!—«если бы за справедливость фактовъ не ручались почтенные авторитеты, и если бы мы не питали надежды оказать пользу распространениемъ этого извѣстiя и бросить свѣтъ на темный случай.»

— Бросить свѣтъ! замѣтилъ отецъ.—Онъ хочетъ бросить свѣтъ. Впрочемъ, противъ этого нечего сказать. Просвѣщенiе вездѣ хорошо; только нашихъ негровъ не должно просвѣщать.

Дѣвушка слушала со вниманiемъ.— Слова сладки, сказала она тихо:—но въ сердцѣ онъ говорить горько.

— Ну, да, что касается до Индiйцевъ, конечно, онъ не льститъ имъ; да и кто же станетъ льстить дикому? Это было бы неумѣстно.—Онъ продолжалъ чтенiе:

«Лѣтъ четырнадцать назадъ, однажды, въ бурную декабрьскую ночь, толпа Индiйцевъ изъ племени Криковъ бросилась на жилище одного изъ нашихъ гражданъ, жившаго тогда въ Георгiи, на берегу Коозы, въ званiи утвержденного правительствомъ посредника. Вскочивъ со сна, онъ едва успѣлъ отворить дверь и предупредить тѣмъ насильственное вторженiе. Это была шайка знаменитаго Токеа, такъ долго испытывавшаго своими ужасными поступками терпѣнiе нашихъ гражданъ и правительства,—того самого, который, продавъ свои земли, безпокоилъ Западную-Георгiю насилiями всякаго рода. Семейство, зная необузданный нравъ дикаго, ждало немедленной смерти; но потому ли, что убійца уже насытился предшествовавшими жертвами...»

— Мико, прервала ея Роза съ жаромъ:—мико не воръ, не разбойникъ, не убійца. Онъ не продалъ своей земли. Ее у него украли. Онъ не устремилъ ножа къ груди моей кормилицы. Онъ заплатилъ ей за попеченiя о Розѣ мѣхами. Онъ не укралъ Розы. Онъ никогда не погружалъ стрѣлы горькой насмѣшки такъ глубоко въ ея сердце, какъ...

— Не буду спорить, мисси. Очень-похвально, что вы заступаетесь даже за дикаго. Да, да, — гм, гм! но заключенiе прекрасно.

«Мы воздерживаемся отъ всякаго дальнѣйшаго заключенiя до тѣхъ-поръ, пока этотъ таинственный случай не будетъ объясненъ судебнымъ порядкомъ. Желаемъ, однакожь, чтобъ хоть что-нибудь было открыто о родственникахъ несчастнаго ребенка, брошеннаго въ свѣтъ безъ помощи близкихъ людей. Если же ихъ свѣтъ уже на свѣтъ, то чтобъ чья-нибудь сострадательная душа

«сжалась надъ сиротою. Въ-слѣдствіе этого мы просимъ гг. редакторовъ, въ особенности французскихъ и испанскихъ газетъ, удѣлать этому извѣстію мѣстечко въ своихъ издаіяхъ и обобщить такимъ-образомъ фактъ, бывшій, вѣроятно, причиною невыразимаго горя для какого-нибудь французскаго или испанскаго семейства креоловъ».

— Роза, сказала она:— бѣдна. Для бѣлыхъ она ничего не стоитъ. Но она дорога для мико. Она пойдетъ къ нему и не будетъ въ тягость бѣлымъ.

— Вы, миссъ, возвратитесь къ Индійцамъ? Слѣдуете ли дикою? Это жаль. И вы этого хотите? спросилъ плантаторъ.

— Господи Боже мой, да что же вамъ нужно? спросила полковница, призванная Габриелю.

— Ничего, отвѣчалъ дялюшка:— только газету. Она хочетъ назидать къ Индійцамъ, а я говорю ей, что лучше гдѣ-нибудь пристроиться.

— Однако, мастеръ Боудитчъ, сказала хозяйка:— какъ можете вы позволять себѣ такую фамильярность съ моими гостями?

— Не понимаю, что тутъ за важность. Она просто бѣдная дѣвушка, и полковникъ Паркеръ самъ говорилъ мнѣ...

Вошелъ слуга.

— Необыкновенные гости, доложилъ онъ:— двое Индійцевъ.

— Они пришли за Розой. Прощай, добрая мать! Прощайте, Габриель и Виргинія! сказала Роза.

— Куда вы хотите, миссъ? воскликнула въ испугѣ полковница. Но Роза уже исчезла. Прибѣжавъ въ гостиницу, она бросилась на шею мико.

— Бѣдный пойманный левъ! сказала она. — Бѣдная Роза! Она ничего не стоитъ. Бѣлые оттолкнули ее съ гордостью. Бѣдная Роза!

— Что хочешь сказать моя Роза? спросилъ мико. — Что за левъ? Кто левъ?

— Левъ—страшная дикая кошка, которая все убиваетъ, и которую бѣлые ловятъ и запираютъ въ желѣзную клетку, и смѣются надъ ея мученіями въ невольѣ. Они всѣхъ пѣпныхъ называютъ львами. Такъ ужь у нихъ говорится.

— И Роза ничего не стоитъ? спросилъ Эль-Соль. — Что это значить?

— У бѣлыхъ те ничего не стоятъ, у кого нѣтъ много долларовъ или много золота.

— Такъ сестра моя можетъ сказать бѣлымъ, что она дороже; что она владѣетъ всеми долларами и всемъ золотомъ Куманіи; что Эль-Соль и его люди охотно отдадутъ весь свой желтый и бѣлый металлъ, лишь-бы она улыбалась. Роза должна ска-

зять бѣлыми, что у нея больше серебряныхъ долларовъ и золота, нежели сколько могутъ свезти нѣсколько лошадей. Роза такъ же не бѣдна, какъ мико и сынъ его не пойманная дикія кошка. Она дороже бѣлыхъ.

— Эль-Соль братъ мой, сказала Роза:—и Роза хочетъ быть его сестрою.

Старикъ началъ ходить въ безпокойствѣ по комнатѣ. За дверью послышалось много голосовъ, и шумъ съ берега говорилъ о какомъ-то движеніи. Миллионеры шли къ берегу. Свистъ пара возвѣстивъ отплытіе ихъ. Глаза старика сверкнули, и онъ заходилъ, точно какъ левъ въ клеткѣ.

— Бѣлые вошны ушли, сказалъ онъ вдругъ радостно.—Слышите ли сынъ мой, какъ кипитъ огненная лодка? Теперь Токеа пойдетъ исполнить то, что шепнулъ ему Великій-Духъ. Въ эту ночь, сказалъ онъ Розѣ: — красные оставляютъ вигвамы бѣлыхъ; они и то слишкомъ-долго уже сидѣли въ клеткѣ.

— Такъ поспѣшимъ! воскликнула Роза.

— Нѣтъ, дочь моя, не должно идти со мною; путь суровъ, и мико долженъ спѣшить исполнить то, что повелѣно ему. Ноги моей дочери нѣжны.

— Мнѣ не идти съ тобою? Мико хочетъ оставить дочь свою?

— Токеа очень любитъ бѣлую Розу; но она перешла на лошади по дорогѣ, ведущей отъ Натчеса до безконечной рѣки. Терны на пути отца ея пораняютъ ея ноги.

— Ноги ея будутъ крѣпки.

— Роза, сестра моя, должна остаться до возвращенія мико и его сына. Братъ Эль-Соля, начальники Куманчивѣвъ, будутъ охранять шаги ея.

— Такъ Токеа и Эль-Соль дѣйствительно хотятъ уйдти, не взявъ съ собою Розы? Отецъ! сказала она, бросаясь на шею мико: — возьми Розу, возьми твою Розу съ собою.

— Эль-Ко-Та, отвѣчалъ старикъ:—приготовить мико пищу. Но Роза должна оставаться у бѣлыхъ, пока онъ не возвратится. Токеа знаетъ, что сердца ихъ не быются, какъ сердца красныхъ; они только звенятъ, потому-что въ нихъ доллары; они считаютъ куски, которые дочь моя кладетъ себѣ въ ротъ; но Роза можетъ остаться у торговца огненною водою. Токеа заплатилъ долларамъ У Охт-Ит-Лана ихъ для нея много, и желтый металл...

Вошелъ хозяинъ и сказалъ что-то Розѣ. Она вышла за нимъ. Черезъ нѣсколько минутъ, она возвратилась очень-серьезная и встревоженная.

— Такъ Роза должна остаться? спросила она еще разъ.

— Дочь моя знаетъ, какъ дорога она мико. Она единственная.

бывая, которая близка его сердцу. Но Роза не может идти по пути, въ который идетъ теперь мико.

— Такъ Роза возвратится къ бѣлымъ. Она не должна оставаться у торговца огненной водой, гдѣ нѣтъ никого, кромѣ мужчинъ. Двужкъ съ ними быть неприлично. Бѣлые холодны; но они и умны, они знаютъ, что прилично.

— Дочь моя мудра. Въ ней Великій-Духъ бѣлыхъ. Она послѣдуетъ его голосу и сохранитъ сердце свое для отца.

— Да сопутствуетъ тебѣ Великій-Духъ, отецъ мой! Ты дорогъ Розѣ: ты все, что осталось ей отъ Канонды. Роза будетъ молить Великаго-Духа, чтобъ онъ очистилъ твой путь отъ терновъ.

— Да хранитъ тебя Великій-Духъ, дочь моя!

Онъ посмотрѣлъ ей въ глаза и быстро отвернулся. Роза въ замѣшательства вышла изъ комнаты.

XVII.

Роза воротилась домой; въ ней было что-то неизъяснимое, похитившее полковницу и гостей ея. На другое утро, когда гости ушли, полковница взяла ее за руку и сказала:

— Любезная миссъ Роза! Вчера вы сдѣлали что-то, что всѣхъ насъ очень огорчило.

— Роза сдѣлала что-то, что огорчило?

— И вы еще спрашиваете, миссъ? Вы ушли ночью, не говоря ни слова, къ дикимъ?

— Милая мать, прошу тебя, не ненавидь дикихъ. Они благородные люди. Вы сдѣлали имъ много зла...

— Миссъ Роза! Объ этомъ вы не можете теперь судить. Когда-нибудь узнаете. Оставьте до-тѣхъ-поръ сужденіе, и вѣрите мнѣ повѣствовать, что судьба, гнетущая дикихъ, не незаслуженна. Судьба каждаго человѣка въ его рукахъ. И ваша судьба, Роза, въ вашей власти. Поэтому прошу васъ никогда не забывать, что вы молодая лана, которая никогда не должна ничего себя прощать, а всего меньше нарушать приличій до такой степени, чтобъ ходить ночью къ дикимъ.

— Но они пришли за Розой, и Роза должна была идти къ отцу своему, мико.

— Отцу! Какъ можете вы, миссъ, называть гадкаго дикаго Индѣйца своимъ отцомъ?

— Роза никогда не будетъ называть его иначе. Онъ отецъ Канонды. Она никогда не оставитъ его.

— Какъ? Вы хотите идти къ дикимъ? Къ дикимъ? Вы хотите овить нашъ домъ, самое цивилизованное общество? Возможно ли?

Желаніе Розы было въ глазахъ подковницы нечто необычайное и она почти готова была изъяснять его изъ менѣе-чистаго источника, нежели было на-самомъ-дѣлѣ.

— Миссъ Роза! Благороднѣйшее созданіе, вышедшее изъ р. Творца — женщина. Она терпитъ, она страдаетъ, гдѣ мужчина только наслаждается. Самыя радости ея нераздѣльны съ страданіемъ. Но въ ея рукахъ судьба рода, и добродѣтельная дѣвушка, сознательно принимающая на себя обязанности супруги, — явленіе, достойное уваженія. Нѣтъ униженія позорнѣе того, когда бѣлая, свободно-рожденная дѣвушка добровольно отдается — хуже нежели въ вару — дикому. Это сѣтское униженіе, потому-что только сѣтская страсть...

Она остановилась; Роза видимо испугалась.

— Роза, сказала она: — очень-несчастлива. Ты говоришь, что нѣтъ униженія позорнѣе, какъ отдаться дикому; куда же идти Розѣ? у васъ — она ничего не стоить. У нея нѣтъ золота. Она бѣдна. И предлагаете ея, какъ купецъ огненную воду, публичному состраданію.

— Конечно, въ этомъ случаѣ сдѣлана ошибка; но намъ рѣшительно было хорошее, дочь моя. Мы должны снести многое, что кажется намъ сурово, потому-что не знаемъ источника.

— Мать! въ сердцѣ моемъ говорить голосъ, никогда меня не обманывавшій. Онъ приказалъ мнѣ слѣдовать за миком. Онъ скажетъ мнѣ, что я должна дѣлать. Но у васъ бѣдная Роза была покинута. Когда мико рѣшился идти въ поселенія бывшихъ, въ жизни моей стало свѣтло. Я потребовала, чтобы онъ взялъ меня съ собою. Роза пошла. Ахъ, она между нами чужая! Когда она была въ хижинѣ посрединка, ей давали пищу, потому-что мико давалъ мѣхъ. Тогда она была чужая, — теперь тоже. У мика она была матерью. Мать! не будь жестока, не оглядай у Розы одного, что есть у нея въ мирѣ — утѣшенія быть дочерью мика. Роза никогда не узнала своего отца, никогда не лежала на груди матери. Она проситъ тебя о милости...

— Милая сирота! Я хочу быть тебѣ матерью. Матери, конечно никто не можетъ замѣнить; но я хочу быть твоею защитницею. Да, Роза! Ты должна быть моею дочерью. Иди сюда, говорятъ исчезь. Да не возвратится онъ никогда.

— Онъ возвратится... онъ возвратится за Розою!

— Сомнѣваюсь; конечно, онъ не важнѣйшій человекъ; но онъ знаетъ такъ много зла, что не придетъ въ другой разъ къ своимъ справедливымъ, но и строгимъ судьямъ.

— Придетъ навѣрно.

— А зачѣмъ онъ ушелъ? Можетъ-быть, мнѣ не слѣдовало бы и спрашивать, потому-что онъ, кажется, ближе насъ твоему сердцу. Только уходи его теперь странецъ. Роза! надѣюсь, ты подаришь мнѣ своею довѣренностью? Уходи Индѣйца причинилъ нѣсколько бѣдъ покойства. Надѣюсь, повторю я, что ты различишь среди своей привязанности, которую я, впрочемъ, уважаю, и долгъ свой, — и не употребишь во зло моей довѣрчивости.

Полковница ушла и оставила Розу въ раздумѣ. Тайственный уходъ Индѣйцевъ дѣйствительно встревожилъ жителей и полковницу; просили выведать причину у Розы. Но откровенный тонъ дѣвушки доказывалъ ясно, что она ничего не знаетъ. Впрочемъ, это обстоятельство скоро было забыто среди другихъ важнѣйшихъ. Когда и остальные войска ушли въ походъ, всѣми овладѣла какая-то робость, отъ которой не избавилось даже и семейство полковницы. Такъ прошла недѣля.

Однажды, въ ясный полдень, Роза, стоя на берегу рукава, слушала заунывные пѣсни работниковъ-негровъ. Она не замѣтила, какъ подошла къ ней полковница съ дочерью.

— Знаешь ли, милая Роза, сказала она:—что грусть, которой ты предаешься, чувство эгоистическое, и что мы никогда не должны поддаваться тоскѣ, снѣдающей наши силы?

— Это не грусть, мать; это что-то совсѣмъ-другое, Роза имѣетъ сказать тебѣ что-то великое, важное.

— Что-то великое?

— Да; это важный часъ, въ который рѣшается многое. Великій Богъ сдѣлаетъ его для тебя утѣшительнымъ; Онъ добръ и милосердъ; будь добра и ты, прошу тебя...

— Какъ это?

— Ты можешь. Будь милосерда къ бѣдной женщинѣ, мужъ которой сидитъ въ тюрьмѣ. Часъ, когда просить тебя Роза, великъ. Исподни ея просьбу, она скажетъ тебѣ.

— Чѣмъ скажетъ Роза? Просьба твоя будетъ исполнена; я поручусь за него.

— Роза благодаритъ тебя, мать! Зато она скажетъ тебѣ кое-что. Въ этотъ часъ ваши сражаются.

Мать и дочери недовѣрчиво улыбнулись.

— Пойдемте, сказала Роза:—здѣсь ничего не слышно.

Она пошла къ южной оконечности парка, поставила дамъ въ волукругъ, и наклонилась по направленію вѣтра.

Въ это утро туманъ былъ очень-густъ. Къ полудню поднялся сильный вѣтеръ, и воздухъ пришелъ въ эластическое дрожаніе отъ лучей солнца.

— Я не слышу ничего, кроме вѣтра, сказала полковница.

— Вы не жили въ молчаливомъ вигвамѣ при Патчестъ, замѣтила Роза.—Она прислушивалась и вздрогнула. — Ужасные выстрѣлы! сказала она.

— Ты точно слышишь что-нибудь? спросила весь трое.

— Конечно, я слышу каждый выстрѣлъ, много выстрѣловъ, пятнадцать, двадцать разомъ. Каждый похожъ на далекіе раскаты грома.

— Невозможно, сказала полковница.—Отсюда около ста восьмидесяти миль. Вѣтеръ, конечно, отсюда,—горъ нѣтъ, — берега открыты.

— Я прямо отъ рѣки, сказалъ, кланяясь, молодой Коплендъ.—Странный случай: оба Индійца, которыхъ мы принуждены были арестовать со времени бѣгства старика, вдругъ вырвались, но, вмѣсто того, чтобъ бѣжать, стоятъ на берегу и страшно кричатся. Кажется, они что-то слышатъ.

— Это сраженіе, мать моя. Пойдемте, Виргинія и Габріель! въ Охтитланъ, и братъ мой объявить бѣдному свободу.

— Быть такъ, сказала полковница.—Мастеръ Коплендъ! сходите къ сквайру Броуну, и скажите ему, что я беру на поруки Мадіедо.

Молодой человекъ посмотрѣлъ на нее съ удивленіемъ.

— Иди, иди, братъ мой! сказала Роза:—и потомъ возвратись.

— Охотно, Сисси, отвѣчалъ онъ, быстро уходя къ городку. Дамы пошли къ рѣкѣ. Около Индійцевъ собралась уже толпа. Одинъ изъ нихъ лежалъ на землѣ, а другой разставлялъ безпрестанно подходящихъ любопытныхъ въ полукругъ. Увидѣвъ Розу, Индійцы въ восторгъ бросились къ ней и сказали ей что-то по-навійски. Все существо ихъ пылало воинственнымъ жаромъ.

— Это сраженіе, сказала Роза.—Куманчи слышатъ его явственно. Они говорятъ, что битва ужасная. Нѣсколько тысячъ большихъ и маленькихъ огненныхъ жерлъ выбрасываютъ желѣзные и свинцовыя пули.

Индіецъ опять упалъ на землю и подалъ знакъ.

— Она еще на томъ же мѣстѣ, продолжала Роза.—Теперь выстрѣловъ меньше.

— Теперь больше, сказала она черезъ нѣсколько времени.

— Теперь дрожитъ земля. Двадцать большихъ ружей режутъ разомъ.

— Да благословить васъ Богъ! сказалъ чей-то голосъ позади полковницы. Это былъ Мадіедо, иначе Бенито, съ женою.

— Благодарите ее, отвѣчала полковница, указывая на Розу.

Мадіедо взглянулъ на Розу и пришелъ въ изумленіе.

— Ради Бога, — кто вы, миссъ? Извините.,.

— Роза, отвѣчала дѣвушка.

— Роза! повторилъ онъ. — Боже мой! Какъ вылитая! Непомытно! Индѣйцы, между-тѣмъ, выказывали нетерпѣніе. Разговоръ, хотя и тихій, дѣлалъ наблюденіе невозможнымъ.

— Сраженіе, сударыни? проговорилъ молодой человекъ въ мундирѣ англійскаго офицера, но рѣзко ирландскимъ выговоромъ. — Блывусь св. Патрикомъ! Кто это говоритъ, у того должны быть уши Мидаса. Знаете ли, — мы на пароходѣ плыли ровно восемнадцать часовъ, а пароходъ идетъ не тише лучшихъ англійскихъ почтовыхъ лошадей. Прекрасное изобрѣтеніе, сударыня; оно дѣлаетъ вамъ честь.

Полковница съ удивленіемъ и неудовольствіемъ посмотрѣла на смѣльчака.

— Лейтенантъ Коннотъ! сказалъ молодой Коплендъ. — Не угодно ли вамъ пойдти за мною на пару словъ?

— Въ другое время, отвѣчалъ Ирландецъ. — Впрочемъ, у этихъ дикарей тонкій слухъ, и можно держать десять противъ одного, что теперь мы уже взяли главный городъ, и что наши идутъ уже сюда. Въ такомъ случаѣ, сударыня, вы можете положиться на прекрѣпительство лейтенанта Коннота. Позвольте предложить вамъ руку, миссъ? сказалъ онъ Виргиніи.

Но, вмѣсто Виргиніи, ему подавъ руку Коплендъ и, не говоря ни слова увелъ его къ группѣ плѣнныхъ офицеровъ, скромно стоявшихъ поодаль.

Индѣецъ опять приникъ къ землѣ и началъ сообщать извѣстія о битвѣ. Такъ прошло нѣсколько часовъ; солнце уже сѣло; вдругъ Индѣецъ вскочилъ со всѣми знаками ужаса.

— Ужасный, громовый ударъ! сказала Роза.

Онъ опять легъ, слушалъ съ четверть часа и потомъ всталъ спокойно. Индѣйцы простились съ Розою и пошли за стражей.

— Сударыня! сказалъ Мадіедо, обращаясь къ полковницѣ. — Позвольте мнѣ поговорить съ вами минутой.

— Не сегодня, г. Мадіедо, отвѣчала она.

— Только пять, десять минутъ. Дѣло касается до молодой дамы, — онъ указалъ на Розу.

— Такъ приходите черезъ полчаса.

ХУІІІ.

На слѣдующее утро, мертвая тишина царствовала въ гестивницѣ, какъ вдругъ раздался кликъ: «пароходъ!» Стулья полетѣли въ сторону, и всѣ бросились вонъ къ берегу, исключая четырехъ

молодыхъ людей, англійскихъ офицеровъ, въ шитыхъ золотомъ красныхъ мулирахъ. Между ними былъ и пашъ мичманъ.

— Побѣжая, знаменитые Янки! смѣясь сказалъ капитанъ Муррай

— Ихъ только трое; прочіе—наши французскіе и нѣмецкіе блюстители общественнаго блага, возразилъ лейтенантъ Форбесъ.

Эти блюстители, какъ называлъ ихъ Англичанинъ, были жители города, изъ которыхъ, по уходѣ миллионеровъ, составили роту отряда для охраненія общественнаго порядка. Въ числѣ ихъ были господа Гибъ и Пренцлау; гордые такимъ преимуществомъ передъ Мерксомъ и Штокомъ, они совершенно оставили свое прежнее мнѣніе о безпорядкѣ этой страны.

— Скудный народъ, сказалъ Муррай. — Песочно-скудный народъ Янки! Будь эта перепелка, замѣтилъ опъ: — получше приготовлена, въ Лонгс-отелѣ не подали бы лучшей.

— А я все-таки думаю, что наша нортонберландская оленина нѣжнѣе этой, прибавилъ лейтенантъ Девонъ, принимаясь за свою порцію.

— Извините, возразилъ Муррай:—я говорю о перепелкахъ; потомъ отвѣдаю и вашей оленины.

— Не знаю, господа, сказалъ Форбесъ, оглядываясь: — только соль вовсе испортила мой желудокъ. Чортъ возьми! Четыре мѣсяца на соленой діетѣ! Стояло бы всѣхъ ихъ перевѣшать. Пріѣхавъ изъ belle France и пламенной Испаніи, думали, что мошенники образумятся и покорятся судьбѣ своей, и вотъ шесть недель какъ мы втиснуты между озерами и болотами, не видя ни одного порядочнаго дома. Ни впередъ, ни назадъ; видимъ только солоппу да прошлогодній картофель, который, какъ мадера, три раза съѣздили въ Ост-Индію. Человѣкъ! Подай мадеры! Чортъ возьми! Да тутъ и человѣка нѣтъ.

— И вы думаете, сказалъ Коинотъ:—что эти воринки доставили бы намъ хоть одну свѣжую картофелину? Да платите имъ хоть по гиней за каждую, такъ ни одна плоскодонка ихъ, какъ они ихъ называютъ, не тронется съ мѣста. Низкія души! Ни искры рыцарскаго духа Французовъ или Испанцевъ. Право, мастеръ Голжѣсъ, даже во Франціи было лучше.

— Клянусь Юпитеромъ! Моя очаровательная донья Изабелла-и-Ирушъ-и-Кальдеван-и-Мадагаскаръ-и-Бальтазаръ-и-чортъ ее знаетъ...

— Довольно! прервали его другіе:—у нихъ больше имѣть, нежели долларовъ.

— А не мѣшало бы, еслибъ она была здѣсь, прекрасная Изабелла, сказалъ лейтенантъ Девонъ.

— Не пришло бы пользы; эти пуританскіе Янки не позволяютъ подобнаго развлечерій, замѣтилъ Форбесъ.

— Позвольте кусочекъ вашей оленяны, сказалъ Муррай. — Однаю, что вы сдѣлали съ красавицей?

— Передалъ ее капитану Ричлею за ящикъ гавайскихъ сигаръ. Она и была при немъ, пока онъ не съѣлъ на корабль въ Опорто; тамъ оставилъ онъ ее старому кабарьеру, и она должна быть у него, если не отмаливаетъ грѣхъ свой въ какомъ-нибудь изъ ихъ дѣвичьихъ садковъ.

— А знаете ли, сказалъ Муррай, обращаясь къ нашему моряку: — мы рѣшительно въ-правѣ быть недовольны вашими флогомъ, или лучше сказать вашими товарищами. Въместо того, чтобъ подвезти намъ припасовъ, отправились въ Ямайку и позволили вѣять себя Янкамъ. Вообще, господа, въ эту войну мы мало стужали славы: пропали «Ява», «Македоньенъ», и съ полдюжины фрегатовъ. Ни одинъ пятидесяти-двух-пушечный королевскій корабль не смѣетъ показаться.

— Я думаю, мы съ вами довольно *à pari*, возразилъ мичманъ.

— Повѣрите, мастеръ Годжесъ, отвѣчалъ Девонъ: — мы спасемъ честь королевскаго оружія и отомстимъ за свободу, которую вздумали приписать себѣ эти негодяи. А право, они васъ повѣсили бы, не смотря на вашъ синий мундиръ.

— Точно такъ же, какъ они повѣсили майора Андрѣ, не смотря на его красный мундиръ, отвѣчалъ мичманъ.

— Это было такъ давно, сказалъ лейтенантъ: — что скоро будетъ дождю. Но шутки въ сторону, мастеръ Годжесъ; дѣло вышло бы не совсѣмъ худо. Завидная смерть. Если мы погибнемъ, — а эти грубияны прежде всего метятъ на золотые эполеты, — такъ никакая собака не залаетъ. А васъ воспѣлъ бы Томъ и Кольриджъ, и оплакалъ бы всѣ дамы. Чортъ меня возьми! За шесть пенсовъ, — больше веревка не стѣитъ, — купить безсмертіе, право, не бездѣлица. Ваши кости вырыли бы, какъ кости покойнаго Андрѣ, и похоронили бы въ Уэстминстерскомъ-Аббатствѣ, съ золотою надписью на иррафной доскѣ: «James Hodges Esq».

— Даши ваше Уэстминстерское-Аббатство со всѣмъ его шутовствомъ, возразилъ мичманъ, пачинная сердиться на эту шутку.

— Нѣтъ, господа, сказалъ Муррай: — я очень-хорошо понимаю, что мастеру Годжесу было это не очень-пріятно. Впрочемъ, вы уцѣлили, и можете радоваться...

— Право, господа, сказалъ Форбесъ: — оно, вообще, вовсе не такъ худо быть Американцемъ; и не будь я англійскимъ джентльменомъ, я сдѣлался бы свободнымъ Американцемъ.

— Повѣрите мнѣ, сказалъ мичманъ: — еще недѣля, и вы сдѣлаетесь почтительнѣе. Два урока вамъ уже даны.

— А, Коппотъ, это въ васъ бросили намекомъ! сказалъ Девонъ.

— Какъ-бишь онъ выразился, этотъ мальчишка? Пусть этотъ дуракъ останется покаместъ у васъ; но если онъ въ другой разъ осмѣлится оскорблять дамъ, такъ мы назначимъ ему другое мѣстечко.

— А я назначу мѣстечко тому, кто осмѣлится повторять слова этого грубіяна Янки, сказалъ Ирландецъ. — Клянусь въ томъ святымъ Патрикомъ.

— Вотъ и вспыхнулъ! сказалъ Муррай. — Жаль, что съ нами нѣтъ пистолетовъ, а то онъ, право, стрѣлялся бы сейчасъ же послѣ вкуснаго завтрака, не обождавъ, пока пища переварится.

— Что они не очень-любезны, это безспорно, сказалъ Девонъ. — Вотъ мы сидимъ уже около шести дней. Сначала я думалъ, что плѣнь нашъ не великая бѣда. Мы первые, и имѣемъ свободный выборъ.

— И дѣвушки богаты, прервалъ его другіе.

— Потому и горды безъ мѣры; ни одна не хочетъ о насъ и думать. А мы, право, хоть куда...

— Надо отомстить, воскликнули все разомъ.

— Господа! произнесъ Муррай. — Имѣю честь объявить вамъ, что я окончилъ превосходнѣйшій завтракъ; что же теперь? *Escargot* и *goûte et poige* запрещены съ-тѣхъ-поръ, какъ нашъ хозяинъ *à la façon* бросилъ наши карты въ огонь.

— Нельзя ли чѣмъ-нибудь другимъ побѣсить Янки?

— Туманъ исчезъ, сказалъ Девонъ, подошедши съ товарищами къ окну.

— Солнце свѣтитъ, какъ въ лондонскій полдень, прибавилъ Форбесъ. — Жаль, что это не британская земля.

— Будетъ скоро и британская, замѣтилъ Девонъ: — главный городъ теперь, должно быть, уже въ нашихъ рукахъ. Пойдемте на берегъ.

— Смотрите: вотъ ѣдетъ пароходъ.

— Прекрасно; можетъ-быть, есть новости. Замѣтили вы, какъ они поблѣднѣли и побѣжали; добрый знакъ!

Съ этими словами, наши герои отправились.

Громъ пушекъ раздавался съ парохода «Миссурри»; флагъ Штатовъ развѣвался съ кормы. На палубѣ было множество красивыхъ мундировъ. Съ судна сошелъ лейтенантъ Паркеръ; за нимъ толпа милиціонеровъ и плѣнныхъ англійскихъ офицеровъ.

— Майоръ Уарденъ! воскликнули наши пять Британцевъ. — Что это?

— Разбиты на голову, сэръ Эдвардъ; все генералы, почти все штаб-офицеры убиты или смертельно ранены; двѣ тысячи осталось на мѣстѣ, остальные въ полномъ отступленіи, тихо сказалъ плѣнный.

— Значить, будутъ производства? замѣтилъ Девонъ.

Американскій лейтенантъ съ презрѣніемъ взглянулъ на Британца и бросился обнимать мать и сестеръ.

— Я принесъ вѣсть побѣды, закричалъ онъ толпѣ...

Дѣло Американцевъ дѣйствительно восторжествовало свыше всякаго ожиданія. Британскіе ветераны были разбиты на голову. Но въ толпѣ не было слышно ни кликовъ, ни шумнаго восторга. Когда же лейтенантъ подробнѣе разсказалъ дѣло, всѣ, безъ предварительнаго условія, пошли молча въ храмъ благодарить Бога за побѣду.

ХІХ.

Мы последуемъ теперь за замѣчательнымъ начальникомъ Индійцевъ. Преданіе его племени обстоятельно сохранило разсказъ о его таинственномъ уходѣ, и, слѣдуя ему, мы перенесемъ въ дѣйственные лѣса теперешняго Штата Миссисипи, выше города Натчеса, мимо котораго вела его дорога.

Прошло восемь дней со времени ухода Токеа, а онъ не говорилъ еще ни слова съ своими. День за днемъ, молча и безъ отдыха, шелъ онъ впередъ; спутники его за нимъ, какъ вѣрные псы за господиномъ. Они питались дичью и спали на мерзлой землѣ, избѣгая живущихъ бѣлыхъ. На четырнадцатый день, увидѣли они одинъ изъ тѣхъ огромныхъ сосновыхъ лѣсовъ, которые простираются отъ южной цѣпи Аппалачскихъ-Горъ къ Штату Миссисипи. Чѣмъ ближе подходилъ мико къ этимъ лѣсамъ, тѣмъ свободнѣе, говоритъ преданіе, становилась душа его, яснѣе взоръ. Тайное чувство влекло его къ странѣ своего дѣтства и возмужалости. Когда онъ пришелъ къ рѣкѣ, по ту сторону которой возвышался лѣсъ его родины, душа его ожива, и онъ снова почувствовалъ въ себѣ всю силу вынужденныхъ лѣтъ. Онъ протянулъ туда руки и торжественно перешелъ по тонкому льду. На другомъ берегу палъ онъ на землю и долго лежалъ неподвижный; наконецъ воскликнулъ:

— Земля, видѣвшая сына того, кто далъ жизнь сыну великаго Шейнъ.—Токеа привѣтствуетъ тебя! Онъ былъ рожденъ властителямъ твоихъ безконечныхъ лѣсовъ, избравъ мико великаго народа. Теперь, скиталецъ, стоитъ онъ на твоей границѣ,—чуждый и тебѣ и могиламъ отцовъ своихъ. Великій-Духъ! Зачѣмъ ты это слѣлалъ? Сколько солнць охотился мико съ своими на берегахъ рѣки своей! управлялъ могущественнымъ народомъ! Зачѣмъ же долженъ былъ Токеа удалиться въ мракъ пустыни? Зачѣмъ онъ долженъ былъ обратиться спиною къ землѣ отцовъ своихъ? Зачѣмъ онъ и

память объ немъ должны исчезнуть съ твоей земли? Говори, Великій-Духъ! Дай Токеа знакъ, чтобъ узналъ онъ твою волю!

Старикъ взглянулъ на небо. Небо было покрыто тучами. Онъ снова палъ на землю.

— Великій-Духъ! прости! говорилъ онъ. — Человѣкъ твое покрытъ облаками, и глаза твои мрачно смотритъ на Токеа, потому-что онъ говоритъ, какъ оробѣвшее дитя.

Онъ всталъ, и, подозвавъ своихъ товарищей, объявилъ имъ причину своего далекаго путешествія слѣдующими словами:

— Прошло семь лѣтъ съ-тѣхъ-поръ, какъ мико обратился тыломъ къ землѣ, гдѣ были вигвамы отцовъ его. Въ-теченіе этого времени онъ два раза переплывалъ безконечную рѣку, одинъ въ нѣкчемъ невидимый, чтобъ прилечь къ могиламъ отцовъ своихъ. За нимъ гнались, какъ за хищнымъ барсомъ; бѣлые охотились за нимъ, какъ за голоднымъ волкомъ. Теперь нога его въ послѣдній разъ стоитъ на землѣ, гдѣ жили отцы его. Во вторую ночь послѣ той, которая лишила его всего дорогаго его взору, когда голова его не могла покоиться и глаза сомкнуться,—въ эту ночь явился ему духъ отца его, живущій въ зеленыхъ лугахъ. Токеа стало страшно; духу отца его тоже. «Иди!» сказалъ онъ: «иди къ моей могилѣ и собери кости давшаго тебѣ жизнь и кормившей тебя; вынь ихъ изъ ихъ мрачнаго жилища, изъ обезчещенной земли тѣхъ, которые ихъ презираютъ! Пусть покоятся они въ той же землѣ, въ которой будутъ покоиться сынъ мой и его народъ, и похороны ихъ между костями красныхъ. Не бойся взять ихъ изъ могилы! Проклятіе не поразитъ тебя!» Токеа поднялся съ своего ложа,—продолжалъ старикъ,—когда духъ шепнулъ ему эти слова; душа его тосковала. Онъ легъ опять. «Копыта лошади, плугъ бѣлыхъ» снова сказалъ духъ отца его: «прошли по могильному холму, подъ которымъ покоится отецъ Токеа; еще немного времени, и кости его будутъ разсыяны по землѣ и разнесены вѣтромъ». Эль-Соль! продолжалъ старикъ, обращаясь къ сыну:—Токеа долженъ исполнить волю духа отца своего. Онъ долженъ взять его кости, да покоятся онъ въ мирѣ. Онъ долженъ оставить начальника Куманчьевъ на три солнца, и идти въ долину, гдѣ похороненъ отецъ его.

— Духъ отца шепнулъ мико? спросилъ Эль-Соль.

— Два раза онъ говорилъ внятно.

— Такъ онъ долженъ повиноваться его голосу. Велико и ужасно проклятіе, поражающее тѣхъ, кто нарушаетъ покой костей. Народъ отвращается отъ нихъ съ ужасомъ, и имя ихъ проклято въ рода въ родъ; но сынъ долженъ повиноваться приказу отца. Эль-Соль пойдетъ съ отцомъ своимъ.

— Эль-Соль сынъ мико и очень-дорогъ его сердцу; кровь То-

кеа была въ его рукахъ; но глазъ его не долженъ видѣть оскверненнаго холма, полъ которымъ похороненъ отецъ его.

— Эль-Соль не будетъ смотрѣть на посрамленіе отца своего; но онъ пойдетъ за мико и подождетъ возвращенія его вдали отъ могилы Шейи.

Старикъ согласился молча, и всѣ двинулись на востокъ. На разсвѣтъ втораго дня, достигли они подошвы горы, за которою тянутся къ Атлантическому-Океану необозримыя равнины Георгіа. Старикъ торжественно взомель на вершину.

— Смотри, сынъ мой, сказалъ онъ: — видишь ли ты вонъ тѣ высокіе холмы, тянущіеся цѣпью и вѣчно омываемые блестящею рѣкою? Они покрыты еще туманомъ; за ними долина, въ которой покоятся кости отца Токеа.

— Такъ пусть отецъ мой идетъ, сказалъ Эль-Соль.

— Нѣтъ, сынъ мой, возразилъ старикъ. — Когда тѣло отца Токеа было опущено въ глубину земли, великій пророкъ его народа произнесъ проклятiе надъ тѣмъ, кто вынесетъ кости его на свѣтъ солнца и заставитъ ихъ поблѣднѣть отъ стыда. Небесный лучъ никогда не долженъ ихъ видѣть; они отданы мрачной ночи и въ мрачную ночь должны быть вынуты изъ тьмы. Токеа подождетъ, пока блестящій шаръ зайдетъ за мiръ.

Онъ сказалъ что-то Оконіямъ; они ушли и скоро возвратились съ набранною корою. Они съли съ старикомъ и начали спивать изъ коры родъ маленькаго гроба, одѣтаго внутри и снаружи оленьимъ мхомъ. Старикъ прикрѣпилъ къ обоямъ концамъ гроба широкій ремень.

— Въ корѣ изъ твоихъ родимыхъ лѣсовъ и въ кожѣ оленей, за которыми ты охотился, долженъ ты покоиться, прахъ отца моего! сказалъ онъ.

Когда настала ночь, онъ взялъ гробъ и сдѣлалъ обоямъ Окониамъ знакъ за нимъ слѣдовать.

Въ полночь пришли они въ долину. Легкая дрожь пробѣгала по тѣлу мико, когда онъ прокрадывался сквозь знакомые лѣса своей родины. Онъ началъ прислушиваться. Вдали раздася лай собаки.

— Духъ отца моего! Бѣлые близко къ твоей могилѣ!

И онъ бросился къ холму. Холмъ былъ окруженъ грубымъ плетнемъ маисовой плантаціи.

— Духъ отца моего! Гдѣ кости, составлявшія твою крѣпость, гдѣ кости, изъ которыхъ созданы кости Токеа?

Земля была вспахана. Старикъ безъ сознанія палъ на землю. Спутники подбѣжали къ нему.

— Прочь! сказалъ онъ. — Прочь отъ могилы, гдѣ лежитъ могущественный мико! Токеа одинъ выкопаетъ его кости.

Онъ началъ разрывать руками мерзлую землю. Кровь текла изъ рукъ его, но онъ рылся тѣмъ поспѣшнѣе, пока не собралъ остатки отца. Въ первый разъ въ жизни онъ зарыдалъ... Потомъ бросился къ могилѣ матери. Здѣсь плугъ проникъ еще глубже. Костя были покрыты только тонкимъ слоемъ земли. Съ неслыханно тоскою положилъ онъ ихъ рядомъ съ костями отца.

— Духъ отца моего! ты сказалъ правду. Копыта животныхъ бѣлыхъ прошли по твоей могилѣ. Они растоптали ее. Взгляни изъ твоего жилища! Сынъ исполнилъ приказъ твой. Онъ унесетъ твои кости туда, гдѣ не нарушить ихъ покоя ничья рука святотатственная. Онъ похоронитъ ихъ между своимъ народомъ. Духъ отца моего! Повпроси Великаго-Духа, чтобъ онъ ласково взглянулъ на своихъ дѣтей, дабы ты могъ нѣкогда опять порадоваться дѣламъ ихъ. Сынъ твой какъ истлѣвшій дубъ: много бурь сокрушили его силу, вѣтви его сломаны, духъ его стонетъ. Духъ отца моего! Когда увидишь образъ Великаго-Духа, моли его за твоего сына, а дѣтей его.

Опять раздался лай собаки.

— Я слышу голосъ передоваго враговъ моего племени. Прощай родина! Прощайте, деревья, въ тѣни которыхъ такъ часто отдыхалъ Токеа среди знойнаго лѣта, послѣ долгой охоты. Прощай рѣка, гдѣ такъ часто освѣжалъ онъ свои члены, гдѣ впервые подышалъ вѣсомъ! Прощайте, холмы, на которыхъ отецъ въ первый разъ научилъ слабыя руки его напрягать лукъ!

Лай раздался въ третій разъ.

— Великій-Духъ! продолжалъ старикъ: — ты свѣтлыми очами смотрѣлъ на дѣла ребенка. Открой уши его братьевъ, да внимаютъ они словамъ его.

Онъ возвратился съ гробомъ къ Куманчильмъ. Оба Окоція удалились, по данному знаку, въ разныя стороны.

— Духъ моего отца сказалъ правду, сынъ мой. Плугъ прошел по его могилѣ. Холмъ растоптанъ и исчезъ.

— Токеа поступилъ какъ благочестивый сынъ, какъ великій мученикъ, отвѣчалъ Эль-Соль. — Но Куманчи, Павни и Оконы осиротѣли по пути, который должны пройти Токеа и Эль-Соль, длиненъ; было Розъ станетъ страшно.

Онъ остановился.

— Красные знаютъ, отвѣчалъ старикъ:—что Токеа пошелъ исполнить приказъ Великаго-Духа. Если у моего сына есть что-нибудь на душѣ, онъ долженъ развязать языкъ свой.

Эль-Соль молчалъ и они съѣли ужинать. Потомъ пошли въ обратный путь. Но дорога ихъ вела въ другую сторону, больше на юго-востокъ. Эта страна была вовсе-другаго рода. Деревья, кустарники

ки, почва, — все было иначе. У плетней плантацій замѣтили они скелеты животныхъ, по-видимому чуждыхъ для Мехиканца. Они были въ Алабамъ, гдѣ плантаторы выставляютъ скелеты аллигаторовъ въ видѣ трофеевъ. Индійцы тщательно избегали всякой встрѣчи; наконецъ, черезъ нѣсколько дней, достигли они обширной и глубокой долины, окруженной небольшими холмами. Старикъ поставилъ гробъ на землю, далъ сыну знакъ остаться, и ушелъ.

Черезъ нѣсколько времени, раздался свистъ, такой пронзительный, что совы стаями откликнулись, и все замолкло. Свистъ раздался снова, сопровождаемый раздрающимъ ухо и сердце звукомъ, и опять настало долгое молчаніе. Въ третій разъ раздался тотъ же свистъ, и вдали послышался какъ-будто говоръ и вой, какъ вой издыхающаго волка. Скоро старикъ возвратился и сълъ возлѣ своего сына.

XX.

Вдругъ стало свѣтло. Сквозь вѣтви и лѣса засверкали факелы, и со всѣхъ сторонъ показались странныя фигуры; онѣ сходились къ начальникамъ и, скрестивъ руки и склонивъ голову, сѣли на землю. Число ихъ скоро возрасло до нѣсколькихъ сотенъ. Большая часть была одѣта въ шерстяныя одѣяла, охотничью рубаху и ватпумъ. Но на многихъ были и обрывки американской одежды: на комъ штаны безъ чулокъ и башмаковъ, на комъ одна шляпа, на комъ кафтанъ, на комъ жилетка. Немногіе были одѣты сполна. Они какъ-будто пришли нѣхотя; на дикихъ, искаженныхъ отъ водки лицахъ ихъ не было видно ни радости, ни участія. Старикъ сидѣлъ склонивъ голову. Когда онъ обратилъ на нихъ взоры, они посмотрѣли на него безстрастно, какъ-будто видѣ прежняго начальника ужасалъ ихъ. Горькая улыбка мелькнула на губахъ его. Пожилой человекъ, одѣтый совершенно по-американски, съ лицомъ отливающимъ мѣдно-краснымъ цвѣтомъ, смѣло подошелъ къ мико, посмотрѣлъ на него съ ироническою улыбкою и сълъ въ переднемъ ряду полукруга. «Юсвѣ, Окоинъ», проговорили всѣ, — и снова все умолкло.

— Пришли ли братья мои выслушать годосъ того, чьи глаза давно ихъ не видѣли? спросилъ мико.

— Да, отвѣчалъ старичокъ:— Мѣскоги пришли издалика выслушать слова великаго мико; уши ихъ открыты и руки распростерты.

— Мѣскоги зарыли свои томагауки, горячо сказали начальнику Юсвѣ. — Они поклялись Великимъ-Духомъ.

Послышался ропотъ, который могъ означать и одобреніе и недоговораніе.

— Я чую дыханіе измѣшивка, сына блага и обманутой красной дочери начальника Мѣскогіевъ, сказалъ мико.

Опять ропоть неудовольствія.

— А я, сказалъ ядовито Іосифъ: — чую дыханіе волка, изгнаго своимъ стадомъ за то, что онъ завелъ ихъ въ петлю охотникамъ; Іосифъ рожденъ отъ крови бѣлыхъ и красныхъ родателей. Но вонзавъ ли онъ, подобно ему, длинный ножъ бѣлыхъ и тылъ красныхъ? Нѣтъ, онъ отклонилъ его отъ ихъ груди. Он охотился съ ними и подвигалъ съ ними томагаукъ противъ Чирокозовъ и Коктановъ шести націй. Если рѣчь моя правится моимъ братьямъ, я буду продолжать. Если же они затыкаютъ себя уши, то начальникъ Іосифъ умѣетъ сдержать языкъ свой.

— Онъ, какъ красная собака, сказалъ старшій дикарь: — убѣжалъ въ свою нору, когда Мѣскоги подняли сѣкуру на бѣлыхъ. Онъ былъ шпиономъ бѣлыхъ.

— И принесъ своимъ братьямъ миръ, дерзко возразилъ Іосифъ — Не будь Іосифа, гдѣ были бы теперь Мѣскоги? Они были бы стерты съ лица земли.

— Лучше бы пасть вѣтъ на кровавомъ полѣ, сказалъ другой: — не жели быть выданнымъ братьями.

— И глаза Токеа, сказалъ мико: — дѣйствительно видать Мѣскогіевъ, великихъ Мѣскогіевъ, величайшимъ начальникомъ которыхъ былъ онъ и отецъ его? Мѣскогіевъ, которые были еще ужасомъ бѣлыхъ, когда всѣ красныя племена исчезли уже по-сю-сторону безконечной рѣки? Да, это точно Мѣскоги, но не Мѣскоги Шейн и Токеа: это люди съ красными и красноватыми лицами, но въ платьѣ бѣлыхъ. Выслушайте, красные люди, послѣднія слова Токеа, и не наполняйте ушей его женскою бранью. Воины Мѣскоги! Тотъ, кого вы видите возле Токеа — Эдь-Соль, величайшій начальникъ Кумапчѣвъ!

Несколько дикихъ встали и подошли поклониться Мехикаппу, протягивая къ нему ладонь; прочіе остались, ворча, на мѣстѣ.

— Мико Оконіевъ, сказалъ Іосифъ: — оторвался отъ своего народа. Онъ ушелъ въ соленую пустыню по-ту-сторону безконечной рѣки. Зачѣмъ завелъ его путь снова сюда? Языкъ его какъ вода Оконі, смѣшавшаяся уже съ соленымъ озеромъ. Онъ горекъ и ядовитъ. Хотятъ ли братья мои выслушать его и принять ядъ въ сердца свои?

Въ толпѣ раздался ропоть.

— Хотятъ ли братья мои выслушать его и омрачать лицо бѣлыхъ? повторилъ Іосифъ. — Онъ, посягнувшій ихъ трупы какъ зерна манса, еще живъ, и воины его съ нимъ. Онъ не далеко отъ вигвамовъ Мѣскоги.

— Гу! раздалось въ толпѣ.

— Сынъ блага, сказалъ мико:—говорить правду. Языкъ Токеа горекъ; онъ не сдѣлался гибче съ-тѣхъ-поръ, какъ двадцать лѣтъ тому назадъ говорилъ въ этой долинѣ къ своимъ. Онъ сдѣлался горче, потому-что глаза его видѣли и уши слышали многое, что огорчило его душу. Онъ видѣлъ, какъ народъ его позволялъ своимъ ложнымъ братьямъ травить собой красныхъ. Глаза его видѣли, какъ красные подымали томагаукъ противъ красныхъ братьевъ, потому-что этого хотѣли бѣлые, смѣявшіеся надъ глупцами, погружавшими другъ другу въ грудь ножи. Глаза его видѣли, какъ ложные братья прокрадывались въ вигвамы бѣлыхъ, получали отъ нихъ много долларовъ, поили на нихъ красныхъ, и когда они валялись въ грязи, шептали имъ на ухо, чтобъ они продали землю отцовъ своихъ. Они видѣли, какъ они, въ то время, когда мико былъ въ походѣ противъ Чоктавовъ шести націй, на которыхъ подняли томагаукъ противъ его воли, — какъ они продали землю свою бѣлымъ. Они видѣли это, и доллары, которые онъ долженъ былъ за это получить. Но онъ оттолкнулъ ихъ ногою. Уши его слышали, какъ ослѣпленные красные позволили уговорить себя поднять томагаукъ на бѣлыхъ, когда уже было поздно, и попали въ петлю. Они были разбиты въ кровопролитныхъ сраженіяхъ, и пройдетъ много лѣтъ, пока красные снова осмѣлятся поднять томагауки на своихъ притѣснителей. Но слушайте, красные войны Мѣскоги! Бѣлые подавили красныхъ своимъ огненнымъ оружіемъ и длинными ножами. Ихъ мало, но и тѣхъ много для красныхъ. Слушайте, красные войны! У бѣлыхъ много ядовъ. У нихъ огненная вода, убивающая медленно. У нихъ есть шпіоны, которыхъ они посылаютъ къ краснымъ и которые правятся ихъ женщинамъ и дѣвушкамъ, потому-что кожа у нихъ шкурѣ; но у нихъ есть и цѣлѣбныя языки между красными, много шаманскихъ языковъ. Они взяли доллары, которые мико оттолкнулъ ногою. Они живутъ на землѣ моего народа, говорятъ его языкомъ. Но они говорятъ двойнымъ языкомъ, потому-что въ нихъ двойная кровь. Знаютъ ли братья мои этихъ людей? Взоръ его пронзалъ Іосифа.

— Мѣскоги! воскликнулъ Іосифъ, вскакивая.—Я не говорю ничего больше,—но великій воинъ бѣлыхъ живъ,—а изгнанный Токеа шепчетъ вамъ на ухо. Слушайте его, и слова его доведутъ васъ туда же, куда прогнанъ и онъ,—въ соленую пустыню.

— Токеа ли, спокойно спросилъ старикъ: — поднялъ военный крикъ? Онъ ли шернулъ своимъ братьямъ, чтобъ они подняли его? Чего хотѣлъ Токеа, красные знаютъ. Они закрыли уши. Они не чушали его голоса. Токеа огорчился въ сердце, когда уши его

услышали это. Онъ былъ далеко. Но онъ сковалъ цѣпь, которая блеснетъ и для нихъ,—великій начальникъ Куманчи прійметъ ихъ какъ братьевъ, какъ сыновей. Токеа пришелъ еще разъ увидѣть народъ свой. Онъ прошелъ черезъ вигвамы бѣлыхъ. Они дрожатъ передъ множествомъ воиновъ отца Канадъ, которые пришли въ большихъ лодкахъ, съ огненными жерлами.

Старикъ коснулся чувствительной струны дикарей. Они притихли и слушали со вниманіемъ.

— Что же приказываетъ намъ великій мико?

— Мико пришелъ по пути мира, отвѣчалъ Токеа. — Его люди далеко. Братья его много лѣтъ не слышали его голоса. Они избрали себѣ другихъ начальниковъ, — они должны повиноваться этимъ начальникамъ. Глаза его не видятъ уже Мёскогивъ. Они видятъ переодѣтыхъ красныхъ, обвѣсившихся доскутьями, которые брошены бѣлыми, стыдящихся вампума отцовъ своихъ, надъ которымъ смѣются бѣлые. Сердце говоритъ ему, что подъ тѣсными кафтанами бѣлыхъ бьются невѣрные сердца; мико оставилъ свой народъ, когда ядъ началъ проникать въ тѣло народа; ядъ распространился,—онъ видитъ начальниковъ въ одеждѣ бѣлыхъ и Мёскогивъ, — сердцу его тяжело...

— Мико Оконіевъ мудрый начальникъ, сказалъ одинъ старикъ. — Въ немъ течетъ кровь многихъ мико. Воины Мёскоги хотятъ слышать его голосъ. Они шли нѣсколько дней, чтобъ уйти отъ глазъ бѣлыхъ. Развѣ они пришли напрасно?

— Мёскоги мудры, отвѣчалъ мико съ насмѣшливою улыбкой. — Они обманули вѣстниковъ бѣлыхъ, но привели съ собою изъ шпionовъ. Глупецъ говоритъ дважды; мико пришелъ проститься навсегда съ своимъ народомъ.

— Такъ мико совершилъ большой путь, безъ котораго могъ обойтись, возразилъ другой Индіецъ. — Мёскоги хотятъ покоя; мико никогда не дастъ его.

— Да, братъ мой сказалъ правду, отвѣчалъ мико. — Мико безпокоенъ, какъ свободный, дикій буйволъ, который видитъ, какъ охотникъ ловитъ его братьевъ. Бѣлые даютъ краснымъ покой, потому что ихъ тѣснятъ воины великаго отца Канадъ. Но когда уйдутъ красные кафтаны, Мёскоги могутъ сосчитать, долго ли имъ остается жить въ своей землѣ. Не долго. Воины Мёскоги! вы не слушали голоса вашего великаго старѣйшаго начальника. Вы оттолкнули кровь его, вы помutilи источникъ, смѣшали кровь нашихъ начальниковъ съ нечистымъ иломъ огненной воды бѣлыхъ. Кровь никогда уже не будетъ чиста. Ваши начальники наполняютъ свои карманы долларами. Они торгуютъ черными людьми и покупаютъ ихъ для обработки земли. Мёскоги! Мико говоритъ съ

духомъ своего отца. Онъ не хочетъ, чтобъ кости его оставались дольше среди вырождавшагося народа, изгнившаго его крови. Мико послушался приказа отца. Онъ пришелъ, чтобъ похоронить кости его въ свободной землѣ великихъ Куманчѣвъ.

Онъ поднималъ крышку гроба, вокругъ котораго съ воемъ тѣснились дикіе.

— Мико, сказалъ одинъ изъ Индійцевъ: — великій начальникъ. Шейя велѣлъ ему взять его кости отъ Мѣскогіевъ?

— Да, отвѣчалъ мико. — Мико пришелъ исполнить приказъ отца. Красные не могутъ дольше держать его. Но они могутъ прійти въ поля Куманчѣвъ. Токеа и сынъ его, великій Эль-Соль, протянуть имъ руку.

Съ этими словами онъ всталъ и ушелъ. Оба начальника в Окони пошли обратно къ Миссисипи.

Что было собственно причиною этого страшнаго свиданія, остается нерѣшеннымъ. Если мико отправился въ путь действительно для исполненія видѣннаго имъ сна, то, вѣроятно, имѣлъ при этомъ еще и другую цѣль; мысль о ней родилась въ немъ во время его пребыванія у бѣлыхъ, которые, какъ ему показалось, были смущены прибытіемъ врага. Но, увидѣвъ народъ свой, онъ совершенно отказался отъ надежды на возстаніе.

Оба начальника, говорить преданіе, посетили обратно къ рѣкѣ Миссисипи, въ поселеніе бѣлыхъ. Они замѣтили на дорогѣ слѣды мокассиновъ, говорившіе, что здѣсь прошли Мѣскоги. На другой день, когда они съѣли отдыхать на мѣстѣ, гдѣ недавно прошли шіоны, Эль-Соль не выдержалъ и сказалъ:

— Мико поступилъ какъ добрый сынъ, исполнивъ приказъ отца; но онъ поступилъ не какъ мудрый начальникъ, говоря къ своему народу. Онъ послушался того, что кипитъ въ его сердцѣ. Мико не долженъ бы былъ этого дѣлать, собираясь идти къ бѣлымъ.

— Развѣ красные меньше дѣти мико, потому-что не хотятъ слушать его голоса?

— А изъ Токеа говорилъ къ Мѣскоги голосъ отца?

Мико молчалъ.

— Эль-Соль начальникъ, продолжалъ Куманчи: — сердце его еще не забыло раны, нанесенной ему бѣлыми, когда они убили его отца; но онъ отецъ многихъ дѣтей. Еслибъ онъ одинъ могъ отмстить бѣлымъ, онъ отмстилъ бы; но это стоило бы крови его братьевъ. Онъ предоставилъ отмстить Вакондѣ, и живетъ для своего народа. То же долженъ сдѣлать и мико. Если бѣлые узнаютъ, что мико шепталъ на ухо своему народу, они нахмурятъ брови, можетъ-быть, они удержатъ залогъ, оставленный имъ мико.

— Бѣлая Роза дочь мико. Онъ далъ за нее бобровые и медвѣжьи

нхѣ. Онъ не отдастъ ее Фельми за много тысячъ долларовъ. Сынъ долженъ развязать языкъ! Онъ знаетъ, что отецъ очень любитъ ее.

— Ваконда взялъ къ себѣ дочь мико.

Онъ остановился.

— Роза дочь мико, сказалъ старикъ:—Эль-Соль опять сдѣлаетъ сыномъ Токеа.

— Отецъ мой!..

Больше онъ не могъ произнести ни слова; но въ этомъ восклицаніи высказалась вся любовь его.

Черезъ нѣсколько дней, они пришли въ поселеніе.

— Видитъ ли отецъ мой? сказалъ Эль-Соль, оставаясь на берегу.—Токеа, конечно, долженъ бы былъ уступить въ битвѣ

— да уйдесть онъ благополучно отъ враговъ!

Они медленно спустились въ долину.

XXI.

Видъ, представившійся взорамъ Индійцевъ, былъ прекрасный. Во время ихъ отсутствія, природа развернулась уже во всей роскошной красотѣ своей.

Все спѣшили къ рукаву встрѣтить возвращающихся милиціонеровъ. Недавно былъ заключенъ мѣръ, и послѣдніе войны стали на пароходъ домой. Тысячи голосовъ приветствовали приближеніе парохода. Милиція, вышедши на берегъ, стала въ строй; потомъ вышли дамы, въ сопровожденіи офицеровъ. Въ числѣ ихъ и полковница съ дочерьми, Розою, мужемъ, сыномъ и майоромъ Коплендомъ. Депутация отъ высадившейся милиціи благодарила, отъ имени всѣхъ согражданъ, всѣхъ офицеровъ за дѣятельность и порядительность ихъ въ критическую минуту.

Полковникъ, въ отвѣтъ, благодарилъ за оказанную имъ гражданами довѣренность. Вдругъ тысячи голосовъ воскликнули: «майоръ Коплендъ!»

Майоръ, подобно прочимъ, въ полной формѣ, вышелъ и сказалъ:

— Сограждане! Мой батальионъ уже дома, и граждане готовы насладиться миромъ; но такъ-какъ вы дѣлаете мнѣ честь, желаю еще разъ услышать мое мнѣніе, то я объявляю, что мы исполнили, какъ офицеры, долгъ свой. Вы сдѣлали больше. Вамъ слава въ рода въ родъ! Слава вамъ! Если послѣдній изъ васъ будетъ въ нуждѣ, — прійдите къ старому сквайру Копленду, потому-что майора повѣсимъ покаместъ на гвоздикъ.

— Ура, майоръ Коплендъ! заревѣла толпа.

Майоръ обошелъ всѣхъ, пожимая руки и со всѣми разговаривая.

— Смотри, пожалуй! Да тамъ я вижу знакомаго! сказалъ онъ, взглянувъ на стоящую поодаль группу плѣнныхъ англійскихъ офицеровъ.

Онъ подошелъ къ нимъ.

— Джентльмены, сказалъ онъ улыбаясь: — очень-радъ видѣть васъ здѣсь. Добро пожаловать. А вотъ между вами и Другой, знакомство съ которымъ я желалъ бы продлить. Хочешь ли, братъ, со мною въ Опелузасъ? Сегодня мы съ тобою гости полковника Паркера. Только смотри, берегись; тамъ встрѣтишь ты выстрѣлы опаснѣе пушечныхъ.

Эти слова были сказаны Годжесу, который дружески пожалъ руку майора.

— Очень-охотно, майоръ, отвѣчалъ онъ.

— Джентльмены, вы исполнили свой долгъ, сказалъ майоръ, обращаясь къ офицерамъ.

— А вы больше, отвѣчалъ ему.

— Вотъ еще! Надо же стараться отдѣлаться отъ незваныхъ гостей. Знаете ли, господа, раньше несли вы не уедете; кому угодно дня на два къ старому сквайру Копленду, поохотиться за медвѣдями, милости просимъ.

— Майоръ! отвѣчали ему хоромъ:—отъ такого интереснаго приглашенія никто не откажется.

— Такъ по рукамъ! Всѣмъ найдется мѣсто, т. е. у меня въ плантаціи; въ городъ-то тѣсно вато, вотъ онъ знаетъ. Вы, надвюсъ, тоже прїѣдете, полковникъ Уедингъ?

— Съ величайшимъ удовольствіемъ, отвѣчалъ баронетъ.

— Сегодня или завтра прїѣдетъ главнокомандующій, а послѣ завтра мы отправляемся. Этого вѣтрогона, извините, я у васъ похищаю.

Онъ простился съ офицерами.

— Однако, послушайте, майоръ! сказалъ мичманъ:—какъ вотъ эти молодцы попали въ ваше благоустроенное общество?

Онъ указалъ на группу людей, прокрадывавшихся за дамами къ городку.

— О комъ ты говоришь?

— Клянусь жизнью, это морскіе разбойники.

— И! опять ты видишь навыворотъ. Мистриссъ Паркеръ! Позвольте представить вамъ храбраго молодца. А вы, мой ангелъ, сказалъ онъ Розъ:—вы старые знакомые.

— Я уже давно васъ не видала, мѣстеръ Годжесъ, отвѣчала Розъ, слегка помрачнѣвъ.

— Миссъ Роза! произнесъ Британецъ въ смущеніи.

— Съ миссъ Розой, кажется, скоро придется тебѣ проститься. Они нашли ей гдѣ-то въ Мехикѣ другое имя, и... но теперь ты съ нами, и такъ-какъ мистриссъ Паркеръ такъ добра, что не отказывается мнѣ въ борьбѣ, то ты остаешься у насъ въ павну. Мы слышали уже о твоихъ подвигахъ. Какъ-бишь было дѣло съ мистриссъ Блунтъ?

— Вы настоящій варваръ, сквайръ! замѣтила Виргинія.

Юноша покраснѣлъ.

— Нѣтъ, майоръ, сказала полковница:—вы не должны досаждать нашему гостю; иначе вы выгоните его изъ дома, когда мы не дошли еще до порога.

— Не беспокойтесь; онъ не такъ застенчивъ, увѣрю васъ, и онъ доказалъ это; но сдержалъ, какъ честный человекъ, данное Индійцу слово и спасъ жизнь вашему Помпею. Послѣ забравъ онъ ѣдетъ со мною и съ Розой; вѣдь ты тоже поѣдешь, если мистриссъ Коплендъ придетъ за тобою?

— Тамъ ты насмотришься чудесь, Роза, сказала Виргинія.—Такихъ чудесь, какъ въ Опелузасѣ, поискать.

— Бичъ мой опять зашевелился? воскликнулъ майоръ.

— Миръ! отвѣчала Виргинія.

— На четверть часа?

— Что жъ дѣлать! На свѣтѣ ужъ такъ водится.

Дома полковникъ встрѣтилъ мичмана словами:

— Вы здѣсь дома, любезный мастеръ Годжесъ, и чѣмъ больше вы подарите насъ своимъ обществомъ, тѣмъ для насъ пріятнѣе. Впрочемъ, пріятель вашъ покажетъ вамъ, что у насъ безъ церемоній.

— Да, отвѣчалъ майоръ:—и въ доказательство сейчасъ же досталъ эту проклятую куртку съ золотомъ и шнурками, и эту несносную шляпу. Вообрази себѣ, засадили меня въ такой мешокъ, что и вздохнуть тяжело. А стоитъ эта дрянь триста долларовъ: такія деньги можно бы пристроить добраго молодца и купить ему землю; ну, да ужъ такъ мнѣ угодно. Дома покажусь въ ней мнѣ тридцати неграмъ: то-то будутъ глазѣты! И такъ, ты погостишь у насъ?

— А «Громовержецъ»? спросилъ Британецъ.

— Сядетъ на мель и безъ тебя. Кромѣ того, карьера твоя реи ргѣс кончена. Знаешь ли, лучше всего повѣсить военную жизнь на гвоздикъ?

— Посмотримъ, со смѣхомъ отвѣчалъ Годжесъ.

— Оставляю вамъ, сударыни, этого недоросля; надѣну хоть что-са на два до бала другой, не такой военный костюмъ.

— Мастеръ Годжесъ, сказалъ полковникъ:—вы завоевали сердце майора, и это должно васъ радовать.

— Право, полковникъ, это мнѣ очень-лестно; только я не знаю, какъ это случилось.

— Это дѣлаетъ вамъ честь. Вы узнаете одного изъ достойнѣйшихъ людей нашего штата, который сдѣлалъ очень-много для своего отечества.

— Но, мастеръ Годжесъ, замѣтила полковница:—вы тоже должны приготовиться нѣсколько къ нашему балу; вы взяты не съ оружіемъ въ рукахъ, и мы считаемъ васъ за своего. Сыпъ мой вашего роста: распорядитесь съ нимъ, какъ знаете.

Въ это время, вошелъ лейтенантъ Паркеръ. Молодые люди, по-видимому, повралились другъ другу. Британецъ, съ внезапною перемѣною своего положенія, сдѣлался веселъ по-прежнему, что сейчасъ же замѣтилъ вошедшій переодѣтый сквайръ.

— Не правда ли? сказалъ онъ:—тутъ можно жить? Узнавъ насъ покороче, ты согласишься, что мы умѣемъ жить не хуже всѣхъ вашихъ герцоговъ, маркизовъ и графовъ! У васъ тысячи двѣ фамилій, господа, — а у насъ миллионъ. Всѣ мы завоевали свою землю, какъ нѣкогда предки наши, Норманы, завоевали старую Англію. Не говорилъ ли я тебѣ, что мы васъ отдѣлаемъ? Радуйся, что тебя тамъ не было. Посмотрѣлъ бы ты на нашихъ! У меня у самого кровь похолодѣла въ жилахъ. Стояли какъ стѣна, когда мы шли въ атаку, и цѣплялись какъ-будто въ оленей. Слышно было, какъ говорили: Томъ, я фланговому въ носъ; Джонъ, а сосѣду его въ правый глазъ; Исаакъ, я третьему въ лѣвый, — и такъ далѣе, по порядку: ни одинъ выстрѣлъ не пропалъ даромъ; выстрѣливъ, они хладнокровно брали изъ задней шеренги другаго заряженный ружья, и распорядились опять также. Съ первымъ приступомъ пало вашихъ около тысячи, въ томъ числѣ и командиры. И бѣдняжки побѣжали, какъ овцы безъ пастуха. Наши, не боясь, не побѣгутъ, хоть десять генераловъ убей. При второмъ приступѣ, подъ командою какого-нибудь сэра Ричарда, Петра или Поля, — жаль мнѣ бѣдняковъ! они опять потеряли человекъ пятьсотъ и начальника. Остался еще одинъ генерал-лейтенантъ, в тотъ добился до своего, собралъ бѣглецовъ и пошелъ въ атаку въ третій разъ. Опять пало ихъ пятьсотъ и самъ онъ; тогда ваши, разумѣется, побѣжали, какъ-будто земля подъ ними горитъ; возвратились только забыли. Всѣ генералы и обер-офицеры были убиты; но долгъ свой они исполнили. Впрочемъ, братъ, мы все тѣ же и хоть честь побѣды принадлежитъ генералу, мы ему, однакожъ, ничего не подаримъ.

— Бьюсь объ закладъ, майоръ, что вы распорядились ловко;

ваши Опелузасы, сколько я замѣтилъ, совершенно у васъ в рукахъ.

— Ты думаешь? Увѣрю тебя, что ты ошибаешься; одинъ промахъ, на-примѣръ, склонность къ федерализму, лишитъ меня всего моего кредита. У насъ притворство невозможно; но открытое чистое, желающее блага гражданамъ сердце можетъ многое. Три года въ Опелузасъ. Въ это время я пристроилъ около пятидесяти молодыхъ гражданъ, снабдилъ ихъ домами, и все это очень легко и просто. Приѣхавъ, я купилъ около пятнадцати тысячъ акровъ земли. Когда являлся порядочный молодой человекъ, я давалъ ему сто, двѣсти, триста акровъ и столько же долларовъ. Вотъ намъ обомъ и хорошо. Всѣ они теперь женаты и хорошие граждане, богатыютъ, а съ ними богатеетъ и страна. Вотъ какъ приобрѣлъ я вліяніе.

Между-тѣмъ, всѣ вышли изъ комнаты, и сквайръ замѣтилъ это только теперь.

— А-га! сказалъ онъ.— Да они всѣ дали тягу; вотъ полковника о чемъ-то говорить, прибавилъ онъ, глядя въ окно.— Странно! Кто это? кажется, тотъ самый, который освободилъ тебя изъ заключенія.

Онъ вышелъ и подошелъ къ полковнику съ словомъ: «позвольте!»

— Мы только-что хотѣли позвать васъ, отвѣчала она.— Мастеръ Паркеръ занятъ приготовленіями къ приему генерала. Мосье Мадіе-до опять принялъ подозрительныхъ гостей.

— Вы хорошо вели себя въ-отношеніи къ Розъ, сказалъ майоръ трактирщику: — это доказываетъ, что добро въ васъ преобладаетъ. Я скажу, что вамъ теперь дѣлать. Подозрительные мародеры должны уйти какъ-можно-скорѣе; но мы ихъ принудить не можемъ, потому-что они въ свободной землѣ. Пусть остаются пока хотятъ. Мы должны только подробно знать все, что они дѣлаютъ.

— Вы будете это знать, майоръ.

— Больше и ценужно. Покаместъ они здѣсь, мы позаботимся, чтобъ человекъ тридцать оставались вооруженными. Вы можете идти.

— Слушаю, майоръ, отвѣчалъ Мадіе-до и поспѣшно ушелъ въ свое заведеніе.

XXII.

Въ гостиницѣ Мадіадо, иначе Бенито, сидѣли опять тѣ же три чужака и въ томъ же угду. Замѣчательно было, что, не смотря на многочисленное степеніе народа къ рукаву Миссисипи, въ гостиницѣ, кромѣ этихъ трехъ чужаковъ, рѣшительно не было ни одного гостя. Хозяинъ тяжело поплатился за свой подвигъ, но мужественно перенесъ наказание и держалъ себя самостоятельнымъ въ отношеніи къ тремъ незнакомцамъ. Вошедши въ комнату, гдѣ жена его была занята около стола, онъ началъ ходить, поглядывая въ окно на толпы народа, тѣснившіяся около другихъ домовъ.

— Да, сказалъ онъ: — этимъ я вамъ обязанъ; сижу съ женою и дѣтьми, хоть съ голода пропадай, или пей свое вино самъ, чтобъ не прокисло.

— Мы тебя поможемъ, Бенито, хоть твое бордо ужасная мерзость, сказалъ одинъ изъ гостей. — Да здравствуетъ наше всепрощеніе!

Хозяинъ обратился къ другому, голова котораго была повязана и теперь.

— Прощеніе, говорю вамъ, недурно, сказалъ онъ: — я въ егѣ служилъ; но при всемъ томъ, чѣмъ скорѣе вы уберетесь, тѣмъ безопаснѣе для васъ. Здѣсь, въ Соединенныхъ-Штатахъ, вамъ не повезеть, хоть плачьте слезами Магдалины.

— Я самъ вижу это ясно, отвѣчалъ повязанный. — Право, знай я это:

— А что жь такое? прервалъ его хозяинъ. — То, чего вы достигли, хорошо. Не-уже-ли вы хотите, чтобъ они дали вамъ почетныя должности?

— Чортъ возьми ихъ должности! Мнѣ хотѣлось бы лучше...

— Да, сказалъ хозяинъ. — Вы награбили себѣ прекрасное состояніе. Можете жить спокойно.

— Да, отвѣчалъ повязанный: — это былъ прекраснѣйшій день моей жизни, чудесная вещь, такая вещь, что мнѣ жаль, что я не могъ участвовать въ ней. Будь тамъ только тысяча нашихъ молодцовъ, когда мы гнали этихъ аршинниковъ. Чортъ возьми, славный былъ денекъ!

— Вы вели себя хорошо.

— Бенито! Слушать похвалы отъ тебя! Побереги свой языкъ, поплачь, а не то... дьяволъ! Каждый сержанта, каждый капитана расплачивали въ рабѣтахъ; только его, который содѣйствовалъ

къ побѣдѣ, можетъ-быть, больше ихъ десяти батальоновъ, только его съ его тридцатью молодцами забыли!

— Такъ ужь водится на свѣтъ, сказалъ Бенито. — Когда лимонъ выжать, его бросаютъ.

— Когда я вчера просилъ аудіенцію, меня впустили въ домъ чрезъ заднія двери. «Лафиттъ» сказалъ онъ: «ваши подвиги имѣютъ право на признательность. Вы загладили часть своихъ преступленій. Мы забудемъ остальное; только вы должны оставить страну, безопасность которой нарушали такъ много, что это не можетъ быть забыто.» И, въ благодарность за все, онъ бросилъ мнѣ жалкую связку банковыхъ билетовъ на тридцать тысячъ долларовъ.

— Сумма порядочная, и вы можете съ ней прекрасно зажить въ Мехико, замѣтилъ хозяинъ. — Да больше вамъ ничего и не останется. Можетъ-быть, тамъ увидимся. Здѣсь какъ-то не везетъ. Будь я умнѣе и оставь патера гидальго съ его музыкантами у чорта, мнѣ тоже было бы лучше. Все глупости! Только эти республиканцы умны — живутъ для себя. Мы, Мехиканцы, Испанцы, Французы и прочіе тамъ, какъ подумаешь хорошенько, такъ только полу-люди потому-что другая половина принадлежитъ не намъ.

— Да, какъ пошатаешься этакъ лѣтъ сорокъ по свѣту, такъ и увидишь, въ чемъ дѣло. Здѣсь научаешься истинной философіи. Тутъ умѣютъ жить разумно. За восемь недѣль, которыя я здѣсь научился я больше, нежели во всю остальную жизнь. Впрочемъ, что въ томъ пользы? Теперь, какъ образумился, такъ кажутъ двери Чортъ возьми! Они одержали побѣду, лучше которой не одерживалъ и Наполеонъ, — и ни одинъ мускулъ не тронулся у нихъ на лицахъ, точно какъ-будто иначе и не могло быть; правимаются опять спокойно за плугъ.

— Это остается и вамъ сдѣлать, потому-что вы уже рѣшились проститься съ безпутною жизнью.

— Хозяинъ! сказалъ голосъ за дверью.

— Сейчасъ! отвѣчалъ хозяинъ, выходя.

— Ко мнѣ пришли гости, сказалъ онъ весело: — только не знаю, по васъ ли они. Это ваши старые знакомые.

Онъ шепнулъ что-то на ухо повязанному.

— Сто чертей! Право?

— Хотите уйдти на минуту? спросилъ хозяинъ.

— Вздоръ! Посмотримъ на нихъ; мы вѣдь, говорятъ, въ свободной странѣ.

Вошелъ сержантъ и за нимъ Индійцы съ двумя милиционерами.

— Оди, конечно, явились добровольно, шепнулъ сержантъ хозяину.

ну: — но вы некоторымъ образомъ отвѣчаете за нихъ; оба Куманчи, кромѣ того, здѣсь.

— Не безпокойтесь, отвѣчалъ хозяинъ:—будемъ беречь ихъ какъ глазъ. Стражи не надо: она возбудитъ только подозрѣніе.

Бѣдность комнаты поразила стараго мико.

— Видитъ ли Эль-Соль, шепнулъ онъ молодому Куманчи:—какъ юродны стали сердца бѣлыхъ? Когда Индійцы пришли въ первый разъ, ихъ привели въ богатый вигвамъ. Здѣсь...

Куманчи, между-тѣмъ, замѣтилъ трехъ гостей и, бросившись къ нимъ съ яростью, воскликнулъ громовымъ голосомъ:

— Затѣмъ ли петля Куманчи и копье Павнѣвъ пощадили вора, чтобъ ядовитое дыханіе его снова отравило взоръ несчастнаго отца, котораго онъ лишилъ дочери?

Онъ выхватилъ кинжалъ и бросился на Лафитта; но милиціонеры его остановили.

— Во имя закона, будьте смиренны, или я сейчасъ же отведу васъ въ тюрьму, сказалъ сержантъ.

— Сынъ мой, сказалъ старикъ:—мы въ вигвамъ бѣлыхъ.

Пиратъ спокойно взялъ и выпилъ стаканъ вина въ то время, когда Куманчи бросился на него съ кинжаломъ.

— Пусть меня разстрѣляютъ, шепнулъ одинъ изъ милиціонеровъ своему товарищу:—если у этого челоуѣка не больше холодной крови, нежели у всѣхъ нашихъ аллигаторовъ.

— И это лучшее, что въ немъ есть. Онъ также равнодушно перерезетъ тебѣ горло. Знаешь ты его?

— Знаю. Теперь расквитался; а напроказить еще что-нибудь, такъ не миновать ему петли.

Въ это время, вошли двое другихъ Куманчи съ дѣтскимъ восторгомъ бросились къ молодому начальнику. Послѣ того они начали ему рассказывать, что было съ ними во время его отсутствія. Скорбь, ярость, стыдъ и гнѣвъ выражались въ чертахъ ихъ лицъ. Юнона вышелъ съ обоими Куманчи.

Разговоръ этотъ возбудилъ всеобщее вниманіе. Только что-нибудь особенное могло такъ взволновать людей, привыкшихъ къ самоотверженію. Милиціонеры ушли въ свою очередь.

— Такъ вотъ мы сошлись опять, мико, сказалъ пиратъ:—тремъ нѣщамъ старше, умнѣе, но не счастливѣе. Гдѣ то время, когда мы такъ мирно сживали въ вигвамъ при Натчесь? Дѣ, мико, еслибъ вы не оттолкнули меня такъ гордо, а я не былъ бы такъ глупъ, не рискнулъ всѣмъ изъ-за дѣвочки... да, мико, у меня было доброе намѣреніе. Мы могли бы жить счастливо. Мы основали бы прекрасную колонію; никакой врагъ въ мірѣ не смѣлъ бы насъ тронуть. Это былъ прекрасный сонъ!

— Какъ это случилось, спросилъ мико:— что тотъ, голову котораго великій отецъ бѣлыхъ оцѣнилъ во много долларовъ, явился въ ихъ вигвамъ?

— Помните вы, мико, то утро, когда я говорилъ вамъ въ вигвамъ совѣта, что Лафиттъ васъ защититъ? Еслибъ вы послушались тогда меня, все было бы лучше. Тогда былъ уже готовъ планъ мой примириться съ свѣтомъ. Теперь ничто не поможетъ.

— И начальникъ соленаго озера другъ бѣлыхъ? спросилъ Индѣецъ.

— Да, сколько можно быть другомъ, оказавъ такую большую услугу, за которую нельзя заплатить. Онъ великодушно позволялъ мнѣ быть при ихъ пушкахъ и простоять семь часовъ, рискуя быть изувѣченнымъ или убитымъ. За это я получилъ родъ прошенія и милостивый приказъ убраться отсюда какъ-можно-скорѣе.

— И начальникъ соленаго озера пошелъ къ бѣлымъ, чтобъ поднять еъ ними томагавкъ на сыновъ отца Канады?

— Я только-что изъ дѣла. Бѣлые одержали блестящую побѣду.

— И онъ тоже дрался?

— Да, и за то получилъ позволеніе, или лучше—сказать совѣтъ, убраться отсюда какъ-можно-скорѣе.

Душевная борьба Индѣйца сдѣлалась для него слишкомъ-тяжелая. Онъ со стономъ упалъ на гробъ.

— Мико! воскликнулъ пиратъ, подымая старика.—Что это?

— Духи моихъ Оконіевъ! произнесъ мико.—Духъ моей дочери! Я хотѣлъ принести вамъ жертвы; воръ обманулъ и васъ и меня. Нѣтъ! бѣлые обманули меня.

— Начальникъ, сказалъ хозяинъ, указывая на накрытый столъ:—кушайте и пейте, и забудьте объ остальномъ. Пейте чѣмъ больше, тѣмъ лучше; это на счетъ правительства.

Индѣецъ выпилъ стаканъ и налилъ его снова. Одинъ за другимъ, осушилъ онъ шесть стакановъ и упалъ безъ чувствъ.

— Все-таки индѣйская скотина! сказалъ хозяинъ.

— Еслибъ ты испыталъ хоть тысячную долю его страданій, ты уже давно былъ бы въ сумасшедшемъ домѣ, или на висѣлицѣ. Уведи его; горьчайшее еще ожидаетъ его.

— Слышите! Что это? девять выстрѣловъ съ парохода. Девять разъ прокричали ура. Главнокомандующій прѣвхалъ. Добрая ночь, мико; завтра ты услышишь больше.

ЖИЦЬ.

На другой день, Индейцев повели въ гостиницу, гдѣ остановился главнокомандующій. Въ корридоръ тѣснилось множество охщеровъ въ блестящихъ мундирахъ.

— Индейцы! послышался голосъ.—Ввести Индейцевъ!

Они вошли.

Съ креселъ всталъ высокій, худой, но крѣпко-еложенный старикъ съ подвязанною лѣвою рукою. Черты лица его были рѣзкіе и выражали твердое, непоколебимое спокойствіе. Смѣлые голубые глаза, глубоко-впавшіе, говорили объ огнѣ, не уменьшенномъ лѣтами. Походка его была медленна, но величественна. На немъ былъ полный генеральскій мундиръ. Сабля и шляпа съ перомъ лежали на столѣ. Онъ проинтересно взглянулъ на вошедшихъ, сѣлъ въ кресла и далъ знакъ сѣсть и Индейцамъ.

— Токеа! сказалъ майоръ Коплендъ.—Вы стоите передъ главнокомандующимъ, передъ великимъ воиномъ, который разбилъ Мѣскогіевъ и сыновъ великаго отца Канадъ во многихъ сраженіяхъ, передъ уполномоченнымъ великаго отца красныхъ людей.

Индейцы съ замѣшательствомъ посмотрѣли на генерала, наклонили головы и протянули свои ладони.

— Токеа, послѣдній мико Оконіевъ, сказалъ мико: — пришелъ съ сыномъ своимъ, Эль-Солемъ, могущественнымъ начальникомъ Куманчѣевъ, и съ миромъ протянулъ свою руку.

— Токеа, мико Оконіевъ! повторилъ генералъ. — Мы много, слишкомъ-много слышали объ этомъ Токеа. А этотъ молодой человекъ?

— Эль-Соль, начальникъ Куманчѣевъ.

— Скажите начальнику, что ему рады въ вигвамахъ его бѣлыхъ братьевъ.

— Да, Токеа, продолжалъ генералъ, давъ Индейцамъ время осмотрѣться: — мы слышали объ васъ, но минувшее бросимъ въ рѣку забвенія.

— Мико остался бы далеко отъ бѣлыхъ, сказалъ Индѣецъ:—онъ знаетъ, что онъ тернѣ у нихъ въ глазъ. Но она задержали его на дорогѣ, когда онъ шелъ исполнить приказъ Великаго-Духа.—Онъ указалъ на гробъ, который принесъ съ собою даже и сюда.

— Токеа нѣ для чего было ходить такъ далеко въ Алабаму; Окопи и священное поле Мѣскогіевъ отъ нея далеко.

Старикъ съ изумленіемъ посмотрѣлъ на генерала.

— Токеа! Токеа! продолжалъ генералъ.—На этотъ разъ, пусть будетъ такъ. Но какъ ты ни хитри, а мы видимъ все насквозь.

— Токеа видѣлъ на пути своемъ слѣды мокассиновъ; онъ знаетъ, что враги его шепнули великому отцу на ухо; онъ долженъ былъ поговорить еще съ своимъ народомъ. Еслибъ мой отецъ услышалъ рѣчь Токеа, онъ не нахмурилъ бы бровей. Теперь мѣло пойдеть туда, гдѣ бѣлые уже не увидать его. Сѣкиры бѣлыхъ людей сильно стучать въ ухахъ Токеа.

— Знаетъ объ этомъ великій отецъ? спросилъ генералъ.

— Окожи семь лѣтъ жили на охотничьихъ поляхъ Мехиканцевъ. Они уйдутъ теперь туда, куда не послѣдуютъ за ними плути бѣлыхъ.

— И старый Токеа оставилъ добрую землю отцовъ своихъ, и пошелъ въ дурную, гдѣ раковины и черепашки поранятъ его ноги?

— Если у красныхъ есть красивая жепка, которая не хочетъ для нихъ варить и шить, то они отсылаютъ ее назадъ къ отцу, и берутъ непригожую, которая дѣлаетъ, что имъ надо. Токеа жилъ въ землѣ отцовъ своихъ, среди бѣлыхъ, съ своимъ народомъ. Когда ихъ лошади и скотъ переходили черезъ ихъ границы, онъ не смѣлъ выйдти поймать ихъ; иначе его сажали въ темный выгвамъ, или стрѣляли по немъ изъ огненнаго оружія; но когда скотъ красныхъ переходилъ черезъ границы бѣлыхъ, они брали его, и если красные сердились, то они отнимали у нихъ еще и жизнь. Между такими людьми Токеа не могъ жить.

— А у красныхъ развѣ нѣтъ злыхъ братьевъ? спросилъ генералъ?

— Красные наказываютъ своихъ злыхъ дѣтей и прогоняютъ ихъ въ пустыню. Бѣлые же дѣлать между собою украденное у красныхъ. До великаго отца далеко, и онъ не слышитъ голоса своихъ красныхъ дѣтей, а языкъ его вѣстниковъ кривъ. Вотъ почему Токеа хочетъ уйдти и никогда не видѣть больше бѣлыхъ.

— То-есть къ Куманчи, чтобъ съ нами связать цѣпь, порванную его безпокойнымъ духомъ съ нами и его братьями? Красные люди, безъ сомнѣнія, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ отъ насъ пострадали; но мы потерпѣли отъ нихъ не меньше. Но объ этомъ нечего распространяться. Токеа долженъ бы только вспомнить, что мы сильнѣйшіе, и властители земли. Мы могли бы отнять у Токеа его землю, потому что она досталась намъ по праву войны. Но мы купили ее у него, какъ у свободнаго человѣка, какъ у брата.

— Великій-Духъ создалъ очень-большихъ пауковъ въ той землѣ, гдѣ жилъ мѣло; такой паукъ можетъ убить маленькую птицу. Эти пауки сказали птицамъ: «Мы оставимъ васъ въ цокѣхъ и не будемъ ссориться; но и вы не должны рвать наши сѣти». Бѣдныя птицы остались въ своихъ гнѣздахъ и сидѣли долго. На-

конецъ голодъ ихъ выгналъ; но когда онъ хотѣли полетѣть, онѣ увидѣли, что вся лѣса затканы паутиной, и птицы попали въ сѣть, и были съедены ядовитыми пауками. Красные люди — бѣдные птицы, бѣлые — пауки. Ихъ было много племенъ. Они исчезли съ лица земли. Многіе пали отъ длинныхъ ножей бѣлыхъ, еще больше отъ ихъ хитрости и огненной воды. Токеа хочетъ уйдти отъ нихъ далеко.

— Можете поступать, какъ угодно. Мы не станемъ препятствовать.

— Великій-Духъ приказалъ течь безпокойной рѣкъ оттуда, гдѣ вадеть свѣтъ, туда, гдѣ солнце жарко. Онъ далъ краснымъ и бѣлымъ много земли, но бѣлые никогда не довольны, они вѣчно протягиваютъ руку къ тому, что принадлежитъ краснымъ, и съ каждымъ годомъ отнимаютъ у нихъ больше земли.

— Бѣлые купили землю красныхъ; поэтому она ихъ законная собственность.

— Они напоили красныхъ огненною водою и выманили землю у пьяныхъ.

— Токеа! Великій-Духъ создалъ землю для красныхъ и бѣлыхъ, чтобъ они могли пахать ее и жить ея плодами. Но онъ создалъ ее не для охотничьяго поля, не для того, чтобъ нѣсколько сотъ красныхъ лѣнливо занимали пространство, на которомъ счастливо могутъ проживать милліоны. Если вы хотите обработать земли, которыя у васъ еще есть и которыя все еще обширны, какъ инья королевства стараго свѣта, гдѣ живутъ милліоны людей; если вы хотите обработать эти земли, то можете быть богаче и счастливѣе равнаго числа гражданъ Соединенныхъ-Штатовъ. Если же вы, начальники, разделяете между собою деньги, получаемыя ежегодно отъ насъ за уступленныя земли, а народу бросаете только пѣру долларовъ на водку; если вы такъ ихъ унижаете, вмѣсто того, чтобъ содѣйствовать нашимъ стараніямъ образованію ихъ, иставляете ихъ просить милостыни у дверей нашихъ гражданъ, валяясь въ грязи нашихъ улицъ, — такъ вы не должны жаловаться на гражданъ, что такое общество имъ надобдается. Я васъ знаю, начальники: вы такіе кровопійцы, какихъ не същещь и въ старомъ свѣтѣ.

— Токеа оттолкнулъ доллары ногою, отвѣчалъ мико.

— Знаю я и васъ, Токеа; я собралъ о васъ точнѣйшія свѣдѣнія. Спрошу васъ однакожъ: какъ поступаютъ Крики, или, какъ вы себя называете, Мѣскоги, если имъ въ руки попадется красный индѣецъ Чирокезовъ, который, покажѣтъ они съ ними въ мирѣ, идетъ къ Шоктавамъ и шепчетъ на-ухо шести націямъ, чтобъ онѣ видѣли томатгудъ и напали на Мѣскогіевъ; какъ барсъ на быка?

Индіецъ молчалъ въ смущеніи.

— Они берутъ его скальпъ. Не такъ ли? Когда Токеа, пылая ненавистью, ушелъ къ Шавнизамъ, народъ его продалъ его землю, уставъ отъ безконечныхъ ссоръ его и пожелавъ освободиться отъ непримиримаго начальника. Мы могли бы судить васъ какъ индіюна, какъ мятежника, и ваши собственные люди были бы вашими палачами. Мы этого не сдѣлали. Мы лишили васъ возможности вредить, и отпустили: что вы оттолкнули деньги, данныя вамъ за землю, это была ошибка; вы заслужили за тогдашніе поступки свою смерть. Судьба красныхъ людей сурова во многихъ отношеніяхъ, но не неизбѣжна; варварство всегда уступить въ борьбѣ просвѣщенію, какъ ночь дню. Но вы имѣете средства принять сторону просвѣщенія и вступить въ нашу гражданскую жизнь. Если же вы этого не хотите и предпочтаете быть, вмѣсто почтенныхъ гражданъ, дикими, то и должны спорить съ судьбою, которая бросаетъ васъ какъ игрушки, когда вы совершили уже ночной путь свой.

Индіецъ все молчалъ.

— Токеа! продолжалъ генералъ послѣ долгаго молчанія.—Мы, какъ я сказалъ, не имѣемъ ничего противъ вашего намѣренія идти, и я дамъ необходимыя приказанія, чтобъ наши офицеры васъ не задержали. Но прежде вы должны пояснить намъ еще одно обстоятельство. Ваши различныя племена мы считаемъ, конечно, за отдѣльные народы, въ дѣла которыхъ не мѣшаемся, и которымъ предоставляемъ право вести между собою войну. Но мы не можемъ дать вамъ права нападать на нашихъ мирныхъ согражданъ и присвоивать себѣ нашихъ дѣтей, родителей которыхъ вы убили. Тогда привелъ къ намъ дочь бѣлаго отца и бѣлой матери. Онъ считалъ ее за свою дочь. Какъ попалась ему молодая дама, которую онъ называлъ бѣлою Розой?

Индіецъ вскочилъ, посмотрѣлъ на генерала, потомъ на Коцленда, шепнулъ что-то на ухо Эль-Солю, и отвѣчалъ:

— Бѣлая Роза дочь мико. Онъ далъ за нее много бобровыхъ и медвѣжьихъ мѣховъ. Она была его дочерью скоро послѣ того, какъ увидѣла свѣтъ.

— Но какъ она попалась вамъ въ руки?

— Токеа взялъ ее у красныхъ людей Шоктавовъ шести деревень, живущихъ у безконечной рѣки. Еслибъ не его рука, то мозгъ ея уже давно высохъ бы на стволѣ дерева, о которое хотѣлъ разломить ей голову одинъ изъ Мѣскогіевъ.

— И это не отвѣтъ на вопросъ. Какъ попалась молодая дама вамъ въ руки?

— Великій отецъ выигралъ сраженіе, въ которомъ пале много враговъ его. Раздѣ добыча и дѣлиныя не принадлежатъ ему и его воинамъ?

— На этотъ вопросъ я отвѣчу вамъ послѣ. Молодая дама дочь бѣлыхъ родителей — не Шоктавы, Токеа! Требую отъ васъ чистой правды.

— Великій отецъ справедливъ и не отниметъ у стараго Токеа шку, за которымъ ухаживалъ онъ много лѣтъ и который единственная радость очей его.

— Вашихъ правъ не нарушать, но вы должны доказать ихъ.

— Роза уже четырнадцать лѣтъ принадлежитъ Токеа; онъ спасъ ее изъ рукъ Мёскогивъ, когда они хотѣли разбить ее объ дерево.

— Продолжайте.

— Токеа будетъ говорить. Четырнадцать лѣтъ прошло съ-тѣхъ-поръ, какъ мико Оконивъ поднялъ съ своимъ народомъ томагаукъ на Шоктавовъ шести деревень. Сердце его было съ Шоктавами, но Мёскоги хотѣли поднять военный крикъ, и онъ пошелъ противъ шести націй. На десятую ночь послѣ того, какъ былъ вырванъ томагаукъ, мико лежалъ вблизи верхней деревни своихъ враговъ, выжидая часа, когда они лягутъ спать, какъ вдругъ онъ услышалъ военный крикъ своихъ, вышедшихъ для дозора. Онъ побѣжалъ къ своимъ; но прежде, нежели онъ приближалъ, они уже обратили въ бѣгство враговъ, и онъ поспѣлъ только къ тому времени, когда они уже снимали скальпы съ плѣнныхъ. Между ними были четверо бѣлыхъ мужчинъ и трое женщинъ. Одна изъ этихъ женщинъ была очень-нѣжна и молода и держала на рукахъ бѣлую Розу, которую не выпустила даже и тогда, когда голова ея была уже разсѣчена. Мико пришелъ слишкомъ-поздно и не могъ спасти ей жизни; но онъ услышалъ плачъ ребенка, когда отецъ Мил-чаха хотѣлъ убить его объ дерево; онъ вырвалъ ребенка изъ рукъ его, принесъ къ бѣлому посреднику (онъ взглянулъ на Копленда) и далъ много мѣховъ за молоко, которымъ кормила Розу жена его. У мико есть еще все, что принадлежало Розѣ, когда онъ спасъ ее отъ смерти.

— Токеа долженъ показать все, что у него есть изъ вещей его воспитанницы, сказалъ генералъ. — Мы должны добраться до истины.

Старикъ далъ знакъ одному изъ Оконивъ, который тотчасъ же вышелъ изъ залы. Между-тѣмъ, къ генералу подошелъ кто-то и подалъ ему бумагу. Генералъ, прочитавъ, подождитъ ее на столѣ.

Оконивъ возвратился съ узелкомъ, и генералъ передалъ его неизвестному в сквайру Копленду.

— Вотъ цѣпочка! воскликнулъ сквайръ, доставая золотую цѣнь тонкой механической работы: — и медальйонъ при ней, съ буцци Д. К. Р.

— Тотъ самый, сказалъ неизвестный: — описаніе котораго вы

превосходительство найдете въ бумагъ. Это имя и фамилія ребенка. Платье не могло быть описано съ такую точностью, потому что отца не было при ужасной сценѣ, а слуги все погибли.

Платье ребенка довольно постарѣло. Брюссельскія кружева пожелтели, мехъ былъ изъяденъ, все прочее тоже залежалось.

— Индіецъ, конечно, завладесть ребенкомъ при такихъ обстоятельствахъ, которыя, какъ они ни ужасны, даютъ ему, однакожь, по нашимъ законамъ, нѣкоторое право,—разумѣется, пока отецъ не потребуетъ дочери; но, судя по этимъ обстоятельствамъ, не можетъ быть сомнѣнія, что молодая дама, называемая бѣлою Розой, одно и то же лицо съ означеннымъ въ этой бумагъ ребенкомъ и должна быть возвращена отцу, какъ-скоро онъ ее потребуетъ и заплатитъ Индійцу за ея содержаніе и воспитаніе.

— Безъ-сомнѣнія, ваше превосходительство, отвѣчалъ пріѣзжій: —и благородный отецъ этой молодой дамы, котораго я имѣю честь быть повѣреннымъ въ Веракрузъ, охотно заплатитъ вдесятеро за возвращеніе единственнаго своего дитяти. Я уже тринадцатилѣтъ уполномоченъ на это.

Онъ показалъ другую бумагу.

Вся приняли живое участіе въ судьбѣ ребенка. Вся были того мнѣнія, чтобъ Роза осталась подъ надзоромъ Копленда и Паркера, пока Индійцы не будутъ удовлетворены на счетъ ея содержанія.

Индійцы были встревожены; они поняли только, что дѣло идетъ о Розѣ; особенно старикъ былъ въ сильномъ безпокойствѣ.

— Токеа, сказалъ генераль:—вы можете идти; ваша воспитанница остается покаместъ здѣсь. Впрочемъ; вы властны отъискивать въ судъ права свои на нее и преимущественно на вознагражденіе за ея воспитаніе. До-тѣхъ-поръ, она останется подъ покровительствомъ тѣхъ, кого назначитъ судъ.

Индіецъ, ничего не понявъ изъ словъ генерала, протянулъ руку къ узелку.

— Это, говорю я вамъ, останется здѣсь, замѣтилъ ему генераль: —Здѣсь вы видите многихъ законовѣдцевъ, и все они того мнѣнія, что дочь должна быть возвращена отцу.

— Бѣлые справедливы, сказалъ Индіецъ:—языкъ великаго отца говорить, какъ языкъ великаго воина.

— Впрочемъ, вы свободны, и о васъ будутъ заботаться, пока вы будете здѣсь.

Индійцы удалились.

— Такъ ли? Угодилъ ли я вамъ? спросилъ генераль сквайра.

— Да; да благословитъ васъ Богъ!

— Очень-радъ, сказалъ генераль, подписывая депешу.—Что еще? спросилъ онъ, улыбаясь.

— Вы знаете, граждане собрались засвидѣтельствовать вамъ свое почтеніе и ждутъ васъ, чтобъ начать манёвры; потомъ послѣдуетъ публичный объѣдъ и балъ.

— Пожалуйста, пощадите меня, отвѣчалъ генераль. — Кажется, уже довольно манёвровъ.

— На этотъ разъ мы не можемъ пощадить васъ; развѣ вы откажетесь.

— Повѣрьте, когда въ кости сидитъ два лота свинца, такъ не до манёвровъ и баловъ.

— Граждане не повѣрятъ, что вы отказались по причинѣ этой раны. Они истолкуютъ это иначе.

Генераль посмотрѣлъ на сквайра въ недоумѣніи.

— Дѣлайте, что угодно, продолжалъ Коплендъ.

— Да! креолы, о которыхъ я нисколько не забочусь, давали мнѣ балы и вѣнки, а наши, за которыхъ пролилъ я свою кровь и изсушилъ тѣло, заставили меня, въ знакъ благодарности, заплатить двѣ тысячи долларовъ; не будь у меня этой суммы, такъ я сидѣлъ бы, можетъ-быть, въ тюрьмѣ. И это хотятъ заплатить креолы!

— Вы хорошо сдѣлали, что не позволили имъ заплатить. Впрочемъ, генераль, не прогнѣвайтесь, — въ васъ было слишкомъ-много рвенія и горячей крови, — прохладительное не помѣшаетъ. Теперь все миновалось, и вы нашъ. Угодно ли вамъ остаться и принять изъявленіе нашего уваженія — на которое, какъ вамъ извѣстно, мы не очень щедры, — или нѣтъ?

— Остаюсь, хоть у васъ тутъ есть настоящее гнѣздо торіевъ, и, если не ошибаюсь, праздникъ будетъ данъ въ той самой залѣ, гдѣ меня проклинали какъ тирана.

— Все въ свое время. Признаюсь вамъ, я радъ, что вы остаетесь и выдержали испытаніе. Еслибъ вы уѣхали, эти-то тори и смѣялись бы. Нѣтъ, генераль, надо умѣть встрѣчать своихъ враговъ.

Сквайръ вышелъ, но тотчасъ же воротился и сказалъ:

— Манёвры начнутся еще черезъ часъ, не раньше. Меня зовутъ къ воспитанницѣ, которая хочетъ посѣтить своего дикаго воспитателя. Онъ, говорятъ, собирается свѣчасъ же въ дорогу, — тѣмъ лучше.

Коплендъ ушелъ къ воспитанницѣ, только-что прибывшей на манёвры съ семействомъ полковника.

XXIII.

— Теперь я къ твоимъ услугамъ, сказалъ ей сквайръ. — Отецъ слава Богу, теперь у тебя есть. Жаль, что не можемъ мы того сказать и о матери. Но дикій не виноватъ въ ея смерти, и хоть онъ и дикій, — тебѣ дѣлаетъ честь то, что ты хочешь сдѣлать. Оди кожа, гдѣ нашъ мичманъ? А, вотъ онъ! Хочешь идти вмѣстѣ съ нами проститься съ старымъ знакомымъ? И отецъ твой, говорятъ, славный человекъ, продолжалъ онъ, обращаясь опять къ Розѣ. — Это видно уже потому, что онъ положилъ въ наши банки милльионъ долларовъ. Видишь, сказалъ онъ моряку: — такъ всѣ они понемногу переходятъ къ намъ. До-сихъ-поръ, вы пользовались величайшимъ довѣріемъ, теперь у васъ дѣло-то начинаетъ шататься и денешки отдаютъ намъ. А газета, Роза, которая такъ огорчила твое сердечко, отправилась съ Мадіедо въ Веракрузь къ комиссару твоего отца, и принесла — таки пользу. Писавшій статью, конечно, вмѣсто чистой правды, напицкалъ ее своими изобрѣтеніями; но вообще онъ не неправъ, хоть это тебѣ и не понравилось. Хотя твой мико живетъ не очень щегольски, но бываютъ случаи, когда посѣтить такой домъ гораздо благороднѣе, нежели сидѣть въ салонѣ бѣлаго дома, который сожгли у насъ красные кафтаны. Такъ охота твоя жить у дикихъ прошлаго Вѣрю; но нуждѣ можно жить и у дикихъ; но что лучше, то лучше повѣрь мнѣ, проживъ у насъ полгода, если ты перенесешься въ домъ перваго вельможи, то скоро захочется тебѣ возвратиться къ нашей жизни. Въ первый недѣли тебѣ, разумѣется, кое-что у насъ не понравилось; но мы похожи въ этомъ отношеніи на настоящій здоровый ростбифъ и ржаной хлѣбъ; чѣмъ дальше ѣшь, тѣмъ вкуснѣе становится. У васъ, сказалъ онъ, обращай къ мичману: — это тоже нѣчто похожее на нашу жизнь. У васъ это очень-естественно. Вы, или, лучше сказать, ваши и наши предки завоевали землю Англосаксовъ и древнихъ Бриттовъ, и господствующія фамиліи раздѣлили между собою побѣжденныхъ и до-сихъ-поръ остались господами. Мы завоевали свое у какихъ-нибудь двухъ-сотъ тысячъ Индійцевъ плугомъ; дикіе сами виноваты, что исчезли, а завоеваніе дѣлаетъ всѣхъ насъ, то-есть, тѣхъ, которые хотятъ трудиться, независимыми людьми, изъ которыхъ каждый имѣетъ голосъ въ дѣлахъ отечества. Когда у меня было еще только всего пятьдесятъ долларовъ, я былъ точно такъ же гражданинъ, какъ и теперь, когда у меня ихъ сто тысячъ. Все это, однакожь, приобретено честно и просто, безъ геніальныхъ продѣлокъ.

Они пришли къ гостинницѣ. Оба начальника сидѣли вдвоемъ на

полу. Эль-Соль всталъ и пошелъ имъ на встречу; Роза подбѣжала обнять мико, но онъ посмотрѣлъ на нее холодно.

— Мико, сказалъ сквайръ: — бывшая ваша воспитанница, миссъ Роза, пришла проститься съ вами и поблагодарить васъ за всѣ добрыя о ней попеченія. Впрочемъ, вы сами назначите цѣну за ея воспитаніе.

— Токеа, отвѣчалъ Индіецъ, плохо понявъ слова сквайра и доставая кожаный кошелекъ: — охотно заплатитъ, что потребуетъ бѣлый начальникъ за пищу и питье, которое давалъ Розѣ.

— Вы ошибаетесь, сказалъ сквайръ: — заплатитъ слѣдуетъ самъ. Собственно это должны бы рѣшить присяжные; потребуйте, и я ручаюсь, что справедливое требованіе будетъ удовлетворено.

— Бѣлый начальникъ можетъ взять, сколько хочетъ.

— Говорю вамъ, что не вы, а мы должны заплатить.

— Простилась ли дочь моя съ своимъ воспитателемъ? спросилъ мико Розу. — Роза должна теперь оставить вигвамъ бѣлыхъ; мико идетъ въ далекій путь. Бѣлые ему надобля.

— И мико долженъ идти? спросила Роза. — Отецъ моей Канонды, останься! Бѣлые будутъ тебя любить, какъ брата.

Индіецъ посмотрѣлъ на нее съ удивленіемъ.

— Что это значить, Роза? Бѣлые, ядовитые бѣлые будутъ любить Токеа какъ брата? Бѣлая Роза найдетъ, что ей надо, прибавилъ онъ, указывая на одѣяло. — Бѣлые надобля Токеа; онъ хочетъ идти.

— Мико! сказала она. — Роза пришла просить тебя еще нѣсколько времени остаться у бѣлыхъ. Но если ты хочешь идти, то она...

— Мико отецъ своего народа, отвѣчалъ старикъ. — Народъ зоветъ его, онъ долженъ идти; Роза дочь его и Роза Оконіевъ; она будетъ Розою Куманчievъ, женою великаго начальника.

Роза покраснѣла и отступила на шагъ.

— Мико, сказала она: — ты отецъ моей Канонды, спасшій мнѣ жизнь, и я благодарю тебя; но не могу, не смѣю принять твоего предложенія. Я принадлежу уже не тебѣ, а моему отцу, моему давно-охлаждаемому отцу.

— Роза говоритъ правду; она принадлежитъ своему отцу, сказалъ мико, все еще не понимая ясно дѣла. — Ноги моей дочери слабы; но она будетъ сидѣть въ лодкѣ, пока не пріѣдетъ въ вигвамы Павнiевъ, а у нихъ много лошадей.

— Ей-Богу, воскликнулъ сквайръ: — тутъ недоумѣніе; Индіецъ думаетъ взять съ собою Розу. Послушай, сказалъ онъ мичману: — поспѣши къ Паркеру и приведи сюда поскорѣе людей. Передъ главными штыками они очень-почтительны. Роза, милая моя, замолчи; двѣи смотрятъ что-то не добромъ.

Дѣйствительно, въ Токеа произошла внезапная перемена. Онъ какъ-будто предчувствовалъ, что у него хотятъ отнять Розу. Апатія уступила въ немъ мѣсто безпокойству.

— Бѣлая Роза, сказалъ онъ:—добрая дочь; она будетъ жарить отцу дичь.

— Охотно дѣлала бы я это для отца моей Канонды; но менѣе важенъ вѣнецъ. Отецъ моей Канонды! Роза пришла проститься съ тобою. Я не могу слѣдовать за тобою. Но отецъ мой воздастъ тебѣ сторицею за все, что сдѣлалъ ты для его дочери.

— Что ты хочешь сказать?

— Отецъ, давшій мнѣ жизнь, найденъ. Роза должна идти къ нему; онъ оплакивалъ и искалъ ее четырнадцать лѣтъ.

— Токеа далъ жизнь Розѣ; онъ вырвалъ ее изъ рукъ отца Мишли-маха и платилъ мѣхами за молоко.

— Но у Розы есть и другой отецъ, который ей ближе, котораго далъ ей Великій-Духъ, къ нему должна она идти. Я долженъ оставить тебя, мико!

Мико взглянулъ на нее взоромъ, въ которомъ отразился цѣлый адъ. Завѣса спала наконецъ съ его глазъ; но онъ не потерялъ своего ужаснаго хладнокровія и только мѣнялся въ лицѣ.

— Мико, сказалъ сквайръ, опасаясь взрыва:—вы слышали, что говорилъ вамъ великій воинъ?

Индіецъ не удостоилъ его взгляда; онъ дрожалъ, схватился за ножъ и такъ пронзительно посмотрѣлъ на Розу, что сквайръ побѣжалъ къ ней въ ужасѣ. Но дѣвушка удивила его своею твердостью.

— Мико, сказала она, простирая руки и идя къ нему:—я должна тебя оставить.

— Какъ говорить дочь моя? Токеа не отецъ ея? Она не хочетъ ли не хочетъ идти съ мико?

Онъ произнесъ эти слова такимъ голосомъ, что хозяинъ и хозяйка вбѣжали съ крикомъ.

— Она не можетъ, отвѣчала Роза.

— Стой, Токеа! Стой, если мила тебѣ жизнь! воскликнулъ сквайръ:—посмотри мнѣ въ лицо. Въ тебѣ опять зашевелилася бѣсъ!

— Дочь моя говоритъ, что нашла другаго отца?

— Да, отецъ моей Канонды, отвѣчала Роза.

— И она хочетъ остаться у бѣлыхъ?

— Роза должна.

— И Роза хочетъ оставить мико... отпустить его одного въ далекій путь?

Говоря эти слова, онъ притянулъ ремни гроба себѣ на голову, бросился въ одинъ скачокъ на Розу и схвативъ ее, отскочилъ съ

лею въ уголъ, къ боковой двери, такъ — что окно разлетѣлось въ дребезги.

— И бѣлая змѣя думаетъ, что мико дуракъ? закричалъ онъ, выхватывая ножъ.

— Мико! воскликнулъ молодой начальникъ, бросаясь къ нему.

— И бѣлая змѣя думаетъ, что мико кормилъ ее, платилъ за нее жѣна и воспиталъ ее для бѣлыхъ, ядовитыхъ бѣлыхъ, на которыхъ онъ плюетъ?

— Стой, во имя Бога! Вы всѣ погибли, если тронете ее, закричалъ сквайръ. Онъ хотѣлъ подбѣжать къ Розѣ, но Куманчи и Окопи оттолкнули его.

— Такъ вотъ почему бѣлая змѣя хотѣла къ бѣлымъ? Знаетъ ли сынъ мой, что бѣлая Роза выдала своего отца, выдала его бѣлымъ? Хотеть ли бѣлая змѣя идти за отцомъ?

— Я не могу: меня зоветъ голосъ отца, блага отца.

— Токеа оставитъ бѣлую Розу бѣлымъ! сказалъ мико съ хохотомъ, завося на нее ножъ.

— Онъ убьетъ ее! закричалъ сквайръ, какъ сумасшедшій вырываясь у Индѣйцевъ. Но Мехиканецъ уже предупредилъ его. Онъ вдругъ очутился между рукою старика и Розою, вырвалъ ее изъ рукъ Токеа и съ гнѣвомъ толкнулъ его въ дверь, такъ-что дверь разлетѣлась.

— Токеа дѣйствительно дикая кошка, сказалъ онъ: — онъ забываетъ, что онъ начальникъ своего народа, отецъ; онъ безчестьитъ имя красныхъ. Эль-Соль стыдится такого отца.

Эти слова, сказанныя по-павнѣйски, произвели невыразимое впечатлѣнiе на дикаго. Онъ всталъ, но тотчасъ же упалъ опять какъ мертвый. Эль-Соль поднялъ его.

Между-тѣмъ, вошли милиціонеры, вооруженные штыками.

— Отвести ли Индѣйца въ тюрьму? спросилъ лейтенантъ Паркеръ.

— Возьмите покажѣсть Розу, сказалъ майоръ. — Самъ Богъ защитилъ ее, и не намъ мстить за нее. Токеа! Ты заслужилъ смерть по нашимъ законамъ, и веревка была бы для тебя милостивое наказаніе; но — иди, и сейчасъ же. Не намъ оказывать правосудіе надъ такимъ звѣремъ.

Роза очнулась.

— Онъ былъ отецъ мой, мой несчастный отецъ! сказала она, бросаясь ему на шею. Отецъ моей Канонды! Роза никогда не оставила бы тебя; но ее зоветъ голосъ отца. Простишь ли ты своей бывшей дочери?

Индѣецъ молчалъ.

Она посмотрѣла на него сквозь слезы, простилась съ Эль-Содемъ и вышла съ своими провожатыми.

Черезъ нѣсколько времени, Эль-Соль бросился вслѣдъ за ними, схватилъ руку Розы, грустно склонилъ голову и сказалъ: Эль-Соль видѣлъ Розу, — онъ никогда ея не забудетъ.

И онъ отвернулся, ни на кого не взглянувъ.

— Право, сказалъ сквайръ:—этотъ благородный дикарь пролилъ слезы!

XXIV.

Чась спустя, Индѣйцы уѣхали въ той же лодкѣ, въ которой прѣехали. Изъ Миссисипи вошли они въ рѣку Красную и на десятый день были на возвышенности, гдѣ западныя границы Луизианы и Арканзаса сходятся съ восточною границею Мехики. Передъ ними были снѣговые вершины Озаркскихъ-Горъ, за которыми тянутся необозримыя степи.

Солнце садилось, когда они причалили къ западной оконечности Столовой-Скалы, возвышающейся на лѣвомъ берегу рѣки Красной. Они расположились на ночь въ гротъ скалы. Здѣсь была граница охотничьихъ полей Павнѣвъ, Консовъ и Озаговъ. Послѣ скуднаго ужина, старикъ и его Окоши заснули. Эль-Соль слушалъ еще какую-то легенду, которую рассказывалъ одинъ Куманчи, какъ вдругъ услышалъ далекій звукъ. Всѣ трое вскочили и протянули головы по вѣтру.

— Собаки! проговорилъ Эль-Соль:—они ворчатъ на врага, который ранилъ ихъ, тогда-какъ въ его власти было ихъ уничтожить.

Онъ разбудилъ спящихъ и побѣжалъ къ лодкѣ, далъ знакъ мико и Окошиямъ ѣхать въ нее, а самъ съ своими Куманчѣями пошелъ вдоль узкой закраины берега. Когда лодка отѣхала съ полмили, Эль-Соль сѣлъ въ нее съ своими воинами, сложивъ нѣсколько вѣтвей съ кустарника. У конца Столовой-Скалы, молодой Куманчи оставилъ старика и пошелъ съ прочими вдоль скалы въ степи. У подножя скалы стояло около двадцати или двадцатипяти всадниковъ. Нѣкоторые изъ дикарей сошли съ лошадей и осматривали притонъ, гдѣ только-что укрывались наши Индѣйцы. Слѣдуя ползкомъ изъ грота по слѣдамъ, они не могли рѣшить, люди ли, или амфибіи вышли изъ воды на берегъ. Половина дикарей оставались верхомъ.

Эль-Соль внимательно слѣдилъ за всѣми движеніями враговъ и стоялъ какъ статуя, приложивъ ухо къ скалѣ. Вдругъ онъ далъ знакъ своимъ товарищамъ, и пять Индѣйцевъ пополали такъ ловко къ оставшимся дикарямъ, что самый тонкій слухъ не могъ бы

разслушать ихъ движенія. Наконецъ, только легкая возвышенность отдѣляла ихъ отъ враговъ. Тогда Эль-Соль всталъ; и мѣсяцъ освѣтилъ дикіе очерки Индійцевъ. Эль-Соль подалъ знакъ, раздались пять выстрѣловъ, и пять дикихъ пали на мѣсть. Раздался ужасный вой... Мехикаецъ какъ молнія ринулся на оторопѣвшихъ враговъ, бросившихся прочь. Только ловкости Эль-Соля и его Куманчійевъ удалось поймать съ полдюжины лошадей. Прочія заржали и понеслись въ степь.

Куманчи вскочили на лошадей и поскакали къ берегу. Но едва съли они въ лодку, какъ стрѣлы и пули погнавшихся за ними враговъ начали свистать мимо ушей ихъ.

— Хочетъ ли сынъ мой обшачать мико, что будетъ хорошимъ отцомъ Оконіевъ? спросилъ его старикъ.

— Отцомъ и братомъ, отвѣчалъ Куманчи. — Но къ чему этотъ вопросъ, отецъ мой? Отецъ мой еще долго будетъ веселиться съ своими дѣтьми.

— Обшачаетъ ли мѣя это Эль-Соль именемъ Великаго-Духа?

— Да.

— Обшачаетъ ли онъ похоронить Токеа и отца его среди могилъ своего народа, великихъ Куманчійевъ?

— Да.

— Такъ они не наругаются надъ его тѣломъ и тѣломъ отца его. Токеа не увидитъ земель Куманчійевъ; такова воля Великаго-Духа. Онъ осужденъ умереть на землѣ бѣлыхъ.

Онъ захрипѣлъ, шепнулъ что-то на ухо своимъ Оконіямъ, страшно завывшимъ, и Эль-Соль обнялъ его, въ смертныхъ судорогахъ прижавшаго къ груди своей гробъ. Онъ палъ въ лодку. Пуля пронзила ему шею. Онъ кончался. Индійцы давно уже были на другомъ берегу, а Эль-Соль все-еще безъ сознанія лежалъ надъ трупомъ. Наконецъ, товарищи вывели его изъ забытья. Онъ взвалилъ тѣло себѣ на плеча, сѣлъ на лошадь и поѣхалъ въ вигвамъ Павнїевъ. На другой день, они прибыли туда среди смертной пѣсни дикахъ.

POSTSCRIPTUM.

Во многихъ газетахъ штатовъ, гдѣ происходили эти событія, и именно въ опелузаской газетѣ, есть извѣстіе, которое будетъ не безъ интереса для читателя, и которое мы передаемъ здѣсь слово-въ-слово:

MARRIAGES.

Have been united in the bonds of wedloc by the Revd. Jesaiah Simplicius this Thursday (vis the 13 of March 1816) the most amiable et accomplished Miss Mary Copeland, daughter of the Honourable John

Copeland of the same County et of Mistress Juditha, to Master James Hodges, formerly of the R. B. N. now of Hodges-Seat in the same State.

То-есть:

БРАКОСОЧЕТАНІЯ.

Въ четверкъ, 13 марта 1816 г., обвиняны достопочтеннымъ отцомъ Исайею Симпкинсомъ миссъ Марія Коплендъ, дочь Джона Копленда и мистриссъ Юдвен, съ мастеромъ Джемсомъ Годжесомъ, бывшимъ офицеромъ британскаго флота, а нынѣ живущемъ въ этомъ штатѣ.

ИЗЪ ПРОПЕРЦІЯ.

Quid juvat procedere ornato, vita, capillo, etc.

Зачѣмъ такъ расточать на россыпи волосъ
 Уборы пышные изъ жемчуга и розъ?
 И пѣву стройныхъ формъ, и цвѣтъ груди перловой
 Зачѣмъ такъ закрывать въ богатые покровы?
 Смотри: вокругъ тебя все просто... Сѣнь плюща
 И травы сочныя объемлютъ гротъ пустынный;
 Подъ нимъ подземный ключъ пробился и, журча
 Между кустарникомъ, сбѣгаетъ натью длинной;
 Подобные цвѣтамъ, раскиданы волной
 На сыпномъ берегу изъ раковинъ узоры...
 И чья искусная свирѣль въ тѣни лѣсной
 Свиститъ, какъ соловей на вѣтвяхъ сикоморы?

И. КРЕШЕВЪ.

II.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

ПИСЬМА ОБЪ ИЗУЧЕНІИ ПРИРОДЫ,

Письмо пятое (*).

С х о л а с т ь к а .

Греческо-римская жизнь, дряхляя, отрицала, мало-по-малу, то тотъ основной элементъ свой, то другой; но все это были полумъры, событія болѣе, нежели убъжденія, или убъжденія, непереходившія въ событія. Философія съ Сократа, и даже до него, стремилась снять односторонность эллискаго воззрѣнія и во многомъ отрицала его, — но отрицала внутри известнаго круга, за предѣлы котораго, не смотря на всю жизненность свою, она рѣдко переходила. Историческія событія вводили обычай, прямо-противоположныя религіознымъ нормамъ древней жизни; но они прививались тайкомъ и безсознательно; на-примѣръ, обоготвореніе цезарей фактически снимало язычество, переноса боговъ совсѣмъ на иную почву; статуя представляла мистическое сочетаніе камня съ самой всеобщей человѣческой или божественной сущностью; поклоненіе Клавдію или Нерону смѣшивало божественное съ существующимъ человѣкомъ — это своего рода атеизмъ. Основы гражданскаго устройства древнихъ

(*). Первые два письма напечатаны въ XXXIX-мъ, а третье и четвертое въ XLI-мъ томъ «Отеч. Записокъ» нынѣшняго года.

республикъ считались единными истинными, и были поруганы какой-то нелюдой пародіей на нихъ во время имперіи. Вся эти отрицанія, вы видите, недобросовѣстны, лукавы, отрывочны. Образованные люди видѣли нелюдность язычества, были волюндумцы и кошуны, — но язычество оставалось, какъ официальная религія, и на улицѣ они поклонялись тому, надъ чѣмъ ругались дома, потому-что чернь стояла за него, иначе и быть не могло: у ней только и оставалось. Ни у кого не было храбрости открыто, громогласно отрицать основанія древней жизни, — да и во имя чего могла возникнуть такая высокая дерзость? Внутри римской жизни могло явиться мрачное, печальное отрицаніе Секста-Эмпирика, глумливое, злое Лукіана, холодно-образованное Плинія, или, наконецъ, отрицаніе разврата и безучастія, того душевнаго холода и чувственнаго огня, которому нѣтъ дѣла до религіознаго и гражданскаго порядка, но который плачетъ объ умершей Муренѣ и рукоплещетъ умирающему гладиатору, поднося къ губамъ изображение *божественнаго*, т. е. царствующаго на сію минуту цезаря. Отрицанія обновляющаго, созидающаго, не было въ римской жизни, или оно было только въ возможности принять христіанство.

Христіанство является совершенно-противоположнымъ древнему порядку вещей; это не то половинное и безсильное отрицаніе, о которомъ мы говорили (*), а отрицаніе, полное мощи, надежды, откровенное, беспощадное и увѣренное въ себя. Возьмите «De Civitate Dei» Августина и полемическія сочиненія первыхъ христіанскихъ писателей —

(*). Сравните *созидающее* разрушеніе блаженнаго Августина съ *esprit fortis* древняго міра, или съ ихъ отчаяннымъ скрежетомъ зубовъ. Плиній, на-примѣръ, говоритъ, что единственное утѣшеніе людямъ состоитъ въ томъ, что боги также не всемогущи, не могутъ себя сдѣлать смертными, людей безсмертными, ни того, чтобы прошелое не было, или, чтобы два раза десять не было двадцать. Онъ съ горькимъ упрекомъ замѣчаетъ, что люди, не довольствуясь Олимпомъ и не имѣя силъ отречься отъ него, выдумали себѣ новыя дѣянія, склонились передъ отвлеченными страшными лицами — *передъ случаемъ и счастьемъ*, и трепещутъ безумно передъ собственными вымыслами. Лукіанъ — Вольтеръ той эпохи. Возьмите, на-примѣръ, его *трагическаго Юпитера*, это комедія-буффа на Олимпѣ. Онъ представляетъ Юпитера, растерявшагося отъ сидра эпикурейца, отвергающаго боговъ, съ стоикомъ; не зная, что дѣлать, Юпитеръ собираетъ совѣтъ. Начинается споръ, кому гдѣ сидѣть. Юпитеръ приказываетъ сперва усадить золотыхъ боговъ, потомъ мраморныхъ, и притомъ сперва практической работы, потомъ другихъ мастеровъ. Нештунъ тутъ же объявляетъ, что онъ не сядетъ ниже какого-нибудь египетскаго урода изъ золота, съ собачьей мордой. Ведѣно быть безъ чиновъ. Вдругъ съ топотомъ и трескомъ переваливается колоссъ Фродосскій и говоритъ, что онъ хотя и мѣдный, но мѣди въ него пошло больше, нежели золота въ инаго золотого бога. Пока они вздорятъ и пока Юпитеръ собираетъ желѣзные мѣнья, между которыми отличается мѣніе олимпійскаго Скалозуба — Геркулеса, который проситъ позволенія покачать колонны портика, подъ которыми идетъ споръ, эпикуреецъ побѣждаетъ стоика — и Олимпъ въ дуракахъ. Можно было потясти язычество, особенно въ известномъ кругу людей, такими ѣдкими насмѣшками — но такое отрицаніе оставляло пустоту въ душѣ. И потомъ, порицаніе язычества, тѣ же люди видѣли въ социализмъ древняго міра идеалъ; они хотѣли сохранить Римъ и Грецію съ ихъ гражданскимъ устройствомъ, одностороннимъ и тѣсно-связаннымъ съ религіей.

вотъ какъ надобно отречься отъ стараго и ветхаго; но такъ можно отречься, имѣя новое, имѣя святую вѣру. Добродѣтели аѳетскаго міра—блестящіе пороки въ глазахъ христіанина; въ статуѣ, передъ которою склонялся Грекъ, онъ видитъ чувственную наготу; онъ отказывается отъ прекраснаго греческаго храма и помѣщаетъ алтарь свой въ базилика, лишь бы не служить Богу истинному въ тѣхъ статуяхъ, въ которыхъ служили богамъ ложнымъ. Въмѣсто гордости—христіанинъ смиряется; вмѣсто стяжанія, онъ обрекаетъ себя добровольной нищетѣ; вмѣсто упоеній чувственностью—онъ наслаждается лирическими (*) . Христіанство было прямымъ, разкимъ антитезомъ тезису древняго міра. Многіе воображаютъ, что послѣднія три столѣтія такъ же отдѣлены отъ среднихъ вѣковъ, какъ средніе вѣка отъ древняго міра,—это несправедливо: вѣка реформаціи и образованности представляютъ послѣднюю фазу развитія католицизма и феодальности, можетъ-быть, они во многомъ перешли кругъ, котораго очертаніе сдѣлано было изъ Ватикана,—но тѣмъ не менѣе они представляютъ органическое продолженіе предъидущаго; всѣ основы социализма западно-европейскаго остались непркосновенными, христіанство осталось нравственною основой жизни; новое понятіе о правѣ выросло на той же почвѣ римскаго, каноначескаго и варварскаго права; различіе его состояло не въ различіи основаній—а въ иномъ (часто произвольномъ) толкованіи ихъ, болѣе—сообразномъ съ новой степенью образованности. Ни Лютеръ, ни Вольтеръ не провели огненной черты между былымъ и новымъ, какъ Августинъ; у ихъ такая черта не имѣла бы смысла, точно такъ, какъ у Сократа, у Платона, переходившихъ во многомъ циклъ аѳетской жизни, но принадлежавшихъ къ ней. Противоположность христіанскаго воззрѣнія съ древнимъ требовала не *передѣлки*, а *пересозданія*. Древній міръ—чувственный, художественный, все принимавшій съ легкостью и съ юношескою улыбкою, вездѣ пробивался къ мысли, и нигдѣ не могъ отшатнуться отъ непосредственности, нигдѣ не умѣлъ идти до крайнихъ выводовъ. Его наука была поэма, его искусство было религіей, его понятіе о человѣкѣ не раздѣлялось съ понятіемъ гражданина, его республика поддерживалась страшно-задавленной каріатидой невольничества, его нравственность состояла изъ юридическихъ обязанностей (**), онъ уважалъ въ согражданинѣ монополію, привилегію, а не человеческую личность его. Юношескій міръ этотъ былъ увлекательно-превращенъ и съ тѣмъ вмѣстѣ непростительно-легкомысленъ; филозофу, онъ отталкивалъ важнѣйшіе вопросы, потому-что они не такъ легко разрешались, или удовлетворялся легкими рѣшеніями ихъ; утоня въ роскоши и наслажденіяхъ, онъ не думалъ о темномъ подвалѣ, въ ко-

(*) Выраженіе, принадлежащее Григорію-Назіанзину въ письмѣ къ Валерію-Велленту: «Помнишь ли» говорить онъ: «какъ мы наслаждались лирическими и цѣстемъ?»

(**) Если нѣкоторые мыслители и стояли выше общественнаго мнѣнія о нравственности, то это только значить, что они уже перешли предѣлъ древняго воззрѣнія. Въ этомъ отношеніи, можетъ-быть, Сенека всѣхъ выше: потому-что онъ и стоялъ на самомъ краю древняго міра.

перестать стоять въ колодахъ рабы, возвратившись съ поля. Вдругъ прелесть декорация, ограничивавшая горизонтъ древняго міра, исчезла — открылась безконечная даль, которой и не воображалъ міръ гармонической соразмерности; основы его оказались неба въ этомъ безбрежїи, а лицо человека, потерянное въ гражданскихъ отношенїяхъ древняго міра, выросло до какой-то недостижимой высоты, искупленно Словоиъ Божиимъ. Непосредственныя и гражданскія опредѣленїя оказались второстепенными; личность христіанина стала выше сборной личности города; ей раскрылось все безконечное достоинство ея — Евангелїе торжественно огласило права человека, и люди впервые услышали *что они такое*. Какъ было не переизмыслить всему! Древняя любовь къ отечеству, высокая и прекрасная, но ограниченная и несправедливая замѣняется любовью къ ближнему, узкая національность единствомъ въ вѣра; Римъ съ гордостью удостоивалъ избранныхъ правомъ своего гражданства, — христіанство предлагало всѣмъ крещенїе водою. Древній міръ варилъ безотчетно въ природу, въ ея дѣйствительность, принималъ ея какъ фактъ, принималъ потому, что видалъ своими глазами; для него природа была все, за ея предѣлами ничего; онъ видалъ во временномъ естественномъ вѣчномъ и духовное, онъ видалъ въ красотѣ высшее въ реченїе высшаго, никогда не могъ оторваться отъ природы — и отъ того никогда не зналъ ея. Новый міръ именно въ матеріальную природу, въ явленїя и не варилъ; онъ отвергалъ дѣйствительность преходящаго, варилъ событію духовному, принималъ красоту за низшее выраженїе высшаго, не былъ пластиченъ, чувствовалъ свой разрывъ съ природою и стремился къ духовному примиренїю съ ней въ мысленїи, къ искупленїю природы въ себя. Древній міръ жилъ въ настоящемъ, воспоминалъ часто былое, но о будущемъ не думалъ; а если и являлась страшная мысль рока, преслѣдовавшая его безпрестанно, то это для того, чтобъ толкнуть человека къ наслажденїямъ, советомъ рока вопиавшю *l'incerto domani* застольной пѣсни изъ «Лукреція»; отъ того — этотъ упорный, чувственный *bien être* въ жизни, эта роскошь въ наслажденїяхъ, эта страстная нѣга, доходящая до поэтической усталости и до отвратительной животности, въ сравненїи съ которою нашъ комфортъ жалокъ и нашъ развратъ смѣшонъ; для древняго міра какъ-будто не было жизни за гробомъ; Ахиллъ сказалъ Улиссу въ предпоследней, что онъ пошелъ бы въ рабы, лишь бы на землю; мысль смерти иногда страшила ихъ, мысль о будущей жизни почти вовсе не занимала никого. Вѣра въ безсмертіе сдѣлалась, напротивъ, одной изъ краеугольныхъ основъ христіанства; признавая вѣчность свою и преходимость естественнаго, человекъ совсѣмъ иначе взглянулъ на все окружающее его. «Два града сдѣлали двѣ любви: земной градъ любовь къ себѣ до пренебреженїя Богомъ; градъ небесный — любовь къ Богу до пренебреженїя собою» (*De Civ. Dei*).

Въ то время, какъ проповѣдованїе Евангелїя измѣняло внутренняго человека, дряхлое устройство государственное оставалось въ явномъ противоречїи съ догматами религіи. Христіане признали римское государство и римское право; поблженный и отходящїй міръ нашелъ средъ

ство проникнуть въ станъ побѣдителей. Восточная-Имперія, принявъ во всей чистотѣ свангельское ученіе, осталась при той формѣ цезарскаго управленія, которое Діоклеціанъ — злѣйшій гонитель христіанства — развилъ до нелицности. Въ Западной-Имперіи, съ своей стороны, явился новый элементъ, также не христіанскій, элементъ тевтонизма, народнаго духа дикихъ полчищъ, страшныхъ въ несвѣдѣнной кровожадности своей, въ своей скитающейся неутомимости, въ своемъ дружинномъ фритствѣ и любви къ необузданной воле. Надобно было усмирить, укрепить дикарей; надобно было сломить ихъ желѣзную и задорную волю юней еще болѣе желѣзной и настойчивой. Эту великую задачу задали себѣ первосвященники римскіе; разрывая ее, они утратили свой характеръ чуждости всему мірскому; католицизмъ сорвалъ Германца съ его почвы и пересадилъ на другую, но самъ, между-тѣмъ, пустилъ корни въ землю, которую стремился вытолкнуть изъ-подъ ногъ мірянъ; жила управляла жизнью, онъ долженъ былъ сдѣлаться практическимъ, неческъ о мнѣзѣ; отвергая эти заботы, онъ принималъ ихъ. Началась безпрерывная борьба духовнаго порядка со свѣтскимъ; католицизмъ мало-по-малу побѣждалъ, побѣждалъ для того, чтобъ наконецъ спокойно насладиться плодомъ своихъ трудовъ въ лицѣ, на-прим., Льва X, который болѣе похожъ на доблестнаго цезаря, нежели на намѣстника св. Петра. Въ эту борьбу послѣдовательно вовлеклись всѣ стороны тогдашней жизни; самыя странныя противорѣчія безпрестанно встрѣчаются въ одной и той же груди. Эта борьба Гвельфовъ и Гибелиновъ, повторявшаяся въ разныхъ видахъ, похожа на бой змѣи съ человѣкомъ, представленный Дантомъ,—бой, въ которомъ то человѣкъ дѣлается змѣей, то змѣя человѣкомъ; въ этой борьбѣ одного изъ—зговизма и холода, все увлечено, несетя, крутится, и во всемъ элементъ безконечности и элементъ безумія. Научный интересъ того времени сосредоточивался въ схоластика. Схоластика—неловкій, жесткій и сухой амфибій—замѣняла истинную науку до самыхъ временъ негодующаго безпокойства и освобожденія теоретической дѣятельности въ XVI вѣкѣ. Отношеніе свое къ истинѣ и къ предмету схоластика опредѣляла странно, чисто-формально и совершенно-несамостоятельно. Не думайте, чтобъ схоластика была вообще христіанской мудростью,—нѣтъ, ее ищите въ отцахъ церкви первыхъ вѣковъ, особенно восточныхъ. Схоластика была и не вполне религіозна и не вполне наукообразна; отъ шаткости въ вѣрѣ, она искала силлогизмы, отъ шаткости въ логикѣ — она искала вѣрованія; она предавала свой догматъ самому шепетильному умствованію, и предавала умствованіе самому буквальному приниманію догмата. Она одного болѣла, какъ огля: самобытности мысли; ей лишь бы чувствовать помочи Аристотеля, или другаго признаннаго руководителя. О естествознаніи не можетъ быть и рѣчи: схоластика такъ презирала природу, что не могла заниматься ею; природа страшно противорѣчила ихъ дуализму; природа не брала участія въ безконечныхъ спорахъ схоластиковъ: какого же она могла ожидать участія отъ нихъ, убѣжденныхъ, что высшая мудрость только и существуетъ въ ихъ опредѣленіяхъ, раздѣленіяхъ и проч.? Вообще они считали природу подлой рабой, готовой исполнять своевольную прихоть

зорень стонуть въ колодахъ рабы, возвратившіяся съ поля. Вдругъ предѣстныя декораціи, ограничивавшія горизонтъ древняго міра, пещезли, — открылась безконечная даль, которой и не подозрѣвалъ міръ гармонической соразмѣрности; основы его показались мелки въ этомъ безбрежїи, а лицо человека, потерянное въ гражданскихъ отношенїяхъ древняго міра, выросло до какой-то недосягаемой высоты, искупленное Словомъ Божиимъ. Непосредственныя и гражданскія опредѣленія оказались второстепенными; личность христіанина стала выше сборной личности города; ей раскрылось все безконечное достоинство ея — Евангелїе торжественно огласило права человека, и люди впервые услышали, что они такие. Какъ было не перемѣниться всему! Древняя любовь къ отечеству, высокая и прекрасная, но ограниченная и несправедливая, замѣняется любовью къ ближнему, узкая національность единствомъ въ вѣру; Римъ съ гордостью удостоивалъ избранныхъ правомъ своего гражданства, — христіанство предлагало всѣмъ крещеніе водою. Древній міръ варилъ безотчетно въ природу, въ ея дѣйствительность, принималъ ее какъ фактъ, принималъ потому, что видѣлъ своими глазами; для него природа была все, за ея предѣлами ничего; онъ видѣлъ во временномъ естественномъ вѣчномъ и духовномъ, онъ видѣлъ въ красотѣ высшее выраженіе высшаго, никогда не могъ оторваться отъ природы — и отъ того никогда не зналъ ея. Новый міръ именно въ матеріальную природу, въ явленїя и не вѣрилъ; онъ отвергалъ дѣйствительность переходящаго, варилъ событію духовному, принималъ красоту за низшее выраженіе высшаго, не былъ пластиченъ, чувствовалъ свой разрывъ съ природой и стремился къ духовному примиренію съ ней въ мышленїи, къ искупленію природы въ себя. Древній міръ жилъ въ настоящемъ, вспоминалъ часто былое, но о будущемъ не думалъ; а если и являлась страшная мысль рока, преслѣдовавшая его безпрестанно, то это для того, чтобъ толкнуть человека къ наслажденїямъ, совѣтомъ въ родѣ нов сугіамо l'inserto domani застольной пѣсни изъ «Лукреція»; отъ того — этотъ упоительный, чувственный *bien être* въ жизни, эта роскошь въ наслажденїяхъ, эта страстная нѣга, доходящая до поэтической увлекательности и до отвратительной животности, въ сравненїи съ которой нашъ комфортъ жалокъ и нашъ развратъ смѣшонъ; для древняго міра какъ будто не было жизни за гробомъ; Ахиллъ сказалъ Улиссу въ предисловіи, что онъ пошелъ бы въ рабы, лишь бы на землю; мысль о смерти иногда страшила ихъ, мысль о будущей жизни почти вовсе не занимала никого. Вѣра въ безсмертіе сдѣлалась, наиротивъ, одной изъ краеугольныхъ основъ христіанства; признавая вѣчность свою и переходимость естественнаго, человекъ совсѣмъ иначе взглянулъ на все окружающее его. «Два града сдѣлали двѣ любви: земной градъ любовь къ себѣ до пренебреженія Богомъ; градъ небесный — любовь къ Богу до пренебреженія собою» (*De Civ. Dei*).

Въ то время, какъ проповѣдованіе Евангелїа измѣняло внутренняго человека, дряхлое устройство государственное оставалось въ явномъ противорѣчїи съ догматами религіи. Христіане приняли римское государство и римское право; побѣжденный и отходящій міръ нашелъ сред-

ство проникнуть въ станъ побѣдителей. Восточная-Имперія, принявъ во всей чистотѣ свангельское ученіе, осталась при той формѣ цезарскаго управленія, которое Діоклеціанъ — злѣйшій гонитель христіанства — развилъ до нелѣпости. Въ Западной-Имперіи, съ своей стороны, явился новый элементъ, также не христіанскій, элементъ тевтонизма, изродившаго духа дикихъ полчищъ, страшныхъ въ несвиной провозводимости своей, въ своей скитающейся неутомимости, въ своемъ дружинномъ братствѣ и любви къ несобуданной волѣ. Надобно было усмирить, укрепить дикарей; надобно было сломить ихъ желѣзную и задорную волю юлей еще болѣе желѣзной и настойчивой. Эту великую задачу задали себѣ первосвященники римскіе; разрывая ее, они утратили свой характеръ чуждости всему мірскому; католицизмъ сорвалъ Германца съ его почвы и пересадилъ на другую, но самъ, между-тѣмъ, пустилъ корни въ землю, которую стремился вытолкнуть изъ-подъ ногъ мірянъ; жажда управлять жизнью, онъ долженъ былъ сдѣлаться практическимъ, почтись о ншозъ; отвергая эти заботы, онъ принялъ ихъ. Началась безпрерывная борьба духовнаго порядка со свѣтскимъ; католицизмъ мало-по-малу побѣждалъ, побѣждалъ для того, чтобъ наконецъ спокойно насладиться плодомъ своихъ трудовъ въ лицѣ, на-прим., Льва X, который болѣе похожъ на доблестнаго цезаря, нежели на намѣстника св. Петра. Въ эту борьбу послѣдовательно вовлеклись все стороны тогдашней жизни; самыя странныя противорѣчія безпрестанно встрѣчаются въ одной и той же груди. Эта борьба Гвельфовъ и Гибелиновъ, повторявшаяся въ разныхъ вѣдахъ, похожа на бой змѣи съ человѣкомъ, представленный Дантомъ,—бой, въ которомъ то человѣкъ дѣлается змѣей, то змѣя человекомъ; въ этой борьбѣ одного нѣтъ—эгоизма и холода, все умлечено, летится, крутится, и во всемъ элементъ безконечности и элементъ безумія. Научный интересъ того времени сосредоточивался въ схоластика. Схоластика—неоложкій, жесткій и сухой амфибіи—замѣняла истинную науку до самыхъ временъ негодующаго безпокойства и освобожденія теоретической дѣятельности въ XVI вѣкѣ. Отношеніе свое къ истинѣ и къ предмету схоластика опредѣляла странно, чисто-формально и совершенно-несамостоятельно. Не думайте, чтобъ схоластика была вообще христіанской мудростью,—нѣтъ, ее ищите въ отцахъ церкви первыхъ вѣковъ, особенно восточныхъ. Схоластика была и не вполне религіозна и не вполне наукообразна; отъ шаткости въ вѣрѣ, она искала схоластики, отъ шаткости въ логикѣ — она искала вѣрованія; она предавала свой догматъ самому шепетливому умствованію, и предавала умствованіе самому буквальному приниманію догмата. Она одного боялась, какъ огня: самобытности мысли; ей лишь бы чувствовать помочи Аристотеля, или другаго признаннаго руководителя. О естественнѣдѣніи не можетъ быть и рѣчи: схоластика такъ презирала природу, что не могла заниматься ею; природа страшно противорѣчила ихъ дуализму; природа не брала участія въ безконечныхъ спорахъ схоластикова: какого же она могла ожидать участія отъ нихъ, убѣжденныхъ, что высшая мудрость только и существуетъ въ ихъ опредѣленіяхъ, раздѣленіяхъ и проч.? Вообще они считали природу подлой рабой, готовой исполнять своевольную прахоту

человека, потворствовать всемъ нечистымъ побужденіямъ, отрывать отъ высшей жизни, и въ то же время они боялись ея тайнаго, демоническаго вліанія, увѣреыны, что вся вселенная находится въ лачныхъ отношеніяхъ съ каждымъ человекомъ — неприяженныхъ или миролюбивыхъ. Ясно, что, вмѣсто естествознанія, явились астрологія, алхимія, чародѣйство. Съ ограниченной точки зрѣнія схоластическаго дуализма, значеніе всего естественнаго определялось превратно; все хорошее отнимали у природы и ставили внѣ ея, хотя никто и не спрашивалъ, гдѣ собственно ея предѣлы; все естественное, физическое покрывали завѣсой, стыдились тѣла, — въ немъ видѣли распутную паломницу духа и скорбѣли объ этой связи. Люди того времени представляли себѣ внутри земнаго шара Люцифера, жующаго Іуду и Брута, къ которымъ тѣготить все тяжелое міра вещественнаго и все злое міра нравственнаго. Они хотѣли попать ногами, уничтожить временное, хотѣли не знать его; дуализмъ схоластики не нѣмѣетъ въ себѣ ничего всахкорбѣющаго, примиряющаго, исполннаго любви — хотя говорить объ ней очень-много; это апофеоза отвлеченнаго, формальнаго мышленія, апофеоза личности эгоистической, соввавшей достоинство свое, но несостоятельной еще понять его, не правомъ пренебреженія природою, а правомъ освобожденія себя и природы въ дѣйствительномъ, вселюбящемъ мышленія. Схоластики не уразумѣли на столько христіанства, чтобы принять искушеніе не отрицаніемъ конечнаго, а спасеніемъ его. Христіанство снимаетъ собственно дуализмъ — суровое воззрѣніе католическихъ теологовъ не могло постигнуть этого (*). Замятьте, это одна изъ существеннѣйшихъ ошибокъ западнаго воззрѣнія, вызвавшая въ послѣдствіи только сильное противодѣйствіе. Оно придало среднимъ вѣкамъ ихъ угрюмый, патапутый, темный характеръ. Міръ схоластическій печаленъ; это міръ искуса, міръ уничтоженія всего непосредственнаго, міръ скучнаго формализма и мертвеннаго взгляда на жизнь; мысль перестала быть «доблестною потребностью», какъ называлъ ее Аристотель; она мучитъ, терзаетъ средневѣковаго человека; она сознала всю мощь раздвоенія и прошла между сердцемъ и умомъ, между подлежащимъ и сказуемымъ, между духомъ и матеріей, желая все торжество предоставить внутреннему и имъ посрамить все внѣшнее. Единство бытія и мышленія шло такъ же впередъ у древнихъ, какъ ихъ противорѣчіе у схоластиковъ; иначе не возникли бы и знаменитые споры номиналистовъ и реалистовъ. Примѣръ какого-нибудь Рожера Бэкона, не презирающаго опыта; какого-нибудь Раймунда Луллія, бросающагося между тысячею фантастическими и поэтическими затѣями на хмию, ничего не доказываетъ: такіа отрывочныя явленія не имють связи со всемъ окружающимъ; разсудочный, сухой спиритуализмъ, буквальные толкованія, логическія уловки, діалектическія дерзости и рабскіе передъ авторитетомъ — таковъ характеръ схоластики до реформаций, до

(*) Апостолъ Павелъ къ Коринтянамъ говоритъ: «Вся тварь ждетъ искушенія». Этого не хотѣли понять схоластики.

XVI вѣка. Въ концѣ этого вѣка, погибъ Петръ Рамусъ за то, что смѣлъ возстать противъ Аристотеля; Джордано Бруно и Ваннини были казнены за ихъ ученія убѣжденія, — одинъ въ 1600, другой въ 1619 г. Какая же дѣйствительная наука могла развиваться въ этой душной и узкой атмосферѣ? Одна формалистика — блѣдный плющъ, выросшій на тиремной оградѣ, прозябала въ ней; ея томный, лунный свѣтъ былъ безъ теплоты и самобытности, ея вопросы (*) были такъ далеки отъ жизни и такъ мелочны, что ревнивая цензура папская выносила ее. Ученыя занятія, въ это время, получили характеръ чисто-книжный, котораго они въ древнемъ мѣрѣ не имѣли; кто хотѣлъ знать, развертывалъ книгу, отъ жизни же и отъ природы отворачивался. Схоластики искали истину позади себя, они хотѣли ей *выучиться*, они думали, что она цѣликомъ написана — и, разумѣется, не двигались впередъ. Характеръ этотъ частію перешелъ въ кровь пѣмецкихъ ученыхъ.

Наконецъ, послѣ тысячеклѣтнаго безпокойнаго сна, человечество собрало новыя силы на новый подвигъ мысли; въ XV вѣкѣ, пробуждаются новыя требованія, тянется утреннимъ воздухомъ. Настала эпоха передѣлыванія. Вниманіе людей обращалось болѣе и болѣе на реальныя предметы, на морскія путешествія, совершенныя тогда, на новую часть земнаго шара, на странную и отчасти обидную для схоластиковъ мысль Коперника, на то тихое, незамѣтное открытіе, сдѣланное въ душной мастерской, передъ горномъ, за станкомъ литейщика, о которомъ алхимикъ Клодъ Фролло сказалъ смиренному аббату *beati Martini*: «*sesi iuga sela*»; но оно убило не зодчество, а темноту. Въ Италіи всего ранѣе раздалась повья требованія: мечтатель Ріензи вспомнилъ древній Римъ и хотѣлъ возстановить его; ему рукоплескала Петрарка — возстановитель классическаго искусства и поэтъ на *вульгарномъ* нарѣчій. Греки навѣжали изъ Византіи и привозили съ собою руно, схороненное у нихъ въ-продолженіи десяти вѣковъ. Другъ Козьмы Медичи, Марцилій Фидинъ, превосходно переводилъ Платона, Прокла и Плотина. Самое изученіе Аристотеля получило новый характеръ; доселѣ, Аристотель былъ какимъ-то подавляющимъ гнетомъ, его изучали формально, механически, по уродливымъ переводамъ; теперь взяли подлинникъ. Правда, умы были до того развращены схоластикой, что ничего не умѣли понимать просто; чувственное воззрѣніе на предметы было притуплено, истинное сознаніе казалось пошлымъ, а пошлая логомахія безъ содержанія, опертая на авторитеты, была принимаема за истину; чѣмъ узорчатѣе, щеголеватѣе, непонятнѣе были формы, тѣмъ выше ставили писателя. Томы вздорныхъ комментаріевъ писались объ Аристотеля; таланты, энергіи, цѣлыя жизни тратились на самую бесполезнѣйшую логомахию; но, между-тѣмъ, горизонтъ расширялся; собственное изученіе древнихъ писателей по-неволю заносило мысли свѣжія и живыя; вліяніе ихъ было неизмѣримо. Слабая, непривычная къ самомышленію,

(*) Предметы споровъ у схоластиковъ иногда поразительны; на-примѣръ: «Адамъ въ первобытномъ состояніи зналъ ли *liber sententiarum* Петра-Домбарскаго, или нѣтъ?»

лживая и формальная способность средневековых умов не могла сама собою отрешиться от безжизненной формальности своей; у нея не было человеческого языка, на которомъ можно было бы говорить дѣло; наконецъ, ей было стыдно говорить о дѣлѣ, потому-что она считала его вздоромъ. Вдругъ найдена чужая рѣчь, готовая, стройная, выражавшая превосходно то, чего схоластическіе доктора и не умѣли и не смѣли высказать; мало этого — чужая рѣчь опиралась на славныя имена. Чувствующие свое несовершенство пошли новые авторитеты и возстали противъ старыхъ. Все заговорило цитатами изъ Вергилія, Цицерона, а отъ Аристотеля, напротивъ, стали отрезываться. Патрицій представлялъ, въ половинѣ XVI вѣка, папѣ Григорію XIV сочленіе, въ которомъ обращалъ его вниманіе на противорѣчіе аристотелевскаго ученія съ церковью; этого противорѣчія не замѣтили лѣтъ пятьсотъ къ ряду добрые схоластики и доказывали догматы Аристотелемъ, Аристотеля—догматами. Наконецъ, въ одномъ изъ древнѣйшихъ средоточій схоластики и чуть ли не въ самомъ главномъ, въ Парижѣ, явился Гуссъ перипатетизма—Пьеръ Ia Ramée, и объявлялъ, что онъ противъ всехъ готовъ защищать тезисъ: «Все ученіе Аристотеля ложно». Крикъ негодованія раздался между учеными, онъ дошелъ до двorca Франциска I; король назначилъ надъ нимъ судъ, для того, чтобы осудить его. Рамусъ защищался, какъ левъ, но пощады не было; его прогнали, обвинили, и онъ послѣ этого пошелъ скитаться по всей Европѣ, изгоняемый и преслдуемый, бранясь, переезжая съ мѣста на мѣсто. Пятьдесятъ лѣтъ боролся этотъ человекъ съ Аристотелемъ, и наконецъ погибъ въ борьбѣ. Онъ проповѣдовалъ противъ стагирита, точно такъ же, какъ гугеноты проповѣдовали противъ папы. Сходство его съ протестантами очень-велико; онъ былъ прозаичнѣе, можетъ-быть, больше, плоче своихъ враговъ, плоче многихъ комментаторовъ Аристотеля (Помпонатіа, наприм.), но у него были практическія и современныя требованія; онъ гнушался формализмомъ и словопрениемъ; ему хотѣлось приложенія, пользы; онъ былъ ниже Аристотеля, такъ-какъ многіе протестанты ниже католическаго воззрѣнія; но онъ боролся съ Аристотелемъ схоластики такъ, какъ протестанты съ католицизмомъ XVI вѣка. Около того же времени, является торжественная и непрерывающаяся процессія людей мощныхъ и сильныхъ, приготовившихъ пропилеи новой наукѣ; во главѣ ихъ (не по времени, а по мощи) Джордано Бруно, потомъ Ванани, Карданъ, Кампанелла, Тилесій, Парацельсъ (*) и др. Главнѣйшій характеръ этихъ великихъ дѣятелей состоитъ въ живомъ, вѣрномъ чувствѣ тѣсноты, неудовлетворительности въ замкнутомъ кругѣ современной имъ науки, во всепоглощающемъ стремленіи къ истинѣ, въ какомъ-то дарѣ пророчества.

Время возстанія противъ схоластики исполнено драматическаго интереса. Читая біографіи, развертывая писанія энергическихъ людей, рвавшихъ цѣпи, которыя опутывали науку, вы увидите разомъ двойную

(*) Первый профессоръ химіи отъ сотворенія міра.

борьбу, въ которую они были вовлечены. Одна совершается въ ихъ душѣ — борьба психическая, трудная, волнующая ихъ безпрерывно, придающая многимъ изъ нихъ эксцентрической, почти судорожный видъ. Другая борьба царужная, оканчивающаяся на кострь, въ темницѣ; ибо схоластика, уstraшенная нападкаи, спряталась за инквизицію, смертныи приговораи возражала на смѣлые тезисы противниковъ, и вырывая ихъ языкъ клещами палача, заставляла умолкать. Многихъ удивляетъ шаткая непоследовательность ихъ и мужественная воля, неподдага, такъ-сказать, ихъ мысли, и полнота самоотверженія; но развѣ можно сразу отдѣлаться отъ историческихъ предразсудковъ? Не отъ непониманія зависить эта шаткость. Истина всегда бываетъ проще нелѣпости, но умъ челоуька вовсе не одна возможность пониманья, но *tabula rasa*: онъ засоренъ со дня рожденія историческими предразсудками, повѣрjami и проч.; ему трудно возстановить нормальное отношеніе свое къ простому пониманью, особенно въ то время, о которомъ идетъ рѣчь. Чтѣ удивительнаго, что Парацельсъ върпль въ алхимию, Карданъ называлъ себя магомъ (*)? Имъ трудно было вырвать изъ груди мнѣнія, освященныя вѣками, трудно было примирить ихъ съ восходящимъ свѣтѣмъ сознанія. Они, впрочемъ, и не сдѣлали этого. Они были такъ восторженны, что не могли порядкомъ устанѣваться; это эпоха первой любви, упоенія, неспающаго вѣры, эпоха новости поражающей; не ищите у нихъ строгой, наукѣобразной формы: ими только открыта почва науки, ими только освобождена мысль, содержаніе ея понято больше сердцемъ и фантазіей, нежели разумомъ. Вѣка должны были пройти прежде, нежели наука могла развить методѣмъ тѣ истины, которыя Джордано Бруно высказалъ восторженно, пророчески, вдохновенно. Это принатіе въ кровь и плоть своихъ убѣжденій придаѣло имъ ихъ личную мощь, поддержало ихъ въ борьбѣ внѣшней: гонимые, скитальцы изъ страны въ страну, окруженныя опасностями — они не зарыли изъ благороднаго страха истины, о которой были призваны свидѣтельствовать; они высказывали ее вездѣ; гдѣ не могли высказывать прямо, — одѣвали ее въ маскарадное платье, облекали аллегоріями, прятали подъ условными знаками, прикрывали тонкимъ флѣромъ, который для зоркаго, для желающаго, ничего не скрывалъ, но скрывалъ отъ врага: любовь догадливае и пронацательнае пенависти. Иногда они это дѣлали, чтобъ не испугать робкіи души современниковъ; иногда, чтобъ не тотчасъ попасть на костерь. Легко, въ наше время, челоуьку развивать свое убѣденіе, когда онъ только и думаетъ о болѣе-ясной формѣ изложенія; — въ ту эпоху это было невозможно. Коперникъ скрывалъ свое открьтіе авторитетаи, взатыми изъ древнихъ философовъ, и можетъ-быть, одно это спасло его лично отъ гоненія, въ-послѣдствіи обрушавшихся на Галилея и на всѣхъ послѣдователей его. Надобно было хитрить... «Хитрость» говорить одинъ мыслитель: «женственность воли, иронія дикой силы».

(*) Даже Бэконъ-Веруламскій не могъ совершенно отдѣлаться отъ астрологіи и магіи.

Макиавелли зналъ кой-что объ этой хитрости. Все вмѣстѣ придавало тогдашнимъ дѣятелямъ характеръ трепетнаго безпокойства и волненія. Они не были въ полномъ миру ни съ собою, ни съ окружающимъ. Истинно-спокоенъ или человекъ, принадлежащій зоологіи, или тотъ, кто, однажды кончивъ съ собою, видитъ согласіе своихъ внутреннихъ убъжденій съ паружнымъ міромъ. Они были безпокойны, потому-что окружающій ихъ порядокъ становился пошлымъ и нелѣпымъ, а внутренній былъ потрясенъ; разглядывъ то и другое; они не могли скрыть своего распадѣнія, не могли не быть безпокойными:—такимъ людямъ, какъ Бруно, не дается великій талантъ счастливо и спокойно жить въ средѣ, прямо противоположной ихъ убъжденіямъ.

Для живаго примѣра одушевленнаго, юношескаго мышленія этой эпохи, передамъ вамъ нѣсколько главныхъ мыслей Джордано Бруно, который, безъ-сомнѣнія, оставляетъ далеко за собою всѣхъ товарищей своихъ (*). Главная цѣль Бруно — развить и понять жизнь, какъ единое, всемірное, безконечное начало и исполненіе всего сущаго, понять все-ленную, какъ эту единую жизнь, понять самое единство это безконечнымъ единствомъ разума и бытія, единствомъ, побѣдоносно проторгающимся черезъ ряды многообразія. Вотъ краеугольные камни всего ученія Бруно, прямо-противоположнаго дуализму схоластики. Такъ-какъ жизнь одна, умъ одинъ, и одно единство ихъ связуетъ, следовательно, заключаетъ Бруно, если мы возьмемъ умъ въ цѣлости всѣхъ его моментовъ, мы все сущее подведемъ подъ него; не есть ли это прямое предвѣдѣніе логической философіи нашего времени? «Природа» говоритъ онъ, «внутри своихъ предѣловъ можетъ все сдѣлать изъ всего, а умъ можетъ все узнать изъ всего»; природу и умъ онъ понимаетъ двумя моментами одного развитія. «Одна и та же матерія проходитъ всеми формами: то что было зерномъ, дѣлается травкою, колосомъ, хлѣбомъ, питательнымъ сокомъ, зародышемъ, человекомъ, трупомъ, землею... но есть нѣчто остающееся самимъ-собою отъ этого развитія, — матерія; она безусловна ея проявленія условны; матерія все, потому-что она ничего въ особенности; дѣятельная возможность формы присуща ей; она развивается жизнью до своего перегиба въ умъ; въ природѣ слѣдъ идеи (vestigium); въ ея физическомъ бытіемъ (postnaturalia) начивается понятіе, тѣнь идеи (umbra). Ни произведенія природы, отдѣльно-взятая, ни понятія, никогда не достигаютъ полноты. Такъ, на-прим., каждый человекъ въ каждую минуту все то, что онъ можетъ быть въ эту минуту, но не все то, что онъ вообще можетъ быть по своей сущности... Вселенная же напротивъ, дѣйствительно все, что можетъ быть на-самомъ-дѣлѣ и разумъ, ибо она обнимаетъ всю вещественность вмѣстѣ съ вѣчными и неизмѣнными формами ея измѣняющихся произведеній; въ этомъ состоитъ ея великое единство, себѣ-равенство. Во вселенной вездѣ средоточіе; въ ней средоточіе и окружность не раздѣлены, такъ, какъ наибольшая

(*) Самое подробное изложеніе Бруно, со множествомъ выписокъ, у Буле въ «Geschichte unserer Philosophie», II Band, отъ 703 до 856. Въ гёттингенской бібліотекѣ Буле нашелъ много неизвѣстныхъ сочиненій Бруно и ими пользовался.

шее не отдалено отъ наименьшаго—на всякомъ мѣстѣ владычество Божіе. Но» прибавляетъ Бруно «недостаточно для истины понять единство только какъ точку соединенія различій: надобно такъ понять его, чтобы умъ снова вывести и всю противорѣчія.» Представьте себя, какъ должны были раскрыться рты докторовъ *sublissimorum, dialecticorum*, когда они услышали эту глубокую, вдохновенную рѣчь! Прибавлю еще выписку, чтобы показать, какой поразительно-вѣрный взглядъ имѣлъ онъ о злѣ. «Между тѣнями идемъ нѣтъ дѣйствительнаго противорѣчія; одно понятіе соединяетъ прекрасное и уродливое, доброе и злое. Несовершенное, злое не вижутъ собственной идеи, на которой бы они поклонись, по которой бы опредѣлялись (какъ по своему идеалу); между тѣмъ, все дѣйствительное предполагаетъ идею и понятіе; но въ томъ и дѣло, что понятіе злаго въ другомъ (въ противоположномъ); своего понятія у зла нѣтъ; напротивъ, понятіе, отъ котораго оно зависитъ, отрицаетъ дѣйствительность его, такъ-какъ и въ-самомъ-дѣлѣ зло представляетъ какое-то существующее небытіе, нѣчто отрицательное (*non ens in ente, vel, ut apertius dicam, defectus in effecto*).» Гегель, мнѣ кажется, не отдалъ всей справедливости Бруно, не потому ли уже, что Шеллингъ поставилъ его такъ высоко? Последнее очень-понятно. Бруно—живая, прекрасная связь между неоплатонизмомъ, котораго вліяніе на немъ весьма-замѣтно, и натурфилософіей Шеллинга, на которую онъ, въ свою очередь, имѣлъ большое вліяніе. Гегель не хотѣлъ узнать въ Бруно человека новаго міра такъ, какъ не хотѣлъ видѣть въ Бемѣ человека средневѣковаго; или, можетъ-быть, въ груди величайшаго германскаго мыслителя лежала народная связь съ *theosopho teutonico*, а романская горячая и реальная кровь Итальянца не была ему такъ родственна. Бемъ — великій человекъ; но это не мѣшаетъ Джордано Бруно стоять подлѣ него, потому-что и онъ великій человекъ (*). Оставляя Италію, замѣтимъ, что романскому племени былъ предоставленъ блестящій починъ новой науки. Но собственно въ новой философіи оно мало участвовало, какъ-будто оно истощило всю умозрительную способность свою на это начало, — оно, такъ богатое способностями на все другое? Какъ-будто новая философія, философія реформаціи, дуализмъ, выше схоластическаго, но все же дуализма, обманула ожиданія живой и реальной мысли романской, которая уже въ концѣ XVI столѣтія стояла выше дуализма. Если это такъ, мысль романская можетъ явиться завершительницею начатаго?

Въ это время возбужденности, энергіи, люди со всѣхъ сторонъ протестовали противъ средневѣковой жизни, вездѣ отрекались отъ нея, во всемъ требовали переменъ: церковь римская оканчивала борьбу съ лютеранствомъ страдательнымъ принятіемъ протестантовъ за совершенное событіе; схоластика рѣшительно видѣла несостоятельность свою противъ напора новыхъ идей, т. е. идей древняго міра. Наука, искусство, ли-

(* Мы не мнваемъ Бема, хотя, надобно сказать, въ исторіи науки онъ мало имѣлъ вліянія; его наукообразно поняли только въ нашемъ вѣкѣ.

тература — все перемѣнилось на античный ладъ, такъ-какъ готическая церковь снова уступила мѣсто греческому периптеру и римской ротондѣ. Классическое воззрѣніе заставило людей ясно смотрѣть на вещи; латинскій языкъ Рима приучилъ къ мужественной рѣчи, къ энергическому обороту; до этого времени, употреблялась латинь школы, блѣдная, искаженная, целовкая и потерявшая свою душу, такъ-сказать; древніе писатели очеловѣчили неестественныхъ людей средневѣковыхъ, разбудили ихъ отъ эгоизма романтической сосредоточенности и психическихъ раздраженій. Помните, какъ Гёте рассказываетъ въ «Римскихъ Элегіяхъ» вліяніе итальянскаго неба на него, выросшаго въ сѣренькомъ климатѣ Германіи, — таково было дѣйствіе классической литературы на ученыхъ XVI столѣтія. Въ сторону пошлые споры схоластическіе! воскликнуть средневѣковой челоуѣкъ: дайте упиться одами Горация, дайте подышать подъ этимъ свѣтлымъ лазоревымъ небомъ, насмотрѣться на роскошныя деревья, подъ тѣнью которыхъ в кубки съ сокомъ виноградныхъ гроздіи дозволены, и страстныя объятія любви перестаютъ быть преступленіемъ! *Humanitas, humaniora* (*) раздавалось со всѣхъ сторонъ, и челоуѣкъ чувствовалъ, что въ этихъ словахъ, взятыхъ отъ земли, звучитъ *vivere memento*, идущее на замѣну *memento mori*, что ими онъ новыми узами соединяется съ природою; *humanitas* напоминало не то, что люди сдѣлаются землею, а то, что они выйдутъ изъ земли, и имъ было радостно найдти ее подъ погами, стоять на ней; католическая строгость и германская пародная наклонность къ грустной мечтѣ приготовили къ этому крутому перегибу! Конечно, если мы пристально всмотримся въ дѣйствительную жизнь среднихъ вѣковъ, то увидимъ, что она болѣе наружно покорялась вліяніямъ Ватикана и романтическому настроенію; жизнь вездѣ восполняла полутайкомъ недостаточныя и узкія основанія средневѣковаго быта, довольствуясь періодическими раскаяніями, наружными формами, и потѣмъ, для большаго удобства, покупкою индульгенцій. Тамъ не менѣе тогдашняя жизнь была сумрачна, ватаюта; сосѣдъ скрывалъ отъ сосѣда подъ условными формами и простую мысль и мелькнувшее чувство; онъ стыдился ихъ, онъ боялся ихъ. Романтизмъ пилъ въ себя много задушевнаго, трогательнаго, но мало свѣтлаго, простаго, откровеннаго; конечно, челоуѣкъ и тогда предавался радости, наслажденіямъ, — но онъ это дѣлалъ съ тѣмъ чувствомъ, съ которымъ мусульманинъ пьетъ вино; онъ дѣлалъ уступку, отъ которой самъ отрекался; уступая сердцу, онъ былъ униженъ, потому-что не могъ противостоятъ влеченію, котораго не признавалъ справедливымъ. Грудь челоуѣческая, пзъ которой невозможно было изгнать реальныхъ потребностей, тяжело подымалась, рвалась къ жизни болѣе-равной; всегдашняя натянутость такъ же надоела челоуѣку, какъ всегдашнее вооруженіе рыцарю; хотѣлось мира внутренняго, — этого романтизмъ дать не могъ: онъ весь основанъ на несогласіи, на противорѣчіяхъ; его любовь — платонизмъ и ревность;

(*) Ното отъ *humus*.

его надежда—въ могиль; безвыходная тоска — основа его внутренней жизни; вся его поэзія—въ этой роющей тоскѣ, вѣчно-сосредоточенной на своей личности, вѣчно-растраивающей мнимыя раны, изъ которыхъ текутъ слезы, а не кровь; въ этихъ мученіяхъ вся нѣга эгонистическаго романтика, добродушно считающаго себя самоотверженнымъ мученикомъ; искомый миръ, искомый покой представляли на первый слухъ искусство древняго міра, его философія. Къ суровому готическому воззрѣнію начали прививаться мягкіе, человѣческіе элементы древней цивилизаціи; романтикъ сталъ догадываться, что первое условіе наслажденія—забыть себя; онъ сталъ на колыни передъ художественными произведеніями древняго міра; онъ научился поклоняться праздному безкорыстно; мысль греко-римская воскресла для него въ блестящихъ ризахъ; въ тысячелѣтнемъ гробѣ успѣло предаться тлѣнію то, что должно было истлѣть; очищенная, вѣчно-юная, какъ Ахиллъ, вѣчно-страстная, какъ Афродита, явилась она людямъ—и люди, всегда готовые увлечься, оскорбительно забыли романтическое искусство, отворачивались отъ его дѣвственныхъ красотъ и стыдливой закутанности. Поклоненіе древнему искусству—не временная прихоть: оно ему подобаешь; это единственное право, оставшееся за нимъ на вѣчную жизнь; это его истина, которая преидти не можетъ; это безсмертіе Греціи и Рима;—но и готическое искусство имѣло свою истину, которую уничтожить нельзя было; въ эпоху противодѣйствія некогда дѣлать такой разборъ.

Европа приняла древнюю образованность, такъ, какъ Россія, во время Петра I, приняла въ свою очередь образованность европейскую. Нельзя не замѣтить, впрочемъ, что классическое образованіе, распространившееся по всей Европѣ, было образованіемъ аристократическимъ; оно принадлежало неопредѣленному, но тѣмъ не менѣе дѣйствительному сословію образованныхъ людей *propter sic dictum*, легистамъ, духовнымъ, ученымъ, рыцарямъ,—по мѣрѣ того, какъ они изъ вооруженной аристократіи переходили въ придворную; наконецъ, всѣмъ матеріально-обеспеченнымъ и празднымъ. Крестьяне, городская чернь, т. е. бѣдные мѣщане, работники, пролетаріи, не только не участвовали въ этой перемѣнѣ, но рязче и глубже распались съ искусственно-образованною средою, нежели прежде. Новые языки, вопедшіе около того же времени въ употребленіе, не сблизили ихъ: на *вульгарныхъ* нарѣчіяхъ писались и говорились латинскія и греческія мысли, такъ, какъ въ среднихъ вѣкахъ по-латински говорились конечно вовсе не римскія вещи. Массы отъ этого переворота пали въ грубѣйшее невѣжество; прежде, для нихъ были трубадуры, легенды; проповѣдники говорили для нихъ, монахи посѣщали ихъ, была между высшимъ образованіемъ и ими связь: теперь все талантливое, образованное захватило элементы, чуждые народу, ничего-неговоряшіе его сердцу; и замѣьте при этомъ, что новая цивилизація не успѣла такъ переработаться въ сущность принявшихъ ее, чтобъ позволить имъ свободно, т. е. по-своему выражаться. Поэты, воспѣвая греческихъ боговъ и римскихъ героев, цѣликомъ брали свои восторги у Виргилія; прозаики писали и говорили цинеро-новски, — печальная и безучастная толпа не слушала ихъ: она лишь-

лась своихъ пѣвцовъ съ сказками и сагами, потрясавшими такъ сильно сердца ея знакомыми звуками и родными образами. Это распаденіе съ массами, выросшее не на феодальныхъ предразсудкахъ, а вышедшее полусознательно изъ самой образованности, усложнило, запутало развитіе истинной гражданственности въ Европѣ. Аристократія образованности, званія несравненно-оскорбительныя аристократіи крови: она не основана на непосредственности, на темной вѣрѣ, а на сознательномъ превосходствѣ, на гордомъ пренебреженіи массъ; искусственная образованность, которая шла на замѣну феодальному гетизму, была надменна и смотрѣла свысока; вы можете найти эту надменность во всѣхъ ея представителяхъ, въ Вольтерѣ и Боленброкѣ, точно такъ, какъ въ доктринахъ революціи 30 года, и въ берлинскихъ катедральныхъ философахъ. Но гений Европы не потерялся отъ этого раздвоенія, не сталъ ходить съ понурой головой, оплакивая бывшее и приходя въ отчаяніе, что не умѣетъ переварить въ себѣ совершившагося событія. Мало ли временнаго зла проходить рядомъ съ вѣчнымъ благомъ, даже въ частной жизни одного семейства, не только въ сложной многоначальной жизни цѣлаго народа; зло — несчастное, но иногда необходимое условіе добра — проходить; добро остается; сильная натура переработывается въ себѣ зло, борется съ нимъ, побѣждаетъ; сильная натура умѣетъ выпутаться изъ затруднительныхъ обстоятельствъ, умѣетъ похоронить милое себѣ и, оставаясь вѣрною ему, идти на новое дѣйствованіе и на новые труды; а слабыя натуры терпятъ въ своемъ плачѣ объ утратѣ, хотятъ невозможнаго, хотятъ прошедшаго, не умѣютъ найтись въ действительности и, какъ этрурійскіе жрецы, поютъ одна похоронныя пѣсни, не имѣя смысла разглядѣть новой жизни и брачныхъ гимновъ ея.

Если классическое образованіе миновало массы и отрезало отъ нихъ высшія сословія, то, напротивъ, реформація съ своими расколами не миновала ихъ. Мистичизмъ и ученія, возбужденныя протестантизмомъ, его таинственная простота, явившаяся замѣнить величественный ритуалъ католицизма, его догматическіе вопросы дотронулись до совѣсти каждаго чловѣка. Даже британская натура забыла свое практическое настроеніе и бросилась въ лабиринтъ теологическихъ тонкостей; протестантизмъ въ Германію и говорить нечего. Слѣдствія этихъ споровъ, распрей, были сообразны духу народному: для Англіи — Кромвель, Пенсильванія; для Германіи — Яковъ Бемъ; скажемъ о немъ нѣсколько словъ.

Самопознаніе раскрывается не въ одной наукѣ; логическая форма — послѣдняя, завершающая, далье которой собственно видѣніе не идетъ. Наука не только не исключительный органъ самопознанія, но она весьма долго негодный, неготовый органъ для него; конечно, наука въ абсолютномъ смыслѣ, вѣчная органика истины; но пора согласиться, что въ действительности, т. е. во времени, въ исторіи все обусловлено, и что только объ исторической наукѣ и можетъ идти рѣчь, когда говорится о действительномъ развитіи. Въ логикѣ все совершенно *sub specie aeternitatis*; потому-то временное и не нашло еще въ ней своего тождества съ вѣчнымъ. Пока разумъ и истина раздвоены, пока форма и со-

держаніе противопоставлены другъ другу, до-тѣхъ—порѣ наука не въ состояніи вывести полную истину самопознанія или полное самопознаніе истины — что все равно. Человѣкъ сознаетъ себя, пока разрабаты-вается высшая форма болѣе-и-болѣе въ другихъ сферахъ дѣятельности, путями опытности, событій и своего взаимодѣйствія съ внѣшнимъ міромъ, путями восторженнаго поэтическаго предвѣднія. Сначала, самопознаніе человѣка—его истиниктъ, несознательная разумность животнаго, темныя, непреодолимая влеченія, удовлетвореніе которыхъ, успокоивая животную сторону, возбуждаетъ сторону человѣческую; возникающій разумъ развертываетъ свое содержаніе въ два направленія; въ практической области онъ является какъ слагающееся общипное житъе, какъ житейская мудрость поведенія, дѣйствованія, какъ многосторонняя связь трудовъ, работъ съ окружающей средою, какъ развитіе нравственной воли; мысль, вырабатывающаяся въ этихъ сферахъ, имѣетъ всю полноту и жизненность конкретнаго и всю неумовимость его въ отвлеченную форму; все практическое является частнымъ, условнымъ, одновременнымъ удовлетвореніемъ физической или нравственной потребности; высокій смыслъ ея творческой совокупности терлется отъ стука молотовъ, отъ пыли, отъ раздробленности; между-тѣмъ, какъ-только человѣкъ отеръ потъ послѣ тяжкаго труда устройства, у него явилось уже требованіе на иное удовлетвореніе, его ужъ что-то беспокоитъ, и дѣтскій разумъ его, нераздѣльный съ чувствами, непонимающій всѣхъ средствъ своихъ, начинаетъ облекать природу и мысли въ пеструю, яркую одежду дѣтскаго воображенія. Необузданныя сначала фантазіи, уравновѣшываясь, принимаютъ стройный и изящный видъ художественнаго произведенія; въ художественномъ произведеніи дѣйствительно сочеталось содержаніе съ содержимымъ; въ немъ мысль непосредственна и непосредственность одухотворена; въ статуѣ человѣкъ видитъ внѣ себя привреніе, которое онъ ищетъ, поклоняется ему и называетъ его Аполлономъ или Палладой; но это ненадолго; безпокойная мысль разъядетъ художественное произведеніе, подчиняетъ себя форму, низводитъ ее на степень символики, а сама восходитъ на высоту вдохновеннаго, таинственнаго созерцанія; самопознаніе находитъ въ этой символикѣ образъ; глаголь, облегчающій ему уразумѣніе невыразимой, но послѣдней въ сознаніи истины; здѣсь образъ не есть уже живое и единственное тѣло идеи, какъ въ художественномъ произведеніи; символическій образъ готовъ, передавъ вамъ смыслъ свой, послуживъ сосудомъ истины, исчезнуть, распуститъ въ свѣтъ самосознающей мысли; этотъ вердающій полупрозрачный образъ отражаетъ человѣку его черты, но черты преобразенныя, просвѣтленныя; человѣкъ узнаетъ себя въ нихъ, и ботся узнать себя. Символика—языкъ, вдохновенный іероглифъ мистическаго самопознанія. Языкъ Пинегора и Прокла, языкъ Якова Бена, принимаемые ими образы всегда могутъ быть понимаемы разно: они, какъ зеркало, разуму отражаютъ разумъ, а чувственности — чувственность; легкіе и одухотворенные іероглифы въ грубыхъ рукахъ чувственныхъ мистиковъ, возвращающихся къ матеріализму изувѣрствокъ — дѣлаются дивящими призраками; духъ, ихъ одушевлявшій,

религіозная мысль ихъ отлетаетъ, кружевное покрывало, едва колебавшееся между человекомъ и пстиной — превращается въ сыррой, могильный саванъ, и яркая мысль, свѣтившаяся въ очахъ вдохновеннаго созерцанія, замѣняется мрачно-безумнымъ взглядомъ мага и каббалиста. Я считалъ необходимымъ напомнить вамъ все это, приближаясь къ странному лицу Якова Бема. Его вдохновенное, мистическое созерцаніе, истекавшее изъ святаго источника, привело его къ воззрѣнію такой необъятной ширины, о которой наука его времени не смѣла мечтать, — къ такимъ истинамъ, которыя человечество узнало вчера, а Бемъ жила слишкомъ двѣсти лѣтъ тому назадъ. И то же высокое ученіе Бема, облакаясь въ странныя мистическія и алхимическія одежды, дало основу самымъ эксцентрическимъ, самымъ безумнымъ отклоненіямъ отъ простосердечнаго принятія истины: шведенборгіанцы, Экартсгаузенъ, Штвлингъ и ихъ послѣдователи, Гознло и вышшіе германскіе духовидцы, заклинатели, прокаженные, испорченные, все эти клануши разныхъ нечитаемыхъ журналовъ и разныхъ сумасшедшихъ домовъ большую долю своего мракобсія почерпнули изъ Якова Бема.

Полнаго очерка бемова ученія я не имѣю возможности передать вамъ; мы ограничимся нѣсколькими чертами; впрочемъ, ex ungue leonem.

Языкъ Бема темень, безграмотенъ; но его рѣзкая и оригинальная рѣчь — полна сильной, огненной поэзіи. Вотъ основныя мысли его философіи природы: «Все возникаетъ отъ *да* и *нѣтъ*. *Да*, взятое помимо отрицанія, помимо *нѣтъ*, — вѣчный покой, все и ничего, вѣчное молчаніе, свобода отъ всякаго мученія, и слѣдственно отъ всякой радости, безраздичіе, невозмущаемая тишина. Но *да* и не можетъ существовать безъ *нѣтъ*; оно необходимо присуще его выходу изъ безразличія. *Нѣтъ*, само-по-себѣ ничего, а ничего — стремленіе къ чему-нибудь («eine Sucht noch Etwas»). *Да* и *нѣтъ* — не разное, но различное; безъ различія не было бы ни образа, ни сознанія, жизнь была бы вѣчнымъ безстрастнымъ, равнодушнымъ истеченіемъ; желаніе предпологаетъ, что чего-либо *нѣтъ*, къ чему мы стремимся. *Нѣтъ* останавливаетъ безконечную лучезарность положительнаго и на точкѣ ихъ встрѣчи закипаетъ жизнь; это перегрѣвъ, удерживающій безконечное развитіе для конечной опредѣленности. Единство, выступая въ многообразіе, непременно расчленяется и, развиваясь въ этомъ расчлененіи «возвращается сознаніемъ къ повому духовному единству... Свѣтъ не было бы, еслибъ не было тьмы, или еслибъ онъ и былъ, то безприсутственно разсвѣвалась, что освѣщала бы онъ? Но свѣтъ самъ собою ставитъ тьму, тоска безразличности стремится къ различію «на этомъ основана вѣчная потребность *быть чѣмъ-нибудь* (Etwas sein wollen); въ этой потребности раздвоенія проявляется *я* (т. е. субъективность) природы... Открывая собою божественную и вѣчную волю, «природа — произведеніе тихой вѣчности; она образуетъ, производитъ и расчленяетъ для того, чтобы радостно сознать себя... что сознаніе выражаетъ словомъ, то образуетъ природа въ свойства. Первое свойство вѣчной природы (Бемъ отдѣляетъ вѣчныя свойства отъ временнаго проявленія ихъ; первыя онъ называетъ вѣчной природою

«перья физическою природою) — безусловное *желаніе* сдѣлаться чѣмъ-нибудь; второе — *кратководствіе*, останавливающее желаніе, перегибъ, причина страданій и жизни; третье — *чувствительность*, самосознаніе свойствъ; четвертое — *оноиъ*, блескъ, до котораго поднялось естественное и вучительное разрушеніе предъидущихъ свойствъ; пятое — *любовь*; шестое — *звукъ*, гласность и пониманіе свойствъ между собою; седьмое — *сущность*, какъ носящая личность, какъ субъектъ шести предъидущихъ свойствъ, какъ ихъ душа... Все въ природѣ открываетъ себя; природа всему даетъ языкъ; самоочертаніе — глаголь, которымъ вещь проясляетъ свое внутреннее. Быть только внутреннимъ невыносимо; внутреннее стремится быть наружнымъ. Вся природа заучивъ о своихъ свойствахъ и показываетъ себя... Въ сосредоточенной жизни природы открывається *сущность* (какъ мысль человека), а въ желаніи (человека) лежитъ стремленіе одѣйствоваться (по Бему, обнаружиться природою). Наружная природа образуется изъ шести вѣчныхъ свойствъ; въ седьмомъ она успокоивается, какъ въ субботу своей... Вода, воздухъ ближе къ безразличному единству, какъ все мягкое, лишенное рѣзкости; напротивъ, твердыя тѣла выше свою сложность расчлененіями, спящими уже въ нихъ. По видимому міру, по солнцу, звездамъ, элементамъ, тварямъ можно опредѣлять ихъ причину; ибо ни одна вещь не имѣетъ основы нѣдѣ, а основа и причина ея необходимо тамъ, гдѣ она возникла. Истинная причина всему, послѣдняя основа — Божественный духъ вездѣ сущій... Онъ не далекъ, онъ близокъ, умъ только видѣть Его» говоритъ восторженный Бемъ: «человѣкъ тупой, скажу я невѣрующему, — если ты думаешь, что нѣтъ въ тебѣ самомъ божественнаго, то ты не образъ и не подобіе Божіе; если ты разрозненъ съ нимъ, то какъ ты сдѣлаешься однимъ изъ сыновъ Его?»

Изъ того же начала необходимаго расчлененія стремится Бемъ вывести зло и все дурное. Зло онъ принимаетъ за одно изъ условій феноменальнаго бытія; начало его общее съ добромъ, качество есть уже зло, какъ ограниченность, какъ эгоистическое отторженіе отъ единства, какъ обособленіе и исключеніе всѣхъ другихъ свойствъ. Латинское слово *qualitas* Бемъ поэтически (хотя нельзя сказать, что тутъ возсія заодно съ грамматикою) производитъ отъ нѣмецкихъ словъ *Qual* — мученіе и *Quellen* — истекать, качество мучиться (*die Qualität quält sich ab*); чтобъ освободиться во всеобщемъ единствѣ, оно чувствуетъ недостатокъ, потому что оно *кльто* физическое, алчное все усвоить себя, себя-любивое; но это отчужденіе побуждается просвѣтленіемъ, и то, что было страданіемъ во тмѣ, расцвѣтаетъ наслажденіемъ въ свѣтѣ; все, что было страхомъ, ужасомъ, трепетомъ, станетъ крикомъ радости, звономъ и пѣніемъ... Зло — необходимый моментъ въ жизни и необходимо-переходный... безъ зла все было бы такъ же безцвѣтно, какъ безцвѣтенъ былъ бы человекъ, лишенный страстей; страсть, становясь самобытною, — зло, но она же источникъ энергій, огненный двигатель... Доброта, питающаяся въ себя зла, эгоистическаго начала, — пустая сонная доброта. Зло врагъ самого-себя, начало безпокойства, непрерывно-стремящееся въ усношенію, т. е. къ снатию самого-себя...

Довольно съ васъ. Если вы желаете подъ этими странными словами понять широкія мысли, отсюду просвѣчивающія у Бема, вы ихъ увидите даже въ бѣдныхъ выпискахъ, сдѣланныхъ мною. Если же его слова вамъ (какъ прежде васъ многимъ) покажутся бредомъ, — я не берусь васъ разуверить...

Основанія реформаціоннаго воззрѣнія столько же способствовали наукообразному развитію мышленія, сколько феодализмъ мышалъ ему; пылливое изслѣдованіе получило законное право: вглядываясь пристально въ споры того времени и манеру ихъ, чувствуешь отраду и грусть; вы видите, что мысль побѣждаетъ, что ей даютъ вездѣ мѣсто, что она признана, но съ тѣмъ вмѣстѣ видите, что она суха, холодна, формальна, что она убивала бы жизнь, еслибъ жизнь можно было убить. Въ наукѣ, побѣда надъ средне-вѣковымъ воззрѣніемъ не была такъ торжественна, такъ полна, какъ въ области искусства: Рафаэль, Тиціанъ, Корреджіо сдѣлали невозможнымъ дуализмъ въ эстетикѣ; въ наукѣ, католическій идеализмъ, называвшійся схоластикой, былъ побѣжденъ протестантской схоластикой, называемой идеализмомъ. Какъ художественность составляетъ управляющій характеръ греческой эпохи, такъ точно отвлеченное мышленіе является главной чертой эпохи реформаціонной, дуализмъ школьный и до чрезвычайности прозаическій; съ развитіемъ его жизнь мелветъ, становится безцвѣтнѣе (*). Въ латописяхъ этой науки, мы не будемъ болѣе встрѣчать ни величественно-пластическихъ личности гражданъ-мудрецовъ древняго міра, ни строгія, мрачныя лица средне-вѣковыхъ докторовъ, ни энергическія, огненные черты людей переворота въ XVI столѣтіи. Философы, какъ люди, стараются болѣе и болѣе; ихъ отвлеченныя занятія, ихъ ученые интересы дѣлаютъ ихъ чуждыми жизни; послѣ Бруно философія имѣетъ одну великую біографію del gran Ebreo науки (Спиннозы) (**). Гегель довольно странно объясняетъ это; онъ говоритъ, что въ новое время гражданское достигло того разумнаго совершенства, при которомъ индивидуальностямъ нечего болѣе заботиться о вѣншемъ, и каждому указано свое мѣсто. Внутреннее и вѣншее, думаетъ онъ, стоятъ самобытно и такъ, что вѣншій порядокъ идетъ самъ собою и человекъ можетъ не думать о немъ учредить свой внутренній міръ самъ-собою. Я думаю, несомнѣнно-легко доказать это германской исторіей отъ вестфальскаго мира до нашего вѣка; но какъ бы то ни было, Гегель высказалъ совершенно-нѣмецкую мысль — non vitia hominis (**)!..

(*) Странное дѣло: въ протестантизмѣ, какъ и въ дѣлѣ науки, романскіе вероисповѣданія являются только на заглавномъ листѣ съ своимъ брешанскимъ Арнольдомъ и Жироламомъ Саванролой, съ своими гугенотами... потому они предоставляютъ міру германическому собрать нервы плоти, какъ-будто выжидали чего-либо.

(**) Развѣ прибавить Лейбница и Фихта?

(***) Geach. der Phil. Th. III, p. 276 и 277. Всего лучше доказываетъ эту мысль длинная біографія Гегеля, написанная Розенкранцомъ и вышедшая съ годъ тому назадъ; въ ней есть высокаго интереса отрывки изъ гегелевыхъ бумагъ и почти безъ всякаго интереса жизнеописаніе. Нѣмецкая жизнь безъ событий, съ перемѣною мѣстъ: mit Sprachbuch en für die Kinder, Geburts-Feiertagen, etc.

Письмо шестое.

ДЕКАРТЪ и БЭКОНЪ.

Hier können wir sagen sind wir zu Hause, und können wie die Schiffer nach langer Umherfahrt auf der ungestümen See «Land!» rufen (*). Такъ въмѣстствуетъ Гегель Декарта. «Съ Декарта», продолжаетъ онъ, «начиается настоящее отвлеченное мышленіе; вотъ начала, изъ которыхъ разовьется чистое умозрѣніе — новая наука — наша наука.»

И мы скажемъ: берегъ — но въ противоположномъ смыслѣ; для Гегеля это берегъ, къ которому приплываетъ мысль, какъ къ спокойной гавани своей, къ гавани, съ которой начинается ея царство. Мы, напротивъ, видимъ въ новой философіи берегъ, на которомъ мы стоимъ, готовые покинуть его при первомъ попутномъ вѣтрѣ, готовые сказать спасибо за гостепрѣимство и, оттолкнувъ его, плыть къ инымъ прѣстанямъ. Судьба новой философіи совершенно-сходна съ судьбою всего реформаціоннаго: ничего стараго не оставлено въ покоѣ, ничего новаго съ основанія не воздвигнуто; на сооруженіе новыхъ зданій шелъ старый кирпичъ, и они вышли не новыми и не старыми; все реформаціонное сдѣлало огромные шаги впередъ; все было необходимо и все остановилось на подорогѣ. Странно было бы, еслибъ наука этой эпохи начинаній совершила одна свое дѣло. Наука не имѣетъ силы отшататься отъ прочихъ элементовъ исторической эпохи; напротивъ, она есть гонимая, развитая мысль своего времени; она дѣлитъ судьбы всего окружающаго. Она, съ своей стороны, громко протестуетъ противъ схоластики, всосала въ свои жилы схоластику. Чистое мышленіе — схоластика новой науки, такъ, какъ чистый протестантизмъ есть возрожденный католицизмъ. Феодализмъ пережилъ реформацію; онъ проиникъ во вся явленія новой жизни европейской; духъ его выдвинулся къ ополчавшимся противъ него; правда, онъ измѣнился, еще болѣе правда, что рядомъ съ нимъ возрастаетъ нечто дѣйствительно-новое и мощное; но это новое, въ ожиданіи совершеннолѣтія, находится подъ опекой феодализма, живаго, не смотря ни на реформацію Лютера, ни на реформацію послѣднихъ годовъ прошлаго вѣка. Да и какъ ему быть не живымъ? Съ чѣмъ онъ боролся до-сихъ-поръ? Помните, — съ незрѣлыми начинаніями, съ неразвитыми всеобщностями, съ частными нападками, съ поправками, дѣлаемыми внутри его собственныхъ предѣловъ. Феодализмъ грубый, прямой, замѣнился феодализмомъ раціональнымъ, смягченнымъ; феодализмъ, вѣровавшій въ себя — феодализмомъ, защищающимъ себя, феодализмъ крови — феодализмомъ денегъ. Схоластика замѣняетъ мѣсто феодализма науки: могла ли она послѣ этого быть иная наукой, берегомъ? можно ли ждать, что человекъ въ ней будетъ дома? — Нѣтъ!

(* Теперь мы можемъ сказать, что мы дома; подобно мореплавателямъ, долго путешествовавшимъ по бурному морю, мы можемъ воскликнуть «земля!» (Gesch. der Phil. 7. Bd. стр. 338, и еще тамъ же, стр. 275).

Дуализмъ схоластическій не погибъ, а только оставилъ обветшалый мистико-кабалистическій нарядъ и явился чистымъ мышлениемъ, идеализмомъ, логическими абстракціями: тутъ великій прогрессъ, этимъ путемъ, т. е. возводя дуализмъ во всеобщую сферу мысли, философія поставила его на лезвіе ножа, привела прямо къ выходу изъ него. Новая наука начинается съ той задачи, на которой остановилась древняя наука, съ той точки, такъ-сказать, на которую древній міръ возвелъ мышленіе. Она подняла задачу древняго міра, но не рѣшила ея; она привела только къ рѣшенію ея — я остановилась, чувствую, можетъ-быть, что рѣшеніе это будетъ съ тѣмъ вмѣстѣ ея смертный приговоръ, т. е., что она изъ существующихъ дѣятельныхъ властей перейдетъ въ исторію. Гегель поступилъ, можетъ-быть, откровеннѣе, нежели хотѣлъ; можетъ-быть, радостныя слова «берегъ», «дома» у него вырвались невольно; этимъ восклицаніемъ онъ неразрывно сочеталъ свою судьбу съ реформационной наукой. Впрочемъ, стойте на одномъ берегу съ Спинозой не стыдно!

Все сказанное нами никакъ не должно закрыть всю величину переворота въ мышленіи и весь прогрессъ, пріобрѣтенный наукой чрезъ него. Со времени Декарта, наука не теряетъ своей почвы; она твердо стоитъ на самопознающемъ мышленіи, на самозаконности разума.

Философія древняя и новая философія составляютъ два великія основанія будущей науки; оба она неполны, оба носили въ себя элементы не научные, оба были великими пріуготовительными моментами, безъ которыхъ, дѣйствительно, полная наука не могла бы развиваться, — оба прошли. Вы помните, древняя философія всегда имѣла въ себя одинъ элементъ непосредственности, фактъ, событіе, унавшее, какъ азролить, и принимаемое за истину по чувству, по довѣрію къ жизни, къ міру. Такъ она принимала самое единство бытія и мышленія; она была права въ сущности дѣла, но не права въ образѣ пріянія: это было взрваніе, истиннѣе, такъ истины — если хотите, но не сознательная мысль. Такой непосредственный элементъ прямо противоположенъ понятію науки. Средневѣковое воззрѣніе было противоположеніемъ противъ непосредственности; но это его не спасло отъ того же недостатка: оно отрезало послѣднюю нить пуговинны, прирашавшей человека къ природѣ, и человекъ, совершенно-обращенный внутрь міра рефлексіи, въ немъ-одномъ искалъ рѣшенія вопросовъ; но этотъ міръ духовный былъ чисто-личный, онъ не имѣлъ предмета. «Дѣйствительность существа», превосходно замѣтилъ Джордано Бруно, «обусловлена дѣйствительнымъ предметомъ». Предметъ средневѣковаго человека былъ онъ самъ, какъ отвлеченная сущность; отрицать непосредственность такъ же мало научнообразно, какъ принимать ее безъ мысли. Умъ, сосредоточенный въ себя, занимаясь только собою, «впалъ въ сухую, жалкую схоластику и плелъ изъ себя паутину очень-тонкую и узорчатую но совершенно-непужную», какъ говоритъ Баконъ. Довѣріе человека къ уму привело схоластику къ признанію дѣйствительнымъ всякой логически-востроенной нелѣпости, и такъ-какъ у нихъ содержанія не было, то они его брали изъ фантазіи, изъ психологической невоспро-

ственности, опираясь на него точно такъ, какъ эмпирикъ опирается на опытъ. И такъ, съ одной стороны, тяжелый камень, съ другой—ужасная пустота, населенная призраками. Люди переворота увидѣли невозможность дойти до чего-либо схоластикой, и возненавидѣли ее; но отрицаніе схоластики не есть еще чиноположеніе новой науки; познательное провидѣніе Джордано Бруно—такъ же мало наука, какъ дерзкія отрицанія Ванни. Первая необходимая задача, вопросъ, отъ котораго мыслящей головѣ нельзя было отвернуться, состоялъ въ разрѣшеніи мысленіемъ отношенія самого мысленія къ бытію, къ предмету, къ истинѣ вообще. И дѣйствительно, съ этимъ вопросомъ на устахъ является новая наука въ міръ. Отецъ ея, безъ сомнѣнія, Декартъ. Значеніе Бэкона совсѣмъ-иное: о немъ послѣ.

Декартъ долго занимался науками такъ, какъ онъ преподавались въ его время; потомъ бросилъ книги: онъ ему не разрѣшили ни одного сомнѣнія, не удовлетворили его ни въ чемъ. Онъ такъ же ясно, какъ Бэконъ, увидѣлъ, что старый корабль средневѣковой жизни тонетъ и разрушается, не спорилъ съ его лодчманами, какъ дѣлали его предшественники, а бросался въ море, чтобъ достигнуть новаго берега. И такъ же, какъ Бэконъ, онъ рѣшился *начать съ начала*, начать совершенно-свободно въ средѣ мысленія. Много надобно было твердости, чтобъ держуть и на этотъ разрывъ съ былымъ, и на это воздвиженіе новаго: Декартъ, мучимый неуверенностью, а, можетъ-быть, и совѣстью, съ несохоми наломника въ рукъ, ходилъ къ лоретской Божіей-Матери просить ея помощи въ начатомъ трудѣ, и тамъ, распростертый передъ нею, молился привирнуть его сомнѣнія. Приступъ Декарта къ делу—величайшая заслуга его; дѣйствительное и вѣчное начало наукообразнаго развитія онъ начинаетъ съ безусловнаго сомнѣнія—все не для того, чтобъ все истинное отвергнуть, а для того, чтобъ все истинное оправдать, но оправдать освободивъ себя. Когда онъ поднимался въ страшно-изрѣженную среду, въ которую не впустилъ ничего впередъ-идушаго, когда въ этомъ мракѣ, въ которомъ все исчезло, кромѣ его-самого, онъ сосредоточился въ глубинѣ духа своего, сошелъ внутрь своего мысленія, повѣрнулъ свое сознаніе, — у него вырвалось изъ груди знаменитое подтвержденіе своего бытія: *cogito, ergo sum* (я мыслю, следовательно существую). Отсюда неминуемо должно развиться единство бытія и мысленія; мысленіе дѣлается аподиктическимъ доказательствомъ бытія; сознаніе сознаетъ себя неразрывнымъ съ бытіемъ,—оно невозможно безъ бытія. Вотъ программа всей будущей науки; вотъ первое слово возрѣнія, котораго послѣднее слово скажетъ Спиноза; вотъ тема, которую наукообразно разовьетъ Гегель. *Nosce te ipsum* и *Cogito, ergo sum*—два знаменитые лозунга двухъ наукъ, древней и новой. Новая исполнила совѣтъ древней, и *Cogito, ergo sum* отвѣтъ на *Nosce te ipsum*. Мысленіе—дѣйствительное опредѣленіе моего я. Но всѣ силы Декарта были потрачены на этотъ слоганъ, кажется, такъ простой, и который даже совсѣмъ не слоганъ. Устрашенный величіемъ своего начала, глубиной своего разрыва съ былымъ и настоящимъ, онъ качается, хватается за ключья

старого; прошедшее проникает въ его душу; въ немъ схоластика, уже ослабывающая, падающая, снова воскресаетъ сильною и преображенною. Онъ подобенъ квакерамъ, прихавшимъ въ Пенсильванію и перевезшимъ въ груди своей чрезъ Океанъ старый бытъ, который и развился въ новомъ государствѣ. Признавъ сущностью своей одно мышленіе, неразрывно связанное имъ съ бытіемъ, Декартъ растолкнулъ мышленіе и бытіе, онъ привялъ ихъ за два разныхъ сущности (мышленіе и протяженіе). Вотъ и дуализмъ, вотъ и схоластика, возведенная въ логическую форму. Чувствуя неловкость, онъ бросается въ формальную логику. Для него доказательство рациональное (въ мышленіи)—полное право на действительность, на истину; а истина должна доказываться не однимъ мышленіемъ, а мышленіемъ и бытіемъ. Эрджанъ (*), добросовѣстный нѣмецкій ученый, совершенно-справедливо замѣтилъ, что Декартъ не могъ миновать такого развитія, иначе онъ не жилъ бы въ то время, въ которое жилъ. Его дѣло было — поднять знамя протестантизма въ науку, провозгласить новый путь, провозгласить мышленіе исчерпывающимъ опредѣленіемъ человека. Подвигъ, достаточный для одной личности! Отъ провинцальности Декарта не ускользнуло, что мышленіе и бытіе совершенно распадаются у него, что нѣтъ моста отъ одного къ другому, что это равнодушныя, самодовольщіяся два; онъ понялъ и то, что доколь они останутся сущностями—помочь нечего, ибо сущность потому и сущность, что она сама себя доняетъ. Декартъ принимаетъ (но не выводитъ) высшее единство, связующее противопоставленные моменты; мышленіе и протяженіе въ-отношеніи къ верховному существу представляютъ атрибуты его, его разныхъ проявленій. Какъ дошелъ онъ до этого единства? *Врожденными идеями.* Стадо-быть, его протестанція противъ всякаго содержанія была неглубока! Психическая, неподлежащая логикѣ непосредственность проторгается, съ принятіемъ врожденныхъ идей, въ его науку. Декартъ, такимъ образомъ, сдѣлался въ одно и то же время величайшимъ и послѣднимъ оплотомъ схоластики; въ немъ схоластика преобразилась въ идеализмъ, въ трансцендентный дуализмъ, отъ котораго гораздо-труднѣе было отдѣлаться, нежели отъ католической схоластики. Мы увидимъ живучесть схоластическаго элемента во всю эпоху новой философіи до сегоднешняго дня. Наука протестантизма могла только быть такая; если были нѣвыя требованія, нѣвыя симпатіи, болѣе-дѣйствительныя—они не были наукообразны; она, начиная отъ Декарта, выработала методу, проложила дорогу, по которой нѣзъ нея выйдутъ, дорогу, по которой она сама потому не проѣхала, что ей нечего было везти.

Декартъ, умъ чисто-математическій и отвлеченный, исключительно механически рассматривалъ природу; что-то суровое и аскетическое мешало ему понимать все живое. Строгая, геометрическая діалектика его беспощадна; онъ былъ идеалистъ по внутреннему строенію души.

(* *Erdmann. Versuch einer Geschichte der neuern Philosophie.—1840 — 42. — 1 Th. Descartes.*

Бытіе, матерію онъ понялъ какъ *протяженіе*. «Отъ всѣхъ другихъ свойствъ» говоритъ онъ: «матерію можно отвлечь, но не отъ протяженія: оно одно ей существенно.» Качество уступило мѣсто болѣе-внѣшнему опредѣленію предмета — количеству; для математики растворялась въ дѣри въ естествознаніе, все подчинялось механическимъ законамъ, вселенная сдѣлалась снарядомъ движущагося протяженія (*). Надобно замѣтить, впрочемъ, что, въ началѣ XVII вѣка, интересъ естествознательнаго мышленія былъ вообще поглощенъ астрономіей и механикой; величайшія открытія совершались тогда въ обѣихъ отрасляхъ; это механическое воззрѣніе, начинающееся съ Галилея и достигнувшее полноты своей въ Ньютона, почти-ничего не принесло конкретнымъ отраслямъ естествознанія; вліяніе его было благотворно (разумѣется, сверхъ астрономіи и механики)—только въ физикѣ. Декартовыя понятія о природѣ, которыя, по закону возмездія, до того были идеалистически-спиритуальны, что перегибались въ грубѣйшій механизмъ и матеріализмъ (что тогда же замѣтили особенно англійскіе и итальянскіе физики), почти не имѣли никакого вліянія на естественныя науки.

«Внимательно разсматривая» говоритъ Декартъ: «мы увидимъ, что сущность вещества и тѣлъ состоитъ только въ томъ, что они имѣютъ протяженіе въ длину, ширину и глубину. Можетъ-быть, тѣла не таковы, какъ намъ кажутся, можетъ, они обманываютъ наши чувства; но въ нихъ несомнѣнно-истинно то, что я ясно, отчетливо понимаю и могу вывести умомъ; потому-то я признаю, что другой сущности тѣлесныхъ вещей, кромѣ геометрической величины, всячески дѣлимой, дѣлжимой и способной имѣть форму, я не принимаю, и ничего не разсматриваю въ матеріи, кромѣ дѣлимости, очертанія и движенія. Изъ математическихъ законовъ, опредѣляющихъ неотъемлемыя свойства бытія, все физическое объясняется и выводится съ величайшей строгостію; не думаю, чтобъ физикѣ нужны были иныя основанія.» Въ матеріи, лишенной качествъ своихъ, понимаемой такимъ образомъ, нѣтъ внутренней силы; матерія Декарта — виртуальная пустота, дѣято мѣртво-косное,—ему всегда надобно будетъ прибѣгать къ вѣнщней силѣ, «Матерія во всей вселенной одна; всѣ переменныя формы имѣютъ свое основаніе въ движеніи. Движеніе есть дѣятельность, въ слѣдствіе которой вещество изъ одного мѣста переходитъ въ другое:—перемѣщеніе частей тѣла относительно близъ-лежащихъ. Движеніе и покой представляютъ разныя состоянія вещества: для движенія не болѣе силы надобно, какъ и для покоя. Надобно равно усиліе, чтобъ двинуть тѣло и чтобъ остановить его. Надобно усиліе для того, чтобъ остаться въ покоѣ. Отдаленіе тѣла есть обоюдное дѣйствіе; оба тѣла дѣятельны — одно остается на своемъ мѣстѣ, другое отдаляясь (сила инерціи). Движеніе зависитъ отъ двигаемаго, а не отъ движущаго; нельзя сообщить движеніе одному тѣлу, не разрушивъ равновѣсія другихъ тѣлъ; отсюда цѣлыя системы движенія и сложность ихъ. Причина

(*) Объ этомъ болѣе въ слѣдующемъ письмѣ.

движенія—Богъ. За симъ идутъ общія механическія основанія динамики. Все сущее состоитъ изъ маленькихъ тълъ (corpuscula) и ихъ измѣненій въ величинѣ, мѣстѣ, сочетаніяхъ и переложеніяхъ. Жизнь органическая—одинъ ростъ, т. е. приращеніе чрезъ полученіе постороннихъ частицъ. Декартъ далъ физикамъ опасный примаръ прибѣгать къ личнымъ гипотезамъ тамъ, гдѣ не достаетъ пониманья; такъ, на-пр., движеніе небесныхъ тълъ онъ объяснялъ вихремъ, крутящимъ ихъ около солнца; стараясь математически вывести все явленія планетной жизни, онъ дѣлаетъ гипотезы, въ которыхъ самъ не увѣренъ (*quavis ipsa nunquam sic orta esse*) (*); принимая тѣло совершенно-постороннимъ духу, Декартъ никогда не могъ возвыситься до понятія жизни; свои физиологическія изысканія начинаетъ разсматриваніемъ тѣла «какъ-будто духа въ немъ нѣтъ». Но что же это за живое тѣло? кто ему далъ право такъ разсматривать его? Отсюда совершенно-естественно предположеніе его, что тѣло—статуя или машина, сдѣланная изъ земли.—«Если часы имѣютъ способность идти, то нѣтъ ничего труднаго понять, что и человѣкъ двигается, будучи такъ устроенъ.» За симъ анатомическій и физиологическій разборъ тѣла, натянутый и наводящій какое-то уныніе. Декартъ, должно быть, самъ чувствовалъ, что всего не выведешь механически въ животномъ тѣлѣ, усердно занимался зооміей, но, какъ вся систематика, былъ глухъ къ голосу истины и гнулъ факты, какъ хотѣлъ; на-пр., онъ объясняетъ крикъ собакъ, какъ простую реакцію *этой машины* противъ дѣйствія палки. Еслибъ была машина, говорить онъ, устроенная внутри и снаружи, какъ обезьяна или другой звѣрь, то не было бы возможности понять различіе между ними. Одинъ человѣкъ не машина, потому-что онъ имѣетъ языкъ, разумъ—душу. Разумная душа хотя и тѣсно связана съ тѣломъ, но всильственна, ибо она совершенно ему противоположна. Хотя душа собственно соединена со всемъ тѣломъ, однако главное жилище ея въ мозгу, и именно въ *одной железкѣ* (Glandula Conarion), въ срединѣ большаго мозга (между-прочимъ потому, что остальныхъ частей въ мозгу по парѣ; следовательно, недѣлимая душа въ нихъ не иначе могла бы быть, какъ преимущественно въ одной части предъ другою). Могъ ли бы этотъ пустой вопросъ возникнуть, еслибъ Декартъ сколько-нибудь понималъ жизнь организма? Онъ органы животного считаетъ только механическимъ аппаратомъ, приводимымъ въ движеніе непостоянной силой. Движеніе невозможно, если вещественность только пассивное, недѣятельное, страдательное наполненіе пространства; но это совершенно-ложно: вещество носитъ само въ себѣ отвращеніе отъ тупаго, бессмысленнаго, страдательнаго покоя; оно разъедастъ себя, такъ-сказать *бродитъ* (**), и это броженіе, развиваясь изъ формы въ форму,

(*) Впрочемъ, можетъ-быть, такіа фразы—официальная оговорка въ родѣ тѣхъ, которыя употреблялись Коперникомъ и даже Ньютономъ.

(**) Современники Декарта замѣтили мертвенность его вещества. Генрихъ Морюсъ писалъ ему письмо, въ которомъ называетъ вещество *тѣмной жилицою*, *materiam utraque vitam esse quandam obscuram, nec in sola extensione partium consistere, sed in aliqui semper actione*. R. Des. Epist. I. Ep. 4. XX.

саме отрицаетъ свое протяженіе, стремится освободиться отъ него, — освобождается наконецъ въ сознаниі, сохраняя бытіе. Понятіе вещества не исчерпывается протяженіемъ; протяженіе недѣятельное, не дѣйствующее взаимодѣйствіемъ своимъ, — такое же отвлеченіе, какъ мышленіе безъ тѣла: это противоположные, крайніе моменты жизни.

Декарту было одно великое призваніе — *начать науку и дать ей начало*; онъ только для постановленія начала и могъ на минуту удержать напоръ схоластики и дуализма; какъ только онъ произнесъ свое *Cogito—ergo sum* — плотныя были прорвапы. Онъ началъ съ протестаціи противъ средневѣковой науки, но она была уже въ его жилахъ, — онъ далъ ей сильнѣйшую опору, онъ оправдалъ ее наукообразно. Но не всѣ требованія ума того времени выразились чисто-наукообразно; мы видимъ это очень-ясно по Бему. Во Франціи, напр., гораздо-ранѣе Декарта образовалось особое, практически-философское воззрѣніе на вещи, не наукообразное, не имѣющее произнесенной теоріи, не покоренное ни одному абстрактному ученію, ни чьему авторитету, — воззрѣніе свободное, основанное на жизни, на самобышленіи и на отчетѣ о прожитыхъ событіяхъ, отчасти на усвоеніи, на долгомъ, живомъ изученіи древнихъ писателей; воззрѣніе это стало просто и прямо смотреть на жизнь, изъ нея брало матеріалы и совѣтъ; оно казалось поверхностнымъ, потому что оно ясно, человѣчно и светло. Германскіе историки отзываются о немъ съ пренебреженіемъ, съ *Vornehmthuerei*, можетъ-быть, потому, что это воззрѣніе захватило отъ жизни ея неуловимость въ одну формулу; можетъ-быть, потому, что оно говорило довольно-понятнымъ языкомъ и часто занималось вопросами обыденной жизни. Воззрѣніе Монтеня, пенду-тъмъ, имѣло огромное вліяніе; въ-послѣдствіи, оно развилось въ Вольтера и энциклопедистовъ; Монтень былъ въ некоторомъ отношеніи предшественникъ Бэкона, — а Бэконъ — гениій этого воззрѣнія. Противоположность Бэкона съ Декартомъ рѣзка: у Декарта была метода, но не было дѣйствительнаго содержанія, кромѣ формальной способности мышленія; у Бэкона было эмпирическое содержаніе *in studio*, но не было науки, т. е. оно не было вполне усвоено ему, именно потому что не пришло то время, въ которое дѣйствительно содержаніе могло быть такъ понято мышленіемъ, чтобъ развернуться въ наукообразной формѣ. Протестъ Декарта былъ сдѣланъ отъ теоріи, отъ чистаго мышленія; протестъ Бэкона — отъ того непокорнаго элемента жизни, который улыбаясь смотритъ на всѣ односторонности и идетъ своей дорогой. Результатъ средневѣковой жизни — этого міра непамятныхъ исключительностей и насильственнаго расторгенія — долженъ былъ являться раздвоеннымъ, двуглавымъ. Каждая сторона, выходя изъ односторонняго и прямо-противоположнаго опредѣленія идей, была далека отъ пониманья, что для истины равно нужны оба опредѣленія; каждая шла отъ своихъ началъ: начало Декарта — отвлеченное мышленіе; онъ хочетъ науку а *priori*; начало Бэкона — опытъ; для него истина только та, которая получена а *posteriori*. Вопросъ о мышленіи и бытіи Декартъ хочетъ рѣшить отвлеченно, трансцендентально, логически; Бэконъ — въ жи-

выхъ областяхъ опыта и наблюдений. У обоихъ мысль совершенно освобождена въ началѣ; но одинъ не можетъ оторваться отъ абстракцій, а другой отъ природы: Декартъ все основываетъ на силлогизмѣ; принявъ за начало не силлогизмъ. Бэконъ не хочетъ силлогизмовъ, онъ хочетъ одного наведенія, какъ-будто наведеніе не силлогизмъ. Одинъ все уничтожилъ, кромѣ мышленія, все отвергнулъ и съ одной вѣрою въ мысль шелъ на созданіе науки. Другой отправился отъ чувственной достовѣрности, отъ вѣры въ фактъ, отъ довѣрія къ великому посредству между природою и умозрѣніемъ, т. е. къ наблюдению. Одинъ потерялъ и землю и небо при самомъ началѣ; другой обѣими ногами стоялъ на землѣ, уцѣпился за явленіе, и по внѣшности, по корѣ дошелъ до великихъ и многообъемлющихъ мыслей. Одинъ хочетъ физико подчинить математикѣ; другой математику называетъ служанкой физики. Одинъ видитъ въ матеріи только количественное опредѣленіе, и думаетъ, что вещество можно отвлечь отъ качества; другой занимается однимъ качественнымъ опредѣленіемъ предмета, хотъ и знаетъ мѣсто количественнаго опредѣленія. Оба, наконецъ, соединенные жгучей ненавистью къ схоластикѣ, не понимаютъ и бранятъ Аристотеля и всѣхъ древнихъ; они обернули умы современниковъ, обращенные назадъ, и указали имъ впередъ; схоластика достигала прошедшаго, Бэконъ заговорилъ о прогрессѣ и будущемъ; оба имѣли свои односторонности. Впрочемъ, Бэконъ обвинять въ односторонности трудно. Бэконъ хотѣлъ, какъ онъ самъ говоритъ, науки двѣтельной, живой, науки о природѣ и изъ природы. Онъ хотѣлъ такой науки, которая была бы перегибана наблюдениемъ и обдумываніемъ изъ фактовъ во всеобщую мысль. Ища это въ предметѣ, онъ на все обращалъ взглядъ прямой и свѣтлый съ цѣлью — узнать, разобрать, а не для того, чтобъ поймать въ силки систематики и затянуть узелъ. Онъ очень-часто начинаетъ съ односторонности и достигаетъ результатовъ самыхъ многостороннихъ. Онъ чрезвычайно-добросовѣстенъ, не дѣлаетъ изъ вопроса науки личнаго вопроса; онъ покоряется объективности истины; у него огромная учерость; онъ безпрестанно подъ вліаніемъ своей памяти; все предшествующее историческое развитіе ему присуще. Ненавидя греческую науку и Аристотеля, онъ мастерски ссылается на нихъ и пользуется ими. Совсе не поэтъ, онъ превосходно толкуетъ греческія мифы. Нельзя себя представить странное ощущеніе, когда, перечитывая или перелистывая средневѣковыхъ схоластиковъ, потомъ философовъ теоретической эманципаціи, вдругъ приходишь до Бэкона. Помните ли вы, на-примѣръ, какъ въ эпоху мечтательной юности, когда теорія смѣняется теоріей, когда втра въ себя и друзей безгранична, когда въ мечтахъ перестраивается наука и міръ и когда восторженцыя рѣчи поддерживаютъ поэтическое ослѣпленіе, — вдругъ является откуда-нибудь человекъ практической, дѣйствительно-знающей жизнь, знающей, что на отвѣченіяхъ далеко не увидишь, что перевороты въ науку и въ исторію дѣлаются не такъ-то легко? Помните ли вы, какъ саднее дѣйствовало появленіе такого человека, какъ сначала вы отталкивали скептическую и холодную мысль его, устрашенные ею, а потомъ начинали

краснѣе своихъ мечтаній, подчинялся прищельду, ловилъ его слова, выдавали ему заповѣднѣйшія упованія за наторьный, изъ жизни выстроенный взглядъ его, который вамъ казался непогрѣшающимъ. Этотъ практическій прищельцъ—Бэконъ, и вѣроятно, случилось съ вами и то, что когда мало-по-малу вы найдете въ новомъ воззрѣніи, разсмотритѣ ближе, то вспомнете и о своихъ мечтахъ; онѣ, конечно, мечты, не въ некоторыхъ изъ нихъ была такая ширина, которую жаль отдать за практическую мудрость; все это повторяется, переходя отъ энергическихъ реформаторовъ къ спокойному Бэкону. Это не тревожная, не остренная натура Джордано, не бѣснующійся Кардано, не эти смѣльцы, дѣтскіе мыслители, бѣсновые бродяги, равноешеніе съ собою по всѣмъ большимъ дорогамъ Европы восходящее сознаніе и умственную дѣятельность, не эти гонимые труженники, падавшіе часто на полпути отъ внутренняго разлада и внѣшнихъ страданій—вѣтъ, это пишетъ человекъ спокойный, человекъ огромнаго ума и огромнаго опыта, кавцлеръ, привыкнувшій къ государственнымъ дѣламъ, паръ, неизмѣющій занятія, потому что вычеркнуть изъ списка паровъ... Въ душѣ этого человека, послѣ разрушительнаго огня самолюбія, честолюбія, власти, почести, богатства, неудачъ, тюрьмы, униженій—все выгорѣло; но гениальнѣйшій умъ остался, да осталось еще воображеніе на столько охлажденное, подвластное разуму, что оно смѣло призывалось имъ бросать пышные цвѣты поэтической рѣчи по царственному пути его ясной, широкой мысли. Въ сочиненіяхъ Бэкона, съ самаго начала поражаетъ необычайная сметливость, дѣльность, практическая рѣзкость и удивительная многосторонность. Бэконъ взощрилъ свой умъ общественными дѣлами; онъ на людяхъ выучился мыслить. Декартъ прятался отъ людей то въ парижскія предместья, то въ Голландію; ему люди мѣшали заниматься: отъ-того съ Декарта начинается чистое мышленіе, а съ Бэкона—физическія науки; идеализмъ Декарта остался при дуализмѣ; въ мышленіи Бэкона находилось демоническое начало, съ которымъ схоластика часу ужиться не могла. Бэконъ начинаетъ, такъ же, какъ и Декартъ, съ отрицанія существующей, готовой догматики, но у него это отрицаніе не *логическій манѣръ*, а практическая поправка; отрицаніе Бэкона поставило человека, освободивъ его отъ схоластики, передъ природой; ея самозаконность онъ призналъ съ самаго начала; еще болѣе, онъ хотѣлъ ея очевидной объективности покорить своевольную мысль, поврежденную схоластическимъ высокомеріемъ (Декартъ, совсѣмъ напротивъ, поставилъ природу hors la loi своимъ a priori). Бэконъ скромно указалъ на эмпирію какъ на начальную степень знанія, какъ на средство по явленію, по факту добратъся до той всевязующей сущности, изъ которой Декартъ стремился вывести явленія. Они работали другъ другу въ руки, и если ни они, ни ихъ послѣдователи не встрѣтились, то это не отъ внутренней непримиримости, а отъ-того, что ни идеализмъ, ни эмпирія не были развиты ни до истинной методы, ни до дѣйствительнаго содержанія. Лейбницъ называетъ картезіанизмъ «свѣями истины»: мы можемъ по всей справедливости назвать бэконовскую эмпирію—ея кладовою.

О богатства и недостаткахъ этой кладовой ны поговоримъ въ слѣдующемъ письмѣ (*).

И — РЪ.

С. Соколово.
Июнь 1848 г.

(*) Энцикла необходимо читать самому; у него вездѣ ожиданно, величайшій участіе мысли поразительной зѣрности и ширины. Для доказательства, и для того, чтобъ больше ознакомить съ Бэкономъ, я приложу къ слѣдующему письму нѣсколько выписокъ изъ него; онъ своими словами лучше меня расскажетъ свое возрѣніе.

КОСМОСЪ.

Соч. Александра Гумбольдта.

Статья вторая.

КАРТИНЫ ПРИРОДЫ.

ОБЩИЙ ОБЗОРЪ ЯВЛЕНІЙ.

Человѣческій духъ, стремясь овладѣть міромъ физическихъ явленій и проникнуть въ связь силъ, чувствуетъ, что онъ на высотѣ, съ которой все отдаленное кажется собраннымъ въ группы. Этой метафорой я хотѣлъ только объяснить точку, съ которой мы попытаемся взглянуть на вселенную. Не скрываю отъ себя трудности такого предпріятія. Картина природы тамъ трудна, что мы не должны впадать въ частности, а останавливаться только на массахъ, сгруппированныхъ въ действительности или въ идеѣ. Различая и распредѣляя явленія, мы можемъ попытаться схватить живымъ словомъ все (*τὸ πᾶν*), какъ требуетъ того великое значеніе слова: космосъ. Необъятное разнообразіе элементовъ картины природы не помѣшаетъ единству впечатлѣнія — конечной цѣли всякаго литературнаго или художественнаго произведенія.

Мы начнемъ съ глубины міроваго пространства, съ области отдаленнѣйшихъ туманныхъ нитей, перехода постепенно отъ звѣзднаго пласта нашей солнечной системы до облетаго воздухомъ сфероида земли, его фигуры, температуры и магнетизма, до полноты жизни, развивающейся на его поверхности. Такимъ-образомъ, картина міра въ немногихъ чертахъ схватить и незамѣримое пространство небесъ, и микроскопическіе организмы инфузорій. Все доступное чувствуемъ есть матеріалъ для этой картины, исключаящій, впрочемъ, мелочной анализъ. Уиствующій духъ долженъ стараться выйдти изъ-подъ вліянія эмпирической, вѣчно-дробящейся полноты знаній. Значительная часть количественныхъ проявленій силъ безъ сомнѣнія еще неизвѣстна.

Съ удовольствіемъ знанія неразлучна тоска по не узванномъ. Это стремленіе стягиваетъ, такъ-сказать, узелъ, соединяющій чувственное съ нечувственнымъ.

Природа, какъ безконечное по объему и содержанию, — неразрѣшмая задача для ума. Такое сознаніе уместно тамъ, гдѣ жизнь подчинена непосредственному изъисканію, гдѣ естественный испытатель не осмѣливается оставить эмпирический путь. Но если стремленіе обнять общность и остается неудовлетвореннымъ, то по-крайней-мѣрѣ исторія міросозерцанія показываетъ намъ, какъ дойти хоть до частнаго пониманія относительной зависимости явленій. Мое дѣло дать обзоръ этого знанія. При изменчивости всего заключеннаго въ пространство, среднія числа являются, конечно, целью, выраженіемъ физическихъ законовъ. Они показываютъ намъ неизмѣнное среди вѣчно-измѣняющагося. Числа являются силами космоса.

Серьезнаго наблюдателя радуетъ простота числовыхъ отношеній. Поэтъ не такъ этимъ доволенъ, толпѣ еще досаднѣе. Наука является имъ теперь зауставшею, потому-что отказывается отъ разрѣшенія многихъ вопросовъ, на которые прежде давала мнимо-удовлетворительные отвѣты. Строгая форма лишила ее привлекательности; воображеніе не находить уже въ ней пищи. Задолго до открытія Америки, съ Азорскихъ-Острововъ думали видѣть на западъ землю. Это было не преломленіе лучей, а обманъ души, стремящейся въ даль. И такими-то ложно-воздушными видѣніями щедро надѣляла натуральная философія Грековъ и славянъ среднихъ вѣковъ. Съ границы реального знанія взоръ охотно блуждаетъ по далекимъ; невѣроятнымъ сферамъ. Вѣра въ чудесподаетъ опредѣленные образы порожденія фантазій, и воображаемое сливается съ действительнымъ.

Природа является человеку преимущественно какъ нѣчто земное, близкое ему. Только въ сферѣ органическаго образованія чувствуй-ствъ мы себя дома. Среди растеній и животныхъ образъ природы являе-ется вѣнчающей передъ нашею душою. Она ограничена, но-первыхъ, земными: небо и звѣзды—достойныя картины міра, возбуждающей въ насъ удивленіе, но какъ-будто чуждой намъ по недостатку непосредственнаго впечатленія органической жизни. По-этому-то, въ первыхъ физическихъ воззрѣніяхъ человечества небо и земля отдалены другъ отъ друга, какъ верхъ и низъ. Еслибъ картина природы должна была удовлетворять только потребности чувственнаго созерцанія, ее должно бы начать съ почвы, на которой мы стоимъ: сначала изобразить землю, со всѣмъ, что на ней; потомъ, обративъ взоръ отъ теллурическихъ отношеній къ небу, и взглянуть на землю, какъ на планету. Тогда уже земля вступила бы въ кругъ небесныхъ телъ; кружащихся около одной изъ безчисленныхъ самостоятельныхъ звѣздъ. Этотъ рядъ идей обозначаетъ путь первыхъ чувственныхъ воззрѣній, переходившихъ отъ близкаго и знакомаго къ далекому, незнакому.

Но твореніе, которое должно представить знаніе, а не доказательство этого знанія, требуетъ другаго хода идей. Здѣсь исходнымъ пунктомъ не можетъ быть субъективный интересъ. Земное должно видѣться толь-

ко подчиненною частью цѣлаго. Взглядъ на природу долженъ быть широкъ и свободенъ, а не стѣсненъ побудительною причиною близости или сочувствія. Физическое міроописание, картина міра, начинается слѣдовательно не съ земнаго, но съ небеснаго. За то, когда стужается сфера созерцанія, расширяется богатство явленій, является знаніе качественнаго различія тѣлъ. Изъ странъ, гдѣ мы знаемъ только законы тяготѣнія, вступаемъ мы въ міръ нашей планеты, въ среду кипящей жизни земныхъ силъ. Эта метода противоположна той, которая должна установить результаты. Одна исчисляетъ то, что доказано посредствомъ другой.

Человѣкъ воспринимаетъ внѣшній міръ чувствами. Явленія свѣта возмущаютъ намъ о существованіи матеріи въ дальнѣйшихъ предѣлахъ міроваго пространства. Глазъ есть органъ міросозерцанія. Изобрѣтенія телескоповъ завѣщали будущимъ поколѣніямъ могущество, границы котораго еще далеко не опредѣлены. Первое, что является намъ при наблюденіи космоса, есть *содержаніе міроваго пространства*, расширение въ немъ матеріи. Она является въ немъ то въ видѣ шаровъ, то въ видѣ самосвѣтятсяго тумана. Туманные пятна, этотъ разрывившійся въ опредѣленныя формы міровой эфиръ, находится, кажется, въ состояніи постоянной измѣняемости своего состава. Въ малыхъ размѣрахъ, онъ является въ видѣ одного или пары крутыхъ или эллиптическихъ дисковъ, нерѣдко связанныхъ свѣтовою нитью. При большихъ размѣрахъ онъ многообразенъ, вытянутъ, раздѣленъ на вѣтви, въ видѣ вѣра или резко-очерченнаго кольца съ темною серединою. Эти туманные пятна подчинены, какъ думаютъ, разнообразнымъ процессамъ образованія, смотря потому, около одного или двухъ зеренъ сгущается эфиръ по законамъ притяженія. До сихъ поръ открыто и опредѣлено почти 2500 такихъ *неразрѣшимыхъ* туманныхъ пятенъ, въ которыхъ и сильнѣйшіе телескопы не открываютъ звѣздъ.

Состояніе генетическаго развитія, въ которомъ находится по-видимому эта часть пространства небесъ, навела умствующихъ наблюдателей на аналогію органическихъ явленій. Какъ въ лѣсу видимъ мы въ одно время всѣ возрасты дерева и черпаемъ изъ этого понятіе о развитіи, такъ и въ великомъ саду міра видимъ различныя степени образованія звѣздъ. Процессъ сплочиванія происходитъ, кажется, у насъ передъ глазами. Это чрезвычайно заманчиво для воображенія. Намъ привлекаетъ въ кругъ жизни не столько знаніе того, что *есть*, какъ знаніе того, какъ оно *дѣлается*.

Предположеніе этого процесса основано не только на сравненіи различныхъ моментовъ развитія, но и на замѣченныхъ, какъ думаютъ, слѣдовательныхъ измѣненіяхъ формы, въ корабль Арго, въ Андромеду, и въ волокнистой части Ориона тумана. Впрочемъ, несовершенство инструментовъ и много другихъ оптическихъ отношеній не позволяютъ признать это за *фактъ историческій*.

Съ настоящими туманными пятнами, отдѣльныя части которыхъ блещутъ неравномерно, съ такъ-называемыми *планетными туманами*, круглый, несколько-лицеобразный дискъ которыхъ обозначается равно-

разлитымъ свѣтомъ, не должно смѣшивать туманныхъ звездъ. Эта парообразная матерія, свѣтовой туманъ образуетъ съ окруженною въ звездою одну массу. Судя по отдаленности и видимой величинѣ діаметра, планетныя туманныя пятна и туманныя звезды должны быть ужь той величины. По новѣйшимъ наблюденіямъ, не вѣроятно, что планетныя туманныя пятна очень-далекія туманныя звезды, въ которыя даже и телескопы не могутъ различить центральной звезды отъ окружающаго ее тумана.

Особенно богаты туманными звездами и неразрѣшимыми туманными пятнами поля южнаго неба между 50-мъ и 80-мъ градусами широты. Великолѣпнѣе всѣхъ болѣе изъ двухъ магеллановыхъ облаковъ. Видъ этихъ облаковъ, лучистаго корабля Арго, млечнаго пути между Скорпиономъ, Кентавромъ и Крестомъ, — можно сказать ландшафтнаго пейзажа всего южнаго неба — оставилъ во мнѣ неизгладимое впечатлѣніе. Пирамидально-возвышающійся зодіакальный свѣтъ есть или большое туманное кольцо, кружащееся между Марсомъ и Землею, или крайній слой атмосферы самаго солнца. Кроме этихъ свѣтовыхъ тумановъ определенной формы, наблюденія доказываютъ еще присутствіе повсюду-распространенной безконечно-тонкой матеріи, которая, оказывая сопротивление, укорачиваетъ путь кометы Энке, а можетъ-быть и Бэлы. Эту мировую матерію можно представить себѣ движущеюся, тяготеющею сплоченною къ солнцу, умноженною хвостами кометъ въ-продолженіи мріадъ годовъ.

Обращаясь отъ парообразной матеріи пространства небесъ къ твердымъ, шаровиднымъ частямъ его, мы вступаемъ въ классъ явленій, и ключательно-называемыхъ звезднымъ міромъ. Степени твердости и плотности и здѣсь различны. Наша собственная солнечная система представляетъ всѣ переходы плотности. Если сравнить планеты отъ Марса Меркурія съ Солнцемъ и Юпитеромъ, а эти два тѣла съ Сатурномъ то мы получимъ рядъ различной степени плотностей, именно: антинія, медь, воды и ели. Въ кометахъ даже самая плотная часть пропускаетъ лучи звездъ безъ преломленія. Масса кометъ никогда, можетъ-быть, не доходитъ до пятитысячной части массы земли. Такъ различны процессы образованія въ развивающихся еще, можетъ-быть, шаровидной матеріи. Здѣсь необходимо было обратить вниманіе на эту разнородность не какъ на возможное, но какъ на действительно-существующее.

О чемъ догадывались ариісті Рейтъ, Кантъ и Ламбертъ, то открылъ на вѣрнѣйшемъ пути наблюденій Уильямъ Гершель. Онъ первый и старался опредѣлить границы и форму обитаемаго нами слоя звездъ; онъ первый отважился объяснить отношенія положенія и разстоянія далекихъ и туманныхъ пятенъ къ нашему звездному слою.

Наблюденія надъ различною силою свѣта звездъ и ихъ относительнымъ количествомъ, т. е. надъ ихъ малочисленностью или скопленіемъ на равно-великихъ площадкахъ телескоповъ, привели къ заключенію неравномъ разстоянія и распределенія ихъ въ пространство образующимъ слой. Конечно, этотъ выводъ не можетъ имѣть той математической точности, какою отличаются другія астрономическія знанія. Физическо-

изчисленію, начиная съ отдаленнѣйшихъ туманныхъ патенъ, похожихъ на исторію, начинающуюся съ мнотческихъ временъ.

Если сравнять мировое пространство съ какинъ-нибудь богатымъ островомъ маренъ, то можно представить собою матерію распределенною на группы, то въ видѣ туманныхъ патенъ, то свернутою въ куды шнуръ. Наша купа звездъ, *мировой островокъ*, къ которому принадлежатъ мы, имеетъ форму чечевицеобразнаго, сплюсненнаго слоя, болѣе ось котораго полагаютъ въ 700 или 800, а меньшую въ 150 отстояній Сириуса. Свѣтъ вробагаетъ разстояніе отъ Сириуса въ три года, а отъ 61-й звезды Лебеда, изъ значительнаго движенія которой можно было заключать о ея близости, въ $9\frac{1}{2}$ лѣтъ. Нашъ звездный слой разделенъ до трети на два рукава; вообще думаютъ, что мы находимся ближе къ концу этого дальнѣйшаго, ближе къ Сириусу, нежели къ созвездію Орла, почти на половину протяженія маленькаго оси слоя.

Это мѣсто и опредѣленіе всей фигуры слоя выведено изъ исчисленій количества звездъ въ равно-болѣйшихъ поляхъ телескоповъ. Увеличеніе и уменьшеніе количества звездъ служитъ мѣрою глубины слоя въ разныхъ стороны. По направленію длинной оси, гдѣ больше всего одна за другою звездъ, глазъ видитъ ихъ въ болѣе большомъ количествѣ, соединенными млечоводобнымъ свѣтомъ, въ видѣ пояса вокругъ небснаго свѣла. Этотъ поясъ только на нѣсколько градусовъ отклоняется отъ величайшаго круга, потому-что мы почти посрединѣ всего звезднаго слоя и почти въ плоскости млечнаго пути. Еслибъ наша планетная система была далеко отъ этого слоя, то млечный путь являлся бы вооруженному глазу кольцомъ, а на еще-болѣе далекомъ разстояніи—разрѣзывающимся, плоскимъ туманнымъ пятномъ.

Изъ всѣхъ солнць, составляющихъ нашъ мировой островъ, мы знаемъ по действительнымъ наблюденіямъ только *наше* солнце, какъ центральное тѣло въ-отношеніи къ подчиненнымъ ему шарамъ матеріи. Въ ближайшихъ и другихъ звездахъ нѣтъ планетарной зависимости, характерной нашу систему. Два или многія звезды кружатся, правда, и мѣся около общей точки тяготѣнія; но эта точка находится часто въ противоположной сторонѣ, тогда какъ въ нашей системѣ она совпадаетъ частію съ центромъ сидимнаго тѣла. Впрочемъ, если смотреть на солнце и землю, на землю и луну какъ на двойныя звезды, то аналогія касается тутъ только движеній, независимыхъ отъ процессовъ свѣта.

При такомъ обобщеніи космическихъ воззрѣній, нашу солнечную систему можно разсматривать въ двоякомъ отношеніи: во-первыхъ, въ отношеніи къ различнымъ классамъ шаровидной матеріи, къ величинѣ, формѣ, плотности и разстоянію составляющихъ ее тѣлъ; во-вторыхъ, въ-отношеніи къ другимъ частямъ нашего звезднаго слоя, къ движенію солнца въ средѣ его.

Солнечная система состоитъ, сколько намъ теперь извѣстно, изъ 11 планетъ, 18 спутниковъ, и мнѣрадъ кометъ, изъ которыхъ три не выходятъ изъ тѣснаго круга планетныхъ орбитъ. Съ болѣею вѣроятностію можно причислить къ этой же системѣ: во-первыхъ, кружащееся кольцо парообразной матеріи, можетъ-быть, между орбитами Венеры и

разлитымъ свѣтомъ, не должно смѣшивать туманныхъ звездъ. Эта парообразная матерія, свѣтовой туманъ образуетъ съ окруженною звездою одну массу. Судя по отдаленности и видимой величинѣ діаметра, планетныя туманныя пятна и туманныя звезды должны быть ужьей величины. По новѣйшимъ наблюденіямъ, не вѣроятно, что планетныя туманныя пятна очень-далекія туманныя звезды, въ которыя даже и телескопы не могутъ различить центральной звезды отъ окружающаго ее тумана.

Особенно богаты туманными звездами и неразрѣшимыми туманными пятнами поля южнаго неба между 50-мъ и 80-мъ градусами широты. Великолѣпнѣе всѣхъ болѣе изъ двухъ магеллановыхъ облаковъ. Видъ этихъ облаковъ, лучистаго корабля Арго, млечнаго пути между Скорпіономъ, Кентавромъ и Крестомъ, — можно сказать ландшафтнаго пейзажа всего южнаго неба — оставили во мнѣ неизгладимое впечатлѣніе. Пирамидально-возвышающійся зодіакальный свѣтъ есть или большое туманное кольцо, кружащееся между Марсомъ и Землею, или крайній слой атмосферы самаго солнца. Кроме этихъ свѣтовыхъ тумановъ определенной формы, наблюденія доказываютъ еще присутствіе повсюду-распространенной безконечно-тонкой матеріи, которая, оказывая сопротивление, укорачиваетъ путь кометы Энке, а можетъ-быть и Бэлы. Эту мировую матерію можно представить себѣ движущеюся, тяготеющею силою къ солнцу, умноженною хвостами кометъ въ-продолженіи мильиардовъ годовъ.

Обращаясь отъ парообразной матеріи пространства небесъ къ твердымъ, шаровиднымъ частямъ его, мы вступаемъ въ классъ явленій, исключительно-называемыхъ звезднымъ міромъ. Степени твердости и плотности и здѣсь различны. Наша собственная солнечная система представляетъ всѣ переходы плотности. Если сравнить планеты отъ Марса до Меркурія съ Солнцемъ и Юпитеромъ, а эти два тѣла съ Сатурномъ, то мы получимъ рядъ различной степени плотностей, именно: антипнія, меда, воды и ели. Въ кометахъ даже самая плотная часть пропускаетъ лучи звездъ безъ преломленія. Масса кометъ никогда, можетъ-быть, не доходитъ до пяти тысячной части массы земли. Такъ различны процессы образованія въ развивающихся еще, можетъ-быть, шаровидной матеріи. Здѣсь необходимо было обратить вниманіе на эту разнородность не какъ на возможное, но какъ на действительно-существующее.

О чемъ догадывались ариісті Рейтъ, Кантъ и Ламбертъ, то открытъ на вѣрнѣйшемъ пути наблюденій Уильямъ Гершель. Онъ первый и старался опредѣлить границы и форму обитаемаго нами слоя звездъ; онъ первый отважился объяснить отношенія положенія и разстоянія далѣкихъ и туманныхъ пятенъ къ нашему звездному слою.

Наблюденія надъ различною силою свѣта звездъ и ихъ относительнымъ количествомъ, т. е. надъ ихъ малочисленностью или скопленіемъ на равно-великихъ площадкахъ телескоповъ, привели къ заключенію неравномъ разстояній и распределенія ихъ въ пространство образуемыми слоями. Конечно, этотъ выводъ не можетъ имѣть той математической точности, какую отличаютъ другія астрономическія знанія. Физическо-

ироническое, начиная съ отдаленнѣйшихъ туманныхъ патенъ, похожие на исторію, начинающуюся съ мнеческихъ временъ.

Если сравнить мировое пространство съ какими-нибудь богатыми островами моремъ, то можно представить себя матерію распределенною на группы, то въ видѣ туманныхъ патенъ, то сферическую въ куле звездъ. Наша купа звездъ, *мировой островокъ*, къ которому принадлежатъ мы, имеетъ форму чечевицеобразнаго, сплюсненнаго слоя, большая ось котораго полагають въ 700 или 800, а меньшую въ 150 отстояній Сириуса. Светъ пробѣгаетъ разстояніе отъ Сириуса въ три года, а отъ 61-й звезды Лебеда, изъ значительнаго движенія которой можно бы заключать о ея близости, въ $9\frac{1}{2}$ лѣтъ. Нашъ звездный слой раздѣленъ до трети на два рукава; вообще думаютъ, что мы находимся ближе точкой этого дѣленія, ближе къ Сириусу, нежели къ созвздію Орла, почти на половину протяженія маленькаго оси слоя.

Это мѣсто и опредѣленіе всей фигуры слоя выведено изъ исчисленій количества звездъ въ равно-большихъ поляхъ телескоповъ. Увеличеніе и уменьшеніе количества звездъ служитъ мѣрою глубины слоя въ разныхъ сторонахъ. По направленію длинной оси, гдѣ больше всего одна за другою звездъ, глазъ видитъ ихъ въ большемъ количествѣ; соединенными млекоподобнымъ свѣтомъ, въ видѣ пояса вокругъ небеснаго свѣда. Этотъ поясъ только на нѣсколько градусовъ отклоняется отъ величайшаго круга, потому-что мы почти посрединѣ всего звезднаго слоя и почти въ плоскости млечнаго пути. Еслибъ наша планетная система была далеко отъ этого слоя, то млечный путь являлся бы вооруженному глазу кольцомъ, а на еще-болѣе далекомъ разстояніи—разрѣшавшимся, плоскимъ туманнымъ пятномъ.

Изъ всѣхъ солнць, составляющихъ нашъ мировой островъ, мы знаемъ по дѣйствительнымъ наблюденіямъ только наше солнце, какъ центральное тѣло въ-отношеніи къ подчиненнымъ ему шарамъ матеріи. Въ млечныхъ и другихъ звездахъ нѣтъ планетарной зависимости, характеризующей нашу систему. Двѣ или многія звезды кружатся, правда, и здѣсь около общей точки тяготѣнія; но эта точка находится часто въ послѣдствіиномъ земря, тогда какъ въ нашей системѣ она совпадаетъ частію съ центромъ *сидимого* тѣла. Впрочемъ, если смотрѣть на солнце и землю, на землю и луну какъ на двойныя звезды, то аналогія касается тутъ только движеній, независимыхъ отъ процессовъ свѣта.

При такомъ обобщеніи космическихъ воззрѣній, нашу солнечную систему можно разсматривать въ двоякомъ отношеніи: во-первыхъ, въ отношеніи къ различнымъ классамъ шаровидной матеріи, къ величинѣ, формѣ, плотности и разстоянію составляющихъ ее тѣлъ; во-вторыхъ, въ-отношеніи къ другимъ частямъ нашего звезднаго слоя, къ движенію солнца въ средѣ его.

Солнечная система состоитъ, сколько намъ теперь известно, изъ 11 планетъ, 18 спутниковъ, и мириадъ кометъ, изъ которыхъ три не выходятъ изъ тѣснаго круга планетныхъ орбитъ. Съ большою вѣроятностью можно причислить къ этой же системѣ: во-первыхъ, кружащееся около шарообразной матеріи, можетъ-быть, между орбитами Венеры и

Марса, навярное за орбитою земли, являющиеся намъ въ видѣ зодіакальнаго свѣта; во-вторыхъ, кучу маленькихъ *астероидовъ*, путь которыхъ пересекають путь земли, или подхдѣтъ къ нему очень-близко и производятъ явленія аэролатовъ и падающихъ звездъ. Если собразить множество тѣлъ, кружащихся около солнца, и не принять въ стѣ съ Лалласомъ кометь за туманныя звезды, переходящія отъ одной системы къ другой, то должно признаться, что преимущественно такъ называемая *планетная система* составляетъ, не по массѣ, а по числу тѣлъ, главнѣйшую часть всей системы.

Телескопическія планеты: Весту, Юнону, Цереру и Палладу старѣе считатъ отдѣляющими поясомъ среди нашей системы, такъ-сказать *среднюю группу*. По этому возрзнію *окутреклиа трети* во многомъ отличается отъ *паружской*. Внутреннія планеты (Меркурій, Венера, Земля, Марсъ) не очень-велики; плотнѣе, кружатся медленнѣе (24 часа средн.), но такъ сплюснены, и, исключая одной, безъ спутниковъ: *Паружская* гораздо-больше, впацерь *легче*, обращаются около оси двоекратно, больше сплюснены и съ 17-ю спутниками.

Но этихъ характеристическихъ отличій цѣлыхъ группъ не видно въ отдѣльныхъ планетахъ, не видно въ отношеніяхъ разстояній отъ центрального тѣла къ величинѣ, къ плотности, къ періоду обращенія, къ эксцентричности, къ наклоненію орбитъ и осей. До-сихъ-поръ мы не знаемъ никакого закона, связывающаго между собою эти шестъ элементовъ планетъ и путей ихъ. Марсъ дальше отъ солнца и менше земли и Венеры; Сатурнъ менше Юпитера и гораздо-больше Урана. Понечтожнѣе телескопическихъ планетъ лежитъ непосредственно передъ величайшимъ изъ тѣлъ нашей планетной системы, Юпитеромъ; а поверхность большей части этихъ астероидъ едва больше Франціи, Мадагаскара или Борнео.

Какъ на поразительна малая плотность отдаленнѣйшихъ планетъ, однако и здѣсь нѣтъ правильной послѣдовательности. Уранъ плотнѣе Сатурна; Венера и Марсъ не такъ плотны, какъ Земля...

Обращеніе около оси вообще тѣмъ медленнѣе, чѣмъ дальше отъ солнца, но Марсъ обращается быстрѣе Земли, Сатурнъ быстрѣе Юпитера.

Сильнѣйшею эксцентричностью одарены Юнона, Паллада и Меркурій; слабѣйшею Земля и Венера. Меркурій и Венера представляютъ тѣ же контрасты, какіе находимъ мы въ путяхъ четырехъ астероидовъ. Эксцентричности Юноны и Паллады втрое сильнѣе эксцентричности Цереры и Весты.

То же видимъ мы и въ наклоненіи орбитъ къ плоскости эклиптики и въ положеніи осей обращенія планетъ на ихъ путяхъ. Планеты съ наиболѣе-эклиптическою орбитою, Юнона, Паллада и Меркурій, имѣютъ и сильнѣйшее наклоненіе орбитъ къ эклиптикѣ, хотя и не въ определенной соразмѣрности. Наклоненіе Паллады комето-подобно, почти въ двадцать-шесть разъ больше наклоненія Юпитера, между-тѣмъ, какъ близкая къ ней Веста превосходитъ уголъ наклоненія Юпитера едва въ шесть разъ.

Положеніе осей 4-хъ или 5-ти планетъ, плоскость обращенія которыхъ

ны достоверно знаемъ, тоже не представляетъ правильной послѣдовательности. Судя по положенію спутниковъ Урана, ось этой крайней планеты наклонена къ ея орбитѣ едва на одиннадцать градусовъ. Сатурнъ находится между Юпитеромъ, ось котораго стоитъ на плоскости орбиты почти-перпендикулярно, и Ураномъ, въ которомъ онѣ почти совпадаютъ.

Эти отношенія представили мы какъ *фактъ*, а не какъ предметъ *уясненнаго вывода*, или случайнаго сцѣвленія. Тутъ не больше необходимаго, какъ въ распределеніи воды и суши на нашей планетѣ, какъ и очеркъ материковъ или высота горъ. Общаго закона отыскать тутъ нельзя; это просто *факты*, произведенные столкновеніемъ силъ, дѣйствовавшихъ некогда подѣ неизвѣстными намъ условіями. Чего человекъ не можетъ изяснить въ образованіи планетъ генетически, то является ему случайнымъ. Если планеты образовались изъ отдѣльныхъ кружащихся около солнца колецъ парообразной матеріи, то различная плотность, толщина, температура и электромагнитическое напряженіе этихъ колецъ могли быть причиною различій въ образованіи шаровъ, такъ же, какъ быстрота и направленіе ихъ движеній — причиною наклоненій и эллиптическихъ путей. Законы притяженія и тяготѣнія безъ сомнѣнія дѣйствовали и здѣсь; но изъ настоящаго состоянія тѣлъ нельзя заключить о целомъ рядѣ предшествовавшихъ измѣненій. Даже такъ-называемый законъ отстоянія планетъ отъ солнца нумерически невѣренъ относительно разстояній между Меркуріемъ, Венерою и Землею.

Одиннадцать планетъ нашей системы окружены навѣрно четырнадцатью, вѣроятно восемнадцатью спутниками; следовательно, главнѣйшія планеты въ свою очередь суть центральныя тѣла подчиненныхъ системъ. Здѣсь видимъ мы въ міростроеніи тотъ же процессъ образованія, который является намъ въ развитіи органической жизни, при сложныхъ группахъ животныхъ и растений, въ типическомъ повтореніи *подчиненныхъ сферъ*. Въ крайнихъ предѣлахъ нашей системы, за орбитами малыхъ планетъ, спутниковъ больше. По сю сторону ихъ только одинъ, — Луна, сравнительно очень-большой; поперечникъ его равняется четверти поперечника земли, тогда-какъ величайшій изъ извѣстныхъ спутниковъ, шестой Сатурна, составляетъ только $\frac{1}{17}$, а величайшій изъ юпитеровыхъ спутниковъ, третій, только $\frac{1}{3}$ поперечника своей планеты. Богаче всѣхъ спутниками отдаленнѣйшія, и вмѣстѣ съ тѣмъ большія, менше-плотныя и больше-сплюснутыя планеты. Уранъ сплюснутъ сильнее всѣхъ, на $\frac{1}{100}$. Разность массъ и поперечника всѣхъ меньше у Земли съ Луною. Плотность спутника Земли въ $\frac{5}{7}$ меньше своей планеты, а второй спутникъ Юпитера плотнѣе его-самого.

Семь спутниковъ Сатурна представляютъ значительнѣйшіе контрасты абсолютной величины и разстоянія отъ своего центральнаго тѣла. Шестой спутникъ Сатурна, вѣроятно, немногимъ-меньше Марса, тогда-какъ поперечникъ нашей Луны ровно въ половину меньше его. Всѣхъ ближе къ двумъ наружнымъ спутникамъ Сатурна, по объему, третій спутникъ Юпитера. Два внутренне, напротивъ того, принадлежатъ къ числу малѣйшихъ, только при самыхъ благоприятныхъ обстоятельствахъ и въ сильнѣйшіе телескопы видимыхъ небесныхъ тѣлъ. Измѣреніе истин-

ныхъ поперечниковъ спутниковъ подвержено многимъ оптическимъ трудностямъ. Астрономія заботится о движеніи и массѣ и мало объ объемѣ тѣлъ.

Абсолютное отстояніе отъ своей планеты всѣхъ больше къ седьмому спутнику Сатурна, — около 500,000 геогр. миль, вдесятеро-больше расстоянія Земли отъ Луны. Последний спутникъ Юпитера отстоитъ отъ своей планеты на 260,000 миль; последний Урана (если 6-й действительно существуетъ) на 340,000 миль. Если сравнить массу каждой изъ этихъ планетъ съ крайнимъ отдаленіемъ спутника, то являются совершенно-другія нумерическія отношенія. Выражая расстоянія полупоперечниками главной планеты, крайніе спутники Урана, Сатурна и Юпитера отстоятъ на 91, 64, и 27 радіусовъ. Последний спутникъ Сатурна только $\frac{1}{10}$ дальше отъ своей планеты, нежели Луна отъ Земли; ближайшій къ планетѣ изъ всѣхъ — первый Сатурна, отстояшій отъ центра планеты на 2,47 полупоперечника ея. Если измѣрять расстоянія радіусами главной планеты, то найдемъ, что ближайшій спутникъ Юпитера отстояшій отъ центра своей планеты 6500-ми миль дальше Луны отъ Земли, удаленъ отъ центра Юпитера только на шесть его полупоперечниковъ, тогда-какъ Луна удалена отъ Земли на $60\frac{1}{2}$ ея радіусовъ.

Въ системахъ спутниковъ отражаются всѣ законы тяготѣнія солнечной системы. Двѣнадцать спутниковъ движутся на слабо-эллиптическихъ путяхъ отъ запада къ востоку. Только Луна и первый спутникъ Сатурна эксцентричнѣе Юпитера. Система спутниковъ Урана представляетъ однакоже, замѣчательную противоположность. Они почти-отвѣсно стоятъ на эклиптикѣ и движутся съ востока на западъ. Если планеты и спутники образовались изъ кружащихся колецъ парообразной матеріи, то такіа кольца около Урана должны были испытать замедленіе или توقفъ, произведшій въ нихъ движеніе, обратное ихъ планетѣ.

Время обращенія около оси и около планеты, вѣроятно, равно у всѣхъ спутниковъ, такъ-что они обращены къ своей планетѣ постоянно одною стороною. Неровности въ пути производятъ, однакожъ, колебанія отъ шести до восьми градусовъ въ длину и въ ширину. Такимъ-образомъ мы видимъ постепенно больше половины Луны, то дальше сѣвернаго восточнаго, то дальше западнаго и южнаго ея края. Вообще $\frac{1}{2}$ ея поверхности совершенно и навсегда сокрыты отъ нашихъ глазъ. Эти космическія отношенія невольно напоминаютъ намъ законы нашихъ умственныхъ способностей, для которыхъ также есть недоступное, только изрѣдка показывающее край свой.

До-сихъ-поръ мы рассматривали планеты, спутники и концентрическія кольца, принадлежащія по-крайней-мѣрѣ одной изъ отдаленнѣйшихъ планетъ. Остается еще упомянуть о кометахъ. Если сообразитъ равномерное распределеніе ихъ путей, границу ихъ перигелиевъ и возможность ихъ невидимости для жителей земли, то, по исчисленію вероятностей, мы получимъ мириады кометъ, — число, недоступное воображенію. Въ пространствахъ міра, по выраженію Кеплера, больше кометъ нежели рыбъ въ океанѣ. Впрочемъ, кометъ, пути которыхъ опредѣлены, всего только 150, тогда-какъ всѣхъ, о явленіи которыхъ мы

видѣтъ какія-нибудь извѣстiя, считается отъ шести до семи-сотъ. Въ классическихъ сочиненiяхъ Грековъ и Римлянъ, находятъ иногда извѣстiя о точкѣ неба, гдѣ впервые появилась комета—и только; у Китайцевъ же точно обозначены всѣ созвзвiя, по которымъ кометы проходятъ. Эти списки доходятъ до пяти-сотъ слишкомъ лѣтъ до Рождества Христова.

Кометы, при наименьшей массѣ (гораздо-меньше $\frac{1}{1000}$ массы Земли), занимаютъ собою величайшее пространство. Свѣтоотражающiй паробразный покровъ ихъ достигаетъ иногда величissimi разстоянiя земли отъ солнца. Даже вѣроятно, что въ 1819 и 1823 годахъ, наша атмосфера свѣтилась съ матерiею хвоста кометы.

Кометы являются въ чрезвычайно-разнообразныхъ видахъ; слабѣйшия болѣею частiю безхвосты; это кругловатыя, слабо-мерцающiе туманы, съ концентрированнымъ къ срединѣ свѣтомъ. Это самый простой ихъ типъ. Въ болѣешихъ кометахъ различаютъ зерно (голову) и хвостъ. Зерно вообще не имѣетъ определенной очертанiя, хотя и случалось, что оно свѣтило какъ звезда первой величины. Зерно большой кометы 1492, 1532, 1577, 1744 и 1843 годовъ было видно даже днемъ. Это доказываетъ, что есть кометы съ плотнѣйшею массою. Только двѣ кометы явились въ телескопъ Гершеля съ *горизо-очерченными* кружкомъ, поперечникъ котораго, по вычисленiю, былъ въ 134 и 107 миль. Нѣ такъ резко очерченныя кометы 1798 и 1805 годовъ имѣли въ диаметръ только отъ шести до семи миль. У многихъ кометъ зерно было отлѣвлено отъ хвоста темнымъ промежуткомъ. Свѣтъ въ зернѣ кометы неравномерно ступается къ центру; сильно-свѣтящiеся поясы часто окружены концентрическими туманными кольцами. Хвосты кометъ то просты, то раздвоены, съ неравной длины концами; у кометы 1744 года былъ хвостъ шестиконечный; направленiе хвостовъ — или прямое, или согнутое. Они всегда обращены отъ солнца, такъ-что длинная ось проходитъ черезъ центръ его.

Кометы не только отлѣчаются другъ отъ друга формою, но мы видимъ въ нихъ также быстро-совершающiеся процессы преобразованiя. Такая перемена формы лучше всего описана Гейнзиусомъ въ Санктпетербургѣ, при появленiи кометы 1744 года, и Бесселемъ, въ Кѣнигсбергѣ, въ 1835 году. На обращенной къ солнцу части зерна видно было пучкообразное истеченiе. Загнутые назадъ лучи образовывали часть хвоста. «Зерно галлесовой кометы и ея истеченiя представляли видъ горящей ракеты, хвостъ которой склонялся отъ вѣтра въ сторону. Исходящiе изъ зерна лучи каждую ночь измѣняли свою форму. Бессель заключилъ изъ многихъ измѣренiй и теоретическихъ выводовъ, что истеклющiй свѣтовой конусъ значительно удаляется отъ направленiя къ солнцу вправо и лѣво, но снова возвращается къ этому направлѣнiю и потомъ переходитъ на другую сторону; что, следовательно, онъ, такъ же какъ и солнце, зерно кометы, изъ котораго онъ истекаетъ, вращивался на плоскости пути вращательное или, скорее, качательное движенiе». Онъ находить, что «обыкновенной притягательной силы солнца, оказываемой имъ на тяжелыя тѣла, недостаточно для

«объясненія этихъ качаній, и видитъ въ этомъ проявленіе подлинной силы, стремящейся обратить одинъ радіусъ кометы къ солнцу, а противоположный отклонить отъ него; — что магнетическая полярность земли представляетъ нечто аналогическое, и если эта теллурическая полярность имѣетъ отношеніе къ солнцу, то дѣло возможное, что она «оказываетъ вліяніе на *перемѣну* равноденствій». Здѣсь не мѣсто входить въ дальнѣйшее разсмотрѣніе этой мысли, но мы не могли, изображая картину природы, умолчать о такомъ взглядѣ на чудеснѣйшія дѣятели, принадлежащихъ къ нашей солнечной системѣ.

Обыкновенно, чѣмъ ближе комета къ солнцу, тѣмъ больше и ярче становится хвостъ ея и отклоняется отъ центрального тѣла. У кометы 1823 года было, однакожъ, два хвоста; одинъ обращенный къ солнцу, другой отъ него. Поляризація могла и здѣсь быть причиною дѣленія.

Въ натуральной философіи Аристотеля, истеченіе кометъ поставлено въ странное соотношеніе съ существованіемъ млечнаго пути. Безконечное число звѣздъ, составляющихъ млечный путь, представляютъ саму-себя зажигающую (свѣтащую) массу. Туманный поясъ, разстилающійся сводъ небесъ, Аристотель почитаетъ большою безпрестанно возгорающеюся кометою.

Прохожденіе зерна кометъ мимо неподвижныхъ звѣздъ могло бы пролить свѣтъ на знаніе ихъ физическаго свойства. Но мы не удивлены въ совершеннѣе *центральною* покрытію звѣзды кометою, а ближайшія къ центру части состоятъ изъ концентрическихъ оболочекъ очень-неравной плотности. Не подтверждено, однакожъ, сообщенію, что, въ 1835 году, дупа звѣзды десятой величины прошли сквозь очень-густой и близкій къ центру галлесовой кометы туманъ, безъ преломленія. Трудно-это считать матерію кометы за газообразную жидкость. Есть ли этотъ недостатокъ силы преломленія только следствіе почти-бесконечной тонкости жидкости? Или комета состоитъ изъ раздѣленныхъ частицъ, образуя собою *космическое* облако?

Важнѣйшими наблюденіями надъ свойствомъ свѣта кометъ, обязаны мы опытамъ Араго надъ поляризаціею. Его поляризаціи показывали, причѣмъ ли, или отраженъ лучъ, дошедшій до насъ изъ-за мидьноновой мѣлы и, въ первомъ случаѣ, истекъ ли онъ изъ твердаго, жидкаго или газообразнаго тѣла. Свѣтъ кометы 1819 года оказался отраженнымъ, а свѣтъ Капеллы самостоятельнымъ. Имѣютъ ли кометы, кромѣ этого отраженнаго свѣта, и свой собственный, еще не рѣшено. Даже и въ настоящихъ планетахъ, на-примѣръ, въ Венерѣ, весьма-вероятно существованіе собственнаго свѣта.

Измѣненіе силы свѣта кометъ не всегда зависитъ отъ разстоянія ихъ отъ солнца. Оно скорѣе намекаетъ на внутренніе процессы конденсаціи. Зерно кометы 1618 года было меньше близки солнца и больше вдали. Правильность измѣненія объема, смотря до разстоянію отъ солнца, чрезвычайно-замѣчательна. Физическаго изъясненія этого явленія нельзя, я думаю, искать въ болѣеи плотности зерна близъ солнца, потому-что трудно представить себѣ парообразную оболочку зерна кометы въ видѣ пузыря, непроницаемаго для міроваго эфира.

Эксцентричность путей комет обогатила наше знаніе солнечной системы. Энке открылъ комету, перигелий которой находится между орбитой Юпитера и маленькихъ планетъ. Комета Энке совершаетъ путь свой въ три года съ одною третью; но изъ наблюдений надъ временемъ возвращенія ея къ перигелию вышель замѣчательный фактъ, что съ 1786 до 1838 года время обращенія ея около солнца сокращалось pravidьльнѣйшимъ образомъ, именно $1\frac{1}{100}$ дня въ 52 года. Это привело къ очень-вѣроятному предположенію существованія въ пространствѣ міра вѣрообразной, оказывающей сопротивление матеріи. Она причиною уменшенія длины оси орбиты кометы. Этотъ фактъ принадлежитъ къ числу интереснѣйшихъ выводовъ новѣйшей астрономіи.

Въ этой цѣлестной кометѣ присоединилась въ 1826 году другая, апогелий которой за орбитою Юпитера, но гораздо-ближе Сатурна. Комета Бэлы совершаетъ свой путь въ $6\frac{3}{4}$ года. Слѣтъ ея еще слабѣе слѣтъ кометы Энке, и она представила намъ первый примѣръ кометы, пересѣкающей орбиту Земли. Слѣдовательно, она грозитъ опасностью, если можно назвать опаснымъ неиспытанное и неопредѣленное впередъ явленіе. Быстрота движенія, конечно, придаетъ значительную силу маленькимъ массамъ; но Лапласъ съ вѣроятностью предполагаетъ, что средняя масса кометы гораздо-меньше $\frac{1}{100000}$ массы Земли. Не должно смѣшивать прохожденія кометы Бэлы черезъ орбиту Земли съ ея столкновеніемъ съ Землею или близостью къ ней. При прохожденіи кометы черезъ путь Земли 29 октября 1832 года, Земля еще только черезъ мѣсяць дошла до точки пересѣченія двухъ путей. Эти двѣ кометы пересѣкаются также и на своихъ путяхъ, и справедливо замѣчено, что, можетъ-быть, если онѣ встрѣтятся около половины октября, жители Земли увидятъ дивное космическое явленіе борьбы, т. е. обоюднаго проколловенія, или слитія, или уничтоженія отъ испускающаго изліанія. Такихъ событій было, можетъ-быть, много за миллионы лѣтъ въ неизмѣримомъ пространствѣ зенра. Но въ строеніи міра они значатъ не болѣе изверженія вулкана на землѣ.

Третья внутренняя комета открыта 22 ноября 1843 года въ Парижѣ г-нъ Фэ (Faye). Ея эллиптический путь ближе всѣхъ подходитъ къ кругу, и заключенъ между орбитами Марса и Сатурна. Она обходитъ вокругъ солнца въ $7\frac{2}{100}$ лѣтъ, и обязана, можетъ-быть, своею тѣлесною формою пути приближенію своему къ Юпитеру въ 1839 году.

Относительно длины большой оси орбиты, эксцентричности и времени обращенія около солнца, ближе всѣхъ къ этимъ тремъ кометамъ комета 1766 года и четвертая 1819 года, много-измѣнившаяся въ пути своемъ отъ притяженія Юпитера. Одѣ совершаютъ путь свой тоже, кажется, лѣтъ въ пять или шесть, и афелий ихъ находится около орбиты Юпитера. Отъ 70 до 76 лѣтъ употребляютъ на совершеніе пути своего комета Гадлея, Ольберса (6 марта 1815) и открытая въ 1812 году Понсомъ. Мы достоверно знаемъ уже девятое возвращеніе гадлеевой кометы. Съ 1378 по 1835 годъ, время обращенія ея колебалось между 74,91 и 77,58 годами; среднее число 76,1.

Туче другихъ кометъ употребляютъ тысячи лѣтъ на совершеніе

своих путей. Комета 1811 года обращается въ 3065 лѣтъ; огромная комета 1680 года въ 8800 лѣтъ. Следовательно, она удалится от солнца въ 31 и 44 раза дальше Урана. На такомъ удаленіи разстояніи дѣйствуютъ еще притягательная сила солнца; за то комета 1680 года пребываетъ въ своемъ перигелии 53 мили въ секунду (итрое-болше земли), а въ афелии десять футовъ — движеніе только итрое-скорѣе теченія воды въ самыхъ ленивыхъ европейскихъ рекахъ. И мы реально, есть много кометъ, большая ось орбиты которыхъ превосходитъ ось кометы 1680 года. Чтобы дать понятіе объ отдаленности звѣздъ, скажу, что ближайшая къ намъ звезда отстоитъ отъ нашего солнца въ 250 разъ дальше, нежели эта комета въ ея афелии. Комета отстоитъ на 44 разстояніи Урана отъ солнца, а α Кентавра на 11,000 и β -а Лебеда на 31,000.

Взглянемъ теперь, какъ близко подходятъ кометы къ центральному тѣлу. Всѣхъ ближе подходила къ Землѣ комета 1770 года; 2 іюня она отстояла только на 6 разстояніи Луны. Она два раза прошла черезъ систему спутниковъ Юпитера и не произвела къ ней никакого измѣненія. Но комета 1680 года подошла къ солнцу въ восемь или девять разъ ближе, нежели упомянутая комета Лекселя къ Землѣ. 16-го декабря она находилась отъ солнца только на $\frac{1}{10}$ диаметра солнца т. е. на $\frac{1}{10}$ разстояніи Луны. Перигелии на орбитѣ Марса трудно наблюдать по причинѣ слабости свѣта, и до сихъ-поръ удалось различить только комету 1729 года, перигелии которой находились между орбитами Юпитера и Паллады.

Съ умноженіемъ подобныхъ знаній умножился и страхъ передъ опасностью кометъ. Присутствіе ихъ въ пределахъ нашей планетной системы, измѣненіе ихъ путей отъ вліянія Юпитера, Сатурна и кометнаго зенра, пересѣченіе кометою Бѣлы пути земли, измѣненіе вѣснаго зерна кометъ, — все это замѣняло старинный страхъ передъ смертельными мечами и всеобщий пожаромъ земли.

Такъ-какъ все, что можно сказать къ успокоенію боязливыхъ, говорить уму, а не воображенію, то новейшую науку уверяють не совсемъ несправедливо въ томъ, что она старается разрушить опасенія, ею же самою порожденныя. Все необыкновенное пробуждаетъ страхъ, а не радость: такова уже натура человека. Народъ всегда видитъ въ кометахъ враждебную силу. На кратковременности явленія основанно взрваніе въ связи его съ современными событіями, въ которыхъ никогда не бываетъ недостатка. Но въ наше время возмѣнилось другое, болѣе отрадное взрваніе. Въ долинахъ Рейна и Мозеля кометы принесли самую благотворную вліяніе на урожай винограда.

Отъ кометъ обращаются я къ другому, еще-болѣе загадочному классу тѣлъ, къ малѣйшимъ изъ астероидовъ, известныхъ намъ названіемъ *аэролитовъ* или *воздушныхъ камней*. Я съ намѣреніемъ останавливаюсь на нихъ и на кометахъ дольше, нежели требовала бы, по-видимому, общая картина природы. Изъ немногаго, что мы о нихъ знаемъ, трудно вывести общее, отдалить необходимое отъ случайнаго. При такомъ состояніи знаній, научнообразный взглядъ долженъ ограни-

чить различною фазіономіей зерна и хвоста, приравни сближенія ихъ съ другими небесными тѣлами, удаленіемъ ихъ и временемъ обрѣщенія. Тутъ можно изобразить истину только вычисливъ отдаленія подробности.

Видящія звезды, огненные шары и воздушные камни можно съ большою вѣроятностію считать за маленькія массы, движущіяся съ быстротою планетъ и обвивающія, по законамъ всеобщаго тяготанія, эллиптическіе пути около солнца. Встрѣчаясь на пути своемъ съ Землею, они воспламеняются на границѣ нашей атмосферы и падаютъ на землю въ видѣ разгоряченныхъ, покрытыхъ черною блестящею корою пыльныхъ обломковъ. Внимательныя наблюденія не позволяютъ отдѣлить огненные шары отъ падающихъ звездъ. Оба явленія не только современны, но и часто переходятъ одно въ другое. Огненные шары превосходятъ иногда видимыи діаметромъ луну, тогда—какъ падающія звезды видны въ безчисленномъ множествѣ такими маленькими, что они являлись только при движеніи своемъ какъ фосфорическія дѣлкіи. Впрочемъ, нельзя сказать навѣрное, что въ числа свѣтящихся тѣлъ, пробѣгающихъ по небу, нѣтъ тѣлъ совершенно-отличной природы.

Связь между воздушными камнями и огненными шарами, явленіе первыхъ изъ послѣднихъ доказаны многими примѣрами. Другаго рода явленіе, когда аэролиты падаютъ съ шумомъ, подобнымъ пушечному выстрѣлу, изъ очень-темнаго облачка, внезапно-образующагося среди яснаго неба; такое облачко засвѣкаетъ иногда, подвигаясь, цѣлая волна камнями. Случается, впрочемъ, хотя рѣже, что облака вовсе нѣтъ и небо совершенно-чисто. Родство огненныхъ шаровъ и падающихъ звездъ видно также и изъ того, что первые, выбрасывая аэролиты, не превосходятъ иногда въ поперечникѣ римскія свѣчи нашихъ сейферверковъ.

Что такое образующая сила въ этихъ явленіяхъ, какіе въ нихъ происходятъ химическіе и физическіе процессы; парообразно ли раздѣлены сначала частицы аэролитовъ и сгущаются только при воспламененіи; что происходитъ въ громадномъ облакѣ; извергаютъ ли маленькія падающія звезды что-нибудь плотное или только метеорную пыль, — все это покрыто для насъ еще тѣнью. Мы знаемъ только измѣренное въ пространствѣ, знаемъ общее, а не генетическіе процессы. Если аэролиты совершаютъ путь свой въ видѣ плотныхъ массъ, то они должны представлять зерно, окруженное очень-небольшою оболочкою воспламеняющагося газа. Величайшіе огненные шары имѣли въ поперечникѣ своемъ отъ 500 до 2,600 футовъ; величайшіе упавшіе аэролиты — 7 и 7½ футовъ. Знаменитый аэролитъ Эгосъ—Потамоса былъ величиною въ два вѣсельничьи жернова; упавшій въ началѣ IX столѣтія въ раку близъ Нарви, возвышался надъ водою на цѣлый локоть. Впрочемъ, все эти массы только обломки. Если сообразить ужасную быстроту движенія этихъ тѣлъ, то нельзя предположить, чтобъ плотная, кристаллическая масса ихъ образовалась изъ парообразной матеріи только во время прохожденія черезъ нашу атмосферу.

Къ-тому же, какъ мы уже замѣтили, упавшіе камни почти всегда

принимают видъ облаковъ. Откуда же такая форма въ кружащемся плазетномъ тѣлѣ? Все, что касается до процесса развѣтлѣнн, здесь темно. Возмущенные камни начинаютъ свѣтѣть на почти-безвоздушной высотѣ, гдѣ нѣтъ и $\frac{1}{1000000}$ части кислотвора. Опыты Біо значительно подтверждали такъ-называемую границу атмосферы; но свѣтвые процессы могутъ происходить и безъ присутствія кислотвора.

Уже Галлей принялъ большой огченнѣй шаръ 1686 года за космическое явленіе; но Хладни первый увидѣлъ связь между огченнѣй шарамн и возмущеннѣй камнямн. Денисоцъ Олимпестъ подтвердилъ мнріе о космическомъ происхожденіи этихъ явленій, доказавъ, что комы падающіхъ звѣздъ 12 и 13 ноября 1833 года выхлѣли постоянно изъ одной точки неба, близъ у Льва, не смотря на то, что звѣзда перемѣнила въ продолженіи явленія свое мѣсто. Такая независимость отъ круженія земли доказываетъ, что свѣтящіяся тѣла принадлежатъ къ *миревану пространства*. По исчисленію Энке, вся подобная явленія въ Северной-Америкѣ, между 35 и 42 градусомъ широты, выхлѣли изъ той точки пространства небесъ, куда двигалась въ то время Земля. Точно также параллельнамъ путей и направленію метеоровъ изъ созвездія Льва были замечены въ 1834 и 1837 г. въ Америкѣ, и въ 1838 въ Бременѣ. Метеоры 1839 года являлись болѣею частью изъ точки между Персеемъ и Тельдомъ. Къ этому послѣднему созвезію двигалась тогда Земля. Это явленіе заслуживаетъ точнѣйшихъ наблюденій.

Высота явленія, видности падающіхъ звѣздъ бываетъ отъ 4 до 25 миль. Относительная быстрота движенія отъ $\frac{1}{4}$ до 9 миль въ секунду, — следовательно, равна движенію планеты. Эту быстроту и направленіе путей ихъ, противоположное движенію земли, приводятъ въ опроверженіе происхожденія ихъ изъ лунныхъ вулкановъ. Вообще, предположеніе вулкановъ на маленькомъ, безвоздушномъ небесномъ тѣлѣ очень-произвольно. Конечно, можно представить себѣ вулканическую силу до ста разъ сильнѣе нашихъ вулкановъ, и массы, сброшенныя съ луннаго, движущагося съ запада на востокъ, могутъ идти назадъ или движущимися въ обратную сторону, потому-что Земля приходитъ на точку своей орбиты, которой они коснулись, прежде ихъ. Но если вѣрять всѣмъ упомянутымъ отношеніямъ, то протеза луннаго происхожденія аргументовъ является зависящая отъ множества условій, только случайное стеченіе которыхъ можетъ слѣдовать возможное действительнымъ; гораздо-проще — принять отдельное существованіе маленькихъ планетныхъ массъ.

Весьма-вероятно, что большая часть этихъ тѣлъ, не разрушаясь, продолжаетъ блуждать мимо нашей атмосферы и принимаютъ форму своихъ путей отъ притяженія земли. Такъ-называемыя *возносящіяся метеоры* являлись съ перваго взгляда слѣдствіемъ загадочной, улаживающей ихъ отъ земли силы; но въ-послѣдствіи доказано, что и самый фактъ принадлежитъ еще сомнѣнію.

Падающія звѣзды являются или отдельно, или группами. Въ послѣднемъ случаѣ, появленіе ихъ періодическое, и движутся одна большая часть параллельными потоками. Изъ періодическихъ потоковъ зрѣис-

китайские такъ называемый *нодбрскій флэцменъ* (12 — 14 ноября) и потоки св. Лаврентія (10 августа). Хотя въ 12 — 13 ноября 1823 года видно было множество падающихъ звѣздъ и огненныхъ шаровъ во всей Европѣ, отъ Портсмута до Оренбурга, и даже на южномъ полушаріи, въ Инд-Франсъ, однако, на числѣ *периодичности* ихъ имѣло еще разительнѣйшее явленіе ихъ 12—13 ноября 1833 года въ Сѣверной Америкѣ, когда въ продолженіи 9 часовъ упало ихъ, по крайней мѣрѣ, 240,000. Пальмеръ вспомнилъ о метеорахъ 1799 года и съ удивленіемъ замѣтилъ тождество эпохи. Явленіе 1833 года повторилось въ 1834. Въ Европѣ съ тѣхъ-поръ периодичность явленія подтверждалась съ большою точностью.

Другой, постоянно-повторяющійся потокъ падающихъ звѣздъ, бываетъ въ августѣ, около 9—14 чиселъ. Со-временемъ, вѣроятно, откроются и другія періодическія теченія, можетъ-быть 22 — 25 апрѣля и 6—12 декабря.

Какъ ни независимы эти явленія отъ полярной высоты, температуры воздуха и другихъ климатическихъ отношеній, однакожь нельзя умолчать объ одномъ, можетъ-быть и случайномъ явленіи. При паденіи звѣздъ, въ 1833 году, сѣверное сіяніе было очень-сильно. Замѣчательно, что и капитанъ Врангель видѣлъ, во время сѣвернаго сіянія, какъ воспламеняются и горятъ темныя части неба, когда пробѣжала по нимъ падающа звѣзда.

Вѣроятно, міриады малецкихъ тѣлъ пересѣкаютъ земную орбиту, подобно кометѣ Бэлы. Эти астероиды, падающія звѣзды, можно представить себѣ образующими сомкнутое кольцо и движущимся по одной орбитѣ. Пути Весты, Юноны и Цереры представляютъ намъ нечто аналогическое. Явленія метеоровъ запаздываютъ; но зависить ли это отъ неправильнаго движенія впередъ точекъ пересѣченія ихъ пути съ путемъ нашей Земли, или подѣсь этихъ тѣлъ, при неравной группировкѣ ихъ, такъ широкъ, что Земля проходитъ черезъ него только въ несколько дней,—этого теперь еще рѣшить невозможно. Система спутника Сатурна тоже представляетъ широкую группу тѣсно-связанныхъ тѣлъ. Путь послѣдняго спутника такъ широкъ, что Земля прошла бы его только въ три дня. Если въ сомкнутыхъ кольцахъ, обозначающихъ пути періодическихъ теченій, астероиды распределены такъ неравно, что густыхъ группъ немного, то понятно, почему рѣдки такіе блестящіе явленія, какія видѣли въ 1799 и 1833 году.

Нодбрское явленіе астероидовъ бывало иногда видно только на небольшомъ пространствѣ земли. Въ 1837 году, въ Англіи было явленіе великодушное, а въ Бранденбургѣ, въ Пруссіи, падало только отдѣльных звѣздъ. Бессель заключилъ изъ этого, что узкая группа тѣлъ, составляющихъ большое кольцо, достигла въ Англіи Земли, тогда-какъ страна болѣе-восточная прошла сквозь относительно-пустую часть метеорнаго кольца.

Предположеніе правильнаго подвиганія узловъ придаетъ особенный интересъ стариннымъ наблюденіямъ. Извѣстія о метеорическихъ теченіяхъ въ китайскихъ летописяхъ доходятъ до времени Тид-

тея или второй мессенской войны. Всего чаще упоминается о явлениях 20—22 июля; может-быть, это подвинувшееся вперед течение св. Лаврентія. Если явление 21 октября 1366 года — нашъ помбрскій феноменъ, то изъ движенія узловъ въ-продолженіи 477 лѣтъ, слѣдуетъ, что система падающихъ звѣздъ описываетъ около солнца обратный путь. Изъ всего этого слѣдуетъ также, что если въ-продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ не бывають явахъ явлений, то это зависитъ или отъ промежутковъ въ кольца, или отъ вліанія большихъ планетъ на фигуру и положеніе кольца.

Аэролиты, по образованію коры и химическому составу, вообще очень-похожи другъ на друга. Но есть и исключенія. Удобно-ковія массы въ Градшпъ, на берегахъ Свизна и въ Мехика, содержащія въ себѣ $\frac{20}{100}$ желѣза, очень-отличны отъ аэролитовъ Сивны, въ которыхъ желѣза едва $\frac{2}{100}$. Аэролитъ въ Алз землянистъ и распадается въ воду; жонзакскій и жювенаскскій, безъ металлическаго желѣза, представляютъ смесь ориктогностически-различныхъ, кристаллическихъ частей. Эти различія повели къ разделенію космическихъ массъ на никелистое воздушное желѣзо и грубо или мелко-зернистыя воздушныя камни.

Очень-замѣчательна тонкая, смолисто-гладковатая, иногда съ жѣлтымъ коря. Вездѣ она резко ограничена отъ внутренней свѣтло-серой массы.

Химическіе элементы аэролитовъ — желѣзо, никель, кобальтъ, марганецъ, хромъ, медь, мышьякъ, олово, кали, натръ, сера, фосфоръ и уголь. Не смотря на эти послѣднія знакомыя намъ составныя части, въ соединеніи ихъ видно что-то чуждое. Чистое желѣзо придаетъ имъ особенный, но еще по-этому не лунный характеръ: воды можетъ не доставать и въ другихъ тѣлахъ, кромѣ Луны.

Основанное на ориктогностическихъ признакахъ предположеніе о теллурическомъ и атмосферическомъ происхожденіи аэролитовъ непрочо. Почему не быть тварямъ одной группы мірвыхъ тѣлъ одинаковыми, если предположить, что планеты образовались изъ одной и той же солнечной атмосферы?

Чудесныя, необъяснимыя вулканическія пепломъ затмѣнія солнца. Кеплеръ приписываетъ кометной матеріи. Хладни и Штурреръ объяснили подобныя затмѣнія 1690 и 1203 годовъ прохожденіемъ метеорическихъ массъ. Съ-тѣхъ-поръ, какъ на купы падающихъ звѣздъ смотрятъ, какъ на сомкнутое кольцо, эпохи упомянутыхъ загадочныхъ явленій пришли въ замѣчательное соотношеніе съ появленіемъ падающихъ звѣздъ.

Не смотря на то, что паденіе каменной было извѣстно въ-продолженіе тысячелѣтій, но до Хладни никто не догадывался о связи этихъ явленій съ планетною системою. Кто проникнуть мыслью этой связи, въ томъ каждая падающая звѣзда можетъ пробудить размышленіе. Среди тихой ночи, вдругъ рождается движеніе; свѣтящая черта обрисовывается у насъ передъ глазами путь въ нѣсколько миль и напоминаетъ собою о вездѣ-полномъ тѣлѣми міровомъ пространствѣ. Если сравнить объемъ внутренняго спутника Сатурна съ объемомъ солнца, то въ воображеніи

ни нашемъ исчезаетъ всякое отношеніе между *большими* и *малыми*. Уже исчезновеніе вдругъ-засверкавшихъ звездъ въ Кассіопеѣ, въ Дебелѣ и Звѣноспѣ заставляетъ принять существованіе темныхъ небесныхъ тѣлъ. Астероиды, подобно кометамъ, пересекаютъ пути планетъ и вспламеняются вблизи или въ верхнихъ слояхъ нашей атмосферы.

Со всеми другими мировыми тѣлами мы находимся въ связи только посредствомъ свѣта и притяженія. Упавшіе же астероиды представятъ намъ тѣла, чуждыя нашей планетѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ доступныя намъ по своимъ физическимъ и химическимъ свойствамъ. Касааясь ихъ, мы касаемся другаго міра, и разумное чувство говоритъ доображенію.

Остается намъ упомянуть о *кольцѣ зодіакальнаго свѣта*. Кто долго прожилъ въ тропическихъ странахъ, тотъ никогда не забудетъ этого пирамидально-возстающаго свѣта. Я видѣлъ его даже ярче млечнаго пути въ Стрѣльцѣ. Особенно-живописно раскидываются на немъ легкія облачка. Въ дневникѣ моего плаванія изъ Лимы къ западному берегу Мексики описано такое явленіе: «Уже три или четыре ночи (между 10 и 14° северной широты) является зодіакальный свѣтъ въ такомъ великолѣпнѣ, какого я никогда еще не видѣлъ. Прозрачность атмосферы въ этой части Южнаго-Океана удивительна, даже судя по блеску звездъ и туманныхъ пятенъ. Съ 14 по 19 марта, ровно $\frac{3}{4}$ часа послѣ захода солнца, не было видно и слѣда зодіакальнаго свѣта, не смотря на совершенную темноту ночи. Черезъ часъ послѣ заката солнца, свѣтъ явился вдругъ, между Альдебараномъ и Плеядами и достигъ 18 марта 39° 5' высоты. Тонкія, длинныя полосы облаковъ красиво разстилаются на горизонтѣ, какъ по желтому ковру. Верхнія переливаются иногда яркими цвѣтами, — точно какъ-будто вторичное заходженіе солнца. Съ этой стороны неба, ночь становится свѣтлѣе, какъ въ первую четверть мѣсяца. Въ 10 часовъ, зодіакальный свѣтъ обыкновенно былъ уже очень-слабъ, а въ полночь же оставалось его и слѣда.» Въ нашемъ пасмурномъ полѣ, зодіакальный свѣтъ видѣтъ ясно только въ вечернія сумерки въ началѣ весны и передъ зарею въ позднюю осень.

Непонятно, какъ такое замѣчательное явленіе обратило на себя вниманіе физиковъ и астрономовъ только въ половинѣ XVII столѣтія. Первое ясное описаніе зодіакальнаго свѣта сдѣлано Чильдреемъ въ 1661 году; первое наблюденіе—года за два передъ тѣмъ, но изслѣдовалъ это явленіе въ его замѣреніяхъ первый Кассини, въ 1683 году.

Открытое Чильдреемъ и Кассини явленіе не есть сама свѣтящая атмосфера солнца, потому-что она, по законамъ механики, не можетъ быть сжата сильнѣе пропорціи 2:3 и, следовательно, не можетъ простираться дальнѣе $\frac{1}{3}$ отстоянія Меркурія. Изъ тѣхъ же законовъ слѣдуетъ, что высота крайней границы атмосферы надъ экваторомъ обращающагося около своей оси небеснаго тѣла, т. е. точка, гдѣ тяжесть и центробѣжная сила равны, есть та, на которой спутникъ будетъ обращаться около центральнаго тѣла равномерно съ его оборотомъ на оси. Такая ограниченность солнечной атмосферы особенно-поразительна, если сравнить его съ вершинами другихъ туманныхъ звездъ. Если принять на

радиусъ не больше 1'', то крайняя черта тумана такой звезды въ 150 разъ дальше отъ ея центра, нежели Земля отъ солнца. Еслибъ туманная звезда стояла на мѣстѣ нашего солнца, то ея атмосфера простира-лась бы восемь разъ дальше Урана.

При такой ограниченности солнечной атмосферы, можно съ большою вѣроятностью считать матеріальною причиною зодіакальнаго свѣта очень-плоское кольцо парообразной матеріи, свободно кружащееся въ мировомъ пространствѣ между орбитами Венеры и Марса. О его размѣрахъ, объ увеличеніи его хвостами мириадъ кометъ, о связи его съ сплоченнымъ вблизи солнца зевромъ нельзя еще сказать ничего вѣрнаго. Части этого кольца, кружащагося около солнца, могутъ или сами свѣтить, или отражать свѣтъ солнца. Однажды, въ 1743 году; даже земной туманъ былъ до такой степени фосфорическимъ, что можно было ясно различать предметы на разстояніи 600 футовъ.

Въ тропическомъ поясѣ Южной-Америки поразила меня измѣнчивость силы зодіакальнаго свѣта. Въ несколько минутъ онъ замѣтно слабѣлъ и потомъ опять свѣтилъ съ прежнею силою. Иногда замѣчалъ я въ немъ даже мерцаніе. Зависѣло ли это отъ процессовъ въ самомъ кольцѣ, или отъ состоянія нашей земной атмосферы? Въ пользу метеорологическихъ причинъ говорятъ наблюденія Ольберса. Онъ видѣлъ мерцаніе и пульзаціи, пробывавшія въ несколько секундъ по дѣлому хвосту кометы, причѣмъ хвостъ на несколько градусовъ то увеличивался, то опять укорачивался. Такъ-какъ разныя части на миллионы миль растянутаго хвоста удалены отъ земли очень-неровно, то, по законамъ распростра-ненія свѣта, невозможно, чтобъ мы видѣли черезъ такіе краткіе промежутки времени измѣненія, которыя дѣйствительно происходятъ въ тѣхъ наполняющемъ такое огромное пространство. Впрочемъ, эти замѣчанія несколько не исключаютъ реальности свѣтовыхъ процессовъ въ самихъ небесныхъ тѣлахъ; они должны только обратить вниманіе на различіе ихъ отъ того, что происходитъ въ нашей атмосферѣ.

Во всей описанной нами системѣ тѣхъ царствуетъ законъ возвращенія на пути. Только маленькіе астероиды, упавъ на Землю, сливаются съ нею. Въ солнечной системѣ, границы которой опредѣлены притягатель-ною силою солнца, кометы, на разстояніи 44 полудіаметровъ орбиты Урана, принуждены поворачивать и снова приближаться къ солнцу. И само ядро кометы, не смотря на ничтожность своей массы, притягиваетъ къ себѣ отдаленнѣйшія части своего хвоста, на разстояніи многихъ миллионновъ миль. Такъ центральныя силы суть образующія и вмѣстѣ съ тѣмъ связующія силы системы.

Солнце, въ-отношеніи кружащихся около него тѣхъ, можетъ быть почитаемо за неподвижное, но вмѣстѣ съ тѣмъ кружащееся около общей точки тяготѣнія всей системѣ; точка эта падаетъ иногда въ самое солнце, т. е. не смотря на перемѣну положенія планетъ остается иногда въ средѣ его массы. Другое движеніе солнца есть поступательное, движеніе общей точки тяготѣнія солнечной системѣ въ пространствѣ міра. Это движеніе такъ быстро, что относительное движеніе солнца и 61-й звезды въ Лебедѣ составляетъ въ день 834,000 географич. миль. Мы

мы не знали бы этого движенія, еслибы не могли замѣчать его, посредствомъ усовершенствованныхъ теперь инструментовъ; по далекимъ звѣздамъ, какъ плывецъ замѣчаетъ свое движеніе по берегу. Собственно движеніе 61-й звѣзды Лебеда такъ значительно, что въ 700 лѣтъ она смѣстится на цѣлый градусъ.

Изучить эти явленія въ звѣздахъ легче, нежели объяснить ихъ математически. Движеніе звѣздъ есть следствие движенія всей солнечной системы въ пространствѣ міра и собственнаго движенія звѣздъ. Отсюда математически это действительное движеніе отъ кажущагося состоитъ трудно; но этому способствовало точное опредѣленіе напряженія путей звѣздъ и тотъ выводъ, что еслибы все звѣзды были въ абсолютномъ покое, то она расходилась бы, по законамъ перспективы, отъ этой точки, изъ которой движется солнце. Конецънъ результатовъ этого было то, что наша солнечная система и звѣзды—оба перемѣняютъ свое мѣсто. Солнце, по изслѣдованіямъ Аргеландера, движется къ созвѣздію Геркулеса.

Рассматривая действительное, не перспективное движеніе звѣздъ, мы находимъ, что многія изъ нихъ группами движутся въ противоположные стороны. Въ-сѣдствіе невѣстныхъ до-сихъ-поръ причинъ, не-обходимость предполагать, что все части нашего звѣзднаго облака, или даже всѣхъ вообще звѣздныхъ острововъ, наполняющихъ пространство, кружатся около одного невѣстнаго центрального тѣла. Но стремленіе къ конечной причинѣ клонитъ человека къ принятію этой гипотезы.

Действительное движеніе двойныхъ звѣздъ доказываетъ, что звѣзды гравитируютъ и за пределами нашей солнечной системы. И это знаніе основывается не на аналогіи, а на фактахъ. Нашу эпоху характеризуютъ не столько открытіе множества двойныхъ и многократныхъ звѣздъ (до 1837 года открыто ихъ до 2,800), сколько извѣстныя основныя законы тѣлеснаго міра. Время обращенія двойныхъ двукратныхъ звѣздъ очень-различно,—отъ 43-хъ, какъ въ η Коронны, до шестидесяти тысячъ лѣтъ, какъ, на-прим., въ 66-й звѣздѣ Кита, 38-й Близнецовъ и 100-й Рыбъ. Въ тройной системѣ ζ Рака ближайшій спутникъ описалъ уже съ 1782 года болѣе цѣлаго круга. Но зависитъ ли здесь, какъ въ нашей солнечной системѣ, сила притяженія единственно отъ количества массы, или есть еще другія, независимыя отъ массы, специфическія притягательныя силы, — это намъ еще неизвѣстно.

Сравнивая наше солнце съ другими самосвѣтными солнцами нашего звѣзднаго пласта, мы можемъ, по-крайней-мѣрѣ относительно нѣкоторыхъ, опредѣлять приблизительно ихъ объемъ, разстояніе, массу и скорость движенія. Принявъ разстояніе Урана отъ солнца въ девятнадцать разстояній Земли отъ солнца, мы найдемъ, что наше солнце отстоитъ отъ звѣзды α въ Кентаврѣ на 11,900, отъ 61-й Лебеда почти на 31,300, отъ α Лры на 41,600 разстояній Урана. Сравненія объема звѣздъ съ объемомъ солнца основываются на видимомъ ихъ поперечникѣ, элементѣ очень-невѣрномъ. Такъ нашли, что поперечникъ Арктуралъ одиннадцатъ разъ болѣе поперечника солнца. Масса 61-й звѣзды Лебеда, вѣроятно, составляетъ около половины массы солнца. Это ре-

результатъ действительнаго измѣренія. Астрономы полагаютъ, что вообще масса двойныхъ звездъ превосходитъ массу нашего солнца. Но до общаго результата здѣсь еще далеко. Наше солнце, по мнѣнiю Аргеландера, принадлежитъ къ классу очень-быстро движущихся звездъ.

Видъ звезднаго неба зависитъ отъ движенiя звездъ и туманныхъ пятенъ, отъ движенiя центра нашей солнечной системы, отъ возмущенiя полярнаго или вѣтровоуказнаго быльшихъ звездъ, и въ-особенности отъ измѣненiя земной оси. Прекрасныя звезды Кентавра и Южнаго-Креста будутъ всегда видны въ нашихъ северныхъ высотахъ, когда зайдетъ Сириусъ. Покоящiйся северный полюсъ будутъ обозначать одна за дру-гими звезды Цесей и Лебеда, пока наконецъ черезъ 12,000 лѣтъ не разблеститъ Вега Лары, великолѣпнѣйшей изъ всѣхъ полярныхъ звездъ. Если вообразить себѣ зрѣнiе наше усиленнымъ до крайней степени телескопомъ, и сдвинутымъ то, что раздѣлено долгими промежутками времени, то мгновенно исчезнетъ во вселенной кажущiйся покой. Звезды группами понесутся по разнымъ направленiямъ; туманные пятна за-плаваютъ какъ облака, сгущаясь и разражаясь; млечный путь раздѣ-лится во многихъ точкахъ...

Уильямъ Гершель нашелъ, что телескопическая ширина млечнаго пу-ти 6° или 7° больше изображаемой на картахъ и видной простымъ глазомъ. Два блестящiя узла, въ которыхъ сходится ветвь невоа, оказывають по-видимому сильное притяженiе на ближайшия звезды. Но между β и γ Лебеда, въ самомъ блестящемъ мѣстѣ, изъ 330,000 звездъ, строгенныхъ на 5° широты, одна половина движется въ одну, а другая въ противоположную сторону. Здѣсь-то предполагаетъ Гершель разрывъ млечнаго пути, о которомъ я упомянулъ.

Число различасныхъ телескопическихъ звездъ въ млечномъ пути счита-ется до 18,000,000. Чтобъ хотя нѣсколько сдѣлать доступнымъ во-ображенiю это число, скажу, что простой глазъ видитъ на небѣ всего около 8,000 звездъ.

Млечный путь звездъ почти подъ прямымъ угломъ пересѣкается млеч-нымъ путемъ туманныхъ пятенъ. Первый образуетъ, по мнѣнiю Джона Гершеля, свободный, нѣсколько отдаленный отъ чечевицеобразнаго слоя звездъ, поясъ, подобно кольцу Сатурна. Наша планетная система ле-житъ эксцентрически, ближе къ Кресту, нежели къ диаметрально-про-тивоположной точкѣ, Кассіопеѣ. Млечный путь туманныхъ пятенъ при-надлежитъ не къ нашему звездному класту; онъ окружаетъ его безъ оптической съ нимъ связи, на далекомъ разстоянiи, и тянется, почти въ видѣ величайшаго круга, вѣроятно прорѣзывая въ Кассіопеѣ млеч-ный путь звездъ и соединяя свои бадные звездами полюсы тамъ, гдѣ звездный слой наименѣе-толстъ.

Изъ этого слѣдуетъ, что нашъ звездный островокъ носить на вѣ-кахъ своихъ слѣды совершившихся въ-теченіи времени преобразованiй и стремится разражаться, будучи окруженъ двумя кольцами. Кольцо звездъ (какъ млечный путь) состоитъ изъ безтуманныхъ звездъ, во-обще десятой и одиннадцатой, но отдаленно взятыхъ очень-различной

величины, тогда - какъ отдѣльныя группы звѣздъ отличаются характеромъ однородности.

Всюду, куда ни обращались телескопы, видны звѣзды, или свѣтящіяся туманы, которые, при болѣе сильнѣхъ инструментахъ, вѣроятно, тоже разрѣшились бы на звѣзды. Глазъ вашъ получаетъ различныя впечатлѣнія отъ отдѣльнаго и слитаго свѣта звѣздъ. Различное состояніе космическаго тумана, вѣроятно, измѣняетъ прозрачность міроваго пространства и уменьшаетъ ровность свѣта, которая, по мнѣнію Галлея и Ольберса, должна бы прозойти, еслибъ каждая точка неба была услана въ глубину безконечнымъ числомъ звѣздъ. Но этому противорѣчатъ наблюденія. Есть совершенно-беззвѣздныя части неба. Сквозь нихъ смотримъ мы въ дальнѣйшіе предѣлы вселенной, и за ними, можетъ быть свѣтятъ недоступныя намъ звѣзды.

Сравнивая ближайшія къ намъ звѣзды первой величины съ безтуманными телескопическими, туманныя звѣзды съ неразрѣшимыми туманными пятнами, мы видимъ, что міръ явленій и реальныя ихъ причины въ зависимости отъ распространенія свѣта. Свѣтъ пробѣгаетъ въ секунду 41,518 географическихъ миль, и ему нужно 3, 9¼ и 12 лѣтъ, чтобъ дойти до насъ отъ звѣздъ: α Кентавра, 61-й Лебеда, и α Лиры. Въ краткій періодъ времени отъ 1572 до 1604 года засверкали вдругъ три новыя звѣзды. Въ наше время, Джонъ Гершель видѣлъ, какъ звѣзда 2-й величины усилила свѣтъ свой до первой величины. Но эти событія въ пространствѣ міра принадлежатъ въ действительности другимъ временамъ; это отголоски прошедшаго, доходящіе до насъ послѣ многихъ лѣтъ, и правду сказали, что телескопы проникали въ пространство и время. Первое мы видимъ вторымъ. Часъ пути для луча 148 милліоновъ миль. Гершель-отецъ думаетъ, что свѣтъ шелъ до насъ отъ отдаленнѣйшихъ туманныхъ патешъ почти до 2,000,000 лѣтъ. Многое, следовательно, уже давно исчезло, когда мы его увидѣли; многое было устроено иначе. Видъ звѣзднаго неба представляетъ намъ не современное, а свѣтъ отдаленнѣйшихъ міровыхъ тѣлъ есть древнѣйшее доказательство существованія матеріи.

ВЪРОВАНІЯ ИНДУСОВЪ (*).

I.

СУЩНОСТЬ И ПОСТЕПЕННОЕ ПЕРЕРОЖДЕНІЕ ВРАМАНСКАГО УЧЕНІЯ.

Религія Индусовъ исповѣдывала первоначально чистый монотеизмъ, то есть признавала единого Бога; съ теченіемъ же вѣковъ, по свойственному человеческой природѣ влеченію къ наружнымъ формамъ и символамъ, она мало-по-малу утратила свою чистоту, превратилась въ открытыя политеизмъ и окружила себя безчисленнымъ множествомъ боговъ, божествъ, небесныхъ и адскихъ силъ и ихъ ядоламъ.

Главные начала древняго закона изложены въ первыхъ четырехъ ведахъ и въ составленномъ знаменитымъ браминемъ Висаю извлеченіи изъ нихъ, называемомъ *ведантою* (по-санскритски: окончаніе ведъ).

На вопросъ ангеловъ о Его собственномъ существѣ, Богъ отвѣчаетъ: «Еслибъ былъ другой, равный Миѣ, то Я описалъ бы себя сравненіемъ съ нимъ. Я былъ отъ вѣка-вѣковъ и останусь на вѣки-вѣковъ. Я первая причина всего, что есть на востокъ и на западъ, на северъ и на югъ, вверху и внизу, на небѣ и въ преисподней; Я все, Я старшее всего, Я царь царей, Я истина, Я духъ міротворенія и творецъ; Я сознаніе, чистота и свѣтъ; Я всемогущъ.»

Изъ этихъ словъ мы убѣждаемся, что веды признаютъ Бога единого, всемогущаго, безпредѣльнаго, вѣчносущаго, сознающаго себя и сотворившаго міръ. Превращеніе этого древняго ученія въ грубое идоло-

(*) Въ статьяхъ «Англійская Индія въ 1843 году», помѣщенныхъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» нынѣшняго года (томы XXXVIII и XXXIX), говорено уже было объ этомъ предметѣ, который въ предлагаемыхъ здѣсь статьяхъ изложенъ съ болѣею подробностью. Обѣ статьи взяты изъ книги «Нравы, Обычай и Памятники всѣхъ Народовъ Земнаго Шара», которой первый томъ на-дняхъ долженъ выйти изъ печати (см. ниже, въ VI отдѣл. «Библиографическія Извѣстія»).

мелочество, какое находимъ теперь въ Индустана, зависяло болѣею частью отъ слѣдующихъ причинъ:

Всемогущій Богъ называется въ ведахъ не только Творцомъ и Вседержителемъ, но и Разрушителемъ міра, что, вѣроятно, имѣетъ связь съ сказаніями о природныхъ переворотахъ, раздѣляющихъ періоды, называемые *югамъ* (*). Соединеніе начала разрушенія съ началомъ творенія составляетъ главную основу брамайскаго ученія и постоянно повторяется въ *шастрахъ* (толкованіяхъ ведъ).

Богъ ученіе Индуса о сотвореніи всего видимаго міра: Существо са-любывное, вѣчное, невидимое, которое можетъ быть постигнуто однимъ духомъ, пожелало, наконецъ, проявиться во всей своей слави. Оно создало сначала единую мысль воды и положило туда производительное сѣмя, которое сдѣлалось яйцомъ, блестящимъ какъ золото, яркимъ какъ солнце о тысячу лучахъ. Въ этомъ яйцѣ образовалось оно само въ видѣ *Парабрамы*, божественнаго челоуька, проявленія въ этомъ мірѣ первой невидимой причины. Разбивъ яйцо въ исходѣ года вѣчности, разнѣющагося нѣсколькимъ быльионамъ солнечныхъ годовъ, оно приступило тотчасъ къ сотворенію видимой вселенной. Часть яйца сдѣлалась небомъ; изъ другой оно создало землю и собрало тамъ творящія воды; потомъ, раздѣливъ собственное свое существо, оно обратилось одной своей половиной въ существо мужескаго пола, другой — женскаго, или приняло вѣсть и дѣйствительную и страдательную природу, чтобъ воспроизвести себя въ существахъ, которыя раздѣляли бы его божественную. За такимъ разсказомъ о созданіи вселенной слѣдуютъ слова: «Безчисленныя всемірныя перевороты сотворенія, разрушенія и возобновленія. Всемогущій съ улыбкою совершаетъ ихъ. Онъ посылаетъ смерть въ слѣдъ за жизнью и жизнь въ-слѣдъ за смертью».

Эти три главныя качества всемогущаго Парабрамы *творить, содержать и разрушать* означаются въ ведахъ тремя названіями: *Брама, Вишну и Шива* (Сива или Шивнъ), составляющими въ символическомъ соединеніи своемъ индійскую *Тримурти* (или трехбожіе), которая изображается исполнкою головою съ тремя лицами. Но *единство*, распавшееся такимъ-образомъ на *тройственность*, раздробилось, благодаря *двойному* характеру Шивы, еще далѣе.

Шива почитается богомъ не только *разрушенія*, но и *воспроизведенія*. Символъ разрушенія есть *трезубецъ*, подобный плутонову; символъ воспроизведенія — *лингамъ* (знакъ нецѣломудрія), равнозначящій съ египетскимъ фаллусомъ, перешедшимъ потомъ и въ мнелогію Грековъ подъ названіемъ Пріапа. Подъ всякимъ изъ этихъ символовъ Шива имѣетъ свои храмы, своихъ жрецовъ и жриць. Жрицы лингама даютъ обътъ цѣломудрія, за несоблюденіе котораго наказываются смертью. Это явленіе тѣмъ-болѣе поразительно, что жрицы всѣхъ другихъ боговъ и богинь, балдерки, имѣютъ не только разрѣшеніе предаваться любви, но

(* *Юга* — періодъ индійскаго лѣтосчисленія, содержитъ въ себѣ иногда нѣсколько сотъ тысячъ, а иногда и нѣсколько мильионовъ лѣтъ.

жестрогость ихъ нравовъ составляетъ даже существенную принадлежность ихъ образа жизни, почитается религиозною обязанностью и впреманную статью дохода того храма, къ которому онъ принадлежит. По-этому, между-тѣмъ, какъ богатство прочихъ храмовъ определяется отчасти красотой и числомъ принадлежащихъ къ нимъ балдерокъ, жидцы лингама, обвѣшанныя изображеніями обоготворяемаго ими символа, отличаются скромностью, строгостью нравовъ и вполне соответствующими роли древнихъ весталокъ.

Брама, сотворивъ міръ, углубился въ самого-себя; но Вишну и Шива, управлявшіе вселенной, принимали разныя формы и сходили на землю для исправленія рода человеческого.

Воплощенія эти называются *аватарами*. Вишну имѣлъ десять аватаровъ, Шива два, и во всякомъ изъ этихъ воплощеній божество принимаетъ особое названіе, ему воздаются особыя почести, — а вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивается опять число предметовъ обожанія. Такимъ-образомъ намъ дѣлается яснымъ, какъ *символъ* изъ *единого Бога* породилъ *трехъ божіе*, и какъ, въ-слѣдствіе разныхъ *аватаровъ* двухъ изъ этихъ трехъ лицъ, возникъ *цѣлый Олимпъ*.

Индійскіе поэты, подобно греческимъ, возвели на этотъ Олимпъ ея героевъ, прославившихся храбростью, добродѣтелью и благодѣяніемъ человечеству. Въ-послѣдствіи времени, народъ сталъ обоготворять сверхъ-того, силы природы, стихіи, небесныя тѣла, источники, деревья и проч., такъ-что въ наше время число предметовъ обожанія Индуса достигло до уродливаго итога слишкомъ трехъ-сотъ милліоновъ. Вотъ какаѣ судьба постигла въ Индіи древнюю въру въ единого Бога.

Верхніе слои общества, особенно брамины, не разделяютъ суетныхъ забужденій народа, но тѣмъ не менѣе стараются всѣми своими наружными дѣйствіями поддерживать безсмысленную форму настоящей индійской церкви и нарочно удерживаютъ народъ въ лжесученіи идолопоклонства.

По-этому, въ Индіи есть двѣ религіи: одна невидимая, признаваемая духовенствомъ за истину и упорно-скрываемая имъ отъ народа; другая почитаемая духовенствомъ за ложь и вмѣстѣ съ тѣмъ ревностно преподаваемая имъ народу. На возраженіе о недобросовѣстности подобной политики брамины отвѣчаютъ, что «естъ священныя сокровища и таинства, которыя слѣдуетъ скрывать отъ близорукой толпы, не доходящая ея далѣе предверія храма». Основываясь на этомъ положеніи, духовенство умѣло ввести въ вѣды особенное правило о чтеніи священныхъ книгъ. Нижнимъ кастамъ вѣды совершенно недоступны; каста воиновъ имѣетъ позволеніе читать ихъ, но не толкуя; браминамъ предоставлено исключительное право толкованія вѣдъ. Отъ этого сословія зависятъ вся школы въ Индіи, и воспитаніе народа находится исключительно подъ его мудрымъ надзоромъ.

Одинъ ученый браминъ, *Рамъ Моунъ-Рой*, знающій отлично англійскій языкъ и многіе азіатскіе языки, переселился въ Лондонъ и издалъ тамъ въ 1832 году брошюру, въ которой подтверждаетъ все сказанное нами. Желая содѣйствовать распространенію истины и раскрытію об-

наша, онъ перевелъ веды съ санскритскаго на бенгалскій языкъ, и говоритъ между-прочимъ въ предисловіи, что вся безъ исключенія церемонія браманскаго церковнаго служенія произошли отъ символическаго обожанія сдвнаго Бога; но что такое происхождение формъ въ настоящее время забыто народомъ, и что того, кто позволить себя назвать о немъ, брамины тотчасъ клеймятъ названіемъ безпокойнаго фетиша или опаснаго вольнодумца.

Изъ числа содержащихся въ ведахъ догматовъ, брамины стараются внушить народу преимущественно толкованіе догмата о *переселеніи душъ*, и утверждаютъ на немъ, какъ на надежной основѣ, прочное зданіе нравственной деморализація, преподаваемой Индусамъ въ освященной формѣ релігіознаго ученія. Понятно, какъ могущественно должно дѣйствовать на умы ученіе, которое не только показываетъ за гробомъ рай и адъ, но и земную настоящую жизнь представляетъ то наградою, то наказаніемъ за дѣла въ прежнемъ существованіи. Родившійся браминномъ, рожденіемъ своимъ, очевидно, уже награжденъ за прежнія добродѣтели, и, следовательно, самое рожденіе это есть какъ-бы печать благодати, и дѣлаетъ его священнымъ въ глазахъ другихъ кастъ. Но осквернивъ свою непорочную долю, браминъ можетъ, въ наказаніе, послѣ смерти, родиться въ тѣлѣ чловѣка низшей касты или даже животнаго. Такимъ-образомъ, земная жизнь теряетъ значеніе и характеръ индивидуальнаго бытія своего и дѣлается среднимъ звѣномъ безконечной цѣпи существованій, бывшихъ до колыбели и ожидающихъ насъ за могилою. Ученіе это имѣло огромное вліяніе на историческое развитіе народа, и только въ немъ можно отыскать разрѣшеніе многихъ туземныхъ вопросовъ. Но и въ частномъ быту индійской жизни мы ежедневно встрѣчаемъ явленія, порожденныя вѣрою въ метемпсихозъ. То молодая вдова восходитъ на пылающій костеръ послѣ смерти стараго, нелюбимаго мужа; то набожный богомолецъ съ восторгомъ бросается подъ тяжелыя колеса колесницы, въ которой перевозятся идолы. Здѣсь отецъ подноситъ кубокъ съ ядомъ родной дочери, если она въ двѣнадцати-лѣтній возрастъ не вышла еще себя приличнаго по сословію мужа; тамъ фанатики кидаются въ Гангъ и ищутъ смерти въ его священныхъ водахъ...

Чѣмъ объяснить подобное самоотверженіе, подобное попираніе самыхъ глубокихъ инстинктовъ в самыхъ священныхъ чувствованій? Чѣмъ, какъ не вѣрою въ переселеніе душъ? Угодная Богу смерть переноситъ умирающаго или прямо въ лоно Бога и даетъ ему *ивани* (слиянiе съ божествомъ), или же, въ случаѣ переселенія, обеспечиваетъ производство души въ высшій чинъ на лѣстницѣ рожденій. Какъ, въ-самомъ-дѣлѣ, не рашиться члену нижнихъ кастъ разстаться съ своимъ жалкимъ существованіемъ, если онъ мученическою смертію можетъ снискать удивленіе и обожаніе народа, и увѣренность, что воскреснетъ въ высшей кастѣ? Это же ученіе заставляеть Индусовъ опасаться быть причиною смерти животныхъ. Члены многихъ индійскихъ сектъ не ѣдятъ мяса. И какъ, разумеется, осмѣлятся изжарить курицу или зайца, когда подъ ихъ наружнымъ видомъ вы рискуете скушать любезную тетюшку или почтеннаго дядю? Впрочемъ, сколько Индусъ упоренъ въ сво-

ихъ варованиѣхъ и утврѣнъ въ ихъ превосходствѣ предъ другими ученими, столько же онъ чуждъ духа прозелитизма. Это явленіе въ тѣсной связи съ его фанатизмомъ, и необходимость его сдѣлается явнѣе попятною при разсмотрѣніи учрежденія кастъ.

Обратимся къ некоторымъ подробностямъ нынѣшней народной мифологіи.

Парабрама, высшая сила, Богъ, не изображается, и потому почти забытъ народомъ. Вотъ портретъ порожденнаго имъ *Брамы*, создала всей видимой вселенной:

Онъ изображается въ человѣческой формѣ, съ четырьмя головами и стальными же руками. Прежде у него было пять головъ, но одна была отрублена Вайревертомъ, сыномъ Шивы. Четыре головы напоминаютъ о его промудрости и всевѣдѣніи, четыре руки — о всемогуществѣ. Онъ сидитъ верхомъ на лебедѣ, плавающемъ по водѣ. Въ одной рукѣ онъ держитъ скипетръ, символъ власти, въ другой четки или кольцо, символъ вѣчности, въ третьей воды; четвертая рука открыта въ знакъ того, что онъ всегда готовъ помогать. Часто Брама смѣшивается съ солнцемъ, и, какъ представитель его, или тождественный съ нимъ, изображается съ красными лицами. Окончивъ мірозданіе, Брама углубился въ себя и не вмѣшивается въ управленіе міромъ, а потому и не имѣетъ своихъ особенныхъ храмовъ. По другому сказанію, Брама разъярился несправедливо поспорилъ съ Шивою и, по приговору Парабрамы, въ наказаніе, былъ навѣдъ лищенъ всякихъ храмовъ. Въ мигъ нашего рожденія, Брама вкладываетъ въ нашъ мозгъ зерно судьбы, и тѣмъ впередъ опредѣляетъ все земное существованіе человека. Онъ раздѣлилъ смертныхъ на четыре касты. Изъ его четырехъ ртовъ вышли четыре вѣды, собранныя его сыновьями, *мену* (святыми мужами), и сокращенная мудрецомъ Висою около 1400 года до Р. Х. Супруга Брамы, *Сарасвати*, есть богиня мудрости и краснорѣчія.

Вседержитель *Вишну*, который почитается особеннымъ покровителемъ плодотворнаго времени года — постоянныхъ дождей, изображается сидящимъ на водномъ растеніи *лотосъ* (леденецъ), и уназетъ по синему или темнозеленому цвѣту кожи. У него тоже четыре руки, а иногда и боты; перты его правильны и благородны; голова убрана тройною корою, означающею три священныя рѣки: Гангъ, Джемну и Сарасвати. Онъ часто представляется также въ дежажемъ положеніи, на большомъ вѣвѣ *Адиссеннѣ*, качающемъ его на молочномъ морѣ, которое составляетъ обыкновенное ложе отдохновенія въ его раю *Вайкандомъ*. Богу Вишну приписывается длинный рядъ аватаровъ, которые, вѣроятно, составляютъ столько же аллегорій на главныя историческія эпохи страны. Число этихъ аватаровъ показывается инымъ до двадцати-одного; но обыкновенно ихъ полагаютъ не болѣе *десяти*. Въ первомъ, онъ превращается въ огромную морскую рыбу, и спасаетъ, во время всемірнаго потопа, по приказанію однихъ, какого-то короля, по словамъ другихъ, сидящаго въ книгѣ Индусовъ. Во второмъ аватарѣ, онъ превращается въ *черепаху*, чтобъ поддержать святую гору, колебавшуюся отъ землетрясенія и готовую упасть въ море. Въ третьемъ, онъ принимаетъ образъ

мира, расперывасть животъ волниному Паладасу и вытаскивасть изъ моря клыкномъ потопленнымъ великаномъ земной шаръ; потомъ онъ проявляетъ постепенно подъ видами *Мен-человѣка* (*Нара-Сини*), *марлака-брахми* (*Дамана*), и наконецъ, обыкновеннаго человѣка, подъ названіемъ *Нарассурамы* или *Нарасъ-Рама*, *Рама* и *Белла-Рама*. Въ девятомъ аватарѣ, Вишну явился подъ именемъ пастуха *Кришны*. Этотъ аватаръ самый знаменитый, и мы расскажемъ его послѣ въ подробности. Сверхъ того, буддисты полагаютъ, что Вишну проявился въ лицѣ Будды. По счѣту послѣдняго аватара, обѣ церкви согласны. Его ожидаютъ въ концѣ настоящаго юга; тогда Вишну взойдетъ на землю, подъ именемъ *Калки*, на беломъ конѣ, и уничтожитъ грѣхъ. По ученію браминговъ, онъ будетъ десѣтымъ, по счѣту буддистовъ одиннадцатымъ. Супруга Вишну называется *Эри* или *Лакшми*, что значитъ раздавательница благо-словеній.

Шива—богъ разрушенія и воспроизведенія. Его боится, и потому онъ въздается въ народѣ наибольшими почестами. Онъ называется: «себе-званіи-достойный, великій, мощный богъ». Представитель солида къ синью жгуче лѣтніе дни, онъ почитается тождественнымъ съ огнемъ, и символъ его есть треугольникъ (Δ), представляющій пламя. Цѣтъ его совершенно бѣлый; онъ изображается обыкновенно посреди волнъ, съ тремя глазами, изъ которыхъ одинъ пылаетъ, и восемь руками, изъ которыхъ семь держатъ щитъ, мечъ, копьѣ, треугольцъ, срубленную голову, оленя и лингамъ (символъ силы и воспроизведенія); восьмая же не занята ничѣмъ и ската въ кулакъ. На шеѣ у него виситъ ожерелье изъ человѣческихъ череповъ, спускающееся до самыхъ ногъ, которыя упираются въ сраженнаго исполина. Впрочемъ, онъ изображается не всегда одинаково. Иногда число рукъ его уменьшается отъ восьми до четырехъ, а иногда восходитъ до тридцати-двухъ, воору-женныя каждая какимъ-нибудь орудіемъ разрушенія, мысль о дѣйствіи которыхъ, однакожъ, всегда ограничивается и вознаграждается присутствіемъ огромныхъ лингамовъ. Шиву обожаютъ подъ безчисленными названіями. Подъ названіемъ *Рудра* онъ жестокъ; имя *Месора* означа-етъ его всемогущество; *Маадера* (*Maha-Dewa* или *Mahadeo*) (*) напо-минаетъ о его величіи. По варованіямъ некоторыхъ сектъ, Шива есть царь всѣхъ другихъ боговъ, живетъ на высокихъ горахъ, и окруженъ правдоподобнымъ штатомъ кающихся, блаженныхъ, небесныхъ павцовъ и глупцовъ. Вместе съ богомъ ада, *Ямоу*, Шива держатъ судъ надъ умер-шими и посылаютъ ихъ въ рай, въ пресподнюю или въ длинный рядъ чистилищъ, о которыхъ будемъ говорить далѣе.

Супруга Шивы, какъ бога-разрушителя, называется *Калки* (разруши-тельница); какъ божества воспроизводящаго—*Парлати* или *Бавени* (пра-роде). Она пользуется значительнымъ уваженіемъ въ понятіяхъ Инду-совъ, и ей приносятся въ жертву живыя существа, начиная отъ пресмы-

(*) Т. е. великій Богъ. Нельзя не вспомнить греческаго *месасъ-теосъ*, и латинскаго *мезасъ-деусъ*. Средство звуковъ поразительно.

кающихся и восходя до человека. Она до безконечности многосторонна. Въ атрибутахъ мести и кары, подъ именемъ Кали, она исполнъ соответствуетъ Прозерпина или таврической Дианѣ. Въ другомъ проявленіи вліянія своей богатой личности, она принимаетъ имя *Дури*, т. е. деятельной добродетели, и побуждаетъ взбунтовавшаго ангела *Майссасура*. Она известна также подъ названіемъ *Падмала* и *Камала* (рожденная отъ лотоса), и въ этомъ случаѣ совершенно-сходна съ греческою богинею любви. Какъ Афродита, она образуется изъ морской пены, и, несомая лотосомъ, доплываетъ до берега, на который, блистая красотою, вступаетъ на встрѣчу нетерпеливому жениху своему.

Порожденное супругою Шивы поколѣніе боговъ безчисленно. Она мать *Маммадена*, индійскаго Купидона, — *Картисел*, туземнаго Марса или предводителя небесныхъ силъ, имѣющаго шесть головъ, окруженныхъ сіяніемъ, и сидящаго верхомъ на павлинѣ. Она же родила бога мудрости — *Ганезу*. Трудно опредѣлить границу ея атрибутовъ. Она вездѣ дѣйствуетъ и во всемъ обожаема. Въяствъ съ Сарасвати, она покровительствуетъ наукамъ, благословляетъ разработку рудниковъ и держитъ звучность музыкальнымъ инструментамъ. И по собственной своей власти, и какъ супруга страшнаго Шивы, Парвати пользуется большимъ благоговѣніемъ народа. Сынъ ея, Ганеза, раздѣляетъ съ нею доверіе поклонниковъ браманизма. Онъ и богъ-обезьяна — *Гануманъ*, обожался какъ лары древнихъ Грековъ. Ихъ статуйки находятся въ углу каждой жилой комнаты. На первой страницѣ всякой книги стоитъ воззваніе: «*хвала Ганези!*» Богъ этотъ изображается съ головою слона. Дѣтей начинаютъ учить грамотѣ въ день, посвященный ему. Еще замѣчательны между сыновьями Шивы: *Супраманьеръ* и *Вайресерти*. На последнемъ ожерелье изъ отрубленныхъ головъ, между которыми и явля голова Брами. У него четыре руки, три глаза и два огненные клыка.

Каждое изъ трехъ божествъ, составляющихъ Тримурти, имѣетъ свой рай, въ который впускаются очищенные души. Но эти три рая, по положенію своему, лежатъ гораздо-ниже рая Парабрамы и цѣнятся ниже его.

Послѣ Тримурти, Парабрама создалъ *Майссасура* и легіоны ангеловъ, которыхъ велѣлъ восхвалять себя, и они восхваляли Всевышняго несколько милліоновъ лѣтъ. Но потомъ Майссасуръ возгордился, отложился отъ власти своего творца и успѣлъ возмутить часть небеснаго войска. Не желая безвозвратной гибели заблудшихся, Парабрама поручилъ Брамѣ, для исправленія грѣшниковъ, пересоздать вселенную, и тотъ сотворилъ видимый міръ, состоящій изъ пятнадцати небесныхъ тѣлъ (*бооболовъ*), между которыми нашъ земной шаръ занимаетъ среднюю. Семь нижнихъ шаровъ предназначены для покаянія, семь высшихъ для очищенія кающихся ангеловъ. Для помѣщенія этихъ изгнанныхъ изъ неба душъ, во время нахождения ихъ на землѣ, Брама сотворилъ *восемьдесятъ-девять* образовъ смертныхъ тѣлъ. Прошедъ черезъ *восемьдесятъ-семь* тѣлъ, падшій духъ облачается въ форму коровы (кору), и по естественномъ распаденіи этой формы, переходитъ въ

тѣло человека (*мурдъ*). Въ этомъ видѣ, умственныя силы созданія расширяются, и существованіе это составляетъ послѣднюю степень тѣлеснаго очищенія. По волю Всевышняго, воплощенные въ человеческое тѣло падшіе ангелы должны считать юю священною и неприкосновенною. Они не должны ѣсть ни ея мяса, ни мяса другаго животнаго, пресмыкается ли оно на землѣ (*мурто*), плаваешь ли въ водѣ (*ихоаме*), или парить въ воздухѣ (*устмаанъ*); но могутъ питаться молокомъ юю и плодами *мурто*.

Когда кающійся ангелъ угодитъ Богу въ человеческой формѣ, то духъ его переходитъ съ земли въ первый міръ духовнаго, безтѣлеснаго очищенія, и по прохожденіи всѣхъ семи высшихъ міровъ, допускается опять въ небесный рай Парабрамы, или въ одинъ изъ расѣвъ созданной имъ Тримурти. Кто же во время существованія въ одномъ изъ пятнадцати міровъ снова навлечетъ на себя гнѣвъ Бога, несоблюденіемъ ли постовъ въ восьми нижнихъ мірахъ, недостаткомъ ли смиренія въ семи высшихъ, или какимъ другимъ грѣхомъ, тотъ повергается вторично въ *Ондерахъ*, самый низшій міръ, и долженъ въ другой разъ начать свое очистительное восшествіе по пятнадцати инстанціямъ.

Непорочные, т. е. оставшіеся послушными ангелы получили отъ Творца позволеніе нисходить въ обители покаянія и смѣшиваться тамъ съ падшими товарищами, чтобъ помогать имъ и поддерживать ихъ бодрость въ борьбѣ съ грѣхомъ и въ стремленіи къ исправленію. Эти чистые ангелы принимаютъ всевозможные образы и проявляются въ видѣ всѣхъ природныхъ силъ. Индусы обожаютъ ихъ подъ названіемъ *Дева* или *Деута* (добрые духи), и полагаютъ, что они посланы Богомъ для защиты человеческого рода отъ губительнаго вліянія *Демтово* (злыхъ духовъ), посылаемыхъ Майссасуромъ, предводителемъ отпавшихъ ангеловъ. По мнѣнію Индусовъ, эти добрые и злые духи присутствуютъ во всей природѣ; народъ видитъ ихъ и въ звѣздахъ, и въ воздухѣ, и въ морѣ, и въ лѣсахъ, и въ рѣкахъ. Деуты почти-всегда въ войнѣ съ Демтами. Первые, числомъ не менѣе трехъ-сотъ милліоновъ, преклоняются предъ Вишну; вторые, подъ предводительствомъ Майссасура, признаютъ верховную власть Шивы. Ихъ не менѣе восьми-сотъ милліоновъ.

Небо дѣлится на семь этажей. Каждый этажъ окруженъ моремъ и лѣтъ своего стража. Среднюю степень между правительствующей Тримурти и безчисленнымъ множествомъ божествъ, геніевъ и духовъ нижняго разряда, занимаютъ эти восемь стражей преисподней и небесъ. Вотъ ихъ названія:

1) *Индра*, стражъ нижняго этажа неба, царь нижнихъ боговъ тысячеглавый, молніеносный, — изображается или покоящимся въ раю съ своею супругою *Индрани* (или *Саки*), или на блестящей огненной колесницѣ, или верхомъ на слонѣ, изъ хобота котораго онъ орошаетъ землю дождемъ;

2) *Агни*, богъ огня, жертвопожиратель; смѣшивается иногда съ Шивою;

3) *Яма*, царь преисподней. Въ столицѣ своей, девять рядъ ополсанной индійскимъ огненнымъ ахорономъ, онъ держитъ, вмѣстѣ съ Шивомъ, судъ надъ душою всякаго усопшаго. Представшая душа маритъ трепетно въ воздухъ предъ его строгими взорами и со страхомъ ждетъ приговора—идти ли ей въ рай (*Сварга*), въ адъ (*Нарака*), или начать новый рядъ переселеній;

4) *Циррита* — божественный, безтѣлесный, никогда не изображаемый духъ. Намѣстникомъ его считается солнце, подъ именемъ *Суря*, изображаемое съ тысячею рукъ и на брильянтовой колесницѣ;

5) *Варуна*, родъ Центаура, разъѣзжаетъ на крокодилообразномъ дельфинѣ по морю и управляетъ этой стихіей;

6) *Пазана* (очиститель), или *Вай* (вѣтеръ), богъ вѣтра и предводитель *маритовъ* (геніевъ вѣтра); онъ же и посланникъ боговъ; представляется свдѣющимъ на двоякой козѣ, и является подъ 49-ю различными формами;

7) *Куверасъ*, богъ золота и богатства, а равно и торгующаго сословія, соединяющій въ себѣ атрибуты Плутуса и Меркурія; наружности безобразной, окруженъ уродливыми геніями;

8) *Изани*, изображается то подъ видомъ женщины (*Сома*, раждающая), и почитается тогда супругой Шивы, то подъ видомъ мужчины, богомъ-жъсаемъ (*Хандра*, святящійся). Божество это представляется стоящимъ на колесницѣ, везомой дикими козами, и пользуется большимъ уваженіемъ въ народѣ.

Сверхъ-того, существуетъ еще много второстепенныхъ боговъ, п. какъ мы сказали, несчетное число геніевъ и духовъ. Впрочемъ, статистика индійскаго Олимпа еще далеко не установилась. Кромѣ божествъ, признаваемыхъ всеми послѣдователями Браммы, есть множество слѣд. геніевъ и лицъ, обожаемыхъ, въ частности, или разными сектами, или въ разныхъ мѣстностяхъ. Сообщенныя нами свдѣнія могутъ дать понятіе о направленіи индійской мѣологіи; фактическая же полнота въ этомъ отношеніи невозможна. Такъ, на-примѣръ, Индусы боготворятъ солнце, луну и другія небесныя тѣла, — обожаютъ великановъ, небесныхъ музыкантовъ и балдерокъ, наполняющихъ раи разныхъ божествъ; поклоняются добрымъ геніямъ, оберегателямъ добродѣтели и стергутищимъ вся святыя мѣста (которыхъ около одного Гаига не менѣе шести тысячъ); но поименованіе и описаніе всѣхъ этихъ божествъ обременило бы память читателя безъ особенной пользы, и мы удерживаемся отъ этихъ подробностей.

Индусъ преклоняется также передъ *гуру*, браминномъ, толкующимъ ему содержаніе ведъ, и благоговѣнно пьетъ воду, служившую для омовенія его ногъ. Даже жены браминовъ однажды въ годъ оказываютъ мужьямъ своимъ божескія почести, называя ихъ живыми образами *Вашну*.

Корова, занимающая на лѣстницѣ тѣлъ, созданныхъ для переселенія души, непосредственно первое мѣсто послѣ человека, нечтается слѣдымъ животнымъ. Молоко и масло составляютъ непремѣнную принадлежность всякаго жертвоприношенія. Пометъ ея имѣетъ дѣйствіе очищающее. Смерть коровы считается божескимъ наказаніемъ, или иску-

радіемъ ея властѣца; продажа ея — смертнымъ грѣхомъ. Обезьяны вообще не обожаются, но считаются животными особенно-угодными богами. Есть заведенія, гдѣ ихъ кормятъ и лечатъ. Изображеніе Ганушана, бога въ видѣ обезьяны, встрѣчается обыкновенно въ храмахъ, посвященныхъ Рамѣ.

Богамъ Вишну и Шивѣ посвящаются многія деревья, которыхъ люди благочестивые сажаютъ близъ своихъ жилищъ, поливаютъ и очищаютъ вокругъ нихъ землю, но никогда не трогаютъ ихъ самихъ. Исполнители такого обряда убѣждены, что этины онѣ приготовляютъ себя прохладное жилище въ рай. Между рѣками въ-особенности святъ Гангъ. Омовеніе тѣла въ немъ омываетъ съ души всѣ грѣхи. Достаточно, умирая, думать о Гангѣ или обратиться къ нему лицомъ, чтобъ перейти прямо въ рай. Всего спасительнѣе — переплыть черезъ эту рѣку, держась за древо коровы. Кто не успѣлъ при жизни хоть однажды погрузиться въ воды Ганга, того погружаютъ туда мертваго. Если умершій находится слишкомъ-далеко отъ священной рѣки, достаточно отбавить отъ его тѣла одинъ членъ, палецъ или кость, и кропотли въ гангской водѣ, которая, по увѣренію туземцевъ, можетъ сохраняться безъ порчи цѣлыя годы, и, въ случаѣ болѣзни, замѣнять лучшихъ докторовъ.

Выше мы упомянули объ аватарахъ Вишну; приведенные нами девять изъ нихъ — самыя общезнаменныя. Кроме ихъ, существуетъ еще множество вошедшихъ въ священныя книги аватаровъ, какъ Вишну, такъ и другихъ боговъ. Цѣль вошедшей Вишну состоитъ всегда или въ спасеніи міра отъ большихъ переворотовъ природы (такъ, вѣрнѣе три аватара его относятся къ потокамъ и землетрясеніямъ), или въ освобожденіи рода человеческого отъ притѣснителей (четвертый, шестой и восьмой аватары), или въ возстановленіи надвѣющей вѣры. Эти девять воплощеній описаны въ разныхъ *пуранатъ* (сборникахъ). Приведемъ здѣсь некоторыя любопытныя черты изъ сказанія о нихъ. Вотъ подробности *шестаго* аватара: Ямадагни, потомокъ мудраго Бигну, отличался святостью жизни и увлекательнымъ краснорачіемъ. Первымъ отъ угодилъ богамъ, такъ-что самъ Вишну рѣшился воплотиться и явиться на землю въ тѣлѣ его сына, подъ названіемъ Парассу-Рама; вторымъ — привлекалъ къ себѣ толпы вѣрующихъ. Число учениковъ его возрасло до *деяти-сѣми тысячъ*. Онъ проповѣдывалъ обыкновенно въ пустыняхъ и кормилъ ихъ своихъ слушателей молокомъ одной священной коровы. Тысячерукій великанъ Аржунъ, желалъ овладѣть чудеснымъ животнымъ, убилъ пророка. Парассу-Рама ополчился оружіемъ Парассу, отомстилъ за смерть своего тѣлеснаго отца умерщвленіемъ великана, — и, такимъ образомъ, исполнивъ назначеніе шестаго аватара, исчезъ съ лица земли.

Всего выше почитаются воплощенія Вишны въ тѣла Рамы и Кришны. О рожденіи Кришны или Кижны есть различныя легенды. Вся она согласна, что онъ произошелъ отъ королевскаго рода *Деваджи*. Одни утверждаютъ, что онъ былъ седьмой сынъ этого Деваджи, — другія, что онъ родился отъ дѣвicy его фамиліи, оплодотворенной божественнымъ лучомъ. Сказанія эти относятся

къ самымъ древнимъ временамъ, тысячи за полторы лѣтъ до начала нашего лѣтосчисленія. Самое рожденіе Кришны обозначается многими чудесами. На неба раздаются радостныя гимны, отголоски которыхъ доходятъ до земли. Самовластный Куша, братъ матери Кришны, свергнувшій съ престола своего отца, видитъ въ новорожденномъ врага, и приказываетъ умертвить его. Но Кришну скрываютъ у пастуха Ванды. Тщетно Куша повелеваетъ избить всѣхъ младенцевъ до двухлѣтняго возраста включительно: потоки невинной крови проливаются по-напрасну, а божественный младенецъ еще изъ колыбели поражаетъ сильнѣйшихъ враговъ своихъ. Въ ознаменованіе этого торжества, Индусы преклоняются предъ изображеніемъ Кришны-младенца и называютъ его вселенной. Мать Кришны была увесена Деутами на небо. Въ юношескомъ возрастѣ, онъ выбралъ себя девять пастушекъ (*гопи*), съ которыми занимался музыкою и плясками, свято сохраняя, впрочемъ, правду цѣломудрія. Часто изображается онъ съ ними вмѣстѣ, подобно Аполлону, окруженному музами. Возмущая, онъ убиваетъ тирана Кушу и овладѣваетъ законнымъ своимъ наслѣдіемъ — столицей Гуджерата. Война эта описана въ извѣстной народной повѣсти *Мага-Баратъ*. Въ продолженіе всей своей жизни, Кришна творилъ чудеса и проповѣдовалъ новое чистое ученіе нравственности. Въ знакъ смиренія, онъ обнѣживалъ ноги браминямъ. Онъ умеръ насильственною смертію, наскочилъ потомъ въ преисподнюю, очулся опять в улетѣлъ на небо. Ученикамъ своимъ онъ заповѣдывалъ распространять ученіе его живымъ словомъ, безъ помощи письма. По совершеніи земнаго существованія, Кришна учредилъ свой рай *Бранда-Вана*, почитающійся однимъ изъ самыхъ главныхъ, и поручилъ его начальству блаженнаго пастуха Ванды. Рожденіе своего баснословнаго бога Индусы празднуютъ фейерверками и шумной музыкой въ ночь съ 24 на 25 декабря.

Мы говорили, что въ священныя книги Индусовъ вошли сказанія о значительномъ числѣ воплощеній разныхъ божествъ; число невошедшихъ, но признаваемыхъ молвою народа — еще значительнѣе. Размеры этихъ аватаровъ доходятъ до самыхъ микроскопическихъ пропорцій. Домашніе божки воплощаются въ собакъ и другихъ животныхъ, для защиты стадъ отъ тигровъ или змѣй; принимаютъ на себя различныя личины, для отомщенія за забытое жертвоприношеніе, для наказанія за несоблюденіе какого-нибудь мелочнаго обряда и т. п. Есть и стечки в деревни, славящіяся частыми аватарами боговъ; а некоторыя браминскія семьи уже нѣсколько вѣковъ пользуются преимуществами наслѣдственныхъ воплощеній, особенно бога Ганезы.

II.

СМЕРТЬ ИНДУСА, НОСМЕРТНЫЕ ОБРЯДЫ И КОНЯТІА ИНДУСОВЪ О ЗАГРОВНОЙ ЖИЗНИ.

Участь мертвѣго тѣла въ Индустанѣ зависитъ отъ секты, касты и благосостоянія умершаго. Сиванты, почитающіе огонь столько священнымъ, что его не должно осквернять трупами, хоронятъ тѣла или бросаютъ ихъ въ рѣки. Между Вишнунтами, люди богатые и высшихъ кастъ жгутъ мертвѣя тѣла, а бѣдняки зарываютъ ихъ въ землю. Мертвому тѣлу мирянина на костръ даютъ положеніе лежачее, тѣлу монаха сидячее. Замѣтимъ здѣсь, что джаннисты придерживаются такихъ же обрядовъ, какъ и буддисты; какъ тѣ, такъ и другіе дѣлаютъ отступленіе отъ обыкновеннаго способа для очень-важныхъ особъ, и бальзамируютъ ихъ. Но подойдемъ къ одру умирающаго браманта.

Какъ-скоро у больнаго или стараго браманта покажутся признаки предсмертной агоніи, родственники посылаютъ тотчасъ за жрецомъ, а сами между-тѣмъ привготавливаютъ приличное мѣсто для умирающаго. Привготовленіе состоитъ въ томъ, что выбранное подъ открытымъ небомъ, обыкновенно посреди внутренняго двора, мѣсто, въ квадратную сажень, устлается коровьимъ каломъ и посыпается травою *дарба*. Очищенное и освященное такимъ-образомъ мѣсто покрывается новымъ полотномъ, и умирающій переносится на него. Если же, къ-несчастью, правобѣрный умретъ на циновкѣ, диванѣ или кровати, то душа покойника осуждена носить повсюду съ собою тяжелое бремя того неосвященнаго предмета, на которомъ тѣло испустило послѣднее дыханіе. Другой кусокъ чистаго полотна обвязывается туго около стана умирающаго. Между-тѣмъ, является жрецъ. Онъ и главный распорядитель похоронъ, т. е. ближайшій родственникъ, если можно — родной сынъ умирающаго, подходятъ къ одру и начинаютъ церемонію очищенія, *сарва-праншита*. Женщины подносятъ два металлическія блюда: на одномъ золота, серебряныя и медныя монеты; на другомъ *акшата*, сандалъ и *пантшавал* (*). Жрецъ беретъ ложечкою несколько капель послѣдней жидкости, и впускаетъ ее въ ротъ умирающаго. Потомъ всѣ присутствующіе спрашиваютъ умирающаго произнести словесно или хоть мысленно несколько предсмертныхъ *мактрацовъ* (молитвъ). По окончаніи *сарва-праншита*, къ очищенному отъ грѣховъ умирающему подносятъ корову съ теленкомъ. Корова обернута полотномъ, на шеѣ у ней гирлянда, рога покрыты блестящими кольцами изъ золота или меди. Уми-

(* *Акшата* — блюдо приготовленное изъ риса; *пантшавал* — смѣсь пяти даровъ священной коровы: масла, прѣснаго молока, кислаго молока, урины и кала.

рающей беретъ корову за хвостъ, а пуромма (жрецъ) бормочетъ между-тѣмъ молитвы. Потомъ умирающей дарить эту корову главному пурогитъ, что называется *гои-дана*, а помощникамъ его достаются монеты, лежащія на блюде, цѣнность которыхъ должна равняться цѣнѣ коровы. Вотъ для чего необходимъ этотъ даръ: Царство Ямы, передъ которымъ должна предстать на судъ душа каждого покойника, окружено девять разъ огненною рѣкою. Душа правоваго, исполнявшаго *гои-дана*, находитъ на берегу вылающей рѣки — бессмертную корову, изъ скотнаго двора самого Ямы, ухватясь за хвостъ которой она переплываетъ невредимо черезъ потоки огня; но душа человека, удушившаго пранестъ пурогитъ въ даръ земную корову, должна вѣчно скитаться около заколдованныхъ береговъ, — и такимъ-образомъ лишается наслажденій рая, который, быть-можетъ, готовился ей за цѣлую жизнь благочестія и релігіозной строгости, — или же должна броситься безъ защиты въ страшныя волны кипящей смолы и высоко-пылающаго огня. Обезпечавъ названными выше дарами прибытіе души къ престолу Ямы, наследники должны приготовить десять другихъ даровъ, *дас-са-дана*, которые раздаются жрецамъ при самыхъ похоронахъ. Чѣмъ богаче эти дары, тѣмъ снисходительнѣе будетъ судъ Ямы, тѣмъ веродѣйствѣе загробное блаженство улетѣвшей души. Съ приближеніемъ послѣдней минуты, умирающаго покрываютъ листьями базилика. Послѣдней попыткой къ спасенію, — когда уже отказались все врачи, — считается перенесеніе умирающаго, если позволяеть разстояніе, къ берегамъ священной рѣки, если такая есть вблизи, и преимущественно, къ берегамъ Ганга. Умирающей, увидѣвъ священныя волны, спокойно испускаетъ духъ, твердо-убажденный, что онъ прямо переходитъ въ царствіе небесное. Тя же, надъ которыми совершали все предсмертныя обряды, и которые остались живыми послѣ погруженія въ Гангъ, обыкновенно отрекаются отъ всего, что имъ было дорого, отъ семейства, богатства и связей, удаляются въ пустыню или монастырь и посвящаютъ себя размышленіямъ о суетѣ міра сего, о величій и благости боговъ, и блаженствѣ окружающихъ ихъ ангеловъ и душъ. Около Ганга есть даже цѣлая деревня, населенная, какъ говорятъ, людьми «богоспасенными» и ихъ потомками.

Только-что умирающей успѣетъ испустить духъ, все присутствующіе обязаны начать громкія жалобы. Все кругомъ плачетъ и голоситъ. Позвавшись вдоволь по полу и разорвавъ свою одежду, главный наследникъ, нераздаваясь, отправляется въ купальню. Цирюльникъ брѣсетъ ему голову, усы и бороду. Второе купаніе смываетъ оскверненіе, нанесенное прикосновеніемъ нечистаго цирюльника. При возвращеніи, наследнику подають чантагаю, кубжутаго масла, травы дарба, риса, несколько пранестей. Онъ надѣваетъ *паситрамъ*, даетъ *сань-калуу* (*)

(*) *Паситрамъ* — кольцо надѣваемое передъ молитвой; *сань-калуу* — углубленіе въ себя, прелестующее каждой молитвѣ и при которомъ должно вспомнить о 19 важныхъ релігіозныхъ предметахъ.

(завятыго, что наследникъ бываетъ часто крошечный ребенокъ), потомъ совершаетъ жертву *хомашъ*, и молится о спасеніи души умершаго: — Вслѣдъ за этимъ, моютъ тѣло покойника, и сбываютъ съ него всѣ волосы, кромѣ священнаго чуба. Послѣ втораго омовенія, тѣло облачаютъ въ синія дорогія одежды, надеваютъ на него разные драгоценности, на всю навѣшиваютъ гарлянды, на лобъ кладутъ сапалъ и айпалтѣ, а ротъ наполняютъ бетелемъ. Въ такомъ видѣ тѣло кладутъ на парадный катафалкъ и оставляютъ его тамъ, пока не кончатся всѣ приготовления къ похоронамъ. Когда все готово, наследникъ приноситъ саванъ, отъ котораго отрываетъ длинную узкую полосу, необходимую для разныхъ посмертныхъ обрядовъ, а въ самый саванъ заворачиваютъ тѣло покойника, связавъ предварительно одинъ съ другимъ большіе пальцы рукъ, а равно и ногъ. Если покойникъ былъ женатъ, его лицо остается непокрытымъ; въ Деканѣ его даже выкрашиваютъ кинорварью.

Наконецъ, главный наследникъ, онъ же и распорядитель похоронъ, даетъ знакъ, и похоронная процессія начинается. Тѣло кладутъ на носилки. Главный наследникъ беретъ въ руки глиняный сосудъ съ огнемъ и открываетъ шествіе. За нимъ несутъ покойника, покрытаго зеленью, цвѣтами и окруженнаго толпою родственниковъ и гостей. Всѣ присутствующіе безъ тюрбановъ, и въ знакъ траура накладываютъ на голову одно бѣлое покрывало. Процессія сопровождается въ некоторыхъ провинціяхъ музыкой; некоторыя касты имѣютъ свои похоронныя пѣсньи и даже пляски. Женщины остаются въ домъ покойника и должны тамъ вѣтъ и голосать до окончанія церемоніи. Дорбгой, шествіе останавливается три раза. Всякій разъ покойнику щиплютъ носъ, жмутъ зрѣнке животъ, брызжутъ водою въ лицо, трубятъ надъ его ухомъ — все для того, чтобъ увѣриться, что покойникъ не въ обморокъ, а точно умеръ. Потомъ ему отворяютъ ротъ; всовываютъ туда риса, и затѣмъ продолжаютъ шествіе.

Приведши на мѣсто сожженія тѣлъ, если нѣтъ вблизи священной рѣки, роютъ неглубокую яму, кропятъ ее священной водою, и потомъ складываютъ костеръ, вышиною не болѣе четырехъ или пяти футовъ; если покойникъ лицо не важно: для знатныхъ костеръ возводятъ иногда до огромныхъ размѣровъ. Тѣло кладутъ на костеръ; родственники снимаютъ съ него всю одежду, украшенія, даже саванъ. Главный наследникъ кладетъ ему на животъ обгорѣлое поляно, совершаетъ *хомашъ*, и потомъ приступаетъ къ самой отвратительной церемоніи. Онъ вращается по-очередно ко всѣмъ отверстіямъ тѣла покойника, рту, ушамъ, носу и т. д., пронюхиваетъ надъ каждымъ особенный мантрашъ, лобызаетъ его, и заливаетъ растопленнымъ масломъ. Въ заключеніе онъ кладетъ въ ротъ покойника золотую монету, а гости — вареный и сырой рисъ.

Тѣло покрываютъ сухими дровами и хворостомъ. Наследникъ обходитъ три раза около костра, держа на плечъ легкій глиняный сосудъ съ водою, который потомъ разбиваетъ надъ головою покойника. Разбѣненіе кушана и актъ зажженія костра составляютъ юридическій доку-

зательства на право наследованія, и на нихъ можно сослаться въ случаѣ тяжбы.

Наслѣднику подаютъ факелъ, но онъ отказывается отъ него, начинаетъ вѣть, кричать, бить себя въ грудь и валаться по землѣ. Вся присутствующіе тожо плачутъ или воютъ, и въ знакъ особеннаго огорченія крѣпко обнимаются. Наконецъ, наслѣдникъ беретъ факелъ и зажигаетъ костеръ съ четырехъ угловъ. Вслѣдъ за тѣмъ онъ отправляется немедленно со всеми присутствующими къ ближайшей рѣкѣ или пруду, гдѣ все общество совершаетъ омовеніе смерти, чтобъ «дать прохладу горящему тѣлу», и садится въ мокрыхъ одеждахъ на берегу воды, устремивъ взоры на костеръ. Несгорѣвшія кости хоронятъ въ яму, или бросаютъ въ священную рѣку; потомъ жрецамъ раздаютъ дассадана, остальнымъ гостямъ подаютъ мелкія монеты и бетель; всѣ присутствовавшіе провожаютъ наслѣдника до порога его дома, но не входятъ въ него, чтобъ не оскверниться; вмѣ на улицѣ умываютъ ноги и всѣ расходятся по домамъ.

Воротвшись домой, наслѣдникъ отводитъ особенную комнату для прамаи, души покойника. Тутъ ставятъ сосудъ съ водою, отъ котораго проведена до потолка проволока. Подлѣ сосуда кладутъ каждое утро пригоршню риса. Въ-продолженіи десяти дней, которые прамаи осужденъ скитаться въ видѣ демона, онъ будетъ спускаться по проволоку и питаться рисомъ съ водою, а потомъ уже отлетитъ къ судилищу Ямы. Только поставивъ это блюдо для умершаго (въ сѣвероазиатскихъ областяхъ оно называется *хотіэ*), живые обитатели дома, невидя ничего съ самой минуты кончины покойника, имѣютъ право подумать опять и о своемъ пропитаніи.

Памятники Индусы воздвигаютъ не всѣмъ мертвымъ, а только надъ гробами героевъ, павшихъ въ сраженіи, и вдовъ, рѣшившихся на самоожженіе въ честь своихъ мужей. О формѣ памятниковъ мы говорили уже выше; иногда, однако, они состоятъ только изъ кубическаго камня съ простою надписью. Въ Гуджератъ ставятъ памятникъ всякому человеку, умершему насильственной смертью, способъ которой символически изображается на самомъ камнѣ, фигурою копьѣ, стрѣлы, лошади и т. д.

Похоронныя шествія служатъ иногда поводомъ къ огромнѣйшимъ издержкамъ. Такъ въ одной изъ калькуттскихъ газетъ было сообщено, что въ іюнь 1824 года, какой-то индійскій наслѣдникъ издержалъ на похороны своего отца, не считая даровъ, сдѣланныхъ жрецамъ и главнымъ браминамъ, баснословную сумму пятьсотъ тысячъ рупій, что составляетъ слишкомъ 1,200,000 р. асс.

Трауръ послѣ брамина продолжается годъ. Первые тринадцать дней послѣ похоронъ до того наполнены обрядами, что наслѣдникъ и помощники его заняты ими съ утра до вечера. Цѣль всѣхъ этихъ церемоній, какъ объясняютъ ежедневно угощаемые и даримые брамины, двоякая: 1) чтобъ покойникъ не страдалъ голодомъ, жаждою и не оставался непокрытымъ; 2) ускорить освобожденіе души отъ трупа и возрожденіе ея въ новомъ, возможно-прекрасномъ тѣлѣ. Невозможно вообра-

зять себя, какую бессмысленную, грязную, унизительную форму приняли эти обряды. Даже пересказывать ихъ возмутительно. Очень-подробное описание ихъ находится въ сочиненіи Пакъё: Précis de l'Histoire de l'Hindoustan. Кромѣ первыхъ тринадцати дней, въ-теченіи траурнаго года, еще четырнадцать другихъ дней назначены на поминки. Въ эти дни совершаютъ богослуженія, священныя мистеріи, приносятъ жертвы, а главное, щедро дарятъ и угощаютъ браминовъ. Законъ даже опредѣляетъ, сколько по-меньшей-мѣрѣ надо позвать жрецовъ, сколько дать каждому изъ нихъ. Молитва одного не значила бы ничего: должно позвать 3, 8, 18, даже 45 жрецовъ, накормить, напоить эти бочки виномъ, наполнить ихъ дарами, и тогда только нѣжная совесть сына можетъ быть спокойна на счетъ участи родителя, и то только до ближайшаго срока. Кто пропуститъ хоть одинъ изъ этихъ сроковъ, тотъ не скоро отмолится отъ гнѣва боговъ, развѣ догадается откупиться тройными или шестерными дарами жрецамъ.

По истеченіи траура, Индусъ долженъ ежегодно поминать отца и мать; т. е. не забывать кармана жрецовъ, въ день смерти и рожденія родителей; благочестивые же Индусы приносятъ жертвы за покойниковъ при рожденіи каждой новой луны.

Разумѣется, само-собою, что весь этотъ церемоніаль относится только къ людямъ порядочнымъ, т. е. состоятельнымъ. О душъ бѣднака не вспомнить ни одинъ пурогита и не будетъ тревожить родственниковъ напоминаніями о срочныхъ поминкахъ. Для простолюдина нѣтъ ни мантрамовъ, ни жертвъ, ни костра. Надъ нимъ совершается только обрядъ прашисты; потомъ его зарываютъ и забываютъ. Трауръ продолжается не долѣе трехъ дней.

Остается сказать нѣсколько словъ о мнѣніяхъ Индусовъ касательно будущей жизни. Известно, что ученіе о переселеніи душъ служитъ основой ихъ вѣрованій; но постепенныя переселенія отнюдь не составляютъ необходимой цѣпи разныхъ существованій, вѣчно и безъ конца обновляющихся, а служатъ только способомъ исправленія и очищенія, средствами, ступенями для достиженія вѣчнаго блаженства, заключающагося въ окончательномъ перемѣщеніи въ одинъ изъ раевъ, доступныхъ душамъ смертнымъ. Люди, угодившіе богамъ, могутъ миновать эти испытанія, и поступаютъ за отличіе прямо въ рай, соответствующій ихъ заслугамъ. Грѣшники же не тотчасъ допускаются къ очищенію посредствомъ метемпсихозы; души ихъ облакаются въ новую форму не непосредственно, а проводятъ прежде, по приговору Ямы, между разными тѣлесными существованіями, огромные промежутки времени, цѣлыя тысячелѣтія, въ томъ изъ адовъ, который соответствуетъ ихъ грѣхамъ. Правда, браманизмъ не допускаетъ вѣчныхъ мученій въ аду, но это дѣлается не изъ любви къ человечеству, не изъ уваженія къ божеству, а изъ разчета. Жрецы весьма-хорошо поняли, что, допустивъ вѣчность наказаній, сами они стали бы лицами совершенно-лишними. Гораздо-выгоднѣе объявить наказанія временными, зависящими отъ ршенія боговъ, а себя объявить посредниками, за-

ступенчатость которых может пригодиться для сокращения сроков. Надъ умирающимъ виситъ мечъ: это неизвѣстность участи, ожидающей его за гробомъ. Взгляните на двѣ крайности, которыя представляются его воображенію.

Дорога, ведущія добродѣтельныхъ ко дворцу Ямы, широки, гладки и просторны. Со всѣхъ сторонъ встрѣчаются хоры музыкантовъ и толпы танцовщицъ; повсюду раздаются гимны нижнихъ боговъ, *Гандаред*, въ честь и хвалу боговъ высшихъ; повсюду видны гостепріимныя *шультри* (*), окруженныя столѣтними деревьями и прудами, покрытыми лотосомъ; добрые духи услуживаютъ путникамъ, купаютъ ихъ и сладкими мелодіями разнообразятъ сны засыпающихъ. Путники встрѣчаютъ нередко боговъ, разъѣзжающихъ на лошадяхъ, въ паланкинахъ, на слонахъ или въ великопшпныхъ колесницахъ, везомыхъ быками. Боговъ окружаютъ рабы, вооруженные бѣлыми зонтиками и огромными звѣрами.

Наконецъ, путникъ достигаетъ до блага какъ снѣгъ престола изъ слоновой кости, на которомъ сидятъ и судятъ Яма. Высшій судья привѣтствуетъ его ласково и съ улыбкой, и назначаетъ, въ какой рай отослать душу. Всѣ предстоящіе лѣкують, и душа радостно возносится въ обитель вѣчнаго блаженства.

Извѣстно, что, по мнѣологіи Индусовъ, небо дѣлится на семь этажей, и что во всякомъ изъ нихъ находится по одному главному раю, независимо отъ частныхъ раевъ разныхъ божествъ. Индусы, утвердившіе столь строгія правила іерархіи въ своемъ земномъ обществѣ, не могли не перенести этихъ понятій и въ небо. Каждой степени добродѣтели и заслуги соответствуетъ особенный этажъ неба, въ которомъ опять множество мельчайшихъ подраздѣленій. Вотъ главныя черты значенія этихъ семи раевъ:

Въ Бобур-Логи находятся солнце, луна и всѣ звѣзды.

Суарга назначенъ для тѣхъ, которые добрыми дѣлами своими заслужили не мучиться долѣе на землѣ.

Манур-Лог назначенъ въ удѣлъ людямъ, достигшимъ посредствомъ многихъ молитвъ до значительной степени святости.

Пшанет-Лог — для душъ чрезвычайно набожныхъ людей.

Пупне-Лог—жилище умершихъ въ состояніи *саміаски* (**), и мучениковъ за вѣру.

Султи-Лог—рай собственно Брамы, который принимаетъ туда людей вѣкогда не лгавшихъ, вдовъ, принявшихъ послѣ мужа добровольную смерть на кострѣ, и кромѣ того—своихъ любимцевъ.

Дефта-Лог—седьмое небо, есть жилище самыхъ боговъ.

Взглянемъ на оборотъ картины:

(*) Индійскія гостиницы.

(**) Состояніе святости, достигаемое аناхоретами въ слѣдствіе долголѣтнихъ самостязаній, молитвъ и строгихъ постовъ.

Злые должны влачиться къ грозному Ями по мрачнымъ ущельямъ, поросшимъ колючими травами и кустами; раскаленный песокъ жжетъ ихъ окровавленные ноги; два суровые служителя Ямы не даютъ имъ отдохнуть ни на мигъ; покрытые потомъ, кровью и грязью, несчастные изнемогаютъ отъ жажды и усталости; на нихъ сыплются горячая зола и раскаленные уголья. Страшные призраки пугаютъ ихъ и наполняютъ воздухъ зловещими криками. Наконецъ, трепетная душа падаетъ къ ногамъ грознаго судьи. Яма принимаетъ самый страшный видъ. Онъ встаетъ и вырастаетъ въ длину на 320,000 нашихъ верстъ; глаза его подобны огромнымъ морямъ изъ крови; вокругъ него разлетаются молнии, голосъ его подобенъ грому въ день разрушенія вселенной; все его тѣло покрыто волосами, и всякій волосъ подобенъ пальмовому дереву. Онъ дышетъ огнемъ и съ шумомъ подобнымъ морскому урагану. Подъ судью стоитъ его страшный секретарь *Гитра-Гунта*. Яма устремляетъ взоръ на новоприбывшаго, и говорить ему: «Ты зналъ, что я награждаю добродетель и караю порокъ? Ты зналъ это, и ты грѣшилъ! Ты слѣдовалъ преступнымъ страстямъ: ступай же теперь въ адъ, и терпи тамъ въ теченіи много южъ наказанія и муки за твои преступленія! Теперь поздно плакать. Ступай!»

Если приговоренный сознается въ своихъ грѣхахъ, его отдаютъ злымъ духамъ, и они увлекаютъ его тотчасъ къ назначенному аду. Если же онъ попроситъ доказательствъ, Гитра-Гунта раскрываетъ страницу подсудимаго въ книгѣ суда: тамъ записанъ каждый день его, каждый поступокъ, добро и зло уже сочтены, и итогъ подведенъ. Въ подтвержденіе достовѣрности показаній являются, какъ свидѣтели, небесные стражи: Сурія, Хандра, Павана, Ангни и Варуна, то-есть солнце, луна, вѣтеръ и боги огня и воды. Пристыженный грѣшникъ умолкаетъ; его схватываютъ и съ хохотомъ проклятія ввергаютъ въ назначенный адъ.

Понятно, что дѣлается въ душѣ умирающаго, когда онъ представитъ себя двѣ столь противоположныя картины: онъ, во что бы то ни стало, хочетъ попасть въ первую категорію, въ категорію людей, отсылаемыхъ въ рай. Кажется, объ этомъ слѣдовало вспомнить прежде. Кажется, при давая вѣру справедливости возмездія за гробомъ, слѣдовало бы жить честно; но Индусъ разсуждаетъ совсѣмъ-иначе; по его мнѣнію, жить — значитъ жить для себя, т. е. думать только о своей выгодѣ, а придетъ ли умирать, онъ пошлетъ за пурогитой, исполнить обряды, налагаемые закономъ, заплатитъ всѣмъ; притомъ у него остается сынъ: онъ будетъ помнить объ отцѣ и приносить за него жертвы. Вотъ какъ въ Индіи ученіе о возмездіи за гробомъ, вмѣсто того, чтобъ дѣйствовать благотворно на нравственность, подкололо ее окончательно и послужило вмѣстѣ съ излишнею важностью, приписываемою исполненію внешнихъ обрядовъ, основаніемъ деморализаціи цѣлаго народа въ пользу одного сословія. Индусу нечего хлопотать о честномъ имени и доброй славы; у богатаго только двѣ заботы въ жизни: оставить подлѣ себя роднаго или усыновленнаго сына, и быть въ дружбѣ съ пурогитами; бѣдный тоже оставляетъ сына, а за немнѣніемъ денегъ для жрецовъ,

помучится добровольно, погрузится въ Гангъ, и его дѣло также въ шляпѣ. Хотите примѣръ, какъ сильно дѣйствуютъ религіозныя угрозы на нравственность индійскаго народа? Этихъ примѣровъ тысячи, но мы приведемъ только одинъ: за безусловную правдивость Брама награждаетъ достойныхъ своихъ собственнымъ, шестымъ раемъ; за ложное свидѣтельство въ судъ, напротивъ, наказывается мученіями ада не только самъ лжесвидѣтель, но и потомство его, до четырнадцатаго поколѣнія включительно. Не смотря на то, почти каждый бѣдный Индусъ присягнетъ въ чемъ вамъ угодно за умеренную плату, именно за одинъ фанонъ, что на наши деньги составляетъ около восьми копеекъ серебромъ.

КОНСУЛЬСТВО И ИМПЕРІЯ.

Соч. ТЬЕРА.

Статья седьмая (*).

Булонскій лагерь: Обращеніе перваго консула къ государственнымиъ совѣтникамъ. Слова де-Фонтана. Вскормшій энтузіазмъ. Возвращеніе французскійхъ эскадръ въ Европу. Желтая лихорадка на Сен-Доминго. Смерть Леклера. Восстаніе черныхъ. Характеръ войны между Франціею и Англіею. Приготовленія къ высадкѣ Ла-Маншѣ. Булонь. Три года судовъ. Военная и транспортная флотилія. Виды перваго консула на Антверпенѣ. Жалкое униженіе Испаніи. Булонскій лагерь. — **Заговоръ Жоржес:** Опасенія Англіи. Средства, придуманныя ею для обороны. Военныя силы Англичанъ. Британскій кабинетъ помогаетъ заговорамъ эмигрантовъ. Интриги англійскихъ дипломатическихъ агентовъ Жоржъ и Пингрю. Опасная волтовня генерала Лажолъ. Бивилльскій-Утесъ. Нотариальная дорога черезъ Нормандію въ Парижъ. Морб. Смущеніе заговорщиковъ. Открытіе умысла. Арестованіе Морб. Снисходительность къ нему перваго консула. Рѣшимость перваго консула схватить французскаго принца. Страшный законъ противъ укрывателей заговорщиковъ. Парижъ запертъ на нѣсколько дней. Арестованіе Пингрю, де-Подиньяка, де-Ривьера и самого Жоржа. Герцога англійскій въ Этинггеймъ. Заключеніе и слѣдой гнѣвъ перваго консула. Похищеніе и казнь принца. Характеръ этого роковаго событія.

Страсть воззвать, которую, естественно, должно было предполагать въ первомъ консулѣ, сдѣлала бы его подозрительнымъ для общественнаго мнѣнія во Франціи и вынудила бы, можетъ-быть, противъ него обвиненіе въ слѣпкомъ-большой поспѣшности прѣрвать миръ, еслибъ Англія сама не оправдала совершенно перваго консула, явно нарушивъ амьенскій трактатъ. Но для всѣхъ было очевидно, что эта держава не устояла противъ искушенія присвоить себѣ Мальту и добыться такимъ-образомъ до малозаконнаго вознагражденія за величіе Франціи. И поуч-

(*) Первые шесть статей напечатаны въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1845 года (выд. XL, XLI и XLII).
Т. XLIII. — Отд. II.

му, во Франція вся приняли этотъ разрывъ, какъ необходимость защитить свою честь и свои интересы, ни мало не обманывая себя насчетъ его послѣдствій. Знали, что война съ Англіей могла всегда сделаться всеобщей европейскою войною. Сверхъ-того, эта война должна была нанести смертельный ударъ торговлѣ, потому-что моря должны были быть скорѣе запертыми. Однакожъ, два обстоятельства много уменьшали въ этомъ случаѣ скорбь Франціи. При такомъ правителѣ, какъ Наполеонъ, война не могла быть болѣе знакомъ новыхъ внутреннихъ беспорядковъ, и, сверхъ того, вся льстилась надеждою увидѣть, быть-можетъ, какое-нибудь чудо его генія, которое покончило бы разомъ продолжительное соперничество обѣихъ націй.

Первый консулъ, желавшій въ этомъ случаѣ сохранить всевозможное уваженіе къ общественному мнѣнію, поступилъ такъ, какъ бы того можно было ожидать при самомъ старинномъ представительномъ правленіи. Онъ созвалъ сенатъ, законодательное-сословіе, трибунатъ, и сообщилъ имъ акты негодіаціи, заслуживавшіе быть извѣстными. Дѣйствительно, онъ могъ отложить всякое притворство, потому-что, за исключеніемъ некоторыхъ вышесказанныхъ негодіаній, онъ въ сущности не въ чемъ не могъ упрекнуть себя. Эти три государственныхъ собранія изъявили чрезъ депутаціи одобреніе свое первому консулу. Человѣкъ, отлучившійся изученнымъ и торжественнымъ краснорѣчіемъ, которое такъ исстари во главѣ большихъ собраній, де-Фонтанъ, недавно сделавшійся членомъ законодательнаго-сословія по вліянію семейства Бонапарте, изъявилъ первому консулу чувствованія этого сословія въ выраженіяхъ, достойныхъ быть сохраненными исторіею.

«Франція» сказалъ онъ: «готова еще разъ облечься въ оружія, побѣдившія Европу... Горе честолюбивому правительству, которое захочетъ снова вызвать насъ на поле битвы и, позавидовавъ человечеству въ столь кратковременномъ успокоеніи, снова низринетъ его въ безднныя, едва миновавшіяся. Не Англія болѣе говоритъ, что она защищаетъ консервативныя принципы общества, угрожаемаго въ своихъ основаніяхъ; говорить это будемъ мы, если снова возгорится война: тогда будемъ мы отиистителями народныхъ правъ и дѣла всего человечества, отразивъ несправедливое нападеніе націю, которая вступаетъ въ переговоры для того только, чтобъ обмануть, которая требуетъ мира для того, чтобъ снова начать войну, и воднпсываетъ трактаты за тѣмъ, чтобъ ихъ нарушать... Мы не усомнимся, что Франція, при первомъ знакѣ, соберется единодушно вокругъ героя, которому она удивляется. Вся партія, безмолвствующія вокругъ него, будутъ состязаться другъ съ другомъ только въ ревности и мужествѣ. Вся чувствуютъ, что имаютъ нужду въ гении героя и признаютъ, что единъ онъ можетъ нести бремя и величіе нашихъ новыхъ судьбъ. Гражданинъ, первый консулъ! французскій народъ можетъ знать столько великія мысли и геройскія чувствованія, подобныя вашимъ. Онъ побыждалъ, чтобъ стяжать миръ; онъ жаждетъ его, подобно вамъ; это, подобно вамъ, никогда не устращается войны. Но-уже-ли Англія, считающая себя столь крѣпко-защищенною океаномъ, не знаетъ, что

иногда на сцену являются рѣдкіе люди, которыхъ геній приводитъ въ исполненіе то, что до нихъ казалось невозможнымъ? И еслибъ явился одинъ изъ этихъ людей, то ей ли вызывать его безразсудно и выслушивать его допытывать отъ судьбы своей всего, чего онъ имеетъ право ожидать отъ нея? Великій народъ способенъ на все съ великимъ «чемъкомъ», отъ котораго онъ никогда не можетъ отдѣлать своей славы, своихъ интересовъ и своего счастья.»

По этой блестящей и подготовленной рѣчи, безъ-сомнѣнія, нельзя было признать энтузіазма восемьдесятъ-девятого года; но она была отголоскомъ безпредѣльной довѣренности всѣхъ къ герою, державшему въ своей десницѣ судьбы Франціи, и отъ котораго ожидали пламенно-желаннаго униженія Англіи. Одно обстоятельство (его, впрочемъ, не трудно было предвидѣть) особенно усилило всеобщее негодованіе. Почти въ самую минуту отъезда обоихъ посланниковъ и прежде всякаго формальнаго объявленія разрыва, корабли англійскаго королевскаго флота швельли нѣсколько французскихъ купеческихъ судовъ, вопреки нравственныхъ началъ народнаго права. Первый консулъ, въ сильнѣйшемъ негодованіи, хотѣлъ отплатить за это немедленно и издалъ повелѣніе, которымъ объявлены были военнопленными всѣ Англичане, путешествовавшіе по Франціи въ минуту разрыва. Благодаря усиленнымъ настояніямъ Камбасереса, эта мѣра была распространена только на британскихъ подданныхъ, служившихъ въ милиціяхъ, или имѣвшихъ отъ своего правительства какія-нибудь порученія. И они, впрочемъ, не были подвергнуты заключенію, но остались просто плавными на-слово, въ различныхъ военныхъ пунктахъ.

Вскорѣ сильное потрясеніе сообщилось всей Франціи. Съ послѣдняго столѣтія, т. е. съ-тѣхъ-поръ, какъ англійскій флотъ началъ, казалось, брать перевѣсъ надъ французскимъ, въ головы всѣхъ входила мысль покочить вторженіемъ въ Англію морское соперничество обоихъ народовъ. Лудовикъ XVI и Директорія дѣлали приготовленія къ высадкѣ. Особенно Директорія содержала, въ-продолженіе многихъ лѣтъ, известное число плоскихъ судовъ на берегахъ Ла-Манша, и надо припомнить, что въ 1801 году, незадолго до подписанія предварительныхъ статей мира, адмиралъ Латушъ-Тревилль отбилъ неоднократныя усилія Нальсона захватить въ abordажъ булонскую флотилію. Такимъ-образомъ существовало преданіе, славившееся народнымъ, что на плоскихъ судахъ можно перевезти армію изъ Калэ въ Дувръ. Вдругъ, какъ-бы по электрическому движенію, департаменты и большіе города, каждый по своимъ средствамъ, предложили отъ себя правительству плоскія суда, корветты, фрегаты, даже линейные корабли. Луаретскій-Департаментъ первый возымалъ эту патріотическую мысль. Онъ взялъ на себя сумму въ 300 тысячъ франковъ для построенія и вооруженія тридцати-пушечнаго корабля. Этому примѣру послѣдовали со всеобщимъ энтузіазмомъ общины, департаменты и даже корпораціи. Парижскіе мэры открыли подписки, вскорѣ покрывшіяся множествомъ именъ. Протекторованы были суда различныхъ размѣровъ, стоявшія отъ 8 до 30 тысячъ франковъ. И потому, каждое мѣсто могло соразмѣрять свое рве-

ние съ своими средствами. Малые города давали простые плоскія суда, перваго или втораго размѣра. Больше-значительные города жертвовали фрегаты и даже большіе корабли. Парижъ пожертвовалъ сто-двадцати-пушечный корабль, Лионъ сто-пушечный корабль, Бордо — восьмидесяти-пушечный, Марсель — семидесяти-четыре-пушечный. Эти пожертвованія большихъ городовъ были независимы отъ привошеній, дѣлаемыхъ департаментами; такимъ-образомъ, хотя Бордо предложилъ восьмидесяти-пушечный корабль, Жирондскій-Департаментъ собралъ по подпискѣ 1,600,000 фравковъ для постройки судовъ. Хотя Лионъ далъ сто-пушечный корабль, Ронскій-Департаментъ присоединилъ къ нему отъ себя патристическій даръ, равняющійся восьмой доль взимаемыхъ съ него податей. Сѣверный-Департаментъ присоединилъ мильионъ къ суммѣ, пожертвованной городомъ Лиллемъ. Вообще, департаменты брали на себя внести суммы, считая съ 200 или 300 тысячъ франковъ до 900 тысячъ и мильиона. Нѣкоторые департаменты жертвовали своими местными произведеніями или издѣліями, годными для флота. Итальянская-Республика, подражая общему порыву, предложила первому консулу четыре мильиона миланскихъ ливровъ на постройку двухъ фрегатъ: *Президентъ* и *Итальянская-Республика*, и еще двѣнадцать канонерскихъ шлюбокъ, съ названіями двѣнадцати итальянскихъ департаментовъ. Большія государственныя собранія не хотѣли отстать, и севать пожертвовалъ отъ себя сто-двадцати-пушечный корабль. Простые торговые дома, важнѣйшіе финансовыя чиновники предложили построить на свой счетъ плоскія суда. Нельзя было пренебрегать подобнымъ пособіемъ, потому-что оно восходило не менѣе, какъ до 40 мильионовъ. Это было чрезвычайно-важно при бюджетѣ въ 500 мильионовъ. Въ сосисненіи съ 60-ю мильионами, вырученными отъ продажи Луизианы, съ различными субсидіями, получаемыми отъ союзниковъ, съ естественнымъ участіемъ дохода отъ налоговъ, — это пособіе избавляло правительство отъ средства дорогаго и почти-невозможнаго въ эту эпоху, — отъ займа.

Вскорѣ мы дадимъ читателю уразумѣть въ подробности созданіе этой флотиліи, могшей перевезти 150 тысячъ человекъ, 400 орудій, 10 тысячъ лошадей и чуть-было незавосвавшей Англіи. Теперь достаточно будетъ сказать, что условіе, котораго требовала наука мореплаванія отъ этихъ плоскихъ судовъ всевозможныхъ размѣровъ, состояло въ томъ, чтобъ эти суда сидѣли въ водѣ не глубже 6 или 7 футовъ. Разоруженныя, они сидѣли не глубже 3 или 4 футовъ. Такимъ-образомъ, они могли плавать по всѣмъ рѣкамъ и спускаться по нимъ до устьевъ, чтобъ оттуда, держась береговъ, собираться въ порты Ла-Манша. Это было важнымъ удобствомъ, потому-что французскіе порты, за недостаткомъ верфей, дѣла и рабочихъ, не смогли бы построить отъ 1,500 до 2,000 судовъ, которыя надо было доковчить въ нѣсколько мѣсяцевъ. Берега Жиронды, Луары, Сены, Соммы, Уазы, Шельды, Мааса, Рейна открылись импровизованными верфями.

Главнѣйшимъ стараніемъ перваго консула по случаю новой войны съ Англіею было собрать воедино все морскія силы Франціи, посланныя къ Антильскимъ-Островамъ, и заняться приведеніемъ колоній подъ власт

истрополиѣ. Онъ поспѣшилъ отозвать французскія эскадры, повелѣвъ имъ оставить на Мартиникъ, Гваделупъ, Сен-Доминго по-возможности болѣе войска, снарядовъ и припасовъ. Одни только фрегаты и легкія суда должны были остаться въ Америкѣ. Война съ Англіею, если не могла отвѣять у Франціи малыхъ Антильскихъ-Острововъ, каковы Гваделупа и Мартиника, должна была исторгнуть изъ рукъ ея драгоценнѣйшую изъ всѣхъ колоній, на сохраненіе которой было пожертвовано дьямою арміею: мы говоримъ о Сен-Доминго.

Читатели видѣли, какъ генералъ Леклеръ, послѣ искусныхъ дѣйствій и довольно-значительныхъ уроновъ, овладѣлъ колоніею, и могъ льститься тѣмъ, что возвратилъ се Франціи, и какъ Туссень, удалившійся въ свое обиталище, Эннери, выжидалъ августа мѣсяца, когда, по его расчетамъ, долженъ былъ наступить конецъ владычеству Европѣйцевъ на землѣ Гаити. Этотъ ужасный чернѣй предсказывалъ вѣрно, предвидя, что американскій климатъ восторжествуетъ надъ воннами Европы. Но самъ онъ не долженъ былъ воспользоваться этимъ торжествомъ, потому-что ему-самому суждено было погибнуть отъ жестокаго климата Франціи. Жалкое отищеніе въ войнѣ племень, съ ожесточеніемъ оспоривающихъ другъ у друга страны экватора!

Лишь-только армія начала располагаться на житье на Сен-Доминго, какъ бичъ, часто свирѣпствующій въ этихъ странахъ, но на этотъ разъ болѣе-убійственный, нежели когда-либо, сталъ поражать благородныхъ воиновъ рейнской и египетской арміи, перевезенныхъ на Антильскіе-Острова. Отъ-того ли, что климатъ, по невѣдомому приговору Провидѣнія, былъ въ этотъ годъ болѣе-разрушительнѣе, нежели обыкновенно, или отъ-того, что онъ сильнѣе дѣйствовалъ на солдатъ, изможденныхъ усталостью, собранныхъ въ одномъ мѣстѣ въ значительномъ числѣ,—только смерть свирѣпствовала съ ужасающею быстротою и силою. Почти въ одно время было похищено двадцать генераловъ; офицеры и солдаты гибли тысячами. Къ двадцати-двумъ тысячамъ человекъ, прибывшихъ во многія экспедиціи (изъ числа которыхъ пяти тысячъ не достигивалось въ строю, а пять тысячъ были постигнуты различными болѣзнями), первый консулъ присоединилъ въ концѣ 1802 года еще тысячу двенадцать человекъ. Вновь-прибывшіе въ-особенности были поражены въ самую минуту высадки. Въ два мѣсяца погябло по-крайней-мѣрѣ пятнадцать тысячъ человекъ. Въ арміи всего-на-все оставалось отъ девяти до десяти тысячъ человекъ, правда, привыкшихъ къ климату, но по-большой-части еще выздоравливающихъ и мало годныхъ къ-тѣмъ же взяться за оружіе.

Лишь-только желтая лихорадка начала свирѣпствовать, Туссень-Лувртуръ, съ восхищеніемъ видѣвшій осуществленіе своихъ роковыхъ предвѣщаній, сталъ чувствовать и возрожденіе надеждъ своихъ. Изъ глубины своего убажища, Эннери, онъ вступилъ въ тайныя сношенія съ людьми повѣренными, приказалъ имъ быть на-готовѣ, поручилъ уведомлять его со всеми подробностями объ успехахъ болѣзни, и въ-особенности о состояніи здоровья самого главнокомандующаго, на главу котораго его кровожадное нетерпѣніе призывало удары этого бѣдствія.

Поступки эти были не такъ скрыты, чтобъ слухи о нихъ не доходили до главнокомандующаго, и особенно черныхъ генераловъ. Тяжелыя увѣдомить объ этомъ французскія власти. Они завидовали Туссёну, окликая его, впрочемъ, совершенную некорреспонденцию, и это чувство не могло способствовать ихъ быстрой сдачѣ. Эти золоченые черные, какъ называли ихъ первый консулъ, были довольны спокойствіемъ, изобиліемъ, которыми наслаждались. Имъ ни мало не хотѣлось снова начинать войну, и они боялись, чтобъ Туссёна, сдѣлавшись опять всемогущимъ, не отплатилъ имъ за измену. Такимъ-образомъ они научили Демисера захватить стараго диктатора. Негры, составлявшіе некогда гвэрдію Туссёна, и распределенные по колониальнымъ войскамъ, перешедшимъ на службу метрополіа, покидали ряды, чтобъ возвратиться, какъ говорили они, къ земледѣлію, а на-самомъ-дѣлѣ за тѣмъ, чтобъ броситься въ урочища, морны, вокругъ Эннери. Главнокомандующій, угрожаемый всею опасностью, съ одной стороны желтою лихорадкою, потреблявшимъ его войско, съ другой возстаніемъ, обнаруживавшимся отсюду, имѣя сверхъ-того, инструкціи перваго консула, повелевавшія ему, при первомъ знакѣ непокорства, избавиться отъ черныхъ предводителей, — главнокомандующій рѣшился дать приказаніе арестовать Туссёна. Къ-тому-же, переключенныя письма диктатора еще болѣе уполномочивали Демисера на такую мѣру. Но должно было прибѣгнуть къ обману, чтобъ схватить этого могущественнаго предводителя, уже окруженнаго арміею негровъ. У него попросили совета, какія должно предпринять мѣры, чтобъ заставить возвратиться негровъ, ушедшихъ съ плантацій, и какія выбрать мѣста болѣе-годными для возстановленія здоровья войска. Этимъ способомъ можно было привлечь Туссёна на свиданіе, рѣшились какъ и возбудить его тщеславіе. «Видите» воскликнулъ онъ: «быльте не могутъ обійтись безъ стараго Туссёна». И действительно, онъ отправился въ назначенное мѣсто свиданія, окруженный толпою черныхъ. Лишь-только онъ показался, какъ на него напали, обезоружили и свалили плывшимъ на бортъ корабля. Изумленный, устыженный, и между-тѣмъ покорный судьбѣ своей, онъ произнесъ только слабую возмущенія слова: «Сломить меня, свалили только пень свободы черныхъ; но корни остались; они дадутъ отпрыски, потому-что они глубоки и многочисленны». Его отослали въ Европу, гдѣ онъ и былъ заключенъ въ фортъ Жу (*Joux*).

Къ-несчастью, духъ возстанія распространился между черными; онъ возвратился въ ихъ сердца вмѣстѣ съ недоумѣніемъ къ неурядицѣ бывшихъ и съ надеждою одолѣть ихъ. Вѣсть о томъ, что было сдѣлано въ Гваделупѣ (гдѣ невольничество было возстановлено), распространилась на Сен-Доминго и произвела тамъ необычайное впечатлѣніе. Мысль снова войти въ неволю приводила въ трепетъ негодовавшаго всѣхъ, отъ простыхъ работниковъ на плантаціяхъ до самыхъ предводителей. Некоторые черные офицеры, болѣе-человѣколюбивые, болѣе-достойные своей невольной участи, каковы: Лаплюмъ, Клервѣ, даже Христовъ, которые, не имѣя притязанія, подобно Туссёну, быть диктаторами острова, очень-хорошо уживались съ владычествомъ метрополіа, лишь-бы она уважила-

за свободу ихъ: неосеки, — вырвались съ жаромъ, неоставлявшимъ ни малейшаго сомнѣнiя на счетъ ихъ чувствованiй. «Мы хотимъ» говорили они: встать: Француза и покорными, вѣрно служить матери-отчизнѣ, потому-что не желаемъ возобновить разбойнической жизни; что если метрополія хочетъ сделать невольниками нашихъ братьевъ и «дѣтей, то пусть рѣшается она перерѣзать, несть вѣкъ до однаста. Все старанiя генерала Лендера, уважаемаго ими за праводушiе, все старанiя его успокоить ихъ, были напрасны. Если Лаплюмъ и Клервэ, чистосердечно привязанные къ метрополiю, рассуждали такъ, какъ мы сказали, за то Дессалинъ, настоящее чудовище, какое могутъ образовывать рабство и востанiе, старался только о томъ, чтобъ вооружать, съ величайшимъ вароломствомъ, черныхъ на бѣлыхъ, бѣлыхъ на черныхъ, раздражать однихъ чрезъ другихъ, торжествовать посреди всеобщаго кровопролитiя, и занять мѣсто Туссѣна-Лувертюра, на арестованiе котораго онъ первый подалъ голосъ.

Посреди этихъ ужасныхъ смуть, главнокомандующiй, имѣя въ своемъ распоряженiи только слабую часть своей армiи, да и то погибавшую поспешно, будучи въ то же время угрожаемъ близкимъ востанiемъ, считалъ долгомъ своимъ приказать обезоружить черныхъ. Эта мѣра казалась разумною и необходимою. Черные предводители, чистосердечно привязанные къ метрополiю, какъ, на-прим., Лаплюмъ и Клервэ, одобрили эту мѣру; черные предводители, одушевленные вароломными намеренiями, какъ-то былъ Дессалинъ, поощрили ее съ большимъ жаромъ. Тотчасъ же было приступлено къ ней, и для успѣха надо было прибавить къ настоящему насилiю. Многие изъ негровъ бѣжали въ морны, другiе дѣлали себѣ терять себя пытками, а не хотели разстаться съ тѣмъ, что считали какъ-бы самою своею свободою, т. е. съ ружьемъ. Въ-особенности, черные офицеры являлись неутомимыми при этихъ поискахъ. Они разстрѣливали людей одного съ ними цвѣта кожи, и дѣйствовали такъ-одно, чтобъ предупредить войну, другiе, напротивъ, чтобъ разжечь ее. Какъ бы то ни было, этия спосособы отняты было до тридцати тысячъ ружей, по-большой-части англiйской выдѣлки и купленныхъ по-предусмотрительности Туссѣна. Эти строгости возманили востанiе изъ сѣвера, на западъ, въ окрестностяхъ Порт-в-Пренса. Плеченинъ Туссѣна, Шарль Белеръ, черный, бывшiй выше себя-побѣднть по правымъ, уму, знанiямъ, и котораго по всему этому дѣлу его хотѣли сделать своимъ преемникомъ, Шарль Белеръ, раздраженный некоторыми казнями, совершенными въ западной части острова, бросился въ морны, поднимать знамя бунта. Дессалинъ, бывшiй мѣстопреемникомъ въ Сен-Маркѣ, сильно настаивалъ, чтобъ ему поручено было его преслѣдовать; и, находя въ этомъ обстоятельстве лвоалiй благодѣлительный случай показать эту ревность, которой обманчивую личную оубъ принималъ на себя, и вмѣстѣ съ тѣмъ отомстить сопернику, котораго считалъ ему, онъ повелъ противъ Шарля Белера ожесточенную войну. Ему удалось схватить Шарля вмѣстѣ съ его женою, и онъ представилъ ихъ врьдъ военную комиссию, которая приговорила расстрѣлять этихъ несчастныхъ. Дессалинъ оправдывался въ такъихъ поступка

предъ черными, ссылаясь на немилосердную волю божью, и тотъ же меце воспользовался этимъ случаемъ, чтобъ истребить невольнаго врага. Жалкія свиряства, доказывающія, что страсти человеческого сердца всюду одні и тѣ же, и что климатъ, время, очертавіи лица делаютъ человека существенно различнымъ! Такимъ-образомъ, все вело къ возстанію черныхъ — и ирраціональная недоумчивость, овладѣвшая ими, и жестокія предосторожности, которыя должно было принимать относительно ихъ, и кровожадныя страсти, ихъ разделявшія, страсти, которыя Европейцы часто принуждены были терпѣть, и даже часто употреблять себя въ пользу.

Къ этимъ бѣдствіямъ присоединились ошибки самихъ Французъ, бывшія слѣдствіемъ болѣзни, опасности, возникшей вслѣдствіе одной и той же причины, и трудности — имѣть сообщенія съ одного конца острова на другой.

Все эти причины вмѣстѣ произвели всеобщее возстаніе. На сѣверѣ, Клервъ, Моранъ, Христофъ, бѣжали въ морши, не безъ изъявленія сожалѣній, но увлекаемые чувствомъ болѣе-сильнымъ, нежели эти сожалѣнія, — любовью къ своей угрожаемой свободѣ. На западѣ, варваръ Дессалинъ, сбросившій наконецъ съ себя личину, присоединился къ матионикамъ. На югѣ, мулаты, соединившись съ черными, принялись опустошать эту прекрасную страну, доселѣ остававшуюся неграмотною и дѣвственною, какъ въ лучшую пору благосостоянія Сен-Доминго. Варнымъ оставался одинъ только Лаплумъ, навсегда привязавшійся къ метрополи и предпочитавшій ее безчеловѣчному правительству людей одного съ нимъ цвѣта кожи.

Французская армія, считавшая теперь въ себѣ только отъ десяти до десяти тысячъ человекъ, едва бывшихъ въ состояніи вести службу, имѣла въ своихъ рукахъ на сѣверѣ только одинъ Капъ и некоторыя окрестныя позиціи, на западѣ — Порт-о-Пренсъ и Сен-Маркъ, на югѣ — Кайнъ, Жеремъ, Тибуронъ. Несчастный Деклеръ былъ въ ужасной тревогѣ. Съ нимъ была жена его, которую онъ отослалъ на Островъ Черпахи (*de la Tortue*), чтобъ спасти отъ заразы. На его глазахъ были похищены смертью умный и искусный Бензешъ и некоторыя изъ отличнѣйшихъ генераловъ рейнской и итальянской армій; онъ убавилъ о смерти Ришпанса, былъ ежедневнымъ свидѣтелемъ кончины храбрѣйшихъ своихъ солдатъ, не будучи въ силахъ помочь имъ, и чувствовалъ приближеніе той минуты, когда онъ не будетъ имѣть болѣе возможности оборонять отъ черныхъ небольшую часть побережья, еще остававшаяся въ его власти. Терзаемый этими отчаянными размышленіями, онъ скорѣе всякаго другаго могъ быть пораженъ эпидеміею, свирѣпствовавшая въ войскѣ. Дѣйствительно, онъ былъ настигнутъ битомъ въ свою очередь, и послѣ кратковременной болѣзни, которая, принявъ характеръ непрерывной лихорадки, лишила, наконецъ, его всякъ силы, — этотъ храбрый генералъ испустилъ духъ, не переставая говорить благодарныя рѣчи и занятый только, казалось, судьбою жены своей и своихъ со товарищей по оружію, которыхъ онъ поминалъ въ такомъ ужасномъ положеніи. Онъ умеръ въ ноябрѣ 1802 года.

Генералъ Рошамбъ принялъ начальствованіе по старшинству. Не храбрости и не талантовъ военныхъ не доставало этому новому правителю колоній, но благоразумія, хладнокровія главнокомандующаго, который былъ бы чуждъ тропическихъ страстей. Генералъ Рошамбъ думалъ повсюду утушить возстаніе, но уже было поздно. Онъ могъ теперь сдѣлать только одно: сосредоточить свои силы въ Капъ и оставить на произволъ судьбы и западъ и югъ. Желая разомъ на всѣхъ пунктахъ отразить непріятеля, онъ всюду только могъ дѣлать энергическія и безсильныя усилія. Онъ возвратился въ Капъ, чтобъ утвердиться въ немъ, и прибылъ туда въ ту минуту, какъ Христофъ, Клервѣ и черные северные предводители вытались взять приступомъ эту столицу острова. Генералъ Рошамбъ вымалъ для ея защиты нѣсколько сотенъ солдатъ и національную гвардію Кана, состоявшую изъ собственниковъ, храбрыхъ, какъ все обитатели этихъ странъ. Уже Христофъ и Клервѣ овладѣли однимъ изъ фортговъ; генералъ Рошамбъ вытѣснилъ ихъ, съ рѣдкимъ мужествомъ, вспомошествоваемый энергіею національной гвардіи, и дѣйствовалъ такъ хорошо, что черные ударили отбой, полагая, что свѣжая армія прибыла на подкрѣпленіе къ острову. Но, во время этой геройской обороны, на рейдѣ происходила ужасная сцена. Около тысячи—двухъ—сотъ черныхъ было отправлено на корабли, такъ—какъ Французы не имѣли средствъ сторожить ихъ на сухомъ пути, и не хотѣли, чтобъ непріятель воспользовался такимъ подкрѣпленіемъ. Экипажи, между которыми свирѣпствовала болѣзнь, были слабѣ своихъ планниковъ. Услышавъ крики черныхъ, осаждавшихъ Капъ, они, опасаясь сдѣлаться жертвою ярости своихъ узниковъ, бросили (страшно сказать),—бросили часть изъ нихъ въ волны моря. Въ то же время, на югъ острова было поступлено подобнымъ образомъ съ однимъ мулатомъ, по имени Бардѣ, который былъ утопленъ въ слѣдствіе несправедливой и жестокой подозрительности. Съ этого дня, мулаты, еще колебавшіеся въ выборѣ, присоединились къ неграмъ, перерѣзали бѣлыхъ и окончательно опустошили прекрасную страну юга.

Заклучивъ эти печальные разсказы, изъ которыхъ исторіи нѣчего болѣе замѣтствовать полезнаго. Въ эпоху возобновленія войны между Франціею и Великобританіею, Французы, запертые въ Капъ, Порт-о-Принса, Кейпъ, едва-едва оборонялись отъ соединенныхъ полчищъ черныхъ и мулатовъ. Вѣсть о европейской войнѣ еще усиливала ихъ отчаяніе. Имъ оставался только выборъ между черными, сдѣлавшимися болѣе-свараными, нежели когда-либо, и Англичанами, которые, какъ надо было ожидать, принудятъ ихъ сдать и отправить планниками въ Англію, обезбравъ послѣднее ихъ достоиніе.

Изъ числа тридцати или тридцати—двухъ тысячъ человекъ, посланныхъ метрополіею, оставалось на послѣдокъ всего семь—восемь тысячъ. Погибло болѣе двадцати генераловъ и между ними Ришпенсъ, котораго потеря была болѣе всѣхъ прискорбна. Въ это же время, Туссѣвъ-Лувертюрь, грозный прорицатель, предсказавшій эти бѣдствія и съ радостью ожидавшій ихъ, умираетъ отъ холода во Франціи, узникомъ въ форть Жу, между-тѣмъ, какъ солдаты Франціи гибли подлѣ

лучше называть ея: Малое возмездіе—смерть гонимого черта за гибель столькохъ большихъ вонновъ—героевъ!

Такова была жертва, принесенная первыми консулами старой имперической системы Франціи; — жертва, за которую такъ жестоко удержали его. Между-тѣмъ, чтобъ судить здраво о дѣйствіяхъ правителей, должно брать въ расчетъ обстоительства, подъ вліяніемъ которыхъ они дѣйствовали. Когда заключенъ былъ миръ со всею вселенною, когда идеи старой торговли снова возвратились стремительнымъ потокомъ, когда въ Парижѣ и во всехъ портахъ негодилиты, разоренные владѣльцы плантацій съ громкими криками требовали возвращенія владѣній; составившаго некогда богатство и гордость старинной монархіи, послѣ тысячи офицеровъ, замечая, что карьера ихъ остановлена миромъ предлагали свои услуги всюду, гдѣ бы понадобились ихъ храбрыя руки, — можно ли было тогда отказать соблазнованію однихъ, дѣятельности другихъ въ дѣлѣ возстановленія торговли Франціи? Чего не сдѣлала Англія для сохраненія сѣвера Америки, Испанія—для сохраненія юга той же части свѣта? чего не сдѣлала бы Голландія для сохраненія Явы? Народы никогда не позволяютъ изъ рукъ своихъ никакого сильнаго владѣнія, не попытавшись удержать его въ своихъ рукахъ, еслибъ даже и не предвидѣлось успеха. Увидимъ, послужатъ ли Англичанамъ урокомъ американская война, и не попытаются ли они отступить Канаду въ те края, какъ эта северная колонія уступить очень естественному влеченію, влекущему ее къ Соединеннымъ—Штатамъ.

Первый консулъ вызвалъ въ Европу все французскіе флоты, вѣнчая фрегатовъ и легкихъ судовъ. Все эти флоты возвратились къ порту Франціи, за исключеніемъ одной эскадры изъ пяти кораблей, которая была принуждена стать въ Корунью: Шестой корабль укрѣсен въ Индикѣ. Надо было собрать эти разсыянные элементы, чтобъ вступить съ Великобританіей въ борьбу на жизнь или смерть.

Борьба съ Англіею была дѣломъ труднымъ даже для самаго волеунаго и самаго прочно—утвердившагося правительства. Англія и Франція приобрѣли себя почти—равное владычество одна на морѣ, другая на твердой землѣ. По началу непріязненныхъ дѣйствій, Англія явилась бы съ своими флотами на обоихъ полушаріяхъ, взяла бы нѣсколько голландскихъ или испанскихъ колоній и, можетъ—быть, зота и съ большими трудомъ, нѣсколько французскихъ колоній. Она воспретела бы плаваніе во моряхъ всемъ народамъ и присвоила бы его себѣ исключительно; но, сама—по—себѣ, она не могла сдѣлать ничего болѣе. Помянутое англійскихъ войскъ на материкъ могло бы доставить ей только одно поражение, подобное гелдернскому, въ 1799 году. Франція, съ своей стороны, могла, силою или политикою, вопереть Англіи доступъ на европейскіе берега отъ Копенгагена до Венеціи, и оставить ей только берега Балтики. Но при этой борьбѣ двухъ великихъ державъ, изъ которыхъ каждая владычествовала на одномъ изъ двухъ элементовъ, не имея средствъ выйти изъ него, чтобъ сразиться другъ съ другомъ, можно было опасаться, что онѣ останутся въ этомъ угрожающемъ положеніи, не вступая въ междоусобный бой, и что вселенная, испривавши мѣся, воз-

становитъ наконецъ противъ той или другой изъ нихъ, для избавленія себя отъ сладкаго этой умасной брани. Въ подобномъ положеніи, умаснѣе долженъ былъ сдѣлаться достояніемъ той, которая смогла бы выйти изъ своего элемента, чтобъ добратъся до соперницы, или, — если это успѣе сдѣлалось невозможнымъ, — успѣхъ принадлежалъ бы той, которая смогла бы сдѣлать популярнымъ свое дѣло для всей воюющей, и тѣмъ привлечь ее всю на свою сторону. Для обѣихъ державъ было трудно привязать къ себѣ націи, потому что Англія, для пріисвоенія себѣ торговой монополіи, вынуждена была жестоко поступать съ нейтральными государствами, а Франція, для того, чтобъ запереть материкъ отъ торговли Англіи, вынуждена была прибѣгать къ насилью со всеми державами Европы. И потому, для побѣжденія Англіи, надо было разрѣшить одну изъ двухъ задачъ: или переступить чрезъ океанъ и идти на Лондонъ, или утвердить власть надъ материкомъ, и принудить его, силою или политикою, не принимать никакихъ британскихъ произведеній; словомъ, привести въ исполненіе высадку или континентальную блокаду. Читатель увидитъ, изъ продолженія этой исторіи, какии рѣшительныя обстоятельства Наполеонъ былъ приведенъ послѣдовательно отъ одного изъ этихъ предпріятій къ другому; какою цѣною чудесъ онъ сначала приблизился къ цѣли, и почти уже достигъ до нея; какии совлукленіемъ ошибокъ и несчастій онъ удался потопъ отъ цѣли и наконецъ палъ.

Итакъ, вотъ какіе размѣры должна была принять неизбежно война между Франціею и Великобританіею. Она была, съ 1793 по 1801 годъ, борьбою демократическаго принципа противъ принципа аристократическаго; не слагая съ себя этого характера, она должна была сдѣлаться, во время Наполеона, борьбою одного элемента противъ другаго, представляя болѣе трудностей для Французовъ, нежели для Англичанъ, потому что весь материкъ, по ненависти къ французской революціи, по зависти къ могуществу Франціи, долженъ былъ ненавидѣть эту державу гораздо болѣе, нежели сколько ненавидѣли нейтральныя державы — Англію.

Первый консулъ вскорѣ увидѣлъ, какова будетъ эта война, и рѣшился тотчасъ же. Онъ составилъ планъ перезхать съ арміею чрезъ проливъ Калѣ, и въ самомъ Лондонѣ покончить соперничество обѣихъ націй. Мы увидимъ, какъ въ продолженіе цѣлыхъ трехъ лѣтъ онъ употреблялъ все свои способности на выполненіе этого изумительнаго предпріятія, и какъ былъ спокоенъ, довѣрчивъ къ своей судьбѣ, даже счастливъ — столь исполненъ онъ былъ надежды, готовясь на отважную попытку, которая долженствовала или сдѣлать его полнымъ владыкою вселенной, или поглотить въ глубинѣ океана и его-самого, и его армию, и его славу.

Можетъ-быть, скажутъ, что Лудовикъ XIV и Лудовикъ XVI не дошли до такихъ крайностей въ войнахъ съ Англіею, довольствуясь тѣмъ, что многочисленныя флоты оспаривали другъ у друга владѣніе океана. Но на это мы отвѣтимъ, что, въ семнадцатомъ и восемнадцатомъ столѣтіяхъ, Англія не пріобрѣла еще, чрезъ завла-

дѣиіе торговлею всеобщей, наибольшаго морскаго населенія на всемъ земномъ шарѣ, и что средства обомъ флотамъ были гораздо-менше веровны. Первый консулъ рѣшился употребить величайшія усилія на возсозданіе французскихъ морскихъ силъ, но онъ очень сомнѣвался въ успехахъ, не смотря на то, что обладалъ обширнымъ протяженіемъ береговъ, не смотря на то, что имѣлъ въ своемъ распоряженіи порты и верфи Голландіи, Бельгіи, старой Франціи и Италіи. Мы не упоминаемъ объ Испаніи, которая была тогда слишкомъ-недостойно управляема, и потому не могла быть полезною союзницею. Святая всѣ эти морскія силы, въ настоящее время соединенныя въ Европѣ, первый консулъ могъ, въ-теченіе года, пустить въ море никакъ не болѣе 50 линейныхъ кораблей. Изъ лѣса, которымъ была покрыта его обширная имперія и который сплавлялся по теченію рѣкъ къ верфямъ Голландіи, Бельгіи и Италіи, онъ могъ построить и еще 50 линейныхъ кораблей и такимъ образомъ цѣлую сотню кораблей украсить своимъ славнымъ трехцвѣтнымъ флагомъ. Но, чтобъ снарядить ихъ, надо было болѣе 100 тысячъ матросовъ, а у него было едва 60 тысячъ. Англія могла тотчасъ же выставить 75 кораблей, и ей легко было увеличить свою армаду до 120 кораблей, съ множествомъ фрегатовъ и малыхъ судовъ, которыя предполагаются при такомъ вооруженіи. Она могла посадить на нихъ 120 тысячъ матросовъ и даже болѣе, еслибъ, отказавшись шадеть нейтральныя государства, она стала забирать матросовъ съ ихъ торговыхъ судовъ. Сверхъ того, у ней были адмиралы опытные, увѣренныя въ себя, побѣждавшіе и дѣйствовавшіе на морѣ такъ же, какъ генералы Дантъ, Нэй, Массена дѣйствовали на сухомъ пути.

Итакъ, несообразность обомъ флотамъ была очень-велика; тѣмъ не менше, она не обезнадеживала перваго консула. По его словамъ, ему было необходимо десять лѣтъ для созданія морской силы. Но онъ не могъ ждать десять лѣтъ, сложа руки, пока флотъ его сдѣлается достойнымъ вступить въ борьбу съ англійскимъ флотомъ. Цѣлыя десять лѣтъ не произвѣсть ничего значительнаго, какъ-бы сознаваясь въ своей немощи, — одно это обстоятельство могло бы привести въ отчаяніе всякое правительство, а тѣмъ болѣе перваго консула, который самъ создалъ себѣ судьбу и долженъ былъ продолжать это творчество, ослѣпшая вселенную. И потому надобно было употребить всѣ старанія къ перестроенію французскаго флота, отважиться на попытку пересѣчь черезъ проливъ, и въ то же время воспользоваться страхомъ, который внушалъ его мечъ, чтобъ принудить Европу запретить для Англіи доступъ на материкъ.

Многіе изъ его адмираловъ, и въ-особенности министръ Декре, сомнѣвались въ возможности пересѣчь въ настоящее время Ла-Маншъ, при такомъ слабомъ состояніи французскихъ морскихъ силъ. Но первый консулъ не хотѣлъ раздѣлять ихъ опасеній, и хотя призналъ намѣреніе возстановить французскій флотъ, однако въ то же время хотѣлъ испробовать средство болѣе-прямое для пораженія Англіи.

Употребивъ все усилія своего генія на созданіе средствъ для выполненія дотоле-небывалаго предпріятія, первый консулъ достигъ наконецъ своей цѣли. Неаполь, Голландія, Ганноверъ обязались содержать около 60 тысячъ войска. Итальянская-Республика, Парма, Лангурия, Испанія обязались выплачивать постоянныя субсидіи. Америка готовилась внести ему значительную сумму денегъ за Луизиану. Патріотизмъ департаментовъ и большихъ городовъ доставлялъ совершенно-добровольное доплатеніе къ налогамъ. При всѣхъ этихъ средствахъ, первый консулъ льстился надеждою присовокупать къ 589 милліонамъ бюджета XI года, чрезвычайный источникъ ежегодно въ 100 милліоновъ, въ-продолженіе двухъ, трехъ, или четырехъ лѣтъ. Въ будущемъ, онъ могъ еще рассчитывать на косвенные налоги. Такимъ-образомъ, онъ могъ быть уврѣнъ въ возможности содержать 150-ти тысячную армию на берегахъ, другую армию въ 80. тысячъ человекъ на Рейнѣ, войска необходимыя для занятія Италіи, Голландія и Ганновера, 50 линейныхъ кораблей, — транспортную флотилію, еще дотоле неизвѣстную, безпримарную, потому-что дѣло шло о перевезеніи 150 тысячъ солдатъ, 10 тысячъ лошадей и 400 орудій.

Вся вселенная была въ волненіи, можно сказать, въ ужасъ, отъ приготовленій къ этой гигантской борьбѣ двухъ могущественнѣйшихъ государствъ земнаго шара.

Французскія войска заняли Тарентскій-Заливъ, Анкону и Ганноверъ. Тамъ временемъ, первый консулъ продолжалъ свои приготовленія на берегахъ Ла-Манша. На Жирондѣ, Луарѣ, Сенѣ, Соммѣ, Шельдѣ строились плоскодонныя суда всѣхъ размѣровъ. Тысячи работниковъ срубали лѣсъ, растущій по берегамъ. Вся литейные дворы республики дѣлательно занимались изготовленіемъ мортиръ, гаубицъ, пушекъ самаго большаго калибра. Парижане глядели на построеніе шлюбокъ на самыхъ набережныхъ столицы. Теперь всѣ начинали понимать, что такая изумительная дѣятельность не могла быть простою демонстраціею, назначенною только потревожить Англію.

Первый консулъ рѣшился осмотрѣть все берега до Флессингена и Антверпена, посѣтить Бельгію, въ которой онъ еще не бывалъ ни-когда, рейнскіе департаменты, съ которыми вовсе еще не былъ знакомъ, — словомъ, совершить военное и политическое путешествіе. Госпожа Бонапарте должна была сопровождать его и раздѣлить съ нимъ почести, его оживлявшія. Въ первый разъ, онъ потребовалъ отъ государственнаго казначея алмазы съ короны, чтобъ составить изъ нихъ украшенія для своей жены. Онъ хотѣлъ явиться предъ новыя департаменты и на берега Рейна почти монархомъ, ибо его считали настоящимъ государемъ съ-тѣхъ-поръ, какъ онъ сдѣлался консуломъ—по-жизнь и съ правомъ избрать себя преемника. Онъ назначилъ своимъ министрамъ, вѣсто свиданія, однихъ въ Дюнкирхенѣ, другимъ въ Диллѣ, Генуѣ, Антверпенѣ, Брюсселѣ. Иностранные посланники были приглашены посѣтить его въ этихъ же городахъ. Отправляясь къ народамъ, пламенно преданнымъ католицизму, онъ счелъ желаннымъ явиться посредникомъ въ сопровожденіи папскаго легата.

Первый консулъ отправился 23 июня. Онъ посѣтилъ сначала Копен-сень, гдѣ строились суда на берегахъ Уазы, Амьенъ, Абвилль, Сен-Валери, гдѣ производились постройки на берегахъ Соммы. Онъ былъ принятъ съ восторгомъ, съ совершенно королевскими почестями. Городъ Амьенъ поднесъ ему, по старинному обычаю, четырехъ лебедей ослапительной близнзы, которые были отосланы въ Тюльерійскій-Садъ. Везде, гдѣ ни являлся онъ, народъ выражалъ свою приверженность къ его особѣ, ненависть къ Англичанамъ, рвеніе сразиться и побѣдить этихъ давнихъ враговъ Франціи. Съ величайшею снисходительностью онъ выслушивалъ мѣстныхъ власти и жителей; но все его вниманіе видимо было обращено на одинъ предметъ, занимавшій его въ настоящее время. Верфи, магазины, заготовленіе всевозможнаго продовольствія—исключительно привлекали его пламенное попеченіе. Онъ посѣщалъ войска, начинавшія собираться въ Пикардію, производилъ имъ смотры, оказывалъ ласки ветеранамъ, лицо которыхъ было ему знакомо, и оставлялъ ихъ исполненными довѣрчивости въ успѣхъ его обширнаго предпріятія.

Окончивъ эти посѣщенія, онъ возвращался къ себѣ, и, утомленный усталостью, диктовалъ множество приказовъ; эти приказы сохранились для вѣчнаго наставленія правительствамъ, на которыхъ лежатъ подобныя великія приготовленія. Наконецъ, первый консулъ прбылъ въ Булонь, главный центръ, куда стремилась вся его усилія, и гдѣ предположена была точка отправленія громадной экспедиціи, задуманной имъ противъ Англіи.

Теперь время представить въ подробности огромное вооруженіе, придуманное для перевезенія ста-пятидесяти тысячъ человекъ чрезъ проливъ Калэ, съ такимъ числомъ лошадей, орудій, снарядовъ, припасовъ, какое нужно для столь-огромной арміи. Перевезти черезъ море и двадцать или тридцать тысячъ человекъ есть уже операція обширная и трудная: доказательствомъ тому могутъ служить египетская экспедиція, приведенная въ исполненіе за пятьдесятъ лѣтъ назадъ, и алжирская экспедиція, приведенная въ исполненіе въ наше время. Но что стоило перевезти сто-пятидесять тысячъ солдатъ, десять или пятнадцать тысячъ лошадей, триста или четыреста орудій съ упряжью! Линейный корабль можетъ помѣстить въ себя среднимъ числомъ отъ 600 до 700 человекъ, при условіи только переезда въ несколько дней; большой фрегатъ можетъ помѣстить въ себя половину. Итакъ, для перевезенія такой арміи, потребовалось бы двѣсти линейныхъ кораблей, т. е. морская сила совершенно химерическая, которую можно было бы вообразить себѣ, еслибъ и Франція и Англія соединились другъ съ другомъ для одной цѣли. Слѣдовательно, предпріятіе перебросить въ Англію сто-пятидесять тысячъ человекъ было бы чистою невозможностью, еслибъ Англія находилась отъ Франціи на такомъ же разстояніи, какъ Египетъ или Морея. Но въ настоящемъ случаѣ, надо было перейти только проливъ Калэ, т. е. переехать разстояніе отъ восьми до десяти морскихъ лѣ. Для такого переезда не было нужды употреблять большіе корабли. Да еслибъ и были на-лицо такіе корабли, то нельзя

было бы употребить ихъ въ дѣло, потому-что отъ Остенде до Гагра нетъ для нихъ ни одной годной пристани; и на противоположной сторонѣ (если не уклониться слѣвѣмъ въ сторону) не было бы ни одного порта, въ который они могли бы войти. Вотъ почему весьма представлялась всегда идея малыхъ судовъ, построенныхъ сообразно силѣ и свойствамъ переѣзда, и съ природою портовъ. Сверхъ-того, эти малые суда лучше всякихъ другихъ могли служить при особенностяхъ этого пролива. Долгія наблюденія, дѣланныя на прибрежьяхъ, привели къ открытію этихъ особенностей и опредѣлили, какия суда наиболее согласуются съ ними. Летою, напримеръ, въ Ла-Маншѣ бывають почти совершенныя и довольно-продолжительныя штѣлы, такъ-что можно на нихъ рассчитывать сутокъ на двое. Около этого времени не потребно не для переѣзда, а для вывода изъ портовъ огромной флотиліи, о которой шла дѣло. Въ-продолженіе этого штѣла, английскіе крейсера были бы осуждены на неподвижность, и суда, построенныя для того, чтобъ идти на гребляхъ или на парусахъ, могли бы пройти безнаказанно, даже въ виду непріятельской эскадры. Зима имѣла также благоприятныя минуты. Сильные туманы холоднаго времени года, не будучи вовсе разгоняемы вѣтрами, или встрѣчая только слабыя вѣтры, представляли еще новое средство совершить переѣздъ въ присутствіи непріятельской силы, или неподвижной, или обманутой непроникаемою атмосферою. Былъ еще и третій благоприятный случай, именно представляемый равноденствіемъ. Часто случается, что послѣ равноденственныхъ урагановъ, вѣтеръ вдругъ упадетъ, и представляетъ время, необходимое для переѣзда черезъ проливъ, до возвращенія непріятельской эскадры, принужденной бурей идти въ открытое море. Въ этомъ-то заключались особенности, о которыхъ говорили вообще все моряки, живущіе на берегахъ Ла-Манша.

Былъ случай, при которомъ, во всякое время года, какова бы ни была погода, только бы не буря, — можно было всегда переѣхать проливъ и именно, когда, искусными маневрами, введенъ была бы въ Ла-Маншъ, на несколько часовъ, большая дивизіонная эскадра. Тогда флотилія, подъ прикрытіемъ этой эскадры, могла пуститься въ путь, не боясь о непріятельскихъ крейсерахъ.

Во случай, когда бы большая французская эскадра могла явиться между Кала и Дувромъ, зависѣлъ отъ столь-трудныхъ комбинацій, что и нагѣ наименѣе всего должно было рассчитывать. Слѣдовало даже построить перевозную флотилію такимъ-образомъ, чтобъ она могла, во-крайней-мѣрѣ по-видимому, обойтись безъ всякой вспомогательной силы; потому-что иначе, непріятель, немедленно съдѣлавъ объ этомъ, сосредоточилъ бы въ проливѣ все свои морскія силы и предупредилъ бы всякій маневръ французскихъ эскадръ, которыя хотѣли бы туда проникнуть.

Въ-слѣдствіе всевозможныхъ мѣстныхъ соображеній, признано было и лучше построить плоскія суда, которыя могли бы плыть на веслахъ: отъ этого можно было бы совершить переѣздъ или во время штѣла, или во время тумана; суда эти должны были также везти орудія большого

калибра, не погружалась въ воду глубже осени или вѣсьми футовъ: это доставило бы свободу въ движеніяхъ во французскихъ портахъ Ла-Манша, и возможность въѣхать, не разбившись объ отмели, на английскія прибрежья.

Для того, чтобъ удовлетворить всѣмъ этимъ условіямъ, придуманы большія канонерскія шлюбки, плоскодонныя, плотно-построенныя, и двухъ различныхъ родовъ, для двухъ разныхъ цѣлей. Шлюбки перваго рода, называемыя собственно-канонерскими шлюбками (*chicoures canonnières*), были построены такимъ-образомъ, что могли помѣщать на себя четыре орудія большого калибра, отъ 24 до 36-ти-фунтоваго, два спереди и два сзади, и следовательно, могли отвѣчать на огонь, производимый съ кораблей и фрегатомъ. Такимъ-образомъ, пятьсотъ канонерскихъ шлюбокъ, каждая съ четырьмя орудіями, могли замѣнить собою двадцать сто-пушечныхъ кораблей. Онѣ были оснащены подобно бригамъ, т. е. о двухъ мачтахъ, были управляемы 24 матросами, и могли помѣщать на себя пѣхотный отрядъ въ 100 человекъ, съ штабомъ, оружіемъ и военными припасами.

Шлюбки другаго рода, названныя, для отличія отъ первыхъ, канонерскими лодками (*bateaux canonnières*), были не такъ сильно вооружены, не такъ поворотливы, и назначались для перевоза, кромѣ пѣхоты, полевой артиллеріи. Въ центра ихъ трюма находилась небольшая конюшня для двухъ лошадей изъ-подъ орудій, съ кормомъ на вѣсколко двѣй. На трехстахъ или четырехстахъ этихъ судовъ, кромѣ значительной массы пѣхоты, можно было помѣстить 300 или 400 полевыхъ орудій, съ огнестрѣльными снарядами, достаточными для одного сраженія. Всѣ другіе снаряды, вмѣстѣ съ остальными упражными лошадьми, должны были слѣдовать на транспортныхъ судахъ.

Сверхъ-того, признано было необходимымъ построить суда еще болѣе-легкія и болѣе-подвижныя, нежели суда первыхъ двухъ родовъ, которыя бы погружались въ воду только на два или на три фута, и могли бы ходить всюду. Это были огромныя челноки, узкіе и длинныя, въ 60 футовъ, съ подвижною палубою, которую можно было ставить и снимать по произволу; ихъ называли *пенишами* (*piniches*). Эти суда ходили съ величайшею быстротою на шестидесяти вѣслахъ; когда было нужно, ставились легкіе паруса. На этихъ пенишахъ помѣщались 60 или 70 солдатъ, приученныхъ грести, и двое или трое шкиперовъ, управлявшихъ ихъ движеніями. На пенисахъ находилась небольшая гаубица, и еще четырехфунтовое орудіе; онѣ не должны были принимать на себя никакого другаго груза, кромѣ оружія своихъ пассажировъ и некотораго количества съѣстныхъ припасовъ, положенныхъ вмѣсто балласта.

Положено было собрать эти суда всѣхъ трехъ родовъ въ числѣ 1200 или 1500. Они должны были помѣщать на себя по-крайней-мѣрѣ 3,000 орудій большого калибра, не считая большаго числа орудій малаго раз-

тѣмъ, т. е. действовать, какъ самая сильная эскадра. Ихъ огонь былъ страшенъ, потому-что былъ непременно въ цель, а между-тѣмъ, эти легкія суда были почти безусловны для большихъ кораблей. Но ввести порядокъ въ эту движущуюся и невѣроятно-многочисленную массу, было чрезвычайнo-сложною задачею, надъ рѣшеніемъ которой трудились нѣсколько, въ продолженіи трехъ лѣтъ, адмиралъ Брюи и Наполеонъ.

Что сталося бы съ эскадрой англійскихъ военныхъ кораблей, еслибы она вступила на всѣхъ нарусахъ въ эту массу малыхъ судовъ, подавляя, окруживая ихъ въ нихъ, которыя попадались ей на встрѣчу, потопляя ихъ, которыхъ не мѣшало ей ядра, и, въ свою очередь охваченная этою тучею непріятелей, должна была бы выдерживать со всѣхъ сторонъ страшный огонь артиллеріи, ружейную пальбу ста-тысячь пехотинцевъ, и, быть-можетъ, нападеніе неустрашимыхъ солдатъ, приученныхъ къ сраженію на бордахъ? Отвѣчать на этотъ вопросъ невозможно, потому-что нельзя составить себѣ идею, чѣмъ могло бы кончиться столь страшное зрѣлище, которому ничего подобнаго никогда не случалось. Адмиралъ Декрѣ, человекъ высокаго ума, но представлявшій все въ черномъ цвѣтѣ, допускалъ, что, вѣроятно, пожертвовавъ сотнею судовъ и десяткомъ тысячь человекъ, можно выдержать встрѣчу съ непріятельскою эскадрою и переждать проливъ. — «Столько теряютъ всегда во всякомъ сраженіи,» отвѣчалъ первый консулъ: «а какое сраженіе обещало когда-нибудь результаты, которыхъ мы надѣемся отъ высадки въ Англію?» Но встрѣча съ англійскими крейсерами была самымъ неблагоприятнѣйшимъ изъ шансовъ. Все еще можно было надѣяться переждать во время штиля, который парализовалъ бы непріятеля, или во время тумана, который скрылъ бы у него изъ вида французскую флотилію; и, наконецъ, еще удивительнѣе можно было предполагать, что французской эскадрѣ удастся появиться внезапно въ проливѣ на нѣсколько часовъ.

Каждая канонерская шлюбка, каждая канонерская лодка могли помѣстить на себѣ цѣлый пехотный отрядъ, каждая пенаша — два третіе отряда, и потому на 500 шлюбкахъ, 400 лодкахъ и 305 пенашахъ, т. е. на 1,200 судахъ, можно было посадить 120,000 человекъ. Предполагая, что на брестской эскадрѣ находилось бы 15 или 18 тысячъ, на тексельской 20 тысячъ, — значить, Наполеонъ могъ перебросить въ Англію 150 или 160 тысячъ человекъ, — 120 тысячъ цѣлою массою на борту флотиліи, 30 или 40 тысячъ отдѣльными дивизіями, на борту двухъ большихъ эскадръ, изъ которыхъ одна отправилась бы изъ Голландіи, другая изъ Бретани.

Этого было достаточно, чтобъ побѣдить и смирить горделивую націю, лившую притязаніе владычествовать надъ вселенной изъ глубины своего неприступнаго убажища.

Перевезти надо было не однихъ людей, но и провіантъ, военные припасы, лошадей. На флотиліи могли быть помѣщены только войска, снаряды, необходимыя для первыхъ сраженій, продовольствіе недѣли на три, и полковая артиллерія съ двумя лошадьми на орудіе. Но, сверхъ-того, нужны были остальные упражныя лошади, по-крайней-мѣрѣ 7 или 8

тысячь кавалерійскихъ лошадей, снаряды на все время кампаніи, продовольствіе на мѣсяць или на два, большіи осадный паркъ, на случай, еслибъ пришлось брать города приступомъ. Въ-особенности, было очень затруднительно перевезти лошадей, и только для 7 или 8 тысячъ ихъ надо было не менѣе 600 или 700 судовъ.

Для этой потребности не было нужды строитья вновь. Можно было купить на всѣхъ берегахъ отъ Сен-Мало до Тексела и внутри Голландіи, суда каботажныя и употребившіяся для ловли трески и сельдей, очень-крупно построенныя, превосходныя въ морѣ, а очень-удобныя, при некоторыхъ исправленіяхъ, для помѣщенія всего, что предполагалось нагрузить на нихъ. Комиссія, образованная на этотъ предметъ, скупила, отъ Бреста до Амстердама, суда, стоявшія, среднимъ числомъ, каждое отъ 12 до 15 тысячъ франковъ.

Военный флотъ долженъ былъ состоять изъ 1,200 или 1,300 судовъ, транспортная флотилія изъ 900 или 1000, — значить, предстало собрать 2,200 или 2,300 судовъ: чудовищная морская сила, безпримарная въ прошедшемъ, и, вѣроятно, безпримарная въ будущемъ.

Теперь понятно, почему было бы невозможно построить на одномъ или двухъ береговыхъ пунктахъ это огромное количество судовъ. Сколь бы малаго ни были они размѣра, никогда нельзя было бы найти въ одномъ мѣстѣ матеріалы, рабочихъ, верфи, необходимыя для построенія. И потому было неизбежно заставить весь порты и весь бассейнъ рѣкъ содѣйствовать той же цѣли.

Но, построивъ эти суда въ большомъ отдаленіи другъ отъ друга, надо было собрать ихъ въ одномъ пунктѣ, отъ Булони до Дюнкерхена, не смотря на англійскихъ крейсеровъ, рѣшившихся уничтожить ихъ прежде, нежели они успѣли бы соединиться. Послеъ того, надо было поставить ихъ въ три или четыре порта, лежащіе по возможности пооднимъ вѣтромъ, въ очень-маломъ между собою разстояніи, за тѣмъ, чтобъ всѣ суда разомъ могли сняться съ якоря и пуститься въ путь. Наконецъ, надо было помѣстить ихъ безъ тѣсноты, безпорядка, подъ прикрытіемъ отъ непріятельскаго огня, въ виду войскъ, такъ, чтобы они могли часто выходить и возвращаться въ портъ, учиться съ быстротою нагужать и выгужать людей, орудія и лошадей.

Присутствіе самого перваго консула, окруженнаго искуснѣйшими и наиболее спеціальными людьми, каковы Сганценъ, Форфэ, Брюй, Декре и многіе другіе офицеры, — вскорѣ придало въ Булони новую дѣятельность его предпріятію. Назначена была высокая плата рабочимъ, отличившимся смѣлостью и прилежаніемъ, и въ короткое время всѣ верфи покрылись множествомъ рабочихъ-строителей, которыхъ прежній родъ занятій трудно было бы отгадать.

Уже съ давняго времени булонскій портъ считался лучшимъ пунктомъ отправленія для экспедицій, направленной противъ Англіи. Французскій берегъ, приближаясь къ англійскому, образуетъ мысъ, называющійся мысомъ Гринэ (Grinez). Справа отъ этого мыса, берегъ тянется къ востоку, къ Шеддэ, имея передъ собою обширное про-

странство Севернаго-Моря. Слѣза, онъ смѣрится на Англію и образуетъ такимъ-образомъ одинъ изъ береговъ пролива; потомъ вдругъ обрывомъ нисходитъ съ сѣвера къ югу, къ устью Соммы. Порты, съ правой стороны отъ мыса Гринё, каковы Калэ и Дюнкирхенъ, лежащія въ пролива, менѣе выгодны для отправленія изъ нихъ; напротивъ того, порты съ лѣвой стороны, каковы Булонь, Амблетёзъ и Этапль, лежащія въ самомъ проливѣ, всегда были считаемы къ тому болѣе-удобныи. И действительно, отправляясь изъ Дюнкирхена или Калэ, должны обогнуть мысъ Гринё, чтобъ войти въ проливъ, подняться во время этого обхода противъ ветровъ Ла-Манша, и стать подъ вѣтеръ Булони, чтобъ причалить между Дувромъ и Фолькстономъ. Напротивъ того, изъ Англіи во Францію скорѣе приѣзжаютъ къ Калэ, нежели къ Булоню. Итакъ, для переезда въ Англію, Булонь и порты, лежащія слѣва отъ мыса Гринё, были важнѣе, нежели Калэ и Дюнкирхенъ. Но они представляли одно неудобство: не имѣли той обширности и той глубины, какъ Калэ и Дюнкирхенъ, чтобъ объясняется накопленіемъ песка и валуновъ, всегда болѣе значительномъ въ такомъ стѣсненномъ пространствѣ, какъ проливъ.

На менѣе того булонскій портъ, состоящій изъ ложа тинистой рѣчки, Мювы, могъ быть значительно расширенъ. Первый консулъ немедленно предписалъ, чтобъ приступлено было къ вырытію булонскаго бассейна: на эти работы были употреблены самыя войска.

Можно представить себѣ, сколько построекъ надо было произвести въ Булоню, для помѣщенія 2,300 судовъ, 30,000 матросовъ, 10,000 рабчухъ, 120,000 солдатъ.

Наскоро-поставленные магазины наполнялись припасами, подвозимыми отсюда. Можно вообразить себѣ, въ какомъ огромномъ количествѣ надо было собрать продовольствіе для прокормленія арміи, флота, множества рабочихъ, сперва во время пребыванія ея въ лагерь, потомъ въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ экспедиціи; продовольствіе для двухсотъ тысячъ человекъ и фуражъ для двадцати тысячъ лошадей! Присовокупите къ тому, что все это было сдѣлано въ изобиліи, невозможившемъ ничего желать въ этомъ отношеніи.

Но одного порта не было достаточно для всей экспедиціи. Въ Булоню могло помѣститься только 1,200 или 1,300 судовъ. Лѣвъ четыре къ югу отъ Булони, находился небольшоій рыболовскій портъ Этапль. Было бы затруднительно вырывать здѣсь бассейнъ; но здѣсь можно было вбить рядъ свай для причала и построить на этахъ сваяхъ деревянные помосты, необходимыя для посадки и высадки изъ судовъ. Въ этомъ портѣ можно было поставить отъ 300 до 400 судовъ.

Нѣсколько-сѣвернѣе Булони находились еще два небольшіе порта, Вауръ и Амблетёзъ. Значительно расширивъ ихъ, можно было въ первомъ изъ нихъ помѣстить 200, во второмъ 300 судовъ.

Для полнаго устройства всѣхъ частей этой обширной организаціи; необходимо было защищать берегъ отъ покушеній Англичанъ. И первый консулъ приказалъ на двухъ противоположныхъ выступахъ бу-

доньскаго берега соорудить два сильныя каменные форта, и еще, противъ самаго входа въ портъ, на песчаной почвѣ, деревянное укрѣпленіе. Многочисленныя рабочіе, пользуясь отливомъ, вколачивали сваи часто подъ выстрѣлами Англичанъ. Кромѣ этихъ укрѣпленій, первый консулъ приказалъ поставить пушки и мортиры на всѣхъ береговыхъ выступахъ. Меньшія, но при всемъ томъ достаточныя предосторожности приняты были въ Этаплъ и во вновь-вырываемыхъ портахъ.

Послѣ Булови, первый консулъ посѣтилъ Калѣ, Дюнкеркъ, Остенде и Антверпенъ. Онъ хотѣлъ самъ видѣть этотъ послѣдній портъ собственными глазами увѣриться въ томъ, что было истиннаго въ слышанныхъ ему совершенно-противорѣчившихъ другъ другу донесеніяхъ. Высмотрѣвъ мѣстоположеніе города съ свойственными только ему быстротою и вѣрностью взгляда, онъ нисколько не сомнѣвался въ возможности сдѣлать изъ Антверпена огромный морской арсеналъ. Въ его глазахъ, Антверпенъ имѣлъ совершенно-особенныя качества: онъ лежалъ на Шельдѣ противъ Темзы, находился въ прямомъ сношеніи съ Голландіею, посредствою одного изъ лучшихъ водяныхъ сообщеній. Онъ могъ получать безъ затрудненія, по Рейну и Маасу, лѣсъ съ Ампонъ, Вогезскихъ-Горъ, Шварцвальда и Арденнъ. Наконецъ, здѣсь можно было найти тысячи фландрскихъ рабочихъ для кораблестроенія. По всему этому, первый консулъ рѣшился создать въ Антверпенѣ флотъ, который бы плавалъ постоянно между Шельдою и Темзою. Это было бы однимъ изъ сильнѣйшихъ неудовольствій, какое онъ могъ причинить своимъ прагамъ, съ-этихъ-поръ непримиримымъ, т. е. Англичанамъ. Онъ немедленно приказалъ занять земли, необходимыя для построенія бассейновъ, которые еще существуютъ доселѣ, и которыми гордится Антверпенъ. Первый консулъ надѣялся сдѣлать изъ Антверпена морской пунктъ, подобный Бресту и Тулону, но по своему мѣстоположенію несравненно-выгоднѣйшій для того, чтобы тревожить самъ Англій.

Изъ Антверпена, первый консулъ отправился въ Гентъ, изъ Гента въ Брюссель. Здѣсь, окруженный министрами, генералами, многочисленными и блистательными войсками, генералъ Бонапарте жилъ какъ царь. Можно было бы подумать, что германскій императоръ пріѣхалъ въ отчину Карла-Пятаго. Время протекло быстро, нежели какъ предполагалъ первый консулъ. Многочисленныя дѣла административныя и дипломатическія призывали его въ Парижъ. Онъ отложилъ до другаго раза посѣщеніе рейнскихъ провинцій, и отправился обратно въ Парижъ. Онъ проѣзжалъ чрезъ Литтихъ, Намюръ, Седанъ, всюду былъ принимаемъ съ восторгомъ, и въ первыхъ числахъ августа прибылъ въ Сен-Клу.

Продолжая посылать изъ Парижа приказы касательно вооруженія булонской экспедиціи, первый консулъ старался уяснить, опредѣлить окончательно свои отношенія къ державамъ твердой землѣ.

Первый консулъ хотѣлъ принудить Испанію объясниться и сказать, какъ думаетъ она вышолнить сен-идафонскій трактатъ. Дало шло о томъ,

чтобъ узнать, приметъ ли она участіе въ войнѣ, или останется нейтральною, выплачивая Франціи субсидію, вмѣсто вспоможенія людьми и кораблями. Бонапарте не могъ исключительно заняться экспедиціей, покада этотъ вопросъ не былъ рѣшенъ.

Въ настоящее время, Испанія обнаруживала непріязненные чувства въ отношеніи къ Франціи. Все это было деломъ неспособнаго временщика, котораго господство унижало благородную кровь Лудовика XIV. Недостатокъ послѣдовательности идей, оскорбленное тщесловіе, лѣнь, бездарность, — вотъ жалкіе двигатели этого хищника королевской власти. «Все это должно кончиться» сказалъ первый консулъ: «*prochain ударомъ*». Такимъ-то образомъ страшныя молніи предавали грозу, скрытую въ этой густой тучѣ, сбравшейся надъ старымъ треномъ Испаніи.

Въ Байоннѣ и у Пирнеевъ явились корпуса подъ начальствомъ Ожеро. Французскій посланникъ получилъ приказаніе потребовать отъ испанскаго двора возмездія за всѣ непріязненныя дѣйствія, рещенія всѣхъ миліцій, и наконецъ, по выбору Испаніи, или назначенія субсидій, или вооруженія 15 кораблей и 24 тысячъ человекъ, на основаніи сен-пальдефонскаго трактата. Генераль Бёрнонвилль долженъ былъ объявить Князю-Мира, что если мадритскій дворъ будетъ упорствовать въ своемъ безуміи, французское правительство на него, временщика, возметъ свое справедливое негодованіе; и что, перейдя границу, Французы возвѣстятъ королю и народу испанскимъ, отъ какого постыднарага пришли они избавить ихъ. Еслибъ это объясненіе съ Княземъ-Мира осталось безуспѣшно, тогда генераль Бёрнонвилль долженъ былъ просить аудіенціи у короля и королевы, повторить имъ то же, что говорилъ князю, и, еслибъ и послѣ того не получалъ удовлетворенія, то долженъ былъ удалиться отъ двора и ждать новыхъ депешей изъ Парижа.

Генераль Бёрнонвилль, нетерпѣливо-желавшій положить пределъ этимъ невыносимымъ оскорбленіямъ, спѣшилъ отправиться къ Князю-Мира, высказать ему тяжелыя истины, которыя онъ имѣлъ порученіе передать ему, и, чтобъ не оставить ни малѣйшаго сомнѣнія насчетъ серьезности этихъ угрозъ, показалъ ему некоторыя мѣста на депешѣ перваго консула. Князь-Мира поблѣднналъ, выронилъ нѣсколько слезъ, былъ попеременно то низокъ, то высокомеренъ, и наконецъ объявилъ, что испанскій посланникъ, Азара, былъ уполномоченъ договориться въ Парижъ съ Талейраномъ; но что, впрочемъ, все это не касается до него, Князя-Мира; что, слушая французскаго посланника, онъ выходитъ изъ своей роли, ибо онъ только генералиссимусъ лиссабонскихъ войскъ; и что, если посланникъ имѣетъ сообщить что-нибудь, то долженъ обратиться къ министру иностранныхъ дѣлъ, а не къ нему. Онъ не принялъ даже ноты, которую генераль Бёрнонвилль долженъ былъ вручить ему по окончаніи свиданія. Генераль, выведенный изъ терпѣнія, сказалъ ему: «Господинъ князь, въ вашей приемной есть теперь человекъ пятьдесятъ; я призову ихъ въ свидѣтели того, что вы отказываетесь принять ноту, которая очень важна для нашего короля,

«и объявлено, что если не могу выволчить моего долга, то виною тому вы, а не я». Испуганный князь взял ноту, и генералъ Верновилль узнался.

Чтобъ выполнить со всею точностью данныя ему инструкціи, генералъ-посланникъ хотѣлъ видѣть короля и королеву, и нашелъ ихъ испуганными, растерявшимися: они, казалось, ничего не могли помыслить, чтобъ происходило, и повторяли, что кавалеръ Азара получалъ инструкціи для того, чтобъ все удалить съ первымъ консуломъ. Французскій посланникъ оставилъ дворъ, прервалъ даже всѣ сношенія съ испанскими министрами, и спѣшилъ донести обо всемъ своему правительству.

Азара, въ-самомъ-дѣлѣ, получалъ самую странную депешу, самую неприятную для него-самого. Этотъ умный Испанецъ былъ чистосердечнымъ приверженцемъ союза Испаніи съ Франціею и личнымъ другомъ перваго консула со времени италіянскихъ войнъ, въ которыхъ онъ игралъ роль посредника между французскою арміею и римскими дворами. Къ-несчастью, онъ не скрывалъ скорби, которую причинило ему состояніе ниванскаго двора, и этотъ дворъ, въ неудовольствіи, приписывалъ потерю уваженія къ себѣ посланнику, который ослѣпавалъ безуміемъ своего правительства. Онъ былъ, — по словамъ депешы, присланной ему изъ Мадрита, — онъ былъ униженнымъ слугою перваго консула, онъ ни о чемъ не уведомлялъ своего двора и не умалъ оградить его ни отъ какого неумереннаго требованія. Ему писали даже, что еслибъ первый консулъ такъ дорожилъ удержаніемъ его въ Парижѣ, то испанское правительство избрало бы другаго представителя. Такимъ-образомъ, выжидали его подать въ отставку, не осмѣливаясь отставить его. Въ довершеніе всего, его уполномочивали предложить Франціи субсидію въ два милліона съ половиною въ мѣсяцъ, объявляя, что болѣе этого Испанія рѣшительно ничего дать не можетъ. Азара передалъ эти предложенія первому консулу и вслѣдъ за тѣмъ послалъ въ Мадритъ съ курьеромъ просьбу объ отставкѣ.

Первый консулъ тотчасъ же отправилъ въ Мадритъ Германна, секретаря испанскаго посольства, съ письмомъ къ королю, въ которомъ требовалъ удаленія гнѣвнаго временщика, или, въ противномъ случаѣ, грозилъ вступленіемъ въ Испанію французской арміи. Еслибъ Князь-Мира, съ которымъ Германнъ долженъ былъ предварительно свидѣться, подалъ, безъ всякихъ увертокъ, немедленнаго и полнаго удовлетворенія Франціи, то генералъ Верновилль долженъ былъ потребовать у Карла-IV торжественной аудіенціи, и вручать ему въ собственныя руки грамотное письмо перваго консула. И еслибъ, двадцать-четыре часа спустя, Князь-Мира не былъ удаленъ, генералъ Верновилль долженъ былъ оставаться Мадритѣ, пославъ приказаніе Ожербъ перейти границу.

Германнъ вѣспѣшно прибылъ въ Мадритъ. Онъ свидѣлся съ Княземъ-Мира, объявляя ему волю перваго консула, и на этотъ разъ нашелъ его уже не высокопарнымъ и низкимъ, а только низкимъ. Князь уверилъ честнымъ словомъ, что инструкціи уже отправлены къ Азару, съ полномочіемъ согласиться на все, чего желаетъ первый консулъ. Этотъ отвѣтъ былъ передать генералу Верновиллю. Тотъ, князь

приказаніе требовать непосредственнаго разрѣшенія вопроса, а не принимать новыхъ ссылательствъ на Парижъ, объявляя князю, что онъ получалъ опредѣлительную инструкцію не вѣрить ему въ этомъ дѣлѣ на слово; и требовать подписанія договора въ самомъ Мадридѣ, не то — вручить королю роковое письмо. Князь-Мира повторилъ одно и то же, что въ настоящее время все оканчивается въ Парижѣ и согласно съ желью перваго консула. Этотъ жалкій дворъ думалъ спасти свою честь, предоставивъ Азарѣ печальную роль подчиниться волю Франціи, и отойти на четыреста лѣтъ отъ себя зрѣяше своего униженія. Генераль Бернонвилль считалъ своимъ долгомъ отнестись къ королю письмо перваго консула. Правители короля, т. е. королева и Князь-Мира, могли бы отказать въ аудиенціи, но курьеръ повезъ бы приказаніе Ожердъ вступать въ Испанію. Они пашава средство все устроить: присоветовали Карлу IV принять письмо, но убѣдивъ его не читать, потому-что оно будто бы заключало въ себя выраженія, которыми бы онъ могъ оскорбляться. Они усиливались доказать ему, что, принявъ письмо, онъ избавитъ себя отъ вступленія французской арміи, и что, не прочитавъ его, онъ сохранитъ свое достоинство. Генераль Бернонвилль былъ допущенъ въ Эскурьяль, передъ короля и королеву, въ отсутствіи Князя-Мира, котораго онъ имѣлъ приказаніе не терпѣть, и вручилъ монарху роковыя строки. Карль IV, съ веселымъ видомъ, доказывавшимъ его незнаніе, сказалъ посланнику: «Я принимаю письмо перваго консула, потому-что это нужно; но я вамъ скоро возврату его, не читавши. Черезъ нѣсколько дней вы узнаете, что ваши дѣйствія были бесполезны, потому-что Азара былъ полномоченъ покончить все въ Парижѣ. Я уважаю перваго консула, хочу быть его вѣрнымъ союзникомъ и помогать ему всѣмъ, чѣмъ только могу располагать.» Послѣ этого оффиціального отвѣта, король, снова принявъ на себя фамильярный тонъ, мало-достоинный и трона, и настоящего случая, сталъ говорить въ простыхъ выраженіяхъ, приводившихъ въ затрудненіе присутствующихъ, о горячемъ правѣ друга своего, генерала Боннапарте, и о томъ, что онъ рѣшился все прощать ему, лишь бы не нарушить союза обонихъ дворовъ. Посланникъ удалился въ смущеніи, жестоко страдая отъ всего имъ видяннаго и слышаннаго; и считая своимъ долгомъ ждать новаго курьера изъ Парижа, прежде нежели поблѣтъ генералу Ожердъ приказъ двинуться съ войсками.

Въ этотъ разъ Князь-Мира говорилъ правду: Азара получилъ необходимое вспоможеніе къ подписанію условій, данныхъ первымъ консуломъ. Было условлено, что Испанія останется нейтральною, будетъ платить Франціи ежегодно субсидію въ 6 милліоновъ франковъ; но эта субсидія прекратится, въ случаѣ, если Англія объявитъ войну Испаніи. За такую помощь положено было, — если планы перваго консула противъ Великобританіи будутъ имѣть успѣхъ, — Франція заставитъ возвратитъ своей союзницѣ сначала Три니다дъ, а въ послѣдствіи, въ случаѣ полнаго торжества, знаменитую гибралтарскую крѣпость.

По подписаніи этой конвенціи, Азара тѣмъ не менѣе настаивалъ, чтобы дали ему отставку, хотя онъ и не имѣлъ состоянія и былъ лишенъ всякаго средства успокоить свою преждевременную старость. Нѣ-

скороже иль скорее спустя, онъ умеръ въ Парижѣ. Князь-Мира былъ такъ гибокъ, что поручалъ испанскому агенту устроить, какъ говорилъ онъ, его личные дѣла съ первымъ консуломъ. Все происходившее было, по его словамъ, только недоразумѣніемъ, обыкновенною ссорой между людьми, которые любятъ другъ друга, и которые бывають вѣдѣтъ еще дружнее прежняго. Такимъ былъ этотъ человекъ; таковы была сила и возвышенность его характера.

Наступила осень; приближалось дурное время года, и вмѣстѣ съ туманами и долгими змивными ночами дождейъ былъ представиться одинъ изъ трехъ случаевъ, почитавшихся лучшими для переезда черезъ проливъ. Такимъ-образомъ первый консулъ безъ отдыха занимался своимъ великимъ предпріятіемъ. Окончаніе ссоры съ Испаніею подоспѣло очень-кстати, не потому только, что доставило ему денежныя средства, но потому-что позволило ему располагать по-своему войсками, стоявшими близъ Ширнесъ: вся корпуса была направлена къ берегамъ океана. Планъ первого консула соврѣшалъ въ головахъ его востепенно: первому консулу казалось теперь, что для приведенія англійскаго правительства въ болѣе-шнее смущеніе, необходимо напасть на него разомъ въ многихъ пунктахъ, и что часть изъ 150 тысячъ человекъ, назначенныхъ для вторженія, должна была высадиться въ Ирландію. Это было цѣлью приготовленій, производившихся въ Брестѣ. Министръ Декре велъ переговоры съ бѣглыми Ирландцами, уже пытавшимися отдалить свое отечество отъ Англій. Они обещали всеобщее возстаніе, если Франція высадитъ 18 тысячъ человекъ со всеми военными припасами и съ большимъ количествомъ оружія. Они требовали, чтобъ за все эти усилія Франція не заключала иначе мира, какъ выговоривъ независимость Ирландіи. Первый консулъ согласился на это съ тѣмъ условіемъ, чтобъ по-крайней-мѣрѣ двадцати-тысячный корпусъ Ирландцевъ присоединился къ французской арміи, и сражался въ совокупности съ нею въ продолженіе всей экспедиціи. Ирландцы были, какъ и все эмигранты, щедрѣе на обещанія; однакожь были и между ними люди, неподававшіе большаго надеждъ, неславившіе даже никакой существенной помощи со стороны народонаселенія. Во всякомъ случаѣ, по словамъ этихъ послѣднихъ, Французы должны были найдти всеобщее расположеніе къ себѣ въ Ирландіи, а этого было достаточно для поддержанія ихъ арміи, для приведенія Англій въ сильно-затруднительное положеніе и для параллелированія, быть-можетъ, сорокатысячной или пятидесятысячной ея арміи. Ирландская экспедиція представляла еще выгоду и въ томъ отношеніи, что приносила непріятеля въ недоумѣніе насчетъ истиннаго пункта нападенія. Дѣйствительно, безъ этой экспедиціи, Англій могла бы идти только одинъ плетъ, переехать черезъ проливъ, чтобъ повести армію на Лондонъ. Напротивъ, при видѣ приготовленій въ Брестѣ, многіе успало на мысль, что все дѣлавшееся въ Булонн было чистымъ обманомъ, и что настоящій планъ состоялъ въ большой экспедиціи въ Ирландію. Сомнѣнія, возникшія въ этомъ отношеніи, были первымъ удивительно-полезнымъ результатомъ.

Таким образом, в Булонь все шло съ неистовитицею действительностью и быстротою. Первый консулъ, глубоко убежденный въ томъ, что не должно видать самому, что самые надежные агенты часто бываютъ испорченны въ своихъ донесеніяхъ, по недостатку внимательности къ уму, если не по злоумышленности, — устроилъ себе въ Булонь уголокъ, гдѣ онъ имѣлъ намѣреніе жить во время своихъ частыхъ туда поѣздокъ. Онъ отправлялся вечеромъ изъ Сен-Клу и, быстро проѣзжая пятьдесятъ льё, отдѣляющіе Парижъ отъ Булонь, пріѣзжалъ на другой день въ полдень, на театръ этихъ громадныхъ работъ, и хотѣлъ измучить на все прежде, нежели дожидаясь отдохнуть хоть на минуту. Онъ воуребовалъ, чтобъ адмиралъ Брюи, изнуренный усталостю, иногда изволованный расприми съ министромъ Декрѣ, не жилъ въ Булонь, но на самомъ утѣсѣ, на высотѣ, съ которой видны были вѣрты, рѣдъ и лагеря. Здѣсь былъ построенъ хорошо-укрепленный шалаши, въ которомъ Декрѣ доканчивалъ жизнь свою, нитя безпрестанно передъ собою вся части обширнаго творенія, создаваемаго подъ его влеченіемъ. Онъ рѣшился помѣститься въ этомъ шалаши, гнѣбнѣннѣ для его слабѣющаго существованія, желая удовлетворить безпощадной бдительности главы правительства. Первый консулъ приказалъ даже и для самого-себя построить такой же шалаши, по близости адмиралскаго, и проводилъ тамъ иногда дни и ночи. Онъ требовалъ, чтобъ генералы Даву, Нэй, Сультъ безпрерывно находились посреди лагерей, также присутствовали при всѣхъ работахъ и маневрахъ и доносили ему ежедневно о малѣйшихъ обстоятельствахъ. Генералъ Сультъ, отличавшійся бездѣльнымъ качествомъ, именно — бдительностю, былъ для него въ высочайшей степени погодно-полезенъ. Первый консулъ, получая отъ своихъ генераловъ ежедневныя записки, на которыя отвѣчалъ тотчасъ же, — самъ отправлялся лично повѣрять сдѣланныя ему донесенія, потому-что во всемъ дѣлалъ только своимъ собственнымъ глазамъ.

Но несмотря на всевозможныя успія Англичанъ, Французамъ удалось, наконецъ, защитить свой берегъ, который сдѣлался совершенно неприступенъ и получалъ отъ Англичанъ и отъ Французовъ названіе *Жеммы-Берега*.

Вступило время сосредоточить флотилію; этого только и ожидали Англичане, будучи увѣрены, что уничтожатъ эти легкія суда вся до снѣга. Но умъ перваго консула былъ неисчерпаемъ въ средствахъ. Дивизія флотиліи, долженствовавшая прибыть въ Булонь, отправлялась со всѣхъ береговыхъ пунктовъ океана, отъ Байонны до Тексела, для соединенія въ проливъ Калѣ. Она должны были идти вдоль берега, все держась какъ-можно-ближе земли, и стать на мель, еслибъ были слѣдующіе трѣмъныя англійскіи крейсерами. Одинъ или два случая, приключившіеся съ судами флотиліи, подали первому консулу мысль устроить систему вспомошествованій, столь же надежную, какъ и замысловатую. Онъ выдалъ, какъ некоторые шлюпки бросались къ берегу, чтобъ спастись отъ непріятеля, и бывали весьма-удачно поддерживаемы соседними поселенцами. Пораженный этимъ обстоятельствомъ, онъ приказалъ

распредѣлять шлоль морскаго берега многіе кавалерійскіе корпуса, отъ Нанта до Бреста, отъ Бреста до Шербурга, отъ Шербурга и Гаира до Булони. Эти кавалерійскіе корпуса, раздѣленные по округамъ, имѣли при себѣ батальоны конной артиллеріи, приученныя маневрировать съ удивительною быстротою и вѣдать въ-скачь по песчанымъ отмелямъ, вскрывающимся при отливѣ моря. Эти песчаныя отмели, называемыя *эстралами*, вообще представляютъ твердую почву, сдерживающую и лошадей и повозки. Французскіе эскадроны, сопровождаемые артиллерією, должи были непрерывно обвѣзывать побережье, выдвигаясь впередъ или отходясь, смотря по отливу или приливу, и служить прикрытіемъ плывущимъ судамъ. Первый консулъ писалъ военному министру: «Надо, чтобы гусары помнили, что французскій солдатъ долженъ быть и кавалеристомъ, и пехотинцемъ, и канониромъ, и быть годнымъ на все.» Два генерала, Лемарруа и Себастьяни, назначены были начальниками этой кавалеріи. Они получили приказаніе быть ежесекундно на конѣ, всѣмъ день производить маневры своимъ эскадронамъ съ ихъ оружіемъ и постоянно имѣть свидѣнія о движеніи конвоевъ, чтобы служить имъ прикрытіемъ.

Эта система имѣла прекрасныя слѣдствія.

Стычки судовъ флотіи съ англійскими крейсерами доказали, что эти малыя суда болѣе могли наносить вреда своимъ гигантскимъ противникамъ, нежели сколько терпѣть отъ нихъ.

Многочисленные конвой отправлялись одинъ вѣздъ за другимъ изъ всѣхъ портовъ Ла-Манша на мѣсто общаго свиданія въ Булонь. Многіе флотскіе офицеры, въ-особенности капитаны Сент-Уайъ, Перръ, Гамленъ и Дожьё, отличились въ этихъ каботажныхъ походахъ своимъ мужествомъ и искусствомъ.

Въ октябрь, ноябрь и декабрь мѣсяцахъ, въ Булонь прибыло около тысячи судовъ, канонерскихъ шлюбокъ, канонерскихъ лодокъ и вѣншей, отправившихся изъ всѣхъ портовъ. Изъ этого числа Англичане взяли не болѣе трехъ или четырехъ, а не болѣе десяти или двѣнадцати погибло въ морѣ.

Между-тѣмъ, различныя сухопутныя и морскія экзерциціи, маневры, перемѣшанные съ тяжкими работами, живо занимали отважныхъ воиновъ, полныхъ мечтательности и честолюбивыхъ, подобно своему знаменитому вождю. Значительно-увѣличенная пища, благодаря приближенію къ нхъ жалованью платъ за рабочіе дни, безпрестанная дѣятельность, самый чистый, самый здоровый воздухъ, — все это должно было придать имъ необычайную физическую силу. Надежда совершить чудло присоединяла къ тому не менѣе великую нравственную силу. Такихъ-то образомъ готовилась мало-по-малу эта безпримѣрная армія, долженствовавшая въ два года покоришь весь материкъ Европы.

Первый консулъ проводилъ между этихъ воиновъ большую часть своего времени. Онъ питалъ большую и большую довѣренность къ успеху, видя ихъ столь проворными, столь бойрыми, столь воодушевленными собственною его мыслію. Въ свою очередь, они были безпрерывно побуждаемы его личнымъ присутствіемъ. Они видѣли его на конѣ то на

вершило, то при водножитъ утесовъ, скачущимъ по песнямъ прибрежья изъ одного порта въ другой. Иногда, на легкой пенншпъ, онъ бывалъ очинцемъ схватокъ канонерскихъ шлюбокъ съ англійскими крейсерами, сажъ напускалъ ихъ на непріятели, доколь не удавалось ему прогнать отъ себя своихъ углыхъ судовъ англійскіе корветты и фрегаты.

Однажды, провѣзжая по прибрежью, онъ воодушевился при видѣ береговъ Англій, и написалъ консулу Камбасерессу слѣдующія строки: «Я провелъ эти три дня посреди лагеря и порта. Я видѣлъ съ высотъ Амблѣтза берега Англій; можно было различить дома и движеніе. Мы перескочимъ чрезъ этотъ ровъ, когда осмѣлимся на это.» (16 ноября 1803. Дѣло Государственнаго Секретарства).

Онъ нетерпѣливо желалъ привести въ исполненіе свое великое предпріятіе. Сначала, онъ мечталъ совершить это въ исходѣ осени, а теперь думалъ въ началъ зимы, или уже по крайней-мѣрѣ въ половинѣ этого времени года. Но работы видимо приращались, и такъ-какъ ежедневно какое-нибудь новое улучшеніе представлялось или ему-самому, или адмиралу Брюю, то онъ жертвовалъ временемъ для того, чтобъ вести это улучшеніе. Еще полгода, и тогда только все могло быть готово, экипировка и вооруженіе окончены, и ничего болѣе не оставалось бы желать, въ-отношеніи выправки сухопутныхъ солдатъ и матросовъ.

Надо было отложить исполненіе предпріятія и потому еще, что батавская флотилія, долженствовавшая везти правое крыло подъ начальствомъ генерала Даву, еще не была готова; сверхъ того, ее предполагалось вывести изъ Шельды въ Остенде, а оттуда въ порты Амблѣтъ и Ваврѣ, а еще многіе мѣсяцы нужны были для окончанія самихъ этихъ портовъ.

Двѣ другія части арміи не были еще готовы: брестская эскадра, предназначенная высалить корпусъ Ожерѣ въ Ирландію, и голландская тексельская, предназначенная перевезти корпусъ въ 20 тысячъ человекъ, расположенный между Утрехтомъ и Амстердамомъ. Изъ этихъ-то двухъ корпусовъ, соединенныхъ съ 120 тысячами человекъ булонскаго лагеря, должна была составиться 160-тысячная армія, грозившая Англій своимъ нашествіемъ. Надо было еще нѣсколько мѣсяцевъ для совершеннаго вооруженія тексельскаго и брестскаго флотовъ.

Не была готова еще тулонская эскадра. Первый консулъ назначалъ ее для исполненія великой комбинаціи, бывшей для всѣхъ тайною, даже и для морскаго министра. Эта комбинація мало-по-малу зрѣла въ головѣ его, и онъ не говорилъ о ней никому, оставляя Англичанъ въ убѣжденіи, что флотилія должна была остаться при собственныхъ своихъ снахъ, такъ-какъ ее вооружали вполнѣ, и такъ-какъ ее противопоставляли ежедневно фрегатамъ и кораблямъ.

Этотъ человекъ, столь отважный въ своихъ замыслахъ, былъ, при исполненіи, благоразумнѣйшимъ изъ вонтелей. Хотя онъ имѣлъ подъ рукою 120 тысячъ войска, однако не хотѣлъ пуститься въ путь безъ содѣйствія эскадръ тексельской и брестской, безъ ла-рошельскаго, феррольскаго и тулонскаго флотовъ, которые должны были искуснымъ маневромъ очистить проливъ. Онъ употреблялъ всѣ силы, чтобъ изгото-

вить вся эти средства къ февралю 1804 г., какъ вдругъ важныя происшествія, приключившіяся внутри республики, овладѣли всѣмъ его вниманіемъ и отвлекли его, на время, отъ великаго предпріятія, на которое вся вселенная вперла очи.

Англія начинала тревожиться при видѣ приготовленій, производимыхъ противъ береговъ ея. Сначала, она мало обращала на все это вниманія. Для государства-острова, принимающаго участіе въ великихъ борьбахъ націй только съ кораблями, по обыкновенію побѣдоносными, или на большій конецъ съ арміями, играющими роль вспомогательныхъ войскъ, для такого государства, вообще говоря, война — состояніе не очень-безповойное, которое не испровергаетъ общественнаго спокойствія, которое не вредитъ даже ежедневному движенію дѣлъ. Устойчивость кредита, въ Лондонѣ, посредѣ величайшихъ кровопролитій, служитъ тому поразительнымъ доказательствомъ. Если къ этимъ причинамъ присоединить, что армія пополняется насмичками, что флотъ состоитъ изъ моряковъ, которымъ все равно жить на борту военнаго или купеческаго корабля, и въ глазахъ которыхъ, напротивъ, призы имѣютъ безконечную привлекательность, то читатель еще лучше пойметъ, что для такой страны война есть бремя, разрывающееся просто налогомъ, родъ спекуляціи, въ которой употребляются миллионы для пріобрѣтенія большаго-обширныхъ торговыхъ рынковъ. Для однихъ только аристократическихъ классовъ, начальствующихъ этими флотами и этими арміями, жаждущихъ, наконецъ, распространить славу своей страны столько же, какъ и пріобрѣсти новые рынки, — для этихъ классовъ война воспринимаетъ свою тяжесть, свои опасности, но отнюдь не свои величайшія тревоги, потому-что вторженіе въ Англію иноземцевъ кажется чѣмъ-то невозможнымъ.

Уиндгемъ и Гренвилль, и слабое министерство, которое они владѣли вслѣдъ за собою, думали, что такую-то войну они навлекли на свое отечество. До нихъ доходили, во времена Директоріи, слухи о плоскихъ судахъ, но эти слухи повторялись такъ часто, и такъ мало осуществлялись на дѣлѣ, что они наконецъ перестали имъ вѣрить. Сэръ Сидней Смитъ, болѣе опытный въ этомъ отношеніи, нежели его соотечественники, потому-что онъ видѣлъ, какъ, попеременно, Французы, Турки, Англичане приставали къ Египту, не смотря на на страшныхъ крейсеровъ, ни на сильныя войска, разставленныя по берегу, сэръ Сидней Смитъ сказалъ съ парламентской трибуны, что въ Ла-Маншѣ можно собрать по-большей-мѣрѣ шестьдесятъ или восемьдесятъ канонерскихъ шлюбокъ, сто, пожалуй, если хотѣть все преувеличивать, но никакъ не больше, и что въ Англію нельзя перевезти ни комъ образомъ болѣе двадцати-пяти или тридцати тысячъ человекъ. По словамъ этого офицера, величайшая опасность, которую еще можно было предвидѣть, состояла въ высадкѣ французской арміи въ Ирландію, двѣе или трие сильнѣе той, которая была высажена некогда на этотъ островъ, но что эта армія, болѣе или менѣе возволновавъ и опустошавъ страну, окончитъ подобно своей прелшественницѣ, и положитъ оружіе. Сверхъ-того, Англія могла рассчитывать на вражды, все-еще крившіяся тай-

во въ Европѣ противъ Франціи, — вражды, которыя, будучи вскоре пробуждены, призвали бы на материкъ силы перваго консула. Итакъ; Англіи надо было страшиться развѣ только войны, подобной войнамъ раннихъ временъ революціи, снова ознаменованной нѣсколькими побѣдами генерала Бонапарте надъ Австріею, но со всѣми обычными шансами на внутреннія смуты въ странѣ столь неспокойной, какъ Франція, которая, въ продолженіе пятнадцати лѣтъ, в трехъ лѣтъ граду не выносила одного и того же правительства, — и съ постоянною выгодою для Англіи приобрести новыя морскія завоеванія. Эти предвидѣнія осуществились, благодаря многимъ несчастіямъ и ошибкамъ; но мы увидимъ, что, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, несравненно-угачайшія опасности грозили даже самому существованію Великобританіи.

Самоуверенность Англичанъ вскоре исчезла при видѣ приготовленій, производившихся на булонскомъ берегу. До нихъ дошелъ слухъ о тысячахъ или тысячъ-двухъ-стахъ плоскихъ судовъ (они еще не знали, что число этихъ судовъ превзойдетъ два тысячи). Англичане были наумлены; тамъ не менѣе они утѣшали себя, сомнѣваясь въ возможности собрать такую флотилію, и въ-особенности пріютить ее въ портахъ Ла-Манша. Но сосредоточеніе этихъ плоскихъ судовъ въ проливъ Кале; производившее не смотря на многочисленныхъ англійскихъ крейсеровъ, превосходство этихъ судовъ на морѣ и въ дѣлѣ, построеніе обширныхъ бассейновъ для помѣщенія ихъ, возведеніе страшныхъ батарей для прикрытія ихъ во время стоянія на якорѣ, соединеніе ста-пятидесяти-тысячь человекъ, готовыхъ съѣсть на суда, — все это уничтожало; одну за другою, обманчивыя мечты о безопасности. Видно было, что такія приготовленія не могли быть выдумкою, и что Англичане слишкомъ-легкомысленно вызвали на бой самаго смѣлаго и самаго искуснаго изъ воятелей. Правда, были старыя Англичане, уверянные въ неприступности своего острова, вовсе-невѣрившіе опасности, которою имъ угрожали; но правительство и главы партій не полагали, чтобъ, въ сѣвернѣйшій, можно было предоставить на произволъ случая безопасность Британской почвы. Двадцать, тридцать тысячъ Французовъ, какъ бы ни были храбры, подъ чѣмъ бы предводительствомъ ни находились; не могли устрашать ихъ; но сто-пятьдесятъ тысячъ человекъ, шествовавшие во главѣ своей генерала Бонапарте, приводили въ трепетъ весь классъ націй. И это не было доказательствомъ недостатка въ храбрости, потому-что самый храбрый народъ въ мірѣ очень могъ бы придти въ безпокойство въ присутствіи арміи, которая совершила столько великихъ дѣлъ, и которая готовилась совершить еще столь же великія.

Было обстоятельство, еще-болѣе усиливавшее затруднительность этого положенія: то была неподвижность континентальныхъ державъ. Австрія не хотѣла, за сто или двести милліоновъ, навлекать на себя ударъ, предназначенные Англіи. Пруссія была въ связи съ Франціею, не по симпатіи, а по интересу. Россія порицала политикую обѣихъ воюющихъ сторонъ, была судьбою ихъ поступковъ, но оставалась нейтральною.

Итакъ, приготовления должны были быть соразмѣры съ величиною опасности. Англіи предстояло сдѣлать немного въ-отношеніи морскихъ силъ, чтобъ сохранить превосходство надъ Франціею. Наканунѣ разрыва амьенскаго міра, вооружено было 60 линейныхъ кораблей и мабрано 80 тысячъ матросовъ. Лишь-только война была объявлена, число кораблей было увеличено до 75, число матросовъ до 100 тысячъ. Сто фрегатовъ и безконечное множество бриговъ и корветтъ дополнили собою это вооруженіе. Нельсонъ, во главѣ отборнаго флота, долженъ былъ задержать Средиземное-Море, блокировать Тулонъ и воспрепятствовать мовой попыткѣ на Египетъ. Лордъ Корнуаллисъ, во главѣ втораго флота, имѣлъ назначеніе блокировать Брестъ—самъ, Рошфоръ и Ферроль—черезъ своихъ подчиненныхъ адмираловъ. Наконецъ, лордъ Кейтъ, начальникъ всѣхъ морскихъ силъ въ Ла-Маншѣ и Северномъ-Морѣ, долженъ былъ охранять берега Англіи и стеречь берега Франціи. Помощникомъ ему былъ сэръ Сидней Смитъ; онъ крейсировалъ съ семидесяти-четыре-пудичными кораблями, фрегатами, бригами, корветами и въ некоторомъ числѣ канонерскихъ шлюбокъ, отъ устья Темзы до Портсмута, отъ Шельды до Соммы, прикрывая съ одной стороны берегъ Англіи, блокируя, съ другой, французскіе порты. Цѣль легкихъ судовъ, жившихъ сообщеніи сигналами на весь пространный моръ, должна была поднятъ тревогу при малѣйшемъ движеніи въ портахъ Франціи.

Этими средствами, Англичане думали осудить на неподвижность французскія эскадры брестскую, рошфорскую, феррольскую и тулонскую и установить въ проливахъ достаточно-обезпечивающій надзоръ.

Но следовало сдѣлать нечто болѣе передъ опасностью совершенно-новаго рода, опасностью нашествія на британскую землю. Моряки, призванные на совѣщаніе, почти-единогласно объявили, особенно при видѣ приготовленій перваго консула, что было невозможно заставить, чтобъ Французы, воспользовавшись туманомъ, шталемъ, долгою ночью, не сдѣлали высадки въ Англію. Безъ сомнѣнія, новый Фараонъ могъ быть низвергнутъ въ волны прежде достиженія берега; но, высадясь онъ разъ, не съ сто-пятидесятью тысячами человекъ, а только со сто, и даже съ восьмидесятью, и тогда кто устоитъ противъ него? Эта нація, столь-мало заботившаяся о бдѣтвіяхъ материка, не убоившаяся возобновить войну, которую она привыкла вести посредствомъ щедро разсылаемаго золота, была теперь при однихъ своихъ собственныхъ силахъ. Она, столь-гордая своимъ олотомъ, жалѣла тогда, что не имѣла сухопутныхъ войскъ, чтобъ противоставить ихъ страшнымъ солдатамъ генерала Бонапарте!

Составленіе арміи было, въ эту минуту, предметомъ преній нижестоящій. Англія имѣла войско, разосланное по Индіи, въ Америкѣ, во всѣхъ портахъ Средиземнаго-Моря, состоявшее изъ Ирландцевъ, Шотландцевъ, Гамбургцевъ, Гессенцевъ, Швейцарцевъ, даже Мальтійцевъ, и образованное рекрутскими наборами, которые употреблялись почти во всей Европѣ до учрежденія конскрипціи. Это войско прости-ралось до 130 тысячъ человекъ. Къ этой силѣ, которой, по-привыч-

варя, третья часть стояла въ Ирландіи, присоединялись 50 тысячъ милицій, въ последнее время увеличенной до 70 тысячъ; это національное войско не могло быть выведено изъ своихъ природныхъ провинцій и никогда не бывало въ дѣль. Ими предводительствовали отставные офицеры, англійскіе сеньеры, правда, исполненные патріотизма, но мало опытные въ военномъ дѣль, и еще не могшіе тягаться съ старыми полчищами, одержавшими победу надъ европейскою коалиціею.

Какъ было помочь такой недостаточности войска? Министерство, окруженное самыми опытными военными людьми, придумало создать такъ называемую резервную армию въ 50 тысячъ человекъ, набранную изъ Англичанъ, но жребію, и не могшую быть выведенною изъ пределовъ соединеннаго-королевства. Уиндгэмъ порицалъ эту мѣру, которая, по его словамъ, служила только къ разпыженію милицій, и требовалъ сформированія большой армии на тѣхъ же началахъ, какъ сформировалась французская армія, т. е. на основаніи конскрипціи, — съ тѣмъ, чтобы эта новая армія была въ полномъ распоряженіи правительства и могла быть послана всюду. Уиндгэмъ говорилъ, что только такое войско можно будетъ противопоставить войскамъ генерала Бонапарте, потому что алмазъ свершается только алмазомъ.

На эти предположенія Питтъ отвѣчалъ, что, по немъ, весь идеи Уиндгема очень-хороши; но какимъ образомъ въ нѣсколько дней создать армию? И потому онъ заклиналъ своего друга, Уиндгема, отложить, во-крайней-мѣрѣ на настоящее время, эти идеи, и, вмѣстѣ съ нимъ, принять сторону плана, предложеннаго правительствомъ.

Уиндгэмъ не обращалъ вниманія на слова Питта и упорно настаивалъ на своей системѣ, подкрѣпляя ее новыми и сильнѣйшими доводами. Онъ требовалъ даже поголовнаго возстанія, подобно тому, какъ было во Франціи въ 1792 г., и упрекалъ слабое министерство Аддингтона, что оно и не помыслило объ этомъ великомъ вспомогательномъ средствѣ народовъ, угрожаемыхъ потерей своей независимости. Этотъ врагъ Франціи и Наполеона изъ ненависти выкалывалъ то, что наиболее всего ненавидѣлъ, почти преувеличивалъ величіе, могущество Франціи, опасность, которую первый консулъ грозилъ Англій, и все это за тѣмъ, чтобы упрекнуть англійское министерство въ его безпечности.

Между-тѣмъ, опасность увеличивалась съ-часу-на-часъ, и въ-особенности солиднѣе государствъ твердой земли ежедневно становилось менѣе-вероятнымъ. Министерство увидѣло необходимость принять предложенія уиндгэмовой партіи и сдѣлало воззваніе ко всемъ Англичанамъ отъ 17 до 55 лѣтъ. По городамъ и графствамъ Англій, жители, призываемые къ оружію, всякое утро занимались военными экзерциціями, будучи слаты въ волонтерскій мундиръ. Этотъ мундиръ былъ носимъ всеми классами. Достопочтенный Аддингтонъ явился въ парламентъ въ этомъ ольбаніи, такъ мало согласовавшемся съ его характеромъ, и подвергся насмѣшкамъ. Старый король, сынъ его, принцъ валлійскій, сидѣлъ въ Лондонѣ смотрѣ, на которыхъ присутствовать нѣтъ не представлялось неблагоуравіе названные французскіе принцы. Не если во Франціи сомнѣвались въ годности плоскихъ-судовъ, то въ Англій еще

больше сомневались въ годности этихъ волонтеровъ. Къ этому раиъ правительство присоединило проектъ укрѣпленій вокругъ Лондо по дорогамъ, ведущимъ къ этой столицѣ, и на прибрежныхъ пу тахъ, наиболее-угрожаемыхъ непріателемъ. Часть дѣйствующихъ с была расположена отъ острова Уэйта до устья Темзы. Учрежд была система сигналовъ для воднатія тревоги, посредствомъ огней, р ложенныхъ вдоль береговъ, при первомъ появленіи Французовъ. П строссы особаго рода повозки для подвоза войскъ на- угрожае непріателемъ пункты. Словомъ, съ той и другой стороны проли сдѣланы были немомварныя усилія для изобрѣтенія новыхъ средствъ защиты и нападенія. Обѣ націи, какъ-бы привлеченныя на эти д противоположные берега, представляли въ это время міру величеств ное зрѣлище: одна изъ нихъ, смущенная при мысли о своей неопы ности въ военномъ дѣлѣ, оживала надеждою при взглядѣ на океан ее омывающій; другая, исполненная увѣренности въ свое мужество въ свое умѣнье вести войну, въ геніи своего предводителя, марки глазами морской рукавъ, задерживавшій ея порывы, ежедневно пр учалась пренебрегать имъ, и твердо была убѣждена, что вскорѣ пер шагнетъ черезъ него, во славу побѣдителя при Маренго и пирамидахъ.

Ни одна изъ двухъ націй не предполагала иныхъ средствъ, кро готовившихся передъ ея глазами. Англичане, увѣренные, что Брестъ Тулонъ заперты строгою блокадою, не могли вообразить себя, чтобъ какая-нибудь эскадра могла появиться въ Ла-Маншѣ. Французы, еж дневно упражнявшіеся въ плаваніи на своихъ канонерскихъ шлюбахъ не могли представить себя, чтобъ существовалъ еще другой способъ переезда черезъ проливъ. Никто не подозревалъ главной комбинаці перваго консула. Между-тѣмъ, одни страшились, другіе надѣялись на кого-либо внезапнаго изобрѣтенія его генія: и это было причиною без покойства, царствовавшаго по одну сторону Ла-Манша, и упованію по другую сторону этого пролива.

Надо сказать правду, средства, приготовленныя въ Англіи для отра женія непріателя, ничего не значили, еслибъ Французамъ удалось пер резать проливъ. Если и допустить, что Англичане собрали бы меж Лондономъ и Ла-Маншемъ, 80 или 90 тысячъ регулярнаго войска и присоединили къ нимъ сколь-возможно-большую массу волонтеровъ, и тогда они даже не сравнялись бы съ нумерическою силою французско арміи, предназначенной для переезда черезъ проливъ. Да и что значили бы всѣ ихъ войска, даже вдвое или втрое многочисленнѣйшія, противъ 150,000 человекъ, которые въ полторагода, подъ предводительствомъ Наполеона, разбили подъ Аустерлицомъ, Іеною, Фриландомъ, всѣ европейскія арміи, очевидно столь же храбрыя, безъ сомнѣнія более- привычныя къ военному дѣлу, и четверо или пятеро значительнѣйшія британскія силы?

Британское правительство, исполненное тревожныхъ опасеній, прибѣгало ко всевозможнымъ средствамъ, даже наименѣе-допускаемымъ нравственностью, чтобъ только отратить отъ себя угрожавшій ему ударъ. Во время первой войны, оно поддерживало восстанія противъ

всѣхъ властей, сманившихъ другъ друга во Франціи. Въ-послѣдствіи, хотя эти возстанія были мало возможны въ сильное правленіе перваго консула, британское правительство хранило въ Лондонѣ, и даже содержало на своемъ жалованьи въ мирное время, всѣ главные штабы Вандей и эмиграціи. Это постоянное уперство не выпускать изъ своихъ рукъ преступныя орудія мало-доблестной войны, много способствовало, какъ мы видали, къ тому, чтобъ снова переселить объ страны. Шуаны и вождь ихъ, Жоржъ Кадуаль, могли быть теперь употреблены не болѣе, какъ на какой-нибудь подвигъ въ родѣ адской машины. Воспользоваться средствомъ возстанія къ низпроверженію какого бы то ни было правительства, — значитъ прибѣгнуть къ дѣйствіямъ, которыхъ законность подвержена большому сомнію; но стремиться къ этому низпроверженію чрезъ посягательство на правительственныя лица, — значитъ переступить всѣ предѣлы народнаго права, принятаго во взаимныхъ сношеніяхъ націй.

Впрочемъ, пусть по самымъ фактамъ читатели судятъ о степени соумышленничества британскихъ министровъ въ преступныхъ козняхъ, снова замысленныхъ французскою эмиграціею, нашедшею себѣ приютъ въ Лондонѣ. Читатели помнятъ этого страшнаго вождя морбаганскихъ шуановъ, Жоржа Кадуала, который одинъ изъ всѣхъ Вандейцевъ, представленныхъ первому консулу, устоялъ противъ его владія и удаленія сперва въ Бретань, потомъ въ Англію. Онъ жилъ въ Лондонѣ, въ надрѣ настоящей роскоши, раздавая французскимъ бѣглецамъ суммы, отпускаемыя имъ британскимъ правительствомъ, и проводя время въ обществѣ принцевъ-эмигрантовъ, особенно двухъ самыхъ дѣятельныхъ, графа д'Артуа и герцога Беррискаго. Ничто не было естественнѣе, какъ желаніе этихъ принцевъ возвратиться во Францію; ничто не было болѣе обыкновенно, если даже и незаконно, какъ ихъ желаніе достигнуть этого при помощи гражданской войны; но, къ-несчастію для ихъ чести, они не могли болѣе разсчитывать на гражданскую войну: они могли разсчитывать только на заговоры.

Восстановленіе мира совершенно обезнадежило всѣхъ изгнанниковъ, и принцевъ и другихъ; война снова возродила въ нихъ надежды, не потому только, чтобъ она заручала имъ содѣйствіе некоторыхъ европейскихъ государствъ, но потому-что она должна была, по ихъ мнѣнію, уничтожить популярность перваго консула. Они имѣли сношенія съ Вандеею чрезъ посредство Жоржа, съ Парижемъ чрезъ посредство возвратившихся эмигрантовъ. О чемъ мечтали они въ Англіи, о томъ мечтали ихъ сообщники во Франціи, и малѣйшія обстоятельства, соглазовавшіеся съ ихъ иллюзіями, немедленно превращали въ ихъ глазахъ эти иллюзіи въ дѣйствительность.

Французскіе принцы сообщали свои идеи британскому кабинету и требовали отъ него денегъ, которыя тотъ разсыпалъ щедро, зная, по-принципу-мира въ общихъ чертахъ, какое употребленіе хотѣли сдѣлать изъ нихъ эмигранты.

Составленъ былъ обширный заговоръ. О немъ сообщено было Людовику XVIII, жившему тогда въ Варшавѣ. Этотъ принцъ, всегда

мало-согласный съ своимъ братомъ, графомъ д'Артуа, котораго плодную и безразсудную дѣятельность не одобрялъ онъ, — отвергъ предложеніе. Странная противоположность между этими двумя принцами! Графъ д'Артуа былъ добръ, но не уменъ; Лудовикъ XVIII былъ уменъ, но не имѣлъ доброты. Графъ д'Артуа былъ увлеченъ въ свои идеи, недостойныя его сердца, которые Лудовикъ XVIII отвергалъ потому, что они были недостойны его ума. Съ-тѣхъ-поръ Лудовикъ XVIII рѣшился оставаться чуждымъ всемъ новымъ замысламъ, которыми война подавала бы роковой случай возникнуть. Сношенія французскихъ эмигрантовъ съ англійскимъ кабинетомъ происходили чрезъ посредника государственнаго секретаря, Гаммона, который игралъ важную роль во многихъ негодіаціяхъ. Къ нему-то въ Англію обращались за всемъ эмигранты. На твердой землѣ, она обращались къ тремъ агентамъ британской дипломатіи: Тейлору, министру въ Гессенъ; Сесеру Смиту, министру въ Штуттгардъ; Дреку, министру въ Баварію. Эти три агента, жившіе близъ границъ Франціи, старались завязывать всякія нитриги во Франціи и способствовать съ своей стороны тѣмъ, которые затѣвались въ Лондонѣ. Они сносились съ Гаммономъ и имѣли въ своемъ распоряженіи значительныя суммы денегъ. Эти замыслы Англіи имѣли чисто-политическій характеръ и стоили милліоновъ.

Французскіе принцы, наиболее-замышленные въ это дѣло, были графъ д'Артуа, и его второй сынъ, герцогъ беррискій; герцогъ ангуленскій жилъ тогда въ Варшавѣ, съ Лудовикомъ XVIII. Принцы Конде жили въ Лондонѣ, но не въ слишкомъ-тѣсной дружбѣ съ принцами старшаго ливня, и всегда чуждые ихъ планамъ. Ихъ трактовали, какъ солдатъ во всякое время готовыхъ взяться за оружіе, единственно годныхъ къ этой роли. Въ то время, какъ дядь и отецъ Конде находились въ Лондонѣ, внукъ, герцогъ ангуенскій (*d'Enghien*), находился въ Блденѣ преданный забавамъ охоты и сильно-влюбленный въ княжну де-Роанъ (*de Rohan*). Будучи всѣ трое въ службѣ Великобританіи, она получила приказаніе быть готовыми снова начать войну, и она повиновалась какъ солдаты повинуются правительству, которое платитъ имъ: безсмысленныя жалкая роль для Конде, но все-таки не столь жалкая, какъ роль заговорщиковъ!

Вотъ въ чемъ состоялъ новый умыселъ. Взволновать Вандею не считалось болѣе возможнымъ: напротивъ, сдѣлать нападеніе прямо, посреди Парижа, на правительство перваго консула, казалось средствомъ, которое скоро и вѣрно приведетъ къ цѣли. Но какъ консульское правительство состояло все въ особѣ генерала Бонапарте, то надо было извести только его. Князь, адская машина, успѣхъ всего этого казался сомнителенъ, потому-что все это зависѣло отъ вѣрности руки убійцы, или отъ случайности взрыва. Оставалось средство, которое и было доселѣ испробовано, и потому еще не вышло изъ вѣры: оно состояло въ томъ, чтобъ сотня смѣльчаковъ, подъ предводительствомъ безстрашнаго Жоржа, напала на дорогѣ въ Сен-Кла или въ Мадльонъ на карету перваго консула, бросилась на его гвардію, состоящую изъ десятка или дюжины всадниковъ, разсыпала ее, и убилъ

его такимъ-образомъ дать-будте въ сраженіи. Этимиъ способами были устроены: не дать маху. Жоржъ, который былъ храбръ, который не хотѣлъ прослыть на убійцу, требовалъ, чтобъ подле него были два друга, или по-крайней-мѣрѣ одинъ, которые такимъ образомъ завоюютъ бы себѣ съ меномъ въ руки корону своихъ предковъ.

Но это еще не все: послѣ битвы, надо было пожать плоды победы. Намъ было приготовить все, чтобъ Франція бросилась въ руки Бурбонамъ. Необходимо было привлечь на свою сторону армию. Но она была предана делу революціи, за которую проливала свою кровь, и чувствовала отвращеніе къ этимъ эмигрантамъ, которыхъ видала столько разъ въ англійскихъ и австрійскихъ мундирахъ.

Въ это время, только и было толковъ, что о разсѣяка генерала Морѣ въ генераломъ Бонапартѣ. И действительно, Морѣ все болѣе-и-болѣе выказывалъ свое нерасположеніе къ консульскому правительству; когда былъ заключенъ конкордатъ, Морѣ кричалъ о преобладаніи аристократіи; когда былъ учрежденъ почетный легіонъ, онъ кричалъ о возстановленіи аристократіи, и наконецъ, онъ кричалъ о возстановленіи королевской власти, когда было установлено консульство по жизни. Онъ, наконецъ, не сталъ вовсе показываться ни къ главѣ правительства; ни даже къ которому-либо изъ консуловъ. Возобновленіе войны было бы для него достойнымъ случаемъ снова появиться въ Тюльери, чтобъ предложить свои услуги, не генералу Бонапартѣ, а Франціи. Теперь онъ жилъ въ Гробуа, въ довольствіи — справедливой данн за его заслуги, подобно тому, какъ жилъ бы великій гражданинъ, жертва неблагодарности своего государя.

Кромѣ завистливыхъ славы перваго консула, были и еще завистники болѣе-молкіе, которымъ кололо глаза возвышеніе Мюрата, свояка генерала Бонапартѣ. И тѣ и другіе группировались вокругъ Морѣ. Зимой въ Маранъ, лѣтомъ въ Гробуа, собиравались недовольные, и на этихъ сходкахъ давали полную волю своимъ языкамъ. Первый консулъ зналъ объ этомъ и отащалъ за все не только постоянными успѣхами своего вѣдѣнія, но и явнымъ презрѣніемъ. Наконецъ, не могли болѣе выдержать себя, онъ платилъ этой посредственности за насмѣшки ея сарказмами, исполненными гонимъ.

Этимъ несчастными распрями легко было воспользоваться лондонскимъ консуломъ, къ исполненію второй половины ихъ плана. Имъ надо было привлечь на свою сторону Морѣ, а, при его посредствѣ, и армию; тогда-то, во убіеніи перваго консула на дорогѣ въ Мальмезонъ, Морѣ, ихъ соумышленникъ, во главѣ арміи, принирить эту грозную партію нація съ Бурбонами, которые съ мечомъ въ рукѣ готовились завладѣть престоломъ предковъ. Но какъ приступить къ Морѣ, который находился въ Парижѣ, окруженный обществомъ совершенно-республиканскимъ, и какъ-бы, какъ эмигранты жили въ Лондонѣ среди цвѣта шуановъ? Необходимо былъ посредникъ. Изъ глубины пустыни Америки явился человекъ, некогда знаменитый, обезславленный своимъ преступленіемъ, но одаренный великими качествами и привязанный равно и къ роялистамъ и республиканцамъ: то былъ Нишгрю, покоритель Голландіи, со-

славный Директорію въ Синнамари. Онъ ушелъ изъ мѣста ссылки и прибылъ въ Лондонъ, гдѣ жилъ съ тайнымъ желаніемъ не оставаться тамъ, а возвратиться во Францію, воспользовавшись помыслимо, катаясь возвращался безъ различія и виновныхъ и жертвы всахъ партій. Но война, на минуту прерванная, вскоре возобновилась, а съ нею вместе возобновились и мечты и безуміе эмигрантовъ, которымъ Пингрю отдалъ свою свободу, давъ имъ свою честь. Онъ былъ виноватъ, почти по неволѣ, въ заговоръ; на него возложено было быть посредникомъ между эмигрантами и Морб.

Наконецъ, по начертаніи плана, должно было приступить къ его исполненію.

Надо было отравиться во Францію. Жоржъ рѣшился ехать первымъ и явиться въ Парижъ, для составленія тамъ тайки шуановъ, съ которыми долженъ былъ явиться на гвардію пераго консула. Тѣмъ временемъ, Пингрю долженъ былъ вступить въ переговоры съ Морб, опираясь чрезъ посредника, потомъ лично, самъ отравился въ Парижъ. Наконецъ, когда все это было бы улажено, въ довершеніе всего дѣлались бы три принци, накануне или въ самый день приведенія въ исполненіе заговора.

Когда такимъ-образомъ былъ начертанъ планъ дѣйствій, Жоржъ съ дружиною шуановъ, на отвагу и вѣрность которыхъ онъ могъ положиться, покинулъ Лондонъ и отправился въ Парижъ. Вся оная была вооружена, какъ-бы готовилась на разбой. У Жоржа въ карманѣ были ва миллионъ банковыхъ билетовъ. Безъ всякаго сомнѣнія, такіе огромныя суммы давали заговорщикамъ не принци, сами доведенные до послѣдней крайности. Она шла изъ общаго источника, т. е. изъ британскаго казначейства.

Офицеръ королевскаго англійскаго флота, капитанъ Райтъ (*Wright*), неустрашимый морякъ, принималъ на свое легкое судно эмигрантовъ-путешественниковъ, у Дила или Гастингса, и перевозилъ ихъ, вопреки указанію, къ тому мѣсту берега, где они хотѣли пристать. Съ-тампоръ, какъ первый консулъ, свѣдавъ о частыхъ высадкахъ шуановъ, приказалъ стеречь съ большимъ тщаніемъ берега Бретани, шуаны перемѣнили направленіе и избрали путь чрезъ Нормандію. Между Дьеппомъ и Трешоромъ, вдоль кругаго утеса, называемаго Бивилльскимъ, находился потаенный ходъ, проложенный въ развалинахъ скалы, и посѣщаемый одними контрабандистами. Канатъ, привязанный къ вершинѣ утеса, спускался въ эту развалину и хваталъ до-самомъ моря. На крикъ, служившій сигналомъ, тайные стражи этого прохода бросали канатъ; контрабандистъ уцѣплялся за него и тѣмъ-образомъ выносился надъ пропастью, футовъ двѣсти или триста вышиною нѣтъ на плечахъ своихъ тяжелую ношу. Жоржевы ислѣдныя стѣны эту дорогу и придумали завладѣть ею, что было легко съ помощью находившимися въ ихъ распоряженіи. Для довершенія сообщенія съ Парижемъ, они учредили рядъ притоновъ на фермахъ, столѣтнихъ особняками, или въ замкахъ, обитаемыхъ нормандскими дворянами, рѣдкими стами вѣрными и скромными, рѣдко докладывшими своимъ убавицамъ. Та

ннѣ-образомъ, можно было отъ берега Ла-Манша добраться до Парижа, не останавливаясь ни въ одной гостиницѣ. Наконецъ, по этому пути предоставлено было слѣдовать только важнѣйшимъ лицамъ партіи, за тѣмъ, чтобъ не навести на него подозрѣнія слишкомъ-частыми странствованіями. Деньги, щедро разсылаемая некоторымъ изъ этихъ роялистовъ, у которыхъ останавливались заговорщики, вѣрность другихъ изъ нихъ, а главнѣйше удаленность отъ людныхъ мѣстъ, дѣлали тайну возможною, по крайней-мѣрѣ на некоторое время.

Этимъ-то путемъ проникъ Жоржъ въ Парижъ. На суднѣ капитана Рейта онъ присталъ къ подошвѣ Бивильскаго-Утеса, 21 августа (1803 г.), въ то самое время, какъ первый консулъ обозрѣвалъ берега Ла-Манша. Дорогою контрабандистовъ, съ притона на притонъ, онъ достигъ съ некоторыми своими вѣрнѣйшими сообщниками до Шальиэ, одного изъ предмѣстій Парижа. Въ этомъ предмѣстьи былъ для него приготовленъ уголокъ, откуда онъ могъ ночью отправляться въ Парижъ, посѣщать тамъ своихъ соумышленниковъ и готовить злодѣніе, для котораго явился въ Парижъ.

Жоржъ вслѣдъ убѣдился, что первый консулъ не былъ вовсе лишень популярности, какъ писали объ этомъ въ Лондонѣ. Онъ увидалъ также, что роялисты и республиканцы не такъ были расположены предаться замысламъ, какъ объ этомъ было возмъщено; и вообще онъ увидалъ, что въ этомъ случаѣ, какъ и всегда, действительность очень далеко отстала отъ обещаній. Но не ему было потерять присутствіе духа, или, что еще болѣе, лишить бодрости своихъ единомышленниковъ, сообщая имъ свои замѣчанія. Къ-тому же, онъ думалъ, что для нанесенія рѣшительнаго удара, онъ не нуждался въ общественномъ мнѣніи, и что, по смерти первого консула, Франція по-неволя должна будеть, за неимѣніемъ лучшаго, возвратиться къ Бурбонамъ. Изъ глубины своей непроницаемой незвѣстности, онъ увѣрился, что Вандея погружена въ совершенную бездѣйственность. Изъ всѣхъ именъ вандейскихъ, только одно его имя сохранило надъ его родичами свое могущество, потому-что все видѣли въ немъ неподкупнаго роялиста, захваченнаго лучше сносить изгнаніе, нежели пользоваться милостями первого консула. Все сохранили симпатію къ этому представителю дѣла, которое соответствовало тайнымъ желаніямъ населенія; но никто не смѣлся бы начать снова ратовать по степямъ и большимъ дорогамъ. Сверхъ-того, духовные, настоящіе воодушевители вандейскаго народа, были привязаны къ первому консулу. Жоржъ жилъ въ Парижѣ уже несяца два, а набралъ всего человекъ съ тридцать шуановъ, которые были вместе и храбры и небогтливвы. Имъ не говорили о цели, для которой ихъ собрали, и не показывали ихъ другъ другу. Они знали только, что ихъ предназначаютъ для скорой какой-то попытки въ пользу Бурбоновъ, что имъ было по нраву; а въ ожиданіи, имъ вѣдали хорошо, что имъ не меньше нравилось. Жоржъ тайнѣ готовилъ для нихъ мундиры и оружіе на день битвы.

Между-тѣмъ, агенты Пашгрю дѣйствовали съ своей стороны и под-

ступилъ къ Морю. Выдавъ его образъ мыслей, его недостатокъ вѣстоличнаго правительствомъ, навели на него генерала Лажолэ, одного изъ самыхъ опасныхъ друзей для человека съ слабымъ характеромъ и неумѣющимъ управлять собою. Этотъ генералъ Лажолэ былъ малъ ростомъ и горбатъ, одаренъ замѣчательнымъ пронырствомъ, одолаваемъ недостатками; почти доведеть до нищеты; онъ, какъ гнѣ, сладилъ за Морю и вырвалъ у него тайну его ненависти, его тайныхъ замысловъ, которые стремились не менѣе, какъ къ изпроверженію консульскаго правительства всеми возможными средствами. Лажолэ не шелъ далѣе съ открытыми предложеніями; но легковѣрный, какъ вся переметчина, онъ вообразилъ себя, что надо было еще одно слово, но болѣе, чтобъ заставить Морю рѣшиться принять дѣятельное участіе въ заговоръ; и, въ то время, какъ онъ былъ увѣренъ въ болѣе, нежели сколько было на-самомъ-дѣлѣ, онъ еще преувеличивалъ предъ своими сообщниками то, чему вѣрилъ самъ. Такимъ образомъ, Лажолэ подавалъ агентамъ Пашгрю величайшія надежды, и, по ихъ настоятельному убѣжденію, согласился отправиться въ Лондонъ, чтобъ лично словесно передать обо всемъ важнымъ особамъ, которыхъ онъ считался орудіемъ.

Лажолэ и его проводникъ были принуждены вѣхать черезъ Гамбургъ, чтобъ вѣрнѣе достигъ Лондона. Такимъ-образомъ, они потеряли много времени. Но пріѣздъ своемъ въ Англію, они узнали, что британскія власти сълѣла распоряженія немедленно принять ихъ. Прибытіе Лажолэ наполнило радостью сердца нетерпѣливыхъ эмигрантовъ. Графъ д'Артуа вынулъ безразсудство присутствовать на этихъ сходкахъ, и компрометтировалъ здѣсь и свой санъ, и свое достоинство, и роль свой. Правда, только главные заговорщики знали его; но живость его чувствованій и речей возбуждала всеобщее любопытство, и всѣ вскорѣ узнали, кто таковъ былъ онъ. Слыша, какъ Лажолэ съ смѣшными преувеличеніями рассказывалъ о томъ, что ему удалось слышать отъ Морю, и утверждалъ, что Пашгрю стоитъ только пожелать; чтобъ увидѣть совершенно этого республиканскаго генерала, графъ д'Артуа, не удерживая болѣе своего восторга, вскричалъ: «Если оба наши генерала сойдутся другъ съ другомъ, я скоро возврату въ Францію.» Это слово обратило на него взоры всѣхъ заговорщиковъ, и они узнали, что передъ ними первый принцъ крови, сынъ королей, призванный и самъ быть королемъ, котораго губельное дѣйствіе изгнанія должно до поступковъ, столь-мало приличныхъ и его сану и его сердцу. Всеобщій восторгъ былъ такъ великъ, говорилъ одинъ изъ агентовъ, позже на допросъ показавшій обо всѣхъ этихъ подробностяхъ, — что *англійскій король, находись онъ тутъ, захотѣлъ бы и самъ присутствовать во Францію.*

Было положено, что, не медля болѣе, надо отправиться во Францію для довершенія предпринятаго. Было уже время спѣшить, потому-что бѣдникъ Жоржъ, оставленный одинъ въ авангардѣ, посреди агентовъ консульской полиціи, подвергался величайшимъ опасностямъ. Въ исходе декабря отправили къ нему второй отрядъ эмигрантовъ для того,

чтобъ онъ не счелъ себя вовсе-оставленнымъ. Было рѣшено, что на этотъ разъ самъ Пишгрю, въ сопровожденіи знатнѣйшихъ особъ, каковы де-Ривьеръ, одинъ изъ Полянъковъ, — поѣдетъ во Францію и соединится съ Жоржемъ по проложенному уже пути. Лишь-только эти новые посланные приготовили все, и когда де-Ривьеръ, имѣвшій наибольшее хладнокровіе, далъ бы знать, что наступило время дѣйствовать, тогда графъ д'Артуа или герцогъ беррискій, или оба вмѣстѣ, должны были прибыть во Францію, чтобъ принять участіе въ этой такъ-называемой борьбѣ противъ особы перваго консула.

И такъ, Пишгрю отправился съ главнѣйшими французскими эмигрантами въ эту экспедицію, въ которой долженъ былъ погребсти навсегда свою уже затмившуюся славу и жизнь, которая заслуживала бы лучшаго употребленія. Онъ отправился въ первые дни 1804 года, на суднѣ капитана Рейта, и высадился у того же Бивилльскаго-Утеса 16 января. Покоритель Голландіи, въ сопровожденіи знаменитѣйшихъ членовъ французскаго дворянства, избралъ путь контрбандитство, свидѣлся съ Жоржемъ, прибывшимъ къ нему на встрѣчу почти къ самому морю, и съ одного притока на другой, черезъ дебри Нормандіи, достигъ до Шальвѣ, 20 января.

Жоржъ не имѣлъ вокругъ себя всѣхъ своихъ клеветовъ; но отважный, какъ всегда, и съ тѣми сообщниками, которыхъ удалось ему собрать, онъ былъ готовъ броситься на карету перваго консула и неминуемо поразить его. Но ему необходимо было условиться окончательно съ Мордъ, чтобъ быть обезпеченнымъ на-счетъ слѣдующаго дня по совершеніи убійства. Посредники отправились къ Мордъ, сказали ему, что Пишгрю прибылъ тайно и хочетъ поговорить съ нимъ. Мордъ согласился на это, и, не желая принять Пишгрю въ своемъ отелѣ, назначилъ ему свиданье въ ночную пору, на Бульваръ-Магдालины. Пишгрю явился туда. Онъ хотѣлъ бы быть здѣсь одиакъ, потому-что отличался характеромъ холоднымъ, благоразумнымъ, и вовсе не любилъ присутствія этихъ людей ничтожныхъ и безпокойныхъ, которые осаждали его своими нетерпѣніемъ, и которыхъ сообщество было первымъ наказаніемъ за его поступки. Онъ явился на мѣсто свиданія съ очень-многочисленными свидѣтелями, и особенно съ Жоржемъ, который хотѣлъ видѣть все своими собственными глазами, очевидно для того, чтобъ знать, на какомъ основаніи онъ готовится рискнуть своею жизнью въ отчаянномъ предпріятіи.

Въ темную и холодную январскую ночь, по данному знаку, Пишгрю и Мордъ сошлись другъ съ другомъ. Теперь они встрѣчались въ первый разъ съ-такъ-поръ, какъ сражались вмѣстѣ на Рейнѣ, когда жизнь ихъ была еще безъ упрека, а слава не омрачена позоромъ. Едва оправившись они отъ волненія, которое должны были произвести такіа воспоминанія о прошломъ, какъ явился Жоржъ, и открылъ себя. Мордъ былъ пораженъ этимъ, тотчасъ сдѣлался холоденъ, очевидно недоволенъ, и, казалось, очень негодовалъ на Пишгрю за такую встрѣчу. Надо было разстаться, не сказавъ ровно ничего ни значительнаго, ни полезнаго. Должно было свидѣться иначе и въ иномъ мѣстѣ.

Эта первая встреча произошла на Жерсе самое неблагоприятное впечатление. «Дело плохо» были первые его слова. И самъ Пишгрю боялся, что онъ несколько вдался въ искательство приключеній. Между-тѣмъ, интриганы, служившіе переметчиками, свидѣлись съ Морё и, не скрывая отъ него ничего болѣе, сказали ему, что дело идетъ о томъ, чтобъ составить заговоръ къ ниспроверженію правленія перваго консула. Морё ничего не возражалъ на-счетъ ниспроверженія этого правитель-ства средствами, которыя, не будучи ясно высказаны, могли быть от-гаданы; но онъ рѣшительно объявилъ, что не хочетъ дѣйствовать въ пользу Бурбоновъ и главнѣйше — вмѣшиваться лично своею особою въ такое предпріятіе. Воспользоваться для республики и для себя наде-віемъ перваго консула — вотъ къ чему очевидно стремилось его често-любіе; но подобное дѣло могло быть предметомъ совѣщанія только меж-ду Пишгрю и самимъ Морё. На этотъ разъ, Пишгрю привалъ Морё въ своемъ собственномъ жилищѣ, и, послѣ нѣсколькихъ несчастныхъ слу-чаевъ, которые едва не открыли всего, имѣлъ, наконецъ, продолжи-тельный и серьезный разговоръ съ этимъ стариннымъ своимъ товари-щемъ по оружію. Здѣсь было высказано все. Морё отнюдь не хотѣлъ выйти изъ извѣстнаго круга идей. Онъ имѣлъ, по его словамъ, зна-чительную партію въ сенатѣ и въ арміи. Если, наконецъ, удастся из-бавить Францію отъ трехъ консуловъ, то, безъ-сомнѣнія, верховная власть будетъ вручена ему. Онъ воспользуется ею на спасеніе жизни тѣмъ, которые избавятъ республику отъ тирана; но освобожденная рес-публика не будетъ отдана Бурбонамъ. Что до Пишгрю, покорителя Гол-ландіи, одного изъ знаменитѣйшихъ генераловъ Франціи, для него сде-лають болѣе, нежели только спасутъ ему жизнь, — ему возвратятъ всѣ почести, чины, возведутъ на первѣйшіе государственные посты. Морё, упорный въ своихъ идеяхъ, выразилъ Пишгрю свое удивленіе, что ви-деть его вмѣстѣ съ такими людьми. Пишгрю и безъ Морё находилъ не-выносимымъ сообщество шуановъ; но Морё самъ былъ живымъ дока-зательствомъ, что, вступивъ въ заговоръ, трудно не сдѣлаться вскорѣ жертвою самыхъ ничтожныхъ сообщниковъ. Пишгрю былъ слышащъ-благоразуменъ, слишкомъ-уменъ, почему и не могъ раздѣлать мечтаній Морё, и пытался убѣдить его, что, по смерти перваго консула, возможны одинъ только Бурбоны. Все это превъзходило разуміе Морё, который былъ человекомъ ума ограниченнаго въ поля битвы. Онъ упорствовалъ въ своемъ убѣжденіи, что лишь-только прервется нить жизни генерала Бо-напарте, онъ, генералъ Морё, сдѣлается первымъ консуломъ республики. Хотя никогда не было рѣчи о смерти перваго консула, однакожъ эта смерть всегда подразумевалась, какъ средство очистить поприще отъ ли-ца, на немъ дѣйствовавшего. Впрочемъ, не лица оправданій этимъ ро-ковымъ переговорамъ, мы должны сказать, для вѣрной ихъ оцѣнки, что люди этой эпохи видали столько смертей на эшафотѣ и на поляхъ сраженія, давали или выслушивали столько ужасныхъ приговоровъ, что гибель человека не имѣла въ ихъ мнѣніи того значенія и ужаса, кото-рыя, къ-счастью, въ наше время ей снова приданы прекращеніемъ гра-жданскихъ войнъ и благодатнымъ миромъ.

Пашгрю вышелъ на этотъ разъ въ отчаяніи и сказалъ доверенному человеку, который провожалъ его къ Морô и который отводилъ его теперь въ скрытое убежище: «И онъ также имеетъ честолюбивыя амбы; онъ хочетъ въ свою очередь управлять Франціею. Бедняга! онъ не сумеетъ управить ею и одинъ сутки.» Жоржъ, узнавъ обо всемъ подробнѣе, воскликнулъ съ обычною энергіею: «Похитителемъ вместо купителя; я лучше люблю того, кто управляетъ, нежели этого Морô, у котораго нѣтъ ни головы, ни сердца!» Вотъ какъ, всмотравшись поближе, трактовали они человека, котораго ихъ писатели и разглашатели представляли образцомъ доблестей государственныхъ и воинственныхъ.

Замысли Морô повергли несчастныхъ эмигрантовъ въ отчаяніе. Еще устроено было свиданіе съ Морô, въ самомъ Шальиô, у Жоржа; напротивъ, Морô не зналъ, у кого въ домъ былъ онъ. Жоржъ, присутствовавшій при началѣ разговора, удалился, сказавъ отрывисто Пашгрю и Морô: «Я уйду; можетъ-быть, оставшись одни, вы наконецъ соединитесь другъ съ другомъ.»

Оба республиканскіе генерала сговорились не лучше прежняго, и всѣ мговорившіе увидѣли ясно, что они безумно вдалились въ предпріятіе, которое можетъ имѣть только гибельный исходъ. Де-Ривьеръ былъ безутѣшенъ. Онъ и друзья его говорили, что люди говорятъ обыкновенно, когда видятъ, что другіе не разделяютъ ихъ страстей: «Франція не вернется въ апатію; она хочетъ только покоя; она изменила своимъ прежнимъ чувствованіямъ.»

Эти несчастные уже дѣлали попытки удалиться одни въ Бретань, другіе въ Англію. Образумленные самыми фактами, наиболее-образованные изъ заговорщиковъ испытывали, сверхъ того, глубокое отвращеніе къ сообществу, посреди котораго принуждены были жить. Де-Ривьеръ и Пашгрю, увидѣвшіе изъ всѣхъ, повѣряли другъ другу свое горе. Однажды Пашгрю, желая осадить этихъ шуановъ, крѣпко ему вломаншихъ, съ горечью и презрѣніемъ отвѣчалъ на слова одного изъ нихъ: «*Но, генералъ, вы съ нами!*» — *Нѣтъ, я у васъ.* Это значило, что жизнь его была въ ихъ рукахъ, но что далеко отъ нихъ была и его воля и его разумъ.

Всѣ вмѣстѣ были погружены въ ужасную невѣзвѣстность; однакожъ Жоржъ все еще былъ готовъ напасть на перваго консула, чтобъ посмотреть, что сделаютъ на другой день; другіе задавали себѣ вопросъ: къ чему послужитъ это бесполезное покушеніе? Таково было расположеніе заговорщиковъ, когда эти переговоры, ведшіеся безпрерывно въ теченіе полугода, пробудили наконецъ полицію, къ несчастію очень поздно для чести ея бдительности. Проницательность перваго консула спасла эту честь и погубила неосторожныхъ враговъ, умышлявшихъ ему гибель. Обыкновенное наказаніе людей, вдающихся въ подобныя предпріятія, состоитъ въ томъ, что они останавливаются очень поздно: часто они бывають открыты, схвачены, наказаны въ то время, когда совѣсть, разумокъ, страхъ уже начинаютъ раскрывать имъ глаза, и они готовы отступить по пути преступленія.

Эти сходки и свиданія заговорщиковъ, продолжавшіяся съ августа по январь, въ-особенности происходившія столь-близко такого человека, кѣмъ былъ Фушэ, пмѣвшій страстное желаніе дѣлать открытія, — не могли не быть подмѣчены. Мы сказали выше, что Фушэ былъ лишенъ портфеля полиціи въ эпоху, когда первый консулъ хотѣлъ ознаменовать свое пожизненное консульство уничтоженіемъ этого министерства. Полиція вошла, между-прочимъ, въ составъ министерства юстиціи. Великій-судья Реннэ, совершенно-чуждый администраціи этого рода, поручилъ ее государственному совѣтнику Реалю, человеку умному, но характера живаго, легковѣрнаго, и далеко немѣвшему проникательности Фушэ. По-этому, полиція была управляема очень-плохо, и первый консулъ получалъ безпрестанно увѣренія, что никогда не было нище попытокъ на заговоры. Первый консулъ былъ далекъ отъ того, чтобъ раздѣлать эту безпечность. Къ-тому же, Фушэ доносилъ ему совершенно-противное. Фушэ, сдѣлавшійся сенаторомъ, скучая своею праздно-стью, сохранивъ шовшевія съ своими старыми агентами, обо всемъ получалъ самыя вѣрныя извѣстія, и сообщалъ первому консулу свои замѣчанія. Первый консулъ, выслушивавшій все, что говорили ему Фушэ и Реаль, прилежно читавшій рапорты жандармскаго корпуса, былъ убѣжденъ, что замышляются ковы лично противъ него. Онъ заключалъ, что люди, придумавшіе адскую машину, должны были непременно замышлять что-нибудь въ настоящихъ обстоятельствахъ, и, пораженный арестованіемъ многихъ лицъ въ Парижѣ, Вандеѣ, Нормандіи, онъ сказалъ Мирату, бывшему тогда парижскимъ губернаторомъ, и Реалю, управлѣвшему полиціею: «Эмигранты, безъ-сомнѣнія, не дремлютъ. Многія лица взяты подъ арестъ; надо выбрать нѣкоторыхъ изъ нихъ, препроводить ихъ въ военную комиссію, которая ихъ осудитъ, и они заговорятъ прежде, нежели дадутъ себя разстрѣлять.» Все это происходило между 25 и 30 января, во время свиданій Пишгрю съ Морбэ и когда уже заговорщики начинали упадать духомъ. Первый консулъ приказалъ принести къ себѣ списокъ арестантовъ и самъ указалъ на имена пятерыхъ изъ нихъ, сказавъ: «Или я очень ошибаюсь, или здѣсь есть люди, которые могутъ сдѣлать открытія.» Изъ этихъ пятерыхъ человекъ, двое были признаны невинными военною комиссіею, двое другихъ были осуждены и позволили разстрѣлять себя, не признавшись ни въ чемъ, но объявивъ, что они пришли содѣйствовать дѣлу законнаго короля, которое вскорѣ восторжествуетъ на развалинахъ республики. Сверхъ-того, они произнесли ужасныя угрозы противъ главы правительства. Пятый, котораго первый консулъ особенно отмѣтилъ, какъ такого, который долженъ все сказать, объявилъ въ ту минуту, какъ его вели на казнь, что онъ имѣетъ сообщить великія тайны. Къ нему отправили немедленно одного изъ самыхъ искусныхъ полицейскихъ чиновниковъ. Онъ признался во всемъ, объявилъ, что присталъ къ бивальскому берегу въ августъ мѣсяцъ, вмѣстѣ съ самимъ Жоржемъ; что онъ чрезъ лѣса, съ притона на притонъ, добрался до Парижа съ намѣреніемъ убить перваго консула, попытавшись напасть на его свиту. Онъ указалъ на

некоторые места, где жили шуаны, бывшіе въ распоряженіяхъ у Жоржа, и въ-особенности многіе винопродавцы.

Показанія этого чело́вѣка бросили яркій свѣтъ на все дѣло. Присутствіе Жоржа въ Парижѣ было многозначительно въ высшей степени. Не для какого-нибудь неважнаго предпріятія могъ жить такой чело́вѣкъ цѣлые полгода въ самой столицѣ, съ тайною убійцы. Тѣперь сдѣлалась известна: точка причала у Бивилльскаго-Утеса, существованіе проложенной чрезъ лѣса этапной дороги, и нѣкоторые изъ тайныхъ убежищъ, гдѣ укрывались заговорщики. Одинъ изъ числа самыхъ страшныхъ случаевъ открылъ явилъ, которое навело на слѣдъ самыхъ важныхъ обстоятельствъ. Какъ-то прежде, шуаны, высѣдившіеся у того же Бивилльскаго - Утеса, обмѣнялись съ жандармами ружейными выстрѣлами, и явилъ: *Троизъ* было найдено на доскуткѣ бумаги, служившей выежъ. Этотъ Троизъ былъ часовщикомъ въ Е (*Ем*). У него былъ сынъ, еще очень молодой чело́вѣкъ, котораго именно употребляли для корреспонденціи. Давно было приказаніе тайно арестовать его и препроводить въ Парижъ. Сдѣлали ему допросъ, и онъ сознался во всемъ, что зналъ. Онъ объявилъ, что принималъ заговорщиковъ у Бивилльскаго-Утеса и провожалъ ихъ до первыхъ притоновъ. Онъ разсказалъ о известныхъ уже намъ трехъ высадкахъ, о высадкѣ Жоржа въ августъ мѣсяцъ, о декабрьской и январьской, гдѣ находились Пашгеру, де-Ривьеръ и де-Полянъякъ. Но онъ не зналъ ни имени, ни званія особы, которымъ служилъ путеводаителемъ. Онъ зналъ только, что въ первыхъ числахъ февраля должна была быть у Утеса четвертая высадка. На него также была возложена обязанность принять новыхъ пришельцевъ.

Въ нѣсколько дней, было арестовано много подозрительныхъ лицъ, изъ которыхъ двое въ-особенности должны были во многомъ прояснить все дѣло. Сперва былъ схваченъ молодой чело́вѣкъ, по имени Пикодуа Жоржа, отчаянный шуанъ, который, будучи вооруженъ пистолетомъ и кинжалами, выстрѣлилъ по агентамъ полиціи и сдѣлалъ уже при послѣдней крайности, объявивъ, что хотѣлъ умереть за дѣло своего короля. Визитъ съ нимъ былъ схваченъ нѣкто, по имени Бувѣ-де-Лозьѣ, бывшій офицеръ жоржевъ, который допустилъ взять себя безъ такого шума, и былъ гораздо-спокойнѣе.

Эти люди были вооружены какъ злодѣи, готовые совершить величайшія преступленія, и кромѣ оружія, бывшихъ при нихъ, имѣли при себѣ значительныя суммы денегъ золотомъ и серебромъ. Въ первую минуту, они казались очень-восторженными; потомъ поутихли, и, наконецъ, сдѣлали показанія. Пикодуа сознался, что онъ пріѣхалъ изъ Англіи съ Жоржемъ, что находился съ нимъ въ Парижѣ въ-продолженіе полугода, и не скрывалъ цѣля ихъ путешествія во Францію. Такимъ-образомъ, присутствіе Жоржа въ Парижѣ съ важною цѣлью не могло быть уже подвержено сомнѣнію. Но ничего болѣе объ этомъ не было известно. Бувѣ-де-Лозьѣ не говорилъ рѣшительно ни слова. Этотъ чело́вѣкъ былъ гораздо-выше Пикодуа и по воспитанію, и по речамъ. Въ ночь съ 13 на 14 февраля, этотъ Бувѣ-де-Лозьѣ вдругъ

позвалъ своего тюремника. Онъ пытался повѣстись, и, не успѣвъ въ этомъ, въ какомъ-то помѣшателствѣ требовалъ, чтобы выслушали то, что онъ имеетъ сообщить. Тогда этого несчастный объявлялъ, что, прежде чѣмъ умереть за дѣло законнаго короля, онъ хочетъ сарнать личину съ вародовнаго человека, безполезно-удалекшаго къ прохвѣть столько храбрыхъ. Реаль, изумленный и смущенный, выслушалъ отъ него самый удивительный разсказъ. Реалисты, по словамъ Буа, находились въ Лондонѣ вокругъ привидѣть, когда Морѣ прислалъ къ Пингрю одного изъ своихъ офицеровъ, съ предложеніемъ своей готовности стать во главу движенія въ пользу Бурбоновъ и съ обещаніемъ увлечь армію своимъ прамъромъ. При этой вѣсти, всѣ они отирались, съ Жоржемъ и самимъ Пингрю, для содѣйствія революціи. По прибытіи въ Парижъ, Жоржъ и Пингрю поснышали къ Морѣ, чтобы уговориться съ нимъ, а тотъ заговорилъ тогда другое, и требовалъ низверженія перваго консула въ свою собственную пользу, чтобы самому сдѣлаться диктаторомъ. Жоржъ, Пингрю и ихъ друзья не согласились на такое предложеніе и въ этихъ-то гибельныхъ проволочкахъ, въ-слѣдствіе притязаній Морѣ, они подпали розыскамъ полиціи. Этотъ трагическій доноситель присовокуплялъ, что онъ *любилъ тѣлесн смерти* на отищеніе за себя и друзей своихъ человеку, погубившему ихъ всѣхъ.

Такимъ-образомъ, изъ среды прерваннаго самоубійства, явился на Морѣ ужасный доносъ,—доносъ, очень-преувеличенный отчаяніемъ, но представлявшій однакожъ цѣлость заговора. Реаль, пораженный всѣмъ этимъ, бросился въ Тюльери. Онъ нашелъ, по обыкновенію, перваго консула рано-оторвавшася отъ сна, для того, чтобы заняться работою. Первый консулъ былъ еще въ рукахъ своего камердипера Констанана, когда, при первыхъ словахъ Реаля, закрылъ ему ротъ своею рукою, заставлялъ его молчать, и заперся съ нимъ наединѣ, чтобы выслушать разсказъ его.

Онъ вовсе не казался удивленнымъ, однакожъ рѣшительно не хотѣлъ вѣрять доносу на Морѣ. Онъ очень-хорошо понималъ этотъ планъ соединить противъ него всѣ партіи, употребить Пингрю посредникомъ между роялистами и республиканцами; но для того, чтобы поверить виновности Морѣ, онъ хотѣлъ убѣдиться въ присутствіи Пингрю въ Парижѣ. Впрочемъ, изъ груди его не вырвалось ни одного восклицанія гнева или мщенія; онъ казался болѣе любопытствующимъ, болѣе размышляющимъ, нежели раздраженнымъ.

Придумали снова допросить Пикѣ, слугу Жоржа, чтобы выведать отъ него, не знаетъ ли онъ о присутствіи Пингрю въ Парижѣ. Пикѣ показывалъ, что за нѣсколько дней передъ тѣмъ выдалъ Пингрю изъ Парижа, и утверждалъ, что онъ еще и теперь тамъ. Что до Морѣ, онъ свободщелъ, что слышалъ, какъ сообщники Жоржа выражали живѣйшее сожалѣніе о томъ, что обратился къ этому генералу, который готовъ былъ испортить все своими честолюбивыми притязаніями.

Все это было узнано 14 февраля, и первый консулъ тотчасъ же собралъ тайный совѣтъ въ Тюльери, составленный изъ двухъ консуловъ,

Камбасереса и Лебрёна, главнѣйшихъ министровъ и Фушэ, который хотя не былъ уже министромъ, имѣлъ однако самое большое участіе въ этомъ сдѣланіи. Сопищаніе происходило въ ночь съ 14 на 15 числа. Вопросъ заслуживалъ серьезнаго обсужденія. «Пожалуй, скажутъ», воскликнулъ первый консуль: «что я боюсь Морё! Этому не бывать. Гдѣ бы малоосерднѣйшимъ изъ людей, но буду самымъ грознымъ, если это будетъ нужно; и я поражу Морё, какъ всякаго другаго, кому-то онъ вступаетъ въ заговоры, ненавистные по своей цѣли, вредныя по тѣмъ сблизеніямъ, безъ которыхъ они не могутъ существовать.» Итакъ, рѣшено было арестовать Морё, а вмѣстѣ съ нимъ Лажю и другихъ посредниковъ, которыхъ имена сдѣлались известны.

Первый консуль былъ раздраженъ, но не противъ Морё. Онъ казался скорѣе человѣкомъ, который старается себя предохранить, нежели человѣкомъ, который старается отомстить за себя. Онъ хотѣлъ отдать Морё, усомнѣвъ его, получить отъ него нужныя показанія, и потомъ даровать ему помилованіе.

Совѣтъ продолжался всю ночь. На-разсвѣтъ (15 февраля), отрядъ «отборныхъ жандармовъ», съ чиновниками юстиціи, былъ отправленъ къ жилищу Морё. Его не нашли тамъ и отправились въ Гребузъ. Въ вѣтрахъ на Шарантонскомъ-Мосту, возвращающагося въ Парижъ. Они были арестованы безъ всякаго шума, со всевозможнымъ уваженіемъ, и препровождены въ Тампль. Въ то же время были арестованы Лажю и провинціальскіе чиновники, служившіе посредниками.

Въ тотъ же день, рѣшительнаго суда Реньэ объ этомъ предметѣ была внесена въ сенатъ, законодательное сословіе и трибунатъ. Враги правительства кричали, что все это была выдумка полиціи; но въ первомъ консуля, хотѣвшаго избавиться отъ соперника, которому захотѣлось, и возобновить свою упавшую популярность, вышнѣе безпокоиться за свою жизнь. Языки дали себя волю, какъ всегда бывають въ подобныхъ обстоятельствахъ, и вмѣсто того, чтобы говорить: *заговоръ Морё*, остряки говорили: *заговоръ противъ Морё*. Спрашивали: гдѣ же Жеркъ, гдѣ Шшгрю? Утверждали, что ихъ и не бывало въ Парижѣ, и что все это не что иное, какъ нелепо-вымышленная сказка и неважная выдумка.

Еще первый консуль былъ сначала довольно-спокоенъ при видѣ новой опасности, которою была угрожаема его личность, за то теперь онъ былъ сильно возбужденъ, увидѣвъ, какимъ чернымъ клеветамъ полна поводъ эта опасность. Съ какими-то остревшимъ обѣтъ принялся за открытіе виновниковъ заговора: не потому, чтобы онъ хотѣлъ обезопасить свою жизнь, — онъ объ этомъ вовсе не думалъ, такъ ввергъ онъ въ судьбу свою; — но ему сильно хотѣлось обличить безчестныхъ своихъ клеветниковъ, представившихъ его изобрѣтателемъ козвѣтъ, отъ которыхъ онъ едва не погибъ, и которыхъ могъ еще сдѣлаться жертвою.

На этотъ разъ, онъ былъ наиболее раздраженъ не противъ республиканцевъ, но противъ рѣшителей, имъ облагодѣтельствованныхъ; онъ говорилъ, что не дастъ имъ ни малѣйшей пощады. Последовавшія за

гнѣвъ открытія еще усидили это чувствованіе и превратили его въ восторженную страсть.

Между-тѣмъ, какъ дѣлаемы были самыя тщательныя поиски для открытія Жоржа и Пашгрю, взяты были подъ арестъ новыя лица и лица бывшія отъ Пикэ и Бувэ-де-Лозье подробности болѣе — полныя болѣе-важныя, нежели все доселѣ отъ нихъ узнавае. Эти лица, желая, чтобъ ихъ сочли за убійцъ, посвящали разсказы, что они прѣбывали въ Парижѣ въ самомъ высшемъ сообществѣ, что съ ними приходились самыя знатныя вельможи двора Бурбоновъ, именно де-Пондьякъ и де-Ривьеръ, и наконецъ они объявляли положительно, что должны были имѣть во главѣ своей принца. Они говорили, что ждали его ежеминутно; полагали даже, что этотъ принцъ, столь-много ожидаемый, пріѣдетъ на послѣднемъ суднѣ, котораго прибытіе назначено было въ февраль. Между ними носились слухи, что это будетъ герцог Беррискій.

Относительно этого обстоятельства, всѣ показанія совершенно совпали другъ съ другомъ. Заговоръ получилъ въ глазахъ перваго министра роковую истинность. Неизреченный какой-то яростью, онъ имѣлъ теперь одно только желаніе — схватить этого принца, котораго должны были прислать въ Парижъ путемъ Бивальскаго-Утеса. Эта жажда рыцаря, которой она предавалась, со времени адекой шашаны, противъ якобинцевъ, — теперь обратилась вся на принцевъ и вельможъ, которые рѣшались снисходить до такой низкой роли. «Бурбоны думаютъ», говорилъ онъ: «что кровь мою можно пролить, какъ кровь самыхъ послѣднихъ живогныхъ. Однакожь моя кровь стѣбитъ, право, ихъ собственной. Я отпущу ихъ за страхъ, который они хотятъ внушить мнѣ. Я прощаю Мерэ его слабость и увлеченіе глупой зависти; но я никогда не имѣюсерду разстрѣлять перваго изъ принцевъ, каковъ попадется мнѣ въ руки. Я покажу мнѣ, съ какою они называютъ даю.» Таковы были слова которыя онъ безпрестанно повторялъ въ продолженіе этой ужасной процедуры. Онъ былъ мраченъ, взволнованъ, грозенъ, и, что всего страшнѣе въ немъ, работалъ гораздо — меньше обыкновеннаго. Казалось, онъ забылъ на минуту Булонь, Брестъ и Тексель.

На терян на одного мгновенія, онъ позволялъ къ себѣ полковника Саварі, на преданность котораго полагался совершенно. Полковникъ Саварі не былъ злой человѣкъ, что бы ни говорили о немъ востановки клевветники всякаго падшаго правительства. Онъ былъ замѣчательный по уму, но прожилъ какъ свой въ арміяхъ, не составилъ себѣ ни чѣмъ определенныхъ понятій, правилъ, и не вѣдалъ никакой нравственности, кромѣ вѣрности своему властелину, осылавшему его великими щедрыми благодарностями. Онъ только-что прорвалъ въскольکو невольничью Божакъ, черодатый и подверженный величайшамъ опасностямъ. Первымъ консулъ далъ ему приказаніе переодѣться снова, отправиться съ отрядомъ «отборныхъ жандармовъ», и стать на сторожѣ у Бивальскаго-Утеса. Эти «отборные жандармы» были въ-отношеніи къ жандармскому корпусу то же, что консульская гвардія относительно остальной арміи, т. е. собраніе самыхъ храбрыхъ, самыхъ лучшихъ сол-

дать по ихъ роду оружія. Можно было возлагать на нихъ самыя трудныя порученія, не опасаясь и малѣйшей невѣрности. Случалось, что, по непредвидимымъ служебнымъ обстоятельствамъ, двое изъ нихъ отправлялись въ почтовой каретѣ и везли съ собою многіе миллионы пистолъ, въ глубину Калабріи или Бретани, и никогда они не позволили замѣнить своему долгу. Съ пятидесятью такими переодѣтыми слугами, полковникъ Саварі долженъ былъ день и ночь сторожить на вершинѣ Утеса, ждаль высадки, захватить всѣхъ, кто выйдетъ на берегъ и доставить ихъ въ Парижъ. Рѣшимость первого консула была величина: онъ положилъ предать военному суду и тотчасъ же расстрѣлять принца, который попадетъ ему въ руки. Плაცивная и ужасная рѣшимость, которой страшныя послѣдствія увидимъ вскорѣ!

Отдавая такія приказанія, первый консулъ обнаруживалъ совершенно инныя чувстваванія относительно Морб. Онъ хотѣлъ поступить съ нимъ великодушно. Въ самый день арестованія, онъ сказалъ великому-суду: «должно, чтобъ все, касающееся республиканцевъ, было кончено между Морб и мною». Допросите его въ его темницѣ; привезите его въ своей каретѣ въ Тюльери; пусть онъ сознается мнѣ во всемъ, и я забуду заблужденія, произведенныя завистью болѣе его окружающихъ, нежели его собственною. Къ-несчастью, первому консулу было легче прощать, нежели Морб принять его прощеніе. Можетъ-быть, локій Фуццѣ и успѣлъ бы выполнить это порученіе, но великій-судья Ревьѣ испортилъ все дѣло. Облекшись въ сямарру (судейскую одежду), сопровождаемый секретаремъ государственнаго совета, Локрѣ, великій-судья, сталъ дѣлать бесполезный длинный допросъ Морб; и это свиданіе не имѣло желаннаго результата. «Ну», воскликнулъ первый консулъ, выслушавъ Ревьѣ: «если онъ не хочетъ признаться мнѣ, пусть признается передъ судомъ». Первый консулъ съ величайшею дѣятельностью преслѣдовалъ виновныхъ; для спасенія чести его правительства, необходимо было схватить Жоржа и Пишгрю; однимъ этимъ могла быть доказана справедливость заговора. Въ противномъ случаѣ его могли почестъ за низкаго завистника, хотѣвшаго погубить втораго генерала республики. Правительство ежедневно ловило сообщниковъ заговора; отъ нихъ знало о всѣхъ подробностяхъ злоумышленія, но не захватило еще ни одного изъ зачинщиковъ, которыхъ присутствіе могло бы убѣдить невѣрующихъ, — не захватило столь ождаемаго принца, котораго первый консулъ, въ гнѣвъ своемъ, хотѣлъ принести въ кровавую жертву. Полковникъ Саварі, засѣвшій на Бивилльскомъ-Утесѣ, писалъ оттуда, что онъ все видѣлъ, все повѣрилъ на самыхъ мѣстахъ, и подтверждалъ совершенную точность полученныхъ показаній относительно способа высадокъ, относительно таинственной дороги, проложенной между Бивиллемъ и Парижемъ, и ребодѣщаго судна, которое всякій вечеръ заливало вдоль берега и, казалось, все хотѣло пристать: но не приставало. Надо было полагать, что новая высадка была или вовсе отмянена, или, по-крайней-мѣрѣ, отложена въ-слѣдствіе того, что на вершинѣ Утеса не было подаваемо сигналовъ, условныхъ между заговорщиками (такъ-какъ не было извѣстно, въ чемъ

состояли эти сигналы), или въ-слѣдствіе предостереженій, посланныхъ изъ Парижа въ Лондонъ. Полковникъ Саварі получилъ приказаніе ждать съ непоколебимымъ терпѣніемъ.

Въ Парижѣ ежедневно нападали на слѣдъ Пишгрю и Жоржа; но оба заговорщика ускользали отъ преслѣдованій полиціи. Издавъ былъ законъ, по которому всякій, кто сталъ бы укрывать Жоржа, Пишгрю и шестьдесятъ человекъ изъ числа ихъ сообщниковъ (которыхъ описаны были приматы) — подвергался смертной казни. Тотъ, кто ихъ видѣлъ, или зналъ о ихъ убѣжищахъ, и не донесъ о томъ, подвергался шестидесятилетнему заключенію въ оковахъ.

Въ-слѣдъ за тѣмъ, были приняты не менѣе строгія мѣры. Можно было опасаться, чтобъ заговорщики, преслѣдуемые такимъ-образомъ, не вздумали скрыться бѣгствомъ. И потому Парижъ былъ запертъ. Все могло входить въ него; никто не имѣлъ позволенія выходить оттуда въ-продолженіе извѣстнаго числа дней. Для обезпеченія выполненія этой мѣры, пѣшая гвардія была разставлена отрядами у всѣхъ воротъ столицы; конная гвардія обвѣзжала безпрерывными патрулями вдоль таможенной стѣны (*le mur d'octroi*), получивъ приказаніе брать подъ караулъ всякаго, кто перелазилъ бы черезъ стѣну, или стрѣлять во всякому, кто вздумалъ бы бѣжать. Наконецъ, гвардейскіе матросы, въ лодкахъ, сторожили на Сенѣ день и ночь. Одни только курьеры правительства могли выѣзжать изъ города, и то не иначе, какъ послѣ объѣзда.

Были минуты, когда, казалось, снова возвратились къ страшнымъ временамъ революціи. Какой-то ужасъ распространился по Парижу. Враги перваго консула жестоко воспользовались этимъ и говорили о немъ все, что было никогда говорено о бывшемъ Комитетѣ-Общественнаго-Благосостоянія. Самъ управляя полицією, первый консулъ зналъ обо всѣхъ этихъ речахъ, и его безпрерывно-возраставшее раздраженіе дѣлало его способнымъ на самыя жестокія поступки. Онъ былъ мраченъ, суровъ и обходился со всеми безъ малѣйшей пощады. Это была буря, поднятая въ великой душѣ Наполеона неблагодарностью партій и неблагоразумнымъ недоброжелательствомъ Европы.

Въ Парижѣ воцарилось глубокое уныніе. Ужасный законъ противъ укрывателей Жоржа, Пишгрю и ихъ сообщниковъ ни въ комъ не породилъ низкой рѣшимости предать ихъ; но никто также не хотѣлъ дать имъ убѣжища. Эти несчастные, которыхъ мы оставили разъединенными, смущенными отъ взаимныхъ несогласій, бродили по ночамъ изъ дома въ домъ, платя иногда отъ шести до восьми тысячъ франковъ за пріютъ на нѣсколько часовъ. Пишгрю, де-Ривьеръ и Жоржъ жили въ самой ужасной тревогѣ. Послѣдній изъ нихъ мужественно переносилъ свое положеніе, привыкнувъ къ невзгодамъ гражданской войны. Къ-тому же, онъ не считалъ себя униженнымъ; онъ окомпрометтировалъ вокругъ себя все, что было наиболее близко къ королевскому дому, и онъ думалъ теперь только о томъ, какъ бы выйти здоровымъ и непрелымымъ изъ этой несчастной попытки, подобно тому, какъ счастливо выходилъ изъ столькихъ другихъ замысловъ посредствомъ своего ума и

мужества. Но эти члены французскаго дворянства, полагавшіе, что Франція, или, по-крайней-мѣрѣ, ихъ партія, встрѣтитъ ихъ съ отперстыми объятіями, и ненашедшіе ничего, кромѣ холодности, смущенія или порицанія, — были въ отчаяніи отъ своего предпріятія. Они чувствовали низость связей, на которыя были осуждены, вкравшись во Францію съ толпою шуановъ. Пишгрю, съ жалкими пороками соединявшій некоторые достоинства, хладнокровіе, благоразуміе, глубокую провидцательность, Пишгрю хорошо видѣлъ, что онъ не только не поднялся отъ своего перваго паденія, а низвергнулся въ глубину пропасти. Первая ошибка, совершенная имъ за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ, и состоявшая въ томъ, что онъ вступилъ въ преступныя сношенія съ припдами Коуде, привела его къ необходимости сдѣлаться измѣнникомъ, потомъ изгнанникомъ. Теперь онъ долженъ былъ попасться въ число бунтовщиковъ. На этотъ разъ, не оставалось ничего отъ славы покорителя Голландіи! Узнавъ объ арестованіи Морё, онъ угадалъ судьбу, ожидавшую его-самого, и вскричалъ: «я погибъ!» Панибратство этихъ шуановъ было для него ненавистно. Онъ чувствовалъ утѣшеніе въ сообществѣ де-Ривьера, котораго находилъ умнѣе и благоразумнѣе другихъ друзей графа д'Артуа, присланныхъ въ Парижъ. Одважды вечеромъ, доведенный до отчаянія, онъ схватилъ пистолетъ и хотѣлъ застрѣлиться, но де-Ривьеръ удержалъ его. Другой разъ, не имѣя крова, онъ вдругъ влохновался мыслью, дѣлающею честь ему, и особенно дѣлающею честь человеку, къ которому онъ прибѣгъ въ этомъ случаѣ. Въ числѣ миппстровъ перваго консула, находился одинъ изъ изгнанниковъ 18 фрюктидора: то былъ де-Марбуа. Пишгрю не поколебался поступиться, ночью, въ его дверь, и показать ему снова синнамарскаго изгнанника, просящаго у другаго синнамарскаго изгнанника, сдѣлавшагося миппстромъ перваго консула, — чтобы тотъ нарушилъ законъ своего властелина. Де-Марбуа армялъ его съ грустью, но тревожась за себя-самого. Честь, которую оказывали ему, полагаясь на его великодушіе, онъ самъ оказывалъ въ свою очередь первому консулу, не усомнившись въ его одобреніи. Тутъ представляется одно изъ зрѣлищъ, утѣшающихъ за такія печальныя сцены: три человека, столь-различныя между собою и полагающіеся одинъ на другаго: — Пишгрю на де-Марбуа, де-Марбуа на перваго консула. И действительно, позже, де-Марбуа сознался въ томъ, что сдѣлалъ, и первый консулъ отвѣтилъ ему письмомъ, заключавшимъ въ себѣ благородное одобреніе его великодушнаго поступка.

Но при такомъ положеніи дѣлъ, надо было ожидать скорой развязки. Офицеръ, находившійся при Пишгрю, измѣнилъ его тайнѣ и предалъ его въ руки полиціи. Ночью, въ то время, какъ генералъ спалъ, окруженный оружіемъ, съ которымъ никогда не разставался, и книгами, которыя составляли его обыкновенное чтеніе, отрядъ «отборныхъ жандармовъ», пользуясь тѣмъ, что погасла лампа, проникъ въ убжище Пишгрю, чтобы схватить его. Разбуженный шумомъ, онъ хотѣлъ схватиться за оружіе, но не успѣлъ, и оборонился нѣсколько минутъ съ большимъ мужествомъ. Вскорѣ побѣжденный, онъ сдался и былъ пере-

везенъ въ Тампль, гдѣ должна была окончиться самымъ несчастнымъ образомъ пѣкогда столь-блестательная жизнь.

Лишь-только былъ онъ задержанъ.—Арманъ де-Полиньякъ, послѣ него Жюль де-Полпьякъ, и, наконецъ, де-Ривьеръ, преследуемые безъ устали, были схвачены въ свою очередь, не въ-сладствіе догоса, а потому-что вскорѣ были подмѣчены при частыхъ перемѣнахъ убѣжищъ. Эти арестованія произвели на общественное мнѣніе глубокое впечатлѣніе. Но чтобъ вновь заставить молчать людей поблагонзвѣренныхъ, необходимо было схватить и самого Жоржа. Тогда-то клеветники уже не могли бы сказать, увидѣвъ вмѣстѣ де-Полиньяковъ, де-Ривьера, Паштрио и Жоржа, что они были въ Парижѣ простыми наблюдателями. Это послѣднее доказательство должно было вскорѣ попасться въ руки правительства, благодаря употребленнымъ имъ ужаснымъ средствамъ.

Жоржъ, окруженный множествомъ агентовъ, принужденный ежедневно мѣнять жилища, не имѣя возможности выйти изъ Парижа, стерегомаго и на сухомъ пути, и на волю, Жоржъ долженъ былъ наконецъ попасться. Полиція уже нашла на его слѣды; но справедливость требуетъ сказать, что никто не согласился предать его, хотя всѣ вродѣ желали, чтобъ онъ былъ арестованъ. Тѣ, которые отваживались принимать его, не хотѣли скрывать его болѣе однихъ сутокъ. Всякій вечеръ онъ долженъ былъ перемѣнять кровъ. 9-го марта, подъ вечеръ, многіе полицейскіе окружили домъ, сдѣлавшійся подозрительнымъ, потому-что въ него входили и изъ него выходили люди неблаговадной наружности. Жоржъ, занимавшій его, пытался выйти отсюда, чтобъ найдти себѣ иное убѣжище. Онъ отправился въ семь часовъ вечера и съѣлъ, близъ Пантеона, въ кабриолетъ, управляемый дочериннымъ слугою, молодымъ отчаяннымъ шуаномъ. Жоржъ просилъ своего спутника ѣхать скорѣе, какъ вдругъ одинъ изъ агентовъ полиціи, прибывшій первый на мѣсто, схватилъ лошадь за узду. Жоржъ инстинктивнымъ выстрѣломъ повергъ его мертвымъ на землю; потомъ выскочилъ изъ кабриолета, чтобъ бѣжать, и далъ другой выстрѣлъ по другому агенту, котораго тяжело ранилъ. Но окруженный народомъ, онъ былъ остановленъ, не смотря на свои усилія. Его тотчасъ же признали за того ужаснаго Жоржа, котораго такъ давно уже искали, и который, наконецъ, попался, чѣмъ произвело въ Парижѣ всеобщую радость.

Жоржъ былъ отведенъ въ полицейскую префектуру. Когда прошло первое душевное волненіе, этотъ глава заговорщиковъ сдѣлался снова совершенно спокоенъ. Онъ былъ молодъ и силенъ, имѣлъ широкія плеча, лицо полное, болѣе открытое и ясное, нежели вращовъ и злое, чего бы можно было ожидать по его роли. Про него были pistols, кинжалъ и шестьдесятъ тысячъ франковъ, золотомъ и банкнотами билетами. Будучи тотчасъ же допрошенъ, онъ, не колеблясь, сообщилъ свое имя и поводъ своего пребыванія въ Парижѣ. Онъ прибылъ, по словамъ его, чтобъ сдѣлать нападеніе на перваго консула, но вкравшись съ четырьмя убійцами въ его дворецъ, но попалъ на него открыто, посреди его консульской гвардіи. Онъ долженъ былъ действовать въ сообществѣ французскаго принца, который предлагалъ

даться во Францію, но который еще не приѣхалъ. Жоржъ почти гордился совершенно-новымъ характеромъ этого заговора, который онъ очень старался отличать отъ простаго злодѣйскаго умысла. «Но вы послали же» говорилъ ему: «Сен-Режана въ Парижъ, приготовить здѣсь адскую машину?» — Я высылалъ его, отвѣчалъ Жоржъ: — но не предписывалъ ему средствъ, которыми онъ долженъ былъ воспользоваться.» Иблкое оправданіе, служащее явнымъ доказательствомъ, что Жоржъ не былъ чуждъ этому страшному покушенію! Впрочемъ, относительно жего, касавшагося другихъ, а не его-самого, этотъ смѣлый заговорщикъ упорно не давалъ отыта, повторяя, что уже довольно жертвъ, и что онъ не хочетъ увеличивать числа ихъ.

Послѣ зрестованія Жоржа и слыанныхъ имъ самымъ показаній, нелзя было болѣе сомнѣваться въ существованіи заговора, и первый консулъ былъ оправданъ; никто не могъ болѣе повторять, какъ повторила мѣсяць тому назадъ, что полиція сама выдумывала открываемую ею ковы; всякій, принадлежавшій къ партіи роллистской, долженъ былъ только потупить глаза, видя, что принцъ французскій обѣщаетъ явиться во Францію съ шайкою шуацовъ и дать такъ-называемое сраженіе на большой дорогѣ. Правда, оставалось еще сказать въ извѣщеніи, что принцъ не явился бы. Это возможно и даже вѣроятно; но лучше было бы сдержать свое слово, нежели по-пусту обѣщать несчастнымъ, которые рисковали своею головою, основываясь на таинствѣ увѣренійхъ. Не только Жоржъ, но и друзья графа д'Артуа, де-Ривьеръ и де-Полиньякъ, свидѣтельствовали, что французскій принцъ долженъ былъ быть съ ними. Они были увѣрены, что не подвергаютъ его чрезъ то никакой опасности, потому-что онъ защищенъ всею широтою Ла-Мизипа. Безразсудные и не подозрѣвали, что были другіе принцы, менѣе-обезопасенные, которые могли заплатить свою кровью и ковы, замысленные въ Лондонѣ.

О, еслибъ первый консулъ удовольствовался тѣмъ, что имѣлъ подлркую, для смущенія враговъ своихъ! Онъ имѣлъ средство заставить ихъ затрепетать, присудивъ имъ наказанія, опредѣленные во французскихъ кодексахъ; еще болѣе — онъ могъ привести ихъ въ страшное смущеніе, потому-что уликъ совершенно уничтожали ихъ. Чего еще было болѣе для его безопасности и счастья? Но, какъ мы уже сказали, спосходительный къ революціонерамъ, онъ былъ исполненъ негодованія противъ роллистовъ, былъ возмущенъ ихъ неблагодарностью, и ршился дать имъ почувствовать тяжесть своего могущества. Впрочемъ, въ его сердца, кромѣ мести, господствовало и другое чувство: что-то похожее на гордость. Онъ во всеуслышаніе говорилъ всѣмъ и каждому, что Бурбонъ для него все равно, что Мордъ или Пингрю, и еще менѣе; что эти принцы, считая себя неприкосновенными, по своей ковы вперга въ опасность ипожество несчастныхъ всѣхъ состояній, и потому укрылись за море; но онъ, наконецъ, схватитъ одного изъ нихъ, разстрѣлетъ его, какъ простаго преступника; нужно, чтобъ всякій зналъ, что онъ не боится съ ними дѣлать дѣла, касающагося его особы; онъ ставитъ

же боится пролить кровь Бурбоновъ, какъ кровь послѣдняго изъ шуазонвѣ, и вскорѣ покажетъ святу, что вся партія равны передъ нимъ.

Никто не смѣлъ ему противорѣчить. Кромѣ консула Камбасереса, всѣ льстили этому гяву, который, въ настоящую минуту, и безъ дести, могъ сдѣлать страшнымъ и, быть-можетъ, жестокимъ.

Эта мысль обрушить всю кару на однихъ роляпстовъ и оказывать милосердіе только революціонерамъ, такъ вкоренилась тогда въ душу перваго консула, что онъ пытался сдѣлать для Пашгрю то же, что хотѣлъ сдѣлать для Морё. Имъ овладѣла глубокая жалость при мысли объ ужасномъ положеніи этого знаменитаго генерала, сдѣлавшагося сообщникомъ шуазонвѣ, долженствовавшаго потерять передъ судилицемъ не только жизнь, но и послѣдніе останки своей чести. «Славный конецъ», сказалъ онъ Реалю: «славный конецъ для покорителя Голландіи! Вотъ уже долгое время думаю я о Кайеннѣ; это лучший уголокъ земнаго шара для основанія тамъ колоніи. Пашгрю жилъ тамъ изгвенникомъ, онъ знаетъ эту страну; онъ способенъ всѣхъ нашихъ генераловъ основать тамъ большую колонію. Ступайте въ его темницу; скажите ему, что я прощаю ему, и хочу дать почувствовать всю строгость правосудія не ему, не Морё, ни имъ подобнымъ. Спросите у него, сколько ему нужно людей и милліоновъ для основанія колоніи въ Кайеннѣ; я дамъ ему все, и онъ будетъ имѣть случай загладить свою вину, оказавъ услуги Франціи.»

Реаль принесъ въ темницу Пашгрю эти благородныя слова. Тотъ сначала не вѣрилъ ушамъ своимъ, думалъ, что его хотѣли обольстить обѣщаніями, чтобъ онъ измѣнилъ своимъ товарищамъ по несчастію. Вскорѣ, убѣжденный увѣреніями Реала, нетребовавшаго никакихъ признаній, потому-что все уже было извѣстно, онъ былъ глубоко тронутъ: замкнутая душа его раскрылась, онъ заплакалъ и много говорилъ о Кайеннѣ. Онъ признался, что, по какому-то странному предвѣднію, часто, въ своемъ изгнаніи, мечталъ о томъ, что можно было бы тамъ сдѣлать, и даже приготовилъ проекты. Читатель вскорѣ увидитъ по какому роковому стеченію обстоятельствъ великодушныя намѣренія перваго консула были повершены плачевною катастрофою.

Съ живѣйшимъ нетерпѣніемъ поджидалъ первый консулъ извѣстія отъ полковника Саварі, засѣвшаго на сторожѣ съ пятьюдесятью челомъ камн на Бивилльскомъ-Утесѣ. Слишкомъ три недѣли сторожилъ полковникъ, и никто не приставалъ къ берегу. Наконецъ, Саварі долженъ былъ объявить, что выжидать прибытія принца еще долѣе и бесполезно и вапрасно.

Первый консулъ, досадуя на такую неудачу, обращалъ взоры всюду, гдѣ жили принцы-эмигранты. Однажды утромъ, сидя въ своемъ кабинетѣ, гдѣ были также Талейранъ и Фушэ, онъ заставилъ высчитывать передъ собою членовъ этой злополучной фамиліи, достойной сожалѣнія столько же за свои ошибки, какъ и за свои несчастія. Ему говорили, что Лудовикъ XVIII, съ герцогомъ ангулемскимъ, имѣлъ пребываніе въ Варшавѣ; что графъ д'Артуа и герцогъ беррискій находились въ Лондонѣ; что принцы Кондэ были также въ Лондонѣ, кромѣ

одного, третьяго, самаго младшаго, самаго предприимчиваго, герцога зигенскаго, который жилъ въ Эттенгеймъ, неподалеку отъ Страсбурга. Съ этой стороны, также гг. Тейлоръ, Смитъ и Дрекъ, англійскіе агенты, старались дѣйствовать своими интригами. Мысль, что этотъ юный принцъ могъ воспользоваться страсбургскимъ мостомъ, такъ же какъ графъ д'Артуа хотѣлъ воспользоваться Бивилльскимъ Утесомъ, вспала внезапно на умъ первому консулу, и онъ рѣшился отправить смышленнаго агента для мѣстныхъ развѣдокъ. Нашелся такой человекъ, который служивалъ нѣкогда, въ своей молодости, при принцахъ Кондэ. Ему было приказано перерядиться, отправиться въ Эттенгеймъ и собрать свѣдѣнія о принцѣ, его образѣ жизни, его отношеніяхъ.

Агентъ отправился съ этимъ порученіемъ и пріѣхалъ въ Эттенгеймъ. Принцъ жилъ здѣсь уже нѣсколько времени подлѣ кляшны де-Роанъ, къ которой былъ очень привязанъ, для свое время между этою любовью и страстью къ охотѣ по дебрямъ Шварцвальда. Онъ получалъ приказаніе отъ британскаго кабинета отправиться на берега Рейна, безъ сомнѣнія въ чашии движеніи, на счетъ котораго гг. Дрекъ, Смитъ и Тейлоръ суетно обнадеживали свое правительство. Этотъ принцъ думалъ, что онъ долженъ будетъ въ скоромъ времени воевать съ своею родиною,—плачевная роль, которую онъ уже раздѣлялъ въ продолженіе многихъ лѣтъ. Но нѣтъ никакихъ доказательствъ, чтобъ онъ зналъ о заговорѣ Жоржа. Напротивъ, все заставляетъ думать, что онъ не зналъ о немъ. Онъ часто отлучался на охоту, и даже, говорили нѣкоторые, отправлялся въ театръ, въ Страсбургъ. Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ слухъ имѣлъ довольно основанія, потому что и отецъ принца писалъ сыну изъ Лондона, советуя ему въ довольно-строгихъ выраженіяхъ быть благоразумнѣе. Принцъ имѣлъ при себѣ нѣсколько эмигрантовъ, привязанныхъ къ нему, и между ними какого-то маркиза Тюмри.

Агентъ, отправленный для развѣдыванія, прибылъ переодѣтый и сообразъ, въ самомъ домѣ принца, въожество подробностей, изъ которыхъ умая предубѣжденнымъ легко было извлечь роковыя наведенія. Говорили, что молодой герцогъ часто отлучался, что онъ отлучался даже на нѣсколько дней, а иногда, присвокупляли они, отправлялся и въ Страсбургъ. Онъ имѣлъ при себѣ человека, котораго представляли гордо-значительнѣе, нежели какъ онъ былъ на-самомъ-дѣлѣ, и котораго имя Нъвцы произносили дурно, такъ-что можно было подумать, что то былъ генералъ Дюмурьё. Этотъ человекъ былъ маркизь Тюмри, о которомъ мы упомянули, и котораго агентъ, обманутый нѣмецкимъ провишошеніемъ, добродушно принялъ за славнаго генерала Дюмурьё. Онъ выставилъ вся эти подробности въ своемъ рапортѣ, написанномъ, какъ видимъ, подъ вліяніемъ самыхъ несчастныхъ недоразумѣній, и отправилъ его немедленно въ Парижъ.

Роковой рапортъ прибылъ 10 марта, утромъ. Наканунъ вечеромъ, къ почтѣ, и еще въ утро того же дня, нѣсколько разъ было слышно не менѣе роковое показаніе. Дериданъ, служитель Жоржа, задер-

жанный вѣдѣть съ нимъ, показавъ на допросахъ, что принцъ находился во главѣ заговора; что этотъ принцъ долженъ былъ пріѣхать въ Парижъ, или даже уже и прибылъ; что самъ онъ даже встрѣтилъ въ этомъ, ибо онъ нѣсколько разъ выпалъ у Жоржа какого-то молодого человека, хорошо воспитаннаго, хорошо одѣтаго, бывшаго предметомъ всеобщаго уваженія. Это показаніе, часто повторяемое, и всякій разъ съ новыми подробностями, было доведено до свѣдѣнія перваго консула. Въ ту же минуту, представленъ былъ ему и рапортъ агента; этотъ рапортъ и это показаніе произвели въ головѣ перваго консула самое гибельное стеченіе мыслей. Отлучки герцога ангенскаго имѣли связь съ минимымъ присутствіемъ принца въ Парижъ. Этотъ молодой человекъ, къ которому заговорщики показывали столько уваженія, не могъ быть принцемъ, прибывшимъ изъ Лондона, потому что Бивилльскій-Утесъ былъ стерегомъ съ величайшимъ тщаніемъ. Это могъ быть только герцогъ ангенскій, прибывавшій въ двое сутокъ изъ Этенгейма въ Парижъ и возвращавшійся изъ Парижа въ Этенгеймъ въ такое же время, послѣ нѣсколькихъ минутъ, проведенныхъ имъ посреди своихъ сообщниковъ. Но, въ глазахъ перваго консула, эту несчастлиную догадку болѣе всего подкрепляло минимое присутствіе Дюмурье. Итакъ, Вурбонъ хотѣли войти во Францію въ сопровожденіи двухъ главныхъ генераловъ республики. Но обыкновенію, столь-здравая, столь-франкская голова перваго консула не выдержала при такомъ множествѣ обманчивыхъ видимостей. Онъ былъ убѣжденъ...

Первый консулъ, читая рапортъ агента, посланнаго въ Этенгеймъ, былъ въ ужасномъ волненіи. Онъ очень-дурно принялъ Реала, пришедшаго въ ясну въ ту минуту, и упрекалъ его за то, что онъ такъ долго оставялъ его въ невѣдѣніи о столь-важныхъ обстоятельствахъ. На этотъ разъ, море не удерживало его; Рейнъ, герцогъ баденскій, германскій союзъ не были ему препонами. Онъ тотчасъ же созвалъ чрезвычайный совѣтъ, составленный изъ трехъ консуловъ, министровъ и Фуше, сдѣлавшагося снова министромъ на дѣлѣ, хотя онъ и не былъ министромъ по названію. Въ то же время, Бонапарте призналъ въ Тюльери генераловъ Оранера и Коланкура. Но въ ожиданіи этихъ господъ, онъ бралъ карты Рейна, чтобъ составить планъ похищенія, и, не находя ихъ, которыя искалъ, опрокинулъ въ смущеніи на полъ всѣ карты своей библіотеки. Менваль, человекъ кроткій, умный, непоколебимо-честный, безъ котораго первый консулъ никогда не могъ обойтись, потому-что Бонапарте диктовалъ ему свои самыя секретныя письма, Менваль въ этотъ день отлучился на нѣсколько минутъ. Бонапарте приказалъ позвать его въ Тюльери, обсыпалъ его мало-заслуженными упреками на его отсутствіе, и продолжалъ свою работу надъ картою Рейна въ необыкновенномъ душевномъ волненіи.

Во время совѣщанія совѣта, первый консулъ едва слушалъ все, что говорилось за и противъ его мнѣнія; онъ уже твердо рѣшился поставить на своемъ; ошачожь не негодовалъ на консула Камблатереса за его противорѣчіе. «Я знаю», сказалъ онъ: «побужденіе, заставляющее васъ гдворить; это ваше расположеніе ко мнѣ. Благодарю васъ; но не до-

пушу убить себя не запинаясь. Я хочу привести этих людей въ трепеть, и научить ихъ быть потише».

Въ-слѣдъ за тѣмъ, онъ отдалъ приказаніе, въ присутствіи генерала Бертэ, полковникамъ Орлиеру и Колэнкуру. Полковникъ Орлиеръ долженъ былъ отправиться на берега Рейна, взять съ собою 300 драгунъ, нѣсколько контонёровъ и нѣсколько бригадъ жандармовъ, снабдить эти войска продовольствіемъ на четыре дня, взять сумму денегъ, чтобъ не быть въ тягость жителямъ, перейти рѣку при Рейнау, устроиться на Эттенгеймъ, окружить этотъ городъ, схватить принца и всѣхъ окружающихъ его эмигрантовъ. Въ-слѣдъ за тѣмъ, полковникъ Колэнкуръ долженъ былъ явиться къ великому герцогу баденскому, представить ему ноту, въ которой содержались объясненія совершеннаго поступка. Объясненіе состояло въ томъ, что госуларство, терпѣвшее скорпще эмигрантовъ, вынудило французское правительство разсѣять ихъ; что, сверхъ-того, необходимость дѣйствовать скоро и тайно не дозволяла предварительно снестись съ баденскимъ правительствомъ.

Не нужно присовокуплять, что, давая эти приказанія офицерамъ, долженствовавшимъ ихъ выполнить, первый консулъ не бралъ на себя труда объяснять, каковы были его намѣренія при похищеніи принца, ни того, что онъ хотѣлъ съ нимъ сдѣлать. Онъ отдавалъ приказанія, какъ генералъ, людямъ, повиновавшимся ему какъ истинные солдаты. Однакожь полковникъ Колэнкуръ, родственными отношеніями связанный съ старою королевскою фамиліею, и въ-особенности съ Кондэ, былъ въ глубокомъ уныніи, хотя ему на долю досталось только отвѣти письмо и хотя онъ вовсе не предвидѣлъ готовившейся страшной катастрофы.

Приказанія, данныя первымъ консуломъ, были выполнены со всею точностью. Принцъ, при видѣ опасности, хотѣлъ сначала защищаться, но вскоре увидѣлъ невозможность, сдался и былъ отвезенъ въ Страсбургъ, гдѣ и завертъ въ цитадель.

Въ Эттенгеймъ не было найдено ни важныхъ бумагъ, которыя па-льмался захватить, ни генерала Дюмурьё. Рапортъ, содержащій въ себѣ безплодныя подробности арестованія, былъ немедленно отправленъ въ Парижъ.

Результатъ экспедиціи долженъ былъ бы показать первому консулу и его совѣтникамъ бирометчивость составленныхъ ими предположеній. Въ-особенности многознаменательна была ошибка на-счетъ генерала Дюмурьё. Но вотъ какія мысли овладѣли, къ-несчастью, первымъ консуломъ и людьми, думавшими согласно съ нимъ при этомъ обстоятельстве. Правительство имѣло въ рукахъ своихъ одного изъ принцевъ Бурбонскихъ; подобно было показать надъ нимъ ужасный примѣръ, или по крайней мѣрѣ презрительныя насмѣшки со стороны роялистовъ. Они не преминули бы сказать, что правительство, совершивъ безразсудный поступокъ; похитивъ принца изъ Эттенгейма, струсило общественнаго мнѣнія, поболало Европы, — словомъ, что оно хотѣло сдѣлать преступленіе, но не имѣло на то смѣлости. Въ-мѣсто того, чтобъ дать имъ поводъ смѣяться, лучше заставить ихъ трепетать. Кромѣ того, принцъ имѣлъ преимущество въ Эттенгеймѣ, безъ-сомнѣнія, съ намѣреніемъ способствовать дви-

женію эмигрантовъ во Францію, съ намѣреніемъ возсламенить гражданскую войну, и еще разъ поднять оружіе на свое отечество. За всѣ эти дѣйствія, какъ за тѣ, такъ и за другія, назначались строгія наказанія по законамъ всѣхъ временъ: должно было и теперь наказать за нихъ.

Въ то время, какъ приближалось страшное жертвоприношеніе, первый консулъ хотѣлъ быть однимъ.

Онъ отправился, 18 марта, въ вербное-воскресенье, въ Мальмезонъ, гдѣ вѣрнѣе всего могъ найти уединеніе и спокойствіе. За исключеніемъ консуловъ, министровъ и своихъ братьевъ, онъ не принималъ никого. Онъ расхаживалъ здѣсь по цѣлымъ часамъ, стараясь придать лицу своему спокойный видъ, хотя покой былъ далекъ отъ его сердца. Лучшимъ доказательствомъ его душевнаго волненія служить самая его праздность: онъ не продиктовалъ ни одного письма въ продолженіе своего восьмидневнаго пребыванія въ Мальмезонѣ. — единственный примѣръ праздности въ его жизни, а между-тѣмъ еще нѣсколько дней тому, Брестъ, Булонь, Тексель занимали всю дѣятельность его мысли! Жена его, знавшая, какъ и все его семейство, объ арестованіи принца, — жена, которая, при неодолимой своей симпатіи къ Бурбонамъ, ужасалась пролитія королевской крови, съ предчувствіемъ сердца, свойственнымъ женщинамъ, быть-можетъ, провидѣла въ этомъ жестокомъ поступкѣ возможность новаго мщенія на ее супруга, ея дѣтяхъ, ей самой, — жена его, обливаясь слезами, нѣсколько разъ говорила ему о принцѣ, еще не вѣря, но страшась, чтобъ его погибелъ, не была уже рѣшена. Первый консулъ, гордившійся тѣмъ, что можетъ сдерживать движенія своего сердца, благороднаго и добраго, что бы ни говорили люди, ненавидіе его, — первый консулъ отталкивалъ эти слезы, которыхъ дѣйствія на самого-себя страшился. Онъ отвѣчалъ госпожѣ Бонапарте, стараясь придать своимъ словамъ строгій тонъ «Ты — женщина; ты ничего не понимаешь въ моей политикѣ; твоя роль — молчать.»

Несчастный принцъ отправился 18 марта изъ Страсбурга и прибылъ 20-го, въ Парижъ, въ полдень.

По военнымъ законамъ, дивизионный командиръ долженъ былъ составить комиссію, собрать ее, и дать приказъ привести въ исполненіе сентенцію суда. Мюратъ былъ комендантомъ Парижа и дивизионнымъ командиромъ. По полученіи указа консуловъ, онъ былъ объятъ скорбію. Мюратъ былъ храбръ, иногда опрометчивъ, но очень-добръ. Онъ съ отчаяніемъ сказалъ одному изъ своихъ друзей, показывая ему пистолетъ свой, что первый захочетъ обрызгать его кровью. Онъ успѣшилъ въ Сен-Клу изъяснить своему грозному шурина чувствованія, которыми былъ проникнутъ. Первый консулъ скрилъ подъ желѣзною безчувственною наружностью свое внутреннее волненіе. Онъ опасался, чтобъ его правительство не показалось слабымъ передъ отрасльемъ вражьяго поколѣнія. Онъ отвѣчалъ Мюрату грозными словами, упрекалъ его за слабость, которую онъ чистилъ презрительными выраженіями, и, въ-заключеніе, сказалъ ему съ важностью, что инокрость то

что называлъ его трусостью, и подпишетъ самъ своею консульскою рукою всѣ сегодняшніе приказы.

Первый консулъ призвалъ къ себѣ полковника Саварі, который готовъ былъ отдать своему властелину и жизнь свою, и честь. Первый консулъ приказалъ написать приказы, самъ подписалъ ихъ, потомъ велѣлъ Саварі отнести ихъ Мюрату и отправиться въ Венсенъ, чтобъ присутствовать при приведеніи ихъ въ исполненіе. Эти приказы были полны и положительны. Они заключали въ себѣ составъ комиссіи, назначеніе гарнизонныхъ полковниковъ, долженствовавшихъ быть ея членами, опредѣленіе генерала Гюллена президентомъ комиссіи, приказаніе собраться тотчасъ же, чтобъ кончить все въ эту ночь; и если, какъ и нельзя было сомнѣваться, приговоръ будетъ смертнымъ, то немедленно совершить экзекуцію надъ преступникомъ. Отрядъ «отборныхъ жандармовъ» и гарнизона долженъ былъ отправиться въ Венсенъ, для охраненія суднища и выполненія сентенціи. Таковы были эти роковые приказы, подписанные рукою самого первого консула. По закону, они должны были бы выполняться отъ имени Мюрата, но на дѣлѣ онъ не принималъ ни малѣйшаго въ нихъ участія.

Между-тѣмъ, оставалось еще средство спасти несчастнаго принца. Реаль долженъ былъ пріѣхать въ Венсенъ, чтобъ сдѣлать ему подробный допросъ и исторгнуть отъ него признаніе на счетъ заговора, въ которомъ его все еще считали соучастникомъ, не имѣя возможности привести законныхъ доказательствъ. Самъ Марё, вечеромъ, завезъ къ государственному совѣтнику Реалю письменное приказаніе отправиться въ Венсенъ для допроса. Реаль, изъ чистосердечнаго показанія узника, узнавъ его невиновность, могъ бы еще, и послѣ произнесенія приговора, спасти герцога ангенскаго.

Это былъ послѣдній шансъ, остававшійся для спасенія жизни юнаго принца и для избавленія первого консула отъ великой ошибки. Первый консулъ думалъ о томъ въ настоящее время, даже послѣ данныхъ уже приказаній. И дѣйствительно, въ этотъ печальный вечеръ 20 марта, онъ заперся въ Мальезонъ съ своею женою, секретаремъ, нѣкоторыми дамами и нѣсколькими офицерами. Одинокій, разсѣянный, притворявшійся спокойнымъ, онъ наконецъ присѣлъ къ столу и сталъ играть въ шахматы съ одною изъ знатнѣйшихъ дамъ консульскаго двора (*), которая, зная, что принцъ прибылъ, трепетала отъ ужаса, повышая, какія можетъ имѣть послѣдствія этотъ роковой день. Она не смѣливалась поднять глазъ на первого консула, который, въ разсѣяніи, нѣсколько разъ говорилъ про себя извѣстнѣйшіе стихи французскихъ поэтовъ о милосердіи, — сперва стихи вложенные Корнелемъ въ уста Августа, потомъ тѣ, которые Вольтеръ вложилъ въ уста Альзирѣ.

(*) Эта дама — госпожа де-Ремюзэ; она помѣстила разсказъ объ этомъ происшествіи въ своихъ запискахъ, остающихся доселѣ въ рукописи, и столь же интересныя, какъ и остроумно-написанныя.

Въ этотъ не могло быть кровавой проли; она была бы слишкомъ-низка и бесполезна. Но этотъ человекъ, столь твердый, былъ въ душевномъ волненіи и по-временамъ представлялъ самому-себѣ величїе, благородство прошенія, данного побѣжденному и обезоруженному врагу. Эта дама думала, что принцъ спасенъ, и радовалась.... Къ-несчастью, это было не такъ!

Комиссія собралась на-скоро. Члены ея по-большой-части не знали о какомъ преступникѣ идетъ дѣло. Имъ сказали, что это былъ эм-грантъ, преслѣдуемый за злоумышленіе противъ законовъ республики. Имъ сообщили его имя. Нѣкоторые изъ этихъ солдатъ республики, бывшіе еще дѣтьми въ то время, какъ рушилась монархія, сама знали, что имя герцога авгьенскаго было именемъ «въроатнаго наследника» Кондэ. Принцъ былъ приведенъ предъ нихъ. Онъ былъ спокоенъ, даже гордъ, и не зналъ еще судьбы, его ожидавшей. На вопросъ о его имени и дѣйствіяхъ, онъ отвѣчалъ съ твердостью, отвергъ всякое участіе со своей стороны въ заговоръ, преслѣдуемый въ настоящее время правосудіемъ, но сознался, можетъ-быть, съ излишнею хвастливостью, что онъ служилъ противъ Франціи, и находился на берегахъ Рейна за тѣмъ, чтобъ снова начать службу и съ тѣмъ же намѣреніемъ. Опасность еще болѣе возвышала благородство его признаній, но они оскорбляли старыхъ солдатъ, привыкшихъ проливать кровь свою на защиту отечества. Это впечатлѣніе было губительно. Принцъ нѣсколько разъ настойчиво требовалъ свиданія съ первымъ консуломъ. Онъ отвѣденъ былъ въ вышку замка, и комиссія начала свои совѣщанія. Сердца этихъ солдатъ были тронуты юностью и мужествомъ принца. Но законы республики и всѣхъ временъ наказывали смертью измену отечеству. Однакожъ, и въ-отношеніи къ принцу, было нарушено довольно законовъ: онъ былъ схваченъ на чужой территоріи, лишентъ всякаго защитника; все это должно было подвѣствовать на рѣшимость судей. Но поверженные въ сильное смущеніе, эти несчастные судьи, несказанно-опечаленные своею ролью, произнесли смертнйй приговоръ. Между-тѣмъ, нѣкоторые изъ нихъ изъявали желаніе повергнуть сентенцію суда на милосердіе перваго консула и въ-особенности представить ему лично принца, который требовалъ съ ними свиданія. Но утрепніе приказы, повѣлявашіе покончить все въ ночь, были опредѣлительны. Одинъ Реаль могъ, по прибытіи своемъ, и по сдѣланіи допроса принцу, потребовать отсрочки. Реаль не являлся. Ночь протекла, приближался день. Принцъ былъ отвѣденъ въ ровъ замка и палъ тамъ съ твердостью, достоинствомъ его рожденія, подъ выстрѣлами солдатъ, съ которыми онъ столько разъ сражался, находясь въ рядахъ австрійскихъ. Жалкія возмездія въ эпоху гражданской войны! Онъ былъ погребенъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ палъ. Полковникъ Саваріи отправился немедленно донести первому консулу о выполненіи его приказовъ.

На дорогѣ онъ встрѣтился съ Реалемъ, который ѣхалъ допрашивать узника. Этотъ государственный совѣтникъ, истомленный работою, продолжавшеюся нѣсколько дней и нѣсколько ночей, заврѣтилъ слугамъ

своей судьбы себя. Приказъ первого консула былъ отданъ ему только въ пять часовъ утра. Онъ отправился, но уже слишкомъ поздно. Это не было умысленною козней, имъвишемъ въ виду вовлечь первого консула въ преступленіе; — ни мало. Это была случайность, просто случайность, лишившая несчастнаго принца единственной возможности спасти свою жизнь, а первого консула счастливаго случая спасти отъ помраченія свою славу.

Полковникъ Саварі въ сплномъ волненіи прибылъ въ Мальмезонъ. Его появленіе было причиною печальной сцены. Госпожа Бонапартъ, увидя его, догадалась, что все было кончено, и заплакала. Колетюръ испускалъ крики отчаянія, говоря, что его имя хотѣли обезславить. Полковникъ Саварі проникъ въ кабинетъ первого консула, бывшаго свиданъ съ Менвалемъ. Онъ рапортовалъ ему о происшедшемъ въ Венсеннъ. Первый консулъ тотчасъ же спросилъ его: «Видѣлся ли Реаль съ узникомъ?» Лишь-только полковникъ успѣлъ отвѣчать отрицательно, какъ явился Реаль и съ трепетомъ сталъ извиняться въ невыполненіи полученнаго повелѣнія. Не выразивъ ни одобренія, ни порицанія, первый консулъ отослалъ отъ себя эти брудія своей воли, заперся въ одной изъ комнатъ своей библіотеки и пребылъ тамъ въ удивленіи нѣсколько часовъ.

Вечеромъ, нѣкоторые особы его семейства обѣдали въ Мальмезонъ. Лица всѣхъ были серьёзны и печальны. Никто не осмѣливался начать разговоръ, никто не произнесилъ ни слова. Первый консулъ безмолвствовалъ подобно псамъ. Наконецъ, это молчаніе привело всѣхъ въ смущеніе. По выходѣ изъ-за стола, первый консулъ самъ прервалъ молчаніе. Въ эту минуту явился де-Фонтаинъ, и одинъ вступилъ въ разговоръ съ нимъ. Но онъ все только слушалъ и изрѣдка давалъ отвѣты. Первый консулъ, почти не переставая говорить, я желая наполнить пустоту, оставленную молчаніемъ присутствующихъ, разсуждалъ о государяхъ всѣхъ временъ, о римскихъ императорахъ, о французскихъ короляхъ, о Тацитѣ, о приговорахъ этого историка, о жестокостяхъ, часто приписываемыхъ главамъ имперій, тогда-какъ они успѣвали только неизбежной необходимостью; наконецъ, дошелъ длинною околѣею до трагическаго происшествія настоящаго дня, онъ произнесъ слѣдующія слова: «Хотятъ уничтожить революцію, добираясь до меня; но я защищу ее, потому-что я самъ революція, я, я самъ... Съ сего-дня на это обратятъ вниманіе, потому-что увидятъ, на что мы способны рѣшиться.»

Прискорбно для чести человѣчества, но мы должны сказать, что страхъ, внушенный первымъ консуломъ, подѣйствовалъ успѣшно на принцевъ Бурбоновъ и на эмигрантовъ. Они перестали считать себя въ безопасности, видя, что даже и германская почва не укрыла несчастнаго герцога лигьенскаго, — и, съ этого дня, прекратились подобныя разговоры. Но такая жалкая полезность не можетъ оправдать подобныхъ поступковъ! Лучше бы одною опасностью больше для особы первого консула, столь-часто подвергавшагося опасностямъ на поляхъ битвы, нежели безопасностью, купленная такою цѣною...

Вскорѣ по всему Парижу распространилась молва, что эрццъ былъ схваченъ, перевезенъ въ Венсенъ и разстрелянъ. Эффектъ былъ великъ и плачевенъ. Со времени арестованія Пашгрю и Жоржа, первый консулъ сдѣлался предметомъ всеобщей заботливости. Вся негодовала на людей, вступившихъ въ сообщество съ шуанами, угрожавшихъ его жизни; всѣ были очень строги къ Морб, котораго виновность, менѣе доказанная, начинала однакожь дѣлаться вѣроятною, возсылали пламенные обеты за человека, неперестававшаго быть, въ глазахъ всѣхъ, гениемъ-хранителемъ Франціи. Кровавая венсенская экзекуція произвела внезапную реакцію. Ромлисты были чрезвычайно раздражены и еще болѣе утрачены; но люди честные опечалились, увидя, что доселѣ дивное правительство обогрило въ крови свои руки, въ одинъ день сравнялось съ убійцами Людовика XVI, и, надо сознаться, — сравнялось, не будучи въ состояніи представить въ извиненіе революціонерыи страсти, которыя въ 1793 году смущали самыя крѣпкія головы и наилучшія сердца.

Довольны были только отчаянные революціонеры, которыхъ безумное царствованіе первый консулъ пришелъ покончить. Они находили, что онъ въ одинъ день почти уподобился имъ. Ни кто изъ нихъ не страшился болѣе, чтобъ генералъ Бонапарте сталъ впродъ трудиться для Бурбоновъ.

Странна бѣдность ума человѣческаго! Этотъ необыкновенный человекъ, обладавшій такимъ большимъ, такимъ прямымъ умомъ, такимъ благороднымъ сердцемъ, еще недавно такъ грозно судилъ революціонеровъ и ихъ неистовства! Онъ упрекалъ ихъ въ пролитіи крови Людовика XVI, въ обезславленіи революціи, въ отчужденіи Франціи отъ Европы! Онъ судилъ такъ въ спокойномъ духѣ; и вдругъ, когда всѣхъ нули его страсти, онъ, въ одинъ мигъ, уподобился своимъ предшественникамъ-цареубійцамъ и поставилъ себя въ-отношеніи къ Европѣ въ такую нравственную оппозицію, которая вскорѣ сдѣлала всеобщую войну неизбежною и принудила его искать мира, — правда, величайшаго мира, — на предѣлахъ Европы, въ Тильзитѣ!

Подобныя зрѣлища могутъ смутить гордыню разума человѣческаго. Они доказываютъ, что гений самый высшій не спасаетъ отъ самыхъ жалкихъ ошибокъ, когда человекъ, хоть на мгновеніе, предастъ управленіе самимъ собою произволу страстей!

Грустное зрѣлище! Здѣсь всѣ являются виновными, даже и жертвы здѣсь видимъ мы, какъ Французы дѣлаются орудіями британскаго величія противъ французскаго величія; Бурбоны, сыновья, братья королей, предназначенные судьбою быть въ свою очередь королями, вступаютъ въ сообщество съ разбойниками; послѣдній изъ Кондэ платитъ своею кровію за заговоры, въ которыхъ онъ неповиненъ, и этотъ Кондэ, котораго хотѣли бы видѣть мы безъукоризненнымъ, потому что онъ былъ жертвою, — дѣлается также виновенъ, ставъ и въ этотъ разъ подъ британское знамя противъ французскаго знамени; наконецъ великій человекъ, увлеченный глѣзомъ, истиннымъ самосохраненіемъ, гордостью, теряетъ въ одну минуту эту мудрость, которой дѣлалась

вселенная, и спускаться до роли кровавых революционеров, которых пришел сокрушить своими победоносными руками, и не подражать которымъ внималъ себя въ славу! Роковое сцѣпленіе страстей человѣческихъ! Пораженный хочетъ разить въ свою очередь; ударъ въ то же мгновеніе отражается ударомъ; кровь требуетъ крови, и революціи дѣлаются такимъ-образомъ рядомъ кровавыхъ возмездій, которыя были бы вѣчны, еслибъ не наставалъ, наконецъ, день, когда люди останавливаются, перестаютъ отражать ударъ ударомъ, заиваютъ эту цѣпь отмщеній правосудіемъ спокойнымъ, безпристрастнымъ, челолюбивымъ, когда люди ставятъ даже надъ самымъ строгимъ правосудіемъ, если можетъ быть что-нибудь выше его, — попытку возвышенную и основидящую, которая, изъ приговоровъ судавищъ, допускаетъ приводить въ исполненіе только самые необходимые, давая позволаніе сердцамъ заблудшимъ, могущимъ еще возвратиться на путь добра и разума. Защищать общественный порядокъ, сообразуясь съ строгими правилами правосудія и не внимая голосу мести, — вотъ урокъ, который должно извлечь изъ этихъ трагическихъ событій. Но изъ нихъ должно извлечь еще и другой урокъ — судить съ снисходительностью людей всѣхъ партій, которые, будучи вскормлены посреди растаительныхъ смуть гражданской войны, непрерывно раздражаемые видомъ крови, не имѣя къ жизни другъ друга того уваженія, которое, къ счастью, вдохновили въ насъ время, размышленіе и продолжительный миръ.

ОБЫТЪ О ПЕДАГОГИЧЕСКИХЪ СПОСОБАХЪ ПРИ ПЕР- ВОНАЧАЛЬНОМЪ ОБРАЗОВАНІИ ДѢТЕЙ (*).

Говорить здѣсь о значеніи педагогiи вообще было бы излишнимъ: «Wissen giebt Macht, отъ знанiя — сила», говорятъ Панды: важность науки, имѣющей предметомъ указать средства, которыми прiобрѣтается знанiе, въ обширномъ смыслѣ сего слова, понятна всякому образованному читателю; но я считаю нужнымъ нѣсколько распространиться о той части этой науки, которая относится до младенческаго, или вообще до первоначальнаго воспитанiя, донынѣ, какъ кажется, не вполне-понимаемаго.

Долго вниманiе педагоговъ было обращено на высшія степени ученiя, и только теперь замѣтили, что онѣ недостижимы для человека, съ равныхъ лѣтъ, можетъ-быть, съ четырехлѣтняго возраста, разумно-приготовленнаго. До-сихъ-поръ, еще многіе думаютъ, что настоящее воспитанiе начинается съ двѣнадцатилѣтняго возраста, — это одно изъ опаснѣйшихъ заблужденiй; занимайтесь или не занимайтесь ребенкомъ, учите его или не учите, но съ четырехъ лѣтъ онъ уже воспитывается.

(*) Заимствуемъ эту статью изъ книги, приготовляемой къ изданiю, подъ названiемъ: *Наука до Науки* и предназначенной для занятiй съ дѣтьми отъ шестилѣтняго до девятилѣтняго возраста. Это сочиненiе принадлежитъ къ нѣлому ряду книгъ, составленныхъ извѣстнымъ нашимъ литераторомъ, княземъ В. Ѡ. Одоевскимъ, по части первоначальнаго воспитанiя. Поставленный своимъ обязанностями въ возможность практически наблюдать за предметами элементарной педагогiи, авторъ посвятилъ болѣе восьми лѣтъ на обработку этого труда, пользуясь какъ чужими опытами, такъ и своими собственными. Трудъ его будетъ истинно-отраднымъ явленiемъ въ педагогической литературѣ, по которой еще такъ мало у насъ сдѣлано. По предлагаемой здѣсь статьѣ читатели уже могутъ судить о новостяхъ взгляда и о важности амьдодель, поворомъ отдѣляется все сочиненiе князя Одоевскаго. Ред.

са—если не замѣ, то самимъ собою и всѣмъ его окружающимъ: словами, которыя вы произносите, не думая, что они имъ были замѣчны, вашими поступками, даже неодушевленными предметами, которыя случайно находятся вѣкругъ его.

Все на него действуетъ и оставляетъ неизгладимое впечатлѣніе въ детской душѣ—правильное или неправильное—это зависитъ отъ случая и отъ обстоятельствъ, въ которыя ребенокъ поставленъ. Это наблюдѣніе не ново; оно привело къ заключенію о необходимости давать пищу ранней воспріимчивости челоѣка; эта теорія въ свою очередь породила новое заблужденіе: дѣтей признали за взрослыхъ и засадили ихъ не только за грамоту, но даже за грамматику, арифметику, географію, исторію, мнѣологію. Кто изъ насъ не училъ на память склоненій и спряженій, басенъ, тысячи опредѣленій, демонстрацій, аксіомъ, сентенцій, относительно вовсе-недоступныхъ ребенку предметовъ и понатій, цѣлѣмѣхъ страницъ изъ аббата Миллота и не помню изъ какого-то трактата о мнѣологіи? Результатъ былъ тотъ, что вся эта радѣвая наука была безплодна, что ребенокъ не водвигалъ тяжести на него налагаемой, что мимо этого оффиціального воспитанія, онъ снова воспитывался самъ-собою, незамѣтными для воспитателей обстоятельствами, съ тою разницею, что теперь онъ или получалъ отвращеніе къ наукѣ, или, прійдя въ возрастъ, замѣчалъ, что его всему учили, кромѣ того, что ему нужно для дальнѣйшаго образованія, и что ему остается переручиваться вновь. А между-тѣмъ, переручиваться трудно и возможно лишь до нѣкоторой степени. Слѣды такого направленія, преимущественно въ домашнемъ воспитаніи, часто нелюбомъ и всегда одностороннимъ, оставались неизгладимыми; ибо челоѣка можно *направить*, но не *исправить*: челоѣкъ исправляется лишь самъ собою, т. е. когда самъ сознаетъ необходимость своего исправленія.

Замѣченная нелюбость такого направленія привела къ новому заблужденію: къ стремленію обращать науку въ забаву; отсюда: тысячи карточекъ, забавныхъ книжекъ, игрушекъ, которыя и донныиъ благополучно существуютъ и поддерживаются спекуляціями нашей эпохи иллюстрацій. Впрочемъ, цѣль не переѣнилась: все хотѣлось какъ-можно-скорѣе набить голову ребенка фактами, или сентенціями, какъ-будто сумку. Слѣдствія такого направленія понятны и очевидны: ребенокъ видитъ игрушку, картинку и—тѣмъ и ограничивается; видитъ подъ игрушкою мысль есть такой прочее, для котораго у него еще не приготоѣдено снаряда. Снова ребенокъ, мимо оффиціального воспитанія, воспитывался самъ собою, то-есть, употребляетъ свой снаряда совсѣмъ надъ иными предметами, на случай, безъ всякаго раціональнаго послѣдованія, и издерживалъ безъ пользы свои способности и время, какъ богатый лѣкаръ, который сыплеть сокровища и нуждается въ необходимомъ. Если слѣди двумя способами употребленія силы не ослаблялись въ нѣкоторыхъ дѣтяхъ, то это происходило отъ счастливаго степенія обстоятельствъ, *независимо* отъ усилій воспитателей и часто вопреки силъ усилій.

Чему же учить ребенка, спроситъ меня наконецъ поклонникъ описанныхъ методовъ. Отвѣчаю просто: *ничемъ*, пока употреблена сила ребенка.

не скривились работою надъ тѣмъ, что уже ребенокъ знаетъ; словомъ, все первоначальное воспитаніе (начиналъ съ четырехлѣтняго возраста) должно быть не передача знаній, но усозрѣшеніе того скрлада, которыми приобретаеся знанія.

«Не передавайте человеку знанія, но старайтесь, чтобы онъ получилъ способность самъ доходить до него» — вотъ крайній предѣлъ педагогич во всѣхъ степеняхъ ученія, а тѣмъ болѣе на степени элементарной. Пренебреженіе этой истины даже въ высшихъ степеняхъ образованія порождаетъ лишь мнимо-ученыхъ, которые, обратясь на одинъ какой-либо предметъ, такъ-сказать, привизали всю другія силы души, по ихъ мнѣнію ненужныя для сего предмета, какъ человекъ, который бы привизалъ правую руку для того, чтобы лучше дѣйствовать лавою. Человекъ, умѣющій учиться, выучится всему въ короткое время, что бы ни понадобилось ему въ-продолженіе жизни, какъ человекъ, умѣющій писать, можетъ писать какъ-нибудь угодно перомъ; человекъ, съ раннихъ лѣтъ непривыкшій къ сему умѣнью, можетъ узнать лишь одинъ какой-либо предметъ, да и то не соясать, по связи этого предмета съ другими, а еще случится, что по непредвидимымъ обстоятельствамъ жизни, именно изученный имъ предметъ и окажется для него вовсе непримѣлнымъ. Перо лучшаго краснописца бесполезно въ рукахъ неуникаго писателя; самое полное собраніе рецептовъ бесполезно тому, кто рационально не учился медицинѣ. Учебники, извѣстные подъ названіемъ букварей, грамматикъ, риторикъ, пѣтикъ, ариметикъ, суть такого рода рецепты, полезныя для того, кто уже знаетъ языкъ, или законы чиселъ какъ пособіе памяти, но безплодныя — для начинающаго.

Способы развитія духовнаго скарлада ребенка были предметомъ размышленія многихъ глубокихъ педагоговъ, отъ Песталоцци до нашего времени. Необходимость ощущалась всеми; чувствовали, что чего-то не доставало во всѣхъ блистательныхъ теоріяхъ, что въ исполненіи — что-то не то. Мало-по-малу, достигая до слѣдующихъ по-видимому всема-простыхъ убѣжденій: что въ педагогикѣ много прекрасныхъ теорій но мало примѣняемыхъ; что успѣхъ педагогич, какъ и всякой другой науки, зависитъ отъ долготѣхъ рациональныхъ, практическихъ наблюденій; что въ литературу педагогич еще мало такихъ наблюденій, что совершеннѣйшая метода педагогич есть та, которая представляетъ наиболѣе средствъ къ наблюденіямъ за ходомъ духовнаго процесса ребенка, и научаеъ самого учителя пользоваться этими наблюденіями.

Первая мысль о семъ принадлежитъ Стефани, Краузе — въ Германіи и въ особенности Жирару и Ламбускини въ Тосканѣ (*). Она первая

(*) См. Ausführliche Anweisung zum Rechenunterrichte in Volksschulen nach der bildenden Methode von Heinrich Stephani. Nürnberg 1827. Versuch planmäßiger naturgemäßer unmittelbarer Denkbungen für Elementar-Schulen von Krause. Hall 1830. 4-е Aufl. Первый печатный опытъ Жирара (безъ его имени) Grammaire, ou leçons de langue à l'usage des écoles primaires. Fribourg — en Suisse. 1831. Lambruschini Guida del Educatore. Firenze, — периодическое изданіе. См. также сочиненія Панагоу. Вильямъ Essai sur l'éducation du peuple. (1842). Я не хваюсь здесь спорить и

данъ это направленіе педагогій; за ними потянулись другіе; дело было уже не въ отвлеченной теоріи, но въ выводахъ изъ практическихъ наблюденій надъ дѣтьми; всѣ въ своей мѣрѣ участвовали въ этомъ движеніи, которое теперь еще продолжается; но мало книгъ написано въ этомъ направленіи. Лишь весьма-недавно матери семейства, для которыхъ эти наблюденія такъ доступны, убѣдились въ ихъ пользѣ; первый опытъ въ этомъ родѣ былъ сдѣланъ знаменитою Американкою Вилларъ, которая, очень-просто, записывая каждый день все, что она замѣтила въ своемъ сынѣ съ первыхъ недель отъ рожденія, составила любопытныхъ фактовъ, въ высшей степени важныхъ для подкрѣпленія теоріи педагогической очевидными, осажаемыми опытами (*).

Цары такого направленія преимущественно замѣчаются въ словесномъ преподаваніи некоторыхъ германскихъ педагоговъ, которыхъ искусство говорить съ дѣтьми достигаетъ часто до истинной гениальности. Не разъ, въ неизвѣстномъ городѣ, я встрѣчалъ людей, полныхъ любви къ своему дѣлу; ихъ преподаваніе было не иное что, какъ простой, импровизированный разговоръ съ дѣтьми, но разговоръ столь живой, столь понятный дѣтямъ, что они въ школѣ какъ на праздникѣ, ловятъ каждое слово — а иногда дѣло идетъ о психологическихъ вопросахъ, которыхъ не скажу разрѣшеніе, но одна мысль о которыхъ такъ благотворно дѣйствуетъ на душу человека, ибо возбуждаетъ родныя, естественныя ей понятія.

Съ чего же начать? спросать меня, другими словами: въ чемъ состоитъ главная задача при развитіи духовнаго свѣта въ ребенкѣ? Отвѣчаю: заставить заговорить тѣ стихіи духовныя, съ которыми мы рождаемся, которыя даже въ грудномъ младенцѣ проявляются въ видѣ бессознательныхъ побужденій, безсвязныхъ мыслей и изъ которыхъ въ послѣдствіи образуется то, что довольно-неточно называется врожденными понятіями, по которыхъ гораздо-болѣе, нежели какъ обыкновенно полагаютъ; навести ученика на ту дорогу, по которой онъ отъ бессознательныхъ понятій можетъ постепенно дойти до сознательныхъ;

тогда между такъ-называемыми педагогическими гуманистами и реалистами, ибо ихъ споры относятся до высшихъ предметовъ ученія. Замѣчу только, что разрѣшеніе ихъ спора зависитъ отъ разрѣшенія задачи первоначальнаго, до-училищнаго воспитанія. Пока не разрѣшена эта задача, дѣтѣ-и-поръ всѣ споры гуманистовъ и реалистовъ преждевременны; они еще не объяснили себѣ въ чемъ состоитъ материалъ; палка, которой они должны дѣйствовать, а толкуютъ о ея употребленіи. И тѣ, и другіе правы — относительно, и относительно же не правы, ибо и тѣ и другіе находятъ возлѣ вопроса, но не въ вопросѣ. Лишь распространеніе здравыхъ понятій о первоначальномъ воспитаніи — можетъ положить границы ихъ недоумѣніямъ.

(*) См. Guida del Educatore. 1838. № 23—26. Знающіе по-англійски найдутъ этотъ маленькій въ прибавленіи къ англійскому переводу г-жи Вилларъ извѣстной книги Эми Неккеръ-де-Соссюръ: Education progressive. Какую бы услугу оказали общему дѣлу матери семейства, дослѣдствуя сему принѣрѣ, и записывая просто, безъ всякаго мудрованія, на каждый день, все, что онѣ замѣтятъ въ физическомъ и духовномъ развитіи своихъ дѣтей — съ первыхъ недель отъ рожденія; ибо именно относительно сего возраста мы имѣемъ весьма-мало наблюденій, а лишь эти наблюденія могутъ доискать многія еще неразгаданныя явленія въ послѣдующихъ возрастахъ.

то, что неопределимо представляется его душа, выразить определенным словом, и связать то, что детскому уму представляется разрозненным, немнущимъ между собою никакого отношенія. «Кто внимательно слѣдилъ за развитіемъ идеи о числахъ у детей» говоритъ академикъ Буняковский: «тотъ, конечно, замѣтилъ, что эта идея представляется не въ-слѣдствіе какого-либо сторонняго объясненія или опредѣленія; дети приобретаютъ ее сами, незаметно и даже неосознавая. Приступая къ арифметикѣ, достаточно привести въ извѣстность и въ надлежащій порядокъ то, что начинающій уже знаетъ о числахъ, но еще «безосознательно» (*). Глубокое и вполне-практическое замѣчаніе! Оно должно вѣшаться неосознаннымъ для тѣхъ, которые до-сихъ-поръ называютъ арифметику «равно о томъ, что число есть собраніе единицъ», которую всякій ученикъ можетъ знать наизусть, но отнюдь не понимать. Подобныя мненья опредѣленія лишь затѣмъ и вводятся (**), дѣтей, затрачиваются на каждомъ шагѣ въ учебникахъ и въ детских книгахъ, и составляютъ существенный хлѣбъ преподавателей во разныхъ отрасляхъ науки и въ грамматикѣ и въ филологіи, даже во части правдивости, где подобное правдивостіе еще вреднѣе.

Но не должно думать, что эти врожденные понятія могутъ развиваться сами-собою; понятіе о числахъ существуетъ въ душѣ ребенка, но, предоставленное самому-себѣ, оно можетъ и не развиваться, точно такъ же, какъ всякое сама содержитъ въ себѣ возможность развиваться въ растеніе, но не всякое сама вырастаетъ, а вырастаетъ лишь то, которое поставлено въ условія произрастанія, какъ въ вода, почва и проч. Такъ, наприм., совершенная неопытность говорить ребенку о глаголахъ (**); начиная съ известнаго опредѣленія: глаголъ есть часть рѣчи, которая выражаетъ дѣйствіе или страданіе. Заставьте ребенка просто спрягать, сперва одинъ глаголъ, потомъ другой, приучите ребенка къ понятію о числахъ и родѣ— посредствомъ присоединенія къ глаголу мѣстоименій, къ понятію о временахъ— посредствомъ словъ: «сегодня», «вчера», «завтра», о формахъ однократной и учащательной посредствомъ словъ, выражающихъ дѣйствіе однократное или учащательное,—ребенокъ пойметъ васъ совершенно, тогда-какъ ни одинъ изъ ста дѣтей не пойметъ ясно, какіе звари разумѣются подъ метафизическими терминами: дѣйствіе, страданіе, состояніе, когда вы такимъ-образомъ проспрягали съ ребенкомъ по нѣскольку экземпляровъ изъ каждаго семейства глаголовъ, вы этимъ уравниваемъ не только приучили его къ разнымъ измененіямъ глаголовъ, но приучили ребенка, незаметно для него-самого—къ привычкѣ правильно выражаться; между-тѣмъ, вводите въ эти упражненія мало-по-малу технические термины и наконецъ, если угодно, заключите вышесказаннымъ опреде-

(*) См. «Предуплохенію» въ Арифметикѣ г. Буняковского, безъ всякаго думанія, это есть арифметическія книги, донынѣ у насъ издаваемыя.

(**) Тамъ же.

(***) Функциональные подлоги начинають грамматикѣ прямо отъ глагола. См. Жюль-Рене-Бенвениста въ *Revue de Langue & Littérature des écoles primaires*. Fribourg. 1871.

нѣтъ глагола; иной ребенокъ выведетъ его самъ. Но съ другой стороны, очевидно, что ребенокъ и не сдѣлаетъ этого вывода и не приучится правильно выражаться, если вы оставите его безсознательной поппе о глагола неразвитымъ. Точно также, въ физикѣ, вы легче ученику объясните различныя свойства тѣлъ, помогая ему осмотрѣть какой-либо предметъ, нежели начавъ съ опредѣленія общихъ свойствъ тѣлъ, какъ обыкновенно начинаютъ учебники. Но рыдкій ребенокъ самъ, безъ всякой помощи, высмотритъ весь эти свойства въ видимомъ въ предметъ. Точно также, на-прим., ботаника недоступна тому, кто ищетъ прямо съ классификаціи или съ анатоміи зерна, и напротивъ дѣлается весьма-легко тому, кто осмотритъ нѣсколько экземпляровъ растительныхъ семействъ; но необходимо (если предпочитается кратчайшій путь кривому), чтобы кто-либо указалъ ему удобнѣйшій способъ *смотреть* и частныя наблюденія вести той постепенности, которая *иводитъ* до общихъ формулъ, способствующихъ памяти и которыя въ свою очередь дѣлаются пособіемъ для дальнѣйшихъ успѣховъ знанія (*), Точно то же и въ самой нравственности. «Нравственность врожденна человѣку какъ арифметика» говоритъ великій Лейбницъ. Всякое математическое положеніе тогда только усваивается учащимся, когда онъ самъ *будется* въ его истинѣ, или, другими словами, когда онъ *будетъ* на *и* степени, гдѣ убѣжденіе ему доступно; точно также всякое нравственное *правило* тогда только усваивается человекомъ, когда душа его *оступна* убѣжденію. «Когда я спрашиваю» говоритъ отецъ Жираръ(**): откуда *взялось* разумнѣе человека, отличающее его отъ животныхъ—*отвѣчаютъ*: оно — даръ Божій; если такъ, то этотъ даръ *намъ* данъ *ли* того, чтобы мы пользовались имъ, а не оставляли въ пренебреженіи. Когда я спрашиваю, отъ-чего *нѣтъ* народа, который-бы не *имѣлъ* какихъ-либо религіозныхъ или нравственныхъ *поватій*, а не *имѣваю* того же въ животныхъ, мнѣ *отвѣчаютъ*: отъ-того, что *животныя* не одарены разумомъ, что *вся* ихъ *наклонности*, какъ *ихъ* *зрѣніе*, направлены единственно къ землѣ, къ удовлетворенію физическихъ потребностей, тогда-какъ человекъ одаренъ разумомъ, посредствомъ котораго онъ можетъ наслаждаться зрѣющимъ природы, *взумаются* въ богатству и устройству, можетъ, переходя постепенно отъ *взумаются* въ *взумленію* возвышаться до идеи Творца и повергать предъ *Нанъ* свою благодарность и благоговѣніе. Следственно: вотъ съ одной стороны неблагопорность твари — какъ *сдѣдствіе* безсмысленности, съ *другой*—благочестивое чувство, возникающее изъ разумаго просвѣщенія. Если же благоговѣйное разумнѣе есть мать благочестія, то *чего* должны мы *пекать*? очевидно того, чтобы эта добрая *кордильца* *еже-* *часно* укрѣплялась въ силахъ, дабы и *дитомцы* ея были *сдѣдствіе* и *морозе*. (***)

(*) См. образцовую Ботанику Мау.

(**) Guida del Educatore. 1837. № 18, p. 178.

(***) Ibidem.

Разительный примаръ того, что ребенка нельзя предоставить его сознательному побужденію, или, какъ нѣкоторые называютъ, врожденному, естественному чувству, встрѣчается въ любопытномъ дневникѣ г-на Вилларъ; еще прежде шести мѣсяцовъ ребенокъ покидаетъ свою лѣзвѣрчивость и начинаетъ браться мужикомъ, и при видѣ чужихъ бросается въ руки къ матери. Что значить это чудное явленіе? что ребенокъ чувствуетъ собственную слабость и понимаетъ, что существуетъ для него да свѣта помощь, и гдѣ эта помощь. Прекрасно! но оставьте это элементарное понятіе въ его безсознательномъ состояніи, оно обратится въ то, что называютъ робостью, лѣзвѣрчивостью, которыми часто остаются на цѣлую жизнь. Другой примаръ еще разительнѣе: нѣкто въ прошломъ столѣтіи съмѣлъ надъ своимъ сыномъ опытъ ужасный, но весьма-поучительный для науки: этотъ отецъ рѣшился скрыть отъ своего ребенка всякое понятіе о Божествѣ; онъ училъ его въ нравственнымъ и физическимъ наукамъ, но никогда передъ ребенкомъ даже имя Божества не было произнесено. Что же вышло? однажды отецъ засталъ своего сына на коленяхъ — передъ солнцемъ! Врожденное понятіе о самъ Божественной, какъ замороженное сѣмя, силалось развиться, и не находило естественнаго пути, — цустило ростокъ уродливый, искаженный, — благодаря воспитателю...

Повтореніе этихъ явленій мы видимъ на каждомъ шагѣ и на сотняхъ дѣтей, и на массахъ народныхъ. Какъ бы ни было совершенно внутреннее чувство, оно искажается, если не доведено до сознанія; въ какой мѣрѣ развито сознаніе человека, въ такой мѣрѣ ясности и определенности ему представляются и его обязанности нравственнымъ требованіямъ общества; тамъ сильнѣе онъ убѣждается, что нравственная гармонія есть истинное естественное назначеніе человека, такъ-что врожденное чувство добра находитъ себя пищу въ каждой минутѣ сознанія; убѣдите дикаря, что трудъ есть необходимое условіе жизни, что онъ долженъ подчинять себя законамъ, властямъ, что снѣжный успѣхъ его труда зависитъ отъ честности, добросовѣстности, и старательности какъ его-самого, такъ и всѣхъ участвующихъ въ этомъ трудѣ; скажите дикому люду, что хотя онъ и голоденъ, но не долженъ ѣсть своего ближняго — онъ не пойметъ васъ: такъ искажается въ естественное человеку побужденіе искать себя пищу; онъ, можетъ быть, подумасть, что эти правила годятся лишь для бѣлыхъ, а не для людей другаго цвѣта; если даже изъ уваженія къ вамъ (*) онъ исполнитъ вашъ совѣтъ, то все-таки въ этомъ исполненіи не будетъ ничего нравственнаго, и шутко будетъ убѣжденіе въ дикаря; онъ тогда лишь имѣетъ въ душѣ благой совѣтъ вашъ, тогда лишь будетъ исполнять самъ-собою и для себя, всегда и вездѣ, безъ принужденія, когда вы желаете душу его до той степени, гдѣ ею постигается достоинство человека, гдѣ любовь къ человеку предстаетъ для нея какъ долгъ возвышенный, разумный и необходимый, когда нарушеніемъ этого долга (дѣть возбуждаться въ немъ угрызеніе совѣсти, когда исполненіе это

(*) Вальтъ.

даже *будеть* для него наслажденіемъ, необходимою. Эта цѣль не достигается ни предоставленіемъ человека самому-себѣ, ни учеными опредѣленіями и классификаціями, ни матеріальнымъ заучиваніемъ словъ и соотвѣстнѣй, ученику недоступныхъ.

Замѣтитъ здѣсь мимоходомъ важное отличіе новѣйшей педагогіи отъ той, которая господствовала и господствуетъ донынѣ. Новѣйшая педагогія убѣдилась, что, если всякое врожденное побужденіе, понятіе, имя, преданіе (назовите какъ угодно) можетъ исказиться, когда не перейдетъ въ сознательное разуманіе, то наоборотъ, не всякое сознаніе можетъ быть доказано безусловно, или лучше сказать, быть выговорено сферодѣленнымъ словомъ. Здѣсь не мѣсто входить въ разсмотрѣніе, отъ-чего происходитъ эта невозможность (*); дѣло въ томъ, что она существуетъ, и въ этомъ увѣряетъ насъ ежедневный опытъ; дѣйствительно, никакое логическое послѣдованіе мыслей не можетъ насъ довести безусловно до своего начального основанія, ибо всякое начальное основаніе—*безконечно*; всякій математическій выводъ останавливается на цѣлѣхъ волиа—метафизическихъ, безконечныхъ, каковы: сама безконечность, равенство, часть, цѣлое и проч. Мы сознаемъ эти идеи, но не можемъ доказать ихъ существованія съ тою очевидностію, съ которою можемъ доказать вся истекающія изъ сихъ идей положенія. Этотъ психологическій фактъ не укрылся отъ глубокомысленнаго Жирара. Известно, что знаменитый Песталоцци полагалъ возможнымъ облечь въ всезаемныя формы всю духовную природу человека, или, какъ онъ говорилъ, «доказать ребенку всякую истину, какъ дважды-два—четыре.» — Нить, отвѣчалъ ему другъ его Жираръ:—я не отдамъ тебѣ моего сына на воспитаніе, ибо ты никогда не докажешь ему какъ 2-жды 2=4 четыре, что онъ долженъ любить и уважать меня!

Слова замѣчательныя и, при соображеніи съ другими воззрѣніями Жирара, заслуживающія особеннаго вниманія воспитателей, если они хотѣтъ попасть на узкій путь между бесплоднымъ догматизмомъ и столь же бесплоднымъ матеріализмомъ.

Обрѣтѣмся къ дальнѣйшимъ задачамъ первоначальнаго образованія. Вопросъ обращается въ слѣдующій: въ чемъ долженъ состоять первый приѣмъ воспитателя, истери, чтобъ привести въ дѣятельность умственныя силы ребенка?

Вопросъ сей можетъ имѣть столько же рѣшеній, сколько дѣтей на свѣтѣ. Но во всѣхъ этихъ рѣшеніяхъ, какъ доказалъ опытъ, есть нечто общее, именно: довести ребенка до того, чтобъ онъ могъ отличать, ставитъ себя, на первый разъ — *отъ окружающихъ его предметовъ*. Человѣкъ долженъ какъ-бы познать свое человеческое достоинство и силою войти во внутреннюю хранилищу души своей, гдѣ великій водѣйствительный ему весь орудія, нужныя для господствованія надъ природою.

(*) Я корнулъ сею замѣчательнаго психологическаго явленія ниже въ «Психологическихъ Основаніяхъ», а равно въ «Русскихъ Ночахъ» (стр. 279 и слѣд.), но въ обѣихъ случаяхъ не могъ изложить его въ надлежащемъ подробностію. Предоставляю себѣ это дѣло—въ будущемъ.

Здесь первый акт сдѣлованія. Начало педагогической деятельности совпадаетъ съ первымъ вопросомъ психологій.

* Когда, прикладъ умственныхъ силъ ребенка въ дѣятельность, вы достигли до того, что сей актъ въ немъ совершился, что душа его святилась за тотъ снарядъ, которымъ она познаетъ и себя и природу,—тогда сдѣлано уже важное дѣло; но здесь лишь исходный пунктъ, отъ котораго снова столько же путей, сколько можетъ быть разисковъ отъ центра къ кругу. На какой изъ новыхъ предметовъ обратить свѣжее любопытство ребенка? Изъ вышесказаннаго явствуетъ, что не все равно, какъ, на чемъ продолжать *отдѣленіе* его отъ того или другаго предмета; здесь выборъ долженъ завѣсать отъ существа сихъ предметовъ и большей или меньшей ихъ близости къ ребенку, отъ свойства сихъ предметовъ слабѣе или сильнѣе поражать наши чувства, отъ удобства переходить отъ нихъ къ важнѣйшимъ понятіямъ человека. Въ «Наука до паузы» представляется одинъ изъ путей, наиболее въ правдѣ собственномъ направленіи: точно такой же путь можетъ быть и во всякихъ другихъ направленіяхъ. Трудность и важная трудность въ семъ дѣлѣ состоитъ въ томъ, чтобъ не потеряться въ подробностяхъ, съ тѣмъ вмѣстѣ не обременить ребенка преждевременными выводами, а жемчужинъ приучить его—къ сопряженію понятій. Для большей ясности возьмемъ въ примѣръ ботанику: вы осмотрѣли съ ребенкомъ нѣсколько растений, но очевидно, что если будете переходить съ нимъ безъ конца отъ одного растенія къ другому, на случай, — ни нашей жизни, ни жизни ребенка не доставаетъ для одной этой науки. Не полагайтесь на случай и обратите вниманіе ученика на тѣ растенія, гдѣ, напр., органы почти образованы, гдѣ свойства и признаки принадлежатъ къ большому числу растеній; да, главное, повторяю, чтобъ ученикъ *смотрѣлъ самъ*, а не вы за него; ваше дѣло лишь предохранить его отъ ложнаго взгляда; когда онъ въсмотрѣлъ нѣсколько такихъ *избранныхъ* растеній, обратите его вниманіе на ихъ сходство и различіе; помогите ему подвести ихъ подъ общій выводъ; за тѣмъ сведите его на синтетическій путь; заставьте его общими свойствами находить отълѣвное растеніе; за тѣмъ, если угодно, дайте ему въ руки какой угодно учебникъ,—дѣло сдѣлано. Что здесь сказано о растеніяхъ въ ботаникѣ, то примѣняется ко всей сферѣ человеческого знанія; не шлите преждевременно сдѣлать нашего ученика ботаникомъ, зоологомъ, приучите его прежде всего быть человекомъ развѣя завѣія, сообщаемый ребенку, суть средства лишь для сей цели; спеціальность принадлежитъ послѣдующимъ возрастамъ.

и Направить умственное зрѣніе ребенка по удобнѣйшему пути, есть дѣла повѣнчанной педагогій, которая начинается съ отцомъ Жираромъ. Этотъ великій человекъ былъ двадцатилѣтній старецъ, посвятивъ на десять лѣтъ своей жизни на составленіе книги, которую онъ называлъ «Грамматикою» или: «Преподаваніемъ Отечественнаго Языка» (*Lezione lingua materna*), и которая есть не иное что, какъ «Способъ сообщенія человеку, посредствомъ языка, все то, что можетъ войти въ область души человеческой.»

Трудность практического применения этой мысли понятна; строгая последовательность есть необходимое условие такого руководства; но эта последовательность въ свою очередь обуславливается строгимъ распределеніемъ понятій существенныхъ и случайныхъ, главныхъ и подчиненныхъ, — то-есть обуславливается общимъ состояніемъ философіи и вообще науки въ данное время; такъ-что для того, дабы сотворить совершенную методику педагогіи, надобно прежде всего сотворить всю науку человеческую! — По недоброварчивости ли къ своимъ силамъ, по причинѣ ли гоненій со стороны иезуитовъ (*), но Жираръ до-сихъ-поръ не напечаталъ своей грамматики. Немногія изъ его твореній, большею частію рѣчей при разныхъ случаяхъ, были напечатаны въ маломъ числѣ экземпляровъ и рѣдкія къ высшей степени; едва имя его извѣстно въ педагогическомъ мірѣ, исключая Тосканы, гдѣ вполне оцѣнена и принята къ употребленію его метода (**). Добросовѣстный старецъ, въ-теченіе сорока лѣтъ уже три раза (сколько мнѣ извѣстно) отдавалъ свою огромную рукопись «на опытъ» ученикамъ своимъ, разсѣяннымъ по Европѣ въ званіи воспитателей, наставниковъ, директоровъ училищъ. тщатель-но собиралъ ихъ практическія замѣчанія, съ бодростію исправлялъ трудъ свой, или, лучше сказать, передѣлывалъ его вновь. Въ Европѣ извѣстны уже три такія рукописныя изданія жираровой грамматики, постепенно дополненныя и исправленныя, но изъ которыхъ каждое составляетъ учебную книгу, о какой еще не имѣютъ и понятія въ нашемъ мірѣ. Присоединимъ нашъ русскій голосъ къ голосу всѣхъ благочыслящихъ людей въ Европѣ и пожелаемъ, чтобъ «этотъ подвигъ любви и мудрости», какъ называетъ его Ламбрускини, сдѣлался наконецъ доступнымъ для всѣхъ педагоговъ безъ исключенія.

Но прежде Жирара, въ методологическомъ отношеніи, я бы долженъ былъ произнести имя, которое, къ удивленію, никогда еще не произнесено въ педагогіи — имя нашего великаго Эйлера. Правда, онъ не написалъ ни одной теоретической книги по части педагогіи, но онъ мыслалъ больше: онъ на отдельномъ предметѣ практически показалъ значеніе раціональной педагогической методы. Извѣстно, что въ старости, лишенный грѣшихъ, Эйлеръ искалъ, куда бы обратить свою всестороннюю дѣятельность, кому бы перелить богатство души своей. Знаменитый астрономъ взялъ въ свое услуженіе мальчика, ремесломъ портнаго,

(*) Отецъ Жираръ всегда жилъ въ Фрибургѣ, въ Швейцаріи.

(**) Флорентинскій журналъ: Guida del Educatore — compilato da Raffaele Lambroschini (Firenze. Tipografia Galileiana) содержитъ въ себѣ многія весьма-любопытныя статьи о методѣ Жирара; въ-особенности на первый разъ обращаемъ вниманіе читателей на статью: Frammenti d'un Viaggio pedagogico, 1837, № 18. р. 73, гдѣ снѣ найдутъ: означеніе немногихъ напечатанныхъ и весьма-рѣдкихъ сочиненій Жирара, извлеченіе изъ почти-непоходимой и дивной по свѣтлости мыслей тѣхъ почтеннѣйшихъ старцевъ: Della necessità di coltivare l'intelligenza di fanciulli per i destini religiosi (слово въ слово: «О необходимости укрѣплять умственные способности дѣтей, дабы сдѣлать ихъ религіозными») и наконецъ любопытныя изслѣдованія, сходствъ и различій между методою Песталоцци и методою Жирара. Сіе различіе теклетъ изъ самой цѣли, которую предполагали себѣ эти великіе мужи: Песталоцци хотѣлъ школу перенести въ семейство, Жираръ — семейство въ школу.

умясаго считать (*), но повнншаго понятія о математикѣ, и вѣнн- посредственныя способности; на этомъ мальчикъ Эйлеръ издмалъ доказать свое убжденіе въ томъ, что посредствомъ хороша-написанной книги, безъ всякаго пособія, можно основательно научиться алгебры.

Чтобъ оцанить заслугу Эйлера, чтобъ понять, до какой степени дозрелое могло озарить время его логическимъ умомъ тотъ единственный путь, по которому можно провести посвящаемаго въ математическія таинства, должно перенестись въ эпоху появленія эйлеровой алгебры, т. е. въ послднюю половину XVIII вѣка, и сравнить его книгу съ современными ей учебниками. Вся учебныя математическія книги находились тогда подъ вліаніемъ мыслей знаменитаго Христіана Вольфія (**), котораго ученость и славное имя свищовою веригою лежало на всемъ школьномъ преобладаваніи этой эпохи. Вольфію, принимая, какъ до ршенное, за необходимость: дефиниціи, аксіомы, постулаты, теоремы, проблемы, королларіи, схоли (Wolfii T. I p. 13), словомъ, весь схоластическій хламъ, и самъ въ своей ариметикѣ (ibidem p. 17) показывалъ примѣненіе своей методы, начавъ съ самыхъ отвлеченныхъ математическихъ положеній; но впрочемъ, ариметика Вольфія не называлась имъ преимущественно для учебнаго употребленія; она была лишь часть огромнаго ученаго труда. — Но не такъ попали это дло тогдашніе педагоги: для нихъ, какъ еще для многихъ въ наше время, книги «ученая и учебная» — были одно и то же. Такъ, на-примѣръ, знаменитый въ свое время педагогъ іезуитъ Гедль, профессоръ математики въ Клаузенбургскомъ — Училищѣ (***) , не усомнился составить свой математическій учебникъ точь-въ-точь по мѣрку Вольфія и еще тамъ похващаться, ссылаясь, впрочемъ, и на методу другаго знаменитаго

(*) Въ переводѣ Бернулли (Elements d'Algebre par M. Leonard Euler — Lyon — 1774. 2 v. in 8) сказано: «Qui possedait assez bien l'Arithmetique, mais qui n'avait d'ailleurs aucune teinture des Mathématiques» — въ иѣмкомъ экземплярѣ сказано (Vollständige Anleitung zur Algebra von Herrn Leonard Euler — St.-Petersburg der ziemlich fertig rechnen, sonst aber nicht den geringsten Begriff von der Mathematik hatte. Во французскомъ переводѣ Гарнье (1807—Paris) повторено предисловіе Бернулли.

(**) См. Christiani Wolfii Elementa Matheseos universae. — Geneva 1743. — in 4. T. I p. 3. Conspectus commentationis de methode mathematica, in T. V. p. 135. Commentatio de studio matheseos recte instituendo. Вольфію мы обязаны знаменитымъ названіемъ ариметики о томъ, что ариметика есть наука о числахъ (T. I. p. 17. Definitio 1: § 1. Arithmetica est numerorum scientia) слѣдующее опредѣленіе единичныя учебникъ смываетъ: § 4. Unitas est abstractum, per quod dicimus unum. И все это на первой страницѣ ариметики!

(***) См. Elementa Arithmeticae numericae et literalis seu Algebrae ad praxim scholis nostris normam concinnata a R. P. Maximiliano Pell è S. J. in Academia Claudiopolitana Transylvanicae Matheseos professore publico — 1761 Vindob. — in 12. Этотъ учебникъ, какъ видно, пользовался большою знаменитостью, потому что изданіе 1760 есть уже третье изданіе; въ Императорской Публичной Библіотекѣ въ Санктпетербургѣ находится второе изданіе этого учебника 1760 года; слѣдственно, книга вышла въ теченіе года два изданія. Въ предисловіи издателя упоминается о первомъ изданіи 1753 года, но сверхъ-того въ Публичной Библіотекѣ есть еще отдѣльное изданіе одной алгебры, безъ года и мѣста печатанія. См. также учебникъ другаго іезуита этой эпохи: Institutionum Mathematicarum Opusculum I. Arithmeticae — auctor P. Franciscio Huberti S. J. Francofurti ad M. et Moguntiae 1753.

изучитъ, Штейнштра. Странно посмотреть, что потрачено столическихъ «сварлоковъ» на эту маленькую книжку въ 230 страницъ, въ 12-ю долю листа. Здесь, на первой страницѣ, находится следующее, блестящее своею ясностью опредѣленіе: «число есть опредѣленное множество (собрание) единицъ»; возмѣтъ за тѣмъ объявляется, что «единица есть начало числа» (*). Не должно упускать изъ вида, что въ это время иезуиты славились искуснѣйшими педагогами и были ими въ-самомъ-дѣлѣ, если невѣдливость схоластическихъ рамокъ не есть противорѣчіе съ самою идеею дѣятельной педагогикі.

Положите книгу Голла, Губертія, Вольфия возмѣтъ алгебры Эйлера, вѣдывающейся въ одно и то же пятилатіе — и вы подумаете, что цѣлый вѣтъ отделяетъ эту книгу отъ ея современницъ. Эйлеръ смѣло откинулъ схоластическій хламъ; теоремы, гипотезы, королларіи, схоли исчезли; великій математикъ не считалъ для себя униженіемъ говорить ученику просто, какъ говорить человекъ простолюдну, лицомъ-къ-лицу, какъ мать говоритъ ребенку, «не боясь даже сказать свой языкъ и сотворить новый, чтобъ только быть ему понятною» (**). Эйлеръ начинаеть свою алгебру или ариметикку, какъ угодно, съ понятій, доступныхъ всякому грамотному человеку, и въ эти понятія, расширя ихъ съ строгою постепенностью, сводятъ всю опредѣленную и неопредѣленную аналитикку, или, точнее сказать, Эйлеръ показалъ на алгебрѣ возможность органическаго процесса, посредствомъ котораго къ одному и тому же личку могутъ быть привиты постепенно новыя вѣтви, съ каждымъ шагомъ развитія получающія высшее качество и развивающія въ организмѣ новыя силы.

Живое плодотворно и плодотворно, лишь живое; лучший умъ чихнетъ, когда продолжительно его питаютъ лишь условными формами, шлоухой задвѣя, и слабый умъ кричветъ, когда его питаютъ, сообразно его существованію, органическому пищею, мегучими зернами. Ученикъ Эйлера, на свидѣтельству Бернулли (*ibidem*), не смотря на свои слабыя способности, не только понялъ все, что диктовалъ ему знаменитый славецъ; но въ скоромъ времени былъ въ-состояніи оканчивать вся самыя трудныя алгебраическія вычисленія и быстро разрѣшать вся вопросы по знаменіямъ, которые были ему предлагаемы.

Трудъ Эйлера былъ быстро оцененъ лучшими умами того времени; Бернулли посвѣщилъ перевести книгу на французскій языкъ; Даламберъ съ восторгомъ принялъ посвященіе этого перевода; изъ этой алгебры почерпнуто что есть лучшаго въ объясненіяхъ новѣйшихъ алгебръ, которыя заставили забыть, но не замѣнили алгебру Эйлера. Можеть-быть; опытность какого-либо Жарара имѣла бы право сдѣлать въ ней нѣкоторыя дополненія, но со всямъ тѣмъ алгебра Эйлера донныиъ

(*) *Definitio II. Numerus est ordinata unitatum multitudo. Definitio III. Unitas est principium numeri.*

(**) Выраженіе Жарара; по-итальянски оно имѣеть еще болѣе энергіи: «e per non violare il principio di facilità, essa non teme di corrèmpere la lingua e di creare una nuova.»

определяя лучшее предъ всеми, безъ исключенія, алгебры, Числительна въ послѣдствіи, а метрида ея должна быть беспрестаннымъ предметомъ наученія всякаго добросовѣтнаго педагога. Въ ней лежитъ начало наукъ будущихъ, усвоивъ ея науки (*).

... После этихъ великихъ именъ осмѣлюсь произнести имя человека, котораго заслуги такъ же мало извѣстны у насъ, какъ ислоренъ алгебра и аналитика Жирара въ Европѣ, и который былъ оцененъ только своимъ просвѣщеннымъ начальствомъ (**). Я говорю о незабвенномъ Гугелѣ. Не зная методы Жирара, онъ угадалъ ее; въ этомъ мнѣ уверился всѣмъ, кто только говорилъ съ этимъ глубокимъ педагогомъ, какъ въ гатчинскомъ учебномъ заведеніи (***) присутствовалъ при его урокахъ съ дѣтьми — такъ онъ называлъ свое преподаваніе. О Гугелѣ нельзя судить полагая по изданнымъ имъ книгамъ (****), хотя онъ и не такъ лучшій, если не единственный действительно-педагогическія книга въ нашей литературѣ. Надобно было видеть его въ кругу дѣтей; и люблю было видеть дѣтей вокругъ него, оживленныхъ его рачью; и вѣрнее, въ домашнемъ ребенкомъ онъ употреблялъ особый приемъ разговора; съ домашнимъ онъ говорилъ языкомъ, ему знакомъ-познатымъ. Какъ глубоко видалъ онъ въ сокровеннѣйшіе изгибы дѣтскаго ума, съ какою материнскимъ сочувствіемъ онъ выводилъ на свѣтъ мысли и понятія, затаенныя въ тайникъ души младенческой, во минуту ей самой неизвѣстныя; казалось даже, что онъ обладалъ даромъ, который еще не могъ проявиться ни одна педагогъ, — даромъ предугадывать мысли ребенка. Здесь любовь и наука достигали степени истиннаго единенія; лишь высокая душа могла такъ глубоко понимать младенческую душу. Педагогика была жизнью Гугела; элементарное преподаваніе было предѣломъ его душию, что его истинно-гениальныя разборы съ дѣтьми излагались ему дѣломъ весьма-обыкновеннымъ, доступнымъ для всякаго; ону казалось, что если онъ набросаетъ на бумагу высшіе приемы Стеволи и Крауса, — которыми пользовался Гугель, — какъ въ немъ другими, то всякій учитель войдетъ, въ чемъ дело. Въ этомъ была единственная ошибка Гугела: онъ не привозилъ къ дѣтямъ своей истинной науки, и она покорившись съ нимъ вместе — во прахъ. Миръ праху твоему, добрый и великій человекъ! Да будетъ мой смиренный трудъ свидѣтельствомъ, что насколько слово, который мы обмѣнялись въ этой жизни, не пропали даромъ, — лучшей награды я не желаю...

(*) Къ сожалѣнію, русскій переводъ 1812 года, сдѣланный г. Висковатовымъ, не имѣетъ дѣла достаточнаго понятія о истинной значеніи Эйлера въ алгебры: этотъ переводъ состоитъ въ наборѣ замѣчаній, которыя отчасти не принадлежатъ къ русскому языку, а къ какому-то другому, который дѣлалъ у насъ носитель дѣтскаго языка. Любопытно, что въ этомъ переводѣ упомянуто о томъ, что великій Эйлеръ изобрѣталъ свою алгебру — портному; ужъ не сочтено ли объясненіе о такосомъ-лучшемъ неблагоприличнымъ?

(**) Да позволено мнѣ будетъ здѣсь назвать графа Михаила Юрьевича Вилгорскаго, начальника и покровителя Гугела, и вполне понимающаго ему къбу.

(***) По образцу малолѣтняго отдѣленія этого заведенія было въ послѣдствіи образовано учебнѣ въ дѣтскихъ приютахъ (см. отчеты этихъ заведеній).

(****) «Чтеніе для умственнаго развитія» и «Умственныя упражненія».

Минуты-Вста; не должно забывать ни величайших опасений Жарарь, предостерегающей доверчивости Гугаи: Нельзя ожидать конечного совершенства науки, ибо время идет, и новые поколения требуют от нас вещи сообразной ихъ возрасту—по человечеству; если мы дадимъ дѣтцамъ наршимъ то, что мы живемъ сами—совѣсть не можетъ отъ насъ требовать большаго! Несовершенство нашихъ педагогическихъ трудовъ и самое чувство несовершенствъ указываетъ только на ту истину, что педагогія, какъ и всякая другая наука, не можетъ оставаться неподвижною, что она живетъ лишь прогрессивною дѣятельностью и должна обновлять свою жизнь каждый годъ, каждый день и что лишь сею постепенною, но непрерывною дѣятельностью удовлетворяется святая жажда душа, вѣноминующая намъ ежечасно о выскомъ достоинствѣ человека. Не должно, съ другой стороны, полагать, что самая простая и удобнѣйшая мысль могутъ сами-собою войти въ голову наглаго человека, что стоитъ ему только подумать, и что потому ятъ, махнуть обойтись безъ чужихъ опытовъ и удовольствоваться однимъ своимъ. Этимъ путемъ можно впасть въ ошибку такъ изъ данныхъ изобретателей авто-дидактовъ (*), которые изобрѣтаютъ то, что уже давно дано обратно, — когда ихъ силы и время могли быть употреблены на новые понятія, еслибъ сводъ чужихъ опытовъ, т. е. наука, вразумила ихъ, если хотѣли гениальную, но слѣбую дѣятельность. Что можетъ быть печальнее карьера, который ирѣиметъ за опытъ надъ живыми тѣломъ, въ который чужихъ опытовъ надъ трупомъ. Кто вернется хирургу-самоучкѣ? а не на каждомъ ли шагѣ жизни даны предоставляются саппѣ-себѣ, намъ ввѣряются людямъ, которыхъ неизвѣстно, что существуетъ сейчасъ особая наука, называемая педагогію, или которые считаютъ ее за нечто похожее на алхимию! А между-тѣмъ, повторяю, время не ждетъ; печальна быстро сменяется одно другимъ, и ложныя понятія о предметахъ, неправильный сгибъ ума переходятъ отъ одного къ другому, какъ будто по наследству. И при такомъ состояніи педагогіи еще найдется добряки, которые, при видѣ грустныхъ и часто гибельныхъ явленій въ обществѣ, какого-либо нравственнаго или умственнаго безобразія, удивляются: какъ люди могли научиться такому злу? Въ нашихъ собственныхъ домахъ, шлестивые государи, когда не вносятся въ нихъ сатанинскія, возмущенныя строгими, неподкупными и цѣлоудренными воспитателями члеловаческой природы.

Въ настоящее время, при благихъ пооченіяхъ просвѣщеннаго правительства объ усовершенствованіи методовъ преподаванія и при быстромъ распространеніи способовъ воспитанія, можетъ быть не великимъ

(*). Ничто не можетъ быть вреднѣе похвалы, раздаваемой въ некоторыхъ школахъ нашимъ авто-дидактамъ или самоучкамъ, вреднѣе и для самихъ гениевъ-самоучекъ и для читающей публики, наблюдению которой этия похвалы представляются единъ совершеннѣйшимъ, а именно: что были бы способности, а безъ науки обоедиря». Напротивъ: для способностей и нужна наука; иначе способности съяда—безъ маятника. Кажется, долгъ добросовѣстныхъ журналистовъ въ этомъ случаѣхъ, не увлекаясь пристрастіемъ, повторять, вмѣсто похвалы, строгое слово; и если оно, правда, не гнется подъ возгласы, но въ этомъ словѣ—спасенье.

было бы людямъ съ лучшими намереніями, но мало-заинтересованъ съ чужими опытами, указать одну изъ путей, по которымъ можетъ проходить педагогика, особенно въ самой труднѣйшей ея степенѣ, т. е. въ элементарномъ домашнемъ преподаваніи, которымъ приспособляется ребенокъ къ дальнѣйшему образованію въ училищахъ. Эта мысль руководствовала меня въ моемъ трудѣ; мои книги не нужны опыльному педагогу, ибо онъ безъ пособія ихъ знаетъ много другихъ путей; но, можетъ-быть, онѣ будутъ не бесполезны для многихъ, въ особенности для матерей семейства, для которыхъ еще не существуетъ собственнаго педагогическаго образованія, а которыя между-тѣмъ и желаютъ и обязаны заботиться своими дѣтьми. Эта мысль заставляетъ меня забыть несовершенства своего труда, которыя очень-хорошо знаю.

Желая столь-возможно быть яснымъ и отчетливымъ въ семъ трудномъ и важномъ предіетѣ, я считаю долгомъ изложить здѣсь въ краткихъ словахъ начала, принятые мною за основанія, и тѣ выводы, до которыхъ достигли мои наблюденія и изысканія.

Психологическія основанія педагогикъ.

Въ каждой минутѣ душевной дѣятельности, мы замѣчаемъ трѣхъ главныхъ дѣятелей: *врожденныя идеи*, или лучше-сказать *предметы*, истекающія сама-собою изъ глубины души; *сознаніе*, которое убавляетъ насъ въ ихъ существованіи, указывая на связь ихъ съ предметами изъ челоука, и *разумнiе* (*intelligentia*), которое, по выраженію Лейбница, есть не что иное, какъ «последованіе истины». Сіи три фактора необходимы безусловно. Для того, чтобъ существовало последованіе истины, надобно, чтобъ это последованіе имѣло начало; для того, чтобъ мы убѣдились въ существованіи сего начала, необходимо *желаніе* сего начала; для сего сознанія необходимо — *существованіе* сего начала. Нѣтъ ни одного психологическаго явленія, которое бы не подпадало подъ сего законъ. Въ дѣтяхъ можно замѣтить даже отдаленное, постепенное дѣйствіе этихъ факторовъ: мы имѣемъ идею или предзаніе равенства прежде, нежели удалось намъ измѣрить или свѣсить какіе-либо предметы; самое понятіе о единствѣ, могущей служить мѣрою, основано на этой идее; положительныя наблюденія надъ дѣтьми показываютъ, что они имѣютъ и многія другія идеи; Вилларъ рассказываетъ, что съ шестимѣсячнымъ сыномъ, выцугавшемъ нерасковой женщиной и сильно пошевелъ на руки къ ея молодой подругѣ; стало-быть, онъ имѣлъ какую-то неопредѣленную идею о красотѣ, — а между-тѣмъ прочтите сѣти томоу, посвященныхъ о семъ предметѣ, и скажите мнѣ: что такое красота? Въ параллельныхъ воли существованіи врожденныхъ идей и сознаніе, связывающее ихъ съ разумнiемъ, еще замѣтно: ребенокъ желаетъ; сознаніе сего желанія онъ выражаетъ безпокойствомъ, воплемъ, до-тѣхъ-поръ, пока сознаніе сего желанія не остановится на какомъ-либо предметѣ; наконецъ, разумнiе открываетъ ребенку, можетъ-ли илѣ илѣ сего пред-

неть удовлетворить его желанію. Сей ходъ душевной дѣятельности по-
казывается и въ физическихъ побужденіяхъ, гдѣ онъ дѣлается еще
дѣйствіемъ; ребенокъ чувствуетъ голодъ; онъ сознаетъ въ себѣ это
чувство и выражаетъ его крикомъ; много времени пройдетъ до того,
когда онъ убѣдится, что пища есть то, что можетъ удовлетворить его
голоду (*); но какъ-скоро онъ сознаетъ въ себѣ это чувство, соединяя
эти два понятія, разуманіе уже начинаетъ свою работу, ребенокъ уже
тянется къ пища.

Представимъ себѣ, что это побужденіе голода не будетъ удовлетво-
рено, — ребенокъ не пойдетъ даже крика; представимъ, что, вмѣсто на-
лежащей пищи, ему будетъ предложена другая, несоотвѣтствующая его
организму, ребенокъ приметъ ее, хотя бы она должна была разстроить
его организмъ, или исказить его вкусъ; на оборотъ, тщетно вы пред-
лагали бы пищу ребенку, который, напримѣръ, по болѣзни, не чувству-
етъ побужденія голода; надобно, чтобъ въ человѣкѣ совершился тотъ
актъ, который ставитъ его въ сношеніе съ высшими предметами. Мы
замѣтите, что какъ бы мы ни преслѣдовали явленіе голода логически-
ми выводами, мы никогда словами не выразимъ, что такое голодъ,
хотя это чувство всякому понятно. Побужденіе голода насъ приводитъ
къ пищу; удовлетвореніе пищею разумно-логически убѣждаетъ насъ въ
существованіи чувства голода, но не объясняетъ намъ существа этого
чувства. Точно такъ идея равенства приводитъ насъ къ измѣреніямъ,
измѣренія, на оборотъ, убѣждаютъ насъ въ существованіи равенства, но
объясни однакожь существа этой идеи. Врожденное понятіе о беско-
нечномъ приводитъ насъ посредствомъ сознанія къ разумному понятію
о количествѣ *безконечномъ*; разумныя числовыя сопряженія, наобо-
ротъ, убѣждаютъ въ существованіи понятія, о *безконечномъ*; между-
тѣмъ, высказанъ рядомъ цифръ мы не выразимъ количества *безконеч-*
наго. Такойъ безвыходный кругъ, въ которомъ, какъ пружина въ часахъ
экстремно, дѣйствуютъ какъ врожденныя духовныя идеи, или предзна-
нія; такъ и врожденныя физическія побужденія; первыя безъ разуманія,
 вторыя безъ удовлетворенія—были бы такъ же невозможны и незлы,
 какъ одна пружина безъ часового механизма и циферблата, какъ по-
нятіе о числѣ—безъ цифръ, какъ цифры безъ понятія о числѣ.

Исторію, мы родились съ врожденными идеями, какъ сѣмя родится
съ влеченіемъ образоваться въ растеніе, и до сихъ, наоборотъ, мы не
можемъ дѣйствіемъ механическимъ отвлеченіемъ, но доходимъ лишь посред-
ствомъ жизненнаго процесса, точно такъ же, какъ изъ растенія выдѣлы-
вается снова сѣмя не механическимъ путемъ, но посредствомъ органиче-
скаго процесса. Человѣку невозможно довольствоваться силами бессознатель-
ными инстинктами и побужденіями, ибо оставленные безъ дѣйствія, они мо-
гутъ погибнуть какъ сѣмя не посѣянное; они должны необходимо вой-
ти въ область сознанія и разуманія, какъ сѣмя въ нѣдра земли. Здѣсь

(*) Gridera per fame, come per qualunque altro dolore, molto primo ch'el sappia che
il cibo lo guarirà, e però non si può dire ch'egli desideri cibo. Замѣчаніе г-жи Валь-
бергъ—Guida del Educatore, 1838 № 26—28 р. 23.

условія успѣха, какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, могутъ быть различны до безконечности; сѣмя не дастъ ничего противоположнаго своему существу; сѣмя пшеницы не произведетъ яблока, и наоборотъ, но можетъ не выйти, заглохнуть, произрести растение съ плодомъ и безъ плода, сильное или слабое, способное или неспособное къ приращенію — это зависитъ отъ окружающихъ обстоятельствъ: то же и въ человѣкѣ. Жизнь врожденныхъ идей, или предзнаній, въ области сознательнаго *разумѣнія* есть вся жизнь чловѣка и жизнь всего человечества въ ея поступательномъ движеніи; лишь гармоническая, живая связь между врожденными идеями и сознательнымъ разумѣніемъ, лишь взаимное ихъ приращеніе можетъ удовлетворять двумъ основнымъ потребностямъ чловѣка, которыя являются перманентно въ каждую минуту его существованія, — потребностямъ: *любви и истины*, которыя одна безъ другой быть не могутъ. Потребность любви является подъ формами *благоговѣнія и изящества*, потребность истины подъ формами *знанія и силы*; повторяю: для каждаго момента удовлетворенія симъ потребностями, безъ котораго чловѣкъ находитъ въ состояніи сгладанія, иначе для каждаго акта жизни, необходимо гармоническое взаимное приращеніе: съ одной стороны врожденныхъ идей и побужденій, и съ другой — *вознанія и разумѣнія*, какъ общности разума, памяти и воображенія (*). Память доставляетъ матеріалы, воображеніе находитъ къ отношенія, разумъ дѣлаетъ выводъ, а весь выводъ служитъ къ развитію того или другаго врожденнаго понятія или предзнанія. Иначе здѣсь было бы входить въ дальнѣйшее распространеніе этихъ основныхъ началъ; въ вышесказаннаго можно уже, кажется, видѣть, какимъ образомъ долженъ быть окончательно рѣшенъ важный и безплодный споръ о первенствѣ врожденныхъ или приобретаемыхъ понятій и опредѣлено значеніе каждой изъ отраслей чловѣческой дѣятельности, входящихъ въ науку жизни подъ тою или другою формою. Педагогія есть первый актъ сей науки. Ея учебный предметъ — дать пищу врожденнымъ идеямъ чловѣка; ея единственно-вѣрная метода — приучить умственные силы ребенка къ сопряженію понятій, посредствомъ котораго онъ могъ бы самъ переходить отъ извѣстнаго въ неизвѣстному, отъ частнаго къ общему, и отъ общаго къ частному; первый приемъ педагогіи — укрѣпить умственныя силы ребенка надъ тѣмъ, что ребенокъ уже знаетъ, но въ чемъ не отдаетъ еще себя отчета; за тѣмъ: сообщать ему новыя понятія, хотя не полныя, но вѣрныя, и постепенно приучать его-самого видѣть связь между ними и пополнять *пробѣлы*, остающіяся необходимо во всякомъ преподаваніи. Способы усовершенствованія педагогіи зависятъ, во-первыхъ, отъ общаго усовершенствованія всей области наукъ, во-вторыхъ, отъ положительныхъ наблюденій надъ процессомъ умственнаго развитія чловѣка — почти съ его рожденіемъ.

Д-ръ В. ОДОБСКИЙ.

1844.

(*). Принужденный быть краткимъ въ предметъ столь трудномъ, гдѣ наибольшая двусмысленность слова можетъ вести къ заблужденіямъ, я старался, однако, избѣгать техническихъ философскихъ выраженій, — можетъ быть болѣе яснѣе, но нѣкоторые доступныхъ болѣе части читателей, для которыхъ назначена моя книга.

III.

СОВРЕМЕННАЯ ХРОНИКА РОССИИ.

ОБЗРЪНІЕ СОВРЕМЕННАГО ДВИЖЕНІЯ РУССКАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И РАСПОРЯЖЕНІЙ ПО ГОСУДАРСТВЕННОМУ УПРАВЛЕНІЮ ЗА СЕНТЯБРЬ 1845 ГОДА.

I. ГОСУДАРСТВЕННЫЯ УЧРЕЖДЕНІЯ (ИЗМЪНЕНІЯ И ДОПОЛНЕНІЯ СОСТАВА И ПРАВЪ ИХЪ).

Находящуюся въ Москвѣ мастерскую команду повелѣно упразднить въ слѣдующемъ основаніи: 1) При дорогахъ вѣдомства гражданскаго издѣлства въ Московской-Губерніи, впредь до образованія въ Москвѣ строительной и дорожной комиссіи, оставить 6 чиновниковъ, въ томъ числѣ 3 старшихъ и 3 младшихъ; 2) чиновниковъ сихъ причислить къ Правленію IV Округа Путей Сообщенія и считать старшихъ по должности и мундру, чиновникамъ окружныхъ правленій присвоенному, въ IX, а по окладу пенсій въ VII разрядъ; младшихъ по должности и мундру въ X, а по окладу пенсій въ VIII разрядъ; 3) содержаніе сихъ чиновникамъ производить по штату мастерской команды; 4) остающихся за штатомъ чиновниковъ распределять по вѣдомству путей сообщенія на вакансіи, а излишнихъ уволить отъ службы по положенію; и 5) всю производимую нынѣ на содержаніе команды сумму отпускать по прежнему въ вѣдомство путей сообщенія въ томъ вниманіи, что съ переобразованіемъ округовъ путей сообщенія въ составъ IV округа вошла и строительная часть въ Москвѣ. (Высоч. повел. объявл. 5 авг.)

— Разрѣшена продажа изъ казенныхъ и крестьянскихъ дачъ Астраханской, Воронежской, Екатеринославской, Кавказской, Каменецъ-Польской, Курской, Могилевской, Полтавской, Псковской, Рязанской,
Т. XLIII. — Отд. III.

Саратовской, Смоленской, Харьковской и Херсонской Губерній для и растущаго таловаго, ореховаго, ветловаго и чернокошеноваго кустарника, съ тѣмъ, чтобъ разрѣшеніе сей продажи не было распространено на корабельныя рошчи и чтобъ были приняты предосторожности къ огражденію всякихъ покушеній на рубку лучшихъ породъ растущаго леса. (Высоч. повел. объявл. 25 авг.)

— Высочайше утверждено въ 28 день іюня мнѣніе Государственнаго Совѣта, постановленное по вопросу: можно ли дозволить сѣльскимъ приобретать недвижимую собственность въ то время, когда они еще не пользуются вообще гражданскими правами, или такое дозволеніе должно быть имъ дано не прежде, какъ по вступленіи въ разрядъ государственныхъ крестьянъ? Государственный Совѣтъ, въ дополненіе и поясненіе подлежащихъ узаконеній положилъ: осужденные къ ссылке въ каторжную работу или на поселеніе, какъ лишенные всѣхъ правъ состоянія, не могутъ приобретать никакого недвижимаго имущества въ собственность. Не для поощренія ссыльно-поселенцевъ къ трудолюбію, бережливости и осадлой жизни и для обезпеченія пользы не участвовавшихъ въ преступленіи женъ и дѣтей ихъ, имъ дозволяется, съ разрѣшенія экспедиціи о сѣльскихъ, въ веденіи которой она находится, владѣть и пользоваться въ мѣстѣ ссылки своею имуществомъ: имуществомъ сего рода на основаніяхъ, изложенныхъ въ означенномъ мнѣніи Государственнаго Совѣта.

— Обнародовано Высочайше одобренное Пятое Продолженіе Свода Законовъ изд. 1842 г.

— Въ 11 день іюля Высочайше утверждено мнѣніе Государственнаго Совѣта относительно назначенія опекуновъ къ иманіямъ малороссійскихъ казаковъ и платежа съ сихъ иманій податей и повинностей. Въ этомъ мнѣніи постановлено: 1) Оставшіеся по смерти малороссійскихъ казаковъ, живущихъ въ Чернятовской и Полтавской Губерніяхъ, движимыя и недвижимыя имѣнія, которыя, по праву наслѣдства, будутъ принадлежать несовершеннолѣтнимъ наслѣдникамъ, состоящимъ въ казачьемъ званіи и выбывшимъ въ другое состояніе, отдаются въ общее распоряженіе избираемыхъ отъ каждаго сословія опекуновъ, по назначенію мѣстъ, завѣдывающихъ по тѣмъ сословіямъ опекунскими дѣлами; 2) лежащія на умершемъ владѣльцѣ казачьей земли подати и всякаго рода повинности переходятъ на получающихъ сію землю въ свое владѣніе наслѣдниковъ умершаго, какъ остающихся въ казачьемъ званіи, такъ и на приобретшихъ, по силѣ 816 ст. IX т. Свод. Зак. правъ дворянскаго состоянія, или къ тѣмъ казакамъ, которые покупкою приобретутъ таковыя земли умершаго; 3) если лицо казачьяго сословія, владѣющее крѣпостною казачьею землею по наслѣдству или покупкѣ, къ платежу податей и повинностей окажется неспособнымъ, то землю сію отдавать во временное хозяйственное управленіе казачьяго общества, для уплаты податей и недоимки; 4) если лицо, принадлежавшее къ казачьему сословию и приобретшее службою или инымъ случаемъ права другаго, не будетъ имѣть въ своемъ владѣніи земель, о которыхъ говорится въ 816, 817 и 818 ст. Свод. Зак. о Сост. (Т. IX)

кроме лишь приобретенных или дошедших къ нему по ст. 819 такъ же завещанъ, а между-тѣмъ ему достанется по наследству отъ лица, въ казѣмъ словѣн состоящаго, какое бы то ни было движимое имущество, то учрежденіе надъ нимъ или надъ наследниками и низшимъ онеки принадлежить исключительно тому словію, въ которое владѣлецъ вступилъ по вновь приобретеннымъ имъ правамъ, безъ всякаго участія въ томъ со стороны казаковъ.

— Обнародованы правила о взиманіи съ Евреевъ свѣчнаго сбора въ пользу устройства еврейскихъ училищъ. Этотъ сборъ есть плата, налагаемая на свѣчи, которыя зажигаются Евреями въ шабашные и слѣдующіе праздничные дни: для Пасхи (Пейсахъ) 4 дня, для праздника законоположенія на Горѣ Синайской (Шебодъ) 2 дня, для новаго года (Рошъ Гапана) 2 дня и для праздника куклей (Сукность) 4 дня. Праздникъ, приходящійся въ обыкновенный шабашный день, считается вмѣстѣ съ нимъ за одинъ день. Подъ названіемъ шабашныхъ свѣчей разумются не только обыкновеннаго размера и матеріала свѣчи, но и лампы, кенкеты и всякаго рода свѣтильники, безъ различія сожигаемаго въ нихъ матеріала. Свѣчный сборъ взимается по званіямъ и состоянію Евреевъ; а именно: съ купцовъ по талдіямъ, къ которымъ они причислены, а съ ижеданъ по разделенію на три разряда: на зажиточнѣйшихъ, средняго состоянія и низшаго. Этотъ сборъ отдается въ откупное содержаніе съ торговъ, вмѣстѣ съ прочими коробочными сборами.

— Какъ по памятнымъ образкамъ производится работы днемъ и ночью, и ночью работы бываютъ особенно отяготительны для малолѣтнихъ образчиковъ, то, для облегченія сихъ послѣднихъ, Высочайше повелано: обязать водовскими хозяевъ образчикъ, на комъ производится работа по ночамъ, чтобы они малолѣтнихъ рабочихъ 12-ти лѣтъ и меньше не назначали въ смену съ полуночи до 6 часовъ утра, и наблюденіе за снью предоставить мѣстному начальству. (Высоч. повел. объ-в. 15 авг.)

— Высочайше утверждены въ 15 день августа правила о выдѣлкѣ и продажѣ горячихъ ванитковъ Евреями въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ имъ дозволено постоянное жителство.

— Обнародованы правила о залогахъ на путевныя съ 1847 по 1851 годъ откупа.

— Высочайше повелано: 1) Всемъ приобретеннымъ, какъ въ военной службѣ, такъ и при отставкѣ отъ оной, чинамъ, приносящимъ личное почетное гражданство, или личное дворянство, если не имѣютъ сыновей, рожденных по волученію уже чиновъ, или прижитыхъ прежде и находящихся въ свободномъ состояніи, предоставить право просить о выключеніи изъ военного вѣдомства одного изъ сыновей, прижитыхъ въ нижнемъ званіи и зачисленныхъ въ кантонисты, или находящихся на действительной службѣ; 2) за смертію же лицъ, заслужившихъ личное почетное гражданство, или личное дворянство и вдовамъ ихъ просить о выключеніи изъ военного вѣдомства одного сына-кантониста, по ихъ избранію; 3) выключаемыхъ на семь основаніи изъ военного вѣдомства сыновей нижнихъ чиновъ, заслужившихъ личное почетное гражданство.

или личное дворянство, причислить къ личному почетному гражданству, съ воспрещеніемъ имъ, на основаніи дополненія къ ст. 48 Второго Продолженія 3 Тома Свода Уст. о Служ. по Определ. отъ Прав. вед. 1842 г. вступать въ гражданскую службу. (Высоч. утв. под. Выс. Сов. 10-го авг.)

II. ГУБЕРНСКІЯ УЧРЕЖДЕНІЯ (ИЗМѢНЕНІЯ И ДОПОЛНЕНІЯ СОСТАВА И ПРАВЪ ИХЪ).

Разрѣшено: дѣйствія Временной Рыбной Команды Государственнаго Коммерческаго Банка возобновить на прежнемъ основаніи и въ будущемъ 1846 году, съ продолженіемъ ихъ вместо 10 по 15 мая (Выс. пов. объявл. 12 августа).

— Въ мѣстечко Почепъ, Черниговской-Губерніи, Мелнискаго-Уезда, для завѣдыванія тамъ полудейской частію, повелѣно определять особаго чиновника съ званіемъ смотрителя, присвоить ему тѣ же самыя права и обязанности, какия вообще возложены на вассаловъ земскихъ судовъ, пребывающихъ въ уездѣ подлѣ высшихъ стеновыхъ приставовъ, и относить его по должности къ X классу, по пенсіи къ VII, а по мундиру къ X разряду (Выс. пов. объявл. 17 августа).

— Въ дополненіе подлежащихъ статей Свода Законовъ постановлено, что воспитанники приказовъ общественнаго призванія, призванные въ-послѣдствіи незаконнорожденными солдатскими дѣтьми, обращаются въ военное ведомство, хотя бы они прежде того причислены уже были къ какому-либо податному состоянію; но если бы какой-либо изъ воспитанниковъ такого приказу, нежелая удерживать его и оставить въ томъ свободномъ состояніи, къ которому онъ уже причисленъ, въ такомъ случаѣ обязанъ онъ, въ удовлетвореніе права военного ведомства на сего воспитанника, внести за него въ казну полковнику за рекрутскаго сумму, по предварительному на то согласію со стороны Военнаго Министерства (Выс. утв. мн. Гос. Сов. 11 июля).

— Постановлено, что мажора ремесленныхъ управъ утверждаются въ должностяхъ Магистратами или Ратушами на томъ же основаніи, какъ и лица, избранныя въ должности ремесленного головы, управныхъ старшинъ и старшинскихъ товарищей (Выс. утв. мн. Гос. Сов. 11 июля).

— Повелѣно установить для проѣзжающихъ по частнымъ надобностямъ плату провозовъ по тракту отъ города Ревеля до станицъ Елизе и обратно съ 1-го июня по 1-го октября каждаго года вместе 1½, по 2¼ коп. сер. на версту и лошадь (Выс. пов. объявл. 10 августа).

III. ЗАКОНЫ УГОЛОВНЫЕ.

Въ дополненіе подлежащихъ статей Свода Законовъ постановлено: по дѣламъ о незаконныхъ сборахъ съ государственныхъ крестьянъ и о растратѣ собственныхъ ихъ суммъ, уголовныя палаты, по постановленіи своихъ приговоровъ, производяють оныя, вмѣстѣ съ дѣлами, на заключеніе въ палаты государственныхъ муществъ, а въ тѣхъ Губерніяхъ, гдѣ сихъ палатъ еще не учреждено, въ казенныя палаты и до полученія отъ нихъ по смыслу дѣламъ иваній, вносить оныя на

упрежденіе начальника губерніи, который, если найдетъ приговоръ уголовной палаты правильнымъ и заключеніе палаты государственныхъ имуществъ или казенной палаты съ онымъ согласнымъ, то дастъ знать уголовной палатѣ для объявленія приговора подсудимому и для приведенія онаго въ надлежащее исполненіе, исключая однакожь дѣлъ, подлежащихъ, на общемъ основаніи, ревизіи Правительствующаго Сената. Если же начальникъ губерніи не согласится съ приговоромъ уголовной палаты, или же съ онымъ не согласно будетъ заключеніе палаты государственныхъ имуществъ, или казенной палаты, то во всякъ случаѣ онъ представляетъ дѣло въ Сенатъ, установленный для сего порядкомъ (Выс. утв. мн. Гос. Сов. 11 іюді).

IV. ЗАКОНЫ ГРАЖДАНСКІЕ.

Постановлено, что за тѣ рѣшенія судебныхъ мѣстъ, на которыхъ апелляціонныхъ жалобъ приносимо не было, никакого въ пользу судей и секретарей вознагражденія изъ неотраченныхъ денегъ за неправильное вычитаніе исковъ не полагается (Выс. утв. мн. Гос. Сов. 2 мая).

— Постановлено, что судебныя мѣста, по рѣшеніямъ дѣлъ, по которымъ присуждаются съ государственныхъ преступявъ денежные изъясканія и не-предоставленія, кому слѣдуетъ, объ исполненіи сихъ рѣшеній, извѣщающа въ то же время палату государственныхъ имуществъ о присужденномъ изъясканіи, для записанія онаго въ ведомку и для наблюденія за поступленіемъ въ казну слѣдующихъ по означенному рѣшенію денегъ; самыя же о томъ дѣла записываютъ означенныя. (Выс. утв. мн. Гос. Сов. 11 мая).

— Въ дополненіе подземащика статьи Свода Законовъ постановлено: а) родовыя имѣнія не подлежатъ завѣщанію. Изъ сего общаго правила допускаются лишь одно слѣдующее изъятіе: лицо, не имѣющее ни дѣтей, ни иныхъ по прямой линіи отъ него нисходящихъ, можетъ предоставить все свое родовое имущество, или же часть онаго, мимо ближайшихъ своихъ наследниковъ и не смотря ни на какую степень родства, одному лицу изъ дальнѣйшихъ или равно близкихъ родственниковъ или родственницъ своихъ, но лишь того рода, изъ котораго досталось ему завѣщаемое избранному имъ наследнику имуществу, хотя бы то лицо, по происхожденію отъ женскаго въ томъ родѣ колѣна или по иной причинѣ, и не носило именна фамиліи завѣщателя или завѣщательницы. При семъ однакожь лицо, составляющее завѣщаніе, обязано предоставить остающемуся по немъ въ живыхъ супругу или супругъ седьмую часть во владѣніе потомственное всего родоваго имущества завѣщателя, переходящаго какъ къ избранному имъ наследнику, такъ и къ прочимъ наследникамъ по закону. б) На семъ основаніи владѣлецъ, неимѣющій ни дѣтей, ни иныхъ по прямой линіи отъ него нисходящихъ, можетъ, если имѣніе дошло къ нему изъ разныхъ родовъ, избрать и назначить во одному отъ каждаго изъ сихъ родовъ наследнику. в) Духовныя завѣщанія, которыми бездѣтные вотчинники предоставляютъ, по 889 ст. Зак. Гр. (т. X, изд. 1842 г.) родовыя свои имѣнія, мимо ближайшихъ родственниковъ и прамыхъ по закону наследниковъ, дальнихъ родствен-

никамъ, должны быть совершаемы у крепостныхъ дель; когда же они совершены домашнимъ порядкомъ, то признаются действительными лишь въ случаѣ, если внесены для храненія въ Опекунскій Советъ или Комитетъ Человѣколюбиваго Общества. При таковой, однакожь, болѣзни завѣщателя, препятствующей ему явиться въ присутственное мѣсто, ему дозволяется просить надлежащій судъ о засвидѣтельствованіи духовнаго завѣщанія въ мѣстѣ жительства на томъ же основаніи, какъ сіе постановлено въ статьѣ 866 Свода Законовъ Гражданскихъ (Вак. утв. мн. Гос. Сов. 31 іюля).

— Въ дополненіе подлежащихъ статей Свода Законовъ постановлено: при внесеніи въ родословныя книги такихъ, родившихся до изданія указа 31 января 1831 года лицъ, которыя не могутъ представить утвержденныхъ духовными консисторіями (ст. 139 Св. Зак. о Сост., т. IX, изд. 1842 г.) метрическихъ свидѣтельствъ; дворянскими депутатскими собраніями предоставить, принимаясь къ ст. 226 Устава Духовныхъ Консисторій 27 марта 1841 года, обращаться къ опытамъ о расширеніи законности рожденія упомянутыхъ лицъ на точномъ основаніи существующахъ о семъ постановленій, и о сообщеніи своего по такимъ деламъ заключенія. Съ тѣмъ вмѣстѣ вышисется дворянскими депутатскими собраніями въ обязанность употреблять также въ оныхъ случаяхъ и другія средства къ удостовѣренію въ законности рожденія просацаго о внесеніи его въ родословную книгу лица, имѣющей гробовыя, принимаясь къ ст. 58 и 59 упомянутыхъ законовъ, свидѣтельства дѣлащати или болѣе почетныхъ и достойныхъ доваріа дворянъ о действительномъ происхожденіи просителя отъ таковыхъ-то родителей и надлежащаго удостовѣренія со стороны родственниковъ тѣхъ лицъ, которые просителя называютъ своими родителями. Дѣла сего рода, пріемъ внесенія въ родословныя книги неурядившихся метрическихъ о себѣ свидѣтельствъ лицъ, родившихся до 31 января 1831 года, представляются депутатскими собраніями на рассмотрѣніе Герольдіи (Вак. утв. мн. Гос. Сов. 11 іюля).

СОБЫТІЯ ВЪ ОТЕЧЕСТВѢ ЗА СЕНТЯБРЬ 1845 ГОДА.

Народное просвѣщеніе. — По ходатайству генерал-адъютанта Литке и несколькихъ другихъ лицъ объ учрежденіи Русскаго Географо-Статистическаго Общества, съ составленіемъ его въ вѣдомствѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, къ видѣнію котораго принадлежатъ статистика государственнаго, министр внутреннихъ дѣлъ входилъ съ представленіемъ въ Комитетъ Министровъ, по положенію коего Государь Императоръ 6-го августа на ходатайство учредителей: дозволилъ, съ наименованіемъ общества, котораго цѣль состоитъ въ разработываніи отечественной географіи, статистики и этнографіи, *географическимъ*, благоволивъ утвердить на то же время представленный учредителями временный уставъ и даровать обществу по десяти тысячъ рублей серебромъ ежегодно изъ государственнаго казначейства. Представленъ измѣненіе нѣтъ: уставъ. Цѣль общества есть: собраніе и распространеніе въ Россіи географическихкихъ, этнографическихкихъ и статистическихкихъ свѣдѣній вообще, и въ особенности о Россіи; равно какъ распространеніе достоверныхъ свѣдѣній о наемъ отечества въ другихъ земляхъ. Общество будетъ ставиться основанъ капиталъ, всего процентами можно было бы въ послѣдствіи покрывать часть издержекъ, и въ особенности снабжать путешествующихъ для извѣстныхъ изслѣдованій. По сущности предметовъ, входящихъ въ кругъ работъ общества, оно раздѣляется на отдѣленія; именно: отдѣленіе географіи общей, отдѣленіе географіи Россіи, отдѣленіе статистики Россіи и отдѣленіе этнографіи Россіи. Общество составляютъ: а) председатель и прочія должностныя лица; б) члены действительные; в) сотрудники (члены-корреспонденты); д) почетныя члены; е) соревнователи. Для управленія дѣлами общества, избирается изъ действительныхъ членовъ совѣтъ, состоящій изъ председателя, помощника его, секретаря и двѣнадцати членовъ. Изъ числа послѣднихъ, восемь избираются обществомъ, а остальные четыре суть управляющіе отдѣленіями. Членомъ общества можетъ быть избранъ всякій образованный человекъ, принимающій участіе въ успѣхахъ наукъ, составляющихъ предметъ общества. Действительные члены участвуютъ во всехъ собраніяхъ общества, съ правомъ голоса. Они вносятъ ежегодно въ кассу общества не менѣе 10 рублей серебромъ и одновременно 100 руб. серебромъ. Для распространенія круга дѣйствій своихъ, совѣтъ Общества приглашаетъ извѣстныхъ ему внутри государства проживающихъ особъ участвовать въ трудахъ Общества до-

ставленіемъ нужныхъ ему свѣдѣній. Изъявившіе на то согласіе не считаются сотрудниками, получаютъ на это званіе письменныя дипломы и не обязаны никакими денежными пожертвованіями. Общество, по предложенію совѣта, избираетъ въ почетныя члены своихъ особъ, прославившихся учеными трудами или оказаніемъ особеннаго покровительства географическимъ наукамъ. Почетныя члены, если пожелаютъ, могутъ быть и действительными на общемъ основаніи. Особы, желающія споспѣшествовать Обществу денежными средствами, вносятъ одновременно не менѣе 300 руб. сер. и принимаются въ члены-соревнователи. Вся члены общества имѣютъ право на безденежное полученіе записокъ, издаваемыхъ Обществомъ. По мѣрѣ стекающихся письменныхъ работъ, имѣющихъ общую или ученую занимательность, и по мѣрѣ денежныхъ средствъ, Общество будетъ издавать труды свои въ видѣ особыхъ книгъ или записокъ. Такъ-какъ главнѣйшая цель Общества есть распространеніе свѣдѣній въ Россіи, то заниски его и другія общепользыя, къ предмету его относящіяся сочиненія, будутъ печататься на русскомъ языкѣ; но для ознакомленія иностранцевъ съ Россією, а равно для изданія сочиненій, заключающихъ въ себя предметы, достойныя общаго европейскаго вниманія, Общество избираетъ тотъ языкъ, который считаетъ болѣе приличнымъ и умѣстнымъ. Гдѣ нужно, Общество будетъ также заботиться о переводахъ. Настоящія правила остаются въ своей силѣ на три года; за тѣмъ они будутъ пересмотрѣны и въ чемъ нужно уменьшены и пополнены.

Благотворительность.—Ростовскій почетный гражданинъ, купеческій сынъ Иванъ Плешановъ, движимый чувствомъ человеколюбія и состраданія къ жителямъ города Кременчуга и помѣстья Крюкова, потерѣвшимъ отъ наводненія, при участіи другихъ благотворительныхъ лицъ собралъ и представилъ 2,300 руб. сер. для раздачи одновременно жителямъ купеческаго и мѣщанскаго званія православнаго исповѣданія, потерѣвшимъ наиболѣе отъ этого несчастія.

ОБОЗРѢНІЕ СОВРЕМЕННАГО ДВИЖЕНІЯ РУССКАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И РАСПОРЯЖЕНІЙ ПО ГОСУДАРСТВЕННОМУ УПРАВЛЕНІЮ ЗА ОКТЯБРЬ 1845 ГОДА.

I. Государственныя учрежденія (Измѣненіе и дополненіе состава и правъ ихъ).

Обновлены постановленія о знакъ отличія ордена св. Анны для нижнихъ воинскихъ чиновъ. Представляемъ краткое извлеченіе. Кроме четырехъ степеней ордена св. Анны, установленъ еще знакъ отличія оваго въ награду нижнихъ воинскихъ чиновъ, безпорочно выслужившихъ въ войскахъ двадцать лѣтъ. Знакъ сей состоитъ изъ серебряной, вызолоченой медали, съ изображеніемъ орденскаго креста, носимой въ петлицѣ на узкой орденской лентѣ. Награжденные знаками отличія имѣютъ право на пенсію, равную тому окладу, который получали они на службѣ при самомъ пожалованіи ихъ знакомъ, такъ-что служа, получаютъ его въ добавокъ къ своему окладу, а по выслугѣ узаконенныхъ лѣтъ, сохраняютъ и въ отставкѣ по смерти своей, гдѣ бы ни находились, и пенсія сія производится независимо отъ тѣхъ, которые опредѣлены за добровольную выслугу въ гвардіи и арміи лишнихъ лѣтъ. На раздачу сихъ пенсій Капитулъ получаетъ изъ государственнаго казначейства четырнадцать тысячъ триста рублей серебромъ, и, соразмѣрно съ сею суммою, опредѣляетъ число пенсіонеровъ. Предпочтительное право на полученіе пенсій имѣютъ нижніе чины по старшинству пожалованія ихъ знаками, а для соблюденія оваго, на мѣста убыльхъ смертію и другими случаями помѣщаются Капитуломъ нижніе чины по очереди нумеровъ, на знакахъ у нихъ, имѣющихся. По смерти каждаго женатаго пенсіонера, вдова его пользуется пенсіею еще одинъ годъ. Получившіе знаки отличія ордена св. Анны продолжаютъ носить оныя и по производствѣ ихъ въ офицеры, пользуясь и сопряженною съ ними пенсіею, и если кто изъ имѣющихъ сей знакъ и получающій по оному пенсію, дослужась до обер-офицерскаго чина, награжденъ будетъ орденомъ св. Анны четвертой или третьей степени, тотъ, слагая съ себя

знакъ отличія, для возвращенія въ Капитулъ, перестаетъ вѣсть съ тѣмъ получать и производившуюся ему по оному пенсію. Нижніе чины, имѣющіе знакъ отличія св. Анны, изъемятся отъ всякаго теленаго наказанія. Сіе, однакожь, не изъемятъ ихъ отъ другихъ наказаній, въ законѣ за учиненныя ими преступленія или проступки опредѣленныхъ. Впавшіе въ преступленіе, какъ служащіе, такъ и отставные нижніе чины, имѣющіе знакъ отличія ордена св. Анны, лишаются онаго не иначе, какъ по суду, и по предварительномъ Высочайшемъ утвержденіи приговоровъ онаго. (Ук. Прав. Сен. 19 сент.)

— Высочайше повелѣно Временную Коммиссію для окончанія дѣлъ счетовъ и отчетовъ бывшаго Медицинскаго Департамента Министерства Внутреннихъ Дѣлъ упразднить, а для окончанія оставшихся въ ней дѣлъ и отчетовъ и для ревизіи карантинныхъ отчетовъ съ 1831 по 1845 годъ учредить при Департаментѣ Казенныхъ Врачебныхъ Заготовленій Временное Отдѣленіе, съ тѣми же обязанностями и на тѣхъ же правахъ, какъ прочія отдѣленія того департамента, съ назначеніемъ до сего срока по 1-е января 1850 года и съ отнесеніемъ потребнаго въ содержаніе его расхода по 9824 руб. 17 к. сер. на счетъ операціонно-экономическихъ суммъ сего департамента.

— Высочайше разрѣшено учредить на три года Временное Счетно-Отдѣленіе въ Хозяйственномъ Департаментѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ на счетъ доходовъ приказовъ общественнаго призванія, собственно для ревизіи отчетовъ приказовъ.

— Высочайше утверждены гербы для шести городовъ военнаго вѣдомства: Елисаветграда, Ольвіополя, Умани, Вознесенска, Новогеоргіевска и Новомиргорода.

II. ГУБЕРНСКІЯ УЧРЕЖДЕНІЯ (Измѣненіе и дополненіе состава и правъ ихъ).

Высочайше повелѣно: въ видѣ изъятія, допущеннаго уже въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, дозволить жителямъ города Саратова, которые по дѣйствительной бѣдности не въ состояніи будутъ устраивать во дворахъ ихъ каменныхъ службъ, строить деревянныя, но съ тѣмъ, чтобъ между ними службами и смежными съ ними зданіями, оставалось пространства не менѣе трехъ сажень (Выс. пов. объяв. 25 сентября).

— По разсмотрѣніи предположеній о способахъ къ устройству помѣщеній для присутственныхъ мѣстъ и тюремъ въ Кіевской-Губерніи, повелѣно: 1) установить на устройство помѣщеній для присутственныхъ мѣстъ и тюремъ съ обывателей Кіевской Губерніи сборъ на восемь лѣтъ, назначивъ въ годъ съ купеческихъ капиталовъ по $\frac{1}{4}$ ‰, а съ податныхъ душъ по 5 коп. сер., за исключеніемъ государственныхъ крестьянъ, которые на основаніи Высочайшаго повелѣнія освобождены отъ сего сбора, съ тѣмъ, чтобъ причитающаяся на нихъ часть онаго ежегодно отпускаема была Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ изъ излишка арендныхъ доходовъ 1842 года. 2) Еслибъ въ послѣдствіи оказалось возможнымъ произвести весь относимый на упомянутый сборъ постройки меньшею суммою, нежели какая въ теченіи вось-

на пять поступить должна, то предоставить Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ и Финансовъ по взаимномъ соглашеніи, дать разрѣшеніе на прекращеніе сего сбора, какъ скоро минуетъ въ немъ надобность (Выс. утв. мн. Гос. Сов. 23 сентября).

— На тотъ же предметъ и на тѣхъ же основаніяхъ разрѣшенъ сборъ съ обывателей Вольнской Губерніи на четырнадцать лѣтъ, съ назначеніемъ въ годъ съ купеческихъ капиталовъ по $\frac{1}{4}\%$, а съ податныхъ душъ по 4 коп. сер. (Выс. утв. мн. Гос. Сов. 23 сентября).

— На тѣхъ же основаніяхъ установленъ для распространенія зданія присутственныхъ мѣстъ и на постройку тюремнаго замка въ городѣ Каменець-Подольскомъ, сборъ съ обывателей Подольской-Губерніи на пять лѣтъ, съ назначеніемъ въ годъ съ купеческихъ капиталовъ по $\frac{1}{4}\%$, а съ податныхъ душъ по $3\frac{1}{2}$ коп. сер. (Выс. утв. мн. Гос. Сов. 23 сентября).

— Ко вновь-устроенному въ городѣ Новочеркасскъ зданію присутственныхъ мѣстъ войска донскаго разрѣшено определять особаго смотрителя, преимущественно изъ войсковыхъ штабъ или обер-офицеровъ, состоящихъ подъ покровительствомъ Комитета, Высочайше учрежденнаго 18 августа 1814 года, съ назначеніемъ ему жалованья по 215 руб. сер. въ годъ.

— Высочайше повелѣно: уезднымъ судьямъ ладейнопольскому и вытегорскому (Олонцкой-Губерніи) по значительнѣйшему числу въ сѣхъ уездахъ лачь, подлежащихъ полюбовному размежеванію, отпускать назначенныя посредникамъ т. Х, Зак. Меж. ст. 1066 суточные и разъездныя деньги: первыя, не требуя отчета о времени занятій ихъ въ уездахъ, а послѣднія по мѣрѣ разъездовъ, и на письмоводителей, каждому по 150 руб. сер., да на канцелярскіе расходы по 50 руб. въ годъ; прочимъ же уезднымъ судьямъ: петрозаводскому, олонцкому, каргопольскому и повѣнецкому отпускать на прогоны по 50 руб. сер. для употребленія оныхъ по мѣрѣ надобности, а суточные только за время бытности въ уездъ по дѣламъ полюбовнаго спеціальнаго размежеванія, и на писаря и на канцелярскіе расходы по 70 руб. сер. каждому (Выс. повел. объявл. 11 октября).

— Для существующей въ городѣ Ростовъ (Ярославской-Губерніи) ярмарки въ первыя пѣдѣли великаго поста назначенъ постоянный срокъ съ 5 по 25 февраля ежегодно.

— Срокъ существующей въ городѣ Туль 8 іюля однодневной ярмарки, продолженъ на 15 дней, именно: съ 8 по 23 число того же мѣсяца.

III. Законы уголовныя.

— Въ именномъ Высочайшемъ указѣ, данномъ Правительствующему Сенату августа въ 15 день изображено: Съ самаго вступленія Нашего на прародительскій престолъ, однимъ изъ главныхъ предметовъ желаній и пожеланій Нашихъ было приведеніе въ стройный порядокъ и ясность всѣхъ законовъ Нашей Имперіи и тѣхъ въ особенности, кои не ограждаютъ безопасность и права любезныхъ Нашихъ вѣрноподанныхъ. Сія цель, при помощи Божіей, почти уже достигнута, собра-

ніемъ всѣхъ, со времени Уложенія Царя Алексія Михайловича изданныхъ постановленій и составленіемъ общаго онымъ, по указанному Нами плану, Свода. Но при совершеніи сего обширнаго труда, коего польза доказана опытомъ, Мы не теряли изъ вида и необходимости усовершенствованія самой сущности приводимыхъ Нами въ точную опредѣлительность и систему узаконеній, какъ посредствомъ частныхъ исправленій, по замѣчаемымъ при самомъ ихъ дѣйствіи и развитіи неудобствамъ, такъ и чрезъ обнародованіе полныхъ по каждой изъ важнѣйшихъ частей законодательства уложеній. Слѣдуя постоянно сей мысли и приводя се постепенно въ дѣйство, Мы признали за благо приступить къ пересмотру Нашихъ законовъ уголовныхъ, коихъ правосудное неослабное исполненіе есть одно изъ вѣрнѣйшихъ ручательствъ благоустройства общественнаго и спокойствія частныхъ лицъ. Поручивъ начертаніе проекта новаго оныхъ кодекса, подъ названіемъ *Уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ*, II-му Отдѣленію Собственной Нашей Канцеляріи, Мы постановили правиломъ, чтобъ въ сей проектъ, составленный сообразно съ системою и раздѣленіями общаго Свода Законовъ Имперіи, были, безъ малѣйшаго впрочемъ отступленія отъ основныхъ началъ отечественнаго законодательства, внесены всѣ нужныя, по состоянію гражданскаго въ Россіи общества и нравовъ, дополненія къ существующимъ узаконеніямъ; чтобъ всѣ, какъ важнѣйшія, такъ и менѣе важныя преступленія и проступки были въ ономъ опредѣлены съ болѣею, удовлетворительнѣйшею противъ прежняго точностью и означены не только разныя ихъ степени, но и обстоятельства, коими увеличивается или уменьшается вина подсудимаго, и чтобъ за каждое противозаконное дѣяніе было положено соответствующее ему, соразмѣрное съ свойствомъ его, наказаніе или изгнѣсканіе, дабы чрезъ то устранился, по возможности, всякій въ произнесеніи приговоровъ произволъ и обвиняемые были подчинены одному прямому дѣйствію закона. Предпринятый, по симъ даннымъ отъ Насъ указаніямъ, трудъ, продолжаясь около четырехъ лѣтъ, подъ непосредственнымъ Нашимъ наблюденіемъ и руководствомъ, нынѣ приведенъ къ окончанію. Онъ разсмотрѣнъ и исправленъ, сначала комитетомъ, составленнымъ изъ министра юстиціи, нѣсколькихъ сенаторовъ и обер-прокуроровъ и по замѣчаніямъ министерствъ и главныхъ управленій, потомъ особою изъ членовъ Государственнаго Совѣта комиссіею и наконецъ общимъ сего Совѣта собраніемъ. Находя за тѣмъ, что новое Уложеніе о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ, въ томъ видѣ, какъ оно Намъ представлено Государственнымъ Совѣтомъ, соответствуетъ предположеніямъ Нашимъ и цѣли установить прочнымъ образомъ рѣшенія дѣлъ о преступленіяхъ и проступкахъ на истинныхъ неизбѣжныхъ началахъ правосудія, Мы утвердили его и препроводили въ Правительствующій Сенатъ для обнародованія тѣмъ же порядкомъ, коимъ былъ обнародованъ общій Сводъ Законовъ Имперіи. Съ симъ вмѣстѣ повѣляемъ: 1) Сіе уложеніе привести въ полную силу и дѣйствіе съ 1 мая 1846 года; 2) постановленіями оного замѣнить, съ означеннаго въ предшедшемъ первомъ пунктѣ времени, дѣйствіе какъ

постановленій книги первой тома XV общаго Свода Законовъ Имперіи, такъ и всѣ помѣщенныя въ другихъ томахъ сего Свода статьи, кои не опредѣляются какія-либо наказанія или възвѣсканія, когда оныя несогласны съ опредѣляемыми въ новомъ Уложеніи за тѣ же преступленія и проступки. Изъ сего общаго правила изъять до времени только положенія о наказаніяхъ и възвѣсканіяхъ, вошедшія въ сельскій судебный уставъ для государственныхъ крестьянъ, который долженъ, по соображеніи онаго съ постановленіями онаго Уложенія и сдѣланіи нужныхъ къ нему дополненій, быть внесенъ на усмотрѣніе Наше чрезъ Государственный Совѣтъ; 3) статьи первой книги тома XV Свода Законовъ, относящіяся къ правиламъ судопроизводства по дѣламъ о преступленіяхъ и проступкахъ, перемѣстить, по принадлежности, во вторую книгу сего тома, дополнивъ и измѣнивъ какъ сіи, такъ и нѣкоторыя другія статьи сей второй книги, для точнѣйшаго оныхъ согласенія съ постановленіями новаго Уложенія. Предначертанный министромъ юстиціи и II Отдѣленіемъ Собственной Канцеляріи Нашей проектъ свѣхъ измѣненій и дополненій представить на утвержденіе Наше, по разсмотрѣніи онаго въ Государственномъ Совѣтѣ.

— Въ именномъ Высочайшемъ указѣ, данномъ Правительствующему Сенату августа въ 15 день, изображено: Утвердивъ, вмѣстѣ съ новымъ Уложеніемъ о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ, припадлежащихъ къ оному, въ Государственномъ Совѣтѣ разсмотрѣнныя законоположенія: 1) Дополнительные постановленія о распределеніи и употребленіи осужденныхъ въ каторжныя работы; 2) положеніе о исправительныхъ арестантскихъ ротахъ гражданскаго вѣдомства; и 3) дополнительные правила къ Уставу о Содержащихся подѣ Стражею, повелѣвъ Правительствующему Сенату обнародовать ихъ въ одно время и тѣмъ же порядкомъ, какъ самое Уложеніе о наказаніяхъ. Оныя должны имѣть полную силу и дѣйствіе закона также съ 1 мая 1846 года.

СОБЫТІЯ ВЪ ОТЕЧЕСТВѢ ЗА ОКТЯБРЬ 1845 ГОДА.

Народное прощенье. — Въ 15 день декабря 1839 года между прочимъ Высочайше повелѣно: 1) Отсрочить до 16 декабря 1845 г. силу указа 16 декабря 1836 г., въ которомъ изображено: не принимать съ 16 декабря 1841 г. никого въ Дерптскій Университетъ въ студенты, если не выдержитъ предварительно *строгаго* экзамена въ *основательномъ* знаніи русскаго языка; 2) въ то же время, т. е. съ 16 декабря 1845 года, ввести въ полное дѣйствіе и правило — не удоставать званія дѣйствительнаго студента, кандидата и лекаря безъ точнаго знанія русскаго языка и 3) всѣ правила касательно изученія русскаго языка считать равно относящимися и къ богословскому факультету университета. Не случаю приближенія срока, въ который должна быть приведена въ исполненіе изъясненнаѣ Высочайшая воля, г. министръ народнаго просвѣщенія, для точнаго исполненія оной и для предудрежденія могущихъ при семъ возникнуть недоразумѣній, по соображенію существа дѣла съ мѣстными обстоятельствами, поручилъ г. попечителю Дерптскаго Учебнаго Округа предложить кому слѣдуетъ къ руководству и наблюденію слѣдующее: 1) съ 16 декабря 1845 года требовать непременно отъ желающихъ поступить въ число студентовъ Дерптскаго-Университета, чтобъ они были въ состояніи писать на заданный предметъ или переводить съ нѣмецкаго, не дѣлая ошибокъ, вредящихъ смыслу, и легко понимая стихи и прозу нашихъ извѣстныхъ писателей прошлаго и настоящаго вѣка, хотя бы испытуемый объяснялся по-русски несовершенно-чисто, но безъ слишкомъ-замѣтнаго затрудненія, и хотя бы имѣлъ не совсѣмъ правильный выговоръ. Такія свидѣнія слѣдуетъ признавать въ настоящемъ дѣлѣ *основательными*: 1) отмѣтку *порядочно* по части русскаго языка, при экзаменахъ не брать въ расчетъ и выдавать аттестаты лишь тѣмъ, кто въ этомъ предметѣ удостоится, по крайней-мѣрѣ, отмѣтки *хорошо*. Если въ протоколъ пріемнаго испытанія въ русскомъ языкѣ кто-либо получитъ поумеръ третій (по порядку отмѣтокъ, принятыхъ въ Дерптскомъ-Университетѣ), тотъ, какъ неудовлетворившій свидѣніямъ, въ число студентовъ не принимается; 2) требованіе, изъясненное въ пунктѣ 1, распространить и на окончателное испытаніе тѣхъ, кои поступили въ университетъ позже января сего 1845 года. Вступившіе послѣ этого времени, при испытаніи на степень дѣйствительнаго студента, лекаря, кандидата, магистра и доктора, обязаны еще грамматически совершенно-правильно излагать по-русски свои мысли на письмѣ; погрѣшности здѣсь допускаются лишь въ слогѣ; 4) предложеніе министерства отъ 19 января 1840 года, и объ означеніи (въ

выдаваемыхъ отъ университета аттестатахъ до 16 декабря 1845 года) степени знанія русскаго языка, г. министръ призналъ пужнымъ оставить и на дальнѣйшее послѣ сего срока время въ полной силѣ, впредь до особаго распоряженія; 5) для большаго и вѣрнѣйшаго упражненія студентовъ въ русскомъ языкѣ, въ каждомъ факультетѣ, сверхъ русской словесности, по-крайней-мѣрѣ одна наука должна быть преподаваема по-русски. Само-собою разумѣется, что въ богословскомъ факультетѣ это не должно относиться къ наукамъ чисто-богословскимъ.

— Министръ народнаго просвѣщенія изъявилъ согласіе на предоставленіе остальнымъ четыремъ гимназіямъ Московскаго Учебнаго Округа, а именно: Владимірской, Костромской, Тульской и Смоленской, преимуществва, по которымъ окончившіе въ оныхъ съ отличіемъ курсъ учения, при похвальномъ поведеніи, могутъ быть принимаемы въ университетъ безъ вторичнаго испытанія, на томъ же основаніи, какъ это предоставлено гимназіямъ: I и II Московскимъ, Тверской, Ярославской, Калужской и Рязанской.

— Разрѣшено определять сверхштатнаго учителя нѣмецкаго языка при Четырехклассномъ Отдѣленіи Бѣлостокской-Гимназіи.

Промышленность. — Правленіе Россійскаго Морскаго и Рѣчнаго Страховаго Общества извѣщаетъ, что къ концу текущаго года предположено основать дальнѣйшую раздачу акцій, и открыть дѣйствія общества принятіемъ на страхъ имуществъ, почему желающіе участвовать въ этомъ общепольномъ для торговли и промышленности нашей предпріятіи, приглашаются, до того времени, обращаться съ требованіями акцій въ контору Правленія, состоящую на Невскомъ-Проспектѣ, противъ Малой-Морской, въ домъ Тала подъ № 7, и вносить, лично или чрезъ комиссіонеровъ, или же высылать съ почтою, по 25 руб. сер. на акцію. Въ замѣвъ выдаются, или препровождаются немедленно чрезъ почту установленныя росписки. По открытіи дѣйствій Общества объявлено будетъ въ столичныхъ и губернскихъ ведомостяхъ о взносахъ еще 25 руб. сер. за акцію, срокомъ въ шесть мѣсяцевъ, считая со дня публикаціи. При этомъ взносовъ, вмѣсто росписокъ на каждую акцію выдается особый, оригинальный листъ. Взносомъ пятидесяти руб. сер. ограничится плата за каждую акцію. Остальные затѣмъ 50 руб. сереб. или только часть ихъ, могли бы быть потребованы въ случаяхъ чрезвычайныхъ. Огромное пространство, занимаемое Россійскою Имперіею, многоразличное состояніе мѣстностей, болѣе или менѣе сопряженныхъ со всякаго рода опасностями водоплаванія, времени года, когда реки, озера и моря бывають не совсемъ очищены отъ льда, или когда обыкновенно и преимущественно свирѣствуютъ бури, качества товаровъ и вообще собственности, равно какъ и движеніе по водамъ значительныхъ партій вдругъ, или отдѣльными караванами, по-крайней-мѣрѣ первоначально, лишаютъ возможность определять количество премій, но въ этомъ коммерческомъ обществѣ, подобномъ многимъ другимъ, процвѣтающимъ въ благоустроенныхъ государствахъ, цѣнность собственности будетъ утверждаться взаимными и добровольными условіями между страхователями и правленіемъ общества или агентами его, снабженными на то письменнымъ уполномочіемъ, на основаніи устава §§ 42 и 43, въ полнѣ обозначеннымъ. Для личныхъ страхователей въ Санктпетербургѣ и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ устроится своевременно конторы доверенныхъ агентовъ, будутъ находиться и въ нѣсколько ми-

нуть составляться изготовленные печатныя объявленія. Самыя письма отсутствующих страхователей, содержащія въ себѣ необходимыя подробности о предлагаемой на страхъ собственности, примутся за объявленія. Копосаменты морскихъ судовъ или кораблей, какъ грузовые документы, равномерно могутъ замѣнять объявленія. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что желающіе обезпечить собственность свою отъ потери и ущерба, не встрѣтятъ задержки, ни затрудненій въ формѣ застрахованія со стороны общества, не обременятся неумѣренной премією; но, отдаливъ самую ничтожную частицу отъ цѣлаго, избавятся заботъ и страха, пронесодящихъ отъ опасностей, угрожающихъ нередко конечнымъ разореніемъ. Объ агентахъ общества, ихъ мѣстопробываніи и другихъ новыхъ учрежденіяхъ своевременно объявится въ ведомостяхъ.

— Выданы привилегіи: 1) государственнымъ крестьянамъ, братьямъ: Алексѣю и Феофану Хитровымъ на устройство и употребленіе изобретенной ими машины для кошенія травы посредствомъ этой машины, какъ объясняютъ изобрѣтатели, одинъ работникъ съ помощію одной лошади, можетъ въ теченіи восьми часовъ скосить траву съ пяти десятинъ съ четвертью, и въ то же время разложить кошенное сѣно для сушки. 2) Капитану графу Ивану Апраксину на введеніе новизобрѣтеннаго Классомъ въ Бельгій снаряда для выпариванія жидкостей, и 3) крестьянину Ушкову на устроенную имъ машину для выдѣлки безкопечныхъ листовъ бумаги. Эта машина, по объясненію изобрѣтателя. 1) можетъ въ продолженіе сутокъ сдѣлать бумаги 50 стопъ; при дѣйствіи ея нужно рабочихъ въ двѣ сѣны по три человѣка,—шесть человѣкъ, тогда-какъ при ручныхъ черпальныхъ машинахъ, чтобъ сдѣлать въ сутки 50 стопъ, нужно 34 человѣка; 2) при ручныхъ черпальныхъ фабрикахъ для выдѣлки шести тысячъ стопъ бумаги нужно сукна 150 аршинъ, тогда-какъ при машинѣ, переменяя его 10 разъ, только 75 аршинъ и 3) качество бумаги, сдѣланной машиною, противъ бумаги сдѣланной на обыкновенныхъ черпальныхъ фабрикахъ несравненно лучше.

IV.

ДОКОВОДСТВО, СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ВООБЩЕ.

ВЗГЛЯДЪ НА ВЫСТАВКУ ПРОМЫШЛЕННЫХЪ ИЗДѢЛІЙ ВЪ ВАРШАВѢ ВЪ 1845 ГОДУ (*).

Статья первая.

Важна во всѣхъ отношеніяхъ для страны эта эпоха выставки промышленныхъ издѣлій, эта публичная арена, куда разнородныя отрасли промышленности сходятся отдавать отчетъ въ своихъ успѣхахъ со времени послѣдней выставки.

(*) Эта статья написана, на польскомъ языкѣ, г-мъ *Феликсомъ Масновскимъ*, начальникомъ Отдѣленія Промышленности въ Банкѣ Польскомъ, а переведена на русскій и доставлена намъ (изъ Варшавы) для напечатанія *Н. Н. Соловьевымъ*, которому и свидѣтельствуемъ за это нашу душевную признательность. Выставка варшавская — событіе весьма-замѣчательное для Западнаго-Края и для всей Россіи; но русская публика ничего еще не знаетъ о ней, ибо наши журналы ничего ей о томъ не сообщали. Думаемъ, что рядъ обѣщанныхъ намъ статей о варшавской выставкѣ, написанныхъ дѣльно и безпристрастно, будетъ занимателенъ для читателей. *Ред.*

Знакъ данъ — и все, что живетъ промышленностью, пришло въ движеніе. Тяжело-нагруженныя брики двинулись изъ отдаленнѣйшихъ краевъ имперіи и царства, и сложили грузъ свой на варшавской выставкѣ.

Разнороднѣйшіе по назначенію и свойству предметы уложились въ стройную, симметрическую цѣлость, и ждутъ суда и приговора надъ своими достоинствами и недостатками.

Прежде, нежели приступимъ къ этому обзору, поговоримъ о назначеніи выставокъ, о выгодахъ, какія проистекають отъ нихъ для фабрикантовъ или производителей съ одной, и для публики или потребителей съ другой стороны, и наконецъ объ условіяхъ, которыя, по мнѣнію нашему, необходимы для достиженія этихъ выгодъ.

Назначеніемъ выставки, какъ мы уже сказали, есть именно этотъ отчетъ всѣхъ отраслей промышленности передъ правительствомъ — естественнымъ опекуномъ промышленности, — и передъ публикою. Правительство убѣждается, какъ далеко промышленность, этотъ послѣ земледѣія первый *производитель* народнаго богатства, ушла по пути, обезпечивающемъ ей успѣхи, возрастаніе и самобытность; разсматриваетъ, когорныя изъ ея отраслей процвѣтають и которыя нужны поддержка, ободреніе, совѣты, поправки на избранномъ ими пути, потому-что промышленность, вездѣ и всегда, непременно требовала и требуетъ такого регулятора, смотрящаго на ходъ ея съ высшей точки; иначе, одна ея отрасли утѣснили бы другія, даже не зная о томъ, что на этомъ ложномъ пути могли бы въ будущемъ и сама себя приготовить гибель. Въ этомъ отношеніи, каждый родъ промышленности отдѣльно-взятый, — истинный эгоистъ, — глядитъ только на себя, и въ слѣдствіе этого, часто радуется упадку или застою другихъ отраслей, забывая, что поочереды, и его можетъ встрѣтить такая же участь.

Публика изучаетъ богатство своей страны, дивится творческой силѣ промышленности и непрерывному ея возрастанію, привязывается къ издѣліямъ своихъ соотечественниковъ, отвыкаетъ постоянно отдавать первенство, какъ прежде бывало, издѣліямъ заграничнымъ, съ любопытствомъ ждетъ слѣдующей выставки, чтобы сравнить дальнѣйшіе успѣхи, и такимъ-образомъ постоянно растетъ желаніе запасаться домашними издѣліями, потому-что одна уже видъ ихъ во многихъ возбуждаетъ желаніе купить, о чемъ они иначе и не подумали бы; все это имѣетъ вліяніе на увеличеніе сбыта и на лучшее понятіе о народной промышленности, возбуждая въ то же время сильнѣйшую къ ней привязанность. Не возможно гдѣ-либо на эту собранную въ одномъ мѣствъ массу разнообразныхъ издѣлій промысла, не проникаешь къ промышленности

какимъ-то уваженіемъ, которое постепенно переходитъ въ сочувствіе. Но самыя большія выгоды получаютъ здѣсь сами промышленники, сближаясь, такимъ-образомъ, въ извѣстные періоды времени, сперва съ правительствомъ, которому могутъ они изложить свои потребности и желанія, а потомъ съ публикою, отъ которой выслушиваютъ судъ ея, и узнаютъ, чего она требуетъ, чего желаетъ и чего домогается. Наконецъ, это сближеніе значительнаго числа соревнователей по ремеслу объясняетъ имъ собственныя ихъ отношенія между собою: тутъ учатся одинъ отъ другаго, въ чемъ онъ можетъ улучшить свою методу, или, по крайней-мѣрѣ, видя, что другіе дѣлаютъ лучше, увлекаясь благороднымъ соревнованіемъ, старается и обдумываетъ, какъ бы сравняться съ ними, или даже и уйдти далѣе. Видъ столь разнообразныхъ предметовъ вмѣстѣ неожиданно иногда родитъ новыя pomysлы и бросаетъ новый свѣтъ на разныя, часто очень-важныя, обстоятельства, до-тѣхъ-поръ незамѣченныя.

Чтобъ дойти, однакожь, до указанныхъ выше выгодъ, фабрикантамъ прежде всего должно проникнуться важностью учрежденія выставокъ и приступать къ нимъ съ охотою и усердіемъ; надобно имъ такъ выбирать на выставку свои издѣлія, чтобъ по нимъ можно было видѣть весь объемъ ихъ фабрикаціи, чтобъ публика знала, что есть дома, въ какомъ качествѣ и значительности, и за что можно не платить напрасной данн иностранцамъ. Съ сожалѣніемъ должны мы сказать, что понятіе о выставкѣ въ этомъ духѣ мало еще развито въ польскихъ фабрикантахъ. Явиться съ своими издѣліями на выставку считаютъ еще они для себя излишнею тягостью, особенно фабриканты изъ провинцій, которыхъ чрезвычайно-мало было на нынѣшней выставкѣ. Изъ 263 фабрикантовъ, поменованныхъ въ каталогѣ, 74 прибыли изъ Россіи, и только 40 изъ провинцій; остальные всѣ варшавскіе.

Не такъ понимаютъ выставки за границею. Кто не слыхалъ о выставкахъ въ Парижѣ, въ Вѣнѣ, въ Берлинѣ, и объ усиліяхъ фабрикантовъ съ отличіемъ показаться на нихъ? Что это была для нихъ за эпоха! Какъ эти выставки прославились, и до-сихъ-поръ еще славятся! Какой свѣтъ пролили онѣ на положеніе промышленности въ тѣхъ странахъ, и на всѣ связанныя съ нею вопросы!

Примѣръ этотъ не можетъ для насъ потеряться: стремленіе, возбужденное въ другихъ мѣстахъ, отзовется и у насъ ранѣе или позже, и даже на нынѣшней выставкѣ нашлись фабриканты, которые ясно поняли цель ея; въ числѣ прочихъ, намъ пріятно поставить въ образецъ и отдать должную справедливость тѣмъ, которые подали прекраснѣйшій примѣръ для подражанія, прибывая на нашу выставку съ издѣліями своими изъ отдаленнѣйшихъ кра-

овъ обширнѣйшаго въ свѣтъ государства—даже съ береговъ Каспійскаго-Моря.

Но пора уже намъ войти въ самое мѣсто выставки, помѣщенной въ одномъ изъ великолѣпнѣйшихъ зданій Варшавы—въ бывшемъ палацѣ Яблоновскихъ, гдѣ нынче магистратъ. Мы вошли, и передъ глазами нашими раскинулись во множествѣ разнородные, на каждомъ шагу, какъ въ калейдоскопѣ, измѣняющіе видъ свой предметы: при первомъ взглядѣ, все это является какимъ-то изумляющимъ хаосомъ, который потомъ уже, при ближайшемъ обзорѣ, начинаетъ разъясняться, классифицироваться, и, разборомъ подробностей, даетъ намъ возможность понять общность.

Отладимъ теперь себѣ отчетъ въ впечатлѣніяхъ, полученныхъ нами при этомъ обзорѣ, и въ наблюденіяхъ нашихъ надъ различными отраслями ремесленности. Въ этомъ разборѣ, будемъ мы разсматривать разныя вѣтви промышленности безъ всякаго плана, такъ, какъ онѣ попадались намъ на глаза, какъ къ нимъ подойти можно было, потому-что ничего нѣтъ труднѣе, какъ поддержать какую-нибудь связь и порядокъ въ своихъ наблюденіяхъ среди шумной толпы посѣтителей.

Начнемъ на удачу съ хлопчатобумажныхъ издѣлій.

Еслибъ кто спросилъ, почему я начинаю именно съ хлопчатобумажныхъ издѣлій, то я, можетъ-быть, не умѣлъ бы отвѣчать на это удовлетворительно. Это, можетъ-быть, не болѣе, какъ особенное какое-нибудь расположеніе. Кто знаетъ почти весь фабричныя города, заселенные хлопчатобумажными ткачами, кого занимаетъ участь этихъ людей, кто всматривался въ измѣчивость ихъ положенія, и видѣлъ, какъ они одинаково сносятъ злую и добрую долю, не покидая труда, никогда не теряя бодрости и надежды, тотъ, вспомнивъ ихъ, всегда скорѣе вспомнить и эту вѣтвь промышленности. Одинъ только городъ Лодзь имѣетъ нѣсколько тысячъ этихъ ткачей, которые, въ хорошее время, вырабатываютъ въ годъ около семи милліоновъ локтей (*) и кормитъ нѣсколько десятковъ тысячъ тамошняго населенія, сосредоточеннаго кругомъ этого города. Какъ же не проникнуться къ нимъ участіемъ, особливо зная и оцѣняя важность этой фабричной колоніи, которая имѣетъ такое благотвѣтельное вліяніе на нѣсколько миль вокругъ себя? У-мѣста здѣсь будетъ сказать, что, со времени заложенія города Лодзи и другихъ, въ окрестности его, фабричныхъ городовъ и колоній, каковы, наприм., Эгержъ, Константиновъ, Александровъ, Жсаверовъ, Пабиачницы, Здуньска-Воля, Озорковъ, которые всѣ на пространствѣ четырехъ миль расположены около Лодзи,—что, съ

(*) Польскій локоть равняется тринадцати вершкамъ.

1822 года, на пространствахъ нѣсколькихъ миль кругомъ этихъ поселеній хлопчатобумажной промышленности, цѣнность земли, по крайней-мѣрѣ, утроилась, различныя произведенія земли, до того времени шедшія за безцѣнокъ, теперь держатся въ высокой цѣнѣ и всегда имѣютъ вѣрный сбытъ, а существовавшія до того времени пустыни и непроходимые лѣса заселились колоніями, которыя своимъ устройствомъ припоминаютъ самыя цивилизованныя нѣмецкія провинціи. Но обратимся къ выставкѣ и къ *хлопчатобумажнымъ издѣліямъ*.

Ошибочное составилъ бы тотъ себѣ понятіе о степени, на которой находится эта отрасль промышленности, кто сталъ бы цѣнить ее единственно по образцамъ, доставленнымъ на выставку, потому-что на этотъ разъ—непонятное дѣло!—хлопчатобумажныя фабриканы, какъ-будто покоясь на прежде-собранныхъ лаврахъ, скупо и бѣдно явились на выставку; издѣлія привезены ими съ меньшею разборчивостью, нежели какъ въ 1841 году: не выставили намъ ни муслиновъ, въ которыхъ стали такъ высоко; ни издѣлій чудочныхъ, ни столоваго бумажнаго бѣлья, замѣняющаго льняное, но только гораздо-дешевле, ни пике, ни пиковыхъ одѣялъ, ни щегольскихъ чайныхъ салфетокъ, и т. п. Видѣли мы, и то въ самомъ незначительномъ количествѣ, только холстинки и тисненныя миткали. Въ первыхъ поддержалъ прежнюю заслуженную извѣстность г. Громанъ, фабрикантъ изъ Лодзи; наравнѣ съ нимъ сталъ варшавскій фабрикантъ Тилль. Другихъ прислали намъ одни только гг. Гейеръ и Тренклеръ, оба извѣстные фабриканты изъ Лодзи, и то безъ строгаго выбора сортовъ и рисунковъ. Оттуда же прислалъ Фреймундъ нѣсколько штукъ китайки, а президентъ тамошняго магистрата нѣсколько десятковъ штукъ холстинокъ и тиковъ, которые, подъ его надзоромъ, были заказаны на счетъ правительства, для вспомошествованія ткачамъ, неимѣвшимъ работы.

Изъ другихъ фабричныхъ мѣстъ, одинъ только Гилле изъ Здунской-Воли привезъ на выставку чрезвычайно-дешевые бумажные полушеринсы и холстинки, отливающіеся гладкостью, ровностью и дешивизною. Судя, однакожь, по всѣмъ этимъ издѣліямъ, никто и не подумалъ бы, что эта вѣтвь промышленности, въ-отношеніи къ числу людей, живущихъ ею, стоитъ выше всѣхъ прочихъ, а общая цѣнность ея произведеній, при хорошемъ положеніи земельческаго класса, доходитъ до двухъ съ половиною мильіоновъ рублей серебромъ.

Пряжу для этихъ издѣлій доставляли, большею частію, три свои прядильни: 1) Лудвига Гейера, въ Лодзи, вырабатывающая на 10,000 веретенъ около 230,000 фунт. основы; 2) г. Фридриха Шлѣссера, въ Озорковѣ, вырабатывающая болѣе, нежели на 8000

веретенъ около 160,000 фунт. одного только утку; и 3) годъ назадъ только заведенная, Громанна, въ Лодзи, которая работаетъ не болѣе какъ на 1620 веретенахъ и выпрядаетъ также одиъ только утокъ. Эти три прядильни вмѣстѣ доставляютъ уже слишкомъ 400,000 фунт. пряжи, что составляютъ болѣе $\frac{1}{6}$ части общей потребности края. Гг. Гейеръ и Шлѣссеръ все болѣе и болѣе увеличиваютъ свои заведенія. Не подлежитъ сомнѣнью, что заслуги этихъ старательныхъ фабрикантовъ будутъ должнымъ образомъ оцѣнены.

Большимъ, однакожь, выборомъ и разнообразіемъ хлопчатобумажныхъ издѣлій на нынѣшней выставкѣ отличились русскіе фабриканты, а именно гг. Молчановъ и Лютха, владѣльцы колоссальныхъ заведеній — первый въ Москвѣ, другой въ Петербургѣ (*). Издѣлія ихъ не столько вкусомъ, сколько тонкостью отдѣлки, разнообразіемъ рисунка, добротою красокъ и тщательностью оттиска, превышаютъ всѣ, бывшія на выставкѣ, польскія издѣлія этого рода, но за то относительно и дороже польскихъ. Наравнѣ съ этими двоими должно съ похвалою упомянуть и о перкаляхъ Баранова турецко-пунсоваго цвѣта. Менѣе — замѣчательны издѣлія братьевъ Болотовыхъ и Гарелма.

Припомнимъ здѣсь кстати, что упомянутый г. Гейеръ, въ Лодзи, для своихъ издѣлій употребляетъ собственнаго произведенія краповую краску лучше заграничной; со-временемъ онъ будетъ въ состояніи доставлять ее и въ торговлю. Присланные имъ миткали окрашены собственнымъ его крапомъ. Должно желать, чтобъ этотъ примѣръ нашелъ болѣе подражателей, и чтобъ разведеніе этой краски, нѣсколько уже разъ у насъ начинавшееся, распространилось въ большомъ объемѣ, какъ новый и обильный источникъ дохода для земледѣльца.

Перейдемъ теперь къ шерстянымъ издѣліямъ, и особенно къ издѣліямъ изъ чесаной шерсти.

Эта вѣтвь промышленности, совершенно у насъ новая и въ первый разъ представляющая свои издѣлія изъ домашней пряжи на выставку, обязана отчасти своимъ существованіемъ недавне устроенной у насъ прядильнѣ чесаной шерсти г. Эдварда Фридрихса, владѣльца известной фабрики въ Татарахъ подъ Равою Услуга, какую г. Фридрихсъ этимъ заведеніемъ оказалъ нашему краю, должна снискать ему благодарность соотечественниковъ, по

(*) Въ вышедшемъ въ нынѣшнемъ году, въ Москвѣ, сочиненіи г. Самойлова «Атласъ Промышленности Московской-Губерніи», Москва 1845 г., читаемъ, что хлопчатобумажныя заведенія въ одной только Московской-Губерніи производятъ издѣлій на 80 милліоновъ. *Прим. автора.*

тому-что теперь, не отправляя нашей шерсти за границу, мы дома будем ее обрабатывать.

Замѣтимъ здѣсь, что шерсть наша, продаваемая, какъ суровый матеріалъ, за границу, возвращается къ намъ въ тибетахъ, камлотахъ, прынеляхъ, мериносахъ со всеми безконечными ихъ отѣнками, которые разнообразѣйшими именами крестятъ за границу, и берутъ съ насъ за нихъ огромныя деньги. Что жъ намъ иѣшаетъ самимъ обрабатывать эту шерсть, а издержки обработки, какъ чистый барышъ, задерживать дома?

Изъ фабрикантовъ, которые первые стали употреблять пряжу г. Фридрихса, назовемъ гг. Моэсъ, изъ Эгержа, и гг. Бартельсъ, изъ Скершевиць. Первые, едва только начавъ, доставили уже очень-разнообразныя издѣлія, какъ то: тибеты гладкіе и въ рисунокъ разныхъ цвѣтовъ, матерія на мѣбель и экипажи, полушерстяныя одѣяла и скатерти, протканныя шелкомъ. Эти дѣятельные фабриканты съ успѣхомъ устриваютъ уже третье заведеніе. Кромѣ упомянутой, имѣютъ они еще извѣстную фабрику трико и недавно-завѣденную бумажныхъ обоевъ. Г. Бартельсъ представилъ гладкіе тибеты, прынели и камлоты, всѣ вытканныя хорошо и ровно, и только въ аппретуръ требующіе улучшенія. Такое начало предсказываетъ быстрое развитіе этой новой, такъ желанной и такъ намъ свойственной отрасли промышленности, потому-что у насъ есть суровый матеріалъ, способные фабриканты и собственный свой сбытъ,—однимъ словомъ, главныя условія успѣха каждой фабрикаціи. Остаповимся теперь надъ достоинствами русскихъ издѣлій этого рода, которыя на нашу выставку присланы первыми представителями этой отрасли промышленности (*).

Братья Гусковы въ Москвѣ извѣстны въ цѣлой Россіи изысканствомъ своихъ издѣлій изъ чесаной шерсти, въ которыхъ стали на высокой степени. Ихъ тибеты гладкіе и въ рисунокъ, барежи, тисненныя платки, тифтики можно считать совершенствомъ.

Алексѣй Титовъ, также богатый фабрикантъ московскій, извѣстенъ исключительно шерстяными тисненными муслинами, которые во всей Россіи цѣнятся и покупаются. Анастасій Матвѣевъ, также московскій фабрикантъ, работаетъ на цѣлую Россію балзарины, которые, въ-отношеніи легкости и тонкости, немного оставляютъ желать. Также почетное мѣсто занимаютъ на нашей выставкѣ Остерредъ изъ Москвы и Степановъ изъ Петербурга; однимъ

(*) Г. Самойловъ, въ приведенномъ выше своемъ сочиненіи, говоритъ, что одна только Московская-Губернія производитъ сукна и издѣлій изъ чесаной шерсти на 10,000,000 рублей серебромъ въ годъ.

словомъ — эта отрасль промышленности высоко уже стоитъ въ Россіи, и у насъ едва-только начинается свое существованіе.

Суконная промышленность сдѣлала въ Россіи большіе успѣхи и все шла впередъ, между-тѣмъ, какъ у насъ, чрезъ наложеніе въ Россіи пошлины на наши сукна, падала. Правда, и у насъ есть фабрики, которыя не потеряли своей прежней славы, какъ напр. сукна Фидлера, Ретпана, Вильгельма Цахерта, но за то большая часть хотя не такъ богатыхъ, но все-таки извѣстныхъ фабрикъ въ Згержѣ, Ленчицѣ, Тимошовѣ и Озорковѣ совершенно упала, и — что всего важнѣе — какъ польскія сукна были прежде предметомъ важной транзитной торговли съ Россіею, такъ теперь русскія сукна не только не боятся нашего соимствничества, но даже, какъ кажется, могли бы здѣсь у насъ, на мѣстѣ, выдержать дешевизну нашихъ фабрикъ.

Изъ числа русскихъ фабрикъ особенно отличаются сукна Бермана, Ланке и Ретена, изъ Цинтенгофа, а также Гокиша, изъ Москвы, въ высокыхъ сортахъ; братьевъ Рыбниковыхъ, изъ Москвы, и Устинова съ Гречиновымъ, въ сортахъ низшихъ; также полусукна Новикова, которыя очень цѣнятся. Отличаются еще фабриканты изъ окрестностей Бѣлостока, большею частію изъ Польши переселившіеся въ Россію. За всемъ тѣмъ, польскія сукна сохраняютъ свое превосходство, особенно въ тонкихъ сортахъ, до котораго русскіе фабриканты еще не достигли. Это относится преимущественно къ издѣліямъ гг. Фидлера и Ретпана, которыхъ сукна съ охотою покупаются даже въ самыхъ отдаленныхъ краяхъ Россіи. Въ трико отличился г. Моэсъ, изъ Хороши; этотъ фабрикантъ имѣетъ также фабрику и въ Згержѣ. Наконецъ, къ шерстянымъ издѣліямъ относятся и ковры, въ которыхъ давно-пріобрѣтенную славу поддерживаетъ фабрика Яна Гейзера, въ Варшавѣ, по справедливости причисляемая къ разряду лучшихъ въ этомъ родѣ заведеній.

На выставкѣ нашей вѣтъ русскихъ ковровъ, и потому, не имѣя предмета для сравненія, не можемъ сказать, какихъ сильныхъ соперниковъ можетъ имѣть фабрика Гейзера. Намъ, однакожъ, извѣстно, что гейзеровскіе ковры имѣютъ хорошій сбытъ въ Россіи и заслуживаютъ этого, судя по непрерывнымъ стараніямъ фабриканта поддержать свое заведеніе паравнѣ съ первыми въ этомъ родѣ заграничными фабриками. Можно бы только пожелать, чтобъ цѣны были не такъ высоки.

Въ доказательство того, что мы старательно осматривали каждый предметъ, упомянемъ о шерстяныхъ фельпахъ г. Эсигмана (въ Варшавѣ) разныхъ цвѣтовъ — предметъ, можемъ имѣть очень

разностороннее приложеніе, но выдѣлка котораго требуетъ еще значительнаго улучшенія.

Приступая къ обзорѣ шелковыхъ издѣлій, сознаемся прежде всего, что эта отрасль промышленности у насъ еще въ колыбели, и до-тѣхъ-поръ не пойдетъ выше, пока не найдется фабриканта съ достаточнымъ капиталомъ и готоваго на борьбу съ предразсудкомъ, унижающимъ въ этомъ родѣ все домашнее.

Русскіе фабриканты забросали, можно сказать, нашу выставку обиліемъ, разнообразіемъ и богатствомъ своихъ шелковыхъ матерій. Эта часть представилась лучше всѣхъ другихъ, потому-что всѣ почти первыя русскія шелковыя фабрики прислали намъ свои издѣлія (*).

Подробный разборъ этихъ богатствъ переходитъ за границы нашей статьи. Должно, однакожъ, упомянуть о брокадеяхъ по самымъ свѣжимъ ліонскимъ образцамъ, въ которыхъ Кондрашевъ и Сапожниковъ не уступаютъ одинъ другому. Левинъ прислалъ больше-легкихъ матерій въ этомъ же самомъ родѣ, по цѣнамъ чрезвычайно-доступнымъ. Всѣ трое—московскіе фабриканты. Въ матеріяхъ на дамскія платья почетныя мѣста занимаютъ Фохтъ и Вейнертъ, изъ Петербурга.

Но что сказать о богатыхъ золотыхъ и серебряныхъ парчахъ на ризы и другія церковныя украшенія, присланныя Сапожниковымъ, Поляковымъ, Колокольниковымъ и Дихачевымъ? кому изъ нихъ отдать первенство, когда каждый изъ нихъ прислалъ предметы, изящные по вкусу, отдѣлкѣ и богатству?

Тутъ всѣ первыя, потому-что каждый имѣетъ свои особенныя достоинства: у того лучше шитье на атласахъ, у того на бархатѣ; этотъ отличается золотымъ моарѣ, а тотъ церковными хоругвями и другими украшеніями, которыя гнутся подъ тяжестью золота.

Почетное также мѣсто занимаютъ русскіе фабриканты мѣшанныхъ издѣлій, и между ими отличается Яковъ Рошфоръ (изъ Москвы), котораго шерстяныя съ шелкомъ матеріи на мѣбели и экипажи, также бархаты на платья и жилеты, по отдѣлкѣ своей смѣло могутъ стать наряду съ лучшими заграничными. По этому самому, г. Рошфоръ извѣстенъ въ цѣлой Россіи, и каждый охотно покупаетъ его издѣлія.

Сюда также принадлежитъ Яковъ Локтевъ, извѣстный въ Москвѣ фабрикантъ орденскихъ лентъ, которыя онъ выдѣлываетъ на цѣлую Россію. Присланный имъ на нашу выставку протканый

(*) Московская-Губернія, по словамъ г. Самойлова, производитъ въ годъ на 8,000,000 руб. сереб. шелковыхъ издѣлій.

шелкомъ кашемиръ на жилеты обратилъ на себя всеобщее вниманіе: это почти-образцовое произведеніе ткацкаго дѣла.

Послѣ такой отличной выставки русской шелковой промышленности, что же можно сказать объ шедвляхъ начинающихъ польскихъ фабрикантовъ? А между-тѣмъ, есть между ними одинъ, обещающій свѣтлую будущность. Мы говоримъ о Юзефѣ Воровскомъ, который изъ простаго сядьльца въ овощной, кажется, лавкѣ, слѣдуя своей склонности и отдавшись совершенно ремеслу шелкового ткачества, собственными силами, трудомъ, настойчивостью и стараніемъ, дошелъ до того, что имѣетъ теперь заведеніе на нѣсколько становъ, и выдѣлываетъ штофныя, шелковыя и полшелковыя матеріи на мѣбели и экипажи, которыя отличаются совершенною оконченностью, и чрезъ это, при самомъ началѣ, могутъ уже стать наряду съ лучшими заграничными. Знаатоки удивляются исправности ткани, также выбору новѣйшихъ французскихъ рисунковъ и прекрасной аппретурѣ, которыми, по-большой-части, пользуются в Русскіе. Вѣроятно спросятъ, гдѣ всему этому научился Воровскій, какихъ имѣлъ учителей, откуда достаетъ работниковъ, и съ трудомъ повѣрятъ, что все это дѣло желѣзной воли, настойчивости и труда, кромѣ врожденной способности къ этой отрасли фабриканціи.

Г. Воровскій выставилъ, сверхъ того, значительное количество полушерстяныхъ издѣлій на мѣбели, также изъ волосаней матеріи со штофнымъ рисункомъ; все сдѣлано со вкусомъ и старательно; поэтому такой фабрикантъ, спокойный и скромный, служащій образцомъ и для другихъ, заслуживаетъ того, чтобъ публика узнала его и многочисленными покупками вознаградила старанія его, труды и истинную заслугу: Кромѣ Воровскаго, который занимаетъ первое мѣсто, г. Бесуреридъ далъ на выставку свои атласы (satin turc) разныхъ сортовъ, всѣ гладкіе, чернаго цвѣта, тканые очень-старательно и цѣны доступной.

Г. Штенцъ выдѣлываетъ прекрасныя фельзы на шляпы, также и бархаты, только въ незначительномъ количествѣ.

Изъ полшелковыхъ издѣлій, фабрикантъ изъ города Лодзи, г. Зиберъ, представилъ на выставку шерстяную съ шелкомъ матерію для жилетовъ, которая заслужила общее одобреніе. Матерія прекрасная, въ ней вѣчего похулить: тканье хорошее, вкусъ изящный, подборъ цвѣтовъ отличный, цѣна умѣренная. Если этотъ фабрикантъ можетъ съ барышемъ работать такія матеріи, то можетъ быть увѣренъ въ большомъ успѣхѣ. О полшелковыхъ издѣліяхъ братьевъ Моэсъ, изъ Эгержа, въ числѣ которыхъ, кромѣ тяжелыхъ матерій на мѣбели, есть также легкія и со вкусомъ матеріи на дамскія платья, упомянули мы уже выше, при полушерстяныхъ издѣліяхъ. Нельзя не сказать, что послѣдняя выставка 1841 г. была богаче вы-

дѣшевой шелковой издѣліями. Прекрасныхъ разноцвѣтныхъ атласовъ, гроденаплей, бархатовъ, по которымъ тогда можно было предсказывать успѣхи и дальнѣйшее развитіе этой фабрикаціи, нынче вовсе не было.

Намъ осталось осмотрѣть послѣднюю и притомъ важнѣйшую отрасль ткачества—издѣлія льняныя и пеньковыя, надъ которыми должно остановиться нѣсколько-долѣе. Въ-самомъ-дѣлѣ, есть ли какая-нибудь вѣтвь промышленности, болѣе въ нашемъ краѣ достойная воощренія, усиленія и распространенія? Отъ крестьянина до людей высшихъ классовъ общества, каждый требуетъ льняныхъ издѣлій, потому-что для каждого они предметъ первой потребности. Ихъ большее или меньшее употребленіе въ странѣ отвѣчаетъ большому или меньшему развитію добраго быта между жителями: кто позаквиточѣе, тотъ и болѣе носитъ тонѣе, и болѣе его употребляетъ. Но не менѣе въ пользу этой отрасли промышленности говорить и то, что она обрабатываетъ матеріалъ суровый — произведеніе нашей родной земли. По-этому, ничего столько нельзя желать въ пользу нашего края, какъ усиленія льняной промышленности, которая, распространяемъ своимъ, будетъ вывѣсть великимъ благодѣяніемъ и для земледѣлія, давая новый ходъ воздѣлыванію льна и обезпечивая обширный сбытъ его.

Съ давнихъ временъ воздѣлывали мы ленъ, но выгодъ съ него получать не умѣли: точно какъ Испанія, владѣли мы сокровищами, но пользоваться ими давали только иностранцамъ. Въ послѣднее уже время, какъ мы сказали, когда вообще пробудилось стремленіе къ промышленности, а правительство съ отцовскою попечительностью являлось на помощь всѣмъ этого рода предпріятіямъ; когда обзоръ средствъ, которыя за границею, и особенно въ Англіи, довели эту выгодную отрасль промышленности до высокой степени совершенства, открылъ глаза нашимъ внимательнымъ наблюдателямъ, а разсматриваніе отечественныхъ богатствъ показало, что въ родной землѣ существуютъ всѣ условія добраго успѣха льняной фабрикаціи,—тогда только оцѣнили ее, какъ слѣдуетъ, и сдѣлали первый шагъ, иля въ-слѣдъ за Англіею. По счастливому случаю, жилъ въ то время у насъ человекъ, котораго имя перейдетъ въ потомство, потому-что онъ первый далъ полную силу льняной промышленности, именно Филиппъ Жиранъ; возбужденный наградою въ миліонъ франковъ, предложенною отъ Наполеона за изобрѣтеніе механическаго пряденія льна, онъ еще въ 1810 году обогатилъ свѣтъ первымъ способомъ механическаго пряденія, и этотъ способъ, перешедши въ Англію, былъ тамъ практическими дѣйствіями улучшенъ и усовершенствованъ.

Подъ вліяніемъ этихъ помысловъ, по убѣжденію Жиранара, соста-

вылось общество льняных издѣлій, которое основало существующую до сихъ-поръ и известную съ очень-выгодной стороны фабрику въ Жирардовѣ, фабричной колоніи, названной такъ въ честь творца этой важной промышленности. Но начало каждаго подобнаго предіриятія всегда бываетъ трудно и встрѣчаетъ множество препятствій, особенно въ такой странѣ, гдѣ тогда не было еще ни фабрикъ, ни ремесленниковъ для устройства ново-изобрѣтенныхъ машинъ, ни людей, ознакомленныхъ съ этою неизвѣстною работою. Фабрика долго боролась съ этими препятствіями, и когда, наконецъ, пройдя уже трудную школу испытанія, достигла своей цѣли и стала на такой степени, что съ выгодною могла быть въ ходу и цѣлымъ своимъ устройствомъ служить образцомъ и примѣромъ для будущихъ фабрикъ, въ это время основаніе ея начало разстраиваться, въ слѣдствіе закрытія общества, которое до этого времени поддерживало ее своими капиталами. Но мы увѣрены въ заботливости нашего правительства, и думаемъ, что оно поддержитъ эту фабрику, основанную съ такими трудами и такъ важную для нашего края, при теперешнемъ состояніи нашей промышленности.

Фабрика въ Жирардовѣ имѣетъ паровую машину силою въ 40 лошадей, которая приводитъ въ движеніе 28 прядильныхъ машинъ съ соответственнымъ числомъ подирядильныхъ и приготовительныхъ; она можетъ выпрести около 120,000 штукъ пряжи, цѣною почти на 60,000 рублей серебромъ. Доставленные на выставку сорты отъ № 40 до 120, по мѣтнѣи знатоковъ, отличаются главнымъ достоинствомъ, именно: ровностью, что имѣетъ самое большое вліяніе на изящество и доброту издѣлій.

Представленные кововыя полотна, отъ 40 до 320 злотыхъ (15 коп. сер.) за штуку, отличаются добротою и старательнымъ тканьемъ, а что цѣны должны быть умеренны, этому служитъ доказательствомъ то, что эти полотна изъ первыхъ рукъ продаются купцамъ, которые увѣрены въ своихъ барышахъ, и что никогда въ фабричной лавкѣ не накапливается много издѣлій. Это явленіе общаетъ много и явно доказываетъ, что публика начинаетъ отвыкать находить хорошее въ однихъ только заграничныхъ полотнахъ. Очень также хвалили и столовое бѣлье жирардовское; на выставку, однакожь, были присланы немногіе сорты его, и потому о разнообразіи сортовъ и образцовъ этихъ издѣлій нельзя было судить основательно. Въ Жирардовѣ работаетъ около 300 ткачей; тамъ устроена также и химическая бѣльица на англійскій способъ. На ряду съ жирардовскими издѣліями, общее вниманіе обратили на себя издѣлія недавно-заведенной въ Августовской-Губерніи фабрики г. Домбровича, владѣльца имѣнія Доброволи. Какъ пріятно владѣть помѣщикомъ, подающаго собою такой прекрасный примѣръ!

Льняная промышленность, имѣющая столько снискановенія съ земледѣліемъ, потому-что опирается на земледѣльческомъ продуктѣ, подается и далѣе съ земледѣліемъ. Такъ, по-крайней-мѣрѣ, должны мы судить, смотря на условія г. Домбровича, увѣнчанныя, какъ кажется, полнымъ успѣхомъ. Г. Домбровичъ выставилъ, правда, поютна только изъ ручной пряжи, которая не имѣетъ ровности, какъ машинная, а между-тѣмъ полотно его соперничаютъ со всеми другими и, главное, удивляютъ своею дешезизною.

Бывленіе у г. Домбровича—тоже образцовое: это лучше всего видѣли мы на столовомъ бѣльѣ, которому весь на выставкѣ единогласно отдавали первенство надъ другими. Мы должны, однакожъ, прибавить, что г. Домбровичъ работаетъ только средніе сорты; но должно надѣяться и желать, что, ободренный дознаннымъ уже успѣхомъ, онъ не перестанетъ трудиться надъ дальнѣйшимъ развитіемъ и улучшеніемъ своей фабрикаціи, а мы за то предсказываемъ ему извѣстность и богатство.

Видѣли мы еще на выставкѣ прекрасное столовое бѣлье г. Гарви, изъ Сокуля, близко-подходящее къ жирардовскому; также очень хорошіе образчики полотна и платковъ домашняго издѣлія, помѣшницы Доманевской.

Съ неменьшимъ вниманіемъ просматривали мы грубыя тюремныя издѣлія, служащія доказательствомъ похвальной заботливости начальниковъ этихъ заведеній. Это стремленіе—исправлять помощью труда своихъ правственно-больныхъ ближнихъ—принадлежитъ къ тому разряду помысловъ, которые общають добрый и обильный плодъ.

Изъ русскихъ фабрикантовъ одинъ только Иванъ Кузьминъ, изъ Москвы, представилъ разныхъ сортовъ скатерти и салфетки, которыя особенно отличаются прекрасною ашпретурою. Медвѣдевъ и Герентьевъ прислали одни только тики, но отлично-вытканные. Поютна мы совсѣмъ не видали, и потому о состояніи этой фабрикаціи въ Россіи судить на этотъ разъ не можемъ.

Ни одинъ, однакожъ, край не въ-силахъ съ такимъ успѣхомъ, какъ Россія, развивать у себя эту отрасль промышленности. Ленъ издѣлывается въ чрезвычайномъ изобиліи, особенно въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ Россіи, и оттуда-то болѣе всего берутъ его шглійскія прядильни; требованіе на льняныя издѣлія въ обширныхъ провинціяхъ, составляющихъ имперію, также не мало; по всему этому можно судить, что, безъ сомнѣнія, скоро прійдетъ время, когда льняная промышленность займетъ въ Россіи настоящее свое мѣсто.

Такимъ-образомъ, мы осмотрѣли весь отрасль ткачества, не щадя

замѣчаний и наблюдений, какія встрѣчались намъ при обзорѣ на нашей выставкѣ тканыхъ издѣлій.

Сколько жалѣли мы о нынѣшнемъ застоѣ нашей суконной фабрикаціи, происшедшей отъ недостатка обширнаго сбыта, столько же порадовалъ насъ видъ вновь-развивающейся отрасли издѣлій изъ чесаной шерсти, которой положилъ начало г. Фридрихсъ заведеніемъ своей прядильни.

Радовались мы также и успѣхамъ шелковой фабрикаціи, представляющей въ г. Воровскомъ фабриканта, который крѣпко укоренить ее въ родной землѣ. Показали мы далѣе, что хлопчатобумажная фабрикація стоитъ не на такой низкой степенѣ, какъ бы можно было судить по выставкѣ; напротивъ мы помнили, какъ сильно развита она, какія имѣетъ стихіи, и что, можетъ-быть, находится теперь только въ минутномъ застоѣ.

Наконецъ, обратили мы вниманіе на важность льняной промышленности, на причины, которыя до-сихъ-поръ не давали ей хода, и на будущность ея, какой должно надвѣяться отъ нынѣшнихъ успѣховъ.

Этимъ кончимъ первую часть нашего обзора, оставляя до слѣдующей статьи то, что намъ должно еще сказать о другихъ отрасляхъ промышленности.



ВЗГЛЯДЪ НА ВЫСТАВКУ ПРОМЫШЛЕННЫХЪ ИЗДѢЛІЙ ВЪ ВАРШАВѢ ВЪ 1845 ГОДУ.

Статья вторая.

ЖЕЛѢЗНАЯ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ.

а) Жельзо и сталь.

Начнемъ дальнѣйшій обзоръ выставки отъ важнѣйшей отрасли промышленности, которую должно считать если не основаніемъ, то во-крайней-мѣрѣ сильнѣйшимъ двигателемъ и подпорою всѣхъ прочихъ, — отъ жельза.

Жельзо, въ настоящихъ сношеніяхъ свѣта, играетъ великую, одну изъ важнѣйшихъ роль. Отъ его изобилія, доброты и цѣны зависятъ вездѣ объемъ, степень и дешевизна произведеній. Край, который богаче жельзомъ, долженъ по этому самому занять высшее мѣсто въ промышленномъ отношеніи, и тѣмъ сильнѣе можетъ идти впередъ по этому пути. Англія, которую всегда надобно признать въ примѣръ, какъ-только рѣчь касается промышленности, всею своею промышленною силою одолжена неисчерпаемымъ рудникамъ жельза и угля, а вмѣстѣ съ тѣмъ и усовершенствованію выдѣлки жельза, потому-что одно только жельзо сотворило машины, паровыя суда и жельзные дороги—главнѣйшіе дѣйствительные въ промышленномъ бытѣ народовъ.

Все это понимаютъ и поняли уже почти европейскія правительства, потому-что во всѣхъ почти странахъ въ послѣднее время замѣтно стало необыкновенное движеніе въ усиленіи и конечномъ усовершенствованіи жельзной фабрикаціи; такъ, напр., Франція,

которая въ 1829 году выработала едва 1,500,000 центнеровъ (*) желѣза, въ прошломъ году выработала его 30 милліоновъ центнеровъ, — слѣдовательно, въ 20 разъ болѣе. То же самое видимъ въ Бельгіи, Пруссіи и Саксоніи; что же теперь сказать объ Англіи, которая, однимъ словомъ, до-сихъ-поръ почти имѣла какъ-будто исключительную привилегію снабжать весь свѣтъ желѣзными шинами? Стремленіемъ этого рода не менѣе можетъ хвалиться и наше правительство: оно, въ заботливости своей о развитіи и успѣхахъ промышленности, зависящихъ, какъ мы уже сказали, отъ изобилія и доброты желѣза, основало огромныя заведенія, которыя, при помощи богатыхъ копей домбровецкаго угля, теперь, когда уже дошли до подлежащей глубины, очень-хорошаго, увеличатъ въ-четверо продукцію желѣза, и со-временемъ обильно вознаграждать употребленные на нихъ расходы; не забудемъ при этомъ, что польское желѣзо равняется славному съ давнихъ временъ желѣзу шведскому. Но теперь, такъ-какъ желѣзо, по мнѣнію нашему, вездѣ, а тѣмъ болѣе у насъ, должно занимать первое мѣсто, то мы были очень огорчены, что на нынѣшней выставкѣ вовсе его не видали ни съ казенныхъ заводовъ, ни съ частныхъ, чтобъ можно было сравнить разные его сорта между собою и ближе узнать отличительныя свойства каждаго сорта. Подобный разборъ былъ бы желателенъ и полезенъ какъ для желѣзныхъ заводчиковъ, такъ и для самыхъ потребителей. Первые, слушающа судъ знатоковъ, припались бы, гдѣ нужно, за улучшеніе; другіе увидѣли бы, кому отдавать первенство. Пусть же намъ, во-крайней-мѣрѣ, позволено будетъ извѣсти желаніе, чтобъ на будущей выставкѣ, кромѣ желѣзныхъ издѣлій, которыхъ на нынѣшней выставкѣ очень-небольшое количество, могли мы видѣть желѣзо прокатное и ковачное въ различныхъ размѣрахъ, отъ самыхъ малыхъ до самыхъ большихъ, годное на всякія потребности, какъ-то: квадратное, круглое, плоское, угловатое, а также и разные сорта переваленнаго желѣза: сырое, полусырое, бѣлое, изъ которыхъ можно выработывать издѣлія мягкія и твердыя, смотря по надобности. Такіе образцы, представленныя на выставку, убѣдили бы публику, что у насъ есть прекрасный суровый матеріалъ на всякое дѣло и на отличное ковачное желѣзо. Сколько намъ извѣстно, на казенныхъ заводахъ Селья выработывались шины для желѣзныхъ дорогъ, подъ руководствомъ г. Блоковскаго, который долго занимался этимъ предметомъ въ Англіи. Нацей публикѣ, выслушавъ и занимающейся родною промышленностью, пришло бы большое удо-

(*) Центнеръ равняется 2 пудамъ 19¹/₂ російскимъ фунтамъ.

польствие, еслибъ она увидѣла на выставкѣ пробы въ этомъ родѣ: легко было бы предвидѣть, что эта фабрикація, разѣ получивъ годъ, надолго обезпечила бы значительный сбытъ желѣза.

Этотъ недостатокъ на выставкѣ желѣза вознаградила намъ фабрика домашней стали гг. Коньяра, Френкеля и Фритше, основанная въ Сероцкѣ, которая дала намъ образцы всѣхъ сортовъ литой и кованой стали, а также и выдѣланныхъ изъ нея косъ, серповъ, шпалковъ, бритвъ и т. д.

Важность этого заведенія даетъ намъ поводъ поговорить о немъ поподробнѣе.

Серпъ, коса и пила — безъ всякаго сомнѣнія, самыя нужныя и даже необходимыя орудія въ практической жизни. Безъ серпа и косы ни одинъ земледѣлецъ, безъ пилы ни одинъ ремесленникъ обойтись не могутъ. Эти орудія до-сихъ-поръ привозились къ намъ изъ-за границы, а именно: косы изъ Штиріи, серпы и пилы частью изъ Германіи и Бельгіи, а частью изъ Англій, — всего въ годъ почти на 450,000 руб. сер. Вывозъ этой суммы за границу былъ тѣмъ неосновательнѣе, что мы имѣли дома суровый матеріалъ, изъ котораго могла выходить лучшая сталь, только употреблять его не умѣли.

Правда, нѣсколько разѣ старались завести у насъ эту фабрикацію, но до нашего времени это не удавалось; за всѣмъ тѣмъ, и лишь усиліямъ должно отдать честь воспоминанія.

Первую фабрику стали завелъ у насъ бискупъ Солтыкъ въ Березовѣ, подъ Кельцами, около 1790 года, и для нея за большіе деньги выписалъ иностранныхъ мастеровъ. Почти около того же времени, другую такую фабрику завелъ графъ Езерскій въ имѣніи своемъ Цеклинско, подъ Конскими. Эти фабрики, въ-слѣдствіе тогдашнихъ междоусобій, не могли развиваться и работали мало. Фабрика цеклинская вскорѣ даже и уничтожилась.

Послѣ этого, покойный Сташиць, оцѣняя важность такого предпріятія, рѣшился въ большемъ размѣрѣ завести фабрику косъ въ Воихоцкѣ, и, по мѣрѣ увеличенія числа знающихъ работниковъ, заводилъ такія фабрики въ разныхъ мѣстахъ, чтобъ удовлетворить всѣмъ потребностямъ этого рода; но, при развитіи своего плана, онъ попалъ на множество препятствій, и, за смертью своею, одолѣть ихъ не могъ.

Когда, въ 1824 году, горная часть наша отошла въ вѣдѣніе Правительственной Комиссіи Финансовъ, тогдашній министр, князь Любецкій, основываясь на совершенно-справедливой мысли, что правительство должно выдѣлывать одно только желѣзо, а обработку его предоставить частнымъ людямъ, не поддерживалъ плановъ

покойнаго Сташица и заведенныя уже фабрики кося приказано уничтожить.

Поводомъ оставленія этой фабрикаціи было также и то, что в сильно хотѣли производить сталь на способъ штирійскій, "правда" изъ нашего суроваго матеріала, не обращая вниманія на разныя составныя частей нашей руды въ-отношеніи къ штирійской, изъ которой приготовленное суровое желѣзо прямо даетъ изъ себя сталь потому-что въ ея составѣ находится много недокиси, марганца, — этого-то и нѣтъ въ нашей рудѣ, которая идетъ въ плавку.

Послѣ всего этого, долго никто не осмѣливался и думать о введеніи фабрики стали.

Нѣсколько лѣтъ назадъ, эту смѣлую мысль осуществилъ графъ Генрихъ Лубенскій, который, выписавъ мастеровъ изъ Англіи съ большими издержками завелъ фабрику стали въ Сербцкѣ, въ Любартовскомъ своемъ имѣніи, и фабрику эту, требующую значительныхъ капиталовъ, уступилъ компаніи Коньяръ, Фрейкель Фритше, которая довела это заведеніе до высокой степени: сербская фабрика выдѣлываетъ теперь однихъ только кося около 200,00 штукъ, что составляетъ почти половину общей нашей потребности. Эти кося и весь другія издѣлія, которыя мы видѣли на выставкѣ выдѣланы изъ стали на англійскій способъ, изъ самаго лучшаго желѣза, какое у насъ есть, а не изъ суроваго, какъ бывало прежде. Значитъ ставить эту сталь наравнѣ съ англійскою, и почему не могло такъ быть, когда у насъ есть сорта желѣза, какихъ даже нѣтъ въ Англіи, а именно: въ Хлевискахъ, въ Конскихъ, въ Прусской, и когда выдѣлка изъ него стали поручена самымъ искуснымъ англійскимъ рукамъ? Итакъ, уже недалеко то время, когда наша сталь и издѣлія изъ нея займутъ въ отечественной промышленности свое настоящее, давно-предсказанное и ожидаемое мѣсто, а нѣсколько милліоновъ, ежегодно отдаваемые за эту сталь за границу, останутся дома. Этими желанными результатами будемъ мы обязаны усиліямъ упомянутыхъ основателей и компаньоновъ, которые за то имѣютъ право на полную благодарность со стороны своихъ соотечественниковъ.

Не будемъ здѣсь входить въ ближайшій разборъ самыхъ издѣлій, потому-что не хотимъ основывать своего мнѣнія на выставленныхъ образцахъ, которые выдержатъ всякое сравненіе англійскими; не хотимъ также упреждать суда тѣхъ, которые употребляютъ эти издѣлія и вѣрно не замедлятъ дать свое о нихъ мнѣніе. Если, впрочемъ, пущенная въ пролажу масса издѣлій сдѣлается доступною и будетъ продаваться по публичнымъ аукціонамъ, то мы предсказываемъ всевозможный успѣхъ сибирской фабрикѣ, и увѣрены, что вскорѣ ни земледѣлецъ, ни

железнодорожники не будут хлопотать о заграничных сердцах, колесах и шпалахъ.

Утвердившись разъ, фабрика стали будетъ въ состояніи доставлять материалъ для выдѣлыванія, кромѣ косякъ, вилъ и серповъ, и другихъ еще безчисленныхъ стальныхъ орудій, какъ то: напильники, буравовъ, строгательныхъ желѣзокъ, ножницъ, ножичковъ и т. п. Для всѣхъ этого рода орудій одинъ изъ членовъ компаніи выписалъ изъ-за границы образцы, по которымъ можно будетъ своевременно значительно усовершенствовать выдѣлку этихъ предметовъ. Изъ этого можно видѣть, какое сильное развитіе дася промышленности этого рода серовская фабрика стали.

Прежде нежели перейдемъ къ издѣлкѣ желѣзнымъ и стальнымъ, обратимся еще разъ къ желѣзу, и рассмотримъ, отъ-чего наше желѣзо, кованое или прокатное, не совершенно-хорошо, хотя въ нѣсколькихъ мѣстахъ имѣемъ мы руду лучше англійской, а потому, и желѣзо наше должно быть, если не лучше англійскаго, то по крайней-мѣрѣ равнае съ нимъ. Нѣкоторые находятъ причину этого въ недостаткѣ такого хорошаго угля, какой есть въ Англии; но мы выплавляемъ желѣзо, большую частію, дровами, а они лучше, чѣмъ уголь. По-этому, причину недоброкачества нашего желѣза должно искать не въ свойствахъ его, а въ операцияхъ плавки, puddlingованья и прокатыванья, въ употребленіи на-примѣръ слишкомъ-слабыхъ молотовъ.

Отъ-этого самого желѣзо, особенно большихъ размѣровъ, бываетъ обыкновенно не одинаковаго свойства, и хотя наружно ровное и гладкое, но внутри съ пороками. Въ-слѣдствіе этого, машины даши, хотя часто выдѣлываются старательнѣе англійскихъ и бельгійскихъ, и въ-отношеніи устройства ни въ чемъ нить не уступаютъ, — относительно материала не возбуждаютъ такой довѣренности, какъ тамоннія, и обходятся дороже. Недовѣрчивость происходитъ отъ-того, что самая крѣпкая, прекрасная по наружности штука, имѣя внутренній порокъ, котораго отгадать невозможно, очень-часто портится; а дороговизна отъ-того, что расплачиваясь, выбирая хорошее желѣзо, не разъ испортить въ пробахъ нѣсколько штукъ, пока попадетъ на хорошую. Въ-этомъ-то и главная причина теперешнаго у насъ застоя желѣзной промышленности. Есть у насъ всѣ условія ея успѣха, а не пользуемся ими единственно по плохому состоянію самой фабрикаціи. Требованіе на желѣзо такъ велико и такъ увеличивается, что отечественная производительность никогда не была бы въ состояніи удовлетворить, всѣмъ внутреннимъ требованіямъ: одиѣ желѣзныя дороги, для которыхъ рельсы принуждены мы выписывать изъ-за границы, потребили бы всю нашу продукцію: что же теперь сказать о дру-

тѣхъ разностороннихъ назначенійхъ желѣза, которое вездѣ начинаетъ замѣнять и камень и дерево, отъ-чего и употребленіе его въ постройкахъ все болѣе-и-болѣе распространяется, такъ-что нынѣшній вѣкъ почти можно назвать желѣзнымъ? И дома, и корабли, и памятники дѣлаемъ мы изъ желѣза, и, какъ встарину желѣзо приводило на память войну и ея опустошенія, такъ теперь служитъ оно вѣстникомъ труда, производительности и мира.

Изъ этихъ замѣчаній видно, что наши горныя заведенія, наши рудокопни и угольныя копи, должны быть, и будутъ со-временемъ ближайшимъ источникомъ дохода для казны и для частныхъ владѣльцевъ, благотѣніемъ для страны, творческою силою для дѣятѣльнѣйшихъ успѣховъ промышленности, какъ-скоро только улучшится выдѣлка желѣза. Вотъ важный вопросъ, рѣшенія на который будемъ мы нетерпѣливо ждать отъ заботливости, настойчивости и дѣятельности нашего горнаго начальства.

в) Земледѣльческія машины.

Въ числѣ машинъ первое мѣсто занимаютъ машины и брулія земледѣльческія, какъ предметы первой необходимости въ странѣ земледѣльческой. По-этому-то самому эта отрасль механики первая у насъ явилась и сильнѣе всѣхъ развилась, и даже самое положеніе нашей желѣзной фабрикаціи очень ей соответствуетъ, потому-что для земледѣльческихъ машинъ вовсе не нужно отличныхъ и отборныхъ сортовъ желѣза, безъ которыхъ паровыя машины, Bradley и проч. совершенно обойтись не могутъ. Постоянною и заслуженною извѣстностью въ этой фабрикаціи пользуется заведеніе братьевъ Эвансъ въ Варшавѣ, которые главнѣйше поставили себя этой части, а работая у насъ земледѣльческія машины уже болѣе 25 лѣтъ и постоянно изучая потребности края, ввели въ своихъ издѣліяхъ, практическимъ путемъ, многія улучшенія, которыми пользовались и пользуются даже иностранные механики. Въ числѣ новыхъ предметовъ, еще невиданныхъ, г. Эвансъ далъ на выставку такъ-называемый *луговой стружъ*; или орудіе для срыванія кочекъ, муравейниковъ и протвинъ на лугахъ, совершенно отвѣчающій своей цѣли; *машину для приготовления масла*, которая, хотя сдѣлана очень-хорошо, не замѣнить, однакожъ, обыкновенной маслобойки, и относительно цѣны не выдержитъ съ нею соперничества; исправленную *промывальню* для картофеля, которую, однаножь, можно еще улучшить; переносную *молотилку*, заслуживающую похвалы по мысли своей и цѣли, но которую должно видѣть въ дѣль, чтобы дать о ней основательное мнѣніе.

Если, однако, эта машина выдержит критику практического опыта, то такая новость будетъ важною услугою для сельскаго хозяйства и увеличитъ права братьевъ Эвансъ на благодарность земледельцевъ.

Фабрика машинъ на Сольць также выставила нѣсколько земледѣльческихъ орудій, изобрѣтенія г. Качинскаго, который неутомимо трудится надъ усовершенствованіемъ отечественной механики; изъ нихъ обратилъ на себя особенное вниманіе плугъ для выкапыванія картофеля, совершенно-новаго изобрѣтенія, одно изъ необходимыхъ орудій для земледѣльца.

Съ большимъ также вниманіемъ осматривали мы на выставкѣ земледѣльческія орудія, какъ-то: плугъ на колесахъ, на образецъ английскіихъ, для тяжелыхъ грунтовъ: плужокъ мазовецкій, значникъ, обсыпникъ, тройжацъ, экстирпаторъ и нидерландскую борону, — всѣ прекрасныя орудія, чисто-практическія, сдѣланныя учениками Института Сельскаго Хозяйства и Лѣсоводства въ Мармонтѣ, котораго образованное начальство приобрѣло заслуженную похвалу за такое дѣльное и полезное направленіе труда учениковъ.

Этотъ институтъ, подъ заботливою опекою благотельнаго правительствъ, развивается все болѣе-и-болѣе, а доброе вліяніе его на ходъ и успѣхи земледѣлія съ каждымъ годомъ дѣлается сильнѣе и живѣе.

Похвалнаго также воспоминанія заслуживаютъ присланныя г. Кнедой Касинскимъ, извѣстнымъ техникомъ и опытнымъ хозяиномъ; орудія, какъ-то: Русская соха, обыкновенно употребляемая въ Литвѣ и въ Россіи въ гористыхъ и каменистыхъ мѣстностяхъ; одноконная соха, употребляемая въ подобныхъ же мѣстностяхъ, и весьма-обыкновенная въ Августовской-Губерніи; плугъ Шмала, плугъ швейцарскій, обсыпникъ и плужокъ, — все это легкой и легкой работы; удобно въ дѣлѣ и очень-дешево. Также заслуживаютъ похвалы присланные отъ помѣщика имѣнія Сернии въ Люблинской-Губерніи, Леона Поплавскаго, мельничка для чищенія зерна въ зернѣ, и плугъ для прорыванія рововъ — орудія очень-нужныя земледѣльцу и сберегающія много работы, сдѣланныя тщательно и основательно.

Г. Петръ Штейнкеллеръ далъ на выставку одну только ручную сѣчку объ одномъ рѣзакѣ, шегольской работы, которую можно рѣзать сѣчку всякихъ размѣровъ, смотря по надобности; эта сѣчка сдѣлана на фабрикѣ машицъ въ Жаркахъ. Она уже очень-извѣстна у насъ и много покупается, что можетъ быть лучшею для нея оценкою.

Здѣсь должно еще вспомнить о молотильнѣ, такъ-называемой веревочной, модель которой прислалъ намъ г. Геронимъ Богуевичъ.

Устройством своимъ она близко подходитъ къ рампоновой, только клепаю иначе устроено. Эта машина извѣстна и очень употребительна въ Любимской-Губерніи и въ Галиціи, гдѣ ея весьма-довольны, хотя остается еще обширное поле для усовершенствованія ея. Хозяйская телега на шотландскій манеръ, привезенная отъ Антонія Хржановскаго изъ Малаго-Демба въ Славиславонскій-Повѣтъ, имѣетъ много достоинствъ, умно, прочно и хорошо сделана, не утомляетъ лошадей, но вовсе не новость; и дѣла ея слишкомъ-высока. Самопрялка г. Линке, на французскій манеръ, сделана очень-хорошо, но также не заключаетъ въ себѣ ничего и новаго, ни улучшеннаго.

Въ концѣ этого отдѣла мы намѣрены поговорить о машинахъ для жнитва хлѣба, какъ о важнѣйшемъ явленіи въ земледѣльческой механикѣ; двѣ такія вновь-изобрѣтенныя машины разсмѣтрѣны на нынѣшней выставкѣ. Усилія изобрѣсти машину для жнитва хлѣба уже очень-давни. Первыя механики и инженеры Англіи и Франціи ломали себѣ голову надъ этою задачею; о разныхъ изобрѣтеніяхъ и проектахъ въ этомъ родѣ можно бы испустить томы. Даже на послѣдней выставкѣ въ Парижѣ были двѣ машины для жнитва хлѣба, но не въ большомъ размѣрѣ, облегчающія работу одного только человѣка. Поэтому можно бы какъ-будто упрекнуть нашихъ земляковъ въ самонадѣянности, что, зная о бесполезныхъ въ этомъ родѣ изслѣдованіяхъ и усиліяхъ въ области механики и опытности, они не отказались отъ дальнѣйшихъ стараній, и славу открытія полезнѣйшей, можетъ-быть, въ земледѣліи машины пожелали усвоить Польшѣ.

Мы хотимъ здѣсь говорить объ изобрѣтеніяхъ:

1. Г. Колесиньскаго, чиновника-эмерита (уволеннаго съ пенсією), который, отслуживъ родному краю на поприщѣ государственной службы, и желая выбрать такое полезное для земляковъ свѣтлое занятіе.

2. Г. Тыменецкаго, сельскаго хозяина, котораго машина, два раза уже публично-пробованная въ окрестностяхъ Варшавы, подаетъ великія надежды.

Что касается до машины г. Колесиньскаго, то, хотя мы и не видѣли ея въ дѣйствіи, увѣрены, однакожъ, что она хорошо будетъ дѣлать свое дѣло; но, судя по конструкціи, т. е. по размѣрамъ частей, ее составляющихъ, эта машина для скошенія одного морга (*) должна пройти съ людьми и лошадьми около $\frac{3}{4}$ мили (**).

(*) Моргъ равняется $\frac{1}{2}$ десят. 30 квадрат. саж.

(**) Польская миля = 8 верстамъ.

на что, по тихому ходу лошади и тяжелому движению машины, понадобится два часа времени, такъ-что въ день эта машина едва будетъ въ состояніи скосить 9 морговъ. А такъ-какъ обыкновенный работникъ, простою косою, какъ всемъ извѣстно, моргъ въ 300 времени (*) легко можетъ скосить въ день, следовательно, на 9 морговъ, вмѣсто машины, потребуется 9 работниковъ. Сравнимъ теперь расходы на машину, къ которой каждый день надобно наемать 4 лошади и 4 работниковъ; прибавимъ случаи поврежденія машины; сочтемъ капиталъ на нее и на лошадей, проценты съ этого, и тогда убѣдимся, что жнитво машиною обойдется дороже, нежели косою, съ тою еще разницею, что для машины поле должно быть ровное и какъ-только-можно чистое, а до этого мы дойти не такъ еще скоро.

По-этому, изобрѣтеніе г. Колесинскаго вполне заслуживаетъ похвалы и приносить ему много чести, но не думаемъ, чтобъ въ практикѣ принесло оно желанные результаты; мы, однакожъ, сочтемъ себя счастливыми, если опытъ покажетъ ошибочность нашего заключенія.

Не такъхъ, кажется, результатовъ можно ожидать отъ машины г. Тыменецкаго. Самый складъ ея при первомъ уже взглядѣ даетъ ясное понятіе о ея назначеніи и возбуждаетъ какую-то довѣренность, что всегда случается при разсмотрѣніи гениальныхъ изобрѣтеній.

Описаніе этой машины безъ рисунка было бы неудовлетворительно; поэтому мы пропускаемъ его. Главная ея цѣль — подрываніе и укладываніе подрываннаго хлѣба на полѣ — достигнута цѣлью сообщеніемъ ей коловратнаго движенія, что было самымъ труднымъ дѣломъ. Дѣйствіе машины совершается очень-легко и удобно, и въ этомъ-то главное достоинство изобрѣтенія г. Тыменецкаго. У г. Колесинскаго, вмѣсто коловратнаго движенія, есть движеніе обратное, т. е. коса, сдѣлавъ свое дѣло, обращается назадъ. Устройство запряжки съ бону для приведенія въ ходъ машины г. Тыменецкаго принадлежитъ къ гениальнымъ изобрѣтеніямъ профессора Качинскаго. Такимъ-образомъ, для усовершенствованія этой машины сошлась практика мыслящаго земледѣльца съ теорією знающаго механика, и только этою дорогою можно достигнуть полного совершенства въ машинѣ, и устраненія многихъ замѣченныхъ еще въ ней недостатковъ. Мы считали бы истиннымъ несчастіемъ для земледѣлія, еслибъ такая гармонія этихъ необхо-

(*) Пренгъ равняется 6 арш. 1; вершк.

движихъ для улучшенія машины стихій какими бы нибудь обра-
зомъ разстроилась.

Въ скорости эту машину въ одинъ пѣшій человекъ не обогнать.
По вѣнѣшнему ея виду мы полагаемъ, что она легко скоситъ въ
день влоку (*), на что потребовалось бы тридцать человекъ. Глав-
ный ея недостатокъ — излишняя тяжесть, и мы не видимъ на-
добности въ такой массѣ желѣза, какая въ ней есть; кроме то-
го, кажется намъ, можно бы уменьшить или упростать сообщенія.
Эта машина не должна требовать болѣе двухъ лошадей и двухъ
рабочихъ; изъ которыхъ одинъ долженъ быть на лошади, а дру-
гой при машинѣ. Слѣдовало бы также облегчить управленіе ея:
барабанъ долженъ дѣлать самыя большіе, какъ только можно, раз-
махи; даже самое движеніе машины должно быть въскользѣ-
ннѣе, чтобъ не выбивать колосьевъ, особенно въ очень-дозрѣломъ
жавѣ. Вотъ общія замѣчанія, которыя представлялись намъ при
рассматриваніи этого изобрѣтенія. Смѣло можно, однакожъ, сказать,
что изъ всѣхъ извѣстныхъ въ этомъ родѣ проектовъ нашъ самый
удачный. Никому не удалось попасть на что-нибудь подобное. Сара-
ядцымо могли бы мы гордиться, еслибъ это изобрѣтеніе, рожден-
ное въ нашемъ краѣ, у насъ же развилось, и дошло до полной
зрѣлости. Это заслуга по праву принадлежитъ краю земледѣльче-
скому; не отдадимъ же ея въ чужія руки, готовые ловить чужое;
будемъ развивать свое изобрѣтеніе у себя, а потомъ, доведя до
полнаго совершенства, какъ дѣло нашего по преимуществу земле-
дѣльческаго края, передадимъ его и другимъ народамъ: пусть, по-
лучая отъ него выгоды, вспоминаютъ насъ съ благодарностью.

Такимъ-образомъ осмотрѣли мы всѣ почти бывшія на выставкѣ
земледѣльческія машины и орудія. Обзоромъ машинъ мы убѣди-
лись, что эта вѣтвь промышленности, такъ свойственная и необхо-
дная нашему краю, обрабатывается съ усердіемъ. Кромѣ фаб-
рикъ, которыхъ издѣлія мы оцѣнили, есть много другихъ и очень-
извѣстныхъ, которыя ничего не дали на выставку: на-примѣръ,
казенная фабрика въ Бялогонѣ, которой издѣлія вездѣ очень цѣ-
нятся; фабрика графа Бржостовскаго въ Штабинѣ, Закревскаго въ
Варшавѣ и пр.

Ходъ этой фабрикаціи, въ-теченіе тридцати лѣтъ, какъ она у
насъ началась, очень-тихъ и неуспѣшенъ. Виноваты въ этомъ не
фабриканты; причиною здѣсь самое свойство этой отрасли меха-
ники, которая вездѣ, даже за границею, не сдѣлала большихъ успѣ-
ховъ, — а земледѣльческія наши машины равняются съ лучшими

(*) Влока — 15 десятинъ, 896 сажень.

англійскимъ. Изобрѣтеніе же машины для жнитва хлѣба составляеть уже настоящую эпоху.

с) Паровыя и другія машины.

Перейдемъ теперь къ машинамъ высшаго разряда, а именно: паровымъ, гидравлическимъ и проч.

Относительно фабрикаціи паровыхъ машинъ, мы стали уже очень-высоко, и у насъ есть нѣсколько фабрикъ, которыя выдѣлываютъ паровыя машины съ высокимъ и низкимъ давленіемъ, силою отъ 2 до 100 лошадей, по самымъ новѣйшимъ методамъ и такъ, что ни въ чемъ не уступаютъ заграничнымъ.

Первое мѣсто занимаетъ фабрика машинъ на Сольцѣ, которой нѣтъ очень цвнятся. Поставленныя въ рудокопныхъ заведеніяхъ паровыя ея машины, силою въ 16, 20, 40, 60 и 80 лошадей, нѣсколько уже лѣтъ удовлетворяють всѣмъ требованіямъ и ни въ чемъ не уступаютъ англійскимъ, дѣйствующимъ вмѣстѣ съ ними.

Можно сдѣлать имъ одинъ упрекъ, что онѣ дороже англійскихъ, а этому главная причина, какъ мы сказали выше, то, что у насъ нѣтъ хорошаго желѣза и малъ сбытъ на подобныя машины, кромѣ дорогаго содержанія иностранныхъ механиковъ.

Машина, выдѣлываемая въ числѣ нѣсколькихъ или нѣсколькихъ десятковъ штукъ, стоить совсѣмъ не то, что машина, выдѣлываемая, какъ у насъ, въ одномъ только экземплярѣ: одна модель для нея стоить иногда столько же, какъ и самая машина, между-тѣмъ, какъ расходъ на модель дѣлается незначительнымъ, если разложить его на большое количество экземпляровъ.

Не смотря, однакожь, на то, что цѣна домашнихъ машинъ выше англійскихъ, домашнія все-таки обходятся дешевле: не надобно забывать, что къ цѣнѣ самыхъ машинъ надобно еще причислить издержки перевозки, рискъ при перевозкѣ, который обыкновенно падаетъ на заказывающаго машину, а важнѣе всего — расходъ на постановку машины заграничными механиками, которыхъ нарочно для этого надобно выписывать.

Сосчитавъ все это и обративъ вниманіе на неудобства, произтекающія изъ самой трудности соглашенія съ доставщикомъ машины, должно признаться, что домашнія машины все-таки стоить гораздо-дешевле. Но что болѣе всего должно у насъ отбить охоту выписывать заграничныя машины, когда можно имѣть свои, и пріучать отдавать первенство домашнимъ, такъ это случай порчи машины, случай, которыхъ избѣжать невозможно. Если какая-нибудь часть заграничной машины испортится, какъ ее починить? по-

сылать въ Англію? сколько нужно времени и расходов! Чинить дома? а тутъ сколько на одну только модель нужно времени и поддержки! Между-тѣмъ, домашняя машина можетъ быть произведена тогда же, въ той же самой фабрикѣ, по существующей уже модели, съ небольшими издержками, скоро и безъ всякихъ хлопотъ.

Мы сдѣлали это замѣчаніе на пользу какъ фабрикѣ, такъ и самыхъ потребителей.

Фабрика машинъ г. Штейнкеллера въ Жиркатѣ, которая споритъ о первенствѣ съ фабрикою въ Сольцѣ, снабжена лучшими англійскими рабочими машинами, какъ-то: токарными станками отъ самыхъ малыхъ до самыхъ большихъ размѣровъ, всѣхъ видовъ и сортовъ, буравами для сверленія цилиндровъ, хотя бы на силу ста лошадей, стругами для желѣза и т. п., съ помощью которыхъ эта фабрика можетъ выдѣлывать даже паровозы, что составляетъ самую трудную задачу механики и требуетъ величайшей точности, вѣрности и отдылки. Эта фабрика уже доставила сто-конныя машины совершенно по новой методѣ г. Филиппа Жирара, бывшаго главнаго горнаго инженера, котораго, однакожь, не въ-сладствіе недостатковъ работы, а въ-сладствіе новости изобрѣтенія, не дали еще удовлетворительныхъ результатовъ.

Паровыя машины могутъ также выдѣлываться на машинныхъ фабрикахъ—горныхъ въ Благонь, и братьевъ Эвансъ въ Варшавѣ; но такъ-какъ онѣ имѣютъ много болѣе-выгодныхъ заказовъ, то и предоставляютъ выдѣлку паровыхъ машинъ двумъ упомянутымъ фабрикамъ, которыя одніи легко могутъ удовлетворить настоящимъ потребностямъ нашего края.

На выставкѣ была только часть паровыхъ машинъ, какъ-то: цилиндръ въ восьмидесяти-конной машинѣ, заказанной отъ Горнаго Департамента, вѣсомъ въ 100 центнеровъ, который отливается гладкостью отточки и чистотою отливки.

Паровой котелъ для двадцати-конной машины, вѣсомъ въ 190 центнеровъ, верхъ изъ отборнаго домашняго листоваго желѣза, а низъ изъ англійскаго, потому-что домашнее листовое желѣзо еще не дошло до той степени совершенства, какъ англійское. Не смотря на это, фабриканты наши такъ осмотрительны въ выборѣ листового желѣза, что у насъ ни одного еще несчастнаго случая съ паровыми котлами не было, хотя въ одной Варшавѣ есть ихъ нѣсколько въ постоянномъ употребленіи. Склепка отличная.

Гидравлическій прессъ для выжиманія сока изъ свекловичны, въ 11 дюймовъ, сила давленія въ 1,600,000 фунтовъ, заказанный въ Россіи, отлично-сдѣланный. Уже нѣсколько десятковъ штукъ этого рода гидравлическихъ прессовъ съ солецкой фабрики разошлось по всему нашему краю и въ Имперіи на бумажныя, свеклосахарныя и су-

конныя фабрики, и отсюда объ них слышны очень-удовлетворительные отзывы. Желѣзные валы для прокатыванія серебра отличаются совершеннѣйшею отдѣлкою и полировкой. Иностранцы, которые осматривали солецкія издѣлія, дѣлали имъ одинъ только упрекъ, что бы слишкомъ-хорошо и шеголегато сдѣланы, отъ-чего увеличиваются издержки работы. Вся упомянутыя издѣлія доставлены съ солецкой фабрики; другія же фабрики ни одной большой машины не дали на выставку. Это заведеніе, плодъ щедрости правительства и стараній его о возрастаніи зѣмлей промышленности, должно имѣть съ тѣмъ считать практическою школою механики, гдѣ обучается будущее поколѣніе инженеро́въ, механико́въ и машиностро́въ, — а въ нихъ, при развитіи желѣзныхъ дорогъ, съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе чувствуется надобность. При этомъ и для нашей молодѣжи открывается новое поприще, во всѣхъ отношеніяхъ желанное и полезное. Это заведеніе передѣлываетъ ежегодно около 20,000 центнеровъ желѣза.

d) *Опистральное и бѣлое оружіе.*

Выдѣлка огнестрѣльнаго оружія дошла у насъ до высокой степени совершенства, въ чемъ могутъ убѣдить находящіеся на выставкѣ издѣлія гг. Эгидія Коллета, Беккера и Раушера, также Яна Левинскаго, фабриканто́въ варшавскихъ. Изъ нихъ г. Эгидій Коллетъ оказалъ наиболѣе заслугъ, потому-что онъ первый, началъ тому двадцать лѣтъ, началъ выдѣлывать усовершенствованное оружіе изъ домашняго матеріала, и работѣ своей далъ всѣ достоинства, составляющія истинную цѣнность этого рода издѣлій. Оружіе Коллета приобрѣло себѣ такую довѣренность у насъ и за границею, что знатоки даютъ ему первое мѣсто между заграничными. Этимъ Коллетъ обязанъ необыкновенной старательности во всей своей фабрикаціи, потому-что онъ никогда еще ничего дюжиннаго не пустилъ въ продажу и ручается за каждую свою штуку. Правда, цѣны выше заграничныхъ; но, смотря на доброту матеріала, на отдѣлку и испытанную цѣльность его оружія, за несоразмѣрныя считать ихъ нельзя. Изъ представленныхъ на выставку особеннаго замѣчанія заслуживаетъ двуствольное ружье изъ *dziwiec*—соединенія желѣза съ золотомъ на турецкій манеръ; этотъ способъ изобрѣтенъ самимъ Коллетомъ; ружье отдѣлано чрезвычайно-роскошно, съ орѣховымъ прикладомъ, который весь чеканенъ золотомъ.

Также очень блестятъ украшеніями и имѣютъ свое неотъемле-

мое достоинство охотничьи ружья гг. Беккера и Раушера, но они, большею частью, изъ заграничныхъ матеріаловъ; на выставкѣ отличалось особенно двуствольное ружье изъ dziweg съ рѣзьбою и барельефами, украшенное золотомъ; прикладъ съ разными золотыми фигурами и серебряными арабесками. Хороши также ихъ ружья, сдѣланные на манеръ версальскихъ.

Цѣны соответствуютъ дороговизнѣ предметовъ, но доступны для немногихъ.

Г. Левинскій представилъ на выставку одну только штуку огнестрѣльнаго оружія, съ пистонами, къ которой принадлежалъ собственнаго его изобрѣтенія механизмъ, охраняющій отъ нечаяннаго выстрѣла. Жаль, что онъ употребляетъ заграничный матеріалъ. Цѣна, сравнительно съ достоинствомъ предмета, измѣняется. О главномъ, однакожь, качествѣ, то-есть о цѣльности, судить не можемъ, потому-что не было случая увѣриться въ этомъ.

Одинъ только Коллетъ представилъ образцы бѣлаго оружія съ фабрики своей въ Повозкахъ; оно, подобно огнестрѣльному его оружію, имѣетъ на себѣ печать совершенства и всѣ качества, требующіяся въ этомъ родѣ издѣлій, особенно необыкновенную гибкость.

Бывшія на выставкѣ сабли для кавалеріи и пѣхоты, казацкія шашки, охотничьи и столовые дамаскированные ножи, вообще заслужили похвалу отъ знатоковъ.

е) Разныя желѣзные издѣлія.

Изъ желѣзныхъ издѣлій меньшей важности заслуживаютъ воспоминаія:

Прессъ для копированія писемъ съ фабрики на Сольцѣ. Поливая труба для гашенія пожаровъ и поливанія судовъ, Эванса, и такая же труба Мипстера. Маленькая паровая машинка съ высокимъ давленіемъ, миньютурныхъ размѣровъ, работы талантливаго молодого человека, горнаго ученика г. Вардейна. Небольшая модель масловыжимательнаго прессы, Зачинскаго, ученика реальной гимназіи. Желѣзный казначейскій шкафъ, охраняющій отъ огня, съ замками о шестнадцати засовахъ, работы Теодора Блюма, фабриканта слѣсарскихъ издѣлій, отличающійся прекрасною работою и отделкою; въ такомъ же родѣ шкатулка для храненія бумагъ отъ огня, Фридриха Павловскаго. Механическій замокъ, хватающій вора за руку и выстрѣливающій, изобрѣтенія и работы Лудвика Олесинскаго, слесаря въ Горномъ Корпусѣ. Всякій замокъ и простой замокъ, механическіе, Эрнеста Ландскрона. Замокъ съ обманомъ въ

двойнымъ дверямъ, слѣсаря Кравчицкаго. Замокъ съ музыкой къ шкафу, и съ обманомъ, и замокъ къ дверямъ, слѣланннй на званіе мастера, слѣсаря Эдварда Гринделя. Замокъ къ воротамъ. Войциковскаго. Особенное вниманіе обратили на себя четыре модели патентованной черепицы изъ чугуна, изобрѣтенія г. Матіаса Розена, варшавскаго банкира и владѣльца литейной фабрики въ Годзкѣ, подъ Равою. Это изобрѣтеніе должно считать въ числѣ весьма-счастливыхъ и общепользныхъ; дальнѣйшимъ своимъ развитіемъ оно обѣщаетъ важныя выгоды и сбереженіе въ строительномъ искусствѣ.

Горшки изъ листового желѣза, Лангенмайера, внутри съ нолн ровкою, вмѣсто употреблявшагося до-сихъ-поръ луженія; ткани изъ желѣзной проволоки на рѣшетѣ къ мельницамъ, ситы и маски — въ 70 нитокъ на дюймъ ширины, ткани въсколко-разе, до 60 нитокъ на дюймъ, и еще рѣже, для чистки хлѣбнаго зерна, важныя, для сороча въ винокурняхъ и пивоварняхъ, — всѣ эти ткани выдѣлываются на патентованной машинѣ собственнаго изобрѣтенія г. Франциска Копржицы, отличнаго фабриканта тканей изъ желѣзной и мѣдной проволоки. Подобныя ткани, а также гвозди безъ шляпокъ для обшнщиковъ, сѣдельниковъ, сапожниковъ, желѣзныя булавки и гвозди, выдѣлываются на машинѣ Фридриха Чешнека (Tschieschneck), тоже даровитаго фабриканта издѣлій проволочныхъ, желѣзныхъ и мѣдныхъ. Желѣзные гвозди для плотниковъ гг. Киндта, Шуберта и комп., имѣющихъ фабрику въ Гржегоржевицахъ, подъ Варшавою; приготовляемые на машинахъ собственнаго изобрѣтенія фабрикантовъ, эти гвозди обратили на себя вниманіе знатоковъ хорошею формою, крѣпостью, твердостью шляпокъ и особенно дешевойю. Заведеніемъ этой фабрики, гг. Киндтъ, Шубертъ и компанія оказали истинную услугу нашему краю.

Наконецъ, къ желѣзнымъ и стальнымъ издѣліямъ принадлежатъ также коженныя и хирургическія издѣлія, присланныя на выставку отъ Петра Горшкова, изъ Нижегородской-Губерніи, и съ фабрикъ г-жи Герлахъ и Сацковскаго. Издѣлія Горшкова, какъ-то: ножи разныхъ сортовъ и разной величины, бритвы, перочинныя ножички, ножницы, также механическія висаніе замки доказываютъ талантъ фабриканта и способности мастеровыхъ. Изъ польскихъ издѣлій, — бритвы, ножи ампутаціонныя, хирургическія, дамскіе, охотничьи, для плодовъ, столовыя обыкновенныя и десертныя — съ фабрики г-жи Герлахъ, оказались вѣрными своей давно-упроченной извѣстности. Въ меньшемъ объемѣ, но также хорошия сорта и довольно-шегольскія издѣлія были Сацковскаго, особенно бритвы, перочинныя ножички, ножницы и ножи.

Это разнообразіе желѣзныхъ вѣдѣлій — отъ самыхъ малыхъ до самыхъ большихъ, — показываетъ какъ сильно развита у насъ желѣзная и механическая промышленность, какъ она свойственна нашему краю, и какъ далеко еще пойдетъ, лишь-только усовершенствуется у насъ выдѣлка самаго желѣза, къ чему прежде всего должны мы обратить наши старанія и усилія.

Цинковая промышленность.

Отъ желѣзной промышленности очень-естественный переходъ къ вѣдѣліямъ изъ другихъ металловъ, въ числѣ которыхъ первое мѣсто, послѣ желѣза, занимаетъ цинкъ. Этотъ металлъ выплавляется изъ галмеев, принадлежащаго къ источникамъ нашего руднаго богатства. Обычные запасы этой руды, уже два вѣка лежащіе въ залитыхъ водою внутренностяхъ Олькуша, которыя уже нѣсколько разъ безуспѣшно пробовали осушить, нынѣ, сильною волею правительства, при помощи паровыхъ машинъ, начинаютъ уже добываться, и цинкъ, входя болѣе и болѣе въ важное и разнообразное употребленіе, распространяется болѣе и болѣе. Этими мы обязаны стараніямъ и усиліямъ горнаго начальства, а также усердію г. Штейнкеллера, который ввелъ много улучшеній въ фабрикаціи цинка. Такъ, на-примѣръ, на выставкѣ видѣли мы прекрасное цинковое литье — отъ самыхъ малыхъ до самыхъ большихъ размѣровъ — имѣющее ту же самую прочность и наружность, какъ желѣзное и бронзовое, только гораздо-дешевле, ибо цинкъ, будучи мягче ихъ, легче обрабатывается и лучше принимаетъ формы. Между-прочимъ, общее вниманіе на выставкѣ обратила на себя amazonка на конѣ, съ оригинала Кисса, вылитая на фабрикѣ г. Штейнкеллера, мастерски-оконченная, поддѣланная подъ бронзу, назначенная для украшенія сѣней, садовъ, и даже могущая имѣть мѣсто въ самомъ щегольскомъ салонѣ. Очень-умѣренная цѣна — 300 руб. сер. должна бы захотѣть купить такого рода украшенія.

Однакожъ, важнѣйшее мѣсто, какъ истинное улучшеніе въ строительномъ искусствѣ, занимаетъ архитектурное цинковое литье, въ которомъ г. Штейнкеллеръ первый подалъ примѣръ, а за нимъ уже пошли гг. Минтеръ и Боте; отъ всѣхъ ихъ образцы видѣли мы на выставкѣ. Въ послѣднее время также очень усовершенствованы цинковые листы, которые употребляются не только на крыши, но и для разныхъ другихъ цѣлей. Сюда же относится нововобрѣтенная цинковая крыша г. Лебиша, представленная на выставку въ модели въ $\frac{1}{4}$ локтя, съ дугами, которыя предохраняютъ желоба отъ обламыванья тяжестью падающаго снѣга. Та-

кая крыша безопасна также и для ходящихъ по ней кровельщиковъ и трубочистовъ.

Изобретеніе г. Лебиша, хотя, по-видимому, маловажно, можетъ, однакожъ, очень пригодити къ цинковымъ крышамъ, которыя, по причинѣ дурнаго устройства ихъ, стали-было уже выходить изъ употребленія.

Другое назначеніе для цинковыхъ листовъ видѣли мы въ некоторыхъ предметахъ, представленныхъ г. Минтеромъ, какъ напримеръ, шегольскіе ящики на дрова къ камнямъ, которые, будучи выкрашены подъ палисандръ, очень-пріятно обманываютъ зрѣніе.

Бильярдъ г. Третшеля сдѣланъ на цинковыхъ бронированныхъ ножкахъ въ видѣ фавновъ.

Однимъ словомъ, въ цинковой промышленности, со времени послѣдней выставки, видны большіе успѣхи, за что должно благодарить, какъ мы уже сказали, горное начальство и фабрикантовъ, повышающихъ его требованія.

Мѣдная промышленность.

Осмотръ цинковыхъ издѣлій приводитъ насъ, по порядку, къ мѣднымъ издѣліямъ, которыми выставку въ гильдейской залѣ Польскаго Банка украсили Гёке и Боте.

Наши мѣдныя рудокопни, которыми некогда славилась *Мѣдная Гора*, совершенно истощились, и потому мы принуждены запасаться этою статью изъ-за границы, особенно изъ Венгріи, откуда она приходитъ къ намъ и самыхъ лучшихъ сортовъ и по самымъ дешевымъ цѣнамъ.

Когда, нѣсколько лѣтъ назадъ, заведеніе паровыхъ винокуренъ было у насъ какъ-будто повальною болѣзью, въ то время фабрикація винокуренныхъ аппаратовъ в котлярное дѣло дошло до высокой степени совершенства. Но лучше-понятая польза края, при помощи мудрыхъ распоряженій правительства, остудила эту исторіусову горячку, и мѣдники занялись выдѣлываніемъ аппаратовъ для варенія свекловичнаго сока, которые въ короткое время размножились у насъ, и помощниковъ нашихъ, слишкомъ пристрастившихся къ винокуренію, отвратили отъ него. Въ числѣ котельничьихъ издѣлій особеннаго воспоминанія заслуживаетъ аппаратъ для кипяченія свекловичнаго сиропа, по методу Рота, работы Давида Гёке. Известно, что чѣмъ гуще сиропъ, тѣмъ труднѣе довести его до кипяченія. Причиною этого атмосферный воздухъ, который своимъ давленіемъ затрудняетъ кипѣніе, а потому, если

удалить давленіе воздуха, то тѣмъ самымъ и кипѣніе пойдетъ легче: на этомъ основаніи сдѣланъ и аппаратъ, о которомъ мы говоримъ; онъ очень улучшенъ и исправленъ, сберегаетъ много топлива и даетъ болѣе сахара, а потому оставляетъ и менѣе патоки.

Г. Гёке представилъ также на выставку садовый вазонъ, выкованный изъ цельной штуки домашней мѣди, съ дутыми фигурами и украшеніями.

Этотъ вазонъ можно считать мастерскимъ произведеніемъ котельничьяго дѣла; образецъ взятъ съ лучшихъ антиковъ.

Г. Боте выставилъ фармацевтической приборъ для кипяченія и сгущенія отваровъ и летучихъ жидкостей, который заслужилъ единогласныя похвалы людей опытныхъ въ этой части. Г. Боте выдѣлываетъ также всякіе мѣдные аппараты для сахарныхъ и винокуренныхъ заводовъ, въ которыхъ онъ, подобно г. Гёке, достигъ значительной степени совершенства.

Сколько мы, однакожь, радуемся развитію фабрикаціи сахароварныхъ аппаратовъ, столько желали бы видѣть уменьшенія выдѣлки аппаратовъ винокуренныхъ.

Отлагая до другой статьи рѣчь о издѣліяхъ золотыхъ, бронзовыхъ, какъ предметовъ болѣе роскоши, нежели первой необходимости, мы перейдемъ теперь къ *издѣліямъ химическимъ*.

У.

Б Р И Т И К А.

СОЧИНЕНІЯ АЛЕКСАНДРА ПУШКИНА. Санктпетербургъ.
Одиннадцатъ томовъ. MDCCCXXXVIII — MDCCCXLI.

Статья десятая (*).

БОРИСЪ ГОДУНОВЪ.

Совершенно-новая эпоха художнической дѣятельности Пушкина началась *Полтавою* и *Борисомъ Годуновымъ*. Хотя первая вышла въ 1829 году, а послѣдній въ 1831 году, — тѣмъ не менѣе ихъ должно считать почти-современными другъ другу произведеніями, потому-что *Борисъ Годуновъ* написанъ былъ гораздо-раньше 1831 года, и знаменитая сцена между Пименомъ и Самозванцемъ была напечатана въ *Мословскомъ Вѣстникѣ*. 1828 года; небольшая сцена между Курбскимъ и Самозванцемъ, въ *Сѣверныхъ Цвѣтахъ* — на 1828 годъ, вышедшихъ въ

1827 году. *Полтава*, со стороны художественности, относится къ *Борису Годунову*, какъ стремленіе относится къ достиженію. Публика приняла *Полтаву* холодноѣе, нежели прежнія поэмы Пушкина: *Борисъ Годуновъ* былъ принятъ совершенно-холодно, какъ доказательство совершеннаго паденія таланта, еще недавно столь великаго, такъ много сдѣлавшаго и еще такъ много общавшаго. Какъ тогда, такъ и теперь, у *Бориса Годунова* были жаркіе поклонники; но какъ тогда, такъ и теперь, число этихъ поклонниковъ было очень-малочисленно, а число порицателей огромно. Которые изъ нихъ правы, которые виноваты? Тѣ и другіе равно правы и равно виноваты, потому-что, дѣйствительно, ни въ одномъ изъ прежнихъ своихъ произведеній не достигалъ Пушкинъ до такой художественной высоты, — и ни въ одномъ не

(*). Неразъ девять статей были напечатаны въ *Отеч. Запискахъ*. 1843 года (томы XXVIII, XXX и XXXI), 1844 года (томы XXXII, XXXIII, XXXIV и XXXVII) и въ 3-ей книжкѣ нынѣшняго года.

обнаружилъ такихъ огромныхъ недостатковъ, какъ въ *Борисъ Годуновъ*. Эта пьеса была для него истинно-ватерлооскою битвою, въ которой онъ развернулъ, во всей широтѣ и глубинѣ, свой гений, и, не смотря на то, все-таки потерпѣлъ рѣшительное поражение.

Прежде всего скажемъ, что *Борисъ Годуновъ* Пушкина — совсѣмъ не драма, а развѣ эпическая поэма въ разговорной формѣ. Дѣйствующія лица, вообще слабо-очеркнутыя, только говорить, и мѣстами говорить 'прѣвосходно; но они не живутъ, не дѣйствуютъ. Слышите слова, часто исполненныя высокой повѣи, но не видите ни страстей, ни борьбы, ни дѣйствій. Это одинъ изъ первыхъ и главныхъ недостатковъ драмы Пушкина; но этотъ недостатокъ не вина поэта: его причина — въ русской исторіи, изъ которой поэтъ заимствовалъ содержаніе своей драмы. Русская исторія до Петра-Великаго тѣмъ и отличается отъ исторіи западно-европейскихъ государствъ, что въ ней преобладаетъ чисто-эпическій, или, скорѣе, *кэитическій* характеръ, — тогда-какъ въ тѣхъ преобладаетъ характеръ чисто-драматическій. До Петра-Великаго, въ Россіи развивалось начало семейственное и родовое; но не было и признаковъ развитія личнаго: а можетъ ли существовать драма безъ сильнаго развитія индивидуальностей и личностей? Что составляетъ содержаніе шекспировскихъ драматическихъ хроникъ? — борьба личностей, которыя стремятся къ власти и оспариваютъ ее другъ у друга. Это бывало и у насъ: весь удѣльный періодъ есть не что иное, какъ ожесточенная борьба за великокняжескій и за удѣльные престолы; въ періодъ Московскаго - Царства, мы видимъ сразу трехъ претендентовъ такого рода; но все-таки не видимъ никакого драматическаго движенія. Въ періодъ удѣловъ, одинъ князь свергалъ другаго и овладевалъ его удѣломъ; потомъ, побѣжденный имъ, снова уступалъ ему его владѣніе, потомъ опять захватывалъ его; но въ удѣлѣ,

отъ этого, ровно ничего не измѣнилось: перемѣнялись лица, а ходъ и сущность дѣлъ оставались тѣ же, потому-что ни одно новое лицо не приносило съ собою никакой новой или никакого новаго принципа. Отсюда объясняется, почему народонаселеніе того или другаго княжества, того или другаго города, съ одинаковою ревностью билось и за стараго князя противъ новаго, и за новаго противъ стараго. И одному Богу извѣстно, чѣмъ бы кончилась для Руси эта усобица, если бы такъ кстати не подошли Татари. Съ одной стороны, ихъ жестокое и поворное иго гибельно подѣйствовало на нравственную сторону русскаго племени, а съ другой было для него благотвельно, потому-что чувствомъ общей опасности и общаго страданія, связало раздѣленныя русскія княжества и способствовало развитію государственной централизаціи черезъ преобладаніе московскаго княженія надъ всѣми другими. Княжество болѣе вѣдшее, нежели внутреннее, но тѣмъ не менѣе все оно же спасло Россію! Іоаннъ III, котораго и безъ основанія въ некоторые исторіи называютъ великимъ, былъ творцомъ неподвижной крѣпости Московскаго Царства, положивъ въ его основу идею восточнаго абсолютизма, столь благотвельнаго для абстрактнаго единства созданной имъ новой державы. И этотъ великій, по-видимому, переворотъ совершился тихо и мирно, безъ всякихъ потрясеній. Іоаннъ III обнаружилъ въ этомъ дѣлѣ гениальную самостоятельность, переходившую почти въ ограниченность, твердую волю, силу характера; онъ постоянно стремился къ одной цѣли, дѣйствовалъ все ослабно, но не болелъ, потому-что встрѣтилъ никакого дѣйствительнаго и энергическаго сопротивленія. Дѣло обошлось безъ борьбы, и такимъ образомъ, одно изъ самыхъ драматическихъ событій древней русской исторіи совершилось безъ всякаго драматизма. Драматизмъ, какъ поэтический элементъ жизни, заключается въ сто-

кровеніи и симбуѣ (коллизіи) противоположно и враждебно направленны другъ противъ друга идеи, которыя пролагаются какъ страсть, какъ пагуба. Идея самодержавнаго единства Московскаго Царства, въ лицѣ Іоанна III торжествующая надъ умирающею удѣльною системою, встрѣтила въ себѣ безусловно-побѣдоносную шестину, не противниковъ сильныхъ и ожесточенныхъ, на все готовыхъ, а развѣ иѣскольдо безсильныхъ и жалкихъ жертвъ. Роды удѣльныхъ князей, потомковъ Рюрика, скоро выродились въ простую боярщину, которая передъ престоломъ была покорна и передъ съ народомъ, но которая стала между престоломъ и народомъ не какъ посредникъ, а какъ ипроницаемая ограда, раздѣляющая царя съ народомъ. Раздѣльныя книги служатъ несообразнымъ доказательствомъ, что въ древней Россіи личность никогда и ничего не значила, но все значилъ родъ, и торжество боярина было торжествомъ цѣлаго рода боярскаго. Такимъ образомъ, удѣльная борьба княжескихъ родовъ переродилась въ дворскую борьбу боярскихъ родовъ. Но эта борьба не представляетъ никакого содержания для драматическаго поэта, потому-что при дворѣ московскомъ одинъ родъ торжествовалъ надъ другимъ въ изюбности царской, но ни одинъ изъ торжествующихъ родовъ не внеслъ ни въ думу, ни въ администрацію никакой новой идеи, никакого новаго принципа, никакого новаго элемента. Новый любимецъ ведетъ гнады своихъ вражескихъ противниковъ и ихъ родичей, цестригалъ ихъ насильно въ мочку, сажалъ въ тюрьмы, рассыпалъ по дальнимъ городамъ, то въ позорную неволю, то въ почетную опалу. И такими-образомъ боролись и мѣнялись лица, а не идеи. Подобная борьба и подобная сѣтина могли много значить для боярскихъ родовъ, для дворской интриги и правды, но для государства цѣль родомъ ничего не значила; историческая же драма можетъ брать содержание только надъ государственной

жизни. Царствование Грознаго, видимому, больше всего представляетъ матеріаловъ для драмы, какъ архаичная нещадная войны, объединенной абсолютизмомъ боярскаго крамолы; но это только такъ можетъ казаться и едва ли такъ было на-самомъ-дѣлѣ, ибо мы не видимъ, чтобы Грозный чѣмъ-нибудь думалъ замѣнить господный ипринципъ боярщины. Словомъ, видна ожесточенія къ боярскимъ родамъ, иривѣтъ, въ то же время, никакого существеннаго вниманія къ народу; тутъ очевидно, слѣдовательно, личное цѣлство, а не идея, не принципъ, не убѣжденіе. Стало-быть, и тутъ нѣтъ ничего для драмы... Но вотъ является Годуновъ,—и чѣмъ бы ни достигъ онъ престола — злодѣйствомъ ли, какъ въ этомъ увѣренъ Карамзинъ, или только смѣлымъ и гибкимъ умомъ, безъ преступленія,—во всякомъ случаѣ, онъ такъ же не внесъ въ русскую жизнь никакого новаго элемента, и его возвышеніе, равно какъ и его паденіе, ничто не значили для будущихъ судебъ русскаго народа: безъ Годунова все пошло бы такъ же точно, какъ и съ Годуновымъ. У Самованца были реальные политическіе замыслы, которые могли бы измѣнить ходъ нашей исторіи; но эти замыслы были не что иное, какъ удачныя мечты человѣка рѣшительнаго, пылкаго, умнаго, но что называется, безъ яра въ головѣ, а потому онъ и кончился такъ, какъ слѣдовало кончиться мечтамъ: Шуйскій хотѣлъ изъ боярщины образовать аристократію; но какъ это желаніе было плодотъ не мысли, а трусости и низости,—оно и кончилось блѣдомъ для Шуйскаго, и равно ничѣмъ не кончилось для государства... И такъ, вотъ сряду три лица, которыя уже по необыкновенности употребленныхъ ими способовъ для достиженія верховной власти, должны были бы внести въ государственную жизнь новыя основанія, и которыя равно ничего не внесли въ нее, и прошли въ исторіи безъ слѣда, какъ-будто бы ихъ и не было. Не такъ бывало въ государствахъ

Западной-Европы. Для Англичанъ, на-примѣръ, было великимъ событіемъ царствованіе Іоанна-Безземельнаго — этого слабаго и ничтожнаго брата Ричарда-Львиного-Сердца, овладѣвшаго властію въ отсутствіе героя, который гонялся въ Палестинѣ за безполезными дѣлами. Во Франціи, на-примѣръ, очень-важно было рѣшеніе вопроса: кто будетъ управлять Людовикомъ XIII-имъ—его мать, Катерина Медичи, или кардиналъ Ришельё. Такихъ примѣровъ можно было бы найти множество; но для поясненія нашей мысли довольно и этихъ двухъ.

Итакъ, если въ *Бориса Годунова* Пушкина почти нѣтъ никакого драматизма, — это вина не поэта, а исторіи, изъ которой онъ взалъ содержаніе для своей *эмической* драмы. Можетъ-быть, отъ этого онъ и ограничился только *одною* попыткою въ этомъ родѣ.

А между-тѣмъ, Борисъ Годуновъ, можетъ-быть, больше, чѣмъ какое-нибудь другое лицо русской исторіи, годился бы если не для драмы, то хоть для поэмы въ драматической формѣ, — для поэмы, въ которой такой поэтъ, какъ Пушкинъ, могъ бы развернуть всю силу своего таланта и избѣжать тѣхъ огромныхъ недостатковъ и въ историческомъ и въ эстетическомъ отношеніи, которыми наполнена драма Пушкина. Для этого поэту необходимо было нужно самостоятельно проникнуть въ тайну личности Годунова и поэтически истинно разгадать тайну его историческаго значенія, не увлекаясь никакимъ авторитетомъ, никакимъ вліяніемъ. Но Пушкинъ рабски во всемъ послѣдовалъ Карамзину, — и изъ его драмы вышло что-то похожее на мелодраму, а Годуновъ его вышелъ мелодраматическимъ злодѣемъ, котораго мучить совѣсть и который въ своемъ злодѣйствѣ нашелъ себѣ кару. Мысль нравственная и почтенная, но уже до того набитая, что таланту ничего нельзя изъ нея сдѣлать!...

Отдавая полную справедливость ос-

роннымъ заслугамъ Карамзина, и то же время можно и даже должно безпристрастными глазами видѣть и ту, объемъ и границы его заслугъ. Человѣкъ многосторонне-даровитый Карамзинъ писалъ стихи, повѣсти, былъ преобразователемъ русскаго языка, публицистомъ, журналистомъ, можно сказать, создалъ и образовалъ русскую публику, и, следовательно, упрочилъ возможность существованія и развитія русской литературы; наконецъ, далъ Россіи ея исторію, которая далеко оставила за собою всѣ прежнія попытки въ этомъ родѣ, и безъ которой, можетъ-быть, еще и теперь знаніе русской исторіи было бы возможно только для записныхъ труженниковъ науки, но не для публики. И во всемъ этомъ Карамзинъ обнаружилъ много таланта, но не гениальности, и потому все сдѣланное имъ весьма-важно, какъ факты исторіи русской литературы и образованія русскаго общества, но совершенно лишено безусловнаго достоинства. Важнѣйшій его трудъ, безъ сомнѣнія, есть *Исторія Государства Россійскаго*, которая читается и перечитывается досихъ-поръ, когда уже всѣ другія ея сочиненія пользуются только почетною памятью, какъ произведенія, имѣвшія большую цѣну въ свое время. И дѣйствительно, до-тѣхъ-поръ, пока русская исторія не будетъ вложена совершенно съ другою точкою зрѣнія и съ тѣмъ умѣньемъ, которое дается только талантомъ, — до-тѣхъ-поръ исторія Карамзина по-неволѣ будетъ *единственною* въ своемъ родѣ. Но уже и теперь ея недостатки видны для всѣхъ, можетъ-быть, еще больше, нежели ея достоинства. Въ недостаткахъ *фактически* нельзя винить Карамзина, приступившаго къ своему великому труду въ такое время, когда историческая критика въ Россіи едва начиналась, и Карамзинъ долженъ былъ, ища исторію, еще заниматься историческою разработкою матеріаловъ. Гораздо-важнѣе недостатки его исторіи, происшедшіе изъ его способа со-

трѣть на вещи. Сначала, его исторія — поэма въ родѣ тѣхъ, которые писались высокопарною прозою и были въ большинствѣ ходу въ концѣ прошлаго вѣка. Потомъ, мало-по-малу, входя въ духъ жизни древней Руси, онъ, можетъ-быть незанѣтно для самого-себя, увлекался своимъ трудомъ, увлекся и душою древне-русской жизни. Съ Иоанна III, Московское-Царство, въ глазахъ Карамзина, становится высшимъ идеаломъ государства, — и, видѣсто исторію до-петровской Россіи, онъ пишетъ ея пастырьикъ. Все въ ней кажется ему безусловно-великимъ, прекраснымъ, мудрымъ и образцовымъ. Къ этому присоединяется еще мелодраматическій взглядъ на характеры историческихъ лицъ. У Карамзина ни въ чемъ нѣтъ середины: у него нѣтъ людей, а есть только или герои добродѣтели, или злодѣи. Этого мелодраматизма простирается до того, что одно и то же лицо у него сперва является свѣтлымъ ангеломъ, а потомъ чернымъ демономъ. Таковъ Грозный: пока имъ управляютъ, какъ машиною, Сильвестръ и Адашевъ, онъ — сама добродѣтель, сама мудрость; но умираетъ царица Анастасія, — и Грозный вдругъ является бичомъ своего народа, безумнымъ злодѣемъ. Историкъ пересказываетъ всѣ ужасы, сдѣланные Грознымъ, и возводитъ на него такіе, которыхъ онъ и не дѣлалъ, заставляя его убивать два раза, въ разные эпохи, однихъ и тѣхъ же людей. Жертвы Грознаго часто говорятъ ему передъ смертію эффектыя рѣчи, какъ-будто бы переведенныя изъ Тита-Ливія. Такого же мелодраматическаго злодѣя сдѣлалъ Карамзинъ и изъ Бориса Годунова. Подверженный увлеченію, которое больше всего вредитъ историку, онъ объ убіеніи царевича Дмитрія говоритъ утвердительно, какъ о дѣлѣ Годунова, какъ будто-бы въ этомъ уже невозможно никакое сомнѣвіе. Юноша Годуновъ, прекрасный лицомъ, свѣтлымъ умомъ, блестящій краснорѣчіемъ, зять палача Малюты - Скуратова, и въ речахъ опричины умѣлъ остаться

чистымъ отъ разврата, злодѣйства и крови. Черта характера необыкновеннаго! Но въ ней еще не видно строгой и глубокой добродѣтели: по-крайней-мѣрѣ, послѣдующая жизнь Годунова не подтверждаетъ этого. Будучи царемъ, онъ не долго сдерживалъ порывы своей подозрительности, и скоро сдѣлался мучителемъ и тираномъ. Вообще, если онъ при Грозномъ не занялся себя кровью, — въ этомъ видно больше лозкости, утѣны и расчета, нежели добродѣтели. Годуновъ былъ необыкновенно-уменъ, и потому не могъ не гнущаться злодѣйствомъ, свершеннымъ безъ нужды и безъ причины. Впрочемъ, мы этия не хотимъ сказать, чтобъ Годуновъ былъ лицемерный злодѣй; нѣтъ, мы хотимъ только сказать, что можно, въ одно и то же время, не быть ни злодѣемъ, ни героемъ добродѣтели, и не любить злодѣйства въ одно и то же время по чувству и по расчету... Карамзинскій Годуновъ — лицо совершенно-двойственное, подобно Грозному: онъ и мудръ и ограниченъ, и злодѣй и добродѣтельный человекъ, и ангелъ и демонъ. Онъ убиваетъ законнаго наследника престола, сына своего перваго благодѣтеля и брата своего втораго благодѣтеля, мудро правитъ государствомъ и, принявъ корону, клянется, что въ его царствѣ не будетъ нищихъ и убогихъ, и что послѣднюю рубашкою будетъ онъ дѣлиться съ народомъ. И честно держитъ онъ свое обѣщаніе; онъ дѣлаетъ для народа все, что только было въ его средствахъ и силахъ сдѣлать. А между-тѣмъ, народъ хочетъ любить его — и не можетъ любить! Онъ приписываетъ ему убіеніе царевича: онъ видитъ въ немъ умысленнаго виновника всѣхъ бѣдствій, обрушившихся надъ Россією; возводитъ на него обвиненія самыя нечестныя и бессмысленныя, какъ, на-примѣръ, смерть латскаго царевича, нареченнаго жениха его милой дочери. Годуновъ все это видитъ и знаетъ. Пушкинъ безподобно передалъ жалобы *карамзинскаю* Годунова на народъ:

Мнѣ счастья нѣтъ, я думалъ своей на-
родъ
Въ довольствіи, во славу уснеकोंтъ,
Щедротами любовь его сплюскачь —
Но отложилъ пустое попеченье:
Живая власть для черни ненавистна,
Онѣ любить умѣютъ только мертвыхъ.
Безумны мы, когда народный плескъъ,
Иль ярый вопль тревожить сердце на-
ше.
Богъ посмѣлъ на землю нашу глядѣть;
Шаромъ зарылъ, въ мученьяхъ погибая;
Я ощерилъ имъ жатвищу; я злато
Радосильнѣ имъ; я имъ осыскалъ рабо-
ты;
Онѣ жъ меня, бѣснуясь, проклинали!
Пожарный огонь въхъ домы истребилъ;
Я выстроилъ имъ новыя жилища:
Онѣ жъ меня пбжаромъ упрекали!
Вотъ черни судъ: ищи жъ ея любви!
Въ семьѣ моей я мнилъ найтти отраду,
И дѣчѣ мою ишилъ оцастлѣивать бра-
комъ;
Иль буря, смерть умеситъ жанка...
И тутъ молва лукаво нарекаетъ
Видошникомъ дочеряго мловства
Меня, меня, несчастнаго отца!..
Кто ни умреть, я всѣхъ убійца тай-
ный:
Я ускорилъ Теодора Кончинну,
Я бѣравилъ свою сестру парипу;
Монѣтнню смирепную... все я!

Заръ говоритъ царь, который справед-
ливо жадуется на свою судьбу и на
народъ свой. Теперь послушаемъ го-
лоса, если не народа, то цѣлаго сосло-
вѣя, которое тоже, кажется, не безъ
основанія, жадуется на своего царя:

... .. Онѣ пранытъ нами,
Кажъ Царь Иванъ (не къ ночи булѣ по-
манутьъ)
Что пользы въ томъ, что ланныхъ каз-
ней нѣтъ,
Что на полу кровавомъ всенародно
Мы не поемъ каноновъ Иисуу,
Что насъ не жгутъ на площади, а царь
Своимъ шельмомъ не подгребаетъ углей?
Убраши ли ни въ бѣдной жизни на-
шей!
Насъ каждый день овала ожидаетъ,
Дурьма, Сибирь, клобукъ, иль канда-
лы,
А тамъ въ глуши голодна смерть, иль
петля.
Знатнѣйшіе межъ нами роды гдѣ?

Гдѣ Сикке князья, гдѣ Шестуковы,
Ромашовы, отечества надежда?
Заточены, замучены въ изгнаньи.
Дай срокъ: тебѣ такая нѣ будетъ
участъ.
Легко ль, скажи: мы дома, какъ Дитвои
Осаждены невѣрными рабами:
Все языки, готовые продать,
Правительствомъ подкупленные воры.
Зависимъ мы отъ перваго холопа,
Котораго захочетъ наказать.
Вотъ — юрьскъ день задумалъ уучто-
житъ.
Не властны мы въ помѣстїяхъ своихъ.
Не смѣи согнать глѣнница! Гдѣ же
родъ,
Корми его. Не смѣи переманать
Работника! Не то въ Приказѣ холопей:
Ну, слыхано ль хоть при Царѣ Иванѣ
Такое зло? А легче ли народу?
Спроси его. Попробуй самозванецъ
Имъ посулить старинаи юрьскѣ дела,
Такъ и пойдетъ потѣха.

Въ чемъ же заключается источникъ
этого противорѣчія въ характерѣ и
дѣйствиахъ Годунова? Чѣмъ объясняетъ
его нашъ историкъ и, вслѣдъ за нимъ,
нашъ поэтъ? Мученіями видошвей со-
вѣсти!.. Вотъ, что заставляетъ гово-
рить Годунова поэтъ, рабски-вѣрный
историкъ:

Ахъ, чувствую: ничто не можетъ насъ
Среди мірскихъ печалей усоевоить;
Ничто, ничто... одна разѣ совѣсть —
Такъ, здравая, она восторжествуетъ
Надъ злобомъ, надъ темной клеветою.
Но если въ ней единое пятно,
Единое случайно завелось,
Тогда бѣда: какъ язвой моровой
Душа сгоритъ, нальется сердце ядомъ.
Какъ молоткомъ стучитъ въ ушахъ
уиркой,
И все топнать, и голова кружитъ,
И мальчиши кровью въ глазахъ...
И радъ бѣжать, да куда... ужасно!
Да, жалкохъ тотъ, въ комъ совѣсть не-
чиста.

Какая жалкая мелодрама! Какой не-
кій и огранченный взглядъ на нату-
ру челоука! Какая бѣдная мысль —
заставитъ злодѣя читать самому-себѣ
мораль, вибесто того, чтобъ заставить
его всими мѣрами оправдывать свое
злодѣйство въ собственныхъ глазахъ!

На этотъ разъ, историкъ сыгралъ съ поэтомъ плохую шутку... И волю же было поэту дѣлаться вхомъ историка, забывъ, что ихъ раздѣляетъ другъ отъ друга цѣлый вѣкъ!... Отъ-того-то, въ философскомъ отношеніи, этотъ взглядъ на Годунова сильно напоминаетъ собою добродушный паеосъ сумароковскаго *Димитрія Самозванца*...

Прежде всего замѣтимъ, что Карамзинъ сдѣлалъ великую ошибку, позволяя себѣ до того увлечься голосомъ современниковъ Годунова, что въ убіевіи царевича увидѣлъ неопровержимо и несомнѣнно-доказанное участие Бориса... Изъ нашихъ словъ, впрочемъ, отнюдь не слѣдуетъ, чтобы мы прямо и рѣшительно оправдывали Годунова отъ всякаго участія въ этомъ преступленіи. Нѣтъ, мы въ криминально-историческомъ процессѣ Годунова видимъ совершенную недостаточность доказательствъ за и противъ Годунова. Судъ исторіи долженъ быть остороженъ и безпристрастенъ, какъ судъ присяжныхъ по уголовнымъ дѣламъ. Грѣшно и стыдно утвердить недоказанное преступленіе за такимъ замѣчательнымъ человѣкомъ, какъ Борисъ Годуновъ. Смерть царевича Димитрія — дѣло темное и неразрѣшенное для потомства. Не утверждаемъ за достовѣрное, но думаемъ, что съ большею основательностію можно считать Годунова виновнымъ въ преступленіи, нежели виновнымъ. Одно уже то сильно говоритъ въ пользу этого мнѣнія, что Годуновъ, — человѣкъ умный и хитрый, администраторъ искусный и дипломатъ тонкій, — едва-ли бы совершилъ свое преступленіе такъ веловко, велѣно, пагло, какъ свойственно было бы совершить его какому-нибудь удалому пройдохѣ, въ родѣ Димитрія Самозванца, который увлекался только минутными движеніями своихъ страстей и хотѣлъ пользоваться настоящимъ, не думая о будущемъ. Годуновъ имѣлъ всѣ средства совершить свое преступленіе тайно, ловко, не нападкая на себя дѣвныхъ подозрѣній. Онъ могъ восписать царевича такъ,

чтобъ сдѣлать его неспособнымъ къ правленію и довести до монашеской ряссы; могъ даже искусно оспаривать законность его права на наследство, такъ-какъ царевичъ былъ плодомъ седьмаго брака Іоанна-Грознаго. Самое вѣроятное предположеніе объ этомъ темномъ событіи нашей исторіи должно, кажется, состоять въ томъ, что нашлись люди, которые слишкомъ-хорошо поняли, какъ важна была для Годунова смерть владѣльца, заграждавшаго ему доступъ къ престолу, и которые, не сговариваясь съ нимъ и не открывая ему своего умысла, думали этимъ страшнымъ преступленіемъ оказать ему великую и давно-ожидаемую услугу. Это напоминаетъ намъ сцену изъ *Антонія и Клеопатры* Шекспира, на палубѣ помпеева корабля, гдѣ Помпей находится съ своими соперниками, Цезаремъ, Антоніемъ и Лепидомъ:

Менасъ. Хочешь ли ты быть владыкою всего свѣта?

Помпей. Что ты говоришь?

Менасъ. Хочешь ли ты быть государемъ всего свѣта?

Помпей. Какъ такъ?

Менасъ. Согласись на мое предложеніе, — и я подарю тебѣ цѣлый свѣтъ — я, котораго ты считаешь бѣднякомъ.

Помпей. Или ты перепялъ?

Менасъ. Нѣтъ, Помпей; я не пилъ вина. Будь смѣлъ — и ты сдѣлаешься земнымъ Юпитеромъ. Всѣ области, какія окружаетъ океанъ, и вся земля, которую покрываетъ сводъ небесный — твои, если ты захочешь имѣть ихъ.

Помпей. Скажи — какъ?

Менасъ. Три обладателя свѣта, твои три соперника — на твоемъ кораблѣ. Позволь мнѣ отрѣзать якорь. Какъ скоро мы опредѣлимъ часть ихъ головамъ, тогда все — твое.

Помпей. Ахъ, еслибъ ты исполнилъ свое обѣщаніе, и не говорилъ мнѣ о немъ!... Такой поступокъ во мнѣ будетъ грязью, въ тебѣ былъ бы важною службой. Знаю: у меня не польза управляетъ честью, а честь — пользою. Пожалѣй о томъ, что языкъ твой измѣнилъ твоему дѣлу. Сдѣлай ты это тайно, я наградишь бы тебя за такое дѣло; а теперь долженъ осудить его. Оставь его и пей.

И если служивши Годунова были догадливѣе и умнѣе Менаса, то нельзя не видѣть, что они оказали Годунову очень - дурную услугу не въ одномъ нравственномъ отношеніи. Если жь Годуновъ внутренно, тайнѣ, доволенъ былъ ихъ услугою, — нельзя не согласиться, что на этотъ разъ онъ былъ очень-близорукъ и недалковидецъ. Радоваться этому преступленію, значило для него — радоваться тому, что у его враговъ было наконецъ страшное противъ него оружіе, которыми они при случаѣ хорошо могли воспользоваться. Нѣтъ, еще разъ: скорѣе можно предположить (какъ ни странно подобное предположеніе), что царевичъ погибъ отъ руки враговъ Годунова, которые, сваливъ на него это преступленіе, какъ только для него одного выгодное, могли рассчитывать на вѣрную его гибель. Какъ бы то ни было, вѣрно одно: ни историкъ Государства Россійскаго, ни рабски-слѣдовавшій ему авторъ *Бориса Годунова*, не имѣли ни малѣйшаго права считать преступленіе Годунова доказаннымъ и неподверженнымъ сомнѣнію.

Но — скажутъ намъ — убѣжденіе Карамзина оправдывается единодушнымъ голосомъ современниковъ Годунова, убѣжденіемъ всего народа въ его время; а вѣдь — гласъ Божій гласъ народа! Такъ; но здѣсь главный фактъ есть не убѣжденіе тогдашняго народа въ преступленіи Годунова, а готовность, расположеніе народа къ этому убѣжденію, — расположеніе, причина котораго заключалась въ нелюбви, даже въ ненависти народа къ Годунову. За что же эта ненависть къ человѣку, который такъ любилъ народъ, столько сдѣлалъ для него, и котораго самъ народъ сначала такъ любилъ по-видимому? — Въ томъ-то и дѣло, что тутъ съ обѣихъ сторонъ была лишь любовь по-видимому, — и въ этомъ заключается трагическая сторона личности Годунова и судьбы его. Еслибы Пушкинъ видѣлъ эту сторону, — тогда, вмѣсто характера въ-половину мело-

драматическаго, у него вышелъ бы характеръ простой, естественный, понятный и вмѣстѣ съ тѣмъ трагически-высокій. Правда, и тогда у Пушкина не было бы драмы въ строгомъ значеніи этого слова; но за то была бы превосходная драматическая сцена, или эпическая трагедія.

И такъ, разгадать историческое значеніе и историческую судьбу Годунова, значить объяснить причину: почему Годуновъ, по-видимому, столь любившій народъ и столь много для него сдѣлавшій, не былъ любимъ народомъ?

Попытаемся объяснить этотъ вопросъ такъ, какъ мы его понимаемъ.

Карамзинъ и Пушкинъ видятъ въ этой, по-видимому, незаслуженной ненависти народа къ Годунову, кару за его преступленіе. Слабость и нерѣшительность мѣръ, принятыхъ Годуновымъ противъ Самозванца, они приписываютъ смущенію виновной совѣсти. Это взглядъ чисто-мелодраматическій, и въ историческомъ и въ политическомъ отношеніи, особенно въ примѣненіи къ такому необыкновенному человѣку, каковъ былъ Борисъ!

Въ поэмѣ Пушкина, самъ Годуновъ объясняетъ причину народолюбивости такъ:

Живая власть для черни новаго.
Они любить умѣютъ только мертвыхъ.
Безумны мы, когда народный влестъ,
Иль ярый вопль тревожитъ сердце наше.

Это оправданіе — не голосъ истины, а голосъ оскорбленнаго самолюбія, не твердая рѣчь великаго человѣка, а плаксивая жалоба неудавшагося кандидата въ гени, раздосадованнаго неудачею. Нѣтъ, народъ никогда не обманывается въ своей симпатіи и антипатіи къ живой власти: его любовь, или его не любовь къ ней — высшій судъ! Гласъ Божій — гласъ народа!

Изъ всѣхъ страстей человѣческихъ, послѣ самолюбія, самая сильная, самая свирѣпая — властолюбіе. Можно навѣрное сказать, что ни одна страсть не стоила челоуѣчеству столько страданій и крови, какъ властолюбіе. Въ

времена просвѣщенныя и у народовъ цивилизованныхъ, властолюбіе является всегда въ соединеніи съ честолюбіемъ, такъ - что иногда трудно рѣшить, которая изъ этихъ страстей господствующая въ человѣкѣ, и властолюбіе нажета только результатомъ честолюбія. Во времена варварскія, у народовъ необразованныхъ, властолюбіе имѣетъ другое значеніе, потому что соединяется не только съ честолюбіемъ, но еще съ чувствомъ самозащиты: гдѣ, не будучи первымъ, тамъ легко погибнуть ни за что, — тамъ всякому двойнѣ хочется быть первымъ, чтобъ никого не бояться, но всѣхъ страшить. Но такъ-какъ каждому мѣзъ всѣхъ, или многихъ не возможно быть первымъ, — то право первого естественнымъ ходомъ исторіи неадѣ утвердилось потомственно въ одномъ родѣ, на основаніи права въ прошедшемъ, или преданія. Время освятило и утвердило это право за немногими родами. Это отняло у всѣхъ и у многихъ всякую возможность губить другъ друга и цѣлый народъ притязаніями на верховное первенство. Передъ правомъ избраннаго Провидѣніемъ рода, умолкла зависть, смирилось властолюбіе: родъ призналъ высшимъ надъ всѣми по праву вышше, и равные между собою охотно повинуются высшему передъ всѣми ими. Но когда царствующій родъ прекращается, послѣ наследственнаго владычества въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ, и когда право высшей власти захватываетъ человѣкъ, вчера бывшій равнымъ со всѣми передъ верховною властію, а сегодня должностною начать собою новую династію, — тогда, естественно, разнуздывается у всѣхъ страсть властолюбія. Каждый думаетъ: если *онъ* могъ быть избранъ, почему же *я* не могъ? Чѣмъ *онъ* лучше меня, и почему не *я* лучше его? Но счастливымъ властолюбецъ сплюю и хитростію заставляетъ молчать всѣхъ и все; страсти умолкаютъ, но до времени, до случая...

Естественно, у кого ятъ, въ-отно-

шеніи пріобрѣтенія верховной власти, освященнаго вѣками права законнаго наследія, — тому, чтобъ заставить въ себя видѣть не похитителя власти, а властелина по праву, остается опереться только на право личнаго превосходства надъ всѣми, на право генія. Только на условіи этого права толпа согласится безусловно признать владычество человѣка, который, въ гражданскомъ отношеніи, еще вчера стоялъ наравнѣ съ нею.

Было ли за Годуновымъ это право? Нѣтъ!

И вотъ гдѣ разгадка его историческаго значенія и его исторической судьбы: онъ хотѣлъ играть роль генія, не будучи геніемъ, — и за то палъ трагически и увлекъ за собою паденіе своего рода...

Такой человѣкъ есть лицо трагическое; такая участь есть законное достояніе трагедіи. И что бы могъ сдѣлать Пушкинъ нѣзъ своей поэмы, еслибъ взглянулъ на идею Бориса Годунова съ этой точки!

Въ какой бы сферѣ человѣческой дѣятельности ни проявился геній, онъ всегда есть олицетвореніе творческой силы духа, вѣстникъ обновленія жизни. Его назначеніе — ввести въ жизнь новые элементы и, черезъ это, двинуть ее впередъ, на высшую ступень. Явленіе генія — эпоха въ жизни народа. Генія уже нѣтъ, а народъ долго еще живетъ въ формахъ жизни, нѣзъ созданной, долго — до новаго генія. Такъ Московское - Царство, возникшее силою обстоятельствъ при Іоаннѣ Калитѣ и утвержденное геніемъ Іоанна III, жило до Петра-Великаго. Тотъ не геній въ исторіи, чѣе твореніе унираетъ вмѣстѣ съ нимъ: геній по пути исторіи пролагаетъ глубокіе слѣды своего существованія, долго послѣ своей смерти.

Борисъ Годуновъ былъ человѣкъ необыкновенно-умный и способный. Царедворецъ жестокаго царя, онъ умѣлъ пошастъ къ нему въ милость, не замаравъ себя ни каплею крови, ни однимъ безчестнымъ поступкомъ. Но это

умъе объясняется отчасти ловко-разсчитанною женитьбою на дочери палача, Малюты-Скуратова. Въ этой чертѣ выказывается ловкій царедворецъ, но генія еще не видно. Всякій, даже самый ограниченный, но хитрый человекъ сумѣлъ бы расчесть выгоды такого брака въ царствование Грознаго; но геній, можетъ-быть, и не рѣшился бы на такой расчетъ, тая въ себѣ огромные замыслы на будущее: тутъ злоя палача Малюты-Скуратова было ненавистно тому народу, владыкою котораго въ послѣдствіи сдѣлался Годуновъ. Повторяемъ: расчесть тонкій, хитрый, но не геніальный; въ немъ видѣнъ придворный интриганъ, а не будущій великій государь... Годуновъ дѣлается ватемъ наследника, а по смерти Грознаго—членомъ верховной-думы,—и Грозный ему въ-особенности, мимо старшихъ бояръ, завѣщалъ блюсти царство. Никакія вѣдьяны не предсказывали этому новому Макбету его будущаго величія; но его годовѣ было отъ-чего закружиться и безъ предсказаній! Это фантастическое счастье онъ могъ принять за лучшее изъ всѣхъ предсказаній! Онъ уничтожилъ верховную-думу и официально былъ названъ правителемъ государства: только для вида подавалъ голосъ въ царской думѣ, но рѣшалъ всѣ дѣла самовластно, принималъ пословъ, договаривался съ ними и давалъ имъ свитѣ цаловать свою руку... На тронѣ сидѣлъ царь по имени, молчаливикъ и молебщикъ въ сущности, который вручилъ своему родственнику и любимцу всю власть свою, «избывая мірскія суеты и доуки...» Чего не доставало Годунову?—только престола... И онъ достигъ его.

Какъ правитель и какъ царь, Годуновъ обнаружилъ много ума и много способности; но нисколько генія. Въ томъ и другомъ случаѣ, это былъ не больше, какъ умный и способный министръ, — но не Сюлли, не Кольбѣръ, которые умѣли открыть новые источники государственной силы тамъ, гдѣ никто не подозрѣвалъ ихъ: нѣтъ, это

былъ министръ, который съ успѣхомъ велъ государство по старой, уже проложенной колѣѣ, на основаніи сохранения *statu quo*. Насильственная смерть царевича, — кто бы ни былъ ее причиною, — уже бросила на него тѣнь подозрѣнія въ глазахъ народа, и это подозрѣніе всѣми силами возбуждали и поддерживали враги его — бояре, которые, естественно, никакъ не могли простить ему присвоенія того, на что каждый изъ нихъ считалъ себя точно въ такомъ же, какъ и онъ, правѣ. Какъ правитель, Годуновъ не могъ вносить новыхъ элементовъ въ жизнь государства, которымъ управлялъ не отъ своего имени. Подобная попытка могла бы разстроить всѣ его планы и погубить его. Но когда онъ сдѣлался царемъ, — тогда онъ неуремѣнно долженъ былъ явиться реформаторомъ-вижнителемъ, чтобъ заставить и народъ, и враговъ своихъ — бояръ, забыть, что еще недавно былъ онъ такимъ же, какъ и они, поддавшимся. Но что же онъ сдѣлалъ для Россіи, сдѣлавшись ея царемъ? — и каковыя царемъ — самовластнымъ, воля котораго для народа была воля Божія? Чего бы нельзя было сдѣлать съ такою властью, подкрѣпляемою геніемъ! Но и сдѣлавшись царемъ, Годуновъ остался тѣмъ же умнымъ и ловкимъ правителемъ, какимъ и былъ при Феодорѣ. Надъ окружающими его боярами онъ имѣлъ личныхъ преимуществъ не больше, какъ на столько, чтобъ оскорбить своихъ превосходствомъ ихъ самолюбіе, ихъ ограниченность и посредственность, но не на столько, чтобъ покорить ихъ этимъ превосходствомъ, заставить ихъ пасть передъ нимъ, какъ передъ существомъ высшаго рода... Онъ ловко разыгралъ комедію, по счастливому выраженію Пушкина, *морицившись передъ короною, какъ пьяница предъ чаркою вина*; онъ заставилъ себя набрать, а не самъ объявилъ себя царемъ; онъ долго обнаруживалъ какой-то ужасъ къ мысли о верховной власти, и долго заставлялъ себя умолять. Но эта комедія даже чрезчуръ-тонко была разъ-

играя, и въ ней протлѣдываетъ не образъ великаго человѣка, который всегда прямо идетъ къ своей цѣли, даже и тогда, когда идетъ къ ней не прямою дорогою, а образъ «наіебнѣкаго великаго человѣка», смѣлаго интригана. Это сейчасъ же и обнаружилось, какъ-скоро избраніе было рѣшено, и вѣнчаніе осталось уже только обрядомъ, который опасно было и отложить на время. Когда Сикстъ V былъ избранъ конклавомъ, онъ вдругъ выпрямился и, противъ обыкновенія, самъ заплѣлъ «Те Деум»: въ этой послѣдності видѣлъ великій человѣкъ, достигшій своей цѣли и приимающій власть не какъ нищій копѣйку, съ низкими поклонами, но съ твердностью и гордостью силы, сознающей свое право на власть. Сикстъ не началъ рассыпаться въ обѣщаніяхъ: буду-де таковъ-то и таковъ, сдѣлаю то и другое; а сейчасъ началъ *бить и дѣлать*, никому не угрожая, ни къ кому не подлаживаясь, и заставляя трепетать тѣхъ, которые никого не трепетали и которыхъ всѣ трепетали... Не такъ поступилъ Годуновъ. При вѣнчаніи на царство, онъ клянется быть отцомъ народа, показывая свою рубашку, говоря, что всегда будетъ готовъ раздѣлить ее съ послѣднимъ своимъ подданнымъ... Кто просилъ, кто требовалъ отъ него этихъ обѣщаній и клятвъ? И что значать они, что видно въ нихъ, если не чрезвычайная радость о достиженіи давножеланной цѣли, если не благодарность, рожденная этою радостью — благодарность за блестящее бремя не по силѣмъ, за великое титуло не по достоинству, за высшую власть не по заслугѣ?... Не такъ принимаетъ подобную власть гениі, великій человѣкъ: онъ беретъ ее, какъ что-то свое, принадлежащее ему по праву, никому не кланяясь, никого не благодаря, никому не дѣлая обѣщаній, не давая клятвъ въ воровѣхъ дурно-скрытаго восторга. Вскорѣ послѣ Годунова, въ русской исторіи снова повторилось вѣршаще обѣщаній и клятвъ: ничтожный Шуй-

скій, въ благодарность за корону, которой онъ сознавалъ себя внутренно недостойнымъ, предлагалъ боярщинѣ права, которыхъ она отъ него не просила и взять не хотѣла. Но вотъ Годуновъ — царь. Ласкамъ народу вѣтъ конца, милости на всѣхъ льются рѣкою... Первый изъ русскихъ царей обратилъ онъ свое непосредственное, прямое, а не черезъ бояръ, вниманіе на массу народа, на его низшій и, следовательно, самый обширный слой... Это была какая-то вѣчная, родовая заботливость, въ которой былъ видѣнъ больше отецъ, нежели царь... Народъ долженъ былъ боготворить Годунова, и Годуновъ долженъ бы былъ самымъ народнымъ изъ всѣхъ бывшихъ до него царей русскихъ... Въ такомъ случаѣ, что ему тайная злоба и зависть, темная вражда боярщинѣ! Онъ могъ спокойно презирать ее: на стражъ его стояла лучшая и надежнѣйшая изъ всѣхъ швейцарскихъ и другихъ возможныхъ гвардій — любовь народная... и въ-самомъ-дѣлѣ, народъ славилъ царя благодушнаго, ласковаго, правосуднаго, милостиваго, доступнаго... Народъ даже *старался, силился* полюбить Годунова — и никакъ не могъ... Если у него и была на минуту любовь къ Годунову, то въ головѣ только, а не въ сердцахъ: ужъ и воображеніе народа удивлялись Годунову, а сердце молчало, упрямясь согласиться съ умомъ и воображеніемъ... Но вотъ прошла и минута этой надуманной, такъ-сказать головной любви; Борисъ удвоетъ свои благодѣянія народу, а народъ, принимая ихъ, клянеть Бориса... Еще прежде его царствованія, когда еще онъ былъ только правителемъ, тѣмъ убитаго царевича начала его преслѣдовать: Борисъ дѣлаетъ счастливый отпоръ наглому нашествію на Россію крымскаго хана, проникая до стѣнъ самой Москвы; а народъ говоритъ, что самъ Борисъ призвалъ хана, чтобъ отвратить общее вниманіе отъ смерти царевича и дешевою цѣною прославиться забывателемъ оте-

чества... Царица родила дочь: заговорили, что она родила сына, а Борисъ подмѣнилъ его дѣвочкою; а когда маленькая царица умерла, прошелъ слухъ, что Годуновъ отравилъ ее, боясь, чтобъ Федоръ не передалъ ей престола... Въ Москвѣ начались пожары: Борисъ казнилъ зажигателей и помогъ погорѣвшимъ; а народъ обвинилъ его самого въ зажигательствѣ и жалѣлъ о казненныхъ, какъ о невинныхъ жертвахъ... Годуновъ сталъ преслѣдовать распускателей этихъ слуховъ и казнить ихъ: ничего худшаго не могъ онъ выдумать — это значило согласиться къ справедливости слуховъ... Ясно, что слухи эти распускали бояре; но народъ ловилъ ихъ жадными ухомъ...

Но вотъ вѣщаніе на царство ослабило народъ: и Борисъ и самъ народъ приняли удивленіе за любовь... Комедія продолжалась только одинъ годъ: Борисъ не выдержалъ своей роли и сорвалъ съ себя маску, не имѣя силы дольше носить ее. Интриганъ становится тираномъ и напоминаетъ собою Грознаго. У него есть свой Малюта-Скуратовъ: это — презрѣнный, подлый рабъ его — Семень Годуновъ. Лаская и награждая явно, онъ мучитъ и казнить тайно, и все по поводу слуховъ, все по подозрѣнію въ ненависти къ царю и алыхъ противъ него умыслахъ. Бѣльскаго, уже развѣ сосланнаго въ ссылку, онъ ссылаетъ снова, выщипавъ ему всю бороду по одному волоску: какое татарское казаканіе!.. Тюрмы были набиты биткомъ; шпіонство сдѣлалось не только выгоднымъ, но и почетнымъ ремесломъ... Явилъ казней было мало; большею частію все умирало *скоростижно*: этотъ человекъ не умѣлъ быть даже тираномъ открыто, какъ Грозный, и тиранствовалъ во врагѣ, тайкомъ... Открывается страшный голодъ въ Россіи; народъ гибнетъ тысячами, шайки разбойниковъ грабятъ и рѣжутъ безнаказанно; Борисъ строго наказываетъ скупщиковъ хлѣба, сыплетъ на народъ деньгами, даетъ принять голоднымъ и нищимъ, посылаетъ отряды противъ разбойниковъ;

строить башню Ивана-Великаго, чтобъ дать народу работу; словомъ, онъ честно, вѣрно выполняетъ свою клятву — дѣлать съ народомъ послѣднюю рубашку свою... И все напрасно, все тщетно!.. Пронесется слухи о Самозванцѣ; наконецъ Самозванецъ уже поддерживается Польшею, идетъ въ Россію, къ нему передаются Русскіе толпаки; а Годуновъ ничего не дѣлаетъ, ничего не предпринимаетъ, онъ только собираетъ и жжетъ манифесты Самозванца и требуетъ отъ Шуйскаго клятвы, что царевичъ точно умеръ... Какой жалкій царь! Онъ могъ бы раздвинуть Самозванца — и палъ подъ его ударомъ. Подозрѣваютъ, что онъ отравилъ себя ядомъ: можетъ-быть; но такъ же можетъ быть, что онъ умеръ скоростижно отъ страшнаго напряженія силъ, въ слѣдствіе внутреннихъ волненій. Въ обоихъ случаяхъ, онъ умеръ малодушно. Первое извѣстіе о Самозванцѣ Годуновъ принялъ даже очень-холодно: это можетъ служить доказательствомъ не одному тому, что онъ былъ увѣренъ въ смерти царевича, но и тому, что онъ былъ невиненъ въ ней; въ то же время это служитъ доказательствомъ, какъ мало былъ онъ дальновиденъ, какъ худо понималъ свое положеніе. Онъ бы долженъ былъ знать, что тѣмъ царевича — самый ужасный врагъ его, во всякомъ случаѣ, былъ онъ убійцею царевича или нѣтъ: въ первомъ случаѣ, эта тѣмъ была его ненабѣжною карою за преступленіе; во второмъ, она была превосходнымъ предлогомъ для народной ненависти. Бояре могли знать невинность Годунова; но если народъ не любилъ его, — этого было уже слишкомъ достаточно, чтобъ для народа преступленіе его было яснѣе дня. Пока царевичъ жилъ въ Угличѣ съ матерью, — онъ него никто не обращалъ вниманія: вѣдь онъ былъ плодомъ *седьмаго бранца* Грознаго, и личный характеръ его матери не возбуждалъ ни участія, ни уваженія; Грозный хотѣлъ ее отослать отъ себя и жениться въ восьмой разъ; но смерть поѣхала ему выносивъ

это нашествіе. Когда же царевичъ былъ убитъ, и народная ненависть запылала, — младенецъ, святой мученикъ, сдѣлался предметомъ народнаго благоговѣнія...

На всѣхъ дѣйствіяхъ Бориса, даже самыхъ лучшихъ, лежитъ печать отверженія. Всѣ дѣла его неудачны, не благодѣтельны, потому что всѣ они выходили изъ ложнаго источника. Любовь его къ народу была не чувствомъ, а расчетомъ, и потому въ ней есть что-то ласкательное, льстивое, угодническое, и потому народъ не обманулся ею и отвѣтилъ на нее ненавистью. Удивительное существо — народъ! Почти-всегда невѣжественный, грубый, ограниченный, слѣпой, — онъ непогрѣшительно-истиненъ и правъ въ своихъ инстинктахъ; если онъ иногда обманывается съ этой стороны, то на одну минуту — не болѣе, и кто не любитъ его по внутренней, живой, сердечной потребности любить его, — тотъ можетъ осыпая его деньгами, умирать за него, — онъ будетъ имъ превозносимъ и восхваляемъ, но любить никогда не будетъ. Если же кто любитъ его не по расчету, а по внутренней инстинктивной потребности любить, тотъ можетъ идти вопреки всѣмъ его желаніямъ, — и за это народъ будетъ его осуждать, будетъ на него роптать, и въ то же время будетъ любить его. Какъ Годуновъ служить живымъ доказательствомъ первой истины, такъ Петръ-Великій служить живымъ доказательствомъ второй. Онъ залукалъ страшную реформу, пошелъ наперекоръ духу, предавшему, исторіи, обычаямъ, привычкамъ народа, — и не только уничижилъ въ людей его времени инстинктъ полное право смотрѣть на его реформу какъ на самую несбыточную и противную здравому смыслу фантазію; но, вѣроятно, и у него-самого бывали горькія минуты сомнѣнія и разочарованія, когда и самъ онъ думалъ то же. Реформа его встрѣтила сильную оппозицію — не со стороны только мятежныхъ стрельцовъ и невѣжественныхъ раскольниковъ: эта оппозиція была слыш-

комъ-бесильна передъ его двойнымъ правомъ дѣйствовать самоглавно — правомъ наследства и правомъ гения; но и со стороны всего народа, котораго съ тѣлыхъ палатей дѣянъ и невѣжества стащилъ онъ на трулъ живой и дѣятельный. Народъ, повинулся ему безусловно, осуждалъ его дѣйствія и ропталъ на него, но вмѣстѣ съ тѣмъ и любилъ его до готовности отдать за него послѣднюю каплю своей крови... Между-тѣмъ, Петръ никогда не дѣлалъ ему общаго, не давалъ клятвъ, но шелъ гордо и прямо, требуя повиновенія, а не умоляя о немъ; но за то, все обѣщанное народу Годуновымъ, онъ исполнялъ на дѣлѣ, и еще гораздо лучше, потому что дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ не по расчету, а по влеченію сердца... Такойъ геній: за-тѣявъ дѣло, которое, по всѣмъ расчетамъ человѣческой мудрости, не могло не казаться безуміемъ, онъ доводитъ его до конца, торжествуя надъ всѣми препятствіями... Въ чемъ состоитъ тайна этого успѣха? — въ творческой силѣ, присущей органичному гению, какъ инстинктъ, — больше ни въ чемъ! Геній часто дѣйствуетъ инстинктивно, безумно — и всегда успѣваетъ, — между-тѣмъ, какъ талантъ рассчитываетъ вѣрно, соображаетъ тонко, дѣйствуетъ мудро, — всѣ это видятъ и всѣ одобряютъ его цѣль и средства, никто не сомнѣвается въ успѣхѣ, — а между-тѣмъ, глядя — вся эта мудрость сама-собою обратилась въ безуміе, и великолѣпное зданіе, воздвигавшееся съ такимъ трудомъ, очутилось карточнымъ домикомъ: дунулъ вѣтеръ — и нѣтъ его... Вотъ талантъ, который берется за роль гения!..

Борисъ Годуновъ не былъ человѣкомъ ничтожнымъ и даже обыкновеннымъ; напротивъ, это былъ человѣкъ ума великаго, который цѣлою головою стоялъ выше всего своего народа. Борисъ былъ даже выше многихъ преразумковъ своего времени: первый изъ царей русскихъ, рѣшился онъ выдать дочь за иностраннаго и иновѣрнаго принца; говорить, хотѣлъ и сына же-

нить на иностранной принцессе; это повлекло бы Россію въ болѣе-живыя и плодотворныя отношенія съ Европою, нежели въ какія она была съ нею до того времени, и потому имѣло бы огромное значеніе на ея будущую судьбу. Борись уважалъ просвѣщеніе, тщателью, сколько было въ его средствахъ, воспитывалъ дѣтей своихъ, особенно сына; хотѣлъ основать въ Москвѣ университетъ, и послалъ въ Европу за учеными людьми. Уже одно то, что онъ позналъ необходимость опереться преимущественно на любовь народа, показываетъ, какъ умна была этаго несчастный любительъ счастья. Но всѣ предпріятія его не состоялись, именно потому (а не по чему-нибудь другому), что у него былъ только умъ и даровитость, но не было геніальности, — тогда-какъ судьба поставила его въ такое положеніе, что геніальность была ему необходима. Будъ онъ законный, наследный царь, — онъ былъ бы однимъ изъ замѣнительнѣйшихъ царей русскихъ: тогда ему не было бы никакой нужды быть реформаторомъ, и оставалось бы только хвалить *statu quo*, улучшая, но не видѣвъ его, — а для этого, и безъ геніальности, достадо бы у него ума и способности, — и онъ много сдѣлалъ бы добраго для Россіи. Но онъ былъ выскочка (*parvenu*), и потому долженъ былъ быть геніемъ, или насть — и насть... Вода Русь по старой колеѣ, онъ самъ не могъ не споткнуться на этой колеѣ, потому-что старая Русь не могла простить ему того, что видѣла его безприморъ прежде, чѣмъ увидѣла царемъ своимъ. Чтобъ утвердиться одному на престолѣ и упрочить его за своимъ потомствомъ, — ему надо было преобразовать, перевоспитать Русь, внести въ ея жизнь новые элементы. Но для этого, у него не было никакой идеи, никакого принципа. Онъ былъ только умнѣ своего времени, но не выше его. Въ немъ-самомъ жила старая Русь: диктаторство—его тиранинъ и барода, Бѣльскаго... А, между тѣмъ, онъ чувствовалъ, что, во его ве-

лженію, ему необходимо былъ преобразователь; но видѣвъ съ тѣмъ, какъ человекъ не геніальный думалъ, что для этого достаточо только прибавить кое-что новаго. И вотъ какъ учреждаетъ въ Москвѣ патриаршій престолъ, и сажаетъ на него на лучшее, а предающаго изъ душманыхъ думъ, который и короновалъ его въ послѣдствіи. Это нововрѣденіе было совершенно въ духѣ того времени; новое диктаторство, что Голуновъ не былъ выше своего времени и ничего не видѣлъ за нимъ... Другое нововрѣденіе было еще болѣе въ созвѣщеніи ему духѣ, и потому самому было вредно для Россіи того дѣла и для новой Россіи, и гибельно для самого Голунова: мы говоримъ о томъ законѣ Голунова, который увѣковѣченъ русскою пословицею: *Вода тебя, бабушка, морсас дель!* Этотъ нововрѣденіемъ Голуновъ раздражилъ обѣ стороны, которыхъ онъ базелось — и помѣщичью и крестьянью. Первые жаловались, что они не могутъ теперь выгнать изъ своего помѣстья дѣвчата или раздатнаго холопа, и обязаны кормить его за то, что онъ ничего не дѣлаетъ, или за то, что онъ воруетъ и пьетъ. Вторые, — говоря языкомъ римскаго права, изъ *responae* сдѣлались *res*. Значитъ, до Голунова, у насъ не было крѣпостнаго сословія, и въ этомъ отношеніи, не мы у Европы, а Европа у насъ могла бы съ большою для себя пользою взаимодействовать. Видѣвъ крѣпостнаго права, у насъ было только помѣстное право — право владѣть землею и обрабатывать ее руками пролетаріевъ, на свободныхъ съ ними условіяхъ, обратившихся въ обычай. Этотъ новый законъ, былъ такъ въ духѣ тѣхъ временъ, что утвердился и укоренился надолго—до временъ Катерины, уничтожившей даже слово «рабъ», и помѣщеніемъ положеніе этого сословія... И долгъ чѣмъ пережилъ себя Голуновъ въ потомствѣ.

У великаго человека и сердца великое. Для своего дорога и омерзаетъ на свое слово; онъ ничего не боится: онъ

рвать своихъ враговъ, но не мститъ имъ; въ ихъ паденіи для него заключается торжество его дѣла, а не удовлетвореніе обиженного самолюбія. Петръ-Великій умѣлъ карать враговъ своего дѣла, и умѣлъ прощать личныхъ враговъ, если видѣлъ, что они ему не опасны. Его кара была актомъ правосудія, а не дѣломъ личнаго мщенія, и онъ каралъ открыто, среди бѣлаго дня; но не отравлялъ во мракѣ; принимая публично доносъ, публично изслѣдывалъ дѣло и публично наказывалъ, если доносъ оказывался справедливымъ. Когда бунтъ стрѣльцкій заставилъ его воротиться изъ путешествія, — кровь стрѣльцовъ лилась рѣкою, въ глазахъ грознаго царя, — и онъ не боялся показаться тираномъ, потому что не былъ имъ. Не такъ дѣйствовалъ Годуновъ. Сперва онъ крѣпился, надѣясь ласкою и милостию обезоружить тайныхъ враговъ и прекратить неблагопріятные о себѣ толки; но видя, что это не дѣйствуетъ, — не вытерпѣлъ, и тогда настала эпоха террора, шпіонства, доносовъ, пытокъ и скоростипижныхъ смертей... У Годунова не было великаго сердца, и потому онъ не могъ не мучиться подозрѣніями, не бояться крамолы, не увлекаться личнымъ мщеніемъ, и наконецъ не сдѣлаться тираномъ. Словомъ, онъ былъ только замѣчательный, а не великій человекъ, умный и талантливый администраторъ, но не гений.

Итакъ, вѣрно понять Годунова исторически и поэтически, — значить понять необходимость его паденія равно въ обоихъ случаяхъ — виновенъ ли онъ былъ въ смерти царевича, или невиненъ. А необходимость эта основана на томъ, что онъ не былъ гениальнымъ человекомъ, тогда какъ его положеніе непременно требовало отъ него гениальности. Это просто и ясно.

Отъ чего же не понялъ этого Пушкинъ? Или не достало у него художнической проницательности, поэтическаго такта? — Нѣтъ, отъ того, что онъ упустилъ авторитетомъ Карамзина и

безусловно покорился ему. Вообще, надобно замѣтить, что чѣмъ больше понималъ Пушкинъ тайну русскаго духа и русской жизни, тѣмъ больше иногда и заблуждался въ этомъ отношеніи. Пушкинъ былъ слишкомъ-русскій человекъ, и потому не всегда вѣрно судилъ обо всемъ русскомъ: чтобы что-нибудь вѣрно оцѣнить русскимъ, необходимо это что-нибудь отбросить отъ себя и хладнокровно посмотреть на него, какъ на что-то чуждое себѣ, внѣ себя находящееся, — а Пушкинъ не всегда могъ дѣлать это, потому именно, что все русское слишкомъ срослось съ нимъ. Такъ, на-пр., онъ въ душѣ былъ больше помѣщикомъ и дворяниномъ, нежели сколько можно ожидать этого отъ поэта. Толора, въ своихъ запискахъ, о своихъ предкахъ, Пушкинъ осуждаетъ одного изъ нихъ за то, что тотъ подписался подъ соборнымъ дѣяніемъ объ уничтоженіи мѣстничества. Первыми своими проназвѣденіями, онъ прослылъ на Руси за русскаго Байрона, за человека отрицанія. Но ничего этого не бывало; невозможно предположить болѣе-антибайронической, болѣе-консервативной натуры, какъ натура Пушкина. Вспомнивая о тѣхъ его «стишкахъ», которые молодѣжь того времени такъ любила читать въ рукописи, — нельзя не улыбнуться ихъ дѣтской девичности и не воскликнуть:

То кровь кипитъ, то слезъ избытокъ!
Пушкинъ былъ человекъ преданія гораздо-больше, нежели какъ объ этомъ еще и теперь думаютъ. Пора его «стишковъ» скоро кончилась, потому что скоро понял онъ, что ему надо быть только художникомъ, и больше ничѣмъ, ибо такова его натура, а, следовательно, таково и призваніе его. Онъ началъ съ того, что написалъ эпиграмму на Карамзина, советуя ему лучше докончить *Илью Богатыря*, нежели приниматься за исторію Россіи, а кончилъ тѣмъ, что одно изъ лучшихъ своихъ произведеній написалъ подъ вліяніемъ этого историка и посвятилъ «драгоценной для Россіи» памяти Николая Михайло-

вѣча Карамзина *сѣм* трудъ, гениемъ его вдохновенный. Нельзя не согласиться, что есть что-то оффиціальное и канцелярское въ самомъ складѣ и языкѣ этого посвященія, написаннаго по домососовской конструкціи, съ завѣтнымъ «сѣм». Кстати о *сѣмъ, оныхъ и таковыхъ*: Пушкинъ всегда употреблялъ ихъ, но любилъ къ преданію, хотя къ его сжатою, опредѣленному, выразительному и поэтическому языку они такъ же плохо шли, какъ грязныя пятна идутъ къ модному платью свѣтскаго человѣка, собравшагося на балъ. Но когда *Библиотека для Чтенія* воздвигла гоненіе на эти старомечатныя слова, Пушкинъ еще болѣе, еще чаще началъ употреблять ихъ къ явному вреду своего слога. Въ этомъ поступкѣ не было духа противорѣчія, ни на чемъ неоснованнаго; напротивъ, тутъ дѣйствовала духъ принципа — слѣпаго уваженія къ преданію. Если уваженіе къ преданію такъ сильно выразилось въ отношеніи къ *сѣмъ, оныхъ, таковыхъ и комъ*, то естественно, что оно еще сильнѣе должно было проявляться въ Пушкинѣ въ отношеніи къ живымъ и мертвымъ авторитетамъ русской литературы. Пушкинъ не зналъ какъ и возвеличить поэтическій талантъ Баратынскаго, и видѣлъ большаго поэта даже въ Дельвигъ; г. Катенинъ, по его живію, воскресилъ величавый гениі Корнели — бездѣлица!.. Изъ старыхъ авторитетовъ, Пушкинъ не любилъ только одного Сумаронова, котораго очевь неосновательно ставилъ ниже даже Тредьяковского. Всякая сколько-нибудь рѣзкая, хотя бы въ то же время и основательная критика на извѣстный авторитетъ огорчала его и не нравилась ему, какъ посягательство на честь и славу родной литературы. Но въ особенности, не знало мѣры его уваженіе и, можно сказать, его благоговѣніе къ Карамзину, чему причиною отчасти было и то, что Пушкинъ былъ окруженъ людьми карамзинской эпохи и сѣмъ былъ воспитанъ и образованъ въ ея духѣ. Если онъ мощно и побѣдно выходилъ изъ духа этой эпохи,

то не иначе, какъ поэтъ, а не какъ мыслящій человѣкъ, и не мысль дѣлала его великимъ, а поэтическій инстинктъ. Конечно, Пушкина не могли бы такъ сильно покорить мелкія произведенія Карамзина, и Пушкинъ не могъ находить особенной поэзіи въ его стихотвореніяхъ и повѣстахъ, не могъ особенно увлечься пріятнымъ и сладкимъ слогомъ его статей и ихъ направлениемъ; но Карамзинъ не одного Пушкина, — нѣсколько поколѣній увлекъ оксигательно своею *Исторією Государства Россійскаго*, которая имѣла на нихъ сильное вліяніе не одними своимъ слогомъ, какъ думаютъ, но гораздо-больше своимъ духомъ, направлениемъ, принципами. Пушкинъ до того вошелъ въ ея духъ, до того привыкнулся къ ней, что сдѣлался рѣшительнымъ рыпаремъ исторіи Карамзина и оправдывалъ ее не просто какъ исторію, но какъ политическій и государственный корабль, долженствующій быть пригоднымъ какъ-нельзя-лучше и для нашего времени, и остаться такимъ навсегда.

Удивительно ли послѣ этого, что Пушкинъ смотрѣлъ на Годунова глазами Карамзина, и не столько заботился объ истинѣ и поэзіи, сколько о томъ, чтобъ не погрѣшить противъ «Исторіи Государства Россійскаго»? И потому, его поэтическій инстинктъ видѣлъ не въ цѣлости (l'ensemble), а только въ частностяхъ его трагедіи. Лицо Годунова, получивъ характеръ мелодраматическаго злодѣя, мучимаго совѣстію, явилось своей цѣлості и полноты; изъ живописнаго изображенія, какимъ бы должно было оно быть, оно сдѣлалось мозаическою картиною, или, лучше сказать, статуею, которая вырублена не изъ одного цѣльнаго мрамора, а сложена изъ золота, серебра, мѣли, дерева, мрамора, глины. Отъ этого, пушкинскій Годуновъ является читателю то честнымъ, то низкимъ человѣкомъ, то героемъ, то трусомъ; то мудрымъ и добрымъ царемъ, то безумнымъ злодѣемъ, и нѣтъ другаго ключа къ этимъ противорѣчіямъ, кромѣ упрековъ иновѣковой совѣсти... Отъ-этого, за отсут-

стиемъ истинной и живой поэтической идеи, которая давала бы цѣлость и полноту всей трагедіи, *Борисъ Годуновъ* Пушкина является чѣмъ-то неопредѣленнымъ и не производитъ почти никакого рѣзкаго, сосредоточеннаго впечатлѣнія, какого въправъ ожидать отъ вся читатель, безпрестанно поражаемый ея художественными красотами, безпрестанно восхищающійся ея удивительными частностями.

И дѣйствительно, если, съ одной стороны, эта трагедія отличается большими недостатками, — то, съ другой стороны, она же блистаетъ и необыкновенными достоинствами. Первые выходятъ изъ ложности идеи, положенной въ основаніе драмы; вторыя — изъ превосходнаго выполненія со стороны формы. Пушкинъ былъ такой поэтъ, такой художникъ, который какъ-будто не умѣлъ, еслибъ и хотѣлъ, и дурную идею воплотить не въ превосходную форму. Прежде всего спросимъ всѣхъ, сколько-нибудь знакомыхъ съ русскою литературою: до пушкинскаго *Бориса Годунова*, изъ русскихъ читателей, или русскихъ поэтовъ и литераторовъ, имѣлъ ли кто-нибудь какое-нибудь понятіе о языкѣ, которымъ долженъ говорить въ драмѣ русскій человѣкъ допетровской эпохи? Не только прежде, даже послѣ *Бориса Годунова* являлся ли на русскомъ языкѣ хотя одна драма, содержаніе которой взято изъ русской исторіи, и въ которой русскіе люди чувствовали бы, понимали и говорили по-русски? И читая всѣхъ этихъ *Ляпуновыхъ*, *Скопинныхъ-Шуйскихъ*, *Баторіевъ*, *Юанновъ-Третьихъ*, *Самозванцевъ*, *Царей-Шуйскихъ*, *Еленя Глинскихъ*, *Пожарскихъ*, которые, съ тридцатыхъ годовъ востоящаго столѣтія наводнили русскую литературу и русскую сцену, — что видите вы въ почтенныхъ ихъ сочинителяхъ, если не сумарковыхъ нашего времени? Не будемъ говорить о русскихъ трагедіяхъ, появившихся до пушкинскаго *Бориса Годунова*: чего же можно и требовать отъ нихъ! Но что русскаго во всѣхъ

Т. XIII. — Отд. V.

этихъ трагедіяхъ, которыя явились уже послѣ *Бориса Годунова*? — И не можно ли подумать скорѣе, что это вѣмецкія пьесы, только переложенныя на русскіе нравы?—Словно гигантъ между пигмеями, до-сихъ-поръ высится между множествомъ квази-русскихъ трагедій пушкинскій *Борисъ Годуновъ*, въ гордомъ и суровомъ уединеніи, въ недоступномъ величіи строгаго художественнаго стиля, благородной классической простоты... Довольно уже распачено было критикою похвалъ и удивленія на сцену въ кельѣ Чудова-Монастыря, между отцомъ - Пименомъ и Григорьемъ... Въ-самомъ-дѣлѣ, эта сцена, которая была напечатана въ одномъ московскомъ журналѣ, года за четыре, или дѣтъ за пять до появления всей трагедіи, и которая тогда же надѣлала много шума, — эта сцена, въ художественномъ отношеніи, по строгости стиля, по неподдѣльной и неподражаемой простотѣ, выше всѣхъ похвалъ. Это что-то великое, громадное, колоссальное, никогда небывалое, ницѣмъ непредчувствованное. Правда, Пименъ ужъ слишкомъ идеализированъ въ его первомъ монолѣ, и потому чѣмъ болѣе поэтическаго и высокаго въ его словахъ, тѣмъ болѣе грѣшитъ авторъ противъ истины и правды дѣйствительности: не русскому, но и никакому европейскому отшельнику-лѣтописцу того времени не могли войти въ голову подобныя мысли —

... Не даромъ многая дѣтъ
Судѣтелемъ Господь меня оставилъ
И книжному искусству вразумилъ:
Когда нибудь монахъ трудолюбивый
Найдетъ мой трудъ усердный, безымян-
ный;

Заспитъ онъ, какъ я, своею лампаду,
И, пыль откопъ отъ хартий отряхнувъ,
Правдѣмъ скажетъ я пререшитъ.

На старости я стѣннова ждую
Минушее проходить предо мною —
Давно ль оно деслось, событій полно,
Волнуясь, какъ море-окиръ?

Теперь оно безмално и спокойно:
Немного лицъ мнѣ память сохранила,
Немного словъ доходить до меня,
А прочее погнбло невозвратно.

Ничего подобнаго не могъ сказать русской отшельникъ-лѣтописецъ ковца XVI и начала XVII вѣка: сдѣдовательно, эти прекрасныя слова—ложь... но ложь, которая стодитъ истины: такъ исполнена она повзѣм, такъ обаятельно дѣйствуетъ на умъ и чувство! Сколько лжи въ этомъ родѣ сказала Корнель и Расинъ.—и однакожь, просвѣщеннѣйшая и образованнѣйшая нація въ Европѣ до-сихъ-поръ рукоплещетъ этой поэтической лжи! И не диво: въ ней, въ этой лжи относительно времени, мѣста и правовъ, есть истина относительно человѣческаго сердца, человѣческой натуры. Во лжи Пушкина тоже есть своя истина, хотя и условная, предположительная: отшельникъ Пименъ не могъ такъ высоко смотрѣть на свое призваніе, какъ лѣтописецъ; но есиль, въ его время, такой взглядъ былъ возможенъ, Пименъ выразился бы не иначе, а именно такъ, какъ заставилъ его высказаться Пушкинъ. Сверхъ-того, мы выписали изъ этой сцены рѣшительно все, что можно осуждать какъ ложь въ-отношеніи къ русской дѣйствительности того времени: все остальное такъ глубоко проникнуто русскимъ духомъ, такъ глубоко-вѣрно исторической истинѣ, какъ только могъ это сдѣлать лишь гевій Пушкина—истинно-національнаго русскаго поэта. Какая, на-примѣръ, глубоко-вѣрная черта русскаго духа заключается въ этихъ словахъ Пимена:

Да вѣдаютъ потомки православныхъ
Земли родной минушую судьбу,
Своихъ царей великихъ помнятъ
За ихъ труды, за славу, за добро—
А за грѣхи, за темныя дѣянья,
Спасителя смиренно умоляютъ.

Вообще, въ этой сценѣ удивительно-хорошо обрисованы, въ ихъ противоположности, характеры Пимена и Григорья: одинъ — идеалъ безмятежнаго спокойствія въ простотѣ ума и сердца, какъ тихій свѣтъ лампы,

озаряющей въ темномъ углу икону византійской живописи; другой — весь безпокойство и тревога. Григорью трижды снится одна и та же греза. Проснувшись, онъ дивится величавому спокойствію, съ которымъ старецъ пишетъ свою лѣтопись, — и въ это время рисуетъ идеалъ историка, который въ то время былъ невозможенъ, другими словами, выговариваетъ превосходнѣйшую поэтическую ложь:

Ни на челѣ высокою, ни во зоркѣхъ
Нельзя прочесть его *высокихъ думъ*;
Все тотъ же видъ смиренный, величашій.
Такъ точно дьякъ, въ приказѣхъ посѣд-
льи,

Спокойно зрять на правыхъ и виновныхъ,
Добру и злу явная равнодушно,
Не вѣдая ни жалости, ни гнѣва.

За тѣмъ, онъ рассказываетъ старцу о «бѣсовскомъ мечтаніи», смущавшемъ сонъ его:

Мнѣ снилося, что дѣстница крутая
Меня вела на башню; съ высоты
Мнѣ видѣлась Москва, что муравейникъ;
Внизу народъ на площади кнѣзь
И на меня указывалъ со смѣхомъ;
И стыдно мнѣ и страшно становилось —
И падая стремглавъ я пробуждался...

Въ этомъ тревожномъ снѣ — весь будущій Самозванецъ... И какъ по-русски обрисованъ онъ, какая вѣрность въ каждомъ словѣ, въ каждой чертѣ! Вотъ еще два монолога — факты глубоко-вѣрнаго, глубоко-русскаго изображенія этихъ двухъ чисто-русскихъ и такъ противоположныхъ характеровъ:

Пименъ.

Младая кровь играетъ:
Смирли себя молитвой и постомъ,
И сны твои видѣній легкиихъ будутъ
Исполнены. *Донимъ* — если и,
Невольному драмотой обезсиленъ,
Не сотворю молитвы долгой къ ночи —
Мой старый сонъ не тихъ и не безгрѣ-
шнъ;

Мнѣ чудятся то шумные пиры,
То ратный станъ, то схватки боевыя,
Безумныя потѣхи юныхъ лѣтъ!

Григорій.

Какъ весело провелъ свою ты младость!
Ты воевалъ подъ башнями Казани,

Ты рать Лютвы при Шуйскомъ отражалъ,
 Ты вилъ въ дворъ и роскошь Іоанна!
 Счастливъ! а я отъ отроческихъ лѣтъ
 По келіямъ скитаюсь, бѣдный люокъ!
 Зачѣмъ и мнѣ не тѣшиться въ боляхъ,
 Не паровать за царскою трапезой?
 Успѣлъ бы я, какъ ты, на старость лѣтъ,
 Отъ суеты, отъ міра отложиться,
 Произвести монашества обѣтъ
 И въ тихую обитель затвориться.

Слѣдующій за тѣмъ длинный монологъ Пимена о суетѣ свѣта и преимуществѣ затворнической жизни—верхъ совершенства! Тутъ русскій духъ, тутъ Русью пахнетъ! Ничья, никакая исторія Россіи не дастъ такого яснаго, живаго созерцанія духа русской жизни, какъ это простодушное, безхитростное разсужденіе отшельника. Картина Іоанна-Грознаго, искавшаго успокоенія въ подобіи монашескихъ трудовъ; характеристика Феодора и разсказъ о его смерти,—все это чудо искусства, неподражаемые образы русской жизни до-петровской эпохи! Вообще, вся эта превосходная сцена само-себѣ есть великое художественное произведение, полное и оковченное. Она показала, какъ, какимъ языкомъ должны писаться драматическія сцены изъ русской исторіи, если ужъ онѣ должны писаться, — и если не навсегда, то вѣдолго убилъ возможность такихъ сценъ въ русской литературѣ, потому-что скоро ли можно дожидаться такого таланта, который послѣ Пушкина могъ бы подвизаться на этомъ оприщѣ?... А при этомъ, еще вельзя не подумать, не истощилъ ли Пушкинъ свою трагедію всего содержания русской жизни до Петра-Великаго, такъ-что касаться другихъ эпохъ и другихъ событій историческихъ значило бы только — съ другими именами и названіями повторять одну и ту же основную мысль, и потому быть убійственно-однообразнымъ?..

Теперь о частностяхъ. Вся трагедія какъ-будто состоитъ изъ отдѣльных частей, или сценъ, изъ которыхъ каждая существуетъ какъ-будто независимо отъ цѣлаго. Это показываетъ, что

трагедія Пушкина есть драматическая хроника, образецъ которой созданъ Шекспиромъ. Кромѣ превосходной сцены въ Чудовомъ-Монастырѣ, между старцемъ Пименомъ и Отрепьевымъ, въ трагедіи Пушкина есть много прекрасныхъ сценъ. Таковы: первая, въ кремлевскихъ палатахъ, между Воротынскимъ и Шуйскимъ, въ которой и исторически и поэтически-вѣрно обрисованъ характеръ Шуйскаго; вторая, сцена народа и дьяка Шелгалова на площади; третья, въ кремлевскихъ палатахъ, между Борисомъ, согласившимся царствовать, патриархомъ и боярами. Въ этой сценѣ превосходно обрисовано добросовѣстное лицемерство Годунова, — въ томъ смыслѣ добросовѣстное, что, обманывая другихъ, онъ прежде всего обманывалъ самого себя, какъ всякій талантъ, обольщаемый ролью гевія. Прекрасно также окончаніе этой сцены, происходящее между Воротынскимъ и Шуйскимъ, гдѣ характеръ послѣдняго все болѣе и болѣе развивается; его слова —

Теперь не время помнить,
 Совѣтую порой и забывать, —

такъ оригинальны, что должны современемъ обратиться въ любимую пословицу для благоразумныхъ и осторожныхъ людей въ родѣ Шуйскаго. Превосходна маленькая сцена между патриархомъ и игуменомъ, написанная прозою: это одинъ изъ драгоценнѣйшихъ перловъ трагедіи.

Мы уже говорили, по поводу шестой сцены, о цѣлой трагедіи: въ ней Борисъ является злодѣемъ, сперва сваливающимъ вину своихъ неудачъ и оскорбленій на неблагодарность народа, и послѣ разсуждающій о томъ, какъ жалокъ тотъ, въ комъ нечиста совѣсть. Намъ кажется, что это не драма, а мелодрама: истинно-драматическіе люди никогда не разсуждаютъ сами съ собою о невыгодахъ нечистой совѣсти и о пріятности добродѣтели. Въмѣсто этого, они дѣйствуютъ, чтобы дойти до цѣли, или удержаться у ней, если ужъ дошли до нея.

Седьмая сцена въ корчмѣ на литовской границѣ превосходна. Жаль только, что желаніе выказать рѣче дерзость Отрепьева, увлекло поэта въ мелодраматизмъ, заставивъ его спровадить Самозванца въ окно корчмы, въ которое и курица проскочила бы съ трудомъ. Къ лучшимъ сценамъ трагедіи принадлежить восьмая — въ домѣ Шуйскаго. Превосходно, выше всякой похвалы, передалъ въ ней поэтъ, устами Шуйскаго, ропотъ и жалобы на Годунова его современниковъ. Выше мы уже выписали этотъ монологъ.

Слѣдующая за тѣмъ большая сцена представляетъ собою двѣ части. Въ первой, Борисъ превосходно очерченъ, какъ примѣрный семьянинъ, вѣжливый отецъ; онъ утѣшаетъ дочь, овдовѣвшую нестѣю, говоритъ съ сыномъ о сладкомъ плодѣ ученія, о томъ, какъ помогаетъ наука державному труду. Все это такъ просто, такъ естественно, — и Борисъ является въ этой сценѣ во всемъ свѣтѣ своихъ лучшихъ качествъ. Во второй части сцены, Борисъ узнаетъ отъ Шуйскаго о появленіи Самозванца. Странное волненіе, обнаруженное Борисомъ при этомъ извѣстіи, основано повтомъ на виновной совѣсти Годунова, — и его поспѣшность къ рѣшительнымъ мѣрамъ противорѣчитъ исторической истинѣ: извѣстно, что Годуновъ вначалѣ принялъ слишкомъ слабыя мѣры противъ Отрепьева, вѣроятно, не считая его за опаснаго врага. Но если смотрѣть на эту сцену съ точки зрѣнія Пушкина, въ ней много драматическаго движенія, много страсти. Борисъ въ страшномъ волненіи, а Шуйскій, не теряя присутствія духа отъ мысли, что это волненіе можетъ ему стоить головы, ни на минуту не перестаетъ быть придворною лисою. Годуновъ спрашиваетъ его, какъ человѣка, производившаго слѣдствіе о смерти царевича, точно ли онъ видѣлъ его трупъ, и не было ли подмѣны. «Отвѣчай» говорить онъ ему.

Шуйскій.

Клянусь тебѣ...

Царь.

Нѣтъ, Шуйскій, не клянись,
Но отвѣчай: то былъ царевичъ!
Шуйскій.

Онъ.

Царь.

Подумай, князь. Я милость обѣщаю,
Прощедшей жи опалою напрасной
Не накажу. Но если ты тебѣ
Со мной хитришь, то головою сына
Клянусь — тебя постигнетъ злая казнь,
Такая казнь, что царь Иванъ Висльичъ
Отъ ужаса во гробѣ содрогнется.

Шуйскій.

Не казнь страшна; страшна твоя немилость;

Перелъ тобой дерзну ли я лукавить?

Сцена въ Краковѣ, въ домѣ Вишневецкаго, между Самозванцемъ и иезуитомъ Черниковскимъ очень хороша, за исключеніемъ голюновской фразы — «сыны Славянъ», некстати вложенной повтомъ въ уста Самозванцу. Продолженіе и конецъ этой сцены, гдѣ Самозванецъ говоритъ съ сыномъ Курбскаго, съ разными Русскими, приходящими къ нему, съ Полякомъ Собаньскимъ и повтомъ, — не представляютъ никакихъ особенно-рѣзкихъ чертъ.

За маленькою, но предственною сценою въ замкѣ Мишка въ Самборѣ, слѣдуетъ знаменитая сцена у фонтана. Въ ней Самозванецъ является удаливцомъ, который готовъ забыть свое дѣло для любви, а Марина — холодною честолюбивою женщиною. Вообще, эта сцена очень хороша; но въ ней какъ-будто чего-то не достаетъ, или какъ-будто проглядываютъ какія-то ложныя черты, которыя трудно и указать, но которыя тѣмъ не менѣе производятъ на читателя не совѣмъ — выгодное для сцены впечатлѣніе. Кажется, не увеличилъ ли поэтъ любовь Самозванца къ Маринѣ, не сдѣлалъ ли онъ изъ минутной прихоти чувственнаго человѣка какую-то глубокую страсть? Самозванецъ въ этой сценѣ слишкомъ искрененъ и благороденъ; порывы его слишкомъ чисты: въ нихъ не видно будущаго растлителя несчастной дочери Годунова... Кажется, въ этомъ заключается ложная сторона этой сцены.

ны. Безразсудство Самозванца, его безумное признаніе перед Мариною въ самозванствѣ, совершенно въ его характерѣ, пылкомъ, отважномъ, дерзкомъ, на все готовомъ, но рѣшительно-неспособномъ ни на что великое, ни на какой глубоко-обдуманной планъ; совершенно въ его характерѣ и мгновенные порывы животной чувственности, но едва-ли въ его характерѣ чело-вѣческое чувство любви къ женщинѣ. Характеръ Марины удивительно-хорошо выдержанъ въ этой сценѣ.

Сцена на литовской границѣ между молодымъ Курбскимъ и Самозванцемъ до того приторна, фразиста и исполнена пустой декламациі, выдаваемой за пафосъ, что трудно повѣрить, чтобы она была написана Пушкинымъ...

Сцена въ царской думѣ между Годуновымъ, патриархомъ и боярами можетъ быть хороша, даже превосходна только съ пушкинской точки зрѣнія на участіе Годунова въ смерти царевича; если же смотрѣть на нее иначе, она покажется искусственною, и потому ложною. Но въ ней есть двѣ превосходнѣйшія черты: это рѣчь патриарха о чудесахъ, творимыхъ останками царевича, и о чудномъ исцѣленіи стараго пастуха отъ слѣпоты. Вторая черта — ловкій оборотъ, которымъ хитрый Шуйскій выводитъ Годунова изъ замѣшательства, въ какое привело его неожиданное предложеніе патриарха.

Сцена на равнинѣ, близъ Новгорода-Сѣверскаго, очень-интересна своею живостью, характеромъ Маржерета и даже пестрою смѣсью языковъ и лицъ. Сцена юродиваго на кремлевской площади, можетъ быть сочтена даже за превосходную, но только съ пушкинской точки зрѣнія на виновную совѣсть Бориса. Въ сценѣ подлѣ Сѣвкомъ, Самозванецъ обрисованъ очень-удачно; особенно-хороша эта черта:

Самозванецъ.

Ну! обо мнѣ какъ судятъ въ вашемъ станѣ?

Т. XLIII. — Отд. V.

Плѣнникъ.

А говорить о милости твоей,
Что ты-дескать (будь не во гнѣвъ) и воръ,
А молодець.

Самозванецъ, смѣясь.

Такъ это я на дѣлѣ

Имъ докажу.

Въ сценѣ въ царскихъ палатахъ, между Годуновымъ и Басмановымъ, оба эти лица являются въ какомъ-то странномъ свѣтѣ. Годуновъ собирается уничтожить мѣстничество (!!). Басмановъ этому, разумѣется, радъ. Оба они разсуждаютъ объ управленіи народомъ, и Годуновъ окончательно рѣшаетъ:

Нѣтъ, милости не чувствуетъ народъ:
Твори добро — не скажетъ онъ спасибо;
Грабь и казни — тебѣ не будетъ хуже:

Басмановъ за это величаетъ его «высокимъ державнымъ духомъ», желаетъ ему поскорѣе управитися съ Острепевымъ, чтобы потомъ «слоमितъ рогъ родовому боярству». Но вотъ Борисъ умираетъ, вотъ даетъ онъ послѣднія наставленія своему наслѣднику: что же особеннаго въ этихъ наставленіяхъ? — Изъ нихъ замѣчательно только одно:

Не измѣняя теченія дѣлъ. Привычка —
Душа державъ...

Въ этомъ, какъ и во всемъ остальномъ, что говоритъ умирающій Годуновъ своему сыну, виднѣвъ царь умный, способный и опытный, который былъ бы однимъ изъ лучшихъ царей русскихъ, если бъ престолъ достался ему по праву наслѣдія, — но слишкомъ-ограниченный умъ для того, чтобы усидѣть на захваченномъ тронѣ...

Крикъ мужика на явонѣхъ лобнаго мѣста: «вязать борисова щенка!» ужасенъ. — это голосъ всего народа, или, лучше сказать, голосъ судьбы, обрешей на гибель родъ несчастнаго честолюбца, взявшаго на себя бремя не по силамъ... Пушкинъ непремѣнно хотѣлъ тутъ выразить голосъ судьбы, обрешей на гибель родъ злодѣя, царевубійцы... Можетъ-быть, это было и такъ; но спрашиваемъ: который изъ

Годуновыхъ болѣе трагическое лицо — царубійца, наказанный за злодѣяніе, или достойный человѣкъ, падшій за недостаткомъ гениальности? Трагическое лицо непременно должно возбуждать къ себѣ участіе. Самъ Ричардъ III — это чудовище злодѣйства, возбуждаетъ къ себѣ участіе исполнскою мощью духа. Какъ злодѣй, Борисъ не возбуждаетъ къ себѣ никакого участія, потому-что онъ злодѣй мелкій, малодушный; но какъ человѣкъ замѣчательный, такъ-сказать увлеченный судьбою взять роль не по себѣ, онъ очень и очень возбуждаетъ къ себѣ участіе: видишь необходимость его паденія и все-таки жалѣешь о немъ...

Превосходно окончаніе трагедіи.

Когда Мосальскій объявилъ народу о смерти дѣтей Годунова, — *народъ въ ужасѣ молчитъ...* Отъ-чего же онъ молчитъ? развѣ не самъ онъ хотѣлъ гибели годуновскаго рода, развѣ не самъ онъ кричалъ: «вязать борисова щенка»?... Мосальскій продолжаетъ: «Чтожь вы молчите? Кричите: да здравствуетъ царь Дмитрій Ивановичъ!» — *Народъ безмолствуетъ...*

Это — послѣднее слово трагедіи, заключающее въ себѣ глубокую черту, достойную Шекспира... Въ этомъ безмолвіи народа слышенъ страшный, трагическій голосъ новой Немезиды, изрекающей судъ свой надъ новою жертвою — надъ тѣмъ, кто погубилъ родъ Годуновыхъ...

**УПРОЩЕНИЕ РУССКОЙ ГРАММАТИКИ. UPROSCENIE
RUSCOI GRAMMATICHI.** Сочиненіе К. М. Кодинскаго. Санкт-
петербургъ. 1842.

Заглавіе этой книжки, напечатанное, какъ и вся книжка, двоякимъ шрифтомъ — русскимъ и латинскимъ, ясно указываетъ на то, что разумѣть ее авторъ подѣ упрощеніемъ русской грамматики. Надобно согласиться, что названіе придумано не совсѣмъ ловко. Дѣло, конечно, касается и упрощенія русской грамматики; но главная цѣль его — улучшение русскаго алфавита. Г. Кодинскій считаетъ новый русскій алфавитъ не только некрасивымъ и невзлщнымъ, но и безобразнымъ, и притомъ отнюдь не рациональнымъ. Онъ утверждаетъ, что книга, напечатанная такимъ шрифтомъ, не можетъ быть красива и изящна, — мало того, — не можетъ не быть безобразною, въ типографическомъ отношеніи. Во всемъ этомъ, мы совершенно, буквально согласны съ г. Кодинскимъ; его мнѣніе — наше мнѣніе, хотя онъ и высказалъ его первый, независимо отъ насъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что не мы одни совершенно согласны съ нимъ на этотъ счетъ. Но мало указать на зло: надо еще и найти средства поправить его. Г. Кодинскій такъ и сдѣлалъ. Въ рѣшительномъ замѣненіи существующей

теперь русской азбуки латинскою, онъ видитъ единственное средство къ отстраненію зла, о которомъ догадывались многіе, но котораго исправить не думалъ никто. Да и какъ думать объ этомъ? Вѣдь это реформа, которая должна поколебать полутора-вѣковую привычку цѣлаго грамотнаго общества! Для этого надобно, чтобъ одинъ, или нѣсколько человекъ убѣдили и согласили всѣхъ. Гдѣ же этотъ одинъ, или эти нѣсколько? Развѣ рѣшиться, и на что не смотря, печатать свои книги новоизобрѣтеннымъ способомъ? Но кто рискнетъ на это? у кого столько матеріальныхъ средствъ, чтобъ не печалиться о томъ, что его книги не найдутъ себѣ покупателей, и столько нравственной силы, чтобъ не бояться насмѣшекъ и — еще хуже насмѣшекъ — видѣть, что его великодушное предпріятіе кончится ничѣмъ?

Какъ бы то ни было, но и сдѣлать сложа руки тоже не годится. Есть середина между равнодушіемъ и смѣлою, но ненадежною попыткою: кто не можетъ отважиться на самое дѣло, тотъ можетъ говорить и судить о его необходимости. Выйдетъ ли что-нибудь изъ этихъ сужденій, или ничего не вый-

доть — что нужды! Мы не можем сдѣлать дѣла, — можетъ-быть, другіе сдѣлаютъ его, благодаря тому, что мы же обратили на него ихъ вниманіе; никто не сдѣлаетъ, — значитъ, и не нужно, чтобъ оно сдѣлалось. Вотъ почему мы хотимъ серьезно поговорить о существующемъ теперь русскомъ алфавитѣ, его некрасивости и произвольной имъ путаницѣ въ русской орфографіи. Книжка г. Кюдинскаго представляетъ намъ для этого весьма удобный случай.

Г. Кюдинскій находитъ наши буквы очень-неудобными какъ для красиваго и четкаго письма, такъ и для красивой и четкой печати. Онъ говоритъ, что въ письмѣ и печати безпрестанно смѣшиваются буквы: *и, н, п*, вмѣсто *ш, щ* — *си, сц*; вмѣсто *ч* — *с*; вмѣсто *ш, щ* — *си, сц*; вмѣсто *ы* — *ьс*; вмѣсто *ли* — *мс* и т. д. Трудно (говоритъ онъ) найти книгу или издавіе, въ которомъ бы не было опечатокъ. О мелкомъ шрифтѣ и говорить нечего. Въ иностранной же книгѣ, французской, или англійской, какъ бы она толста ни была, трудно найти одну опечатку — я разубѣдился лѣтерными опечатками, гдѣ бы одна буква стояла вмѣсто другой. Отъ-чего же это? Отъ-того, что латинскія буквы четки, круглы, выпуклы, и ни одна буква не можетъ смѣшаться съ другою. Еще, какъ важную причину для перемѣны существующаго теперь русскаго алфавита на латинскій, видитъ г. Кюдинскій въ невозможности выражать первыми иностранными собственными именами: почему у насъ каждый и пишетъ ихъ на свой манеръ, какъ напр., *Гуровъ* и *Ярениъ*, *Ямайка* и *Джемке*. «Странно! (говоритъ онъ) иностранцы немногими числомъ буквъ удачно выражаютъ наши имена, и никогда въ иностранной книгѣ не встрѣчаются русскія имена русскими буквами; а мы, имѣя въ полтора раза больше буквъ, принуждены бываемъ пестрить нашу рѣчь то латинскими, то нѣмецкими буквами. Не доказываетъ ли это, что наши слова легче вырзаны латинскими буквами, чѣмъ иностранными именами русскими?»

Но главная и самая важная необходимость въ перемѣнѣ русскаго алфавита на латинскій, по мнѣнію г. Кюдинскаго, заключается въ орфографіи, которая у насъ произвольна, а потому и трудна для изученія. Это онъ приписываетъ въ-особенности тому, что, съ одной стороны, русская азбука неполна, ибо не выражаетъ всѣхъ звуковъ языка и одною и тою же буквою выражаетъ разные звуки (*ель, ежъ, дель, ледъ*); а съ другой стороны, заключая въ себѣ множество лишнихъ буквъ, допускаетъ двойное начертаніе одинаковыхъ звуковъ. «Правильнѣе наше (говоритъ онъ) можетъ только тогда облегчиться, когда каждый звукъ рѣчи будетъ имѣть только одно, собственно ему принадлежащее начертаніе». Ясно: г. Кюдинскій хочетъ, чтобъ всѣ слова писались точно такъ же, какъ они выговариваются; тогда, по его мнѣнію, не нужно будетъ и учиться грамматикѣ.

Преувеличенность этого мнѣнія очевидна. Она завела г. Кюдинскаго такъ далеко, что, вмѣсто упрощенія русской грамматики, онъ изобрѣлъ, какъ мы покажемъ это ниже, истинное замурданіе русской грамматики, выдумавъ такое правописаніе, которое въ тысячу разъ сбивчивѣе и безтолковѣе существующаго теперь. Его алфавитъ и правописаніе рѣшительно неизучимы, потому-что противорѣчатъ духу русскаго языка. Но основаніе его жалобъ на существующій теперь русскій алфавитъ во многихъ отношеніяхъ истинно. Сперва рассмотримъ предметъ съ этой стороны.

Нашъ церковно-славянскій алфавитъ взятъ съ греческаго и составляетъ по его образцу, за исключеніемъ немногихъ только буквъ, взятыхъ съ латинскаго (*б, в*) и еврейскаго (*ц, ч, ш, щ*). Греческій алфавитъ, по переходному характеру своего начертанія, никакъ не можетъ идти за образецъ письменной красоты. Онъ составляетъ переходъ отъ восточнаго характера письменъ къ европейскому; онъ лучше, красивѣе, проще и удобнѣе всѣхъ по-

почти такъ же, какъ пишется онъ въ курсивной, т. е. почему бы верхней чертѣ его не быть изогнутой? А между-тѣмъ, взгляните, какая огромная разница, въ отношеніи красоты и четкости, существуетъ между двумя способами начертанія верхней черты — прямой, которая, въ буквѣ П, дѣлаетъ сверху два правильные прямые угла; и нѣсколько-изогнутой, которая уничтожаетъ эту угловатость, не дѣлая буквы ни кудрявою, ни затѣвливомъ! То же можно сказать и о нѣкоторыхъ русскихъ буквахъ не латинскаго происхожденія, каковы: Н н, Ш ш, Щ щ. Если бы ихъ нижняя черта была изогнутой, вмѣсто прямой, онѣ на сто процентовъ выиграли бы въ красотѣ и четкости. Въ письмѣ и въ курсивной печати онѣ уже и употребляются съ изогнутою внизу чертою, и потому въ курсивѣ гораздо красивѣе и четче. То же должно сказать и объ И и (иже): средняя черта дѣлаетъ эту букву угловатую, безобразною; а въ письмѣ и въ курсивѣ она красива, потому что чертится какъ латинское U u, т. е. средняя черта относится на самый низъ буквы и изображается не прямою, а изогнутою. Заглавный Н (нашъ), совершенное повтореніе латинскаго Н (га), не принадлежитъ къ красивѣйшимъ буквамъ и въ латинскомъ алфавитѣ, по-крайней-мѣрѣ не портить его, потому именно, что всегда употребляется какъ крупная; сравнительно съ строчными, литера; но какъ строчная буква, онъ и не четокъ и безобразенъ, и потому, въ латинской азбукѣ, строчное н пишется не n, а h. Такъ точно нашъ прописной или заглавный глаголь, еще не портитъ печати; но малѣйшій или строчный, онъ ее портитъ; въ курсивѣ же, вмѣсто его, употребляется тутъ буква совершенно-другаго начертанія — i, не очень-красивая, но и отнюдь не безобразная, потому именно, что не угловатая, а изогнутая. Буква В есть искаженное латинское В, которое мы взяли для выразительности звука V, но какъ это В только

почти такъ же, какъ пишется онъ въ курсивной, т. е. почему бы верхней чертѣ его не быть изогнутой? А между-тѣмъ, взгляните, какая огромная разница, въ отношеніи красоты и четкости, существуетъ между двумя способами начертанія верхней черты — прямой, которая, въ буквѣ П, дѣлаетъ сверху два правильные прямые угла; и нѣсколько-изогнутой, которая уничтожаетъ эту угловатость, не дѣлая буквы ни кудрявою, ни затѣвливомъ! То же можно сказать и о нѣкоторыхъ русскихъ буквахъ не латинскаго происхожденія, каковы: Н н, Ш ш, Щ щ. Если бы ихъ нижняя черта была изогнутой, вмѣсто прямой, онѣ на сто процентовъ выиграли бы въ красотѣ и четкости. Въ письмѣ и въ курсивной печати онѣ уже и употребляются съ изогнутою внизу чертою, и потому въ курсивѣ гораздо красивѣе и четче. То же должно сказать и объ И и (иже): средняя черта дѣлаетъ эту букву угловатую, безобразною; а въ письмѣ и въ курсивѣ она красива, потому что чертится какъ латинское U u, т. е. средняя черта относится на самый низъ буквы и изображается не прямою, а изогнутою. Заглавный Н (нашъ), совершенное повтореніе латинскаго Н (га), не принадлежитъ къ красивѣйшимъ буквамъ и въ латинскомъ алфавитѣ, по-крайней-мѣрѣ не портить его, потому именно, что всегда употребляется какъ крупная; сравнительно съ строчными, литера; но какъ строчная буква, онъ и не четокъ и безобразенъ, и потому, въ латинской азбукѣ, строчное н пишется не n, а h. Такъ точно нашъ прописной или заглавный глаголь, еще не портитъ печати; но малѣйшій или строчный, онъ ее портитъ; въ курсивѣ же, вмѣсто его, употребляется тутъ буква совершенно-другаго начертанія — i, не очень-красивая, но и отнюдь не безобразная, потому именно, что не угловатая, а изогнутая. Буква В есть искаженное латинское В, которое мы взяли для выразительности звука V, но какъ это В только

Теперь объ обостреніи округляющихъ латинскихъ буквъ въ русскомъ алфавитѣ: оно ужасно безобразитъ русскую азбуку и много способствуетъ опечаткамъ. Возьмемъ П п: въ письмѣ и въ курсивной печати онъ давно уже пишется какъ строчный латинскій p (р): почему же былъ и не печатать его не въ одной курсивной, но и въ обиходной же

шполинну угловатая, а вполонну округленая, го она и не принадлежить къ числу самыхъ безобразныхъ буквъ русской азбуки. То же самое должно сказать и объ Ъ (ерѣ), который есть не что иное, какъ перевероченная (въ письмѣ) на другую сторону буква Б (буки). Буква Б (ерь), печатаемая какъ строчное латинское в (be), просто красива, потому-что въ большомъ видѣ не употребляется. Строчное в (вѣд), вѣтъ маленькій уродливый вределекъ, ужасно-безобразенъ въ печати. Буква Ж ж широка, занимаетъ много мѣста, затѣйлива, издревата и въ то же время умовата, по причинѣ перегибающей ее поперекъ прямой черты. Прописная буква З по-крайней-мѣрѣ сносна; но строчная з уродлива, какъ всѣ двухъ-глазныя строчныя буквы, невыходящія, ея линію строки ни вверху, ни внизу; подобно буквамъ р, у, курсивному д. И вотъ почему Французы прямую черту строчнаго к вытягиваютъ вверхъ, за линію строки—к; и вотъ почему очень-жалъ, что у насъ не дѣлаютъ того же, ради красоты и издѣшества типографскаго. Русская буква Л л, есмь не безобразна, то и совсѣмъ ни красива, какъ разрубленное пополамъ латинское М. Русское заглавное М ничѣмъ не различается отъ латинскаго; но въ латинскомъ строчное пишется, какъ печатается строчное курсивное м (твердо). Что же касается до Т, т, — то теперь употребляется у насъ бѣдѣщую частію латинское заглавное Т, — что для заглавной буквы нисколько не безобразно; но жалъ, что и строчное т употребляется у насъ такое же. Все же хорошо, что выходитъ изъ употребленія въ печати прежнее ш, которое, какъ широкая угловатая буква, съ прямою чертою сверху, было такъ же точно безобразно, какъ безобразны теперь Ш ш и Щ щ; но въ письмѣ и въ курсивѣ удержалось прежнее ш, потому именно, что, по причинѣ изогнутой верхней черты, оно не такъ безобразно. Буква Ф ф не принадлежать къ числу красныхъ буквъ нашей азбуки и нисколько не идетъ

изъ характеру латинскаго алфавита. Еслибъ буква Ц ц печаталась въ обыкновенной печати, а не въ самомъ курсивѣ, съ изогнутою чертою сверху, она не принадлежала бы къ числу некрасивыхъ буквъ. Буква Ю ю, по причинѣ прямой поперечной черты, соединяющей продолжную приписку черту со Ю; очень-некрасива, а въ письмѣ и въ курсивѣ опосредствуетъ опомнѣть и опечатыванію. Притомъ же эта буква очень-широка и много занимаетъ мѣста. Во всякомъ случаѣ, негнѣшамъ бы ее переименовать, на-прим., какъ Омикинтъ обратилъ Э, такъ, чтобы шло Ю. Буква Я я одѣлана: изъ строчнаго а, только нижняя поперечная черта, вѣсто того, чтобъ была загнутой изъ прямой чертъ, отогнула отъ нея; эта буква нисколько же безобразна, темъ не худо бы заднюю черту дѣлать изогнутую, какъ въ буквѣ а. Буква З з — и величина въ нашей азбуки и безобразна. Но что сказать о несносности безобразія, которое возлекъ глаза, оскорбляетъ зрѣніе, — о безобразіи буквъ Д д, Ы ы и Ъ ъ, особенно-первой и послѣдней? Скажите, ради всего свѣтаго, есть ли какая-нибудь возможность красиво напечатать книгу на азбукѣ, въ алфавитѣ котораго есть такія чудныя безобразія, какъ Д д, Ъ ъ и Ы ы? Что это буквы варварскія, чудовищныя, то онѣ не идутъ въ нашему алфавиту, то доказывается еще и тѣмъ, что первыя двѣ изъ нихъ изъ письма и курсива совершенно изгнаны: первая заглавная заглавныя латинскія Д в курсивнымъ д, а вторая имѣла болѣе-красивою я.

Доселѣ мы говорили о русской азбукѣ только въ отношеніи къ красности и удобству буквъ. Теперь поговоримъ о ней въ отношеніи къ затрудненію и запутанности русской орфографіи.

Эта запутанность и затруднительность происходитъ отъ неправильности правилъ. Скажите ученику общее правило—онъ скоро пойметъ его и скоро привыкнетъ писать сообразно съ нимъ; ему небольшого труда будетъ стоить упомянуть и исключенія; исключенія же

привела. Не забывайте ему, что вотъ-де негдѣ нѣтъ правила, но ужъ такъ принято писать, — и тогда для него ваша грамматика и ваша орфографія обратятся въ мученье. Головоломны ложныя правила, но провозомъ еще думать: Объявляемъ это прикроемъ. Скажите ученику, что буква ѣ пишется въ дативномъ и предложномъ падежахъ именъ существительныхъ единственного числа, пераго склоненія, и личныхъ местоименій *я, ты*; въ предложномъ падежѣ единственнаго числа именъ второго склоненія; и въ перепредъложенномъ падежѣ именъ глаголовъ, означивающихся на звукъ *е*, исключеніемъ трехъ: *мереть, мереть, мереть*; это правило не покажется ему бездальною вранью, и онъ скоро привыкнетъ, не дѣлая выводовъ, не ошибаться въ буквѣ ѣ, составляющей камень преткновенія въ русской орфографіи. Но когда послѣ этого правила, вы говорите, что буква ѣ пишется еще, Богъ-вѣдаетъ почему и зачѣмъ, вотъ въ такихъ-то и такихъ-то словахъ, и прилагаете списокъ этихъ словъ, рекомендуя ему заучить ихъ наизусть, — тогда, воля ваша, ученикъ будетъ правъ, если станетъ смотрѣть на такой уронъ, какъ на злупое занятіе, не стоящее труда! Вы чувствуете это сами, и начинаете излагать провозомъ на правило. «Запишите, говорите вы ему, что буква ѣ иногда не пишется въ словахъ, вошедшихъ въ русскій языкъ изъ иностранныхъ языковъ». Хорошо-съ, почти такъ отвѣчаетъ ученикъ, — и въ спискѣ словъ, въ которыхъ Богъ-вѣдаетъ почему употребляется буква ѣ, видятъ иностраннаго слова *апрель*, а иногда еще и *цель*... Это исключенія, говорите вы; да зачѣмъ же она? гдѣ ихъ необходимость? и что худого будетъ, если мы будемъ писать *апрель, цель*?.. Собственныя имена: *Матвей, Алексій, Сергій*, пишемъ мы черезъ ѣ, а между тѣмъ, это имена греческія... Но, говорить, будто есть правило, что слова, въ которыхъ теперь слышится звукъ *е*, но которые въ церковно-славянскомъ языкѣ писались черезъ *і*, или въ нынѣш-

нень малороссійскомъ нарѣчій выговариваются черезъ *і*, должны намъ писаться черезъ ѣ, и что будто по-этому и въ словахъ: *апрель (апріліій), Матвей (Матей), Алексій (Алексій), Сергій (Сергій), все (всѣ)* и т. д. Странное правило, — тѣмъ болѣе странное, что безъ него такъ легко и такъ хорошо можно обойтись! *Апрель, Матвей, Алексій, Сергій*, право, ничѣмъ не хуже *апріля, Матая, Алекся, Сергя*. Что же касается до *мѣстоименія еси*, мы будемъ писать его въ именительномъ и винительномъ падежѣ множественнаго числа черезъ ѣ, не для того, что по-славянски оно писалось въ этой формѣ черезъ *и*, и что Малороссіане и теперь говорятъ *еси* (или что-то среднее между *уся* и *еси*, чего Малороссы никакъ не могутъ выговорить); а для того, чтобы не сибивали въ выгорѣ волъ съ волъ. Говорать, что потому надо писать: *бѣгать, мѣсто, вѣсть, тѣсно, прѣснѣый, свѣтъ* и проч., а не *бегать, мѣсто; вѣсть, тѣсто, прѣснѣый, свѣтъ*, что Малороссіане выговариваютъ эти слова: *бегать, мѣсто, вѣсть, тѣсто, прѣснѣый, свѣтъ* и пр. Да какое же намъ дѣло до того, какъ выговариваютъ, а не выговариваютъ Малороссіане одинаковыя съ нами слова? И если ужъ такъ, то почему же въ правописаніи мы должны собразоваться только съ выговоромъ однихъ Малороссіанъ, а не *Сербовъ, не Болгаръ, не Поляковъ; не Чеховъ* и прочихъ соплеменныхъ намъ народовъ? Если же, почему-то, намъ необходимо собразоваться въ правописаніи съ выговоромъ Малороссіанъ, — то, ради логики, должны мы сдѣлать изъ этого общее правило, и никогда не забывать ему; а между тѣмъ, Малороссіане говорятъ: *утѣкать, писокъ, Андрій*, а мы, не смотря на это, пишемъ: *утѣкать, песокъ, Андрей*; они говорятъ: *мѣлкій*, а мы пишемъ то *мѣлкій*, то *мелкій*, и послѣдній способъ писать это слово беретъ у насъ верхъ передъ первымъ. Еще говорятъ: *буква ѣ пишется вездѣ тамъ, гдѣ звукъ е*; но можетъ переходить въ звукъ *і*: *онять* вадоръ! Употребленіе давно уже

перуталось надъ этими Правиломъ: пишется: звѣзды, гнѣзды, гнѣсти, садлы, бѣгаты, намлкъ, приобрѣтеніе, необрѣтеніе, цѣлсти, цѣлтокъ, рѣчь, вѣрчѣи, а говоримъ звѣзды (хотя такое произношеніе этого слова нѣсколько и аростовародно), гнѣзды, гнѣтъ, сѣдлы, бѣтъ, намѣкъ, приобрѣлъ, необрѣлъ, цѣлътъ, рѣкъ, изрѣкъ, вѣрѣтъ, обрѣтъ. Въ то же время, въ словахъ: пѣвецъ, дѣлецъ, молодецъ: отъцъ и пр. буква ѣ никогда не переходитъ въ ѝ: вѣтъмы же мы не ставимъ нѣбеса въ буквы ѣ? Скажутъ: тутъ буква ѣ бѣглая, которая, въ прочихъ мѣстахъ, или выпадаетъ, или замѣняется буквою ѣ: пѣвца, дѣльца, молодца, отца. Хорошо! Но во-первыхъ, она выпадаетъ не во всѣхъ тѣхъ словахъ, въ которыхъ выговаривается какъ ѣ (какъ на-примѣръ; въ словахъ: чѣтъцъ, швецъ; заступъ); а во-вторыхъ, сама буква ѣ выпала же въ глаголахъ рѣчи, рѣкъ (рѣчи), а между-тѣмъ, въ существительномъ рѣчь мы и теперь удерживаемъ букву ѣ, тогда-какъ многіе слово реченіе пишутъ черезъ е: для чего же все это, если не для того, чтобъ не-пусту мучить и учащихъ и учащихся?

А между-тѣмъ, очень-легко распутать всю эту путаницу и сблизать простою и полезною всю эту безплодную школярную мудрость. Впрочемъ, буква ѣ въ древности хоть сколько-нибудь отличалась произношеніемъ отъ буквы е: но теперь это различіе исчезло, и на нѣкое голоса и тоны ни производите собой мѣтъ, томъ и мѣтъ, тѣтъ,—вы никакой разницы въ произношеніи этихъ словъ не подслушаете. По-этому, букву ѣ надо оставить только для орфографическнхъ (а отнюдь не просодическихъ) причинъ: надо оставить ее для однихъ склоненій, степеней сравненія и спряженій (*), да еще для нѣско-

лихъ словъ, которые нѣтъ-равное значеніе при сходномъ произношеніи. Такъ, на-примѣръ, существительное садѣтъ, происходящее отъ глагола садѣтъ; можно писать черезъ ѣ (а следовательно и своимъ лицомъ) для отличія его отъ существительнаго садѣтъ, которое происходитъ отъ того-же естѣи; то же должно разумѣть и въ глаголахъ мѣлѣтъ, для отличія словъ-глагола мѣлѣтъ, отъ которыхъ отъ-падутъ одинакое-настоющее время. Различны образцы и глаголы лѣтъ: кончатъ-писать черезъ ѣ; чтобъ не сплывали-его съ третьими лицами единственнаго числа настоящаго времени существительнаго глагола бѣлѣтъ; или ту же лѣтъ лѣтъ; мѣтъ-лѣтъ, такъ-какъ произносятся и писались эти глаголы: по-рину, чему доказательство и доселѣ употребляемое слово лѣтъ, и по-лѣтъ, и по-лѣтъ. Глаголъ же лѣтъ нѣтъ никакой нужды писать черезъ ѣ, равно-какъ нѣтъ никакой надобности употреблять эту букву въ словахъ: вѣрѣтъ, сѣтъ, пѣтъ, мѣтъ, цѣтъ, вѣтъ, тѣтъ, нѣтъ, тѣтъ, тѣтъ и пр. и пр. (Сначала-то покажется странно и смѣхо; но такъ привыкнуть къ этому, то будутъ удивляться великости и дѣлности вещей орфографіи. Да-тѣтъ же мѣтъ, тѣтъ, тѣтъ, и въ-особенности третья часть — произношеніе, отъ-падетъ-бѣтъ, и вѣтъно для учащихся, и нѣтъ-бѣтъ-престанаго произношенія для учащихся.

Но что-же дѣлать съ безобразною орфографіею буквы ѣ?—Вспомъте ее вовсе не выдумывала на ей нѣтъ-никакой другой: Г. Ковинскій несправедливо полагаетъ, будто въ словахъ: ѣтъ; мѣтъ, дѣтъ, лѣтъ, одною буквою выражено четыре звука, а будто для этихъ четырехъ звуковъ надо выдумать четыре

нихъ отличать другою буквою множество глаголовъ, и не лучше ли просто сказать, что нѣтъ глаголовъ, оканчивающихся на словъ етъ, принимать особенное склоненіе въ настоящемъ времени: иру, иру, иру? Это еще лучше-будетъ?

(*) Впрочемъ, надо еще подумать, нужно-ли и для глаголовъ оставлять букву ѣ: вѣтъ исключеній только три (верѣтъ, швецъ, мѣрѣтъ), — какъ-стоитъ-ли для

различны: буква. Во-первыхъ, тутъ не чашара, а два звука, и притомъ два разнородные звука, часто събывающія себя въ одною и тогда мы слышимъ, напримеръ, астага — не лёгъ, мѣль кадошнй, обдл — додой. Намъ нужна ъ-совѣсть не съе тонко-пронесенное а (ha), и особенно не относится къ нему: вааъ — отбываетъ а къ а, мѣль у, а въ а; вааъ — это справедливо изъяснить г. Надеждавъ въ критическомъ сочиненіи о языкѣ г. Павского. Но-вторыхъ, повтореніе буквы этихъ звуковъ, а (ja) и б (ba) должно быть одинаково. Это существуетъ не въ одной нашей азбукѣ, потому же роль играетъ буква ъ во французскомъ алфавитѣ, гдѣ она выражаетъ четыре родственные звука: а (âtre), е (reconnu), о (voies), і (l'île), и сиречь того, еще, подлѣ шипящихъ и шн, слышны немнѣе бы придыкательною буквою въ родѣ нашего: (era), два е своихъ присутствіемъ право. Пронесеніемъ посадиной въ слогъ: свѣтлошней (malade) и отличая метакіе шена отъ мужеска и въ такомъ случаѣ, въ произношеніи слога двана шна о слытъ присутствіа, какъ придыкательной звуку. Точно также должно не разширяться и съ шипящихъ, востроствомъ разнѣкъ звнакъ сверху отличая отъ себя отъ предшлющихъ. Третья, ва-привѣтъ, когда оно выговора-вается или литическо в (ва, эй, эка, мей; ваа, вааа, вааа; аааааа); — то ничего не ставимъ надъ нимъ (тогда мы выговариваемъ отъ вовсе-ненужной вааа и тѣмъ же для явны русскихъ словоупотребляющей буквы ъ, и въ то же время. Фривѣтъ имѣть возможность писать правильно собственныя имена лѣтъ европейскихъ языковъ). Когда она выражаетъ звуки ja, se, he, — то ставимъ надъ ней звукъ é (accent grave); мѣль, шѣтъ, тѣтъ, бѣ; мѣль; мѣдошнй, в т. п. Когда она употреблена какъ e, — ставимъ надъ ней знакъ é (accent aigu): мѣль; мѣль, шѣтъ, даѣтъ, нѣсѣтъ. Букву же ъ, нужную не для продолженія, а только для грамматическаго отъясн, особенно же для падежов; писать черезъ букву же ъ, только

съ знакомъ обозначенна — ъ-мѣ, те-бѣ, всѣ, вѣ, вѣдѣ, лѣдѣ и т. д. Черезъ это мы избавимся отъ чудовищно-образной бувазы, не лишившись пользы, которую она приноситъ въ такомъ случаѣ, даме и ошибка не такъ будетъ осмѣрблять глаза, потому что поставитъ е вмѣсто ъ, совѣтъ не то, что поставитъ е вмѣсто ъ. А что надстрочные знаки ' , ' не безобразны нечати, — этому доказательство французскія книги.

Если мысль — отблѣяться отъ буквы ъ и ъ, особенно первой, можетъ вызвать споры и возраженія, — то мысль — не гнать вовсе-ненужную букву ъ, замѣняя ее рускою же, ничѣмъ-неотличающеюся отъ нея буквою і, можетъ вызвать противъ себя одну привычку, болѣе вачего. Буква ъ некрасива и, главное — иноколько не нужна, вовсе безполезна и совершенно лишняя, такъ же какъ и г (шница). Отличить миръ отъ міра легко можно будетъ такъ, первый висать: міръ, а второй — мъръ. Имѣть букву для одного слова нехорошо, и потому ч (шница) если еще держится и употребляется, то не по необходимости, а по неадаптану; слово: миро; мърръ; мърро и бѣвъ мошцы прѣвременно отличается и отъ міра и отъ мѣра. Въ словѣ же: Евангеліе, шница рѣшительно не идетъ въ великорусскую выговору, потому что въ немъ, какъ у Малоросіянъ, нѣтъ средняго между ъ и у звука... Но обратимся къ и і. Зачѣмъ въ одной азбукѣ два совершенно-одинакія буквы, выражающія одинъ и тотъ же звукъ, безъ малѣйшей разнѣкъ, безъ малѣйшаго отъясн? Зачѣмъ, если не для затрудненія русской грамматики? Буква а становится передъ согласными и за гласными, а і — только передъ гласными; но зачѣмъ же, въ такомъ случаѣ, не сдѣлано двойниковъ для а, е, о, у, ы, ю, я? Что за необходимость? Тутъ нѣтъ никакого смысла — одна глазная привычка... Буква ъ и некрасива и шире буквы і, болѣе ея занимаетъ мѣста: вавъ ее! Намъ и і будетъ хорошо служить и за нее и за себя. Но гдѣ тогда вавъ ъ (мѣе крат-

Е.

переходу, правду; потерявъ носовою окончаніе рѣшю означилось отъ носового, и въ которому буква о; какъ и въ видѣ носового удареніе въ слѣдѣ, възапрещеніемъ какъ звукъ срѣдній. Между е и о: очевидно, какъ и о, что должно писать: первой, еднѣею, оубрашею, оубавлю, великой, а во-вторыхъ, слабой, страшной, востой, великой. Но въ некоторыхъ до того простираться этия различія показались, что пишуть: и такъ, гдѣ само удареніе требовать буквы о, напр.: второй, святой, шестой, малый, и пр. Призываетъ себя: первая, родова, въ числительномъ множественнаго числа, по духу языка должны означаться не на е, а на о: еа, а она еа, е и еи: сладкимъ, востой, якимъ. Въ употребленіи родительнаго падежа прилагательныхъ: парашута у насъ тожъ же недѣлительнъ. Пишуть: большю, великую, оубавлю, даляню, а говорить: большюю, великуюю, оубавлюю, далянюю. Что же означитъ и какъ-суть установить написанное, а не произвольное правило? Отвѣтъ-просто: съзнавъ только обрѣчься въ духу языка. Означило, что буква е: не пишеть и не должна имѣть нѣсвѣтъ окончаніи: родительнаго падежа прилагательныхъ: въ словахъ, имѣющихъ удареніе на послѣдней буквѣ (братній, славній), и въ родительномъ падежѣ, въ проповѣданіи, удерживается буква е: о; очевидно, ее же и въ проповѣданіи должно удерживать въ родительномъ падежѣ прилагательныхъ единственнаго числа. Что же насчетъ да буквы е; она дѣйствительно существовала и существуетъ, въ окончаніи родительнаго падежа прилагательныхъ, во многихъ славянскихъ нарѣчійхъ, какъ это видно въ малороссійскомъ и польскомъ языкахъ. Можетъ-быть, когда-нибудь существовала она и въ русскомъ языкѣ; но теперь она вытѣснена въ немъ буквою о и, стало-быть, болѣе не существуетъ; начтъ же и употреблать ее? Относительно же послѣдней гласной буквы во-родительномъ падежѣ прилагательныхъ единственнаго числа, — она про-

исчезаетъ какъ звукъ срѣдній между е и о, какъ произносится о, когда во надъ нимъ стоитъ удареніе въ слѣдѣ: очевидно, тутъ должно и писать о: славного, страшнаго, большаго. Что же насчетъ до прилагательныхъ; и въ проповѣданіи окончаніи писались и еи; то и это окончаніе итакже и исключено; оа въ старинномъ русскомъ языкѣ и произносилось и писалось (какъ то можно видѣть изъ историческихъ актовъ), и теперь въ просторѣчій произносится и пишеть о; стало-быть, правильно должно писать: еиней, верхней, нижней, дальней; третьей, рыбей; и пр.; а въ родительномъ падежѣ единственнаго числа: верхнюю, нижнюю, дальнюю, третьюю. Если-бы въ прилагательномъ на дуть и сущности языка (исключено произношеніе прилагательныхъ, ученику было бы ясно правило, недопускающее ни противорѣчій, ни исключеній, и ему ничего бы не стоило запомнить его. Онъ знаетъ бы, что буква е: не е, неизвѣстно-присутствующая въ прилагательныхъ окончаніяхъ прилагательныхъ единственнаго числа, неизвѣстно-присутствующая и въ носовыхъ, исключеніи: оубавлю творительнаго падежа, тогда-какъ теперь ему, вместе съ темъ этого, духомъ языка требованно исключеніе, должно звучать на немъ меклоко, и притомъ совершенно-произвольныхъ.

Все сказанное нами еще не есть требованіе азбучной реформы, и наша предлеженія не принадлежать къ числу несущественныхъ. Незубчатыхъ сдѣлать оирогонными, посредствомъ верхней и нижней поворочной черты, буквамъ и, ъ, ш, щ, еще не значить измѣнить ихъ: онѣ сохраняютъ свою фигуру и свой звукъ, и только нѣ исправлены и четками сдѣлаются красивыми и четкими. Выкинуть изъ азбуки буквы: и, ъ, э, е, г; изъ нихъ ъ (уже вѣрное) замѣнить длиннымъ латинскимъ j, букву е посредствомъ надстрочныхъ знаковъ, различать по своему выраженію ео трехъ звуковъ: и замѣнить посредствомъ знака ѣ букву и; для исключительнаго падежа носово-прилагатель-

иумъ буквѣ, и каждая буква имѣла свой звукъ. Подобная реформа — буди она даже возможна — не могла быть произведена однимъ человекомъ, и самый планъ ея, какъ бы она ни была удаченъ, необходимо должно испытать на себѣ много постороннихъ плановъ и значительно измѣниться. Но всякомъ случаѣ, усвоивъ себѣ такую, или подобную этому шрифтъ, русская буква не отличалась бы рѣзко отъ другихъ европейскихъ алфавитовъ, а между тѣмъ и не утратила бы своей оригинальности; тогда сдѣлалось бы возможнымъ печатать русскія книги не только красиво, изящно и четко, какъ крупными, такъ и мелкими шрифтами, но еще и убористо, такъ-что русскій переводъ французской книги не былъ бы въ полтора или почти

въ два раза толще французскаго. Но еще разъ — подобная реформа неясна отъ воли или желанія одного лица и мы высказали свое мнѣнiе о пользе и возможности учебной реформы больше какъ мечту... Но что касается изложеннаго нами мнѣнiя въ началѣ этой статьи, объ округленiи угловатыхъ русскнхъ буквъ, о замѣненiи буквы ѣ буквою е и вообще о необходимости надстрочныхъ знаковъ надъ буквою е; о замѣненiи шипа краткого знаменъ j, и объ исключенiи изъ русскаго алфавита буквъ: и, о, з, г, — об этомъ я еще ни говорилъ съ уверенностью, какъ о дѣлѣ совершенно-невозможномъ для исполненiя, а — что бы ни говорили о насъ — нехоту съ нами подумать объ этомъ нашихъ шурнальщикахъ и литераторовъ.

ПАМЯТНИКИ, издаваемые временною комиссією для разбора древних актов, Высочайше учрежденною при кievскомъ военномъ, польскомъ и волыномъ генерал-губернаторѣ. Кіевъ. 1845.

СОБРАНИЕ ДРЕВНИХЪ ГРАМОТЪ И АКТОВЪ городовъ: Вильны, Ковна, Трокъ, православныхъ монастырей, церквей, и на разныхъ предметахъ. Съ приложеніемъ трехъ литографированныхъ рисунковъ. Вильно. 1843.

Русь западная и Русь восточная долго жили отдѣльною, независимою другъ отъ друга жизнью. Въ этой жизни тревожной и трудной, полной роковыхъ случайностей и кровавыхъ испытаний, безъ сомнѣнія были общія черты, узнававшія на древнее единство крови, но еще больше было разности, противорѣчій, измѣненій, произведенныхъ обстоятельствами, особенностью развитія, наконецъ вліаніемъ соудей, которое всегда бываетъ такъ сильно, пока народъ не получаетъ еще значенія націи и не образовался въ гражданское общество, крѣпкое своею собственною силою. И до сихъ поръ, не смотря на всѣ способы, данные въ тому, чтобъ сгладить, по возможности, всѣ особенности между западными жителями Россіи и ихъ восточными братьями, эти особенности, хотя уже не столь рѣзки, но еще существуютъ и даже вѣдшимъ образомъ поражаютъ взоръ пришельца. Конечно, бранный подбородокъ Малоросса, европейскій воротъ его рубахи, чистота его семейнаго быта не представляютъ суще-

ственной важности и всего менѣе могутъ говорить не только противъ необходимости (въ которой мы не сомнѣваемся), но даже противъ возможности слиянія этого племени съ такъ-называемымъ чисто-русскимъ, Великороссамъ; но эти мелкія подробности указываютъ на чью-то руку, которая вмѣшалась въ развитіе Западной-Руси въ то стародавнее время, какъ мы упустили изъ вида эту прекрасную половину нашей общей родины. Безъ всякаго сомнѣнія, вліаніе Польши на западный край Россіи было сильно и могло бы быть еще сильнѣе, еслибъ сама Польша не была подъ вліаніемъ католицизма, который, давно уже покинувъ свой первобытный характеръ, эту повсюду вѣровазія, приведшаго нѣкогда всю Европу къ стѣнамъ Іерусалима, — покушеніями на земное царство и земныя завоеванія начиналъ возбуждать противъ себя голоса недовольныхъ и сильныя мысли преобразования. Мы не станемъ разбирать этого важнаго вопроса, который и не отвѣсится прямо къ предмету нашей статьи. Скажемъ

только, что попытки подчинить власти папы западный край Россіи, какъ ни дорого стоили онѣ самой Польшѣ, а еще болѣе Малороссіи, въ сущности и прозвели результаты, которыхъ никакъ не ожидали ревнители католицизма и всего менѣе могли надѣяться защитники православія.

Древнія области Россіи, составившія потомъ Малороссію и Литву, со времени введенія въ нихъ, слобобамъ, столько разъ описаннымъ историками, христіанства, исповѣдывали св. вѣру по греческому обряду. Правда, воинственные Литовцы позже другихъ славянскихъ племенъ просвѣтились ея истинами; но наконецъ она была распространена въ Великомъ-Княжествѣ Литовскомъ, и усилія католицизма, стремившагося на новыя завоеванія, съ самаго начала наши не только полевиты завязывалъ, но и встрѣтили многочисленныхъ защитниковъ его, готовыхъ на отпоръ и сопротивленіе. Расширенная въ предѣлахъ оружіемъ своихъ государей, Литва въ которое время дѣйствительно имѣла видъ государства сильнаго въ настоящемъ и прочнаго въ будущемъ. Въ тѣ времена броженія государственнхъ элементовъ, сосѣди не могли быть для нея страшны. Малороссія искала съ ней дружбы и соединенія. Исторія говоритъ, что соединеніе это произошло на условіяхъ выгодныхъ для Малороссіянъ. Они присоединились къ Литовцамъ какъ равные къ равнымъ и вольные къ вольнымъ (1320 г.). Съ восшествіемъ Ягайлы на польскій престолъ и съ присоединеніемъ Литвы къ Польшѣ, Малороссія вмѣстѣ съ нею была включена въ составъ короны польской. Но тутъ замѣчается странное явленіе: Литовцы, эти братья, къ которымъ добровольно присоединилась Малороссія, начинаютъ заявлять свои претензіи на большія права и преимущества и обращаются съ Малороссіянами какъ съ народомъ зависящимъ и побѣжденнымъ. Делятся жалобы Малороссіи на литовскихъ чиновъ, и короли польскіе, подтверждая давныя малороссій-

скому народу права и привилегіи, въ грамотахъ своихъ именно упоминаютъ о неправильныхъ притязаніяхъ Литовцевъ. Впрочемъ, всѣ эти грамоты, всѣ привилегіи были только виртуозомъ которому Польша и тѣшила самолюбіе малороссійскаго казачества, когда это казачество было нужно ей для войны и побѣды. Проходила задобить—привыкая обязанности забывались возобновлялись глухія утѣшенія вѣднанаго народа, а когда онъ начиналъ роптать и оказывать сопротивленіе, съ нимъ начинали обращаться боѣ перемѣнн, вводяли войска, принимали и бры насилія. Вся исторія Малороссіи, разсматриваемая со стороны отношеній ея къ Польшѣ, представляеть динный рядъ ссоръ и притѣсненій, разлитшихся наконецъ кровавыми преслѣдованіемъ по поводу введенія уни и отчаяннымъ сопротивленіемъ, за которыми послѣдовало присоединеніе Малороссіи къ Россіи. Не будь религіознаго преслѣдованія, и, можетъ быть, Малороссія не охотилась бы; она такъ легко забывала всѣ другія притѣсненія, такъ охотно посылала своихъ смельчакъ дѣть кровь за короля, что ссоры Малороссіянъ съ польскими правительствомъ не могли бы имѣть своихъ послѣдствіемъ рѣшительнаго разрыва. Къ-тому же, онѣ прекратились бы вѣрст съ упадкомъ воинственнаго духа казачества, этого духа удали, безпрерывно порывавшаго, удалецъ то на Татаръ, то на Крымцевъ и особенно со введеніемъ европеиской цивилизаціи, которая, охвачъ у Польши всегда-готовое вспомогательное войско, должна была доставлять ей въ Малороссіи другія выгоды, болѣе-прочныя и долговременныя. Гибельная политика винушила польскому правительству мысль колонизировать Малороссію черезъ введеніе въ нее католицизма, или, что одно и то же, необрѣтеной для той же дѣди какой-то переходной религіи, грубо выказывавшей явилы и средства подобнаго необрѣтеной. Успѣвъ, съ которымъ малороссійское правительство старалось вестя въ Валуану

Русь, эту новую религию, открыли глаза сдвинуть блыворукииъ. Последствия этой дѣры, навѣстныиъ. Но, осуждая эту дѣру, иѣру, въ высшей степени предвѣную, всѣмъ здравымъ политическимъ соображеніямъ, не забудемъ, что мы не должны и не можемъ осудить Польшу за намѣреніе присоединить къ себѣ Малороссію крѣпчайшими узами, между какими связывали догды-поръ оба народа. Всякое государство естественно стремится къ централизаци. Малороссія, составляя часть польской короны, была такъ несходна съ Польшою, обычаями, правами, устройствомъ своимъ, образованностию, что, ославляя ее въ томъ видѣ, въ какомъ она существовала до присоединенія своего къ коронѣ, Польша всегда была вездѣ сердцемъ врага, готова рвануться на нее съ огнемъ и мечами, а губить ее безъ пощады. Поэтому, что все это на мало не оправдываетъ ни уиин, ни религиознаго пресѣдованія, за которое, впрочемъ, мычало сторицею. Съ Литвой было легче сдвинуть. Буйная воля, отличавшая казачество, въ Литвѣ уступила мѣсто нѣкоторому гражданскому порядку; сближеніе съ Польшою привело тамъ высшій классъ дворянства, тогда какъ Малороссія долго не имала различія между благороднымъ и простолюдиномъ, не смотря на всѣ усилія ея историковъ доказать обратное; а главное—въ Литвѣ была монархическая власть, появленіе которой всегда служитъ доказательствомъ, что народъ, принявъ непосредственное участие въ составленіи, достигъ до нѣвѣстной степени развитія и гражданственности. Впрочемъ, религиозное пресѣдованіе распространялось и на Литву, потому что и тамъ нѣкогда греческая религія была господствующею; не только до изгнания уиин, но и послѣ, во времена говенія, число православныхъ церквей было весьма-значительно.

Всего смѣсточеніе пресѣдованіе было въ Малороссіи; за то и отпоръ стѣны, нападенія. Актомъ присоединенія Малороссіи къ Литвѣ и потомъ

неодноратными привилегіями короней польскихъ, Малороссіинамъ была обѣщана полная свобода въ управленіи ихъ вѣры. Усилія ввести новое исповѣданіе нарушали коренное право, купленное потоками крови, пролитой за Польшу въ войнахъ съ ея врагами, и заставляли казачество весьма-оочевидно опасаться за волю, столь дорогую всякому народу, находящемуся въ томъ состояніи младенчества, въ которомъ была тогда Малороссія,—за национальность, за имущество. Дивно ли, что Малороссія возстала, какъ она еще никогда не возставала! Возстаніе это было не такъ внезапно, какъ представляеть его исторія. Оно было приготовлено не одними притѣвленіями Польши.

До-сихъ-поръ, историки Малой-Россіи, подробно описывая войны и набѣги казаковъ, ихъ сшибки и битвы, побѣды и пораженія, безплодные споры съ Польшою, безплодныя войны съ Крымцами и Турками, почти не обращали вниманія на внутренній бытъ Малороссіи, на формы, въ которыхъ развились тамъ зачатки жизни столь бурной и вольнолюбивой извѣтъ, на связи и отношенія между собой народа, на его мнѣнія и понятія; забывая, что тутъ-то и скрывается главное начало сродства малоросійскаго казачества съ великорусскимъ народомъ; и что бытъ племенн, такъ непосредственно и чудно, въ-теченіи нѣсколькихъ вѣковъ, сохранившаго свой первобытнй характеръ, служить къ объясненію тѣхъ же отношеній другаго единоплеменнаго народа, въ которомъ болѣе или менѣе правильное развитіе гражданственности необходимо должно было измѣнить, а можетъ-бытъ даже исказить дальнѣйшее устройство тѣхъ же самыхъ отношеній. Тамъ большую благодарность заслуживаютъ заботы правительства, ивдвннцѣмъ иитовъ касавшихся древней жизни Западной-Руси внакомляющаго насъ къ собственной нашей жизнию. Въ этомъ отношеніи, особенно-драгоцѣнны Памятники, заданные временному ком-

инесією для разбора древнихъ актовъ, Высочайше - учрежденною при кievскомъ военномъ, подольскомъ и волыньскомъ генерал-губернаторѣ.

Комиссія раздѣляетъ собранные ею матеріалы на три отдѣла: на памятники, относящіеся до исторіи лудовно-святскихъ братствъ, существовавшихъ во всей Западной-Россіи, — на памятники объясняющіе отношенія помещанъ къ землевладѣльцамъ, — и наконецъ на акты, касающіеся собственно до исторіи Малороссіи, играющей такую важную роль въ судьбѣ всего югозападнаго края Россіи.

Начавъ говорить объ умѣ и религіозномъ предѣлозаніи, мы естественно переходимъ къ духовно-святскимъ братствамъ.

Изъ нынѣ-изданныхъ памятниковъ видно, что учрежденіе православныхъ братствъ въ Вишнѣ должно относиться къ 1458 году. Не знаемъ, что послужило поводомъ къ образованію братствъ: примѣръ ли европейскихъ рыцарскихъ орденовъ, или просто благочестивое желаніе соединиться въ одно общество, подобное первобытнымъ христианскимъ, для отпращиванія богу служенія и помаленьки друга друга для дѣлъ и добрыхъ дѣлакъ. Самое казачество могло дать идею подобнаго устаповленія, и еще болѣе учрежденіе польскимъ правительствомъ, въ нѣкоторыхъ городахъ Западной-Россіи, ремесленныхъ цеховъ, называвшихся также братствами и носившихъ на себѣ отчасти религіозный характеръ. До сего времени, благодаря маданію кievской комиссіи, мы имѣемъ всего болѣе свѣдѣній о крестоводвиженіи своихъ братствъ, существовавшихъ въ городѣ Луцкѣ. Оно учреждено въ 1617 году, но утверждено королемъ лишь въ 1619 году. Въ грамматѣ, данной Сигизмундомъ III по этому случаю, сказано, что извѣстныя лица какъ сословія дворянскаго воеводства волыньскаго, такъ и простые люди города Луцка религіи греческой воинамѣрились, по примѣру дружнаго братства, и въ ономъ городѣ Луцкѣ имѣть братство мило-

срдія. Почему имъ дозволено было обновить старинную русскую богадельню, сгорѣвшую во время быцарства въ Луцкѣ пожара, постройку церковь и учредить при ней школу. Любопытно обращеніе волыньскихъ дворянъ къ лудскимъ мѣщанамъ, которые они поручаютъ охраненіе новоучрежденнаго братства. Вотъ оно въ переводѣ на вышнѣй русской языкъ:

Мы всѣ нижеподписавшіеся, лица древней греческой Филліи, восточнаго православія, обычаемъ восточнаго вольнѣскаго, часто бываемъ здѣсь и исправляемъ свои дѣла, и блюдемъ за правами и количествомъ нашими; но не имѣемъ особаго къста, гдѣ бы наше Богослуженіе, какъ въ старину при предкахъ нашихъ, исправляемо было. Глядя въ сѣнь отпращиванія на другіе города, гдѣ братства имѣютъ свои фундаціи и уставы, и мы тому же побужденію слѣдуемъ, по благословенію патріаршему и по призыванію его милости короля, основать сперва братство милосрдія, которое влечетъ за собою всѣ блага блага, желаемъ заботиться, чтобы хвала Богу въ церкви Его была отпращивана, чтобы также священники и причетники и богадельные нищія могли имѣть надлежащее содержаніе. Поэтому мы избрали для себя особаго мѣста, гдѣ бы церковь со школою и богадельнею по мѣрѣ возможности нашей выстроить, обезвечить и каменъ благоустроенъ украсить. Но какъ мы сами въ томъ городѣ вообще не живемъ и по отдаленности не часто бываемъ, то поручаемъ намъ и возлагаемъ труды на младшихъ братій нашихъ, господъ мѣщанъ лудскихъ, съ тѣмъ, чтобы они, какъ участники въ семъ дѣлѣ на мѣстѣ нашемъ, несли всѣ труды и имѣли надзоръ, и наблюдая за вслнми порядкомъ и во всемъ ссылались бы на насъ, какъ на старшихъ. А мы тоже, какъ старшіе младшимъ, должны имъ встемоществовать, за нихъ встемощаться и ихъ защищать на каждомъ мѣстѣ и въ каждомъ дѣлѣ. (Черв. Отд. стр. 9).

Доказательствомъ, что лучшее братство считалось не просто частнымъ обществомъ, но учрежденіемъ, служащимъ подспоріемъ и огражденіемъ восточной вѣры и церкви, служить еднородное посланіе константинопольскаго патріарха Тимофея, по повѣсти унѣ внесенное въ Луцкій Сборникъ:

Обитатели странъ и городовъ, подлежащихъ предѣламъ нашимъ христовой апостольской и восточной великой церкви константинопольскаго патріархата престола, православные или благочестивые христіане, священнаго сословія и мірскаго гражданства и чина, возлюбленные о Господѣ чада нашего смиренія! Благодать, миръ, милость, спасеніе души и пріятіе жды да подастся вамъ отъ Бога Вседержителя и Господа нашего Іисуса Христа.

Много разъ отъ многихъ слышимъ, что нѣкоторые обольстители, своими мудростями и мѣткими, стараются отвлечь отъ христовой истинной, несомнѣнной вѣры. Посему мы пишемъ къ вамъ и о Духѣ Святомъ повѣщаемъ, дабы вы стояли въ ней твердыми, вооруженными, непоколебимыми. Еслижъ кто изъ нихъ когда-либо состязаясь съ вами, чтобъ хитростію и лукавствомъ извратить предлинное божественными отцами священнобесповѣданіе вѣры, спросите насъ о православной вѣрѣ, тому такъ отвѣчайте. Вѣруемъ во единого Бога въ трехъ лицахъ: во единого Бога Отца, какъ создавшаго насъ, и во единого Бога Сына, какъ избавившаго насъ, и во единого Бога Духа Святаго, какъ освятившаго насъ. Отецъ есть одно начало и вина Сыну въ рожденіи, а Святому Духу въ исхожденіи. Не вѣруемъ, чтобъ Сынъ отъ Отца и Святаго Духа родился, и чтобъ Духъ Святой отъ Отца и Сына исходилъ (потому-что были бѣ два начала и двѣ вины рожденія и исхожденія); но вѣруемъ, что какъ Сынъ отъ самого Отца рождается, такъ и Духъ Свя-

тый отъ самого Отца исходить. Вѣруемъ, что подъ двумя видами, т. е. хлѣба и вина, въ воспоминаніе жертвы христовой, словомъ Божиимъ истинный Христосъ бываетъ, и вѣрными всѣмъ безъ лицемерія подается; объ одномъ же видѣ на такой вечерѣ Его ни заповѣди не имѣемъ, ни вѣровать тому сверхъ заповѣди не учини; но какъ Христосъ сказалъ и преподавъ, такъ вѣруемъ и учини. Еще вѣруемъ, что Христосъ Божечеловѣкъ, въ лицахъ архіереевъ и іереевъ, вѣрныхъ на земли отъ всѣхъ грѣховъ смертныхъ и простительныхъ таинствами церковными разрѣшаетъ и совершенно очищаетъ и въ нихъ пребываетъ; во грѣхахъ же безъ покаянія умирающихъ не къ очищенію, но на вѣчную муку отсылаемъ. И сія есть единая вѣра святыхъ апостоловъ и отцовъ, по силѣ наложенія вѣры, которую мы до послѣдняго дѣханія, какъ пренебесный талантъ, содержать и хранить должны. На безчисленные же баснословія и словеса славна маловѣрныхъ и отступникова взирая какъ на пагубу, и во смиреніи христовомъ и въ покаяніи на земли добрыя дѣла творя, а славу, богатство и наслаженіе, какъ минутныя мечтанія суетнаго міра сего претиралъ, — по смерти жизни безконечную въ царствѣ небесномъ со христовыми ангелами и всеми святыми Его наслаждате. Такъ мудруйте и пребывайте непреклонными. Божіи благодать и безконечная милость, и молитва и благословеніе нашего смиренія да будетъ со всеми вами (стр. 22).

Понятно, какое дѣйствіе, при самомъ разливѣ унѣ, должно было произвестъ подобное посланіе на всѣхъ западныхъ Руссовъ греческаго исповѣданія, особенно же на малороссійское казачество и на духовныя братства, существовавшія, кромѣ Вильны и Луцка, еще во Львовѣ и Кіевѣ. Мы до-сихъ-поръ не имѣемъ достовѣрныхъ указаній, чтобъ братства, покидая кроткую цѣль благотворенія

и мирныя занятія, для которыхъ, по крайней мѣрѣ видимымъ образомъ, они были основаны, въ цѣломъ составѣ своемъ принимались за оружіе въ защиту поруганной вѣры и поправныхъ правъ цѣлаго народа. Но безъ всякаго сомнѣнія, отдѣльныя лица, входившія въ составъ духовныхъ братствъ (къ лучшему принадлежало много Запорожцевъ), не только не были чужды воинственныхъ востаній той эпохи, но и принимали въ нихъ дѣятельное участіе. Можетъ быть, не одинъ замыселъ кроваваго мщенія и благороднаго отпора былъ рѣшенъ въ засѣданіяхъ лучаго братства, которыя должны были оставаться тайною для постороннихъ, по правиламъ его устава.

Уставъ этотъ, помѣщенный подлинникомъ, съ прибавленіями къ нему, въ изданіи кievской комиссіи, главнѣйшимъ образомъ имѣеть въ виду управленіе хозяйственною и денежною частію братства. Въ немъ опредѣляются общія обязанности принадлежащихъ къ братству, какъ-то: вспоможеніе слѣднимъ братьямъ, присутствованіе при погребеніи лицъ, къ братству принадлежащихъ, и при обдѣлахъ за усопкованіе душъ ихъ, постоянныя пожертвованія для поддержанія братства съ принадлежащею къ нему церковью и школою, а также взисканія, болышею частію денежныя, за нарушеніе той или другой братской обязанности. Время обыкновенныхъ засѣданій братства назначено ежедневно, послѣ заутрени, на одинъ только часъ; общее собраніе братства установлено одинъ разъ въ мѣсяцъ; братія съзывались на такое засѣданіе обсылкою знака братства — круглой медали съ четырьмя ушками и съ изображеніемъ въ серединѣ креста, попирающаго полумѣсяцъ. Дѣла и совѣщанія братскія, какъ мы выше сказали, должны были оставаться подъ покровомъ тайны; братъ, отважившійся нарушить эту статью устава, подвергался тому наказанію, какое назначать за его поступокъ прочие братія. Уставъ этотъ былъ утвержденъ константинопольскимъ патриар-

хомъ Кирилломъ, который, въ грамматѣ своей, передаетъ провѣщенію всякаго называющаго пововеденіемъ установленіе братства, «сіе древнее, въ началѣ христіанства утвержденное учрежденіе, доколѣ отъ богохульства своего не отстанеть и въ раскаяніе не прийдетъ».

Любопытныя обряды, которые, особливо статью, относящуюся къ первымъ годамъ существованія братства, положено было соблюдать при открытіи его засѣданій, и которую мы выписываемъ здѣсь подлинникомъ:

«Во-первыхъ»:

«На обычномъ мѣстѣ, въ домѣ братскомъ, долженъ быть застланый столъ, на которомъ поставлены будутъ Евангеліе и зажженныя свѣчи и братскій ларець. Тогда священникъ, или старшіе братія, должны, вставши, провъть «достойно», и слѣдующее предисловіе имѣеть быть прочитано:

«Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь».

«Молитвами Пречыстыя Владычцы нашея Богородицы и присво Дѣвы Маріи, силою честнаго и животворящаго креста Господня. Сіе богоугольное, законное, церковное братство законно и вѣчно соблюдать прѣдано Духомъ Святымъ отъ самого Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа и Господа славы, святымъ Его апостоламъ, а отъ нихъ святымъ церквамъ по всей вселенной. Также и намъ, здѣсь находящимся, волею, благословеніемъ и утвержденіемъ единой, но истинно святой, соборной и апостольской церкви, свѣтлосіятельнаго Сіона съзывамъ, отъ святыхъ отцевъ нашихъ, четырехъ патриарховъ, предано братство сіе и законы его хранить и соблюдать въ вѣчные роды. И о семъ у насъ слово. «Святъ храмъ Твой, о Боже, и дивенъ въ правду» сказалъ дивный пророкъ. Господь же нашъ Иисусъ Христосъ въ священномъ Евангеліи говоритъ: «Аще любите Мя, заповѣди Моя соблюдайте. Заповѣдь новую даю вамъ, да любите другъ друга, и о семъ разумѣютъ всѣ яко Мои ученицы есте, аще любовь

• знате между собою. • Да и въ ветхонъ завѣтъ сказано: • Возлюбиши Господа Бога твоего отъ всея души твоея, и отъ всего сердца твоего, и отъ всѣхъ силъ твоихъ; а ближняго твоего яко самъ себе; и въ сію обою заповѣдію весь законъ и пророцы висятъ. • — Богъ бо любви есть и пребывающъ въ любви, въ Божѣ пребываетъ и Богъ въ немъ. • Ибо и пророкъ сказалъ: • Се что добро или что красно, но еже жити брати вкупѣ. О семъ бо Господь обѣща намъ животь вѣчный. •

• За тѣмъ уже долженъ быть читанъ братскій уставъ; а по прочтеніи устава братскаго, имѣеть быть произнесено: • Миръ Христовъ да водворяется въ душахъ нашихъ, братія, аминь. •

• Потому скажетъ:

• Господь братія! кто знаетъ что либо относимаго къ братству, пусть объявляетъ.

• А кто бы также обязанъ былъ внести долгъ, или какой доходъ братскій, пусть внесетъ.

• Наконецъ:

• Если кто имѣеть дѣло какое до братства или до кого-либо, пусть исполняетъ. • (стр. 116).

Въ 1624 году, Луцкое Крестовоздвиженское Братство (отъ построенной имъ церкви Воздвиженія Честнаго и животворящаго Креста) признало нужнымъ, по примѣру другихъ благоустроенныхъ церковныхъ братствъ, какъ сказано въ постановленіи объ этомъ предметѣ, основать при своей церкви иноческую обитель, • для того, чтобъ братія церковные, болѣе слабые и болѣе занятые житейскимъ, — совместно съ тѣмъ мудрѣйшимъ и святѣйшимъ общежитиемъ духовныхъ братій, послѣ одно иго послушанія Христова, одни другимъ помогая и одинаково трудясь, — могли вдвое болѣе противу другихъ принести плодъ въ виноградникъ Христовъ, и сами спасаясь, удобнѣе послужить бо спасенію ближнихъ. При этомъ случаѣ, братство прямо выразило, что главною изъ цѣлей его соединенія есть общая безопасность и взаимная обо-

рона. Въ правилахъ, постановленныхъ по этому случаю для монашествующей братіи, нѣсколько разъ упоминается о томъ, что одна изъ цѣлей братства есть распространеніе православія и, между прочимъ, имѣется игоумену въ обязанность • въ каждомъ церковномъ и братскомъ дѣлѣ, которое дошло бы до суда, лично находиться съ однимъ братомъ, противодѣйствовать и до смерти заступаться съ помощію Божию; а при нихъ также присутствовать нѣсколькимъ лицамъ изъ свѣтскихъ братій, какъ дворянъ, такъ и мѣщанъ, которымъ то поручено будетъ. • Ибо • говорится далѣе: • если по многимъ причинамъ мы принимаемъ братство съ духовными, то особенно для того, чтобъ они, лица вездѣ безопаснѣйшія, и у суда были нашими защитниками. • Это указываетъ какъ бы на разграниченіе братскихъ обязанностей относительно защиты вѣры и братства: одни братія, монашествующіе, должны были принять на себя мирныя обязанности адвокатовъ, болѣе соответственныя и образу ихъ жизни и ихъ образованію; защита силою и оружіемъ, безъ всякаго сомнѣнія, принадлежала братіямъ свѣтскимъ.

Братство, какъ мы выше упомянули, имѣло свою школу и типографію. Въ школѣ, юноши греко-россійскаго исповѣданія обучались, кромѣ правилъ своей вѣры, языкамъ греческому, латинскому и славянскому, сообразно съ наставленіями, изложенными въ подробномъ уставѣ, который и въ наше время могъ бы служить примѣромъ для многихъ заведеній подобнаго рода. Типографія была завѣщана братству въ 1635 году игуменомъ Луцкаго Чорненскаго Монастыря іеролакомомъ Сильвестромъ, который самъ завелъ ее при нѣкоторыхъ постороннихъ пособіяхъ, въ-особенности же при содѣйствіи дворянина Адама-Урсуга Рудецкаго, основателя и самого Чорненскаго Монастыря.

Существованіе въ тѣ времена школы было событіемъ гораздо-важнѣйшимъ, нежели какимъ представляется съ пер-

зато взгляда. Однимъ изъ средствъ гоненія, придуманныхъ отступникомъ Нопцемъ, было лишеніе православныхъ духовенства. Избравъ благовѣрный предлогъ, король Сигизмундъ III еще въ 1600 году издавъ повелѣніе не дозволить вступленіе въ духовный санъ тѣмъ, которые не обучались въ школахъ, и вѣдѣтъ запретилъ принимать въ училища дѣтей не только православныхъ, но даже унитовъ. Хотя и безъ сомнѣнія, что этотъ законъ, по самой безусловной строгости своей, не былъ совершенно исполняемъ, но онъ могъ служить и средствомъ и предлогомъ угнетенія; онъ могъ быть примѣняемъ къ училищамъ, немѣнявши королевскихъ привилегій на свое существованіе, подобнаго дозволенію, данному лужицкой братской школою, которое, по времени своего изданія, могло считаться какъ-бы частію отиѣноу закона въ пользу Лужаго Крестовоздвиженскаго Братства. Въ его школу должны были притѣловаться пастыри для осиротѣвшаго народа, которымъ, по воспитанію ихъ, никто не могъ отказать въ правѣ на санъ духовный.

Укрѣпляясь матеріальными средствами отъ частыхъ пожертвованій, приобретаая все болышую и болышую вѣдомость по хѣрѣ усилена преслѣдованій, покровительствуемое киевскими митрополитами, изъ которыхъ Петръ Могила даже приглашалъ депутатовъ Братства на соборъ, назначенный въ Кіевѣ (1640 года), о которомъ не дошло до насъ почти никакихъ извѣстій, — братство, однако, начинаетъ видимо слабѣть со времени присоединенія Малороссіи къ Московскому-Государству. Оно подвергается обидамъ и притѣвленіямъ, отъ которыхъ напрасно стараются оградить его православные епископы силою своей власти. Самыя собранія братства, какъ видно изъ напечатанныхъ нынѣ актовъ, становятся рѣже, отиѣняются за недостаткомъ членовъ; выборы въ должности по управленію братскими имуществомъ дѣлаются затруднительнѣе; избраніе; лишенныя прежняго вѣтвенія,

отказываются; въ актахъ Братства, писавшихся на западно-русскомъ шрифтѣ, начинается появляться языкъ польскій, и, наконецъ, невѣдомо тогда и какъ, братство исчезаетъ, имущество его переходить въ руки католическаго духовенства, и только археологическое изданіе его памятникомъ свидѣтельствуетъ о его существованіи, восстановивъ слѣды въ исторіи, челою бо болышей части учреждений, рожденныхъ обстоятельствомъ и падшихъ подъ нѣхъ гнетущею силою, или прошедшихъ вѣдѣтъ съ ними единагитною тѣнью.

Изъ всѣхъ обидъ и притѣвленій, нанесенныхъ Лужицкому Крестовоздвиженному Братству (такъ называется это Гедонъ-Святопольскъ, князь Четвертскій, епископы лужицкіе и острожскіе), какъ должно думать, въ послѣдніе годы его существованія, замѣчательны особенно два случая, встрѣчающіеся въ нынѣ-изданныхъ актахъ, одинъ вслѣдъ, другой прежде присоединенія Малороссіи къ Россіи. Въ 1677 году, именуемъ Лужаго Братскаго Монастыря и всѣхъ братья, какъ духовныя, такъ и свѣтскіе, жаловались епископу лужицкому и острожскому на кастеллана брестскаго, Стефана-Констанція Пасочискаго, за нарушеніе нѣхъ послѣдней воли супруги его Люція-Терезія, по первому браку Жабокрицкой. Еще нѣтъ Жабокрицкой, Анастасія Древинская, движима христіанскою ревностю, завѣщала лужицкому братству значительныя суммы. Первый мужъ Люція Пасочинской, Жабокрицкій, уважилъ это завѣщаніе. Сама Анна Пасочинская передъ смертію изъявила желаніе быть похороненною въ православной любельской церкви, куда тѣло ея и было положено старшимъ сыномъ ея отъ перваго брака. Но второй мужъ ея, кастелланъ брестскій, Пасочинскій, отобразъ отъ своего пасынка заты на завѣщаннаго братскому монастырю суммы, вынулъ тѣло жены своей изъ любельской церкви, похоронилъ ее въ братствѣ лужицкомъ, въ склепѣ, устро-

епископъ — ея матерью, — а между тѣмъ перевезъ его въ Боремль. Тамъ, въ замковой церкви православнаго исповѣданія, бронные останки несчастной лежали безъ погребенія около полугода и потому тайнымъ образомъ были отпреложены въ Диту, въ мѣстѣ Пасочисваго, Высоцкоа. Туда должны были быть переведены и деньги, заѣзданныя луцкому братству за упокой душъ ея. Справедливо негодуя на подобное возмущеніе покоя мертвыхъ и не желая, чтобъ самовольные поступки своеобразнаго пана лишили Луцкій Братскій Монастырь принадлежавшаго ему во владѣ, Гедемъ-Сватополюкъ запретилъ совершать надъ тѣломъ покойницы христіанское погребеніе, пока не состоится о томъ окончательнаго рѣшенія. коронаго любельскаго трибунала. Неизвѣстно, чѣмъ окончился этотъ интересный процессъ, въ которомъ тяжущіяся стороны оспаривали право на погребеніе мертваго тѣла и пріобрѣтеніе чрезъ это денежныхъ выгодъ.

Другое происшествіе относится къ 1636 году и заключаетъ въ себѣ яркое буйство воспитанниковъ луцкаго іезуитскаго коллегіума въ порывѣ недовольной ревности ворвавшихся въ братскій монастырь, съ цѣлю истребить православныхъ. Оно было открыто и обнаружено надлежащимъ образомъ обижеными, и вотъ подлинный протестъ, какъ онъ записанъ въ судебныхъ книгахъ Луцкаго Градскаго-Суда:

«Тысяча шесть сотъ тридцать четвертаго года, мѣсяца августа 21-го дня.

«Къ уряду и къ луцкимъ старостинскимъ градскимъ актамъ, въ замкъ ея королевской милости луцкомъ, ко мнѣ князю Павлу Друцкому-Любецкому, подстаростѣ луцкому, явившись и лично ставъ, благородный его милость князь Георгій Пузына, и присоединясь къ протесту, поданному къ здѣшнимъ градскимъ актамъ 24-го мая сего года, высокопочтеннымъ о Господѣ Богѣ отцемъ Афанасіемъ Пузыною, епископомъ луцкимъ

и острожскимъ, который протестъ нашъ подкрѣпилъ и объяснилъ, два вышеименованные предьявителя и ихъ милостей господъ обывателей того воеводства дворянина греческой религій, непривадежащихъ къ умн, своимъ и всѣхъ ихъ милостей именованъ торжественно свидѣтельствова-лись и съ прискорбіемъ протестова-ли: во-первыхъ, противъ тѣхъ людей всякаго званія и сословія, какъ духовнаго такъ и свѣтскаго, которые участвовали въ нижеописанныхъ безчестствахъ совѣтомъ, поощреніемъ и покровительствомъ, и вопреки законамъ, правдѣ и святой справедливости поблажали и потворствовали виновникамъ въ томъ ихъ дѣйствіи, какимъ бы то ни было образомъ, признавая ихъ не только покровителями и совѣтниками, но и такими же преступниками; также противъ тѣхъ, объ именахъ и прованіяхъ и званіи которыхъ въ то время можно было осведомиться, а именно, противъ находящихся при училищѣ отцовъ іезуитовъ луцкой іезуитской коллегіи, зачинщиковъ: Яскаго, Шавловскаго, Павла Лавоскаго, Андрия Венцеслава, Богемчада или Богемуса, Войцѣха Вырозумовскаго, Михаила Пясецкаго, Георгія Корсака, Петра Ожорскаго, Якова Комарскаго, Матѣя Шваревскаго, Мельхіора Ковальскаго-Мечинскаго, Андрия Сковича, поповича съ Повстелича, и другихъ бывшихъ тамъ въ ихъ сообществѣ, хорошо имъ извѣстныхъ; и противъ служителей при тѣхъ коллегіумскихъ школахъ, т. е. Ивана Котовскаго, товарища поѣздовой гусарской подхоругви его милости г. хорунжаго волынскаго, здѣсь, въ Луцкѣ стоящей, Ивана Котецкаго и многихъ прислужниковъ, которыхъ онъ, какъ ихъ предводитель, знаетъ и вѣдаетъ; также противъ ратныхъ ремесленниковъ, вопреки своему званію сопротивляющихся сообщивковъ и совѣстныхъ зачинщиковъ, а именно: Фабіана португаго, Матѣя Пасіоба литейщика, Ивана Мечиня, кото-

• рыи жилъ въ то время по зади пи-
 • рюльница Ивана, противъ моста,
 • Матвѣя портнаго, Мартына шор-
 • ника, Матвѣя сапожника, называю-
 • щаго себя братомъ ксендза Едлинска-
 • го, сына вдовы портнаго Андрея,
 • Мартына маллра, Войцѣха бондаря,
 • Павла цирюльника, вятя пивовара
 • Фомы столяра, Цвапа мѣховщика, и
 • противъ многихъ другихъ тѣхъ за-
 • чинщиковъ, сообщниковъ и помощ-
 • никовъ — протестовали о нижеслѣдую-
 • щемъ. Когда духовенство римско-ка-
 • толическаго костела, по обычаю илу-
 • чи, вышесказаннаго 24-го мая, съ свя-
 • тѣйшими тайнами отъ св. Креста,
 • уже далеко миновало церковь и при-
 • близалось къ замку; тогда тѣ выше-
 • упомянутые зачинщики съ своими
 • сообщниками и помощниками, кото-
 • рыхъ было до ста человекъ, съ сабля-
 • ми, кортиками, ружьями, а иные съ
 • кольями и дѣлками, хорошо уже при-
 • готовившись и рѣшась на то съ по-
 • зволенія своихъ старшихъ, не уважая
 • ни сколько старыхъ и новыхъ при-
 • вилегій, которыми пользуется сво-
 • бодный русскій народъ, на аждо-
 • ченнаго его милостию благополучно
 • нѣтъ правительствующимъ королемъ
 • мира, ни законовъ и ихъ строгости
 • противу грабителей домовъ Божіихъ,
 • богаделенъ и живущихъ при оныхъ,
 • противу нарушающихъ спокойствіе
 • сродельниковъ и причисляющихъ
 • раздоры, насилія, возмущенія и без-
 • чинства, допирającychъ права и воль-
 • ности описанныя и обезпеченныя; но
 • нацротивъ, мало цѣнилъ и ставя оныя
 • ни во что, какъ люди своевольные и
 • правдошатающіеся, принимая все
 • то дерзкомысленно, вооруженные,
 • подъ предлогомъ какого-то колоколь-
 • наго звона, въ которомъ уже не было
 • никакой надобности, осмѣлились во-
 • двратись во дворъ помянутой братской
 • церкви, и въ находящіяся при ней
 • жилища духовныхъ лицъ, а также
 • чинскихъ и увѣчныхъ богаделенныхъ,
 • и палили съ крикомъ на людей невин-
 • ныхъ, обезпеченныхъ законнымъ об-
 • щимъ спокойствіемъ, которымъ поль-

• зуются всѣ живущіе при домахъ Бо-
 • жіихъ, и неждующихъ ала ни отъ
 • кого. Затѣмъ, приступая къ дѣйствию,
 • ворвались одни въ церковный дворъ
 • къ церкви, а другіе къ богадельнѣ,
 • начали отбивать и ломать двери цер-
 • ковныя камнями и кольями. Видя же,
 • что силъ дверей, запертыхъ назву-
 • три церкви крѣпкимъ засовомъ, нель-
 • зя выбить, прибѣжали къ колокольцѣ,
 • находящейся также вмѣстѣ съ цер-
 • ковью, и разбивъ и раздробивъ са-
 • блями и палками замокъ у дверей,
 • начали шалостно звонить, какъ-будто
 • на какую тревогу, крича притомъ
 • разными голосами. Когда же на тотъ
 • звонъ колокольный сбѣжалось изъ
 • ещенъ больше, то они тѣмъ же дверь-
 • ми по лѣстницѣмъ ворвавшись въ цер-
 • ковь, тамъ опрокинули подсвѣчники
 • и сѣдальца, и поерывали ковры.
 • Другіе же, бѣгая по церковному дво-
 • ру съ палками, саблями и другимъ
 • оружіемъ, разогнали побоями малъ-
 • чиковъ изъ училища при той же
 • церкви, и не находя нигдѣ сопроти-
 • вленія, били и мучили, нанося удары
 • и кровавыя раны бѣднымъ и увѣч-
 • нымъ людямъ въ богадельни, стари-
 • камъ и старухамъ, не смотря на ихъ
 • увѣчья, забывъ о Господѣ Богѣ, о
 • справедливомъ и скоромъ Его возда-
 • ніи. Также палками и камнями били
 • нѣкоторыхъ духовныхъ особъ, кото-
 • рыхъ вышелъ изъ своихъ келій, увѣч-
 • шевати тѣхъ злодѣевъ ласковыми
 • словами не дѣлать такого и подобна-
 • го насилія; а именно, игумену того
 • монастыря, почтенному отцу Исакію
 • нанесли удары камнями и кирпичами
 • по рукъ, спинѣ и шеѣ; а другихъ
 • иноковъ въ догонъ палками или коль-
 • ями по спинѣ, шеѣ, куда и чѣмъ по-
 • цало, жестоко и безжалостно били и
 • наносили удары, оставляя знаки си-
 • ние, кровавыя и опухлыя весьма-опас-
 • нсныя, и такимъ-образомъ повредили
 • ихъ здоровье; равнымъ-образомъ, ии-
 • щихъ увѣчныхъ, находящихся въ бо-
 • гадельнѣ, а также живущихъ при
 • богадельнѣ бѣднажекъ немущихъ
 • учениковъ, и кого только поймаи.

лишь бы только был Русскій, безъ всякаго состраданія саблями, палками и кирочками, или точіе камнями, били, колотили и мучили, т. е. сначала побили учителя Петра Босницкаго и отрубили палецъ на правой рукѣ; Василю Станевича ранили жестоко въ лобъ и нанесли ему опасную рану; Демьяна Василевича большого на постели били палками и ранили въ лобъ и оставили какъ убитаго; Якиму Левковичу пробили камнемъ полгубы до зубовъ; Дмитрію Посполитому выбили камнемъ глаза; Якова Дмитрія Постригаля, живущая своимъ домоу при богадельнѣ, жестоко ударена камнемъ въ голову; Луку Крынкаго, дворянина хорошаго происхожденія, который по причинѣ своихъ тѣлесныхъ недостатковъ и убогчя, полученныхъ отъ враговъ св. Креста въ разныхъ экспедиціяхъ и войнахъ, потерявъ свое имущество и не имѣя ни откуда пособія, при богадельнѣ и монастырѣ доживалъ свои лѣтъ, жестоко палками избили и измучили, отъ каковыхъ побоевъ едва остался въ немъ знакъ жизни; и многихъ еще другихъ, которыхъ въ то время нельзя списать. При томъ же въ видѣ грабежа и добычи разбили два сундука съ деньгами, одинъ малый богаделенный, сдѣланный весь изъ желѣза, стоявшій на окнѣ въ богадельнѣ, сорвали съ цѣпи; а другой деревянный, поставленный при самыхъ дверяхъ церковныхъ для подающій, разбивъ, забрали деньги, которыхъ въ обонхъ сундукахъ могло быть золотыхъ полтораста. Побили камнями окна въ церкви, училищѣ и богадельнѣ, выломали двери къ нимъ, и вдираясь въ монастырь, на оградѣ сломили гонтовую крышу; дворъ церковный и церковь окровавила, и кончивъ вышесказанныя нецѣлебныя буйства, ушли. Наконецъ, послѣ вмешательства, или лучше-сказать зашиты, оказанной людьми той же вѣры, бывшими также на томъ богослуженіи, съ торжествомъ, выстрѣлами и возгласами, что церковь и всѣ Рус-

скіе искоренены и уничтожены всякими способами, явными и скрытными, угрожалъ имъ огнемъ—ушли. Не удовлетворясь тѣмъ, а напротивъ, еще болѣе разъярившись, они, какъ люди праздноватающіеся, ничего нисколько не уважающіе, присоединивъ къ себѣ большія толпы, въ воскресенье, т. е. 28-го того же мѣсяца, въ самый полдень собрались вооруженные, безъ всякаго и малѣйшаго повода напали сперва на домъ г. Николая Ляхновича, ни предъ нимъ, ни предъ кѣмъ нисколько не виноватаго, и прогнавъ его-самого, принужденнаго бѣгствомъ спасать свое здоровье, ушли, надѣлавъ невыносимыя и весьма-большія поврежденія и убытки, для удовлетворенія своей злобы и непристойнаго умысла; и потомъ до самыхъ сумерковъ расхаживая то тамъ, то сямъ, гдѣ кого попало, хотя бы самаго невиннаго, лишь бы только Русскій, били и събли. И, не насытившись своевоіемъ, безчинствомъ замысла, въ-продолженіе дня того же самаго числа уже въ сумерки и когда били зорю, тою же толпою напали на честнаго дворянина, служителя его милости владыки луцкаго отца Пузыцы, благороднаго Ивана Доминскаго, педшаго по дѣлу своего господина къ его милости сборщику вольнскому Мих. Пузыцѣ. Сего челоука смирнаго и беззащитнаго, безъ всякой справедливой причины, а только по тому одному, что Русскій, взявъ въ замкъ околномъ луцкомъ передъ городевыми мостоу, привели въ домъ его милости г. здѣшняго луцкаго старосты, гдѣ ксендзъ Лассскій имѣлъ свое мѣстопребываніе, и своевольцо своевольные у своевольнаго же спрашивали: что бы дѣлать съ тѣмъ дворяниномъ; и получивъ отъ него благословеніе, на нижеизложенное дѣло, этого невиннаго челоука рубили саблями, наносили раны и били палками. Тѣ же схоластики коллегіумскіе своевольные съ толпою, передъ глазами того же Ласскаго и многихъ до-

• рый жилъ въ то время по заду ци-
 • рюльниа Ивана, противъ моста,
 • Матвѣя портнаго, Мартына шор-
 • ника, Матвѣя сапожника, называю-
 • щаго себя братомъ ксендза Едлинска-
 • го, сына вдовы портнаго Андрея,
 • Мартына маллра, Войцѣха бондаря,
 • Павла цирюльника, вятя пивовара
 • • Фомы столяра, Цвана мѣховщика, и
 • • противъ многихъ другихъ тѣхъ за-
 • • чинщиковъ, сообщниковъ и помощ-
 • • никовъ — протестовали о нижеслѣдую-
 • • щемъ. Когда духовенство римско-ка-
 • • толическаго костела, по обычаю иду-
 • • чи, вышесказаннаго 24-го мая, съ свя-
 • • тѣйшими тайнами отъ св. Креста,
 • • уже далеко миновало церковь и при-
 • • близалось къ замку; тогда тѣ выше-
 • • именованные зачинщики съ своими
 • • сообщниками и помощниками, кото-
 • • рыхъ было до ста человекъ, съ сабля-
 • • ми, кортиками, ружьями, а иные съ
 • • кольями и дѣщцами, хорошо уже при-
 • • готовившись и рѣшась на то съ по-
 • • зволенія своихъ старшихъ, но уважая
 • • нисколько старыхъ и новыхъ при-
 • • вилегій, которыми пользуется сво-
 • • бодный русскій народъ, ни ааключе-
 • • ннаго его милостию благополучно
 • • щихъ правительствующимъ королемъ
 • • мира, ни законовъ и ихъ строгости
 • • противу грабителей домовъ Божіихъ,
 • • богаделенъ и живущихъ при оныхъ,
 • • противу нарушающихъ спокойствіе
 • • своевольниковъ и причиняющихъ
 • • раздоры, насилія, возмущенія и без-
 • • чинства, допирającychъ права и воль-
 • • ности описанныя и обезпеченныя; но
 • • нацротивъ, мало цѣнилъ и ставя оныя
 • • ни во что, какъ люди своевольные и
 • • правдошатающіеся, принимая все
 • • то легкомысленно, вооруженные,
 • • подъ предлогомъ каждаго-то колоколь-
 • • наго звона, въ которомъ уже не было
 • • никакаго надобности, осмѣлились во-
 • • вратись во дворъ помянутой братской
 • • церкви, и въ находящіяся при ней
 • • жилища духовныхъ лицъ, а также
 • • нищихъ и увѣчныхъ богаделенныхъ,
 • • и напали съ крикомъ на людей невин-
 • • ныхъ, обезпеченныхъ законнымъ об-
 • • щимъ спокойствіемъ, которымъ поль-

• зуются все живущіе при домахъ Бо-
 • жинхъ, и неожидающихъ ала ни отъ
 • кого. Затѣмъ, приступая къ дѣйствию,
 • • ворвались одни въ церковный дворъ
 • • къ церкви, а другіе къ богадельнѣ,
 • • начали отбивать и ломать двери цер-
 • • ковные камнями и кольями. Видя же,
 • • что сихъ дверей, запертыхъ извну-
 • • три церкви крѣпкимъ засовомъ, вель-
 • • зя выбить, прибѣжали къ колокольнѣ,
 • • находящейся также вѣстѣ съ цер-
 • • ковью, и разбивъ и раздробивъ са-
 • • блями и палками замокъ у дверей,
 • • начали шалостно звонить, какъ-будто
 • • на какую тревогу, крича притомъ
 • • разными голосами. Когда же на тотъ
 • • зовъ колокольный сбѣжалось изъ
 • • еще больше, то они тѣми же дверь-
 • • ми по лѣстницѣ ворвавшись въ цер-
 • • ковь, тамъ опрокинули подсвѣчники
 • • и сѣданища, и поерывали кофры.
 • • Другіе же, сбѣгая по церковному дво-
 • • ру съ палками, саблями и другими
 • • оружіемъ, разогнали побоями малъ-
 • • чиковъ изъ училища при той же
 • • церкви, и не находя нигдѣ сопротив-
 • • ленія, били и мучили, нанося удары
 • • и кровавыя рапы бѣднымъ и увѣч-
 • • нымъ людямъ въ богадельни, стари-
 • • камъ и старухамъ, не смотря на ихъ
 • • увѣчья, забывъ о Господѣ Богѣ, о
 • • справедливомъ и скоромъ Его возда-
 • • ницъ. Также палками и камнями били
 • • въ некоторыхъ духовныхъ особѣ, кото-
 • • рыхъ вышелъ изъ своихъ келіи, увѣ-
 • • щевая тѣхъ злодѣевъ ласковыми
 • • словами не дѣлать такого и подобна-
 • • го насилія; а именно, игумену того
 • • монастыря, почтенному отцу Исакію
 • • нанесли удары камнями и кирпичами
 • • по рукѣ, спинѣ и шеѣ; а другихъ
 • • иноковъ въ догонъ палками или коль-
 • • ями по спинѣ, шеѣ, вудѣ и чѣмъ по-
 • • пало, жестоко и безжалостно били и
 • • наносили удары, оставляя знаки си-
 • • ние, кровавые и опухоли весьма опа-
 • • сныя, и такимъ-образомъ повредилъ
 • • ихъ здоровье; равнымъ-образомъ, ни-
 • • щихъ увѣчныхъ, находящихся въ бо-
 • • гадельнѣ, а также живущихъ при
 • • богадельнѣ бѣднажекъ немущихъ
 • • учениковъ, и кого только поймали,

лишь бы только былъ Русскій, безъ всякаго состраданія сабляни, палками и киршичами, или точіе каменьями, били, колотили и мучили, т. е. сначала побили учителя Петра Босинскаго и отрубили палецъ на правой рукѣ; Василя Станевича ранили жестоко въ лобъ и навесли ему опасную рану; Демьяна Василевича большаго на постели били палками и ранили въ лобъ и оставили какъ убитаго; Якиму Левковичу пробили камнемъ полгубы до зубовъ; Дмитрію Посполитому выбили камнемъ глаза; Якова Дмитрія Постригаля, живущая своимъ домою при богадельнѣ, жестоко ударена камнемъ въ голову; Луку Крынкаго, дворянина хорошаго происхожденія, который по причинѣ своихъ тѣлесныхъ недостатковъ и убогости, полученныхъ отъ враговъ св. Креста въ разныхъ экспедиціяхъ и войнахъ, потерявъ свое имущество и не имѣя ни откуда пособія, при богадельнѣ и монастырѣ доживалъ свой вѣкъ, жестоко палками избили и измучили, отъ каковыхъ побоевъ едва остался въ немъ знакъ жизни; и многихъ еще другихъ, которыхъ въ то время нельзя списать. При томъ же въ видѣ грабежа и добычи разбили два сундука съ деньгами, одявъ малый богаделенный, сабянный весь изъ желѣза, стоявшій на окнѣ въ богадельнѣ, сорвали съ цѣпи; а другой деревянный, поставленный при самыхъ дверяхъ церковныхъ для подаяній, разбивъ, забрали деньги, которыхъ въ обоихъ сундукахъ могло быть золотыхъ полтораста. Побили камнями окна въ церкви, училищѣ и богадельнѣ, выломали двери къ нимъ, и вдираясь въ монастырь, на оградѣ сломали гонтовую крышу; дворъ церковный и церковь окровавили, и кончивъ вышешложенныя не потребныя буйства, ушли. Наконецъ, послѣ вѣшательства, или лучше-сказать защиты, оказанной людьми той же вѣры, бывшими также на томъ богослужевіи, съ торжествомъ, выстрѣлами и возгласами, что церковь и всѣ Рус-

скіе искоренены и уничтожены всякими способами, явными и скрытыми, угрожая имъ огнемъ—ушли. Не удовлетворясь тѣмъ, а напротивъ; еще болѣе разъярившись, они, какъ люди празднишатающіеся, ничего нисколько не уважающіе, присоединивъ къ себѣ большія толпы, въ воскресенье, т. е. 28-го того же мѣсяца, въ самый полдень собрались вооруженные, безъ всякаго и малѣйшаго повода напали сперва на домъ г. Николая Лажновича, ни предъ ними, ни предъ кѣмъ нисколько виноватаго, и прогнавъ его-самого, привужденнаго бѣгствомъ спасать свое здоровье, ушли, надѣлавъ невыносимыя и весьма-большія поврежденія и убытки, для удовлетворенія своей злобы и непристойнаго умысла; и потомъ до самыхъ сумерковъ расхаживая то тамъ, то сямъ, гдѣ кого попадетъ, хотя бы самаго невиннаго, лишь бы только Русскій, били и сабли. И, не насытившись своеволиемъ, безчестивомъ замысла, въ продолженіе дня того же самаго числа уже въ сумерки и когда били ворю, тою же толпою напали на честнаго дворянина, служителя его милости владыки Луцкаго отца Пузыцы, благороднаго Ивана Доминскаго, шедшаго по дѣлу своего господина къ его милости сборщику водынскому Мих. Пузынѣ. Сего челоука смирнаго и беззащитнаго, безъ всякой справедливой причины, а только по тому одному, что Русскій, взявъ въ замѣтъ околномъ луцкомъ передъ городевыми мостою, привели въ домъ его милости г. здѣшняго луцкаго старосты, гдѣ ксендзъ Ласскій имѣлъ свое мѣстопребываніе, и своевольцо своевольные у своевольнаго же спрашивали: что бы дѣлать съ тѣмъ дворяниномъ; и получивъ отъ него благословеніе, на нижеизложенное дѣло, этого невиннаго челоука рубили саблями, наносили раны и били палками. Тѣ же схоластики коллегіумскіе своевольные съ толпою, передъ глазами того же Ласкаго и многихъ до-

•дей на то смотрѣвшихъ, что также
 •видѣлъ и слышалъ отецъ ректоръ
 •Луцкой Езуитской Коллегіи, кото-
 •рый, находясь у его милости отца
 •епископа вмѣстѣ съ сіятельнымъ
 •княземъ его милостью г. воеводою
 •вольскимъ и съ другими господами
 •обывателями здѣшняго воеводства,
 •говорилъ, что онъ на то смотрѣлъ
 •и слышалъ, какъ того покойнаго Ло-
 •минскаго били и мучили, и какъ онъ
 •именемъ Бога звалъ и просилъ,
 •чтобъ его не убивали, такъ-какъ онъ
 •ни въ чемъ не былъ предъ ними ви-
 •новенъ; по его рубли и ранили саб-
 •лями, и поазаливъ нѣсколько разъ би-
 •ли палками и мучили; отъ таковыхъ
 •равъ и ужасныхъ побоевъ онъ пре-
 •далъ духъ Господу Богу. Но уголив-
 •ши тѣми и подобными, довольно уже
 •важными поступками, своей злобы,
 •они, въ теченіе нѣсколькихъ недѣль
 •послѣ перваго безчинства, почти
 •каждую ночь, шатаясь толпою по ули-
 •цамъ и нападавъ на дома разныхъ лю-
 •дей и дворянъ, стрѣляя, выбивая ок-
 •на и производя шумъ, сія безстраш-
 •ная вольница необузданныхъ людей
 •до того наконецъ простерла непри-
 •стойные, ни на что не смотрящіе за-
 •мыслы, что подъ ту сухую погоду
 •едва же встретила огнемъ города. Ви-
 •дя столь великія и нестерпимыя оби-
 •ды, нанесенныя Богу и святой-его
 •церкви, и оскорбленія въ вѣрѣ хри-
 •стіанской, противныя правамъ и
 •вольностямъ, гг. обыватели, пред-
 •оставивъ дѣло Всемогущему Господу
 •Богу и справедливому разсужденію
 •его королевской милости, государя
 •нашего милостиваго, должны были
 •за все то вознаграждать себя терпѣ-
 •ніемъ. Впрочемъ о всемъ томъ проти-
 •ву выше именovanýchъ преступни-
 •ковъ и вторично ихъ милости гг.
 •предъявители своимъ и всѣхъ господъ
 •обывателей именемъ протестуя, рѣ-
 •шились совокупно и поровнь съ каж-
 •дымъ изъ нихъ и со всякимъ, кто по
 •собраніи свѣдѣній окажется винов-
 •нымъ, вѣдаться предъ его королев-
 •ской милостію и въ судахъ, соорбраз-

•но съ званіемъ каждаго. А на тотъ
 •разъ протестующіе ставили возмать
 •Ивана Кородинскаго и Янина Пры-
 •сталовскаго, тогда же тотчасъ назна-
 •ченныхъ отъ уряда для осмотра
 •оныхъ безчинствъ; и они также ста-
 •вили передъ ядомъ въ званіи, лично,
 •лично и добровольно для вписанія въ
 •книги своего истиннаго дознанія,
 •показали: что они настоящаго тыся-
 •ча - шестьсотъ - тридцать - четвертаго
 •года, мѣсяца мая двадцать-четверта-
 •го дня, въ сопровожденіи многихъ
 •достойныхъ дворянъ, какъ назваче-
 •ныхъ отъ уряда, такъ и пригласен-
 •ныхъ отъ здѣшняго братства Луцкой
 •Церкви Воздвиженія Честнаго Креста,
 •ходили въ поименованный братскій
 •Луцкій Монастырь, гдѣ, по указанію
 •почтеннаго въ Богѣ таиннаго отца
 •игумена, видѣли сперва у него-само-
 •го на обонихъ плечахъ синіе, накинѣ-
 •шіе кровью знаки отъ побоевъ пал-
 •ками, на лѣвой рукѣ надъ локтемъ
 •также знакъ удара и сзади на шеѣ
 •ударъ сабли; у отца Сильвестра на
 •плечѣ лѣвой руки ударъ, какъ видно,
 •нанесенный камнемъ, синій, наки-
 •пѣтый кровью, распухшій; отца До-
 •мы правую руку надъ локтемъ раз-
 •битую палкою; потомъ, какъ у учите-
 •ля Петра Боснянскаго, такъ и у дру-
 •гихъ людей училищныхъ и бога-
 •деленныхъ, поименованныхъ выше
 •въ протестѣ, всѣ тѣ удары и раны,
 •коя ясно въ протестѣ выражены; а
 •также слѣды насилія, какъ-то: разо-
 •рванныя монастырскія ворота, разо-
 •манную и разорванную крышу, по-
 •битыя камнями и порубленныя саб-
 •лями двери въ самой церкви, также
 •замѣкъ, бывшій у колоколовъ, совер-
 •шенно-разбитый; окна и стекла въ
 •церкви, школѣ, келліи и богадельнѣ
 •камнями побитыя; сундукъ деревян-
 •ный совсѣмъ разбитый, а другой же-
 •лѣзный богаделенный, сорванный
 •съ цѣпи; наконецъ кровь на церков-
 •номъ дворѣ, тутъ же подъ церковью
 •въ очень-значительномъ количествѣ
 •свѣжую, видѣли; и все то, какъ ста-
 •вано, дѣйствительно осматривали. 0

• томъ, что сіе произошло отъ насиль-
 • ственнаго захвата вышеназван-
 • ныхъ въ протестъ лицъ, ихъ милости
 • господа братство луцкое, какъ ду-
 • ховныя, такъ и свѣтскія лица, жало-
 • валось, и оными возвышии свидѣтель-
 • ствовались: каковой протестъ и по-
 • казаніе возныхъ и урядовое вписаніе
 • въ луцкія градскія книги, ихъ ми-
 • лость господа обыватели, поручивъ
 • вышеназванными лицамъ, отъ именъ
 • своего и всѣхъ другихъ, на ономъ
 • подписались. На томъ протестѣ под-
 • писавъ руки, въ слѣдующихъ словахъ:
 • Юрій Пузына подкоморый владимір-
 • скій, Иванъ назъ Збаража Воронежскій,
 • Петръ Кидаскій, Станиславъ Трапез-
 • скій, Вацлавъ Гулевичъ Воютинскій,
 • Данилъ Дмиевскій, Семень Гулевичъ
 • Воютинскій, писарь вешскій луцкій,
 • Михаилъ Пузына, Романъ Гулевичъ,
 • Юрій Березинскій, Иванъ Городни-
 • скій, возный; каковой протестъ выше-
 • означенныхъ особъ, по моему уря-
 • довому прихитію, въ книги впи-
 • савъ... (Стр. 204).

Немалѣе, какое дано было даль-
 • нѣйшее направление этому дѣлу, и ока-
 • залъ ли король справедливость, на ко-
 • торую надѣялось братство. Предше-
 • ствованія и послѣдующія событія Ма-
 • лороссіи заставляютъ насъ сомнѣвать-
 • ся въ послѣднемъ. Вспомните, что это
 • было время жесточайшаго гоненія на
 • православныхъ и утѣсненія казаче-
 • ства, долго остававшагося безъ пред-
 • водителей; что оно до этого времени
 • былъ введенъ и пасочный сборъ и от-
 • дача греческихъ церквей въ аренду
 • Жидамъ, совершались въ Варшавѣ
 • жестокия казни извѣстными взятыхъ
 • въ плѣтъ казацкихъ предводителей,
 • лишались не только права и вольно-
 • сти малороссійскаго народа, но и свя-
 • тыхъ права человечества, кровь кото-
 • раго, проливаемая рѣками, звала себѣ
 • мстителя, что этотъ мститель наконецъ
 • явился въ образѣ Богдана Хмельниц-
 • каго, и, во его манию, вся Малороссія
 • востала на враговъ своихъ съ жаждою
 • мести и надеждою свободы.

Что дѣлали въ это время другія
 • духовныя братства, намъ пока неиз-
 • вѣстно. Въ собраніи древнихъ грам-
 • матъ и актовъ, изданныхъ по распо-
 • ряженію мѣстнаго виленскаго началь-
 • ства, встрѣчаемъ нѣсколько доку-
 • ментовъ, относящихся къ учрежден-
 • ному тамъ братству св. Троицы. Въ
 • числѣ этихъ документовъ находится
 • грамота константинопольскаго па-
 • триарха Іереміа 1588 года, которою онъ
 • утверждаетъ уставъ братства, напе-
 • чатанный въ томъ же году, съ дозво-
 • ленія кievскаго митрополита Никито-
 • ра, позволяеть вѣсть школу и печатать
 • въ принадлежавшей братству ти-
 • пографіи священныя книги Ветхаго и
 • Новаго Завета. Королевская грамота,
 • утверждающая тотъ же уставъ, отно-
 • сится къ слѣдующему году. Изъ нея
 • между прочимъ видно, что обычай
 • виленскаго братства въ главныхъ чер-
 • тахъ почти не различался отъ обы-
 • чаевъ братства луцкаго. Братія, кро-
 • мѣ елиновременнаго пожертвованія,
 • при самомъ вступленіи въ братство,
 • обязаны были, собираясь еженедѣль-
 • но, дѣлать по состоянію своему вкла-
 • ды въ казну братскую, изъ которой
 • производилось содержаніе священно-
 • служителей, совершавшихъ ежеледно
 • равную службу въ братской Церквѣ
 • св. Троицы, а по пятницамъ служи-
 • вшихъ всѣмъ соборомъ, церковнослу-
 • жителей, монашествующей братіи и
 • школы, въ которой братство воспиты-
 • вало бѣдныхъ дѣтей и сиротъ безъ
 • всякой за то платы. Сверхъ еженедѣль-
 • ныхъ собраній братства, назначено
 • было одно общее годовое, въ четвертое
 • воскресенье по Рождествѣ Христовѣ.
 • Къ числу братскихъ обязанностей от-
 • несены погребеніе мертвыхъ, кото-
 • рыхъ не на что было похоронить,
 • вспоможеніе обѣдѣвшимъ братьямъ,
 • пожертвованія на больницы и тюрьмы.
 • Братство было освобождено отъ всѣхъ
 • податей и повинностей; ему пред-
 • оставлена печать съ изображеніемъ св.
 • Троицы, право владѣть оглавленными и
 • завѣщанными въ его пользу имуще-
 • ствами; жалобы на братство были раз-

рѣшаемы не иначе, какъ самимъ королемъ. Нарушеніе лицомъ, приваляющимъ къ братству, его постановленій, наказывалось по рѣшенію братскаго собранія.

Изъ другихъ нынѣ обнародованныхъ актовъ, касающихся виленскаго братства св. Троицы, видно, что братство это, состоявшее, кажется, преимущественно изъ мѣщанъ, вступало въ споры съ униатскими епископами, особенно съ митрополитомъ Роговою, присвоившими себѣ право снабжать его духовными пастырями, — что наконецъ братія, не имѣвшіе ни откуда поддержки, временно въ безплодной борьбѣ, и въ 1609 г., по королевскому повелѣнію, братская Церковь св. Троицы съ принадлежавшимъ къ ней монастыремъ и всѣми имуществами, была передана униатскому архимандриту, вмѣсто православнаго, отрѣшеннаго митрополитомъ Поцѣмъ. Братство оказало нѣкоторое сопротивленіе и при самой передачѣ монастыря въ руки униатовъ, и въ послѣдствіи, отказавшись вносить на Церковь св. Троицы опредѣленные уставомъ пожертванія. Но возмущенію, которому поручено было совершить передачу братскихъ имуществъ униатамъ, исполнивъ свое дѣло, не смотря на толпу, собравшуюся у воротъ монастырскихъ для возраженій, предоставивъ имъ отъискивать своихъ правъ судебнымъ порядкомъ, а неоднократныя королевскія повелѣнія привели къ послушанію непокорныхъ и заставили ихъ жертвовать изъ достоинства своего на распространеніе исповѣданія, имѣющаго цѣлю уничтоженіе православія и введеніе католицизма. Братство было оставлено вмѣстѣ съ его училищемъ, школою, богадельнею, типографіей; только братія, его составлявшая, были уже не православныя, которыхъ цѣлю должны были быть защита и распространеніе греческаго исповѣданія, по умилу, признававшіе папу и бывшіе въ единеніи съ римскимъ престоломъ, какъ выражаются современныя докуменды. Въ этомъ новомъ видѣ братство суще-

ствовало до XVIII вѣка. По крайней мѣрѣ, къ этому времени (1701 г.) принадлежить послѣдній изъ нынѣ издаваемыхъ актовъ, касающихся этого братства, а именно подтвердительная грамота короля Владислава IV на права и вольности, предоставленныя его предками виленскому свято-троицкому братству.

Изъ прочихъ актовъ можно догадываться, что въ нѣкоторой зависимости отъ братства св. Троицы были другія малыя братства и даже цѣли, достигающія также отчасти религіозный характеръ, имѣвшіе свои привилегіи, свои старосты, свои собранія. Что они должны были имѣть духовными братствами, по примѣру лужскаго и виленскаго, доказывается тѣмъ, что въ нихъ могли вступать лица не только греческаго, но также лютеранскаго и католическаго исповѣданій. Какія были ихъ цѣли, характеръ и отношенія къ братству св. Троицы, трудно опредѣлить въ настоящее время, по недостатку данныхъ. Они послѣдовали общему развалу отлученностиа, поглотившему братство св. Троицы и, вѣроятно, если не исчезли вмѣстѣ съ нимъ, то по крайней мѣрѣ совершенно потеряли въ послѣдствіи свой религіозный характеръ и утонули во мракѣ, который ввѣшетъ до настоящаго времени всю исторію братствъ, самыя имена которыхъ едва были извѣстны немногимъ. Странное дѣло! Никогда корпораціи общества не бываютъ такъ слабы, какъ въ томъ случаѣ, когда цѣль урешленія ихъ есть защита или распространеніе религіозныхъ мѣрій. Европа представляетъ тому множество примѣровъ. Для Малороссіи съ ея вѣрой было соединено ея существованіе — не въ видѣ гражданскаго общества, до котораго она никогда не достигала, но въ томъ видѣ, въ какомъ ее представляетъ наша исторія, т. е. съ ея необузданною волею, дикой отвагой, благородными элементами, соединившимися съ малороссійскою кровью, и съ зачатками цивилизаціи, — съ такою востановленной польскою рукою. Въ этомъ отно-

шеніи, какъ мы сказали выше, религіозное преслѣдованіе было полезно для Малороссіи. Оно пробудило ея силу, которая безъ того погибла бы въ брадѣйствіи, потому-что только изъ Польши эта сила могла получить себѣ въ духовную пищу европейскую образованность; но Польша не давала ея дивачѣ, какъ цѣною вѣрны и отступничества, которыя, въ первобытной чистотѣ малороссійскаго характера, были всегда ему чужды. Дилемма была ясна и неумолима какъ судьба, какъ притворилъ исторіи: Малороссіи предстоило или одичать безъ всякаго развитія, застыть въ тѣхъ грубыхъ формахъ быта, отъ которыхъ она не могла отрѣшиться до самаго присоединенія ея къ Россіи, и, застарѣвъ, послужить въ послѣдствіи легкою добычею первому завоевателю, или, присоединившись къ Польшѣ, принявъ ея законы, обычаи и вѣру, раздѣлитъ въ будущемъ судьбу ея, разрѣшенную только въ новѣйшее время. Но Провидѣніе указало малороссійскому племени выходъ изъ этихъ двухъ крайностей: оно послало на него католическую пропаганду и унию, со всѣми сопровождавшими ихъ ужасами. Путемъ труднымъ и кровавымъ отодвинулась Малороссія отъ Польши; религіозное преслѣдованіе заставило ее присоединиться къ Россіи. При такомъ ходѣ историческихъ событій, духовныя братства являются страннымъ учрежденіемъ въ этомъ народѣ, почти совершенно-чуждомъ всякаго прочнаго общественнаго устройства, кромѣ самой необходимой воинской іерархіи часто - демократическаго характера; стало-быть, не строгой и вовсе не опредѣленной. Дѣйствительно, братства эти должны были имѣть для современниковъ какое-нибудь значеніе: они, по всей вѣроятности, доставляли грекороссійскимъ церквамъ пастырей и богослужебныя книги, молились подъ защитою королевскихъ привилегій въ то время, какъ для православныхъ были заперты другіе храмы, принимали больныхъ, защищали себя

и другихъ на судѣ и вѣроятно бились съ врагами вѣры въ лицѣ отдѣльныхъ братьевъ, къ нимъ принадлежавшихъ. Но для исторіи мало переходящихъ дѣйствій современной, т. е. случайной, мелочной и кропотливой жизни: она требуетъ, чтобъ разумное учрежденіе оставляло по себѣ прочный слѣдъ въ развитіи народа и человечества; она права, что позабыла братства, забывшія о ней во время своего существованія. Учрежденія социальныя, какими, по-видимому, были братства, всего менѣе способны исчезать такъ, какъ они исчезли. Отъ-чего же этотъ законъ, нигдѣ неизмѣнившійся, былъ нарушенъ славянскимъ племенемъ, воспитавшимъ въ себѣ такъ много юной жизни, обѣщавшимъ такъ много въ будущемъ? Отъ-чего братства были столь бессильны, что не только допустили распространиться унию, когда они должны были распространять православіе, но и сами подверглись ея вліянію? Были ли это только мертвые сколки съ европейскихъ учрежденій подобнаго рода, чуждые духа и жизни, была ли недостижима самая цѣль, для которой они учредились, или народъ, давшій имъ существованіе, не былъ способенъ къ подобной, общественной организаціи и, стало-быть, не могъ поддержать учрежденій, чуждыхъ его духа и характера? Въ такомъ случаѣ, что же было знаменитое казацкое товарищество, какъ не пустой призракъ общественной организаціи, забава дѣтствующаго народа, политическое уродство, какъ выразилась Императрица Екатеріна въ указѣ объ уничтоженіи Запорожской Сѣчи (*). По многимъ причинамъ, мы не можемъ коснуться въ настоящѣе время этихъ вопросовъ, которые и не представляютъ практической важности. Малороссія слилась съ Россією, и отнынѣ судьбы ихъ нераздѣльны.

Чтобъ видѣть внутреннюю необходимость подобнаго слиянія, чтобъ убѣ-

(*) «Исторія Малороссіи» Маркевича, т. IV, стр. 453.

дятся, что въ самомъ бытъ обонхъ элементъ, и прежде и послѣ ихъ соединенія, было много общаго, стѣтъ только обратиться ко второму отдѣлу Лавятниковъ, изданныхъ кievскою комиссiею, гдѣ помѣщены акты о правахъ и обязанностяхъ владѣльцевъ поземельной собственности въ отношеніи къ ихъ крестьянамъ.

Замѣчательно, что всѣ эти акты не что иное, какъ договоры. Иначе и быть не могло. Какъ всякое молодое племя, чуждое опредѣленнаго законодательства, Малороссія не могла установить званныхъ правъ и обязанностей этихъ двухъ классовъ; они опредѣлялись обычаями. Но какъ обычай имѣетъ обязательную силу только въ томъ случаѣ, когда обѣ стороны согласны соблюдать его, т. е. исполненіе его предоставлено произволу, то договоры служатъ единственнымъ средствомъ къ огражденію произвола и придаванію обычая законной силы по крайней мѣрѣ для каждаго отдѣльнаго случая. Тѣмъ драгоцѣннѣе для насъ эти акты, что въ нихъ сохранились первобытныя начала отношеній, сглаженныхъ въ собственной Россіи постепеннымъ развитіемъ законодательства о крестьянахъ.

Вотъ, на примѣръ, условія мѣноваго договора лужнаго старосты Петра Яновича, промѣнявшаго въ 1490 году мѣніе свое Дядьковичи на мѣніе Пересопницкаго Монастыря — Чемерни:

«А промѣнялъ я то мѣніе Дядьковичи игумену Иларіону, навѣки и не нарушимо, со всѣма принадлежностями, какъ я самъ у него купилъ и держалъ то мѣніе, не оставая и не изъемя для себя ничего: и съ людьми, и съ полями, и съ дубравами, и съ сѣнокосами, и съ пахатвыми полями, и съ прудами, и съ водами, и со всѣмъ тѣмъ, что къ тому мѣнію принадлежитъ. А люди мои вотчинные на имя Микла, Илья, Юрецъ, Данило, Богданъ, Василь, Омельянъ, Онскаворъ, Марко, Ганюкъ, Тимошко съ братомъ Иваномъ, Иванъ съ братомъ

Мишкою, Гринъ, Сакъ, Ромейко, Петрашець, Опонасъ, Мартинець, Богданъ, Васковичъ, Пекова, Митрошъ, Петко должны служить игумену Иларіону по принятому въ той землѣ обычаю, а прочь не уходить имъ отъ него. А людей похожихъ (имѣющихъ право переходить отъ одного владѣльца къ другому) въ томъ мѣніи Дядьковичахъ шесть человекъ. А везасѣданные (которые не обязались по договору прожить на льготѣ опредѣленное число лѣтъ), если пожелають пойдти отъ него прочь, то могутъ иди куда захотятъ, заплативъ выходныя деньги, по принятому въ землѣ обычаю. А еще, сверхъ того, къ вышеупомянутому мѣнію церковному, я придаю игумену Иларіону десять копъ широкитъ грошей. А если я этотъ мѣновой договоръ чѣмъ-либо нарушу, или нарушатъ его мои дѣти, или родственники мои, теперъ или послѣ, и въ то мѣніе въ Дядьковичи будутъ вступаться: въ такомъ случаѣ, я заплачу королю его милости двѣсти рублей, а вышеупомянутое мѣніе Чемерни долженъ буду отдать игумену пересопницкому Иларіону, или его преемнику, съ тѣми же людьми, четырьмя человекими, въ такомъ же хорошемъ и исправномъ состояніи, какъ я самъ у него взялъ. А если что я издержу на мѣніе Чемерни, держу это мѣніе въ своемъ владѣніи: то всѣ издержки долженъ будетъ мѣтъ игумень пересопницкій Иларіонъ, или его преемникъ, уплатить, вилучая сюда и десять копъ грошей, даваемыхъ мною въ придачу. А если что игумень пересопницкій Лаврентій, или его преемникъ, издержатъ на мѣніе Дядьковичи, или что прибавятъ, держу его въ своемъ владѣніи: то я, или дѣти мои, или родственники мои должны будемъ уплатить всѣ тѣ издержки игумену пересопницкому Иларіону или его преемнику, а они тогда должны будутъ отдать мѣтъ мѣніе мое Дядьковское, въ такомъ же хорошемъ и исправномъ состояніи и съ

• татимъ же числомъ людей мнѣхъ вочинныхъ, съ двадцатью-пятью человеками и шестью человеками похожими, какъ я имъ далъ и какъ выше написано. А кто бы хотѣлъ игумену пересонническому Нларіону въ томъ житіи въ Дядьковичахъ учинить несправедливость въ отношеніи къ крестьянамъ, или землямъ, или граицамъ: то я обзываюсь защищать его отъ всѣхъ тѣхъ несправедливостей. (Памяти. Отд. 2, стр. 1).

Изъ этого древняго акта видно, что и въ Западной-Россіи такъ же, какъ въ Восточной, поселяне раздѣлялись на два рода, существенно-отличавшіеся одинъ отъ другаго: одни состояли въ полной власти и зависимости помѣщика, другіе, имѣя право переходить отъ него съ соблюденіемъ известныхъ условій, обязаны были въ отношеніи къ нему только временною работою, какъ-бы въ вознагражденіе за пользование его землею. Доказательствомъ, что число послѣднихъ было довольно-значительно, служить особое постановленіе, составленное по общему согласію, помѣщиками Воеводствъ Полоцкаго и Витебскаго, для опредѣленія отношеній этихъ крестьянъ къ владѣльцамъ и обратно, въ которомъ не предстоило бы вовсе нужды, еслибы этотъ классъ не игралъ замѣтной роли въ тогдашнемъ бытѣ Западной-Россіи. Оно относится къ 1551 году, и мы выписываемъ его подлинными словами сдѣланнаго комиссіею перевода.

• Мы Германъ Хребтовичъ, Божію милостию архіепископъ, владыка полоцкій, витебскій и мстиславскій, — и князь Іосифъ Ясквскій, архидіаконъ виленьскій, плебанъ витебскій, — и панъ Юрій Зеновьевичъ, державца чечерскій и пропойскій, — и Иванъ и Михайло, и Павелъ Ивановичи Сапѣги, воеводици подляскіе, — и князь Павелъ Юрьевичъ Соколинскій, и князь Иванъ Васильевичъ Зилинскій, и князь Иванъ, и князь Андрей Петровичи Мосальскіе, и князь Григорій Ивановичъ Сѣвскій, и князь Иванъ Богдановичъ Видлинскій, и Лезъ Ива-

Т. XLIII. — Отд. V.

• новичъ Роскій, державца марковскій, и Никифоръ Бобобѣль, державца ученскій, — и Семень Кшичичъ, дворянинъ господарскій, — и князь Дмитрій Глинскій, и всѣ бояре, шляхта, священники, мѣщане и слуги панцерные, имѣющіе поземельную собственность и осѣлость въ витебскомъ повѣтѣ, согласились между собою, всѣ вмѣстѣ и заодно, сдѣлали о людяхъ вольныхъ похожихъ слѣдующій уговоръ и постановленіе о томъ, на какихъ условіяхъ такимъ людямъ жить у насъ. Каждый изъ насъ, съ этого времени, съ тысяча пятьсотъ-пятьдесятъ-перваго года, не будетъ уже, въ своихъ селеніяхъ водворять за собою людей вольныхъ похожихъ иначе, какъ по принятому въ землѣ полоцкой обычаю, т. е. на четвертой долѣ, такъ-что вольный похожій человекъ долженъ намъ, панамъ своимъ, давать отъ ржи и отъ всякаго другаго хлѣба, долю—четвертый снопъ, которая доля должна быть смолочена при нашемъ посланцѣ. При томъ они должны кормить посланцевъ нашихъ и доставлять долю пашу туда, куда имъ отъ насъ приказано будетъ. А съ пчель, которыхъ разведутъ они, живя за нами, должны давать намъ половину меду. А каждое лѣто, должны, на нашемъ хлѣбѣ, работать на насъ восемь толокъ, два дня пахать паровое поле, два дня рубить лѣсъ, два дня косить сѣно, два дня жать рожь и всяіе хлѣба, весною, втеченіи недѣли, строить, на дворѣ своего пана, новыя здавія или почищать старыя, а зимою ходить на охоту и на ловлю рыбы, въ озерахъ. А если какой похожій человекъ не захочетъ жить за нами на четвертой долѣ, то долженъ въ теченіи года, лѣтомъ и зимою работать два два въ недѣлю, съ носомъ, сохою, серпомъ, топоромъ и со всѣмъ тѣмъ, съ чѣмъ ему отъ пана приказано будетъ, а вышеупомянутыя восемь толокъ востани повиненъ будетъ лѣтомъ отработать, на нашемъ хлѣбѣ. А еслибы который человекъ захотѣлъ перейти

1/4 5

• къ кому-либо другому, то долженъ
 • заблаговременно, дѣтомъ, уступить
 • пану своему паровое поле и, явив-
 • шись на мірскомъ сходѣ, на первой
 • недѣлѣ великаго поста, ударивши че-
 • ломъ и заплативши выходную куницу
 • — двѣнадцать широкихъ грошей, вый-
 • дти прочь. Но еслибъ онъ, въ томъ
 • году, пропустилъ мірской сходъ, то
 • ему нельзя уже будетъ уйти прочь,
 • даже до мірскаго схода слѣдующаго
 • года. А еслибъ который человекъ,
 • живя въ селѣ, допустилъ до растрой-
 • ства свой домъ или гумно, то, выхо-
 • дя прочь, долженъ опять поправить
 • и отстроить, чтобъ было такъ, какъ
 • онъ самъ засталъ. А еслибъ кто по-
 • селилъ вольнаго человека на сыромъ
 • корнѣ, гдѣ бы не было селятбы, ни
 • готоваго распаханнаго поля, такому
 • человекъ должно быть дано десять
 • лѣтъ льготы, а высидѣвши льготныя
 • лѣта, онъ долженъ также давать долю
 • — четвертый снопъ и вести всѣ служ-
 • бы и повинности, какъ описано выше.
 • А который водворится въ готовомъ
 • домѣ и на разработанномъ пахатномъ
 • полѣ, такому льготы нѣтъ. А еслибъ
 • который человекъ купилъ на сторо-
 • нѣ какой-нибудь домъ, то вольно ему
 • выходя прочь, продать тотъ домъ ко-
 • му захочетъ; но если пристроить се-
 • бѣ что-нибудь изъ нашего дѣла, то
 • все то должно оставаться въ цѣлости.
 • Что же касается до тѣхъ изъ нашихъ
 • людей, которые, прежде сего, жили
 • за нами, платя куницу, тѣ также дол-
 • жны быть подчинены настоящему
 • нашему уставу, который мы всѣ обя-
 • заны исполнять единодушно и неиз-
 • мѣнно, и вольныхъ людей мы должны
 • держать и водворять за собою не на
 • куницахъ, а на вышеозначенной до-
 • лѣ — на четвертомъ снопѣ, со всѣми
 • вышепоименованными отъ нихъ до-
 • ходами и службами. А еслибъ кто
 • изъ всѣхъ тѣхъ сословій нашихъ дер-
 • жалъ и водворялъ за собою вольныхъ
 • людей, довольствуясь болѣе легкими
 • повинностями, а особливо куницами,
 • и въ чемъ-нибудь нарушилъ сей
 • уставъ или отступилъ отъ него, и это

• было бы на него довазано и довазно,
 • тотъ долженъ заплатить господарю
 • королю, его милости, пени пятьдесятъ
 • копъ грошей. А въ утверженіе это-
 • го уговора и совокушнаго постановле-
 • нія нашего, мы и печати свои къ се-
 • му нашему листу, приложили. Пи-
 • савъ въ Витебскѣ, дѣта отъ Рожде-
 • ства Христова, тысяча пятьсотъ-
 • пятьдесятъ-перваго, мѣсяца сентября
 • втораго дня, индикта или числа де-
 • сятаго (стр. 8).

Этотъ уставъ въ 1553 году былъ
 подтвержденъ на виленскомъ сеймѣ
 слѣдующею грамматкою короля Сигиз-
 мунда-Августа:

• Сигизмундъ Августъ, Божіею мил-
 • стію король польскій, и пр.

• Архіепископу владыкѣ полоцкому
 • Герману, — и архидіакону виленско-
 • му, пробошту скэрмирскому, пле-
 • бану витебскому, ксендзу Юсею
 • Ясинскому, и всему духовенству.
 • Объявляемъ вамъ: говорилъ намъ те-
 • перь воевода витебскій, державца
 • браславскій, усвяцкій и озерокскій,
 • панъ Станиславъ Пётровичъ Башка,
 • что, такъ-какъ наши крестьяне ви-
 • тебскіе исполняли службы и платили
 • подати легкія и для нашего вѣчна не-
 • прибыльныя, и что, по-тому, въ
 • кладовыхъ нашихъ вѣзковъ, нѣтъ ни-
 • какихъ, на случай пужды, състныхъ
 • припасовъ: то, чтобы мы, освободили
 • нашихъ крестьянъ отъ тѣхъ невыгод-
 • ныхъ службъ и податей, поселили
 • ихъ на четвертой долѣ, за томъ же
 • основаніи, на какомъ витебскіе вла-
 • дѣльцы земель слѣдали по установленію
 • о своихъ людяхъ и письменно обяза-
 • лись листомъ, подъ закладомъ на насъ
 • господаря, который листъ они намъ
 • предъявляли и были челомъ, чтобъ
 • мы ихъ при томъ взаимномъ согла-
 • шеніи оставили. Мы, получивъ объ
 • этомъ дѣлѣ, отъ пана адевода, до-
 • статочную справку и вѣдомость и
 • понявъ разумъ вышеупомянутаго бо-
 • ярскаго договорнаго листа, всѣхъ
 • поданныхъ нашихъ, отъ всѣхъ
 • службъ и податей ихъ стародавнихъ,
 • освободили и на четвертой долѣ, для

• слабленія съѣстными припасами и
 • лучшаго содержанія нашего замка,
 • водворить повелѣли. Объяваны они
 • отъ каждаго хлѣба своего, давать до-
 • ло—четвертый снопы, восемь толокъ
 • работать лѣтомъ и пчелами дѣлиться
 • ло полямъ; а въ дворахъ нашихъ го-
 • сподарскихъ, весною, въ теченіе не-
 • дѣли, стромть новыя зданія или по-
 • чинивать старыя, ходить на охоту и
 • на рыбную ловлю въ озерахъ, а боль-
 • ше того никакихъ другихъ службъ и
 • податей не знать. А хотя нѣкоторые
 • изъ васъ и не приложили печатей къ
 • тому договорному листу и не подчи-
 • нили своихъ людей постановленію о
 • четвертой долѣ: несмотря на то, такъ-
 • какъ мы господарь на то согласились
 • и крестьянъ своихъ, на вышеозна-
 • ченныхъ условіяхъ, водворили, и
 • тотъ договорный боярскій листъ въ
 • его силѣ оставили, повелѣваемъ вамъ
 • вышеозначенное постановленіе еди-
 • нодушно и неизмѣнно исполнять и
 • людей вашихъ походныхъ, на той че-
 • четвертой долѣ за вами водворить и
 • держать и пчелъ отъ нихъ половину
 • брать и приказывать имъ ходить на
 • толоки, на охоту и на рыбную ловлю
 • въ озерахъ и на бобровые гоны. А
 • еслибъ кто-нибудь изъ васъ, какого
 • бы онъ ни былъ сословія, не хотѣлъ
 • исполнить сего нашего господарска-
 • го постановленія и держалъ поход-
 • ныхъ людей, довольствуясь другими
 • болѣе-легкими службами и податями,
 • желя заселить свое имѣніе, и то бы-
 • ло бы на него дознано и доказано:
 • тотъ повиненъ будетъ намъ господарю
 • заплатить закладъ, который услови-
 • лись платить намъ владѣльцы земли
 • въ договорномъ листѣ. А мы пану
 • воеводѣ дали объ этомъ особый на-
 • казъ, чтобъ онъ прилежно наблюдалъ,
 • и о тѣхъ, которые будутъ нарушать
 • это постановленіе, доносить бы намъ
 • господарю. Писанъ въ Салачахъ, лѣ-
 • та отъ Рождества Христова тысяча-
 • пятьсотъ-пятьдесятъ-третьяго, мѣ-
 • сяца генваря въ четвертый день»
 (стр. 15).

Въ числѣ актовъ, подѣщенныхъ во

второмъ отдѣлѣ, находятся два, от-
 носящіеся къ 1580 году. Оба они,
 съ дополнительными постановленіями
 мѣстныхъ судовъ, имѣющими цѣлю
 приведеніе ихъ въ дѣйствіе, содер-
 жать въ себѣ условія, касающіяся вла-
 дѣнія монастырями и принадлежащи-
 ми къ нимъ имѣніями. Въ первомъ,
 королевскою грамотою предоставлено
 пожизненное владѣніе Монастыремъ
 св. Спаса и принадлежащими къ нему
 имѣніями дворянину Павлу Оранско-
 му, а послѣ его смерти тремъ сыно-
 вьямъ его, Михаилу, Григорію и
 Ильѣ. При этомъ владѣльцамъ да-
 но право управлять монастыремъ, не
 вступая въ монашество, съ тѣмъ толь-
 ко, чтобъ для исправленія дѣлъ цер-
 ковныхъ находился при нихъ особый
 викарій. Вторымъ актомъ князь Миха-
 илъ Чарторижскій, староста Жито-
 мирскій и жена его заложили, при-
 надлежащій имъ во владимірскомъ
 повѣтѣ Монастырь Честнаго-Креста,
 съ церковью и всѣмъ островомъ, на
 которомъ монастырь и церковь нахо-
 дятся, съ дворомъ монастырскимъ, съ
 пахатными полями, сѣнокосами, са-
 дами, огородами и хмѣльниками мо-
 настырскими, съ селомъ и всѣми
 людьми, живущими въ селѣ Чест-
 номъ-Крестѣ: дворовыми, тяглыми и
 огородниками, съ ихъ пахатными по-
 лями и сѣнокосами, огородами, сада-
 ми, хмѣльниками, съ ихъ службами,
 работами, повинностями, съ чиншани
 денежными и овсяными, со всякими
 платежами, доходами и прибытками,
 съ гаями, лѣсами, дубравами и дик-
 ими лѣсами, съ озерами, прудами, съ
 ловлею вѣтрей и птицъ, и съ рыбною
 ловлею и со всѣми прибытками, ка-
 кимъ бы именемъ они названы и по-
 именованы ни были. — кредито-
 рамъ своимъ, пану Лазарю Іваницко-
 му и женѣ его. Владѣльцамъ пред-
 оставлено право управлять, судить
 и рядить въ этомъ имѣніи; при
 чемъ Чарторижскіе обязывались не
 принимать въ имѣнія свои заложен-
 ныхъ крестьянъ Честнаго-Креста.
 • А если бы во время владѣнія пана Двѣ-

• ницкаго, его жены или того лица, ко-
 • му они отъ себя переуступать то имѣ-
 • ніе, разошлись крестьяне, или имѣніе
 • было разорено и сожжено неприятелами
 • Татарами, то Иваницій, жена его
 • и то лицо, кому они переуступать за-
 • ложенное имѣніе, не должны были за
 • это отвѣтствовать ни прежде, ни послѣ
 • уплаты долга, и спокойно владѣть
 • заложнымъ имѣніемъ.

Но всего ближе, подробности и яснѣе
 определяются взаимныя отношенія
 крестьянъ и владѣльцевъ арендными
 договорами, которыхъ, въ нынѣ-на-
 данномъ сборникѣ, помѣщено четыре.

Въ 1595 году, князь Александръ
 Провскій и жена его, урожденная Сам-
 гущко, отдали въ аренду пану Адаму
 Бурацкому и турецкому Жиду Абра-
 му Шмойловичу, на три года, наслед-
 ственное имѣніе свое въ повѣтѣ вла-
 дамірскомъ, а именно: замокъ и го-
 родъ Докачи, съ огородами въ
 • предмѣстїи, на Старыхъ-Докачахъ,
 • село Уймъ съ укрѣпленіемъ, два села
 • Цевеличи съ форверкомъ, село Кру-
 • хничи съ форверкомъ, дворъ и село
 • Павловичи съ форверкомъ, село Уйми-
 • ца Павловицкая, село Холоничи съ
 • форверкомъ, съ землями, строеніями,
 • людьми тяглыми и нетяглыми, съ бо-
 • рами путными и панцырными, вклю-
 • чая въ то число и Янчинскаго, кото-
 • рый живетъ на волокѣ нашей девалин-
 • ской и долженъ подлежать суду зам-
 • ковому, — съ Жидами и получаемыми
 • отъ нихъ доходами, со всѣми иными
 • людьми, въ тѣхъ имѣніяхъ живущи-
 • ми, съ пашнями, работами, полвода-
 • ми, фурами, чиншами, даями, пе-
 • нями малыми и великими, съ мельни-
 • цами и получаемыми отъ нихъ дохо-
 • дами, съ прудами, озерами, садками
 • и рыбною ловлею, съ корчмами и
 • продажей всякихъ напитковъ, съ гал-
 • ми, садани, огородами, съ пустоша-
 • ми, сѣнокосами, скотомъ и вообще со
 • всѣмъ и всякимъ имуществомъ и до-
 • ходами, въ городахъ и селахъ, на во-
 • локѣхъ и дубравахъ. Далѣе въ услови-
 • яхъ контракта залогодатели говорятъ:

• Если бы кто-нибудь изъ крестьянъ

• нашихъ ушелъ прочь въ село другого
 • владѣльца, то мы не будемъ искать
 • на панахъ арендаторахъ, но на тѣхъ,
 • у которыхъ бѣглые жить будутъ;
 • впрочемъ, если какой крестьянинъ
 • уйдетъ въ продолженіе аренднаго
 • срока, то и паны-арендаторы могутъ,
 • сами отъ своего имени, требовать его
 • и вести искъ судебнымъ порядкомъ.
 • А если бы во время аренднаго владѣ-
 • нія они въ нашешъ имѣніи, въ замкѣ
 • и дворахъ, сдѣлали издержки на по-
 • стройку, починку или для насыпанья
 • плотины: то такія издержки, по над-
 • лежащемъ удостовѣреніи, мы должны
 • будемъ вычесть изъ той же арендной
 • суммы. Къ тому же мы позволяемъ
 • имъ возить изъ нашего свинарскаго
 • двора дрова для отопленія замка и дво-
 • ровъ; то же позволяемъ и крестья-
 • намъ одинъ день въ недѣлю, безъ вся-
 • кой платы; но только они должны
 • вѣдать съ вѣдома пана-арендатора,
 • сколько бы ихъ ни поѣхало. Оставля-
 • емъ также для себя въ томъ имѣніи
 • нашешъ трехъ бояръ для послыжи съ
 • письмами, куда потребуется; впро-
 • чемъ эти бояре должны находить-
 • ся въ послушаніи пановъ-арендато-
 • ровъ, а прочихъ могутъ паны-арен-
 • даторы употреблять для своихъ на-
 • добностей и службъ. А еслибъ они
 • почли болѣе-прибыльнымъ не посы-
 • лать бояръ съ листами, а водворить
 • ихъ, обложивъ чиншомъ, то и это мы
 • предоставляемъ на ихъ волю. Мы
 • удерживаемъ также для себя четы-
 • рехъ огородниковъ крухницкихъ для
 • тамошняго огорода. Овощи и медъ въ
 • пчельникѣ принадлежатъ панамъ-
 • арендаторамъ, кромѣ винограда и
 • персиковъ, которые мы оставляемъ
 • для себя. Такъ-какъ съ крестьянами
 • обыкновенно бываютъ споры о *важ-
 • лнн* на форверкахъ, то мы постановля-
 • емъ, чтобъ крестьяне пахали по ше-
 • сти дней, не болѣе и не менѣе, то-
 • есть, весною шесть дней, а на наро-
 • вомъ полѣ другіе шесть дней, такъ,
 • какъ-бы они пахали у себя дома, а
 • жать въ среду и пятницу по два съ
 • волоки. Также стадо наше должно

быть хорошо содержимо виною, а гдѣ-тошъ ходить по полямъ, какъ обыкновенно; а жеребцы того стада должны находиться въ Бересткѣ въ-продолженіе зимы. Ковнацкаго мы вовсе освобождаемъ отъ всякихъ повинностей, а возный Дегтевскій долженъ подиноваться арендаторамъ въ исполненіи своей должности. Всѣ вышеупомянутыя имѣнія наши мы разомъ уступили и уступаемъ во владѣніе и пользованіе пановъ-арендаторовъ. Имѣютъ они право брать себѣ всѣ доходы, судить крестьянъ, не допуская къ намъ аппелляціи; они могутъ наказывать виновныхъ и непослушныхъ по мѣрѣ вины, даже смертію, еслибъ кто изъ нихъ заслужилъ; въ чемъ ни мы сами, ни потомки наши никакихъ препятствій дѣлать не будемъ. Но напротивъ того, паны-арендаторы должны владѣть вышеупомянутыми имѣніями спокойно и ненарушимо, со всѣми съ ними доходами, до означеннаго срока (стр. 68 и 77).

Подобныя же распоряженія находятса и въ другихъ арендныхъ контрактахъ, относящихся къ тому же времени, изъ которыхъ одинъ заключенъ тѣмъ же Жидомъ Абрамомъ Шмойловичемъ съ княземъ и княгинею Сангушко-Косцержскими. Вотъ мѣста, куда относящіяся:

Въ контрактѣ Шмойловича съ Косцержскими:

По этому аренданому листу, данному съ нашими печатами и съ собственноручными подписями нашими, имѣетъ онъ (арендаторъ) право владѣть вышеупомянутыми имѣніями, пользоваться ими, брать себѣ всякіе доходы и пользоваться ими, судить и рядить бояръ путныхъ, которые ѣздили съ листами, также всѣхъ крестьянъ нашихъ виновныхъ и непослушныхъ наказывать денежными пенями и смертію, по мѣрѣ проступковъ. А если имъ не будетъ нужна служба путныхъ бояръ, которые ѣздили съ листами, тогда могутъ они уволить ихъ отъ той службы и водворить ихъ, обложивъ чиншомъ, и тогда они обяванн будутъ

или отступить отъ службы, или работать наравнѣ съ прочими крестьянами... А еслибъ... пашни погорѣли или крестьяне разошлись прочь, въ такомъ случаѣ, мы сами и потомки наши, на нихъ самихъ и ихъ потомкахъ, за то ничего искать не будемъ, но еще повинны будемъ отыскивать бѣглыхъ на свой счетъ... Объявляемъ также симъ листомъ нашимъ, что слуги наши, земляне и шляхта, владѣвшіе по милости нашей селами въ Косцержской и мезовской волости, какъ прежде сего ни корчемъ, ни вьныхъ шинковъ въ селахъ тѣхъ не имѣли и не пользовались ими, такъ и теперь въ тѣхъ селахъ корчемъ и никакихъ шинковъ имѣть не будутъ. А что касается до почивки плотницъ, то крестьяне наши во всѣхъ вышеупомянутыхъ селахъ, также крестьяне землянъ нашихъ должны и повинны будутъ, по древнему обычаю, почививать свои раздѣленные между ними по ровну участки (стр. 88—91).

Наконецъ, въ арендномъ договорѣ пана Лысаковскаго и жены его съ паномъ Миклашевскимъ и несвѣжскимъ Жидомъ Песакомъ, между прочимъ содержится:

...Свидѣтельствуемъ, что мы отдали въ аренду имѣнія наши, въ Холмскомъ-Повѣтѣ лежащія, то-есть, Слуць Черборскій... со всѣмъ правомъ, управленіемъ и властію... съ боярами путными и ихъ повинностями, съ церквами и всѣмъ тѣмъ, что даво имъ на содержаніе, со всѣми людьми тяглыми и нетяглыми, съ даними старыми и даними новыхъ поселенцовъ, съ ихъ работами, подволами или фурами, только тремя, и не далѣе какъ до Бреста или за Любомль къ Бугу кратчайшими дорогами... Имѣютъ право паны-арендаторы и ихъ потомки спокойно владѣть и пользоваться тѣми вышеупомянутыми имѣніями нашими, такъ точно, какъ мы сами тѣми имѣніями владѣли и пользовались: судить крестьянъ и наказывать виновныхъ и преступныхъ. вышесозначенными пенями; а еслибъ кто

• заслужилъ по праву смерть, то карать и смертію; что должно продолжаться до истеченія вышеупомянутаго срока • арены • (стр. 98, 99 и 102).

Такимъ образомъ, мы изложили здѣсь читателямъ содержаніе изданныхъ въ Вильнѣ и Кіевѣ актовъ и познакомимъ ихъ съ двумя главными учрежденіями, въ которыхъ отразилась внутренняя жизнь Западной Россіи. Намъ остается прибавить, что большая часть виленскаго сборника наполнена документами, касающимися правъ и привилегій городовъ Виланы, Ковна, Трокъ и тамошнихъ православныхъ церквей и монастырей, — стало-быть, имѣющихъ значеніе чисто-мѣстное и чуждыхъ всякаго общаго, т. е., живаго интереса. Третій отдѣлъ актовъ, изданныхъ кіевскою комиссіею, заключаетъ въ себѣ документы, касающіеся исторіи Малороссіи въ славный періодъ ея существованія, именно во время войнъ Хмѣльницкаго. Не смотря на живой интересъ, возбуждаемый этими документами, въ которыхъ, какъ въ календаріи, отражаются событія этой кровавой эпохи, мы сочли лучшимъ обойти ихъ, предоставляя читателямъ самимъ познакомиться съ ними. Для насъ важнѣе подробности, дающія понятіе о внутренней жизни, о бытѣ семейномъ и общественномъ народа, ожившагося съ нами послѣ короткой, младенческой жизни своей, наполненной буйнымъ разгуломъ, невозможными подвигами геройства, громомъ войнъ и то кликами побѣдъ, то стонами страдальцевъ. Въ этой жизни желали бы мы доискаться залоговъ будущаго; изъ этой жизни убѣдился мы въ ничтож-

ности прошедшаго Малороссіи и въ необходимости паденія ея отдѣльнаго существованія, имѣвшаго только тѣнь самобытности, и то благодаря безпрерывнымъ войнамъ и религиознымъ преслѣдованіямъ. Избѣгая укора въ искаженіи фактовъ и приданіи имъ личнаго колорита, мы постоянно старались говорить подлинными словами документовъ, на которыхъ должно основаться сужденіе. Пусть читатели судятъ сами: передъ ними духовныя братства, передъ ними права крестьянъ и владельцевъ. И то и другое въ историческомъ и практическомъ отношеніяхъ достойно вниманія каждаго образованнаго челоука. Настоящее есть произведеніе прошедшаго, а между-тѣмъ зародышъ будущаго въ настоящемъ, — эта старая истина перешла теперь въ убѣжденіе умовъ самыхъ поверхностныхъ. Пусть же, по даннымъ стараго времени, по современнымъ фактамъ и отношеніямъ, болѣе или менѣе доступнымъ всякому, слабый утвердится въ своихъ мнѣніяхъ и опредѣлитъ себѣ путь для дѣйствія; провинувшійся необыточными владѣльцами укоротитъ полетъ ихъ; отчаявшійся добросовѣстно отгннцетъ зачатки развитія, необходимость движенія и тайное, какъ зародышъ въ утробѣ матери, образованіе будущаго...

Вспомнимъ, что если высоко и благородно младенческое чувство безусловныхъ надеждъ и пылаго энтузіазма, то несравненно-выше, тяжеле и благороднѣе гордая покорность историческому разуму въ его непреклонной необходимости и грустное склоненіе головы передъ тѣмъ, чего мы не имѣемъ въ-состояніи...

VI.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

О К Т Я Б Р Ъ .

335) Столѣтіе Россіи, съ 1743 до 1845 года, или историческая картина достопамятныхъ событій въ Россіи за сто лѣтъ. Сентября 5-го 1845, въ день столѣтнюю юбилей, совершившаюся со дня рожденія князя Голицына-Кутузова - Смоленскаго. Сочиненіе Николая Полеваго. Часть первая. Санктпетербургъ. Изданіе П. И. Мартынова. 1845. Въ тѣхъ. Департамента Внѣшней Торговли. Въ 8-ю д. л. IV и 405 стр.

Во всякой литературѣ должно отличать двѣ стороны—ученую и художественную, и бѣльетрическую. Къ первой принадлежатъ произведенія глубокой эрудиціи, строгаго искусства, въ обоихъ случаяхъ— плоды труда обдуманнаго, зрѣлаго. Ни ученый, ни художникъ ничего не производятъ безъ призванія, безъ любви, безъ страсти, ничего не производятъ по случаю,

кстати (à propos), на-заказъ, къ сроку. И потому оба они творятъ не для минуты, не для мгновеннаго удовольствія толпы, и если не каждому изъ нихъ суждено творить для вѣковъ, то каждый изъ нихъ, трудясь, думаетъ не о настоящемъ только времени, но и о будущемъ, желая успѣха при жизни, желаетъ, чтобъ и послѣ смерти трудъ его не терялъ своего интереса. Но ученые и художники, особенно великіе—аристократы человѣчества: они трудятся не для всѣхъ, а только для избранныхъ. Это особенно относится къ обществу, въ которомъ просвѣщеніе и образованіе не ровно разлиты по всѣмъ его классамъ, но однимъ доступны больше, другимъ меньше, а третьимъ и вовсе недоступны. Однакожь благодѣянія литературы—этогого могущественнаго средства къ образо-

массъ, должны простираться на всѣхъ. Не всякій можетъ и долженъ быть ученымъ, но всякій долженъ имѣть общія познанія; не всякому доступно высокое искусство, но для всякаго должно существовать наслаждение прекраснымъ. Для этого, наука и искусство должны быть сведены съ ихъ высокаго, недоступнаго для толпы пьедестала, и, черезъ это, приближены къ понятію массъ. Эта, въ одно и то же время, и мелкая и великая роль принадлежитъ бельетристикѣ. И наука и искусство имѣютъ свою бельетристику и своихъ бельетристовъ. Что такое бельетристы? Слово «бельетристы» происходитъ отъ *belles-lettres*, т. е. *изящная словесность*; слѣдовательно, въ первоначальномъ своемъ значеніи, слово бельетристы есть то же, что литераторъ, занимающійся изящною словесностью,—то же, что стихотворецъ, новеллистъ, романистъ. Но какъ, въ послѣднее время, изящество изложенія сдѣлалось необходимымъ условіемъ даже сочиненій, неприналежащихъ къ области искусства, а потребность въ образованіи для массъ сдѣлала популярность изложенія необходимымъ условіемъ науки, то, въ слѣдствіе этого, литература приняла новый характеръ: съ одной стороны, она перестала быть исключительномъ достоинствомъ немногихъ набранныхъ, а съ другой, угрожая вкусу и потребностямъ всѣхъ и каждого, она перешла, такъ сказать, въ руки дѣятелей болѣе скоро и много, нежели прочно пишущихъ, болѣе многочисленныхъ, нежели замѣчательныхъ по силѣ таланта: эти — то люди и должны называться бельетристами. Бельетристотъ отягощенъ къ ученому и художнику, какъ переводчикъ къ автору, котораго онъ переводитъ: владѣя своимъ собственнымъ талантомъ, онъ все-таки живетъ чужимъ умомъ, чужимъ гениемъ. Наука и искусство никогда не бываютъ ремесломъ; бельетристика тоже не ремесло—она выше ремесла, но ниже искусства: она середина между ними. Бельетристика въ поэзіи относится

какъ диллентативнѣ къ художественной дѣятельности; къ наукѣ — какъ образованіе къ просвѣщенію. Чтобы быть бельетристомъ, надо имѣть призваніе, страсть, талантъ, особенно талантъ, но не гениі. Можно сказать, что всякій поэтъ, всякій ученый, у котораго есть талантъ, но нѣтъ гениа, — бельетристъ. По-этому, главное, существенное различіе между произведеніями ученаго и художника и между произведеніями бельетриста состоитъ въ томъ, что первые пишутъ для вѣковъ, а послѣдній—для минуты. Вътъ ученые сочиненія, давно-потерявшія цѣну, въ-слѣдствіе дальнѣйшаго развитія и большихъ успѣховъ науки; но, переставъ быть авторитетомъ, они все-таки не забыты, не потеряны изъ вида, но гордо и непоколебимо стоятъ, какъ вѣхи, указывающія путь, по которому шла наука, разстоянія, которыхъ она достигала. Несуществующіе для толпы и диллентавтъ, эти старые труды гениевъ науки всегда живы для новыхъ ученыхъ, знающихъ исторію своей науки. Что касается до произведеній искусства, ихъ достоинство утверждается только временемъ, и, подобно вину, они отъ него пріобрѣтаютъ свой букетъ. Для произведеній же бельетристички, время есть безпощадный Сатурнъ, пожирающій чадъ своихъ: время провозводитъ ихъ тысячами,—время и пожираетъ ихъ тысячами. Бельетристы торжествуютъ рвать лавры, пока они растутъ для него; ему нужно утомятъ вниманіе публики, и онъ изумляется се своею дѣятельностью, какъ-бы зная, что, забывъ его на минуту, она совсѣмъ его забудетъ. Бельетристы пишутъ легко и скоро; онъ на все своеобѣтъ, талантъ его гибнетъ; его дѣятельность можно подстрекать и, такъ сказать, покушать. Ему можетъ сказать и журналистъ и книгопродавецъ: «напишите мнѣ то, или это, въ такомъ-то родѣ, въ такомъ-то объемѣ и къ такому-то времени», и онъ возьмется и напишетъ. Извѣстно, что *Вашингъ Жидъ* написалъ *Эммануэль Сю* по заказу

журнала *Constitutionnel*, и Тьеръ, нѣтъ котораго этотъ журналъ есть органъ, сказалъ Эжену Сю, какіе вопросы должно поднять въ этомъ романѣ—напасть на иезуитовъ, напомнить о поэзіи наполеоновскаго солдата и т. д.: вотъ бельетристъ! Жоржъ Зандъ тоже печатаетъ свои романы въ фельето-выхъ журналахъ и беретъ за нихъ деньги; но пишетъ не по заказу, и не торгуется за романъ, который еще не записанъ, или только пишется: вотъ художникъ! *Вѣчный Жидъ* надблалъ шума въ тысячу разъ больше, нежели, на-прим., *Теврино*; *Вѣчный Жидъ* ирраится толпѣ.—*Теврино* восхищаетъ немногихъ; но за то, первый уже умеръ въ самой Франціи, едва успѣвъ дойти до конца, а торжество второго еще впереди, и все больше и больше...

Однакожь, было бы вѣрнымъ педагогическомъ смотрѣть на бельетристику и бельетристовъ съ преврѣніемъ: они необходимы и совершаютъ великое дѣло. Безъ нихъ, умственнаго наслажденія и—результаты этихъ наслажденій—развитія ума, образованія сердца, не существовали бы для огромнаго числа людей, которые, по своей натурѣ, или по недостатку воспитанія, не могли бы черпать изъ истиннаго источника искусства. Есть люди, для которыхъ *Вѣчный Жидъ*—колоссальное твореніе, идеалъ романа, и которыхъ эстетическія требованія никогда не пойдутъ дальше этой сказки: пусть же они читаютъ ее, вѣдъ и имъ надобно же что-нибудь читать! Есть другіе: они начинаютъ *Вѣчнымъ Жидомъ*, а кончатъ *Теврино*, отъ котораго уже никогда не воротятся ни къ какому *Вѣчному Жиду*, за что все-таки спасибо *Вѣчному Жиду*... Бельетристика сама-по-себѣ не можетъ составить богатства литературы; но, при сильномъ развитіи науки и искусства въ народѣ, она дѣлаетъ литературу богатую и блестящую. Доказательствомъ тому служить французская литература, переводы съ которой наводятъ всѣ другія европейскія литературы.

Вотъ почему одинъ изъ недостат-

ковъ, одинъ изъ очевидныхъ признаковъ бѣдности русской литературы состоитъ въ томъ, что у насъ почти нѣтъ бельетристики и больше гениевъ, нежели талантовъ (что бы ни говорили и какъ бы ни издѣвались надъ этою мыслию невѣжды, умѣющіе придираются только къ словамъ, но не понимающіе мыслей!). Чтобы убѣдиться въ этомъ, стѣнитъ только взглянуть на исторію русской литературы. Почти до времени Екатерины, Ломоносовъ одинъ составлялъ всю русскую литературу. Потомъ явились Сумароковъ, Херасковъ, Петровъ, Державинъ, Богдановичъ, Фонвизинъ, — и всѣ они равно слыли за великихъ писателей, за гениевъ,—а между-тѣмъ въ ихъ время нельзя насчитать и десятка второстепенныхъ писателей, которые пользовались бы тогда какою-нибудь извѣстностью. Въ карамзинскую эпоху явились уже и бельетристы, но въ маломъ числѣ и мало-писавшіе; за Пушкинымъ ихъ вышло уже и довольно; но это были бельетристы по таланту, а не по дѣятельности, и почти всѣ они писали такъ мало, что ихъ можно было считать скорѣе за литературныхъ наѣздниковъ, нежели за дѣятельныхъ и плодотворныхъ бельетристовъ. Изъ нихъ должно исключить двухъ: это — гг. Полевого и Кукольника. Вотъ бельетристы въ истинномъ значеніи слова! Г. Кукольникъ пишетъ по-крайней-мѣрѣ за десяти-рыхъ самыхъ дѣятельныхъ русскихъ литераторовъ, вмѣстѣ взятыхъ; г. Полевой — по-крайней-мѣрѣ за сто... Такъ-какъ предметъ этой статьи—г. Полевой, то и будемъ говорить только о немъ. Многіе дивятся, когда увидѣваетъ онъ писать книгу за книгой, статью за статью, романъ за романомъ, повѣсть за повѣстью, драму за драмой: удивленіе не совсѣмъ-основательное! Оно больше шло бы въ Пушкину (еслибъ Пушкинъ такъ много писалъ), нежели къ г. Полевому. Г. Полевой—бельетристъ: этимъ все сказано, въ этомъ разгадка загадки. У него есть подъ рукою классическіе ии-

сатели, биографическіе, историческіе и энциклопедическіе словари: матеріалъ готовый, источники неисчерпаемые,—а онъ вѣдь не создаетъ: онъ только пересказываетъ сказанное, передѣлываетъ сдѣланное, но пересказываетъ и передѣлываетъ такъ, какъ нужно для пользы и удовольствія той многочисленной братіи, чающей движенія воды, которая стоитъ въ преддверіи храма грамотности, еще не готовая войти въ самый храмъ. И эта дѣятельность, столь пестрая, если не многосторонняя, столь безпокойная, если не энергическая и не могущественная, столь шумливая, если не громкая, столь плодущая, если не плодородная, — эта дѣятельность есть даръ природы, призваніе, страсть, а не труженичество, не торгашество, какъ у нѣкоторыхъ писакъ, которые готовы перебить у другаго всякое предпріятіе и вопіють о своихъ заслугахъ, своей благонамѣренности и безкорыстїи при всякомъ чужомъ успѣхѣ, отнимающемъ у нихъ сонъ и аппетитъ... И такъ, не смотря на наше рѣшительное несогласіе со взглядами г. Полеваго, высшими и низшими, на всѣ предметы, подлежащіе вѣдомству литературы, не смотря на его вылазки противъ вашихъ мнѣній, мы все-таки скажемъ, что желаемъ русской литературѣ побольше такихъ бѣлетристовъ, какъ г. Полевой; во вмѣстѣ съ тѣмъ, желаемъ, чтобы, для ея чести и пользы, они чаще смѣнялись новыми, и тѣмъ избавляли бы русскую литературу отъ устарѣлыхъ мнѣній, отсталыхъ понятій и безсильныхъ, возбуждающихъ болѣзненное состраданіе попытокъ играть важную роль въ чуждомъ мнѣніи новыхъ поколѣній...

Новая книга г. Полеваго—*Столетіе Россіи*, есть чисто-бѣлетристическое произведеніе. Оно написано случайно и на случай, какъ признается самъ авторъ. Въ одинъ прекрасный день—вѣтъ, въ одинъ прекрасный вечеръ... но пусть самъ г. Полевой расскажетъ вамъ это событіе:

«Сѣверная русская столица, освѣщенная свѣтомъ неслучайно лѣтняго вечера, кипѣла жизнью, когда задумчиво оставался я передъ изваяніемъ великаго военнаго начальника, архистратига Десятилетія юда, князя Михаила Кутузова-Смоленскаго, и въ душѣ моей мелькнула мысль: сто лѣтъ!

«Сто лѣтъ», думалъ я, смотря на изваяніе русскаго вождя: «сто лѣтъ совершилось съ того года, когда родился ты, мужъ великій! Сто лѣтъ, въ которые совершилъ ты свои подвиги (?!), и уже тридцать два года, какъ почилъ ты среди потухшихъ громовъ!»

Правду говорятъ иные, что поэзія—врагъ логики: по словамъ г. Полеваго — «сто лѣтъ, въ которые совершилъ ты свои подвиги» — можно подумать, что Кутузовъ началъ свои подвиги съ перваго же дня своего рожденія, т. е. съ 5-го сентября 1745 года... Но это сказано такъ — для красоты слога... Далѣе, тѣмъ же слогомъ описывается, какъ г. Полевой стоялъ на колѣняхъ, подлѣ ноглы великаго полководца и, облокотясь на ея решетку, плакалъ, думалъ и мечталъ...

Теперь посмотрите, что такое бѣлетристъ. У ученаго подобная книга была бы плодомъ долговременнаго размысла, труда строгаго, дѣльнаго, серьезнаго, облуманнаго. У г. Полеваго это было дѣломъ минуты: лѣтомъ онъ гулялъ, а осенью вышла книга. Не поди онъ гулять — и не было бы книги. Послѣ этого удивляйтесь, что паденіе яблока съ дерева было причиною великой теоріи Ньютона о тяготѣніи земли!... Потомъ: кому бы пришло въ голову писать исторію Россіи по поводу столѣтія, совершившагося со дня рожденія Кутузова? Кутузовъ — славитель Россіи, мужъ доблестный и великій — это аксіома; но все-таки важны и велики его подвиги, а совѣтъ не день его рожденія, который никакъ не могъ быть эпохою въ исторіи Россіи. Но бѣлетристу нуженъ только поводъ, случай, прилирия къ составленію книги. Г. Полевой придрался — и довольно. Но ко дню рожденія Кутузова онъ придумалъ родъ введенія, въ

которомъ кратко обзорѣлъ исторію Россіи отъ прішествія въ Русь Норманновъ до царствованія императрицы Анны Иоанновны, которое у него уже не просто обзорѣно, а рассказано, и съ котораго до конца рассказъ становится все подробнѣе и подробнѣе.

Разбирать книгу г. Полеваго нѣтъ надобности: это чисто-беллетристическое произведеніе, что-то похожее на компіляцію кстаги, или по случаю. Ни въ фактахъ, ни въ воззрѣніяхъ нѣтъ ничего новаго, ничего такого, что бы не было много разъ говорено г. Кайдановымъ и подобными ему беллетристами исторіи. Ученый (а не беллетристъ) не сталъ бы писать такую книгу, еслибъ видѣлъ, что онъ не умѣетъ или не можетъ сказать въ ней ничего новаго. Г. Полевою не затруднился, а какъ-будто-бы даже обрадовался такому обстоятельству. И хорошо сдѣлалъ! Отъ него, какъ отъ беллетриста, никто и не будетъ требовать ничего особеннаго, а между-тѣмъ, найдется много людей, которые въ его книгѣ повторятъ, для памяти, читаемое ими въ другихъ книгахъ, а нѣкоторые черезъ нее и въ первый разъ узнаютъ то, чего прежде не знали... Итакъ, для публики новая книга, для журналовъ новая пожива, для литературы какъ-будто новое движеніе: чего же болѣе? Да здравствуетъ беллетристика! А тамъ, глядишь, выйдетъ и вторая часть «Столѣтія Россіи». Что же будетъ въ ней? — Мечты. — Какъ? что такое? — Мечты! По-крайней-мѣрѣ вотъ какъ выразился самъ авторъ: «Нѣсколько мыслей будущему — мыслей, которые могутъ назвать *мечтами*». Это, вѣроятно, невольная дань прошедшему со стороны автора. Нѣкогда онъ издалъ свои повѣсти и рассказы подъ названіемъ: *Мечты и Были*; это названіе (а особенно выраженная имъ мысль) такъ понравилось г. Полевою, что онъ рѣшился возобновить его, — и въ первой части «Столѣтія Россіи» предлагаетъ публикѣ *Были*, а во второй представляеть ей то, что можно назвать *Мечтами*..

336) Исторія Консульства и Имперіи, соч. Тьера, бывшаго президента Совѣта - Министровъ, члена Палаты-Депутатовъ и Французской-Академіи. Перевелъ съ франц. И. Д — в. Части I, II и III. Санктпетербургъ. 1845. В 8-ю д. л. 228 стр.

Не смотря на огромный успѣхъ, который имѣлъ во всей Европѣ новый историческій трудъ г. Тьера—*Исторія Консульства и Имперіи*,— это сочиненіе не принадлежитъ въ разрядъ произведеній, запечатлѣнныхъ достоинствомъ науки. Это произведеніе чисто-беллетристическое. Для Наполеона уже настаетъ потомство, и уже не далеко время, когда будетъ возможна его исторія; но пока она еще невозможна. Низвергнутый съ вершины могущества, Наполеонъ былъ чернымъ и унижаемъ даже тѣми, которые недавно еще были его униженнѣйшими слугами. Партія бурбонистовъ имѣла причину и ненавидѣть и бояться даже тѣни Наполеона, и бурбонистъ Шатобрианъ справедливо сказывалъ, что стѣбитъ только, на западномъ берегу Франціи, воткнуть палку и надѣть на нее сѣрый скюртукъ съ трехъугольною шляпою Наполеона, чтобъ взволновать весь міръ. По-этому, партія бурбонистовъ во Франціи должна была вести ожесточенную борьбу не только съ либералами, наставлявшими на дѣйствительность конституцій, и республиканцами, еще незабывшими Конвента и Якобинскаго-Клуба, но и еще болѣе съ бонапартистами: чело-вѣкъ, сидѣвшій въ плѣну на Островѣ-Св.-Елены, до того былъ облитъ съ ногъ до головы лучами чудеснаго, что никто и не думалъ, чтобъ для него было что-нибудь невозможно... Но вотъ онъ умеръ; французское правительство отдохнуло: герцогъ рейхштадскій былъ для него опасностью уже въ десять разъ меньшею; а другихъ народовъ онъ нисколько не беспокоилъ. Тогда началась эпоха какого-то идолопоклонническаго восторга къ Наполеону. Когда же на французскомъ престолѣ

явилась новая династія, почти всѣ партіи во Франціи единодушно сошлись въ обожаніи этого огромнаго имени. Франція забыла бѣдствія, которыми онъ терзалъ ее столько времени, забыла темные пути, по которымъ этотъ сынъ судьбы пробирался къ владычеству, — все забыла!.. Онъ сталъ героемъ, полубогомъ! Но теперь и круговоротъ идей мчится съ невѣроятною быстротою: забвеніе начала проходить, память начала возвращаться, и число обожателей и восторженныхъ поклонниковъ Наполеона со-дня-на-день уменьшается, а безотчетныя фразы о его безуречномъ величій остались на долю только крикунамъ и фразерамъ. Это особенно произошло отъ-того, что стали иначе смотрѣть на «политику» и не хотять болѣе уважать въ ней вѣроломства, а хотять, чтобы она соединилась съ нравственностью; *успасть и право*, въ-сѣдствіе этого, сдѣлались для всѣхъ понятіями особенными, а не тождественными. Какъ возвысился Наполеонъ? Однимъ ли своимъ гениемъ?—Нисколько! При всемъ своемъ гении, онъ не далеко бы ушелъ, еслибы не одаренъ былъ отъ природы весело-гибкою, уступчивою и сговорчивою совѣстью. Онъ подбивается въ шлость къ гнусному, безчестному и развратному Баррасу, оказываетъ Конвенту важную услугу, при помощи Любимцевъ, хитростью, интригами уничтожаетъ Пятисотенный-Советъ, развигрываетъ роль жертвы будто бы едва ускользнувшей отъ мнѣжаловъ республиканцевъ, дѣлается консуломъ и начинаетъ играть республиканскую комедію, замышляя объ императорской коронѣ. Последняя интрига до того исполнена комизма, что самъ г. Тьеръ, запоздалый обожатель Наполеона, не могъ придать ей ни историческаго, ни героическаго величія: вспомните о велеонихъ продажахъ жалкаго и ничтожнаго Камбасереса, бывшаго посредникомъ между Наполеономъ и сенатомъ!.. Наконецъ, онъ императоръ Франціи, протекторъ Германскаго-Союза, а его братья — короли

большей части европейскихъ государствъ и въ то же время васаллы раздавателя скипетровъ. Сколько было въ душѣ и сердца Наполеона уваженія къ правамъ человечества и законности, — это онъ вполне показалъ, разстрѣлявъ герцога англенскаго и, въ египетскомъ походѣ, велѣвъ умертвить четыре тысячи Турковъ, которыхъ по договору, имъ же утвержденому, онъ долженъ былъ выпустить изъ Яффы живыми и невредимыми. Самъ г. Тьеръ, отъявленный поклонникъ Наполеона, не могъ одобрить послѣдняго изъ этихъ поступковъ, хотя и старается уменьшить его вопіющую несправедливость. Онъ говоритъ, что, не имѣя средствъ отослать этихъ плѣнниковъ въ Египетъ подъ надежнымъ прикрытіемъ, и не желая, чтобы они увеличили собою непріятельскую армію, — *Bonaparte se decida à une mesure terrible, et qui est le seul acte cruel de sa vie. Transporté dans un pays barbare, il en avait involontairement adopté les moeurs: il fit passer au fil de l'épée les prisonniers qui lui restaient. L'armée consuma avec obéissance, mais avec une espèce d'effroi, l'exécution qui lui était commandée.* То-есть: *Бонапарте рѣшился на ужасную истребу, которая была его единственнымъ жестокииъ дѣйствіемъ во всю жизнь его (а смерть герцога англенскаго?..).* Очувтившись среди варварской страны, онъ *протыкъ содомъ* усвоилъ себѣ ея нравы: онъ приказалъ переколотъ плѣнниковъ. Армія исполнила приказаніе съ покорностію, но и съ отвращеніемъ.. О нарушении же договора г. Тьеръ *безпристрастно* умаличиваетъ... Но нарушать святость договоровъ Наполеонъ считалъ дѣломъ высшей политики и высшей мудрости: не даромъ говорилъ онъ, что «эта старая Европа наскучила ему... Всѣ его дѣйствія, и злая и добрая, выходили изъ его личнаго эгоизма, и потому, можетъ-быть, они были для него-самого такъ безплодны. Въ-самомъ-дѣлѣ, чего онъ хотѣлъ? Сдѣлать Францію могу-

идеальный идею всему въ мирѣ, чтобъ, опираясь на ея порабощеніи, самому деспотически владычествовать надъ всѣмъ міромъ, ругаясь надъ народнымъ правомъ, и упрочить это владычество за своею династіею. А чего достигъ онъ? — Разоренія, обезлюдненія и погрома Франціи, а себѣ — тюрьмы на безплодной скалѣ Атлантическаго-Океана.

И однакожь, онъ пужаетъ былъ міру — и міръ увидѣлъ и вострепеталъ его... Будучи врагомъ духа времени, грозя, новымъ Бриарей, задушить его въ своихъ сторукихъ объятіяхъ, — онъ, самъ того не зная, былъ только его послушнымъ орудіемъ... Духъ времени воспользовался имъ, сколько было ему нужно, и потомъ бросилъ его какъ уже ненужное орудіе, — и тщетно тогда развертывалъ онъ всю силу своего генія, всю неистощимость своихъ титаническихъ силъ и средствъ — ничто не помогло, и онъ палъ...

Есть люди, которые, разъ остановившись на чемъ-нибудь, уже не двигаются впередъ, и въ другую эпоху, въ міръ новыхъ страстей и убѣжденій, переносятъ съ собою свой запаздывающій восторгъ къ идеямъ стараго времени. Къ такимъ людямъ принадлежалъ г. Тьеръ. Считая себя великимъ политическимъ и государственнымъ человекомъ, г. Тьеръ считаетъ себя еще и военнымъ геніемъ первой величины. По-этому, Наполеонъ — его идеалъ во всѣхъ отношеніяхъ. *Исторію Французской Революціи* г. Тьеръ написалъ въ духѣ оппозиціи правительству возстановленныхъ Бурбоновъ; *Исторію Консульства и Имперіи* составилъ онъ въ духѣ оппозиціи нынѣшнему французскому правительству, которое, впрочемъ, онъ раздѣляетъ всѣ принципы, кромѣ одного — миролюбія, не понимая, что на нешто это больше всего и держится. Цѣль его книги была — напомнить Французамъ бурное время ихъ «блестательнаго поговора», какъ называлъ нашъ Пушкинъ, ихъ побѣдъ и завоеваній. Г. Тьеръ — великій востель, истинный

Наполеонъ въ карриатурѣ (*), — и будь онъ опять министромъ, въ Европѣ запылало бы пламя войны, при заревѣ котораго г. Тьеръ выгодно игралъ бы на биржѣ въ ажіотажъ; по потому-то, вѣроятно, онъ теперь и не министръ... И вотъ онъ пишетъ исторію Наполеона, чтобъ апофеозомъ генія войны колнуть миролюбивые умы правителей Франціи. Но — странное дѣло! — у него изъ апофеозы Наполеона какъ-то выходитъ, совершенно противъ его воли и намѣренія, совсѣмъ-другое, потому-что какъ ни силится онъ софизмами оправдать его дѣйствія, истина такъ и блещетъ сквозь эти софизмы. И не мудрено: во-первыхъ, прошло уже время для безотчетнаго восторга къ Наполеону, а во-вторыхъ, нѣтъ ничего опаснѣе для оправданія дурныхъ дѣлъ историческаго лица, какъ апологистъ, котораго нравственныя убѣжденія составились и укрѣпились на биржѣ, въ министерскихъ и въ палатныхъ интригахъ. Такимъ образомъ, самый злой, ожесточенный врагъ Наполеона не могъ бы оказать ему такой дурной услуги, порицая его, какую оказалъ ему г. Тьеръ, превознося, почти обожествляя его... Многіе критики въ Европѣ уличили г. Тьера въ искаженіи слишкомъ извѣстныхъ фактовъ. Конечно, это искаженіе не умышленное, происшедшее отъ поспѣшной работы, но все же оно не возвышаетъ цѣны его историческаго труда. Еще важнѣе искаженіе истинъ нравственности и справедливости, во имя оправданія человѣческой слабости...

• Отечественныя Записки, вѣрные своему обѣщанію — тотчасъ же знако-

(*) Намъ случилось видѣть преостроумную и презлую карриатуру на г. Тьера: онъ изображенъ въ видѣ наполеоновской статуи на вандомской колоннѣ, въ наполеоновскомъ сюртукѣ, въ наполеоновской трехугловой шляпѣ, а внизу подписано: Monsieur Tiers (Thiers), ainsi appelé par ce qu'il ne fait pas la moitié d'un grand homme.

нить русскую публику со всѣми замѣчательными новостями въ иностран-ныхъ литературахъ, поспѣшили познакомиться ее и съ *Исторією Консульства и Имперіи*, которая надѣлала въ Европѣ столько шума и толковъ и которая все-таки не только не хуже, но даже лучше всѣхъ доселѣ бывшихъ исторій Наполеона. Теперь переводившій въ «Отеч. Записки» *Исторію Консульства и Имперіи* надаетъ эти статьи отдѣльно. Не наше дѣло судить о достоинствѣ перевода, но смѣемъ думать, что переводчикъ исполнилъ свое дѣло хорошо. Изданіе его книги красиво.

337) Инквизиція. Сочиненіе Галла. Перевелъ съ французскаго В. Моде-стовъ. Санктпетербургъ. 1845. Въ тип. военно-учебныхъ заведеній. Два тома въ одной книжкѣ. Въ 16-ю д. л. XII, 220 и 152 стр.

Инквизиція! Одно это слово наводитъ ужасъ на читателя: тотчасъ представляются ему шпiony-невидимки, душные подземелья, безчеловѣчныя пытки, кровавыя ауто-де-фе, костры, вѣшалцы, всѣ адскія орудія мукъ, звѣрскія лица палачей, безчувственные фанатиче-инквизиторы, съ именемъ милосердаго Бога на языкѣ, осуждающіе на смерть тысячи жертвъ... Но не бойтесь; никакихъ страховъ не найдете вы въ этой тощенькой, бѣдной книжечкѣ, которая взяла на себя самозванно такое громкое имя: *Инквизиція!*

А между-тѣмъ, дѣйствительно, слово это невольно наводитъ намысль тысячи воспоминаній. Болѣе четырехъ вѣковъ эта страшная гроза свирѣпствовала въ большей части католическихъ областей, особенно въ Испаніи, и безпощадно разила всѣхъ, кого она встрѣчала. Ничто не могло спасти отъ ея ударовъ,—ни знатность, ни простота рода, ни богатство, ни бѣдность, ни ученость, ни невѣжество, ни высокія должности, ни великія заслуги, ни прославленная добродѣтель,—все падало

отъ ея силы, и число жертвъ ея не-сметно. Во все время существованія инквизиціи и послѣ ея уничтоженія являлись сочиненія, то превозносяшія ее до небесъ за ревность къ вѣрѣ и церкви, то называвшія ее порожденіемъ ада и антихриста, убивающимъ мысль и свободу. Ближе всѣхъ это дѣло было къ Испанцамъ, и многіе испанскіе историки писали о священной судилищѣ, но никто не могъ составить полную и вѣрную исторію инквизиціи. Историки не согласны даже въ опредѣленіи года, когда учреждена инквизиція, такъ-что съ 1477 по 1484 годъ, каждый годъ принять тѣмъ или другимъ за начало инквизиціоннаго судилища,—и не безъ основанія. Именно, кто полагалъ началомъ инквизиціи правильное ея организваніе, тотъ утверждалъ, что она явилась въ 1486 году; кто считалъ ее учрежденіе со времени назначенія генерал-инквизитора, тотъ относилъ ее начало къ 1483 году, и т. д. Между-тѣмъ, инквизиція XV столѣтія была не новымъ твореніемъ Фердинанда V, короля испанскаго, а только преобразованіемъ, усиленіемъ и упорядоченіемъ того, что существовало съ XIII вѣка. Еще болѣе разницы въ изложеніи фактовъ, относящихся къ исторіи инквизиціи, и въ сужденіяхъ о нихъ, такъ-что нѣмецкій историкъ Шпитлеръ въ концѣ прошедшаго вѣка говорилъ: «испанская инквизиція, такъ сильно занимавшая многихъ писателей и сдѣлавшаяся любимымъ предметомъ изслѣдованія нашего вѣка, жаждущаго проникнуть во всѣ тайники католической іерархіи, доселѣ не подвергнута критическо-историческому изслѣдованію, даже нѣтъ дѣльнаго сборника фактовъ, которые могутъ освѣтить этотъ темный предметъ». Иначе и быть не могло. Инквизиція окружала себя глубокою тайною, и непосвященный никакъ не могъ видѣть ея движущія силы. Чтобъ поднять завѣсу и раскрыть перелъ свѣтомъ все, скрывающееся за ней, надобно было или войти въ число служителей судилища, или ожи-

дать, когда время обнаружить истину. Так и случилось. Въ первой четверти нынѣшняго вѣка судилище уничтожено, и его архивы переданы въ руки ученыхъ. Въ 1811 году, Испанецъ Цювбланшъ издалъ Историческо-филологическую картину страшнаго судилища, но, по собственному признанию, онъ едва могъ нѣсколько мѣсяцовъ употребить на обзоръ матеріаловъ для исторіи инквизиціи, а потому сочиненіе его—только отрывочный сборникъ краткихъ замѣтокъ объ учрежденіи и цѣли инквизиціи; следовательно, совѣтъ не то, чего желалъ Швиглеръ. Желаніе это выполнилъ ученый Испанецъ Іоаннъ-Антоній Лоренте: онъ, въ 1789, 1790 и 1791 годахъ, былъ секретаремъ мадритской инквизиціи, а послѣ уничтоженія ея получилъ всѣ бумаги, бывшія въ архивахъ инквизиціонныхъ трибуналовъ. Этому-то историку ученая литература одолжена появившійся и вѣрнымъ изображеніемъ инквизиціи. До него никто не имѣлъ въ тому средствъ; по его званію доставило ихъ, а основательно-образованный умъ и безпристрастіе помогли удовлетворительно рѣшить предположенную трудную задачу—представить инквизицію тѣмъ, чѣмъ она была на самомъ дѣлѣ, а не по наружности. «Я исполнѣнъ ручаюсь», говоритъ Лоренте въ предисловіи: «что представилъ публикѣ подлинный кодексъ законовъ судилища, бывшихъ недоступною тайною для свѣта, исключая людей, которымъ предоставлено было знаніе ихъ». Съ этою цѣлю, Лоренте написалъ четыре огромныя книги подъ заглавіемъ: *Критическая исторія испанской инквизиціи отъ начала ея при Фердинандѣ V, до конца, при Фердинандѣ VII*. Раскрывая законы инквизиціи, Лоренте хотѣлъ обнаружить отношеніе судилища къ политикѣ и церкви. Для этого онъ показалъ обращеніе духовной и гражданской власти съ заблуждавшимися въ истинахъ вѣры отъ самаго начала христіанства, собралъ постановленія объ еретикахъ, сдѣланные восточными и западными импе-

раторами и соборами, указавъ сѣмена и зародыши инквизиціи до того времени, когда она явилась во всей своей силѣ. Загнѣвъ у него слѣдуютъ королевскія постановленія, папскія буллы, касающіяся инквизиціи, четыре инструкціи перваго генерал-инквизитора Торквемады, дополненіе, сдѣланное вторымъ генерал-инквизиторомъ, и первый кодексъ инквизиціонныхъ законовъ, данный генерал-инквизиторомъ Вальдесомъ. Все это передалъ Лоренте въ своей книгѣ съ возможною краткостью, но не опускаая ничего существеннаго. Чтобы показать юридическому міру священное судилище въ полномъ свѣтѣ, онъ представилъ и процедуру инквизиціоннаго судопроизводства. Такимъ образомъ, Лоренте сдѣлалъ то, чего можно было требовать отъ историка-критика. Главная его цѣль—раскрыть то, чего никто не могъ знать. При жестокости инквизиціонныхъ законовъ, при несообразностяхъ въ судопроизводствѣ, почему испанскіе короли не только терпѣли, но и поддерживали инквизицію? Была ли она орудіемъ въ рукахъ политики? Дѣйствительно ли служила она къ охраненію чистоты вѣры и церкви? Какое имѣла вліяніе на науку? Лоренте не упустилъ изъ вида этихъ вопросовъ и тѣсно связалъ ихъ съ вопросомъ о постановленіяхъ судилища. Рѣшеніе этихъ вопросовъ онъ подтверждаетъ указаніемъ на царственные особы, на лица государственныхъ, на духовныхъ сановниковъ и на ученыхъ, бывшихъ жертвами инквизиціи. Но изъ огромнаго множества инквизиціонныхъ процессовъ Лоренте съ большею подробностію изложилъ три: дона Карлоса, сына короля Филиппа II, примаса Испаніи, толедскаго архіепископа Карранцы, и министра Антонія Переза. Эти процессы въ свое время надѣлали много шума въ Европѣ, и рассказаны историками весьма-вѣрно. На нихъ-то Лоренте обратилъ особенное вниманіе, и ему принадлежитъ честь выясненія этихъ темныхъ пунктовъ въ исторіи Испаніи въ эпоху

Филиппа II; онъ обнаружилъ подлинныя ихъ акты и опровергъ ложныя мнѣнія, которымъ долго вѣрила вся Европа. Книга Лоренте переведена уже на французскій, нѣмецкій и англійскій языки въ томъ видѣ, въ какомъ явилась на испанскомъ.

Угодно ли вамъ теперь знать, что такое «Инквизиція», вышедшая въ прощаномъ нѣслѣцѣ на русскомъ языкѣ? На заглавномъ листѣ этой тоненькой книжечки сказано, что сочинитель ея Галлуа, а на первой страницѣ введенья, переводчикъ, г. Модестовъ, говорить, что авторъ переведеннаго имъ сочиненія *Иоаннъ Антоній Лоранс*. Съ перваго взгляда вы подумаете, что два Француза, Лоранс и Галлуа сочинили книжку, которую перевелъ г. Модестовъ. Но на страницѣ IX переводчикъ объясняетъ, что «Галлуа, желая представить исторію инквизиціи въ непрерывномъ порядкѣ, облегчить чтеніе ея, отбросилъ всѣ подлинныя документы (только!), всѣ обширныя выписки изъ дѣлъ (бездѣлица!) и, неopusкая ничего существеннаго (!!) сократилъ огромное твореніе Лоранса. Надо вамъ знать, что этотъ Лоранс есть именно тотъ Лоренте, о сочиненіи котораго мы сейчасъ говорили; изъ его-то *четыре-хъ томовъ (до 600 стр. каждый)* Галлуа сдѣлалъ два томика въ 372 стр. въ 16-ю долю листа. Повѣривъ на слово г. Модестову, вы подумаете, что Лоренте составилъ свою критическую исторію испанской инквизиціи, переписавъ въ книгу подлинныя инквизиціонныя документы и сдѣлавъ обширныя выписки изъ дѣлъ трибуналовъ. Но вѣрно г. Модестовъ не потрудился посмотреть на полный переводъ сочиненія Лоренте, изданный на французскомъ въ 1817 г. (стр. VIII): тогда онъ увидѣлъ бы, что въ книгѣ Лоренте приложены только 11-ть небольшихъ документовъ, и притомъ отдѣльно отъ самой исторіи. Книга Лоренте вся основана на подлинныхъ документахъ и дѣлахъ инквизиціи; а потому въ ней есть даже выраженія подлинныя, которыхъ нѣльзя и не должно было измѣ-

нять. Какъ же могъ Галлуа «отбросить выписки изъ дѣлъ, не опуская существеннаго», когда Лоренте говорить языкомъ взятымъ изъ документовъ и дѣлъ? Сличивъ брошюру Галлуа съ книгою Лоренте, вы поймете, въ чемъ дѣло. Галлуа взялъ у Лоренте *хронологическій перечень фактовъ*, относящихся къ исторіи инквизиціи, и выпустилъ изложеніе ея законовъ и судопроизводства, пересчиталъ генерал-инквизиторовъ и жертвы ихъ преслѣдованія, указавъ на многія поименно, и махнулъ рукою на процессы, подробно изложенные у Лоренте. Что же изъ этого вышло? Краткое, неполное обзорѣніе исторіи инквизиціи, въ которомъ опущено все существенное, все важное для науки. Перечень фактовъ, списокъ генерал-инквизиторовъ и лицъ, осужденныхъ инквизиціею—это только вѣшняя сторона исторіи инквизиціи; ее видѣли современники и описали. А Лоренте хотѣлъ раскрыть то, что до него было неизвестнымъ, и представить это явленіе въ связи съ прочими, показавъ его отношеніе къ политикѣ, вѣрѣ и наукѣ. Существенное въ его книгѣ—законы и постановленія инквизиціи, отношеніе ея къ властямъ гражданской и церковной. Рѣшая эту задачу, Лоренте не занимается описаніемъ инквизиціонныхъ темницъ, орудій пытки, родовъ капей, церемоній ауто-де-фе,—онъ упоминаетъ объ этомъ мимоходомъ, говорить, что эти предметы описаны многими историками и, сдѣлавъ выписки, доступны для всѣхъ. Онъ указываетъ на множество лицъ, подвергшихся преслѣдованію инквизиціи, но дѣлаетъ это для главной цѣли. «Я», говорить онъ: «указавъ на такія жертвы и лица, которыя всего яснѣе покажутъ отношеніе инквизиторовъ къ властямъ гражданскимъ и церковнымъ». Для этого онъ раздѣлил подвергшихся суду инквизиціи и осужденныхъ—на лицъ государственныхъ, на правителей церкви, ученыхъ, на прославившихся добродѣтельною жизнью, на фанатиковъ, суевѣровъ и преступ-

никозъ; процессы каждаго класса изложилъ онъ отдѣльно, показывая обвинительные пункты, защищенія подсудимыхъ и приговоры объ нихъ. Галлуа не обратилъ на это вниманія и, говоря о какой-нибудь генерал-инквизиторѣ, приводилъ только имена лицъ, осужденныхъ имъ,—безъ разбора. Изложеніе процессовъ дона-Карлоса, архіепископа Карранцы и министра Переза, которое у Лоренте занимаетъ почти цѣлую книгу,—у Галлуа помѣщено *въ нѣсколькихъ строкахъ*, между-тѣмъ, какъ изложеніемъ ихъ Лоренте оказалъ особенную услугу исторіи, освѣтивъ темныя мѣста въ царствованіи Филиппа II и исправивъ нѣкоторыя мнѣнія, распространенія въ всей Европѣ. Галлуа даже противорѣчитъ Лоренте, именно: о смерти дона-Карлоса (Т. II. стр. 43) говорить, будто принципъ осужденъ былъ въ дѣшевые жизни, по словесному приговору государственнаго совѣта, а Филиппъ II утвердилъ приговоръ. Но Лоренте доказываетъ, что Филиппъ провнесъ приговоръ тогда уже, когда совѣтъ представлялъ ему, что въ законѣ Испаніи не опредѣлено наказанія преступникамъ изъ фамиліи государей. На стр. 20, Т. I сказано, что инквизиціи учредилась во Франціи въ 1208 г., въ царствованіе Филиппа II, при первосвященствѣ Иннокентія III; но Лоренте говоритъ, что Иннокентій не учредилъ инквизиціи, а положилъ только основанія ей, далъ о ней мысль. Стр. 53: монахъ, назначенный въ инквизиторы, уведомляетъ о своемъ назначеніи короля; а по словамъ Лоренте, папа, назначая инквизитора, писалъ о томъ королю; — это гораздо вѣрнѣе. Стр. 123: темницы судилца были небольшія, грязныя комнаты, и т. д.; но Лоренте говоритъ, что такъ описаны инквизиціонныя тюрьмы бывшими подъ сулово инквизиціи, по чувству негодованія, а не по справедливости; тюрьмы были комнаты сухія, свѣтлыя, чистыя, удобныя. На стр. 69 день крещенія Господня или праздника Богоявленія перевер-

щентъ въ день Епифанія, вѣроятно, русскимъ переводчикомъ книжки Галлуа... Но нельзя пересчитать всѣхъ несогласій съ Лоренте у Галлуа: ихъ бездна!

Такимъ-образомъ, сочиненіе Лоренте въ передѣлкѣ Галлуа и въ русскомъ переводѣ лишилось всего своего интереса и значенія. Кто хочетъ ознакомиться съ внутренними пружинами инквизиціи, тотъ ничего не найдетъ въ этой книжечкѣ, которая, какъ значитъ въ заглавіи, состоитъ изъ двухъ томовъ, т. е. изъ двухъ тоненькихъ тетрадокъ маленькаго формата. Даже любитель легкаго чтенія будетъ недоволенъ краткостью и сухостью книжки Галлуа; она не представитъ ему никакихъ занимательныхъ описаній. Учащійся запутается во множествѣ фактовъ и именъ и ничего не запомнитъ. Въ этомъ отношеніи, самъ Лоренте называетъ свое сочиненіе проземъ. Если переводчикъ хотѣлъ раздѣлять съ друзьями старинны и новизны всякое открытіе, разъясняющее темныя мѣста бытописанія (стр. XII), то ему и надлежало бы перевести книгу Лоренте, дѣйствительно любопытную, а не бесполезную компилляцію Галлуа. Но нѣтъ худа безъ добра: жалкая компилляція, переведенная г-мъ Мolestовымъ, наведла насъ на мысль ознакомить читателей съ книгою Лоренте и съ исторіею инквизиціи вообще, — исторіею, которой нѣтъ въ нашей литературѣ, — и скоро мы исполнимъ свое намѣреніе, предложивъ читателямъ нѣсколько обширныхъ статей объ инквизиціи въ отдѣлѣ Наукъ нашего журнала.

338) Рѣчь о Камеральномъ Образованіи, произнесенная докторомъ правъ, ординарнымъ профессоромъ законовъ благоустройства и благочинія государственнаго, Иваномъ Платоновымъ. Харьковъ. 1845. (Типографіи не означено). Въ 8-ю д. л. 144 стр.

Мы уже замѣчали, что съ вѣктораго времени академическія рѣчи и ученые диссертаціи пріобрѣли у насъ

особенную важность. При бѣдности нашей ученой литературы, всякое явленіе подобнаго рода, исполненное добросовѣстно и съ знаніемъ дѣла, заслуживаетъ истинную признательность публики. Но мы не называемъ добросовѣстностью словоохотливаго желанія говорить о предметѣ, о которомъ авторъ имѣетъ одно темное понятіе, похожее на впечатлѣніе какого-то тягостнаго сновидѣнія; не считаемъ знаніемъ дѣла той педантической самоувѣренности, которая, опираясь на груды мертвой учености, на фоліанты и буквы, смѣло требуетъ себѣ почетнаго мѣста. О настоящей брошюрѣ г. Платонова мы могли бы не говорить вовсе, не смотря на то, что она писана высокимъ сложемъ, исполнена цитатъ, славянскихъ фразъ и другихъ достоинствъ. Но предметъ ея такъ повъ, такъ неопредѣлительнъ и выѣстъ громокъ, что ради его рѣшаемся сказать нѣсколько-болѣе и о самой брошюрѣ.

Не смотря на то, что громкія слова: «камеральная наука», «камералистика», «камеральное образованіе» безпрерывно повторяются и учеными и не учеными; не смотря на то, что уже около столѣтія печатаются въ Германіи подъ этими названіями руководства, монографіи, сборники, — самое понятіе камеральной науки остается до-сихъ-поръ неопредѣленнымъ. Одни понимаютъ подъ этимъ названіемъ ученіе о матеріальномъ благоденствіи народа и о средствахъ, способствующихъ его развитію, разумѣя подъ этими средствами хозяйство во всѣхъ его видахъ и отрасляхъ; другіе ограничиваютъ кругъ камеральныхъ наукъ одними распоряженіями, клонящимися къ доставленію правительству финансовыхъ средствъ для осуществленія его цѣлей. Но послѣдній предметъ принадлежитъ наукѣ, иначе теоріи финансовъ, и это названіе гораздо-лучше обозначаетъ его сферу, нежели темное и странное названіе *камералистики*. Что касается до средствъ, способствующихъ матеріальному благоденствію народа, то здѣсь въ составъ

камеральныхъ наукъ входятъ всѣ науки техническія, технологія, сельское хозяйство, бухгалтерія и т. н., — словомъ, всѣ познанія, потребныя человеку въ разныхъ отрасляхъ промышленности и на различныхъ ступеняхъ его физической дѣятельности, направленной на сознаніе новыхъ произведеній, новыхъ богатствъ. Вопросъ о томъ, принадлежатъ ли эти науки къ сферѣ наукъ юридическихъ, кажется, рѣшенъ окончательно. Правда, есть еще нѣкоторые добрые люди, добросовѣстно вѣрующіе, что юристу необходимо имѣть познанія въ сельскомъ хозяйствѣ и технологіи, потому что ему приходится судить о предметахъ, входящихъ въ составъ той и другой области знанія; но слабыя голоса ихъ давно покрыты здравомыслящимъ сужденіемъ людей, болѣе ихъ понимающихъ дѣло, и намъ нѣчего повторять, что если усмотрѣнію судьи часто представлять предметы земледѣлія или другой промышленности, то все-таки ему принадлежитъ разрѣшеніе не техническаго вопроса, а юридическаго, — вопроса о правдѣ и о неправдѣ, и что странно заставлять его учиться сапожному мастерству потому только, что въ рукахъ его можетъ паходиться дѣло сапожника. Изъ всего этого видно, что численныя нами познанія, называемыя камеральными, не принадлежатъ къ составу наукъ юридическихъ. Этого мало. Ни одна изъ наукъ техническихъ не занимается и не можетъ заниматься непосредственно вопросомъ о народномъ благосостояніи. Предметъ этотъ лежитъ выше той сферы, въ которой вертятся всѣ онѣ и каждая въ особенности. Умноженіе произведеній, улучшеніе ихъ посредствомъ техническихъ способовъ, это — ихъ дѣло; начало, по которому произведенія должны раждаться, увеличиваться и распространяться, принадлежатъ къ области науки высшей, въ строгомъ смыслѣ юридической, науки политической экономіи, которая съ техническими науками ничего общаго не имѣетъ. Она рассматриваетъ нужды человѣка

и способы их удовлетворенія; а какъ
 нужда заключаетъ въ себѣ право на
 удовлетвореніе, которому соответствую-
 щей обязанность трудиться, для удовле-
 творенія нужды, то собственно поли-
 тическая экономія занимается права-
 ми и обязанностями, составляющими
 предметъ всей области наукъ, называе-
 мыхъ подъ общимъ названіемъ поли-
 тическихъ. Камералисты и ее причис-
 ляютъ къ наукамъ камеральнымъ; но
 это похоже на то, какъ еслибъ кто-ни-
 будь вздумалъ отнести философію къ
 области наукъ естественныхъ! Что же
 такое науки камеральныя? Мы полага-
 емъ, что особаго, рѣзко-обозначен-
 наго раздѣла наукъ камеральныхъ не
 существуетъ. Нѣмцы, вѣрные изобре-
 татели именъ для наукъ ими же из-
 обрѣтенныхъ, доходящіе иногда въ
 этомъ отношеніи до неумности, пусти-
 ли въ ходъ слово камеральный, имѣ-
 ющее у нихъ въ некоторый историческій
 смыслъ, потому что камерами когда-
 то назывались въ Германіи присут-
 ственныя мѣста, завѣдывавшія дохо-
 дами и расходами правительства, т. е.
 имѣвшими, какъ мы скажемъ ниже,
 часто-финансовое назначеніе. Чтобъ
 придать слову камеральный значе-
 ніе болѣе-обширное и ученое, причис-
 лили, неизвѣстно по какому праву,
 къ области наукъ, названныхъ каме-
 ральными, въ которыя науки политиче-
 скія; остальное мѣсто нановили наука-
 ми техническими. Такимъ-образомъ,
 составилъ предметъ для рѣчи г. Пла-
 тонова, который хотя и счелъ обязан-
 ностью прежде всего объяснить публи-
 кѣ, что такое камеральныя науки и
 какъ онѣ важны, но на тридцати-ше-
 сти страницахъ, посвященныхъ имъ
 этой цѣли, показалъ только невозмож-
 ность насильственнаго соединенія въ
 одно цѣлое предметовъ, неимѣющихъ
 между собою внутренней органической
 связи. Не можемъ отказать себѣ въ
 удовольствіи выписать для читателей
 образчикъ ораторскаго таланта г. Пла-
 тонова:

• Откуда же заимствовать всѣ эти
 потребности и частныя, и обществен-

ныя, и государственныя? Гдѣ та не-
 истощимая сокровищница, въ кото-
 рой хранятся вещественныя сред-
 ства, необходимыя для поддержа-
 нія жизни недѣлимыхъ и существова-
 нія обществъ? Природа и промышлен-
 ность—вотъ тѣ благодѣтельные исто-
 чники, изъ которыхъ почерпаются
 вещественныя средства и удовлетво-
 ряютъ физическія потребности какъ
 въ единичномъ, такъ и собирате-
 льномъ смыслѣ! Природа,—какъ необъ-
 ятное, неоскудѣваемое сокровище
 всякаго рода естественныхъ бо-
 гатствъ, собираемыхъ ею таинствен-
 ными путями по предвѣщаннымъ
 отъ Всевышняго законамъ, какъ за-
 пасная хранилища первоначальныхъ ве-
 ществъ, приготавливаемыхъ ею въ гру-
 бомъ видѣ и требующихъ приличной
 обработки; промышленность, съ одной
 стороны, — какъ обширная рабочая,
 въ которой совершается преобразова-
 ніе необработанныхъ даровъ приро-
 ды, согласно требованіямъ потребле-
 нія, а съ другой, — какъ многослож-
 ный механизмъ, разсѣивающій какъ
 грубыя, такъ и обработанныя произ-
 веденія между требующими, между
 потребителями.

• Но природа, многообильная приро-
 да не расточаетъ даровъ своихъ без-
 мездо, не уступаетъ сокровища сво-
 ихъ человѣку втунѣ, нѣтъ! каждый
 даръ ея требуетъ со стороны чело-
 вѣка большихъ или меньшихъ усилій,
 каждое ея сокровище пріобрѣтается
 болѣе или менѣе напряженіемъ тру-
 довъ. Природа разлила въ земной
 утробѣ потоки золота и серебра, такъ
 драгоценныхъ для человѣка; но ка-
 кихъ неизмѣримыхъ трудовъ, какихъ
 заботливыхъ исканій, какихъ глубо-
 кихъ и точныхъ соображеній требу-
 етъ добыча и очищеніе этихъ метал-
 ловъ, образуемыхъ природою въ глу-
 бинѣ земной съ примѣсью другихъ
 инородныхъ веществъ! Камень по
 своей прочности составляетъ самое
 благонадежное основаніе зданій и на-
 болѣе протывляющееся ѣдкости време-
 ни вещество для монументальнаго

• увѣковѣченія достойныхъ безсмертія
• именъ и дѣланій; но и здѣсь потребны
• величайшіе труды и напряженнѣй-
• шія усилія для извлеченія твердыхъ
• изъ нѣдръ земныхъ, или для оттор-
• женія ихъ отъ громадныхъ скалъ и
• для *предвиженія* ихъ на предназна-
• ченное мѣсто, не говоря уже о сооб-
• разной цѣли обработкѣ, столько
• упорной по непреклонности вещества.
• — Поверхность обитаемой нами земли
• одарена родотворною силою для про-
• изведенія питательныхъ злаковъ; но
• сколько земледѣлецъ долженъ напе-
• редъ пролить поту, сколько употре-
• бить трудовъ, приложить разума и
• умѣнья для того, чтобы изъ руки об-
• щей всѣхъ питательницы получить
• «масущій хлѣбъ!»

Объяснить, такимъ образомъ, слуша-
телямъ необходимость камеральнаго
образованія, г. Платоновъ переходитъ
къ исторіи обработыванія камераль-
ныхъ наукъ въ Европѣ, постоянно
сѣмившая между собою финансы,
сельское хозяйство, полицію и полити-
ческую экономію. Эта исторія состоитъ
изъ перечня именъ, годовъ и заглавій,
пересыпанныхъ хвалами, восклицави-
ями и общими фразами ничего - недо-
казывающими, ничего - необъясняю-
щими. За тѣмъ, ораторъ упоминаетъ
о себѣ, и отъ литературы камераль-
ныхъ наукъ въ Германіи переходитъ
къ существующимъ въ нашемъ отече-
ствѣ учебнымъ заведеніямъ по части
сельскаго хозяйства съ его отраслями,
по части мануфактурной и торговой
промышленности, наконецъ, по части
путей сообщенія и строительной. При
описаніи каждаго заведенія, ораторъ
подробно излагаетъ программу его,
едва-ли интересную для слушателей,
образившихся узнать, чтѣ такое каме-
ральное образованіе. Не смотря, одна-
ко, на всю подробность подобнаго пе-
речисленія, мы замѣтили, что въ немъ
упущено изъ вида состоящее подъ по-
кровительствомъ Государыни Импера-
трицы Московское Общество Садовод-
ства, издающее свой журналъ и имѣ-

ющее свою школу садоводства, кото-
рая по праву должна быть причисле-
на къ заведеніямъ, служащимъ къ рас-
пространенію такъ-называемыхъ ка-
меральныхъ свѣдѣній. Въ заключеніе,
г. Платоновъ говоритъ, что распро-
страненіемъ камеральныхъ познаній
мы, черезъ посредствія, стали бы на-
равнѣ съ европейскими государства-
ми. Fiat! скажемъ мы вѣсть съ ораторомъ...

339) Практическая Медицина.
*Лекціи доктора Дядьковского. Тетрадь
II. Москва. 1845. Въ университетской
тип. Въ 8-ю д. л. 113—236 стр.*

При выходѣ первой тетради, мы об-
значили кратко общій характеръ ме-
дицинскаго ученія г. Дядьковского.
Чтобы показать, чтѣ изъ его ученія
пригодно теперь, въ современномъ со-
стояніи медицины, для этого надобно
положить окончательнаго выхода
всѣхъ тетрадей. Такъ мы и сдѣлаемъ.
Намъ общался справедливую и серъ-
зную оцѣнку сочиненія г. Дядьковского.

340) Руководство къ воспита-
нію, образованію и сохраненію
здоровья дѣтей. *Сочиненіе К. Груна.
Томъ III. Образованіе физиче-
ское, умственное и нравствен-
ное. Санктпетербургъ. Въ тип. М.
Ольхина. 1845. Въ 8-ю д. л. 405 стр.*

Русская публика обязана г. Груну
сочиненіемъ необходимыми, важными
по предмету и замѣчательными по
исполненію. Воспитаніе дѣтей — пер-
вая и самая священная обязанность
матерей и отцовъ, и только совѣт-
ливое, заботливое, старательное вы-
полненіе этой обязанности можетъ
давать родителямъ право на любовь,
уваженіе и привѣтливость дѣтей.
Родить, т. е. дать жизнь дитяти,
еще не большая заслуга, или, лучше
сказать, тутъ еще нѣтъ никакой заслу-
ги; производить дѣтей и живыми

уидеть не хуже людей, хотя, подобно людям, не хвастаются этимъ и не ставят этого въ особенную себѣ заслугу. Животное — существо чисто-финанческое, и потому для него существуетъ только мать, которая его кормитъ, и оно знаетъ ее какъ свою мать только до-тѣхъ-черть, пока она его кормитъ; отца своего оно никогда не знаетъ, какъ отца. И вемудрено: отецъ ни на что ему не нуженъ. Въ такихъ же точныхъ отношеніяхъ находились бы къ своимъ родителямъ и дѣти людей, еслибы дѣти не нуждались въ воспитаніи. Животное рождается готовымъ на свѣтъ, и не требуетъ искусства ни для рожденія, ни для развитія: мать родитъ его при помощи одной только повивальной бабки — матери-природы; родившись, оно не требуетъ ни ромашки, ни свиного масла, ни пеленокъ, ни свинальника; истинникомъ находить оно сосцы матери и сосеть ихъ до-тѣхъ-поръ, пока не окрѣпнеть и не прійдетъ въ состояніе питаться другою пищею и доставать ее собственными средствами, и тогда—прощай, дражайшая родительница! Животное уже не узнаетъ своей матери, и при добычѣ, всегда готово показать ей востроту своихъ когтей и крѣпость своихъ зубовъ. Не таково развитіе человѣка: предоставьте его одной природѣ — и изъ него выйдетъ животное, звѣрь; но чтобы онъ сталъ человѣкомъ, нужно искусство. И потому, искусство, въ лицѣ повивальной бабки, ждетъ его выхода и помогаетъ ему выйти на свѣтъ; его сейчасъ же кормятъ, и дня два онъ питается не молокомъ матери, а искусственными сладоблями. Человѣкъ снабженъ даромъ слова; но безъ помощи людей, онъ не выучится говорить, какъ, безъ помощи собакъ, щенокъ выучивается лаять. Человѣкъ всему долженъ учиться—даже ѣдѣ. И вотъ это-то обстоятельство опредѣляетъ отношеніе родителей къ дѣтямъ, и наоборотъ; и влѣсь-то мать и отецъ или получаютъ великое, священное значеніе для дѣтей, или вовсе утрачиваютъ великое значеніе. Любовь родительская стоитъ на стражѣ

дѣтати, отъ колыбели до возмужалости его, и на любовь дѣти откликается любовью; но какъ любовь родительская можетъ проявиться только въ заботахъ и трудахъ воспитанія, а больше ни въ чемъ (потому-что просто любить свое дѣти умѣетъ и корова и собака), то и право на любовь дѣтей родители могутъ приобретать только воспитаніемъ. Отецъ или мать, которые говорятъ своимъ дѣтямъ: «вы должны любить и уважать насъ потому, что мы дали вамъ жизнь», говорятъ этимъ бессмыслицу въ роля той, что «въ углу стоитъ палка, следовательно дождь идетъ». Для любви родительской и дѣтской мало однихъ кровныхъ узъ, потому-что человѣкъ — существо духовное, а не животное только. Если родной отецъ не хотѣлъ знать своего сына, а чужой воспиталъ его какъ сына,—сынъ дойдетъ къ отцу, какъ къ чужому, а воспитателя любить нѣжно и страстно. Сынъ, неуважающій отца, или оскорбляющій мать, представляетъ собою отвратительное зрѣлище, даже и въ такомъ случаѣ, если его отецъ и мать дурными воспитаніемъ, ему даннымъ, заслужили такое съ его стороны въ-отношеніи къ нимъ поведеніе, и законъ гражданскій правъ и святъ, преслѣдуя дѣтей, непочтительныхъ къ родителямъ; но еще больше долженъ бы былъ онъ преслѣдовать родителей за то, что ихъ дѣти непочтительны къ нимъ...

Не только недостатокъ воспитанія, въ-слѣдствіе невнимательности родителей къ святости своихъ обязанностей относительно дѣтей, — иногда и самое воспитаніе бываетъ причиною того, что дѣти дѣлаются дурными людьми, ибо воспитаніе бываетъ правильное, разумное, нормальное, и бываетъ также—ложное, вредное, неразумное. Иногда родители именно тѣмъ и портятъ дѣтей своихъ, что слишкомъ много несутъ о нихъ воспитаніи, не нѣтъ здравыхъ о томъ понятій. И вотъ здѣсь-то получаютъ великую важность книги о воспитаніи.

Сочиненіе г. Грума принадлежало бы

из числа хорошихъ руководствъ къ воспитанію въ какой-угодно литературѣ, а въ нашей, какъ единственное, оно выше всякой цѣны. Первые двѣ части этого сочиненія, изданныя въ 1843 и 1844 годахъ, составлены по извѣстному сочиненію знаменитаго Гуфланда, и преимущественно касаются физическаго воспитанія. Въ вышедшемъ теперь третьемъ томѣ своего сочиненія, г. Грумъ касается уже и умственнаго и нравственнаго воспитанія. Особенное достоинство его книги состоитъ въ томъ, что, вѣрный разумному правилу древнихъ: «только въ здоровомъ тѣлѣ можетъ обитать здоровая душа», г. Грумъ умственное и нравственное воспитаніе видитъ въ живой и неразрывной связи съ физическимъ. Обыкновенно, и въ теоріи и въ практикѣ, эти два рода воспитанія раздѣляются, — и одни отцы подъ «воспитаніемъ» разумеютъ вскармленіе, и физическимъ перевѣсомъ убиваютъ въ дѣтяхъ душу, а другіе, принимая абстрактное дѣленіе челоуѣка на тѣло и душу за реальное, нравственнымъ перевѣсомъ убиваютъ тѣло. Г. Грумъ понимаетъ это дѣло совсѣмъ иначе, т. е. видитъ его въ настоящемъ, истинномъ его свѣтѣ, — и потому, говоря, на-прим., о развитіи мускуловъ, говоритъ тотчасъ же и о томъ, какое вліяніе имѣетъ на душу и способности ея правильное, или неправильное развитіе мускульной системы; особенно-интересны, въ этомъ отношеніи, его мнѣнія о развитіи нервной системы. Говоря о предѣлахъ баловства и бездѣтельной, богатой жизни для дѣтей, онъ говоритъ и о предѣлахъ для нихъ излишней строгости и суровости бѣдной жизни, и разсматриваетъ этотъ предметъ съ обѣихъ сторонъ — физической и нравственной. Изложеніе его просто, популярно и совершенно-понятно для всѣхъ и cadaго, хотя онъ и излагаетъ многіе предметы анатоміи и физиологіи, сколько это нужно для объясненія главнаго предмета его книги — воспитанія. Многія его мысли необыкновенно-здравы, и у насъ совершенно-по-

вы, какъ на-прим., о томъ, что дѣвченокъ до извѣстнаго возраста должно воспитывать одинаковымъ образомъ съ мальчиками, и что тѣлесныя наказанія не есть необходимость въ дѣтскомъ воспитаніи, но что они обнаруживаютъ только неспособность родителей къ воспитанію, и проч. Мы не скажемъ, чтобы собственно объ умственномъ и нравственномъ воспитаніи мысли Грума были во всемъ непогрѣшительно-справедливы, и чтобы послѣ ея книги нельзя было написать ничего лучшаго по этой части; но нельзя не согласиться, что сочиненіе г. Грума должно быть настольною книгою для всякаго педагога, который хочетъ писать о воспитаніи, именно потому, что авторъ ея — врачъ, глубоко-понимающій живую и неразвѣдную связь физическаго и интеллектуальнаго воспитанія. Не будучи великомъ, нельзя написать ничего хорошаго о воспитаніи, не пользуясь книгою г. Грума какъ превосходнымъ источникомъ, безпрестанно не ссылаясь на нее, какъ на надежный авторитетъ. Для отцовъ и матерей, его сочиненіе еще болѣе должно быть настольною книгою.

341) Домъ Призванія Престарѣлыхъ и увѣчныхъ гражданъ въ Санктпетербургѣ, съ Николетскою и Александровскою школами. Разказъ Е... А...на. Изданіе второе. Съ приложеніемъ статей Н. А. Полеваго. Санктпетербургъ. Изданіе М. Д. Ольхина 1845. Въ 8-ю д. л. 70 стр.

Первое изданіе этой книги, напечатанной въ числѣ 4000 экземпляровъ, вышло въ февралѣ нынѣшняго года и уже все продано, и продано болѣею частью не по цѣнѣ, назначенной на оберткѣ. «Нѣтъ», говоритъ авторъ разказу, «люди, для которыхъ добро — наслажденіе души, праздника сердца, имѣетъ 50 коп. сер. платилъ за эту книжонку; не только единицами, но десятками — даже сотнями серебряныхъ рублей». Фактъ очень-утѣшительный, и, конечно, всякій, принимающій участіе въ судьбѣ ближняго, будетъ благодаренъ

г. Е. А. за его рассказъ, доставившій столько выгодъ бѣднымъ сиротамъ, и порадуется вмѣстѣ съ нами второму изданію разсказа, обѣщающему такой же результатъ. Но мы все-таки замѣтимъ, что разсказъ г. Е. А. легко могъ бы обойтись безъ реторики и еслибъ не разошелся лучше, будучи написанъ просто, какъ говорятъ и пишутъ обыкновенныя смертныя, то доставилъ бы гораздо-больше удовольствія своимъ читателямъ. «Люблю тебя, святая родина, люблю тебя, Русь православная; какъ связь твой люблю тебя, но люблю не пристрастно, не безотчетно, люблю за вѣковыя доблести твои! ими полны страницы нашей исторіи, составляющей одинъ изъ важнѣйшихъ периодовъ общей лѣтописи человѣчества. Правда и въ этихъ страницахъ не безъ пятнышекъ. Но укажите мнѣ море, укажите хоть ручеекъ, которые лились бы вѣчно тихосвѣтлыми струями, которыхъ бы не волновали, не мутили иногда вѣтры и бури; а развѣ не бываетъ вѣтровъ и бурь на житейскомъ морѣ?..» Все это очень-краснорѣчиво, и, конечно, никто не дерзнетъ спорить, чтобъ было несправедливо, но гораздо было бы лучше сказать все это просто, безъ реторики, безъ напруги. Напруги, замѣтное въ сочинителѣ, венабѣжно переходитъ въ читателя, утомляетъ его, и онъ уже не такъ живо чувствуетъ всю глубину истинъ, которыя вы передъ нимъ рассказываете. — Изданіе книги прекрасно.

342) Русская Рѣчь въ сравненіи съ Западно-Славянскою. Сочиненіе Михаила Максимовича. Книжка первая. Кіевъ. Въ тип. Оеобила Елискберга. 1843. Въ 8-ю д. л. 48 стр.

Странная манера завелась въ наше время издавать книги! Ни у кого нѣтъ терпѣнія сперва написать и кончить книгу, а потомъ уже издать; каждый, у кого мелькнетъ въ головѣ какая-нибудь мысль, часто не переваривъ, не облупив ея, сейчасъ же берется за перо, исписываетъ нѣсколько листовъ и сейчасъ же печатаетъ ихъ, выставя на

Т. XLIII. — Отд. VI.

заглавіи: книжка первая. Второй, третьей и т. д. большею частью и ждать нечего, а о концѣ и думать не слѣдуетъ. Потомъ, теперь царствуетъ мода давать странныя, вычурныя заглавія книгамъ: напр., зачѣмъ было не сказать г. Максимовичу просто: *Русскій языкъ въ сравненіи съ языками западно-славянскими*? зачѣмъ было ему языкъ называть *рѣчью*? развѣ изъ подражанія ученому педанту Шафарьку — этому свѣтилѣ славянофиловъ, который славянскіе языки и нарѣчія дѣлитъ на *молви рѣчи* и *нарѣчія*?.. Но все это еще ничего бы; худо то, что въ книжкѣ г. Максимовича меньше дѣла, чѣмъ словъ. Половина книжки (которая вся состоитъ изъ 48 страницъ) занята высокопарными разглагольствованіями, которыя искони-вѣковъ начинаются всѣ русскія реторикн, пінтики, курсы словесности и даже грамматики, — разглагольствованіями о томъ, что человѣкъ отличается отъ животныхъ бессмертною душою и даромъ слова... Все это истинны неоспоримыя, но вовсе не йдущія тутъ къ дѣлу. Вы взялись говорить о русскомъ языкѣ въ сравненіи съ западно-славянскими языками; изслѣдованіе этого предмета можетъ быть и интересно и полезно: такъ и начинайте же прямо съ него, не забѣгая вдале и не вдаваясь въ теологію. Еслибъ еще вы писали о языкѣ вообще, о словѣ человеческомъ, тогда ваши фразы еще могли бы имѣть значеніе; но вы взялись говорить о предметѣ специальномъ, такъ и говорите же о немъ. А пока вы объ этомъ-то предметѣ ничего еще и не сказали. Можетъ-быть, скажете въ слѣдующихъ книжкахъ? Можетъ-быть!

343) Земледѣльческій Календарь. Соч. Эр. Рудольфа. Санктпетербургъ. Въ тип. Министерства Государственныхъ Имуществъ. 1845. Въ 8-ю д. л. Съ политипажными рисунками.

У насъ уже есть много книгъ и книжицъ, подъ заглавіемъ «Хозяйственныхъ», «Земледѣльческихъ», «Садовыхъ» и другихъ Календарей. Всѣ онѣ основаны на одной идее: «вспомни, за

множеством хлопотъ, можетъ иногда забыть, что ему нужно дѣлать въ какое время года и упустить пору для производства полевыхъ работъ, а потому эти книги и книжицы берутся служить запасною памятью хозяина, и ежемѣсячно докладываютъ ему, что вотъ-де пришла пора дѣлать то-то и то-то. Легко понять какую пользу могутъ имѣть подобныя книжныя издѣлія. Не заключая въ себѣ объясненія, какъ что производить въ хозяйствѣ, не входя въ разсужденіе о томъ, почему что какъ дѣлается, и какъ что дѣлать лучше, эти книги, ограничиваясь указаніемъ поры каждой работы— поры, которая на пространствѣ 100 верстъ къ сѣверу или къ югу уже измѣняется, — совершенно-безполезны въ рукахъ толковаго хозяина; а въ рукахъ безтолковаго всякая книга безполезна.

Но не по такому образцу написанъ «Земледѣльческій Календарь» г. Рудольфа. Увѣренный въ томъ, что одинъ рациональный взглядъ на вещи есть настоящій и полезный, г. Рудольфъ задалъ себѣ такою представити въ каждомъ мѣсяцѣ полный объемъ всѣхъ занятій сельскаго хозяина въ сѣверной полосѣ Россіи, чтобъ хозяинъ, видя вдругъ весь кругъ работъ, могъ уже затѣмъ вѣрнѣе сообразить, какимъ-образомъ выгоднѣе расположить ихъ. Самъ онъ о своемъ трудѣ выражается такъ: «въ Календарѣ будетъ описываться то, на что деревенскіе жители должны обращать вниманіе, для того, чтобъ ихъ хозяйство шло своимъ чередомъ, и чтобъ освободить ихъ отъ необходимости идти ощупью тамъ, гдѣ можно освѣтить дорогу знаніемъ и опытомъ». Дѣйствительно, объясните расудительному человеку, для чего что дѣлается, укажите ему здѣсь рациональныя основанія каждаго приѣма въ сельскомъ хозяйствѣ, покажите полный итогъ занятій, которыя должны быть имъ исполнены въ данное время, и повѣрте, что онъ затѣмъ весьма-хорошо смеетъ самъ, какъ ему, соображаясь съ условіями климата и мѣстности, съ особымъ назначеніемъ хозяй-

ства и съ имѣющимися подъ руками средствами, всего выгоднѣе распорядиться каждой работой. Этой цѣли вполне достигаетъ «Календарь» г. Рудольфа. Какъ ученый агрономъ и опытный практикъ, хорошо-знакомый съ хозяйствомъ и климатическими условіями Сѣверной-Россіи, авторъ представляетъ въ этомъ трудѣ полное руководство въ сельскомъ хозяйствѣ, цѣлый курсъ науки, но не въ сухой систематической формѣ, а въ живой картинѣ естественнаго хода и постепенности разныхъ хозяйственныхъ работъ. По нашему мнѣнію, этотъ «Календарь» есть лучшее прозведеніе изъ всего итога хозяйственныхъ сочиненій, вышедшихъ въ послѣднее десятилітіе.

Такъ-какъ весна есть начало земледѣльческихъ работъ, то календарь г. Рудольфа начинается апрѣлемъ мѣсяцемъ; впрочемъ, нумерація страницъ въ каждомъ мѣсяцѣ принята особая, а потому всякій хозяинъ можетъ разбить мѣсяцы въ томъ порядкѣ, въ какомъ ему заблагоразсудится. Въ каждомъ мѣсяцѣ представлены, смотря по важности предмета, болѣе или менѣе подробныя объясненія хозяйственныхъ операций и приѣмовъ, предстоящихъ хозяину въ томъ мѣсяцѣ. Важнѣйшія статьи отличаются особенною полнотою изложенія. Такъ въ маѣ читатель найдетъ весьма-вѣрный и практическій взглядъ на наши земледѣльческія орудія, описаніе которыхъ объяснено многими рѣзанными на деревѣ рисунками; въ іюнѣ помѣщено, между прочимъ, прекрасное разсужденіе о предметѣ первой важности для хозяина — объ удобреніи; въ іюлѣ, особенно замѣчательныя наставленія относительно сѣнокосовъ и сушки луговаго сѣна и клевера; въ августѣ, замѣчанія о тѣхъ бѣдствіяхъ, которыя истребляютъ на поляхъ плоды трудовъ земледѣльца, а именно о разныхъ вредныхъ въ хозяйствѣ наѣтокъ, о медвяной и мушкетной росахъ, о рожкахъ и головахъ. Замѣчанія г. Рудольфа о разныхъ отрасляхъ скотоводства, разсѣяныя въ

разныхъ мѣсяцахъ, заслуживаютъ особеннаго вниманія; эта часть отдѣлана авторомъ прекрасно и съ особенною подробностью, ибо, по убѣжденію его, скотодовство есть основаніе всего земледѣлія на сѣверѣ.

Въ концѣ календаря помѣщены, въ видѣ прибавленій, двѣ статьи: *О жилищи и содержаніи домашнихъ птицъ* и *О гмѣль и его воздѣльваніи*. Обѣ статьи, и въ особенности послѣдняя, суть полныя трактаты, которые одни могли бы доставить извѣстность автору. О хмѣль у насъ довольно-много было писано. Не говоря о сочиненіяхъ старинныхъ, напр., о переводѣ сочиненія Ф. Брейтбаха *Полное Наставленіе о Хмѣльководствѣ*, изданномъ въ 1813 году отъ Хозяйственнаго Департамента Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, упоминаемъ только о довольно-обширномъ наставленіи къ разведенію хмѣля, помѣщенномъ въ *Земледѣльческой Газетѣ* 1835 года; въ 1838 году, профессоръ Памовъ передалъ въ издававшемся подъ его редакціею журналѣ *Русскій Земледѣлецъ* домбалево наставленіе объ этомъ предметѣ, и, наконецъ, въ Москвѣ въ послѣдніе годы было издано до десятка разныхъ практическихъ и непрактическихъ (теоретическихъ) *хмѣльководовъ*, рядъ которыхъ достойно называется издѣліемъ г. Егора Смирнова: *Практическій Хмѣльводъ. Составленъ изъ лучшихъ писателей. Санктпетербургъ, 1843*. Но всѣ эти изданія безъ изятія суть или просто переводы иностранныхъ сочиненій, неприимчивые къ климатическимъ и хозяйственнымъ условіямъ Россіи, или безполезныя, состряпанные спекуляціею кошляціи, которые могутъ только ввести добродушнаго хозяина въ грѣхъ и искушеніе. Но никто не можетъ мѣше г. Рудольфа быть упрекаемъ въ страсти пописать; *scribendi cacothetes*, какъ выражается блаженной памяти Ювеналъ. Его наставленія о хмѣльводствѣ есть плодъ добросовѣстнаго изученія, наблюденія и собственнаго опыта; и по цѣлостности своей и цѣлостности—само-по-себѣ отдѣльный трактатъ.

Заключая сужденіе наше о Земледѣльческомъ Календарѣ, мы можемъ смѣло сказать, что ни одна книга не достойна въ такой степени названія настоятельной для каждаго хозяина, какъ сочиненіе г. Рудольфа.

344) Опытъ Практическихъ Земледѣльцевъ Кинешемскаго Земледѣльца о сельскомъ хозяйствѣ Костромской-Губерніи. Часть четвертая. Прибавленія. Санктпетербургъ. Въ тѣхъ К. Крайя. 1845. Въ 8-ю д. л. 93 стр.

Кинешемскій земледѣлецъ, авторъ *Опыта Практическихъ Земледѣльцевъ*, есть г. Дмитріевъ, который уже извѣстенъ публикѣ своими сочиненіями о сельскомъ хозяйствѣ Костромской-Губерніи. Большаго ученаго значенія его твореніе не имѣетъ; авторъ, какъ наблюдатель старательный и трудолюбивый, но незнакомый съ наукою сельскаго хозяйства, описываетъ довольно-вѣрно и подробно, что какъ дѣлается у посредственныхъ костромскихъ хозяевъ. Тамъ, гдѣ онъ говоритъ, что какъ дѣлается, сочиненіе его имѣетъ достоинство статистическаго документа; но тамъ, гдѣ г. Дмитріевъ пускается въ объясненіе, почему такъ дѣлается и даетъ совѣты, что какъ дѣлать, онъ, нужно сказать откровенно, бродитъ ощупью и попадаетъ въсь. Въ лежащей предъ нами брошюрѣ, авторъ разсуждаетъ о задѣльныхъ крестьянахъ, говоритъ о срокахъ для задѣльныхъ работъ, о задѣльныхъ работахъ на уроки, о повинностяхъ задѣльныхъ крестьянъ къ своимъ помѣщикамъ, отдаетъ преимущество задѣльному положенію крестьянъ предъ оброчнымъ, и подробно говоритъ о порядкѣ и времени главныхъ задѣльныхъ работъ. Въ заключеніе, г. Дмитріевъ толкуетъ объ устройствахъ сельскихъ амбаровъ и о формахъ счетоводства по этой части.

Вообще трактовать о задѣлѣ и оброчкѣ, какъ трактуетъ г. Дмитріевъ, значитъ ходить около, да въ цѣль не попадать. О рациональныхъ основаніяхъ дѣла тутъ нѣтъ и поминна, а въ этомъ

дѣлѣ, безъ рациональнаго анализа, нельзя достигнуть прочныхъ результатовъ. Брошюра г. Дмитриева не прибавляетъ ни одного слова новаго, ни одной идеи новой къ тому, что уже было столько разъ писано и печатано о сравнительныхъ выгодахъ и невыгодахъ барщины и оброка.

345) Руководство къ Устройствію и Содержанію теплицъ, оранжерей, жарниковъ и садовъ, сочиненіе Нейманна. Переводъ съ французскаго. Со многими планами, фасадами и чертежами. Санктпетербургъ. Въ тип. К. Жернакова. 1845. Въ 16-ю д. л. 84 стр.

Эта книга есть изданіе книгопродавца Василія Полякова... Впрочемъ, мы прочитали ее со вниманіемъ. «Руководство» Нейманна есть плохой переводъ плохаго подлинника. Оно содержитъ въ себѣ правила устройства и содержанія разнаго рода теплицъ и парниковъ; но о садахъ, крокъ зимнихъ, которые суть также родъ теплицъ, здѣсь вовсе не говорится, хотя по заглавію и можно думать, что авторъ хочетъ подѣлиться съ покупателемъ книги и своими познаніями по устройству садовъ.

Г. Нейманнъ трактуетъ о теплицахъ вообще, о парникахъ, объ оранжереяхъ, о холодной теплицѣ, о теплицѣ называемой зимнихъ садовъ, о теплицѣ умеренной, о жаркой теплицѣ, о теплицѣ для различныхъ употребленій, о теплицѣ для размноженія растений, о теплицѣ для раннихъ растений и заключаетъ все это описаніемъ нѣкоторыхъ извѣстныхъ въ Европѣ тепличныхъ заведеній. Во всемъ сочиненіи есть кое-какія замѣчанія полевыя, но все изложено сбивчиво, перемѣшано невѣрными выраженіями, и, что хуже всего, переводъ пребезтолковый. Латинскія ботаническія выраженія исковерканы безъ милосердія.

346) Хозяинъ съезъ науки, опытный экономъ и скопидомъ, или 260 секретовъ изъ домашней экономіи, съ указаніемъ: самому приготовить все,

необходимое въ домашнемъ быту. Съ четвертаю немецкаго изданія. Санктпетербургъ. Въ тип. К. Жернакова. 1845. Въ 18-ю д. л. 108 стр.

Для опытнаго глаза одно уже это заглавіе совершенно-ясно говоритъ, что такое предлагаемое ему книжное издѣліе. Приванное дѣло, что подобныя издѣлія недосигаемы для критики, по весьма-простой причинѣ: кругъ людей, потребляющихъ эти книжицы, не читаетъ критикъ. Иначе критикъ давно бы истребилъ съ лица печатнаго царства маранья въ родѣ Хозяина Себя на Умь.

Въ этой брошюрѣ содержится точно 260 (счесть вѣрнѣе) рецептовъ о томъ, какъ выводить пятна изъ платья и бѣлья, какъ мыть картофелемъ и бычьею желчью, не позволять щелкаться дереву, мыть перчатки; какъ дѣлать, чтобы руки не потѣли и не были нечисты; какъ составлять ваксу, какъ поддерживать блескъ оружія, какъ сберегать сыръ отъ червей, выгонять изъ комнаты мухъ, бить влестовъ и ловить блохъ, и проч. и проч. Разбирать подробно эту книжку и доказывать, что она — больше ничего, какъ смѣсъ пустяковъ и ошибокъ противъ науки, — кажется, излишне.

347) Атласъ Географическій, историческій и хронологическій Россійскаго Государства, составленный на основаніи исторіи Н. М. Карамзина И. Ахматовымъ. Состоящій изъ 71 раскрашенныхъ (ой) картъ (ы) въ большой листъ. Новое изданіе, тщательно пересмотрѣнное, съ присовокупленіемъ объяснительнаго реестра содержанія каждой карты, заключающаго въ себѣ краткій историческій очеркъ Россіи хронологію русскихъ государей, главныя историческія происшествія каждого царствованія, и наконецъ родословную таблицу царствовавшихъ въ Россіи династій, отъ Рюрика до нашихъ временъ. Издакъ И. Эйверлингъ. Санктпетербургъ. 1845.

Прекрасное пособіе для изученія русской исторіи. На картахъ этого а

гаса Россія изображена географически во всё эпохи ея историческаго существованія. Первые карты посвящены даже народамъ, обитавшимъ на югѣ Россіи еще до начала русской исторіи. Все это сдѣлано тщательно и умно, что приноситъ большую честь какъ составителю *Атласа*, г. Ахматову, такъ и его издателю, г. Эйнерлингу. Во вѣднѣмъ отношеніи издавія, мы можемъ не похвалить развѣ только шрифтъ: онъ рукописный и для глазъ не совсѣмъ - приятенъ. Всѣхъ картъ въ *Атласъ*—семьдесятъ-одна; при каждой находится объясненіе и исчисленіе важнѣйшихъ происшествій, совершившихся въ ту эпоху, къ которой относится карта. Всѣ эти объясненія подкрѣплены ссылками на томы и страницы *•Исторіи • Карамзина*, изданной г. Эйнерлингомъ,—такъ-что у кого есть это *полюбіишее* и *лучшее* изданіе *•Исторіи Государства Россійскаго*., тому необходимо имѣть и *Атласъ* г. Ахматова.

348) Генеральная Карта извѣстнаго Древнимъ Свѣта, изъ разныхъ источниковъ составленная и прикорюленная къ гимназическому курсу исторіи Н. Эйнерлингомъ. На шести александрийскихъ листахъ. Санктпетербургъ. 1845.

Еще полезное и хорошо-составленное изданіе г. Эйнерлинга.

349) Топографическо-Физическій Атласъ всего Земнаго Шара, составленный Карломъ Глазеромъ, по сочиненіямъ и. Рихтера, Гумбольдта, Шонера, Роона, Бергхауза, Неггерага, Буркарта, Вебстера, Котта и Лихтенштерна, съ дополненіями, сообщенными Гольтхаузенемъ. Издавъ съ присовокупленіемъ двухъ картъ Европейской и Азіатской Россіи, составленныхъ В. Кротовымъ по географіямъ и. Арсеньева, Павловскаго, Соколовскаго и Шульгина. Санктпетербургъ. 1845.

Заглавіе этого *Атласа* показываетъ его содержаніе. Намъ остается только сказать, что это очень-полезное и хо-

рошо-составленное учебное пособие; только издано оно и не красиво и нестро для глазъ, по милости отвратительнаго рукописнаго (а не курсивнаго) шрифта, который особенно дуренъ, когда подражаетъ прямой печати. Въ изданіяхъ г. Эйнерлинга этотъ рукописный шрифтъ по-крайней-мѣрѣ тщательно сдѣланъ и хорошо отлитографированъ; а въ *Атласъ* г. Глазера онъ плохъ и въ этихъ двухъ отношеніяхъ.

350) Изображеніе Характера и Содержанія Новой Исторіи. Книга первая. *Изображеніе характера и содержанія исторіи первыхъ десяти вѣковъ по паденіи Западной Римской Имперіи. (Исторія Среднихъ Вѣковъ)*, Ивана Шульгина. Изданіе третье, исправленное и умноженное. Санктпетербургъ. Въ тип. Императорской Академіи Наукъ. 1845. Въ 8-ю д. л. 256 стр.

351) Изображеніе Характера и Содержанія Новой Исторіи. Книга вторая. *Исторія Трехъ Послѣднихъ Вѣковъ*. Ивана Шульгина. Изданіе четвертое, исправленное и умноженное. Санктпетербургъ. Въ тип. Императорской Академіи Наукъ. 1845. Въ 8-ю д. л. 141 стр.

Это сочиненіе вышло первымъ изданіемъ въ 1837 году,—и вотъ еще не прошло десяти лѣтъ, какъ первая часть его выходитъ уже третьимъ, а вторая—четвертымъ изданіемъ. Это не просто успѣхъ, но—что гораздо-лучше и выше—совершенно заслуженный успѣхъ. Сочиненіе г. Шульгина—единственное въ своемъ родѣ. Отличіе его отъ обыкновенныхъ историческихъ учебниковъ состоитъ въ томъ, что оно не столько излагаетъ, сколько обзрѣваетъ факты исторіи, освѣщая ихъ свѣтомъ философскихъ разсуждѣній. Другими словами: въ его изложеніи не столько важны факты, сколько ихъ значеніе. И эта задача выполнена авторомъ больше, чѣмъ удовлетворительно, по-крайней-мѣрѣ, въ первой части. Возникновеніе элементовъ средневѣковой жизни—леннаго владѣнія, феодалнаго

ма, рыцарства, крестовых походов, городских общинъ, ихъ развитіе, необходимость и польза, ихъ борьба между собою, — все это представляетъ у г. Шульгина картину живую, яркую, вѣрную, легко впечатлѣвающуюся въ умъ, а слѣдовательно, и въ памяти. И все это развито у него систематически, съ строгою послѣдовательностью, для чего онъ и началъ свою книгу изложеніемъ духа и характера умирившаго древняго общества въ Европѣ, и потомъ духа и характера тевтонскихъ племенъ, вскорѣ вступившихъ въ борьбу съ древнимъ миромъ, — въ борьбу, цѣль элементовъ которой сложилось существованіе новаго европейскаго міра. Что касается до второй части, — если можно было бы сказать многое, но какъ намъ не позволить сдѣлать этого время и мѣсто, — то скажемъ о ней только, что если послѣ нея не явится третьей части, то *Изображеніе характера и содержанія Новой Исторіи* выйдетъ безъ конца.

Въ одномъ можешь упрекнуть мы автора *Исторіи Среднихъ Вѣковъ* — въ небрежности языка и слога и въ ненужности употребленія разныхъ обветшавшихъ словъ.

352) Частная Риторика, Н. Кошанскаго. Изданіе шестое. Въ тип. Департамента Военныхъ Поселеній. 1845. Въ 8-ю д. л. 141 и IX стр.

353) Умозрительныя и Опытныя Основанія Словесности въ IV члѣнѣ. Соч. А. Глаголева. Изданіе второе. Санктпетербургъ. Въ тип. Губернскаго Правленія. 1845. Въ 8-ю д. л. Въ I части VIII и 22, во II — 97, въ III — 67, въ IV — 96 стр.

Вотъ двѣ книги — два ужаснѣйшіе анхронизма, — книги, которыя, среди всего нашего времени то же, что былъ бы между людьми нашего времени чужакъ въ напудренномъ парикѣ съ мушками до плечъ, съ кошелькомъ на запятокѣ, съ корабликомъ на головѣ, въ прономѣ намвозѣ и голубомъ кафтанѣ, въ чулкахъ до колѣнъ и башма-

кахъ съ золотыми пряжками и высокими красными каблуками... Здравствуй, дѣдушка, привѣтъ тебѣ, выходецъ съ того свѣта, житель другаго міра! Поговори съ нами о твоёмъ времени, въ которое было сдѣлано такъ много великаго, сказано такъ много умнаго! Мы готовы тебя слушать! Твой нарядъ намъ не смѣшонъ, а только любопытенъ; и не смѣяться, а учиться у тебя хотимъ мы. Мы такъ интересуемся твоимъ временемъ, съ такою жаждою изучаемъ его въ книгахъ. Но что книга! Твоя живая рѣчь будетъ лучше всякихъ книгъ! Говори же! — Но что же ты такое заговорилъ? ты разсказываешь намъ не о себѣ-самомъ, а о насъ, не о твоёмъ времени, а о нашемъ! Ты разсуждаешь о Пушкинѣ, тогда-какъ мы хотѣли услышать отъ тебя о Суворовѣ и Херасковѣ, о Державинѣ и Богдановичѣ! ты увѣряешь насъ, что и Петровъ великій лирикъ, и Пушкинъ отличный поэтъ... А мы ожидали, что ты съ восторгомъ будешь говорить о Державинѣ и ничего хорошаго не найдешь въ Пушкинѣ, еслибъ мы, твои правнуки, вздумали тебѣ читать его. Но ты такъ же не сынъ того времени, какъ и не сынъ нашего, ты недоумокъ, недоросль изъ словесниковъ, пелантъ, который равно не понимаетъ ни того, ни нашего времени. Ты надѣлъ напудренный парикъ и накрылъ его корабликомъ потому только, что эти вещи остались тебѣ по наследству еще отъ дѣдушки; истаскавъ ихъ, ты нарядишься по нашему — идѣ тебѣ все-равно! Поди же прочь съ твоимъ болтаньемъ — мы не хотимъ тратить времени на разговоръ съ тобою!..

Такое, или почти такое чувство возбуждаютъ въ читателѣ двѣ книги, главнѣе которыхъ выписано въ началѣ этой статьи. О риторикѣ г. Кошанскаго нечего и говорить: вотъ уже въ шестой разъ является она учить писать такъ, какъ никто теперь не пишетъ, учить тому, чему нельзя выучиться изъ книгъ. Она вѣрна своей роли — придавать способность несчастныхъ, обязанныхъ твердо знать всё пустяки, всё вздоръ,

цѣ неждности, изъ которыхъ она счита. Честъ и слава ея постоянству! Бѣда и горе тѣмъ, которые учатъ и учатся по ней! смѣхъ и потѣха тѣмъ, которые читаютъ ее для развлечения, но охотѣ прочесть иногда что-нибудь курьезное, добродушно-нелѣзное, искренно - пошлос! Вотъ другое дѣло — книжица г. Глаголева: она еще только въ другой разъ (?) является въ свѣтъ... Но если и такъ, — зачѣмъ вышла она теперь на бѣлый свѣтъ изъ мрака сырыхъ погребовъ. Ужь не за тѣмъ ли, чтобъ ей слова было доказано, что ея мѣсто тамъ, въ подвалахъ? Если такъ, мы готовы послужиться ей этимъ.

Прежде всего, любопытно происхождение на свѣтъ этой книжицы. Самъ сочинитель говоритъ, что «этотъ ученый (?) трудъ выходитъ изъ круга его настоящихъ занятій и родился у него случайно». Московскій Университетъ обнаружилъ, въ началѣ 1831 года, программу о конкурсѣ для занятія кафедръ краснорѣчія, стихотворства и языка русскаго. Трудность предложенныхъ въ программѣ задачъ (говоритъ г. Глаголевъ) возбудила во мнѣ особенное любопытство: я старался разсудать ихъ рѣшеніе, и углубляясь въ соображенія, непріятнымъ образомъ составилъ въ умѣ вѣчто цѣлое, итѣншее систематическую послѣдовательность. Признаемся, не смотря на утвержденіе самого сочинителя, мы въ его книгѣ не замѣтили ни малѣйшихъ слѣдовъ чего-либо похожаго на систему, или послѣдовательность. И не мудро. Что за наука словесность? Ее выдумали педанты, школары, которые стихотворство связываютъ съ поэзіею, а краснорѣчье считаютъ искусствомъ, въ смыслѣ художества, творчества, и ораторствъ, слѣдовательно, почитаютъ артистами, художниками, творцами. Г. Глаголевъ подъ словесностью, какъ наукою, разумѣетъ грамматику, ретиорику и шпигуку: такъ думали люди только во времена варварской схоластики, рабски подражая во всемъ древнимъ, которыхъ они не понимали. Но подобныя предразсудки не стоятъ опровер-

женія, и потому лучше представимъ читателямъ самыя курьезныя диковинки изъ книжицы г. Глаголева.

На V-ой страницѣ предисловія, г. Глаголевъ приводитъ слѣдующій примѣръ римскаго краснорѣчія:

«Въ новы мѣсяца октября (.) въ предверіи храма Беллоны (.) Марцій и Спурій Постумій, консулы, въ присутствіи сената, слушали предложеніе Клавдія, Валерія и Мануція о правдствѣяхъ бахусовыхъ (слѣдуютъ пункты предложенія). Въ заключеніе приказали: объявить о семъ всенародно въ продолженіе трехъ нундінъ. Если же кто поступитъ вопреку вышеписанному, того предавать суду уголовному; а для всенароднаго свѣдѣнія вырѣзать СІЕ постановленіе на мѣдной доскѣ и выставить ОНОЕ во всѣхъ публичныхъ мѣстахъ.»

И такъ, вотъ что разумѣетъ г. Глаголевъ подъ словомъ краснорѣчія... Но погодите смѣяться: самое забавное впереди. Вотъ оно:

«Въ нашихъ дѣловыхъ бумагахъ кроется все древнее краснорѣчье со всеми его видами: судебнымъ, совѣщательнымъ и описательнымъ; различіе состоитъ лишь въ томъ, что древніе декламировали свои рѣчи въ собраніяхъ народныхъ или въ сенатѣ, а у насъ секретари читаютъ свои записки въ присутствіяхъ, начальникихъ отдѣленія передъ министрами, оберъ-секретари въ сенатѣ и т. д.»

Въ примѣчаніи, между предисловіемъ и вступленіемъ, Шишковъ, авторъ *Разсужденія о Старомъ и Новомъ Словѣ*, краснорѣчиво проповѣдуетъ г. Глаголевымъ въ «Катонѣ нашей грамматики»; на 72 стр. второй части, о немъ же г. Глаголевъ выразился не только краснорѣчиво, но и очень - грамотно, такъ: «Ученія *Извѣстія Россійской Академіи*, коей онъ есть президентомъ» и пр. На 30 и 31 страницахъ четвертой части, г. Глаголевъ утверждаетъ, что «появленіе Риторикъ г. Римскаго, которая въ первый разъ издана въ свѣтъ въ 1796 году, составила новую эпоху въ исторіи русскаго литератюры, по части теоріи

«краснорѣчія», и что «Правила Словесности г. профессора Толмачева такъ же заслуживаютъ вниманія». На страницѣ 40, г. Глаголевъ говоритъ: «По части учебной достойны уваженія труды: *Тредьяковскаго, Ломоносова, Соколова, Борна, Рижскаго, Николаевскаго, Талызина, Левитскаго, Кошанскаго* (?), *Остолопова, Могилевскаго, Балига, Плакима* (?). Всѣмъ сестрамъ по серьгамъ! Въ-самомъ-дѣлѣ, изъ всѣхъ нашихъ схоластовъ, учившихъ въ школахъ писать такъ, какъ никто не пишетъ въ свѣтѣ, самые замѣчательные, безспорно, суть гг. *Тредьяковскій, Рижскій, Толмачовъ, Кошанскій, Плаксинъ* и—*Глаголевъ*... На стр. 53, г. Глаголевъ говоритъ, что: «*Шишковъ украсилъ періодами лучшія изъ своихъ сочиненій въ высшемъ дипломатическомъ родѣ*». Вообще, г. Глаголевъ большой подборникъ мѣрной и плавной періодической рѣчи на-маверъ древнихъ, столь несвойственной духу новѣйшихъ языковъ, и большой врагъ такъ-называемой «отрывистой», или, лучше сказать, естественной рѣчи, столь свойственной духу новѣйшихъ языковъ: всѣ схоласты крѣпко держатся этого мнѣнія, и искусственный, надутый слогъ похвальныхъ рѣчей Ломоносова считаютъ за образцовый.. Но вотъ цѣлый, хотя и небольшой отрывокъ изъ четвертой части сочиненія г. Глаголева,—отрывокъ, который даетъ полное понятіе о прелести его слога, украшеннаго *сими, оными, коими и таковыми*, и о схоластической оригинальности его эстетическаго вкуса:

«Романъ, по существу своему и по правиламъ сочиненія, сходствуетъ съ героическою поэмою; но не имѣя ни объема, ни важности эпопеи, онъ представляетъ нравственную жизнь одного лишь какого-либо героя или лица и съ одной точки зрѣнія. *Поесть* есть одинъ только эпизодъ романа, одинъ развительный или любовный случай изъ жизни нравственной; а сказка есть повѣствованіе, на народныхъ рассказахъ и несбыточныхъ чудесностяхъ основанное. Происхожденіе нашей повѣ-

сти есть одинакое съ происхожденіемъ романа. Какъ сему послѣднему предшествовала важная эпическая поэма, такъ и повѣсть явилась у насъ сперва подъ одеждою героическою. Въ самъ тонъ записаны извѣстныя повѣствовательныя творенія Хераскова: *Кадмъ и Гармонія, Полидоръ и Нума Пампиль*. Карамзинъ первый осмѣлился перенести сюету изъ идеальнаго міра въ дѣйствительный, въ свое отечество, и вывести на оную лица Русскія. Его *Наталья Болгарская Дочь, Бѣдная Лиза и Марья Посадница*, не смотря на то, что мыслить и чувствовать умомъ и сердцемъ соизнителя, илѣняютъ самую оригинальностью своего содержанія, илѣжностью чувствованій и живымъ, легкимъ способомъ выраженія; въ особенности послѣдняя, одушевленная высокими мечтами и сильнымъ краснорѣчіемъ, останется навсегда украшеніемъ повѣствовательнаго рода нашей Словесности. *Марина Роца* Жуковскаго носить на себѣ черты древняго Германскаго рыцарства или вассальства; но она занимательна, какъ ландшафтъ, раскрывающій предъ нами дикія окрестности Москвы до ея основанія. Повѣсти *Волыцкаго, Панаева и Наръжскаго*, равно какъ и Романы его, также заслуживаютъ вниманію. Изъ современныхъ намъ народныхъ повѣстей пользуются особенно извѣстностью *Ивана Писаревича Бѣлкина* (А. С. Пушкина), *Песельна, Барона Розена, Вечера на хуторѣ близъ дикавки*, изданныя Писичинкомъ Рудымъ Панькомъ. Но всѣхъ ихъ превосшелъ авторъ извѣстный подъ именемъ *Марлинскаго*, — искусный живописецъ характеровъ, страстей, движеній, оригинальный въ вымыслахъ, живой и легкій въ разсказѣ. Его *Аммалатъ Бекъ* есть твореніе, носящее на себѣ печать высокаго таланта въ семъ родѣ сочиненій. Повѣсти: *Блаженство отъ безумія* и *Живописецъ* (помѣщенные въ Телеграфѣ 1833 года), *Двойникъ* и *Черная курица* А. Погорѣльскаго (вымышленное имя) и *Песельна* сказки Преня Гомозейки (также вымышленное имя) достойны примѣчанія, какъ новыя психическія явленія къ Русской Литературѣ. Въ первыхъ авторъ хотѣлъ олицетворить пылающую, вступленную любовь, съ искусствомъ развивая сопряженные ей изгибы и движенія; но употребленные имъ краски слишкомъ ярки и неестественны для характеровъ Русскихъ, почти совсѣмъ неспособныхъ къ

взвешеннымъ чувствованіемъ и дѣйствіемъ. Послѣднія (Двойникъ, Черная Курица и Пестрые Сказки) суть не что иное, какъ литературныя фантазіи, увлекающія нерѣдко своихъ почитъ за предѣлы нѣтъической вѣроятности; а по сему, не смотря на ихъ ученость, на оригинальность мыслей и на чистый, легкій способъ выраженія, онѣ не могутъ знаменитъ быть разгадываемаю читающею публикою, требующею, такъ-сказать, математической точности въ самой игрѣ воображенія.

Каково?... Но забудемъ слогъ и вкусъ схоластическаго «словесника», и замѣтимъ только, что его книга является теперь въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ вышла въ началѣ тридцатыхъ годовъ, когда забытыя теперь *Повѣсти Бюльиана* (Пушкина) были свѣжею новостью, когда Гоголь издалъ только еще свои *Вечера на Хуторѣ близъ Диканьки*, а повѣсти Марлинскаго считались гениальными произведеніями. Неужели же съ-тѣхъ-поръ ничего не измѣнилось въ литературныхъ понятіяхъ и взглядахъ? И что такое исторія какой бы то ни было литературы, прерывающаяся слишкомъ за десять лѣтъ до минуты, въ которую она выходитъ изъ типографіи? Не слѣдовало ли бы г. Глаголеву поправить и пополнить свою книгу, выдавая ее въ свѣтъ въ другой разъ, черезъ десять слишкомъ лѣтъ послѣ ея перваго изданія? Хотя для схоластовъ нѣтъ прогресса, и время ничто не измѣняетъ въ ихъ фразахъ, которыя они, зазубривъ разъ въ школѣ, твердятъ всю жизнь свою, однако же тутъ есть и другая причина: вторымъ изданіемъ чуть ли не напечатаны только *заглавныя листокъ* залежавшейся въ подвалахъ книги г. Глаголева; самая же книга вовсе не перепечатывалась вторымъ изданіемъ...

354) *Руководство къ Познаванію Древней Исторіи, для среднихъ учебныхъ заведеній. Сочиненное С. Смарагдовымъ, адъюнктомъ-профессоромъ Императорскаго Александровскаго Лицея. Изданіе четвертое, исправленное. Санкт-*

петербургъ. 1845. Въ тип. военнаго-учебныхъ заведеній. Въ 8-ю д. л. 409 и XII стр.

• Исторія • г-на Смарагдова смѣшила собою • Исторію • г. Кайданова, которая была совсѣмъ не безъ достоинствъ и слѣдовалась смѣшна потому только, что слишкомъ зажилась и не хотѣла умирать. Какъ • Исторія • г. Кайданова была выше всѣхъ историческихъ учебниковъ, до нея существовавшихъ въ Россіи, такъ • Исторія • г. Смарагдова выше • Исторіи • г. Кайданова. Значитъ, это шагъ впередъ. Но тутъ лучше всего то, что • Исторія • г. Смарагдова никогда не будетъ смѣшна, какъ была • Исторія • г. Кайданова: отъ этого несчастія, порожденнаго излишнимъ долголѣтіемъ, • Исторію • г. Смарагдова спасетъ • Исторія • г. Лоренца. Какъ скоро послѣдняя будетъ кончена, мы увѣрены, что она тотчасъ же вытѣнитъ изъ учебныхъ заведеній всѣ другіе историческіе учебники.

355) *Учебная Книга Итальянскаго Языка для Русскихъ, составленная по новѣйшимъ методамъ, по которой легко и скоро можно научиться итальянскому языку безъ помощи учителя. Санктпетербургъ. 1845. Въ тип. К. И. Жернакова. Въ 8-ю д. л. 120 стр.*

Эта книга можетъ быть полезна для первоначальнаго наученія итальянскаго языка, хоть она въ заглавіи, несовсѣмъ-грамотно-написанномъ, и напоминаетъ русскую пословицу: *ржала каша сама себя жвалитъ*. Жаль, впрочемъ, что составитель не приложилъ къ своей книгѣ того, безъ чего въ ней мало толку — хрестоматіи.

356) *Вскобщая Географія. Руководство для среднихъ учебныхъ заведеній, составленное О. Соколовымъ. Москва. Въ тип. Августа Семена. 1845. Въ 8-ю д. л. 390 стр.*

357) *Краткая Вскобщая Географія, принятая для руководства въ гимназіяхъ Московскаго Учебнаго Округа. Соч. Штейна. Переведена съ нѣмецкаго девятнадцатаго изданія и исправлена по*

новѣйшими извѣстїями **О. Соколовымъ**. Изданіе четвертое. Москва. Въ университетской тип. 1843. Въ 8-ю д. л. 256 стр.

Мы не ошибемся, поставивъ эти два руководства на первомъ мѣстѣ подлѣ «**Географїи**», изданной для военно-учебныхъ заведеній подъ именемъ Соколовскаго. Авторъ смотритъ на географію съ современной точки, то-есть, принимаетъ ее въ томъ значеніи, котораго придалъ ей гениальный Риттеръ; а это значеніе для насъ, Русскихъ, въ нѣкоторомъ смыслѣ еще новѣе, потому что, составляя собственную образованную преподавателей географію, оно не вошло еще въ общее преподаваніе этой науки, во всѣ географическіе учебники, написанные для юности.

Предисловіе, очень дѣльно составленное, объясняетъ современное значеніе географіи въ среднихъ заведеніяхъ и въ университетѣ, ея главную задачу, какъ самостоятельной науки, ея достоинство въ педагогическомъ отношеніи, наконецъ, ея вліяніе на образованіе вообще. Первые два пункта изложены какъ нельзя истиннѣе: сказать противъ нихъ нечего, не согласиться съ ними — значитъ быть неправымъ. Но два послѣдніе невозможно принять безусловно.

Вотъ что говоритъ авторъ о теперешнемъ значеніи географіи въ кругу приготовительнаго къ университету и университетскаго ученія:

«Въ среднихъ заведеніяхъ руководства **полезнѣе** наукамъ должны приготовлять учащихся къ слушанію университетскихъ лекцій; переходъ долженъ быть легкій и естественный: студенты должны быть способны понять и усвоить (себѣ?) науку въ ея высшемъ, современномъ состояніи. Во всѣхъ наукахъ, кромѣ географіи, этотъ переходъ изъ среднихъ заведеній въ университетъ легокъ — и хорошие ученики свободно понимаютъ лекціи профессора. Нельзя **того же сказать** объ Географіи. Эта наука, еще недавно не больше какъ сборникъ собственноручныхъ именъ, была только пособіемъ для исторіи, или собраніемъ свѣдѣній, нужныхъ для домашняго обихода.

Въ такомъ видѣ всякое руководство, даже самое плохое, больше или меньше удовлетворительно. Съ выходомъ изъ гимназій, для ученика географія совершенно оканчивалась: въ университетѣ объ ней не было и помину. — Теперь обстоятельства перемѣнились. Гениальные труды берлинскаго профессора Карла Риттера дѣляя географію такой значеніе, какого нельзя было и подозревать въ ней. Его взглядъ на эту науку увлекъ на вопише географію толпу первоклассныхъ ученыхъ и не только упрочилъ за нею самостоятельность и независимость отъ исторіи и другихъ наукъ, но и далъ ей широкое мѣсто между науками, — такое мѣсто, по которому она сама можетъ имѣть благотворное вліяніе на успѣхи другихъ наукъ. Теперь это университетская наука.

Недостатокъ географическаго руководства въ объясненномъ смыслѣ побудилъ автора заняться его составленіемъ: первая изъ его книгъ восполняетъ этотъ недостатокъ. Пособіями автору служили преимущественно сочиненія: Берггауза, Рона, Блакка, Брюкквера и Редена. Все руководство расположено на три курса: первый заключаетъ въ себѣ необходимыя предварительныя свѣдѣнія изъ всѣхъ элементовъ географіи (земля, вода, земля и вода въ соприкосновеніи, произведенія на землѣ, человекъ на землѣ, воздухъ, земной шаръ); второй и третій курсы слиты между собою, но отличены шрифтомъ, такъ-что второй курсъ, напечатанный крупнымъ шрифтомъ, описываетъ вещество: форму поверхности, рѣки, и проч.; а третій, напечатанный мелкимъ шрифтомъ, заключаетъ въ себѣ все то, что одушевляетъ это вещество: климатъ, произведенія, жителей и наконецъ политическій бытъ ихъ.

Въ чемъ же состоитъ задача географіи, какъ понимаютъ ее теперь?

«Главная задача Географіи состоитъ въ томъ, чтобы показать вліяніе природы на человека и человека на природу **тутъ** всѣхъ мѣстъ, времена и народы. Земля дана человеку въ жилище, въ которомъ онъ **блудствуетъ** и наслаждается, въ которомъ онъ развивается физически, умственно и нравственно. Такимъ образомъ онъ **напо-**

дится въ величайшей зависимости отъ природы; съ которою связаны неразрывными узлами. Но земля или, лучше, суша, на которой человекъ живетъ, состоитъ изъ множества странъ, чрезвычайно различныхъ между собою во всѣхъ отношеніяхъ. Но говоря о различіи между странами приключенными и странами прилегающими, мы находимъ великую разность между странами, лежащими подъ одною широтою. Откуда же происходитъ это послѣднее различіе? Главная причина заключается въ формѣ поверхности. Одна страна высокая, другая низменная; одна ровная, другая гористая. По слова: *высокая, ровная, низкая, гористая*, суть такія понятія, которыя условливаютъ для каждой страны ея дурное или хорошее орошеніе и климатъ, отъ орошенія и климата зависятъ растительность, отъ растительности зависятъ животныя, а отъ всѣхъ этихъ элементовъ вмѣстѣ зависитъ наконецъ человекъ, его характеръ, образъ жизни, умственное развитіе и самый ходъ его исторіи. Множество темныхъ мѣстъ глубокой исторической древности объясняются только съ меншимъ чужаго взглядомъ на Географію. Чѣмъ объяснять причину неподвижности Кизия и древнѣйшей его образованности? или быстрое и полное развитіе Древней Греціи, если не географическимъ положеніемъ обѣихъ? Отъ чего и некоторые страны изляли изъ вѣдръ своихъ на остальной міръ множество народовъ завоевательныхъ? Другія, напротивъ, не выжидали ни одного воинственнаго народа? На всѣ эти вопросы можно отвѣчать только съ помощію Географіи. Конечная же цѣль Географіи есть: объяснить настоящій бытъ человека въ разныхъ странахъ, какъ бы послѣднюю страницу исторіи; но вмѣстѣ показать причины этого быта.

Что касается до третьяго пункта, до педагогическаго значенія географіи, то мы не можемъ согласиться съ авторомъ, который думаетъ, что географія можетъ имѣть достоинство высшее, чѣмъ исторія, потому что «для изученія историческихъ фактовъ достаточно хорошей памяти, и ученикъ гимназіи, безъ особенныхъ умственныхъ способностей, безъ воображенія, съ одною хорошою памятью, можетъ отличиться въ историческомъ классѣ, тогда какъ

въ географіи, чтобъ постигнуть вліяніе природы на человека и человека на природу во всемъ разнообразіи мѣстностей, нужно совокупное и напряженное усиліе всѣхъ умственныхъ способностей: и разсудка, и воображенія, и памяти». Явная несправедливость, происшедшая отъ того, что г. Соколовъ, желая возвысить географію, унижилъ исторію, и смотря на одинъ предметъ съ точки зрѣнія Риттера, судить о другомъ по взгляду г. Кайданова. Если географія достигаетъ вліяніе природы на человека и человека на природу, то почему же исторія должна ограничиться простыми извученіемъ фактовъ? У ней, я думаю, есть другія, важнѣйшія заботы, очень хорошо извѣстныя г. Соколову: связь однихъ фактовъ съ другими, какъ причинъ съ послѣдствіями, воссозданіе народнаго быта во всей живости и полнотѣ его развитія, открытіе идеи, обнаруживаемой многоразличными явленіями жизни народа, человечества. А для этого, безъ сомнѣнія, нужны и воображеніе, и память, и разсудокъ. Мы находимъ, впрочемъ, очень страннымъ доказывать пользу одной науки сравненіемъ ея съ пользою другихъ наукъ. Это — старинная замашка, которую пора оставить до времена болѣе просвѣщенныя. Если же, при этомъ, умышленно искажается понятіе о мѣрѣ вліянія той или другой науки, то это еще страннѣе. Бѣда наша, что мы все хотимъ навязать каждой наукѣ развитіе умственныхъ способностей, забывая, что способности умственныя развиваются всѣми науками, а не одною исключительно.

Не можемъ согласиться съ авторомъ и въ послѣдней его мысли — въ томъ, важномъ вліяніи на образованность вообще, которое онъ приписываетъ географіи, называя ее *наукой-примири-тельницей*. Онъ доказываетъ свою мысль слѣдующимъ образомъ:

«Всѣ науки, кромѣ Географіи, принадлежатъ къ одной изъ двухъ великихъ категорій всего человѣческаго анализа: либо къ естественнымъ, либо къ гуманитарно-историческимъ. Но такъ какъ суще-

ство ограниченное, не может узнать все-го, то необходимо должно посвятить себя исключительно одному какому-либо роду знаний, если желает достигнуть не-котораго совершенства. Отсюда та несчаст-ливая односторонность, которая породила много зла в ученом мірѣ. Посвятившій себя наукамъ историческимъ, въ даль-нейшемъ своемъ развитіи все больше удаляется отъ природы, *находя* (1) въ ней или совершенное отсутствие жизни, или жизнь механическую, безмысленную. Точно также посвятившій себя наукамъ естественнымъ считаетъ себя *впраде* (2) называть законы челоѵка беззакономъ, въ исторіи *видитъ* (1) одинъ мелочный стра-сти, самая возня кажется ему пошломъ. Но для посредственныхъ людей односто-ронность есть великое зло: чтобъ изле-чить это зло, является новая наука—Ге-ографія.

Разсужденія и выводы рѣшительно ложныя, даже странныя! Во-первыхъ, какимъ образомъ челоѵкъ, посвятив-шій себя исключительно наукамъ исто-рическимъ, можетъ *находить* въ при-родѣ отсутствие жизни, а челоѵкъ, по-святившій себя исключительно нау-камъ естественнымъ, можетъ *видеть* въ исторіи одинъ мелочный страсти? Чтобъ *находить* предметы и *видеть* въ нихъ что-нибудь, надобно *знать* ихъ. Кто узнаетъ естественныя и историче-скія науки, тотъ не найдетъ въ приро-дѣ и не увидитъ въ исторіи того, что представляется автору предисловія; а кто, не зная естественныхъ или исто-рическихъ наукъ, *сочтетъ себя въ пра-де находить* въ исторіи или *видеть* въ природѣ, *задумаетъ* судить и рѣшить о незнакомомъ ему дѣлѣ, тотъ—значитъ, не только односторонній челоѵкъ, но и очень-глупый челоѵкъ. Бѣда его не въ томъ, что онъ не знаетъ географіи, а въ томъ, что онъ не получилъ отъ природы ума, хотя, можетъ-быть, и учился географіи. Во-вторыхъ, способ-ность сознавать величіе челоѵка въ подвигахъ добра и чести, поражаться непостижимой красотой природы, увлекаться красотами поэзіи—разви-вается учениемъ, но лежитъ своимъ ос-нованіемъ не въ ученіи: она есть даръ

Божій. Иногда необразованный чуж-ствуется силѣ образованнаго. Кто же нѣмаетъ этой способности пребывать въ томъ челоѵкѣ, который посвятилъ себя исторіи, математикѣ, естествен-нымъ наукамъ, и не знаетъ того, что ед-лится надъ географіей? Гѣте былъ по-этъ и натуралистъ; философъ Шеллингъ ищетъ радость съ поварей; философъ Гегель защищалъ докторскую диссер-тацію на предметъ назъ астрономіи. Напротивъ д'Анвилль, гениальный гео-графъ, видѣлъ въ Энеидѣ одні доро-ги Энея. И мы не знаемъ, великъ ли Риттеръ, какъ философъ; но знаемъ, что великіе философы знали геогра-фію. Въ-третьихъ, много ли нужно имѣть свѣдѣній, чтобъ, при вышнѣмъ состояніи просвѣщенія, понимать достоинство и величіе науки есте-ственныхъ и не-естественныхъ? Нужно ли для этого прибѣгать къ географіи, какъ блаженнымъ миротворцамъ? Учи-те и учитесь географіи, только не за-тѣвая, чтобъ ирритъ науки, которые въ наше время не думаютъ ссориться. И авторъ очень-хорошо сдѣлалъ, пред-оставивъ, въ концѣ предисловія, судить о его книгѣ вообще *умнымъ* людямъ. Еслибъ онъ предоставилъ это право однимъ только географамъ, они, вска-луй, согласились бы со всѣми его вы-словами.

358) Жизнь Евопа. Въ пользу по-шества, на русскомъ, французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Съ 6-ю раскраш-енными картинками. Москва. 1848. Въ университетской типографіи. Въ 8-ю д. л. 74 стр.

Книга не безъ пользы для дѣтей; жаль, что русскій переводъ очень-плохъ.

359) Азбука для Малолѣтнихъ Дѣтей. Съ молитвами, правоученіями, правилами о соблюденіи здоровья и сти-хотвореніями. Новое изданіе. Санктпе-тербургъ. Въ тип. Н. Глазунова и Коля. 1845. Въ 8-ю д. л.

Какъ ни обстоятельно изложено за-главіе этой «Азбуки для малолѣтнихъ

дамой» (какъ-будто есть совершеннолѣтнія дѣти!), но оно не исчерпываетъ всего ея содержанія: кромѣ молитвъ, правоученій, правилъ о соблюденіи здоровья и сталотвореній, въ ней есть еще краткія правила арифметики, эниграммы изъ Домососова — Науки юной шиталотъ, безграмотность, варварскій языкъ, безобразныя картинки. Эта арбука издается уже лѣтъ пятьдесятъ и принадлежитъ къ числу самыхъ плохихъ букварей.

360) Три Сказки и Одна Повестька, пересказанныя Михайломъ Максимовичемъ. Киев. Въ тѣмъ. О. Гликоберн. 1845. Въ 16-ю д. л. 48 стр.

Съ вѣкотораго времени, литературѣ нашей пришла непонятная охота стихами и прозою пересказывать сказки, рассказываемыя нянюшками, мамушками и боролатыми сказочниками. Эта охота тѣмъ страннѣе, что литераторы своими пересказами только нортятъ сказки безграмотнаго люда. Говорятъ, няньки, мамки и сказочники собираются законнымъ порядкомъ вступиться за право ихъ сказочной монополіи и остановить подобныя дѣйствія литературной контрабанды. И дѣло! Мужикъ и бабѣ безграмотнымъ причисловенниваться сказочными задорани, а литераторамъ не слѣдуетъ отбивать хлѣбъ у черни.

361) Королева Маргб. Романъ Александра Дюма. Въ шести частяхъ, въ двухъ томахъ. Санктпетербургъ. 1845. Въ тѣмъ. Н. Глазунова и Коми. Въ 8-ю д. л. Въ I-й части 69, во II-й — 88, въ III-й — 88, въ IV-й — 76, въ V-й — 73, въ VI-й — 87 стр.

Королева Маргб можетъ служить доказательствомъ, до какой степени бельетристика развита во Франціи. Извѣстна, для чего и какъ пишетъ мосье Александръ Дюма: для денегъ, по заказу, и при помощи цѣлой фабрики сотрудниковъ; а между-тѣмъ, его романы всадѣ читаются съ жадностью, какъ-будто-бы удивительныя произведенія искусства, съ которыми у нихъ

ничего нѣтъ общаго. Вотъ хоть-бы Королева Маргб: въ ней все построено на эффектахъ, на чемъ-то похожемъ на характеры, но не на характерахъ, — а между-тѣмъ все такъ удачно сплетено и расплетено, рассказъ такъ живъ, историческія событія одной изъ любопытнѣйшихъ эпохъ французской исторіи такъ ловко переплетены съ судьбою вѣсколькихъ лицъ, что романъ читается не безъ интереса даже людьми, которые понимаютъ настоящую его цѣну, а всѣми другими онъ былъ читанъ въ Отецъ Запискахъ съ какою-то лихорадочною жадностью. Теперь, отдѣльно-изданный, онъ ждетъ и, конечно, дождется и остальныхъ своихъ читателей, которые еще не успѣли прочесть его.

362) Вачный Жидъ. Пародія. Въ десяти частяхъ. Съ 250 рисунками. Санктпетербургъ. 1845. Въ тѣмъ. Фишоло. Въ 24-ю д. л. 36 стр.

Эта пародія, украшенная остроумными рисунками знаменитаго Шама (или Хама), очень смѣшна и забавна для тѣхъ, кто читалъ романъ Эжена Сю, — а кто не читалъ его? Г. Ольхивъ, недавшій романъ Сю, издастъ теперь и пародію на него, которая должна выйдти въ числѣ десяти книжекъ. Теперь вышла первая книжка. Надана она очень-хорошо; переводъ грамотенъ; только желаніе обрусить его много ему повредило, придавъ какой-то пошлымъ тономъ, котораго въ оригиналѣ нѣтъ и признаковъ. На-примѣръ, что это такое: «Сентябрь кончается, повѣсть начинается, день ночью замѣняется, фиолетовое небо солнцемъ освѣщается; съ другой стороны луна появляется». Не-уже-ли это остроумно? Солдаты Дагоберъ тоже выражаются черезчуръ по-русски, и оттого выходитъ что-то негнѣное, какъ всякое переложеніе съ правозъ одного народа на правы другаго.

363) Откляло, Венеціанскій Мавръ. Драма въ пяти дѣйствіяхъ. Соч. Шекспира. Перевелъ съ англійскаго В. Лазаръ.

ревскій. Санктпетербургъ. Въ тип. Карла Крайла. 1845. Въ 8-ю д. л. 201 стр.

Стихотворные переводы драмъ Шекспира всегда возбуждаютъ въ насъ недоумѣренность. Шекспиръ такъ великъ, что не можетъ бояться и плохихъ прозаическихъ переводовъ, потому что и въ нихъ что-нибудь да останется же отъ его генія; напротивъ, переводъ стихами, не только плохой, но даже посредственный, даже вслѣдствіе котораго нельзя назвать положительно хорошимъ, — убійство для Шекспира. Въ немъ остаются слова, но духъ исчезаетъ, не говоря уже о томъ, что посредственные стихи читать скучнѣе и тяжелѣе, чѣмъ самую плохую прозу.

Отелло какъ-то особенно несчастливается на Руси. Сцера онъ игрался на сценѣ въ нелѣпной дюссонской переводкѣ, переведенной по-русски прозою; потомъ г. П. — въ первый переводъ его прозою же, но уже не съ передѣлки, а съ перевода, а все же не съ подлинника, и притомъ, безъ предварительнаго изученія, безъ особеннаго труда, и не столько по потребности переводить Шекспира, сколько по желанію слѣзать что-нибудь. Теперь является переводъ *Отелло* стихами и съ подлинника. Что сказать объ этомъ переводѣ? — Можетъ-быть, онъ вѣренъ, даже очень-вѣренъ, слѣзавъ былъ со вѣстливо, со всею любовью и уваженіемъ къ генію Шекспира; но тѣмъ не менѣе духъ Шекспира не вѣдетъ въ немъ... Это произошло отъ-того, что г. Джазревскій не только не поэтъ, но даже и не стихотворецъ; его стихъ вялъ и связанъ, лишенъ жизни и движенія; его слогъ не точенъ, неопредѣленъ, и во семь его переводѣ слышны только слова и фразы, но поэзіи никакой нѣтъ и слѣда, и всего менѣе — поэзіи шекспировской.

Изданіе опротно, хотя и довольно-скромно.

364) Памятникъ Русскихъ Дворянскихъ, древнихъ и новыхъ времени, содержащій въ себѣ избраннѣя

дѣланія изъ жизни знаменитыхъ государей, полководцевъ, министровъ, храбрыхъ воиновъ, купцовъ, поселякъ и жещицъ, отличившихся твердостью духа и самоотверженіемъ. Заимствованныи изъ историческихъ трудовъ: Карамзина, Глики, Погодина, Снегирева, Арцыбашева, Михайловскаго-Данилевскаго, Бантиша-Каменскаго, и другихъ, а также изъ газетъ и журналовъ. М — южъ Т — ковымъ. Двѣ части. Москва. Въ университетской типографіи. 1845. Въ 8-ю д. л. Въ 1-й части 158, во 2-й — 220 стр.

Чтеніе весьма-пріятное и назидательное для тѣхъ, кто не читалъ ни Карамзина, ни Глики, ни Снегирева, ни Арцыбашева, ни Михайловскаго-Данилевскаго, ни Бантиша-Каменскаго и другихъ, а также газетъ и журналовъ; или для тѣхъ, кто читалъ, но не помнитъ того, что читалъ, или, наконецъ, для тѣхъ, кто читалъ и помнитъ, но желаетъ видѣть въ одной книгѣ и двухъ частяхъ собраніе русскихъ добродѣтелей древнихъ и новыхъ временъ.

365) Вечныя Бесѣды Русскихъ Цивилизовъ. Въ двухъ частяхъ. Москва. Въ тип. Н. Степанова. 1845. Въ 12-ю д. л. Въ 1-й части — 91, во 2-й — 87 стр.

Авторъ замѣчательнъ тѣмъ, что онъ знаетъ, что такое восточный кейезъ, а знаетъ это потому, что наурокованъ въ схваткѣ съ Черкесами. «Я», говоритъ онъ: — бывавъ на востокѣ, дрался съ Черкесами, наурокованъ въ схваткѣ съ ними, и потому знаю, что такое восточный кейезъ» (стр. 6). Потомъ есть другая замѣчательность въ Вечернихъ Бесѣдахъ: мысли не только ходять, но даже сходятъ съ крыльда на троттуаръ, нижеслѣдующимъ образомъ: «Сходя съ крыльда на троттуаръ, ужасная мысль, какъ молнія, блеснула въ моей головѣ». Наконецъ, третья замѣчательность книги всего удивительнѣе: подавщійся намъ издавательъ выдвигается, вторымъ часкомъ, а оканчивается первымъ. Для чего это

сдѣлано,—будетъ, вѣроятно, объяснено во второмъ изданіи, которое, можетъ-быть, назовется первымъ, послѣ первого или втораго, что все равно.

366) Образцовый Письмовникъ или хрестоматія писемъ, содержащая въ себѣ: письма на разные случаи жизни общественной. Въ трехъ отдѣленіяхъ, съ присвокупленіемъ формы необходимыхъ судебныхъ и коммерческихъ писемъ и сношеній. Москва. Въ университетской тип. 1845. Въ 12-ю д. л. 244 стр.

Главный вопросъ здѣсь опредѣлить назначеніе и пользу подобныхъ сборниковъ. Если они должны содержать въ себѣ только образцы извѣстнаго рода сочиненій, безъ примѣненія къ случаямъ жизни, безъ мысли о житейской, практической выгодѣ, мы еще согласны допустить не только возможность ихъ существованія, но и пользу ихъ. Но учиться писать письма по образцамъ писемъ, извѣсняться въ любви по тому примѣру или тону, какъ извѣснялась въ любви княжна Делемико Вольинскому, въ романѣ Лажечникова «Ледяной Домъ», жаловаться на судьбу своей подругѣ, какъ жаловалась Эмма своей подругѣ Фавни, въ повѣсти г. Н. Полеваго, упрекать въ вѣнѣнѣ, какъ упрекала Эйлалиа вѣтреванаго, во все еще шлага Рамона, въ повѣсти «Дядюшка Иванъ Алексѣевичъ», воля ваша—это вѣтвостей, достойная французскихъ «разговоровъ» на всевозможные случаи жизни, или французскихъ самоучителей для всѣхъ сословій гражданъ. Самъ собиратель говорить, что письма славныхъ писателей писаны во вдохновенію живаго, искренняго чувства, не скованнаго никакими правилами сухой схоластики. А примѣръ для извѣненія въ любви—развѣ не тѣ же омы? Здѣсь можетъ быть только та выгода, что получившему письмо, написанное по правиламъ «Письмовника», стѣнитъ только перевернуть страницу и списать отвѣтъ, напечатанный на этой страницѣ. И дешево, и мило! Собира-

тель находить, что *письмовники*, непухлые тѣмъ, которые получили благосическое образованіе, необходимы для большинства общества, изъ котораго почти каждый долженъ быть естественнымъ писемъ: иной, можетъ-быть, прекрасно мыслить, прекрасно выражаетъ себя на дѣлѣ, но возьмется за перо—и остается въ затрудненіи, какъ въ отношеніи къ формѣ, такъ и самому тону письма; а между-тѣмъ желаетъ себя высказать, и, можетъ-быть, имѣетъ много прекраснаго и любопытнаго. Для такихъ-то и необходимъ образцовый *письмовникъ*. Мысль рѣшительно ложная! *Такие* люди пусть пишутъ такъ, какъ Богъ пощелетъ имъ на душу, а если они еще вздумаютъ—чего Боже сохрани!—подражать тону, манерѣ, выраженію извѣстныхъ писемъ, то придется плохо тѣмъ несчастнымъ, которые будутъ обязаны читать письма, сшитыя по образцамъ. Впрочемъ, собиратель самъ не видитъ ясно дѣла и въ предисловіи своемъ говоритъ такіе вещи, которыя ясно показываютъ безответность, незнаніе, и чаще всего фразеологию. Онъ уверяетъ, что область письма часто «заключаетъ въ себѣ всѣ роды сочиненій, начиная отъ простыхъ описаній до самаго *высокаго эпоса*». Ужъ и высокаго эпоса! Если это *можетъ быть*, то когда жъ это *бывало?* И кому, какому новому Гомеру вздумается написать *Иліаду* въ видѣ письма! На все есть мѣра. «Доказательствомъ *этому*» продолжаетъ собиратель: «служатъ письма Карамзина, Ѳ. Главки, Жуковскаго, Батюшкова, Муравьева, и др. Любопытно знать, который изъ нихъ заключалъ *высокій эпосъ* въ рамкѣ *письма*! *Можетъ-быть*, собиратель имѣетъ въ рукахъ еще неизданныя ихъ творенія. Но тѣ, которыя намъ извѣстны, не представляютъ ничего подобнаго. Жаль, что собиратель пишетъ необдуманныя предисловія. Еще болѣе жаль, что онъ не видѣетъ сущность и раздѣленіе писемъ съ опредѣленіемъ ихъ по плохому учебнику г. Греча. Крайне-жаль! Добраго здѣсь ожидать нельзя...

367) Коварство. Сочиненіе М. Чернышевскаго. Санктпетербург. В 2 т. 3-е изд. 1845. В двух частях. В 8-ю д. л. В I-й части 204, во II-й — 330 стр.

Въ Москвѣ сочинители пятнадцатаго вѣсла любятъ изображать «Таньку Ростовкинскую», «Стеньку Разина» и всякихъ другихъ разбойниковъ и разбойницъ, которыхъ или выкапываютъ въ исторіи, или изобрѣтаютъ при помощи выдуманнаго воображенія. Петербургская же глѣ чрезвычайно-наклонна къ изображенію аристократическаго быта и въ своихъ манерныхъ почитаетъ для себя унизительнымъ имѣть дѣло съ кѣмъ-нибудь, кромѣ князей и графовъ. Страсть у этой глѣ изображать расписанные плафоны, мраморныя колонны съ капителями такого-то и такого-то ордена — коринтскаго, или тамъ и еще помудрейш; знай-дескать нашихъ! Героини ихъ всегда восхитительно *полумлежатъ* на роскошномъ *тамбосекскомъ* пате съ *англійскимъ* кипсекомъ въ рукахъ; герои ихъ всегда завиты *художественною* рукою *мосье Геліо* и раздушены благоволеніями отъ *Марса* (по повѣтіямъ глѣ, аристократъ непременно долженъ быть завитъ и раздушонъ; для нея *амбрѣ* такое же необходимое условіе аристократизма, какъ ножной суругъ городинчаго Сквозника-Духовоскаго)... Наконецъ, разговоръ ихъ героевъ и героинь... о! что насается до разговора... Но образчикъ разговора ниже будутъ приведены на лицо. Прежде нужно сказать, что «Коварство», сочиненіе г. М. Чернышевскаго—романъ изъ аристократической жизни. Дѣйствіе начинается въ домѣ князя Александра Бѣльскаго. «Мраморныя колонны съ вызолоченными коринтскаго ордена капителями, подерживали расписной плафонъ. Мебель совершенно соответствовала пышности и вкусу, съ которыми были убраны какъ зала, такъ и всѣ прочіе покои роскошнаго жилища богатаго вельможи.» У оной сидѣла дочь князя дѣвица Елена. «Когда родители ея жили въ столицѣ, то Елена была

одною изъ примѣчательныхъ дѣвицъ аристократическаго общества и умѣла привлечь къ себѣ вниманіе и уваженіе какъ знатныхъ почтенныхъ особъ, такъ и кавалеровъ высшего тона. Елена сказала (въ конвѣтъ никого не было, но уже у аристократовъ такой обычай, что оны съ нимѣнїемъ слушатели разговариваютъ съ мраморными колоннами и расписаннымъ плафономъ)— она сказала:

«Роскошь, богатство!... а въ душѣ грусть, тоска! — какъ же соответствующее вы одно другому! Блескъ первыхъ и тяжесть послѣднихъ не гармонируютъ въ разстроенной душѣ моей! Пышная темница моей матери! ты ужасна для меня!»

Блескъ *первыхъ* и тяжесть *послѣднихъ*! Вотъ и образчикъ аристократическаго разговора. Такъ говоритъ княжна Елена, обращавшая на себя вниманіе какъ знатныхъ почтенныхъ особъ, такъ и кавалеровъ высшего тона. Еще лучше говорила и писала ее мать. Но она умерла... Ея устное краснорѣчіе сошло съ нею въ могилу; зато княгиня оставила Еленѣ рукопись, изъ которой можно видѣть, какъ она писала. Дѣло идетъ о бабушкинѣ Елены.

«Ея желаніе было купить на южномъ берегу въ Крыму одно изъ значительныхъ имѣній, какъ по выгодамъ своимъ, такъ и по отличному мѣстоположенію, разстилающемуся на берегу Чернаго моря. Тамъ думала она соорудить на лучшемъ мѣстѣ домъ новѣйшей архитектуры, и любоваться виноградными долинами, наслаждаясь вполне какъ превосходнымъ климатомъ, такъ и такой природою, которая способна привести духъ человека въ восторженное состояніе. Всѣ эти превосходныя фантазіи образованной дамы, вполне обладающей какъ изящнымъ вкусомъ, такъ и возвышенностію чувствъ...»

Какъ-такъ! какъ-такъ! какъ-такъ! Не права ли, хорошо? музыкально? Но мы поговоримъ о слогахъ княгини и графини г. Чернышевскаго и вообще объ его слогахъ—ниже. Нужно разсказать этотъ романъ.

Князь пришелъ къ дочери и сказалъ ей, что хочетъ ѣхать въ Петербургъ, а не оставить въ домѣ друга своего графа О". « Это будетъ завѣсть отъ васъ, почтенный родителъ! » отвѣчала Елена. Князь, тронутый такимъ низкими видомъ покорности, сказалъ ей: « Всенныишій даромъ моя отрадная расколотельность къ тебе » и повезъ ее къ графу О". У графа было нѣсколько дочерей и сыновъ — стоящій (?) молодой человекъ и поэтъ въ душѣ, котораго имя и фамилия могли безъ заврѣнія совѣсти печататься подь его стихоизверженіями. Гости были приглашены въ гостиную и усѣлись чинно: старшіе на диванѣ, а младшіе заняли кресла. (Такъ! точно-такъ! Надо вовсе не вѣдать аристократовъ, надо средь не бывать дальше аристократической прихожей, чтобъ оспаривать столь вѣрное замѣчаніе!) Князь уѣхалъ, а дочь его влюбилась въ стоящаго молодого человека, который привнесъ чистоту ей своимъ стихамъ.

Поэтъ тотъ счастливъ, кто для мнѣ
Въ душѣ имѣетъ идеалъ,
Кто не одинъ блуждаетъ въ мирѣ
Кто самъ въ себѣ его созналъ
Умъ фантазіи родятся
Въ созвучіи любви прямой
И ты мечты, носясь кружатся
Идешь грудью дѣвамъ молодой.

Подъ такими стихами, по нѣбнью г. Чернышаского, можно безъ заврѣнія совѣсти печатать свое имя!.. По прочтении стиховъ Ксенія только успѣла лечь въ постель какъ и заснула; а съ Еленой было совѣтъ не то: ей пришла охота помечтать. Изъ этого читатель можетъ вмаѣть, на сколько одна изъ этихъ дѣвицъ глупѣе другой. На другой день стоящій молодой человекъ заговорилъ съ Еленой о любви, на что образованная аристократка отвѣчала ему:

«Согласна съ вами, Петръ Владиміровичъ, что взаимная любовь, конечно, можетъ дѣлать людей благополучными. Пожелать другъ друга и уважать, чрезвычайное должно быть пріятно для людей» и пр.
Т. XL III. — Отд. VI.

Петръ Владиміровичъ сталъ просить руки ея.

«Петръ Владиміровичъ! сказала она: я не ожидала, чтобъ нашъ разговоръ завелъ васъ такъ далеко: должно объяснить вамъ, что я рукою своею владѣть не могу, и очень сожалѣю, что вы дали волю чувствамъ и словамъ не узнавъ прежде будутъ ли предположенія ваши и всиница ваша любовь пріятны моему родителю: но вы можете быть увѣрены въ моемъ къ вамъ уваженіи... и вотъ милая Ксенія знаетъ расположеніе, которою душа моя полна къ вамъ.»

Такъ объяснились Елена и Басоръ! Но не доставитъ никакого терпѣнія рассказать подробно всю ералашъ, которая за тѣмъ еще происходила. Доскажемъ какъ-можно-кратче: князь возвратился изъ столицы и привезъ съ собою Жоржа, которому обѣщали руку Елены. Но Елена и слышать не хочетъ о Жоржѣ. Тогда князь благославляетъ ее на бракъ съ возлюбленнымъ, съ тѣмъ только, чтобъ она прежде поѣхала въ Петербургъ и послужилъ година три. Разъяренный Жоржъ соединяется съ Вѣрой — сестрой Петра Владиміровича, которая поклялась разстроить союзъ Елены и своего брата... Завѣтъ?.. А ужъ такъ было надобно сочинителю. Жоржъ прикидывается влюбленнымъ въ Ксенію... словомъ, начинаются различные комы и ухищренія, но къ концу романа все расширяется: поэтъ женится на Еленѣ, Вѣру выгоняютъ изъ родительскаго дома; только Ксенія сходитъ съ ума, но и то для того больше, чтобъ растрешать носу и превознать нѣсколько патетическихъ монологовъ...

Концовъ! Пятьсотъ сличнаго странницъ прочли и пересказали мы, и, признаюсь, никакой романа, никакой Жилы, какъ она есть, — словомъ, никакая книга бездарнѣйшаго и бездарнѣйшихъ не утомила насъ столько, не казалась намъ до такой степени пустою, пустою, бесталанною. Языкъ варварскій. Видно, что сочинитель съ достодолжною ревностью затвердилъ реторичку г. Комароваго и, простодушно

пофривъ и дерзавъ, которые въ ней разсказываются, ни на шагъ не оскутупалъ отъ нея въ своемъ слогѣ. Фразы его обыкновенно начинаются съ *не только*, за которыми всегда слѣдуетъ *но*; на-прим.: «Этотъ сочинитель *не только* безталаненъ, *но* и простодуш-но убѣжденъ въ своей даровитости». Частыя какъ и отвѣтствующая ей *жаль* — любимыя его частицы. Онъ у него почти въ каждомъ періодѣ. На-прим.: «Онъ подвергается осѣнанію *жаль* умныхъ людей, *такъ* и глупцовъ» и т. под. Изъ самой книги можно бы привести сотни примѣровъ, но доволь-но и тѣхъ, которые цитались выше сами-собою. И такимъ мертвымъ, на-дутымъ, семиварскимъ языкомъ заста-вляетъ сочинитель говорить ииженъ, графовъ и прочихъ своихъ аристокра-товъ и аристократовъ! Хороши ари-стократы! Ничего и говорить о со-держаніи, о характерахъ. Содержа-ніе бѣдное, пошлое, истасканное; ха-рактеры не найдете и слѣда, какъ вы видите. Забудьте только жалкую претензію безталанности, довольною собою; почувствуете силу смертель-ную, досаду немилосивую. Жаль бу-дущи, на которой напечатанъ этотъ журналъ! жаль бѣдныхъ типографскихъ буквъ, которые, не смотря на изъ смилосивую натуру, вѣролютно и теперь еще соѣство, что онъ принужденъ были перенуаться, слезиться и вы-рваться въ такую жалкую форму, что изъ нихъ вышла галиматья рѣдкая и на русской литературы!

368) Изъяснитель по Содицу. Де-мокрита Терпиковича. *Самилитер-бургъ. Въ тип. военно-учебныхъ заведеній. 1845. Въ 12-ю д. л. 78 стр.*

Полобный родъ сочиненій очень хо-роши для савары, а савара короша, ко-гда направлена на дѣятельныя по-роги и заблужденіе общества и при-томъ показана въ цѣль свои дошко, орте и нетно. Но какъ-какъ ны ниче-го покемага на это не вышли въ книгѣ *А. Долгорука Терпиковича*, то и не по-стоитъ сказать для чего она выдана въ

свѣтъ. Шуточны, болышею частью не-винныя, составляющія ее содержаніе, едва-ли покажутся кому-нибудь заблужденны и остроумныи; напротивъ, слѣ-дуетъ замѣтить, что онъ все-таки за-бавно и остроумно шуточны, запо-няющіе *Митрофанушку въ Дунѣ*, сочиненіе г. Буагарана. Вообще у ко-го достало терпѣнія прочесть *Митро-фанушку въ Дунѣ*, тотъ безъ большой за-тужи прочесть и *Душещепаніе по Содицу*, которое, право, душе *Митрофанушкина*, хоть само-по-себѣ и весьма-плохо...

369) Искусство сохранять дуч-шую память, не обманъ, а цинна, основанная на опытности и расудка. *Издана для блага естесъ сообразній и естесъ возрастное. Переводъ съ немецка-ю. Москва. Въ тип. Н. Степанова. 1845. Въ 12-ю д. л. 28 стр.*

370) Собраніе Русскихъ Писемъ. *О. М. Исаева. Изданіе четвертое. Москва. Въ тип. Н. Степанова. 1845. Въ 16-ю д. л. 233 стр.*

371) Козель - Вунтовщизъ, или *Машина свадьба. Новѣйшая сказка. Соч. Ник. Базилевича. Изданіе третіе, съ картинкою. Москва. Въ тип. Н. Степанова. 1845. Въ 42-ю д. л. 36 стр.*

372) Грошевыи Минутки или *испуганныя разбойники. Новѣйшая сказка. Соч. Ник. Базилевича. Изданіе третіе. Москва. Въ тип. Н. Степанова. 1845. Въ 42-ю д. л. 17 стр.*

Мы соединили эти четыре книги, потому-что, не смотря на разныя на-званія, онѣ принадлежатъ къ одному разряду: всѣ онѣ, и *Искусство сохра-нять память*, и *Собраніе Русскихъ Писемъ*, и *Козель-Вунтовщизъ*, и *Грошевыи Минутки*...

373) Мечта Любви, *фантастиче-ская повесть, графини д'Анж. Переводъ съ французскаго. А. Волкова 1-го. Мо-сква. Въ куберской тип. 1845. Въ 8-ю д. л. 11 стр.*

Изданные в Вольгѣ. принадлеж. за переводы: *шербель эта, подъ именемъ - Призракъ Любви*, уже вполнѣ намечтаны въ *Литературной Газетѣ*. Впрочемъ, такіе переводы, какъ г. Вольга, всегда рѣдкость. Они убѣждаютъ насъ, что въ некоторые переводчики и къ 1845 году не вѣдаютъ различія между *содомомъ*, если и *глаголомъ* *еще ли*, и *двинутъ* такъ: *«Блажь гдѣ такая сущность, поворому бы я могла повѣрять тайну о носей утратѣ прекрасной мечты?»*

374) Спасенная Пиневія пророчествомъ Ионы. Поэма въ четырехъ книжкахъ. Сочиненіе Федота Кузьмичева. Издадеи третій. Москва. Въ тип. И. Смирнова. 1845. Въ 12-ю д. л. 71 стр.

375) Смоленскій Рынокъ въ Москвѣ. Картина прошедшаго времени. Сочиненіе М. С. 1845. Москва. Въ тип. Н. Эрстля. 1845. Въ 12-ю д. л. 11 стр.

376) Котъ въ Слобогахъ. Русская народная сказка въ трехъ частяхъ (въ стихахъ). Сочиненіе В. Ф. Потапова, автора сказки: *Мужичекъ съ поготокъ, бороди съ дашошка*. Москва. Въ тип. И. Смирнова. 1846. Въ 12-ю д. л. 116 стр.

И еще три книжки одного сорта — принадлежатъ перу той же фантазіи, и оны урладаловъ поэзіи. Конечно, В. Ф. Потаповъ имѣетъ стикъ лучше М. С. творца «Смоленскаго Рынка»; однако же все-таки имѣетъ очель-лучше.

377) Благодать Божія въ Приводе, или совершенство естественнаго міра. Соч. Кн. Е. Н.—висо... Москва. Въ университетской тип. 1846. Въ 12-ю д. л. 25 стр.

Г. Кн. Е. Н.—висо..., вздумавъ, черезъ 7552 года отъ сотворенія міра, доказывать его совершенство, выбралъ прѣстранный эпиграфъ къ своей философической брошюрѣ:

Исторъ на ноеа нота думаетъ
Что лавъ, то бже, бжеды лѣвѣтѣ.

И прежде провъ лавъ рѣкоу,
И прежде плакалъ человекъ,
И прежде былъ онъ жертвой рока,
Надежды, слабости, порока.

Теперь, какъ прежде, кровь льется рѣкою, человекъ, жертва рока, проликаетъ слезы: что жъ тутъ совершеннаго? Или, можетъ-быть, московскій философъ исполняетъ челоука для міра?.. Почтенный Федотъ Кузьмичевъ, въ эпической поэмѣ своей: «Спасенная Пиневія», отнесъ кита къ *зограмъ*; но то поэзія, а не философія: куда же философія относитъ человекъ?.. Потомъ, стихи, даыте изъ Карамзина, приписать каждому-то *А... У* — *разъ это совершенство?* *Всѣхъ вѣщъ, принадлежашу одному, и подержать ее другому — вѣдъ это чуть-чуть не грѣхъ?* и въ поступкѣ московскаго философа я вижу незнаніе литературы, если только онъ совершенства незнаніи не относитъ къ совершенствамъ естественнаго міра. Писать *Жанжакъ* вмѣсто *Жанъ-Жакъ* тоже не совершенство: можно противорѣчить человекъ, спорить съ нимъ; но зачѣмъ коверкать эго видъ?.. Онъ совершеннаго различіемъ прочитали мы слѣдующія строки: «Обитатель *Лавишана*, по-видимому, оужденъ испытывать оное эа. Не разсмотрѣвъ безвѣрствства, не данъ ли ему средства продолжати безбѣдуи жизни? Одиизъ *Реме* по силѣ ли подержать ее и наполнить прѣстныи чувствованіями?» Кто этагъ *Алодумати* мѣ. Не французиіи ли писавель? Чи онъ живеть въ Парижѣ, а до поеду *Лавриши*. Читаясь, дальше: *видишь: «Дно животное, которое въ вретствѣ своей палебю верблѣду и волу, «состаридъ» гемидеомомомъ Лавришица. Изъ солики омаго *Реме* бжеды и «темля» оджею шеполейное котомъ. Илльи, *Аме* ога прота невозможное «ранкувано олово *Келла* («бѣрней олово»)!! Бже мой! какъ вѣрять мѣтъ къ совершенству естественнаго міра, эаже на землѣ существуеютъ бжедымо-мѣлѣмѣи? Гдѣ живуть оидъ.. на какомъ мѣстѣ думаетъ?.. да какъ же мѣтъ оидъ, на крайней мѣрѣ?.. Любопы-*

во бы знать все это. Нѣтъ, поэтъ-Кузьмичевъ лучше. Посмотрите, наприм., какъ выражаются въ его эпической поэмѣ:

«Пророкъ является среди великаго града Ниневіи. (Обширность града потребно три дни чтобъ его окружность обойти); Юна цѣлый день идетъ по стогнамъ Ниневійскимъ, восклицаетъ по небесному вдохновенію: «Любезныя друзья чело-вѣчества и почтеннѣйшіе граждане! Отверните господствующее роскошество-віе, которое расслабляетъ вашу нравствен-ность и разстрониваетъ тѣлесную крѣпость. Праздность мать пороковъ! Уничтожьте оную священнымъ трудолюбіемъ, посвя-тите свободное время пріятнымъ и невни-мымъ занятіямъ! Въ тѣлесной бездѣ-тельности умъ изобрѣтаетъ новыя роскоши и жемчужными увеселеніями, которыя рас-траиваютъ сердце ранами; низкоче-стои. Возвратитесь отъ искаженнаго заблужденія, которое васъ влечетъ въ от-

версты врата пренесоднаго ада! Небес-ные Отца гласъ известная мнѣ, что если чрезъ три дня не возвратитесь на обиходный путь покаянія, то по достоянію сего время, небо и земля расколеблется, и подземная бездна разверзется, и близни-тельное великолѣпіе изгладится съ лица земли, и вся красота града въ одно мгво-леніе исчезнетъ! Ни тѣ слеза не про-льется надъ погибающими; никто не услышитъ воплей жентъ, криковъ пладе-цетъ, стоющихъ отчаянствъ. Волюбъ со всего свѣта стеклется самыя очутившіеся горю и могли бы слышать и видѣть оное поро-образное бѣдствіе, то и они вострепетали бы отъ поразительнаго ужаса. Если не возсіяетъ въ сердцахъ вашихъ свѣтъ-линь добродѣтели, то небеса растворится съ гуломъ, мгновению нѣтъ оныхъ сндетъ неугасимый огонь, въ одну секунду весь процвѣтшій градъ объемлетъ шумнымъ пламенемъ.»

Прекрасно! Истинное совершенство естественнаго міра!



КНИЖКИ, ИЗДАННЫЯ ВЪ РОССІИ НА ИНОСТРАННЫХЪ ЯЗЫКАХЪ.

30) *KAMMERLISTISCHE ANHAND- LUNGEN in Beziehung auf das Russische Kaiserreich von J. Faulhaber* (Каме- ральная Записка, касающаяся Рос- сіи, Фаульгера). *Санктпетербургъ. 1845. ВЪ трихъ. Вителера. ВЪ 8-ю д. л. 46 и 22 стр.*

Брошюрка г. Фаульгера раздѣ- ляется на двѣ статьи: въ первой го- ворится о средствахъ усовершенство- ванія въ Россіи сельскаго хозяйства, во второй о способахъ усиленія мануфак- турной промышленности. Для распро- страненія между нашими крестьянами хозяйственныхъ знаний и улучшен- ныхъ способовъ обработыванія земли, авторъ полагаетъ необходимыми двѣ мѣры: 1) Учрежденіе въ духовныхъ семинаріяхъ кафедръ сельскаго хозяй- ства и 2) чтеніе сельскими священни- ками крестьянамъ ихъ приходоу лек- цій о сельскомъ хозяйствѣ разъ или два въ недѣлю. Для великаго сколені-

ибудь знакомаго съ бытомъ русскаго крестьянина, подобное предположеніе покажется до крайности наивнымъ. Мы займемъ только г. Фаульгера, въ- роятно неважному съ жизнью рус- скихъ крестьянъ, что каждый изъ нихъ, и низшій довольно силъ, чтобъ трудиться, такъ занятъ лѣтомъ и зи- мой, что отъ него нельзя потребовать жертвы времени для слушанія лекцій сельскаго хозяйства. Лѣтомъ онъ по- стоанно въ полѣ; съ наступленіемъ зи- мы, онъ надѣваетъ тулупъ, беретъ го- перъ или пилу, или запрягаетъ въ кра- шеныя санки плугу и отправляется въ губерскій городъ, часто въ столицу, чтобъ заработать себѣ насущный ку- сокъ хлѣба и не быть въ тягость сво- ему семейству. Мы не говоримъ уже о томъ, какъ далеко часто отстоятъ отъ мѣста жительства священника де- ревни, принадлежащія къ его приходу, ни о томъ, что для слушанія лекцій и

из-особенности, для приращенія узнаваемаго такимъ образомъ къ практикѣ, потребна известная степень предварительнаго образованія, которой наши крестьяне не достигли. Второе предположеніе г. Фаульгабера, объ учрежденіи частнаго общества для развитія и усовершенствованія мануфактурной промышленности, само-по-себѣ заслуживаетъ большаго вниманія. Дѣйствительно, примѣры подобныхъ установленій въ другихъ европейскіихъ государствахъ и особенно въ Англіи, гдѣ Общество Поощренія Искусствъ, Мануфактуръ и Торговли (Society for the encouragement of arts, manufactures and commerce) приобрѣло себѣ такую заслуженную славу, — указываютъ, какъ много можно ожидать отъ усилій подобнаго сословія, если оно одушевлено благороднымъ стремленіемъ къ добру и пользѣ общей.

49) CORNELII NEPOTIS VITAE EXCELLENTIUM IMPERATORUM, cum necessariis annotationibus duobusque vocum indicibus: geographico et grammatico. Editio secunda, in qua index vocum grammaticae multo correctior est atque auctior. Curante M. B. (Корнелія Непота знаменитѣйшихъ императоровъ, съ необходимыми поделеніями и двумя указателями: географическимъ и грамматическимъ. Изданіе второе, въ которомъ грамматическій словарь исправленъ и умноженъ. Издае М. Б.). Москва. Въ университетской тип. 1845. Въ 12-ю д. л. 168 и 159. стр.

Нѣтъ ничего труднѣе, какъ изученіе

мертвыхъ языковъ, столько необходимъ при нынѣшнемъ университетскомъ образованіи; облегчить способъ ихъ изученія—заслуга не маловажная. Въ этомъ отношеніи, г. издатель Корнелія Непота вполне заслуживаетъ благодарность. Сверхъ алфавитнаго словаря, гдѣ объяснено производство каждаго слова, чрезъ что облегчается память учащихся, приложенъ географическій и историческій указатель (index), короче: издатель exprociit gemm per indices. Незнаніе древней географіи и исторіи затрудняетъ чтеніе древнихъ писателей; а Корнелія начинаютъ обыкновенно изучать въ такомъ возрастѣ, когда дѣти не знаютъ еще ни той, ни другой науки: слѣдственно, приложенные указатели устраняютъ весьма большое неудобство. То же самое должно сказать и о слѣдующей книгѣ:

41) EUTROPII IN EVIARIUM HISTORICAE ROMANAE, edit. à B. Wojciechowski in usum II et III class. Gymnas. (Евтропія Сокровища Римской Исторіи. Издае Б. Войцеховскій въ пользу II и III классовъ гимназіи). Москва. Въ университетской тип. 1845. Въ 8-ю д. л. 98 и 95 стр.,

— съ тѣю разницею, что здѣсь объясненія историческихъ и географическихъ именъ не составляютъ особенныхъ указателей, а включены въ общій алфавитный указатель словъ. Издае очень-хорошее. Печать крупная и разборчивая, что для дѣтей очень-важно. Бумага бѣлая. Господа преподаватели латинскаго языка должны обратить вниманіе на оба эти издавія.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ И ЖУРНАЛЬНЫЕ ИЗВЕСТИЯ.

Читателям известно, что издание *Литературной Газеты*, в прошлом году и в первые три месяца (январь, февраль и март) вышедшего года, было объединено с изданием «Отечественных Записок» под одною общою редакціею. Но некоторыя особенности, зависящія от разницы по хозяйственной части издания, равно как увеличившіяся труды по изданию «Отечествен. Записок» и по другимъ литературнымъ предпріятіямъ, въ которыхъ редакторъ долженъ былъ принять участие, заставили его отказаться отъ непосредственнаго редактированія «Литературной Газеты» и передать ее въ завѣдываніе г-ну Коши, который, принявъ ее въ свое распоряженіе съ апрѣля нынѣшняго года, издаетъ теперь и будетъ издавать до конца года. Но съ будущаго 1900 года, *Газета*, оставаясь вѣрною прежней своей Высочайше-утвержденной программѣ и не измѣняя прежнихъ вѣходов, подвергнется внутреннему измѣненію. Отвѣтственнымъ ея редакторомъ останется, по-прежнему, издатель «Отечествен. Записокъ», какъ было до-сихъ-поръ съ самаго основанія «Газеты»; но завѣдываніе ею принимаетъ на себя *Н. А. Полевой*, рѣшившійся посвятить большую часть своего времени исключительно этому изданію. Такимъ-образомъ, содержаніе «Литературной Газеты» будетъ находиться въ полномъ распоряженіи *Н. А. Полевого*, и отъ него же зависѣтъ достоинства ея — литературное и ученое. Думаемъ, что это измѣненіе будетъ выгодно для читателей: до-сихъ-поръ «Литературная Газета», издаваясь

подъ одною общою редакціею съ «Отечественными Записками», была болѣе или менѣе отголоскомъ этого журнала и могла быть почитаема какъ-бы дополненіемъ къ нему. Теперь же, отдѣлившись отъ редакціи «Отечественныхъ Записокъ», она составитъ особое изданіе, получитъ свой отдѣльный характеръ, свою собственную индивидуальность. Мысли ея и направленіе, такимъ-образомъ, не должны быть связанными съ мыслями и направленіемъ «Отечествен. Записокъ»; оба эти изданія, всамостоятельно, могутъ быть часто не согласны во взглядѣ своемъ на однихъ и техъ же предметы, могутъ даже противорѣчить другъ другу, — и отъ этого въ русской журналистикѣ пріобрѣдетъ онѣмъ голосомъ болѣе; а русская публика получитъ еще одно сильное изданіе, немоложее ни другія, теперь существующія. — Вотъ что, между прочимъ, г. *Полевой* говоритъ въ объявленіи своемъ о «Литературной Газетѣ», разооимномъ при журналѣ:

«Опытъ нѣсколькихъ лѣтъ показала редакціи «Литературной Газеты» удобства и неудобства, утвердила постоянную цѣну, какой можетъ она достигать, показала и требованія большей части читателей. Соображеніе всѣхъ сихъ отношеній заставляеть редакцію въ будущемъ году, сохраняя программу, по коей издается «Литературная Газета», придать болѣе внутренняго и литературнаго достоинства листамъ ея. Она будетъ издаваться въ прежнемъ форматѣ, еженедѣльно (*), тетрадными, въ

(*) Въ объявленіяхъ нѣкоторыхъ книгопродавцевъ сказано, что «Литературная

ири означенна места каждаго — иногда бо-
лье, раздѣляясь, какъ въ 1844 и 1843 го-
дахъ, на отдѣленія: *Науки и Искусства*,
Словесность, *Критика*, *Библиографія*, *Те-
атръ*, *Смѣсь*, и устраняя прибавленія, не
подходящія къ сущности означенныхъ от-
дѣленій. Редакція желала бы сдѣлать «Га-
зету», сколько можно, полнѣе и дѣ-
тальнѣе посредникомъ между просвѣщен-
ными и образованными читателями, и
искусно и умно литературною, не только
съ точностью написанъ, но и вообще въ Евро-
пѣ. Съ тѣмъ вмѣстѣ «Газета» не оставитъ
легкой литературы, изящной словесности,
будетъ передавать читателямъ повѣсти,
сказки, стихотворенія, вѣсти о театрахъ,
музыкѣ, произведеніяхъ извѣстныхъ худо-
жествъ, ремеселъ, промышленности, даже
о модѣхъ и бодѣлахъ, занимающихъ
любопытство и вниманіе современной пуб-
лики. Тѣмъ-образомъ, въ отдѣленіи
Наука и Искусства будутъ статьи о
теоріи и практикѣ наукъ, искусствъ и
художествъ; отрывки изъ историческихъ
книгъ и записокъ (mémories), матеріалы
для исторіи, географіи, статистики, поли-
тической экономіи и другихъ знаній и
свѣдѣній, путешествій; биографіи, истори-
ческія акты, и проч. Въ отдѣленіи *Сло-
весности* въ родѣ изящныхъ произведе-
ній въ стихахъ и прозѣ — погѣны, сказ-
ки, отрывки изъ романовъ, драматическихъ
сочиненій, статьи о нравахъ, и пр. Отдѣ-
леніе *Критики и Библиографіи* будетъ
заключать въ себѣ извѣстія о новѣйшихъ
книгахъ и журналахъ, и разборы замѣ-
чательнѣйшихъ явленій русской и иностран-
ной литературы. — Въ отдѣленіи: *Тѣ-
атръ*, будутъ статьи о русскомъ и ино-
странныхъ театрахъ. — Наконецъ, *Смѣсь*
примечать разнообразіе извѣстій отече-
ственныхыхъ, иностранныхъ, ученыхъ, лите-
ратурныхъ, музыкальныхъ, новости, каса-
тельно наукъ, искусствъ, художествъ, ли-
тературъ, торговли, промышленности, ре-
меселъ, географіи, статистики и обществен-
наго быта Россіи и Европы, заяски пе-
тербургскія и московскія, илькія статьи,
извѣстія о модѣхъ, и даже для охотни-
ковъ, шарады, казанбуры, загадки, жур-
нальныя шлоки, отбѣтки, и проч. — *Ли-
тературная Газета* будетъ печататься
четкимъ, но компактнымъ шрифтомъ, такъ-

что каждый листъ ея составитъ почти
съ двумя листами обыкновенной печати въ
осьмушку.

«Подписка на *Литературную Газету*
принимается: въ Санктпетербургѣ, въ
книжномъ магазинѣ *М. Д. Ольхина*, на *Нев-
скомъ-Проспектѣ*, въ домѣ 1-на *Забытковой*
(куда благоволятъ отослаться со всѣми
требованіями, письмами и посылками, ка-
сающимися «*Литературной Газеты*», и
называя ихъ: *Въ редакцію Литературной
Газеты*); въ Москвѣ, въ магазинѣ *еже жес
Ольхина*, на *Тверской*, въ домѣ 1-на *Мам-
левой*. Господа иногородные подписчики
благоволятъ адресоваться въ означенные
магазины *Ольхина*, или въ *Газетную Эк-
спедицію Санктпетербургскаго Почтамта*.
— *Полдѣ Литературной Газеты* предла-
жалъ — 11 рублей 50 копѣекъ серебромъ, а
съ пересылкою въ другіе города и доставкой
къ ней дома — 15 рублей серебромъ.»

До-сихъ-поръ у насъ не было такого
ветеринарнаго журнала, который бы,
соотвѣтствуя потребностямъ любителей и
охотниковъ, издавался съ надлежащею
точностью и въ удовлетворительномъ
объемѣ. *Г. Пашковичъ*, ветеринарный
медикъ *Двора Е. И. В. Гесулера На-
сѣдника Цесаревича*, рѣшился по-
мочь этому недостатку и съ 1846 года
будетъ издавать ежемѣсячно *Записки
Ветеринарной Медицины и Скотовод-
ства*, которыя будутъ состоять изъ слѣ-
дующихъ отдѣловъ: 1) *Ветеринарная
Медицина*. Сюда будутъ входить: а) свѣдѣнія
теоретическія, какъ основ-
ныя правила ветеринарной науки; б)
различныя наблюденія надъ замѣча-
тельными болѣзнями у животныхъ; в)
свѣдѣнія о новыхъ способахъ и сред-
ствахъ леченія болѣзней у животныхъ,
какъ въ терапевтическомъ, такъ и въ
хирургическомъ отношеніи; г) свѣдѣ-
нія о способахъ отращенія и прекращенія
появленія паразитическихъ болѣзней у живот-
ныхъ и ихъ надежды; е) свѣдѣнія о
результатахъ практическихъ занатій
врачей русскихъ и иностранныхъ. 2)
Свѣдѣнія о заразительности нѣкото-
рыхъ болѣзней животныхъ для людей.

Газета будетъ изредать три раза въ не-
дѣлю. Отъ общества. Ред.

—2) *Скотоводство*. Отдѣлъ этотъ будетъ заключать въ себя слѣдующія: а) о всѣхъ породахъ домашняго скота; б) о способахъ разведенія и улучшенія ихъ; в) о правильномъ содержаніи его; г) объ употребленіи его въ работу; е) о выборѣ для него корма. ф) О содержаніи и разведеніи птицъ дворовыхъ и пѣвчихъ. — 3) *Смѣсь*: здѣсь будутъ помѣщаемы всѣ важныя статьи, содержащія своимъ насавующимся до частнымъ случаямъ, особенностей и исключеній.

• Записки Ветеринарной Медицины и Скотоводства • будутъ выходить съ 1-го января 1846 года одинъ разъ въ мѣсяцъ, тетрадами въ четыре листа каждая. Цѣна годовому изданію, за двѣнадцать номеровъ, 5 р. сер., съ пересылкою въ другіе города—6 р. сер.

Въ этой книжкѣ нашего журнала читатели, вѣроятно, съ интересомъ прочли статью «Вѣрованія Индусовъ». Статья эта взята изъ перваго тома книги: *Пробы, Обычаи и Памятники Вѣсы Народоу Землию Шара*, изданіе которой предпринялъ гг. Семонъ и Стѣйковичъ, въ Москвѣ. Французское изданіе «*Moeurs, Usages et Costumes de tous les Peuples*», оконченное въ прошломъ году и составляющее четыре великолѣпные тома съ превосходными рисунками, подало издателямъ мысль составить на русскомъ языкѣ нѣчто подобное и даже нѣчто лучшее. Они рѣшились, придерживаясь отчасти иностраннаго изданія, заимствовать изъ него все его богатство, всю роскошь—его великолѣпно-расширенными картинами, — и присоединивъ къ нимъ изящныя рисунки изъ «*Monuments de tous les Peuples*», съ раздѣленіемъ тѣхъ и другихъ по народамъ, составить для нихъ совершенно-новый русский текстъ, обогащенный по всѣмъ лучшимъ и новѣйшимъ источникамъ, поручая его разнымъ литераторамъ, — по совѣтамъ и плану, составленному од-

нимъ изъ издателей, взыншихъ на себя главную редакцію всего сочиненія. Такимъ образомъ, они хотѣтъ соединить живописными приложеніями обоихъ французскихъ изданій въ одно, — и кромѣ того, нашли средство уменьшить цѣну книги, не смотря на то, что присовокушили еще множество полтиннашекъ, которые старательно выбраны изъ разныхъ сочиненій. Тѣ и другіе изображаютъ различныя племена и классы описываемаго народа, въ ихъ костюмахъ, замѣчательнѣйшіе памятники, любопытныя мѣстности, сцены изъ народнаго быта, образныя туземныхъ произведеній по части живописи, валя и архитектуры, — оружія, монеты, — однимъ словомъ все, что можетъ перенести читателя въ разсматриваемую страну и заставить для него лучшее, наглядное знакомство съ нею. — Въ ноябрѣ выйдетъ первый томъ этого изданія, содержащій въ себѣ *Индію*. Вторымъ томомъ, заключающимъ въ себѣ *Китай* и *Японию*, выйдетъ вслѣдъ за нимъ, и подробное объясненіе о немъ появится также въ свое время. А чтобъ читающая публика не могла сомнѣваться въ аккуратности продолженія рекомендуемаго ей сочиненія, то издатель объявляетъ, что подлинна пріимается не иначе, какъ на каждомъ томѣ морскимъ, незадолго передъ его выходомъ, — и дѣлается твердымъ потому, что, по причинѣ большаго надержекъ, необходимыхъ при подобномъ составѣ книги, и времени, нужнаго для выписки изъ-за границы картинъ, они лишены возможности присутствовать къ новому изданію, если бы оно потребовалось, — и хотѣли бы этимъ средствомъ узнать количество требуемыхъ экземпляровъ, съ тѣмъ, чтобъ, въ случаѣ нужды, заблаговременно распорядиться пріобрѣтеніемъ еще нѣсколькихъ экземпляровъ къ числу печатающихся теперь.

Издатели надѣются окончить своею книгу *картинными описаніями Россіи*, котораго у насъ до-сихъ-поръ не доставало. А пока, вотъ содержаніе перваго, заходящагося въ печати тома:

Вступленіе. ИНДУСТАНЪ. Отдѣлъ первый *Географическія свѣдѣнія.* Границы. — Горы и орографическое раздѣленіе страны. — Рѣки. — Климатъ. — Произведенія природы. — Отдѣлъ второй *Этнографическія свѣдѣнія.* Взглядъ на составъ народонаселенія Индустана. — Индусы. I. Финансическій типъ. II. Религія, философія, поэзія. Лѣтосчисленіе и древность цивилизаціи. — Сущность и постепенное перерожденіе Браманизма. — Философія. — Поэзія и литература. — Вѣрованія народа въ настоящее время и свѣдѣнія о богослуженіи. — Секты. — Буддизмъ. — Джанизизмъ. III. *Сословія и общественныя учрежденія* Индусовъ. Нѣсколько словъ о сборникѣ Мену. — Касты. — Образъ правленія. — Законы и судопроизводство. IV. *Пробы, обычаи, домашній и гражданскій бытъ и характеръ Индусовъ.* Общія заимчиваія. — Деревня. — Образъ жизни обитателей деревень. — Города и ремесла. — Образъ жизни горожанъ. — Яства и способъ ѣды. — Одежда. — Правила общежитія и внутреннее убранство жилищъ. — Религіозныя праздники. — Пилигримства и ярмарки. — Музыка и танцы. — Игры и увеселенія. — Сады. — Дороги, способъ путешествіеванія и гостиницы. — Торговля спомениа. — Подземныя храмы. — Пагоды. — Гражданская архитектура. — Воспитаніе и обученіе дѣтей. — Имена и прозванія. — Святость, вѣнчаніе и свадьбы. — Рожденіе и первое дѣтство Индуса. — Смерть Индуса, помертвыя обряды и понятія о будущей жизни. — Сутты и самоубійства. Положеніе женщины. — Рабы. — Касты воровъ и дарна. — О народномъ характерѣ Индусовъ. — V. *О современномъ состояніи науки и художества у Индусовъ.* — Мушкетеры, Секи, абритты, шемлеменики. Отдѣлъ третій. *Историческій очеркъ Индустана:* 1. Эпоха до основанія Монгольской Имперіи. 2. Монгольская Имперія. 3. Европейцы въ Индіи. 4. Остивдская Компанія. — Отдѣлъ четвертый *Статистика.* — Политическое дѣленіе. — *Администрація.* — *Обзоръ провинцій и городовъ.* 1. Общія свѣдѣнія. — Народонаселеніе, пространство и раздѣленіе всего Индустана. *Англійская Индія:* Мѣстное начальство. — Организациа: адми-

нистративная и судебная. Финансы. Христіанскія миссіи. Армія. Европейское общество. *Союзныя державы и Субсидіарная Система.* II. Мѣстныя свѣдѣнія. Заключение. *Быстрый, лонный и сжатый обзоръ Загангскаго Полуострова.*

Цѣна за томъ, содержащій въ себѣ до двадцати-пяти печатныхъ листовъ, компактнаго шрифта, въ большую росмушку, на лучшей бѣлой бумагѣ, со множествомъ раскрашенныхъ и черныхъ рисунковъ, *в рублей серебромъ; съ пересылкою 7 рублей серебромъ.*

Въ концѣ прошлаго мѣсяца предпріято въ Петербургѣ новое изданіе, которое, при хорошемъ приѣмѣ со стороны публики, можетъ никогда не кончиться. Предпріятіе это состоитъ въ печатаніи на русскомъ языкѣ новѣйшихъ французскихъ романовъ, подъ названіемъ *Карманной Библиотеки*, въ форматѣ дѣйствительно-карманномъ, на манеръ брюссельскаго *«Omnibus littéraire»*. Появились уже три красивые томика этой *«Карманной Библиотеки»*: въ одномъ изъ нихъ помѣщена первая часть *«Трехъ Мушкетеровъ»* Александра Дюма, а въ двухъ другихъ — двѣ части *«Графа Монте-Кристо»*, того же Дюма. Цѣна за каждый томикъ самая незначительная — 25 коп. серебромъ. Въ объявленіи издателямъ намъ особенно понравилось обѣщаніе ихъ не сокращать переводимыхъ сочиненій и не превращать живыя созданія Дюма, Сульё, Балзана въ обваженные, голые скелеты. Дѣйствительно, ничего не можетъ быть поприятнѣе этого уродованія произведеній иностранной беллетристики, котораго такъ усердно придерживается одинъ русскій журналъ, и противъ котораго мы всегда протестовали и протестовать готовы. Лучше совѣтъ не переводить, или вовсе не выставлять имени автора, чѣмъ сокращать, урѣзывать,

увѣчить чужое сочиненіе, пользуясь только тѣмъ обстоятельствомъ, что авторъ далеко и не вступится за права своимъ.

Г. Турнерелли, бывшій въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, докторомъ англійскаго языка и литературы въ Казанскомъ Университетѣ и извѣстный какъ авторъ книгъ: «Kazan et ses Habitans», «Tales of the Rhenish Chivalry» и «The Crusades and the Crusaders», въ скоромъ времени издастъ первую часть *Lectures on English Literature* («Лекція объ Англійской Литературѣ»). Побудительная причина къ издаванію этой любезной книги — ошутительный недостатокъ въ учебникахъ англійскаго языка. До сихъ поръ, есть только одна исторія англійской литературы, но и та почти не что иное, какъ простая таблица именъ и чиселъ, и рѣшительно не соответствующая своей цѣли. Этотъ недостатокъ побуждалъ автора необходимость сочиненія, которое могло бы дать учащимся (въ какому бы народу ни принадлежали они) общее обзорное характерна англійской литературы и вмѣстѣ съ тѣмъ заключало бы въ себѣ рядъ избранныхъ мѣстъ изъ знаменитѣйшихъ авторовъ Великобританіи. Во время университетскихъ своихъ лекцій г. Турнерелли на опытѣ убѣдился въ необходимости и въ маломъ подобнаго руководства. Первая часть «Лекцій объ Англійской Литературѣ» будетъ состоять изъ слѣдующихъ главъ: 1) Устройство и особенности англійскаго языка, 2) Древніе Бритты, 3) Бритскіе Барды, 4) Песня Бардская, 5) Песни Ослоана, 6) Англо-саксонскій періодъ англійской литературы, 7) Датско-норманскій періодъ, 8) Англо-норман-

скій періодъ, 9) Ричардъ-Львиное-Сердце и вліяніе подвиговъ его на англо-норманскую литературу, и 10) Первая заря настоящей англійской поэзіи.

Г. Турнерелли, съ извѣстнаго дня, открываетъ, сверхъ того, въ Петербургѣ (въ Малой-Морской, въ домѣ Гильерме, безъ-этажъ № 5) курсъ *практическихъ уроковъ* англійскаго языка. Предметъ курса — чтеніе и объясненіе знаменитѣйшихъ новѣйшихъ англійскихъ авторовъ. У него же будетъ открытъ *элементарный курсъ англійскаго языка*, три раза въ недѣлю. Цѣна за 20 лекцій 10 руб. серебромъ.

Такой опытный преподаватель, какъ г. Турнерелли, вѣрно найдетъ себѣ много слушателей въ Петербургѣ, гдѣ изученіе англійскаго языка съ каждымъ годомъ распространяется болѣе и болѣе.

Романы *Вальтера Скотта*, изданіе которыхъ, въ новомъ полномъ переводѣ съ англійскаго, предпринято, какъ извѣстно, гг. Ольхивымъ и Жернаковымъ, продолжаютъ печатаніемъ. Въ наступающемъ мѣсяцѣ выйдетъ третій томъ, содержащій въ себѣ *Айсамо*.

Вышла въ свѣтъ *восемнадцатая тетрадь Императорской Эрмитажской Галлерей*, издаваемой гг. Гюйе-де-Фонтеномъ и Полемъ Петн. Въ ней содержатся слѣдующіе вѣстанпы: «Дѣти Фермера» съ картины Фрагонара (единственная картина этого художника, находящаяся въ Эрми-

тантъ), «Свѣто-Свѣдѣно»: Разсказъ, «Ирматорскій Портъ» Саломатера Ромы, «Никитинъ Мурманскіе», и краткая біографія Николая Фрунзева. — Не малъ при этомъ не замѣтить, какъ выгодно для нашихъ художниковъ пребываніе въ Петербургѣ г. Гейде-Фонтена съ искусствомъ нѣтъ нѣтъ Париза колоніею рисовальщиковъ и литографовъ: у насъ начали появляться такія литографическія работы и портреты, какихъ прежде въ Петербургѣ не дѣлывалось, и притомъ не цѣлью исключительно-умѣреннѣйшей. Видно, какъ мы имѣемъ нѣсколько портретовъ, сдѣланныхъ однимъ изъ молодыхъ художниковъ, г-нъ Горбуновъ; и литографическихъ у г. Гейде-Фонтена: они ни въ чемъ не уступаютъ парижскимъ и между-тѣмъ г. Гейде-Фонтенъ беретъ за нихъ такую умеренную цѣну, какой не брали, до сего времени, петербургскіе литографы. (Литографія г. Гейде-Фонтена находится на углу Невского-Просвѣта и Владимирской-Улицы, въ домѣ Жукова);

Появилось уже двадцать-семь выпусковъ изданія Императора Александра и не Сподвижника от 1812, 1813, 1814 и 1815 годовъ. Мы помѣстили только в первомъ десятинадцати выпускахъ; въ остальныхъ девяти находятся портреты и біографія генераловъ: Сиверса, графа Орлова-Денисова, Костенецкаго, Сиверса, Лихачева, Кутайсова, Коновницина, Протасова и Кавачковскаго. Портреты всѣ сдѣланы прекрасно; біографія чрезвычайно-интересна, какъ рѣдкимъ современнымъ и очеловѣченъ, вѣдущаго; сверхъ-того, шесть-

символъ этой читающей публики литературнаго таланта.

Нѣкоторые изъ нашихъ литераторовъ предприняли составить изъ трудовъ своихъ юмористическія альманахи и просили насъ напечатать объ ихъ книгѣ, начало которой должно появиться въ мѣсяцѣ нынѣшняго года, слѣдующее объявленіе:

Зубоскаль,

количествомъ пламандѣ, во время чистоты (отъ 8-го д. л.), раздѣляемыхъ на 12 выпусковъ; въ 8-хъ до 5-ти листовъ въ каждомъ, и украшенныхъ колотилками.

Прежде всего просимъ васъ, господа благовоиспытанные читатели нашего объявленія, не возмущаться и не возставать противъ такого страннаго, даже вѣтхиваго, даждь, бытъ-можетъ, неловко-забѣлываго названія предлагаемаго вамъ альманаха... «Зубоскаль»! Мы и безъ того увѣрены, что многіе, даже и очень-многіе, отвергнутъ наши альманахи единственно ради названія, ради заглавія; поспѣютъ надъ этимъ заглавіемъ, даждь немного отберутся на него, даждь обидятся, назовутъ «Зубоскаль» «нахроннаго», «шесть», «пучкомъ» и наконецъ признаютъ его чистомъ невозможностію. Главное же, назовутъ «нахроннаго». Какъ СМѣ-лясь въ нашъ вѣкъ, въ наше время, «железное, дѣловое время, денежное время, расчетливое время, полное таблицъ, цифръ и нулей всевозможнаго рода и вида? Да и надъ чѣмъ, «время покорно; съдѣланы вы будете? «надъ нѣмъ свѣтломъ приключитъ адъ?»

• Какъ она будетъ, наконецъ, снѣтася, • вамъ • Зубоскаль? Можеть ам, напо- • нець, снѣтася вамъ • Зубоскаль? • Дѣйствительно ли имѣеть къ тому • средства достаточныя? А если и точно • имѣеть достаточныя средства, то за- • чѣмъ будетъ снѣтася?... именно, вотъ • зачѣмъ она будетъ снѣтася? Конеч- • но • продолжайте она, враги • Зубо- • скала: • конечно, снѣтася можно, снѣ- • ются всѣ, отъ-чего же не снѣтася?— • но снѣются кстати, снѣются при слу- • чаѣ, снѣются съ достоинствомъ, — не • попусту скалаете зубы, какъ, вотъ • здѣсь, нѣтъ одного заглавія вашего яв- • ствуютъ—однимъ словомъ, извѣстно • какъ снѣются... ну, отъ удачь тамъ • какиа-нибудь снѣются... ну, надъ • рѣзкостью какою-нибудь, выдающею- • ся изъ общаго уровня, — ну, напо- • нець... какъ вамъ сказать?.. ну, за • превращеніемъ снѣются при счастьи, • въ театрѣ снѣются, когда • Филатку • дають—вотъ надъ чѣмъ снѣются при • случаѣ, только не такъ, какъ здѣсь, а • съ достоинствомъ, съ приличіемъ, а • не жодоа, не скалаетъ по заказу зу- • бы, не остратъ черезъ силу. Да и по- • чему знатъ, не намѣреніе ли здѣсь ка- • кое слышася • скажутъ въ заключе- • ніе тѣ, которые любятъ во всемъ, что • до нихъ не касается, видѣть намѣреніе, • даже дурное намѣреніе: • не фальшь ли • тутъ какаа-нибудь, можеть-быть, даже • неблагомыслимый предлогъ къ чему-ни- • будь, можеть-быть, дажевольволун- • ство какое-нибудь... ги! можеть- • быть, очень можеть-быть,—при ны- • нѣшнемъ направленіи особенно мо- • жеть-быть. И наконецъ, грубое, не- • мытое, площадное, пчесаное, му- • жницкое названіе такое— Зубоскаль! • Почему • Зубоскаль? зачѣмъ • Зубо- • скаль? Что доказываетъ именно • Зу- • боскаль?

• Вотъ ужъ вы и осудили и обвинили, • господи! обвинили не выслушавъ! По-

годите, послушайте! ны вамъ обья- • вили, чтѣ такое Зубоскаль, дактои • почему прежде всего обьяснитася съ • вами. И прежде обьясненіе даю, вы, • снѣснѣя увѣрять васъ, непременно пе- • ренѣните свое мнѣніе, можеть-быть, • даже съ улыбочкою благоволенія встрѣ- • тите Зубоскаля, даже полюбите его, • даже, какъ знать? можеть-быть, буде- • те уважать его. Да и какъ не полюбить • его, господи! Зубоскаль — малой рѣ- • кій въ своемъ родѣ, единственный, — • малой добрый, простой, нестѣн- • вый, и, главное, съ весьма-небольшы- • ми претензіями. Ради этого одного об- • сѣстельства, что онъ челоуѣкъ безъ • претензій, ради этого одного онъ-уже • достоинъ великаго уваженія. Поскоп- • рте, оглянитесь кругомъ, — кто теперь • безъ претензій? А? видите ли? А онъ • васъ не толкаетъ, не задѣваетъ, не • тревожитъ ни чѣмъ лишнимъ, и никого не • непроситъ посторонитася. У него то- • лко одно честолюбіе, одна лишь пре- • тензія — васъ, поснѣшитъ подъ чистъ, • господи. Впрочемъ, какъ этого одного • еще не слѣдуетъ, что онъ такъ неги • вался, поарядился выспинивать для • почтеннѣйшей публики на кѣшнѣй • ладъ посылную острогу. Нѣтъ; онъ • зубоскалитъ, когда хочеть, когда чу- • ствуетъ наклонность къ тому, нрави- • ніе; малой-то онъ такой, что за сло- • помъ въ карманъ не полѣзеть и для • краснаго словца не пожалѣять пернѣ- • шаго друга. Да ужъ, если на то пошло, • такъ мы и раскладемъ вамъ, какъ онъ • именно такой намъ Зубоскаль, чернѣ- • какія дѣла перешогъ, какія дѣла со- • вершилъ, что затѣваетъ онъ дѣлать — • однимъ словомъ, обрисуетъ его лнцѣ • съ головы до пятонъ, какъ говорится.

Представьте себѣ челоуѣка ещемоло- • даго, подбирающагося, впрочемъ, изъ • среднимъ годамъ, веселаго, бойкаго, • радостнаго, шумнаго, играваго

приказного, беззаботного, краснощекаго, кругленькаго, сытабельнаго, такъ что при взглядѣ на него раждается смѣяться, лицо улыбкою расширяется; и даже самый солидный человѣкъ, стертый на службѣ челоуѣкъ, проводившій, на-примѣръ, цѣлое утро въ канцеляріи, проголодавшійся, жолчный, разсерженный, осипшій, охрипшій, и тотъ, свѣша на свой семейный обѣдъ, и тотъ, при взглядѣ на нашего героя, просвѣтлѣетъ душою и соиздается, что можно весело—атакъ, на свѣтѣ пожить, и что свѣтъ не безъ радостей. Представьте же себѣ такого челоуѣка, — да! позабыли главное: мы разскажемъ вамъ вкратцѣ его біографію. Впервыхъ, онъ родомъ, положимъ, Москвитинъ, и прежде всего, неперемѣнно Москвитинъ, т. е. размашистость, рѣчьность, всегда съ своей задумчивой идеей, любить хорошо пообѣдать, поспорить, поспорить, хитровать, словомъ, со всѣми принадлежностями добрыйшаго шлага... Но воспитывался онъ въ Петербургѣ, неперемѣнно въ Петербургѣ, и можно рѣшительно сказать, что получилъ образованіе блестящее, современное. Впрочемъ, онъ прошолся вездѣ: онъ все знаетъ, все заучилъ и закончилъ, все скватилъ, вездѣ былъ. Принимался-было сначала челоуѣкомъ военнымъ, поюхалъ потомъ и университетскихъ лекцій, узналъ даже, что дѣлается и въ Медицинской-Академіи, и, что грѣха таить, даже забрался-было и на Васильевскій-Островъ въ 4-ю линію, когда вдругъ ни съ того, ни съ сего увидѣлъ въ себѣ художника, когда наука и искусство поманили-было его золотымъ палачомъ. Впрочемъ, наука и искусство продолжались недолго, и герой нашъ, какъ водится, послѣ этого, засѣлъ въ канцелярію (нѣчего дѣлать!), гдѣ и пробылъ порядное время, т. е. ровно два мѣсяца, до самой той поры, въ которую, при неожидан-

номъ поворотѣ своихъ обстоятельствъ, очутился онъ вдругъ владѣтелемъ неограниченнымъ своей особы и своего состоянія. Съ той поры онъ, заложивъ руки въ карманы, ходитъ поспивывая, и живетъ (извините, господа!) для себя-самого. Онъ можетъ-быть, единственнымъ флягѣръ, уродившійся на петербургской почвѣ. Онъ, какъ хотите, и молодой и уже не молодой челоуѣкъ. Много молодого шлага, а новаго едва привилось да засохло. Остался лишь свѣтъ, — свѣтъ, впрочемъ, свѣтъ ужъ увѣрить насъ, совершенно-вѣрный, простой, беззаботный, ребячестій свѣтъ надъ всѣми, надъ всѣми. Да и виновать ли онъ, за-самомъ-дѣлѣ, что безпрерывно хочетъ свѣтаться? виновать ли онъ, что такъ, гдѣ вы видите дѣло серьезное, строгое, онъ видитъ лишь шутку; въ запискахъ восторгахъ — своей Васильевскій-Острова, въ запискахъ надеждахъ и стремленіяхъ — заблужденія, натяжку, чистый обманъ, въ вѣщехъ твердой и пути — свое канцелярію, а въ вѣщей солидности — Варсоноя Петровича, своего бывшего начальнииа отдѣленія, весьма, впрочемъ, почтеннаго челоуѣка. Виновать ли онъ, что видитъ навяжку худясь, когда вы видите лишь одну изъ сторуку лицевую; виновать ли онъ, наконецъ, что весь, на-примѣръ, Петербургъ, съ его блескомъ и роскошью, громомъ и стукомъ, съ его безконечными тинами, съ его безконечною дѣятельностью, задумчивыми стремленіями, съ его господами и сволочью, — *шлбами ирамъ*, какъ говоритъ Державинъ, *поламившей и неполащенной, афферистами*, книжничками, ростовщиками, магнитѣбрами, навуриками, мужичками и всякою вслчивой — представляется ему безконечнымъ, великолѣпнымъ иллюстрированнымъ альманахомъ, который можно переглядывать лишь на досугѣ, отъ скуки, послѣ обѣда — *зѣмуть*

надъ книгъ, или улыбнуться надъ книгъ. Да; послѣ этого еще хорошо, что у нашего героя осталась способность смѣяться, зубосалить!... Но-крайней-мѣрѣ, еще есть хоть польза наказаніи-буде. Нергулярная жизнь, впрочемъ, начала ему сильно надоедать съ недавняго времени. Да и дѣйствительно, все такъ затормозили, растащили и употребляли во зло передъ публикою въ разныхъ романахъ, журналахъ, альманахахъ, фельетонахъ, газетахъ; что онъ серьезно рѣшился быть теперь новозержице и дѣйствовать посовѣтливо... Для сей цѣли задумалъ онъ было-явиться передъ публикою съ особою книжкою своихъ замѣтокъ, междуаровъ, наблюдений, откровений, признаний и т. д., и т. д. Но такъ-какъ все черезъ-чуръ — значитъ нехотати, такъ-какъ самое лучшее блюдо въ чревіѣрницѣ комическѣй можетъ произвестись индигестію, и такъ-какъ онъ самъ, наконецъ, врагъ несваренія желудка, то и рѣшился раздробить всю книжку на тетради... Материаловъ у него бездна; времени — дѣвать откуда. Мы говорили уже, что онъ выгдѣ не служить, не-смотря на съ какими департаментами, ни съ какими канцеляріями, ведомствами, правленіями и архивами, даже не употреблялся никогда ни по чьимъ порученіямъ. Онъ, какъ сказано мы выше, зачатой врагъ индигестіи. Прибавимъ еще, что онъ неутомимый ходокъ, наблюдатель, проныра, если понадобится, и знаетъ свой Петербургъ какъ свои десять пальцевъ. Вы его увидите всюду — и въ театръ, и у подъезда театра, и въ ложахъ, и за кулисами, и въ клубѣхъ, и на балахъ, и на выставкахъ, и на аукціонахъ, и на Невскомъ-Проспектѣ, и на литературныхъ собраніяхъ, и даже тамъ, гдѣ вы вовсе не ожидали бы увидѣть его, — въ самыхъ дальнѣйшихъ сапожникахъ и углахъ Петербурга. Онъ

не брезгаетъ ничѣмъ. Онъ водитъ съ своимъ карандашомъ и перомомъ и тоненькими сътненькими смѣшкомъ. А вотъ и еще одно достоинство *Зубоскала*: первое дѣло и главнѣйшее дѣло у него — правда. Правда прежде всего. *Зубоскаль* будетъ отголоскомъ правды, грубою правды, будетъ стоять день и ночь за правду, будетъ ея отголоскомъ, хранителемъ, и особенно теперь, когда, съ недавняго времени, правда ему страхъ-какъ не нравилась. Впрочемъ, онъ иногда и притворяетъ; отъ-чего же не притворять? Онъ и притворять иногда — но только умѣренно. Видъ со всѣми случается; всѣ любятъ притворять иногда; т. е. не притворять, — что имъ! — обманывалось, но отъясъ, знаете, считать пощадителство. Ну, вотъ и *Зубоскаль* точно также иногда что-нибудь тоже скажетъ метафорой, но за то если и сохреть, т. е. сметафорить, то сметафорить такъ, что будетъ совершенно похоже на правду, что выйдетъ не хуже иной правды, — вотъ будетъ какъ! А, впрочемъ, во всякомъ случаѣ будетъ за правду стоять, до послѣдней капли крови будетъ за правду стоять! Во-вторыхъ, *Зубоскаль* будетъ врагомъ всякихъ личностей, даже будетъ преслѣдовать личности. Такъ-что Иванъ Петровичъ, на-примѣръ, прочтаетъ нашу книжку, вовсе не найдетъ совершенно ничего предосудительнаго на свой счетъ, а за то найдетъ, можетъ-быть, кое-что щекотливое, впрочемъ невинное, совершенно невинное, о пріятелѣ и сослуживцѣ своемъ, Петрѣ Ивановичѣ, и обратно. Петръ Ивановичъ, читая ту же самую книжку, ровно ничего не найдетъ о себѣ, за то найдетъ кое-что объ Иванѣ Петровичѣ. Такимъ-образомъ, оба они будутъ рады, и обидѣ ихъ будетъ крайню-всего. Ужъ это такъ *Зубоскаль* устроитъ. Вотъ вы сами увидите, какъ онъ обдумаетъ подобное обязатель-

ство. И что всемо уважаемѣе — самъ, Владимиръ, Иванъ Петровичъ, первый изричливо, что о немъ равно нѣтъ ничего въ нашей лирицѣ, и что не гдѣ-то нѣтъ ничего молодого, но что даже и тѣни нѣтъ никакой! Что неприличнаго и злокачественнаго тамъ намекъ какого-нибудь — и намѣренія не было! А что, если есть что-нибудь, то единственно равнѣ про Петра Ивановича. Вотъ будетъ какъ! — И такъ повторимъ: правда прежде всего. *Зубоскала* будетъ жить правдой, отстаивать правду, подыматься за правду, и — чего, впрочемъ, Боже сохрани — если случится ему умереть — то онъ и умереть не иначе, какъ за правду! Да! не иначе, какъ за правду!

Но, можетъ-быть, и послѣ всего, что мы сказали о характерѣ *Зубоскала*, о привычкахъ его и наклонностяхъ, даже о самомъ поведеніи, кто-нибудь спроситъ еще — каково же будетъ содержаніе нашей книги? чего должно надѣяться отъ нея, чего не надѣяться? На это лучшимъ отвѣтомъ можетъ служить первый выпускъ *Зубоскала*, долженствующій появиться не позже, какъ въ первой половинѣ ноября этого года. Но мы и теперь же готовы удовлетворить желаніе читателей. Повѣсти, рассказы, юмористическія стихотворенія, пародіи на извѣстные романы, драмы и стихотворенія, фивіологическія замѣтки, очерки литературныхъ, театралныхъ и всякихъ другихъ типовъ, достопримѣчательныя письма, записки, замѣтки о томъ, о семъ, анекдоты, шуфы и пр., и пр., все въ томъ же родѣ, то-есть въ томъ родѣ, который соотвѣтствуетъ праву *Зубоскала*. и кромѣ котораго ни къ какому другому роду онъ не чувствуетъ въ себѣ призванія. Таково будетъ содержаніе нашего альманаха. Нѣкоторыя статьи, по усмотрѣнію своему, *Зубоскала* будетъ уращать поэти-

ческими рисунками, исполненіе которыхъ поручитъ лучшимъ петербургскимъ граверамъ и резоланцистамъ, а когда книга окончится, конечно при двѣнадцатомъ и послѣднемъ выпускѣ, выдастъ своимъ читателямъ единственную иллюстрированную обложку, въ которую и попроситъ читателей переплести его произведеніе. *Зубоскала* считаетъ нужнымъ довести до свѣдѣнія публики, что у него заготовлено много хорошихъ рисунковъ и разнообразныхъ статей, и потому онъ твердо увѣренъ, что разстояніе въ выходѣ выпусковъ книжекъ никакъ не будетъ продолжительнѣе четырехъ недѣль. Такимъ-образомъ, вся книга въ годъ будетъ непремѣнно окончена.

Наконецъ, еще объ одномъ предметѣ... объ одномъ важномъ, щекотливомъ предметѣ... *Зубоскала* такъ любитъ, такъ уважаетъ, такъ высоко цѣнитъ своихъ читателей... своихъ будущихъ читателей (у него будутъ, непремѣнно будутъ читатели!), что готовъ бы даже давать книгу свою даромъ, не смотря на неизбѣжные расходы на печатаніе, бумагу, картинки — картинки, которыя у насъ достаются такъ трудно и дорого!.. Но во-первыхъ, принять подарокъ отъ него, отъ человѣка, у котораго такой чинъ, что онъ боится даже объявить, какой у него чинъ, чтобъ не лишиться уваженія читателей, отъ человѣка, который... ну, который, словомъ, ничего больше, какъ *зубоскала*... не покажется ли обиднымъ даже одно такое предположеніе?.. А во-вторыхъ, есть и другая причина: какъ! давать книгу даромъ, въ нашъ вѣкъ, въ нашъ вѣкъ, какъ уже всякому извѣстно, *положительный, меркантильный, жеманный, денежный*?.. Не вѣрнѣйшій ли это способъ уронить книгу, лишить ее читателей, которые бѣгутъ отъ всего, что имъ навязываютъ?.. Гдѣ же смыслъ?

гдѣ гонятъ?.. гдѣ, наконецъ, приличіе?.. гдѣ чувство собственнаго достоинства?.. Такія-то причины обуздываютъ великодушнаго *Зубскаго*. Итакъ, по соображеніи издержекъ на изданіе, съ чувствомъ собственнаго достоинства, сирѣчь сердце, *Зубскій* объявляетъ, что онъ будетъ продавать себя по 1

руб. сер. за экземпляръ, въ книжкахъ магазинныхъ М. Олькина, А. Назарова, Н. Раткова и Коми., А. Сорокина и другихъ петербургскихъ книгопродавцевъ. На пересылку прилагается за одинъ фунтъ.

ЗУБСКАЯ.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Н О Я Б Р Ъ .

378) Римъ и Италия средних и новейшихъ временъ, въ историческомъ, нравственномъ и художественномъ отношеніяхъ. Соч. князя А. Волковскаго. члена Римской Аркадской Академіи. Въ 2-хъ частяхъ. Москва. Въ университетской тип. 1845. Въ 8-ю д. л. Въ 1-й части 344, во 11-й — 260 стр.

Римъ и Италия! Чудесные, обворожительные звуки! Одинъ изъ нихъ досихъ-поръ удивляетъ путешественниковъ величіемъ своихъ воспоминаній, святѣшею своею минушей жизни, слѣды которой сохранились для потомства въ памятникахъ; другая еще и теперь манитъ ихъ въ свои роскошныя объятія, подъ тѣнь лимонныхъ рощъ. Счастливецъ тотъ, кто могъ посѣтить эту блаженную страну, упиться ея ароматнымъ воздухомъ, насладиться ея чарующими красотами! Не безплодно проидеть его жизнь на землѣ, много приятныхъ впечатлѣній унесетъ онъ съ собою изъ этого дивнаго міра. Тѣ же, которые не имѣютъ завиднаго счастья быть самовидцами чудесъ этого волшебнаго края, по-крайней-мѣрѣ не лишены удовольствія слышать объ нихъ отъ людей бывалыхъ, и воображеніемъ участвовать въ ихъ востор-

гахъ, особенно, когда рассказчикъ вполне обладаетъ даромъ живописать видѣнные имъ предметы и представлять ихъ какъ-бы присущими. Князь А. Волковскій, авторъ этой любопытной книги, названіе которой мы привели выше, не можетъ пожаловаться на недостатокъ такого таланта. Онъ умѣетъ вы-брать предметы, умѣетъ сказать о нихъ столько, сколько нужно для того, чтобъ удовлетворить любознательность читателей, не утомляя ихъ терпѣніа пустыми, ненужными подробностями. Главное достоинство сочиненія князя Волковскаго заключается въ вѣрности и разнообразіи. Все, что онъ рассказываетъ вамъ, дѣйствительно такъ есть, или такъ было, — вы можете быть увѣрены въ этомъ, потому-что рассказываетъ онъ не наобумъ, но на основаніи подлинныхъ источниковъ, которые изучены имъ внимательно и добросовѣстно.

Вотъ что говорятъ авторъ въ предисловіи къ своей книгѣ: «Предлагаемый трудъ есть полный сборъ нашихъ изслѣдованій объ исторіи, политикѣ, нравахъ, развитіи наукъ и искусствъ въ Италиі. Римъ нашъ занялъ преимущественно. Надобно было жить въ Римѣ, и вообще въ Италиі, и имѣть

•своения, доступныя только челове-
•ку, сроднившемуся своею жизнію съ
•туземцами, чтобъ наполнить въкоторы-
•ми новыми любопытными свѣдѣніями
•поле всѣмъ извѣстное съ главной сто-
•роны, но гдѣ пропущено много отгѣв-
•ковъ. Матеріалами имѣли мы рукопи-
•си и старыя книги, находящіяся въ
•кругообращеніи. Въ первой части
своего сочиненія, авторъ представляетъ,
во-первыхъ, характеристику древняго
Рима, потомъ дѣлаетъ краткій, но удо-
влетворительный очеркъ всеобщей исто-
рии архитектуры и показываетъ, какъ
развивалось это искусство въ Италіи.
Послѣ этого, онъ представляетъ обзоръ
среднихъ вѣковъ, изображаетъ ихъ от-
личительный бытъ и характеръ, раз-
сказываетъ объ ихъ увеселеніяхъ,
праздникахъ и торжествахъ. За тѣмъ
переходитъ къ характеристикѣ времени
повѣйшихъ, изображаетъ въ нихъ на-
стоящій положеніи Итальянцевъ, въ
особенности Римлянъ, и бросаетъ хотя
бѣглый, но довольно вѣрный взглядъ
на состояніе итальянской литературы
въ XIX вѣкѣ. Въ концѣ первой части
находятся еще приложения, заключаю-
щія въ себѣ нѣкоторые историческіе
разсказы событій, случившихся въ
Италіи въ разныя времена. преимуще-
ственно этимъ разсказамъ посвященъ
вся вторая часть. Охотникамъ до
ужасовъ здѣсь представляется обиль-
ная пища. Страшныя преступленія и
прежде страшныя за нихъ наказанія,
игравшія такую значительную роль въ
грубыя, дикія времена среднихъ вѣ-
ковъ, возбуждаютъ въ читателѣ не-
вольное содроганіе. Что касается до
тѣхъ, кто презираетъ такого рода ве-
щи, какъ несвойственный духу тепе-
решаго мирнаго времени, — и для нихъ
также найдется пріятное и заниматель-
ное чтеніе. Они съ удовольствіемъ ос-
таиваютъ свое вниманіе на изображеніи
дѣяній и характера Сизста V. этого
великаго историческаго лица между
папами. Словомъ, сочиненіе князя Вол-
конскаго можетъ удовлетворить любо-
пытство каждаго, тѣмъ болѣе, что оно
написано увлекательнымъ перомъ.

379) Букеты (.) или петербург-
ской извѣстости. *Шутка въ одномъ
дѣйствіи.* Соч. гр. В. А. Соллогуба.
Санктпетербургъ. Въ тип. Император-
ской Академіи Царукъ. 1845. Въ 8-ю д.
л. 63 стр.

Драматическая русская литература
представляетъ собою странное зрѣли-
ще. У насъ есть комедіи Фонвизина,
Горе отъ Ума Грибоедова, *Ревизоръ*,
Женитба и разныя драматическія
сцены Гоголя — превосходныя творе-
нія разныхъ эпохъ нашей литерату-
ры, — и, кромѣ нихъ, нѣтъ ничего,
рѣшительно ничего хоть сколько-ни-
будь замѣчательнаго, даже сколько-
нибудь сноснаго. Всѣ эти произведенія
стоятъ какими-то особняками, на ве-
приступной высотѣ, и все вокругъ
нихъ пусто: ни одного счастливаго по-
дражанія, ни одного удачнаго опыта
въ ихъ родѣ. *Бригадиръ* и *Цедоросъ* по-
родили много подражаній, но до того
неудачныхъ, пошлыхъ и вадорныхъ,
что о нихъ нельзя и помнить. Еще
прежде Фонвизина, нѣкто Аблесимовъ
проповорился, *обмолвился* какъ-то пре-
лестнымъ, по своему времени, народ-
нымъ водевилемъ *Мельникъ*, и, кромѣ
этого водевиля, не написалъ ничего по-
рядочнаго. Были ли подражанія *Мель-
нику*, не знаемъ; но если и были,
то навѣрное уродливыя и пошлыя,
а потому и забытыя. Кашистая на-
писалъ *Ябеду* — комедію, замѣча-
тельную болѣе по иѣли, нежели по
исполненію. Отъ *Ябеды* должно пе-
ренести прямо къ *Горѣ отъ Ума*, а отъ
него къ драматическимъ опытамъ Го-
голя, потому что все написанное въ
эти два промежутка времени, рѣши-
тельно не стоитъ упоминенія.

То же самое можно сказать и о на-
шей трагедіи, или патетической дра-
мѣ. Еще изъ классическихъ трагедій,
и оригинальныхъ и переводныхъ, най-
дется нѣсколько такихъ, которыя на-
служивали вниманіе и послѣ трагедій
Озерова. Но когда классическая тра-
гедія у насъ пала съ тѣмъ, чтобъ на-
когда уже не вставать, — мы до-сихъ-
поръ имѣемъ только *Бориса Годунова*

Пушкина, да его же драматическія сцены: *Цирь во время Чумы*, *Моцартъ и Сальери*, *Скупой Рыцарь*, *Русалка*, *Камеинный Гость*. И подобно комедіямъ Фоввизина, Грибоѣдова и Гоголя, эти произведенія Пушкина тоже стоятъ въ грустномъ одиночествѣ, свротами, безъ предковъ и потомковъ...

Но касательно трагедій, дѣло по крайней-мѣрѣ понятное: наша дѣйствительность еще не довольно разви-лась, чтобъ поэты могли извлекать изъ нея матеріалы для патетической драмы. И потому, это пока возможно, болѣе или менѣе, только привилегированнымъ гениямъ; для талантовъ же рѣшительно невозможно. Но вотъ вопросъ: почему и наша комедія сдѣлалась тоже какою-то привилегією одного гевія и не дается таланту? Развѣ есть въ мірѣ такое общество, которое не представляло бы, въ своихъ нравахъ, богатыхъ матеріаловъ для комедій? Развѣ наши поэты и беллетристы не находятъ ихъ въ изобиліи и не пользуются ими болѣе или менѣе удачно, когда дѣло идетъ о повѣсти? Повѣсть хорошо принялась на почвѣ нашей литературы: лучшее доказательство въ томъ, что повѣстью у насъ занимаются съ успѣхомъ и таланты и даже полу-таланты — не одни гевіи... А комедія?.. Гдѣ она у насъ?—нигдѣ!..

Узнавъ, что графъ Соллогубъ пишетъ что-то для театра, мы порадовались, что человекъ съ умомъ, талантомъ и свѣтскимъ образованіемъ (которое въ дѣлѣ драматической литературы иногда можетъ быть своего рода талантомъ) рѣшился попробовать силы на поприщѣ, которымъ издавна завладѣли посредственность и бездарность. Но вотъ новое произведеніе графа Соллогуба дано и на театрѣ. куда съѣхалось для него почти все высшее общество; вотъ наконецъ вышла и книжка... и мы все-таки не знаемъ, что сказать о *Букетахъ*... Въ заглавіи, *Букеты* названы шуткою: въ этомъ нѣтъ ничего дурнаго, и хорошая шутка, хорошии фарсъ въ тысячу разъ лучше плохой трагедіи, или комедіи...

Но для шутки тоже нуженъ драматическій талантъ, и въ ея основаніи должна лежать истина, хотя бы и преувеличенная для возбужденія смѣха. Мы не скажемъ, чтобъ въ основаніи шутки графа Соллогуба вовсе не было истины, равно какъ и болѣе или менѣе дѣйствительно-вѣрныхъ и смѣшныхъ чертъ; но все это у него испорчено преувеличеніемъ. Хуже всего то, что пьеса основана на избитыхъ дружинахъ такъ-называемаго русскаго водевила. Чиновникъ, изъ угожденія своему начальнику, бросаетъ букетъ, но не той пѣвицѣ, партизанойъ которой считаетъ себя его начальникъ; за это онъ лишается мѣста... Если это шутка, то нельзя не согласиться, что очень-смѣлая. Но бѣдному Тряпкѣ мало было лишиться мѣста: авторъ лишилъ его еще и невѣсты, и все по поводу букетовъ. Надо было въ это вмѣшаться любви, и вотъ «любимый» перебиваетъ у Тряпки его невѣсту, благодаря глупости ея матери, провинціальной барыни... Но на чемъ же вертятся всѣ наши водевилы, какъ не на этой бѣдной интригѣ, съ вѣчными пожилыми женихомъ, надъ которымъ къ концу торжествуетъ юный, хотя и глупый любовникъ?.. Странно, что графъ Соллогубъ, съ его умомъ и талантомъ, не придумалъ чего-нибудь болѣе оригинальнаго! Мы уже не говоримъ о томъ, что эта шутка есть шутка заднимъ числомъ: петербургское цѣтобѣсіе происходило прошлой зимою, а шутка надъ нимъ явилась почти чрезъ годъ. Не такъ понимаютъ а прѣрос Французы: чтобъ пошутить *кстати* на ихъ манеръ, графу Соллогубу слѣдовало бы написать свою шутку въ одинъ вечеръ, пріѣхавъ домой изъ итальянской оперы, а черезъ недѣлю вечеромъ этой шутки должно бы смѣшить цѣтобѣсіемъ публику Александринскаго Театра, въ то самое время, какъ на Большомъ-Театрѣ цѣтобѣсіе разгрызалось бы на-самомъ-дѣлѣ. Тогда шутка была бы по-крайней-мѣрѣ кстати...

Впрочемъ, все это такъ неважно,

что не стоило бы и словъ, еслибы тутъ не вѣшались два обстоятельства—имя автора *Букетовъ* и нѣкоторые фельетонные толки, порожденные *Букетами*. Такъ, на-примѣръ, по поводу этого водевиля «Сѣверная Пчела» обвиняла всю современную русскую литературу въ злостномъ стремленіи унижать полезный и почтенный классъ чиновниковъ, и изображать ихъ не иначе, какъ людьми безнравственными и глупыми... Первою причиною этого напразденія современной русской литературы «Сѣверная Пчела» считаетъ Голая... Если эта газета позволяет себѣ взводить напраслину на современную литературу (изъ которой она себя не безъ основанія исключаетъ), то мы не менѣе ея считаемъ себя въ правѣ защитить современную литературу отъ такихъ несправедливыхъ навітовъ. Это даже нашъ долгъ.

Нельзя сказать, что «Сѣверная Пчела», неимѣющая похвальной привычки держаться одного и того же мнѣнія объ одномъ и томъ же предметѣ, сперва расхвалила *Букеты* графа Соллогуба,—въ чемъ любопытные читатели могутъ удостовѣриться сами изъ фельетона 253 нумера ея, вышедшаго 8 ноября; гроза надъ *Букетами* и надъ современною русскою литературою разразилась въ 261 номерѣ, вышедшемъ 17 ноября, — ровно черезъ *десять дней*... Этотъ обвинительный фельетонъ начинается такъ:

«Самыиъный признакъ образованности и общежителности каждаго человѣка въ-особенности и народа вообще—это умѣніе понимать шутку и отличать сатиру отъ пасквиля. Литература и общество, не терпяшія шутокъ и легкой, умной насмѣшки (*sauviesité*), то же, что паша безъ *солж*, или безъ букета, красавица безъ выраженія въ лицѣ и огня въ глазахъ. Нигдѣ болѣе не шутятъ и не колятъ, какъ въ Англии и Франціи, и никто тамъ за это не гнѣвается. Холодные и чинные по наружности Англичане обладаютъ неподражаемымъ качествомъ, юморомъ (*humour*), едущевлающимъ и ихъ рѣчи и

ихъ литературу. Французы умѣютъ во всемъ найти смѣшную сторону, даже въ дѣлахъ самыхъ серьезныхъ.»

Все это очень-справедливо и не разъ говорилось въ «Отеч. Запискахъ». Но фельетонистъ «Сѣверной Пчелы» повторилъ эти мысли, чтобъ вывести изъ нихъ заключеніе диаметрально-противоположное тому, какое изъ нихъ само-собою естественно должно выходить. Ошираясь на то, что шутка должна имѣть границы, онъ хочетъ совершенно уничтожить въ русской литературѣ шутку и юморъ и, для этого, силится возстановить противъ нихъ цѣлое сословіе. Во-первыхъ, какъ могутъ развиваться шутка и юморъ, когда имъ заранѣе предписываются границы? Англійскій юморъ и французская шутливость потому и процвѣтаютъ, что не боятся переходить за границы. И это очень-естественно: какъ можно заставить человѣка быть веселымъ, сказать ему заранѣе, что онъ будетъ тотчасъ оштрафованъ, какъ-скоро хоть немного зайдетъ за черту позволенной веселости! Какъ объясните вы ему, гдѣ эта черта?.. Ужь хоть бы на Англичанъ-то не ссылался г. фельетонистъ: еслибы только сказать нашей чинной публикѣ, какъ позволяютъ себѣ Англичане шутить, такъ она пришла бы въ ужасъ... И немудрено: Англичане привыютъ привычку, вошедшую въ ихъ правыиъ обратившуюся въ обычай, печатать не только то, что они говорятъ, но и что они думаютъ,—и не объ однихъ теоретическихъ предметахъ, но и о лицахъ... Очевидно, что нашъ фельетонистъ писалъ по-наслышкѣ объ англійскомъ юморѣ. Советуемъ ему справиться, на-примѣръ, хоть о томъ, какъ разыгрывался юморъ Байрона насчетъ Соутъ... Потомъ, словоохотливый фельетонистъ увѣряетъ, будто-бы лучшій и чистѣйшій образецъ шутки и юмора въ русской литературѣ должно имѣть — въ *Иванъ Выжмитинъ*, и что этотъ романъ, написанный самимъ фельетонистомъ, который по этому поводу одинъ и пре-

возможность его, лучше *Ревизора* и *Мертвых Душ Гоголя*!..

• Въ сатирическихъ статьяхъ (говорить фельетонистъ) я никогда не имѣлъ передъ глазами какого-нибудь лица, но всегда бралъ съ міра по ниткѣ. Дѣломъ Иванъ Выжигинъ, выставивъ пороки и злоупотребленія, я помѣщалъ ихъ всегда рядомъ съ добродѣтелью и честностью. Въ Иванъ Выжигинъ вы встрѣчаете хорошаго помѣщика рядомъ съ дурнымъ, честнаго чиновника въ противоположность злоупотребителю, благороднаго, правсуднаго судью возлѣ вѣточника..

Загѣмъ, г. фельетонистъ, скромно предоставляя публикѣ сказать, хорошо, или дурно разрѣшилъ онъ эту задачу, присовокупляетъ, что правила его вѣрны, и что молодое поколѣніе писателей, отвергнувъ эти правила, дѣйствуетъ по-китайски, т. е. пишетъ безъ тѣней. Какъ на поразительный примѣръ этой китайской живописи въ литературѣ, указываетъ г. фельетонистъ на *Ревизора* и *Мертвых Душ*, говоря, что всѣ дѣйствующія лица въ нихъ—хищные враны, идиоты, паяцы, невозможные въ дѣйствительной жизни...

Но намъ что-то крѣпко слезется, что г. фельетонистъ хлопочетъ тутъ больше о себѣ, нежели о чиновникахъ. Это не трудно доказать. Онъ рассуждаетъ объ искусствѣ по-китайски, и тѣхъ, кто понизитъ искусство по-человѣчески, называетъ Китайцами. Онъ извлекъ эстетическія правила, которыя почитаетъ вѣрными и непогрѣшительными, изъ сочиненій, которыхъ мы нѣсколько не считаемъ образцовыми. По-этому, очень естественно, если онъ думаетъ, что романы и комедіи можно писать по рецепту, т. е. подлѣ взяточника поставьте безкорыстнаго судью, подлѣ гѣннаго хозяина—трудолюбиваго, подлѣ вора—честнаго чловѣка, и т. д., и выйдетъ хорошо. Такъ писать легко! Но, къ сожалѣнію, такъ писать теперь уже невозможно, потому что такихъ нравственно-описатель-

ныхъ романовъ публика уже не читаетъ и не покупаетъ. Вотъ это-то горестное обстоятельство и вооружаетъ устарѣлую посредственность и бездарность противъ молодого поколѣнія писателей. Имъ, т. е. посредственности и бездарности, хотѣлось бы не тѣмъ, такъ другимъ, не мытьемъ, такъ катаньемъ, воспрепятствовать молодому поколѣнію писать съ талантомъ; имъ хотѣлось бы заставить его писать какъ писывали прежде, т. е. вмѣсто живыхъ лицъ выводить буквы, съ ярлычками на лбу: вотъ это, молъ, безкорыстіе, это благодѣтельность, это взяточничество, и т. д. Такъ и былъ написанъ Иванъ Выжигинъ: почему всѣ дѣйствующія лица его и носятъ характеристическія названія *Благоправовыхъ*, *Честоновыхъ*, *Вороватинныхъ*, *Ножовыхъ* и-т. д. И Выжигинъ имѣлъ успѣхъ, хотя и минутный, потому-что въ то время, когда онъ явился, еще не совѣтъ прошла мода на такую восковую и картонную литературу, еще не всѣ забыли романъ Измайлова, въ подражаніе которому былъ написанъ Выжигинъ, и который назывался *Евоній, или паубица слѣдствія дурнаго воспитанія и сообщества* (*): въ немъ дѣйствующія лица также носятъ характеристическія названія *Целодельныхъ*, *Развратинныхъ*, *Вятровичихъ* и т. д. Но этотъ самый успѣхъ и погубилъ Ивана Выжигина, потому-что объ немъ всѣ заговорили и начали судить, и такимъ-образомъ скоро дошли до лучшихъ возвратій на романъ, какъ произведение искусства. Всему свое время, и романъ Измайлова былъ хорошъ для своего времени. Мы не скажемъ, чтобъ и Выжигинъ воспользовался совершенно-незаслуженнымъ успѣхомъ, равно какъ не скажемъ и того, чтобъ онъ незаслуженно пришелъ въ скорое и конечное забвеніе. Его заслу-

(*) Въ Санктпетербургѣ. Въ привилегированной типографіи Вильковского. Первая часть напечатана въ 1782, вторая—въ 1801 г.

да именно въ томъ и состояла, что онъ спасъ нашу литературу отъ наводненія подобными романами, которые такъ легко писать, не имѣя таланта, не зная ни дѣйствительности, ни людей. Послѣ *Выжигина* въ нашей литературѣ пошумѣлъ не одинъ романъ много получше *Выжигина*; но гдѣ они теперь всѣ?.. А между-тѣмъ, всѣ они были необходимы и принесли большую пользу. въ-отношеніи къ нашей юной литературѣ, они были ея черновыми тетрадами, по которымъ она училась писать. Теперь она выучилась писать, и публика не хочетъ знать ея черновыхъ тетрадей, писанныхъ по линейкѣ. Теперь русскій романъ и русская повѣсть уже не выдумываютъ, не сочиняютъ, а высказываютъ факты дѣйствительности, которые, будучи возведены въ идеалъ, т. е. отрѣшены отъ всего случайнаго и частнаго, болѣе вѣрны дѣйствительности, нежели сколько дѣйствительность вѣрна самой-себѣ. Теперь романъ и повѣсть изображаютъ не пороки и добродѣтели, а людей, какъ членовъ общества, и потому, изображая людей, изображаютъ общество. Вотъ почему теперь требуется, чтобъ каждое лицо въ романѣ, повѣсти, драмѣ, говорило языкомъ своего сословія, и чтобъ его чувства, понятія, манеры, способъ дѣйствозанія, словомъ, все оправдывалось его воспитаніемъ и обстоятельствами его жизни. Фельетонистъ «Сѣверной Пчелы» довольно-справедливо называетъ Гоголя основателемъ теперешней литературной школы; но совѣтъ не справедливо упрекаетъ Гоголя въ томъ, будто бы онъ оскорбляетъ цѣлое сословіе, изображая нѣкоторыхъ его членовъ негодяями и глупцами. Что же касается до того, что всѣ его герои будто-бы дураки, — это рѣшительная неправда. Въ *Ревизорѣ* глупы только Бобчинскій съ Добчинскимъ, да Хлестаковъ; простоваты немалого наивный почтмейстеръ; остальные всѣ умны, а нѣкоторые изъ нихъ, какъ на-прим., городничій, даже очень-умны. О нихъ можно сказать, что они грубы, невѣжды и невѣжи, но ни-

какъ нельзя сказать, что они глупы. Въ *Мертвыхъ Душахъ* глупъ одинъ Маняловъ и простоваты предѣстатель и почтмейстеръ, а всѣ остальные очень-умны, положимъ, умны по-своему, но все же умны, а не глупы. Потому, если Гоголь и изображалъ только нѣкихъ негодяевъ и глупцовъ, это бы отнюдь не значило, что онъ дурнаго вѣнія о цѣломъ сословіи, но значило бы только, что онъ мастеръ изображать нѣкихъ негодяевъ и глупцовъ, вторыхъ довольно во всякомъ сословіи. Кто можетъ сказать воуту, зачѣмъ онъ изображаетъ то, а не это? Кто можетъ сказать живописцу, зачѣмъ онъ пишетъ ландшафты, а не историческія картины, или зачѣмъ, пиша ландшафты, изображаетъ деревья кривыя и сухія, а не прамыя и пышно-зеленѣющія? Когда талантъ проявляетъ себя въ произведеніяхъ исключительно одного рода, назовывайте его, если хотите, одностороннимъ, но не дѣлайте изъ его односторонности уголовнаго преступленія...

Г. фельетонистъ «Сѣверной Пчелы» говоритъ:

«Смотри на выведенныхъ на сцену чиновниковъ въ новой пьесѣ: *Букети, или петербургское цѣлѣбствіе*, у насъ сердце обливалось кровью при мысли, что въ представленіи этой пьесы явился весь большой свѣтъ (который—звѣздой ли отъ себя — не давая ни представленія «Шкуны Нюварлиби»), и что многіе, особенно многіе изъ этого большого свѣта, въ имѣя понятія о чиновникахъ, подумали, что это сценно съ натурою! Нѣтъ, милостивыя государыни и милостивые государи, Mesdames et Messieurs, такихъ чиновниковъ, какіхъ вы видите въ *Ревизорѣ*, въ *Цѣлѣбствіи*, и т. и. нѣтъ, а между чиновниками могутъ быть и смѣшныя, и дурныя люди, какъ вслѣдъ. Съ людьми, называющими себя писателями новаго поколѣнія, а во намереніи ссориться: они должны быть превосходные писатели, потому-что безпрестанно то сами себя, то другъ друга ужасно расхваливаютъ; скажу только: простите имъ, добрые люди: не видятъ бо что творятъ!»

На познать, каковъ отношеніе падаетъ г. фельетонистъ между *Ревизоромъ* — превосходнѣйшимъ произведеніемъ гения, и *Букетами*, — шуткою таланта? Вотъ другое дѣло, еслибы онъ поставилъ *Букеты* на одну доску съ *Выжигинимъ*; конечно, всё отдали бы преимуществу первымъ... А потомъ: съ чего задумалъ г. фельетонистъ обвинять графа Соллогуба въ намѣреніи оскорблять чиновниковъ? Положимъ, онъ невѣрно изобразилъ ихъ; но это вина таланта, а не человѣка. Вѣдь г. Булгаринъ еще хуже изобразилъ въ своемъ *Выжигинѣ* всё сословія въ Россіи, — такъ худо, что даже добродѣтельные лица его романа вышли необыкновенно — безобразны; однакожъ, всё притицки, и съ ними публика, единодушно приписали этотъ недостатокъ рѣшительному отсутствію въ сочинителѣ поэтическаго таланта, а отъицки не казнимъ-нибудя особенныхъ намѣреній... Далѣе: каки писатели новаго поколѣнія хвалятъ безпрестанно то сами-себя, то другъ друга? Поищите! это дѣлаютъ только нѣкоторые писатели равно и стараго и новаго поколѣнія, потому-что самохвалы есть всадъ. Говорить о себѣ ежепедѣльно: «я стою за правду, я готовъ умереть за правду», или плохой и забыть романъ своей старити выше гениальныхъ произведеній, — вотъ это значитъ безпрестанно хвалить себя, — и это нехорошо. Но еще хуже приписывать другимъ дурныя намѣренія, — единственно нѣе зависти къ чужому успѣху и въ надеждѣ дѣть литературу насильственнымъ поворотъ...

380) Новая Школа Мужей. Комедія въ пяти дѣйствіяхъ. Въ стихахъ. Соч. Р. Зотова. Санктпетербургъ. Въ тип. Карла Крайя. 1845. Въ 8-ю д. л. 118 стр.

Едва-ли чего хорошаго можно ожидать отъ новаго сочиненія съ старымъ заглавіемъ. Это всегда бываетъ подражаніе старому вѣстному сочиненію, если не сатира на него; а подражаніе всегда бываетъ мертво, мало, туго,

скудно. Такая *классическая* комедія г. Зотова, написанная стихами, легкими, какъ свинець, и гладкими, какъ прасолочная дорога, вдругъ замерзшая послѣ проливныхъ дождей. Въ ней, въ этой комедіи, нѣтъ ни людей, ни лицъ, ни образовъ, но зато есть достоинства и слабости, носящія имена *Веллинскихъ* (отъ *вѣліи*), *Сумовыхъ* (отъ *сумы*, признака бѣдности), *Витринскихъ* (отъ *витра*, признака легкомысленнаго характера). Послѣ кагульской битвы, русскій генералъ графъ Веллинскій пропалъ безъ вѣсти. Имѣніемъ его управляетъ молодой адъютантъ его, Рельскій, влюбленный, какъ слѣдуетъ, въ свою генеральшу и любимый ею. Но не думайте о нихъ ничего дурнаго — они добродѣтельны. Для отвода подозрѣній, Рельскій дѣлаетъ видъ, что влюбленъ въ Сумову, племянницу генеральши, и безпрестанно цаплетъ у ней ручки, или цаплетъ ее въ губки, не переставая быть добродѣтельнымъ, т. е. не подозрѣвая, что онъ играетъ преподлую роль — обманываетъ бѣдную дѣвушку, которая его любитъ. Князь Бабиновъ хочетъ жениться на графинѣ Веллинской; княгиня Витринская, ея тѣтка, беретъ быть свахою. Оба они, т. е. князь и княгиня, выхлопотываютъ у двора позволеніе Веллинской выйти замужъ. Бабиновъ, прѣхавшій къ ней съ позволеніемъ въ рукахъ, застаётъ Рельскаго на колѣняхъ передъ нею. Но, получивъ позволеніе, Веллинская объявляетъ, что выходитъ за Рельскаго и пишетъ это на бумагѣ, на которой написано позволеніе. Но тутъ вдругъ явлется Веллинскій, безъ вѣсти пропадавшій два года, а Бабиновъ, съ бумагою въ рукахъ, исчезаетъ. Веллинскій хочетъ женить Рельскаго на Сумовой; Рельскій радъ-хонекъ, Сумова тоже; но Веллинская сбиваетъ Сумову съ толку, объявляя ей, что ея женихъ любитъ другую. Бабиновъ оскорбляетъ Веллинскую въ маскарядѣ: мужъ ея стрѣлается съ нимъ. Бабиновъ даетъ промахъ, Веллинскій не хочетъ убивать его, но на условіи, чтобъ онъ поѣхалъ друзьями съ

Турнами. Всё ширится и исправляется, и все дѣлается по волю сочинителя, а не по волю страстей, характеровъ, отношеній и положеній дѣйствующихъ лицъ. Все блѣдно и вяло; все педантствуетъ и резонерствуетъ, вмѣсто того, чтобъ чувствовать и дѣйствовать. Графъ Веллиискій не хочетъ говорить съ Бабиковымъ по-французски и читаетъ ему на этотъ счетъ поученія, достойныя какого-нибудь русскаго фельетониста средней-руки. А стихи? Вотъ образецъ:

И что жъ, гдѣ переѣхна та большая,
Которая произошла въ насъ? Гдѣ же
тѣ

Песчатыя, которые могли
Васъ сдѣлать одиночнымъ?

Не понимаемъ ни того, зачѣмъ сочинитель написалъ свою комедію стихами, не умѣя писать стиховъ, ни того, зачѣмъ онъ рѣшился изображать въ ней нравы екатерининскихъ временъ, когда ему плохо даются нравы и нашего времени... Еще менѣе понимаемъ, зачѣмъ онъ написалъ свою комедію, а если ужъ написалъ, то зачѣмъ напечаталъ...

381) Воля за Гробомъ. Драма въ двухъ дѣйствіяхъ. Соч. Ипполита Александрова. Санктпетербургъ. Въ тип. Карла Крайла. 1845. Въ 8-ю д. л. 61 стр.

Но гораздо-труднѣе рѣшить, зачѣмъ написана и напечатана вотъ эта драма. Въ ней нѣтъ не только таланта, но даже не замѣтно и той душевной способности, безъ которой не только писать, или печатать, но и говорить въ обществѣ опасно...

382) Петербургскія Вершины, описанныя Я. Бутковымъ. Книга первая. Санктпетербургъ. Въ тип. П. Греча. 1845. Въ 8-ю д. л. XVI и 168 стр.

Справедливо говорить латинская поговорка, что у книгъ есть своя судьба. Петербургскія Вершины г. Буткова —

живое доказательство этой истины: о нихъ было писано и говорено еще прежде ихъ появленія; появленіе же встрѣчено разными толками. И между тѣмъ, эти толки нисколько не относились къ книгѣ г. Буткова: говоря о ней, говорилъ о Гоголѣ, а не о г. Бутковѣ. Но это самое и послужило въ пользу книги: она сдѣлалась черезъ это болѣе-замѣчательнымъ явленіемъ, нежели сколько замѣчательна она сама — дѣлѣ. Споры послѣ этого противъ важности нѣкоторыхъ литературныхъ именъ! Имя Гоголя такъ велико въ нашей литературѣ, что стоить только кого-нибудь, въ шутку или изъ зависти къ Гоголю, поставить наравнѣ съ Гоголемъ или выше его, — и этотъ кто-нибудь — уже знаменитое лицо въ нашей литературѣ, по-крайней-мѣрѣ хотя на столько времени, пока шутка или сплетня не забудутся. Это напоминаетъ намъ всѣмъ — извѣстную басню Крылова, въ которой паукъ, прицѣпившись къ хвосту орла, взлетѣлъ съ нимъ на вершины — не Петербурга, а Кавказа, и величался и хвастался на нихъ передъ орломъ — до перваго порыва вѣтра, который опять сбросилъ его въ низменную долину. Такъ можно и маленькимъ именемъ прицѣпляться къ именамъ великимъ и на мгновеніе подняться съ ними на всякія вершины. Но г. Бутковъ и не думалъ прицѣпляться къ имени Гоголя: по-крайней-мѣрѣ, этого не замѣтно въ его книгѣ. Не самъ онъ прицѣплялся, а его прицѣпили нѣкоторые лишніе его доброжелатели. Жаль, конечно, что г. Бутковъ, при первомъ появленіи на литературное поприще, сдѣлался невинною жертвою, — тѣмъ болѣе жаль, что онъ человѣкъ не безъ таланта, какъ это ясно видно изъ его книгъ...

Вотъ что было напечатано о книгѣ г. Буткова, тотчасъ по ея выходѣ въ фельетонѣ 242 №. Сѣверной Пчелы:

«Еслибъ судьба дала г. Буткову столько золота, или даже столько искусства жить въ свѣтѣ, сколько дала ему ума, чистого

юморъ и наблюдательности, то при выхо-
дѣ въ свѣтъ этого томика поднялся бы
шумъ и крикъ (конечно!), и томикъ раз-
хватили бы въ одинъ день. Когда г. Го-
голь назвалъ собраніе своихъ повѣстей
Вечерами близъ Диканки, онъ доказалъ,
что климатъ Малороссіи, хотя не столь
нѣжный, какъ климатъ Італіи, все же
способствуетъ всѣмъ тонкостямъ (какимъ-
же это?...). Диканка, село вельможъ,
вѣкъ извѣстное, возбуждало общее вни-
маніе, и доставило шокривительство автору
(что?...). *Петербургскія Вершины*, при
всемъ умѣ своемъ (!), не возвысить ав-
тора (жалко!), потому-что у него взглядъ
самостоятельный, юморъ неподдѣльный,
и достоинство не въ грязныхъ картин-
кахъ, а въ истинѣ. Г. Гоголь смѣшитъ кар-
рикатурами, а сидя на высотѣ (?), пи-
шетъ картины грязью; г. Бутковъ сидитъ
низу (?), но расуетъ съ натуры и свѣт-
лыми красками. Мы не сравниваемъ (а
что же вы дѣлаете?) двухъ писателей,
во это одинъ родъ (именно!), съ тою раз-
ницею, что языкъ г. Буткова чистъ и
правилень и картины свѣтлы, и что онъ
не рѣшится назвать своей повѣсти поэмой,
и не найдетъ пріятеля (не знаемъ, истин-
ную или ложную, но уже нашел!), ко-
торый бы назвалъ его Гомеромъ. Реком-
ендуемъ книгу г. Буткова всѣмъ любя-
телямъ забавнаго, остропунаго чтенія. Г.
Бутковъ постигнулъ вполне (не-ужас-
но?), что такое юморъ, и заставляла хо-
хотать, заставляетъ въ то же время и
мыслить и чувствовать. Прочтите (пожа-
луйста!) *Петербургскія Вершины*; второй
книги г. Буткова мы уже не станемъ ре-
комендовать: вы и сами поторопитесь ку-
пить. Нѣкоторые журналы, разумеется,
употребятъ все свое усиліе, чтобы уни-
чтожить г. Буткова за то, что *Сѣверная*
Пчела его хвалитъ (а это ужасное пре-
ступленіе!) и за то, что при его имени
ославили имя г. Гоголя, какъ творца
латуры 18-го класса; по это и должно
радоваться г. Буткова. Это ему новый пред-
метъ къ изученію, жалкій, но поучитель-
ный!

Мы нисколько не удивляемся тому,
что «Сѣверная Пчела» не можетъ ни о
чемъ говорить, не вспоминая Гоголя.
Это понятно: что у кого болитъ, тотъ
о томъ и говоритъ. По-старому теперь
писать нельзя...

Еще разъ повторимъ: мы нисколько-

ко не удивляемся этой неутомимой
враждѣ къ Гоголю; но вотъ чему мы
удивляемся — безглаголю вражды къ не-
му, крайней неловкости нападокъ на
него. Кто же, въ-самомъ-дѣлѣ, повѣ-
рить «Сѣверной Пчелѣ», что она не
признаетъ никакого таланта въ писа-
тель, который имѣлъ такой огромный
успѣхъ, который далъ новое направ-
леніе русской литературѣ и кото-
раго она безпрестанно зацѣпляетъ?
Чѣмъ виновать Гоголь, что одинъ изъ
неловкихъ, восторженныхъ его почита-
телей (всѣ восторженные почитатели
бываютъ неловки и смѣшны) провоз-
гласилъ его Гомеромъ? Но Гоголь пи-
шетъ свои картины грязью, говоритъ
«Сѣверная Пчела»: еслибы это было и
такъ, что жъ тутъ худого, когда его
картины, писанныя грязью, лучше кар-
тинъ, писанныхъ красками? Говорятъ,
Микель-Анджело разъ начертилъ на
стѣнѣ углемъ фигуру головы,—и этотъ
очеркъ былъ недослугаемо-выше миль-
ионовъ картинъ, писанныхъ не углемъ
на стѣнѣ, а дорогими красками на
холстѣ... Дѣло не въ матеріалахъ, а въ
творчествѣ, въ исполненіи. Какой-ни-
будь Держиморда изъ *Ревизора*, конечно,
не герой, не Александръ-Македон-
скій; но, какъ художественно-очерчен-
ное лицо, онъ въ тысячу разъ выше
Голунова, Дмитрія Самозванца, Ма-
зепы и другихъ каррикатуръ, нама-
леваннахъ авторомъ *Выжигина* краска-
ми, а не углемъ, не мѣломъ, не гря-
зью... Намъ даже жаль «Сѣверную
Пчелу», что она такъ неловко ругаетъ
противъ Гоголя. Посмотрите, какъ
ловко, на-примѣръ, «Иллюстрація»,
по поводу все тѣхъ же *Петербургскихъ*
Вершинъ, вступилась за Гоголя...

«Всѣ четвертые, пятые и шестые этажи
столицнаго города С.-Петербурга, позвали
подъ нгуломимый ножъ г. Буткова. Онъ
взялъ отрезалъ ихъ отъ пизовъ, перевезъ
дочой, разрылъ по составникамъ (!) и
выдалъ въ свѣтъ частичку своихъ анато-
мическихъ препаратовъ. Скользкій путь!
Мы тяжлы на сатиру (*правда!*), которую
едва ли жалуетъ наша публика (не *пра-
ва!*). Вотъ каррикутуры, приспособлек-

ныя до прачены, даща страсть. Чтѣ можеть бытъ на црэдполюбце покойныхъ Быхитыныхъ, а Иванъ читался (опять правда!); Петръ Ивановичъ прошель даже не замѣченнымъ, а дальшійшя каррикатуры того же автора (сочинителля?) не возбудилъ даже улыбки (трижды правда!). Конечно, талантъ не старѣетъ; сочиненія Н. В. Гоголя также представляють, не сатиру, а каррикатуры современнаго міра (неужели? — это поестъ?). Того нѣтъ въ природѣ, что онъ описываетъ (полюте — что за шуники!). Типы его — созданія веселой фантазіи; во дѣло мастера боятся. Каррикатуры Гоголя читались съ удовольствіемъ, читаются и будутъ читаться (Иллюстрація, № 31, стр. 480).

Рѣшительно, Гоголь—это вся русская литература! О литературѣ ли русской кто хочеть заговорить,—непрѣмѣнно хоть что-нибудь скажетъ о Гоголѣ; о самомъ ли себѣ захочеть нини поговорить,—опять говорить о Гоголѣ... Но одинъ говорить не ловко, не умѣя скрыть, что, толкуя о Гоголѣ, хлопчеть о самомъ-себѣ; другой дѣйствуетъ въ этомъ случаѣ ловче: онъ хвалитъ Гоголя... хотя и не больше, какъ даровитаго каррикатуриста... Онъ говоритъ, что того нѣтъ въ природѣ, что Гоголь описываетъ; по что все-таки у Гоголя есть талантъ, и его съ удовольствіемъ читали, читають и будутъ читать... Какимъ-образомъ можно съ талантомъ описывать тѣ, чего нѣтъ въ природѣ,—объ этомъ не спрашивайте; не говорите и о томъ, что сама каррикатура есть только преувеличеніе истины въ смѣшномъ видѣ, что безъ хлѣдства съ оригиналомъ она ничего не стоитъ, и что, наконецъ, только бездарные писакы описываютъ тѣ, чего нѣтъ въ дѣйствительности. — не говорите ничего этого: тутъ дѣло идетъ не объ истинѣ, а о чемъ-то другомъ...

Обратися къ книжкѣ г. Буткова. Не смотря на всѣ ея недостатки, мы прочли съ удовольствіемъ—если не всю ее, то вѣкоторыя статьи въ ней. По всему видно, что г. Бутковъ только-что выступаетъ на литературное поприще и еще не осмотрѣлся на поитъ,

не привыкъ къ нему. Но что, вполнѣ-току неважный, отъ котораго скоро могутъ изабавить его трудъ и дѣтельность. Большая часть недостатковъ его книги, самыхъ важныхъ, происходитъ отъ свойства его таланта. Это, во-первыхъ, талантъ болѣе описывающій, нежели изображающій предметы, талантъ чисто-сатирическій и нисколько не юмористическій. Въ немъ на до-стаетъ ни глубины, ни силы, ни творчества. Но тѣмъ не менше, въ авторѣ видны умъ, наблюдательность и, нѣ-статия, остроуміе и много комизма. Онъ умѣетъ замѣтить смѣшную сторону предмета и схватить ее. Этого ма-ло: у него не только видѣнь умъ, но и сердце, умѣющее сострадать ближ-ному, кто бы и каковъ бы ни былъ этотъ ближній, лишь бы только былъ несчастенъ.

Гоголь имѣлъ сильное вліаніе на талантъ г. Буткова. Особенно часто образъ Акакія Акакіевича (изъ повѣсти Шинель) отражается на герояхъ г. Буткова. Чубукевичъ, герой первой повѣсти его, называющейся: *Мордочиний Человѣкъ*, сперва вылагаетъ очень-близкимъ подобіемъ Акакія Акакіевича, но уже потомъ, каинтъ-то чу-домъ, называетъ только одному автору, дѣлается тониншъ, смѣлишь и вѣ-гальмишъ плутомъ. Герои повѣстей: *Лептучка* и *Сто Рублей*—опять сходки съ Акакія Акакіевича. Мы очень желали бы, чтобъ эта подражательность по-скорѣ замѣнилась въ г. Бутковѣ самостоительностью. Самая худшая изъ всѣхъ статей, составляющихъ первую часть *Петербургскихъ Вершинъ*, есть *Почтисный Человѣкъ*: это что-то до вѣтѣ вѣдливо, вялое, растянутае, плоское и скучное, что трудно повкрить, чтобъ оно могло быть написано человѣкомъ съ талантомъ. Самая лучшая статья—*Сто Рублей*. Это не повѣсть, а очеркъ, расмазъ, что-то даже въ родѣ анекдота; но тутъ много хорошаго. Особенно понравилось измѣ явленіе *безза-кажнаго Авдѣя* въ контору *исподъ Цѣ-тинина* и *компаніи* и его пребываніе въ этой конторѣ. Тутъ много подѣль-ч-

да еще того рода характеристиче-
ского.

«Тамъ строжка не оказалось, и Авдѣй
долженъ былъ пройти прямо въ контору,
гдѣ кромѣ четырехъ конторщиковъ изво-
ляли быть и сами господа Щетининъ и
Компанія. Авдѣй вдругъ замѣтилъ эту са-
мость, потому что она сидѣла въ халатѣ,
по Русскому обычаю, и обращалась къ
конторщикамъ, называя ихъ опредѣли-
тельными именами: скотомъ, или дура-
комъ, или бараномъ.»

«Тобѣ что надобно?» спросилъ Щетининъ
заглянувъ на униженно-клячающагося
Авдѣя.

— Нѣтъ ли ваканцій?... Цесать могу!
отвѣчалъ Авдѣй.

«Вотъ видишь ли, *ершъ*,» воскликнулъ
Щетининъ, обращаясь къ одному изъ кон-
торщиковъ: «видишь!... да не тобѣ гово-
ри, *баранъ* (это относилось къ другому
конторщику, который въ торовахъ, счита
себя за ерша, нечитательно выткнулся
прядь волосомъ): а тобѣ, *ершъ*, говорю:
вотъ видишь ли, а еще и не сантуэль,
а уже конторщики сбѣгаются... Такъ ви-
дишь ли...»

Въ эту минуту ершъ, покрасѣвшій,
отвѣчалъ скороговоркою: «Хозяинъ! Я ви-
жу больше, чѣмъ вы думаете!»

«То-то, *ершъ*! Нѣтъ тебя былъ бы нуть,
если бы ты не ершился больше! Ну, да
потерплю еще маленько!»

Авдѣй послушать и поглядѣвъ на эту
сцену, проникновенно глубокого уваженія
къ господамъ Щетинину и Компаніи: по-
челъ, что эти господа, занятые преніемъ
съ своими конторщиками, забыли о немъ,
онъ позволилъ себѣ напомнить имъ о
своемъ присутствіи скромнымъ каплемъ.

«А, ты еще здѣсь! Такъ ты въ контор-
щика хочешь?» спросилъ Щетининъ, сно-
ва обращаясь къ Авдѣю.

— Я желалъ бы имѣть ваканцію. Сдѣ-
лайте такую милость, дайте мнѣ вакан-
цію!

«А нѣтъ какія ты?»

— Что съ?

«Ужъ ты такой? Я спрашиваю.»

Авдѣй рѣшительно не понималъ смысла
этихъ вопросовъ и, смущенный, рѣшился
молчать.

«Что ебите за народъ!» воскликнулъ го-
спода Щетининъ и Комп: «Ему, сего,
только говорить, а онъ молчитъ какъ...
какъ ракъ!»

— Извините, отвѣчалъ Авдѣй; трепету-
ющимъ голосомъ, я не разозлилась, или
не понялъ, что вы изволили сказать.»

«Я, выходяще, спрашиваю, что ты за
человѣкъ такой: крѣпостной ли ты, воль-
ной ли ты...»

— Я чиновникъ.

«Чиновникъ! Я не принимаю чиновни-
ковъ...» отвѣчалъ Щетининъ, октавон
ниже.

— Позвольте вамъ замѣтить, сказалъ
Авдѣй съ отчаяніемъ, я хотя и чиновникъ,
однако могу работать не хуже... да, ей
Богу, не хуже крѣпостнаго, не только
вольнаго!

«Знаю! Да, вы чиновники, народъ все
такой.. у меня въ конторѣ только одинъ
чиновникъ — я самъ, а всѣ прочіе мои
конторщики!»

— Я и прошусь къ вамъ въ конторщики!

Въ это время нѣкоторые изъ конторщи-
ковъ посмотрѣвъ на притомленна, насмѣш-
ливо переглянулись между собою. Авдѣй,
какъ ни мало былъ онъ свѣдущъ въ
варствѣ души человѣческой, понималъ, что
конторщики, состоящіе изъ такъ называе-
мыхъ «вольныхъ людей», уже враждуютъ
противъ него, потому что онъ чиновникъ!
Пораженный этимъ открытіемъ, онъ пе-
чально опустилъ голову, и на лицѣ его
выразилось чувство глубокой скорби, по-
питной только тому, кому случалось пе-
кать и не находить ваканцій. Но было
здѣсь одно лице, незамѣтное, по видимому
также страдательное, какъ и Авдѣй, ко-
торое взглянувъ на Авдѣя, не улыбу-
лось коварно, подобно другимъ контор-
щикамъ, и взглянувъ не спѣшило скрыть
возбужденнаго въ немъ чувства. То лице
— *ершъ*, по наружности младшій изъ кон-
торщиковъ, ершъ, которому господа Ще-
тининъ и Комп. только что угрожали из-
гнаніемъ изъ конторы. Когда взгляды ер-
ша повстрѣчались со взглядомъ Авдѣя,
послѣднему показалось, будто въ немъ
принимають участіе.

— Хозяинъ! сказалъ ершъ обращаясь
къ господамъ Щетинину и Комп. Вотъ
этотъ чиновникъ, которымъ вы меня пу-
гали, очень хочетъ быть у васъ контор-
щикомъ, такъ и думаю себѣ, что если у
васъ нѣтъ для него ваканція, почему не
прогнать меня!

«Ой, горе-мальчишка; зѣбрь-мальчи-
шка!» пробормоталъ господа Щетининъ и
Комп.

— Да, я думаю, почему жъ не прогнать

моя! Едва вы меня держите потому только, что вы добрый человек, а я сам не стою ваших милостей!

«Послушай, ерш! сказалъ хозяинъ; будь на твоёмъ мѣстѣ вотъ этотъ барачъ, или тотъ болванъ, я прогналъ бы его сію минуту; но тебѣ еще разъ прощаю, и прощаю въ послѣдній разъ, а тамъ уже прощю. Не ершишь! Ты еще мальчишка! вотъ только по этому и прощаю.»

— Спасибо, хозяинъ. А чиновникъ-то?

«Чиновникъ! Шу, и чиновника приму. Посмотримъ, къ чему онъ годится!...»

Принятіе Авдѣя въ конторщики совершилось въ одну минуту. Хозяинъ велѣлъ ему сѣсть за конторку, насупротивъ ерша, и переписывать что ему дадутъ. На первый случай ершъ далъ ему небольшой счетъ, и онъ переписалъ его скоро, чисто, безъ ошибокъ, такъ что даже страшно было, почему Авдѣю не дѣются ваканціи. Судьба! Щетининъ, посмотрѣвъ на работу Авдѣя, былъ ею доволенъ, но тутъ же замѣтилъ, что для него ваканціи въ конторѣ вѣтъ, а принимается онъ *сверхъ ваканціи*, по уваженію бѣдности его, съ жалованьемъ по десяти целковыхъ въ мѣсяцъ. Авдѣй поблагодарилъ Щетинина за челоуѣколюбіе и подумалъ: вотъ уже, да что, и пишу, и служу, и жалованье достаточное назначено, а все таки ваканціи не имѣю!... Просто горе!

Всѣ конторщики Щетинина, какъ выше упомянуто, носили характеристическія названія, изобрѣтеныя и употребляемыя имъ вмѣсто собственныхъ именъ. Онъ находилъ нужнымъ дать такое же названіе и Авдѣю; но трудолюбіе, исправность въ занятіяхъ, болѣзненный, страдальческій видъ бѣднаго чиновника разрушали каждый эпитетъ, какой только имъ изобрѣтало остроуміе Щетинина. Онъ пробовалъ называть его рыбою, баричемъ и даже отряхомъ, но всѣ эти названія видимо были нехороши, и самъ Щетининъ чувствовалъ, что Авдѣй не похожъ ни на рыбу, ни на барича, ни на отряху. Однажды онъ назвалъ его *Антиподомъ*, но замѣтя, что ершъ, коварѣйшій и пенсправнѣйшій изъ конторщиковъ, улыбнулся, и не зная въ точности, что за вещь называется Антиподомъ, не повторилъ этого названія, и послѣ многихъ тщетныхъ попытокъ рѣшился называть его просто чиновникомъ.»

Но всего лучше въ этомъ разсказѣ

физиологически очерченъ характеръ *Ерша*:

«Михѣй, подобно Авдѣю, многократно испытывалъ, что значить не имѣть ваканціи, и наконецъ найде ее, служилъ за маленькое жалованье, принужденный свосить строгость и грубость господъ Щетинина и Комп. Эти господа, придавая характеристическое названіе каждому изъ конторщиковъ, называли Михѣя ершомъ, и это названіе сравнительно съ прочими, было для него весьма почетное. Оно даю было потому, что оный Михѣй осмѣливался не молчать передъ козлами и возражать безъ грубости, безъ обиды, за которую тотчасъ послѣдовало бы изгнаніе его изъ конторы, а съ учтеною колкостью, и господа Щетининъ и Комп. терпѣли эту колкость, и только по этой колкости и неуступчивости ставили его въ своемъ понятіи выше прочихъ конторщиковъ, даже дорожили имъ, сколько можно дорожить конторщикомъ, зная по слову: «было бы корыте, собаки найдутся.»

При сходствѣ въ обстоятельствахъ жизни между Авдѣемъ и Михѣемъ, была разница въ свойствахъ: тотъ былъ угнетенъ, раздавленъ судьбою; былъ робокъ, боязливъ, страшился всего, особливо «ваканціи», зтогъ, напротивъ, чувствовалъ себя обремененнымъ несправедливо, жаждалъ мести, той мести, потребность которой рождается въ сердцѣ челоуѣка, оскорбленнаго условіями, отношеніями, обстоятельствами, и которая часто совершается не надъ однимъ отдѣльнымъ лицомъ, но надъ великою личностію общества и челоуѣчества. Эта жажда мщенія одушевляла его въ борьбѣ съ обстоятельствами; онъ не упалъ духомъ, не покорился ни ваканціи, ни судьбѣ. «Что такое судьба?» говорилъ онъ, «я эту судьбу...» и онъ произносилъ такое слово, которое не оставалло ни малѣйшаго сомнѣнія, что онъ презираетъ судьбу. Въ немъ уже таился зародышъ будущаго купца первой гильдіи, будущаго известнаго благотворительностью гражданина, будущаго трехкратнаго банкрота, оставляющаго коммерческое поприще съ почетнымъ званіемъ, съ милліономъ въ ломберѣ на имя нежизнѣннаго, и съ дюжиною домовъ въ Петербургѣ на «женно имя», оный словомъ, зародышъ будущаго великаго челоуѣка въ единственномъ родѣ, въ какомъ толь-

не могут быть великие люди въ Русскомъ народѣ. Но это былъ еще зародышъ, стремившійся къ развитію среди враждебныхъ стѣнъ нищеты и поскорбленій. Какъ иѣ люди съ сильнымъ характеромъ, со всамотушею вѣрою азъ себя, ершъ былъ нестерпимъ и пылокъ; онъ не скрывалъ ни своего пренебреженія къ прочнымъ конторщикамъ, ни своего неудовольствія къ жезлину, говоря, что терпѣть это потому только, что ожидаетъ отъ господъ Щетлиныхъ и Коми. одной выгодной комиссіи, но исполненіи которой будетъ въ состояніи записаться въ купцы и завѣяться своимъ дѣломъ. Я такъ обокраду этого банкрота, поясняя оиъ, какъ иногда принашикъ его не обкрадывалъ. Я покажу ему, что если я дурной конторщикъ, за то хорошей аферистъ! Глаголю «обокрасть» произвелъ на Авдѣя видимо непріятное впечатлѣніе, которое онъ старался скрыть отъ ерша, но тотъ замѣтилъ это и продолжалъ свои объясненія такимъ образомъ: Я только такъ говорю, что обокраду, а въ самомъ дѣлѣ, я воспользуюсь тѣмъ, что всюду называется: «умѣніемъ наживать кофѣйку.» Жалованьемъ и трудомъ ее не наживешь, и никто не наживетъ этииъ способомъ. Въ иномъ родѣ службы берутся взятки, на взятки строятся домы и покупаются деревни. У насъ въ торговлѣ взятки нѣтъ, а есть другіе способы: купишь, напримѣръ, товара на рубль, покажешь въ счетѣ на полтора рубля. Такъ иіюгіе дѣлаютъ; и всѣ эти миллионщики, выросъ у нихъ, что саблало ихъ миллионщиками? жалованье? трудъ? Пожалуй, они скажутъ, что трудолюбіе и честность; но это не всегда бываетъ справедливо. Я знаю, иногда самый трудъ скорѣе приводитъ къ голодной смерти, чѣмъ къ довольству въ жизни. Я знаю и докажу, что не хуже другаго умѣю благодѣлать себѣ на счетъ ближняго. Не робѣй же Авдѣй! Не покарай ничему, вреннебрегай всякими обстоятельствомъ и пользуйся глушею людей, а глушихъ людей очень много на свѣтѣ!»

И другіе разсказы не лишены достоинства. Жаль только, что они неровны, т. е. хороши мѣстами, но въ цѣломъ не выдержаны. И потому, мы не скажемъ, чтобъ статьи: *Порядочный Человѣкъ*, *Лепточка* и *Битка* были хороши, но скажемъ, что въ нихъ много

хорошаго. Такъ, напримѣръ, въ *Порядочномъ Человѣкѣ*, кромѣ самого героя, который сначала является естественнымъ, а потому и интереснымъ, очень рѣдко, хотя мѣстами и грязновато, описанъ мотъ изъ купеческихъ сынковъ. Это... но послушаемъ самого автора, который, какъ видно, не съ чужаго голоса говорить о людяхъ этого разбора:

«Еще не перевелись у насъ, въ глуши, миллионщики, которые, саблавшись изъ мужиковъ первостатейными кушачами, авесли въ новый бытъ старыя понятія, и содержатъ дѣтей своихъ въ изумительномъ невѣжествѣ. По мнѣнію этихъ людей, для того, чтобы дѣти ихъ не промотали богатого наслѣдства, надобно сдѣлать изъ нихъ нѣчто въ родѣ говорящихъ машинъ, возрастать въ душѣ и сердцѣ ихъ ненависть ко всякому званію, которое не ведетъ прямо къ сохраненію и увеличенію капитала. Любя деньги, какъ всѣ смертные, они отличаются особеннымъ направленіемъ этой любви: они чуждаются всѣхъ удовольствій, на которыя проматываются другіе; воздерживаются отъ всѣхъ благъ, которыя могутъ быть пріобрѣтены за деньги. Чубуковъ былъ одинъ изъ самыхъ дѣкихъ наслѣдниковъ. Отецъ выучилъ его выкладывать на счетахъ и читать Кругъ Соломоновъ. Онъ подвергался всевозможнымъ униженіямъ и былъ первымъ постояннымъ чернорабочимъ у своего отца, который, упрямя, утѣшался мыслию, что оставляетъ своего *Микшику* предобримъ парношкою; но *Микшика* былъ себѣ на умѣ: похорошилъ отца, онъ пустился въ Петербургъ просвѣщаться и наслаждаться. Воображеніе его, развитое въ лѣзавѣ, не представляло ему удовольствій возвыщенія, уиоштелнаго тѣхъ, которыя требуютъ чудовишныхъ издержекъ, и въ короткое время онъ уже акусилъ кое-что изъ просвѣщенія, скупивъ сотню тысячъ; но, чтобъ насладиться и просвѣтиться вполне, онъ чувствовалъ недостатокъ въ хорошемъ пріятелѣ, который бы руководилъ его въ лабиринтѣ петербургскихъ удовольствій. Къ счастью, съ деньгами все можно найти въ Петербургѣ—и руководителей, и наставниковъ, и друзей...»

. Очень недурно разсказъ *Половаго*

въ гостиницѣ на Вознесенскомъ-Проездѣ:

«Ашадсь былъ самъ надзиратель. Что, говорить, у насъ всякіе люди живутъ? Нѣтъ, сударь, ваше благородіе, не всякіе, а хорошіе люди съ прачпортами, какъ слѣдуетъ и ни копѣйки не прибавимъ. На те порядокъ соблюдаемъ: больше порядка — меньше подати, какъ водится. Съ тѣмъ и ушелъ. На дворникъ выместилъ: въ контору призвала, въ сибирку засадилъ; да што!.. Вчера одинъ господинъ, такой мѣшанинъ: шало не шало, шлана не шлана, чай кумалъ, бинитикъ кумалъ и проглотилъ было салфетку камчатную да ложку серебряную; оправдали — такая отваш! Я, говорить, благородный, а вы все мужики, мѣшани! Я, говорить, имѣю право прикѣлотить васъ, какъ скотомъ, и землицу штрафъ головую подать. Мѣшанину; говорить, безчестье небольшое, не то, что благородному; тутъ, говорить, честь и безчестье! Въ Сибири, въ котор- жной работѣ, говорить, мѣста не найдешь! — Знаемъ, сударь, что мѣшанинъ не то, что благородный, мы въ томъ не виноваты; а вы, сударь, все таки не извольте гнотать серванзу. Стыдно, сударь! Страшно, Воже ужасн, какими жуками, а полъ кобенъ; какъ самъ будочникъ пришелъ, взмолился, сердечный, да што!.. А вотъ, омоняся, прѣхалъ изъ какого-то города, Чертоболотнаго, штоль, и у насъ въ номерахъ остановился, купецъ, молодой, богатый; былъ онъ купеческій сынъ — отецъ недавно умеръ; очень хорошій человекъ; грамотъ плохо учени. Отецъ держалъ его въ ежовыхъ рукавицахъ: заставлялъ дворъ мести, въ полушубкѣ ходить, въ лабазѣ сидѣть; получилъ полмилліона наследствъ; да што, говорить, за жите въ Чертоболотномъ! Прѣхалъ сюда на свѣтъ поглядѣть. Въ-дѣлѣ батистоватѣ заказалъ; портному Фран- дузу велѣлъ шить что ни на есть въ свѣтъ наилучшаго платя; все черезъ мѣся ѣдетъ; самъ ничего не знаетъ; такой дикой, хуже нашего брата, половаго. Дѣло намъ полмилліона хоть не рублей, а копѣекъ, не ударимъ въ грязь лицомъ! Хочетъ все видѣть и имѣть, что ни есть лучшего и дорогаго; а за что же платитъ; того и не нужно. Притомъ конузатъ онъ, сердечный, видно что вѣкъ просидѣлъ въ лабазѣ! Одѣвъ такимъ барыномъ, что Чуло, шротъ Волжарца! Осваивае! А

скажете слово — бѣда! Ншой развѣ такъ покраснѣть. Прославъ достать билетъ въ Италіянскую, что хоть возьми, только достань. И радъ бы деньги выжить — не могу, знакомства такого не имѣю. Тенеръ мучится; хотѣлъ... ни вѣсть чего! Дѣлать карета, говорить, шана, да по вѣсью уличаеъ и по Невскоу съ лузкою, съ вѣснями пробѣать, задѣвать кутерьмы... а носѣтъ за все злѣвать, чтобы всюду о немъ говорилъ. Да здѣсь не Чертоболотное, сударь — широко не раздѣлеться! — А не угодно ли въ Очиствительное Общество? Рѣдкостное общество! Чудеса тамъ всякія: и таповать тачъ, и пить, и ѣсть, и все прочее можно, что только душѣ угодно, да карману сполно. Ну, такъ поѣду въ Очиствительное. Что стоитъ очистительное? Нѣтъ рублей нѣтъ; да знаю, что не захочетъ — сто рублей, говорю. Возьми, говорить, билетъ, вѣзла. — Нынче вечеромъ ѣдетъ съ знакомымъ купцемъ: старикъ хорошій и больно не любитъ молочно; да што, говорить, самъ порядка тамошняго не знаю, чтобы не обманули; да вѣать, говорить, вѣтего: поѣду съ нимъ, когда нѣтъ товарища по душѣ.»

Вобщемъ, языкъ автора *Петербургскихъ Вершинъ* мѣстами бываеъ довольно-мѣтокъ и цѣповъ, и г. Бутковъ иногда умѣетъ говорить довольно-оригинально о вещахъ самыхъ простыхъ. Вотъ, для образчика, его разсужденіе, служащее введениемъ къ разсказу *Сто Рублей*:

«Есть въ мірѣ предметы *благотѣлив* всеобщаго, безусловнаго; есть вѣдѣіе, совершенное въ глазахъ мудреца и дурика; есть сила, своеправно, деспотическія полагающая жребіемъ человеческимъ, — тѣ предметы — рубль, то величье — рубль, та сила въ рубляхъ!

«Человѣкъ безъ рублей; хотя бы то былъ и чиновникъ, ничего не значить, ни къ чему не годится и ничего не стоитъ. Человѣкъ съ рублями, хотя бы то и не былъ чиновникъ, имѣетъ значеніе и силу, годится ко всему, и стоитъ той суммы рублей, которою онъ обладаетъ.»

«И странно, что при такой популярности рублей, достать не дозволено, какое именно количество нѣтъ нужно на ка- ждую практическую дѣлу; такъ для ста-

стия человека даннаго ранга! Впрочемъ, есть должности, въ которыхъ можно обидѣться вовсе безъ жалованья, которыхъ такъ и влечутъ въ служенію въ названъ одной чести, назъ одной любви къ отечеству!

Но, повторимъ еще разъ, у г. Буткова во всемъ и вездѣ первености. За выраженіемъ сильнымъ и характеристическимъ слѣдуютъ вялыя и безцѣпныя; за яркою страницю—страницы блѣдныя. Правда, за то надо сказать, что и въ самомъ плохомъ разсказѣ — Почтенный Человѣкъ, кое-гдѣ блещутъ искорки ума и остроумія. Но какъ достоинства, такъ и недостатки сочиненій г. Буткова происходятъ прямо изъ сущности его таланта. Какъ талантъ чисто-сатирическій и описательный, а не юмористическій и творческій, онъ часто бываетъ колокъ, остроуменъ, но часто и гоняется за остроуміемъ. Такъ, напримѣръ, въ книгѣ своей г. Бутковъ множество разъ, безъ всякой нужды и вовсе нестати, употребилъ слово *самость*, вездѣ огмѣчая его курсивомъ, какъ-бы думая, что это ужъ и Богъ-знаетъ какъ оно остроумно. Мѣстами въ языкѣ замѣтна и небрежность и стремленіе къ псудучнымъ нововведеніямъ: такъ, на-прим., отъ слова *каста* онъ произвелъ небывалый эпитетъ *кастическій*.

Во всякомъ случаѣ, мы душевно рады появленію новаго таланта. Разовьется ли талантъ г. Буткова, или заляпнетъ самъ-собою отъ слабости своего корня, выйдетъ ли изъ него что-нибудь важное, или такъ что-нибудь, или ничего не выйдетъ,—объ этомъ мы погодимъ разсуждать. Пока скажемъ только, что у г. Буткова есть умъ и дарованіе, и пожелаемъ ему всевозможныхъ успѣховъ на поприщѣ нашей литературы, не только не богатой, но вовсе блѣдной бельетристическими талантами.

383) Карманная Библиотека. Графъ Монте-Кристо, романъ Александра Дюма. Полный переводъ В.

М. Строева. Части первая, вторая и третья. Санктпетербургъ. 1845. Въ 18-ю д. л. Въ I-й части 172, во II-й—176, въ III-й—174 стр.

384) Графъ Монте-Кристо. Романъ Александра Дюма. Выпускъ 1, 2 и 3. Санктпетербургъ. 1845. Въ тип. К. П. Жернакова. Въ 8-ю д. л. 88 стр.

385) Экономическая Библиотека. Три Мушкетера. Романъ Александра Дюма. Переводъ съ французскаго. Часть 1. Санктпетербургъ. 1845. Въ тип. военно-учебныхъ заведеній. Въ 16-ю д. л. 163 стр.

386) Карманная Библиотека. Три Мушкетера. Романъ Александра Дюма. Полный переводъ, разсмотрѣнный В. М. Строевымъ. Часть первая и вторая. Санктпетербургъ. 1845. Въ 18-ю д. л. 165 и 172 стр.

Что бы ни говорили о насъ остроумные противники наши, но мы не перестанемъ повторять, что въ русской литературѣ больше геніевъ, нежели талантовъ, больше художниковъ, нежели бельетристовъ. Изъ этого, впрочемъ, еще не слѣдуетъ, чтобы у насъ геніевъ и художниковъ было очень-много, даже просто много; но они замѣтнѣе и долговѣчнѣе талантовъ, и потому ихъ имена у всѣхъ на языкѣ. А таланты бельетристическіе такъ же быстро исчезаютъ у насъ, какъ и рождаются. При томъ же, они такъ мало пишутъ! Шупкинъ, умершій еще въ порѣ силъ, одинъ написалъ больше, нежели всѣ его подражатели, вмѣстѣ взятые. Да и кто теперь читаетъ крохотныя книжечки сочиненій этихъ подражателей? Новыя бельетристы, смѣнившіе ихъ, тоже и мало пишутъ и скоро выписываются. Отъ этого и читать нечего, ибо геніи не рождаются десятками.

Бельетристика есть мѣрка богатства всякой литературы. И не одна литература въ мірѣ не можетъ равняться въ этомъ отношеніи съ французскою. Искусство писать до того развилось въ Франціи, что какъ-будто слѣдуетъ

вторую природою Французовъ. Оттого во Франціи есть что читать, да и вся Европа читаетъ французскихъ писателей, всё европейскія литературы живутъ переводами съ французскаго. Въ самомъ дѣлѣ, что такое всё эти романы — *Матильда*, *Парижскія Тайны*, *Вѣчный Жидъ*, *Королева Маріа*, *Монте-Кристо*, *Ночи на Влтавѣ Отца Лашега*, если не блестящія произведенія бельетристики, наполненныя всевозможными вѣтвями, неестественностями, эффектами, и въ то же время, мѣстами, блистающія вдохновеніемъ, умомъ, мыслию, всегда живыя и занимательныя? Они недолговѣчны, потому что ихъ авторы — обыкновенно таланты, не гении, и пишутъ не для потомства, не для вѣковъ, а только для того года, въ который пишутъ. Всё эти романы и повѣсти, пошумѣвъ на бѣломъ свѣтѣ, скоро забываются, но смѣнные другими, — и такимъ образомъ публикѣ всегда есть что читать. Если вы не любите вѣчныхъ произведеній бельетристики, любя только художественныя созданія, — не читайте ихъ, но и не браните, не презирайте бельетристики: она и безъ васъ найдеть себѣ множество читателей и будетъ имъ полезна, благотворно дѣйствуя на ихъ образованіе и доставляя имъ умное и благородное развлеченіе. Пусть аристократы искусства читаютъ только своихъ привилегированныхъ авторовъ: масса публики тоже должна имѣть свою литературу. И если кака-нибудь литература удовлетворяетъ вдругъ тому и другому требованію, — тѣмъ больше ей чести и славы!..

Мы ни слова противъ переводовъ французскихъ романовъ и повѣстей; мы даже отъ души рады имъ; но наше дѣло отличить хорошіе отъ дурныхъ. *Карманная Библіотека*, выходящая маленькими красивыми книжками, представляетъ переводы полные и вѣрные, а не передѣлки; со стороны языка, они не оставляютъ ничего желать. — Но что такое *Экономическая Библіотека*? Почему она *экономическая*? О гужѣ что ли разсуждаетъ она? Нѣтъ, она пред-

ставляетъ переводы тѣхъ же романовъ, какіе и *Карманная Библіотека*, но переводы плохіе, искаженные, съ пропусками и переиначами. *Графъ Монте-Кристо*, изданный въ 8-ю долю листа и содержащій въ себѣ три выпуска, есть не что иное, какъ отдѣльно-отпечатанные листки перевода первыхъ частей этого романа, помѣщеннаго въ одномъ изъ русскихъ журналовъ нынѣшняго года. Переводъ этотъ нѣсколько сокращенъ, но въ отношеніи къ языку хорошъ. — Чтo за роскошь! одинъ и тотъ же романъ въ нѣсколькихъ переводахъ! Это не роскошь, а соревнованіе, конкуренція, которая, впрочемъ, должна принести успѣхъ дѣлу не пользу, а вредъ. У насъ обыкновенно куда одинъ, туда и всѣ, за что одинъ, за то и всѣ, какъ будто выгода всѣхъ заключается только въ томъ, что придумалъ одинъ для своей выгоды. Неужели теперь во Франціи только и романовъ, что *Монте-Кристо*, да *Три Мушкетера*?.. (*)

387) Объ Отношеніяхъ Новгородца къ Великимъ Князямъ. Историческое изслѣдованіе. С. Соловьева. Москва. Въ университетской тип. 1875. Въ 8-ю д. л. 202 стр.

Нынѣшній годъ какъ-то особенно богаты историко-юридическими изслѣдованіями о русской старинѣ. Вышла новая книжкѣ «Отеч. Зап.», говорящая о Сибирскомъ Сборникѣ, мы упомянули о весьма-замѣчательной статьѣ Валусева: о мѣстностяхъ. Предыдущія рецензіи не позволили намъ войти въ подробнѣйшій разборъ этой статьи, что она безспорно заслуживала. Не прошло полугода, и вотъ выходитъ новая

(*) Издатель *Карманной Библіотеки* нынѣ объявляетъ слѣдующее: «Великій, въ числѣ своихъ знакомыхъ соберетъ двенадцать подписчиковъ и доставитъ сумму подписныхъ денегъ прямо къ издателю, тотъ получаетъ тринадцатый экземпляръ даромъ, и всѣ томы будутъ доставлены къ нему по мѣрѣ выхода и miễnно.»

весьма-замѣчательное сочиненіе г. Соловьева объ одной изъ самыхъ сбивчивыхъ, запутанныхъ эпохъ и сторонъ древней русской исторіи. Скажутъ: два сочиненія въ полгода — немного. Можетъ-быть, если мѣрять нашу историческую и юридическую литературу на аршинъ европейскій. Но у насъ, у насъ два сочиненія, да еще такіа существенныя, въ полгода — огромное богатство!

Г. Соловьевъ — молодой ученый, недавно-вступившій на кафедру русской исторіи въ Московскомъ-Университетѣ. Его сочиненія — диссертация на степень магистра. Главная ея задача, какъ видно изъ заглавія, опредѣлить, въ какихъ отношеніяхъ находился Новгородъ къ великимъ князьямъ древней Россіи, отъ такъ-называемаго начала русской исторіи, до окончательнаго покоренія Новгорода Іоанномъ III въ 1477 году. Эта задача рѣшена прекрасно. Г. Соловьевъ не удовольствовался общими мѣстами и цустыми разсужденіями, а раскрылъ лѣтописи, тщательно свѣрилъ ихъ (въ чемъ можно удостовѣриться, взглянувъ на примѣчанія, приложенныя въ концѣ книги), внимъ очень-подробно въ отношенія князей и княжескихъ линий рюрикава дома, какъ между собою, такъ и къ Новгороду, и изложилъ эти отношенія исторически, слѣдя изъ года въ годъ за однообразными, скучными перемѣнами князей въ Новгородѣ в борьбой князей, когда она могла пояснить новгородскія событія. Одна эта чисто-историческая, или лучше, фактическая часть диссертаци — большая заслуга автора. Пора же наконецъ видѣть событія старой Руса, разсказанныя или просто, или критически, но безъ вычуръ, безъ литературныхъ прикрасъ, какими испещрена «Исторія» Карамзина. Въ томъ видѣ, какъ изложилъ ихъ г. Соловьевъ, эти событія могутъ прямо войти въ любой прагматическій курсъ русской исторіи.

По изслѣдованіямъ г. Соловьева, Новгородцы, съ-тѣхъ-поръ, какъ Олегъ съ варяжскою дружиною удался въ Кі-

евъ, постоянно признавали своихъ князей старшаго въ родѣ Ярослава и обыкновенно княжившаго въ Кіевѣ; они подчинялись ему вполне, принимали отъ него князей и посадниковъ, платили дань, давали войско, подлежали его суду и наказанію наравнѣ съ другими подданными. Но съ XII вѣка эти отношенія начали измѣняться. Новгородцы неохотно принимаютъ во второй разъ Всеволода Мстиславича, внука Мономахова. Власть вѣча высказывается. Этотъ князь, по мнѣнію г. Соловьева, принимается въ Новгородѣ съ условіями, ограниченіями, которыя могли послужить основаніемъ для послѣдующихъ ограниченій княжеской власти, содержащихся въ извѣстныхъ новгородскихъ договорныхъ грамотахъ (онѣ не восходятъ ранѣе половины XIII вѣка). Съ этого времени, Новгородъ начинаетъ избирать себѣ князей, посадниковъ, тысяцкихъ (иѣсколько возже-владыкъ). Избираетъ онъ въ князья, до усилія Сѣверовосточной-Россіи, сильнѣйшихъ русскихъ князей, какими были, особливо сначала, князья кievскіе. Когда было нѣсколько сильныхъ князей, враждовавшихъ между собою, Новгородцы избирали такого, который былъ нейтраленъ и не навлекалъ гнѣва или неброжелательства борющихся на Новгородѣ. Наконецъ выступаетъ на поприще историческаго дѣйствованія Сѣверовосточная - Россія. Переходы князей изъ города въ городъ кончились. Начали усиливаться княженія. Новгородъ, предчувствуя, что ему не сохранить своей вольности, если одно изъ княженій рѣшительно усилится надъ другими, поддерживалъ всегда слабѣйшія княженія противъ сильнѣйшихъ: Москву противъ Твери, Нижній-Новгородъ противъ Москвы. Когда же Москва возвысилась надъ всѣми другими княженіями, Новгородъ прибѣгнулъ къ послѣднему, отчаянному средству, чтобъ спасти свою вольность: онъ избралъ князя литовскаго. Но это избраніе не спасло его. Старый порядокъ вещей, котораго Новгородъ былъ послѣднимъ представителемъ въ Россіи,

долженъ былъ уступить новому. Новгородъ былъ покоренъ Иоанномъ III.

Въ такомъ видѣ представляются отношенія Новгорода къ князьямъ и областямъ древней Россіи. Внутренніи отношенія новгородскихъ князей къ самому Новгороду равнымъ образомъ изслѣдованы авторомъ. Изъ его изслѣдованій открывается, что съ того времени, какъ Новгородъ началъ избирать своихъ князей, онъ ограничилъ власть ихъ; но эти ограниченія не были постоянныя. Были времена въ Новгородѣ князья, которые правили имъ неограниченно - на всей волѣ своей, какъ прежде князья кievскіе, и потомъ, послѣ 1477 года, цари московскіе. Обыкновенно же князья управляли Новгородомъ - на всей волѣ его. Это значило, что князь подчинялся всѣмъ условіямъ, которыя предписывали ему Новгородецъ. Эти условія ограничивали его власть въ отношеніи къ суду, управленію и доходамъ. Но власть князя и власть вѣча были совершенно равныя и существовали чрезъ всю новгородскую исторію одна подлѣ другой, не смотря на свою противоположность.

«Князь призывается для установленія порядка внутренняго, какъ судья, миротворецъ. Но если князь былъ необходимъ въ Новгородѣ болѣе въ качествѣ судьи, нежели полководца; то ясно, каковыя обязанности должны были границы его сулной власти. Если князь призывался какъ посредникъ, на судъ котораго всѣ стороны должны были податься: то очевидно, что надъ судомъ князя не могло быть никакого другаго верховнаго суда; князь могъ быть не доволенъ, если онъ судилъ пристрастно, если онъ вмѣсто того, чтобы умирить стороны, еще болѣе усиливалъ раздоръ, князь могъ изгнать за это при возможности, но не могъ подчинить его судъ суду высшему, ибо тогда уничтожилось бы все значеніе князя, исчезла бы его необходимость. Вотъ причина, почему князь въ Новгородѣ является судьею вѣховнымъ, не признающимъ надъ собою никакого высшаго суда. Князь, призванный въ качествѣ судьи, посредника, исключалъ собственно судную власть вѣча, но граждане не могли по-

нимать идеи исключительнаго представительства, которую мы соединяемъ съ идеею властителя, и потому вѣче не оказалось отъ правъ своихъ рѣшать судьбу города во всѣхъ важныхъ случаяхъ; оно смотрѣло на князя какъ на лице необходимое, какъ на посредника, должнствующаго постоянно присутствовать среди гражданъ, чтило въ немъ это достоинство, никогда не думало подчинять его себѣ, дѣлать изъ него своего чиновника, но между тѣмъ само не подчинялось ему, городъ оставался по прежнему государемъ самовластительнымъ, а князь является подлѣ него также какъ владѣтель независимый, избранный для посредничества и военачальства. Это странное двойственное, составленіе власти княжеской и власти вѣча другъ подлѣ друга на правахъ равныхъ, выражаются повсюду; повсюду подлѣ князя является Великій Новгородъ. По ясно, что такое составленіе двухъ властей, такая неопредѣленность ихъ отношеній вызывала постоянное столкновение: князь, въ качествѣ верховнаго судьи, смотрѣлъ на каждое самоуправство вѣча какъ на мятежъ, на похищеніе правъ своихъ; съ другой стороны, граждане смотрѣли на князя, какъ на посторонняго посредника, и не понимали, что должны отказаться отъ права любить добрыхъ и казнить злыхъ. Когда князь, оскорбленный своею властью вѣча, изъяснялъ свой гнѣвъ и приказывалъ наѣстнику своему удалиться, то граждане съ удивленіемъ спрашивали: «за что гнѣбается князь, развѣ мы его оскорбили? вѣдь мы князю дали свою братью». Такой порокъ вещей, такая неопредѣленность въ отношеніяхъ между двумя сопоставленными властями, могли существовать только въ началѣ, ибо съ теченіемъ времени постоянна столкновения вызывали необходимо борьбу, причѣмъ отношенія должны были опредѣляться въ пользу той или другой власти; но что же мы должны заключить, когда по прошествіи вѣсколькихъ столѣтій находимъ въ Новгородѣ первоначальный порядокъ вещей, первоначальную неопредѣленность? Мы должны заключить, что объ власти были задержаны въ своемъ развитіи: власть вѣча не могла развиваться далѣе извѣстнаго предѣла; призванъ на помощь власть чуждую, власть княжескую, вѣче тѣмъ самымъ показало, что оно не заключаетъ въ самомъ себѣ необходимыхъ условій для достиженія об-

щественной пѣли; правда, ослабленіе власти княжеской даю вѣчу возможность смѣнять князя, предписывать ему извѣстные условія; но смѣнять одного князя, вѣче немедленно призывало другаго и тѣмъ самымъ показывало необходимость послѣдняго и собственную недостаточность; слѣдовательно, князь былъ необходимъ не какъ чиновникъ, подчиненный вѣчу, но какъ верховный судья и посредникъ независимый; на это значеніе князя вѣче не могло посягнуть: воть предѣлъ, даѣе котораго власть его не могла усиливаться; воть почему князь сохранилъ постоянно характеръ судьи верховнаго и независимаго. Но если князь былъ призываемъ какъ лице необходимое для народа, для мира внутренняго, то откуда пронстаетъ явленіе, что князь не пользуется выгодою своего положенія, необходимою, которую городъ въ немъ участвовалъ, а вмѣсто того, чтобы предлагать самому условія, принимаетъ ихъ отъ вѣча? Это явленіе пронстаетъ отъ того, что выгода, бывшая на сторонѣ князя, какъ лица необходимаго, перевѣшивалась на сторонѣ вѣча возможностью избирать изъ многихъ князей, мѣнять ихъ по произволу. Слѣдовательно воть причина ослабленія власти княжеской; воть почему князь такъ долго не могъ опредѣлять своихъ отношеній къ вѣчу, въ свою пользу, позволялъ послѣднему существовать подлѣ себя на правахъ равныхъ. »

Вотъ главные результаты изслѣдованій объ отношеніи Новгорода къ великимъ князьямъ. Еслибъ г. Соловьевъ ограничился однимъ этимъ, мы и тогда сказали бы ему спасибо за многія новыя и дѣльныя замѣчанія, за прекрасное изложеніе, за строго-фактическій расказъ исторіи новгородскихъ князей, и за добросовѣстное рѣшеніе вопроса, основанное на тщательномъ изученіи источниковъ.

Но г. Соловьевъ сдѣлалъ гораздо-болѣе. По поводу внутренняго устройства Новгорода и его отношеній къ князьямъ, онъ высказалъ совершенно-новый, замѣчательно - оригинальный взглядъ на весь періодъ удѣловъ. По его мнѣнію, всѣ древнѣйшіе города Россіи, подобно Новгороду, имѣли вѣ-

чевое управленіе. Въ нихъ господствовало народовластіе, разбившееся на первоначальнаго, родоваго быта русскихъ Славявъ. Это вѣчевое управленіе долго удержалось въ Югозападной-Россіи, въ-слѣдствіе особенныхъ историческихъ обстоятельствъ.

«Общность, нераздѣльность владѣнія одного рода (княжескаго Рюрикова) всею (русскою) землею, съ правомъ старшихъ на лучшіе удѣлы, условливало постоянное движеніе, перемѣщеніе князей изъ одной области въ другую, изъ одного города въ другой. Если бы эти перемѣщенія слѣдовали постоянно порядку старшинства, если бы они были подчинены постоянно одному всѣми равно признаваемому закону, то это отстранило бы всякія враждебныя столкновенія между князьями, и постоянство ихъ взаимныхъ родовыхъ отношеній дало бы имъ возможность сообщить постоянство и своимъ отношеніямъ къ народонаселенію управляемому. Но стремленіе нѣкоторыхъ лицъ исключить другія изъ права необходимо вызывало со стороны послѣднихъ стремленіе поддержать его, слѣдствиемъ чего были междоусобія. Какъ скоро смѣна князей перестала подчиняться одному общ-принятому закону старшинства, какъ скоро получили мѣсто частныя изъ него исключенія въ пользу достойнѣйшаго, сильнѣйшаго или болѣе сиблаго, то города не могли долго оставаться праздными въ этой борьбѣ, гдѣ дѣло шло объ ихъ судьбѣ или, по-крайней-мѣрѣ, объ ихъ потеряхъ или выгодахъ; какъ скоро послѣдовало нарушеніе права всѣмъ извѣстнаго и всѣми принятаго, то слѣдъ открылось обширное поприще продолжать нарушеніе права, силу же должно было употреблять и для поддержанія права: при такомъ господствѣ силы, сила герцога народоваселенія, способная дать перевѣсъ той или другой сторонѣ, не могла остаться безъ важнаго значенія; борющіеся за свои права князья начали стараться пріобрѣтать эту силу; начали стараться пріобрѣтать приверженность жителей тѣхъ городовъ, владѣнія которыхъ добивались; но за эту приверженность они должны были необходимо давать нѣкоторое вознагражденіе, т. е. шестушиться нѣкоторыми правами своими въ пользу гражданъ. Раздѣленіе, расир-во семей-

ствѣ князей, въ родѣ правителей, должны были необходимо отражаться въ раздѣленіяхъ и расширѣхъ городского народонаселенія; безпрерывная смѣна правителей, частое ихъ отсутствіе, заставляли гражданъ находиться въ постоянномъ движеніи, принимать дѣятельное участіе въ дѣлахъ правленія, что поддерживало древнія формы вѣчеваго народовластія.»

Въ слѣдствіе этого участія гражданъ въ правленіи, власть князей въ Югозападной-Россіи была часто ограничиваемая договорами между ними и городами (точно такъ же, какъ въ Новгородѣ):

«Лѣтописецъ говоритъ, что не только Ольговичи, но и Мономаховичи заключали ряды съ гражданами кievскими. Такимъ образомъ безпрерывное давленіе, безпрерывная смѣна князей въ слѣдствіе родовыхъ отношеній воспринятовали развитію княжеской власти въ старыхъ городахъ, привыкшихъ къ вѣчевому народовластію, и дали даже имъ возможность опредѣлять иногда свои отношенія къ князьямъ въ свою пользу. Еще сильнѣе, чѣмъ въ Киевѣ, является власть вѣча въ другихъ старыхъ городахъ: возможность выбора между многими враждебными князьями дала имъ возможность смѣнять ихъ безнаказанно: такъ этою возможностью пользуются жители Смоленска и Подолека; однимъ словомъ, во все продолженіе такъ-называемаго удѣльнаго періода, въ старыхъ городахъ власть князя и власть вѣча находится другъ подлѣ друга въ неопредѣленныхъ отношеніяхъ, и вѣче является у лѣтописца принадлежностію всѣхъ городовъ старыхъ, при чемъ Новгородъ причисляется къ послѣднимъ безо всякаго особаго отличія.»

Но подлѣ старыхъ городовъ явились въ послѣдствіи новые города, «пригороды», которые не имѣли самостоятельности старыхъ и въ которыхъ, по тому, князья владычествовали неограниченно.

«Но подлѣ этихъ городовъ, изъ которыхъ многіе существовали еще гораздо прежде прихода князей варяжскихъ, и привнесши къ вѣчевому народовластію, основалось въ послѣдствіи множество другихъ, новыхъ. Семейныя славянскія понятія, сдерживавшіяся на отношеніяхъ князей,

отразились также и на отношеніяхъ городовъ, въ слѣдствіе чего города монополюстроеные вошли къ древицамъ въ отношеніе младшихъ къ старшимъ, т. е. должны были находиться въ волѣ послѣднихъ; отсюда младшіе города, или пригороды не имѣли самостоятельнаго быта и во всемъ зависѣли отъ рѣшенія старшихъ, которые для ихъ управленія посылали своего посадника или тиуна; эта совершенная зависимость выражается въ лѣтописи такъ: «на чѣмъ старшіе положить, на томъ и пригороды стануть». Ясно, что въ этихъ младшихъ городахъ, не имѣвшихъ самостоятельности, привыкшихъ неавдноваться вѣчевымъ приговорамъ старшихъ, княжеская власть могла развиться гораздо свободнѣе; ясно, что въ этихъ-то городахъ долженъ былъ родиться новый порядокъ вещей, должно было произтечь самодержавіе.»

Неограниченная власть князей не могла возникнуть въ Югозападной-Россіи; она возникаетъ въ Сѣверо-восточной.

«Но этотъ новый порядокъ вещей, изъ городовъ новыхъ не могъ произойти на югѣ, ибо здѣсь старыхъ городовъ было такъ много, что они могли пересилить вліяніе младшихъ; въ старыхъ городахъ старшіе князья утвердили свои столы, и тѣмъ сообщили имъ вѣсть и знаменитость; съ распространеніемъ членовъ княжескаго семейства, новые города начали отдаваться въ младшіе удѣлы младшимъ членамъ; приобрѣтши чрезъ это независимость отъ старшихъ, они не могли не слѣдовать ихъ близкому примѣру, ибо вступали въ подобныя же отношенія къ своимъ князьямъ; эти князья, при своей неослѣлости, ждали только случая покнупуть младшій удѣлъ для старшаго, и не имѣли ни времени, ни охоты пользоваться выгоднымъ положеніемъ своимъ въ новыхъ городахъ. Не такъ было на сѣверѣ. Въ обширной области, граничащей съ одной стороны съ областями, принадлежавшими изгнанной линіи Ольговичей, а съ другой соприкасавшейся съ владѣніями Великаго Новгорода, въ этой суровой и почти дикой странѣ, возвышался только одинъ древній городъ, упоминаемый лѣтописцемъ еще до прихода Варяговъ: это былъ Ростовъ-Великій, отъ котораго вся окружающая страна получила названіе Земли Рос-

тевской. Былини удѣломъ съ Бориса, отдаленный Ростовъ, во время размыки дѣтей Ярославыхъ, утратилъ свое мѣсто между старшими удѣлами и причисленъ былъ къ Области Переяславской, удѣлу Всеволоду. Скоро начали возникать около него города новые: сынъ Мономаха, Юрій, особенно прославляя себя, какъ строитель неутомимый. Такимъ образомъ ростовская область наполнялась городами младшими, среди которыхъ возвышались одиночій Ростовъ. Такое преобладаніе младшихъ городовъ не могло оставаться безъ послѣдствій, особенно если обратить вниманіе на то, что всѣ они были построены и населены князьями; получая отъ князя свое бытіе, они необходимо считали себя его собственностію. Такимъ образомъ на сѣверѣ, въ Области Ростовской, вокругъ старыхъ вѣчниковъ, князь создавалъ себѣ особый миръ городовъ, гдѣ былъ властелиномъ неограниченнымъ, хозяиномъ полновластиямъ. Развитію этого полновластия въ области ростовской благоприятствовали еще другія обстоятельства: какъ прежде стремленіе князей варажскихъ съ дружинами было направлено на югъ, къ Византіи, и области вышней Россіи были для нихъ только путемъ (восточнымъ—греческимъ), а города ея мѣстомъ остановки; такъ въ послѣдствіи это стремленіе не переѣкнуло своего направленія на югъ, но получило уже другую цѣль, другую Византію — то былъ Кіевъ, старшій и богатѣйшій изъ городовъ русскихъ, владѣніе которымъ давало старшинство между братьевъ; около него толпились которующіеся князья; города имѣли знаменитость и привлекательность по мѣрѣ отдаленія отъ Кіева; домогались: Переяславля или Владиміра-Воынского, Вышгорода или Бѣлгорода, не любили дальняго Новгорода, презирали еще болѣе отдаленный Ростовомъ, въ странѣ бѣдой и дикой. Отсюда Область Ростовская считалась мѣстомъ изгнанія, удѣломъ самымъ младшимъ. Мономахъ отдавалъ ее младшему изъ сыновей Юрію. Послѣдній раздѣлялъ общую всему княжескому роду привязанность къ югу, Кіеву и землѣ русской, и считалъ себя отлученнымъ изгнанникомъ на сѣверѣ..... Не такъ уже думалъ сынъ его Андрей Рожденный в воспитанный въ помѣстьяхъ ства, въ городахъ, имъ основанныхъ, Андрей любилъ сѣверъ какъ родину, и еще болѣе любилъ новые города за ихъ при-

верженность къ потопству основателя, за ихъ повиновеніе безпрекословное... Все это заставило его, вопреки волѣ отцовской, удалиться въ наследственную область; Юрію завѣщавъ ее самымъ младшимъ сыновьямъ; но Ростовцы замѣнили клятвѣ, данной старому князю, и охотно приняли Андрея, спасаясь тѣмъ отъ позора быть всегда достоинствомъ самымъ младшихъ въ родѣ. Но они ошиблись въ своемъ расчетѣ: на сѣверѣ пробилъ часъ для господства старыхъ городовъ и старыхъ формъ, господство младшихъ городовъ и новаго порядка вещей начиналось. Андрей, прибывъ на сѣверъ, утвердилъ свое пребываніе не въ Ростовѣ, и даже не въ Суздаль, но въ городахъ новыхъ, Владиміръ и Боголюбовѣ, предпочитая второй, какъ новѣйшій. Здѣсь, окруженный преданностію и покорностію новаго народонаселенія, Андрей принимаетъ характеръ самодержца. Бывъ на югѣ самымъ безстрашнымъ изъ бойцевъ, даже въ героической семьѣ Мономаховичей, на сѣверѣ Андрей сложилъ съ себя характеръ полководца, деселѣ господствовавшій въ князьяхъ, и принялъ характеръ правителя: онъ уже не ходилъ болѣе самъ на войну, но посылалъ сыновей и воеводъ, вѣдѣнствіе чего и дружина, сонмъ храбрыхъ, безотлучныхъ товарищей, друзей храброго князя, имѣли свой воинскій характеръ и стала дворомъ. Однимъ словомъ, въ областяхъ Андрея все принимаетъ совершенно другой видъ, чѣмъ на югѣ, все принимаетъ характеръ сѣвѣности, прочности, постоянства. Мы видѣли, что этотъ новый характеръ произошелъ изъ природы новыхъ городовъ, господствовавшихъ по числу своему на сѣверѣ, изъ природы ихъ отношеній къ князю; мы видѣли, что эти города, по своему происхожденію, смотрѣли на князя, какъ на господина полновластнаго, и князь смотрѣлъ на нихъ, какъ на собственность неотъемлемую; отсюда понятіе собственности, неотъемлемости, отдаленности владѣнія, переходящаго изъ рода въ родъ по волѣ князя-владѣльца, имѣющаго право располагать имъ, начинается господствовать на сѣверѣ въ противоположность господствующему на югѣ понятію общности, нераздѣльности владѣнія; на сѣверѣ является въ первый разъ замѣненіе, знакъ, что князь завѣщающій имѣетъ собственность, которой можетъ располагать произвольно, чего не могло быть на югѣ, гдѣ

великій князь не имѣлъ ничего, собственнаго ему принадлежащаго; вся страна была къ общему владѣнію рода, и при каждой смѣнѣ великій князь новый, какъ старшій въ родѣ, дѣлилъ рядъ съ младшему братуею, чѣмъ кому владѣть, или вѣриче сказать, чѣмъ кому кормиться. Пусть на сѣверѣ повторятся тѣ же самыя явленія, что на югѣ; пусть Ростовская Область раздробится, и великое княженіе, съ стольнымъ городомъ Владиміромъ, будетъ переходить къ старшему въ родѣ; въ самомъ способѣ дѣленія лежитъ уже другое начало, которое необходимо повлечетъ за собою другія явленія. Здѣсь членъ княжескаго семейства, получивъ удѣлъ, смотритъ на него, какъ на собственность неотъемлемую; пусть получить онъ великое княженіе, онъ не поѣдетъ жить въ стольный городъ, но остается въ своемъ родномъ отчинномъ городѣ, въ своемъ наследственномъ удѣлѣ, гдѣ онъ всѣхъ знаетъ и всѣ его знаютъ, и всѣ къ нему привержены; при смерти онъ опять раздробитъ этотъ удѣлъ между сыновьями; но это раздробленіе будетъ носить тотъ же самый характеръ: каждый князь будетъ отдѣльнымъ владѣльцемъ въ своемъ удѣлѣ и не перемѣнитъ его ни на какой другой; на немъ сосредоточитъ всѣ свои попеченія, его будутъ уважать, его увеличивать; но какъ можетъ произойти это увеличеніе? На югѣ великій князь, по праву старшаго, по праву отца, могъ наказывать облужнаго князя отнятіемъ у него удѣла; тотчасъ отдавалъ отнятый городъ другому князю, сыну или племяннику, и при новомъ рядѣ между князьями этотъ городъ могъ перейти совершенно въ другую линию, и потому здѣсь отнятіемъ удѣловъ, отпаденіемъ князей одинъ родъ исключать другой, но область одного княжества не увеличивалась на счетъ другого. Совершенно другое явленіе видимъ мы на сѣверѣ. Здѣсь собственностію господствуетъ надъ родовыми отношеніями; каждый князь смотритъ на себя, какъ на отдѣльнаго владѣльца известной области, а не какъ уже на члена известнаго рода, известной линіи; отсюда родственная связь слабеетъ, а послѣдъ и совершенно рунится; великій князь отнимаетъ какой-нибудь удѣлъ, и тотчасъ присоединяетъ его къ своему наследственному удѣлу, называетъ это своимъ промысломъ, прибыткомъ и не дѣлится съ родомъ, съ братьями; отсюда открывается свободный путь увели-

ченію одного княжества на счетъ другого, сильнѣйшаго на счетъ слабого. На югѣ великій князь былъ силенъ только своимъ нравственнымъ вліяніемъ, какъ старшій въ родѣ, политическаго же смысла не имѣлъ никакой, особенно послѣдствіи, когда удѣлъ великокняжескій ограничивался почти однимъ Кіевомъ; на сѣверѣ, наоборотъ, великій князь былъ несходимо сильнѣе всѣхъ прочихъ, ибо по раздробленію Ростовской Области на отдѣльные удѣлы, владѣлецъ одного изъ нихъ, становясь великимъ княземъ, не отчуждалъ своего прежняго наследственнаго удѣла; слѣдовательно къ удѣлу, развѣвшему его въ силѣ съ остальными князьями, онъ присоединялъ еще область великаго княженія, никогда не дробившуюся, и такимъ образомъ увеличивалъ свою силу, не въ примѣръ предъ остальными князьями. Отсюда необходимое слѣдствіе: если какимъ-нибудь случаемъ великокняжеское достоинство будетъ нѣсколько разъ среди доставаться князьямъ одного и того же удѣла, то эти князья, пользуясь своею силою, необходимо поработаютъ всѣхъ прочихъ и станутъ единоначальниками: такъ точно и поступили московскіе князья. Притомъ обычай сѣверныхъ князей, при полученіи великокняжескаго достоинства оставаться въ отчинномъ городѣ, повлекъ къ раздѣленію на многія великія княжества, слѣдовательно къ совершенному разрушенію единства рода Ярославова и Мономахова, къ совершенному ослабленію родственныхъ отношеній. Прежде единство княжеской семьи поддерживалось однимъ великимъ княземъ, однимъ общимъ патріархомъ, въ которомъ всѣ остальные князья читали отца. Боголюбскій, овладѣвъ Кіевомъ, не поѣхалъ туда и остался во Владимірѣ Клязьменскомъ; Кіевъ въ глазахъ всѣхъ князей и всѣхъ Русскихъ не могъ утратить своего прежняго величія, прежняго достоинства, какъ старѣйшій городъ въ русской землѣ; его князья, особенно умѣвшіе поддержать свое достоинство, какъ наприм. Святославъ Всеволодовичъ, назывались также великими князьями; съ другой стороны, Владиміръ, разъ ставши стольнымъ великокняжескимъ городомъ, не утратилъ этого значенія, и князья его продолжали именоваться великими: такимъ образомъ съ появленіемъ двухъ великихъ князей единство потомства Ярославова рунулось, Россія раздѣлилась на

дѣй части, княжеская семья на два особые рода, съ двумя старшинами, двумя патриархами; то же явленіе повторилось въ Сѣверной Руси, когда тверской князь, ставши великимъ, остался въ Твери, московскій въ Москвѣ: Тверь и Москва стали великими княженіями, Рязань и Нижній Новгородъ послѣдовали ихъ примѣру, явилось нѣсколько особыхъ родовъ княжескихъ, особыхъ государствъ, независимыхъ и враждебныхъ другъ другу; князья были уже не братья, не дѣти одного отца, но владычцы-соперники; сила получила право прекратить борьбу, соперничество въ свою пользу, и Москва воспользовалась этимъ правомъ. Тамъ для собранія Земли Русской въ одно могущественное цѣлое, для сообщенія ей единства государственнаго, необходимо было раздѣленіе областей, ослабленіе родственныхъ связей въ истомствѣ Ярославя, отчужденіе родовъ въ ливніи княжескихъ другъ отъ друга. Это могло произойти только тогда, когда повятія собственности, наследственности владѣнія, начали господствовать надъ понятіями семейными, когда родовыя отношенія князей между собою заимались отношеніями цѣль, какъ правителей, къ своимъ подданнымъ, когда земля, область, городъ, привязали къ себѣ князья тѣсными узами собственности, сдѣлали его осѣлымъ. Эта осѣлость князей, начавшаяся на Сѣверѣ, въ Области Ростовской, оканчивается такъ-называемый періодъ удѣльной, періодъ, характеризующійся господствомъ родовыхъ отношеній. Андрей Боголюбскій, оставшись во Владимірѣ, и по признаніи себя старшимъ въ родѣ или великимъ княземъ, начинаетъ новый періодъ, періодъ борьбы между старымъ порядкомъ вещей и новымъ. Началю этой борьбы обозначилось борьбою старыхъ городовъ съ новыми, а именно: Ростова-Великаго съ Владиміромъ Калышнелскимъ; окончательное торжество новаго порядка вещей надъ старымъ обозначилось борьбою Новгорода съ Москвою и торжествомъ послѣдней.

Кто хоть сколько-нибудь знакомъ съ нашими источниками, знаетъ взгляды, или, лучше, отсутствіе всякихъ взглядовъ на древнюю русскую исторію, тотъ, конечно, оцѣнитъ мысль г. Соловьева. Не говоря уже о томъ, что въ ней много поразительно вѣрнаго, остроумно-подмѣченнаго; она потому

заслуживаетъ особеннаго вниманія, что представляетъ первую серьезную попытку понять и объяснить постепенное развитіе древней русской жизни. Этого до г. Соловьева никто еще не дѣлалъ, по крайней-мѣрѣ печатно, не исключая самого Карамзина. «Исторія» Карамзина принадлежитъ болѣе къ изящной, чѣмъ къ исторической литературѣ (кромѣ примѣчаній, которыя представляютъ богатое собраніе матеріаловъ и источниковъ). Карамзинъ обращалъ болѣе вниманія на внѣшнія событія, чѣмъ на внутреннія. Онъ мало понималъ послѣдовательное, внутреннее развитіе русской жизни: это видно изъ его обзорной эпохъ русской исторіи, изъ взгляда на царствованіе Іоанна-Грознаго, — словомъ, вездѣ, гдѣ онъ говоритъ о внутреннихъ событіяхъ. Конечно, въ «Исторіи» Карамзина встрѣчаются намѣки на мысль, которую развили г. Соловьевъ въ своей диссертациі; но имъ сѣва ли можно придавать какую-нибудь важность. Карамзинъ обладалъ огромнымъ знаніемъ источниковъ древней русской исторіи: еслибъ онъ нарочно гналъ отъ себя мысли — какъ дѣлаютъ нѣкоторые наслѣдователи — онъ навязывались бы ему невольно. Дѣло состоитъ въ томъ, что Карамзинъ не искалъ въ фактахъ мысли, не останавливался надъ ними, не прослѣдилъ ихъ развитія въ исторіи, какъ г. Соловьевъ, а передавалъ ихъ отрывочно, безсвязно, какъ онъ высказывался въ фактахъ. Конечно, нельзя ставить это въ вину исторіографу: онъ имѣлъ другую цѣль, другое призваніе. В время было другое. Но нельзя же опять не сказать, что это было такъ — *Amicus Plato, sed magis amica veritas*. Карамзинъ не глубоко смотрѣлъ на исторію. Это и даетъ намъ право назвать взглядъ г. Соловьева вполне-новымъ, оригинальнымъ и самостоятельнымъ, хотя на него и есть намѣки въ «Исторіи» Карамзина.

Что же касается до нашей историко-юридической литературы послѣ Карамзина, то врядъ-ли можно упрек-

нуть ее въ особенномъ обилии взглядовъ на древнюю русскую исторію. Лучшая ея часть посвящена собранію и обнародованію источниковъ, или ихъ критическому изданію. Самую незначительную, по объему, составляютъ чисто-фактическія, спеціальныя разысканія; изъ нихъ бдльшая часть направлена на предметы любопытства, роскоши, а не первостепенно-важные, существенныя. Затѣмъ остается нѣсколько журнальныхъ статей, въ которыхъ мѣстами и встрѣчается что-то похожее на общіе взгляды. Но что это за взгляды! Тяжело сознается, а они доказываютъ, что въ дѣлѣ исторіи мы еще юноши, что въ насъ историческій смыслъ слабъ и далеко не развитъ. вмѣсто того, чтобъ высказывать необходимый законъ, по которому совершалась древняя русская исторія — законъ, выразившійся въ историческихъ событіяхъ, — эти взгляды высказываютъ только любимую мысль автора, почерпнутую Богъ-знаетъ откуда, можетъ-быть изъ вольнаго воображенія, только навѣрное не изъ фактовъ. Напротивъ, эту мысль насильно вставляютъ въ факты! Какая нужда, что, при такой операціи, факты, не поддающіеся любимой мысли, оставляются въ тѣни, поддающіеся, да плохо, искажаются, а въ цѣлой системѣ фактовъ не имѣющіе никакого значенія поставляются на первомъ планѣ? Для незнающихъ взглядъ сталъ правдоподобенъ: чего жъ больше? Такой *романтизмъ*, господствующій въ современныхъ историческихъ изслѣдованіяхъ, и лозунги котораго почти всегда мысли самыя недѣйствительныя, неисторическія, преимущество *Руси* передъ *Россією* и словенскаго міра передъ романо-германскимъ — такой романтизмъ, говоримъ мы, свидѣтельствуетъ только, что до истинной, дѣйствительной исторической науки намъ еще очень, очень-далеко. Странное дѣло! Не имѣя никакой исторической основы, блуждая въ мечтаніяхъ и отвлеченныхъ мысляхъ, этотъ романтизмъ воображаетъ, что онъ-то и есть истинное историче-

ское направленіе. Спросите его защитниковъ—они смѣло вамъ отвѣтятъ, что, кромѣ фактовъ, они ничему не вѣрятъ, что взглядовъ и теорій русской исторіи, особенно древней, они терять не могутъ, потому-что эти взгляды, исполните видѣть, теперь еще преждевременны, факты мало извѣстны, и мысль заражена европейской наукой. Вы спросите: да какъ же все это клеветы? Не вздумывайтесь слишкомъ-глубоко: они и васъ и себя обманываютъ! Пока, по малозвѣстности фактовъ и совершенному отсутствію историческаго смысла, отвлеченнымъ взглядамъ и теоріямъ было раздолье, историческій романтизмъ высказывался прямо и смѣло. Тогда онъ имѣлъ и задумешную мысль, и былъ добросовѣстенъ и—отдадимъ ему справедливость — имѣлъ свое, правда, временное, преходящее, но все же хоть какое-нибудь значеніе. Теперь не то. Теперь и исторія двинулась впередъ, и историческаго смысла въ насъ прибавилось, и факты древней русской исторіи стали извѣстнѣе, доступнѣе. Историческому романтизму стало и тѣсно и какъ-то неловко, какъ русской старинѣ, которой онъ былъ поборникомъ. Онъ и самъ это сознавалъ; но что жъ было ему дѣлать? Отказаться отъ самого-себя? На это у него не достало ни силъ, ни мужества, какъ у всякаго старика, пережившаго свой вѣкъ. Въ сознаніи своего бескислія, историческій романтизмъ прикинулся ультра-историческимъ направленіемъ: вѣдь нужно же было, когда все кругомъ измѣнилось, придать благовидный предлогъ своему существованію. Вѣкъ пересталъ вѣрить въ призраки воображенія, въ отвлеченныя взгляды; онъ сталъ серьезенъ, сталъ требовать на все доказательствъ, фактовъ: романтизмъ спрятался за факты. Онъ не о томъ хлопоталъ, чтобъ новые взгляды на древнюю Русь, пачинавшіе появляться со всѣхъ сторонъ, получили историческое оправданіе, основу, —нѣтъ! факты, которыхъ онъ никогда не понималъ, онъ вздумалъ противупоставить мысли и историческимъ

заглядываешь, чтобы удержать их напоръ и снасти себя. Значеніе фактовъ было имъ унижено. Въ его рукахъ они обратились въ средства скрыты, оставивъ истину, а не унати ея. Многие сперва вѣрили. (Такъ мы доврчимъ!). Но мистификація была непродолжительна. Всё, наконецъ, поняли, въ чемъ дѣло, и романтизмъ палъ навсегда. Теперь онъ уже прошедшее, но быстрому развитію просвѣщенія въ наше время — давно прошедшее явленіе.

Возвратимся къ диссертациі г. Соловьева. Что мы особенно высоко цѣнимъ въ ся авторѣ, — это безусловную вѣру въ историческое развитіе, и потому совершенное отсутствіе всякихъ любимыхъ заднихъ-мыслей, насилующихъ факты, простой взглядъ на историческія событія и большой историческій смыслъ. Для г. Соловьева всё эпохи нашей древней исторіи равно интересны и важны; во всёхъ онъ ищетъ внутренняго значенія, необходимой связи и разумной постепенности, не вводя постороннихъ двигателей отъ своего лица. Эта трезвость мысли, которая, кромѣ того, что существуетъ въ дѣйствительности, ничего знать не хочетъ, — явленіе отрадное, особенно въ наше время, и особенно въ извѣдывательнѣ русскихъ древностей. Почти всё они повели насъ изучать не предметъ, а автора и его мысли — мысли почти-всегда старыя и забытыя, вовсе-неинтересныя, давно ужъ высказанныя и давно-опровергнутыя. Такія мысли находимъ даже мѣстами въ статьѣ г. Валуева о мѣстничествѣ, которая, безъ всякаго сомнѣнія, составляетъ эпоху въ нашей исторической литературѣ. Но скажемъ къ чести автора: его добросовѣстность такъ велика, знаніе предмета такъ глубоко, что его неисторическіе взгляды не вредятъ исторической истинѣ и стоятъ отдѣльно, какъ эпизоды, несколько не искажая фактовъ. Тѣмъ отраднѣе видѣть, что авторъ диссертациі объ отношеніи великихъ князей къ Новгороду совершенно свободенъ

отъ всякихъ неисторическихъ взглядовъ. Не забудемъ, что онъ занимаетъ кафедру русской исторіи въ одномъ изъ лучшихъ русскихъ университетовъ: его взглядъ, его манера невольно должны перейти къ его слушателямъ. Сверхъ того, его учное призваніе даетъ ему всё средства начать новую эпоху изученія русской исторіи. Ужъ давно бы пора наступить этой эпохѣ послѣ столькихъ предсказаній, совѣтовъ и наставленій, которыя такъ щедро давались молодымъ людямъ. Авось-либо г. Соловьевъ ими воспользуется!.

Какъ ни важно, ни существенно сочиненіе г. Соловьева, оно представляетъ, однако, стороны, съ которыми нельзя вполне согласиться. Не останавливаясь на мелочахъ, частныхъ недосмотрахъ, весьма-важныхъ, особенно у насъ, мы скажемъ только о главномъ — также добросовѣстно, отъ полнаго убѣжденія, какъ говорили о достоинствахъ диссертациі.

Г. Соловьевъ, какъ намъ кажется, не всегда доходитъ до послѣдней, основной причины историческихъ явленій. Иногда онъ останавливается на причинахъ второстепенныхъ, которыя дѣйствительно съ перваго взгляда какъ-будто совершенно удовлетворительны, особенно если разсматривать явленіе въ отдѣльности, но которыя недостаточны, если смотрѣть на него въ связи съ предыдущими и послѣдующими явленіями.

Замѣчаніе наше относится къ безспорно-новой, оригинальной и во многихъ отношеніяхъ вѣрной гипотезѣ о различіи старыхъ и новыхъ городовъ, которую г. Соловьевъ объясняетъ различный порядокъ вещей въ Югозападной и Сѣверовосточной-Россіи. Отъ чего старые города и ихъ бытъ исчезаютъ и на мѣсто ихъ появляются въ Россіи новые города и новый бытъ, противоположный старому? Г. Соловьевъ приводитъ много причинъ: новые города развились изъ пригородовъ, искони-подчиненныхъ главнымъ городамъ; слѣдственно, неограниченная власть князей надъ ними была

приготовлена ихъ первобытною зависимостию; множество такихъ новыхъ городовъ было основано самими князьями, которые съ самаго начала утвердили надъ ними свою неограниченную власть; наконецъ, въ Сѣверовосточной-Россіи число новыхъ городовъ было гораздо-значительнѣе числа старыхъ (здѣсь былъ собственно одинъ старый городъ—Ростовъ); отъ-того въ ней и развился новый порядокъ вещей и вытѣснилъ старый. Все это очень-хорошо и исторически очень-вѣрно; но вопросъ все-таки остается нерѣшеннымъ. Мы и теперь въ правѣ повторить его, потому-что г. Соловьевъ не показывалъ главной причины. Какая же эта главная причина? Ее должно искать въ самомъ общинномъ бытѣ древнѣйшихъ городовъ. Объяснимся.

Внутреннее устройство городовъ и общинъ въ Югозападной и Сѣверовосточной-Россіи не представляетъ существеннаго различія. И тамъ и здѣсь мы находимъ вѣче и князя — двѣ власти, которыя являлись одна возлѣ другой во всей древней Россіи. Слѣдственно, различіе той и другой Россіи должно искать въ чемъ-нибудь другомъ. Въ чемъ же именно? Въ томъ, что въ Сѣверовосточной-Россіи княжескія владѣнія обратились въ собственность, въ наследственныя вотчинныя владѣнія князей на правѣ частномъ, чего въ Югозападной-Россіи не было. Такъ думаетъ и авторъ. Но мы видимъ, однако, что такое обращеніе владѣній въ собственность князей началось уже въ Югозападной Россіи; уже здѣсь появляются завѣщанія; князья вслѣдствіи стараются удержать за собою отцовскіе удѣлы; дѣлежи владѣній происходятъ большею частью на основаніи вотчиннаго начала; князья даютъ удѣлы большею частью сыновьямъ своимъ, а не боковымъ родственникамъ; только начатокъ на югозападѣ совершился окончательно на сѣверовостокѣ Россіи. Такимъ-образомъ, весь періодъ удѣловъ, въ-отношеніи къ государственному устройству, представляетъ постепенное и непрерывное развитіе

одного вачала: ослабленіе общиннаго быта и, въ-слѣдствіе этого, усиленіе власти князя. Но отъ-чего ослабѣлъ общинный бытъ? Не-уже-ли отъ тѣхъ причинъ, которыя изложилъ авторъ диссертациі? Мы явѣемъ причины съ нимъ въ этомъ случаѣ не согласиться. Причины, имъ приводимыя, много содѣйствовали развитію самодержавной власти князей — безспорно. Но еслибъ общинный бытъ старыхъ городовъ не носилъ въ себѣ органическихъ зачатковъ разрушенія, не только эти причины не могли бы его ослабить, — онѣ не могли бы вовсе появиться. Скажемъ болѣе: родились бы причины, которыя стали бы ему благопріятствовать; даже нѣкоторыя изъ приведенныхъ авторомъ послужили бы въ пользу общинному быту. Именно этой-то органической причины разрушенія, скрывавшейся въ бытѣ древнѣйшихъ общинъ, авторъ диссертациі не показывалъ; а намекаетъ онъ на нее часто. Но его мнѣнію, какъ намъ кажется весьма справедливому, повгородская община была родоваго происхожденія (стр. 13). То же можно сказать и о всѣхъ древнѣйшихъ русско-славянскихъ общинахъ. Но всякая родовая община сама въ себѣ носитъ зародышъ своего разрушенія. Это основано на непреложномъ законѣ распадѣнія рода на липы, отрасли, которыя съ теченіемъ времени утрачиваютъ всекое единство и вступаютъ во вражду между собою. Авторъ превосходно, хотя и въ краткомъ очеркѣ, представилъ это разложеніе рода и борьбу, внутри его необходимо возникавшую въ-отношеніи къ роду, который княжилъ въ Россіи. Также превосходно подметилъ и изложилъ онъ необходимыя послѣдствія родоваго и общиннаго быта въ-отношеніи къ Новгороду: отсутствіе въ немъ всякаго опредѣленнаго политическаго устройства, сосуществованіе двухъ противоположныхъ и равныхъ между собою властей, невозможность обойтись безъ власти князя и непрерывныя смуты, волненія, отсутствіе «наряда», когда князя не было.

Но вообще на это племенное, родовое, семейственное, словомъ, кровное начало г. Соловьевъ мало обратилъ вниманія, говорить о немъ какъ-будто мимоходомъ, тогда-какъ оно было главное, почти-исключительно игравшее роль. По нашему глубокому убѣжденію, едва-ли можно найти одно замѣчательное явленіе или событіе въ древней русской исторіи, особенно до Юліана III, которое не опредѣлялось бы этимъ началомъ. Даже послѣ Юліана III, множество явленій русской жизни объясняется только имъ, и чѣмъ далѣе падаютъ отъ нашего времени, тѣмъ болѣе. Именно потому, что г. Соловьевъ не вникъ хорошенько въ преимущественно-родовой бытъ древней Россіи, онъ долженъ былъ, говоря объ упадкѣ общиннаго быта старыхъ родовъ, ограничиться одними побочными, второстепенными причинами, и не замѣтить главной.

Потомъ: г. Соловьевъ болѣе историкъ, нежели юристъ. При изображеніи внутреннего общиннаго устройства Новгородѣ, онъ, какъ намъ кажется, слишкомъ-исключительно придерживался однихъ лѣтописей и довольно оцѣнилъ извѣстія, сообщаемыя объ этомъ устройствѣ собственно юридическими памятниками. Вотъ почему онъ впалъ въ крайность. Отсутствие твердаго политическаго устройства въ Новгородѣ и простирающую отсюда совершенную неопредѣленность его—г. Соловьевъ распространилъ и на внутреннее управленіе, на администрацію Новгородѣ. Но администрація и политическое устройство должны быть строго различаемы, особенно, когда рѣчь идетъ о Новгородѣ. Всѣ юридическіе памятники единогласно свидѣтельствуютъ о существованіи въ Новгородѣ правильнаго, опредѣленнаго внутренняго управленія, въ главныхъ чертахъ оговореннаго, какъ кажется, на обычаяхъ, хотя мы его и мало знаемъ, или знаемъ отрывочно. Напротивъ, историческіе памятники и преимущественно лѣтописи, въ которыя вносились одни событія политическія, выходящія изъ

обыкновеннаго порядка вещей—представляютъ новгородское устройство какъ самое неустановленное, неопредѣленное, неимѣющее никакихъ началъ, и г. Соловьевъ былъ бы совершенно-правъ, еслибъ ограничилъ сказанное имъ вообще однимъ политическимъ бытомъ Новгородѣ. Можетъ-быть, намъ возражать, что въ лѣтописяхъ встрѣчаются также извѣстія о внутреннемъ устройствѣ и управленіи, которыя свидѣтельствуютъ и о его неопредѣленности? Точно такъ. Но изъ нихъ нельзя дѣлать никакихъ выводовъ. Эти извѣстія относятся къ событіямъ, составившимъ исключеніе изъ общаго правила, нарушавшимъ обыкновенный порядокъ вещей. При существованіи другихъ, ясныхъ указаній на правильное внутреннее управленіе, это не можетъ подлежать никакому сомнѣнію.

Мы крайне сожалѣемъ, что предѣлы рецензіи, и безъ того слишкомъ-длинной, не дозволяютъ намъ войти въ болѣе-подробное разсмотрѣніе замѣчательнаго сочиненія г. Соловьева. Скажемъ въ заключеніе, что, кромѣ приведеннаго и указаннаго нами, въ диссертациі много новыхъ замѣчаній, намѣсковъ, мыслей и отдѣльныхъ изслѣдованій, которыя составляютъ приобращеніе для литературы русской исторіи и дѣлаютъ честь автору. Мы не усомнимся сказать, что трудъ г. Соловьева самъ по себѣ составляетъ эпоху въ области изслѣдованій о русскихъ древностяхъ и подаетъ радостныя надежды въ будущемъ. Намъ остается поблагодарить автора и пожелать ему для него и для насъ, чтобъ продолженіе его историко-литературнаго и ученаго поприща было такъ же блистательно, такъ же обильно результатами, какъ начало...

388) Историческій Очеркъ Сергеевскаго Государства до конца XV столѣтія. С. Палаузова. Москва. Въ тип. Августа Семена. 1845. Въ 4-ю д. л. 34 стр.

• Нельзя не сожалеть — так начина-
етъ г. Палаузовъ историческій очеркъ
Сербіи: • что Сербія XII и XIII вѣка не
• успѣла образоваться въ крѣпкое само-
• стоятельное государство, когда имѣла
• на то, повидимому, всё необходимиыя
• историческія данныя. Тогда, вѣроят-
• но, вся юго-восточная Европа полу-
• чила бы совершенно-новую исторію,
• и Нельзя никогда не успѣлъ бы по-
• корить себѣ европейское достояніе
• древней Византіи •. Такого рода со-
• жалѣнія напрасны, хотя и очень-напы-
• ны, потому что она ни къ чему не ве-
• дутъ, ни на чемъ не основаны, если не
• брать въ уваженіе этихъ пустыхъ по-
• видимому, *спролатно*, которыя въ исто-
• ріи по своему достоинству стоятъ ни-
• же ничтожнаго нуля. Чтѣ было, то до-
• жно было быть, потому-что это было
• въ-сдѣлствіе разумныхъ причинъ, по
• закону самой строгѣй необходимости,
• а чего не было, того и не должно бы-
• ло и не могло быть, опять въ силу того
• же самого закона. Слѣдовательно, если
• Сербія не могла образоваться никогда
• въ крѣпкое, самостоятельное государ-
• ство, изъ этого само-собою вытекаетъ
• прямое, логическое завлеченіе, что
• она не имѣла для того внутри себя ни-
• какихъ элементовъ, никакихъ истори-
• ческихъ данныхъ, кромѣ одного толь-
• ко— *по-видимому*; но это очень-зыбкое
• основаніе, которое развѣ можетъ имѣть
• вѣсь единственно въ глазахъ г. Палау-
• зова. И толковать о томъ, чтѣ было бы
• тогда-то, когда случилось бы вотъ то-
• то, какой бы переворотъ произошелъ
• въ Европѣ, Азій, Африкѣ, Америкѣ,
• Австраліи или Полинезіи, въ настоя-
• щемъ и будущемъ мірѣ, и чтѣ стало
• бы съ бѣднымъ исламомъ, куда бы онъ
• дѣвался съ своею твердою, желѣзною
• волею, съ своимъ бѣшенымъ, неукротимымъ
• фанатизмомъ, гдѣ бы прикло-
• нилъ свою буйную голову, еслибъ Сер-
• бія успѣла образоваться въ крѣпкое,
• самостоятельное государство, чего она
• не сдѣлала, потому-что не могла сдѣ-
• лать, — толковать обо всемъ этомъ мо-
• гутъ только праздные люди, которымъ,
• какъ видно, нечѣтъ заняться, и кото-

рые, по русской пословицѣ, охотники
пересыпать изъ пустаго въ порожнее,
— люди въ родѣ гоголевскаго Манилова.
А мы совѣмъ не такихъ мыслей о г.
Палаузовѣ. По всему видно, что онъ
человѣкъ умный, добросовѣстно зади-
мающійся своимъ дѣломъ. Жаль толь-
ко, что онъ славянофилъ, и готовъ ко-
рою стоять за славящину, которая не
менѣе врагомъ, или даже еще бо-
льше, сбила съ толку многихъ порядоч-
ныхъ людей. Вотъ отъ-чего произошла
вся бѣда. *Еслибъ* онъ не придерживал-
ся этой упрямой партіи, *тогда* взгляды
его на Сербію были бы гораздо-гир-
нѣе и глубже. Чтѣ касается до изложе-
нія самыхъ фактовъ, то нельзя не от-
дать справедливости г. Палаузову: они
изображены въ его • Очеркѣ • доста-
но- подробно и отчетливо. Видны
трудъ — и трудъ добросовѣстный со
стороны автора; но мысли, лежащей
въ основаніи этого труда, не замѣтно.

389) Записки Дюка Лигійскаго
и Бервикскаго во время пребыванія
его при императорскомъ российскомъ
дворѣ въ званіи посла короля испанскаго
1720 — 1730 годовъ. Переводъ съ фран-
цузскаго Д. Языкова. Санктпетербургъ.
Въ туненберовой типографіи. 1845. Въ
8-ю д. л. 217 стр.

Эта книга—последній ученый трудъ,
изданный почтеннымъ археологомъ
вашимъ, Дмитріемъ Ивановичемъ Язы-
ковымъ, скончавшимся въ прошломъ
мѣсяцѣ на семьдесятъ-третьемъ году
отъ рожденія. Жизнь Языкова вся по-
священа была дѣятельности неутомимой,
какъ на поприщѣ службы гражданской,
такъ и на ученомъ поприщѣ. Будучи однимъ
изъ лучшихъ знатоковъ русскихъ древностей,
онъ имѣлъ на-готовѣ цѣлыя груды матеріаловъ
для словарей русскаго историческаго,
русскаго географическаго, церковнаго
и др., которые были бы истинными ое-
кровищницами для всѣхъ изучающихъ
русскую старину, еслибъ были изда-
ны; но какъ у насъ не было и вѣтъ
охотниковъ издавать подобныя книги,
то и труды Д. Языкова остались въ

его портрѣлахъ, необработанные, не приведенные въ надлежащій порядокъ. Кто возьмется за обработку этихъ, и возьмется ли кто-нибудь—Богъ знаетъ! Вѣрнѣе, кажется, что они погибнутъ и забудутся, какъ гибнетъ и забывается у насъ многое. Нѣкоторые статьи изъ этихъ словарей покойный Языковъ дѣлился съ Энциклопедическимъ Лексикономъ г. Плюшара, а изъ другихъ приготовилъ «Церковный Словарь», котораго двѣ первыя части совсѣмъ готовы къ печати и уже одобрены цензурою, но когда напечатаются, и напечатаются ли когда-нибудь,—тоже неизвѣстно! Пренныя труды Языкова памятны всѣмъ занимающимся русскою исторіею и древностями: «Исторія русскія дѣянія на древнеславянскомъ языкѣ», объясненныя Швабнеромъ; «Исслѣдованія, служащая къ объясненію древней русской исторіи» Лерберга; «Собраніе путешествій къ Татарамъ и другимъ восточнымъ народамъ: Плато - Карпини и Аспелмизъ»; «Книга Большому Чертежу»; «Записки Желазубскаго», «Записки Нащокина» и наконецъ «Записки Юка Лирійскаго». Обращаемся къ послѣднимъ, какъ къ новой книгѣ.

Герцогъ де-Лирія (duc de Liria), былъ внукомъ авглійскаго короля Іакова II. Отецъ его, герцогъ бервикскій, послѣ неудачной высадки съ отцомъ и королемъ своимъ, Іаковомъ II, въ Ирландію, вступилъ въ службу къ Лудовику XIV-му, дѣйствовалъ въ войнѣ за испанское наследство и одержалъ знаменитую побѣду при Альмансъ, за что испанскій король Филиппъ V-й возвелъ его въ достоинство герцога города Лирія и первокласснаго графа испанскаго. Сынъ его, Яковъ, принятъ тѣмъ же королемъ въ испанскую службу и названъ герцогомъ бервикскимъ и лирійскимъ. Этотъ-то самый Яковъ, герцогъ бервикскій и лирійскій, былъ въ Россіи посломъ Филиппа V-го испанскаго отъ конца 1727 до конца 1730 года,—слѣдственно, всего три года. Онъ посланъ былъ къ императрицѣ Екатерицѣ I-й, которая, одна-

кожъ, скончалась тогда, когда онъ былъ еще въ Вѣнѣ на пути въ Россію, и прѣхалъ въ Петербургъ при Петрѣ II-мъ. Уѣхавъ изъ Россіи въ первый годъ царствованія императрицы Анны Іоанновны, онъ былъ потомъ короткое время посломъ въ Вѣнѣ, начальствовалъ надъ войсками въ Италіи (1731) и умеръ въ 1733-мъ году, въ званіи испанскаго посла въ Неаполѣ. Онъ оставилъ послѣ себя «Записки», которыя изданы однимъ изъ сыновей его въ Парижѣ, въ 1788-мъ году, подъ названіемъ: *Mémoires du duc de Liria et de Berwick, écrits par lui-même*. Изъ этихъ-то записокъ покойный Д. И. Языковъ перевелъ и издалъ то, что относится до времени пребыванія герцога де-Лирія при русскомъ дворѣ, и обогатилъ какъ чрезвычайно-интересными приложениями, такъ и своими собственными объясненіями и примѣчаніями... Но вотъ что немногое не нравится намъ въ предисловіи почтеннаго переводчика: «Нельзя говорить онъ не отдать ему (автору) справедливости въ безпристрастіи и основательности, кромѣ того только, что онъ слышитъ рѣзко и несправедливо (?) описываетъ характеръ нѣкоторыхъ лицъ, заслуживающихъ полное уваженіе; но нѣсть сихъ очень мало, и посему онъ, при своей несправедливости (?), не принимаетъ никакой пользы для исторіи (II), то я ихъ исключилъ». Не нѣтъ случая видѣть въ подлинникѣ «Записки» герцога де-Лирія, мы не знаемъ, какія мѣста исключены въ переводѣ; но во всякомъ случаѣ нельзя не пожалѣть объ этомъ исключеніи, потому-что голосъ современника, и притомъ дипломата, которому могли быть известны многія тайны, всегда важны; если же переводчикъ утѣренъ былъ въ несправедливости исключенныхъ имъ описаний,—могъ бы опровергать ихъ въ своихъ примѣчаніяхъ. что онъ нѣрѣдко и дѣлалъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ подозрѣвалъ отступленіе автора отъ истины, но не долженъ былъ вовсе исключать ихъ. Какъ бы то ни было, мы должны судить только о томъ, что

есть, т. е. что напечатано въ русскомъ переводѣ, и за это не можемъ не помянуть издателя искреннимъ словомъ благодарности.

Записки герцога де-Лирія не открываютъ никакихъ новыхъ фактовъ; онъ рассказываетъ то, что давно уже извѣстно намъ изъ другихъ источниковъ, но рассказываетъ иногда съ мелкими подробностями, съ своими размышлениями, которыя придаютъ его отрывочнымъ замѣткамъ всю занимательность романа; читая ихъ, вы чувствуете, что онѣ сдѣланы подъ впечатлѣніемъ минуты; отъ нихъ какъ-будто вѣетъ вѣтромъ, эпохою, которой свидѣтелемъ былъ авторъ, и вы невольно увлечетесь ими, не смотря на то, что между ими только одна связь—хронологическая. Выписками нельзя дать понятія о подобныхъ современныхъ замѣткахъ. Читайте ихъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ онѣ написаны, и вы подпадете ихъ обаянію... Самые простые рассказы о весьма-обыкновенныхъ въ то время обычаяхъ, балахъ и увеселеніяхъ занимательны въ этихъ дневникахъ; напримѣръ, хоть вотъ эти мѣста:

«Мая 2, по старому стилю, день Пасхи, всѣ мы чужестранные министры пріѣхали во дворецъ для поздравленія Царя, и Его Величество заставилъ насъ выпить по рюмкѣ вина за свое здоровье; тоже самое было и въ момбатахъ обѣихъ принцессъ.» (Стр. 30.)

«Юля 10, по старому стилю, день св. Петра, тезоименитства Царскаго. Я пріѣхалъ во дворецъ съ графомъ Вратиславскимъ и Царь (*) приказалъ намъ остаться обѣдать за его столомъ.

«Столъ кончился почти въ 5 съ половиною часомъ, и какъ намъ сказали, что въ это же самое время начнется балъ, то мы и остались тамъ въ бесѣдѣ съ барономъ Остерманомъ и княземъ Василіемъ Долгоруковымъ. Вскорѣ пріехалъ графъ Ягу-

жинскій сказать, что жена зоветъ къ себѣ «заворитъ (Иванъ Долгорукій) и проведетъ меня до ея комнаты, гдѣ я нашелъ фельдмаршала Долгорукаго, съ которымъ и познакомился. Мы полади порядочно.» (Стр. 35.)

Иногда вы встрѣтите у автора-аѳтописца замѣтку, въ которой проглаывается какая-нибудь придворная интрига съ худо-скрываею злобой дипломата на тѣхъ изъ его собратій, которые пересмѣиваютъ его своимъ влияніемъ. Такъ, на-пр., говоря, что австрійскій посолъ графъ Вратиславскій отправилъ 17 декабря 1729 изъ Петербурга въ Вѣну курьера съ двумя дворянами своего посольства, съ графомъ Мелезимо и барономъ Биленбергомъ, онъ приписываетъ:

«Но причина отправления Мелезима была совсѣмъ другая: съ годъ уже, какъ онъ влюбился въ княжну Долгорукову, обрученную нынѣ съ Государемъ; всѣ это знали, также какъ и то, что онъ не правился княжнѣ, и по этому графъ Вратиславскій рѣшился выслать его, чтобы онъ не сдѣлалъ какого дурательства, которое надѣлало бы много хлопотъ его сіятельству, изъ которыхъ онъ не вышелъ бы сухъ.» (Стр. 70.)

Вотъ рассказы герцога де-Лирія о сестрѣ Петра II-го, Наталіи Алексѣевнѣ, и о кончинѣ ея:

«Мая 18-го (1728), въ день возшествія Царскаго на престолъ, была больная сѣдала къ Двору для принесенія поздравленія Великой Княжнѣ, сестрѣ Его Величества. Ея Высочество сдѣлала мнѣ честь приказати мнѣ остаться обѣдать у нее и за столомъ была весьма милостива ко мнѣ.

«Здоровье ея было не очень въ хорошемъ состояніи: врачи думали, что у нее чахотка, и въ слѣдствіе сего лечили ее такъ, какъ будто у нее была грудная болѣзнь. Но не чахотка была причиною ея болѣзни, и только одинъ врачъ погъ ее выдѣлать, именно братъ ея. Его Величество, во возшествіи своемъ на престолъ, имѣлъ такую добротность къ своей сестрѣ, что дѣлалъ для нее все, и не могъ ни минуты оставаться безъ нея. Она жила въ величайшемъ согласіи и вѣдучая

(*) Герцогъ де-Лирія воздѣ называетъ Петра II и Анну Іоанновну царемъ и царицею — потому-что въ то время непарскій дворъ не соглашался еще дать русскимъ государямъ титулъ императорскій.

Княжна давала удивительные совѣты своему брату, хотя только однимъ годомъ была старше его. Мало-по-малу однакоже Царь привязался къ своей теткѣ, принцессѣ Елисаветѣ, а фаворитъ его и другіе придворные, кои не любили Великой Княжны за то, что она уважала Остермана и благоволяла иностранцамъ, всячески старались выхвалать принцессу, которая не любила своей племянницы, и сдѣлали то, что чрезъ полгода Царь не говорилъ уже съ ней ни о какихъ дѣлахъ, и сдѣлательно, не имѣлъ къ ней никакой болѣе добротности. Великая Княжна, у которой душа была прескороднѣйшая, чрезвычайно страдала отъ того, что братъ удалился отъ нее, и ея страданіе усугублялось еще тѣмъ, что тетка совсемъ перестала ходить къ ней и обращалась съ нею весьма холодно. Вотъ настоящая причина ея болѣзни, и грусть ея была такъ велика, что она впала въ извурительную лихорадку, которая чуть-было не свела ее въ могилу; но крѣпкое ея тѣлосложеніе и молодость избавили ее отъ сей опасности. (Стр. 31—33.)

«Декабря 1-го (1728), былъ я у Остермана и нашелъ его въ слезахъ о состояніи здоровья Великой Княжны. Онъ сказалъ мнѣ, что трепещеть за Царя и не ругается за его жизнь, если онъ не выйдетъ изъ Москвы, климатъ которой, по его мнѣнію, нездоровъ для него, а особливо смотря на участь его сестры.

«Великая Княжна провела ночь со 2 на 3 числа довольно хорошо, ибо спала около 6 часовъ; но утромъ 4-го, махала на нее жестокая лихорадка, которая уменьшилась къ вечеру и въ 10 часу она помышилась, хотѣла лечь спать; но едва только легла въ постелю, какъ на нее напали такіа жестокия судороги, что она скончалась не болѣе какъ въ двѣ минуты.

«Такъ кончила жизнь Великая Княжна Наталія Алексѣевна, сестра Петра II, имѣвъ отъ роду 14 лѣтъ и нѣсколько мѣсяцевъ. Она украшалась всеми возможными хорошими качествами; не была красавицею; но что значить красота когда сердце совершенно! Она была покровительницею иностранцевъ, и говорила очень хорошо на Французскомъ и Швецкомъ языкахъ; была идоломъ всѣхъ честныхъ людей, перломъ Россіи; словомъ, такъ совершенна, что Богъ не позволялъ ей жить долго на семъ свѣтѣ.

«Царь, узнавъ о кончинѣ своей сестры, впалъ въ величайшую печаль, не могъ заснуть во всю ночь, и утромъ, въ 4 часа, переѣхалъ изъ Слободскаго Дворца, гдѣ умерла Великая Княжна, въ Кремлевскій.» (стр. 44 и 45)

Любопытно также мнѣніе автора *Записокъ* о Петрѣ II и разсказъ о его кончинѣ:

«Января 21 узнали, что Царь занемогъ оспою, которая высипалась много, но тутъ же увидѣли, что она была злокачественна; однакоже на третій день, когда Его Величество пролежалъ въ сильной испаринѣ, то лихорадка прошла и по тому стали надѣяться, что онъ освободится отъ сей опасной болѣзни.

«Съ 23 по 28 число оспа выступала сильно такъ, что всѣ считали, что Его Величество выйдетъ изъ опасности; но вечеромъ 28 махала на него такая жестокая лихорадка, что стали опасаться за его жизнь, а какъ она не уменьшалась, то 29 числа его причастили св. Ташъ.

«Между-тѣмъ Долгоруковы составили уже духовное завѣщаніе, по которому Царь долженъ былъ назначить своимъ преемникомъ на престолѣ принцессу, его обрученную невѣсту; но когда бумагу эту поднесли Царю для подписанія, то въ немъ не было уже ни языка, ни силъ; и наконецъ онъ испустилъ послѣднее дыханіе, въ долговременномъ безчувствіи, 30 числа въ 1 часъ и 25 минутъ по полуночи.

«Такъ кончилъ жизнь своемъ Петрѣ II, имѣвъ отъ роду 14 лѣтъ, 3 мѣсяца и 7 дней, владѣвъ Россією 2 года, 8 мѣсяцевъ и 13 дней. Потеря его была невознаградима для Россіи, потому-что добрыя качества сего Государя давали надежду на счастливое и славное царствованіе. Въ немъ было много ума, сметливости и скромности. Въ немъ не было замѣтно никакой склонности къ какимъ либо порокамъ, а пьянство, въ то время общее, со всѣмъ не было по его вкусу. Собою онъ былъ очень-красивъ и росту чрезвычайнаго по своимъ лѣтамъ. Онъ хорошо говорилъ по швецки, по латинѣ и по французски, и имѣлъ хорошія понятія въ наукахъ; но сдѣлавшись Государемъ въ 11 лѣтъ, оставилъ со всѣмъ науки, а окружавшіе его Русскіе старались отводить его отъ темія, что бы онъ не научился.»

Онъ не имѣлъ еще столько твердости духа, что бы дѣйствовать по собственному побужденію, чѣмъ воспользовались князь Алексѣй Долгоруковъ, его гофмейстеръ, и сынъ его фаворитъ, дѣлали все по своей волѣ, и съ такимъ деспотизмомъ, что прочіе не слишкомъ много сокрушались о кончинѣ сего юнаго Государя. Въ теченіе двухъ лѣтъ, проведенныхъ имъ въ Москвѣ, его заставляли безпрестанно ѣздить на охоту, что бы удалить его отъ всѣхъ, и держали всегда въ своихъ рукахъ. Наконецъ заставляли его согласиться на бракъ съ княжною Екатериною Долгоруковою; но это согласіе было прижуденное, и многіе были такого мнѣнія, что свадьба никогда не бывать. Правду сказать и то, что онъ ни мало не уважалъ ее, и я самъ былъ свидѣтелемъ, что онъ едва на нее взглядывалъ. Замѣчательно было то, что съ самаго того дня, какъ онъ объявилъ о намѣреніи своемъ вступить въ бракъ, то впалъ въ такую задумчивость, что ничто болѣе его не развлекало, и онъ даже говорилъ своимъ приближеннымъ, что умереть скоро и что жизнь ему уже наскучила. Наконецъ, Россія лишилась Петра II, который, по-видимому, могъ быть великимъ Государемъ, если бы когда либо избавился отъ ига Долгоруковыхъ.»

Чрезвычайно-интересны сказанія герцога де-Лирія о замыслахъ Долгорукихъ по кончинѣ Петра II и о вступленіи на престолъ Анны Іоанновны. Разныя интриги, сопровождавшія въ Верховномъ Тайномъ Совѣтѣ составленіе условій, или «Кондицій» российскому правленію, которыя предложены были герцогинѣй курляндской, прошеніе отъ дворянства, написанное Кантеміромъ и облекавшее императрицу полнымъ самодержавіемъ вопреки означеннымъ условіямъ, гибель Долгорукихъ—все это, замѣтно, интересовало дипломата и изложено имъ съ особенною подробностью. Словомъ, «Записки герцога де-Лирія, относятельныя перваго года царствованія Анны Іоанновны, не только не лишны послѣ «Записокъ» Мавштейна, но и служатъ имъ необходимымъ дополненіемъ: послу короля испанскаго, конечно, было важнѣе болѣе, чѣмъ простому адъютанту Миника.

Въ *Примчаніяхъ и Приложеніяхъ* «Запискамъ» герцога де-Лирія, Д. Н. Лыжковъ помѣстилъ много любопытныхъ объясненій и вполнѣ напечаталъ нѣсколько государственныхъ актовъ; напр. духовное завѣщаніе Екатерины I-й, Обрядъ обрученія Петра II съ княжною Долгорукою, Кондиціи, подписанныя Анною Іоанновною въ Митавѣ, донесеніе Леонтьева, привезшаго ихъ изъ Митавы, рескриптъ Тайному Совѣту по этому случаю, и многіе другіе документы, появляющіеся теперь въ первый разъ въ печати и извлеченные почтеннымъ издателемъ изъ хранящихся у него драгоценныхъ рукописей, которыхъ безъ этой книги мы, можетъ-быть, долго не узнали бы.

390) Собраніе Древнихъ Грамотъ и Актовъ городовъ Вильны, Коена, Трокъ, православныхъ монастырей, церквей и по разнымъ предметамъ. Съ приложеніемъ трехъ литографированныхъ рисунковъ. Вильно. Въ тип. Марцинковскаго. 1845 (1845). Двѣ части. Въ 4-ю д. л. Въ I-й части XCIV и 194, во II-й — 208 стр.

391) Памятники, изданные временною коммиссіею для разбора древнихъ актовъ, Высочайше учрежденною при киевскомъ военномъ (.) подольскомъ и волыньскомъ генералъ-губернаторѣ. Киевъ. Въ тип. Университета Св. Владимира. 1845. Томъ I. Въ 8-ю д. л. XIX, 274, 112 и 473 стр. Съ литографированнымъ заглавнымъ листомъ и семью снимками.

Содержаніе этихъ двухъ изданій подробно изложено въ отдѣлѣ Критики ильнѣнней книжки нашего журнала; стало-быть, намъ остается сказать нѣсколько словъ объ исполненіи и наружномъ видѣ обонхъ изданій. Въ этомъ отношеніи, пальма преимуществъ не только передъ виленскими зктами, напечатанными на сѣрой бумагѣ и хотя крупнымъ, но печѣткимъ. избитымъ и неуклюжимъ шрифтомъ, но предъ всѣми до-сихъ-поръ напечатанными въ Россіи сборниками подоб-

вого рода, должна неоспоримо принадлежать «Памятникамъ», издаваемымъ кievскою комиссіею. Все, что только просвѣщенное усердіе издателей могло придумать, все, что мѣстные средства могли позволить, придумано и выполнено издателями съ истинно-европейскою тщательностью. Начнемъ съ главнаго — съ перевода. Нашу публика обвиняютъ, и, можетъ-быть, заслуженно, въ равнодушіи къ русской литературѣ и къ русской исторіи. Нѣсколько изданій Караманина доказали, что публика прочла его исторію. Скажутъ: этого мало; публика не сочувствуетъ болѣе-и-болѣе расширяющемуся горьковому свѣдѣнію о древней русской жизни, не слѣдитъ за издаваемыми историческими памятниками, за трудами историческихъ обществъ (которые трудятся) и частныхъ лицъ. Кто тутъ виноватъ, кто правъ — судить не намъ; но едва-ли можно обвинять въ этомъ публику. Что читать ей? «Оборону Лѣтописи Несторовой отъ навѣта скептиковъ», «Русскій Историческій Сборникъ» г. Погодина, или другія историческія и археографическія изданія почтеннаго историка, путешественника и оратора, или «Славянскій Сборникъ» г. Савельева-Ростиславича? Къ-тому же, всѣ эти грузныя и тяжелыя творенія издаются болѣею частью довольно-грязно, — и публика боится замарать свои бѣлыя руки о подобныя произведенія; притомъ же, еще плохо, то-есть неосновательно зная русскій языкъ, она боится вовсе разучиться ему. Публика права, сто разъ права передъ своею европейскою одеждою, передъ своимъ европейскимъ образованіемъ... Наконецъ, есть и еще одно препятствіе. Акты и документы, изданіе которыхъ такъ быстро подвинулось въ послѣднее время, въ-особенности содѣйствіемъ правительства, писаны болѣею частью или на языкѣ древнемъ, мало-понятномъ для людей, занимавшихся имъ съ особенною цѣлю, или на языкахъ мало-знакомыхъ нашей публикѣ — латинскомъ, польскомъ и другихъ. Ме-

жду-тѣмъ, только кievское изданіе древнихъ памятниковъ даетъ намъ, вмѣстѣ съ текстомъ, напечатаннымъ со всевозможною вѣрностью, подстрочный переводъ этихъ самыхъ актовъ, — переводъ близкій и вѣрный, сохраняющій даже, не смотря на свое литературное достоинство, самый колоритъ оригинала. Интересъ самыхъ актовъ и, главное, эта возможность читать ихъ по-русски безъ усилія и напряженія, часто безплодныхъ по темнотѣ древняго текста, сдѣлаютъ это изданіе настольною книгою каждаго образованнаго человека. Вышнее изысканіе довершитъ торжество издателей. Заглавный листокъ «Памятниковъ», работы извѣстнаго художника нашего, г. Солнцева, представляетъ арку Кievскаго Софійскаго Собора со вновь-открытыми греческими фресками XI-го столѣтія. Онъ литографированъ разными красками и въ своемъ родѣ совершенство. Кромѣ семи литографированныхъ снимковъ съ древнихъ манускриптовъ, картинъ персян, помѣщенныхъ въ концѣ изданнаго мыши перваго тома, почти все изданіе усѣяно, въ видѣ вишетоковъ, литографированными снимками съ древнихъ вещей, найденныхъ въ Кіевѣ, древними видами, принадлежавшими изъ старинныхъ рукописей, — и все это сдѣлано съ величайшею точностью и доступнымъ литографіи совершенствомъ.

Не таково изданіе актовъ, сдѣланное въ Вильнѣ. Кромѣ неудобнаго формата въ 4-ю л. л., сѣрой бумаги и плохой печати, о которыхъ мы говорили, къ недостаткамъ изданія принадлежатъ еще недостатки перевода, который былъ бы весьма-кстати, потому что всѣ напечатанные въ этомъ изданіи акты писаны или на древнемъ испорченномъ западно-русскомъ нарѣчій, или на польскомъ и латинскомъ языкахъ. Въ началѣ изданія приложено что-то въ родѣ введенія, гдѣ толкуется и о Литвѣ, и о Польшѣ, и о династіи Ягеллоновъ, и о магдебургскомъ правѣ, со всевозможными ссылками, выносками, цитатами. Это введеніе,

по-видимому, стоившее большихъ трудовъ соотавителямъ, рѣшительно бесполезно. Не лучше ли было бы вмѣсто этого безплоднаго труда заняться переводомъ самыхъ актовъ; — услугою столь же безкорыстною, сколько дѣйствительною?

392) Творенія Святыхъ Отцевъ въ русскомъ переводѣ, издаваемыя при Московской Духовной Академіи. Томъ III. Книжка 3. Москва. Въ тип. А. Семена. 1845. Въ 8-ю д. л. 248 стр.

Въ третьей книжкѣ третьяго года издавiя «Твореній Св. Отцевъ», содержатся: Толкованіе Василія Великаго на Пророка Исаію, полное глубины, силы и назидательности. Оно раздѣлено на пять главъ, которыми предшествуетъ предисловіе, служащее какъ-бы предверіемъ въ это художественное званіе. Въ прибавленіяхъ къ этой книжкѣ помѣщены два Слова нестоличаго духовнаго витія, Филарета, митрополита московскаго, изъ которыхъ одно говорено было въ Троицкой Сергіевой Лаврѣ, іюля 5 дня, а другое произнесено на освященіе храма, іюля 8 дня 1845 года. Эти два Слова составляютъ лучшее украшеніе вышедшей книжки «Твореній Св. Отцевъ». Достойны замѣчанія также статьи о мирномъ распространеніи христіанства въ Россіи, и о божественности христіанской религіи, — изъ которыхъ послѣдней помѣщена только первая часть.

393) Достопамятности Москвы. Изданіе Корнилія Тромовина. Москва. 1845.

Вышедшая теперь въ свѣтъ тетрадь «Достопамятностей Москвы», — этого въ высшей степени интереснаго для любителей отечественной исторіи издавiя г. Тромовина, содержитъ въ себѣ илестры изображенія конца XVI столѣтія съ замѣчаніями на нихъ. Эти изображенія помѣщены въ одной рукописной псалтири, находящейся въ Москвѣ, въ небольшомъ, но отличномъ собраніи памятниковъ древняго отече-

ственного искусства, у любителя, видѣтокъ и собирателя всѣхъ подобныхъ рѣдкостей, купца Н. В. Стрѣлкова. Время написанія ея, судя по признакамъ письма, относится къ царствованію Іоанна Васильевича Грознаго. При заглавіи этой книги, означенномъ на первомъ листѣ, подъ узорочною, по золотому полю написанною іероглифами красками заставкою, въ началѣ каждой каѳизмы и при первой пѣснѣ находятся двадцать четыре картинки, шарисованныя въ легкихъ очеркахъ тушью, раскрашенныя соковыми красками и составленныя по толкованіямъ св. Аеопасія-Александрійскаго, точныя списки которыхъ, раскрашенныя тѣхъ же цвѣтовъ красками, какъ и подлинныя, представляются г. Тромовиннымъ любителемъ древностей. Въ подлинной книгѣ, эти изображенія размѣщены въ такомъ порядкѣ: 1-я картина съ изображеніемъ Царя Давида, заглавная. 2-я картина представляетъ первой каѳизмы псаломъ 1-й: «Влаженъ мужъ, иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ». 3-я картина второй каѳизмы псаломъ 9-й: «Исповѣлся тебѣ Господи. Образъ такого начертанія именуется: «Жезлъ изъ корене Іессеова». 4-я картина, третьей каѳизмы псаломъ 17-й: «Возлюблю тя Господи крѣпости моя». 5-я картина, четвертой каѳизмы псаломъ 24-й: «Къ тебѣ Господи воззвагохъ душу мою». 6-я картина, пятой каѳизмы псаломъ 32-й: «Радуйтеся праведніи о Господѣ». Образъ такого начертанія называется: «Всѣхъ Святыхъ». Въ этой картинѣ съ четырехъ сторонъ круга, въ которомъ изображенъ Іисусъ Христосъ, видны четыре образовательныя живописныя Евангелистовъ. 7-я картина, шестой каѳизмы псаломъ 27-й: «Господи да не яростию твоею обличши мене». Тамъ пишется образъ Распятія Христова. 8-я картина, седьмой каѳизмы псаломъ 46-й: «Вси языци воспѣишаго рука ми». 9-я картина, восьмой каѳизмы псаломъ 53-й: «Помянуи мя Боже, яко попра мя человекъ». 10-я картина, девятой каѳизмы псаломъ 61-й: «Тыя

подобаетъ пѣснь Боже въ Сионѣ. 11-я картина, десятой каѳизмы псаломъ 70-й: «На тя Господи уповахъ, да не постыжуся во вѣкъ». Такъ пишется образъ Воскресенія Христа въ об- стирившемъ образцахъ. 12-я картина, одиннадцатой каѳизмы псаломъ 71-й: «Внемлите людие мои закону моему». 13-я картина, двѣнадцатой каѳизмы псаломъ 85-й: «Приклони Господи ухо твое и услыши мя». 14-я картина, тринадцатой каѳизмы псаломъ 91-й: «Благо есть исповѣдаться Господеву». 15-я картина, четырнадцатой каѳизмы псаломъ 101-й: «Господи услыши молитву мою». 16-я картина, пятнадцатой каѳизмы псаломъ 106-й: «Исповѣдайтесь Господеву яко благо». 17-я картина, шестнадцатой каѳизмы псаломъ 109-й: «Рече Господь Господеву моему». Образъ такого начертанія именуется: Отечество. 18-я картина, семнадцатой каѳизмы псаломъ 118-й: «Блаженнъ вепорочнъ въ путь ходящій». 19-я картина, восемнадцатой каѳизмы псаломъ 119-й: «Ко Господу ввсегда скорбѣти ми». 20-я картина, девятнадцатой каѳизмы псаломъ 134-й: «Хвалите имя Господне». 21-я картина, двадцатой каѳизмы псаломъ 143-й: «Благословенъ Господь Богъ мой научаи руцѣ мои на бравъ и перети мои на ополченіе». 22-я картина, той же каѳизмы псаломъ 148-й: «Хвалите Господа съ небесъ». 23-я картина озна- маетъ повсказательное содержаніе первой пѣсли. 24-я картина относит- ся также къ первой пѣсли: она пред- ставляетъ переходъ Израилитянъ чрезъ Чермное-Море и потопленіе Фараона въ его воинствѣ. Въ концѣ этой те- рады помѣщено прибавленіе. Оно на- ключаетъ въ себѣ описанія: Пушкинъ и царь-Пушкинъ, съ исторически- ми о нихъ изслѣдованіями; знамя кня- зя Пожарскаго; надписи на ставной охотничьей; находящемся въ Успен- скомъ Соборѣ у гроба св. Іоаннъ митро- политъ, и креста, находящагося въ ча- стнѣ у Крестовской-Заставы. Здѣсь изображенъ также портретъ Саввы Ивановича, повѣстно сочиняла, родившаго

св. Дмитрія митрополита ростовскаго. Мы не упоминаемъ еще о другихъ любопытныхъ предметахъ, вошедшихъ въ изданіе г. Тромонина, чтобъ не дѣ- шить удовольствія охотниковъ до ста- рины самимъ ближе и нагляднѣе по- знакомиться съ этими замѣчательны- ми тетраліями, интересъ и заниматель- ность которыхъ съ каждымъ выпу- скомъ богѣе и богѣе возрастаетъ.

394) О бѣ Обязанностяхъ Челю- вѣка, *наставленіе юноши. Соч. Сильвіо Педлино. Переводъ съ итальянскаго ч. издана Ев. Сарчевскимъ. Москва. Ва- тик. Августа. Селтка, на Музейскомъ- Мосту въ домъ Суворовичкова. 1845. Въ 18-ю дѣл. 109 стр.*

Эта книжка не представляетъ ниче- кихъ особенно-новыхъ мыслей: въ ней раскрываются уже давно вѣдѣ- ныя истины. Впрочемъ, занима- тельность ея отъ этого ничего не теря- етъ. Она можетъ быть назвательною для всякаго класса и званія людей, особенно тѣхъ, которые не пускаются въ глубокія изслѣдованія предметовъ. Они найдутъ въ ней довольно уроковъ, которые, хотя не всѣ, будутъ полезны для нихъ въ приложеніи къ жизни. Не- льзя не замѣтить, что авторъ иногда довольно-пристрастно смотритъ на нѣ- которыя вещи. Не знаемъ, и потому не можемъ сказать, въ-свѣдѣствіе ка- кихъ причинъ сочинителю правится, на-примѣръ, холостая жизнь. Пусть такъ! Онъ имѣетъ полное право, кото- раго у него никто не станетъ оспори- вать, быть холостякомъ. У всякаго свой вкусъ, а о вкусахъ, говорить од- на мудрая пословица, не должно спо- рить. Но для чего же увеличивать ея достоинство и важность на счетъ дру- гаго, противоположнаго образа жи- зни, и при томъ такъ, что въ этомъ воз- величеніи одинокой жизни не столько проглядываетъ истина, сколько патяж- ка въ пользу своей любимой мысли. Вотъ что онъ говоритъ объ этомъ:

«Большая часть человеческого рода предназначена къ супружеству, но и хо-

доставлять также въ природѣ человѣка. Сожалѣю, зачѣмъ не всѣ посвящаютъ себя умноженію человеческого рода — только слышно. Холодная жизнь всегда хороша, если придерживаться оной по причинамъ основательнымъ и блюсти ее въ чистотѣ. Она заслуживаетъ даже особенное уваженіе, какъ и всякое благо-разумное пожертвованіе, приносимое возвышанной цѣли. Сверхъ того холодная жизнь, избавляя насъ отъ заботъ супружескихъ, даетъ одному болѣе времени и силы посвящать себя глубокому ученію или возвышеннымъ занятіямъ богослуженія, другому — болѣе возможности помогать въ нуждѣ роднымъ; наконецъ нѣкоторымъ — большую свободу изливать философію на множество немущихъ.»

Съ подобной точки зрѣнія авторъ смотритъ и на другія стороны человѣческаго быта, что очень кажется страннымъ и устарѣлымъ при настоящемъ состояніи просвѣщенія. Книжка переведена чисто и правильно.

395) Шестой Отчетъ Высочайше учрежденнаго въ Москвѣ Комитета для разбора и призрѣнія просящихъ милостыни, о распоряженіяхъ его въ 1844 году. Москва. Въ тип. А. Семена. 1845. Въ 8-ю д. л. 36 стр.

Благотворныя дѣйствія Комитета для призрѣнія нищихъ очевидны всякому, кто только обратитъ должное вниманіе на это мудрое, основанное въ духѣ христіанской любви учрежденіе. Успѣхи, которые оно сдѣлало въ продолженіе немногихъ лѣтъ своего существованія, весьма-значительны. Это всего яснѣе видно изъ отчета объ его дѣятельности. Число нищихъ съ каждымъ годомъ уменьшается въ быстрой пропорціи. Въ 1842 году, было принято ихъ 5,946 человекъ обоего пола; въ 1843 году 3,016, а въ 1844 не болѣе 2,525. Въ этомъ числѣ особенно замѣтно уменьшеніе нищихъ изъ помѣщичьихъ крестьянъ. Наибольшее количество между нищенствующими составляютъ солдаты. Число вольвоотпущенныхъ между нищими также, къ сожалѣнію, болѣе и болѣе возрастаетъ. Зад-

чительнѣйшая часть задержанныхъ въ Москвѣ нищихъ принадлежитъ къ жителямъ этого города и его губерніи. Въ означенномъ числѣ нищихъ, при вступленіи ихъ, оказалось больныхъ не болѣе 154 человекъ. Къ 1845 году оставалось только 50. Сиротствующихъ и совершенно-немнѣющихъ родства нашлось 845 человекъ. Большая часть между нищими въ Москвѣ и во всей Россіи состоитъ изъ людей пожилыхъ, немогущихъ доставлять себѣ пропитаніе работою. Изъ призрѣваемыхъ, всѣ тѣ, которые въ состояніи были работать, упражнялись въ трудахъ, по надобности заведенія. При этомъ Комитетъ не упускаетъ заботиться и о нравственномъ ихъ улучшеніи. Кроме казенной суммы, назначенной на ихъ содержаніе, они пользуются еще частными благотвореніями. Завасный капиталъ ихъ составляетъ болѣе 77,000 р. сер., безъ накопившихся процентовъ, и предназначается преимущественно на построеніе особаго большаго корпуса и необходимыхъ перестройки въ самомъ работномъ домѣ. Въ концѣ Отчета приложены вѣдомости: а) о числѣ и званіи людей, поступившихъ въ вѣдѣніе Комитета въ 1844 году; б) о томъ, откуда родомъ были нищіе; в) о состояніи ихъ здоровья; г) объ ихъ распредѣленіи; е) объ ихъ лѣтахъ; ж) о пожертвованіяхъ, поступившихъ въ пользу Комитета въ 1844 году; з) о приходѣ и расходѣ денежныхъ суммъ за 1844 годъ; и) краткая вѣдомость о суммахъ работнаго дома за 1844 годъ. Въ заключеніе Отчета представленъ списокъ лицъ, изъ которыхъ составленъ Московскій Комитетъ для разбора и призрѣнія просящихъ милостыни въ 1845 году.

396) Описаніе Нового Числительнаго Инструмента, изобрѣшеннаго Зелигомъ Слоновскимъ и удостоеннаго отъ Императорской Академіи Наукъ второстепенной дамидовской преміи. Съ приложеніемъ чертежа. Санкт-Петербургъ. Въ тип. Императорской Ака-

дезин Плуток. 1845. В 8-ю д. л. VII
24 стр.

Какъ рѣдко удается намъ на этихъ страницахъ привѣтствовать столь отрадныя явленія въ нашемъ письменномъ мѣрѣ, какова эта небольшая книжка! Еслибъ тѣ, которые упрекаютъ насъ въ излишней строгости, которые готовы насъ обвинять и въ отсутствіи патриотизма и Богъ-знаетъ въ чемъ, потому только, что мы не становимся на колѣни предъ всякою уродливостью, порождаемою бездѣльемъ или мелкимъ своекорыстіемъ, — еслибъ эти господа знали, съ какою тяжкою грустію бываешь принужденъ, ради совѣсти, стилизовать въ Лету одво теоретикъ за другимъ, чтобъ не обмануть читателей пристрастными отчетами, какъ часто хотѣлось бы помирить чувство долга и справедливости съ естественнымъ чувствомъ снисхожденія ко всему, что появляется въ отечественной литературѣ, съ какимъ восторгомъ замѣчаешь посреди безплодныхъ хлопъ и порослей какое-нибудь свѣжее, могучее растеніе, выросшее на русской почвѣ! Бережешь его, боишься высказать о немъ свое убѣжденіе, чтобъ не сказать слишкомъ мало, чтобъ не такъ скоро разстаться съ нимъ и не перейти снова къ горькому снадобью, которымъ ежедневно угощаетъ насъ досужее правдолюбіе.

Нѣтъ! немногіе могутъ оцѣнить всѣ страданія строгаго безпристрастія и неподкупнаго убѣжденія! Еслибъ такая оцѣнка существовала, обвинители скорѣе пожалѣли бы о томъ, кто, по долгу совѣсти, долженъ выговорить всю правду, и иначе посмотрѣли бы на тѣхъ, которые находятъ наслажденіе въ противномъ!

Но оставимъ эти объясненія домашнихъ обстоятельствъ журналистики, и обратимся къ небольшой брошюрѣ г. Слонимскаго. Какъ бы сказать о ней такъ, чтобъ это не было похоже на фразу изобрѣтательной фантазіи книгопродавца объ изданной имъ книгѣ! Въ этомъ искусствѣ у насъ такъ далеко шагнули, такъ исчерпали всѣ воз-

гласы изумленія и подобострастія, — и между-тѣмъ намъ совѣстно сказать каную-нибудь пошлую фразу объ открытіи, принадлежащемъ къ классу тѣхъ, которыя являются одинъ разъ въ столѣтіе, которыя суть не превращеніе слѣплаго случая, но произведеніе гениальнаго ума, долгимъ трудомъ усвоившаго себѣ тайну науки. Открытіе г. Слонимскаго не есть счастливая находка самоучки, нѣ ребяческая игрушка мужичка-механика, доказывающая только то, какъ бесполезно природное остроуміе, когда оно не прошло сквозь опыты знанія: г. Слонимскій человекъ европейски-ученый; онъ дѣйствовалъ не на-угадъ; онъ зналъ все, что дѣлалъ до него другіе на томъ же пути; зналъ, чего искалъ, и дошелъ до своего открытія столько же путемъ науки, сколько природною даровитостью.

Числительный инструментъ! что жъ тутъ новаго, что особенно поделнаго скажутъ свѣтскіе люди, а равно и безпечные поборники ученаго кейфа. А арифметическая машина Паскаля? а числительная машина Лейбница? а перерыны налки? а безбѣдныя числительные часы? а наши счеты? прибавить нѣкоторыя.

Мы не можемъ войти здѣсь въ объясненія теорій, которая, къ-сравненію, недоступна для большей части читателей; постараемся сколько-возможно яснѣе изложить практическую пользу инструмента г. Слонимскаго и его безусловное превосходство надъ всѣми до него изобрѣтенными инструментами этого рода.

Всякому извѣстны четыре первыхъ правила арифметики; никто не затрудняется въ производствѣ меньшихъ вычисленій; но другой вопросъ, когда дѣло доходитъ, на-примѣръ, до умноженія рядовъ, состоящихъ хотя изъ пяти цифръ, когда, какъ часто случается, должно произвести нѣсколько такихъ умноженій, — тогда ошибки неизбежны; то же неудобство существуетъ при всѣхъ другихъ вычисленіяхъ, въ которыя входятъ длинныя ряды цифръ; лучший математикъ оши-

бывает въ удобныхъ случаяхъ, и даже лучшіе математики, чаще другихъ. Это доказали безчисленные опыты.

При составленіи во Франціи знаменитыхъ логарифмическихъ и тригонометрическихъ таблицъ, безъ которыхъ нельзя слѣвать шага въ дѣлѣ математическихъ наукъ, также искусство и ремесла, — знаменитый математикъ Понри находится въ двенадцатомъ затрудненіи, какъ произвести съ надлежащею точностію простыя, но тѣмъ не менѣе сложныя и вычитанія, которые требовались при составленіи этихъ таблицъ. Онъ рѣшился образовать для этого дѣла настоящую машину, но только машину — изъ людей. Пять или шесть знаменитѣйшихъ французскихъ математиковъ составили алгебраическія формулы, семь или восемь опытныхъ ариѳметистовъ вставляли въ эти формулы цифры и передавали ихъ особому отдѣленію, состоящему изъ *всѣхъ двадцати* человекъ, которые должны были заниматься *единовременно* сложениемъ и вычитаніемъ переданныхъ имъ цифръ. При этомъ замѣчено было, что простые счетчики, по образу жизни своей обратившіеся въ какой-то числительный механизмъ, складываютъ и вычитаютъ съ большею точностію, нежели лучшіе математики, существовавшіе въ дѣлѣ.

— Этого пристразія къ числамъ много, *показываетъ* почему, съ давняго времени *всѣмъ* важнымъ умамъ искали способовъ замѣнить *человѣческую* вычислительную *механику*.

Еще Паскаль трудился надъ изобрѣденіемъ машины, которая могла бы сама собой складывать и вычитать. Действительность посвятилъ много годы жизни и 24,000 талеровъ на изобрѣтеніе числительной машины; Ганъ трудился семь лѣтъ, Штернъ, въ Варшавѣ, восемь лѣтъ, и издержалъ болѣе 10,000 талеровъ; наконецъ числительная машина Баббеджа (Babbage) въ Лондонѣ, стоила шестилѣтнихъ трудовъ и болѣе 17,000 фунтовъ стерлинговъ (т. е. около 425,000 рублей асс.). Падки Непера

и Гали известны и у насъ въ Петербургѣ.

Всѣ эти остроумные и драгоценные снаряды, не смотря на усилія изобрѣтателей, имѣютъ одну важную недостатокъ, происходящій отъ существа самого дѣла, — именно, всѣ они основаны на *сложномъ* механизмѣ, въ который болѣе или менѣе входятъ и колеса и пружины, какъ въ часахъ; но кто можетъ морочиться за совершенную точность показаній лучшихъ часовъ? Этого мало: всѣ означенныя машины имѣютъ тотъ особый недостатокъ, что, по окончаніи вычисленія и по полученіи результата, нельзя, какъ на бумагѣ, обозрѣть все слѣдующее вычисленіе, и слѣдовательно, утѣряться въ точности результата.

Любопытные найдутъ въ введеніи къ разсматриваемой нами машинѣ всѣ другія неудобства числительныхъ машинъ. Скажемъ здѣсь нѣсколько словъ о самомъ употребительномъ и простомъ снарядѣ: о нашихъ *счеткахъ*,

Наши *счеты* — безъ сомнѣнія, самый простой, дешевый, удобный и остроумный числительный снарядъ, и мы можемъ похвастаться его употребленіемъ предъ иностранцами, которые какъ-то увустили изъ вида древній римскій *абacus*, напоминающій наши *счеты*. Вотъ выгоды нашихъ *счетовъ*:

- 1) въ нихъ нѣтъ никакого механизма;
- 2) они удобочереносимы;
- 3) дешевы;
- 4) ихъ употребленіе просто. Но вотъ ихъ и невыгоды: 1) дошедши до результата, вы не можете быть увѣрены въ его точности иначе, какъ обратившись къ проверкѣ, которая въ свою очередь можетъ быть не вѣрна и, слѣдовательно, потребовать новой. — и такъ до безконечности; 2) дошедъ до сомнительнаго результата, вы не можете идти, гдѣ вамъ именно ошибае; 3) на *счетахъ* возможны лишь сложеніе и вычитаніе; умноженіе же и дѣленіе или вовсе невозможны, или затруднительны и не представляютъ никакой выгоды при вычисленіи на бумагѣ; наконецъ, малѣйшее движеніе можетъ уничтожить полученный результатъ.

Если бы возможно было найти инструментъ, который, сохраняя всё выгоды *счетовъ*, не имѣлъ бы ихъ главнѣйшихъ недостатковъ, то тѣмъ осуществилась бы мысль и Паскаля, и Лейбница, и Бэббеджа.

Числительный инструментъ Слонимскаго вводитъ отвѣчаетъ такому требованію.

Во-первыхъ, онъ не содержитъ въ себѣ ни пружинъ и никакихъ сложнаго механизма, все его внутреннее устройство состоитъ изъ деревянныхъ палочекъ, на которыхъ наклеена бумага съ написанными на ней цифрами. Во-вторыхъ, — инструментъ величиною равное противъ большихъ счетовъ. В-третьихъ, — на этомъ инструментѣ, посредствомъ весьма-простыхъ дѣйствій, можно производить умноженіе и дѣленіе всякаго числа, состоящаго даже изъ восьми цифръ; соединяя два, три болѣе инструмента вмѣстѣ, можно умножать и дѣлить безконечныя ряды цифръ. Сверхъ-того, инструментъ обладаетъ завращеніе квадратныхъ корней изъ какаго бы то ни было числа. В-четвертыхъ, — вѣрность выкладки не зависитъ даже отъ исправности механизма, ибо инструментъ основанъ на особенной теоремѣ изъ теоріи чиселъ, при посредствѣ которой всегда можно видѣть, въ чемъ и гдѣ ошибка. Незначительный механикъ инструментъ не имѣетъ ничего общаго съ самымъ вычисленіемъ и служитъ только для ускоренія приѣмовъ. В-пятыхъ, — послѣ каждаго приѣма, какъ *должно* число, такъ и *дѣйствіе* производится на виду. Если бы вычисляющій даже получалъ посто-янному приращенію выкладки на числительномъ инструментѣ, то и въ такомъ случаѣ, по окончаніи дѣйствія, онъ бы могъ однимъ взглядомъ удостовѣриться въ точности или ошибочности найденнаго результата. В-шестыхъ, — по чрезвычайной простотѣ своей, этотъ инструментъ можетъ быть исполненъ вслѣдствіи простыхъ ремесленниковъ. (Мы слышали, что теперь этотъ инструментъ отовѣтъ не болѣе 25

руб. 500, а нѣтъ сомнѣнія, что когда онъ сдѣлается предметомъ фабричнаго производства, то (будетъ на дорожке обыкновенныхъ счетовъ).

Привѣтствуемъ отъ всей души это новое, неожиданное, необходимое для науки и важное въ общественномъ бытѣ изобрѣтеніе; пожелаемъ, чтобъ оно скорѣе вошло въ общее употребленіе и вознаградило изобрѣтателя за многолѣтніе, безкорыстные труды, его; по-благодаримъ Академію Наукъ, которая оубица и вынесла въ свѣтъ это изобрѣтеніе, и порадуемся, что оно, посредствомъ Россіи, сдѣлается достояніемъ всего ученаго свѣта и заплатитъ много долги наши европейской наукѣ.

397) Народная Медицина, *примечаніе* въ русскому быту и разнѣкл. *матрицы* Россіи, *изданная докторомъ медицины и хирургіи А. Чаруковскимъ. Отдѣлъ второй: Секранныя здоровья. Часть четвертая. — Отдѣлъ третій: Наружныя Болванки. Часть шестая. Санктпетербургъ. Въ тѣхъ военно-учебныхъ заведеніяхъ. 1845. Въ 8-ю д. л. 272 и 318 стр.*

Г. Чаруковский началъ теперь издавать части своей «Народной Медицины»: одна изъ нихъ (четвертая) есть вторая и послѣдняя часть *отдѣла Секранныя здоровья*, который теперь, такъ какъ-образомъ, конченъ, а другая (шестая) есть дополненіе къ *отдѣлу Народныя Болванки*, поначому въ первой части. Обѣ издаваемыя части *шестая* и *шестая* части *всего* *написаны* *третья* и *цѣлая* *написаны* *уже* *продвину* не только не уступаютъ въ важности, равнообразіи и внимательности *приращенію* *изданнаго*, но еще превосходятъ ихъ. Не мену видно, что *чѣмъ* *дальше* авторъ идетъ въ исполненіи труда своего, тѣмъ болѣе и болѣе совершенствуется самый трудъ. Итъ *болѣе*, что г. Чаруковский доведетъ до окончанія свое прекрасное предпріятіе, и мы будемъ имѣть полную «Народную Медицину» — *книгу*; *недостаюкъ* *какой-то* *тѣмъ* *давно* *былъ* *ожида-* *тельнымъ*.

398) Патологическая Анатомия. Рокитанскаго. Книжка 5. Москва. В университетской типографіи. Въ 8-ю д. л. 567—914 и XII стр.

Продолженіе труда, о которомъ мы уже говорили. Въ 3-й книжкѣ маложно: болѣзненное состояніе мочевыхъ и половыхъ органовъ.

399) Медицинскій Энциклопедическій Лексиконъ, книжки 13-я и 14-я, обработанныя Леемъ. Санкт-петербургъ. 1845. Въ тив. для печ. М. Э. Л. Въ 8-ю д. л. 252 стр. Со множественными рисунками (*).

При теперешней равносторонности и быстрыхъ успѣхахъ медицинскихъ наукъ, для врача посвященнаго хорошей медицинскій лексиконъ, гдѣ бы можно было найти описаніе медицинскимъ предметовъ отчетливое и современное, — необходимъ. Въ чужихъ краяхъ, эта потребность давно уже замѣчена, и тамъ существуетъ нѣсколько изданій такого рода. Естественно, что подобную книгу не въ состояніи написать одинъ человекъ; врачъ, какъ бы онъ ученъ и трудолюбивъ ни былъ, одинъ никогда не въ силахъ объять всего разнообразія медицинскихъ знаній. Поэтому, въ чужихъ краяхъ надъ составленіемъ лучшихъ медицинскихъ лексиконовъ трудилось не одно, не два лица, а нѣсколько. Лексиконы эти тамъ написаны лучшими представителями науки, нѣкими обществанами ученыхъ; въ хорошихъ лексиконахъ большая часть статей освящена именами великихъ людей. Въ Англіи, въ составленіи медицинскихъ словарей участвовали: А. Куперъ, С. Куперъ, Гопъ, Эбернети, Гарисонъ, Лауренсъ, Томсонъ, Листонъ, и другіе; во Франціи: Брювелье, Андраль, Дюпонтронъ, Мажанди, Орфилла, Вельпо, Бульйо, Лальманъ и др.; и лексиконы, написанные такими обра-

зомъ, составляютъ истинно-дѣльную, полезную и необходимую книгу для врача: тамъ почти каждая статья — поучительная, полная монографія.

У насъ доселѣ еще не было медицинскаго словаря. «Медицинскій Энциклопедическій Лексиконъ» есть первая въ этомъ родѣ попытка; и у насъ составить его вѣдись также не одно лицо, а трое: гг. Лей, Тарасовъ и Стрыковский. Впрочемъ, въ вышедшихъ доселѣ книжкахъ, мы видимъ только трудъ одного г. Лей, или правильнѣе сказать обработку, ибо такъ самъ авторъ называетъ трудъ свой.

Вышедшая теперь 13-я книжка «Медиц. Энци. Лексикона» начинается описаніемъ слова *Elatarium*. Какъ переводится это слово по-русски, не сказано. Авторъ, или обработчикъ «Лексикона» говоритъ: «*Elatarium nigrum* есть препаратъ, получаемый чрезъ выжиманіе упомянутыхъ плодовъ (*Elatarii albi*) и *emacremi* вытяжки до-суха». (Мы выписали слова г. Лей съ дипломатическою точностію). Говоря о дѣйстви на человека сока *Elatarii*, авторъ замѣчаетъ: «Препаратъ таковой дѣйствительнѣе, чѣмъ если всю жидкость выпарить до густоты сиропа».

Изъ этого видно, какъ авторъ хорошо знаетъ русскій языкъ. Далѣ въ «Лексиконѣ» слѣдуетъ: «*Orfila* слѣдуетъ сказать опыты надъ собаками; изъ опытовъ этихъ видно, что средство» (какое? не сказано, надо назвать — *Elatarium*) «въ большинствѣ приемихъ (при перевязываніи шнцемъ рѣснаго горла) производитъ тошноту, рвоту и потерю чувствительности; послѣ смерти остаются слѣды воспаления желудка и прямой кишки. Элатерій, будучи врыскиваемъ въ кѣточку, производитъ тѣ же явленія въ прямой кишкѣ, кромѣ-того, сильное воспаление частей, съ которыми средство находилось въ непосредственномъ прикосновеніи.»

Это уже что-то совсѣмъ новое и непонятное! Растолкуйте намъ, г. обра-

(*) Редакція доставлена эта статья изъ провинціи и печатается здѣсь въ томъ видѣ, въ какомъ получена.

большинство «Лексикона»; мы у животных такого явления еще не знали. Собака, у которой перевязано пищеварительное горло, можно было дать *Elatarium*, или другое какое-либо средство; но чтобы *Elatarium* при том производило у животного тошноту и рвоту (!!!)... Мало этого; вы говорите: «Элатерий будучи впрыскиваемъ въ вѣточку производитъ тѣ же явления въ прямой кишкѣ»; и по смыслу вашей статьи выходитъ, что въ прямой кишкѣ также отъ *Elatarium* происходитъ тошнота, рвота и потеря чувствительности. Это опять вещи несмысленныя! Что бы сказала Орфила, виновница этихъ опытовъ, еслибы она могла читать сочиненіе г. Лей?..

На 2-й стр. начинается описаніе слова *Elcosis*. Обработыватель «Лексикона» не любитъ называть предметы такъ, какъ называютъ ихъ теперь всѣ врачи; онъ отрываетъ для своихъ статей названія темныя, старинныя. Можетъ быть, это дѣлается для показанія большей учености. Не великій догадается, что *Elcosis* значитъ то же, что *Ulcus*, т. е. язва. Гдѣ бы вы думали найдти въ «Лексиконѣ» описаніе, напротивъ, слова *Vulnus*, рана? Вы должны его искать подъ именемъ *Exaematosis*; описаніе слова *Emollitio cerebri*, размягченіе мозга, вы должны искать въ «Лексиконѣ» подъ словомъ *Epserphalomatiasia*. Острую головную волянку г. Лей не хочетъ называть понятнымъ для всѣхъ именемъ *Hydrocephalus acutus*; онъ для этого отрылъ гдѣ-то слово *Epserphalochisis*, и проч. и проч.

Статья *Elcosis* написана вообще довольно-поверхностно и безъ вниманія къ предмету; авторъ, очевидно, мало знакомъ съ новѣйшимъ ученіемъ о язвахъ. При частномъ изложеніи язвъ, описано только четыре язвы: вялая, пинготная, *скрофулёзная* (т. е. волотушная) и лютная; обо всѣхъ же другихъ язвахъ нѣтъ ни слова.

На стр. 8-й, г. обработыватель «Лексикона» рассказываетъ очень-страшное патологическое явленіе:

«Онѣ (лютныя язвы) бываютъ по-

сержали, съ широкими дномъ и отдають серозную жидкость въ большомъ количествѣ, которая раздражаетъ орудия части и нѣрѣдко окрашиваетъ холстъ черными пятномъ.»

Во-первыхъ, что за слово *посержали*: язвы бываютъ *посержали*? Такого слова въ русскомъ языкѣ не обрѣтается. Потомъ, мы никогда не повѣримъ г. Лей, чтобы лютная язва отдѣляла серозную жидкость въ большомъ количествѣ, да еще и такую, которая окрашиваетъ холстъ черными пятномъ. Какая бы язва ни была, она всегда отдѣляетъ гной, который можетъ быть различнаго качества. Вотъ это такъ; а чтобы изъ язвы выходилъ не гной, а серозная жидкость, окрашивающая черными пятномъ бѣлье, — это совершенно-несправедливо.

За описаніемъ язвъ по порядку слѣдуетъ статья *Electuarium*, кашка.

«Такъ называется» говоритъ г. Лей: «полужидкая лекарственная форма, густоты сиропа, назначаемая для внутренняго употребленія.»

Сперва видно въ этомъ опредѣленіи незнаніе русскаго языка, а потомъ незнаніе науки. Творцу такой ученой книги непростительно говорить, что кашка есть лекарственная форма густоты сиропа. Въ составъ кашки обыкновенно входитъ порошокъ, — следовательно, тѣло твердое, — и сиропъ, или медь, или смолистый бальзамъ; поэтому уже естественнымъ становится, что кашка должна быть гораздо-гуще всякаго сиропа, и поэтому-то въ фармаціи говорится, что кашка плотностью своею или по густотѣ должна быть похожа на мягкую лепешку, а не на сиропъ.

За опредѣленіемъ слова «Кашка» въ «Лексиконѣ» слѣдуетъ описаніе этого препарата въ нѣсколько строкъ, изъ которыхъ почти ничего нельзя узнать ни о свойствахъ его, ни о способѣ приготовленія различнаго рода кашекъ.

Статья *Epserphalomatiasia*, *размачиваніе мозга* (стр. 17), начинается историческимъ взглядомъ на болѣзнь; тутъ авторъ упоминаетъ имена: *Ростана*, *Лальмана*, *Эберкромби*, *Жандрона*, *Бур-*

дана, Гессе, Фота и Говфенбергера, спускаясь имена ученых, наиболее способствовавших своим изысканиями объясненію этой важной болѣзни. Завѣтъ было бы не сказать здѣсь о трудахъ: Кривель, Борсала, Демамбра, Диран, Фордана, которые для патологич. этой болѣзни, какъ извѣстно, гораздо-болѣе сдѣлали, нежели Гессе, Фота и другіе? Далѣе, авторъ, кажется, хочеть описывать самую болѣзнь, не оговаривая ни слова объ ея опредѣленіи, и говорить:

«Болѣзнь эта проходитъ три періода, изъ которыхъ первый сопровождается иногда столь слабыми явлениями, что онъ вѣрѣно остается не замѣченнымъ ни врачамъ, ни больнымъ; въ другихъ случаяхъ это вовсе не бываетъ, равно какъ болѣзнь иногда не доходитъ до третьяго періода.»

Замѣтимъ слова автора, что первый періодъ вѣрѣно остается незамѣченнымъ ни врачамъ, ни больнымъ; въ другихъ случаяхъ, ягд вовсе не бываетъ. Далѣе, по порядку, слѣдуетъ описаніе припадковъ перваго періода болѣзни, но, такъ, въ которомъ все перестало и ничего нельзя понять, кроме жерца, гдѣ г. Дей замѣчаетъ: «весь первый періодъ проходитъ столь легко и непримѣтно, что больные не требуютъ врачебной помощи. Анхоралъ не замѣчается, репродуктивныя раздраженія совершаются ненарушенными». За симъ слѣдуетъ описаніе втораго и третьяго періодовъ болѣзни въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Второй періодъ. Оказывается иногда спустя нѣсколько дней, въ другихъ случаяхъ спустя мѣсяцы мѣсяцевъ, послѣ перваго появленія предвѣстниковъ, иногда же вдругъ безъ предвѣщающихъ признаковъ.»

«Третій періодъ. Начинается обыкновенно утромъ и по большей части вдругъ такъ, что только рѣдко первый періодъ постепенно переходитъ во второй.»

Послѣ такого описанія явленій болѣзни, мы никакъ не понимаемъ, что за

болѣзнь размагченіе мозга. Опредѣленія болѣзни нѣтъ; перваго періода болѣзни часто не бываетъ, и его вѣрѣно не замѣчаютъ ни врачъ, ни самъ больной; второй періодъ, хотя и случается послѣ перваго спустя многихъ мѣсяцевъ, но его г. Дей не описываетъ, а третій періодъ начинается обыкновенно утромъ, и при всемъ этомъ болѣзнь иногда и не доходитъ до третьяго періода!.. Что жь это за болѣзнь? какъ должно представлять картину патологическихъ явленій размагченія мозга?

При описаніи распознаванія размагченія мозга, на стр. 18-й, сказано:

«*Encephalochysis*, острое излитіе воды въ мозгу также не имѣетъ предвѣстниковъ, свойственныхъ размагченію мозга. Потеря сознания составляетъ первѣйшій припадокъ, напротивъ, паралича одной стороны тѣла, сокращенія мышцъ равно и боли въ конечностяхъ не замѣчается при водяномъ излитіи въ мозгу. Болѣзнь эта начинается голонокруженіемъ, приливомъ крови къ головѣ, ограниченнаго испражненія, больные перестаютъ двигаться, во время сна; вѣки, равно и конечности отъкаютъ.»

Неужели образованному врачу позволительно писать подобнымъ образомъ? *Острое излитіе воды въ мозгу, или при водяномъ излитіи...* Говорится: «излитіе серозной жидкости въ полость черепа, или въ мозгу», а не излитіе воды, потому что изливается серозная жидкость, а не вода. Что такое *ограниченіе испражненія?* и какъ больные перестаютъ двигаться?

На стр. 30-й начинается описаніе ранъ. *Exaetatozis (vulvus)*. Известно, что въ настоящее время ученіе о ранахъ составляетъ одинъ изъ предметовъ хирургіи наиболѣе обработанныхъ и положительныхъ; по-этому мы считаемъ себя въ правѣ требовать отъ Лексикона дѣльнаго изложенія этого предмета; но, къ сожалѣнію, весь трактатъ о ранахъ въ Медицинскомъ Энциклопедическомъ Лексиконѣ изложенъ немногими лучшами другіхъ прел-

слова. Общее обозрѣніе ранъ гласитъ бы еще, если бы она была написана съ болѣею ученостію и опытностію и съ англійскъ русскаго языка, описаніе же ранъ въ частности — самое бѣдное, жалкое и почти въ къ чему не годящее; на-прим., вотъ все, что говорить авторъ о ранахъ селезенки, не беременной матки и о ранахъ яичекъ.

«**Раны селезенки:** Раны селезенки болѣею частью смертельны, по причинѣ значительнаго кровотоčenja и накопленія крови въ брюшной полости. Впрочемъ, леченіе при этихъ ранахъ то же, что и при ранахъ печени.» (Стр. 83.)

«**Раны небеременной матки:** Раны матки небеременной рѣдко бываютъ безъ развитія смежнаты частой, котораго леченіе обходительно весьма важно.» (Стр. 83.)

«**Раны яичекъ:** Воспаленіе, сопровождающее поврежденіе яичекъ, всегда значительно и требуетъ крокъ дженія раны по общимъ правиламъ, строгаго противу-воспалительнаго леченія. Но если яички въ слѣдствіе нагноенія или раненія, пре-терпѣваютъ органическое измѣненіе, то необходимо ихъ вылущить.» (Стр. 84.)

Чему можно научиться изъ такого бисанія? Къ чему же послужили автору труды хирурговъ и физиологовъ новѣйшаго времени? Раненія такихъ важныхъ органовъ, отчетливо представленныхъ въ современныхъ хирургическихъ сочиненіяхъ, такъ жалко авторомъ «Лексикона» пренебрежены!

Немного-полѣе изложено ученіе о ранахъ почекъ, мочеваго пузыря, беременной матки и желудка. При описаніи ранъ суставовъ (стр. 84) не описано даже припадковъ, или явленій, которыми сопровождается этотъ важный родъ болѣзней; не видно также современной эрудиціи при изложеніи разрывовъ мышцъ (стр. 86), и разрывовъ ахиллесовой-жилы (стр. 85).

Большая часть 13-й и 14-й книжекъ Медицинскаго Энциклопедическаго Лексикона содержитъ въ себѣ ученіе о хирургическихъ повязкахъ (*Fasciatio, deligatio*). Авторъ «Лексикона» здесь этотъ предметъ слово-въ-слово заимствовалъ изъ сочиненія нѣдѣстнаго

португальскаго ученаго Тивэ: *Tivé's Anales de Bandages, par M. Tivé* (Paris, 1840). Мы бы за это видошли не только г. Лей, если бы онъ углубилъ короче передать сочиненіе Тивэ, перевелъ его правильно и такъимъ языкомъ, на которомъ бы можно было читать; но и за всѣ на каждой страницѣ встрѣчающіяся общія недостатки всего «Лексикона» — незнаніе русскаго языка. Сперва этого, г. Лей за всѣмъ вѣдалъ въ другую крайность: въ прочихъ мѣстахъ «Лексикона» онъ часто не понимаетъ употребляемыхъ предметовъ по-русски, а при описаніи повязокъ онъ не поставилъ почти ни одного латинскаго термина; для нашихъ же врачей латинскіе термины, какъ извѣстно, почти необходимы. Замѣтилъ бы, на-примѣръ, г. обработывателю «Лексикона» не справиться хоть съ сочиненіемъ профессора Блэннаго, гдѣ большая часть хирургическихъ повязокъ названа латинскъ?

Замѣтилъ еще слѣдующее, — болѣе, впрочемъ, въ предосторожности для молодыхъ врачей. При всякой повязкѣ чрезвычайно важно знать длину и ширину бинта. Тивэ въ своемъ сочиненіи означаетъ ширину бинтовъ метрами и сантиметрами: г. Лей слово «метръ» переводитъ по-русски словомъ «аршинъ», и вездѣ, гдѣ Тивэ соизволяетъ взять столько-то метровъ бинта, г. Лей соизволяетъ взять то же самое количество аршинъ. Отъ этого произошла въ «Лексиконѣ» г. Лей ужаснѣйшая путаница: вотъ повязки вышли коротко-короче, и болѣею частью нѣтъ имъ нѣтъ нѣтъ нѣтъ. Неужели г. обработыватель «Лексикона» не знаетъ, что метръ нѣтъ это сантиметровъ, и что только 11 сантиметровъ составляютъ нашъ аршинъ? Тамъ, гдѣ Тивэ соизволяетъ брать бинтъ въ 10 метровъ, г. Лей соизволяетъ брать бинтъ длиною въ 10 аршинъ и, следовательно, болѣе чѣмъ четвертью аршинами короче подлежащей длины; гдѣ Тивэ говоритъ, что бинтъ долженъ нѣтъ 12 метровъ, г. Лей данъ той же баной повязку соизволяетъ нѣтъ въ 12 аршинъ;

сльдовательно короче против надлежащей длины почти 5-ю аршинами. Такихъ-то образковъ перевыччена въ «Лексиконѣ» г. Делъ жбра всѣхъ появокъ...

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ мы встрѣтили еще большую несообразность: г. Делъ принимаетъ метръ только за поларшина. Въ сочиненіи Тивдѣ, на-примѣръ, сказано:

«*Capeline ou recurrent du moignon après l'amputation de la cuisse à un globe.*»

• *Pièces déligatoires. Des bandelettes de diachylon, des pumaseaux enduits de cerat, de la charpie sèche, deux compresses longues, une languette et deux bandes longues de quatre mètres environ* (page 183, T. 1).

Г. Делъ перевелъ это мѣсто слѣдующимъ образомъ:

• *Покрывающая, или возвращающая односторонняя повязка(е) после ампутаціи бедра.*»

• *Перевозочный снарядъ. Полоски липшаго пластыря, пльмассо, сухая корваля, два длинныя компреса, лонгетъ въ два бинта длиною около двухъ аршинъ» (стр. 210, кн. 14-я).*

Какойъ переводъ?!?! Не нужно быть и врачомъ, чтобъ понять, что рану ногѣ отъяти бедра никогда нельзя перевязать бинтомъ длиною въ два аршина.

Въ заключеніе скажемъ, что г. Делъ, переводя сочиненіе Тивдѣ, не позаботился нисколько о приличной номенклатурѣ. Безъ преувеличенія скажемъ, что большая часть названій появились въ

«Медицинскомъ Энциклопедическомъ Лексиконѣ» въ родѣ слѣдующихъ: *обштеманный подбородочный треугольникъ* (стр. 175); *залца* (стр. 133); *крестообразная двойная содержащая повязка нижней челюсти* (стр. 174); *обштеманный грудной треугольникъ и грудная завязка; крестообразная содержащая повязка одного глаза товооилус* (стр. 171); *слаженный лобно-затылочный губный треугольникъ* (стр. 178); *лобно-затылочный либо лчло-прорывной треугольникъ* (стр. 181). Такая благосудная номенклатура, предлагаемая г. Деломъ, не только напо-

минаетъ намъ левціи одного ветерана, который musculus sterno-sci-domostoidens переводилъ грудничко-подбородко-сосковая мышца, а слово stanium (черепъ) переводилъ, для большаго еразумленія, мозговая коробка, ковчежець, вѣстимлище, набадашникъ, и пр.

400) КРАТКАЯ ЕВРОПЕЙСКАЯ МЕТРОЛОГІЯ, или описаніе мазныхъ мѣръ, стьсовъ и монетъ, въ Европѣ нынѣ употребляемыхъ. Изданіе второе, исправленное. Сочиненіе Э. Петрушевскаго. Санктпетербургъ. Въ тип. Праца. 1845. Въ 8-ю д. л. 122 стр.

Это второе изданіе сочиненія г. Петрушевскаго, о которомъ мы уже говорили въ іюльской книжкѣ нашего журнала.

401) ОБЪ ОТРАВЛЕНІИ . ВИННОМЪ. Сочиненіе Гуфеланда. Изданіе второе. Санктпетербургъ. 1845. Въ тип. Неерсена. Въ 16-ю д. л. 14 стр.

402) БЕРЕГИСЬ ПЕРВОЙ ЧАГИ! Изданіе четвертое. Санктпетербургъ. 1845. Въ тип. Неерсена. Въ 16-ю д. л. 12 стр.

Весьма издательскими, хотя сухо и неуважительно написанныя брошюры. Первая есть переводъ статьи знаменитаго Гуфеланда, напечатанной имъ въ одномъ журналѣ еще въ 1802 году.

403) О ВСЕМИРОДНОМЪ РАСПРОСТРАНЕНІИ ГРАММАТНОСТИ въ Россіи на религіозно-правственномъ основаніи. Москва. Въ университетской типографіи. 1845. Въ 8-ю д. л. 55 стр.

Подъ этимъ именемъ выданы особую книжкою двѣ статьи г. Маслова, напечатанныя въ 6-мъ и 10-мъ нумерахъ Журнала Сельскаго Хозяйства. При выходѣ первой статьи, также отдѣльною книжкою изданной, мы выразили нѣсколько мыслей, возбужденныхъ гипотезами автора (*).

(*). Отеч. Зап. 1845, томъ ХLI (июль) Библи. Хроника, стр. 30.

что мы сказали: «плоха, ненадежна эта нравственность, которая перестает быть нравственностью за порогом крестьянской избы; и если крестьянский быт есть необходимое условие быта нравственного, то люди, уважающие нравственность не на одной бумаге, будут очень себя постыдительно, если променяют вилочную коляску на телегу, а шелковое платье на вилочку: они будут бѣдны, а за то честны; при них, конечно, не останется ни вѣпских колясокъ, ни шелковыхъ платьевъ, но останется нравственность, которая для нихъ (если вѣрить словамъ ихъ) всею дороже на свѣтѣ». Мы сказали такъ (или почти такъ) потому что, по мнѣнію г. Маслова, нравственность простого народа видимо ослабѣваетъ съ приливомъ новыхъ понятій, новыхъ потребностей, съ постепеннымъ удаленіемъ народа отъ простой сельской и земледѣльческой жизни въ жизнь фабрично-промышленную (стр. 9). Мы спросивъ себя: что жъ это за нравственность, которая ослабѣваетъ при выходѣ народа изъ крестьянскаго быта въ жизнь фабрично-промышленную? Эта нравственность, столько восхищающая автора, очень ненадежна, потому что видимо ослабѣваетъ при переходѣ изъ одного быта въ другой? Что жъ случается съ нею, если простой народъ изъ другаго быта перейдетъ въ третій, четвертый и т. д.? Она, вѣроятно, совершенно уничтожится, по русской поговоркѣ: тройное переселеніе стѣбитъ пожара. И потому, если эта высокая нравственность, искренно плѣняющая автора, держится только между крестьянами, обрабатывающими землю, и не держится между тѣми же крестьянами, поступающими на фабрики, то къ ней, разумеется, и путь одинъ: крестьянская изба. Пусть лучше будемъ мы крестьянами, только нравственными, нежели не-крестьянами безнравственными: ибо — повторяю еще разъ — нравственность (какъ это видно и изъ брошюры г. Маслова) всею дороже на свѣтѣ.

Противъ этого спорить, кажется, ничего. Но, представьте наше удивленіе, когда почтенный авторъ, во второй статьѣ своей, заспорилъ съ нами. Число дѣло вызвало косвенный упрекъ, слѣдующаго содержания: «Это основаніе (любовь къ Богу и ближнему) христіанскихъ обязанностей, для всѣхъ общее, не допускаетъ думать, что религіозно-нравственное воспитаніе матерей доступно только крестьянамъ, а не всѣмъ классамъ народа, и что, будто бы, надобно сдѣлаться мужчиною для того, чтобы быть нравственно-хорошимъ человекомъ. Мысль дивная!» (стр. 4). Первая половина этой мысли влѣзала намъ авторомъ, почему мы и сѣбѣмъ возвратили ее по принадлежности. Нискогда не говорили мы, что религіозно-нравственное воспитаніе матерей доступно только крестьянамъ. А вторая половина, дѣйствительно, составляетъ дикую мысль; но это не наша вина, а почтеннаго автора, изъ положеній котораго выходитъ такая мысль. Мы высказали только простое сѣбѣствіе изъ его послѣдствій. Онъ утверждаетъ: Твердая нравственность видимо ослабѣваетъ съ удаленіемъ народа отъ сельской жизни въ жизнь фабрично-промышленную. Мы заключаемъ: ergo, чтобы быть нравственнымъ, надобно быть земледѣльцемъ. Заключеніе вѣрное, и если оно дико, то виноваты послѣдствія автора.

Объяснимъ подробно. Что распространеніе грамотности между крестьянами есть дѣло полезное — это и доказывать стыдно. Сомнѣваться въ пользѣ грамотности могутъ только люди безграмотные. Благонравный человекъ, напротивъ, всѣмъ желаніемъ стремится къ постепенному просвѣщенію невѣжественныхъ своихъ ближнихъ, братій во Христѣ: вотъ почему брошюрку г. Маслова назвали мы благонамѣренной. Но дѣло въ томъ, что г. Масловъ не ограничивается мыслію о распространеніи грамотности: онъ поддѣлываетъ, къ нему должно присоединить эту грамотность. Здѣсь вопросъ

становится вauptaише; и самымъ благонамѣреннымъ человѣкъ можетъ очень ошибаться. Г. Масловъ не шута думать, что распространеніе грамотности свѣдѣетъ крестьянокъ религиозно-нравственными. Но откуда же такое множество безнравственныхъ людей, не смотря на то, что они грамотны? Или г. Масловъ ошибается въ своихъ предположеніяхъ, или его понятія о нравственности особеннаго рода.

404) О Способѣ Взаимнаго Обученія по системѣ Билля, Даниастера и Другихъ. Съ изложеніемъ разности и употребленій во вв Англии, Франціи и друицахъ отдалахъ. Соч. Юсифа Гамеля. Переводъ съ нѣмецкаго. Съ 12-ю картинками. Санктпетербургъ. Въ тип. Имп. Главнаго вв Конт. 1845. Въ 8-ю д. л. 479 вв XI стр.

Весьма-важное и любопытное сочиненіе, составленное со всевозможною вниманіемъ аккуратностью и добросовѣстностью. Въ немъ представлена литература этого предмета, чертежи, изображающіе планы школы въ Англіи, изъ внутренняго расположенія, вв шр. О самомъ книгѣ даетъ понятіе предисловіе издателя:

«Знаюмо двадцати-лѣтїи нѣтъ тому языка вв соединеніи, являюща въ себѣ двѣ языкомъ языкъ. Оно было переведено тогда же у насъ на русскій, а въ Парижѣ на французскій языкъ. — Исторія происхожденія его коротка: докторъ Гамель, въ время путешествія своего по Англіи въ 1818 году, имѣлъ случай, нѣмалѣе шротити замѣтить, обзорѣтн ввзникновенія въ ней тогда школы взаимнаго обученія по системѣ Билля и Даниастера. Научити эти системы живыхъ приложеній въ практикѣ, авторъ Гамель, составилъ описаніе, изъ вв котораго удостоилось вниманія Императора Александра I-го и было издано, по его пределенію.

Понятно, что, при настоящихъ усиліяхъ нашихъ ввразвитіи распространенія просвѣщенія въ низшихъ сословіяхъ народонаселенія, не безполезно было бы

и рѣшился надѣть ее въ новый переводъ; тѣмъ болѣе, что языкъ прежняго довольно не устарѣлъ и все первое изданіе разошлось. При этомъ не маловажно считано замѣтить, что нѣкоторыя примѣчанія къ тексту выпущены въ переводѣ, какъ несообразныя съ настоящимъ временемъ и неотносящіяся къ предмету изложенія.

Переводъ книги прекрасный; изданіе опрятно и даже красиво.

405) Руководство къ Переводу съ Русскаго Языка на Нѣмецкій, Составленное для воспитанниковъ Новородскаго графа Аракчеева Кадетскаго Корпуса. Санктпетербургъ. Въ тип. военно-учебныхъ заведеній. 1845. Двѣ части. Въ 12-ю д. л. Въ I-й части 66, во II-й—116 стр.

Весьма-полезная книжка.

406) Спосокъ узнать роды и виды существительнаго французскаго языка. Санктпетербургъ. Въ тип. военно-учебныхъ заведеній. 1845. Въ 8-ю д. л. 52 стр.

Полезное и хорошо-составленное пособие для изученія французскаго языка.

407) УПРОЩЕНІЕ РУССКОГО ГРАММАТИКИ (.) сочиненіе К. М. Кодинскаго. Санктпетербургъ. Въ тип. Штаба Военно-Учебныхъ Заведеній. 1842. Въ 8-ю д. л. 56 стр.

Эта брошюрка, имѣвшая величайшій успѣхъ при своемъ появленіи, стоить вниманія по мысли, съ какою она написана. По крайней мѣрѣ, такъ намъ кажется, и поэтому мы, хотѣ и поздно, но зато подробно поговоримъ, или, если угодно, пометимъ по ея поводу. Наше мнѣніе и наши мечты о необходимости преобразованія русской азбуки и, въ слабѣеіе этого преобразованія, упрощенія русскаго правописанія, читатель найдетъ въ отделе Критики этой книжки. Отечественныя Записки.

408) **Всемирная История К. Ф. Беккера.** *Переводъ съ латинскаго, изданный Николаемъ Гречемъ. Отдѣленіе второе: Средняя История. Часть V. Санктпетербургъ. Въ тип. Штаба Отдѣльнаго Корпуса Внутренней Стражи. 1845. Въ 8-ю д. л. 455 стр.*

Объ этой Исторіи мы и теперь скажемъ то же самое, что говорили прежде: она не изъ самыхъ лучшихъ и обширнѣйшихъ иностранныхъ сочиненій въ этомъ родѣ; но имѣетъ свои достоинства и заслуживаетъ вниманія. А такъ-какъ на русскомъ языкѣ ничего подобнаго ей не бывало, то для той части русской публики, которая не можетъ пользоваться иностранными сочиненіями иначе, какъ въ русскихъ переводахъ, Исторія Беккера — истинный кладъ. Тѣмъ болѣе жалко, что переводъ дуренъ и небреженъ: видно, что онъ дѣлается на-скорую-руку людьми, незнающими своего языка, и что имя г-на Греча стоитъ въ заглавіи книги только для красоты слога — но не слога самой книги, а только ея слога заглавія. Не смотря на то, мы все-таки рекомендуемъ вниманію публики Исторію Беккера и въ этомъ переводѣ, за величайшаго лучшаго: она богата фактами и манисею фразысловъ.

409) **Вопросы и Задачи изъ Латинской Этимологіи.** *По грамматикѣ Л. Лейббрехта, съ дополненіями для нижнихъ классовъ 1-й Московской Гимназіи. Москва. Въ университетской тип. 1845. Въ 8-ю д. л. 40 стр.*

Это книжка не бесполезная для тѣхъ заведеній, гдѣ преподается еще латинскій языкъ по грамматикѣ Лейббрехта.

410) **Латинско-Русскій Словарь.** *Москва. Въ университетской тип. 1845. Въ 12-ю д. л. 312 стр.*

Въ изданіи подобнаго «Словаря», безъ всякаго сомнѣнія, участвовало желаніе дать тѣмъ пособіе учащимся латинскому языку, которое было бы и недорого и соответствовало ихъ нуждѣ. Желаніе благое и похвальное, за

которое нельзя не поблагодарить автора; съ такою заботливостью простирающаго руку помощи юношамъ, требующимъ его попеченій. Но мы хотѣли бы спросить, для какого класса и возраста учениковъ составитель «Словаря» назначаетъ свою книжку? Предлагая такой вопросъ, мы имѣемъ для этого самое законное основаніе. Вотъ оно. Для изучающихъ латинскій языкъ у насъ есть очень-хорошіе словари, не только полные, обширные, но и такіе, которые, по ихъ меньшему объему и большому удобству, обыкновенно принято называть карманными. Къ числу послѣднихъ принадлежитъ прекрасный словарь, изданный г. Бодыревъ-вышъ. Следовательно, приступая къ составленію своего словаря, авторъ имѣлъ причины быть недовольнымъ всѣми прежними словарями и хотѣлъ представить словарь болѣе-совершенный, болѣе-удовлетворительный. Желаніе, повторяемъ опять, благородное, но, къ-сожалѣнію, оно осталось не болѣе, какъ желаніемъ. На дѣлѣ вышло не такъ. Новый словарь очень-кратокъ. Въ него не вошло много такихъ словъ, которыя часто должны встрѣчаться ученику. Такъ литеръ В занимаетъ всего двѣ странички. Потому «Словарь» этотъ для тѣхъ, которые переводятъ болѣе-серьезныя вещи, недостаточенъ. Немного также онъ можетъ принести пользы и тѣмъ, кто еще не пускается въ глубь, а плаваетъ около берега, т. е. переводитъ болѣе-легкія пьесы. Во-первыхъ, для такихъ учениковъ эти пьесы помѣщаются всегда съ означеніемъ словъ въ латинскомъ словарѣ. Но еслибы и этого не было, то все-таки новый «Словарь» былъ бы имъ не подрученъ по своей сбивчивости. На-примѣръ, въ однокъ мѣстѣ, при существительныхъ третьего склоненія означенъ родителный падежъ, въ некоторыхъ причастельныхъ двухъ окончаній означенъ средний родъ, въ другихъ вѣтъ. Въ причастельныхъ трехъ означеніи не означенъ ни женскій, ни средній. При однокъ многолахъ показаны ихъ прошед-

шее время и сущность, а при других это умолчено. Не знаемъ автора, а можемъ сказать смѣло, что онъ не педагогъ, и трудъ его едва-ли не пройдетъ безъ вниманія.

411) Прогулки по Невскому-Проспекту. Изданіе Егора Расторгуева. 1846. Въ тип. Карла Крайла. Санктпетербургъ. Въ 8-ю д. л. 131 стр.

Не знаемъ, самъ ли г. Расторгуевъ сочинилъ эту книжку, или только издавъ ее; но во всякомъ случаѣ, сочинитель, во-первыхъ, ему не писать самому предисловія къ книгамъ, не получившись сперва писать: «не сочинитель онъ, и по всему замѣтно»; во-вторыхъ, мы посоветовали бы ему не издавать плохихъ книгъ,—и безъ него ихъ у насъ много. Прогулки по Невскому Проспекту написаны съ претензіями, высокими слогомъ, съ сими, оными, конми, таковыми и каковыми, съ пустыми разглагольствами, съ плоскими шутками и тупыми островами. Тутъ говорится о какомъ-то *Тьеръ*, когда явно видно, что сочинитель хотѣлъ сказать о *Тьеръ*, о какихъ-то *помолитвахъ* вмѣсто *помологовъ* (стр. 3). Да еще не мѣшало бы сочинителю или корректору этой книги поучиться русской орфографіи. А то, судите сами: ни смысла, ни таланта, ни занимательности, ни даже правописанія!..

412) Всенный Вечеръ или собраніе сочиненій. Соч. кн. Нв. нисо.... Москва. Въ университетской типографіи. 1843. Въ 12-ю д. л. 24 стр.

Тотъ же самый кн. Нв. нисо..., который доказывалъ недавно совершенство естественнаго міра въ прозѣ, продолжаетъ теперь ту же матерію въ стихахъ. И проза и стихи—совершенство въ своемъ родѣ. Начало перваго стихотворенія: *Воспоминанія о родинѣ*, читается такъ:

Милая, милая, цѣль радости и горе
Мой милый духъ, милая, обнималъ, и
.....

Къ стихотвореніямъ приложены и миленькія прозаическія статейки: «о счастьи добродѣтельныхъ людей» (на 7 страницахъ), потомъ: «анекдоты о тюльпанахъ, розахъ и лиліяхъ» (на 1 страницѣ) и наконецъ, «статя ужъ, объ «Аральцахъ или Аралницахъ», малочисленномъ цокоцѣвнмъ Татаръ узбекскихъ, живущихъ на высотахъ отъ Аральскаго озера и на островахъ оного (на 1½ страницѣ). Боже мой! какое разнообразіе въ твоёмъ эстетическомъ и нравственномъ мірѣ! Цѣна книжки 60 к. сер.

413) Отрывки въ Стихахъ и Прозѣ. Санктпетербургъ. 1845. Въ тип. Фишера. Въ 8-ю д. л. 52 стр.

Удивительная книжка! добрая, важная книжка! Еслибъ въ ней не было стиховъ на нѣкоторые современные событія, можно было бы подумать, что она написана дѣтъ сорокъ назадъ, въ блаженныя времена мадригаловъ и акростиховъ. Кто же остался такъ вѣренъ преданіямъ старины? кто пишетъ теперь провою глубокія мысли о томъ, что благотворительность похвальна, а жизнь наша кратка? кто пишетъ стихами оды и акростихи? Кто этотъ старецъ, или этотъ младенецъ? Прочтите «Акростихъ съ двойными римами, ольной престелной дѣлушкѣ, которую звали *Катокчикомъ*» (стр. 20), прочтите его — и удивитесь душою:

Когда хотѣлъ я твой изобразить портретъ,
Амуръ, шалунъ дитя, порхалъ надо мною,
Тихонько кисть укралъ, и милый свой предметъ
Одной нарисовалъ плѣнительной чертою.
Но трудъ оконча свой, хотѣлъ онъ пошутить,
Чтобъ д(д)ушеньки красой меня обожжить.
И что же увидѣлъ отъ немы? Ошибся я иль вѣтъ:
Какъ капли дѣй, лицевъ съ тобой былъ
.....

Очень-милы! только не-уже-ли есть рожны въ этихъ полустишіяхъ:

Когда хотѣлъ я
Амуръ шалунъ, дитя?

Видно, добрый старецъ забылъ права версификаціи; а если авторъ — дитя, то, видно, еще не выучился штъ.

414) Битва Русскихъ съ Кабардинцами, или прекрасная магометанка, умирающая на гробъ своего супруга. Русская повесть въ двухъ частяхъ. Съ военными маршами и хорами. Сочиненіе Н. Зряхова. Изданіе пятов. Въ тип. Н. Степанова. 1845. Въ 18-ю д. л. Въ 1-ой части 122, во 11-ой—130 стр.

Произведение извѣстнаго романиста Зряхова, отличающагося своею бездарностію. Впрочемъ, какъ гласитъ пресловутое названіе этой русской повѣсти, она выходитъ уже пятый изданіемъ.

415) Дмитрій Іоанновичъ Донской, или ужасное мамоевское побоище. Повесть XIV столѣтія. Соч. Н. Г. Москва. 1845. Въ 18-ю д. л. 122 стр.

Г. Н. Г. тоже, помнится намъ, не новобращенецъ въ ряду сподвижниковъ русской или російской, или, еще правднѣе, расейской исторической литературы; подвиги его также принадлежатъ къ одной категоріи съ произведеніями г. Зряхова и подобныхъ ему сослуживцевъ. На картинкѣ, украшающей твореніе сочинителя «Донскаго», изображенъ какой-то мужикъ огромнаго роста, съ длинными, толстыми, похожими на обрубки ногами, растянувшійся во всю длину своего ужасающаго размѣра. Подпись внизу гласитъ, что этотъ мужикъ — первоначальникъ нашей славы...

416) Записки Полковника Дювара, побочнаго сына Наполеона. Историческій романъ въ трехъ отдѣлахъ. Переводъ съ французскаго. Санктпетербургъ. Т. XLIII. — Отд. VI.

бургъ. Въ тип. Иллі Глазунова и комп. 1845. Въ 12-ю д. л. 330 стр.

Превадорный и пренелѣпый романъ! Переводчикъ понялъ это, и перевелъ его варварскимъ образомъ, даже издалъ съ неисчислимымъ множествомъ опечатокъ. Вотъ нѣсколько строкъ, какъ образчикъ перевода: «Прошу васъ успокоиться, и приказать подать мнѣ чего нибудь для подкрѣпленія себя; мнѣ нужно поотдохнуть; съ самого утра я не сходилъ съ коня». Покуда матушка пошла приказать, чтобы подали закуску, О'Палонъ (сирѣчь Наполеонъ) взялъ меня на руки, прижалъ къ груди, и вынулъ изъ кармана обвитую сткляночку, далъ мнѣ проглотить нѣсколько капель изъ оной; отъ чего я громко вскрикнулъ; ибо это былъ ромъ.—Что вы такое дѣлаете? спросила матушка, вырывая у него сткляночку.—Малецъ долженъ ко всему привыкнуть, отвѣчалъ онъ; я беру его на свое попеченіе; не должно воспитывать его ни К(к)ановникомъ, ни чопорнымъ А(а)б-батовъ.—Тутъ подали закуску и вино; О'Палонъ бросается на оныя; ѣсть и пьетъ почти въ одно время, и едва нѣсколько утоливъ голодъ свой, обнялъ матушку и исцезъ» (стр. 14).—Мучительное предчувствіе вѣщало матушкѣ, что ей готовится каковъ либо великое огорченіе» (стр. 15).—Щедрыи сей даръ привелъ матушку въ величайшее удивленію; она намѣрена была отклонить оной, но зная характеръ О'Палона, отъ сею удержалась. Шькал непроницаемая тайва покрывала сею необычайнаго мужа, и матушка стала къ нему привыкать» (стр. 23).

Забавнѣе всего въ переводѣ сею романа, что оной О'Палонъ и она матушка звали своего сына Лепушкою...

417) Кочубей, Генеральный Судья. Историческая повесть. Николай Семеновскаго. Санктпетербургъ. 1845. Въ тип. Морскаго Кадетскаго Корпуса. Въ 8-ю д. л. 377 стр.

Посредственность хуже бездарности. Бездарность, по крайней мѣрѣ, смѣшить читателя; посредственность наводитъ на него апатію. Это не сонъ, успокоивающій и освѣжающій, а тяжелая дремота, роль какого-то оцѣпенія, слишкомъ-хорошо знакомаго людямъ, которые обязаны читать вслѣдй печатный вздоръ. Увы! пишущій эти строки читалъ *Кочубей, генеральнаго судью*, и вѣрно сердился на него, зачѣмъ онъ погубилъ добраго Самуйловича, зачѣмъ позволялъ женѣ драть себя за чупрыну и цаловалъ у ней за это руку, зачѣмъ подавалъ Петру-Великому нелѣпо-составленный доносъ на Мазепу: не дѣлай онъ ничего этого, — и г. Сементовской не написалъ бы плохой повѣсти, а я, несчастный рецензентъ, не прочелъ бы ея, не испыталъ бы въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ давленія кошмара, не спалъ бы съ открытыми глазами и не думалъ бы съ ужасомъ, что читаемое мною въ книгѣ есть мой собственный бредъ отъ начинающейся горячки... О, Кочубей! ты дважды страдалецъ: разъ погибъ ты отъ Мазепы, другой — отъ г. Сементовскаго... Но я-то, за что же я погибаю тутъ? Вѣдь я невиненъ въ гибели Самуйловича, я не дѣлалъ довоса на Мазепу, я вообще не люблю никакихъ доносовъ, даже литературныхъ, которые считаются самыми невинными, считаются даже особеннымъ родомъ литературы, долженствующимъ замѣнить собою вышедшую изъ употребленія дидактическую поэзію.. И ничего, ничего для моего вознагражденія за прочтеніе книги въ 8-ю долю листа въ 377 страницъ! Я даже ни разу не засмѣялся при живописныхъ описаніяхъ, какъ *madame Кочубей* таскала своего мужа за чупрыну, а онъ благодирилъ ее за науку... Одно только мѣсто поразило меня, но не какъ фактъ поэзіи, а какъ фактъ славянофильской цивилизаціи, славянофильскихъ нравовъ: это описаніе, какъ Любоно Кочубей свою долю *Мотренку* стегала... итѣ бить — *катовала* казацкою нагай-

кою по спиѣ и по прочему... Во всемъ остальномъ ничто не заняло меня, — ни Юлія, которая сдѣлала Мазепу набожнымъ и кроткимъ (я счелъ это за сказку, и притомъ довольно вздорную), ни высокой слогу описаній утренней и вечерней погоды, которыми начинается каждая глава этой повѣсти, — чтобы ей лыщечко! — ни низкой слогу казацкихъ разговоровъ — врагъ бы побралъ ихъ душу! Я никакъ не могъ понять, о чемъ и зачѣмъ толкуютъ эти люди; мнѣ даже казалось, что это не люди, а марьонетки, плохо вырѣзанныя изъ картона и еще хуже размалеванныя... Можетъ-быть, въ этомъ случаѣ, виноватъ не сочинитель, а дремота и зѣвота, съ какими я услаждаю себя чтеніемъ этой несравненной исторической повѣсти; но кто же нагналъ на меня эту дремоту, если не самъ сочинитель, г. Сементовскій?... Богъ ему судья!...

418) *Могила Инока. Истинное происшествіе XIX столѣтія. Сочиненіе Ф. Садовникова. Санктпетербургъ. 1845. Въ тип. губернскаго правленія. Двѣ части. Въ 16-ю д. л. Въ I-й части 111, во II-й — 128 стр.*

Вотъ г. Садовниковъ совѣтъ не то, что г. Сементовскій! Г. Садовникову я очень благодаренъ: онъ разбудилъ меня отъ дремоты, которою магнетически оковалъ меня г. Сементовскій. Истинное происшествіе XIX столѣтія — забавная книжка, она же и не велика. Читая ее, вы безпрестанно смѣетесь, и тамъ, гдѣ герои ея страдаютъ, плачутъ и говорятъ высокимъ слогомъ, и тамъ, гдѣ они шутятъ и спускаются до низкаго слога, или выражаются среднимъ. *Могила Инока* доставила намъ такое удовольствіе, что мы рѣшаемся подѣлиться имъ съ нашими читателями, — тѣмъ болѣе, что они самой книги, конечно, не прочтутъ и даже не увидятъ. И такъ, слушайте! слушайте!

«*Пелена* мрака исчезла съ эфирнаго небосклона; и утро во всемъ блескѣ выхва-

дало на окрестности Петербурга. По островамъ было слышно пѣвіе птицъ, и до чувства обонянія доходило благоуханіе цвѣтовъ, нѣволью до сердца долетаютъ звуки тихого инструмента, слышатся... теряются... и, *(запята!)* замираютъ!... Безлечный рыбакъ закидываетъ неводъ, слышишь его *родную* пѣсню, и такъ мило... восхитительно. Рыбакъ на утломъ челнокѣ несется къ берегу, таща бичеву въ водѣ; поспѣшно закидываетъ на плотъ, привязываетъ чѣлнъ и принимается за работу; чрезъ нѣсколько минутъ вытаскиваетъ неводъ, и множество рыбы вытряхиваетъ въ корзину: онъ доволенъ, — благодаритъ Бога!

Что за перо у г. Садовникова! Какъ онъ пишетъ! Мило... восхитительно! И какая обстоятельность въ его сочиненіяхъ! Чтобъ мной недогадливымъ, или необразованнымъ читателемъ не подумалъ, что благоуханіе цвѣтовъ доходило до чувства слуха, зрѣнія, вкуса или осязанія, г. Садовниковъ предупреждаетъ его, что оно доходило именно туда, куда ему слѣдуетъ доходить, т. е. до чувства обонянія! Вотъ это сочинитель!...

Свидѣтелемъ этой милой и восхитительной картины былъ Булатъ, а Булатъ былъ мирный Черкесъ, принявшій присягу и сдѣлавшійся «кровный Русскому». У Булата былъ другъ Селимъ, тоже Черкесъ, и была дѣва земная, Варвара, а у Варвары была другиня, тоже дѣва неземная, Елена. Съ Булатомъ случилось весьма-забавное, но тѣмъ не менѣе «истинное» происшествіе, о которомъ онъ такъ разсказалъ своему другу: «Я видѣлъ могилу няюка, и на зеленомъ дернѣ стояла на колыняхъ дѣва, простирая руки къ небу... взоръ ея былъ устремленъ въ тотъ юрній край, и лице прекрасной озарялъ полный мѣсяцъ; она молилась, и роскошная грудь ея высоко воздымалась, рыданія олашала владбище!... облака неслись быстро, и порывомъ вѣтра сорвало съ чела ея покрывало, и я узналъ... — Кого?— Варяну... произнесъ тихо Булатъ» (стр. 16 — 15). Между-тѣмъ,

дѣва Варвара читала записки Булата, и ей особенно понравилось въ нихъ слѣдующее мѣсто:

«Булатъ снадѣлъ на камнѣ; у ногъ его *хлокотали* волны Каспійскаго-Моря; онъ (,) глядя на бурную стихію и погруженный въ раздумье (,) произнесъ: не-уже-ли счастье въ подземномъ мірѣ не ожидаетъ меня!... Не-уже-ли тысяча миллионовъ лѣтъ пройдутъ, и лучъ солнца не согрѣетъ мою сирую душу? Но гдѣ же тотъ дневный міръ, въ которомъ такъ счастливо живутъ люди? Можетъ ли духъ мой поселиться въ той благодатной странѣ? Но въ эти минуты Булата выводитъ пѣзъ міра очарованій громкій выстрѣлъ; Булатъ бросается на коня, быстро несется конь его, перепрыгивая глубокія ущелья, за нимъ погоня Русскихъ, пуливязжатъ около его ушей, но его не ранили. Булатъ скрывается... пропадаетъ въ вечерней мглѣ...» (стр. 28 — 29).

Прочтя эти строки, дѣва Варвара сказала дѣвѣ Еленѣ: «Онъ *мужчина съ душой*... можетъ любить пламенно, «нѣжно». Потомъ она самому Булату сказала, что его записки ей нравятся; на что онъ ей отвѣчалъ: «Очень радъ... я не надѣялся, чтобъ моя мораль могла доставить вамъ удовольствіе». Потомъ Булатъ начисто объяснился въ любви съ дѣвою Варварою и поцаловался съ нею, а дѣва Елена упала въ обморокъ отъ ревности и растянулась на полу во весь ростъ, впрочемъ, въ приличномъ положеніи. Булатъ принялъ христіанскую вѣру и явился къ отцу дѣвы Варвары съ преложениемъ. Тутъ произошла препатетическая, т. е. пресмѣшная сцена. Сперва старикъ, ни съ того ни съ сего гонитъ Булата съ глазъ долой, а потомъ вдругъ, ни съ того ни съ сего, обнимаетъ его какъ жениха своей дочери. Нѣжные голубки обручились. Но въ это время Наполеонъ позавидовалъ ихъ счастію и пошелъ съ своими полчищами на Москву. Булатъ оставилъ дѣву Варвару и выступилъ изъ Петербурга съ гвардіею. Этимъ оканчивается первая часть «истиннаго происшествія» г. Садовникова.

Во второй части, въ бородинской битвѣ убили одного барона, который обожалъ дѣву Полину. Убитый, какъ сѣдуетъ на сраженіи, т. е. наскоро простился съ Булатомъ и попросилъ его отдать записку дѣвѣ Полинѣ. Прочтя эту записку, Полина тутъ же взяла да умерла. Сцена вышла пресмѣшная... Булатъ былъ раненъ, вылезался, прѣхалъ въ Петербургъ и пошелъ къ дѣвѣ Варварѣ. «Сердце... утихни... не бойся такъ сильно! душа... не воспламеняй мои фантазіи! не потрясай мои нервы!... остановись... остановись... застынь кровь въ жилахъ моихъ!... дай... дай хладнокровно любоваться «на это зрѣлище» (Ч. II. стр. 81). Но вотъ входитъ Варвара, но уже не дѣва — вѣроломная, она жена Селима! Нѣтъ «силъ!.. простоналъ Михаилъ» (онъ же и Булатъ) «глухо: самъ сатана со всей адской силой... потрясаетъ твердь земную подъ пятой моею!... спиши... спиши искуситель праотцевъ нашихъ... возьми... вырви адскими когтями мое бѣдное сердце!... растерзай его на тысячи частей... и раздай его завистливымъ врагамъ..... Боже... зачѣмъ... *почто ты допустилъ зависть... алчность челоуѣка, отравить мое благополучіе?!... послѣднюю отраду похитили у меня! мои радости украли изъ-подъ руки моею... и кто же... другъ мой... неблагодарный Селимъ!...*» (стр. 91).

Скававъ таковыя слова, Булатъ упалъ въ обморокъ, и рапы его открылись. Селимъ отвезъ его въ Измайловскій Полкъ, откуда взяла его дѣва Елена и привезла къ себѣ домой. Выздоровивъ, онъ влюбился въ эту невеселую дѣву, а выздоровѣвъ, женился на ней. Они «обожали» другъ друга, и на портретъ сі-девант дѣвы Варвары Булатъ не могъ смотрѣть: «Черты ея казались ему чертами искусителя праотцовъ нашихъ» (стр. 109). И Варвара, переставъ быть дѣвою, стала несчастна: Селимъ не любилъ ея и женился на ней изъ денегъ — такой извергъ! Но несчастіе Булата продолжалось не долго: жена его, сі-девант дѣва

Елена, скоро умерла чахоткою, отъ-гря онъ пошелъ въ монахи и умеръ; Варвара, тоже сдѣлавшись монахиней, плакала по ночамъ на его могилѣ. И вотъ вамъ—*Мошпа Инока!*...

Но «истинное проишествіе» и тутъ еще не оканчивается: г. Садовниковъ, въ видѣ эпилога, приложилъ объясненіе, какими хитростями Селимъ успѣлъ разорвать два любящія сердца, какъ перехватывалъ ихъ письма и увѣрялъ дѣву Варвару, что Булатъ убитъ на сраженіи...

И вотъ какія проишведенія не перестаютъ еще появляться въ русской словесности!... Въ октябрѣ появилось *Коварство* г. Черныявскаго; въ ноябрѣ вышла *Мошпа Инока* г. Садовникова: что-то еще явится въ этомъ родѣ въ продолженіи декабря?.. Спасибо нитъ хоть за то, что смѣшны, и рецензентъ можетъ перелистывать ихъ для потѣхи; особенно хорошо дѣйствуютъ они на расположеніе духа рецензента...

419) Мѣсяцесловъ на 1846 годъ. Съ портретомъ Ею Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Михаила Николаевича. Цѣна безъ пераилета 60 коп. сер. Въ Санктпетербургѣ, при Императорской Академіи Наукъ. Въ 8-ю д. л. 264 стр.

Наконецъ, вотъ и «Мѣсяцесловъ», поздравляетъ васъ съ наступающимъ новымъ-годомъ. Содержаніе его—такое же, какое было и въ прошломъ году и въ многіе предыдущіе годы; только на нынѣшній разъ помѣщена въ немъ, какъ-бы въ видѣ особаго прибавленія, весьма-занимательная и обширная статья профессора Савича: *Объ успѣхахъ практической астрономіи вообще, преимущественно же въ Россіи, и о дѣятельности Пулковской Обсерваторіи, съ политически важнымъ изображеніемъ Главной Астрономической Обсерваторіи на*

Пушкиной-Горы. Вотъ въкоторыя за-
жѣтки изъ статьи «Церковное Счисле-
віе»: наступающій 1846-й годъ — про-
стой, не високосный; масовъдъ въ немъ
продолжится 6 недѣль и 6 дней; масля-
ница начнется 10 февраля, великій-
постъ — 17 февраля; благовѣщеніе бу-
детъ въ понедѣльникъ 6-й недѣли по-
ста; пасха — 7 апрѣля; преполовленіе 1
мая, вознесеніе 16 мая; петровъ-постъ
начнется 2 іюня и продолжится 3 недѣ-
ли и 5 дней.—Въ 1846 году весна нач-

нется 9 марта, лѣто 9 іюня, осень 11
сентября, зима 10 декабря.—Въ теченіе
года произойдутъ два солнечныя
затмѣнія, но ни въ Петербургѣ, ни въ
остальной Россіи видны не будутъ;
только въ западныхъ частяхъ Курлянд-
ской-Губерніи и Царства - Польскаго
видимо будетъ начало кольцеобразнаго
затмѣнія 13 апрѣля, передъ самымъ за-
хожденіемъ солнца. Лунныхъ же за-
тмѣній въ 1846 году взъсе не случится.

КНИГИ, ИЗДАВАННЫЯ ВЪ РОССІИ НА ИНОСТРАННЫХЪ ЯЗЫКАХЪ.

42) *Ueber die Leistungen der Kaiserlichen Landwirthschafts-Gesellschaft in Moskau für die Jahre 1841 — 1844. Moskau. Gedruckt in der Universitäts-Buchdruckerei. 1845. Вѣ 8-ю д. л. 51 стр.*

Предметъ этой брошюры — изложе-
ніе дѣйствій Императорскаго Сельско-
Хозяйственнаго Общества съ 1841 до
1844 года. Она составлена довольно-
умно, съ знаніемъ дѣла. Вся исторія
Общества, начиная съ его учрежденія
до настоящаго времени, со всѣми на-
знѣненіями, какія оно испытало въ-про-
долженіи этого періода, съ его посте-
пеннымъ распротравленіемъ и усвер-
шенствованіемъ, представлена хотя въ
краткихъ, но полныхъ чертахъ. Кто
слѣдитъ за развитіемъ сельскаго хо-
зяйства, занимающаго при современ-
номъ ходѣ вещей важное мѣсто въ ря-
ду знаній, для того книжка эта будетъ
интересна.

43) *LANGUE FRANÇAISE. 1-er volume. Prononciation, lecture et premiers principes d'orthographe (avec gravures). A l'usage de la pension Pascault. Par A. P. Moskau. Вѣ тит. А. Семена. 1845. Вѣ 12-ю д. л. 64 стр.*

Г. Павло, извѣстный въ Москвѣ зна-
токъ французскаго языка, предполо-
жилъ составить курсъ французскаго
языка для дѣвицъ. Первая часть кур-
са, «Азбука», теперь отпечатана. Она
общааетъ дѣльный трудъ. За «Азбу-
кой» послѣдуетъ «Choix de récits pour
les premières études en français».

44) *ALPHABET FRANÇAISE. St.-Pétersbourg, à l'imprimerie de gouvernement de St.-Péttersbourg. 1845. Вѣ 12-ю д. л. 32 стр.*

*Alphabet français, a не Alphabet fran-
çaise, такъ же, какъ русская азбука, a*

не русскій азбука. Все остальное обстоятъ благополучно. Изданіе сѣровато.

45) TRAITÉ DE LA CONJUGAISON DES VERBES. *Ouvrage contenant plus de 500 verbes français les plus usités, avec la prononciation figurée, traduits en russe et conjugués dans toutes leurs acceptions, sous une forme entièrement neuve et à la portée de la jeunesse* (О спряженіи Глаголовъ). Tome 1. Москва. Въ университетской типографіи. 1845. Въ 2-ю д. л. 289 стр.

Не много можно насчитать книгъ, которыя бы въ такой мѣрѣ, какъ эта, удовлетворяли потребностямъ учащагося юношества. Предметъ сочиненія автора спеціальны. Онъ избралъ для него спряженіе французскихъ глаголовъ и развилъ этотъ важнѣйшій вопросъ въ грамматикѣ такъ, какъ только можетъ это сдѣлать человекъ, вполне знакомый съ духомъ языка. Мало того, здѣсь видѣнъ опытный педагогъ, который знаетъ всю трудность первоначальнаго изученія грамматики, и одною изъ самыхъ главныхъ задачъ своего педагогическаго званія поставяетъ облегченіе и даже уничтоженіе этой трудности. И дѣйствительно, судя по вѣсному автору, совершенно-новому и болѣе всякаго другаго доступному повліянью дѣтей, должно ожидать, что изданная имъ книжка принесетъ большую пользу учащимся, а можетъ-быть и самыя учащія извлекутъ изъ нея для себя поучительный урокъ. Они узнаютъ, какъ надобно обращаться съ такимъ священнымъ дѣломъ, на которое они призваны. Намъ остается пожелать, чтобъ авторъ этого

замѣчательнаго сочиненія, котораго вышелъ только еще первый томъ, посвѣщилъ изданіемъ второго.

46) LE GUIDE DE L'ENFANCE, ou *cours pratique de langue française à l'usage des commençants* (Руководство къ постепенному практическому изученію Французскаго Языка). *Ouvrage traduit du Wegweiser de M. de Renngarten par Léon Firmin.* SECONDE ÉDITION. Москва. Въ университетской типографіи. 1845. Въ 8-ю д. л. 115 и 26 стр.

Это «Руководство» содержитъ въ себѣ рѣшительно то же, что заключаетъ въ себѣ прочіе «Руководства» къ французскому и нѣмецкому языкамъ, толстыхъ и тонкихъ, въ 8-ю и 24-ю долю листа, въ университетской и не въ университетской типографіи напечатанныхъ. Различается же оно, это «Руководство» отъ другихъ—методой. Въ чемъ состоитъ эта метода, вы, конечно, никогда не узнаете, потому что нѣтъ ничего неопредѣленнѣе методы французскихъ руководствъ; но ужъ такая ихъ метода, чтобъ при каждой новой книжкѣ говорить о новой методѣ. Здѣсь кстати прибавить слова ученаго Магера: «ни бы легко было сорвать маску со всѣхъ этихъ чучелъ, называемыхъ французскими грамматиками, еслибъ только это стоило труда». Науки въ нихъ нѣтъ и помину, знаній не бывало, и, вмѣстѣ всего этого, есть какая-то метода, то-есть: собраніе кой-какихъ правилъ, которыя опровергаются первою французскою же книгою порядочнаго писателя.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЯ И ЖУРНАЛЬНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Въ Отечественныхъ Запискахъ 1846 года, помѣщены будутъ, между прочимъ, слѣдующія статьи, изъ которыхъ большая часть появится въ первыхъ книжкахъ журнала:

Два Минуты, повѣсть графа В. А. Соллогуба;

Андрей, поэма въ двухъ частяхъ, въ стихахъ, И. С. Тургенева;

Княгиня, повѣсть графа В. А. Соллогуба;

Небывалое въ быломъ, повѣсть В. И. Даля (Луганскаго);

Старушка, повѣсть графа В. А. Соллогуба;

Двойникъ, повѣсть Ф. М. Достоевскаго;

Наперсникъ, повѣсть Сто-Одного;
Повѣсть князя В. Ф. Одоевского, и др.

Сверхъ-того, въ отдѣлѣ «Наука» первыхъ книжекъ будущаго года напечатаются: продолженіе «Писемъ объ изученіи Природы», *Искандера*, «Консульства и Имперіи», *Тьера*, окончаніе «Космоса», *Гумбольдта*, — Германскій Тамбовскій Союзъ», рядъ статей объ «Испанской Инквизиціи», составленныхъ по обширному сочиненію *Лоренте*, и пр. и пр. — Въ отдѣлѣ Иностранной Словесности помѣстится новѣйшій романъ *Александра Дюма* «Госпожа Монсюр», который окончится авторомъ въ-теченіе декабря нынѣшняго года. Первая часть его явится въ первой книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ» 1846 года; остальные части будутъ появляться каждый мѣсяцъ безъ остановки.

Въ-теченіе ноября появилась *девятнадцатая тетрадь Императорской Эрмитажной Галереи*, издаваемой господами Гойе-Дефонтономъ и Поленъ Пети. Въ этой тетради находятся превосходныя литографированныя копии съ картинъ: Рембрандта - портретъ Яна Собѣскаго - и Николая Пуссена - Рождество Сципіона; сверхъ-того, тутъ же находятся эстампы съ картинъ: ван-Остада «Лѣто» и Аннибала Караччи «Иисусъ со Крестомъ». — Изданія Императоръ Александръ I и его Сподвижники въ 1812, 1813, 1814 и 1815 годахъ вышло еще семь выпусковъ (28 — 33), въ которыхъ заключаются портреты и біографіи генераловъ: Дохтурова, Инзова, графа Эссена, Рылѣва, Сабанѣва, Балка Цвилева.

Музыкальный журналъ *Нувеллистъ*, издаваемый г. Бернардомъ въ-теченіе четырехъ лѣтъ и пользующійся весьма-заслуженною извѣстностію между столичными и провинціальными дилеттантами, будетъ продолжаться и въ 1846 году, но съ значительными улучшеніями. Вотъ что говоритъ издатель въ своей программѣ:

«Нувеллистъ, основанный съ весьма-полезною цѣлю г-мъ Вольфомъ, былъ, однакоже, далеко отъ совершенства, какого можно было бы ожидать отъ подобнаго изданія. Журналъ этотъ содержалъ пьесъ очень мало, притомъ нѣкоторыя изъ нихъ были помѣщаемы въ отрывкахъ, такъ что часто подписчикъ не получалъ начала или конца весьма занимательной пьесы. Когда, въ 1842-мъ году, по случаю отъ-

была г-на Вольфа за границу, журнал перешелъ къ вышнему его редактору, онъ увидалъ, сколько требовалось важныхъ переименъ, чтобъ усовершенствовать это изданіе, и для того ежегодно, по мѣрѣ увеличенія числа подписчиковъ, расширялъ объемъ журнала произведеніями первоклассныхъ композиторовъ, не увеличивая въ то же время подписной цѣны изданію. Вотъ что слѣдала редакция до-сихъ-поръ, и что обѣщаетъ она принять въ слѣдующемъ 1846-мъ году:

«Въ первый годъ редакціи М. Бернарда, Нувелистъ представилъ гораздо больше пьесъ противъ прежнихъ двухъ лѣтъ, и притомъ всѣ онѣ были напечатаны сплошь, а не въ отрывкахъ; къ каждой тетради былъ прибавленъ русской романсъ, и самая наружность журнала далеко превосходила своимъ измѣщеніемъ прежній Нувелистъ. Черезъ два года, присоединено къ Нувелисту *Литературное Прибавленіе*, которое, по образцу музыкальныхъ газетъ, издаваемыхъ въ Парижѣ, Лейпцигѣ, Вѣнѣ и другихъ городахъ, доставляетъ чтеніе полезное и занимательное. Теперь, когда предпріятіе издателя увѣчалось полнымъ успѣхомъ, когда число подписчиковъ увеличилось *строго*, редакция находитъ въ возможности распространить Нувелистъ, какъ только допускаютъ это предѣлы журнала.

«До-сихъ-поръ въ немъ помѣщались пьесы, большей или меньшей трудности, назначенныя не для начинающихъ. Число этихъ пьесъ простиралось до *восемидесяти*. Оставляя на слѣдующій годъ Нувелистъ въ томъ же видѣ, какъ онъ нынче выходитъ, редакция сверхъ того будетъ прилагать къ каждой тетради **ЕЩЕ ПО ДВѢ ПЬЕСЫ, СОБСТВЕННО ДЛЯ ДѢТЕЙ**. Въ этихъ пьесахъ будетъ назначена самая точная аппликатура, и онѣ, раздаваемые Нувелистомъ, будутъ печататься отдѣльно отъ него, такъ-что по прошествіи года составятъ *особую тетрадь*. Такимъ образомъ, годовое изданіе Нувелиста будетъ содержать больше *такихъ*, доступныхъ для всѣхъ возрастовъ и способностей. Кроимъ того, отъ времени до времени, онъ будетъ украшаться портретами, рисунками, и проч., между-тѣмъ какъ *поднималъ цѣна нисколько не увеличилась*.

«Нувелистъ заключаетъ въ себѣ собраніе помѣщенныхъ пьесъ для фортепьяно, изданныхъ съ строжайшею отчетливостію

изъ множества музыкальныхъ новостей, выходящихъ во Франціи и Германіи. Образцовыя пьесы помѣщаются въ Нувелистѣ, только заслуживъ одобреніе извѣстнѣйшихъ нашихъ артистовъ. Такимъ образомъ, въ концѣ года подписчикъ имѣетъ собраніе превосходныхъ произведеній для фортепьяно, какъ-то: фантазій, вальсовъ, варіацій, мелодій, танцовъ, романсовъ и проч., вышедшихъ въ теченіе года въ Европѣ.»

Такимъ-образомъ, подписчикъ за 10 р. сер. въ годъ получаетъ *больше ста пьесъ* (до 550 страницъ), тогда-какъ, по общепринятой цѣнѣ, то же число нотъ обошлось бы ему по-крайней-мѣрѣ *въ шесть разъ дороже*.

Но и этого еще недостаточно: г. Бернардъ, издававшій при Нувелистѣ ежемѣсячно особый листокъ, подъ названіемъ *Литературное Прибавленіе*, обѣщаетъ на будущій годъ ежемѣсячно *два* такіе листка, — и все это за прежнюю цѣну — за 10 р. сер. безъ пересылки, и 11 р. 50 коп. сер. съ пересылкою. Согласитесь, что трудно быть услужливѣе г. Бернарда и снисходительнѣе въ своихъ требованіяхъ.

Сегодня вышла 12 книжка издающагося при Департаментѣ Сельскаго Хозяйства *Журнала Министерства Государственныхъ Имуществъ*, въ которой содержатся, между-прочимъ, слѣдующія статьи: «Хозяйственныя очерки Могилевской, Минской и Волынской Губерній» г. *Бенике*; «О хлѣбныхъ растеніяхъ» г. *Ходецкаго*; «О мельницахъ» г. *Волкова*, *Шкляева* и *Шеніла*; «О болѣзни картофеля» г. *Рейлекъ*; «Изслѣдованія академика Кенпена о степени населенности Россіи» г. *К. В.*; «Описаніе замѣчательнѣйшихъ помѣщичьихъ имѣній въ Екатеринбургской-Губерніи» г. *Крестиліна*; «Опытъ надъ посѣвомъ сахарной рѣпы и вывлеченіемъ изъ нея сахара» *Н. П. Шиннова*, и проч.

Съ 1846 г., Журналъ Министерства Государственныхъ Имуществъ вступилъ въ шестой годъ своего существованія. При той обширности значенія, которое получили въ наше время экономическіе вопросы, это изданіе, какъ *Летопись Государственной и сельскою хозяйства*, должно обратить на себя вниманіе просвѣщенныхъ хозяевъ и всякаго мыслящаго наблюдателя, слѣдующаго за ходомъ экономическихъ идей и ихъ приложеніемъ къ общезжитію. Въ этомъ изданіи статистикъ и экономъ найдутъ обильные матеріалы, факты изъ современной жизни, освѣщенные наукою народнаго хозяйства; практическіе же сельскіе хозяева почерпнутъ множество полезныхъ наставленій или указаній къ рѣшенію вопросовъ, ихъ занимающихъ. Не говоря о трудахъ самой редакціи, въ этомъ служатъ порукою просвѣщеннѣйшіе наши хозяева, заслуживающіе общее довѣріе: *Демоль, Ешкоптовскій, Карповичъ, Ялицъ, Рудольфъ, Шишковъ* и другіе, имена которыхъ мы привыкли встрѣчать подъ статьями Журнала Министерства Государственныхъ Имуществъ. Сверхъ-того, критическій разборъ хозяйственныхъ книгъ и статей, появляющихся въ другихъ періодическихъ изданіяхъ, отличается тою истинною точкою зрѣнія, стоя на которой читатель не увлечется одностороннимъ взглядомъ ни мнимыхъ агрономовъ, строящихъ экономическое зданіе на вымыслахъ своей фантазій, ни тѣхъ, которые не хотятъ ничего явнѣ, кромя обычая и рутины, и всякому движенію впередъ, всякаго попыткѣ къ улучшенію желаютъ поставить преграду, если не прямымъ дѣломъ, — къ чему не достаетъ силъ, — то по крайней-мѣрѣ своею бездѣйственностью, и физическою и нравственною. Ежемѣсячными обзореніи современныхъ экономическихъ событій ставятъ читателя въ возможность имѣть свѣдѣнія о всемъ, что дѣлается въ хозяйствѣ нашемъ и заграницемъ. Редакція, созывая ту истину, что произведеніе цѣнно потребленіемъ, сообщаетъ по-

Т. XLIII. — Отд. VI.

стоянно свѣдѣнія о торговлѣ внутренней и вишней земледѣльческойи продуктахъ, и такимъ-образомъ собираетъ во едино данныя, ведущія къ рѣшенію вопроса объ облегченіи сбыта, — вопроса, вышѣ всѣхъ занимающаго (*).

Въ заключеніе, должно считаемъ рекомендовать вниманію читателей недавно-открытый въ Петербургѣ книжный магазинъ *Ратькова и комп.* П. А. Ратьковъ давно уже извѣстенъ столичной и иногородной публикѣ, какъ управлявшій въ Москвѣ и потомъ въ Петербургѣ книжнымъ магазиномъ К. А. Полеваго. По превращеніи г. Полевымъ торговли, П. А. Ратьковъ нѣсколько времени содержалъ небольшой магазинъ; но ему не доставало средствъ распространить кругъ своей дѣятельности и употребить съ пользою неоспоримыя дарованія свои и опытность въ книжной торговлѣ. Теперь онъ нашелъ эти средства и открылъ магазинъ, подъ означенною выше фирмою, на Певскомъ-Проспектѣ, противъ Городской-Думы, въ домѣ Рогова. Узнавъ объ этомъ, мы первые успѣли показать ему довѣренность, отдавъ въ управленіе его Контору Отечественныхъ Записокъ; за нами последовали и другіе издатели, вѣрившіе ему продажѣ своихъ книгъ и журналовъ. Теперь въ этомъ магазинѣ можно получать *всѣ*, безъ исключенія, русскія книги, какъ прежнія, такъ и новѣйшія, и смѣло адресоваться къ его хозяину съ своими требованіями. Безукоризненная, извѣстная честность г.

(*) Подписка на Журналъ Министерства Государственныхъ Имуществъ на 1846 годъ открыта въ Газетной Экспедиціи Санктпетербургскаго Почтамта и въ книжномъ магазинѣ Ратькова и Комп. Цѣна за 12 книжекъ 8 р. 50 к. сер. съ пересылкою или доставкою на домъ.

Ратькова ручается каждому, что всякія требованія будутъ выполняемы нѣ скоро и въ точности, и что всѣ торговые расчеты свои онъ будетъ вести, какъ велъ до-сихъ-поръ, аккуратно и безъ замедленія. Издатели книгъ и журналовъ приобрѣтаютъ въ немъ исправнаго комиссіонера, который обязуется, при первомъ востребованіи, выдавать сполна всѣ вырученныя отъ продажи экземпляровъ деньги. Словомъ, книжный мага-
зинъ Ратькова и комп. основанъ на прочныхъ началахъ истинной коммерціи.—на исправности, честномъ и своевременномъ расчетѣ, — и не замедлитъ приобрѣсти довѣріе русской публики, которая вѣрно съ благодарностію будетъ обращаться къ нему съ своими требованіями. Вмѣстѣ съ тѣмъ, появленіе такого полезнаго дѣятеля въ книжной торговлѣ не можетъ не отозваться выгоднымъ образомъ и на литературу. Дай-то Богъ!

VII.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

ГЕРМАНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Говоря, мѣсяца два назадъ, о «Биографическихъ Воспоминаніяхъ Фарнгагена фон-Энзе (Biographische Denkmale -), вышедшихъ въ вышѣшнемъ году, и заимствовавъ изъ нихъ исторію Теодора, короля Корсики, мы обѣщали представить читателямъ біографію Леопольда, князя ангальт-дессаускаго, въ нихъ же помѣщенную. Исполняемъ теперь это обѣщаніе.

Три князя ангальт-дессаускіе были фельдмаршалами прусской службы; блистательнѣе всѣхъ слава Леопольда, который былъ во главѣ прусскаго войска между отцомъ своимъ и сыномъ.

Леопольдъ родился 3 іюля 1676 года въ замкѣ Дессау. Отецъ его, Іоганнъ-Георгъ, владѣтельный князь и фельдмаршалъ курфирста Фридриха-Вильгельма Великаго, потерялъ уже надежду имѣть наследника, и потому рожденіе Леопольда было радостнымъ событіемъ какъ для него, такъ и для всѣхъ его подданныхъ. Всевозможныя попеченія приложены были для сохраненія жизни и здоровья молодого

принца; правда, его не пѣжили, но въ то же время никто не смѣлъ противиться самымъ безразсуднымъ его желаніямъ, никто не смѣлъ сдѣлать ему ни малѣйшаго принужденія. Въ слѣдствіе такого образа воспитанія, вмѣстѣ съ укрѣпленіемъ тѣлесныхъ силъ, въ мальчикѣ развилась неукротимая воля: всякое противорѣчіе выводило его изъ себя, и онъ безнаказанно предавался безумнымъ порывамъ своего гнѣва. Военныя экзерциціи сдѣлались его господствующею страстію; для другихъ занятій у него не доставало ни охоты, ни терпѣнія; обыкновенныя школьныя занятія казались ему слишкомъ-скучными, онъ не хотѣлъ и слышать о нихъ, такъ-что все ученое образованіе его ограничивалось тѣмъ, что онъ слышалъ отъ своихъ приближенныхъ. За то, въ тѣлесныхъ упражненіяхъ всякаго рода показывалъ онъ необыкновенную ловкость; девяти лѣтъ отъ роду, онъ уже сопутствовалъ отцу своему на охоту (которая съ-тѣхъ-поръ сдѣлалась также его страстію)

и раздѣлялъ всё опасности и лишения взрослыхъ; также часто онъ виѣстилъ съ отцомъ своимъ бывалъ въ Берлинѣ, гдѣ видъ воинственнаго двора еще болѣе укоренялъ въ немъ привязанность къ военному ремеслу. Это равное и исключительное стремленіе доставило ему такую извѣстность и возбудило такіа ожиданія, что императоръ Леопольдъ (въ январѣ 1688 г.) далъ ему, одиннадцатилѣтнему мальчику, чинъ полковника въ одномъ изъ пѣхотныхъ полковъ. Насемьнадцатомъ году, онъ лишился отца; но, до совершеннолѣтія, не могъ вступить въ управленіе княжествомъ.

Слѣдуя государственнымъ постановленіямъ, вдовствующая княгиня была назначена правительницею; Леопольдъ, честолюбіе котораго стремилось гораздо-болѣе къ званію воина, чѣмъ къ титуламъ владѣтельнаго князя, съ радостію передалъ правленіе матери и вполне предался страсти своей къ военной службѣ. Но какъ ни сильна была эта страсть, она не помѣшала Леопольду съ такою же силою привязаться къ другому предмету. Луиза Фёзинъ, дочь аптекаря въ Дессау, прекрасная собою и щедро одаренная отъ природы всеми благородными качествами, съ семи лѣтъ раздѣляла дѣтскія игры Леопольда, и одна умѣла укрощать дикую волю молодого принца. Съ лѣтами, дѣтская привязанность превратилась въ страстную любовь. Сначала, никто не беспокоился объ этой привязанности: всё думали, что она угаснетъ сама собою; но ожиданія наставниковъ Леопольда не сбылись. Шестнадцатилѣтняя дѣвушка умѣла воспротивиться страстнымъ желаніемъ любимаго юноши, который въ то же время былъ владѣтельнымъ княземъ. Эта твердость навсегда рѣшила судьбу ея; чистая нравственность и чувство собственнаго достоинства, которая она обнаружила, внушили Леопольду глубокое уваженіе; онъ рѣшился соединиться съ нею узамъ брака и извѣстилъ о томъ мать свою.

Княгиня, испуганная его намѣреніемъ, рѣшилась употребить всё средства, чтобы отклонить сына отъ такого неровнаго союза; она думала, что отдаленіе истребитъ изъ сердца его воспоминаніе о Луизѣ, и предложила ему путешествовать. Сверхъ ожиданія, Леопольдъ не отговаривался и тотчасъ же отправился въ Берлинъ, гдѣ курфирстъ Фридрихъ III предложилъ ему командованіе кавалерійскимъ полкомъ, но потомъ, по собственному желанію Леопольда, далъ ему тотъ самый пѣхотный полкъ, которымъ нѣкогда командовалъ отецъ его и офицеры котораго болѣею частію уже знали и любили его; назначеніе это привело Леопольда въ совершенный восторгъ.

Изъ Берлина, въ сопровожденіи своего гофмейстера, отправился онъ черезъ Нюрнбергъ, Аугсбургъ и Трентъ въ Венецію, въ Римъ и Неаполь; знаменитики искусства не примечали къ себѣ войнолюбиваго юноши; онъ или предавался свѣтской развѣяности или наблюдалъ военное устройство различныхъ государствъ Италіи. Оттуда онъ посѣтилъ Вѣну, гдѣ радушно принятъ былъ императоромъ Леопольдомъ, эрцгерцогомъ Іосифомъ и прочими членами императорской фамиліи. По прошествіи одиннадцати мѣсяцевъ, онъ возвратился въ Дессау.

Прежде всего онъ посѣщивъ къ своей возлюбленной; потомъ обилъ мать, которая съ нетерпѣніемъ ожидала его. Дворъ и городъ раздѣляли радость его прибытія; рано высказалась въ немъ непреклонная воля, которая устрашаетъ отдѣльныя лица, но увеличиваетъ массы соединеніемъ духовной и тѣлесной силы.

Гнѣвъ юноши, владѣтельнаго князя, наводилъ ужасъ на его приближенныхъ, но природныя качества его внушали довѣренность; его непоколебимое мужество возбуждало удивленіе. Съ любовью смотрѣлъ на него каждый изъ его подданныхъ, угадывая въ немъ будущаго героя—честъ своей родины.

Путешествія способствовали развѣтнѣю Леопольда, но нисколько не замѣ-

нили его; склонности и страсти его стали еще сильнѣе, воля еще непреклоннѣе. Такова была и любовь его къ Луизѣ: она не ослабѣла отъ разлуки, напротивъ, усилилась еще болѣе и утвердила въ немъ прежнее рѣшеніе жениться на своей возлюбленной. Мать его все-еще надѣялась какъ-нибудь разстроить этотъ бракъ, но скоро ужасное происшествіе удостоѣрило ее, какъ опасно было противиться желаніямъ сына: Леопольдъ безжалостно умертвилъ молодаго родственника Луизы, почтя его своимъ соперникомъ; онъ горько потомъ раскаивался въ своей ошибкѣ, но дѣло было сдѣлано, и убійство это распространило всеобщій ужасъ.

Одна только страсть къ войнѣ боролась съ его безпокойною любовью; княгиня воспользовалась и этимъ и все устроила для отправленія его въ войску. Противъ Лудовика XIV продолжалась война, и полкъ Леопольда находился въ числѣ бранденбургскихъ войскъ, посланныхъ на помощь Вильгельму, королю англійскому. Весною 1695 года, отправился онъ въ Маастрихтъ и оттуда въ Литтихъ, близъ котораго стояли бранденбургскія войска подъ начальствомъ генерала Арнима. Въ іюнѣ наступило желанное для Леопольда время, и походъ начался осадю Намюра, который защищалъ маршалъ Буффлеръ съ 16,000 человекъ. Главное начальство надъ осаднымъ войскомъ принялъ самъ король Вильгельмъ; но нападеніе поручено было сдѣлать знаменитому голландскому генералу Кёгорну. Здѣсь на восемнадцатомъ году отъ роду началъ военные подвиги свои Леопольдъ; здѣсь впервые выдержалъ онъ жестокой пушечный огонь. Ревность его къ службѣ была неутомима: онъ ходилъ на приступъ, и потомъ работалъ въ окопахъ втрое-болѣе другихъ офицеровъ, и когда, по взятіи города, держалась еще одна цитадель намюрская, онъ пошелъ вмѣстѣ съ королемъ Вильгельмомъ на встрѣчу маршалу Вилльруа, спѣшившему съ сто-тысячною арміею на по-

мощь осажденному городу, — и Вилльруа долженъ былъ отказаться отъ дальнѣйшаго предпріятія. Взятіемъ намюрской цитадели окончилась кампанія, и войска расположились на зимнія квартиры. На слѣдующій годъ, Леопольдъ снова явился подъ стѣнами Намюра, который Французы истребили намѣреніе захватить, и въ награду за свои подвиги получилъ чинъ генерал-майора; но такъ-какъ онъ въ этомъ, ни въ слѣдующемъ походѣ, войска не предпринимали ничего рѣшительнаго, то въ это время онъ учился, слушая рассказы офицеровъ, которые почитались лучшими, съ ними вмѣстѣ отбавлялся на фуражировку и такъ-образомъ узналъ почти всѣхъ офицеровъ, что ему очень пригодилося въ послѣдствіи. Зимю онъ проводилъ въ Лозъ и Гангъ, у короля и курфюрста, которые ему оказывали особенное благоволеніе.

Рисвикскій миръ, подписанный 30 октября 1697 года, окончилъ военные дѣйствія, и войска возвратились домой. Путешествія и походы цѣлымъ годъ удерживали Леопольда отъ принятія управленія княжествомъ; правда, онъ и безъ того пользовался безпрекословнымъ повиновеніемъ и распорядился всѣмъ, чѣмъ хотѣлъ. Теперь же, по заключеніи мира, княгиня-мать передала ему правленіе, и въ маѣ 1698 года городъ и княжество привели ему торжественную присягу. Одна война удерживала его привязанность къ дѣвицѣ Фёзиннъ, но она вислоколько не уничтожила этой привязанности; прежнее намѣреніе возникло съ новою силою и, не смотря на всѣ убѣжденія матери, не обращая вниманія на мнѣнія иностранныхъ дворовъ, въ сентябрѣ того же года онъ вступилъ въ бракъ съ Луизою. Бракъ этотъ былъ постоянно-счастливъ: самая вѣчная привязанность соединяла супруговъ до конца ихъ жизни, и съ іѣтами прежняя бурная страсть превратилась въ продолжительную и спокойную дружбу. Черезъ три года уже, когда Леопольдъ имѣлъ отъ этого брака двухъ сыновей, императорскимъ де-

хретою 29 декабря 1701 года дѣти его признаны были законными наследниками авгальт-дессаускаго дома, и мать ихъ получила титулъ владѣтельной княгини.

Съ 1697 по 1699 годъ, Леопольдъ былъ то въ Дессау, то въ Гальберштадтѣ, гдѣ квартировалъ его полкъ, уменьшенный въ одинъ батальйонъ, по общему уменьшенію прусской арміи. Въ первые годы своего управленія, онъ дѣятельно старался объ устройствѣ своей земли и началъ улучшения, продолжавшіяся во всю его жизнь. Впрочемъ, главною цѣлю его было военное дѣло; онъ выпросилъ себѣ позволеніе укомплектовать свой полкъ и такъ успѣшно вербовалъ солдатъ, что въ три-четыре мѣсяца полкъ его былъ въ томъ же видѣ, въ какомъ онъ принялъ надъ нимъ начальство. Съ жаромъ занялся онъ его обученіемъ, усовершенствовалъ дисциплину, ввелъ ровный, однообразный шагъ и замѣнилъ деревянные шомполъ желѣзными, что положило основаніе скорой и легкой стрѣльбѣ, до него неизвѣстной. Строжайшій порядокъ и точность соблюдалъ онъ какъ въ ничтожныхъ, такъ и въ важныхъ дѣлахъ: оружіе и платье всѣхъ солдатъ были совершенно-одинаковы, и однообразіе господствовало во всемъ. Съ этого времени, солдатскій бытъ сдѣлался увеселеніемъ и живлюю молодого князя Дессау. Привлеченіе курфирстомъ Фридрихомъ III королевской короны Пруссіи, потребовало увеличенія войскъ, необходимыхъ для поддержанія блеска новаго королевства, что дало герою нашему возможность расширить кругъ своей дѣятельности.

Скоро представился случай занять войско настоящимъ дѣломъ: въ 1701 году, между Австріею и Франціею вспыхнула война за испанское наследство; король прусскій, бывшій въ тѣсномъ союзѣ съ Австріею, Великобританіею и Голландіею, далъ повелѣніе генерал-лейтенанту Гейдену двинуться на помощь императорскимъ войскамъ; Леопольду поручена была пѣ-

хота. До 1702 года, не было рѣшительнаго начала военныхъ дѣйствій; въ апрѣлѣ этого года, по смерти короля Вильгельма, союзное войско поступило подъ главное начальство герцога Марльборо и начало враждебныя дѣйствія. Прусскіи войскамъ досталось осаждать Кейзервертъ, крѣпость, занятую французскими войсками; здѣсь Леопольдъ, столь же ревностно трудившійся при осадныхъ работахъ, какъ и въ прежнюю кампанію, умѣлъ обратить на себя вниманіе храбрыми отраженіемъ вылазки неприятеля; четыре дня спустя, при штурмѣ острова на Рейнѣ, онъ первый вышелъ на берегъ, и цѣлый день поддерживалъ упорный бой, личною храбростію подавалъ примѣръ своимъ солдатамъ. За этия сдѣловалъ рядъ подвиговъ блистательной храбрости во все продолженіе кампаніи 1702 года; когда, въ октябрѣ, войска распушены были на зимнія квартиры, Леопольдъ посѣтилъ въ Дессау и оттуда, въ январѣ 1703 года, явился въ Берлинъ и присутствовалъ при торжествѣ вѣнчанія короля Фридриха I; при этомъ случаѣ, онъ пожалованъ былъ кавалеромъ ордена чернаго-орла.

Походъ 1704 года открылся осадю Гельдерна прусскими войсками, но Леопольдъ желалъ болѣе-обширнаго круга дѣйствія и старался перейти къ войска Марльборо, осаждавшаго Боннъ. Здѣсь онъ получилъ чинъ генерал-лейтенанта и другое назначеніе: ему предписано было отправиться къ Дунаю съ 6-ю тысячами прусской пѣхоты, на помощь Лудвигу-Баденскому, силы котораго были слишкомъ-слабы для удержанія сильнаго французскаго войска. Въ четыре недѣли, Леопольдъ прибылъ къ мѣсту своего назначенія. Здѣсь ему досталось составлять часть отряда императорскаго фельдмаршала графа Штирума, который при Гохштедтѣ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ врагами. Давъ повелѣніе ретироваться, фельдмаршалъ увидѣлъ себя отрѣзаннымъ съ тыла; Леопольду первому досталось прикрывать отступленіе. Прелосходство французской кавал-

лерин разстроило ряды союзнаго войска; одинъ только прусскій отрядъ, построившись въ каре, правильно отступалъ къ лѣсу, не подпуская непріятелей; Леопольду оставалось не болѣе, какъ 300 или 400 шаговъ отъ лѣса; тогда непріятельская кавалерія хотѣла врубиться въ этотъ ничтожный отрядъ и съ страшнымъ крикомъ бросилась на правый флангъ; гренадеры, повинуясь необходимости, хотѣли дать залпъ; но Леопольдъ воспользовался этимъ мгновениемъ, чтобъ научить войско послушанію, и въ минуту крайней опасности громкимъ голосомъ скомаандовалъ: «на пле—чо!»; все повиновалось ему и непріятельская кавалерія, какъ бы изумленная дивнымъ отступленіемъ этихъ гренадеровъ, нѣсколько времени не осмѣлилась снова напасть на нихъ; Леопольдъ не потерялъ благопріятной минуты и тихимъ шагомъ достигъ лѣса, густота котораго не допустила кавалеріи преслѣдовать неустрашимыхъ Пруссаконъ. У Нордлингена, Штирумъ собралъ остатки своего разсѣяннаго отряда, который спасенъ былъ отъ коначнаго истребленія только храбростью Леопольда и твердою позиціею саксонскаго генерала Шуленберга. Важнѣе отступленіе Леопольда сняскало ему всеобщее одобреніе, и самъ Штирумъ свидѣтельствовалъ о его необыкновенномъ подвигѣ; храбрость пѣхоты въ этомъ дѣлѣ утвердила въ Леопольдѣ прежнее къ ней пристрастіе, между-тѣмъ, какъ конницу онъ съ этого времени сталъ уважать еще менѣе. Этою неудачною битвою кончился походъ. Въ слѣдующемъ году, король прусскій усилилъ свое вспомогательное войско, и главное начальство надъ нимъ поручилъ Леопольду; войско присоединилось, на берегу Пеккара при Ротвейнѣ, къ арміи принца баденскаго. Медленность полководца, на которую горько жаловался Леопольдъ, дала возможность курфюрсту баварскому соединиться съ французскими войсками и такъ близко подойти къ имперцамъ, что онъ могъ безпокоить перестрѣлкою лѣвый флангъ ихъ: Лео-

польдъ отвѣчалъ сильнымъ огнемъ и во-время остановилъ нападеніе. Между-тѣмъ, къ войску принца баденскаго подоспѣлъ принцъ Евгений-Савойскій, а герцогъ Марльборо привелъ значительный отрядъ изъ Нидерландъ, и при Шаленбергѣ, 2-го іюля, на-голову разбилъ курфюрста баварскаго и маршала Марсина; принцъ же Евгений съ частію арміи, въ которой находились Пруссаки, наблюдалъ за движеніями маршала Таллара (Tallard). (Здѣсь Леопольдъ, къ великому удовольствію своихъ подчиненныхъ, получилъ чинъ генерала-отъ-инфантеріи.) Между-тѣмъ, принцъ Евгений, не смотря на всѣ старанія свои, не могъ воспрепятствовать соединенію маршаловъ Таллара и Марсина и самъ выигралъ соединившись съ герцогомъ Марльборо. Оба войска стали другъ противъ друга при Гохштедтѣ. 13-го августа, закипѣлъ кровавый бой: онъ кончился въ пользу союзниковъ такъ рѣшительно, что, послѣ битвы при Павіи, Французы ни разу еще не терпѣли такого ужаснаго пораженія; потеря ихъ состояла изъ 40 тысячъ человекъ убитыми и плѣнными, 141 орудія, 144 знамени; въ числѣ плѣнныхъ находился и маршалъ Талларъ. Пѣхота Леопольда много содѣйствовала побѣдѣ, и принцъ Евгений писалъ къ королю прусскому великія похвалы его войскамъ, особенно же ихъ предводителю; тогда же онъ объявлялъ, что Леопольду обязанъ большею частію славы, которую покроетъ его эта побѣда.

Французы начали отступать, преслѣдуемые побѣдоносными войсками Евгения и Марльборо; взятіе Ландау окончило эту блистательную кампанію 1705 года и покрыло новыми лаврами князя Дессау. На слѣдующій годъ, войска Лудовика XIV начали опустошеніе Пьемонта; принцъ Евгений былъ отправленъ въ Италію съ сильнымъ войскомъ; ему на помощь назначилъ король прусскій восемь тысячъ отличной пѣхоты подъ предводительствомъ Леопольда, который соединился съ принцемъ Евгениемъ при Веронѣ. Вой-

ска союзниковъ двинулись къ Пьемонту чрезъ Миланъ, и при Кассано сошлись съ войсками герцога Вандома: битва была жестокая и страшная, потери дѣлали побѣду сомнительною. Генералъ графъ Лейнингенъ и молодой принцъ лотарингскій Иосифъ были убиты; самъ Евгенийъ былъ раненъ двумя пулями въ шею и колѣно. Левый флангомъ имперцевъ командовалъ Леопольдъ; онъ бросился въ воды канала, отдѣляющаго отъ него неприятеля; цѣлые батальоны послѣдовали его примѣру и по шею въ воду, подъ убійственными выстрѣлами Французовъ (долны въ буквальномъ смыслѣ покрасѣли отъ крови и наполнились трупами), достигли противоположнаго берега и вытѣснили неприятелей изъ ихъ позицій. Между тѣмъ, Евгенийъ, страдавъ отъ ранъ, не могъ долге распорядиться сраженіемъ и передалъ команду Леопольду; но вѣчера войска его твердо держались, и только темная ночь разлучила сражавшихся. Обѣ стороны приписывали себѣ успѣхъ этого кроваваго дня, въ который потеря враждовавшихъ армій была почти-одинакова. Невыносимое гнѣвіе труновъ принудило оба войска оставить мѣсто битвы; при Ривальто они сошлись снова. Леопольдъ дрался, какъ левъ, и подъ градомъ пуль воспламенялъ примѣромъ своимъ мужествомъ подчиненныхъ. Потера Пруссаконъ убитыми, ранеными и утопущими была огромная, и предводитель ихъ получилъ отъ короля Фридриха I выговоръ, что онъ не щадитъ живыхъ людей, ему вѣрныхъ. Какъ-бы въ вознагражденіе за это, императоръ Иосифъ I прислалъ ему благодарственную грамоту, которая свидѣтельствовала необычайной храбрости какъ его, такъ и всѣхъ офицеровъ и солдатъ его отряда. Леопольду и его Пруссакамъ осталось живое воспоминаніе объ этой битвѣ при Кассано въ военномъ маршѣ, который жители посвятили герою-предводителю и его храбрымъ сподвижникамъ въ знакъ побѣднаго торжества: на разводѣ, когда этотъ маршъ

играть былъ въ первый разъ, онъ такъ понравился князю и его отряду, что съ этого времени сдѣлался любимымъ ихъ маршемъ;—вотъ происхожденіе столь знаменитаго въ послѣдствіи «дессаускаго марша», который почти цѣлое столѣтіе сопровождалъ побѣдосныя знамена Пруссаковъ. Скоро послѣ битвы онъ завезомъ горлячкою и долженъ былъ удалиться въ Брешію, гдѣ ожидала его супруга; чрезъ три недѣли, онъ опять уже явился въ лагерь, но скоро отправился въ Дессау, потому-что войска расположились на зимнія квартиры въ венеціанскихъ областяхъ.

Дѣятельность Леопольда и въ полсраженія была неутомима. Зимю онъ проводилъ то въ Берлинѣ, то въ Магдебургѣ, гдѣ непрерывно заботился объ укрѣпленіяхъ, объ устройствѣ исправной полиціи и даже объ украшеніи города, то занимался охотою, которая по-прежнему была его любимую забавою. Сверхъ-того, онъ ни на мгновеніе не опускалъ изъ вида своей собственной земли, занимался улучшеніемъ учрежденій, строилъ новыя деревни и мызы. Во всѣхъ занятіяхъ его дѣятельною помощницею ему была княгиня; заботы объ управленіи дѣлами и воспитаніи дѣтей скоро заняли все ея время и сдѣлали присутствіе ея въ Дессау необходимымъ, поэтому она должна была отказаться отъ участія въ походахъ Леопольда, въ которыхъ прежде всегда ему сопутствовала; усюкоевный относительно домашнихъ дѣлъ, онъ смѣльте вренянаго закипѣлъ желаніемъ военныхъ подвиговъ. Но нескоро удалось ему выхлопотать себѣ войско, потому-что въ Берлинѣ помнили гибель людей при Кассано, и сверхъ-того получено было извѣстіе о пораженіи герцога Вандома имперскаго генерала графа Ровентлова, при чемъ былъ истребленъ, въ отсутствіе Леопольда, батальонъ прусскаго войска. Наконецъ, вліяніе его побѣдило, и онъ лично отправился въ Италію, гдѣ Французы начали снова осаду Турина. Соединясь съ принцемъ

Евгениемъ, Леопольдъ подступилъ къ стѣнамъ Турвна; Французы должны были снять осаду и отступить, потерпѣвъ жестокое пораженіе. Честь этого дѣла болѣе всего принадлежитъ князю Дессау, который, не смотря на тройное число неприятелей, первый подалъ совѣтъ дѣйствовать рѣшительно, и первый привелъ его въ исполненіе. Изгнаниемъ Французовъ изъ Милана окончилась эта блистательная кампанія, которая заслужила ему похвальную грамоту императора Іосифа I и принесла славу его подвиговъ въ Берлинъ, гдѣ, однакожь, снова замѣтили ему о потерѣ въ войскахъ.

Весною 1707 года, Леопольдъ самъ отправился въ Берлинъ, чтобъ разсѣять неблагоприятное впечатлѣніе, произведенное его побѣдами. Дворъ Фридриха I былъ наполненъ тогда кознями любимцевъ, враждою значительныхъ людей и, если партіи въ чемъ-нибудь соглашались, то для того только, чтобъ обогатиться на счетъ своего повелителя. Между этими людьми, Леопольдъ имѣлъ сильныхъ неприятелей, которые завидовали его славѣ и боялись его вліянія: громко раздавались жалобы, что онъ дерется какъ Австріецъ, а не какъ Пруссакъ и уничтожаетъ силу отечества, добываясь благодарности чужеземца. Давать ему новыя подкрѣпленія, чтобъ онъ уничтожилъ ихъ, говорили они: «неблагоразумно, когда такъ близка тревога сѣверной войны». Дѣйствительно, Шведы, подъ предводительствомъ Карла XII, вторглись въ Саксонію и сильно обезпокоили Германію; впрочемъ, скоро обнаружилось, что Карлъ XII вовсе не желаетъ нападеніемъ на прусскія области нанести себѣ новыхъ враговъ. Не смотря на свою воинственную суровость, Леопольдъ умѣлъ разстроить интриги враговъ, смислать расположеніе наследнаго принца и потомъ привлечь на свою сторону самого короля. Король объявилъ ему, что онъ вполне доволенъ поведеніемъ Леопольда, что высоко цѣнить его военныя дарованія и

необыкновенные подвиги. Въ іюлѣ, Леопольдъ отправился въ Ниппу къ войску, которое готово было напасть на Провансъ. Это смѣлое предпріятіе было бы въ высшей степени опасно для Лудовика XIV, еслибъ Евгенийъ ударилъ на него всѣми своими силами; но вѣтскій дворъ болѣе всего заботился объ упроченіи за собою Королевства-Неаполитанскаго и въ-слѣдствіе этого далъ повелѣніе фельдмаршалу графу Дауну отдѣлиться отъ главной арміи съ значительнымъ отрядомъ, въ которомъ находились и Пруссаки. Евгенийъ и Леопольдъ начали осаду Тулона; передовыя укрѣпленія его уже были взяты и самый городъ стоялъ въ пламени, когда принцъ Евгенийъ повелѣлъ отступать, потому-что отъ Рейна двинулись войска на помощь осажденнымъ, а ожесточенное народное возстаніе грозило гибелью всей императорской арміи. 31 августа, союзники отступили за Варъ, и предпріятіе не имѣло никакого успѣха. Чобъ уничтожить неблагоприятное впечатлѣніе, произведенное ретирадою, принцъ Евгенийъ вознамѣрился сдѣлать нападеніе на Сузу, которая и занята была Леопольдомъ. Здѣсь, вмѣстѣ съ прочими генералами, явился онъ на военный совѣтъ, который созванъ былъ герцогомъ савойскимъ для будущаго похода. На этомъ совѣтѣ вспыхнула вражда, которую давно питалъ къ герцогу Леопольдъ; послѣдній настоятельно требовалъ продолженія войны, но герцогъ былъ нерасположенъ къ ней и говорилъ только о затрудненіяхъ и препятствіяхъ. Громко увѣряли всѣ, что, конечно, ему нѣтъ охоты биться съ Франціею, потому-что онъ получилъ отъ Лудовика XIV большую сумму денегъ и отъ-того разстроилъ осаду Тулона. Послѣ горькихъ и обидныхъ упрековъ, собраніе разсталось съ изъясненіемъ большаго неудовольствія. Герцогъ савойскій никогда не являлся открытымъ врагомъ ни Франціи, ни Австріи; онъ зналъ, что при первомъ непріязненномъ дѣйствіи, владѣнія его прежде всего потерпятъ или съ той или съ другой стороны. Онъ

увидялся, что Леопольд может обвинить его и съ великою умѣренностью высказалъ слѣдующее мнѣніе о Леопольдѣ: «Князь ангальтскій слишкомъ горячъ; когда онъ достигнетъ зрѣлаго возраста, то безъ сомнѣнія будетъ великимъ генераломъ, потому что щедро надѣленъ дарами, составляющими храбраго офицера». Леопольдъ рѣшился не возвращаться въ Италію, если Евгенийъ отозванъ будетъ въ Германію и начальство перейдетъ къ герцогу савойскому. Отведя войска на зимнія квартиры, Леопольдъ поѣхалъ въ Берлинъ, гдѣ принять былъ съ большими почестями и королемъ и наследнымъ принцемъ. Въ январѣ 1708 года, король смотрѣлъ войска, набранныя для итальянскаго похода, и при этомъ случаѣ Леопольдъ торжественно поднесъ ему захваченныя имъ въ прошедшіе походы знамена, штандарты, трубы и проч.

Леопольдъ не участвовалъ въ походѣ 1703 года; подъ начальствомъ герцога савойскаго, въ Италіи онъ служить не хотѣлъ; въ Нидерландахъ же, гдѣ начальство надъ императорскою арміею принялъ принцъ Евгенийъ, Пруссакими со славою предводительствовалъ графъ Лотумъ. Недовольный судьбою, возвратился Леопольдъ въ Дессау и хотѣлъ разсѣять себя дѣятельностью другаго рода. Кромѣ удовольствій охоты, онъ занялся внутренними дѣлами княжества; безпокойный духъ его требовалъ безпрерывнаго движенія; его сильныя страсти искали сильныхъ ощущеній. Много полезныхъ работъ и учрежденій привелъ онъ въ исполненіе; отличныя плотины на Эльбѣ, множество строеній въ Дессау и введенія всякаго рода шли съ необыкновенною быстротою. Могучая рука, которая казалась столь благодѣтельною для массы народа, сильно тяготѣла надъ отдѣльными лицами; воля его требовала безусловной покорности и не терпѣла противорѣчій: всѣ отношенія и права другихъ должны были подчиняться его произволу. Въ это время, начались его предпріятія относительно дворянъ,

владѣвшихъ землею въ его княжествѣ. Въ голову его вселилась мысль, что онъ одинъ долженъ быть владѣтелемъ всѣхъ имуществъ своего государства; онъ старался всѣми силами утѣснять дворянъ, которые волею и неволею должны были продавать ему свои помѣстья. Неудовольствіе противъ насильственныхъ дѣйствій Леопольда распространилось повсюду; но ни горкія жалобы, ни призваніе чуждой помощи, ни формальное прошеніе, подавленное имперскому камергерихту, ничто не помогло. Съ неутомимымъ усердіемъ шелъ Леопольдъ къ цѣли своей и въ послѣдующіе годы, до тѣхъ поръ, пока окончательно не достигъ ея; сверхъ-того, онъ старался пріобрѣсти покупкою владѣнія въ Пруссіи и въ Епископствѣ-Магдебургскомъ, отъ того, что величайшій порядокъ, соблюдаемый во всѣхъ дѣлахъ его, далъ ему возможность располагать значительными суммами денегъ. Впрочемъ, онъ не возвышалъ налоговъ и поборовъ; напротивъ того, старался улучшить состояніе народа. Не въ однихъ этихъ занятіяхъ проходило его время: онъ часто бывалъ въ Берлинѣ и Магдебургѣ, куда прывывали его обязанности службы. Въ апрѣлѣ этого года, онъ видѣлся съ принцемъ Евгениемъ на возвратномъ пути въ Вѣну, и съ королемъ польскимъ, который могъ вздохнуть наконецъ свободно, потому-что шведскія войска выступили изъ его владѣній въ сентябрѣ 1707 года. Вскорѣ послѣ того, посѣтилъ его-самого въ Дессау король прусскій и присутствовалъ при празднествахъ, данныхъ въ честь высокаго гостя. При этомъ случаѣ, Леопольдъ умѣлъ снискать еще большее расположеніе наследнаго принца. Воинственная суровость не препятствовала ему, по-временамъ, быть товкомъ политикомъ, она не мѣшала ему также живо чувствовать семейныя утраты: когда мать его опасно занемогла, онъ, глубоко-опечаленный, поспѣшилъ въ замокъ ея Ораніенбаумъ и съ нѣжною заботливостью ухаживалъ за ней до самой кончины ея.

Въ слѣдующемъ 1709 году, въ бытность Леопольда въ Берлинѣ, наследный принцъ прусскій, которому надобно была придворная жизнь, сообщилъ ему о намѣреніи своемъ участвовать, въ званіи волонтера, въ предстоящемъ походѣ въ Нидерланды. Леопольдъ отъправилъ своего повѣреннаго, гофрата фон-Раумера, въ Вѣну, чтобъ содѣйствіемъ принца Евгенія получить начальство надъ прусскими войсками въ Нидерландахъ; но ему не удалось это, и графъ Лотумъ получилъ снова повелѣніе стать во главѣ отряда, который соединился съ войскомъ въ іюлѣ, когда начата была осада Турна. Леопольдъ былъ неотлучно съ кронпринцемъ, и ежедневно въ обществѣ Евгенія, Марльборо и прочихъ знаменитостей того времени. Леопольду не нужно было особенныхъ побужденій, чтобъ отличиться предъ глазами такихъ свидѣтелей; вездѣ, гдѣ только необходимо былъ тяжелый трудъ, гдѣ грозила большая опасность, онъ раздѣлялъ ихъ съ прусскими войсками, ободрялъ своихъ примѣромъ и воспламенялъ ихъ мужество къ новымъ подвигамъ. Когда, 3 сентября, сдава кърѣпость, Евгений и Марльборо соединенными силами ударили на французскую армию подъ начальствомъ маршаловъ Буффлера и Вильера. Евгений, желая доказать довѣренность свою къ Леопольду, поручилъ ему начальство надъ тѣми прусскими войсками, которыя составляли отдѣльный отрядъ отъ главной арміи, стоявшей при Дорникѣ, но къ вечеру она подошла, и Леопольдъ, къ великой досадѣ своей, долженъ былъ сдать начальство. За тѣмъ послѣдовала кровопролитная битва при Мальплакѣ (Malplaquet), въ которой съ обѣихъ сторонъ пало по 20,000 человекъ. Храбрость Пруссаковъ много содѣйствовала побѣдѣ. Леопольдъ находился неотлучно при Евгеніи и раздѣлялъ съ нимъ всѣ опасности этой страшной битвы. Походъ окончился взятіемъ Монса, послѣдовавшимъ 20 октября.

Леопольдъ не могъ переносить мысли, что онъ долженъ служить волонте-

ромъ въ войсѣ, которое столько разъ водилъ къ побѣдѣ. Всѣ его явные и тайныя дѣйствія клонились къ тому, чтобъ снова получить начальство. Наконецъ, при содѣйствіи принца Евгенія, искательство его было увѣнчано успѣхомъ: король, посѣтившій его въ началѣ 1710 года въ Дессау, объявилъ, что онъ поручаетъ ему начальство въ Нидерландахъ на мѣсто графа Лотума. Въ началѣ весны, вмѣстѣ съ Евгеніемъ прибыли онъ въ Нидерланды и принялъ въ свое распоряженіе 19 батальйоновъ и 42 эскадрона прусскаго войска, состоявшихъ на англійскомъ и голландскомъ жалованьѣ. Не медля ни минуты, двинулся онъ къ осадѣ Дуэ; другое нападеніе на эту крѣпость сдѣлано было по распоряженію Марльборо княземъ Нассау. Французскій генералъ, графъ Альбергоги, храбро защищалъ крѣпость, дѣлалъ вылазки, взрывалъ подкопы. Случилось однажды, что въ то самое время, когда Леопольдъ смотрѣлъ за осадными работами, возлѣ него ударило въ брустверь ядро и обломкомъ ранило его выше праваго глаза; не заботясь ни мало о ранѣ, онъ съ такою же ревностью продолжалъ нападеніе, и 27 іюня крѣпость сдава. Вслѣдъ за тѣмъ взяты были крѣпости Ветюнь, Сен-Венапъ (St. Venant) и Эръ (Aire); послѣдняя, защищаемая храбростью гарнизона и дождемъ, наполнившимъ всѣ рвы, такъ сильно отражала всѣ усилія непріятелей, что Евгений и Марльборо положили уже снять осаду; но Леопольдъ, не обращая вниманія на потерю лучшихъ гренадеровъ своихъ, ринулся на приступъ, и 8 ноября крѣпость водрузила бѣлое знамя; тѣмъ и окончился походъ этого года.

Весною 1711 года, Леопольдъ сопровождалъ Марльборо къ Дорнику, гдѣ назначено было мѣсто собранія всего войска. Здѣсь получили они извѣстіе о важныхъ перемѣнахъ. Императоръ Іосифъ I умеръ 33-хъ лѣтъ отъ рода; брату его, вригерцогу Карлу, назначенному прежде королемъ испанскимъ, предстояли новыя виды. Евгений ото-

дранъ былъ изъ Нидерландъ; ему поручили важные переговоры и, какъ имперскому фельдмаршалу, начальствованіе надъ 45-ти-тысячною арміею и прикрытіе императорскаго избранія, которому грозили Французы. Марльборо сохранилъ начальство; но распоряженіе его двора прештествовало ему дѣйствовать рѣшительно, и потому кампанія этого года не представляла ничего замѣчательнаго.

Смерть императора Юсифа I и избраніе Карла VI измѣнили совершенно видъ войны за испанское наслѣдство. Великобритавія все болѣе и болѣе удалялась отъ союзниковъ, и положеніе Пруссіи становилось очень затруднительнымъ, потому что прусскія войска въ Нидерландахъ, какъ мы уже сказали выше, состояли частію на англійскомъ, частію на голландскомъ жалованьѣ, и теперь первое должно было прекратиться. Король прусскій намѣревался уже дать повелѣніе о возвращеніи отряда своего въ Пруссію, но наслѣдній принцъ гессен-кассельскій (бывшій генераломъ голландской службы) и Леопольдъ уговорили его подождать; вскорѣ потомъ послѣдній принялъ начальство. вмѣсто Марльборо, ввавшаго въ немилость, командование принялъ герцогъ Ормондъ, на содѣйствіе котораго союзники мало имѣли надежды; имѣніе англійскаго генерала скоро обнаружилось: онъ требовалъ, чтобъ Леопольдъ оставилъ принца Евгевія и присталъ къ его сторонѣ; но Леопольдъ твердо держался принятой имъ позиціи и на всѣ убѣжденія отвѣчалъ, что, имѣя королевское повелѣніе вести войну вмѣстѣ съ прочими союзниками противъ Французовъ, онъ безъ поваго повелѣнія изъ Берлина ни на шагъ не отступитъ отъ своего поста. Нѣсколько времени спустя, онъ получалъ одобреніе своего короля и благодарность Карла VI, осыдавшаго похвалами его твердость. Впрочемъ, дѣйствія союзниковъ кончились ничѣмъ. Леопольду поручено было особенное предпріятіе. Давно уже король прусскій имѣлъ споръ съ

Голландскою-Республикою заоравское наслѣдство. Ему обѣщано было княжество Мѣйръ (Meiurg), но генеральныя штаты не выводили своего гарнизона и какъ-бы подерживали притязаніе дома Нассау. Королю надобла эта медленность, и онъ далъ Леопольду тайное повелѣніе: по окончаніи кампаніи внезапно захватить городъ и цитадель Мѣйра, предоставляя, впрочемъ, дѣйствовать по его благоусмотрѣнію. Предпримчивому Леопольду не трудно было составить планъ: онъ собралъ извѣстія о дорогахъ, двинулся изъ Ахена въ Гельдернъ и 6 ноября съ отрядомъ прусскаго войска остановился въ Ордингенѣ, недалеко отъ Мѣйра. Первымъ дѣломъ его было оцѣнить всѣ дороги, чтобъ какъ-нибудь не дошло извѣстіе о его прибытіи; въ полночь, онъ выступилъ съ конницею и гренадерами и достигъ цитадели Мѣйра, предшествуемый нѣсколькими повозками, въ которыхъ нагружены были челноки. Никѣмъ-незамѣченные, солдаты подошли ко рвамъ; нѣкоторые изъ нихъ переплыли на другую сторону; изъ привезенныхъ челноковъ устроили плувучій мостъ и достигли вѣда прежде, чѣмъ часовые успѣли ударить тревогу. Ихъ тотчасъ же обезоружили, коменданта арестовали въ его комнатѣ и, послѣ краткаго сопротивленія, весь городъ былъ занятъ. На третій день, жители должны были присягнуть королю прусскому. Дѣло это произвело волненіе въ Гаагѣ, но Пруссаки остались на мѣстѣ, и въ-послѣдствіи завоеваніе было утверждено за Пруссіею. По возвращеніи Леопольда, король изъявилъ ему полное удовольствіе и 2-го августа облекъ его въ званіе фельдмаршала и дѣйствительнаго тайнаго кригсрата (т. е. воеваго совѣтника).

Во время этого пребыванія въ Берлинѣ, Леопольдъ видѣлъ Петра-Великаго, который прибылъ изъ Дрездена для переговоровъ съ королемъ объ окончаніи сѣверной войны.

Геройскій духъ царя русскаго почувствовалъ симпатію къ родствен-

нимъ ему зачествавъ Леопольда; царь любилъ бесѣдовать съ нимъ и удивлялся, что такой совершенный полководецъ не чуждъ былъ образованію своему вѣка. Въ другое посѣщеніе, сдѣланное царемъ Петромъ королю прусскому, въ сентябрѣ 1717 года, онъ оказывалъ то же расположеніе къ Леопольду и почти во все время пребыванія своего въ Берлинѣ былъ съ нимъ варазученъ.

25-го февраля 1713 года, умеръ король Фридрихъ I, и сынъ его Фридрихъ-Вильгельмъ вступилъ на престолъ. Дворъ и государство почувствовали эту перемену: вмѣсто расточительности и роскоши, вездѣ водворилась умѣренность и бережливость. Новый король, исключительно преданный военному дѣлу, принималъ его образцомъ для всѣхъ постановленій; Пруссія все болѣе и болѣе превращалась въ государство военное, и отъ того, какъ верѣяко бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, средства сдѣлались цѣлѣю. Совершенное согласіе намѣреній и наклонностей соединило короля съ его фельдмаршаломъ; Леопольда высоко уважалъ Фридрихъ-Вильгельмъ за его опытность и ревность къ своему дѣлу. Дѣйствительно, Леопольдъ былъ учителемъ короля; въ продолженіе послѣдняго похода, возникла между ними взаимная довѣренность, которая со стороны короля обратилась почти въ благоговѣніе къ дарованіямъ фельдмаршала; онъ самъ былъ свидѣтелемъ его славныхъ дѣлъ, его блистательной храбрости, и былъ увѣренъ, что никто дѣлше его не могъ сохранить и увеличить государство. При такомъ расположеніи короля, Леопольду не трудно было стать на величайшую степень политическаго вліянія. Онъ сдѣлался предготочіемъ всѣхъ совѣтовъ и предпріятій, душою всей военной жизни, а къ этимъ-то формамъ, по-видимому, только и желало проявиться государство. Вся, что необходимо не принадлежало къ солдатскому быту, дѣлалось очень-низко, и суровая жесткость и грубость военнаго ремесла начала про-

никать во всѣ отношенія общественной жизни. Между придворными, милость короля и вліяніе на дѣла государства раздѣлялъ съ Леопольдомъ одинъ генералъ фон-Грумбовъ, человекъ обширнаго ума, неистощимаго остроумія и, — въ чемъ признавались самые враги его, — весьма-свѣдущій въ дѣлахъ; съ этимъ вмѣстѣ, въ немъ соединены были недостатокъ мужества, который, впрочемъ, онъ искусно умѣлъ прикрывать. Такъ-какъ, въ званіи полководца, онъ не могъ никогда быть соперникомъ Леопольда, то они не дѣлали другъ другу, и потому скоро сошлись. Теперь Леопольдъ почти не выѣзжалъ изъ Берлина: общество его сдѣлалось необходимою для короля. Фридрихъ-Вильгельмъ два раза посѣтилъ княжество Дессау, которое приняло видъ совершенно - прусскій: тамъ вездѣ встрѣчались прусскіе жандармы, которые привыкли къ службѣ на глазахъ Леопольда; тамъ устроенъ уже былъ и кадетскій корпусъ, воспитанники котораго избираемы были самими княземъ. Подобно королю прусскому, императоръ Карлъ VI старался оказать ему всевозможные знаки своего уваженія: императорскою грамотою своею далъ онъ ему и его преемникамъ титулъ «свѣтлости» (Durchlaucht), тогда какъ имперскія канцеларіи давали ему до-сихъ-поръ только титулъ «высокородяннаго» (hochgeboran).

Безкровности Южной-Европы окончились для Пруссіи 11 апрѣля 1713 г. миромъ въ Утрехтѣ, а для императора и имперіи — 17 марта слѣдующаго года въ Раштадтѣ. На сѣверѣ Пруссіи, предстояли новыя военныя дѣйствія. Еще длилась война между Карломъ XII и державами, противъ него соединившимися; Фридрихъ-Вильгельмъ I увидѣлъ своегосударство окруженнымъ чужими войсками, которыя иногда проходили черезъ его владѣнія и легко могли сдѣлать ихъ театромъ войны. Для удаленія сѣверной войны отъ предѣловъ Германіи, императоръ и имперія, договоромъ, заключеннымъ еще въ 1710 г.

съ шведскимъ сенатомъ, утвердили нейтралитетъ германскихъ земель Швеции. Ничто не могло быть благопріятіе для Шведовъ, потому-что этотъ договоръ охранялъ тѣ изъ ихъ земель, которыя они не въ состояніи были защищать отъ Русскихъ, Датчанъ и Саксонцевъ. Изъ отдаленной Турциі, куда отбросило его поражение подъ Полтавою, Карлъ XII легкомысленно отвергнувъ сдѣланныя ему предложенія, и оружіе союзниковъ тотчасъ же обратилось противъ Помераніи. Русское войско, подъ предводительствомъ князя Меньшикова, усиленное саксонскими отрядами, подошло къ Штетину, чтобъ начать осаду этого города. Въ такомъ стѣсненномъ положеніи, шведскіе правители отправили къ королю прусскому барона Герца, съ предложеніемъ, въ случаѣ прекращенія непріязненныхъ дѣйствій, отдать ему въ залогъ мира Штетинъ и Висмаръ. Но шведскій комендантъ въ Штетинѣ, Мейерфельдъ, безъ особеннаго повелѣнія короля не соглашался передать въ чужія руки такую важную крѣпость. Русскіе и Саксонцы взяли Штетинъ штурмомъ, и переговоры о залогѣ возобновились по-прежнему; король прусскій долженъ былъ выслать союзникамъ, готовымъ отступить, сто тысячъ талеровъ и заплаты Штетинъ, съ тѣмъ, чтобъ, по заключеніи мира, король шведскій могъ выкупить его за такую же сумму. Саксонскій дворъ всеми силами хлопоталъ объ этой сдѣлкѣ, опасаясь, чтобъ Русскіе, захвативъ Штетинъ, не утвердились навсегда на берегахъ Одера. При переговорахъ объ этомъ, бывшихъ въ Шведтѣ, особенную дѣятельность обнаружилъ князь Меньшиковъ, голландскій посолъ Бассевичъ и саксонскій генералъ графъ Флемингъ. Король былъ еще въ нерѣшимости; онъ предвидѣлъ, что Карлъ XII съ гордостью отвергнетъ договоръ, и отъ-того неминуемо должна послѣдовать война съ Шведами; но наконецъ далъ согласіе свое, руководимый совѣтами Леопольда, который съ наслажденіемъ видѣлъ перспективу новыхъ битвъ и новой

славы. 6 октября подписанъ былъ договоръ, по которому Россія и Саксонія получили назначенную сумму и вывели свои войска; сверхъ-того, два батальона Шведовъ в такое же число прусскихъ солдатъ составили гарнизонъ Штетина. Фридрихъ-Вильгельмъ самъ увидомилъ обо всемъ короля шведскаго и ставилъ ему на видъ спокойствіе всей Швеции и уплату отвѣстительно-ничтожной суммы денегъ. Но Карлъ XII отвергнувъ всѣ условія, объявилъ себя ничѣмъ-необязаннымъ королю прусскому, и возвѣстилъ о скоромъ своемъ прибытіи. Фридрихъ-Вильгельмъ увидѣлъ необходимость утвердиться въ Штетинѣ, и потому мало-по-малу ввелъ прусскій гарнизонъ сполна; по обычной осторожности своей, заставилъ онъ жителей принести присягу въ вѣрности себѣ и королю шведскому вѣстѣ, чтобъ они оставались спокойны въ присутствіи Карла XII, прибытія котораго ожидали каждый день.

Въ слѣдующемъ году, событія на сѣверѣ снова увлекли все вниманіе прусскаго двора. Въ ноябрѣ, прибылъ изъ Турциі въ Штральзундъ Карлъ XII, и шведское дѣло приняло совершенно иной оборотъ. Онъ объявилъ, что считаетъ договоръ ничтожнымъ и съ гордостью отвергнувъ мирныя предложенія, сдѣланныя ему Фридрихомъ-Вильгельмомъ чрезъ генерала Шлихтенбаха. Онъ требовалъ безусловной сдачи Штетина; не видя исполненія этого требованія, началъ истреблять прусскіе гарнизоны, и на островѣ Узедомѣ захватилъ въ плѣнъ до 500 Пруссаковъ; такимъ-образомъ, война была объявлена. Тѣсный союзъ заключенъ былъ въ февралѣ 1715 года между дворами Берлинскимъ, копенгагенскимъ, дрезденскимъ и ганноверскимъ: со всехъ сторонъ изготовились къ походу, о которомъ ревностіе другихъ хлопотали Леопольдъ и графъ Флемингъ. Въ началѣ мая, въ лагерѣ между Штетиномъ и Шведтомъ, Фридрихъ-Вильгельмъ сдѣлалъ смотръ всему войску, состоявшему изъ 28 тысячъ Пруссаковъ и 8

тысячь Саксонцевъ: начальство надъ ними онъ вѣрилъ Леопольду; въ концѣ июня, они двинулись къ Штральзунду; туда прибылъ съ полками своими и король датскій, такъ-что подъ начальствомъ Леопольда собралось до 46 тысячъ человекъ. Какъ ни значительны были силы союзниковъ, Карлъ XII, во главѣ своихъ 9 тысячъ, былъ еще страшнымъ противникомъ; къ-тому же, положеніе его въ Штральзундѣ было для него весьма-благопріятно. Леопольдъ хорошо понималъ, что съ подобнымъ врагомъ должно дѣйствовать осторожно, и потому старался занимать всѣ мѣста, въ которыхъ находились шведскіе гарнизоны. По прибытіи прусской артиллеріи къ стѣнамъ Штральзунда, началась осада этого города. Передовыя укрѣпленія, устроенныя между моремъ и болотомъ, случайно пали въ руки союзниковъ. Одинъ прусскій офицеръ (Фридрихъ-Великій называлъ его «Гауди», другіе писатели «Кёппель»), часто купаясь у морскаго берега, замѣтилъ мелкое мѣсто: онъ изслѣдовалъ его ночью, когда западный вѣтеръ отогналъ морскія волны, и нашелъ твердое дно. Онъ сообщилъ объ этомъ королю и, съ согласія его, началъ дѣйствовать. Съ избраннымъ отрядомъ въ 1800 человекъ, пробрался Кёппель по полсъ въ водѣ до мелкаго мѣста; незамѣченный никѣмъ, достигъ онъ крѣпостнаго вала, взошелъ на него, и между тѣмъ, какъ Шведы отвлечены были на другую сторону ложнымъ нападеніемъ, овладѣлъ укрѣпленіями, гарнизонъ которыхъ, состоявшій изъ трехъ шведскихъ полковъ, былъ или перебитъ или взятъ въ плѣнъ.

Послѣ такого удачнаго начала, Леопольдъ приступилъ къ завоеванію острова Рюгена, безъ котораго невозможно было овладѣть Штральзундомъ. Блвль Грейфсвальда собралъ онъ до 400 лодокъ и съ восемнадцатю тысячами Пруссаковъ, Датчанъ и Саксонцевъ переправился на островъ Рюгенъ, гдѣ вышелъ въ такомъ мѣстѣ, куда его менѣе всего ожидали. Леопольдъ не пренебрегалъ никакими средствами,

чтобъ съ успѣхомъ встрѣтить своего противника. Онъ раздѣлилъ войска на три отряда: передніе два состояли изъ пѣхоты, третій изъ кавалеріи; кромѣ того, шесть эскадроновъ кавалеріи оставались въ резервѣ; мѣсто, гдѣ расположено было войско, онъ велѣлъ обвести рвами и каналами съ такою поспѣшностью, что все уже готово было къ полуночи. Многіе генералы находили эту работу тягостною и совершенно-безполезною; они увѣрили, что король шведскій слишкомъ занятъ въ Штральзундѣ, чтобъ безпокоить ихъ на островѣ Рюгенѣ; но скоро увидѣли, что Леопольдъ былъ правъ. Услыша о высадѣ войскъ, Карлъ XII тотчасъ же явился на островъ Рюгенъ; ниѣя при себѣ нѣсколькихъ храбрыхъ офицеровъ, онъ сталъ во главѣ четырехъ тысячъ человекъ и ринулся на союзниковъ, не спрашивая, по обыкновенію своему, о числѣ ихъ. Въ четыре часа ночи, прусскіе часовые слышали непріятеля, ударили тревогу, и въ одно мгновеніе весь прусскій лагерь былъ подъ ружьемъ. Первый натискъ Шведовъ остановленъ былъ валомъ и рвами; Карлъ съ изумленіемъ и отчаяніемъ увидѣлъ крѣпость, которую сила воли и предусмотрительность Леопольда воздвигли какъ-бы волшебствомъ. «Возможно ли?» воскликнулъ онъ: «я этого никакъ не ожидалъ». Остановившись на нѣсколько минутъ, онъ велѣлъ завалить ровъ чѣмъ попало, и вызывая храбрѣйшихъ изъ своего отряда, самъ съ обнаженною шпагою бросился на укрѣпленія. Неукротимый натискъ шведскаго героя поколебалъ ряды датскаго отряда, его встрѣтившіе; но прусская пѣхота открыла сильный огонь и штыками проникнула въ ровъ осаждавшихъ. Вслѣдъ за тѣмъ ударила на Шведовъ прусская кавалерія; Карлъ XII былъ раненъ, и черезъ четверть часа Шведы начали отступать. Леопольдъ далъ знакъ преслѣдованія; бой завязался снова съ прежнею яростію; Карлъ XII не хотѣлъ отступать ни на шагъ; уже пали вѣрные подвижники его Гротгугенъ, Бассевичъ,

Дальдорфъ и Дюрангъ; уже самъ онъ былъ раненъ во второй разъ и легко могъ попасть въ плѣнъ, когда графъ Понатовскій насильно увлекъ его въ крѣпость и оттуда вмѣстѣ съ нимъ переправился въ Штральзундъ; на мѣстѣ сраженія осталось до шести-сотъ Шведовъ убитыми и ранеными. Вслѣдъ за тѣмъ, союзники взяли крѣпость, и такимъ-образомъ завоеваніе Рюгена было кончено; тогда уже всѣ силы свои устремили на Штральзундъ. Леопольдъ съ жаромъ приступилъ къ интурму и, потерявъ значительное число людей, захватилъ крытый путь и потомъ, 17-го декабря, овладѣлъ бастіонами, которые Карлъ XII лично защищалъ и нѣсколько разъ пытался возвратить, сражаясь какъ простой солдатъ. Наконецъ, доведенный до крайности, Карлъ XII принужденъ былъ оставить крѣпость и, въ виду датскаго войска, съ опасностью поспѣть въ плѣнъ, переправился въ Швецію. 22-го декабря сдался Штральзундъ, и 26-го вступили въ него оба короля въ сопровожденіи Леопольда и другихъ генераловъ. Этотъ удачный походъ противъ Карла XII возвелъ Леопольда на высшую степень воинской славы. На часть ему досталась богатая добыча, а по миру, заключенному вскорѣ послѣ смерти Карла XII, Пруссія сохранила обладаніе Штеттиномъ и Помераніею до рѣки Песны и островами Волинномъ и Узедомомъ.

Этимъ блистательнымъ походомъ заключается первый періодъ военныхъ подвиговъ Леопольда; ему теперь было сорокъ лѣтъ отъ роду, онъ находился на верху славы, въ полномъ развѣтѣ силъ и съ славною будущаю; но за этимъ послѣдовалъ цѣлый рядъ мирныхъ лѣтъ и стѣснилъ дѣятельность его на поприщѣ, мѣтѣ для него благоприятномъ. Правда, и тутъ онъ обнаружилъ по-прежнему желѣзную волю и рѣшимость, но онъ не имѣлъ прежнихъ результатовъ и не приобрѣли ему славы. Независимое положеніе его, какъ владѣтельнаго князя, родство его съ королевскимъ домомъ, привязан-

ность къ нему войска, его воинская слава и личные качества, въ соединеніи съ милостью и довѣренностью короля, должны были, по-видимому, уничтожить всякое соперничество при дворѣ и доставить ему вліяніе на всѣ государственныя дѣла. Король былъ съ нимъ неразлученъ; въ знаменитой «табачной коллегіи», Леопольдъ (хотя самъ никогда не курилъ) пользовался послѣ короля первымъ мѣстомъ; сходство вкусовъ соединило ихъ: военныя экзерциція и охота были изъ любимыхъ занятіями.

Но при дворѣ же, онъ встрѣтилъ себѣ сильнаго противника — королеву прусскую, которая знала, что онъ былъ противъ брака ея съ королемъ, и за это питала къ нему непримиримую ненависть; интриги и ссоры наполнили придворную жизнь: сначала, произведены онѣ были министромъ финансовъ Крейцомъ, который хотѣлъ погнати вліяніе Леопольда и Грумбкова; потомъ причиною несогласій было избраніе воспитателей для наследнаго принца, который въ 1718 году долженъ былъ перейти подъ надзоръ мужичинъ. По настоянію королевы, первое мѣсто получилъ генерал-лейтенантъ графъ Финкъ, второе подполковникъ Калкштейнъ, представленный Леопольдомъ и извѣстный королю точностью и строгостью своею въ военной службѣ.

Чтобъ сохранить вліяніе и преимуществу въ этой борьбѣ, Леопольдъ и Грумбковъ не должны были переступать границъ; они не умѣли дѣйствовать такъ искусно; враги воспользовались этимъ, и страшныя клеветы возынались на любимцевъ: ихъ обвиняли въ желаніи погубить короля и его наследника и на престолъ возвести маркграфа шведскаго, племянника Леопольдова. Какъ много имѣли вліянія клеветы эти на умъ короля, доказала его опасная болѣзнь, во время которой онъ, по внушенію королевы, не допустилъ къ себѣ ни Леопольда, ни Грумбкова, и во выздоровленіи его, они узнали чрезъ придворную даму Бла-

силъ (*), что маркграфъ шведскій исключень изъ наслѣдства, тогда-какъ, въ случаѣ смерти кронпринца, престолъ слѣдовалъ ему по праву. Книжка въ томъ и досадою, Леопольдъ рѣшился во что бы ни стало ослабить вліяніе королевы и измѣнить завѣщаніе. Неожиданный случай далъ ему возможность дѣйствовать.

Недовѣрчивость короля къ его приближеннымъ поддерживалась особенными извѣстіями, которыя съ нѣкотораго времени оставались для всѣхъ тайною. Разные обмань, хитрости и интриги, считавшіеся при большей части европейскихъ дворовъ вѣрными орудіями государственной политики, образовали наконецъ такой удивительный лабиринтъ сплетней, въ которомъ не могли отыскать нити самыя виновники его. Въ такихъ обстоятельствахъ, не трудно было возвыситься какому-нибудь ловкому человѣку, который понималъ бы это смѣльное интригъ. Князь трансильванскій, Францъ Ракоцкій, игравшій нѣкоторое время важную роль, удаленъ былъ съ поприща превосходствомъ императорскаго оружія. Онъ жилъ въ окрестностяхъ Парижа, подъ покровительствомъ Людовика XIV и оставался страшилищемъ для императорскаго двора, власть котораго долго не могла утвердиться въ Венгріи. Съ нимъ въ сношеніяхъ находился какой-то венгерскій дворянинъ, извѣстный подъ именемъ Клемента; съ 1708 года, онъ былъ употребляемъ Ракоцкимъ въ дипломатическія дѣла въ Англіи и Франціи; въ качествѣ его уполномоченнаго, подъ именемъ барона Розенау, присутствовалъ онъ при переговорахъ въ Утрехтѣ, гдѣ его пріятная наружность, остроуміе и умѣнье жить въ свѣтѣ не остались незамѣченными. Особенно понравился онъ прусскому посланнику

барону Дёнгофу. По заключеніи мира, въ слѣдствіе котораго Ракоцкій потерялъ всякую надежду получить что-либо, Клементъ собрался на родину, гдѣ у него было небольшое имѣніе. Австрійскій резидентъ, графъ Гогендорфъ, познакомился съ нимъ и замѣтилъ способность его къ политическимъ дѣламъ и интригамъ. Дѣйствительно, онъ былъ ловокъ въ обращеніи, говорилъ отлично-хорошо по-латинѣ, по-венгерски, по-вѣнецки и по-французски, зналъ большой свѣтъ, умѣлъ составлять различные планы и быстро приводить ихъ въ исполненіе. Гогендорфъ сошелся съ нимъ и отправилъ его, въ августѣ 1735 года, въ Вѣну съ тѣмъ, чтобъ онъ повиновался приказаніямъ принца Евгенія, даже и въ такомъ случаѣ, если они несогласны будутъ съ желаніями императора.

Евгеній находился тогда въ борьбѣ съ партіями, которыя обвиняли его въ томъ, что онъ воспрепятствовалъ императору водвориться въ Испаніи, и самъ императоръ, по-видимому, раздѣлялъ это мнѣніе. Принцъ Евгеній могъ сохранить вліяніе свое при дворѣ только содѣйствіемъ высшихъ отношеній.

По заключеніи мира съ Франціею, вѣнскій дворъ обратилъ особенное вниманіе на Пруссію: завоеваніе Помераніи, тѣсный союзъ съ русскимъ царемъ, увеличеніе военныхъ силъ, — все это возбуждало опасеніе императора; въ королѣ прусскомъ всѣ видѣли уже новаго короля шведскаго, который, по силѣ своей и близости разстоянія, былъ для Австріи гораздо-опаснѣе Густава-Адольфа.

Евгеній давно уже замѣчалъ непопулярное увеличеніе военныхъ силъ въ Пруссіи и ропталъ на короля, что онъ, при заключеніи утрехтскаго мира, не хотѣлъ уступить никому своихъ выгодъ. Мысль объ опасности, грозившей съ этой стороны, Евгеній долженъ былъ усвоить съ большимъ удовольствіемъ, потому-что она ему-самому давала новое значеніе и большій вѣсъ; повѣренные Евгенія успѣли

(*) Г-жа Бласпиль ненавидѣла Леопольда и интриговала противъ него, а свѣдѣніе это онъ получилъ чрезъ саксонскаго посланника Мантёфеля, къ которому она была равнодушна.

такъ устроить дѣла, что въ настоящихъ обстоятельствахъ содѣйствіе его становилось необходимымъ.

Когда Клементъ прибылъ въ Вѣну и явился къ повѣренному принца Евгения, секретарю Лангеделю, то нашелъ уже, что зданіе, сооруженію котораго онъ долженъ былъ посвятить себя, почти-совершенно окончено. Лангедель тотчасъ увидѣлъ его необыкновенныя способности и представилъ его принцу Евгенію; Клементъ сообщалъ фельдмаршалу, что Ракоцкій ведетъ тайные переговоры съ прусскимъ дворомъ и обѣщалъ подтвердить это извѣстіе документами. Онъ такъ умѣлъ понравиться Евгенію, что тотъ представилъ его императору, предъ лицомъ котораго Клементъ повторилъ выдуманныя имъ показанія. Вообще, онъ такъ умѣлъ усвоивать себѣ вѣренія тѣхъ, кому служилъ, умѣлъ выказать такую преданность ихъ дѣлу, что совершенно очаровалъ и принца Евгения и Лангеделя: содѣйствіемъ ихъ получилъ онъ мѣсто резидента въ Гаагѣ съ 12,000 гульденами содержанія. Клементъ радовался, что изъ лабиринта интригъ перешелъ въ такое почетное состояніе; но интриги крѣпко обвили его, и онъ волею-неволею долженъ былъ продолжать начатое.

Искусство и дѣятельность, которыми Клементъ отличался въ службѣ Евгения, не скрылись отъ враговъ принца: они старались, если не привлечь его на свою сторону, то, по-крайней-мѣрѣ, разлучить ихъ. Правда, попытки были неудачны, и Клементъ оставался твердъ; но смотря на это, Евгений, получившій извѣстія обо всемъ, что дѣлалось вокругъ него, началъ питать къ нему недовѣрчивость, и мало-по-малу устранилъ его отъ участія въ дѣлахъ; къ большому несчастью его, въ это время умеръ Лангедель, и Клементъ, утративъ довѣренность принца Евгения, не имѣя средствъ жить въ Вѣнѣ и считая себя не въ безопасности, отправился въ Литвихъ, потомъ въ Брюссель, потомъ во Франкфуртъ-

на-Майнѣ и оттуда писалъ принцу Евгенію; но жалобы и оправданія ни мало не помогли ему. Истощенный напрасными ожиданіями, онъ прибылъ въ Дрезденъ, гдѣ графъ Флеммингъ, первый министръ короля польскаго, указалъ ему новые пути къ счастью.

Флеммингъ находился въ такомъ же положеніи въ Дрезденѣ, въ какомъ былъ принцъ Евгений въ Вѣнѣ; противъ него дѣйствовали партіи, и прибытіе Клемента казалось ему въ высшей степени благоприятнымъ; точное знаніе тайныхъ дѣлъ вѣнскаго кабинета, знакомство со всѣми придворными интригами, со всѣми слабостями придворныхъ, были весьма-важны для Флемминга. Клементъ завелъ правильныя сообщенія съ знакомыми своими въ Вѣнѣ, а такъ-какъ всѣ канцелярніи императорскія заняты были продажными людьми, то ему не трудно было, посредствомъ денегъ, которыхъ не щадилъ Флеммингъ, вывѣдывать все, что дѣлается въ Вѣнѣ, даже въ кабинетѣ принца Евгения. Эти тайныя сообщенія, представляемыя Флеммингу Клементомъ, совершенно согласовались съ извѣстіями посланниковъ и служили какъ-бы имъ объясненіемъ: отъ того Флеммингъ получилъ высокое мнѣніе о связяхъ и ловкости своего новаго повѣреннаго; онъ сообщил о немъ королю, вылавая его за тайнаго агента, подосланнаго самимъ Евгениемъ. Обладать довѣренностью Евгения—было, въ глазахъ короля, дѣломъ весьма-важнымъ для Флемминга и увеличивало его силу и вліяніе; для большаго удостовѣренія, онъ хотѣлъ достать подлинный актъ изъ канцелярніи самого принца; онъ обратился съ требованіемъ такого акта къ своему любимцу. Клементъ всѣми силами старался достать требуемую бумагу; но такъ-какъ ему не удалось, то онъ, чтобъ выпутаться изъ бѣды, самъ изготавилъ трактатъ, какъ-будто писанный рукою Евгения, подражаніе которой ему удалось какъ-нельзя лучше; трактатъ этотъ заключалъ въ себѣ очеркъ политическаго состоянія европей-

ских государств и так искусно согласовался с известными ему отношениями вѣнскаго двора и тайными желаніями Флемминга, что Флеммингъ, ни мало не сомнѣваясь въ подлинности акта, пришелъ въ восторгъ, произвелъ желанное впечатлѣніе на короля и подарилъ Клементу 1000 талеровъ. Онъ довѣрилъ ему большую часть своихъ дѣлъ и наконецъ, получивъ другой, подобный первому, актъ, Флеммингъ, не смотря на все убѣжденія Клемента, третатавшаго, что подлогъ его откроется, посѣщалъ въ Вѣну и взялъ съ собою 15,000 червонцевъ. Тогда ловкій обманщикъ увидѣлъ, что ему опасно свиданіе съ Флеммингомъ, и что неблагоуразумно будетъ ожидать въ Дрезденѣ его возвращенія; стараясь найти новое поврище для своихъ козней, онъ обратилъ взоры свои на Берлинъ.

Связи ему сдѣлать было тамъ легко; отношенія двора и мѣстности были ему не чужды: чрезъ его руки проходили всѣ тайныя извѣстія, получаемыя Флеммингомъ изъ Берлина, и даже разъ самъ онъ былъ посланъ къ министру фон-Нальгену; точное знаніе отношеній въ Вѣнѣ и Дрезденѣ могли здѣсь доставить ему большія выгоды, чѣмъ гдѣ-либо, потому-что оба двора находились въ непріязненномъ отношеніи къ Пруссіи. На основаніи свидѣній, собранныхъ имъ въ Вѣнѣ и Дрезденѣ, онъ умѣлъ составить такое сѣдлшеніе жи и обмановъ, что, не смотря на явную невѣрность его сообщеній, и теперь еще можетъ возникнуть сомнѣніе, не было ли чего истиннаго въ томъ, что онъ рассказывалъ.

Клементъ написалъ королю прусскому, что онъ имѣетъ сообщить ему дѣла великой важности, но что для того ему необходима глубочайшая тайна, въ свѣдѣствіе чего и просилъ у его величества позволенія явиться въ Берлинъ и предварительнаго письменнаго удостовѣренія, что дѣла, сообщенныя имъ его величеству, останут-

ся тайны, и что самъ онъ свободенъ будетъ оставить Берлинъ, когда ему заблагоразсудится. Это посланіе онъ адресовалъ на имя проноуѣдника Яблонскаго, бывшаго въ то время епископомъ реформатской церкви въ Польшѣ и Венгріи. Получивъ это письмо, Яблонскій испугался, не зная что ему дѣлать, и прибѣгнулъ къ совѣту министра финансовъ Маршалла, который немедленно передалъ письмо королю. Фридрихъ-Вильгельмъ нашель письмо Клемента достойнымъ вниманіемъ: Яблонскій получалъ для него паспортъ и повелѣніе тайно привезти его въ Берлинъ въ королевской каретѣ. Такими образомъ, къ концу 1717 года, прибылъ Клементъ и имѣлъ свиданіе съ королемъ глазъ-на-глазъ въ саду, куда Фридрихъ-Вильгельмъ привѣзлъ одинъ. Здѣсь обманщикъ сообщилъ ему, что дворы вѣнскій и дрезденскій замышляютъ противъ него страшное дѣло, что они хотятъ захватить его во время охоты, удержать заложникомъ, а наследника воспитать въ католической вѣрѣ и возвести на престолъ подъ опекою императора; къ этому онъ присовокупилъ, что прусскіе генералы и министры уже согласны, и что теперь въ Гаагѣ идутъ дѣятельныя переговоры о полученіи согласія морскихъ державъ.

Въ ужасѣ отъ подобнаго преступленія, свѣдѣствія котораго будутъ неисчислимы, ненавидя ринскую парковъ, которую хотѣтъ распространить такъ насильственно, амаланнымъ потиннымъ уваженіемъ къ особѣ его величества, Клементъ дѣлалъ ему такое открытіе и умолялъ не задерживать его путешествія въ Гаагу, гдѣ онъ употребитъ всѣ силы, чтобъ уничтожить замыслы враговъ короля прусскаго, и для того ему опасно было бы возбудить подозрѣнія своимъ продолжительнымъ отсутствіемъ. Въ удостовѣреніе справедливости словъ своихъ, онъ показывалъ собственноручныя письма Евгенія, Флемминга и даже нѣкоторыхъ прусскихъ государствен-

дыхъ людей. Наступленіе сумерекъ воспрещдствовало королю прочесть документы; но Фридрихъ-Вильгельмъ, глубоко убѣжденный въ истинѣ словъ Клементя, чрезвычайно-искусно раздѣрывавшаго роль свою, явился и на слѣдующій день на свиданіе, происходившее съ прежнею таинственностью. Тутъ письма Евгенія и Флеминга, въ подлинности которыхъ король не усомнился ни мало, обнаруживали ихъ дѣроломныя намѣренія и бросали сильное подозрѣніе на Леопольда и Грумбкова. Последнее обстоятельство жестоко опечалило короля; онъ зналъ, что Леопольдъ, не смотря на разрывъ дворовъ австрійскаго и прусскаго, былъ въ дружбѣ съ Евгениемъ, и даже отправилъ къ нему незадолго до того двухъ сыновей своихъ, Густава-Вильгельма и Леопольда-Максимилиана, чтобъ они подъ надзоромъ его научились сражаться въ войнѣ съ Турками, — все это какъ-бы подтверждало клевету.

Не смотря на таинственность пребыванія своего въ Берлинѣ, Клементъ умѣлъ съестн знакомство съ нѣкоторыми придворными, развѣдать, что ему было нужно, и таинким образомъ приобрѣсти еще большую довѣренность короля, который требовалъ у него совѣтовъ во многихъ важныхъ дѣлахъ и имъ за что не хотѣлъ отпустить его отъ себя; но Клементъ снова увѣрялъ, что присутствіе его необходимо въ Гагѣ во избѣжаніе подозрѣній со стороны договаривавшихся державъ.

Неохотно отпуская его король, и когда Клементъ отказался отъ подарка въ 12,000 талеровъ, предложеннаго ему Фридрихомъ-Вильгельмомъ, то уваженіе короля, нелюбившаго выдавать деньги, возрасло до высочайшей степени.

По отъѣздѣ Клементя, король впалъ въ мрачную задумчивость, причиною которой никто не могъ разгадать; все

болѣе и болѣе удалялся онъ отъ общества своихъ приближенныхъ. Засѣданія табакіи, или табачнаго общества, продолжались по-прежнему, но въ нихъ бывали только бюргеры, которыхъ онъ призывалъ изъ города: вельможи, всѣ безъ исключенія, были для него подозрительны; ни съ кѣмъ изъ нихъ онъ не хотѣлъ разговаривать и, наконецъ, недовѣрчивость его возрасла до такой степени, что ночью онъ сталъ класть возлѣ подушки своей два заряженные пистолета. Предвидѣвъ вопіющіе черныя мысли, онъ каждую минуту ожидалъ покушенія на жизнь свою. Весь дворъ пришелъ въ смущеніе, не зная, какъ объяснить себѣ эту подозрительность и печаль; одинъ только Леопольдъ рѣшился возвратити себѣ прежнюю довѣренность короля. Однажды вечеромъ, не смотря на строгое запрещеніе, онъ шелъ до вала за нимъ въ его компаты; король, увидя вдругъ себя шедшимъ съ нимъ, быстро обнажилъ шпагу. При этомъ движеніи, Леопольдъ отступилъ назадъ, отстегнулъ свою шпагу и бросилъ ее далеко отъ себя. «Я не въ тѣхъ прихожу съ жаромъ восклицать вамъ: чтобъ грозить драгоценной жизни вашего величества, я хочу только молить васъ о сохраненіи ея; и вижу, что тайная печаль лежитъ на сердцѣ вашего величества, и что вы даже на меня смотрите иначе, чѣмъ смотрѣли прежде. Отъ-чего это? и считаю себя совершенно-невиннымъ. Если же вы имѣете на меня какое-нибудь подозрѣніе, я предоставляю дѣла мои всякому изслѣдованію, слагаю съ себя званіе имперскаго князя и требую, чтобъ меня судили, какъ вашего подданнаго. Если я въ чемъ имѣю вашему величеству, то съ радостію готовъ положить на плаху свою голову!» Король, сильно тронутый энергическими словами, почувствовалъ вдругъ во всей силѣ всю прежнюю привязанность свою къ Леопольду, узнавъ къ нему на грудь и горестно спросилъ его: «Правду ли говорите вы и могу ли я вамъ вѣрить по-прежнему?» — «Надѣюсь,

лдине величества», воскликнул Леопольд, бросаясь къ ногамъ короля: «я посвятилъ жизнь свою вашей службѣ и отдалъ всю свою кровь въ залогъ моей вѣрности!» — Хорошо», возразилъ король: «я навѣрю вамъ; выслушайте меня и судите сами, не дозволю ли я имѣть причинъ къ подозрѣнію?». Здѣсь король разсказалъ ему всю исторію Клемента и сообщилъ содержаніе писемъ Евгенія, которыя обвиняли Леопольда въ заговорѣ. Въ сильныхъ выраженіяхъ высказалъ Леопольдъ гнѣвъ свой: онъ говорилъ, что никогда Евгеній не писалъ къ нему ни о чемъ подобномъ, что и самъ онъ ни за что не приметъ участія въ такомъ гнусномъ дѣлѣ, что Клементъ величайшій бездѣльникъ, и что всѣ силы должно употребить, чтобъ онъ возвратился; онъ предлагалъ также, чтобъ его самого посадилъ въ тюрьму до возвращенія Клемента. Послѣ долгихъ переговоровъ, рѣшено было отправить въ Гаагу Яблонскаго, съ которымъ долженъ былъ вѣхать майоръ Дюмуленъ (Dumontin), человекъ рѣшительный, твердый и вѣрностъ котораго Леопольдъ испыталъ уже на полѣ битвы.

Нѣсколько времени спустя, Клементъ явился въ Берлинъ въ сопровожденіи обоихъ посланныхъ, не показывая ни малѣйшаго знака опасенія. Король не хотѣлъ вѣрить, чтобъ обманщикъ могъ являться такъ скоро и безъ всякаго принужденія: онъ приналъ его въ своемъ кабинетѣ и изъявилъ сомнѣніе относительно враждебныхъ намереній вѣнскаго двора, потому-что взглядъ не могъ отыскать слѣдовъ чего-нибудь подобнаго. Клементъ ссылаясь на подлинныя документы, которые онъ уже показывалъ ему, и когда король потребовалъ ихъ снова, то онъ отвѣчалъ, что оставилъ ихъ въ Голландіи у одного изъ друзей своихъ, съ тѣмъ, чтобъ тотъ возвратилъ ихъ не иначе, какъ въ собственныя его руки. Впрочемъ, онъ самъ предложилъ сѣздать за этими письмами. Король не зналъ, что ему дѣлать; пожелать

недоверчивость Клементу — значило бы испортить все дѣло, а безъ этихъ писемъ невозможно было узнать истину; Леопольдъ, слышавшій за занавѣсомъ всѣ переговоры, предлагалъ задержать обманщика, но король ни за что не соглашался на это, далъ ему позволеніе отправиться и приказалъ только Дюмулену слѣдовать за нимъ и не выпускать его изъ вида. Дюмуленъ жилъ въ Гаагѣ въ одномъ домѣ съ Кашентомъ, и Клементъ, во время четырехнедѣльнаго пребыванія своего въ Гаагѣ, предлогомъ къ которому были такіе-то дѣла, легко могъ ускользнуть отъ своего преслѣдователя, но онъ не показывалъ ни малѣйшаго подозрѣнія и, забравъ документы, поѣхалъ въ Берлинъ.

Находясь уже въ прусскихъ владѣніяхъ, въ Клевѣ, онъ, можетъ-быть, возымѣлъ нѣкоторое опасеніе; поелъ предлогомъ того, что не всѣ бумаги взяты имъ, онъ хотѣлъ-было возвратиться назадъ, но Дюмуленъ сухо объявилъ ему, что онъ безостановочно долженъ слѣдовать за нимъ въ Берлинъ. Тутъ уже появился Клементъ въ чемъ дѣло, по согласіи съ видомъ совершенной невинности и безъ всякаго сопротивленія. По пріѣздѣ онъ отправился къ министру Маршаллю, который приналъ его вѣжливо и послѣ обѣда объявилъ ему, что онъ плѣнникъ и будетъ немедленно отправленъ въ надежное мѣсто. Клементъ ссылаясь на охранное письмо, на обѣщанія короля; но дѣло съ-тѣхъ-поръ измѣнилось, и Леопольдъ занялъ прежнее мѣсто свое при особѣ короля; по настоянію его, дѣло поручено было изслѣдовать генерал-аудитору фон-Качу (Katsch), который всею душою преданъ былъ Леопольду и лучше всякаго другаго умѣлъ сбить и запутать обвиненнаго. Въ тотъ же вечеръ былъ первый допросъ, на которомъ таинно присутствовалъ самъ король, и при которомъ обвиненный отвѣчалъ на всѣ вопросы пункты съ видомъ совершеннѣйшей невинности. При второмъ

допросъ, происходившемъ въ Шпандау, онъ не потерялъ своего снотворнаго вида и представилъ такіа доказательства, что смутилъ самого судью; король объявилъ уже, что Клементъ не обманщикъ, но Качъ попросилъ позволеніе сдѣлать еще допросъ и пострадать обвиняемаго пыткой; онъ отвѣчалъ, что кончить все дѣло какъ слѣдуетъ. На третій день, когда новый допросъ былъ такъ же безуспѣшенъ, какъ и прежній, Качъ велѣлъ войдти палачамъ и разложить передъ глазами обвиняемаго всѣ орудія пытки. Этой картины не могъ перенести несчастный: онъ бросился къ ногамъ короля и со слезами раскаянія признался, что всѣ прежнія показанія его ложны, письма писаны имъ самимъ и весь заговоръ не что иное, какъ его собственное изобрѣтеніе. Не смотря на всѣ признанія Клемента, прежнія рассказы его, и болѣе всего безкорыстіе, тронувшее слабую сторону короля, заставляли его предполагать, что новыя признанія эти исторгнуты только страхомъ пытки. Чтобы уничтожить всякое сомнѣніе, онъ отправилъ въ Дрезденъ и Вѣну генерала Борка, честнаго и благомыслящаго человѣка, который не былъ другомъ ни Леопольда, ни Грумбова, и потому, въ настоящемъ дѣлѣ, могъ дѣйствовать совершенно-безпристрастно. Ни въ Дрезденѣ, ни въ Вѣнѣ не слыхали о заговорѣ; принцъ Евгенийъ, увидѣвъ письма, сказалъ, что подъ его руку такъ хорошо подписались, что, не зная содержанія, онъ могъ бы самъ принять эту рукопись за свою собственную. Онъ не отрекался отъ знакомства своего съ Клементомъ, но объявилъ, что никогда не писалъ къ нему собственноручно, что онъ будетъ открыто сражаться съ королемъ прусскимъ, если того потребуетъ польза императора, но никогда не сдѣлается участникомъ низкаго заговора, никогда, къ концу поприща своего, не помянетъ себя такимъ гнуснымъ дѣломъ, — слово его должно было служить къ томъ порукою.

Утѣдомленія Борка доставили большое удовольствіе королю; сомнѣнія его разсѣялись совершенно, когда Клементъ, въ его присутствіи, такъ искусно поднялся подъ его собственную руку, что самъ онъ не могъ отличить подлинной подписи отъ ложной.

Новая угроза пытки принудила Клемента назвать соучастниковъ его обмана, и онъ назвалъ Гейденкамма, Лемана и Бубе, которые тотчасъ же были арестованы и посажены въ Шпандау. Последний нашелъ средство оправдать себя, два первые закутали въ свои показанія такое множество значительныхъ людей, что Шпандау наполнился ими, и весь Берлинъ, въ продолженіи нѣкотораго времени, трепеталъ за свою безопасность.

Всѣ враги Леопольда были инакожемы; при допросѣ, онъ нерѣдко врался, даже въ присутствіи короля, всею грубости своего характера, всею жестокости солдатскаго обхожденія, особенно при допросѣ г-жи Блазналь, которая обвинена была въ сношеніяхъ съ Флемингомъ и только по просьбѣ королевы вистѣ съ мужемъ своимъ отправлена въ изгнаніе, въ помѣстье ихъ, въ Клеве.

Довольно - долго длился процессъ Клемента; король, очарованный обманщикомъ, съ сожалѣніемъ подписалъ смертный приговоръ, который состоялся 20-го апрѣля 1720 года.

Клементъ, вступая на эшафотъ, произнесъ трогательную рѣчь къ народу; онъ говорилъ, что не заслуживаетъ такого строгаго наказанія, потому что дѣлалъ только то, что беззаконно дѣлаютъ иногда министры и государственные люди, признавался, впрочемъ, что онъ великій грѣшникъ, и что семнадцать мѣсяцевъ, проведенныхъ имъ въ Шпандау, лучшее время его жизни, ибо въ продолженіи этого времени онъ обратился на путь истинны. Смерть его возбудила всеобщее

сожалѣнію; его ловкое обращеніе и проницательная наружность расположили всѣхъ въ его пользу; одинъ почиталъ его побочнымъ сыномъ короля датскаго, другіе герцога орлеанскаго, съ которыми онъ, дѣйствительно, имѣлъ большое сходство: съ нимъ вмѣстѣ погибли главные его сообщники; прочіе же обмѣненные мало-по-малу получили свободу, и общія амнистія прекратила это дѣло.

Не смотря на то, что Леопольдъ остался побѣжденнымъ и, вмѣстѣ съ Грубеномъ, заперъ прежнее мѣсто при дворѣ, послѣ такой бѣды, онъ не могъ побудить короля къ новымъ предпріятіямъ. Мы говорили уже, что на военномъ поприщѣ Леопольдъ приобрѣлъ себѣ гераде-большую силу и значеніе, чѣмъ на придворномъ, и что, по военнымъ заслугамъ своимъ, онъ не имѣлъ соперниковъ. По этой части, дѣятельность его была неизмѣтна. Военныя работы, эмансипціи войскъ были первыми дѣлами въ государствѣ: одна раздавала звукъ трубы, все прочее было забыто, духъ военной службы увлечалъ за собою все съ неудержимомъ слухомъ; съ восхода и до заката солнца продолжались обзоры; безудельное, быстрое познание прешло по всѣмъ степенямъ войска, и громкое наказаніе поражало военныхъ за малѣйшее упущеніе по службѣ. Войско такъ организованное составило какъ-бы одно тѣло, готовое безремесловно двинуться всюду по одному мановенію полководца. Видъ Леопольда на парадахъ внушалъ всеобщее удивленіе и страхъ: послѣ короля, его можно назвать твердыней этого новаго войска; не онъ былъ сталью хорошихъ воиновъ, что не могъ занимать одну наружность: прежде всего вниманіе его обратило на себя употребленіе огнестрѣльныхъ орудій; мы сказали выше, что онъ ввелъ желѣзные шомполы; онъ ввелъ также новые штаны, которые и теперь во всеобщемъ употребленіи въ Европѣ. Самое войско онъ расположилъ въ три шервиги, чтобъ, въ слу-

чай необходимости, онъ всѣ вдругъ могли дать залпъ. Стрѣльба изводила и цѣльнейши бегалайономъ доседа была до такого совершенства, что цѣлое войско назалось одною движущеюся батареею. Его неутомимая дѣятельность изобрѣтала безпрерывно новыя эмансипціи, большую частію полезныя и приимныя къ дѣлу.

Все это относилось преимущественно къ пѣхотѣ, потому-что Леопольдъ, самъ отличнейшій кавалеристъ, не любилъ кавалеріи, которая при многихъ опытахъ доказала ему, какъ мало можно было на нее положиться въ случаѣ опасности; король Фридрихъ-Вильгельмъ раздѣлялъ его мнѣніе: кавалеристы занимались болѣею частію пѣхотною службою и не пользовались расположеніемъ короля, потому-что стоили очень-дорого. Король желалъ имѣть большое, но дешевое войско, и отъ-того преимущественно увеличивалась пѣхота, которая возрасла наконецъ до 60,000, къ большому неудовольствію сосѣднихъ державъ, весьма-неблагопріятно смотрѣвшихъ на такое быстрое усиленіе Пруссіи. Половина войска состояла изъ иностранцевъ, которыхъ старались привлечь всѣми способами; высочій ростъ и стройный станъ имѣли всегда преимущество: колоссальные люди составляли любимыи полкъ короля и дѣлались со всѣхъ концовъ міра; король, обыкновенно-спуной, не щадилъ никакихъ издержекъ, чтобъ завербовать въ ряды свои какъ-можно-богѣе людей высочаго роста. Леопольдъ лѣтнихъ этой страсти короля, впрочемъ не раздѣляя ея, за то не пропускалъ ни одного случая, которымъ могъ способствовать къ улучшенію войска, стараясь о заведеніи оружейныхъ заводовъ, о построеніи крѣпостей, одними словами, обо всемъ, что могло прилечь Пруссіи: громко-воинственный видъ. Неразумный смутникъ короля на охотѣ и въ частныхъ путешествіяхъ его по Пруссіи, Леопольдъ умѣлъ уничтожить остатокъ дурнаго впечатлѣнія, произ-

поднятаго надъ умомъ короля; и стала опираться на высочайшую степень влияния и власти при дворѣ и въ войска.

Нѣсколько времени спустя, онъ поссорился съ Грумбовою; этою дѣятельностью его не была прервана, но обратилась въполнѣ на то поприще, которое преимущественно соотвѣствовало его призванію. Различно разсказываютъ о причинахъ этой ссоры; говорятъ, что Леопольдъ хлопоталъ о бракѣ племянника своего, маркграфа шведскаго, съ принцессою прусско-корфювскаго дома; но королева искала союза съ домомъ ганноверскимъ; къ ней присоединился Грумбовъ, и общими стараніями ихъ въ Герригаузенѣ, въ 1725 году, заключенъ союзъ между Пруссіею, Франціею и Англіею противъ Австріи, соединившейся съ Испаніею. Такимъ образомъ дѣлъ въ высшей степени недоволенъ былъ Леопольдъ; весь гнѣвъ свой онъ излиялъ на Грумбова и громко говорилъ, что проданъ Англичанами; презрѣніе, которое онъ оказывалъ своему сопернику, возлекло за собою рѣшное объявленіе, въ которомъ Леопольдъ, по обыкновенію своему, вышелъ изъ границъ всякаго приличія. Сначала, король хотѣлъ помирить ихъ, но, увидя, какія слова произнесъ, во время спора, солдатскій языкъ Леопольда, увидѣлъ, что примиреніе невозможно. Оба соперника, въ сопровожденіи секулаитовъ, явившись въ назначенное мѣсто. Подъѣзжая къ своему врагу, Леопольдъ пришелъ въ страшное бѣшенство, еще издали обматывалъ шпагу и вызывалъ его на бой бранью и проклятіями. Но Грумбовъ не вышелъ изъ себя и хотѣлъ мирно кончить дѣло; послѣ этого, Леопольдъ, какъ обидчикъ, не имѣя права требовать съ своей стороны удовлетворенія, повернулъ ему съ презрѣніемъ спину, сѣлъ на лошадь и одинъ уезжалъ въ городъ. Послѣдній поступокъ князя сильнѣе всего оскорбилъ Грумбова: онъ поклялся вѣчною ненавистью къ Леопольду, и Цѣль-

шницъ (*); разсказывающій всю эту исторію; присовокупилъ, что князь князю не была такъ свята вълюбленна. Король, недовольный поведениемъ Грумбова, раздался, однако, что дѣла не кончатся хуже.

Съ этого времени, Грумбовъ началъ дѣйствовать отдѣльно и, уступая Леопольду возмущенію дѣятельности; приобрьлъ первенство на политическомъ поприщѣ, гдѣ могъ имѣть перевѣсъ превосходствомъ своего ума и гдѣ помогали ему королева и весь дворъ. Союзъ, заключенный въ Герригаузенѣ, утвердился во всей силѣ, и Леопольдъ, преданный императорскому дому, съ явственною досадою держалъ себя въ отдаленіи отъ всѣхъ дѣлъ государства. Споръ, однако, дѣла неостановилъ безъ всякаго участія со стороны Леопольда.

Императорскій дворъ отправилъ въ Берлинъ графа Зекендорфа, членомъ чрезвычайнаго посольства въ дѣлахъ и соединившаго проницательный умъ съ нисостью характера; ему удалось привлечь на свою сторону расположеніе короля, который, 20-го октября 1728 года, снова заключилъ тайный договоръ съ императоромъ. Грумбовъ съ собою соединился съ послѣднимъ; и Леопольдъ увидѣлъ враговъ на той сторонѣ, гдѣ были прежде его приверженцы. Презирая Зекендорфа и Грумбова, онъ наводилъ на нихъ страхъ и несколько не терялъ того уваженія, которое имушала его личность. Королева, имѣя въ обоихъ друзьяхъ противниковъ своему любимому сыну, стала благосклоннѣе къ Леопольду, и такимъ образомъ послѣдній все болѣе и болѣе приобреталъ расположеніе королевской фамилии.

Прежде, чѣмъ приступить къ изложенію этой части исторіи Леопольда

(*) Mémoires pour servir à l'histoire des quatre derniers souverains de la maison de Brandebourg, par Ch. L. Baron de Pöhlitz. Berlin 1794.

дого, необходимо бросить взгляд на прочий его отношения. Как владычельный князь, онъ ввелъ въ свои земли самое строгое управление, всими силами старался увеличивать доходы и собрать какъ можно больше денегъ. Никакъ притѣсненій не останавливало его неурочной воли: онъ одного себя считалъ въ правѣ быть землевладельцемъ въ своихъ княжествахъ; для этого не щадилъ онъ никакихъ средствъ: насилие, угнетеніе; военная служба, въ которую силой отдавали неслыхать, сопротивлявшихся передать князю свое имущество; — все приведено было въ дѣйствіе; ни жалобы императору, ни общій ропотъ не помогали угнетеннымъ; въ нѣсколько лѣтъ, князь его приверженцы были въ неволе, а Дессау представило собою воуларство божь дворянъ; вся земля сдѣлалась принадлежностью князя, и жители обидѣны въ чиншанковъ, земледѣльцевъ и ремесленниковъ. Леопольдъ такъ увлекся этою идеею единовладія, что серьёзно совѣтовалъ королю прусскому дѣлать то же и съ своими владѣніями. Фридрихъ-Вильгельмъ, прельщенный выгодою прибрѣтенія большаго числа, долженствовавшихъ поступить въ казну въ слѣдствіе такого преобразования, согласился было съ княземъ; но потомъ отказался, когда ему представили, что подражаніе египетскому Дессау не можетъ помешать въ себѣ развращеніе всего королевства. Владѣнія свои въ Пруссіи, которыми щедро надѣлялъ его Фридрихъ-Вильгельмъ; Леопольдъ устроивалъ съ тайными мѣщанствомъ; въ одномъ изъ нихъ, Вубайнбелъ (Wubainen), онъ выстроилъ замокъ и переселилъ его, въ 1724 году, въ владѣніе второму сыну своему, Леопольду-Младшему.

Въ собственныхъ земляхъ, Леопольдъ строилъ церкви, деревни, мѣстности и проч. Не смотря на всю скупость свою (Фергъ общае ему въ Фридрихѣ-Вильгельмѣ), онъ былъ щедръ, въ случаѣ народныхъ бѣдъ протѣгалъ подати, раздавалъ хлебъ и наивн для

побѣдъ; и даже жертвовалъ большими суммами денегъ. Этому расположенію — способствовать благо земли своей, князь протѣврилъ: страсть его къ охотѣ; которая была вѣнчикъ несточникомъ угнетенія для его вѣданныхъ подданныхъ; постановленія ея были строгіе до невѣроятности, и самыя участники его забавъ нередко жестоко страдали отъ его вѣнчанаго характера; который на охотѣ, какъ въ войнѣ, требовалъ безусловнаго повиновенія. Но всему связанному князю кабалось бы, что всѣ отношенія князя и его подданныхъ должны были ограничиться строгостію съ одной стороны и страхомъ наказанія съ другой; но въ дѣйствительности было не такъ: съ простолюдинами Леопольдъ былъ ласковъ, шутитъ съ ними, разспрашивалъ о ихъ нуждахъ; и только знатные были постоянно предметомъ его угнетенія.

Но настоящею сферой его была голландская жизнь; въ ней устроенны были всѣ удовольствія и души его и сердца; собственно онъ былъ государь солдатъ, и все прусское войско имѣлъ составляло его народъ. Съ страшною жестокостію къ своимъ подчиненнымъ, онъ соединилъ самую явную заботливость о нихъ, самую дѣвчачью откровенность. Обхожденіе его съ военными было сибиріенскимъ: веселыхъ шутокъ и жестокихъ издѣваній; насиль; палочные удары и щедрые подарки сдѣловали одни за другими. Онъ самъ любилъ грубыя выходки и остроты; тотъ же самый подчиненный; который по службѣ долженъ былъ вытерпѣть непонятное истязаніе; въ другое время свободно называлъ гнѣвъ свой на фельдмаршала; смотря по обстоятельствамъ; солдаты его любили и боялись; но во всякое время онъ былъ для нихъ предметомъ высочайшаго уваженія; подъ его предводительствомъ, они считали себя непобѣдимыми, его самого почитали какимъ-то колдуномъ, недоступнымъ для пухъ; его снѣтъ, мощныи языкъ, перемѣняемый съ грубымъ

ми пролетіями, въ которыхъ просвѣчивало доброе расположеніе его къ солдатамъ, отъѣздъ пробѣгалъ по рядамъ ихъ; они знали, что породамъ ищущихъ непріятеля онъ не щадеть ничего, и ни одинъ полководецъ не выдалъ войска своего, такъ свободно идущаго на вѣрную смерть! За то онъ и дѣлалъ съ ними всѣ опасости и лишения; на землѣ солдатъ, онъ былъ «старый Дессауецъ», или «старый князь» — для отличія отъ пяти сыновей его, бывшихъ въ прусской службѣ; но чаще его называли «старый усь», «старый инвернотеръ»; послѣднее произошло имя отъ его любимаго ругательства, имя отъ тѣхъ наказаній, которыми онъ щедро надѣлялъ своихъ подчиненныхъ. Образцомъ стройности и дисциплины былъ его собственный полкъ, предметъ его особенной любви и заботы.

Въ началѣ 1724 года, Леопольдъ полъ чуждымъ именемъ сдѣлалъ путешествіе въ Швабію и Франконію. Названіе его было оставлено неизвѣстнымъ, но черты лица его были такъ извѣстны, вся osoba его такъ замѣчательна, что онъ не могъ долго сохранять свое микогнито. Вездѣ его пріѣзжали, какъ князя Дессау, вездѣ на пути его народъ сбѣгался толпами, чтобъ увидѣть героя, о которомъ разсказывали столько чудесъ. На него смотрѣли, какъ на дивнаго зѣбра, со страхомъ и любопытствомъ; его взглядъ и разговоры, если они обращались къ кому почтливо, дѣйствительно приводили ужасъ. Начальникъ городовъ совершалъ чествованіе одинъ передъ другими въ оказаніи ему почестей. Въ ноябрѣ того же года, онъ выдалъ старшую дочь свою, Луизу, за владѣтельнаго принца ангальт-бербургскаго; при этомъ торжествѣ присутствовалъ самъ король прусскій и раздѣлялъ съ нимъ удовольствія иршества и охоты.

Миръ, которымъ Пруссія наслаждалась нѣсколько лѣтъ, не давалъ воз-

можности Леопольду выступить на военное поприще и прикрыть себя новыми лаврами; въ 1730 году, послѣдовалъ было разрывъ между Пруссією и Великобританією; ноли дѣлуясь въ границахъ Ганновера, но, въ великую неудовольствію Леопольда, дѣло погнчлось мирно. Мы сказали уже, что во время его было занято сметрами и инвернціями солдаты, для которыхъ она безпрерывно валила по всей Пруссіи. По мнѣнію Леопольда, недостатокъ войны дѣлалъ важными эти занятія и наддерживалъ духъ войска. Августъ, король польскій, желалъ угадать чѣмъ-нибудь своему сопернику Фридриху-Вильгельму I-му, съ которымъ онъ сошелся ближе, обидѣвшись ифсколыми посѣщеніями; онъ устроилъ армію, которое должно было явиться въ восторгъ короля прусскаго. Въ июлѣ 1730 года, самоесній войска, въ числѣ 30 тысячъ, собралось въ лагерь при Мюльбергѣ, куда приглашенъ былъ и король прусскій. Онъ прибылъ въ сопровожденіи принцевъ, Леопольда и съ сямю 200 генераловъ и ошцеровъ, кромѣ многочисленныхъ служителей. Мажество разныхъ гостей обоего пола стелало отсюда, и значительное число знатныхъ иностранцевъ увеличило собраніе, но говоря уже о несметныхъ толпахъ зрителей низшаго сословія. Цѣлымъ вѣдомъ продолжались манѣвры, и въ это время истощено было все, что могла изобрѣсти самая причудливая фантазія для увеселеній всякаго рода. Въ войска были одѣты въ новые мундиръ, частію въ самые роскошные и фантастическіе костюмы; такъ, на-прим., нѣдкий полкъ явился, подобно ашчарамъ, одѣтый въ парчу; другой въ одеждахъ спаговъ, и т. д. Живою образъ военныхъ дѣйствій казался какнито очарованіемъ посреди иршества, спектаклей, фейерверковъ и тому-подобныхъ увеселеній. Никогда еще не видалъ такого соединенія величавыхъ и правдивыхъ. Цѣлое войско составляло придворный штатъ; вездѣ господствовала роскошь придворной жи-

зии. Песни славили этот знаменитый лагерь при Мюльберге, как современное чудо, и долгое время после рассказывали об нем, как о важном событии. Этот лагерь тѣсно связанъ Августомъ и Фридрихомъ-Вильгельмомъ I-го. Скоро после того, король предпринялъ путешествие по Швабии и Франконии; отсюда хотѣлъ бѣжать послѣдний принцъ, но его схватили, какъ дезертера, и посадили въ Кистрихъ. Военный судъ провозгласилъ ему смертный приговоръ, буквально исполненный надъ другомъ его, поручикомъ Катте. О помилованіи Фридриха со всѣхъ сторонъ ходатайствовали вельможи, и сильнѣе всѣхъ Леопольдъ; но ерцгерцогъ своимъ, послѣднимъ принцъ сохранилъ благодарность по вѣннъ, кто держалъ его сторону, и особенно чувствовалъ себя обязаннымъ Леопольду; въ послѣдствіи, въ воспоминаніе этого событія, Фридрихъ подарилъ ему свой портретъ, который и теперь сохраняется въ Дессау. Съ этого времени, холодное узаменіе, которое всегда оказывалъ Леопольду Фридрихъ, мало-по-малу смягчилось и дало мѣсто нѣкоторой привязанности.

Галле, въ которомъ постоянно квартировалъ полкъ Леопольда, славился тогда своимъ университетомъ; многочисленные студенты его въ горячность, вѣселихъ и буйствахъ не уступали солдатамъ, и отъ-того нерѣдко происходили между ними проказы схватки, нарушавшія спокойствіе города.

Разумѣется, Леопольдъ и его подчиненные, дѣйствовавшіе въ его духѣ, были причиною всѣхъ несогласій, но окончательно поссорила Леопольда со всѣмъ университетомъ безаказанность, съ которой вербовщики его хватали студентовъ и силою заставляли ихъ вступать въ военную службу; самые лучшіе и красивые люди подвергались этой участи, и если разъ на нихъ надѣтъ былъ мундиръ, то безпозланы уже были всѣ представленія университета, на какихъ бы законахъ

они ни основывались; студентами же, которые подлежали университетскому наказанію, находили себя ревностнаго защитника въ Леопольдѣ, если только изъявляли желаніе сдѣлаться солдатами. Гражданъ онъ вооружалъ противъ себя такъ же, какъ и студентовъ; позволяя вообразить себѣ всѣхъ грубостей и оскорбленій, которыя онъ позволялъ себѣ дѣлать бѣднымъ жителямъ; досихъ-поръ еще, въ Галле между народомъ ходятъ рассказы о старомъ уеѣ, шутки котораго были частію жестоки, частію выходили изъ всѣхъ границъ свою непристойность. До-тѣхъ-поръ, пока дѣло ограничивалось шутками, жалобы гражданъ и университета оставались безъ вниманія; но оскорбленія болѣе-важныя принудили короля дать повелѣніе самое обидное для воинской гордости Леопольда. Въ 1734 году, произошла жестокая ссора между офицерами и студентами; на этотъ разъ, университетъ требовалъ строжайшаго изслѣдованія и въ случаѣ отвода положилъ закрыть лекціи; тогда всѣ хлопоты, всѣ убѣжденія Леопольда остались напрасны: ему предписано было немедленно вывести полкъ изъ Галле. Множество дней буйства и насилія искуплено было позоромъ одного дня: возмущенный стыдомъ и досадою, вывелъ солдатъ своихъ Леопольдъ. Но онъ не отошелъ далеко: взаимныя обѣщанія Леопольда и гражданъ уничтожили распрю; полкъ возвратился, и спокойствіе было восстановлено.

Между-тѣмъ, прусскій дворъ началъ сблизиться съ австрійскимъ; дѣломъ 1731 года, король Фридрихъ-Вильгельмъ I и мѣлъ въ Богеміи свиданіе съ императоромъ Карломъ VI. Леопольдъ не могъ присутствовать при этомъ свиданіи, потому-что въ это самое время случилось съ нимъ семейное несчастіе, которое потрясло его гораздо-сильнѣе, чѣмъ бы можно было ожидать отъ его суроваго характера. Дочь его, Луиза, княгиня ангалтъ-бернбургская, занемогла такъ опасно, что не было никакой надежды спасти ее; не-

рель смертью, она изъявила желание жить еще разъ полкъ отца своего. Такому желанію дочери Леопольда не хотѣли и не хотѣли противиться: удрученныи глубокою горестью, прибывъ онъ со своимъ полкомъ своимъ изъ Галле въ Бернбургъ и, едва увидѣвъ онъ княжескій дворецъ, громко рыдая упалъ на землю и молился съ жаромъ. Полкъ съ военною музыкою встрѣтился передъ дворцомъ; княгиня подошла къ окну и любовалась стройными, прекрасными войсками, которые Леопольдъ съ волею и славою скарпировалъ передъ нею. Княгиня пережала эту бѣгну вѣсколькими днями; а отецъ ея, пораженный глубокою уныніемъ, возвратился въ Галле: Спустя долгое время послѣ того, князь Ангальт-Бернбургскій пригласилъ его къ себѣ, и Леопольдъ отправился къ нему съ бывшею свитою, но едва увидѣвъ дворецъ, покачалъ головою и возвратился назадъ, воскликнувъ: «Нѣтъ, не могу видѣть того мѣста, гдѣ гурьба моя дѣлалась!»

Въ 1734 году, послѣ долгого мира, войско должно было приняться за наступательныя дѣланія. Противъ Австріи и Роттви, поддерживавшихъ притѣсанія саксонскаго двора на престолъ польскій, Франція выступила защитницею правъ Станислава Лещинскаго. Обстоятельства сего дѣланія Леопольда начальствованія надъ войскою, котораго такъ побѣдительно помогало его честолюбіе. Къ концу 1733 года, Леопольду, съ согласія короля прусскаго, обвѣщено было мѣсто втораго имперскаго фельдмаршала, упрядившагося смертью владѣтельнаго герцога впринцбергерскаго. Соперниками его явились наследникъ герцога впринцбергерскаго и герцогъ брауншвейгъ-бедерскай. Имперскій сеймъ, устрѣшенный приближеніемъ Французовъ, въ маѣ 1734 года назначилъ фельдмаршалами всѣхъ трехъ претендентовъ, такъ-что Леопольдъ, бывшій 22 года фельдмаршаломъ прусской службы и имѣвшій неспорныя права на первое мѣсто,

получилъ только третье; въ этомъ отношеніи, онъ не могъ получить въ армию начальствованія, достойнаго его сана и потому осужденъ былъ на бездѣйствіе. Прусскія войска, въ числѣ 10 тысячъ, поручены были генералу Рёдеру; но такъ-какъ онъ былъ елишконь-старъ, то сынъ Леопольда, Леопольдъ-Максимилианъ, долженъ былъ, въ званіи генерал-лейтенанта, распорядиться всѣмъ походомъ; проміе четырёхъ сыновъ Леопольда находились тамъ въ числѣ отщепенцевъ этого отряда. Въ качествѣ вполнотерствъ, къ войску онъ правилъ также король прусскій; крон-принцъ и Леопольдъ; оно состояло подъ главнѣйшимъ начальствомъ принца Евгенія и должно было освободить имперскую крѣпость Филиппбургъ; осажденную Французами подъ начальствомъ герцога Бервика. Навѣсть старина Евгенія такъ ослабѣла, что онъ не умаялъ-было Леопольда, но потому мало-по-малу возстановилась прежняя дружба ратныхъ товарищей; король оказывалъ глубокое уваженіе старому вождю, и отъ прежнихъ неприязностей ихъ не осталось и слѣдовъ: Но напротивъ король и Леопольдъ старались побудить принца Евгенія къ какому-нибудь дѣятельному предпріятію; герцогу, якога стоилъ пламенный въ битвахъ, неспособенъ уже былъ въ сѣбѣ выдержать; осмотрѣвъ французскій лагерь, онъ объявилъ, что Филиппбургъ должно предоставить его участю; въ виду принца Евгенія и всего войска, Французы, не смотря на большой уронъ, заняли крѣпость 18 июля: присутствіе короля и Леопольда не имѣло никакого вліянія на военныя дѣянія; вслѣдствіи принца, прибывшій съ сѣбою начать подъ руководствомъ Леопольда изученіе войны, былъ совершенно разочарованъ, ибо, не смотря на все достоинства учителя, никола никуда не годилась; за то онъ приобрѣлъ много разнообразныхъ свѣдѣній и изучилъ опять людей.

Весь походъ прошелъ въ совершенномъ бездѣйствіи. 18-го августа, ко-

решу прусскія оставити войско; въ нѣмъ послѣдовалъ и предвратити въ сопровожденіи Леопольда. Прибытіе Леопольда въ Берлинъ не привнесло еще вражды, но она пробилъ недолго и отправился съ императоромъ въ Штеттинъ для обсервации прусскія работы.

Императорскій дворъ видѣлъ необходимость настоящей войны съ Французами и искалъ помощи у иностранныхъ дворовъ. Въ сентябрѣ 1733 года, императоръ прислалъ въ Берлинъ князь-дипломатина, чтобы убѣдить короля прусскаго принять деятельное участіе въ войнѣ. Король посетилъ Леопольда въ Дессау и изложилъ свое нерасположеніе жертвовать лучшими войсками для выхода императора, при чемъ тоторато дѣйствовалъ такъ дурно. Леопольдъ, напротивъ того, желалъ, чтобы Пруссія приняла участіе въ предстоящей войнѣ, съ тѣмъ, однако, чтобы ему поручено было главное начавіе. Однѣмъ словомъ, на этотъ разъ они не сошлись; и Леопольдъ не въ Маддебургѣ имѣя оубѣдилъ короля приступить къ союзу, съ прибавленіемъ, что нѣкоторые обстоятельства требуютъ личнаго свиданія съ принцемъ Евгениемъ. Король повлилъ свое свиданіе на отъѣздъ Леопольда и повезши ему нѣтъ съ собою любимца его, капитана Фуке (*). Не смотря

на все удовольствіе принца Евгенія быть свидѣтъ съ старымъ товарищемъ своихъ подвиговъ; она ничего не сдѣлала для Леопольда, который пробилъ оубо въсака при арміи, а она по-прежнему оставалась въ бездѣйствіи. Къ концу похода, прусскія статьи мира подписаны были между Австрією и Францією. Евгенийъ отправился въ Вѣну, гдѣ векоръ умеръ; Леопольдъ съ неудовольствіемъ возвратился въ Дессау.

Король станавъ былъ доволонъ неудачей Леопольда; ему непріятно было уступити своего фельдмаршала имперіи, тогда какъ императорскій дворъ подпадалъ безпрерывно посылы къ неудовольствію. Самъ Леопольдъ былъ тоже глубоко оскорбленъ распорядкѣмъ вѣнскаго военнаго совѣта, который назначилъ въ нѣмѣстѣ Ангальтъ постою имперскаго войска. Король еще болѣе возбуждалъ неудовольствіе Леопольда своими шутокми, но и самъ внутренно сетовалъ на такой недостатокъ вниманія; онъ иногда горько жаловался на поступки вѣнскаго двора и, улавливая на кронпринца, прибавлялъ: «Вотъ тотъ, который вѣрнѣе отстанетъ на немъ». Все знали, что императорское войско, въ походѣ 1734 года; далъ самое невыгодное понятіе кронпринцу о силѣ и средствахъ императора, и Леопольдъ не имѣлъ никакой причины уничтожать это мнѣніе; таинств-образомъ, въ соединеніи непріятныхъ впечатлѣній лежало сѣмъ продолжительныхъ войнахъ, возмущавшихъ въ послѣдствіи Австрію и Пруссію.

По смерти принца Евгенія и герцога вюртембергскаго, одинъ Леопольдъ остался имперскимъ фельдмаршаломъ и имѣлъ все права на первое мѣсто. Но императоръ Карлъ VI желалъ видѣть имперскимъ фельдмаршаломъ зата сего, Франца Лотарингскаго, который назначенъ былъ великимъ герцогомъ тосканскимъ, и просилъ Леопольда удовлетвѣствоваться вторымъ мѣ-

(*) Капитанъ Фуке, прославившійся въ послѣдствіи какъ храбрый генералъ и другъ Фридриха-Великаго, принять былъ нѣжомъ ко двору Леопольда и потомъ вступилъ оанперомъ въ его полкъ; онъ пришель строгую школу; суровость и жестокость ея такалили его характеръ, не сдѣлалъ, впрочемъ, никакого вреда его свѣтскому образованію; послѣднимъ онъ особенно похвальною хромшину; котораго часто посѣждалъ въ Рейсбергѣ. Обладаніе Леопольда привудило Фуке взять отставку и вступилъ въ датскую службу; Фридрихъ-Великій призвалъ его обратно, и онъ съ охотою возвратился къ старому учителю своему, расположеніе котораго умѣлъ соединити съ благосклонностію короля.

стою, а первое предоставить герцогу. Изъ уваженія къ главѣ имперіи, Леопольдъ охотно согласился на просьбу императора съ условіемъ, чтобъ, въ случаѣ отсутствія герцога, онъ могъ принять начальство. Скоро, однакожь, онъ увидѣлъ, какъ не уважали его условій: въ апрѣлѣ 1738 года, Францъ отправился въ Венгрію (еще до заключенія мира, окончательно послѣдовавшаго въ ноябрѣ того же года), и начальство передалъ князю гогенцоллерн-гехингескому, бывшему не болѣе какъ генерал-лейтенантомъ имперіи и генераломъ-отъ-кавалеріи австрійской службы. Такое оскорбленіе, нанесенное его фельдмаршалу, рассердило короля прусскаго, и онъ вступился за него; но на этотъ разъ Леопольдъ долженъ былъ удовольствоваться извѣщеніями императора. Не равнѣ, какъ въ 1745 году, когда герцогъ Францъ избранъ былъ императоромъ, Леопольдъ могъ вступить въ поддѣлы права свои, но даже и тогда онъ долженъ былъ устранить соперничество одного изъ германскихъ дворовъ.

Въ послѣднее время, отношенія прусскаго двора измѣнились совершенно. Всѣ подданы и надѣренія короля принялъ другой оборотъ. Зекендорфъ не возвратился уже въ Берлинъ: императоръ прозвалъ его въ фельдмаршалу въ 1737 году и поручилъ ему начальство надъ войскомъ, выступившимъ въ Венгрію противъ Турковъ; неудачныя дѣйствія Зекендорфа подвергли его строгому сѣдствію, окончившемуся заключеніемъ его въ крѣпость, въ Грецъ. Грумбковъ, лишенный такого помощника, съ трудомъ держался на своемъ мѣстѣ; онъ искалъ новыхъ связей и старался приобрести расположеніе наследнаго принца, — но попытки эти ему не удавались; увннне и болѣзнь быстро вели его къ смерти. Онъ умеръ въ мартѣ 1739 года, жертвою неумѣреннаго употребленія вина во время проѣзда короля польскаго. Король Августъ надѣлся вывѣдать тайны Грумбкова, Грумбковъ тайны

короля; но обоюдная цѣль не была достигнута, а безпрерывными оргіи погубилъ обоихъ; король скоро послѣ того умеръ въ Варшавѣ, Грумбковъ томился шесть лѣтъ въ совершенномъ расслабленіи и наконецъ умеръ. Сначала, король Фридрихъ-Вилгелмъ весьма сожалѣлъ о потерѣ этого государственнаго челоука, но потомъ, прочитавъ его бумаги, говорилъ о немъ очень неблагоосклонно къ своей табакѣ, и никто не вступился за умершаго.

По смерти Грумбкова, Леопольдъ пользовался нераздѣльно всю благожелательностью своего царствсннаго повелителя и друга; но король быстрнми шагами шолъ къ концу своего земнаго поприща. Въ послѣднее путешествіе свое по Пруссіи, король безпрестанно чувствовалъ болѣзненные припадки, анна не принесла ему никакого облегченія, а весною 1740 года ему стало еще хуже. Въ это время, Леопольдъ уведомилъ его, что въ Вѣнѣ императорскіе полки уменьшались двумя третями и просилъ позволенія наисрбовать изъ нихъ нѣсколько тысячъ въ прусское войско, но король былъ уже такъ слабъ, что на такое притиво предложеніе отвѣчалъ только, что чувствуетъ приближеніе кончины и всѣ дѣла передалъ сыну. Получивъ это извѣстіе, Леопольдъ оставилъ Дессау, 30-го мая прибылъ въ Потсдамъ и принять былъ королемъ, какъ старшій, вѣрный другъ. На слѣдующій день, состояніе короля сдѣлалось еще хуже, но онъ велѣлъ отнести себя къ окну и сдѣлать выволку лошадей придворной конюшни. Когда приказаніе было исполнено, онъ предложилъ Леопольду и генерал-адъютанту фон-Гаке выбрать себѣ верховыхъ лошадей; выбранная Леопольдомъ показалась ему нехороша, и онъ самъ назначилъ ему коня, говоря, что онъ, какъ удаляющійся отъ службы полковникъ, даритъ его старѣйшему фельдмаршалу; къ этому подарку онъ прибавилъ великолѣпное сѣдло и пару дорогихъ пистолецовъ, потомъ ижно простился съ Леополь-

день и прочими приближенными и въ тотъ же день разстался съ жизнью.

Въ немуряхъ своихъ, служащихъ должнейшею жизни Фридриха-Великаго, Пёльницъ рассказываетъ слѣдующее: «По смерти отца своего, Фридрихъ сдѣлалъ, погруженный въ глубокую печаль, когда доложили ему о старомъ князѣ Дессау, явившемся раздѣлить съ нимъ горе; въ то же мгновеніе, Фридрихъ оправился, и на лицѣ его не осталось слѣда грусти; рыдая, какъ ребенокъ, вошелъ Леопольдъ и просилъ Фридриха оставить какъ ему, такъ и сыновьямъ его занимаемыя ими мѣста въ войскѣ и ему даровать прежнюю власть и вліяніе; на это Фридрихъ отвѣчалъ, что онъ охотно оставляетъ мѣста ему и сыновьямъ его, въ полной увѣренности, что онъ будетъ служить ему такъ же вѣрно, какъ королю его отцу; что жъ касается до власти и вліянія, то при новомъ управленіи власть будетъ имѣть одинъ король, а вліяніе — никто».

Дѣйствительно, при вступленіи на престолъ Фридриха II, возникъ порядокъ дѣлъ, какого никто не могъ прежде предвидѣть.

Немногіе знали молодого государя, который принималъ нынѣ престолъ прусскій; невозможно было вполне оцѣнить ни характера его, ни качества, потому что они всегда скрыты были подъ маскою принужденія. Известно было только, что онъ ревностно занимался изученіемъ всего, что относится къ военному дѣлу, что онъ полкъ свой держалъ въ отличномъ порядкѣ и изъискивалъ за малѣйшее упущеніе по службѣ; но подобныя дѣйствія считались одною некорыстью желаніямъ отца; никто не думалъ, чтобъ онъ былъ способенъ къ военному дѣлу, и всѣ полагали его исключительно-преданнымъ французской образованности. Велико было изумленіе Пруссаковъ, когда новый король не только обнаружилъ ту же ревность къ военной службѣ, но уве-

личилъ стотысячное войско свое еще пятнадцатю новыми батальонами: Леопольдъ, пропитательный взглядъ котораго рѣдко обманывался, долженъ былъ признаться въ своей ошибкѣ и radoвался, что воинственный духъ прежняго властителя продолжаетъ дѣйствовать и при настоящемъ управленіи; утвержденный во всѣхъ своихъ зааніяхъ, Леопольдъ тотчасъ же отправился въ Магдебургъ и Галле и привелъ къ присягѣ войска, тамъ расположеннаго.

При неожиданномъ оборотѣ, наемъ принимало новое управленіе, вліяніе Леопольда, по-видимому, должно было усилиться. И прежде, уже въ званіи предводителя прусскаго войска, онъ не имѣлъ себѣ равнаго; во время войны онъ водилъ всегда Пруссаковъ къ побѣдѣ, въ мирное время почти неограниченно господствовалъ надъ войскомъ; всѣ солдаты видѣли въ немъ страшнаго главу своего и по-большой-части ему обязаны были своимъ воспитаніемъ; возвышеніе и даже репутация офицеровъ опредѣлялись его приговоромъ; во всѣхъ полкахъ были у него приверженцы, которые въ немъ-одномъ видѣли всю свою будущность. Но и это ожиданіе обмануло всѣхъ. Фридрихъ II цѣнилъ въ Леопольдѣ неустрашимаго вождя, устроителя войска, виновника многихъ полезныхъ нововведеній, но человека къ нему онъ не любилъ, — не любилъ его жестокой строгости, суровыхъ нравовъ, немилѣрнаго властолюбія. Фридрихъ требовалъ болѣе-кроткаго обращенія съ солдатами и запретилъ ругательства и безпощадные побои; установивъ такимъ образомъ лучшія отношенія солдатъ къ офицерамъ и офицеровъ къ генераламъ, самъ онъ гораздо-менѣе отца своего оказывалъ довѣренности предводителямъ. Леопольдъ скоро убѣдился, что вліяніе его ослабѣваетъ при настоящемъ управленіи; но первымъ, важнымъ ударомъ для него было пожалованіе фельдмаршalomъ генерала Шверина, вмѣстѣ съ тѣмъ возведеннаго въ графское достоинство. Шверинъ,

ва исключеніемъ опытности въ войнѣ и храбрости, въ которой онъ могъ выдержать соперничество съ кѣмъ бы то ни было, былъ во всемъ прочемъ диаметрально-противоположенъ Леопольду: краткій, человѣколюбивый, онъ соединялъ пріятельскую наружность съ вѣжливостью въ обращеніи. Леопольдъ и его многочисленныя приверженцы питали къ нему вражду и всѣми силами старались уронить его въ мнѣніи короля; въ войскѣ образовались двѣ партіи, изъ которыхъ сильнѣйшая была партія Леопольда; не смотря на то, многіе опыты доказали, что король въ предводительскіе войскъ своего вѣтаника, не думалъ безусловно слѣдовать его совѣтамъ, отъ-чего между ними водворилась холодность, и Леопольдъ все рѣже и рѣже началъ появляться при дворѣ.

20 октября 1740 года, преставилась нумская линія габсбургскаго дома въ лицѣ императора Карла VI, — событіе, позволившее всѣмъ европейскія державы. Дочь его, Марія-Терезія, королева венгерская и богемская, должна была, въ случаѣ вѣдствіе прагматической санкціи, слѣдовать преемницею его во всѣхъ его наслѣдственныхъ владѣніяхъ. Но этотъ семейственный законъ, признаніе котораго стоило Карлу VI столько трудовъ и проли, оказался слабю охраною престола. Со всѣхъ сторонъ обнаружались притязанія на оставленное наслѣдство; между прочими, Фридрихъ II объявилъ права свои на нѣкоторые княжества Силезіи и, не надѣясь на успѣхи переговоровъ, тотчасъ же рѣшился дѣйствовать наступательно. Намѣреній короля не одобрили министры и генералы; особенно возсталъ противъ нихъ Леопольдъ, привыкшій уважать императорскій домъ и списавшій первую военную службу свою въ союзной арміи Австрійцевъ и Пруссаковъ; кромѣ того, онъ видѣлъ, что начальство ускользаетъ отъ руки его, и что не онъ будетъ предводительствовать войскамъ; онъ вооб-

ражалъ, что мощныя словеса свои уничтожить предпріятіе, и дѣлалъ возраженія свои королю со всею гордостью опытнаго воина, чувствующаго превосходство свое надъ молодымъ человѣкомъ. Когда же убѣжденія его остались безъ дѣйствія, онъ предсказалъ несчастіе и гибель. Мнѣніе такого опытнаго полководца, громко-высказанное, произвело неблагопріятное впечатлѣніе на офицеровъ и генераловъ, и этого изгладить болѣе всего старался король. По возвращеніи Леопольда въ Дессау, онъ услышалъ, что сильное предпріятіе Фридриха началось 16 декабря нападеніемъ на Силезію съ войскомъ въ 40,000 человекъ. Получивъ это извѣстіе, Леопольдъ сказалъ сыну своему Морцу, который былъ въ то время при немъ: «Онъ играетъ въ дурную, опасную игру!» Принцъ спросилъ съ любопытствомъ: «Развѣ онъ не имѣетъ правъ на Силезію?» — «Такия же точно, какъ и ты» отвѣчалъ князь. — Противъ ожиданія, быстрый успѣхъ слѣдовалъ за дѣломъ. Почти безъ выстрѣла послѣдовало занятіе бѣльшей части Силезіи, и въ январѣ 1741 года прусское войско спокойно расположилось на зимнія квартиры. Тѣмъ затруднительнѣе казался походъ слѣдующаго года, что легкое завоеваніе необходимо было отставать противъ всего австрійскаго войска. Тогда Фридрихъ увидѣлъ, что ему невозможно обойтись безъ совѣта опытныхъ вождей своихъ: онъ вызвалъ Леопольда въ Берлинъ, и хотя въ Силезіи самъ остался предводителемъ, но умѣлъ воспользоваться опытностію и вліяніемъ князя Дессау въ другомъ мѣстѣ.

Дворы дрезденскій и ганноверскій непріязненно смотрѣли на Пруссію, и Фридрихъ, для обезпеченія себя со стороны этихъ державъ, рѣшился составить охранное войско въ 30,000 человекъ, и главное начальство надъ этимъ войскомъ поручилъ Леопольду, который принялся за дѣло со всею обыкновенною ревностію. Полкъ свой онъ прислалъ къ Галле и сталъ лагеремъ

между Ганноном и Бранденбургем; невольный союзники дворянами, онъ жестоко утѣснялъ ихъ владѣнія и дозволялъ солдатамъ грабить все, что имъ попадалось. Супруга его съ меньшими дѣтьми поселилась въ Бранденбургъ, а три сына его, Леопольд-Максимилианъ, Дитрихъ и Морицъ, служили въ войскѣ короля въ Силезіи. 9 марта, Леопольд-Максимилианъ блестящимъ подвигомъ храбрости завоевалъ крѣпость Гросс-Глогау; 10 апрѣля король одержалъ побѣду при Мольвицѣ, гдѣ болѣе всего отличался пѣхота, организованная Леопольдомъ, и Леопольдъ въ отдаленіи торжествовалъ эту побѣду молебствіемъ и пушечною пальбою. Лично ему не было случая дѣйствовать, и онъ, какъ-бы въ вознагражденіе себя, занимался манѣврами, сильно отягощавшими жителей. Когда переговоры между Франціею и Великобританіею удали всакую опасность съ этой стороны, Фридрихъ отозвалъ войско и пригласилъ Леопольда въ Силезію, гдѣ походъ оканчивался уже переговорами съ австрійскимъ полководцемъ графомъ Нейбергомъ. Леопольдъ сопровождалъ короля во всѣ завоеванныя мѣста и наконецъ въ Бреславль, гдѣ граждане принесли присягу новому государю; эти же заключились первые поддѣлки Фридриха II.

Переговоры о мирѣ, въ успѣхъ которыхъ никто не сомнѣвался, вдругъ прекратились въ 1742 году. Германская Имперія избрала главою своимъ Карла VII, бывшего куренрстомъ баварскимъ, и прусскія войска двинулись на защиту избраннаго императора противъ приказаній Австрій и ея союзниковъ.

Франція и Саксонія съ тою же цѣлю выступили противъ Австрій. Уже въ январѣ король прусскій былъ съ войсками въ Силезію и вѣрженъ въ Моравію. Послѣ нѣсколькихъ перемѣнъ владѣнія, Леопольду поручено было начальство надъ войсками въ Вер-

ней-Силезіи. Разпоряженія его для обезопасенія страны доказываютъ его опытность стараго вождя, не пренебрегавшаго никакими, даже по-взрослому малыми средствами для достиженія великихъ результатовъ. Раздѣленъ войска на отряды, устроенъ укрѣпленія, онъ всю провинцію сдѣлалъ недоступною для вторженія непріятелей. Тогда король потребовалъ часть войска къ себѣ въ Богемію, и Леопольдъ отрядилъ 8,000 человекъ подъ начальствомъ генерала Дершау, который, впрочемъ, прибылъ уже послѣ сраженія. Король убѣдомилъ Леопольда, что онъ 17 мая выигралъ битву при Часлау, и что сынъ его Леопольд-Максимилианъ на полѣ битвы произведенъ имъ въ фельдмаршалы. Леопольдъ велѣлъ нѣтъ торжественный Те Деумъ въ благодарность за одержанную побѣду, чрезвычайно радовался счастливому успѣху ихъ оружія и еще болѣе необыкновенному случаю, что отецъ и сынъ въ одно время были фельдмаршалами одного и того же войска.

Послѣ этой побѣды, прекратились непріязненные дѣйствія; миръ, заключенный въ Бреславлѣ 11 юня, кончилъ первую силезскую войну и упрочилъ за королемъ прусскимъ обладаніе Силезіею. По окончаніи войны, миромъ былъ въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ къ Леопольду; но, въ которое время ему, ему слова стала подосреждать старая привязанность Леопольда къ австрійскому дому, и она потребовала отъ него новой присяги на вѣрную службу; Леопольдъ горше жаловался на такую недоверчивость къ собственнорукавомъ нисемъ отъ 18 ноября къ генерал-лейтенанту Калашеру.

1743 годъ кирво.проемъ для Пруссіи, хотя война Карла VII и Маріи Терезіи продолжалась по-прежнему. На слѣдующій годъ, когда успѣхи Австрій начали безпокоить Фридриха II, онъ снова взялся за оружіе на защиту императора, и въ 1744 году повелѣлъ съ силезіемъ войскамъ въ Пруса-

ию и скоро утвердил за собою большую часть этого королевства.

Леопольд оставался спокойно в Дессау, не думая принимать участия в войнѣ; но неожиданное повелѣніе короля назначило его вѣмствникомъ Бранденбурга и заставило отправиться въ Берлинъ: съ 17,000 солдатами онъ долженъ былъ защищать эти провинціи и всѣ распоряженія предоставлены были его произволу. Послѣ блестящаго начала, дѣла змінились въ Босени; Карлъ, принцъ лотарингскій, вышедъ изъ Эльзаса на помощь насильственнымъ австрійскимъ землямъ, и къ нему дрезденскій дворъ, бывшій тогда въ союзѣ съ Австріею, присоединилъ двадцати-тысячное войско. Фридрихъ принужденъ былъ очистить Босению и отражать нападеніе непріятелей въ Силезію. Въ такихъ обстоятельствахъ, король вызвалъ Леопольда въ Шпейдницъ и принужденъ былъ передать ему начальство, а самъ посѣдѣлъ въ Берлинѣ, чтобъ заняться переговорами. Леопольдъ принялъ начальство надъ всѣмъ войскомъ и получилъ повелѣніе отступать Силезію и Глацъ. Въ войскѣ господствовалъ совершенно не тотъ духъ, къ которому привыкъ Леопольдъ; король далъ высшія мѣста многимъ иностранцамъ и, нѣсто прежняго пенноненія, между офицерами воцарилась свобода мнѣній, что очень не по сердцу было старому венну. Скоро, однакожь, непріятель доставилъ ему серьезное замѣтіе. Австрійскій фельдмаршалъ Траунъ вторгся въ Силезію съ 20,000 войска, между-тѣмъ, какъ генералъ Венцель съ 12,000 отступилъ къ графству Глацъ. Король самъ прибылъ къ войску, но скоро долженъ былъ снова оставить его, потому-что присутствіе его въ Берлинѣ было необходимо; онъ вручилъ главное начальство Леопольду, и сверхъ того оставилъ при немъ генерала Шметтау, который долженъ былъ утѣдомлять его обо всемъ, что дѣлалось въ войскѣ; Леопольдъ догадывался объ этомъ назначеніи и обя-

руживалъ холодность и недовѣрчивость къ Шметтау. Леопольдъ собралъ войска свои близъ Нейссы, чтобъ выйти противъ непріятеля въ Верхнюю Силезію, но онъ слышалъ-долго медлилъ, дожидаясь пополненія запасныхъ магазиновъ. Побуждаемый безпрерывными повелѣніями короля, Леопольдъ двинулся наконецъ (9 января 1745 года) съ 36,000 человѣками въ Верхнюю-Силезію. 12 января, при Нейштадтѣ, онъ встрѣтилъ непріятельскій отрядъ, который на возвышеніи твердо ожидалъ атакки. Леопольдъ осмотрѣлъ позицію непріятелей, построилъ войска свои въ линіи, самъ сталъ на правомъ флангѣ, обнажилъ шпагу и командовалъ: «Впередъ, маршъ!» «Онъ непремѣнно заставлялъ свои войска идти въ порядкѣ и мѣрнымъ шагомъ» — рассказываетъ капитанъ графъ Шметтау въ жизнеописаніи своего отца: «... когда хотя одинъ человѣкъ выступалъ впередъ или отставалъ, то онъ пріисутствовалъ его страшнымъ проклятіемъ; между-тѣмъ, онъ самъ и сынъ его, Леопольдъ-Максимилианъ, скакали назадъ и впередъ порядкамъ и наблиздали самую прямую линію, какъ въ парадѣ.» Когда Пруссаки подошли въ такомъ порядкѣ на разстояніе шести сотъ шаговъ отъ Нейштадта, Австрійцы стали отступать; о преслѣдованіи непріятелей Леопольдъ не хотѣлъ слышать; онъ любилъ дѣйствовать по собственному произволу и никогда не слушалъ чужихъ совѣтовъ: пробывъ два дня въ Нейштадтѣ, онъ двинулся къ Игерсдорфу; непріятель отступилъ и оттуда, и онъ далъ приказаніе отряду войска, подъ предводительствомъ генерала Нассау, преслѣдовать враговъ за Троппау, къ Меравію. Между-тѣмъ къ войску прибылъ маркграфъ Карлъ Бранденбургскій, чтобъ принять начальство надъ арміею въ Верхней-Силезіи, и по повелѣнію короля велѣлъ свой корпусъ генерала Шметтау, съ которымъ Леопольдъ при разставленіи оботелся очень-грубо; за это маркграфъ привалъ сторону генерала, и великому неудовольствію главнокомандующаго.

дующаго. Въслѣдъ за тѣмъ, постигла его другая неприятность: по повелѣнію короля, генералъ Левальтъ съ 10,000 челоуками долженъ былъ очистить отъ неприятеля графство Глацъ, между тѣмъ, какъ Леопольдъ назначалъ для этого предпріятія сына своего Морица. Переимѣнныя предписанное уже было невозможно; Левальтъ разбилъ графа Венцеля, и такимъ-образомъ вся Силезія была занята Пруссакими.

Во время послѣднихъ проишествій, Леопольдъ получилъ изъ дома горестное извѣстіе, сильно его взволновашее. 8 февраля прибылъ изъ Дессау гонецъ съ извѣстіемъ, что княгиня, супруга его, опасно занемогла; нѣсколько часовъ спустя прибылъ другой съ извѣстіемъ о ея смерти (ей было тогда шестьдесятъ-восемь лѣтъ отъ роду). Никогда еще Леопольдъ ничѣмъ не былъ такъ жестоко пораженъ, какъ кончиною своей возлюбленной супруги, дорогой спутницы его жизни. Глубокое чувство его выразилось и теперь въ самыхъ грубыхъ формахъ, какъ выражалось всегда: судьба ему дала одинъ и тотъ же способъ выраженія при всякомъ душевномъ движеніи. Оба сына его, Леопольдъ-Максимильянъ и Морицъ, находились въ то время при немъ, и послѣдній былъ боленъ. Громко рыдая, ворвался онъ въ комнату больного и между слезами и воплями воскликнулъ: *Moritz, der Teufel hat deine Mutter geholt*. Но что онъ чувствовалъ при этихъ словахъ, свидѣтельствовала его глубокая горестъ; цѣлые дни онъ не выходилъ изъ своей комнаты, непрерывно плакалъ и тосковалъ; цѣлыя ночи не могъ сомкнуть глазъ и съ трудомъ принималъ пищу; силы его оставали, и положение его внушало безпокойство окружающимъ. Только дѣла войска и внутреннее устройство полковъ могли доставить ему нѣкоторое развлеченіе.

Политическія дѣла приняли другой оборотъ: императоръ Карлъ VII умеръ 20 января 1745 года. Всѣ надѣялись,

Т. XLIII. — Отд. VII.

что война между королеми прусскимъ и королевою венгерскою окончена; но Марія-Терезія сочла это игновеніе благопріятнымъ для возвращенія Силезіи, и Фридрихъ II съ новыми силами выступилъ въ поле, чтобъ удержать за собою приобрѣтенныя владѣнія. Весною все пришло въ движеніе. Король прибылъ къ Нейссу 26 марта и изъявилъ Леопольду полное благоволеніе за его службу; дѣйствительно, не смотря на меленныя и часто ненужныя мѣры, Леопольдъ отлично служилъ королю въ этомъ походѣ; если онъ и не достигъ блестящихъ результатовъ, то по-крайней-мѣрѣ дѣйствія его предохраняли отъ всякаго несчастія вървенную ему страну, а сила и точность, которыми проникнуты были малѣйшія его распоряженія, спасительно подѣйствовали на войска. Прежде еще Леопольдъ просилъ письменно позволенія на нѣкоторое время съѣздить въ Дессау и получалъ его теперь лично отъ самого короля, вмѣстѣ съ порученіемъ собрать наблюдательное войско въ области магдебургской, потому-что Ганноверъ и особенно Саксонія приняли грозное положеніе. Въ апрѣлѣ, Леопольдъ оставилъ Силезію и отправился домой—но не въ Дессау именно, потому-что не могъ видѣть мѣсто, гдѣ умерла его супруга, а въ замокъ Ораніенбаумъ. Не смотря на свое расстроенное здоровье, онъ наблюдалъ, частію вѣлъ, частію въ Магдебургѣ, за военными приготовленіями. Скоро собранъ былъ значительный корпусъ, который, въ-слѣдствіе договора съ Ганноверомъ, придвинулся къ саксонской границѣ, гдѣ нѣсколько недѣль простоялъ неподвижно; съ другой стороны, такое же значительное войско Саксонцевъ стояло наготовѣ между Лейпцигомъ и Мерзебургомъ. Между-тѣмъ, Фридрихъ велъ войну въ Богеміи съ новымъ счастьемъ и славою; онъ разбилъ Австрійцевъ при Гогенфридбергѣ и потомъ при Соррѣ и Траутенау.

Подкрѣпленія, приведенныя принцемъ Дитрихомъ ангальт-дессау-

саксы и генераломъ Гислеромъ изъ Богеміи, увеличили войско Леопольда до 28,000 человекъ. Только надежда на миръ останавливала ихъ отъ рѣшительнаго дѣйствія; договоръ съ Ганноверомъ, упрочившій Фридриху владѣніе Силезіею, и побѣдоносный походъ въ Богемію дѣлали миръ этуъ несомнѣннымъ; потому и лагерь на саксонской границѣ былъ снятъ; но когда Леопольдъ, послѣ вратнаго пребыванія въ Дессау, прибылъ въ Берлинъ, то король получалъ тайныя извѣстія, сильно его обезпокоившія. Въ минуту самую благоприятную для мира, дрезденскій дворецъ, управляемый министромъ графомъ Бредомъ, предпринималъ самыя гибельныя дѣйствія противъ Пруссіи. Пока Фридрихъ II занятъ былъ переговорами, соединившаго войска Австрійцевъ и Саксонцевъ, находившіяся въ Богеміи, подъ предводительствомъ принца лотарингскаго, должны были чрезъ Лузацію внезапно напасть на Силезію и въ то же самое время другое войско, въ 55,000 человекъ, подъ начальствомъ Рутоскаго и Грюна, должно было двинуться чрезъ Лейпцигъ къ Магдебургу и Берлину. При такомъ двойномъ нападѣнн, гибель Пруссіи казалась несомнѣнною; но блительность Фридриха уничтожила замыслы враговъ. Прежде всѣхъ онъ сообщилъ это извѣстіе Леопольду, но тотъ имъ за что не хотѣлъ ему вѣрить, и одного мнѣнія съ Леопольдомъ былъ министръ иностранныхъ дѣлъ, графъ Подевильсъ. Самое назначеніе Леопольда главнокомандующимъ войсками, которыя должны были снова собраться у Галле, не смотря на все желаніе его завоевать новыя лагерь, не могло вынудить у него согласія. Фридрихъ II долженъ былъ употребить всю власть свою и приказалъ ему немедленно приняться за сборъ войска. Планъ его былъ быстро составленъ: Леопольдъ долженъ былъ напасть на Саксонію съ запада и встрѣтить войска Грюна и Рутоскаго; самъ же онъ намѣревался, не ожидая наступательныхъ дѣйствій со стороны

непріятеля, изъ Силезіи чрезъ Лузацію напасть на принца лотарингскаго. Не заботясь о грозѣ, готовой грянуть на него со стороны Россіи, не заботясь объ опасности, въ которой находилась его столица, онъ думалъ о томъ только, какъ бы ударить на непріятеля съ обѣихъ сторонъ. Неукротимый Леопольдъ настоятельно совѣтовалъ королю не принимать самому начальства, и при этомъ дозволилъ себѣ такія вольныя выраженія, что король сухо отвѣчалъ ему, что онъ хочетъ самъ вести войско и что, если онъ, князь Дессау, соберетъ войско на собственномъ иждивеніи; то и ему никто не помѣшаетъ предводительствовать имъ самому. Послѣ такого отвѣта, Леопольдъ, хотя и сильно раздосадованный, ревностно приваялся за исполненіе даннаго ему порученія. Съ необыкновенною скоростью войска собраны были 20 ноября въ Галле и къ концу мѣсяца изготовились въ походъ. Самъ же король двинулся въ Лузацію и началъ военныя дѣйствія побѣдоу при Геннерсдорфѣ, въ слѣдствіе которой войска принца лотарингскаго отступили въ Богемію.

27 ноября, при полученіи извѣстія объ усѣхѣ короля въ Лузаціи, Леопольдъ, съ своей стороны, выступилъ въ Саксонію: распоряженіями своими онъ обманулъ непріятеля и въ совершенной тишинѣ, рано утромъ 29 ноября, все войско поднялось изъ Галле и въ три часа по полудни стало близъ укрѣпленнаго лагеря Саксонцевъ недалеко отъ Лейпцига. Леопольдъ тотчасъ же замѣтилъ его слабую позицію и, не смотря на усталость солдатъ, далъ повелѣніе атаковать его. Прежде всего ударилъ на нихъ съ 8 эскадронами кавалеріи генералъ Бредовъ, и за нимъ послѣдовали принцы Датрихъ и Морицъ. Часть Пруссаковъ переночевала внутри непріятельскихъ укрѣпленій вѣсть съ Саксонцами, которые отступили почти безъ сопротивленія; на другой день, послѣ краткихъ переговоровъ, Леопольдъ занялъ городъ

Лейпцигъ, а вслѣдъ за тѣмъ Плейсбергъ. Тогда Леопольдъ велѣлъ кавалеріи преслѣдовать непріятеля и 3 декабря послѣдовалъ за нею самъ со всѣмъ войскомъ. По взятіи Торгау, онъ остановился нѣкоторое время, озабоченный продовольствіемъ; 9-го онъ получилъ королевское повелѣніе какъ можно-скорѣе двинуться къ Мейссену, куда король, съ своей стороны, отправилъ отъ Бауцена генерала Левальда съ 10 батальонами и 10 эскадронами, чтобы онъ овладѣлъ мостомъ черезъ Эльбу, что необходимо было для соединенія обонхъ отрядовъ; но сильный ледъ шелъ по рѣкѣ и съ той именно стороны не доставало части моста. Медленность Леопольда выводила изъ терпѣнія король, хотя дурныя дороги и разныя затрудненія на пути могли служить достаточнымъ оправданіемъ; непріятель онъ не имѣлъ предъ собою, потому-что Австрійцы, доживавшіе, подъ предводительствомъ Грюна, идти къ Берлину, при слухѣ о неудачахъ принца лотарингскаго поспѣшили къ нему на помощь; Саксонцевъ же собралъ Рутковский у Дрездена, который сдѣлался центромъ соединенія союзниковъ. «Медленность Леопольда», говоритъ Фридрихъ-Великій въ исторіи своего времени: «напрасно относить къ его старости и духу противорѣчія; онъ не задумался быстрое предпріятіе въ Лузачію назвать счастливымъ безуміемъ молодаго человѣка; онъ слишкомъ уважалъ въ себѣ разсудокъ и медленность, а они, въ соединеніи съ его долгодѣтней опытностью, были совершенно-противоположны тому плану, который одушевлялись быстрыя движенія короля». Этотъ приговоръ Фридриха-Великаго подтверждается и предшествовавшими событіями. Леопольдъ получилъ строгій выговоръ за медленность и строжайшее повелѣніе — не терять ни минуты идти къ Мейссену: 11-го онъ двинулъ войско, а 12-го обѣщалъ быть на мѣстѣ. Двама форсированными маршами, которые и въ болѣе-благопріятное время года были бы тагостны для войска, онъ прибылъ къ

Мейссену въ назначенное имъ время, занялъ городъ и замокъ, и принудилъ къ такому скорому отступленію отрядъ саксонскаго генерала Аленбека, что тотъ не успѣлъ даже разрушить всего моста. Тотчасъ по прибытіи, Леопольдъ посланка осмотрѣлъ его, и немедленно мостъ былъ исправленъ; въ тотъ же вечеръ, войска перешли на другой берегъ Эльбы и стали лагеремъ по ту сторону рѣки. Лѣвый флангъ кавалеріи, затрудненный при переходѣ повозками, нагруженными мукою и хлѣбомъ, былъ внезапно атакованъ непріятелемъ, укрыпшимся въ лѣсу, и потерялъ до 180 человекъ: Фридрихъ-Великій приводитъ это происшествіе припомъ того, что излишняя медленность и предусмотрительность часто опускаютъ изъ вида необходимое. 13 декабря присоединился къ арміи Леопольда корпусъ генерала Левальда, и такія-образомъ она возросла до 34 тысячъ человекъ, и съ ними 14 декабря онъ пошелъ къ Дрездену. Въ тотъ же день прибылъ туда принцъ лотарингскій, жаловался на неудобныя квартиры, назначенныя ему саксонскимъ правительствомъ, и предостерегалъ Рутковского, что Пруссаки близко, и что, въ случаѣ нужды, онъ готовъ явиться къ нему на помощь. Рутковский отвѣчалъ на это, что Пруссаки никогда не нападутъ на него въ крѣпкой позиціи, ниъ занятой, но что, въ случаѣ нападенія, онъ отразитъ ихъ и безъ помощи принца. Съ своей стороны, король Фридрихъ подошелъ ночью къ Мейссену и занялъ своими войсками оба берега Эльбы, готовый на всякую опасность; Леопольду же посылалъ безпрерывно повелѣніе идти впередъ и нападать.

Рако утромъ 15 декабря, Леопольдъ пошелъ по дорогѣ къ Дрездену и въ полдень, близъ Кессельдорфа, увидѣлъ непріятельскія войска въ боевомъ порядкѣ; непріступною казалась позиція, занятая Саксонцами и Австрійцами на высотахъ, гдѣ расположено было до 35 тысячъ войска съ 54 тяжелыми ору-

дѣями и 44 орудіями легкой артиллеріи. Едва Леопольдъ увидѣлъ собственными глазами положеніе непріятеля, рѣшеніе его было принято въ ту же минуту; ему надобно уже упреки въ медленности, и онъ въ генеральномъ сраженіи хотѣлъ показать всю храбрость свою и военное искусство. Войска получили повелѣніе тремя отрядами изготовиться къ бою. Манѣвръ сдѣланъ былъ въ виду непріятеля спокойно, съ военною музыкою, игравшею дессаускій маршъ. Медлить въ зимній день было некогда. Леопольдъ видѣлъ, что Кессельдорфъ — ключъ всего сраженія, и что его должно занять до наступленія вечера: потому-то на него онъ и устремилъ всю силу своего праваго фланга. Когда вся линія Пруссаковъ была мощно выдвинута, Леопольдъ, ставшій впереди своего поля, громко произнесъ слѣдующую молитву: «Господи, будь и сегодня милостивъ ко мнѣ, или, если Ты не поможешь мнѣ, то не помогай бездѣльникамъ-врагамъ нашимъ!», потомъ воскликнулъ, обнаживъ шпагу: «Съ Богомъ, маршъ!» и повелъ атаку прямо на Кессельдорфъ. Храбрые гренадеры, подъ предводительствомъ генерала Герцберга, безъ выстрѣла всходили на высоту, по неровной почвѣ, подъ самыми пушками непріятеля. Страшный картечный огонь встрѣтилъ ихъ и разрѣдилъ ихъ линію. Въ то же время, генералъ Левальдъ съ пѣхотою и генералъ Гесслеръ съ 3 кавалерійскими полками съ лѣвой стороны ударили на Кессельдорфъ. Побуждаемые возгласами Леопольда, неустрашимые воины достигли возвышенія и взяли пять орудій, стоявшихъ передъ деревнею; новый градъ ядѣрь унесъ цѣлые ряды ихъ; генералъ Герцбергъ палъ смертельно-раненный; съ нимъ пали лучшіе офицеры; отряды солдатъ начали отступать; Леопольдъ съ брабью* и проклятіями повелъ ихъ самъ на батарею; обильно увлажила землю кровь Пруссаковъ (она превратилась въ ледъ и 14 дней спустя была еще видна), и каждое мгновеніе увеличивало потерю. Безпрерывно гре-

мѣла непріятельская артиллерія, и храбрѣйшая пѣхота гибла безъ всякой пользы; наконецъ, чтобы скрыть отъ непріятеля его усилія и вдохнуть новое мужество въ свое утомленное войско, Леопольдъ командовалъ къ отступленію, которое исполнено было не въ лучшемъ порядкѣ: Саксонцы и Австрійцы, торжествуя уже побѣду, забыли строгое повелѣніе Рутовскаго не оставлять своей позиціи, и бросились за убѣгавшими Пруссаками; этого мгновенія только и ожидалъ Леопольдъ и не замедлилъ имъ воспользоваться: въ подкрѣпленіе шести батальйоновъ, бывшихъ съ нимъ, онъ вызвалъ еще драгунскій полкъ и приказалъ командиру его, Людеритцу, вторгнуться въ разединенные ряды непріятеля, что и было тотчасъ же исполнено. Быстрою натиску кавалеріи не могла противиться изумленная пѣхота и отступила; тогда всею силою пѣхоты праваго фланга со всѣхъ сторонъ напалъ Леопольдъ на деревню и утвердился въ ней; прежде, чѣмъ непріятель могъ опомниться, кавонеры были перебиты, орудія завоеваны. Но побѣда не была окончена. Не теряя ни минуты времени, онъ опрокинулъ правый крылою своихъ весь отрядъ Саксонцевъ, истребляя все, что сопротивлялось ему, и занялъ ихъ позицію. Въ то же время, лѣвый флангъ прусской арміи, подъ предводительствомъ Морица-Дессаускаго, сошелся съ непріятелемъ; они бились храбро, но неровность почвы сильно затруднила солдатъ; когда же на правомъ флангѣ побѣда была такъ блистательно рѣшена, то и пѣхота лѣваго фланга не хотѣла отставать; подъ страшными градомъ непріятельскихъ ядѣрь, чрезъ овраги, снѣгъ, болота, перебѣгалась она къ непріятелю, выстроивалась снова на болѣе-твердой почвѣ и, благодаря удивительному порядку, къ которому были приучены солдаты, успѣла обратить въ бѣгство непріятельскую кавалерію. Со всѣхъ сторонъ шли впередъ побѣдоносные Пруссаки, гоня передъ собою разбитаго врага. 50 эскадронамъ саксонской кавалеріи дурно сража-

лись, не смотря на всё убѣжденіе генераловъ, старавшихся привести въ порядокъ свои отступавшіе полки; огонь вѣскольныхъ прусскихъ батарей разстроилъ ихъ окончательно, и тогда все войско побѣжало въ страшномъ безпорядкѣ. Быстрое наступленіе ночи оставило преслѣдованіе; побѣда была рѣшительная: Пруссаки ночевали на мѣстѣ битвы, а полкъ Леопольда въ дымящихся развалинахъ Кессельдорфа. Саксонцы потеряли 10 тысячъ убитыми и плѣнными, 8 знаменъ и 48 орудій; потеря Австрійцевъ была не-мѣ-важнѣе, потому-что темнота ночи прикрывала ихъ отступление. Потеря прусскаго вождя обозначена была 5 тысячами убитыми и ранеными, но вѣроятно она была значительнѣе. Больше всего пострадалъ полкъ Леопольда при штурмѣ Кессельдорфа; самъ онъ былъ безпрестанно съ нимъ, и платье его пробито было тремя пулями. Его приготовленія къ битвѣ, неустранимость при нападеніи, быстрота, съ которою онъ распоряжался движеніями въ самомъ пылу боя, долазываютъ въ немъ ослѣплага вѣнатока своего дѣла, совершеннаго героя; впрочемъ, онъ отдавалъ справедливость генералу Гесселеру, говоря, что тотъ своею кавалерійскою атакою много способствовалъ успѣху этого славнаго дня.

Въ то время, какъ Леопольдъ бился при Кессельдорфѣ, въ Мейссенѣ Фридрихъ II былъ въ мучительномъ ожиданіи. Небо покрыто было пламенемъ, и безпрерывно слышался грохотъ орудій. Фридрихъ велѣлъ сдѣлать лошадей, вѣхотѣ стать подъ ружье. Онъ посылалъ безпрестанно осведомляться, не видать ли чего; наконецъ, поѣхалъ самъ со заводомъ гусаръ далеко по дорогѣ въ Дрезденъ, но долженъ былъ воротиться при наступившей темнотѣ. Ночью прибылъ отъ Леопольда офицеръ съ извѣстіемъ о побѣдѣ; на слѣдующее утро, 16 декабря, король соединился съ нимъ, и вся армія двинулась къ Дрездену по обѣимъ берегамъ Эльбы; 17-го, король объѣхалъ съ Ле-

опольдомъ поле битвы, дивился трудностямъ, которыя преодолѣли его войска, сожалѣлъ о потерѣ храбрыхъ воиновъ и громко превозносилъ похвалами необыкновенный подвигъ Леопольда, забывъ прежнюю медленность и нещадя ничего, что могло польстить честолюбію стараго вождя; онъ щедро наградилъ все войско и самому Леопольду подарилъ 50,000 талеровъ. 18 декабря послѣдовало вступленіе его въ Дрезденъ, жители котораго толпами вышли посмотрѣть поле битвы и Пруссаковъ.

Дворъ давно уже удалился въ Прагу, а принцъ лотарингскій вѣстѣ съ Рутовскимъ отступали къ богемской границѣ. Дѣло при Кессельдорфѣ рѣшило окончаніе войны; планъ союзниковъ былъ разрушенъ, и выгодный для Пруссіи миръ былъ заключенъ въ Дрезденѣ 25 декабря 1745 года. Прусскія войска очистили Саксонію; король поѣхалъ въ Берлинъ, Леопольдъ въ Дессау.

При концѣ своего поприща, когда обыкновенно помрачается слава великихъ дѣлъ, старикъ Леопольдъ отличился новыми блистательными подвигами храбрости; битва при Кессельдорфѣ была вѣнцомъ его прежнихъ геройскихъ битвъ и упрочила достоинство его, какъ смѣлаго и искуснаго вождя. Не смотря, однакожь, на услуги, недавно оказанныя Пруссіи, между нимъ и Фридрихомъ не было дружественныхъ отношеній, и нерѣдко вѣдкія насмѣшки короля направлены были противъ стараго уса. Леопольдъ не оставался въ долгу, и мало-по-малу водворилась между ними большая холодность, заставившая Леопольда проводить все время въ Дессау. Занятія его военными экзерциціями не прерывались; но еще большее вниманіе Леопольдъ обратилъ на домашнія дѣла свои, которыя разстроились по смерти его супруги: въ глубокой старости, онъ, какъ и прежде, дѣятельно занимался всѣмъ, что могло увеличить его доходы.

Въ апрѣлѣ 1746 года, письмомъ своимъ къ регенсбургскому сейму, онъ напомнилъ о правахъ своихъ на первое мѣсто имперскаго фельдмаршала, которое теперь оспаривалъ у него Карлъ-Лотарингскій. Сеймъ отдалъ первенство Леопольду, который, при концѣ жизни, получилъ званіе, слѣдовавшее ему уже столько лѣтъ прежде. Посреднобыкновенныхъ занятій прошелъ этотъ годъ. Леопольдъ пользовался крѣпкимъ здоровьемъ и, казалось, ни старость, ни военные труды не ослабили въ немъ твердости духа и дѣятельности. Въ январѣ 1747 года, онъ посѣтилъ Берлинъ, гдѣ довольно-хорошо былъ принятъ Фридрихомъ и всѣмъ королевскимъ домою; по возвращеніи въ Дессау, онъ въ третій разъ передѣлалъ свое завѣщаніе и ввѣрилъ его магистрату города Лейпцига. Здоровье его было въ хорошемъ состояніи; но 7 апрѣля, послѣ обѣда, внезапно поразилъ его апоплексическій ударъ, отнявшій употребленіе всѣхъ силъ: въ этого безсознательнаго состоянія онъ уже не выходилъ и умеръ 9 апрѣля 1747 года, на 71 году отъ рожденія. На похоровахъ его, какъ онъ самъ того желалъ, не было никакого великолѣпія; одиѣ только военныя почести сопровождали его въ послѣднее жилище; тѣло покойнаго было выставлено въ часовнѣ, и полкъ его нарочно званъ былъ изъ Галле, чтобъ каждый солдатъ могъ проститься съ своимъ начальникомъ. Послѣ троекратнаго выстрѣла изъ 12 пушекъ, привезенныхъ изъ Магдебурга, и троекратнаго залпа полка Леопольда, тѣло было опущено въ могилу. Надгробной рѣчи не было: онъ запретилъ произносить ее. — Нѣсколько дней спустя послѣ смерти Леопольда, принцъ Августъ-Вильгельмъ-Прусскій, братъ Фридриха-Великаго, писалъ къ генералу Фуку, бывшему пажомъ и воспитанникомъ покойнаго: «La mort du vieux roulier a été si inopinée, qu'il n'a pas eu le tems de préférer le moindre signe, lorsqu'il se sentait mourir. Je crois que tout militaire doit le plaindre, ayant été dans cet art un

grand homme. Si l'humanité avait accompagné sa valeur et son esprit, il aurait été parfait. Mais le destin n'accorde pas aux hommes la réunion de toutes les vertus; heureux, si le vice ne l'emporte point sur les bonnes qualités. Je ne trouve pas à ma portée de juger en ce cas le défunt et je me contente de le plaindre militairement. • Еще рѣшительнѣе въ томъ же смыслѣ произносить Фридрихъ-Великій приговоръ свой о Леопольдѣ въ «Mémoires de Brandebourg»; вотъ слова его: «Le prince d'Anhalt était un homme d'un caractère violent et entier; vif, mais sage dans ses entreprises, qui avec la valeur d'un héros avait l'expérience des plus belles campagnes du prince Eugène. Ses moeurs étaient féroces, son ambition démesurée; savant dans l'art des sièges, heureux guerrier, mauvais citoyen, et capable de toutes les entreprises des Marius et des Sylla, si la fortune avait favorisé son ambition de même que celle de ces Romains. • Въ другомъ мѣстѣ: «Au-dessus de tous les autres généraux, s'élevait le prince d'Anhalt; il avait par devers lui les actions les plus brillantes et la confiance générale des troupes; ce fut lui qui sauva l'armée de Styrum à Hoehstedt, par une belle retraite; ce fut lui qui contribua beaucoup au gain de la seconde bataille de Hoehstedt, si funeste aux Français, et ce fut lui que le prince Eugène reconnût comme l'auteur principal de la victoire de Turin. Ce prince joignit beaucoup de prudence à une rare valeur; mais avec beaucoup de grandes qualités il n'en avait guères de bonnes. • — Описаніе маркграфини байрейтской вообще сходно съ предъидущими, но удивительно, что она, все-нелюбившая Леопольда, прибавляетъ слѣдующія слова: «Son esprit est cultivé et agréable dans la conversation, quand il le veut. • Всѣ современники его вторяютъ тѣ же похвалы, то же порицаніе, и потомки не имѣютъ причинъ сомнѣваться въ ихъ справедливости. Его геройство и военные подвиги заслуживаютъ ему громкую славу; его

солдатская личность промелькнула въ мирѣ, какъ образъ, явленіе котораго соединило необузданную волю прежняго времени съ педантическими требованиями новѣйшаго. На дѣлѣ онъ являлся войскамъ, какъ существо высшаго разряда; солдаты, свидѣтели его пламенной храбрости, неукротимой жажды битвъ, по справедливости могли почитать заколдованнымъ своего безстрашнаго предводителя: онъ выдержалъ 22 битвы, 27 осадъ и только однажды пуля слегка оцарапала ему кожу.

Современныя извѣстія представляютъ личность Леопольда слѣдующимъ образомъ: Ростомъ онъ выше обыкновеннаго и хорошо сложенъ. Въ выраженіи лица его видно размышленіе; иногда оно наводитъ ужасъ на того, съ кѣмъ разговариваетъ князь. Въ глазахъ его пылаетъ огонь, по которому не трудно узнать его между многими. Не смотря на то, что худощавость лица свидѣтельствуетъ о его старости, она ни мало не уменьшаетъ его природной живости; смугловатость его происходитъ частію отъ пороховаго дыма, частію отъ вліянія суроваго воздуха и солнечнаго зноя, которыми онъ съ юности подвергался почти ежедневно. Голосъ его, при частыхъ экзерциціяхъ войска, достигъ необыкновенной крѣпости; когда же онъ приходитъ въ гнѣвъ, то слова его уподобляются грому и все трепещетъ передъ нимъ; однако, съ годами онъ становится умѣреннѣе. Черные волосы свои онъ заплетаетъ въ косички, — украшеніе, по его мнѣнію, весьма-приличное воину. Черные усы и огромные непричесанные бакенбарды увеличиваютъ ужасъ, внушаемый его видомъ. Въ одѣждѣ своей онъ соблюдаетъ умѣренность и считаетъ за удовольствіе носить платье простаго солдата; обыкновенная одежда его — куртку изъ синяго сукна, сѣрые холстинные панталоны в такой же камзолъ, часто незакрывающій груди. Служителей

своихъ онъ водить также просто, и всѣ вещи его, находящіяся съ нимъ въ лагерѣ, доказываютъ человѣка, который мало видитъ различія въ знаніи и холодѣ, въ недостаткѣ и изобиліи, въ лишеніяхъ и роскоши. Онъ рѣшительный врагъ придворной жизни и принужденія, въ которомъ живутъ знатные люди; необыкновенно просто обращается съ женою и дѣтьми, также съ другими князьями и вельможами, которыхъ онъ уважаетъ весьма-мало, особенно, если они не были солдатами. Съ простолюдными и особенно съ солдатами внѣ службы, онъ ласковъ и довѣрчивъ, что видно изъ частыхъ его шутокъ. Онъ ревностный и постоянный другъ, вѣрнъ въ исполненіи даннаго слова, и никогда не дастъ его не обдумавъ. Относительно строгости въ военной службѣ, трудно кого-нибудь сравнить съ нимъ; онъ хочетъ, чтобъ ему безпрекословно повиновались, какъ солдаты его, такъ и подданные; послѣдніе часто горько жалуются и говорятъ, что онъ думаетъ только объ увеличеніи своихъ доходовъ, и прибавляютъ шутя, что они бѣдны благами земли, за то богаты послушаніемъ.

Леопольдъ отъ супруги своей имѣлъ десятирѣхъ дѣтей: пять сыновей и пять дочерей. Старшій принцъ, Вильгельмъ-Густавъ, умеръ въ 1737 году; второй, Леопольдъ-Максимильянъ, вступилъ въ управленіе по смерти отца; третій принцъ назывался Дитрихомъ, четвертый Евгеніемъ; пятый, Морицъ, былъ любимецъ отцовскій; Леопольдъ далъ ему выростать безъ всякаго ученія, чтобъ посмотреть, что сдѣлаетъ изъ него природа; уже восьми лѣтъ онъ набралъ ему отрядъ мальчишковъ для пріученія къ оружію: Морицъ выросъ между играми и войною, не получивъ никакого образованія: даже будучи генераломъ не умѣлъ ни читать, ни писать, хотя одаренъ былъ хорошою головою и здравымъ расудкомъ. Всѣ сыновья Леопольда, какъ мы уже сказали, были солдатами: —

воспитаніемъ ихъ занимался отецъ; воспитаніе же дочерей онъ совершенно предоставилъ матери, которая тщательно старалась объ образованіи ихъ; вторая дочь его, принцесса Луиза, была замужемъ за владѣтельными княземъ ангалт - бернбургскимъ; четвертая, Леопольдина, за маркиграфомъ бранденбург - шведскимъ, Фридрихомъ-Генрихомъ; прочія остались не замужемъ. Кромѣ того, онъ оставилъ двухъ побочныхъ дѣтей, братьевъ Беренгорствъ, будущиость которыхъ упрочилъ въ своемъ завѣщаніи.

Въ личности Леопольда природа соединила необыкновенную полноту воинственной силы; самъ онъ, въ продолженіи полувѣка, со славою служилъ

на войнѣ и въ мирѣ тремъ королямъ прусскимъ; прусское войско, непоколебимое основаніе возвышавшейся Пруссіи, было большею частію его завладѣемъ; долго еще послѣ его смерти, дессаускій маршъ, какъ духъ стараго вождя, водилъ Пруссаковъ къ битвѣ и побѣдѣ; три сына его, Леопольдъ-Максимилианъ, Дитрихъ и Морицъ, были, подобно ему, прусскими фельдмаршалами, а сынъ его, Георгъ-Гейрихъ Беренгорствъ, заслужилъ славу искуснаго военнаго писателя (*).

(*) На - днѣхъ мы получили третью часть «Біографій» Фарнгагена фон-Энзе, заключающую въ себѣ біографію Блюхера; объ ней мы поговоримъ послѣ.

ГЕРМАНСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Въ послѣдней статьѣ мы общали поговорить о книгѣ, вышедшей подъ названіемъ: *Schillers Leben, verfasst aus Erinnerungen der Familie, seinen eigenen Briefen und den Nachrichten seines Freundes Körner* (Жизнь Шиллера, составленная по воспоминаніямъ его семейства, изъ собственныхъ его писемъ и извѣстій друга его Кёрнера. Штутгартъ и Тюбингенъ. 1845). Издательница этой книги—сестра жены Шиллера, Каролина Вольцогенъ, урожденная Ленгефельдъ, вложила все, что извѣстно ей было о жизни великаго поэта, и присовокупила къ этому много писемъ, сохранившихся въ архивахъ ея семейства. Много уже было рассказано о жизни Шиллера; много извѣстнаго помѣщено въ книгѣ госпожи Вольцогенъ, которая часто переписываетъ Кёрнера (*), но письма возбуждаютъ необыкновенный интересъ: въ нихъ отражается пламенно-любящая душа поэта; по нимъ можно прослѣдить всю исторію его внутренняго міра.

Чтобъ сохранить нѣкоторую послѣдовательность въ этихъ письмахъ, мы

должны будемъ представить главные обстоятельства жизни поэта, и потому читатели извинятъ, если намъ придется иногда повторять уже-сказанное.

Иоганнъ Христофъ Фридрихъ Шиллеръ родился въ 1759 году въ Марбахѣ, виртембергскомъ городкѣ, расположенномъ на рѣкѣ Неккарѣ. Въ дѣтствѣ онъ былъ слабаго здоровья, но рано обнаружилъ склонность къ ученію; родители назначили его къ духовному званію, и онъ съ жаромъ принялся за изученіе богословія, но судьба указала ему новый путь. Случайно въ Лудвигсбургѣ ему удалось увидѣть театръ, такой же великолѣпный, какъ и самый дворъ герцога Карла. Впечатлѣніе, произведенное на него, было чрезвычайно-сильно: оно открыло ему новый міръ, къ которому съ-тѣхъ-поръ начали стремиться всѣ его юношескія помышленія; планы трагедій стали занимать его безпрерывно. Онъ рассказывалъ самъ въ-послѣдствіи, что до 14-го года забавлялся фигурами, вырѣзанными изъ бумаги, и заставлялъ ихъ разигрывать драматическія сцены. Между-тѣмъ, онъ продолжалъ готовить себя къ духовному званію. Успѣхи его въ наукахъ обратили на него вниманіе владѣтельнаго герцога, который въ то-время занимался устройствомъ нового..

(*) См. *Nachrichten von Schillers Leben*, помѣщенныя въ концѣ XII тома, изданіе 1838. Штутгартъ и Тюбингенъ.

учебнаго заведенія, и предложилъ родителямъ Шиллера помѣстить его туда; отказать было невозможно; а такъ-какъ богословіе не преподавалось въ новомъ заведеніи, то Шиллеръ принялся за изученіе правъ. Не чувствуя ни малѣйшей склонности къ званию юриста, поэтъ учился дурно; когда же школа, помѣщавшаяся прежде въ замкѣ Солитюдъ, переведена была въ Штутгартъ и переименована въ академию, съ присоединеніемъ къ ней новаго факультета — медицинскаго, то Шиллеръ одинъ изъ первыхъ объявилъ желаніе вступить въ него. Можетъ-быть, одно отвращеніе къ правамъ заставило его приняться за медицину; какъ бы то ни было, но онъ ревностно сталъ заниматься ею, особенно въ послѣдніе два года. Наставники считали его лучшимъ ученикомъ; экзамены его шли блистательно; и отъ этого времени осталось разсужденіе его, написанное сначала по-нѣмецки, потомъ перелатинное по-латынѣ: «Philosophie der Physiologie»; другое разсужденіе, напечатанное въ 1779 году, написано имъ было при выходѣ изъ академіи: «Versuch über den Zusammenhang der thierischen Natur des Menschen mit seiner geistigen».

Въ этомъ періодѣ его жизни, рѣшительнѣе чѣмъ когда-либо выразилось его настоящее призваніе. Оды и «Мессіада» Клопштока болѣе всего имѣли на него вліяніе и вдохновили первыя произведенія его гения: его лирическое стихотвореніе «Вечеръ», ода — «Возвѣстатель» принадлежатъ къ этому времени; оба они напечатаны; эпическая поэма «Моисей» потерялась.

Знакомство съ Шекспиромъ въ переселѣ Виланда еще сильнѣе подвинуло мощнѣйшій духъ его и дало ему рѣшительное направленіе къ драмѣ. Черезъ годъ онъ написалъ трагедію «Король Медичи», но никогда не обнародовалъ ея, можетъ-быть потому, что видѣвъ въ ней слишкомъ много недостатковъ. Въ это же время, онъ принадлежно члѣдомъ историческія сочиненія

и преимущественно біографіи Плутарха; занимался философическими сочиненіями Лессинга, Гердера, Сульцера и проч. Замѣчательно также, что онъ изучалъ нѣмецкій языкъ въ лютеранскомъ переводѣ Библии. Ревность его къ изученію медицины видимо ослабѣвала, но онъ не переставалъ заниматься ею.

Академія, въ которой воспитывался Шиллеръ, подчинена была самой строгой дисциплинѣ; юности воспитывались, какъ монастырскіе затворники, и только по воскреснымъ днямъ могли приходить къ нимъ родственники. Такая уединенная жизнь должна была имѣть великое вліяніе на творческій характеръ поэта, и бы только можно объяснить тѣ преувеличенныя, колоссальныя формы, въ которыя облекъ онъ своихъ «Разбойниковъ». Изученіе древнихъ авторовъ также много содѣйствовало развитію шиллерова гения: оно разорвало тягостныя оковы, стѣснявшія его дѣятельность, и указало ему высшую цѣль. Сестра Шиллера разсказываетъ, что воспитанники академіи должны были въ положенные часы гасить огонь: Шиллеръ, фантазія котораго преимущественно одушевлялась въ тишинѣ ночи, нерѣдко сказывался больнымъ, для того, чтобы, оставаясь въ больницѣ, пользоваться свѣтотъ лампы во всю ночь. Въ такомъ положеніи была написана большая часть «Разбойниковъ».

Нерѣдко герцогъ посѣщалъ залу; тогда «Разбойники» лежали подъ столъ, а лежащая подъ нимъ медицинская книга смѣдѣтельствовала, что Шиллеръ посвящаетъ наукѣ свои бѣсонныя ночи.

Въ 1780 году, онъ окончилъ свое ученіе и, при выпускѣ изъ академіи, поступилъ лекаремъ въ одинъ изъ вюртембергскихъ полковъ. Дѣла по службѣ остановили его поэтическія занятія: но онъ не долго могъ противиться требованіямъ своего гения; тогда-то написалъ онъ многія великія стихотворенія «Kindesbiederlein», «Am Laub» и

и несколько другихъ. 1780 и 1781 годы принадлежать къ рѣшительнымъ годамъ жизни Шиллера; въ это время онъ издалъ «Разбойниковъ», и долженъ былъ нестать изъ на свой счетъ, за издѣніемъ: книгопродавецъ, который онъ взялъ за изданіе. Тѣмъ пріятнѣе для него было одобреніе иностранцевъ: въ 1782 году Шванъ, книгопродавецъ въ Мангеймѣ, предложилъ ему переделатъ эту драму для театра; въ сдѣлѣ за тѣмъ подобное же предложеніе сдѣлалъ ему бывшій самизъ директоръ мангеймскаго театра, баронъ Дельбергомъ, который предлагалъ ему оставить на сцену и будущія его драматическія произведенія.

Атмосфера штутгартской жизни становилась все мрачнѣе и тягостнѣе для Шиллера. Герцогъ призывалъ его къ себѣ, отечески совѣтовалъ ему остерегаться погрѣшностей противъ хорошаго вкуса, которыя онъ нерѣдко находилъ въ его стихотвореніяхъ, и приказалъ непремѣнно представлять къ себѣ всѣ сочиненія прежде, чѣмъ она надумаетъ издавать въ свѣтъ; скоро потомъ, Шиллеру запрещено было печатать что-либо, исключая сочиненій по медицинской части.

Письменные переговоры съ Дальбергомъ кончились къ общему удовольствію. — «Разбойники» были поставлены на сцену въ Мангеймѣ (въ январѣ 1782 г.), и авторъ ихъ получилъ приглашеніе присутствовать при представленіи. О разрѣшеніи герцога отправиться за границу нечего было и думать: Шиллеръ долженъ былъ отправиться тайно. Въ первый разъ въ своей жизни, онъ былъ свидѣтелемъ глубокаго и живаго впечатлѣнія, произведеннаго силою его дарованія. Исходненіе его драмы посреди рукописанной одушевленной имъ толпы было первымъ лучомъ славы, озарившимъ юному. Въ послѣдствіи, одинокимъ другомъ его указывалъ въ театрѣ мѣсто, гдѣ находился Шиллеръ, инокимъ неизвѣстнымъ, кроивъ Дальберга и совѣтника Клейна.

Эта тайная поѣздка имѣла сильное вліяніе на воспримчивую душу Шиллера: видъ прекраснаго города, благоденствовавшаго подъ кроткимъ правленіемъ курфюрста—покровителя искусствъ, отличный театръ, лучшій въ Германіи того времени, вдохнулъ въ него новую жизнь; съ-тѣхъ-поръ, будущность его являлась ему обаятельнымъ призракомъ славы. Второе представленіе «Разбойниковъ» назначено было въ маѣ 1783 года; онъ отвѣчался снова на тайное путешествіе въ Мангеймъ; но оно не было такъ счастливо: отсутствіе его замѣтили и наградою ему былъ арестъ, во время котораго онъ составилъ планы для двухъ трагедій своихъ: «Коззетво и Любовь» и «Заговоръ Фиссо». Положеніе его въ отечествѣ день-отъ-дня становилось непріятнѣе; связи же, сдѣланныя имъ въ Мангеймѣ, высокой степени, на которой находилось тамъ драматическое искусство, внушили ему мысль переселиться туда, но такъ-какъ на позволеніе герцога онъ не надѣялся, то рѣшился бѣжать изъ Штутгарта. Долго удерживала его привязанность къ родителямъ и боязнь, что они могутъ потерпѣть за его самовольную отлучку; наконецъ, въ прекрасную ночь пробрался онъ за городскіе ворота, и надолго простился съ родиною.

Мысль, что онъ теперь исполнѣ можетъ предаться влеченію своего гевія, заставили его забыть, что будущность темна, что она, можетъ быть, готовитъ ему много горькихъ минутъ... Первымъ убѣжищемъ его былъ Мангеймъ, гдѣ онъ дружески принятъ былъ книгопродавцемъ Шваномъ и его семействомъ; но онъ пробылъ тамъ недолго, страшась, чтобъ герцогъ виртембергскій, замѣтивъ его произвольную отлучку, не надумалъ вытребовать его въ Штутгартъ. Частію онъ жилъ недалеко отъ Мангейма, въ мѣстечкѣ Оггерштейнѣ, частію путешествовалъ по окрестнымъ мѣстамъ и во Франкфуртѣ - на - Майнѣ подъ именемъ Шмита. Горестное одиночество, лишенія и часто недоста-

токъ въ необходимомъ, тѣжко удручили его душу.

Въ Мангеймѣ сошелся онъ съ многими членами театральнаго міра, между которыми выше всѣхъ стоялъ Нефеланъ. Великій актёръ одинъ изъ первыхъ подалъ руку великому поэту, и между ними завязалась искренняя дружба. Но блестящія надежды Шиллера не сбылись; разныя неприятности заставили его удалиться изъ Мангейма въ Бауэрбахъ, деревню, принадлежавшую г-жѣ Вольцогенъ, сыновья которой воспитывались вмѣстѣ съ Шиллеромъ въ академіи герцога вюртембергскаго.

«Зимомъ, въ концѣ 1782 года (говорить сочинительница) прибылъ Шиллеръ въ маленькую деревню Бауэрбахъ. Глубокой снѣгъ покрывалъ поля. Онъ пришелъ поздно вечеромъ, когда наступила уже темнота; изъ развѣянныхъ домиковъ мерцалъ свѣтъ, обшавшій надежное убѣжище. Уединеніе и независимость, казавшіяся ему тогда высочайшимъ благомъ, какъ бы на встрѣчу шли къ нему. Деревня, расположенная около развалинъ стараго замка Геммеберга, была со всѣхъ сторонъ окружена густымъ сосновымъ лѣсомъ. Все было мрачно вокругъ, но духъ независимости благотворно подѣйствовалъ на Шиллера, и фантазія полюбила образы пустыни и крутые, горные скаты, на которыхъ нависли темные лѣса.

«Полгода прожилъ такъ Шиллеръ, большею частію въ бесѣдѣ съ самимъ-собою и съ природою. Одинъ только другъ его, Рейнвальдъ, жившій въ Мейнингенѣ, зналъ судьбу таинственнаго пустытника; онъ, какъ библиотечарь, снабжалъ его книгами и изрѣдка посѣщалъ его. Иногда управитель имѣнія игралъ съ нимъ въ шахматы и сопровождалъ его въ прогулкахъ.

«Въ Бауэрбахѣ, ему случилось прочитать исторію дон-Карлоса, которая поправилась ему чрезвычайно; тамъ составила онъ планы трагедій, предметомъ которой былъ этотъ принцъ, и даже написалъ нѣсколько сценъ. Въ это же время онъ помнилъ о «Маріи Стюартъ». Уединеніе, въ которомъ жилъ Шиллеръ, отдѣленіе вѣвшихъ впечатлѣній были, безъ сомнѣнія, причинами, что онъ твердо усвоилъ себѣ и чаще умѣлъ представить

міръ своей фантазіи. Все, что легкій духъ юности въ кругу веселаго общества могъ развѣять отдѣльными искрами, сосредоточила въ уединеніи душа поэта и возмала въ могучіе образы. Планы его драматическихъ созданій, непосредственные дары гевія, покоились въ душѣ его, какъ живое, неотъемлемое сокровище. Что гармонировало съ ними изъ наблюденій надъ міромъ, то осталось твердо въ его памяти; что должно было отблѣстнть отъ нихъ, то удалялъ разумъ, равно выказавшій строгій вкусъ. Какъ отрадно стоять у колыбели созданій, которыми перѣдко воспроизводили собственное бытіе поэта, и всегда обогащали и просвѣтляли его! Изъ перваго возникновенія полно тайны, подобно всѣмъ силамъ, дѣйствующимъ въ природѣ; но какъ развивались они подъ вліяніемъ вѣчнаго міра — тому часто остаются лѣсныя слѣды.

Въ письмахъ, которыя онъ писалъ тогда къ друзьямъ своимъ, мы можемъ видѣть, какъ билось юношеское сердце, полное любви и ненависти, какъ жизненные образы проходили предъ нимъ, то въ видѣ колоссальныхъ призраковъ, одѣтыхъ чешуею тумана, то въ видѣ свѣтлыхъ явленій, увѣнчанныхъ сіяніемъ солнечныхъ лучей. Нѣкоторые изъ этихъ писемъ мы хотимъ привести здѣсь, потому-что они лучше всего объясняютъ состояніе духа его и первое возникновеніе «Карлоса».

«Госпожѣ Вольцогенъ.

Бауэрбахъ, 1 января 1783 г.

«Добрый, почтенный другъ! не знаю, это ли письмо прежде дойдетъ до васъ, или я самъ явлюсь къ вамъ. Но отъ-чего мнѣ и въ такомъ случаѣ не писать къ вамъ? Я имѣю, по-крайней-мѣрѣ, ту свободу, что когда пишу къ вамъ, то какъ-будто вижу васъ предъ собою. Я совершенно здоровъ, но пріѣздъ мой сюда изъ Мансфельда. Но пророчество мое сбылось. Со времени отсутствія вашего, мнѣ многого не достаетъ. Ощущеніе мое похоже на ошущеніе челоука, который долго смотрѣлъ на солнце: оно все еще стоитъ предъ нимъ, тогда какъ онъ давно уже отвелъ отъ него глаза. Онъ слѣдитъ для всѣхъ маленькихъ лучей. Но я, разумѣется, постараюсь не умигивать этого ослѣдлага очарованія.

«Знакомству вашего друга я радуюсь, какъ счастливой находкѣ. Вы не повѣрите какъ мнѣ нужно знать благородныхъ людей. Они снова должны примирить меня со всѣми родомъ человѣчества, который я готовъ ненавидѣть. Великое несчастіе, другъ мой, что люди съ добрымъ сердцемъ отъ любви такъ легко бросаются въ противоположную крайность — въ «ненависть къ человѣчеству», когда нѣкоторыя недостойныя натуры обманываютъ ихъ горячія мечты о человѣчествѣ. Такъ точно случилось со мною. Я обьяляя пол-міра своими пламенными чувствами и наконецъ нашелъ, что я въ объятіяхъ своихъ сжималъ ледяную глыбу.

«И такъ, я не ѣду чрезъ Мейнингенъ, но прямо нѣз Бауэрбахъ въ Вальдорфъ. Отъ погоды, по-крайней-мѣрѣ, я не буду зависѣть. Довольно-дурно уже, что духовный міръ разрушаетъ такъ много плановъ; по-крайней-мѣрѣ, тѣлесный міръ не долженъ уносить ни одной изъ моихъ радостей.

«Прошу васъ засвидѣтельствовать мое почтеніе многоуважаемому мною брату вашему. Вашей любезной Лоттѣ скажите мой сердечный поклонъ, также и господину пастору Зауртейгу, котораго я могу назвать своимъ другомъ, потому что мы сошлись въ любви нашей къ вамъ.—

«Шиллеръ.»

Слѣдующее письмо адресовано къ Рейнвальду.

«Бауэрбахъ. 27 марта 1785.

«Сажусь писать къ вамъ, чтобъ перервать наконецъ долгое молчаніе; причиною его былъ недостатокъ случая. Два пьеса были уже на дорогѣ къ вамъ, и оба раза посланные приносили ихъ обратно ко мнѣ, боюсь пуститься въ путь по дурной погодѣ.

«Съ Вейгадомъ я согласенъ, что вы увидите изъ приложеннаго при этомъ письма. Что же касается до Дальберга, то сомнѣваюсь, чтобъ мы сошлись. Я знаю его довольно-хорошо, а моя «Луиза Шиллера» имѣетъ нѣкоторыя качества, которыя не пройдутъ на сценѣ; такъ напр. готическое сѣзженіе комическаго и трагическаго и можетъ быть даже разнообразіе подробностей. Сообщите мнѣ объ этомъ ваше мнѣніе. Теперь я занимаюсь новымъ пьесомъ; долго не рѣшалась избрать

между Ингофомъ и Марією Стуртъ, я отложилъ и то и другое до болѣе-благоприятнаго времени и въ настоящую минуту посвятилъ труды свои лону-Карлосу. Я нахожу, что эта исторія имѣетъ въ себѣ болѣе единства и интереса, чѣмъ я предполагалъ сначала; она дастъ мнѣ случай къ представленію сильныхъ картинъ и трогательныхъ ситуаций. Характеръ пламеннаго, благороднаго и чувствительнаго юноши, который вмѣстѣ съ тѣмъ и насильствникъ нѣсколькихъ вѣщовъ, — королевы, которая, при всѣхъ преимуществахъ своей участи, несчастна тѣмъ, что должна стѣснять всѣ свои ощущенія, — ревниваго отца и супруга, — жестокаго палача-виквазтора, варвара герцога Альбы и т. п. — думаю, не совсѣмъ будутъ неудачны. Къ-тому же, на нѣмецкомъ языкѣ нѣтъ пьесы, которая бы предметомъ своимъ имѣла дѣйствія великихъ государственныхъ людей, и мангеймскій театръ изъявилъ желаніе, чтобъ я занялся этимъ предметомъ. Въ этомъ случаѣ, какъ и всегда, мой почтенный, любезный другъ, я ожидаю вашего совѣта, а такъ-какъ я и безъ того уже много вамъ обязанъ и вамъ долженъ написать половину своихъ усилковъ, то не откажите мнѣ и теперь въ вашей дружеской помощи. Для того, чтобъ съ успѣхомъ заняться исторією Испанцевъ, мнѣ необходимо познаться съ національнымъ характеромъ, нравами и статистикою этого народа. Вы, другъ мой, лучше меня знаете изъ какихъ источниковъ я долженъ черпнуть эти свѣдѣнія и вѣрно доставите изъ бібліотеки все для меня нужное. Если бѣ вы на минуту вошли въ мое положеніе и увидѣли состояніе нерѣшимости и бездѣйствія, которое особенно здѣсь для меня невыносимо, то вѣрно не потеряли бы времени для доставленія вашему другу зачатія и облегченія его трудовъ. Прежде, чѣмъ я не познакомлюсь съ нравами и правленіемъ Испаніи, я не могу окончить своего плана и еще мѣтѣ рѣшиться на выполненіе его. Отъ-того я и надѣюсь, что вы успокоите мое нетерпѣніе по-крайней-мѣрѣ нѣкоторыми необходимыми для меня сочиненіями. Вечеромъ Юдитъ, передъ отъѣздомъ, зайдетъ къ вамъ, чтобъ взять все, что вы мнѣ пошлете. Если у васъ есть исторія Филиппа II, изданная Брантомомъ, то сообщите мнѣ и ее.

«Удивительно, что вы до-сихъ-поръ не имѣете еще моего «Фиско», и я желаю

бы видеть объявлено ли было о немъ въ готскихъ вѣдомостяхъ.

«Исторія Бастилія» чрезвычайно заняла меня, но я думаю, что ее еще пріятнѣе читать на французскомъ языкѣ. Я возвращу ее вамъ съ первымъ посланнымъ. Если вы имѣете у себя поль рукою хорошую книгу, которая можетъ занять и научить меня, и сообщите ее мнѣ, то благотворно оросите засохшую землю.

«Теперь, мой любовный другъ, скоро наступитъ для насъ свѣтлые дни, когда ласточки возвратятся на наше небо, и сладкія ощущенія прольются въ нашу грудь. Съ какою тоскою ожидаю я его! Одинокство, недовольство судьбою, несбывшіяся надежды, а можетъ-быть, также и перемена образа жизни разстроили гармонию моего духа и заставили умолкнуть мою лиру. — Надѣюсь, дружба и весна снова приведутъ все въ порядокъ. Другъ долженъ примирить меня съ чуждѣйствомъ, которое высказалось передъ мною во вѣхъ отратительныхъ недостаткахъ своихъ и остановило музу мою на подлорогѣ ея къ Коцту. Но чувствую, что я въ припадкѣ меланхолической боюсь извести ее на васъ.

«Г-жа Вольцогенъ и дочь ея вамъ кланяются. 17-го мая онѣ напрямъ оставятъ Штутгартъ.

«Будьте здоровы, мой почтенный другъ, и любите меня ни болѣе, ни менѣе тогда, какъ я васъ люблю. Вѣчно ваша,

III.

«Къ первому свиданію нашему готова будетъ снова изъ «Лона-Карлоса», и вы прощайтесь надъ нею судъ.

«Вауербилъ. Рану утрамъ, съ садовой бесѣды 14 апрѣля 1788.

«Упоенный свѣжимъ дыханіемъ утра, я думаю о васъ — и о моемъ Карлосѣ. Душа моя созерцаетъ природу въ безоблачномъ, блестящемъ зеркало, и мнѣ кажется, что мысли мои правильны. Испытайте ихъ.

«Я представляю себѣ, что каждое стихотвореніе есть не что иное, какъ энтузіастическая дружба или платоническая любовь къ созданію нашей головы. Хочу объяснитьсь.

«Мнѣ создается себѣ характеръ, когда мы чувствуемъ жизни и историческое знаніе дру-

жбы соединяемъ видѣствъ и при хорошему, даемъ перекрѣсь свѣту, при дурномъ представляемъ тѣни. Подобно тому, какъ изъ простаго блага луча, при паденіи его на призму, образуются тысячи красокъ, отъ вліянія истины и природы или искусственнаго очарованія, всѣ характеры, покояшіяся въ душѣ нашей, въ ихъ первообычной матеріи, приобрѣтаютъ продолжительное или только обманчивое и мгновенное существованіе. Всѣ порожденія нашей фантазіи суть не что иное, какъ мы сами. Что жъ такое самая дружба или платоническая любовь, какъ не сладостное снѣженіе бытія, или возрѣніе на собственное я чрезъ постороннее содѣйствіе? — Любви, другъ мой, великая, дивная связь существующаго созданія, есть не что иное, какъ счастливый обманъ. — Ужели мы будемъ терять страхъ, страданіе, горе за чуждое, и никогда несдѣлающееся собственностію нашею созданіе? — разумѣется, цѣтъ! Мы терпимъ все это только для васъ, для нашего я, отраженіемъ котораго служимъ все существующее. По этому представанію, я достигаю болѣе-чистаго понятія и любви. Подобно тому, какъ никакое совершенство не можетъ существовать само по себѣ, а заслуживаетъ это названіе къ извѣстномъ отношенію къ одной всеобщей цѣли, такъ ни одна мыслящая душа не можетъ удалиться къ себѣ и собою одной удовлетворяться. Вѣчно необхожденное стремленіе. Найти дугу для того угла, дугу эту привести въ окружность, значить не что иное, какъ стремленіе — раскланнныя черты красоты, — члены совершенства, — совокупить въ одно пѣло, или, другими словами: вѣчная внутренняя наклонность перейти въ другое созданіе, и избрать его въ себя — вотъ любовь. И не въ ли явленія дружбы и любви — отъ пожатія руки и поцалуга до глубокаго обласненія — суть побужденія существа, стремившагося слѣться съ другимъ?

«Теперь я достигаю цѣли, для которой долженъ былъ сдѣлать это отступленіе. Если дружба и платоническая любовь суть не что иное, какъ снѣженіе чуждаго бытія отъ нашихъ собственныхъ, неудержимая потребность его натурой, то свѣтъ свѣтъ представляется только различныя дѣйствія творческой силы, или лучше то, что мы почитаемъ въ другомъ, или что мы видимъ въ горѣ нашей поэмы, есть повтореніе того же самаго. Въ обоихъ случаяхъ, мы сдѣлать себя не живыми существами

и волнениями; мы разбиваемся о несоотвѣщенія ирраци; мы видимъ себя подъ различными красками, страдаемъ подъ другими тѣлами. Если мы въ состояніи владѣюще чувствовать несчастія друга, то равно воспламеняемся и за нашего поэтическаго героя. Но счастіе, что способность къ дружбѣ и платонической любви ведетъ за собою способность къ великому творчеству, будетъ негѣрно, — ибо я часто могу вполне чувствовать великій характеръ, а создать его не въ состояніи. По-крайней-мѣрѣ, истинно то, что великій поэтъ долженъ обладать способностію къ высочайшей привязанности, хотя и не всегда есть случай выказать эту способность. Безспорно, мы должны быть друзьями нашихъ героевъ, потому-что за нихъ трагизмъ, плачъ, причудливъ въ отчаяніе; мы должны думать о нихъ, какъ о людяхъ, которые повѣряютъ намъ свои задушевные тайны и въ грудь нашу вероублаютъ свои страданія и радости. Омушенію наше въ этомъ случаѣ есть только рефракція, не первобытное, но только симпатическое чувство. Мы, поэты, тогда только трогаемъ и одушевляемъ другихъ, когда прочувствовали сами страданія своихъ героевъ. Одинъ-великій эмпирикъ сказалъ, что «симпатія вѣрнѣе и могущественнѣе всего возбуждается симпатіею». Теперь я понимаю эту мысль во всей ея ясности. Поэтъ не долженъ быть живописцемъ своего героя — онъ долженъ быть его любовницею, его лучшимъ другомъ. Участіе любящаго открываетъ въ тысячу разъ болѣе оттѣнковъ, чѣмъ опытный глазъ самаго внимательнаго наблюдателя. Не лучше ли мы понимаемъ качества и недостатки, счастье и несчастье того, кого любимъ, чѣмъ того, кого хорошо знаемъ, но не любимъ? Вотъ причина, почему «Юлій Торентскій» сильнѣе тронулъ меня, чѣмъ «Эмилія» Лессинга, хотя Лессингъ наблюдатель безконечно-лучшій, чѣмъ Лейзевитцъ. Онъ былъ наблюдателемъ своихъ героевъ, Лейзевитцъ ихъ другомъ. Поэтъ долженъ быть самъ своимъ учителемъ, а если онъ драматическій поэтъ, то самимъ собою долженъ замѣнять и партѣръ и публику. Я здѣсь высказалъ вамъ многое и, какъ мнѣ кажется, въ немногихъ словахъ. Можетъ-быть, я поговорю еще съ вами объ этомъ.

«Теперь небольшое обращеніе къ поэму «Карлосу». Признаюсь, теперь я понимаю его своею возлюбленною. Я пишу

его въ груди своей — съ нимъ мечтаю, бродя по окрестностямъ Бауэрбаха. Когда онъ будетъ готовъ, тогда вы сравните меня и Лейзевитца, «Дона-Карлоса» и «Юлію», — не по объему кисти, — не по пламени красокъ, не по силѣ инструмента — не по тону, въ которомъ мы играемъ. Карлосъ, если бѣ я смѣлъ брать сравненія, имѣлъ бы душу шекспировскаго Гамлета, кровь и нервы лейзевитцова Юлія, а биепіе пудса — мое собственное. Сверхъ-того, въ этой пьесѣ я взялъ на себя обязанность представить инквизицію, отмстить поруганное челоѣчество и пороки его прибить къ позорному столбу. Я хочу — и пусть мой Карлосъ потеряетъ отъ-того на сценѣ — видѣрять въ душу зрителя такое челоѣческое омушеніе, котораго едва касался кинжалъ трагедіи. Я хочу... сохрани Боже, не смѣтесъ ли вы надо мною?

«Последнее письмо ваше, мой другъ, воздвигло на мѣ въ моемъ сердцѣ живолюбимый памятникъ. Вы тотъ благородный челоѣкъ, котораго давно мнѣ не доставало, которому я могу сообщить всѣ свои слабости и всѣ исчезающія добродѣтели, который проститъ мнѣ первая и почтито слезою послѣднія. Другъ мой! конечно я не то, чѣмъ бы могъ быть. Я могъ бы быть великимъ, но судьба слишкомъ-рано воздвигла противъ меня гоненіе. Любите и цѣните меня по тому, чѣмъ бы я могъ быть подъ лучшими небомъ, и почитайте во мнѣ падшенія, хотя исполнить ихъ мнѣ не дала судьба. Во всякомъ случаѣ остаюсь вашимъ другомъ.

III.

Приглашенія мангеймскихъ друзей снова вызвали туда Шиллера. Герцогъ виртембергскій не искалъ его, не беспокоилъ его семейства и, казалось, не хотѣлъ замѣчать отсутствія своего воспитанника и подданнаго. Благопріятное время поставить на сцену «Фіаско», котораго принялъ баронъ Дальбергъ, необходимость положить прочное основаніе своему виѣшнему существованію, побудили его оставить столъ дорогого для него уединенія. Вотъ что писалъ онъ къ г-жѣ Вольцогенъ, но прибытіи своемъ въ Мангеймъ:

28 іюля 1788.

«Наконецъ я въ Мангеймѣ. Усталый и истомленный я прибылъ я сюда втораго

черомъ, отправясь изъ Франкфурта прежде полудня.

«Мейеръ нанялъ для меня покойную квартиру около дворцовой площади; изъ комнаты моей прекрасный видъ. Деньги на возвратный путь я отложилъ и могу здѣсь пробывать три недѣли. Вотъ, другъ мой, состояніе моихъ финансовъ.

«Дѣла я нацѣль, по моему прибытію, не совѣмъ въ порядкѣ. Дальбергъ не воротился еще изъ поѣздки своей въ Голландію, но его ждутъ скоро. Нефлавлъ въ Ганноверѣ и также будетъ сюда надѣхъ. Нѣсколько дней, по-крайней-мѣрѣ, я пробуду здѣсь безъ всякой пользы. Другей моихъ я обрадовалъ своимъ прибытіемъ, но они очень-ясно дали замѣтить мнѣ, чтобъ я ничего, кромѣ удовольствія, не имѣлъ въ виду отъ моего пребыванія здѣсь. До-тѣхъ-поръ, пока не возвратится Дальбергъ, я ничего не могу сказать вамъ о своихъ будущихъ планахъ. Впрочемъ, мнѣ трудно будетъ чѣмъ-нибудь воспользоваться, если потерпѣть отъ того мое пребываніе у васъ. Я могу васъ увѣрить, что все, что доставитъ мнѣ выгоду, все, что можетъ польстить моему самолюбію, ничтожно въ сравненіи съ моею покойною, счастливою жизнію.

«Вы какъ-то замѣтили мнѣ,—упрекнули, должно бы я былъ сказать, — что я совершенно отчужденъ отъ живыхъ впечатлѣній большаго свѣта. Если бы возможно мнѣ было, не дѣлая ни шага въ свѣтъ, получать 600 флориновъ въ годъ, то я бы навсегда скоронилъ себя въ Бауэрбахъ.

«Безъ васъ все пусто и подозрительно вокругъ меня, и я не могу свыкнуться съ образомъ жизни, который насъ разлучаетъ. Какъ легко мнѣ будетъ, когда я съ нѣсколькими добрыми надеждами и съ небольшоимъ количествомъ денегъ пушусь въ обратный путь, и какъ высоко станеть блаженная жизнь моя съ вами!

«Какъ-то вы проведете ваши дни безъ меня, драгоценный другъ мой? Печально, я опасуюсь, но нѣкоторымъ образомъ и желаю этого; съѣсть что-то сладостное и утѣшительное въ мысли, что два разлученные друга не могутъ быть веселы одинъ безъ другаго. О, эта мысль будетъ побуждать меня скорѣе явиться къ вамъ; а между-тѣмъ, для большаго разсвѣтленія, я буду думать о васъ; я часто буду оставять общество и мечтать о васъ въ моей комнатѣ. Пишите ко мнѣ скорѣе, какъ

вы живете, любите ли еще мнѣ! Ошишите мнѣ всю жизнь свою съ утра и до ночи и все, что въ васъ случается; такимъ-образомъ вы докажете мнѣ, что вы думаете обо мнѣ, какъ я думаю о васъ. Вашъ

Фр. Шиллеръ.»

Въ слѣдующихъ за тѣмъ письмахъ (Schillers Leben, стр. 70 — 93), мы видимъ описаніе пребыванія Шиллера въ Мангеймѣ, надежды его на будущее, знакомства, имъ дѣланнаго, и пр., и пр. Во всѣхъ этихъ письмахъ дышетъ чистая, любящая душа поэта. Направленіе его духовныхъ занятій въ это время описываетъ Кёрнеръ:

«При каждомъ вступленіи въ новые отношенія, Шиллеръ начиналъ заниматься планами многообъемлющей дѣятельности. Какъ серьезно смотрѣлъ онъ на драматическое искусство, видно изъ предисловія его къ первому изданію «Разбойниковъ», изъ статей его «О современномъ состояніи нѣмецкаго театра», помѣщенной въ «Württembergisches Repertorium», и изъ разсужденія о томъ, «что можетъ содѣйствовать хорошо-устроенной сценѣ». Отъ Мангейма онъ многогадъ надѣялся относительно развитія драматическаго искусства. Онъ былъ членомъ курфюрингскаго германскаго общества, былъ окруженъ людьми, отъ которыхъ ожидалъ сильнаго содѣйствія, и составилъ планъ усовершенствовать мангеймскій театръ чрезъ составленіе драматическаго общества. Мысль эта не приведена была въ исполненіе; но Шиллеръ самъ старался чѣмъ-нибудь содѣйствовать этой цѣли и назначалъ для того часть періодическаго изданія, которое онъ предпринялъ въ 1784 году подъ названіемъ: «Rheinische Thalia». При объявленіи объ этомъ изданіи, онъ съ юношескою доверчивостію бросается въ объятія публики. Вотъ слова его: «Вся связь моя теперь разорвана; теперь публика для меня все—моя наука, мой воспитатель, мой другъ. Ей одной принадлежу я. Никакого другаго суда я не признаю, одинъ только ея судъ уважаю, его одного страшусь. Нѣчто великое происходитъ во мнѣ при мысли, что я не знаю другихъ оковъ, кромѣ мнѣнія свѣта,—не обращаюсь съ временными имъ къ закону

«своему престолу; провъ души: человеческой. — Писатели думаютъ только объ одномъ интересѣ, — а я охотно признаюсь, что при изданіи этой «Талии», главное замышленіе мое было заключить союзъ дружества между мною и публикою».

Къ драматическимъ предметамъ, которыми занимался Шиллеръ во время пребывания своего во Франковин и Мангеймъ, принадлежатъ исторія Копрадина - Швабскаго и вторая часть «Разбойниковъ», которая должна была служить обвиненіемъ первой; тогда же возникла у него идея переложить для пѣсенкаго театра шекспировыхъ «Макбета» и «Тимона». Но «Донъ-Карлосъ» сдѣлался наконецъ предметомъ его занятій, и въ некоторыя сцены изъ него являлись въ первой части «Талии».

По-видимому, чтеніе этихъ сценъ при дариштадтскомъ дворѣ, устроенное Дальбергомъ, въ присутствіи герцога веймарскаго, ввело Шиллера въ сферу высшаго образованнаго общества.

Эта поэма, представляющая вѣчное противорѣчіе внутренней жизни съ принужденіемъ политическихъ и свѣтскихъ отношеній, была особенно благосклонно принята придворнымъ міромъ. Сердца князей и вельможъ, привоспитанныхъ самыми горячими чувства на жертву приличіямъ свѣта, находили въ ней собственную исторію, въ словахъ поэта встрѣчали тайныя чувства своя. Истинно и увлекательно гений его изъясалъ на свѣтъ эти образы чуждаго ему міра. Философическій взглядъ на исторію можетъ усвоить политическія отношенія, но пламенный колоритъ любви вдохновляетъ собственнымъ сердцемъ, создаемъ собственной фантазіи; мысль воспроизвести легкіе очерки въ странныхъ движеніяхъ и драматизировать вѣсныя образы сильно увлекала музу поэта, и онъ послѣдовалъ ей мановенію.»

Затрудненіе въ поставкѣ на сцену его пьесъ и, еще болѣе, разрушеніе надеждъ, которыя онъ возлагалъ на мангеймскій театръ, побудили его переселиться въ Лейпцигъ.

Два лейпцигскіе ученые, Кёрнеръ и Губеръ, прайтствоваали его прибытіе и предложили ему свою дружбу; къ нимъ присоединилась Минна Штокъ, навѣста Кёрнера, и сестра ея, Дора; въ ихъ обществѣ новыя произведенія отдѣльныя, мнѣху и ласкала

благо, о которомъ всегда мечталъ — истиннаго и вѣрнаго друга. Дружба его къ Кёрнеру сохранилась на всю жизнь: доброты, свѣтлый умъ, спокойствіе души, происшедшее отъ чистой совѣсти, способность понимать гениальныя созданія, природное стремленіе къ истинѣ и красотѣ привлакали къ нему Шиллера.

Спустя нѣсколько времени, Кёрнеръ получилъ иѣсто въ Дрезденѣ и долженъ былъ отправиться туда; за нимъ послѣдовалъ и Шиллеръ. Дрезденъ очень понравился ему своимъ положеніемъ на берегу Эльбы и прекрасными окрестностями; прибавьте къ этому собранія произведеній искусства, отлично-устроенныя учебныя заведенія, множество чужестранцевъ, оживлявшихъ городъ и общество — и тогда вамъ легко понять, что лучшаго иѣстопробыванія нельзя было избрать для поэта. На берегу Эльбы, въ долину, окруженной виноградниками, находится деревня Лосвицъ; тамъ, на возвышеніи, гдѣ къ виноградникамъ примыкаетъ сосновый лѣсъ, былъ у Кёрнера домикъ, въ которомъ поселился Шиллеръ и принялся за выполненіе своего «Карлоса». Всегда съ удовольствіемъ вспоминалъ онъ о первомъ времени пребыванія своего въ Дрезденѣ. Ежедневныя бесѣды съ друзьями, передъ которыми онъ могъ высказывать всѣ свои мысли, доставляли ему душевное спокойствіе. Свѣтлый умъ Кёрнера далъ образность и связь его идеямъ; взглядъ его на жизнь сдѣлался явнѣе, и, кажется, въ эту эпоху онъ принялъ исторію за цѣль духовной дѣятельности, къ которой должно было принннуть его вѣннее существованіе.

О дѣятельности Шиллера въ это время и о созданіяхъ его послушаемъ опять Кёрнера:

«Донъ-Карлосъ» не только былъ здѣсь оконченъ, но даже получилъ совершенно новый видъ. Шиллеръ перѣдко расказывался, что навечталъ отдѣльныя сцены къ «Талии» прежде, чѣмъ написалъ ея

окопчить. Въ продолженіе этой работы, онъ самъ сдѣлалъ значительные усилки; требованія его стали строже и потому первоначальный планъ такъ же мало удовлетворялъ его, какъ и образъ выполненія въ первыхъ, напечатанныхъ имъ спискахъ.

Планъ шесты «der Menschenfeind» и нѣкоторые сцены ея принадлежать также къ этому періоду. Медвѣжь стихотвореній Шиллеръ писалъ немного; онъ былъ тогда занятъ частію продолженіемъ своего временнаго изданія, частію желаніемъ составить независимое существованіе какою-нибудь дѣятельностью въ области поэзіи. Онъ колебался нѣкоторое время между медициною и исторіею, и наконецъ избралъ послѣднюю. Историческія работы для «Дона-Карлоса» обратили вниманіе его на богатую античную исторію отторженія Нидерландовъ при Филиппѣ II. Для изощренія сѣдѣній своихъ по этому предмету, онъ началъ собирать матеріалы. Тогда же задумалъ онъ издать исторію замѣчательнѣйшихъ революцій и заговоровъ, изъ которой появилась одна часть, содержавшая въ себѣ вѣчто собственно принадлежавшее Шиллеру.

Калюстро игралъ тогда во Франціи роль, которая означала ему глубокое уваженіе; въ разсказахъ объ этомъ странномъ чюдесѣ Шиллеръ нашелъ много годныхъ для романа и такимъ образомъ возникъ «Дукондець». Въ основаніи его не было истины, но Шиллеръ, принадлежавшій ни къ какому тайному обществу, рѣшился испытать силы свои въ этомъ родѣ. Сочиненіе это ему опротивѣло, и потому осталось неоконченнымъ; изъ вопросовъ, которые онъ получалъ со мною въ створѣхъ, ясно было, что онъ возбуждалъ только любознательство. Цѣлю его было произвѣсти впечатлѣніе несравненно большее.

Въ началѣ 1787 года Шиллеръ отправился въ Веймаръ, куда его давно уже приглашали. Предложеніе Виланда сдѣлаться сотрудникомъ «Германскаго Меркурія», привѣтливо встрѣтило его требованіе; во всякомъ случаѣ ему хотѣлось увидѣть мѣсто, гдѣ жили Виландъ, Гёте и Гердеръ, и гдѣ величайшіе умы Германіи находили себѣ пріютъ. Гёте былъ тогда въ Италіи; Виландъ и Гердеръ приняли его очень

ласково. Гердеръ чрезвычайно полюбился ему; но отеческое вниманіе, съ которымъ встрѣтилъ его Виландъ, еще сильнѣе подѣйствовало на его сердце. Онъ писалъ къ одному изъ друзей своихъ: «У насъ будутъ прекрасные часы. Виландъ молодъ, когда любить.»

Эти отношенія побудили Шиллера принять постоянное участіе въ изданіи «Меркурія»; мысль—содѣйствіемъ его придать болѣе свѣжій и юношескій видъ этому изданію, улыбалась Виланду. Шиллеръ доставлялъ ему «Нововъ Греціи», «Художника», отрывокъ изъ исторіи Нидерландовъ, письма о донѣ-Карлосѣ и нѣкоторые другія статьи (для Меркурія 1788 и 1789 годовъ); всѣ онѣ вообще принадлежать къ числу превосходныхъ произведеній и замѣчательны одобреніемъ Гёте, Канта и Гердера.

Въ концѣ октября 1787 года, онъ отправился въ Мейнингенъ, гдѣ жила старшая сестра его, вышедшая замужъ за друга его, Рейнвальда, — потомъ къ старой и вѣрной пріятельницѣ своей, г-жѣ Вольцогенъ, у которой въ то время жилъ и сынъ ея. Это путешествіе повело его къ новымъ отношеніямъ. Съ сыномъ г-жи Вольцогенъ онъ посѣтилъ семейство Ленгефельдъ, жившее въ Рудольштадтѣ, и вотъ что писалъ онъ объ немъ къ г-жѣ Вольцогенъ изъ Веймара, отъ 20-го декабря 1787 г.:

«Мы благополучно прибыли въ Рудольштадтъ, гдѣ я нашелъ самое почтенное и любезное семейство. Вѣрю, что Вильгельму пріятно тамъ, потому-что мнѣ самому тяжело было расстаться съ такими добрыми людьми, и только одна необходимость заставила меня уѣхать въ Веймаръ. Постараюсь воспользоваться первыми свободными временами и непременно отправлюсь туда.»

Письмо, которое Шиллеръ писалъ къ другу своему Кёрнеру, нѣсколько недѣль спустя послѣ этого посѣщенія, ясно высказываетъ впечатлѣніе, произведенное на него походомъ въ Рудольштадтъ; кажется, въ это время

онъ чувствовалъ уже склонность къ дѣвицѣ Шарлотѣ Ленгсфельдъ.

«Мнѣ необходимъ *medium*, который далъ бы мнѣ возможность наслаждаться всѣми радостями. Дружба, истина, красота сильнѣе дѣйствовали бы на меня, если бы непрерывный рядъ благотворныхъ семейныхъ ощущений дѣлалъ меня способнымъ къ счастью, согрѣвая мое хладѣющее существованіе. До-сихъ-поръ, я одинокій, чуждый всему человечеству, блуждаю въ природѣ и не пишу никакой собственности. — Мнѣ необходимъ гражданскій и семейный бытъ. — Въ-теченіе многихъ лѣтъ я не испытывалъ полной радости, и не столько потому, чтобъ не доставало предметовъ для счастья, какъ потому, что радостями я пользовался какъ-бы украдкою, а не наслаждался ими; я чувствовалъ всегда недостатокъ радной и полной жизни, которую доставляетъ одно спокойствіе семейное...»

Въ Веймарѣ они увидѣлись снова; нѣсколько замисловъ Шиллера доказывають, какъ сильно тронула сердце его сестра нашей сочинительницы, и какія надежды пробудились въ немъ отъ знакомства съ нею.

«Шиллеръ къ Шарлоттѣ Ленгсфельдъ.

«Вы жестоко поступаете съ бѣдною козлашкою, *gnädiges Fräulein*, выставила ее на самый невыгодный для нея свѣтъ: вы ставите ее къ параллель съ нами. Мнѣ вѣсти досадно, что она не имѣетъ большихъ достоинствъ, или что нѣтъ для меня нигдѣ великой радости, чтобъ доказать вамъ, какъ охотно отказался бы я отъ нѣтъ, чтобъ только васъ видѣть. На это вы могли бы мнѣ напомнить, какъ давно вы здѣсь и какъ мало еще пользовался я вашимъ присутствіемъ; но повѣрите мнѣ на этотъ разъ, что послѣдняго и я самъ не могу себѣ объяснить. Вудущее пребываніе мое въ Рудольштатѣ (первое доставило мнѣ такую радость, какія нѣтъ и многого нехватало) должно вознаграждать меня; и тогда, *gnädiges Fräulein*, надѣюсь я доказать вамъ, что рѣдкое повлеченіе мое у васъ воляя приписать неуказанно моему цѣннѣ выше общество. Я чувствую; что эта замисловка не совѣтъ

будетъ для васъ понятна; но и это имѣетъ свою хорошую сторону: вы должны будете прочесть ее два раза, и она не будетъ противрѣчить тому, въ чемъ преимущественно ждала бы я васъ убѣдить — въ глубочайшемъ моемъ уваженіи къ вамъ. Начально, скривъ самой придеку меня къ окну, и я увидѣлъ васъ: это много для меня значитъ на нынѣшній день. Но такъ-какъ васъ теперь трудно видѣть одну, то я оставляю эту записку до завтра.

Шиллеръ.»

«Вы вѣрно не болѣе моего сожалѣете о вашихъ цѣтахъ и прекрасныхъ горахъ, *gnädiges Fräulein*, особенно потому-что они находятся въ Рудольштатѣ, куда переносить меня мечта въ самыя счастливыя минуты моей жизни. Благодарные люди благодарны уже къ счастью, если только душа ихъ можетъ свободно дѣйствовать; свобода эта бываетъ стѣснена обществомъ (даже хорошимъ обществомъ), но усланіе вознаграждаетъ ее, и красота природы дѣйствуетъ на насъ, какъ очаровательная мелодія. Я никогда не думаю, чтобъ вамъ могъ нравиться возлукъ дора и собраній; иначе я имѣлъ бы о васъ совершенна-другое мнѣніе; называю жея самолюбів: особамъ, которыя мнѣ дороги, я охотно принимаю этой образъ мыслей.

«Сегодня я попросилъ позволенія поѣхать къ вамъ.

Шиллеръ.»

«Вы удиваете, *Bestes Fräulein*, и я чувствую, вы уносите съ собою большію часть моихъ радостей. Что вы не могли остаться, я это знаю, я уже давно готовился къ вашему отъѣзду, и, не смотря на то, онъ поразилъ меня. Какъ ни кратки были минуты нашего пребыванія здѣсь, которыя я могъ называть своими, но мысль, что вы здѣсь—сама-по-себѣ была уже удовольствіемъ, и одна возможность видѣть васъ каждый день — была для меня счастьемъ. Отъѣздъ вашъ дѣлаетъ меня, всего этого. Но вы удиваете вселенную и это почти радуетъ меня. Не серьёзно ли вы думаете, что меня основательно слово «дружба»? Послѣ того, что я вамъ говорилъ иногда о злоупотребленіи этого

Веймаръ, 11 апреля 1788.

слова, можетъ-быть, вамъ покажется самонадеянностью съ моей стороны имѣть на нее притязаніе; но названіе не отублжаетъ меня. Дайте только пустить ростки едина-примѣтному зерну; когда взаритъ его весеннее солнце, кто знаетъ какіе принесетъ оно цвѣты? Доброта ваша даде лучший видъ моему обхожденію; я очень-хорошо чувствую, какъ былъ связанъ и неловокъ. Не совѣтъ-приятнымъ, но все же нѣсколько-болѣе любезнымъ могъ бы явиться я передъ глазами вашими. Я надѣюсь, что болѣе-свѣтлое солнце послужитъ къ моему улучшенію, а желаніе сдѣлаться чѣмъ-нибудь для васъ дастъ мнѣ новую энергію. И въ вашей душѣ я надѣюсь нѣкогда читать, и заранѣе радуюсь прекраснымъ открытіямъ, которыя я сдѣлаю. Можетъ-быть, я найду, что во многомъ мы имѣемъ съ вами симпатію, и это будетъ для меня самымъ отраднымъ открытіемъ. И такъ, вы желаете, чтобъ я о васъ думалъ; но это случилось бы и тогда, если бъ вы запретили. Фантазія моя будетъ неразлучна съ вашимъ образомъ, который являетеи мнѣ въ такой свѣтъ передо мною; какъ-будто въ продолженіи восьмилѣтняго служенія моего музана я вдохновлялся однимъ этимъ образомъ. Въ каждый прекрасный день я буду воображать васъ подл открытымъ небомъ, въ каждый пасмурный — въ вашей комнатѣ; можетъ-быть и вы будете думать обо мнѣ; но чтобъ мнѣ быть увѣрену въ этомъ, вы должны мнѣ позволить хотя изрѣдка сказать вамъ, что мысли мои заняты вами.

«Нѣбави Бога отъ переписки! она такъ отягачается обязанностью; я даже не желаю отвѣтовъ, если вы будете думать, что обязаны мнѣ отвѣчать. Сегодня въ полдень я могъ бы увидѣть васъ у Шардтса, если бъ мой добрый геній напомнилъ мнѣ объ этомъ во-время; но, правду сказать, мнѣ очень не хотѣлось являться въ незнакомое общество. Передъ отъѣздомъ вашимъ я васъ болѣе не увижу. Прошадія, даже на короткое время, имѣютъ въ себѣ что-то слишкомъ-печальное. Прошайте; будьте здоровы и вспомните иногда, что здѣсь остается человѣкъ, который считаетъ однимъ изъ красивѣйшихъ событій жизни своей случай, доставившій ему ваше знакомство. Еще разъ, будьте счастливы.

Шиллеръ.»

«Теперь вы опять поселились въ Рудольштадтѣ, mein bestes Fräulein, и при такой прекрасной погодѣ, вѣроятно, довольны своимъ сельскимъ уединеніемъ. Удовольствія общества, которые находились въ Веймарѣ и мѣстахъ ему подобнымъ, часто выкупаются скукою и принужденіемъ, необходимыми спутниками сѣвскихъ собраній. Ихъ вы случайно избѣжали, и я увѣренъ, что ваша осмойный кругъ вознаградитъ васъ за все, чему, можетъ-быть, вы придавали въ Веймарѣ нѣкоторую цѣну. Какъ я завидую вашему семейству и всему, что васъ окружаетъ! И вамъ также я завидую, что у васъ есть такое семейство; одинъ день въ вашемъ обществѣ доказалъ мнѣ, что я живу между благородными людьми. О, почему нельзя удержать такихъ блаженныхъ мгновеній! Надобно было или не сходиться, или уже не разставаться болѣе.

«Съ-тѣхъ-поръ, какъ вы оставили Веймаръ, воспоминаніе о васъ составляетъ лучшее мое общество. Уединеніе — вотъ мое блаженство; оно переноситъ меня къ вамъ и допускаетъ меня невозмутимо наслаждаться воспоминаніями прошедшихъ радостей и надеждою на будущія. Какія прекрасныя мечты создаю я себѣ на пынѣшнее дѣло! Но захотите ли вы этого? Меня часто беспокоитъ, mein theuerstes Fräulein, когда я думаю, что то самое, что составляетъ для меня высочайшее блаженство, доставитъ вамъ, можетъ-быть, только преходящее удовольствіе; мнѣ существенно необходимо жить, не раскаиваетесь ли вы сами въ своемъ, можетъ-быть, невольномъ дѣлѣ; не желали ли бы вы возвратитъ то, чѣмъ вы сдѣлались для меня въ короткое время; пришло ли это вамъ, или вы равнодушно смотрите на это? Еслибъ я могъ излѣчиться, что часть блаженства вашей жизни придетъ и на мою долю, какъ охотно бы отказался я отъ многихъ плановъ своихъ въ будущемъ для того, чтобъ быть ближе къ вамъ! Какъ легко бы мнѣ было назвать своимъ міромъ тотъ кругъ, въ которомъ вы живете!

«Вы сами однажды сказали мнѣ, что сельская жизнь въ соединеніи съ дружбою и красотами природы можетъ удовлетворить вошмъ вашимъ желаніямъ. Здѣсь была уже существенная симпатія между нами. Выспраго блага и я не желалъ никогда. Но то, что составляетъ величайшую чер-

ту моего характера, и у васъ было, можетъ-быть, юношескою фантазією, мимолетною прихотью. Можетъ-быть, вы современно будете думать иначе; или, если и не случится такъ, то должны будете иначе думать. Я боюсь и того и другаго, и пишу, какъ много причинъ имѣлъ я во время скорноты отъ счастья, съ которыми, можетъ-быть, должно будетъ опять разлучиться. Не хочу предаваться этой печальной мысли...

Веймаръ, 2 мая 1788.

«Порученіе, которое вы съ такою добротою приняли на себя, исполнено вами совершенно по моему желанію; и даже превзошло всё мои надежды: я безконечно много обязанъ вамъ. Мѣсто, расположеніе дома—все превосходно. Сосѣдство знатныхъ разстроило-было все мое существованіе. Я доставилъ вамъ много хлопотъ, и совсѣмъ тѣмъ увѣренъ, что удовольствіе, которое вы мнѣ доставили, замѣнять всякую благодарность. И такъ, теперь ничто не противорѣчатъ исполненію моей любимой мечты, кромѣ непостоянства погоды (но и это, надѣюсь, пройдетъ чрезъ нѣсколько дней), и нѣкоторыхъ мелочныхъ дѣлъ, которыя, впрочемъ, задержать меня также недолго; десять дней—самый долгій срокъ для меня; тогда проститъ, Веймаръ! Въ вашихъ прекрасныхъ мѣстахъ, къ вашей прекрасной тащницѣ я найду опять свое сердце; а ваше общество щедро вознаградитъ меня за все, что я здѣсь оставляю.

«Мы и здѣсь предоставлены совершенно природѣ; комедія, ея бѣдная представительница зимою, оставила насъ. Весна пришла со всѣми своими очарованіями. Мнѣ досадно, что эти прекрасныя дни и долженъ терять здѣсь въ городѣ, проводя ихъ на этихъ жалкихъ гуляньяхъ. О, какъ бы обрадова было мнѣ встрѣчать весну въ вашемъ сосѣдствѣ!

«Вы предостерегаете меня, bestes Fräulein, чтобъ я не слишкомъ-много ожидалъ отъ пребыванія у васъ (отъ «вашей дружбы», можетъ-быть, хотѣли вы сказать): въ-самомъ-дѣлѣ, я болѣе всего опасуюсь, что, при всемъ желаніи, не въ состояніи буду ничѣмъ вознаградить васъ за то удовольствіе, которое вы доставите мнѣ своимъ обществомъ. Но предостереженіе

ваше, bestes Fräulein, напоминаетъ мнѣ, что я высказываю передъ вами слишкомъ-хорошее мнѣніе о себѣ, тогда-какъ ничѣмъ еще не могу оправдать его. Вы такъ привѣтливо предложили мнѣ свою дружбу, а я уже воображалъ, что приобрялъ ее! Вотъ чего я долженъ опасаться, bestes Fräulein, а не фантазіи моей; повѣрьте, что фантазія моя не имѣетъ никакого вліянія на мнѣніе о васъ. Васъ прошу я о снисхожденіи, котораго требуетъ отъ меня ваша скромность, и не шутиа прошу васъ о томъ. Будьте также моей посредницей предъ вашими родными; скажите имъ обо мнѣ какъ-можно-болѣе дурнаго, чтобъ они полюбили меня за тотъ остатокъ добраго, который есть еще во мнѣ. Скажите имъ также, что желаю отъ всего сердца ближайшаго знакомства съ сроднействомъ вашими. Прощайте, будьте здоровы.

Шиллеръ.»

Желаніе Шиллера исполнилось: лѣтомъ онъ переселился въ деревню Вальштетъ, недалеко отъ замка Рудольштадтъ, и проводилъ отрадные часы въ семействѣ своей возлюбленной и въ обществѣ немногихъ избранныхъ людей. Въ то же время онъ занимался своею «Исторією Нидерландовъ» и романомъ «Духовидецъ», въ которомъ философскіе разговоры были слѣдствіями разговоромъ маленькаго общества. Иногда они занимались чтеніемъ, и преимущественно чтеніемъ древнихъ; вотъ что говоритъ сочинительница:

«Въ-первые прочли мы всего Гомера, котораго знали прежде по отрывкамъ. Невозможно выразить, какъ много каждый Нѣмецъ обязанъ Фоссу за его переводъ. Шиллеръ читалъ «Одиссею» и, намъ казалось, что въ душахъ нашихъ пробуждается новый источникъ жизни. Знакомство съ греческими трагиками окончило наше художественное образованіе. Это великое проявленіе челоѣчества въ его общности и вѣчной истинѣ поразило насъ до глубины души; оно привело насъ въ такое восхищеніе, что мы переводили многія мѣста изъ трагедій, съ которыми познакомились чрезъ посредство греческаго театра Брюмпа, для того, чтобъ живѣе

наслаждаться этими рѣчами, чувствами и образами на родномъ языкѣ. Шиллеръ обещалъ намъ передать по-иъвенки Мѣста, которымъ намъ болѣе понравились. Это пребываніе въ области древнихъ поэтѣвъ имѣло вліаніе на его собственный гений и сильно подѣйствовало на Валленштейна. Онъ въ это время писалъ другу своему Кёрнеру:

«Теперь я почти ничего не читаю кромѣ Гомера; Древние доставляютъ мнѣ истинное наслажденіе. Во-первыхъ, они мнѣ дѣлаютъ величайшую пользу, очищая мой собственный вкусъ, который искусственностью, остроуміемъ и мудрствованіемъ началъ удаляться отъ истинной простоты.»

Въ домѣ Ленгсфельда Шиллеръ увидѣлъ въ первый разъ Гёте, и вотъ что писалъ онъ объ этомъ свиданіи къ Кёрнеру:

«Говоря вообще, великая идея, которую я составилъ себѣ о Гёте, ни мало не уменьшилась послѣ нашего личнаго знакомства; но я сомнѣваюсь, чтобъ мы когда-нибудь близко сошлись другъ съ другомъ. Многое, что еще теперь интересуетъ меня, чего я еще могу желать и надеяться, для него уже давно миновало. Все существованіе его съ самаго начала образовалось иначе, чѣмъ мое, и въ его не мой міръ, имѣя образъ возрѣвшаго человека въ главныхъ пунктахъ. Неа легко этого трудно предположить болѣе-близкое знакомство. Будущее покажетъ время.»

Нападеніе Штольберга на боговъ Греціи сильно тронуло Шиллера, особливо обвиненіе въ обезбоженіи, которое заводилъ на него критикъ; въ первомъ порывѣ негодованія, онъ обещалъ написать возраженіе, тѣмъ болѣе, что и Виландъ побуждалъ его къ тому же. Въ послѣдствіи, въ полномъ собраніи стихотвореній, онъ передѣлалъ многія мѣста своихъ Боговъ Греціи, и это доказываетъ, что онъ не хотѣлъ оскорблять ни убѣжденій, ни святынь вѣровавшаго человеческого сердца.

Отношенія его къ старику Виланду, основанныя на обоюдномъ уваженіи взаимныхъ дарованій, не кончались

никакими непріятностями съ первой минуты знакомства; доказательствомъ тому служатъ слѣдующія письма:

Виландъ Шиллеру.

Итакъ, вы благополучно достигли желаннаго вами Натоса, мой любезный Шиллеръ, и херосо ли вамъ теперь?... .

Недостатокъ времени не позволяете мнѣ на этотъ разъ долго бесѣдовать съ вами, но я оставляю Гётеганда до другаго случая; на этотъ разъ къ прилагаемымъ вамъ пакетамъ и пакетцамъ присоединилъ вамъ поклонъ отъ всѣхъ насъ и извѣстіе, что мы, днѣй водемъ назавъ, преемлемъ самый пріятный день въ агдакъ Бельведера, и не только думаемъ о васъ, но желали бытъ съ вами и (по-крайней-мѣрѣ я съ своей стороны) желали бы перегованіе противъ злаго духа, который завѣдалъ вамъ на глаза такой густой слезѣ, что вы не видите, какъ необходимо бы вамъ жить въ Бельведерѣ, гдѣ бы вы могли пользоваться всеми выгодами удаленія, всеми удобствами сельской жизни и бытъ близко отъ насъ, чтобъ мы могли видѣться съ вами по-крайней-мѣрѣ разъ въ двѣ недѣли. Впрочемъ, да будетъ во всемъ воля судьбы! Надѣемся, на ея образныхъ или аллигаторныхъ скрижалахъ нечестиво, что вы скоро къ намъ возвратитесь; теперь, когда вы имѣте со мною, мнѣ много нужно переговорить съ вами, тогда-какъ во время моего пребыванія здѣсь, я такъ дурно пользовался благоприятнымъ случаемъ.

Относительно нашего внутренняго стремленія, вы совершенно убѣдили меня важнымъ, можетъ-бытъ, слишкомъ-сербнымъ посвященіемъ до такой степени, что если бъ я могъ располагать небольшою лѣвшкою съ 20 тысячами талеровъ приданнаго, то и бы сегодня же всталъ лошадей и привезъ бы ее къ вамъ.

«Меркурій» я полагаю какъ-можно-близже къ вашему сердцу и крѣпко обнимаю васъ съ горячимъ желаніемъ удовольствія и благополучія; вѣчно вашъ

Виландъ.

Веймаръ, 2 июля 1788 г.

Любезный другъ!

Въ томъ, что вы совѣтъ забыли мнѣ и моего бѣднаго «Меркурія», вижу я доки-

зачесть, что вамъ хорошо въ нашемъ уединеніи; вы такъ углубились въ вашу новую страну, на вслѣ ли она, надъ землею или подъ землею, что вамъ иногда думать ни о чемъ другомъ. И, не смотря на то, необходимость заставляетъ меня напомнить вамъ о дружескомъ общеніи, которыми вы меня тѣшили при разставаніи. Цѣлый июнь я долженъ почти единъ работать, да съ июлемъ и августомъ, нажегся, будетъ не лучше. Мнѣ особенно просить васъ о состраданіи. Недавно еще вы хотѣли соединиться со мною, чтобъ «Меркурію» дать новый видъ. И эта мысль, кажется, оставила васъ. Подумайте объ этомъ хорошенько и напишите мнѣ результаты своихъ наблюденій и вычисленій. Если что подобное случится, то вдобавку надо извѣстить о томъ, по крайней-мѣрѣ за три мѣсяца до окончанія года. Простите меня, другъ мой, за неопределенность. Мнѣ иногда очень хочется внезапно повѣстаться предъ вами въ вашей деревнѣ. Все затрудненіе въ томъ, гдѣ я возьму время? Дѣйствительно; между безпрерывными обыкновенными и случайными дѣлами и развлечениями, я такъ заваленъ работою, что не знаю даже, что будетъ со мною наконецъ. Въѣсте того, чтобъ подъ старость приготовить себѣ пеню, я вижу работа моя возрастаетъ съ каждымъ годомъ. Прощайте и проч.

Виландъ.

Веймаръ, июль 1788.

Время мое, любезный Шиллеръ, идетъ по-прежнему, и я еще разъ нию духъ напомнить вамъ о себѣ, освѣдомиться о вашемъ здоровьи и поблагодарить васъ хотя двумя словами за отличную статью вашу въ «Меркуріи». Пьесу эту, которую можно назвать критическою исторіею происхожденія вашего «Дона-Карлоса», я читалъ съ неописаннымъ удовольствіемъ и снова дивился вашему генію; въ одно время онъ можетъ служить образцомъ апологін и критики; первая безъ всякаго пристрастія къ самой себѣ, послѣдняя такъ остроумно и глубоко обдуманна, что всѣ читатели «Дона-Карлоса» прочтуть ее съ пользою. Я очень желаю имѣть продолженіе и прошу васъ объ немъ.

Здѣсь думаютъ, что вы очень веселитесь въ своемъ уединеніи и пріятною

полагаютъ прекраснѣхъ или одну изъ прекрасныхъ Рудольфштатъ. Тѣмъ лучше!—Обнимаю васъ и прочъ.

Виландъ.

Веймаръ, 28 апрѣля 1788.

Любезный другъ!

Оппе gegum sagum! Чѣмъ долѣе заставили вы меня ждать своего письма, тѣмъ пріятнѣе было мнѣ видѣть вашу руку и подпись, равно и читать, что вы меня еще любите, и что вы въ своемъ Элизіумѣ или квази-Элизіумѣ не вкусили вода Леты. Меня радуетъ, что вы здоровы; мы нѣсколько предчувствовали, что не одни прекрасныя горы, утесы и долины Рудольфштата такъ на долго отаровани васъ собою...

У насъ все идетъ обыкновеннымъ порядкомъ, кромѣ того, что со времени начатія знаменитаго путешествія по Италіи, т. е. уже 24 дня, мнѣ предстать гораздо больше дѣла. А пророкъ ты моимъ дѣламъ: благодарю васъ устами и рукой за присланныя статьи въ «Меркуріи». Все, что вы еще пришлете, обрадуетъ меня несказанно. Мнѣ пріятно, что вы накажете шлепачаго (platten) графа Леопольда за его недостойныя хулы на вашихъ «Боговъ Греціи». Я все надеялся, что онъ представитъ бога своего въ отличной одѣ какъ по-крайней-мѣрѣ прославитъ его архитектурическими ямбами; но онъ становится, по-видимому, все прозачнѣе, и наконецъ по-истинѣ достойно сожалѣнія, чѣмъ онъ занимается. Но такъ отмищаетъ философія тѣмъ побтамъ, которые съ самою ясности привыкли пренебрегать ею. Я долженъ кончить. Въ моемъ положеніи не ждать отъ меня ни остроумныхъ, ни ученыхъ, ни занимательныхъ писемъ. Будьте здоровы et res tuas feliciter age, и прочъ.

Виландъ.

Веймаръ, 17 авг. 1788.

Въ половинѣ ноября, Шиллеръ возвратился въ Веймаръ, куда привозили его различные планы, ученые труды и еще болѣе желаніе упорнѣе свою будущность, чтобъ скорѣе соединиться съ Шарлоттою Ленгсфельдъ, кото-

рая все болѣе и болѣе приобретаала власть надъ его сердцемъ. Посреди этихъ заботъ онъ часто писалъ къ ней и сестрѣ ея (см. письма его въ Schillers Leben стр. 137—190), какъ бы желая вознаградить себя за разлуку; та же самая нѣжность дышетъ въ каждой строкѣ; письма вообще увлекательны, но привести ихъ всѣ не позволяетъ объемъ журнальной статьи.

Мы говорили уже, что онъ колебался нѣкоторое время между исторіею и медициною. Въ то самое время, какъ профессоръ Эйгорнъ оставилъ Іену, появилось сочиненіе Шиллера «Отторженіе Нидерландовъ» и многое обѣщало для исторіи. Гёте и тайный совѣтникъ Фойхтъ содѣйствовали ему въ полученіи профессорской катедры въ Іенѣ. Шиллеръ чрезвычайно обрадовался этому, но вмѣстѣ съ тѣмъ затруднился, какъ принять эту катедру, потому-что считалъ необходимымъ посвятить нѣсколько лѣтъ приготовленію, чтобъ съ честью занять предлагаемое ему мѣсто. Съ отъѣзда его изъ Дрездена до весны 1789 года, когда онъ занялъ катедру свою въ Іенѣ, историческія сочиненія преимущественно занимали его.

«Ты съ трудомъ повѣришь» писалъ онъ къ Кёрнеру, «какъ я доволенъ своимъ новымъ поприщемъ. Предчувствіе обширныхъ неиздѣланныхъ полей выѣтъ для меня много привлекательнаго. Съ каждымъ шагомъ дѣлаю я пріобрѣтенія въ идеяхъ, и душа моя расширяется въ ихъ мирѣ.»

Нѣсколько-позже такъ писалъ онъ о своихъ историческихъ занятіяхъ:

«Интересъ, который мнѣ для Грековъ исторія пелопонезской войны, долженъ стараться придать сочиненіямъ своимъ каждый, кто занимается новой исторіей. Главная задача состоитъ въ распоряженіи и избираніи матеріаловъ такимъ образомомъ, чтобъ они, для возбужденія интереса, не нуждались въ украшеніяхъ. Мы, люди новаго міра, мнѣемъ въ рукахъ своихъ интересъ, о которомъ не мнѣли понятія ни Греки, ни Римляне, и

съ которыми далеко не можетъ сравниться интересъ отечественный. Последний вообще важенъ для народовъ неарійскихъ, для юности міра. Несравненно-замышляемѣе для человѣка предствленіе важныхъ событий, совершившихся съ чужеземствомъ. Какое тѣсное поприще — писать для одного народа! для духа, проникнутаго философіей, граница эта невыносима. Онъ не можетъ удовлетвориться такою случайною и произвольною формою чужеземства, однимъ отрывкомъ всенмірной исторіи, какой представляется самымъ важнымъ народомъ. Онъ можетъ одушевляться имъ только тогда, когда эта нація или національное событіе важно для успеховъ всего рода человеческого.»

Такой одушевленный взглядъ на исторію не могъ мнѣнить стремленія Шиллера къ поэзіи. Поэтическія таланта, принадлежащія къ этому періоду его жизни, немногочисленны, но важны; въ нихъ видно художественное развитіе формы и содержанія. Его занимали также и планы будущихъ поэтическихъ занятій. Мысль сдѣлать оперу изъ нѣкоторыхъ мѣстъ виландова Оберона осталась безъ исполненія. Тогда же думалъ Шиллеръ взять предметъ для эпической поэмы изъ жизни Фридриха-Великаго.

Объ этомъ въ письмахъ Шиллера встрѣчается слѣдующее:

«Мысль взять предметомъ эпической поэмы одинъ изъ дѣльныхъ подвиготъ Фридриха II, заслуживаетъ вниманіе, но она пришла мнѣ въ голову нѣсколько рано. Всѣ трудности, возникающія отъ такой близости предмета, кажушаяся несообразность эпическаго тона съ современнымъ событіемъ не слыхкомъ пугаютъ меня.—Эпическая поэма XVIII-го в. должна быть произведеніемъ совершенно-отличнымъ отъ эпическихъ поэвъ владѣтельствующаго міра. Наши нравы, иное направленіе нашей философіи, наши установленія, домашній бытъ, искусство, — однимъ словомъ, все должно быть воспроизведено въ пей безъ стѣсненія, должно двигаться въ прекрасной, гармонической свободѣ, подобно тому, какъ движутся въ Иллиадѣ всѣ отрасли греческаго образованія. Я не затрудняюсь также изобрѣтеніемъ вышности, потому-что могу

удовлетворить всѣмъ требованіямъ, которыя дѣлаются эпическимъ поэтамъ со стороны формы. Но эта самая вѣдшая форма, которая составляетъ по-видимому величайшую трудность при описаніи такого современнаго предмета и въ такой прозаическій вѣкъ, можетъ необыкновенно возвысить интересъ, если будетъ приспособлена къ тому же современному духу. Мысли еще смутно носятъ въ головахъ моей, но я надѣюсь, что изъ нихъ образуется нѣчто яснее. Ты съ трудомъ угадаешь, какой метръ я хочу избрать: никакого кромѣ ottave rime. Всѣ прочіе, за исключеніемъ ямба, до смерти надоѣли мнѣ, и какъ пріятно должно звучать все величественное и высокое въ такихъ легкихъ формахъ! какъ много выплываютъ эпические образы, выражался въ этихъ вѣдшихъ, краткихъ римахъ; ихъ можно будетъ пѣть, какъ пѣли Илиаду греческіе поессады, какъ поютъ венеціанскіе гондольеры старыя «Освобожденнаго Иерусалима». Я думалъ также и объ эпохѣ изъ жизни Фридриха, которую можно будетъ избрать. Я бы охотно взялъ время несчастій, которое допустило бы развитіе духа его съ безконечно-большою поэзіею. Главное дѣйствіе должно по-возможности быть простымъ и мало-запутаннымъ, чтобъ не трудно было обозрѣть цѣлое, хотя бы и представилось много эпизодовъ. Во всякомъ случаѣ, желаю изобразить и вѣкъ его и всю его жизнь. Для этого лучше Илиады нѣтъ образца.»

Какъ много уважалъ Шиллеръ въ этомъ періодѣ своей жизни настоящую критику, и съ какою строгостію разбиралъ самого-себя, видно изъ слѣдующаго письма:

«Мое послѣднее сочиненіе» пишетъ онъ: «которое едва ли окончится прежде двухъ лѣтъ, должно рѣшить мое драматическое призваніе. Я болѣе всего довѣряюсь драмѣ и знаю, откуда происходитъ эта увѣренность. До-сихъ-поръ планы, которые я избиралъ, повинуясь слѣпому случаю, чрезвычайно затрудняли меня; составленіе ихъ было всегда слишкомъ обширно и смѣло. Попробую, хоть разъ взять планъ самый простой и поработаю надъ нимъ.»

Виландъ упрекалъ его въ недостаткѣ легкости.

Т. XLIII. — Отд. VII.

«Я чувствую» писалъ онъ по этому случаю: «слишкомъ-хорошо чувствую, что онъ правъ; но я чувствую также, въ чемъ состоитъ моя ошибка, и отъ-того надѣюсь легко исправиться. Мысли притекаютъ ко мнѣ не довольно-обильно, какъ ни сложны бываютъ мои запятія, и пока я пишу, идеи мои неясны. Проплывать умъ и сердце своимъ предметомъ, свѣтло представить планъ, прежде чѣмъ набросать ихъ на бумагу, овладѣть юморомъ—вотъ необходимыя принадлежности легкости выраженія; и если я когда-нибудь усвою себѣ эти три качества, то и избавлюсь отъ этого недостатка.»

Подобное стремленіе удовлетворить всякому высшему требованію не стѣснялось мелочною болезнію самолюбія. О свободѣ поэта относительно избранія предмета, онъ говоритъ такъ:

«Я убѣжденъ, что каждое произведеніе искусства должно давать отчетъ только себѣ, т. е. своему собственному понятію красоты, и не подчинено никакому постороннему требованію. Къ-тому же, я твердо увѣренъ, что такимъ образомъ онъ удовлетворитъ всѣмъ требованіямъ, потому-что каждое понятіе о красотѣ должно гармонировать съ общою истиною. Поэтъ, который цѣлюю своею принимаетъ одно изъясненное и свято слѣдуетъ за нимъ, достигнетъ наконецъ безсознательно всѣхъ прочихъ условий, на которыя онъ какъ-будто не обращаетъ вниманія; напротивъ того, писатель, колеблющійся между изъясненнымъ и нравственнымъ или стремящійся къ тому и другому вмѣстѣ, часто не достигаетъ никакихъ результатовъ.»

Въ другомъ письмѣ, того же времени, находится слѣдующее воззваніе:

«Вы, господа критики, или какъ бы вы ни называли себя, стыдитесь или боятесь мгновеннаго, мимолетнаго безумія, которое встрѣчаете у всѣхъ собственно-творцовъ; но краткость и продолжительность его отличаетъ мыслящаго художника отъ мечтателя. Ваши жалобы на безплодность происходить отъ-того, что вы слишкомъ-рано хотите все уничтожить, слишкомъ-строго все осуждаете.»

Лекція Шиллера въ Іенѣ начались блистательно: болѣе четырехъ-сотъ

слушателей посѣщали его аудиторію; но въ планахъ его относительно будущаго не было ничего опредѣленнаго. Нѣсколько времени спустя, онъ увидѣлся съ Шарлотою Ленгефельдъ, объяснился съ нею, получилъ благопріятный отвѣтъ, и все дѣло положено было оставить въ тайнѣ до-тѣхъ-поръ, пока Шиллеръ не получитъ постоянного содержанія, безъ чего невозможно было надѣяться на согласіе матери его возлюбленной. Какъ пламенны стали письма его къ ней, какъ сіяетъ въ нихъ та небесная радость, которая озарила душу поэта и наполнила всю жизнь его! Прочтемъ нѣкоторыя изъ нихъ.

Четвертъ вечеромъ, 25 августа 1789.

Какъ отрадно мнѣ было проснуться сегодня! Первое, на что упалъ взоръ мой, — было письмо твое. Я заснулъ съ мыслию получить его. Не этимъ періодическимъ радостямъ я буду со-временемъ рассчитывать свои занятія, до-тѣхъ-поръ, пока судьба, соединивъ насъ, сдѣлаетъ это излишнимъ. Но какъ неуѣренны наши желанія! Какъ много бы я далъ, за мѣсяцъ предъ симъ, за одну надежду того, что теперь уже совершилось, — за одинъ взглядъ въ твою душу! А теперь, когда я все читаю въ ней, когда исполнилось завѣтное желаніе моего сердца, мысли мои стремятся къ будущему и я страшусь долгаго времени, которое должно еще раздѣлить насъ. Какъ кратка весна жизни, какъ быстро летитъ цвѣтущее время радостей! Изъ этой-то краткой весны я долженъ потерять, можетъ-быть, годы, прежде чѣмъ буду владѣть тѣмъ, что принадлежитъ мнѣ. Ненасчетна любовь — во мимолетныя весенніе дни!

Душа витаетъ въ новомъ, прекрасномъ мірѣ, съ-тѣхъ-поръ, какъ я знаю, что ты моя, милая, возлюбленная Лотта, съ-тѣхъ-поръ, какъ ты отдала мнѣ всю свою душу. Ты часто заставляла меня впадать въ тяжкое сомнѣніе: иногда (такъ казалось мнѣ) я замѣчалъ въ тебѣ странную холодность, которая отталкивала изліяніе пламенныхъ словъ. Благодѣтельнымъ ангеломъ была для меня Каролина, разгадавшая мою таинственную тайну. — И несправедливъ былъ къ тебѣ, моя Лотта. Я не разгадалъ твоего апофетіа твоихъ чувствъ и все

принималъ за холодность, которая должна была удалять меня. О, ты расскажешь мнѣ исторію нашей будущей любви; но я хочу слышать ее изъ твоихъ устъ.

Какой былъ быстрый и вѣстѣй крохотный переходъ! Мы уже давно были тѣмъ, чѣмъ сдѣлались теперь другъ для друга, но теперь только я наслаждаюсь своими протекшими часами. Я переживаю ихъ еще разъ, и она появляются передо мною все въ лучшемъ свѣтѣ. Какъ идетъ теперь къ моему востанію то блаженное безуміе, которое такъ часто отрывало меня отъ настоящаго! Настоящее пусто и печально вокругъ меня — и въ недосыгаемой дали цвѣтутъ мои радости. Я не могу усвоить себѣ той рѣшимости, того довольства собою, которое составляетъ сплу женскихъ душъ. Моя душа вѣтерчиво стремится къ совершенію того, что еще не совершено. Ты спокойно смотришь въ лицо будущности — этого сдѣлать я не въ-состояніи.

Но изустно мы поговоримъ еще болѣе. Нынѣшнюю осенью мы многое должны сообщить другъ другу. Прощай, милая Лотта, и помни, что для меня не будетъ радости до-тѣхъ-поръ, пока я не получу отъ тебя письма. Прощай!

Вечеромъ 2 сентября 1789.

Еще день прошелъ, и я еще ближе къ тебѣ. — Какъ медленно тянется время теперь и какъ неутомимо скоро полетитъ оно съ тобою! Еслибъ мы могли только жаловаться на скоротечность жизни! О, возлюбленная моя! Какъ все измѣнилось для меня съ-тѣхъ-поръ, какъ на каждомъ шагѣ жизни я встрѣчаю только твой милый образъ! Какъ вѣнецъ свѣта паритъ надо мною любовь твоя, какъ дыханіе красоты преобразовала она для меня всю природу. Сейчасъ возвратился я съ прогулки. Въ обширномъ, вольномъ раздольѣ природы и въ удивенной компаніи моей — все тотъ же вѣнръ, въ которомъ я движусь, и прекрасный ландшафтъ есть только дивное отраженіе всегда-присутствующаго образа. До настоящаго времени я никогда не испытывалъ, какъ свободно душа наша виѣщаетъ въ себя все созданіе, — какъ мало природа въ-состояніи дать сама-отъ себя, и получаетъ все отъ нашей души. Только несредствомъ того,

что мы даемъ природѣ, она илѣняется и восхищается насъ.

Очарованіе, которымъ она облекается, есть только отраженіе внутренняго очарованія, находящагося въ душѣ наблюдателя, и мы съ наслажденіемъ обнимаемъ зеркало, которое поражаетъ насъ нашимъ собственнымъ образомъ. Иначе, кто бы могъ перенести вѣчное тождество ея явленій, вѣчное подражаніе самой-себѣ! Только посредствомъ людей дѣлается она разнообразною; она нова потому только, что мы сами обновляемся. Какъ часто закатывалось передо мною солнце, и какъ часто моя фантазія придавала ему и языкъ и душу; но никогда еще, никогда не читалъ я въ немъ любви моей, какъ читаю ее теперь. Но меня всегда изумляетъ высокая прелесть и богатая полнота природы. Одинъ и тотъ же огненный шаръ виситъ надъ нами — и онъ въ миллионѣхъ различныхъ образовъ видимъ миллионами существъ, и каждое изъ нихъ придаетъ ему тысячи разнообразныхъ формъ. Онъ пребываетъ въ величественномъ спокойствіи, потому-что человеческій духъ движется за него — такимъ-образомъ все вокругъ насъ какъ-бы мертво, и ничто не живетъ, кромѣ души нашей!.. И какъ благотѣльно для насъ это тождество, это однообразное постоянство природы! Когда страсти, внутреннее и вѣдшее волненіе долго метали насъ туда и сюда, когда мы потеряли самихъ-себя, то ее находимъ всегда одинаковою; въ ней встрѣчаемъ и себя-самихъ. Послѣ страждованія по жизни, мы слагаемъ каждое испытанное благо, каждый образъ нашего измѣнчиваго бытія въ ея неизмѣнное лоно, и она вѣрно возвращаетъ намъ вѣтренныя ей блага, когда мы снова ихъ потребуемъ. Какъ бы мы несчастливы были, еслибъ всѣ радости прошедшаго оставляли при себѣ, еслибъ не могли отдавать ихъ на сохраненіе этому незамѣнному другу! За все, что имѣемъ, мы должны благодарить ее: еслибъ мы завтра нашли ее пересозданною, то напрасно искали бы своего вчерашняго счастья. Но я увлекаюсь своими мечтами, тогда какъ могу сказать тебѣ много лучшаго. Воспоминаніе о тебѣ ведетъ меня ко всему существующему, потому-что все существующее снова напоминаетъ мнѣ о тебѣ. Никогда не могъ я такъ смѣло и свободно пройти міръ мыслей, какъ теперь, потому-что душа моя живетъ твер-

дую собственностью и не опасается потеряться снова въ себя-самою. Я знаю уже, гдѣ могу снова найти себя. Мысли мои часто заняты теперь явленіями будущаго, общая жизнь ваша началась; я пишу, можетъ-быть, такъ же, какъ теперь, но знаю, что ты въ моей комнатѣ; Каролина у насъ и сидитъ за клавесинномъ, ты работаешь возлѣ нея, а въ зеркалѣ, что виситъ противъ меня, я вижу васъ обоихъ. Я бросаю перо, чтобъ преклонить голову къ твоему сердцу, и живо убѣдился, что я влажду тобою, что ничто, ничто въ мірѣ не разлучитъ насъ. Я пробуждаюсь съ увѣренностію, что ты со мною и засыпаю съ увѣренностію, что завтра найду тебя. Наслажденію прервется только надеждою, а свѣтлая надежда наслажденіемъ, и, окрыленная этою небесною четою, полетитъ наша золотая жизнь!»

Послѣ долгихъ затрудненій, Шиллеръ открылся матери Шарлотты въ любви своей, и, получивъ отъ веймарскаго двора постоянное содержаніе, могъ вступить съ нею въ бракъ, что и исполнилось дѣйствительно 20-го февраля 1790 года. Вѣдшее положеніе его значительно улучшилось; участіе въ изданіи мемуаровъ доставило ему постоянный доходъ; ему еще оставалось время писать рецензіи въ «Allgemeine Litteraturzeitung». Тогда же кингспродавецъ Гёшенъ просилъ его написать для историческаго альманаха исторію тридцатилѣтней войны. Съ болѣею частію ученыхъ Шиллеръ находился въ лучшихъ отношеніяхъ, съ Шюцомъ и Гуфлавромъ былъ на дружеской ногѣ и очень-близко сошелся съ Рейнгольдомъ. Нѣтъ сомнѣнія, что послѣдній обратилъ его вниманіе на философію Канта.

Годъ этотъ былъ однимъ изъ счастливейшихъ въ жизни Шиллера; первая мысль — представить паденіе и смерть Валленштейна, возникшая при чтеніи источниковъ для исторіи тридцатилѣтней войны, — была плодами его яснаго, спокойнаго существованія.

Нѣкоторое время онъ думалъ избрать Густава-Адольфа героемъ эпич-

ческой поэмы, что видно изъ собственныхъ словъ его:

«Между всѣми историческими предметами (писалъ Шиллеръ), гдѣ поэтический интересъ соединяется съ національнымъ, выше всѣхъ стоитъ Густавъ-Адольфъ. — Въ исторіи человѣчества необходимое звѣно составляетъ исторія реформациі, а реформациі неразрывно связана съ тридцатилѣтнею войною. Отъ поэта уже зависить представить всю исторію человѣчества въ героической поэзіи, которая начинается битвою при Лейпцигѣ и оканчивается битвою при Лютценѣ, и представить его, можетъ быть, еще съ большимъ интересомъ».

Идея изобразить Валленштейна приобрѣла перевѣсъ и скоро должна была прійти въ исполненіе. Но тутъ Шиллера постигло бѣдствіе: онъ простудился во время поѣздки своей въ Эрфуртъ, и хотя скоро могъ возвратиться въ Іену, но сохранилъ боль въ груди, которая разстроила здоровье его на всю жизнь.

Общая любовь къ Шиллеру обнаружилась въ участіи, которое возбудила его болѣзнь; многіе изъ его слушателей предлагали ходить за больнымъ и сидѣть ночью у его постели. Шиллеръ выздоровѣлъ, но послѣ этой болѣзни страдалъ мучительными грудными спазмами. Публичныя лекціи должны были прекратиться; но онъ собралъ въ своей комнатѣ столько слушателей, сколько могло помѣститься, и занимался съ ними эстетикою.

Удивительно, какъ сохранилась сила его духа. Всѣ дни, свободные отъ страданій, проходили ясно; онъ работалъ и всѣми силами старался скрыть отъ близкихъ своихъ опасность, которую самъ чувствовалъ.

Система Канта привлекала его все болѣе и болѣе; какъ сильно поражалъ его великій духъ этого философа, видно изъ слѣдующаго письма къ Кёрнеру:

Іена, 5 марта 1791.

Ты не угадаешь, что я теперь читаю и изучаю?—Ни болѣе ни менѣе, какъ фи-

лософію Канта. Его «Критика Силы Судительной» привлекаетъ меня своими новыми, свѣтлыми и глубокомысленнымъ содержаніемъ и побуждаетъ меня все болѣе и болѣе заниматься ею. При недостаточномъ знакомствѣ моемъ съ философскими системами, «Критика Чистаго Разума» и даже нѣкоторые сочиненія Рейнгольда слишкомъ трудны для меня и отнимаютъ много времени. Такъ какъ я самъ много разсуждалъ объ эстетикѣ и эмпирически занимался ею, то мнѣ гораздо легче кажется «Критика Силы Судительной»; въ ней я случайно изучаю многія кантовы положенія, потому что въ этомъ твореніи онъ ссылается на «Критику Чистаго Разума», и многія идеи онъ приимѣляетъ къ «Критикѣ Силы Судительной». Однимъ словомъ, я чувствую, что Кантъ не недосгаемъ для меня, и непрерывно познакомлюсь съ нимъ короче. Будущую зиму я буду заниматься эстетикою, и это дастъ мнѣ возможность обратиться на нѣкоторое время къ философіи.

Завѣтія Шиллера прерваны были возвращеніемъ болѣзненныхъ припадковъ, которые заставляли опасаться за его жизнь; онъ поправлялся медленно, и надежда на совершенное выздоровленіе была потеряна. Освобождаясь по-временамъ отъ страданій, онъ ревностно занимался своими трудами, продолжалъ начатую имъ исторію тридцатилѣтней войны, посвящалъ многіе часы эстетикѣ и отдыхалъ за переводами изъ Энеиды, потому что не чувствовалъ въ себѣ довольно силъ приняться за собственные сочиненія. Весною 1792 года, онъ посѣтилъ въ Дрезденѣ друга своего, Кёрнера, и видѣлся тамъ съ своею матерью. Между тѣмъ, слабость здоровья принудила его отказаться отъ публичныхъ лекцій и даже отъ частныхъ преподаваній; вѣшняя обстоятельства его были въ дурномъ положеніи; неожиданная помощь изъ Давни нѣсколько улучшила ихъ. Наслѣдный принцъ голштейн-августенбургскій, графъ Шиммельманнъ, предложилъ ему пенсію въ тысячу талеровъ на три года, и къ предложенію этому присоединилъ такое любезное, деликатное посланіе,

что Шиллеръ принялъ подарокъ съ благодарностью, и даже намѣревался ѣхать въ Данию, но здоровье его не позволяло ему пускаться такъ далеко.

«Полнаго выздоровленія», говоритъ Кёрнеръ, «ожидать ему было невозможно, но сила духа его, чувствовавшая себя свободною отъ гнета вѣдшихъ отношеній, побуждала слабость тѣла. Небольшія страданія онъ забывалъ, принимаясь за важную работу или серьёзное изученіе, а отъ сильныхъ припадковъ часто бывалъ совершенно свободенъ. Ему предстояли еще длинные дни, и онъ наслаждался ими спокойно; этому расположенію души отечество обязано плодами его превосходныхъ созданій».

Къ великому удовольствію Шиллера, въ 1793 году онъ поѣхалъ въ Штутгартъ; видъ родины, воспоминанія дѣтства, кругъ прежнихъ знакомыхъ — доставили ему много сладкихъ мгновеній; — герцогъ не видалъ его, не давалъ ему позволенія возвратиться въ Штутгартъ, но отиѣчалъ на его письмо, но не прелятствовала ему жить тамъ. Во время этого пребыванія, Даниекеръ слѣлалъ бюстъ Шиллера; общество художника пробудило въ немъ живой интересъ къ образовательнымъ искусствамъ; часы, проведенные съ Даниекеромъ, онъ считалъ за самые пріятные изъ проведенныхъ имъ въ Штутгартѣ.

«Всегда, съ чувствомъ вспоминаю я мгновение» (говоритъ сочишптельница), «когда Даниекеръ, окончивъ бюстъ, вошелъ въ комнату, гдѣ я была; слезы дрожали на глазахъ его, и онъ сказалъ: «Нѣтъ, это не все, что я хотѣлъ изобразить!» Такъ выражается чувство истиннаго таланта, который всегда носитъ въ душѣ высшій идеалъ своего совершеннѣйшаго созданія! Даниекеръ назвалъ модель свою изъ мрамора. Относительно вѣрнаго духовнаго сходства и пѣжнаго выполненія, этотъ бюстъ (находящійся въ великогерцогской библиотекѣ въ Веймарѣ), представляетъ мастерское произведеніе искусства, стоящее на ряду съ лучшими произведеніями того же рода».

Шиллеръ возвратился въ Іену съ новыми планами; онъ задумалъ соединить въ одномъ повременномъ изданіи всѣхъ отличнѣйшихъ писателей Германіи. Скоро нашли предпріимчиваго издателя и изданіе «*Neuen*» было рѣшено. «*Talies*» должна была окончиться 1793 годомъ; на всѣ приглашенія къ сотрудникамъ получены были благоприятные отвѣты.

По возвращеніи своемъ, онъ провелъ нѣкоторое время въ Вильгельмомъ Гумбольдтомъ, съ которымъ издавна связывала его искренняя дружба; въ то же время началось его короткое знакомство съ Гёте: послѣ приглашенія принять участіе въ «*Neuen*», Гёте посѣтилъ Шиллера въ Іенѣ, и нѣсколько часовъ, проведенные вмѣстѣ, дали начало дружбѣ двухъ величайшихъ гениевъ, — дружбѣ, которая должна была принести прекрасные плоды. Ни одинъ народъ, ни одна литература не представляютъ такого прекраснаго союза, возникшаго въ слѣдствіе чистаго стремленія къ истинѣ и красотѣ. Вліяніе Гёте заставило его серьёзно заняться своимъ здоровьемъ и покоряться обычному порядку дня и успокоенія, тогда — какъ передъ этимъ онъ часто проводилъ безсонныя ночи. — Вотъ что писалъ Шиллеръ, весной 1794 года, къ Кёрнеру объ этомъ счастливомъ событіи:

«При возвращеніи своемъ, я нашелъ дружеское письмо отъ Гёте. Шесть недѣль назадъ, мы много говорили объ искусствѣ и теоріи искусства и сообщали другъ другу главные идеи, которыхъ оба достигли различными путями. Между этими идеями обнаружилось неожиданное согласіе, которое тѣмъ интереснѣе было для насъ, что происходило отъ различія нашего образа воззрѣнія. Каждый могъ сообщить другому то, чего ему не доставало, и заниматься что-нибудь въ свою очередь. Съ этого времени, Гёте чувствуетъ потребность присоединиться ко мнѣ и продолжать со мною вмѣстѣ путь, который онъ шелъ одинъ. Радуюсь такому благотворному для меня развѣду идей».

«На слѣдующей недѣлѣ поѣду въ Веймаръ и естановлюсь у Гёте. Онъ такъ

убедительно просил меня, утѣрять, что я найду у него свободу и спокойствіе... Ближайшее знакомство наше будетъ имѣть важныя сдѣлкія для насъ обоихъ, и это радуетъ меня.

«Мы положили завести постоянную переписку о разныхъ предметахъ, которые должны быть источникомъ статей для «*Ноген*». Такимъ образомъ, по мнѣнію Гёте, трудолюбіе наше получить настоящее направленіе, и мы, не замѣчая труда, будемъ собирать матеріалы. Такъ-какъ въ важныхъ предметахъ мы сошлись, и вмѣстѣ съ тѣмъ индивидуальности наши такъ различны, то переписка наша дѣйствительно должна быть интересна».

Съ слѣдующаго 1795 года, для Шиллера начинается новый періодъ поэтической дѣятельности. Какъ ни занимало его предпринятое имъ изданіе, онъ написалъ нѣсколько стихотвореній, каковы: «*Царство Тѣней*», «*Элегія*» и «*Идеалы*». «*Элегію*» Шиллеръ почиталъ однимъ изъ лучшихъ своихъ произведеній.

Приглашеніе къ участию въ «*Ноген*» повело къ перепискѣ съ Кантомъ и Гердеромъ, письма которыхъ приложены къ книгѣ, разбираемой нами (стр. 249 — 259).

Въ 1794 году, Шиллеръ пересматривалъ свои стихотворенія и, по настоящему образу воззрѣнія его на произведенія искусства, понятна строгость, съ которою онъ говоритъ о созданіяхъ своей юности. Въ письмѣ къ Кёрнеру находимъ слѣдующее мѣсто:

«Передъ этимъ трудомъ (Валленштейнъ) мнѣ страшно, потому-что съ каждымъ днемъ мнѣ кажется болѣе-и-болѣе, что я могу быть только поэтомъ, и что именно тамъ, гдѣ хочу философствовать, поэтический духъ овладѣваетъ мною. Что мнѣ дѣлать? Я отваживался на это предпріятіе семь или восемь мѣсяцевъ моей жизни, которую не безъ причинъ долженъ беречь, и опасаясь создать несчастное твореніе. Изданнымъ мною въ свѣтъ по части драматическаго искусства, не очень поощряетъ меня къ дальнѣйшимъ подвигамъ: въ собственномъ значеніи слова, я вступаю на совершенно-новый или по-крайней-мѣрѣ неизслѣдованный путь.»

Восемь мѣсяцовъ спустя, онъ писалъ слѣдующее:

«Несчастное произведеніе все еще жить передо мною безъ формы и безъ конца. Ни одна изъ моихъ пьесъ не имѣла такой высокой пѣли, такой обширной формы, какія имѣетъ уже теперь мой «*Валленштейнъ*»; но теперь я слишкомъ хорошо понимаю, что хочу, и что долженъ сдѣлать для достиженія успѣха. У меня отнято все, чѣмъ бы я могъ содѣйствовать этому предмету, какъ содѣйствовать обыкновенно другимъ; отъ содержанія мнѣ ожидать нечего: все должно зависеть отъ счастливой формы.»

Послѣ этого письма протекли два года и почти четыре мѣсяца, прежде чѣмъ Шиллеръ окончилъ «*Валленштейна*». Но въ это время онъ написалъ нѣсколько меньшихъ стихотвореній. Въ союзѣ съ Гёте, Шиллеръ началъ жить новою, болѣе-прекрасною юностью. Высокое одушевленіе ко всему изящному, живая ненависть къ ложному направленію вкуса и къ ограниченности въ области наукъ и искусствъ, сознаніе прежде-неиспытанной силы господствовало надъ его дѣятельностью. Весною 1796 года, потеря отца и двухъ сестеръ, умершихъ отъ заразной горячки, сильно опечалила Шиллера и разстроила его слабое здорovie; нѣжная заботливость, которую онъ выказывалъ къ матери своей и признательность къ старшей сестрѣ (г-жѣ Рейнвальдъ), взявшей на себя попеченіе объ ней, служили новымъ доказательствомъ его любящей души.

Въ 1797 году, ему удалось приобрести небольшую дачу около самой Иены, и тамъ, въ концѣ сада, онъ выстроилъ себѣ домикъ, гдѣ на свободѣ предавался занятіямъ и работалъ часто поздней ночью. Важною эпохою въ его жизни было представленіе «*Валленштейна*», котораго онъ кончилъ въ 1798 г. Директоры лучшихъ театровъ Германіи предлагали ему свои услуги; Шрёдеръ и Ифландъ, лучшие трагики, изъявили желаніе содѣйствовать успѣху новаго созданія Шиллера.

Мысль Гёте открыть новый веймарскій театръ этою трагедіею ускорила дѣла. Осенью новый театръ открыть былъ репетиціею «Ягера», на которой присутствовали Шиллеръ, Гёте и нѣсколько друзей. Она привела въ восторгъ всѣхъ зрителей и доставила истинное удовольствіе самому поэту.

Первое представленіе «Валленштейна» дано было 30 января 1799 года, въ день рожденія герцогини. Шиллеръ живо наслаждался плодами семилѣтнихъ трудовъ. Дружеское участіе Гёте, высокое мнѣніе всего общества, служили дополненіемъ къ его собственному наслажденію. Теперь Германія имѣла трагедію, первую послѣ Гёте «Фон-Берлихингена», въ которой отразилась собственно германская жизнь, и она могущественно содѣйствовала къ поддержанію національности отъ вліянія чужеземнаго ига. Такъ обширенъ и богатъ міръ, обнимающій «Валленштейна», такъ много въ немъ словъ и рѣчей, потрясающихъ душу, что всѣ удобовоспламеняемые умы горячо пріивѣтствовали его и избрали выраженіемъ собственныхъ чувствъ.

При вліяніи Гёте, одушевлявшаго актёровъ, и при стараніи Мейера о костюмахъ и декораціяхъ, представленіе удалось въ совершенствѣ.

«Марія Стурартъ» занимала Шиллера тотчасъ послѣ «Валленштейна». «Колоколъ» явился въ «Альманахѣ Музы» 1800 года. Много думалъ Шиллеръ объ этомъ стихотвореніи и ожидалъ отъ него большаго успѣха. Во время пребыванія своего въ Рудольштадтѣ, онъ часто ходилъ за городъ, гдѣ лили колокола, чтобъ получить поватіе объ этой работѣ. «Колоколъ» сдѣлался любимымъ стихотвореніемъ Германцевъ: каждый находилъ въ немъ трогательныя звуки жизни и общую судьбу людей, идущіе прямо въ сердце. Съ этого года, пребываніе его въ Веймарѣ утвердилось. Не станемъ повторять того, что уже столько разъ повторяли всѣ, описывая веймарскій дворъ и стеченіе туда знаменитостей со всѣхъ концовъ

Германіи; скажемъ только, что Шиллеръ провелъ тамъ прекрасные дни въ кругу людей, уважавшихъ его геній, и воистиннѣ наслаждался торжествомъ своихъ великихъ созданій. Последніе годы принадлежать къ богатѣйшимъ въ его литературной жизни. Кёрнеръ говоритъ:

«Послѣ того, какъ Шиллеръ достигъ совершенства въ своемъ «Валленштейнѣ», прочія драматическія произведенія его быстро слѣдовали одно за другимъ, не смотря на то, что дѣятельность его прерывалась часто тѣлесными страданіями и въ 1799 году заботами о нѣжнолюбимой женѣ, занемогшей опасно. «Валленштейнъ» явился въ 1799 году, «Марія Стурартъ» въ 1800; «Орлеанская Дѣва» въ 1801; «Мессинская Невѣста» въ 1803; а «Вильгельмъ Телль» въ 1804 году. Всѣ эти произведенія дали ему еще время передѣлать для нѣмецкой сцены «Макбета» Шекспира, «Турандотъ» Гёцци. Нѣсколько послѣ перевелъ онъ «Федру» Расина и двѣ французскія комедіи. Сверхъ-того, его занимали планы новыхъ драмъ, часть которыхъ найдена въ его бумагахъ.»

Въ заключеніе статьи нашей приведемъ описаніе послѣднихъ минутъ Шиллера (умершаго 9-го мая 1805 г.), представляемое госпожею Вольцогенъ:

«Физическія силы Шиллера видимо ослабѣвали; цвѣтъ лица его измѣнился такъ, что шорѣдко вдушалъ намъ опасенія; но духовная жизнь его оставалась по-прежнему сильною и бодрою. Кто могъ предаться предчувствію самаго страшнаго? Надежда до послѣдней минуты остается въ какомъ-нибудь уголкѣ нашего сердца и питаетъ себя малѣйшимъ дыханіемъ. Такъ было и съ нами. Казалось, Шиллеръ самъ думалъ обо всемъ, что могло улучшить его состояніе и поддержать жизнь. Ему казалось, что движеніе, доставляемое верховою ѣздою, будетъ ему полезно; онъ купилъ у одного изъ пріятелей смврную лошадь и радовался, что всенпо будетъ ѣздить на ней.

Страсть къ путешествіямъ пробудилась въ немъ въ послѣдніе годы. Мы забавлялись, строя планы и придумывая, какую кратчайшую дорогу избрать къ морю, не-

торое онъ очень желалъ видѣть, но только и оставался при желаніи: привычка къ тихому, спокойному существованію, удовольствіе заниматься собственными стихотвореніями снова ваяла перевѣсъ. Въ послѣднюю весну своей жизни, онъ часто повторялъ о желаніи побывать въ Швейцаріи, чтобъ сравнить родину Телла съ представленнымъ имъ описаніемъ. Къ этому устремились-было наши планы; но часто, прислушиваясь къ шипу, онъ говорилъ: «Всѣ планы, которые вы дѣлаете для меня, не должны простираться далѣе духъ лѣтъ».

Онъ изъявлялъ также желаніе увидѣть слова Бауэрбахъ, гдѣ прожилъ первые дни своей свободы. Небольшая, зеленая долина, окруженная лѣсами, привѣтливо улыбалась его фантази. Опасеніе болѣзненныхъ припадковъ и нѣкоторые другія обстоятельства воспрепятствовали исполненію этого желанія.

Внутренняя жизнь наша была очень богата въ послѣдніе годы. Невыразимая кротость проникнула все существо Шиллера и выражалась во всѣхъ его чувствахъ и сужденіяхъ; въ нихъ видно было истинно-небесное спокойствіе. Я читала тогда Тита-Ливія, и римская исторія вѣрѣдко была предметомъ нашихъ разговоровъ. Такъ замѣтилъ онъ однажды: «Блескъ и высота жизни, которые могутъ существовать только въ свободѣ людей и которые пали вмѣстѣ съ римскою республикою, необходимо должны возростать снова; христіанство возвысило духовную сторону бытія и дало новый видъ челевѣчеству; въ то же время оно открыло ему новое поприще».

Прежде «Иден» Гердера объ исторіи челоѣчества бывали вѣрѣдко предметомъ нашихъ споровъ. Онъ уважалъ книгу, но не раздѣлялъ моего энтузіазма къ ней. «Не знаю почему» сказалъ онъ мнѣ, когда наступила послѣдняя весна его жизни: «книга эта нравится мнѣ гораздо болѣе прежняго.»

Еще памятенъ мнѣ разговоръ о смерти, который Шиллеръ заключилъ слѣдующими прекрасными словами: «Смерть не можетъ быть вломъ, потому-что она общее достояніе».

Онъ тщательно слѣдилъ за воспитаніемъ сыновей, и, смотря по свойствамъ каждаго, составлялъ планы для ихъ будущаго существованія. Прогоулывалъ однажды со мною, онъ сказалъ: «О, еслибъ я могъ сдѣлать столько для моихъ дѣтей, чтобъ они приобрѣли независимость, потому-что мысль о противномъ для меня невыносима!»

За нѣсколько недѣль до своей послѣдней болѣзни, онъ услышалъ пѣніе г-жи Шмальцъ; съ олушевленнымъ гелосъ тронулъ его до глубины души; она пѣла превосходную арію Зигарелли изъ «Ромео и Юліи»: *Ombra adorgata asprella*. «Никогда еще пѣніе не производило на меня такого сильнаго дѣйствія, сказалъ Шиллеръ. Казалось, что приближающееся разрушеніе взошло въ органы его духа и чувствъ».

Когда въ послѣдній разъ мы были съ нимъ въ театрѣ, онъ съ удивленіемъ замѣтилъ, что не чувствуетъ въ лѣвомъ боку боли, которая мучила его нѣсколько лѣтъ. При вскрытіи тѣла, оказалось совершенное разрушеніе печени.

1-го мая, послѣдняя болѣзнь Шиллера обнаружилась катаральною лихорадкою, которая часто его безнокла. Самъ онъ не болѣе обыкновеннаго думалъ о своей болѣзни, принималъ нѣкоторыхъ друзей въ своей комнатѣ и по-видимому съ удовольствіемъ бесѣдовалъ съ ними.

Такъ-какъ кашель его усиливался, то мы старались всѣми силами его успокоить, и онъ любилъ, чтобъ только сестра моя и я оставались при немъ. Добрый Гейнрихъ Фессъ предложилъ смѣнить у его постели ночью; но Шиллеру нравилось болѣе оставаться одному съ вѣрнымъ слугою. — «Demetrius» занималъ его постоянно, и онъ жаловался, когда прерывали его занятія: призванный къ нему врачъ не зналъ его болѣзней, а Штаркъ, который всегда помогалъ ему, былъ съ великой герпогмией въ Лейпцигѣ. Впрочемъ, врачъ успокоилъ насъ, сказавъ, что всѣ рецепты его составлены по методѣ Штарка.

До шестатаго дня, голова его была совершенно-свѣжа; онъ самъ, кажется, въ

ибливъ близкой опасности, и говорилъ, что думалъ всѣ эти дни о своей болѣзни и, кажется, придумалъ средство къ улучшенію своего состоянія. О будущности своихъ онъ не говорилъ ни слова. Мужъ мой былъ тогда въ Лейпцигѣ, и Шиллеръ съ петербургскимъ ожидалъ его; можетъ-быть, съ нимъ онъ хотѣлъ переговорить о многомъ.

На шестой вечеръ, онъ началъ говорить отрывисто, но не терялъ сознанія. Вглядевъ его на настоящее былъ ясенъ. Случайно попался въ комнату его листокъ «Чистосердечнаго». «Возьмите его прочтѣ» сказалъ онъ: «чтобъ я могъ поистинѣ сказать, что я никогда его не видалъ. Дайте мнѣ сказокъ и рыцарскихъ романовъ; тамъ матеріалы для всего прекраснаго и великаго.» Онъ всегда любилъ Contes de Tressan, но теперь не могъ выдержать продолжительнаго чтенія!

Когда я пришла къ нему вечеромъ шестаго мая, онъ хотѣлъ, по обыкновенію, завести разговоръ о предметахъ трагедій, о способѣ возбужденія въ человѣкѣ высшихъ силъ. Я отвѣчала не съ обыкновенною своею живостью, потому-что старалась его успокоить. Онъ почувствовалъ это и сказалъ: «Если никто уже меня не понимаетъ и я не понимаю самъ себя, то лучше буду молчать». Онъ тотчасъ послѣ этого задремалъ, но говорилъ еще во онъ. «Это ли адъ вашъ, это ли ваше небо?» воскликнулъ онъ при пробужденіи; потомъ съ кроткою улыбочкой посмотрѣлъ въ верхъ, какъ-бы привѣтствуя утѣшительное видѣніе. Онъ съѣлъ нѣсколько ложекъ супа, и когда я прощалась съ нимъ, сказалъ: «Я думаю, что усну хорошо эту ночь, если угодно будетъ Богу.»

Утро восьмага дня онъ провелъ въ страданіи, но спокойно и часто погружался въ дремоту. Когда, вечеромъ, я подошла къ его постели и спросила, какъ онъ себя чувствуетъ, онъ отвѣчалъ, пожимая мнѣ руку: «Все лучше, все яснѣе». Я поняла, что онъ говоритъ о своемъ внутреннемъ состояніи, и болѣе уже не говорила съ нимъ.

Онъ потребовалъ, чтобъ открыли занавѣски, и сказалъ, что желаетъ видѣть солнце. Яснымъ взоромъ созерцалъ онъ прекрасный, вечерній свѣтъ, и природа приняла его прощальное привѣтствіе. Дѣтей своихъ онъ требовалъ рѣдко. Меньшую дочь привели къ нему поутру вось-

мага дня, и онъ посмотрѣлъ на нее съ радостію и любовью. Слуга, проводившій съ нимъ ночи, сообщилъ намъ, что онъ разговаривалъ много, болѣе всего о «Demetrius», изъ котораго читалъ сцены. Однажды онъ просилъ Бога предохранить его отъ долгой агоніи. Всевышній услышалъ его молитву: на девятый день онъ впалъ въ безпамятство, говорилъ несвязныя слова и большею частію по-латинѣ.

Онъ неохотно взялъ ванну, которую требовалъ самъ; впрочемъ терпѣливо покорялся всему, что дѣлалъ для его здоровья. Врачъ почелъ необходимымъ, чтобъ онъ, для восстановленія силъ, выпилъ стаканъ шампанскаго, и это было послѣднее питье его. Его грудная боль, казалось, утихла. Когда же она вдругъ возвратилась къ нему, онъ осматривался кругомъ и, кажется, не узналъ никого.

Конечно, самая ужасная горестъ для человѣческаго сердца видѣть, какъ разрушается прекрасная гармонія духа, нѣжная связь, соединяющая любящихъ на землѣ, видѣть, какъ глаза, всегда оживленные любовью, устремлены на насъ съ мутнымъ, блуждающимъ взглядомъ; но то горестъ, отрѣшающая духъ отъ земныхъ оковъ и возносящая его къ Вѣчному.

Къ тремъ часамъ, Шиллеръ впалъ въ совершенное изнеможеніе; дыханіе его начало перерываться. Сестра моя преклонила колѣни передъ его кроваткою и сказала мнѣ, что онъ пожалъ ей руку. Я съ врачомъ стояла въ ногахъ его постели и положила нагрѣтую подушку на охолодѣвшія ноги. При этомъ онъ почувствовалъ какъ-бы электрическое сотрясеніе, потомъ закинулъ голову назадъ, и совершенный покой возвѣстилъ его кончину.

Монологъ Марѳы изъ «Demetrius» нашелъ мужъ мой на его письменномъ столѣ; по-видимому, это были послѣднія строки, имъ написанныя.

Общій трауръ распространялся въ Веймарѣ, и доказательства сердечнаго участія обнаруживались со всѣхъ сторонъ. Въ день кончины, назначенъ былъ спектакль: ни одинъ актёръ не хотѣлъ играть и въ глубокомъ сочувствіи къ потерѣ, г-жа Ягеманъ предложила закрыть театръ.

Похороны были назначены сообразно съ званіемъ покойнаго; но двѣнадцатъ молодыхъ людей изъ высшаго сословія взяли тѣло изъ рукъ обыкновенныхъ по-

силышниковъ: съ дружескииъ рукъ онъ перешелъ въ свое послѣднее ложе. То было прекраснымъ майскимъ вечеромъ... никогда еще не слыхала я такого стройнаго и звучнаго пѣнія соловья.

Безчисленны были знаки участія, которые изъявлялись сестрѣ моеи со всѣхъ концовъ Германіи. Настоящій энтузіазмъ господствовалъ надъ прахомъ умершаго, великая тѣнь котораго какъ-бы восмалась надъ его отечествомъ. Тогда увидѣли ясно, что онъ былъ любимцемъ народа, для котораго жилъ и пѣлъ.

Прекрасно и утѣшительно видѣть, что довѣренность поэта къ своему народу на-

ходить такой звучный отголосокъ! Изъ этому можно судить о степени образованности, на которой стоитъ народъ.

Въ ближайшемъ кругу, сестра моя встрѣтила горячее участіе и живое желаніе облегчать заботы ея о сиротахъ-дѣтяхъ. Въ первые дни горести, великая герцогиня утѣрила ее, что позаботится о воспитаніи сиротъ, и исполнила свое обѣщаніе. Дальбергъ выказалъ участіе свое назначеніемъ богатой пенсіи.

Котта, бывшій другомъ Шиллера, остался тѣмъ же и для его семейства: поощреніемъ своимъ о дѣтяхъ онъ исполнялъ пламенное желаніе отца.

VIII.

С М Ъ С Ъ.

БИОГРАФИИ ЗНАМЕНИТЫХЪ СОВРЕМЕННИКОВЪ.

ЛОРДЪ ДЖОНЪ РОССЕЛЪ.

Che sagà sagà.

Двиизъ Росселій.

Россели принадлежать къ благородной фамиліи. Хотя древность ихъ рода не доходитъ до временъ норманскаго завоеванія, однакожь онъ не уступаетъ въ славу ни одному изъ знаменитыхъ именъ Англіи. Въ началѣ XVI-го столѣтія, въ первый разъ встрѣчается въ исторіи Джонъ Россель, уроженецъ Графства Дорсетъ, который, при Генрихѣ VII, былъ въ числѣ его придворныхъ, при Генрихѣ VIII сдѣланъ былъ интендантомъ королевскаго дома, возведенъ въ баронское достоинство и пожалованъ въ кавалеры ордена - подвязки, надѣленъ значительными помѣстьями въ Графствѣ Бедфордъ, призванъ потомъ въ правительственный совѣтъ, во время малолѣтства Эдуарда VI, и наконецъ, въ 1550 году, наименованъ бедфордскимъ графомъ.

Т. XLIII. — Отд. VII.

Съ этого времени, фамилія Росселей занимаетъ мѣсто и быстро возвышается въ нѣдрѣ англійской аристократіи, до-тѣхъ-поръ, когда, наконецъ, она пріобрѣтаетъ неотъемлемую славу въ лицѣ великаго Уильяма Росселя, мученика политической и религіозной независимости, котораго имя говоритъ Фоксъ: «будетъ вѣчно напечатлѣно въ сердцахъ каждаго Англичанина, рядомъ съ именемъ Альджернонъ-Сидней». Два знаменитые поборника великаго дѣла погибли чрезъ четыре мѣсяца одинъ послѣ другаго. Не нужно указывать на событія, которыя довели ихъ до эшафота: эти событія довольно знакомы всѣмъ. Это было во время восстановленной монархіи Стуртовъ. Кровавая уйтгальская драма и жестокий урокъ изгнанія были безплодны для сына Карла I-го; онъ также не забылъ ничего и ничего не завѣдалъ. Погруженный въ удовольствія, онъ предоставилъ свое королевство управленію любимцевъ, называвшему подъ названіемъ *кабалы*. Имѣя постоянную нужду въ деньгахъ, онъ продавалъ Людовику XIV Дюнкверенъ, рабски привязывался къ версальской политикѣ, упорствовалъ въ гибельной войнѣ противъ

Голландіи, не смотря на представленіе парламента; и, между-тѣмъ, какъ онъ попираля такимъ образомъ интересы и свободу Англіи, ревность къ католицизму его предполагаемаго наслѣдника, герцога Йоркского, угрожала будучности протестантской церкви. Мужественная оппозиція образовалась въ народѣ; въ главѣ ея былъ старшій сынъ графа Бедфорда, Уильямъ Россель, который, по своему образованію, доблестямъ, уму, по великому уваженію, которымъ пользовался, былъ достойнѣйшимъ этой опасной почести. Правленіе партіи пало; оппозиція восторжествовала; но Россель дорого долженъ былъ выкупить свое торжество. При рукоплесканіяхъ Англіи, онъ осмѣлился провозглашать, предъ лицомъ Карла II, право сопротивленія: гибель его была рѣшена. На него взведено было нехѣное обвиненіе, что онъ составилъ заговоръ на жизнь короля; онъ отказался бѣжать, предсталъ предъ подкупныхъ присяжныхъ и смутилъ своихъ обвинителей. Обужденный, не смотря на явную свою невинность и въ противность всѣхъ судебныхъ формъ, какъ виновный въ землѣ, онъ умеръ 21-го іюля 1683 года, съ энергіей героя и спокойствіемъ мудреца. Спустя пять лѣтъ, Іаковъ II повесилъ наказаніе за преступленіе своего брата: онъ былъ сверженъ съ престола, и Вильгельмъ-Нассаускій вступилъ его мѣсто. Парламентскій билль уничтожилъ осужденіе Росселя, провозглашеннаго влѣдѣмъ, и новый король, пожаловавъ графу Бедфорду, отцу привесеннаго въ жертву, герцогскій титулъ, наименовалъ его сына *украшкѣмъ въка, образцомъ для потомства*.

Благородная кровь мученика не вся была пролита на эшафотѣ (*). Отъ брака своего съ дочерью графа Сутамптона, Рахилью Рюдсей, которой до-

(*) Лордъ Эдуардъ Россель, адмираль, который поразилъ Турвилля при Мысѣ Ла-Гогъ, былъ двоюродный братъ Уильяму.

бродители, мужество и вѣрность освящены исторіей, Уильямъ Россель имѣлъ сына, который, по смерти своего дѣда, наслѣдовалъ титулъ герцога бедфордскаго. Этотъ титулъ перешелъ къ двумъ его сыновьямъ, изъ которыхъ послѣдній, Джонъ Россель, имѣлъ наслѣдникомъ старшаго изъ своихъ внуковъ, Френсиса, пятаго герцога бедфордскаго. Этотъ Россель игралъ при Циттѣ значительную политическую роль. Вѣрный преданіямъ своей фамиліи, онъ славно сражался съ Фоксомъ въ рядахъ партіи вигговъ. Сверхъ того, онъ былъ агрономъ; великія услуги, оказанныя имъ земледѣлію учрежденіемъ множества пробныхъ фермъ, сдѣлали имя его народнымъ. Изображеніе его до-сихъ-поръ еще вырѣзывается на медаляхъ, которыя раздаетъ Лаугское Земледѣльческое Общество. Онъ умеръ въ 1802 году, не оставивъ потомковъ. Имя его титулъ и перское достоинство перешли къ младшему его брату, который недавно умеръ, оставивъ трехъ сыновей; изъ нихъ старшій наследовалъ титулъ герцога бедфордскаго, а третій есть тотъ государственный человѣкъ, о которомъ мы собираемся говорить, глава партіи вигговъ въ настоящее время, соперникъ сэра Роберта Пилля, вначислѣннѣйшій изъ Росселей послѣ великаго Уильяма, — одинъ изъ словенъ, лордъ Джонъ Россель.

Лордъ Джонъ Россель родился 19-го августа 1792 года. Будучи младшимъ въ семействѣ (*), онъ съ раннихъ поръ

(*) Извѣстно, что въ Англій однихъ старшій сынъ наследуетъ титулъ и достоинствѣ фамиліи. Младшій сынъ пера пользуется только такъ-называемымъ титуломъ изъ учтивости, который не переходитъ къ его нисходящимъ потомкамъ. Такииъ образомъ, еслибъ лордъ Джонъ Россель окончился, не приобрѣти перскаго достоинства, дѣла его по иждѣ бы никакого титула. Что касается донаслѣдованія въ иждѣи, въ подобномъ случаѣ должны пеналія объ этомъ предметѣ. Право старшинства заключается скорѣе въ обычаяхъ Англіи, нежели въ ея законахъ. Англійскій законъ снисходи-

связки съ мыслью, что, для поддержанія чести своего имени, долженъ самъ собою расширить свое поприще. Юность его протекла въ трудныхъ и постоянныхъ занятіяхъ. Онъ учился въ Кейбриджскомъ-Университетѣ и, на двадцать-второмъ году, вступилъ въ нижнюю палату. Это было въ 1814 году.

Часто писали, что англійская аристократія исчезаетъ, что она исчезла. Это предположеніе оправдать трудно. Можно найти нѣкоторые признаки, которые, кажется, угрожаютъ будущности этой аристократіи; но въ настоящее время нѣтъ въ мірѣ ни одного установленія, которое бы, съ большими памятниками славы, представляло болѣе жизни, болѣе блеска, могущества и величія. Эта старая феодальная корпорация, безпрестанно подновляемая приливомъ демократической крови, держится смѣло, твердо, съ подъятымъ челомъ, въ главѣ политическихъ дѣлъ, привлекая къ себѣ всякую индивидуальность, которая можетъ сдѣлаться опасною для нея, уподобляясь ей и подкрѣпляя право рожденія двумя безспорнѣйшими правами нашего времени—правомъ богатства и дарованія.

Къ этому тройному элементу силы должно прибавить, въ пользу англійской аристократіи, еще то большое преимущество, что она есть живое выраженіе, великій историческій результатъ преданій и обычаевъ страны. Когда французская аристократія боролась противъ союза королей съ наро-

домъ, которыми она была подавлена, англійская аристократія соединялась съ народомъ, и побѣда по-прежнему приносила ей выгоду. Въ продолженіе своего долгаго владычества, она имѣла время и силу сформировать Англію по своему подобію. Въ одну и ту же іерархическую форму отлила она учрежденія гражданскія, религіозныя и политическія; она сплотила это сѣтеніе своего духа какъ-бы неразрушимымъ цементомъ; она не довольствовалась тѣмъ, что была владычицею правленія и почвы: она овладѣла нравами, обычаями, и логика новыхъ идей не въ состояніи поколебать теперь этого стариннаго зданія, котораго основы зарыты въ самыхъ глубокихъ внутренностяхъ общества.

Масса читателей, изучающихъ Англію въ журналахъ, обманутая варужнымъ сходствомъ политической организаціи Англій съ организаціею Франціи, совершенно не вѣдаетъ тѣхъ безчисленныхъ отличій, которыя раздѣляютъ эти страны. Такимъ-образомъ, мы знаемъ, что есть въ Англій монархъ, нижняя палата, палата верхняя, партія тори, или консервативная, партія виговъ или либеральная, партія хартистовъ. Намъ и не нужно больше ничего. Англійская королевская власть, проистекшая изъ аристократической революціи 1688 года, представляетъ собою французскую королевскую власть, вышедшую изъ-за баррикалъ 1830 года. Нижняя палата—французская палата депутатовъ; верхняя палата—палата пэровъ, только съ правомъ наследства. Борьба сэра Роберта Пиля съ лордомъ Джозомъ Росселемъ есть не что иное, какъ борьба Гизо съ Одильономъ Барро, *juste milieu* и династическая оппозиція; англійскіе радикалы—то же, что французскіе республиканцы на манеръ г. Араго, и хартисты похожи на защитниковъ равенства въ родѣ бабувистовъ.

Принимая это предположеніе, Французы придаютъ Англій идеи, вкусы, страсти, интересы, сообразные своимъ собственнымъ и когда, чрезъ французъ-

тельнѣ въ этомъ отношеніи закона французскаго: онъ дозволяетъ отцу, въ случаѣ немѣнныя никакой субституціи, распорядить своимъ своимъ имѣніемъ по своему усмотрѣнію, и, для охраненія права старшинства, прибѣгается только въ случаѣ смерти безъ завѣщанія; а между-тѣмъ, право старшинства въ посредственномъ употребленіи не только у аристокраціи, но и въ среднемъ классѣ народа, котораго духъ, какъ въ этомъ, такъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ, существенно-аристократиченъ.

екія стекла, они замѣчаютъ бурное волненіе партій въ этой странѣ; когда читаютъ разсказъ о яростныхъ избирательныхъ преніяхъ, о всѣхъ смутахъ, процессіяхъ, просьбахъ въ 2322 фута длиною и съ двумя милліонами подписей; когда узнаютъ, что сороятъ пятьдесятъ тысячъ хартистовъ торжественно и безнаказанно прогуливались по улицамъ, съ распущенными знаменами, Французы невольно заключаютъ съ журналами, будто-бы въ Англіи готовились важныя перемѣны; но это заключеніе совершенно-ошибочно.

Съ самаго своего начала, Англія представляетъ подобнозрѣлице. Правительствѣ, конституціи, аристократіи, — все это преспокойно уживается съ смутами. Англичане не знаютъ предупредительной полиціи; вслѣдствіи англійскій гражданинъ имѣетъ индивидуальное право прогуливаться по улицамъ и кричать все, что ему заблагоразсудится, до-тѣхъ-поръ, пока не устанетъ и не отправится домой спать; если же, вмѣсто одного гражданина, соберутся пятьдесятъ тысячъ гражданъ, которые начнутъ кричать то же самое, — результатомъ пятидесяти тысячъ криковъ не будетъ ничего; граждане не запрутъ ни одной лавки. Смуты, процессіи, жалобы — не что иное, какъ искусственные нарывы, припоровленные къ расположенію духа партій, — заслоночки, назначенныя къ вынужденію паровъ переполненнаго конституціоннаго котла. Старый механизмъ *Church and State* (церкви и государства) дѣйствуетъ отъ-того ни лучше, ни хуже.

Если во Франціи, странѣ демократическаго равенства, гдѣ все такъ ново, гдѣ учрежденія, такъ часто уничтожаемыя въ продолженіе пятидесяти лѣтъ, не имѣли еще времени вкорениться въ обычайхъ; гдѣ власть существуетъ только подъ условіемъ дѣйствованія и непрестаннаго бодрствованія; если во Франціи отъ возмущенія къ революціи одинъ только шагъ, — въ Англіи, странѣ аристократіи, гдѣ ин-

дивидуальная свобода выигрывала то, что проигрывало равенство, гдѣ различныя роды существованія водвигли между каждымъ классомъ гражданъ родъ стѣны, которая удерживаетъ развитіе революціонной заразы, — правительство живетъ и спокойно дѣйствуетъ среди наружнаго волненія партій; оно живетъ и дѣйствуетъ, опираясь не на кусокъ бумаги, двадцать разъ разрываемою народною бурей, но на множество политическихъ, гражданскихъ и религіозныхъ преданій, которое и называется конституціею и которое водружило свои корни въ самую глубину обычаяхъ. Аристократическое чувство составляетъ основу англійскихъ обычаяхъ: это черта соединенія партій. Тори, виги, радикалы, самыя хартисты, — все болѣе или менѣе отвлеченные аристократы.

Чего хотятъ тори? Сохранить то, что есть. Чего хотятъ виги? Согласовать конституцію съ успѣхами времени, ввести въ нее нѣкоторыя частныя реформы, о которыхъ будемъ говорить далѣе. Чего хотятъ радикалы? Хотятъ ли они испровергнуть съ самаго основанія *государство* и *церковь*, замѣнить наследственные власти властями избирательными, — словомъ, водворить въ Англіи республику? Нисколько: республиканская идея не правится массѣ англійскаго народа. Вѣтка правительственная троицность: король, лорды и народъ, представляется все тою же ослѣпленнымъ глазомъ Англичанъ; средняя партія — радикалы, ограничиваетъ свои претензіи двумя реформами, главными, но не революціонными: установленіемъ секретнаго балотированія при выборахъ, и учрежденіемъ годовыхъ парламентовъ. Самые задорные, бентамисты, хотя, конечно, и требуютъ, подобно французскимъ радикаламъ, допущенія всѣхъ къ избранію; но это притомъ нисколько не имѣетъ такого революціоннаго значенія въ Англіи, какое имѣетъ оно во Франціи. Дѣйствительно, кто не понимаетъ, что англійская аристократія, владычца поземельной

собственности, ни на все влияние, может допустить значительное увеличение избирательного сословия, без всякой опасности погибнуть? Чем больше будет невежественных и бедных избирателей, тем больше аристократия будет иметь средств управлять избравшими. Кто знает, какими образом увеличилась партия тори послѣ билля о реформѣ, тот пойметъ, что не этого должна страшиться англійская аристократія (*); годовые парламенты, секретное балотированіе, допущеніе всѣхъ къ избранію, — все это уступить она скорѣе, нежели дозволить измѣнить законы гражданскіе, ввести, на-примѣръ, равенство въ раздѣленіи имѣній, уничтожить или ограничить субституціи. Вотъ пробный камень англійскаго духа! Это святой ковчегъ, который чтимъ всѣми, даже хартистами, въ самыхъ великихъ ихъ сумасбродствахъ (**). Если равенство должно составлять основаніе новѣйшей демократіи, демократія еще невозможна въ Англии, гдѣ равенство — страсть невѣдомая, о которой народъ не имѣетъ понятія, которая не сродна его духу.

Однако, успѣвшимъ замѣтить, что событія, волновавшія Европу въ продолженіе пятидесяти лѣтъ, были не безъ влияния на политическое и общественное состояніе Англии. Если наружная форма учреждений не пострадала значительно, если аристократія, какъ кажется, не потеряла своего могущества; если еще и теперь, подобно какъ въ XVI столѣтіи, собственность вѣнечная сосредоточена въ рукахъ

(*) Вышло о реформѣ увеличено было число избирателей больше чѣмъ въ половину.

(**) Хартисты не представляютъ собою политической идеи; но все-таки они — явленіе важное, опасное и которое (если аристократія не приметъ своихъ мѣръ) поглотитъ никогда всѣ политическіе вопросы; они представляютъ собою непрестанны-увеличивающуюся бѣдность класса рабочаго.

тридцати-двухъ тысячъ родоначальниковъ; если партія тори, разгромленная на-минуту биллемъ о реформѣ, является въ настоящее время болѣе-сильною, чѣмъ когда-либо, — тѣмъ не менѣе справедливо, что аристократическому началу были нанесены жестокие удары, и партія тори была принуждена къ значительнымъ уступкамъ.

Между двумя великими частями одного и того же политическаго тѣла, изъ которыхъ одна хочетъ властвовать надъ духомъ вѣка, а другая согласоваться съ нимъ, уже лѣтъ тридцать происходитъ упорная борьба. По-видимому, побѣдоносные въ настоящее время, тори тѣмъ не менѣе побѣждены въ сущности; они были увлечены своими противниками на путь къ реформамъ и только подъ условіемъ идти по этому пути они могутъ съ того времени сохранять власть свою.

Между отличившимися въ продолженіе этой тридцатилѣтней борьбы, лордъ Джонъ Россель занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Человѣкъ умѣренный, слѣдующій за успѣхами цивилизаціи, врагъ революцій, но упорный защитникъ религіозной и политической свободы, одаренный въ высшей степени тѣмъ постоянствомъ, тою твердостью, тѣмъ достоинствомъ, тѣмъ логическимъ умомъ, которымъ Англичане означаютъ подъ общимъ именемъ *непреклонности, consistency*, — знаменитый потомокъ Бедфордъ только по своему личному достоинству занимаетъ важный постъ въ партиі виговъ, которыми предводительствуется. Онъ шагъ-за-шагомъ достигъ этого поста, возвыщаясь въ безчисленныхъ испытаніяхъ труднаго поприща, которое ны постарался изобразить въ короткихъ словахъ.

Когда философская школа XVIII-го вѣка породила революцію 89 года, партія тори почувствовала, что будущности ея угрожаетъ неминуемая гибель. Чтобы отвратить ударъ, она бросилась въ отчаянную войну противъ Франціи.

Ожигивъ старинную историческую ненависть, она заглушила мысль объ

основаніяхъ вопросовъ національ-
ныхъ; въ продолженіе двадцати лѣтъ,
она закалила свою силу въ войнѣ;
усміяли ея революція не перешла
пролива, и вѣнчаный миссіонеръ де-
мократія палъ подъ ея ударами. Но
когда, послѣ побѣды, надлежало счита-
ть мертвыхъ, всѣ язвы Англіи по-
казались разомъ. Франція была по-
бѣждена; но Англія была разорена;
она задолжала болѣе двадцати миллар-
довъ франковъ!

Нищета пожирала низшій классъ
народа; иблая нація была подавлена
подъ бременемъ таксъ и прибавоч-
ныхъ-таксъ (surtaxes); хлѣбъ дошелъ
до непомятой цѣны; плата за аренду
пропорціонально возвышалась; рын-
ки, въ силу континентальной системы,
были завалены товарами, и по ту сто-
рону Канала-Святого-Георгія, нація
нищихъ, Ирландія, приведенная отъ
голода въ ярость, въ насиліи искала
средства къ спасенію.

Большое преніе о принципахъ, возбу-
жденное еще до 89 года между анга-
жи и торіи и прекращенное во время
войны, снова началось тогда среди на-
роднаго волненія. Споръ былъ о двухъ
главныхъ вопросахъ: 1) о допущеніи
католической Ирландіи и равновѣоче-
ствіи сектъ къ пользованію политиче-
скими и муниципальными правами,
посредствомъ уничтоженія присяги
къ повиновенію верховной англикан-
ской церкви; 2) о преобразованіи ста-
рой избирательной системы.—Пятнад-
цать лѣтъ жизни лорда Джона Росседъ
были посвящены на одержаніе
вѣнъ, двухъ побѣдъ. Между-тѣмъ,
какъ прочія главы оппозиціи, Грей,
Бордетты, Брумы, Алторнъ, Гобгау-
въ, громили министерство въ различ-
ныхъ случайныхъ вопросахъ анд-
пей и внутренней политики, лордъ
Джонъ Росседъ, подкрѣпляя ихъ сво-
имъ словомъ и голосомъ, вслѣдочитель-
нѣ предавался торжеству двухъ вед-
вѣхъ началъ религіозной и политиче-
ской свободы, которыхъ былъ поборникомъ.
Каждое засѣданіе онъ вставалъ,
безстрастный и доходящий, среди до-

бата торіи и съ английскими учас-
твомъ, которое никогда не утомлет-
ся, начиналъ, подъ различными фор-
мами, воспроизводить, развивать и
поддерживать тѣ же вопросы, которые
всегда были отражены бодрѣн-
ствомъ голосовъ.

Въ засѣданіи 1819 года, онъ начина-
етъ ясно предлагать общее преобра-
зованіе парламента, какъ самое дѣй-
ствительное средство для ослабленія
бѣдствій страны; отринутый, онъ огра-
ничивается рядомъ измѣненій въ изби-
рательномъ законѣ. Такимъ-образомъ,
въ декабрѣ 1819 года, онъ требуетъ
уничтоженія *шильксъ мистичекъ* (bought
rights); въ томъ же самодъ засѣданіи
налегаетъ на предложеніе объ уничто-
женіи *test* (отреченія отъ папской вла-
сти) и прочихъ обязанностей, оскор-
бляющихъ католиковъ и диссидентовъ.
Въ маѣ 1820 года, онъ предлагаетъ из-
менить права избранія мѣстечко Грем-
пундъ, обвиненное въ подлогѣ; этотъ
вопросъ былъ рѣшенъ въ слѣдующемъ
засѣданіи, и вотъ первый шагъ къ
парламентской реформѣ. Въ апрѣлѣ
1821 года, съ сэромъ Демптономъ, въ
слѣдствіи лордомъ Дѣргемомъ, онъ
требуетъ увеличенія числа избирае-
мыхъ. Въ слѣдующее засѣданіе, 27-го
апрѣля 1822 года, въ длинной и проза-
ической рѣчи, онъ вызываетъ парламента
серьезно подумать о состояніи наци-
ональнаго представительства. Упомя-
нувъ о положеніи страны, обозначивъ
постепенно-возрастающій успѣхъ въ
пресвѣщеніи, онъ объявляетъ, что ни-
какое правленіе не въ состояніи удерж-
ать своей власти надъ народомъ, бо-
лѣе его образованнымъ, и кончаетъ
своимъ вѣчнымъ и прѣлѣтымъ предло-
женіемъ—преобразованіемъ парламен-
та. Сильно-оспоренное Квинингемъ,
предложеніе это было, какъ и всегда,
отригнуто.

Когда французская армія вторглась
въ Испанію, Квинингъ, послѣ тщет-
ныхъ усилій воспрепятствовать этой
войнѣ, объявилъ строгій нейтралитетъ.
Лордъ Джонъ Росседъ, не идя въ слѣдъ
бѣшенныя филиппики Брума предъ

французскаго министерства, напалъ съ оппозиціей на нейтралитетъ. Онъ потребовалъ уничтоженія билля, которымъ запрещалось англійскимъ подданнымъ вступать въ иностранную службу. Пусть дѣлаютъ и говорятъ, что хотять вскричалъ онъ: англійскія сердца не могутъ быть нейтральными! Большинство голосовъ объявило себя противъ предложенія лорда Джона Росселя.

Въ слѣдующемъ 1823 году, неутомимый депутатъ снова и такъ же безуспѣшно, развилъ свое предложеніе о парламентской реформѣ; онъ возобновилъ его въ 1824 году. Въ 1826 г., онъ поддержалъ его подъ другою формою, представивъ билль о предупрежденіи подлога въ избраніяхъ. Въ этомъ же самомъ году, за неутомимое свое рвеніе къ ирландскому дѣлу, по распусщеніи парламента, онъ былъ лишенъ своего назначенія избирателями Графства Гондлингдона, отъ котораго былъ депутатомъ; ирландское мѣстечко поправило эту несправедливость и выслало въ палату неустрашимаго защитника свободы дѣисповѣданій.

Между тѣмъ, положеніе Ирландіи, востановивъ стацовая гроанице, начеи дѣйствовать на парламентъ. Проектъ эманципаціи, поддержанный Бенджаминъ, не былъ принятъ по большинству только четырехъ голосовъ. По смерти Каминга и воцареніи чичево торчама, лордъ Джонъ Россель снова представилъ и поддержалъ, какъ средство къ разрѣшенію католическаго вопроса, билль, которымъ предоставлялось пользоваться политическими правами протестантамъ-диссидентамъ. Билль, сильно оспоренный сэромъ Робертъи Пидлемъ, былъ утвержденъ большинствомъ 44 голосовъ. Этотъ успѣхъ былъ предзнаменованіемъ успѣха гораздо-большаго; ибо, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, устранившее криками Ирландіи, министерство само предложило эманципацію. Не смотря на сильныя нападки своихъ бѣщенихъ друзей, благородный соперникъ кабинета лорда слѣдовалъ въ этомъ случаѣ его сло-

катомъ и, тщетно требуя болѣе-полной эманципаціи, жарко защищалъ проектъ противъ нападокъ ультра-тори. Билль былъ принятъ. Такимъ-образомъ, изъ двухъ великихъ началъ, торжество которыхъ лордъ Джонъ Россель посвятилъ всю свою политическую жизнь, первое было освящено торжественно; оставался великій вопросъ парламентской реформы, такъ часто безуспѣшно имъ поддерживаемый: онъ ухватился за него съ новымъ жаромъ. Искусный тактикъ, онъ пробуетъ сдѣлать частное предложеніе, состоящее въ предоставленіи многонаселеннымъ городамъ Манчестеру, Бирмингаму и Лидсу права представительства, котораго они лишены. Намекая на то, что дѣлается въ сосѣдней странѣ (это было 23 февраля 1830 года), гдѣ королевская власть боролась съ народнымъ сопротивленіемъ, онъ приглашаетъ палату предупредить подобный порядокъ вещей принятіемъ предложенной мѣры; мѣра эта убѣдитъ, говорилъ онъ: народъ англійскій, что мы не отстаемъ отъ реформъ, необходимыхъ для страны. Предложеніе было отвергнуто, но только большинствомъ 44 голосовъ.

Спустя пять мѣсяцевъ, революція закипаетъ во Франціи; волненіе потрясаетъ Англію, навеваетъ тори съ поста, который они такъ долго занимали, воздымаетъ выговоръ, и, 1 марта 1831 года, лордъ Джонъ Россель, среди страшнаго народнаго волненія, именемъ новаго кабинета, предлагаетъ, или лучше сказатъ надеется на нижнюю палату обладать разсуждать уже не о уступкахъ, уверткахъ, частныхъ измѣненіяхъ, но о обширномъ планѣ парламентской реформы. Осажденный со всѣхъ сторонъ, яростный торинъъ собираетъ всѣ свои силы, — встаетъ одинъ дѣвъ великихъ парламентскихъ споровъ, о которыхъ Англія сохранила воспоминаніе. Борьба продолжается болѣе года. Такъ-какъ лордъ Джонъ Россель игралъ въ этихъ спорахъ главную роль; такъ-какъ предметъ этотъ самъ-по-себѣ весьма важенъ и мало знакомъ, то мы почитаемъ уми-

стными объяснить здѣсь этотъ великій вопросъ, бросивъ взглядъ на избирательную английскую систему до и послѣ билля о реформѣ.

Англійскія привилегіи весьма-древни. Не будучи соединены въ политическомъ кодексѣ, онѣ тѣмъ не менѣе существуютъ въ преданіяхъ, нравахъ и освящены обычаями. Начало ихъ проистекаетъ изъ *Великой Хартии (Magna Charta)*, исторгнутой отъ Іоанна-Безземельнаго на поляхъ рюиншедскихъ, союзомъ бароновъ, духовенства и городскихъ обывателей. Впрочемъ, эта хартия освящаетъ скорѣе права гражданскія, нежели права политическія; но чрезъ нѣсколько времени послѣ ея появленія, въ концѣ XIII столѣтія, вы видите уже городскихъ обывателей, разсуждающихъ въ парламентѣ вѣстѣ съ духовными и свѣтскими лордами: два первыя сословія (*estates*) съ незапамятныхъ временъ соединены въ одну палату, которая называется палатою-верхнею; третій классъ образуетъ нижнюю-палату. Число и атрибуты депутатовъ сначала были весьма ограничены и способъ ихъ созыванія довольно-худо опредѣленъ; къ привилегіи производить наследственныхъ перовъ, короли долго присоединяли право увеличивать или ограничивать число депутатовъ, даря различныя мѣстамъ, или отнимая отъ нихъ избирательную свободу, то-есть, право *представительства*, смотря по степени важности этихъ мѣстностей, и всего чаще по надобности, которую короли имѣли, чтобъ увеличить свое вліяніе въ нижней-палатѣ и противодействовать лордамъ.

Но обѣ палаты не замедлили соединиться противъ королевской власти; въ-продолженіе многихъ лѣтъ, онѣ боролись съ-обща, побѣждали, или были побѣждаемы; вѣстѣ онѣ нападали, низвергали съ престола королей, судили ихъ; обѣ онѣ гнулись подъ властью королевской, до того времени, когда послѣдняя революція 1688 года окончательно утвердила англійскую конституцію на двойномъ фундаментѣ

парламентскаго самодержавія и верховной протестантской власти. Во все время этой продолжительной борьбы, лорды и члены нижней-палаты болѣе-болѣе скрѣпляли свой союзъ. Искусно отождествляя аристократическіе интересы съ интересами протестантскими, верхняя палата уничтожила совершенно нижнюю. Покупая мѣсточки, которыя пользовались свободой, цѣною золота, водворяя свое вліяніе въ графствахъ и корпораціяхъ городовъ, аристократія инеодимрвала наконецъ депутатство въ своихъ семействахъ; оно сдѣлалось удѣломъ младшихъ синосовъ перовъ, и англійское правительство стало тѣмъ, чѣмъ оно еще и нынѣ, даже послѣ билля о реформѣ: монархією подъ владычествомъ аристократіи, раздѣленной на двѣ палаты.

Завладѣвъ избраніями, или нѣкоторымъ образомъ приобрѣта ихъ въ свою собственность, аристократія должна была, естественно, стремиться къ тому, чтобъ упрочить эту собственность въ своихъ рукахъ, всхитивъ у королевской власти право, которымъ она доселѣ пользовалась, — права давать различныя мѣстности представительство, или лишать ихъ его. При Карлѣ II, въ первый разъ, нижняя палата отказалась принять въ число своихъ членовъ двухъ депутатовъ, выбранныхъ мѣстечкомъ, которому король соблаговолилъ дать избирательную свободу.

Съ этого времени, общее число депутатовъ, число мѣстечекъ, графствъ и городовъ, пользующихся правомъ избранія, количество голосовъ, дарованное каждой мѣстности, — все это сдѣлалось постояннымъ, неизмѣннымъ, и послѣ допущенія шотландскихъ депутатовъ въ 1706 году и депутатовъ ирландскихъ въ 1801, нижняя палата составила окончательно изъ шести-сотъ пятидесяти-восьми членовъ, изъ которыхъ восемьдесятъ избираются графствами Англійи, двадцать-пять — большими городами, сто-семьдесятъ-два мѣстечками, восемь — норскими гаванями, четыре — двумя университетами, Кембриджскимъ и Оксфордскимъ, двад-

пять-четыре — графствами и городами Валлийскаго-Княжества, тридцать, — графствами, шестьдесят-пять — городами и мѣстечками Шотландіи, и наконецъ сто членовъ ирландскихъ.

Тотъ же самый характеръ неизмѣнности былъ сообщенъ избирательному законодательству, то-есть условіямъ, наложеннымъ на cadaго гражданина, для приведенія въ дѣйствіе избирательнаго права. Эти условія были разнообразны, смотря по мѣстностямъ; таковыи-образомъ, въ графствахъ Англіи и Валлийскаго-Княжества, чтобъ быть избирателемъ, нужно было владѣть на правѣ собственности, или на правѣ пользованія, аллодіальнымъ имѣніемъ (*freehold*), приносящимъ, по-крайней-мѣрѣ, 40 шиллинговъ дохода; *copy-hold*, родъ второклассной собственности, составляющей собственность фактивную, неоснованную на правѣ и свойственную Англіи, не давала права избранія; то же самое въ другаго рода имѣніяхъ, *lease hold*, составляющихъ средину между собственностью и простыми наймомъ. Менѣе однообразно опредѣлено было право подавать голоса въ городахъ и мѣстечкахъ. Каждая мѣстность имѣла особенные обычаи; таковыи-образомъ, въ Эбингтоуѣ, въ Аромделѣ, всякое лицо, подлежащее прямымъ налогамъ, имѣло голосъ; въ Батѣ, депутатъ былъ избираемъ только жеромъ, алдерменами и муниципальными совѣтцамъ; въ Бристолѣ — свободными владѣльцами, имѣющими 40 шиллинговъ дохода, и пр. Въ различныхъ частяхъ одного и того же города, избирательныя системы могли быть различны. Таковыи-образомъ, въ Лондонѣ, въ Сити, условія, подъ которыми дозволялось право подавать голоса, были иные, нежели въ Вестминстерѣ и Сутверѣ. Въ Шотландіи и во многихъ городахъ Англіи, это право принадлежало исключительно членамъ муниципальныхъ корпорацій и переходило наследственно.

Организованная таковыи-образомъ избирательная система оставалась неподвижна и, во времена, предета-

вляла самые неблагоу и до нестроности безвравственные результаты. Означимъ замѣчательнѣйшіе изъ нихъ. Въ продолженіи двухъ вѣковъ, города, въ то время малозначительные и не пользовавшіеся свободой, увеличились; другіе же, которые ею пользовались, гали; свободные мѣстечки обратились въ хижины; нѣкоторые изъ нихъ состояли изъ одного только дома, части стѣны; многіе исчезли совершенно съ лица земли; но избирательное право тѣмъ не менѣе было связано съ этими мѣстами; оно передавалось и продавалось съ ними. Таковыи-образомъ, цѣрь, владѣющій семью или восемью подобнаго рода привилегированными мѣстностями, отдавалъ одну изъ нихъ въ приданое своей дочери, другую въ наследство женѣ, и проч. Парламентскій стулъ продавался и покупался, какъ покупается или продается домъ или десятина земли; большое число мѣстечекъ состояло изъ семи или восьми обитателей, пользовавшихся правомъ избранія. Они жили въ домахъ, принадлежавшихъ жеру, патрону или господину мѣстечка, который отдавалъ имъ въ наемъ свои дома, подъ условіемъ, что они будутъ подавать голоса за его кандидата. Эти мѣстечки известны были подъ именемъ *виллажъ мѣстечекъ* (*burghs parishes*).

Въ мѣстечкахъ, которыя не составляли частной собственности, голоса покупались за деньги (это зло, впрочемъ, и доселѣ еще не вывелось). Въ Англіи считалось двадцать-пять мѣстечекъ, которыя высылали одного или многихъ депутатовъ въ парламентъ, и въ которыхъ не было ста избирателей; сорокъ-семь, въ которыхъ число избирателей было менѣе пятидесяти; между этими послѣдними, въ двухъ мѣстечкахъ считалось тринадцать избирателей, въ двухъ одиннадцать, въ двухъ восемь, и наконецъ въ двухъ, Гаттоуѣ и Олдсароуѣ, въ сущности, былъ одинъ только избиратель. Въ городахъ, гдѣ избирательное право принадлежало закрытымъ корпораціямъ, часто случалось, что подложныи вы-

questes (мѣщанъ), не спросивъ ни у кого, назначали представителя пятидесяти тысячъ душъ. Такъ, на-примѣръ, Эдинбургъ, городъ, состоящій слѣшкомъ изъ ста тысячъ душъ, имѣлъ только одного депутата, назначасмаго тридцатью-тремя избирателями. Исчисляя всѣ эти различныя частныя случаи, лордъ Грей дошелъ до того общаго результата, что большинство членовъ нижней палаты (триста-тридцать) было назначено менѣе чѣмъ пятнадцатую тысячами избирателями, на которыхъ большіе владѣльцы имѣли такое явное вліяніе, что, представляя свой билль, лордъ Джонъ Россель могъ безспорно утвердить, что семь перовъ заставляютъ избирать шестьдесятъ-трехъ депутатовъ.

Какъ ни была порочна, или потому именно, что была порочна, дряхлая фабричная система нашла много жаркихъ защитниковъ, и когда ораторъ-вицъ раскрылъ свой планъ, торнъ привали его съ криками негодованія. Онъ предлагалъ отнять свободу избранія у всѣхъ мѣстечекъ, низшихъ мѣръ, двухъ тысячъ жителей; даровать мѣстечкамъ, которыхъ населеніе не превосходитъ четырехъ тысячъ душъ, двѣста душъ, одного представителя и такимъ-образомъ управленныя сто пятьдесятъ мѣстъ въ парламентѣ распределить между большими городами, докользадавши насъ до того времени правомъ представительства, и главными графствами, представительство которыхъ удовлетворять. Представительство Лондона, состоящее изъ восьми членовъ, было доставлено нѣкъ шестидесяти; алабѣнды, двѣсти 40 шиллинговъ дохода, была оставлена. Закрываютъ королевскія корпорации попадающаго участка тридцать мѣстечекъ; исключительная икъ привилегія замѣдляетъ правомъ избранія, дарованнымъ каждому владѣльцу, или занимающему дома, мѣстечку десять фунтовъ ежегоднаго дохода. Число членовъ палаты должно было уменьшиться.

Многа труда, сѣдело лорду Джону

Росселю противостоять отчаяннымъ нападкамъ торн; съ неутомимымъ упорствомъ защищая онъ каждую статью своего проекта, одровергая всѣ возраженія и противопоставляя ярости своихъ противниковъ то высокой и смелой умъ, то холодную и заветливую иронию. Билль былъ отвергнутъ въ нижней палатѣ: кабинетъ выговъ представилъ свою отставку королю, который предпочелъ распустить парламентъ и сдѣлать воззваніе къ народу. Избранія произведены были среди сильнаго волненія. 21-го сентября 1831 года, билль былъ принятъ 345 голосами противъ 236.

Но побѣда не была еще выиграна; оставалось представить билль палатѣ перовъ. 7-го октября, онъ былъ представленъ лордомъ Джономъ Росселемъ — и отвергнутъ безъ исправленія. Спустя три дня, палата депутатовъ, упорствуя въ одобреніи билля, въ объявленіи своемъ оплакивала рѣшеніе верхней палаты и провозглашала министровъ людьми, заслуживающими названіе истинныхъ сыновъ отечества.

Парламентъ былъ отсроченъ; Англія была въ огнѣ; жалобы, общества, возстанія умножались съ каждымъ днемъ. Съ великими криками требовали удержанія министровъ, и назначенія числа перовъ, достаточнаго для утверженія билля. 6-го декабря, парламентъ снова собрался, и лордъ Джонъ Россель явился въ нижнюю палату съ новымъ биллемъ, содержавшимъ въ себѣ нѣкоторыя измѣненія; билль этотъ былъ принятъ подобно первому и снова внесенъ въ верхнюю палату. Два раза былъ онъ прочитанъ тамъ, среди бурныхъ прерій, и утвержденіе его было отложено до конца декабря. Утоленное удорнымъ сопротивленіемъ верхней палаты, министерство нѣкогда требуетъ отъ короля новаго назначенія перовъ. Король отказывается. Министерство представляетъ отставку; она принята. Цѣлая нація возстаетъ... Палата депутатовъ представляетъ новый адресъ королю, въ которомъ замѣчается слѣд. ежмѣсячн. о перовѣ-

въ федеративную. Тщательно составив кабинетъ. Успѣвъ ихъ безуспѣшны, и 16-го мая, король принужденъ призвать министровъ, которыми онъ распустилъ 9-го. Не въ силахъ будучи бороться долѣе, державная палата наконецъ уступаетъ. После торжественнаго возраженія, лордъ Веллингтонъ оставляетъ свое мѣсто; за нѣмъ слѣдуютъ сто тори. Въ ихъ отсутствіи, билль принимается, 4-го июня 1832 года, большинствомъ 106 голосовъ противъ 22. 7-го того же мѣсяца, король утверждаетъ его, среди восторговъ народнаго восторга. Это тотъ же первоначальный билль лорда Джона Рассела, кромѣ нѣкоторыхъ измѣненій въ подробностяхъ. Такимъ образомъ, общее число депутатовъ не было имѣнито; но-преждемъ, осталось ихъ 658. Пятьдесятъ шесть мѣстечекъ были лишены свободы избранія; тридцать изъ нихъ, вмѣстѣ двухъ депутатовъ, могли принадлежать только одному; тридцать два герцога или графовъ, одного вранчиче-комитовъ имѣли представительство, по одному, право избирать по два депутата, а двадцать другихъ по одному. Ирландія, Англія, исключая сюда и Валлійское княжество, давала по 500 депутатовъ, Ирландія 105, Шотландія 53. По общему числу атакъ въ всевозможности странъ, мы находимъ, что въ Англіи 1 представителю на 28,000 душъ, въ Шотландіи 1 на 38,000 и въ Ирландіи 1 на 76,000.

Вотъ дилемма значительнаго билля о реформѣ. Если онъ доустанетъ, очертаніе и окончательную реформу имѣетъ въ виду представляющаго трехъ членнаго составу существующаго парламента, тѣмъ не менѣе онъ каждаго члена отъ него, съ тѣмъ же до мѣсяца; уничтоженіе лицъ и мѣстечекъ и принадлеженіе корпорацій, онъ уничтожитъ, свободное начало избранія отъ народа, которыми онъ было первоначально. Партия тори считала себя, какъ сдѣла приверженцы уничтоженія. Но во то было на-самомъ дѣлѣ, ибо во то имъ деспотическая была

этогъ билль для высшей аристократіи, у нея оставалось еще много средствъ имѣть вліяніе на все, чѣмъ она и не замедлила воспользоваться съ удивительнымъ искусствомъ. Фиги — умѣренные аристократы, но аристократы по сущности, заноса ножъ въ самую зараженную часть старой избирательной системы, не смѣли, изъ уваженія къ феодальнымъ преданіямъ, коснуться свободныхъ владѣльцевъ (*freeholders*), избирателей, пользующихся сокрова шиллингами дохода. Не трудно понять, какое ружье — независимости могутъ представить подобныя избиратели. Сверхъ того, тори вынуждены составители билля уступить избирательное право даже фермерамъ (*tenants of will*), подъ условіемъ уплаты за ферму пятидесяти фунтовъ стерлинговъ, — установленіе, которое, въ соединеніи съ обязанностью поддаться гласно открыто, удерживаетъ этихъ фермеровъ въ зависимости отъ значительныхъ своихъ собственниковъ. Вотъ почему партия тори, уменьшившаяся двумя третями своего состава, при первомъ общемъ избраніи, которое слѣдовало за биллемъ о реформѣ, болѣе и болѣе усиливалась при выборахъ 1835, 1837 и 1841 годовъ. Имѣя на одной сторонѣ сильное большинство, она владела въ настоящаго время всею властью; но владела ею только условіемъ продолжать, такъ сказать, систему своихъ противниковъ. Билль о реформѣ былъ первымъ шагомъ впередъ на пути къ нововведеніямъ, онъ не остановился на немъ, а продолженіе десяти лѣтъ, не смогъ на сильную оппозицію, которая, изъ каждаго угла становилась грозною, не престають обручать сунды драккара дерева. Одно исключеніе всѣхъ реформъ, на которыя она покушалась, или которыя совершены были, достаточно, чтобъ означить права лорда Джона Рассела на уваженіе современниковъ и потомствъ; потому-что онъ, знаменитый полководецъ. Бельгардскъ, въ продолженіи своихъ десяти лѣтъ, съ такою славою управлялъ и руководилъ

водилъ великимъ полчищемъ реформистовъ! Съ помощью его ораторскаго таланта, болѣе-строгаго, нежели блестящаго, но полнаго силы и логики, и по его вліянію на партію, первое министерство виговъ, министерство лорда Грея, съ 1832 по 1834 годъ, достигло въ первый разъ силы съ выгодною борьбою противъ злоупотребленийъ аристократической организаціи страны. Ему обязана ирландская протестантская церковь уничтоженіемъ десяти епископствъ и множества налоговъ въ пользу духовенства. Никъ въ первый разъ возбужденъ былъ важный вопросъ объ обращеніи десятичныхъ налоговъ въ поземельные доходы. Позже, когда министерство Грея пало, и лордъ Джонъ Россель, при министратствѣ Мельборна, сдѣлался вѣствующимъ главою кабинета, ему, его неуспѣшнымъ усиліямъ принадлежитъ честь реформы муниципальныхъ корпорацій, которая составляла роль государства въ государствахъ, окончательнаго обращенія десятичныхъ налоговъ въ поземельные доходы, пересозданія стараго закона о бѣдныхъ, который, вмѣсто того, чтобы исцѣлять одну изъ жесточайшихъ язвъ Англіи, только растравлялъ ее. Его заботамъ обязана Англія нововведеніямъ въ гражданское быту и народномъ просвѣщеніи, смягченіемъ уголовныхъ законовъ, болѣе-равнымъ распредѣленіемъ церковныхъ доходовъ и совершеннымъ освобожденіемъ рабовъ. Если усиліями его, въ двухъ важныхъ вопросахъ о налогахъ (таксахъ) и сущности церковной собственности, не могли восторжествовать идеи новѣйшаго времени, онъ приготовилъ, по-крайней-мѣрѣ, народъ къ разрѣшенію, которое рано или поздно совершится въ этомъ смыслѣ. То былъ, наконецъ, лордъ Джонъ Россель, который, послѣ славной борьбы, лишенный власти, побѣжденный числомъ, какъ Народицъ, предсталъ предъ своихъ торжествующихъ враговъ съ грознымъ вопросомъ о свободѣ торговли и о такъ на хлѣбъ...

Вотъ, въ немногихъ словахъ, по-

литическая жизнь лорда Джона Росселя. Она чиста, благородна и прекрасна; она, во праву, заслужила довѣренность, любовь его друзей и уваженіе враговъ его. Въ десятилѣтнее управленіе его министерствомъ, власть не только не уменьшилась его (влеченіе вестна-рѣдок!), но оставивъ ее, она была болѣе велика, чѣмъ когда-либо.

Его частная жизнь отличается тѣмъ же строгимъ и простымъ достоинствомъ, который характеризуетъ его публичную жизнь.

Государственный человекъ поразой степени, лордъ Джонъ Россель принадлежить также въ числу замѣчательныхъ писателей. Онъ написалъ много весьма-интересныхъ и серьезныхъ сочиненій. Первое изъ нихъ, подъ заглавіемъ *Essay of the history of the English government and constitution*; второе, *Memoirs of the affairs of Europe, from the peace of Utrecht to the present time* (изданы три тома, но сочиненіе еще не окончено). Третье его сочиненіе *The Establishment of the Turks in Europe*, и наконецъ, четвертое не столь замѣчательное: *The Causes of the French revolution*. Сверхъ того, въ 1823 году, онъ написалъ трагедію, подъ названіемъ: *Don Carlos, or Persecution*, которая не имѣла на сценѣ успѣха.

Остается сказать нѣсколько словъ о наружности этого человека и оратора, очерченной однимъ англійскимъ писателемъ.

Лордъ Джонъ Россель невеликаго роста, мѣше пяти футовъ. Онъ маложивъ, и съ вида нельзя сказать, чтобы ему было пятьдесятъ лѣтъ. Голова, широкая во лбу, съ умнымъ подбородкомъ, образуетъ родъ треугольника; короткіе и рѣдкіе каштановые волосы, большіе глаза, ослѣпительныя широко-очерченныя брови, блѣдное, спокойное, кроткое и элегнатическое лицо, въ которомъ преламывается темный умъ, все это поражаетъ въ немъ съ перваго взгляда. Разговоръ его въ совершенной гармоніи съ сардонною и шекливою его наружностью; голосъ его слабъ, но чистъ. Когда онъ говоритъ,

ни тѣло, ни рѣчь его не одушевляются. Все его движеніе состоитъ въ томъ, что онъ закидываетъ лѣвую руку за спину и, держась за локоть правой руки, поначивается изъ стороны въ сторону. Онъ выражается просто и безъ усилія: рѣчь его холодна и суха, но ясна и понятна. Способъ его выраженія невозможно-книжный; говоритъ только то, что нужно; но высказываетъ все, что хочетъ сказать. Сарказмъ его холоденъ, но извѣтеленъ: лезвіе книжала не нужно раскалывать на огнѣ, чтобъ глубоко ранить. Духъ его ясенъ. Совершенно-спокойно нападаетъ онъ и также спокойно защищается. Въ немъ нѣтъ блестящихъ искръ, которые электризуютъ и возжигаютъ собраніе; но есть этотъ тихій, неизвѣстный свѣтъ, оваряющій его и руководящій имъ. Это умъ основательный, исполненный идей рѣшительныхъ и удобоприимлемыхъ.



ПРОКЛЯТЫЙ УТЕСЪ.

(Разсказъ Шпрля д'Эспилья.)

Въ 1812 году, въ Альбасетѣ, въ королевствѣ Мурсіа, жила молодая дѣвушка, красавица, по-имени Хуана Дорестъ-и-Фельгухера.

Хуана, достигнувъ двадцати-лѣтняго возраста, была высока и стройна, какъ женщины Валенціи; на лицѣ ея была та блѣдность, которая отличаетъ народонаселеніе горное отъ народонаселенія берегового.

Въ походѣ ея соединялись и врожденная андалузская грація, и гордое величіе Кастальянокъ, и живость Арагонокъ.

Нельзя было ничего вообразить себѣ прекраснѣе этой молодой дѣвушки, когда съ головою, закрытой національ-

ною мантильей, со стадою, кокетливо-обрисованнымъ шелковымъ платьемъ, она проходила, съ краскою на щекахъ, черезъ очарованную ею толпу, на гулянье или въ церковь Сан-Франциско.

Сколько восклицаній, едва удерживаемыхъ уваженіемъ, сколько заглушенныхъ вздоховъ летѣло на встрѣчу Хуаны, которую называли перломъ Андалузіи!

Сколько сердецъ билось при ея приближеніи!

Сколько изъ тѣхъ кабальеровъ, которые толпились по слѣдамъ ея, отдавало бы позвонку жинни за одинъ взглядъ, за одно слово, за одно движеніе ея сочувствія!

Но сеньора была столько же горда, сколько и прекрасна, и душа ея казалась недоступною человѣческому слабостанію. Никто не могъ бы похвалиться самымъ пустымъ знакомъ ея вниманія.

Изъ многихъ искателей руки Хуаны, мы укажемъ только на двухъ, которые особенно отличались отъ всѣхъ соперниковъ постоянствомъ, жаромъ и страннымъ упорствомъ въ преслѣдованіи прекрасной Андалузянки.

Одинъ былъ начальникомъ гвермьясовъ. Страсти Хозе де-Тороса были такъ же бѣшены, какъ экзальтированъ его характеръ. Онъ влюбился въ Хуану и суровость, еще болѣе презрѣніе къ нему молодой дѣвушки глубоко оскорбляли неустрашимаго партизана. Можно было опасаться, что лопъ-Хозе, чтобъ отмстить за презрѣніе, съ которымъ принимались свидѣтельства ея пѣжности, рѣшится на какую-нибудь крайность въ отношеніи къ безчеловѣчной красавицѣ. Въ это анархическое время, сила была правомъ, и начальникъ гвермьясовъ могъ дѣлать что угодно, даже преступленія, не боясь никакихъ послѣдствій отъ своихъ беззаконныхъ поступковъ.

Другой, болѣе-робкій, болѣе-тихий, но также сильно-влюбленный, былъ молодой мастеръ оружейнаго завода. Альваресъ не смѣлъ слѣдовать за тою, которая безраздѣльно-владѣла его серд-

петь; онъ предоставлялъ фанфаронскія выходы своему сопернику, а самъ держался на второмъ планѣ, проводя цѣлыя ночи подъ балкономъ Хуаны, довольный, когда высказалъ ей тайну своей любви взглядомъ, вздохомъ, романсомъ, цвѣткомъ.

Это былъ настоящій андалузскій кортехо. И между-тѣмъ, почтительная робость Альвареса помогала ему не больше жаркихъ выходовъ дома-Хосе.

Страстные взгляды, пламенные поцѣлы, гармоническія серенады и букеты съ неслыханнымъ взаимнымъ растоплениемъ по-напрасну оружейными мастерами.

И Хуана оставалась всегда прекраснѣйшею и суровѣйшею цѣнъ дѣлъ Андалузіи.

Таково было состояніе дѣлъ въ Альбасетѣ, когда была получена вѣсть о побѣдѣ. Альбасетское городское правительство назначило для потѣхи народу бой быковъ.

Иррація правдника была въ высшей степени патриотическая, и потому зрителей набралось чрезвычайно много. Кроме неизбѣжныхъ *aficionados*, всѣ жители Альбасеты и окрестныхъ мѣстъ столпились въ отрядѣ.

Битва была превосходна. Пепе-Игло при этомъ случаѣ положилъ прочное основаніе той репутаціи и мужества, которыми онъ стяжалъ въ-послѣдствіи. Десять быковъ, облитыхъ кровью, пять коней тяжело-раненныхъ, два бандерильероса тоже раненные, достаточно свидѣтельствовали о жестокости битвы и объ удовольствіи зрителей. Никогда еще не видано такихъ дикихъ и яростныхъ *субъектовъ*, какъ тѣ, которые являлись въ этотъ день на аренѣ; никогда не являлось столько искусныхъ и ловкихъ торреадоровъ, старавшихся заслужить букеты магнолій, рукоплесканія сеньйоръ и бѣшенныя восторги *aficionadosовъ*.

Но вотъ показался самый яростный, самый страшный изъ быковъ, аскорженный на горахъ Назарры; онъ силенъ и крѣпокъ, бѣшенъ и раздражительнъ, какъ жители этой провинціи.

Посмотрите, какъ глаза его наливаются кровью, привидѣ его неприятелей.

Какъ онъ роетъ копытомъ пески арены, испуская страшный ревъ.

Какъ онъ бросается смѣло, нагнувъ голову, на перваго пикадора, который хочетъ загородить ему дорогу.

Браво, быкъ! Пикадоръ потерялъ стремена, и лошадь его, отброшенная на десять шаговъ, падаетъ, пораженная въ брюхо.

Второй кавалеръ, явившійся на бой, былъ донъ-Хосе де-Торосъ. Онъ украсилъ шляпу широкой лентой оранжеваго цвѣта—цвѣта, принятаго Хуаною.

Только-что увидѣлъ онъ пикадора сверженнаго, онъ устремился прямо на быка, со шпагою въ рукѣ, и мужественно ждалъ нападенія свирѣпаго животнаго, какъ вдругъ раздался надъ нимъ ужасный шумъ.

Амфитеатръ, ослѣженный слишкомъ-большимъ количествомъ народа, упалъ цѣлою своей стороною съ ужаснымъ трескомъ.

Вы угадываете дѣдствія такой катастрофы. Груды тѣлъ повалились одинъ на другія, — мужчины на женщинъ, раненные на мертвыхъ. Раздались крики, рыданія, моленія.

Но ужаснѣйшей перипетіи этой отчаянной сцены вы еще не подозреваете.

Пока каждый спѣшитъ скорѣе удалиться, пока изувѣченные тщетно просятъ о помощи, пока ихъ девять, чтобы скорѣе добраться до выхода, — назаррскій быкъ переходитъ полусломанный палиссадъ и является вдругъ посреди жертвъ этой несчастной катастрофы.

Опасность еще болѣе увеличивается смятеніемъ, владычествующимъ среди несчастными.

Еще шагъ впередъ, и животное, изъ раздувающихся вѣздъ котораго течетъ кровь, раздавить ногами, если не добьются на рога молодую дѣвушку, лежащую въ первыхъ рядахъ жертвъ.

Быкъ оглашаетъ воздухъ глухимъ ревомъ, бьетъ хвостомъ и пристально устремляетъ свои пылающіе глаза на бѣдное существо.

Хуана — ибо это была она, — чувствуя, что пришелъ ей послѣдній часъ, поручаетъ душу свою Богу и съ крикомъ отчаянія лишается чувствъ.

Быкъ дѣлаетъ шагъ впередъ и наклоняетъ голову къ землѣ, направивъ рога на жертву.

Но крикъ Хуаны услышанъ; защитникъ бросается на помощь. Въ одинъ прыжокъ онъ подлѣ быка. Онъ, можетъ-быть, тщетно жертвуетъ своею жизнью, потому-что если быкъ замѣтитъ его, онъ погибъ. Но дѣлаютъ ли эти эгоистическіе расчеты, когда любить? Въ минуту, когда быкъ наклоняетъ голову къ землѣ, молодой человекъ подымаетъ руку съ вижяломъ и, руководимый быстрымъ, вѣрнымъ взглядомъ, погружаетъ вижаль въ назначенный пунктъ, какъ торсеро по профессіи.

Быкъ пораженъ смертельно: онъ падаетъ всею своею тяжестью, и Хуана спасена.

Когда молодая дѣвушка открыла глаза, она лежала въ теплой постели; подлѣ нея сидѣла мать ея, ждавшая ея возвращенія къ жизни; съ другой стороны, былъ мужественный защитникъ, посланный случаемъ или скорѣе любовью.

— Альваресъ! — вскричала Хуана, устремляя на оружейника взглядъ, исполненный нѣжной признательности.

— Хуана! вскричалъ въ свою очередь Альваресъ.

— Альваресъ! начала опять Хуана: — чѣмъ могу я благодарить васъ за вашу преданность? Какая награда...

— Есть одна, одна, которой я жажду, прервалъ ее оружейникъ: — вы знаете чувства, которыя давно уже мнѣ внушили. Я не прошу еще васъ о взаимности... но, Хуана, если тронутъ васъ мой поступокъ, дайте мнѣ позволеніе любить васъ...

— Вашу руку, Альваресъ! сказала молодая дѣвушка, которой голосъ дрожалъ.

Оружейникъ повиновался.

— Въ присутствіи Бога, который насъ слышитъ, сказала молодая Авда-

лузника: — клянусь не принадлежать никому, кромѣ Альвареса.

Можно ли описать радость оружейника, когда онъ услышалъ эти слова?..

Хуана, хотя упала съ довольно-большой высоты, получила только легкую контузію. Она была не ранена, и ни одинъ изъ членовъ ея не потерпѣлъ поврежденія. Нѣсколькихъ дней было достаточно, чтобъ возвратитъ ей прѣтущее здоровье, которымъ она наслаждалась до катастрофы.

Это пророчество удивительно помогло Альваресу.

Одаренная глубокою чувствительностью, Хуана, не смотря на равнодушіе, холодность, презрѣніе, которое она вызвала въ свѣдѣннѣ обожателей, дожидая была склониться передъ преданностью оружейника. Это сердце, которое ставило себя такъ высоко и которое никто еще не заставлялъ сомнѣваться, было теперь покорено навѣки. Чѣмъ продолжительнѣе и упрямѣе было ея сопротивленіе, тѣмъ болѣе, чѣмъ теперь въ благородной душѣ Альвареса, Хуана чувствовала себя счастливою отъ этой глубокой любви, которую внушила. Едва прошла недѣля послѣ боя быковъ, какъ два двобойника уже жили одною жизнью и вмѣстѣ создавали планы своей будущности.

Увы! она забыла, что нѣкъ счастье возбуждаетъ ревность многихъ, и что донъ-Хосе-де-Торресъ, въ надеждѣ тронуть сердце Хуаны, со-дня-за-днемъ откладывалъ отправленіе своей гонимыи. Его ненависть къ сопернику не знала границъ, тѣмъ болѣе, что онъ звалъ все.

Однажды вечеромъ, молодая дѣвушка сидѣла въ своемъ саду, на дубовой скамьѣ, подъ анемонными деревьями. Была прекрасная зѣлѣвая ночь.

Подъ вліяніемъ этой прекрасной ночи, Хуана мечтала въ ожиданіи Альвареса.

Вдругъ дверь сада отворилась, и въ темнотѣ показался Альваресъ.

— Вы ли, Альваресъ? сказала она, раздвигая вѣтан деревце.

— Нѣтъ, это я, отвѣчалъ вошедшій человекъ, прямо становясь передъ молодою дѣвушкою.

— Донъ-Хозе! вскричала Хуана, быстро отскочивъ назадъ.

— Я самый, донъ-Хозе де-Торосъ, имѣющій сообщить важную тайну вамъ, сеньйора.

— Тайну! мнѣ?

— Тайну, вамъ, повторилъ донъ-Хозе.

— Но, мнѣ кажется, вы бы должны явиться къ моей матушкѣ и выбрать другіе часы для объясненій со мною.

— Донъ вашъ, сеньйора, такъ хорошо карзультся, что было бы безразсудно покушаться въ него проникнуть. Итанъ, выборъ мѣста отъ меня не зависѣлъ. Что до времени, признаюсь, оно нѣсколько-неприлично; но назначили ли бы вы мнѣ другое время, еслибъ и обнаружилъ желаніе объясниться?

— Ужь конечно нѣтъ.

— Значитъ, за время я извиняюсь тѣмъ же, чѣмъ и за нѣсто.

— А если я не хочу съ вами говорить? воскликнула рѣшительно дѣвушка.— Если я не хочу слышать объясненія, съ которыми вы пришли ко мнѣ? Если я велю вамъ сейчасъ же идти вонъ изъ сада? прибавила она, указывая пальцемъ аллею, ведущую къ каменной сады.

— Мнѣ это очень-прискорбно, сеньйора, но, къ сожалѣнію, я долженъ сказать, что если вы прикажете мнѣ оставить васъ сейчасъ же, я васъ не послушаюсь.

— Вы осмѣлитесь?...

— Я ужъ и то осмѣлился велѣть подѣлать ключъ къ вашимъ дверямъ, сеньйора; вы понимаете, что это значитъ... Мнѣ надо было васъ видѣть, говорить съ вами, — и вотъ я здѣсь.

— Но это безчестный поступокъ, донъ-Хозе, недостойный благороднаго гidalго! Дѣлать насиліе женщинамъ, входить къ ней хитростью, оставаться вопреки ея запрещенію... О! такъ же

ведутъ себя храбрые гверильеры; такъ дѣлаютъ мерзавцы, слышите ли?

— Сеньйора!

— Мерзавцы! повторила Хуана.

При этомъ эпитетѣ, выразительно повторенномъ, донъ-Хозе поблѣднѣлъ какъ мертвецъ; мускулы его надулсь, нервы напряглись, зубы глухо васкрежелали; но гроза, внезапно скопшавшаяся въ душѣ гверильера, утихла столь же скоро, какъ и настала.— Оскорбила его женщина! Отъ-того донъ-Хозе потерялъ выраженіе ярости, за минуту исказившее лицо его. Тогда, снова обращаясь къ дѣвушкѣ, сказалъ онъ умоляющимъ голосомъ:

— Хуана, ваши оскорбленія сокрушаютъ мнѣ сердце, а между-тѣмъ, я заслуживаю скорѣе жалости, нежели презрѣнія. Вамъ извѣстно, что роковая страсть вкоренилась въ моемъ сердцѣ, что она владѣтъ мной и не допускаетъ во мнѣ ни одной мысли, кромѣ мысли о васъ. Я васъ люблю, Хуана... о! да, я васъ люблю больше жизни, больше кармельской надобны, нравясь съ отечествомъ, Хуана,—а это преступленіе. Прикажите, я готовъ на всѣ опасности; скажите одно слово, выразите одно желаніе, одинъ капризъ, и это желаніе, этотъ капризъ тотчасъ будутъ исполнены. Но, ради Бога, не отворачивайте отъ моего молящаго взора своихъ черныхъ очей, которыми взгляды такъ горды и вѣстѣ такъ кроютъ; промойте мнѣ, что ваше сердце не чувствуетъ къ Альваресу ничего, кромѣ признательности за услугу, которую ему посчастливилось оказать вамъ, — признательности, не болѣе; и что нѣтъ ни слова правды въ слухахъ о вашей близкой свадьбѣ, какіе носятъ въ глупомъ народѣ.

— Такъ вотъ эта важная тайна, которую вы хотѣли мнѣ открыть? спросила дѣвушка презрительнымъ тономъ.— Вы любите меня, говорите вы? вы готовы на тысячи смертей, чтобъ исполнить мое малѣйшее желаніе?

— О, да! клянусь...

— Хорошо, не клянитесь; это было бы напрасно. Вотъ что я отиѣчу вамъ

на вашу страстную выходку. Съ-дав-нихъ-поръ вы ухаживали за мною, такъ же, какъ и Альваресъ. Но ни вы, ни онъ, никто не успѣвалъ еще внушить мнѣ нѣжное чувство. Кто былъ виновать? Вы ли, которые такъ смѣлы, такъ предприимчивы въ своихъ любовныхъ преслѣдованіяхъ? Альваресъ ли, котораго нѣжные *тирады* приносили мнѣ валочи и моленія? Ни тотъ ни другой; виновата была сама натура моя. Гордость служила мнѣ оградой противъ безразсудныхъ увлеченій сердца.

— И однакожь, сеньйора...

— Дайте мнѣ кончить. Случилось обстоятельство, которое собрало всѣхъ троихъ насъ въ однѣ стѣны. Стоя въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня, вѣрный принятый на себя роли, Альваресъ едва смѣетъ поднимать покорный взглядъ на ту, которую любитъ. Сидя на бурномъ конѣ, вы, безстрашный гверильеро, присоединяетесь къ толпѣ торреадоровъ, хотите выказать свою ловкость и мужество; красивой наружностью и подвигами хотите покорить сердце, которое оставалось холодно ко всѣмъ вашимъ обольщеніямъ; падѣетесь заставить себѣ простить выходку тщеславія и гордости, преступленіе противъ званія поклонника женщины.

— Сеньйора!

— Вы въ тотъ день безсовѣстно нарядились въ мои любимые цвѣта, донъ-Хозе, чтобъ дать разумѣть, будто я признала васъ своимъ кавалеромъ, — а это была ложь, какъ вы знаете. Вдругъ, въ ту минуту, когда вы готовились стлжать общее удивленіе, амфитеатръ обрушается, и я падаю среди обломковъ, подъ ноги разъяреннаго быка. Животное сбиралось прозвать меня насквозь... Никогда не бывало лучшаго случая для любовника рискнуть жизнью для спасенія дней ему драгоцінныхъ... И, однако, не вы, а вашъ соперникъ, робкій и простой молодой человекъ, пренебрегаемый мною, отпущаетъ мнѣ за презрѣніе, мужественно встрѣтивъ опасность, которая мнѣ грозила. Такая преданность побѣдила мое надменное равнодушіе. Теперь, а

Т. XLIII. — Отд. VIII.

люблю моего избавителя столько, сколько давно женщинѣ любить благородный и великодушный характеръ. Альваресъ сдѣлался для меня необходимымъ дополненіемъ моего существованія, и черезъ мѣсяць онъ будетъ моимъ мужемъ.

— Такъ это правда! воскликнуть донъ-Хозе, и глаза его заблестали молніей; но онъ еще сдѣлалъ усиліе надъ собою, не давая воли своему взрыву.

— Ну, потъ мы обмѣнялись нашими секретами, продолжала Хуана: — разговоръ нашъ долженъ кончиться; удалившись немедленно, вы мнѣ докажете, что хотя не столь поснѣшные на помощь дамамъ, какъ вашъ соперникъ по славі, Мартинъ Діазъ, вы все-таки соблюдаете съ ними старинныя преданія любезности, по которымъ эм-песивадо и всякій истинный гидалго долженъ вести себя.

Поклонившись гверильеру, она снова весьма-выразительнымъ жестомъ показала ему, что хочетъ остаться одна.

Но холодность, насмѣшливость дѣвушки и признаніе, отнимавшее всякую надежду, не позволили дону-Хозе долѣе владѣть собою.

— А! вы его любите! вскричалъ онъ, скрестивъ въ бѣшенствѣ руки на груди: — вы предпочитаете мнѣ этого престаго маноло! вы признаете его своимъ кортехо, въ ожиданіи пока онъ сдѣлается вашимъ мужемъ! Но, *por Dios!* видно вы не подозреваете, сколько мое сердце можетъ вмѣщать въ себѣ любви и ненависти, сеньйора! вы забываете, что я своего рода самодержавный король въ Альбасетѣ; что алькадъ и альгвазилы молчатъ, когда я начинаю говорить, и повинуются, когда я проговорилъ? Вашимъ мужемъ... онъ, Альваресъ! о! нѣтъ, этому не быть, пока я командую своими храбрыми гверильерами, пока хоть капля крови течетъ въ моихъ жилахъ!

Какъ ни велики были энергія и твердость Хуаны, а угрозы донъ-Хозе и тотъ, какимъ онъ произносилъ, про-

завели на нее ужасное впечатлѣніе. Она знала дерзость и раздражительность партизана; знала и то, что онъ пользовался въ Альбасетѣ неограниченною властью. Она собиралась уже попробовать ласковыми рѣчами смирить его гнѣвъ, какъ вдругъ вопли, несшіеся отъ садовой калитки, страшно отдалися въ сердцѣ дѣвушки.

— Альваресъ! это Альваресъ! воскликнула она, готовая кинуться въ ту сторону.

— Не бойтесь; живнъ его не въ опасности, — на эту минуту, по-крайней-мѣрѣ, сказалъ гвирильеро.

— Это онъ! онъ! говорятъ вамъ:—его убиваютъ по вашему приказу, подхватила Хуана.

Оттолкнувъ дона-Хосе, заграждавшаго ей дорогу, она ринулась по аллеѣ, ведшей къ калиткѣ.

Въ-самомъ-дѣлѣ, то былъ Альваресъ, бившійся въ рукахъ трехъ дюжихъ молодцовъ, вооруженныхъ съ ногъ до головы; но всѣ его усилія были бесполезны: крѣпкіе и жилистые пальцы сжимали его какъ тиски пресса, и онъ былъ принужденъ только криками протестовать противъ насилія, котораго былъ жертвою.

Донъ-Хосе послѣдовалъ за Хуаною. Онъ явился въ одно время съ дѣвушкою на мѣсто сцены; знакомъ велѣлъ онъ своимъ подчиненнымъ пустить изъ рукъ пѣвника.

Очутясь такимъ-образомъ другъ передъ другомъ, соперники обмѣнялись, при лунномъ сіяніи, взглядами, которые пылали ожесточенной ненавистью, наполнявшею ихъ души.

— Какая безчестная, какая подлая засада! вскричалъ наконецъ оружейникъ, мѣрая гвирильеро глазами.

— Я хотѣлъ дать себѣ необходимый досугъ переговорить съ сеньорою безъ помѣхи, возразилъ насмѣшливо донъ-Хосе.—Теперь, маноло, потолкуемъ съ тобою!

При имени «маноло», которое значить мужикъ, сермяжникъ, рабочій, словомъ, простолюдинъ, но которое въ устахъ гвидальго сопровождалось не-

сказаннымъ выраженіемъ презрѣнія, Альваресъ стиснулъ кулаки и сдѣлалъ движеніе двинуться на соперника; но не успѣлъ онъ ступить шага, какъ шестеро желѣзныхъ рукъ схватили его снова и держали въ совершенной неподвижности. Оружейникъ понялъ свое безсиліе, испустилъ глухое проклятiе и не сводилъ взора, впереннаго во взоры дона-Хосе.

— Поменьше досады и побольше уступчивости, маноло! возразилъ гвирильеро: — потолкуемъ съ тобою, скажешь я. Слушай и отвѣчай откровенно: ты любишь сеньйору?

— А по какому праву дѣлаете вы мнѣ этотъ вопросъ? спросилъ Альваресъ, выпрямившись съ гордостью.

— Ради Бога, отвѣчайте! прошептала Хуана.

— Повинуюсь вамъ, сеньйора. Дѣ, я люблю ее, сеньйоръ гвидальго, люблю больше всего на свѣтѣ, больше жизни, больше кармельской мадонны.

Услышавъ такой отвѣтъ, донъ-Хосе, котораго брови сдвинулись внезапной судорогой, тоннулъ ногою о землю... Усмѣшка удовольствія исчезла на губахъ оружейника.

— А... любишь ты жизнь? продолжалъ гвирильеро.

Альваресъ обернулся къ Хуанѣ и молчалъ.

— Отвѣчайте, снова прошептала дѣвушка.

— Опять повинуюсь, сказалъ Альваресъ.—Люблю ли я жизнь, продолжалъ онъ громкимъ голосомъ:—теперь, когда она для меня такъ прекрасна, теперь, когда нѣжность Хуаны дѣлаетъ ее столь завидною!

Тутъ донъ-Хосе вздрогнулъ.

— Теперь, когда она столь благополучна въ настоящемъ, столь радостна въ будущемъ! Черезъ нѣсколько дней, я буду счастливымъ супругомъ Хуаны, а вы спрашиваете, люблю ли я жизнь! прибавилъ онъ, подавляя дона-Хосе всею тяжестью своего счастья.

— Хорошо же! подхватилъ гвирильеро задыхающимся голосомъ:—если ты

дорожишь жизнью, откажись отъ руки сеньйоры.

— Никогда! воскликнулъ Альваресъ рѣшительно.

— Откажись, говорятъ тебѣ.

— Никогда!

При этомъ формальномъ объявленіи, донъ-Хозе схватился за шпагу, и Хуана, трепеща за жизнь любовника, кинулась къ ногамъ гверильеро; но этотъ успѣлъ умѣрить свою вспыльчивость. Онъ подошелъ къ сопернику.

— Ты слышалъ меня, сказалъ онъ, прозвая его взглядомъ. — Хуана не можетъ тебѣ принадлежать; ты долженъ погасить любовь, которую она тебѣ внушила... Иначе — смерть! Подумай хорошенько; и вы также, сеньйора. Вы можете, пожалуй, не сострадать моимъ мученіямъ, но за то, за то я не позволю, чтобъ другой былъ счастливѣе меня. Прощайте... или, точнѣе, до свиданія!

— А мы — маршъ въ дорогу, усачи, сказалъ онъ, обратясь къ своимъ провожатымъ.

Не возьмемся описывать горестъ дѣвухи по уходѣ гверильеро, ни отчаяніе Альвареса. Онъ изрыгалъ проклятія и угрозы на безчеловѣчнаго гонимца, хотѣвшаго помѣшать его благополучію, собирався завтра же вызвать его на поединокъ и помѣряться силами, хотя бѣ ему пришлось драться со всей гверильей. Хуана старалась вразумить Альвареса въ ихъ настоящее положеніе. Донъ-Хозе столько неумолимъ во враждѣ, такъ горячъ въ привязанностяхъ; притомъ же, онъ сильнѣе цѣлаго аюнтамента и что посулилъ сдѣлать, то сдѣлаетъ. Альваресу надо остерегаться неблагоразумнаго поступка и удалиться изъ города до выступленія гверильи въ походъ. Старуха, мать Хуаны, присоединила свои убѣжденія къ дочернимъ, склоняя оружейника на эту мѣру; но обѣ женщины напрасно истощали все свое краснорѣчіе: имъ не удалось поколебать рѣшимости мужественнаго юноши.

Спустя нѣсколько дней, донъ-Хозе покинулъ Альбасету съ своей гверильей.

Партизанъ выступилъ въ походъ, въ Новую-Кастилію, чтобъ сблизиться съ Мериндо, который безпрестанно тревожилъ Французовъ въ окрестностяхъ Бургоса.

Отсутствіе лютаго гверильеро мало-по-малу разсѣло страха los novios (обрученныхъ); не стало повода къ страху, не стало мучительныхъ тревогъ, не стало тягостныхъ опасеній. Любовники сидятъ всякій вечеръ въ саду. Сидя другъ подлѣ друга на скамьѣ, покрытой померанцевой курткою, въ обмѣнѣ ласкъ и нѣжностей они забываютъ миновавшія опасности и прощальныя угрозы донъ-Хозе. Для молодыхъ сердецъ, горячо влюбленныхъ, будущее представляется только продолженіемъ настоящаго. И никогда небо не бывало свѣтлѣе, вѣтерокъ сладковозвучнѣе, померанцы благозвучнѣе. Какъ и почему Альваресъ и Хуана стали бы опасаться что минетъ ихъ счастье?

Страсть исключительна, — значитъ, она самолюбива. Во время этихъ обязательныхъ и сладкихъ бесѣдъ, во время долгихъ часовъ свиданій, два благородныя сердца, занятые только любовію, забывали и нашествіе непріятельской арміи на ихъ родину, и бѣдствія Испаніи, и страданія соотечественниковъ.

Срокъ, назначенный для соединенія любовниковъ, приближался, и никакое непріятное событіе не нарушало ихъ золотыхъ, радужныхъ мечтаній.

Донъ-Хозе, вѣроятно, воевалъ въ Новой-Кастиліи, и безпрерывныя тревоги партизанской жизни, навѣрно, не оставляли ему досуга помышлять объ альбасетской красавицѣ.

Такъ шло время до кануна брачнаго дня. Подъ-вечеръ, Хуана возвращалась изъ церкви Сан-Франсиско въ сопровожденіи Альвареса, какъ на походѣ подъ аркою, ведущею въ calle de Clerigos, какой-то хитано, жавшійся въ уголкѣ стѣны, вдругъ выпрямился и протянулъ къ молодой четѣ руку съ очень-значительной миной.

— Una lea mora, senora, por el amor

de Dios, сказалъ онъ жалобнымъ голосомъ.

Альваресъ вынулъ изъ кармана нѣсколько мараведисовъ и бросилъ нищему; хитано, принявъ ихъ, подалъ Хуанѣ записку съ черною печатью. Альваресъ хотѣлъ его разспросить, но хитано, сунувъ записку въ складки мантильи Хуаны, тотчасъ же перебѣжалъ на противоположный уголъ двора и скрылся въ ближнихъ улицахъ, не удовлетворявъ любопытству оружейника.

Роковое предчувствіе овладѣваетъ дѣвушкой; имя дона-Хозе вырывается съ подавленнымъ вздохомъ изъ устъ ея. Пришедъ домой, она спѣшитъ вскрыть черную печать и развернуть записку. Но едва она пробѣжала ее, какъ бумага выпадаетъ у нея изъ рукъ, сама она опускается въ изнеможеніи на кресло, испустивъ вопль и обливаясь слезами.

Пока сеньора Фельгухера, обхвативъ рукою голову дѣвушки, лицомъ сложивъ къ ея лицу, старается ее утѣшить, Альваресъ беретъ записку, виновницу этой горести; вотъ что въ ней содержалось:

«Еще время предупредить ударъ, грозящій Альваресу; будьте разсудительнѣе его, поторопитесь принять рѣшеніе, которое одно только можетъ спасти обоихъ васъ. Гимнъ 2-го мая, съигранный на клавишнѣ, когда девять часовъ пробьетъ на церкви Сан-Франсиско, послужитъ мнѣ желаемымъ отвѣтомъ. Обдумайте хорошенько эти послѣднія слова. Вы должны откататься быть его женою, если не хотите овдовѣть прежде вѣнчанія.»

— Безымянное письмо! Такъ вотъ причина этого отчаянія! сказалъ Альваресъ.

— Если нѣтъ подписи, если почеркъ вамъ незнакомъ, то содержаніе записки слишкомъ хорошо показываетъ, кто ее писалъ, отвѣчала донья Фельгухера.

— Альваресъ! болѣзненно прошептала дѣвушка, обнявъ обѣими руками шею любовника: — прощай наши планы на будущее, прощай наши мечты

о счастьи! Письмо это извѣщаетъ насъ о возвращеніи дона-Хозе. О! бѣгите, оставьте меня; донъ-Хозе не побоятся преступленія. Бѣгите; моя любовь ведетъ за собою смерть!

— Дитя! отвѣчалъ оружейникъ, прижимая Хуану къ груди:— какъ сладки мнѣ эти слова, потому-что доказываютъ силу твоей нѣжности! Но не безпокойся, Хуанита: съ самаго сего отъѣзда, донъ-Хозе не дѣлалъ ни одной новой попытки разлучить насъ, а между-тѣмъ ему было бы извѣстно, что, нисколько не думая откататься отъ твоей руки, я не переставалъ ежедневно ходить къ тебѣ. И, вопреки его прощальной угрозы, я еще половъ жизни и любви. Зачѣмъ придавать столько важности безымянному письму? Можетъ-быть, его писалъ не донъ-Хозе. Я не слышалъ, чтобъ онъ воротился въ Альбасету; но еслибъ онъ былъ здѣсь, развѣ я не въ силахъ съ нимъ бороться при помощи моихъ фабричныхъ пріятелей? Развѣ вы считаете меня неспособнымъ владѣть шпагою такъ же хорошо, какъ кинжаломъ, и развѣ гверильера убить труднѣе, нежели наваррскаго быка?

— А если онъ разставитъ вамъ сѣти, если нападетъ на васъ съ нѣсколькими изъ своихъ товарищей, которые неремѣнно съ нимъ, если онъ здѣсь?

— Мужество не увольняетъ отъ благоразумія, отвѣчалъ Альваресъ.

— О, ради Бога, бѣгите! бѣгите хоть на нѣсколько времени, твердила въ отчаяніи Хуана.

— Бѣжать? ни за что! Вы презирали бы меня, Хуана... Заслуживалъ ли бы я сдѣлаться вашимъ мужемъ, еслибъ не имѣлъ духа защищать свое добро отъ всякаго, кто захочетъ его у меня похитить?

— О, Боже мой! Боже мой! Это меня убьетъ, лепетала дѣвушка прерывающимся отъ рыдавій голосомъ.

— Вы будете жить для счастья всѣхъ троихъ насъ, отвѣчалъ Альваресъ. — Небо нашъ заступникъ и будущее намъ принадлежитъ. Завтра, на-зло дону-Хозе и всей его гверильѣ, сколь-

ко она ни предана своему начальнику, мы будем соединены передъ алтаремъ. Вмѣсто того, чтобъ бѣжать изъ города, или оставаться взаперти у себя дома съ братомъ моимъ Антонио и старикомъ-отцомъ, какъ робкому трусу, я прямо отсюда пойду въ кофейную Nacional, гдѣ собираются всякій вечеръ мои фабричные товарищи. Я расскажу имъ про это, и мы придумаемъ, что надо дѣлать. А вы, Хуана, общайте мнѣ не дотрогиваться до своего клавиша и не играть въ девять часовъ гимна 2-го мая.

Дѣвушка исполнила желаніе своего любезнаго. Альваресъ покинулъ домъ доньи Фельгухеры и отправился въ мѣсто, служившее сборнымъ пунктомъ для рабочихъ фабрики. Каждый изъ нихъ былъ уже на своемъ мѣстѣ. Поджидая мастера, они курили безпрестанно сигаретты и весело опорожняли pellejo de vino de la Mancha. Еслибъ не принадлежало ихъ вниманіе исключительно этимъ двумъ важнымъ занятіямъ, пріатели Альвареса могли бы замѣтить нѣсколько подозрительныхъ фигуръ, небывшихъ изъ числа обыкновенныхъ посѣтителей кофейной и появившихся отъ-времени-до-времени въ дверяхъ сосѣдней залы.

Что за намѣреніе было у этихъ fogategos (пришлецовъ), въ которыхъ наблюдатель примѣтилъ бы манеры, видъ и позы военныхъ людей? Что наблюдали они за мамолами?

По приходѣ Альвареса, вниманіе ихъ удвоилось; одинъ изъ нихъ, какъ будто отъ чрезвычайной разсѣянности, рискнулъ даже войти въ залу, гдѣ сидѣли рабочіе.

Мастеръ сѣлъ въ кругу своихъ товарищей и прочелъ имъ принесенную имъ записку. Вѣсть о возвращеніи дона-Хосе очень удивила друзей Альвареса, ибо никто изъ нихъ не видалъ въ городѣ ни его, ни гверильероу. Поэтому, многіе усомнились въ правдивости извѣстія; ихъ мнѣніе взяло бы верхъ, еслибъ одинъ молодой подмастерье, по имени Менико, не вспомнилъ, что у дона-Хосе былъ въ двухъ

миляхъ отъ Альбасеты, по дорогѣ къ Сьеррѣ, загородный домъ, въ которомъ онъ легко могъ скрываться съ своею шайкою прежде, чѣмъ покусится на предательское нападеніе.

Это напоминовеніе открыло глаза невѣрующимъ. Всѣ рабочіе оружейнаго завода общали Альваресу свою помощь на вечеръ.

Дѣло шло вотъ о чемъ.

Въ нѣкоторыхъ испанскихъ провинціяхъ, особливо въ Эстрамадурѣ и части Андалузіи, есть обычай, чтобъ женихъ, наканунѣ брака, приходилъ провздыхать еще одинъ любовный романсъ подъ балкономъ той, которую онъ поведетъ къ алтарю. Это называется la serenada de los novios (серенада будущихъ супруговъ).

Какая опасность ни висѣла надъ его головою, фабричный мастеръ счелъ бы себя обезчещеннымъ, еслибъ лишилъ Хуану удовольствія, которое всегда чувствуютъ дѣвушки отъ этой послѣдней серенады.

Въ полночь, въ опредѣленный обычаемъ часъ, работники осушили до дна pellijo. Всѣ они отправились въ улицу, гдѣ жила сеньора Фельгухера.

Была одна изъ тѣхъ ночей, столь нерѣдкихъ въ Испаніи, когда горный вѣтерокъ очищаетъ своимъ освѣжительнымъ дыханіемъ атмосферу, раскаленную чрезвычайнымъ зноемъ въ-теченіе дня, — одна изъ тѣхъ ночей, которыя можно проводить на-пролетъ у балкона красавицы, въ надеждѣ увидѣть утромъ ея прозрачный силуэтъ на дрожащихъ занавѣскахъ, — одна изъ тѣхъ теплыхъ ночей, во время которыхъ тихо-колеблемые листья, вѣтерокъ, журчанье воды, самое безмолвіе, словомъ, все говорить о любви на поэтической почвѣ Испаніи.

Пріатели Альвареса стерегли оба конца улицы, каждый держась за рукоять своего кинжала, и всѣ съ рѣшимостью отравить силою того, кто бы вздумалъ помѣшать серенадѣ.

Пришелъ подъ окна Хуаны, Альваресъ взялъ гитару; послѣ гармониче-

ской прелюди, онъ запѣлъ слова, зна-
комыя всѣмъ андалузскимъ невѣстамъ:

«La dona que esta dormida», и проч.

«Дама, которая во время сна слы-
шитъ призывные звуки гитары,
не любитъ своего любовника, если
предпочитаетъ ему постель...»

При первыхъ аккордахъ, слетѣв-
шихъ съ инструмента, окно Хуа-
ны осторожно отворилось; дѣвушка,
полудрожаящая, полусмѣющаяся, въ
бѣломъ батистовомъ пеньюарѣ, выста-
вила голову.

Альваресъ пропѣлъ два остальные
куплета, не спуская влюбленныхъ взро-
ровъ съ балкона невѣсты. При послѣд-
нихъ нотахъ, роза, которую Хуана цѣ-
лый день носила на груди, упала къ
ногамъ пѣвца. Альваресъ поспѣшилъ
поднять цвѣтокъ и поднесъ его къ
устамъ.

Потомъ, подошелъ къ самой стѣнѣ
и посылая поцалуй рукою, онъ ска-
залъ:

— До завтра, обожаемая Хуанита!

— До завтра! отиѣчала дѣвушка: —
помилуй насъ пресвятая кармельская
Богоматерь!

Она проводила взоромъ Альвареса,
возвращавшагося къ товарищамъ.

Но едва Хуана потеряла его изъ ви-
да, какъ крики, сопровождаемые сту-
комъ оружія, вдругъ огласили ночную
тишину.

Раздирающій душу вопль немедлен-
но на нихъ отозвался... онъ несся съ
балкона Хуаны.

Блѣдная, безпамятная, вся облитая
холоднымъ потомъ, невѣста фабрична-
го мастера накинула на скоро манти-
лю, и, ничего не страшась за самую
себя, выбѣжала на улицу.

Шумъ прекратился. Явно было, что
сраженіе кончилось; но которая сторо-
на побѣдила? Это безмолвіе, можетъ-
быть, еще страшнѣе бывшей сейчасъ
сумятицы. Однакожь Хуана все по-
двигается на край улицы. Тутъ, при
свѣтѣ луны, она разглядѣла два трупа,
простертые на мостовой и облитые
кровью.

При взглядѣ на нихъ, у дѣвушки
подогнулись колѣни. Густой туманъ
помрачилъ ея зрѣніе, и, принужден-
ная остановиться, она прислонилась
къ угловой стѣнѣ ближайшаго дома.
Но смертельное безпокойство, ее по-
жирающее, скоро возвращаетъ ей
силы. Она хочетъ извѣдать весь объ-
емъ своего несчастія. Въ это игно-
веніе, шумъ шаговъ раздастся направо
отъ нея... Одинъ изъ сражавшихся
подбѣгаетъ. Прежде, чѣмъ Хуана успѣ-
ла оглянуться, этотъ человѣкъ подо-
шелъ къ ней, обхватилъ рукою станъ
дѣвушки и съ волшебной быстротою
повлекъ ее туда, гдѣ лежали два трупа.

Хуана не имѣла времени взглянуть
на своего страннаго спутника, кото-
рый, впрочемъ, не раскрывалъ рта;
мысль объ опасности даже не мелька-
ла въ головѣ ея: до того всѣ ея способ-
ности сосредоточились въ одну идею.

Вотъ она остановилась надъ двумя
мертвецами, лежащими на мостовой.
Молодая невѣста, облитая ужасомъ, не
можетъ рѣшиться взглянуть на жерт-
вы сраженія.

— Посмотрите, посмотрите, сеньйо-
ра, вскричалъ таинственный провожа-
тый, указывая пальцемъ на трупы.

— Этотъ голосъ! воскликнула испу-
ганная Хуана. — Донъ-Хосе!.. Вы въ
Альбасетѣ!

— Посмотрите, посмотрите! повто-
рилъ онъ влѣвающимъ голосомъ: — и
пеняйте сами на себя, сеньйора, за то,
что случилось.

Дѣвушка, которой расудокъ уже
помрачился, проворно отбрасываетъ,
жестомъ отчаянія, волосы,падающіе
въ беспорядкѣ по лицу ея, — наклоняет-
ся... глядитъ на искаженные черты, и,
будучи не въ силахъ выдержать удара,
поражающаго ее въ самыхъ вѣжныхъ
ея чувствахъ, шатается и падаетъ въ
кровь подлѣ трупа, который узнала.

То былъ трупъ Альвареса.

Свѣжестъ ночи пробудила наконецъ
дѣвушку отъ этого глубокаго обморо-
ка. Когда она очнулась, улица по-пре-
жнему была тиха и спокойна.

Отдаленные аккорды, — слабое эхо какой-то любовной серенады, — одни доносились, словно горькая насмѣшка, до слуха Хуаны.

Тутъ рыданія злополучной невѣсты разрѣшились въ таинственную гармонию, которую вѣтерокъ разносилъ по воздуху.

Отдѣльныя подробности, которыя, будучи совокуплены, образовали столь же вѣрную, сколько полную картину испанской интриги: тихій и душистый вѣтеръ; звѣзды, блистающія на небѣ; слезы, гитара и кровь!

Но во всемъ есть поэзія...

Въ-продолженіе нѣсколькихъ минутъ поглощенная горемъ, Хуана вдругъ вскочила, подъ вдохновеніемъ мысли, — мысли найти мстителя за Альвареса.

— Антонио, его братъ! прошептала она нѣсколько разъ глухимъ голосомъ.

Въ эту минуту, позади ея послышался легкій шумъ. Несчастная невѣста не ощутила ни малѣйшаго испуга, столь, впрочемъ, свойственнаго молодымъ дѣвушкамъ, когда случай, тайна интриги или судьба выводитъ ихъ, въ такіе поздніе часы, за порогъ дома. Одинъ маноло изъ тѣхъ, которые недавно помогали Альваресу, подходитъ къ ней, предварительно увѣрившись, что уже нѣтъ непріятелей по близости.

— Сеньйора, сказалъ ей этотъ чловѣкъ сострадательнымъ голосомъ: — не оставайтесь такъ среди улицы, подвергаясь дерзостямъ негодяевъ, которыя умертвили Альвареса. Позвольте проводить васъ домой.

— Вы одинъ изъ друзей Альвареса? спросила Хуана, не отвѣчая на сдѣланное предложеніе.

— Одинъ изъ друзей, горячо его любившихъ. Менѣе съ радостью отдалъ бы половину жизни, чтобъ видѣть его еще среди насъ. Увы! судьба обманула наши надежды! Насъ одолѣли гверильеры!

— Но вамъ остается мщеніе! воскликнула дѣвушка. — Мщеніе! повторила она, скрестивъ судорожнымъ жестомъ руки на груди. — Послушайте,

продолжала она: — само небо посылаетъ васъ на помощь слабой женщины, осужденной на отчаяніе во весь остатокъ жизни; но на ней еще лежитъ обязанность, и она исполнить эту обязанность, если вы ей поможете.

— Говорите, сеньйора. Но нельзя ли отложить нашъ разговоръ до завтра? Поздніе часы...

— Часы благопріятныя, подхватила Хуана: — и опасность меня не пугаетъ! Вотъ трупъ того, кого я завтра готовилась назвать своимъ мужемъ; поднимите его на плеча и ступайте за мною.

Получивъ это приказаніе, маноло съ минутой колебался. Онъ старался прошикнуть планъ Хуаны, но тщетно.

— Такъ вы не хотите подать мнѣ руку на мщеніе за Альвареса? сказала она, видя нерѣшимость этого чловѣка. — Хорошо! дѣлайте, что я вамъ сказала; мы пойдемъ къ его мстителю.

Взглядъ Хуаны имѣлъ столько могущества, столько обаянія, когда она это говорила, что маноло, покоренный и убѣжденный, хотя еще и не понималъ дѣла, приподнялъ драгоцѣнное бремя, положилъ его на плеча и, напригнувши слухъ, настороживъ глаза, поспѣдовалъ за несчастной невѣстой.

Когда они пришли къ дому Альвареса, она сдѣлала ему знакъ остановиться; маноло повиновался. Хуана громко постучалась: Антонио появился, полузаспавный, въ окнѣ. Узнавъ голосъ Хуаны, онъ поспѣшилъ выйти на зовъ ея.

Не беремъ описывать оцѣпенѣніе, отчаяніе, ужасъ Антонио, когда ему предстало бездыханное тѣло брата. Рыданія и горестные клики огласили весь домъ. Вскорѣ, приходъ старика, виновника дней Альвареса, усилилъ мрачный характеръ этой сцены, столь уже печальной. Хуана, безъ слезъ, но съ растерзаннымъ сердцемъ, хранила то наружное спокойствіе, которымъ дано только сильнымъ душамъ владѣть въ роковыя минуты. Передъ тѣмъ она уже заплатила свою дань слезами и стѣннаніями, предписанную отъ природы слабости ея пола. Те-

перь лицо ея было чрезвычайно блѣдно, но ничто въ наружности не облачало мученій, производимыхъ въ душѣ сосредоточенною горестью.

Передъ нею стоятъ, въ горестномъ положеніи, старикъ и Антонио. Они продолжаютъ предаваться самому страшному отчаянію.

Наконецъ, Хуана успѣваетъ положить предѣлъ этой громогласной скорби, которая неизбѣжно ослабляетъ энергию души, истощая силы тѣла. Она подходитъ къ Антонио и говоритъ ему рѣкимъ голосомъ:

— Слезы, въ несчастныхъ обстоятельствахъ, свидѣтельствуютъ добрый и открытый характеръ; но въ великихъ бѣдствіяхъ слезы ничему не помогаютъ. Не-уже-ли у васъ нѣтъ ничего, кромѣ слезъ и вздоховъ, чтобъ посвятить памяти вашего брата, Антонио?

— Сеньйора, завтра на-рассвѣтъ алькалъ будетъ увѣдомленъ объ этомъ подломъ нападеніи, отвѣчалъ Антонио прерывающимся голосомъ.

— Алькалъ не такъ силенъ, чтобъ могъ наказать дона-Хозе во главѣ его гверильи, возразила дѣвушка. — Въ нынѣшнее время безначалія, законы унижаются передъ грубой силою, и преступленіе остается безнаказаннымъ, когда тѣ, до кого близко касается преступленіе, не заботятся сами о его карѣ.

— Да, сеньйора, понимаю; но вызывать дона-Хозе...

— Вы колеблетесь преслѣдовать убійцу вашего брата?

— Можете ли вы это думать? Завтра же трибуналы займутся моею жаждой.

— Трибуналы не дадутъ вамъ должнаго правосудія. Право — нынче сила; а гверильеро всѣхъ сильнѣе. Понимаете ли?

— Боже мой! Боже мой! что жъ дѣлать? чего вы отъ меня требуете? вскричалъ Антонио, который, какъ читатели видятъ, не былъ надѣленъ большимъ мужествомъ.

— Вы спрашиваете! А передъ вами Альваресъ, проколотый десятью ударами кинжала.

— Дона-Хозе военный человекъ; онъ командуетъ шайкой подобно ему бѣшеныхъ чертей; а я, я, повторилъ онъ, удваивая свои взлохи: — я не умѣю драться, и видъ обнаженной шпаги пугаетъ меня.

Такое простодушное признаніе вызвало страшное восклицаніе у дѣвушки. Но глаза ея тотчасъ засвѣтились непривычнымъ блескомъ, ставъ выростъ, надменный и величавый, яркая краска заиграла на поблекшихъ ланитахъ; все существо ея какъ-будто оживилось какою-то героическою рѣшимостью.

Она приблизилась къ мертвымъ останкамъ Альвареса, и тутъ, въ положеніи античной статуи, держа одну руку на сердцѣ, другую простирая къ трупу, съ сверкающими очами, съ вдохновеннымъ видомъ, громко сказала:

— Если роли нынче перемѣнились и мужчины стали робкими женщинами, то мой долгъ преслѣдовать виновника подлаго убійства. Да, Альваресъ, клянусь твоими десятью ранами не успокоиться до-тѣхъ-поръ, пока не поражу дона-Хозе; клянусь покарать вѣроломство твоего безжалостнаго соперника; ищеніе мое будетъ страшно и соразмѣрно безпредѣльности моего горя. Альваресъ, супругъ мой, прійми мою клятву. Ты будешь отмщенъ!

— А отъ тебя, прибавила она, обратясь къ маноло, который не покидалъ своего молчаливаго положенія: — отъ тебя я уже потребую только легкой услуги. Можешь ли ты быть завтра, на закатѣ солнца, у сѣверныхъ воротъ?

— Весь въ вашемъ распоряженіи, сеньйора, отвѣчалъ Менико.

Любовь и религія — два предмета поклоненія, равно священные для Испанцевъ. Итъ, сынамъ знойнаго солнца, которыхъ душа бываетъ вѣчнымъ алтаремъ бурныхъ и тревожныхъ помысловъ, непрестанныхъ стремленій къ лучшей участи, потребны непре-

дѣланныя, но могучія ощущенія, вытекающія изъ этого двойкаго сердечнаго и религіознаго чувства, чтобъ ихъ ненасытная натура находила удовлетвореніе.

Женщины, которыхъ чувствительность еще сильнѣе, превосходятъ мужчинъ также возвышенностью характера. Любовь для нихъ никогда не бываетъ мелочнымъ занятіемъ, мимолетнымъ развлеченіемъ, котораго вся цѣна заключается въ кокетствѣ, — нѣтъ, это всегда кипучая страсть, которая чаще всего родится въ тѣни колоннъ храма, возрастаетъ посреди пышностей и блеска религіозныхъ церемоній, и возносится до небесныхъ областей вмѣстѣ съ куреніями, приносимыми божеству.

Испанки, отъ природы любительницы чудеснаго, охотно поэтизирующія все, что ихъ прельщаетъ, обязаны этой смѣси мистическихъ понятій съ мирскими тѣмъ, что бываютъ суевѣрны и фанатички, — суевѣрны въ религіи, фанатички въ любви. Хуана, въ этомъ отношеніи, могла служить типомъ ея націи. Когда ея воображеніе бывало сильно раздражено, когда сердце или мозгъ ея получали глубокое впечатлѣніе, тогда никакое пожертвованіе не превышало силъ ея. Духовнику стѣло погрозить ей адскими муками и велѣть для очищенія грѣха совершить босыми ногами путешествіе въ Сан-Яго-ди-Компостелла, — Хуана повиновалась бы безропотно; но за то и наоборотъ, она была способна отказаться отъ своего мѣста въ раю, еслибъ Альваресъ потребовалъ отъ нея такого доказательства вѣжности.

Повѣрно, что у существъ, организованныхъ такимъ образомъ, всюду крайности; что они столько же неумѣренны во враждѣ, сколько въ привязанности. По забывку ихъ преданности, можно судить о глубинѣ ихъ ненависти, о всемогущей жадѣ мщенія, какую онѣ испытываютъ, когда счастье ихъ жизни невозвратно разрушено поступкомъ соперника или ревниваца. Покой, благосостояніе, здорье, мно-

гда честь, — все ими жертвуется для нанесенія удара вѣрнѣе. Если защитникъ, на котораго оскорбленная женщина надѣлась, измѣнитъ ей, что очень-рѣдко случается въ Испаніи, не подумайте, чтобъ она изъ-за этого отступилась отъ мести — нѣтъ, она не рѣшится съ унизительной покорностью року на пустыя и безплодныя слезы. Сердце пролетѣть въ ея тѣло потребныя силы, и ручка, столь искусно управляющая опахаломъ, безрешетно схватитъ клижалъ; ни ночь, ни мракъ, ни опасности не отвратятъ ея отъ цѣли, которую она преслѣдуетъ, и наказаніе вѣроломнаго одно можетъ дать нѣкоторое облегченіе ея возмущенной душѣ.

Повторяемъ: любовь, какъ понимаютъ и чувствуютъ ее подлѣ раскаленнымъ небомъ Испаніи, никогда не бываетъ поверхностнымъ и мимолетнымъ чувствомъ; она всегда серьезное, очень-серьезное дѣло; иногда она — преступленіе, влекущее за собой долытыя угрызенія, и тогда кара не медлитъ. Послѣ ночи несказанныхъ наслажденій, смерть беретъ на себя роль, которую ей и не думали давать; мстительная рука привдѣнія постигаетъ упоеннаго любовника на самомъ порогѣ у той, которая приняла его вѣчныя клятвы. Увы! онъ и не подозревалъ, что вѣчность была такъ близка къ нему!

Надо предупредить читателей, что мы не безъ намѣренія распространились о восторженномъ и суевѣрномъ характерѣ испанскихъ женщинъ. Должныя религіозныя понятія, соединясь съ непоумѣрной жадью мщенія, одни могли, въ-самомъ-дѣлѣ, внушить Хуанѣ странное поведеніе, которое сейчасъ увидимъ.

На другой день умерщвленія ея любовника дономъ-Хозе, Хуана сидѣла за маленькимъ столомъ въ своей комнатѣ. Она писала нѣсколько строкъ къ матери, чтобъ донна Фельгухера, узнавъ объ удаленіи любимой дочери, имѣла послѣднее свидѣтельство ея вѣжности.

Исподнивъ этотъ печальный долгъ, Хуана свернула бумагу и положила на мѣбели въ видномъ мѣстѣ, гдѣ бы она была непременно замѣчена матерью.

Потомъ, Хуана бросила взглядъ на наличникъ камина: тамъ висѣлъ портретъ Альвареса, — холодный и безцвѣтный образъ того, кого она звала уже своимъ супругомъ! Въ это мгновеніе, фабричный мастеръ, казался, пошевелился въ рамкѣ, и Хуана видѣла, что взглядъ его блеснулъ сверхъестественнымъ свѣтомъ... Словно онъ угадалъ намѣреніе своей невѣсты и поспршалъ ее къ исполненію.

Тутъ Хуана подходитъ къ зеркалу и прилагаетъ всѣ старанія о блестящемъ туалетѣ. Кончивъ это, дѣвушка беретъ черную мантію и съ величайшими предосторожностями накидываетъ ее на свой грозоздкій головной уборъ. Послѣдній разъ взглянула она въ зеркало. Убѣдась въ могущество своихъ прелестей, столь же прекрасная въ эту торжественную минуту, столь же обольстительная, столь же пышноубранная, какъ мужественная дѣва вееудійская, Хуана преклоняетъ колѣни передъ распятіемъ, охранявшимъ ея изголовье.

У Бога просила она силъ, потребныхъ для достиженія предположенной цѣли.

Послѣ этой пламенной молитвы, Хуана сошла въ садъ, постаравшись миновать комнату матери. Минуту спустя, скрывая лицо и станъ подъ мантіею, она уже пробѣгала узкія улицы Альбасеты.

У сѣверныхъ воротъ нашла она Менино, ожидавшаго ее нѣсколько минутъ. Другъ Альвареса оказался вѣрнѣе условленному свиданію.

— Знаешь ты загородный домъ дона-Хозе? спросила дѣвушка у маноло.

— Загородный домъ дона-Хозе! повторилъ тотъ, думая, что ослышался.

— Да, дона-Хозе, гверильера, убійцы Альвареса.

— Какъ не знать! отвѣчалъ Менино, не понимая значенія этого вопроса.

— Хорошо; ты проводишь меня туда, возразила Хуана.

— Santa Virgen! проводить васъ къ этому страшному гидальго! вскричала маноло, отступивъ два шага назадъ.

— На-вогъ, сказала дѣвушка, подавая ему туго-набитый кошелекъ, — да будь повнимательнѣе.

Менино, находясь, какъ наканунѣ, подъ вліяніемъ взгляда и тона Хуаны, взялъ кошелекъ и пустился по узкой тропинкѣ, отклонившейся съ пробѣжей дороги; — то былъ нуть, ведущій къ дачѣ гидальго. — Во все продолженіе перехода, Хуана, сосредоточенная и поглощенная одной восторженной мыслью, хранила упорное молчаніе; Менино былъ не очень-бодръ; — еслибъ не слово, которое дала она сеньорѣ наканунѣ; если бъ также не мысль, что съ его стороны было бы гнусною подлостью оставить молоденькую, прекрасную женщину идти одну по этой глухой тропѣ, то ужъ навѣрное онъ уклонился бы отъ чести служить ей проводникомъ; — онъ отказывалъ участи своимъ товарищамъ, которые въ эту минуту покуривали *rapelitos* въ кофейной *Naciona*ль, осушая отрадный *рейе*жо. Онъ шелъ прислушиваясь, останавливаясь при малѣйшемъ шорохѣ, бормоча молитвы и сжимая рукоятъ своего княжала.

Наконецъ, они добрались до оліюго дома, освѣщеннаго сверху до низу, откуда неслись веселыя пѣсни.

— Вотъ его домъ, сказалъ Менино: — гверилья собралась пировать; горе тому, кто вздумаетъ помѣшать ей!

— Хорошо! сказала Хуана: — спасибо тебѣ за усердіе; услуги твои мнѣ больше не нужны. Можешь воротиться въ городъ.

— Какъ, а вы развѣ не воротитесь въ Альбасету? спросилъ маноло съ жестомъ ужаса.

— Моя цѣль достигнута. Прошу тебя только о скромности; не сказывай никому, куда я сѣрылась, и если когда услышишь, что Хуана замѣнена клятвамъ невѣсты, сдѣло отвѣчай кому, кто

это скажетъ, что онъ подлый клеветникъ. Прощай!

— Заступи и помилуй васъ карменская Богородица, сеньйора! пролепетаъ маноло, который стоялъ прибожанъ къ мѣсту до-тѣхъ-поръ, пока увидѣлъ, какъ Хуана вошла въ двери дома-Хозе.

Гверильеро, въ-самомъ-дѣлѣ, сидѣлъ за столомъ съ товарищами. Всѣ задніе дворы сосѣдей подверглись контрибуціи; погребъ начальника гверильи щедро отпустилъ свой запасъ бутылокъ, и отважные партизаны пиروвали у дон-Хозе. Назавтра, имъ предстояло выступить въ походъ къ Сьеррѣ и снова начать свою неугомонную, полную опасностей жизнь. Храбрые въ стычкахъ съ французскими отрядами, неустрашимые также и передъ строемъ бутылокъ, они готовятъ себя къ трудамъ, къ будущимъ лишениямъ обильными возліаніями и монашески-роскошными блюдами.

Въ минуту, когда веселье достигло вершины, когда всѣ головы возведены были въ діапазонъ опьянѣнія, въ самомъ разгарѣ оргіи, дону-Хозе докладываютъ, что какая-то дама проситъ съ ними видѣться.

— Дама! она очень-кстати пришла, сказала донъ-Хозе.

— Молода она? хороша? Видно, что права нецеремоннаго, створчиваго? спрашиваютъ всѣ вдругъ гверильеры.

— Она закрыта вуалемъ, отвѣчаетъ слуга.

— Чортъ возьми! проси ее сюда скорѣе, подхватываетъ гададго: — мы лучше переговоримъ съ стаканомъ въ рукѣ.

— Сюда она не согласилась идти за мною, говоритъ слуга. — Она ждетъ васъ въ гостиной.

— *Por Dios!* вотъ забавное приключеніе! вскричалъ донъ-Хозе, поднимаясь изъ-за стола и сѣясь сохранить равновѣсіе: — дама, которая является къ начальнику гверильеровъ въ кружокъ его хмѣльныхъ товарищей и не соглашается войти въ залу пирушки! *Por Dios!* видно, ея не безумная

Марикита, не злопамятная Эммануэла, не дерзкая Пакита, — три воплощенные демона, особенно когда подождутъ. Что жъ бы это за дама подъ вуалемъ? бормоталъ онъ иля въ гостиную. — А! можетъ-быть, это какая-нибудь романтическая маркиза, которой надоѣли пошлыя любезности мужа и монотонныя проповѣди духовника, в которой захотѣлось горячей любви гверильера.

— Добро пожаловать, сеньйора, сказалъ онъ, входя въ гостиную: — считайте на мою безграничную преданность; но позвольте полюбоваться на воспитательныя черты, которыя скрываетъ ревнивая мантія.

Въ нетерпѣніи видѣть сеньйору маркизу, которую завела къ нему любовь, — такъ, по-крайней-мѣрѣ, онъ думалъ, — донъ-Хозе приподнимаетъ докучный вуаль. Но, увидѣвъ такое знакомое лицо, онъ быстро отскакиваетъ назадъ, прошептавъ глухимъ голосомъ одно только слово:

— Хуана!

— Дѣ, Хуана! повторяетъ она, сдвигнувъ до половины шелковую ткань, покрывавшую ея голову, и то поднимая, то потупляя глаза, исполненные вѣроломныхъ соблазновъ: — Хуана, увлеченная, вопреки священнымъ законамъ стыда, на поступокъ, который осудить свѣтъ, но отъ котораго она была уже не въ силахъ удержаться.

Когда гверильеро узналъ альбасекскую дѣвушку, изумленіе его было такъ велико, что хмѣльные пары тотчасъ разсѣялись въ головѣ его; невѣста Альвареса пришла въ гости къ убійцѣ Альвареса! Фактъ явный, неопровержимый; но объяснить его было не легко. Было надъ чѣмъ задуматься, челоуку проникательнѣе отважнаго партизана, суроваго начальника гверильеровъ; и потому донъ-Хозе, котораго голова уже не чувствовала тяготѣнія недавнихъ возліаній, стоялъ какъ вкопанный. Онъ пользовался употребленіемъ всѣхъ своихъ чувствъ, и однако съ трудомъ видѣлъ дѣйствительности явленія,

Хуана! Хуана! здѣсь! въ его домъ! передъ нимъ, говорящая съ нимъ ласково и почти-нѣжно, дарящая его взоромъ робкимъ, кокетливымъ и влюбленнымъ въ то же время! Какъ не потерять голову!

— Ну, сеньйоръ гидалго! возразила дѣвушка послѣ минутнаго молчанія, употребленнаго на ловкій манёвръ главокъ: — что жь вы стоите явны и недвижимы, словно мраморная статуя, даже не пригласите меня сѣсть?

— Ахъ, виновать, виновать! сеньйора! бормоталъ донъ-Хозе, сѣща поправить свою забывчивость:—но, право, я не сѣю убѣдить себя, что вижу точно васъ у себя въ домѣ.

— А между-тѣмъ, нѣтъ ничего справедливыя. Это я сама, сеньйора Хуана Долоресъ-и-Фельгухера, нахожусь у васъ, донъ-Хозе-де-Торосъ, одного изъ благороднѣйшихъ гидалговъ королевства Мурсіи. — Понимаю, примолвила она—что мой неожиданный приходъ, особливо нынче, послѣ нашей встрѣчи вчерашнею ночью, могъ удивить васъ. Двухъ словъ довольно, чтобъ объяснить вамъ мой поступокъ... Я пренебрегла, презрѣла васъ, сеньйоръ, для другаго, который спасъ мнѣ жизнь и тѣмъ заслужилъ мою вѣчную признательность. Съ-тѣхъ-поръ, Альваресъ получилъ мои клятвы и долженъ былъ сдѣлаться моимъ супругомъ. Чувство, которое я питала къ вашему сопернику, было тихо и ровно: то была чистая и спокойная признательность, похожая больше на любовь сестры къ брату, нежели на пламенную страсть къ любовнику дѣвушки, которая любить, и любить истинно, впервые... Разница ощутительна для меня теперь, прошептала Хуана краснѣя.—Я тогда обманывалась, продолжала она, впервые снова свои большіе черные глаза въ гверильеро:—я принимала за любовь чувство признательности, какое внушилъ мнѣ Альваресъ; я считала долгомъ чести свято сдержать слово, которое дала ему. — Ваши упорныя преслѣдованія, ваши пламенные рѣчи, ваши страшныя уг-

розы производили на меня слабое впечатлѣніе. Меня защищала отъ васъ мысль, что я исполняла священный долгъ. Вчера, туманъ, застилавшій мое зрѣніе, рассѣялся, и вещи представились мнѣ въ ихъ настоящемъ видѣ...

Тутъ Хуана запнулась, и, казалось, не рѣшалась договорить. Но остановка была непродолжительна.

— Да простить мнѣ св. Дѣва марменская! сказала она: — но мой приходъ къ вамъ влечетъ за собою немалобѣжное признаніе. — Буду говорить откровенно.

У васъ гордая и пылкая душа, сеньйоръ гидалго, душа, которую возмущаетъ всякая притѣснительная власть, всякое низкое и постыдное дѣло, всякое тиранническое повелѣніе... Бурная и зольная жизнь, какую вы ведете въ горахъ, со времени нашествія Французовъ, еще больше способствовала раскрытію благородныхъ наклонностей, которыми надѣлала васъ природа.

Но у людей, организованныхъ такими образомъ и живущихъ въ подобномъ положеніи, страсти бываютъ всемогущи и исключительны... Горе безразсудному, или безумцу, котораго судьба кинетъ нѣтъ поберегъ дороги! Онъ жестоко накажется за свои дерзкія усилія помѣшать нѣмъ въ достиженіи цѣли, которую они преслѣдуютъ, потому-что свободные люди не знаютъ ни опасностей, ни препятствій.

Обыкновенный или слабо-влюбленный любовникъ отворитъ бы сердце отъ неблагодарной, которая предпочла ему недостойнаго соперника. Затрудненія удвоили вашу твердость и пылкость вашей страсти. Отвергнутый, презрѣнный мною, вы не утрачивали никакого средства побѣдить мою суровость.

Мысль о преступленіи, даже обугрызненіи, уступила силѣ, энергій чувства, наполнившаго вашу душу, и вы поразили того, чье счастье оскорбляло вашу страсть.

Я жалѣла, плакала объ Альваресѣ, не заираюсь, потому-что это былъ великодушный и благородный характеръ; но, во время молчаливыхъ часовъ ночи, часовъ столь благопріятствующихъ драгоценнымъ бесѣдамъ, его красивая и невнятная фигура исчезала за величавыми разиѣрами тѣни соперника.

Эта тѣнь устремляла на меня свои обаятельные взоры,—продолжала Хуана, вперивъ глаза въ гверильеро: — черты ея имѣли странное выраженіе страсти и преданности, которыхъ могущества я еще не видѣла, и я чувствовала себя подъ влияніемъ природы, далеко превосходившей мою.

Тогда мнѣ невольно грезились сладкія бесѣды вечеромъ, исполгоса, въ тѣни цвѣтущихъ померанцевъ; грезилось счастье полное и незнакомое обыкновеннымъ душамъ, наслажденіе всепоглощающее и безпредѣльное.

Я признавалась самой-себѣ, что такая жизнь, пламенно мною желаемая, могла быть только слѣдствіемъ сильной и исключительной страсти; в ту жъ я понимала, что человѣкъ, который не колебался обогрѣть руки въ крови ненавистнаго соперника, долженъ питать въ сердцѣ любовь широкую и глубокую какъ бездна. Это открытіе вдругъ перемѣнило направленіе моихъ мыслей; тщетно я дѣлала неслыханныя усилія защититься отъ такого роковаго увлеченія; моя честь, гордость, моя добродѣтель поставляли слабыя преграды между мною и той цѣлю, которая мнѣ мелькнула, и въ выѣшній вечеръ, побѣжденная, покоренная, я пришла смирить свою гордость передъ тѣмъ, кого доселѣ обременяла своимъ презрѣніемъ.

Отступите же теперь вы за себя, обрушьте на меня всю тяжесть вашего презрѣнія, донъ-Хозе, потому-что сердце мое все принадлежитъ вамъ, и я горжусь тѣмъ, что люблю убійцу Альвареса!

Она была прекрасна красотою безсмертныхъ, говоря эти слова.—Станъ ея выпрямился въ величавую и гордую

позу, взоръ сверкалъ мятежными желаніями пламенно-влюбленной души, и голова, откинута назадь, предвссылала поклоненіе себѣ и почтеніе.

Торжество ея было совершенно.

Послѣ первой минуты онѣмѣнія, причиненнаго внезапнымъ появленіемъ Хуаны, донъ-Хозе собралъ свои растерявшіяся мысли. Слова, вылетавшія изъ устъ дѣвушки, были такъ странны, такъ новы, такъ неожиданны, что остановились у дверей сердца партизана. Сколько ни былъ растроганъ донъ-Хозе, но онъ колебался между подоврѣніемъ измѣны и надеждою увидѣть наконецъ свершеніе своихъ пламенныхъ желаній; и потому онъ сначала подавилъ стремительные порывы сердца. Могъ ли онъ вѣрить обольстительнымъ обѣщаніямъ, которыя ему дѣлались? могъ ли повѣрить этому счастью столь долго мечтанному, призыванному, тщетноисканному, и предлагавшемуся ему въ ту самую минуту, когда всякая надежда должна была исчезнуть для него? Онъ колебался въ мучительномъ волненіи, между противоположными внушеніями разсудка и любви. Но ловкій маевѣръ Хуаны стяжалъ наконецъ весь успѣхъ, какого она желала. Очаровательныя рѣчи дѣвушки, ея страстное выраженіе, потрясли всѣ оубры души гверильера; мнѣ совершенно удалось прогнать въ немъ всякую мысль объ измѣнѣ и вѣроломныхъ умыслахъ.

Растроганный, восхищенный, очарованный, донъ-Хозе упалъ къ ногамъ Хуаны и поклонился ей въ неопредѣленной привязанности, въ исключительной вѣжливости, въ вѣчной вѣрности.

—

На другой день, гверильеро покинулъ окрестности Альбасеты и пустился въ горы, направляясь въ Новой-Кастиліи. Хуана послѣдовала за партизанамъ.

Съ-тѣхъ-поръ, для дѣвушки, привыкшей ко всѣмъ пріятностямъ, ко всѣмъ удобствамъ, ко всѣмъ выгодамъ счастливаго положенія, началась жизнь

тревогъ, волненій и трудовъ. Она скрыла свой полъ полъ мужской одеждою; благодаря этому наряду, болѣе-сообразному съ потребностями и обстоятельствами ея новаго состоянія, она охотно раздѣляла опасности, которыми подвергалась ея отважные товарищи. Искусная наѣдинца, какъ почти всѣ Андалузянки, она могла проводить цѣлые дни на конѣ. Иногда она дѣлала, не слѣзая съ сѣдла, переѣзды въ десять и пятнадцать миль, чтобъ нечаянно ночью напасть на неприятельскій конвой, либо окончательно сбить съ дороги отрядъ, высланный на преслѣдованіе гверильи. Новая амазонка, Хуана безропотно переносила тяжкую усталость, бывавшую для нея слѣдствіемъ форсированнаго марша. Она отважно презирала и пули Французовъ, и сырость ночей, и палящій зной солнца.—Сама Норена де-Малага, героическая подруга Эмписнадо, не бывала мужественнѣе, неустрашимѣе во время стычки, благороднѣе, величавѣе, сдиромнѣе послѣ сраженія. За то Хуана приобрѣла себѣ любовь и почтеніе всѣхъ гверильеровъ. Самъ донъ-Хозе оказывалъ этому прелестному существу вѣжливость, соединенную съ глубокимъ уваженіемъ. Каждый день возрастала его страсть къ ней, но одного знака, одного мановенія, одного взгляда Хуаны было достаточно, чтобъ удерживать проявленіе этой страсти. Вдовѣ Альвареса не поведеніе ли вдовы приличествовало? то не была любовница донъ-Хозе, какъ утверждала глупая колпа, обманывавшая наружностью. Люди, составлявшіе гверилью, знали хорошо, что думать о родѣ отношеній, существовавшихъ между этой дѣвушкою и ихъ начальникомъ. За то это воздержаніе, это дѣломудріе, столь необычайныя въ положеніи, въ какомъ жила Хуана, еще болѣе усиливали, какъ легко себѣ представить, почтеніе къ ней суровыхъ партизановъ и любовь гидальго.

Странную и неразрѣшимуую загадку представляло поведеніе Хуаны со времени смерти ея любовника!

— Я хочу быть вамъ сестрою въ теченіе года, считая со вчерашняго дня, праздника рождества Богородицы, сказала она донъ-Хозе, выслушавъ его клятву.—Объщайте жь и вы мнѣ, что до 8 сентября будущаго года, времени истеченія этого срока, вы будете мнѣ почтительнымъ и покорнымъ братомъ.

Напрасно сѣтовалъ гверильеро; напрасно домогался онъ узнать причину такого долговременнаго испытанія...

— Я буду вашей сестрою въ продолженіе года, и вы будете обходиться со мною какъ съ сестрою; не то я возвращаюсь назадъ въ Альбасету... Выбѣрайте! повторила Хуана.

И пылкій партизанъ, отказываясь проникать тайну дѣвушки, обязывается торжественною клятвою служить ей только братомъ.

Во время быстро проходитъ въ развѣздахъ день и ночь по горамъ, въ безпрестанныхъ нападеніяхъ на Французовъ, въ защищеніи родной земли, защищаемой чужеземцами. Протекли мѣсяцы,—настаетъ послѣдній, а съ нимъ и конецъ испытанія.

Братъ скоро долженъ исчезнуть, чтобъ уступить мѣсто любовнику.

Между-тѣмъ, военныя опасности ежедневны. Послѣ удачи во всѣхъ своихъ наѣздахъ, донъ-Хозе наконецъ атакованъ въ то время, когда наименѣе того ожидалъ, тремя эскадронами легкой кавалеріи, въ окрестностяхъ Сіудад-Реале, въ Ламанчѣ. Онъ мужественно выдержалъ натискъ неприятелей, и Хуана, сражавшаяся рядомъ съ нимъ, слѣлала чудеса храбрости; но, не смотря на упорное сопротивленіе, Испанцы принуждены были отступить, оставивъ на полѣ сраженія значительное число товарищей. Донъ-Хозе удалился въ горы съ остатками своей гверильи. Французы не заблаго-разсудили его преслѣдовать въ неприступныхъ убѣжищахъ Сьерры; они продолжали очищать равнины, дѣлая черезъ то пребываніе въ городкахъ опаснымъ и даже невозможнымъ для партизановъ. Они принесли также къ донъ-Хозе и его роднымъ строгія

нѣры, которыя обрушивали на головы почти всѣхъ начальниковъ гверильи: известно, что въ Кастилиа мать и родственники Мартина Діаза брошены были въ тюрьму, что въ Роа и въ Бургосѣ также сурово поступлено съ пріятелями Маріано Фуэнтеса и Мерино. — Родственница дон-Хосе и альбасетскій алькадъ, покровительствовавшій убійцѣ Альвареса, заплатились за дерзость, какую оказывалъ начальникъ гверильеровъ надъ непріятельскими солдатами съ самаго начала войны. Тюремное заключеніе наказало ихъ за преступныя связи съ страшнымъ предводителемъ шайки. Въ доказательство своего усердія къ интересамъ побѣдителей, новый коррехидоръ Альбасеты, который былъ afrancesado, положилъ награду за голову дон-Хосе. Дуро объявлена награда во 100,000 реаловъ тому, кто выдастъ Эмпесвадо живаго или мертваго. Убійца Альвареса, носившій имя не столь громкое, какъ имя Мартина Діаза, опѣнень былъ дешевле его. Коррехидоръ обязался выплатить только 40,000 реаловъ тому, кто выдастъ его Французамъ или альбасетскому начальству, 40,000 реаловъ! Значительная сумма въ то время опустошенія, могшая прельстить жадность плохихъ сыновъ отечества! Увы, въ какой страдѣ не отыщется всегда какой-нибудь Іуда, жажущій сребрениковъ предательства!

Современн удаленія въ Сьерру, дон-Хосе былъ осужденъ на бездѣйствіе, которое день-о-то-дня становилось для него несноснѣе; человекъ съ пылкими страстями, съ фанатическимъ патриотизмомъ, онъ имѣлъ потребность въ безпрестанно-новыхъ волненіяхъ и тревогахъ. Покой утомлялъ его больше, чѣмъ самые дальніе и самые опасные походы. Важная награда, важная за голову гверильера, ни на мигъ не поколебала преданности, какую питали къ нему его вѣрные товарищи. Увѣренный въ ихъ привязанности столько же, какъ въ ихъ мужество, дон-Хосе рѣшился опять начать

съ ними свои отважные разѣзды; но, чтобъ имѣть нѣкоторую вѣроятность успѣха, судя по малочисленности уцѣлѣвшихъ у него людей, слѣдовало избрать мѣстность не столько занятую французскими войсками и болѣе-благопріятную образу войны гверильеровъ. Эстрадаура была этой желанной мѣстностью; пересѣкаемая на сѣверѣ, въ центрѣ и на югѣ высокими горами, она представляла многочисленныя способы удачно продолжать партизанскую войну. И такъ, надо было обратиться въ эту провинцію. Чобъ обмануть бдительность непріятелей и легче ускользнуть отъ нихъ, дон-Хосе раздѣлилъ свою шайку на мелкіе отряды, по двое и по четверо въ каждомъ, назначивъ имъ сборнымъ пунктомъ Белу. Самъ же онъ, съ пятьрьми преданными товарищами и Хуаню, скрывался въ одной уединенной гостинницѣ въ Сьеррѣ, ожидая еще нѣсколько дней, чтобъ покинуть свое убѣжище.

Гостинница, служившая притономъ для гверильеровъ, находится въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Монтіаля, въ Ламанчѣ, на площадкѣ, удаленной отъ всякой проѣзжей дороги; въ старину, это былъ укрѣпленный замокъ, построенный Маврами. Зубчатая стѣна, единственный остатокъ отъ зданія сѣверной башни, свидѣтельствуетъ первоначальномъ назначеніи этого разваливагося строенія. Въ него входятъ по узкой и опасной тропинкѣ, вьющейся подлѣ оврага; одна эта тропинка извѣстна; слѣдовательно, по ней одной ходятъ путешественники, заведенные какими-нибудь обстоятельствами въ эту сторону.

Огромная гранитная скала возвышается насупротивъ дома. При вершинѣ, она странно вырѣзана причудливыми зубцами, — дѣло случая и столѣтій; при основаніи, она имѣетъ парость, образующій какъ-бы грубую скамью, изсѣченную натурою; нѣсколько дикихъ кустарниковъ, выросшихъ въ расщелинахъ исполинскаго утеса, приосѣняютъ эту скамью своими вѣт-

вливи: нѣстоположеніе одно изъ самыхъ живописныхъ и поразительно-эффектныхъ. Высокія горы гордо воздымаются по бокамъ площадки; громадные массы ихъ задвигаютъ справа и слева гостиницу, на которую какъ-будто грозятъ поминутно обрушиться.

Таково было пристанище, временно набранное аррьергардомъ гверильи, и гдѣ донъ-Хозе находился еще наканунѣ дня, назначеннаго отъ Хуаны срокомъ испытанія.

Было 7-е сентября. Утромъ, солнце взошло ярко, и еще не достигши половины своего бѣга, уже сыпало на площадку цаліиэ лучи; по-полудни атмосфера вошла въ температуру раскаленной печи; взошедшая земля походила на раскаленную рѣшетку, на которую нельзя ступить ногою, не почувствовавъ обжога. Одогнанный жаромъ, донъ-Хозе искалъ убѣжища у подошвы гранитной скалы, которой строеніе мы сейчасъ описали; тамъ нашелъ онъ свѣжесть и тѣнь; и, убаюканный отрадными образами любви и сраженій, уступилъ нанослѣдокъ снотворному вліанію атмосферы.

Товарищи справили сестру въ нижней залѣ гостиницы, какъ долѣтъ вольными гверильерамъ. Они только что встребили нѣсколько дюжинъ ломтей ветчины подъ яичницею и опорожили *боррачу* толоскаго вина. Покончивъ это вкусное занятіе, они играли въ *канѣ*, проходя въ то же время практической курсъ гомеопатія, — то есть, они тушили воспламененный воздухъ, пробиравшійся въ ихъ легкія, жгучимъ содержаніемъ множества запечатанныхъ бутылокъ.

Хуана заперлась въ комнатѣ, которую занимала въ первомъ этажѣ гостиницы. Но въ какомъ состояніи была она, Боже мой! Это уже не мушкетерная амазонка, не прославленная въ народныхъ разсказахъ героиня, которой очи мечутъ пламень, какъ скоро раздастся воинственный звукъ трубы, и которой рука творитъ чудеса въ пылу стычки; нѣтъ, то уже не

бурная подруга безстрашныхъ гверильеровъ.

Увы, Хуана, въ часы удивленія, сбрасывала заемную маску, которую надѣвала на лицо свое! Когда ея никто не видитъ, когда она знаетъ, что взоръ ея товарищей, особенно донъ-Хозе, не грозитъ встрѣтиться съ ея взоромъ, — она спѣшитъ сложить съ себя утомительную роль, какую приняла добровольно. Альбасетская дѣвушка въ эти минуты снова становится такою же, какою создала ее натура, какою сдѣлала ее сосредоточенная скорбь.

Вотъ она передъ нами въ своемъ непринужденномъ положеніи; это слабая женщина, пораженная въ самое сердце; она рыдаетъ и облегчаетъ стѣсненную грудь, давая свободный потокъ своей горести. Посмотрите, какъ лицо ея, недавно пылавшее жаромъ битвы, блѣдно и истощено! Какъ исхудали ея щеки, какъ впали виски, какъ осунулись скулы, и какъ красота ея, — ибо она еще прекрасна, не смотря на опустошенія, надѣлавныя думами, — какъ ея красота приняла характеръ болѣе-суровый, болѣе-повелительный.

Если вы угадали жажду ищенія, которая пожираетъ дѣвушку, то вѣрно подозреваете, что поведеніе ея скрываетъ какой-нибудь ужасный умыселъ; что годовая отсрочка, выроченная Хуаною и данная, хотя съ неохотою, дономъ-Хозе, требовалась затѣмъ, чтобъ вѣрнѣе сплести вѣроломныя сѣти. Чтó же за тайная цѣль, которую преслѣдуетъ невеста Альвареса? Не проходило дня, ни одного дня, въ-теченіе года, когда бы ей не представлялось нѣсколько случаевъ покарать убійцу оружейника. Почему же она этого не сдѣлала?... Почему? Потому-что донъ-Хозе, нанесши смертельный ударъ Альваресу, навѣкъ погубилъ счастье той, которую онъ избрался вести къ алтарю. Потому-что безчеловѣчное и умышенное преступленіе гверильера, преступленіе, пропущенное безсмысленными законами королевства, заслуживаетъ казнь жесто

ней, ужасной, — словомъ, столько же великой, какъ пустота, которую пронесло оно въ душѣ Хуавы. Кровь дона-Хозе, восточенная по каплѣ, медленные и лютыя муки продолжительной агоніи, недостаточно уплатили бы долгъ, въ какой онъ вступилъ передъ дѣвушкою. Испанка, и еще суетѣрная Испанка, столь же изысканна, сколько непреклонна въ своей ненависти. Хуана почерпнула въ своихъ религиозныхъ вѣрованіяхъ мысль о мщеніи, которое должно было еще постигнуть гверильера послѣ того, какъ его тѣло будетъ трупомъ; и, чтобъ кара была полна, она избрала годовщину убійства Альвареса для пораженія преступника.

Пока дѣвушка поглощена такимъ образомъ своей скорбью, солнце мирно продолжаетъ обычное свое теченіе. Уже нѣсколько минутъ легкой и освѣжительный вѣтерокъ обвѣваетъ горы; онъ нашептываетъ занавѣскамъ окошъ гостиницы послѣдвіе звуки отдаленной пѣсни. Хуана облокотилась на балконъ, чтобъ подышать свѣжимъ вечернимъ воздухомъ. Съ четверть часа находилась она тутъ, все по-прежнему углубленная въ свои думы, какъ вдругъ чей-то голосъ поражаетъ слухъ ея. Хуана вздрогнула; почти подлѣ нея былъ мужчина. Возбравшись на груду камней, натасканныхъ для почыяка этого крыла гостиницы, образумяго старинной сѣверной башнею, грозившей обрушиться, онъ такимъ образомъ доставалъ почти до наружнаго края окна, подъ которымъ сидѣла дѣвушка.

— Сеньора, сказалъ этотъ человекъ, сдернувъ тотчасъ сомбреро, закрывавшее ему лицо: — вы узнали меня, не правда ли?

— Ты провожалъ меня, годъ тому назадъ, на дачу дона-Хозе, кажется? отвѣчала Хуана, поглядѣвъ на человека, такъ нечаянно представшаго глазами ея.

— Точно такъ, я Менико, вашъ преданный слуга и другъ... другъ...

Т. XLIII. — Отд. VIII.

— Другъ Альвареса, договорила дѣвушка, испустивъ вздохъ.

— Такъ точно, продолжалъ Менико: — но я не смѣлъ... странные слухи, какіе ходятъ по провинціи... ваша новая привязанность...

— Моя новая привязанность! повторила Хуана, перебивъ Менико.

— Да, вѣдь въ самый день погребенія Альвареса вы ушли къ его убійцѣ; съ-тѣхъ-поръ не разставались съ нимъ ни на минуту. Вы съ нимъ были въ походахъ, и въ Альбасетѣ всѣ думаютъ, что вы любовница дона-Хозе.

— Любовница дона-Хозе! повторила дѣвушка съ запальчивостью гнѣва: — да... да... понимаю, Менико, продолжала она съ странной улыбкою: — понимаю, что всѣ были такого мнѣнія; вся наружность давала поводъ такъ думать; но ты, Менико, ты развѣ забылъ, что я тебѣ сказала въ минуту нашего прощанія?

— Нѣтъ, сеньора; вы мнѣ сказали, чтобъ я называлъ клеветниками тѣхъ, кто будетъ утверждать, что вы измѣнили записи клатвамъ.

— И что жъ?

— Что жъ! Какія доказательства могъ я представить въ защиту моихъ словъ, когда все васъ обвиняло?

— Правда.

— Всѣ думали, что гордый и благородный характеръ дона-Хозе, его знатное происхожденіе, его слава соблазнили васъ. Прихотливый нравъ женщины, — простите, сеньора, что я вамъ повторяю альбасетскіе толки, — ихъ врожденное неостоянство, вѣтренность, подтверждали такое мнѣніе... Впрочемъ, надобно прибавить, что если сначала васъ осуждали за это предпочтеніе, оказанное убійцѣ вашего жениха, то, въ послѣдствіи, ваша храбрость, ваши подвиги, опасная жизнь, какую вы раздѣляли съ дономъ-Хозе, возвратили вамъ полное одобреніе толпы.

— Гидальго питалъ въ сердцѣ безумную страсть, говорили одни, потому что убилъ счастливаго соперника. Стало-быть, любовь вызываетъ любовь, и романическое воображеніе севѣйоры Хуаны не устояло противъ такого крайняго доказательства пламенной вѣжности.

— Она не любила Альвареса, толковали другіе: — слѣдовательно, ей не трудно было забыть его. — Словомъ, каждый, удивляясь вашей храбрости, вашей неустрашимости въ сраженіяхъ, громкимъ заслугамъ, которыя вы оказываете національному дѣлу, прощаетъ васъ за нарушение данной клятвы.

Взоры дѣвушки, при этихъ словахъ, засверкали необыкновеннымъ блескомъ... Но она ничего не отвѣчала Менико, и не истаралась разувѣрять его.

— Одинъ только человекъ, — продолжалъ маноло: — не раздѣляетъ общаго мнѣнія. Отъ-того онъ поклялся погубить васъ и дон-Хозе. Чтобы предупредить его низкіе умыслы, я прибѣжалъ сюда; потому-что, по милости этого мерзавца, Французы теперь знаютъ притонъ гверильевъ.

— Что вы, Менико!

— Безъ меня, вы и храбрые защитники Испаніи погибли бы, добавилъ Менико.

— Ради Бога, говорите, говорите, откройте, что вы провѣдали.

— Вотъ что: коррехидоръ донъ-Пабло де-ла-Амейраха, заклятый афрансезадо, отнюдь не раздѣля со всѣми истинными Испанцами одобренія геройскимъ усиліямъ дон-Хозе, обѣщалъ награду въ 40,000 реаловъ тому, кто выдастъ страшнаго гверильера, живаго или мертваго. Общее негодованіе встрѣтило его позорное предложеніе, но тотъ, кто никогда вамъ не прощаль вашей любви къ дон-Хозе, вывзвался съ своей стороны непримѣ-

но захватить начальника гверильевъ. Такимъ-образомъ, онъ хочетъ разрушить ваше счастье, чтобы наказать васъ, хотя бы подлой измѣной, за то, что онъ въ васъ называетъ подлой измѣною.

— Святая Дѣва! Кто же этотъ человекъ?

— Этотъ человекъ, дошедшій съ годъ до самой крайней нищеты, мучимый день и ночь угрызениями совѣсти, вдругъ потерялъ свою слабость, свою природную трусливость передъ наградой, предложенной отъ коррехидора. Мужество въ немъ проявилось вмѣстѣ съ желаніемъ заслужить золото дон-Пабло, и въ одно время отстать за брата и тому, кто его погубилъ, и той, которая ругается надъ его памятью.

— Антоніо! воскликнула Хуана.

— Онъ самый. Антоніо навелъ французскихъ гусаровъ на ваши слѣды; онъ, чтобы удометворить непомирной жадѣ мщенія и золота, поклялся погубить храбраго гверильера; онъ не устыдился позора пожертвовать собственной выгодѣ дѣломъ отечества.

— Но откуда ты знаешь эти важныя извѣстія?

— Пѣтъ ничего легче, какъ отвѣчать на вашъ вопросъ. Антоніо скоро узналъ всю безчестность своего поступка; презрѣніе, которое готовилось ему въ удѣлъ, проклатіе потомства, неотступно тревожили его разстроенный умъ; ему хотѣлось найти сообщника, который бы принялъ на себя половину позора. Моя привязанность къ Альваресу была извѣстна; онъ открылся мнѣ, предложилъ мнѣ вмѣстѣ идти къ коррехидору. Вамъ не безызвѣстно, что мѣсто вашего убѣжища не тайна ни для кого изъ насъ: мы знаемъ наизусть всю эту страну. Я притворился, будто раздѣляю съ Антоніо его намѣреніе, чтобы черезъ то вѣрнѣе отаратить подлый умыселъ; пошелъ съ нимъ въ Монтіаль, и тамъ, мы

условились отложить нападеніе на гостиницу до сегодняшняго вечера, какъ-будто для того, чтобъ лучше обезпечить удачу. Между-тѣмъ, чтобъ эта отсрочка совѣтъ не разрушила экспедиціи, по совѣту Антоніо спрятанъ отрядъ въ хижинѣ пастуха и въ чащѣ оливъ у подошвы горы при началѣ тропинки, что ведетъ на площадку. Отрядъ такъ спрятанъ, что можетъ противостоять всей гверильѣ въ случаѣ, еслибъ она, замлаговременно увѣдомленная, вздумала силой открыть себѣ дорогу, но и подоспѣетъ достаточное подкрѣпленіе. Видите, что всѣ мѣры взяты. Пользуясь темнотою, Французы легко взберутся по узкой дорожкѣ вдоль оврага, и еслибъ даже вы могли противопоставить упорную оборону, укрѣпившись въ гостиницѣ, все-таки успѣхъ экспедиціи былъ бы несомнѣненъ; голодъ, недостатокъ снарядовъ, выдадутъ васъ рано или поздно неприятелямъ, которые поклялись уничтожить гверилью.

— Такъ-что смерть дона-Хозе неизбежна? спросила Хуана мрачнымъ голосомъ.

— Если Французы точно такіе любезные кавалеры, какъ про нихъ говорятъ, то одніъ вы, сеньйора, за вашъ полъ, можете нѣсколько надѣяться на пощадку. Прочіе гверильеры не должны и думать смягчить ожесточенныхъ неприятелей. А что до дона-Хозе, о немъ нѣчего и сомнѣваться... Быть убиту съ оружіемъ въ рукахъ, либо разстрѣлану послѣ сраженія, — вотъ участь, которая его ожидаетъ.

Хуана погупила голову и закрыла лицо руками, и это движеніе показало Менико очень-натуральнымъ въ любовницѣ дона-Хозе. Послѣ минутаго молчанія, дѣвушка объяснила Менико, что гверилья была разсѣяна, и что ихъ оставалось только семеро для сраженія съ Французами. Значитъ, ихъ побѣда была несомнѣнна, ибо нельзя было предполагать, чтобъ они слысь.

Но, во время разговора, Хуанѣ пришла на-умъ мысль: — Если Французы занимаютъ единственный проходъ, ведущій на площадку, то какъ же онъ, Менико, успѣлъ пробраться до гостиницы?

— Это секретъ, который я хотѣлъ вамъ сообщить и отъ котораго зависитъ ваше спасеніе, отвѣчалъ тотъ. — Всякій знаетъ, что это зданіе было въ старину, во время войнъ Мауровъ съ христіанами, крѣпостью, которую занималъ мухаммеданскій гарнизонъ; но вотъ, что извѣстно только очень-немногимъ Испанцамъ. Невѣрныя, чтобъ упрочить себѣ владѣніе крѣпостью, вздумали прокопать подземелье, которое, проходя сквозь гору, поставило ихъ въ сообщеніе съ землями, имъ подчиненными. Такими-образомъ, въ крѣпость доставлялись припасы и подкрѣпленія гарнизону, и осаждающіе не могли помѣшать провозить ихъ въ осажденное мѣсто. Этотъ тайный проходъ, котораго отверстіе прикрито у подошвы горы гущею терновника и дикихъ курстарниковъ, примыкаетъ къ строенію, назначенному подъ конюшни. Дверь, пробитая въ стѣнѣ и искусно скрытая, открывается на лѣстницу; лѣстница сходитъ подъ этотъ мрачный сводъ посредствомъ пружины, которую можно пожимать равно снаружи и снаружи. — Существованіе подземелья, двери и пружины мнѣ извѣстно. Нѣкогда разсказывать, какимъ образомъ крѣпость сдѣлалась гостиницею, потомъ притономъ разбойниковъ, потомъ мастерскою фальшивыхъ монетчиковъ, наконецъ всѣмъ этииъ вдругъ. Довольно съ васъ знать, что мой отецъ былъ прежде владѣльцемъ этихъ мѣстъ, и что передъ смертью онъ открылъ мнѣ важный секретъ. Черезъ этотъ-то никому-невѣдомый проходъ пробрался я сюда, черезъ это-то подземелье спасу я васъ отъ участи, которая вамъ угрожаетъ. Донъ-Хозе, — извините, сеньйора, за напоминаніе, — погубилъ челоуѣка, котораго я горячо любилъ, и мнѣ пріятно бы слышать о его

смерти, если бы жизнь его не была нужна отечеству. Правда, я бѣденъ, сеньора, бѣденъ какъ Ювъ, и 20,000 реаловъ дали бы мнѣ хорошее состояніе; но Менико надѣленъ чувствами выше своего званія, и никогда пальцемъ не дотронется до золота, заслуженнаго измѣною.

— Благородныя слова, Менико! отвѣчала Хуана. — Чувства эти дѣлаютъ вамъ честь, и я обязываюсь, отъ имени своихъ товарищей, щедро наградить васъ за ваше патриотическое безкорыстіе. «Испанія, прежде всего» — девизъ нашей гверильи; таковъ же долженъ быть девизъ и всѣхъ истинныхъ сыновъ отечества. Но время дорого, и не совѣтую вамъ видѣться съ дономъ-Хозе: это было бы лишнее. Возвращайтесь поскорѣе въ хижину пастуха; если ваше отсутствіе продлится долѣе, въ начальникѣ отряда можетъ родиться подозрѣніе, и тогда всѣ мы погибемъ. Пойдите въ конюшню; овладѣвъ тайною, я увѣдомлю дона-Хозе, и когда Французы явятся сюда, они найдутъ пустое мѣсто.

Менико одобрилъ планъ, и Хуана, запасшись фонаремъ, немедленно вышла къ нему. Все оказалось точно такъ, какъ онисывалъ маноло. Онъ пожалъ пружину, маскированную металлической блахой, и дверь отворилась на огромную лѣстницу, выдолбленную въ стѣнѣ и скалѣ.

Хуана поставила фонарь на первую ступеньку; потомъ, по уходѣ Менико, глухо засидѣлась, произнесши съ страннымъ удареніемъ:

— Такъ вдова Альвареса любовница дона-Хозе!

И опять также усмѣхнулась.

— Пришла минута наградить убійцу и дать ему залогъ моей вѣжности. Идемъ! сказала она, бросаясь вонъ изъ конюшни: — идемъ! минуты дороги...

Спустя нѣсколько мгновеній, Хуана сидѣла подлѣ дона-Хозе, на грубой скамьѣ, образуемой подошвою гранитной скалы. Она тихо приподняла голову гверильяса и положила ее къ себѣ на колѣни.

Движеніе, произведенное въ верхней части тѣла, вывело дона-Хозе изъ глубокаго усыпленія. Глаза его, взглянувъ на свѣтъ, повстрѣчали глаза дѣвушки, которая любовно склонилась надъ нимъ.

— Хуана! не сонъ ли это? Точно ли это вы подлѣ меня съ такимъ нѣжнымъ участіемъ? воскликнулъ убійца Альвареса, послѣ минуты безмолвнаго созерцанія.

— Чтѣ это, упрекъ, донъ-Хозе? отвѣчала дѣвушка: — развѣ я нехстати пришла разогнать сладкія грезы, которыя тѣшили совѣ вамъ?

— Какое жестокое слово! возразилъ гверильяса, подвигаясь къ Хуанѣ. — Можно ли это говорить мнѣ, который не знаетъ другаго счастья, другаго блаженства, какъ васъ видѣть, слышать васъ, дышать однимъ съ вами воздухомъ; мнѣ, который, вотъ уже два года, не имѣлъ ни одной мысли, которая не касалась бы васъ; мнѣ, который цѣлый годъ терпѣлъ неслыханныя мученія, чтобъ угодить вамъ и сдержатъ клятву-вамъ данную!

— А эту клятву, если не ошибаюсь, вамъ дорого стѣитъ сдержатъ, братецъ?

— Признаюсь; когда два сердца соединены общими желаніями и надеждами, между ними не должно существовать несносныхъ тайнъ.

— Согласна, что тайна есть преступленіе между любовниками, что она оскорбительна для того, который не знаетъ ея; но у сестры съ братомъ... сказала она, докончивъ фразу лукавой улыбкою.

— Братомъ, братомъ! повторилъ донъ-Хозе, дѣлая насильственный жестъ:—да, сегодня я еще братъ вашъ, продолжалъ онъ, одушевляясь по мѣрѣ того, какъ говорилъ:—да, вы еще майъ сестра; но завтра кончится эта невыносимая пытка; завтра вы должны открыть мнѣ вполне ваше сердце, — такъ вы общались; и мнѣ будетъ позволено говорить вамъ о пламени, который сжигаетъ меня; вы уже не запретите твердить вамъ, что вы прекрасны, какъ небесная птица, Хуана, что я люблю васъ до безумія, Хуана, что жду отъ васъ взаимности, обожаемая Хуана...

— Полноте! замѣтила дѣвушка, съ кокетливымъ жестомъ зажимая уста гверильясу:—вы забываете наши условія, донъ-Хозе; нынѣшній день еще мнѣ принадлежитъ. Посмотрите, какой роскошный вечеръ готовится, примолвила она бархатистымъ голосомъ. — Сколько красоты, сколько величія, сколько поэзіи въ этомъ закатѣ! Когда глядишь на то, какъ лучезарный шаръ исчезаетъ мало-по-малу за бѣловатыми тучами запада, не правда ли, такъ и хочется провожать его завистливымъ взглядомъ? Не правда ли, что хотѣлось бы вмѣстѣ съ нимъ погрузиться въ это пламенное море, которое скоро скроетъ его отъ глазъ нашихъ?

— Въ-самомъ-дѣлѣ, отвѣчалъ донъ-Хозе, развѣженный этою рѣчью и тономъ, какимъ она была произнесена:—я много разъ испытывалъ такое желаніе, глядя съ вершины горъ, какъ у меня подъ ногами постепенно гаснетъ пламенное свѣтило и скрывается за горизонтомъ.

— Когда перестаешь его видѣть, то какъ-будто чувствуешь ужасную пустоту, подхватила Хуана:—остаешься одинокимъ, какъ-будто потеряла дорогаго человѣка; но мало-по-малу, это состояніе души преобразуется; тоска перемѣняетъ характеръ; прежнее неясное, неопредѣленное, однако существенное

страданіе уступаетъ мѣсто неодолимой потребности мечтать; тогда находяшься подъ непосредственнымъ вліяніемъ всего, что насъ окружаетъ; вътерокъ, вѣющей нашему слуху, благоуханія, несущіяся отъ померанцовыхъ и миртовыхъ рошчицъ; тысячи неуволнимыхъ и таинственныхъ гармоній, производимыхъ передъ успокоеніемъ природы всеми земными предметами,—всѣ вмѣстѣ эти причины вдругъ дѣйствуютъ на душу и заставляютъ пускаться мысленно въ дальнія странствія. Земля исчезла; грубыя преграды, которыя удерживаютъ насъ долу, рушились, и могучимъ призывомъ мы улетаемъ въ область безконечнаго... Не правда ли, донъ-Хозе, что закатъ солнца пора благоприятная для идеальныхъ странствованій, вѣжныхъ и уповательныхъ мечтаній?

— И сладкихъ бесѣдъ, Хуана.

Услышавъ это замѣчаніе, дѣвушка стыдливо потупила голову и не отвѣчала.

— О, Хуана! продолжалъ гверильясу:—какая вы мастерица изображать чувства, проходящія по сердцу человѣка! Какъ вы умѣете заставить раздѣлять всѣхъ, васъ окружающихъ, тысячи ощущеній, которыя сами испытываете! Какъ вы совершенны! То мужественный и пылкій воинъ, вы идаетесь во весь опоръ на конѣ въ тѣсные ряды непріателей: тогда васъ ничто не пѣняетъ, кромѣ воинственныхъ звуковъ трубы, ватиска эскадроновъ, стука оружія. Вашъ пламень, какъ электрическая искра, сообщается каждому изъ товарищей, и всѣ рвутся раздѣлять опасности, на которыя вы бросаетесь съ такимъ безстрашіемъ. То амазонка уступаетъ мѣсто женщинѣ, — женщинѣ, дѣльному и блѣдному созданію, котораго силу составляетъ слабость; женщинѣ, надѣленной всеми очаровательными дарами, которые упрочиваютъ ея власть надъ мужчиной; женщинѣ, съ ея лукавой томле-

стью, съ непроницаемыми взглядами, гармоническими движениями, мѣрной поступью,—словомъ, со всѣми оболочечными, какими надѣлялъ ее Творецъ. Тогда одна фраза, одинъ жестъ, одно слово, малѣйшая вещь съ вашей стороны имѣютъ такую обаятельную, такую опасную, такую непобѣдимую прелесть, что стѣнитъ только взглянуть на васъ, услышать васъ—и тотчасъ хочется упасть къ ногамъ вашимъ. Чтѣ же такое вы, сеньйора, вы, чья воля всемогуща надъ столь бурною душою, какъ моя? вы, которая приобрѣли самодержавную власть надъ сердцемъ суроваго предводителя гверильи?

— Что такое я? я... которую вы зовете своей повелительницею! Увы! не трудно отвѣчать на вашъ вопросъ. Я просто слабое созданіе, продолжала Хуана, принимая видъ стыдливаго смущенія:—очень-слабое созданіе, повторила она:— котораго душа наполнена двумя властительными чувствами: первое внушено любовью къ отечеству, а второе одной странной склонностью.

— Ахъ, Хуана! какъ ты прекрасна! вскричалъ гверильеро, услышавъ сладкое признаніе и обхвативъ рукою станъ дѣвушки, которая задрогнула отъ этого неожиланнаго прикосновенія:— какъ ты прекрасна, повторилъ онъ:— и какъ счастливъ тотъ, кто, бывъ напередъ твоимъ почтительнымъ братомъ, можетъ наконецъ, упоенный любовникомъ, связать навѣкъ свою судьбу съ твоею!

— Пустите, пустите меня! сказала Андалузянка, усиливаясь, впрочемъ ласково, освободиться отъ страстнаго объятія донна-Хосе.

— О! погоди, останься такъ, Хуанита, дай моей рукѣ услышать всѣ біенія твоего сердца! шепталъ гверильеро.— Радъ неба! въ эти вечерніе часы, когда мы вдыхаемъ любовь съ воздухомъ, вѣющимъ вокругъ насъ; въ часы безмолвія, когда все манитъ къ мѣж-

нымъ признаніямъ, Хуана, Хуанита, растроганнымъ голосомъ произнеситъ слова, которыхъ я не слышалъ отъ всѣхъ дѣвадатъ несчастныхъ мѣсяцевъ. Скажи мнѣ еще разъ, что ты не истинно любила Альвареса; что холодная признательность была единственное чувство, какое внушала тебѣ мамола. Скажи, что вся твоя любовь принадлежитъ мнѣ, что я владѣю всѣми помыслами твоего ума, всѣми желаніями, всѣми мечтами твоей души, подобно тому, какъ ты для меня цѣлые два года была единственною цѣлію моею.

Говоря это, донъ - Хосе все держалъ одну руку вокругъ стана дѣвушки, другою пожималъ руку Хуаны. Головы ихъ почти соприкасались, и по временамъ душистые локоны черныхъ волосъ Андалузянки сладострастно дотрогивались до расплеченныхъ щекъ донна-Хосе; такимъ образомъ, гверильеро, которому въ течение года ни разу не удалось такъ сладко бесѣдовать теперь покоряясь вдругъ двойному обаянію атмосферы, растопленной любовными изліяніями, и сосѣдства любимаго предмета, чувствовала, что пламенный волканъ безпрестанно нагрѣвалъ горячую кровь, кипѣвшую въ его жилахъ. Ему казалось, что голова его готова была разлетѣться; взоръ его, вперенный въ блѣдное лицо дѣвушки, отражалъ безпорядокъ мыслей, и сердце билось такъ сильно, словно хотѣло выпрыгнуть изъ груди.

Быстрога взгляда, брошеннаго Хуаною на донна-Хосе, достаточно было, чтобъ увидѣть волненіе, обуревающее все существо гверильера.

На настойчивую просьбу его она отвѣчала задыхающимся голосомъ:

— Еслибъ все это было не такъ, неужели бы я покинула родной домъ въ самый день похоронъ Альвареса? Была ли бъ я, вотъ ужъ годъ, подлѣ тебя вдали отъ своей старой матери, забывая позоръ, которымъ толпа клеймитъ

мою честь, жертвуя тебѣ всѣмъ, что свѣтъ уважаетъ и чтить—семействомъ и добрымъ именемъ?

— О! Хуана, ты ангелъ! вскричалъ гверильеро на верху блаженства:—ты ангелъ, и, не смотря на странность твоего поведенія, я вѣрю словамъ твоимъ. Да, вѣрю твоей любви, потому что чувствую потребность вѣрить, потому что она одна меня поддерживаетъ, утѣшаетъ, животворитъ.

— И, однакожъ, вѣдъ меня еще не знаете вполне, донъ-Хозе, сказала дѣвушка, граціозно откинувъ назадъ голову.

— Что ты говоришь? я тебя не знаю?

— Вамъ не извѣстно, что я причудлива столько же, сколько мечтательна, продолжала Хуана, кокетничая и восхиительно картавя слова.

— Причудлива! мечтательна! возразилъ донъ-Хозе.

— Иногда мнѣ случается, примолвила она, продолжая свой лукавый мавѣрь:—давать странныя и опасныя приказанія, которымъ я требую слѣпаго повиновенія.

— Такъ приказывай, приказывай, и мое усердіе въ исполненія твоихъ приказаній покажетъ тебѣ мѣру моей любви.

— Я также повелительна, донъ-Хозе, настойчива въ своихъ рѣшеніяхъ. Донъ-Хозе, сердце мое ревниво, какъ сердце креолки. Когда оно любитъ, то требуетъ равной взаимности, донъ-Хозе...

— О, говори! говори только, обожаемая Хуанита!..

— Я требую, чтобъ меня любили больше всего въ мірѣ, больше жизни, донъ-Хозе.

— Больше жизни, повторилъ гверильеро:—скажи одно слово, и я брошусь съ горы.

— Больше чести, донъ-Хозе, продолжала она, обдавая гверильеро всѣмъ обаяніемъ своихъ черныхъ очей.

За этими словами послѣдовала пауза; но, надо прибавить, она была непродолжительна.

— Больше чести, повторилъ донъ-Хозе.

— Больше всего созданія, больше Творца, донъ-Хозе, сказала она, сопровождая свои слова демонской улыбкой.

— Быть такъ! да, больше Творца, повторилъ гверильеро.—О, да! я самъ такъ понимаю любовь; я тебя предпочитаю всему, что чтутъ, чему поклоняются люди. Ты одна замѣняешь все въ моихъ глазахъ, и въ пѣломъ мірѣ нѣтъ ничего, кромѣ тебя для моей упоенной души, пропенталъ донъ-Хозе, привлекая къ себѣ Хуану, которой пламенный взоръ поддерживалъ его безуміе.

— Правду ли ты говоришь? дай же мнѣ доказательство, воскликнула дѣвушка, вдругъ выпрямивъ съ гордой радостью:—дай мнѣ доказательство, и я сейчасъ твоя.

— Говори.

— Видишь книжалъ? возразила Хуана, выдернувъ изъ ноженъ острое лезвіе.— Вотъ остріе книжала уставлено тебѣ въ грудь. Одно движеніе, и ты мертвъ. Поклянись мнѣ теперь, что я владычица твоей жизни, поклянись, продолжала она, усмѣхаясь:— что въ объѣтъ моего сердца ты отрекаешься отъ вѣчнаго блаженства, которое уготовано на томъ свѣтѣ каждому вѣрному католику.

— Что за странная прихоть! воскликнулъ донъ-Хозе, невольно отшатнувшись назадъ.

— Я предупредила тебя, что имѣю иногда странныя и романическія идѣи. Мнѣ хочется, чтобъ ты рисковалъ своимъ вѣчнымъ спасеніемъ въ угоду моей прихоти. Ты будешь счастливымъ любовникомъ, если, по произнесеніи требуемой клятвы, остріе, которое я держу, отнимется отъ твоей груди; будешь проклятымъ, окааннымъ за страшное богохульство, котораго ужъ не воротить назадъ, за адскій договоръ, отъ котораго тебѣ ужъ нельзя отречься, если мнѣ вздумается пронзить тебя книжаломъ, примолвила она веселымъ и шутливымъ тономъ.

— Но ты требуешь невозможнаго...

— Такова цѣна моей любви.

— Все-таки...

— Ты не согласишься? Такъ ты згаля минуту назадъ, утѣряя, будто любишь меня больше жизни, больше чести, больше всей природы и Того, Кто ее созидалъ? Такъ это были пустыя слова? Значить, ты не любишь меня свыше всего, донъ-Хозе?

— Я не люблю тебя больше всего, чтѣ существуетъ! больше самого Бога, Хуана! Съ-тѣхъ-поръ, какъ мой взоръ впервые встрѣтился съ твоимъ, развѣ ты не естъ единый богъ, которому я поклоняюсь на землѣ?

— Отъ - чего же ты колеблешься исполнить причудливое желаніе той, которая тебѣ драгоценна до такой степени? Твое упрямство вызываетъ меня на упрямство. Выбирай же: клянись, или я возвращусь въ Альбасегу, сказала она, полусклонясь на грудь гверильера и вперивъ въ него взоръ, котораго выраженіе преклонило бы ангела на богохульство.

— Демонъ! изволь! будь по-твоему! прошепталъ донъ-Хозе, немогшій долѣе устоять противъ коварнаго прельщенія. — Потеряю ли я тебя, я, который продалъ бы душу сатанѣ за одинъ твой поцалуй! Нѣтъ, вѣтъ. Слушай: съ сего дня, съ сей минуты, въ обмѣнъ на твою любовь, я свободно и добровольно отрекаюсь отъ моей доли райскаго блаженства: осуждаю себя на пожирающій пламень преисподней!

Проговоривъ эти слова, донъ-Хозе приблизилъ-было свои уста къ устамъ дѣвушки; но онъ не успѣлъ исполнить намѣренія, потому-что руки его мгновенно оцѣпенѣли, голова повисла на плечо и, не испустивъ ни вздоха, онъ глухо упалъ на скалу.

Онъ былъ мертвъ! Кивжалъ Хуаны по рукоятъ вонзился въ грудь ему.

Увидѣвъ гверильеро рухнувшимъ на камень, Андалузянка вскочила и съ очами, сверкающими мрачнымъ пламенемъ, держа одну руку на сердцѣ, другую протянувъ къ трупу, воскликнула торжествующимъ голосомъ:

— Проклятъ! проклятъ на вѣки!

Мстительная и суетѣрная Испанка достигла цѣли, которую преслѣдовала съ самой смерти Альвареса. Она погубила однимъ ударомъ тѣло и душу убійцы ея жениха.

Легко угадать остальное. Когда французскіе гусары взообразись на гору, они не встрѣтили никакого сопротивления отъ гверильеровъ; явились на площадку, но нашли пустое мѣсто, точно такъ, какъ Хуана говорила Меннико. Молодая севильора съ пилтерыми товарищами покинула свое убѣжище, прошла черезъ подземелье и соединилась въ Белѣ съ прочею шайкою. Донъ-Хозе де-Торосъ одинъ остался въ руки Французовъ. Желаніе Антоніо исполнилось только въ-половину.

Хуана съ-той-пору провозглашена была предводительницею гверильеро. Французскіе солдаты никогда не имѣли такой ожесточенной непріятельницы. Скоро ея подвиги стяжали ей во всей Испаніи по-истинѣ-завидную славу, заслужили ей даже удивленіе тѣхъ, съ-къмъ она воевала такъ ожесточенно.

По окончаніи войны, Хуана, которую все не покидало воспоминаніе объ Альваресѣ, ни за что не согласилась принять ни одного изъ многочисленныхъ предложеній, ей сдѣланныхъ.

Она вступила въ монастырь, и тамъ, въ уединеніи и молитвѣ, провела остатокъ жизни, которая на землѣ уже не имѣла цѣли.

Если вамъ когда-нибудь случится проѣзжать черезъ Монтіаль въ королевство Мурсію, попросите, чтобъ вамъ указали Шенью-Мальдату, то-есть Проклятый-Утесъ: тамъ-иже имеемъ прозрѣли альбасетскіе жители скалу, гдѣ совершилась кровавая драма, которую мы вамъ рассказали.

✱

ЛИТЕРАТУРНЫЯ И ЖУРНАЛЬНЫЯ ЗАМѢТКИ.

ОТВѢТЪ УЧРЕДИТЕЛЯ ТОВАРИЩЕСТВА ДЛЯ РАСПРОСТРАНЕНІЯ ВЪ РОССІИ ПРОСТОЙ И ВЫГОДНОЙ ОБЪЕМЪ ПРЯДІЛЬНЫХЪ РАСТЕНІЙ, НА ПРИМѢЧАНІЯ, ПОМѢЩЕННЫЯ КЪ ЕГО ПИСЬМУ, НАПЕЧАТАННОМУ ВЪ 9-Й КНИЖКѢ «ОТЕЧЕСТВЕННЫХЪ ЗАПИСОКЪ».

Милостивый государь.

Къ моему письму, напечатанному въ 10-й книжкѣ «Отечественныхъ Записокъ», сдѣланы примѣчанія, на которыя считаю себя обязаннымъ отвѣчать.

Надѣюсь, что вы снова сдѣлаете мнѣ честь помѣщеніемъ этого письма въ слѣдующей книжкѣ вашего журнала.

Благодарю за безпристрастіе 1-го примѣчанія.

Содержаніе 2-го примѣчанія слѣдующее:

1) *«Надобно прежде пробудить въ крестьянина идею разумнаго порядка, чувство опрятности, позаботиться сначала, чтобъ онъ грубов свое бѣлье теремывалъ почаще, чтобъ онъ почувствовалъ нужду хоть въ простынѣ и толстой подушкѣ, не валлялся на солому и прочее, и уже потомъ ожидать, чтобъ онъ началъ носить лучшее бѣлье».*

Положеніе, въ которое вы полагаете, что крестьянинъ долженъ быть приведенъ прежде, нежели онъ научится выгоднѣйшему способу обдѣлки прядильныхъ растений, можетъ быть только слѣдствіемъ довольства. Довольство введетъ чувство опрятности, за опрятностью войдетъ порядокъ, а водворившіяся порядоки будутъ имѣть многія благія нравственныя послѣдствія. Дайте крестьянину возможность имѣть болѣе въ запасъ бѣлья, и онъ будетъ чаще его перемѣнять; дайте ему способъ, безъ лишннихъ издержекъ, получить бѣлье тонѣе, и онъ не будетъ самопроизвольно обмывать себя тѣло грубою рубахою. Изъ соб-

ственнаго вашего замѣчанія уже видно, что наши крестьяне имѣютъ недостатокъ въ хорошемъ бѣльѣ; но припоминаю вамъ о тѣхъ мѣстахъ Россіи, гдѣ они, по промысламъ и мѣстнымъ обстоятельствамъ, живутъ въ довольствѣ и сѣютъ или покупаютъ въ достаточномъ количествѣ ленъ, канъ, навришѣръ, въ прилегающихъ къ Волгѣ селеніяхъ Нижегородской - Губерніи. Они всѣ тамъ носятъ хорошее льняное бѣлье. Станъ только, даже въ Тверской-Губерніи, взглянуть на работающаго въ лѣтній день плотника, на крестьяночку, во время жатвы, особенно въ первый день, составляющій сельскій для нихъ праздникъ: вы на всѣхъ увидите бѣлье по возможности хорошее и опрятное, а на женщинахъ даже вышитое по рукавамъ разными узорами. Обратитѣ вниманіе на приданое деревенской невесты: оно все состоитъ изъ холстовъ, наколающихъ иногда два и три сундука. Каждая крестьяночка дѣвушка начинаетъ ихъ для себя заготовлять заранее и бережетъ канъ лучшее достояніе. Слѣдовательно, потребность въ хорошемъ бѣльѣ существуетъ и даже составляетъ щегольство и богатство; нужно только дать возможность ее удовлетворять. Введеніе между крестьянами предлагаемаго Товариществомъ способа именно тому отвѣчаетъ (*).

(*) «Потребность въ хорошемъ бѣльѣ существуетъ..., нужно только дать возможность ее удовлетворить. Введеніе между крестьянами предлагаемаго товариществомъ способомъ именно тому отвѣчаетъ.» Въ этомъ состоитъ сущность всего 1-го примѣчанія г. Великопольскаго. Послѣ всего, что оказалъ рецензентъ въ 1-й статьѣ (Отч. Зап. кн. 9, сентябрь) и во 2-мъ примѣчаніи на письмо (Отч. Зап. кн. 10, октябрь) онъ можетъ прибавить только слѣдующую притчу: прохода мимо дрянныхъ дворовъ въ Петербургѣ или въ Москвѣ, вы увидите огромные запасы дровъ; между тѣмъ, случалось ли вамъ въ декабрѣ и январѣ заходить въ отдаленныя закоулки города и посѣщать врое,

В) Потребитель хозяйственных произведений есть сама хозяйка. Следовательно, весь успех предлагаемого способа основан не на том предположении, что крестьянин получит больше чистой денежной прибыли, а все-таки на том, что он будет носить лучшее белье. Одна лишь денежная выручка может уметь крестьянина принести новый способ.

Дать возможность носить лучшее белье есть также польза и выгода. Не будьте справедливы и обратите внимание на то, что, по введении предлагаемого способа, крестьянин получит от того же количества материала белья больше. Следовательно, при том же объеме закупа, у него будет против прежнего излишек в производстве. Ничто не мешает ему его продать; а если не было бы средства к продаже, то, ограничившись прежним количеством холстов, он может уменьшить личный хозяйственный свой закуп, а при коноплях, и совершенно его оставить. На освобожденной из-под льна земле он посеет хлеб. Разъ все это не составляет действительной прибыли? В расчете получения, как у крестьянина будет носить от хозяйственного своего конопляника, ясно мною выведено, что за изготовлением количества холстов, нужного для семейства, он еще получит излишек, который вознаграждает ему все то, что он теперь выручает от продажи пеньки, год-от-года упадающей в цене. Следо-

ние в землю домика бѣдняков? если жить, то мы советуем заглянуть в них и измерить в них температуру; вы удивитесь, что многие бѣдняки живут в холодѣ. Потребность в теплѣ, без сомнѣнія, ощущается ими; есть, как мы оказали, и огромные запасы дровъ: отъ чего же бѣдняки терпят холодъ? Значитъ, существованіе потребности и существованія того предмета, который возможно ее удовлетворить, недостаточно еще для того, чтобы она действительно была удовлетворена. Ред.

вательно, пеньковій холстъ, котораго онъ прежде не носилъ, будетъ совершеннымъ для него подаркомъ и составить прямую, действительную прибыль. Обращаю ваше вниманіе на то, что всѣ мои расчеты основаны на однихъ хозяйственныхъ поѣвахъ, то-есть, такихъ, цѣлю которыхъ единственно домашнее употребленіе. Всѣ выгоды, при новомъ способѣ, отъ поѣвокъ промышленныхъ, игольныхъ цѣлю продажу получаемыхъ произведений, будутъ выгодами сверхъ того. А что предлагаемый способъ долженъ произвести важный переворотъ въ торговлѣ, въ томъ ссылаюсь на тотъ же отзывъ г. Байкова, который я вы приводите въ вашемъ примѣчаніи (*).

3) «Большій трудъ что-нибудь да стоитъ; а 20 коп. серебромъ съ души раз- въ не издержки? Притомъ, если обдѣлка, по предлагаемому Товариществомъ способу, не стоитъ ничего, то почему же оно само продаетъ образцы пеньки, льна и поскоки по полтора рубля серебромъ за фунтъ?»

Подробнаго изложенія труда; прежде, нежели открыть способъ, и сдѣлать не могу. Все, что предварительно можно быть о томъ сказано, изложено г. Максимовичемъ въ двухъ его письмахъ. Цѣнность труда нѣ опредѣляется въ 60 коп. серебромъ на пудъ, не разумѣя въ томъ никакихъ денежныхъ издержекъ. Если же и оказался лишній трудъ, то справедливость требуетъ вычесть изъ него работу, употребленную крестьяниномъ теперь на обдѣлку тѣхъ же прядильныхъ растений. Остатокъ труда, сравненный съ получаемую выгодою, опредѣлитъ тогда цѣнность новаго способа. Сказавъ о 20 копейкахъ съ души, вы не упомянули о распрочи ихъ на 10 лѣтъ, а въ треть-

(*) Какъ понимаетъ рецензентъ отзывъ г. Байкова, о томъ можно читать во 2-мъ примѣчаніи на первое письмо г. Великопольскаго (Отч. Зап. кн. 10); и теперь мы остаемся совершенно при прежнихъ мнѣніяхъ. Ред.

смы приличаю самим сказать, что о такой платѣ не стоить и говорить. Притомъ, это не есть надержка на работу, а одновременная плата за право пользоваться способомъ.

Сказанное о дороговизнѣ образцовъ заключаетъ въ себя весьма-чувствительное замѣчаніе, а потому позволяете мнѣ оправдать себя подробнѣе.

Вы обратили вниманіе на ту гадательную еще прибыль, какую можетъ Товарищество получить, но не загля на себя труда. Принять въ расчетъ тѣхъ, вовсе негладательныхъ надержекъ, которыхъ предпріятіе уже стоить. Со стороны можетъ изваться: какимъ бы быть расходамъ? Не вѣтъ уже два года, единственно по этому дѣлу, живши въ огашцахъ, разбѣдовъ и разныхъ выдѣлхъ, не говоря о хлопотахъ и работахъ, устройство конторы и другіе предмети стоить около 12 тысячъ рублей серебромъ. Еслибъ Товариществу не одѣлало ссуды Вольное Экономическое Общество, то, при равныхъ еще къ тому хозяйственныхъ обстоятельствахъ, во неурожаахъ и другіихъ несчастныхъ случаяхъ, я бы, можетъ-быть, не могъ продолжать и дѣла. Надобно же какъ-нибудь возвратить себѣ хотя часть употребленныхъ издержекъ, притомъ, что усѣхъ самаго предпріятія остается еще въ надеждѣ. Способъ, предлагаемый Товариществомъ, такъ полезенъ и важенъ по хозяйственному положенію Россіи, что во всей справедливости должны быть на него людишками, если не всѣ русскіе земледѣльцы, не ихъ неразумную всегда собственную своихъ мольбу, то по крайней-мѣрѣ всѣ гг. помещики, радующіе о благѣ своихъ крестьянъ. Притомъ, разсудокъ, по-видимому, ясно говоритъ, что при такой малой платѣ, при такихъ облегчающихъ расчерчиванъ и при отсутствіи всякаго риска, долженъ бы каждый изъ нихъ подписаться на все свое имѣніе. Что могло бы, казалось, въ томъ отнормитъ доботнаго о словахъ предлагаемыхъ помещика, имѣющаго возможность приобрести для себя серебро денегъ

безъ надличныхъ денегъ? Какой расчетъ могъ бы заставить его сдѣлать полезное для одной части своего имѣнія, и не одѣлать его для другой? Со всѣми тѣми, никто, конечно, не поручится ни за число подписчиковъ, ни за то, что каждый подпишется на все имѣніе. Не должно ли же Товариществу принять какъ-нибудь мѣры для того, чтобы хотя выйдти изъ убытка? Если полтора рубля серебромъ за одѣлавецъ можетъ принести прибыль Товариществу, то по крайней-мѣрѣ это никакого не можетъ составить счета для подписчика. Не на сотни же образцовъ слѣдуетъ каждый подписываться? Притомъ, по постоянному въ торговлѣ факту, всякое новое изобрѣденіе, покуда еще производится его не сдѣлазось общими, продается дороже. Я помню, что сотня замкагольныхъ смичекъ, покупавшаяся теперь, на всѣхъ перекресткахъ, по менѣйшъ серебромъ, продавалась въ магазинахъ, уложенная въ красивую коробочку, за 5 рублей въ ассигнаціи. Что же можетъ быть предсудительнаго и для товарищества какимъ же образомъ воспользоваться новостію своего предмета? Не доломимъ, что разберутъ 10 тысячъ образцовъ. Все-таки это, по разсчетамъ иди «Отечественными Зависими» дѣлѣ, составляетъ десять тысячъ рублей серебромъ: сумму, которая даже и не покроетъ всѣхъ издержекъ, не принимая еще въ расчетъ предсудительныхъ расходовъ. Но всѣ ли десять тысячъ рублей серебромъ дѣйствительно составятъ чистую прибыль? Не говорю о покупкѣ льна, пеньки и посконы: это, конечно гораздо-дешевле одного рубля серебромъ за фунтъ; но придется ли дообращеніе, что способъ рунной; слѣдовательно, сколько же должно будетъ платить работниковъ? Что хотя орудіе собственно крестьянину ничего не станетъ, но должно будетъ заказать такихъ орудій въ значительномъ количествѣ и притомъ, такимъ людямъ, которые бы никому не передали о ихъ устройствѣ. Придется развести особую мастерскую, въ которой никто бы изъ

ностороннихъ не могъ видѣть произ- водства обдѣлки; тайну, составляю- щую обезпеченіе предпріятія, надобно будетъ вѣрить нѣсколькимъ десят- камъ человекъ работниковъ, которыхъ скромность, конечно, станетъ не де- шевю. Кто же поручится за ихъ безко- рыстіе и поведеніе? Уже одною изъ необходимыхъ для того мѣръ должно быть то, что въ то время, какъ они, можетъ-быть, все окончатъ въ теченіи одного или двухъ мѣсяцевъ, надобно будетъ продержатъ ихъ на жалованьи и содержаніи до самаго дня открытія способа, чтобъ не дать имъ возможно- сти разгласить тайны. По истинѣ го- ворю: я самъ еще не знаю, какъ рас- поряжусь образцами и чего они ста- нутъ. Въ одномъ только я убѣжденъ, что пріобрѣтеніе ихъ важно и нужно для каждаго подписчика, и что еслибъ я не предложилъ образцовъ, то под- вергнулъ бы сомнѣнію добросовѣ- стность моего предпріятія. Будьте же справедливы и согласитесь, что цѣна, положенная за образцы, не должна подвергать Товарищество осужде- нію. (*)

Примѣчаніе 3-е: *«Счастливы, сто- краше счастливы были бы наши села и деревни, еслибъ крестьянинъ всегда и всегда съѣлъ по числу потребителей въ семействѣ. Не отправлялся бы тогда нижегородскій или саратовскій кре-*

(*) Все это замѣчаніе тѣмъ только замѣчательно, что Товарищество продажею образцовъ намѣрено покрыть свои убыт- ки... sic! Но еще важнѣе то, что для при- готовленія этихъ образцовъ, — Товари- щество намѣрено завести особую мастер- скую! Гдѣ же доказательства простоты и дешевизны предлагаемаго товариществомъ способа? Мы въ простотѣ сердечной ду- мали, что такъ-какъ дѣло идетъ о кре- стьянскомъ способѣ, то и образцы дав- нымъ-давно заготовлены въ какой-нибудь отдаленной деревнѣ, крестьянами, въ избахъ или сараяхъ. На поѣзку выходитъ сѣмѣиъ - противное. Послѣ этого рецен- зенту ничего не остается прибавить!

Ред.

«стѣлами жалуютъ лянкою суда де Ри- бынска, и проч.»

Здѣсь, по очень-счастливому для насъ случаю, приведены въ самомъ на- чалѣ именно такія губерніи, въ кото- рыхъ крестьянинъ пользуется наибольшимъ довольствомъ. Въ Нижегород- ской, по-большой-части малоземель- ной, это довольство частію происхо- дитъ отъ промысловъ, но все-таки хо- зяйственный посѣвъ находится у каж- даго крестьянина; въ Саратовской же, богатой землею, крестьянину, по на- бытку одной пшеницы, нѣтъ никакой нужды прибѣгать къ промыслу столь тяжелому. Но дѣло въ томъ, что ради- вый хозяинъ не пренебрегаетъ ника- кою возможностью добыть своею рабо- тою денегъ и при самомъ довольствѣ. Главный, впрочемъ, вопросъ состоитъ въ томъ, по числу ли потребителей онъ воздѣлываетъ и засѣваетъ землю для домашняго употребленія получе- нныхъ произведеній (хозяйственный посѣвъ). На это отвѣчаетъ уже выра- женіе: *для домашняго употребленія.* Онъ съѣтъ для семейства, а потому и по числу семейства. Если оно можетъ прокормить два четверти посѣва, то засѣвъ третей четверти обра- тится уже въ промышленный, то-есть, для продажи; и на оборотъ, если ко- зьякъ знаетъ, что менѣе какъ двумя че- твертями посѣва ему не прокормить своего семейства, то онъ безъ сомнѣ- нія употребитъ всѣ свои силы и сред- ства, чтобъ засѣять двѣ четверти. Зе- мля вездѣ на то достается; можетъ- быть, только въ нѣкихъ мѣстахъ земля не имѣетъ довольно плодородности, или крестьянинъ не имѣетъ въ семей- ствѣ, при большомъ количествѣ душъ, достаточнаго числа работниковъ. Иногда мѣшаютъ тому болѣзни; иногда всѣ труды и средства дѣлаются безпо- лезными по неурожаю; иногда огнь истребляетъ въ нѣсколько часовъ всѣ плоды годовыхъ и даже вѣноватъ усилій. Такихъ образцовъ, часто тамъ, гдѣ бы не должно было быть никако- го недостатка, является необходимость въ промыслѣ, даже для поддержанія

пользу своего существования. Ко всему предсказанному мною неблагоприятному для земледельца обстоятельству, должно прибавить главное: несовершенство земледѣлія въ Россіи, неумѣніе крестьянами пользоваться богатствами, предложеннымъ природою. Накусными заботы о томъ правительствѣ столько же служатъ тому свидѣтельству, сколько и общающаго улучшеніе. Сколько экономическихъ обществъ учреждено единственно съ этою цѣлью! Но преобразования входить постепенно. Не смотря на значительную раздачу наградъ и дѣлаемыхъ поощреній для разведенія между крестьянами картофеля, размноженіе котораго могло бы часто забывать ихъ отъ голода, эта важная хозяйственная отрасль до сей поры не достигла полнаго своего развитія. Послѣ пищи является главною потребностію одежда, послѣ зерноваго хлѣба и овощей пріятными растенія, овцеводство и тому подобныя предметы хозяйства. Кто же, имѣющій любовь къ благу народному, отвергнетъ способъ, введеніе котораго даетъ крестьянину возможность имѣть холсты, еслибъ и не лучшіе нынѣ имъ получаемыхъ, то, по крайней мѣрѣ, въ большемъ количествѣ, а притомъ и обратитъ въ холсты для себя то, что, по упадкѣ цѣны на пеньку, не составляетъ уже никакого въ хозяйствѣ капитала? (*).

Въ 5 и 9 примѣчаніяхъ снова говоритъ о способѣ машинномъ. Онъ составляетъ въ предпріятіи дѣло побочное; а потому я сожалѣю, что и въ прежнихъ

письмѣхъ предпринимать его защитѣ. Изобрѣтатель самъ состоитъ членомъ ученыхъ обществъ и самъ можетъ себя оправдывать. У меня заключено съ нимъ законное условіе: вотъ и все. Снажу только, въ оправданіе извѣстія, помѣщенного о томъ машинномъ способѣ въ разбираемой рецензентомъ статьѣ о предпріятіи, что въ сдѣланной въ пятомъ примѣчаніи изъ нея выпискѣ, пропущены слова: *если смѣло предположеніе механика осуществится.*

Въ 8 примѣчаніи находится описаніе машины Гарнѣ и доказательство несуществованія втораго мятя. Что этою машиною можно мять ленъ немедленно послѣ вымочки, тому служить уже доказательствомъ свидѣтельство г. рецензента. Въ возможности этого я не сомнѣвался, потому-что машина Гарнѣ состоитъ изъ такихъ же дорожчатыхъ цилиндровъ, какъ и машина Христіани, только иначе расположенныхъ, а уже на машинѣ Христіани прядильныя растенія нампнялись не только что немедленно по вымочкѣ, но даже безъ вымочки. Представляю только одно къ соображенію: машина Гарнѣ, конечно, не для крестьянъ, а для фабрикъ. На какую же фабрику повезутъ ленъ или пеньку съ кострикою? Одинъ лишній провозъ чего станетъ? Слѣдовательно, хотя и можно отнимать этою машиною отъ прядильныхъ растеній кострику, но на фабрикахъ нѣтъ никакого расчета ее на то употреблять, тѣмъ болѣе, что, по словамъ самого рецензента, послѣ дѣйствія машины, ленъ нужно еще дотренивать руками. Впрочемъ, о существованіи втораго мятя я постараюсь вывести доказательство изъ самыхъ словъ г. рецензента. Онъ говоритъ, что крестьяне, послѣ отмятія льна, употребляютъ толченіе, нужное для размельченія и размачиванія волокна. Разсмотримъ, въ какомъ дѣйствии заключается толченіе. Пестъ опускается на волокно, нажимаетъ его; приподнявшись, снова опускается и нажимаетъ; то-есть млетъ; ударъ усиливаетъ это нажиманіе или мятье. Итанъ, толченіе есть тоже на-

(*) Первая часть замѣчанія г. Великопольскаго, для рецензента не совѣтательна. Кажется, авторъ письма хотѣлъ доказать, что крестьянинъ всегда засѣваетъ столько хлѣба, сколько ему нужно для прокормленія семьи. Съ этимъ, однако, никто не согласится, кто сколько-нибудь знаетъ быть крестьянѣ. Доказательства тому приведены рецензентомъ въ 3-мъ примѣч. къ первому писму. Последняя часть замѣчанія не представляетъ ничего такого, о чемъ бы сдѣлало спорить. Ред

тве, только из другого вида производимое; по порядку же это есть второе мате. После толчения, слѣдуетъ часаніе, которое можетъ быть и прямо произведено по первому огнати, но возможно не будетъ такъ мате и точно. Отсюда приведемъ авторитетъ. Въ известномъ сочиненіи г. Бутовскаго: *О средстве улучшить пеньковой промышленности во всемъ ее отрасляхъ, запечатланномъ въ 1862 году по приказанію г. министра финансовъ*, на страницѣ 62; находится описаніе первого мате, подъ именемъ трепанья, а на страницѣ 77 указаніе для второго мате. Почему въ изданной и выданной этой книгѣ встрѣчается вѣсколю ошибочная русская народная терминологія (первое мате названо трепаньемъ, а трепаніе обозначено); со многими извѣстна. Г. Бутовскій, передавая иностранное производное слово трепанья и обдѣлка пеньки; писалъ свое сочиненіе въ Парижѣ, а потому и могъ ошибиться въ некоторыхъ русскихъ народныхъ названіяхъ. Печальнымъ тому доказательствомъ, сверхъ народного употребленія слова, являемо терминологическій словарь г. Бурнашева (*).

(*) Г. Великопольскій хочетъ доказать, что толчаніе есть второе мате. Великій полагаетъ, что здѣсь толкованіемъ слово авторъ хочетъ исправить ошибочность названія. Признаемъ откровенно: настоящее приращеніе автора на вело на весь еще большее недоуміе въ томъ, хорошо ли извѣстенъ г. Великопольскому процессъ обработки пеньки и льна, хотя онъ и обѣщаетъ написать полный трактатъ о приращеніяхъ растеній. Въ дѣлѣ столь обыкновенной, какъ обдѣлка пеньки и льна, едва ли нужно прибѣгать къ важнѣйшимъ авторитетамъ; но если и ссылаемся, то ужь, конечно, не на авторитеты, приведенныя г. Великопольскимъ. Книга г. Бутовскаго есть не что иное, какъ компиляція изъ французскихъ книгъ, и между прочимъ изъ «Maison Rustique», исполненная множества ошибокъ и противъ языка и противъ самого дѣла. Что касается до «Словаря» г. Бурнашева, то то произведеніе давнымъ-давно обшес-

Въ 10 приращеніяхъ расщепляется ботаникъ лавы десляты таму завесе клупей предложилъ лавою способомъ сжечь десляты Я не считаю себя вправе ничего бездоказательно о томъ говорить, не зная подробностей ни способа, ни результата; но полагаю, что г. рецензентъ привелъ это бывшее обстоятельство въ пользу моего предпріятія. Если, въ основаніи сдѣланнаго общаго, сахаровары, желаютъ престо и завесе чаяны, вошли только въ напрасный убытокъ, то въ всемъ предпріятіи ничего подобнаго случиться не можетъ. Если предлагаемый Толариществомъ способъ не таковъ, какимъ онъ представленъ въ описаніи, то Комитетъ его не одобритъ, и въ убытокъ остануть только я.

Изложеннымъ въ одинадцатомъ примечаніи сомнѣнію на счетъ существованія книги Жирардена и его жиніе, можетъ быть легко отстранено, если г. рецензентъ потрудится спросить въ книжныхъ лавкахъ это сочиненіе подъ слѣдующимъ наименованіемъ: «Leçons de chimie élémentaire, faites le dimanche à l'école municipale de Rouen, par M. J. Girardin. Rouen, 1839». Эта книга, по своему достоинству, имѣла вѣсколю изданій (*).

Что касается ередъ или безсрочности сжечь приращеніяхъ растеній, то приведенное рецензентомъ извѣстіе г-на Паран-Дюшатле въ наше время опровергнуто, не смотря на героическіе его опыты. Солдатанъ случается походить пить болотную воду и оставаться здоровымъ. Это еще не значитъ, что болотная вода здорова. Конечно, и г. Паран-Дюшатле не имѣлъ жестокости испытывать воду, слухившуюся для гноенія приращеніяхъ растеній, давая се по цѣлымъ мѣсяцамъ жевъ своей и

но всѣмъ, кому о томъ вѣдать надлежитъ... Ред.

(*) Рецензентъ не успѣлъ спрашивать еще ни въ каталогахъ, ни въ книжныхъ лавкахъ о книгѣ Жирардена; впрочемъ, существованіе книги Жирардена ничего не помогаетъ настоящему вопросу. Ред.

роботу. Но повторя случаи, приведеннаго мною въ первомъ числѣ: гибель стала отъ водоема на мѣстѣ, служившемъ для вымочки пеньки, основанная на словахъ г. рецензента, что лучше пить и поить водою чистою, нежели нечистою, и думаю, что должно дорожить всею къ тому возмощаю.

Человекъ, поволочъ и лезъ, приведеннаго въ состояніе, въ которомъ могутъ дать правду лучшую и въ большемъ количествѣ; несомнѣнно возвысится въ цѣнѣ, чѣмъ исполнится до некоторой степени ослабленіе въ рецензента, *человѣческое въ заключеніи* (*).

Съ искреннимъ почтеніемъ и совершенною преданностію, пишу честь быть, и проч.

Иванъ Великопольскій.

1845 года, октября 19.

(*) Г. Великопольскій хочетъ доказать, что вода, въ которой мочена пенька или ленъ, вредна для здоровья челоѣка и животныхъ; и опровергнуть доказательство противнаго, приведеннаго рецензентомъ. Но въ изображеніи г. Великопольскаго заблуждается въ слѣдующемъ:

«Древнейшее рецензентомъ мнѣніе г. Паран-Дюшатлѣ въ даше драма опровергнуто, не смотря на героическіе его опыты.» Рецензентъ привелъ не мнѣніе, а самые опыты Паран-Дюшатлѣ. Кто же опровергъ ихъ? Вотъ вопросъ, на который г. Великопольскій не отвѣчаетъ.

Въ заключеніе, рецензентъ считаетъ должнымъ замѣтить, что, какъ первое такъ и второе мнѣніе г. Великопольскаго ни мало не разясняютъ сущности дѣла, не разсѣла сомнѣній, которые, вѣдетъ съ разширеніемъ, раздѣляютъ многи; и потому дѣлающія явленія мы считаемъ совершенно-безполезными, пока они будутъ вращаться въ сѣрѣ неопредѣленныхъ податей, въ области чаянія. Думаемъ, что въ этомъ согласится съ нами и самъ г. Великопольскій, и потому просаемся съ нимъ до того времени, когда обнаружится его способъ и когда можно будетъ говорить не объ однихъ словахъ, но и о дѣлѣ. *Ред.*

И.

На-дняхъ, съ газетамъ и журналами разослано объявленіе г. книгопродавца Иванова, въ которомъ замѣтимъ мы слѣдующія строки:

«При этомъ случаѣ сильную предуви-домнѣть особъ, желающихъ подписаться на «Отечественныя Записки» не иначе, какъ въ самой конторѣ этого журнала, что контора «Отечественныхъ Записокъ» у меня болѣе не находится (она переведена въ книжный магазинъ Ратькова, въ домъ Рогова, противъ Душъ). Чрезвычайно-увеличившійся въ послѣднее время кругъ моей торговли и усилившіяся коммерческія занятія побудили меня оставить въ конторѣ первоначальнаго редактора моихъ записокъ, которые въ началѣ не были затруднительны, но въ настоящее время сдѣлались обременительными. Таково, между прочимъ, управленіе конторами: въ которыхъ журналовъ и въ томъ числѣ «Отечественныхъ Записокъ», коихъ расходъ ежегодно увеличивается въ публикѣ, и потому дѣлаетъ управленіе конторою съ каждымъ годомъ затруднительнѣе.»

Въ первыхъ, объявленіе оленъ-издѣне несправедливо увѣдомитъ публику, что контора «Отечественныхъ Записокъ» переведена изъ магазина г. Иванова въ новоторгетый книжный магазинъ М. А. Ратькова, ибо вся читающая публика уже два мѣсяца прочла объ этомъ въ 9-мъ числѣ «Вѣст. Записокъ». Вторыхъ, ни одна книга издаваемая не считается для себя затруднительнымъ управленіемъ конторою журнала, котораго расходъ ежегодно увеличивается въ публикѣ и на который у него принимается подписка; ибо съ расширеніемъ круга читателей этого журнала распространяется и необходимость самаго книгопродавца: стѣнны только всеи дѣло въ мораль — и вѣрно затрудненіе нечестно. Вытрезвляя, объявленіе лучше бы сдѣлало, сказать, что издатель «Отечественныхъ Записокъ» имѣлъ свои причины перемены кон-

тору изъ магазина г. Иванова въ другое мѣсто: это было бы и проще, и сообразнѣе съ истиною.

✱

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ФРАНЦУЗСКИЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПАРИЖѢ.

85) *L'Enseignement mutuel* (Взаимное обученіе), комедія въ пяти дѣйствіяхъ и проза, гг. Дешоа и Юса.

Дѣйствіе происходитъ въ семействѣ Фонтеве. Бабушка, г-жа Жубертъ, старуха злая и подозрительная; г-жа де-Фонтеве, ея невістка, ревнивая мать; Амалия, невістка г-жи Фонтеве, молодая кокетка; Густавъ де-Фонтеве — покорный сынъ и вѣрный супругъ. Родольфъ — волокита среднихъ лѣтъ, который желаетъ устроиться. Г. и г-жа Потель, слуги, два пренебреженія созданія, которыя влюблены другъ въ друга.

Родольфъ влюбленъ въ мадамъ де-Фонтеве, мать Густава; но материнская вѣжливость заглушаетъ въ ней всѣ страсти, она не слушаетъ его предложеній и любовностей. Тронутая, однако, его краснорѣчіемъ, тѣмъ болѣе, что это старинный и терпѣливый ея обожатель, она обѣщается дать ему положительный отвѣтъ послѣ брака ея сына.

Но Густаву только двадцать лѣтъ, и если онъ не вѣдываетъ жениться раньше тридцати, то въ десять лѣтъ г-жа де-Фонтеве можетъ состариться. Родольфъ подговариваетъ Густава жениться. Густавъ, влюбленный въ Амалию, испрашиваетъ у своей матери согласія на бракъ. Обрадованный Родольфъ бѣжитъ къ г-жѣ де-Фонтеве; но надежды его разсѣваются, какъ дымъ. Г-жа де-Фонтеве не слышать о немъ не хочетъ.

Но что подѣлывается въ семействѣ Фонтевей. Бабушки и свекрови часто возмущаютъ своейною жизнью замедлыхъ супруговъ, особенно, если эти бабушки созданы на манеръ г-жи Жубертъ, которая своими добрыми совѣтами возмущала счастье покойнаго своего сына и занимается теперь поселеніемъ раздора между Нотелами. Что же касается до г-жи де-Фонтеве, то она, какъ и всѣ почти свекрови, боится потерять любовь своего сына. Все это сильно надѣлаетъ Амалию, и она принуждаетъ своего мужа разстаться съ своими восходящими. У него нѣтъ состоянія; но вѣдь трудомъ можно всего достигнуть!.. Вѣдая мать, для счастья сына, принуждена согласиться на разлаку, какъ вдругъ она узнаетъ, что Амалию преслѣдуетъ опасный человекъ, который осмѣливается ей писать и требуетъ свиданія.

Дѣло принимаетъ другой оборотъ. Г-жа де-Фонтеве не разстанется болѣе съ своимъ сыномъ; она будетъ блюсти за его честью. Она начинаетъ тѣмъ, что идетъ на мѣсто свиданія. Является обольститель. Это Родольфъ, котораго г-жа де-Фонтеве осмыкаетъ упрямкини. Но вдругъ все мѣняется. Густавъ узнаетъ все; дуэль неизбежна. Мать умоляетъ его, проситъ; но онъ непоколебимъ. Остается одно средство, чтобъ отвратить дуэль: г-жа де-Фонтеве объявляетъ, что письмо и свиданіе было назначено ей и отдаетъ свою руку обольстителю. Такимъ образомъ, Родольфъ женится на г-жѣ де-Фонтеве и отправляется съ ней и г-жою Жубертъ въ свой замокъ.

Потели отражаютъ собою все то, что дѣлается въ семействѣ Густава. Въ обоихъ семействахъ тѣ же признаки ревности, безпокойства, тѣ же сумрачныя сцены.

Пьеса была выслушана со вниманіемъ. Говорятъ, что авторы сократятъ ее въ три акта.

86) *Suzon et Suzanne* (Сюзонъ и Сусанна), водсвилль въ двухъ дѣйствіяхъ, г. Арпера.

Словесъ продаетъ свое соруку Наттерлю, потому-что Фернанъ де-Ренсъ настаивалъ надъ нимъ, которое она писала ему, и хочетъ учиться. Въ полтора года, Словесъ сдѣлалась Словесной; она умѣетъ читать, писать, вести счета, не дѣлаетъ ошибокъ въ правописаніи и знаетъ немного географіи; короче, она воспользовалась временемъ и Ренсъ можетъ явиться. Онъ является, и—страшное разочарованіе! Этотъ прекрасный молодой человекъ, котораго Словесъ находила такимъ ученымъ, не умѣетъ, какъ вѣдно, писать, ибо сдѣлала ошибку въ етъ тысячахъ оекю. Къ-счастью, добрый фермеръ, съѣлъ манселя Словесъ, поправляетъ дѣло и увозитъ ее съ собою въ деревню.

87) *La Samaritaine* (Самаритянка), *содѣлано въ одномъ актѣ*, Мишеля Делаворта.

Это исторія Жагранъ-Канселя: его спасаетъ мансель Гиллеретъ, которая потомъ выходитъ замужъ за друга его Бразена.

88) *Cornicille et Rotrou* (Корнель и Ротру), *комедія въ одномъ дѣйствіи*, *въ прозѣ*, соч. гг. Лабуазѣ и Кормова.

Авторы нашли, что Французскому Театру не доставало комедій: Корнель и Ротру. Изъ молодыхъ усердіе постигнуло выполнить важный недостатокъ, и вѣтъ какъ они пополнили этотъ пробѣлъ. Ротру служитъ чѣмъ-то въ родѣ канцлерга у кардинала Ришля: на немъ лежитъ обязанность отворять и затворять дверь кабинета его эминенціи. Корнель еще молодой человекъ, однако написалъ уже *Сидя* и замышляетъ *Горациа*. Корнель рассказываетъ своему другу Ротру про свои любовныя страданія, потраченныя даромъ съ дочкою одного нормандскаго судьи, мосье де-Ланперьера. Какъ-нарочно этотъ Ланперьеръ получилъ приказъ явиться съ отчетомъ въ носушникъ въ кардинальскій дворецъ, и въ самый тотъ день приходитъ въ сопровожденіи своей дочери Жюліи. По милости

Ротру, судья допущенъ къ кардиналу, но кардиналъ однимъ жестомъ выгоняетъ вонъ Ланперьера. Тутъ Ротру выдумываетъ представить его эминенціи манселя Жюліи, и въ-самомъ-дѣлѣ, его эминенціи растрогалась при видѣ такихъ сокровищъ нормандской красоты. Вскорѣ за тѣмъ, кардиналъ женитъ свою дочь Корнеля на мансели де-Ланперьеръ. Слѣдуютъ большая радость Ротру и Корнеля, чрезвычайное огорченіе Коллетѣ и Буа-Робѣра, которые, впрочемъ, были предобрые люди. Вотъ и все содержаніе пьесы. Французскій Театръ прибрѣлъ, полагаютъ еблетовныя, эту маленькую комедію для того, чтобъ играть ее для себя, на-досугъ, для собственнаго удовольствія, потому-что удовольствіе зрителей было слишкомъ-явно недостаточною цѣлью.

89) *Entre l'arbre et l'heroson* (Промежъ деревомъ и корою), *содѣлано въ одномъ дѣйствіи*, соч. гг. Леонса и Молери.

Водсиль театра Гуппаса и немъ прочіе посредственныя водсиль мансели посредственныя. Мосье и мадамъ Делинъ удалились въ деревню; оба они молоды, любезны и милы. Но они жеваты, живутъ одни, стало-быть, скучаютъ. Такое положеніе вещей, продолжившись, повело бы къ катастрофѣ, еслибъ къ нимъ не пришла гостить одна пансіонская подруга, мадамъ де-Сенвенаръ. Приѣжая хороша собою, молода и вдовушка, три начества, которые влекутъ къ ней поклонниковъ толпами. Убѣгая отъ своихъ многочисленныхъ поклонниковъ, хорошенькая Парижанка явилась искать пристанища у сувруговъ Делинъ; но, несмотря на всѣ ея предосторожности, за нею такъ увязался самый пламенный ея поклонникъ, мосье де-Жевенарѣ. Мадамъ де-Сенвенаръ выслушавъ-еть признанія своей подруги: нуужъ къ ней холоденъ; бываетъ разсѣянъ, скученъ съ нею; любовь естываетъ въ немъ се-дня-на-день. Молодая вдовушка признаетъ за нужное вѣнчаться не-

редрезать эту хладную страсть. Надо заслазить того мужа ревновать, восклицает она: положишь только на меня, я знаю что делать. Записочки, букеты, свиданія. Предлагается мадамъ де-Сенневаръ отнесены на счетъ мадамъ Делинны. Мосей де-Женоваре представляется, въ глазахъ Делинны, любовникомъ его жены. Такихъ образомъ цѣль перемогута. Слѣдуетъ мыслить на думки; мадамъ де-Сенневаръ зашла баншикомъ далеко; она ущемила шабда прошевъ деревомъ и корю— (*entre l'arbre et l'écogee*— французская поговорка); остается одно средство побить бѣды— пожертвовать самою собою: нечего делать, она принимаетъ имя мадамъ де-Женоваре, и миръ водворяется въ семействѣ Делинны.

90) LES COULEURS. DE МАКСИМИТЪ (ЦВѢТА МАРГЕРИТЫ), комедія-водевилъ въ двухъ дѣйствіяхъ; соч. г. Баяра.

Еще молодиль театра Гумпале. Насъ наудренная, съ красными набулами; мушкетерами, по модѣ временъ Людовика XIV. Дѣйствіе въ Гостинницѣ Благородной; въ городѣ Вердѣнѣ и на границѣ Лотарингіи. Король Станиславъ разсердился и жаловался великому королю, что на его землѣ сдѣлана жестокость очень дурнаго разбора. Монастырь урсуминскій былъ осажденъ, и маркизъ д'Обрель похитилъ одну изъ самыхъ хорошихъ пансіонерокъ, шевалье Елену де-Монбрѣнъ. Деланъ шевалье, чей бѣглецъ хотѣлъ скрыться въ Вердѣнѣ, и губернаторъ получилъ строжайшій приказъ арестовать его; Маркизъ д'Обрель перешелъ въ гостинницу и встрѣчаетъ тамъ шевалье де-Жокура; этотъ человекъ не столь счастливый, не могъ похитить прекрасную Маргериту, которую обожаетъ; въ отчаяніи, въ бѣшенствѣ на поудачу, шевалье отправляется въ срѣніе умирать. Маркизъ, до нашедъ своей Елены въ Гостинницѣ Благородной, снова пускается на поудачу. Но нельзя же шевалье де-Жокуру бить— постоимъ несчастливый; а

нона шевалье его отпериживать прекрасную бѣглецу, шевалье встрѣчаетъ ее очень просто, потому что прелестная Елена переодѣта въ мужское платье и расположилась въ комнатѣ, которую удержалъ за собою шевалье. Положеніе шевалье для молоденькой пансіонерки монастыря урсуминскаго; ей приходится тотчасъ открыть своему товарищу во комнать и свой позъ и свое званіе. Шевалье человекъ странный. Когда хозяйка трактира возмѣтила кой-какія половарія, она не колеблется спасти любовнику приятеля; и въ одинъ мигъ блестящій шевалье де-Жокура преобразуется въ прекрасную Елену де-Монбрѣнъ. Уложа принесеть двѣ выгоды во-первыхъ, спасти прелестную бѣглецку; а во-вторыхъ, шевалье отвезуть въ монастырь, и онъ увидится тамъ съ Маргеритою. По превращеніи, новому шевалье нужно дать манеры и туалету придворнаго шевалье; урѣкъ данъ прелестно и выслушанъ и вѣтверженъ похитителю. Далѣе, является губернаторъ съ супругою; по положеніе страшно намѣнилось: жена губернатора— не ния кто, какъ Маргерита; Берегитесь, г. губернаторъ! По половарію, оба шевалье захвачены. Максими де-Монбрѣнъ (шевалье де-Жокура) арестована въ квартеръ губернатора, а шевалье де-Жокура (мадамъ Монбрѣнъ) принужденъ скрывается у одного старика видана, человекъ очень предприимчиваго; слѣдуетъ прозабавный, предомыслимый разсказъ о двухъ поудачѣ; проведомныхъ нашинъ героини. Виданъ бѣса умъ шевалье изъ своего шевалье, который наволокъ его и уложилъ подъ столъ; губернаторъ шевалье страсти изъ своей шевалье; которая наша способъ пробраться къ прекрасной Маргеритѣ. Наконецъ, поведѣніе правительствъ полагаетъ конецъ такимъ компромитирующимъ положеніямъ. Маркизъ долженъ сейчасъ же жениться на дѣвушкѣ, которую похитилъ изъ-подъ дурнаго и такого монастырскаго ареста. Тутъ; оба шевалье торжественно при-

нать свой возъ и свое хозяйство. Губернаторъ замечаетъ: Чортъ возьми! думаютъ еще, — не мудро, что, вместо роля счастливаго любовника, ангажируютъ одурченного мужа. Но еще человекъ той происхождения вельскаки, изъ которыхъ дѣлается все шумная; все его сочиненія расцвѣты, и онъ самъ же прикидывается на картонъ шваляе банталь изъ пьесъ Маргериты.

81) LES VALES À DOMESTIQUES (Наемныя Вальсы). — *водевиль въ одномъ дѣйствіи, соч. г. Поль-де-Фондъ.*

Пьеса театра Palais-Royal; роль комедина исполняетъ изъ имени автора. Мосье Лангль отецъ-взыскательный домовладылецъ. Онъ дурень собою и обманываетъ въ рѣду шестидесятую зиму; а между тѣмъ претендуетъ на обожаніе всѣхъ своихъ жильцовъ. Онъ владѣетъ по милости бѣлы-отца, мадамъ де-Сент-Совен, вдовы генерала, и соображаетъ вымыселъ Нинингъ, хорошеющую лоретку изъ пятаго этажа. Живетъ Нинингъ обдаётся нечувствительна — и получаетъ отказъ отъ вартыра; но у мадамской повѣсы есть другая кофта. Она преслѣдуетъ мосье Лангльа жесточайшими продѣлками, заставляя его выкупаться въ сообществѣ ея лакея Вуринѣ, одного изъ воровъ бантъ; другаго въ ледникѣ, потѣмъ уноситъ платье обонкъ купальщикоу, и бѣдный домовладылецъ, озорничавши порохъ мадамъ де-Сент-Совен, которая не иная кто, какъ подружка мадамъ Нинингъ, возвращаетъ себѣ свое хозяйство и платье, только събѣжавъ въ бѣднѣежана утулки своей жильцѣ-лореткѣ. Шутки, остроуи и положенія дѣла, все съобщается намъ весьма дружно и вѣстности, гдѣ происходятъ дѣйствія. Умѣлъ былъ обертыватъ; какъ самъ-собой разумѣется.

На театрѣ Variétés играва поемныя *водевиль въ одномъ дѣйствіи*

92) ON DEMANDE DES PROFESSEURS (Приглашаютъ Учителей), гг. Локруа и Жема. Веселая исторія молодыхъ полковыхъ учителей, забравшихъ

сея въ женскіе панталоны прозвѣнать дѣвкамъ въ искусство забавляться. Учителей женскъ подъ кофтой плесы, и подлыоуа: впередъ будутъ умѣе.

Театръ Gaité далъ на своихъ подмосткахъ новую пьесу. Этѣ

93) LA SOEUR DU MOGONNIER (Сестра Погогонщика мугловъ), *малодрама въ пяти дѣйствіяхъ, соч. г. Вушаранъ.*

Пьеса бульварнаго Корнеля открывается тѣмъ, что погогонщикъ вѣнчаетъ къ сестрѣ въ окошко. На рукахъ у него колеблемый ребенокъ, одинъ изъ любимыхъ персонажей мосье Вушаранъ. Сестру зовутъ Катериной; она жена молодого человека по имени Анри; сначала она счастлива мужемъ, но потомъ Анри съ некоторыми поръ ежедневно ходитъ въ городъ, и разъ даже Катерина подсмотрѣла у него ящикъ съ секретными записками. Этотъ ящикъ скрываетъ тайну. Что же дѣлаетъ погогонщикъ? Взламываетъ тайну и находитъ пучекъ женскихъ волосъ и женское письмо. Въ письмѣ, поминутая дама говоритъ про своего ребенка, который уже лепечетъ имя отца. При этомъ открытій, сестра погогонщика очень опечалена; погогонщикъ вѣтъ себя отъ бѣднѣежана. Какъ! его вѣтъ, женатый человекъ, отецъ семейства, мужъ Катерины, вольно любовныя связи и прижилъ даже незаконнаго сына до брака! О! погогонщикъ шутить не любитъ, вѣтъ не слобровать. Приходить домой вѣтъ. Бѣдный Анри! какъ на него поклялись! Вопервыкъ, егѣ зовутъ не Анри, а Жакомъ. Женское письмо, отъ котораго расплакалась Катерина, писано двадцать лѣтъ назадъ, когда маленькому Жаку было едва пять или шесть лѣтъ отъ роду; значитъ, любовникомъ былъ не онъ. Короче сказать, если ужъ на то пошло, маленький Жакъ есть сынъ Якова III, короля шотландскаго, — сынъ, правда, побочный, но все-таки наследникъ шотландскаго престола! Мать этого маленькаго Жака была умерщвлена незаконцемъ, который не скрываетъ своего вѣднѣежана и ко-

горькій рѣшается повѣстовать только въ послѣдствіи. Такія откровенныя и любезныя объясненія угасяютъ безпокойства сестры-погощицы. Это будетъ счастливая Катерина, что снова нашла вѣрнаго мужа... и еще въ добавокъ королевскаго сына! Между-тѣмъ, вѣтя уходитъ, не сказавъ ни слова Катеринѣ, и, затворяя за собою дверь, впускаютъ снова ее, — безумцы! кучу бѣдъ. Въ камину являюся двое людей, завернутые въ плащи. Одинъ изъ нихъ — Яковъ III, папѣникъ англійскаго короля, отпущенный англійскимъ королемъ на условіи, что сынъ шотландскаго короля женится на одной изъ дочерей англійскаго. Итакъ, волею и неволею, приходится Якову III, который наизмѣлъ своего сына *жематомъ*, разорвать бракъ, заключенный безъ его согласія и подъ чужимъ именемъ. Катерина, которой шотландскій король предлагаетъ полюбовно развестись съ мужемъ, сначала ничего и слышать не хочетъ, но вскорѣ, услышавъ разговоръ этого добраго государя съ его повѣреннымъ, убѣжденная государственной потребностью и добротой Якова III, несомнѣливаго убить Катерину, не смотря на совѣты повѣреннаго, сама добровольно разрываетъ свой благополучный бракъ. Она отрывается отъ трона и отъ супруга, и, въ довершеніе своего усердія, объявляетъ королю, что есть вѣрный способъ дознаться, кѣмъ умерщвлена мать будущаго Якова IV шотландскаго. При этомъ страшномъ открытіи, совѣтчикъ приходитъ въ ужасное смущеніе. — Да, прибавляетъ Катерина: — ваша супруга, государь, зарѣзана однимъ кавалеромъ, который сдѣлался герцогомъ и царемъ королевства. Король Яковъ, у котораго намать нѣсколько поослабла отъ шестилѣтняго плѣна, не можетъ даругъ припомнить недавнихъ происшествій въ высоее дворянство; но много-много что завтра, справившись съ придворнымъ календаремъ, отыщеть убійцу своей жены. Выходитъ, что совѣтнику неминуемо надо убить Якова III, а это легче всего на свѣтѣ,

просто дѣло одного существа... и одного кинжалнаго удара. На сценѣ появляется Ральфъ, убійца на жалованьи у графа Робера. Спустя минуту, король Яковъ III увидѣтъ подъ кинжаломъ, а между-тѣмъ графъ Робертъ диктуетъ Диксону, экс-секретарю Якова, подложное письмо короля, гдѣ Яковъ, передъ послѣднимъ надыханіемъ, будто бы объявляетъ, что онъ убить честолюбивой Катериною. Такимъ-образомъ, нашъ графъ Робертъ одерживаетъ два успѣха разомъ: отъ короля освобождается кинжаломъ, отъ Катерины знаменитомъ; а озаботившись хорошенько, чтобъ Катерина унесла съ собою въ могилу тайну смерти матери будущаго короля, графъ Робертъ не будетъ умирать отъ причинъ опасаться наказанія своихъ злодѣйствъ. Комбинація нѣсколько длинновата, грубовата, но весьма-мелодраматическая. Такъ, по король Яковъ III, атакованный Ральфомъ, защищается какъ левъ; на призывъ наемнаго убійцы, бѣжитъ самъ наемщикъ, графъ Робертъ. На дорогѣ онъ встрѣчаетъ погощицу, брата Катерины, который ранитъ сѣра Робера топоромъ. Напередѣ сцены лежитъ умирающій Яковъ, который изъ умирающаго скоро дѣлается воле-первымъ, къ сиротству Шотландіи. Въ содержаніи перваго акта видна вся полнота бульварнаго достоинства драмы, отъ дальнѣйшаго разсказа второю охотро набавляется себѣ и читателямъ.

Вотъ конча и всѣ драматическія новостя: возвращеніе актѣровъ изъ провинціальныхъ подалокъ къ началу театральнаго сезона не дало случая появиться большому количеству новизны запасовъ, замѣвъ спелу погорѣлиши прежнихъ нѣсць, въ которыхъ они блистали прошлымъ годѣ. Въ слѣдующемъ нѣсць, вѣроятно, мы должны будемъ передать читателямъ кѣмъ потокъ этого рода новостей.

УЧЕНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

ВЕЛИЧИНА ПОВЕРХНОСТИ ТРИДЦАТИ СЕМИ ЗАПАДНЫХЪ ГУБЕРНІЙ И ОБЛАСТЕЙ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССІИ.—Познаіе точной величины пространства цѣлаго государства равно какъ и его отдѣльных частей, составляютъ одно изъ главнѣйшихъ основаній статистики. Вычислить поверхность всей Россійской Имперіи, теперь пока невозможно по причинѣ недостаточности нашихъ познаній касательно Сибири; намъ совершенно неизвѣстны границы этого обширнаго края со стороны Ледовитаго-Моря, Китая и средне-азиатскихъ земель. Не смотря на ревность, съ которою производится географическія работы въ нашемъ отечествѣ, вѣроятно, много пройдетъ еще времени, пока узнаемъ мы точную величину всей его поверхности. Даже теперь, въ настоящую эпоху, не можетъ быть опредѣлено съ точностью возможное пространство Европейской Россіи, т. е. вся западная часть нашего отечества, съ востока ограниченная Уральскими-Горами, рѣкою Ураломъ, Каспійскими-Моремъ, а съ юга — рѣками Кубанью и Тереконъ: потому что мы не знаемъ сѣверовосточныхъ границъ, не знаемъ также юговосточной части, гдѣ теперь, особенно въ земляхъ кавказскихъ, производятся съ такимъ рвеніемъ геологическія работы офицерами генеральнаго штаба. Но матеріаловъ накопилось достаточно уже для Европейской-Россіи, такъ что теперь есть возможность опредѣлять пространство большей ея части; эти матеріалы представляютъ *Спеціальная Карта западной части російской Имперіи, составленная и гравированная съ точности делю настоящей величины при*

Военно-Топографическомъ Делѣ. 1832—1844. Карта эта, или точнѣе атласъ, состоитъ изъ пятидесяти-деяти листовъ каждый тридцать съ половиною вершковъ ширины и двадцать-одинъ вершокъ длины, и заключаетъ въ себѣ все пространство между Архангельскомъ и Чернымъ-Моремъ, и между Казанью и западною границею, т. е. двадцать-одинъ градусъ широты и тридцать-градусовъ долготы.

По этимъ-то матеріаламъ, Императорск. Санктпетербургская Академія Наук. поручила сочлену своему, г. Струве, вычислить известную поверхность Европейской-Россіи.

Г. Струве, съ своей стороны, передалъ эту скучную, механическую работу г. Швейцеру, который, такимъ-образомъ, первый составилъ точное опредѣленіе пространства губерній и областей Европейской-Россіи, изображенныя на спеціальной картѣ

Г. Швейцеръ, для единообразія въ результатахъ, исключилъ море и заливы въ своихъ вычисленіяхъ, которые должны обнимать одну сушу. Весь трудъ его относится пока къ тридцати-семи губерніямъ и областямъ; въ слѣдующей таблицѣ находятся величины ихъ пространства, выраженыя въ квадратныхъ верстахъ и квадратныхъ географическихъ миляхъ. Географическая миля есть пятнадцатая часть градуса земнаго экватора; она содержитъ въ себѣ 3807,2347 тоазъ или 24345,75 русскихъ футовъ, или 6,955928 верстъ; слѣдовательно, одна квадратная географическая миля равняется 48,384933 квадратнымъ верстамъ; въ приложенной таблицѣ показаны также и среднія широты каждой губерніи и долготы и широты крайнихъ предѣловъ по направленію отъ сѣвера къ югу и отъ запада къ востоку. Эти данныя необходимы вообще какъ свѣдѣтельства каинтологическихъ отношеній.

Валчины поверхности 97 губерній и областей Европейской Россіи.

	Сред. шир.	Величина по- верхност.		Крайніе предѣлы.			
		Квадр. верст.	Квадрат. миль.	Геогр. шир.		Геогр. долг.	
				Сѣв.	Юг.	Зап.	Вост.
1. Губерніи Олонецкая	6 22'	132202	2732,29	64°35'	60° 8'	47°28'	59°20'
2. — Санктпетербургская	59 27	45317	940,73	60 54	57 59	45 10	51 46
3. — Новгородская	59 13	107090	2213,30	61 21	57 5	47 55	57 42
4. — Эстляндская	59 0	17834	369,23	59 42	58 19	39 39	45 54
5. — Ярославская	57 54	31933	659,99	59 4	56 44	53 7	58 31
6. — Лифляндская	57 49	42752	883,57	59 4	56 34	39 28	45 13
7. — Тверская	57 23	59492	1223,35	58 53	55 54	49 33	56 4
8. — Пермская	57 4	9500	816,37	58 12	55 46	44 58	49 59
9. — Курляндская	56 43	23987	495,75	57 46	55 41	38 38	45 2
10. — Владимирская	56 10	41708	862,01	57 14	53 6	55 16	60 54
11. — Витебская	56 7	39204	810,23	57 27	54 46	43 24	49 32
12. — Московская	55 46	28541	582,26	56 43	54 49	52 54	58 55
13. — Ковенская	55 38	36678	738,04	56 27	54 48	38 47	45 2
14. — Смоленская	54 54	49326	1049,45	56 36	53 13	48 30	53 25
15. — Виленская	54 36	37189	767,99	56 30	53 23	41 34	46 4
16. — Рязанская	54 22	37684	766,44	55 45	53 0	56 15	59 14
17. — Калужская	54 21	27746	573,44	55 23	53 18	51 7	54 59
18. — Тульская	54 20	26853	554,99	55 53	52 47	53 39	56 50
19. — Пензенская	53 40	33394	690,48	54 54	52 36	49 19	64 29
20. — Могилевская	53 35	42844	884,87	53 42	51 57	46 32	50 24
21. — Тамбовская	53 16	58170	1202,24	55 11	51 20	56 9	61 21
22. — Минская	53 10	78500	1622,43	55 6	51 14	42 52	48 17
23. — Орловская	52 53	41562	858,99	54 0	51 47	50 31	56 44
24. — Гродненская	52 47	33504	692,43	54 3	51 31	40 7	43 32
25. — Черниговская	51 46	48379	999,88	53 18	50 15	48 4	52 17
26. — Курская	51 18	39599	818,41	52 24	50 13	51 0	53 57
27. — Воронежская	51 13	58347	1209,41	52 58	49 32	56 7	60 45
28. — Волынская	50 44	62732	1296,52	52 2	49 27	41 18	47 7
29. — Киевская	49 58	44222	913,96	51 29	48 28	46 4	50 50
30. — Харьковская	49 56	47667	985,16	51 17	47 36	51 34	57 58
31. — Полтавская	49 56	43285	896,68	51 8	48 44	48 26	53 49
32. Земля Донскихъ Казаковъ	48 43	142401	2943,09	51 18	46 7	55 16	62 29
33. Губерніи Подольская	48 36	37443	773,86	49 50	47 22	43 50	48 33
34. — Екатеринбургская	48 1	58360	1206,16	49 12	46 51	50 58	57 36
35. — Херсонская	47 37	64440	1328,93	49 6	46 8	46 44	51 59
36. Область Бессарабская	46 44	41511	857,94	48 37	44 51	43 41	48 10
37. Губерніи Таврическая	46 2	58167	1208,37	47 43	44 22	49 8	54 49

Такииъ образомъ, все пространство Европейской Россіи, считаемое тридцатью семью губерніями, равняется 1859403 квадратнымъ верстамъ или 38572,81 квадратнымъ географиче-

скимъ милямъ; эта поверхность образуетъ сложную фигуру, которая простирается между Архангельскою Губерніею, Дунаемъ при его впадении въ Черное-Море, вдоль западной грани-

ны Минерин и до восточной границы Пензенской-Губернии; крайніе предѣлы измѣреннаго пространства лежатъ, следовательно:

На сѣверѣ медъ широтою 64 35'.
 На югѣ 44 22
 На западѣ медъ долготою. 39 38
 На востокѣ 64 25 .

Швейцерь измѣрилъ таинженство озеръ, поверхность которыхъ превосходила 100 квадратныхъ верстъ, или, что все равно, 1 квадратныя географическія мили; такихъ озеръ нашлось въ Европейской-Россіи двадцать-два; вотъ таблица величинъ ихъ поверхности; въ ней помѣщены четыре малыя озера, измѣренныя также Швейцеромъ.

№ губерній

кв. вер-стъ. по табл. предъидущей.

1. Ладожское.....	19861	324,10	1.	2
2. Онежское.....	14098	229,24		1
3. Нейнузъ.....	3177	65,65	6.	8
4. Сивашъ.....	2265	46,81		37
5. Сягъ-Озеро....	1035	21,39		1
6. Бѣлое-Озеро..	988	20,43		3
7. Вигъ-Озеро....	923	19,07		1
8. Ильмень.....	791	16,35		3
9. Лада.....	463	9,67		1
10. Вадло.....	432	9,34		1
11. Воже.....	408	8,37		3
12. Андъ-Озеро...	324	6,70		1
13. Сямъ-Озеро...	294	5,39		1
14. Молочное.....	248	5,12		37
15. Вемъ-Ерзъ....	240	4,96		6
16. Лекша.....	237	4,90		1
17. Ялпукъ.....	202	4,17		36
18. Сандакъ.....	186	3,84		1
19. Тулосъ.....	184	3,80		1
20. Селнгеръ.....	176	3,62		7
21. Нюкъ-Озеро...	168	3,48		1
22. Рокколо.....	107	2,21		1
23. Амгеръ-Озеро.	77	1,59		9
24. Лубанъ.....	77	1,59		11
25. Неро.....	52	1,08		5
26. Пляшево.....	44	0,91		10

Итого... 39859 823,78

Озера расположены здѣсь по относительной величинѣ.

Интересно сравнить теперь между собою величину водной поверхности

и суши въ этихъ 37 губерніяхъ. Чтобы не имѣть дѣла съ большими числами, мы выразимъ результаты въ квадратныхъ миляхъ и отбросимъ дроби; мы найдемъ такимъ-образомъ, что все пространство 37 губерній, занимающее 38574 квадратныя мили, состоитъ изъ 37749 квад. миль суши и 824 квадрат. миль водной поверхности.

Водная поверхность занимаетъ, следовательно, одну сорокъ-девятую часть или добрые два процента всего пространства. Но мы должны взять въ расчетъ также малыя озера и рѣки; впрочемъ, смѣло можно положить, что они обнимаютъ не болѣе трети поверхности большихъ озеръ. Такимъ-образомъ, мы получимъ для величины всей водной поверхности нашихъ 37 губерній 1,160 квадрат. миль, что равняется одной тридцати-четвертой доли или тремъ процентамъ всего пространства. Олонская-Губернія—самая обильная водными; полная поверхность ея 2732 квадрат. миль, а водная поверхность большихъ озеръ 373 квад. миль; многочисленныя малыя озера и рѣки занимаютъ 100 квад. миль; вся водная поверхность содержитъ въ себѣ 475 квад. миль и составляетъ такимъ-образомъ 17 процентовъ всей суши, которая заключаетъ въ себѣ 2257 квад. миль. Другія губерніи далеко не такъ обильны водою; въ-самоу-дѣлѣ, исключивъ Олонскую-Губернію, водная поверхность остальной части составитъ не болѣе одного Процента полной поверхности.

Для опредѣленія величины поверхности всей Европейской-Россіи, исключая царства Польскаго, остается еще измѣрять слѣдующія губерніи и области:

- 1) Губернію Архангельскую.
- 2) Княжество Финляндское.
- 3) Губернію Вологодскую.
- 4) — Пермскую.
- 5) — Вятскую.
- 6) — Костромскую.
- 7) — Нижегородскую.
- 8) — Казанскую.
- 9) — Симбирскую.
- 10) — Оренбургскую.

- 11) — Саратовскую.
- 12) — Астраханскую.
- 13) Землю черномор. казаковъ.
- 14) Область Кавказскую.

По желанію г. Кеппеля, г. Швейцерь измѣрилъ поверхность уѣздовъ Костромской и Нижегородской Губерній, которые изображены на Специальной картѣ; такимъ образомъ онъ нашелъ въ Губерніи Костромской, уѣзды: 1) Солигаличской, 2) Чухломской, 3) Вуйской, 4) Галичскій, 5) Костромскій, 6) Кишелевскій, 7) Нерехтѣвскій, 8) Юрьевскій занимаютъ 28044 квад. версты, 379,60 квад. миль. Въ Губерніи Нижегородской, уѣзды: 1) Нижне-Новгородскій, 2) Горбатовскій, 3) Ардатовскій, 4) Арзамасскій, 5) Княгининскій, 6) Луговиковскій, 7) Сергачскій, 8) Балаховскій 2873 квад. версты, 582,31 квад. миль.

Кромѣ того, Швейцерь измѣрилъ и Элтовское-Озеро въ Саратовской-Губерніи; оно лежитъ, какъ означено на картѣ, подъ 49°, 7' широты и 64°, 13' долготы и занимаетъ 160 квад. версты или 3,31 квад. миль.

ЛѢТО ВЪ ЗЕМЛѢ ТАЙМИРЬ. — Г Шергинъ, комиссіонеръ Россійско-Американской Компаніи, постоянно наблюдаетъ съ 1837 года температуру земли въ Якутскѣ; мѣстою этихъ наблюденій служитъ колодезь, глубиною въ 382 фута, который на всемъ своемъ протяженіи проходитъ черезъ мерзлую землю. Геотермическія наблюденія г. Шергина подтверждаютъ извѣстный законъ возвышенія температуры почвы пропорціонально глубинѣ; но температура нижняго яруса колодца, онъ нашелъ, хотя и значительно разнится отъ температуры поверхности земли, все-таки пол-градуса ниже нуля. Это удивительное явленіе охлажденія, замерзанія почвы и на такой ужасной глубинѣ, поразило многихъ физиковъ и геологовъ. Санктпетербургская Императорская Академія Наукъ еще въ 1838 году рѣшила назначить комиссію для точнаго обслѣдованія этого замановаго феномена-геогра-

фического факта и вообще для опредѣленія настоящаго протяженія вѣчныхъ льдовъ, которыми проникнута почва въ сѣверной части древняго материка. Подобная экспедиція имѣла еще другой ученый интересъ, — географическое распространеніе органическихъ существъ въ наше время составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ естественной исторіи, и всѣ изслѣдованія по этой части обыкновенно начинались съ Ланландіи, гдѣ производящія силы природы — особенно теплота — дѣйствуютъ слабѣйшимъ образомъ. Мало-по-малу, путешествія въ полярныя земли открыли намъ естественныя произведенія странъ божіе сѣверныхъ, нежели Ланландіи. Но такъ-какъ всѣ эти путешествія, исключая экспедиціи Франклина, были морскія, по-этому и наблюденія путешествующихъ ограничились одними островами и крайними оконечностями береговъ. Всѣмъ извѣстно, я думаю, что флоры и фауны острововъ, лежащихъ даже въ внутреннѣхъ поясахъ, состоятъ изъ очень-небольшаго количества видовъ растений и животныхъ, потому-что самое море полагаетъ естественныя препятствія распространенію этихъ организмовъ. Кромѣ того, изслѣдованія надъ раздѣленіемъ теплоты на поверхности земнаго шара открываютъ намъ, какое огромное вліяніе имѣетъ море на движеніе температуры, особенно еще въ крайнихъ широтахъ: и такъ, острова и берега странъ, лежащихъ подъ этими широтами, никогда не могутъ быть точными мѣрителями производительности и климатологическихъ отношеній сѣвернаго материка. Вопросъ о границѣ древесной растительности — границѣ лѣсовъ въ этомъ материкѣ, нельзя считать совершенно-рѣшеннымъ до-тѣ-поръ еще, пока не будетъ изслѣдована растительность его внутреннихъ странъ. Ботаники всѣ утверждаютъ, что въ Сибири лѣса простираются не далѣе 67°, основываясь на показаніяхъ Зуева, который подъ этою широтою по берегамъ Оби не видѣлъ деревьевъ;

однако позднѣйшіе путешественники — Брангель, Анжу, нашли лѣса въ Восточной-Сибири за 70°. Самая сѣверная часть Восточной-Сибири, лежащая между рѣками Пясиную и Хотангою, на сѣверъ отъ Туруханска, выдающаяся въ Ледовитое-Море цѣлою массой, не въ видѣ узкаго мыса или полуострова, представляетъ обширное поле для наблюденія жизни органической въ крайнихъ предѣлахъ сѣвера, въ вліяніи моря. Эта страна совершенно еще неизвѣстна даже въ географическомъ отношеніи; неизвѣстно, кто населяетъ ее? Неизвѣстно чѣмъ, какими средствами живетъ это народонаселеніе? Эта страна еще *безъ имени!!!*

Въ 1838 году, мы сказали, Санктпетербургская Императорская Академія Наукъ рѣшила назначить ученую экспедицію въ Сѣверную-Сибирь; но только въ 1841 году это рѣшеніе приведено въ исполненіе, и исполнителемъ его былъ М. Миддендорфъ, профессоръ зоологіи въ Киевскомъ Университетѣ. Исслѣдованіе въ отношеніяхъ физико-географическомъ и этнографическомъ неизвѣстныхъ земель сѣверной части Сибири за Туруханскомъ, составило именно задачу этой ученой экспедиціи, которая уже теперь приводится къ окончанію. Когда выйдетъ подробное описаніе путешествія г. Мид-

дендорфа, мы не преминемъ познакомиться подробно съ нимъ нашихъ читателей; а теперь пока представляемъ одинъ только эпизодъ изъ этой ученой экспедиціи — именно ея наблюденія надъ климатомъ земли Таймиръ; такъ назвалъ г. Миддендорфъ всю неизвѣстную часть Сѣверной-Сибири, выше Туруханска, заключенную между рѣками Хотанга и Пясина по имени рѣки и озера Таймиръ, которые разливаются внутри этой страны.

Эти климатологическія наблюденія производимы были г. Брантомъ на берегу рѣчки Баганида, начиная съ 3 (15) марта и по 14 (26) октября аккуратно три раза въ день въ 6 часовъ утра, въ 2 часа пополудни и въ 10 часовъ вечера. Мѣстомъ наблюденій была небольшая деревня Коренное-Филиповское, которая вся состоитъ изъ четырехъ зимовьевъ; она находится подъ 71° 5' 35', широты и 118° восточной долготы, слѣдственно, почти посерединѣ земли Таймиръ; такимъ-образомъ, г. Миддендорфъ первый знакомитъ насъ съ материковымъ климатомъ Сѣверной-Сибири, потому-что всѣ прежніе путешественники дѣлали свои метеорологическія наблюденія съ моря или близъ моря, какъ это можно видѣть изъ слѣдующей таблицы:

Сѣверныя полярныя метеорологическія станціи выше 70° широты.

Наблюдатели.	Мѣсто наблюденія.	Геогр. широта мѣста.	Физическія свойства мѣстности.
Парри	На пути къ полюсу. . .	80°—82°,44'	Льды Ледовитаго-Моря.
Экипажъ Парри. . .	Гекла Кове съ окрестностями	80	Сѣверный берегъ Шницбергена.
Бэчъ (Buchan) и Франклинъ . . .	Гренландское-Море на западъ отъ береговъ Шницбергена	около 80	Открытое море и берега.
Скораби	На ловахъ китовъ.	74—80	Открытое море.
Парри	Островъ Мельвилъ.	74,47	Островъ изъ Архипелага.
Циволга	Новая-Земля	73,37	Бухта въ открытомъ морѣ.
Пахтусовъ и Цивилга	Маточникъ-Шаръ въ Новой-Землѣ	73,19	Небольшой проливъ, соединяющій два открытыя моря.
Парри	Портъ Боуенъ (Bowen) .	73,14	Узкая полоса моря, разделяющая большія массы острововъ.

Гизеда	Упернавекъ (Uperniviek), на западъ отъ Гренландіи	72,48	Островъ, лежащій около открытаго берега.
Скоресби	Восточный берегъ Гренландіи	70,74	Открытый берегъ.
Многіе	Нордъ Капъ	71,10	Островъ въ открытомъ морѣ.
Анжу	Устьянскъ	70,55	Около открытаго берега.
Гизеке	Оменакъ, на западъ отъ Гренландіи	70,41	Островъ около открытаго берега.
Пахтусовъ	Заливъ, окруженный го- рами на южной око- лечности Новой-Земли.	70,39	Узкая полоса моря возлѣ твердой земли.
Россъ	Боотіа Феликсъ (Boothia Felix).	70—70,9	Глубокая бухта.

Итакъ, климатологическія наблюденія въ *Коренномъ-Филиповскомъ* открываютъ намъ въ первый разъ дѣйствіе солнца въ крайнихъ сѣверныхъ пунктахъ материка; жалъ только, что эти наблюденія ограничиваются семью весенними и лѣтними мѣсяцами, а не обнимаютъ цѣлаго года, хотя, впрочемъ, температура зимы въ вѣдѣнномъ краѣ и въ приморскихъ пунктахъ, находящихся съ нами подъ одною широтою,

должны незначительно разниться, потому-что побережье равно покрывается льдомъ.

Г. Мидлендорфъ, вѣроятно, не имѣетъ въ описаніи своего путешествія важнѣйшій журналъ термометрическихъ наблюденій; по-этому мы помещаемъ только среднія температуры для каждаго мѣсяца во всѣ часы наблюденій; эти температуры вычислены по новому стилю:

Среднія температуры воздуха въ Коренномъ-Филиповскомъ по термометру Реомюра.

Мѣсяцы.	6 ч. утра.	2 ч. по полудни.	10 ч. вечера.	Средняя температура.	Лѣтняя температура.
Отъ 25-го по 30-е апрѣля	— 18°,7 R.	— 11°,9 R.	— 18°,9 R.	— 16° R.	} + 6°72
Май.	— 9,56	— 3,51	— 7,94	— 7,1	
Іюнь.	— 0,23	+ 3,42	+ 0,76	+ 1,2	
Іюль.	+ 6,15	+ 9,45	+ 6,76	+ 7,4	
Августъ.	+ 5,70	+ 13,07	+ 6,73	+ 8,6	
Сентябрь.	— 1,31	+ 0,08	— 1,52	— 0,9	
Отъ 1 по 26 октя- бря.	— 6,78	— 4,80	— 5,73	— 5,7	

Итакъ, термометрическія наблюденія въ *Коренномъ-Филиповскомъ* открываютъ намъ здѣсь материковое раздѣленіе теплоты, какъ можно судить по быстрому возвышенію температуры. Августъ въ *Коренномъ-Филиповскомъ* теплѣ іюля; явленіе это не составляетъ исключительной особенности года, нѣтъ; это общій климатическій характеръ всѣхъ странъ, которыя омываетъ Карское-Море; такъ называемъ мы всю массу

водъ между Новою-Землею и выдающеюся частью земли Таймиръ. Въ другихъ мѣстностяхъ, подъ тѣми же широтами, мы не видимъ такого увеличенія температуры въ августѣ мѣсяцѣ. Вотъ таблица температуръ лѣтнихъ мѣсяцевъ въ Сѣверной-Америкѣ, на островѣ Шницбергенѣ, составленная Ричардсономъ; мы присоединимъ здѣсь еще наблюденія Росса въ Боотіа Феликсъ (Boothia Felix).

Арктическое лето въ севернѣхъ широтахъ по термометру Фаренгейта.

Мѣсто наблюденья.	Сѣверная широта.	Июнь.	Июль.	Августъ.	Лѣтнее температурн. урѣвн.
1. Сѣверный берегъ Шпицбергена	80°	35°,86 F.	40°,17 F.	38°,40 F.	38°,15 F.
2. Открытое море нѣсколько на западъ отъ Шпицбергена (Бучанъ (Buchan) въ 1818 году		39,78	35,98	30,80	34,86
3. Островъ Мельвилъ	74,47'	36,24	42,45	33,89	37,09
4. Портъ Бауенъ	73,14	36,12	38,87	35,77	36,93
5. Боотія	70, 2	34,31	41,27	38,52	38,03
6. Нглоолякъ	69,21	32,12	39,97	33,71	36,27
7. Портъ Франклинъ	68,12	48,02(?)	52,10	50,58	50,41

А вѣтъ:

Арктическое лето въ старомъ свѣтѣ по термометру Цельсія.

Мѣсто наблюденья.	Широта.	Восточная долгота.	Июнь.	Июль.	Августъ.	Сентяб.
<i>Скандинавія и Финляндія.</i>						
1. Нордикъ	70° 10'	23,40	4°,5 C.	8°,1 C.	6,5 C.	6°,84 C.
2. Эмонткисъ	63,40	20, 0	9,7	15,3	13,4	12,13
3. Гаавакяла	68,24	21,30	19,2	16,36	18,6	14,38
4. Улеаборгъ	65, 3	18,15	13,9	18,4	13,7	14,24
<i>Европейская Россія.</i>						
5. Архангельскъ	64,32	38,18	12,62	16,62	14,25	14,37
6. Богословскъ	59,48	59, 4	15,62	18,87	14,12	19,20
<i>Новая Земля.</i>						
7. Малая Бухта	73,57	53,28	3,10	5,02	3,87	4,00
8. Матюкавъ-Шаръ	73,19	51,30	1,43	4,42	4,96	2,60
9. Южная оконечность	70,37	55,27	0,52	2,39	3,06	1,99
<i>Сибирь.</i>						
10. Коренное Фининовское	71, 8	114,30	1,5	9,26	10,74	7,2
11. Якутскъ	62, 2	126,47	14,87	20, 5	14,45	16,6
12. Устьянскъ	70,55	136, 4	8,64	14, 8	7,12	10,14

Въ обѣихъ таблицахъ только три мѣсяца, и именно тѣ, которые испытываютъ вліяніе Карскаго-Моря, представляютъ высшую температуру въ августѣ нѣслѣтъ. Нельзя сомнѣваться въ тогѣ вліянія и оно очень-понятно: въ Карскаго-Моря впадаютъ двѣ огромныя

рѣки, Обь и Енисей, которые съ своими притоками разливаются на пространство 108,000 квадратныхъ миль, по вычисленію Берггуса; обѣ эти рѣки непрестанно должны приносить каждую весну огромные количества льда; кромѣ того, въ самомъ Карскомъ

Морѣ, независимо отъ этой прибывшій массы, должно образоваться льда несравненно болѣе, нежели въ открытомъ океанѣ, потому что вода замерзаетъ преимущественно окаймлено береговъ, а оно совершенно окаймлено берегомъ длиннаго полуострова. Эти ледяныя массы покрываютъ всю поверхность моря; Карскіе Ворота обыкновенно запираетъ льдомъ; только одинъ Угрскій Провизъ представляетъ еще свободный проходъ для судовъ, но здѣсь прибываетъ множество льда. Ледъ начинаетъ убывать значительно не прежде августа; въ продолженіи іюня, іюля, онъ таетъ подъ вліяніемъ сравнительно - высокой температуры рѣчной воды Оби и Енисея; кажется, естественно изъ этого заключить, что оба эти мѣсяца должны быть холоднѣе августа.

Невозможно полагать, чтобъ высокая температура августа зависѣла отъ направленія вѣтровъ, потому что весь этотъ мѣсяцъ дули преимущественно сѣверныя вѣтры.

Раздѣливъ вѣтры на сѣверный и южный, пополамъ компаса, мы получимъ для каждаго мѣсяца слѣдующія отношенія:

Май.

Сѣверныхъ вѣтровъ—31.
Западныхъ—27. Восточныхъ—4.
Южныхъ—30,

Іюль.

Сѣверныхъ вѣтровъ—15.
Западныхъ—26. Восточныхъ—11.
Южныхъ—25.

Іюль.

Сѣверныхъ вѣтровъ—38.
Западныхъ—15. Восточныхъ—11.
Южныхъ—20.

Августъ.

Сѣверныхъ вѣтровъ—41.
Западныхъ—6. Восточныхъ—39.
Южныхъ—6.

Сентябрь.

Сѣверныхъ вѣтровъ—23.
Западныхъ—31. Восточныхъ—28.
Южныхъ—6.

Октябрь.

Сѣверныхъ вѣтровъ—14.
Западныхъ—8. Восточныхъ—27.
Южныхъ—28.

И такъ въ іюлѣ и августѣ господствующіе вѣтры были сѣверныя.

Разсмотримъ теперь климатическія отношенія земли Таймиръ въ теченіи каждаго мѣсяца этого полугодія; мы найдемъ, что май здѣсь рѣшительно принадлежитъ еще къ зимнимъ мѣсяцамъ; средняя температура его — 7°, 1 Реомюра; онъ немного теплѣе января въ Санктпетербургѣ и соответствуетъ совершенно февралю въ Москвѣ; весь мѣсяцъ ночью постоянно морозило, иногда около полудня бывала оттепель.

Средняя температура іюня +1°, 2 Реомюра; этотъ мѣсяцъ, слѣдственно, соответствуетъ московскому и петербургскому апрѣлю, или январю въ Севастополѣ. Самая высокая температура (+15° R.) была 10 іюня въ два часа по полудни; а утромъ того же дня была самая низкая температура (—8° 4 R.) въ этомъ мѣсяцѣ. На слѣдующій день, то-есть втораго іюня, пошелъ первый дождь: ночью въ первый разъ не было мороза. Четвертаго и пятаго числа выпалъ опять снѣгъ; шестаго былъ снѣгъ вмѣстѣ съ дождемъ. Со втораго по десятое іюня дули постоянно сильныя вѣтры отъ юго-запада къ западо-юго-западу. День продолжалось затишь, потомъ подулъ опять сильный вѣтеръ въ противоположномъ направленіи, который нанесъ снѣгъ.

Съ пятнадцатаго іюня температура постоянно была выше точки замерзанія и возмѣнялась между 1° и 15° Реомюра. Иные дни свѣтило солнце, но болѣею частью небо было сѣрое.

И такъ, начало весны въ Таймирѣ можно считать съ послѣдней половины іюня. Въ этомъ мѣсяцѣ возвращаются сюда перелетныя птицы. Перваго числа прилетаютъ гуси, за ними слѣдуютъ бекасы, кулики и другія болотныя, водяныя и сухопутныя птицы. Десятаго іюня, Брантъ, товарищъ г. Миллендореа, замѣтилъ въ первый разъ утокъ. Багамидя рѣчка вскрылась двадцатого

число, и двадцать - третье прошель весь ледъ, земля сбросила съ себя свѣговой покровъ, и въ тотъ же день появились первый соловей.

Юль соотвѣтствуетъ петербургскому маю; средняя температура его $+7^{\circ}$, 4 Реомюра, высшая $+18^{\circ}$, 2 Реомюра и низшая $+1^{\circ}$, 3 Реомюра; въ этотъ мѣсяцъ слѣдственно морозовъ не было; но свѣгъ шелъ шестаго юля при температурѣ $+3^{\circ}$, 7 Реомюра, весь юль продолжались дожди, втораго числа была гроза.

Не смотря на облачное море, вода въ Баганидѣ нагрѣлась значительно, такъ-что къ концу мѣсяца температура ея была 9° , 3 Реомюра. Гораздо-меленнѣе оттаивала почва; пятнадцатое юля наши путешественники находили мерзлую землю на глубинѣ пяти дюймовъ, непосредственно подъ мохомъ и ягелями. Въ первой половинѣ этого мѣсяца большая часть птицъ вывела уже дѣтеньшей.

Августъ въ Таймирѣ, мы сказали выше, теплѣе юля; онъ соотвѣтствуетъ почти маю въ Москвѣ; первая недѣля была самая теплая, солнце постоянно свѣтило шесть дней въ ряду, начиная съ 31 юля; это большая рѣдкость въ полярныхъ странахъ, гдѣ ясная погода обыкновенно случается въ апрѣлѣ и мартѣ. Этими немногими днями ограничивается все лѣто въ Таймирѣ. Средина и конецъ августа стояла погода переменная; температура значительно понизилась, сравнительно съ первыми числами мѣсяца и двадцать-девятое въ ночь былъ первый морозъ; въ тотъ же день потянулись на югъ веревницы гусей.

Средняя температура сентября ниже нуля ($-0^{\circ}, 9$), да этотъ мѣсяцъ былъ такъ же холоденъ, какъ ноябрь въ Петербургѣ. Одинадцатаго числа была еще гроза; а двадцатое рѣка и озеро покрылись льдомъ; всѣ перелетныя птицы отирались на югъ, кой-гдѣ пока-

зывались еще воробы; курбнатки бѣлыя переселились въ лѣса Баганиды.

Октябрь начался сильными вѣтрами; десятое число шелъ послѣдній разъ дождь и была также послѣдній разъ оттепель, послѣ которой водворилась совершенная зима!..

Такимъ-образомъ, въ Таймирѣ лѣто продолжается всего шесть дней!!.. Вѣроятно; въ непродолжительномъ времени мы познакоимъ нашихъ читателей съ народонаселеніемъ, которое называется такимъ пріятнымъ климатомъ.

НОВЫЙ СПОСОБЪ ОПРЕДѢЛЕНІЯ КОЛИЧЕСТВА ЗОЛОТА И СЕРЕБРА, УПОТРЕБЛЯЕМАГО ВЪ ГАЛЬВАНИЧЕСКОМЪ ВОЛОЧЕНІИ И СЕРЕБРЯНИИ.—Въ наше время, когда электрохимическое золоченіе перешло уже изъ кабинета ученаго въ мастерскую ремесленника, необходимо приять этому полезному изобрѣтенію совершенно практическій характеръ, въ которомъ не нуждаются открытія чистоты ученыхъ. Точное опредѣленіе цѣнности есть одна изъ главнѣйшихъ принадлежностей каждаго промышленнаго изобрѣтенія. Это опредѣленіе прежде всего рѣшаетъ его возможность или невозможность, т. е. удобоисполнимость и неудобоисполнимость, и устраняетъ множество неудобствъ, которыя могутъ встрѣтиться при водвореніи самаго изобрѣтенія въ жизни практической.

До-сихъ-поръ еще опредѣленіе цѣнности гальванической позолоты представляется совершенно на произволъ золотильщика, и поэтому многими можетъ показаться ея дешезина только мнимую; мы не имѣемъ еще точнаго способа опредѣленія количества золота, употребляемаго въ электрохимическомъ волоченіи; руководствоваться двойнымъ взвѣшиваніемъ прежде и послѣ операций невозможно при позолачиваніи большихъ предметовъ, потому-что обыкновенные большіе вѣсы далеко не такъ чувствитель-

тъ, чтобы оценить малѣйшія количества золота.

Применіе этой важной практической задачи въ гальваническомъ процессѣ водоченія занимало въ послѣднее время Его Императорское Высочество Максимилиана Герцога Лейхтенбергскаго.

Вотъ результаты этихъ изысканій, вотъ новый способъ опредѣленія количества золота въ гальванической жидкости, представленнаго Его Высочествомъ Императорской Санктпетербургской Академіи Наукъ:

«Количество золотого раствора предельно до употребленія измѣряется со всею точностью въ особомъ сосудѣ, вѣстимостью литръ и раздѣленномъ на градусы; изъ него берется одинъ децилитръ и выпаривается до суха; сухой остатокъ взвѣшивается; два грамма его кладутся въ платиновый тигель, обливаются сѣрной кислотой и нагреваются на спиртовой баннѣ; въ началѣ необходимо медленно нагревать тигель, но потомъ, когда шипѣнье прекращается, жаръ надобно возвысить, чтобы тигель раскалился; масса, нахлѣдываясь въ немъ, плавится, потомъ тигель охлаждается, переплавленное вещество промывается водою и выдѣлъ заключеній получается чистое золото, количество котораго можно опредѣлить на вѣсахъ.»

Такимъ-образомъ, мы узнаемъ содержание золота въ двухъ граммахъ сухаго осадка, и уже легко теперь высчитать сколько находится его въ децилитрѣ и въ цѣлой массѣ раствора, отъ котораго отдѣлили мы этотъ децилитръ; а въ такіа операціи до начала и по окончаніи замѣчанія открываютъ намъ сколько изъ раствора отдѣлилось золота на нозолоту.

Перейдемъ теперь къ серебрянію:

Его Императорское Высочество опредѣляетъ количество серебра почти по предъидущему способу, съ тою толь-

ко разницею, что сухой осадокъ онъ прямо высушиваетъ въ фарфоровомъ тиглѣ, не разлагая его сѣрной кислотой; при этомъ синеродистый потассій, капротый потассій и кали сплавляются (въ своихъ опытахъ Его Императорское Высочество бралъ также растворъ хлористаго серебра въ синеродистомъ потассіи), а синеродистое серебро превращается въ парациановое серебро, которое разлагается и отдѣляетъ чистое серебро.

✱

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

НОВѢЙШІЯ ОТКРЫТІЯ И ИЗОБРЕТЕНІЯ.

Англійскій инженеръ Фарелъ получилъ изъ Дублина прилетѣтію на изобрѣтенную имъ архимедову желѣзную дорогу. По его теоріи, должно положить на дорогѣ между шпалами безомечный архимедовъ винтъ, который, безпрестанно вертясь, двигаетъ вагоны впередъ съ какою-угодно скоростью. Выгоды архимедовой дороги слѣдующія: сбереженіе значительнаго капитала, ибо при такихъ дорогахъ вовсе не нужно устраивать тоннелей; вагоны, идущіе посредствомъ архимедова винта, свободно могутъ подниматься на самыя круглыя высоты (при такомъ родѣ дорогъ, можно класть шпалы гораздо-тоньше, да и вагоны могутъ быть легче); сбереженіе горючаго матеріала, ибо при этихъ дорогахъ негута дѣйствовать сточія паровыя машины, или одна сила воды; совершенная безопасность въ водѣ для пассажировъ, потому-что тутъ устраняется всякое столкновеніе паровозовъ, и недесаетъ вагоновъ уже невозможно бу-

доть высканивать изъ желѣзныхъ шинъ гань, гдѣ посреди ихъ находится бев-номочный архимедовъ внятъ.

— Докторъ Вильгельмъ Дюгеръ, въ Берлинѣ, изобрѣлъ новую механиче-скую повозку о шести колесахъ. Дви-гательная сила устроена подъ кузовомъ вишняжа, катищагося на четырехъ ко-лесахъ, а пятое и шестое колеса слу-жатъ для поворотовъ его въ равныя стороны. Механическая повозка про-ѣзжаетъ нѣмецкую милю въ 24 минуты съ тяжестью въ 18 центнеровъ, легко поднимается по ухабистой дорогѣ на крутыя холмы и всякія неровности и вообще быстро ѣдетъ по обыкновен-ной шоссейной дорогѣ. Машина озна-ченной повозки немногосложна и до-вольно-простаго устройства. Виль-гельмъ Дюгеръ намѣренъ съ своею повозкою отправиться въ Лондонъ и тамъ продать свой механическій се-претъ охотникамъ за 100,000 талеровъ.

— Въ Лондонѣ нѣсколько мясниковъ получили отъ правительства привиле-гію на новонаобрѣтенный способъ бить на бойнѣ рогатый скоть. Для этого дѣ-ла берутся предварительно два бычьи или свиные пузыри съ костяными тру-бочками, вставленными въ отверстіе ихъ. Пузыри надуваются воздухомъ, который потомъ запирается краномъ у основанія трубочки. Мясникъ, прива-завъ къ столбу быка, дѣлаетъ малень-кій надрѣзъ въ 2 дюйма съ обонхъ бо-ковъ между четвертыиъ и пятыйиъ ре-брами въ одну треть пространства ме-жду позвоночною и грудною костью; потомъ въ это отверстіе вставляетъ ко-нечную трубочку пузыря и черезъ нее быстро впускаетъ наружный воздухъ въ легкіи животного. Быкъ отъ такой операціи падаетъ какъ убитый гро-момъ черезъ 10 минутъ. Выгоды отъ такого битья скота слѣдующія: 1) мясо на 7 или 10 процентовъ выходитъ тя-желѣе; 2) долже держится свѣжимъ; 3) питательнѣе и вкуснѣе на 20 процен-товъ, ибо кровь не выходитъ изъ тон-кихъ артерій животнаго; 4) мясо какъ

старыхъ, такъ и молодыхъ быковъ дѣ-лается сочнѣе, нѣжнѣе и пріятнѣе для обонанія; 5) телятина и баранина отъ такого боя не имѣютъ обыкновеннаго блѣднаго цвѣта, и всякое другое мясо дѣлается краснѣе.

— Изъ Лондона недавно привезена въ Антверпенъ новая землекопная ма-шина, названная *привилегированнымъ землекопомъ - амфибіей*. Посредствомъ этой замысловатой машины можно раскапывать холмы и горы съ удви-тельной скоростью. Она легко работа-етъ въ руслѣ самыхъ рѣкъ, но выбра-сываетъ на берегъ землю, углубляя ло-же рѣки на 30 или 40 футовъ. Изобрѣ-татель машины, Американецъ, намѣ-ренъ побывать съ нею для землекоп-ныхъ работъ въ Вѣнѣ, Берлинѣ и дру-гихъ большихъ городахъ Европы.

— Вѣнскій аптекаръ Рейссеръ сдѣ-лалъ весьма-важное изобрѣтеніе — хи-мическую краску для ассигнаціонной бумаги, которой секретъ почти-невоз-можно узнать никакому поддѣльвате-лю фальшивыхъ денегъ. Рейссеръ для этого приготовляетъ особаго рода бу-магу, которая способна только прини-мать его новонаобрѣтенную краску; всякая же другая краска не держится на этой бумагѣ, тотчасъ полиняетъ и облупится. Дирекція Національнаго Вѣнскаго Банка предложила Рейссеру за его изобрѣтеніе 3,000 гульденовъ пожизненнаго пенсіона.

— Капитанъ французской корветты г. Билеттъ изобрѣлъ новое метательное орудіе, т. е. пустое чугунное ядро, на-полненное горючимъ веществомъ, по-добнымъ составу греческаго огня. Та-кое ядро, выстрѣленное изъ коронады, не только пробиваетъ бортъ непритель-скаго корабля, но, разлетѣвшись на куски, разбрасываетъ свой зажига-тельный и неугасимый снарядъ во все стороны. Одно такое ядро, удачно-вы-стрѣленное, можетъ сжечь и истребить цѣлый линейный корабль. Этимъ со-ставомъ можно также начинать бомбы и гранаты.

— Типографчикъ Кампгаузенъ, въ Кёльнѣ, дѣлалъ недавно опыты по способу новозобрѣтеннаго въ Англіи анастического книгопечатанія (anastischer Druck). Попытка удалась совершенно. Кампгаузенъ назвалъ новый способъ печатанія палинографіею (palinographie). Шрифтъ какой-нибудь старопечатной книги онъ переводитъ на свинцовую доску, которую потомъ вытравляетъ фосфорною кислотою, и снова печатаетъ текстъ въ произвольномъ числѣ экземпляровъ. Этотъ способъ особенно будетъ выгоденъ для бельгійскихъ пиратовъ-книгопродавцевъ, потому что очень пригоденъ для перепечатыванія съ новыхъ книгъ, которыя вышли недавно изъ типографскихъ станковъ.

— Въ Берлинѣ, одинъ любитель музыки изобрѣлъ механической снарядъ, который самъ-собою переворачиваетъ листы нотъ, лежащихъ на музыкальномъ пульпетѣ. Играющій долженъ только пожать ногою подставку пульпета, и пружина въ ту же секунду переворнетъ листъ нотной тетради.

— Снятіе видовъ посредствомъ дагерротипа болѣе и болѣе совершенствуется. Недавно французскій художникъ Мартенсъ снялъ съ башни Notre-Dame круглую панораму Парижа дагерротипомъ, придавъ объективному стеклу камер-обскуры произвольное движеніе во всѣ стороны. Всѣ строенія столицы, лежавшія на горизонтѣ камер-обскуры, передавы дагерротипомъ съ математической точностью, съ строжайшимъ соблюденіемъ воздушной перспективы.

— Механикъ Аштонъ, въ Лондонѣ, превосходно дѣлаетъ искусственныя человѣческія ноги и руки. Онъ недавно поставилъ на механическія ноги безногаго графа Трибли, который теперь ѣздитъ верхомъ, танцуетъ на балахъ и прогуливается пѣшкомъ такъ же хорошо и ловко, какъ человѣкъ съ натуральными ногами. Въ одномъ только замѣтно маленькое неудобство: чтобъ пустить ноги въ дѣйствіе, графъ долженъ наклониться и пожать пружинку лѣвой и правой ноги.

— Профессоръ физики, Брансонъ, въ Нью-Йоркѣ, открылъ (посредствомъ гидро-окисено-газового микроскопа, увеличивающаго предметы въ 200 тысячъ разъ), что въ капляхъ человеческой крови находятся всевозможныхъ породъ животныя въ видѣ мельчайшихъ монадъ. Въ крови здороваго человѣка эти твари живутъ между собою дружно и спокойно, но въ крови больного, они дерутся и пожираютъ другъ друга. Брансонъ обнаружилъ еще другой парадоксъ, гораздо замѣчательнѣе перваго, — именно: если бросить околобъшую кошку въ лужу и посылъ чрезъ нѣсколько недѣль рассмотреть въ газовой микроскопъ каплю воды, взятую изъ этой лужи, то въ ней наблюдатель увидитъ тысячи мельчайшихъ животныхъ, принадлежащихъ къ кошачей породѣ, которыя между собою безпрестанно дерутся и истребляютъ другъ друга.

— Въ Берлинѣ, докторъ Гагеманъ издумалъ универсальное (?) лекарство, подъ названіемъ: *Naturhauch*, для всѣхъ болѣзней, происходящихъ отъ вѣшняго поврежденія человеческого тѣла. Онъ разводитъ своимъ лекарственнымъ каплямъ дедильионными частицами въ водѣ à la Hanemann, и беретъ непременно вылечить каждаго больного.

РАЗНЫМЪ ПОЛЕЗНЫМЪ ЗАМѢТКАМЪ.

Французскіе фабриканты шелковыхъ и кисейныхъ матерій и ситцевъ начали съ нѣкотораго времени набивать ихъ разными вредными красками и особенно зеленою швейнфуртскою краскою, въ составъ которой входитъ мышьякъ. Щеголихи, любящія одѣваться изъ матерій зеленого цвѣта, конечно, вовсе не подозреваютъ, что шляты ихъ наитаны самымъ опаснымъ ядомъ, ибо зеленая краска въ теплѣ разлагается и, превращаясь въ пыль, напыхиваетъ комватыи воздухъ тонкими атомами мышьяка, который вредно дѣйствуетъ на дыхательные органы. Такъ-какъ зеленая набивная краска не входитъ

химически въ составъ самой основы матеріи, но накладывается или набивается на лицевую ея сторону, то дѣйствіе краски тѣмъ болѣе бываетъ опасно. Химія въ нынѣшнемъ своемъ развитіи можетъ открывать малѣйшія частицы мышьяка въ легкихъ человѣка, умершаго съ ясными знаками отравленія, а потому, въ случаѣ медицинскаго изслѣдованія, надобно обратить вниманіе и на то, не жилъ ли умершій въ комнатѣ, которой стѣны выкрашены были парижскою зеленою краскою, содержащею въ себѣ, какъ извѣстно, мышьякъ. Бывало нѣсколько примѣровъ, что человекъ, переночевавъ въ комнатѣ, выкрашенной вновь свѣжею зеленою краскою, умиралъ на другой день или дѣлался опасно боленъ.

— Вѣнскій врачъ, Сперлецкій, узнавъ изъ многолѣтнихъ опытовъ, что пивныя дрожжи чрезвычайно - полезны для излеченія ранъ, происшедшихъ отъ обжога. Онъ совѣтуетъ на обожженный членъ или рану прикладывать кусочекъ холстины, намазанной пивными дрожжами, возобновляя каждый разъ эту операцію, когда дрожжи высохнутъ отъ жара тѣлеснаго. Это средство бываетъ еще дѣйствительнѣе, если тотчасъ послѣ обжога оно употребится въ дѣло.

— Англійскій химикъ Томсонъ нашелъ, что хлѣбное тѣсто, приготовленное безъ дрожжей, гораздо-питательнѣе и легче для сваренія желудка, нежели обыкновенные хлѣбы булочниковъ, ибо дрожжи уничтожаютъ въ тѣстѣ сахаристое и клейкое вещество. Томсонъ совѣтуетъ, вмѣсто дрожжей, примѣшивать въ тѣсто малую частицу квасцовъ и углекислаго амоньяка, чрезъ что хлѣбъ сдѣлается гораздо-вкуснѣе, питательнѣе и легче для желудка: это могутъ засвидѣтельствовать первые хлѣбники Лондона, приготовляющіе такимъ-образомъ хлѣбы. Амоньяковая соль совершенно улетаетъ изъ тѣста при печеніи, и остается только въ немъ крошечная частица квасцовъ, которая не только не портитъ вкуса хлѣба, но и вовсе не вредна для здоровья.

— Извѣстно, что вышесказанныя деревья отъ обильнаго источа вышесказаннаго сока сохнутъ и вовсе пропадають. До-сего-времени, помолоты тщетно употребляли разныя средства для замазыванія вышесказанныхъ деревьевъ. Недавно одинъ германскій садовникъ задумалъ для этого предмета употребить обыкновенное стѣрое или черное мыло, которыми онъ обмазалъ попортившіяся и засохшіе вышесказанные стволы. Чрезъ нѣсколько времени, деревья поправились, начали цвѣсти и принесли обильный сборъ.

— Для украшенія обрѣзовъ въ книгахъ, совѣтуютъ переплетчикамъ употреблять тюль, крѣпко натанутый въ деревянную рамку. Краска или золото, наложенныя черезъ тюлевую ткань на обрѣзъ книги, производятъ молоски или рѣшетки весьма-красивыя.

— Извѣстный германскій врачъ узналъ, по многократнымъ опытамъ, что кошениль — самое лучшее лекарство отъ коклюша.

— Для сохраненія на долгое время сливочнаго масла свѣжизнь и вкусныиъ, должно поступать такъ: на одинъ фунтъ масла надо положить одинъ лотъ поваренной соли, одинъ лотъ селитры и пол-лота бѣлаго сахара, увеличивая эту пропорцію съ количествомъ масла, которое надобно крѣпко унять въ каменную или деревянную посуду и сиртатъ въ холодное мѣсто. Чрезъ мѣсяцъ означенная примѣсь совершенно войдетъ въ масло и тогда уже оно можетъ сохраняться свѣжизнь и вкусныиъ нѣсколько лѣтъ сряду.

МЕЛОЧИ.

Профессоръ Гейбергъ, въ Копенгагенѣ, занимается изданіемъ біографіи знаменитаго астронома Тихо-Браге. Трехсотлѣтній юбилей дня рожденія его будутъ праздновать Швецы въ 1846 году. Для этой цѣли, въ развалинахъ замка, принадлежавшаго великому астроному на островѣ Гансѣ, нача-

на время землю и нашли несколько инструментов, служивших Тико-Браге для измерения астрономических измерений, также латинскую рукопись его сочинения. Все выкопанные из земли вещи принадлежать, по закону шведскому, правительству.

— Одинъ англійскій астрономъ вычислила, что блескъ солнца превосходить блескъ луны въ 300,000 кратъ, т. е., что если бы, вместо солнца, земля дождилась луною, то такихъ лунъ возледелось бы 300,000 штукъ для прозябанія всѣхъ земныхъ растений.

— Въ строгомъ протестантскомъ государствѣ Англіи, католическая религія распространяется между жителями. Въ послѣдніи шесть лѣтъ построено тамъ пятьдесятъ-четыре католическія храмы, особенно въ Лондонѣ, Ливерпулѣ, Манчестерѣ, Дерби, Ноттингемѣ: возведены очень-красивыя церкви въ готическомъ вкусѣ. По узнанію архитектора Шюваль, новая католическая церковь въ Лондонѣ, по красотѣ своей и огромности, сравняется съ Восемнадцатилѣтнимъ Аббатствомъ. Въ семнадцатомъ шестомъ лѣтѣ основаны тамъ въ Англіи семь мужскихъ монастырей и двѣнадцать религиозныхъ общинъ, составленныхъ изъ монаховъ. Въ это время тамъ вышло изъ печати около тысячи ильионовъ томовъ (?) сочиненій: изъ католической думъ.

— Въ первую французскую революцію жандармъ изъ Врестѣ началъ (exécuteur des hautes œuvres), слово hauteau употребилъ во Франціи, по имени Вертѣйль. Этотъ человекъ отрубилъ голову на гильотинѣ отцу генерала Моро въ то самое время, какъ сынъ его Моро одержалъ блистательную побѣду въ рейнской арміи. Вертѣйль игралъ тогда весьма-важную роль въ Врестѣ; онъ обыкновенно раскладывалъ симметрически на плащотѣ отрубленныя головы своихъ жертвъ и приказывалъ дѣламъ казенныхъ родителей проходить церемониальнымъ маршемъ во друга сторону, обограннымъ кровью ихъ отцовъ. Тамъ казенныхъ обыкно-

венно поступали въ анатомическій театръ, и Вертѣйль приказывалъ всѣмъ женамъ, лишившимся своихъ мужей на гильотинѣ, присутствовать при разсѣченіи ихъ труповъ въ анатомической залѣ. Г. Вертѣйль своей Исторіи Революціи, однакожь, умолчалъ объ этихъ варварскихъ поступкахъ французскаго терроризма.

— Французскія таможи содержатъ на казенномъ жалованьи службу арміи дозорщиковъ въ 26,000 человекъ, отдающую ежегодно правительству 25,000,000 франковъ. Во Франціи вообще живутъ контрабандою до 40,000 человекъ, надъ которыми должна неуспынно наблюдать означенная армія таможенныхъ солдатъ. Каждый годъ во Францію привозится тайно запрещенныхъ товаровъ на пятьдесятъ милліоновъ франковъ, а таможенная стража въ 1842 году, успѣла только схватить на полмилліона франковъ контрабанды. Въ томъ же положеніи находится таможенная стража въ контрабандистамъ и въ некоторыхъ другихъ государствахъ Европы, гдѣ поддержаніе нервой обходится очень-дорого, а прибыль отъ пойманной контрабанды весьма-незначительна.

— Дюпъ-Мигуэль, бывший претендентъ на тронъ Португаліи, живетъ весьма-уединенно въ Альбано, занимая скромный домикъ въ три окошка. Единственнымъ его занятіемъ состоитъ въ охотѣ; онъ ежедневно съ нѣсколькими егерями блуждаетъ по болотамъ Анжю; Сеттуно и Террачино, стрѣляя шкуру дичи.

— Принцъ Петръ Наполеонъ, сынъ принцессы Капино, вѣнчалъ недавно въ Парижѣ и сдѣлался предметомъ всеобщаго любопытства. При посѣщеніи Дома-Навалондъ, принцъ былъ принятъ съ водворкомъ семью старыми служаками наполеоновской арміи. Принцу двадцать-восемь лѣтъ отъ роду; въ лицѣ его замѣтенъ общій типъ Бонапартовскаго семейства.

— Въ Англіи, конница разставляетъ своихъ часовыхъ на всѣхъ постахъ, у казармъ, дворцовъ и прочихъ вѣсто-

вова, не пѣшихъ, не на лошадяхъ, въ легкой экипировкѣ. Для такого рода шестовъ строятся въсюду будни, въ которыхъ во время дождя можетъ помѣститься кавалеристъ съ лошадыю. Особенно-красивы часовые лейб-кирасиры въ Лондонѣ, которые стоятъ у своихъ будокъ въ блестящихъ доспѣхахъ и красныхъ плащахъ.

— Въ Нью-Йоркѣ, на берегу Гудсона, построена огромная каменная четырех-этажная фабрика, въ которой изготовляются только пилюли. Директоръ Брендретъ, пилюльный фабрикантъ, отпускаетъ чистительное всей Америкѣ въ видѣ пилюль, которыхъ готовится у него ежегодно до 40,000,000 коробочекъ. Онъ, для развоза своего универсальнаго лекарства, содержитъ на жаловань 13 путешественниковъ приказчиковъ и 16,000 агентовъ во всѣхъ почти городахъ и деревняхъ Америки. Главное свадобье, изъ котораго составляются пилюли, есть сабуръ. Благодаря этой промышленности, докторъ Брендретъ нажилъ себѣ огромный капиталъ и на одинъ свой столъ издерживаетъ въ годъ 12,000 долларовъ.

— Въ Пустынной-Арабїи построена святой мусульманскій городъ Кербелла, который не имѣютъ права посѣщать христіане. Французскій путешественникъ Лаваль былъ въ немъ инкогнито въ одеждѣ начальника Курдовъ. Въ Кербеллѣ находится великолѣпная мечеть мусульманскаго святаго Гуссейна. Куполь мечети снаружи обложенъ золотыми листьями, а стѣны эмальированными фарфоровыми плитамй. Подъ сводами храма виситъ нѣсколько сотъ золотыхъ лампадъ, украшенныхъ жемчужными фестонами. Серебряная гробница имама Гуссейна, обѣтая парчевыми покрывами съ драгоценными камнями, стоитъ посреди мечети. Турецкіе и персидскіе вельможи посылаютъ богатые подарки въ кербелльскую мечеть, съ тѣмъ условіемъ, чтобъ, послѣ смерти, тѣла ихъ были погребены въ огромномъ сидѣнъ мечети. Каждый годъ изъ Тур-

ціи и Персіи приходятъ караваны въ Кербеллу съ богатыми покойниками, баллампромывными камешкою. Тѣла этихъ богачей погребаются обыкновенно внутри храма или снаружи въ ограды его.

— Ибрагимъ-Паша, сынъ Мехмеда-Али, до выѣзда своего изъ Египта (теперь онъ въ Италїи), жилъ въ своей виллѣ Сивѣ, лежащей по дорогѣ въ Гелиополь. Онъ устранилъ себя вовсе отъ дѣлъ политическихъ и рѣдко посѣщалъ Каиръ. Ибрагимъ болѣе, и каждый день употреблялъ двѣ вакава; но, не смотря на недугъ, былъ охотно принималъ визиты иностранцевъ. Одинъ англійскій туристъ, посѣтивъ недавно папу, превозносилъ до небесъ его военный гений и сказалъ между прочимъ: «послѣ победы при Койнѣ, въ вашей влѣстїи состояло не только завладѣть Константинополемъ, но и предписать законы всей Европѣ». Ибрагимъ отвѣчалъ: «Оставьте въ покоѣ мою славу и лучше поговорите о другихъ предметахъ. Такія похвалы приличны были бы Наполеону, а не мнѣ; одному, необразованному мусульманину».

— Символическое значеніе туфли; какъ знака владычества, перешло давно въ пословицу; особенно насчетъ мужей, про которыхъ у насъ иногда говорятъ: «онъ находится подъ туфлею своей жены». Туфли и въ древнїи времена играли значительную роль. Въ древней Индіи, посылка сандаловъ означала покорность. У Еврейскихъ вдовъ обывалась, по закону, выдти замужъ за брата своего умершаго мужа; но если вдова спивала съ ноги такого жениха туфлю, то это значило, что она отрекалась отъ новаго брака. Греческія женщины очень ужъ цѣнили свои туфли: у Аристофана жена грозитъ своему мужу; что отхлопаетъ его по щекамъ сандаліями. Аравійскій бѣдуинъ, при разводѣ съ своею женою, говоритъ: «я отбросилъ свои туфли». Турокъ, увидѣвъ чужія туфли передъ дверями своего гарема, не ищетъ права войти въ него. Въ Турціи прави-

тельство дает особое позволение и некоторым почтенным Османликам носить желтые сафьянные туфли. На островѣ Цейлонѣ имѣютъ право один дворяне носить туфли, а простой народъ долженъ ходить босикомъ. Въ 1420 году, въ Гамбургѣ запрещено было женщинамъ и дѣвцамъ носить туфли со сиурками и бахрамою. Въ Германіи, въ 1496 году, жевщины начали обуваться въ туфли.

— Богатые жители Гималайскихъ Горъ придерживаются многоженства, и гаремы ихъ наполнены невольницами; вато бѣдные держатся совсѣмъ другой системы и берутъ одну жену для восьми мужей; ибо тамъ дѣвушка стѣитъ отъ 60 до 80 паръ (рага), а бѣдному не подлѣ силу покупать такой дорогой товаръ.

— Въ Аравіи и Алжирѣ болѣе потомственного дворянства, чѣмъ въ какомъ-либо государствѣ Европы. Вообще, у мухаммеданъ есть три рода наслѣдственного дворянства: родовое, военное и духовное. Кто докажетъ, что происходитъ по прямой линіи отъ Зоры, дочери Мухаммеда, и отъ дяди ея, тотъ потомственный дворянинъ. Военные дворяне происходятъ отъ одной древней фамиліи восточнаго завоевателя, къ семейству котораго принадлежатъ самъ Мухаммедъ, его жена и дѣти. Духовное дворянство составляютъ марабуты, посвящающіе себя исключительно ученію и толкованію Корана. Они, по мнѣнію народа, одни поддерживаютъ во всей чистотѣ мусульманскую вѣру, и молитвы ихъ прямо доходятъ къ Аллаху. Три означенные разряда дворянства имѣютъ большія привилегіи, и очень уважаются иными классами народа.

— Англичане—великіе мастера провозносить застольныя рѣчи. За каждымъ торжественнымъ обѣдомъ сидитъ особый тост-мейстеръ (toastmaster) съ своимъ ассистентомъ. Ассистентъ обыкновенно помѣщается за стуломъ тост-мейстера и по знаку его встаетъ съ мѣста, размахиваетъ на право и на лѣво бѣлою палкою, и потомъ

восклицаетъ: «shh, shh». Въ эту минуту вся компанія прекращаетъ свои шумные разговоры, чтобъ выслушать заздравный тостъ. Ассистентъ, исполнивъ свое дѣло, прячется съ своимъ тост-мейстеромъ; когда тотъ проговоритъ свою рѣчь, ассистентъ опять поднимается, машетъ палкою и требуетъ, чтобъ гости кричали ура, или шал, шал! Этому бѣдняку случается за большими продолжительными обѣдами вставать со стула до ста разъ, размахивать палкою и унимать гостей словомъ: «shh, shh».

— Въ Граствѣ Стаффордшейръ (въ Англіи), есть небольшое пространство земли въ 7 англійскихъ миль, населенное 70,000 жителями. Эта маленькая область снабжаетъ весь свѣтъ фарфоровою и фаянсовою посудомъ, и вотъ примѣръ, что можетъ сдѣлать одинъ предприимчивый и промышленный человѣкъ. До Іосефа Веджвуда, т. е. до 1771 года, въ означенномъ мѣстѣ выдѣлывались только простыя глиняныя горшки для королевскаго масла, а нынче, благодаря промышленному гению Веджвуда, вывозятся изъ Стаффордшейра ежегодно на 5 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ фарфоровой и фаянсовой посуды въ Англію и за границу. Благодаря этой промышленности, въ деревняхъ и селахъ означеннаго графства, живутъ выигравшіе многіе милліонеры, бывшіе прежде простыми гончарами.

— У герцога Лейчестера самый огромный въ свѣтѣ контрабасъ, который онъ купилъ въ одномъ бельгійскомъ монастырѣ. На этомъ исполнѣ нельзя иначе играть, какъ двумъ музыкантамъ: одинъ особымъ механическимъ свардомъ прижимаетъ на гриффѣ струны, а другой играетъ по нимъ обычномъ не короче обыкновенной оглобли.

— Моду носить фраки выдумалъ страсбургскій житель Жанъ Жакъ Фракъ (Fracas). За эту глупую выдумку онъ, однакожъ, дорого заплатилъ: г. Фракъ былъ казненъ на гильотинѣ.

— Одинъ французскій поселенникъ отказалъ въ духовной все свое имущество молодой любовницѣ и ничего не оставилъ ближнимъ родственникамъ. Родственники, желая опровергнуть завѣщаніе, завели съ наследницею тяжбу, которая, однакожь, кончилась въ пользу послѣдней. Адвокатъ, хлопотавшій по этому дѣлу, представилъ счетъ судебнымъ издержкамъ въ 1248 фран. одному изъ тяжущихся родственниковъ, который такъ испугался этой суммы, что вѣзъ въ петлю и удавился. На другой день, объявилось, что въ счетъ вкралась важная ошибка, отъ пропуска запятой между цифрами, и сумма судебныхъ издержекъ составила только 12 фран. 48 сент. (fran. 12., 48 cent.). Вотъ что значитъ правописаніе!

— Въ Парижѣ недавно продавали съ аукціона собраніе рукописей, между которыми находилось нѣсколько мадригаловъ и букетъ стиховъ къ Хлорисѣ, сочиненныхъ Маратомъ, также десятковъ пастушескихъ идиллій другаго революціонера, Фульѣ Тенвилля, публичнаго доносчика во французскомъ Конвентѣ. Маратъ, какъ извѣстно, былъ прежде врачомъ. Онъ написалъ слѣдующіе стихи одной изъ своихъ пациентокъ, страдавшей сильнымъ біеліемъ сердца:

Quand j'interroge votre sein,
Mon coeur, comme un autre Enclade,
Soulève son cachot. Hâtez-vous, ma ma-
lade,

De guérir... votre médecin.

Фульѣ Тенвилль, до революціи, воспѣлъ въ самыхъ нѣжныхъ стихахъ свадьбу короля Людовика XVI и прелести несчастной королевы Маріи-Антуанеты.

— Новая опера Мейербера «Африканка», будетъ дана въ Парижѣ зимою. Леонъ Пилле, директоръ Королевской Академіи Музыки, давно уже поручилъ одному изъ своихъ агентовъ ангажировать для роли «Африканки» въ Алжирѣ настоящую черную арабку, нѣющую природный soprano и большой талантъ

въ пѣніи. Эта черная примadona не совѣтъ еще приготовлена въ сценѣ и учится пока въ Алжирѣ пѣть у одного маэстро.

— Модныя итальяскія оперы сперва играютъ на театрахъ Сан-Карло въ Неаполѣ, Скала въ Миланѣ, въ Римѣ, во Флоренціи; потомъ диеттанты поютъ аріи изъ этихъ оперъ на улицахъ, въ серенадахъ; далѣе, онѣ переходятъ во владѣніе шарманщиковъ, бродячихъ музыкантовъ и въ хоры полковой музыки. Недавно, въ Миланѣ, полковые австрійскіе музыканты играли при зарѣ лучшія пьесы изъ оперы Верди: «Навуходоносоръ». Одинъ изъ служителей спросилъ полковаго капельмейстера сыграть что-нибудь изъ Россіи. «Да у насъ въ хорѣ не осталось ни одной пьесы Россіи; всѣ его ноты разстрѣлены», отвѣчалъ капельмейстеръ. — Какъ разстрѣлены? — «Да такъ, всѣ изорваны на зарядные патроны, которые и выпалены на маневрахъ и батальйонныхъ ученьяхъ».

— Говорятъ, что изъ 70,000 иностранцевъ, пребывающихъ постоянно въ Парижѣ, каждый проживаетъ тамъ среднимъ числомъ до 5,000 франковъ въ годъ, а всѣ вмѣстѣ истрачиваютъ 350 милліоновъ франковъ. Разумѣется, въ это число не входятъ бѣдные иностранные ремесленники, потому что въ Парижѣ нѣмецкихъ сапожниковъ, портныхъ, булочниковъ и прочихъ ремесленниковъ считается до 30,000 человекъ.

— Въ окрестностяхъ Парижа какой-то стрѣлокъ дичи по чужимъ дачамъ, открылъ лавочку, гдѣ онъ продаетъ всякаго рода дичь охотникамъ, которые не умѣютъ стрѣлять сами, но стыдятся приходить домой съ охоты съ пустымъ ягдташемъ.

— Во время пребыванія въ Парижѣ извѣстнаго карлика Тома-Пуса, нѣкто Дебе, воспользовавшись расположеніемъ и любовью публики къ уродамъ, тотчасъ состряпанал книгу, въ которой описаны отъ сотворенія міра всѣ карлики, исполины, сатиры, женщины съ длинными бородами, живые скелеты,

исобачивающа толстяки, несгораемые люди, обжоры, ваширы и проч. Неужели не переведутся ея наши книгопродавцы?

— Парижскій актёр Левассоръ избралъ для себя особый родъ ролей въ интермедіяхъ (intermezzo), въ антрактахъ, которые во французскихъ театрахъ продолжаются довольно-долго. Онъ, на-примѣръ, выходитъ на сцену, одѣтый старухой, и рассказываетъ комически зрителямъ о представленіи итальянской оперы, въ которой былъ вчера, пародируетъ сюжетъ всего представленія, и весьма-искусно поддѣлывается подъ пѣніе и жесты всѣхъ итальянскихъ примадоннъ. Въ другой интермедіи, онъ передразниваетъ знаменитаго берейтора Франкови и его трупу, дѣлая разные скачки и прыжки по сценѣ, предполагая, что сидитъ верхомъ на лошади. Въ третьей интермедіи, Левассоръ, одѣтый моднымъ львомъ, является въ ложѣ перваго яруса и ведетъ смѣшной разговоръ съ публикою. Зрители очень любятъ такіа интермедіи, хождутъ и безпрестанно аплодируютъ комичку.

— Парижскія актриссы пустились нынче въ фельетонную литературу:

во многихъ газетахъ уже объявлено, что актрисса дѣвица Довъ написала новый романъ, который уже купленъ для фельетона редакціею газеты «Courrier Français». Въ подражаніе дѣвицѣ Довъ, нѣсколько вѣдливыхъ стелетворницъ начали также работать для газетныхъ фельетонновъ, находити невыгоднымъ писать для французскихъ театровъ, — во-первыхъ потому, что пьесы ихъ немилосердо обрѣзаются ценсурой, а во-вторыхъ, что дѣти ихъ талантъ подвергаются частому осмыслванію на сценѣ, а потомъ отсылаются на вѣчный покой въ театральнй архивъ. Такимъ вытарствамъ писатели вовсе не будутъ подвержены въ фельетонахъ, и они избрали себѣ благовую часть. Редакторы журналовъ даютъ имъ деньги впередъ за будущіе романы, нѣсколько милліоновъ читателей съ нетерпѣніемъ ожидаютъ появленія въ печати ихъ романовъ, и за границы присылаются подарки, какъ, на-примѣръ Жену Сю, и пр. Одна парижская газета объявила для удовольствія своихъ подписчиковъ вытѣснять подлинку изъ главныхъ столбцовъ журнала и помѣстить ее въ фельетонъ четвертой страницы.

М О Д Ы.

Платья, къ-несчастію, ни въ чемъ не мѣняются, — все также широки и длинны; иногда случается увидѣть маленькую перемѣну въ уборкѣ; но это бываетъ очень-рѣдко; итакъ, о платьяхъ рѣшительно нечего сказать. Но вотъ развѣ новость: нынѣче начали дѣлать къ платьямъ широкіе кушаки, которые кроются сверху гораздо уже, но внизу несравненно-шире, наприм.: ихъ дѣлаютъ внизу иногда шире пол-аршина. На бѣлыхъ платьяхъ эти кушаки, или лучше-сказать, шарфы, потому-что, по ширинѣ, ихъ скорѣе можно назвать шарфами, нежели кушаками, очень-красивы: они дѣлаются розовые, голубые и другихъ цвѣтовъ; концы ихъ обшиваются бахромой или аграмантомъ.

Берты теперь считаются просто принадлежностью всякаго открытаго лифа; онѣ дѣлаются нынѣче гораздо-длиннѣе прежнихъ, такъ-что доходятъ почти до самой талии.

Мы видѣли очень-красивое платье съ такой бертой; оно было изъ розоваго крепа съ тремя небольшими складками, которыя были обшиты бахромой, и на верху каждой складки вышита гирлянда изъ бѣлаго шелка. Берта очень-длинная, вышитая и обшитая бахромой; но напередѣ она была подобрана кверху большимъ бантомъ. Надобно замѣтить, что нынѣче

букеты или банты дѣлаются также большіе для лифовъ, такъ-что покрываютъ весь перѣдъ лифа.

На головѣ съ обѣихъ сторонъ переднихъ волосъ были приколоты банты изъ ленты.

Чепчики нынѣче дѣлаются очень-красиво, хоть немножко и пестро, съ разноцвѣтными лентами; на-прим.: банты состоятъ изъ двухъ или трехъ цвѣтовъ: мадиноваго, зеленаго, чернаго, или голубаго и бѣлаго и т. д. Фасонъ чепчиковъ тотъ же самый, но только они надѣваются гораздо-больше на передъ, такъ-что кружева, пришитыя къ чепчику, совершенно покрываютъ передніе волосы, не смотря на то, что волосы спускаются нынѣче очень-низко, почти до бровей. Кружева къ чепчикамъ пришиваются очень-широкія и напередѣ совершенно-вгладь, только на самомъ проборѣ они подбираются вверхъ, но на щекахъ довольно-пышны и очень-низко спущены къ плечамъ.

Наше предсказаніе о шляпкахъ, кажется, сбылось. Мы говорили, что нынѣшнюю зиму будутъ носить очень-маленькія шляпки и внизу широкія, — такъ и вышло.

Шляпки самаго послѣдняго фасона такъ малы, что ихъ можно было бы принять, въ прошедшемъ году, за дѣтскія. Поля очень-низко спускаются на

передъ и наверху очень-узки, но потому идутъ все шире и шире, такъ-что завязки пришиваются почти къ тульѣ.

Косточекъ не дѣлаютъ; тулью носить довольно - широкую. Подъ поля необходимо накалывать какъ-можно-больше цѣтвъ или бантовъ; иначе, эти шляпки не будутъ красивы. Многіе съ этимъ фасономъ шляпъ дѣлаютъ булки, и это можно назвать лучшимъ украшеніемъ.

Перья все еще считаются необходимою для визитныхъ шляпокъ, но лѣнты и ленты употребляются для гулашій. Мы видѣли очень - красивую шляпку этого фасона. Она была изъ бѣлаго бархата и имѣла совершенно на лобѣ, съ бѣлыми огромнымъ роза-

вомъ, который былъ весь окруженъ темною бархатною зеленью и приколъ не очень - низко. Подъ полями, между длинными и густыми локонами мелькали также бѣлые розы и бархатная зеленъ.

Вышитыя мантильи все еще въ большой модѣ; очень - красивы мантильи изъ бѣлаго кашемира, вышитыя лиловымъ шелкомъ.

Шарфы также дѣлаются вышитые; но гораздо-лучше, когда шарфъ, сдѣланный изъ какой-нибудь шерстяной матеріи, весь кругомъ вырѣзанъ изъ маленькии воланами и обшитъ или бахрамой, или самымъ узенькимъ аграмантомъ; эти шарфы, пока еще новы, обращаютъ на себя общее вниманіе.

БИОГРАФИИ ЗНАМЕНИТЫХЪ СОВРЕМЕННИКОВЪ.

ЛЭДИ ЭСТЕРЪ-ЛЮСИ СТЕНГОПЪ.

Графъ Стенгопъ. — Уильямъ Питтъ. — Лордъ Кемпелъфордъ. — Лордъ Гривиль. — Фоксъ. — Бонапартъ. — Кеннингъ. — Лордъ Кестельрэйгъ. — Лордъ Гауксбъюри. — Сэръ Френсисъ Бирдетъ. — Горнъ Туль. — Георгъ IV. — Г. Брумкель. — Финъ-Герекертъ. — Мистриссъ Робинсонъ. — Герцогъ Кумберлендъ. — Эмръ Бишопъ. — Шерагуль-Паша. — Абулъ-Паша. — Мэтта. — Лестоно. — Ламартинъ. — Принцъ Пюклеръ-Мюскау. — Чатамъ, и пр. и пр. (*).

При началъ французской революціи, Англія ощутила вліаніе идей, кипѣвшихъ во Франціи и готовившихся нахлынуть на всю Европу. Странно встрѣтитъ между демократами этой эпохи такихъ людей, которые по происхожденію своему должны были бы принадлежать къ противной партіи; какъ удивительна, на-примѣръ, приверженность Питта къ правиламъ равенства Томаса Пейна? Но лишь-только Питтъ, человекъ ума положительнаго, коснулся дѣлъ государственныхъ, тогчасъ же отчуждился философическаго или социальнаго догмата. Онъ предвидѣлъ бурю, угрожающую его отечеству; провицательнымъ взоромъ постигъ онъ тѣ опасности, какія малѣйшее внутреннее волненіе присовокупило бы къ борьбѣ и безъ того уже пагубной, и пожертвовалъ своими правами въ пользу настоящаго затруднительнаго положенія дѣлъ.

«Томасъ Пейнъ правъ», говорилъ онъ своимъ приближеннымъ: «но послѣдователи его не имѣютъ здраваго смысла... Что бы вышло, еслибъ я

(* Эта статья составлена изъ недавно вышедшихъ «Записокъ лэди Эстеръ Стенгопъ» (*Memoirs of the lady Hester Stanhope, as related by herself in conversations with her physician.*)

стать покровительствовать его ученію? Люди безъ ума и нравственности наводнили бы Англію; началась бы кровопролитная революція, а въ заключеніе всего, дѣла приняли бы прежній оборотъ. Конечно, это не могло бы случиться, еслибъ каждый дѣйствовалъ сообразно съ законами своего долга.

Даже въ собственномъ семействѣ у него былъ примѣръ неблагоразумія, соединеннаго съ демократическими истинками. Шуринъ его, графъ Стенгопъ, человекъ примѣчательный по уму, по промышленной дѣятельности и, особенно, по своимъ странностямъ, считался однимъ изъ самыхъ пылкихъ англійскихъ республиканцевъ. Можетъ-быть, и онъ, подобно лорду Лаудерлоу и сэру Френсису Бёрдетту, употреблялъ радикализмъ средствомъ — выказать себя оригиналомъ, сдѣлаться народнымъ, извѣстнымъ, вставляя странностью костюма обращать на себя вниманіе.

Можетъ-быть, и дѣйствительно онъ былъ, подобно лорду Тзенегу Фергюзону и нѣкоторымъ другимъ, истиннымъ врагомъ своей касты, и многіе примѣры доказываютъ, что подобное отреченіе нисколько не сверхъестественно. Какъ бы то ни было, но его мнѣнія терпятъ почти всю свою важность по внимательномъ изслѣдованіи его поведенія. Этотъ врагъ тирановъ былъ почти стумасшедшій. Среди зимы, онъ спалъ въ комнатѣ съ открытыми окнами, съ обнаженной головою и закутавшись въ дюжину одеялъ. Вставая утромъ, онъ набрасывалъ на себя легкій халатъ, надѣвалъ шелковые шаровары, туфли, и въ этомъ костюмѣ, безъ чулокъ, садился на паркетъ, въ углу комнаты, гдѣ не было ковровъ, и принимался за завтракъ, состоявшій изъ чернаго хлѣба и чая безъ сахара.

Погруженный весь въ свои промышленныя изобрѣтенія (*) и литератур-

(* Типографскій станокъ *Стеклома*, счетная машина, монографъ, противопожарный приборъ и проч.

ные труды, или, лучше сказать, политическія мечтанія, онъ не обращалъ никакого вниманія ни на свое хозяйство, ни на семейство. Вторая жена его, леди Стэнгопъ, мачиха трехъ его дочерей, проводила всю жизнь въ семействѣ и пріѣзжала домой только для туалета; обѣдала всякій день въ гостяхъ, постоянно посѣщала оперу, а ночь веселилась гдѣ-нибудь на балѣ. Однимъ словомъ, эта сестра Питта была женщина чисто-свѣтская, безъ ума и безъ сердца, — парикмахерская кула.

Между этими двумя существами, столь чуждыми другъ другу по своимъ привычкамъ, росло дитя, которому назначено было играть со-временемъ въ которую роль въ исторіи нашей эпохи, и странности котораго должны были пріобрѣсть известность совершенно-различную отъ той, какая обыкновенно бываетъ удѣломъ безразсудста Англичанъ.

Эстеръ Стэнгопъ еще въ дѣтствѣ казалась особеннымъ созданіемъ, исполненнымъ дѣятельности, одареннымъ удивительною памятью, волнующимъ честолюбивыми желаніями, изъ которыхъ одно было забавнѣе другаго. Будучи двухъ лѣтъ отъ роду, она сама сдѣлала себѣ соломенную шляпку, дадобіе тѣхъ, кавія тогда носили, съ атласнымъ капишономъ: трудъ почти невѣроятный въ эти лѣта, — такъ-что отецъ графа Стэнгона приказалъ сдѣлать ащикъ, куда шляпка была спрятана съ писемными документами, свидѣтельствовавшими о ея происхожденіи. Подобно Питту, съ которымъ она часто себя сравнивала, Эстеръ долго сохраняла воспоминаніе обо всемъ, что ей случилось видѣть. Хотя бы каменъ попался ей на большой дорогѣ, она долго помнила его цвѣтъ, форму и положеніе.

Къ этому присоединялась твердая воля, которая, желая проявиться и не будучи въ состояніи дѣйствовать при-лыми средствами, искусными улоуками уничтожала сопротивленіе. Одаряемая, въ моральнѣ либеральной испын-

ки, отецъ Эстери продалъ всѣ свои экипажи. Пораженная рѣшительностью этой мѣры, леди Стэнгопъ не смѣла требовать покупки новыхъ; умнѣе царствовало въ аристократическомъ семействѣ. Эстеръ дала себѣ слово все исправитъ. Она становится на маленькія ходули, выходитъ изъ дома и важно отправляется прогуливаться по грязной улицѣ, на которой графъ, отъ природы любопытный и любимшій обыкновенно зѣвать въ дорнетъ изъ оконъ своего дома, необходимо долженъ былъ замѣтить ее. Высасомъ-дѣлѣ, когда она возвратилась, онъ спросилъ: что тебѣ задумалось гулять на какихъ-то чертовскихъ палкахъ?

— О, папенька! это ничего! отвѣчала лукавая дѣвочка. — У насъ нѣтъ больше лошадей, такъ в ѣздитъ ходули, чтобъ гулять по грязи. Для меня это, право, все равно. Вотъ бѣдная папенька, такъ другое дѣло: она несчастна, когда идетъ дождь или на улицахъ грязь; она привыкла къ своей коляскѣ; притомъ же, ея здоровье такъ слабо...

— Что ты мѣшаешься не въ свое дѣло?... съ сердцемъ прервалъ ее горадъ Стэнгопъ. Послѣ минутнаго молчанія, онъ продолжалъ: — а что ты скажешь, если я куплю новую коляску твоей маменькѣ?

— Я скажу, что вы всегда были и будете нашимъ добрымъ папенькой.

— Ладно, ладно!... Я подумаю... Но, чортъ возьми, чтобъ герба не было!

Нѣсколько дней спустя, леди Стэнгопъ, согласившись пожертвовать своимъ гербомъ, виѣла новую прекрасную карету, которая тайно была заказана графомъ въ Лондонѣ.

Воспитаніе этого ребенка, котораго иногда очень баловали, было исполнѣ предоставлено попеченію гувернантокъ, пріѣзжавшихъ поочередно то изъ Швейцаріи, то изъ Франціи, и употреблявшихъ всѣ усилія, всѣ искусственные способы, чтобъ замедлить физическое и моральное развитіе своей питомицы. Онъ училъ ее бегать на испанскомъ фривольномъ и: обва

же дурномъ итальянскомъ языкѣ, терзая ее всеми возможными средствами, подъ предлогомъ исправленія таѣи. Онъ усѣялъ только внушить ей настоящее отвращеніе къ глупымъ книжкамъ, которые ее заставляли заучивать, и дѣла уставу приличій, который старались объяснить ей. Но возвышенная, энергическая и прихотливая душа ее вышла изъ рукъ этикъ взаимно въ тысячу разъ болѣе вредною, чѣмъ была прежде и болѣе филозофомъ къ самымъ страннымъ предпріятіямъ и смѣлымъ выходкамъ. Соросъ лѣтъ спуста, живя въ своемъ свободномъ замкѣ, выстроенномъ подобно орминому гнѣзду, на скалахъ Сирія, она часто съ горестью вспоминала о своемъ воспитаніи, такъ дурно вѣдennomъ и столь неудачномъ. «Эти женщины хотѣли сдѣлать изъ меня воздушную миссъ», говорила она: «трудъ нечеловѣкъ, желаніе невозможно. Онъ хотѣлъ выровнять мою ногу, выгнать которой такъ высоко, это катенкозъ можетъ пройти подъ ногу. Глупыя творенія! какъ онъ не подумалъ, что это-то и есть отличительный признакъ благородства моего рода!»

Въ этихъ послѣднихъ словахъ видна аристократическій предрасудокъ, отъ котораго иные ничѣмъ не могутъ набавиться. Другой представитель англійской аристократіи, лордъ Байронъ, съ которымъ можно поставить Эстеръ Стэнгоунъ на одну доску, и котораго подобныя же прихоти, та же узаконенная гордость, та же жажда величія и удивленія, увлекла въ первый разъ на землю Востока, гдѣ онъ въ послѣдствіи мекалъ саванной смерти, — тотъ лордъ Байронъ такъ же гордился бѣдливою и изощренною формою своихъ рукъ, какъ Эстеръ дугообразностью своего слѣда. И онъ, и она вблизи видѣли съ ужасомъ и презрѣніемъ владычествующую массу, въ пользу которой нынѣ Англія расширяется по всему міру. Оба оставили ее съ открытымъ недоуманіемъ, бросивъ ей неизвѣстный вызовъ, — а между-

тѣмъ оба гордились, какъ драгоценнѣйшими благами, малѣйшими преимуществами патриціата, его неогладимыми отпечатками, тѣми отличительными знаками, которыми, по ихъ мнѣнію, природа отличаетъ сыновъ древняго дворянскаго рода.

«Природа» продолжаетъ звать Стэнгоунъ: «образуетъ насъ всегда по-своему; но люди сами смѣются изгадывать, мѣшкать безъ всякаго разбора первоначальный ея очеркъ. У насъ была гувернантка, въ Чивенингѣ, которая, подъ предлогомъ исправленія нашихъ таѣи, ожинала насъ нѣтъ чѣмъ связь между двумя досками. То же самое было и съ нашими умомъ, который старались, при пособіи привычекъ, склонить поля гнѣтъ самыхъ смѣлыхъ предрасудковъ.»

Но вдругъ это искусственное образованіе мгновенно остановилось. Демократическія мнѣнія лорда Стэнгоунъ, которыя онъ не только излагалъ въ тишинѣ кабинета, подвергли его наконецъ строгости законовъ. Паттъ охотно соглашался съ идеями Пейта въ теоріи, но не любилъ встрѣчаться съ ними, когда дѣло шло о противоборствѣ съ началами французской демократіи. Тогда онъ не разбиралъ ни дворянъ, ни плебсезъ и не колебался былъ одинаково-неумолимо во всякому виновнику волненія. Легко можно было предвидѣть, что это не оставяло семейныя связи, когда нужно будетъ наконецъ увидѣть безразсудство вѣта, и что, напротивъ, онъ очень будетъ радъ доказать быстроту и рѣшительными мѣрами свою преданность законамъ отечества. Уже многіе политическіе друзья лорда Стэнгоунъ находились въ заточеніи; опасеность была несомнѣнна, велика и требовала немедленнаго пособія. Эстеръ, не столько, быть можетъ, по побужденію дочерней любви, сколько изъ желанія приобрести себѣ непосредственно полную свободу, вздумала шептать къ лорду. Паттъ, какъ всѣмъ извѣстно, никогда не былъ жевать, — не потому, чтобы не зналъ любви, но потому что

насилно изгналъ ее изъ своего сердца, вмѣстѣ съ другими человѣческими ощущеніями, чтобъ вполне предаться своему высокому долгу и совершенно посвятить себя ему. По-этому-то, онъ съ удовольствіемъ привалъ къ себѣ молодую и прекрасную родственницу, которая своимъ пребываніемъ въ его домѣ не могла подать никакого повода къ клеветѣ и должна была замѣнить для него нѣкоторымъ образомъ вѣчное отсутствіе супруги. Отъ Эстери онъ могъ ожидать чистой привязанности, могъ поручить ей всѣ домашнія заботы и возложить на нее всю тягостъ гостепріимства. Онъ привалъ ее съ радостью и признательностью. Что же касается до лорда Стэнгопа, то теперь онъ могъ сколько хотѣлъ заниматься своими заговорами: ангель-хранитель бодрствовалъ за него близъ могущественнаго министра.

Здѣсь представляется вопросъ, который должно разрѣшить прежде всего. Какъ бы неестественна ни была жизнь женщины, страннымъ кажется не встрѣчать въ ней проблеска страсти, выбора, предпочтенія или по-крайней-мѣрѣ прихоти; и мы подали бы поводъ къ невыгоднымъ заключеніямъ насчетъ нашей странной леди, если бы не сказали ни слова о нѣжныхъ чувствахъ ея къ лорду Кеммельфорду. Это былъ ея достойный двоюродный братецъ, — настоящій Питтъ, какъ она говорила, — и по этому одному уже имѣвшій право на ея любовь, потому-что она считала себя какъ-бы данницею всякаго, кто только носилъ это имя и обнаруживалъ высокочѣрный духъ ея рода.

А этия послѣднимъ качествомъ лордъ Кеммельфордъ, кажется, превосходилъ всѣхъ прочихъ членовъ своего семейства. Роста онъ былъ необыкновеннаго; неукротимая рѣшимость блистала въ его суровыхъ сѣрыхъ глазахъ и обнаруживала въ немъ отчаяннаго дуэлиста. Во флотѣ онъ былъ извѣстенъ своимъ властолюбіемъ, неограниченнымъ деспотизмомъ, испытанною храбростью, грубою и рѣзкою благо-

творительностью. Въ салонахъ, гдѣ его присутствіе ваводило нѣкотораго рода ужасъ, рассказывали шопотомъ, что однажды, когда матросы затѣли-было мятежъ на его кораблѣ, онъ прекратилъ его, размоливъ голову пистолетнымъ выстрѣломъ главному зачинщику. Но знала также и то, что, переодѣвшись, онъ любилъ вмѣшиваться въ толпы матросовъ, наполняющихъ таверны Сити, и отъискивать между ними бѣдлаковъ, участь которыхъ тѣмъ достойнѣе сожалѣнія, что они не смѣютъ роптать на нее. Когда онъ находилъ человѣка, какого искалъ, то-есть — честнаго и несчастнаго, то клалъ ему въ руку приворшню *банкнотовъ*, не отказывая себѣ, однакожъ, въ удовольствіи поколотить имъ облагодѣтельствованнаго, еслибъ ему издумалось идти за нимъ или вышутать отъ кого-нибудь его имя.

Многія женщины поймутъ, что подобнаго человѣка полюбить можно. Могущество и твердость характера, соединенныя съ добротою души, имѣють весьма-законную власть надъ сердцами робкихъ дочерей Евы. Не беремъ объяснять этого магическаго дѣйствія силы; но признаемся, что намъ оно кажется весьма-естественнымъ, такъ же какъ и то, что леди Эстеръ мечтала о счастіи сдѣлаться леди Кеммельфордъ. Она желала этого, но семейная вражда разстроила ея надежды. Лордъ Кеммельфордъ, по братской привязанности, оспаривалъ у лорда Чатама наслѣдство, на которое послѣдній думалъ имѣть право, и которое, однакожъ, не досталось ему. Этого было довольно, чтобъ леди разсорить добрыхъ и примодушныхъ Питтовъ.

Впрочемъ, незачѣтно, чтобъ эта любовная неудача долго огорчала леди Эстеръ. Кузенъ правился ей потому, что былъ, подобно ей, высокаго роста, и что всѣ неволью обращали на нихъ вниманіе, когда они вмѣстѣ входили въ залу. Она сочувствовала его добрымъ качествамъ, а можетъ-быть, и дурнымъ; но она не была дѣвушка рома-

нической, и вѣшавшись въ политическія дѣла, совѣтъ перестала думать о любви и супружествѣ. Уваженіе ея къ Питту не имѣло предѣловъ, и очень можетъ быть, — увѣрившись, что онъ смотритъ на безбрачное состояніе, какъ на необходимое условіе своего величія, она дала обѣтъ не выходить замужъ.

Это не заставило ее, однакожь, вовсе отказаться отъ кокетства, и много лѣтъ спустя, когда уже время стерло съ лица ея послѣдніе слѣды красоты, она еще любила вспоминать про свои старинныя побѣды.

«Въ двадцать лѣтъ» говоритъ она: «самый чистый алебастръ не могъ затмить бѣлизны моего тѣла. Въ пяти шагахъ нельзя было различить жемчуга, висѣвшаго у меня на шеѣ. Губы мои были такого удивительнаго цвѣта, что, не хвастая скажу, я не видала подобвѣхъ ни у какой другой женщины. Синеватая тѣнь подъ рѣсницами, нѣсколько голубыхъ жилочекъ подъ прозрачною кожей, придавали еще болѣе блеска чертамъ моимъ. Розы не увядали на щекахъ моихъ, и самыя тяжкія завѣтя не стерли съ нихъ этого вѣчнаго колорита. Я не была хороша въ томъ смыслѣ, какой обыкновенно даютъ этому слову: но я была блистательна. Улыбка моя блистала, губы мои блистали, черты лица блистали, все наконецъ, даже самый разговоръ, отражалъ въ себѣ какой-то фантастической свѣтъ».

Даже самъ важный Питтъ былъ ослѣпленъ этимъ необыкновеннымъ блескомъ.

«Эстеръ!» сказалъ онъ ей однажды: «ты выше смертныхъ; въ какой божественной семьѣ принадлежишь ты? Когда-нибудь мы увидимъ крылышки на твоихъ бѣлыхъ плечахъ. Иногда твои вожжи едва касаются и земли.»

Онъ удивлялся, видя, что она любитъ все доводить до крайности и бываетъ счастлива только въ крайностяхъ. На багѣ, ей нужно было удовольствіе шумное, кипящее, ослѣп-

тельное, могущее погрузить ее въ совершенное забвеніе. Потому она внезапно переходила къ уповтельному наслажденію затворнической жизни, и тогда никакая желая не казалась ей достаточно-уединенною, и самая дикая пустыня все бы еще была для нея слишкомъ-многолюдною. Въ другое время, эта пламенная танцовка, эта страстная аяхоретка, бросалась всею душою, всѣми способностями въ пожирающія интриги парламентской жизни, стараясь найти въ честолюбіи, то обманутомъ, то удовлетворенномъ, дикія удовольствія и сладостное отчаяніе, которыя неразлучны съ этими быстрыми переходами.

Въ этомъ очеркѣ не доставало бы характеристической черты, еслибъ мы пропустили слѣдующія слова леди Стенгопъ:

«Я любила деревню. За гостиницею *Seven Oaks common* былъ вѣкъгда домъ, который особенно нравился мнѣ. Это было щегольское, легкое, изящное и удобное зданіе. Я помню въ немъ небольшой продолговатый салонъ, къ угламъ котораго примыкали два будуара. Въ каждомъ будуарѣ было по окну, выходившему въ оранжерею. Когда я жила тамъ въ первый и послѣдній разъ, его занимали три пожилыя дѣвушки, изъ которыхъ одна была моимъ другомъ. Какимъ прекраснымъ вѣземъ онѣ меня подчивали! Какой чудесный сыръ, какіе плоды, какую превосходную говядину у нихъ подавали!»

Мы должны извиниться въ этихъ буквальныхъ прозаическихъ подробностяхъ; но безъ нихъ трудно прилатъ портрету совершенное сходство, а мы взяли се очертить самый вѣрный портретъ. И къ-чему выставлять леди Стенгопъ чѣмъ-то въ родѣ великой царицы, съ примѣсю Байрона, Беттины, Жанъ-Жака и Вертера? Она была слишкомъ-оригинальна сама-по-себѣ. Если сыръ и говядина кому не понравятся, то просимъ вспомнить, что адѣсь дѣло идетъ объ Англичанкѣ, и что сама поэтическая дочь Альбіона всегда

сниходительно смотритъ на хорошо-приготовленный *luncheon*, или завтракъ. Въ ожиданіи того, чтобъ у этихъ ангеловъ выросли крылья, они питаютъ большую привязанность къ *round of dotted beef*. Между ними трудно встрѣтить жеманныхъ барышень, питающихся одними бисквитами и вареньями...

Впрочемъ, и въ этомъ лэди Эстеръ сѣдовала примѣру своего дяди. Онъ иногда проводилъ нѣсколько времени въ Уэльмеръ, когда дѣла слишкомъ надоедали ему и истощали его силы. Тамъ здоровье его видимо поправлялось. Подлѣ замка у него была небольшая мыза, служившая какъ-бы сѣникомъ для его лошадей; въ этомъ-то сѣрномъ убѣжищѣ искалъ онъ уединенія. Небольшая комната, гдѣ всей мебели было только два или три стула и письменный столъ, превращалась въ кабинетъ великаго министра. Простая деревенская кухарка готовила ему кушанья, и кушанья эти были весьма-мезатѣливы, судя по воспоминаніямъ лэди Стэнгопъ; такъ, на-примѣръ, она вспоминаетъ объ огромныхъ ломтахъ буттер-брота, большихъ кускахъ хлѣба и сыра, которые она сѣдала съ аппетитомъ добраго батрака. «Случалось» прибавляетъ она: «что дяди, возвратившись съ какого-нибудь большаго обѣда, были голодны и просили чего-нибудь поѣсть. Какъ это можно! возразила я ему однажды: вы только-что встали изъ-за стола? Правда, отвѣчалъ онъ: но посмотрѣвъ поближе на эти деликатныя блюда, я увидѣлъ только искусственные соусы, утонченныя приправы, и ни одного простаго, вкуснаго, сочнаго блюда. И поэтому, онъ далъ себѣ слово, удалившись отъ дѣлъ, воротиться къ скромной, но вкусной пищѣ простой англійской кухни.»

Министерская жизнь, описанная лэди Эстерю, покажется, вѣроятно, немного - жесткою нѣкоторымъ нашимъ государственнымъ людямъ. Денеша лорда Мельуила заставляла Питта вставать отъ сладкаго утренняго сна.

Позавтракавъ на-скорую-руку, онъ долженъ былъ спѣшить въ Уиндзоръ. Затѣмъ являлись къ нему секретари разныхъ присутственныхъ мѣстъ, каждый съ какиъ-нибудь экстреннымъ дѣломъ, и оставался до-тѣхъ-поръ, пока наступало время ѣхать въ палату, куда онъ отправлялся съ флакончикомъ какого-нибудь крѣпительнаго напитка: настоящая боевая провинія, потому-что политическая битва часто продолжалась до трехъ и четырехъ часовъ утра.

Вышедь изъ палаты, вмѣстѣ того, чтобъ лечь спать, онъ садился ужинать, вмѣстѣ съ своими главными политическими приверженцами, и тутъ совокупными силами готовился, въ продолженіи двухъ или трехъ часовъ, планъ битвы на слѣдующій день. — «*And wine!... And wine!...*» (*) присовокупляетъ наняно лэди Стэнгопъ. На другой день, едва проснувшись, онъ долженъ былъ принимать поочередно отъ двадцати до тридцати особъ, а между-тѣмъ лошади, запряженныя для прогулки, тщетно ржали у подъѣзда отъ двухъ часовъ и до солнечнаго заката. Это было невыносимо: Питтъ убивалъ себя по-мелочи.

А между-тѣмъ, такова должна быть жизнь нашихъ министровъ, если они хотятъ удовлетворять всѣмъ требованіямъ своего званія и твердо держаться на мѣстѣ. Настаетъ ли пора, когда человекъ дѣловой освободится отъ заботъ придворнаго?...

Лэди Эстеръ очень хвалитъ безкорыстіе своего дяди и приводитъ тому многіе примѣры. Одному негоціанту въ Сити поручено было предложить Питту отъ купечества 10,000 фунтовъ стерлинговъ ежегодной пенсіи, съ тою цѣлію, чтобъ сдѣлать его независимымъ. Ему предлагали только одно условіе, именно, чтобъ онъ «продолжалъ спасать государство». Просьба, по-видимому, была весьма - проста и удобоисполнима; но лэди Стэнгопъ, взявшаяся передать

(*) И вина!... И вина!...

ее дядѣ, не подавала просителямъ большой надежды. Такъ и случилось: Питтъ не согласился. Ему безъ причины показалась подозрительною эта безкорыстная филантропія жителей Сята. Предложеніе было, однакожь, возобновлено болѣе-прямымъ и рѣшительнымъ образомъ. Однажды, четыре человека подъѣхали къ дому министра и привезли шкатулку, въ которой было на 100,000 фунтовъ стерлинговъ банковыхъ билетовъ. Питтъ поблагодарилъ этихъ господъ очень-вѣжливо, но не хотѣлъ и слышать о нѣсколько-подозрительной щедрости ихъ.

Не легко опредѣлить съ точностью степень влияния, какое леди Стенгопъ имѣла на управление государствомъ. Мы только видимъ изъ ея словъ, что она раздавала мѣста, дѣлала наставленія тѣмъ, которыми покровительствовала, на счетъ выполнения возложенныхъ на нихъ обязанностей, при случаѣ составляла даже нѣкоторыя прошенія по предметамъ общественной пользы, и эти прошенія крайне удивляли тѣхъ администраторовъ, которымъ были подаваемы. Однажды, когда дѣло шло о преобразованіи таможеннаго тарифа, лордъ Гревиль узналъ, въ подаваномъ къ нему по этому дѣлу прошеніи, сіюгъ своей прекрасной противницы. Онъ отправилъ къ ней герцога Воклингема спросить, дѣйствительно ли она приняла на себя трудъ защищать выгоды просителей. Во время разговора, благородный посланникъ далъ замѣтить леди, что она можетъ требовать какой-нибудь милости.

Но она отвѣчала въвнувъ: «Повѣрьте, я не нуждаюсь ни въ какихъ милостяхъ. Что мнѣ нужно, того я достигну и силой.»

Если эти высокоумѣрныя слова и дѣйствительно были сказаны, то изъ нихъ нельзя еще выводить никакого заключенія; эта женщина, въ высочайшей степени надѣленная самыми блистательными качествами, легко могла ошибаться на-счетъ степени власти, которою она пользовалась. Но во всякомъ случаѣ видно, что эта власть

была обширна, потому-что знатнѣйшіе сановники льстили ей и баловали ее. Даже Фоксъ, антагонистъ Питта, платилъ леди Эстери дань удивленія и хотѣлъ, по смерти своего соперника, предоставить ей аренду въ 10,000 фунтовъ стерлинговъ, чтобъ вознаградить такимъ-образомъ несправедливость фортуны къ прекрасной леди. Однакожь она отказалась отъ этого, не изъ презрѣнія къ Фоксу, а изъ уваженія къ самой-себѣ.

Леди Эстеръ формально опровергаетъ то мнѣіе, что Питтъ былъ приверженцемъ и совѣтникомъ Бурбоновъ. Она приводитъ разговоръ одной важной особы съ дядей, который кончился слѣдующими словами министра: «Я всегда готовъ заключить миръ съ консуломъ или съ какииъ-нибудь другимъ представителемъ французскаго правительства, лишь-бы только мнѣ были доставлены надлежащія обезпеченія.»

Она терпѣть не могла Кеннинга, одно имя котораго обладало странною способностью раздражать ее. Онъ былъ, въ глазахъ ея, типомъ честолюбиваго эгоизма и сладкорѣчиваго коварства. Однакожь, она соглашалась, что Питтъ имѣлъ въ немъ хорошаго секретаря, которому по-крайней-мѣрѣ можно было поручить составленіе депеши; между-тѣмъ, какъ бумаги, писанныя лордомъ Кестльрейгомъ и Гауксбери, никогда не были отправляемы безъ просмотра и многочисленныхъ поправокъ перваго министра.

«... При первой встрѣчѣ съ нимъ (съ Кеннигомъ)» говоритъ леди Эстеръ «я почувствовала, что онъ долженъ быть человекъ живой, лицемѣрный, и призналась Питту въ этой инстинктивной антипатіи. «О, ты скоро къ нему привыкнешь» отвѣчалъ онъ: «Кеннингъ очень-забавенъ, и когда ты узнаешь его покороче, то вѣрно полюбишь; за это я ручаюсь.» — Увидимъ. — «Повѣрь мнѣ, полюбишь; онъ обладаетъ блистательнымъ умомъ.» — Очень-рада; но сомнѣваюсь... — И точно, я всегда ненавидѣла его.»

Кеннингъ, добивавшійся въ то время министерства, питалъ самую презрительную антипатію къ лорду Гауксбѣри, никогда не говорилъ о немъ безъ обидныхъ эпиграммъ и часто, за столомъ у Питта, не отвѣчалъ на его вопросы. «Къ чему ведутъ всѣ эти поступки?» говорилъ Питтъ своей племянницѣ. «Если ему непріятно встрѣчаться у меня за столомъ съ однимъ изъ моихъ сослуживцевъ, начѣмъ же приходитъ онъ ко мнѣ обѣдать? Я знаю, чѣмъ бы можно было пособить этому дѣлу; знаю, что только стѣдуетъ дать Кеннингу министерскій портфель, и тогда прекратятся всѣ эти враждебныя выходки. Но не видать ему этого портфеля, по крайней-мѣрѣ до-тѣхъ-поръ, пока я въ-силахъ буду противиться этому.»

Леди Эстеръ никогда не принимала въ серьезную сторону смѣшныхъ доказательствъ сэра Френсиса Бѣрдета, котораго она, быть-можетъ, по справедливости почитала аристократомъ, приподымавшимся демократомъ. Что касается до Горна Тука, то она удостоившись, что и онъ былъ не слишкомъ-чистосердеченъ въ своихъ бѣшеныхъ проповѣдяхъ. «Горнъ Тукъ не демократъ» говорила она: «доказательствомъ тому служатъ стараніе его подслужиться ко мнѣ.»

Наклонности племянницы Питта все не были демократическія. Она никогда не могла вспомнить безъ сожалѣнія о роскоши отцовскаго жилища. Тамъ каждый день садилось за обитый столъ до ста человѣкъ слугъ и прислужниковъ; по праздникамъ готовились такіе исполніскіе *plum-puddings*, что двое сильныхъ мужчинъ едва могли нести ихъ, и порціи говядины (*bacons of beef*) были такого же размѣра. Самый малорослый лакей замка годился бы въ тамбур-мажоры, и всякаго поста принимали съ пышной придворной церемоніей. Тамъ всѣмъ были назначены должности, ясно опредѣлены привилегіи каждаго, и этикетъ соблюдался въ малѣйшихъ мелочахъ. Ни одна служанка не смѣла надѣвать бѣлаго

платья, завязать доконы, или носить башмаковъ съ высокими каблуками. Леди Стенгонъ (бабка Эстеры), самодержавная владѣтельница этой небольшой имперіи, держа въ своей спальнѣ цѣлый приборъ страшныхъ орудій казни, на случай негодяйства въ приказаніяхъ: вождицы для умероженія возмутительныхъ доконовъ, и тросточку для болѣе-ощутительнаго наказанія провинившейся. Но зато, если какой-нибудь бѣдливъиъ женщиной до состоятъу приходила пора раздѣлиться отъ бремени, ей всегда посылались двѣ гиней, увелокъ съ бѣльемъ, шерстяное одѣяло, крѣпительные джиджи и двѣ бутылки вина. Господь и слугъ лечилъ одинъ и тотъ же врачъ и съ одинаковымъ усердіемъ. Аристократическая снѣсъ рикшетомиъ переходила отъ господъ къ слугамъ. Если, на-примѣръ, иногда случалось, что во время жаты ирландскіе поленщики стекались толпами на дворъ замка, то всякій дворецкій человѣкъ тщательно старался избѣгать малѣйшаго столкновенія съ ними. Ночью, первыхъ запыралъ ключъ въ какомъ-нибудь гумнѣ, а послѣдніе спали въ замкѣ, тоже подъ ключомъ.

«А какая стирка!» присовокушалаеть леди Эстеръ. «Въ всѣмъ ло медунадо въ стирку до тысячи штукъ бѣлья. Въ прачешной стоади четыре огромные каменные чана, которые никогда не опоражнивались; въ сушильнѣкъ былъ двойной потолокъ, движимый рычагами, на которомъ провѣтривалось выглаженное бѣлье; три печи, которыя топились въ дождливые дни, чтобъ не было остановки въ работѣ; станокъ для катанья столоваго бѣлья, почти весь обитый камкой съ великолѣпными узорами.. Каждую недѣлю убивали по быку и каждый день по барану для олваго продовольствія замка. Пища была, какъ вы видите, очень-щущественная; но зато и трудъ отъвчался ею. Одиъиъ авглійскій лакей работаясь за четырехъ Арабовъ. Малешкій грузъ моего отца отправлялся каждый Божій день въ Seven Oaks за письмами, не смотря ни на какую погоду. Онъ инок-

да возвращался до того прозябшій, что не могъ держаться на ногахъ и не въ силахъ былъ окоченѣлыми пальцами дернуть за шнурокъ колокольчика у воротъ. Дочь пастуха подымала на плеча за ноги ягненокъ и, не смотря на то, что онъ изъ всѣхъ силъ барахтался, несла его какъ перышко. Прачки наши вачинали работать съ поведѣльника, съ половинны перваго часа по полуночи, и безпрерывно трудились до одиннадцати часовъ субботы, разутьется, исключая обѣденнаго времени.

Дяди Эстеръ хотѣла видѣть и въ обществѣ такой же строгій и благоразумный порядокъ, какой былъ у нихъ въ хозяйствѣ. Для нея было истиннымъ наказаніемъ видѣть, какъ угасало между людьми чувство уваженія къ знаменитому происхожденію, а непочтительность медиковъ, артистовъ и наставниковъ возбуждала въ ней крайнее негодованіе.

... Въ мое время, никогда не случалось, чтобъ эти господа гуляли объруку съ вельможами и ихъ женами. Я помню дѣтскіе вечера у одной богатой и благородной пожилой дамы и ея разговоры съ наставниками, которые приводили туда своихъ юныхъ питомцевъ.

— Какъ поживаете, докторъ Мекензи? Я вижу, что сэръ Джонъ дѣлаетъ усилія подъ вашими руководствомъ. Какъ счастлива герцогиня, что обезпечила себѣ исключительное право пользоваться вашими рѣдкими способностями! Жаль видѣть ихъ сосредоточенными въ тѣсномъ кругу одного семейства.

— Это такое прекрасное семейство, миледи, что я вполне счастливъ, живя въ немъ.

— Сегодня холодно, докторъ Мекензи. Кажется, я застудила свой ревматизмъ прошлую субботу въ оперѣ.

— Вы никогда не изволили пробовать, миледи, порошковъ Даувера?..

— Замѣтьте, что онъ никогда не совѣтовалъ, а только справлялся. Другой разговоръ:

— Какъ поживаете, М. К.? А вы, лордъ Генрихъ, здоровы? Консульты не сдѣлали вамъ вреда въ прошлый разъ? Надѣюсь, маркиза здорова. Она была очаровательна вчера вечеромъ. Видѣли ли вы ее послѣ туалета, М. К.?

— Можетъ-быть, вы полагаете, что М. К. осмѣлится сказать безъ перемены, что онъ видѣлъ маркизу и что она была удивительно-хороша? — ошамбуетесь.

— Извините, миледи, скромно отвѣчалъ онъ:— хотя я имѣлъ честь быть у ея превосходительства, но съ моей стороны было бы очень дерзко объявить свое мнѣніе въ подобномъ дѣлѣ. Я принесъ ей карту (онъ не говоритъ какую) и едва могъ замѣтить ея нарядъ; но полагаю, что онъ былъ исполненъ вкуса и изящества, какъ и все то, что ея превосходительство изволяетъ дѣлать.

Замѣтьте еще, что онъ не отвѣчивается сдѣлать малѣйшее замѣчаніе на-счетъ ея паружности или талии, не такъ, какъ нынѣшніе неучи! Ни докторъ, ни учитель не смѣли тогда разглагольствовать о цвѣтѣ лица, на-вѣрахъ и красотѣ той дамы, къ которой они, по своему званію, имѣли доступъ. Я уже, кажется, говорилъ вамъ, что случилось съ знаменитымъ въ то время докторомъ В. отъ одной только невоздержности его языка. Ему удалось сказать на-счетъ одной дамы, умершей у него на рукахъ, что онъ никогда не видалъ такого прекраснаго тѣла и что рассматривалъ его цѣлую четверть часа, послѣ того, какъ оно уже было бездыханнымъ. Эти слова, конечно, сами-по-себѣ были неартичны; но они, сверхъ того, касались знатной особы, и потому общественное мнѣніе призвало ихъ вполне оскорбительными. Докторъ В. въ одинъ мѣсяць лишился всѣхъ своихъ кліентовъ. Даже сынъ его, который пошелъ по слѣдамъ отца и который, безъ сомнѣнія, не имѣлъ нескромности отца, оставался подъ тяжестью приговора, поразившаго отца его.

Впрочемъ, эти застарѣлыя идеи не препятствовали леди Стэнгопъ судить безъ всякаго пристрастія о самыхъ знаменитыхъ представителяхъ англійской аристократіи. Она желала, чтобъ ихъ уважали, но въ то же время требовала, чтобъ они были достойны уваженія, и съ прискорбными негодованіемъ отзывалась о ихъ дерамомъ ничтожествахъ, о смертной скукѣ ихъ собраний, о грубыхъ и неярмачинныхъ шуткахъ надъ тѣми, кто безъ предварительнаго приготовленія вмѣшивался въ кругъ ихъ.

Между людьми, которые могли способствовать леди Эстери къ составленію себѣ невыгоднаго мнѣнія насчетъ принца валлійскаго, первое мѣсто занималъ Бруммельъ, питавшій страстную привязанность къ племянницѣ Питта. Между нихъ странностями была взаимная симпатія, точно такъ, какъ между безобразіемъ г-жи Сталь и Мирабо. То были двѣ звѣзды, упавшія въ одного неба. Эстеръ всегда съ удовольствіемъ припоминала безчисленныя дерзости Джордана Бруммеля, посредствомъ которыхъ онъ распространилъ свое будуарное владычество. Но этотъ дамскій любимецъ не долженъ былъ забываться предъ нею и стараться ослѣпить ее своею важностью, потому что она, какъ умная женщина, умѣла оцѣнить его. Одинъ разъ, одинъ только разъ, вздумалось ему какъ-то нехотати спросить у нея на счетъ одного молодого полковника не знатнаго рода:

— Но какой чортъ знаетъ его отца?

— А скажите, кто знаетъ вашего? возразила леди Эстеръ.

Они были въ это время на Бонд-Стритѣ (фешенебельной улицѣ того времени) и Бруммель испугался, чтобъ этотъ меткій ударъ не имѣлъ отголоска.

— Послушайте, милое созданіе, сказалъ онъ, граціозно наклонившись къ дѣрпамъ ея молски: — правда, никто не знаетъ моего отца; никто не зналъ бы, вѣроятно, и меня, еслибъ я не

принялъ на себя извѣстной вашъ роли. Эта роль, какъ вы сами знаете, улажется только по своей нелѣпости. Еслибъ я только на одну недѣлю пересталъ гордо смотрѣть на маркизовъ, повѣрьте, этого было бы достаточно, чтобъ впасть въ совершенную безвѣстность. Свѣтъ глупъ, и я вслѣдствіе пользуюсь его глупостью. Мы понимаемъ другъ друга какъ-нельзя-лучше.

Онъ употребилъ самое лучшее средство къ своему оправданію. Леди Стэнгопъ, цѣнившая выше всего откровенность, перестала съ-тѣх-поръ мѣшати ему наслаждаться пріобрѣтенной славой, и въ замѣвъ этого нѣмага соучастія пріобрѣла отъ деваи, страшившагося ея, мадригалную признательность.

Съ особеннымъ удовольствіемъ вспоминаетъ она о томъ уваженіи, каковымъ пользовалась отъ дяди. Я знаю только одно существо въ мірѣ, которое готово было пожертвовать для меня даже собственной репутаціей — сказала она ей однажды, когда зашла рѣчь о льстивости Кеннинга... а между-тѣмъ, я двадцать пять лѣтъ прожилъ между людьми разнаго рода. — Кто жь это? спросила племянница. — Вѣрно герцогъ Ричмондъ! Или нѣтъ, постойте... Вотъ кто! и она назвала еще двухъ или трехъ особъ; но дядя прервалъ ее и сказалъ: — Нѣтъ!.. я говорю о тебѣ.

Въ другой разъ, въ минуту одного весьма-важнаго политическаго затрудненія, онъ воскликнулъ:

— У меня есть много хорошихъ дипломатовъ, но ни одинъ изъ нихъ не имѣетъ понятія о военныхъ дѣйствіяхъ; есть много искусныхъ генераловъ, но ни одинъ не годится для дипломатическихъ сношеній. Еслибъ ты, Эстеръ, была мужчиной, я бы послалъ тебя на материкъ, съ полномочіемъ въ шестьдесятъ тысячамъ войска, и увѣренъ, что всѣ мои предначертанія были бы исполнены какъ-нельзя-лучше, и каждый солдатъ имѣлъ бы ваксу для башмаковъ.

Онъ хотѣлъ сказать этимъ приговору: что вниманіе мое

было бы устремлено одинаково, какъ и на самыя высокія соображенія, такъ и на малѣйшія подробности военной администраціи. Въ этомъ, если я не ошибаюсь, онъ былъ совершенно правъ.

Этотъ отрывокъ, любопытный самъ по-себѣ, становится еще болѣе-любопытнымъ по сравненіи его съ отзывомъ лэди Эстерн о лордѣ Веллингтонѣ.

• Питтъ • говоритъ она: • прѣхавъ въ Ватъ во время своей послѣдней болѣзни, рассказывалъ мнѣ про Артура Уэльслея, котораго онъ недавно видѣлъ, и очень хвалилъ его; ему особенно нравилась въ немъ скромность, съ которою тотъ принималъ искреннѣе похвалы, вполне заслуженныя его подвигами въ Индіи. Но вотъ мое мнѣніе: герцогу нравится женщинамъ только своимъ любезничаньемъ и нѣкоторыми слѣдами прежней красоты. Въ немъ рѣшительно нѣтъ той важности и того достоинства, которыя такъ идутъ придворному. Всѣми своими качествами онъ обязанъ самому-себѣ, потому-что провелъ молодость въ безпечности, при которой никакое серьезное занятіе не было возможно. Я помню, что Буверъ говорилъ мнѣ о немъ въ первый разъ: «Вы охотно будете танцовать съ нимъ, лэди Эстеръ; онъ прекрасный молодой человекъ...» Однимъ словомъ, тогда въ немъ были видны обыкновенныя качества всѣхъ нашихъ молодыхъ провинціаловъ, живущихъ безъ дѣла: онъ могъ долго танцовать. Но онъ всѣмъ обязанъ счастью, потому-что, сказавъ по правдѣ, его нельзя назвать великимъ полководцемъ. Онъ не имѣетъ тѣхъ великихъ качествъ, какія мы видимъ у Цезаря, Помпея, или у Наполеона. Насчетъ сраженія при Ватерлоо, и Французъ, и Англичане соглашаются единодушно, что только одинъ счастливый случай доставилъ ему малую побѣду; въ этомъ вся его заслуга. Не вижу, чтобы и подъ Парижемъ онъ сдѣлалъ болѣе; притомъ же, я съ достовѣрностію знаю, что солдаты не слишкомъ его любятъ.

Мы приближаемся къ важному кризису въ жизни лэди Эстерн. Пока Питтъ управлялъ государствомъ, она стояла въ обществѣ на высокой степени, и въ минуты своего величія никогда не думала о томъ страшномъ паденіи, какое угрожало ей по смерти ея доблестной опоры. — Расскажемъ нѣкоторыя подробности о кончинѣ лорда Питта, сообщаемыя намъ лэди Эстерью, и замѣтимъ, что онъ совершенно-противорѣчать тѣмъ, которыя сообщили Джеффордъ. Этотъ біографъ, основываясь на свидѣльствѣ медика и священника, присутствовавшихъ при послѣднихъ минутахъ лорда, говоритъ, что послѣднія слова его были обращены къ Спасителю человечества съ мольбой о небесномъ милосердіи. Лэди Эстеръ не знала, что истина фактовъ была дотакимъ степени искажена, и когда узнала объ этомъ отъ своего доктора, то съ гнѣвомъ вскричала:

— Кто это говоритъ?

— Докторъ Преттменъ и сэръ Вальтеръ Феркуэръ, отвѣчалъ докторъ.

— Во всемъ этомъ нѣтъ ни слова правды. Докторъ Преттменъ спалъ глубокимъ сномъ, когда Питтъ скончался; а сэръ Феркуэръ и въ кончатѣ не было. Я, да Джемсъ, нашъ вѣрный слуга, были одни у изголовья Питта; когда онъ скончался. Въ восемь часовъ утра я ушла отъ него, потому-что видѣла, какія усилія онъ дѣлалъ, чтобы говорить со мною, и не хотѣла увеличивать его страданій.

Сказавъ эти слова, лэди Эстеръ на минуту остановилась; потомъ продолжала:

— И какъ могъ Питтъ говорить такія вещи, когда во всю жизнь свою онъ ни разу не былъ въ церкви? А между-тѣмъ, въ Уальмерѣ ничто не мѣшало ему бывать на литургіяхъ. Онъ никогда не говорилъ о религіи и молчалъ, когда заходила рѣчь о ея догматахъ (*).

(*) Мы должны замѣтить, что рассказы лэди Стенгопъ противорѣчатъ словамъ лорда Мельсбюри, которыя болѣе сообразны съ обще-принятымъ мнѣніемъ; лэди

По поводу этой смерти, леди Эстеръ часто разсуждала о неблагодарности народа къ тѣмъ людямъ, которые посвящали себя на его пользу.

• Право, непостижимо, сколько низости и несправедливости гнѣздится въ сердцахъ человѣческомъ. Всѣ пары, которые были обязаны моему дядѣ своимъ званіемъ, оставили его, и большая часть государственныхъ людей, возвысившихся подъ его покровительствомъ, отплатили предательствомъ за всѣ его милости и перешли подъ знамена враговъ его. Потомъ взгляните: присовокупляетъ она: какое вліяніе случай и счастье имѣютъ на политическіе успѣхи людей. Питтъ, въ продолженіи всей своей жизни, посвященной на служеніе родинѣ, едва имѣлъ въ утѣшеніе нѣсколько несовершенныхъ результатовъ, купленныхъ дорогою цѣною, тогда какъ другіе, напримеръ, Ливерпуль или Кестельрейгъ пожинали лавры, которыхъ не всегда заслуживали!

Къ числу пожертвованій, сдѣланныхъ Англіею однимъ изъ величайшихъ государственныхъ людей ея, должно присовокупить любовь, которую внушала ему молодая, прекрасная дѣвица, дочь лорда А***.

• Это единственная женщина, говорить леди Стѣнгопъ: которая, по моему мнѣнію, была достойна сдѣлаться его женою... Когда онъ отказался отъ нея, я думала, что сердце его разорвется на части. Но, понявъ, что она была не такая женщина, о которой можно было иногда забывать въ жару государственныхъ дѣлъ, онъ старался заглушить любовь, чтобъ вполне посвятить себя возложеннымъ на него обязанностямъ.

Ж**, слышавшая всѣ подробности этого обстоятельства отъ сэра Феркуэра, говорить, что послѣднія вытнныя слова Питта, которыхъ онъ произнесъ какъ-бы про себя, были: *Oh! what times! oh! my country!* «О, какія времена! О, моя родина!» Онъ повторилъ эти слова нѣсколько разъ.

Миссъ А*** вышла въ послѣдствіи за лорда Б***, и нѣсколько лѣтъ спустя потеряла свою красоту. Питтъ не имѣлъ грустнаго утѣшенія видѣть это уменьшеніе прелестей, нѣкогда очаровавшихъ его; онъ умеръ, убитый дожирающими заботами, которыхъ онъ добровольно предпочелъ мирному счастью брачной жизни.

Еще при жизни своей, онъ позаботился обезпечить судьбу племянницы. Одно изъ послѣднихъ писемъ его заключало въ себѣ просьбу о пенсіонѣ, который немедленно былъ выданъ леди Эстери; и хотя этотъ пенсіонъ былъ довольно-значителенъ, но все-таки не могъ доставить ей того положенія въ свѣтѣ, которымъ она пользовалась при жизни Питта. При 1,200 фунтахъ стерлинговъ, кромѣ собственныхъ доходовъ, леди Эстеръ была бѣдна въ полномъ смыслѣ этого слова и тщетно покушалась удержаться въ свѣтѣ.

• Знатная дама безъ богатства, говорила она въ послѣдствіи своему доктору: самое жалкое существо въ мірѣ. Не имѣя болѣе собственного экипажа, могла ли я показаться на улицу? Еслибъ я задумала нанять извозчика, то подверглась бы презрительнымъ замѣчаніямъ въ родѣ слѣдующихъ:—Знаете ли, кого я сегодня встрѣтилъ въ наемной каретѣ? Леди Стѣнгопъ... Куда-это она ѣхала, одна и въ такой отдаленной части города?.. и проч. и проч.

По этимъ-то причинамъ она не выходила болѣе изъ своей квартиры, которую нанмала въ Монтегю-Скверѣ, до-тѣхъ-поръ, пока смерть брата ея, Чарльса, убитаго въ Короннѣ (*), не по-

(*) Графъ Стѣнгопъ былъ женатъ два раза. Отъ перваго брака у него были три дочери (Эстеръ, Гривелла и Раталь); отъ второй жены родились у него сыновья Филиппъ-Георгъ, теперешній графъ Стѣнгопъ; Чарльсъ Бенксъ, служившій майоромъ въ арміи, убитый въ Короннѣ, и Джемсъ Гемилтонъ, умершій въ 1823 году.

седла въ ней рѣшительнаго отвращенія отъ лондонской жизни.

Тогда она оставила столицу и поселилась въ небольшой хижинѣ въ Валлійскомъ-Княжествѣ, недалеко отъ Брекова. Комната, которую она занимала, имѣла не болѣе двѣнадцати квадратныхъ саженъ. Единственнымъ развлеченіемъ ея были—попеченія надъ большими въ сосѣднихъ деревняхъ, при смотрѣ за молочной и въкоторыя другія заботы подобнаго рода. Но вида, что и тамъ она не находила желаемаго удовольствія, что и тутъ свѣтъ не забывалъ ея, она рѣшилась избрать Средиземное-Море вѣчною преградой между собою и добрыми своими лондонскими друзьями. Это намѣреніе было немедленно приведено въ исполненіе. Она оставила Англію въ сопровожденіи нѣсколькихъ слугъ и доктора, который тебѣ издастъ ея записки.

Послѣ кратковременнаго пребыванія въ Гибралтарѣ и на Мальтѣ, она отправилась къ Занту (въ іюль 1810 года) и оттуда къ Патрасу, провела нѣсколько времени въ Константинополѣ и отплыла въ Египеть, у острова Родоса претерпѣла кораблекрушеніе, и при этомъ случаѣ докторъ М*** потерялъ свой дорожный дневникъ, о которомъ, вѣроятно, многіе читатели пожалѣютъ вмѣстѣ съ нами.

Считаясь такимъ-образомъ по этой части Востока, lady Эстеръ, все болѣе и болѣе отчуждавшаяся отъ родной своей страны, рѣшилась наконецъ поселиться на Горѣ-Ливанской. Докторъ М***, проведшій неотлучно семь лѣтъ при своей пациенткѣ и которому деспотическій нравъ ея начиналъ быть въ тягость, оставилъ ее въ окрестностяхъ Сидона въ *Марплоса*, первого постоянного мѣстопробыванія ея.

Эта женщина—Корюланъ английской аристократіи—и подлѣ чужихъ небомъ не измѣнила своей натурѣ. Въ ней и тамъ кишѣла та же гордость, неперенѣвшая ничего владычества, то же неограниченное властолюбіе, которое мучило ее на родинѣ и принудило оставить ту землю, гдѣ владычеству ея на-

ступилъ конецъ. На Востокѣ же, напротивъ, она мечтала о феодальномъ существованіи, которое при своемъ относительно-большомъ богатствѣ она легко могла поддерживать съ блескомъ, при благоприятныхъ обстоятельствахъ, и съ помощію своего гевія поставить на очень-высокую степень.

Эти высокомѣрные замыслы обнаруживались даже въ выборѣ новаго мѣстопробыванія. Еслибы она искала однихъ удобствъ жизни, то скорѣе избрала бы одинъ изъ острововъ Архипелага, или Смирну, или даже Бейрутъ; но она не обращала вниманія на физическія выгоды мѣстности и поселилась въ странѣ, волнуемой разными политическими распрями, въ надеждѣ, что событія вскорѣ помогутъ ей развитію рѣдкія способности, которыми даже самъ Питтъ удивлялся.

Мы не намѣрены приписывать излишнюю важность ея дѣйствіямъ и не хлопочемъ, подобно нѣкоторымъ биографамъ, придать разиѣры эпопей обстоятельству, незаслуживающему даже названія арабской сказки. Но мы также не хотимъ и унижать достоинства этой женщины, которая, должно признаться, была не простою *excentrique*; а потому не колеблясь скажемъ, что она съ истиннымъ талантомъ умѣла положить твердое основаніе своему будущему вліянію и поставить себѣ къ новому отечеству наряду съ могущественнѣйшими лицами. Ближайшій сосѣдъ ея былъ тотъ самый эмиръ Беширъ, предводитель Друзовъ, о которомъ столько толковали европейскіе журналы. Lady Эстеръ объявила себя врагомъ его, и если сужденіе ея справедливо, то онъ вполне заслуживалъ этой непріязни. Будучи родомъ Арабъ—предки его вышли изъ Мекки,—и духамеданнъ по религіи, онъ нѣсколько разъ притворно обращался къ христіанству; но эти ложныя обреченія служили ему только средствомъ къ усиленію своей власти надъ легковѣрными народами, признавшими его своимъ покровителемъ. Въ сущности же, поступки его были безчестны, жесто-

кости безчисленны. Три или четыре раза онъ долженъ былъ бѣжать въ Египетъ, чтобъ спастись отъ наказаній, которыми грозили ему за нѣтъну разные пашы, поочередно управлявшіе Сен-Жая-а-Акрскимъ-Округомъ; и такъ-то, вмѣстѣ съ Мехмедомъ-Али, онъ составилъ планъ вторженія въ Сирію, который въ послѣдствіи былъ выполненъ Ибрагимомъ-Пашою. На этотъ планъ стоить обратить вниманіе, какъ на любопытный образецъ восточной политики.

Друзы, состоящіе подъ начальствомъ этого амира, или государя, — чрезвычайно воинственное племя. Они приучены къ военнымъ трудамъ, достаточно запасены оружіемъ и живутъ въ укрепленныхъ деревняхъ, состоящихъ изъ каменныхъ домовъ, болѣе или мѣлче способныхъ къ защите. Кромѣ Друзовъ, въ этой части Хребта-Ливанскаго, простирающагося за Триполи до Балатъ-эль-Медика и до зирекой равнины, живетъ еще христіанское племя, назывское подъ именемъ Маронитовъ. На оконечности горной цѣпи, со стороны Акры, идетъ узкій проходъ, посредствомъ котораго акрская равнина соединяется съ Бкая, т. е. съ другою равниною, отдѣляющею настоящій Ливанъ отъ прежняго. По ту сторону этого прохода идутъ высшія горы по направленію къ Латакію, населенныя Ансарасами, Имамелитами и многими другими племенами различнаго происхожденія. Всѣ эти свѣдѣнія необходимы для ясности разсказа, который мы хотимъ извлечь изъ записокъ дѣди Стѣнгопа, въ которомъ настоящее положеніе дипломатическихъ сношеній даетъ случайный интересъ.

Когда наступило время исполненія задуманнаго, составленнаго эмиромъ и египетскимъ правительствомъ, въ окончаніе полновѣ Ибрагима-Пашы выступили въ походъ, едемъ по дорогѣ къ Акрѣ, Сандѣ и Триполи, другіе по направленію къ Дамаску и Бальбеку; всѣ же войска въ одинъ день, или, лучше сказать, въ одну ночь, явились къ укрепленному замку амира (*Видели*)

въ Дамр-эль-Каварѣ, его столицѣ, и во всѣмъ другимъ важнѣйшимъ пунктамъ Ливана. Время было самое благоприятное для нападенія. Друзы, ничего не подозревая, занимались уборкою жавы и были лишены всякой возможности къ сопротивленію. Горы были заняты безъ ружейнаго выстрѣла. Эмиръ Беширъ притворился чрезвычайно испуганнымъ, когда два египетскіе полка явились какъ-бы неожиданно на дворъ его замка, и такъ искусно разыгралъ эту комедію, что всѣ его придворные, семейство и даже самъ Друзы почли его жертвой непредвидѣнной нѣтъны.

Друзы, преданные во власть этого зѣрскаго завоевателя, терпѣли страшное угнетеніе. Остальная часть Сиріи, лишняя храбрыхъ своихъ защитниковъ, не оказала почти никакого сопротивленія. Дѣди Эстеръ сильно вознегодовала при видѣ новарнаго пораженія и приняла сторону враговъ Египта. Она враждовала съ эмиромъ Беширомъ, и напротивъ того искала всеми возможными средствами дружбы шейха Бшеира, его соперника, и дружбы акрскаго пашы Абдула; съ помощію искусно-рассчитанной щедрости ей не трудно было приобрести ихъ расположеніе.

Съ-тѣхъ-поръ, она старалась всѣми средствами возбудить вражду побѣжденныхъ противъ побѣдителей. Ибрагимъ-Паша, въ гордости торжества громко-выразилъ свое удивленіе, что эти собаки-Друзы не нашли у себя ни одной пули противъ египетской армии. Дѣди Эстеръ не приняла воспользоваться этими неблагоприятными словами. Немного времени спустя, онъ навѣстилъ одинъ изъ людей довольно-значительныхъ въ той странѣ, а она привѣтствовала его слѣдующими словами: «Ну, что, собака-Друзы, у тебя не нашлось противъ нашихъ ни одной пули?»

Объясненіе было равносильно признанію, и гости удалился рабѣшеннымъ. Мало того: она призвала своихъ людей, чтобъ при встрѣчѣ съ Дру-

земь они непременно кричали: «а что, собака-Друзь, дѣтъ шумъ для насъ ни одной шумъ». Можно понять, какое дѣйствіе производили эти слова на народъ, который во многихъ отношеніяхъ напоминалъ соборъ древнихъ Маддаленанъ. Въ то же время, леди Эстеръ не переставала повторять слова Ибрагима предъ приверженцами египетскаго владычества, но только совершенно въ другой тонъ и какъ бы желая возбудить храбрость гордаго поддоговца, которому не нравилась легкая побѣда, несопряженная съ опасностью. Со всѣхъ сторонъ эта провала обила разладалась въ ушахъ Друзь и побуждала ихъ къ имперверженію врага, становившагося постыднымъ.

Мы не думаемъ, чтобы леди Эстеръ была добуждаема цыпкой любовью къ независимости Друзь. Молодая баронесса къ престанію, она, вѣроятно, видѣла въ виду одинъ только выгоды личнаго честолюбія. Она разсказывала, будто бы видѣла во снѣ руку, простирающую надъ ея головою, и множество тысячныхъ оробѣ, склоняющихся къ ногамъ ея, и придавала этому видѣнію всю важность предвѣщенія. Сильная умомъ и воображеніемъ, она видѣлась въ одно и то же время и смѣлыми интригами и химерическими видѣніями, ждала для себя престола и приданнаго втораго Мессіи, соединяла возмутительныя заботы о своихъ земныхъ интересахъ съ мечтами, достойными баснословныхъ, давно-прошедшихъ временъ.

Здѣсь кстати упомянуть о странномъ вѣрованіи, которое она содала себѣ, — объ этомъ особенномъ вѣрованіи, въ которомъ она была въ одно время и жрицей, и думиромъ.

Извѣстно, что на Востокѣ, подъ именемъ Эль-Могали (другіе пишутъ Эль-Модли) разсмѣютъ дѣстнаго имени изъ рода Ада. Этотъ святой, по повѣтіямъ Мусульманъ, человекъ, родившійся въ 255 году гижры, на десятый годъ отъ рожденія, былъ запертъ матерью въ пещеру и посылкователъ Мухаммеда воображаютъ, что мать должна

стеречь его тамъ до самаго престанія сѣта, когда онъ выйдетъ изъ заключенія и соединится съ христіанами для одоленія антихриста.

Леди Эстеръ, мало-по-малу увлекшаяся восточными предрассудками, до того, что стала вѣрить въ астрологию, убѣдилась наконецъ и въ этомъ мусульманскомъ астарѣ. Она съ великою устремленностью ожидала впродолженіи Эль-Могали и считала себя тою избранною женщиной, которую такъ пламенно ожидало сан-единицы и фран-масоны. Сверхъ того, она воображала, что многія религіозныя секты должны будутъ вѣрять въ ней, ея и въ притомъ для наблюденія за ея поступками. Волкая новостяла повстаніемъ, возмущеніемъ, о большихъ политическихъ переворотахъ, предвѣщала, въ ея видѣніи и подстрекала владыки. На случай какого-либо неосмысленнаго переворота, она держала у себя двухъ кобылицъ чистой породы: *Дангу* и *Лолу*, о которыхъ столько разсказывали путешественники. Люлю была орой масти, а Дана гнѣдой; посылала видѣла на спинѣ выгнѣ, который на тебѣ, восточномъ языкѣ, означалъ: *вѣдѣтъ* подъ именемъ сѣлаватости. У каждой былъ особенный грумъ, но ни въ комъ сидѣть не мѣлъ. На порогахъ отъ дома былъ вытросенъ роль манежа, для ежедневнаго ихъ упражненія, которое возобновлялось два раза въ день въ опредѣленные часы и состояло въ томъ, что кобылицы проваляли въ сколько разъ вдоль манежа. Въ эти игры, слугамъ и преставкамъ было запрещено возвращено. Столь нова манежа, прѣдѣлать маню и даже сестрѣтъ на него дорноповѣныи глазами: — нѣлѣное задрѣченіе, которому никто не повиновался, чего леди Эстеръ, первая въ своей ашальѣ, не повиновалась. Если же случайно упала леди въ дождливой деревнѣ, то видѣть ее не мѣлъ предѣловъ. Едино повозила она: сунуть шестнадцатимъ, вполнѣ въ сонномъ, гдѣ содержались кобылицы, и маню старалась удостовѣряться, что вѣзда

мощителя не была противна взъядъ
отъхъ драгоцѣнныхъ животныхъ.

Можно представить себѣ, что для
нихъ не жалѣли никакихъ попеченій
и заботъ. Въ Сиріи есть обычай выпу-
скавъ лошадей на семь мѣсяцевъ въ
чистое поле. Ламла и Люлю проводили
это время въ павильонѣ, крытомъ со-
ломою и окруженномъ рѣшеткою, сре-
ди кувшиновъ, усѣянныхъ роскошными
цвѣтами. Лютомъ каждое утро мыли
ихъ ноги, хвостъ и гриву и для оскѣ-
женія пошивали водою волъ, на кото-
ромъ онѣ стояли; зимою онѣ рѣдко вы-
ходили изъ конюшни, гдѣ нѣжные чле-
ны ихъ были защищены отъ стужи
теплыми одеялами.

Идеи, которыя она связывала съ
нужъ существованіемъ, были всегда на
ушъ леди Эстеръ могущественное влія-
ніе. Тревожимая врагами, обманутая
слугами, воспевавшая Востокъ, она
нѣсколько разъ покушалась оставить
эту страну, гдѣ удерживала ее одна
только долги. Но какъ покинуть Лану
и Люлю? какъ отказаться отъ величія,
котораго онѣ, но ея нѣблизу, были жи-
выми символами?

А Отчасти Жидоска, отчасти мусуль-
манка, по-временамъ язычница, эта
почтеннѣйшая узлекалась всѣми воз-
можными сомнѣніями и суевѣрными:
магія, некромантія, демонологія, не
казались слишкомъ - произвольными
разстройному уму ея, который поне-
рѣшимо былъ доступенъ самымъ про-
тиворѣчащимъ нѣблизямъ.

Но вѣснѣ можно судить о раз-
стройствѣ ея ума, — разстройствѣ, о
которомъ знали даже послѣдніе слуги
ея; они каждый день, ради забавы,
рассказывали ей чудесныя происше-
ствія, которыя съ жадностью нѣта-
лось ея божественное воображеніе. Нѣ-
которые шарлатаны, нѣблизіе къ ней
доставъ, убѣждали ее, что сем-симо-
сты, фран-масоны и тысячи другихъ
сектъ, болѣе или менѣе америче-
скихъ, основывали на ней всю свою
надежду, и что не первому ея возу
тысячи приверженцевъ готовы соеди-
ниться подругъ ея.

Эти суевѣрныя понятія, значитель-
но увеличившіяся съ тѣхъ поръ, какъ
она жила въ уединеніи, на Горѣ-Ливан-
ской, развились, впрочемъ, въ умъ ея
гораздо-прежде. Сумасбродный меч-
тель Бротерсъ, арестованный въ Ан-
глии во время министерства Питта,
просилъ у стражи, тащившей его въ
тюрьму, позволенія видѣть леди Эс-
теръ; эта просьба показавшись ей стран-
ною, и она приказала привести къ се-
бѣ арестанта: Бротерсъ представилъ
ей (по-крайней-мѣрѣ она всегда это
увѣряла), что будто-бы она пойдеть
нѣкогда въ Іерусалимъ и воротится ту-
да избранный народъ; что по прибы-
тіи ея въ Святую-Землю, великіе пере-
вороты будутъ потрясать мѣръ, и что
она поведеть семь лѣтъ въ пустынѣ.
Эти слова навсегда остались въ умѣ
ея. Одинъ деревенскій врачъ нѣхъ
окрестностей Ливана, получилъ нѣдѣ
всю, тоже какими-то темными проро-
чествами, значительное вліяніе; она
осыпала его подарками, кормила не
только его, но и все его семейство, и
когда онъ умеръ, взяла къ себѣ трехъ
лѣтей, повеченіе о которыхъ она за-
вѣщала ей.

Наконецъ, одинъ Французъ, по иже-
ни Лустондъ, который, какъ рассказы-
ваютъ жители Тарба, разыгрывалъ у
нихъ въ послѣдніе годы имперіи
странную роль набаба, доволилъ со-
бою собраніе нѣмныхъ волшебни-
ковъ. Этотъ человекъ прежде служилъ
въ индійской арміи, былъ продавъ
какъ бѣглець Типо-Самбу и потомъ
возвратился на родину, гдѣ хотѣлъ
блестнуть двусмысленною роскошью.
Вскорѣ, однакожь, средства его исто-
пились, и одно промышленное пред-
пріятіе, котораго успѣху поѣхали
политическія событія, довершило его
разореніе; онъ скрылся, бросивъ же-
ну, родомъ Индианку, и двухъ доче-
рей, которыя и понынѣ живы. Долго
ничего не знали о его участи; на-
конецъ услышали, что этотъ искателя
приключеній опять отправился на Во-
стокъ, какъ-будто бы фортуна, въ пер-
вый разъ явившаяся къ нему въ этой

странѣ, и теперь его тамъ поджидала. Но несчастный лишился ума прежде, чѣмъ встрѣтился съ нею. Онъ долго блуждалъ по Сирию изъ города въ городъ, читая Библию и предсказывая будущее, мало добывая отъ тѣхъ, кому голосъ его открывалъ истину, но за то получая изрядный доходъ отъ многихъ пророчествъ, которыми надѣлялъ на-удачу всѣхъ прибѣгавшихъ къ нему.

Леди Эстеръ встрѣтилась съ нимъ, щедро помогала ему, дала убѣжище въ монастырѣ Мари-Дунсъ, и съ этой минуты приобрѣла себѣ въ немъ родъ предвозвѣстителя. Лустомъ предсказывала повсюду о царицѣ талморской, которая скоро должна сдѣлаться царицею Востока. Все это были бредни сумасшедшаго; но на Востокѣ это придавало имъ еще болѣе вѣса. Фаталистъ-Турокъ думаетъ, что въ словахъ существъ, лишенныхъ разсудка, слышится гласъ Божій.

Мало-по-малу, пребываніе въ Мари-Дунсъ стало казаться леди Эстери не довольно-тайнственнымъ и уединеннымъ; она желала жилища болѣе-безопаснаго, болѣе-уединеннаго, гдѣ ея владычество могло бы свободнѣе расширяться. Въ Мари-Дунсъ случалось часто, что слуги ея, Арабы, которыхъ она, сказать правду, держала полъ невыносимымъ игомъ, перебирались за монастырскую ограду и укрывались отъ ея деспотической власти; особенно женщины, которыхъ она хотѣла принудить къ цѣломудрію, слишкомъ для нихъ строгому, бѣжали изъ этого ненавистнаго жилища. По-этому, она удалилась на вершину утесистой скалы, которая, по своей конической формѣ и отдѣльному положенію въ степи, представляла превосходную точку наблюденія. Оттуда взоръ ея обнималъ всю окрестную страну, и она видѣла всякаго, кто только входилъ въ замокъ или выходилъ изъ него.

Слѣдовательно, невольникъ долженъ былъ обладать необыкновенной отвагой, чтобъ рѣшиться на побѣгъ, ибо теперь недостаточно бы-

ло перепрыгнуть за ограду: нужно было пробѣжать цѣлую цѣпь востынныхъ горъ, населенныхъ волками и шакалами, чтобъ достигнуть до Вейрута, Семда, или Дамр-эль-Кашара (три ближайшія мѣстечка). Но и тутъ было еще не все: даже за этими грозными горами разгнѣванная повелительница могла настичь бѣглеца, благодаря востательной преданности акрсакаша, который, въ замѣтъ и-которыхъ денежныхъ одолженій, всегда готовъ былъ служить леди Эстеръ орудіемъ ея мести.

Однакожь, всѣ эти обстоятельства не удерживали бѣглецовъ. Однажды всѣ сирійскія невольницы вмѣстѣ скрылись изъ замка. Вообще, тиранство леди Стенгопъ, заимствованное какъ-бы изъ феодальныхъ временъ, было неограниченно и не встрѣчало большихъ препятствій.

Итакъ, чтобъ слѣдить за послѣдними годами ея жизни, мы должны перенестись въ Дар-Джунъ (такъ называлось новое ея жилище), — въ это дикое мѣсто, навѣки-ознаменованное воспоминаніемъ достопамятнаго безразсудства, которому не доставало только средствъ и случая, чтобъ сдѣлаться — почему знать? — высшими честолюбивыми видами...

Остановимъ взоръ на замкѣ прихотливой архитектуры, окруженномъ великолѣпными зелеными бесѣдками и изящными коттежами, гдѣ помѣщались гости и многочисленная прислуга. Со-временемъ, этотъ замокъ долженъ былъ обратиться во дворецъ царицы Востока, а въ ожиданіи этого великаго событія, служилъ убѣжищемъ, гостеприимнымъ караван-сараемъ для бродягъ разнаго рода, которые поочередно приходили пользоваться въ немъ безразсудною щедростью хозяйки. Самый замокъ носилъ отпечатокъ страннаго генія, распоряжавшаго его сооруженіемъ. То былъ цѣлый лабиринтъ мрачныхъ переходовъ и кончатъ, разбросанныхъ въ безпорядкѣ; стѣны въ немъ были непомѣрной толщины и сырвели во внутренности своей тысячи по-

таенныхъ ходовъ. Для часовыхъ были устроены высокія сторожевыя башни, а для виновныхъ рабовъ — глубокая подземелья. Все же вообще, и открытое, и закрытое, и возвышавшееся въ воздухъ, и скрытое подъ землею, — было устроено какъ-то на-удачу, безъ всякаго соображенія, и не имѣло никакого единства, никакой гармоніи.

Въ сопровожденіи молодой сирійской невольницы, или африканской негрятки, посѣтитель входилъ въ комнату, о которой не могутъ дать понятія ни французскіе, ни англійскіе покон; даже многіе крестьяне и той и другой націи напши бы для себя это помѣщеніе слишкомъ - неудобнымъ. Въмѣсто паркета, полъ былъ покрытъ грубымъ цементомъ, а вмѣсто бархатныхъ ковровъ разостланы были куски войлока. Въ одномъ углу на двухъ подставкахъ неодинакой вышины лежали доски, на нихъ простой тюфякъ: это была постель владѣтельница. Въ двухъ мѣстахъ массивной стѣны въ три фута толщиною, сдѣланы углубленія, въ которыхъ на двухъ полкахъ, равно отстоящихъ одна отъ другой, лежали въ беспорядкѣ книги, связки бумагъ равной величины, обернутыя въ шелковые платки, черновая тетрадь, переплетенная въ засаленный переплетъ, святой, вѣроятно, со счежной книги какого-нибудь лавочника, и стояла тарелка, а на ней были ножницы, булавки и сургучъ. Тутъ же помѣщалась бѣлая глиняная чернилица. Это была библіотека, кабинетъ и письменный столъ лэди Эстери. Всѣ эти вещи были покрыты густымъ слоемъ пыли, особенно книги, до которыхъ хозяйка дотрогивалась, можетъ-быть, разъ въ годъ, за исключеніемъ *Avis au peuple* Тиссо, *Cuisinier Bourgeois*, *Court Calendar* и Библіи. На полу были небрежно разбросаны неразвернутыя связки шелковыхъ и бумажныхъ матерій, присланныхъ хозяйкѣ въ подарокъ, а немного-даже — остатки другихъ пакетовъ, присланныхъ прежде этихъ, оберточная бумага и концы бичевовъ. Возлѣ кровати лэди былъ другой тю-

фякъ, лежавшій на четырехугольномъ кускѣ войлока, и мягкая высокая подушка въ коленкоровой наволочкѣ: это была постель негрятки Зезефуны, которая, по званію невольницы, имѣла право спать возлѣ своей госпожи. За занавѣсомъ, въ глубинѣ чего-то въ родѣ алькова, спала другая молодая дѣвушка, наемная служанка лэди Стенгопъ, хорошенькая Фатуна, ливанская крестьянка.

Послѣдняя съ утра до вечера должна была страдать отъ прихотливаго и непостояннаго характера лэди Эстери. Все ей не нравилось, все было не въ время и не такъ сдѣлано. Нужно было начинать съизнова всякую работу, если въ ней былъ маленкій недостатокъ, и бѣдная дѣвушка подвергалась гнѣву, брани и даже побоямъ. Здѣсь встаетъ замѣтить, что лэди Эстеръ гордилась, между прочимъ, и искусствомъ давать пощечины.

Но возвратимся къ описанію страннаго жилища.

У изголовья, на деревянномъ треножникѣ, замѣнявшемъ столъ, была разставлена цѣлая аптека: варенье изъ смородины въ соусникѣ, лимонадъ, чай въ ромашки, пастила и графинъ съ холодною водою. Хозяйка употребляла все это поочередно, смотря по тому, что ей вадумается. Лэди Эстеръ черезъ каждые два или три дня перемѣняла родъ пищи: она грызла то фіалковый корень, то гвоздику, то айву; пила она то вино, то оржадъ, то холодный чай, и все это должно было находиться у ней подъ рукою; чтобы удовлетвореніе минутной прихоти ея не терпѣло ни малѣйшаго замедленія.

Нигдѣ и ни въ чемъ вѣтъ изъисканности; ни занавѣсовъ, ни опухалъ. Глиняный кушаннъ съ краномъ и вѣщный газъ составляютъ всѣ принадлежності туалета. У оконъ ни занавѣсовъ, ни шторъ; только у одного, для защиты отъ сквознаго вѣтра, кое-какъ прибитъ кусокъ войлока, подерживаемый длинной щепкой. Такова была комната, въ которой жила вилка Чатама!

Узголовья же кровати висѣлъ крѣпкій пеньковый шнурокъ, который, проходя черезъ блокъ, утвержденный надъ кроватью, достигалъ противоположной стѣны и соединялся тамъ съ огромнымъ, покрытымъ ржавчиною желѣзнымъ крюкомъ. Этотъ шнурокъ былъ проведенъ къ колокольчику, который дребезжалъ каждую минуту, будучи приводимъ въ движеніе энергическою, мощною рукою хозяйки. И въ самомъ дѣлѣ, не проходило двухъ или трехъ часовъ, чтобъ леди Эстеръ не звонила и не поднимала на ноги весь замокъ. Фатуна и Зезефуна спали всегда не раздѣваясь, для того, чтобъ можно было скорѣе являться на повелительный зовъ госпожи и, по удовлетвореніи ея требованія, опять лечь спать. Иногда ей вдругъ приходило въ голову спросить бульйона или лимонада; приносить, — онъ ей не нравится; она отсылаетъ его назадъ, и когда приносятъ другой, болѣе-согласный съ ея вкусомъ, то прихоть ея уже прошла или измѣнилась: ей хочется жаренаго хлѣба; она приказываетъ или почесать себѣ спину, или подать трубку, либо принести восковую свѣчу, которую вельмица должна была заслонять рукою, чтобъ защитить больные глаза госпожи отъ слишкомъ-яркаго свѣта.

Вечеромъ владѣтельница замка встаетъ и съ гордостью наряжается въ свои рубища. Она гордится тѣмъ, что носить изодранное платье и грубую шерстяную чалму. На бритую голову свою она надѣваетъ красный тарбукъ; а между тарбукомъ и чалмой кладетъ шелковый платокъ блѣдно-желтаго цвѣта съ ярко-красными узорами, по примѣру арабскихъ бедуиновъ, которые называютъ этотъ нарядъ *кеффейя*; иногда онъ подвывается у подбородка, а иногда виситъ вдоль щекъ. На плечи она накидываетъ длинный плащъ изъ бѣлаго мериноса (*meshlah*), доходящій до плетокъ и обшитый на груди бѣлыми шелковыми аграмантами. Въ этой широкой и величественной одеждѣ ростъ леди Эстеръ казался еще выше. Подъ плащемъ она носила красное

платье, тоже спускавшееся до земли. Зимой, плащъ замѣнялся шубой, а красное платье бѣлымъ съ узорами (*котбаз*), перехваченнымъ въ талии шарью или длиннымъ шарфомъ. Подъ низомъ она носила широкіе суковные шаравары краснаго цвѣта и желтыя шелковые мѣсты, которые соединялись съ туфлями или бабушами того же цвѣта.

Этотъ костюмъ во многомъ походилъ на нарядъ богатыхъ Турковъ; но по полнотѣ своей онъ нисколько не неприличенъ для женщины. Впрочемъ, у леди Эстеръ костюмъ былъ уже, какъ мы прежде замѣтили, въ такомъ жалкомъ состояніи, что ясно обнаруживалъ презрѣніе своей обладательницы къ туалетнымъ прихотямъ.

«Что значитъ» говорила она: — изисканность наряда? Мой изодранный плащъ не стоитъ и шести пенсовъ; но развѣ отъ этого уменьшается хотя на волосъ мое собственное достоинство? Махмудъ, султанъ Махмудъ желалъ меня видѣть: не-уже-ли вы думаете, что онъ обратитъ вниманіе на эти лохмотья? Когда я подумаю, сколько женщинъ вздыхаютъ о тряпкахъ и терзаются пустымъ честолюбіемъ, то не могу не ощущать глубокаго къ нимъ презрѣнія. Единственное мое стремленіе быть угодною Богу; и хотя бы я сдѣлалась нищей, это все-таки не умалило бы собственнаго моего достоинства. Имя мое, впрочемъ, стало теперь даже славнѣе, чѣмъ было прежде: меня такъ же хорошо знаютъ въ Індіи, какъ въ Лондонѣ и Константинополѣ. Какой-то константинопольскій Турокъ говорилъ одному изъ моихъ слугъ, что на разстояніи двадцати миль въ окружности мусульманской столицы нѣтъ ни одного ребенка, который бы не зналъ о моемъ существованіи.»

Такая жажда знаменитости достаточно объясняетъ многое въ ея жизни, и не нужно искать ни въ чемъ другою тайны той роли, какую играла эта пророчица Горы-Ливанской, обманывавшая и самую-себя и другихъ. Желаніе попасть въ число знаменитыхъ совре-

менницъ, а не надежда земнаго владычества, порождало въ ней и гордую ея независимость, и философское безкорыстiе, и безразсудную расточительность. Она хотѣла, чтобъ вся Сирiя говорила о Ситѣ (*Ея Благополучiи*, прозванiе, данное ей народомъ), о ея великодушiи, могуществѣ и благотворномъ влiянiи. Это возлекло ея въ безразсудныя издержки.

Она раздавала милостыню, — говорить биографъ ея, — съ расточительностью древнихъ царей Востока. Случалось ли ей видѣть хижины какого-нибудь бѣдняка, разрушенную пожаромъ или грозой, — она тотчасъ посылала каменщиковъ и плотниковъ для возобновленiя ея; если какое-нибудь семейство впадало въ бѣдность, она щедро снабжала его готовыми платьемъ, мѣбелью, верблюдами и мулами, навьюченными хлѣбомъ. По-этому, она постоянно имѣла огромный запасъ, не денегъ, — ихъ почти никогда у ней не было, — но разнаго рода провизiи, платья, домашней утвари, всего наковецъ, что составляетъ первыя потребности человека. Въ ея обширныхъ подвалахъ гнили кучи постелей, одѣялъ, ковровъ; вино прокисало, и полевые орудiя покрывались ржавчиною; цѣлыя стопы бумаги, съѣденной червями и проникнутыя влажностью, пропадали даромъ. То же самое было со свѣчами и ромомъ, миндалемъ, медомъ и сыромъ; также съ мѣбелью, которой нѣгдѣ было ставить: моль и крысы пользовались ею. Случалось иногда, что, вошедъ въ какую-нибудь кладовую, куда въ-продолженiе двухъ или трехъ лѣтъ не входила нога человѣческая, находили одну только гниль, порчу и жалкие остатки огромныхъ запасовъ.

Когда люди Эстери дѣлали въ этомъ отношенiи какiя-либо замѣчанiя, она отвѣчала на нихъ съ глубочайшимъ презрѣнiемъ.

«Все это», говорила она: «не стоить ни одной моей мысли. Если Богу угодно, чтобъ я вновь запаслась, то Онъ пошлетъ мнѣ деньги; а если не

пошлетъ, то значить, эта потеря произошла по Его святой волѣ. Еслибъ мнѣ пришлось жить въ какой-нибудь бѣдной хижинѣ и прикрываться отъ холода локотьями, такъ этой бѣдности я не протѣнала бы на роскошь лорда Гросвенора, герцога левинштресскаго, или герцога Боккингема. Они не властны надъ собою: стало-быть, къ чему служить имъ всѣ сокровища? Я видѣла, какой шумъ подымали эти драги и какъ они почти плакали, потерявъ какое-нибудь кольцо — не потому, говорили они, чтобъ имъ было жаль десяти гилей, которыхъ стоить это кольцо, а потому что имъ неприятна всякая мысль о потерѣ.»

Впрочемъ, эта щедрость во многихъ случаяхъ изобличала въ леди Эстери желанiе выказать себя; расточая золото деревнямъ, скитавшимся шайкаемъ, она была жестока и скуда для крестьянъ, которые работали на нее. Также и въ своихъ подаркахъ она считывала не на пользу, которую они принесутъ благодѣтельному, а на дѣйствию, которое произведетъ слухъ объ этихъ подаркахъ.

Какъ бы то ни было, но она разоралась, что часто случается съ людьми, испущими ложнаго величiя и для гордости которыхъ малѣйшая бережливость, малѣйшая расчетливость тагостны. Услуживые друзья ея, Жиды, одолажили деньги по тридцати и тридцати-пяти процентовъ, и безсовѣстно пользовались тѣми выгодами, какiя доставляли имъ неаккуратный платежъ ея: по праву терпѣливыхъ заемщателей, они выманывали у ней разные подарки, которые въ сложности превышали, можетъ-быть, вдвое тѣ суммы, какiя они давали ей въ займы. Пенсiона англiйскаго правительства едва доставало на уплату процентовъ и пророчекъ. Гордый духъ ея не могъ не страдать глубоко, когда обнаружилась ненавѣжливая послѣдствiя подобнаго поведенiя, когда стали выдѣлаться настойчивыя заемщавцы, когда нужно было унижаться, чтобъ выпросить новой отсрочки, а потому, по-временамъ.

леди Эстеръ была сильно озабочена; и хотя душа ея, отъ природы склонная къ иллюзіямъ, бодро боролась съ подавляшею ее существованностью,—говорить докторъ М***, —однакожь на нее находили часы унынія, жгучаго раскаянія, въ которые всякое сопротивленіе было тщетно; часы скорби, когда самое даже сердце ея, казалось, нынвало. Она была честолюбива, и ея честолюбіе было подавлено; она любила властвовать независимо, безъ отчета и сопротивленія, и чувствовала, что выѣстъ съ богатствомъ явилась и того могущественнаго талисмана, который заставляеть людей набрасывать на себя оковы, столь противныя ихъ природному инстинкту. Но ее все еще увлекала обычная щедрость; въ ней еще оставались расточительныя наклонности. Чтобъ оправдать себя хотя нѣсколько въ собственныхъ глазахъ своихъ, она принуждена была уносить мыслью въ какую-то идеальную будущность могущества и богатства. Жизнь ея распалась на двѣ части: одна проходила въ составленіи мечтательныхъ замысловъ, а вторая въ изобрѣтеніи уловокъ, которыми она силалась прикрыть свою настоящую бѣдность. Вездѣ и во всемъ у нея былъ заиѣтней смѣшной контрастъ, который она и сама создала. Въ этомъ дворцѣ, гдѣ все излишнее въ такомъ изобиліи, по большой-части не доставало необходимаго; къ-тому жъ беззаботность слугъ въ этомъ отношеніи не позволила скрывать поразительной несообразности. Нерѣдко можно было видѣть, что сирійская невольница черпала помойникомъ воду изъ мраморнаго бассейна, или несла чайникъ, держа его за носозъ, потому-что ручка была отбита.

Легко можно понять, что въ этомъ странномъ домѣ европейскимъ посѣтителемъ были не очень-рады. Леди Эстеръ часто отказывалась принимать ихъ, особенно когда впала въ совершенную бѣдность. Однако она не всегда выѣла столько твердости, чтобъ защититься отъ ихъ настойчивости, столь

лестной для ея самолюбія. Къ-тому же, не смотря на глубокое презрѣніе къ книгамъ и творцамъ ихъ, она сильно заботилась о томъ, чтобъ про нее писали. Подобныя несообразности безпрестанно встрѣчаются въ этой женщинѣ. Наконецъ, она болѣе, нежели кто-либо, ощущала потребность говорить: говорить—значило для нея жить. По недостатку другаго собесѣдника, она призывала доктора М***; насѣждалась надъ его кроткимъ правомъ, глубокомысленной физиономіей и благоразумными совѣтами, но была довольна тѣмъ, что опъ внимательно и молча слушалъ ея безконечныя бредни, ея воспоминанія, болѣе или менѣе невѣрныя, и рассказы о необыкновенныхъ свидѣніяхъ, которые, по-видимому, разстроенное воображеніе ея сочиняло съ большою легкостью.

Когда князь Пюклеръ-Мюскау добивался чести быть допущеннымъ въ Дар-Джунъ, она долго не рѣшалась исполнить его желаніе, боясь, чтобъ онъ не разгласилъ о той нищетѣ, до какой она мало-по-малу достигла.

— Но его книга, докторъ, его книга! восклицала она. — Я непременно должна съ нимъ видѣться, хотя бы только для того, чтобъ помѣшать ему писать въсь и въкривъ все, что придетъ ему въ голову. Притомъ же, не жестоко ли чувствовать себя здѣсь всѣми забытой и никогда не видать друга, который бы пришелъ навѣстить меня въ моемъ удивленіи? Гдѣ то время, когда самъ герцогъ Боккингемъ, услышавъ, что я приказываю подать зеркало, бросался опрометью, и считалъ за счастье предупредить лака и услужить мнѣ?.. А теперь!..

Исторія этого посѣщенія чрезвычайна-забавна. Съ княземъ было множество слугъ и двѣ невольницы-фаворитки, одна абиссинская негритянка, другая тоже Африканка, дѣтъ пятнадцати, которыя всюду за нимъ слѣдовали. Онъ сперва представился одинъ, боясь нарушить этикетъ, привелъ съ собою любовницъ къ такой знатной дамѣ, какъ леди Эстеръ. Онъ освѣдо-

мился на-счетъ этого у доктора, который уже прежде переговорилъ съ своею владѣтельницей замка.

Забывъ европейскіе предрассудки и приравливая свои нравственныя идеи къ обстоятельствамъ, она не нашла ничего неприличнаго въ этомъ странномъ посѣщеніи.

— Въ нашей странѣ, присовокупила она, ни одно важное лицо не путешествуетъ безъ гарема, если только этому не препятствуютъ обстоятельства: въ глазахъ мусульманъ, князь нисколько не унижаетъ своего достоинства подобнымъ поведеніемъ, слѣдовательно, я не вижу, отъ-чего мое достоинство могло бы пострадать отъ такой же терпимости, какую они обнаруживаютъ въ этомъ случаѣ.

Въ-самомъ-дѣлѣ, слуги леди Эстерь нисколько этому не удивились. Они смотрѣли на невольницъ, какъ на необходимую принадлежность свиты всякаго дворянина, и говорили о княжеской *шаріахъ*, — *шаріахъ* значитъ наложница, — такъ же спокойно, какъ бы о его супругѣ. Название *шаріахъ* не заключаетъ въ себѣ ничего презрительнаго. По-этому, черная фаворитка нѣмецкаго князя была принята съ тайнымъ радушіемъ, такъ почтительно, какъ-будто-бы она была законная жена его, считавшая въ своемъ родѣ тридцать-два дворянскія поколѣнія.

Мабооби (то-есть *Любовь*) было не болѣе семнадцати лѣтъ; тѣло у ней было бронзоваго цвѣта, съ золотистымъ отливомъ, черты совершенно - правильныя, и вообще ее можно было назвать красавицей. Ея ненадежное, хоть временно-блестательное положеніе, казалось, не ослабляло ея, и самая безнадежная тоска выражалась въ неподвижныхъ чертахъ лица ея. Докторъ М***, которому леди Эстерь поручила отнести къ князю капли, ею самой составленныя — еще одна манія, слѣдствіе удивленія — засталъ его на диванѣ, на концѣ котораго сидѣла Мабооби, по-прежнему печальная и унылая. Пока Европейцы разговаривали между собою, она засну-

тая въ ичогланскій костюмъ, и сидѣвшая сперва на корточкахъ въ углу комнаты, подошла и тоже легла на диванъ, воелъ своей пріятельницы, но только сообразно съ обычаемъ, почти общимъ на Востокъ, въ противоположномъ направленіи, то-есть головою къ ея ногамъ. Группа этихъ молодыхъ дѣвушекъ составляла картину, достойную кисти Уильяма.

Князь не посовѣстился польстить наклонностямъ своей знаменитой хозяйки и заслужилъ полное ея уваженіе. Въ этомъ отношеніи, онъ былъ счастливецъ Ламартина, къ которому леди Эстерь питала всегда очень-умѣренный восторгъ. Его нѣмецкое сіятельство угождалъ ей особенно тѣмъ, что посвятилъ ее въ тайны полнѣеюема нѣкоторыхъ писателей, между которыми Гёте былъ самый великій, а Генрихъ Гейне самый новѣйшій; этихъ онъ открылъ ей новый источникъ странныхъ вѣрваній. Сверхъ того, онъ раздѣлялъ ея неудовольствія противъ Англіи и выказывалъ себя, подобно ей, восторженнымъ адептомъ всемірной филантропіи. Она любила смѣсь самыхъ разнородныхъ трудовъ и то сбивала масло, то занималась сочиненіемъ политическихъ теорій, то разбирала выгоды какого-нибудь пащалыка, а вслѣдъ за тѣмъ готовила лекарство для больной лошади, то углублялась въ разысканія какого-нибудь алхимика, то красила переланки для горничныхъ; а потому и князь, послѣ бесѣды о философіи, политикѣ, мистицизмѣ, старался доказать ей, что онъ самъ обращаетъ немалое вниманіе на изящный покрой своего платья. Когда онъ разстался съ нею, послѣ перваго своего визита, леди Эстерь разсыпалась въ похвалахъ на-счетъ его милой наружности, величественной осанки, прекраснаго цвѣта лица и вкуса, съ которыми онъ былъ одѣтъ. По поводу этого послѣдняго замѣчанія, она обвиняетъ портныхъ англійской арміи въ томъ, что они кроютъ такимъ образомъ, что шовъ рукава всегда приходится на самомъ изгибѣ руки.

— Какъ же они хотятъ, присовокупляетъ она:—чтобъ въ такомъ нарядѣ человекъ могъ имѣть грацію и развязность?

За этия слѣдуетъ длинное разсужденіе на-счетъ одежды французскихъ солдатъ, тоже откратительной по слову ея, но въ меньшей степени:

• У насъ же, напротивъ • прибавила она: • никакого искусства, никакой оригинальности. Замѣтили ли вы, что князь очень-хорошъ? •

Человѣческая физиономія была для леди Эстери книгою, въ которой она, по собственному убѣжденію, умѣла читать лучше, нежели кто-либо. Вотъ нѣсколько отрывковъ изъ ея теоріи:

• Морщины вокругъ рта и глазъ — дурные знаки; брови, которыя обрисовываютъ полукругъ или срастаются между собою, равно какъ и слишкомъ-прямыя и густыя, служатъ неблагопріятнымъ признакомъ; самыя лучшія тѣ, которыя склоняются въ ровномъ разстояніи къ линіи носа и образуютъ какъ бы арки. Продолговатые и очень-открытые глаза, которые во время смѣха сверкаютъ, не образуя на дубника морщинъ, означаютъ въ одно время и несчастную судьбу и большую двуличность въ характерѣ. Глаза, оконечности которыхъ идутъ вверхъ, исполнены жизни. Глаза нервные и живые, лобъ низкій и плоскій—опасны.

• Замѣйте • присовокупляетъ она: • что я не говорю о тѣхъ морщинахъ, которыя гѣта производятъ на лицѣ человека, но о морщинахъ натуральныхъ, равныхъ; такія морщины мы видимъ даже на лицѣ шестилѣтняго или семилѣтняго ребенка, когда онъ плачетъ или улыбается.

• Степень ноги должна быть съ подъемомъ; впрочемъ, неуклюжая нога ни у мужчвы, ни у женщвы, не служитъ еще доказательствомъ дурныхъ наклонностей. Тяжкая походка, при шаркиваньи и притопываньи, отъ котораго подымается пыль кругомъ — рѣшительно дурные признаки; то же самое можно сказать о жилистой, ши-

рокой и короткой (stumpy) рукѣ. Слишкомъ-бѣлый цвѣтъ тѣла ничего не доказываетъ; гораздо-предпочтительнѣе блѣдно-желтоватый, лишь-бы только на рукахъ и кистяхъ хорошо рисовались жилы. Голосъ рѣзкій и фальшивый, пальцы кривые и неловкіе, дурные зубы, нечистый языкъ, неприятный запахъ, должны считаться не только доказательствомъ дурныхъ наклонностей, но и вѣрнымъ знакомъ того, что такого человека должно опасаться... •

Она вѣрила, какъ мы уже прежде замѣтили, въліявію звѣздъ.

• Каждая звѣзда • говорила она: • управляетъ двумя воздушными существами, двумя животными, двумя деревьями, двумя цвѣтами, въ которыхъ, подъ этимъ общимъ вліяніемъ, существуетъ одинакая симпатія и антипатія. У брата моего Чарльза дѣлалась тошнота, когда онъ съѣдалъ двѣ или три земляники. Другіе люди, рожденные подъ одной съ нимъ звѣздой, должны чувствовать такое же отвращеніе къ земляникѣ, но только въ меньшей степени. Это происходитъ отъ - того, что его звѣзда была чище ихъ звѣзды. Нѣкоторые чувствуютъ такое же влеченіе къ извѣстнымъ цвѣтамъ, какъ кошки къ валерьянѣ, возлѣ которой онѣ любятъ садиться и мурлыкать.

• Можно родиться подъ многими звѣздами; можно родиться подъ доброй звѣздой, но которая, будучи повреждена, не произведетъ никакого счастливаго результата.

• Я имѣю много общаго съ Питтомъ • присовокупляетъ она. • Онъ мнѣ иногда говаривалъ: «шаги этого лакея неприятны для моего слуха, я не могу оставить его у себя; отошлите его въ городъ или въ Пѣтней». Антипатія звѣздъ... дѣдъ мой также ощущалъ ее. Когда, на-примѣръ, онъ бывалъ боленъ, то никого не терпѣлъ подлѣ себя, кромѣ леди Чатамъ и ключницы, которая нѣкогда бывала въ свѣтѣ; онъ отправлялъ на это время всѣхъ своихъ дѣтей въ Лейн - Регисъ, и даже старій наставникъ его, Уильсонъ, дол-

женъ былъ на это время отлучаться изъ дома. Прежде я не понимала причины этого; но въ послѣдствіи угадала. Дѣдъ родился подъ созвѣдіемъ Марса и Венеры; леди Чатамъ и та другая женщина, о которой я говорила, родились подъ созвѣдіемъ Венеры, хотя и въ разныхъ домахъ.

Обращаясь потомъ къ самой-себѣ, она рассказываетъ о своей антипатіи къ одному французскому повару, служившему у ней. Его нельзя было упрекнуть въ незнаніи своего дѣла, но все, что онъ готовилъ, казалось ей горькимъ и вреднымъ для здоровья. Она призывала его и бросала ему кушанье въ лицо. Миссъ Уильямсъ, молодая Англичанка, внушала ей такое же отвращеніе.

Ея звѣзда до того была противна жойш, что я терпѣть не могла этой дѣвушки при себѣ, когда чувствовала себя хоть нѣсколько-нездоровою. Часто при ея приближеніи испарина у меня становилась холодною какъ ледъ. А между-тѣмъ, она была одарена многими прекрасными качествами и питала ко мнѣ искреннюю привязанность, которую я всегда умѣла цѣнить; но я невольно должна была отстранять ее отъ себя.

«Симпатія, существующая у людей, родившихся подъ однимъ созвѣдіемъ, производитъ иногда изумительные результаты. Не смотря на дальнее разстояніе, вы невольно сочувствуете людямъ, поставленнымъ съ вами подъ одно созвѣдіе; вы невольно раздѣляете ихъ горести и радости. Въ самую минуту кончины герцога Йоркскаго, я почувствовала, какъ на тѣлѣ моемъ выступилъ холодный потъ, мнѣ сдѣлалось невыразимо-грустно, и тогда же я сказала миссъ Уильямсъ: «Я увѣрена, что теперь умираетъ кто-нибудь изъ моихъ друзей.» Я попросила ее замѣтить эти слова, хотя сама не придавала имъ еще большой важности. Нѣсколько времени спустя, миссъ Уильямсъ, убирая на столѣ журналы, сказала мнѣ: «Какъ странно! день и часть, когда вамъ сдѣлалось такъ гру-

ство безъ особенной причины, въ точности соотвѣтствуютъ дню и часу смерти герцога Йоркскаго... «Что жь, докторъ? развѣ это не необыкновенно?»

Такъ-какъ докторъ, болѣе удивленный, чѣмъ убѣжденный, не принималъ слишкомъ - живаго участія въ этомъ извѣстіи, то всныдъчая леди Эстеръ вскричала:

«Боже великій! какъ вы мало беречете свое да-а-а! какъ-будто вы подозрѣваете меня во лжи!.. Я въ жизнь свою не видала такой леди!»

Во всемъ, она искренно замѣтила существенность совершенно хищническихъ видѣній. Такимъ-образомъ, она воображала, что леди ея, уваженіе къ памяти котораго дошло у ней до обожанія, въ числѣ своихъ предковъ считалъ и Арабовъ. Такимъ-образомъ, она хвалилась, что леди, и даже животныя, по голосу узнавали въ ней внуку Чатама, и между прочими одна женщина-шпионъ, которую великій министръ отправилъ въ Америку, во время войны за независимость, и которая подъ видомъ любовныхъ писемъ присылала къ нему подробныя донесенія.

Это воспоминаніе пробудило въ ней другое: она открыла доктору, что лучшіе шпионы Бонапарте въ Лондонѣ были два парикмахера.

«Парикмахеръ» говоритъ она рѣдко бываетъ человекъ безъ ума: такъ точно, какъ и поваръ, который необходимо долженъ собственнымъ умомъ научиться разнообразить правила своего искусства.»

Этотъ свисходительный образъ возврѣнія объясняется притязаніемъ, какое имѣла леди Эстеръ на то, что любила отдавать справедливость каждому, какъ самому ничтожному человеку, такъ и самому знатному, хорошему и дурному.

«Да, говорила она, я женщина съ характеромъ; иначе не устояла бы противъ лести, какою меня, бывало, осыпали при жизни леди. Я осталась предъ нею столь же спокойною и холодною, какою вы видите меня те-

терь... Кто воображаетъ, что онъ лучше или ученѣе меня, тотъ весьма ошибается. У меня необыкновенная способность все понимать. Не удивительно ли, что я знаю толкъ въ кухонномъ искусствѣ, между-тѣмъ, какъ меня часто бѣдили, когда заставляли разговаривающею со слугою? Меня воспитывали не для того, чтобъ управлять сохой, или быть наменьщикомъ, кузнецомъ, столяромъ или садовникомъ, а между-тѣмъ, я хорошо знакома со всѣми этими ремеслами.

Она говорила почти правду; все вокругъ нея дѣлалось не иначе, какъ по ея распоряженію. Не позволяя никому дѣйствовать по произволу, она сама смотрѣла за печеніемъ хлѣбовъ, сама пришла бѣлье для двора и назначала каждому работу. Однажды садовникъ приказалъ ей сказать, что извѣстное ей поле уже достаточно вспахано, и что на немъ уже пора сѣять; сверхъ-того, онъ прибавилъ еще, что на этомъ полѣ нельзя посѣять ничего другаго, кромѣ бобовъ или латука. Эти послѣднія слова привели леди Эстеръ въ сильное негодованіе.

— Скажите садовнику, отвѣчала она, что если я ему приказываю пахать, то онъ долженъ повиноваться не разсуждая. Почему онъ знаетъ? быть-можетъ, я назначила это поле для его погребенія? быть-можетъ, я хочу, чтобъ онъ вырылъ на немъ для меня могилу? Очѣнь-дерзко съ его стороны стараться проникнуть тайну моей воли.

Палачъ не могъ быть лишнимъ для поддержанія подобнаго деспотизма, и эмиръ Беширъ съ удовольствіемъ одоужалъ леди Эстери своего палача. То былъ человекъ страшнаго наружності, который никогда не ходилъ безъ ужасныхъ принадлежностей своего званія: заостреннаго ятагана, влещей, цѣпей, желѣзнаго крюка и тому подобныхъ вещей, которыя онъ берегъ, чистилъ и дѣлалъ съ такою же заботливостію, съ какою дѣвди бережетъ свои клейноды.

Быть-можетъ, Гамаади, — такъ звали

этого человека — былъ палачъ только для вида, ибо мы не видимъ, чтобъ леди Эстеръ когда-либо прибѣгала къ страшнаго его помощи; но одна свирѣпая наружность его и два огромные кола, стоявшіе на-готовѣ передъ воротами замка, были достаточны для укрощенія самыхъ непокорныхъ невольниковъ.

Докторъ находилъ всѣ эти снаряды довольно-предосудительными. Но всѣ его замѣчанія на этотъ счетъ, хотя и основанныя на благоразумной филантропіи, нисколько не поколебали убѣжденія царицы тадморской. Убѣдившись, что на Востокѣ презирають того, кого не боятся, она подтверждала свои разсужденія множествомъ любопытныхъ анекдотовъ, героями которыхъ были эмиръ Беширъ, палачъ его Гамаади, и драгоманъ Логмаги. Всѣ эти анекдоты вели къ тому заключенію, что наказаніе плетями, пытка и даже смертная казнь, употребленныя встаті, одиѣ только и могли укротить звѣрскій и мятежный нравъ мусульманъ. Она приводила къ примѣру, не слишкомъ порицая ихъ, первическіе припадки Мустафы-Шаши, который, для успокоенія своего, и въ видѣ антиспазматическаго средства, приказывалъ отсѣкать голову которому-либо изъ своихъ плѣнныхъ; послѣ чего, совершенно оправившись, онъ завтракалъ, выкуривалъ двѣ-три трубки, и восхищалъ весь гаремъ веселымъ расположеніемъ духа.

Хотя леди Эстеръ не дошла еще до этой степени звѣрскаго хладнокровія, однако старалась стать въ-уровень съ кровожадными людьми, съ которыми всегда была вступитъ въ открытую вражду, съ истинно-примѣчательною смѣлостію. Одинъ посолъ эмира счелъ приличнымъ сложить съ себя у воротъ замка саблю и пистолеты, которыми былъ вооруженъ. Леди Эстеръ, узнавъ объ этомъ отъ одной изъ своихъ служанокъ, приказала сказать посланному, чтобъ онъ оставилъ оружіе при себѣ, и когда тотъ явился къ ней, сказала: «Не-уже-ли ты ду-

наешь, что я боюсь тебя, или твоего господина? Я столько же забочусь о его оружій и лдѣ, какъ о сухомъ финикѣ. Скажи это ему отъ меня. Я не знаю страха. Если ужъ кому-нибудь должно бояться, такъ скорѣе ему и его слугамъ. Скажи также эмиру Калнзу (эмиръ Калнъ, сынъ Бешира), что если онъ когда-нибудь осмѣлится переступить черезъ порогъ этого дома, то умреть отъ моей руки. Отъ моей руки, слышишь ли? Я не вею его разстрѣливать своими людьми, а сама заколю его... сама... да, сама!»

Бѣднякъ, передъ которымъ были произнесены эти угрозы, дрожалъ всѣмъ тѣломъ, будучи какъ-бы очарованъ взоромъ страшной женщины. Возвратясь домой, онъ въ точности передалъ эмиру всѣ слова ея. Эмиръ выслушалъ ихъ въ глубокомъ молчаніи, выпустилъ изо рта струю табачнаго дыма, всталъ и ушелъ въ садъ.

Предположивъ, что эта исторія справедлива, что, впрочемъ, не доказано, можно различнымъ образомъ объяснить излишнюю терпимость друскаго эмира. Ему было запрещено предпринимать что-либо противъ леди Эстери, которую не преминули бы защитить европейскіе консулы, хотя она и ихъ часто выводила изъ терпѣнія.

Сверхъ того, у ней было много друзей, и въ добавокъ ее считали волшебницей; три уважительныя причины, по которымъ ей позволяли предаваться порывамъ врожденной строптивости; впрочемъ смѣшно было бы обращать слишкомъ-строгое вниманіе на эти безразсудства.

Докторъ М^{***} не сдѣлалъ за ежедневнымъ ходомъ этого необычайнаго существованія, историкомъ котораго онъ сдѣлался. Разставшись въ первый разъ съ леди Эстерью, онъ опять увидѣлся съ нею черезъ годъ или два; но замѣтивъ, что она болѣе-и-болѣе увлекается предрассудками Востока, пещадившими и медицины, онъ не захотѣлъ долѣе оставаться съ нею. Однакожь, въ 1829 году, по прошествіи долгаго времени, онъ снова возвратился къ ней, не смо-

тря на то, что былъ женатъ, и съ тѣхъ-поръ долго не покидалъ ея. Часто онъ имѣлъ причины жаловаться на нее, и особенно расказываться въ томъ, что привелъ въ ея домъ женщину, идеи которой были гораздо-основательнѣе и которую леди Эстеръ возненавидѣла отъ всей души. Не смотря на то, онъ не могъ разлучиться съ своей странной покровительницей до тѣхъ-поръ, пока она сама, находясь въ величайшей крайности, не вынуждена была отказаться ему.

Но прежде того, онъ присутствовалъ при долговременной и мучительной агоніи. Болѣзнь легкихъ сдѣлала крѣпкую натуру этой женщины, уже прежде обезсилепную горячкою мысли, терзаніями гордости, заботами и униженіями бѣдности. Это послѣднее слово слабо выражаетъ то бѣдственное состояніе леди Эстери, которое терзало ее въ послѣдніе годы жизни. Нѣкто Маалемъ Гомзи, одолжившій ей незначительныя суммы, которыя отъ процентовъ увеличились до невѣроятности, не получая никакой уплаты, обратился съ просьбою къ англійскому правительству. Лордъ Пальмерстонъ, поступая съ леди Эстерью, какъ съ Бруммедемъ, прекратилъ выдачу пенсіона и назначилъ его на уплату долга. Такое распоряженіе показалось оскорбительнымъ племянникѣ Питта, и въ отомщеніе за эту обиду, она написала къ лорду такое письмо, котораго разсчитанная дерзость была равносильна добровольному отказу отъ всякаго дальнѣйшаго вспомошествованія. Благородно и великодушно было бы не обратитъ вниманія на нѣкоторые оскорбительныя слова, вырвавшіяся въ первую минуту гнѣва у женщины, умъ которой былъ уже нѣсколько разстроены. Но лорду показалось выгоднымъ поимать ее на словѣ. Она была вычеркнута изъ списка получавшихъ пенсіонъ и доведена до необходимости жить нѣкоторыми скудными, жалкими наслѣдствами, которыхъ далеко не доставало на ея потребности.

Не было никакой возможности уплатить долговъ ей, и внука Чатама, парица тадморская, сдѣлалась несостоятельною передъ сирійскими Жилами.

Она могла бы продать довольно-выгодно двухъ таинственныхъ кобылицъ; но такъ-какъ она столь долгое время назначала ихъ для какого-то героическаго подвига, то не желала, чтобъ онѣ были осквернены и поручила палачу убить ихъ, приказавъ по возможности стараться избавить ихъ отъ предсмертныхъ мукъ.

— Убей ихъ, говорила она: — среди большаго двора, и если можно, однимъ ударомъ палаша; но прежде скажи каждой слѣдующія слова: «Ваша госпожа любитъ васъ; она не хочетъ, чтобъ вы гибли въ ея дворцѣ отъ голода и недосмотра.»

Послѣ этой жертвы, она отпустила отъ себя палача. Наемные слуги, которыхъ докторъ М*** уплатилъ жалованье, ушли одинъ за другимъ. Изъ всей многочисленной дворни, у ней остались только двое дѣтей, водовозъ, садовникъ и двѣ горничныя. Распорядившись такимъ-образомъ, она рѣшилась еще болѣе отдѣлится отъ свѣта, приказавъ закрывать всѣ выходы въ своемъ замкѣ, и остаться въ этой замурованной темницѣ въ-ожиданіи той минуты, когда Господу угодно будетъ сжалиться надъ нею и призвать ее къ себѣ. Являясь каменщички; всѣ ворота были заложены; осталась одна небольшая калитка, куда только-что могъ войти осель, на которомъ возили ей воду. Во время этого преждевременнаго погребенія, несчастная женщина была снѣдаема невыразимыми страданіями. Ужасный кашель мучилъ ее и предвѣщалъ близкую кончину. Но она все еще надѣялась. По мнѣнію ея, тотъ день былъ близокъ, когда враги ея будутъ побѣждены султаномъ; тогда она надѣялась заплатить свои долги, потому-что должна была получать 25,000 фунтовъ стерлинговъ дохода.

— И вы увидите, продолжала она: — вы увидите, докторъ, что всѣ эти

люди, которые теперь пренебрегаютъ мною, презираютъ меня, будутъ униженно цаловать пыль бабушъ моихъ.

Эти самыя мысли встрѣчаются въ письмахъ ея къ доктору М***, послѣ разлуки съ ямъ, но уже въ иной, трогательной формѣ. Изъ этого письма можно видѣть, какъ глубоко она была пропикнута идеями Востока и его поэзіей.

«Одинъ изъ моихъ друзей» писала она: «молодой сеидъ, рассказывалъ мнѣ, что, путешествуя однажды по пустынямъ Акры, онъ услышалъ эхостранныхъ звуковъ. Прислушавшись, онъ пошелъ къ тому мѣсту, откуда слышались звуки. Съ большимъ удивленіемъ увидѣлъ онъ, въ углубленіи скалы, стараго, слѣпаго орла, съ котораго осыпались всѣ перья. Красная птица (choucas), сидѣла на немъ и кормила его. Не-уже-ли Всевышній, столь милосердо заботящійся о судьбѣ слѣпаго орла, оставить меня? Что же касается до *шукаса*, то онъ имѣетъ полное право презирать неблагодарныхъ моихъ соотечественниковъ.»

«Глаза мои очень-слабы, и за это письмо, быть-можетъ, я заплачу нѣсколькими днями страданій. Не смотря на то, я не могу скрыть отъ васъ, какъ раскаяваюсь въ томъ, что, привязавъ васъ къ себѣ, повредила вашему положенію въ этомъ мірѣ. Но если Господь поможетъ мнѣ, то я васъ не забуду. Не заботьтесь обо мнѣ, и въ утѣшеніе думайте иногда о слѣпомъ орлѣ.»

«Со-временемъ» писала она къ доктору, препровождая къ нему нѣсколько статей для журналовъ: «со-временемъ я сочиню манифестъ, который откроетъ глаза всему міру.»

О послѣднихъ минутахъ этой женщины, употребившей всѣ усилія, чтобъ обратить на себя вниманіе, ничего неизвѣстно. Осенью и зимою (1838 г.), она нѣсколько разъ писала доктору, прося его о присылкѣ разныхъ мелочей, глиняныхъ вещей, очковъ и т. п. Въ этихъ письмахъ она постоянно жалуется на своихъ слугъ

за них глѣность и мелочныя поправки: Фагуна дерзка; Зезефуна, по-прежнему мелочная, все портила и терзала.

Друзы возмущались; но политическое волненіе не проникло на этотъ разъ въ плотно-запертый замокъ Дар-Джунъ. Царица тадморская была такъ близка къ своей кончинѣ, что не могла принимать участіе въ этомъ мятежѣ, котораго, въ продолженіи года, была самымъ дѣятельнымъ агентомъ. Ея послѣднее письмо было писано въ маѣ, а въ теченіи іюня она скончалась, тщательно скрывая отъ окружающихъ ее страшныя муки болѣзни, ее мучившей. Ни одного Европейца не было у смертнаго одра ея; Итальянецъ, ея повѣренный, вѣривъ изъ Ливорно, не засталъ ея уже въ живыхъ и далъ знать въ Бейрутъ о ея смерти. Англіійскій консулъ этого города, г. Муре, и америкаискій миссіонеръ, случившійся тамъ въ это время, отправились въ Дар-Джунъ, чтобы присутствовать при погребеніи леди Эстери Стѣнгопъ. Она была погребена въ саду замка, подъ тѣмъ же камнемъ, подъ которымъ было сокрыто тѣло ея любимица, Лустовдъ.

Въ то время носился слухъ, будто бы она ограблена и покинута своими слугами; но это было несправедливо, потому-что съ давнихъ поръ у ней не было ничего такого, что могло бы искусить даже этихъ бѣдняковъ.

Не смотря на все наше желаніе сообщить какъ-можно-болѣе вѣрности портрету, который мы рѣшились начертать, опасаясь, чтобы читатель не затруднился въ своемъ сужденіи насчетъ этой необъяснимой организаціи. Чтобы справедливо оцѣнить леди Эстеръ, должно помнить, что она была изъ той самой націи, изъ той самой касты, члены которой — тѣ странныя и скучающіе туристы, которыхъ мы встрѣчаемъ на *большихъ дорогахъ*. Саръ Эгертопъ Брайджъ, авторъ *Wathek*, лордъ Стеквудъ и множество другихъ лицъ, къ которымъ мы причисляли бы и лорда Байрона, еслибъ насъ не удерживало уваженіе къ его генію, могутъ

служить комментаріями, объясненіями своей эксцентрической съотчественности.

Дитя, избалованное отъ самаго рожденія, пріученное къ незаслуженному почтенію, пользуясь и увѣревая во ало богатство, которое окружаютъ его лѣстными рабами, мало-по-малу развращается. Оно принимаетъ за высшее предназначеніе заблужденія своихъ необузданныхъ прихотей; оно принимаетъ въ буквальный смыслъ слова рабоблудствующихъ существъ, которыя съ притворствомъ шокориюса мнимому превосходству избраннаго ума. Эти обманы, эта ложь придаютъ ея шагъ-за-шагомъ къ безумію. Оно теряетъ точное сознаніе того, что оно есть, что можетъ быть и къ чему стремится. Вы готовы назвать это существо шарлатаномъ, внимающимъ заблужденіямъ своего тщеславія. А между-тѣмъ, оно искренно: оно само обманывается; во-временамъ и сознается оно въ этомъ, но не имѣетъ силы разогнать чары, которыхъ, бываетъ игрушкой, часто добровольной. Прибавьте къ этой истинной болѣзненности раздражительность, аристократическую шекотливость и то внутреннее, таинственное состояніе, которое сопровождаетъ и называетъ глѣность, то отсутствіе твердаго ума, который безъ пощадъ преслѣдуетъ и отгоняетъ пустые парадоксы воображенія, — и вы разгадаете чудовищныя странности, которыя, появляясь по-временамъ, изумляютъ умы болѣе-здравые и болѣе-робіи. Ихъ странный блескъ можетъ соблазнить, и, въ-особенности, соблазняетъ молодыхъ людей, жаждущихъ поэзіи, которыхъ тяготятъ и утомяютъ тѣсныя условія жизни, односторонне пошлаго спокойствія. Они обещаются соблазнительною наружностью абсолютной независимости, насыщенныхъ страстей, удовлетворяющаго любопытства, величественной рачтливости. Они находятъ прекраснымъ бросать золото и проливать кровь, имѣть власть цезаря, — стоять выше законовъ, подобно Карлусу;

словомъ, испытать всѣ ощущенія позволительныя и непозволительныя, начиная отъ стати на верты по ильмову, до разврата, нарождающаго гнусную любовь Тиверіа или Геліогабала. Неопытна молодость — обманчиво воображеніе. Когда придуть гдѣ-то, унѣ разовьется и созрѣетъ, тогда мы холодаѣе разбираемъ отдѣльно каждый изъ этихъ безпорядочныхъ и пылкихъ типовъ, и находимъ въ нихъ столько же истиннаго величія, истиннаго счастья, столько же существеннаго превосходства и прочнаго вліянія; столько же внутреннего спокойствія и ясности душевной, сколько замѣтныя ихъ въ знаменитой, но несчастной пустыниці Горы - Ливанской, — съ тою еще разницею, что наши школьные Манереды не достигнутъ извѣстности и не имѣютъ дѣйствительно-высокаго ума ея. Однимъ словомъ, подобная жизнь достойна сожалѣнія; часто она снѣжна, но всегда и во всякомъ случаѣ несчастна.

*

ИДУСЯ НА АНШЕРОНСКОМЪ-ПОЛУОСТРОВѢ.

(Изъ путеваго журнала.)

Августъ 1852 года.

Расположенный на южной оконечности Россіи городъ Баку представляеть много предметовъ, достойныхъ колпаго и глубокаго вниманія туристовъ всѣхъ родовъ; но безъ великаго сомнѣнія, неугасимые огни — явленіе единственное въ своемъ родѣ, шримушественно привлекають къ себѣ взоры путешественника. Едва успѣли мы пріѣхать или приплыть, если вы находите это болѣе-удобнымъ, въ Баку, какъ со всѣхъ сторонъ носыпаются на насъ вопросы и увѣщанія: «Были

ли вы на неугасимыхъ огняхъ? да споро ли вы побѣдете? да это лучшая вещь въ нашемъ городѣ! Есть, правда, у насъ ханскій дворець, и еще что-то, да это все ничего!» И въ тотъ же вечеръ, если погода ясна, вамъ представляется огромное освѣщеніе на горизонтѣ, похожее на зарево отдаленнаго пожара; услужливый бакинскій вашъ знакомый, тотъ самый, который считаетъ себя за изгнаннаго дои-карлиста, тотчасъ же скажетъ вамъ: «вотъ наши неугасимые огни!»

По долгу путешественника и не желая подвергаться нареканіямъ бакинскихъ жителей, скорѣ послѣ моего пріѣзда, не смотря на то, что оставалось еще много внимательныхъ предметовъ въ городѣ незаслѣдованными, я отправился на *Атеши* (*) или огни (неугасимые). Дорога не дальняя, всего верстъ тринадцать, и поэтому можно совершить путешествіе съ комфортомъ, или безъ излишнихъ претензій. Для путешественниковъ съ комфортомъ найдутся въ городѣ пролетныя дрожки, или даже и коляска; для простыхъ путешественниковъ имѣются почтовые тележки, доведенныя здѣсь до мінімумъ своей величины, и неуминимыя верховыя лошади. Послѣдній всего удобнѣе.

Желая иполнѣе предаться сильнымъ ощущеніямъ и видѣть неугасимые огни въ совершенномъ ихъ величіи, я выѣхалъ изъ Баку вечеромъ въ девять часовъ на почтовой тележкѣ. Благодаря распоряженію бакинскаго коменданта, г. Каржинскаго, мнѣ данъ былъ въ перевозытые назаѣ, потому-что вѣрять себя опытности вѣдшихъ татарскихъ ямщиковъ по проселочнымъ дорогамъ и ночью не совѣмъ-благоразумно: можно извѣдать на опытѣ блестящее паденіе.

Дорога къ огнямъ идетъ каменистая, узкая, очень-дурная; на пути встрѣ-

(*) Слово персидское, множественное отъ *атешъ*, огонь, и употребляется собственно для означенія бакинскихъ неугасимыхъ огней.

чаются двѣ деревни мусульманскія: первая называется *Кешле*, съ весьма-обыкновенной мечетью; вторая, нѣсколько въ сторонѣ отъ дороги, называется *Сура-ханэ*. Жители ея промышляютъ пережиганіемъ извести на огняхъ и продажешу этого матеріала по всему уѣзду и даже далѣе. — Свѣтъ, постепенно увеличивавшійся, наконецъ раскрылся предо мною съ холма не въ дальнемъ разстояніи отъ огней: ночью, во мракѣ, видъ чрезвычайно-живописенъ. Картина является послѣдовательно: сначала видны только потоки огня изъ высокихъ трубъ индійскаго монастыря, а уже вблизи показываются и остальные огни, выходящіе изъ земли и оставленные своему произволу. Огненные струи различнаго свѣта выются по направленію вѣтра и представляютъ фантастическіе образы, безпрестанно-замѣняющіеся другими; по временамъ огненный ручей, унесенный порывомъ вихря, исчезаетъ, чтобъ снова явиться и больше и блистательнѣе. При заревѣ огней рисуется въ неопредѣленномъ размѣрѣ зданіе живущихъ здѣсь Индусовъ съ потоками пламени, развѣвающимися какъ огненные знамена изъ варочно-устроенныхъ трубъ. Не удивительно, что воображеніе восточныхъ народовъ, пораженное красотою и величіемъ этого зрѣлища, придало неугасимымъ огнямъ таинственную силу и сверхъестественное значеніе (*).

Огненные истоки разстѣяны по обѣимъ сторонамъ дороги, впрочемъ, въ недалемъ одинъ отъ другаго разсто-

яніи: при нихъ ихъ было съ одной стороны четырнадцать, а съ другой восемь (*). Мѣсто, откуда выходитъ огонь, закладено мелкими камнями, и пламя вьется уже между ними на высотѣ отъ одной до двухъ четвертей. Въ сѣверозападной сторонѣ находится довольно-глубокой сухой колодезь, для безопасности обведенный невысокою оградой. На двѣ этого кратера, описывающагося внизу подземельемъ, бѣгаютъ разноцвѣтные огоньки, но въ подземельѣ огонь по-видимому сильнѣе, обильнѣе и имѣетъ красноватый цвѣтъ. Ночью, этотъ кратеръ съ своими голубыми огоньками, пламеннымъ вихремъ и таинственнымъ подземельемъ привлекаетъ къ себѣ вниманіе болѣе, чѣмъ всѣ остальные огни: неохотно оставляешь его опасную ограду (**).

Отъ огней я спѣшилъ въ жилищѣ Индусовъ, составлявшихъ главную цѣль моей поѣздки. Здѣсь, я долженъ былъ рассмотреть вопросъ о вѣрованіи этихъ отшельниковъ, съ непонятнымъ для насъ умиротвореніемъ посвятившихъ жизнь свою таинственному обожанію огня. Остатокъ ли это персидскихъ огнепоклонниковъ (*Гесбровъ*, или, какъ они сами-себя называютъ, *Гебровъ*), подавленныхъ завоевательнымъ исламомъ и принесшихъ сюда остатки своей религіи, или это Индусы, пришедшіе съ береговъ Ганга за тѣмъ, чтобъ провести здѣсь жизнь свою въ безплодныхъ созерцаніяхъ предъ уважаемымъ началомъ огня?

Было уже поздно, почти полночь, и по-этому ученія изслѣдованія прихо-

(*) Ни Геродотъ, ни Плиній, ни Птоломей, ни Аммианъ Марцелинъ не говорятъ о неугасимыхъ бакинскихъ огняхъ; о нихъ упоминаетъ арабскій писатель Мас'уди (*Klaproth, Magazin Asiatique, p. 280*). Изъ новѣйшихъ писателей можно читать *Müller's Samml. Russ. Gesch. T. II. c. 136*; *Lerche's Leben und Reise-geschich. S. 60* и слѣд. *John Cook. Travels 11, 383*; *Hanway, Travels 1, 263*; *Gmelin. Reisen, III, 43* и слѣд. и особенно *Eichwald, Reise auf dem Kaspi-schen Meere.*

(*) Горѣніе образуется не изъ нефти, а изъ водороднаго газа. Подробное изложеніе о процессѣ горѣнія и о газѣ см. въ ученомъ твореніи г. Эйхвальда: *Reise auf dem Kaspi-schen Meere, T. I, S. 185—190*. О почти неугасимыхъ огняхъ см. *ibid. S. 220* и слѣд.

(**) Прежде, когда кратеръ не былъ обведенъ загородкою, въ леге начали появляться домашнія животныя и, разумѣется, немедленно погибали.

дилось отложить до разсвѣта. Въ ожиданіи интересной бесѣды съ огненными мудрецами, надобно провести ночь, какъ-возможно-пріятнѣе, поближе къ священному огню: нѣтъ ничего лучше, какъ ночевать въ самомъ зданіи, гдѣ помѣщаются Индусы. Это чисто-персидскій караван-сарай; если вы никогда не видали подобнаго рода зданій, то, при видѣ жилища вѣщившихъ Индусовъ, конечно, воображеніе ваше будетъ долго страдать надъ разрѣшеніемъ вопроса: какой архитектурѣ принадлежитъ эта постройка? Подобно всѣмъ персидскимъ караван-сараямъ, монастырь Индусовъ состоитъ изъ неправильнаго двора, обведеннаго со всѣхъ сторонъ рядомъ небольшихъ комнатъ, которыхъ двери обращены на дворъ, а снаружи зданія представляются однѣ голыя стѣны. Окна въ постройкахъ такого рода считаются совершенно-неприличною роскошью. Входъ на дворъ въ караван-сараяхъ, какъ и здѣсь, одинъ, посрединѣ которой-нибудь изъ четырехъ сторонъ: надъ входомъ строится еще этажъ, и называютъ это *бала-ханэ*, верхъ дома. Посрединѣ монастырскаго двора вѣщившихъ Индусовъ стоитъ небольшая четверугольная часовня съ открытыми со всѣхъ сторонъ входами, а по угламъ ея выведены трубы, изъ которыхъ выются неугасимые огни. Кромѣ того, въ самой часовнѣ виситъ колокольчикъ для богослуженія, которое едва-ли когда-нибудь совершается, — и течетъ по-видимому самая священная струя огня, потому-что при зажженіи ея Индусы звонятъ въ колокольчикъ (*).

Большинхъ усилій стоило мнѣ отвлечь отъ размышленій котораго-нибудь изъ мудрецовъ, чтобъ попасть внутрь строенія на почлегъ. Наконецъ, какой-то старецъ, окутанный въ одѣяло, молчаливо отперъ мнѣ ворота, погрѣлся немного у священнаго огня и

(* Струю огня тушатъ, когда она не нужна болѣе, закуривая отверстие, изъ котораго огонь стремится.

вскорѣ скрылся. Не желая никого беспокоить несвоевременнымъ любопытствомъ, я отправился прямо въ башню, или бала-ханэ, надъ входомъ въ маленькія комнаты, предназначенныя для любовательныхъ путешественниковъ, и для этой цѣли снабженныя окнами съ европейской прихотью — рамами безъ стеколъ. Помѣщеніе довольно-пріятное и удобное: прямо предъ глазами часовня и неугасимые огни. Вихрь, постоянно господствующій около огней, съ страшнымъ шумомъ летаетъ подлѣ самаго бала-ханэ и грозитъ раскидать все зданіе по камню, какъ-будто самая яростная осенняя буря стучитъ за окномъ. Этотъ ураганъ и живописная игра огней заставили меня бодрствовать далеко за полночь. Уже сонъ началъ смыкать глаза мои, какъ вдругъ грозное видѣніе на дворѣ вывело меня изъ дремоты: дверь одной изъ келлій отворилась, и высокое, сухое, уродливое привидѣніе, похожее на мертвеца, медленно подошло къ одному изъ священныхъ огней на дворѣ, присѣло на корточки и начало повидимому грѣться. Всего непріятнѣе было то, что это живое созданіе прогуливалось совершенно безъ платья: иссохшія формы являлись во всей своей отвратительности. Долго я смотрѣлъ на этого мудреца, можетъ-быть безпрерывнымъ созерцаніемъ дождашаго до начала началъ; наконецъ, утомленный, я склонился на скамьѣ и проснулся уже на другой день. Первый взглядъ на дворъ, — но привидѣніе исчезло; вездѣ пусто, и двери келлій затворены.

Я спустился внизъ и приступилъ къ обзорѣнью зданія. Надъ воротами входа, съ наружной стороны, находится розетка, а по бокамъ ея два льва, — всѣ три фигуры грубой работы. Не могу позволить себѣ никакихъ историческихъ догадокъ по поводу этихъ изображеній, тѣмъ болѣе, что все зданіе, очевидно, недавно выстроено (*); для

(* При Гмелнѣмъ оно еще не существовало.

любовытствующихъ прибавлю только то, что надъ башинскими крѣпостными воротами находятся грубыя изображенія бычьей головы и двухъ розеттъ, а по сторонамъ воротъ—фигуры двухъ львовъ. Баша-ханэ, или башня надъ воротами монастыря Индусовъ, имѣетъ отчасти-затѣйливую архитектуру, но и это также ни къ чему не ведетъ. Архитектура часовни довольно-проста; небольшія трубы по угламъ для огня окружаютъ бовобразный маленький куполь, у котораго стоитъ трузбецъ. Надъ входомъ въ часовню, противоположномъ баша-ханэ, находится санскритская надпись. Близъ часовни широта ама, величиною въ квадратную сажень, а глубиною въ полсажени, покрытая толстымъ камнемъ и содержащая всегда въ чистотѣ для священнаго обряда: на камень кладутъ Индусы своихъ покойниковъ и сожигаютъ неугасимымъ огнемъ. Кромѣ часовни, на дворѣ складено нѣсколько возвышенностей для огня, а для продовольствія обитателей устроенъ колодезь съ водой (*). Кругомъ двора идутъ келли, числомъ до двадцати; надъ дверни каждой находится по санскритской надписи (**), а надъ входомъ одной видна изуродованная персидская надпись какого-то имени съ 1168 годомъ по гджрѣ. Бѣдное, засохшее деревцо, символъ жизни индйскихъ отшельниковъ, произрастаетъ одиноко въ уголку двора.

Окончивъ обзорѣніе зданія, я приступилъ къ знакомству съ жителями его. Почти половина келлій необитаема; у остальныхъ двери были уже отворены. Какъ видно, келли не одинаковой величины и не одинаковаго распо-

женія. Отъ одного большаго и дряхлаго Индуса въ рубищѣ, давшаго мнѣ съобщить плачемъ очень-дурное понятіе объ остальныхъ отшельникахъ и неумѣнаго объясняться ни на одномъ языкѣ, кромѣ индустани, я отдался послѣднимъ пожертвованіемъ, чего собственно и желалъ; потому-что тотчасъ послѣ этого скрылся въ свою келлю. Заглянувъ въ сосѣднюю дверь, я увидѣлъ мое ночное привидѣніе, въ томъ же натуральномъ костюмѣ, въ какомъ видѣлъ его ночью, или лучше безъ всякаго костюма; мудрѣйшій изъ мудрыхъ лежалъ равнодушно на толченой извести или, можетъ-быть, и на мукѣ, выбѣившись съ ноги до головы въ матеріалъ своего ложа (*). Не надѣясь получить отъ него никакихъ объясненій и не желая прерывать его размышленія, я отправился къ другому товарищу его, который кое-какъ объяснилъ мнѣ, что мудрѣйшій изъ мудрыхъ не знаетъ ни по-турецки, ни по-персидски.

Мой новый знакомецъ въ наукѣ созерцанія, по-видимому, далеко отсталъ отъ своихъ товарищей: если на немъ и не было рубашки, то ео съ честію замѣнилъ ватированный бухарскій халатъ, а на головѣ, въ видѣ чалмы, былъ намотанъ кусокъ толстаго холста. Индйскій отшельникъ пригласилъ меня къ себѣ въ келлю: комната чистая, для созерцаній есть что-то въ родѣ постели и даже для бѣдной головы существуетъ подушка. Въ домашнемъ

(*) Въ брахманской религіи предписаны основанія (см. Manava-dharma-sastra. Lois de Manou, trad. du sansc., par Loiseleur Deslongchamps, p. 188.

(**) Буквы надписей по-видимому санскритскія, хотя и не могу опредѣлить какому роду принадлежать онѣ. Дурное начертаніе заставило меня отказаться отъ желанія скопировать ихъ.

(*) Очень-трудно повѣрить, до какой степени доходитъ нечестное изувѣство Индусовъ! Этотъ старикъ даже уже сдѣлалъ съ собою добровольно то же, что дѣлаютъ въ Верхнемъ-Египтѣ коптскіе священники съ мальчиками, назначаемыми для охраненія гаремовъ. Физическая неподвижность Индусовъ извѣстна пѣлому міру: Гмелинъ говоритъ, что одинъ Индусъ въ молитвенномъ положеніи оставался 20 лѣтъ; другой держалъ 7 лѣтъ руку вверхъ, такъ-что она наконецъ окостенѣла въ такомъ положеніи; третій 30 лѣтъ держалъ руки вверхъ и пр.

хозяйствѣ видно нѣсколько мѣдной посуды, а для обоженія стоитъ на возвышеніи коллекція маленькихъ идоловъ и, въ дополненіе, нѣсколько разноцветныхъ камней. Кромѣ того, есть въ комнатѣ два отверстія для огня, которыя отшельникъ тотчасъ же зажегъ для моего удовольствія безъ всякой просьбы съ моей стороны. Идолы разнаго роста и фигуры, но всѣ вообще невелики и принадлежатъ брахманской религіи; числомъ ихъ семь, а восьмой какъ двѣ капли воды похожъ на Купидова, особенно чистотою работы, чѣмъ онъ и отличается совершенно отъ остальныхъ своихъ собесѣдниковъ. Изъ моихъ многочисленныхъ вопросовъ Индусъ понялъ наконецъ то, что я желаю имѣть понятіе объ его религіи; лѣтливо взявъ онъ одну изъ лежащихъ раковинъ, потрубилъ въ нее, потомъ позвонилъ въ колокольчикъ, и боже уже ничего я не могъ отъ него узнать. Мимическая бесѣда наша кончилась тѣмъ, что хозяинъ мой поднесъ мнѣ въ другой раковинѣ (у него ихъ всего двѣ) воды для утоленія жажды, и потомъ напомнилъ мнѣ о правѣхъ восточнаго гостепріимства, обыкновенно оканчивающагося *бахшишемъ* (подаркомъ) со стороны гостя.

Утомленный безплоднымъ наблюденіемъ надъ индійскими отшельниками, я оставилъ монастырь и отправился обозрѣвать окрестности. Къ сѣверу отъ жилища Индусовъ, не въ дальнемъ разстояніи, въ полѣ, находится кладбище ихъ; могилъ немного; надъ каждою видѣнъ знакъ А. Надъ одною стоитъ простой памятникъ: внутри на гладкой землѣ лежитъ какой-то комокъ. Подлѣ кладбища Индусовъ находится довольно-глубокій колодезь, прикрытый камнями: на днѣ его видна вода, а сверху чувствуется теченіе газовъ. Сопровождавшій меня Индусъ тотчасъ же показалъ опытъ, котораго ради для забавы каждого путешественника: онъ закрылъ колодезь на нѣсколько секундъ пазасомъ (рогожею), потомъ быстро открылъ и бросилъ внутрь пучокъ зажженной соломѣ; Т. LXIII. — Отд. VIII.

немедленно раздался выстрѣлъ, похожій на залпъ изъ нѣсколькихъ орудіи. Утверждаютъ, что при сѣверномъ вѣтрѣ взрывъ бываетъ сильнѣе.

Обойдя еще разъ монастырь Индусовъ, я замѣтилъ, что изъ нѣкоторыхъ келлій выведены трубы для неугасимаго огня. Больше мнѣ нечего было дѣлать здѣсь, благодаря несловоохотливости индійскихъ отшельниковъ, и съ сокрушеннымъ сердцемъ оставилъ я жилище людей, приближившихся созерпательною жизнію къ состоянію животныхъ, а лѣтностью и бездѣйствіемъ доведенныхъ до крайней бѣдности. Не разрѣшивъ точнымъ образомъ своихъ сомнѣній о происхожденіи и религіи обитателей монастыря, я долженъ былъ возвратиться въ Баку и думать о новыхъ средствахъ къ достиженію опредѣленныхъ результатовъ.

Къ-счастью, въ моемъ ученюмъ отчаяніи принялъ участіе бакійскій уѣздовый начальникъ, К. И. Бученъ, и обѣщавъ рѣшить вопросъ окончательно, познакомивъ меня съ самымъ толковымъ изъ индійскихъ мудрецовъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, чрезъ нѣсколько дней, явился ко мнѣ Индусъ, въ возможно-благопристойномъ костюмѣ, и началъ со мною объясняться вполонину по-турецки, вполонину по-персидски. Изъ ломаныхъ турецко-персидскихъ фразъ мало-по-малу открылось, что всѣ эти мудрецы имѣютъ самое темное понятіе о своей религіи. Другой, явившійся въ-слѣдъ за первымъ отшельникомъ, вѣроятно, для подтвержденія назвѣстій своего товарища, только сбивалъ его съ толка, такъ-что наконецъ я долженъ былъ просить этого вреднаго комментатора помолчать. Тѣ, что рассказали мнѣ Индусъ въ таинственно-запутанныхъ фразахъ, я постараюсь передать здѣсь короче и безъ прибавленій несноснаго комментатора.

Всѣ живущіе въ монастырѣ мудрецы пришли изъ Индіи; самъ рассказчикъ родомъ изъ Лагора, другъ и комментаторъ его изъ Тенесара, третій изъ Качбуди, и т. д. Говорятъ они индійскимъ языкомъ (т. е. мидостанн);

а о вѣдскомъ и пиглеви до-силь-порѣ еще не слыжали. Писать умѣютъ только одинъ мой разскащикъ: остальные мудрецы пера не умѣютъ взять въ руки. Письмо свое онъ назвалъ *турмуки* и для удовлетворенія моего любопытства написалъ мнѣ бузвами, похожими на санскритскія, слѣдующія слова и фразы:

Суреджъ — солнце.

Чандурма — луна.

Таръ — звѣзда.

Джуалмай — огонь.

Ае шатаръ джавене — я ходилъ въ городъ.

Ме гарнене — я не ходилъ домой.

Те ренита кундека — видѣлъ вашего отца.

Менъ Лаура сунъ ая — я пришелъ изъ Лагора (*).

Потомъ, въ доказательство своихъ глубокихъ познаній, Индусъ медленно и съ гримасами написалъ мнѣ по-санскритски двѣ фразы:

Джаи сирапъ.

Срирамъ чантаджи.

Богослуженіе вѣдскихъ Индусовъ состоитъ въ чтеніи молитвъ на-распѣвъ, въ держаніи рукъ надъ головою и въ хлопаніи въ ладони. Покойниковъ они хоронятъ неодинаково: самъ повѣствователь долженъ быть сожженъ по смерти на неугасимомъ огнѣ, а мудрейшаго изъ мудрыхъ зарюютъ въ землю въ сидячемъ положеніи. Религиозныя идеи отшельниковъ состоятъ въ почитаніи огня, солнца, звѣздъ и животныхъ. Систематическихъ и точныхъ понятій о религіи ихъ я не могъ добиться, и всѣ мои вопросы объ этомъ предметѣ получали въ отвѣтъ краснорѣчивое молчаніе, причину котораго мудрецъ объяснилъ изломанною турецкою фразою: *катыиди харабъ бидумъ* (перемѣшавшись, я испортился). Слѣдъ заключилось мое знакомство съ огненнымъ отшельникомъ.

(*) Здѣсь всѣ слова написаны такъ, какъ произносятся ихъ Индусъ. — Подлинникъ этого письма хранится у меня.

По собраннымъ мною въ Баку свѣдѣніямъ, вѣсколько лѣтъ назадъ, при Атешга жило много Индусовъ, а именно въ то время, когда индійскій купецъ Собра Могунадъсъ имѣлъ на откупъ сальянскіе рыбныя промыслы (*). Пользовавшись частыми денежными и другими пособіями своего соотечественника (**), мудрецы проводили спокойно дни свои въ созерцавіяхъ, а для богослуженія имѣли брахмана. Въ настоящее время, при Атешга находится до семи Индусовъ, отъ безпорядочнаго поведенія которыхъ бакинскій уѣздовый начальникъ въ сорешенномъ отчаяніи. Лѣность ихъ вѣдскихъ границъ: по распоряженію г. главноуправляющаго Закавказскимъ Краемъ, отведена имъ земля для обработыванія; отшельники, предпочитая всему въ мірѣ тѣлесное и душевное спокойствіе, отдають ее изъ половины въ паймы сосѣднимъ жителямъ, и такъ-какъ для блаженнаго *far isen*(с, получаемого съ посѣва воловняваго дохода недостаточна, то мудрецы прибѣгаютъ по-временамъ къ промышленности своего рода—перепродаютъ краденныя вещи, и проч. Подобные обитатели заставляютъ полицію находиться всегда въ большомъ безпокойствѣ, не принося никакой пользы провинціи.

Я вѣсколько не сомнѣваюсь о происхожденіи и религіи отшельниковъ при Атешга: это чистые Индусы, но не Гебры (**). Физиономія ихъ—индійскаго типа съ смуглою кожей и черными волосами и непохожа на типъ Гебровъ персидскихъ. Языкъ, употребляемый ими въ разговорѣ, есть индостани, а

(*) Эти промыслы поступили въ издѣлу съ 10-го марта 1829 года, по несостоятельности откупщика, разорившагося будто бы отъ набѣга Персійца на Сальяны.

(**) Г. Эйхвальдъ въ своемъ путешествіи говоритъ, что Индусы при Атешга получаютъ пособія отъ сальянскаго откупщика *Отумдшенъ*'а, живущаго въ Астраханѣ.

(***) Давидъ считаетъ ихъ Гебрами, а Рейваль Индусами.

не гебры — испорченный персидскій, которыми говорят Гебры въ Персиі. Предметъ поклоненія ихъ составляютъ брахманскіе идолы (*), чего у Гебровъ не существуетъ. Еще болѣе я убѣдился въ своемъ мнѣніи, познакоившись съ Гебрами въ Тегеранѣ и Ширазѣ (**); на вопросъ мой о бакинскихъ неугасимыхъ огняхъ, Гебры отвѣчали совершенно-отрицательно и даже съ любопытствомъ спрашивали меня: «Что это у васъ тамъ за Атеишга? Намъ и дѣлать до нихъ; огонь мы уважаемъ какъ начало; но никакого особеннаго почтенія къ бакинскимъ Атеишга не питаемъ». Безъ сомнѣнія, новѣйшіе Гебры забыли о существованіи неугасимыхъ огней, при которыхъ въ древности находился храмъ маговъ. Что же касается до поклоненія бакинскихъ отшельниковъ огню, то это не можетъ служить доказательствомъ ихъ гебрскаго происхожденія; я расскажу сейчасъ кое-что объ уваженіи къ огню различныхъ народовъ.

Свѣтъ и огонь во все времена служили символомъ божества (Anhang zum Zend-Avesta, II, 117); Индусы почитаютъ огонь донымъ (Meiners Allgemeine Kritische Geschichte aller Religionen, I, 236), точно такъ же, какъ и солнце (ibid. 388). По системѣ брахманской міеологии, огонь, какъ достойное уваженія начало, осуществленъ въ лицѣ божества *Agni* или *Aghni*, живущаго въ *Agnidga* (Mayer, Allgemeines mythologisches Lexicon, I, 263). Это божество называется иначе *Павакъ* или *Павака*, чистѣйшій, и принадлежитъ къ числу восьми покровительствующихъ міръ и людей божествъ;

(*) Подозрительное соседство Купидона съ Брахмой у одного изъ индійскихъ отшельниковъ объясняютъ въ Баку очень-просто: индійскіе мудрецы, для большаго эффекта, собираютъ отсюду всевозможныя рѣдкости, и даже между религіозными предметами почитаютъ иногда обертки съ индійскихъ картъ, съ табуку, и проч.

(**) Объ этомъ интересномъ эпизодѣ я расскажу когда-нибудь при случаѣ.

супруга его называется *Агникау* или *Svaha* (Systema brahmanicum, 163). Жертвоприношеніе огню предписано брахманамъ ежедневно, подъ именемъ *Натамъ* (*), и совершается слѣдующимъ образомъ: приступающіе къ этому священнодѣйствию брахманы должны быть чисты душою и тѣломъ; платье на нихъ должно быть бѣлое. Они садятся у огня, называемаго *tedi*, на *pidam*, маленькую скамью, и читаютъ или воютъ *слоку* или строфу изъ священныхъ книгъ. Предъ ними находится колокольчикъ, горящій факель и сосудъ, наполненный кокосовымъ масломъ; вокругъ лежатъ, на большихъ листьяхъ банана или индійской фиғы, матеріалы для жертвы по частямъ: сандалное дерево, финики, миндаль, рисъ, цвѣты и листья деревьевъ, и пр. Употребленіе этихъ предметовъ различно: брахманы сообразуются въ этомъ случаѣ съ священными книгами. Потомъ куски дерева раскладываются въ порядкѣ на жертвенникѣ и зажигаются факеломъ, и тогда, по звяку, поданному колокольчикомъ, выливается на горящіе куски кокосовое масло и бросаются въ огонь плоды, цвѣты и листья, при чемъ священнодѣствующій брахманъ тайно читаетъ молитву, называемую *Mandram* (Mayer, Allgem. mythol. Lexik. I, 52—53; Lois de Manou, III, 199). Не сомнѣваюсь, что именно это жертвоприношеніе хотѣлъ мнѣ представить Индусъ на неугаси-

(*) Старинный сводъ законовъ индійскихъ *Manava-Aharmasstra*, или *закономъ Ману*, вотъ что говоритъ о священномъ огнѣ: 1) «Tous les jours après s'être baigné, lorsqu'il (novice) est bien pur, qu'il fasse une libation d'eau fraîche aux Dieux, aux saints et aux Mânes; qu'il honore les Divinités et alimente le feu sacré» (p. 58). 2) «Que le Brahmane... fasse... l'offrande au feu sacré» (p. 210). 3) «Le maître spirituel (Gourou) enseigne... l'entretien du feu sacré» и пр. Жертвоприношеніе огню иначе называется *devagagna*, sacrificium divinum (Syst. brahm. 9). Объ уваженіи Индусовъ къ огню см. еще «Systema brahmanica» стр. 9.

ныхъ огняхъ; но, по неизвѣстности ли необходимости для жертвоприношенія средствъ, или просто по незнавію полнаго обряда, исполнили только нѣкоторыя части его (*).

Вѣроятно, Скифы и Геты почитали огонь, какъ Греки и Римляне. Жители Халдеи и многихъ другихъ странъ Западной-Азіи почитали огонь подъ именемъ *Ur* (Meiners Allg. Kritis. Gesch. I, 235)(**). Служеніе Аммонитянъ Молоху, по Дюбуа (III, 736), есть также *Митрилка*, или служеніе Митры. У Грековъ идея мужескаго небеснаго огня выражалась въ Аполлонѣ (Kreizer, Symbolik und Mythologie der alten Völker, II, 133). Римляне считали огонь душою природы (жизнь Ромула и Нумы у Плутарха) и во время весенняго рабоденствія отправляли правдикъ *Natalis solis invicti* (***) . Сверхъ того, обитатели Греціи и Италіи почитали Весту (Meiners Allg. Krit. Gesch. I, 239: *Tuta Livia De igne et officii Vestalium hamanorum*); при римскомъ дворѣ носила огонь предъ императорами (Meiners, I, 238). Германскія племена уважали огонь (Meiners, I, 236, Kreizer, Symbolik, II, 218), а сибирскіе и американскіе язычники почитаютъ его донынѣ (Meiners, I, 236). Огонь мы находимъ во всѣ времена въ храмахъ

(*) Не довольствуясь опредѣленіемъ націи, къ которой принадлежать бакійскіе Индусы, я желалъ опредѣлить и самую ихъ секту, не смотря на неточность и сбивчивость сообщенныхъ мнѣ свѣдѣній, и поэтому обратился къ изслѣдованіямъ Уильсона объ индійскихъ сектахъ, но не нашелъ здѣсь ничего похожего ни между вѣшваистами, ни между сиваистами, и пр. (См. Asiatic Researches, or transactions of the Asiatic Society, Vol. XVI and XVII, A sketch of the religions sects of the Hindus, by H. Wilson).

(**) Халдеи, говоритъ Форнабусъ, почитали огонь и воду началомъ вещей. Это напоминаетъ новѣйшихъ вулканистовъ и испутистовъ.

(***) *Heracitus* и *Hirrusus*, говоритъ Плутархъ, считали огонь началомъ всѣхъ вещей.

различныхъ религій. О почитаніи огня у новѣйшихъ Гебровъ говоритъ Шарденъ (*Voyage*, т. IX, 139 и слѣдующіе), а Нибуръ (т. II) рассказываетъ, что Гебры въ Суратѣ дѣйствіи лѣтъ берегли священный огонь.

И. Березнякъ.

*

ЛИТЕРАТУРНЫЯ И ЖУРНАЛЬНЫЯ ЗАМѢТКИ.

I.

О ПУБЛИЧНЫХЪ ЛЕКЦІЯХЪ ВЪ САНКТ-ПЕТЕРБУРГѢ.

(Письмо персск.)

Лекціи г-на Шюца о гегельнѣ общественной.

Нѣсколько лѣтъ назадъ, у насъ завелся обычай читать публичныя лекціи о разныхъ отрасляхъ положительнаго знанія: явленіе угнѣнительное, доказывающее, что въ публикѣ пробудилась похвальная любознательность. Доселѣ, однако, кромѣ навѣстій объ этихъ чтеніяхъ, вѣсто не принималъ на себя труда дать критическій отчетъ о нихъ; и это для пользы самаго дѣла весьма-важно. Безусловныя похвалы ничего не значать: мы помнимъ, нѣсколько лѣтъ назадъ, одинъ публичный лекторъ исторгалъ рукоплесканія своему, какъ нѣкоторые писали, великому ораторскому таланту: къ несчастію, ораторъ напечаталъ свои лекціи, и критика ясно доказала, что въ его чтеніяхъ, кромѣ пустаго набора словъ и громкихъ фразъ, не было ничего. Съ-этихъ-поръ, исчезъ даже слухъ какъ о самомъ ораторѣ, такъ и его лекціяхъ.

Пролагаемъ, что вы, милостивый государь, не откажетесь дать мѣсто въ нашемъ журналѣ нашимъ замѣчаніямъ о публичныхъ чтеніяхъ нынѣшняго года (*). Начнемъ съ предмета, который ближе всего касается каждаго изъ насъ, — съ «общественной гигиены», о которой читаетъ лекціи г. Шюцъ. Мы посѣщали эти лекціи съ самаго ихъ открытія и давно хотѣли высказать впечатлѣнія, которые онѣ производили на насъ. Но впечатлѣнія изустной рѣчи, сколько ни бывають опи вѣрны для опытнаго наблюдателя, не всегда могутъ быть убѣдительны для публики. Стенографовъ у насъ нѣтъ, — а отъ разговора можно, пожалуй, и отречься. Но г. Шюцъ началъ печатать свои чтенія, сначала отрывками въ газетахъ, а потомъ помѣстилъ полный трактатъ въ пятой книжкѣ «Трудовъ Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества» на нынѣшній годъ. Слѣдовательно, теперь мы имѣемъ полную возможность судить о лекціяхъ: «что написано перомъ, того не вырубишь топоромъ», говоритъ пословица. Притомъ же то, что говорилось изустно, въ печати является въ формѣ болѣе-обдуманной, исправленной, — словомъ, въ видѣ болѣе-совершенномъ. Но съ чего вачать? разбирать ли лекціи «о виденіяхъ болѣзняхъ, о истребленіи источниковъ инфекціи и контактіи»? Критикъ было бы достаточно дѣла и вѣсь; но могутъ сказать, что эти лекціи напечатаны въ отрывочномъ видѣ. Хотя «ex ungue leopet», говорить латинская поговорка, однакожь, чтобъ устранить всякій поводъ къ мысли о притязаніяхъ, мы обратимся къ предмету, изложенному г. Шюцемъ вполне, именно къ статьѣ его: «О хлѣбѣ въ отношеніи къ охраненію народнаго здоровья», помѣщенной, какъ сказано, въ пятой книжкѣ «Трудовъ В. Экономическаго Общества»; по ней

воплѣ можно судить о всѣхъ чтеніяхъ г. Шюца.

Прежде всего мы могли бы замѣтить, что самое заглавіе неправильно: оно даетъ поводъ думать, что хлѣбъ охраняетъ народное здоровье. Но это еще не главное, хотя отъ лекцій, которыя обѣщано «излагать языкомъ простымъ и сколь-возможно популярнымъ» (*); мы вправѣ требовать языка если не изящнаго, то правильнаго и опредѣлительнаго. Существенное во всякомъ сочиненіи о предметѣ изъ положительныхъ наукъ, есть вѣрность и современность свѣдѣній. Итакъ, будемъ прежде всего разсматривать сочиненіе г. Шюца въ этомъ отношеніи.

Сказавъ нѣсколько словъ о важности хлѣба, г. Шюцъ говоритъ: «Хлѣбъ обыкновенно готовится изъ муки колосовыхъ растений и воды, съ закваскою или безъ нее (л), чрезъ броженіе или дрожжи, посредствомъ печенія въ печахъ, и представляетъ различные виды, по свойству муки, зеренъ и образу печенія» (стр. 52).

Этотъ краткій періодъ исполненъ неточности и противорѣчій. Хлѣбъ, — говоритъ г. Шюцъ, готовится изъ муки колосовыхъ растений, — а на слѣдующей страницѣ является хлѣбъ изъ бобовой муки! откуда же онъ взялся? Хлѣбъ готовится изъ муки «съ закваскою чрезъ броженіе или дрожжи»: стало-быть, закваска сама-по-себѣ, а дрожжи сами-по-себѣ? Sic! Притомъ, по понятію г. Шюца, броженіе и дрожжи — одно и то же; это все-равно, что сказать: «печка нагрѣвается дровами или горѣниемъ». Кто же добьется смысла въ подобныхъ выраженіяхъ?..

Г. Шюцъ объясняетъ слѣдующимъ образомъ процессъ приготовленія хлѣбовъ: «Извѣстно, что посредствомъ броженія, происходящаго отъ закваски или дрожжей, и послѣдующаго печенія, составныя части муки дѣлаются растворимѣе и удобоваримѣе».

(*). Не только не откажусь, но всегда готовъ дать мѣсто всякому благонамѣренному замѣчанію.
Ред.

(*). См. ту же книжку «Трудовъ Вольнаго Экон. Общества», стр. 49.

• для желудка, потому что мучной крахмалъ и сахаристое вещество превращаются частію въ уксусную и угольную кислоту, частію въ крахмальную растворимую камедь. Спритиваемъ по совѣсти: поняли ли что-нибудь слушатели, знакомые и незнакомые съ химіею, изъ этого набора словъ, въ которыхъ есть по-видимому грамматическій смыслъ?

Люди, незнакомые съ химіею, спросятъ: да почему же мука дѣлается растворимѣе (и въ чемъ именно) и удобоваримѣе отъ-того, что мучной крахмалъ и сахаристое вещество превратились въ уксусную кислоту? *Vasulus in angulo, ergo phui!*

Люди же, знакомые съ химіею, объявятъ прямо, что въ сказанномъ г. Шюцемъ нѣтъ никакого сходства съ дѣломъ; ибо химія говоритъ, что процессъ приготовленія хлѣбовъ состоитъ вотъ въ чемъ: одна изъ существенныхъ составныхъ частей муки, именно клейковина, при помощи теплоты и воды дѣйствуя на крахмалъ, способствуетъ образованію сахаристаго вещества; закваска (дрожжи), примѣшанная къ тѣсту, дѣйствуя на этотъ сахаръ, а равно и на тотъ, который мука содержитъ въ естественномъ своемъ состояніи, способствуетъ образованію алкоголя, уксусной кислоты и газовъ углекислаго и водороднаго. Освобожденіе этихъ вѣдущихъ веществъ способствуетъ явленію явленія надутия или вздутия тѣста; чѣмъ болѣе въ мукѣ клейковины, тѣмъ всхожѣе тѣсто, тѣмъ воздреватѣе хлѣбъ. Поэтому и качество муки зависитъ главнѣйше отъ содержанія въ ней клейковины. Похоже ли это на то, что говорить г. Шюцъ?

Но словамъ г. Шюца, броженіе происходитъ отъ закваски, или дрожжей. Но кому же неизвѣстно, что броженіе въ равныхъ случаяхъ происходитъ вовсе безъ помощи закваски, и что оно можетъ происходить такимъ образомъ и въ самой мукѣ?

• Хорошо-испеченный ржаной хлѣбъ узнается тѣмъ, что хорошо взошелъ, пахнетъ оухую несожженную верхнюю

корку, при удареніи въ нижнюю корку издаетъ не глухой звукъ, при разрывѣ распространяетъ (?) пріятный кисловатый запахъ, и пр.

• Пшеничный или какъ обыкновенно называютъ, крупчатый хлѣбъ, долженъ отличаться почти тѣми же самыми свойствами, но быть гораздо легче предъидущаго.

Стало-быть, и хороший пшеничный хлѣбъ при разрывѣ долженъ распространять кисловатый запахъ! Помилуйте, — куда и на что годится кислый пшеничный хлѣбъ, развѣ только для того, чтобъ производить изжогу!

• Хлѣбъ ячмы и овсяный всегда тяжелѣе, прѣситъ и пр., нежели ржаной пшеничный. Стало-быть, по ивѣнію г. Шюца, ячмы и овсяный хлѣбъ одно и то же. Но если не всякій, то по крайней-мѣрѣ медикъ долженъ знать, что въ гигиеническомъ отношеніи между этими хлѣбами есть большая разница.

• Картофельный хлѣбъ густъ и твердъ, но не скоро черствѣетъ; онъ вкусенъ, сытенъ и питателенъ.

Здѣсь уже ни въ одномъ словѣ нѣтъ правды. Во-первыхъ, замѣтимъ, что печеніе хлѣба изъ картофеля составляетъ доселѣ задачу, никѣмъ - неразрѣшенную. Многія лица занимались этимъ вопросомъ, но всегда безуспѣшно, — и это естественно: въ картофелѣ нѣтъ клейковины, а безъ нея невозможно процессъ, который Французы называютъ *panification*. Г. Шюцъ, вѣроятно, соблазнился словомъ «картофельный хлѣбъ»; но всѣ хозяева называютъ этимъ словомъ хлѣбъ, дѣлаемый изъ ржаной или пшеничной муки съ примѣсью тертаго картофеля, или картофельной муки.

Картофельный хлѣбъ, по словамъ г. Шюца, вкусенъ, сытенъ и питателенъ. Еще древніе говорили, что о вкусахъ спорить нельзя, а потому и мы не станемъ спорить съ г. Шюцемъ о вкусѣ картофельнаго хлѣба; но приведемъ опыта извѣстнаго физика Савара (*Savari*), который пробовалъ есть хлѣбъ съ примѣсью 50 процентовъ картофе-

ли и долженъ былъ оставить его чрезъ двѣ недѣли, потому что особый запахъ, издаваемый такимъ хлѣбомъ, сначала нечувствительный, дѣлается болѣе и болѣе неприятнымъ при постоянномъ употребленіи этого хлѣба (*).

Что касается до того, будто картофельный хлѣбъ • сытенъ и питателенъ • (что одно и то же), то объ этомъ лучше всего справиться съ мнѣніями хозяевъ; а тѣ изъ нихъ, на сужденіе которыхъ можно положиться; какъ, на-примѣръ, Домбаль, утверждаютъ, что питательность хлѣба уменьшается по мѣрѣ прибавленія къ мукъ зерновой — муки картофельной (**).

• Почти такого же • (т. е. какъ и картофельный) • вкуса и качества кукурузный хлѣбъ, употребляемый преимущественно въ Бессарабіи. • Помилуйте! кукурузный хлѣбъ почти такого же качества, какъ и картофельный? Во-первыхъ, замѣтите, что изъ кукурузы такъ же неудобно печь хлѣбъ, какъ и изъ картофеля; правда, въ Парижѣ булочники продаютъ хлѣбъ подъ названіемъ кукурузнаго (*pain de maïs*), и хлѣбъ прекрасный, — но это не болѣе, какъ спекуляція булочниковъ на легковѣрїе публики; и въ нихъ кукурузномъ хлѣбѣ нѣтъ почти вовсе кукурузной муки (***). Весьма знающимъ дѣло извѣстно, что примѣсь кукурузной муки къ мукъ пшеничной или ржаной даетъ хлѣбъ черствый, тяжелый и неудобоваримый. Кукурузой питаются, только не въ видѣ хлѣба, а въ видѣ мамалыи, какъ въ Бессарабіи, или въ видѣ поленты, какъ въ Италіи; но есть ли хоть малѣйшее сходство между полентой и мамалыгой или картофельнымъ хлѣбомъ?

Сверхъ-того, кукуруза заслуживаетъ особеннаго вниманія въ гигиеническомъ отношеніи, ибо въ южныхъ странахъ, гдѣ исключительно питаются кукурузою, господствуетъ болѣзнь, извѣстная подъ именемъ *pellagra*, о которой много писали и пишутъ медики, и которая еще не далѣе, какъ вынѣшнимъ хлѣбомъ, была предметомъ новыхъ исследований. Мы въ правѣ были ожидать отъ человѣка, взявшагося публично преподавать гигиену, что онъ объяснитъ намъ этотъ предметъ; укажетъ хоть на мнѣніе въ этомъ отношеніи извѣстнаго Вонафу (*Vonafous*) и г. Русселя. Ничего не бывало.

Говоря о родахъ хлѣба, г. Шюцъ упоминаетъ о хлѣбѣ изъ бобовой муки, у насъ вовсе неупотребляемомъ, а между-тѣмъ ни слова не говоритъ о приготовленіяхъ изъ гречневой муки, которой употребленіе у насъ столь обширно, и которая въ медицинскомъ отношеніи весьма-замѣчательна; мы даже помнимъ, что одинъ уѣздный врачъ напечаталъ въ «Другѣ Здравія» весьма-интересныя наблюденія надъ употребленіемъ гречневой каши. Дѣло объясняется просто: иностранцы мало знаютъ употребленіе гречихи, и потому въ сочиненіяхъ иностранныхъ врачей не встрѣчается наблюденій объ этомъ хлѣбѣ.

Г. Шюцъ говоритъ: • мука, употребляемая для печенія хлѣбовъ, получается отъ различныхъ хлѣбныхъ растеній, которыхъ преимущественныя виды суть слѣдующіе: *озимая и яровая рожь, гречиха, пшело или просо, кукуруза, ячмень и овесъ*. Сюда также должно отнести разныя роды пшеницы и дикорастущую манную овсяницу.

Мы полагаемъ, и всякій съ нами согласится, что пшеница гораздо-важнѣе въ-отношеніи къ добыванію муки, нежели, на-прим., гречиха, — но это еще не главное, а вотъ что любопытно: гдѣ добывается мука изъ манной овсяницы? Изъ послѣдней, — мы знаемъ, и то почти по наслышкѣ, — приготавливаютъ гдѣ-то крупы; но чтобы приготовить

(*) Советуемъ прочесть объ этомъ предметѣ хоть на-примѣръ «Leçons Organiques de Chimie» Пайера; т. 1, стр. 38.

(**) Советуемъ прочесть по этому случаю въ «Annales Agricoles de Rouille» т. VII, стр. 341 и слѣд.

(***) См. «Journal d'Agriculture pratique», т. III, р. 248.

нуку для печенія хлѣбовъ—о томъ, ка-
емся, не слышали нигдѣ, кромѣ статей
г. Шюца.

«Сто частей полновѣсной ржи даютъ
• 65,623 муки, 24,218 отрубей и 10,157
• воды». Очевидно, здѣсь идетъ рѣчь о
механическомъ раздробленіи ржи, —
какимъ же образомъ тутъ отдѣлилась
вода? Если вода есть въ зернахъ, то
она останется и въ мукъ? По расчету
г. Шюца, при молѣ муки должно быть
потери 1 пудъ на кажлые 10 пудовъ
ржи, не говоря о потерѣ отъ рассып-
ки. Но это вовсе несогласно съ дѣй-
ствительностью. Г. Шюць ссылается
на какой-то опытъ Эйнгоеа, — но этотъ
авторъ говоритъ, вѣроятно, не то, что
г. Шюць.

• Рожью низкаго или худаго сорта
• называется: когда • (*называется—когда*;
• по-наковскиэто?) • ова нечиста, имѣ-
• етъ много пыли и глухихъ (?) зеренъ,
• сдуваемыхъ легко съ лалони, или зе-
• ренъ, испорченыхъ хлѣбными чер-
• вьями. Черви эти бываютъ трехъ ро-
• довъ: *черные* (*circilio granarius*), ве-
• дящюю съ обыкновеннаго муравья и
• съ мадыми на груди точками: часто на
• каждомъ зернѣ сидитъ по такому на-
• сѣкомому... Рѣшительно недоумѣва-
• емъ: какіе это черви *черные*, величиною
• съ муравья, и т. д. Думали мы, дума-
• ли, и наконецъ представляемъ свою до-
• гадку, основанную на латинскомъ сло-
• вѣ *circilio*: вѣроятно, дѣло идетъ о
• долгоносикахъ, о которыхъ столько
• писали и пишутъ, и которые не далѣе
• какъ нынѣшнимъ лѣтомъ опустошили
• житницы въ Бессарабіи. Но только
• вотъ въ чемъ дѣло: долгоносикиъ вовсе
• не *черные*, а *жухъ*, и притомъ не чер-
• ный, а коричневый, — и далеко величи-
• ною не съ обыкновеннаго муравья. Мы
• бы покорнѣе просили г. Шюца объ-
• яснить намъ, что это за *черные* черви?
• и вправѣ были бы ожидать отъ него
• свѣдѣній о томъ, какое вліаніе попор-
• ченный выдуманнныи имъ червями,
• или хоть красными и бѣлыми червями,
• хлѣбъ имѣетъ на здоровье? Но объ
• этомъ нашъ преподаватель молчитъ, и
• за лучшее считаетъ говорить о какомъ-

то *слухителюмоу западѣ*, отдѣла-
• номъ мукою, въ которой есть примѣсь
• головни! (стр. 156).

Г. Шюць говоритъ (стр. 161), что
главныя составныя части муки суть:
клейковина, крахмалъ, растительная
бѣлковина и сахарное начало, — и при-
водитъ таблицу содержанія этихъ ча-
стей, въ которой нѣтъ ни слова о са-
харномъ началѣ. Чему же вѣрять? Не
говоримъ уже о томъ, до какой степе-
ни ученому, знающему съ современ-
нымъ состояніемъ науки, слѣдовало
бы знать, что главныя составныя ча-
сти муки суть: 1) бѣлковина, 2) фибри-
на, 3) каземъ, 4) клейковина, 5) жир-
ныя вещества, 6) крахмалъ, декстрины
и крахмальный сахаръ; что первыя че-
тыре вещества составляютъ среднія
азотистыя соединенія, которыя суть
по-преимуществу вещества, усвоенныя
животнымъ организмомъ; что жирныя
вещества, крахмалыныя и сахаристыя,
при питаніи способствуютъ развитію
животной теплоты; что, наконецъ, въ
мукъ содержится фосфорокислая из-
весть и другія минеральныя соли, вхо-
дящія въ составъ костяной системы.
И мало ли еще что слѣдовало бы
знать ученому, знающему съ совре-
меннымъ состояніемъ науки?

Но, въ замѣнъ свѣдѣній существен-
ныхъ, необходимыхъ, г. Шюць рас-
пространяется, неизвестно для чего и
почему, о механическомъ составѣ зе-
ренъ (стр. 161), и говоритъ между про-
чимъ удивительныя вещи, на-прим.,
что три первые верхнія слоя зерна
• избоблюють преимущественно азоти-
• стымъ, жирнымъ, минеральнымъ ве-
• ществомъ. Не вѣрите? Назовите про-
• честъ сами на стр. 161-й.

Г. Шюць говоритъ, что сырые
• гнилые, различными красками окра-
• шенныя дрова негодны даже вредны
• для приготовленія хлѣба (стр. 165).
Мы просили бы г. Шюца объяснить
намъ, въ чемъ состоитъ вредъ отъ хлѣ-
ба, выпеченнаго въ печи, истолпленной
сырыми дровами? Мы знаемъ, что боль-
шая часть крестьянъ Сѣверной и Сред-
ней Россіи топятъ свои печи сырыми

дровами, и, слава Богу, не чувствуетъ вреда отъ печенія хлѣбовъ. Что касается до окрашенныхъ разными красками дровъ, то это такая частность, которая, можетъ-быть, случается въ столѣтіи одинъ разъ; притомъ дерево, окрашенное какою-либо растительною краскою, совершенно безвредно для топки; въ этомъ ручаемся. Мы думаемъ и убѣждены, что гораздо-полезнѣе и необходимѣе для гигиены объяснить вліаніе качества воды на качество хлѣбовъ; предметъ этотъ всеобщъ;—но г. Шюцъ о немъ ни слова.

О важности примѣси поваренной соли въ хлѣбъ, г. Шюцъ также не сказалъ ни слова.

• Хорошая пшеничная мука впитываетъ въ себя 2 по вѣсу воды; но во время печенія, часть воды вновь теряется, такъ, что чистаго припека выходитъ 1. Песпрavedливо: хозяева знаютъ, что изъ пуда хорошей муки должно выходить болѣе 50 фунтовъ хорошаго хлѣба. Въ Парижѣ, особая коммисія, по приказанію правительства, занималась этимъ предметомъ, и, по ея опытамъ, правительство, въ 1842 году, установило, чтобъ изъ 100 фунтовъ муки хлѣбники выпекали 130 фунтовъ хорошаго хлѣба; слѣдовательно, припекъ долженъ составлять 30; или около 1, что далеко не согласно съ свѣтами г. Шюца.

• Подмѣси къ одной мукѣ другихъ весьма-часты; онѣ не вредны, и въ неурожайное время даже полезны. Въ какомъ смыслѣ повимаетъ г. Шюцъ пользу и вредъ, мы не знаемъ; если онъ говорить это въ гигиеническомъ отношеніи, то позволяемъ себѣ замѣтить, что всякій врачъ знаетъ, что качество пищи должно сообразоваться съ состояніемъ организма, которое бываетъ чрезвычайно-различно. Известно намъ, что кукурузная мука дѣйствуетъ неблагоприятно на желудокъ людей, ведущихъ сидячій образъ жизни. Если будутъ примѣшивать эту муку въ хлѣбъ, назначенный для такихъ людей, то развѣ такая примѣсь не вредна? Польза смѣшенія муки въ неурожайное вре-

мя есть только относительная: лучше питаться смѣсью картофельной муки съ ржаной, нежели съ макиною. Кстати о подмѣскахъ. Мы думаемъ, что вещества, которыя у насъ въ Россіи примѣшиваются къ хлѣбу во время неурожая, какъ на-прим.: макина, кора, мохъ, солома, барда и прочіе суррогаты, изобрѣтенные голодомъ, гораздо-болѣе заслуживаютъ гигиеническаго изслѣдованія, нежели на-прим., подмѣсь *юлубинаю помета* (стр. 167). Подѣло въ томъ, что о нашихъ подмѣскахъ не знаютъ ничего иностранные писатели, которыхъ сплошь-и-рядомъ приводитъ г. Шюцъ...

• Поддѣлываніе или фальсификація пшеницы мукою *земляныхъ яблокъ* (*solanum lycopersicum*), отерывается по способу Шеро тѣмъ, если муку жарить на рѣшеткѣ и потомъ испытать водою. Жареная мука въ водѣ разтворяется. Сколько несообразностей: мука жарится и на рѣшеткѣ и въ водѣ! Можетъ-быть, такъ говорится на популярномъ языкѣ... Но всего важнѣе то, что приводимое г. Шюцемъ растеніе не существуетъ! Есть, правда, огородное растеніе *solanum lycopersicum*, а не *solanum lycopersicum*, по оно по-русски называется «любовными яблокомъ», «помдауромъ», и разводится у насъ близъ гороховъ въ Южной-Россіи и особенно въ Бессарабіи; *земляныя же яблоки* по-латинѣ называются *solanum tuberosum*, по-просту—картофель!

Г. Шюцъ, говоря о разныхъ вредныхъ примѣскахъ въ хлѣбѣ,—у насъ, впрочемъ, слава Богу, болшему частію неизвѣстныхъ,—распространяется о химическихъ способахъ опредѣленія этихъ примѣсей. Замѣтимъ, что это предметъ не гигиены, а токсикологій, гдѣ ему и прямое мѣсто. Положимъ, что полезному вездѣ мѣсто, и, какъ говорится въ «Мертвыхъ Душахъ» Гоголя: «съ хорошимъ человекомъ почему же не выпить чаю»; но самое изложеніе у г. Шюца чрезвычайно-сбивчиво и темно. Что, на-прим., значитъ слѣдующее: «Поддѣлываніе (замѣтимъ кстати, что слово «поддѣлыв-

ваніе • вовсе не то значить, что хотѣлъ сказать г. Шюцъ • древесною золою • узнается щелочнопротиводѣйствующимъ качествомъ воды • (стр. 171).

Обращаемся къ конгрессу всѣхъ химиковъ и спрашиваемъ ихъ, что значить: щелочнопротиводѣйствующее качество воды??!

Нашъ авторъ, говоря о вредныхъ подѣйствіяхъ, упоминаетъ о свинцѣ и мѣди, а между тѣмъ ни слова не уговорить о примѣсахъ, которыя гораздо обильнѣе, именно: о сѣрнико-кислотѣ, углекислотѣ магнезіи, поташѣ, содѣ. Примѣсь квасцовъ, по его словамъ, открывается сладковато стягивающимъ (т. е. вяжущимъ) вкусомъ. Между тѣмъ, какъ есть гораздо вѣрнѣйшій способъ доктора Ура (Ure).

Удивительно, что этого именно не встрѣчаемъ въ сочиненіи, испещренномъ цѣтатами.

Обратимся, наконецъ, къ врачебной части сочиненія г. Шюца.

Изъ всѣхъ примѣсей, придающихъ муку и хлѣбу вредныя свойства, самыя опасныя суть: головня или дурница, рожки, свинецъ, мѣдь и висмутъ. Положимъ, что это и такъ; во дальѣ (на стр. 178), исчисливъ признаки отъ употребленія хлѣба, приготовляемаго изъ муки, въ которой вохлѣлись сѣмена головни или дурнава, онъ говоритъ: «Прилежное употребленіе настоя ромашки и мяты доставляетъ скорое облегченіе». И больше ничего, спросить читателя? Рѣшительно ничего, кромѣ длинной, весьма длинной, состоящей изъ шести строкъ ссылки на Зегера, Моріотти, Гмелина, Кордье, Верлеба, Христизона... Стояло же изъ такихъ пустяковъ хлопотать.

Мы не смѣемъ распространяться о патологической части сочиненія г. Шюца, боясь наскучить читателейъ, для большей части которыхъ медицина — знаніе чуждое. Замѣтимъ только, что въ описаніи болѣзни, происходящей отъ рожковъ, и способъ ея леченія, мы съ однимъ воплѣть согласны, т. е., что • присутствіе врача необходимо • (стр. 180); но не согласны

съ г. Шюцемъ, что для уразумѣнія столь простой, и изъ его сочиненія еще болѣе необходимой истины, нужна была ссылка ровно въ четырнадцать строкъ на сочиненія, изданныя на французскомъ, нѣмецкомъ, русскомъ, и даже англійскомъ языкахъ (стр. 180). Мы же думаемъ, что гораздо полезнѣе было бы сослаться на брошюру, изданную въ послѣдніе годы объ этомъ предметѣ отъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, гдѣ этотъ предметъ рассмотрѣнъ вполне хозяевами и Медицинскимъ Совѣтомъ, и изложенъ ясно и удобопонятно. Г. Шюцъ, не смотря на свои ссылки, однако не сказалъ ничего, а старое давно-извѣстное упустилъ изъ вида.

Послѣдняя статья въ сочиненіи г. Шюца носитъ заглавіе: «Мѣры для охраненія зерна, муки и хлѣба отъ постороннихъ вредныхъ примѣсей». Предметъ важный въ гигиеническомъ, но прежде всего въ хозяйственномъ отношеніи. Предметъ этотъ, надъ которымъ хлопотали и хлопотуютъ хозяева и цѣлыя экономическія общества, изложенъ у г. Шюца на шести страницахъ, и въ заключеніе — *conditio sine qua non* — указаніе на четырнадцать сочиненій!

Хозяева, напримѣръ, знаютъ всю важность устройства амбаровъ для сохраненія хлѣба и будутъ ожидать отъ г. Шюца, что онъ укажетъ имъ наилучшіе способы возведенія этихъ зданій; но г. Шюцъ объ этомъ не говоритъ ни слова. «Да магазины не имѣютъ никакого отношенія • снажете вы, къ охраненію хлѣба отъ вредныхъ примѣсей!» А развѣ затхлость, о которой рѣспроправляется г. Шюцъ, есть примѣсь? Впрочемъ, должно быть, что примѣсь, ибо г. Шюцъ соутуетъ, не шутя, обильно обжаривать зерна въ каляхъ (стр. 188)! Въ одномъ только мѣстѣ онъ упоминаетъ о ялахъ и соутуетъ наблюдать, чтобъ для предупрежденія затхлости въ зернѣ, хлѣбныя ямы были доступны свѣжему воздуху. Какимъ же образомъ сдѣлать яму, наполненную хлѣбомъ, доступною свѣжему воздуху, когда гдѣ-нибудь

не сохраняя въ ней хлѣба, то, чтобы она была закрыта почти герметически? Иное дѣло освѣжать ямы пустыя... Вообще, софтовать легче, нежели исполнять: такимъ образомъ, г. Щюцу легко софтовать, для очищенія ржи отъ рожковъ, костери, фукода и головы, промывать ее въ рѣшетахъ. Но что на это скажутъ хозяева, у которыхъ въ закромахъ не одна, а тысячи четвертей? Ничего не скажутъ, — лишь горько улыбаются.

Въ заключеніе слѣдовало бы сказать о послѣдовательности изложенія; но признаемся, мы затрудняемся сказать что-либо о томъ, чего вовсе нѣтъ. Читатели могутъ довѣрить это сами...

Послѣ всѣхъ вашихъ замѣчаній, намъ могутъ сказать: «вѣдь чтенія г. Шюца не университетскія, не академическія лекціи». Справедливо; отъ профессора, обязаннаго преподавать науку юности, готовящемуся прилагать знанія на поприщѣ служебной, или иной практической жизни, ~~мы вправе требовать совершенно-большой и всесторонней степени въ учебной іерархіи, доказанной постояннымъ изученіемъ предмета, и дара передавать въ строгой системѣ, которая, вмѣстѣ съ усвоеніемъ учащимися науки, развивала бы въ нихъ мыслящую способность, и умѣнья упогреблять каждое слово на своемъ мѣстѣ. Но мы далеки отъ того, чтобы судить о лекціяхъ г. Щюца, какъ о лекціяхъ профессора. Мы разбираемъ ихъ какъ простое изложеніе нѣкоторыхъ общихъ свѣдѣній, которыя могутъ быть доступны каждому, въ комъ есть сколько-нибудь любознательности. Такія лекціи могутъ быть излагаемы, пожалуй, даже безъ строгой связи одной съ другою, — но все-таки каждая должна составлять одно цѣлое, изложенное ясно, языкомъ точнымъ и опредѣлительнымъ. Положимъ, что въ этомъ случаѣ не нужны углубленія во всѣ тонкости науки; но никто, конечно, не отвергнетъ необходимости и на публичныхъ лекціяхъ — говорить то, что есть въ-самомъ-дѣлѣ, что уже усвоено наукою. Согласно-~~

щись съ вами, всѣмъ убѣдитесь, что замѣчанія наши о чтеніяхъ г. Шюца не имѣютъ въ себѣ ничего чуждаго.

II.

ПЕРЕВОДЪ СОЧИНЕНІЙ ГОГОЛЯ НА ФРАНЦУЗСКІЙ ЯЗЫКЪ.

Въ Петербургѣ полученъ французскій переводъ пяти повѣстей Гоголя, наданный въ Парижѣ, въ нынѣшнемъ году господиномъ Жюм Виардо, подъ названіемъ: «Nicolas Gogol. Nouvelles russes, traduction française, publiée par Louis Viardot. Tarasce Boulba. Les Mémoires d'un Fou. La Calèche. Un Ménage d'autrefois. Le Roi des (шочес». Переводъ удивительно-близокъ и, въ то же время, свободенъ, легокъ, ядренъ; колоритъ по возможности сохраненъ, и оригинальная манера Гоголя, столь знакомая всякому Русскому, по-крайней-мѣрѣ не утрачена. Разумѣется, въ томъ и другомъ отношеніи слѣдано было все, что можно было слѣзать; всего же слѣзать было невозможно... Но таково свойство оригинальнаго и самобытнаго творчества, ознаменованнаго печатью силы и глубины: повѣсти Гоголя съ частію выдержали переводъ на языкъ народа, столь чуждаго нашимъ кореннымъ національнымъ обычаямъ и понятіямъ, и сохранили свой отпечатокъ таланта и оригинальности. Говорятъ, что этотъ переводъ, обративъ на себя большое вниманіе во Франціи, имѣлъ тамъ необыкновенный успѣхъ. И не удивительно: до сихъ поръ сколько ни переводили на французскій языкъ русскихъ писателей, Французы видѣли въ этихъ переводахъ не оригинальныя созданія чуждаго имъ народа, но блѣдныя подражанія ихъ же писателямъ. Поэтому Французы, а вмѣстѣ съ ними и вся Европа, никакъ не хотѣли вѣрить существованію русской литературы. Иначе и быть не могло. Что наши бы иностранцы въ самыхъ лучшихъ пере-

водахъ на ихъ языкъ — не говорю стихотвореній Ломоносова, но стихотвореній самого Державина? Одушевление, полетъ, даже сила выраженія — все это мало имѣетъ цѣны при отсутствіи содержания, при недостаткѣ идей. Чтò бы могли иностранцы найти въ переводахъ на ихъ языкъ сочиненій Карамзина? Чтò для нихъ Озеровъ, когда у нихъ есть Корнель и Расинъ, и когда второстепенные ихъ трагикъ лучше Озерова? Жуковский, поэтъ, столь важный для насъ, для нихъ не имѣетъ значенія: они въ подлинникахъ могутъ читать такъ гениально-передающія ихъ на русскій языкъ творенія иѣмецкихъ и англійскихъ поэтовъ. Басни Крылова — непередаваемы, и чтòбы иностранецъ могъ вполне оцѣнить талантъ нашего великаго баснописца, ему надо выучиться русскому языку и пожить въ Россіи, чтòбы освоиться съ ея житейскими бытомъ. *Горь отъ Ума* Гривбоэдова могло бъ быть переведено, безъ особенной утраты въ своемъ достоинствѣ; но гдѣ найти переводчика, которому было бы подъ силу такой трудъ? То же должно сказать о Пушкинѣ и Лермонтовѣ: переводить ихъ должно стихами; но какой же талантъ нужно имѣть переводчику! И при томъ, все-таки эти поэты не могутъ имѣть для иностранцевъ полнаго интереса оригинальности, какъ поэты русскіе. Явись лучшія ихъ произведенія въ достойныхъ ихъ переводахъ, — иностранцы не могли бы увидѣть въ нихъ раздражителей своимъ поэтамъ, не могли бы не признать въ нихъ оригинальности и самобытности, но они увидѣли бы въ нихъ оригинальность и самобытность больше таланта, нежели національности. Возьмите любого европейскаго поэта, даже не первой величины, — вы сейчасъ увидите, какой націи онъ принадлежитъ. Поэтъ французскій, англійскій, иѣмецкій, итальянскій — каждый изъ нихъ такъ же рѣзко отличается отъ другаго, какъ рѣзко отличаются одна отъ другой ихъ родная земля. Вотъ этого-то рѣзкаго типическаго національннства и не достало бы

лучшимъ произведеніямъ Пушкина и Лермонтова, даже превосходно переведеннымъ на иностранные языки. Гоголь, въ этомъ отношеніи, составляетъ совершенное исключеніе изъ общаго правила. Какъ живописецъ ирисущественно житейскаго быта, прозаическаго дѣйствительности, онъ не можетъ не имѣть для иностранцевъ полнаго интереса національной оригинальности уже по самому содержанию своихъ произведеній. Въ немъ все особенное, чисто-русское; ни одною чертою не напоминая опъ иностранку ни объ одномъ европейскомъ поэтѣ.

Въ свое время, мы отдадимъ отчетъ читателямъ въ сужденіяхъ французскихъ журналовъ о новѣстяхъ Гоголя и, можетъ-быть, еще поговоримъ вообще объ этомъ предметѣ.

III.

СЪВЕРНАЯ ПЧЕЛА — ЗАЩИТНИЦА ПРАВДЫ И ЧИСТОТЫ РУССКАГО ЯЗЫКА.

А чтò новаго въ нашей литературѣ, въ нашей журналистикѣ? Почти ничего. Если хотите, появился даже новый журналъ, но отъ-того не меньше все пошло по старому. О собственно-литературныхъ новостяхъ поговоримъ въ первой книжкѣ «Отч. Записокъ» будущаго года, въ статьѣ: *Русская Литература 1845 года*. Въ этой статьѣ укажемъ мы на все, чтò являлось замѣчательнаго въ нашихъ журналахъ 1845 года; но собственно о журналахъ говорить не будемъ, за исключеніемъ новыхъ, плн, лучше сказать, новаго. Направление, духъ, достоинства и недостатки старыхъ журналовъ уже извѣстны публикѣ, и новаго о нихъ сказать нечего. Пусть каждый изъ нихъ идетъ своею дорогою, не мѣшая намъ ни: нашей. Но долгъ вѣжливости неуживаетъ насъ отвѣтить на всѣ прямыя и косвенныя вопросы, взгляды, призывы и намеки, обращенныя на

нашъ журналъ и наши мнѣнія другими журналами. Это мы всегда дѣлали и теперь сдѣлаемъ съ концъ юда, въ видѣ литературныхъ и журнальных замѣтокъ, обыкновенно помѣщаемыхъ нами въ отдѣлѣ «Смѣсы». Говорилъ же о насъ и нашихъ мнѣнiяхъ только два журнала — *Москвитинъ* и *Сѣверная Пчела*. Съ первыми мы объясняемся не намѣрены... Другое дѣло — «Пчела»: она такъ любитъ насъ, такъ занята нами, что съ нашей стороны было бы очень несправедливо за ея годовое къ намъ вниманiе не заплатить ей хотя минутнымъ вниманiемъ.

У *Пчелы*, или *Пчѣлки*, какъ иногда она сама себя называетъ, много разныхъ претензiй. Главнѣйшiя изъ нихъ — правдолюбiе и отличное знанiе русскаго языка. Если повѣрить ей, то всѣ наши журналы терпятъ не могутъ правды, лгутъ на провалую, а по-русски не умѣютъ правильно написать духъ фразъ; только она, только одна «Пчела» любитъ правду больше всего на свѣтѣ — ежеминутно готова умереть за правду и терпеть за нее гоненiя отъ всей литературной братiи; только она, только одна «Пчела» умѣетъ писать по-русски, и безъ нея, русскiе литераторы давно бы сгубили русскiй языкъ. Хорошо, или дурно пишемъ мы по-русски, — предоставляемъ судить публикѣ; но какъ пишетъ *Пчела*, объ этомъ на сей разъ мы себя предоставляемъ судить... Пѣтъ, не хотимъ судить, а вмѣсто этого просто представимъ здѣсь образчики языка и слога «Пчелы». Куда бы онъ ни пошелъ, что бы онъ ни дѣлалъ, таинственный человекъ тутъ какъ тутъ: въ театрѣ (н), за обѣдомъ, въ церкви, на гуляньѣ, *подходя къ окну, когда просыпался, и затворяя его, когда ложился, вездѣ взоръ его встрѣчалъ неизбѣжнаго незнакомца* (№ 116). Каковъ взоръ «Сѣверной Пчелы»: онъ умѣетъ подходить къ окну, ложиться, затворять окно, просыпаться!... Удивительный взоръ! Въ *парижскихъ газетахъ* нечисляютъ, чего стоить у нихъ дать концертъ какому-нибудь артисту. (№ 116). Париж-

скiя газеты даютъ концерты артистамъ!... «Сначала мнѣ отвели табачную контору, а чрезъ нѣсколько дней откажутъ титулъ пера; нельзя же все сдѣлать вдругъ» (№ 148): *откажутъ титулъ пера* — покаковска это? По-русски сдѣлало бы сказать *откажутъ отъ титулъ пера*... «Сынъ обоготвореннаго Белля, Нинъ, несчастный супругъ Семирамиды, основавшiй Нимею, надѣясь на свое могущество и богатство, вознамѣрился сдѣлать свой городъ столицою мiра, царственнымъ городъ, изъ котораго прославляемые нари *Фолгаефаласаръ, Салманасаръ, Сеннахеришь, Аархаддонъ и Навуходовосоръ* водили полки свои на покоренiе Иудей, Сирiи, Палестины, Финикiи, Мидiи, Египта, Вуби, Эѳюпи и наконецъ Вавилона, *роскошествовалъ Вальтасаръ и утопалъ въ развратѣ Сарданпалъ*» (№ 183)... Какъ это хорошо сказано: царственнымъ городъ, изъ котораго *роскошествовалъ Вальтасаръ и утопалъ въ развратѣ Сарданпалъ*!... — «Какая великая наука исторiя, если изучать ее философически! Разсматривая прошедшее и настоящее, будущее открывается само собою» (№ 183)... Будущее разсматриваетъ прошедшее и настоящее и открывается само собою: что за гадимыя!... — У меня болитъ сердце, когда я вижу по городамъ разнощиковъ саскъ, яблокошь и пр. (№ 174) Если яблокошь, а не яблокъ, то должно писать: стеклошь, а не стеклокъ, селошь, а не селокъ, а не яницъ и т. д. — «Все это *кажуриел мелочи*» (№ 185), вмѣсто: все это называется мелочами. — «Какъ слышно, первоначальныя смѣты будутъ *взойденны*» (№ 199): что это такое? — Замѣтимъ только, что вообще досихъ-поръ полагали, что артисты не читаютъ за честь утомляться для публики, *изглядяющей свое удовольствiе тѣмъ, что требуетъ* (кто — дублiка, или тѣ, чѣд?) повторенiя *двѣсы*» (№ 207). Какъ это складно!... — «Зубной врачъ Д. Валденштейнъ привезъ съ собою столько драгоценностей,

«Что ей дано медаль или болель, что она здесь, еще не успела разобрать и рассортировать всего в своей квартире» (№ 207). Такого периода не разберешь и в три недели!... У г. Демольта найдете огромную коллекцию важнейших медаллонов и барельефов из этой массы, допускающей теперь за довольно дешевую цену украшать письменный столъ и проч. (№ 207). — Дорogna Северной Пчелы никто не вступитъ, и она довольно обштыка для той, чтобы знать, что на Руси Простора вдоволь, и что хулою чужаго издавiя не улучшишь своего собственнаго. (№ 237). Какъ жаль, что Пчела не довольно опытна для того, чтобы правильно и складно писать по-русски, или уже знать, что это искусство ей не далось, и что не ее дѣло учить другихъ тому, что другие знаютъ лучше ея!... Но, вступая съ величайшимъ безпристрастiемъ, и руководствуясь одною общаею пользою, какъ то дѣлаетъ Северная Пчела, этимъ средствомъ оказывается большая услуга публикѣ и вознаграждается искусство и честность. Какъ иногда затруднительно прискать въ столицѣ, что намъ нужно, не взирая на тысячи вывѣсокъ и объявленiй! Напримеръ, мы, петербургскiе старожилы, пошли на дняхъ отыскивать несколько вещей, нужныхъ для псовой охоты, и не вшедь что намъ было нужно, рѣшились отыскать хорошаго слесаря и заказать ему вещи. Зашедъ въ послѣднiй разъ въ одинъ магазинъ (на Невскомъ Проспектѣ), гдѣ на окнѣ стояли ружья, мы просили указать намъ искуснаго слесаря, но прикащикъ, узнавъ, что намъ нужно, сказалъ: Извольте идти въ магазинъ г. Ржещицаго, въ Вольшой Мѣщанской, въ домѣ Крайку, на заломѣ улицы, наискось Ломбарда: тутъ вы найдете все, что нужно для охоты. (номеръ 255). Ай-да русский языкъ! — что ни слова, то Цицеронъ съ языка!.. И эти ошибки мы случайно встрѣтили только въ десяткѣ журналовъ Северной Пчелы!.. Что же,

еслибы собрать все 300 номеровъ, составляющихъ годовое ея издавiе? Какъ бы отличныя колески русскаго языка можно было составить изъ нихъ для забавы читателей!...

Но такъ пишутъ, можетъ-быть, только сотрудники. Пчелы: теперь посмотримъ, какъ правильно пишетъ главный редакторъ ея великiй русский грамматикъ, г. Гречъ. Достоино замѣчать, что почти все здѣшнiе полковыя мурзиканты не природные Французы, а уроженцы нѣмецкой провинци ея (какого?) Алзацинъ (номеръ 205). Одинъ услужливый экзекуторъ добылъ намъ хорошее мѣсто, но, на бѣду нашу, окна этой залы идутъ на набережную Сенъ (номеръ 221). Въ 1839 г. онъ сдѣлалъ второй банкротъ на островѣ Джерси (тамъ же). Но довольно — всего не перечтешь, не выпишешь! А любопытно бы! Какая драгоценная книжка для притворъ какографинъ набралась бы изъ фразъ Пчелы, — этой, какъ она сама себя величаетъ (номеръ 222), — хранительницы и блюстительницы чистоты и правильности драгоценнѣйшаго народнаго достоянiя — русскаго языка!...

Постоянною цѣлью нападенiй Пчелы, по части искаженiя русскаго языка, служитъ преимущественно Библиотека для Чтенiя, а по части изящной литературы и понятiй о ней — Гоголь, Отечественныя Записки и Физиологiя Петербурга.

О Физиологiи Петербурга Пчела говорила нѣсколько разъ, и два раза раббирала ее. Приговоръ ея былъ тотъ, что эта книга никуда не годится, что все напечатанное въ ней бездарно, пошло, глупо, плоско, грязно. Такъ изъ чего же бы и хлопотать? Стоитъ ли нѣсколько разъ говорить о плохой книгѣ? По у Пчелы своя логика! По ея мнѣнiю, въ Россiи не было и нѣтъ писателя бездарнѣе и грязнѣе Гоголя, а между тѣмъ, ни о комъ, кромѣ своихъ издателей, такъ много и такъ часто не говоритъ она! По ея мнѣнiю, въ Руси не было и нѣтъ журнала хуже Отечественныхъ Записокъ, а не-

жду-тъмъ, только о нихъ и твердить она вотъ уже слишкомъ семь лѣтъ... Итакъ, довольно-подозрительно, чтобы «Физиологія Петербурга» раздражила «Пчелу» своими недостатками, а не чѣмъ-нибудь другимъ. Мы даже можемъ сказать, чѣмъ именно. Во-первыхъ, тѣмъ, что авторы статей, изъ которыхъ состоитъ «Физиологія Петербурга», пишутъ въ духѣ современнаго направленія русской литературы, а не такъ, какъ писали назадъ тому лѣтъ пятнадцать... Это первая причина; вторая заключается въ томъ, что большая часть статей «Физиологіи Петербурга» принадлежитъ сотрудникамъ «Отечественныхъ Записокъ». После этого, кто же не согласится, что «Пчела» не можетъ ничего хорошаго выдѣлать изъ «Физиологіи Петербурга»... И вотъ, въ 234 ея номерѣ снова является грозная статья на эту книгу. Статья начинается изъясненіемъ удивленія, что г. Некрасовъ могъ быть редакторомъ этой книги. А почему же бы онъ не могъ быть ея редакторомъ, какъ и всякій другой?—спросите вы. «Пчела» отвѣчаетъ вамъ на это, что «быть редакторомъ сочиненія значить имѣть право исправлять и передѣлывать его». Вотъ новость! Въ *Сверныхъ Цытатахъ*, альманахѣ, издававшемся покойнымъ Дельвигомъ, поощалась статья Пушкина и Жуковского: значить Дельвигъ исправлялъ и передѣлывалъ ихъ? Не думать! И г. Некрасовъ не почелъ себя въ правѣ коснуться ни одной статьи, напечатанной въ его сборникѣ. Редакторъ сборника—не то, что редакторъ журнала. По общему мнѣнію, быть редакторомъ сборника, значить набрать статей, сдѣлать изъ выборъ и расположить ихъ, а потомъ присмотрѣть за изданіемъ. Такъ и поступилъ г. Некрасовъ и для этого ему не нужно было имѣть никакихъ особенныхъ правъ и преимуществъ. Доказавъ (выписками по дѣй строки, по нѣскольку словъ, а иногда и по слову изъ той, или другой страницы), что статья — *Петербургъ и Москва* (NB. написанная однимъ изъ постоянныхъ сотрудниковъ

«Отечественныхъ Записокъ») нигде не годится и хуже всего худаго на свѣтѣ, рецензентъ «Пчелы» разбираетъ статью г. Некрасова—*Петербургскіе Улы*, бранитъ ее и называетъ г. Некрасова «питомцемъ новѣйшей школы, образованной г. Гоголемъ, школы, которая стыдится чувствительнаго, патетическаго, предпочитаетъ сцены грязныя, черныя» (номеръ 236).

Видите ли: во всемъ этомъ одинъ смыслъ, одна мысль, одно чувство, которое можно назвать бодѣанною досадою, бесильною злобою на существованіе Гоголя и «Отечественныхъ Записокъ»... Выставляя эти факты, мы не имѣемъ намѣренія ни спорить съ «Сверною Пчелою», ни защищаться противъ нея, и еще менѣе имѣемъ въ виду отстаивать отъ нея «Физиологію Петербурга». Въ свое время и въ своемъ мѣстѣ, мы сказали наше мнѣніе объ этой книгѣ, при которомъ остаемся и теперь, не имѣя нужды ни измѣнять его, ни повторять... И всему этому причиною Гоголь, какъ поэтъ, давшій новое направленіе русской литературы своею критикою теоретически развивающія и поддерживающія это направленіе! Но слова *Сверной Пчелы* объ основанной Гоголемъ школѣ требуютъ нѣкоторыхъ поясненій. Что эта школа стыдится чувствительнаго — правда, потому что чувствительное или сантиментальное теперь — то же, что прошлое, и его любятъ только школа, которая мы не знаемъ кѣмъ основана; но которая порождаетъ нелѣпыя и вздорныя произведенія въ родѣ *Аристократки* г. Леопольда Бравя и другихъ. Но чтобы основанная Гоголемъ школа стыдилась патетическаго, это рѣшительно ложь. Гдѣ больше патетическаго, какъ не въ сочиненіяхъ Гоголя: *Тарасъ Бульба*, *Старосветскіе Домовицы*, *Невскій Проспектъ* и *Шинель*? Что же касается до грязи... свѣтскіе кружки средней руки вѣдь считаютъ же за непристойность то, что пришло въ большой свѣтъ за хорошій тонъ, и считаютъ же за хорошій тонъ, что въ

Большой свѣтъ считается дурнымъ тономъ. Это бываетъ и въ литературѣ. Было время, когда Французы называли Шекспира пыльнымъ дикаремъ, а его творенія — навозными кучами, въ которыхъ случайно попадаются жемчужины...

Не менѣе забавна въ «Сѣверной Пчелѣ» рецензія на двѣ книжки «Библиотеки для Чтенія» нынѣшняго года. Эта рецензія также помѣщена въ трехъ вымерахъ «Сѣверной Пчелы», и явно писана одною и тою же рукою, какъ и длинная рецензія на «Физиологію Петербурга». Она особенно наполнена жалобами на то, что большая часть вновь выходящихъ книгъ предается въ журналахъ безусловному осужденію. Особенно-занимательны въ этой статьѣ строки: «Нѣкоторые авторы, почему-либо очень-неоправданнымъ образомъ, преслѣдуются въ нихъ постоянно съ ожесточеніемъ систематическимъ и безпардоннымъ; этихъ писателей непрерывно бранятъ, хотя бы они и ничего не издавали чуждымъ: надобно же задать острастку!» (№ 252). Какъ сочинится въ этихъ словахъ голосъ сочинителя, который на себя-самоу испыталъ всю горечь этой встывы! Въ-самоу-дѣлѣ, во всякой литературѣ есть эти несчастные сочинители, которымъ весь міръ — смертельный врагъ, но они сами виноваты: сами дѣлуютъ на опасность, не переставая издавать сочиненіе за сочиненіемъ. Такъ мною сочинитель этого рода надаетъ книжку плохихъ повѣстей — ее comme de raison раскритикуютъ: тутъ бы слѣдовало ему и замолчать — нѣтъ, куда! онъ пишетъ книгу противъ своихъ рецензентовъ, доказывая въ ней существованіе каждаго-то заговора противъ него, тогда-какъ ни одинъ рецензентъ, до появленія плохихъ повѣстей, не зналъ о его существованіи. Потомъ сочинитель самъ дѣлается критикомъ и рецензентомъ, вопіетъ о томъ, что русская литература упала отъ самихъ литераторовъ. Напрасно будете вы ему доказывать, что русская литература

и не думала падать, а что пали только плохія его повѣсти; что иностранные литераторы тоже безпрестанно спорятъ и даже ссорятся другъ съ другомъ, и однакожъ тѣмъ не менѣе литература находится тамъ въ цвѣтущемъ состояніи; и что несправедливо требовать, чтобъ русскіе литераторы были не людьми, а ангелами и превосходили своими добродѣтелями литераторовъ всехъ другихъ странъ. Она вопіетъ свое, и гордо выставляетъ въ примѣръ свою «добросовѣстность съ легкимъ оттѣнкомъ безобидной вропін». Но публика не обращаетъ никакого вниманія на эти жалобы, и новыя сочиненія его дѣлаются добычею букинистовъ.

Такъ-какъ, говоря о «Пчелѣ», мы преимущественно имѣемъ въ виду доставить матеріалы для будущаго историка русской литературы, то и заключаемъ нашу статью такими фактомъ, за который не только будущій историкъ литературы, но и будущій историкъ просвѣщенія, образованія и нравовъ нашей эпохи будетъ намъ особенно благодаренъ. Это оршикальми мысли фельетониста «Сѣверной Пчелы» (Ф. Б.), возбужденныя въ немъ по случаю сооруженія памятника Бетховену. Выписываемъ вполнѣ этотъ удивительный образецъ газетной философіи, фельетоннаго глубокомыслія (№ 219):

«При всей любви нашей къ музыкѣ, мы не раздѣляли вовсе печатныхъ восторговъ по случаю сооруженія памятника Бетховену, посреди городской площади, въ Боннѣ. Памятники на площадяхъ, среди народа, должны воздвигаться только музыкѣ съ народнымъ имениемъ, защитникамъ отечества, благотѣтелямъ и просвѣтителямъ человечества. Ставьте памятники великимъ артистамъ и художникамъ въ музеяхъ, въ академіяхъ, въ театрахъ, словомъ, въ мѣстахъ, гдѣ собираются люди на торжество искусства — это дѣло; но на площади должень стоять памятникъ мужа, котораго подвиги или творенія были бы въ памяти потомства. Памятникъ на площади ставится для того, чтобъ вскрывать сердце, воссламенять умъ и служить урокомъ потомству. Когда памятникъ сад

ищетъ для народа, когда отецъ можетъ указать на него сыну, примолвивъ: вотъ примѣръ тебѣ! А что сказать, указывая на памятникъ Бетговена? Развѣ записать нотнѣ изъ *Fidelio* (между нами — прескучной оперы), или вспомнить какую-нибудь симфонію!!! — Когда въ Римѣ ставили памятники бойцамъ и скоморохамъ, тогда уже Римъ отжилъ свою славу! — Цивилизація, когда состарѣется, переходитъ въ дѣтство. Выставила ли Германия памятники всѣмъ своимъ героямъ, отъ Арманія, или Германа, до поэта-вонна Кернера, отъ Лейбница, Кеплера до Гёте? Эта монументоманія дошла въ Западной Европѣ до смѣшнаго. Во Франціи, въ каждомъ мѣстечкѣ воздвигаютъ памятники извѣстнымъ тѣмъ-либо сеотчичамъ, и даже воздвигнули памятникъ фермеру Пармантье, за введеніе во Франціи воздѣлыванія картофеля! Пусть-бы поставили бюстъ его въ первой Парижской рестораціи — ни слова; но если ставить на площади памятники всѣмъ, кто ввелъ картофель, капусту, кто выдумалъ падовые пироги, или написалъ прекрасную симфонію, то истиннымъ героямъ ужъ надлежитъ воздвигать храмы, какъ было въ древности. Пусть-бы Франція воздвигнула памятникъ Доктору Паризе, который подвергалъ жизнь свою явной опасности, при изслѣдованіи средствъ къ прекращенію чумной заразы; пусть Англія ставить памятникъ Доктору Женнеру, за открытіе прививанія коровьей оспы, мы преклонимъ чело предъ благодѣтелями человечества! Но памятники всякой извѣстности возмѣсятъ невѣстность. Хотите непременно, чтобъ ликъ извѣстнаго вашего соотечественника украшалъ площадь, поставьте его на колодезь (какъ памятникъ Молиера, въ Парижѣ) или въ нишѣ какого-нибудь богоугоднаго заведенія, тогда я не скажу ни слова. Наша юная Русская образованность весьма разборчива, и наша Русскіе памятники достойны славы народной. Монументъ Петра Великаго, Александровская Колонна, памятники Пожарскаго и Мишина, Суворова, Румянцева, Кутузова, Барклай де-Толли, Ломоносова, Державина, Карамзина, Крылова, суть памятники во славу Россіи и человечества! Я готовъ называть Бетговена необыкновеннымъ, удивительнымъ человекомъ, даже знаменитымъ, но великимъ мужемъ не назову. Величіе не въ нотахъ — а въ душѣ, въ умѣ!.....»

Восклицательный знакъ и шесть точекъ!.. Сочинитель какъ-будто самъ удивляется собственнымъ словамъ своимъ... Боже мой! Чего не терпитъ бумага, и какъ въ иныхъ сочинителей хорошо, что съ подобныхъ мнѣній не берутъ пошлینی... Надо поставить памятникъ Кернеру, поэту средней руки, — и не надо ставить памятника величайшему изъ геліевъ музыкальнаго міра!.. Величіе не въ нотахъ, а въ душѣ, въ умѣ! Видно фельетонистъ и не слыхивалъ, что иногда душа и умъ бываютъ въ нотахъ, какъ бываютъ они въ мраморѣ, въ краскахъ, въ печатныхъ буквахъ!..

Но довольно! старыхъ матеріаловъ у насъ бездна, новыя «Сѣверная Пчела» не замедлитъ представить, а впередя времени еще много...

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛЬТОПИСЬ.

ФРАНЦУЗСКИЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПАРИЖѢ.

94) *La Soubouffière* (Угольщица), комическая опера въ трехъ дѣйствіяхъ, соч. гг. Скриба и Мельвиль.

Во время революціи, одна угольщица спасла въ Парижѣ германскаго дворянина отъ ярости черни. Это доброе дѣло принудило ее бѣжать къ себѣ на родину, въ Вандею; мужъ ея сдѣлался шуаномъ. Съ ребенкомъ на рукахъ, она слѣдовала за нимъ въ войнѣ по перелѣскимъ и большимъ дорогамъ. Однажды мужа ея ранили; надо его лечить; а она боится быть захвачена сивиями. По большой дорогѣ проѣзжаетъ карета, принадлежащая маркизу д'Аспремону. Она кидаетъ въ эту карету ребенка, а сама возвращается къ мужу. Черезъ нѣсколько шаговъ, республиканскій отрядъ даетъ ружей-

ный залив по каретѣ. Маркизъ и маркиза убиты; но лошади, которыхъ мнѣвали пули, продолжаютъ скакать до ближайшаго селенія. Въ каретѣ съ гербомъ д'Аспремона находятъ ребенка, котораго считаютъ за сына покойнаго маркиза. Угольщица, съ своей стороны, встрѣчаетъ рыбацкую барку; она съ мужемъ покидаетъ Фравпию; о сынѣ не имѣетъ она никакихъ слуховъ. Въ Швеціи и Даніи, промышленная угольщица, она наживаетъ громадное состояніе. Спустя двадцать лѣтъ, находясь въ Вестфаліи, угольщица думаетъ увануть своего сына въ одномъ французскомъ сержантѣ, носящемъ серебряныя часы, единственный привязъ, по которому она могла его увануть; сержантъ страшный гуляка; но нужды нѣтъ, онъ ея сынъ, и она прощаетъ ему всѣ недостатки. Она выкупаетъ часы, которые онъ заложилъ за 60 франковъ, и сверхъ того даетъ ему 300 франковъ откупиться самому отъ полиціи, въ руки которой попалъ за то, что охотился безъ позволенія. Между-тѣмъ, сержантъ не сынъ ея: ея сынъ полковникъ, маркизъ д'Аспремонъ. Онъ собирается жениться; беретъ невѣсту изъ фамиліи Шамкарвилъ; мать не смѣетъ ему открыться, изъ опасенія разстроить его бракъ. Бѣдная мать! — Впрочемъ, бракъ еще не состоялся; во Франціи явилась реставрація. По письмамъ оказывается, что полковникъ разоренъ, между-тѣмъ, какъ Шамкарвилъ получаетъ значительное имѣніе. Маркизу остается только право владѣнія на лѣса въ Польшѣ, данное императоромъ. Что же дѣлаетъ угольщица? Она покупаетъ за сто тысячъ эку лѣса, которые стоить только двадцать пять тысячъ франковъ, и такимъ-образомъ снабжаетъ сына приданымъ во сто тысячъ эку. Для Шамкарвила не остается больше никакихъ возраженій. Мало того: угольщица завязываетъ свадьбу корзинку въ шестьдесятъ тысячъ франковъ, и все это къ великому сожалѣнію, къ великому удивленію и къ великой досадѣ своего управителя

Жерома, который въ нее влюбленъ и думаетъ, что она влюбилась въ полковника. Полковникъ самъ не знаетъ, откуда на него сыплются такіа благодѣянія. По его догадкамъ, только мать можетъ быть способна къ подобной щедрости. Слѣдуютъ объясненія. Маркизъ представляетъ Шамкарвилю свою мать, которой гордость возмущается. Бракъ разрушенъ... Угольщица хочетъ уѣхать изъ Вестфаліи съ своимъ безукрѣпнымъ сыномъ. Но у нея есть деньги, а съ деньгами можно многое уладить. Въ Вестфаліи живетъ тотъ нѣмецкій баронъ, Ригоберъ, которому нѣкогда угольщица спасла жизнь. Въ его волѣ разорить Шамкарвила; онъ было и пріѣзжалъ съ этимъ намѣреніемъ; но угольщица его удержала, вѣра еще въ бракъ своего сына. Теперь она употребитъ всѣ усилія, чтобъ склонить жестокаго отца невѣсты. Ригоберъ является съ долговымъ требованіемъ на имущество Шамкарвила; долгъ съ процентами простирается до трехъ милліоновъ. Страшный ударъ для гордаго дворянина! Угольщица вызывается заплатить три милліона. Шамкарвилъ все еще не сдается, даже передъ тремя милліонами, но Ригоберъ, который оказывается не иной кто, какъ Ригоберъ I-й, германскій владѣтельный князь, малучетъ угольщицѣ дворянство; возраженія падаютъ, и молодые люди могутъ свободно вѣнчаться. — Такого содержаніе новой пьесы Скриба, игранной на театрѣ l'Oréga Comique.

95) Le Code des Femmes (Кодексъ Женщинъ), *codex des femmes* отъ одного писателя, соч. г. Дюмауара.

Гражданское уложеніе (Code civil) Наполеона говоритъ въ 230 статьѣ: «Жена можетъ требовать развода за любодѣяніе мужа, когда онъ держитъ наложницу въ одномъ съ нею домѣ.» Далѣе, въ статьѣ 231: «Супруги могутъ взаимно требовать развода за дурное и жестокое обращеніе одного съ другимъ.» На этихъ двухъ статьяхъ, шосье Дюмауаръ основалъ очень-ва-

ленькій водевилъ для Пале-Рояльскаго Театра. — Мадамъ Эмма и мосьё Поль только-что женились и провели первые часы медоваго мѣсяца—мадамъ въ своей спальнѣ, а мосьё въ гостиной. Поутру, оскорбленный супругъ хотѣлъ имѣть объясненіе такого страннаго и неуточрбительнаго поступка со стороны новобрачной, но всѣ его усилія по этому предмету остались тщетны. Новобрачная сохранила упрямое молчаніе, и супругъ долженъ былъ уступить. — Является мосьё Миньйоннѣ, мастерски - сляченный типъ, — адвокатъ исправительной полиціи, является съ разводной и всѣми принадлежностями его званія; чтиваетъ мораль, льетъ ручьями фразы о необходимости разорвать узы, составляющія несчастіе двухъ лицъ. — Замѣчательно, что свѣръ Миньйоннѣ приванъ мадамъ Эммою, которая не хочет ни сугонъ оставаться женою мосьё Поля. — Дѣло разобрано: Поль въ самый день свадьбы поминалъ супругу и вѣдалъ куда-то въ насмѣхъ нумерномъ экипажѣ съ какою-то женщиной подъ вуалемъ; сверхъ того, пакетъ обвинительныхъ писемъ доставленъ несчастной супругѣ вѣтренаго мосьё Поля. — Отлагательства дѣло не терпитъ: правосудіе должно разрушить союзъ, сдѣлавшійся теперь невозможнымъ... Тутъ-то являютсѣ приведенныя выше статьи Кодекса. • Разсуждать вѣчего восклицаетъ мосьё Миньйоннѣ: такъ-какъ дама подъ вуалемъ не была принята въ общую квартиру, то намъ нужно теперь обстоятельство дурнаго и жестокаго обращенія; въ законномъ смыслѣ слова, надобна по-крайней-мѣрѣ пощечина. • Эмма беретсѣ добыть вещь, необходимо - требуемую закономъ, и, оставшись съ мужемъ, предается самымъ невѣроятнымъ капризамъ; отъ капризовъ переходитъ къ самымъ злымъ выходкамъ, потомъ къ самымъ страннымъ выдумкамъ и догадкамъ, а все не добьется ни малѣйшаго наморщенья бровей отъ Поля; наконецъ, тераетъ терпѣніе, и въ отчаяніи даетъ мужу те, чего сама для

себя такъ пламенно желала—отличную, звонкую пощечину. — Нагрѣвали Миньйоннѣ и два свидѣтеля: вина явная. — Поль, предуведомленный однимъ слугою о заговорѣ и сохранявшій полное спокойствіе духа, сердится наконецъ, увидѣвъ адвоката съ двумя приспѣшниками. Эмма, пристыженная, смущенная, произноситъ имя мосьё Миньйоннѣ. При этомъ имени, всѣ лица проясняются. • Бѣдный Миньйоннѣ говоритъ Поль тихонько женѣ: • вмѣсто того, чтобъ заниматься чужими дѣлами, думалъ бы лучше о своихъ; онъ вчера имѣ надѣлалъ хлопотъ: его жена, компрометтированная моимъ братомъ, утащила меня со свадебнаго бала, чтобъ выручить пакетъ писемъ, очень - невыгодныхъ для ея славы. • Тутъ Эмма выдаетсѣ мужу на шею и отдаетъ ему письма, которыя какой-то вѣроломный комиссіонеръ переслалъ ей, приписывая ихъ ея мужу. Мосьё Миньйоннѣ получаетъ ящичекъ съ письмами. • Жена моя • говоритъ шуточно Поль: • отнесетъ вашей ключъ отъ этого ящичка. • И зававѣтъ падаетъ.

90) *Le Mari au bal* (Мужъ на балѣ), комическая опера въ одномъ дѣйствіи, соч. г. Эмиля Дешана.

Оперетка театра l'Opéra Comique—хорошевская бездѣлка, къ которой музыка писана Амедеемъ Бопланомъ, столько же замѣчательнымъ композиторомъ въ легкомъ родѣ, сколько Эмиль Дешанъ замѣчательный стихотворецъ того же вкуса. — Одна дама, которою мужъ небрежетъ и которая хочетъ возвратитъ его къ себѣ, старается возбудитъ въ немъ ревность, заманивъ къ себѣ молодаго сосѣда, вѣстѣнчиваго и наивнаго. Мужъ, однако, этимъ не встревожился и все-таки отправляется на балъ. Его уведомляютъ, что молодой сосѣдъ пьетъ чай съ его женою въ три часа ночи. Мужъ можетъ позволить женѣ пить чай; но глазъ-на-глазъ съ молодымъ мужчиною, и въ три часа ночи, оно вѣскольно щекотливо. Мосьё Дюбуржѣ спѣшитъ домой, войдявъ въ пріимоченіи

оперного бала, чтобъ заняться только своимъ собственнымъ приключеніемъ; и хорошо дѣлаетъ, потому-что новичокъ началъ уже выходить изъ своей вѣстивчивости. Уже признаніе по формѣ смутило даму больше, чѣмъ слѣдовало... Услышавъ возвращеніе мужа, она причетъ молодого человѣка. Мужъ поднимаетъ сцену, какъ второй Альмавива; но молодой человѣкъ выпрыгиваетъ въ окно, возвращается въ дверь, и мужъ утихаетъ: думаетъ, что отдѣлался однимъ страхомъ, какъ оно и въ-самомъ-дѣлѣ есть, по-крайней-мѣрѣ на этотъ разъ.

97) *Les Mousquetaires* (Мушкетеры), драма въ пяти дѣйствіяхъ и 13 картинахъ, соч. гг. Александра Дюма и Огюста Макѣ.

Содержаніе пьесы заимствовано изъ вѣстимаго всѣмъ читателямъ французскихъ романовъ творенія москѣ Дюма, *Vingt ans après*, служащаго продолженіемъ *Trois Mousquetaires*, которые переводятся и на русскій языкъ. Пьеса въ Парижѣ дана на театрѣ *Ambigu Comique*; представленіе длилось шесть часовъ сряду и приводило въ постоянный восторгъ публику, для которой новые романы Дюма—верхъ совершенства. Вотъ содержаніе пьесы, по-крайней-мѣрѣ главныя черты этого содержанія:—Одинъ человѣкъ тяжело раненъ въ засадѣ. Его принимаютъ въ гостиницу и 'призываютъ священника, въ ожиданіи доктора. Умирающій исповѣдуются; онъ былъ нѣкогда бетюнскимъ палачомъ и взялъ отставку, десять лѣтъ назадъ, послѣ одной роковой ночи, когда онъ служилъ орудіемъ вовсе не юридическаго ищенія. Духовникъ вздрагиваетъ и добивается полнаго признанія. Мучимый совѣстью и страхомъ ада, кающійся рассказываетъ, что пять человѣкъ осудили на смерть одну женщину и поручили ему исполненіе приговора. Эта женщина была леди Винтеръ. При ея имени, Мордонъ обнажаетъ кинжалъ и закалываетъ палача, ибо казненная—его

мать. Съ этой минуты, молодой человѣкъ носитъ въ сердцѣ одну мысль, одну цѣль—ищеніе. Признаніе палача открыло ему имя одного изъ убійць, имя его дяди Винтера, который завладѣлъ его титулами и имѣніями. Съ этихъ-поръ, онъ будетъ тѣнью Винтера, будетъ слѣдить его шагъ за шагомъ, но поразитъ не прежде, какъ открытъ его сообщниковъ. — Мордонъ пріѣхалъ во Францію съ секретными порученіями отъ Кромвеля къ Мазарини. Въ Англіи онъ найдетъ д'Артаньяна и Портоса, посланныхъ отъ Мазарини къ Кромвелю. — Въ-самомъ-дѣлѣ, д'Артаньянъ, веселый и насмѣшливый лейтенантъ мушкетеровъ, соскучась продолжительнымъ бездѣйствіемъ, совзвалъ Атоса, Портоса и Арамиса, чтобъ предложить имъ новое вооруженное сотрудничество въ пользу недостойнаго преемника Ришельё. Портосъ, столь же наклонный къ сраженіямъ, какъ къ пирамъ, даетъ свое согласіе, но д'Артаньянъ не можетъ побѣдить неговорчивости Атоса и Арамиса, которыхъ презрѣніе къ Итальянцу увлекло въ партію фрондѣровъ. Однакожъ, прежде, чѣмъ разстались, двое друзей поклялись, что если когда-нибудь встрѣтятся на полѣ сраженія, то обнянутся дружескими пожатіями руки вмѣсто шпажнмъ ударовъ. — Лордъ Винтеръ, посланный во Францію отъ Карла I-го просить помощи у французской королевы, помощи, въ которой ему упорно отказано, даетъ Атосу и Арамису случай присутствовать на приватномъ свиданіи съ королевою Геврѣттою-англійскою. Двое дворянъ такъ тронуты несчастіями и достоинствомъ этой женщины, что отъ всего сердца предлагаютъ ей свои услуги и отираются, по ея просьбѣ, къ королю Карлу въ Шотландію. Въ ту минуту, какъ они садятся на корабль въ Булонь, одно слово лорда Винтера, ихъ спутника, убѣдило Мордонта, что изъ пятирехъ убійць матери ему теперь остается искать только двоихъ. — Вѣрные Шотландцы тайно продали своего короля Кромв-

лю, который отправляетъ своего секретаря Мордонта съ д'Артаньяномъ и Портосомъ за августѣйшимъ товаромъ. Но Атосъ и Арамисъ, сами того не зная, дерутся съ своими двумя друзьями, между-тѣмъ, какъ Мордонтъ pistolетными выстрѣломъ отправляетъ своего дядю, лора Винтера, вслѣдъ за бетюнскій палачомъ. Двухъ враговъ не стало! — На стукъ клинковъ сбѣгаются люди; сражающіеся узнаютъ другъ друга при свѣтѣ факеловъ, и, вѣрные клятвѣ, кладутъ оружіе. Хитрость д'Артаньяна вмѣстѣ съ силою Портоса, спасетъ двухъ пьяницовъ, не смотря на неусыпную бдительность Мордонта, который объявилъ ихъ своей доле добычи. — Карлъ I-й приговоревъ къ смерти. Его послѣднее свиданіе съ супругой и дѣтми составляетъ трогательную сцену. Четверо друзей, которые великодушно соединились для его спасенія, не вовсе потеряли надежду. Д'Артаньянъ заперъ палача, а Атосъ пробиваетъ стѣну тюрьмы. — Но казнь не минуетъ за недостаткомъ палача. Является палачъ-охотникъ, который благоразумно закрылъ лицо маскою, чтобъ сыграть гнусную роль. — Король идетъ на эшафотъ и оскорбленъ въ пути новымъ Ашасверомъ. По-крайней-мѣрѣ, новый Ашасверъ не будетъ скитаться по свѣту тысячу восемьсотъ лѣтъ, ибо, по просьбѣ д'Артаньяна, Портосъ закалываетъ его кинжаломъ. Поступокъ немножко-опрометчивый, но Портосъ не въ силахъ ни въ чемъ отказать другу. — Д'Артаньянъ слѣдуетъ за импровизированнымъ палачомъ и является къ нему въ квартирѣ съ своими тремя неразлучными товарищами. Мордонтъ очутился лицомъ-къ-лицу съ четырьмя врагами; ибо это онъ ввѣлъ топоръ, чтобъ отомстить королю, котораго рѣшеніе лишило его имени и наслѣдства. Мушкетеры могли бы тутъ повторить бетюнскій ночной приговоръ; но никто изъ нихъ не рѣшится быть палачомъ. Они честнымъ образомъ и открыто, каждый поочередно, будутъ сражаться съ оже-

сточеннымъ сыномъ ихъ жертвы. Вѣроломный съ притворной радостью принимаетъ четыре вызова; но, больше полагаясь на хитрость, чѣмъ на оружіе, онъ не хочетъ испортить своего ищенія. Едва ставъ въ позицію, онъ отступаетъ, и отступаетъ, не смотря на оскорбительныя восклицанія Артаньяна, до-тѣхъ-поръ, пока прислоняется къ потаенной двери, въ которую убѣгаетъ. — Мушкетеры, отчаясь его поймать и не имѣя ничего больше дѣлать въ проклятой Англіи, садятся на корабль, чтобъ возвратиться во Францію. Но Мордонтъ не отказался отъ ищенія. Корабль, на которомъ они ѣдутъ, нагруженъ пороховыми боченками. Во время ихъ сна, экипажъ пересадетъ въ лодку, фитиль будетъ зажженъ и, если они спасутся отъ огня, то погибнутъ отъ воды. Но Провидѣніе бдитъ надъ ними, избравъ орудіемъ спасенія одного пьяницу, который идетъ нацѣдить вина изъ бочки и находитъ въ ней порохъ. Мушкетеры, свѣдавъ объ этомъ, садятся въ лодку и отплываютъ на веслахъ. Гасить фитиль уже поздно. Мордонтъ кидается въ море во время взрыва корабля, настигаетъ лодку и проситъ помилованія. Черезъ-чуръ-великодушный Атосъ протягиваетъ ему руку на спасеніе, но Мордонтъ вѣпляется въ него, увлекаетъ его въ волны и воизваетъ кинжалъ въ грудь. Третьяго виновника не стало! По-крайней-мѣрѣ, остальные увидятъ еще Францію.

98) JEANNE DE FLANDRES (Юанна Фландрская), драма въ пяти дѣйствіяхъ, въ стихахъ, соч. г-на Ипполита Бизъ.

Сюжетъ Юанны-Фландрской одинъ изъ самыхъ драматическихъ. Двѣ дочери Балдуина, знаменитаго крестоносца, занимавшаго византійскій престолъ, имѣли странную судьбу: старшая, Юанна, двѣнадцать лѣтъ была разлучена съ своимъ мужемъ, Фернандомъ-Португальскимъ, находившимся въ плѣну во Франціи; младшая, Мар-

гарита, была насильно разведена съ своимъ, Бушардомъ-Авенскимъ, будлоу отлученія отъ церкви. Иоанна, сверхъ того, обвиняется нѣкоторыми историками въ погибели отца, который, говорятъ, воротившись изъ долгаго плѣна на Востокъ съ полу-пожраченными разсудкомъ, не былъ признанъ дочерью, принявшей или желавшей принять его за самозванца. Эта исторія, болѣе извѣстная подъ именемъ исторіи *Ажебалдуина*, представляетъ одно изъ тѣхъ романическихъ дѣяній, которыми авторъ можетъ пользоваться по своему произволу. Графиня Иоанна, характера повелительнаго, жадная до власти, образуетъ собою не столь-невинное лицо, чтобъ не могло возникнуть сомнѣнія въ ея дочерней нѣжности. — По разсказу константинопольской хроникъ, писанной безыменнымъ авторомъ въ первые годы четырнадцатаго вѣка на греческомъ языкѣ, императоръ Балдуинъ былъ убитъ 14 апрѣля 1208 года въ сраженіи съ Болгарами. Иоанна и Маргарита, его дочери, остались на жертву вѣнъ опасностямъ, какія угрожаютъ вѣнцесноснымъ сиротамъ: каждая держава домогалась присвоить себѣ ихъ наслѣдство; Филиппъ-Августъ долго держалъ ихъ въ Луврѣ и выпустилъ только повинуясь усиленнымъ требованіямъ Фламандцевъ. Тогда Иоанна вышла замужъ за Фернанда-Португальскаго и вступила съ Франціей въ войну, которая кончилась плѣномъ ея мужа въ Луврѣ. Въ-продолженіе этого плѣна, послѣдовала исторія Балдуина. — Въ 1215 г., впервые появились въ Геннегау монахи ордена св. Франциска. Ихъ мистическая и строгая жизнь возбудила любопытство. Въ нихъ узнали старинныхъ крестоносцевъ, которые дали обѣтъ, если забавятся отъ опасностей похода, отречься отъ своихъ женъ, дѣтей, и вести строго-монастырскую жизнь. Быстро разнесся слухъ, что рыцари, сопровождавшіе Балдуина, возвратились въ отечество и живутъ въ нищетѣ и безвѣстности, подъ монашеской одеждою. Говорили даже, что въ

одномъ отшельникѣ узнали самого графа Балдуина; въ-самомъ-дѣлѣ, скоро появился графъ Балдуинъ. Одинъ отшельникъ изъ окрестностей Валансьева заблаторазсудилъ назваться графомъ. Бароны, бывшіе въ войнѣ съ Иоанною, поспѣшили признать его за государя. Дѣло стало очень-серьезно: Иоанна увидѣла себя покинутою со всѣхъ сторонъ. Англійскій король прислалъ самозванцу поздравительное письмо; народъ поддался обманщику. Иоанна просила совѣта и помощи отъ французскаго короля. Тотъ лично прибылъ въ Пероннъ для слѣдствія надъ лжеимператоромъ. Заманили его ласками, и когда онъ очутился передъ парламентомъ, французскіе и фламандскіе бароны начали его разспрашивать и поставили на очную ставку съ французскими монахами. Обманщикъ худо выдержалъ многіе вопросы, сошелся на слабость памяти отъ дѣтъ и понесенныхъ несчастій. Воротившись во дворецъ, приготовленный для него, онъ почувствовалъ опасность своего положенія и ночью бѣжалъ. Пойманный послѣ въ Бургундіи, онъ выдалъ Иоаннѣ и казнилъ въ Лиллѣ. Такова наиболѣе-вѣроятная исторія дѣла; но не ее выбралъ трагикъ, а наиболѣе-эффектную. Съ нею связалъ онъ приключеніе Бушарда-Авенскаго, злѣя Иоанны, у котораго папа отнялъ жену и дѣтей подъ предлогомъ, что онъ съ юности былъ посвященъ въ поддѣланы; буллы, нѣсколько разъ обнародованныя противъ Бушарда, отличаются рѣдкой жестокостью. Въ драмѣ г. Ниполита Биса, Бушардъ, или Буркардъ, какъ называется его авторъ, пытается свергнуть Иоанну, когда самъ пораженъ атакою, противъ которой не устоялъ даже Филиппъ-Августъ, страстно-любленный въ Агнесу-Меравійскую. Является старій императоръ, воротившійся въ свои владѣнія нищимъ бродягою, прожженнымъ. Все бѣжить отъ его приближенія; одна только дочь его, Маргарита, привлеченная состраданіемъ и сама пораженная несчастіемъ, плачетъ съ нимъ и узнаетъ его.

Властолюбивая Иоанна противится чувству, овладѣвшему ея сестрою. Она не хочет видѣть въ пилигримѣ отца и государя. Партизаны Балдуина осудили ея въ Лиллѣ; силъ у нея не достаетъ; она прибѣгаетъ къ хитрости: предлагаетъ отдаться на судъ французскаго короля. Балдуинъ осужденъ; однако Иоанна въ верѣшимости; пѣсня, которою отецъ ублаживалъ ея въ дѣтствѣ, пробуждаетъ въ ней воспоминавія, которыя ея смягчаютъ; она готова уступить, но честолюбіе беретъ верхъ. Она не хочет ничего слушать и велитъ вести отца на казнь. — Таково въ короткихъ словахъ содержаніе новой драмы, игранный на Французскомъ Театрѣ (Théâtre-Français).

99) *Le Droit d'aînesse* (Право старшинства), *водевиль въ одномъ дѣйствіи*, соч. гг. Фурнье и Арвѣ.

У мадамъ Делоннѣ двѣ дочери, мамзель Клеманса и мамзель Фаннѣ. Клемансѣ какъ-равъ исполнится совершеннѣе, а Фаннѣ еще только шестнадцатая весна. Давно уже Клеманса предметъ ухаживанія жениховъ, но на всѣ исканія отвѣчала упорнымъ отказомъ отъ замужства. Если она боится супружескихъ узъ, за то Фаннѣ на этотъ счетъ совершенно противныхъ мыслей; свидѣтель тому мосьё Жюль. Юноша обожаетъ дѣвушку и получилъ ея вѣнцы; обѣ стороны сгараютъ желаніемъ вступить въ бракъ. Но какъ быть? Мамзельна рѣшила, что младшая дочь ни за что не выйдетъ замужъ прежде старшей. — Является мосьё Жюль де***, роль туриста, котораго потребность странствовать и любоваться природою завела въ замокъ Делоннѣ. — Молоденькіе любовники нашли, что прїѣздомъ туриста можно воспользоваться съ большою выгодною для нихъ. Надо, чтобы онъ влюбился въ Клемансу и просилъ тотчасъ ея руки. — Фредерикъ малый добрый; немедленно принимаетъ роль, какую ему назначаютъ; склонность влекла бы его скорѣе къ Фаннѣ, чѣмъ къ Клемансѣ; къ-счастію, вмѣшательство Жюля

приводитъ дѣло въ желанное положеніе. Забывъ всякое благоразуміе, и думая, что все улаживается къ лучшему, любовники открываютъ свою страсть кто кому: Фаннѣ своей матери—и теперь бѣда бѣдному Жюлю, его ногой не пустятъ въ домъ; Жюль Клемансѣ, но дѣвушка блѣднѣетъ, измѣняется въ лицѣ, готова упасть въ обморокъ, и убѣгаетъ, не объяснивъ причины своего страннаго поведенія. — Живописцы — самые дѣятельные сотрудники водевистовъ; портреты только и выдуманы для развязокъ комедій. Фаннѣ, роясь у сестры, нашла ящичекъ съ секретнымъ замкомъ и приноситъ находку къ своему любовнику; пожимаютъ дружию, ящичекъ открывается; въ немъ портретъ. Это изображеніе, которое обожаютъ, орошаютъ каждый день слезами, портретъ мосьё Жюля. — Сначала его отвергли, покетничали съ нимъ, потомъ страстно его полюбили. — Все объяснилось. Мосьё Жюль переходитъ къ мамзель Клемансѣ, а Фредерикъ къ Фаннѣ. Нужды нѣтъ, что они знакомы только со вчерашняго дня; они женятся: такъ водится на театрѣ. — Водевиль этотъ сыгранъ на театрѣ Gynpave, равно какъ и слѣдующій:

100) *Ноеми* (Ноеми), *комедія-водевиль въ двухъ дѣйствіяхъ*, соч. гг. Деннери и Клеманса.

Графъ д'Авриньи имѣетъ отличное состояніе, превосходное сердце, славный характеръ; сверхъ того, ему тридцать лѣтъ, и онъ не женатъ. — По обычаю всѣхъ такого рода театральныхъ лицъ, у него есть племянникъ. По обычаю всѣхъ такого сорта племянниковъ, мосьё Элеоноръ страшный цовѣса. Въ довершеніе негодности, онъ еще очень увѣренъ въ своихъ достоинствахъ, въ своей проникательности и наполеоновскою быстротѣ взгляда. Проницательность шалуна Элеонора скоро подвергается испытанію: у дяди, который его призвалъ, находитъ онъ молоденькую, интересную дѣвушку; это нуэина; нѣтъ сомнѣнія, дядя хочетъ его женить; при-

ходится заключить всё глупости и большею из глупостей — бракомъ. Онъ готовъ повиноваться: Валентина сдѣлается мадамъ Элеоноръ. — Между тѣмъ, являются двѣ Бретонки: одна молочная сестра Валентины, которая призвала ее, чтобъ сдѣлать своею горничной; другая — воспитанная съ Анетою и сестра ея по сердцу, послѣдовала за нею, привлеченная въ Парижъ совершенно-иной причиной, нежели подруга... Ноэми — ея имя — получила изъ рукъ умирающей матери письмо, которое должна передать графу д'Авриньи; она покинула Бретань, оставивъ тамъ одного молодого Парижанина, котораго любитъ и которымъ любима. — Какъ извѣстно, на театрѣ письма никогда не доходятъ по адресу, особливо въ первомъ актѣ. Сказанное письмо попадаетъ въ руки Элеонора. — Это письмо его удивляетъ, трогаетъ и терзаетъ: — онъ воображалъ себя единственнымъ наследникомъ дяди, а вдругъ оказывается прямой наследникъ... единственная любовь, какую дядя имѣлъ въ жизни, единственный проступокъ его молодости сопровождался очень невыгодными для племянника послѣдствіями: но хитрость Элеонора выводитъ его изъ затрудненія; онъ убѣждаетъ дѣвушку, что графъ не хочетъ ее видѣть и желаетъ, чтобъ она удалась. Ноэми въ отчаяніи собирается уйти. — Между тѣмъ, садъ наполняется толпою званыхъ гостей. Элеоноръ, значитъ, угадалъ; дядя готовилъ ему сюрпризъ: сейчасъ всѣмъ представить его жену, и дядя поступить по образцу американскихъ дядей. — Валентина является въ костюмѣ невесты; она прелестна; глаза Элеонора раугараютъ, онъ уже видитъ завидные взгляды всѣхъ пріятелей, и пересчитываетъ дадины червонцы. — Боже великій! — Ему представляютъ мадамъ д'Авриньи. Племянникъ уничтоженъ. Пока онъ весь предается огорченію, двѣ молоденькія Бретонки подходятъ къ невестѣ, и Ноэми, которой хочется остаться при отцѣ, рекомендуется молочной сестрою Валентины.

Анета согласилась на этотъ подвѣтъ для счастья подруги. — Черезъ мѣсяцъ послѣ брана, графъ дѣлается опасно-болѣнъ, и становится предметомъ самыхъ неутомимыхъ и самыхъ вѣжныхъ попеченій Ноэми. День и ночь у его изголовья, хорошенькая Бретонка возбуждаетъ въ высшей степени признательность и любовь выздоравливающего. Графиня съ неудовольствиемъ видитъ возрастающую привязанность своего мужа къ сироткѣ; въ ней зарождается ревность, и въ согласіи съ своимъ кузеномъ Жюлемъ де-Морна, молодымъ Парижаниномъ, покинувшимъ Бретань съ-тѣхъ-поръ, какъ предметъ его страсти внезапно удался оттуда, она составляетъ заговоръ противъ дѣвушки, которую желаетъ удалить изъ дома. — Съ своей стороны, Элеоноръ не увиль отъ постигшаго его удара. Обычная провинчателность тотчасъ внушила ему планъ поведенія, который онъ осуществилъ: обманутый продѣлкою Ноэми, онъ взялъ къ себѣ Анету, подругу Ноэми, думая, что она дочь его дяди; уговорилъ навзную дѣвушку пойдти къ нему, сказавъ, что она будетъ компаньонкою его будущей жены. Цѣль его очень-проста: онъ хочетъ заставить свою нечаянную кузину любить себя, жениться на ней и воротить такимъ-образомъ себѣ все дядино имѣніе, которое отъ него ускользнуло. — Обдумавъ планъ, Элеоноръ является къ графу, съ двумя бумагами въ рукѣ — полнымъ спискомъ своихъ кредиторовъ и письмомъ, заключающимъ въ себѣ секретъ рожденія Ноэми, который дѣвушка уиѣла до-тѣхъ-поръ скрывать... По прихоти судьбы, упорно преслѣдующей всѣ письма въ этомъ водевилѣ, положенный Элеоноромъ на столѣ конвертъ содержитъ въ себѣ не списокъ кредиторовъ, а послѣдній просьбы на смертномъ одрѣ женщины, которую графъ нѣкогда покинулъ, сдѣлавъ матерью. — Остальное не мудрено угадать. Все объясняется, и послѣ новой мистификаціи провинчательнаго Элеонора Ноэми выходитъ за Жюля де-

Морна, и дядя соглашается на брак Аветы съ племянникомъ, давъ ей въ приданое сумму вдвое противъ суммы долговъ повѣсы.

101) *Le Roi aux Roses* (Горшокъ розъ), *водевилъ въ одномъ дѣйствіи*, соч. гг. Дювера и Бойдѣ.

Мамзель Фразіи—хорошенькая швея, очень-сговорчивая и одна изъ самыхъ развязныхъ; она хочетъ во чтобы ни стало выйдти замужъ, и чтобы добиться дѣди, вопреки пословницѣ, гонится вдругъ за тремя зайцами. Первый заяцъ—мосьё Поллдоръ, молодой студентъ правъ, гораздо-больше плѣненный прелестями швеи, чѣмъ наслажденіями отъ Нандектовъ. Второй заяцъ—мосьё Шапотд, старый лавочникъ, который представился подъ именемъ Жерома; онъ сколько-можетъ скрываетъ свое званіе, свои пятьдесятъ-восемь лѣтъ, сулитъ супружескія узы и вѣжно воркуетъ; его средства обольщенія—сахарныя печенки, куча плитокъ шоколада и прочія принадлежности егд торговли. Третій заяцъ—мосьё Валентинъ, музыкантъ армейскаго полка; онъ избранникъ сердца мамзель Фразіи, но уже три года въ отсутствіи; другіе взяты только для замѣны его, въ случаѣ, если онъ позабылъ ту, которая заставляла барабанить его сердце.—Теперь Поллдоръ допущенъ завтракать съ своей красавицей: угощеніе состоитъ изъ шоколада, приславнаго Шапотд. Любовники только-что располагаются приняться за завтракъ, какъ является Валентинъ. По стариннымъ правамъ кузена, онъ выходитъ изъ себя, что у кузины оказался посторонній посѣтитель. Фразіи выдаетъ студента также за кузена, и двое соперниковъ на пріятельской ногѣ между собою, какъ вдругъ предстаютъ мосьё Шапотд, а слѣдомъ за нимъ его жена. Шапотд даютъ роль дяди, но жена лавочника не умѣетъ быть тѣткою. Положеніе тѣмъ больше запутывается, что мамзель Шапотд открываетъ въ студентѣ правъ забывчиваго невѣрнаго,

которому нѣкогда она расточала свою благосклонность.—Наконецъ, Шапотд чувствуетъ потребность оморализировать свое положеніе и достаетъ изъ кармапа завѣщаніе. Какъ душеприкащикъ одного пріятеля, онъ долженъ передать 10,000 франковъ Фразіи, если она безукоризненнаго поведенія. Пожилой лавочникъ хотѣлъ лично удостоверить въ ея качествахъ; теперь онъ объявляетъ ее достойною завѣщанной награды. — Поллдоръ долженъ возвратиться къ ногамъ мамзель Шапотд. — Фразіи выходитъ за армейскаго музыканта, который получилъ новую, болѣе-выгодную должность. — Водевиль довольно-забавенъ и понравился публикѣ Пале-руаальскаго-Театра.

102) *L'Île de Robinson* (Островъ Робинсона), *водевилъ въ одномъ дѣйствіи*, соч. гг. Дювера и Дюванна.

Пьеска писанная для театра водевиля, для репертуара комика Арналя, слѣдственно, обилуетъ веселостію и забавна. Порядочной канвы отъ нея нѣчего спрашивать, ибо на театрѣ все дѣло было въ островахъ и выходкахъ Арналя. Вотъ ея очеркъ. — Арналь и Аманъ, отпавшись на Маринсвие-Острова, потерявши кораблекрушеніе и выкинуты волнами на пустой островъ, Аманъ сдѣлался королемъ, Арналь взялъ роль народа. Конституціонное правленіе невозможно, ибо есть только двѣ власти; однако составлена хартія, изъ-за статей которой поднимаются большіе споры.—Король имѣетъ право повелѣвать, но Пятница—какъ называлъ себя народъ—имѣетъ право не повиноваться и не работать, ссылаясь каждый день на праздники.—Чѣмъ доказывать противное? Календаря нѣтъ.—Король однако сердится; народъ зацѣвуетъ *Марсельезу*. Грозитъ революція, какъ вдругъ являются женщины. Слѣдуютъ остроуты, *quiproquo*, забавныя разсужденія о невозможности населить островъ, потому-что нѣтъ мѣра, а женская партія требуетъ законнаго брака по всѣмъ формамъ. Мы обручимся передъ лицомъ солнца: воскли-

цаетъ Арналь: «нѣтъ лица торжественнѣе и величественнѣе, какъ лицо побѣдной тверди». — Парусъ, показавшійся вдали, полагаетъ конецъ спорамъ, и всѣ отплываютъ на крыльяхъ успѣха и въ сообществѣ смѣха.

103) Deux Compagnons du Tour de France (Два Французскіе Компаньйона), комедія-водевилъ въ двухъ дѣйствіяхъ, соч. гг. Лопруа и Жюля де-Валль.

Компаньйонажъ придаетъ дружбѣ благородство, которымъ онъ до чрезвычайности гордъ и въ которому чрезвычайно привязанъ. Оттуда ожесточенныя войны между долами (devoirs), дѣлая эпопея сравненій, роль воинствующей церкви, фанатизмъ, исключительный героическій драмъ и дикой поэзіи, воинныя и любовныя пѣсни, славныя воспоминанія и рыцарскія дружбы. Всіи доли имѣютъ свою Иліаду и свой мартирологъ. — Слова Жоржа Занда въ предисловіи къ одному изъ лучшихъ ея романовъ «compagnon du Tour de France», который не можетъ быть неизвѣстенъ каждому образованному читателю. Эти строки, очевидно, внушили авторамъ мысль пьесы, которой они, къ сожалѣнію, дали мелкіе водевильные раамѣры на сценѣ театра Variétés. Въ водевилѣ удержаны нѣкоторые типическія фаніонміи лица романа; главная роль принадлежитъ знаменитому актеру Буффѣ. — Двѣ корпораціи компаньйонствъ — столаровъ занимаютъ Руанъ. Пожиратели и gavots нѣсколько разъ обливали кровью города; послѣ многочисленныхъ сраженій, послѣ отчаянныхъ битвъ они условились вѣршить дѣло миролюбиво, постановили выбрать съ каждой стороны по компаньйону, которые будутъ заперты, сторожины однихъ пожирателямъ и однихъ gavots, и должны оба сдѣлать что называется образцовую работу (chef-d'oeuvre); потомъ назначатся судьи; побѣдители останутся въ городѣ, побѣжденные его покинуть. — Между пожирателями, двое братьевъ

слынуть искуснѣйшими мастерами. Ришаръ, по прозванію Корниоецъ, и Шарль по прозванію Задумчивый; въ борьбѣ падаетъ на Ришара. — Съ той минуты, какъ эта честь присуждена брату, Шарль сдѣлался еще угрюмѣе, еще молчаливѣе; въ головѣ его роются самыя мрачныя планы. — И безъ того на немъ уже тяготѣетъ говеніе рока: онъ замѣтилъ, что отецъ, сестра, даже мать любили больше брата, нежели его. — По смерти отца и матери, оба, прирѣчные отцомъ компаньйонствъ, они любили одну и ту же женщину, по-крайней-мѣрѣ такъ думаетъ Шарль, — и Сюзанна, дочь отца компаньйонствъ, предпочитала Ришара; наконецъ, оба они сдѣлались отличными мастерами, но Ришаръ выучился скорѣе его, и Ришара избрали компаньйоны для поддержания чести ихъ знамени. — Gavots, боясь быть побѣждены пожирателями, выдумали безчестную хитрость: замыслили наказать дѣл, торжественно — назначеннаго для рѣшенія спора, удалить Корниоеца изъ комнаты, гдѣ онъ запертъ, похитить у него образцовую работу, и успѣхъ роковаго замысла основали на виновной страсти Задумчиваго. Корниоецъ, вовсе не думая о Сюзаннѣ, влюбленъ въ дочь одного gavot, убитаго въ компаньйонской дракѣ; gavots увѣряютъ дѣвушку, что отецъ ея убитъ ея любовникомъ; какъ ни нелѣпо это предположеніе, но оно принято дѣвушкою, которая отсылаетъ назавъ Корниоецу золотой крестикъ, залогъ его любви. — Ришаръ, потерявъ рассудокъ, не помнить уже ничего на свѣтѣ, забываетъ свое важное порученіе, забываетъ строгую обязанность, которая должна бы его удержать безвыходно въ комнату, и уходитъ; братъ его, стоя на караулѣ у двери, видитъ, что онъ уходитъ, и не останавливаетъ его. — Образцовая работа уирадена, Ришаръ опозоренъ; ревность пригвоздила несчастнаго Шарля къ мѣсту: онъ молчитъ передъ Сюзанною, которая знаетъ истину; онъ покрывается стыдомъ передъ братомъ,

передъ сообщавшимъ, передъ той, которую любить. — Черезъ два года послѣ этой сцены, мы въ Парижѣ у матери компаньоновъ. — Сюзанна, по смерти отца, сдѣлалась матерью пожирателей; домъ ея есть общій домъ: всѣ компаньоны столары приходятъ къ Сюзаннѣ; она со всѣми съ ними обходится какъ съ братьями, они у ней какъ дома; одного рабочаго никогда не видать, Шарля-Задумчиваго. Терзаемый угрызениями совѣсти и еще исполненный страсти, Шарль ищетъ въ равныхъ крайностяхъ забвенія своему горю. Наконецъ однажды, почти пьяный, въ костюмѣ дебардѣра и подъ руку съ публичной женщиной, онъ является къ той, которую любить; она отвѣчаетъ презрительнымъ молчаніемъ на его оскорбленія. — Тогда Задумчивый прячется и подсматриваетъ за тѣмъ, что дѣлаетъ Сюзанна. — Является Коринейоцъ. Ришаръ, помощію труда, приобрѣлъ новое положеніе и прибѣгаетъ къ матери пожирателей, чтобъ оказать ей одну услугу. Опять потерять рассудокъ и мучимый демономъ ревности, Задумчивый съвязываетъ товарищѣй и доноситъ имъ о присутствіи брата. Пожиратели хотятъ убить человека, который ихъ опозорилъ, какъ вдругъ мать выходитъ вперевдъ для защиты Коринейца. — Ты подлець! восклицаетъ она Шарлю: — я стыжусь, что любила тебя. — Внезапное открытіе въ одинъ мигъ преобразяетъ Задумчиваго; онъ кидается, заслоняетъ брата собою, и признается во всемъ; рассказываетъ страшный умыселъ, составленный *gavots*, и измѣну, которой жертвою былъ его братъ. — Ришаръ съ Шарлемъ бросаются другъ другу въ объятія. — имѣющіе понятіе о родѣ таланта Буффѣ могутъ себѣ представить, что онъ сдѣлалъ изъ подобной роли.

104) MARIE-JEANNE, OU LA FEMME DU PEUPLE (Марія-Жанна, или простодушница), драма въ пяти дѣйствіяхъ, соч. гг. Денвері и Мальяна.

Это драма театра Сен-Мартенскихъ-Воротъ, гдѣ преимущественно дають мѣщанскія драмы и мелодрамы. — Въ одной церкви, въ одинъ часъ, вѣчаютъ двѣ пары. Марія-Жанна, добрая и простая ремесленница, выходитъ за Бертрана, тоже ремесленника, котораго она страстно любитъ; хорошенькая благородная дѣвица, Софїя, вѣчается съ графомъ Бюсьеромъ. Это бракъ безъ расчета; сердце Софїи принадлежитъ ея кузену, москѣ Теобальду. — На улицѣ двѣ свадьбы повстрѣчались; скромное жилище рабочаго отстоитъ только черезъ дорогу отъ замка Бюсьеровъ, и подъ скрипки графа тавчуютъ добрые рабочіе, товарищи Бертрана. Пораженная всѣми этими обличеніями и совпаденіями, Софїя захотѣла видѣть Марію-Жанну, пожать руку бѣдной ремесленницѣ; потомъ предложила свое покровительство, и надѣвъ ей на руку кольцо, просила обращаться къ ней всякій разъ, какъ та будетъ въ нуждѣ. — Черезъ нѣсколько минутъ по уходѣ прекрасной графини, лирейный слуга приноситъ корзинку шампанскаго, и всѣ гости предаются самой шумной радости. Къ несчастію, Бертранъ оказывается шумливѣе всѣхъ; онъ опьянѣлъ, начинаетъ очень непристойно кричать на жену, даже подымаетъ на нее руку. Бѣдная Жанна, очевидно, ошиблась въ выборѣ мужа? — Прокондитъ годъ. Марія-Жанна въ страшной бѣдности; у ней и у ребенка не дѣстаетъ самаго необходимаго для жизни; она день и ночь работаетъ, чтобъ едва добыть самое нужное; а между тѣмъ мужъ, котораго уже три дня нѣтъ дома, проводитъ время въ кабакѣ, въ обществѣ одного негодяя, по имени Ремі, поощряющаго его къ самымъ чернымъ дѣламъ. — Измученная лишеніями всякаго рода, истощенная горемъ и нищетой, бѣдная мать скоро буметь не въ состояніи кормить грудью ребенка. Она скопила по копейкамъ, помощію тяжкаго труда, маленькую сумму, назначая ее на плату корзинницѣ; во время ея ухода, Бертранъ возвращается домой съ сво-

нив отратительный другъ Рема; все бьютъ и ломаютъ, находятъ маленькую скопленную сумму и уносятъ ее. — Возвратясь, несчастная Жанна замѣчаетъ покражу; вѣшать нельзя, надо отвести ребенка въ воспитательный домъ, иначе онъ умретъ съ голода. — Съ драгоценной пошею на рукахъ, дрожа всѣми членами, бѣдная мать принесла тяжкую жертву, но наконецъ не выдержала и упала безъ чувствъ на мостовую. Человекъ, вышедшій изъ кабака, натѣкаетъ на нее дорогою: это Бертранъ. Несчастный узнаетъ жену; онъ протрезвился, кидается къ ея ногамъ, покрываетъ ее слезами и поцалуями. — Пришедъ въ память, Жанна отталкиваетъ мужа, который внушаетъ ей ужасъ, клянется не видать его никогда до тѣхъ поръ, пока онъ не возвратитъ ей ребенка, и со слезами даетъ ему всѣ указанія, по какимъ онъ можетъ его узнать. — Въ темнотѣ, при свѣтѣ фонаря, какой-то человекъ, завернутый въ плащъ, слышалъ всю эту сцену. Онъ записалъ, все, что было сказано, и елза Марія-Жанна съ Бертраномъ удалились, онъ подходитъ къ дверямъ воспитательнаго дома и звонитъ. Второе дѣйствіе кончилось, и занавѣсъ опускается. — Графиня Софій де-Бюсьеръ овдовѣла. Отъ этого брака, не очень-то счастливаго, родился ребенокъ, одна радость и одно счастье его матери на семь свѣтѣ. — Ребенокъ боленъ, но мать общала руку и сердце доктору, если онъ спасетъ ея дитя. — Ребенокъ умеръ. — Проникательный зритель уже догадывается, кто былъ человекъ въ плащѣ, пошедшій въ воспитательный домъ. Это докторъ Анпиани, который хочетъ во что бы то ни стало завладѣть имѣніемъ де-Бюсьеръ. Онъ расудилъ, что легко подиѣнить умершее дитя первымъ ребенкомъ, взатымъ на-удачу въ воспитательномъ домѣ. — Но въ мелодрамахъ всегда бодрствуетъ карающее Провидѣніе. — Марія - Жанна, вспоминая про общаніе прекрасной дамы, вѣчавшейся въ олянь день съ нею, приходитъ просить работы и приста-

ница у мадамъ де-Бюсьеръ; расказываетъ ей свою печальную исторію, и приближается къ колыбели. — Боже! Она узнаетъ своего ребенка. Анпиани, докторъ-похититель, кидается къ колыбели и объявляютъ несчастную Жанну помѣшанною. Ее отправляютъ въ больницу умалашенныхъ. Притященная силою въ больницу, несчастная мать напрасно вопіетъ на несправедливость. Ее запираютъ, какъ сумасшедшую. Не смотря на всѣ жестокия потрясенія, расудокъ ея, однако, не затмился и сердце не остыло. На вопросы врача больницы отвѣчаетъ она твердо и вѣрво. Ее готовы признать непомѣшанною но является Анпиани; и запутываетъ бѣдную мать въ лабиринтѣ разныхъ темныхъ вопросовъ, говоритъ больничному доктору, что она поражена монотаніею, что легко ошибиться въ здравости ея расудка. — Наконецъ, увидѣвъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, Жанна, для полученія свободы, признается, что на нее вѣшалъ припадокъ, что она въ безуміи звела на графиню де-Бюсьеръ преступное дѣло, что ея ребенка итъ на свѣтѣ. Ее выпускаютъ. — Возвративъ себѣ свободу, Жанна прибѣгаетъ въ отель графини, пробрается украдкою въ спальню ребенка и хочетъ его похитить, но додоспѣлъ Анпиани. — Чтобъ разомъ покончить дѣло, негодный сбрасаетъ убить мать украденнаго имъ ребенка, какъ является Бертранъ, сдѣлавшійся честнымъ и трудолюбивымъ ремесленникомъ; съ нимъ приходитъ Теобальдъ. Последний обличаетъ самозваннаго доктора, который не иное что, какъ итальяскій мошенникъ. — Мерзавцу остается только бѣжать; двѣ матери падаютъ другъ другу въ объятія; ребенокъ будетъ отнынѣ принадлежать имъ обѣимъ. — Драма имѣла большой успѣхъ.

УЧЕНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

НАРОДОНАСЕЛЕНІЕ ВЪ ГУБЕРНІЯХЪ ЕВРОПЕЙСКОЙ-РОССІИ. — Это дополненіе къ таблицѣ величины пространства 37 губерній, помѣщенной въ прошедшей книжкѣ нашего журнала. Г. Кеппенъ, извѣстный статистикъ нашъ, желая опредѣлить населенность Европейской-Россіи, просилъ Императорскую Академію Наукъ доставить ему точныя данныя о величинѣ ея пространства, принимая въ основаніе специальную карту западной

части Россійской-Имперіи. Академія Наукъ поручила этотъ трудъ г. Штруве и въ прошломъ мѣсяцѣ читатели наши видѣли интересные результаты измѣреній, произведенныхъ г. Швейцеромъ подъ руководствомъ г. Штруве. Теперь помѣщаемъ факты о населенности различныхъ губерній Европейской, Россіи, представленные г. Кеппеномъ Императорской Санктпетербургской Академіи Наукъ. Эти факты какъ всѣ статистическія данныя, ограничиваются цифрами, которыя говорить сами за себя лучше всякихъ громкихъ фразъ и превысшенныхъ соображеній.

Таблица населенности различныхъ губерній Европейской-Россіи въ 1846 году.

Названія губерній и областей.	Народонаселеніе въ 1846 году.	Величина пространства.		Населенность.	
		Въ квадрат. верстахъ.	Въ квадрат. миляхъ.	На квадрат. версту.	На квадрат. милю.
1. Архангельская	253,000	750,906	15,519	0.337	16.3
2. Астраханская	284,400	138,402	2860	2.05	99.4
3. Бессарабская-Область	792,000	41,511.4	857.95	19.08	923
4. Харьковская	1,467,400	47,667.3	985,16	30.78	1490
5. Херсонская, исключая Одессу.	766,500	64,450.2	1332.03	11.89	375
Одесское Градоначальничество	75,900				
Въ сложности	842,400			13.07	632
6. Хмельнская-Область, исключая Черноморья	402,300	94,707	1957	4.25	206
Черноморскіе казаки	124,100	33,522	693	3.70	179
Въ сложности	526,400	128,229	2680	4.10	199
7. Земля Донскихъ Казаковъ	704,300	142,401.2	2943.09	4.95	239
8. Остляндская безъ Озера Пейвуса	310,400	17,884.2	369.63	17.35	839
Включительно съ озеромъ		18,209.5	376.35	17.05	823
9. Гродненская	907,100	33,804.0	692,45	27.07	1310
10. Ярославская	1,008,100	31,933.4	659.99	31.57	1527
11. Екатеринбургская (безъ Таганрога и азовскихъ казаковъ)	787,200	54,253.1	1121.31	14.51	702
Таганрогское Градоначальничество	76,900	3340.3	79.39	20.02	969
Азовское казанное войско	6,000	267.0	5.51	22.10	1089
Въ сложности	870,100	58,360.4	1206.20	14.91	721
12. Калужская	1,006,400	27,745.8	573.44	36.27	1755
13. Казанская	1,342,900	54,574	11:8	24.60	1190
14. Киевская	1,605,800	44,222.1	913.96	36.31	1757
15. Костромская	1,054,600	72,427	1496	14.51	705
16. Ковенская	915,500	36,877.6	756.04	24.96	1208
17. Курляндская	552,200	22,987.4	495.75	23.07	1116

18. Курская	1,020,000	39,398.8	818.41	42.43	2052
19. Люблинская, безъ водъ. Съ водами включительно	814,100	40,269.4	832.25	20.22	978
		41,294	858.44	19.71	954
20. Минская	1,046,400	78,500.4	1622.43	13.32	645
21. Могилевская	931,300	42,814.3	884.89	21.73	1052
22. Московская	1,374,700	28,511.2	589.26	48.21	2223
23. Нинисе-Цовгородская	1,178,200	42,432	876.97	27.77	1343
24. Новгородская, безъ водъ. Съ водами включительно	907,900	104,906.3	2168.16	8.65	419
		107,090.4	2213.30	8.48	410
25. Олонецкая, безъ водъ. Съ водами включительно	263,100	116,864.7	2415.35	2.25	109
		134,695.7	2783.85	1.85	95
26. Орловская	1,502,900	41,562.0	858.99	36.16	1730
27. Оренбургская	1,893,300	270,006	5581	7	339
Земля Уральск. Казаковъ Въ сложности	50,000	57,680	1192	0.9553	46.14
	1,948,500	327,688	6773	5.95	289
28. Пензенская	1,087,200	33,394.4	690.19	32.56	1575
29. Пермская	2,637,700	293,851	6073	5.57	370
30. Подольская	1,703,900	37,442.6	773.86	45.48	2201
31. Податская	1,783,800	43,383	896.66	41.12	1989
32. Псковская безъ озера Псковскаго	775,800	38,806.3	802.04	19.99	967
Съ озеромъ включительно		39,160.7	809.36	19.81	959
33. Рязанская	1,365,900	37,984.8	766.44	36.83	1783
34. С.-Петербургская, толькосу- ша, съ остр. Котлинимъ. Съ озерами Ладожскимъ, Пейпусомъ и Псковскимъ- Озеромъ	643,700	39,461	815.56	16.31	789
		46,920.2	969.72	13.72	664
35. Саратовская	1,718,600	170,329	3525	10.08	487
36. Симбирская	1,318,900	63,599	1315	20.74	1003
37. Смоленская	1,170,600	49,328.3	1019.45	23.73	1148
38. Тамбовская	1,750,900	58,170.5	1202.24	30.10	1356
39. Таврическая безъ Сива- ша, включая Керчан- ское Градоначальничъ	572,200	56,289.5	1163.38	40.17	462
40. Черниговская	1,430,000	46,379.0	999.88	29.53	1440
41. Тульская	1,227,600	26,833.0	554.99	45.69	2211
42. Тверская	1,327,700	59,191.7	1223.35	22.43	1083
43. Владимирская	863,700	37,159.0	767.99	23.24	1125
44. Витебская	789,500	39,203.8	810.25	20.14	874
45. Вятская	1,662,800	120,958	2500	13.75	685
46. Владимирская	1,246,500	41,708.3	862.01	29.89	1446
47. Вологодская	822,200	337,111	6967	2.43	118
48. Волынская	1,448,500	62,732.2	1296.32	23.04	1115
49. Воронежская	1,657,900	55,517.2	1309.42	28.33	1371
Общая сложность	54,092,300	4,360,358.7	90,117,66	12.41	600

Въ первой графѣ помѣщены общія данныя народонаселенія для будущаго 1846 года, которыя Кеппелъ вывелъ черезъ прибавленіе десяти процентовъ къ суммѣ (капиталу) народонаселенія, состоящему по послѣдней ревизіи въ 1834 году.

Губерніи, которыя, названія вѣдѣчатыя куренномъ, не могли быть измѣрены по Шубертовой спеціальной картѣ; пространства же ихъ опредѣлены на основаніи данныхъ генеральнаго межеванія; сообщенныхъ Акаде-

міи Наумъ Межевымъ Департаментомъ Правительствующаго Сената.

Шубертъ, въ своемъ руководствѣ общей статистики Европы (Handbuch der Allgemeinen Staatskunde von Europa, Bd. V, Th. V: S. 78. Königsberg: 1835) опредѣляетъ населенность слѣдующими двумя степенями:

Населеніе слабое — 1,000 душъ на кв. милю; населеніе большое — 2,400 душъ на кв. милю.

Но, соображаясь съ этими вѣдѣчатыми, одну Московскую Губернію помѣ-

но признать сильно-населенною, потому что въ ней можно положить 2,588 душъ на кв. милю. Въ 26 губерніяхъ найдемъ мы такимъ образомъ только среднее населеніе; остальные же 22 губерніи будутъ слабо-населенныя.

Г. Кеппенъ для Европейской-Россіи принимаетъ другія мѣрила: онъ полагаетъ для населенія сильнаго — 1,400 душъ на кв. милю; населенія средняго — отъ 700 до 1,400 душъ на кв. милю; населенія слабого—менѣе 700 душъ на кв. милю.

Такимъ образомъ, губерніи сильно-населенныя будутъ:

Московская.
Тульская.
Подольская.
Курская.
Полтавская.
Рязанская.
Кіевская.
Калужская.
Орловская.
Пензенская.
Ярославская.
Харьковская.
Тамбовская.
Владимірская.
Черниговская.

Губерніи средне-населенныя:

Воронежская.
Нижегородская.
Гродненская.
Ковенская.
Казанская.
Смоленская.
Вилевская.
Курляндская.
Вольнская.
Тверская.
Могилевская.
Симбирская.
Ливонская.
Витебская.
Псковская.
Бессарабская-Область.
Эстляндская.
Санктпетербургская.
Екатеринославская.
Костромская.

Губерніи слабо-населенныя:

Вятская.
Минская.
Херсонская.
Таврическая.
Саратовская.
Новгородская.
Оренбургская.
Пермская.
Земля-Донскихъ-Казаковъ.
Кавкасская-Область.
Вологодская.
Олонекская.
Астраханская.
Архангельская.

Для будущаго времени, эти отношенія необходимо должны измѣниться.

НОВАЯ КЛАССИФИКАЦІЯ РЫБЪ

—Ихтиологія—часть зоологіи, разсматривающая рыбъ, — впрочемъ доказывается важность ископаемыхъ (допотопныхъ, первобытныхъ) животныхъ для естественной классификаціи современнаго животнаго царства. Палеонтологія совершенно измѣнила основанія ихтиологіи. Необыкновенное различіе, которое существуетъ между рыбами живыми и ископаемыми, заставило натуралистовъ установить въ классъ рыбъ цѣлыя отряды, семейства, немнѣющіе вовсе или имѣющіе только немногихъ представителей въ современную эпоху. Многіе виды рыбъ, существующіе теперь, въ наше время, должны были необходимо переимѣнить мѣсто въ системѣ и соединиться съ ископаемыми группами, которыя составляютъ совершенно различные отряды. Основательность всѣхъ этихъ измѣненій зависитъ отъ одной гипотезы, которую можно доказать только изслѣдываніемъ рыбъ, живущихъ въ настоящую эпоху, именно, что существенныя различія въ скелетѣ и чешуяхъ необходимо ведутъ за собою также различія существенныя вообще въ цѣлой организаціи. Но какъ ни важны для классификаціи результаты, выведенныя изъ изслѣдованій ископаемыхъ рыбъ, мы должны сознаться, что до-сихъ-поръ мало было обращено вниманія на нихъ.

Отъ 700 до 1,400 душъ на кв. милю, или отъ 13,75 до 0,337 душъ на кв. версту.

Больше 1,400 душъ на кв. милю, или 27,07 душъ на кв. версту.

Отъ 1,400 и до 700 душъ на кв. милю, или отъ 27,07 и до 13,75 душъ на кв. версту.

томлю живыхъ рыбъ, и по этому всѣ попытки соединить и живыхъ и ископаемыхъ рыбъ въ одной общей системѣ не имѣютъ еще твердыхъ основаній.

Кювье, въ первомъ томѣ *Histoire naturelle des Poissons* (Естественная Исторія Рыбъ), въ послѣдней главѣ выводитъ, какъ заключеніе, что составленіе семействъ въ классѣ рыбъ не представляетъ особой трудности; но, чтобъ расположить эти семейства въ относительномъ порядкѣ, необходимо держаться немногихъ самыхъ важныхъ характеровъ; такимъ образомъ, говоритъ онъ, можно составить и большіе высшіе отдѣлы, которые будутъ связаны естественными отношеніями. Но до этого результата натуралисты еще далеко не достигли.

Группа хрящевыхъ рыбъ, которая составляетъ второе главное отдѣленіе этого класса, предложенная въ первый разъ Артеди и принята Кювье, представляетъ совершенно — неестественное соединеніе самыхъ равнородныхъ семействъ; она заключаетъ въ себя имѣтъ осетровъ, химеръ, хрящупольныхъ равнородныхъ (*Chondrostei*) и круглоротыхъ (*Cyclostomi*). Напротивъ, первое отдѣленіе — рыбы остистыя — совершенно естественное, и состоитъ изъ семействъ, сродныхъ между собою.

Ископаемыя рыбы представляютъ самыя рѣзкія различія въ чешуяхъ. Агасси, о трудахъ котораго не разъ говорено уже было въ нашемъ журналѣ и въ этомъ отдѣленіи и въ отдѣлѣ «Наука», основалъ на этихъ различіяхъ общую классификацію рыбъ: онъ раздѣляетъ ихъ на четыре отряда — круглочешуйчатыхъ (*Cycloidei*), гребнчаточешуйчатыхъ (*Stenoidi*), углочешуйчатыхъ (*Ganpodei*) и пластинчаточешуйчатыхъ (*Placoidei*).

Главные результаты изслѣдованій Агасси, заключенные въ его классическомъ сочиненіи *Poissons fossiles* (Ископаемыя Рыбы), которое безъ всякаго сомнѣнія составляетъ въ наше время самый важный трудъ по ихтиологій,

известны всей образованной Европѣ уже нѣсколько лѣтъ; не смотря на это, на одинъ натуралистъ не разобрались, и подвергнувъ еще эти изслѣдованія строгой критикѣ. Г. Вигманъ, въ отчетѣ своемъ за 1830 годъ, помѣщенномъ въ его журналѣ *Archiv der Naturwissenschaften*, (Архивъ Естественныхъ Наукъ, годъ 1, т. II, стр. 258) говоритъ, что классификація Агасси обновляется только на одной особенности организма, и по-этому имѣетъ характеръ болѣе системы искусственной, нежели естественной; сомнительно еще, чтобъ сравнительная анатомія мозга, открытъ въ четырехъ отдѣлахъ класса рыбъ, имѣ установленныхъ, однообразіе организаціи, котораго необходимо требуетъ естественная система.

Но за этии приговоромъ г. Вигманъ не приводитъ никакихъ фактовъ, всгдашнихъ спутниковъ основательной критики, и мы должны сознаться, что до-сихъ-поръ наука не созрѣла еще достаточно, до-сихъ-поръ нѣтъ еще матеріаловъ для точной оцѣнки важныхъ ихтиологическихъ результатовъ изслѣдованій г. Агасси изъ его изслѣдованій надъ ископаемыми рыбами.

Въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ журнала *Archiv der Naturwissenschaften*, издаваемого Вигманомъ и Эриксономъ, помѣщенъ мемуаръ г. Мюллера о рыбахъ углочешуйчатыхъ (*Ganpodei*), представленный имъ Берлинской Академіи Наукъ еще въ прошломъ году 12 декабря. Статья г. Мюллера заключаетъ въ себѣ критическія замѣчанія на изслѣдованія г. Агасси и новую естественную классификацію цѣлаго класса рыбъ.

Характеры анатомическіе — строеніе сердца, кровеносныхъ сосудовъ, органовъ дыханія, рожденія, мозга и органовъ чувствъ — составляютъ основанія новой системы г. Мюллера.

Классификація Агасси, говоритъ Мюллеръ, содержитъ въ себѣ много новыхъ элементовъ очень-важныхъ для развитія естественной системы, хотя два первыя отдѣленія, круглочешуй-

чатыя и гребенчато-чешуйчатая, не могут удержаться; изъ третьяго отдѣленія въ некоторыя семейства должны перейти къ остистымъ рыбаь, а четвертое отдѣленіе также не можетъ оставаться безъ измѣненій, потому-что раздѣляетъ недостатокъ общій съ двумя первыми отдѣленіями, т. е. содержитъ въ себѣ семейства мало-сродныя между собою въ анатомическомъ отношеніи.

Косоротые (*plagiostomi*) или хрящутыя (*zelacii*) Аристотеля, скаты (*rajae*) и акулы (*squali*) образуютъ группу совершенно-особенную отъ круглоротыхъ, съ которыми соединены они въ послѣднемъ, четвертомъ отдѣленіи системы Агасси. Эта группа рѣзко отличается отъ всѣхъ прочихъ рыбъ и по своему цѣльному нераздѣльному черепу и по окостенѣлымъ точкамъ, которыя, какъ мозанка, испещряютъ вообще хрящевой ихъ скелетъ, и по жабрамъ приросшимъ, и по отсутствію жаберныхъ крышечекъ, прикрывающихъ обыкновенно отверстія или щели между жабрами и по устройству органовъ рожденія. Химеры — единственныя рыбы сродныя съ нимъ; у этихъ послѣднихъ хрящевой скелетъ также кругомъ покрытъ снаружи остистою корою, и устройство органовъ рожденія также совершенно-одинаково.

Все сходство между круглоротыми и хрящутами ограничивается однимъ черепомъ; въ другихъ анатомическихъ характерахъ они рѣзко различаются.

Принцъ Бонапарте де-Канино воспользовался этими различіями и, основываясь на нихъ, установилъ два новые под-класса: *Elastobranchii*, въ которомъ соединилъ акулъ, скатовъ, химеръ, и *Marsibranchii*, куда отнесъ круглоротыхъ.

Мюллеръ совершенно допускаетъ и принимаетъ дѣленіе принца де-Канино; только онъ исключаетъ изъ втораго под-класса амфиоксуса (*Amphioxus*, *Branchiostomus*). Анатомическія изслѣдованія этого замѣчательнаго рода, которому натуралисты не знаютъ еще точнаго мѣста въ цѣпи созданій, до-
Т. XLIII. — Отд. VIII.

казываютъ, что строго разбирая, нельзя подвести его подъ одну категорію ни съ какимъ родомъ рыбъ; болѣе всего приближается онъ къ круглоротымъ и по отсутствію челюстей и по строенію скелота; но мускулистое строеніе сосудистой системы амфиоксуса, положеніе жабрь въ брюшной полости, нераздѣльность головного мозга съ хребтнымъ и другіе не менѣе — важные анатомическіе признаки побудили Мюллера основать для этого рода новый подклассъ: *Leptocardii*. Агасси оказалъ большую услугу ихтиологіи основаніемъ отряда *Gannoidei*; онъ самъ совершенно-справедливо замѣчаетъ во второмъ томѣ своего сочиненія *Poissons fossiles* (Ископаемыя Рыбы), что — установленіе отряда *gannoidei* есть важный успѣхъ для ихтиологіи.

Агасси принялъ за главный характеръ этого отряда угловатая ромбоидальныя или многоугольныя чешуи, покрытыя эмалью, и причисляетъ сюда слѣдующія семейства: *Lepidoidez*, *Sauroides*, *Pycnadontes*, *Celacanthes*, *Sclerodermi*, *Gymnodonti*, *Lophobranchii*, *Goniodonti*, *Siluroidei*, *Accipenserides*, *Loricarii*.

Мюллеръ, въ своей новой системѣ, удерживаетъ отрядъ *Gannoidei*, который ставитъ между остистыми рыбами и хрящутами, только исключаетъ изъ него семейства *Sclerodermi*, *Gymnodonti*, *Loricarii*, *Siluroidei*, и *Lophobranchii*. Такимъ образомъ, онъ въ этомъ отрядѣ соединяетъ рыбъ, которыя покрыты чешуями эмалевыми, ромбоидальными или круглыми, или пластинками костяными, или голою кожею, — которыхъ плавники болѣею частью, однакожъ не всегда, окаймлены спереди двойнымъ или простымъ рядомъ пластинокъ остроконечныхъ въ видѣ иглъ, — у которыхъ задній, хвостовой плавникъ иногда содержитъ въ себѣ продолженіе позвоночнаго столба; ноздри двойныя, какъ у остистыхъ рыбъ; жабры свободныя и лежатъ въ жаберной полости подъ крышечкою, — у которыхъ сердце раз-

дѣлено перегородками, яйцы, икра, выходятъ изъ брюшной полости черезъ особенные каналы, нервы оптическіе не пересѣкаются, — у которыхъ находится плавательный пузырь вмѣстѣ съ воздушнымъ каналомъ, и которыя, въ заключеніе, скелетъ имѣютъ подухрящевой, полуостистый.

• Или взявъ, говоритъ Мюллеръ, изъ этого длиннаго описанія только самыя постоянныя характеры, мы составимъ для отряда Gannoidei слѣдующій діагнозисъ:

• Сердце раздѣлено внутри многими перегородками, нервы оптическіе не пересѣкаются, жабры свободныя, прикрытыя крышечкою, плавники брюшныя.

I. Костяночковые (Holostei).

- | | |
|---|--------------------------------|
| Сем. 1. Костяночешуйныя (Lepidosteini). | Родъ. Чешуеожка (Lepidostius). |
| 2. Бишировыя (Polipterini). | — Биширъ (Polipterus). |
| II. Хрящевыя (C. Hondrostei.) | |
| 3. Осетровыя (Accipenserini). | — Осетръ (Accipenser). |
| 4. Лопатнищевыя (Spatalariæ). | — Лопатница (Poludon). |

Первый отрядъ имѣетъ хребетъ остистый, а у послѣдняго скелетъ подухрящевой, и тѣло позвонковъ замѣняетъ мягкая жила. Слѣдовательно, между этими двумя группами существуютъ тѣ же самыя отношенія, какъ и между косоротыми и хрящунами.

За исключеніемъ вышеупомянутыхъ четырехъ большихъ отдѣленій, въ классѣ рыбъ остаются еще двѣ группы: дупноевыя (Dipnoi), которыхъ типъ есть *Lepidosiren*, и настоящія остистыя, которыя имѣютъ жаберныя крышечки и жабры свободныя и двѣ перегородки въ сердцѣ, и которыхъ Мюллеръ называетъ телеостовыми (Teleostei).

У дупноевыхъ (Dipnoi) сердце раздѣляютъ долевыя и спиральныя перегородки; кишка представляетъ спиральный клапанъ; яйцевидные каналы открываются въ брюшную полость; хребетъ замѣняетъ жила, вооруженная остистыми отростками.

Такимъ-образомъ, говоритъ Мюллеръ, мы получаемъ шесть под-клас-

Ограниченіе отряда Gannoidei, слѣдующее Мюллеромъ, впрочемъ, насколько не измѣнитъ геологическихъ заключеній объ относительной древности формаций, потому-что Мюллеръ не включаетъ семейства, намъ современныя, ископаемые представители которыхъ находятся въ пластахъ новѣйшей юрайской формации. Слѣдовательно, иныя *Agassii*, что ниже шловой формации всѣ остатки рыбъ принадлежатъ къ отряду Gannoidei, сохраняютъ свою прежнюю силу.

Слѣдующее дѣленіе Gannoidei Мюллеръ признаетъ за самое естественное:

совъ, которые различаются постоянными, точными характерами, и которые совершенно отвѣтствуютъ требованіямъ Кювье:

- 1) Телеостовыя (Teleostei. Mill.)
 - 2) Дупноевыя (Dipnoi. Mill.)
 - 3) Углочешуйчатая (Gannoidei Adan Mull.)
 - 4) Хрящуны (Elasmobranchii. Bonap. seu Selachii).
 - 5) Круглоротыя (Marsipobranchii. Bonap. seu Cyclostomi).
 - 6) Безсердныя (Leptocardii. Mull.)
- Телеостовыя (Teleostei) Мюллеръ подраздѣляетъ на шесть отрядовъ:
- 1) Колючеперыя (Acanthopteri. Mull.)
 - 2) Мягоперыя (Anacanthini. Mull.)
 - 3) Срослогортанныя (Pharyngognathi. Mull.)
 - 4) Острорылыя (Physostomi. Mull.)
 - 5) Срослочелюстные (Plectognathi. Cuv.).
 - 6) Кистежаберныя (Lophobranchii. Cuv.).

Къ первому отряду Мюллеръ отно-

суть колючекрыхъ Кювье, которыя имѣютъ двойныя гортанныя косточки.

Мягкоперыя (Acanthini) представляютъ то же самое строеніе, какъ и рыбы перваго отряда; только лучи плавниковые у нихъ мягкіе. Этотъ отрядъ заключаетъ въ себѣ мягкоперыхъ плечевыхъ и безногихъ Кювье.

Срослогортанныя заключаютъ въ себѣ колючекрыхъ и мягкоперыхъ, у которыхъ нижнія гортанныя кости срослись.

Отрядъ острокрылыхъ состоитъ изъ мягкоперыхъ, имѣющихъ плавники брюшныя.

Два послѣдніе отряда Мюллеръ взялъ изъ системы Кювье безъ всякаго измѣненія.

Вотъ методическая таблица семействъ класса рыбъ по системѣ Мюллера:—

Классъ. Рыбы (Pisces).

Подклассъ I. Дипносыя (Dipnoi).

Отрядъ I. Сиреновидныя (Sirenoidei).

Семейство f. Сиреновидныя (Sirenoidei).

Подклассъ II. Телеостосыя (Teleostei).

Отрядъ I. Колючекрыя (Acanthopteri).

- Сем. 1. Окуневыя (Percoidi).
2. Щитконосыя (Cataphracti).
3. Мрежниковидныя (Sparoidi).
4. Сциеновыя (Scienoidei).
5. Лабиринтовыя (Labyrinthici).
6. Голозлевыя (Mugiloidei).
7. Спиношиновыя (Nothacanthini).
8. Макрелевыя (Scomberoidi).
9. Чешуекрыя (Squamipennes).
10. Ленточныя (Taeniodei).
11. Колбниковыя (Gobioidei).
12. Жабневыя (Blennioidei).
13. Ногонерыя (Pediculati).
14. Щетинозубовыя (Theuties).
15. Трубочатыя (Fistulares).

Отрядъ II. Мягкоперыя (Acanthini).

- Сем. 1. Тресковидныя (Gadoidei).
2. Ошибиевыя (Ophidini).
3. Камбаловыя (Pleuronectides).

Отрядъ III. Срослогортанныя (Pharyngognathi).

Подотрядъ I. Срослогортанныя колючекрыя (Pharyngognathi acanthopterigii).

- Сем. 1. Губастыя круглочешуйныя (Labroidei cycloidei).
2. Губастыя гребенчаточешуйныя (Labroidei stenoidei).
3. Кривобочковыя (Chromides).

Подотрядъ II. Срослогортанныя мягкоперыя (Pharyngognathi malacopterigii).

- Сем. 4. Макрелешуковыя (Scomberosoces).

Отрядъ IV. Острокрылыя (Physostomi).

Подотрядъ I. Острокрылыя брюшныя (Physostomi abdominales).

- Сем. 1. Сомовыя (Siluroidei).
2. Карповыя (Cyprinoidei).
3. Харациновыя (Characini).
4. Зуботерковыя (Cyprinodontes).
5. Моршировыя (Mormyri).
6. Щуковидныя (Esoces).
7. Галаксиевыя (Galaxiæ).
8. Семговыя (Salmones).
9. Мелетковыя (Scopelini).
10. Сельдяныя (Clupeidei).

Подотрядъ II. Острокрылыя ножныя (Physostomi apodes).

11. Угревыя (Mugenoidei).
12. Гимнотовыя (Gymnotini).
13. Сросложаберныя (Symbranchii).

Отрядъ V. Срослочелюстныя (Plectognathi).

- Сем. 1. Спиророговыя (Balisteni).
2. Кузовковыя (Ostraciones).
3. Скалозубы (Gymnodontes).

Отрядъ VI. Кистежаберныя (Lophobranchii).

- Сем. 1. Кистежаберныя (Lophobranchii).

Подклассъ III. Улочешуйныя (Ganoidi).

Отрядъ I. Костенцовыя (Holostei).

- Сем. 1. Костяночешуйныя (Lepidosteini).
2. Бишировыя (Polypterini).

Отрядъ II. Хрящевыя (Chondrostei).

- Сем. 1. Осетровыя (Accipenserini).
2. Лопатницовыя (Spatulariæ).

Подкласс VI. Хрящуны (Elastobranchii s. Selachii).

Отрядъ I. Косороты (Plagiostomi).

Подотрядъ I. Акуловые (Squalidae).

Сем. 1. Морскія собаки (Scylliae).

2. Ночники (Nyctitantes).

3. Ламневые (Lamnoidei).

4. Алопециевые (Alopeciæ).

5. Цестрационовые (Cestraciones).

6. Клюкорылые (Rhinodontes).

7. Сухоспинковые (Notidani).

8. Иглоспинковые (Spinaces).

9. Сцимновыя (Scymnoidei).

10. Рашпильные (Squatinae).

Подотрядъ II. Скатовидныя (Rajidae).

11. Рашпильскаковые (Squatinoidei).

12. Гньюсовые (Torpedines).

13. Скатовыя (Rajæ).

14. Тригоновыя (Trygones).

15. Орляковыя (Myliobatides).

16. Главоперовыя (Cephalopterae).

Отрядъ II. Цильноголовыя (Holocephali).

Сем. 1. Химеровыя (Chimeræ).

Подкласс V. Крулороты (Marsipobranchii s. Cyclostomi).

Отрядъ I. Мияновыя (Hyperoartii).

Сем. 1. Мивогы (Petromizonii).

Отрядъ II. Миксиновыя (Hyperotriti).

Сем. 1. Миксины (Muxinoidei).

Подкласс VI. Безсердечныя (Leptocardii).

Отрядъ I. Амфиоксиновыя (Amphioxini).

Сем. 1. Амфиоксиновыя (Amphioxini).

Въ июльской книжкѣ нынѣшняго года французскаго журнала «Annales des Sciences Naturelles» (Лѣтописи Естественныхъ Наукъ) помѣщена статья Фохта, которая включаетъ въ себѣ критическую оцѣнку труда г. Мюллера. Мы наложили подробно остроумную классификацію берлинскаго ученаго; кажется, кстатѣ теперь высказывать мнѣніе его противника. Мы будемъ здѣсь издать собственно-фактической части статьи г. Фохта, гдѣ онъ подробно разбираетъ анатомическіе характеры, на которыхъ Мюллеръ основалъ свою классификацію; выпишемъ только его общее мнѣніе о достоинствѣ этихъ характеровъ.

• Органы пищеваренія, дыханія, кровообращенія и рожденія. говорятъ Фохтъ въ заключеніе своей статьи: «не могутъ служить характерами для разграниченія отрядовъ и семействъ, потому-что они находятся въ тѣсной связи съ вѣшними обстоятельствами жизни и, слѣдовательно, не имѣютъ достаточнаго постоянства. Эти характеры должны быть второстепенными въ классификаціи ихтиологической, которая исключительно должна быть основана на фактахъ, заимствованныхъ изъ сравнительной эмбриологіи (исторіи развитія).»

ПОЛОВЫЕ ОТНОШЕНІЯ У БЕЗЗУБНЫХЪ (ANODONTA). ЗНАЧЕНІЕ СЪМЕННЫХЪ ЖИВОТНЫХЪ (SPERMATIZOOU).— Беззубяками называются простыя, обыкновенныя рѣчныя раковины, которыя состоятъ изъ двухъ симметрическихъ половинокъ или створокъ.

У слизней, заключенныхъ въ эти раковины и вообще у всѣхъ моллюсковъ береговыхъ существуетъ особый органъ, который натуралисты принимали попеременно за легкія, почки и внутреннія части мужскихъ половыхъ органовъ (testiculi). Первое мнѣніе принадлежить Боянусу, а послѣднее Шейндлеру.

Въ нынѣшнемъ году также многіе естествоиспытатели особенно старались опредѣлить значеніе съменныхъ животныхъ. Пушѣ сообщилъ Парижской Академіи Наукъ результаты своихъ обширныхъ изслѣдованій по этому предмету: онъ думалъ, что съменные животныя въ-самомъ-дѣлѣ суть микроскопическія животныя, имѣютъ особую, свойственную имъ организацію, и покрыты снаружи сажистомъ оболочкою (epithelium).

Оба эти естественно-историческіе предмета—беззубины и съменные животныя, по-видимому неимѣющія между собою никакой связи, выбралъ въ послѣднее время для своихъ наблюдений нынѣшній голландскій натуралистъ ван-Бенеденъ

Мы не будем слѣдить за всѣми анатомическими и микроскопическими исследованиями голландскаго ученаго, которые безъ рисунка не могутъ быть поняты, а выпишемъ только одни интересные ихъ результаты.

Неизвѣстный органъ беззубиковъ Фан-Бенеденъ почитаетъ за сердце. Эти слезни утверждаетъ онъ: «двуполоя животныя, гермафродиты; разнородные половые ихъ органы совершенно-похожи между собою наружностью и помѣщены въ ногѣ».

Фан-Бенеденъ наблюдалъ въ сѣмени беззубиковъ и сѣменныхъ животныхъ, которые здѣсь развиваются, какъ нашелъ онъ, въ слѣзныхъ отросткахъ половыхъ органовъ.

Фан-Бенеденъ того мнѣнія, что это не животныя, что они не имѣютъ особой организации, что, но это продукты животной экономіи, совершенно-однородные съ яичками желтка, которые въ извѣстную эпоху бываютъ въ яйцѣ отдѣлены и имѣютъ также своего рода движеніе.

КИТАЙСКІЯ ЗЕРКАЛА. — Употребленіе зеркалъ существуетъ и въ Китаѣ; только тамошнія зеркала дѣлаются изъ особеннаго металлическаго сплава, и по-этому превосходятъ наши зеркала стеклянные и ползоровкою и точностью.

Эльснеръ разлагалъ этотъ замѣчательный зеркальный сплавъ и нашелъ, что онъ содержитъ въ себѣ:

I. II.

Мѣди — 80,823; 80,850.

Свинцу — 9,389; 10,038.

Сурьмы — 8,431; 8,430.

Желѣза — слава замѣтные слѣды.

98,643; 99,318.

Это результаты двухъ анализовъ, которые довольно сходны между собою.

Фабрикація зеркальнаго сплава и производство самыхъ зеркалъ остаетъ пока еще тайною.

Эльснеръ думаетъ только, что первоначально берутся равныя количес-

тва свинца и сурьмы, по что въ самой операціи плавленія, вѣроятно, часть сурьмы улетучивается въ видѣ сурьмяной окиси.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

НОВѢЙШІЯ ОТЕРЫТІЯ И ИЗОБРѢТЕНІЯ.

Въ Парижѣ придуманъ новый письменный сварялъ, который слѣдуетъ ненужными гусинья и стальныя перья, чернила, чернильницы и песочницы. Этотъ сварялъ состоитъ изъ деревянной палочки, которою можно писать сколько угодно не обмачивая въ чернила. Надобно заострить палочку какъ карандашъ и потомъ писать. Изобрѣтатель этого снаряда называется г. Ламъ (L'Amas) и получилъ уже отъ французскаго правительства привилегію на выдуманннй имъ инструментъ.

— Въ Парижѣ сдѣлано еще весьма-важное открытіе, подобное лагерротипу. Художникъ Колла (Collas), извѣстный своимъ изобрѣтеніемъ вырѣзывать на стали и жѣди копіи съ барельефовъ, медалей и т. п., повелъ свое искусство далѣе, и наконецъ сдѣлалъ удивительный сварялъ для произведенія самыхъ вѣрныхъ копій или статуй въ маломъ размѣрѣ со всѣхъ знаменитыхъ произведеній древняго рѣзца. Это нѣчто въ родѣ извѣстнаго пантографа, который планы и рисунки большаго размѣра можетъ передавать въ уменьшенномъ видѣ. Какія средства и механизмы употреблялъ Колла для копированія статуй, доселѣ никому неизвѣстно, но онъ уже много произвелъ отличныхъ копій съ бюстовъ и статуй древнихъ ваятелей, совершенно-схожихъ съ оригиналомъ. Надобно, однакожъ, при этомъ замѣтить, что Колла воспроизводитъ свои статуи изъ

мягкаго камня, называемаго *stealit*. Недавно онъ узналъ, что камень этой породы во множествѣ находится въ Бразиліи, и тамошній французскій консулъ обѣщала ему выслать этого материала цѣлый корабельный грузъ. Важность такого изобрѣтенія каждому понятна: и съ этой поры будутъ всякому доступны оригиналы въ уменьшенномъ размѣрѣ со всѣхъ классическихъ статуй и барельефовъ древности. Что же касается до дагерротипа, то хотя это гениальное изобрѣтеніе не совсѣмъ удовлетворительно для публики, однакожь оно теперь доставляетъ хлѣбъ тысячамъ мелкихъ промышленниковъ, которые во всѣхъ городахъ. Франціи имѣютъ дагерротипы и снимаютъ портреты со всѣхъ желающихъ за бездѣльцу.

— Г. Тейеръ, въ Вѣнѣ, изобрѣлъ новый способъ примѣненія гальванопластики къ печатанію гравюръ и рисунковъ. Онъ рисуетъ на обыкновенной бумагѣ особенно-составленными чернилами какой-угодно пейзажъ или другаго рода картину, которую потомъ кладетъ въ гальванопластическій аппаратъ. Черезъ нѣсколько времени, рисунокъ покрывается мѣдью, съ которой легко отпечатывать послѣ на бумагѣ до 500 экземпляровъ. Этотъ новый способъ разнится отъ выдуманнаго г. Коббелемъ, въ Мюнхенѣ, который сперва гравируетъ рисунки на мѣдныхъ доскахъ и послѣ получаетъ съ нихъ слѣпоцъ въ гальванопластическомъ снарядѣ.

— Англичане стараются какъ-можно-болѣе распространять паровыя суда съ архимедовымъ винтомъ, а Французы этотъ же винтъ намѣревы приладить къ своимъ гребнымъ судамъ и приводитъ его въ дѣйствіе человѣческою силою. Молодой французскій гардемаринъ, Буржуа, успѣлъ устроить для большихъ баркасовъ и прочихъ мелкихъ судовъ архимедовъ винтъ, приводимый въ движеніе не парами, но единственно силою человека. Французская Академія отвесила съ большою похвалою о изобрѣтеніи молодаго

Буржуа и предложила морскому министру дать средства изобрѣтателю дѣлать свои опыты въ большомъ размѣрѣ.

— Профессоръ Бреславскаго Университета, г. Гёпертъ, недавно нашелъ въ Богемскихъ-Горахъ янтаръ дѣлкомъ состояннй; это подтверждаетъ мнѣніе прежнихъ натуралистовъ, что янтаръ въ первобытномъ своемъ состояннй былъ не болѣе, какъ смола, вытекавшая изъ еловой породы допотопныхъ деревьевъ. Находимыл внутри самого янтара растенія и наѣкомы сильно подерѣпляютъ эту гипотезу.

— Одинъ Берлинецъ открылъ удивительный секретъ поддѣлывать наилучшимъ-образомъ разнаго рода документы, древнія рукописи и проч. Самый опытный глазъ не можетъ отличить оригинала отъ копій, произведенной означеннымъ артистомъ. Какой-то прусскій чиновникъ далъ изобрѣтателю весьма-рѣдкую, старинную рукопись съ подписями и печатями разныхъ временъ и лицъ, и мастеръ привнесъ черезъ часъ 50 экземпляровъ вѣрнѣйшихъ копій съ манускрипта. Вся рукопись передана была въ копіяхъ съ дипломатическою точностью. Увѣряютъ, что правительство намѣрено купить у изобрѣтателя этотъ опасный секретъ и такимъ-образомъ вовсе уничтожить слѣды зловерной выдумки.

— Французскіе механики, гг. Тейссье и Триа, сдѣлали весьма-важное изобрѣтеніе по части желѣзныхъ дорогъ, которое можетъ почитаться новымъ триумфомъ промышленности. Повозобрѣтенная машина, называемая *Propulseur*, можетъ быть легко приложена къ каждому паровозу. Посредствомъ пропюльзера вся цѣнь вагонновъ съ удивительною легкостью можетъ какъ подыматься, такъ и спускаться по склону дороги на 45 градусовъ. Готовылу же желѣзныя дороги могутъ употреблять означенный снарядъ съ большою пользою, но онъ представляетъ болѣе-важныя выгоды для тѣхъ дорогъ, которыя въ-послѣдствіи будутъ устроены, особенно въ горн-

стыхъ и неровныхъ мѣстахъ, гдѣ уже вовсе не нужно будетъ дѣлать тоннели и вивелировать дорогу. Гг. Тейсъ и Триа получили на свое изобрѣтеніе привилегіи не только въ Западной Европѣ, но и въ Америкѣ. Пропюльзѣра можно также приспособить и къ парходамъ, чрезъ что удвоится быстрота ихъ хода, и одной четвертью мѣнѣе будетъ употребляться топливо. Изобрѣтатели, при помощи своей машины, нашли средство соединить силу пара съ парусами, и такимъ-образомъ вовсе уничтожить колеса парходовъ.

— Сидонскій саркофагъ, превосходное произведеніе древняго ваянія, выставленъ въ лондонскомъ музеумѣ. Передняя и задняя стороны его совершенно сохранились и представляютъ рельефное изображеніе битвы Амазонки. Фигуры очень-изящно высѣчены по всѣмъ правиламъ анатоміи. Жаль, что не достаетъ крышки къ саркофагу, которую, говорятъ, новые Сидонцы сожгли въ известковой печи.

— Архивариусъ Фотріе купилъ гдѣ-то за 10 франковъ два камца, покрытые финикійскими письменами. Эту удивительную рѣдкость подарилъ онъ Марсельскому - Музеуму. Письмена очень-хорошо сохранились, и они тѣмъ драгоценнѣе для археологіи, что даже на Востоку ихъ очень-рѣдко находятъ, а во Франціи они рѣшительно единственное приобрѣтеніе, исключая раздѣльнѣсколькихъ карезгенскихъ медалей съ финикійскими надписями. Археологъ, Мионнѣ снялъ копію съ нѣсколькихъ финикійскихъ надписей, вырѣзанныхъ на древнихъ монетахъ, и издалъ недавно сочиненіе о нумизматикѣ, въ которомъ помѣстилъ также азбуку финикійскаго языка. Фотріе прецедовидѣлъ въ Парижскую Академію надписей копію съ означенныхъ финикійскихъ писемъ.

— Римъ безпрестанно разваливается; даже зданія новѣйшихъ временъ приходятъ въ совершенный упадокъ и оставляются владѣльцами на произволъ судьбы. Никто не думаетъ починивать и обновлять свои дома. Множе-

ство монастырей находится въ запущеніи, безъ крышъ; стоятъ одні только стѣны; множество бывшихъ великолѣпныхъ зданій остаются пустыми, двери сломаны, стекла перебиты, и даже нѣтъ при нихъ привратниковъ. Если не пріймутся мѣры, то вѣчный городъ скоро будетъ представлять только массы древнихъ и новыхъ разваливъ.

ПОЛЕЗНЫЯ ЗАМѢТКИ.

Для чищенія и вмѣстѣ для точенія ножей и вилокъ, надобно натянуть на деревянную колодку кожу, которую вымазать смазкою, приготовленною изъ свиного жира и желѣзной окиси. Ножи и вилки отъ чищенія на такой колодкѣ получаютъ не только блестящій видъ, но и надлежащую остроту.

— Въ Германіи, въ клубѣ и другихъ обществахъ, начали пить, вмѣсто дорогаго пунша, напитокъ, называемый вистъ (Whist), который составляется слѣдующимъ образомъ: надобно положить въ кварту горячей воды доль чай и процѣдить настой черезъ салфетку, потомъ влить туда двѣ бутылки хорошаго медака, сокъ изъ четырехъ лимоновъ и положить фунтъ сахара. Эту смѣсь подогрѣть на огнѣ, не давая ей отнюдь кипѣть, и послѣ разливать въ стаканы.

— Купецъ Полько, въ Франкенштѣйнѣ, изобрѣлъ питье, совершенно замѣняющее горячее вино и водку. Оно очень-дешево, пріятно на вкусъ, укрѣпляетъ и согрѣваетъ желудокъ. Продажаго года два въ погребѣ, получаетъ оно вкусъ винограднаго вина. Г. Полько рекомендуетъ всѣмъ членамъ общества воздержанія употреблять его напитокъ, который гораздо-здоровѣе даже чая и кофе.

— Чтобы сдѣлать непроницаемую жожаную обувь, надобно вскипятить фунтъ одифы изъ коноплянаго масла, и прибавить къ ней полфунта канифоли въ порошокъ, и все это мѣшать покуда канифоль не распустится въ маслѣ. Обмакнувъ въ эту смѣсь сапожную

щету, должно намазать ею подошвы и головы сапоговъ, башмаковъ и проч.; потомъ обувь просушить на воздухѣ. Это дѣйствіе должно повторить три раза и потомъ испытать, прилипаетъ ли палецъ къ намазанной составомъ подошвѣ, которую должно потомъ посыпать мелкимъ пескомъ, крѣпко прижавъ его къ подошвѣ съ помощію дощечки; подготовленную такимъ образомъ обувь опять повѣсить на воздухъ для просушки. Сапоги и башмаки, намазанные означеннымъ лакомъ, совершенно не пропускаютъ въ себя сырости, носатъ въ три раза болѣе обыкновенной обуви, и особенно пригодны для худой погоды.

— Если кто хочетъ узнать, сколько лѣтъ рыбѣ, на-примѣръ снгу, шукѣ, осую и вообще имѣющей на себѣ чешую, то надобно взять одну чешуйку, и разрѣзать ее поперегъ. Известно, что рыба чешуя составлена изъ нѣсколькихъ тонкихъ пластинокъ; каждый годъ прибавляется къ чешуѣ новая пластинка, подобно тому, какъ на пнѣ дерева образуется время-отъ-времени новое кольцо. Сколько пластинокъ имѣетъ чешуя, столько лѣтъ и рыбѣ.

МЕЛОЧИ.

Извѣстный нынче въ Италіи композиторъ Юсифъ Верди, котораго оперу «Lombardi» часто даютъ и на нашей итальянской сценѣ, — сынъ деревенскаго мельника, жившаго въ окрестностяхъ Милана. Верди съ юности лѣтъ оказывалъ рѣшительное отвращеніе къ ремеслу своего отца, и любилъ только пѣсни и музыку. На шестнадцатомъ году онъ влюбился въ дочь церковнаго органиста своей деревни. Органистъ, однакожь, не соглашался имѣть своимъ зятемъ сына мельника, но чтобъ уладить какъ-нибудь дѣло, предложилъ Верди учиться сперва у него музыкѣ, т. е. играть на органахъ и пѣть псалмы. Новый ученикъ съ жаромъ принялся за уроки,

скоро выучился музыкѣ и въ нѣсколькихо мѣсяцевъ опередилъ въ искусствѣ своего учителя. Одна знатная особа, узнавъ о чрезвычайныхъ музыкальныхъ способностяхъ молодаго органиста, дала ему средства образовать себя въ миланской музыкальной консерваторіи. Верди, будучи 18 лѣтъ, сдѣлалъ такіе успѣхи въ композиціи, что сочинилъ оперу «Навуходоносоръ», которую въ первый разъ съ большимъ успѣхомъ съиграли на театрѣ della Scala. По окончаніи оперы, миланскіе студенты съ триумфомъ и при слѣдѣ факеловъ провожали молодаго композитора до его квартиры. Во время этой процессіи, одинъ поселянинъ спросилъ студента, понравилась ли новая опера публикѣ? Студентъ отвѣчалъ насмѣшливо мужику: «А что тебѣ за дѣло до оперы?» — Какъ что за дѣло? да вѣдь музыку-то сочинилъ мой сынъ. — П радге, закричали вдругъ нѣскольکو студентовъ «Viva!» Въ эту минуту молодой Верди бросился въ объятія стараго своего отца-мельника. Студенты подняли на свои плечи отца и сына и повесили ихъ по улицамъ города. Верди потомъ женился на дочери органиста, своего перваго учителя, и прожилъ съ нею счастливо два года; потомъ жена его скончалась отъ вторыхъ родовъ.

— Довидаетти едва-ли будетъ еще сочинять оперную музыку: онъ страдаетъ расширеніемъ мозга, и врачи признали этотъ недугъ неизлечимымъ. Вся его музыкальная фантазія уже пропала, и способность изобрѣтенія исчезла. Жень Сю также боленъ отъ усиленныхъ своихъ занятій, и страдаетъ расслабленіемъ нервъ. Онъ теперь находится на теплыхъ ирринейскихъ водахъ.

— Въ Берлинѣ недавно напечатано новое уложеніе для артистовъ королевскихъ театровъ. Въ немъ, между прочимъ, постановлено слѣдующее: «Никто изъ первыхъ сюжетовъ труппы не долженъ себѣ присвоивать исключительно первыхъ ролей; отъ главной дирекціи театровъ возмѣнить передавать такіа роли дублькатамъ и

• назначать порядок ихъ представле-
• ній на сценѣ. Сочинителямъ пьесъ и
• композиторамъ музыки воспрещается
• выходить на сцену по вызову публи-
• ки. За нихъ долженъ выходить ре-
• жиссёръ и благодарить зрителей за
• оказанное вниманіе къ ихъ талан-
• тамъ. Сами актёры и ихъ родственни-
• ки, имѣющіе свободный входъ въ теа-
• тральную залу, должны воздержатъ-
• ся какъ отъ знаковъ похвалы, такъ
• и отъ порицанія представляемыхъ
• пьесъ на сценѣ. Актёры, безъ особаго
• позволенія своего начальства, не дол-
• жны печатать въ журналахъ ника-
• кихъ театральныхъ критикъ, какъ и
• свою собственную игру, такъ равно и
• на игру своихъ собратій. Имъ строго
• запрещается распространять въ пу-
• бликѣ худыя мнѣнія о новопоставлен-
• ныхъ на сцену пьесахъ, также всякія
• закулисныя интриги, и особенно со-
• ставлять партіи между зрителями въ
• пользу или противъ извѣстныхъ ак-
• триссъ, пѣвицъ и т. н. Членамъ ко-
• ролевскихъ театровъ запрещается
• играть на другихъ публичныхъ теа-
• трахъ, исключая чрезвычайныхъ
• случаевъ для благотворительныхъ
• дѣлъ, да и то съ позволенія главной
• дирекціи. Всѣмъ опернымъ пѣвицамъ
• и пѣвицамъ запрещено также уча-
• ствовать въ публичныхъ концертахъ.

— Изъ статистическихъ извѣстій нѣ-
мецкаго центрального общества воз-
держанія отъ вѣрнкихъ напитковъ,
видно, что во всей Сѣверной-Германіи,
имѣющей двадцать-одинъ миллионъ
жителей, выпиваютъ ежегодно 367
миллионовъ квартъ горячаго вина и
водки, считая на каждый желудокъ
отъ восемнадцати до двадцати квартъ
въ годъ. Это огромное количество
спирта стѣбитъ болѣе 60,000,000 тале-
ровъ, и служитъ убійственно-вред-
нымъ напиткомъ 400,000 отъявленныхъ
пьявицъ, и нѣсколькимъ миллионамъ
людей, пьющихъ съ ущербностью.
Благодаря употребленію горячихъ на-
питковъ, въ Сѣверной-Германіи счи-
тается болѣе десяти миллионѣвъ бѣ-
дныхъ, и изъ нихъ 600,000 тѣхихъ лю-

дей, которые пропускаютъ черезъ
волку все свое достоинствѣ.

— Въ Вальпарайво, преступники, ра-
ботающіе на общественныхъ доро-
гахъ, содержатся въ подвижныхъ
тюрьмахъ на колесахъ. Такія тюрьмы
похожи на огромные ящики, употре-
бляемые для перевозки дикихъ звѣрей
въ менажеріяхъ. Въ каждой тюрьмѣ
или ящикѣ устроены нары для восьми
или десяти арестантовъ: впереди по-
мѣщена кухня, а сзади двери для вы-
хода арестантовъ, гдѣ находится все-
гда часовая съ заряженнымъ ружьемъ.
Арестанты сами перевозятъ свою тюрь-
му на то мѣсто, гдѣ нужно исправлять
дорогу. Этотъ способъ содержанія
преступниковъ очень-хорошъ тамъ,
гдѣ не бываетъ зимы.

— Въ Аеннахъ возбуждаетъ всеоб-
щее любопытство публики своими не-
обыкновенными странностями герцо-
гиня плезанская (Duchesse de Plaisan-
ce). Разведясь съ мужемъ, она путе-
шествовала нѣсколько лѣтъ по Востоку,
гдѣ умерла ея единственная дочь.
Герцогиня приказала баллазировать
группъ и не разлучается съ своею по-
койницею. Каждое воскресенье, она
цѣлый день сидитъ у гроба своей обо-
жаемой дочери. Имѣя 100,000 фран-
ковъ дохода, герцогиня живетъ скупо
для себя, но роскошно для своихъ
пріятелей, ничего не жалѣетъ для со-
держанія своей комнатной псарни, со-
стоящей изъ двадцати собакъ различ-
ныхъ породъ; она даритъ своимъ
друзьямъ значительныя суммы, земли,
прекрасныхъ арабскихъ коней, но ви-
щимъ не подаетъ и куса хлѣба: Je
suis généreuse mais je ne donne pas des
aumônes. На своей милѣ въ Пентеки-
конѣ она даетъ часто обѣды; но гости
ея должны кушать послѣ любимыхъ
ея собакъ, которымъ попадаютъ луч-
шіе куски съ богатой трапезы. Гово-
рятъ, что странная герцогиня, бывъ въ
Палестинѣ, приняла іудейскую вѣру;
она очень любитъ говорить о религіи,
политикѣ, но терпѣть не можетъ ника-
кихъ возраженій. У ней друзья и прі-
ятели мѣняются каждый день, но осо-

бенную привязанность она оказываетъ къ придворной фрейлинѣ Боцарисъ.

— Докторъ Шафратъ, одинъ изъ первыхъ ораторовъ саксонской палаты депутатовъ, былъ въ юности своей простымъ пастухомъ. Нынѣшній саксонскій король, Фридрихъ-Августъ, будучи принцемъ и путешествуя по горамъ Саксонской-Швейцаріи для ботанированія, увидѣвъ въ полѣ молодого пастуха, который, пася коровъ, читалъ латинскую грамматику. Привѣтъ, взявъ къ себѣ любознательнаго пастуха, отдалъ сперва его учиться въ гимназію, потомъ въ Лейпцигскій Университетъ. Пастухъ, окончивъ курсъ наукъ, сдѣлался докторомъ правъ и, наконецъ, народнымъ представителемъ въ законодательномъ собраніи Дрездена.

— Жители Малласа — чрезвычайные дѣвочки, а потому Англичане, тамъ живущіе, обязаны держать дѣвчьи толпы прислуги. У каждаго джентльмена живетъ по-крайней-мѣрѣ до десяти слугъ; а если это число уменьшается до пяти, то баринъ самъ нерѣдко долженъ прислуживать собственной своей особѣ. Даже собаки отличной породы и лошади имѣютъ своихъ особенныхъ слугъ, которые въ жаркое время соглаются съ нихъ мухъ и прочихъ ядовитыхъ наѣдомыхъ.

— Отецъ извѣстнаго африканскаго героя Абд-эль-Кадера, Масси-Эдинъ, былъ также человекъ необыкновенный. Онъ зналъ хорошо богословіе, политику, и мусульмане читали его святости. Семейство его, назъ котораго уже произошло въ новѣйшее время три знаменитые марабута, особенно уважаются Арабами. Масси-Эдинъ былъ потомокъ знаменитаго Мудея-Абд-эль-Кадера. Онъ сперва жилъ въ Оранѣ, но послѣ удалился на покой въ Багадъ. Тамъ наложилъ онъ на себя самовольное истазаніе и стоялъ неподвижно на столбѣ на одной лѣвой ногѣ нѣсколько лѣтъ сряду, ничего не ѣлъ, а имѣлъ только дождевыя капли, очень рѣдко упадающія съ неба. Пророкъ Мухаммедъ наконецъ сжалился надъ

этимъ вольнымъ мученикомъ, схватилъ его за клокъ волосъ, отпущенный, по мусульманскому обычаю, на темени, и всталилъ на небо. Такъ повѣствуетъ о святомъ Мудеѣ арабская легенда.

— Гаремъ турецкаго султана — самое таинственное мѣсто въ Константинополѣ, и никому неизвѣстно, что тамъ происходитъ. Вообще полагаютъ, что тамъ живетъ отъ 500 до 600 женщинъ, раздѣленныхъ на нѣсколько разрядовъ. Кадынями называются тѣ судствивныя существа, которыя нѣмъ случай поправятся султану и возведены въ достоинство его женъ. Каждая кадыня имѣетъ въ сералѣ свои отдѣльныя комнаты, придворный штатъ, многочисленную прислугу, невольницъ. Обыкновенно султанъ имѣетъ четырехъ кадынь, или собственно женъ; но число ихъ не ограничивается закономъ. Амуратъ III-й имѣлъ сорокъ кадынь. Одамыки, или kedeklis, считаются просто любовницами или наложницами султана. Онѣ выбираютъ изъ прекраснѣйшихъ дѣвицъ, какихъ можно найти въ Азіи, Африкѣ и Европейской-Турціи, и составляютъ гаремную свиту султана. Двѣнадцать прелестнѣйшихъ одамыкъ должны присутствовать во время купанья падишаха въ банѣ: тамъ онѣ исправляютъ должность парильщицъ, натиральщицъ и проч. Кромѣ одамыкъ, живутъ въ гаремѣ множество дѣвицъ, поступившихъ туда съ малолѣтства. Онѣ называются шагирдеки и получаютъ воспитаніе, которое должны имѣть одамыки. Въ послѣдній день рамазанъ, Турки имѣютъ обычай дарить своему падишаху отборнѣйшую красавицу, какою только можно отыскать въ Турціи. Недавно Абдулъ-Меджилъ получилъ въ подарокъ отъ своего народа восхитительной красоты дѣвушку, купленную у Черкесовъ за 1,200,000 піастровъ.

— Монахъ Лука Бурго былъ первымъ изобрѣтателемъ двойной итальянской бухгалтеріи. Его сочиненіе объ этомъ предметѣ напечатано было въ Венеціи въ 1494 году. Первая книга о

двойной бухгалтерии напечатана в Нюренберге в 1531 году.

— Первая английская книга была напечатана в одной типографии Кельма, в 1471 году, типографщиком Англиканцем Уильямом Какстоном (Caxton). Это был перевод французского сочинения «Recueil des histoires de Troyes», тоже первой книги, напечатанной во Франции в 1467 году, при герцоге бургундском. Какстон перевел после того свою типографию в Англию: следовательно, был первым печатальщиком книг в Англии.

— В Китае, книги очень дешевы, и по уверению одного германского хитолога, собрание всех сочинений Конфуция (двадцать огромных томов) продается в Пекине по три прусские талера; китайский роман *Кулины* за семь прусских грошей. Листы китайских книг печатаются только с одной стороны, не на типографском станке, но посредством досок, как игральные карты. В китайской литературе есть много томов сочинение о комплиментах и перемоналах, которое уже напечатано сто-вторым изданием. Это необходимая настольная книга в кабинете каждого благовоспитанного Китаецца.

— В книге: «Hughe's Itinerary of Provence» написано, что в окрестностях Виенны стоит древняя четырехугольная башня, построенная Римлянами. Туземное сказание повествует, что в этой башне заключен был Демонийский Пилат, жила в ней несколько лет, наконец, сошел с ума, с отчаяния бросился в Рону и утонул.

— В Мадриде живет ветеран испанских войн, родившийся в 1731 году; следовательно, ему теперь сто-четыренадцать лет. В 1815 году, будучи восьмидесяти-четыре лет, он женился на молоденькой двадцатилетней девушке и имел от нее одного сына. Этот старик еще очень бодр, свеж, неутомим, деятельен, но совершенно-глух.

— Ученый Герберт, сделавший в-последствии папою Сильвестром II, живший гораздо-прежде Фультона и Уатта, построил церковные органы, которые играли силою паров. В Оверне, отчизне Сильвестра, сооружают ныне памятники этому замечательному человеку.

— В Вилье скончалась, 10 октября, сего года герцогиня де-Гизь-Лотарингская, последняя отрасль знаменитого рода Гизов в Франции. Супруг ее был известный во французской революции принц Ламбек. Герцогиня Лотарингская была воспитательницей императрицы Марии-Луизы и уговорила ее сочетаться браком с Наполеоном, которого ненавидела в своих юных годах.

— В Англии составилось общество на акциях для снабжения чистою водою разных городов: оно проводит воду посредством труб и паровых машин в верхние этажи домов, и это гораздо лучше, нежели обыкновенная система проводить воду в резервуары нижних этажей, ибо вода в таких водоемах скоро портится и теряет свой натуральный вкус, что можно заметить во многих местах Лондона. Свою систему проведения воды соединена также и другая — проведение всяких нечистых жидкостей из помойных ям и проч., не в реки, как обыкновенно водится, но на поля и пашни для удобрения земли. Города, в которых уже есть такие водопроводы, отличаются не только особенною чистотой, но и здоровьем, свежизнью воздуха; пожары в них очень-редки, ибо вода, проведенная в верхние этажи, может легко залить вспыхнувший где-либо огонь. Сэр Юз Миддлтон, живший в XVIII столетии, был первым основателем водопроводных труб в Лондоне из речки Нью-Джизер. Но тогда худо принималось его благодетельное учреждение, и Миддлтон совершенно разорился от своих проектов. Первоначальная акция водопроводной Нью-Джизерской системы стоила 100 фунт.

стер., а нынче за нихъ даютъ по 18,000 фунт. стер. Въ воспоминаніе столь важной услуги Лондону сэра Мидалтона, названа его именемъ одна лондонская площадь, на которой находится главный водопроводный резервуаръ.

— Во многихъ городахъ Германіи сильно распространяются филантропическія общества противъ мученія домашнихъ животныхъ; по этому случаю въ одной нѣмецкой газетѣ напечатано слѣдующее воззваніе: «Господа члены прежде всего должны подумать о человѣкѣ, который, по натуральной исторіи, тоже принадлежитъ къ породѣ животныхъ. Взгляните, на-прим., на молоденькихъ прислужницъ въ трактирахъ, въ пивныхъ и водочныхъ лавочкахъ. Эти несчастныя существа цѣлый день бѣгаютъ, цѣлый день на ногахъ, да и ночью не находятъ себѣ покоя. Когда послѣдній пьяный гость выйдетъ на утренней зарѣ изъ трактира, тогда уставшая до смерти служанка должна вымыть всю стеклянную посуду, вынести полъ, обтереть стекла въ окнахъ, вычистить столы. Въ шесть часовъ утромъ, она уже опять одѣта, причесана, разстелаетъ на буфетѣ бутылки, графинны и ждетъ къ себѣ ошумевшуюся публику. Такая служанка спитъ въ сутки не болѣе четырехъ часовъ, вырѣдко одинъ только часъ, а иногда и вовсе не ложится въ постель. Итакъ, не удивительно, что самыя здоровыя и полныя тѣломъ дѣвушки въ три-четыре года совершенно увядаютъ. Только сильныя деревенскія натуры могутъ выдерживать эту пытку, но и тѣ накопецъ слабѣютъ, вянутъ, дѣлаются угрюмы и походятъ болѣе на движущуюся машину, чѣмъ на живое существо.»

— Въ Парижѣ въскольکو спекуляторовъ основали на акціяхъ новую газету подъ названіемъ *Gazette des Femmes*, которая будетъ выходить по субботамъ, въ исполнскомъ форматѣ. Каждый номеръ ея будетъ содержать въ себѣ 24 страницы въ два столбца и вмѣститъ въ себѣ текстъ 9 равныхъ журналовъ—по части философіи, нравственности, су-

допроизводства, музыки, художества, религіи, домашнего хозяйства, театровъ, модъ и женскихъ рукодѣлій. Сверхъ-того, этотъ журналъ будетъ заключать въ себѣ женскую бібліотеку, состоящую изъ сочиненій знаменитыхъ писательницъ. Между многими французскими сотрудницами газеты помѣщены двѣ германскія писательницы: графиня Ида Ган-Ганъ и Карловичъ.

— Вотъ какъ нѣмецкіе журналисты острятъ надъ новыми парижскими газетами: «Новыя парижскія газеты въ исполнскихъ форматахъ нашли гораздо-менѣе подписчиковъ, чѣмъ надѣялись; редакторы предполагаютъ, а публика опредѣляетъ! Въ «Esprit Public» публика вовсе не находитъ ума, «L'Époque» не сдѣлала эпохи своимъ необычайнымъ форматомъ; онѣ начали уже съживаться и скоро прервутся въ обыкновенный листъ бумаги; «Le Monde» построилъ свое зданіе на пескѣ и не въ силахъ заинтересовать читателей своими статьями; «Le Mouvement» остановилось отъ безденежья своихъ акціонеровъ; «Le Soleil» еще не появился на горизонтѣ: слѣдовательно, не будетъ восхода и заходянія этому свѣтлы; «Le Pays» не можетъ отыскать твердаго грунта и засѣла въ болотѣ своего предпріятія; «La Semaine» появилась только разъ въ мѣсяцъ, и то, вмѣсто октября, въ ноябрѣ; говорятъ, что за первый номеръ нашлось у ней 10,000 покупателей (это, кажется, пуфъ); «Le Dimanche» покажется еще въ типографіи, и никто не выдалъ его въ воскресенье; «L'Universel» вовсе не универсальная газета и читается покуда бѣдными своими акціонерами, которые истратили на нее много денегъ.» — До насъ не доходила еще ни одна изъ этихъ газетъ, хотя мы и желали бы по-крайней-мѣрѣ увидѣть ихъ.

— Въ Бель-эортѣ продавали недавно съ аукціона вощной колпакъ Франца Листа; цѣну назвали ужасную; наконецъ, одной богатой вдовѣ удалось купить драгоцѣнность. Этотъ случай

напомнилъ намъ другое подобное дурачество: въ Дрезденѣ знаменитая актриса дѣвица Бауеръ сдѣлала такой фуроръ своею игрою, что одинъ изъ

самыхъ жаркихъ ея почитателей купилъ за 40 червонцевъ простыню, на которой артистка почивала въ гостиницѣ.

=

М О Д Ы.

Теперь настало самое лучшее время для модъ, и много уже появилось новаго и прекраснаго. Вотъ хоть на-прим. это бархатное манто, которое вы видите на картинѣ, приложенной къ нынѣшней книжкѣ «Отеч. Записокъ». Оно очень-прасиво; во какъ у насъ климатъ холоднѣе парижскаго, то эти манто дѣлаются немножо-шире, такъ, чтобъ полы могли заходить одна на другую, и вышиваются рукава не очень-широкіе. Такія манто дѣлаются и изъ шлѣпчатой шерстяной матеріи; но, разумѣется, они не такъ красивы, какъ бархатныя.

Еще появилось новое манто, или, лучше сказать, пальто, потому-что оно очень-похоже на тѣ пальто, которыя носились и нынѣшнимъ гѣтомъ, но гораздо-граціознѣе ихъ. Вызю онѣ дѣлаются довольно-широкія, а около талии совершенно въ обтяжку. Рукава длиннѣе и широкіе, наверху самый маленькій воротничокъ. Если это пальто бархатное, то его обшиваютъ горностаемъ или аграмантомъ; если оно изъ другой какой-нибудь матеріи, то обшивается большою частію бархатомъ. Надобно, однакожь, замѣтить, чтобъ надѣтъ это пальто, нужно необходимо имѣть очень и очень-хорошую талию; иначе, оно будетъ въ высшей степени безобразно.

Но вотъ еще прекрасное маленькое манто, или, какъ его называютъ, une visite. Это небольшой воротничѣ, немножо-длиннѣе талии, напередѣ круглый, а на бокахъ сшивной. Наверху онъ вырѣзанъ очень-открыто, какъ вырѣзываются мантильи; карманки у него довольно-большіе. Эти манто невѣрное скоро будутъ дѣлаться съ канитюпани, потому-что они очень-удобны при разѣздѣ изъ театра, съ бала, и т. п.

Горностаея и вообще мѣховыя пелеринки дѣлаются довольно-длинныя, гораздо-длиннѣе талии; но, говорятъ, что будутъ носить ихъ еще длиннѣе. Мѣховыя салоны дѣлаются съ воротничками, которые очень-похожи на мантильи: тѣ же длинныя концы напередѣ, и сзади также точно длинныя. Аграмантъ и бархатъ считаются лучшимъ украшеніемъ для нихъ.

Шляпки все такъ же открыты, какъ были въ прошломъ мѣсяцѣ. Ихъ больше всего дѣлаютъ изъ неразрѣзнаго бархата. Но если вы хотите имѣть шляпку самую модную, то сдѣлайте ее съраго цвѣта изъ неразрѣзнаго бархата; къ тулѣ довольно-низко приколите букетъ перьевъ сѣрыхъ съ синими; поля обшейте въ два ряда узенькими бѣ изъ синяго тюля, и подъ поля

приколите, вмѣсто цвѣтовъ, синія ленты. Или сдѣлайте шляпку изъ синяго бархата съ большими синими пѣтлеками, окруженными самою свѣтлою бархатною зеленью. Два большіе шюа на шляпкѣ съ обѣихъ сторонъ туль дѣлаются очень-часто и не смотря на то, что эта уборка очень-красива, она надѣвается ужасно.

Бальныя платья убираются чаще всего кружевами, которые пришиваются или прямо на платье, или къ складкамъ, сдѣланнымъ у платья. Очень-красива уборка для платья изъ рюша. Мы видѣли платье изъ розоваго газа, обшитое въ семь рядовъ, на большое другъ отъ друга разстояніе, рюшемъ изъ розоваго тюля. Лицо было совершенно-гладкій съ довольно-большимъ шнипомъ и съ маленькой бертой, которая также была обшита рюшемъ. Рукава-башмаки коротенькіе, такъ-что ихъ

не видно было изъ-подъ берты. На груди было приколото букетъ бѣлыхъ цвѣтовъ. На головѣ гирлянда изъ зелени въ два ряда; первый рядъ спу-скался очень-низко ко лбу, а второй обхватывалъ одну косу; на бокахъ гирлянда были вилетены бѣлые цвѣты. Серегъ совершенно теперь не носятъ; но браслеты все еще надѣваютъ, даже и по три. Перчатки носятъ самыя коротенькія и ничѣмъ не обшиваются. Бальныя башмаки дѣлаются безъ каблуковъ, но ботинки не иначе, какъ съ каблуками и съ пуговицами, вмѣсто шнуровки.

Визитныя платья всегда дѣлаются съ закрытымъ лицомъ. Говорятъ, что будто снова начали показываться бархатные корсажи; къ будущему мѣсяцу мы постараемся узнать о нихъ подробнѣе.

НОВЫЯ ФРАНЦУЗСКІЯ КНИГИ,

ПОЛУЧЕННЫЯ ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ КОММИССІОНЕРА БИБЛИОТЕКЪ
ГВАРДЕЙСКАГО КОРПУСА

И. А. ЖГАРОВА.

Въ Санктпетербургѣ, въ Гостинномъ-Дворѣ, № 22.

(Цѣны означены на серебри, безъ пересылки.)

	P. K.		P. K.
OEUVRES COMPLÈTES de l'Évéque Lignori, trad. de l'italien en français et mis en ordre par une Société d'ecclésiastiques. 31 vol. in 12.	15	tempérés, par Chambray. Un vol. gr. 8 avec pl. Paris. 1845.	4
LES REFORMATEURS AVANT LA REFORME, XV-e siècle, Jean Huss et le Concile de Constance, par Bonnechose. 2 vol. 8. Paris. 1845.	2 85	EXPOSITION DES ATTRIBUTS DU SYSTEME NERVEUX. Refutation de la doctrine de Ch. Bell et explication des phénomènes de la paralysie, par Castel. 10-e édit. Un vol. 8. Paris. 1845	1 15
LOIS ORGANIQUES du gouvernement et de l'administration de la France, par Poirel. Un vol. 8. Paris. 1845	1 70	RECHERCHES SUR LA COMPOSITION DU SANG dans l'état de santé et dans l'état de maladie, par Becquerel et Rodier. Un vol. 8. Paris. 1845.	1
COURS de CODE CIVIL, par Demolombe. 2 vol. in 8. Paris. 1845	4 50	ÉLÉMENTS DE LA CHIMIE AGRICOLE et de Géologie, par James et Johnston, trad. de l'anglais. Un vol. 12. Paris. 1846.	1
DES PROGRÈS DE L'INDUSTRIE dans leur rapport avec le bien-être physique et moral de la classe ouvrière, par de Gerando. Un vol. 18. Paris. 1845.	15	TABLEAUX DU SYSTEME PLANÉTAIRE, par Dufour et Visconti. 7 pl. gr. folio accompagnées d'un précis. in 8, relié. Paris	5 15
NOUVEAU MANUEL DES MONNAIES, poids, mesures, cours de changes, poids publics, etc. etc., par Nelkenbrecher, trad. de l'allemand et augmenté par Deschamps. Un vol. 8. Paris. 1844.	3 40	ÉTAT ACTUEL DE L'ARTILLERIE DE CAMPAGNE EN EUROPE, par Jacobi. — Artillerie française. Un vol. 8. Paris. 1845.	1 65
BUFFON. Histoire de ses travaux et de ses idées, par Flourens. Un vol. 12. Paris. 1845	85	— Artillerie Neerlandais. Un vol. 8. Paris. 1845	1 65
L'ART D'ÉLEVER LES VERS A SOIE, par le Comte Dandolo. trad. de l'italien, revu et augmenté, par Ph. Fontaneilles. 6 édit. Un vol. 8. Paris. 1845	2 15	ESSAI SUR LES EGLISES Romanes et Romano - Bysantynes, par Mallay, in folio de 50 pl. Paris	11 43
TRAITÉ PRATIQUE DES ARBRES RÉSINEUX conifères à grandes dimensions, que l'on peut cultiver en futois dans les climats		HEATH'S BOOK OF BEAUTY, Keepsake for 1846. in 8. avec gravures sur acier, magnifique vol. relié en soie	8
		THE KEEPSAKE FOR 1846, avec gravures sur acier magnifiquement relié en soie.	8
		FISHER'S DRAWING ROOM SCRAP-BOOK for 1846. Un ma-	

P. K.

P. K.

gnifique vol. in 4 avec grav. sur acier, relieure maroq.	8
— Juvenil scrap book for 1846. in 8. avec grav. sur acier, relié. en maroq.	3
ALMANACH DE GOTHА pour 1846. Un vol. in 32 orné de portraits.	1
RAPPORT ET MÉMOIRE SUR LE nouveau système d'Ecluse à flotteur de M. Girard, par Poncelet. Un vol. 4. avec pl. Paris. 1845.	1 70
FRAGMENTS ARABES ET PERSANS inédits, relatifs à l'Inde antérieurement au 11-e siècle de l'ère chrétienne, recueillis par M. Reinaud. Les fragments sont suivis de leur traduction. in 8. Paris. 1845	1 43
L'AMARAKOCHA, Vocabulaire sanscrit, avec traduction française, par Loiseleur - Deslonchamps. 2 vol. gr. 8. Paris. 1845	9 15
GRAMMAIRE PERSANNE PAR W. JONES, 2-e édition, revue, corrigée et augmentée, par Garcin de Tassy. Un vol. 12. Paris. 1845	1 30
ŒUVRES COMPLÈTES DE TACITE, nouv. trad. accompagnée du texte, par Ch. Louandres 2 vol. 12. Paris. 1845	1 70

HISTOIRE DE LOUIS XIV par Gabourd. Un vol 8. orné de 4 grav. Tours. Paris. 1845.	1
HISTOIRE DE L'ÉCOLE D'ALEXANDRIE, par Simon. 2 vol. 8. Paris. 1845.	4 50
ESSAI HISTORIQUE SUR LES RACES ANCIENNES ET MODERNES DE L'AFRIQUE SEPTENTRIONALE, leur origines, leur mouvements et leur transformations, par Duprat. Un vol 8. Paris. 1845	2
РОМАНЫ.	
(По 60 коп. сеп. за томъ).	
CAROTIN, PAR P. DE KOCE. 4 vol.	
LE JUIF ERRANT PAR SUR. 10 vol. complet.	
LE COMTE DE MONTE-CHRISTO, par Dumas, tomes 1 à 6.	
LES DRAMES INCONNUS, par Soulié. 6 vol.	
ANTONIA, par Bazancourt 2 vol.	
VIOLETTE, par Magryat. 3 vol.	
LE MEUNIER D'ANGISAULT, par Sand. 3 vol.	
LE CAPITAINE REINT, par Bertbet 2 vol.	
LES TOMBEAUX DE ST. DENIS, par Robert. 2 vol.	
VINGT ANS APRÈS, par A. Dumas. 7 vol.	
SALANTOE, par Cooper. 2 vol.	
TEVERINO, par G. Sand. Un vol.	
LES AMOURS DE PARIS, par Feval, 5 vol.	

Въ томъ же магазинѣ поступили въ продажу и выдаются гг. подписавшимся четвертый и пятый выпуски **АТЛАСА ОПЕРАТИВНОЙ ХИРУРГІИ**, составленнаго г. Леемъ. Каждый выпускъ содержитъ въ себѣ десять таблицъ въ 8-ю д. л., и служитъ дополненіемъ къ *Медицинскому Энциклопедическому Лексикону*. Весь Атласъ будетъ состоять изъ двѣнадцати выпусковъ, по одному руб. сереб. за каждый.

МЕДИЦИНСКІЙ ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ ЛЕКСИКОНЪ, выпуски 1 до 14, украшенные превосходными рисунками; цѣна за каждый выпускъ изъ десяти печатныхъ листовъ, въ двѣ колонны, 75 коп. сереб. Полное изданіе будетъ состоять изъ 24-хъ выпусковъ.

Гг. подписывающихся на французскіе журналы, желающихъ возобновить абонименты, приглашаютъ заблаговременно уведомить о томъ магазинъ Я. А. Исакова, потому что журналы требуются изъ Парижа по числу наличныхъ подписчиковъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

СОРОКЪ-ТРЕТЬЯГО ТОМА

ОТЕЧЕСТВЕННЫХЪ ЗАПИСОКЪ.

I. СЛОВЕСНОСТЬ.

а) СТИХОТВОРЕНІЯ:		Стр.
Серенада Д. ЯСТРЕБОВА . . .	193	
• Вижу, снова небо тмится. А. ФЕТА . . .	194	
Изъ Проперція. И. КРЕШЕВА . . .	246	
• Бывають мгновенья. Д. ЯСТРЕБОВА . . .	—	
Изъ Горациа. И. КРЕШЕВА . . .	388	

б) ПРОЗА:

Няня. Повѣсть С. П. ПОВЪДОВОСЦЕВА . . .	✓ 1
Американцы. Романъ. (Съ нѣмецкаго). Часты первая и вторая (последняя) . . .	✓ 14 и 247
Кто виноватъ? Повѣсть И. . .	✓ 195

II. НАУКИ.

Письма объ изученіи природы. (Письма пятое и шестое: Схоластика; — Декартъ и Бэконъ). Искандра . . .	✓ 1
Космосъ. Соч. Александра Гумбольдта. Статья вторая. (Картина природы: Общій обзоръ явленій) . . .	✓ 29
Вѣрованія Индусовъ. (Сущность и постепенное перерожденіе браманскаго ученія. Смерть Индуса, посмертные обряды и попятія Индусовъ о загробной жизни) . . .	50

Консульство в Имперіа. Соч. Тьера. Статья седьмая: (Булонскій лагерь: Обращеніе перваго консула къ государственнымъ собраніямъ. Слова де-Фонтана. Всеобщій энгуизамъ. Возвращеніе французскихъ эскадръ въ Европу. Желтая лихорадка на Сен-Доминго. Смерть Деклера. Восстаніе черныхъ. Характеръ войны между Франціею и Англіею. Приготовленія къ высад-

кѣ. Ла-Маншъ. Три рода судовъ. Военная и транспортная флотилія. Виды перваго консула на Антверпенъ. Жалкое униженіе Испаніи. Булонскій лагерь. — *Заговоръ Жоржа: Опасенія Англіи. Средства, придуманныя ею для обороны. Воинныя силы Англичанъ. Британскій кабинетъ помогаетъ заговорамъ эмигрантовъ. Интриги англійскихъ дипломатическихъ агентовъ. Жоржъ и Пишгрю. Опасная болтовня генерала Ламоле. Бивильскій-Утесъ. Потенная дорога черезъ Нормандію въ Парижъ. Моръ. Смущеніе заговорщиковъ. Открытіе умысла. Арестованіе Моръ. Снисходительность къ нему перваго консула. Рѣшимость перваго консула схватить французскаго принца. Страшный законъ противъ укрывателей заговорщиковъ. Парижъ запертъ на нѣсколько дней. Арестованіе Пишгрю, де-Полиньяка, де-Ривьера и самого Жоржа. Герцогъ англійскій въ Эттенгеймъ. Заблужденіе и слѣпой глѣвъ перваго консула. Похищеніе и казнь принца. Характеръ этого роковаго событія.) 69*

Опытъ о педагогическихъ способахъ при первоначальномъ образованіи дѣтей. Князя В. О. Одоевского. 130

III. СОВРЕМЕННАЯ ХРОНИКА РОССІИ.

Обозрѣніе современнаго движенія русскаго законодательства и распоряженій по государственному управленію за сентябрь и октябрь 1845 года 1 и 9

Событія въ отечествѣ за тѣ же мѣсяцы того же года 7 и 14

IV. ДОМОВОДСТВО, СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ВООБЩЕ.

Стр.
 Взгляд на выставку промышленных издѣлій въ Варшавѣ въ 1845 году. *Статьи первая и вторая.* (Промышленность желѣзная, цинковая и мѣдная). Ф. Мясовскаго. 1 и 15

V. КРИТИКА.

Сочиненія Александра Пушкина. Одинадцать томовъ. (*Статья десятая*). Борисъ Годуновъ 1
 Упрощеніе Руской Грамматикѣ. Сочиненіе К. М. Кюмискаго. 23
 Памятники, издавныя Временною Коммиссіею для разбора древнихъ актовъ, учрежденною при кievскомъ военномъ, подольскомъ и вольнскомъ генерал-губернаторѣ.—Собраніе древнихъ грамотъ и актовъ городовъ *Вильны, Ковна, Троку,* православныхъ церквей, монастырей и по разнымъ предметамъ 37

VI. БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

1) *Русскія книги, вышедшія въ октябрь и ноябрь 1845 года.*
 Столѣтіе Россіи, Н. Полеваго 1
 Исторія Консульства и Имперіи, Тьера, части I, II и III 5
 Инквизиція, соч. Галлау. 8
 Рѣчь о камеральномъ образованіи, И. Платонова. 11
 Практическая Медицина, Дьяковскаго, тетр. 2-я 14
 Руководство къ Воспитанію, К. Грума, т. III —
 Домъ Прирѣвнѣ Престарѣлыхъ и Увѣчныхъ Гражданъ въ Санкт-петербургѣ, разсказъ Е. А. 16
 Русская Рѣчь, М. Максимовича 17
 Земледѣльческій Календарь, Эр. Рудольфа —
 Опытъ Замѣчаній Кинешемскаго Земледѣльца, ч. IV 19
 Руководство къ устройству теплицъ, соч. Неймана 20

Стр.
 Хозяинъ себя на ушѣ —
 Атласъ Географическій и др. Государства Россійскаго, И. Ахматова —
 Генеральная Карта извѣстнаго древнимъ свѣта, И. Эйверлинга. 21
 Топографическо-физическій Атласъ, сост. В. Кротовымъ —
 Изображеніе характера и содержания новой исторіи, книга первая, И. Шульгина; изд. 3-е —
 Изображеніе характера и содержания новой исторіи; книга вторая, И. Шульгина, изд. 4-е —
 Частная Реторика, П. Кошанскаго, изд. 6-е 23
 Умозрительныя и опытыя Основанія Словесности, А. Глаголева; изд. 2-е —
 Руководство къ древней исторіи, С. Смараглова, изд. 4-е 25
 Учебная Книга итальянскаго языка —
 Всеобщая Географія, О. Соколова. —
 Краткая Всеобщая Географія, соч. Штейна —
 Жизнь Езона. 28
 Алфавитъ для малолѣтнихъ дѣтей —
 Три сказки, М. Максимовича 29
 Королева Марго, А. Дюма —
 Вѣчный Жидъ, пародія —
 Отелло, соч. Шекспира, пер. В. Лазаревскаго —
 Памятники русскихъ добродѣтелей, М—ла Т—кова 30
 Вечернія Бесѣды русскихъ инвалидовъ —
 Образцовый Письмовникъ 31
 Коварство, соч. М. Черныскаго 32
 Путешествіе по Солнцу, Демокрита Терпиновича 34
 Искусство сохранять лучшую память —
 Собраніе русскихъ пѣсенъ, О. Исаева, изд. 4-е —
 Козель Бунтовщикъ, Н. Базилевича, изд. 3-е —
 Грошевый Мертвецъ, его же; изд. 3-е —
 Мечта Любви, соч. граф. д'Анжъ —

Стр.		Стр.
	Спасенная Ниневія, Ф. Кузмичева; изд. 3-е	92
35	Смоленскій Рынокъ въ Москвѣ, М. С.	—
—	Котъ въ сапогахъ, В. Потапова	—
—	Благость Божія въ Природѣ, Кн. Е. Ив.—висо.	94
—	Римъ в Италіа, князя А. Волковскаго	—
49	Букеты, графа В. Соллогуба	—
50	Новая Школа Мужей, Р. Зотова	—
55	Воля за Гробомъ, И. Александрова	—
56	Петербургскія Вершины, Я. Буткова	95
—	Графъ Монте-Кристо (Карманная Библіотека)	—
63	Графъ Монте-Кристо	—
—	Гри Мушкетера (Экономич. Библіотека)	96
—	Гри Мушкетера (Карман. Библіотека)	—
—	Объ отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ, соч. С. Соловьева	—
64	Историческій Очеркъ Сербскаго Государства, С. Палаузова	—
75	аписки Дюка Лиринскаго и Бервикскаго, изд. Д. И. Языковымъ	98
76	обравіе древнихъ актовъ Вильны, Ковна, Трокъ и пр.	100
80	амятники, издадн. Коммиссією, учрежденною при кievскомъ военномъ губернаторѣ	—
—	юренія Святыхъ Отцевъ, т. III, кн. 3.	87
82	остопамятности Москвы, К. Тромонна	—
—	Объ обязанностяхъ человека, Сильію Пелляко	101
83	Пестой отчетъ Комитета для разбора Нищихъ	—
84	писание новаго числительнаго инструмента, З. Слонимскаго	102
—	Зародная Медицина, А. Чаруковскаго, ч. IV и VI	—
87	атологическая Анатомія, Рокитанскаго, кн. 3	—
88	аедицинскій Энциклопед. Лексиконъ, кн. 13 и 14	—
—	Браткая Европейская Метрологія, г. Петрушевскаго, изд. второе	92
—	Объ отравленіи виномъ	—
—	Берегись первой чарки	—
—	О всенародномъ распространеніи грамотности въ Россіи	—
—	О способѣ взаимнаго обученія, I. Гамеля	94
—	Руководство къ переводамъ съ русск. языка на нѣмецкій	—
—	Способъ узнавать роды именъ существв. франц. языка	—
—	Упрощеніе Руской Грамматики, К. Кодвинскаго	—
—	Всемирная Исторія, К. Беккера, ч. V	95
—	Вопросы и задачи изъ Латинской Этимологіи	—
63	Латинско-Русскій Словарь	—
—	Прогулки по Невскому Проспекту. Е. Расторгуева	96
—	Весенній Вечеръ: в. Ив.—висо.	—
—	Отрывки въ стихахъ и прозѣ	—
—	Битва Русскихъ съ Кабардинцами, Н. Зряхова; изд. 5-е	97
—	Дмитрій Іоанновичъ Донской, И. Г.	—
64	Записки полковника Дювара	—
—	Кочубей, Н. Сементовскаго	—
75	Могила Илюка, Ф. Садовникова	98
—	Мѣсяцословъ на 1846 годъ	100
76	2) Книги, издаанныя въ Россіи на иностранныхъ языкахъ:	—
80	Kameralistische Abhandlungen, v. J. Faulhaber	36
—	Cornelii Nepotis vitæ excellentium imperatorum, изд. М. Б.	87
—	Eutropii breviarium Historiæ Romanæ etc. изд. Б. Войцеховскимъ	—
—	Ueber die Lechtungen der Kaiserl. Landwirthschafts-Gesellschaft	101
83	Alfabet Française	—
—	Langue Française, par Pascault	—
84	Traité de la conjugaison des verbes	102
—	Le Guide de l'Enfance. Ревнгартена	—
—	3) Библиографическія и Журнальныя Извѣстія	38 и 103
87		—
88	VII. ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.	—
—	1) Германская Литература: Биографія Леопольда, князя ангалт-дессаускаго (изъ Biographische	—

Denkmale, Фарнгагена фон-Энзе). — Жизнь Шиллера, составленная по воспоминаніямъ семейства, изъ собственныхъ его писемъ и извѣстій друга его Кёрнера 41

VIII. СМѢСЬ.

БЮГРАФИИ ВЪЗМЪННЫХЪ СОВРЕМЕННИКОВЪ:

Джонъ Россель 1
 Леди Эстеръ - Люси Стэнгопъ.
 (Графъ Стэнгопъ, — Уильямъ Питтъ, — Лордъ Кемельфордъ, — Лордъ Гренвилль, — Фоксъ, — Кенвингъ, — Лордъ Кестельрейгъ, — Лордъ Гоуксбѣри, — Сэръ Френсисъ Бёрдетъ, — Горизъ Тукъ, — Г. Бруммель, — Фидъ Гербертъ, — Мистрисъ Робинсонъ, — Герцогъ Кумберлендъ, — Эмиръ Беширъ, — Ибрагимъ-Паша, — Абдуль-Паша, — Матта, — Лустонъ, — Дамартивъ, — Принцъ Пюклер - Мюскау, Чатавъ и др.) 73

Проклятый Утесъ. Рассказъ Шарля д'Экспильи 13
 Индусы на Апшеронскомъ-Полуостровѣ (изъ путевого журнала). И. Березина 101

ЛИТЕРАТУРНЫЯ И ЖУРНАЛЬНЫЯ ЗАМѢТКИ:

Отвѣтъ учредителя Товарищества для распространія въ Россіи простой и выгодной обдѣлки прядильныхъ растений, на примѣчанія, помѣщенные къ его письму, напечатанному въ 9-й книжкѣ «Отеч. Записокъ». И. Влкъ копольскаго. Съ новыми примѣчаніями Редакціи 41
 О перемѣщеніи Конторы «Отечественныхъ Записокъ» 47
 О публичныхъ лекціяхъ въ Петербургѣ. Лекціи г. Шюца о гигиенѣ общественной 108
 Переводъ сочиненій Гоголя на французскій языкъ. 115

Сѣверная Пчела — защитница правды и чистоты русскаго языка 116

ТЕАТРАЛЬНАЯ ЛЕТОПИСЬ.

Французскій Театръ въ Парижѣ:
 L'Enseignement Mutuel, ком.— Suzon et Suzanne, вод.— La Samaritaine, вод.— Corneille et Rotrou, ком.— Entre l'arbre et l'orceux, вод.— Les Couleurs de Marguerite, ком.— Les Bains à domicile, вод.— On demande des professeurs, вод.— La Soeur du Muletier, мелодр.— La Charbonnière, оп.— Le Code des Femmes, вод.— Le Mari au bal, оп.— Les Mousquetaires, др.— Jeanne de Flandres, др.— Le Droit d'ainesse, вод.— Noemie, ком.— вод.— Le Pot aux roses, вод.— L'Île de Robinson, вод.— Deux Compagnons du Tour de France, ком.— вод.— Marie-Jeanne, ou la femme du peuple, драма 121

УЧЕНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Величина поверхности тридцати-семи западныхъ губерній и областей Европейской-Россіи 53
 Лѣто въ землѣ Таймиръ 56
 Новый способъ опредѣленія количества золота и серебра, употребляемаго въ гальваническомъ золоченіи и серебрѣніи 61
 Народонаселеніе въ губерніяхъ Европейской-Россіи 135
 Новая классификація рыбъ 135
 Половые отношенія у беззубиковъ (Anodonta). Значеніе стѣнныхъ животныхъ (epigmatozou). 140
 Зеркала китайскія 140

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Новѣйшія открытія и изобрѣтенія 62
 и 151
 Разныя полезныя замѣтки 64 и 143
 Мелочи 65 и 144
 Моды (съ двумя парижскими картинками).

НОВЫЯ ФРАНЦУЗСКІЯ КНИГИ,

ПОЛУЧЕННЫЯ ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНЪ КОММИССІОНЕРА БИБЛИОТЕКЪ-
ГВАРДЕЙСКАГО КОРПУСА

И. А. МЦАРОВА.

Въ Санктпетербургѣ, въ Гостиномъ-Дворѣ, № 22.

(Цѣны означены на серебро, безъ пересылки.)

	P. K.		P. K.
HISTOIRE chronologique et dogmatique des conciles de la Chretienté, depuis le concile de Jerusalem, tenu par les apôtres l'an 50, jusqu'au dernier concile. Par Roisselet de Sauclières, tome 1 et 2 in 8. Paris. 1845.	4 30	qui habitent la ville, par Adanson. 5 édit. 2 vol. 12. Paris. 1845.	2
OUVRAGES DE ST. DENYS l'aréopagiste, trad. du Grec, par l'abbé Darbois Un vol in 8. Paris. 1845.	2	DE LA FÉCONDATION NATURELLE et artificielle des végétaux et de hybridation, par Lecoq Un vol. in 18. Paris. 1845.	1
HISTOIRE DU DROIT BYSANTIN, ou du Droit romain dans l'empire d'Orient depuis la mort de Justinien jusqu'à la prise de Constantinople en 1453, par Montreuil, 2 vol. in 8. Paris. 1844.	4 30	TRAITÉ PRATIQUE, DOGMATIQUE et critique de l'hypochondrie, par Michéa. Un vol. in 8. Paris. 1845.	1 70
TRAITÉ DE L'INSTRUCTION CRIMINELLE, ou théorie du code d'instruction criminelle, par Faustin Hélie. Un vol. 8. Paris. 1845.	2 50	OBSERVATIONS PRATIQUES sur le traitement des maladies syphilitiques par l'iode de potassium, par Gauthier. Un vol. in 8. Paris. 1845.	85
REFLEXIONS sur les moyens propres à diminuer les crimes et les récidives, par Vidocq. Un vol. in 8. Paris. 1844.	1 40	ETUDES DE GEOLOGIE MEDICALE sur la phthisie pulmonaire et la fièvre typhoïde dans leurs rapports avec les localités marécageuses, par Boudin. Un vol. in 8. Paris. 1845.	72
ETUDE PHYSIOLOGIQUE de l'instinct chez l'homme et chez les animaux dans l'état sain et dans l'état maladif, par Gabillof. In 8. Paris. 1845.	1 25	TRAITÉ DE TOXICOLOGIE médico-legal et de la falsification des alimens, des boissons et des médicaments, par Gallier. tome 1-r in 8. Paris. 1845.	2 15
PRATIQUE DE L'ART DE CHAUFFER par le thermosiphon ou calorifère à eau chaude avec un article sur le calorifère à air chaud; petit in 4. avec 21 pl. Paris. 1845.	1 70	LA DIVISION ABREGÉE ou méthode rigoureuse et facile pour simplifier cette opération de l'arithmétique, par Guy, in 8, Paris. 1845.	43
LA MAISON DE CAMPAGNE, ouvrage qui peut aussi en ce qui concerne l'économie domestique, être utile aux personnes		ESPRIT DES INSTITUTIONS MILITAIRES, par Marmont, Duc de Raguse. Un vol in 8. Paris. 1845.	1 15
		MANUEL DES RECONNAISSANCES MILITAIRES en ce qui concerne les officiers et les sous-officiers d'infanterie et de cavalerie, par Delouetrel. Un vol. 8. Paris. 1845.	85

P. K.

P. K.

<p>MÉMOIRE SUR LA TRAJECTOIRE DES PROJECTILES de l'artillerie, suivi de tables et de règles pratiques pour la détermination des portées, par Groewinitz, trad. par Rieffel. Un vol. in 8. Paris. 1845</p>	<p>1 40</p>	<p>de tables analytiques, précédée d'une esquisse de la philosophie de Platon, par M. Schwalbé. 2 vol. gr. 8 à 2 colon. Paris. 1845. (Pantheon Littéraire).</p>	<p>5 15</p>
<p>DE LA DESTINATION DES PYRAMIDES D'EGYPTE et de Nubie, par Persiguy. Un vol. in 8. avec pl. Paris. 1845</p>	<p>2 15</p>	<p>HISTOIRE DE LA SOCIÉTÉ DOMESTIQUE chez tous les peuples anciens et modernes, par l'abbé Gaume. 2 vol. 8. Paris. 1844</p>	<p>4</p>
<p>ARCHITECTURE DECIMALE. Parallèle des ordres d'architecture et de leurs principales applications suivant Palladio, Scamozzi, Serlio, Vignole etc. etc., par Renard. 30 livrais. in folio prix de la livrais. à</p>	<p>57</p>	<p>HISTOIRE POLITIQUE de la monarchie pontificale au quatorzième siècle, par l'abbé André. Un vol. in 8. Paris. 1845</p>	<p>2 15</p>
<p>GROS ET SES OUVRAGES ou mémoires historiques sur la vie et les travaux de ce célèbre artiste, par Delestre. Un vol. in 8. Paris. 1845.</p>	<p>2 30</p>	<p>PRÉCIS DE L'HISTOIRE DES ETATS UNIS D'AMÉRIQUE, depuis leur colonisation jusqu'à ce jour, par le Comte Pelet. Un vol. 8. Paris. 1845</p>	<p>2 15</p>
<p>RECHERCHES EXPERIMENTALES sur les machines locomotives, par Gouin et Lechatelier. Un vol. 4. avec 6 pl. Paris. 1845</p>	<p>1 50</p>	<p>LETTRES ET INSTRUCTIONS SECRÈTES DE LOUIS XVIII au Comte de St. Priest pendant l'émigration 1794 — 1807, par Barante. Un vol. in 8. Paris. 1845</p>	<p>2 15</p>
<p>GRAMMAIRE SANSCRITE-FRANÇAISE, par Desgranges. Un vol. in 4. Paris. 1845.</p>	<p>7 15</p>	<p>LE SAGARA ALGERIEN. Etudes géographiques, statistiques et historiques sur la région ausud des établissemens français en Algérie. Un vol. gr. in 8. avec carte. Paris. 1845</p>	<p>7</p>
<p>HISTOIRE DES SAMANIDES, texte persan, par Merkhond, trad. et accompagnée des notes critiques, historiques et géographiques, par Desfremery. Un vol. in 8. Paris. 1845</p>	<p>2 30</p>	<p>EXCURSIONS ET SÉJOURS DANS LES GLACIERS et les hautes régions des Alpes, par Agassiz. Un vol. in 12. avec portrait et 6 pl. Paris. 1844</p>	<p>2</p>
<p>LE DIABLE AMOUREUX, roman fantastique, par Cazotte, précédé de sa vie, de son procès et de ses prophéties et révélations, par Gerard de Nerval. Un vol. in 8. illustré de 200 dessins. Paris. 1845</p>	<p>1 70</p>	<p>LE MAROC ET SES CARAVANES, ou relations de la France avec cet Empire, par Thomassy. Un vol. in 8. Paris. 1845</p>	<p>1 25</p>
<p>OEUVRES COMPLÈTES DE PLATON, nouv. édition accompagnée de notes, d'arguments et</p>		<p>LES PRINCIPES DE L'ECONOMIE SOCIALE, exposés selon l'ordre logique des idées, par Scialoje. Un vol. in 8. Paris. 1845</p>	<p>2 15</p>

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ

У М. БЕРНАРДА,

На Невскомъ-Проспектѣ, противъ Малой - Морской,
въ домѣ Паскаля № 11.

Оперы для фортепьяно въ дѣтъ руки.
(Маленькій форматъ, полное изданіе).

	Серебромъ	Р.	К.
AUBER. Fra Diavolo.		2	85
— La muette de Portici. (Fenella).		2	85
BELLINI. Beatrice di Tenda. La Straniera по		2	85
— J. Montechi edi Capuleti.		3	.
— Norma. Il Pirata. La Sonnambula, по.		3	.
BOIELDIEU. La Dame blanche.		2	85
DONIZETTI. Anna Bolena.		4	.
— L'Elisire d'amore.		3	.
— Lucia di Lammermoor.		3	.
HEROLD. Zampa ou la fiancée de marbre.		2	85
KUHNAU. Lulu.		3	.
MOZART. Così fan tutte. Don Juan. Figaro, по.		2	85
— L'enlèvement au Serail. Titus, по.		2	.
— La Jardinière.		2	85
— Die Zauberflöte. Idomeneo, по.		2	29
ROSSINI. H. Barbieri di Seviglia.		2	.
— Cenerentola.		3	.
— La Donna del Lago. La Gazza ladra, по.		2	85
— Mosé in Egitto (2 руб. 85 к.) Otello.		2	85
— Tancred.		2	85
SPONTINI. La Vestale.		2	85
WINTER Le Sacrifice interrompu.		2	85

Оперы для фортепьяно въ четыре руки.
(Маленькій форматъ, полное изданіе.)

AUBER. La muette de Portici. (Fenella).	5	15
BELLINI. Norma (5 руб. 15 к.) Sonnambula.	5	15
DONIZETTI. Lucia di Lammermoor.	5	15
HEROLD. Zampa ou la fiancée de marbre.	4	29
MOZART. Don Juan (5 руб. 72 к.) Figaro.	5	72
— La flûte magique (5 руб. 15 к.) Titus.	5	15
ROSSINI. Il Barbieri di Seviglia	5	15

Оперы для фортепьяно въ дѣтъ руки.
(Большой форматъ, полное изданіе.)

AUBER. La Sirène. Opéra comique.	6	.
DONIZETTI. Belisario.	7	72
— Don Pasquale.	6	85
— Dom Sebastian.	8	58
DONIZETTI. La favorita.	8	58
— Linda di Chamounix	8	58
— Maria di Rohan.	6	85
FLÖTOW. Alessandro Stradella.	6	.
HALEVY. Guido et Ginevra.	8	55
LORTZING. Der Wildschütz.	6	88
— Hans-Sachs.	6	85
MENDELSSOHN-BARTHOLDY. Sommernachtstraum.	4	29

	P	K.
MERCADANTE. La Vestale.	6	85
VERDI. Ernani (8 pyг. 58 к.) Due Foscari.	8	58
WAGNER. Rienzi, der letzte der Tribunen	13	72
<i>Для фортепьяно въ две руки.</i>		
AZAREVITSCH. Fantaisie et Variations sur l'air bohémien «Koca».	1	.
BERNARD. Collection d'airs favoris de l'opéra italien à St.-Petersbourg, arrangés pour le piano seul:		
№ 16. Donizetti. Ballade de la Lucrezia-Borgia, chantée par M-lle Viotti.	30
— 17. Bellini. Air de la Norma «Casta diva».	30
— 18. Rossini. Trio du Barbier de Seville.	50
— 19. Donizetti. Romance de l'opéra: Linda di Chamounix.	30
— 20. Donizetti. Romance de l'opéra: l'Elisire d'amore	30
CHOPIN. F. Berceuse. op. 57.	85
— Gr. Sonate. op. 58.	2	58
CZERNY. Ch. Exercice journalier (40 tägliche Studien) pour atteindre et conserver le plus haut degré de perfection au Piano, consistant en 40 Etudes avec les répétitions prescrites, op. 337. Nouvelle édition	3	.
— Chanson de Printems.	40
DANKER. B. Cinq mélodies inédites. op. 26 N 1. Un souvenir de voyage (50 к.) N 2. L'Espérance (30 к.) N 3. Chansonnette allemande (30 к.) N 4. Réverie (50 к.) N 5. Barcarolle (30 к.)	4	30
DAVID. F. Marche de la Caravane de l'ode symphonie «le Désert».	30
DORLER. Th. Barcarolle. op. 57	85
HERZ. H. Lutine. Valse brillante.	60
— Les ramiers. Pièce de Salon	75
KALKRENNER. F. Galop eternel	85
— Veritable Mazurka.	30
LASKOVSKY. J. Mazurka brillante	50
MENDELSSOHN-BARTHOLDY. F. Nouvelle chanson sans paroles.	50
MAYER. Ch. Chanson de printems. op. 79.	60
— Nocturne. op. 81.	60
— La Gentille. Valse favorite.	50
— La Mélanie. Valse.	30
ROSELLEN. H. Fantaisie élégante sur l'opéra I Puritani. op. 73.	1	15
ROSENHAIN. J. Polka de Concert. Morceau brillant.	1	.
SCHILLER. F. Reminiscences de la Sonnambula. Morceau de Salon.	1	.
— Deux Romances en forme d'études.	60
SIERING. M. Chant sans paroles	60
WOLFF. Grande Valse de Salon.	75

Выписывающіе нотъ на сумму не менѣе *трехъ руб. сер.* получаютъ двадцать процентовъ уступки, а выписывающіе на *пятнадцать руб. сер.* пользуются означенною уступкою, кромѣ того ничего не прилагаютъ на пересылку. Выгодою этой пользуются только особы, которыя обратятся съ своими требованіями непосредственно въ магазинъ *М. Бернарда*. На этихъ же условіяхъ можно выписывать изъ означеннаго магазина всѣ музыкальныя сочиненія, кѣмъ бы они ни были изданы и объявлены въ какомъ-либо каталогѣ.

Въ этомъ же магазинѣ вышла перваго ноября одиннадцатая тетрадь Музыкальнаго Журнала «МУЗЕИСТЪ», которая содержитъ въ себѣ слѣдующія пьесы: *Kalkbrenner*, Galop eternel — *Mendelssohn-Bartholdy* Chanson sans paroles — *David*. Pensée, mélodie — *Бернарда* французская кадрили изъ оперы: Ольга дочь изгнанника — *Witzleben* Garde-Husaren-Polka — *Гертмана*. Выборъ, романсъ — *Donizetti*, le page, romance. — Музыкально-Литературное Прибавленіе № 11.

Годовая подписка 10 руб. сер. Съ пересылкою 11 руб. 50 коп. серебромъ.

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ

у **М. БЕРНАРДА,**

на Невскомъ-Проектъ, противъ Малой - Морской,
въ домъ Паскаля № 11.

Пьесы для скрипки.

	Серебряныя	Р.	К.
АЛARD. Tarentelle. Duo concertant pour piano et violon.	2	.	.
АВТОТ. Concerto pour violon avec Orchestre. op. 18.	6	85	
— Idem avec acc. de piano. op. 18.	2	85	
— Grande fantaisie sur Robert le Diable pour violon avec piano. op. 19.	2	.	.
BAZZINI. Grande fantaisie sur la Sonnambula pour violon avec piano. op. 19.	1	72	
— Six morceaux de Salon pour piano et violon. op. 20. № 1. Tendresse. N 2. Aux bords d'un ruisseau. N 3. Souvenir. N 4. Causeries. N 5. Prière. N 6. Capricciosa, каждый нумеръ по	1	15	
ERNST. Le Carnaval de Venise. Variations burlesques pour le violon principal avec piano op. 18.	1	43	
GUST. Dixième Air varié pour violon avec piano. op. 31.	1	43	
— Triste pensée et pensée fixe pour violon avec piano. op. 37.	1	72	
— L'orage. Pièce de Concert pour violon seul.	60	
HAUMANN. Grande fantaisie sur Guido et Ginevra pour violon avec Orchestre. op. 10.	3	.	.
— Idem avec piano. op. 10.	2	29	
HAUSER. Chanson d'amour et Chanson de berceau. Deux chants sans paroles pour violon avec piano.	85	
JANSA. Six Duos pour violon et viola. op. 70. N 1 à 3, каждый N по	1	43	
MAUSENER. Duo concertant pour violon et piano. op. 60	2	29	
MAUSER. Terpsichorens Lieblings-Klänge. Sammlung beliebter neuer Taenze für eine Violine. 6 Lief. каждый нумеръ по.	60	
MAZAS. 6 Duos de Salon pour deux violon op. 83. liv. 1 à 3. каждая тетрадь по.	1	45	
MOLIQUE. Duo concertant pour piano et violon. op. 20.	5	15	
— Deuxième grand Duo concertant pour piano et violon op. 24.	5	72	
— Cinquième Concert pour violon avec Orchestre. op. 21.	5	15	
— Idem avec Quatnor (3 p. 43 коп) Idem avec piano op. 21.	3	43	
MÜLLER. Six polkas favorites de Salon pour violon seul.	50	
ПАНОФКА. Bibliothèque du jeune violoniste. Mosaique des opéras favoris Italien, pour le violon avec un second violon (ad libitum). N 1. Bellini, Norma. N 2. Donizetti, Anna Bolena. N 3. Donizetti, Elisire d'amore, каждый нумеръ по.	1	72	
РАУМЕ. Air militaire pour violon avec piano. op. 6.	1	72	
THALBERG ET ПАНОФКА. Duo concertant pour piano et violon sur des Mélodies styriennes. op. 61.	2	58	
VIEUXTEMPS. Six Etudes de Concert pour violon avec piano. op. 16. (2 p. 58 к.) Souvenir d'Amerique. Jankee doodle. Variations burlesques pour violon avec piano. op. 17.	1	43	
<i>Пьесы для фортепьяно.</i>			
БЕРНАРД. Collection d'airs favoris de l'opéra italien à St.-Petersbourg, arrangés pour piano seul:			
№ 17. Bellini. Air de Norma «Casta diva»	30	
— 18. Rossini. Trio favori du Barbier de Seville.	50	

№ 19. Donizetti. Romance de l'Elisire d'amore.	1
— 20. Donizetti. Romance de Linda.	1
— 21. Verdi. Air de l'opéra i Lombardi.	1
— 22. Donizetti. Cavatine de l'opéra Lucrezia.	1
— 23. Donizetti. Sextuor de l'opéra Lucrezia.	1
DÖBLER. Douze Romances sans paroles. op. 57. liv. 1 à 4, каждая по . . .	1 50
BURGMÜLLER. Polka Cotillon, dansée au théâtre Alexandra.	1 75
ДАМСКЕ. Cinq mélodies inédites. op. 26. N 1 à 5.	1 30
GUNGEL. Die preussische Parade. Grosses militairisches Marsch-Potpour-ri. op. 47.	1 43
HÜNTEN. Feuilles d'Automne. Deux Fantaisies pour le piano. op. 137. N 1, 2, каждый по	1 29
KALKBRENNER. Richarden Palesti en. Fantaisie brillante op. 172.	1 43
— Les Charmes de Carlsbad. Grand Rondo brillant pour le piano avec acc. d'Orchestre. op. 174	2 58
— Idem pour piano seul. op. 174.	1 72
— Grande Sonate brillante (ded. à Thalberg) op. 177.	2 29
MENDELSSOHN-BARTHOLDY. Sechs Lieder ohne Worte VI-tes Hest.	1 50
ЛЕОПОЛД ДЕ МЮЕР. Machmudier. Air guerrier des Turques op. 22.	1 13
— Bajazeth. Air national des Turques. op. 23.	1 13
— Le Carnaval de Venise. op. 31.	1 15
— Fantaisie sur l'Elisire d'amore. op. 32.	1 75

На-днях получены ПРЕВОСХОДНЫЯ ИТАЛЪЯНСКІЯ СТРУНЫ, которыя продаются по слѣдующимъ цѣнамъ: 1 Бунтъ лучшихъ 4-хъ жильныхъ, 4-хъ навязныхъ КВИНТЪ (6 руб. сер.) 1 струна изъ такого бунта (по 25 к. сер.) — 1 Бунтъ лучшихъ 4-хъ жильныхъ, 3-хъ навязныхъ КВИНТЪ (4 руб. 50 к. с.) 1 струна изъ такого бунта (20 коп. сер.) — 1 Бунтъ лучшихъ СЕКУНДЪ (3 р. сер.) 1 струна изъ такого бунта (20 коп. сер.) — 1 Бунтъ лучшихъ ТЕРЦІИ (7 руб. сер.) 1 струна изъ такого бунта (30 коп. сер.).

1 БАСОКЪ скрипичный, парижскій (25 к. сер.). — 1 БАСОКЪ скрипичный серебрянный тифозаный (60 коп. сер.)

1 Аккордъ виолончельныхъ струнъ (1 р. 75 коп. сер.) 1 струна виолончельная A, (30 коп. сер.) 1 струна виолончельная D, (50 к. сер.) 1 струна виолончельная G, парижская (50 к. сер.) 1 струна виолончельная C, парижская (70 коп. сер.).

1 Аккордъ альтовыхъ струнъ (1 руб. сер.) 1 струна G, парижская (25 к. сер.) 1 струна альтовая C, парижская (30 к. сер.).

1 Аккордъ для семиструнной гитары (1 р. 70 к. сер.)

1 Аккордъ для шестиструнной гитары (1 р. 50 к. сер.)

1 Басокъ, лучший, вѣлскій, для гитары (25 к. сер.)

1 Фунтъ американскаго камышу (2 р. 30 к. сер.)

1 Бусокъ парижской канифоли, отглаченной доброты (50 к. сер.)

Парижскій Метрономъ (15 руб. сер.) съ колокольчикомъ (20 руб. сер.)

Выписывающіе нотъ на сумму не менѣе трехъ руб. сер. получаютъ двадцать процентовъ уступки, а выписывающіе на пятнадцать руб. сер. пользуются означенною уступкою, кромѣ того ничего не прилагаютъ на пересылку. Выгодой этой пользуются только особы, которыя обратятся съ своими требованіями непосредственно въ магазинъ М. Бернарда. На этихъ же условіяхъ можно выписывать изъ означеннаго магазина всѣ музыкальныя сочиненія, какъ бы они ни были изданы и объявлены въ какомъ-либо каталогѣ.

Въ этомъ же магазинѣ вышла первого декабря одиннадцатая тетрадь Музыкальнаго Журнала «НУВЕЛИСТЪ», которая содержитъ въ себѣ слѣдующія пьесы: Schubert, Les plaintes de la jeune fille — Raff, Polonaise brillante — Oudon, Romance sans paroles — Wolff, Mazurka originale — Гурилевъ, Внутренняя музыка, Романсъ — Масини, Une fille d'Ève, Mélodie. Музыкально-Литературное Прибавленіе номеръ 12. НУВЕЛИСТЪ будетъ выходить вѣдъ слѣдующемъ 1846 году на тѣхъ же основаніяхъ какъ въ нынѣшнемъ 1845, кромѣ того къ каждой тетради будутъ прилагаемы два листка пьесы для дѣтей.

Годовая подписка 10 руб. сер. съ пересылкою 11 руб. 50 коп. сер.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ

П. А. РАТЬКОВА И К^о,

въ С. Петербургѣ, на Невскомъ-Проспектѣ, противъ Городской
Думы, въ домѣ Рогова; при которомъ учреждена контора Отече-
ственныхъ Записокъ, поступили въ продажу вновь вышедшія

книги:

МѢСЯЦСЛОВЪ (календарь) НА 1846 ГОДЪ. Издаваемый Императорскою Академіею Наукъ. Съ портретомъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя **МИХАИЛА НИКОЛАЕВИЧА.** Цѣна на

	любск. бумагъ.	велен. бумагъ.
	Руб. К.	Руб. К.
въ листахъ	— 60	1 —
— цвѣтной печатной о- берткѣ въ бум. пер.	— 65	1 5
— цвѣтной папкѣ . . .	— 80	1 20
— савельномъ корешко- вомъ переплетѣ . . .	1 —	1 40
подъ савельнъ съ золо- тымъ обрѣзомъ . . .	— —	2 30
и съ полнымъ савельнъ съ золотымъ обрѣзомъ . .	— —	3 —

на пересылку прилагается за 2 фунта.

ЗАПИСКИ ПОЛКОВНИКА ДЮВАРА, побочнаго сына Наполеона. Историческій романъ въ трехъ томахъ. Переводъ съ Французскаго. Спб. 1845 г. Ц. 1 р. 25 к. сер., съ пересылкою 1 р. 50 к.

ТЕОРІЯ САДОВОДСТВА, или опытъ изъясненія главнѣйшихъ производствъ садоводства нѣзъ началъ растительной ф. и. биологии. Соч. *Г. Линдлея.* Философим доктора Вилле-Секретаря Лондонскаго общества садоводства и Профессора Ботаники при Университетѣ. Переводъ съ Англійскаго. Издавъ съ разными дополненіями и примѣчаніями *И. Шидовскій.* Въ 8 д. л. Спб. 1845 г. Ц. 3 р. сер., съ пересылкою 3 р. 50 к.

КОЧУБЕЙ, Генеральный судья. Историческая повѣсть *Николая Семеновскаго.* Въ 8 дол. л. Спб. 1845 г. Ц. 2 р. сер., съ пересылкою 2 р. 50 к.

СЛОВАРЬ РУССКИХЪ СВѢТСКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ, соотечественниковъ и чужестранцевъ, жившихъ въ Россіи. Соч.

Митрополита *Евекія.* 3 части въ 8 д. л. Москва 1843 г. Ц. 3 р. сер., съ пересылкою 3 р. 75 к.

МОГИЛА ИНОКА. Пестрое происшествіе XIX столѣтія. Соч. *Ф. Садовникова.* Спб. 1845 г. 2 части. Ц. 1 р. сер., съ пересылкою 1 р. 50 к. сер.

О ТРЕХЪ ОБЪЯТІЯХЪ МОНАШЕСТВА: Дѣвствѣ, Настажаніи и Послушаніи. Москва 1845 г. Цѣна 75 к. сер., съ пересылкою 1 р. сер.

БУКЕТЫ или Петербургское цвѣтобѣсіе; шутка въ одномъ дѣйствіи. Соч. *Графа В. А. Соллогуба.* Спб. 1845 г. Ц. 75 к., съ пересылкою 1 р. сер.

ВИЦ-МУНДИРЪ, введенъ въ одномъ дѣйствіи. Соч. *М. Каратынина.* Спб. 1845. Ц. 50 к. сер., съ пересылкою 75 к. сер.

ВОЛЯ ЗА ГРОБОВОМЪ. Драма въ двухъ дѣйствіяхъ. Соч. *Ипполита Алексѣйцова.* Въ 8 д. л. Спб. 1845 г. Ц. 30 к. сер., съ пересылкою 50 к. сер.

РИМЪ и ИТАЛІЯ среднихъ и новѣйшихъ временъ, въ историческомъ, нравственномъ и художественномъ отношеніяхъ. Соч. *Князя А. Волконскаго.* 2 тома. Спб. 1845 г. Ц. 3 р. сер., съ пересылкою 3 р. 50 к. сер.

ОБЪ ИСТОЧНИКАХЪ ХРИСТИАНСКОЙ РЕЛИГІИ, по ученію Православно-Католической Церкви, сравнительно съ ученіемъ Лютерава о семь предметахъ. Соч. *К. Биссеприуса.* Спб. 1845 г. Ц. 50 к. сер. на велен. бум. въ папкѣ 1 р. сер., въ сов. за 1 ф.

ОБОЗРЕНІЯ ГЛАВНѢЙШИХЪ ОТРАСЛЕЙ МАПУФАКТУРНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ въ Россіи. Спб. 1845 г. Въ 8 д. л. на лучшей бумагѣ (бумага 400 стр.) Ц. 1 р. сер., въ сов. за 3 ф.

СКАЗАНИЯ О ЖИЗНИ и подвигах старца Серафима, Иеромонаха Саровской пустыни и Затворника, съ изображеніемъ его въ пустынножителствѣ. 1845 г. Ц. 80 к. сер., въсов. за 1 ф.

ОПИСАНІЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРІИ въ историческомъ, географическомъ и статистическомъ отношеніяхъ. Посвященное имени Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича Великаго Князя АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА. Издано Геденовскимъ и Лушкаревскимъ. Съ видами, картами и планами. Томъ первый. Книга 3-я: Олонецкая Губернія. Спб. 1845. Ц. 2 р. сер., съ пересылкою 2 р. 50 к. Книги 1-я и 2-я, Архангельская и Новгородская губерніи по 2 руб. сер. и по 50 к. сер. въсовыхъ. Всѣ три вмѣстѣ съ подпискою на Вологодскую Губернію 6 руб. серебромъ.

СОБРАНІЕ ХОЗЯЙСТВЕННЫХЪ РАСЧЕТОВЪ или практическія задачи по части Сельскаго хозяйства, Бухгалтеріи, Горнаго и солянаго производствъ и практической Механики. Съ таблицами и чертежами. Спб. 1843 г. Ц. 1 р. сер., съ пересылкою 1 р. 25 к. сер.

КНИГА ДЛЯ ИСЧИСЛЕНІЯ ПРОЦЕНТОВЪ по билетамъ банковъ и сохранной казны, или подробные расчеты по 4 процента, съ прибавленіемъ правилъ и узаконеній о капиталахъ, билетахъ, процентахъ и проч. Состав. М. Подписбский. Въ 8 д. л. Спб. 1844 г. Ц. 1 р. сер., съ пересылкою 1 р. 25 к. сер.

РАСЧЕТЫ по 5 и по 6 процентовъ въ таблицахъ, съ узаконеніями о векселяхъ, заемныхъ писмахъ и закладныхъ, и проч. Состав. М. Подписбский. Въ 8 д. л. Спб. 1843 г. Ц. 1 р. сер., съ пересылкою 1 р. 25 к. сер.

ОБРАЗЦОВЫЙ ПИСЬМОВНИКЪ, или хрестоматія писемъ, содержащая въ себѣ: письма на разные случаи жизни общественной, въ трехъ отдѣленіяхъ, съ присовокупленіемъ формы необходимыхъ судебныхъ и коммерческихъ письменныхъ сношеній. Москва 1843 г. Ц. 1 р. 50 к., съ пересылкою 1 р. 75 к. сер.

ДѢДУШКА КРЫЛОВЪ. Книга для подарка дѣтямъ. Съ портретомъ Крылова, и картинками, изображающими сцены изъ его жизни. Картины рисованы Г. Акимымъ, литограф. во французской литографіи *Поля Лети*. Спб. 1843 г. Ц. 1 р. сер., съ пересылкою 1 р. 25 к. сер.

ВЧЕРА И СЕГОДНЯ. Литературный сборникъ, составл. граф. В. А. Соллогубомъ. Книга первая. Спб. 1843 г. Ц. 1 р. 50 к. сереб., съ пересылкою 2 р. сер.

ОБЩЕЕ ВВЕДЕНІЕ ВЪ ФОРТИФИКАЦІЮ. Для руководства въ изложеніи походныхъ записокъ. Составилъ уволенный отъ службы инженеръ подполковникъ *Тсангъ*. Спб. 1843 г. Ц. 70 к. сер., въс. за 1 фунтъ.

ПРАКТИЧЕСКОЕ ИЗЛОЖЕНІЕ необходимыхъ познаній изъ первоначальныхъ наукъ: Грамматики, Риторики, Писанья, Арифметики и Алгебры, Геометріи начальной и высшей, Исторіи естественной, Географіи и о политическихъ свѣдѣніяхъ, Физики съ Механикою и Химіи, Архитектуры, о Камерной Музыкѣ. Составилъ уволенный отъ службы инженеръ подполковникъ *Тсангъ*. Спб. Въ 8 д. л. Съ чертежами и нотами. Ц. 6 р. сер., въсовыхъ за 2 фунта.

ВЪЧНЫЙ ЖИДЪ. *Пародія*. Въ десяти частяхъ съ 230 рисунками. Спб. 1843 г. Части 1-я и 2-я по 30 к. сер., въсовыхъ за 2 фунта.

ЗАПИСКИ для ГОРОДСКИХЪ и СЕЛЬСКИХЪ ХОЗЯЕВЪ, содержащія въ себѣ опытные правила о скотоводствѣ, итже-водствѣ, огородничествѣ и разныхъ хозяйственныхъ предметахъ, какъ-то: вытѣ, бѣленіи, чищеніи, приготвленіи домашнихъ снадобьевъ и проч. Собраны сочинительницею «*Руской княгини Опытной Русской Хозяйки К. А.* Спб. 1842 г. Ц. 1 р. сер. съ пересылкою.

КРАТКОЕ НАЧЕРТАНІЕ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ для первоначальныхъ учащихся, составилъ Адъюнкты-Профессоръ Императорскаго Александровскаго Лицея С. Самаринъ. Въ 8 д. л. Спб. 1843. Ц. 75 к. сер., съ перес. 1 р. сер.

Кромѣ книги, здѣсь объявленныхъ, можно адресовать свои требованія въ вышеупомянутый магазинъ и за тѣми книжками, которыя были опубликованы, отъ другихъ книгопродавцевъ. Высылка и доставка будетъ исполняться, въ точности и аккуратности, тотчасъ по полученіи требованій.



